

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ТОМЪ СХЛІІ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХЛІІІ

1916

ПЕТРОГРАДЪ
Тип. Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“. Зртелевъ, 13
1916

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ

ЯНВАРЬ 1916 г.

СТРАН.

Историческая дѣтопись . . . . . IX—XLVIII

Иллюстраціи: 1) Генералъ Мопро, новый командующій военными силами союзниковъ на южномъ фронтѣ.—2) Герой войны генералъ-майоръ М. П. Лосевъ, награжденный орденомъ Св. Георгія, георгіевскимъ оружіемъ и французской военной медалью.

- I. Торговый домъ Бахвалова сыновья. Романъ изъ купеческой жизни. I—X. **Марка Басаина.** 1
- II. Послѣ Санъ-Стефано. I—III. Записки **графа Н. П. Игнатьева.** 35
- III. При комедіальной храминѣ. (Первое нѣмецкое засилье). Повѣсть. I—XIII. **П. П. Гибдича.** 59
- IV. Отъ дѣтства до присяги. (Изъ жизни августѣйшихъ дѣтей императора Александра II). **Е. С. Каменскаго.** 99
- Иллюстраціи:** 1) Царская семья въ 1850 году въ Царскомъ Селѣ.—2) Августѣйшія дѣти императора Александра II: Николай, Александръ, Владимиръ и Алексѣй Александровичи въ 1851 году.—3) Собственноручный рисунокъ великаго князя Александра Александровича.—4) Собственноручный рисунокъ великаго князя Александра Александровича 1861 года.
- V. Бракосочетаніе великой княжны Александры Николаевны и ея кончина. (Январь—юль 1864 г.). **В. П. Серебrenникова.** 127
- Иллюстраціи:** 1) Ея императорское высочество великая княгиня Александра Николаевна.—2) Принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ Гессенскій.
- VI. Четыре записки изъ жизни декабристовъ. I. **И. В. Погоржанскаго.** 143
- VII. Нѣсколько воспоминаній о графѣ А. К. Толстомъ и его женѣ. **Е. Матвѣевой (рожд. кн. Львовой).** 162
- VIII. Московская сыскная полиція былыхъ годовъ. **А. И. Соколовой.** 179
- IX. Мои воспоминанія о митрополитѣ Антоніи. **М. В. Вадковскаго.** 195
- X. Памяти Л. Ф. Добротворскаго, контръ-адмирала въ отставкѣ. († 21 октября 1915 г.). **А. П. Семенова-Тянь-Шанскаго** 221
- XI. Андрей Ивановичъ Подолинскій. (Къ 30-лѣтію со дня его смерти). **А. И. Тянькова.** 226
- Иллюстрація:** Андрей Ивановичъ Подолинскій.
- XII. Въ старой Москвѣ. (Очеркъ). **А. А. Дунина.** 240
- XIII. Поѣздка въ Кембриджъ. **Н. И. Цвѣткова.** 257
- Иллюстраціи:** 1) Наружный видъ «Круглой церкви».—2) Внутренній видъ «Круглой церкви».—3) Библіотека колледжа Тринити.—4) Часовня колледжа Тринити.—5) Часовня при колледжѣ Тринити въ Кембриджѣ.—6) Королевскій колледжъ.—7) Университетская библіотека и зданіе сената.

(См. слѣд. стран.).

XIV. Критика и библиографія	
1) Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій. М. Б. Изданіе высочайше утвержденного общества распространенія религиозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви. 1915. А. М.—на.—	
2) Матеріалы для исторіи Гангутской операціи. Изданіе архива морского министерства. Выпуски I—III. Пгр. 1914—1915. Б—я.—3) В. Г. Курцъ. Сочиненіе Кильбургера о русской торговлѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Сборникъ студенческаго историко-этнографическаго кружка при императорскомъ университетѣ св. Владиміра, подъ руководствомъ проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Вып. VI. Кіевъ. 1915. И—шова.—4) Извѣстія вологодскаго общества изученія Сѣвернаго края. Выпускъ II. 1915 г. В. Данилова.—5) Дѣявія нижегородской ученой архивной комиссіи. Сборникъ. Томъ XV. Выпускъ VI. Въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ. Нижній-Новгородъ. 1915.—То же. Сборникъ. Томъ XVII. Выпускъ IV. Нижній-Новгородъ. 1914.—То же. Люди нижегородскаго Поволжья. Выпускъ первый. Краткій словарь писателей-нижегородцевъ. Подъ редакціей члена комиссіи В. Е. Чепихина (Ч. Вѣтринскаго). Нижній-Новгородъ. 1915. А. Налимова.—6) Леонидъ Семеновъ. М. Ю. Лермонтовъ. Статьи и замѣтки. I. Москва. 1915. Л. Семеновъ. Къ вопросу о вліаніи Марлинскаго на Лермонтова. Отискъ изъ «Филологическихъ Записокъ» за 1914 годъ. Воронежъ. 1914. Влад. Миянина.—7) Свѣтъ Исаякъ Ньютонъ. Замѣчанія на книгу пророка Давида и Апокалипсисъ св. Іоанна. Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Петроградъ. 1915. Ив. Ювачева.—8) Культурно-историческіе памятники древняго Востока. Подъ редакціей профессора В. А. Тураева. Выпускъ 2-й. И. М. Волкова. Арамейскіе документы іудейской колоніи на Элефантинѣ V вѣка до Р. Х. Съ 10 рис. М. 1915. Вып. 3-й В. А. Тураевъ. Разсказъ египтянина Синухета и образцы египетскихъ документальныхъ автобіографій. Съ рис. М. 1915. С. Л—на.—9) Сборникъ въ честь профессора Ф. А. Брауна («Записки нефилологическаго общества при императорскомъ петроградскомъ университетѣ». Вып. VIII). Пгр. 1915. I. В.—10) Каталогъ выставки XVI всероссійскаго археологическаго съѣзда 1914 года во Ісковѣ, отмѣненной по случаю войны. Ісковъ. 1915. Д. Бочнова.	
XV. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника»	294
XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи.	297
1) Послѣдніе дни диктатуры Бисмарка.—2) Подлинная Австрія.—3) Къ исторіи нѣмецкаго шовинизма.	
XVII. Смѣсь.	312
1) Собраніе археологическаго общества.—2) Выставка древне-восточнаго искусства въ Москвѣ.—3) Общее собраніе императорской академіи художествъ.—4) Двадцатипятилѣтіе литературно-педагогической дѣятельности А. Л. Липовскаго.	
XVIII. Некрологи	316
1) Иваненко, В. Н.—2) Раухфусъ, К. А.—3) Рукавишниковъ, К. В.—4) Сатунинъ, К. А.—5) Славинскій, М. Е.—6) Черняговецъ-Вишневскій, Ф. Е.	
XIX. Замѣтки и поправки	320
1) I. Къ некрологу И. І. Лютостанскаго. т. м.—2) II.—3) III.	

Приложенія: 1) Портретъ графа Алексѣя Константиновича Толстого въ молодости.—2) Въ бархатныхъ когтяхъ. I—VI. Историческій романъ Генри Ситонъ-Меримена. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова.

При декабрьской книжкѣ, для г.г. всѣхъ подписчиковъ, были вложены конспекты изданій журналовъ «Голосъ Минувшаго» и «Массонство въ его прошломъ и настоящемъ».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ
на ежемѣсячный историко-литературный журналъ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

ИЗДАЕТСЯ

Наслѣдниками А. С. Суворина

подъ редакціей Б. Б. Глинскаго.

(Тридцать седьмой годъ изданія).

«Историческій Вѣстникъ» знакомитъ читателей въ живой, общедоступной формѣ съ современнымъ состояніемъ исторической науки и литературы въ Россіи и Европѣ и связываетъ отечественную исторію съ всемірною и научное изслѣдованіе съ популярнымъ изложениемъ. За время **своего 36-лѣтняго** существованія журналъ достигъ широкаго распространенія среди разнообразныхъ классовъ населенія, имѣя здѣсь многочисленныхъ подписчиковъ и читателей. «Историческій Вѣстникъ» издается по слѣдующей программѣ: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя, и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, записки, воспоминанія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, этнографическія и бытовыя описанія и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, историческія новости и матеріалы, имѣющіе общій интересъ. Къ «Историческому Вѣстнику» прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

«Историческій Вѣстникъ» выходитъ ежемѣсячно каждаго 1-го числа въ объемѣ 25—28 печатныхъ листовъ убористаго шрифта.

«истор. вѣстн.», январь 1916 г., т. схлшн.

1

Подписная цѣна на 1916 годъ 11 рублей съ пересылкой и доставкой на домъ, за полгода 6 руб. 50 коп., за четверть года—3 руб. 75 коп., за границу—14 рублей. Цѣна книжки журнала въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 50 коп. Для служащихъ за подписью казначеевъ, а также для учащихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ допускается рассрочка по четвертямъ года безъ повышенія годовой платы.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ въ Петроградѣ при книжномъ магазинѣ Т-ва «Новаго Времени» (А. С. Суворина), Невскій пр., д. № 40, и въ отдѣленіяхъ Главной Конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону при книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

Такса за объявленія: впереди текста за страницу 80 руб., за 1/2 стран. 45 руб., за 1/4 стран. 25 руб.; позади текста за страницу 60 руб., за 1/2 стран. 35 руб., за 1/4 стран. 20 руб.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» принимаетъ участіе Его Императорское Высочество великій князь Николай Михайловичъ.

Какъ и въ предшествующіе годы, такъ и въ 1916 году, журналъ будетъ выходить со слѣдующими отдѣлами:

Беллетристика. Имѣются произведенія слѣдующихъ авторовъ: **Маркъ Басанинъ** «Торговый домъ Бахвалова сыновья». Романъ.—**М. Е. Васильева**. «Новые жильцы». (Записки домовладѣльцы).—**В. А. Волжинъ**. «Въ тискахъ судьбы».—**С. И. Васюковъ**. «Давыдка и бурлаки».—**П. П. Гнѣдичъ**. «При комедіальной хранилѣ». (Первоиздѣмецкое засилье).—**Левъ Ждановъ**. «Узникъ-императоръ». Романъ-хроника 741—1764 гг.—**И. Н. Потапенко**. «Человѣческое». «Безкровіе». Разказы.—**С. П. е Рудневъ**. «Изъ жизни». (Изъ записокъ судьи).—**М. Руневичъ**. «Закубанскій отшельникъ». (Изъ охотничьихъ воспоминаній).—**Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ**. «Голубятня».—**В. В. Умановъ-Наплуновскій**. «Устроители дѣлъ». Повесть.—**А. Н. Шабанова**. «Учительница Голубкова».—**Н. А. Зингельгардтъ**. «Петроградская старина». (Наброски и картинки).—**І. Я. Ясинскій**. «Тѣни прошлаго» и много друг.

Воспоминанія. Редакція располагаетъ слѣдующими мемуарами: **Графъ Н. П. Игнатьевъ**. «Послѣ Санъ-Стефано».—**Сенаторъ Дейеръ**. «Записки».—**Н. А. Маннъ**. «Воспоминанія».—**Селивановъ**. «Воспоминанія».—**М. В. Вадювскій**. «Воспоминанія о митрополитѣ Антоніи».—**В. П. Гельмерсенъ**. «Эрзерумскій походъ 1877 года».—**А. И. Соколова**. «Встрѣчи и знакомства».—**Е. Матѣева**. «Воспоминанія о графѣ А. К. Толстомъ и его женѣ».—**П. Г. Ганзенъ**. «Изъ литературныхъ воспоминаній».—**Р. И. Сементковскій**. «Среди отошедшихъ».—**Г. Е. Катанаявъ**. «Записки сибиряка».—**двѣщ. І. В. Васильевъ**. «Все проходитъ...».—**С. С. Окрейцъ**. «Литературныя встрѣчи и знакомства».—**О. З. Сусловъ**. «Памяти основателя украинскаго театра—М. Л. Кропивницкаго».—**В. П. Соколовъ**. «Дворянская семья (Гаршины)».—**Н. В. Рейнгардтъ**. «Изъ воспоминаній о Н. К. Михайловскомъ, его друзьяхъ и современныхъ ему событіяхъ».—**С. К. Эфронъ (Литвинъ)**. «Воспоминанія о С. Ф. Шараровѣ».—**А. Е. Серебрякова**. «Изъ жизни московской прессы восьмидесятыхъ годовъ».—**М. М. Марина**. «Изъ воспоминаній о пребываніи русскаго экспедиціоннаго отряда на Критѣ».—**М. В. Шевляковъ**. «Оригиналы и чудачки» и «Изъ разказовъ П. И. Вейнберга».—**В. Б. Бертенсонъ**. «За 30 лѣтъ».—**С. Д. Милуковъ**. «Воспоминанія».—**М. А. Щолминъ**. «Театральныя мелочи».—**П. А. Россіевъ**. «Слдузты».—**Н. И. Вачченко**. «Изъ воспоминаній украинскаго актера».—**Н. А. Дворжицкій**. «Изъ прошлаго петроградъ»

кой полиціи».—**С. И. Уманецъ.** «Мозаика».—**В. П. Глѣбовъ.** «Геній искусства—Н. К. Милославскій».—**М. Бѣлявскій.** «Эрмитажъ. Изъ воспоминаній художника».—**М. П. Ватацъ.** «Дѣвичій институтъ царицы Маріи въ Цетиньѣ».—**И. И. Чайковскій.** «Силуэтъ».—**А. Рембелинскій.** «Изъ далекаго прошлаго» и мн. друг.

Статьи научныя, публицистическія, критика и библиографія. Въ названныхъ отдѣлахъ примуть участіе: Н. О. Акаѣмовъ, В. А. Алексѣевъ, А. Л. Бахтіаровъ, А. А. Башмаковъ, проф. П. В. Безобразовъ, Д. А. Бочковъ, А. М. Бѣловъ, И. С. Бѣляевъ, проф. Б. В. Варнеке, проф. А. Н. Витмеръ, В. В. Вороновъ, Г. К. Гинсъ, Б. Б. Глинскій, проф. В. М. Грибовскій, И. И. Гурвичъ, Н. А. Державинъ, А. А. Дуниаъ, Н. М. Ежовъ, В. В. Жерве, проф. И. И. Замотинъ, А. Е. Заринъ, Г. Г. Зоргенфрей, проф. Л. П. Карсавинъ, А. Е. Кауфманъ, проф. М. В. Ключковъ, В. Н. Княжинъ, Я. Н. Колубовскій, А. О. Кони, проф. Д. А. Корсаковъ, проф. М. Е. Красноженъ, К. В. Кудряшовъ, В. К. Кузнецовъ, Н. А. Лачиновъ, Н. Н. Лендеръ, проф. Н. М. Лисовскій, А. М. Ловягинъ, проф. Н. Н. Любовичъ, П. М. Майковъ, проф. А. І. Маленинъ, князь С. П. Мансыревъ, М. М. Марина, В. П. Маринъ, Т. А. Мартемьяновъ, Д. А. Масляненко, С. Р. Минцловъ, А. А. Мироновъ, Б. Л. Модзалевскій, З. Е. Мордвинова, П. О. Морозовъ, В. А. Мустафинъ, И. В. Мѣщаниновъ, А. П. Налимовъ, А. М. Нечаева, Н. Н. Оглоблинъ, С. С. Окрейць, А. С. Панкратовъ, академикъ В. Н. Перетць, проф. М. Г. Попруженко, Н. В. Рейнгардтъ, П. А. Россіевъ, О. О. Симбухинъ, А. П. Скугаревскій, Т. О. Соколовская, М. К. Соколовскій, проф. И. И. Соколовъ, Н. П. Столпянскій, К. Л. Тепловъ, Е. С. Тимирязева, В. З. Ткачукъ, А. И. Фаресовъ, А. И. Фирсовъ, Н. Н. Фирсовъ, Н. В. Чарыковъ, проф. П. Н. Черняевъ, М. Ф. Чулицкій, В. И. фонъ-Штейнъ, С. В. фонъ-Штейнъ, М. А. Щепкинъ, князь Б. А. Щетининъ, Н. А. Энгельгардтъ, С. К. Эфронъ (Литвинъ), И. П. Ювачевъ, П. А. Юдинъ, П. Л. Юдинъ, проф. А. И. Яцимирскій и мн. друг.

Въ отдѣлѣ **критики и библиографіи**, состоящемъ подъ редакціей проф. А. І. Ма- леина, каждый мѣсяцъ рецензируются свыше 20-ти вновь вышедшихъ книгъ, преимущественно по русской, всеобщей и древней исторіи, литературѣ, археологін, исторіи права, искусствъ и другимъ отраслямъ гуманитарнаго знанія. Въ **Нижнемъ Листкѣ** отмѣчаются всѣ поступающія въ редакцію изданія съ краткимъ отчетомъ о главнѣйшихъ изъ нихъ.

Статьи этнографическія и географическія. Будутъ напечатаны произведенія, В. А. Алексѣева, Д. П. Богданова, В. Г. Вейденбаума, А. А. Дунина, С. Р. Минцлова, П. Зайкина, Н. Н. Оглоблина, М. К. Первухина, М. Мочульской, В. П. Марина, М. М. Мариной, А. И. Стеллецкаго, А. Таранца, П. П. Орлова, И. И. Зарубина, Н. Н. Фирсова и друг.

Историческія новости и мелочи, редактируемыя А. М. Бѣловымъ, составляются по многочисленнымъ выписываемымъ редакціей европейскимъ журналамъ и газетамъ, посвященнымъ исторіи и литературѣ, и знакомятъ читателя со всеми западно-европейскими новинками въ этихъ областяхъ.

Въ приложеніи къ журналу въ 1916 году даны будутъ:

1) **Историческая Лѣтопись**, гдѣ въ систематическомъ порядкѣ будетъ дѣлаться подробное обзорѣніе событій на всѣхъ театрахъ современной войны. «Лѣтопись» будетъ иллюстрирована многочисленными портретами главнѣйшихъ и выдающихся дѣятелей войны. 2) **Переводные романы.** 3) **Указатель личныхъ именъ.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1916 годъ

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„НАША СТАРИНА“.

Существующій третій годъ, общедоступный по цѣнѣ и по условіямъ разсрочки, журналъ даетъ живой, интересный, вполне литературный историческій матеріалъ, чуждый партійныхъ цѣлей и исторически строго-правдивый, освѣщающій далекое и близкое прошлое Россіи, Запада и Востока.

Въ 1916 г. въ журналѣ будутъ слѣдующіе главные отдѣлы:

Историческіе романы, повѣсти и рассказы

Бытовые очерки. Въ частности: быть военный, быть духовный.

Очерки нѣмецкаго засилья Россіи.

Мемуары, записки и воспоминанія.

Неизданныя письма государствен., обществен. и литер. дѣятелей.

Архивныя изысканія.

Историко-литературные очерки и изслѣдованія.

Наши старыя усадьбы и ихъ жизнь.

Этнографическія описанія.

Путешествія.

Среди журналовъ русскихъ и иностранныхъ. Новыя книги.

Биографіи. Некрологи, историческія мелочи, анекдоты и проч.

„Наша Старина“ выходитъ 1-го числа наждаго мѣсяца, въ изящной обложкѣ, печатается на хорошей бумагѣ, иллюстрируется тщательно исполнен. рисунками.

Приложеніе: „ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛѢТОПИСЬ ВОЙНЫ“ (начиная съ года второго).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ доставкой и пересылкой 7 р., за полгода 3 р. 65 к.

Адр. Конторы и Редакціи: Петроградъ, Б. Московская, 1. Тел. 655-69.

Редакторъ-издатель: **Н. Н. Сергіевскій.**

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

№ 12 изданія

„Историческаго Вѣстника“

„ВОЙНА“

Хроника и отклики

Цѣна выпуска 50 коп.

Складъ изданія въ книжн. магазинѣ Товарищества
А. С. Суворина—„Новое Время“ (Невскій, 40).

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ТОЛСТОЙ
въ молодости.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЯТНАДЦАТАГО сентября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

«Въ рижскомъ и двинскомъ районахъ безъ существенныхъ переменъ. Въ двинскомъ районѣ неослабный артиллерійскій огонь и прежнее ожесточеніе боевъ. Въ долину рѣки Нарочь (районъ Вилейки) наступленіе противника было нами отражено. Въ районѣ же желѣзной дороги юго-восточнѣе Ошмянъ нѣмцамъ удалось захватить деревню Ластоянце, но затѣмъ они были оттуда нами выбиты. Упорныя атаки противника здѣсь возобновились. Мѣстами противникъ продолжаетъ развивать ураганный огонь артиллеріи. Только по участку одного изъ полковъ въ этомъ районѣ за вчерашній день было выпущено до 10.000 снарядовъ тяжелыхъ калибровъ. Напряженный бой завязался въ районѣ деревни Литвы, юго-восточнѣе станціи Барановичей. Южнѣе Припяти и на галиційскомъ фронтѣ противникъ во многихъ мѣстахъ ведетъ атаки, выдвигая значительныя силы. На переправахъ черезъ рѣку Стырь (въ районѣ Колки) было нѣсколько столкновеній съ отрядами противника. Послѣ упорнаго штыкового боя нами были заняты окопы въ деревнѣ Воробьевка, сѣверо-западнѣе Тарнополя. Въ районѣ дер. Маріанка юго-западнѣе Тарнополя былъ случай паники въ германскомъ батальонѣ подъ влияніемъ неожиданнаго появленія на его флангѣ нашей небольшой части».

15-го сентября французское правительство сообщило, что въ Артуа вечеромъ и въ теченіе ночи съ 14-го на 15-е сентября французы шагъ за шагомъ продвигались гребнемъ горъ да востокъ и на юго-востокъ отъ Сушэ. Въ Шампани германцы удерживаются на своихъ вторыхъ позиціяхъ, защищенныхъ обширными проволочными загражденіями и замаскированныхъ. Французы нѣсколько продвинулись въ направленіи къ высотѣ 185, на западъ отъ фермы Наварень, и въ

направленіи къ Жюстисъ, къ сѣверу отъ Массижъ. Въ Аргоннахъ настойчивыя атаки, произведенныя 14-го сентября непріателемъ въ составѣ отъ 6 до 8 батальоновъ противъ французскихъ траншей первой линіи у Филь-Мортъ и Боланта, закончились серьезной неудачей. Контръ-атаки, произведенныя французами ночью, привели къ вытѣсненію германскихъ пѣхотинцевъ почти изъ всѣхъ пунктовъ, куда имъ удалось проникнуть. Пространство передъ французскими траншеями покрыто непріятельскими трупами.

Днемъ 15-го сентября французскія войска продолжали шагъ за шагомъ продвигаться къ хребтамъ возвышенностей на востокъ отъ Сушэ. При этомъ было взято около 100 плѣнныхъ, среди которыхъ имѣются солдаты гвардіи, прибывшіе нѣсколько дней передъ тѣмъ съ русскаго фронта. Въ Шампани французы также имѣли новый успѣхъ, въ частности къ сѣверу отъ Массижъ, гдѣ они захватили еще 800 плѣнныхъ. Непріатель подвергъ траншеи французовъ въ Аргоннахъ ожесточенной бомбардировкѣ, на которую они энергично отвѣчали, но не пытался произвести пѣхотной атаки. Путемъ боя съ примѣненіемъ ручныхъ гранатъ французамъ удалось снова завладѣть нѣкоторыми позиціями нашей первой линіи, гдѣ непріатель удерживался съ 14-го сентября.

Въ Лепретрскомъ лѣсу и въ районѣ Бандесапта велся съ перерывами артиллерійскій огонь.

15-го сентября итальянская главная квартира сообщила, что въ районѣ Чеведале непріатель пытался вновь произвести атаку въ направленіи Калачна-Чедекъ, однако бдительность и стойкость итальянскихъ войскъ свели на нѣтъ всѣ его усилія. На Карсо и въ Усси наступленіе непріателя было успѣшно отражено. Непріятельская артиллерія выпустила нѣсколько зажигательныхъ снарядовъ по Монфальконе-Мандрія и Адриа, однако, благодаря быстрому и энергичному вмѣшательству итальянскихъ батарей, непріятельскій огонь былъ прекращенъ.

16-го сентября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ, что въ районѣ сѣверо-западнѣ Фридрихштадта нѣмцы безуспѣшно атаквали деревни Лиггеръ и Чукшъ (сѣверо-западнѣ Бирсгалленъ); атаки были отбиты ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Подъ Двинскомъ происходила непрерывная канонада. Атаки германцевъ примѣрно на фронтѣ дер. Гетени—оз. Свентень—оз. Медмусское отбивались нашимъ огнемъ. Бой продолжается. Нѣсколько мелкихъ столкновеній произошло въ районѣ с. Козяны.

Въ районѣ сѣвернѣ Крево (юго-восточнѣ Ошмянъ) противникъ энергично атаквалъ и нѣсколько потѣснилъ наши войска. Южнѣ Припяти противникъ нѣсколько разъ атаквалъ Чарторійскъ, и сначала всѣ атаки были отбиты, но при помощи подошедшихъ подкрѣпленій противнику все же удалось насъ здѣсь отгѣснить на правый березъ Стыри. Деревня Н.-Олексинецъ 15-го сентября была атаквана противникомъ три раза при поддержкѣ ураганнаго огня артиллеріи. Каждый разъ непріатель былъ отбрасываемъ нашимъ сосредоточеннымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Въ районѣ сел. Купчинце, на р. Стрыпѣ, западнѣ Тарнополя, развивался артиллерійскій бой. Послѣ ожесточеннаго боя наши войска овладѣли окопами противника и однимъ изъ его опорныхъ пунктовъ западнѣ дер. Ходачу. Продолжая дальнѣйшее наступле-

ние, наши войска послѣ сильной огневой подготовки бросились въ атаку и, преодолевъ проволочныя загражденія, овладѣли непріятельскими окопами въ районѣ восточнѣе с. Купчинце.

16-го сентября фельдмаршалъ Френчъ доносилъ:

«Жаркій бой продолжался вокругъ Лооса и къ сѣверу отъ него. Мы теперь занимаемъ всю мѣстность къ сѣверу отъ вершины 70, которую непріятель снова занялъ въ субботу. Мы продвинулись къ югу отъ Лооса и захватили еще одно орудіе, что составляетъ въ общей сложности 21 орудіе, взятое нами. Между нами и непріателемъ находятся еще другія брошенные имъ орудія. Число плѣнныхъ превышаетъ 3.000. Нами захвачено 40 пулеметовъ; кромѣ того, значительное число пулеметовъ уничтожено бомбардировкой. Занятая нами линія непріятельскихъ укрѣпленій была исключительно сильной и составляла двойной фронтъ, на которомъ находились два большихъ полевыхъ укрѣпленія, называвшихся «Hohenzollern» и «Kaiser Wilhelm», а также редуты, заключавшіе въ себѣ проволочныя загражденія, траншеи и прикрытія отъ бомбъ, протяженіемъ въ нѣсколько сотъ ярдовъ. Вторая линія шла непосредственно на западъ отъ Лооса. Теперь мы близко подошли къ третьей непріятельской линіи. Сегодня наши аэропланы бомбардировали желѣзную дорогу около Батомъ, причемъ вызвали крушеніе поѣзда, а также испортили желѣзнодорожный путь около Аше-ле-Гранъ».

На бельгійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 16-го сентября, продолжался артиллерійскій обстрѣлъ бельгійскихъ выдвинутыхъ впередъ траншей къ югу отъ Ньюпора, а также нашей главной линіи около Диксмюде и Оудекапелле, равно какъ и бельгійскихъ траншей въ направленіи къ Ноордсхооте и далѣе къ югу. Бельгійцы отвѣчали на огонь и произвели, въ видѣ репрессалій, разрушенія. Пѣхотныхъ атакъ не было.

16-го сентября французскія официальныя сообщенія увѣдомляли:

«Поступающія донесенія даютъ возможность съ каждымъ днемъ полнѣе оцѣнить важность успѣха нашего наступленія въ Шампани, согласованнаго съ наступленіемъ союзниковъ въ Артуа. Германцы были не только вынуждены очистить на длинномъ фронтѣ сильно укрѣпленныя позиціи, на которыхъ имъ было приказано держаться до послѣдней возможности, но они понесли потери, общее число которыхъ убитыми, ранеными и плѣнными превышаетъ контингентъ трехъ корпусовъ. Общее число взятыхъ въ плѣнъ превышаетъ нынѣ 23.000; число орудій, увезенныхъ въ тылъ, равно 79. Черезъ Шалонъ прошло 17.055 плѣнныхъ солдатъ и 316 офицеровъ, направлявшихся къ мѣсту своего заключенія. Постепенно производится расчистка поля битвы и опись-разнаго рода оружія, а также парковаго и траншейнаго матеріала, который непріятель былъ вынужденъ бросить».

«Въ Артуа движеніе къ востоку отъ Суэ продолжалось до вечера, а также въ теченіе ночи на 16-е сентября. Послѣ упорнаго боя мы достигли возвышенности 140, являющейся высшей точкой Вимійскаго кряжа, и южныхъ склоновъ его. Число взятыхъ въ этихъ бояхъ боеспособныхъ плѣнныхъ превышаетъ цифру 300, причемъ большинство ихъ принадлежитъ къ составу двухъ гвардейскихъ дивизій. Въ Шампани борьба продолжается безостановочно на всемъ»

фронтъ. Въ районѣ къ сѣверу отъ Массижъ вновь сдались отряды германцевъ; общее число взятыхъ въ плѣнъ за этотъ вечеръ въ одномъ этомъ секторѣ достигаетъ 1.000 человекъ.

«Неприятель подвергъ ожесточенной бомбардировкѣ наши траншеи къ югу и сѣверу отъ р. Эна, а также въ районахъ С.-Марскаго лѣса, Труайона и Вайи. Мы энергично отвѣчали.

«Весь день 16-го сентября продолжались бои на возвышенностяхъ между Сушэ и Вими, причемъ мы удержали за собой всѣ занятыя нами позиціи. Въ Шампани не прекращается ожесточенная борьба передъ позиціями, занятыми неприятелемъ послѣ его отхода, а также за выступъ къ сѣверу отъ Мениля, гдѣ все еще удерживались группы германцевъ; мы продвинулись на склонахъ Тагюрскаго холма и въ мѣстности, прилегающей къ селенію Тагюръ, а также къ сѣверу отъ Массижъ. Довольно сильному артиллерійскому обстрѣлу съ обѣихъ сторонъ подверглись Лепретрскій и Жюрмонскій лѣса».

16-го сентября было опубликовано слѣдующее заявленіе французской главной квартиры:

«Боевыя дѣйствія, завязавшіяся въ Артуа и Шампани, сопровождались новыми и прочными успѣхами. Въ Шампани первая позиція нѣмцевъ, усовершенствованная и организованная въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ, достигла чрезвычайнаго могущества. Несмотря на это, она была совершенно взята на фронтѣ 25 километровъ. Мы атакуемъ вторую линію въ благоприятной обстановкѣ. Противникъ обнаруживаетъ признаки усталости. Группы въ нѣсколько сотъ человекъ сдаются безъ боя. Снабженіе германцевъ было прервано въ нѣсколькихъ пунктахъ въ теченіе трехъ дней. Плѣнные истощены. Впечатлѣніе совершеннаго беспорядка въ линіяхъ противника, какъ и позади этихъ линій. Только въ Шампани мы взяли плѣнныхъ, принадлежащихъ къ 45 различнымъ пѣхотнымъ полкамъ. Батальоны и даже роты, прибывшіе съ другихъ частей фронта, были введены въ бой отдѣльно германскимъ высшимъ команднымъ составомъ, чтобы подкрѣпить линію.

«Духъ нашихъ войскъ чрезвычайно высокъ. Рѣшимость и энтузіазмъ, проявленные ранеными, привезенными съ фронта, вызываютъ восхищеніе у всѣхъ, кто ихъ встрѣчаетъ. Наступательный порывъ у всѣхъ сражающихся удесятеленъ, благодаря успѣхамъ. Въ Артуа бои сопровождаются ожесточеніемъ. Наше наступленіе продолжалось. Командующая высота 140 на хребтѣ де-Вими и фруктовый садъ къ югу отъ этого хребта находятся въ нашихъ рукахъ. Плѣнные, которыхъ мы взяли въ этой мѣстности, принадлежатъ къ 23 различнымъ пѣхотнымъ полкамъ, а равно и къ полкамъ прусской гвардіи.

«Британская армія въ связи съ нашей наступаетъ на сѣверѣ и къ югу отъ Лооса и, овладѣвъ двумя первыми линіями окоповъ, рѣшительно атакуетъ третью. Общая численность плѣнныхъ не раненыхъ, взятыхъ союзниками, повышается сегодня до 25 тысячъ, изъ которыхъ болѣе 400 офицеровъ.

«Насчитываютъ до настоящаго времени 103 пушки, взятая у противника, тяжелыя полевыя орудія. Исчисленіе же добычи еще не кончено».

16-го сентября командующій англійскими войсками въ Месопотаміи генералъ Никсонъ телеграфировалъ:

«Операція шестой дивизіи на линіи рѣки Тигра были вполне удачны. Непріятельская позиція находилась въ семи миляхъ къ востоку отъ Кута, занимая пространство въ одну милю по обоимъ берегамъ Тигра, и тянулась приблизительно на шесть миль по направленію отъ лѣваго берега рѣки. Планъ атаки былъ удачно задуманъ. Отдѣльная колонна въ составѣ двухъ бригадъ, подъ командой генерала Деламена, послѣ демонстраціи въ понедѣльникъ переправилась на лѣвый берегъ и усиленными переходами достигла лѣваго фланга непріятели; сѣверный участокъ котораго былъ разбитъ блестящей атакой въ 10 часовъ утра послѣ упорнаго сопротивленія. Остальная часть этого участка позиціи была взята нашими войсками около двухъ часовъ дня. Къ наступленію почти наши войска продвинулись къ западу отъ непріятельской позиціи, сильно укрѣпленной и защищенной колючей проволокой. Войска расположились бивуакомъ на своихъ позиціяхъ. Весь день вооруженные автомобили и кавалерія, несшіе охранную службу на флангахъ, имѣли столкновенія съ турецкой конницею. Число потерь у турокъ убитыми было весьма велико; траншеи, которыя они защищали съ большимъ упорствомъ, были завалены трупами. Нашими войсками взято нѣсколько орудій, нѣсколько сотъ плѣнныхъ и большое количество боевыхъ припасовъ. Наши потери, согласно донесенію, не превышаютъ пятисотъ человекъ.

«Непріятельница позиція впереди Куталамара взята нашими войсками, причемъ захвачены плѣнные и орудія. Непритель бѣжитъ въ полномъ безпорядкѣ по направленію къ Вѣлгадау, преслѣдуемый нашими войсками».

Согласно дополнительнымъ официальнымъ донесеніямъ о побѣдѣ на рѣкѣ Тигрѣ, число взятыхъ плѣнныхъ достигаетъ 1,650 человекъ. Подходятъ новые плѣнные. Численность непріятельскихъ войскъ составляетъ 7—8 тысячъ регулярныхъ войскъ при значительномъ количествѣ туземныхъ войскъ. Укрѣпленія непріятели основательны, обширны и построены по послѣднимъ правиламъ фортификаціи.

Утромъ 16-го сентября англійскіе аэропланы обнаружили турокъ, бѣгущихъ какъ сухимъ, такъ и воднымъ путемъ по направленію къ Багдаду. Однимъ изъ аэроплановъ сброшена бомба на большой непріятельской пароходъ.

Англійская кавалерія вступила въ Куталамару. Канонерскія лодки продолжали преслѣдованіе непріятели, предшествуя пѣхотной бригадѣ, которая слѣдовала на пароходахъ. Здоровье и духъ войскъ превосходны.

17-го сентября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

«На фронтѣ рижскаго района было нѣсколько наступательныхъ мелкихъ попытокъ германцевъ. Пытавшіеся закрѣпиться на восточномъ берегу ручья въ районѣ Кеммерна нѣмцы были отброшены за ручей. Нѣмцы атаквали также кладбище у с. Вецъ-Розе, сѣверо-западнѣ Бирсгалленъ, но были и здѣсь отбиты.

«Подъ Двинскомъ ничего существеннаго. Наступленіе пѣхоты противника южнѣ озера Дрисвяты было остановлено нашей конницею атакой въ конномъ строю. На фронтѣ къ югу отъ озера Богиньскаго во многихъ бояхъ успѣхъ былъ на нашей сторонѣ, и наши войска мѣстами продвинулись нѣсколько къ западу, Въ районѣ деревни Любки, южнѣ озера Нарочь, энергичнымъ нашимъ ударомъ противникъ былъ отброшенъ и отошелъ въ безпорядкѣ.

«Бой у д. Данюшево на Вилии ниже Сморгони закончился в нашу пользу. Противник пытался переходить в наступление, но безуспешно. На фронте Крево—Крошинь (северо-западнее Барановичей)—Верхняя Шара—Огинский канал были многочисленные частичные столкновения, не вызвавшие каких-либо существенных перемен в общем положении.

«В район Средней Стыри, у Чарторийска и восточнее Колки, бои продолжаются. Из деревни Куликовичи, на Стыри, выше Чарторийска, противник был выбит. Также вновь нами была с бою захвачена дер. Кошице (восточнее Кокли), причем в плен взято 5 офицеров и 100 нижних чинов.

«Восточнее Луцка, оставленного нами два дня тому назад, крайне упорный бой произошел в район дер. Сильно. Атакой противника наши войска вынуждены были отойти с некоторых своих боевых участков. Повторной контр-атакой от дер. Цумань (южнее Сильно) нам удалось, однако, вновь продвинуться вперед и выбить противника из окопов. Контр-атака противника в район дер. Карпилровка (близ дер. Думань) была отбита.

«Точно также никакого успеха не имели наступательные попытки противника в район дер. Цеброва (северо-западнее Тарнополья) и юго-восточнее м. Козлова.

«Наши конные части имели несколько столкновений с передовыми частями противника на левом берегу Стыры, в район дд. Доброполе и Хмлевка (юго-западнее Трёмбовли).

«Выжидая более определенного выяснения обстановки, штаб, несмотря на много имевшихся в его руках данных благоприятного для нашего оружия характера, временно воздерживался от обобщений и выводов.

«В настоящее же время штаб признает своевременным оповестить, что под влиянием цѣлага ряда благополучно законченных и протекающих боевых предприятий в общем положении фронта наших армий и их состоянии отмѣчается новый благоприятный для нас оборот.

«Дух войск, ярко обнаруживший свою высоту в безчисленных аррьергардных боях, получил новый подъем в успехах, одержанных нами над германцами за последние дни в жестоких рукопашных боях и в удачных переходах против них в наступление, особенно частых на фронте восточнее линии Свѣнцианы—Ошмяны. Не без влияния на подъем духа наших войск остается и замѣтное падение духа в рядах германцев; это падение находит себе отражение в участвовавших случаях бросания германцами на полях сражений легко раненых, в оставлении на путях отступления повозок, в бросании и затоплении снарядов и оружия, в беспорядочности и нервности огня.

«Планомѣрное, широко задуманное и методично выполненное нашими союзниками нападение на западный фронт германцев, вмѣстѣ съ вышеприведеннымъ, служить новымъ толчкомъ къ укрѣпленію вѣры союзниковъ въ силы и боевыя достоинства другъ друга».

За 13-е сентября в приморскомъ районѣ кавказскаго фронта велась перестрѣлка. В дутахскомъ направлеіи в районѣ Фенекъ произошло столкновение нашихъ разѣздовъ съ конницей сувари. За 14-е сентября на ольтинскомъ

направленіи велась перестрѣлка въ районѣ высоты Баракеть. На мелагергтскомъ направленіи также велась перестрѣлка развѣздовъ у Мергехеля.

На австро-сербскомъ театрѣ войны 16-го сентября между, 4 и 6 часами дня семь непріятельскихъ аэроплановъ появились надъ Пожаревацомъ и сбросили надъ городомъ и пригородами около 60 бомбъ, которыми убитъ одинъ обыватель и ранены двое военныхъ и трое обывателей. Пожареваць ни въ какой мѣрѣ не представляетъ собою военного пункта. 17-го сентября, между 7 и 8 час. утра пять или шесть непріятельскихъ аэроплановъ показались надъ Крагуевацомъ и сбросили около 30 бомбъ. Одинъ изъ аэроплановъ, поврежденный артиллерійскимъ огнемъ сербовъ, загорѣлся и упалъ въ центрѣ города; тѣла летчиковъ найдены обуглившимися.

16-го сентября на дунайскомъ фронтѣ непріятель сталъ возводить укрѣпленія у Оршовы, но сербская артиллерія помѣшала непріятельскимъ работамъ. Напротивъ Рама непріятель навелъ мостъ. Тревожимый артиллеріей сербовъ, непріятель выпустилъ 60 снарядовъ, но сербскія орудія привели непріятельскую артиллерію къ молчанію.

17-го сентября непріятельскіе авіаторы сбросили 43 бомбы, которыми убили 5 человекъ и ранили 10. Три бомбы упали на вокзалъ въ Лапово, узловой станціи желѣзнодорожной линіи Бѣлградъ—Нишъ—Крагуеваць. Эти бомбы не причинили никакихъ поврежденій.

Въ окрестностяхъ Крагуеваца было найдено крыло летательнаго аппарата. Такимъ образомъ, кромѣ непріятельскаго аэроплана, упавшаго посреди Крагуеваца, несомнѣнно, упалъ еще и другой непріятельскій аэропланъ.

17-го октября итальянская главная квартира оповѣстила о томъ, что въ районѣ Тольмино непріятель, все болѣе и болѣе тѣснымъ итальянскими войсками на высотахъ Санта-Марія, въ ночь на 16-е сентября и въ теченіе 16-го дважды пытался врасплохъ атаковать позиціи итальянцевъ, но былъ два раза отбитъ. Прошлую ночью съ 16-го на 17-е сентября итальянскіе альпійскіе отряды атаковали позиціи непріятеля на уступахъ Монте-Неро, спускающихся къ Тольмино, причѣмъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ этимъ отрядамъ удалось отбросить австрійцевъ, нанеся имъ тяжелыя потери. Итальянскими войсками взято было 60 плѣнныхъ и два пулемета. На рѣкѣ Изонцо итальянцами были выловлены три пловучія мины, пущенныя австрійцами по теченію съ цѣлью разрушить наши мосты.

18-го сентября французское правительственное сообщеніе гласило:

«Непріятель въ Артуа энергично бомбардировалъ наши новыя позиціи къ востоку отъ Сушэ. Въ Шампани мы укрѣпились въ нѣсколькихъ пунктахъ второй линіи траншей германцевъ къ западу отъ Тагюрскаго холма и къ западу отъ Наваренской фермы. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ нѣкоторыя части нашихъ войскъ перешли германскую линію и рѣшительно двинулись впередъ. Однако ихъ продвигеніе не могло получить значительнаго развитія вслѣдствіе жестокаго орудійнаго огня германцевъ. Наши солдаты твердо держатся на отвѣтственныхъ позиціяхъ второй непріятельской линіи. Къ югу отъ Рипона мы закончили овладѣніе первой германской позиціей, занявъ важный опорный пунктъ подъ названіемъ «Пунктъ Пораженія». На остальномъ протяженіи фронта ночь прошла спокойно.

«Несмотря на неблагоприятное состояние атмосферы, эскадры наших летчиков бомбардировали вчера коммуникационные линии в тылу германского фронта. Снаряды были сброшены над станциями в долине Сюип, Базанкура, Вармеривилемь, Понь-Фаверже и Сенть-Илерь-ле-Пти, а также над колонной германских войск, двигавшейся близ Сомпи.

«В Бельгии французская тяжелая артиллерия оказала поддержку британскому флоту, действовавшему против береговых батарей.

«В Артуа не произошло серьезных действий. Неприятель проявил некоторую активность под Армантуромь и в окрестностях Руа. Нашим огнем был разбит сильный неприятельский разведочный отряд. Мы взорвали перед Вевренемь несколько минь, которые разрушили германские траншеи.

«В Шампани мы продвинулись к северу от Мениля и несколько восточнее—между высотой 199, расположенной к северу от Массижа, и дорогой от Вилль-сюр-Турбь на Сернэ-ань-Дормуа. В последнем пункте мы снова захватили пленных. Неприятелю путем контр-атаки удалось снова овладеть опорным пунктом под наименованием «Пункт Поражения». Вторая очень сильная атака неприятеля в том же секторе была решительно отбита, с нанесением ему значительного урона.

«Расчетка прежних германских позиций дала возможность с точностью установить число взятых орудий, которое представляется гораздо большим, чем до сих пор сообщалось. Общее число полевых и тяжелых орудий, отнятых у неприятеля, начиная с 12-го сентября, на одном лишь фронте Шампани достигает в настоящее время 121.

«Группа наших летчиков сбросила сегодня 72 бомбы над вокзалом в Гинникурф. Бомбардировка, повидимому, была весьма действительной, и летчики, несмотря на сильный обстрел германских орудий, благополучно возвратились».

18-го сентября штаб Верховного Главнокомандующего сообщил:

«Атака немцев в районе Мисгофь (на железной дороге восточнее Митавы) успеха не имела. Немецкие самолеты сбросили несколько бомб в Усть-Двинскь, Ригь и на ст. Огерь без ущерба, однако, нашим военным интересам. В районе Грензень (северо-западнее озера Свентешь) Немцы, после ожесточенной бомбардировки произвели атаку и захватили несколько наших окопов. Бой продолжается. Атаки германцев в районе Бергофа, на Медмускомь (Медумь) озерь и на перешеек у северной оконечности озера Дрисвяты были отбиты. С боем нами было взято м. Дуниловичи, северо-восточнее озера Медзіоль. Противник был выбит также и из с. Ажуны (район м. Дуниловичи) и из ст. Медзіола. В районе дер. Гули, несколько восточнее озера Нарочь, наша конница, атакуя в пешем и конном строях пехоту противника, прикрывавшую обозы, захватила в одном месте много повозок и до 70 пленных. В другом месте захвачено больше 100 повозок, лошади, оружие и несколько десятков пленных; много немцев было порублено при преследовании. У с. Гать (район к югу от озера Нарочь) было жаркое дело с германцами, одна рота их была переколота; остатки ее взяты в плен».

«На Нижнемь Серветь, восточнее Новогрудка, наши войска без выстрела.

ворвались въ сс. Жуки и Корелицы. Нѣмцы бѣжали на главныя позиціи, бросая оружіе и снаряженіе и оставивъ у Корелиць около 100 человекъ, переколотивъ штыками. Внезапнымъ ударомъ въ районѣ дер. Новоселки, на р. Серветѣ, юго-восточнѣе Новогрудка: германцы были сбиты. Взяты плѣнные и трофеи;

Генераль Монро, новый командующій военными силами союзниковъ на южномъ фронтѣ.

число ихъ выясняется. У Зарѣчья и Денисовщины, юго-восточнѣе Барановичей, противникъ отброшенъ за р. Шару.

«На Средней Стыри, въ районѣ дер. Оборки (юго-восточнѣе Колки), германцы послѣ подготовки ураганнымъ огнемъ атаковали наши войска. Пройдя не болѣе сотни шаговъ и понеся огромныя потери, нѣмцы не выдержали и обратились въ беспорядочное бѣгство. Упорный бой разгорается въ районѣ Ламане, южнѣе Оборки.

«По поступающимъ донесеніямъ, австрійцы при производствѣ воздушной
«истор. вѣстн.», январь 1916 г., т. XLIII, II

развѣдки въ районѣ нашего крайняго лѣваго фланга, во избѣжаніе обстрѣла нашими войсками, летаютъ надъ румынской территоріей.

«По донесеніямъ войсковыхъ начальниковъ германцы и австрійцы въ бояхъ послѣднихъ дней на р. Стыри стрѣляютъ почти исключительно разрывными пулями».

18-го сентября французское правительство извѣстило:

«Въ Артуа послѣ боя съ примѣненіемъ ручныхъ гранатъ мы продвинулись въ траншеяхъ и ихъ соединительныхъ ходахъ къ востоку и юго-востоку отъ Невилля. Двѣ предпріятыя германцами контръ-атаки, изъ коихъ одна была направлена противъ полевого укрѣпленія, захваченнаго нами вчера въ лѣсу Живанши, другая же противъ траншей, въ которыхъ мы укрѣпились къ югу отъ высоты 119, были обѣ рѣшительно итбиты.

«Къ сѣверу отъ рѣки Эна, близъ Супира, непріятель произвелъ ожесточенную демонстрацію противъ нашихъ траншей, но за энергичнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ атаки не послѣдовало.

«Въ Шампани мы своимъ огнемъ быстро остановили непріятельскую контръ-атаку въ районѣ Мезонъ-де-Шампань. Число плѣнныхъ, взятыхъ нами 17-го сентября вечеромъ во время продвиженія къ сѣверу отъ Массижъ, составило 280 человекъ, изъ нихъ шесть офицеровъ.

«Мы имѣли въ продолженіе дня 18-го сентября дальнѣйшій успѣхъ въ мѣстности къ югу отъ лѣса Живанши къ востоку отъ Суше; здѣсь мы взяли въ плѣнъ 61 германца, принадлежащихъ къ составу гвардіи, и освободили нѣсколькихъ французовъ, остававшихся въ плѣну у германцевъ съ 16-го сентября.

«Въ Шампани неожиданной атакой между Обривъ и Эпинъ-де-Ведгранжъ намъ удалось отнять у непріятели пулеметы и захватить около 30 плѣнныхъ. Германцы обстрѣливали нѣкоторыя изъ нашихъ позицій снарядами, вызывающими выдѣленіе слезъ; наши батареи удачно отвѣчали.

«Начатый непріателемъ сильный обстрѣлъ нашихъ траншей въ Аргоннахъ къ сѣверу отъ Ла-Уйэтъ былъ остановленъ удачнымъ отвѣтнымъ огнемъ нашихъ бомбометовъ по германскимъ траншеямъ. Непріятельскія батареи обстрѣливали съ дальняго разстоянія Верденъ и Номени; наша артиллерія отвѣчала имъ. Мы, съ своей стороны, также съ дальняго разстоянія, бомбардировали поѣзда, стоявшіе на станціи Виньель (близъ Аттонъ-Шатель), и вызвали своимъ огнемъ два весьма сильныхъ взрыва.

«Въ Вогезахъ, въ окрестностяхъ Виолу, непріятель произвелъ демонстрацію, открывъ орудійный и ружейный огонь, но пѣхота его никакихъ дѣйствій не предпринимала.

«Въ ночь съ 17-го на 18-е сентября въ Эльзасѣ нашъ дирижабль обстрѣливалъ узловую желѣзнодорожную станцію Аманъ-Люки, а также станціи въ Атиньи и Вузье. На всемъ своемъ пути онъ подвергся непріятельскому обстрѣлу, въ особенности у Вузье, гдѣ на него сыпался цѣлый дождь зажигательныхъ ракетъ; однако воздушное судно благополучно вернулось въ свой паркъ, исполнивъ свое порученіе и лишь слегка задѣтое взрывами нѣсколькихъ снарядовъ, не имѣвшими серьезныхъ послѣдствій».

18-го сентября бельгійское правительство официально извѣстило:

«Въ ночь съ 17-го на 18-ое сентября непріятель бомбардировалъ Рамскапелле. Сегодня непріятельская артиллерія обнаружила нѣсколько болѣе энергичную дѣятельность, чѣмъ въ предшествовавшіе дни. Германцы вновь обстрѣливали Рамскапелле и Каскерке; кромѣ того, они подвергли различные пункты нашего фронта огню орудій крупнаго калибра. Въ районѣ Диксмюде происходила борьба бомбами; наша артиллерія энергично отвѣчала и разсѣяла рабочихъ къ югу отъ Диксмюде».

18-го сентября итальянская главная квартира увѣдомила:

«Въ гористой части театра военныхъ дѣйствій частые и густые туманы препятствуютъ огню артиллеріи, но позволяютъ иногда нашей пѣхотѣ производить смѣлые набѣги небольшими отрядами, которые приближаются къ непріятельскимъ позиціямъ и разрушаютъ части укрѣпленій, открывая широкія бреши въ проволочныхъ загражденіяхъ и вызывая тревогу у непріятеля. Близъ Тольмино наши войска въ ночь на 17-го сентября произвели атаку на всемъ протяженіи фронта отъ Мрзли до Водила (Монтенеро) и на высотахъ Санта-Марія и Санта-Лючія. При этомъ, несмотря на чрезвычайную пересѣченность мѣстности и дурную погоду, захвачены плѣнные. Вслѣдствіе ожесточенной контръ-атаки, произведенной многочисленными непріятельскими силами, намъ не удалось сохранить успѣхъ, который мы раньше одержали на лѣвомъ флангѣ противъ укрѣпленныхъ высотъ Мрзли и Водила. На правомъ флангѣ на высотахъ Санта-Лючія и Санта-Марія намъ удалось удержать за собой занятое пространство»

18-го сентября фельдмаршалъ Френчъ доносилъ:

«16-го сентября непріятель произвелъ рядъ атакъ противъ нашихъ позицій къ сѣверо-западу отъ Гюллюха; въ теченіе всего дня происходилъ упорный бой, въ результатъ котораго мы удержались на всѣхъ нашихъ позиціяхъ кромѣ крайняго лѣваго участка, гдѣ мы потеряли 150 ярдовъ траншей; наши позиціи заняты весьма прочно; атаки непріятеля нынѣ ослабѣли. Днемъ 16-го сентября непріятель, взорвавъ мину подъ траншеей къ югу отъ дороги на Менень, занялъ часть нашей передввой линіи, однако произведенными нами на слѣдующій день контръ-атаками мы вновь отняли всѣ утерянныя нами позиціи за исключеніемъ небольшого участка уступленныхъ траншей».

«Въ теченіе прошлой недѣли наши воздушныя силы проявляли оживленную дѣятельность: произошло 16 боевъ въ воздухѣ, причѣмъ лишь въ одномъ случаѣ англійскій летчикъ оказался побѣжденнымъ; одинъ германскій аппаратъ былъ принужденъ снизиться въ наши линіи. 17-го октября нашъ летчикъ повредилъ желѣзнодорожныя пути въ районѣ непріятельскаго расположенія, причѣмъ главная линія разрушена въ 15 мѣстахъ, до шести поѣздовъ отчасти повреждены и депо паровозовъ въ Валансьенѣ подожжено. Вообще нашими летчиками причинены довольно значительныя затрудненія германской желѣзнодорожной организаціи».

19-го сентября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

«Атаки германцевъ въ районѣ Гр.-Экау продолжались, но успѣха не имѣли. Тяжелая артиллерія нѣмцевъ обстрѣливала станцію Ливенгофъ юго-восточнѣе Якобштадта. Атакой германцевъ подъ Двинскомъ наши войска были слегка

п*

потѣнены съ нѣкоторыхъ участковъ между желѣзной дорогой и озеромъ Свентень. Между озерами Деммень, къ югу отъ Двинска, и Дрисвяты—артиллерійскій бой.

«Восточнѣе Свентень наша кавалерія отбросила нѣмцевъ и заняла с. Поставы. Послы штыкового боя нами занято кладбище у дер. Черемшица и дер. Стаховцы (южная оконечность озера Нарочь) и дер. Бережная (районъ озера Вишневецкое). Съ занятіемъ вышеназванныхъ пунктовъ противникъ отгѣсненъ значительно къ западу изъ района желѣзной дороги Вилейка—Полоцкъ. Въ районѣ д. Перевозъ на Вили, съвернѣе Сморгони, упорный бой, начавшійся вчера, продолжается.

«Въ бою у д. Залужье, на Верхней Шарѣ, южнѣе Ляховичей, одинъ изъ нашихъ батальоновъ выбилъ противника съ высотъ и самъ, потерявъ всего лишь девять человекъ, захватилъ въ плѣнъ двухъ германскихъ офицеровъ и 109 нижнихъ чиновъ. Въ районѣ Средней Стыри, у д. Ламане (юго-восточнѣе Колки) упорный бой не прекращался весь вчерашній день.

«Звѣрства теряющихъ самообладаніе противниковъ не прекращаются. Вчера въ одной верстѣ къ югу отъ д. Куликовичи, на Стыри, ниже Колки, были найдены трупы офицера и двухъ нижнихъ чиновъ одного изъ нашихъ кавалерійскихъ полковъ, ранеными захваченныхъ въ плѣнъ въ бою 15-го сентября. Трупы были съ выколотыми глазами, выбитыми зубами и другими ранами, указывающими на добиваніе раненыхъ, тѣмъ болѣе, что они были найдены не на мѣстѣ самаго столкновенія.

«Въ Черномъ морѣ бригада линейныхъ кораблей бомбардировала и вновь разрушила восстановленные сооруженія угольныхъ копей въ Зунгулдакъ. Батареи, защищавшія портъ, были быстро приведены къ молчанію.

«Дополняя общее свое заключеніе отъ 17-го сентября, штабъ сообщаетъ, что въ результатъ энергично выполняемыхъ болѣе чѣмъ 20-дневныхъ и нынѣ еще не законченныхъ операций въ районѣ Вилейки починъ дѣйствій былъ вырванъ нашими войсками изъ рукъ противника. Ударъ германцевъ въ направленіи Вилейки былъ рѣшительно отбитъ и планъ ихъ разстроены. Въ многодневныхъ тяжелыхъ бояхъ, о напряженіи которыхъ свидѣтельствуютъ предшествовавшія сообщенія, противникъ былъ послѣдовательно остановленъ, поколебленъ и наконецъ отброшенъ. Глубокій клинъ германцевъ, примѣрно по фронту Солы—Молодечно—Глубокое—Видзы, былъ послѣдовательно уничтоженъ, причемъ зарвавшемуся врагу нанесенъ огромный уронъ. Планомѣрный переходъ нашихъ войскъ отъ отступленія къ наступленію былъ совершенъ съ умѣніемъ и настойчивостью, доступными лишь высокодобрестнымъ войскамъ».

На кавказскомъ фронтѣ за 17-ое сентября въ приморскомъ районѣ велась перестрѣлка. На ольтинскомъ направленіи къ сѣверу отъ Ардоса наши развѣдчики уничтожили турецкую заставу. На дутахскомъ направленіи шло успѣшное вытѣсненіе упорно сопротивляющихся курдовъ, въ районахъ селеній Моялла, Мустафа и Большой-Гупакъ. Въ ванскомъ районѣ наши войска тѣснили турокъ въ направленіи къ востоку. 17-го сентября въ ольтинскомъ направленіи наблюдались удачныя дѣйствія нашихъ развѣдчиковъ. Въ мелагертскомъ направленіи произошло столкновеніе у селеній Моялла и Доміаднъ

нашей конницы съ турецкой. Въ ванскомъ районѣ наши войска тѣснили турокъ у Вастана.

19-го сентября французское официальное сообщеніе гласило:

«Въ Артуа неприятельская артиллерія подвергала ожесточенной бомбардировкѣ наши позиціи къ востоку отъ Сушэ. Мы тѣмъ не менѣе значительно продвинулись траншеями на высотахъ Лафолле. Въ Шампани германцы въ теченіе ночи съ 18-го на 19-ое сентября бомбардировали наши новыя линіи у Эпинь-де-Ведгранжа, также къ востоку отъ Наваренской фермы. Наши войска завладѣли частью важныхъ позицій неприятеля, образующихъ выступъ на нынѣшней его линіи къ сѣверу отъ Мениля. Въ Лотарингіи германскія развѣдочныя части напали на два наши поста близъ Монсель и Сорневилля, однако были отражены и преслѣдовались вплоть до своихъ линій. На остальномъ протяженіи фронта ночь прошла спокойно. Эскадры нашихъ летчиковъ сбросили множество снарядовъ на станціи и желѣзнодорожныя пути, находящіяся позади германскаго фронта, въ частности надъ развѣздомъ отъ линіи Генькура до Ами-Фонтэна. Наши аэропланы, снабженные орудіями, подвергли ночью бомбардировкѣ германскія линіи».

«Въ Бельгіи наша тяжелая артиллерія участвовала въ обстрѣлѣ англійскимъ флотомъ германскихъ батарей у Вестенде. Въ Артуа неприятель подвергъ сильному артиллерійскому огню всю линію нашего фронта между Невилль—Сень-Ваастъ и лѣсомъ къ сѣверу отъ Сушэ; мы энергично отвѣчали. Сильная артиллерійская борьба происходила къ сѣверу отъ Барри-о-Бакъ, въ направленіи фермы Колера и далѣе къ югу въ направленіи Сапилья. Въ Шампани продолжалась артиллерійская перестрѣлка, во время которой неприятелемъ были вновь примѣнены снаряды съ удушливыми газами. На пространствѣ между рѣками Маасомъ и Мозелемъ, къ сѣверу отъ Флирэ германцы мѣстами открывали противъ нашихъ позицій ураганный огонь, всюду, однако, прекращенный нашими батареями. Въ Лотарингіи вновь произведенная неприятелемъ внушительными силами рекогносцировка была нами отбита и разбѣяна къ югу отъ Паруаскаго лѣса. Въ Шампани одинъ изъ нашихъ аэроплановъ атаковалъ артиллерійскимъ огнемъ неприятельскій привязной шаръ, который загорѣлся и упалъ. Отрядъ изъ 65 аэроплановъ бомбардировалъ сегодня желѣзнодорожную станцію въ Вузье и аэродромъ близъ города и станціи Шальранжъ. Ими были сброшено свыше трехсотъ снарядовъ, попавшихъ въ намѣченные цѣли. Въ другомъ мѣстѣ снарядами аэроплановъ былъ разорванъ на двѣ части поѣздъ на ходу близъ станціи Ланъ».

На бельгійскомъ театрѣ войны, согласно официальному бельгійскому сообщенію отъ 19-го сентября, ночь съ 18-го на 19-ое сентября прошла спокойно. Утромъ неприятель произвелъ демонстрацію у Диксмюде, выразившуюся въ сильной бомбардировкѣ и метаніи бомбъ. По участку бельгійскихъ траншей у Диксмюде было выпущено болѣе 400 бомбъ; неприятелю удалось занять часть бельгійской сапы, но немедленно вслѣдъ за этимъ онъ былъ выбитъ изъ нея. На остальномъ фронтѣ происходила лишь слабая артиллерійская перестрѣлка. Днемъ 19-го сентября германская артиллерія проявляла лишь слабую дѣятельность; бельгійцы энергично отвѣчали неприятельскимъ батареямъ сильнымъ и удачнымъ огнемъ.

19-го сентября итальянская главная квартира извѣстила:

«На всемъ протяженіи фронта рѣки Изонцо отъ горы Вомбенъ вплоть до Карсо непріятель вчера производилъ расточительную артиллерійскую и ружейную стрѣльбу, которая въ нѣкоторыхъ пунктахъ такъ поспѣшно направлялась, что можно было видѣть, какъ снаряды большихъ калибровъ, выпускавшіеся дальними батареями, попадали въ выдвинутыя впередъ траншеи самихъ же австрійцевъ. Пѣхота не производила атакъ ни въ какой части фронта, за исключеніемъ склоновъ Ромбона, гдѣ непріятельскіе отряды пытались приблизиться къ нашимъ линіямъ но были немедленно же отражены мѣткимъ огнемъ. Одинъ изъ непріятельскихъ летчиковъ сбросилъ вчера нѣсколько бомбъ близъ вокзала желѣзной дороги въ Червиньяно, причемъ были ранены двое штатскихъ. Другіе два непріятельскихъ авіатора пытались произвести налеты на наши позиціи на Карсо, однако были отражены огнемъ нашихъ орудій для разстрѣливанія аэроплановъ»

На австро-сербскомъ театрѣ войны 19-го сентября сербская артиллерія обстрѣляла пароходъ и нѣсколько барокъ въ направленіи о. Смедерево. Непрѣятельскій офицеръ, производившій развѣдку, былъ убитъ. Два непріятельскихъ летчика, упавшіе въ Крагуевацѣ, оказались германцами. Выяснено, что имъ было дано приказаніе сбросить бомбы надъ южной частью города.

20-го сентября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

«Подъ Двинскомъ наступленіе нѣмцевъ въ районѣ желѣзной дороги юго-западнѣе Иллукста было отбито огнемъ. На линіи озеръ Деммень—Дрисвяты—Богиньское—огневымъ боемъ. Въ районѣ Грезентгалъ (сѣвернѣе озера Дрисвяты) нѣмцы послѣ обстрѣла нашей артиллеріей бѣжали, очистивъ деревню Тыльжа. Попытка противника переправиться черезъ Дрисвятицу между д.д. Пеликаны и Кулишки (южнѣе озера Оболе) успѣха не имѣла. Часть нашей конницы выбила нѣмцевъ изъ с. Борсуки (къ югу отъ озера Богиньское). Во время атаки нашей конницы въ конномъ строю д. Девятинки, южнѣе Козякъ, много нѣмцевъ было изрублено. У взятаго нами послѣ штыкового боя ф. Стаховцы (южная окраина озера Нарочь) произошелъ ожесточенный бой. Контръ-атакой, поддержанной ураганнымъ артиллерійскимъ огнемъ, нѣмцы вытѣснили насъ изъ фольварка. Новой атакой наши войска вторично выбили нѣмцевъ изъ фольварка. При первой атакѣ фольварка и д. Стаховцы нами были захвачены восемь нѣмецкихъ гаубиць и шесть легкихъ пушекъ. До контръ-атаки нѣмцевъ орудій вывести не удалось и они были нами приведены въ негодность. Штыковымъ ударомъ наши войска овладѣли окопами сильно укрѣпленной германской позиціи у с. Балтагузы, сѣверо-восточнѣе озера Вишневское. Двѣ атаки противника въ районѣ Свиридовичи (южнѣе Сморгони) были отбиты съ большими для германцевъ потерями. Германцы, переправившіеся черезъ Нѣманъ у м. Любча (сѣверо-восточнѣе Новогрудка) были отброшены на лѣвый берегъ и спѣшно отошли, бросивъ на мѣстѣ боя около сотни труповъ. На р. Стыри въ районѣ д.д. Новоселки, Куликовичи, между м.м. Колки и Чарторійскъ, было нѣсколько мелкихъ столкновеній».

20-го сентября фельдмаршалъ Френчъ доносилъ:

«Мы произвели прошлой ночью (съ 19-го на 20-ое сентября) контръ-атаку

и добились намѣченной цѣли, а именно завладѣли двумя германскими траншеями къ юго-западу отъ Лооса, которыя непріателемъ были захвачены 13-го сентября».

20-го сентября официальное французское сообщеніе гласило:

«Между Сушэ и лѣсомъ Живанши непріатель четыре раза пытался путемъ атакъ съ примѣненіемъ ручныхъ гранатъ снова завладѣть частями потерянныхъ имъ траншей. Однако всюду онъ былъ отраженъ. Въ Шампани германская контръ-атака противъ захваченныхъ нами 18-го сентября позицій къ сѣверу отъ Мениля была также отражена. Непріатель бомбардировалъ тылъ нашего фронта, въ особенности въ долину Суиппъ, причемъ все время пользовался снарядами съ удушливыми газами. Наши батареи обстрѣляли непріательскія и заставили нѣкоторые изъ нихъ замолчать. На остальномъ протяженіи фронта ночь на 20-ое сентября прошла спокойно.

«Въ Артуа французы продвинулись впередъ, захвативъ при этомъ одинъ непріательскій блокгаузъ и окопы къ югу отъ лѣса Живанши. Продолжалась довольно сильная артиллерійская перестрѣлка къ югу отъ Соммы, въ окрестностяхъ Вофора и Бошюара, а также на фронтѣ въ Шампани и въ Аргоннахъ, къ сѣверу отъ Гараза.

«Въ Вогезахъ непріатель безуспѣшно пытался направить струи горячей жидкости на наши траншеи у Віолю, а также между возвышенностями Сентъ-Мари и Бономъ; мы отвѣтили удачнымъ взрывомъ миннаго горна, изрывшимъ и уничтожившимъ его минныя сооруженія. Отрядъ нашихъ летчиковъ утромъ бомбардировалъ вокзалъ, желѣзнодорожный мостъ и зданіе военного вѣдомства въ Люксембургѣ».

По сообщенію итальянской главной квартиры отъ 20-го сентября, въ высокой горной области, гдѣ въ настоящее время свирѣпствуютъ бури и выпадаютъ обильные снѣга, произошли мелкіе удачные для итальянцевъ бои, а именно на перевалѣ Лагоскуро, у входа въ долину Дженова и на перевалѣ Рамозіо-Въ Карниі, въ секторѣ Тольмино, итальянскія войска отбили непріательскую атаку, направленную противъ занятыхъ итальянцами недавно позицій на высотахъ Санта-Марія.

21-го сентября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ:

«Подъ Двинскомъ вчера въ полдень нѣмцы открыли ураганный огонь по участку одного изъ нашихъ полковъ въ районѣ д. Шишково, между желѣзной дорогой и озеромъ Свентень. Съ нѣмецкой стороны стрѣляли орудія очень крупныхъ калибровъ, въ томъ числѣ и восьмидюймовыя пушки. Подъ прикрытіемъ бѣшеннаго огня противникъ ринулся впередъ и занялъ часть нашихъ окоповъ. Подвергнувъ, въ свою очередь, эти окопы и ворвавшихся въ нихъ нѣмцевъ сокрушительному дѣйствію артиллеріи, наши войска двинулись въ рѣшительную контръ-атаку. Не выдержавъ огня, нѣмцы съ большими потерями отошли назадъ, и окопы были вновь заняты нами.

«На многихъ переправахъ р. Мядзіолки (притокъ р. Дисенки) идутъ упорные бои. Деревня Воровыя (районъ Козянь) взята нами съ бою, причемъ захвачены плѣнные и пулеметы. Изъ д.д. Теляки и Козьмъ (между с.с. Козяны и Постава) нѣмцы были выбиты штыками.

«На некоторых участках р. Спяглицы, южной берега Вишневецкого, наши войска удачно переправились на западный ее берег.

«При взятии некоторых селений в район Черемшицы—Стаховцы взято в плен около 300 здоровых пленных, при пяти офицерах, в том числе 19 артиллеристов при одном офицере; сверх того, в наши руки попало четыре пулемета и много других трофеев.

«На фронт примерно от района Сморгони до Припяти без перемен.

«В устье Стохода противник было занято д. Пожогъ, но энергичной атакой было оттуда выбито. Противник был также выбит с позиции севернее д. Совьщица на Стыри (район железной дороги Ковель—Сарны) и из дер. Костюхновка, юго-западной д. Совьщицы. В плен взято больше 200 человек, два пулемета и обоз. На Стыри (тот же район) наши войска удачно переправились у Полонно и выбили противника из д. Цмины. Также удачна была переправа наших войск у д. Козлинич, ниже Чарторийска.

«19-го сентября в Черном море миноносец «Завѣтный» на рейде Платаны, около Трапезунда, под жарким огнем находившейся на берегу воинской части, захватила стоявшую у берега моторную шхуну и привела ее в Батумь.

«Войсковыми донесениями отмечается, что пленные германцы, несмотря на предупреждения и запугивания своих начальников различными карами в будущем, значительно чаще и нервнее дают показания об усталости своих войск и населения и о падении среди них популярности войны».

21 сентября французское правительственное сообщение гласило:

«К северу от Арраса наше наступление продолжалось в направлении к лесу Живанши и высот 119, где мы заняли перекресток пяти дорог. Почти непрерывный бой, с участием траншейных орудий и артиллерийского огня с обеих сторон, происходит в районе Кенневьера и Нуврона. В Шампани происходит артиллерийский бой в окрестностях Наваренской фермы. Вчера вечером мы отразили две германские контратаки к северу от Мениля.

«Одна из наших воздушных эскадр сбросила на вокзал Саблонь в Мец около 40 снарядов большого калибра. Другие летчики продолжали бомбардировку подъездных путей и станций позади германского фронта.

21-го сентября, в четыре часа дня русский поверенный в делах, замещающий нашего большого посла в Болгарии, вручил болгарскому правительству ультиматум, срок которого истекает в четыре часа дня 22-го сентября.

«В Артуа в течение всего дня 21-го сентября происходила перестрелка между траншеями на гребнях гор к югу от Живанши. Противнику удалось вновь утвердиться на перекрестке пяти дорог. В других же местах он повсюду был отражен, несмотря на повторные яростные атаки. Особенно сильный артиллерийский бой, в котором участвовали также и траншейные орудия, происходил к югу от Соммы, в секторе Лигонса и Шонь, а также к северу от рѣки Эна, в долине Мизетт и на канале, соединяющем рѣки Эн и Марну, и в окрестностях Саниньяля.

«Неприятельский аэроплан был подбит и вынужден спуститься в линию расположения наших войск, два офицера-летчика взяты в плен».

«Въ Шампани непріятель снова обстрѣлялъ наши позиціи и нашъ тылъ снарядами, распространяющими удушливые газы. Наша артиллерія энергично ему отвѣчала. На южной опушкѣ Аргоннскаго лѣса мы обстрѣляли изъ тяжелыхъ орудій непріятельскую колонну, двигавшуюся со стороны Бони къ Апремону.

Герой войны генераль-майоръ М. П. Лосевъ, награжденный орденомъ св. Георгія, Георгіевскимъ оружіемъ и французской военной медалью.

«Въ Вогезахъ мы послѣ жаркаго боя отразили непріятельскую атаку противъ нашихъ позицій къ востоку отъ Селль-Сюръ-Плэнъ. У Гартмансвейлер-копфа происходитъ ожесточенный артиллерійскій бой».

21-го сентября фельдмаршалъ Френчъ доносилъ:

20-го сентября днемъ непріятель началъ сильную бомбардировку и произвелъ нѣсколько повторныхъ атакъ противъ нашихъ траншей между каменоломнями Вермель и дорогой на Гюллихъ. Атаки велись весьма энергично, однако непріятелю не удалось достигнуть нашихъ траншей. Атаки отражены, причемъ не-

пріятель понесъ большія потери. Въ сѣверо-западномъ направленіи непріятель снова овладѣлъ большою частью Гогенцоллернскаго редута».

На нѣкоторыхъ пунктахъ итальянскаго фронта происходили артиллерійскіе бои. Непріятельская артиллерія выпустила большое число снарядовъ по вокзалу Кормонсъ и линіи желѣзной дороги, не причинившихъ никакого вреда. Итальянская артиллерія успѣшно бомбардировала наблюдательныя вышки непріятельскихъ батарей и передвигавшіяся обозныя колонны. Было констатировано употребленіе непріятелемъ гранатъ, распространяющихъ ѣдкіе газы. Итальянскія войска тотчасъ защитились отъ ихъ дѣйствія очками и другими средствами. Обильные дожди, выпавшіе въ районѣ Нижняго Изонцо, не уменьшили активности нашихъ войскъ и не задержали итальянскихъ сапныхъ работъ.

22-го сентября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

«На фронтѣ Рижскаго района было нѣсколько столкновеній. Сѣвернѣе Биргалень наши войска овладѣли частью нѣмецкихъ окоповъ и лѣвымъ берегомъ р. Карумъ, впадающей въ Двину между д.д. Елизенгофъ и Танненфельдъ. Бои на фронтѣ озеръ Деммень—Дрисвяты—Медзіоль—Вишневъ продолжаются. Послѣ горячаго рукопашнаго боя нами захвачена д. Василина, юго-восточнѣе Козянь, и д. Русаки на рѣкѣ Медзіолькѣ, сѣвернѣе Цоставы. Штыковой бой у д. Пастернаки (районъ д. Русаки) окончился въ нашу пользу. Деревня нами занята. Въ районѣ Сморгони и южнѣе, равно какъ и на Верхнемъ Нѣманѣ, въ районѣ д. Дѣлятичи—не прекращающіяся стычки съ противникомъ, безуспѣшно пытающимся продвинуться на востокъ. Южнѣе Припяти послѣ боевъ на р. Средней Стыри, въ полосѣ желѣзной дороги Ковель—Сарны, наши войска заняли с.с. Вулька Голузійская, Оптово, Волчецькъ, Медвѣжка. Противникъ мѣстами отступалъ въ безпорядкѣ.

«На всемъ протяженіи кавказскаго фронта, за исключеніемъ ванскаго района, серьезныхъ событій не было. Турки въ различныхъ мѣстахъ дѣлали попытки продвинуться въ направленіи нашей границы, но всѣ онѣ съ легкостью были прекращаемы. Стычки передовыхъ частей болѣе оживленнаго характера были въ прибрежномъ районѣ Чернаго моря, юго-западнѣе Хопы, и далѣе на юго-востокъ до слиянія Чороха и Ольты (районъ Ишхана). На фронтѣ отъ слиянія рѣкъ Чороха и Ольты и далѣе на юго-востокъ, примѣрно черезъ озеро Тортумъ до Хоросана, было нѣсколько удачныхъ поисковъ нашихъ развѣдчиковъ. Въ районѣ Дутаха (на Евфратѣ, южнѣе Алашкерта); къ востоку отъ Мелазгерта и въ районѣ Арджиша, на сѣверо-восточной оконечности Ванскаго озера,—въ общемъ спокойно. Къ юго-западу отъ города Вана наши войска, разбившія турецкій отрядъ, продолжали 20-го сентября преслѣдовать противника, отступающаго вдоль южнаго берега Ванскаго озера, двигаясь по горнымъ дорогамъ съ перевалами въ 8—9 тысячъ футовъ».

22-го сентября французское официальное сообщеніе увѣдомило:

«Въ Артуа происходила довольно сильная артиллерійская перестрѣлка на всемъ протяженіи къ сѣверу отъ Скарпъ. Въ секторахъ Кенневьеръ и Викъ-сюръ-Энь, а также на Новронскомъ плоскогоріи происходила борьба бомбами и подрывными снарядами. Въ Шампани продолжался артиллерійскій бой, въ особенности въ районѣ Эпинъ-де-Ведгранжъ, близъ фермы Наваренъ и Суэн-

скаго холма. Въ Аргоннахъ происходила траншейная борьба гранатами и фугасами у Куртъ—Шоссэ и Филь—Мортъ. Къ сѣверу отъ Вердена, въ окрестностяхъ Орнъ, наша артиллерія обстрѣляла германскій поѣздъ и вызвала весьма сильный взрывъ.

«Отрядъ нашихъ аэроплановъ сбросилъ 50 снарядовъ надъ станціей Біашъ близъ Пероннъ.

«У Скарпъ и къ востоку отъ Арраса происходила довольно сильная артиллерійская перестрѣлка. Въ секторахъ Лигона и Андеши продолжалась траншейная борьба гранатами и бомбами. Въ Шампани непріятель по прежнему бомбардируетъ снарядами съ удушливыми газами мѣстность позади нашего новаго фронта, къ югу отъ фермы Наваренъ и въ окрестностяхъ Суэна; наша артиллерія энергично отвѣчаетъ обстрѣломъ германскихъ траншей и полевыхъ укрѣпленій. Почти непрерывный артиллерійскій бой продолжается въ Аргоннахъ въ секторѣ Уйеттъ, у Эпаржъ, въ Апремонскомъ лѣсу и въ Лотаринги близъ Монселя, Арракура и Ансервиля. Вечеромъ 21-го сентября непріятель пытался внезапной атакой захватить наши посты къ востоку отъ Орбэ въ Вогезахъ, но былъ отброшенъ».

На итало-австрійскомъ театрѣ войны, по свѣдѣніямъ отъ 22-го сентября изъ итальянской главной квартиры, въ районѣ Тонале вечеромъ 20-го сентября одинъ изъ отрядовъ альпійскихъ войскъ, вскарабкавшись на крутую вершину Тоніоне (въ верхней части долины Стрино), выбилъ оттуда находившіеся тамъ мелкіе непріятельскіе отряды и уничтожилъ укрѣпленія, къ возведенію которыхъ приступили было австрійцы, а затѣмъ, избѣгая ожесточеннаго огня непріятельской артиллеріи, вернулся въ свои линіи. Итальянскія батареи продолжали обстрѣлъ подступовъ къ Торріоне, не давая этимъ непріятелю возможности вновь занять его. Въ долину Фелла ночью 21-го сентября непріятель пытался атаковать позицію итальянцевъ къ югу отъ горнаго ручья Понтебба, но былъ отбитъ. На Корсо продолжалась обычная артиллерійская перестрѣлка. Замѣчается усиленное движеніе поѣздовъ на Триестской линіи между станціями Набресина и Санъ-Джіованни».

22-го сентября Болгарія отвергла принятіе русскаго ультиматума.

23-го сентября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

«Въ якобштадскомъ районѣ обычная перестрѣлка нѣсколько болѣе оживилась. Къ юго-западу отъ Якобштадта нѣмцы обстрѣливали артиллеріей районъ Царьграда. На фронтѣ двинскаго района огневой бой не прекращался. Въ районѣ южнѣ Поставы противникъ былъ вытѣсненъ изъ окоповъ господскаго двора Загачъ. На фронтѣ между озерами Нарочь и Вишневское противникъ былъ вновь потѣсненъ. Во время преслѣдованія нѣмцевъ въ районѣ юго-западнѣе озера Вишневское наши войска заняли Абрамовщизну. Кол. Боровый Млынъ и дер. Минки, къ сѣверу отъ Сморгани, заняты нами. Южнѣе до Припяти безъ существенныхъ переменъ. Въ устьѣ Стохода противникъ пытался вновь овладѣть дер. Пожогъ, произведя атаку подъ прикрытіемъ сосредоточеннаго огня артиллеріи. Атака была отбита. Юго-западнѣе Чарторійска противникъ былъ отброшенъ къ дер. Новоселки, причемъ взято въ плѣнъ около 150 нижнихъ чиновъ и одинъ пулеметъ. Въ районѣ д.д. Красноволя и Кошищэ, восточ-

нѣе Кюлки, было нѣсколько столкновений съ частями противника, выдвигавшимися на востокъ.

«На кавказскомъ фронтѣ въ прибрежномъ районѣ Чернаго моря, юго-западнѣе Хопы, — только стычки передовыхъ частей. Юго-восточнѣе озера Тортумъ, на фронтѣ между селеніями Кегыкъ и Ардостъ (сѣверо-западнѣе Хоросана), 21-го сентября съ наступленіемъ темноты турки сдѣлали попытку продвинуться впередъ, но были остановлены огнемъ. Южнѣе Хоросана, вблизи селенія Курфа, было нѣсколько столкновений съ передовыми частями турокъ».

23-го сентября французское правительство извѣстило о томъ, что артиллерійская перестрѣлка продолжалась въ Артуа, причеъ она было особенно жестокою къ югу отъ лѣса Живанши. Сражаясь ручными гранатами, французы нѣсколько продвинулись впередъ въ траншейныхъ ходахъ къ юго-западу отъ замка Ла-Фоли. На всемъ остальномъ протяженіи фронта происходила лишь артиллерійская перестрѣлка, а именно: въ Шампани между рѣками Маасомъ и Мозелемъ, къ сѣверу отъ Флирэ и на лотарингскомъ фронтѣ, въ окрестностяхъ Лентрэ, Гондрексона и Домевра. Въ Шампани французы 23-го сентября вновь достигли благопріятныхъ результатовъ. Послѣ надлежащей артиллерійской подготовки французская пѣхота штурмомъ взяла селеніе Тагюръ и достигла вершины холма того же названія, являющейся опорнымъ пунктомъ для второй линіи обороны непріятеля; французы продвинулись впередъ также и въ окрестностяхъ Наваренской фермы. Общее число взятыхъ ими при этомъ въ плѣнъ превышаетъ 1.500. На остальномъ фронтѣ 23-го сентября происходили лишь артиллерійскіе бои, носившіе особенно упорный характеръ въ Артуа — въ районѣ лѣса Живанши и на возвышенности «119», въ Аргонахъ — къ сѣверу отъ Гараза и въ Лепретрскомъ лѣсу, въ Лотарингіи — близъ Лентрэ, Рельона, Вадонвилера, а также въ Вогезахъ на горномъ хребтѣ Мецераля.

Бельгійское сообщеніе отъ 23-го сентября увѣдомило о томъ, что на фронтѣ непріятельская артиллерія проявляла лишь весьма слабую дѣятельность; сю обстрѣливался районъ Фюрнъ, Первизъ и Оосткерке. Въ мѣстности къ сѣверу отъ Стеенстрете и отъ Диксмиоде происходила борьба бомбами. Огнемъ бельгійской артиллеріи въ нѣсколькихъ пунктахъ были разсѣяны непріятельскіе рабочіе.

На итальянскомъ фронтѣ, по извѣстіямъ отъ 23-го сентября, въ долинѣ Терраньола, на дорогѣ въ Роверето, одна изъ итальянскихъ колоннъ заняла 22-го сентября мѣстности Компрери и Алла Вольта на южныхъ склонахъ Доссо-дель-Сомме, а также плоскогорье Фолгарія. Кроме того, непріятель спѣшно оставилъ расположенное по сосѣдству селеніе Піанца и отошелъ по направленію къ Потриху, преслѣдуемый удачнымъ огнемъ итальянскихъ батарей. Небольшія столкновения произошли у Филонъ-Дей-Селасъ на вершинѣ горнаго хребта между Фелла и Донія, къ юго-западу отъ Леопольдскирхена, а также противъ Петеано, на южныхъ склонахъ Карсо Гориціано. Непріятель былъ отброшенъ; итальянцами было взято нѣсколько плѣнныхъ.

24-го сентября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

«На западномъ фронтѣ, сѣверо-западнѣе Двинска нѣмцы атаковали въ районѣ желѣзной дороги. Возникъ жестокий бой въ районѣ Б. Гринвальдъ.

гдѣ часть нашихъ окоповъ противникомъ была захвачена. Бой продолжался. Въ районѣ Шипково, южнѣ Гринвальда, наши войска контръ-атакой отбили нѣмцевъ. По фронту озеръ Деммень—Дрисвяты—Оболе огневой бой продолжается. На фронтѣ къ югу отъ озера Богиньское, примѣрно до района гор. Богданова, на желѣзной дорогѣ Лида—Молодечно повсемѣстные горячіе бои ведутся съ большимъ напряженіемъ обѣихъ сторонъ. Въ районѣ сѣвернѣ Козянь нѣмцы были выбиты изъ окоповъ господскаго двора—Головскъ. Деревни и мѣстечко Козяны въ ночь на 24-ое сентября были взяты нами. Нашимъ войскамъ пришлось въ этомъ бою преодолѣть три ряда неприятельскихъ окоповъ. Сосредоточенный перекрестный огонь германцевъ затѣмъ вынудилъ насъ оставить мѣстечко. Однако часть окоповъ осталась все же въ нашихъ рукахъ. При атакахъ позицій противники на рѣкѣ Мядзіолкѣ нѣкоторымъ частямъ удалось переправиться въ бродъ черезъ рѣку, несмотря на глубину бродовъ (выше пояса) и на жестокой обстрѣлъ противника. Западнѣ деревень Мамули и Копры, южнѣ Козянь, намъ также удалось овладѣть нѣсколькими окопами противника. Въ районѣ с. Заначь, на южномъ берегу озера Нарочь, нѣмцы первоначально были выбиты штыковымъ ударомъ изъ окоповъ, но послѣдовавшей затѣмъ контръ-атакой имъ удалось ихъ вернуть. Бой у дер. Семенки, южнѣ озера Вишневскаго, окончился занятіемъ нами этой деревни. Въ районѣ д. Вогуше, къ югу отъ Сморгони наши атаки имѣли успѣхъ и привели къ занятію части позиціи противника, гдѣ были захвачены брошенные нѣмцами при отходѣ оружіе, патроны и разные предметы снаряженія. Нельзя вновь не подчеркнуть беззавѣтнаго мужества нашихъ войскъ, наглядно выражающагося въ постоянныхъ случаяхъ атакъ окоповъ противника безъ выстрѣла, въ преодолѣніи нѣсколькихъ рядовъ искусственныхъ препятствій и преградъ, коими, противникъ перегородилъ всѣ промежутки между озерами, въ пренебреженіи тяжелыми условіями веденія борьбы въ осеннее время года. Южнѣ Припяти нами съ боя взято село Лисово (сѣверо-западнѣ Чарторійска).

На кавказскомъ фронтѣ, юго-восточнѣ озера Торгумъ турки въ ночь на 22-ое сентября пытались занять селеніе Кегыкъ въ долині Севра-Чая, но были отбиты нашимъ огнемъ.

На остальномъ фронтѣ происходили мелкія стычки передовыхъ частей.

Французское официальное сообщеніе отъ 24-го сентября гласило:

«Неприятель въ теченіе ночи энергично бомбардировалъ наши позиціи вдоль всего фронта къ сѣверу отъ Скарпъ. Неприятель послѣдовательно произвелъ четыре контръ-атаки противъ нашихъ позицій, недавно взятыхъ нами въ лѣсу къ западу отъ желѣзной дороги Сушэ—Ангръ. Всѣ атаки были рѣшительно отбиты.

Энергичная артиллерійская перестрѣлка къ югу отъ Соммы въ секторѣ Андеші—Данкуръ—Канни-сюръ-Матцъ, равно какъ къ сѣверу отъ Эна въ районѣ Трасилеваль и въ Сень-Марскомъ лѣсу.

Въ Шампани германцы къ вечеру перешли въ рѣшительное наступленіе противъ позицій, которыя они потеряли къ сѣверу отъ Тагюръ. Неприятель былъ отбитъ и понесъ тяжкія потери. Въ Эпаржѣ мы произвели взрывы двухъ минъ, которыми были сильно повреждены сооруженія неприятеля.

Между Маасомъ и Мозелемъ къ сѣверу отъ Флире происходила ожесточенная орудiйная перестрѣлка.

Въ Лотарингiи сильный развѣдочный отрядъ непріятеля пытался приблизиться къ нашимъ траншеямъ въ районѣ Атьенвилль, но, дойдя до нашихъ проволочныхъ загражденій, онъ былъ отбитъ огнемъ нашей пѣхоты.

«Днемъ 24-го сентября въ окрестностяхъ Гетзасъ и Стеенстрете происходила сильная артиллерійская перестрѣлка. Въ Артуа также происходили артиллерійскіе бои. Мы слегка продвинулись впередъ къ югу отъ Телюсъ близъ дороги Аррасъ—Лилль. Попытка непріятеля атаковать одинъ изъ нашихъ выдвинутыхъ постовъ близъ Попенкура, къ югу отъ Руа, потерпѣла полную неудачу. На рѣкѣ Энъ огнемъ нашихъ батарей вызваны были два весьма сильныхъ взрыва въ непріятельскихъ линіяхъ въ районѣ Жювенкура; кромѣ того, нашими снарядами подожжена станція Гиньикуръ. Въ Шампани германцы въ теченіе дня произвели двѣ контръ-атаки противъ нашихъ позицій къ западу отъ Наваренской фермы. Обѣ атаки были отбиты съ нанесеніемъ непріятелю серьезныхъ потерь. Въ Аргоннахъ, у Филь-Мортъ и у Готь-Шевоше происходила борьба бомбами. На нѣкоторыхъ пунктахъ фронта Лотарингiи непріятель поддержки, валъ сильный артиллерійскій огонь въ особенности близъ Артукура и Бюркъ сѣверу отъ Рельона, а также къ сѣверо-западу отъ Бодонвипера. Мы успѣшно отвѣчали орудiйнымъ огнемъ. Въ Вогезахъ мы разсѣяли сильный развѣдочный отрядъ германцевъ, намѣревавшійся атаковать одинъ изъ нашихъ отрядовъ въ шести миляхъ отъ Зондернаха. Въ Шампани днемъ одинъ изъ нашихъ пулеметовъ обстрѣлялъ германскій привязной шаръ, который, загорѣвшись, упалъ въ районѣ расположенія непріятельскихъ войскъ».

24-го сентября на бельгійскомъ фронтѣ непріятель продолжалъ съ перерывами обстрѣливать наши передовыя траншеи къ югу отъ Ньюпора, у Орвисека и Оосткерке, а также наши траншеи близъ Диксмюда и къ югу отъ Нордшооте. Пѣхота участія въ операціяхъ не принимала,

24-го сентября итальянская главная квартира извѣстила:

«На плоскогорьѣ къ сѣверо-западу отъ Арсіеро энергичная дѣйствія нашихъ войскъ въ теченіе 20-го—22-го сентября и ночи на 23-е сентября привели къ ряду довольно значительныхъ столкновеній на участкѣ фронта Монте-Маронья—Боккадивале—Орсара—Астико—долина. Фонда, къ югу отъ горы Дюреръ. Наши войска, поддержанныя артиллерійскимъ огнемъ, всюду одержали верхъ надъ непріятелемъ. Въ долину Фелла непріятель, разбившись на нѣсколько мелкихъ отрядовъ, пытался пробиться сквозъ изрытые оврагами склоны возвышенностей, лежащихъ къ югу отъ рѣки, но былъ отбитъ со значительными потерями, причѣмъ нами взято въ плѣнъ одинъ офицеръ и человекъ десять нижнихъ чиновъ. На Карсо непріятель утромъ 23-го сентября ожесточеннымъ огнемъ сильно тревожилъ лѣвое крыло нашихъ позицій въ районѣ Монте-Санъ-Микеле. Одинъ изъ нашихъ пѣхотныхъ отрядовъ, бросившись изъ своихъ окоповъ на склонахъ горнаго хребта, спускающихся отъ Санъ-Микеле къ Петeano, стремительно атаковалъ непріятельскія войска, принудивъ ихъ къ бѣгству и взявъ при этомъ 26 человекъ плѣнными».

25-го сентября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

«На западномъ фронтѣ огонь нашихъ судовъ въ районѣ Шлока привелъ къ молчанію батареи германцевъ и произвелъ большія разрушенія въ ихъ окопахъ. Бои подъ Двинскомъ не прекращаются. Послѣ сильной бомбардировки германцы произвели нѣсколько упорныхъ атакъ въ районѣ къ югу отъ желѣзной дороги изъ Поневѣжа. Атаки германцевъ на дер. Гарбуновку и высоты около нея были отбиты. Собравшись съ силами, противникъ вновь атаковалъ и занялъ часть нашихъ окоповъ. Въ то же время намъ удалось въ свою очередь, выбить противника изъ окоповъ у дер. Спругинъ, сѣверо-западнѣе Гарбуновки. Въ районѣ Двинскаго шоссе, юго-западнѣе Двинска, непрерывныя боевыя столкновенія. Артиллерійскій огонь съ большимъ напряженіемъ ведется обѣими сторонами почти по всему фронту двинскаго района. Въ районѣ озера Оболе и переправъ черезъ рѣку Дрисвятицу и далѣе на югъ, до района Сморгонь—Крево, напряженность боевъ не ослабѣваетъ. Во многихъ мѣстахъ бои принимаютъ затяжной характеръ. Наиболѣе успѣшны были для насъ бои на западномъ берегу рѣки Спяглицы, въ районѣ д.д. Семенки и Нефеды, южнѣе озера Вишневское. На рѣкѣ Припяти, въ районѣ переправы у Невеля (юго-западнѣе Пинска), противникъ продвинулся на востокъ и занялъ дер. Комора. Въ районѣ сѣверо-западнѣе Чарторійска произошелъ горячій штыковой бой у дер. Гуты Лисовской. Деревня переходитъ изъ рукъ въ руки. Атаки неприятеля на Лисово были отбиты. Энергичной атакой въ районѣ къ югу отъ Чарторійска наши войска, не взирая на жестокій ураганный пулеметный огонь и неоднократныя контръ-атаки противника, овладѣли его позиціями восточнѣе кол. Млашевъ—В. Ставыгорожъ и съ боевъ заняли дер. Черныжъ. Съ помощью блиндированнаго поѣзда также удачно совершилась наша атака позицій противника западнѣе Мошаница и Ставокъ сѣверо-восточнѣе Клевани. Въ этихъ бояхъ взято до 1.800 плѣнныхъ при неизвѣстномъ пока точно количествѣ офицеровъ и пулеметовъ. Въ удачныхъ для насъ бояхъ въ районѣ, на полпути между Дубно и Луцкъ, взято также въ плѣнъ около 1.500 нижнихъ чиновъ при 19 офицерахъ, пяти пулеметахъ и прожекторахъ. На лѣвомъ берегу Иквы нами вчера послѣ рукопашнаго боя взята дер. Сопановъ, сѣверо-восточнѣе Кременца. Здѣсь взято въ плѣнъ три офицера и 256 нижнихъ чиновъ и захвачено три бомбомета. Послѣдовавшая контръ-атака неприятеля отбита. Дер. Семиковце на Стрыпѣ, юго-западнѣе Тарнополя, также взята нами съ боя. При атакѣ высоты восточнѣе Бучача захвачено было въ плѣнъ 10 офицеровъ и болѣе 300 нижнихъ чиновъ».

На Балтійскомъ морѣ англійская подводная лодка у германскихъ береговъ уничтожила артиллерійскимъ огнемъ нѣмецкій транспортъ.

На кавказскомъ фронтѣ въ прибрежномъ районѣ Чернаго моря, юго-западнѣе Хопы въ торгумскомъ районѣ, на фронтѣ Арнинсъ—Ишханъ, стычки передовыхъ частей. Сѣверо-западнѣе Мелазгерта, у озера Хасъ-Гель наши конныя части выбили изъ окоповъ спѣшенныя сотни турецкой регулярной (сувари) и курдской конницы. Нашъ отрядъ, вытѣсняя скопища курдовъ изъ горнаго района Ала-Дага (восточнѣе Мелазгерта), достигъ подножія хребта Сипанъ-Дага, ограничивающаго сѣверный берегъ Ванскаго озера.

На французскомъ фронтѣ, по свѣдѣніямъ отъ 25-го сентября, къ сѣверу отъ

Арраса въ теченіе ночи съ 24-го на 25-ое сентября, продолжалась артиллерійская перестрѣлка въ направленіи на Сушэ и его окрестности, а также въ секторѣ высоты 140—Лафоли. Непріятельская артиллерія проявила довольно большую дѣятельность въ районѣ Руа и къ сѣверу отъ рѣки Эна въ направленіи Траси-ле-Валь и лѣса Сець-Марь. Французская артиллерія энергично отвѣчала. Въ Шампани германцы подвергли ожесточенному обстрѣлу позиціи французовъ между дорогами Сенть-Илерь и Сенть-Суфле, а также между Суэномъ и Соммери. Французскія батареи всюду отвѣчали энергичнымъ огнемъ. Оживленный бой происходилъ въ соединительныхъ ходахъ траншей къ юго-востоку отъ Тагюра и у Менильской высоты. Въ Аргоннахъ взрывомъ одной изъ французскихъ минъ въ лѣсу Маланкуръ разрушены сапныя сооруженія непріятели. На остальномъ протяженіи фронта ночь съ 24-го на 25-ое сентября прошла сравнительно спокойно.

25-го сентября днемъ германцы послѣ предварительной ожесточенной артиллерійской подготовки снарядами всѣхъ калибровъ пытались произвести сильную атаку на Лоосъ и прилегающую къ нему съ сѣвера и съ юга мѣстность; однако атака была рѣшительно отбита съ тяжелыми потерями для германцевъ. Въ Шампани французы вновь значительно продвинулись впередъ къ юго-востоку отъ Тагюра; здѣсь они заняли укрѣпленіе, называемое «Трапещей», и захватили нѣсколько траншей съ двумя укрѣпленіями, находившимися на выступѣ, который непріятель еще удерживалъ за собой впереди своей второй линіи обороны; при этомъ французы захватили болѣе 200 плѣнныхъ, одинъ бомбометъ и пулеметы. Въ западныхъ Аргоннахъ, въ Лепрегрскомъ лѣсу, а также въ Вогезахъ, на Браункопфѣ, и въ мѣстности, прилегающей къ Зондернаху, происходили артиллерійскіе бои.

25-го сентября итальянская главная квартира извѣстила:

«Въ зонѣ между Адиджемъ и Брента продолжается дѣятельность нашихъ войскъ при сильной поддержкѣ артиллеріи. На вершинахъ, образующихъ южный склонъ Гайля, и на Ромбонѣ, въ бассейнѣ Плецца, непріятель эти дни старался использовать для возведенія укрѣпленій, но работамъ его мѣшала успѣшный огонь нашей артиллеріи и нашихъ стрѣлковъ. На Карсо, въ Горичцано, на лѣвомъ крылѣ нашихъ позицій въ ночь на 24-ое сентября и на слѣдующій день продолжались успѣшныя атаки нашихъ небольшихъ отрядовъ. Мы захватили 76 плѣнныхъ. Австрійскіе аэропланы сбросили нѣсколько бомбъ на гор. Рошетта въ долинѣ Астико, не причинивъ тамъ никакихъ поврежденій, и на станцію Сервиньяно, гдѣ пять солдатъ были легко ранены».

Сербы эвакуировали Прахово—пунктъ сербско-румынской границы на Дунаѣ.

26-го сентября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

«На фронтѣ рижскаго района тихо. Нѣмцы сбросили съ аэроплановъ нѣсколько бомбъ въ Шлокъ. Наступательная попытка нѣмцевъ въ районѣ Мисгофъ, на желѣзной дорогѣ къ востоку отъ Митавы, была остановлена. Подъ Двинскомъ бой въ районѣ дер. Горбуновки принялъ ожесточенный характеръ. У Пошилина, сѣвернѣе Горбуновки, нѣмцы также перешли въ наступленіе, но, не выдержавъ нашего пулеметнаго огня, были вынуждены прекратить

атаки. Сѣвернѣ озера Богиньское нѣмцы атаковали нѣсколько разъ ф. Хвосты, но были отбиты. На остальномъ фронтѣ къ югу до района Сморгонь—Крево, положеніе такое же, какое было указано въ предыдущемъ сообщеніи. Южнѣ Припяти противникъ вновь занялъ дер. Пожогъ на Нижнемъ Стоходѣ. Въ районѣ сѣверо-западнѣ Дубно при взятіи нами дер. Константинова было захвачено три пулемета и свыше 300 плѣнныхъ. Неоднократныя попытки противника вернуть дер. Сопановъ, сѣверо-восточнѣ Кременца, каждый разъ отбивались огнемъ. Въ бояхъ на фронтѣ Ростоки—Гонтово (районъ Н. Олексинець) наши войска захватили въ разныхъ мѣстахъ въ плѣнъ 36 офицеровъ, 1.175 нижнихъ чиновъ, два бомбомета и восемь пулеметовъ. Наши аэропланы совершили набѣгъ на желѣзнодорожную станцію въ Черновицахъ и сбросили на поѣздные составы и въ пакгаузъ нѣсколько бомбъ. Надъ станціей вскорѣ велѣдъ за тѣмъ появился большой столбъ дыма и пламени. Изъ Черновиць навстрѣчу одному изъ нашихъ летчиковъ поднялся непріятельскій аэропланъ, но былъ обстрѣлянь нашимъ летчикомъ и быстро опустился въ городъ.

На Черномъ морѣ у береговъ Крыма появились непріятельскія подводныя лодки. Наши миноносцы ихъ преслѣдуютъ.

26-го сентября французское официальное сообщеніе гласило:

«Ночныя донесенія указываютъ, что потери германцевъ во время наступленія ихъ вчера противъ Лооса и позицій къ сѣверу и югу отъ него, въ настоящее время занимаемыхъ нами, были весьма значительны. Атака шла тремя послѣдовательными густыми цѣпями, за которыми слѣдовали части, построенныя въ колонну. Всѣ эти силы были скошены согласованнымъ огнемъ нашей артиллеріи, пѣхоты и пулеметовъ. Только нѣкоторымъ непріятельскимъ частямъ удалось проникнуть до траншеи, недавно нами захваченной между Лоосомъ и дорогой Лансъ—Бетюнь. Другія весьма ожесточенныя атаки мѣстнаго характера непріятель неоднократно производилъ противъ нашихъ позицій на юго-востокъ отъ Невиль-Сень-Вааста; онѣ были также вполне успѣшно отражены нами. Мы удержали за собой всѣ занятія нами въ теченіе послѣдняго времени позиціи. Сильная артиллерійская перестрѣлка происходила въ секторѣ Лигонъ, а также въ районѣ Кенневьеръ и Нувронъ. Въ Шампани контръ-атака, произведенная германцами ночью на востокъ отъ фермы Наваренъ, была сразу остановлена преграждающимъ путь огнемъ артиллеріи. На наше продвиженіе къ юго-востоку отъ Тагюра непріятель отвѣчалъ только бомбардировкою, съ примѣненіемъ снарядовъ съ удушливыми и вызывающими слезотеченіе газами. На западной опушкѣ Аргоннъ вступленіе въ бой нашихъ батарей заставило германцевъ прекратить обстрѣлъ нашихъ траншей въ секторѣ С.-Тома. Въ Лотарингіи нѣсколько сильныхъ рекогносцировокъ, произведенныхъ непріятелемъ, закончились атакою нашихъ выдвинутыхъ впередъ позицій у Парруаскаго лѣса. Непріятель былъ здѣсь вполне успѣшно отраженъ. На фронтѣ Рельонъ—Лентрэ одинъ изъ этихъ рекогносцировочныхъ отрядовъ, которому удалось удержаться на одной изъ нашихъ позицій первой линіи, вынужденъ былъ очистить часть ея.

«Утромъ германцы 26-го сентября возобновили атаки противъ нашихъ траншей передъ Лоосомъ. Они были отброшены въ свои траншеи. Въ теченіе дня

26-го сентября на всем фронтѣ въ Артуа происходила ожесточенная артиллерійская перестрѣлка. Демонстративный непріятельскій огонь, какъ артиллерійскій, такъ и ружейный, у «Пяти дорогъ» къ востоку отъ Сушэ и на р. Энѣ, близъ Года, былъ остановленъ нашимъ встрѣчнымъ огнемъ; за нимъ не послѣдовало никакихъ дѣйствій пѣхоты. Въ Шампани мы рѣшительно отразили контръ-атаку противъ Тагюрскаго холма и разсѣяли скопленія непріятели, повидимому, подготовлявшаго новую атаку. Въ Аргоннахъ, въ районѣ Фурьде-Пари, на правомъ берегу Мааса до Калонской траншеи и у Эпаржа происходили бои при помощи бомбъ и подрывныхъ снарядовъ. Въ Лотаринги мы вновь заняли траншеи, въ которыхъ непріятель удерживался послѣ своей вчерашней атаки, на фронтѣ Рельонъ—Лентрэ».

26-го сентября получены извѣстія изъ Сербіи:

«Положеніе на нашемъ театрѣ войны представляется слѣдующимъ: днемъ 24-го сентября и въ ночь съ 24-го на 25-е сентября непріятель на дунайскомъ фронтѣ въ секторѣ Градиште—Смедерево перешелъ черезъ рѣку близъ деревни Загонье-Горица и у небольшой крѣпости Костолатъ, гдѣ онъ былъ задержанъ. Атака непріятели противъ острова Кишилево была отражена. Затѣмъ бой распространился въ направленіи къ Бѣлграду. Непріятель открылъ по всему фронту ожесточенный огонь и подъ прикрытіемъ послѣдняго достигъ желѣзной дороги на набережной Дуная. Наши войска, находившіяся на островѣ Циганлія, отступили на лѣвый берегъ Савы, послѣ чего бой продолжался по берегу рѣки между Обреновацемъ и деревней Кртинской. Наступленіе непріятели было здѣсь остановлено. Атаки, произведенныя непріятелемъ противъ Забрѣжья и деревней Дреновацъ, отражены съ большими для него потерями. Попытки непріятели перейти черезъ Дрину были отражены. Наши войска сражаются съ большимъ мужествомъ на всемъ протяженіи фронта. Во время боевъ, происходившихъ подъ Бѣлградомъ 25-го сентября, наша артиллерія потопила одну непріятельскую канонерку, а другая, сильно поврежденная, затонула около Землина. Днемъ 25-го сентября и въ ночь съ 25-го на 26-е сентября непріятелю въ секторѣ Градиште—Смедерево не удалось продвинуться далѣе Рамэ, несмотря на ожесточенный огонь его артиллеріи и особенно тяжелой. Произошли бои также у Костолаца и Дубравицы. Послѣ сильной артиллерійской подготовки непріятель повелъ атаку противъ деревни Петка, которая была отражена съ большими для него потерями. Наши позиціи у Смедерева подвергаются непрерывному орудійному огню непріятели, на который наша артиллерія успѣшно отвѣчаетъ. Наши войска, отказавшись отъ обороны города Бѣлграда, отступили на ближайшія позиціи за городомъ, дабы предотвратить обстрѣлъ города непріятелемъ изъ тяжелыхъ орудій. Занятіе города Бѣлграда не доставило непріятелю никакихъ преимуществъ съ военной точки зрѣнія. Въ секторѣ Обреноваца и деревни Кртинской непріятель снова произвелъ три ночныхъ штурма противъ нашихъ позицій у Забрѣжья. Наши войска храбро отразили всѣ эти атаки и нанесли непріятелю значительный уронъ. Точно также была отражена ночная атака непріятели противъ деревни Кртинской. Около острововъ Волевачка и Процгорска-Ада непріятель соорудилъ два понтонныхъ моста. Благодаря мѣткому

огню, нашей артиллеріей былъ разрушенъ мостъ у Болівачки-Ада, и непріятелю не удалось его возстановить. На Дринѣ, противъ Бадовицы, всѣ непріятельскія атаки противъ нашихъ позицій отражены съ большими для него потерями».

26-го сентября фельдмаршалъ Френчъ доноситъ:

«Съ 21-го сентября непріятель подвергалъ безпрерывному обстрѣлу наши новыя траншеи къ югу отъ капала Лабасэ и дѣлалъ повторныя атаки при помощи бомбъ на южную часть занимаемаго нами Гогенцоллернскаго редута; всѣ эти атаки нами отражены. Несмотря на огонь непріятельской артиллеріи, мы постепенно продвинулись впередъ къ сѣверо-востоку отъ Лооса между высотой 70 и Гюллюхомъ, занявъ пространство глубиною отъ 500 до 100 ярдовъ. 25-го сентября въ теченіе дня непріятель подвергъ сильному обстрѣлу все пространство, недавно нами занятое, послѣ чего послѣдовалъ рядъ пѣхотныхъ атакъ по всему фронту отъ мѣстности къ югу отъ Лооса до Гогенцоллернскаго редута; атаки эти были повсюду отражены съ большими потерями для непріятели. Путемъ контръ-атаки мы заняли германскую траншею въ 500 ярдахъ къ западу отъ Стелла. Большое число убитыхъ непріятелей лежитъ противъ нашихъ линій. Наши потери сравнительно незначительны».

«На нѣкоторыхъ пунктахъ вдоль итальянскаго фронта, по свѣдѣніямъ отъ 26-го сентября, происходили артиллерійскіе бои. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непріятель примѣнялъ бомбы съ удушливыми газами. Въ Карни и въ долину Фелла итальянцы отразили многочисленныя патрули непріятели и нѣкоторые изъ нихъ захватили въ плѣнъ. На Карсо въ теченіе дня 24-го сентября, послѣ ожесточеннаго обстрѣла, непріятель пытался большими силами произвести атаку по направленію къ Зельцу, но огнемъ былъ остановленъ и отброшенъ съ большими потерями; ему не удалось приблизиться къ итальянскимъ траншеямъ. Итальянскій отрядъ изъ четырнадцати аэроплановъ обстрѣлялъ мѣстонахожденіе одного изъ высшихъ австрійскихъ командованій въ Костаньевицѣ, непріятельскіе лагеря въ Опаккіа-Селла и станцію Набрзина; несмотря на огонь многочисленныхъ непріятельскихъ орудій для обстрѣла аэроплановъ, летчики вернулись невредимыми на свои линіи. Австрійскій аэропланъ сбросилъ стрѣлы въ одинъ изъ итальянскихъ лагерей и бомбу на Кармонсѣ, не причинивъ никакихъ поврежденій».

27-го сентября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

«На фронтѣ рижскаго района противникъ активности не проявлялъ. На желѣзнодорожной станціи Ницгаль, сѣвернѣе Двинска, пѣмецкій аэропланъ сбросилъ нѣсколько бомбъ. Въ бою при дер. Пошилиной нами захвачено болѣе 150 плѣнныхъ германцевъ и одинъ пулеметъ. Крайне ожесточенный бой, шедшій весь вчерашній день въ районѣ деревень Пошилиной и Гарбуновки, къ вечеру нѣсколько стихъ. Деревня Гарбуновка, нѣсколько разъ переходившая изъ рукъ въ руки, подъ огнемъ противника была нами очищена. Во время одной изъ атакъ на эту деревню нами было взято 7 пулеметовъ и до 250 плѣнныхъ».

«Въ атакахъ въ районѣ деревни Пошилиной германцы сначала имѣли успѣхъ, но къ вечеру развитіе ихъ наступленія было пріостановлено

восточнѣ названной деревни. Наша артиллерія юго-западнѣ Двинска подбила нѣмецкій аэропланъ, упавшій въ расположеніе противника. На фронтѣ отъ двинскаго района до рѣки Припяти ничего значительнаго не произошло. Въ районѣ сѣвернѣ Ляховичей наши пѣшіе развѣдчики произвели удачный ночной поискъ, ворвались въ окопы противника, гдѣ перекололи свыше 200 человекъ и взяли въ плѣнъ 3 офицера и 453 нижнихъ чина, причемъ сами потеряли всего 50 человекъ. Южнѣ Припяти части противника заняли дер. Бережная Воля въ районѣ дер. Пожогъ. У Новоселки по р. Стыри, выше Чарторійска, противнику удалось переправиться на правый берегъ Стыри. Въ районѣ Кол. Милашевъ юго-восточнѣ Колки, бой продолжается. Контръ-атака противника въ районѣ дер. Герасимовки, юго-восточнѣ Кол. Милашева, была отбита. Въ Буковинѣ, восточнѣ Бучача, противникъ, атаковавшій наши войска, былъ, въ свою очередь, атакованъ нашей конницей. Последняя дѣйствовала лавой и обратила противника въ бѣгство, причемъ въ плѣнъ было захвачено около 150 человекъ.

На кавказскомъ фронтѣ въ приморскомъ районѣ на рѣкѣ Архаве, южнѣ с. Хопы, было нѣсколько мелкихъ столкновений. Въ долинѣ той же рѣки происходила артиллерійская перестрѣлка. Въ районѣ юго-восточнѣ озера Тортумъ турецкіе развѣдчики были отбиты огнемъ и бѣжали.

27-го сентября французское правительство увѣдомило, что на гребняхъ горъ къ востоку отъ Сушэ, южнѣ шоссеиной дороги въ Лилль, въ ночь на 27-е сентября, продолжался артиллерійскій бой. Французы отразили непріятельскія атаки, направленные противъ небольшого укрѣпленія въ лѣсу Живанши. Въ секторѣ Лигона происходила довольно сильная борьба между траншеями, съ примѣненіемъ ручныхъ гранатъ и минъ. Между Уазой и Эномъ происходилъ весьма сильный артиллерійскій бой передъ Нувіономъ и Кенневьеромъ. Въ Лотарингіи продолжался бой съ примѣненіемъ ручныхъ гранатъ въ районѣ траншеи, которой французы вновь завладѣли вчера на фронтѣ Рельонъ—Лентрэ. На остальномъ протяженіи фронта ночь съ 26-го на 27-е сентября прошла спокойно.

«Въ Бельгіи, въ окрестностяхъ Ломбартзиде и на всемъ протяженіи фронта Артуа днемъ 27-го сентября происходилъ артиллерійскій бой. Въ районѣ Лигона и къ сѣверу отъ Аврэ продолжается упорная борьба съ примѣненіемъ траншейныхъ орудій. Въ Шампани французы еще нѣсколько продвинулись въ направленіи къ сѣверо-востоку отъ Тагюра. Блестящимъ штурмомъ они овладѣли новой германской траншеей къ юго-востоку отъ деревни. Въ Аргоннахъ, въ секторѣ Куртъ-Шоссэ и Фильморть, а также между рѣками Маасомъ и Мозелемъ, къ сѣверу отъ Флирэ, велась сильная артиллерійская перестрѣлка. Въ Вогезахъ, на Гартмансвейлеркопфѣ, происходилъ ожесточенный бой съ примѣненіемъ ручныхъ бомбъ и минъ.

27-го сентября сербское официальное сообщеніе гласило:

«Днемъ 26-го сентября и въ ночь на 27-е сентября на дунайскомъ фронтѣ происходили ожесточенные бои къ югу отъ Рама, гдѣ наши войска отразили всѣ непріятельскія атаки. Въ секторѣ между Млавной и Моравой наши войска перешли въ атаку и отбросили непріятели къ самому берегу Дуная, захвативъ

при этомъ 4 гаубицы и пулеметы, которые, за исключеніемъ одного пулемета, мы бросили, предварительно приведя ихъ въ негодность, такъ какъ не имѣли возможности вывезти ихъ. На фронтѣ между Смедеревомъ и Годомине мы воспрепятствовали непріятелю въ дальнѣйшей переправѣ черезъ рѣку. Непріятельскій отрядъ, перешедшій черезъ нее близъ города Смедерева, былъ частью уничтоженъ, частью обращенъ въ бѣгство и потонулъ въ рѣкѣ. У Вѣлграда непріятель пытался взять штурмомъ Большой Врачекъ и Дединье. Атака непріятеля на Большой Врачекъ была отражена нашими храбрыми войсками, которые нанесли ему значительный уронъ. Непріятелю удалось занять Дединье, однако наши войска вскорѣ вытѣснили его и отбросили, нанеся большія потери. На фронтѣ рѣки Савы непріятель снова пытался овладѣть нашими позиціями въ направленіи Забрѣжья и деревни Кртинской, однако мы отразили всѣ его попытки. Наши войска также отразили атаки непріятеля у Мачи въ направленіи къ Дреновацу и у Битвы. На дринскомъ фронтѣ нѣсколько непріятельскихъ отрядовъ, переправившихся черезъ рѣку на фронтѣ Чрибара—Бадовинцы, пытались безуспѣшно продвинуться впередъ. Наши войска сохранили свои прежнія позиціи. На остальномъ протяженіи фронта не произошло ничего выдающагося.

«Австрійское наступленіе началось почти также по всему черногорскому фронту. Австрійцы пытались переправиться черезъ Дрину въ трехъ мѣстахъ и энергично атаковали черногорскія войска, оперирующія въ Босніи. Одновременно съ этимъ австрійцы атаковали Грахово, однако были повсюду отражены съ большими для нихъ потерями».

На итальянскомъ фронтѣ, по извѣстіямъ отъ 27-го сентября, непріятель проявлялъ энергичную дѣятельность по сооруженію укрѣпленій и исправленію желѣзныхъ дорогъ, дѣйствительно сильно испорченныхъ мѣткимъ огнемъ итальянской артиллеріи и ихъ небольшими отрядами пѣхоты, производившими смѣлые набѣги. На фронтѣ по рѣкѣ Изонцо днемъ 26-го сентября и въ ночь на 27-е сентября довольно многочисленныя силы непріятеля послѣ артиллерійской подготовки и бросанія ручныхъ бомбъ пытались произвести атаку противъ нашихъ позицій, расположенныхъ вправо отъ Слатиника, въ бассейнѣ Плецо, у Марзли, въ районѣ Монтенеро, у Дольдже, въ секторѣ Тольмино, у Плавы и Загоры, на среднемъ теченіи Изонцо. Повсюду непріятель былъ отраженъ съ большими для него потерями и оставилъ въ рукахъ итальянцевъ нѣсколько плѣнныхъ.

27-го сентября черногорское официальное сообщеніе гласило:

«Въ теченіе 27-го сентября австрійцы продолжали атаковать черногорскія войска на Дринѣ близъ Гораздо, но безрезультатно. Въ Каторской бухтѣ происходила безрезультатная артиллерійская перестрѣлка. Здѣсь австрійскимъ аэропланомъ были сброшены нѣсколько бомбъ надъ черногорскими войсками».

28-го сентября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

«Въ районѣ юго-западнѣе Фридрихштадта съ нашихъ аэроплановъ типа «Илья Муромецъ» было брошено въ дд. Вальгофъ и Тауэркальнъ до 75 бомбъ; отмѣчены очень удачныя попаданія. На фронтѣ двинскаго района за истекшія

сутки наши войска во многих мѣстахъ успѣшно вели ожесточенный бой съ германскими войсками, переходившими нѣсколько разъ въ наступленіе. Въ районѣ сѣверо-западнѣ Двинска новой атакой д. Гарбуновки нашими войсками германцы были изъ нея выбиты и бѣжали. Въ районѣ Двинскаго шоссе, юго-западнѣ Двинска, пѣмцы были выбиты изъ окоповъ между Лауцесь-Гей и Гирвишками. Преслѣдуя ихъ, мы овладѣли линіей отъ юго-восточной оконечности оз. Медмускаго до Лауцесь-Гей. На линіи озеръ Деммень и Дрисвяты съ половины прошлаго дня и до темноты шель огневой бой. Германскіе летчики бомбардировали Двинскъ и ближнія желѣзнодорожныя станціи. Части нашей конницы овладѣли Устье на западномъ берегу озера Богинскаго.

«Попытка противника наступать отъ Любчи, на Верхнемъ Нѣманѣ, юго-восточнѣ Дѣлятичей, была нами отражена. Въ районѣ по обѣ стороны желѣзной дороги Ковель—Сарны было нѣсколько столкновений съ противникомъ, выдвигавшимся къ рѣкѣ Стыри. Наша артиллерія во многихъ случаяхъ имѣла возможность развить губительный огонь по войскамъ противника. Упорный бой въ районѣ дер. Семки, на лѣвомъ берегу Стыри, ниже м. Колки, къ вечеру вчерашняго дня завершился занятіемъ нашими войсками третьяго ряда окоповъ противника. Юго-восточнѣ м. Колки наши войска при содѣйствіи огня артиллеріи овладѣли восточной окраиной с. Черныжъ, дер. Селище и урочищемъ Проходы, понеся весьма незначительныя потери. Въ районѣ д. Кошаницы и Сильно, западнѣ Деражно, нами отражены восемь контръ-атакъ противника».

На кавказскомъ фронтѣ въ районѣ Ишкана (при слияніи рр. Чороха и Ольты) турки переходили въ наступленіе, но были отбиты.

28-го сентября сербское официальное сообщеніе гласило:

«Въ теченіе 27-го сентября и въ ночь съ 27-го на 28-е сентября на дунайскомъ фронтѣ къ югу отъ Рама въ положеніи перемѣнъ не произошло. Къ сѣверу отъ Пожареваца непріятель дважды въ теченіе ночи пытался овладѣть нашими позиціями. Мы отразили обѣ эти атаки, причинивъ непріятелю большія потери. На нашихъ позиціяхъ у Смедерева непріятель ночью атакою овладѣлъ деревней Липа, но мы тотчасъ отняли эту деревню обратно, заставивъ противника отойти и причинивъ ему чувствительныя потери. Ночью непріятель дважды пытался овладѣть крѣпостью и городомъ Смедеревомъ. Обѣ эти атаки отражены. Потери непріятеля значительны. Со стороны Вѣлграда непріятель изъ окрестностей города и Банова-Брда атаковалъ въ теченіе всего дня 27-го сентября наши позиціи. Наши войска отошли на одинъ или два километра какъ потому, что нашей артиллеріи не представлялось возможности обстрѣлывать непріятеля, такъ и для того, чтобы не задѣть выстрѣлами города. При этомъ движеніи непріятель нашимъ войскамъ не препятствовалъ. Ночь прошла безъ боя. На фронтѣ Савы непріятель открылъ артиллерійскій огонь изъ орудій крупнаго калибра по нашимъ позиціямъ. Наши войска удержались на своихъ позиціяхъ».

28-го сентября французское правительство увѣдомило:

«Въ теченіе ночи съ 27-го на 28-е сентября непріятель довольно сильнымъ орудійнымъ огнемъ обстрѣливалъ мѣстность къ сѣверу отъ Скарпа и въ Шам-

пани районъ Суэна. Наши батареи всюду энергично отвѣчали. Дополнительныя свѣдѣнія подтверждаютъ, что ожесточенныя контръ-атаки, произведенныя въ теченіе послѣднихъ дней германцами противъ англійскаго и французскаго фронтовъ передъ Лоосомъ и на сѣверѣ, закончились серьезной неудачей для непріятели. Ядро атаковавшихъ непріятелискихъ войскъ состояло изъ 3—4 дивизій, которыя были совершенно отражены и разсѣяны. Число труповъ, оставленныхъ непріятеlemъ передъ союзными линіями, опредѣляется въ общемъ въ восемь—семь тысячъ.

«Въ теченіе дня 28-го сентября мы значительно продвинулись впередъ въ лѣсу къ западу отъ дороги изъ Суэнэ въ Ангръ, въ долину Суэнэ, а также къ востоку отъ укрѣпленія въ лѣсу Живанши; кромѣ того, мы продвинулись на возвышенностяхъ въ направленіи Фоли, захвативъ при этомъ въ плѣнъ около 100 человекъ изъ состава гвардейскаго корпуса. Въ Шампани мы вновь продвинулись впередъ къ сѣверо-востоку отъ Тагюръ; здѣсь стремительной атакой мы взяли цѣликомъ одно германское укрѣпленіе къ юго-востоку отъ селенія на склонѣ оврага Гуть, захвативъ при этомъ въ плѣнъ 108 человекъ при двухъ офицерахъ. Наши батареи удачно отвѣчали на огонь германцевъ, ожесточенно бомбардировавшихъ наши новыя позиціи. Артиллерійскіе бои носили особенно напряженный характеръ у Эпаржъ, въ Лепрегрескомъ лѣсу, къ сѣверу отъ Веллона, въ Лотариинги, а также въ Вогезахъ; къ югу отъ Штейнбаха и въ окрестностяхъ Танна».

28-го сентября фельдмаршалъ Френчъ доносилъ:

«Германская атака на нашъ фронтъ къ югу отъ канала Лабасэ 25-го сентября была произведена большими силами. Главныя усилія непріятели были направлены противъ известковой ямы къ сѣверу отъ вершины 70, между Гюлюхомъ и Гогенцоллернскимъ редутомъ. Атаковавшій непріятель былъ сметенъ ружейнымъ, пулеметнымъ и артиллерійскимъ огнемъ и ни одинъ человекъ не могъ приблизиться къ нашимъ траншеямъ на разстояніе 40 ярдовъ. Далѣе, къ сѣверу между Гюлюхомъ и каменоломнями, атака была такимъ же образомъ отбита съ большими потерями для непріятели, и наши войска, преслѣдуя разбитыхъ германцевъ, заняли траншею къ западу отъ мѣстечка Сентъ-Эльзе. Непріятелю удалось лишь проникнуть на нашу передовую линію въ одномъ пунктѣ южнаго соединенія траншеи съ Гогенцоллернскимъ редутомъ, который еще находится въ нашихъ рукахъ, но и оттуда непріятель былъ вскорѣ выбитъ нашими бомбометами, причемъ нашихъ резервовъ не потребовалось. На всѣхъ пунктахъ мы нанесли непріятелю сильный уронъ, тогда какъ наши потери были еще меньше, чѣмъ первоначально сообщалось. Данныя германскаго сообщенія отъ 26-го сентября о неудачной атакѣ англичанъ съ большими для нихъ потерями къ востоку отъ Вермель совершенно ложны. Ни атаки не было произведено, ни потерь не понесено. 27-го сентября произошло одиннадцать воздушныхъ боевъ, изъ которыхъ девять кончились для насъ успѣшно».

28-го сентября итальянская главная квартира извѣстила:

«Въ зонѣ между Адиджемъ и Босента и въ особенности въ верхней части Вальдаса наши отряды произвели смѣлые набѣги на непріятелискія позиціи.

Проволочныя загражденія были прорваны, нѣкоторыя оборонительныя укрѣпленія были повреждены или уничтожены, отряды непріятельскихъ войскъ отражены и захвачено нѣсколько плѣнныхъ и между ними одинъ офицеръ. Въ ночь на 27-е сентября непріятель въ свою очередь атаковалъ нашу позицію между Монте-Маронія до Мальга Пиоверна Альга на плоскогорьѣ къ сѣверо-западу отъ Арсьеро. Эта атака была отражена съ потерями для непріятеля. На Карсо наши войска слегка продвинулись впередъ въ особенности въ окрестностяхъ лѣса, называемаго Ферро-ди-Кавало.

29-го сентября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

Летавшіе въ Рижскомъ заливѣ нѣмецкіе гидропланы были отогнаны нашими миноносцами. Въ районѣ Туккума «Илья Муромецъ» сбросилъ нѣсколько десятковъ бомбъ въ обозы и артиллерійскія запряжки противника. На фронтѣ двинскаго района упорные бои продолжаются. Въ районѣ д. Дубелишки сѣверо-западнѣе Иллукста нѣмцамъ удалось занять часть нашихъ окоповъ. Бой не ослабѣваетъ. Въ районѣ Лауцесь-Гея, сѣверо-восточнѣе Ново-Александровска, наша артиллерія разсыяла германцевъ. Огнемъ нашей артиллеріи германцы вынуждены были также очистить окопы и с. Торжокъ, южнѣе оз. Деммень. Воспользовавшись туманомъ, наши войска на разсвѣтѣ вчерашняго дня внезапно безъ выстрѣла атаковали противника въ районѣ южной оконечности озера Деммень и овладѣли тремя линіями германскихъ окоповъ, захвативъ плѣнныхъ и пулеметы. У Грезенталя, сѣвернѣе оз. Дрисвяты, мы имѣли успѣхъ. Здѣсь также захвачены плѣнные. Наши летчики, способствуя полевымъ войскамъ, сбросили въ расположеніе противника на фронтѣ оз. Медумъ—Дрисвяты до 50 бомбъ. Южнѣе оз. Оболе наши войска переправились черезъ р. Прорву и заняли д.д. Рудзи, Головичи и Гавранцы. Наши войска овладѣли перешейкомъ сѣверной оконечности оз. Богиньскаго. Въ районѣ Огинскаго канала противникъ пытался наступать въ нѣсколькихъ пунктахъ, но всюду былъ отбитъ. Юго-западнѣе Пинска, у д. Комора, германцы были атакованы, выбиты штыками изъ этого селенія и бѣжали въ безпорядкѣ, неся большія потери отъ пулеметнаго огня. Южнѣе Припяти въ районѣ лѣваго берега р. Стыри наша конница совершила нѣсколько набѣговъ и имѣла рядъ удачныхъ дѣлъ. Атаки противника въ районѣ сс. Рафаловка и Цмины на Стыри ниже Чарторійска и попытки его переправиться успѣха не имѣли.

Въ Галиціи, въ районѣ с. Гайворонка, западнѣе Трембовли, наши части, развивая успѣхъ, достигнутый наканунѣ, прорвались черезъ послѣдній рядъ загражденій, захватили два ряда окоповъ и штурмомъ взяли сомкнутое укрѣпленіе на высотѣ къ востоку отъ с. Гайворонки. Укрѣпленіе это представляло сильное фортификаціонное сооруженіе съ цѣлой системой скрытыхъ окоповъ, соединенныхъ ходами сообщенія съ бойницами, усиленными стальными щитами. Вокругъ укрѣпленія было устроено два ряда проволочныхъ загражденій. Въ редутѣ сдались 252 человекъ, взято орудіе и три пулемета. Пытаясь вернуть утраченное, противникъ въ значительныхъ силахъ перешелъ въ контръатаку, но былъ отбитъ. Новымъ ударомъ въ районѣ той же д. Гайворонки мы прорвали расположеніе противника на Маковой горѣ, причѣмъ былъ захваченъ въ плѣнъ цѣликомъ батальонъ австрійцевъ. Въ результатѣ на всемъ

упомянутомъ участкѣ противникъ былъ опрокинутъ и сталъ безпорядочно отступать за р. Стрыпу. Наши части преслѣдовали его по пятамъ и ворвались по горящимъ мостамъ въ д. Гайворонку. Къ вечеру мы переправились черезъ р. Стрыпу. Бросившаяся въ прорывъ силъ противника наша конница многихъ порубила и захватила неприятельскій обозъ. Трофеи этого дня: 60 офицеровъ, болѣе 2,000 нижнихъ чиновъ, 4 орудія и 10 пулеметовъ.

На кавказскомъ фронтѣ въ приморскомъ районѣ турки пытались, пользуясь туманомъ, перейти въ нѣсколькихъ мѣстахъ черезъ р. Архаве. Своевременно обнаруженные эти попытки были всюду отбиты огнемъ. Сѣвернѣе Ишхана въ районѣ горы Впракеть, было нѣсколько столкновений съ прежде отброшенными партіями турокъ. Перестрѣлка въ районѣ с. Кегыка, юго-восточнѣе оз. Тортумъ, приняла нѣсколько болѣе оживленный характеръ. Турецкое наступление со стороны Гопала, сѣверо-западнѣе Мелузгерта, было остановлено а с. Экрешъ. Противникъ отброшенъ назадъ. Въ районѣ южнаго берега Ванскаго озера, къ востоку отъ с. Вастанъ произошло нѣсколько боевыхъ столкновений.

29-го сентября французское правительственное сообщеніе гласило:

«Въ теченіе ночи съ 28-го на 29-е сентября продолжались бои вокругъ траншей, которыми мы вчера завладѣли въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ Сушэ и высотъ Ла-Фоли. Число плѣнныхъ, которыхъ мы взяли, достигаетъ 150 человекъ. На остальномъ протяженіи фронта ничего выдающагося не происходило, кромѣ ожесточенной артиллерійской перестрѣлки въ Лотарингіи въ районѣ Рельонъ и Андервиллеръ.

«Неприятель подвергъ днемъ 29-го сентября весьма ожесточенной бомбардировкѣ траншеи, которыя мы отняли у него вчера къ сѣверо-востоку отъ Сушэ. Число плѣнныхъ, взятыхъ въ этомъ дѣлѣ, достигаетъ 164 человекъ, въ томъ числѣ 3 офицера, германцы понесли значительный уронъ. Къ югу отъ Соммы, въ районѣ Тиллолуа и Шеннъ, а также на фронтѣ рѣки Энъ, на плоскогорьѣ Нувронъ, происходитъ сильная артиллерійская перестрѣлка. Въ виду того, что неприятель выпустилъ по Суассону еще нѣкоторое количество снарядовъ, мы, въ свою очередь, подвергли энергичному обстрѣлу его траншей и батареи. Въ Шампани наше продвиженіе продолжается въ направленіи къ лошинѣ Гуттъ, надъ значительной частью которой мы съ западной стороны господствуемъ. Неприятель отвѣчалъ бомбардировкой нашихъ позицій въ направленіи Мезонъ-де-Шампанъ и къ сѣверу отъ Массижа. Попытка неприятеля перейти въ наступленіе въ Лотарингіи противъ одного изъ нашихъ выдвинутыхъ впередъ постовъ, около моста Мангу, была совершенно отражена нашимъ встречнымъ огнемъ. Въ Вогезахъ послѣ сильной бомбардировки снарядами всѣхъ калибровъ неприятель произвелъ ожесточенную пѣхотную атаку и достигъ нашихъ позицій у Ленжа и Шрацменнеле. Атака эта была нами вполне успѣшно отражена. Нѣкоторыя неприятельскія части, которымъ удалось засѣсть въ одной изъ нашихъ траншей, были изъ нихъ выбиты немедленно произведенной нами контръ-атакой».

29-го сентября официальныя свѣдѣнія о положеніи на сербскомъ театрѣ были таковы:

«26-го сентября въ бояхъ къ сѣверу отъ Пожареваца одинъ изъ нашихъ батальоновъ продвинулся до непріятельской батареи, но не могъ доставить захваченную добычу на наши позиціи, успѣвъ, однако, испортить орудія. Пулеметы, захваченные у непріятели, были поставлены на наши позиціи за исключеніемъ двухъ, которые не могли быть вывезены, такъ какъ увозившіе ихъ солдаты были на пути убиты.

«Положеніе на театрѣ войны 28-го и 29-го сентября: на дунайскомъ фронтѣ происходятъ бои къ югу отъ Градинге и къ юго-западу отъ Смедерева. Смедерево эвакуировано. У дер. Липа, близъ Смедерева, происходилъ ожесточенный бой. Въ концѣ концовъ непріятели удалось занять Липу, но этотъ успѣхъ стоилъ ему огромныхъ потерь. Ни въ одномъ изъ боевъ со времени новаго наступленія непріятели не имѣлъ столь большихъ потерь: поле битвы покрыто трупами убитыхъ непріятели. Со стороны Бѣлграда непріятели производилъ атаки у селеній Вели—Мокри—Лугъ и Торлакъ.

«На Савѣ и на дринскомъ фронтѣ ничего выдающаго не произошло.

«29-го сентября въ два часа дня непріятели началъ сильный обстрѣлъ нашихъ позицій въ Забрежѣ. Онъ пользовался снарядами съ удушливымъ газомъ, которые, однако, не вызвали никакого безпорядка въ нашихъ рядахъ: солдаты тотчасъ же надѣли спеціальныя маски, и одинъ изъ нашихъ отрядовъ бросился на непріятели сквозь удушливый газъ. Застигнутыя врасплохъ нашей атакой, непріятели войска отступили, и нѣкоторые изъ нихъ даже перешли обратно черезъ мостъ, наведенный на Савѣ. Около пяти часовъ непріятели возобновили атаку и снова открылъ ожесточенный огонь, бросая ручныя бомбы съ удушливыми газами, но, когда непріятели войска приблизились, наши солдаты не только ихъ отбросили, но и преслѣдовали ихъ до разстоянія въ 300 или 400 метровъ отъ ихъ траншей. Мы захватили при этомъ одного офицера и нѣсколькихъ солдатъ.

«Какъ мы раньше указывали, непріятели обязаны своимъ вступленіемъ въ Бѣлградъ тому обстоятельству, что мы хотѣли избѣжать обстрѣла незащищеннаго города. Однако непріятели, не будучи въ состояніи деморализовать наши войска обстрѣломъ нашихъ позицій на Савѣ и Дунаѣ, тѣмъ не менѣе предпринялъ систематическое уничтоженіе города и избіеніе населенія. Весь городъ былъ подвергнутъ обстрѣлу изъ орудій крупнаго калибра. Жертвы многочисленны. Начавшись 22-го сентября послѣ полудня, обстрѣлъ продолжался ежедневно съ шести часовъ утра до 25-го сентября, непрерывно вплоть до эвакуаціи города. Непріятели выпустили нѣсколько десятковъ тысячъ снарядовъ всѣхъ калибровъ, не щадя госпиталей. Обстрѣлъ производился методично съ цѣлью вызвать какъ можно большее число жертвъ и произвести панику. Ранѣе обстрѣла непріятели открылъ заграждающій огонь по линіи пригородныхъ селеній въ то время, какъ батареи обстрѣливали одинъ кварталъ за другимъ. Другія батареи тѣмъ временемъ открыли заграждающій огонь по дорогамъ, ведущимъ изъ города. 23-го сентября послѣ полудня дорога отъ Смедерева на Крагуевацъ и пространство между ними оказались подъ непріятелискимъ огнемъ. Многіе жители, искавшіе спасенія въ бѣгствѣ, были убиты. 23-го сентября непріятели огонь по городу продолжался весь ве-

черь и всю ночь. Многіе кварталы сильно повреждены. Много жертвъ среди зажиточныхъ классовъ населенія. Съ военной точки зрѣнія бомбардировка Бѣлграда не имѣла никакого вліянія на ходъ операцій, указанныхъ нашимъ войскамъ».

На итальянскомъ фронтѣ, по извѣстіямъ отъ 29-го сентября, атаки и контръ-атаки часто чередуются въ зонѣ плоскогорій, расположенныхъ передъ р. Астико и ея притоками. Наступленіе непріятели въ направленіи Мальги, расположенной къ сѣверу отъ Монте-Костонъ, было отражено на разсвѣтѣ 28-го сентября. На Верхнемъ Вальдасса итальянскія войска вновь нѣсколько продвинулись впередъ. На остальномъ протяженіи фронта и въ частности въ Карніи происходила обычная незначительная артиллерійская перестрѣлка съ непріятеlemъ. На Карсо вечеромъ 28-го сентября послѣ сильной артиллерійской и ружейной подготовки непріятель произвелъ атаку широкимъ фронтомъ противъ итальянскихъ позицій на востокъ отъ Вермельято, а также на горѣ Сеи-Бузи. Однако атака эта была быстро остановлена, и непріятель отраженъ съ тяжелыми для него потерями.

30-го сентября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

«Въ рижскомъ районѣ, восточнѣе оз. Бабить, нами захваченъ германскій гидропланъ. На фронтѣ двинскаго района всѣ атаки противника отбиты. Бой въ районѣ Шлоссберга, западнѣе Иллукста, окончился занятіемъ нами высотъ сѣверо-западнѣе этого селенія. Ночью германцы пытались вернуть потерянное, но были отброшены. Артиллерійская канонада идетъ по всему фронту. Германцы также нѣсколько разъ пытались возстановить свое положеніе въ районѣ с. Гатеки, южнѣе о. Деммень, но, понеся большія потери, свои попытки прекратили. Въ районѣ восточнѣе с. Гавранцы нѣмцы дважды атаковали насъ, но оба раза были отбиты. Несмотря на ожесточенный огонь нѣмцевъ, наши войска съ боемъ переправились черезъ перешеекъ между озерами южнѣе м. Дрисвяты. Въ районѣ между озерами Нарочь и Вишневоое оживленная артиллерійская перестрѣлка. Южнѣе Припяти, на лѣвомъ берегу Стыри, сѣвернѣе Рафаловки противникъ былъ выбитъ изъ фольварка Александрія и с. Рудска-Бельска Вольская, причемъ нами взято въ плѣнъ 5 офицеровъ, 200 нижнихъ чиновъ и 2 пулемета. Наступленіе противника на Карпиловку, сѣверо-западнѣе Клевани, нами отбито. Въ Галиціи, на Стрыпѣ, въ районѣ западнѣе Трёмбовли наши войска, развивая свой успѣхъ, овладѣли д. Васньючкы. Упорный бой какъ здѣсь, такъ и въ районѣ взятой вчера д. Гайворонки не ослабѣваетъ. Часть нашей конницы, скрытно выйдя изъ д. Гайворонки и быстро развернувшись въ конномъ строю, бросилась на дѣпи противника. Съ беззавѣтнымъ мужествомъ конница прошла три линіи окопавшихся дѣпей, рубя противника, открывшаго беспорядочную стрѣльбу и наконецъ обратившагося въ бѣгство. Блестящія кавалерійскія дѣла были также у дд. Кржи-волука, Базара и Кошиловце въ районѣ юго-западнѣе Чорткова.

«На кавказскомъ фронтѣ въ приморскомъ районѣ партія турокъ пыталась подойти къ нашимъ передовымъ частямъ, но была отогнана ручными гранатами. На южномъ берегу Ванскаго озера турки продвинулись къ Вастанскому перевалу. Одна изъ колоннъ ихъ была разсѣяна артиллерійскимъ огнемъ».

30-го сентября французское правительственное сообщеніе гласило:

«Вслѣдъ за бомбардировкой непріятель произвелъ вечеромъ пѣхотную атаку противъ нашихъ позицій къ сѣверо-востоку отъ Сушэ. Атака эта была всюду отбита, какъ и предшествовавшая. Въ теченіе ночи на 30-е сентября артиллерійская перестрѣлка приняла особенно напряженный характеръ на пространствѣ между рѣками Соммой и Уазой въ районѣ Андеши и къ востоку отъ Реймса, въ направленіи Моронвильера. Непріятельскія батареи подвергли сильному обстрѣлу мѣстность къ югу отъ Тагюра и къ востоку отъ холма Мениль. Наша артиллерія удачно отвѣчала въ то время, какъ мы продолжали продвигаться изъ одной траншеи въ другую къ востоку отъ полевого укрѣпленія, называемаго «Трапещей». Въ секторѣ Флирэ происходила довольно упорная траншейная борьба, принявшая болѣе ожесточенный характеръ въ окрестностяхъ Рельона, гдѣ въ бою приняла участіе съ обѣихъ сторонъ и артиллерія. Въ Вогезахъ непріятель послѣ полной неудачи его атаки на фронтѣ Ленжъ и Шрацменнеле повторилъ свою попытку къ вечеру. Возобновивъ артиллерійскую подготовку на всемъ фронтѣ, непріятель вновь пошелъ въ атаку, окончившуюся въ общемъ снова неудачей; лишь въ одномъ пунктѣ, а именно къ югу отъ возвышенности Ленжъ, германцамъ удалось занять нашу траншею первой линіи на участкѣ въ 60—80 метровъ. Однако контръ-атакой мы немедленно послѣ за этимъ вновь заняли часть этой траншеи. Отрядъ въ 19 аэроплановъ сбросилъ 140 снарядовъ надъ станціей Базанкуръ, гдѣ, какъ сообщалось, происходили передвиженія непріятельскихъ войскъ. Другой отрядъ въ 18 аэроплановъ обстрѣлялъ узловую станцію Ашьеле-Гранъ, близъ Бапомъ. Другими аэропланами была обстрѣляна желѣзнодорожная линія близъ Вармервилль.

«Днемъ 30-го сентября непріятель возобновилъ съ внушительными силами атаку къ сѣверо-востоку отъ Сушэ противъ лѣса, называемаго «Vois en Nache», а также къ востоку отъ дороги изъ Сушэ въ Ангръ, равно какъ и противъ нашихъ позицій близъ «Пяти дорогъ» на вершинѣ Тими, противъ небольшого полевого укрѣпленія, взятаго нами передъ тѣмъ въ лѣсу Живанши, и нѣсколькихъ сосѣднихъ траншей. Несмотря на крайне сильный артиллерійскій обстрѣлъ, предшествовавшій этимъ атакамъ и невзирая на ожесточенные повторные штурмы, непріятелю удалось проникнуть лишь въ немногіе участки траншей въ лѣсу Живанши, совершенно изрытые снарядами крупныхъ калибровъ. На всѣхъ остальныхъ пунктахъ мы сохранили всѣ наши позиціи и отбили атаки германцевъ, понесшихъ весьма большія потери. Чрезвычайно ожесточенные артиллерійскіе бои происходили къ югу отъ рѣки Соммы въ секторѣ Лигона, затѣмъ въ Шампани къ сѣверу отъ Суэна и Массижъ, въ Аргоннахъ къ сѣверу отъ Гараза, а также между рр. Маасомъ и Мозелемъ къ сѣверу отъ Флирэ. Въ Вогезахъ мы своимъ огнемъ разсыяли непріятельскій отрядъ, двинувшійся въ атаку на наши позиціи въ долину Лока (Lauch).

30-го сентября бельгійское правительство извѣстило о томъ, что непріятельская артиллерія проявляла весьма энергичную дѣятельность на всемъ бельгійскомъ фронтѣ. Непріятель бомбардировалъ Фюрнь, Первизъ, Роусдамъ, Кеескерке, Ренинге, Нордсхооте и Оостфлеттеренъ. Бельгійскія ба-

тарей въ отвѣтъ обстрѣляли лагерныя расположенія непріятеля у Леке, Сень-Пьерь-Капелле и Бултхука; ихъ огнемъ были разсѣяны группы непріятельскихъ пѣхотинцевъ на различныхъ пунктахъ фронта: незначительная атака непріятельской пѣхоты была легко отбита огнемъ.

1-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ: нѣмецкій аэропланъ бросилъ нѣсколько бомбъ на желѣзнодорожной станціи Ремерсгофъ, сѣвернѣе Фридрихштадта. Въ якобштадтскомъ районѣ артиллерійскій огонь мѣстами усилился. Въ ночь на 30-е сентября въ районѣ Двинска пролетавшимъ цеппелиномъ сброшено около 50 бомбъ. Человѣческихъ жертвъ нѣтъ. На фронтѣ двинскаго района велся повсемѣстный огневой бой. Въ районѣ шоссе, южнѣе Шлосберберга, взятаго нами 30-го сентября съ боемъ, ожесточенный бой продолжался. Упорные бои встрѣчнаго характера идутъ также у д. Сиругинъ (районъ д. Гарбуновки). На линіи озеръ Деммень—Дрисвяты разрозненныя атаки противника нигдѣ успѣха не имѣли. Артиллерійскій бой продолжается. Южнѣе м. Нобель (на Припяти) нами занято с. Храпинъ. По лѣвомъ берегу Стыри, сѣвернѣе Рафаловки, наша кавалерія съ боемъ взяла фольв. Залядинъ.

Въ Галиціи, на фронтѣ р. Стрыпы, противникъ во многихъ мѣстахъ переходилъ въ безуспѣшное наступленіе. Наиболѣе жаркіе бои были въ районѣ дд. Бенявы и Гайворонки, западнѣе Трёмбовли.

На кавказскомъ фронтѣ въ приморскомъ участкѣ продолжались неудачныя попытки турецкихъ развѣдчиковъ пробраться черезъ наше сторожевое охраненіе, отбивающее турокъ ружейнымъ огнемъ и ручными гранатами. На участкѣ рѣки Нижн. Ольты и Севри-Чая (ю.-в. оз. Тортумъ) столкновеніе развѣдчиковъ. У Вастанскаго перевала на южномъ берегу Ванскаго озера нами уничтожена партія турокъ съ офицерами.

1-го октября итальянская главная квартира доносила:

«Дѣятельность нашихъ войскъ продолжалась вдоль границы Тироля и Трентино, въ особенности въ секторѣ, охватываемомъ теченіемъ рѣкъ Адидже и Brenta, гдѣ на основаніи полученныхъ свѣдѣній было установлено, что непріятель понесъ весьма значительныя потери. 30-го сентября произошли удачныя для насъ столкновенія нашихъ отрядовъ съ непріятелемъ въ долину Риборъ (Кіезе), на небольшой равнинѣ Санъ-Джіорджіо (долина Ледро) и въ долину Кампелле (у горнаго ручья Маго-Брента). Въ Карніи 28-го и 29-го сентября непріятель пытался атаковать нашъ фронтъ на пространствѣ между Паль-Пикколо, къ востоку отъ перевала Монте-Кроче, вплоть до Монте-Салинкіеть, вдоль горной рѣчки Понтебана. Послѣ весьма сильной артиллерійской подготовки, начатой съ 28-го сентября и продолжавшейся почти всю слѣдующую ночь, а также въ теченіе утра 29-го сентября, непріятель днемъ 29-го сентября двинулъ пѣхотныя колонны въ атаку на наши позиціи въ верхнемъ теченіи горнаго ручья Кіарпо. Однако стойкость нашихъ войскъ, успѣшный артиллерійскій, пулеметный и ружейный огонь, а также удачныя контръатаки, произведенныя нами въ боковыхъ секторахъ на пространствѣ между Паль-Гранде и Паль-Пикколо и отъ Монте-Пиццуль до Монте-Салинкіеть, дали намъ возможность къ концу дня послѣ продолжительной борьбы отбросить непріятеля, нанеся ему серьезныя потери».

1-го октября сербское прессь-бюро сообщило:

«28-го сентября, въ десять часовъ утра, болгары внезапно произвели нападеніе на Корицу Главу. Нападеніе это было отражено. Въ тотъ же день болгары заняли позицію у Китка и продвинулись на одинъ километръ вглубь нашей территоріи. 29-го сентября болгары атаковали наши позиціи въ Иваново Ливада, но были отброшены. Въ тотъ же день болгары атаковали наши позиціи въ Пизана Буква, а равно безрезультатно атаковали наши позиціи у Расовати Камень, Басовы и Голешы. 30-го сентября болгары атаковали расположеніе нашихъ войскъ на линіи Травени—Пизана-Буква, Вессели—Ново-Тогука и заставили наши войска отойти. 1-го октября болгары внезапно напали на Дешневъ, Кладенацъ и Тарни Врхъ и заняли эти пункты. Въ тотъ же день непріятель повелъ наступленіе на Главу, Плашину и Ковачевъ-Ришь, близъ Пирота. Близъ Крва-Поланка болгары атаковали 30-го сентября, въ 11 часовъ утра, укрѣпленіе Равна, позиціи подъ Баиромъ и Божевардицъ. Одновременно болгары произвели атаку въ направленіи Радищева и Оградена къ востоку отъ долины Струмицы. Такимъ образомъ, Болгарія начала войну съ нами, какъ и въ 1913 году, предательскимъ образомъ, напавъ на насъ безъ объявленія войны.

На французскомъ фронтѣ, по свѣдѣніямъ отъ 1-го октября, положеніе таково:

Въ Артуа въ теченіе ночи съ 30-го сентября на 1-е октября происходилъ артиллерійскій бой, особенно ожесточенный къ сѣверо-западу отъ вершины «140» между Сушэ и Живанши. Въ районѣ Лигона продолжалась весьма упорная борьба между траншеями съ примѣненіемъ ручныхъ бомбъ и минъ. Въ Шампани непріятель подвергъ обстрѣлу снарядами съ удушливыми газами тылъ французскаго фронта. Батареи французовъ повсюду ему отвѣчали. Атака германцевъ, направленная противъ лѣса, расположеннаго къ западу отъ Таюра, была отражена французскимъ огнемъ. Въ Лотарингіи, въ районѣ Рельона и Лентрэ, происходитъ почти непрерывная орудійная перестрѣлка.

Въ Артуа, въ долину Сушэ и въ лѣсу Живанши днемъ 1-го октября происходили артиллерійскіе бои. На фронтѣ рѣки Эна, въ окрестностяхъ Реймса и въ Шампани около Обрива и Наваренской фермы также велись артиллерійскіе бои. Довольно ожесточенные бои съ примѣненіемъ ручныхъ бомбъ и минъ имѣли мѣсто на правомъ берегу рѣки Мааса, въ секторахъ Калоннъ и Тройонъ. Въ Лотарингіи непріятель подвергъ обстрѣлу французскія позиціи въ районѣ Рельонъ, причѣмъ батареи французовъ энергично ему отвѣчали.

Воздушная эскадра, въ составѣ двадцати аппаратовъ, бомбардировала 1-го октября станцію Базанкуръ позади фронта въ Шампани. Одинъ изъ французскихъ летчиковъ сбилъ непріятельскій привязной воздушный шаръ, который спустился къ югу отъ Монгау. Къ сѣверу отъ р. Эна непріятельскій аэропланъ былъ сбитъ однимъ изъ французскихъ летчиковъ и упалъ въ предѣлахъ германской линіи.

1-го октября фельдмаршалъ Френчъ доносилъ:

«30-го сентября въ теченіе дня мы послѣ бомбардировки непріятельскихъ траншей атаковали ихъ подъ прикрытіемъ густого дыма и заняли траншеи на протяженіи 1.000 ярдовъ отъ пункта въ 600 ярдахъ къ юго-западу отъ Гюлюха

до Гогенцоллернского редута. Однако намъ не удалось удержаться на занятыхъ позиціяхъ вслѣдствіе сильнаго орудійнаго обстрѣла ихъ непріятелемъ. Къ юго-западу отъ Сентъ-Эли мы заняли и удержали за собой непріятельскія траншеи позади дороги изъ Вермельъ въ Гюлюхъ и къ юго-западу отъ каменоломень. Мы овладѣли также главною траншеею Гогенцоллернскаго редута, но непріятель удерживается еще въ двухъ соединительныхъ траншеяхъ между редутомъ и каменоломнями».

20-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

На фронтѣ двинскаго района бои продолжаются. Артиллерійскій огонь во многихъ мѣстахъ ведется съ большимъ напряженіемъ. Въ общемъ же положеніе остается прежнимъ. Въ районѣ западнѣе озера Оболе нами съ боемъ занято с. Гавранцы и кладбище сѣвернѣе ф. Ставарели. На Припяти, въ районѣ с. Нобель, противникъ отброшенъ за рѣку. Во время наступленія въ районѣ желѣзной дороги западнѣе Тарпополя противникъ былъ взятъ во флангъ и отброшенъ къ рѣкѣ Стрыпѣ съ большими потерями. Въ ночь на 1-е октября противникъ предпринялъ четвертую за сутки атаку, бросился въ штыки на наши войска въ районѣ д. Гайворонки, на Стрыпѣ, западнѣе Трёмбовли. Стремительной контръ-атакой противникъ былъ отбитъ и въ полномъ безпорядкѣ отхлынулъ обратно въ свои окопы. Въ томъ же районѣ противникъ и вчера переходилъ въ наступленіе. Наши части, подпустивъ его на очень близкое разстояніе, сами перешли въ энергичную контръ-атаку и снова отбросили противника къ Стрыпѣ.

На кавказскомъ фронтѣ. На всемъ фронтѣ участились столкновенія развѣдчиковъ и передовыхъ частей; турки вездѣ отбрасываются огнемъ; сѣверо-западнѣе Мелазгерта, между селеніями Алижорды и Экрешъ, турки, попавъ подъ нашъ перекрестный огонь, понесли большія потери и бѣжали къ Гопалу. На Вастанскомъ перевалѣ (южный берегъ оз. Вана) турки утромъ 30-го сентября перешли въ наступленіе; наша артиллерія заставила замолчать турецкія орудія; турки заколебались. Воспользовавшись этимъ, наши войска смѣло перешли въ контръ-атаку и послѣ горячаго боя сбили ошеломленныхъ турокъ съ перевала. При этомъ захвачено два орудія и плѣнные. Турки оставили на мѣстѣ болѣе 250 труповъ. Наши потери незначительны.

20-го октября французское правительственное сообщеніе гласило:

«Въ Артуа въ теченіе ночи съ 1-го на 2-е октября происходила сильная артиллерійская перестрѣлка у Лооса, къ сѣверо-востоку отъ Сушэ. Сообщаютъ также объ упорныхъ бояхъ ручными гранатами въ траншеяхъ къ югу отъ лѣса, называемаго Bois en Nache. Сильный артиллерійскій бой происходилъ въ секторѣ Лигона, а также на пространствѣ между рѣками Уазой и Эномъ, въ районѣ Плюссалена, Кенневьера и на плоскогорьи Нувронъ. Въ Шампани наши батареи энергично отвѣчали на огонь непріятели, сосредоточенный имъ на наши позиціи къ востоку отъ Обривъ. На лотарингскомъ фронтѣ огнемъ нашей артиллеріи былъ остановленъ сильный артиллерійскій, ружейный и пулеметный огонь германцевъ у Летрикура. Мы подвергли ураганному огню непріятельскія укрѣпленія къ сѣверу отъ Рельона. Въ Вогезахъ продолжалась упорная траншейная борьба въ окрестностяхъ Ла-Шаплоттъ, къ сѣверо-востоку отъ Бадонвилле, на Ленжѣ и Барренкопфѣ. Сильный артиллерійскій бой происходилъ на Гартмансвейлеркопфѣ и въ районѣ Фюдла.

«Ожесточенная артиллерійская перестрѣлка продолжалась въ теченіе большей части дня 20-го октября у Лооса, въ лѣсу Bois en Nache и въ лѣсу Живанши. Въ Шампани послѣ артиллерійскаго обстрѣла, происходившаго утромъ къ востоку отъ Обривъ, непріятелю удалось вновь занять часть своихъ прежнихъ траншей, составляющую выступъ впереди крайняго лѣваго крыла позицій, взятыхъ нами во время послѣднихъ атакъ. Въ Аргоннахъ взрывомъ одной изъ нашихъ минъ изрыты подступы къ непріятельскимъ линіямъ близъ возвышенности «285». На лотарингскомъ фронтѣ мы вновь заняли части траншей, въ которыхъ непріятель удерживался съ 26-го сентября къ сѣверу отъ Рельона, отбили нѣсколько непріятельскихъ контръ-атакъ, взявъ при этомъ 50 человекъ въ плѣнъ. Въ Вогезахъ германцы утромъ 2-го октября произвели сильную атаку на фронтъ въ пяти километрахъ между Рефельзеномъ, къ югу отъ Гартмансвейлеркопфа и Суделькопфомъ. Атакѣ предшествовалъ ураганный огонь изъ орудій крупнаго калибра и крупныхъ бомбъ, выбрасывавшихъ при разрывѣ горящій керосинъ. Атака эта была отбита почти на всемъ фронтѣ; непріятелю удалось занять вновь лишь траншеи, расположенныя на самой вершинѣ Гартмансвейлеркопфа, и проникнуть въ расположеніе двухъ нашихъ секретовъ между рѣчкой Соммой и дорогой на Вюнгеймъ. Огнемъ нашей артиллеріи уничтожены германскія траншеи и разрушены два блокгауза у Віюлю между перевалами Сентъ-Мари и Вономъ».

2-го октября итальянская главная квартира доносила:

«Вечеромъ 30-го сентября на Мрзли и Монте-Неро отряды непріятеля пытались произвести внезапную атаку на наши передовыя части, приблизившіяся передъ тѣмъ до непосредственнаго соприкосновенія съ позиціями австрійцевъ; однако попытка эта потерѣла полную неудачу, причѣмъ непріятель понесъ тяжелья потери. На Карсо, послѣ ожесточенной артиллерійской и ружейной подготовки и забрасыванія большимъ количествомъ ручныхъ бомбъ въ теченіе второй половины дня 29-го сентября непріятель съ наступленіемъ ночи атаковалъ наши позиціи къ востоку отъ Монфальконе. Однако стойкость нашихъ войскъ и губительный огонь ихъ заставилъ непріятельскую пѣхоту отступить въ безпорядкѣ къ своимъ линіямъ, оставивъ на мѣстѣ большое число убитыхъ; мы взяли нѣсколько австрійцевъ въ плѣнъ».

Фельдмаршалъ Френчъ заявилъ, что, вопреки германскимъ официальнымъ сообщеніямъ, единственная перемѣна въ положеніи къ югу отъ канала Лабассэ заключается въ томъ, что англичане еще болѣе улучшили свою позицію на Генцоллернскомъ редутѣ и удерживаютъ всю территорию, занятую 30-го сентября.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ БАХВАЛОВА СЫНОВЬЯ.

(Романъ изъ купеческой жизни).

I.

ВСѢ БАХВАЛОВЫ споконъ вѣка жили вмѣстѣ: старики и молодые въ большомъ и неуклюжемъ домѣ на Пятницкой.

Домъ этотъ купленъ былъ родоначальникомъ и основателемъ фирмы Провомъ Сидоровичемъ Бахваловымъ, пополамъ съ тестемъ, у разорившихся наслѣдниковъ богача Аржанова. Купили домъ въ Замоскворѣчьи со всей усадьбой, съ садомъ и службами, со всей обстановкой, которая Бахваловымъ, по тому времени и по тогдашнему ихъ размаху, казалась на рѣдкость пышной и богатой. Провъ Сидоровичъ вышелъ изъ мужиковъ, въ Москву пришелъ въ зипунѣ и въ лаптяхъ, съ топоромъ и торбой за плечами, а къ сорока годамъ имѣлъ уже фабрику, нѣсколько лавокъ, и въ купечествѣ относились къ нему съ уваженіемъ. «Мужикъ-министръ», говорили про него и, желая похвалить, отзывались о немъ: «Провъ—загребистая лапа».

Богатѣли Бахваловы, но еще живо хранилась память о недавнемъ прошломъ, когда копейка прикладывалась къ копейкѣ, рубль со скрежетомъ зубовымъ вынимался изъ кошель, а полумперіалы и имперіалы съ тяжелыми вздохами, съ крестнымъ знаменіемъ заворачивались въ шелковыя тряпочки, цвѣтныя кисейныя бумажки съ невѣдомыми, замысловатыми письменами и изображе-

ніями драконовъ и бабочекъ съ китайскихъ чаевъ, которые покупались не иначе, какъ цибиками на Ирбитской и Нижегородской ярмаркахъ.

И жили Бахваловы скученно и грязно, ютятся въ низенькихъ, тѣсныхъ компаткахъ съ подслѣповатыми окнами, заставленныхъ дешевою мебелью изъ сосны и березы подъ дубъ и подъ орѣхъ, въ усадьбѣ за городской заставой. Здѣсь находилась и первая ихъ фабрика, тогда еще только одна, съ ткацкой всего на пятнадцать станковъ и съ отбѣльно-красильней, всю обстановку которой представляли пять гигантскихъ чановъ; каждый изъ нихъ могъ бы служить купальней по крайней мѣрѣ для шести человѣкъ.

И, перебѣжавъ въ новокупленный домъ, не сразу развернулись Бахваловы и долго не могли освоиться съ его просторомъ и пышнымъ убранствомъ. По издавней привычкѣ забивались въ углы, въ тѣсныя заднія комнаты, и только тамъ было имъ по себѣ. Бельэтажъ занятъ былъ парадными комнатами, въ которыхъ никто не жилъ, гдѣ мебель стояла въ чехлахъ, картины и люстры окутаны были кисеей, и куда не приказано было безъ надобности ходить.

Въ торжественные дни, когда праздновались именины и рожденія, справлялись свадьбы и похороны, двери въ этихъ покоехъ распахивались настежь.

Во всемъ великолѣпнѣи вылѣзали изъ-подъ запыленныхъ чехловъ тяжелыя, обитыя штофомъ, золоченыя малиновая, голубая и желтая гостиныя, заливались сверканіемъ огней громаднхъ, напоминающихъ церковныя паникадила люстръ зеркальныя стѣны танцевальнаго зала съ бѣлой атласной мебелью, отражая толпы разряженныхъ гостей, среди которыхъ многіе были совсѣмъ неизвѣстны хозяевамъ. Но широко, гостепрѣимно и хлѣбосольно встрѣчалъ всѣхъ въ такіе дни Бахваловскій домъ.

Гремѣла музыка на веселыхъ балахъ, столы заставлены были всякою снѣдью, щеголяли вынутымъ изъ кладовыхъ хрусталемъ и серебромъ, камчатнымъ, съ ручными вышивками гладью, столовымъ бѣльемъ, рѣдкими винами, заморскими фруктами.

Нерѣдко утро заставало еще веселье въ полномъ разгарѣ, и уже только послѣ чая и завтрака развозили пьяные кучера и лакеи, тоже опившіеся и объѣвшіеся, съ опухшими лицами, съ пабитыми дорогими конфетами, дюшесами и прочими остатками пиршества карманами, своихъ господъ и госпожъ по домамъ.

А уже къ серединѣ дня, слѣдовавшаго за праздникомъ, какъ бы по мановенію невѣдомаго, недоброжелательнаго чародѣя, вся пышность, весь блескъ праздника погасали: мебель одѣвалась въ чехлы, дымчатой пеленой окутывала кисея картины и люстры, запирались на замки двери, и водарялась, внезапно спугнутая и вновь вернувшаяся, настоящая хозяйка бельэтажа—нежилая, мертвая, пустая тишина.

Въ нижнемъ этажѣ было три квартиры: двѣ полагались женатымъ сыновьямъ, а въ третьей жила тетушка Татьяна Сидоровна, и у нея же въ квартирѣ, въ боковой комнатѣ помѣщался такъ называемый кабинетъ—нѣчто въ родѣ конторы, гдѣ стоялъ письменный столъ, крытый порыжѣвшимъ зеленымъ сукномъ со старинной бронзовой чернильницей и стопой книгъ въ толстыхъ кожаныхъ переплетахъ, которыя вѣдалъ и въ которыя заносилъ свои записи сѣденькій, кривой на лѣвый глазъ, худенькій и начинающій дряхлѣть старичокъ, почти сверстникъ покойнаго дѣдиньки Прова Сидоровича, Веденеичъ. Онъ и спалъ тутъ на продавленномъ, жесткомъ диванѣ съ высокой прямой спинкой красного дерева и слежавшейся отъ времени плоской подушкой, на которой по зеленому сукну вышиты были бисеромъ и шелками выцвѣтшія розы и незабудки. Въ углу за диваномъ стоялъ несгораемый шкапъ, какихъ уже давно не дѣлаютъ, но который Веденеичъ и дѣдинька считали идеальнымъ.

Цѣлый этажъ надъ бельэтажемъ занятъ былъ «бабами», какъ выражались у Бахваловыхъ. Тамъ жили бабинька Анна Васильевна, ея двѣ дочери-вѣковуши, какъ называли ихъ всѣ въ домѣ, генеральша Марина Викуловна, вдова одного изъ братьевъ Полупудовыхъ, убитаго бурами, за независимость которыхъ онъ сражался въ Африкѣ,—отсюда и названіе генеральши,—и три барышни Бахваловы, всѣ невѣсты на выданьѣ, уже въ лѣтахъ.

Всѣ эти женщины жили въ двадцати комнатахъ, имѣя общія пріемную и столовую, какъ въ безалаберномъ и грязноватомъ отелѣ. Обстановка, окружавшая ихъ, была самая разнокалиберная. Глубокая старина стояла бокъ-о-бокъ съ послѣдними дерзновеніями самаго изысканнаго модерна. Грязь и беспорядокъ мирился съ изяществомъ и роскошью, и самые простые и грубые вкусы братались съ самыми капризными, утонченными. За столомъ у нихъ можно было видѣть рѣдку съ постнымъ масломъ, тюрю съ квасомъ, солонину съ хрѣномъ и тутъ же подавались цыплята брезе, котлеты маршаль, соусъ субизъ и буше д'ампрерь.

Въ переднихъ на старинныхъ слонообразныхъ дубовыхъ вѣшалкахъ висѣли какіе-то невиданные стеганные капоты и ярски тетенки Татьяны Сидоровны, бабиньки Анны Васильевны и вѣковушь, и на перекладины этихъ же вѣшалокъ небрежно бросались воздушныя шелковыя кимоно и пеплумы и отдѣланныя соболями и горностаями модели Парижа, манто и сорти-де-балъ. И сами женщины, какъ ни разнообразны были онѣ по возрасту, характеру и вкусамъ, уживались довольно мирно. Нельзя сказать, чтобы дѣло обходилось безъ ссоръ и безъ скандаловъ, но и ссорамъ и скандаламъ, по какому-то взаимному общему соглашенію, не придавалось чрезвычайнаго значенія, и, пошумѣвъ, накричавъ другъ на друга, нахлопавшись дверями и наговоривъ другъ другу бо-

лѣе или менѣе колкихъ вещей, дамы утихомиривались и послѣ перепалки встрѣчались за чайнымъ или обѣденнымъ столомъ совершенно спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало.

Всѣми руководило очень твердое сознание необходимости мира и тишины. Боже избави, если что-нибудь дойдетъ до «самого». Это первое. А второе, что налагало узду, была связывающая ихъ солидарность. У всѣхъ были пристрастія, у каждой свое. И если у тетушки Татьяны Сидоровны и у вѣковушъ пристрастія эти были довольно невиннаго свойства и выражались усерднымъ посѣщеніемъ монастырей и церквей, прикармливаніемъ монаховъ и монашекъ, истребленіемъ въ большомъ количествѣ по постнымъ днямъ кочанной и рубленной кислой капусты, моченыхъ яблоковъ, соленыхъ рыжиковъ и тому подобныхъ припасовъ и снѣди, то вкусы генеральши и молодаякъ были гораздо современнѣе и нуждались въ несравненно большемъ снисхожденіи. Чтобы быть болѣе спокойными, онѣ себѣ купили это снисхожденіе тѣмъ, что въ одну изъ комнатъ бабьей квартиры посадили Петю-убогаго, который пользовался покровительствомъ одной изъ вѣковушъ и въ святость котораго фанатично вѣрила тетушка Татьяна Сидоровна. О Петѣ-убогомъ хлопотали даже передъ самимъ Викулой Прововичемъ, который наконецъ далъ свое разрѣшеніе, не подозрѣвая, что Петя уже лѣтъ пять какъ живетъ въ домѣ.

Водворивъ Петю, молодайки перестали церемониться и уже не скрывали своихъ пристрастій. Случалось, что вѣковуши и тетушка Татьяна Сидоровна начинали ворчать и грозить, но ихъ тотчасъ же обрывали:

— У васъ есть вашъ Петя и сидите съ нимъ,—скажетъ генеральша.—А насъ, пожалуйста, не пугайте. Раньше васъ сумѣемъ забѣжать къ папашѣ и пожаловаться.

Вся бѣлая, сухонькая и сморщенная, застучитъ клюкой въ полъ и вступится за Петю иной разъ и бабинька Анна Васильевна.

— Ахъ, вы, нехристи, нехристи! Это на кого же ты жаловаться-то пойдешь? На божественнаго человѣка. Да еще кто бы жаловался. За собой бы лучше смотрѣли. Зачѣмъ къ Зинаидѣ докторъ-то ѣздить?

— А вамъ что за дѣло до моего доктора? Вы ему не платите,—огрызнется Зинаида.

— Знаю, какъ ты ему платишь. Вѣдь онъ жидъ!

— Да вамъ что за дѣло, бабинька,—вмѣшается кто-нибудь изъ внучекъ.—Велика важность, что жидъ, зато онъ на итальянца похожъ.

— И вы хороши!—начнетъ укорять внучекъ бабушка.—Чѣмъ бы замужъ выходить, а онѣ по ночамъ Богъ вѣсть гдѣ шатаются. Вонъ Зинаида до тридцати лѣтъ дожила. Сидитъ въ дѣвкахъ. Съ такимъ приданымъ да въ дѣвкахъ...

— Да я, бабушка, еще и не пойду замужъ,—скажетъ Зинаида, полная, бѣлотѣлая, лѣнивая блондинка.

У нея было очень красивое, но какое-то равнодушное, точно неживое лицо.

Она совершенно ничего не дѣлала, ходила цѣлые дни невытая и нечесаная, съ распущенными волосами, въ капотѣ-распапонкѣ и даже ѣла неохотно. Вставала она поздно и цѣлый день бродила изъ комнаты въ комнату съ растрепанной книжкой французскаго романа или какого-нибудь архидекадентскаго стихотворца; время отъ времени присаживаясь въ кресло или укладываясь на кушетку. Но едва закатывалось солнце, Зинаида дѣлалась неузнаваемой. Она брала душистую ванну, наряжалась, долго причесывалась и притиралась предъ зеркаломъ, и кукольное лицо ея оживлялось, становилось какимъ-то другимъ, затаенно-веселымъ и дерзкимъ, и подведенные и отравленные белладонной глаза загадочно мерцали.

Одѣвшись, она шла въ гостиную и тамъ сначала долго простаивала передъ громаднымъ трюмо въ старинной краснаго дерева рамѣ. Потомъ садилась къ роялю и сначала тихо и робко напѣвала, аккомпанируя себѣ, цыганскіе романсы, потомъ голосъ становился все сильнѣе, и на весь этажъ неслись буйные вакхическіе звуки, пугавшіе бабушку и вѣковушъ, и кто-нибудь изъ приживалокъ спѣшилъ въ гостиную и начиналъ шептать про бабиньку, про папиньку, про то, что онъ можетъ услышать и разгнѣваться. Зинаида отвѣчала хохотомъ, сильнѣе стучала по клавишамъ и заливалась еще веселѣе, а сама нервно и чутко прислушивалась и ждала звонка.

И едва вздрагивалъ онъ, дернутый осторожно, несмѣлой рукой, какъ она уже бѣжала въ переднюю. И туда же прокрадывалась не такая отчаянная, притворно-скромная, но жадная до удовольствій Раиса, вторая сестра Бахвалова.

Торопливо накидывали на себя пальто сестры, тихо смѣясь и перешептываясь въ полумракѣ передней. Имъ вторили сдержанные мужскіе голоса. Неслышно затворялась дверь, замирали всѣ порохи и шумы, и приживалка Ѳедорушка, все время стоявшая за дверью, приложивъ ухо къ щели, шаркая стоптанными туфлями, бѣжала въ комнатку бабиньки и, задыхаясь и крестясь мелкими крестиками, низко наклонившись къ уху старухи, докладывала:

— Уѣхали, матушка моя. Своими глазами видѣла, уѣхали, Мелитрисы-то наши. Охъ, грѣхи! Диви бы однѣ, моя матушка, а то вѣдь съ мущинами. Двоихъ, матушка, мущиновъ видѣла. Одинъ-то докторъ, должно быть, а другой-то военный. Охъ, грѣхи!

— Да будетъ тебѣ, не жужжи,—отмахивалась отъ Ѳедорушки бабинька.—Чему обрадовалась? Гдѣ бы успокоить, а ты лишнія заботы прибавляешь. Сама знаю, что оглашенная. Ну, Зинаида,

ужъ куда ни шло, можетъ, всю жизнь въ дѣвкахъ просидить, а вѣдь Раичка-то невѣста. Можетъ и хорошій женихъ навернуться. Опозорятъ онѣ бахваловскій домъ.

— Опозорятъ, матушка, опозорятъ, — подхватывала Ѳедорушка. — Намедни, говорятъ, въ шесть часовъ утра пріѣхали. Люди къ заутренѣ, а онѣ домой только. И пьянымъ, говорятъ, пьянехоньки.

— Ну, ужъ это ты врешь, — строго оборветъ старуха. — Вѣдь экое ты зелье! Вотъ ужъ правду говорятъ: велика Ѳедура, да дура.

— И ничего я не вру, матушка. Секлетею спросите. Секлетея дверь-то отпирала. Она и сказывала.

— Отъ людей-то что сраму! — скажетъ бабушка.

— Женская-то прислуга ничего, матушка. У насъ какъ могла, никого не выдадимъ. А вотъ кучера да лакеишки. Ну, да и то сказать, тоже молчатъ. Рты-то чаями заткнуты. Имъ еще и лучше. А Симка, матушка моя, новый-то лакей, что генеральша изволили взять, такой-то хахаль, на балалайкѣ играетъ и всѣ эти самыя пѣсни, что Зинаида Ипполитовна поютъ, всѣ въ кучерской отжариваетъ.

— Да ты-то почему знаешь? — съ досадой спросила старуха.

— Сама слышала, матушка, своими ушами слышала.

— Тоже хороша! По кучерскимъ шляешься. Твое это дѣло? Чѣмъ святую книжку почитать да лишній разъ лобъ перекрестить, а она въ кучерскую. А лампадку неугасимую на прошлой недѣлѣ такъ и упустили. Пять лѣтъ кряду лампадка горѣла, все живой огонь былъ. А вамъ, дурамъ, поручили, и нѣтъ огня. Жди теперь великой пятницы.

— Да нешто это моя вина, — обидчиво возражала Ѳедора. — Вы вспомните-ка, когда у васъ лампадка-то потухла? Стешенька-клирошанка гостила, при ней она и потухла.

— Нечего на другихъ сваливать. Стеша молода, неопытна.

— Да какая бѣда, пяти минуточекъ не прошло, и опять зажгли.

— Да не въ минуточкахъ дѣло. Огонь не тотъ, поняла?

— Огонь, матушка, все одинъ, всеожигающій, всеочищающій. Огонь все огонь. Это вотъ вода, дѣйствительно, все разная. Святой крестъ опустишь или съ мощей сольешь, или молитву нашепчешь. Все разная будетъ святость.

— Ну, довольно объ этомъ. Ты вотъ что лучше скажи. Лидія-то дома?

— Дома, матушка, дома. Эта все надъ книжками сидитъ.

— Поди-ка, позови ее ко мнѣ.

II.

Федорушка шмыганетъ изъ комнаты. Минуты двѣ спустя въ комнату войдетъ третья Бахвалова—Лидія.

Она была значительно моложе сестеръ и хотя напоминала ихъ фигурой и обликомъ, но казалась серьезнѣе и держалась проще.

— Дайте ручку поцѣловать, бабинька. Вы что это безъ меня со-скучились?

— Ну, слава Богу, что хоть ты вечеромъ дома. Такъ и боюсь, и боюсь, что ты съ ними тоже какъ-нибудь удерешь.

— Я, бабинька, шато-кабаковъ не люблю.

— Ужъ чего тутъ любить. Хоть бы ты Зинаидѣ съ Раисой сказа-ла. Вѣдь онѣ и тебя срамятъ. Иной къ тебѣ и присватался бы, а поглядить на сестрицъ, скажетъ: чего добраго, и эта такая же.

— Я, бабинька, объ этомъ даже и думать не хочу. Ни для кого я свою жизнь и взгляды ломать не намѣрена. Говорю вамъ, я шато-кабаковъ не люблю, а если бы любила, такъ только бы вы меня и видѣли. А для какихъ-то тамъ жениховъ стараться—много чести. Да и замужъ я, бабинька, не пойду.

— Сегодня не пойдешь, а завтра, можетъ, и судьба найдетъ.

— Моя судьба, бабинька, у меня въ рукахъ. Я всегда буду дѣлать только то, что хочу.

— Никто тебя насильно итти замужъ не неволить. Слава тебѣ, Христе Создателю, не безприданница.

— Ахъ, бабинька, вы совсѣмъ не про то говорите. Говорю вамъ, я замужъ не выйду.

— Понравится человѣкъ—и выйдешь.

— Все равно не выйду, бабинька. Я, бабинька, брака не при-знаю. Это—штука устарѣлая и мнѣ ненужная.

— Почему же это тебѣ-то ненужная?

— А вотъ вы сами сейчасъ сказали, что я, слава Богу, не безприданница. Я очень довольна тѣмъ, что я не безприданница. У кого ничего нѣтъ, для тѣхъ бракъ—удача. Вышла замужъ, значи-ть, есть за чьей спиной жить, а мнѣ это ни къ чему.

— Экъ, у васъ въ головахъ какой коловоротъ! Я думала, хоть ты меня порадуешь, а на тебя, выходить, тоже надежда плоха. Думала, хоть внучки повыйдутъ замужъ. Дочерей-то вонъ цѣлыхъ двѣ въ старыхъ дѣвкахъ осталось. Думала, хоть правнучковъ по-нянчу. Нѣтъ, видно отъ васъ не дожدهшься.

— Это ужъ вы, бабинька, Зинѣ съ Раей внучковъ закажите. Онѣ старше.

— Куда идешь-то? Только что пришла и какъ бы ушмыгнуть. Почитала бы бабкѣ Четъи-Миней.

— Я, бабинька, знаете, этихъ книгъ читать не могу. У меня отъ нихъ голова кружится.

— Отъ священныхъ-то книгъ?

— И отъ священныхъ книгъ, бабинька, и отъ ладана, и отъ черныхъ монашескихъ рясъ.

— Грѣховодницы вы, Богу не молитесь.

— До свиданья, бабинька. Я къ вамъ Федорущку пошлю. Пусть она вамъ почитаетъ на сонъ грядущій. А вы баиньки ложитесь, бабинька. Вамъ спать пора. Прощайте, бабинька.

Лидія поцѣлуетъ старуху въ желтую, провалившуюся щеку и въ высохшую сморщенную руку и быстро пройдетъ къ себѣ.

Къ бабкѣ она чувствовала нѣжность и какое-то почтеніе, похожее на то, какое испытываютъ люди къ старинной вещи, хранящей на себѣ слѣды далекаго прошлаго. Но подолгу оставаться около нея не могла. Становилось какъ-то скучно, тоскливо. И почему-то было очень жаль старуху, и эта жалость казалась прямо невыносимой и зловѣщей рядомъ съ мыслью о томъ, что старухѣ этой принадлежать милліоны, составляющіе ея собственное приданое и наслѣдственное состояніе.

Было что-то трагическое въ сопоставленіи ея денежнаго могущества съ ея беспомощностью, заброшенностью и одиночествомъ, которыя,—Лидія хорошо это знала изъ семейныхъ преданій,—были всю жизнь ея неразлучными спутниками.

Для молодого поколѣнія Бахваловыхъ бабинька Анна Васильевна являлась еще интересной другой стороной: она была живой лѣтописью Бахваловскаго дома и всю исторію его, весь его обиходъ, все его хорошее и дурное, свѣтлое и мрачное можно было возстановить по ея рассказамъ. Не всегда словоохотлива была старуха, но по временамъ удавалось разговорить ее, и тогда передъ слушателями точно раскрывалась живо и образно написанная книга. Но, и помимо этого, Анна Васильевна пользовалась исключительнымъ почетомъ въ домѣ.

Глава фирмы, Викула Бахваловъ, а за нимъ и весь домъ, всѣ близкіе, всѣ служащіе, почитали ее, не только за то, что она была старше всѣхъ,—въ Бахваловскомъ домѣ принято было уважать старшихъ,—но главнымъ образомъ за то, что она спасла состояніе.

И монашки, и приживалки, когда хотѣли пригрозить младшимъ и особенно подѣйствовать на ихъ воображеніе, укоризненно говорили:

— У, баловни! Нѣтъ на васъ угомону, только бабиньку покойте. А быть бы вамъ нищими, кабы не бабинька. Она васъ отъ разоренія спасла.

Уважали старуху и за то, что всѣ годы, въ теченіе которыхъ хвораль покойный дѣдинька Провъ Сидоровичъ,—съ того вре

мени, какъ разбилъ его параличъ, и до самой смерти,—она провела почти безвыходно около него, день и ночь ходила за нимъ, сносила всѣ его капризы, а послѣднее время спала у его постели на войлокѣ, чтобы быть всегда готовой, если онъ позоветъ ее.

Знали, что несладко ей жилось въ замужествѣ, и изумлялись такой добротѣ и преданности по отношенію къ человѣку, всю жизнь бывшему къ ней равнодушнымъ, а подчасъ и жестокимъ.

Со смертью Прова Сидоровича опустѣлъ мезонинъ, въ которомъ онъ жилъ и умеръ. Тамъ ничего не тронули, все стояло, какъ и при покойникѣ, но жить тамъ никто не хотѣлъ: обитателямъ Бахваловскаго дома мезонинъ продолжалъ внушать все тотъ же суевѣрный страхъ.

Ушелъ въ вѣчность обитатель мезонина, но въ памяти домашнихъ все еще хранился его образъ, хотя давно уже пересталъ онъ быть грозой, уступивъ бразды правленія Викулѣ Прововичу, который, пожалуй, стоилъ покойнаго Прова Сидоровича.

Тоже крутой и властный былъ онъ человѣкъ, но все-таки при немъ жилось легче.

Разрослась Бахваловская семья, не углядѣть было за всѣми парѣ хозяйственныхъ глазъ, да и дѣла куда прибавилось. До всего самъ доходилъ Викула, а часто не видѣлъ, что у него дѣлается подъ носомъ.

Однимъ донималъ домашнихъ: надъ каждой копейкой дрожалъ. Бабы и тутъ умѣли извернуться.

Издавна барышни въ домѣ Бахваловыхъ два раза въ мѣсяцъ получали на булавки. Обыкновенно булавочныхъ денегъ не хватало. Приходилось прибѣгать къ помощи тетюшки Татьяны Сидоровны.

Но только въ рѣдкихъ случаяхъ удавалось расположить ее къ себѣ и вызвать ея сочувствіе. Если удавалось, Викула Прововичъ утверждалъ, обыкновенно, недостающую сумму. Но дѣло это было нелегкое, рѣдко выгоравшее, и поэтому бабѣ царство, подъ давленіемъ обстоятельствъ и наученное долгимъ опытомъ, выработало множество мелкихъ ухищреній, благодаря которымъ время отъ времени удавалось «урывать куски».

Было принято такими кусками дѣлиться со всѣми, да иначе и нельзя было, такъ какъ обиженная всегда могла подвести и провалить всю, иногда очень хитрую махинацію.

Между прочимъ, этимъ можно объяснить тѣ ни съ чѣмъ несообразныя цѣны, которыя уплачивались въ Бахваловскомъ домѣ по счетамъ.

Выплыветъ въ переднюю къ артельщику или мальчику Зиваида Викуловна и ласково скажетъ:

— Счетикъ съ вами?

— Точно такъ-съ.

Внимательно просмотрить счетъ.

— И другой съ собой прихватили?

— Да-съ.

— Посидите, пожалуйста, сейчасъ заплатимъ.

Уйдетъ, кликнетъ подгорничную.

— Даша, вотъ тебѣ счетъ, бѣги въ контору, скажи Веденсичу, чтобы немедленно деньги выдалъ. Зинаида Викуловна, молъ, приказали.

Минуть двадцать спустя возвращается Даша съ кредитными бумажками, съ золотыми и серебряными монетами.

И опять Зинаида Викуловна выплываетъ въ переднюю.

— Получите по счету. Вамъ сто семьдесятъ пять?

— Да-съ.

— Считайте. Вѣрно?

— Вѣрно-съ.

— А это вамъ, пожалуйста, за труды.

И если мальчишка, дастъ три-пять рублей, а постарше человекъ, расщедрится и отвалитъ двадцать пять.

А потомъ съ застывшей на лицѣ лукавой улыбкой пройдетъ къ себѣ въ комнату, гдѣ ее уже съ нетерпѣніемъ ждутъ.

Войдетъ, выброситъ изъ кармана на столъ бумажки и монеты, ласково усмѣхнется и скажетъ:

— Вотъ вамъ! Дѣлите! Только чуръ, мнѣ сверхъ доли четвертая. Цѣлья двѣсти двадцать пять выиграла.

— Молодецъ, Зина!—похвалитъ Раиса, а генеральша, Марина Викуловна, томно усмѣхнется и снисходительно скажетъ:

— Ахъ, молодость, молодость! Въ молодости и мы любили пошालить.

Въ дѣлежѣ она участія не принимала и въ выигрышахъ не участвовала, да и не нуждалась, у нея еще цѣль былъ ея приданный капиталъ, и ей слѣдовало еще получить до полутора милліона послѣ мужа, съ братьями котораго она вела тяжбу. Про нее говорили, что она не играетъ, а всѣ остальные сестры «играли», и каждый разъ, какъ выпадалъ удобный случай, онѣ перебрасывались малопонятными для окружающихъ, не посвященныхъ въ ихъ тайны, словечками:

— Играемъ?

— Играемъ. Что въ банкѣ?

— Полтора ста!

— Кто банкومتъ?

— Раиса.

— Вотъ и видно. Дали маху добрыхъ на сто.

— Значить, больше нельзя было.

Въ рѣдкихъ случаяхъ «играли» и братья Николай и Сосипатръ Викуловичи, но это бывало только тогда, когда въ банкѣ былъ

купшъ, а не жалкія сотни рублей, и когда рѣчь шла не о женскихъ тряпкахъ, потому что къ женскимъ тряпкамъ мужчины не имѣли никакого отношенія. Во всѣхъ такихъ случаяхъ женщинамъ удавалось «поиграть въ большую» только потому, что мужчины, не надѣясь на собственную ловкость, поручали всю тонкую работу дамамъ, и это позволяло послѣднимъ участвовать въ прибыляхъ.

Поддерживалась игра и тѣмъ, что всѣ Бахваловы торговаться не любили. Жаться—жались, а размахнутся, такъ ужъ на широкую.

— Грабь, да и другимъ пограбить дай,—говорили Бахваловы.

Викула Петровичъ, хоть и былъ скупъ, торговаться тоже не любилъ и говаривалъ:

— Ты мнѣ, милый человѣкъ, о цѣнѣ не толкуй. Цѣна для денежнаго человѣка дѣло послѣднее,—угодить сумѣй, на вкусъ потрафь.

Но и царству Викулы Прововича уже приходилъ конецъ.

III.

Тяжко больной проживалъ онъ въ двухъ отведенныхъ ему комнатахъ бельэтажа.

Мрачнѣе и тише, чѣмъ обыкновенно, выглядѣлъ Бахваловскій домъ, но уже явились признаки, по которымъ безошибочно можно было судить, что разжался желѣзный кулакъ Викулы и распустилъ, бывало, туго натянутыя вожжи. Все чаще и чаще сталъ появляться въ домѣ изгнанный и лишенный наслѣдства Николай, даже получилъ, наконецъ, доступъ къ отцу, зато совсѣмъ исчезъ изъ дому Сосипатръ. Бросилъ некрасивую и нелюбимую жену съ дѣтьми и пропадалъ въ «Грузинахъ», на «Прѣсняхъ», по хорамъ и по цыганамъ.

— Завихрился,—говорили про него въ Бахваловскомъ домѣ, жадно внимая доходившимъ о немъ слухамъ.

Его уже успѣли облѣпить роемъ дисконтеры, ростовщики, поднатчики, съ которыми онъ ѣздилъ по трактирамъ, поилъ и кормилъ ихъ, и едва удавалось ему подъ безбожные проценты урвать какія-нибудь двѣ-три тысячи, тотчасъ же прокучивалъ ихъ съ ними же, спѣша спустить все, до послѣдняго рубля, но не иначе, какъ съ трескомъ, со скандаломъ, съ протоколомъ. Но по мѣрѣ того, какъ сильнѣе укрѣплялась на Москвѣ увѣренность, что Викулѣ не встать, все охотнѣе и легче давали Сосипатру денегъ, все снисходительнѣе относились къ его скандаламъ.

Знали всѣ, какъ богаты Бахваловы, и вѣрили, что придетъ время, и въ рукахъ Сосипатра окажется хоть часть ихъ огромнаго состоянія.

Извѣстный адвокатъ Карманъ-Лелѣевъ, про котораго въ купечествѣ говорили, что у него, буде захочетъ, голландская сажа

бѣлѣй снѣга на судѣ обернется,—на сто тысячъ взялъ съ него векселей за то, что обѣщаль его развести съ женой и устранить всѣ препятствія къ браку съ женой гвардейскаго полковника Ртищева, которую Сосипатръ видѣлъ только два раза, но на которой рѣшили непременно жениться, откупивъ ее у полковника.

Крѣпко держался за него и цыгане. Въ Шалыгинскомъ таборѣ приторговаль онъ себѣ красавицу Стешу и выдалъ матери ея векселей на сорокъ тысячъ.

Когда онъ пріѣзжалъ въ таборъ, его встрѣчали, какъ жениха. Цыганки низко кланялись и искательно улыбались, цыгане жали руку, лукаво сверкали на него синими бѣлками бездонныхъ черныхъ глазъ и бѣлыми, какъ сахаръ, хищными зубами и фамиллярно хлопали его по плечу. Сначала чинно и благородно начинался вечеръ, раскрывались ящики и лубяные короба съ закусками и сластями, присланные изъ разныхъ магазиновъ по заказу Сосипатра, откупоривались бутылки съ наливками и винами, распаковывались корзины и рѣшета съ фруктами.

Старая цыганка, вся въ морщинахъ, но еще съ черными, какъ смоль, волосами, выбивающимися изъ-подъ пунцовой повязки съ золотыми монетами; въ малиновомъ шелковомъ платкѣ на плечахъ, съ дутыми золотыми кольцами въ ушахъ, обносила гостей стаканами жидкаго чая съ лимономъ и первому подавала Сосипатру, приговаривая:

— Пей, желанный, не горюй, счастливый, сейчасъ невѣста придетъ.

Входила Стеша, разряженная и надушенная, равнодушно цѣловала Сосипатра въ лобъ, садилась около него, безмолвная и неподвижная, какъ кукла.

Иногда Сосипатръ пробовалъ обнять ее, но, при первой же попыткѣ, цыгане и цыганки начинали галдѣть:

— Убери руки! Рукамъ воли не давай! Не твоя еще.

Потомъ Стеша исчезала.

Чинность и вѣжливое обращеніе уступали мѣсто безшабашному разгулу, и наконецъ появлялись карты.

Сосипатръ проигрывалъ все, и, когда денегъ уже не оставалось, на ставку шли часы, золотой портсигаръ, перстни, крестильный крестъ, а одинъ разъ съ него сняли сюртукъ и жилетку, которые пришлись какъ разъ впору его партнеру.

Сосипатръ не унывалъ. Въ пьяномъ угарѣ, въ картежномъ азартѣ, онъ находилъ выходъ для заключенныхъ въ немъ, самому не ясныхъ, но равныхъ наружу силъ. Онъ бросалъ на столъ деньги, бросалъ вещи и, блѣдный отъ выпитаго вина, разстегивая воротъ рубашки, чтобы было легче дышать, выкрикивалъ, пьяно и блаженно улыбаясь:

— Ахъ, дуй васъ горой, фараоны! Ъшьте мое тѣло! Да вѣдь не съѣдите, подавитесь. Бахвалова Сосипатра вамъ не проглотить. Я вамъ не Сенька Четвериковъ достался.

Жена Сосипатра Викуловича, урожденная Салотопова, горько плакала, слушая такія вѣсти.

Викуловны, какъ называли всѣ сестеръ Бахваловыхъ, показывались со смѣху.

Хмурилъ брови, но ничего не говорилъ Ипполитъ Викуловичъ, старшій любимый сынъ Викулы, и только испытанный и вѣрный слуга, правая рука еще Прова Сидоровича, Веденеичъ, разсерженный зубоскальствомъ служащихъ и дворни, вдругъ, выйдя изъ терпѣнія, отилевывался и сердито огрызался.

— Эхъ вы, оглашенные! Вотъ ужъ будетъ вамъ, какъ встанетъ Викула Прововичъ. Забѣгаете вы у него, какъ тараканы, посыпанные ромашкой.

— Какъ же, встанетъ онъ,—отвѣчали ему.

— А не встанетъ,—не унимался Веденеичъ:—такъ еще лучше прежняго Ипполитъ-то Викуловичъ вамъ острастку дастъ.

Поглощенные надвигающимися событіями, всѣ Бахваловскіе, каждый по-своему, готовились къ переменамъ и уже туго воспринимали все то, что не имѣло прямого отношенія къ ихъ настоящимъ интересамъ.

Вотъ почему никто не обратилъ вниманія на то, что изъ дому, изъ квартиры нижняго этажа, когда-то принадлежавшей Ипполиту Викуловичу и покинутой имъ тотчасъ послѣ смерти жены, выѣхалъ младшій изъ Ипполитычей, Иванъ, студентъ-медикъ, что при другихъ обстоятельствахъ произвело бы сенсацію, тѣмъ сильнѣйшую, что сдѣлано это было не самовольно, а съ разрѣшенія отца.

Впрочемъ, на сиротъ, какъ принято было называть послѣ смерти матери, Ипполитычей, всѣ давно уже махнули рукой, особенно съ тѣхъ поръ, какъ старшимъ сыновьямъ, Арсенію и Сергѣю, отецъ разрѣшилъ для окончанія образованія уѣхать за границу, и о нихъ уже нѣсколько лѣтъ не было ни слуху, ни духу.

Теперь изъ сиротъ осталась въ Бахваловскомъ домѣ только шестнадцатилѣтняя Ниночка, младшая дочь Ипполита Викуловича, худенькая, блѣдная дѣвочка съ длинной, жидкой русой косой, большими глазами и испуганнымъ, недоумѣвающимъ выраженіемъ лица.

Она аккуратнѣйшимъ образомъ посѣщала гимназію и училась очень усердно, что казалось совершенно непонятнымъ бабинькѣ, тетускѣ, вѣковушамъ и приживалкамъ.

Въ нижнемъ этажѣ у Ниночки была своя комната, очень нарядная, вся отдѣланная голубымъ кретономъ. Но, когда квартира опустѣла, Ниночка не захотѣла въ ней оставаться, и нача-

лись ея скитанія по бабьему царству. То она ночевала на кушеткѣ въ роскошномъ будуарѣ Марины Викуловны, то гостила въ комнатѣ Татьяны Сидоровны, рядомъ съ конторой, и тамъ ей стлали постель на огромномъ, обитомъ бѣлой жестью, приданомъ сундукѣ Татьяны Сидоровны, то переселялась къ бабинькѣ Аннѣ Васильевнѣ, и тогда спала подъ бокомъ у старухи на широченной дѣдовской деревянной двуспальной кровати, съ нѣсколькими пуховиками и съ безчисленнымъ множествомъ подушекъ всевозможныхъ размѣровъ, у стѣны, сплошь увѣшанной иконами, образами, печатными листами съ ликами святыхъ и изображеніями пустынь и монастырей.

А во всѣхъ углахъ и закоулкахъ, въ каждой квартирѣ Бахваловскаго дома, равно какъ во флителяхъ и въ людскихъ, всюду, гдѣ только можно приткнуться, ютился разный пришлый людъ: на залавкахъ, на лежанкахъ, въ коридорахъ, въ проходныхъ комнатахъ, за шкапами, за ширмами.

Всѣ они пользовались покровительствомъ бабьяго царства и были гонимы и утѣсняемы главой дома, царемъ Діоклетіаномъ, по ихъ выраженію, но всѣ были, несмотря на то, сытно накормлены и щедро одѣлялись подачками.

IV.

Фасадъ Бахваловскаго дома съ своими тремя этажами надъ глубокими подвалами съ забранными толстыми рѣшетками оконцами и мезониномъ выходилъ на узенькій, кривой и глухой переулокъ, выкрашенъ былъ въ свѣтло-коричневую краску и покрытъ темно-зеленой крышей. По обѣимъ сторонамъ его, и слѣва, и справа, тянулся высокій дщатый заборъ того же цвѣта, что и домъ, и скучное однообразіе его нарушалось только съ одной стороны высоко поднявшимися стволами съ пышными шапками столѣтнихъ дуцлистыхъ липъ, а съ другой—воротами, высокими, грузными, тяжелыми, съ маленькой, едва замѣтной калиткой сбоку съ толстымъ желѣзнымъ кольцомъ. Почти всегда эти ворота были на запорѣ, а когда раскрывались настезь, высокіе столбы ихъ съ перекладиной наверху неизмѣнно производили впечатлѣніе висѣлицы.

Тотчасъ же изъ воротъ налѣво во дворѣ поднимались широкія каменные ступени параднаго крыльца со стекляннымъ фонаремъ и галдареей, какъ говорилось.

Въ глубину и въ стороны раскидывался широко, вольно и безалаберно передній дворъ, мѣстами вымощенный, а гдѣ и нѣтъ, почти всюду поросшій травой, жидкой и чахлой по срединѣ и по торнымъ мѣстамъ и высокой, буйно разросшейся вездѣ по заборамъ, по угламъ и закоулкамъ.

Обогнувъ домъ, дворъ справа переходилъ въ огородъ, а дальше шли кусты смородины, крыжовника, малины до самаго забора. а по забору кругомъ были насажены старыя липы и далеко назадъ уходилъ садъ, запущенный, съ узенькими, извилистыми, причудливо протоптанными дорожками, съ старыми яблонями и грушами, съ кустами бѣлыхъ и красныхъ розъ, съ пестрѣвшими среди травы маками, ноготками, царскими кудрями, жезлами Аарона и другими невзыскательными цвѣтами, которые росли, не требуя ни ухода, ни заботы, Богъ знаетъ, когда и кѣмъ посѣянные. Живой и яркій коверъ ихъ казался очаровательнымъ и прекраснымъ среди угрюмой заброшенности стараго сада, въ которомъ полновластно царили лопухъ и крапива.

Въ глубинѣ двора стояли службы, погреба, конюшни съ сѣновалами съ прилаженной наверху лѣсенкой на голубятню. Потомъ шли флигеля для приказчиковъ, для управляющаго и прочихъ служащихъ, а въ сторонѣ отъ нихъ, уже въ самомъ саду съ зеленой лужайкой, передъ стеклянной террасой, украшенной узорной рѣшеткой съ чугунными вазами для цвѣтовъ по обѣимъ сторонамъ стояла маленькая вилла, которая здѣсь въ Бахваловской усадьбѣ, рядомъ съ большимъ домомъ и флигелями, являлась неожиданной и удивительной и казалась слишкомъ нарядной и похожей на дорогую игрушку, которую поставили здѣсь нарочно и на время и, можетъ быть, сейчасъ унесутъ. Вилла была бѣлая, каменная, легкой и изящной архитектуры, съ башенкой, съ капителями, съ широкими зеркальными окнами въ первомъ этажѣ и съ высокими стрѣльчатými—во второмъ.

И, однако, печать запустѣнія лежала на хорошенькомъ домикѣ, и по тому, какъ густо разрослась трава у террасы и кругомъ, видно было отсутствіе людей и жизни. И, дѣйствительно, въ домикѣ давно уже никто не жилъ, давно не отпирался онъ, и давно пребывали пустынными его комнаты, красивыя и уютныя, не по-бахваловски обставленныя дорогой, выписанной изъ-за границы мебелью. Вилла эта выстроена была дѣдинойкой Провомъ Сидоровичемъ «для развлечения». Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснилъ онъ, когда приступлено было къ ея постройкѣ. Строили ее долго и тщательно, и много пошло на нее денегъ. Дивились домашніе, дивились служащіе, дивились, но не перечили и не осуждали, привыкли они преклоняться передъ авторитетомъ Прова Сидоровича и про себя находили естественнымъ, что такой богатый человекъ вздумалъ потѣшить себя и бросить сотню другую тысячъ на свою фантазію.

Выросъ, наконецъ, домикъ, украсили его стѣны дорогими обоями, матеріями, зеркалами и картинами, наставили въ него невиданной, рѣдкостной мебели. Думалось домашнимъ, что Провъ Сидоровичъ перейдетъ въ свой домикъ съ семействомъ, но этого не случилось.

Мѣсяца два домъ стоялъ пустой. Заикнулась было жена Прова Сидоровича, что хорошо бы къ Рождеству перейти на новоселье.

Смѣрилъ ее взглядомъ мужъ, отступилъ шага на два, хлопнулъ себя по поламъ и расхохотался. Долго смѣялся залихватнымъ, веселымъ, заразительнымъ смѣхомъ. Было это въ столовой, послѣ обѣда, и всѣ домашніе хохотали вмѣстѣ съ нимъ. А потомъ вдругъ прошла веселость, нахмурилъ брови, покачалъ головой.

— Ну, разубажила! Это съ вашимъ-то рыломъ да въ калашный рядъ. Да что жъ я, по-вашему, дуракъ совсѣмъ? Ужъ неужто я для тебя и твоихъ сопляковъ изъ Италіи картины выписывалъ, этакую уйму денегъ архитектору отвалилъ?

— Такъ для кого же онъ тогда?—спросила жена.

— Для кого-нибудь есть, да не про вашу честь.

И еще недѣли двѣ домикъ ждалъ жильцовъ. А Прова Сидоровича все это время мало дома видѣли, часто и къ обѣду не бывалъ, вечеромъ пріѣдетъ, переодѣнется и на всю ночь закатится.

Какъ-то ночью поздно, въ самое глухое зимнее время подкатили къ Бахваловскому дому съ гиканьемъ, свистомъ тройки, выскочили изъ пошевней люди, застучали кулаками въ ворота. Дворники не хотѣли сначала пускать, да вдругъ, видятъ, самъ пріѣхалъ. Въѣхали тройки во дворъ,—пять троекъ одна за другой, на передней самъ Провъ Сидоровичъ всѣмъ дорогу кажетъ,—и всѣ къ домику. Поднялись слуги, приказалъ самъ будить приказчиковъ. Загорѣлся домикъ огнями. Веселой толпой ввалились въ него гости. На одной тройкѣ были официанты изъ трактира и съ ними ящики съ виномъ, съ закусками и съ фруктами. Живо накрыли столы, затрещали дрова въ каминахъ, заиграла музыка, полилось шампанское, и пошелъ пиръ горой.

V.

Звонили къ поздней обѣднѣ, когда стали разъѣзжаться гости. Уѣхали всѣ собутыльники, увезли съ собой своихъ барынь. Только одна барыня осталась.

Объявилъ Провъ Сидоровичъ, что будетъ жить она въ этомъ домикѣ. Нанялъ для нея отдѣльную кухарку, представилъ лакея и горничную, на коюшнѣ отобралъ для нея пару лучшихъ лошадей, младшаго кучера Никишку къ нимъ опредѣлилъ.

Слушались всѣ, никто глазомъ не моргнулъ, а про себя было чудно. Не говорила по-русски барыня, никого и ничего не понимала, и ея никто не понимаетъ, а была молодая и собою красивая, хотя и не одобряли ея красоты въ Бахваловскомъ домѣ.

— Больше на жиловку смахиваетъ,—былъ общій голосъ.

Но была она не еврейка, а венгерка, только что выписанная съ подругами въ хоръ, и понравилась Прову Сидоровичу. По-

торговавшись, выкупилъ онъ ее у содержателя хора и поселилъ въ новомъ домѣ. Ни въ чемъ нужды не знала венгерка, ни въ чемъ не отказывалъ ей Провъ Сидоровичъ, только никуда не пускалъ ее. Безъ него чтобъ никуда не смѣла, развѣ когда покататься позволить, да и то крѣпко накажетъ кучеру, чтобы никуда не заѣзжалъ. А говорить съ ней и онъ не могъ. Сидить, бывало, глядить на нее и молчить. Иногда попробуетъ ей что-нибудь объяснить, долго толкуетъ, руками разводитъ, на вещи показываетъ. Она головой покачаетъ и отвернется. Сталь уже было хмурится Провъ Сидоровичъ, даже старшему приказчику пожаловался.

— Вотъ дѣло-то какое, братецъ. Вѣдь красива, дуй ее горой, вѣдьма, а молчить, какъ рыба.

— Можетъ, она по-своему-то и поговорила бы,—робко предложилъ приказчикъ.

— По-своему. Очень мнѣ нужно ея по-своему. По-моему должна говорить.

— Наняли бы вы ей, Провъ Сидоровичъ, учительшу. Пуцай русскому языку обучается.

— И то дѣло,—обрадовался Провъ Сидоровичъ.—Вѣрно ты говоришь. Дѣлать ей нечего, пусть себѣ учится.

И на другой же день приглашена была учительница. Сначала она приходила на два часа, потомъ на четыре. Успѣхи все были небольшіе. Стала она оставаться на шесть часовъ.

И заскучала венгерка. Кой-какія русскія слова она, однако, выучила, совсѣмъ безслѣдно не могли пройти для нея уроки. Опротивѣла ей ея роскошная клѣтка, да и Прову Сидоровичу она стала надоѣдать. Но, можетъ быть, еще долго протянулся бы его романъ съ венгеркой, если бы изученіе русскаго языка не принесло совершенно неожиданные и нежеланные плоды.

Провъ Сидоровичъ надумалъ какъ-то говорить съ венгеркой по-русски, для практики, и вотъ, вернувшись изъ города и не заходя домой, прямо отправился въ домикъ и, еще не раздѣваясь, въ передней заговорилъ съ венгеркой.

— Ну, здравствуй! Повторяй-ка за мной: здравствуй.

Венгерка широко раскрыла глаза. Но такъ какъ Провъ Сидоровичъ терпѣливо продолжалъ повторять все одно и то же слово, она, кажется, наконецъ, поняла, чего онъ добивается, и отрицательно покачала головой. Провъ Сидоровичъ между тѣмъ раздѣлся и вмѣстѣ съ дамой своего сердца вступилъ въ столовую, не переставая убѣждать ее повторять за нимъ по складамъ русскія слова.

— Ну, не говори здравствуй,—шелъ онъ на уступки, усаживаясь за столъ и подвигая къ себѣ водку и судокъ съ солеными огурцами:—коли тебѣ это слово не нравится. Скажи лучше вотъ что: кушайте на здоровье. И это не хочешь? Бѣды мнѣ съ тобой,

да и только. И что вы за чудакъ-народъ, не понимаю. Сколько времени ты у меня живешь, ѣшь, пьешь, шелковыя тряпки треплешь, въ серьгахъ да брошкахъ зарылась, а добраго слова человѣку не скажешь.

Венгерка пожала плечами и молча принялась за супъ. Пришла учительница русскаго языка и скромно сѣла на свое мѣсто.

— Те-те-те, мать моя!—привѣтствовалъ ее, не отвѣчая на ея поклонъ, Провъ Сидоровичъ.—Вотъ тебя-то намъ тутъ и нужно. Пожалуй-ка, Варвара, на расправу. Что же это у тебя ученицато твоя ни бя, ни мя, ни тень-тилили? Это, мать моя, не модель. Деньги брать умѣешь, а выучку настоящую предоставить не можешь. Сдѣлалъ я твоей ученицѣ экзаментъ. Дрянъ дѣло.

Учительница собиралась уже что-то отвѣтить, но Провъ Сидоровичъ не далъ ей раскрыть рта.

— Помолчи, тебя еще ни о чемъ не спросили.

Но тутъ его прервала венгерка. Кромѣ своего родного языка, она еще говорила по-нѣмецки, такъ какъ въ хору служило всегда много нѣмокъ, и съ учительницей они обыкновенно объяснялись на нѣмецкомъ языкѣ.

— Съ чѣмъ онъ пристасть, этотъ грязный дуракъ?—обратилась она къ ней.

Та рассказала, въ чемъ дѣло.

Венгерка громко расхохоталась.

— Скажите ему, что я достаточно знаю по-русски, чтобы его выругать на его родномъ языкѣ, если это ему нравится.

Учительница тоже разсмѣялась.

Провъ Сидоровичъ нахмурился. Неприятно было ему, что люди говорятъ въ его присутствіи, а онъ ничего не понимаетъ.

— Вотъ и выходитъ, что ты учительница плохая,—сердито сказалъ онъ.—Обучить-то ничему не обучила, а сама-то ужъ нахваталась. Не хуже ея сама лопочешь по-венгерскому.

— Это не по-венгерски, а по-нѣмецки,—еле удерживаясь отъ смѣха, объяснила учительница.

— А это и еще того хуже,—наставительно произнесъ Провъ Сидоровичъ.—Я тебѣ деньги за что плачу? Чтобы ты ее русскому языку научила. А она ее по-нѣмецки, видите ли, выучила. Да на кой онъ мнѣ лядъ нѣмецкій-то языкъ. Ну-ка, изволь сейчасъ же мнѣ сказать, что она такое тебѣ говорила.

— Она мнѣ только сказала, что уже знаетъ достаточно русскіхъ словъ.

— А ну-ка, ну-ка, пуцай она мнѣ эти слова говорить. Эй, ты, мясная кукла, чего сидишь, точно воды въ ротъ набрала.

Учительница быстро перевела венгеркѣ все только что сказанное хозяиномъ дома, и обѣ онѣ снова расхохотались.

— Да ты зубы-то не скаль, а говори,—стуча черенкомъ ножа по столу, приказывалъ Провъ Сидоровичъ.

Венгерка перестала смѣяться и, устремивъ на Прова Сидоровича свои дѣйствительно очень красивые глаза, съ замѣтнымъ акцентомъ, но раздѣльно и громко произнесла:

— Дуракъ ты, шортъ!

Провъ Сидоровичъ такъ былъ изумленъ, что даже не нашелся, что сказать. А венгерка, вставъ изъ-за стола, презрительно смѣрила его взглядомъ и еще старательнѣе и громче, съ невыразимымъ пренебреженіемъ проговорила:

— Старый свинья! Глупый свинья!

Провъ Сидоровичъ поднялся со стула. Онъ, быть можетъ, и не очень бы разгнѣвался, но взоръ его, скользнувъ по смѣющемуся лицу учительницы, нечаянно упалъ на служившаго у стола чело-вѣка, и на лицѣ его онъ поймалъ оскорбительную усмѣшку.

Въ ту же минуту тарелка съ кускомъ жирной кулебяки съ грохотомъ полетѣла на штучный паркетный полъ, за нею послѣдовалъ судакъ съ огурцами и наконецъ графинъ съ водкой угодилъ въ роскошное венеціанское зеркало.

— Черти!—воскликнулъ Провъ Сидоровичъ, задохнувшись отъ гнѣва и только что приобрѣтя даръ слова:—доведутъ же чело-вѣка! Зеркалу-то цѣны нѣтъ. Пятьсотъ такихъ дуръ на одно это зеркало купить можно. Ну, чего, болванъ, стоишь,—собирай!—крикнулъ онъ на лакея.—А этихъ двухъ шлюхъ въ шею, и ученицу, и учительшу. Въ шею, въ шею, чтобъ и духу ихъ не было. Дьяволицы этакія! Человѣкъ имъ благодѣтельствуешь, а онѣ на-ка, поди. Ведененча мнѣ сюда! Сейчасъ чтобъ тутъ былъ!

И когда явился Ведененчъ, Провъ Сидоровичъ отдалъ такой приказъ:

— Завтра, чѣмъ свѣтъ, всю шушеру изъ дому вонъ. Серебро, посуду, бѣлье пересчитать и запереть. Все убрать, привести въ порядокъ. Къ обѣду чтобъ домъ былъ запертъ и ключи поданы въ большой домъ.

Ведененчъ только кланялся да приговаривалъ: «Слушаю-сь».

VI.

Опустѣлъ и затихъ содержанкинъ флигель, какъ прозвали виллу въ Бахваловскомъ домѣ. Провъ Сидоровичъ повелъ себя на рѣдкость скромно и степенно. Въ трактиры ѣздить пересталъ. Рано вставалъ, рано ложился спать, подъ двенадцатые праздни-ки два раза въ большемъ домѣ приказывалъ служить всенощную, женѣ подарилъ въ пять тысячъ брильянтовый фермуаръ. И этими своими поступками примирилъ съ собою всѣхъ домашнихъ.

Для дѣтей тоже не прошло безслѣдно краткое пребываніе венгерки въ Бахваловской усадьбѣ. Какія мысли и умозаключенія перебродили въ головѣ Прова Сидоровича, никому не было извѣстно, но результатомъ ихъ явилось его распоряженіе: старшаго сына Дмитрія, кстати сказать нелюбимаго, отправить за границу въ Англію, а для дочерей нанять французенку, младшему сыну Викулѣ взять учителя. Слѣдуетъ отмѣтить этотъ моментъ, ибо именно съ него, какъ это ни странно, началась цивилизація Бахваловыхъ.

Рѣшеніе насчетъ сына и удивило и даже огорчило семейныхъ, тѣмъ болѣе, что Дмитрій никакихъ особыхъ способностей не проявлялъ, учился лѣниво и неохотно, посѣщаль одно время частный пансіонъ, въ которомъ была очень высокая плата и очень снисходительное отношеніе къ воспитанникамъ, но и оттуда его пришлось взять. Но распоряженіе Прова Сидоровича было безповоротно. И шестнадцатилѣтняго Дмитрія отправили въ Суссексъ съ англичаниномъ-контористомъ, разъ въ годъ пріѣзжавшимъ въ Москву по дѣламъ большихъ англійскихъ фирмъ, которыхъ онъ являлся представителемъ.

Нѣсколько времени все шло въ Бахваловскомъ домѣ тихо и гладко. Жена Прова Сидоровича только радовалась, глядя на мужа. Была она изъ очень богатой провинціальной купеческой семьи, которую Бахваловы и другіе московскіе купцы считали сѣброй. Женился на ней Провъ Сидоровичъ ради большого приданнаго, которое, однако, не все выдали,—зажилили, какъ говорили Бахваловы,—что и послужило главнымъ поводомъ къ тому, что съ самыхъ первыхъ дней водворенія своего въ мужниной семьѣ молодая только и слышала, что попреки да язвительные намеки. Но она была робка и кротка и умѣла отмалчиваться. Надѣялась она первое время, что мужъ явится для нея защитникомъ, но не таковъ былъ Провъ Сидоровичъ. Онъ не обижаль ея, это правда, даже, приглядѣвшись къ ней, обезоруженный ея безотвѣтностью и какой-то несмѣлой нѣжностью, сталъ ей симпатизировать, но, едва рѣчь заходила о деньгахъ, первый готовъ былъ поддержать всѣ нападки.

— Денежки-съ счетъ любятъ,—поучаль онъ молодую жену:—рубль-съ и тотъ—великое дѣло. Вотъ у насъ съ вами два корпуса фабричныхъ работаютъ, а было бы ихъ три-съ, ежели бы меня, какъ добраго дурака, по карману не хлопнули. Плохи, плохи ваши елецкіе,—лаптемъ щи хлебаютъ, рукавомъ ротъ утираютъ, а денежки прикарманить и они умѣютъ.

— У насъ,—начнетъ молодая, чтобы перевести непріятный разговоръ на другую тему...

— У васъ поросенокъ увязъ,—перебьетъ Провъ Сидоровичъ:—а дай вамъ волю, такъ и всю тройку утопите. Нѣтъ ужъ, что тамъ

говорить, даль я самъ маху, на простоту-то понадѣявшись, а теперь вотъ и теряешь, что ни годъ, пятьдесятъ тысячъ. Эта вамъ какъ покажется?

Тяжело жилось молодой, чувствовала она себя въ домѣ чужой, и дѣла у нея никакого не была. Ключи у золовки, а въ хозяйствѣ и въ домашнемъ обиходѣ она не принимаетъ участія. Но пошли дѣти и поглотили все ея время и все ея помыслы. Провъ Сидоровичъ и къ дѣтямъ относился равнодушно, мало бывалъ съ ними и какъ-то не замѣчалъ ихъ. Рѣдко-рѣдко погладитъ по головѣ и при этомъ назоветъ не тѣмъ именемъ, которое носить ребенокъ.

— Да какой же онъ Коля, онъ Митя,—поправить, бывало, мать,

— А не все равно,—скажетъ Провъ Сидоровичъ:—что Коля, что Митя,—одна цѣна. Вотъ что-то изъ нихъ выйдетъ, какъ подрастутъ.

А дѣти являлись на свѣтъ одинъ за другимъ, наполняли тѣсныя низенькія комнаты, предназначенныя для нихъ, рождались, умирали, а тѣ, что выживали, росли, окруженныя неумѣлой и болѣзненной нѣжностью матери, тупымъ равнодушіемъ всѣхъ окружающихъ, довольствомъ, которое иногда било черезъ край и рядомъ съ которымъ уживался недостатокъ въ самомъ необходимомъ. Не рѣдкость было, что у того или иного изъ дѣтей не было крѣпкихъ башмаковъ. Спали они кое-какъ, на диванахъ, на постеляхъ, на сундукахъ, то у кого-нибудь изъ взрослыхъ подъ бокомъ, то по двое, и иногда даже по-трое. Но обязательно въ праздникъ, послѣ обильнаго и сытнаго обѣда, подавалось къ крыльцу огромное ландо, запряженное парой развѣвшихся, лоснившихся вороныхъ или сѣрыхъ въ яблокахъ, съ кучеромъ Евстигнѣемъ на козлахъ, исполиномъ-мужиной съ черной бородой лопатой по самое брюхо, въ высокой, опушенной мѣхомъ шапкѣ или бархатной четырехуголкѣ. Былъ Евстигнѣй и такъ дородень, но еще очень недосыгаемъ былъ для него идеаль заправскаго купческаго кучера, должно быть, потому что подъ армякъ ему всегда подкладывались двѣ подушки, на грудь и на спину, и, благодаря этому, на козлахъ онъ всегда имѣлъ видъ какого-то несуразнаго истукана. Въ ландо сажали всѣхъ дѣтей, съ няньками, мамками, и ихъ везли кататься по Замоскворѣчью, и часа два, иногда три, ѣздили они по Пятницкимъ, Ордынкамъ, Якиманкамъ, колесили по Кривоколѣннымъ, Золоторожскимъ, Лаврушинскимъ переулкамъ, по Овчинникамъ и по Кадашамъ, пока, наконецъ, дѣти не начинали проситься домой, а младшія, наревѣвшись, не засыпали какимъ-то непробуднымъ сномъ и пока, наконецъ, не пресыщалось честолюбіе мамокъ, нянекъ и кучера, на которыхъ останавливались любопытные взоры прохожихъ, дивясь экипажу, истуканоподобному

Евстигнѣю, лошадамъ, съ которыхъ хлопьями стекала похоя на мыло пѣна.

Случалось, что кто-нибудь спросить:

— Чьихъ будете?

Иногда Евстигнѣй не удостоить отвѣтомъ, только скосить глаза да сплюнетъ на сторону, а иной разъ басомъ гаркнетъ:

— Бахваловскіе мы!

Въ праздничные дни, въ дни роженій, именины, на святкахъ, на масленицѣ дѣтей закармливали жирной и вкусной ѣдой, фруктами, сладями и конфетами. Зато въ посты не давали даже молока, горохъ и кашу подавали съ постнымъ подсолнечнымъ масломъ. Да и по скоромнымъ днямъ дѣти нерѣдко выходили изъ-за стола полуголодными, потому что кормили ихъ отдѣльно отъ взрослыхъ, и если матери не удавалось самой наблюсти за тѣмъ, чтобы посланные ею со стола тарелки съ наложенными для дѣтей порціями благополучно прибыли по назначенію, — все жадно поѣдалось въ буфетѣ и на кухнѣ многочисленной распушенной и лѣнливой челядью, а вмѣсто тонкихъ суповъ, вкусной кудебяки съ визигой, рябчиковъ и дорогой рыбы дѣти должны были довольствоваться кислыми людскими щами и крупеникомъ.

При всей любви къ дѣтямъ Анна Васильевна, жена Прова Сидоровича, не могла удѣлять имъ много времени.

И бабушка, мать самого, тогда еще живая, не смѣвшая пикнуть передъ Провомъ Сидоровичемъ, но для всѣхъ остальныхъ домоладцевъ властная и крутая правомъ старуха, не терпѣвшая возраженій и признававшая только свою волю, и тетушки, и гостюшки, и приживалки, — пришлымъ людямъ всегда былъ полонъ Бахваловскій домъ, — всѣ не одобряли материнской горячности Анны Васильевны и знали, что не одобрялъ ея и Провъ Сидоровичъ.

Но дѣти постепенно «подобрались», «не жилицы были», какъ оворили у Бахваловыхъ, и въ домѣ остались только двѣ дочери а сынъ. Отецъ нельзя сказать, чтобы полюбилъ его, а сталъ замѣать, и наконецъ твердо запомнилъ, что зовутъ его Викулой, е называлъ уже его, какъ бывало, то Степкой, то Николкой, приавляя: «Какъ тебя тамъ, что не отзываешься? Ишь васъ, чертенятъ, асплодилось и именъ-то всѣхъ не упомнишь — и наконецъ снисшелъ даже до того, что почасту и многословно сталъ удостаивать сына разговоромъ. Женская половина приходила въ умиленіе, а старшій приказчикъ сталъ сдергивать передъ Викулой картузь и величать его Прововичемъ, прозрѣвая въ немъ будущаго хозяина и владыку.

Викула держался робко и угрюмо. Никогда отецъ на него не кричалъ, не билъ и не наказывалъ, но съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Викула началъ себя помнить, боялся онъ отца смертнымъ страхомъ и радовался, что отецъ не обращаетъ на него вниманія, ка-

ждое слово отца онъ встрѣчалъ съ трепетомъ, какъ бы незначительно оно ни было, и отвѣчалъ отцу односложно, съ выраженіемъ полной покорности.

VII.

Торговали Бахваловы тогда еще въ Ножовкѣ, въ одномъ изъ тѣхъ узкихъ, вымощенныхъ неровными плитами, заслѣженныхъ и головоломныхъ проходовъ съ деревянными подпорками и подгнившими, покосившимися балками, на мѣстѣ которыхъ нынѣ красуются Московскіе Городскіе Ряды.

Пріѣзжалъ изъ города Провъ, мылъ руки подъ ярко вычищеннымъ мѣднымъ рукомойникомъ, отдуваясь садился за столъ, и при ненарушимомъ безмолвіи всѣхъ домашнихъ заводилъ рѣчь:

— Пора бы, Викула, тебѣ въ дѣло становиться. Слоновъ-то ужъ, надо думать, достаточно продавали. Въ городѣ, въ лавкахъ глазъ да глазъ за молодцами нужно, на каждомъ аршинѣ подлець вершокъ потеряетъ. анъ въ день-то оно и многовко набѣжить. А ужъ мнѣ надъ ними стоять не сподручно. Да и до того ли? То въ сундучномъ суконные пироги съ навозомъ съ хорошимъ человѣкомъ ѣшь, то чайкомъ пойдешь съ нужными людьми побаловаться, а намѣсь затесались съ компаніей къ Тѣстову обѣдать, четыре часа и проваландались, а безъ этого нельзя, дѣло коммерческое, заварилъ кашу, не жалѣй масла, сегодня не пойдешь обѣдать, завтра отъ литковъ откажешься,—анъ, смотришь, у тебя покупатель-то, какъ пуганный сурокъ, межъ пальцевъ ускользнулъ. Торговать-то тоже, братецъ, нужно умѣючи. Не все деньги, а и обхожденіе. Нонѣ народъ-то все пошелъ образованный. Дивлюсь я, право. Ну, ужъ баре—имъ и Богъ велѣлъ, они къ тому приставлены, чтобъ книжки читать,—а чего кушцы лѣзутъ, хошь убей, не понимаю. Мокроусова сынъ вчера съ заѣзжалъ за отцомъ въ Ножовку-то. Въ коляскѣ прикатилъ. Одѣтъ, чортъ его побери, собачьяго сына, французомъ какимъ-то, на отца-то и не похожъ совсѣмъ. Тотъ человѣкъ солидный, сразу видать. Одно брюхо чего стоить. Изъ лавки-то вывалится,—ну, вотъ что тебѣ китъ, ей-Богу. Одно слово тебѣ, купецъ, московскій настоящій, который при деньгахъ. А сынъ такъ, мразь какая-то, шелкоперъ. Я бы такого въ приказчики не взялъ. А говорятъ, и по-французскому, и по-нѣмецкому, по всяческому обученъ, а за коимъ дѣломъ,—неизвѣстно. Живетъ человѣкъ на Якиманкѣ, собственный домъ имѣетъ, на бараночника дочери Караваевой женатъ. Что жъ онъ съ ней на Якиманкѣ-то по испанскому объясняется? Такъ, блажь это одна. Дуракъ Мокроусовъ, отецъ-то фонафорится, что сынъ у него ученый. Вотъ онъ третъ глаза-то паленькинымъ денежкамъ, растратанжирить все,—вотъ тебѣ и ученость. А, Викула?

— Такъ точно, папаша.

— Я, вонъ, неученый, а, небось, меня не обсчитаешь. Тебѣ тоже лишнему учиться нечего. Читать умѣешь, слава Тебѣ, Господи, писать тоже,—и того лучше, а больше и не требуется денежному человѣку. До чего сами не дойдемъ, человѣка такого нанять можемъ. Стрекулистовъ этихъ самыхъ безъ штановъ достаточно развелось. Такъ что ли, Викула?

— Точно такъ, папаша.

— Долженъ ты быть отцу благодаренъ? Понли, растили, работой не туганили, восемнадцать лѣтъ парню.—палець объ палець не ударилъ. Пора и за дѣло приниматься. Завтра на полкъ съ Евлампіемъ въ городъ поѣзжайте. Слышалъ?

— Слушаю, папаша.

— Нечего такъ-то безъ дѣла околачиваться. Къ дѣлу-то тоже привычка нужна. Я тебѣ, братъ, съ закрытыми глазами ситець-то пощупаю, такъ сразу скажу, почемъ аршинъ. Досконально въ своемъ дѣлѣ все знать нужно. Нонѣ тоже любятъ о разныхъ пустякахъ говорить. Вонъ, Морозовы станки какіе-то нѣмецкіе выписали, а намъ наплевать. Мы и безъ нихъ башъ на башъ наживаемъ.

Иногда очень рѣдко Провъ обращалъ свою проповѣдь къ дочерямъ, болѣзненнымъ и некрасивымъ:

— Хоть бы вы румянились, что ли! Дѣла не дѣлаете, отъ дѣла не бѣгаете, ѣшь—не хочу, пей—не могу, а тѣла не нагуляли. Да и личности никакой нѣтъ, ни кожи, ни рожи. Заучила, видно, васъ губернанка. Замужъ пора итти, а не книжками баловаться, жениховъ присматривайте... Да смотрите, у меня на офицеровъ глазъ не пяльте, не отдамъ. Нѣтъ на то моего разрѣшенія. Нечего въ барыни лѣзть! Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ. Вонъ Пятерикова:—за купца не пойду.—Дурости-то хватить! Этого вамъ, бабамъ, не занимать стать, норовите за какого-нибудь шерamura выскочить. Денежки чтобы помочь вамъ растряссти. Вонъ Мусорина вышла за барина, полковницей величается,—а дачи-то въ Сокольникахъ уже заложены, а векселечки-то полковниковы протестованы ужъ, плакали папашей нажитыя денежки. А Четверикова и того хуже: богатая невѣста, поискать, а засидѣлась, жениховъ-то выбирала, выбирала, а замужъ что-то не выходитъ. Да и слава про нее плохая пошла. Больно въ домъ много шушеры повадилось ѣздить. Съ лица она, положимъ, неказиста. Только при такомъ капиталѣ это дѣло пустое, что одинъ глазъ на насъ, а другой въ Арзамасъ. Сама и виновата. Какъ это къ такому капиталу да хозяйина не пайти? Ну, да намъ другіе не указъ. Вы у меня про большое приданое и думать забудьте, еще кто навернется. По человѣку и приданое. Денежки-то счетъ любятъ, да и капитала я для васъ дробить не стану.

Никто не возражалъ, все молчали, и Провъ могъ говорить, что угодно и сколько угодно, пока ему самому не надоѣдало.

VIII.

Капиталь Прова росъ, и ужъ давно безъ страха передь неудачами швырялъ онъ десятки тысячъ съ азартомъ врожденнаго игрока, жаднаго до наживы, но которому необходимы и рискъ, и сопряженныя съ нимъ волненія и тревоги. Все удавалось ему. Но вдругъ наступилъ моментъ, когда онъ почувствовалъ себя усталымъ, и захотѣлось чего-то другого, какихъ-то другихъ цѣлей и интересовъ. Опротивѣли лавки, фабрики, утомила погоня за наживой, ощутилъ Провъ Сидоровичъ въ себѣ запасъ еще не початыхъ силъ, запросила душа простора и шири.

Обуяла его тоска, а пуще всего донимала мысль, что всю жизнь прожилъ онъ не какъ хотѣлъ и что никакой утѣхи отъ денегъ ему не было. Наживать ихъ онъ, дѣйствительно, умѣлъ,—это онъ видѣлъ,—сами плыли къ нему въ руки, а радости отъ того мало. Мужикъ былъ, мужикомъ и остался.

И наживать деньги уже надоѣло. Шутка сказать, за миллионъ перевалило. Ну, будетъ два миллиона, три, деньги ужъ такое дѣло,—либо ихъ нѣтъ—на полу не подынешь, а завелись у кого, кого любятъ,—сами растутъ, какъ опара на дрожжахъ. А что въ томъ?

Не дали долго тосковать Прову Сидоровичу. Нашлись въ городѣ купцы-пріятели, подобралась своя компанія. Принялся Провъ Сидоровичъ разгонять грусть-тоску. Всѣ дѣла забросилъ, загулялъ, закутилъ на всю Москву. Рѣкой полились долгими годами накопленныя деньги. Плакала Анна Васильевна, ахали домашніе. Пугали Прова Сидоровича разореніемъ.

Онъ только отмахивался:

— А ну васъ къ дьяволу! Такъ я и буду у васъ тутъ въ мурѣ сидѣть. Мои деньги,—самъ наживалъ. Какъ хочу, такъ и ворочу.

Дивилась на него родня: на старости лѣтъ человекъ самъ на себя не похожъ сталъ. По всей Москвѣ пошли разговоры. Смѣялись купцы:

— Провъ-то—загребистая лапа, дома, говорятъ, и не живетъ, все съ цыганками хороводится.

Порастрясъ Провъ Сидоровичъ капиталъ, тамъ и сямъ задолжалъ, кредита прежняго уже не было, а тутъ сторѣлъ только что отстроенный не застрахованный фабричный корпусъ. Стали поговаривать въ городѣ, что не нынче—завтра Бахваловъ банкротъ.

Много слезныхъ писемъ написала Анна Васильевна въ Англію старшему сыну Дмитрію Прововичу, умоляя его вернуться и помочь наставить отца на умъ.

Да Дмитрій Прововичъ не торопился, все отписывался. Писалъ, что живется ему хорошо, что чувствуетъ себя въ чужой странѣ

какъ дома, что говорить по-англійски сталь, какъ природный англличанинь, что порядки англійскіе ему всё нравятся и что не очень-то тянетъ его въ Бѣлокаменную.

Однако поняль, должно быть, въ концѣ концовъ, что въ домѣ творится что-то неладное, и, не предупредивъ, внезапно, какъ снѣгъ на голову, явился домой.

— Это еще откуда? Тебя кто звалъ?—привѣтствовалъ его Провъ.

И съ первой же встрѣчи перессорились отецъ и сынъ. Отвыкъ за границей Дмитрій Прововичъ отъ покорности и послушанія, кричать на себя не позволяль, держаль себя гордо.

Прову Сидоровичу на каждомъ словѣ перечиль, все хотѣль доказать отцу, что онъ не правъ или ошибается. А Провъ Сидоровичъ твердилъ свое:

— Да не надо мнѣ твоихъ разговоровъ! Не надо! Пойми! Отъ тебя одно требуется: слушай, что приказываютъ старшіе. Не дѣлай свое хорошее, а дѣлай мое плохое. Кто здѣсь глава? Я или ты? Думать,—это головы дѣло, а хвосту одно полагается: либо вилай, либо тихо полеживай.

А когда вздумаль Дмитрій Прововичъ приглядѣться къ дѣлу, сталь спрашивать, какія и какъ ведутся книги, завель разговоры со старшимъ приказчикомъ,—вышелъ изъ себя Провъ Сидоровичъ.

— Да что я въ своемъ дѣлѣ не хозяинъ, что ли? Вотъ нарочно все спущу, копейки не оставлю. Викулу награжу. Викула почти-теленъ, а Дмитрія по міру пуцу.

А дѣла, дѣйствительно, было плохи.

Веденеичъ прямо говорилъ, что пока не поздно,—наличный капиталъ есть, недвижимость въ порядкѣ, не заложена, да и кредиторы еще не хватились за умъ,—надо шубу выворачивать.

Собрали домашній совѣтъ. Долго судили и рядили и рѣшили наконецъ во всемъ положиться на Веденеича.

Съ мальчишекъ онъ жилъ въ домѣ, любилъ его и довѣряль ему Провъ Сидоровичъ, да и въ купечествѣ былъ онъ хорошо принятъ: уважали въ немъ правую руку Бахвалова.

Долго уламываль онъ Прова Сидоровича и, наконецъ уломаль: все перевель онъ на имя Анны Васильевны, а все остальное уже само собою сдѣлалось.

Какъ водится, пригласили кредиторовъ на чашку чаю, объяснили, что вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ наличнаго капитала у Прова Сидоровича не осталось, а все имущество движимое и недвижимое принадлежитъ супругѣ его, Аннѣ Васильевнѣ, и она, по добротѣ своей и жалгѣ Прова Сидоровича, не имѣя большихъ средствъ, предлагаетъ уплатить всё его долги по десяти копеекъ за рубль.

Долго бранились, кричали, шумѣли и галдѣли возмущенные кредиторы. Пришлось послѣ чаю подать и ужинъ. До поздней ночи сидѣли за ужиномъ и все торговались. И ужъ когда всѣ достаточно подвыпили, на двадцати копейкахъ помирились.

Радовались всѣ домашніе и благодарили Создателя, только Провъ Сидоровичъ ходилъ угрюмый и сердитый. Въ городъ не показывался, на фабрики и заглядывать пересталъ.

IX.

Отошелъ отъ дѣлъ Провъ Сидоровичъ, равнодушнень сталъ ко всему, и само собой такъ случилось, что хозяевами стали сыновья. Трудное настало время для служащихъ и для многочисленной челяди. Издавна привыкли всѣ въ Бахваловскомъ домѣ знать «самого» и исполнять только его велѣнія. «Самъ» приказалъ, «самому» пожалуются, а вотъ «самъ» узнаетъ, намылить вамъ голову, какъ «самъ», а наше дѣло подневольное,—все это было понятно, привычно и казалось и всѣмъ домашнимъ, и семейнымъ, и подчиненнымъ достаточно исчерпывающимъ и разумнымъ руководствомъ.

Голова—думай, а рукъ-ногъ не спрашивай.—Дѣлай, что велеть.—На чемъ возу сидишь, тому и пѣсенку поешь,—любили говорить въ Бахваловскомъ домѣ.

И всѣ смотрѣли въ глаза «самому», только отъ него ждали и гнѣва и милости, только съ его желаніями считались, только ему старались угодить, «потрафить» на его вкусъ и характеръ, и каждый по-своему приравнивался къ этому характеру, а, разъ приноровившись, уже болѣе или менѣе былъ за себя спокоенъ.

И вдругъ въ Бахваловскомъ домѣ появилось цѣлыхъ три хозяина. Нельзя было не уважить «самому». Хоть и отошелъ человекъ отъ дѣла, забился въ свой уголь, далъ сыновьямъ полную волю,—а кто его знаетъ, пройдетъ блажь, не поздоровится тогда ослушникамъ. Надо уважить и старшему сыну: умри отецъ,—хозяиномъ будетъ онъ, да и хозяйка Анна Васильевна любитъ своего первенца, глазъ съ него не сводить, а пуще всего и самъ Дмитрій Павловичъ хорошъ, ужъ на что бы лучше хозяина—ласковъ, обходителенъ, со всякимъ поговорить, обо всемъ разспросить и не изъ любопытства, а хочется ему всякому человѣку помочь, и только одно плохо, нѣтъ въ немъ никакой «страховитости», самая послѣдняя мелкота и та страха къ нему не чувствуетъ, а ужъ это плохое дѣло. Зато Викула Прововичъ, даромъ, что молодъ, сразу показалъ когти, да и поставилъ себя сумѣлъ такъ, что ему поперекъ ничего не скажешь. Самъ отъ себя ничего не приказываетъ, со всякимъ дѣломъ къ отцу идетъ, съ Дмитріемъ Прововичемъ не спорить, не ссорится, а чуть захочетъ тотъ ввести какое-нибудь нов-

шество или сдѣлать поблажку, Викула Прововичъ тотчасъ на дыбы:

— Папаша этого никогда не позволялъ, а я изъ папашинной воли не выйду.

Сторонился отъ всѣхъ домашнихъ Провъ Сидоровичъ, даже Анну Васильевну не всегда къ себѣ на глаза пускалъ, но Викула Прововичъ всегда былъ желаннымъ гостемъ. Тѣшило Прова и льстило его самолюбію, что сынъ глядитъ ему въ глаза, безъ его совѣта ни къ чему не приступаетъ и ежечасно выказываетъ ему сыновнюю почтительность: въ городъ ѣдетъ—придетъ, попрощается, домой пріѣдетъ—поздоровается, не полѣнится подняться въ мезонинъ и всегда расскажетъ что-нибудь, что по душѣ Прову.

А вотъ сына Дмитрія онъ не выносилъ, заходилъ онъ, бывало, къ нему изрѣдка, но каждый новый визитъ точно расширялъ и углублялъ ту пропасть, которая раздѣляла отца съ сыномъ, и наконецъ визиты совсѣмъ прекратились. Дмитрій безъ зова не рѣшался являться, Провъ, когда Анна Васильевна или Викула упоминали о Дмитріи, только сердито отмахивался и презрительно отзывался:

— А ну его! Какой онъ мнѣ сынъ: мы люди простые, русскіе, а ему и душу-то точно подмѣнили, все наше плохое, все чужое хорошо. Проклятый перевертень и больше ничего!

Анна Васильевна вздыхала, крестилась на иконы, болѣла за своего любимца, но отчасти и она раздѣляла взгляды Прова. Съ каждымъ днемъ все больше и больше огорчалъ ее первенецъ. Въ церковь Божию не ходилъ. Пріѣдутъ попы съ крестомъ, пріѣдутъ монахи съ просфорой, молебны ли служатъ въ домѣ, поднимаютъ ли Иверскую или Спасителя, гдѣ бы Дмитрію Прововичу, какъ старшему, за отцомъ и ко кресту и подъ кропило подойти и съ батюшками и съ отцами умный разговоръ повести,—онъ и вовсе не покажется. Молодой человѣкъ въ самой порѣ, а сидитъ сиднемъ, ни въ гости, ни погулять,—ужъ лучше бы закутилъ, завихрился бы, все больше было бы на настоящаго человѣка похоже. Пробовала она съ сыномъ говорить,—у него одинъ отвѣтъ:

— Оставьте меня, маменька, въ покоѣ. Вы человѣкъ отсталый, вы меня не поймете.

— Совсѣмъ ты нѣмцемъ сталъ, на русскаго человѣка не похожъ.

— Я и не хочу быть похожимъ на русскаго человѣка. Россія страна варварская.

И, дѣйствительно, не похожъ былъ на русскаго человѣка Дмитрій Прововичъ. Одѣвался чудакомъ въ платье, привезенное изъ-за границы, пальто и шляпу носилъ «заморскія», какъ говорили въ Бахваловскомъ домѣ, зимой въ холодномъ пальтишкѣ вздумалъ щеголять на позоръ всему Замоскворѣчью, точно ужъ у Бахва-

ловыхъ денегъ ему на шубу не хватило. А хуже всего то, что и дѣломъ, какъ слѣдуетъ, не занимался, въ лавки и амбары ѣздить не любилъ. Позоветь его съ собой Викула.

— Не поѣду,—скажетъ:—тамъ и безъ насъ съ тобой артистовъ много двѣнадцать-то вершковъ на аршинъ натягивать.

На фабрики повадился ѣздить,—тоже радости мало. Гдѣ бы строгость хозяйскую показать, глазомъ хозяйскимъ вникнуть,—онъ съ рабочими разговоры заведетъ, про заграницу начнетъ рассказывать, всѣ ихъ жалобы выслушаетъ и все обѣщаетъ, чего они у него ни попроси. А послѣ того рабочіе приказчиковъ и десятниковъ не слушаютъ, къ управляющему съ жалобами идутъ, штрафовъ не принимаютъ. И выходитъ только одна баломуть да непорядокъ.

Хмурился Провъ Сидоровичъ, болѣло сердце у Анны Васильевны и косо поглядывалъ на брата Викула, всѣми чувствовалось, что долго такъ продолжаться не можетъ.

И, дѣйствительно, произошло наконецъ событіе, все перевернувшее въ Бахваловскомъ домѣ. Давно уже стали забѣгать къ Бахваловымъ свахи, но невѣсты все были неважныя, а тутъ вдругъ стали сватать Дмитрію Прововичу Мошнину. Братъ невѣсты самъ два раза былъ у Прова Сидоровича, говорилъ и съ Анной Васильевной, приданое за невѣстой давали, какого поискать. Подумалъ Провъ Сидоровичъ, посовѣтовался съ Анной Васильевной, и оба рѣшили, что это дѣло серьезное, да и жениться Дмитрію пора, парень въ самой порѣ, семьей обзаведется, умнѣе будетъ. Послалъ Провъ Сидоровичъ за Дмитріемъ. И безъ дальнихъ обиняковъ объявилъ ему свою волю:

— Нечего даромъ такъ околачиваться и слоновъ продавать. Отъ такой невѣсты отказываться,—на комъ еще и жениться. Правда, что и говорить, немолода, некрасива невѣста, зато и денегъ не жалѣютъ, пятьсотъ тысячъ даютъ: вотъ ужъ правду говорятъ, дуракамъ счастье. Нечего со свадьбой медлить, черезъ недѣлю сговоръ...

— Я жениться не собираюсь,—сказалъ Дмитрій Прововичъ.

Провъ ушамъ не повѣрилъ, думалъ, что ослышался...

— Да ты хоть невѣсту-то посмотри,—вставила Анна Васильевна.

— И смотрѣть нечего. Придетъ время, женюсь, только не на деньгахъ, а на человѣкѣ.

— Т-акъ-съ,—протянулъ Провъ, который наконецъ появился:—выходитъ такое ваше резюмэ. Вы человѣкъ образованный, поучите насъ, дураковъ. По-нашему, полмилліона на землѣ не валяются, а по-вашему, коли и валяются, такъ зачѣмъ же вамъ нагибаться, утруждать себя, пусть ужъ кто-нибудь другой подыметъ.

И пока онъ это говорилъ, онъ весь дрожалъ отъ клокотавшаго въ немъ гнѣва, и лицо его становилось все багровѣе.

Дмитрій молча поднялся и пошелъ къ двери. Провъ бросился было за нимъ, но только привсталъ, ударилъ по столу кулакомъ и не своимъ голосомъ закричалъ:

— Вонъ!

А потомъ упалъ въ кресло и долго не могъ отдышаться. Весь Бахваловскій домъ пришелъ въ волненіе. Косенькая Татьяна Исидоровна, мечтавшая выйти замужъ только по любви, шушукалась съ приживалками и монашками.

Шушукались и ахали и прислуга, и дворня, и всё не одобряли Дмитрія Павловича. «Этакій капиталъ,—а онъ рыло воротить; теперь, шутка ли сказать, полмилліона улыбнется».

Викула Прововичъ молчалъ, ничего не говорилъ: у него была своя дума. А къ вечеру второго дня было готово и рѣшеніе. Съ нимъ онъ и поднялся въ мезонинъ прощаться на ночь съ отцомъ.

— А вѣдь Мошнинымъ-то, папаша, надо отвѣтъ давать, могутъ, вѣдь, и обидѣться. Дмитрія уламывать нечего, его не свернешь. А полмилліона терять намъ тоже не приходится.

— Ты къ чему ведешь-то?—хмуро спросилъ Провъ.

— А вотъ къ чему, папаша: эти полмилліона намъ какъ разъ на руку. Въ двухъ корпусахъ полный ремонтъ нуженъ, не мѣшаетъ и новый поставить. Да и мало ли куда деньги пойдутъ, намъ послѣ краха-то Бога благодарить надо за такой капиталъ.

— Къ чему ведешь?—еще сердитѣе повторилъ Провъ.

— А къ тому и веду, папаша, что невѣсту упускать нечего, благо за женихомъ у насъ дѣло не станетъ. Чѣмъ я хуже Дмитрія? Да я еще и моложе. Мошнинымъ все равно, ежели хотятъ съ нашимъ домомъ породниться, а для невѣсты такъ еще и лучше. Дмитрія-то она въ глаза не видала, а со мной все-таки встрѣчалась.

— Нравится она тебѣ, выходитъ,—заключилъ Провъ Сидоровичъ.

Викула передернулъ плечами и усмѣхнулся.

— Мы этимъ баловствомъ, папаша, не занимаемся. Наше дѣло купеческое. Тамъ послѣ видно будетъ, можетъ, и по сердцу придется, а, главное, деньги къ деньгамъ. Вы у насъ отъ дѣла отстали, на Дмитрія надежда плохая, барина изъ него за границей не вышло, а купецъ потерялся, и выхожу я одинъ работникъ, такъ ужъ вы на меня положитесь, даромъ у меня и копейка не уйдетъ, а тутъ вѣдь, папаша, полмилліона въ карманъ просятся.

— Справедливо,—согласился Провъ.

Такъ и женился Викула.

Х.

Доволенъ былъ сыномъ Провъ. Теперь онъ уже вполнѣ довѣрялъ ему и хотѣлъ въ немъ одномъ видѣть своего преемника и наслѣдника... Всю жизнь Провъ привыкъ ни съ чѣмъ не считаться,

кромѣ своей воли да еще выгоды. Такъ и тутъ. Никого не спрашивая, привычно властно, сбросивъ съ себя охватившую его адатию, объявилъ онъ Веденеичу, что всему голова и хозяинъ—Викула, и когда Веденеичъ осторожно напомнилъ ему, что вѣдь есть еще и старшій сынъ, Провъ только сдвинулъ брови и прохрипѣлъ отъ душившаго его волненія:

— Митьку вонъ изъ дому! Наслѣдства лишаю и проклинаю.

Покорно выслушалъ это рѣшеніе Веденеичъ. Выросъ онъ и прожилъ всю жизнь въ традиціяхъ Бахваловскаго дома, твердо былъ убѣжденъ, что коли «самъ» что приказалъ, такъ тому и быть.

Но не суждено было исполниться этому распоряженію Прова. Въ первый разъ за всю жизнь въ нѣдрахъ собственной своей семьи, всегда передъ нимъ трепетавшей, приниженной и послушной, встрѣтилъ онъ неожиданный и несокрушимый отпоръ.

Въ первый разъ въ его домѣ навстрѣчу ему поднялся голосъ не робкій, уступающій и смиренный, а рѣшительный и твердый.

— Этого не будетъ, я этого не позволю.

И кто же сказалъ эти слова? Тихимъ, но безповоротно рѣшительнымъ голосомъ ихъ произнесла Анна Васильевна. Только ихъ, ничего больше не сказала.

Въ мезонинѣ воцарилось молчаніе. Ничѣмъ не выдавая себя, всегда сдержанный и замкнутый, стоялъ за кресломъ отца Викула, остро вглядываясь въ поблекшее, простоватое и кроткое лицо сидѣвшей напротивъ матери. У двери въ обычной позѣ, заложивъ правую руку назадъ, а большой палецъ лѣвой руки держа за бортомъ длиннополаго сюртука, стоялъ Веденеичъ, и лицо у него было испуганное, изумленное и недовольное: чего-то онъ не могъ усвоить, чего-то онъ не одобрялъ.

Тяжело дыша, выпрямился Провъ. Ему казалось, что онъ ослышался. Невѣроятно было, что такимъ языкомъ, что такимъ тономъ заговорила съ нимъ жена, на которую онъ всегда кричалъ, всегда топалъ ногами, и, случалось, подъ пьяную, сердитую руку и поколачивалъ.

— Это что же такое?—произнесъ онъ наконецъ, полный недоумѣнія, до того овладѣвшаго имъ, что уже не осталось мѣста гнѣву:—аль забыла, кто здѣсь хозяинъ?

— Нѣтъ, это ты забылъ, а не я,—все такъ же тихо, но такъ же твердо отвѣтила Анна Васильевна:—вспомни-ка ты: хозяйина здѣсь нѣтъ,—есть хозяйка и хозяйка это—я.

Провъ жестко и презрительно усмѣхнулся.

— Это съ какихъ же поръ?—проговорилъ онъ насмѣшливо и спокойно, и только въ глазахъ его вспыхивали и погасали искры, какъ это бывало всегда, когда онъ начиналъ издѣваться надъ кѣмъ-нибудь изъ домашнихъ.

— Съ тѣхъ поръ,—все тѣмъ же тономъ отвѣтила Анна Васильевна:—какъ все переведено на мое имя.

Что-то какъ будто кольнуло Прова, какъ будто явилось предчувствіе какой-то опасности, угрозы. Смѣяться уже не хотѣлось. Въ женѣ онъ почуялъ врага, но ничтоженъ и безсиленъ былъ этотъ врагъ, и съ тѣмъ же жесткимъ презрѣніемъ Провъ смѣриль жену и сказалъ:

— Да кто перевелъ, дура? Вѣдь я же.

— Ты,—кратко согласилась Анна Васильевна.

— А значить, когда захочу, и опять все мое будетъ,—поняла?—внушительно объяснилъ Провъ.

— Когда я захочу,—поправила Анна Васильевна:—только я не захочу, и этого не будетъ.

Съ безграничнымъ изумленіемъ Провъ смотрѣлъ на жену. Нѣтъ, сердиться на нее онъ не могъ. «Взбѣсилась баба, совсѣмъ не не въ себѣ»,—мелькало у него въ головѣ.

Но гдѣ-то въ глубинѣ сознанія копошилась сверлящая, противная догадка, и, невольно ища поддержки, онъ переводилъ вопросительный и изумленный взглядъ съ сына на Веденеича. Но оба стояли, какъ истуканы.

— Да ты что на старости совсѣмъ спятила, али бѣлены обѣлась?—обратился къ женѣ Провъ:—хозяйка!—съ невыразимымъ презрѣніемъ продолжалъ онъ:—ты у меня поговори еще! Кто здѣсь глава? Кто здѣсь первый человекъ? Я! А значить все мое. Сказано: Викулъ дѣла вести, Митьку въ шею, чтобы духу его здѣсь не было. Слышишь ты, старая крыса?

Послѣднія слова относились къ Веденеичу.

Анна Васильевна тихонько встала, аккуратно задвинула стулъ подъ столъ, даже стряхнула какую-то крошку со стола и, повертываясь къ двери, сказала:

— Ну, я теперь пойду. А рѣшенія моего я не измѣню, Провъ Сидоровичъ.

— Вы, папаша, напрасно изволите гнѣваться,—началъ Викула, едва затворилась дверь за матерью:—а только я долженъ вамъ сказать, что по закону, дѣйствительно, все принадлежитъ мамашѣ.

Провъ поднялъ брови.

— По закону?—протянулъ онъ:—я вамъ покажу законъ. Не пожалѣю денегъ, заплачу Карманъ-Лелѣеву...

— Деньгами, папаша, безъ разрѣшенія маменьки вы тоже не можете распоряжаться.

Провъ задумался. Онъ понялъ, что сынъ правъ, но чтобы Анна Васильевна могла противорѣчить ему, не послушаться его, это не укладывалось въ его головѣ.

Насталъ, однако, моментъ, когда онъ наконецъ понялъ, что жена не уступитъ, что уговорами на нее не подѣйствуешь и что

запугать ее нельзя. Понялъ Провъ, что всѣ прежнія мѣры воздѣйствія недѣйствительны, что ни крики его, ни гнѣвъ, ни проклятія его, ни угрозы, ничто не можетъ измѣнить создавагося положенія. Тогда онъ бросился къ адвокату. Викула самъ съѣздила за Карманъ-Лелѣевымъ, но богъ московской адвокатуры только развелъ руками и посовѣтоваль Прову Сидоровичу помириться съ женой.

Какъ звѣрь въ клѣткѣ, заметался Провъ. То призывалъ Викулу съ Веденечемъ и начиналъ съ ними совѣтоваться, то приказывалъ позвать къ себѣ Анну Васильевну

Но Анна Васильевна упорно не желала итти въ мезонинъ, а посланныхъ просила передать, что она Прова Сидоровича уважаетъ попрежнему и неудовольствій никакихъ не желаетъ, но что капиталъ долженъ перейти къ дѣтямъ и долгъ ея, какъ матери, сохранить его въ цѣлости.

А Викула и Веденечъ покорно выслушивали все, что говорилъ Провъ, и то отмалчивались, то отдѣлывались стереотипными фразами:

— Противъ рожна не попрешь, противъ закона не пойдешь.

А Викула разсуждалъ:

— Конечно, теперь вся власть мамашина, но онѣ, какъ женщина, по слабости своей все-таки будутъ всегда въ зависимости. Какъ онѣ за Дмитрія ни заступайся, а дѣломъ придется ворочать мнѣ, а ужъ я, папаша, изъ повиновенія вамъ не выйду, такъ что, по моему, и беспокоиться не стоитъ?

Но Провъ беспокоился. Послѣ каждой попытки прійти съ женой къ соглашенію онъ волновался, выходилъ изъ себя, и обрюзгшее тупое и хмурое лицо его все заливалось кровью и дѣлалось багровымъ, и такими же багровыми, налитыми кровью становилась жирная короткая шея и толстый въ складкахъ затылокъ. Онъ понималъ, что гнѣвъ его безсиленъ и бесполезенъ. Но приступы гнѣва становились все чаще, все непстовѣе, и, выходя изъ себя, онъ на чемъ попало вымещалъ его. Въ мезонинѣ уже были разбиты стекла и сломаны стулья. Анна Васильевна пряталась, боялась выходить изъ своей комнаты, постилась, молилась, плакала, къ дверямъ ея запертой комнаты жались монашки, приживалки, а въ сѣнцахъ у окна на табуреткѣ безсмѣнно сидѣлъ Аѳоня юродивый, молодой парень огромнаго роста въ бѣлыхъ канцфасныхъ штанахъ и розовой китайчатой рубашкѣ, босой, съ тяжелой гладко выстриженной головой, съ розовымъ глупымъ бабьимъ лицомъ и голубыми, на выкатѣ, остановившимися безсмысленными глазами. Время отъ времени онъ издавалъ протяжные вздохи, похожіе на зѣвокъ большого сердитаго звѣря, а потомъ начиналъ креститься, и тогда подъ надѣтой прямо на голое тѣло рубахой позвякивали его желѣзные вериги. Онъ обладалъ страшной физической силой, и всѣ въ домѣ, начиная съ самой трепетавшей Анны Васильевны,

твердо вѣрили, что, пока Аѳоня юродивый сидитъ здѣсь на табуреткѣ,—за Анну Васильевну можно быть спокойнымъ.

Но Прову Сидоровичу и въ голову не приходило спуститься внизъ. Наверху у себя онъ рвалъ и металъ, грозилъ задушить Анну Васильевну и повѣсить проклятаго щенка Митьку, но ему все еще казалось, что жена придетъ къ нему съ повинной. Гнѣвъ душилъ его, искалъ выхода, приступы становились все страшнѣе. Все сильнѣе багровѣло лицо, все сильнѣе наливалась кровью короткая шея, и наконецъ одинъ изъ этихъ приступовъ закончился тѣмъ, что Провъ Сидоровичъ грохнулся на полъ: съ нимъ сдѣлался ударъ, или, какъ выразились въ Бахваловскомъ домѣ, «самого» Кондрашка хватилъ»...

Звали докторовъ и денегъ не жалѣли, но вылечить Прова Сидоровича не удалось. У него отнялись ноги, плохо дѣйствовала лѣвая рука, и говорить онъ могъ только очень медленно и тихо. Безрадостно и глухо потянулись его дни въ мезонинѣ, откуда только очень рѣдко, когда подымали иконы или служили всенощную въ парадныхъ горницахъ, выносили его на креслѣ, и тогда, тамъ внизу, онъ становился на нѣкоторое время предметомъ общаго напряженнаго вниманія, жаднаго и безцеремоннаго любопытства и безконечнаго обмѣна сужденій и впечатлѣній. Все остальное въ Бахваловскомъ домѣ шло попрежнему, ни на чемъ не отразилось замѣтно отсутствіе «самого»: издавна налаженное, громоздкое и тяжелое колесо бахваловскаго обихода ворочалось, какъ бывало, и только въ городскихъ лавкахъ да надъ желѣзными, выкрашенными масляной сѣрой краской дверями амбаровъ въ узенькомъ переулкѣ на Ильинкѣ заблестѣли новыя, по черному фону золотыми литерами, вывѣски: «Торговый домъ Бахвалова сыновья».

Маркъ Басанинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОСЛѢ САНЪ-СТЕФАНО.

(Записки гр. Н. П. Игнатьева съ примѣчаніями А. А. Башмакова).

I.

ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе мнѣ отправиться въ Вѣну для выясненія притязаній графа Андраши и отношенія къ намъ австро-венгерскаго правительства вслѣдствіе заключенія Санъ-Стефанскаго договора было дано 11-го марта 1878 года, а 12-го я выѣхалъ изъ Петербурга чрезъ Варшаву въ Вѣну, куда и прибылъ 14-го марта, въ пять часовъ пополудни.

На другой же день посѣтилъ я графа Андраши и былъ тотчасъ затѣмъ принятъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ. На аудіенціи я передалъ ему письмо его величества, которымъ былъ снабженъ при отъѣздѣ, и доложилъ, что императорское правительство было постоянно убѣждено, что дѣйствуетъ въ Турціи въ полномъ согласіи съ Вѣною и потому крайне поражено проявившимся нынѣ неожиданнымъ недоразумѣніемъ, тѣмъ болѣе, что полагаютъ, что съ своей стороны отнюдь не выходило изъ условленныхъ между нами рамокъ и не подавало ни малѣйшаго повода къ жалобамъ со стороны Австріи. Я доложилъ Францу-Іосифу, что присланъ, чтобы выяснитъ непонятныя для насъ недоразумѣнія, недавно возникшія, и положеніе, принятое австро-венгерскимъ правительствомъ по заключеніи нами мира, и представить всѣ тѣ разъясненія;

которыя императоръ и его правительство признають нужными для правильной оцѣнки заключеннаго нами договора съ турками и уразумѣнія нашихъ дальнѣйшихъ видовъ. Принять я былъ императоромъ и всѣмъ вѣнскимъ обществомъ очень благосклонно, но у графа Андраши не трудно было подмѣтить смущеніе, зависть, раздраженіе и даже плохо затаенную злобу. Съ первыхъ словъ, слышанныхъ какъ отъ императора, такъ и отъ графа Андраши и другихъ правительственныхъ лицъ, было легко убѣдиться, что въ основаніи отношеній нашихъ съ Австро-Венгріею лежитъ недоразумѣніе и взаимное непониманіе другъ друга, происходящее отъ усвоенныхъ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія, антагонизма интересовъ и взаимныхъ недомолвокъ дипломатовъ. Приходилось прійти къ заключенію, что конвенція наша (3-го января 1877 года) ¹⁾ заключена бесполезно и неосмотрительно, а редакція ея совершенно неудовлетворительна и подастъ поводъ къ самымъ недобросовѣстнымъ толкованіямъ. Графъ Андраши, съ самою большою безцеремонностью и нахальствомъ, пользовался всякимъ неосторожнымъ словомъ нашихъ сообщеній и каждою недомолвкою или неясностью текста конвенціи, постоянно ссылаясь притомъ на письма и сообщенія принца Александра Гессенскаго, бывшаго предо мною въ Вѣнѣ, на обратномъ пути изъ Петербурга. Принцъ Гессенскій ²⁾, по словамъ графа Андраши, не только не признавалъ, что, по смыслу

¹⁾ 3-го (15-го) января 1877 г. состоялось подписаніе въ Пештѣ *военной* конвенціи между Австро-Венгріею и Россіею. Въ силу этой конвенціи мы наложили на себя ограниченіе: ни въ какомъ случаѣ не занимать Сербіи нашими войсками, взамѣнъ чего Австрія дала свое согласіе на «участіе сербскихъ и черногорскихъ войскъ въ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ русскими войсками *внѣ* предѣловъ ихъ княжествъ». (Ср. С. М. Горяинова «Босфоръ и Дарданеллы», стр. 304).

Затѣмъ, тою же датою 3—15-го января 1877 г. (ради объединенія съ военною конвенціею) была составлена вторая (*территориальная*) конвенція съ Австріею, хотя она фактически была заключена позже, т. е. 6 (18-го) марта 1877 г., тоже въ Будапештѣ. Эта послѣдняя секретная конвенція опредѣляла, въ развитіе положеній Рейхштадтскаго договора: во-первыхъ, что въ случаѣ передѣла Турціи Австро-Венгрія получала Боснію и Герцеговину, но безъ Новобазарскаго санджака; во-вторыхъ, Россія получала ту часть Бессарабіи, которая была утрачена ею послѣ Крымской кампаніи; затѣмъ обусловлена была взаимная дипломатическая поддержка между Россіею и Австріею; наконецъ, предусматривалась гарантія, уже содержавшаяся въ Рейхштадтскомъ договорѣ: «о недопущеніи образованія значительнаго славянскаго или иного государства», объ устройствѣ самостоятельныхъ государствъ изъ Болгаріи, Албаніи, Румеліи и т. д. (См. Горяиновъ, стр. 306 и 308). А. Б.

²⁾ Принцъ Александръ Гессенскій, братъ російской императрицы Маріи Александровны, родился въ Дармштадтѣ, въ 1823 году. Онъ служилъ въ русскихъ войскахъ съ 1840 до 1851 года на Кавказѣ и имѣлъ чинъ русскаго генераль-майора. Съ 1852 года служилъ въ австрійской арміи, гдѣ получилъ чинъ генерала-отъ-кавалеріи, послѣ участія въ неблагополучномъ для Австріи итальянскомъ походѣ 1859 года. Въ 1866 году онъ сражался, на австрійской сторонѣ, противъ Пруссіи. Отъ его мorganатическаго брака съ польскою графиней Гауке родился въ 1857 году принцъ Александръ Баттенбергскій, который въ 1879 году былъ избранъ на болгарскій престолъ. А. Б.

конвенціи, мы не правы въ нашемъ разномысли съ Вѣною, но и передавалъ, что это будто бы признають въ Петербургѣ. Вообще оказалось, что принцъ Александръ Гессенскій, съ которымъ были, какъ всегда, слишкомъ откровенны и неосторожны въ Петербургѣ, повредилъ намъ вмѣшательствомъ своимъ и сообщеніями австро-венгерскому правительству. Онъ, очевидно, старался объ одномъ: объ обезпеченіи поддержки какъ Россіи, такъ и Австріи кандидатурѣ своего сына на болгарскій престоль.

Изъ объясненій моихъ какъ съ императоромъ, такъ и съ графомъ Андраши выяснилось, что Францъ-Иосифъ былъ недоволенъ письмомъ государя, привезеннымъ ему Новиковымъ при возвращеніи въ Вѣну въ январѣ, и считая себя съ тѣхъ поръ нами обойденнымъ, не оказывалъ прежняго противодѣйствія мадьярскимъ увлеченіямъ графа Андраши. Въ то же время Францъ-Иосифъ ни въ какомъ случаѣ не желалъ, однакоже, ни разрыва, ни ссоры съ нами и лично былъ душевно расположенъ поддерживать съ государемъ Александромъ Николаевичемъ самыя дружескія отношенія, считая, что ему легко будетъ измѣнить образъ мыслей его величества на восточный вопросъ и принятыя имъ рѣшенія. Графъ Андраши, одинъ изъ всѣхъ лицъ правительственныхъ и высшаго вѣнскаго общества, оказался намъ враждебнымъ ¹⁾. Зная личное расположеніе Франца-Иосифа къ союзу съ Россіею, графъ Андраши лицемѣрилъ и старался лишь мало-по-малу, незамѣтно увлечь императора въ противоположную сторону, приводя постепенно къ соглашенію съ Великобританіей и выставляя на видъ, что онъ вынужденъ поступать такъ противно своему собственному желанію, но неотвратимо. Австро-венгерскій министръ, привыкшій распоряжаться нашею восточной политикою, былъ раздраженъ отклоненіемъ Россіею созыва конгресса въ Вѣнѣ ²⁾, такъ какъ эта неудача компрометировала его лично въ глазахъ императора и венгерцевъ. Видно по всему, что онъ такъ увѣрилъ всѣхъ въ своемъ вліяніи въ Петербургѣ и въ несомнѣнномъ успѣхѣ затѣяннаго имъ дѣла, что даже крайне осторожный и несообщительный Францъ-Иосифъ говорилъ, за нѣсколько времени передъ тѣмъ, итальянскому посланнику Робилану о конгрессѣ въ Вѣнѣ, долженствующемъ послѣдовать по окончаніи нашей войны съ Турціею, какъ о вещи несомнѣнной и положительной. Графу

¹⁾ Въ противность неосновательному убѣжденію нашего министра иностранныхъ дѣлъ и личному возрѣнію князя Горчакова. А в т.

²⁾ Россія, при всей своей сговорчивости, не могла допустить, чтобы конгрессъ за-сѣдалъ подъ предсѣдательствомъ графа Андраши и чтобы значеніе Вѣны и Венгріи до такой степени возвысилось въ глазахъ славянъ и Турціи убѣжденіемъ, что судьба ихъ тутъ будетъ рѣшаться окончательно. А этого-то постоянно и добивался графъ Андраши, полагавшій, что учрежденіемъ «Вѣнскаго центра» въ 1875 году онъ приучилъ уже князя Горчакова къ безпрекословному принятію мысли о главенствѣ Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ. А в т.

Андраши нужно было добиться теперь блестящаго успѣха, чтобы укрѣпить свое личное положеніе. Очевидно, что достигнуть такого результата могъ онъ лишь въ ущербъ нашимъ интересамъ. Онъ меня горько упрекалъ за «основанія мира», предъявленныя Намику и Серверу-пашамъ въ Адрианополѣ, утверждая, что требованія наши были до того для него неожиданны и шли до такой степени въ разрѣзъ съ тѣмъ, какъ онъ понималъ и изображалъ предъ своею страной наше соглашеніе съ нимъ, что онъ, по прочтеніи подписанныхъ въ Адрианополѣ условій, плакалъ отъ ярости (такъ выразился графъ Андраши). Я ему отвѣтилъ, что требованіе Австріи конференціи и конгресса, взамѣнъ непосредственнаго соглашенія съ нами и союзаго дѣйствія, основаннаго на заключенной въ январѣ прошлаго года конвенціи, было для насъ еще болѣе неожиданно, хотя мы и не плакали, и что «мирныя основанія» составляли, конечно, минимумъ нашихъ требованій, заключаая лишь тѣ условія, безъ принятія которыхъ турками немислимо было пріостановить, согласно усиленной просьбѣ растерявшихся турокъ, наши военныя дѣйствія.

Въ четвергъ 16-го марта, послѣ трехъ продолжительныхъ разговоровъ съ графомъ Андраши, положеніе для меня уже до того выяснилось, что я могъ телеграфировать канцлеру, что надѣюсь выѣхать обратно въ субботу или воскресенье 19-го марта, что пріемъ былъ благосклонный и что письмо его величества, а равно и словесно мною переданное Францу-Иосифу отъ имени государя произвели, повидимому, благопріятное впечатлѣніе. вмѣстѣ съ тѣмъ я передалъ, въ сжатомъ видѣ, телеграфически, очеркъ общей картины, мнѣ представившейся въ Вѣнѣ.

«Императоръ, желая достигнуть соглашенія съ нами, гораздо болѣе, нежели графъ Андраши, наираетъ, однакоже, на общность своихъ интересовъ на Востокъ съ Англією. До сихъ поръ соглашенія съ нею касательно какого-либо дѣйствія, какъ кажется, не существуетъ, хотя Эллиотъ надѣется увлечь Австро-Венгерію ¹⁾).

«Чтобы укрѣпить свое внутреннее положеніе, графъ Андраши жаждетъ достигнуть дипломатическаго успѣха. Онъ желаетъ конгресса, какъ единственнаго средства пріобрѣсти Боснію и Герцеговину, удовлетворить Грецію и уменьшить Болгарію какъ съ запада, такъ и къ сторонѣ Константинополя. Императоръ заявилъ, что доволенъ въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ лишь постановленіями касательно Дуная и Сербіи и признаетъ права наши на возвращеніе Бессарабіи, но желалъ бы избѣгнуть непосредственнаго соглаше-

¹⁾ Англійскіе корреспонденты въ Вѣнѣ передавали это мнѣ со словъ англійскаго посла.

нія ¹⁾ между нами и Румыніею. Австро-венгерское правительство твердо, повидимому, рѣшило присоединить къ себѣ Боснію и Герцеговину и, придавая особое толкованіе рейхштадтскому ²⁾ соглашенію и конвенціи, желало бы измѣнить (въ неблагопріятномъ для Черногоріи смыслѣ) граничную черту, проведенную между Турціею и Черногоріею по Санъ-Стефанскому договору, образовать албанское княжество, удовлетворить грековъ, уменьшить размѣры Болгаріи и продолжительность военнаго занятія».

Ежедневные, продолжительные разговоры мои съ графомъ Андраши убѣдили меня въ его легкомысліи, недобросовѣстности и враждебности относительно насъ.

Однажды (16-го марта) дошло у насъ до весьма крупнаго объясненія, когда онъ сталъ произвольно толковать и измѣнять заключенное съ нами обязательство, отрекаясь совершенно отъ того, что предположенія наши о будущихъ границахъ Болгаріи, Сербіи и Черногоріи были ему извѣстны и что карта, на которой онѣ были графически обозначены и которая до очевидности доказывала нашу правоту и умѣренность (мы собственно имѣли право предъявить въ Санъ-Стефано еще несравненно большія требованія на основаніи условленнаго въ принципѣ съ Вѣною), была ему своевременно сообщена императорскимъ правительствомъ. Я не скрылъ отъ императора Франца-Иосифа малой надежды моей прійти съ графомъ Андраши къ соглашенію и указалъ ему на случай съ картою, отъ которой министръ отрекался и которую онъ при мнѣ и лишь по моему крайне настойчивому требованію наконецъ отыскалъ, въ моемъ присутствіи, въ ящикѣ своего письменнаго стола, сознавшись при этомъ, что онъ не разсмотрѣлъ оную внимательно съ января 1877 года и даже забылъ совершенно о существованіи этого важ-

---

¹⁾ Постоянно желая «въ мутной водѣ рыбу ловить» и эксплуатировать Румынію, равно какъ всѣ балканскія народности, австрійское правительство ищетъ всегда случая вмѣшаться въ наши сношенія и разстроить наши добрыя непосредственныя отношенія. А в т.

²⁾ Рейхштадтское соглашеніе было заключено между Россіею и Австро-Венгріею 26-го іюня (8-го іюля) 1876 года. По этому договору, предположено было, въ виду возгоравшагося въ то время герцеговинскаго возстанія, что въ случаѣ торжества ислама обѣ державы должны будутъ принять мѣры къ прекращенію неистовствъ мусульманъ противъ христіанскаго населенія и озаботятся введеніемъ преобразованій въ Босніи и Герцеговинѣ. Въ случаѣ же побѣды христіанъ, державы согласились не допускать образованія крупнаго славянскаго государства; къ Сербіи и Черногоріи могли быть присоединены: къ первой—нѣкоторые округа у р. Дрины, въ Босніи, а ко второй—Герцеговина. Зато и Австрія должна была получить «Турецкую Хорватію» (т. е. съверо-западный уголь Босніи) и нѣкоторые боснійскіе округа, смежные съ границей. Россіи предназначалось возвращеніе утраченной ею части Бессарабіи и предоставилась анексія Батума. Въ случаѣ же распадешя всей Европейской Турціи, изъ Болгаріи и Румеліи предполагалось образовать независимыя княжества; Эпиръ и Фессалія отходили къ Греціи, а Константинополь становился вольнымъ городомъ. (Ср. Горяиновъ, стр. 291). А. Б.

наго документа, предназначеннаго предупредить всякое недоразумѣніе между Австро-Венгеріею и Россіею. Императоръ былъ очень смущенъ этимъ эпизодомъ и выразилъ за обѣдомъ, даннымъ мнѣ его величествомъ въ субботу 18—30-го, желаніе, чтобы я не уѣзжалъ изъ Вѣны до совершеннаго устраненія разногласія. Исполнить это я не могъ, въ виду упорства графа Андраши, несогласія моего итти на уступки, противныя моимъ убѣжденіямъ и несомвѣстныя, по моему мнѣнію, ни съ достоинствомъ Россіи, ни съ ея будущностью въ славянскомъ мірѣ. При этомъ, по повелѣнію его величества, на меня возложена была лишь обязанность выяснить положеніе дѣла въ Вѣнѣ и вернуться какъ можно скорѣе въ Петербургъ съ отчетомъ, предоставляя Новикову дальнѣйшіе переговоры съ австро-венгерскимъ правительствомъ.

Вотъ какимъ образомъ далъ я письменный отчетъ въ довѣрительномъ донесеніи князю Горчакову отъ 23-го марта о своемъ пребываніи въ Вѣнѣ:

«Прибывъ въ Вѣну во вторникъ вечеромъ, 14-го марта, я тотчасъ вручилъ Е. П. Новикову экспедицію, ему предназначенную. Посоль въ тотъ же вечеръ свезъ графу Андраши письмо вашего сіятельства, равно и копію съ собственноручнаго письма его величества къ императору Францу-Иосифу, которое находилось въ конвертѣ министерства. На другой день (15-го) я былъ въ полдень у министра иностранныхъ дѣлъ ¹⁾. Въ два часа пополудни я уже былъ принятъ императоромъ, который оказалъ мнѣ большую благосклонность. Съ самаго приступа нашего разговора я могъ замѣтить, что Францъ-Иосифъ былъ въ особенности доволенъ упоминаніемъ въ письмѣ его величества о правильномъ образѣ дѣйствій австро-венгерскаго правительства въ теченіе войны. Императоръ меня подробно спрашивалъ о здоровьѣ государя, ея величества и всѣхъ членовъ императорской фамиліи и въ особенности же тѣхъ, которые принимали непосредственное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

«Напирая на свою личную преданность государю императору, мой августѣйшій собесѣдникъ выставилъ желаніе свое поддержать отношенія взаимнаго довѣрія между обоими правительствами и для сего отстранить всякую причину недоразумѣнія или взаимнаго неудовольствія между кабинетами. Его величество не скрылъ отъ меня, что онъ былъ непріятно пораженъ нѣкоторыми намеками, содержащимися въ письмѣ, привезенномъ Новиковымъ при его возвращеніи изъ Петербурга (въ январѣ), но поспѣшилъ добавить, что онъ съ удовольствіемъ видитъ, что государь ему отдаетъ справедливость теперь. Переходя къ Санъ-Стефанскому договору, императоръ

¹⁾ Во время пребыванія своего въ Вѣнѣ, я ежедневно бывалъ у министра отъ двѣнадцати до трехъ, трехъ съ половиною и четырехъ часовъ пополудни; сверхъ того видѣлся съ нимъ иной разъ и вечеромъ.

утверждалъ, что при заключеніи его не было обращено достаточно вниманія на то, что было условлено между обоими правительствами въ прошломъ году и что нѣкоторыя изъ статей договора нарушали существенные интересы Габсбургской монархіи. Согласно высочайшему повелѣнію, мною полученному при отправленіи, я старался доказать неосновательность подобнаго заключенія, а что, напротивъ, мы вполне соображались съ желаніями, намъ выраженными вѣнскимъ кабинетомъ, и что статьи, затрагивающія австро-венгерскіе интересы, редактированы такъ, что ограждаютъ эти послѣдніе совершенно во всѣхъ отношеніяхъ. Присылка меня въ Вѣну, сказалъ я, служить, впрочемъ, новымъ доказательствомъ желанія императорскаго правительства поддержать существующее соглашеніе съ вѣнскимъ кабинетомъ: въ качествѣ одного изъ уполномоченныхъ, ведшихъ переговоры съ турками въ Санъ-Стефано, я въ состояніи представить всѣ разъясненія, которыя пожелали бы здѣсь имѣть, сколько по поводу статей договора, столько же и насчетъ намѣреній нашихъ касательно приведенія въ исполненіе статей, интересующихъ непосредственно Австро-Венгрію. Если, какъ надо надѣяться, соглашеніе окончательно установится, вслѣдствіе объясненій моихъ съ графомъ Андраши, мы могли бы условиться заблаговременно въ согласованіи будущихъ дѣйствій нашихъ двухъ кабинетовъ въ случаѣ созванія конгресса; если же, несмотря на примирительное наше расположеніе, конгрессъ не состоится, вслѣдствіе сопротивленія Великобританіи, можно бы согласиться насчетъ средствъ, способныхъ укрѣпить тройственное соглашеніе имперій, посредствомъ спеціальнаго договора касательно восточныхъ вопросовъ ¹⁾.

«Императоръ, казалось, выслушалъ со вниманіемъ данныя мною объясненія, но не вышелъ изъ общихъ мѣстъ въ своихъ отвѣтахъ и ограничился настояніями, что многія статьи нашего договора нарушали интересы Австро-Венгріи, въ особенности касательно путей сообщенія въ Салоники. Его величество говорилъ о мнимой общности интересовъ, связующей Австро-Венгрію съ Великобританіею въ восточныхъ дѣлахъ и обязывающей вѣнскій кабинетъ соблюдать большую осмотрительность при настоящихъ обстоятельствахъ. Обозвавъ мысль о близости интересовъ Австро-Венгріи съ англійскими вѣковымъ предразсудкомъ, ничѣмъ не оправдываемымъ, я старался открыть, заключенъ ли въ послѣднее время въ дѣйствительности договоръ, какъ многіе утверждали, между Вѣною и Лон-

¹⁾ Хотя я исполнилъ въ точности повелѣніе государя, но въ мысляхъ моихъ еще болѣе утвердилось сомнѣніе въ пользѣ сближенія на почвѣ восточнаго вопроса съ Австріею, развѣ при нашей войнѣ съ Англіею, которую я считалъ мало вѣроятною, но при которой мы, по необходимости, должны были бы искать союзниковъ въ Европѣ, чтобы предупредить образованіе противъ насъ могущественной и опасной коалиціи.

Авт.

дономъ относительно восточныхъ дѣлъ. Сколько я могъ вывести заключеніе изъ словъ его величества, подтвержденныхъ и дополненныхъ впоследствии графомъ Андраши, ничто еще не подписано, ни даже не сговорено между двумя кабинетами, хотя довѣрительные переговоры съ Биконсфильдомъ и могли быть начаты ¹⁾.

«На вѣнской почвѣ еще не обнаружилось никакого сближенія въ видахъ общаго дѣйствія съ Англіею. Но мнѣ показалось, что хорошія личныя отношенія установились между графомъ Андраши и сэромъ Генри Эллиотомъ ²⁾, котораго и императоръ Францъ-Иосифъ находитъ лично пріятнымъ. Я, однакоже, сомнѣваюсь, чтобы участь, постигшая всѣхъ государей, при которыхъ Эллиотъ былъ послѣдовательно аккредитованъ—въ Неаполѣ, Мадридѣ, Афинахъ и Константинополѣ ³⁾, могла способствовать внушенію личнаго довѣрія къ нему вѣнскаго двора.

«Отвѣчая на изъявленное Францемъ-Иосифомъ желаніе установленія добраго согласія между графомъ Андраши и мною, я сказалъ, что имѣлъ даже утромъ подготовительный разговоръ съ министромъ и что мы условились съ нимъ видѣться ежедневно, чтобы какъ можно скорѣе объясниться по всѣмъ пунктамъ, по которымъ существуютъ поводы къ разномыслию. Я просилъ, однако же, его величество умѣрить горячность своего министра иностранныхъ дѣлъ, дабы облегчить наше соглашеніе. Безъ малѣйшаго повода или намека съ моей стороны, императоръ повѣрилъ мнѣ, что личное положеніе графа Андраши въ странѣ сильно поколеблено, но онъ добавилъ, что паденіе министра, подписавшаго конвенцію, касающуюся восточныхъ дѣлъ, вѣроятно, не соотвѣтствовало бы видамъ Россіи, въ особенности же въ совпаденіи съ тою минутою, когда должно было приступить къ осуществленію договореннаго. Впрочемъ, добавилъ Францъ-Иосифъ, графъ Андраши, повидимому, пользуется довѣріемъ императора Александра и дружбою князя Горчакова, какъ сугубо свидѣтельствуютъ письма, мною привезенныя ⁴⁾. Чтобы не оставить

¹⁾ Государя старались многіе сбить съ толку и подвинуть на постепенныя уступки въ Турціи и въ особенности на счетъ славянъ въ пользу Австро-Венгрии сообщениями, что наступательно-оборонительный союзъ уже заключенъ между Лондономъ и Вѣною и что оба государства готовы тотчасъ приступить къ военнымъ дѣйствіямъ противъ насъ.
А в т.

²⁾ Враждовавшимъ съ нами въ послѣднее время, предъ войною, на Босфорѣ и негодовавшимъ на сближеніе со мною Салисбюри, мянѣнія котораго онъ не раздѣлялъ.
А в т.

³⁾ Всѣ они свергнуты были съ престоловъ и потерпѣли несчастія въ бытность при нихъ посланникомъ Эллиота. Францъ-Иосифъ смотрѣлъ на это съ предубѣжденіемъ, какъ я могъ замѣтить во время обѣденнаго разговора, въ продолженіе котораго императоръ упомянулъ о несчастномъ совпаденіи, съ видимымъ неудовольствіемъ подчеркивая, что, по странной случайности, англійскій посолъ постоянно подкапывался подъ тѣхъ государей, при которыхъ онъ былъ аккредитованъ.
А в т.

⁴⁾ Въ ослѣпленіи своемъ князь Горчаковъ не упускалъ случая придать еще большій вѣсъ и значеніе въ глазахъ австрійскаго императора графу Андраши, дѣйствовавшему, однакоже, во враждебномъ намъ смыслѣ.
А в т.

въ умѣ императора Франца -Иосифа впечатлѣніе, что я вовсе не считываю или не желаю прійти къ соглашенію съ графомъ Андраши. Я выразился соотвѣтственно въ томъ же духѣ, хотя мнѣ не трудно было замѣтить, что императоръ лично, гораздо болѣе своего министра. желалъ сближенія съ Россією, и что я, по первому же разговору съ графомъ Андраши, предвидѣлъ большія затрудненія съ послѣднимъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ положительно вознегодовалъ на насъ за непріятіе его предложенія созвать конгрессъ или конференцію въ Вѣнѣ. Онъ съ трудомъ скрываетъ свое неудовольствіе, говоря, однакоже, что въ виду затрудненій, возбужденныхъ нынѣ Великобританіей, онъ очень счастливъ, что избавился отъ отвѣтственности, которая пала бы на него, если бы ему пришлось принять на себя обязательство созвать европейскій ареопагъ. Стремясь достигнуть личнаго удовлетворенія самолюбія въ европейской конференціи, собранной въ Вѣнѣ подъ его предсѣдательствомъ, онъ тѣмъ менѣе ожидалъ встрѣтить отказъ со стороны Петербурга, что считалъ мысль свою соотвѣтствующею видамъ князя Горчакова ¹⁾. Даже самъ императоръ Францъ-Иосифъ считалъ осуществленіе этой мысли до того обезпеченнымъ, что онъ говорилъ о предстоящемъ созывѣ вѣнской конференціи съ нѣсколькими лицами, между прочимъ съ итальянскимъ посломъ, какъ о счастливомъ и славномъ событіи, долженствующемъ осуществиться въ его столицѣ. Многіе изъ дипломатовъ, съ которыми я имѣлъ случай встрѣтиться и говорить, увѣряли меня, что неудача, постигшая графа Андраши, и въ особенности быстрое окончаніе войны и Санъ-Стефанскій договоръ, котораго онъ никакъ не предвидѣлъ, подорвали его авторитетъ въ глазахъ императора. Для возстановленія своего вліянія ему необходимо добиться видимаго всеміи успѣха, котораго онъ можетъ нынѣ достигнуть лишь на счетъ Россіи и которымъ онъ постарается воспользоваться столько же предъ императоромъ, сколько и предъ венгерцами, доброе расположеніе и довѣренность которыхъ онъ желалъ бы себѣ возвратить. Графъ Андраши желалъ бы доказать свѣту, императору Францу-Иосифу и въ особенности своимъ соотечественникамъ-мадьярамъ, что онъ не сдѣлалъ никакой политической ошибки, что его предвидѣнія были основательны, что онъ своевременно оградилъ вполнѣ интересы монархіи съ точки зрѣнія военной, торговой и политической, что онъ обезпечилъ не только вліяніе Австро-Венгріи, но ея господство на западной части Балканскаго полуострова и что онъ, наконецъ, умѣлъ извлечь существенную пользу изъ нашихъ побѣдъ и изъ пораженій, нанесенныхъ нами Турціи, — предоставленіемъ Австро-Венгріи львиной части при окончатель-

¹⁾ Слабость котораго въ пользу конференцій и конгрессовъ была извѣстна всей Европѣ, въ особенности же въ Вѣнѣ, гдѣ онъ участвовалъ въ конференціи въ продолженіе Крымской войны.

Авт.

номъ расчетѣ. Чтобы достигнуть этого блестящаго результата, графъ Андраши, какъ кажется, рѣшился не отступать ни передъ чѣмъ. Надо опасаться, чтобы его заносчивый характеръ и старинная привычка не быть разборчивымъ въ средствахъ для достиженія намѣченной цѣли не увлекли его постепенно къ разрыву съ нами, въ особенности если Англія намъ объявитъ войну.

«Въ продолженіе послѣдовательныхъ разговоровъ, которые я имѣлъ въ теченіе пребыванія моего въ Вѣнѣ, онъ мнѣ разновременно, раза два или три, далъ понять, что если вооруженное столкновеніе произойдетъ между нами и Англіею, онъ не можетъ обязаться воспротивиться теченію, которое увлечетъ не только венгерцевъ, но, какъ ему кажется, и нѣмцевъ Габсбургской монархіи къ союзу съ Великобританіею. Австро-венгерское правительство въ такомъ только случаѣ, увѣряетъ онъ, было бы въ состояніи остаться вѣрнымъ соглашенію, заключенному съ нами ¹⁾, когда оно было бы удостоено получить миролюбивымъ образомъ, въ согласіи съ Россіею, всѣ тѣ матеріальныя и нравственныя выгоды на Востокѣ, которыя война противъ насъ могла бы ему доставить. Графъ Андраши въ теченіе моихъ разговоровъ съ нимъ сдѣлалъ смѣлые намеки на мнимый милліонъ солдатъ, которыми Австро-Венгрія можетъ нынѣ располагать, на выгоды стратегическія, которыми она обладаетъ по отношенію къ намъ, на опасности, угрожающія намъ при вѣроятномъ возрожденіи польскаго вопроса, и проч. Вообще онъ прикидывается убѣжденнымъ въ превосходствѣ новой австро-венгерской арміи ²⁾, достоинство которой, по его мнѣнію, еще не имѣлось случая въ Европѣ испытать. Въ порывѣ словоохотливой откровенности, которую я преднамѣренно старался вызвать и поощрять, графъ Андраши увлекся до того, что сказалъ мнѣ, что, когда Россія будетъ вовлечена въ войну съ Англіею, многіе въ Австро-Венгріи будутъ, вѣроятно, того мнѣнія, что представляется единственный благоприятный случай избавиться разъ навсегда отъ пугала тѣхъ опасностей, которыя угрожаютъ со стороны великой сѣверной имперіи; что, истощенные только что окончившеюся войною, мы, вѣроятно, не захотимъ вести слишкомъ продолжительную новую борьбу и что Австро-Венгрія, покончивъ счеты съ нами, могла бы вступить въ эру финансовыхъ сбереженій, въ которыхъ она такъ нуждается, уменьшивъ на долгіе годы свои военныя издержки.

¹⁾ Большая намъ выгода была связывать себя по рукамъ и ногамъ съ такимъ союзникомъ, который держался насъ, лишь пока могъ извлекать даромъ выгоды себѣ, и присоединялся къ врагамъ нашимъ, какъ только тѣ рѣшались приступить къ нападенію на насъ и когда выгоды, нашу кровью ему доставленныя, казались нашему мнимому союзнику еще недостаточными.

А в т.

²⁾ О старой графъ Андраши совѣстился упоминать съ похвалъбою, а о боевыхъ достоинствахъ новой ему ничего не стоило распространяться до провѣрки оныхъ на поляхъ сраженій.

А в т.

«Поднявъ на смѣхъ его похвальбу и остановившись лишь на исходной точкѣ его разсужденія, я возразилъ графу Андраши, что съ отвращеніемъ отворачиваюсь отъ мысли о войнѣ между двумя сосѣдними имперіями, связанными вѣковою дружбою и между которыми мирныя отношенія не были никогда нарушены, что я надѣюсь на него, что онъ не будетъ гоняться за честию ввести такое печальное нововведеніе въ отношенія нашихъ государствъ. Каковъ бы ни былъ исходъ борьбы, она будетъ стоить жизни многихъ десятковъ тысячъ людей, разорила бы въ финансовомъ и экономическомъ отношеніи обѣ страны и образовала бы глубокую пропасть между нами. Если бы даже судьба благопріятствовала коалиціи, которая противъ насъ составитъ, державы, которыя войдутъ въ ея составъ, должны будутъ, чтобы извинить предъ исторіею свое несправедливое нападеніе, предоставить населенію Европейской Турціи еще гораздо болѣе преимуществъ, нежели тѣ, которыя мы имъ предлагали теперь, и Австро-Венгрія при этомъ едва ли не заплатитъ. Какъ бы мимоходомъ, я категорически опровергнулъ военныя соображенія и предположенія графа Андраши, выставивъ на видъ, что едва ли усиліяхъ будетъ на сторонѣ коалиціи; но я поспѣшилъ повторить, что мнѣ было весьма непріятно коснуться такой случайности, хотя и академически и лишь для того, чтобы отвѣчать на его воинственныя предположенія,—тѣмъ болѣе, что я отказываюсь допустить возможность того стеченія обстоятельствъ, о которомъ онъ завелъ рѣчь. Графъ Андраши, съ своей стороны, разсуждалъ въ увѣреніяхъ, что онъ желаетъ избѣгнуть для своей страны ужасовъ войны, но проявилъ снова свои мадьярскіе предразсудки, замѣтивъ, что если бы даже вѣнскій кабинетъ былъ вынужденъ привести въ исполненіе на Балканскомъ полуостровѣ ту политическую программу, которую мы имѣли въ виду для разрѣшенія восточнаго вопроса, то остріе онаго, т. е. непріятныя послѣдствія, будутъ отвлечены отъ Пешта и направлены исключительно противъ Россіи съ той минуты, когда осуществленіе освобожденія христіанъ Турціи перейдетъ изъ нашихъ рукъ въ инныя ¹⁾).

«Мои разговоры съ графомъ Андраши оставили во мнѣ впечатлѣніе, что онъ добровольно не откажется отъ преслѣдуемой имъ

---

¹⁾ Въ этомъ замѣчаніи, сорвавшемся съ языка графа Андраши, заключается вся разгадка политики, не только австро-венгерской, но и всей Западной Европы въ восточномъ вопросѣ, по вмѣстѣ съ тѣмъ оправданіе моего постоянного образа дѣйствій и осужденіе нашихъ дипломатовъ, не достигавшихъ, что вся суть вопроса заключается въ томъ: кто, когда и при какихъ обстоятельствахъ будетъ способствовать возрожденію христіанъ на Востокѣ и образованію независимыхъ балканскихъ государствъ—Россія, Австро-Венгрія или Англія? Нельзя намъ смотрѣть на это равнодушно, предоставляя Австро-Венгріи и Германіи первенство, и желать лишь безкорыстнаго улучшенія положенія нашихъ единовѣрцевъ, передавая ихъ въ руки нашихъ противниковъ.

Авт.

программы и что онъ приложить все стараніе,—смотря по обстоятельствамъ,—дипломатическими или иными путями, обратить на пользу Австро-Венгріи всѣ выгоды, пріобрѣтенныя Россіею войною и Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Чтобы избѣгнуть прямого столкновенія съ Австро-Венгріею, намъ предстоитъ, повидимому, выбрать между двухъ золъ: или, сокративъ требованія этой державы до крайности (до минимума), рѣшиться принять ихъ, доставивъ ей удовлетвореніе, въ ущербъ обаянію Россіи и добытымъ на Востокъ результатамъ, или же попытаться привести къ паденію графа Андраши и, воспользовавшись личнымъ добрымъ расположеніемъ Франца-Иосифа, содѣйствовать вступленію въ должность министра иностранныхъ дѣлъ государственнаго человѣка, не гоняющагося за мимолетными и громкими успѣхами, но рѣшившагося поддерживать прочное и серьезное соглашеніе съ Россіею. Какъ кажется, императоръ имѣлъ въ виду, для принятія наслѣдства графа Андраши, графа Альфреда Потоцкаго ¹⁾ или генерала Молилари и, по всему тому, что до меня дошло, мнѣ кажется возможнымъ стовориться съ ними на основаніи прежнихъ соглашеній между обоими кабинетами и отнюдь не отказываясь отъ существенныхъ условій Санъ-Стефанскаго договора.

Въ этомъ смыслѣ высказывались мнѣ многіе военные генералы и члены высшаго вѣнскаго общества, въ особенности же графы Ревертера, и Траутмансдорфъ ²⁾, князь Меттернихъ ³⁾ и его жена, выказавшіе мнѣ большую любезность и предупредительность, для того, чтобы подчеркнуть неодобреніе вѣнской аристо-

---

¹⁾ Графъ Альфредъ Потоцкій, австрійскій государственный человѣкъ, родился въ 1817 году. Онъ владѣлъ обширными помѣстьями въ Галиціи и въ царствѣ Польскомъ. Съ 1867 по 1870 гг. онъ занималъ постъ австрійскаго министра земледѣлія, а затѣмъ былъ назначенъ премьеромъ кабинета. Съ 1875 до 1883 года онъ былъ императорскимъ намѣстникомъ въ Галиціи. А. Б.

²⁾ Графъ Фердинандъ Траутмансдорфъ, австрійскій государственный человѣкъ, родился въ 1825 году и поступилъ на дипломатическое поприще. Въ 1866 году, будучи австрійскимъ посланникомъ въ Карлсруэ, онъ сумѣлъ настолько повліять на великаго герцога Баденскаго, что убѣдилъ его стать на сторону Австріи во время ея войны съ Пруссіею. Въ 1867 году его перевели посланникомъ въ Мюнхенъ, а въ 1868 году—въ Римъ къ папскому престолу. Въ 1872 году онъ былъ избранъ вице-президентомъ австрійской палаты господъ. А. Б.

³⁾ Князь Рихардъ Меттернихъ (сынъ знаменитаго австрійскаго дипломата Клемена Меттерниха, герцога Портелла, современника Наполеона I) родился въ 1829 году и, по стопамъ отца, посвятилъ себя дипломатіи. Съ 1856 года онъ былъ австрійскимъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при саксонскомъ дворѣ. Въ 1859 году онъ былъ назначенъ посломъ въ Парижъ. Его супруга, рожденная графиня Сандоръ, подружилась съ французской императрицей Евгеніей и сыграла, съ нѣкоторымъ блескомъ, свѣтскую роль при Тюльерійскомъ дворѣ. Князь Меттернихъ самъ довольно значительно подвергался личному вліянію Наполеона, III. Послѣ его паденія роль Меттерниха на дипломатическомъ поприщѣ кончилась. Онъ съ тѣхъ поръ проживалъ виднымъ аристократомъ въ Вѣнѣ. А. Б.

кратіи венгерскимъ выходкамъ графа Андраши и желаніе избѣгнуть столкновенія съ Россією. Но всего замѣчательнѣе было, что сочувственный образъ мыслей и желаніе замѣною графа Андраши менѣе враждебнымъ Россіи министромъ иностранныхъ дѣлъ способствовать прекращенію взаимныхъ недоразумѣній не скрыли отъ меня важнѣйшія лица при вѣнскомъ дворѣ, другъ и довѣренный сановникъ императора князь Гогенлоэ¹⁾ и генераль Вельгардъ. Благосклонность, вниманіе и предупредительность ихъ ко мнѣ были поразительны.

«Я имѣлъ честь обѣдать у императора въ субботу, наканунѣ моего отъѣзда изъ Вѣны. Его величество разспрашивалъ меня касательно моихъ переговоровъ съ графомъ Андраши. Я счелъ долгомъ предупредить Франца-Иосифа, что сомнѣваюсь въ возможности принятія въ Петербургѣ предложеній, мнѣ сдѣланныхъ министромъ. Я позволилъ себѣ ярко выставить предъ его величествомъ то тяжелое положеніе, въ которое былъ бы поставленъ государь императоръ требованіемъ отдать часть освобожденной имъ Болгаріи снова подъ турецкое владычество, съ призраннымъ автономнымъ управленіемъ, и лишитъ Черногорію завоеванной ею цѣною великихъ жертвъ приморской мѣстности, уступленной уже турками княжеству по нашему настоянію. Я говорилъ его величеству о необходимости сохранить согласіе двухъ имперій, чтобы имѣть возможность разрѣшить нынѣшнія затрудненія сообразно взаимнымъ интересамъ. Выразившись въ тождественномъ смыслѣ, императоръ сказалъ мнѣ, между прочимъ: «въ особенности будемъ воздерживаться отъ вступленія на путь военныхъ приготовленій», намекая, очевидно, на распространенные въ Вѣнѣ слухи, якобы дошедшіе изъ Россіи, о нашихъ вооруженіяхъ. По собственному почину, ничѣмъ не вызванный съ моей стороны, его величество далъ мнѣ свое честное слово и поручилъ мнѣ передать его императорскому величеству, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, что никакихъ военныхъ мѣръ не было принято въ Галиціи и что ни одинъ солдатъ не двинутъ къ нашимъ границамъ.

---

¹⁾ Князь Хлодвигъ Гогенлоэ и Шиллингсфурстъ, принцъ Ратиборскій и Корвейскій, германскій государственный челоѣкъ, родился въ 1819 году. Онъ былъ германскимъ посланникомъ въ Лондонѣ въ 1849 году. Въ 1866 году, ставъ во главѣ баварскаго кабинета, онъ сталъ на сторону Пруссіи и вообще всегда держался на сторонѣ объединительной всегерманской политики; но, по его мнѣнію, для Германіи было желательно образовать союзъ государствъ на федеративныхъ началахъ, а не единое государство. Постъ войны 1870 года, когда послѣдовало открытіе всегерманскаго рейхстага, князь Гогенлоэ былъ выбранъ его председателемъ. Въ 1874 году онъ получилъ назначеніе на посольскій постъ въ Парижѣ, гдѣ онъ проявилъ, въ отношеніи Франціи, тактичность и чувство мѣры. На Берлинскомъ конгрессѣ въ 1878 году князь Гогенлоэ былъ однимъ изъ делегатовъ отъ Германіи. Въ 1885 году онъ былъ назначенъ императорскимъ намѣстникомъ въ Эльзасъ - Лотарингіи, гдѣ попытался придерживаться примирительнаго образа дѣйствія.

«Подтвердивъ на послѣднемъ свиданіи нашемъ на другой день это заявленіе, графъ Андраши замѣтилъ, что слухи о вооруженіяхъ въ Галиціи зародились въ польскихъ мозгахъ, которые, естественно, ничего болѣе не желаютъ, какъ войны между Россіею и Австро-Венгріею. Онъ добавилъ, что императоръ Францъ-Іосифъ былъ удивленъ извѣстіемъ, что мы сосредоточиваемъ въ Кіевѣ нѣсколько дивизій и что военныя приготовленія у насъ дѣятельно производятся. Эти мѣры могутъ, по его мнѣнію, породить опасенія, которыя заставятъ правительство принять, съ своей стороны, соотвѣтствующія мѣры. До сихъ поръ въ Австро-Венгріи ограничились, по словамъ министра, тѣмъ же, что дѣлалъ во всѣхъ другихъ странахъ: подготовительными мѣрами къ мобилизаціи арміи, для того, чтобы, въ случаѣ надобности, она могла бы быть произведена во всей имперіи какъ можно успѣшнѣе и быстрѣе ¹⁾).

«Хорошо освѣдомленные люди меня увѣрили, что сверхъ шестидесятимилліоннаго займа, обеспеченнаго въ Англіи, австро-венгерское правительство тайно готовится выпустить другого займа въ сто милліоновъ флориновъ, чтобы реализовать его, когда обстоятельства потребуютъ. Но, впрочемъ, соотвѣтствующія суммы могутъ поступить въ распоряженіе правительства лишь черезъ три мѣсяца и военныя приготовленія будутъ окончены лишь около того времени (т.-е. не ранѣе конца іюня). Слѣдуя инструкціямъ, мнѣ даннымъ при отправленіи изъ Петербурга, я ограничился представленіемъ объясненій императору и графу Андраши и старался лишь вызвать послѣдняго на явное выраженіе его мыслей и опредѣленныхъ желаній вмѣсто повторенія, какъ было доселѣ, лишь того, что онъ не желаетъ допустить. Въ теченіе четырехъ сутокъ, проведенныхъ мною въ Вѣнѣ ²⁾), я, кажется, успѣлъ выяснитъ вполнѣ положеніе, какъ ваше сіятельство можете судить по памятной запискѣ ³⁾), при семъ прилагаемой, въ которой изложена сущность требованій Австро-Венгріи, и по картѣ, которую мнѣ вручилъ, отъ имени министра, секретарь его, баронъ Гюбнеръ, въ минуту моего отъѣзда.

«Въ виду крупнаго значенія послѣдствій рѣшительнаго шага въ томъ или другомъ изъ вышеозначенныхъ направленій я не

¹⁾ Меня всего болѣе бѣсило это постоянное пахальное хвастовство графа Андраши, желавшаго пустить пыль въ глаза, попытаться напугать и стать на ходули.

Авт.

²⁾ Въ бесѣдахъ съ нимъ и съ различными правительственными и общественными лицами.

Авт.

³⁾ Постоянными возраженіями и моими замѣчаніями на неосновательность, туманность, сбивчивость и неопредѣленность заявленій графа Андраши и на затруднительность передать государю императору ясные выводы изъ желаній Австро-Венгріи я вынудилъ министра дать мнѣ письменное изложеніе и карту, на которой графически были выражены граничные проекты и вождедвія графа Андраши.

Авт.

имѣлъ права дѣйствовать безъ особаго полномочія или приказанія императорскаго правительства, т.-е. или вступить въ переговоры съ графомъ Андраши на основаніяхъ его программы, или же принять положеніе, которое повело бы къ смѣнѣ министра ¹⁾). А потому я ограничился отклоненіемъ всѣхъ предложеній графа Андраши, который настаивалъ еще въ субботу, подобно тому, какъ и самъ императоръ говорилъ мнѣ въ первый день моего пребыванія въ Вѣнѣ, чтобы я не уѣзжалъ обратно, не намѣтивъ, по крайней мѣрѣ, основанія новаго соглашенія между двумя имперіями по восточному вопросу. Я отвѣтилъ, что у меня нѣтъ инструкцій для переговоровъ на другихъ основаніяхъ, нежели заключающіяся въ нашемъ договорѣ и для принятія новой для меня австро-венгерской программы, ибо въ Петербургѣ не могли предвидѣть, что виды вѣнскаго кабинета такъ радикально противорѣчатъ Санъ-Стефанскому договору и такъ мало сообразуются съ существующими соглашениями между обоими кабинетами и заключенною конвенціею. Я заявилъ, подѣ конецъ, графу Андраши, что въ виду шума, поднятаго въ Вѣнѣ вслѣдствіе моего пріѣзда, я не могу безрезультатно продолжать свое здѣсь пребываніе съ той минуты, когда я удостовѣрился въ коренномъ различіи мнѣній, существующихъ между нами.

«Получивъ, между тѣмъ, телеграмму, адресованную вашимъ сіятельствомъ къ нашему послу въ Вѣнѣ, съ предложеніемъ ускорить мое возвращеніе ²⁾), я выѣхалъ изъ Вѣны въ воскресенье утромъ, сознавая вполне необходимость какъ можно скорѣе доставить императорскому правительству свѣдѣнія касательно дѣйствительныхъ намѣреній вѣнскаго кабинета, для обсужденія ихъ при принятіи окончательныхъ рѣшеній, имѣя въ виду, что нынѣшнее неопредѣленное положеніе налагаетъ на насъ ежедневные расходы и не должно продолжаться».

II.

Характеръ и сущность моихъ переговоровъ съ графомъ Андраши изображены съ самою большою точностью въ донесеніи моемъ

¹⁾ На предложеніе мое, сдѣланное князю Горчакову, способствовать замѣнѣ графа Андраши другимъ министромъ, я тотчасъ получилъ отвѣтъ, что государь запрещаетъ мнѣ противодействовать личности графа Андраши, такъ какъ онъ считается лучшимъ нашимъ другомъ и пособникомъ. Авт.

²⁾ Въ критическія минуты, въ мартѣ 1877 года и въ мартѣ 1878 г., канцлеръ соглашался давать мнѣ дипломатическія порученія къ европейскимъ дворамъ, но всякій разъ дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы затруднить исполненіе порученія, помѣшавъ мнѣ достигнуть какого-либо положительнаго результата и ускорить мое возвращеніе, не давъ мнѣ довести дѣло до конца. На этотъ разъ князь Горчаковъ нецугался хорошаго пріема, мнѣ оказаннаго въ Вѣнѣ, опасаясь, что я поколеблю положеніе его любезнаго друга, графа Андраши, своими разоблаченіями и настояніями. Авт.

канцлеру, поданномъ 23-го марта, въ Петербургѣ. Всѣ подробности продолжительныхъ переговоровъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, съ передачею всѣхъ оттѣнковъ, на которые необходимо было обратить вниманіе наше, я доложилъ словесно канцлеру, письменнo же ограничился краткимъ изложеніемъ сущности нашего обмѣна мыслей.

«Конгрессъ. Не только графъ Андраши, но и самъ императоръ Францъ-Иосифъ настаиваетъ на собраніи конгресса. Они оба смотрятъ на это, какъ на преимущественно австрійское предложеніе и какъ на единственное средство обезпечить главнымъ образомъ восточные интересы имперіи и продолжительный миръ Европѣ, оградившись отъ неожиданностей и новыхъ осложненій. Какъ кажется, оба опасаются, что если нынѣшній кризисъ не кончится конгрессомъ, Россія успѣетъ согласиться отдѣльно съ тѣми государствами, интересы которыхъ менѣе противорѣчатъ и не такъ глубоко затронуты восточнымъ вопросомъ, какъ Австро-Венгріи. Они полагаютъ, что намъ возможно сговориться даже съ Англіею, цѣною нѣкоторыхъ уступокъ въ ея пользу, и что тогда мы не обратимъ никакого вниманія на противодѣйствіе вѣнскаго кабинета и не примемъ ни одного изъ его требованій. Они надѣются, что, напротивъ того, конгрессъ предложитъ австро-венгерскому правительству, отъ имени Европы, занять и присоединить къ себѣ Боснію и Герцеговину, что возможно будетъ исполнить въ такомъ случаѣ мирно и на законномъ основаніи ¹⁾).

«Сверхъ того, конгрессъ приметъ въ соображеніе требованія, заявленныя греками, интересы которыхъ Австро-Венгрія, повидимому, желаетъ взять подъ свою защиту ²⁾, чтобы ихъ противопоставить славянамъ и ограничить Болгарію на юго-западѣ. По мнѣнію графа Андраши, бессарабскій вопросъ долженъ былъ бы также быть рѣшенъ на конгрессѣ, такъ какъ ему хотѣлось бы избѣгнуть, чтобы мы столковались дружжелюбно съ румынами на основаніи Санъ-Стефанскаго договора, т.-е. получивъ предварительно со-

---

¹⁾ Ясно было, что конгрессъ для насъ невыгоденъ и что всего лучше было слѣдовать моему проекту: или возобновить тотчасъ послѣ перемирія константинопольскую конференцію для заключенія окончательнаго мира, или же, договорившись съ турками, сговориться непосредственно съ Берлиномъ и потомъ, при посредничествѣ императора Вильгельма, съ Вѣною, т.-е. попытаться извлечь изъ пресловутаго тройственнаго союза императоровъ возможную для насъ пользу, предоставивъ державному другу нашего государя устранить, въ качествѣ избраннаго посредника, недоразумѣнія, происшедшія отъ различнаго толкованія конвенцій, заключенныхъ Россіею съ Австро-Венгріею, съ косвеннымъ участіемъ германскаго правительства.

А в т.

²⁾ Намъ слѣдовало не удерживать грековъ отъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и, по крайней мѣрѣ, столковаться съ ними тотчасъ по прекращеніи военныхъ дѣйствій.

А в т.

гласіе Порты на уступку намъ Добруджи ¹⁾. Вообще, графъ Андраши смотритъ на конгрессъ какъ на единственное средство, при настоящихъ обстоятельствахъ, достигнуть цѣли, которая ясно выдѣляется изъ всѣхъ его разговоровъ со мною: предохранить балканскія народности отъ нашего исключительнаго вліянія, доказавъ имъ, что положеніе, которымъ онѣ будутъ пользоваться послѣ войны, даровано имъ не одною Россіею, а всею Европою, причемъ Австро-Венгріи принадлежала преобладающая роль, соотвѣтствующая ея географическому положенію, какъ ближайшей сосѣдки этихъ народностей.

«Несмотря на отставку лорда Дерби и затрудненія, происшедшія между Англіею и нами ²⁾, графъ Андраши еще надѣется, что с.-джемскій кабинетъ приметъ мысль о созваніи конгресса, и что, рано или поздно, обстоятельства заставятъ Англію согласиться на ея осуществленіе ³⁾. Онъ полагаетъ, что вступленіе австро-венгерскихъ войскъ въ Боснію и Герцеговину будетъ способствовать достиженію сего результата, вынуждая прійти къ европейскому рѣшенію этого вопроса ⁴⁾, и не скрылъ отъ меня, что, впрочемъ,

¹⁾ Очевидна была необходимость непосредственныхъ переговоровъ съ румынами о послѣдствіяхъ войны нашей. Канцлеръ не хотѣлъ этого понять. По безопасности и желанію ничего не брать на свою личную отвѣтственность, сохраняя постоянно возможность присваивать себѣ дѣянія другихъ, или же взваливать на нихъ все, что будетъ неудачно, князь Горчаковъ ничего не сдѣлалъ касательно Румыніи во время шестимѣсячнаго пребыванія своего въ Бухарестѣ и потомъ не хотѣлъ послѣдовать совѣту моему поправить свою ошибку особыми переговорами и заключеніемъ союзной конвенціи съ Россіею послѣ Санъ-Стефанскаго договора. Опасались вызвать неудовольствіе Австро-Венгріи сдѣлками съ Сербіею и Румыніею. А в т.

²⁾ Въ Лондонѣ была разыграна комедія на нашъ счетъ: лордъ Дерби, давшій слово графу Шувалову, что англійская броненосная эскадра не вступитъ въ Дарданеллы, если мы не займемъ Галлиполи, подалъ въ отставку, какъ только Биконсфильдъ призналъ нужнымъ, по настоянію Лайярда, ввести эскадру не только въ Дарданеллы, но и въ Мраморное море и подвести къ Стамбулу. Наши же войска, вопреки моимъ представленіямъ государю и канцлеру, основываясь на обѣщаніяхъ графа Шувалова, не заняли Галлиполи, ни даже Булаирскихъ линій и, такимъ образомъ, дали возможность разбитымъ турецкимъ войскамъ тамъ сосредоточиться и устроиться, пока мы остановились въ Чатаджѣ и затѣмъ въ Санъ-Стефано. Очевидно, взаимныя положенія Россіи и Англіи въ восточномъ вопросѣ радикально измѣнились съ присутствіемъ броненосной эскадры у стѣнъ Стамбула и отношенія обострились. Задачею нашей дипломатіи было предупредить это и избѣгнуть. Графу Андраши были, конечно, на руку эти усложненія и наша легковѣрность. А в т.

³⁾ Слѣдовательно, сочувственная лично князю Горчакову и вредная Россіи мысль о созывѣ конгресса и пересмотрѣ на немъ Санъ-Стефанскаго договора принадлежитъ всецѣло австро-венгерскому правительству, рассчитывавшему на поддержку князя Бисмарка, на нашу податливость и на то, что ему удастся наконецъ объяснить Англіи призрачность ея одиночества и стѣсненное положеніе, въ которое поставлена Россія своими мнимыми союзниками. А в т.

⁴⁾ Зная слабость нашего министра иностранныхъ дѣлъ къ европейскому концерту, хотѣли отвести намъ глаза, убѣдивъ, что важнѣе не исходъ побѣдоносной войны, не заключеніе славнаго договора подъ стѣнами Стамбула, а вынужденіе Англіи

въ послѣднемъ ¹⁾ фазисѣ настоящаго вопроса вся вина была на сторонѣ лорда Биконсфильда ²⁾, доставившаго Россіи возможность снять съ себя отвѣтственность затыжки созванія конгресса ³⁾. При этомъ онъ, какъ бы мимоходомъ, замѣтилъ, что, если Великобританія дѣйствительно хочетъ съ нами воевать, она это можетъ сдѣлать послѣ конгресса точно такъ же удобно и, можетъ быть, даже выгоднѣе, нежели въ настоящее время ⁴⁾.

«Министръ иностранныхъ дѣлъ сказалъ мнѣ, что онъ предполагаетъ воздѣйствовать на Англію для устраненія ея предубѣжденій, какъ только онъ получитъ согласіе наше на уменьшеніе Болгаріи: онъ выставитъ эту уступку нашу предъ англичанами, какъ доказательство того примирительнаго расположенія, съ которымъ мы вступимъ въ конгрессъ, и возможности съ нами стовориться ⁵⁾».

принять приглашеніе на излюбленный конгрессъ, предназначенный собственно для униженія Россіи, и что для достиженія нами такого результата, какъ европейское рѣшеніе восточнаго вопроса, мы должны съ благодарностью принять содѣйствіе графа Андраши и съ радостью допустить даже вступленіе австро-венгерскихъ войскъ въ сербскую землю (Боснію и Герцеговину), подъ прикрытіемъ 150-тысячной русской арміи, стоящей подъ Константинополемъ.

А в т.

¹⁾ Андраши, не обинуясь, сознавался, что, въ его глазахъ, мы были виновны предъ нимъ и Европою, разбивая турокъ, и лишь въ послѣднемъ фазисѣ вопроса отвѣтственность нашу облегчила недогадливость англійскаго правительства.

А в т.

²⁾ Графъ Андраши цинически выказывалъ свою мысль, что ему собственно хотѣлось, чтобы вся вина предъ Европою во всемъ пала на Россію, для легчайшаго проведенія на конгрессѣ своихъ видовъ, направленныхъ противъ русско-славянскихъ интересовъ, и возстановленія всего общественнаго мнѣнія Европы противъ насъ. Графъ Андраши такою мнимую откровенностью, приправленною венгерскимъ нахальствомъ и самоувѣренной развязанностью ловкаго свѣтскаго человѣка, хитро проводилъ обыкновенно нашихъ дипломатовъ, внушая имъ убѣжденіе въ своей искренности и мнимо-простодушной откровенности.

А в т.

³⁾ Графъ Андраши предпочелъ бы, разумѣется, созвать конгрессъ прежде заключенія нами Санъ-Стефанскаго договора, тотчасъ послѣ остановки войскъ въ Адрианополѣ и подписанія перемирія и отнять у насъ всякую возможность самостоятельнаго дипломатическаго дѣйствія въ пользу восточныхъ народностей. Намъ Европа предоставляла лишь право бить турокъ, проливать русскую кровь и тратить русскія деньги, но никакъ не извлекать пользу ни для себя, ни для единовѣрцевъ нашихъ по собственному усмотрѣнію.

А в т.

⁴⁾ Выражаться такъ союзнику и руководителю тройственнаго соглашенія по восточному вопросу было болѣе нежели странно. Это указывало на дѣйствительное нерасположеніе къ Россіи графа Андраши и на характеръ его сообщений Англіи. Эллиотъ былъ въ правѣ разсчитывать на легкость достиженія увлеченія его въ союзъ съ Англіею противъ насъ.

А в т.

⁵⁾ Возмутительна была роль, которую князь Горчаковъ своею предупредительностью позволилъ венгерцу занять въ отношеніи къ Россіи. Графъ Андраши, цѣною отреченія нашего отъ требованій, закрѣпленныхъ пролитію русскою кровью, предлагалъ свое посредничество и ручательство за нашу уступчивость предъ Англіею, чтобы мы были удостоены вступленіемъ на конгрессъ для европейской ломки нашего славнаго творенія. Очевидно, участіе графа Андраши могло повести лишь къ тому, что Англія, увѣренная въ желаніи нашемъ дѣлать уступки, пошла бы на конгрессъ еще съ большими требованіями, нежели прежде, и съ полною надеждою на окончательный

Я не могъ воздержаться отъ замѣчанія моему собесѣднику, что, при такихъ обстоятельствахъ, ничто не гарантируетъ насъ противъ того, что другія державы, слѣдуя сему примѣру, потребуютъ еще новыхъ уступокъ, и если мы захотимъ всѣхъ удовлетворить, то, въ концѣ концовъ, большая часть результатовъ, добытыхъ цѣною кровопролитной войны, будутъ уничтожены одинъ за другимъ. Графъ Андраши ограничился ссылкой на то, что императорскій кабинетъ призналъ, съ самаго начала, что мирныя условія, договоренныя съ турками, не будутъ имѣть окончательнаго значенія и могутъ быть измѣнены, по соглашенію съ державами ¹⁾.

«Боснія и Герцеговина.

«Графъ Андраши недоволенъ статьею Санъ-Стефанскаго договора о Босніи и Герцеговинѣ, усматривая въ ней уничтоженіе возможности присоединенія этихъ двухъ областей, предвидѣннаго нашею конвенціею. Я узналъ, что это заключеніе свое онъ сообщилъ высшимъ военнымъ чинамъ ²⁾, что вызвало въ военной партіи нѣкоторое раздраженіе противъ насъ.

«Я объяснилъ министру иностранныхъ дѣлъ, точно такъ же, какъ императору и эрцгерцогу Альбрехту, что занятіе ³⁾ (а не присоединеніе) этихъ двухъ областей могло истекать изъ 14-ой статьи Санъ-Стефанскаго договора. Такъ какъ меня не уполномочивали сообщать туркамъ о существующемъ соглашеніи между двумя нашими правительствами, я вынужденъ былъ прибѣгнуть къ обходу сего обстоятельства, не теряя, однакоже, изъ виду желаемаго вѣнскимъ правительствомъ результата. Дѣйствительно, такъ какъ, по смыслу нашего договора, вопросъ Босніи и Герцеговины предоставлялся особому взаимному соглашенію трехъ державъ (Россіи, Австро-Венгріи и Турціи), то Австро-Венгрія сохраняетъ полную возмож-

---

успѣхъ надъ нами. Я умышленно съ буквальною точностью доносилъ о выраженіяхъ и умыслахъ графа Андраши канцлеру, въ надеждѣ открыть глаза и разбить его патріотизмъ. Но разоблаченія мои были приняты равнодушно, скорѣе съ чувствомъ докучливости, недовѣрія и неудовольствія противъ меня, а не противъ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ.
А в т.

¹⁾ Это заявленіе князя Горчакова было величайшею ошибкою, уничтожившею плоды нашихъ многолѣтнихъ усилій и кровавой войны, приведшею насъ къ уничтоженію результатовъ Санъ-Стефанскаго договора.
А в т.

²⁾ Эрцгерцогъ Альбрехтъ и нѣкоторые высшіе генералы австрійской арміи и лично самъ императоръ мечтали постоянно съ 1859 года о присоединеніи Босніи и Герцеговины къ Австро-Венгріи, признавая, что безъ Босніи и части Герцеговины владѣніе Далмаціей не прочно. Эти же лица составляли то, что называлось военною партіею, расположенною къ соглашенію съ Россіею независимо отъ Германіи и противящеюся воинственной и задорной политикѣ мадьяръ, направленной исключительно противъ насъ.
А в т.

³⁾ Существенная разность между временнымъ занятіемъ, обставленнымъ извѣстными условіями, и вступленіемъ австро-венгерскихъ войскъ для присоединенія страны къ имперіи Габсбурговъ, постоянно упускалась изъ виду. И французы были въ Сиріи, но по возстановленіи порядка удалились.
А в т.

ность въ свое время предъявить, что контрольная комиссія и жандармы, опредѣленные константинопольскою конференціею, должны быть замѣнены делегатомъ вѣнскаго правительства и австро-венгерскими войсками ¹⁾. Графъ Андраши мѣ категорически отвѣчалъ, что онъ въ этомъ вопросѣ не хочетъ основываться ни на какой статьѣ Санъ-Стефанскаго договора ²⁾, и не скрылъ отъ меня своего намѣренія достигнуть опредѣленія занятія Босніи и Герцеговины конгрессомъ, или же, если ему это не удастся, собственнымъ починомъ привести это въ исполненіе, внѣ всякаго соглашенія нашего съ турками ³⁾. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ предполагаетъ непосредственно увѣдомить Порту о своихъ намѣреніяхъ, приглашая ее вывести свои войска, чтобы избѣгнуть столкновенія, и объясняя вступленіе австро-венгерскихъ войскъ невозможностью для Порты осуществить условленныя реформы, ни разрѣшить аграрные вопросы ⁴⁾, ни сдѣлать возможнымъ возвращеніе бѣженцевъ, спасшихся въ Австро-Венгріи, содержаніе которыхъ стоитъ послѣдней уже девять милліоновъ флориновъ и которыхъ она не можетъ ни оставить на неопредѣленное время въ своихъ предѣлахъ, ни предоставить на произволъ мусульманскаго населенія. По мнѣнію графа Андраши, занятіе Босніи и Герцеговины не можетъ встрѣтить возраженія со стороны какого-либо изъ кабинетовъ, такъ какъ они, при созданіи Большой Болгаріи и безсиліи, въ которое приведена нынѣ Порты, должны непременно согласиться на присоединеніе этихъ двухъ областей къ Австро-Венгріи, для установленія на Востокѣ равновѣсія между вліяніемъ Запада и Россіи ⁵⁾.

¹⁾ При такой постановкѣ дѣла австрійскіе делегаты и войска являлись лишь исполнительнымъ орудіемъ не исключительно австро-венгерскаго правительства, а конференціи между Россіею, Турціею и Австро-Венгріею и должны были дѣйствовать лишь по инструкціямъ, составленнымъ по взаимному соглашенію между тремя правительствами, не выходя изъ поставленныхъ рамокъ. Авт.

²⁾ Графъ Андраши понималъ, что необходимость обезудать, рѣшать и дѣйствовать сообща съ Россіею и Турціею въ Босніи и Герцеговинѣ затруднитъ осуществленіе той задней мысли австро-венгерскаго правительства, съ которою затѣяно имъ было все дѣло, и что остріе босно-герцеговинскаго вопроса, направленное противъ Россіи, Сербіи и Черногоріи, симъ уничтожается. Авт.

³⁾ Вся суть дѣла заключалась въ томъ, что не понимали или не хотѣли понять въ Петербургѣ: чтобы не дать возможности графа Андраши распоряжаться самостоятельно въ Босніи, необходимо было сохранить почву константинопольской конференціи и наши права участвовать въ рѣшеніяхъ вмѣстѣ съ Турціею. Сербы и черногорцы были бы спасены. Авт.

⁴⁾ Ссылаясь постоянно съ 1875 года на аграрный вопросъ, графъ Андраши безуспѣшно морочилъ Европу и въ особенности Петербургъ, не намѣреваясь вовсе приводить въ исполненіе, по занятіи страны своими войсками. Я предупреждалъ о неисполнительности задачи, выставляемой напоказъ, для отвода глазъ, еще въ 1875 году. Обстоятельства и время доказали, что я былъ правъ. Авт.

⁵⁾ Вѣчный антагонизмъ всего Запада Европы съ Россіею, не признаваемый нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, услаждающимся европейскими концер-

«Чтобы толкнуть какъ можно ранѣе Австро-Венгрію на путь, который, по всей вѣроятности, приведетъ ее къ прямому столкновению съ Портою, и опредѣлить безповоротно дѣятельность Австро-Венгріи, которая, несмотря на увѣренность министра, едва ли не встрѣтитъ противодѣйствія нѣкоторыхъ державъ и въ особенности Италіи ¹⁾, я не опровергалъ принципиально проектъ графа Андраши, ограничившись замѣчаніемъ, что, чѣмъ болѣе онъ откладываетъ исполненіе (до созыва конгресса), тѣмъ больше онъ встрѣтитъ сопротивленіе туземныхъ мусульманъ, такъ какъ, по всей вѣроятности, Порта отошлетъ въ эти области боснійскій редифъ (резервные батальоны и призывныхъ нижнихъ чиновъ) и распуститъ ополченіе (мустафизъ). Можетъ статься, что туда направлены будутъ и призывныя войска изъ Константинополя и Малой Азіи, въ особенности тѣ, въ составъ которыхъ вошли уроженцы этого края. Графъ Андраши былъ озабоченъ этимъ замѣчаніемъ, но возразилъ, что не предвидитъ серьезнаго сопротивленія, ибо, по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ послѣднее время, Порта можетъ располагать во всей странѣ, куда желаетъ проникнуть Австро-Венгрія, лишь тридцатью батальонами, и оккупационныя войска будутъ встрѣчены всеобщей радостью не только католическимъ населеніемъ, но и православнымъ, и даже самими мусульманами ²⁾.

тами, высказывается ясно и нахально, вмѣстѣ съ заднею мыслью, постоянно и неизмѣнно руководившею графомъ Андраши при всѣхъ его соглашеніяхъ съ княземъ Горчаковымъ и Новиковымъ и всѣми дѣйствіями его, направленными противъ русскаго представителя въ Константинополѣ и автора Санъ-Стефанскаго договора. Авт.

¹⁾ Главная моя цѣль была воспрепятствовать тому, чтобы Австро-Венгрія получила, мирнымъ и прочнымъ образомъ, изъ рукъ Европы, пользуясь русскими побѣдами, родственныи намъ край, сохраняя въ то же время хорошія отношенія съ Турціею и избѣгая враждебности не только христіанскаго, но и мусульманскаго населенія. Я видѣлъ, что занятіе рѣшено безповоротно въ Вѣнѣ и даже одобрено нашимъ правительствомъ, а потому желалъ лишь запугать Австро-Венгрію, сдѣлавъ вступленіе австрійскихъ войскъ въ Боснію менѣе опаснымъ для будущности славянъ, при современномъ обнаруживаніи дѣйствительнаго характера разбойническаго нашествія для захвата двухъ областей, населеніе которыхъ, подкрѣпленное всѣми оставшимися у турокъ военными средствами, защищалось бы упорно. Несомнѣнно, что если бы австрійцы вошли въ Боснію въ то время, когда наша армія находилась еще въ Турціи, положеніе наше улучшилось бы и явилась бы возможность требовать выхода австрійцевъ одновременно съ прекращеніемъ нашего занятія Болгаріи.

Авт.

²⁾ Австро-Венгрія издавна подготовлялась къ занятію этихъ областей, а въ послѣдніе два года успѣла завязать своею двойною игрою такія связи, что была навѣрняка и теперь не трудилась скрывать своей мнимой войны. Но обстоятельства, сопровождавшія военное занятіе Босніи и Герцеговины, показали, что графъ Андраши ошибался и что, несмотря на единогласное рѣшеніе Европы, пассивность Турціи, согласіе Россіи (которой привыкло повиноваться населеніе) и содѣйствіе князя черногорскаго (передававшего австрійцамъ по настоянію нашихъ дипломатовъ герцеговинскіе батальоны),—населеніе оказало возможное для него сопротивленіе.

Авт.

III.

«Черногорія.

Графъ Андраши мнѣ объявилъ, безъ всякихъ обиняковъ, что онъ не можетъ допустить такихъ значительныхъ территоріальныхъ приращеній, которыя мы хотимъ доставить княжеству. Я ему напомнилъ, что мы отказались отъ мысли распространить границы въ естественномъ направленіи присоединеніемъ Герцеговины единственно изъ вниманія къ заявленіямъ Австро-Венгрии и что граница по рѣкамъ Дрину и Лиму была условлена въ переговорахъ, происходившихъ между нимъ и Е. П. Новиковымъ. Послѣ блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ княземъ Николаемъ, простая справедливость требовала доставить достаточное увеличеніе его территоріи къ востоку. Графъ Андраши отвѣчалъ, что вѣнскій кабинетъ никакъ не можетъ согласиться на это расширеніе, что мѣстность, которую мы хотимъ присоединить къ Черногоріи, совершенно для нея бесполезна и, напротивъ, необходима для Австро-Венгрии, для проведенія желѣзной дороги черезъ Новый Базаръ и Митровицу въ Салоники, съ цѣлью обезпеченія сообщенія Австріи съ Эгейскимъ моремъ.

Я ему замѣтилъ, что такое притязаніе совершенно противорѣчитъ самому тексту конвенціи, на которой онъ основывалъ свои возраженія противъ Санъ-Стефанскаго договора, и въ которой лишь было оговорено, что оба правительства, когда наступитъ время, порѣшатъ судьбу земель, лежащихъ между Сербіею и Черногоріею и умышленно выключенныхъ изъ части Босніи и Герцеговины, предоставленной занятію Австро-Венгріею, и вступятъ между собою въ соглашеніе касательно распредѣленія ихъ ¹⁾. Графъ Андраши безъ колебанія признался, что, при подписаніи конвенціи 3-го января, онъ въ дѣйствительности и не подумалъ о присоединеніи этой мѣстности къ той, на которую распространялись вождедѣнія Австро-Венгрии, и сознался, что замышляемый захватъ противорѣчитъ состоявшимся между нами соглашеніямъ ²⁾, но оправдывается нынѣ созданіемъ Великой Болгаріи, которую онъ не предвидѣлъ, такъ какъ на рейхштадтскихъ переговорахъ

¹⁾ Слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не предоставлялось занять ихъ Австро-Венгрии, безъ предварительнаго одобренія и согласія Россіи. Графъ Андраши не имѣлъ ни малѣйшаго права считать мѣстность эту бесполезною для Черногоріи и необходимою для Австро-Венгрии. Авт.

²⁾ Безъ зазрѣнія совѣсти и съ неслышанною безцеремонностью графъ Андраши позволялъ себѣ произвольно измѣнять то, что въ договоренномъ прежде перестало ему нравиться и дополнять выговоренныя прежде преимущества, какъ только новыя соображенія и вождедѣнія возникли въ его головѣ, не затрудняясь нисколько отсутствіемъ согласія нашего. Въ то же время онъ относился придирчиво, задорно и строго къ малѣйшему кажущемуся ему уклоненію нашему. Авт.

и въ дополнительной конвенціи не допускалась мысль о созданіи значительнаго славянскаго государства. А устройство,—добавилъ, графъ Андраши,—Болгаріи, переходящей на югъ за Балканы ¹⁾, уполномочиваетъ Австро-Венгрію требовать соотвѣтствующаго вознагражденія ²⁾, которое не можетъ быть меньшимъ, нежели присоединеніе страны до Митровицы. Рождается невольно и основательно вопросъ: какое придавать значеніе и цѣну международнымъ актамъ, старательно редактированнымъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ тяжелыхъ переговоровъ, когда имѣемъ дѣло съ государственными людьми, позволяющими себѣ руководствоваться подобнымъ, столь сомнительнымъ и растяжимымъ принципомъ ³⁾. Взглянувъ на прилагаемую мною карту, привезенную изъ Вѣны, ваше сіятельство можете удостовѣриться, что графъ Андраши соглашается уступить Черногоріи лишь приблизительно то, что было ей предназначено константинопольскою конференціею ⁴⁾, и заявляетъ, что онъ никогда не допуститъ, чтобы мѣстность, лежащая между Скутарійскимъ озеромъ, рѣкою Бояною и моремъ, была отдана черногорцамъ. Онъ не хочетъ принять въ расчетъ тѣ соображенія, которыя я выставилъ на видъ, напоминая ему, что, лишь вслѣдствіе настояній вѣнскаго кабинета, мы согласились направить усилія черногорцевъ на югъ, съ цѣлью помѣшать имъ стремиться перейти граничную линію, опредѣленную графомъ Андраши въ Герцеговинѣ. Возможно ли теперь лишить черногорцевъ плодовъ ихъ блестящихъ подвиговъ въ этой сторонѣ, послѣ того, какъ ихъ побѣдное шествіе на сѣверъ было остановлено, единственно для того, чтобы предоставить Австро-Венгріи извлечь для себя одной пользу отъ боснійско-герцеговинскаго возстанія? Графъ Андраши возразилъ, что хотя черногорцы прогнали турокъ за р. Бояну, но въ

¹⁾ Графъ Андраши считалъ возможнымъ игнорировать константинопольскую конференцію, подпись представителей Австро-Венгріи подъ ультиматумомъ, поданнымъ Портѣ европейскими уполномоченными и требовавшимъ признанія Болгаріи къ югу отъ Балканскаго хребта, и измѣнялъ факты по своему произволу. Авт.

²⁾ Спрашивается: за что вознагражденіе? Постоянная снисходительность нашего министерства иностранныхъ дѣлъ поощрила безгранично нахальство венгерскаго магната. Авт.

³⁾ Я воспользовался заносчивою откровенностью графа Андраши, привыкшаго къ тому, что ему все сходило съ рукъ съ нашими дипломатами безнаказанно, чтобы выставить въ настоящемъ свѣтѣ австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Открыть глаза канцлеру и дать возможность государю убѣдиться въ бесполезности соглашеній, бывшихъ доселѣ, и ложности пути, по которому велась наша политика съ 1875 года. Такъ какъ донесеніе это шло совершенно вразрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что писалось и докладывалось по министерству иностранныхъ дѣлъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, то оно произвело весьма непріятное впечатлѣніе въ Петербургѣ. Авт.

⁴⁾ Отрѣзвая, однакоже, въ свою пользу уступленныя Черногоріи—землю со стороны Зубцовскаго округа и возставшую въ началѣ 1875 года часть Герцеговины.

Авт.

странѣ этой обитаетъ отчасти католическое населеніе, преданное Австріи и которое ею не можетъ быть покинуто ¹⁾).

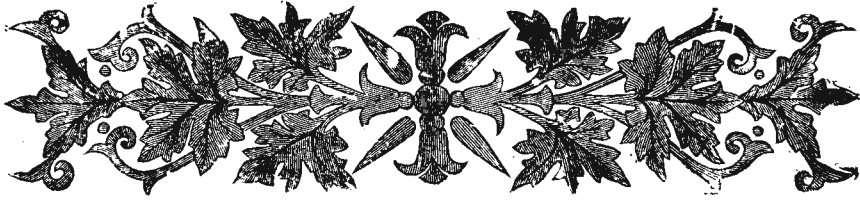
«Сверхъ того, какъ только черногорцы завладѣютъ гаванями на Адриатическомъ морѣ, они тотчасъ войдутъ въ сообщеніе съ итальянцами и станутъ заниматься контрабандою, въ ущербъ австро-венгерскимъ интересамъ. По его мнѣнію, имъ можно предоставить лишь плаваніе по Скутарійскому озеру и по р. Боянѣ. Цѣль графа Андраши, очевидно, клонится къ тому, чтобы воспрепятствовать всякому развитію Черной Горы, окружить ее со всѣхъ сторонъ австрійскими владѣніями, держать ее въ зависимости, захвативъ въ свои руки всѣ гавани, которыми черногорцы могли бы воспользоваться, и поддерживать на ихъ границѣ католиковъ противъ православныхъ и въ ущербъ послѣднимъ. Когда я упомянулъ о вѣковомъ покровительствѣ Россіи Черногоріи и о затруднительномъ въ нравственномъ отношеніи положеніи, которое намъ будетъ создано, если мы вынуждены будемъ отказать въ удовлетвореніи столь законныхъ желаній и надеждъ княжества,—графъ Андраши выразилъ странное притязаніе, что Австро-Венгрія не можетъ допустить существованіе соперницы въ этихъ странахъ. Черногорія, по его мнѣнію, входитъ въ сферу вліянія, исключительно предоставленнаго Австро-Венгріи. Онъ утверждалъ, что Черногорія могла существовать и одерживать побѣды лишь благодаря благосклонности Австро-Венгріи, и заявляетъ, что государство, располагающее милліономъ солдатъ, не должно сносить требованія горсти полудикихъ горцевъ. По этому поводу мой собесѣдникъ сдѣлалъ довольно неумѣстное сравненіе, спросивъ меня: какъ приняли бы мы представленія вѣнскаго кабинета въ пользу Кашгара, добавивъ, что, по его мнѣнію, покровительство, которое мы желаемъ оказывать Черногоріи, пограничной съ Австро-Венгріею, такъ же основательно, какъ было бы ходатайство Австріи въ пользу Кашгара. Я не преминулъ осмѣять эту выходку, свидѣтельствующую о невѣжествѣ географическомъ и этнографическомъ и легкомысліи австро-венгерскаго министра».

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

---

¹⁾ Мнимый другъ и союзникъ нашъ добивался, чтобы мы «покинули» нашихъ братьевъ по крови и вѣрѣ, въ то же время выставляя предлогомъ своего захвата чужого достоянія «невозможность покинуть католиковъ». А Петербургъ ему довѣрялъ больше, нежели собственнымъ агентамъ!

ПРИ КОМЕДИАЛЬНОЙ ХРАМИНѢ.

(Первое нѣмецкое засилье).

I.

ВЪ ЛАВКѢ купца Лотыхина, что торговаль сукнами, поднялся шумъ. Прохожіе,—а прохожихъ въ Китай-городѣ, да еще теперь, въ «недѣлю о блудномъ сынѣ», было много,—привлеченные этимъ шумомъ, стали скопляться у входа въ лавку. Приказчики сосѣднихъ торговцевъ тоже проявили любопытство и увеличили собою толпу зрителей.

Посреди лавки, разставивъ широко ноги, стоялъ человекъ лѣтъ тридцати, съ слегка опухшимъ лицомъ, въ голландскомъ коричневомъ потасканиомъ кафтанѣ и въ старомъ плащѣ, отброшенномъ за спину. На головѣ его криво сидѣла измятая треугольная шляпа того образца, что Петръ ввелъ въ московскій обиходъ и указалъ носить всѣмъ лицамъ не подлаго званія. Но шпага не была привѣшена сбоку, какъ надлежало, а, кривая, потертая, красовалась на прилавкѣ, возлѣ штуки сукна, отъ которой только что отрѣзалъ самъ хозяинъ нѣсколько аршинъ.

Пререканія произошли между покупателемъ и Лотыхинимъ—сѣдобородымъ, красноносимъ купцомъ, въ очкахъ, съ мохнатыми, взъерошенными бровями. Покупатель требовалъ, чтобъ ему товаръ былъ отпущенъ въ кредитъ, а суконщикъ на это не соглашался.

— Развѣ ты не знаешь, кто я?—спрашивалъ покупатель, потрясая низкимъ басомъ окружный воздухъ, не хуже соборнаго протодьякона.—Ты не знаешь?

Его острые черные глаза впивались жестко и пронизательно въ рыхлое лицо торговца: такъ смотрять только короли на своихъ несчастныхъ подданныхъ, уличенныхъ въ измѣнѣ, или драконы на витязей, рѣшившихся вступить съ ними въ бой за обладаніе кладомъ, что охраняли эти чудовища.

— Много такихъ шлюющихся,—презрительно возразилъ суконщикъ и потянулъ товаръ съ прилавка, желая его снова водворить на полку.

Но покупатель этого не допустилъ, наложивъ на сукно свою тяжелую руку.

— Меня самъ царь знаетъ!—съ разстановкой заговорилъ онъ.— Былъ я отъ него удостоенъ лобызанія въ самыя уста. Помнить царь, какъ зовуть меня, и при встрѣчахъ говорить: «Здорово, Дементій Попелюгинъ!»

— Вотъ ежели отъ царя приказъ будетъ,—возразилъ Лотыхинъ,—отпускать тебѣ товаръ не токмо что въ кредитъ, а даромъ, то буду я его тебѣ завертывать съ презрѣднымъ удовольствіемъ. А теперь не хочешь ли вотъ этого.

И, поднявъ правую руку, онъ сложилъ три пальца въ фигуру, считавшуюся искони вѣковъ обидною и порочащею честью.

Но движеніе это мало уязвило покупателя, только еще болѣе презрѣнія засвѣтилось въ его глазкахъ.

— А хочешь ты, я тебѣ бороду отрѣжу? — вдругъ спросилъ онъ.

Купецъ остался съ полуоткрытымъ ртомъ. Столь неожиданнаго перехода къ угрозамъ онъ не ожидалъ.

— Его царское величество и самъ обрился и всѣмъ близкимъ указалъ, чтобъ лики были выскоблены,—продолжалъ Попелюгинъ.—Если по милосердію своему онъ допустилъ, чтобы купечество, какъ встарь, носило бороды, платя за то пеню,—на это надо смотрѣть, какъ на толерантность. Но ежели я, возмущенный видомъ сей поганой мочалки, окорнаю ее, то наказаніе за мое дѣйствіе меня не постигнетъ, а, напротивъ того, получу я за поступокъ мой одобреніе.

— Уходи по добру, по здорову!—вдругъ завопилъ купецъ.— А не то велю молодцамъ тебя выкинуть отселѣ вонъ.

— Меня?—удивился Попелюгинъ и закачалъ перстомъ направо и налево передъ толстымъ носомъ купца.—Меня нельзя тронуть, ибо состою я въ вѣдѣніи Посольскаго приказа и токмо онъ можетъ судить мои поступки. Ты видалъ это?

Онъ показалъ на шпагу, лежавшую на прилавкѣ. Затѣмъ взялъ ее въ руки, натужился и извлекъ изъ ноженъ ржавое, тонкое лезвіе.

— Не смотри на то, что она не заострена, а конецъ ея отломанъ, но сообрази, при какихъ кровавыхъ обстоятельствахъ сіе

произошло. И всякаго, кто дерзнетъ поднять на меня руку, я проучу, лишивъ его живота безъ покаянія.

Онъ вызывающе посмотрѣлъ вокругъ. Здоровый парень, засучившій было рукавъ и стоявшій возлѣ него, юркнулъ за спину рыхлой купчихи, и та тоже попятилась, призывая шопотомъ на помощь архистратига Михаила.

— Пригласи-ка Тараса Тарасовича!—крикнулъ старикъ подростку, вертѣвшемуся возлѣ него.—Тарасъ Тарасовичъ на углу теперь стоитъ.

Мальчишка заднимъ ходомъ скользнулъ изъ лавки. А Попелюгинъ только дьявольски засмѣялся.

— Полно дурачиться!—строго заговорилъ онъ.—Да неужто ты думаешь, что я боюсь Тараса Тарасовича? Онъ надъ тобой, аршинникомъ, начальство, а мнѣ онъ человѣкъ равный. Что ты ему къ Рождеству и Пасхѣ мзду несешь,—на то ты и торговецъ. Такъ тебѣ назначено свыше. А мнѣ не токмо не приходится ему профитовъ какихъ предоставлять, но, наоборотъ, профиты онъ долженъ давать относительно моей персоны.

Тѣмъ не менѣе онъ началъ вкладывать шпагу въ ножны, истово и неторопливо.

— Это ты зачѣмъ же прячешь?—спросилъ старикъ, протирая запотѣвшія очки.—Ужъ ты бы, коли такъ смѣлъ, показалъ бы Тарасу Тарасовичу, какъ умѣешь размахивать смертоубойнымъ оружіемъ? А то и хвостъ поджимаешь?

— Привыкъ по себѣ всѣхъ судить! Ты, какъ песь, поджимаешь хвостъ сорокъ разъ въ день, такъ, думаешь, и другіе горазды на то же? А знаешь ли ты, какого я рода? Ты знаешь ли, что правды мои «словетными панами» были?

— И знать не хочу,—отозвался Лотыхинъ.—А придетъ Тарасъ Тарасовичъ, пусть и разсудитъ насъ, кто въ правѣ: ты или я.

Лицо Попелюгина выразило на этотъ разъ уже не презрѣніе а прямо-таки омерзѣніе, точно что-то отвратительное попало ему въ ротъ,—настолько мерзкое, что онъ даже не рѣшался выплюнуть. Онъ замеръ, огорченно взирая на Лотыхина, и только произнесъ, покачивая головой:

— Несчастный!

Зрители скорѣе сочувствовали покупателю, чѣмъ купцу. Купецъ былъ свой, и его знали въ рядахъ, какъ богача, маклака, строптиваго старика; взиравшаго свысока на сосѣдей, имѣвшаго торговыя сношенія не только съ Новгородомъ и Архангельскомъ, но и съ аглицкими гостями. Лотыхинъ требовалъ поэтому къ своей персонѣ не только обычнаго уваженія, но и поклоненія.

— Вѣдь я знаменитый,—говорилъ онъ.—Поищи другого такого знаменитаго? По всей округѣ нѣту.

И сосѣди по лавкамъ, и болѣе дальніе, но знавшіе его люди рады были, когда этотъ длинный человѣкъ въ рыжемъ плащѣ безстрашно смотрѣлъ въ лисьи глазки Лотыхина и казался такимъ строгимъ и непреклоннымъ въ своихъ требованіяхъ. У иныхъ даже все лицо расплзлось въ блаженную улыбку, и они радостно слѣдили за той судорогой, что играла въ правомъ вѣкъ старика, старавшагося соблюсти свое достоинство и не выйти изъ себя ради какого-то нахала-проходимца.

— Вѣдь ты за честь долженъ считать, что я зашелъ въ твою берлогу, — наставительнымъ тономъ продолжалъ покупатель. — Ты не токмо что всѣ свои товары подлые передо мною выворотить долженъ, ты обязанъ три дня на колѣняхъ стоять передо мной и умолять, чтобъ я тебя осчастливилъ: велѣлъ принести себѣ на домъ ту штуку сукна, что больше другихъ приглянулась моимъ очамъ. Ты Гуда-хриstopродавецъ, мошенникъ, грабитель, а я — комедіантъ его царскаго величества, я достаиваю тебя бесѣдой, и ты за то долженъ сапоги мои цѣловать...

Лотыхинъ повелъ глазами на скучившихся вокругъ любопытныхъ и вдругъ свирѣпо крикнулъ:

— А вы чего буркулы пялите? Не видали никогда скомороховъ? Вонъ отсюда! Чего толпитесь? Вотъ Тарасъ Тарасовичъ идетъ, онъ задастъ вамъ!

II.

Имя Тараса Тарасовича было талисманомъ для толпы. Пугливо зашевелилась она, многіе оглянулись и увидѣли, что Тарасъ Тарасовичъ шествуетъ въ лавку самолично. И сейчасъ же образовался для него свободный проходъ, и видно было, что приближается человѣкъ властный, любящій порядокъ и напустившій въ Москвѣ такихъ строгостей, какихъ прежде и не знали.

Тарасу Тарасовичу было лѣтъ за шестьдесятъ. Усы у него были черныя, хохлацкіе, съ просѣдью. Брови черныя, глаза черныя, щеки синія и всегда какъ будто дня два небритыя. Былъ онъ одѣтъ по-новому, по образцу, изобрѣтенному въ Питербурхѣ полицеймейстеромъ Дивьеромъ, португальскимъ жидовиномъ; Тарасъ Тарасовичъ выжилъ цѣлыхъ четыре мѣсяца въ этомъ «чортовомъ парадисѣ», какъ называли москвичи новую столицу, чтобы изучить новые голландскіе порядки, и вернулъся въ Москву. — насаждать ихъ на черноземной почвѣ Китай-города.

Шелъ онъ властно и твердо переступая по мокрому и грязному снѣгу, весь облитый яркимъ сіяніемъ солнца, отдуваясь по исконной привычкѣ: нелегко ему было носить широкое и упитанное чрево, ежедневно набивавшееся всевозможною снѣдью. А нынче ему было нуднѣе, чѣмъ всегда: пришлось съ утра попро-

бовать, какъ новая стряпуха печеть блины. И попробоваль онѣ ихъ съ икрою, семгой, яйцами, снятками, сметаной и прочей благодатью, щедро ему расточаемой представителями торговли Охотнаго ряда, что находился подѣ его вѣдѣнъемъ. И потому шель онѣ, грозно сдвинувъ брови, точно хотѣль сокрушить всякаго, кто дерзнулъ бы попрасть тѣ правила, что онѣ ввелъ на базарахъ Москвы въ эту зиму.

Но лицо его должно было немедля потерять свою суровость; Попелюгинѣ стояль попрежнему передѣ прилавкомъ, разставивъ при видѣ Тараса Тарасовича не только ноги, но и руки.

— А!—привѣтствовалъ онѣ.—Солнышко ясное! Пріятель! Давно не видались! Другъ сердечный! Съ масленицей грядущей!

И онѣ заключилъ обширнаго Тараса Тарасовича въ свои объятія и сталъ запечатлѣвать то на одной, то на другой сизою щекѣ горячіе дружескіе поцѣлуи.

— А отъ тебя, душа моя, винцомъ попахиваетъ,—замѣтилъ комедіантъ:—съ утра заливаешь?

— Ну, да и отъ тебя тоже не розами несеть,—возразилъ Тарась.—Сильверсту Назарычу, какъ торгуешь?

Онѣ протянулъ руку Лотыхину.

— Какая тутъ торговля, когда такіе сквалыжники, какъ этотъ фертъ, навертываются!—сумрачно подрыгивая бровями, отвѣтилъ старикъ.—Думалъ починъ сдѣлать, аглицкаго сукна ему отрѣзалъ, а онѣ платитъ не желаетъ. Затѣмъ я и тебя, Тарась Тарасовичъ, обезпокоилъ. Убери ты отъ меня комедіанта этого, цѣлый часъ онѣ ломается, ишь народу что нашло?

— Отчего же ты, Демьянъ Кузьмичъ, платитъ не желаешь?—удивился Тарась.—Вѣдь это грабители только отымають имущество, а ежели ты житель во всѣхъ правахъ, ты долженъ оплатить ту цѣну, на коей съ купцомъ сошелся?... А вы, черти, чего здѣсь толчетесь? Вотъ я васъ!

Такъ какъ послѣднія слова относились къ празднымъ зрителямъ и по лицу полицейскаго чина пробѣжала молнія угрозы, а пальцы солдата, стоявшаго у входа и дожидавшагося распоряженій начальника, то сжимались, то разжимались, какъ бы приготавливаясь по первому знаку начать дѣйствовать, то куча начала быстро таять, а одинъ изъ любопытныхъ, столяръ Брюква, даже попросилъ прощенія:

— Виноватъ, Тарась Тарасычъ, мы по глупости это...

Но самъ Попелюгинѣ нисколько не былъ смущенъ прибытіемъ столь важнаго лица. Онѣ сталъ въ прежнюю позу и спустиль свой басъ до пріятнаго воркованія.

— Ты удивляешь меня, Тарась,—началь онѣ.—Неужто думаешь ты, что я могу, подобно Стенькѣ Разину, грабить на большихъ дорогахъ? Гдѣ шайка моя? Я среди дня, одинъ иду сюда.

И развѣ я отказываюсь платить? Я говорю, что *сейчасъ* не заплачу, но на будущее время я не только не отказываюсь, но даже удостоверяю, что уплачу все до копейки. Но этотъ торгашъ не вѣритъ мнѣ, онъ полагаетъ, что я стою ниже его довѣрія.

— А зачѣмъ ты стращаль борода мнѣ рѣзать?—негодую, спросить старикъ.—Почему ты превозносился предо мною своимъ скобленнымъ подбородкомъ? Всѣ святые украшены брадами были...

— Что онъ говоритъ! Что говоритъ!—пожимая негодующе плечами и поднимая глаза къ небу, заговорилъ Попелюгинъ.—Первое дѣло, о сукнопродавчѣ, воззри на ликъ Тараса Тарасовича: развѣ онъ не скобленный? Сколь много въ немъ благородства и силы! Ты на угодниковъ Божіихъ ссылаешься. Да къ рожѣ ли тебѣ на нихъ быть похожимъ? Да развѣ они окуляры твои носили? А ты надѣлъ стекла на носъ и думаешь, что на святого похожъ? Давно тебя черти ждуть въ преисподней...

Тарасъ нахмурился и остановилъ комедіанта.

— Не святотатствуй. Невѣдомо, ждуть они, али не ждуть. Да и намъ до преисподней пока дѣла нѣтъ. А здѣсь, у Никольскихъ, собирать толпу невозможно. Надо, чтобъ все было чинно и мирно. Государь желаетъ приучить всѣхъ къ заморскому порядку, а потому указалъ бить нещадно тѣхъ, кто не желаетъ подчиниться указаніямъ. И я предлагаю: покончите вы, Сильверстъ Назарычъ и Демьянъ Кузьмичъ, миромъ.

— Я только этого и хочу,—подхватилъ Демьянъ Кузьмичъ.—Скажи, Тарасъ, этому купчинѣ, кто мой дядя. Можетъ, хоть это прийметъ его.

— Дяденьку твоего мы знаемъ, и чтимъ его глубоко,—заговорилъ Лотыхинъ.—Но извѣстно намъ, что онъ давно отъ тебя отрекся и даже за племянника не желаетъ признавать. Невмѣстному такого поскудника, какъ ты, въ родственникахъ имѣть...

— Ты слышишь, что говоритъ онъ? Слышишь?—опять забасилъ комедіантъ.—Да кто тебѣ, суконное рыло, сказалъ, что дядя отвратилъ отъ меня ликъ свой? Я сынъ его родной сестры, и всякую минуту достаиваюсь у него приѣма. Знаешь ли ты, что сегодня ввечеру я буду у него?

— Что ты пойдешь къ нему, это возможно, но что онъ тебя приметъ въ своихъ святыхъ покояхъ,—то мнѣ сомнительно. Не только ежели бы онъ поручился за тебя, а пальчикомъ однимъ помаваніе сдѣлалъ, я бы въ кредитъ далъ тебѣ всю штуку сукна, и денегъ бы не спрашивалъ.

— Какъ онъ привыкъ ко взяткамъ,—обратился Попелюгинъ къ полицейскому:—даже Господу готовъ взятку штукой сукна дать, дабы приобрѣсти мѣсто въ царствіи небесномъ! Не нужно мнѣ сукна твоего! Вотъ при Тарасѣ я говорю: предаю я тебя анаемѣ и въ лавчонку твою никогда заходить не буду. А дядѣ я ска-

жу про тебя, что своей бородой ты думаешь въ рай пробраться. Шалишь! Не выгорить дѣло!

Онъ протянулъ руку Тарасу Тарасовичу.

— Хоть бы блинковъ на будущей недѣлѣ пригласилъ поѣсть, — укоризненно сказалъ онъ. — А то одинъ насыщаешься, а пріятелей никогда не зовешь.

— Я дома никогда никого не угощаю, — супясь, заявилъ Тарасъ Тарасовичъ: — а вотъ ежели у Митрича на Неглинной ввечеру, когда я ужинаю, кто изъ знакомыхъ подойдетъ, милости просимъ. Кормлю даромъ.

— Ну, ладно! Будь здоровъ. И ты прощай, сукнопродавче. Счастливъ твой Богъ, что сегодня я въ мирномъ настроеніи, а то осталась бы отъ тебя одна лепешка.

И, завернувшись въ плащъ, Попелюгинъ, смѣло и увѣренно шагая, вышелъ изъ лавки.

III.

— Онъ вѣдь, что ни мѣсяць, то заходитъ, и норовитъ урвать, что можно, — заговорилъ Лотыхинъ, когда комедіантъ скрылся изъ вида. — Избавь ты меня отъ него, на то и власть тебѣ, Тарасъ, дана.

Полицейскій вытянулъ губы воронкой.

— Какъ я отъ него тебя избавлю? Липкій! Пристанеть, не отдерешь. Да и дяденька его, самъ знаешь, персона какая! Опять же онъ изъять изъ общаго вѣдѣнія и состоятъ подъ надзоромъ Посольскаго приказа... Иной разъ такъ осѣдластъ, что не знаешь, какъ отвергѣться отъ него, а терпишь.

Старикъ неодобрительно тряхнулъ головой.

— Осторожны вы стали очень, — проговорилъ онъ. — Скрутить бы ему лопатки, да поучить. Коли ты племянникъ столь высокопоставленнаго лица, то долженъ соблюдать себя превыше другихъ: чтобъ примѣръ оказывать. А онъ зѣнки нальетъ и пойдетъ по рядамъ лаяться.

— Ну, ужъ ты меня не учи! — строго замѣтилъ Тарасъ. — Какъ я живо отшилъ его отъ тебя, видѣлъ? Замѣсто благодарности, я отповѣди отъ тебя слышу. Покажи-ка суконце-то, что онъ одобрилъ.

Штука еще не была убрана съ прилавка, и тонкое зеленое сукно ярко играло полосами отъ проскользнувшихъ черезъ двери лучей солнца. Недоброе предчувствіе промелькнуло въ головѣ старика, когда онъ увидѣлъ, какъ привычные пальцы Тараса щупали доброту товара.

— Толкъ, стервецъ, знаетъ, — одобрительно говорилъ Тарасъ. — Только на что ему сукно зеленое, разъ у нихъ мундирнаго цвѣта

такого нѣтъ? Вотъ для насъ оно иное дѣло... Ты пошли-ка этоть отрѣзокъ мнѣ на домъ, я его попробую. Да не подмѣни, смотри! А мы потомъ сочтемся. Ты слышишь?

— Слышу.

— Что не отвѣчаешь?

— Не привыкъ отвѣчать. А просто дѣлаю, и шабашъ.

— То-то!

Лотыхинъ, хмурия брови, обратился къ подростку:

— Завернуть и Тарасу Тарасовичу снести. Не промедля снеси. А стаканчикъ сбитня, можетъ, пожелаешь, Тарасъ Тарасовичъ? У меня дома хорошо готовятъ. И баранки свѣжіе есть.

Тарасъ отрицательно потрясъ головой.

— Нѣтъ, что ужъ, какой тамъ сбитень. И такъ тяжело, а ты со сбитнемъ.

— Ну, присядь маленько: посмотри, какъ я пить буду.

Сперва Тарасъ какъ будто остановился въ раздумьѣ, а потомъ, смотря, какъ мальчишка заворачивалъ сукно, сѣлъ. По лицу его было видно, что онъ подумалъ: «Не досмотри, такъ другого суконца подсунуть».

Старикъ какъ будто проникся его мыслями. Онъ тоже внимательно смотрѣлъ за ловкими движеніями мальчика и, когда тотъ отстригнулъ веревку отъ большого клубка, сказалъ ему:

— Пошелъ, живо! Супруга-то твоя дома? Такъ скажи Гликеріи Антиповнѣ, что Тарасъ Тарасовичъ прислалъ. Такъ и скажи.

— Въ сущности, обѣщано и ей кое-что,—началь было Тарасъ, обведя глазами полки, но хозяинъ даль рукой выразительный знакъ мальчику, точно собирался закатить ему подзатыльникъ; малецъ схватилъ шапчонку, перепрыгнулъ черезъ порогъ и смѣшался съ пестрой толпой.

— Главное, что мнѣ несносно, отъ чего меня мутитъ, когда встрѣчаю я этого скомороха,—началь старикъ, принимая изъ рукъ приказчика кружку горячаго сбитня, отъ котораго шелъ густой паръ:—противень онъ мнѣ потому, что не нашимъ русскимъ скоморохомъ кажется, а заморскимъ чортомъ. Духа въ немъ русскаго нѣтъ.

— Оно точно. Русскаго въ немъ мало,—согласился Тарасъ.—Больше онъ на венгерца смахиваетъ.

— Скоморохъ попу не товарищъ,—поговорка есть,—продолжалъ Лотыхинъ.—А скоморохи теперь рядомъ съ попами уживаются. Попы комидіи пишутъ, а скоморохи ихъ представляютъ. Такая путаница у насъ нынѣ пошла, что и руки врозь. Прежде отъ скоморошней мерзости чурались,—послѣ святочныхъ личинъ кресты надъ дверьми ставили,—а нынѣ не токмо что на святкахъ, а круглую зиму машкерады учиняютъ.

Онъ хлебнулъ теплаго пойла, съ удовольствіемъ сдѣлалъ три глотка и замѣтилъ:

— А напрасно ты отъ сбитенька отказался. Такъ по всѣмъ суставчикамъ и проходить.

— Ежели ямайскаго рома туда влить?—пошутилъ Тарасъ.

— Ну, этого снадобья у насъ нѣтъ!—сурово замѣтилъ хозяинъ.

— Я такъ сказалъ,—замѣтилъ мимоходомъ полицейскій.

— Все теперь спуталось,—продолжалъ развивать свою неотвязную тему старикъ.—Не вижу, чтобъ предпочтеніе заслугамъ стараго человѣка передъ молодымъ давали. Ежели молодой востроту ума окажетъ, такая же ему цѣна, какъ и старцу. Вѣрно?

— Вѣрно. Въ Санктитербурхѣ я былъ. Въ Лѣтнемъ саду пиры его царское величество задаетъ,—повѣствовалъ полицейскій.—И всѣ тамъ смѣшаны: и шкиперъ голландскій, и пошъ, и штатскій вельможа, и полководецъ,—всѣ въ одной кучѣ. А царь со всѣми равно ласковъ. Кнастеръ курить, по плечикамъ рукой греплетъ, самъ винца подливаетъ, безо всякой отлички промежду посѣтителями.

Брови старика опять сдвинулись.

— Говорю, это-то и скверно. Звѣзда бо звѣздѣ разнствуеть во славѣ.

— А ровно такъ говорить по нынѣшнимъ временамъ негоже,—остановилъ его Тарасъ Тарасовичъ.—Ежели его царское величество такъ указалъ, то мы сполнять должны, а разсужденія отъ насъ не требуется.

Старикъ потрясъ бородой.

— Не могу я на одной доскѣ со скоморохомъ стоять! Онъ къ Посольскому приказу причисленъ, а мнѣ плевать! Велико кушанье—Посольскій приказъ! Можетъ, онъ тебѣ страшенъ, а для меня—ничуть. Что мнѣ до голландскихъ или нѣмецкихъ пословъ? Вонъ у меня надъ дверью передъ Праскевой-пятницей лампадка теплится, я ее, матушку, чту.

Лотыхинъ допилъ остатки сбитня. Толстый котъ вспрыгнувъ къ нему на прилавокъ и, мурлыча, безбоязненно присѣлъ противъ него, поджимая переднія лапы и поглядывая на хозяина желтыми глазами.

— Всякъ долженъ при своемъ дѣлѣ быть,—продолжалъ Лотыхинъ,—справлять, что указано ему. Вонъ ты за порядкомъ въ нашихъ рядахъ смотришь. Можетъ, тебѣ неохота изъ дома выйти, недужится, а ты свою шпажонку нацѣпишь и мѣсишь ногами по грязи. Вонъ котъ Сергунъ,—онъ къ мышамъ приставленъ, и зорко за своимъ дѣломъ смотритъ. А Попелюгинъ этотъ только тянетъ романею да смотреть, гдѣ бы награть можно. Вотъ что противно мнѣ.

— Моя такая на сей счетъ консидація,—сказаль полицейскій,—ему, видимо, надоѣли разсужденія старика.— Ты знакомъ съ его дядей?..

— Можно сказать, пріятели. Удостоенъ.

— Поговори ты съ нимъ о племянникѣ, пожалуйста. Попроси, чтобъ владыка ему внушилъ по родственному, что кондуитъ его непристоенъ. Что, марая себя, онъ какъ бы наноситъ нѣкоторую сумнительность и на дяденьку, якобы потакающаго его поведенію. Онъ сегодня ввечеру общался увидѣть преосвященнаго, а ты бы до той поры и побесѣдовалъ по душѣ со святымъ отцомъ.

Тарасъ Тарасовичъ, кряхтя, поднялся съ табурета.

— А теперь я въ Охотный пойду, невозможно москвичей безъ надзора оставлять,—проговорилъ онъ, протягивая купцу руку.

— Это вѣрно, со владыкой я поговорю, благо онъ живетъ неподалеку отсюда,—сказаль Лотыхинъ.

— Поговори. А за сукно—благодарствую... Ты знаешь, коли что—я всегда...

Онъ понизилъ голосъ.

— Ты только не думай, что я такую мелочь буду за твою благодарность считать. Это тому, кто помельче... А мнѣ при моемъ положеніи иначе, какъ цѣлыми штуками, невозможно...

— Да знаю, не учи!—кисло возразилъ старикъ.— Не знаю я тебя, что ли!

— Ты пойми: нельзя же мнѣ, въ моей должности, мелочью такой мараться? Вѣдь я сорокъ лѣтъ на службѣ...

— Понимаю, не шепчи! Все не хуже тебя понимаю.

— Ну, то-то! Я только тебѣ это для памяти.

И, еще разъ протянувъ Лотыхину руку, Тарасъ Тарасовичъ пріосанился, поправилъ шляпу и расправилъ усы и медленно двинулся къ отправленію своихъ обязанностей...

— Тоже Стенька Разинъ,—процѣдилъ ему вслѣдъ Лотыхинъ и, пододвинувъ кружку изъ-подъ сбитня, крикнулъ:

— Ну-тка, малый, плесни еще!

IV.

Выйдя изъ суконной лавки, Попелюгинъ поворотилъ направо, къ Красной площади. Было людно, пестро, нарядно. Пахло кожей, грязнымъ снѣгомъ, медовыми пряниками, мороженой рыбой и свиной. Розовые и голубые шугай женщинъ мѣшались съ зелеными мундирами солдатъ, съ плащами чиновниковъ—недавнихъ приказныхъ. Расписныя съ позолотой дуги побрякивали бубенцами и колокольчиками. Съ крышъ и навѣсовъ лили потоки воды: это снѣгъ таялъ отъ поцѣлуевъ весенняго солнца. Ледяныя сосульки прихотливымъ узоромъ кудрявились по краямъ де-

ревянныхъ скатовъ. Голубое небо съ легкими желтоватыми облачками пророчило близость тепла и смотрѣло уже не по-зимнему—хмуρο и сѣро.

«Не выгорѣло!—сжимая челюсти съ крѣпкими бѣлыми зубами, легко перегрызавшими бараньи кости, думаль Попелюгинь.—Упорный старикъ! Сидить, проклятый, на своихъ тысячахъ, а трехъ аршинъ сукна неимущему человѣку жалко. Ну, да я тебѣ покажу, попомнишь ты меня!»

Какъ покажетъ, и что ему можетъ показать Попелюгинь, онъ и самъ еще не зналъ. Онъ пробирался все дальше и дальше къ Кремлю, что золотился на солнцѣ главами соборовъ и колоколенъ. Онъ кутался въ порыжѣвшій плащъ и, сдвинувъ шляпу на брови, зловѣще поглядывалъ на встрѣчныхъ. Толстая купчиха, что шла, переваливаясь на своихъ опухлыхъ ногахъ, даже шарахнулась въ сторону при видѣ его свирѣпаго лица, а онъ сатанински улыбнулся и сказалъ:

— Ага, проняло!

На поворотѣ Красной площади онъ остановился. Повернуть ли направо, или налево, къ Василию Блаженному? Сукна на кафтанѣ добыть было необходимо. Сорвалось въ одномъ мѣстѣ, можетъ быть, не сорвется въ другомъ. Есть еще лавки Мутягина, Рывкачева, Подлещикова. Мѣшалъ много успѣху дѣла его потертый плащъ, изъяны котораго особенно рѣзко выступали подъ лучами яркаго солнца. «Въ сумеркахъ вѣрнѣе», рассуждалъ онъ. Не отложить ли? Или рискнуть, зайти въ лавочку Мутягина? Она тутъ направо. Или пойти къ Арчакову и прямо изложить ему, что, молъ, жалованья царскаго не платятъ?... Что, молъ, отошаль совсѣмъ...

Онъ собирался уже поворотить, но взглядъ его вдругъ остановился на саняхъ, выѣзжавшихъ изъ бокового пролета воротъ. На гнѣдой лошади съ наборной сбруей сидѣлъ съ кнутомъ возница въ остроконечной шапкѣ, опираясь ногами въ козловыхъ сапогахъ на оглобли, замѣнявшія ему стремена. Дуга была низкая, шла совсѣмъ надъ хомутомъ лошади. Сани были тоже низенькія и двухѣстные: одно мѣсто было почетное сзади, а другое—противъ него, такъ что сѣдокъ приходился спиной къ лошади. Заднее сидѣніе было покрыто татарскимъ ковромъ, а подъ нимъ, должно быть, былъ подосланъ тюфлячекъ. На немъ возсѣдалъ Автономъ Гурьичъ Песцовъ, бритый, огромный широкій человѣкъ съ большою палкой, которую онъ держалъ прямо, такъ что серебряный наконечникъ сверкалъ издалека яркою звѣздою. На переднемъ мѣстѣ помѣщался костлявый молодой человѣкъ съ длиннымъ лицомъ и крохотнымъ носомъ. Сидѣлъ онъ почитительно, на кончикѣ лавки, какъ и подобаетъ подчиненному, и на лицѣ выражалъ почтеніе и благоговѣніе къ тому, что говорилъ Песцовъ, показывавшій куда-то руками и что-то съ жаромъ объяснявшій.

— Одея!—невольнó крикнулъ Попелюгинъ.

Ему показалось, что молодой человекъ какъ будто услышалъ окликъ. Лицо его дрогнуло, и онъ точно собирался повернуться въ его сторону. Но спутникъ его какъ разъ въ это время указалъ ему перстомъ на башню и сказалъ громко, на всю площадь:

— Вотъ здѣсь, направо и налѣво. Налѣво и направо? Понять?

Одеянка мотнулъ головой и подтвердилъ этимъ, что все понять.

Мальчишка на гнѣдой лошади отчаянно визгнулъ и вытянулъ кнутомъ какую-то старуху, сунувшуюся совсѣмъ подъ морду его коня.

— Поберегись, бабка!—предупредилъ онъ ее нѣсколько поздно и, визжа полозьями по деревянному настилу дороги, поволокъ сѣдоковъ дальше, вдоль рядовъ лавокъ, очевидно, направляясь къ Спасскимъ воротамъ.

— Когда жъ онъ пріѣхалъ?—удивлялся Попелюгинъ.—И зачѣмъ онъ здѣсь? И почему я не зналъ? И какая тому причина, что онъ ѣдетъ съ Песцовымъ? Вѣдь былъ Одеяка посланъ въ Голландію и Парижъ? Это было...

Онъ началъ считать по пальцамъ, когда это было. Выходило, что какъ будто лѣтъ пять назадъ, либо шесть.

— Можетъ, онъ и кончилъ свое ученье? Можетъ, вернулся съ аттестатомъ и состоитъ ученымъ зодчимъ?..

Попелюгина толкали. Татаринъ съ пестрыми платками, баба, продававшая горячіе оладья и звонко зазывавшая потребителей, продавецъ лубочныхъ картинъ съ портретами государя Петра Алексѣевича, гдѣ похожи были только усы, торчавшіе вверхъ,— всѣ, кто лоткомъ, кто локтемъ, кто мѣшкомъ, кто бокомъ, стукались о комедіанта. Но онъ не обращалъ ни на что вниманія, вычитывая:

— Теперь Одеякъ двадцать седьмой годъ. Его мать померла, когда у дяди Геннадія лошадей угнали и ихъ только въ Бутыркахъ нашли. Это было...

Онъ пересчитывалъ по пальцамъ. То выходило Оедору двадцать семь, то двадцать восемь лѣтъ. Двадцать восемь вышло трижды. Онъ разсердился.

— Да не все ли одно,—двадцать семь, либо больше? А что вернулся онъ въ чайниі что стянуть съ тетеньки Пульхеріи Потаповны—это такъ. Сегодня же безотлагательно проникну я къ дядѣ и сообщу ему...

Онъ пошелъ къ посольскому двору. Встрѣча съ Оеденькой взволновалъ его. Третій годъ ужъ не вставала тетка Пульхерія съ постели. Третій годъ онъ перебивается съ хлѣба на квасъ, ожидая того дня, когда тетенька испуститъ духъ и оставитъ ему

хоть часть своихъ почтенныхъ капиталовъ. Но тетенька все тѣнулася, все охала и не могла умереть. А теперь пріѣхалъ Ѳеденька, этотъ розовенькій, гладенькій мальчикъ, проныра, прощальга..

И все окрасилось въ сизо-туманный свѣтъ. Площадь, шумная, гулливая, яркая, потускнѣла, притихла. Вокругъ стало уныло; скучно, все веселье у всѣхъ пропало.

— Это онъ, рогатый, подсудобливаетъ,—догадался Попелюгинъ.—Я давно замѣтилъ, какъ онъ подступаетъ ко мнѣ, проклятый. Даже не однажды ночью онъ мнѣ видѣлся. И не знай я молитвъ, отъ коихъ его воротить, невѣдомо, чѣмъ бы кончилось.

— А ежели дядя не приметъ?—вдругъ пришло ему на умъ. Онъ даже остановился.—Невозможно. Добьюсь и приметъ. Приметь!

V.

На посольскомъ дворѣ, куда пришелъ онъ, было сравнительно безлюдно. Англичане на выровненной площадкѣ, давно очищенной отъ снѣга и усыпанной пескомъ, играли въ шары, стучая по нимъ какими-то кирками. На проходящаго мимо комедіанта они не обратили вниманія, хотя онъ осклабился весьма любезно. На большой скамейкѣ со спинкой, поставленной сбоку, сидѣло два бритыхъ старика; они о чемъ-то бесѣдовали, покуривая и выплевывая свои слова тихимъ говоркомъ, точно они стоваривались о какомъ таинственномъ дѣлѣ. У каменнаго крыльца съ конусообразной кровлей, на которой, скрипя, вертѣлся флюгеръ въ видѣ стрѣлки, стоялъ краснорожій служитель, очевидно, весьма довольный своимъ существованіемъ, а главное тѣмъ, что онъ, по званію караульнаго или, какъ тогда стало входить въ обиходъ новое иноземное слово,—дежурнаго могъ огрызаться на каждаго и «не пущать, ежели кто лѣзетъ». Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ получить такую власть, когда можно безнаказанно обругать, а нѣтъ такъ и ударить человѣка. Да не только безнаказанно, а даже получить за это похвалу отъ начальства. Но, конечно, быть грубымъ возможно было только съ маленькими людьми, а чѣмъ выше поднималась голова у посѣтителя, чѣмъ блестяще была его одежда, тѣмъ подобострастнѣе и предупредительнѣе сгибалась спина сторожа. Такъ велось изстари, и такъ было во всѣхъ вѣкахъ и всюду: и у деспотовъ Азіи, и въ великомъ Римѣ, и во дворцахъ великихъ королей Франціи и Англіи.

Видъ Попелюгина нѣсколько сбиль съ толку прислужника. По лицу Попелюгинъ былъ персона важная. Онъ смотрѣлъ такъ властно и повелительно, что впору такъ смотрѣть самому послу. А плащъ и шпаконка у него были такіе потертые, что можно было бы съ нимъ разговаривать черезъ плечо и послѣ двухъ-трехъ словъ сказать:

— Ну, ну, проходи!

Попелюгинь сразу понялъ недоумѣніе красной рожи, а потому, не давъ ей опомниться, небрежно спросилъ:

— Гдѣ Артемій Ивановичъ тутъ?

Но, видя, что стражъ замаялся съ отвѣтомъ, какъ бы подыскивая, а въ какомъ духѣ ему отвѣтить, онъ подбодрилъ его:

— Слышишь, холопъ! Тебя спрашиваю!

Онъ рывнулъ это такъ внушительно и такимъ басомъ, что холопъ вытянулся и сказалъ:

— Онъ сегодня и не былъ тутотка.

— Такъ онъ дома?—еще строже спросилъ Попелюгинь и еще грознѣе посмотрѣлъ на сторожа.

— Не могу знать,—уже смущенно пролепеталъ тотъ.

— И за коимъ дьяволомъ тебя, чучелу, здѣсь держать, коли ты ничего не знаешь?

Комедіантъ поворотился и зашагалъ опять, изобразивъ лицомъ неудовольствіе.

— Ужъ какъ пойдетъ неудача, какъ пойдетъ!—бормоталъ онъ.

И дома Артемія Ивановича Арчакова тоже не было. Но дѣвка съ фальшивыми кораллами на шеѣ, выбѣжавшая въ прихожую кѣмнату, вдругъ сказала:

— Лизавета Максимовна дома.

— А можно къ ней?—спросилъ Попелюгинь.

— Отчего же нельзя? Хозяйка васъ знаетъ. Да и Артемій Ивановичъ сейчасъ должны прійти.

Попелюгинь помнилъ смутно Лизавету Максимовну: видалъ онъ ее всего разъ. Помнилъ, что она была толстенъкая и хорошенъкая. Говорили, что мужа она держитъ въ рукахъ. Самъ Арчаковъ былъ сынъ крещенаго татарина и занималъ въ Посольскомъ приказѣ мѣсто немаловажное, что приписывали его почтенному состоянію, собранному его предками еще въ то время, когда татары грабили русскихъ. А потому Попелюгинь привѣтно улыбнулся дѣвкѣ, отъ головы которой пахло деревяннымъ масломъ, и сказалъ:

— Ну, ежели ты меня приглашаешь, то я обожду.

Онъ раздѣлся. Оставилъ плащъ, треуголку и шпагу въ сѣняхъ. Шпагу-то можно было бы и не оставлять, но она была совѣмъ не въ порядкѣ,—прицѣпить ее было не къ чему, и приходилось все время носить въ рукахъ.

Въ комнатѣ, куда ввела его дѣвка, предварительно попросивъ начисто вытереть о половичекъ мокрые сапоги, слышался запахъ ладана и воска. Въ переднемъ углу стояла большая божница и теплилась лампадка.

— Какъ хорошо у васъ,—похвалилъ онъ.—Нынче не у всѣхъ бываетъ кивотъ съ образами.

— Наша хозяйка это любить,—подтвердила дѣвка и весело стала смотрѣть на него сѣрыми, наглыми глазами.

— А тебя какъ звать?—вдругъ перемѣнилъ онъ разговоръ.

— Надя.

— Хорошее имя! У меня была мать Надежда. И бабушка тоже Надежда. Вотъ прабабушка...

Онъ остановился и наморщился.

— Навѣрно не могу сказать...

— Да ужъ и того будетъ, а я пойду и доложу Лизаветѣ Максимовнѣ.

— Доложи, душа, доложи.

Онъ началъ ходить по комнатѣ большими шагами. Сперва онъ началъ было посвистывать, но потомъ покосился на божницу и подумалъ:

«Какъ будто при Варварѣ Великомученицѣ сіе не подобаешь?»

Онъ чувствовалъ нѣкоторое сжиманіе подъ ложечкой. Кромѣ двухъ калачиковъ утромъ и стаканчика вина, онъ ничего не «вводилъ внутрь», какъ выражался во времена оны ихъ ректоръ кievской семинаріи. А здѣсь сквозъ ароматъ ладана и воска его привычный носъ различалъ запахъ варившейся гдѣ-то селянки, съ разными пряностями и спеціями и капустой.

«Вотъ, мерзавцы, жрутъ!» подумалъ онъ.

Надя попросила его войти въ сосѣднюю комнату.

— Сейчасъ выйдутъ къ вамъ Лизавета Максимовна,—сказала она и такъ посмотрѣла на него, что онъ невольно подумалъ:

«А надо будетъ ей дать что, уходя. Только нѣтъ ничего въ карманѣ, кромѣ дыръ».

И въ сосѣдней комнатѣ были образа и лампадки, и пахло ладаномъ еще больше. Полъ былъ устланъ зеленымъ сукномъ, должно быть, оставшимся отъ обивки мѣсть для зрителей при торжественныхъ вѣздахъ въ Москву. Этимъ завѣдывалъ прежде Арчаковъ, потому земскаго сукна у него должно было быть много на дому.

Послышался топотъ каблучковъ, прямыхъ и высокихъ по послѣдней французской модѣ. Вошла хозяйка. И платье на ней было модное, заморское. Арчаковъ хотѣлъ жить совсѣмъ на новый ладъ, и жену свою не только не запиралъ въ теремѣ,—но держалъ ее, какъ голландцы и англичане въ Нѣмецкой слободѣ, совсѣмъ на волю. Только платочекъ для носу она держала такъ, какъ боярыни держали ширинки, когда ходили еще въ лѣтникахъ и кокошникахъ.

— Мой респектъ и почитаніе!—галантно сказалъ гость и отдалъ поклонъ совсѣмъ какъ иноземець.

— Артемій Ивановичъ сейчасъ придетъ!—отвѣтила она.—Ты присядь и посиди.

Она и сама сѣла, и онъ сѣлъ.

— По дѣлу пришелъ?

— По дѣлу. Мнѣ безъ дѣла къ вамъ ходить непристойно. Ибо я въ знакомыхъ не состою.

Онъ посмотрѣлъ на Лизавету Максимовну, Лизавета Максимовна на него. Въ ея глазахъ было что-то общее съ горничной-дѣвкой Надькой.

— А я тебя знаю. Видала,—сказала она.—Какъ мнѣ сказали, что ты къ мужу пришелъ, я подумала: семь-ка, погляжу, каковъ комедіантъ вблизи?

— Не кусается ли заморская звѣрюга?—спросилъ онъ и осклабился.

— Не кусается ли?—подтвердила она и прибавила:—А ты изъ какихъ?

— Я племянникъ владыки Геннадія. Можетъ, вамъ сія персона извѣстна?

Она широко открыла глаза.

— Да ну? Значить, ты и самъ изъ духовныхъ?

— Изъ кievской бурсы.

— Ученый?

— Ученый. Меня къ духовному сословію готовили. Но, еще будучи младъ лѣтами, принималъ участіе въ театрумѣ при академіи. У меня голосъ былъ восхитительный. Потому меня отличали отъ прочихъ.

— Голосъ у тебя, точно, трубный,—подтвердила она.

— Когда я еще изъ юношескаго возраста не выходилъ, то Юдиень изображалъ, когда она на пирь къ Олоферну приходитъ.

Лизавета Максимовна вдругъ фыркнула.

— Что жъ, и юбки надѣваль?

— И юбки, и все прочее. И тутъ подкладывалъ, дабы на вдовицу похожимъ быть. И ликъ мнѣ размалевывали. И парикъ надѣвали. И на главу убрусъ съ подобіемъ золоченыхъ монетъ, и въ уши серьги наподобіе цыганскихъ...

Лизавета Максимовна такъ и покатила со смѣха.

— Охъ, стыдобушка!

— А Олофернъ говорилъ мнѣ: «Истинно нѣжной еврейской богиней нарешишь можешь; спрятствую, да сея ноци главу свою на лонѣ ея держу». А я отвѣчалъ на сіе...

Попелюгинъ сдѣлалъ умильное лицо, опустилъ глаза и, насколько позволялъ его густой басъ, нѣжно проговорилъ:

— «Милостивый господине! Богъ сіе желаніе твое исполнити можетъ...»

— Вотъ бы посмотрѣть такую комедію!—воскликнула хозяйка.

— Отъ Артемія Ивановича это зависить. Если онъ ордонансъ

такой дастъ... А только теперь я уже царя Олоферна, а отнюдь не вдовицу Юдию изображать буду...

— Ну, еще бы ты теперь бабой вырядилса!—подтвердила она, и опять фыркнула.

VI.

Попелюгинъ поправилъ волосы парика на вискахъ.

— Могу теперь изумительно изобразить Олоферна,—заговорилъ онъ и, сдѣлавъ восторженные глаза, посмотрѣлъ на хозяйку.—Зажигательныя рѣчи могу огненно передать.

— А ну-ка, покажи, какъ?—предложила она, смотря ему прямо въ глаза.

Онъ приложилъ лѣвую руку къ сердцу, а правую поднялъ.

— «О, побѣдительница храбрости моя, обладательница сердца моего,—заговорилъ онъ съ натугой.—Садись возлѣ мене, да яси и пиши со мною, веселящеса, ибо яко ты едина мое непобѣдимое великодушіе обладала еси...» Ну, и такъ далѣе.

— Ловко!.. Безпремѣнно надо Артемъ сказать, чтобъ онъ велѣлъ эту «Юдию» въ комедіальномъ домѣ поставить,—одобрила хозяйка.

— А только ужъ очень нѣмцы мудрятъ надъ нами,—сокрушенно сказала Попелюгинъ.—Не глупѣе ихъ въ Кіевѣ заправляли нашимъ дѣломъ. И даже польскій одинъ комедіантъ нѣкоторые кунштики намъ показывалъ. А вѣдь нѣмецъ развѣ можетъ понять наше русское поведеніе или сообразить; у кого недознатіе въ рѣчахъ? И выходитъ, говоритъ онъ съ нами, какъ свинья съ гусями. Ни мы его не понимаемъ, ни онъ насъ.

— Ну, до этого мнѣ касательства нѣтъ. Не я этихъ нѣмцевъ поставила, не я ихъ и убрать могу.

— Да я только такъ, къ слову.

— Ты лучше покажи еще что изъ комедій. Ты вѣдь не одну «Юдию» игралъ?

— Я много игралъ. Примѣрно: «Сципію-Африкенъ и погубленіе Сафонизбы, королевы Нумидійскія». А здѣсь, въ Москвѣ,—итальянскую комедію «Честный измѣнникъ».

— Вотъ-вотъ, я въ этомъ «Измѣнникѣ» и видѣла тебя. Очень любопытный у тебя тамъ съ женою разговоръ былъ.

Попелюгинъ самодовольно улынулся.

— Это когда говорю я: «Вѣрный любитель всегда есть пужливъ», а она возражаетъ: «но ревнительный любитель никогда не унываетъ?...»

— Вотъ это самое! Такія слова хорошія все...

— Да. Говорю я: «Вѣрность моя есть къ вамъ не отмѣнительная». А она отвѣчаетъ: «Любовь моя есть къ вамъ вѣчная!» Я ей: «Есмь вашъ рабъ!» А она: «А я—ваша рабыня». И когда уходимъ

мы, то я спрашиваю: «Изволишь ты итти, любовь моя?» А она покорно отвѣчаетъ: «Какъ вы изволите, сокровище мое!»

— Очень занято! Ахъ, какъ занято!—воскликнула хозяйка и даже въ ладоши хлопнула.—Я потомъ долго заснуть не могла, и сама въ комедіантки захотѣла. И повторно видѣть комедію эту желаю.

— Но сколь пріятно такіе разговоры не по заученной изъ тетрадки рѣчи, а въ жизни вести?—вдругъ проговорилъ, осклабясь, Попелюгинъ.

Она посмотрѣла на него только. Онъ придвинулъ свой табуретъ къ ней и замѣтилъ:

— Но что за піоны цвѣтутъ у васъ на ланитахъ! И волосы у васъ какъ будто завиты не искусными щипцами, а завертываются въ кольца отъ натураля? И розовая кофта съ горностаевой выпушкой, и голубое платье съ серебряными молніями...

— Это изъ какой же комидіи?—прищурясь, спросила она.

Онъ приложилъ къ сердцу руку, на этотъ разъ правую, и сказалъ:

— Изъ комидіи моего сердца.

— Это что же за скоморошье представленіе?

— Скоморошье? О, нѣтъ, государыня! Это великая трагедія наподобіе греческаго пінты Софоклеса! Какъ Эдипъ выкололъ себѣ очи пряжкой отъ пояса жены своей, такъ и я готовъ лишитъ себя зрѣнія, чтобы не видѣть вашихъ прелестей.

— Артемій Ивановичъ пріѣхали!—доложила Надя.

— Ахъ, чортъ побери!—продолжалъ Попелюгинъ, переходя на шутливый тонъ.—И въ жизни, подобно тому, какъ въ театрѣ, мужья всегда пріѣзжаютъ не во-время...

— А я думаю, что они пріѣзжаютъ въ самое надлежащее время.—замѣтила хозяйка.

Но хотя и не во-время, по мнѣнію комедіанта, пріѣхалъ Арчаковъ, тѣмъ не менѣе встрѣтилъ онъ его стоя, а когда получилъ въ видѣ привѣтствія кивокъ головою, то поклонился столь почтительно, какъ кланяются только большому начальству.

— А мы вотъ безъ тебя въ преизрядной болтовнѣ время провели,—сказала Лизавета Максимовна.

Арчаковъ посмотрѣлъ на Попелюгина, потомъ на нее, потомъ опять на него и спросилъ:

— А ты зачѣмъ ко мнѣ?

— По двумъ дѣламъ.

— Говори скорѣй, не пашель другого времени, какъ въ обѣденное время.

Онъ сѣлъ и уставился на Попелюгина. Глазки у него были маленькіе, безцвѣтные, и самъ онъ былъ безцвѣтный, маленькій, какой-то мышиный объѣдокъ. Усики онъ старался поддѣлать

себѣ такіе же, какъ у царя Петра; но одинъ еще торчалъ кверху, а другой безпомощно опускался книзу и не хотѣлъ повиноваться своему владѣтелю, несмотря на всевозможныя снадобья и умащиванія.

— Ну?—повторилъ онъ.

— Первое дѣло,—началь Попелюгинъ,—я пришелъ съ жалобою на нѣмцевъ.

— На какихъ нѣмцевъ?

— Какіе нѣмцы? Начальство наше.

— Хорошіе люди. Служаки, не дебоширы.

— Это, Артемій Ивановичъ, вы на насъ намекъ пускаете?

— Хотя бы. Вотъ я на тебя смотрю: засаленъ, ободранъ. Ну, какой ты царскій комедіантъ?

— А нѣмецъ аккуратенъ?

— А нѣмецъ аккуратенъ.

— Вы думаете, это въ крови у нихъ? Напрасно. И обо мнѣ вы думаете облыжно.

— Но, но! Со мной такъ говорить нельзя!—хмурия тѣ бугорки надъ глазами, на которыхъ должны были расти брови, сердито заговорилъ начальникъ и поднялъ кверху указательный перстъ.

— Почему же мнѣ такъ не говорить?—удивился комедіантъ и даже ногу отставилъ.—Я такъ полагаю, что нахожусь въ полномъ правѣ. И одѣтъ я былъ бы въ такомъ же аккуратѣ, какъ нѣмцы, ежели у меня было бы столько денегъ, какъ у нихъ. А въ чемъ же моя вина, ежели я съ осени жалованья не получаю?

— Какъ не получаешь?

— Да такъ вотъ. Не даютъ нѣмцы, и дѣло съ концомъ. А сборы въ театрумѣ значительны: когда шесть рублей, когда семь. Въ одинъ вечеръ семь рублей было.

— Велики деньги! Семь рублей не деньги!

— Для васъ, при богатствѣ вашемъ, оно, конечно, семь рублей что плюнуть. А намъ и рубль важенъ. На рубль цѣлую недѣлю кормиться многимъ изъ моихъ товарищей можно.

— И напиться?

— Такъ вѣдь кто жъ не пьетъ? Заяцъ и тотъ въ этомъ нуждается. Вы изволили попрекнуть меня отречьями. А я попрекаю васъ, что царскимъ комедіантамъ жалованье не платятъ.

— Велю я тебя въ батоги поставить!—завопилъ вдругъ Арчаковъ.—Какъ смѣешь ты такъ со мной разговаривать! Ты знаешь, кто я?

— Осмѣлюсь напомнить, что я родной племянникъ высокопреосвященнаго Геннадія,—скромно замѣтилъ комедіантъ.

Краснота въ затылкѣ «мышинаго объѣдка», появившаяся отъ крика, не только не прошла, а при этомъ напоминаніи заиграла, какъ будто еще гуще. А жена смотрѣла на нихъ съ любопыт-

ствомъ: такъ смотрять на борьбу англійскаго бульдога съ крысой. Она больше показывала на лицѣ любопытства, чѣмъ сочувствія той или другой стороны.

— И хожу я къ дяденькѣ и мозолю ему очи присутствіемъ своимъ, и докучаю просьбами,—продолжалъ Попелюгинъ.—Говорю: не платятъ въ Посольскомъ приказѣ, подвело животы у всѣхъ. Ужъ не знаю, крадутъ ли, другое ли что, а мы сидимъ голодомъ. Увидишь, говорю, царя-государя, доложн ему, что съ нами дѣлають.

Безпокойство охватило всю фигурку Арчакова: онъ началъ чесать себѣ колѣни и спросилъ упавшимъ голосомъ:

— А кто же, по-твоему, воруетъ?

— Почему я знаю! Кто-нибудь да замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ. При казенныхъ деньгахъ всегда воръ есть.

— Когда театрумъ въ Нѣмецкой слободѣ помѣщался, комедіанты жаловались, что платьемъ и обувью обносились и испроѣлись. А теперь, какъ въ Китай-городѣ хоромину для представленій возвели,—тѣ же жалобы,—сообразилъ Арчаковъ.

— Теперь жалоба другого сорта,—стоялъ на своемъ Пенелюгинъ:—нѣмцы токмо своимъ жалованье платятъ. Почему докторшѣ Пагенкампфъ—триста рублей въ годъ положено? Почему дѣвка Еганна фонъ-Виллихъ полтораста рублей получаетъ?

— Глухой ты человекъ! Это комедіантки ученые. Докторъ Пагенкампъ на патентованной комедіанткѣ Герминѣ женатъ. Какъ же ты хочешь, чтобъ русскимъ теленямъ, которыхъ еще въ котлѣ три года кипятить надо, платить столько же, сколько прибывшимъ изъ-за моря ученымъ нѣмкамъ?

VII.

— Чѣмъ же мы нѣмцевъ хуже? — спросилъ Попелюгинъ.—Обучить только насъ какъ слѣдъ быть надо,—а отъ неученаго развѣ возможно требовать? Комедіантъ русскій для русскаго духа нужнѣе. Начать съ того, что онъ говоритъ по-русски, и все, что онъ говоритъ, въ уши попадаетъ тѣмъ смотрящимъ, что собрались на представленіи. А что иноземные комедіанты по-своему лопочуть, то изъ ста человекъ одинъ пойметъ, да и то навыворотъ.

— Ты что русскимъ духомъ называешь?—опять нахмурился Арчаковъ.

— А вы объ этомъ у дяди спросите; онъ лучше разъяснитъ, какъ ораторъ. Я только скажу, что русскій духъ это тѣ, что нѣмцы не понимаютъ. Да и не токмо, что нѣмцы, а и татары, и итальянцы.

— Однако, пока русскіе зодчіе строили кремлевскіе соборы,—все они падали? А какъ выписали флорентинцевъ,—такъ они не разваливаются—триста лѣтъ стоятъ.

— Опять же говорю,—не унимался комедіантъ:—что рускій народъ темный, необученный. А какъ обучили его, какъ надо кирпичи обжигать,—онъ и сталь строить не хуже итальянцевъ. Не выродки мы какіе-нибудь!

— Охъ, востеръ ты на языкъ!

Попелюгинъ посмотрѣлъ на Лизавету Максимовну. И у нея въ глазахъ было тоже написано:

«Востеръ! Шло, а не языкъ!»

— Но при всемъ томъ,—продолжалъ онъ,—всѣ мы ободрались платьемъ. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ комедіанты прямо къ его царскому величеству съ жалобой въ такихъ разѣхъ обращались, и никогда того не было, чтобъ онъ безъ вниманія пренебрегъ нашимъ челобитьемъ. А нынче что же,—голодной смертью намъ издыхать?

— Я разберу, въ чемъ тутъ дѣло. Деньги полностью въ театрумъ переданы, и роспись по комедіантамъ,—кто сколько получаетъ за заслуги свои,—утверждена. А почему вы не получаете,—не знаю...

Онъ ужъ хотѣлъ встать съ кресла и зашаркалъ ногами, да вспомнилъ, что еще есть у посѣтителя второе дѣло.

— А еще что ты хотѣлъ?—спросилъ онъ.

— А еще я спросить хотѣлъ,—Федоръ Папченко развѣ выпи-санъ сюда на Москву изъ-за моря?

— Тебѣ-то что?

— Братъ онъ мнѣ двоюродный.

— Да ну! По приказу его царскаго величества приписанъ онъ къ здѣшнему Посольскому приказу.

— Это кто такой?—полюбопытствовала Лизавета Максимовна.

— Зодчеству обучался въ городѣ Парижѣ,—пояснилъ Артемій Ивановичъ:—теперь сюда будетъ прилѣпленъ, къ Кремлю.

— Видѣлъ я его на Красной площади,—проѣзжалъ онъ съ Песцовымъ, и удивился, что здѣсь онъ,—сказалъ Попелюгинъ.

— Вчера только прибылъ. И въ Кремлѣ помѣщеніе ему указано.

Вошелъ слуга Ахметка, въ ермолкѣ, съ бритой головой и въ синихъ сафьянныхъ туфляхъ.

— Все готово!—радостно заявилъ онъ:—къ столу пожалуй.

Арчаковъ всталъ и взялся за животъ.

— Ну,—сказалъ онъ:—мы теперь обѣдать идемъ. А что ты сказалъ, я спрошу у нѣмцевъ безъ промедленія.

— Да, ужъ будьте добренькій, покудова мы голодной смертью не почали.

Онъ обернулся въ сторону Лизаветы Максимовны и, снова отдавая ей поклонъ, сказалъ:

— Мои кумплименты!

Она ласково наклонила голову и отвѣтила:

— Прощай, дядѣ кланяйся отъ меня, когда увидишь, скажи, что очень я его почитаю.

— Неукоснительно.

Въ сѣняхъ, куда проводить его вышелъ татаринъ, онъ опять встрѣтился съ Надей. Отъ нея пахло кухоннымъ чадомъ.

— Пришло я тебѣ платокъ персидскій,—сказалъ онъ, драпируясь въ свой плащъ.

— Съ чего это?—спросила она.

— За глаза твои подлые.

Она какъ-то лихо повела ими и ничего не сказала.

Онъ опять вышелъ на улицу. Солнце передвинулось къ западу. Но толпа не порѣдѣла, а стала, какъ будто, еще гуще, пестрѣе, цвѣтнѣе. Поѣхали на расписныхъ пошевняхъ толстыя купчихи. Ихъ шубы стариннаго покроя, мѣховыя шапки, платки—такъ и отливали то алой краской, то синей, то золотомъ, то серебромъ. Лошади, жирныя, раскормленныя, мѣсили грязь, которая стала еще глубже отъ теплаго весенняго дня, и, когда вытаскивали изъ нея чмокавшее копыто, оно сверкало блестящимъ желѣзомъ подковы. Бубенцы и колокольцы звенѣли то тамъ, то здѣсь. Слышались пѣсни, и крики, и смѣхъ, и ругань. Верхами ѣхали военные и избочась смотрѣли на пѣшій людъ. У всѣхъ усы торчали, какъ у царя, и не повисали, какъ у Арчакова, а, натертыя воскомъ, несли свою службу исправно и заставляли биться усиленно сердца подъ душегрѣями не только дѣвицъ и вдовъ, но и многихъ замужнихъ.

«Загнулъ я экивоку нѣмцамъ,—радовался про себя Попелюгинъ:—я ихъ выведу на чистую воду! Охъ, выведу! Сколько ихъ прошло на моихъ глазахъ! И всѣ больше о себѣ радѣютъ. Царь думаетъ, что они нарочито стараются, и надъ комидіей потѣютъ. А какъ узнаетъ онъ, что все они для одной видимости тужатся; возьметъ палку, да палкой, палкой...»

Голодъ, какъ будто замолкшій, пока былъ онъ у Арчакова, теперь началъ сказываться все больше и больше. Слѣдовало что-нибудь предпринять.

«Къ дядѣ рано еще,—размышлялъ онъ:—прійти не въ-время:—все дѣло испортить. Во благовременіи слѣдуетъ.—Тутъ, въ тупичкѣ Подерня обитаетъ. Къ нему, что ли? Онъ человекъ мягкій, какъ подушка съ перьями.—Ежели самъ обѣдаетъ—накормить. А потомъ насчетъ нѣмцевъ къ дядѣ пойду... И о Ѳедкѣ доложу. Скажи на милость,—Ѳедьку въ Кремль выписали! Молокососа—юродивенькаго Ѳедьку! Я такъ и зналъ! Сызмала онъ изъ такихъ былъ, что двухъ матокъ, и не двухъ, а трехъ сосалъ. Ласковенькій таковой... Ахъ, паршивецъ, паршивецъ!»

Онъ завернулъ во дворъ, прошелъ черезъ большую, какъ прудъ, что выкопали для карасей, лужу по шаткой дощечкѣ; которая заливалась мутной водою, едва на нее наступали, и по скрипучей лѣстницѣ, гнилой, некрашеной, темной, сталъ ощупью подниматься куда-то въ пахнувшей помоями и всякими отбросами полутьмѣ. У отворенной двери, откуда валилъ паръ отъ жарко растопленной печи, а жирная баба съ пухлыми локтями вошла около котелковъ, онъ спросилъ:

— Книдей дома?

На этотъ разъ судьба благоволила къ нему, и Подерня не только собирался обѣдать, но даже радъ былъ незваному гостю.

VIII.

Подерня былъ маленькій, кривоногій, толстенный человѣчекъ, лѣтъ за пятьдесятъ, съ добродушнымъ лицомъ, вѣчно улыбающійся, мягкій, уступчивый, веселый. Игралъ онъ шутовъ и смѣшилъ до колики тѣхъ, кто сидѣлъ въ залѣ въ «зрительскихъ мѣстахъ». Смѣшилъ онъ и своихъ товарищей на репетиціяхъ, и даже самого начальника, Грумбаха, что былъ приставленъ, какъ режиссеръ, надъ русскими комедіантами. Зараженный игрой Подерни, онъ раскрывалъ свой обширный ротъ, показывалъ черные, насквозь прокуренные кнастеромъ зубы и, одобрительно похлопывая по плечу комедіанта, говорилъ:

— Хорошъ! Ви большой талантъ! Но сирой! Совсѣмъ сирой! Васъ варить надо въ котель, какъ грязно бѣлье.

Подерня взглядывалъ на своего начальника кисло и начиналъ потирать плечо, точно на немъ сейчасъ лежала не сухая рука нѣмца съ длинными плоскими ногтями, а медвѣжья лапа, придавливавшая его къ землѣ. А когда отходилъ Грумбахъ въ сторону, онъ замѣчалъ ближайшему товарищу:

— А почему его жена, сѣдая, а въ китовый усъ затягивается?

Подерня обнялъ гостя, поцѣловалъ его трижды и спросилъ:

— Ты, Демьянъ, сытъ?—удивился гость.

— Почему ты думаешь, что я сытъ?

— Ничего я не думаю, а спрашиваю. Сегодня хозяйка хотѣла блиновъ печь...

— Такъ блиновъ нѣтъ?—упавшимъ голосомъ спросилъ Попелюгинъ, и ноздри его заходили, какъ у лошади.

— Блиновъ нѣтъ, а есть сегодня...

Подерня присѣлъ и зажмурился. А потомъ вдругъ поднялся во весь свой невзрачный ростъ и, открывъ глаза, сказалъ:

— А есть сибирскіе пельмени...

— Сибирскіе?—переспросилъ гость.

«истор. вѣстн.», январь 1916 г., т. сѣлн.

— Сибирскіе. Хозяйка моя изъ Томска. Такое она дѣлаетъ изъ баранины и свинины! Столько жирку пускаетъ туда, да лучку, да перцу! Таютъ во рту... Сотню съѣшь,—и не замѣтишь. Последній сегодня день скромный,—такъ вотъ...

Попелюгинъ безпокойно оглянулся.

— А на всѣхъ хватить?—спросилъ онъ

— На всѣхъ. По чарочкѣ послѣ каждого десятка пельмешъ пропускать будемъ...

— Я пропускать много сегодня не могу, ибо иду къ дядѣ.

— А-а! Къ дядѣ? Строгий онъ! Хорошо служить! Вотъ-то къ намъ бы его...

— Въ дни юности своя въ Кіевѣ онъ на школьной сценѣ не разъ игрываль...

— Видно. Сейчасъ видно! Какъ, братецъ, онъ внятно все дѣлаетъ...

— Да вѣдь сколько лѣтъ все одно и то же,—замѣтилъ Попелюгинъ.

Киндей совался носомъ во всѣ углы.

— Иного хоть триста лѣтъ стегай кнутомъ,—ничего не будетъ. Ну, какъ радъ я, что не одинъ насыщаться буду. Рѣдкій гость... Я вдобавокъ не въ духахъ сегодня.

— Съ чего?

— Сядемъ... Афросиньюшка, я вижу, несетъ сейчасъ пельмени. А мы пока по чарочкѣ хлопнемъ да шемаю закусимъ! Важная шема! Знакомый купецъ подарилъ въ Охотномъ... И водочка у меня важная—анисовая. Кумъ для царя настаиваетъ... Ту же, что царь пьетъ, и мы дербанемъ.

И онъ налилъ въ какой-то ковшичекъ, которой онъ называлъ чаркой, царскаго напитка.

— Благослови, Господи!—съ вѣрой и умиленіемъ сказалъ онъ, чокнулся своимъ ковшичкомъ съ ковшичкомъ гостя и съ наслажденіемъ выпилъ огненную влагу маленькими глотками.

— Давно я не видѣлъ тебя. Гдѣ пропадалъ?—спросилъ онъ, утираясь.

— А виноватъ ли я, что эти облѣзлые бѣсы не занимаютъ меня?—спросилъ его гость въ свой чередъ.

— Да, мало игралъ ты нынче, мало.

— Путаюсь по городу. Промышляю пропитаніе. Иногда не ѣмъ по три дня.

— Да ну! Отчего жъ ты ко мнѣ не приходилъ? Три дня подъ рядъ никогда того не было, чтобъ я не обѣдалъ. Черезъ день больше... Не всякій разъ пельмени... А все же Афросиньюшка то супъ изъ сняточковъ сварить, то солонники съ хрѣнкомъ, то студень... Такъ иногда наѣшься, что на другой день и не тянетъ къ ѣдѣ...

— Чего жъ ты не въ духѣ? — спросилъ гость и поставилъ свой жовшичекъ въ сторонку, чтобъ и не соблазняться.

— Такъ ты больше не будешь и вправду? — удивился хозяинъ.

— Говорю тебѣ, что къ дядѣ иду. Не могу же я къ нему на очи предстать въ нетрезвенномъ видѣ?

Онъ понюхалъ паръ отъ положенныхъ на тарелку пельменей.

— А запахъ райскій, — замѣтилъ онъ и повторилъ вопросъ: — ну, чего же ты, Киндей, не въ духѣ.

Киндей не торопясь опустилъ круглую деревянную ложку въ тарелку и сказалъ:

— Нѣмцы меня изводятъ.

— До тебя дошли! Ну, ужъ коли и тебя извели — послѣднее дѣло!

— Не меня! Я въ сторонѣ, я такой же смотрѣльщикъ былъ, какъ всѣ, что вчера въ театрумъ пришли... А ночь я спалъ плохо, и сегодня такъ скверно себя чувствую, точно меня плетью отлупили...

Онъ изобразилъ на своемъ красномъ, изборожденномъ морщинами лицѣ страданіе и сталъ похожъ на старую бабу.

— Охъ, горячо! — сказалъ гость, касаясь губами мягкаго защипнутаго ловкими пальцами Афросиньюшки пельменя.

— Подожди, обожжешься. Они, подлые, долго не стынутъ...

Онъ съ любовью посмотрѣлъ въ миску и прибавилъ:

— А много ихъ надѣлано, — охъ, много. На роту хватить!

— Да ты про нѣмцевъ-то расскажи, — направилъ его Попелюгинъ на путь истинный.

— Я и говорю тебѣ про нихъ. Ну, началось у насъ вчера представленіе честь честью. Народу навалило много: и москвичей, и нѣмцевъ, и шведовъ, и англичанъ... Все идетъ похорошему. Только слышу я, что кнастеромъ тянетъ откуда-то. Да не простымъ кнастеромъ, что у Сухаревой продаютъ, а настоящимъ голландскимъ. Межъ тѣмъ, тебѣ вѣдомо, воспрещено у насъ въ театрумѣ всякое курево.

— Воспрещено! — подтвердилъ Попелюгинъ.

— Зала-то темная. Видно въ темотѣ, что, какъ волчій глазъ, одна искорка свѣтитъ. Закурилъ кто-то. А вѣдь у насъ строжайше смотрѣтъ приказано, чтобъ огня не было. И приставленъ для того Фрощенко.

— Фрощенко! — подтвердилъ Попелюгинъ.

— Подходить къ курильщику онъ, какъ только занавѣску опустили, и говорить:

«— Ты пилъ табакъ изъ трубки?

«Думаетъ, курилка отречется. Другой бы испугался и отрекся. А онъ такъ нахально посмотрѣлъ на Фрощенко и говорить:

«— Ну, и я!

«Фрошенко сразу понялъ, что это нѣмецъ. Приосанился онъ и заявляетъ басомъ:

«— Однако здѣсь этого нельзя дѣлать.

«А нѣмецъ ему на это:

«— Пошла ты вонъ!

«Фрошенко не отстаётъ.

«— Однако,—говорить,—съ такимъ небреженіемъ изъ трубки пепель съ огнемъ сыпать нельзя:—сохрани Богъ, вдругъ пожарное несчастье произойдетъ! Ежели желаешь курить, иди на дворъ.

«А курилецъ опять кричить:

«— Я не желаю выходить, а ты выходи! Ты приказная крыса, а я иноземный человѣкъ.

«Тогда за рукавъ его вѣжливенько взялъ Фрошенко, потянулъ и говорить:

«— Я тебя, скота этакова, за ушко да на солнышко.

«А тотъ какъ вытащить шпагу и ну махать.

— «Я, говорить, никого не боюсь, а тѣмъ болѣе тебя, свиньи русской!

«Фрошенко пошелъ къ Грумбаху и говорить:

«— Я терпѣть этого не желаю. Всякій проходимецъ ежели ругать меня будетъ и зарубить грозиться,—такъ лучше ужъ мнѣ не служить. Вы унять своего родича можете, потому онъ нѣмецъ. Посмотрѣлъ на него Грумбахъ въ щелочку и вдругъ объявляетъ:

«— Съ нимъ я не желаю разговаривать, потому что онъ ниже меня рангомъ, и если я въ бесѣду съ нимъ вступлю, то опозорю себя. А въ Посольскій приказъ я могу дать знать, чтобъ уняли его».

— А пельмени-то божественные!—не выдержалъ гость.

— Говорилъ я тебѣ, говорилъ!—воскликнулъ хозяинъ.

— Ну, инъ далѣе что?

— А дальше произошелъ такой погромъ, что ужаси! Выхватилъ курилецъ шпагу и началъ махать. «Мнѣ, говорить, никто воспретить не можетъ». Шпагу тогда отъ него отняли, навалившись вчетверомъ. А потомъ онъ вскочилъ, какъ размахнется да какъ двинетъ кулакомъ въ зубы Фрошенка, такъ и облился тотъ кровью. И особы женскаго пола визжать начали..

— А вы все играли?

— Гдѣ тамъ играть! Представленіе прервали и побѣгли въ приказъ за распоряженіемъ. Кабы москвичъ это былъ природный, никакихъ бы хлопотъ съ нимъ не было: сдали его Тарасѣ Тарасовичу, тотъ велѣлъ бы поучить его, и дѣло съ концомъ. А тутъ человѣкъ иноземнаго происхожденія. Строго-настрога воспрещено ихъ трогать. Шумъ, словно татары, либо Литва пошли на Москву. Плачутъ, кричатъ, визжать, причитаютъ. Развѣ можно при такихъ порядкахъ комедіантомъ служить?

— Чѣмъ же кончилось?—спросилъ Попелюгинъ.

— Изъ приказа велѣли распорядиться съ буйствующимъ, какъ будто онъ природный русскій. Тогда повели его на крыльцо театрума и стали его бить батогами. Сперва онъ очень удивился и все кричалъ, что его не смѣютъ трогать. А потомъ увидѣлъ, что дѣло дрянъ, и потому общалъ:

«— Я курить болѣе не буду.

«А Фрощенко ему и молвить: «Это надо было раньше говорить, а теперь поздно».

«И стали его снова бить. Онъ спрашиваетъ:

«— Можетъ быть, довольно?»

«Ему отвѣчаютъ: «Нѣтъ, еще мало!» Тогда онъ кричать началъ.

«Грумбахъ убѣжалъ. Убѣжалъ и спрятался. И у меня по дорогѣ спрашиваетъ:

«— А меня не тронуть? Я говорю: «Нѣтъ». Онъ говоритъ: «Все же лучше прятаться». И убѣжалъ.

IX.

«Я вышелъ на крыльцо и вижу, что бьютъ все еще того, что табакъ пилъ. Я спрашиваю: «Въ самомъ дѣлѣ, можетъ, довольно?» А мнѣ отвѣчаютъ: «Мы вреда ему никакого не сдѣлаемъ. Послѣ кулачной потѣхи на Москвѣ-рѣкѣ куда хуже бываетъ,—пяти, а нѣтъ семи реберъ въ цѣлости не остается». А вокругъ на подьбздѣ театрума стоитъ публика и смотритъ.

— Да ты пельмени ѣшь, а то холодные будутъ, сало застынетъ,—сказалъ Демьянъ.

Хозяинъ налилъ себѣ еще чарку, вышилъ и, проглотивъ нѣсколько ложекъ съ сибирскимъ варевомъ, заговорилъ опять:

— И такъ мнѣ скучно стало, такъ скучно! Никогда ярославецъ того не позволить, или костромичъ, или владимирецъ, что позволяютъ у насъ заморскіе люди. Почему же мы подъ власть ихъ подходить должны? Почему они думаютъ, что они лучше насъ? Чѣмъ они лучше? Норовятъ все для своей пользы. Какъ-никакъ,—жили мы безъ нихъ. Нужно было поучиться чему, точно—иноземныхъ звали. Поучимся, и вонъ ихъ, и опять живемъ своими средствами.

— Ты потому и заскучалъ?

— Заскучалъ. Раздумался, и такая на меня грусть напала. Думаю: «Почему я не нѣмецъ? Кабы я нѣмецъ родился,—почетъ быть бы мнѣ. А теперь что я,—ровно муха: придавить меня всякій можетъ».

Попелюгинъ гордо поднялъ голову.

— Ну, это ты врешь: кто насъ придавить можешь? Вонъ Шмага? Прохвостъ, вѣдь, а какимъ козыремъ по Москвѣ ходитъ!

— Да, вѣдь, и бьютъ его ежедневно. Рѣдкій день онъ безъ побоевъ переживаетъ. Что это за жизнь? А ты посмотри на Грум-

баха. Камзоль новенькій, кафтанъ новенькій; на штанахъ не пятнышка; чулки заштопаны, на башмакахъ—дыръ нѣтъ.

— А ты думаешь, ѣсть онъ когда такіе пельмени?—спросилъ Пепелюгинъ:—ты думаешь, нужны они ему? Вонъ плотники говорятъ, что онъ сытъ крупицей, пьянъ водицей.

— Такъ нѣмцы лущать пиво въ лучшемъ видѣ,—возразилъ хозяинъ съ полнымъ ртомъ:—на пустое брюхо пиво сильнѣе муть въ головѣ поднимаетъ. А что ѣдятъ они мало, ѣдятъ не по-нашему,—это вѣрно. Супъ изъ чернослива варять. Молочную кашу, какъ грудные сосунки, ѣдятъ. Чернаго хлѣба не потребляютъ, гречневой крупы не любятъ. Мясо жрутъ только по праздникамъ. Завсегда нѣмецъ съ пустымъ желудкомъ налегкѣ ходить. Въ этомъ и сила его и безсилье.

— Англичане, тѣ мясо ловко ѣдятъ,—замѣтилъ Демьянъ:—съ кровью,—не прожариваютъ. Видалъ я въ Нѣмецкой слободѣ. Бараньи бока—кровяные; говядину—съ кровью; свинину и ту съ кровью. А нѣмцы ихъ за то и въ презрѣнїи полагаютъ: собаки, говорятъ, а не люди,—сырѣе жрутъ. И англичанинъ никогда такъ не можетъ насчетъ денегъ лютымъ быть, какъ нѣмецъ. Грумбахъ тянетъ съ Посольскаго приказа, и все впередъ, все впередъ.

Хозяинъ махнулъ рукою: дескать, знаю.

— За что онъ въ годъ шесть тысячъ ефимковъ получаетъ? Да еще жалуется, что Посольскій приказъ считаетъ ефимокъ по полтиннику, а онъ стоитъ дешевле!—спросилъ Пепелюгинъ и сталъ себѣ накладывать новую тарелку.

— Что жъ, ему дали прибавку?

— Пятьсотъ рублей дали. Мнѣ дядя говорилъ. Жена заболѣла,—на леченье дали. А мы съ тобой что получаемъ? Тридцать рублей въ годъ! Да и то восемнадцати рублей не додано за зиму. Музыкантовъ надворныхъ выписали. А имъ заплатить даденъ каждому по сто сорокъ рублей въ годъ. Почему вчетверо больше, какъ намъ, разсуди? И проѣздъ имъ безубыточный былъ обѣщанъ, и харчъ, и на кораблѣ, и отъ Архангельска до Москвы харчъ. Почему? Потому что нѣмцы!

— Вотъ и я говорю. Были бы мы съ тобой нерусскіе,—развѣ того бы стоили? Развѣ бы такое жалованье намъ шло! Обидно!

Онъ утеръ наворачувшіяся не то отъ обиды, не то отъ анисовой водки слезы.

— И изъ-за чего мы стараемся? Изъ-за чего мы всѣ потроха свои выкладываемъ? Чтобъ прогнали насъ, какъ блудливыхъ кошекъ, и не велѣли подпускать къ театруму и близко?

— Не далеко это время!—мрачно заявилъ Дементій:—чудится мнѣ, что скоро распустятъ насъ... Они потому намъ жалованья не платятъ, что сборовъ, говорятъ, нѣтъ, а они изъ сборныхъ денегъ должны намъ жалованье выдавать. Знаю, въ иные дни сбора было семь рублей. А кто виноватъ?

— Не семь рублей,—все плача, сказала хозяйня:—не семь, а по полтора рубля было... И что въ воротахъ въ ночное время съ «смотрящихъ людей» пошлннъ не брали,—не помогло. Пока до театрума нашего доѣдешь, пять разъ въ грязь вывалишься.. Фонарей у насъ нѣтъ. Ухабъ на ухабъ...

Онъ опять отеръ мокрое лицо и печально закончилъ:

— Да, друже, тяжело жить. И кабы анисовой не было, не знаю, какъ бы я пережилъ столь жестокіе удары рока. И все мнѣ кажется, что мы не то играемъ. Вотъ кабы такъ, какъ здѣсь мы, за трапезой, передъ смотрящими людьми сидѣли. И говорили объ Охотномъ рядѣ, о купцахъ, о городкѣ Питербурхѣ, гдѣ царь теперь живетъ, о шведахъ, о нѣмцахъ,—такъ бы говорили, какъ мы теперь говоримъ,—можетъ, и пошли бы къ намъ любители и смотрѣли бы на насъ?

— А какой интересъ кому смотрѣть на то, какъ мы трапезуемъ? И разговоры наши и купчишки наши длиннородые,—кому нужны? Это и такъ всякій человѣкъ дома и по сосѣдству видить. А ежели бы не токмо Симеона Полоцкого трагедіи у насъ шли, а и древне-греческія—Эсхила и другихъ,—вотъ тогда бы и былъ театрумъ переполненъ.

— Да въ чемъ же дѣло? Почему жъ у насъ твой Эсхиль не идетъ?

— Никто у насъ, oprичъ поповъ, и то немногихъ, греческаго языка не знаетъ. А родителемъ трагедіи былъ Эсхиль; крестнымъ отцомъ—Софокль, а воспитателемъ Эврипидъ. И окончилъ Эсхиль животъ свой не такъ, какъ всѣ люди. Несъ по воздуху орелъ своимъ птенцамъ черепаху. И выскользнула она изъ лапъ его, и упала на землю. И, падая, попала она на голову Эсхила, и пробила ему черепъ, такъ что умеръ онъ тутъ же.

Подерня слушалъ, изумленно тараща глаза, раскрывъ ротъ, и только спросилъ:

— И черепаха убилась?

— Ужъ не знаю,—отвѣчалъ Попелюгинъ.

— Падаютъ намъ на головы не черепахи, а нѣмцы,—заплетающимся языкомъ говорилъ Подерня:—прошибаютъ намъ черепа, и помираемъ мы на мѣстѣ.

И, отодвинувъ тарелку съ остатками пельменей, которыхъ ужъ не могъ доѣсть, онъ горько зарыдалъ, положивъ безпомощно на голову руки...

Х.

Было совсѣмъ темно, когда вышелъ отъ Подерни Демьянъ. Низкое темное небо подернулось тучами,—ни одной звѣздочки не было видно, но передмасленичный разгулъ продолжался. Оттепель, та капель, что всюду замѣчалась днемъ отъ грѣющаго солнца, съ

закономъ пріостановилась, и холодныя тучи стали надвигаться съ сѣвера. Проталкиваясь между толпы, Попелюгинъ все шель впередъ и впередъ по знакомой дорогѣ, составляя въ головѣ рѣчь, что онъ произнесетъ передъ дядей. Мокрые тяжелые хлопья весенняго снѣга широкими лепешками сыпались сверху на досчатые мостки, по которымъ лежалъ его путь, на выступы домовъ, заборовъ и воротъ, на круглые ряды зубцовъ на башняхъ и какъ бѣлыми пятнами пестрили его плащъ и шляпу. У самага крыльца дяди онъ увидѣлъ колымагу съ возницей, покрытымъ какимъ-то ковромъ. Мальчикъ-форейторъ сидѣлъ въ углу у двери крыльца. А двѣ передовыя, выносныя лошади стояли, круто завернувъ въ сторону, а одна даже положила морду на каменныя перила подѣзда.

— Вотъ тебѣ разъ! Кто бы это могъ быть?—подумалъ онъ и спросилъ у мальчика:—чьихъ колымага?

— Анны Яковлевны Брижевой,—осипшимъ голосомъ отвѣтилъ мальчикъ.

— Миссисъ Бриджъ,—донеслось съ козелъ изъ-подъ ковра.

Попелюгинъ началъ подниматься во второй этажъ.

— Ишь, англичанка четверней ѣздить,—бормоталъ онъ:—да и то сказать,—по нашимъ московскимъ улицамъ пара колымагу и не вывезетъ.

— Англичанка у дяди?—спросилъ онъ у соннаго послушника, сидѣвшаго въ прихожей на старенькомъ рундучкѣ при свѣтѣ сальнаго огарка.

Это былъ малый съ длинными бѣлыми волосами, обильно смазанными масломъ, въ туго подпоясанномъ широкомъ кожаномъ поясѣ и съ красноватыми вѣками, опухшими отъ золотухи.

— Ужъ съ часъ сидитъ,—отвѣтилъ онъ, лѣниво вставая и смотря, какъ пришедшій самъ вѣшалъ свой мокрый плащъ, отряхнувъ его предварительно, на деревянный колышекъ вѣшалки.

— Зачѣмъ она?

— А кто ее знаетъ! Сыплетъ какъ горохомъ, а понять невозможно. Оботри ноги-то,—онѣ у тебя мокрыя, а у насъ чисто.

— Безъ тебя знаю, малоумець,—сказалъ комедіантъ и сталъ тщательно вытирать свои башмаки о старенькій войлокъ, что сѣрѣлъ въ углу кривымъ четырехугольникомъ.

— Войлочекъ-то надо новенькій!—замѣтилъ онъ.

— Мало ли чего намъ надо новенькаго,—пробурчалъ послушникъ.

— А блины сегодня лопаль?

— Какіе у насъ блины! А, впрочемъ, завтра печь будутъ.

Попелюгинъ засмѣялся.

— А дядя ѣсть?

— Онъ, какъ курица, поклюетъ, ему и довольно. А я могу два десятка этихъ самыхъ блиновъ свободнымъ духомъ проглотить. Ты взойди въ горницу, тамъ обожди.

Попелюгинь, тихо ступая, вошелъ въ пріемную. Въ углу стоялъ большой кіотъ, больше, чѣмъ у Арчаковыхъ, а передъ нимъ теплилась висячая лампада, и отъ ея цѣпей ходили трепетныя тѣни по низенькому потолку комнаты. Все было чисто, выбѣлено. Въ кіотѣ красовалась засохшая пальмовая вѣтвь, коробка съ іорданскими раковинами, какія-то восковыя свѣчи, на половину обгорѣвшія, и фарфоровое яйцо, которымъ царь когда-то христосовался съ Геннадіемъ. Изъ сосѣдней комнаты доносилась быстрая женская скороговорка съ акцентомъ, иногда прерываемая возгласами дяди.

Попелюгинь сѣлъ въ кресла и началъ прислушиваться.

— Я къ вамъ за совѣтомъ обратилась, владыко Геннадій, мнѣ указали именно на васъ. Мнѣ сказали, что вы одинъ можете мои сомнѣнія разрѣшить,—тараторилъ женскій голосъ.

— Подведемъ мы итоги всему, что говорилось,—послышался теноръ владыки:—вы снова въ замужество вступить хотите?

— Хочу, владыко Геннадій. Вдовѣю я полтора года.

— И имѣете желаніе выйти за православнаго?

— Имѣю желаніе, владыко. Я не называю пока имени, но онъ княжескаго рода.

— Но его родные поставили условіемъ, чтобъ вы сами перешли въ православіе?

— Да, владыко Геннадій. А попъ говорить, что онъ иначе вѣнчать не можетъ, какъ требуетъ вашего благоволенія, или благословенія.

— Но препятствіемъ въ переходѣ вашемъ въ православіе является незнаніе славянскаго языка.

— Да, владыко Геннадій. Не могу я выучить символа вѣры. Три мѣсяца учу, и ничего не понимаю. Но я душою желаю соприсовокупиться къ восточной церкви. Я не католичка, владыко Геннадій. Я думаю,—Богъ одинъ для всѣхъ. А что въ мелочахъ церкви расходятся между собою,—такъ меня это не касается.

— Положимъ, это далеко не мелочи,—замѣтилъ дядя.

— Для васъ это крупно и важно. А для меня—мелочи. Во-первыхъ, я женщина, милый владыко, а, во-вторыхъ...

— Чѣмъ же я могу полезнымъ быть вамъ?—перебилъ ее владыко.

— Нельзя ли мнѣ присоединиться безъ символа?

Слышно было, какъ старикъ засмѣялся.

— Да зачѣмъ вамъ за русскаго выходить замужъ? Шли бы за своего единоплеменника. Пойдутъ у васъ дѣти,—можете ли вы ихъ правильно воспитать въ вѣрѣ православной, если даже символъ воспринять не можете?

— Ахъ, владыко Геннадій, какъ вы не понимаете, что я хочу быть княгиней! У меня денегъ много,—и отецъ мой былъ негоціантъ, и мужъ былъ богатый негоціантъ,—имя Бриджа знаютъ и

въ Индіи, и въ Лондонѣ, и въ Африкѣ. Это первое. Второе,—я женщина молодая, и мнѣ, дорогой владыко, нужно выйти замужъ.

— Я и говорю,—выходите за англичанина.

— Я привезла вотъ вамъ, владыко,—возразила она, и, должно быть, начала копаться въ мѣшечкѣ (это заключилъ Попелюгинъ по непривычной для гостя паузѣ):—вотъ я вамъ привезла эту маленькую вещь въ подарокъ. Эта овальная рамка—чистое, настоящее золото. А здѣсь, подъ стекломъ, на перламутровомъ фонѣ щепочка. Вы видите щепочку, отецъ Геннадій? Это кусочекъ отъ того райскаго дерева, на которомъ висѣли плоды, что далъ Евѣ сатана.

Должно быть, Геннадій внимательно осматривалъ данную ему вещь.

— Но почему же вы думаете, что щепочка эта именно отъ райскаго дерева?—спросилъ онъ.

— Потому что мужъ мой заплатилъ въ Индіи очень дорого за эту святыню. Вѣдь вы знаете, что Эдемъ помѣщался очень недалеко отъ Индіи. И вы знаете исторію этого дерева, что потомъ съ нимъ было?

— А, ну-ка, расскажите, я послушаю.

— Когда, владыко Геннадій, посадилъ Богъ это дерево въ Эдемѣ, онъ сказалъ сатанѣ: «Это дерево тебя, сатана, погубить». Сатана разсердился и пришелъ разъ въ Эдемъ, чтобы выдернуть это дерево, но вмѣсто того сталъ навсегда чернымъ-пречернымъ. Тогда онъ устроилъ такъ, что Адамъ и Ева согрѣшили. Это вы знаете, владыко?

— Слыхалъ, какъ же.

— И когда Адамъ умиралъ, то сынъ его Сиѳъ далъ ему вѣтку отъ этого дерева, а подарилъ ему ее Господь. Адамъ спелелъ себѣ вѣнокъ и велѣлъ въ немъ себя похоронить. Изъ вѣника выросло дерево, и это было то же дерево, что было въ Эдемѣ,—понимаете, владыко?

— Понимаю.

— Когда Соломонъ строилъ свой храмъ, привезли на восьмидесяти буйволахъ это дерево, и у корней его нашли голову Адама. Голову вымыли, вычистили. Но такъ какъ Адамъ былъ первый грѣшникъ на землѣ, то народъ забросалъ голову камнями, и выросла Голгоѳа... Дерево не подошло къ постройкѣ храма: оно или длиннѣе, или короче было, чѣмъ нужно. Ну, и оставили его на дворѣ. А потомъ сдѣлали изъ него крестъ, когда распинали Спасителя. И вотъ почему у подножія креста всегда помѣщается Адамова голова. Вы понимаете, владыко? Я эту священную щепочку и привезла къ вамъ, потому что считаю, что она должна быть въ почтенныхъ рукахъ.

— Ну, спасибо!—сказалъ владыка.

— Такъ что же, могу я, не выучивши символа, присоединиться?—
Опять послышался смѣхъ старика.

— Вотъ что, госпожа Бриджъ. Даю вамъ три недѣли. Черезъ три недѣли прїѣзжайте ко мнѣ и расскажете, что запомнили. Тогда я и дамъ отвѣтъ,—можно ли вамъ присоединиться, и какъ?

— Ну, вотъ!—воскликнула миссисъ:—очень вамъ благодарна, владыко Геннадій. Васъ кто-то ждетъ, владыко Геннадій. Я слышу, кто-то покашливаетъ. Я ѣду сейчасъ и не буду вамъ мѣшать. Я одно скажу вамъ, владыко. Я очень люблю Россію и русскихъ. Хорошій народъ русскій. И мнѣ очень жаль, что такъ много наѣхало сюда нѣмцевъ и такъ они стали хозяйничать здѣсь. Я не люблю нѣмцевъ. Англичане сюда ѣздятъ только богатые, а нѣмцы—только небогатые. Они хотятъ наживаться. И они наживаются. Ну, до свиданія, милый владыко Геннадій! Я не буду больше надѣбдывать вамъ, сяду учить символъ, а черезъ три недѣли къ вамъ прїѣду.

ХІ.

Попелюгинь увидѣлъ молодую, высокую англичанку, бѣлокурую, съ бѣлыми зубами, выходящую отъ дяди изъ комнаты. Она говорила:

— Не провожайте, владыко, пожалуйста, не провожайте! Это слишкомъ большая честь для меня.

Потомъ, увидя Попелюгина, она наклонила голову и сказала:

— Здравствуйте!

Она была съ нимъ совсѣмъ незнакома, но это не мѣшало ей здороваться. Шурша своими пышными юбками, прошла она въ прихожую. Попелюгинь подошелъ къ дядѣ подь благословеніе, а дядя сказалъ:

— Ты бы, Дема, проводилъ госпожу Бриджъ.

Дема вышелъ въ прихожую и сказалъ:

— Позвольте быть вамъ полезнымъ, мадамъ, и укутать васъ.

— Нѣтъ, спасибо, я сама! Я всегда сама все дѣлаю!—сказала госпожа Бриджъ.

— Какъ можно самой! Ты, Павлушка, сбѣги внизъ, вели, чтобъ колымага была готова къ отѣзду. А я тутъ похлопочу.

И онъ снялъ съ вѣшалки мѣховой плащъ англичанки и сталъ насильно завертывать ее. Она хохотала и говорила:

— Не надо! Не надо! Я щекотлива!

— Я племянникъ владыки Геннадія,—серьезно замѣтилъ онъ.

Она благосклонно посмотрѣла на его черные глаза, на статную высокую фигуру и повторила:

— Вы знаете, я привыкла дѣлать все сама.

Но тѣмъ не менѣе онъ не только свелъ ее съ лѣстницы, но посадилъ въ высокую колымагу. А когда она замѣтила:

— Вы простудиться можете!

Онъ отвѣтилъ: «Я никогда не простужаюсь», и поцѣловалъ ея ручку, длинную, костлявую, смутно бѣлѣвшую во мракѣ.

Онъ захлопнулъ дверцу колымаги, крикнулъ: «Трогай!» и вернулся къ дядѣ.

Геннадій сидѣлъ въ высокому и широкому креслѣ. Двѣ восковые свѣчи горѣли предъ нимъ.

— За деньгами опять приползъ?—спросилъ дядя.

— Даже въ головѣ такихъ мыслей не было!—отвѣтилъ племянникъ:—а два есть дѣла большой важности. Любопытствую, что госпожа Бриджъ вамъ привезла?

Дядя махнулъ рукой по направленію стола. Тамъ на книгѣ лежалъ маленькій медальонъ съ узенькимъ золотымъ ободкомъ. На перламутровомъ фонѣ, точно, была прикрѣплена щепочка.

— Та-акъ. Я думалъ, побольше и потяжелѣе.

— А у меня сегодня,—началъ дядя, гремя своими четками,—былъ одинъ купецъ и приносилъ жалобу на твое недостойное поведеніе. Что и безчестилъ ты его, и надъ бородой смѣялся.

— Я, дяденька...—началъ Попелюгинъ.

— Помолчи,—я еще не кончилъ:—не желаю я, чтобъ съ такими жалобами на тебя ко мнѣ прибѣгали. Слышишь? Довольно того, что ты комедіантъ,—какъ будто это несомѣстно съ моимъ саномъ. Но терплю я тебя, какъ сына моей сестры. Понялъ? Чтобъ впредь этого не было.

— Понялъ, дяденька, отлично понялъ! Но если бъ я въ нашемъ положеніи былъ, я бы не позволялъ, быть можетъ, столь откровеннаго и бранчиваго отношенія къ симъ кровопійцамъ купчишкамъ. Но господствуетъ надъ нашимъ театрумомъ Карлъ Адамовичъ Грумбахъ. Жалованья онъ не доплачиваетъ. Что же мнѣ дѣлать? Откуда взять? Къ вамъ сунуться? Вы больше пяти алтынъ не даете. Къ тетенькѣ Пульхеріи Потаповнѣ обратиться,—тоже не дастъ, да она меня вдобавокъ слугою дьявола почитаетъ, плодомъ сатанинскимъ въ глаза и за глаза честить?

— Старушка своенравная,—подтвердилъ владыка:—она вѣдь многимъ меня старше: лѣтъ на тридцать, надо полагать.

— Положимъ, дяденька, она выжила изъ ума: но зачѣмъ же я къ ней полѣзу?

— А ты все-таки сходи. Ей опять хуже стало.

— Она все помираетъ, сколько я ее помню,—и все никакъ умереть не можетъ.

— Это ужъ Господня воля,—сказалъ дядя.

— А зачѣмъ я пойду къ ней?—переспросилъ Попелюгинъ.

— На всякій случай. А вдругъ...

— Ну, дяденька, а знаете ли вы... Это второе дѣло, за которымъ я васъ посѣтилъ... Знаете ли, что любимчикъ ея Ѳеденька пріѣхалъ?

Владыка всполошился.

— Приѣхалъ? Кто тебѣ сказалъ?

— Самъ его видѣлъ. Проѣхалъ мимо, по Красной площади. А вы не знаете?

— Гдѣ же онъ присталъ?

— А присталъ въ Кремлѣ. По царскому приказу. Я думалъ сначала, что не иначе, какъ вынюхать,—жива ли тетенька Пульхерія Потаповна,—а потомъ оказалось, что приѣхалъ онъ не столько затѣмъ, сколько по службѣ.

— Павлюкъ!—крикнулъ Геннадій.

Бѣловолосый послушникъ показался въ дверяхъ.

— Позвать ко мнѣ Корнея?

— Да гдѣ его теперь найдешь! Вечерьь!

— Онъ до восьми часовъ долженъ на мѣстѣ быть. Поди, поди, разыщи и предоставь! А то я такъ тебя...

Павлюкъ недовольно повернулся и исчезъ.

— Вотъ вы, дяденька, корите меня,—продолжалъ Попелюгинъ:—что я по базарамъ съ недостаточной вѣжливостью съ купцомъ говорю. Слово могу дать вамъ, что это не повторится. Только вы понажмите въ приказѣ, чтобъ жалованье мнѣ выдали. Васъ послушаютъ. Что Грумбахъ все себѣ въ карманы тащить,—того они и не видятъ. Арчаковъ, Артемій Ивановичъ, можетъ, по-татарски на лошади ѣздить умѣть, а объ нашемъ дѣлѣ у него никакого понятія нѣтъ. Заикнетесь вы ему, и всякое онъ вамъ удовольствіе сдѣластъ, чтобъ показать, яко бы вѣрный сынъ онъ православія. Хоть онъ только собачій сынъ и накакимъ инымъ быть не можетъ.— А всего боится и на все оглядывается.

Геннадій почесалъ себѣ бороду.

— Царь долженъ нынче весной въ Москвѣ быть. Я и съ царемъ хочу поговорить. На ложную дорогу комедійныя зрѣлища стали.

— И я, дяденька, то же говорю. А все почему? Все Грумбахъ со своей толстой нѣмкой виновать.

— У насъ въ Кіевѣ,—продолжалъ Геннадій:—когда театръ придерживался токмо библейскихъ сюжетовъ,—иное дѣло было. Помнишь, изображали мы великихъ мужей, о коихъ до насъ лѣтописи дошли? Умиленіе по сердцу разливалось, когда видѣли царей персидскихъ, царей вавилонскихъ. Ангелы волю Господню возвѣщали. Молодые юноши безъ бородъ, съ едва опушающимися ланитами въ трубы златяя трубили. Крылья за раменами имѣли. Съ облаковъ спускались,—и вервія, на коихъ облака ходили, видно не было. Посмотришь на такое представленіе и чувствуешь себя на небеса вознесеннымъ, какъ бы отъ земли нашей въ отдаленіи. И гласы архангельскіе слышишь и оніамамы... А нынѣ вовсе оставлены эти комедіи, и идетъ служеніе Мамону и богинѣ Венусъ. Нужно сіе для народа московскаго? Отнюдь!

— Дяденька, золотыя словеса! Вотъ ежели все это вы его царскому величеству выложите,—можетъ, онъ убѣжденіе ваше и приметъ.

— Слышаль я,—продолжалъ Геннадій:—что главное недомѣніе—къ какому приказу приписать театры. А гдѣ начались они? Къ кievской духовной академіи. Кто первый у насъ писалъ комедіи для театра? Симеонъ Полоцкій—великій дѣятель церкви. Все говоритъ за то, что театръ въ руки духовенства отдать надо, а не нѣмцевъ. Тогда дѣло и будетъ.

— Первымъ дѣломъ, дяденька, надо его изъ нѣмецкихъ рукъ вырвать. Царь Алексѣй Михайловичъ Григори во главѣ поставилъ своего театрума,—такъ это дѣло домашнее было.

— Да и Григори былъ лицо духовное.—замѣтилъ Геннадій.

— А когда мы до общественнаго театрума дошли,—тогда дайте намъ главою русскаго человѣка. Пошлите за море обучаться тѣхъ, кто способенъ. Вернутся они мастерами и другихъ поучать. А ежели иноземцевъ, да еще о карманѣ своемъ больше ревнующихъ, чѣмъ о дѣлѣ, ставить,—толку не будетъ. И что же выходитъ изъ всего этого нѣмецкаго управленія? Что я три дня не ѣлъ, можетъ быть..

— А отчего отъ тебя водкой и лукомъ пахнетъ?—спросилъ дядя.

— Развѣ пахнетъ? Удивительно!.. А, впрочемъ, припоминаю: зашелъ я по дорогѣ къ вамъ къ своему товарищу по театруму Подерни. Кусочекъ хлѣба съ лукомъ съѣлъ да маленькую рюмочку анисовки выпилъ. Вѣдь я не пьянъ, дяденька, сами вы видите?

— Не пьянъ,—подтвердилъ дядя:—ну, что жъ, я поговорю съ государемъ. У меня есть съ нимъ одинъ разговоръ,—ну, и этотъ пристегну.

— Пристегните, дяденька. Да велите мнѣ жалованье выдать,—а то я весь обносился и прохарчился.

— И это скажу, общаю.

— Говѣть въ посту, дяденька, буду.

— Доброе дѣло.

Они помолчали.

— Можетъ, дать тебѣ полтину денегъ?—спросилъ дядя.

— Ужъ дайте, дяденька, цѣлковый.

— Шутить ты цѣлковымъ! Нынче наживи-ка его!

— Башмаки надо, дяденька, новые купить. Протекають.

— Сапоги я тебѣ старыя свои дамъ.

— При чулкахъ высокыхъ невозможно, дяденька, прежніе сапоги съ высокими голенищами надѣвать.

— Обрѣжь.

— Пряжки насадить необходимо.

— Много пряжки стоятъ? Не цѣлковый! Ну, вотъ тебѣ деньгами полтинникъ и еще гривенникъ.—А къ теткѣ Пульхеріи все же зайди. Ѳедя пріѣхаль,—тѣмъ паче зайди. Ты слышишь?

— Слышу, дяденька.

— Что же молчишь?

— Зайду, дяденька.

Дядя посмотрѣлъ на него строго.

— Ты всегда долженъ меня слушать,—сказаль онъ.

XIII.

И Дементій послушалъ. На другой день онъ пошелъ къ теткѣ Пульхеріи Потаповнѣ, шагая черезъ лужи и думая:

«Подкуеть Ѳедька старушку на обѣ ноги. А дяденька, — сухонкій старичокъ, что козель,—нѣтъ отъ него ни молока, ни шерсти. Зачѣмъ меня онъ къ тетенькѣ посылаетъ?»

Пульхерія Потаповна жила у Драгомиловской заставы, въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, построенномъ еще при царѣ Михаилѣ. За домикомъ садъ былъ. Росли тамъ яблони, груши, вишни и сливы, и лѣтомъ сидѣлъ тамъ на вышкѣ, что называлась каланчою, мальчишка и пугаль трещетками и бубенцами воробьевъ, тучами носившихся надъ тѣми мѣстами сада. гдѣ росли вишни. Домикъ стоялъ бодро,—съ крыши здѣсь снѣгъ совсѣмъ почти уже сошелъ, и подъ окнами стояли полныя канавы воды.

Тетушка, сморщенная, съ цѣлой сѣткой морщинъ на желтомъ лицѣ, лежала, вытянувшись, на постели и охала. Она всегда охала, и дѣлала это больше по привычкѣ, чѣмъ отъ боли. Около нея вертѣлась внучка Варя, дѣвушка лѣтъ двадцати, съ широкимъ сдобнымъ лицомъ. При видѣ входящаго Дементія она крикнула, наклоняясь къ уху Пульхеріи:

— Бабушка, Дѣма пришелъ.

Старуха открыла глаза и сказала:

— Плодъ сатанинскій!

— Не забыла еще?—спросилъ Дема и поцѣловаль тетеньку въ щеку. Губы его ушли точно въ мягкое тѣсто.

— Что вы сговорились сегодня?—спросила она.

— Ѳеденька здѣсь,—пояснила Варя.

— Мы не здоровались, Варя,—замѣтилъ ей Дема вмѣсто отвѣта и поцѣловаль ее. Ей, повидимому, неприятности особой отъ этого не было, и она отвѣчала на поцѣлуй охотно.

— А гдѣ же онъ, Ѳеденька?—спросилъ Дементій.

— На крышу полѣзъ.

— Теперь весной по крышамъ больше коты лазаютъ,—сказаль Дѣма:—зачѣмъ его туда понесло?

— Течеть крыша, течеть!—заговорила старуха:—а онъ по строительной части... Ну, и полѣзь. Давно полѣзь.

— Онъ, можетъ, свалился и шею свернулъ?—спросилъ Попеюгинъ.

Варя фыркнула, но ничего не сказала.

— А зачѣмъ ты пришелъ?—спросила старуха.

— Навѣститъ тебя, тетенька. Узналъ отъ дяденьки Геннадія Потаповича, что ты не совсѣмъ въ своемъ здоровьѣ, и пришелъ.

— Какое мое здоровье! Ты поживи съ мое, такъ узнаешь!

— Гдѣ намъ за тобой угнаться, тетушка.

— А ты все рогатаго тѣшишь?

— Все бѣса тѣшу. Вотъ и сегодня буду тѣшить. Хоть бы ты, Варя, когда посмотрѣла на меня.

— Хотѣла,—бабенка не пускаетъ.

— Молода она,—чего ей! Нечего тамъ дѣлать!—сказала старуха.

— А ты кѣмъ сегодня будешь?—спросила Варя.

— Арцугомъ Поплеемъ.

Всѣ помолчали.

— Ты вырвись какъ-нибудь, приходи въ театръ и спроси меня,—шепнулъ онъ.

— Какъ же, вырвешься отсюда!—шепнула она въ отвѣтъ.

Старуха все постонывала и вдругъ твердымъ голосомъ спросила:

— А Геннадій здоровъ?

— Здоровъ, тетенька.

— Что ему, борову, дѣлается!—замѣтила старуха:—ему сколько лѣтъ теперь?

— Вотъ ужъ не знаю.

— Лѣтъ семьдесятъ. Онъ еще совсѣмъ молодой. Я ужъ овдовѣвши была одиннадцатый годъ, какъ онъ у маменьки-покойницы родился. Послѣдышъ былъ.

Въ дверяхъ показался Ѳеденька.

— Не узнаешь?—спросилъ его Дементій.

Ѳеденька посмотрѣлъ на него внимательно и сказалъ:

— Должно, Дементій.

Они облобызались. Ѳеденька былъ ниже Дементія на поларшина, и моложе много. Лицо у него было розоватое, маленькое, а лобъ огромный и на вискахъ ломался, какъ уголь у дома. Выраженіе лица у него было удивленное, и не измѣнялось ни въ какомъ случаѣ,—ни когда онъ радовался, ни когда печалился. Маленькіе глаза смотрѣли не то остро, не то безразлично. Облобызавши брата, онъ сказалъ:

— Очень радъ.

Но радости на лицѣ его что-то не было замѣтно.

- Давно изъ-за моря приѣхаль?—спросилъ Дементій.
- Въ декабрѣ еще. А здѣсь третій день. Утромъ къ дядѣ Генпадію зашелъ. Вотъ онъ и послалъ меня сюда.
- А крыша что?—спросила тетка.
- А крыша старая,—отвѣтилъ онъ.
- А течетъ отчего?
- Оттого, что до дыръ прогнила. Надо крыть ее всю заново.
- Заново? Да давно ли крыли ее? Когда въ первый разъ стрѣльцы бунтовали, такъ тогда.
- Срокъ хорошій. Чинили рѣдко.
- Рѣдко. Нонче мастера стали плохи.
- Нонче мастера стали лучше прежняго,—возразилъ Оеденька.
- А съ чего имъ лучше стать?—спросилъ Дементій.
- Строже сталъ подборъ,—ну, и лучше потому.
- Всѣ помолчали.
- Мой такой совѣтъ: какъ теплые дни станутъ, такъ и крыть домъ заново,—началъ Оеденька:—а то пойдутъ весною дожди,—опять пробьеть.
- Старуха застонала и зашевелила ногами.
- Не спрашиваю я тебя объ этомъ, ну, и молчи,—сказала она:—сама знаю, что дѣлать...
- Да я что жъ, я и замолчу,—не смутясь, возразилъ Оеденька и обратился къ Попелюгину:
- А ты, Дѣмушка, все комедіангствуешь?
- Все комедіангствую.
- Надо посмотрѣть тебя.
- Посмотри. Входъ никому не заказанъ. Купи билетъ въ чуланчикѣ, гдѣ продаются они, и смотри.
- Какъ освобожусь, такъ и посмотрю. Я вѣдь не люблю театра.
- Что такъ?
- Пустое занятіе.
- Чортова забава!—отозвалась старушка.
- Ну, и сиди здѣсь съ тетенькой. Царь-то иначе думаетъ.
- Ужъ и царь!—бормотала старуха:—бороду обрилъ, щеки обрилъ! Лицо-то гладкое стало, бабье...
- Опять помолчали. Попелюгинъ всталъ.
- Ну, прощай, тетенька,—сказалъ онъ:—провѣдалъ тебя, всё ты такая же. И ругаешься, какъ прежде, и много лѣтъ еще ругаться будешь.
- Онъ приложился къ ея щекѣ.
- Плодъ сатанинскій!—повторила Пульхерія.
- Ты бы, тетенька, что-нибудь новое придумала, а старое такъ надоѣло,—сказалъ Дементій и поцѣловался съ Варей.—А ты, Оедя, идешь?

- Нѣтъ, я пока посижу.
— Сиди, можетъ. что и высидишь.
— Да высиживать я ничего не собираюсь.
— Ну, будь здоровъ. Когда не будешь по крышамъ лазать, освободишься,—загляни въ театрумъ.
— Загляну.
— Ты бы вмѣстѣ съ Варей,—по родственному меня и посмотрите.
— И посмотримъ.
— Плодъ сатанинскій! Плодъ!—твердила старуха.
— Довольно, тетенька, надоѣло!—повторилъ Дементій.
И онъ сталъ спускаться на улицу, и грудь его свободно дышала послѣ спертаго, жаркаго воздуха, которымъ была полна спальня больной тетки.

П. П. Гнѣдичъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

„ОТЪ ДѢТСТВА ДО ПРИСЯГИ“.

(Изъ жизни августѣйшихъ дѣтей императора Александра II).

В СВОЕЙ статьѣ «Наставникъ царскихъ дѣтей» ¹⁾ Б. Б. Глинскій очертилъ начало ученья великихъ князей Николая и Александра Александровичей подъ руководствомъ Якова Карловича Грота.

При представленіи наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу, который обошелся съ Гротомъ очень милостиво, наслѣдникъ заключилъ разговоръ слѣдующими словами: «Поручаю вамъ моихъ ребятишекъ и увѣренъ, что вы съ совершеннымъ успѣхомъ будете заниматься ими».

Яковъ Карловичъ Гротъ пробылъ наставникомъ царскихъ дѣтей до 1859 года, когда онъ разошелся въ возрѣніяхъ по воспитанію съ поставленными во главѣ преподаванія Титовымъ и Гриммомъ.

Разставаніе юныхъ великихъ князей съ Я. К. Гротомъ было очень трогательно. Болѣе всѣхъ былъ растроганъ великій князь Александръ Александровичъ. Онъ со слезами на глазахъ воскликнулъ: «Зачѣмъ вы отъ насъ уходите?»—и бросился къ нему на шею. «Останьтесь, пожалуйста, останьтесь!» повторялъ добрый юноша ²⁾.

Чтя память Якова Карловича Грота, его жена Н. П. Гротъ дополняетъ своими записками свѣдѣнія о дѣятельности покойнаго Грота по воспитанію царскихъ дѣтей ³⁾.

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1896 г.

²⁾ Въ 1859 году Я. К. Гроту назначена пенсія въ 3,000 руб. изъ придворнаго вѣдомства.

³⁾ Рукопись Н. П. Гротъ. Сообщилъ Конст. Як. Гротъ, ея сынъ.

«1853 годъ. Преподаваніе Якова Карловича во дворцѣ началось 4-го февраля 1853 года. Великимъ князьямъ было тогда Николаю Александровичу—девять лѣтъ, а Александру Александровичу скоро минуло восемь лѣтъ. Для четырехъ предметовъ мой мужъ имѣлъ съ каждымъ отдѣльно по семи часовъ въ недѣлю.

«Воспитателями царскихъ дѣтей тогда состояли: генералъ-лейтенантъ Николай Васильевичъ Зиновьевъ ¹⁾ и помощникъ его генералъ-майоръ Григорій Ѳедоровичъ Гогель ²⁾. По характеру Александръ Александровичъ былъ веселъ, добродушенъ и кратокъ. Кромѣ того, онъ обладаетъ свѣтлымъ и яснымъ здравымъ смысломъ чисто-русскаго человѣка, который составляетъ его коренную особенность, и, при всей еще неразвитости его ума, вызываетъ въ немъ замѣчательную сообразительность, которую онъ самъ въ шутку прозвалъ «смекалкой». Но при всемъ томъ Александръ Александровичъ вовсе не привыкъ быть внимательнымъ при ученіи; мысли его всегда въ разбродъ, и онъ, даже понявъ то, что ему объясняютъ, часто не въ состояніи собрать мыслей, чтобы отдать въ томъ отчетъ. Это приписываютъ тому, что онъ до сихъ поръ учился вмѣстѣ съ великимъ княземъ Николаемъ Александровичемъ, который отнималъ у наставницы возможность обращать равное вниманіе на обоихъ.

«Учительницею ихъ, до вступленія въ должность моего мужа, была Вѣра Николаевна Скрипицына, прежде инспектрисса въ Смольномъ монастырѣ. Въ послѣднихъ числахъ января (1853 г.), въ четвертъ, она сдѣлала для моего мужа, при обоихъ генералахъ, маленькій экзаменъ великимъ князьямъ. Николай Александровичъ показалъ умѣніе дѣлать какъ грамматическій, такъ и логическій разборъ, разумѣется, безъ особенныхъ подробностей, сверхъ того, очень порядочныя знанія въ географіи и въ исторіи Россіи; наконецъ, онъ писалъ довольно правильно подъ диктовку. Почеркъ у обоихъ довольно твердый и красивый. Чистописанію они

¹⁾ Архивъ министерства двора. Н. В. Зиновьевъ въ службу вступилъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ въ 1818 году. Директоромъ пажескаго корпуса въ 1846 г. При великихъ князьяхъ состоялъ съ 1849 г. Въ свиту его величества зачисленъ въ 1850 г. Назначенъ генералъ-адъютантомъ въ 1855 г. Кромѣ жалованья изъ военнаго вѣдомства, онъ получалъ изъ комнатныхъ суммъ за каждаго великаго князя: Николая, Александра и Владимира Александровичей—1.500 рублей. Сверхъ того квартира въ Зимнемъ дворцѣ, а въ загородныхъ мѣстахъ и съ супругою. Придворный экипажъ и 3,000 руб. на столъ.
А в т.

²⁾ Г. Ф. Гогель служилъ въ лейбъ-гвардіи Волынскомъ полку съ 1827 года прапорщикомъ. Адъютантомъ при командирѣ гвардейскаго корпуса—1834 г. Перешелъ въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія въ 1843 г. По ходатайству великаго князя Михаила Павловича, назначенъ состоять при малолѣтнихъ великихъ князьяхъ въ 1849 г. Опредѣленъ флигель-адъютантомъ въ 1852 г., въ свиту его величества—въ 1854 г. Получалъ содержанія, кромѣ жалованья по военному вѣдомству, изъ комнатныхъ суммъ по 850 руб., на столъ 2,700 рублей.
А в т.

также учились у Скрипицыной. Александръ Александровичъ писалъ только по прописи и не умѣлъ отдѣлять слоговъ отъ словъ. Въ первый разъ, около половины перваго, на урокъ мужа пожаловала цесаревна. Онъ проходилъ съ Николаемъ Александровичемъ обзоръ всѣхъ частей свѣта по картѣ. Ея высочество спросила, что они проходятъ; приказала продолжать и спросила мужа, ко-

7 11 1 10 9 3 5 8 4 6 2

ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ ВЪ 1850 ГОДУ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

1) Императоръ Николай I, 2) наслѣдникъ цесаревичъ Александръ, 3) императрица Александра Феодоровна, 4) Николай Александровичъ, 5) Александръ Александровичъ и 6) Владимиръ Александровичъ—августѣйшія дѣти наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, 7) Константинъ Николаевичъ, 8) Александра Юсифовна, 9 и 10) принцъ Эрнестъ и Тереза Саксенъ-Альтенбургскіе, 11) принцъ Шверинскій.

торый стоялъ: «Что же вы не сядете?» Когда онъ сѣлъ, она продолжала; «Надѣюсь, что вы не будете баловать моихъ дѣтей».— «Буду стараться быть съ ними построже», отвѣчалъ мой мужъ.— «Они должны стараться учиться», сказала цесаревна. Она очень хорошо говорила по-русски и чисто произносила. Совсѣмъ не замѣтно, что она иностранка.—«Какъ вы сегодня довольны ими?»

продолжала ся высочество.—«Не могу пожаловаться», сказалъ мужъ. Разспрашивала о томъ, какъ онъ намѣренъ учить ся дѣтей, думаетъ ли онъ продолжать съ Николаемъ Александровичемъ русскую исторію въ одно время съ всеобщей. Мужъ сказалъ, что считаетъ нужнымъ проходить ее поподробнѣе. При этомъ великій князь возразилъ съ живостью, что онъ «русскую исторію уже знаетъ очень подробно». Ея высочество улыбнулась. Мужъ прибавилъ, что преподаваніе русской исторіи параллельно со всеобщей считаетъ очень полезнымъ, потому что такимъ образомъ будетъ и въ самыхъ событіяхъ, и особенно въ хронологіи точка сравненія и, слѣдовательно, опора для памяти. «Съ Александромъ не слишкомъ ли много будетъ цѣлый часъ сряду заниматься исторіей и географіей?»—продолжала великая княгиня.—Я думаю, что довольно будетъ полчаса, а остальные полчаса употреблять на русскій языкъ». Мужъ отвѣчалъ, что это и ему кажется лучше, потому что основаніемъ свѣдѣній должно служить знаніе родного языка. Въ первый годъ ученія наслѣдникъ и цесаревна и даже государь Николай Павловичъ часто приходили на уроки дѣтей, хотя и ненадолго. Государь заходилъ къ нимъ большею частью поцѣловать ихъ въ восемь часовъ утра съ прогулки, но иногда говорилъ нѣсколько милостивыхъ словъ и преподавателю.

«1854 годъ. Въ концѣ лѣта впервые посѣтила своихъ внуковъ на урокахъ императрица Александра Ѳеодоровна. Александръ Александровичъ выбѣжалъ къ ней навстрѣчу на крыльцо и объявилъ, что онъ учится съ Яковомъ Карловичемъ. «Я васъ еще вовсе не видала,—сказала она по-нѣмецки:—а только уже о васъ слышала. Вы преподаете всевозможное. Какъ вы довольны моими внучатами? Дѣлаютъ ли они успѣхи?» Потомъ она сердечно разспрашивала объ ихъ свойствахъ и способностяхъ и, приласкавъ ихъ, привѣтливо распростилась съ мужемъ.

«Экзаменъ, произведенный великимъ князьямъ въ декабрѣ, прошелъ блистательно. Оба брата отличились у Якова Карловича. Наслѣдникъ и цесаревна горячо благодарили мужа. Докторъ Шольцъ на другой день рассказывалъ ему, что онъ слышалъ въ комнатахъ цесаревны, какъ государь разспрашивалъ наслѣдника объ экзаменѣ дѣтей. Тотъ отвѣчалъ, что вообще они шли порядочно, а вчерашній экзаменъ у Якова Карловича такъ утѣшилъ насъ, что даже генералы пришли въ восторгъ и объявили, что въ большомъ классѣ любого военно-учебнаго заведенія (ибо они мѣрили все на этотъ аршинъ) большіе юноши не могутъ такъ отвѣчать, какъ Николай Александровичъ.

«На праздникахъ, когда Яковъ Карловичъ ходилъ поздравлять наслѣдника, тотъ принялъ его особенно милостиво, обнялъ и поцѣловалъ, благодаря за добросовѣстныя занятія и успѣхи дѣтей, и растроганно, со слезами на глазахъ, прибавилъ: «Благодарю

тебя, особенно за моего Сашу». Это дало мужу случай просить наследника, чтобы онъ разрѣшилъ ему хоть изрѣдка сноситься съ нимъ по воспитанію дѣтей его и для поощренія ихъ, а также съ цесаревной-матерью, просвѣщенные взгляды которой могли бы руководить его. Цесаревичъ отвѣчалъ на это: «Всегда, когда угодно, я буду вамъ радъ и скажу объ этомъ женѣ. Вы должны сноситься съ нею, такъ какъ она болѣе меня вникаетъ въ воспитаніе, имѣя на это больше времени».

«Мужъ, уже почти два года занимавшійся съ великими князьями, все глубже чувствовалъ свое одиночество въ усиліяхъ своихъ улучшить учебную часть, устроенную рутинно, механически, по шаблону военно-учебныхъ заведеній. Всякое желаніе его внести въ это дѣло что-нибудь живое, отступавшее отъ обычной формальности, разбивалось о равнодушіе генераловъ и встрѣчалось Зиновьевымъ глубокимъ, недовѣрчивымъ молчаніемъ, а Гогелемъ—неблаговоленіемъ и противодѣйствіемъ. Ни малѣйшаго сочувствія въ своихъ заботахъ о пользѣ великихъ князей не встрѣчалъ онъ въ этихъ людяхъ, не желавшихъ уступить ни крупицы своей власти, но возлагавшихъ всю отвѣтственность на преподавателя. Понятно, какъ тяжело было такое положеніе человѣку, который столько размышлялъ, столько учился, столько стремился къ усовершенствованію себя, столько привыкъ дѣйствовать самостоятельно и теперь попалъ въ такое зависимое и пассивное положеніе. Поэтому можно представить, какъ утѣшилъ его пріемъ наследника и надежда, что положеніе его въ будущемъ будетъ пріятнѣе.

«1855 годъ. Въ концѣ января императрица Александра Феодоровна опять пожаловала на урокъ мужа и обычнымъ своимъ ласковымъ тономъ привѣтствовала его. Ее привезли въ колясочкѣ, и внуки, окончивъ уроки, повезли ее сами по заламъ. Мужъ откланялся, но она прислала Александра Александровича позвать его и просила идти съ ними. Все время она разговаривала о занятіяхъ дѣтей и спрашивала, отчего Александръ Александровичъ не можетъ учиться вмѣстѣ съ Николаемъ Александровичемъ. Яковъ Карловичъ отвѣчалъ, что это было бы въ ущербъ успѣхамъ Александра Александровича, такъ какъ старшій братъ его подвигался быстрѣе. Еще можно бы ихъ соединить по географіи, но въ исторіи и русскомъ языкѣ Николай Александровичъ сдѣлалъ успѣхи не по возрасту, и потому трудно вести ихъ вмѣстѣ. «Въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ успѣлъ?» сказала императрица съ видимымъ удовольствіемъ.

«Каникулы у великихъ князей не было. Мужемъ моимъ генералы пользовались не только для уроковъ и повтореній, но даже и для прогулокъ, такъ какъ любознательныя дѣти часто задавали имъ вопросы, на которые они иногда затруднялись отвѣчать, и имъ могло быть полезно присутствіе Якова Карловича. То они

гуляли всѣ вмѣстѣ, то ѣздили на лодкѣ по озеру (въ Царскомъ Селѣ).

«1855 годъ. 19-е февраля. Александръ Александровичъ всегда встрѣчалъ Якова Карловича съ распростертыми объятіями (что не очень правилось Гогелю). Часто обхватывалъ его за шею и повисалъ на ней. Тогда Яковъ Карловичъ шутя говорилъ ему, что боится, чтобы онъ не сломалъ ему шею или не задушилъ его. Онъ всегда ласковъ и добродушенъ и часто смѣшитъ его своими дѣтскими выходками. Онъ очень способный и любознательный мальчикъ, но медленно развивается, особенно, когда рѣчь идетъ о сухихъ матеріяхъ, грамматическихъ правилахъ, и тогда онъ невнимателенъ. Но зато какъ интересуется и увлекается его всякое чтеніе, и мужъ мой, пользуясь этимъ, попеременно заставлялъ то его самого читать, чтобы наблюдать трудность, съ какою онъ читаетъ, то продолжалъ самъ, чтобы поддержать его вниманіе и интересъ. Александръ Александровичъ дѣлаетъ иногда вопросы остроумные и очень дѣльные, и, когда книжка ему понравится, то онъ, по окончаніи, проситъ ее оставить, говоря, что ему самому хочется еще разъ прочитать ее. А потомъ, встрѣчая Якова Карловича, говоритъ: «А я еще разъ прочелъ книжку. Какъ интересно!» Часто позволялъ онъ себѣ на урокахъ милая шалости. Напримѣръ, разъ, когда онъ писалъ на доскѣ склоненія и написалъ винительный падежъ, онъ, приложивъ ухо къ доскѣ, говорилъ: «Послушаю, не подскажетъ ли мнѣ она сама... Нѣтъ, молчитъ, ничего не говоритъ». Иногда при входѣ мужа въ его комнату прячется подъ столъ, покрытый скатертью, и оттуда, потихоньку затрагивая мужа, даетъ знать о своемъ присутствіи. Учивши исторію Мидійскаго и Вавилонскаго царствъ, онъ замѣтилъ: «Зачѣмъ это учиться тому, что такъ давно было? Вотъ, если бы знать, что съ этими народами теперь стало, это было бы интереснѣе; а это скучно и не нужно»... Благодушіе и прямота Александра Александровича и пробужденіе въ немъ способностей основательныхъ, вдумчивыхъ, тогда какъ его считали малоспособнымъ, и удивленіе всѣхъ на экзаменѣ, успѣхи его,—все это утѣшало Якова Карловича. Съ Александромъ Александровичемъ онъ болѣе всего заботился о сносной орфографіи и потому постоянно ему диктуетъ, вслѣдствіе этого онъ началъ писать нѣсколько грамотнѣе. О географіи императрица спросила: «Занимаются ли дѣти черченіемъ картъ?» Мужъ отвѣтилъ, что обращаетъ на это особое вниманіе... Александръ Александровичъ очень старается, только въ нѣмецкомъ ему очень трудно подвигаться безъ практики, и грамматическія правила для него еще очень сухи и скучны. Конечно, они, какъ и всѣ дѣти, бываютъ иногда невнимательны, но это естественно въ ихъ возрастѣ. Весь этотъ разговоръ съ императрицей доказалъ ему, какъ онъ былъ правъ, желая узнавать мысли августѣйшей ма-

Августѣйшія дѣти императора Александра II
Николай, Александръ, Владимиръ и Алексѣй Александровичи
въ 1851 году.

(Съ акварели художника Хау).

тери по воспитанію дѣтей, какъ его будетъ поддерживать сознаніе,
что есть цѣнительница его трудовъ, просвѣщенная и понимающая.
«12-го сентября императрица съ дѣтьми возвратилась изъ Москвы,

«14-го сентября, когда Яковъ Карловичъ пришелъ на урокъ, Александръ Александровичъ выбѣжалъ къ нему съ яйцомъ, въ которомъ находился большой образъ изъ Сергіевской лавры, и, отдавъ его мужу, сконфузился. 16-го сентября императрица приходила на историческій урокъ мужа съ Александромъ Александровичемъ и присутствовала на немъ около часа. Когда ея величество велѣла ему что-нибудь рассказать изъ исторіи, онъ выбралъ троянскую войну и очень толково рассказалъ ее. Императрица, обратившись къ мужу, съ видимымъ удовольствіемъ сказала: «*Mais c'est assez bien*». Мужъ прибавилъ, что Александръ Александровичъ проходилъ это уже давно. Она спросила: лѣтомъ ли? Мужъ отвѣтилъ, что даже весной. По окончаніи урока Александръ Александровичъ, въ пылу восторга, что хорошо отвѣтилъ, бросился на диванъ и, вытянувшись на немъ, поднялъ ноги кверху и началъ кричать разными голосами. Императрица была этимъ очень недовольна и, подойдя къ нему, подняла его за руку и сказала: «А что я тебѣ говорила, ты забылъ?» Александръ Александровичъ, сконфузившись, отвѣтилъ: «Чтобы я не шалилъ».—«Нѣтъ, не то», возразила императрица и стала ему тихо что-то говорить. Потомъ, обратившись къ Казнакову, сказала: «*Ils ont de mauvais manières, il faut les reprendre plus souvent. Ils sont d'âge à ne plus se permettre de grimper sur les meubles ex de crier ainsi*»¹⁾.—Казнаковъ отвѣчалъ: «*On les reprend souvent, madame, mais cela n'aide pas*.—«*Il faut être plus sévère avec eux*»²⁾,—возразила императрица.

«16-го декабря 1855 года. Начались экзамены изъ предметовъ моего мужа—русскаго и славянскаго языковъ. Государь съ императрицею присутствовали на нихъ совершенно по домашнему. Кромѣ Скрипицыной и генераловъ, никого не было.

«Александръ Александровичъ отвѣчалъ хорошо и обстоятельно и сказалъ длинное стихотвореніе Лермонтова «Бородино». Въ среду 21-го былъ экзаменъ изъ исторіи и географіи. Александръ Александровичъ удивилъ всѣхъ своими основательными познаніями по исторіи. Онъ безъ малѣйшей ошибки начертилъ на доскѣ таблицу всего удѣльнаго періода. Послѣ экзамена государь крѣпко пожалъ мужу руку и сказалъ: «Очень, очень хорошо, я очень доволенъ, благодарю». Юрьевичъ также присутствовалъ на этомъ экзаменѣ и много говорилъ мужу о большихъ успѣхахъ великихъ князей».

Въ то дореформенное время трудъ учителя вознаграждался весьма скромно; такъ, по дѣйствующимъ при дворѣ правиламъ,

¹⁾ У нихъ дурныя манеры, ихъ надо останавливать какъ можно чаще. Они въ томъ возрастѣ, когда не должны позволять себѣ лазать по мебели и кричать.

²⁾ Ихъ часто останавливаютъ, ваше величество, но это нисколько не помогаетъ.—Надо быть съ ними построже.

Я. К. Гротъ получалъ изъ комнатныхъ суммъ за преподаваніе русскаго и славянскаго языковъ—285 руб., за преподаваніе исторіи и географіи—428 руб. и за обученіе нѣмецкому языку—285 руб. въ годъ за каждаго ученика. Во время загородныхъ поѣздокъ, когда дворъ располагался въ Царскомъ Селѣ или Петергофѣ, ему, какъ учителю, не полагалось казенной квартиры, а за это время онъ получалъ суточные деньги по 5 руб. 30 коп. въ день. Не даромъ пишетъ Я. К. Гротъ въ своихъ замѣткахъ, что «особенно трудное время для меня было отъ мая до ноября, а иногда и до декабря, такъ какъ я долженъ былъ ѣздить въ Царское Село, Петергофъ и даже въ Гатчину уже наканунѣ, чтобы быть во дворцѣ въ семь часовъ утра» ¹⁾. Съ 1-го сентября 1857 года, во вниманіе недостаточности его средствъ и полезной службы, ему назначено содержаніе по 3,000 руб. въ годъ и экипажъ на пару лошадей отъ конюшеннаго вѣдомства ²⁾.

Великій князь Александръ Александровичъ не забылъ своего перваго учителя и въ день принесенія присяги, 20-го іюня 1865 г., почтилъ Якова Карловича слѣдующимъ рескриптомъ: «Яковъ Карловичъ. Сегодня я имѣлъ счастье припестн передъ престоломъ Всевышняго священнѣйшій обѣтъ вѣрности государю императору и всей Россіи. При этомъ мнѣ пріятно вспомнить и то время, когда на васъ лежала обязанность наставника нашего. Отдавая полную справедливость просвѣщенной заботливости, съ которою вы старались объ усилѣхъ нашихъ въ наукахъ, препровождаяе вамъ, въ воспоминаніе этого дня, перстень съ моимъ вензелемъ и пребываю къ вамъ искренно благожелательнымъ. С.-Петербургъ, 20-го іюня 1865 г.» ³⁾.

Императоръ Николай I очень любилъ дѣтей и, когда онъ возвращался съ утренней прогулки, всегда заходилъ въ дѣтскую и цѣловалъ своихъ внуковъ. Посѣтившій нашъ дворъ въ концѣ сороковыхъ годовъ шведскій принцъ Оскаръ былъ умиленъ семейной картиной: когда послѣ обѣда въ Петергофѣ малолѣтнія дѣти наслѣдника вбѣжали въ залу, то императрица Александра Феодоровна посадила къ себѣ на колѣни старшаго Николая, а государь началъ даскать остальныхъ двухъ и, посадивъ ихъ верхомъ на оба колѣна, сталъ кормить десертомъ ⁴⁾.

Въ 1851 году императоръ Николай I открылъ движеніе по Николаевской желѣзной дорогѣ между Петербургомъ и Москвою и въ первый поѣздъ, вмѣстѣ съ царской фамиліей, были взяты и малолѣтніе Николай и Александръ Александровичи, которые

¹⁾ Б. Б. Глинскій. «Наставникъ царскихъ дѣтей».

²⁾ Архивъ императорскаго двора.

³⁾ Журналъ «Старина и Новизна» 1898 года.

⁴⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1914 года.

пробыл въ Москвѣ все время празднованія двадцатипятилѣтія коронаціи государя.

26-го февраля 1852 года великому князю Александру Александровичу минуло семь лѣтъ, и у обѣдни онъ былъ въ мундирѣ прапорщика лейбъ-гвардіи Финскаго батальона. Тамъ же находилась вся царская фамилія и офицеры этого батальона.

Въ тотъ же день, къ семи часамъ, императоръ Николай повелѣлъ пригласить къ дѣтямъ цесаревны и собрать въ ротондѣ Зимняго дворца дѣтей: Философовыхъ, Огарева, князя Суворова, князя Волконскаго, барона Корфа, Пашкова, Скрипицыной, Нелидова, графа Олсуфьева, барона Мейендорфа, барона Ливена, Кормилицына, Опочинина, графа Адлерберга, графа Ламберта, Паткуля, Гогеля, Вонлярлярскаго, князя Барятинскаго и девять кадетъ, всего тринадцать дѣвочекъ и двадцать восемь мальчиковъ. Кромѣ того, находились дѣти великой княгини Маріи Николаевны и принца Ольденбургскаго.

За длиннымъ столомъ красивой ротонды Зимняго дворца усѣлись за чай приглашенные мальчики, а въ золотой гостиной—дѣвочки. Послѣ чая вся эта дѣтская компанія перешла въ арабскую комнату, гдѣ профессоръ магии Германъ показывалъ разные фокусы. Восторгъ дѣтей былъ большой, и ихъ величества съ радостью смотрѣли на веселье и оживленіе своихъ маленькихъ гостей.

10-го апрѣля, въ день рожденія великаго князя Владимира Александровича, цесаревна устроила вечеръ для дѣтей, на которомъ фокусникъ Германъ опять вызвалъ удивленіе дѣтей.

8-го сентября въ Царскомъ Селѣ, въ день рожденія великаго князя Николая Александровича, послѣ обѣдни, цесаревна пригласила на обѣдъ въ два часа дня дѣтей графа Адлерберга, Паткуля и Гогеля; а вечеромъ у маленькихъ великихъ князей былъ устроенъ театръ маріонетокъ.

18-го января 1853 года, въ часъ съ половиной дня, императрица послала приглашеніе къ дѣтямъ цесаревны, чтобы они пріѣхали въ манежъ Аничковскаго дворца на представленіе обезьянъ Орбана и Казанова. Въ манежѣ собрались, кромѣ царскихъ дѣтей, 35 мальчиковъ и 18 дѣвочекъ: графа Клейнмихеля, Опочинина, графовъ Олсуфьевыхъ, барона Мейендорфа, князя Суворова, Огарева, Гогеля, Философовыхъ, барона Корфа, князя Волконскаго, графа Адлерберга, Паткуля, графа Ламберта, князя Барятинскаго, Мальцева, Нелидова, Скрипицыной, Козлова, Вонлярлярскаго и десять пажей. Въ манежъ прибыли ихъ величества, цесаревна, великіе князья и княгини съ дѣтьми. Во время антрактовъ подавали шоколадъ, чай, фрукты и конфеты. Представленіе кончилось въ четыре часа ¹⁾.

¹⁾ Камеръ-фурьерскій журналъ за 1852 и 1853 гг.

Въ этомъ году въ Петергофѣ за большимъ обѣдомъ по случаю прибытія королевы нидерландской Анны Павловны въ первый разъ присутствовали малолѣтніе великіе князья Николай и Александръ Александровичи; а 1-го августа, во время водоосвященія, государь приказалъ Николаю и Александру Александровичамъ стать во фронтъ перваго кадетскаго корпуса, и кадеты были пропущены церемоніальнымъ маршемъ. Во время лагерей въ Красномъ Селѣ неоднократно дѣти наслѣдника присутствовали на парадахъ и военныхъ церемоніяхъ. Великій князь Александръ Александровичъ, будучи шести лѣтъ отъ роду, 1-го августа 1851 года стоялъ на часахъ при открытіи памятника императору Павлу I въ Гатчинѣ ¹⁾.

Такъ развлекались царскія дѣти, постепенно появляясь въ обществѣ и среди войскъ.

Когда великій князь Александръ Александровичъ былъ маленькимъ, то и тогда онъ обладалъ довольно большой физической силой. Онъ очень любилъ дѣтей, и дѣти удивительно льнули къ нему. «Мы всѣ, малолѣтки,—разказывала одна высокая особа, участница дѣтскихъ игръ ²⁾,—очень часто собирались у насъ во дворцѣ и постоянно играли въ разныя игры. У насъ была сдѣлана довольно крутая горка, и мы, раздѣлившись на двѣ партіи, вѣбѣгали на нее въ то время, какъ другая партія не пускала насъ подняться на площадку. Много было смѣха, веселья и ловкости въ нашихъ играхъ, и объ нихъ вспоминается съ удовольствіемъ. Помню и собранія дѣтей у цесаревны, гдѣ насъ собиралось довольно много, а именно: дѣти великой княгини Маріи Николаевны, дѣти великаго князя Константина Николаевича, дѣти цесаревны, и мы ужасно рѣзвились, когда не было учебныхъ занятій. Великій князь Александръ Александровичъ очень любилъ трубить въ трубу, а потомъ, когда подросъ, то недурно игралъ на горнѣ горнисту. Онъ очень любилъ зажигать фонарики, когда къ тому представлялся случай, въ особенности лѣтомъ, въ паркѣ часто устраивалъ иллюминаціи. Нѣсколько разъ маленькіе великіе князья и дѣти принца Ольденбургскаго надѣвали мундиры Эриванскаго полка и играли въ солдаты. Въ Зимнемъ дворцѣ, на половинѣ царскихъ дѣтей, расположенной направо отъ Комендантскаго подъѣзда, въ залѣ былъ устроенъ деревянный брустверъ, обтянутый зеленымъ сукномъ, съ довольно крутыми и скользкими скатами; этотъ брустверъ дѣти бомбардировали изъ дѣтскихъ ружей и пушекъ, а затѣмъ брали штурмомъ, упражняясь въ ловкости и гимнастикѣ».

¹⁾ Августѣйшихъ дѣтей обучали военному фронту дядьки: фельдфебель лейб-гвардіи Преображенскаго полка Коротевъ и лейб-гвардіи Семеновскаго полка унтеръ-офицеръ Хрѣновъ, подъ руководствомъ генерала Гогеля.

²⁾ Авторъ слышалъ этотъ разказъ отъ высокой особы въ декабрѣ 1910 года.

Племянникъ генерала Григорія Ѳедоровича Гогеля разсказалъ: «Въ 1851 году я былъ въ первомъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ и по праздникамъ приходилъ къ дядѣ во дворецъ. Въ первый же мой приходъ я былъ представленъ великимъ князьямъ... Игрушекъ было много, всякихъ медвѣдей, разныхъ звѣрей, птицъ и тому подобныхъ, но общая игра съ ними какъ-то не ладилась, а потому чаще всего мы занимались солдатиками. У великихъ князей были оловянные солдатки вершка въ два величиной; солдаты вдвигались въ дощечки и, установленные въ порядкѣ, образывали строевую часть, которой производилось обыкновенно ученье или смотръ. Иногда и мнѣ приходилось представлять строевую часть великимъ князьямъ.

«Однажды, придя къ дядѣ, я засталъ солдатиковъ разставленными: надлежало быть «разводу». Великіе князья спорили между собою, кому производить разводъ и кому его принимать. Николай Александровичъ настаивалъ, чтобы разводъ производилъ Александръ Александровичъ, а самъ онъ, какъ старшій, будетъ принимать его. «Дядька», состоявшій при великихъ князьяхъ, старался примирить и успокоить ихъ, я присоединился къ нему и хотѣлъ уже предложить свои услуги командовать разводомъ, когда изъ соседней комнаты вышелъ мой дядя. Александръ Александровичъ обратился къ нему со словами, которыхъ я въ точности не помню: «Григорій Ѳедоровичъ! Николай Александровичъ хочетъ, чтобы я командовалъ разводомъ, а онъ будетъ принимать его, «какъ старшій...». Вѣдь, мы играемъ, а въ игрѣ старшинства нѣтъ. Пусть онъ командуетъ, я тоже хочу смотрѣть разводъ, онъ и то всякій разъ смотреть. Вѣдь это же несправедливо?» Дядя ихъ помирилъ тѣмъ, что прекратилъ игру, такъ какъ великимъ князьямъ надо было куда-то ѣхать.

«Въ 1853 году, когда дворецъ находился въ Царскомъ Селѣ, однажды устраивалась игра въ осаду и оборону. Участвующихъ дѣтей оказалось нечетное число, и раздѣлиться поровну имъ было нельзя. Они рѣшили, какъ говорится на дѣтскомъ языкѣ, «конаться» съ тѣмъ, что послѣдній достанется той или другой сторонѣ по счастью.. Вдругъ къ генералу Зиновьеву подбѣгаетъ великій князь Александръ Александровичъ, держа за руку моего двоюроднаго брата Гришу, и говоритъ, обращаясь къ Зиновьеву: «Николай Васильевичъ, мы должны раздѣлиться на двѣ партіи, а одинъ оказывается лишнимъ. Его хотятъ прибавить по счастью... вѣдь это несправедливо? Посмотрите на Гришу (и... еще какое-то имя назвалъ великій князь), они такіе слабенькіе, что я предлагаю ихъ считать за одного; тогда и выйдетъ равное число, чтобы не «конаться». Вѣдь правда?»¹⁾—«Совершенно вѣрно,—отвѣчалъ Зиновьевъ:—особенно, если ихъ двоихъ поставить противъ васъ...»

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ».—«Это несправедливо. Алексѣева-Кунгурцева.

Въ воспоминаніяхъ г-жи Бологовской мы находимъ такой рассказъ о дѣтскихъ играхъ царскихъ дѣтей: «Въ Царскомъ Селѣ часто наслѣдникъ Александръ Николаевичъ и цесаревна приходили смотрѣть на наши игры, помню, какъ однажды, въ присутствіи наслѣдника, великій князь Александръ Александровичъ больно ударилъ меня хлыстомъ, я разсердилась и безъ всякой церемоніи отвѣтила ему толчкомъ въ спину, а цесаревичъ замѣтилъ сыну: «И по дѣломъ тебѣ, самъ не дерись».

«Въ Царскомъ Селѣ, около сѣтки, была устроена маленькая крѣпость для игръ и военныхъ упражненій великихъ князей Николая и Александра Александровичей; были воздвигнуты бастионы, выкопаны рвы, стояли пушки, и мы, дѣти, постоянно играли въ войну, причемъ мнѣ всегда приходилось изображать маркитантку. Помню, какъ одна изъ нашихъ игръ едва не окончилась трагически... Дѣло было лѣтомъ, мы играли въ походъ, и я, конечно, изображала маркитантку, но въ чемъ-то я провинилась, и меня рѣшили судить военнымъ судомъ... и я приговорена къ смертной казни черезъ разстрѣляніе. Мнѣ завязали глаза и стали палить въ меня изъ деревянныхъ пистолетовъ. При первомъ залпѣ мнѣ было приказано упасть... затѣмъ великіе князья рѣшили, что надо меня похоронить; не долго думая, схватили они меня за руки и за ноги и потащили къ копанью сѣна, гдѣ принялись устраивать мнѣ могилу... когда же все было готово, меня столкнули въ яму и начали забрасывать сѣномъ, а для того, чтобы лучше утрамбовать, вся компанія усѣлась наверху. Сначала мнѣ было весело и смѣшно, но вскорѣ я начала задыхаться... Не знаю, чѣмъ бы окончилась наша затѣя, если бы не подоспѣлъ генералъ Зиновьевъ, который вытащилъ меня оттуда полумертвой...

«Играли мы какъ-то въ паркѣ въ лошадки, я и братъ изображали лошадей, а великіе князья Николай и Александръ Александровичи кучеровъ. И, вотъ, насъ повели поить къ фонтану «La source cassée», но тутъ кто-то изъ великихъ князей заявилъ, что надо купать лошадей... моя несчастная англичанка пришла въ полное отчаяніе отъ такой затѣи и рѣшилась остановить насъ... тогда генералъ Гогель, къ ужасному нашему огорченію, успѣлъ помѣшати импровизированному купанью ¹⁾, которое сулило быть такимъ веселымъ...»

Въ 1856 году, во время коронаціи при торжественномъ въѣздѣ въ Москву, великіе князья Николай и Александръ Александровичи сопровождали государя верхомъ, а Владимиръ Александровичъ сидѣлъ въ золотой каретѣ противъ императрицы. Послѣ коронаціи великіе князья были съ родителями въ Троице-Сергіевой лаврѣ.

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1914 г., № 1.

Въ 1858—1859 гг. молодые великіе князья Николай, Александръ и Владимиръ Александровичи были зачислены въ первый кадетскій корпусъ на время расположенія лагеремъ въ Петергофъ. Великіе князья жили у родителей въ Александріи и только прѣѣзжали въ кадетскій лагерь для строевыхъ учений и другихъ фронтовыхъ занятій¹⁾.

Въ 1858 году императрица Марія Александровна съ сыновьями Николаемъ, Александромъ, Владимиромъ и Алексѣемъ Александровичами и дочерью Марією Александровной выѣзжали въ Гатчину для встрѣчи государя, возвращавшагося изъ путешествія за границу. 21-го сентября государь прибылъ изъ Пскова, и вся царская семья вошла въ поѣздъ и направилась на станцію Александровскую.

Проѣздъ государя изъ Пскова до Гатчины знаменателенъ тѣмъ, что этой поѣздкой открылось пассажирское движеніе по Варшавской желѣзной дорогѣ.

Въ этомъ же году, 10-го октября, ихъ величества съ августѣйшими дѣтьми прибыли въ Гатчину на праздникъ перенесенія мощей святого Іоанна Іерусалимскаго. Былъ крестный ходъ и разводъ, а вечеромъ спектакль во дворцѣ.

Въ 1859 году, 24-го октября, изъ Царскаго Села прибыли въ Гатчину наслѣдникъ Александръ, Владимиръ и Алексѣй Александровичи вмѣстѣ съ великимъ княземъ Николаемъ Константиновичемъ. Ихъ величества съ младшими дѣтьми Сергѣемъ Александровичемъ и Марією Александровной уже были въ Гатчинѣ съ 20-го октября. Тамъ состоялся французскій спектакль, балетъ, а затѣмъ балъ. 28-го октября выступили любители въ лицѣ великихъ князей Константина, Николая и Михаила Николаевичей, фрейлины Бартековой, генерала Вилламова и флигель-адъютанта Альбединскаго, разыгравшихъ русскій водевиль «Булочная или петербургскій нѣмецъ». Это развлеченіе настолько всѣмъ понравилось, что въ слѣдующіе два дня даны были снова любительскіе спектакли. На спектакляхъ были поставлены живыя картины, въ которыхъ принимали участіе великіе князья, фрейлины и лица свиты.

Въ 1860 году, 3-го августа, государь прибылъ въ Гатчину изъ Александріи (Петергофа) съ великими князьями Александромъ и Владимиромъ Александровичами. Передъ дворцомъ была устроена травля дикихъ звѣрей собаками придворной охоты²⁾.

Какъ извѣстно, молодые князья Александръ и Владимиръ Александровичи еще раньше обнаружили страсть къ охотѣ, и государь поддерживалъ этотъ спортъ, часто приглашая ихъ участвовать въ охотѣ на дикихъ звѣрей.

Младенческіе годы великіе князья провели подъ руководствомъ г-жи Погенполь, при которой состояли англичанки Юзъ, Итер-

¹⁾ «Русская Старина», 1916 г. «Августѣйшіе кадеты».

²⁾ «Столѣтіе Гатчины» Рождественскаго.

вудъ и Струттонъ. Въ 1849 году, когда великіе князья Николай и Александръ Александровичи достигли возраста—одинъ шести лѣтъ, а другой четырехъ лѣтъ, ихъ поручили воспитывать Вѣрѣ Николаевнѣ Скрипицыной. Въ 1851 году протопресвитеръ Баженовъ началъ обучать царскихъ дѣтей молитвамъ и Закону Божьему. Въ этотъ же годъ приглашены учителя: гимнастики—г. Линденъ, танцованія—г. Огюсть и верховой ѣзды—берейторъ Бартъ. Въ 1853 году англійскій языкъ преподавалъ англичанинъ Шау; ариметику преподавалъ капитанъ Сухонинъ; каллиграфіи учили

Собственноручный рисунокъ великаго князя Александра Александровича.

(Изъ коллекціи императора Александра II. Зимній дворець, 1854 г.).

г. Лагузень, и рисованіе поручено академику Тихобразову. Въ 1854 году великіе князья начали обучаться фехтованію, которымъ руководилъ генеральтъ Свербеевъ, и въ этомъ же году французъ Огюсть Пуаре началъ обученіе игрѣ на фортепяно.

Первыми воспитателями царскихъ дѣтей были генеральтъ-адъютантъ Николай Васильевичъ Зиновьевъ съ двумя помощниками генераломъ Гогелемъ и генераломъ Казнаковымъ.. Зиновьевъ принялъ великихъ князей изъ рукъ очень почтенной Вѣры Николаевны Скрипицыной, къ которой они сохранили сердечное чувство привязанности ¹⁾. Зиновьевъ изображалъ собою идеаль чест-

¹⁾ Въ архивѣ министерства двора хранятся дѣла, въ которыхъ намъ удалось найти о размѣрѣ вознагражденія учителей великихъ князей, а именно: протоіерей Баженовъ получалъ за преподаваніе Закона Божія за каждаго ученика по 285 рублей «истор. вѣстн.», январь 1916 г., т. сѣмн.

наго человѣка, преданнѣйшаго слуги государя и вельможи стараго закала. Но онъ не имѣлъ педагогическаго ума и въ то же время не имѣлъ способности выбирать людей. Вслѣдствіе этого воспитательное дѣло въ тотъ первый періодъ шло случайно, въ сущности, никѣмъ не веденное и, такъ сказать, вдохновенное только тѣмъ дѣтскимъ уваженіемъ, котораго царственные воспитанники не могли не питать къ такому человѣку, какъ Зиновьевъ. Помощникъ Зиновьева Н. Г. Казнаковъ былъ прекрасный и симпатичный человѣкъ, но воспитательнаго элемента въ немъ не было; еще менѣе можно было его найти въ генералѣ Готелѣ. Это былъ типъ прямолинейнаго, малокультурнаго генерала, въ которомъ съ перваго же раза бросалось въ глаза отсутствіе малѣйшихъ даже признаковъ какого бы то ни было духовнаго разнообразія ¹⁾).

Въ семьѣ Зиновьевыхъ сохранилось воспоминаніе о генералъ-адъютантѣ Николаѣ Васильевичѣ Зиновьевѣ его племянницы, которая пишетъ: «...Мой дядя жилъ въ собственномъ домѣ на Фонтанкѣ. Дядя былъ красивый старичекъ, съ совершенно бѣлыми волосами, черными бровями и черными глазами. Его тонкія черты лица носили печать доброты и ясности духа. Его руки необыкновенно нѣжны и бѣлы... Онъ былъ добръ и кротокъ и рѣдко сердился... но мы его боялись, даже говорили «вы» и называли «Николай Васильевичъ». Онъ былъ человѣкъ очень строгихъ нравовъ и неподкупной прямоты. Живя при дворѣ, онъ никогда не покривилъ душой, никогда не скрасилъ неправды, не похвалилъ дурное; хотя бы сдѣланное высокопоставленнымъ лицомъ; никогда ни на кого не клеветалъ и не принималъ участія ни въ какой интригѣ. Всѣ его уважали, но не всѣ любили, и многіе его опасались и стѣснялись его, особенно тѣ, у которыхъ было «рыльце въ пуху»... Эту прямоту и скромность и душевную чистоту цѣнилъ въ дядѣ им-

---

въ годъ. Англичанинъ Шау 855 руб.; учитель ариометики—428 руб.; каллиграфіи—250 руб.; за рисованіе—285 руб.; за фортепіано—по 7 руб. 15 коп. за урокъ; за танцованіе по 144 руб. за каждаго; за гимнастику—по 250 руб. съ каждаго; берейтору платили по 85 руб. за каждаго; учитель фехтованія отказался отъ жалованья (опись 1.368). Въ 1860 году преподаватели были раздѣлены на четыре категоріи: первая—получающіе постоянное жалованье: за преподаваніе предметовъ по 428 руб. въ годъ за каждаго великаго князя; за рисованіе по 285 руб.; за ариометику и чистописаніе—по 250 руб.; за гимнастику по 300 руб.; за танцованіе—по 144 руб.; за верховую ѣзду—по 85 руб. за каждаго. Вторая—получающіе по числу уроковъ, веѣмъ по 285 руб. за каждаго великаго князя. Третья—получающіе за каждый урокъ отъ 7 руб. 15 коп. до 25 руб. за каждаго. Четвертая—приглашенные на опредѣленные сроки съ особымъ жалованьемъ по 300 руб. въ годъ.

Въ виду незначительности окладовъ, высочайше повелѣно было выдавать пожизненныя пенсіи изъ государственнаго казначейства первой и второй категоріи: 1) за курсъ въ четыре года и болѣе—годовой окладъ назначается въ пенсію, 2) за курсъ менѣе четырехъ лѣтъ пенсія—сокращается въ половину. Образованіе оканчивается совершеннолѣтіемъ или бракосочетаніемъ (Тамъ же. Опись 1369, дѣло 103). Авт.

¹⁾ «Мои воспоминанія», кн. Мещерскій.

ператоръ Николай I, самъ рыцарь въ душѣ, любившій правдивость въ окружающихъ. Онъ назначилъ дядю воспитателемъ къ своимъ тремъ старшимъ внукамъ. Нельзя было найти лучшаго руководителя для молодыхъ великихъ князей. Высокое сознание долга и горячая любовь къ родинѣ стараго наставника отозвались особенно на великомъ князѣ Александрѣ Александровичѣ, будущемъ императорѣ Александрѣ III. Онъ на всю жизнь привязался къ благородному старику и впоследствии охотно дѣлился съ нимъ заботами и мыслями своими. Не было въ дядѣ ни лести, ни заискиванія, но не могло быть болѣе горячей искренней преданности своему монарху и его семьѣ... Въ спальнѣ, въ рамкѣ, висѣли бумажныя фигурки, которыя вырѣзали и наклеивали для него маленькіе великіе князья Николай и Георгій ...»¹⁾

Когда наступило время начать учить великихъ князей, Зиновьевъ призналъ нужнымъ создать специальную воспитательную часть— учебную. Ему указали на молодого учителя русской словесности Якова Карловича Грота, которому и была поручена вся учебная часть.

Въ 1856 году императрица Марія Александровна признала нужнымъ во главѣ ученія великихъ князей поставить человѣка съ болѣе высокимъ и авторитетнымъ положеніемъ, и выборъ ея остановился на одномъ изъ нашихъ дипломатовъ, Владимирѣ Павловичѣ Титовѣ. Послѣ Вѣнскаго конгресса Титовъ служилъ посланникомъ въ Штутгартѣ и съ тѣхъ поръ удостоился пріобрѣсти дружбу и уваженіе королевы Ольги Николаевны, тогда еще наслѣдной принцессы вюртембергской. Пріятный собесѣдникъ, начитанный и умный человѣкъ, Титовъ оказался не имѣющимъ дара быть воспитателемъ царскихъ дѣтей. Самолюбивый Титовъ захотѣлъ сразу оправдать павшій на него выборъ и потому принялся за сочинительство проекта воспитанія. Первымъ послѣдствіемъ титовской диктатуры въ учебномъ дѣлѣ въ классной великихъ князей было то, что скромный Гротъ долженъ былъ лишиться той самостоятельности, которую онъ имѣлъ, и подчиниться смутнымъ и сбивчивымъ идеямъ Титова.

Идеи эти Титовъ бралъ отовсюду, не имѣя ихъ въ себѣ: то въ нѣмецкой педагогіи, то во французской, то въ разныхъ вѣяніяхъ современной жизни, а такъ какъ вѣянія въ то время были исключительно либеральныя, проникнутыя неуваженіемъ къ преданіямъ старой дисциплины, то время титовскаго учебнаго періода для великихъ князей отразилось извѣстной путаницею въ учебномъ дѣлѣ. Эта путаница дошла до того, что Титовъ сочинилъ проектъ особаго учебнаго заведенія, въ которомъ великіе князья должны были учиться вмѣстѣ съ дворянскими и сановными дѣтьми и че-

¹⁾ «Русская Старина» 1910 г. «Изъ недавняго прошлаго» Зиновьевой.

резь это получить общечеловѣческое образованіе. Очевидно, что Титовъ эту идею взялъ отчасти изъ Англїи, отчасти изъ лѣтописи германскихъ университетовъ, совершенно забывъ, что такое воспитаніе великихъ князей не согласовалось съ нашими нравами.

Этотъ странный проектъ не нашелъ ни малѣйшаго сочувствія ни въ государѣ, ни въ императрицѣ и послужилъ только одной изъ причинъ для дискредитированія Титова, какъ педагога. Ему пришлось подумать объ уходѣ, но прежде ушелъ Гротъ, не сумѣвшій примѣниться къ фантазіямъ и капризамъ Титова ¹⁾.

Титовъ пробылъ воспитателемъ царскихъ дѣтей съ 1856 по 1858 годъ, когда онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Намъ удалось извлечь въ архивѣ слѣдующее расписаніе занятій великихъ князей по днямъ недѣли за время титовскаго режима въ 1857 году. Великіе князья встаютъ въ шесть съ половиной часовъ утра, одѣваются и, послѣ утренней молитвы, пьютъ чай, на что полагается одинъ часъ.

Въ семь съ половиной часовъ утра начинаются уроки по расписанію (см. табл. на 117 стран.).

Великимъ князьямъ учителя ставили баллы по каждому предмету. Въ концѣ недѣли Титовъ разсматривалъ школьный журналъ и каждый разъ отмѣчалъ результатъ своихъ впечатлѣній, на примѣръ: «Съ 14-го по 23-е сентября 1857 года для великаго князя Александра Александровича недѣля была посредственная. Баллы опустились однажды до четырехъ. Слабѣе всѣхъ былъ понедѣльникъ. В. Титовъ». «Съ 5-го по 12-е октября. Эта недѣля шла нѣсколько лучше предыдущихъ, и Александръ Александровичъ заслужилъ отлично хорошую аттестацію въ математикѣ и французскомъ языкѣ. В. Титовъ».

«Съ 30-го августа по 7-е сентября. Недѣля вообще была посредственная, баллы три раза опускались до шести. Въ субботу вечеромъ было первое механическое упражненіе съ инженеромъ-технологомъ Лабзинымъ; былъ выточенъ блокъ».

«Почти всѣ преподаватели продолжаютъ жаловаться на разсѣянность Александра Александровича, происходящую отъ несчастной привычки играть и заниматься посторонними вещами во время урока. В. Т.».

Среди дѣтскихъ писемъ мы нашли въ архивѣ такіа письма: «Милый папа. Мы вчера ѣздили верхомъ, а послѣ обѣда катались въ фэатонѣ. Сегодня мы пойдемъ пѣшкомъ и намъ очень весело. Анмама ²⁾ обѣдаетъ у мама. Здѣсь въ воскресенье былъ большой

¹⁾ Тайный совѣтникъ Титовъ получалъ изъ комнатныхъ суммъ за руководство четырехъ сыновей государя—4,000 руб.

²⁾ Императрица Александра Феодоровна.

Д Н И.	Отъ 7 ¹ / ₂ до 8 ¹ / ₂ час.	Отъ 8 ¹ / ₂ до 9 ¹ / ₄ час.	Отъ 9 ¹ / ₄ до 10 ¹ / ₂ час.	Отъ 10 ¹ / ₂ до 11 час.	Отъ 11 до 12 час.	Отъ 12 до часу.	Отъ часу до двухъ.	Отъ 6 до 7 час. вечера.
Понедѣльникъ	Французскій языкъ.	Отдѣляются и проглатываются вокругъ рта.	Русскій языкъ.	Ходить аэрироваться съ родителями, потомъ идти къ кофею къ господамъ, императрицѣ и, возвратясь, завтракать.	Верховная бѣда.	Приготовленіе уроковъ.	Нѣмецкій языкъ.	Гимнастика.
Вторникъ	Англійскій языкъ.		Арифметика.		Столярная работа и то-чильная.	Рисованіе	Каллиграфія.	Музыка.
Среда	Французскій языкъ.		Русскій языкъ.		Верховная бѣда.	Законъ Божій.	Географія.	Танцклассъ.
Четвергъ	Англійскій языкъ.		Арифметика.		Фронтное ученье.	Законъ Божій.	Приготовленіе уроковъ.	Гимнастика.
Пятница	Французскій языкъ.		Нѣмецкій языкъ.		Верховная бѣда.	Рисованіе.	Исторія.	Музыка.
Суббота	Приготовленіе уроковъ.		Русскій языкъ.		Столярная работа и то-чить на станкѣ.	Законъ Божій.	Каллиграфія.	Танцклассъ.

Воскресенье и по праздникамъ. } Въ 10¹/₂ часовъ завтракъ и, переодѣвшись, идутъ къ обѣднѣ.

дождь и молнія. У насъ были мальчики, и мы дѣлали разныя представленія, а послѣ мы возили другъ друга въ телѣжкахъ. Прежде этого мы играли у анмама и катались съ горъ, а послѣ, когда мы одѣвались, Александръ Барятинскій не хотѣлъ ѣхать домой, а когда мы поѣхали домой, шелъ сильный дождь, и молнія ярко блистала. Прощай, милый папа. Твой послушный сынъ Саша. Поцѣлуй отъ меня анпапа ¹⁾ и дядю Низю ²⁾».

Это письмо безъ даты. Вѣроятно, написано въ 1854 году. «Милый папа. Поздравляю тебя съ твоими именинами и желаю, чтобы ты провелъ ихъ весело, былъ бы веселъ, счастливъ и здоровъ. Я сегодня стрѣлялъ на сѣткѣ изъ пушки и изъ ружья въ цѣль и попалъ въ красный кругъ. Теперь ставятъ въ залѣ гору, которую мама велѣла привезти изъ города. Какъ будетъ весело намъ кататься, когда она будетъ готова. Посылаю тебѣ кальянъ моей работы вмѣсто того, который у тебя сломался. Прощай, милый папа. Цѣлую тебя. Твой послушный сынъ Саша».

«Благодарствую, милый папа, за твое письмо, мнѣ было очень пріятно получить его. Мы вчера были у Василия Дмитріевича, у нихъ былъ маленькій фейерверкъ, а сегодня ѣздили верхомъ и были на Варшавской желѣзной дорогѣ и видѣли, какъ работаютъ мостъ, а домой маршь-маршемъ. Мнѣ было очень весело на моихъ именинахъ. Благодарствуй, милый папа, за все подарки, мнѣ понравился фазтонъ и новая лошадка, ее зовутъ Зефиромъ. Прощай, милый папа. Твой послушный сынъ Саша».

Эти два письма и по логикѣ мышленія и по правописанію должны быть написаны позднѣе предыдущаго. Они показываютъ о тѣхъ сердечныхъ отношеніяхъ, которыя были между отцомъ и сыномъ. Во всякомъ случаѣ эти письма будутъ очень цѣнными для историка.

Въ 1858 году вмѣсто Титова руководителемъ воспитанія царскихъ дѣтей былъ назначенъ Гриммъ ³⁾, бывший когда-то инспекторомъ классовъ при великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ. Гриммъ для молодого Константина Николаевича былъ однимъ, а призванный къ дѣтямъ государя, двадцать лѣтъ спустя, послѣ долгаго пребыванія въ Германіи, гдѣ онъ жилъ богатымъ русскимъ пенсіонеромъ, оказался другимъ. Онъ явился съ программой еще болѣе странной, чѣмъ титовская, основанной на признаніи всего русскаго негоднымъ для школы великихъ князей, какъ педагогическій матеріалъ, вслѣдствіе чего въ основу школы было принято все нѣмецкое. Все русское онъ называлъ чуть ли не варварствомъ, а все нѣмецкое высококультурнымъ. Изученіямъ

¹⁾ Императоръ Николай Павловичъ.

²⁾ Великій князь Николай Николаевичъ Старшій.

³⁾ Гримму назначено содержаніе въ 13,600 руб., помѣщеніе во дворцѣ, экипажъ и придворный лакей. (Архивъ императорскаго двора, опись 1369).

русской исторіи и русской словесности онъ не придавалъ серьезнаго значенія. Такимъ образомъ, Гриммъ началъ съ разрушенія всего гротовскаго и титовскаго, главное, онъ не сумѣлъ достигъ ни привязанности, ни довѣрія, ни уваженія своихъ учениковъ. Не долго продолжалъ Гриммъ вводить свою теорію въ дѣлѣ воспитанія царскихъ дѣтей; самъ государь замѣтилъ, что режимъ воспитанія идетъ неправильно, и потому Гриммъ былъ уволенъ. 6-го декабря 1860 года былъ отданъ слѣдующій высочайшій приказъ: «Состоящій при ихъ императорскихъ высочествахъ государѣ наслѣдникѣ цесаревичѣ и великихъ князьяхъ Александрѣ и Владимирѣ Александровичахъ генераль-адъютантъ генераль-лейтенантъ Зиновьевъ, согласно желанію его, всемилостивѣйше увольняется отъ занимаемой имъ должности съ производствомъ въ генералы-отъ-инфантеріи, съ назначеніемъ членомъ комитета о раненыхъ и съ оставленіемъ въ званіи генераль-адъютанта.

«Состоящій при ихъ императорскихъ высочествахъ наслѣдникѣ цесаревичѣ и великихъ князьяхъ генераль-адъютантъ генераль-майоръ Гогель 1-й всемилостивѣйше увольняется отъ занимаемой должности съ производствомъ въ генераль-адъютанты съ назначеніемъ помощникомъ главноуправляющаго Царскимъ Селомъ и оставленіемъ въ званіи генераль-адъютанта» ¹⁾.

Этимъ же приказомъ былъ уволенъ свиты его величества генераль-майоръ Казнаковъ, состоявшій при великомъ князѣ Владимирѣ Александровичѣ.

Кавалерственной дамѣ Вѣрѣ Николаевнѣ Скрипицыной, бывшей наставницей ихъ высочествъ съ 18-го мая 1846 года по 8-е сентября 1859 года, по высочайшему повелѣнію назначена пенсія въ 6,929 руб. и аренда въ 200 руб. на пятьдесятъ лѣтъ.

Послѣ всѣхъ періодовъ, о которыхъ мы говорили, начавшихся и не кончавшихся системъ воспитанія, выборъ государя палъ наконецъ на графа Сергѣя Григорьевича Строганова, котораго сдѣлали полнымъ хозяиномъ въ дѣлѣ воспитанія цесаревича. Затѣмъ его два брата, Александръ и Владимиръ Александровичи, были отдѣлены и, взаменъ прежнихъ воспитателей, назначенъ былъ къ нимъ графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій ²⁾.

Съ этимъ назначеніемъ, кромѣ непосредственной пользы отъ личностей новыхъ воспитателей, достигалось и то существенное благо, что съ нимъ кончился навсегда періодъ педагогическихъ опытовъ надъ молодыми натурами великихъ князей и установился правильный, спокойный и прочный порядокъ вещей.

¹⁾ Архивъ императорскаго дворца. Опись 1369, дѣло 96. При увольненіи генерала Зиновьева ему назначено сверхъ жалованья по военному вѣдомству еще по 4,847 руб. 5 коп. въ годъ. Генералу Гогелю сверхъ жалованья по военному вѣдомству назначено еще по 3,474 руб. 35 коп. въ годъ и придворный экипажъ. (Тамъ же).

²⁾ Высочайшій приказъ отъ 6-го декабря 1860 г.

Покойный цесаревичъ говорилъ съ юморомъ, что «всѣ эти опыты и переменны лица проходили надъ нами довольно поверхностно; мы не успѣвали ни серьезно привязаться къ личностямъ, ни подчиняться ихъ вліянію...» ¹⁾

Графъ Строгановъ создалъ для цесаревича спокойный, такой ясный умственный міръ и въ то же время такой широкий, что онъ могъ получить въ немъ умственное развитіе не только богатое и полное, но и твердое и совсѣмъ застрахованное отъ опасности вліянія со стороны.

Ничего не скрывая отъ ума великаго князя изъ того, что тогдашнія увлеченія времени и моды противопоставляли всему, что графъ Строгановъ считалъ основными истинами въ политическомъ вѣроученіи, онъ умѣлъ такъ убѣждать своего воспитанника въ истинѣ и такъ опровергать всѣ покушенія на нее, что правильное умственное воспитаніе цесаревича дѣлалось безъ малѣйшихъ усилій. То серьезно рѣчью, то шуткой, иронією, сарказмомъ, мѣтко и кстати сказанными, онъ обращался съ великимъ княземъ такъ, что вызывалъ въ немъ и полное довѣріе и полную откровенность. Между воспитателемъ и воспитанникомъ былъ постоянный обмѣнъ мыслей, и, благодаря этому, міръ, въ которомъ воспитывалъ графъ Строгановъ, вмѣстѣ съ помощниками-профессорами, цесаревича, былъ замѣчательно живой. Съ отдѣленіемъ наслѣдника по занятіямъ отъ другихъ двухъ братьевъ графъ Строгановъ выбралъ слѣдующихъ профессоровъ для преподаванія наукъ: Кавелина, Стасюлевича, Грота, Побѣдоносцева, Бабста, Буслаева, Соловьева, Бунге, Чивелева, Куріара, Чичерина, Кудрявцева, Андріевскаго, Платова и Драгомирова ²⁾. Графъ Строгановъ добился у государя разрѣшенія, съ цѣлью болѣе правильныхъ занятій науками наслѣдника, объ освобожденіи его отъ обязательныхъ дворцовыхъ церемоній.

Графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій, воспитатель великихъ князей Александра и Владимира Александровичей, былъ чело­вѣкъ добрый и честный. Онъ никогда не былъ педагогомъ и долго отказывался отъ предложеннаго ему дѣла, признавая себя совсѣмъ не подготовленнымъ для воспитанія великихъ князей. Его душа честная, благородная, теплая и открытая, въ то же время глубоко русская въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова и ненавидѣвшая все лживое, все нечестное, благодаря этому, графъ Перовскій создалъ для своихъ питомцевъ спокойный и ясный духовный міръ, который пришелся по душѣ царскимъ дѣтямъ ³⁾. Графъ Перовскій горячо любилъ и своихъ воспитанниковъ и рядомъ съ ними цесаревича; такимъ образомъ, само собой установилось, что люби-

¹⁾ «Мои воспоминанія», кн. Мещерскаго.

²⁾ А. Гаденю. «Наслѣдникъ Цесаревичъ».

³⁾ «Мои воспоминанія», кн. Мещерскаго.

мый другъ цесаревича великій князь Александръ Александровичъ сталъ вдвойнѣ воспитываться подъ руководствомъ своего воспитателя и рядомъ съ этимъ посредствомъ дружбы со своимъ старшимъ братомъ, съ которымъ все ближе и тѣснѣ входилъ въ общеніе.

Въ томъ же 1860 году для наблюденія за учебными занятіями великихъ князей Александра и Владимира Александровичей былъ назначенъ профессоръ московскаго университета, членъ

Собственноручный рисунокъ великаго князя Александра Александровича 1861 года.

департамента удѣловъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Ивановичъ Чивелевъ ¹⁾).

Опытный руководитель въ дѣлѣ воспитанія, Александръ Ивановичъ повелъ классныя занятія царскихъ дѣтей правильно.

Въ 1861 году 30-го марта графъ Перовскій избралъ помощникомъ себѣ поручика гвардейской конной артиллеріи Николая Павловича Литвинова, которому и былъ непосредственно порученъ надзоръ за царскими дѣтьми, для чего Литвиновъ помѣщался во дворцѣ, рядомъ со своими воспитанниками. Изъ дневника Николая Павловича видно, что служба его начиналась съ ранняго утра, когда вставали великіе князья, и оканчивалась, когда дѣти ложились

¹⁾ Получалъ содержанія десять тысячъ, экипажъ отъ конюшеннаго вѣдомства и казенная квартира при удѣлахъ. Въ 1867 году назначена аренда въ 1,500 руб. на двѣнадцать лѣтъ. Архивъ императорскаго двора. Опись 1369).

спать. Литвиновъ велъ дневникъ, въ который изо дня въ день заносилъ, что дѣлали, что видѣли и какъ относились къ событіямъ великіе князья Александръ и Владимиръ Александровичи. Этотъ дневникъ, или журналъ, служилъ матеріаломъ, которымъ пользовался и графъ Перовскій, занося на страницы его и свои впечатлѣнія дня по отношенію къ царскимъ дѣтямъ.

Дневникъ Литвинова начинается съ 1861 года, когда онъ только что вступилъ въ должность помощника графа Перовскаго.

«Сегодня я замѣтилъ, что на гимнастикѣ Александръ Александровичъ въ первый разъ добился сдѣлать довольно трудное упражненіе, и дѣйствительно онъ сдѣлалъ его, хотя и съ грѣхомъ пополамъ. У него натура добрая; онъ очень со мною послушенъ. Его любимое обращеніе ко мнѣ: «Ты, дядя поручикъ». Если промолчишь и угрюмо отвернешься, онъ сейчасъ же замѣтитъ и скажетъ: «Ну, вотъ, и разсердился»; если же при повтореніи той же выходки просишь его перестать, онъ торопливо заговоритъ: «Не буду больше, г. поручикъ».

«Съ пяти до семи часовъ оба прилежно приготовляли уроки. Александръ Александровичъ все жалуется на нѣмецкую географію. Послѣ чая, придя отъ императрицы, по собственному побужденію сѣли заниматься, и оба порядочно выучили англійскіе стихи, которые мнѣ и рассказали.

«14-го марта. Вечеромъ Александръ Александровичъ употребилъ болѣе получаса на музыку. Вечеромъ были у Дмитрія Борисовича Рихтера; въ первый разъ мнѣ случилось видѣть великихъ князей въ обществѣ... Я предупредилъ ихъ, что пойду домой въ десять съ половиной часовъ и ровно въ назначенный часъ Александръ Александровичъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что пора отправляться.

«15-го марта. Несмотря на то, что легли поздно, утромъ поднялись безъ затрудненія, и Александръ Александровичъ отвѣчалъ свои уроки хорошо. Въ классъ приходила императрица по дорогѣ въ церковь, но на урокахъ не останавливалась. Урокъ музыки былъ очень хорошъ. Вечеромъ читалъ съ Владимиромъ Александровичемъ изъ «Сида».

«19-го марта. На разводѣ Александръ Александровичъ держитъ себя нѣсколько свысока. Замѣтно, что его занимаетъ эта церемонія.

«21-го марта. Въ двѣнадцать часовъ отправились на красильную и сукновальную фабрику на Гутуевскій островъ. На фабриктѣ насъ совсѣмъ не ждали. Великіе князья вели себя молодцами.

«25-го марта. Великіе князья были у обѣдни, а потомъ отправились на парадъ конногвардейцевъ.

«Все лѣто мы провели въ Царскомъ Селѣ.

«13-го августа. Встали въ семь часовъ. Послѣ чая Александръ Александровичъ со мною пошелъ въ садъ, гдѣ мы занимались слу-

сканіемъ корабликовъ въ воду, что насъ очень занимало. Вечеромъ Александръ Александровичъ читаль исторію «Стеньки Разина», а Владимиръ Александровичъ съ учителемъ м-г Кету читаль «Вокругъ Свѣта».

«14-го августа. Утромъ читали Евангеліе, а послѣ чая Александръ Александровичъ читаль «Стеньку Разина», а Владимиръ Александровичъ «Козака Луганскаго».

«15-го августа. Александръ Ивановичъ Чивелевъ читаль Владимиру Александровичу «Богдана Хмельницкаго», а Александръ Александровичъ докапчиваль «Стеньку Разина».

«16-го августа. Александръ Александровичъ взялъ романъ Загоскина «Искуситель». Такъ какъ это одно изъ безызвѣстныхъ произведеній Загоскина, то Чивелевъ посовѣтоваль Александру Александровичу лучше послушать «Богдана Хмельницкаго», но это не понравилось Александру Александровичу, и онъ объявилъ, что Костомаровъ для него очень скученъ. Послѣ игры въ кегли Александръ Александровичъ продолжалъ работать надъ утреннимъ переводомъ и безпрестанно рылся въ лексиконѣ. Послѣ чая м-г Кету прочелъ вслухъ главу Шатобріана «Les martyrs». Владимиръ Александровичъ былъ въ полномъ восхищеніи и дѣлаль весьма дѣльные замѣчанія о стилѣ этого писателя. Александръ Александровичъ, который не такъ горячо принималъ подобныя сочиненія, тоже отозвался о немъ очень хорошо и даже былъ не прочь продолжать чтеніе».

Графъ Петровскій создалъ для великихъ князей особенный кружокъ, въ которомъ они были центромъ вниманія, заботы и попеченія о нихъ. Графъ Борисъ Алексѣевичъ былъ не только руководителемъ этого кружка, но, главнымъ образомъ, онъ былъ другомъ молодыхъ князей, съ которыми они дѣлили и радости свои, и неудачи; въ то же время графъ Перовскій, когда надо было, являлся строгимъ судьей поступковъ великихъ князей и не останавливался передъ взысканіями. Онъ часто посѣщаль учебные классы своихъ воспитанниковъ, гулялъ съ ними, приглашалъ въ свою семью, чтобы пріучать быть въ обществѣ и не такъ стѣсняться съ чужими людьми, слѣдилъ за ихъ поведеніемъ при посѣщеніяхъ августѣйшихъ родственниковъ, старался занимать ихъ внѣкласснымъ чтеніемъ полезныхъ и развивающихъ книгъ, обращалъ большое вниманіе на физическое развитіе, на гимнастику, верховую ѣзду, на строевое ученіе, на развитіе вкуса въ области художественной и музыкальной. Замѣтивъ, что великіе князья очень интересуются отечественной исторіей, онъ организоваль поѣздку въ Москву, гдѣ они, подъ руководствомъ профессора Чивилева, осмотрѣли старые дворцы, Оружейную палату, домъ Романовыхъ, старые монастыри, село Коломенское и проч., причемъ ихъ постоянно сопровождали лица, которыя давали объясненія и исторію прошлаго.

Такая поѣздка была совершена въ 1861 году ¹⁾ и оставила глубокое впечатлѣніе на душѣ молодыхъ князей.

Графъ Перовскій старался сблизить великихъ князей съ ихъ учителями, которые искренно любили ихъ и посвящали имъ время, кромѣ классныхъ занятій, еще на прогулкахъ, при чтеніи образовательныхъ книгъ, для практики въ иностранныхъ языкахъ и для развивательныхъ бесѣдъ. Графъ Перовскій часто приглашалъ учителей къ обѣду великихъ князей, на которыхъ они разговаривали объ разныхъ интересующихъ ихъ предметахъ, принимали участіе въ дѣтскихъ играхъ, стараясь объяснять разныя явленія въ области природы, физическихъ свойствъ даннаго предмета и вообще развивали молодыхъ людей своими знаніями...

Протоіерей Рождественскій читалъ князьямъ Законъ Божій, Эвальдъ училъ математикѣ, Реми и Флинтъ — французскому языку, Кету — исторіи, Кирхнеръ — нѣмецкому языку, Гофманъ читалъ естественную исторію, Менцловъ — нѣмецкую исторію, русскую словесность читалъ Эвальдъ, Лагузенъ училъ чиstopисанію, академикъ Тихобразовъ обучалъ рисованію, Довефехтованію, полковникъ Половцевъ — музыкѣ и Лабзинъ — объясненія по механикѣ. Къ этому надо прибавить верховую ѣзду и танцклассъ. Изъ этого списка учителей видно, какъ много было труда и вниманія царскимъ дѣтямъ одолѣть большой курсъ наукъ въ сравнительно малое время. День у великихъ князей начинался въ семь часовъ, а иногда и раньше. Н. П. Литвиновъ въ своемъ дневникѣ часто говоритъ: «Сегодня я вошелъ въ комнату великихъ князей въ половинѣ седьмого и засталъ ихъ уже за чтеніемъ Евангелія». Въ восемь часовъ начинались классы, потомъ маленькая прогулка на воздухѣ, потомъ опять классныя занятія, продолжавшіяся до двухъ часовъ, затѣмъ обѣдъ, прогулка или катанье въ экипажахъ и вечеромъ опять занятія: музыкой или гимнастикой и такъ до семи часовъ вечера. Вечера большею частью проводили въ комнатахъ императрицы или за чтеніемъ книгъ.

По установившемуся при дворѣ порядку, образованіе молодыхъ великихъ князей заканчивается совершеннолѣтіемъ или бракосочетаніемъ, а потому курсъ наукъ долженъ быть пройденъ до достиженія двадцати лѣтъ; затѣмъ дальнѣйшее самообразование представляется волѣ молодого князя. Такъ было и съ великимъ княземъ Александромъ Александровичемъ, который и послѣ совершеннолѣтія продолжалъ брать уроки у профессоровъ.

Въ силу такого положенія классныя занятія продолжались и зимой и лѣтомъ, даже и при продолжительныхъ поѣздкахъ на купанье въ Либаву или въ Гапсаль, для этого два-три учителя приглашались сопутствовать великимъ князьямъ и продолжали свои уроки.

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1916 г., ноябрь. «Въ старую Москву».

Общество молодыхъ князей составляли: дѣти великой княгини Маріи Николаевны герцогини Лейхтенбергской, дѣти великаго князя Константина Николаевича, дѣти принца Ольденбургскаго и сыновья графа Перовскаго. Это небольшое общество умѣло разнообразить частыя посѣщенія другъ друга. Помимо игръ между собой, великая княгиня Марія Николаевна часто устраивала у себя вечернія собранія, на которыхъ царскія дѣти танцевали, занимались чтеніемъ книгъ, напр., «Старые годы» Кохановской, костюмировались и проч. Такія собранія и чтенія устраивала у себя и императрица Марія Александровна. Дѣти шалили, играли и танцевали; много было смѣху, веселья, и радость доставляли эти собранія царскимъ дѣтямъ.

Иногда приходилъ на половину великихъ князей графъ Строгановъ съ наслѣдникомъ, тамъ обѣдали, а потомъ играли въ крокетъ. Какъ-то разъ Александръ Александровичъ, несмотря на просьбу наслѣдника докончить партію крокета, прекратилъ игру и сказалъ: «Надо заниматься».

На вечерахъ у великой княгини Маріи Николаевны дѣти играли въ «секретари»—писали русскіе и французскіе вопросы и отвѣты. Устраивались поѣздки верхомъ въ Павловскъ съ наслѣдникомъ, великимъ княземъ Александромъ Александровичемъ и княжной Маріей Максимилиановной. Въ Маринскомъ дворцѣ при собраніи дѣтей генераль Ребиндеръ читалъ воспоминанія о поѣздкѣ въ Шотландію. Тамъ же играли въ составленіе словъ по буквамъ, иногда по-французски, иногда—по-русски. Когда Александръ Александровичъ не принималъ участія въ этихъ собраніяхъ, то занимался чтеніемъ Загоскина, «Тоска по родинѣ» или «Аскольдова могила».

4-го октября у дѣтей за обѣдомъ были учителя: Рождественскій, Кету, Шау и Метчинъ, все время говорили по-английски. Ѣздили верхомъ съ наслѣдникомъ, Сергѣемъ и Евгениемъ Максимилиановичами на ферму, а потомъ слушали чтеніе «Телемака» и «Походъ аргонатовъ». По пріѣздѣ государя и императрицы изъ Крыма обѣдали за большимъ столомъ.

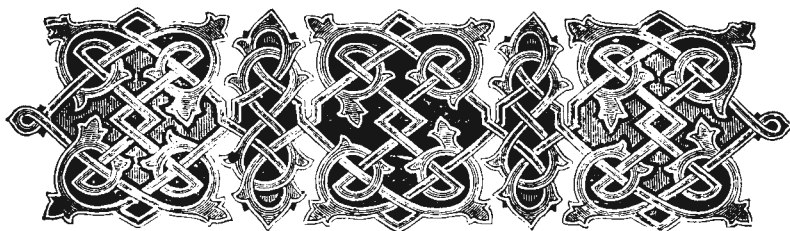
12-го ноября былъ балъ въ Зимнемъ дворцѣ, и Александръ Александровичъ очень много танцевалъ. Съ пріѣздомъ въ столицу вошелъ въ классъ государь, который сдѣлалъ выговоръ князьямъ за нерадѣніе. Вечеромъ учитель Штереръ рассказывалъ объ Италіи и приводилъ отрывки изъ лучшихъ поэтовъ, описавшихъ Италію. Когда за обѣдомъ были учителя, то Шау все время велъ разговоръ по-английски. Учителя Реми и Эвальдъ предложили подписку въ пользу одного бѣднаго семейства умершаго учителя, великіе князья просили позволенія графа Перовскаго подписаться. Когда бываетъ въ Михайловскомъ манежѣ разводъ, то старшіе князья отправляются присутствовать на этой церемоніи. Во время одного собранія у императрицы Александръ Александровичъ былъ такъ

весель, много танцевалъ и много шалилъ, что его веселость разве-селила присутствовавшихъ гостей. Во время одной изъ прогулокъ по городу великіе князья посѣтили библіотеку Уаткинса и разма-тривали великолѣпныя англійскія изданія и все время говорили по-англійски, и никто ихъ не узналъ. По прїѣздѣ великаго князя Кон-стантина Николаевича въ Петербургъ маленькіе князья сейчасъ же являлись къ нему. Александръ Александровичъ такъ заинтересо-вался «Письмами изъ Испаніи» Боткина, что рѣшился купить эту книгу. Въ эти годы Таврической садъ былъ моднымъ центромъ для гуляній высшаго аристократическаго общества, и вся царская фа-милія часто посѣщала этотъ садъ. Зимой тамъ устраивались каталь-ныя горы, а на зеркальной поверхности замерзшихъ прудовъ устраи-вались катки. Наслѣдникъ, его братья и молодежь герцога Лейх-тенбергскаго были тамъ постоянными посѣтителами. Нерѣдко удоставалъ своимъ посѣщеніемъ этотъ садъ и государь, который любовался ловкостью своихъ сыновей, выдѣлывавшихъ очень слож-ныя фигуры на льду. Когда во дворцѣ бывали концерты или пѣли итальянцы, всегда приглашались царскія дѣти. Великій князь Александръ Александровичъ любилъ музыку и самъ охотно игралъ на *cornet-à-piston* и на фортепіано.

17-го декабря былъ разводъ въ Михайловскомъ манежѣ, и,—за-мѣтилъ Литвиновъ въ своемъ дневникѣ,—великій князь Александръ Александровичъ въ первый разъ поѣхалъ съ наслѣдникомъ и стоялъ съ артиллеристами. Обыкновенно послѣ развода заѣзжали къ ве-ликой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, а оттуда въ Таврической садъ. Ве-черъ проводили у императрицы, гдѣ часто слушали чтеніе г. Мар-кевича. 24-го декабря великіе князья ѣздили поздравлять княжну Евгенію Максимиліановну съ днемъ ангела, потомъ посѣтили ка-токъ въ Таврическомъ саду, а вечеромъ у маленькихъ царскихъ дѣ-тей была зажжена елка. 26-го декабря во дворцѣ былъ большой балъ, на которомъ великіе князья оставались до двухъ часовъ ночи. На другой день князья были въ Большомъ театрѣ, давали итальян-скую оперу «Севильскій Цирюльникъ». Первые дни Рождества класс-ныхъ занятій не было, а съ 28-го декабря начались обычные заня-тія, причемъ великіе князья начинали день чтеніемъ Евангелія. Во время дневныхъ на Рождествѣ прогулокъ императрица поручила великимъ князьямъ купить для нея разныя книги для предстоящей лотереи. Для этой лотереи князья сами наклеивали билеты на книги и сами выбирали сигары, по порученію наслѣдника, для его учителей. 31-го декабря состоялась большая елка у наслѣдника съ раздачею разныхъ подарковъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго государь пришелъ къ великимъ князьямъ и поздравилъ ихъ съ наступающимъ новымъ годомъ.

Е. Каменскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

БРАКОСОЧЕТАНІЕ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ АЛЕКСАНДРЫ НИКОЛАЕВНЫ И ЕЯ КОНЧИНА.

(Январь—Іюль 1844 г.).

ВЕЛИКАЯ княжна Александра Николаевна (Адини, какъ ее звали въ семейномъ кругу) не отличалась крѣпкимъ здоровьемъ. Въ дѣтствѣ она страдала удушливымъ кашлемъ. Къ устраненію его императрица Александра Феодоровна вынуждена была предпринять въ 1838 году поѣздку въ Зальцбрунъ. Лечение это принесло извѣстную пользу Александрѣ Николаевнѣ, но не уничтожило окончательно расположенія къ кашлю. Быть можетъ, переѣздъ царской семьи въ новоотстроенный въ 1838 году послѣ пожара Зимній дворецъ, не вполне высохшій, имѣлъ неблагоприятное вліяніе на здоровье Александры Николаевны.

Въ 1844 году Александрѣ Николаевнѣ минуло 19 лѣтъ. Изъ всѣхъ трехъ красавицъ-сестеръ Александра Николаевна плѣняла своею миловидностью, веселостью и граціей. «Ольга Николаевна поблѣднѣла передъ Александрой,—писала Александра Осиповна Смирнова 2-го октября 1842 года В. А. Жуковскому:—которая похорошѣла удивительно и притомъ жива, умна и весела, какъ птичка беззаботная»¹⁾. По словамъ М. А. Паткуль, «она очень напоминала

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1902 г., кн. 5, стр. 101.

императрицу Александру Теодоровну, хотя черты ея были менѣ правильны». Другой очевидецъ, князь А. В. Мещерскій, говорить, что великая княжна Александра Николаевна «представлялась, на мой взглядъ и по мнѣнію многихъ, какимъ-то волшебнымъ призраккомъ или, лучше сказать, какимъ-то существомъ не отъ міра сего... Весь ея идеальный обликъ составлялъ нѣчто среднее между земной и небесной красотой. Ничего подобнаго этому величественному и свѣтлому образу я никогда нигдѣ не видалъ, хотя не мало прожилъ на бѣломъ свѣтѣ. Таковою была она—это неземное существо—съ того момента, когда она явилась намъ во дворцѣ въ бѣлой подвѣчной одеждѣ, съ голубой андреевской лентой черезъ плечо, сопровождаемая величественнымъ отцомъ, который велъ ее въ церковь. И такова она, неземною, сошла въ могилу менѣ года послѣ своей свадьбы».

«Но, по моему мнѣнію, великая княжна Александра Николаевна стояла выше сестеръ въ этомъ отношеніи, потому что ея красота была неземная, какъ существа, обреченнаго Провидѣніемъ покинуть этотъ міръ въ самыхъ юныхъ своихъ годахъ»¹⁾. Ольга Николаевна и Марія Николаевна не уступали своей сестрѣ въ красотѣ, Ольга Николаевна поражала своей величественностью, кротостью и спокойствіемъ. Марія Николаевна была болѣе всѣхъ похожа на своего царственнаго отца и по живости характера и манеръ отличалась отъ нихъ.

Лѣтомъ 1843 года дворъ былъ въ волненіи. Состоялся пріѣздъ предполагаемаго жениха, принца Фридриха-Вильгельма Гессенъ-Кассельскаго къ проживавшей при дворѣ матери его ландграфинѣ Гессенъ-Кассельской Луизѣ-Шарлоттѣ. Она была датской принцессой по происхожденію, сестра короля датскаго Христиана VIII Фридриха и дочь скончавшагося въ 1805 году наслѣднаго принца датскаго Фридриха и его жены Софіи-Фредерики (рожденной Мекленбургъ-Шверинской). Сестра же императрицы Александры Теодоровны Фредерика-Вильгельмина-Александрина была замужемъ за великимъ герцогомъ Павломъ-Фридрихомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ.

Благодаря хлопотамъ матери и родству съ прусскимъ королевскимъ домомъ, сынъ ея былъ избранъ въ супруги Александры Николаевны.

Онъ имѣлъ чинъ генералъ-лейтенанта датской службы, а по пріѣздѣ въ Россію былъ назначенъ шефомъ Маріупольскаго гусарскаго полка. Какъ внукъ наслѣднаго принца датскаго, онъ могъ наслѣдовать троны датскій и гессенъ-кассельскій.

«Молодой принцъ-красавецъ завоевалъ общія симпатіи; обаятельная наружность, соединенная съ милою простотою въ обраще-

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1901 г. «Изъ моей старины», кн. 3, стр. 490—491.

Ея императорское высочество великая княгиня
Александра Николаевна.

нин, заставила полюбить его всѣхъ, кто хотя бы однимъ словомъ съ нимъ обмолвился...» «Судя по его обращенію съ великими княжнами, весь дворъ его считалъ будущимъ супругомъ Ольги Николаевны, но на дѣлѣ оказалось, что мы всѣ ошиблись. 7-го іюля разнеслось по дворцу, что наканунѣ принцъ сдѣлалъ предложеніе великой княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ и она, не давъ ему опредѣленнаго отвѣта, поздно вечеромъ пошла въ кабинетъ императора, гдѣ на колѣняхъ передъ нимъ просила согласиться на ихъ бракъ, сказавъ ему, что, вопреки правиламъ этикета, она уже обнадежила принца въ возможности ихъ счастья. Государь благословилъ ее, но заявилъ, что въ данномъ случаѣ онъ безсиленъ; такой вопросъ имъ не можетъ быть рѣшенъ окончательно, такъ какъ принцъ приходится племянникомъ датскому королю и можетъ быть наслѣдникомъ престола, а потому онъ дастъ свое официальное согласіе лишь по полученіи письма изъ Даніи. Обо всемъ этомъ императоръ сообщилъ своей августѣйшей супругѣ лишь на другой день» ¹⁾). Великая же княжна передала разговоръ свой съ государемъ только состоящей при цесаревнѣ Маріи Александровнѣ свѣтлѣйшей княгинѣ Е. В. Салтыковой.

Согласіе, конечно, было дано, и помолвка ихъ состоялась въ августѣ 1843 года.

Мухановъ въ своихъ дневныхъ запискахъ пишетъ, что, «обладая красивой наружностью, принцъ былъ нѣсколько быстръ въ движеніяхъ, но это зависитъ отъ лѣтъ, и нѣтъ сомнѣнія, что примѣръ нашихъ великихъ князей дастъ его манерамъ то полное величія спокойствіе, которой ихъ такъ отличаетъ» ²⁾).

Счастливое настроеніе Александры Николаевны выразилось въ прелестныхъ строкахъ оставшагося листка ея дневника. Вотъ эти строки: «Je finis ce journal et par un singulier hasard, je termine aussi ma vie de jeune fille. Elle a été bien belle cette vie, et bien heureuse. Je n'ai pas connu le chagrin et Dieu et ceux qui m'aiment m'ont aidé a rassembler les germes necessaires pour mon avenir.

«Il s'ouvre maintenant devant moi comme l'aurore d'un beau jour. Puisse les nuages, qui le couvriront, se dissiper jusqu'au soir, et puisse le soir de ma vie ressembler à mon aurore. Dieu me soit en aide» ³⁾).

¹⁾ «Изъ дневника бабушки». «Наша Старина», кн. 5, 1915 г., стр. 420—421.

²⁾ Дневныя записки В. А. Муханова. «Русскій Архивъ», 1897 г., кн. 2, стр. 285.

³⁾ «Я заканчиваю этотъ дневникъ и по странному совпаденію я оканчиваю также и свою дѣвичью жизнь. Эта жизнь была хороша и счастлива. Я не знала горя, а Господь и тѣ, кто любили меня, помогли мнѣ собрать сѣмена для своего будущаго.

«Теперь это будущее открывается передо мною, словно заря погожаго дня. Да разбѣются до вечера облака, которыя омрачаютъ его, и да будетъ вечеръ моей жизни похожимъ на мою зарю. Помогите мнѣ, Боже».

И тѣмъ не менѣе, несмотря на все окружающее ее счастье, Александру Николаевну томило какое-то предчувствіе. Наканунѣ Рождества 1843 года онъ говорила своему духовнику Бажанову, что не считаетъ себя принадлежащей этому міру.

16-го (28) января 1844 года состоялось въ церкви Зимняго дворца бракосочетаніе Александры Николаевны съ принцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, а 19-го (31) января того же 1844 года— великой княжны Елизаветы Михайловны съ владѣтельнымъ герцогомъ Адольфомъ Нассаускимъ.

По случаю этихъ двухъ свадебъ были даны у графа Нессельроде, Воронцовыхъ-Дашковыхъ, князей Волконскихъ и другихъ цѣлый рядъ баловъ, но самыми блестящими празднествами были куртагъ въ Зимнемъ дворцѣ и костюмированный балъ, данный 2-го февраля въ Михайловскомъ дворцѣ, при участіи членовъ императорской фамиліи и всего высшаго общества. Въ процессіи изъ Оберона участвовало 190 лицъ. Великая княгиня Александра Николаевна была въ тунисскомъ костюмѣ, великая княжна Елизавета Михайловна—Титаніей. Ольга Николаевна была дивно хороша въ костюмѣ Ундины, но всѣхъ затмила своей красотой Марія Николаевна—предводительница эльфовъ, признанная царицей бала. «Ея необыкновенно правильный профиль, величественная осанка, открытая шея, чудныя плечи, тонкая талія и очень искусно придѣланныя длинныя крылья довершали неподражаемое изображеніе ангела, если бы коротенькая юбка и изящныя ножки не напоминали, что она была не ангель, шедшій съ неба, а предводительница эльфовъ». «Кромѣ красавицы-хозяйки, которая тогда была въ лучшей порѣ своего полного расцвѣта, и кромѣ нашихъ великихъ княгинь и великихъ князей, о красотѣ которыхъ я уже говорилъ, находилась на этомъ балу цѣлая плеяда прелестныхъ женщинъ высшаго петербургскаго общества, какъ-то: Столыпина (впослѣдствіи княгиня Воронцова), сестра ея княжна Трубецкая (впослѣдствіи графиня Рибопьеръ), Соловая, рожденная Гагарина, Столыпина (впослѣдствіи Бекъ) и т. д. ¹⁾»

Весною 1844 года дворъ переѣхалъ въ Царское, и тутъ у Александры Николаевны возобновились приступы кашля. Къ этому присоединилось чувство разочарованія. «Мужъ ея,—пишетъ М. А. Паткуль въ своихъ воспоминаніяхъ,—не былъ достоинъ такого прелестнаго созданія, какимъ была великая княжна. Онъ былъ вѣтренъ, ухаживалъ за всѣми смазливими бабенками и проводилъ время больше съ наѣздницами изъ цирка, чѣмъ съ женою. Она любила его, и онъ подкосилъ преждевременно ея молодую жизнь» ²⁾».

По словамъ же Анны Алексѣевны Окуловой, принцъ Фридрихъ-

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1901 г., кн. 3, стр. 491, 492.

²⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1902 г., май, стр. 437—438.

Вильгельмъ изъ придворныхъ дамъ отличалъ М. В. Столыпину ¹⁾ и сестру ея О. В. Устинову ²⁾.

Кашель, возобновившійся весной 1844 года, не прекращался и въ послѣдующемъ году. У Александры Николаевны были несомнѣнные признаки чахотки, что въ связи съ беременностью дѣлало ея положеніе весьма тяжелымъ, а между тѣмъ на это обращали мало вниманія.

Государь долженъ былъ ѣхать въ Англію, а императрица Александра Ѳеодоровна съ великою княжною Ольгой Николаевной, фрейлинами Нелидовой, Тизенгаузенъ и Окуловой 2-го мая—въ Берлинъ «безъ всякой извѣстной причины», какъ сообщаетъ Окулова въ своихъ воспоминаніяхъ.

«Сіе путешествіе казалось тѣмъ страннѣе, что великая княгиня Александра Николаевна должна была остаться безъ нея нѣсколько времени и послѣ того отправиться въ новое свое отечество Данію. Здоровье ея подавало большія опасенія: рвоту приписывали беременности, а кашель, продолжавшійся уже годъ, никакъ не переставалъ.

9-го числа къ вечеру въ двѣнадцать часовъ государь пришелъ проститься съ великою княжною Ольгой Николаевной и просилъ ее, чтобы «она въ Берлинѣ успокаивала государыню, а если паче чаянія здоровье Александры Николаевны не возстановится и императрица вздумаетъ остаться, то чтобы она не предавалась преждевременной грусти» ³⁾.

Далѣе Окулова сообщаетъ, что съ отъѣздомъ государя Александра Николаевна стала постепенно угасать.

Мандтъ, къ которому она чувствовала отвращеніе, подъ вліяніемъ своей наставницы миссъ Гигенботомъ, совмѣстно съ докторами Раухомъ и Маркусомъ признали положеніе больной опаснымъ, причемъ Мандтъ предупредилъ, что если дитя, которымъ великая княгиня беременна, отъ слабости матери не окрѣпнетъ и преждевременно родится, то великой княгинѣ грозитъ большая опасность. Высказанное Мандомъ мнѣніе о печальномъ положеніи августѣйшей больной заставило императрицу Александру Ѳеодоровну отказать отъ своей поѣздки въ Берлинъ, принцъ же Фридрихъ-Вильгельмъ, будучи въ увѣренности, что болѣзнь Александры Николаевны слѣдствіе беременности, продолжалъ вести легкомысленный образъ жизни, причемъ довольно часто проводилъ время въ обществѣ Столыпиной и Устиновой. Въ особенности часты были поѣздки верхомъ и въ кабриолетѣ въ Павловскъ. «Сія невинная во всѣхъ отно-

¹⁾ Марія Васильевна Столыпина, рожденная княжна Трубецкая, впоследствии княгиня Воронцова.

²⁾ Сестра ея Ольга Васильевна въ первомъ бракѣ за Михаиломъ Александровичемъ Устиновымъ, во второмъ за чилийцемъ Бланка-Денкалада.

³⁾ «Русскій Архивъ», 1896 г., кн. 4, стр. 610. Изъ записокъ Окуловой.

Принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ Гессенскій.

шеніяхъ прогулка навлекла большое нареканіе на принца и очень дурно расположила къ нему сердца всѣхъ. Начали говорить, что онъ не любитъ великую княгиню, что онъ съ ней не бываетъ и что оттого она чахнетъ. Судя по наружности извинительно, что такъ судила публика, но тотъ, кто зналъ подробно настоящій ходъ дѣлъ, зналъ и истинную правду» ¹⁾).

О безнадежномъ состояніи Александры Николаевны знали почти всѣ приближенные. Такъ, въ письмѣ графини Юліи Федоровны Барановой къ неизвѣстной, впервые появляющемся въ печати, сообщается нижеслѣдующее: ²⁾

«Peterhof le 6—18 août 1844, 11 heures de soir.

«Je commence pour vous dire, que nous sommes tous bien portant, ma bonne et chère amie, pour que les premières lignes de ma lettre vous tranquillisent sur mon long silence, dont vous savez certainement déjà la véritable cause. Notre bien aimée, notre aimable et bonne Gr. Duchesse Alexandrine nous a quittée pour augmenter le nombre des anges du paradis, ou l'attend ce autre petit ange, qui la précédé de d'une année seulement. Rien n'a pu la retenir sur la terre, ni les larmes de ses parents, et de tous ceux qui la connaissaient, ni les prières, ni l'art des médecins—tout était inutile, elle nous a été ravie.

«Depuis longtemps je savais, qu'il n'y avait plus de salut pour elle, et j'aurais du m'habituer depuis longtemps à cette idée, pourtant le coup était inattendu et j'en ai le coeur brisé. Depuis le jour, que je vous ai écrit la dernière fois, c'était si je ne me trompe le 21 juillet (2 août) jusqu'au 26—7 elle était presque toujours dans le même état, tantôt plus, tantôt moins faible, ayant alternativement de bonnes ou de mauvaises nuits...» ³⁾).

¹⁾ Тамъ же, Окулова. О какой истинной правдѣ говорить Окулова, намъ неизвѣстно. Но здравствующій и нынѣ современникъ эпохи Николая I намъ передавалъ, что болѣзнь Александры Николаевны внезапно ухудшилась послѣ того, какъ принцъ Фридрихъ, будучи, какъ указано выше, слишкомъ быстръ и порывистъ въ движеніяхъ, нечаянно уронилъ на великую княгиню кресло, чѣмъ и вызвалъ быструю развязку.

²⁾ Собственная Его Величества бібліотека. Письмо графини Юліи Федоровны Барановой къ неизвѣстной о кончинѣ великой княгини Александры Николаевны изъ Петергофа отъ 6—18 августа 1844 г. (Собраніе великаго князя Сергія Александровича).

³⁾ Петергофъ, 6—18 августа 1844 г. 11 часовъ вечера.

Прежде всего, мой добрый и дорогой другъ, сообщаю вамъ, что мы всѣ здоровы, чтобы съ первыхъ строкъ разсѣять беспокойство, которое могло вселиться въ васъ изъ-за моего долгаго молчанія, настоящую причину котораго вы, конечно, знаете. Наша любимая, наша милая и добрая великая княгиня Александра покинула насъ чтобы увеличить число ангеловъ въ раю, гдѣ ее ждетъ тотъ добрый маленькій ангелъ, который опередилъ ее всего на одинъ годъ. Ничто ее не могло удержать на землѣ, ни слезы ея родителей и всѣхъ, кто зналъ ее, ни молитвы, ни искусство докторовъ. Все было бесполезно, она была похищена отъ насъ.

«Я уже давно знала, что спасти ее невозможно, и я давно должна бы свыкнуться съ этой мыслью. Но ударъ все же былъ неожиданъ, и сердце мое разбито. Съ того дня,

О печальномъ состояніи здоровья Александры Николаевны было дано знать государю Николаю Павловичу въ Англію, и онъ послѣдшилъ вернуться въ Россію. Найдя при первомъ свиданіи съ дочерью большую перемѣну и слабость, Николай Павловичъ сказалъ лейбъ-медику Рауху: «Чтобы она была жива, ты мнѣ отвѣчаешь за нее». «Нѣтъ, ваше величество,—отвѣтилъ Раухъ:—она умретъ, никакая медицина не можетъ спасти ее» ¹⁾).

«За нѣсколько дней до своей кончины Александра Николаевна говорила съ своимъ мужемъ и предупреждала его, что не имѣетъ надежду жить болѣе, какъ до родовъ, благодарила за счастье свое (она еще любила его) и, когда онъ началъ плакать и просить, чтобы она не думала о смерти, съ удивленіемъ посмотрѣвъ на него, сказала: «Неужели, мой другъ, ты боишься смерти и не хочешь о ней подумать» ²⁾).

Во время болѣзни она благодарила всѣхъ, въ особенности государя, «котораго любила страстно, безпрестанно спрашивала браслетъ съ его портретомъ, цѣловала его нѣжно. Онъ разъ, за ширмами стоя, услышалъ, какъ она его называла самыми нѣжными словами и просила свою ни на минуту не покидавшую ее англичанку положить портретъ отца съ ней въ гробъ» ³⁾). Бажановъ получилъ отъ больной ея книжку съ размышленіями, и въ бесѣдахъ съ нимъ она говорила о такихъ интимныхъ вещахъ, о которыхъ не знали даже ея родители. Впослѣдствіи уже, послѣ смерти Александры Николаевны, эта книга была передана императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ ⁴⁾).

Приближался день роковой развязки. Съ 21-го по 26-ое іюля положеніе больной не улучшалось и не ухудшалось.

«Le 24—5,—пишетъ Баранова ⁵⁾—j'étais allé pour deux jours à Serguieffka, les médecins m'avaient dit que je pouvais partir en

---

какъ я вамъ писала послѣдній разъ, а это было, если не ошибаюсь, 21 іюля—2 августа, и до 26 августа—7 сентября, состояніе ея было все то же—слабость ея то уменьшалась, то увеличивалась, и проводила она ночи то спокойно, то плохо.

¹⁾ Записки генераль-лейтенанта Н. В. Дуббельта. «Голосъ Минувшаго», мартъ. 1913 г., стр. 139.

²⁾ Письмо А. О. Смирновой къ Н. В. Гоголю отъ 28 августа 1844 года. «Русская Старина», іюль, 1888 г., стр. 252.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Къ сожалѣнію, этотъ документъ не сохранился.

⁵⁾ Письмо Барановой:

24—5 я поѣхала на два дня въ Сергіевку. Доктора сказали мнѣ, что я могу уѣзжать спокойно и привезти великую княгиню Марію лишь къ 26—7. Два дня не были лучше тѣхъ, которые я тамъ уже провела. Великую княгиню Марію такъ же, какъ и меня, одолевала ничѣмъ непобѣдимая печаль и все отравляющее безпокойство; такъ какъ мы ежеминутно ожидали появленія курьера, котораго императоръ обѣщалъ послать къ намъ, если бы произошли тревожныя перемѣны. Въ среду 26—7, рано утромъ мы выѣхали вдвоемъ изъ Сергіевки въ Петергофъ, гдѣ мы ожидали пароходъ, чтобы отправиться въ Петербургъ. По счастливому случаю погода была великолѣпна, не было ни вѣтрички, и море было гладко, какъ зеркало. Мы были одиѣ

toute sureté et ne ramener la Grande Duchesse Marie que le 26—7, les deux jours, ne nous ont plus été agréable que les premiers qui j'avais passé. La Grande Duchesse Marie ainsi que moi nous avons cette tristesse continuelle que rien ne pouvait dissiper et cette inquiétude qui empoisonne tout, croyant à tout moment voir arriver le courrier, que l'empereur nous avait promis d'expédier, s'il arrivait un changement allarmant. Mercredi 26—7 au matin d'assez bonne heure nous sommes parties à nous deux de Serguieffka à Peterhof où un bateau à vapeur nous attendait pour nous mener à Pétersbourg. Par une grâce particulière nous avons le plus beau temps du monde, pas le plus petit souffle de vent et la mer était unie comme une glace. Nous étions seules sur ce même bateau à vapeur sur lequel nous étions habituées de voir toute la famille Imperiale réunie, toujours contente et heureuse d'aller habiter Peterhof et Alexandrie. Les officiers se tenaient à une distance respectueuse, nous n'entendions que nos propres voix tant le silence était morne et triste autour de nous. Malgré le beau temps nous étions saisies d'une profonde mélancolie, accompagnée de terreur. Jamais je n'oublierai cette singulière traversée. Arrivée à Pétersbourg la Grande Duchesse ne s'arrêta que pour rejoindre le Duc qui l'attendait et se rendre ensuite à la route de fer.

«A Czarskoe Sélo ou nous arrivâmes avec des battements de coeur, on nous dit que la Grande Duchesse était toujours dans la même état. Le lendemain elle était plus mal... Le soir elle était très mal, cependant la nuit se passa mieux qu'on n'avait pu l'espérer et le 28—9 elle s'était reveillée de bonne humeur. Après le dîner elle se plaignit de douleurs...

на томъ самомъ пароходѣ, на которомъ привыкли видѣть съ собой всю императорскую семью, довольную и счастливую переѣздомъ на жительство въ Петергофъ или Александрию. Офицеры держались отъ насъ въ почтительномъ отдаленіи, мы слышали только свои собственные голоса, вокругъ насъ царилъ угрюмый и печальный молчаніе. Несмотря на прекрасную погоду, мы были охвачены глубокой меланхоліей, сопровождаемой страхомъ. Я никогда не забуду этой странной поѣздки. Прибывъ въ Петербургъ, великая княгиня задержалась только для того, чтобы присоединиться къ провозавшему ее герцогу, и затѣмъ поѣхала на желѣзную дорогу.

Въ Царскомъ Селѣ, куда мы прибыли съ сильно бьющимися сердцами, намъ сказали, что великая княгиня находилась все въ томъ же положеніи. На другой день ей стало хуже. Вечеромъ ей было очень плохо, но ночь она провела лучше, чѣмъ можно было надѣяться, а 28—9 она проснулась въ хорошемъ настроеніи. Послѣ обѣда она жаловалась на боль...

Силы ея истощились, и ночь прошла въ непрерывныхъ мученіяхъ. Къ утру 29—10 императоръ послалъ за Бажановымъ. Она повидалась съ нимъ, онъ говорилъ съ ней о причастіи, но она отказалась принять его, говоря, что не подготовлена и что хочетъ причаститься черезъ два дня 1—13 августа. Бажановъ возразилъ, что она уже подготовлена тѣмъ, что такъ терпѣливо переносила страданія и что Святые Дары могутъ только укрѣпить ее. Тогда она согласилась, но не понимала, что ее хотѣли подготовить къ послѣднимъ минутамъ, о чемъ она даже и не думала, одинъ только разъ она сказала миссъ Гигенботомъ, что ноябрь мѣсяць и ея роды могутъ оказаться для нея роковыми. Прежде, чѣмъ причащаться, она просила прощенія у родителей и у мужа; они были

«Mais ces forces étaient épuisées et la nuit elle la passa dans de continuelles douleurs. Vers le matin du 29—10 l'Empereur fit chercher Bajanoff. Elle le vit et il lui parla de la communion, mais elle refusa de la prendre, disant qu'elle n'était pas préparée et qu'elle voulait la prendre deux jours plus tard de 1—13 août. Bajanoff lui dit qu'elle était préparée par tant ce qu'elle souffrait avec tant de patience et que le saint sacrement ne pourrait que la fortifier. Elle y consentit donc, mais sans comprendre qu'on voulait la préparer à sa dernière heure à laquelle elle était loin de penser. Une seule fois elle avait dit à Miss Higgenbotomm, qu'elle croyait que le mois de Novembre et ses couches pourraient lui être funeste. Avant de communier elle demanda pardon à ses parents et son mari, les seules personnes auxquelles elle permit de rester dans la chambre, ensuite elle prit le saint sacrement avec une ferveur, un recueillement touchant, elle récita elle même à haute voix ses prières, après quoi elle s'endormit pour quelques moments. En se reveillant elle se plaignit de nouveau de douleur...

«A 9 heures et trois quarts elle accoucha presque sans douleur d'un enfant de six mois qui cria comme un enfant venu à terme. Elle s'était imaginée quelle ferait une fausse couche et lorsqu'elle entendit le cri de cet enfant pour lequel elle avait tant supporté, elle se sentit heureuse au delà de toute expression. Elle demanda à prendre quelque chose, but du lait et s'endormit tranquillement pendant une demi-heure. A son reveil elle commanda son dîner pour quatre heures et voulait encore prendre quelque chose, on lui offrit du thé,

---

единственными лицами, которымъ она позволила остаться въ комнатѣ. Затѣмъ она приобщилась Святыхъ Тайнъ съ благочиніемъ и трогательной вдумчивостью и сама произнесла вслухъ молитвы, послѣ чего заснула на нѣсколько мгновеній. Проснувшись, она вновь жаловалась на боли... Въ 9^{3/4} часовъ она почти безъ боли разрѣшилась шестимѣсячнымъ ребенкомъ, который кричалъ, какъ ребенокъ, родившійся своевременно. Она воображала, что у нея будетъ выкидышъ, и, когда услышала крикъ младенца, изъ-за котораго она столько перенесла, она почувствовала себя невыразимо счастливой. Она просила поѣсть, вышла молока и спокойно поспала полчаса.

Проснувшись, она заказала обѣдъ къ четыремъ часамъ и хотѣла еще чего-нибудь покушать. Ей предложили чаю, она отказалась, говоря, что будетъ пить его въ семь часовъ вечера. Но она выпила глотокъ-другой разнаго вина, скушала кусочекъ цыпленка, пила бульонъ. Къ тремъ часамъ пополудни она начала беспокоиться, заставила перекладывать подушки, ежеминутно спрашивала, который часъ. Въ четыре часа она вдругъ сказала императору, склонившему колѣна у кровати. «Папочка, подними меня». А спустя мгновеніе: «Я спать хочу, прощайте, прощайте, прощайте». Это были ея послѣднія слова. Она расположилась, какъ бы для сна, вздохнула нѣсколько разъ глубоко, но съ трудомъ, поискала глазами родителей и испустила послѣдній вздохъ. Душа этого ангела чистоты легко покинула эту землю, которая не была ея отечествомъ, для того, чтобы соединиться въ небесахъ съ другимъ маленькимъ ангеломъ, который опередилъ ее на одинъ годъ. Ея собственный ребенокъ прожилъ только одинъ часъ, но нашли время, чтобы окрестить его по лютеранскому обряду. Его назвали Вильгельмомъ.

elle le refusa disant qu'elle le prendrait à 7 heures du soir. Mais elle but par une ou deux gorgées de différents vins, mangea un petit morceau de poulet, du bouillon.

«Vers les trois heures après midi elle commença à prendre des inquietudes, faisant changer la position de ses coussins, demandant à tout moment l'heure qu'il était. A quatre heures elle dit tout à coup l'Empereur, qui était agenouillé près de son lit: «Папочка, подыми меня». Un instant après: «Я спать хочу, прощайте, прощайте, прощайте». C'étaient ses dernières paroles. Elle s'arrangea comme pour dormir, respira plusieurs fois profondément, mais avec peine, chercha des yeux ses parents et rendit le dernier soupir. L'âme de cet ange du pureté quitta sans peine cette terre qui n'était pas sa patrie pour rejoindre là haut cet autre petit ange qui ne l'a précédé que d'un an. Son propre enfant n'a vécu qu'une heure, on a eu le temps de la baptiser d'après le rite luthérien. Il a reçu le nom Guillaume ¹⁾».

Александра Николаевна во время болѣзни была помѣщена въ кабинетѣ императрицы и тамъ скончалась. Въ этой комнатѣ устроена была молельня, въ которой помѣщенъ образъ, писанный Карломъ Брюлловымъ, съ изображеніемъ святой мученицы царицы Александры, лицо коей было весьма схоже съ лицомъ Александры Николаевны.

«Послѣ обычныхъ церемоній покойная была выставлена въ большой спальнѣ, окруженная цвѣтами. Въ продолженіе этихъ трехъ дней все семейство постоянно находилось при покойной. Императрица сама украшала ее цвѣтами, цѣловала ее и ея руки. Здѣсь (у гроба) собирались всѣ, говорили о ней, какъ о живой, вспоминали малѣйшіе факты, начиная съ самаго ея дѣтства» ²⁾). Баронесса М. Фредериксъ сообщаетъ, что вечеромъ ее повезли приложиться къ тѣлу усопшей: «Она была чудно хороша; лежала на своемъ смертномъ одрѣ, какъ изваянная изъ бѣлаго мрамора статуя; около нея покоился ея новорожденный ребенокъ, котораго, кажется, она даже не доносила и онъ жилъ нѣсколько часовъ. Комната была въ полумракѣ, все было тихо, уныло, слышался только голосъ дьякона, читавшаго нараспѣвъ грустнымъ, тихимъ голосомъ святое Евангеліе» ³⁾).

«Le corps de la défunte Grande Duchesse,—пишетъ Баранова ⁴⁾»—

¹⁾ Новорожденному младенцу протопресвитеромъ Бажановымъ была прочтена молитва и наречено имя Вильгельмъ. Существуетъ преданіе, что затребованный во дворецъ пасторъ Авенариусъ опоздалъ и что, въ виду слабости младенца, онъ былъ окрещенъ по лютеранскому обряду самимъ Николаемъ Павловичемъ. «Русскій Архивъ», 1907 г., кн. 6, стр. 206, Гастфрейндъ. Великая княгиня Александра Николаевна.

²⁾ Смирнова. Письмо В. А. Жуковскому отъ 22 августа 1844 года «Русскій Архивъ» 1902 годъ, кн. 5, стр. 106.

³⁾ «Истор. Вѣстн.», 1898 г., январь, стр. 86.

⁴⁾ Письма Барановой:

Тѣло усопшей великой княгини было перевезено изъ Царскаго Села въ ночь съ 1—13 на 2—14 того же мѣсяца. Вся дорога была усыяна людьми, которые

fut transporté de Czarskoe la nuit du 1—13 au 2—14 de ce mois. Toute la route était parsemée de monde, qui suivaient le cortège marchant au pas. L'Impératrice et les Gr. Duchesses étaient rendues par la route de fer droit à Jélaguine, immédiatement après le départ du corps. C'était encore une scène déchirante de voir l'Impératrice bénir encore de haut du perron les restes innanités de son enfant et l'Empereur, portant le cercueil et tournant à chaque instant la tête pour voir l'Impératrice.

«A mesure que nous approchions de la barrière la foule grossissait, dans les rues, elle était si compacte, que le char funèbre n'avancait que très lentement.

«L'Empereur qui le suivait à cheval, était si entouré, si pressé par son peuple que lui et son cheval en étaient portés. Et au milieu de cette foule immense régnait un silence religieux que n'interrompaient que les sanglots qu'on entendait de tout côté. Oh! le peuple russe est excellent, il a encore la pure religion de l'enfance et porte à son souverain l'amour d'un enfant pour son père. Touché de cette preuve tacite de l'attachement du peuple, l'Empereur en rentrant à Jélaguine écrivit à deux heures de la nuit là lettre à Kaveline, dont je joint ici la copie. Vendredi dernier 4—16 a eu lieu l'enterrement. Je ne vous parlerai plus de toutes les scènes déchirantes qui ont passé sous mes yeux et que je ressentais au plus profond de mon coeur».

Вотъ текстъ рескрипта петербургскому военному генераль-губернатору, о которомъ упоминаетъ Баранова въ своемъ письмѣ:

«Александръ Александровичъ, проводивъ тѣло покойной моей дочери до послѣдняго ея жилища, первую потребностью моего сердца поручить вамъ возвѣстить жителей столицы, сколь глубоко душевно тронуты мы всѣ общимъ участіемъ, оказаннымъ намъ, какъ во время продолжительной смертельной болѣзни усопшей

шли за процессіей, слѣдовавшей шагомъ. Императрица и великія княгини, вслѣдъ за отбытіемъ тѣла, проѣхали по желѣзной дорогѣ прямо на Елагинъ. Тяжело было видѣть императрицу, благословлявшую съ высокаго крыльца останки своего ребенка. и императора, несшаго гробъ и ежеминутно оборачивающагося, чтобы видѣть императрицу.

По мѣрѣ нашего приближенія къ заставѣ толпа возрастала, а по улицамъ она была такъ густа, что погребальная колесница могла двигаться лишь очень медленно. Императоръ, слѣдовавшій на лошади, былъ такъ окруженъ и стѣсненъ народомъ, что его вмѣстѣ съ лошадыю почти несли. И въ этой безчисленной толпѣ царило благоговѣйное молчаніе, прерываемое лишь раздававшимися со всѣхъ сторонъ рыданіями. О! русскій народъ прекрасенъ, онъ исповѣдуетъ еще дѣтски-чистую религію и любитъ своего государя, какъ дѣти своего отца. Тронутый этимъ безмолвнымъ доказательствомъ любви народной, императоръ, вернувшись на Елагинъ, въ два часа ночи написалъ Кавелину письмо, копію коего я прилагаю при семъ. Въ прошлую пятницу 4—16 послѣдовало погребеніе. Я вамъ не буду больше говорить о тяжелыхъ сценахъ, прошедшихъ передъ моими глазами, которыя отзывались въ самой глубинѣ моего сердца.

нашей любезной дочери, такъ и при кончинѣ ея и, наконецъ, въ сію же ночь. Не новы для меня подобныя изъявленія всеобщихъ чувствъ. Доселѣ они оказывались въ дни радостей; когда же Богу угодно было испытать насъ самымъ чувствительнымъ ударомъ, смирясь передъ неисповѣдимой волей, что можетъ быть утѣшительнѣе для нашихъ родительскихъ сердець, какъ видѣть столь разительно, столь умирительно, что горе наше—горе общее, горе всей семьи народной, Богомъ мнѣ врученной. Благодаримъ отцовски за сыновнюю любовь. Въ сей любви намъ утѣшеніе, мнѣ—сила подвизаться на тяжеломъ поприщѣ. Да будутъ сіи взаимныя чувства залогомъ и впредь счастья Россіи. Пребываемъ вамъ всегда благосклоннымъ. Николай. Елагинъ островъ. 2-го августа 1844 г. Во 2 часу утра».

Великую потерю государь перенесъ съ истинно-христіанскимъ смиреніемъ. А. О. Смирнова, которая удостоилась его видѣть, говорить, что онъ очень измѣнился, постарѣлъ и болѣе сосредоточенъ. Сначала онъ знаками показаль, что не хочетъ говорить о своей потерѣ, а тѣмъ не менѣе сказалъ: «C'est une plaie saignante pour toute la vie. Nous ne pouvons et ne devons oublier jamais Adini ¹⁾». Даже при встрѣчѣ съ внуками въ паркѣ Петергофа, куда дворъ переѣхаль на десять дней, онъ только ограничивался поцѣлуемъ, а ранѣе не могъ пройти мимо нихъ и не поиграть. «Онъ часами чулялъ по парку въ одиночествѣ, заложивъ руки за спину, а если кого изъ близкихъ и встрѣтитъ, то, ограничившись поклономъ, продолжалъ свою прогулку» ²⁾.

«L'Impératrice a eu la bonté de me recevoir,—пишетъ Смирнова,—elle a recommencé à faire sa correspondance. Voilà ce qu'elle m'a dit après m'avoir si affectueusement embrassée, que j'ai du fondre en larmes.

«J'écris et je pleure encore beaucoup. C'est si inutile de pleurer; c'èlà me fait tant de mal et cependant si naturel, qu'on doit me pardonner cette faiblesse. «Elle n'a parlé que d'elle, de mille petits détails comme d'une vivante; il semble qu'elle a de la peine à se persuader de l'affreuse réalité; elle la fait revivre par le souvenir. La santé est assez bonne; chose étrange: dans le courant de ces deux mois d'angoisse et de si pénible certitude, depuis 22 jours, elle n'a eu eu qu'unefois un léger battement de coeur. Avant le danger elle lea avait très frequents et très prolongés» ³⁾.

¹⁾ Это никогда не заживающая рана. Мы не можемъ и не должны забывать Адини.

²⁾ Воспоминанія бабушки. «Наша Старина», № 6, 1905 г., стр. 529.

³⁾ «Русскій Архивъ», 1902 г., кн. 5, стр. 105—106. Письмо Смирновой къ В. А. Жуковскому отъ 22-го августа 1844 г.

«Императрица соблаговолила принять меня. Она возобновила свою корреспонденцію. Вотъ что она сказала мнѣ, поцѣловавъ меня съ такою любовью, что я не могла удержаться отъ слезъ:

«Она мнѣ сказала, что, когда они наединѣ, то всегда плачутъ и не могутъ ни о чемъ другомъ говорить. «Nous nous faisons beaucoup de mal à la santé l'un et l'autre» ¹⁾).

Ангеломъ-утѣшителемъ горюющихъ родителей явилась Ольга Николаевна. Она безотлучно находилась при матери, старалась развлекать ее, читала ей вслухъ и, сколько можно показывала веселое лицо. На великую княгиню Марію Николаевну трагическая смерть сестры подѣйствовала такъ сильно, что почти годъ спустя, она будучи въ ожиданіи родовъ, написала духовную и постоянно говорила о своей смерти. «Elle dit qu'elle en a une conviction calme et intime, mais qu'elle ne craint pas ses couches» ²⁾). Конечно, отъ императрицы многое скрываютъ, но она сама мнѣ говорила: «Meu a surtout esprit frappé» ³⁾).

Императрица Александра Феодоровна долго не могла забыть свою дочь. Почти годъ спустя она, при посѣщеніи Смольнаго монастыря, не могла успокоиться и выйти въ залу. Тамъ происходилъ экзамень, а въ немъ всегда принимала дѣятельное участіе покойная Александра Николаевна ⁴⁾). Для увѣковѣченія памяти безвременно скончавшейся дочери государь приказалъ изъ пожертвованнаго принцемъ Гессенскимъ ⁵⁾ капиталомъ соорудить Александровскую больницу для чахоточныхъ женщинъ въ Петроградѣ, на Надеждинской улицѣ. Открытіе ея послѣдовало въ 1848 году. Засимъ былъ учрежденъ пріютъ имени великой княгини Александры Николаевны на сто пятьдесятъ входящихъ дѣтей. Въ 1845 году дѣтскому пріюту въ Ростовѣ присвоено наименованіе Александринскій въ память ея. И, наконецъ, въ 1850 году въ Александровскомъ паркѣ, возлѣ сельскаго деревяннаго домика, гдѣ проводила часто время Александра Николаевна съ августѣйшей матерью, былъ поставленъ въ честь покой-

---

«Я пишу и я еще много плачу. Плакать такъ бесполезно; хоть мнѣ это вредно, но это такъ естественно, что мнѣ должны извинить мою слабость». Она говорила только о ней, о тысячѣ мелкихъ подробностей, точно о живой. Кажется, ей трудно убѣдиться въ ужасной дѣйствительности; она воскрешаетъ ее воспоминаніями. Здоровье довольно хорошо, и, странная вещь, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ тоски и такого ужаснаго сознанія у нея только разъ было легкое сердцебіеніе. До наступленія опасности сердцебіенія были часты и длительны.

¹⁾ Письмо Смирновой Н. В. Гоголю. «Русская Старина», октябрь, 1888 г., стр. 130—131.

²⁾ Она говоритъ, что имѣетъ спокойную внутреннюю «увѣренность», но что не боится родовъ.

³⁾ Письмо А. О. Смирновой, В. А. Жуковскому отъ 16 марта 1846 г. «Русскій Архивъ», 1902 г., № 5, стр. 112.

⁴⁾ Письмо графа М. Ю. Вьельгорскаго В. А. Жуковскому. «Русскій Архивъ», 1902 г., № 7, стр. 451.

⁵⁾ Принцъ Гессенскій выѣхалъ изъ Россіи 4 августа, Впослѣдствіи, а именно 26 мая 1853 г., принцъ женился на дочери Фридриха-Карла-Александра, принца прусскаго, Маріи-Аннѣ-Фредерикѣ.

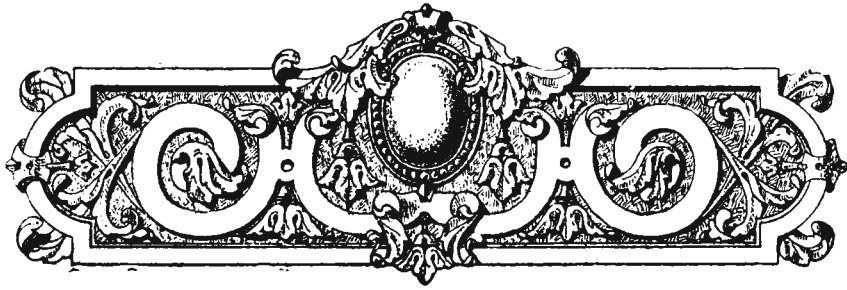
ной памятникъ работы художника Витали изъ бѣлаго и чернаго мрамора. Покойная княгиня изображена во весь ростъ съ младенцемъ, собираясь какъ бы улетѣть, это на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Александра Николаевна имѣла обыкновеніе кормить своихъ лебедей.

В. А. Жуковскій, любимый наставникъ Александры Николаевны, запечатлѣлъ ея кратковременное земное существованіе въ слѣдующихъ выразительныхъ строкахъ:

«Минуту насъ она собой плѣняла.
Какъ милый блескъ, пропала изъ очей.
Рука Творца ее образовала
Не для земли, а для небесъ».

Владимиръ Серебряниковъ.

ЧЕТЫРЕ ЗАПИСКИ ИЗЪ ЖИЗНИ ДЕКАБРИСТОВЪ.

ОЙ ДѢДЪ, И. В. Погоржанскій, правовѣдъ второго выпуска, по окончаніи училища, почти непосредственно со школьной скамьи, получилъ назначеніе въ гор. Тобольскъ.

Изъ печатаемыхъ очерковъ видно, что онъ близко сошелся съ жившими тамъ уже на поселеніи декабристами.

По натурѣ въ высшей степени впечатлительный, И. В. Погоржанскій глубоко прочувствовалъ всѣ нравственныя переживанія, выпавшія на долю декабристовъ, и съ юношескимъ увлеченіемъ передалъ слышанное и видѣнное имъ въ формѣ живыхъ бесѣдъ и очерковъ.

Эти записки касаются эпохи 1844—1847 гг. и составлены уже въ Гроднѣ въ 1847 году, очевидно, по дневнику и замѣткамъ.

До сего времени записки хранились моею матерью и не публиковались, несмотря даже на усиленную просьбу бывшего редактора «Русской Старины» Михаила Ивановича Семевского, такъ какъ одинъ изъ членовъ семьи декабриста Анненкова просилъ мою мать повременить съ ихъ опубликованіемъ, пока живы еще нѣкоторыя лица, упоминаемыя въ первыхъ двухъ очеркахъ.

Самъ Анненковъ уже по возвращеніи изъ Сибири съ большимъ интересомъ читалъ эти записки и выражалъ моей матери удивленіе, что бесѣды его съ дѣдомъ моимъ оставили въ душѣ тогда еще очень юнаго человѣка такой глубокой слѣдъ.

Въ настоящее время, послѣ многихъ десятилѣтій, конечно, исчезли основанія не печатать записокъ И. В. Погоржанскаго. Къ тому же, несмотря на все публиковавшееся уже о декабристахъ, записки моего дѣда, несомнѣнно, представляютъ интересъ для читателей не только потому, что въ нихъ заключаются непосредственныя и яркія впечатлѣнія о декабристахъ молодого образованнаго человѣка, но также какъ характеристика того поколѣнія, представителемъ котораго являлся И. В. Погоржанскій, и отношенія этого поколѣнія къ предшествовавшему.

Фамиліи лицъ въ запискахъ обозначены только инициалами, но возстановленіе ихъ не представляетъ затрудненій, такъ какъ онѣ общеизвѣстны.

Тѣмъ не менѣе для удобства читателей я позволяю себѣ включать въ записки фамиліи этихъ лицъ полностью, оставляя неприкосновенными стиль эпохи моего дѣда.

В. М. Тяжелъниковъ.

I.

Отрывки изъ путевыхъ впечатлѣній.

Такъ храмъ оставленный—все храмъ.
Кумиръ поверженный все богъ.

Переѣхавъ Уральскій хребетъ, мы оставили за собой Европу. Чувство невольной и тяжелой грусти давило мнѣ сердце, и мнѣ становилось страшно подъ чужимъ небомъ, среди другихъ людей... Рѣзко отличается Европа отъ Азіи Уральскимъ хребтомъ: чуть спустились съ послѣдней возвышенности (за Колышковымъ), все поражить особенностью: здѣсь и небо, и земля, и рѣки, и горы, все въ какомъ-то особомъ колоритѣ, и европеецъ живо чувствуетъ, что онъ въ Азіи...

Въ первый день мая мы подъѣхали къ Тобольску. За семь верстъ уже виднѣлся нашъ городъ, и издали услышали мы унылый гулъ церковныхъ колоколовъ: время было вечернее. Быстро, ловко, ухарски перевезли насъ на большихъ лодкахъ татары чрезъ бурный, широкій Иртышъ, и мы въѣхали въ древнюю столицу Сибирскаго царства.

Мой спутникъ, съ которымъ такъ нечаянно познакомился въ Петербургѣ передъ самымъ моимъ отъѣздомъ, былъ человѣкъ, какъ говорится, бывалый. Онъ получилъ значительное мѣсто въ Сибири, изъ которой уже нѣсколько разъ былъ удаленъ, но къ службѣ въ этомъ краѣ, Богъ вѣдаетъ почему, питалъ страсть непреборимую. Человѣкъ этотъ имѣлъ слишкомъ большое вліяніе

на всю мою жизнь, и потому весьма немногими словами я заключу о немъ здѣсь всѣ мои воспоминанія...

Мы остановились у стараго пріятеля моего товарища, у одного изъ предсѣдателей, холостяка, скряги, челоуѣка черстваго, съ фальшивыми зубами и такую же душою. Привѣтъ старыхъ друзей былъ довольно оригиналенъ:

— Вишь ты, подлецъ, бобыль этакой!—сказалъ хозяинъ моему спутнику, цѣлуя его и какъ бы не замѣчая меня.

— А ты, старый чортъ! Все попрержнему!.. э! да вотъ и она,— продолжалъ мой товарищъ, обратившись къ какой-то толстой фигурѣ—бабѣ, отъ которой пахло жиромъ.—Ну, что, каковъ онъ у тебя? Чай, все мерзавецъ? Мало ты его бьешь!—и проч.

Пораженный, какъ громомъ, такими восклицаніями нѣжныхъ пріятелей, я въ испугѣ прижался къ стѣнѣ и никакъ не могъ придумать, чтобы сказать хозяину дома, у котораго за неимѣніемъ въ городѣ гостиницы я долженъ былъ волей или неволей провести ночь. Положеніе мое было въ высшей степени непріятно, по крайней мѣрѣ щекотливо. Наконецъ я рѣшился...

— Имѣю честь рекомендоваться,—сказалъ я,—пріѣзжій N. N.

— Э, братъ, да ты еще съ провизіею?—сказалъ хозяинъ, обращаясь къ моему спутнику.

— Съ какою?—спросилъ тотъ, наливая себѣ рюмку водки. — Мы всю нашу въ дорогѣ издержали, закусимъ и твоей!

— А вотъ этого молодца,—отвѣчалъ хозяинъ, указывая на меня,—ты привезъ на мои хлѣба?..

Я совершенно растерялся.

Однако хозяинъ мнѣ подалъ руку и, указывая на водку, при- молвилъ: «Просимъ!» И когда я сказалъ ему, что присланъ по назначенію графа Перовскаго, что я бывший воспитанникъ училища правовѣднія, Богъ вѣсть отчего мой хозяинъ какъ будто сконфузился и даже переодѣлся въ другой, щегольской халатъ. Къ вечеру, когда мнѣ подали мой дорожный портфель и я показалъ ему рекомендательное обо мнѣ письмо графа Перовскаго къ князю Горчакову, мы сдѣлались съ нимъ сущими пріятелями, и за ужиномъ полилось шампанское! Казалось, хозяинъ былъ больше радъ мнѣ, чѣмъ старому своему другу...

На ночь предсѣдатель уложилъ меня въ своей гостиной на штофномъ, эластическомъ диванѣ, на который, какъ я впоследствии узналъ, онъ не любилъ сажать даже гостей. Старые пріятели улеглись за нѣсколько отъ меня комнатъ, но, должно быть, не вдругъ заснули, потому что еще долго слышались мнѣ пробочные залпы, звуки гитары и хриплые голоса, изъ которыхъ одинъ, какъ мнѣ казалось, напѣвалъ «Камаринскаго», и кто-то плясалъ вприсядку. Наконецъ все умолкло...

Тогда въ ночной тишинѣ мнѣ вдругъ стало страшно и особенно грустно. Тогда я въ первый разъ тяжело вздохнулъ по родинѣ, роднымъ, друзьямъ! Тогда-то въ этомъ домѣ въ первый разъ и, кажется, единственный въ жизни, я раскаялся въ душѣ за поспѣшность и равнодушіе, съ какими оставилъ я отчизну, и причина, къ тому меня побудившая, показалась мнѣ такъ мелка и ничтожна! Я былъ безнадежно влюбленъ, и любовь мою отвергли, какъ любовь мальчика! Я впалъ въ отчаяніе и уѣхалъ.

На другой день по пріѣздѣ въ Tobольскъ, послѣ обычныхъ визитовъ, вечеромъ я осматривалъ городъ и только за то, что завернулъ въ модный магазинъ и купилъ флаконъ духовъ, былъ прозванъ тотчасъ франтомъ, львомъ и чѣмъ вамъ угодно, а прокуроръ заключилъ, что я долженъ быть просто педантъ, модная выскочка и чиновникъ вовсе неспособный къ дѣловой службѣ, потому что какой же порядочный чиновникъ начнетъ свое поприще на новомъ мѣстѣ съ того, что купить себѣ флаконъ духовъ.

Проживъ два дня у предсѣдателя, я наконецъ успѣлъ найти для себя небольшую квартиру на горѣ, въ концѣ города у Омской заставы. Домикъ, въ которомъ я поселился, принадлежалъ одной пожилой дѣвушкѣ. Не хочу назвать ее (Н.); скажу только, что она была вѣрной подругой Сперанскаго во время его пребыванія въ Сибири и участвовала въ его ученыхъ трудахъ. Теперь она вела у себя дома монашескую жизнь, и благотворительность была цѣлью всего ея существованія. Многимъ я обязанъ этой достойнѣйшей женщинѣ: она приняла меня, какъ мать; съ участіемъ пѣжнымъ, искреннимъ, привѣтствовала меня на чужой сторонѣ, ласкала, баловала и во многомъ старалась меня наставить. Особенно дороги и плѣнительны для меня были ея рассказы о временахъ прошлыхъ, и тайны, которыя повѣдала она мнѣ объ умершемъ своемъ другѣ, величайшемъ челоуѣкѣ нашего времени, когда-нибудь, если Богъ мнѣ поможетъ, выльются изъ моего сердца.

Въ хозяйкѣ моей я находилъ такое полное утѣшеніе, съ ней мнѣ было такъ весело, пріятно, легко, что я не поспѣшилъ сдѣлать никакихъ знакомствъ и ограничился только официальными визитами. Для меня, петербуржца, казалась дерзкой, странной, нахальной и даже дикой эта смѣлость, съ какою пріѣзжающіе на службу въ губернской городъ являются рѣшительно во всѣ дома, рекомендуются по своему чину и навязываются на знакомства, не спросясь хозяина и безъ всякаго посторонняго за нихъ завѣренія. Мнѣ, восторженному юношѣ (а тогда я былъ такъ молодъ и неопытенъ!), тяжело было преклониться предъ страннымъ провинціальнымъ обычаемъ, и въ школьной памяти моей еще громко повторялись слова одного изъ моихъ классныхъ наставниковъ: «Будь медленъ на знакомства, но проченъ въ дружбѣ!»

Итакъ, я жилъ одинъ, настоящимъ отшельникомъ.

Одиночество, отшельничество за три тысячи верстъ отъ родины—тяжело! Особенно, когда оно продолжительно и добровольно. Мнѣ было грустно; и часто, закрывъ лицо руками, истомленный душевными страданіями, я по нѣсколько часовъ лежалъ у своего письменнаго стола и горько плакалъ—о чемъ, Богъ вѣдаетъ!

Разъ въ такомъ положеніи я услышалъ тяжелые шаги въ моей комнатѣ. Передо мною стоялъ незнакомецъ ¹⁾).

Онъ былъ высокаго роста, стройнаго сложенія человекъ. Черты лица его были необыкновенно выразительны: его лобъ завѣрялъ объ умъ, глаза—о добротѣ сердца, блѣдность лица—о душевныхъ страданіяхъ. Онъ былъ въ казакинѣ изъ сѣраго солдатскаго сукна, въ рукахъ держалъ онъ тяжелую трость, указательный палецъ его обвивало желѣзное кольцо. Сѣдина пробивалась въ его черныхъ, какъ смоль, волосахъ; длинные усы были ему какъ нелзя лучше къ лицу.

— Monsieur, pardonnez-moi l'hardiesse,—сказалъ онъ мнѣ.

— A qui ai-je l'honneur de parler?—спросилъ я.

— A un malheureux!..

Слово «несчастнѣй» имѣетъ въ Сибири особенное значеніе, техническое, означающее ссыльнаго. «Каково ты званія?»—спросите вы разбойника, и онъ отвѣчаетъ вамъ: «Изъ несчастныхъ». И рѣдко добьетесь отъ него другого отвѣта. Я не зналъ, что отвѣчать незнакомцу, и подалъ ему руку и въ ту же минуту почувствовалъ, что передо мною былъ особенный человекъ, какого я еще не встрѣчалъ въ жизни, предъ которымъ я, хозяинъ, сдѣлался у себя въ домѣ гостемъ. Незнакомецъ въ меня всматривался.

— Давно ли вы здѣсь?—спросилъ я.

— Очень давно! Вы, вѣрно, были тогда лѣтъ четырехъ или пяти, когда насъ всѣхъ сюда прислали. Какъ вы счастливы, что были тогда ребенкомъ!—сказалъ старикъ со вздохомъ.—А я тогда уже командовалъ бригадой! У меня дѣти старше васъ.

— Гдѣ же они?—спросилъ я.

— Въ гвардіи—въ Преображенскомъ полку. Ихъ любить царь!—прибавилъ мой гость съ особеннымъ выраженіемъ удовольствія и гордости.

— Вы здѣсь одни?

— Нѣтъ, съ женой.

— Вы здѣсь женились?

Старикъ горько улыбнулся, какъ будто я оскорбилъ его этимъ пустымъ вопросомъ, но въ то же время съ величайшею скромностью отвѣчалъ мнѣ:

— Нѣтъ, жена слѣдовала за мной по волѣ, какъ значится въ

¹⁾ Декабристъ Михаилъ Александровичъ Фонвизинъ.

статейныхъ спискахъ приказа.—Да!—продолжалъ онъ:—жена моя много перенесла—изъ любви ко мнѣ—въ примѣръ дѣтямъ! Когда своимъ преступленіемъ я далъ ей все право оставить меня и сохранить за собою то уваженіе и мѣсто, которымъ справедливо пользовалась она въ обществѣ, она не захотѣла бросить меня и пріѣхала ко мнѣ въ ссылку. Оставить меня она считала нарушеніемъ закона Божескаго, который сочеталъ насъ на всю жизнь, котораго ничто не разрушило.

— Но ваша супруга сохранила свое званіе?—спросилъ я.

— Да! въ актахъ, въ письмахъ она генеральша—и только! Но здѣсь она жена ссыльнаго, и было время, когда окружной звалъ ее просто поселкой и грозилъ надѣть ей кандалы за то только, что осмѣлилась она просить его не рвать писемъ отъ ея родныхъ, тогда какъ могла этого требовать.

— И это было дѣйствительно такъ?—воскликнулъ я съ ужасомъ.

— Боже, чего съ нами не было!—отвѣчалъ онъ.—Повѣрите ли, что люди, которымъ порученъ былъ надъ нами надзоръ, смотрѣли на насъ, какъ на своихъ крестьянъ, и требовали съ насъ подати! Никакая каторга не была мучительнѣе тогдашняго нашего состоянія. Въ Читѣ, когда мы мололи хлѣбъ, мели улицы и съ топоромъ въ рукахъ ходили въ лѣсъ за деревомъ для нашихъ избъ—о! это было счастливое время! Мы были тогда каторжные, мы наказаніемъ искупали свою вину, исполняли волю царскую! Но когда императоръ по своему безпримѣрному, святому великодушію въ облегченіе судьбы нашей далъ намъ права поселенцевъ, тогда только и началась для насъ жестокая, настоящая каторга!

— Какимъ образомъ? Это невозможно!

— Да именно тогда! Исправники, засѣдатели, окружные, даже земскіе писцы только на насъ и силились выказывать всю власть свою. Вѣдь мы были мужиками, и въ ихъ понятіяхъ такими мужиками, которые должны были гулять съ ними въ шинкахъ, кабакахъ и Богъ вѣдаетъ гдѣ; а вмѣсто того никто изъ господъ нашихъ властей не смѣлъ входить къ намъ, въ нашу избу безъ доклада! Это ихъ бѣсило! Зато, встрѣчаясь съ ними на улицахъ, мы обязаны были снимать предъ ними шапки, кланяться низко, постораниваться и безотвѣтно сносить всякое оскорбленіе или отвѣчать только однимъ взглядомъ презрительнымъ, и имъ было досадно, что не могли они принудить насъ ни къ какому другому отвѣту. А главное, что имъ особенно не нравилось, мы были грамотны, писали, и письма наши, эти письма поселенцевъ, читалъ самъ царь, и по нашимъ письмамъ, безъ суда и отвѣта, многихъ изъ нихъ окончилось служебное поприще!

— Да что же вы писали о нихъ?

— О нихъ? Никогда ни слова! Мы писали только о себѣ, о нашихъ страданіяхъ, лишеніяхъ, скорбяхъ, и это мы писали къ

роднымъ; но правительство читало наши письма прежде нашихъ родныхъ, и виновниками нашихъ незаслуженныхъ огорченій признавало лицъ, надзору которыхъ мы были поручены. Въ Петербургѣ не любили, чтобъ насъ тиранили, и безъ нашихъ просьбъ наказывали нашихъ притѣснителей. Вѣрите ли, что намъ даже было ихъ жаль, и мы всегда удерживались въ письмахъ нашихъ отъ лишняго слова: эти господа были такъ ничтожны въ нашемъ мнѣніи!

— Mais êtes vous bien logé, Ив. В.?—спросилъ онъ меня.

— Mais passablement bien, monsieur.

— Знаете, тутъ бы не худо поставить кушетку—вотъ въ этомъ углу, а у кушетки столикъ, а вотъ здѣсь ваши образа.

— У меня только одинъ образъ,—отвѣчала я:—благословеніе матери, вотъ онъ.

Онъ перекрестился и поцѣловалъ мой образъ.

— Вы знакомы съ архіереемъ?—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ еще.

— Познакомьтесь. А были вы въ Аббалакѣ?

— Нѣтъ, и не знаю этого мѣста.

— Съѣздите, это за сорокъ верстъ отъ города. Тамъ чудотворная икона Божіей Матери,—въ икону эту вѣрують и магометане-татары. Вся аббалакская деревня изъ татаръ. Болѣе пятисотъ душъ, и нѣтъ души невѣрующей. Икона явилась во снѣ старѣйшему въ деревнѣ, онъ объявилъ общинѣ, и на утро нашли на Иртышѣ плавающій образъ, и всѣ въ него увѣровали. Съѣздите туда непременно. Тамъ на высококомъ берегу Иртыша вы увидите, можетъ быть, то, чего еще не видали въ жизни: богатое татарское село и посреди его монастырь православный, и рядомъ съ нимъ мечеть татарскую. Здѣсь какъ будто символически изображается жизнь человѣка: вѣра рядомъ съ невѣріемъ.

— Непременно съѣзжу. Благодарю васъ за совѣтъ. Что же вы здѣсь дѣлаете? скучаете?

— Для насъ нѣтъ праздниковъ, нѣтъ и скуки. Мы работаемъ дома, молимся, насъ любить преосвященный, принимаетъ насъ. А вы, И. В., любите ли молиться?—И, не дождавшись моего отвѣта, онъ продолжалъ: «Надо молиться! Я вамъ пришлю хорошую книгу о молитвѣ на нѣмецкомъ языкѣ, мы съ женой теперь переводимъ ее...

Послѣ этихъ словъ незнакомецъ мой всталъ, подаль мнѣ руку и сказалъ съ выраженіемъ искренняго чувства:

— Vous êtes à plaindre dans ce misérable pays. Venez nous voir s'il vous plait. Je ne manquerai pas de vous envoyer ce qui vous convient.

И на другой день рано утромъ онъ самъ принесъ мнѣ книгу и вслѣдъ за нимъ привезли мнѣ и кушетку, и столикъ, и всякую провизію, все, что онъ считалъ для меня нужнымъ.

Спустя нѣсколько дней, начальникъ губерніи, М. В. Л., почтилъ меня визитомъ и пригласилъ къ себѣ на маскарадный балъ. Какъ ни мало я былъ расположенъ къ подобнаго рода увеселеніямъ и праздникамъ, но, обласканный вниманіемъ ко мнѣ губернатора, я долженъ былъ исполнить его желаніе. При томъ мнѣ любопытно было взглянуть на этотъ сибирскій маскарадъ, который я представлялъ себѣ съ самой комической стороны. Каково же было мое удивленіе, когда въ великолѣпныхъ залахъ, украшенныхъ цвѣтами, блиставшихъ роскошью освѣщенія, при звукахъ довольно стройнаго оркестра, я встрѣтилъ многочисленное общество, множество прелестныхъ дамъ, безъ масокъ, въ изящныхъ костюмахъ, какіе могли бы украсить любой маскарадъ въ петербургскомъ салонѣ. Пораженный великолѣпіемъ всего меня окружавшаго, радушіемъ искреннихъ добрыхъ хозяевъ, непритворною веселостью гостей, а особенно благородствомъ тона всего общества, я не вѣрилъ, чтобъ я былъ въ Сибири, и Сибирь казалась мнѣ краемъ, мало отдаленнымъ отъ Европы, мѣстомъ слишкомъ веселымъ для меня, добровольнаго изгнанника. Здѣсь слишкомъ пріятно,—думалъ я,—здѣсь увлекусь опять въ общество и измѣню своимъ намѣреніямъ! Мнѣ хотѣлось въ глушь, уѣхать куда-нибудь за Сибирь, въ Камчатку, на край свѣта, къ безчувственнымъ дикарямъ, гдѣ бы ничто меня не соблазняло, гдѣ бы я былъ одинъ, безъ развлеченій, одинъ съ моими страданіями, въ которыхъ я находилъ тогда полный рай, истинное блаженство! Когда посреди этихъ грезъ я смотрѣлъ уже разсѣянно и смутно на плѣнительныя группы танцующихъ, въ вихрѣ вальса пронеслась передо мною дѣвушка въ костюмѣ русалки и внезапно приковала на себя мои взоры...

Она была лѣтъ четырнадцати. Свѣженькая блондинка, съ тонкими чертами, очаровательно округлившимся оваломъ лица, не русскаго, а чисто французскаго характера, съ живыми, выразительными глазками, стройная, воздушная, она въ своемъ летучемъ костюмѣ была чистая пера на землѣ, только что вылетѣвшая изъ рая! И я невольно воскликнулъ:

— *Quelle beauté!*

— *Qui trouvez vous si belle, monsieur?*—спросилъ меня стоявшій подлѣ мужчины лѣтъ сорока, въ черномъ фракѣ и въ золотыхъ очкахъ.

— *Mais la charmante naiade? son nom, de grâce!*

— *Mais elle porte mon nom infortuné. C'est mon enfant.*

И крѣпко сжалъ его руку и на другой день былъ въ его домѣ.

Отъ всей души я полюбилъ это семейство. Тамъ проводилъ я цѣлые дни,—и вотъ его плачевная судьба.

Ив. Ал. ¹⁾ происходилъ отъ одной изъ древнихъ и славныхъ фамилій. Одинъ изъ предковъ его былъ королемъ Англіи. Потомки этого короля еще во времена Грознаго переселились въ Россію, и родъ ихъ всегда служилъ у царскаго престола...

.....

Въ одинъ осенній вечеръ Ив. Ал. пріѣхалъ ко мнѣ въ страшномъ горѣ, съ слезами на глазахъ. Мы тогда были искренними пріятелями.

— Что съ вами?—спросилъ я, испуганный его блѣднымъ, разстроеннымъ лицомъ.

— Я все потерялъ! Все состояніе!

— Какимъ образомъ?

— А вотъ я вамъ все расскажу,—отвѣчалъ онъ, спимая съ себя шубу, въ которой вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ и которую просилъ меня оставить тутъ же, а не въ прихожей. Онъ боялся, чтобъ ее не унесли оттуда.—Знаете ли, И. В.,—сказалъ онъ мнѣ,—въ короткое время нашего съ вами знакомства мы васъ искренно полюбили. Вы нѣсколько разъ просили, чтобъ я рассказалъ вамъ нашу исторію. Сегодня это будетъ очень кстати, иначе вы не поймете всей силы моего новаго горя и не подадите такого совѣта, какого я отъ васъ жду. Я буду съ вами говорить откровенно, какъ съ честнымъ человѣкомъ, который, кажется, принимаетъ въ насъ сердечное участіе. Итакъ, прошу не скучать и не дремать за моимъ рассказомъ. Мнѣ очень дорого ваше вниманіе, оно для меня необходимо, зато рассказъ мой можетъ быть вамъ полезенъ, какъ рассказъ человѣка, который много жилъ, много страдалъ. Начну, какъ водится, съ начала... Рано, слишкомъ рано я испыталъ первое несчастіе въ потерѣ отца. Онъ оставилъ меня одного наслѣдникомъ огромнаго имѣнія. Матушка была ко мнѣ добра, какъ ко всѣмъ людямъ, но ласкать меня она не умѣла, это было ей не по нраву. Она жила въ Москвѣ, какъ царица: у нея домъ былъ дворцомъ, у нея были свои придворные чины; она пользовалась особеннымъ почетомъ въ обществѣ и уваженіемъ людей достойныхъ. Я получилъ довольно полное образованіе, разумѣется, домашнее: у меня перебивали всѣ модные учителя и гувернеры, и каждый изъ нихъ принесъ мнѣ сколько-нибудь пользы, потому что я и самъ любилъ учиться. При томъ у меня была врожденная слабость никому не вѣрить на слово и не покоряться никакому убѣжденію, не подкрѣпленному убѣдительными доказательствами.

---

¹⁾ Декабристъ Иванъ Александровичъ Аннековъ.

Вопросамъ, какіе я дѣлалъ моимъ учителямъ, конца не было, и, кажется, эти вопросы именно и развили мои способности, но вмѣстѣ усилили во мнѣ страсть все анализировать. На пятнадцатомъ году моей жизни воспитаніе мое кончилось: по случаю кончины батюшки я изъ учениковъ махнулъ прямо въ барскія права богатаго вотчинника и сдѣлался отъявленнымъ кутилой. Изъ одной деревни въ другую я ѣздилъ съ ватагой буяновъ-друзей, только для шалостей. Судите, какъ хорошо, исправно при моемъ поведеніи шло управленіе имѣніемъ изъ пяти тысячъ душъ, подъ опекою матушки, которая не умѣла отличить овса отъ ржи!.. Наконецъ, волей или неволей я долженъ былъ опредѣлиться въ Кавалергардскій полкъ, въ которомъ я уже давно числился на службѣ, и, разумѣется, при самомъ моемъ вступленіи изъ уваженія къ моимъ пяти тысячамъ душъ меня выбрали ремонтеромъ, честь, за которую я заплатился нѣсколькими тысячами рублей и десятками годовъ жизни. Ремонтъ, который я привелъ, былъ необыкновенно хорошъ. Генераль расцѣловалъ меня, однако не додалъ половины ремонтной суммы, которую обѣщалъ мнѣ возратить послѣ смотра, а въ полномъ полученіи этихъ денегъ заставилъ меня расписаться еще до покупки лошадей. Но за это я на него не сердить: онъ все-таки былъ человѣкъ добрый—особенно ко мнѣ. Блистательное исполненіе порученія, которое такъ недешево обошлось мнѣ, товарищи мои называли удачнымъ, счастливымъ и съ меня же требовали шампанскаго. Ужъ Богъ знаетъ, что они праздновали у меня, я по крайней мѣрѣ праздновалъ радость моего къ нимъ возвращенія. Бесѣда наша была пиромъ веселымъ, шумнымъ и съ каждымъ бокаломъ вина становилось шумнѣе. Вино инымъ грѣло сердце, а мнѣ и бѣдному моему другу Л. горячило печень. Мы поссорились.

— За что же?

— Л. хвасталъ своей лошадыю, онъ былъ отъявленный хвастунъ въ полку. А я, какъ отъявленный знатокъ лошадей, ремонтеръ, воскликнулъ: «Господа, не вѣрьте Л., онъ вреть; его лошадь просто дрянъ; у ней подвязной хвостъ, онъ ее запрягаетъ въ дрожки, когда ѣздитъ къ актрисамъ! Я это навѣрное знаю!..» Л. обидѣлся и вызвалъ меня на дуэль. Я, въ свою очередь, оскорбился даже этимъ вызовомъ. Я во всю мою жизнь не терпѣлъ лгуновъ и драться съ хвастуномъ считалъ для себя величайшею обидою. «Господа!—сказалъ я:—Л. извѣстный трусъ, онъ вызываетъ меня изъ хвастовства. Но, чтобъ наказать вруна, я буду стрѣляться съ нимъ черезъ платокъ!» Насъ мирили, я отказался отъ мира, и на слѣдующее утро мы встрѣтились. Л. выстрѣлилъ въ меня холостымъ зарядомъ, моя пуля разбила ему сердце, я убилъ его наповаль.

При этихъ словахъ Анненковъ тяжело вздохнулъ.

— Avez vous du vin, И. В.?—спросилъ онъ меня.

Я приказалъ дать бутылку вина, и онъ продолжалъ:

— Страшно убить человѣка, даже тяжело подстрѣлить и врага на полѣ битвы, и сердце всегда забьется сильно при видѣ трупа. Судите, что со мной съ тѣхъ поръ, какъ я убилъ безвинно товарища-пріятеля! Его тѣнь преслѣдуетъ меня на каждомъ шагѣ жизни, и боязливъ я сталъ, и недовѣрчивъ къ человѣку, и ненавижу я себя, и дрожить моя рука, когда на сонъ грядущій я благословляю родныхъ дѣтей моихъ!

Тутъ градомъ полились слезы изъ глазъ убійцы.

— Вы тяжело пострадали за это страшное дѣло?—спросилъ я.

— Въ томъ-то и бѣда, что нисколько. Въ то время творились чудеса добра, тогда всѣ ратовали за великодушіе, тогда слово простить больше любили, чѣмъ слово наказать. Испуганный ужасомъ моего преступленія, я бросился къ нашему полковому командиру гр. М., отдалъ ему мою саблю, рассказалъ все дѣло, какъ оно было; я не утаилъ ни одного слова и просилъ командира объ одной милости: доложить съ полною правдою обо всемъ императору, нисколько не щадя меня. Когда Благословенный потребовалъ меня къ себѣ, я не могъ отвѣтить ему ни слова: слезы ручьями текли изъ моихъ глазъ, и когда онъ велѣлъ мнѣ удалиться, всю страшную казнь, которая до сихъ поръ раздираетъ мнѣ душу, я вынесъ изъ величественнаго взгляда, брошеннаго на меня Благословеннымъ, взгляда, выразившаго всю праведность его гнѣва, всю полноту его царственной горести. Едва я вышелъ за дверь, пораженный этимъ взглядомъ, какъ громовымъ ударомъ, я упалъ безъ чувствъ. На утро, когда я пришелъ въ себя, я былъ уже дома, сабля моя была подлѣ меня, я былъ прощенъ!

— Воображаю вашу радость,—сказалъ я.

— Чему тутъ было радоваться?—продолжалъ ссыльный.—Вѣдь грѣхъ тяжелымъ камнемъ легъ мнѣ на сердце, какъ грѣхъ безъ искупленія! Благословенный зналъ, что дѣлалъ, и, предавъ этотъ черный поступокъ суду моей совѣсти, онъ зналъ, что въ ней найду я вѣчную казнь, что совѣсть измучить меня, какъ никакая пытка, какъ совѣсть честнаго человѣка, какимъ остался я и въ преступленіи! Больно смотрѣть со стороны, когда отецъ наказываетъ сына, но еще больнѣе, когда не удостоить онъ его не только своимъ родительскимъ наказаніемъ, но даже гнѣвомъ, потому ли, что сынъ не стоитъ наказанія и гнѣва, потому ли, что эта мѣра только ослабить жестокую, но правдивую кару внутренняго голоса, или, быть можетъ, потому, что голосъ этотъ нѣмъ, и своимъ молчаніемъ отецъ хотѣлъ бы пробудить его,—почему бы то ни было, но больно смотрѣть со стороны, когда отецъ оставляетъ виновнаго сына безъ наказанія! Какъ ни былъ я тогда молодъ, но, признаюсь вамъ, подобныя мысли меня не оставляли, и мнѣ казалось, что я

не прощень, а пренебреженъ императоромъ: вотъ до какой степени я былъ самолюбивъ! И вы можете себѣ представить, чего не пере-несъ я подъ влияніемъ этого чувства, когда стоялъ я въ караулѣ во внутреннихъ комнатахъ Благословеннаго, или когда въ торжественные дни, по распоряженію командира, отличавшаго меня, какъ лучшаго фздока въ полку, я ординарцемъ являлся къ императору!

— Удивляюсь, И. А., вашимъ чувствамъ! Тогда вы были такъ молоды! Который вамъ былъ годъ?

— Двадцать первый.

— И въ эти лѣта такъ чувствовать! Не вѣрю!

— Почему же?

— Въ эти лѣта нѣтъ устойчивости въ человѣкѣ—никакимъ чувствамъ, никакимъ горестямъ. Вихрь юношеской жизни все раз-носитъ и почти ничего не сохраняетъ: ни горькаго, ни пріятнаго! По крайней мѣрѣ такова судьба нашего поколѣнія, и я говорю вамъ, что чувствую!

— Вашего поколѣнія? это другое дѣло. Вы все Печорины, и только! Но мы жили и чувствовали положительно и смотрѣли на жизнь безъ восторженности и безъ отрицаній, какъ она есть! При томъ не забывайте, что я былъ флегматикъ.

— Какъ флегматикъ, а ваша дуэль?

— И все потому, что я флегматически вѣровалъ въ свои убѣ-жденія! Ужъ Богъ знаетъ, что меня сдѣлало такимъ! Что было у меня такого въ крови! Я мало былъ чувствителенъ, я больше любилъ мыслить, но и мыслилъ я мало, потому что до крайности былъ лѣнивъ, хотя въ то же время не терпѣлъ лѣни. Я просто былъ тяжелъ на все, медленъ всегда во всемъ! Я вѣчно опаздывалъ, даже на службѣ, и всегда сердился на себя за эту медленность, но изба-виться отъ нея вовсе не думалъ и не понималъ, какъ могутъ люди во всемъ успѣвать. Вѣрно, у меня была уже такая тяжелая натура! Но все это мелочи! Одно только дурно, что самолюбіе во мнѣ было крайне раздражительно: стоило подстрекнуть его, и Богъ знаетъ, на что бы я не рѣшился, и хотя медлилъ я въ исполненіи моего намѣренія, но, разъ рѣшившись, я уже отъ него не отказывался! Я зналъ, что долженъ рано или поздно исполнить данное себѣ слово, но все-таки не торопился и не понималъ, какъ люди могутъ торопиться? Въ полку уважали эту мою слабость и вѣрили въ святость моего слова, но, къ несчастію, какъ и всегда, нашлись люди, которые успѣшили воспользоваться моимъ самолюбіемъ, моею стойкостью для личныхъ выгодъ, люди, которыхъ я при-влекъ къ себѣ не душевными своими качествами, а просто моимъ именемъ, которое тогда было въ модѣ, которое имъ было нужно, какъ удочки на приманку мелкой рыбы; особенно же аппетитны они были до моихъ сытныхъ мужичковъ, вѣдь пять тысячъ душъ

не бездѣлица! И вотъ какъ эти господа завладѣли мною! Я былъ на одномъ блестящемъ балѣ. Во время танцевъ нѣсколько разъ подходилъ ко мнѣ полковникъ Пестель¹⁾. Онъ былъ задумчивъ, взоръ его былъ тяжелъ, лицо блѣдно, въ каждомъ словѣ его было такъ много злости, сарказма, что, право, мнѣ вовсе не хотѣлось съ нимъ и говорить! Общество въ то время смотрѣло уже на него, какъ на мудреца, пророка, и многіе считали за особенную честь быть въ знакомствѣ и похвастать дружбою съ нимъ! Его считали великимъ человѣкомъ, чуть не вторымъ Магометомъ! Но я, какъ ни былъ молодъ, въ душѣ смѣялся надъ этими господами ораторами и въ глаза, по правамъ товарищества и дружбы, честилъ ихъ нескромными названіями. Полковникъ Пестель на балѣ занесъ мнѣ такую чепуху, которой мнѣ и во снѣ не снилось, и теперь не вспомнить, и при звукахъ Веберова вальса (*de notre temps c'était Weber et pas Strauss*) я не могъ понять ни одного его слова, и изъ всей его речи помню только два, которыя онъ безпрестанно повторялъ: «правительство, конституція!» Я молчалъ и, какъ дикарь, смотрѣлъ ему въ глаза, наконецъ я до того взбѣсилъ его моимъ хладнокровіемъ, что онъ, взявъ меня за плечи, спросилъ:

«— Да что вы, Анненковъ, пьяны, что ли?»

— Не пьянѣе васъ,—отвѣчалъ я.

Мой лаконическій отвѣтъ озадачилъ оратора, онъ притворился обиженнымъ и, вздохнувъ притворно, продолжалъ:

«— Всѣ вы на одинъ покрой—молодые люди! Поплясать, покутить—ваше дѣло, а заговори съ вами объ общемъ благѣ, о страданіяхъ отечества, вы глухи и ровно ничего не смыслите!»

«Я былъ патріотъ, я былъ чисто русской души человѣкъ, я не терпѣлъ Запада, для меня выше моего отечества ничего было. Пестель зналъ, что я всегда горой стоялъ за благо русской земли, онъ это хорошо зналъ: ему нужно было только оскорбить мое самолюбіе, или, проще говоря, раздражить меня, какъ школьника. Такъ точно поступилъ со мной и Пестель. Но это я чувствую здѣсь, въ ссылкѣ, а не чувствовалъ тогда, въ обществѣ. Одинъ Богъ знаетъ, что перешло въ моей душѣ въ минуту нанесенной Пестелемъ обиды моему самолюбію. Помню только, что я весь задрожалъ, поблѣднѣлъ, готовъ былъ убить Пестеля. Но этой моей злости именно ему и нужно было! Онъ взялъ меня подъ руку и увлекъ въ отдаленную комнату.

«— Не сердитесь на меня, Анненковъ, сказалъ онъ мнѣ.— Простите, если я оскорбилъ васъ,—продолжалъ онъ, цѣлуя меня.—Вы солнце нашей молодежи, такъ смотримъ мы всѣ на васъ, и я обязанъ это засвидѣтельствовать вамъ отъ всѣхъ нашихъ

¹⁾ Современникъ, очевидно, говорить о Рылѣевѣ, ибо полковникъ Пестель находился въ описываемое время въ южной арміи.

товарищей! Вы хорошо знаете, что происходитъ въ обществѣ, какая мысль овладѣла всѣми умами, что готовитьъ цѣлая Россія, и мнѣ не нужно говорить вамъ объ этомъ. Но всѣ мы не можемъ кончить этого труднаго дѣла безъ васъ и мнѣ поручено просить васъ стать въ главѣ насъ, на то мѣсто, которое принадлежитъ вамъ по всѣмъ правамъ!»

«Такъ говорилъ мнѣ, едва оперившемуся мальчику полковникъ Пестель, предъ которымъ благоговѣло тогда все общество. Я зналъ, чувствовалъ, что Пестель льститъ мнѣ, просто вретъ: во мнѣ былъ инстинктъ отгадывать ложь, которой я не терпѣлъ. Но въ эту минуту самолюбіе заглушило всѣ мои чувства. Сердце мое сильно билось, вся кровь моя волновалась. Пестель задѣлъ мою живую струну, и при звукѣ ея замолкли всѣ прочія струны души. Я подаль Пестелю руку и далъ слово принадлежать къ тайному обществу. Пестель былъ матеріалистъ. Онъ тутъ же вынулъ изъ кармана списокъ извѣстныхъ лицъ, свою *portefeuille* съ стальнымъ перомъ и заставилъ меня вписать мое имя въ списокъ преступниковъ.

«Я живо помню эту минуту! Въ прелестномъ небольшомъ будуарѣ, украшенномъ прихотливою мебелью, уставленномъ цвѣтами, въ этой крохотной комнаткѣ, гдѣ можно было только отдохнуть отъ жизни въ беззаботномъ упоеніи любви, я вносилъ мое имя въ книгу Пестелю, эту книгу смертельнаго приговора, и разрушалъ добровольно счастье всей моей жизни, которую повергалъ въ жертву безвинно безграничному своему самолюбію. Издали долетали къ намъ звуки предсмертнаго вѣберовскаго вальса... праздная толпа весело кружилась подъ эти торжественные звуки и, вѣроятно, никому изъ веселыхъ гостей не пришло въ голову, что въ эту минуту въ виду ихъ навсегда умеръ человѣкъ смертію самую жестокою!..

«Мгновенно безотчетная тоска сдавила мнѣ сердце, и крупная слеза упала на мой роскошный бальный мундиръ. Пестель замѣтилъ эту слезу; мнѣ стало досадно, что онъ ее замѣтилъ, мнѣ стало стыдно за эту слезу, и, отирая глаза, я только сказалъ ему: «*Ce n'est rien!* Такъ, просто глупость!» А на душѣ въ ту минуту было такъ тяжело, тяжело, какъ будто я опять убилъ человѣка!.. Когда мы вернулись въ залъ, мнѣ страшно было смотрѣть на людей и даже стыдно и непріятно. Я послѣшилъ уѣхать съ бала. Всю ночь я не могъ заснуть спокойно; всю эту ночь мнѣ снился Благословенный съ его укорительнымъ взоромъ на меня; всю ночь мнѣ грезился убитый мною Л. Окровавленный трупъ его какъ будто стоялъ надъ могилою, грозилъ мнѣ пальцемъ и говорилъ мнѣ: «Такъ-то искупаешь ты свой грѣхъ! Такъ-то ты платишь за милость и пощаду. Ты подлецъ! Просто подлецъ!» И мертвый мнѣ показывалъ языкъ и

сатанинскимъ смѣхомъ смѣялся надо мной и плевалъ мнѣ въ глаза...

«На другой день вечеромъ за мной прислалъ Пестель. У него засталъ я наше общество; многіе члены не явились на это собраніе, и мнѣ тутъ же объявили, что они измѣнили намъ. Мы собирались часто и всего больше хлопотали объ удержаніи членовъ, объ опасеніяхъ по поводу отставшихъ отъ насъ лицъ, и гораздо менѣе трактовали мы о возможности нашего дѣла, о самой его цѣли. Вѣрите ли, что между нами были и такіе, которые вовсе не понимали нашей цѣли, отъ которыхъ мы даже скрывались! Но зато были между нами и люди, понимавшіе всю несбыточность и пустоту нашей затѣи, въ числѣ ихъ былъ и я; но мы не смѣли высказать нашего сознанія и нашихъ мыслей: такъ сильно было на насъ вліяніе слова и взгляда Пестеля. Намъ казалось, что въ этомъ человѣкѣ было что-то особенное, сверхъестественное. Онъ говорилъ, какъ какой-нибудь пророкъ, рѣчь его была полна энергіи, одушевленія, голосъ его былъ звученъ и пріятенъ необыкновенно. А главное—про дѣла самыя ужасныя, про замыслы самыя кровавыя этотъ человѣкъ умѣлъ говорить съ величайшимъ спокойствіемъ и сохранять въ голосѣ и словѣ всю сладость, нѣжность звука! Случалось, что я ѣхалъ въ общество съ рѣшительнымъ намѣреніемъ выставить всю его пошлую сторону, всю несбыточность и незаконность основной идеи, непримѣнимость ея къ русской землѣ, слабость силъ, поспѣшность и преждевременность предпріятія, незрѣлость и необразованность общества, наконецъ любовь народа къ престолу, на который возвелъ этотъ народъ своею кровью царственный домъ; я хотѣлъ сказать имъ, что этотъ народъ не отдастъ престола не царскому роду, какъ не отдастъ онъ его даже своимъ спасителямъ—ни Манину, ни Пожарскому,—все это хотѣлъ я имъ сказать; но едва входилъ я въ собраніе, одна встрѣча со мною Пестеля, одинъ его взглядъ на меня разрушалъ всѣ мои намѣренія, и я уѣзжалъ изъ общества восхищенный, очарованный ядовитымъ умомъ Пестеля, какъ какимъ-нибудь волшебникомъ, и глупы и ничтожны казались мнѣ собственныя мои мысли, и пусты приготовленныя мною слова, и я радъ былъ, что не высказалъ ихъ.

«12-го числа у насъ было рѣшительное, послѣднее засѣданіе. На это собраніе не явилось и трети общества. Пестель, сколько ни былъ уменъ, хладнокровенъ и остороженъ, но не сумѣлъ скрыть своего унынія. Я тотчасъ понялъ, что отсутствіе двухъ третей членовъ—отсутствіе, котораго по своей самонадѣянности онъ никакъ не ожидалъ и не предвидѣлъ, сильно поразило его и внезапно ввергло въ совершенное отчаяніе. Его тоска, молчаливость испугала и заразила всѣхъ подобнымъ же чувствомъ: тутъ ясно увидѣлъ я, что все общество жило его душою, вдохновлялось только имъ, держалось только его умомъ, опередившимъ на много лѣтъ обра-

зование общественное; тутъ я точно убѣдился, что все наше предпріятіе было его личною затѣею, мечтою его честолюбія, игрушкою его ума, а не требованіемъ времени и народа. Съ свойственнымъ врожденнымъ мнѣ хладнокровіемъ я отозвалъ его въ сторону и сказалъ ему: «Ну, къ чему вы затѣяли эту глупость, Пестель, которая всѣхъ насъ погубить—и только! Сами вы не знаете, отъ кого и чего хотите, и дѣло ваше безсовѣстно!» Пестель поблѣднѣлъ отъ злости, но не могъ отвѣтить мнѣ ни одного слова. Я рѣшительно, откровенно и громко въ этотъ вечеръ объявилъ, что навсегда отрекаюсь отъ участія въ этомъ обществѣ, но, какъ честный человѣкъ, не обнаружу тайны, которую оно мнѣ довѣрило. Мое неожиданное отреченіе поразило всѣхъ: я въ первый и единственный разъ въ жизни нарушалъ свое слово! Изумленные моими словами и сознавая правоту моего отреченія, они не осмѣлились сказать мнѣ ни слова въ отвѣтъ. Я оставилъ ихъ въ совершенномъ недоумѣніи, и только на другой день узналъ я, что многіе изъ нихъ послѣдовали моему примѣру. 14-го числа я былъ въ строю царскомъ и по личному повелѣнію великаго князя привезъ пушки съ Выборгской стороны. Изъ этихъ пушекъ стрѣляли въ моихъ несчастныхъ товарищей. За эти пушки мнѣ обѣщали большую награду! Но не такъ случилось! По наговору товарищей, не простившихъ мнѣ отреченія, узнали, что я принадлежалъ къ тайному обществу. Меня арестовали, судили за доносъ о страшномъ дѣлѣ, за участіе; хоть временное, въ обществѣ. Судъ былъ правъ: я былъ преступникъ, я былъ величайшій изъ всѣхъ преступниковъ, какимъ справедливо счелъ меня царь. Меня отослали въ Шлюссельбургскую крѣпость. Заключение это было ужасно. Совершенное уединеніе, безмолвіе, сырость, голодъ, мучительная скука, продолжительная неизвѣстность о судьбѣ, меня ожидавшей, все это раздирало мнѣ душу, разрушало мою жизнь, какъ самая страшная пытка. Вѣрите ли, что въ первое время часовой, стоявшій у моихъ дверей, не смѣлъ мнѣ сказать, который былъ часъ, день или ночь на дворѣ? Это было ужасно, ужасно! Я впалъ въ совершенное отчаяніе, я могъ разлюбить все въ мірѣ и молилъ Бога о ссылкѣ куда бы то ни было—во всякую каторгу, лишь бы это время приблизилось. Какимъ соблазнительнымъ счастіемъ представлялась мнѣ свобода знать время дня, время ночи, дышать чистымъ воздухомъ, пить свѣжую воду и смотрѣть на небо... Въ тюрьмѣ такъ хочется взглянуть на небо! Наконецъ меня потребовали къ суду. Я зналъ, что нѣсколько дней я былъ преступникъ, и потому съ полнымъ равнодушіемъ и спокойствіемъ утвердилъ своею подписью всѣ обвинительные пункты, не прочтя ни одного. Мое флегматическое спокойствіе, упорное молчаніе поразили верховныхъ судей, имъ даже было жаль меня, я это видѣлъ. Они просили меня, чтобъ я оправдался, сколько могъ, я не хотѣлъ и не могъ. Меня отвели

въ Петропавловскую крѣпость. Здѣсь мнѣ было легче, и жена моя когда-нибудь расскажетъ вамъ лучше меня мою тогдашнюю жизнь. Генераль Б ¹⁾ часто навѣщалъ меня, подавалъ мнѣ добрые совѣты, просилъ меня написать что-нибудь въ свое оправданіе. Отвѣтъ мой былъ всегда одинъ и тотъ же. Я говорилъ ему, что я люблю отечество, что я вѣрный защитникъ царя, что, если бы я не привезъ пушекъ съ Выборгской стороны, нечѣмъ было бы разсыпать мятежниковъ. Но въ то же время я просилъ генерала не придавать никакой официальнойности моимъ словамъ, не передавать ихъ никому, просилъ, чтобъ осудили меня, какъ преступника, но безъ потери времени. Я считалъ для себя униженіемъ всякое оправданіе въ этомъ дѣлѣ, въ которомъ нисколько не участвовала моя воля, къ которому не принадлежало мое сердце, въ этомъ дѣлѣ, въ которое я былъ завлеченъ, какъ школьникъ, и отъ котораго я отрекся, какъ честный человѣкъ. Я чувствовалъ, какъ низко я былъ обманутъ, обольщенъ злымъ сослуживцемъ, я признавалъ его врагомъ своимъ, а отнюдь не товарищемъ и другомъ, я отъ всей души презиралъ толпу неразумныхъ мятежниковъ и 14-го числа я всею жизнію моею хотѣлъ запечатлѣть мое святое благоговѣніе къ русскому престолу. Пусть бы мои судьи спросили меня, какими чувствами живетъ душа моя и полно мое сердце: я бы потрясъ ихъ всѣхъ моимъ отвѣтомъ, какъ ни былъ я тогда еще молодъ, и не подняли бъ ихъ руки пера на приговоръ обо мнѣ. А они только спрашивали меня: былъ ли я членомъ общества, давно ли зналъ и отъ кого узналъ объ немъ и почему я не донесъ о томъ, что слышалъ или зналъ? На эти вопросы отвѣчать я не могъ и лучше предпочелъ за молчаніе пожертвовать жизнью, чѣмъ отвѣтомъ выиграть жизнь и потерять честь предъ кѣмъ бы то ни было, хоть бы предъ самымъ закоренѣлымъ разбойникомъ, съ которымъ я былъ товарищемъ только часъ одинъ! И разлюбилъ я моихъ судей больше враговъ моихъ, меня погубившихъ: ихъ наружныя ласки, вниманія, убѣжденія сдѣлались для меня несносны: въ душѣ моей ужъ я давно окончилъ самъ смертельный надъ собою приговоръ, имъ оставалось спѣшить исполненіемъ. Душа моя окрѣпла, если хотите, огрубѣла въ этихъ чувствахъ, и ничто уже не могло ее тронуть! Я ждалъ пытки, я жаждалъ петли и въ ожиданіи этого для меня блага я проводилъ дни и ночи въ лихорадочномъ бреду. Въ одинъ день дверь моей темницы отворилась. Ко мнѣ вошелъ генераль Бенкендорфъ. Видъ мой испугалъ его: въ непродолжительное время я сильно измѣнился. Я лежалъ подъ своею шинелью на арестантской койкѣ. На столикѣ подлѣ меня

---

¹⁾ Вѣроятно, генераль А. Х. Бенкендорфъ, назначенный въ 1826 г. шефомъ жандармовъ и начальникомъ III-го отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи.

отважно красовался огромный штофъ водки, доставленный мнѣ великодушнымъ часовымъ за большія деньги. Къ водкѣ, простой сивухѣ, я тогда уже привыкъ, какъ къ самому дѣйствительному утѣшенію, и любилъ ее, какъ лучшаго друга. Генераль вывелъ меня изъ темницы, и, когда я одѣлся, онъ посадилъ меня въ свою карету и увезъ меня, не сказавъ куда. Карета наша остановилась у главнаго подъѣзда въ Зимнемъ дворцѣ. Генераль отвелъ меня во внутреннія комнаты, и чрезъ нѣсколько минутъ я стоялъ предъ императоромъ въ его кабинетѣ. Не знаю, какое чувство своимъ присутствіемъ я возбудилъ въ царственной душѣ. Государь съ величайшимъ спокойствіемъ сказалъ мнѣ: «Анненковъ, ты пренебрегъ благодѣяніями моего покойнаго брата! Напоминаю тебѣ о нихъ, чтобъ показать тебѣ всю низость, отвратительность твоего поступка противъ меня, моей фамиліи, моихъ дѣтей, моей Россіи!» Государь говорилъ со мною долго. На вопросы его всё мои отвѣты были холодны и не согрѣты никакимъ чувствомъ. Никакое раскаяніе для меня было невозможно; я больше года просидѣлъ въ заключеніи и въ этотъ тяжелый годъ я отрекся отъ всего въ мірѣ, отъ всякой мысли и желанія возвратиться къ прежнему счастью. Государь хотѣлъ спасти меня, онъ жалѣлъ обо мнѣ. Каждое его слово, сказанное мнѣ, выражало величество его христіанской души, ангельскую, святую доброту сердца, евангельское незлобіе на преступника, и наконецъ я увидѣлъ слезу на печальномъ лицѣ вѣнценосца. «*Baissez la main de l'Empereur*», сказалъ мнѣ генераль Бенкендорфъ. Я не отвѣчалъ ни слова, но руки помазанника Божія не поцѣловаль! Государь сдѣлалъ знакъ, чтобъ я удалился. Генераль Бенкендорфъ опять отвезъ меня въ крѣпость; во все время въ каретѣ онъ молчалъ и горько плакалъ. Черезъ часъ мнѣ объявили сентенціи суда, набили мнѣ на ноги кандалы, и курьерская тройка съ фельдъегеремъ понесла меня въ Сибирь. Это было въ самые жестокіе морозы. На мнѣ была одна холодная офицерская шинель. Въ три недѣли мы были уже за Байкаломъ. Я опомнился въ острожной больницѣ въ Читѣ. Руки, ноги—все было у меня отморожено. Сильная простуда грозила мнѣ смертію, я былъ тяжело боленъ...

— Однако, который часъ?—спросилъ меня Анненковъ.

Я взглянулъ на часы,—былъ уже четвертый часъ утра. Анненковъ вскочилъ съ дивана.

— Ахъ, Боже мой! Какъ я у васъ засидѣлся. Меня ждуть дома, тамъ всё плачутъ. Я обѣщалъ съѣздить къ вамъ на одну минуту, только за совѣтомъ, а вотъ разболтался о пустякахъ и не видалъ, какъ прошла ночь.

— О какихъ пустякахъ?—спросилъ я.

— Да, разумѣется, о пустякахъ. На пятидесятомъ году жизни на все смотришь равнодушно, и въ двадцать лѣтъ заживетъ всякая

сердечная рана. Вѣдь я уже въ Сибири двадцать лѣтъ!.. Какая досада, что я не успѣлъ переговорить съ вами объ моемъ дѣлѣ, а завтра идетъ почта, нужно писать!

Я обѣщаль быть у него утромъ. Когда Анненковъ оставилъ меня, невѣдомыя дотолѣ, новыя чувства овладѣли всей моею душою. То жаль мнѣ было этого человѣка и грустно за него. То опять я жалѣть даже объ немъ не смѣлъ. Страданія его дѣйствительно, какъ страданія нравственныя, были велики! Невозвратимая его утрата имени, жизни, всякаго значенія въ томъ свѣтѣ, въ которомъ и знатность рода и благородство его неопытной, но высокой души ставили его на первое мѣсто, лишеніе этого значенія, внезапно разрушеннаго соблазнительною восторженностью его искусителя, который, не спросясь его, юноши, похитилъ всю дѣвственность, чистоту, невинность его сердца, всю лучшую его любовь и гордость, его безграничную преданность царю,—вотъ что меня заставляло скорбѣть за него. Я видѣлъ въ немъ несчастную жертву самолюбивой прихоти вольнодумца, я видѣлъ въ немъ нечаяннаго преступника, я видѣлъ въ немъ трупъ прекраснѣйшаго созданія, безжалостно отравленнаго страшнымъ, тайнымъ ядомъ, какого не изобрѣталъ весь чудовищный тартаръ, и который такъ соблазнительно изобрѣтенъ былъ, къ стыду сказать, духомъ нашего общества. Вотъ почему этотъ человѣкъ былъ мнѣ жалокъ. Но непріятенъ онъ былъ мнѣ, когда я вспоминалъ о выпавшей за него слезѣ изъ святыхъ очей великаго царя, этой слезѣ, небесной посланницѣ, имъ, измѣнникомъ, не оцѣненной и не сознанной, какъ Іудею Христосъ, слезѣ, предъ которою онъ, преступникъ, долженъ былъ бы пасть ницъ и молить объ одной величайшей имъ не заслуженной милости—самой страшной казни! Такъ бы по крайней мѣрѣ сдѣлалъ я, а онъ этого сдѣлать не захотѣлъ»...

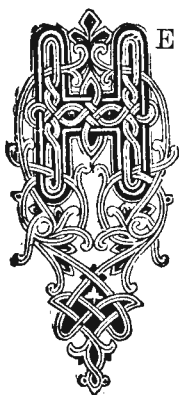
И. В. Погоржанскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НѢСКОЛЬКО ВОСПОМИНАНІЙ О ГРАФѢ А. К. ТОЛСТОМЪ И ЕГО ЖЕНѢ.

Е ХОТѢЛОСЬ бы и возвращаться вновь къ грязной исторіи, которую кому-то понадобилось выдумать о рожденіи Алексѣя Толстого, но эта выдумка до того возмутительна, что я, съ своей стороны, считаю обязанностью сообщить по сему вопросу, что мнѣ извѣстно, хотя явная ложь эта и клевета была уже опровергнута М. А. Жемчужниковымъ.

Младшая дочь Марьи Михайловны Соболевской была моя мать, Софья Алексѣевна (а не Анна Алексѣевна); родилась она 21-го мая 1811 года и вышла замужъ за князя Владимира Владимировича Львова, моего отца, въ 1830 году. Въ то время Алексѣю Толстому было уже тринадцать лѣтъ, и, по рассказамъ матери, онъ къ ея свадьбѣ написалъ поздравленіе въ стихахъ, которое, къ сожалѣнію, не сохранилось. Послѣ свадьбы моя мать ѣздила въ Малороссію со своимъ мужемъ и рассказывала всегда много любопытнаго объ этой поѣздкѣ. Бабушка Марья Михайловна была въ то время давно замужемъ за генераломъ Петромъ Васильевичемъ Денисовымъ. Огромный домъ ихъ въ Малороссіи былъ поставленъ на старинный ладъ, они держали множество прислуги и постоянный домашній оркестръ изъ крѣпостныхъ людей. Оркестръ этотъ ежедневно игралъ на хорахъ залы во время обѣда, длившася нерѣдко два часа и долѣе. Подавалось невѣроятное количество блюдъ, никогда менѣ двѣнадцати, причемъ генераль бралъ отъ каждаго блюда по два раза. Къ обѣду Марья Михайловна выходила всегда одѣтая очень нарядно и въ

чепецъ съ цвѣтами, а Петръ Васильевичъ въ генеральскомъ мундирѣ, подъ звуки марша съ хоръ.

Генераль умеръ, какъ говорятъ, «отъ объяденія» на нѣсколько лѣтъ ранѣе жены. У меня сохранился акварельный портретъ бабушки Марьи Михайловны съ надписью на обратной сторонѣ рукой моего отца: «15-го марта 1838 г.». Я предполагала, что это и есть дата ея кончины, между тѣмъ М. А. Жемчужниковъ пишетъ въ своей статьѣ, что она скончалась въ 1836 году. Возможно, что онъ зналъ вѣрнѣе, когда бабушка скончалась. Достоверно и то, что Алексѣй Алексѣвичъ Перовскій скончался въ 1836 году. Трудно было бы ему «впервые увидеть сестру Анну у гроба матери!» Въ то время Алексѣю Толстому было уже девятнадцать лѣтъ, такъ какъ онъ родился 24-го августа 1817 года.

Мнѣ хорошо извѣстно, что бабушка никогда не была за границей; она жила и скончалась въ своемъ имѣннѣ въ Малороссіи.

Покончивъ съ этой грязной исторіей, перехожу къ личнымъ воспоминаніямъ.

Мнѣ нѣсколько разъ случалось допытываться, почему тетушка Анна Алексѣевна не жила съ мужемъ? Моея мать не давала опредѣленнаго отвѣта, какъ мнѣ казалось, отъ нежеланія обвинить любимую сестру. Она говорила: «Не сошлись характерами! Толстой былъ, кажется, прекрасный человѣкъ, но попиваль. Она его не любила, ее выдали за него. Надо сказать правду, что не всякій могъ и ужиться съ Annette; у нея было столько причудъ!»

О «причудахъ» Анны Алексѣевны у насъ въ семьѣ ходило много разсказовъ. Она, повидимому, не признавала никакихъ границъ своей волѣ, чему способствовало ея огромное состояніе, но была очень добра и щедра и рѣдко отказывала въ обращенной къ ней просьбѣ. Она тратила деньги безумно. Нѣсколькимъ магазинамъ, поставлявшимъ матерію ко двору императрицы, Анной Алексѣевной данъ былъ приказъ присылать и ей точно такія же матеріи, какія покупались императрицей. Большая часть изъ нихъ, однако, не шла въ дѣло, а складывалась въ сундуки. Послѣ кончины тетушки куски дорогого штофа и бархата были розданы разнымъ лицамъ, между прочимъ присланы и моей матери, которая изъ нихъ заказала нѣсколько облаченій въ нашу церковь.

Разсказывали, что на какомъ-то торжествѣ Анна Алексѣевна появилась въ шляпѣ съ бѣлыми страусовыми перьями, совершенно одинаковой съ шляпой, которая была на императрицѣ. Государь, будто бы, замѣтилъ это и былъ очень недоволенъ, что и передали Аннѣ Алексѣевнѣ. Тѣмъ не менѣе она и послѣ того заказывала и надѣвала шляпы и платья, одинаковыя съ туалетами императрицы!

Анна Алексѣевна была очень красива и имѣла особенно бѣлый, нѣжный цвѣтъ лица. Въ послѣдніе годы жизни она страшно растолстѣла и задыхалась. Она не могла спать на кровати, а спала

на матрасъ, положенномъ на полу, и скончалась внезапно, отъ удара. Странно, что ея сынъ тоже любилъ лежать на полу!

Въ раннемъ дѣтствѣ я помню двоюроднаго брата Алексѣя Толстого очень смутно; знаю только, что было весело, когда онъ къ намъ прїѣзжалъ, всегда жизнерадостный и занимательный. Помню, что въ семьѣ тайноупоминалось о какой-то Софьѣ Андреевнѣ, говорилось, что тетенька Анна Алексѣевна при жизни гнѣвалась за нее на сына и печалилась этой привязанностью Алеши, и въ моемъ дѣтскомъ умѣ сложилось представленіе о томъ, что Софья Андреевна какая-то ужасная женщина, которая губить горячо любимаго мною бѣднаго Алешу.

Когда моя мать получила письмо отъ Толстого съ сообщеніемъ, что онъ обвинялся съ Софьей Андреевной, было много разговоровъ въ семьѣ, мать плакала и повторяла: «Бѣдная, бѣдная Annette! Если бъ она это знала!»

Осенью 1863 года мы поѣхали за границу и въ Дрезденѣ видѣли Толстого проѣздомъ. Софьи Андреевны почему-то не было съ нимъ, а лѣтомъ 1864 года онъ прїѣзжалъ къ намъ въ Соденъ съ А. Мухановымъ и, какъ я позже узнала, просилъ позволенія моей матери привезти представить ей свою жену, но это свиданіе не состоялось, и наша семья познакомилась съ Софьей Андреевной гораздо позже. Моя мать и сестры, послѣ Содена, переѣхали въ Швальбахъ, гдѣ въ то время была императрица Марія Александровна. Туда прїѣхалъ и Толстой, вызванный для прочтенія императрицѣ своей трагедіи «Смерть Іоанна Грознаго». Онъ много говорилъ о милостивомъ къ нему вниманіи государыни и былъ отъ нея въ восторгѣ. Онъ пробылъ въ Швальбахѣ довольно долго. Здѣсь онъ сдѣлалъ неосторожность, которая чуть было не стоила ему жизни. Желѣзистыя воды источниковъ въ Швальбахѣ, какъ извѣстно, очень сильны. Утромъ, гуляя съ моими сестрами, Толстой захотѣлъ попробовать воды изъ Штальбруннена и, несмотря на предупрежденія, выпилъ нѣсколько стакановъ воды, которой вкусъ ему понравился. Онъ и тогда уже страдалъ сильными приливами крови къ головѣ. Къ вечеру ему стало такъ дурно, что послали за докторомъ, который принялъ энергичныя мѣры. Черезъ нѣсколько дней Толстой оправился, но говорилъ, что онъ никогда въ жизни не чувствовалъ себя такъ нехорошо. Гораздо позднѣе, когда онъ такъ страдалъ отъ головныхъ болей, мнѣ часто случалось отъ него слышать: «Голова такъ болитъ, какъ тогда, послѣ Штальбрунна».

Во второй половинѣ лѣта 1865 года Толстой прїѣхалъ къ намъ въ Рюдесгеймъ. Онъ казался чѣмъ-то очень разстроенымъ и озабоченъ. Какъ ребенокъ, я не знала причины его разстройства, но чувствовала, что ему очень не по себѣ. Мы жили на самомъ берегу Рейна, въ домѣ, пристроенномъ къ старой, средневѣковой

круглой башнѣ. Башня отлично сохранилась со своими бойницами, узенькими окнами съ разноцвѣтными стеклами, вся увитая плющемъ и глициніей. Въ нижнемъ этажѣ ея была устроена гостиная, прямо изъ которой лѣстница внитомъ вела во второй, потомъ въ третій этажъ и наконецъ на плоскую крышу башни. Толстой забрался туда и усѣлся на какомъ-то деревянномъ чурбанѣ, а я расположилась у его ногъ. Видъ съ башни былъ чудный. Прямо у ногъ ея тихо катились мелкой зыбью покрытыя воды Рейна и далеко былъ виденъ широкій его просторъ внизъ и вверхъ по теченію, зеленыя горы на противоположной сторонѣ. Толстой былъ въ восторгѣ. Онъ долго сидѣлъ въ глубокомъ раздумѣ, опираясь подбородкомъ на ладонь, прислушиваясь къ равномѣрному стуку колесъ пароходовъ, къ плеску воды, и, кажется, совсѣмъ забылся. А я боялась пошевелиться, сидя у его ногъ, и не спускала глазъ съ него. Я боялась потревожить его думы. Наконецъ онъ какъ будто проснулся и вспомнилъ обо мнѣ.

— Ты еще здѣсь, Луиза?—спросилъ онъ, ласково мнѣ улыбаясь.

Онъ почему-то всегда называлъ меня Луизой, сначала дразня меня этимъ нѣмецкимъ именемъ, потому что я не любила пѣмцевъ, а потомъ оно вошло у него въ привычку.

— Какія вы счастливыя, что здѣсь живете!—сказалъ онъ:— не уѣзжалъ бы отсюда!

— Отчего ты грустный сегодня?—рѣшилась я вдругъ спросить.

Онъ не сразу отвѣчалъ. Провелъ рукой по своимъ волосамъ и на глазахъ у него заблестѣли слезы.

Ой, кабы рѣченька Рейнъ да вспять побѣжала,
Кабы можно, братцы, начать жить съ начала!

—сказалъ онъ. Потомъ бросилъ еще долгій взглядъ на Рейнъ и вздохнулъ.

— А у насъ въ Красномъ Рогу все-таки лучше!—проговорилъ онъ и, точно повеселѣвъ, схватилъ меня за руку и побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ.

Въ 1868 году Толстые пріѣзжали осенью въ Москву, и на этотъ разъ Софья Андреевна была всюду принята у родныхъ, но она не произвела хорошаго впечатлѣнія. Она держала себя съ какой-то напускной холодностью и всѣхъ отталкивала. Съ этихъ поръ мы съ Толстымъ стали изрѣдка обмѣниваться письмами, большей частью въ шутовомъ тонѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

«Въ Красномъ Рогу. 11-е ноября 1868 г.

«Милая Луиза, въ отвѣтъ на твое сообщеніе, вотъ тебѣ нравоучительный рассказъ:

КОФЕЙНИКЪ И ВИЛКА

Угроздило кофейникъ
 Съ вилкой въ рошѣ погулять.
 Набрели на муравейникъ;
 Вилка—ну его пырять!
 Расходилась! Я храбра-де!
 Тычетъ вдоль и поперекъ.
 Муравьи, спасенья ради,
 Поползли куда кто могъ.
 А кофейнику потѣха:
 Руки въ боки, кверху носъ,
 Надсѣдается отъ смѣха:
 «— Исполати! Аксіось!
 «Веселися, храбрый Россъ!»
 Тутъ съ него свалилась крышка
 Муравьевъ взяла одышка,
 Всѣ отчаялись и вотъ
 Наползли къ нему въ животь.
 Подѣломъ тебѣ, кофейникъ!
 Впредь не суйся въ муравейникъ!
 Не смотри, какъ ротозѣй,
 Усмирай характеръ пылкій,
 Избирай своихъ друзей
 И не связывайся съ вилкой!

«А».

«Спб. 30-го марта 1870 г.

«Permettez, chère cousine, de déposer un baiser de vieux troupiier sur votre front innocent. Нѣтъ, кромѣ шутокъ, нагряну къ вамъ на дняхъ и лобызну васъ всѣхъ взаправду. Градъ Петра (совсѣмъ не Великаго, на мой взглядъ) надоѣлъ до смерти! Гвусъ вонъ отсюда, а Маркевичъ держитъ! Вѣдь грачи ужъ прилетѣли, даже жаворонки, а я все еще здѣсь! Признаться,—заботъ полонъ ротъ! Не знаю, какъ и справиться со всѣмъ этимъ. Не прожую никакъ. Ну, держитесь крѣпче, скоро приѣду!
 А».

Зиму 1873—74 года Толстые прожили въ Ментонѣ, а мы—въ Ниццѣ, и мы съ ними видѣлись часто. Толстой ужасно страдалъ уже въ это время. Говорили, что у него, будто бы, подагра въ головѣ! Приливъ крови къ головѣ былъ страшный, лицо его было постоянно багровое, все пронизанное толстыми, синими жилами. Иные дни мучительно было на него смотрѣть. Тѣмъ не менѣе, какъ только боль немного утихала, онъ снова шутилъ и всѣхъ смѣшилъ.

Въ январѣ 1874 года я получила отъ него длинное письмо, которое кончалось такими словами:

«Что жъ вы къ намъ не ѣдете? Мы съ Софьей Андреевной ждемъ васъ къ себѣ, съ позволенья сказать, съ распростертыми объятіями.

У насъ тихо и хорошо, море голубое и кроткое, плещется какъ малое дитя у нашихъ ногъ; вездѣ цвѣтутъ розы и жасминъ и воздухъ благовоняетъ. Пріѣзжай скорѣе, Луиза, и влечи за собой своихъ сородичей. Здѣсь сейчасъ Жемчужниковъ Алексисъ съ супругой и со чады. На нашемъ домѣ плоская крыша, на которую совсѣмъ не нужно взбираться по водосточной трубѣ, сидѣть же на ней и уноситься взоромъ въ туманную даль моря—весьма недурно! Внизу есть комната, нарочито приготовленная для васъ, до оконъ которой добѣгаютъ волны, когда поднимается буря.

«Безъ всякаго зазрѣнія совѣсти лобызаю всѣхъ васъ мысленно, пока не лобызну въ реальности».

Villa Tranquille du Parc, въ которой жили Толстые, была старинный и старый домъ, совершенный особнякъ среди обширнаго, запущеннаго сада—рощи лимонныхъ и оливковыхъ деревьевъ, возлѣ самаго Cap Martin. Домикъ двухъэтажный, очень оригинальной постройки «покоемъ», съ террасой на крышѣ, мѣстами съ обвалившейся штукатуркой, былъ обращенъ обоими концами «покоя» къ морю, выкрашенъ розовой краской и весь размазанъ, по старой итальянской модѣ. Тутъ нарисованы были и голуби, и вьющіяся растенія, въ одномъ мѣстѣ—каменная лѣстница, кое-гдѣ изображены были окна съ закрытыми «жалюзи»; изъ-за одной изъ нихъ выглядывала головка молодой дѣвушки. Толстой, видимо, наслаждался своимъ жилищемъ, но говорилъ, что тутъ слѣдовало бы жить «по-отшельничьи», а не съ такимъ огромнымъ штатомъ прислуги. Здѣсь я въ первый разъ замѣтила постоянное разногласіе между нимъ и его женой изъ-за ея безумной роскоши.

Толстой намекалъ нѣсколько разъ на разстройство денежныхъ дѣлъ, говорилъ при мнѣ Жемчужникову, что онъ не можетъ продолжать жить, какъ жилъ, и что родня «Софы» его задушила...

Жили они въ Villa Tranquille совсѣмъ помѣщиками. У нихъ былъ дорогой поваръ, на непомерный расходъ котораго жаловалась сама Софья Андреевна, нѣсколько человѣкъ мужской прислуги и женской. При Толстомъ былъ его камердинеръ, Михаилъ Дураковъ, который, по его словамъ, «усердно оправдывалъ свою фамилію», и котораго стоило держать при себѣ «хотя бы замѣсто шута». Этотъ Михаилъ очень долго служилъ у Алексѣя, то сердилъ его, то забавлялъ неожиданными выходками. Глупость его была невѣроятная,—«не простая, а махровая», говорилъ Толстой.

Софья Андреевна встрѣтила насъ чрезвычайно любезно и предупредительно, но ея любезность намъ всѣмъ казалась неискренней. Да она и всегда какъ будто разыгрывала какую-то роль. Ея внимательный уходъ за Толстымъ въ то время былъ очень трогателенъ.

Въ день нашего прїѣзда дулъ сильный вѣтеръ, море расходилось не на шутку, и вода затопила маленькій садикъ, помѣщавшійся между обѣими выдвинутыми впередъ частями дома. Приготовленная для насъ комната была въ нижнемъ этажѣ, возлѣ столовой. Жутко было смотрѣть, какъ громадныя волны съ шапкой изъ бѣлой пѣны, гораздо выше оконъ, неслись прямо на домъ, и казалось—вотъ сейчасъ его затопятъ. Брызги летѣли въ стекла, и гулъ стоялъ такой, что всю ночь невозможно было уснуть; въ комнатѣ все дрожало, звенѣло, какъ будто комната была каюта парохода. Къ утру, однако, стихло. Въ теченіе дня море совсѣмъ успокоилось, а на другой день оно было лазурное, съ самой легкой зыбью, набѣгавшей на прибрежныя камешки. Послѣ поздняго обѣда вся наша компанія перебралась на крышу, гдѣ подъ защитой тента было устроено удобное ложе для Толстого. Съ нами былъ и Алексѣй Жемчужниковъ съ женой. Вечеръ былъ чудный, мягкій, теплый, душистый. Полная луна кидала свой свѣтъ блестящей полосой по морю, и поверхность воды искрилась серебряными чешуйками. Воздухъ былъ весь насыщенъ запахомъ цвѣтущихъ лимоновъ, розъ и жасмина.

Толстой говорилъ, что чувствуетъ себя такъ хорошо, какъ уже давно не чувствовалъ, перекидывался съ Алексѣемъ Жемчужниковымъ забавными анекдотами, воспоминаніями и экспромтами въ стихахъ.

— А что, какъ вы всѣ думаете,—говорилъ Толстой:—вотъ бы кто-нибудь намъ съ моря серенаду спѣлъ! Хорошо бы!

Не прошло нѣсколько минутъ, какъ до насъ сталъ доноситься плескъ весель и какъ будто сдержанные, тихіе звуки струннаго инструмента. Показалась лодка, все ближе, ближе. Поровнявшись съ домомъ, но не подходя къ берегу, гребцы подняли весла, прозвучало нѣсколько аккордовъ на гитарѣ, и красивый, сильный теноръ запѣлъ по-русски романсъ на слова Толстого:

Осень; осыпается весь нашъ бѣдный садъ,
Листья пожелтѣлые по вѣтру летать...

Толстой казался взволнованнымъ. Онъ поднялся съ дивана, сѣлъ и сталъ слушать. Сидящихъ въ лодкѣ нельзя было разсмотрѣть. Чудно хорошо звучалъ бархатный, молодой теноръ въ пахучей тишинѣ южной ночи. Онъ пѣлъ все съ большимъ чувствомъ, и, когда при повтореніи страстныхъ словъ:

Не умѣю высказать, не умѣю высказать, какъ тебя люблю!—

онъ замолкъ, я взглянула на Толстого, въ его глазахъ блестѣли слезы. Въ лодкѣ нѣсколько голосовъ запѣло: «Боже, царя храни!» Мы всѣ встали и, подойдя къ каменному парапету террасы, стали

тоже пѣть. Пѣла и Софья Андреевна своимъ сочнымъ, мягкимъ контральто. Потомъ на лодкѣ закричали: «ура!» и мы отвѣчали «ура!» Весла опустились въ воду, засверкали съ нихъ серебряные блестяки, лодка стала медленно удаляться и скрылась изъ виду. Мы такъ и не узнали, кто были таинственные пѣвцы.

На другое утро, за завтракомъ разговоръ коснулся происше- ствія предыдущаго вечера.

— *Tout cela était absurde!*—отрѣзала Софья Андреевна.

Толстого, видимо, покорило отъ словъ жены, но онъ ничего не сказалъ.

Его мягкое, какъ воскъ, сердце легко было тронуть, и слезы часто выступали у него на глазахъ, но Софья Андреевна всегда какимъ-нибудь рѣзкимъ замѣчаніемъ разрушала его настроеніе, что, видимо, заставляло его страдать, но онъ никогда не возражалъ, а если причиненная ему боль была сильна, онъ молча уходилъ къ себѣ въ кабинетъ.

Слѣдующимъ лѣтомъ Толстые поѣхали въ Карлсбадъ, куда вскорѣ отправились мы вдвоемъ съ сестрой, которая должна была тамъ лечиться.

Толстые жили на Мариенбадерштрассе, недалеко отъ русской церкви и въ домѣ рядомъ, «Stadt Moskau», приготовили для насъ квартиру. На вокзалѣ насъ встрѣтилъ все тотъ же Михаилъ Дураковъ съ коляской, причемъ особенно выпукло проявилась его глупость, такъ забавлявшая Толстого.

Михаилъ встрѣтилъ насъ съ улыбкой и словами:

— Пермете деманде, ву княжны Львовы?

— *Précisement*,—отвѣтила сестра, едва сдерживая смѣхъ, чѣмъ привела Дуракова въ полное недоумѣніе, такъ какъ слово «*précisement*» было ему, вѣроятно, незнакомо.

Услыхавъ отъ насъ разсказъ объ этой встрѣчѣ, Толстой спросилъ у Михаила:

— Скажи, пожалуйста, что тебѣ вздумалось заговорить съ княжнами по-французски?

Михаилъ отвѣтилъ, не задумываясь:

— Да какъ же, ваше сіятельство, я вѣдь ихъ въ послѣдній разъ видѣлъ въ французской землѣ.

— А зачѣмъ же ты спросилъ, онѣ ли это? Развѣ ты ихъ не узналъ?

— Я, ваше сіятельство, думалъ, что, можетъ быть, княжны меня не узнали!—былъ отвѣтъ.

Толстой долго забавлялся этой исторіей и говорилъ, что «махровая» глупость Михаила на этотъ разъ дошла до гениальности.

Мы застали Толстого въ гораздо худшемъ состояніи здоровья, чѣмъ оставили его въ Ментонѣ. Онъ безъ перерыва страдалъ го-

ловой. Страшно было смотрѣть на его темно-красное, съ синими жилами лицо и налитые кровью глаза. Даже походка его измѣнилась; онъ ходилъ медленно, осторожно, боясь пошевелить головой, какъ будто несъ на плечахъ какую-нибудь непосильную тяжесть.

Во время этой нашей совмѣстной жизни въ Карлсбадѣ я близко присмотрѣлась къ Толстымъ. У меня сложилось впечатлѣніе, что Алексѣй не былъ счастливъ съ своей Софой! По крайней мѣрѣ въ это время. Иногда она была даже груба съ нимъ, онъ какъ будто ей надоѣлъ, или ей надоѣло ухаживать за нимъ. А онъ, бѣдный, такъ страдалъ! Такъ нуждался въ ласкѣ и сочувствіи! Кромѣ того, его прямой, правдивый, честный характеръ не допускалъ ни малѣйшей сдѣлки съ совѣстью даже въ пустякахъ, а она всегда была неискренна, какъ будто всегда разыгрывала какую-то роль. Сколько разъ, глядя на ея вынужденную улыбку и наблюдая за нею, я вспоминала его слова:

Не хочу я, чтобъ ты притворялася
И къ улыбкѣ себя принуждала бы!

Да, она притворялась постоянно и какъ будто что-то въ себѣ таила. Она, видимо, и сама страдала какимъ-то внутреннимъ разладомъ.

Однажды вечеромъ разговоръ зашелъ о девизахъ, и на вопросъ Толстого:

— Et la tienne, Sophia?

Она отвѣтила тотчасъ же:

— Je cherche, mais je doute de tout.

Въ этомъ и крылась, можетъ быть, причина постоянной «мать-тоски, горе-гореваньца», которая ее мучила. Выраженіе страданія на лицѣ Толстого при этихъ словахъ Софьи Андреевны не дало мнѣ покоя всю ночь. На другое утро, идя съ Алексѣемъ по тѣнистой дорожкѣ послѣ того, какъ онъ выпилъ свою воду, я обратилась къ нему съ довольно грубымъ вопросомъ:

— Алеша, ты вѣруешь въ Бога?

Онъ хотѣлъ было, по обыкновенію, отвѣтить шуткой, но, вѣроятно, замѣтивъ серьезное выраженіе на моемъ лицѣ, передумалъ и какъ-то конфузливо отвѣтилъ:

— Слабо, Луиза!

Я не вытерпѣла.

— Какъ! Ты не вѣруешь?—воскликнула я.

— Я знаю, что Богъ есть,—сказалъ онъ:—думаю, что въ этомъ я не сомнѣваюсь, но...

— Алеша, ты на себя клеветашь,—перебила я:—сойди на самую глубину сердца, поройся тамъ, можетъ быть, ты самъ забылъ, что у тебя тамъ хранится подъ всякимъ хламомъ. Вспомни, что говорилъ въ былое время:

Зачѣмъ не въ то рожденъ я время,
Когда межъ нами, во плоти,
Неся мучительное бремя,
Онъ шелъ на жизненномъ пути!
Зачѣмъ я не могу нести,
О, мой Господь, Твои оковы,
Твоимъ страданіемъ страдать
И крестъ на плечи Твой пріять
И на главу вѣнецъ терновый!
О, если бъ могъ я лобызать
Лишь край святой Твоей одежды,
Лишь пыльный слѣдъ Твоихъ шаговъ!
О, мой Господь, моя надежда,
Моя и сила, и покровъ!
Тебѣ хочу я всѣ мысленья
Тебѣ всѣхъ пѣсней благодать,
И думы дня, и ночи бдѣнья,
И сердца каждое биенье,
И душу всю мою отдать!

Неужели это, и многое другое, было только мимолетнымъ, поэтическимъ порывомъ?

— Какъ ты хорошо помнишь все это наизусть!—сказалъ онъ, улыбаясь.

На этомъ разговоръ оборвался, къ намъ подошла Софья Андреевна.

Вечеромъ въ тотъ же день мы поѣхали кататься на Aaberg въ коляскѣ вчетверомъ: моя сестра, Толстой, Софья Андреевна и я. Вечеръ былъ чудный. Коляска мягко катилась по широкой, гладкой дорогѣ среди вѣкового чернолѣся. Воздухъ весь былъ насыщенъ запахомъ влажной зелени, послѣ прошедшей днемъ сильной грозы. Толстой откинулся назадъ, молча дышалъ и наслаждался.

Когда мы пріѣхали на Aaberg, вышли изъ коляски и направились на террасу, съ которой открывается такой чудный видъ на долину, Толстой крѣпко сжалъ мою руку и сказалъ:

— Ты права, Луиза, но все завалено хламомъ!

Вѣчная затаенная грусть Софьи Андреевны, не смѣю опредѣлить, настоящая ли, или напускная, несомнѣнно дѣйствовала и на творчество Толстаго; она, кромѣ того, охлаждала его порывы какой-то равнодушной, а иногда и насмѣшливой критикой. Кто знаетъ, можетъ быть, еще многое онъ оставилъ бы намъ, если бы не задушилъ подъ «всякимъ хламомъ» именно то настроеніе, подъ вліяніемъ котораго были написаны «Іоаннъ Дамаскинъ», «Грѣшница», «Донъ-Жуанъ». Это направленіе было ему въ молодости всего болѣе по душѣ. Софья Андреевна была хорошею критикъ и чутко подмѣчала все, что касалось изящества формы, но она мертвымъ дыханіемъ сомнѣнія и невѣрія глушила порывы души мужа.

Тургеневъ высоко цѣнилъ Софью Андреевну, какъ критика, и часто присылалъ ей свои рукописи для прочтенія. Я слышала отъ нея такой разсказъ. Она получила отъ Ивана Сергѣевича рукопись съ просьбой прочесть ее и сказать ему свое мнѣніе какъ разъ въ то время, когда они съ Толстымъ откуда-то уѣзжали. Въ суматохѣ, укладывая вещи, она куда-то сунула рукопись, и рукопись пропала! Напрасны были все поски, она такъ и не нашлась. Тургеневъ черезъ нѣсколько времени писалъ Софьѣ Андреевнѣ, прося ее со свойственной ему деликатностью прислать ему обратно его сочиненіе и объясненія, что у него не осталось ни копій, ни черновика. Софья Андреевна не могла равнодушно говорить объ этомъ, она, буквально, краснѣла и блѣднѣла. Она такъ и не рѣшилась никогда сознаться Тургеневу въ своей оплошности, а онъ, спросивъ раза два, вѣроятно, догадался о пропажѣ рукописи и болѣе о ней не упоминалъ.

Помню, въ Карлсбадѣ Толстой читалъ намъ своего «Посадника», увлекаясь и волнуясь и, по обыкновенію, съ нѣсколько преувеличеннымъ пафосомъ. Мы все слушали его съ наслажденіемъ. Когда онъ кончилъ два первыхъ дѣйствія и отдыхалъ, Софья Андреевна сдѣлала такое замѣчаніе, что насъ всехъ больно рѣзнуло по сердцу. Я не помню въ точности ея словъ. Несмотря на наши просьбы, Толстой уже не захотѣлъ прочесть намъ третьяго дѣйствія и далѣе онъ уже не писалъ. Между тѣмъ ранѣе я слышала отъ него, что онъ особенно сильно «чувствуетъ» именно это свое твореніе. Его Наталья была близка его сердцу, и понятно: Толстой былъ не только русскій по своимъ чувствамъ, но вполне простонародно-русскій, и характеръ Натальи, смиренный (или «смирный», какъ говоритъ народъ), покаянный, вылился у него непосредственно и жизненно. Софья Андреевна не могла ее понять. На другой день мы съ Толстымъ заговорили о «Посадникѣ», и онъ съ глубокой грустью признался, что врядъ ли окончить его. Я стала возражать.

— Она мнѣ крылья обрѣзала,—сказалъ онъ:—можетъ быть, послѣ когда-нибудь.

И онъ заговорилъ о другомъ.

Въ одномъ нельзя было Софьѣ Андреевнѣ отказать: въ умѣнѣ очаровать, когда она этого хотѣла. Она никогда не была красива, но ея бархатный, грудной голосъ, ея необыкновенный умъ и образованность, ея нѣсколько вкрадчивая манера опутывали и увлекали мужчинъ, вѣроятно, неудержимо, особенности въ молодости. Женщины относились къ ней менѣе дружелюбно. Толстого, съ его мягкимъ сердцемъ, она покорила себѣ всецѣло и крѣпко держала его всю жизнь; онъ ей былъ нуженъ, какъ «интересная рамка» для нея самой. Врядъ ли она его горячо любила! Одинъ нашъ общій знакомый такъ выразился о ней: «Elle se laisse adorer, mais elle

n'adore pas. Son cœur reste froid et incapable d'amour, mais elle joue bien son rôle».

Этотъ жестокий, безпощадный приговоръ, пожалуй, хотя отчасти былъ справедливъ.

А Толстой такъ беззавѣтно любилъ свою «Софу» и цѣнилъ ее такъ высоко! Онъ любилъ выставять ея качества, гордился ею и ступшевывался передъ нею охотно; а она нерѣдко относилась къ нему прямо пренебрежительно. Между тѣмъ, не будь она женой Алексѣя Толстого, кто бы помнилъ Софью Андреевну! Разумѣется, она хорошо это понимала.

При большомъ умѣ она была чрезвычайно образована и соединяла огромную пацтанность съ необыкновенной памятью. Не было, кажется, отрасли знанія, въ которой она не была бы свѣдуща. Толстой называлъ ее своей энциклопедіей; онъ говорилъ, что, когда ему нужна какая-нибудь справка, ему нѣтъ надобности рыться въ книгахъ, надо только спросить у Софы. Зная хорошо нѣсколько новыхъ языковъ, она изучила и древніе. Въ Карлсбадѣ она занималась санскритскимъ. Она никогда не козыряла своей ученостью и рѣдко выказывала свою пацтанность, развѣ вслѣдствіе прямо обращеннаго къ ней вопроса вступала въ ученый разговоръ. Въ Карлсбадѣ, пока мы тамъ были, пріѣхалъ изъ Лейпцига нарочно, чтобы познакомиться съ Толстымъ, какой-то старый нѣмецкій профессоръ. Толстой терпѣть не могъ такихъ посѣщеній, онъ пресмѣшно конфузился, какъ школьникъ, и говорилъ, что ему хотѣлось всегда такихъ господъ «чѣмъ-нибудь огоршить».

Онъ все старался втянуть жену въ разговоръ, а она отдѣльвалась улыбками и короткими замѣчаніями. Мало-по-малу завязался споръ о какой-то «ученой старинѣ», и Софья Андреевна оживилась. Я сидѣла у окна, конечно, не принимая участія въ разговорѣ, и на свободѣ наблюдала. Старый профессоръ, мало обращавшій вниманія на графиню Толстую до этой минуты, вдругъ повернулся къ ней и довольно грубо спросилъ:

— А почему вы это знаете?

Софья Андреевна отвѣтила, и между ними завязался споръ. Профессоръ долго не могъ прійти въ себя отъ удивленія передъ ея ученостью; онъ сдвинулъ очки на лобъ, шагаль по комнатѣ, размахивалъ руками и все повторялъ:

— Famos! Famos! Въ первый разъ встрѣчаю такую эрудицію въ женщинѣ!

А Толстой блаженствовалъ! Забавно было смотрѣть на него! Онъ совсѣмъ пересталъ принимать участія въ разговорѣ, онъ только съ восхищеніемъ слѣдилъ за тѣмъ, что говорила его жена, потомъ переводилъ взглядъ на старика, какъ бы говоря:

— А? Какова моя Софа?

Сложная и загадочная была она натура. Она говорила, что не любитъ людей «нараспашку», что интересны только тѣ, которыхъ надо отгадывать и про которыхъ никогда нельзя знать, какъ человѣкъ поступитъ или что скажетъ. Сама она именно была такая. Она любила, что, по ея словамъ «царапало нервы», сильныя переживанія. Она мнѣ рассказывала, какъ въ Пустынкѣ у нихъ былъ ручной медвѣдь. Толстой разъ на охотѣ убилъ медвѣдицу и взялъ ея медвѣжонка живымъ. Этотъ медвѣжонокъ выросъ и ходилъ на свободѣ. Толстого онъ особенно любилъ и шелъ къ нему, гдѣ бы онъ его ни увидалъ и не взирая ни на какія препятствія, на примѣръ, шелъ къ нему въ зимній садъ сквозь раму, не обращая вниманія на стекла, сыпавшіяся на него и кругомъ него.

Софья Андреевна любила читать по ночамъ, когда весь домъ уже спалъ, сидя у себя въ кабинетѣ, который былъ послѣдней въ концѣ длиннаго ряда комнатъ. Тяжелая бархатная портьера была спущена передъ дверью. Въ домѣ царила подная тишина, ни въ одной комнатѣ не было свѣта. Софья Андреевна одна сидѣла у лампы. Вдругъ по мягкому ковру приближались тяжелые, мѣрные шаги, портьера раскрывалась, и въ дверяхъ появлялся огромный медвѣдь на заднихъ лапахъ. Софья Андреевна говоритъ, что невольно дрожь пробѣгала по ней, но это ей правилось, и посѣщенія медвѣдя повторялись каждую ночь. Медвѣдь ложился, какъ собака, на ковръ у ея ногъ, а она кормила его сахаромъ. Своихъ, домашнихъ, онъ никого не трогалъ, но однажды такъ напугалъ гостившаго въ Пустынкѣ Николая Жемчужникова, что тотъ сейчасъ же уложилъ вещи и собрался уѣхать, съ трудомъ уговорили его остаться. Медвѣдь пошелъ навстрѣчу ему въ саду, поднявшись на заднія лапы, съ сердитымъ рычаніемъ. Толстой велѣлъ своему охотнику увести его въ лѣсъ. Мишка тѣмъ не менѣе вернулся домой на другой же день, но сталъ такимъ злымъ, что его пришлось снова вести въ лѣсъ и тамъ пристрѣлить, что отъ Софьи Андреевны скрыли.

Еще въ Ментонѣ Толстой жаловался, что не можетъ найти переписчика по своему вкусу, а ему хотѣлось приготовить для печати полное собраніе своихъ сочиненій; я ему предложила свои услуги, которыя онъ принялъ съ радостью. На другой же день послѣ нашего пріѣзда въ Карлсбадъ, чтобы не терять времени, я принялась съ нимъ за дѣло и съ этого дня ежедневно проводила нѣсколько часовъ въ его кабинетѣ. Въ это время, несмотря на огромную разницу въ лѣтахъ, мы съ нимъ очень сошлись. Къ сожалѣнію, мы успѣли написать только лирическія стихотворенія, баллады и былины. Все это ему уже не суждено было видѣть въ печати! Собраніе вышло уже посмертнымъ изданіемъ.

По своей деликатности Толстой не захотѣлъ, чтобы я писала «Коринескую невѣсту» и переводы изъ Шенье, я, вѣдь, была еще

очень молода. Удивительно, что, кромѣ этихъ небольшихъ вещей, не было въ его сочиненіяхъ ни одной строчки, которой нельзя бы было дать въ руки молодой дѣвушкѣ!

Пока я работала въ его комнатѣ, бѣдный Толстой лежалъ на полу, на матрасѣ за моимъ стуломъ, съ мѣшкомъ, наполненнымъ льдомъ, на головѣ и почти непрерывно стоналъ. Тяжело было его слышать! Иногда, когда ему было немного легче, онъ вставалъ, оживлялся, садился возлѣ меня и диктовалъ, иногда по рукописи или по прежнимъ изданіямъ, иногда на память, останавливалъ меня, перемѣнялъ кое-что. Чудной вереницей проходили передъ нами и «ласковый князь Владимиръ», и Садко, и «старый Илья», и Алеша Поповичъ въ звучныхъ стихахъ Толстого, и казались мнѣ еще живѣе и ярче въ его передачѣ! Иногда онъ давалъ мнѣ переписывать нѣкоторыя вещи домой. Мучительная болѣзнь нерѣдко дѣлала бѣднаго Толстого капризнымъ, и мнѣ иногда стоило не мало труда угодить ему. Особенно памятна мнѣ переписка былинны «Алеша Поповичъ». Сначала онъ мнѣ ее далъ переписать дома, но, когда я ее принесла ему, онъ нашель, что поля узки; вторая переписка тоже показалась ему некрасивой. Пять разъ я переписывала все съ начала до конца, и все что-нибудь было не такъ! Наконецъ, сидя въ его комнатѣ и начавъ «Поповича» въ шестой разъ, я не могла удержать слезъ, которыхъ онъ, впрочемъ, не замѣтилъ, такъ какъ я сидѣла къ нему спиной. Сознаю, что главной причиной моихъ слезъ было непреодолимое чувство жалости къ бѣдному страдальцу и мое безсиліе ему угодить. Какъ разъ въ это время вошла Софья Андреевна и тотчасъ замѣтила мои красные глаза. Напрасно я дѣлала знаки, чтобы она молчала, она ихъ не видѣла или не хотѣла понять; она обратилась къ Толстому съ восклицаніемъ: «Что ты ей сдѣлалъ? Отчего она плакала?»

Толстой встревожился и сталъ просить у меня прощенія, я сослалась на головную боль, на жару и ушла домой.

На другое утро, когда я пришла къ Толстымъ въ обычное время, Софья Андреевны не было дома, я отворила дверь въ кабинетъ, и что же вижу? Алексѣй стоитъ посреди комнаты на колѣняхъ, обратясь ко мнѣ лицомъ, со сложенными на груди руками, а на головѣ у него лежатъ три томика сочиненій Гоголя. На обложкѣ было написано рукой Толстого:

«Добродѣтельнѣйшей Луизѣ отъ многогрѣшнаго Алексѣя».

За нѣсколько дней передъ тѣмъ я говорила, что у меня нѣтъ сочиненій Гоголя.

Врядъ ли леченіе въ Карлсбадѣ принесло Толстому какую-либо пользу въ тотъ годъ, онъ, казалось, страдалъ съ каждымъ днемъ хуже; съ другой стороны, невыносимая жара и духота, всегда спертый воздухъ въ узкой долинѣ вредили ему несомнѣнно.

Въ тѣ дни, когда онъ не слишкомъ сильно страдалъ, я читала

ему вслухъ послѣ обѣда. Онъ это любилъ. Софья Андреевна была все это время исключительно любезна со мной; вѣроятно, она мнѣ была благодарна за то, что я проводила столько времени съ Алексѣемъ и этимъ освобождала ее ежедневно на нѣсколько часовъ.

Помню, въ одномъ изъ номеровъ итальянскаго журнала «*Rivista Europea*» была помѣщена статья де-Губернатиса о Толстомъ, которую я прочла ему вслухъ. Она была написана на основаніи біографическихъ данныхъ, сообщенныхъ, по просьбѣ автора, самимъ Толстымъ, но конецъ статьи размѣшилъ Алексѣя.

Де-Губернатисъ говорилъ, что не даромъ Толстой сдѣлалъ своего князя Серебрянаго отважнымъ охотникомъ, что Серебряному было естественно идти противъ тирана Іоанна Грознаго, противъ татаръ, привыкнувъ ходить на медвѣдя.

«Я узналъ съ великимъ интересомъ,—писалъ де-Губернатисъ:— что самъ Толстой былъ храбрый охотникъ. Въ Италіи поэтъ, ходившій на медвѣдя, могъ бы показываться за деньги! Не правда ли? Испробовавъ свою отвагу въ борьбѣ съ медвѣдями, Алексѣй Толстой могъ смѣло идти такъ же, какъ Серебряный, на борьбу съ другого рода силой. Онъ, какъ его красавецъ Серебряный, не идетъ окольными путями на врага, онъ идетъ съ поднятымъ забраломъ, открытымъ, честнымъ боемъ, и, побѣдивъ врага, возвращается, свободный, къ своимъ пѣснямъ, мечтамъ и странствованіямъ!»

Затѣмъ высказывалась глубокая скорбь о томъ, что «великій поэтъ» боленъ, и кончалась статья такими словами:

«*Espresso il voto gentile, che l'antico cacciatore di orsi e di tiranni, possa tornar presto riuigorito alla battaglia.*» (Желаю, чтобы прежній охотникъ на медвѣдей и на тирановъ, могъ поскорѣе оправиться и вернуться на поле сраженія).

— Берегись, Софа,—говорилъ Толстой, смѣясь:—я ужъ рукава засучилъ, сейчасъ поплюю въ ладони и полѣзу драться!

— Какія ты гадости говоришь, Толстой!—отвѣчала Софья Андреевна.

Интересны были вечера, которые пришлось провести съ Толстыми въ домѣ доктора Зегена, лечившаго многихъ русскихъ, между прочимъ Тургенева и Толстого. Жена доктора была сама писательница и любила принимать у себя «умныхъ людей». Передъ Толстымъ она благоговѣла и не скупилась на восторженные изъясненія своего поклоненія. Она кидалась цѣловать его руки, жеманно восклицала: «ахъ! ахъ», и приводила Толстого въ неописуемое смущеніе. Онъ говорилъ: «Она еще хуже Павловой!»

Каролина Павлова, переводчица его стиховъ, страшно надоѣдала ему своимъ обожаніемъ.

Однажды, когда мы по приглашенію Зегеновъ пришли къ нимъ вечеромъ, г-жа Зегенъ, боявшаяся, что Толстой по болѣзни не придетъ, до того ему обрадовалась, что въ порывѣ восторга кинулась

передъ нимъ на колѣни. Тотчасъ же и Толстой опустился передъ ней также на колѣни. Чувствительная сцена, разумѣется, кончилась всеобщимъ смѣхомъ.

Госпожа Зегенъ читала намъ романъ своего сочиненія, очень длинный, въ продолженіе, если не ошибаюсь, трехъ вечеровъ. Романъ былъ очень сантиментальный, хотя довольно бойко написанъ. Толстой похвалилъ его, разумѣется, стараясь выдвинуть то, что было лучше. Когда мы шли домой, онъ сказалъ:

— А вѣдь трудно хвалить сахарную водицу, да еще съ бантикомъ! Я не зналъ, что сказать, даже въ потъ ударило!

Одинъ разъ стали говорить о русскихъ писателяхъ, жаловались, что нѣтъ вполне хорошаго перевода ихъ на нѣмецкій или французскій языкъ, говорили, что трудно передать нѣкоторыя русскія выраженія на другомъ языкѣ,—ихъ нѣтъ! Толстой сказалъ, что его жена очень хорошо переводитъ изустно, безъ предварительной подготовки. Зегены буквально набросились на Софью Андреевну, прося ее прочесть что-нибудь. Она долго отказывалась, наконецъ я принесла томикъ Гоголя, и она *à livre ouvert*, держа въ рукахъ русскаго Гоголя, прочла по-французски «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ»! Она дѣлала это мастерски, не подыскивая выраженій, нигдѣ не запинаясь. Мы всѣ нашли, что ея передача Гоголя была гораздо лучше и точнѣе передавала подлинникъ, чѣмъ всѣ существующіе переводы.

При отъѣздѣ изъ Карлсбада мы дѣлали съ Толстыми планы, гдѣ встрѣтимся, и какъ будемъ мы съ Алексѣемъ далѣе переписывать его сочиненія. Не думала я тогда, что болѣе его не увижу!..

На другое утро Толстой снова былъ въ Карлсбадѣ, но мы въ то время уже вернулись въ Россію. Изъ Карлсбада онъ мнѣ писалъ:

«...Сюда пріѣхалъ твой пріятель Тургеневъ. Сѣдовласѣе, чѣмъ когда-либо! Жалуется, какъ всегда, что сосетъ подъ ложечкой, и брюзжитъ. А жалко все-таки, что отвыкаетъ онъ отъ родной почвы, ничего изъ него больше не будетъ!»

Отъ Тургенева я получила письмо отъ 6-го (18-го) іюня 1875 г.

«König von England.

«Я снова въ Карлсбадѣ, любезнѣйшая княжна, и только здѣсь узналъ, что вы въ Россіи. Какая досада! На каждомъ шагу васъ вспоминаемъ. Провели вечеръ у доктора Зегенъ и много говорили о прошломъ лѣтѣ. Досадно мнѣ, что меня тогда не было въ Карлсбадѣ.

«Вашъ двоюродный братъ, графъ А. К. Толстой, все еще здѣсь. Графиня уѣхала на дняхъ, но Алексѣй Константиновичъ остался и еще не скоро собирается насъ покинуть. Онъ, бѣдный, кажется, очень серьезно боленъ, и докторъ Зегенъ отзывается о немъ неутѣшительно.

«Хотя я и не вполне раздѣляю вашего взгляда относительно его таланта, но, какъ человѣка, его нельзя не любить, и я его люблю, несмотря на то, что мы съ нимъ не во всемъ сходимся. Кромѣ того, какъ вамъ извѣстно, я ему обязанъ лично, чего, конечно, никогда не могу забыть.

«Вижу я Алексѣя Константиновича, разумѣется, почти ежедневно, и даже вмѣстѣ съ нимъ пустился въ благотворительность. Онъ—славный человѣкъ, и я жалѣю, что къ нему многіе относятся несправедливо...»

Тургеневъ съ Толстымъ устроили чтеніе въ пользу погорѣвшихъ въ Моршанскѣ; объ этой «благотворительности» и говорилъ Иванъ Сергѣевичъ въ письмѣ.

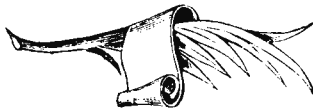
Какъ извѣстно, онъ былъ обязанъ Толстому своимъ помилованіемъ въ 1852 году, когда Иванъ Сергѣевичъ былъ арестованъ послѣ выхода въ свѣтъ «Записокъ охотника». Тогда же пострадалъ и мой отецъ, бывший цензоромъ и пропустившій сочиненіе Тургенева. Депешей изъ Петербурга онъ былъ уволенъ отъ службы и лишень пенсіи, не дослуживъ всего съ полгода. Отецъ, вслѣдствіе нравственнаго потрясенія, заболѣлъ неизлечимой болѣзнію, сведшей его въ могилу нѣсколько лѣтъ спустя.

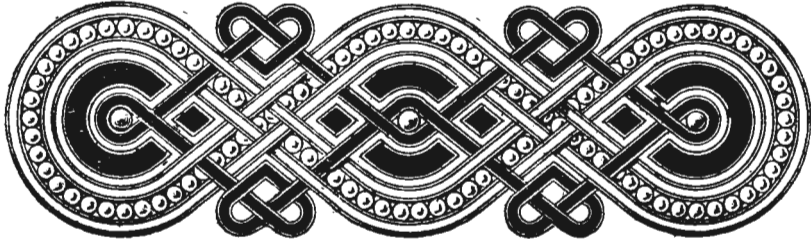
Послѣ Карлсбада письма Толстого стали все рѣже и короче и были грустны! Повидимому, онъ чувствовалъ себя плохо, и состояніе дѣлъ очень его беспокоило. Послѣднее, коротенькое письмо его кончалось извѣстнымъ изреченіемъ: «*nessun maggior dolore che ricordarsi del tempo felice nella miseria!*» (Нѣтъ острѣе боли, какъ воспоминаніе о счастливомъ времени въ несчастіи).

28-го сентября 1875 года онъ скончался.

Я увидѣла Софью Андреевну цѣлыхъ десять лѣтъ спустя, въ Одессѣ. Она провела у меня вечеръ. Это послѣднее свиданіе съ нею оставило мнѣ доброе, теплое воспоминаніе. Она измѣнилась до неузнаваемости. Она была проста и родственна, сердечно говорила о Толстомъ. Мы просидѣли съ ней за полночь, вспоминая прошлое. Она мнѣ обѣщала, на возвратномъ пути отъ С. П. Хитрово, захватить снова ко мнѣ и погостить у меня. Но вернуться ей не было суждено.

Е. Матвѣва (рожд. кн. Львова)

МОСКОВСКАЯ СЫСКНАЯ ПОЛИЦИЯ БЫЛЫХЪ ГОДОВЪ.

ТА СЕРЬЕЗНАЯ и отвѣтственная роль, какая въ данную минуту выпадаетъ на долю сыскной полиціи, наводитъ на мысль сказать нѣсколько словъ о прошломъ этого характернаго учрежденія въ ту пору, когда оно не имѣло еще столь опредѣленнаго значенія, какъ теперь.

Сыскная полиція въ настоящемъ ея видѣ учрежденіе сравнительно недавнее.

Не входя въ теоретическую оцѣнку ея административнаго значенія, я скажу о ней въ прошломъ только то, что мнѣ извѣстно съ чисто обывательской стороны, ограничиваясь на этотъ разъ только московской сыскной полиціей, съ историческимъ прошлымъ которой я имѣла случай болѣе или менѣе близко познакомиться.

Условія официальной службы при настоящемъ положеніи сыскной полиціи мнѣ совершенно неизвѣстны, что же касается сыскныхъ дѣлъ былыхъ годовъ, то занятіе ими было далеко небезвыгодно, доказательствомъ чего служатъ нижеприведенныя цифры, открыто извѣстныя всей Москвѣ. Въ тѣ времена, когда официальной сыскной полиціи еще не существовало, розысками занимались сои атоге нѣкоторые полицейскіе пристава, чувствовавшіе къ этому дѣлу особое призваніе.

Во главѣ такихъ сыщиковъ-любителей былъ приставъ Пречистенской части Сергѣй Михайловичъ Поляковъ, котораго хорошо

знала вся Москва и котораго, конечно, хорошо помнить всё московскіе старожилы. Никогда не накликавшій на себя не только обывательскихъ жалобъ или упрековъ, но даже и простыхъ нареканій не возбуждавшій,—Поляковъ, бывшій настоящимъ самородкомъ на поприщѣ разслѣдованія и сыска, по выходѣ своемъ въ отставку немедленно занялся отдачей денегъ подъ залогъ недвижимостей, причѣмъ розданный имъ на первый разъ капиталъ выразился въ солидной цифрѣ слишкомъ двухсотъ тысячъ рублей. Онъ и въ новой роли никого не тѣснилъ, бралъ человѣческіе проценты и умеръ, оставивъ по себѣ память хорошаго человѣка и добраго христіанина.

Еще богаче оказался приставъ Шидловскій, тоже съ большимъ успѣхомъ занимавшійся сыскными дѣлами, въ то время когда Поляковъ уже сталъ нѣсколько уставать, и отъ некрупныхъ и неинтересныхъ дѣлъ отказывался наотрѣзъ.

Надо замѣтить кстати, что Поляковъ былъ еле грамотнымъ человѣкомъ и за всю долгую полицейскую службу свою самъ не написалъ ни одной бумаги и не составилъ ни одного протокола, имѣя всегда за спиной опытнаго и очень грамотнаго письмоводителя, съ которымъ онъ и дѣлился своимъ «достаткомъ». Поляковъ за долгое время своего служенія и своихъ сыскныхъ занятій велъ свои записки, которыя, несомнѣнно, должны были бы представлять большой интересъ, но форма ихъ изложенія такъ всецѣло расходится съ законами грамотности и такъ противорѣчитъ грамматикѣ, что лица, въ рукахъ которыхъ эти записки побывали, наотрѣзъ отказывались придать имъ какую-нибудь литературную форму. Уже послѣ учрежденія новыхъ судовъ опытностью старика Полякова много и часто пользовались лица съ университетскимъ образованіемъ и смѣло можно сказать, что въ числѣ вновь назначенныхъ при новыхъ судахъ безсмѣнныхъ слѣдователей мало было людей, по опытности и знанію дѣла равныхъ Полякову.

Шидловскій, отчасти ученикъ Полякова, посвятилъ свое знаніе и свое время исключительно дѣламъ по розыску крупныхъ кражъ, растратъ и подлоговъ, и въ силу этого получаемое имъ вознагражденіе пошло дальше того, что могъ получать Поляковъ. Кромѣ того, Шидловскій и не былъ такимъ добрякомъ, какимъ былъ Поляковъ, и вынесенный имъ изъ службы капиталъ равнялся уже не 200,000 рублей, а 400,000, которые онъ и раздавалъ подъ залогъ домовъ и крупныхъ имѣній.

Хорошимъ сыщикомъ-любителемъ былъ также приставъ Хотинскій, сынъ котораго, достигнувъ сравнительно степеней высокихъ, попалъ впослѣдствіи подъ судъ за незаконные поборы съ лицъ, подлежащихъ воинской повинности, и за помощь и поддержку ихъ въ дѣлѣ освобожденія отъ службы.

Хотинскій (отецъ) зналъ наперечетъ всѣхъ крупныхъ и мелкихъ московскихъ воровъ, въ точности зналъ всѣ ихъ притоны

и держалъ ихъ въ такомъ повиновеніи, что по первому его слову они возвращали полностью все, ими похищенное, когда такой возвратъ оказывался почему-либо нужнымъ самому Хотинскому.

Всѣмъ въ Москвѣ памятенъ оригинальный случай, гдѣ жертвой карманниковъ сдѣлался тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашевъ, пріѣхавшій въ Москву съ цѣлью повидаться съ старушкой-матерью, проживавшей въ то время на Большой Дмитровкѣ, въ домѣ Бартоломеуса, противъ купеческаго клуба.

Тимашевъ, очень богомольный, отправился на другой день послѣ своего пріѣзда къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ и, вернувшись домой, не нашелъ въ своемъ карманѣ ни кошелька, ни портфеля, въ которомъ были нужны записки, ни портсигара, особенно дорогого тѣмъ, что онъ былъ подаренъ ему высокопоставленнымъ лицомъ, вниманіемъ котораго министръ глубоко дорожилъ.

Пропажа эта, о которой Тимашевъ сообщилъ тогдашнему генералъ-губернатору, князю Долгорукову, сильно смутила князя. Проводивъ министра, князь потребовалъ къ себѣ оберъ-полицеймейстера и сдѣлалъ ему довольно серьезное замѣчаніе по поводу случившагося.

— Хороши у насъ порядки!—сказалъ онъ.—Помилуйте, на что это похоже? Въ кои-то вѣки къ намъ министръ заглянулъ... и всѣ его карманы очистили!.. Вѣдь онъ въ Петербургѣ это всѣмъ рассказывать станетъ!.. До государя это можетъ дойти!.. Нѣтъ, воля ваша, а это дѣло надо исправить... Вы мнѣ гдѣ хотите, а розыщите и кошелекъ, и портсигаръ министра... Главное—портсигаръ... Вы знаете, чей это подарокъ?..

И князь съ сокрушеннымъ видомъ поднялъ вверхъ указательный палецъ...

Оберъ-полицеймейстеръ растерянно выслушалъ начальническое замѣчаніе и еще растеряннѣе простился съ нимъ.

Что могъ онъ сдѣлать?.. Какъ было найти украденныя у министра вещи?..

Онъ вернулся домой совершенно разстроенный и сообщилъ состоявшему при немъ чиновнику по особымъ порученіямъ о невыполнимой задачѣ предложеннаго ему розыска.

— Ну, сами подумайте?.. Гдѣ мы съ вами разыщемъ украденныя у министра кошелекъ и порсигаръ?.. Вѣдь это же неисполнимое требованіе?..

— Мы-то съ вами, дѣйствительно, не найдемъ!..—улыбнулся чиновникъ.—А вотъ приставъ Хотинскій, тотъ навѣрное найдетъ, сжели захочетъ!..

— Хотинскій?.. Но какимъ же образомъ?..

— Это ужъ его дѣло!.. Вызовите его или позвольте мнѣ съ нимъ переговорить.

— Сдѣлайте одолженіе!.. Вы меня невыразимо обяжете... Но какъ же это?.. Я не понимаю!..

— Да какое намъ дѣло какъ? Лишь бы нашель и въ цѣлости намъ доставиль!..

— Ну, конечно, конечно!.. Пофзжайте же ради Бога и устройте все... А главное не медлите...

— Да медлить и нельзя!.. Слѣды пропадутъ... вещи въ седьмая руки перейдутъ... а тамъ ищи, не ищи, все равно... ничего не добьешься!..

Сказано—сдѣлано.

Чиновникъ отправился къ Хотинскому, рассказалъ ему, въ чемъ дѣло, наобѣщаль ему всевозможныхъ благъ и отъ Долгорукова, и отъ самого министра и усердно попросиль его поторопиться.

Хотинскій призадумался.

— Въ Успенскомъ соборѣ, говорите вы?—переспросиль онъ.

— Да... въ Успенскомъ!..

— Да, можетъ быть, онъ еще куда-нибудь зафзжалъ?.. Путаники вѣдь они, прости Господи!.. Набьютъ себѣ карманы не вѣсть чѣмъ да по всему городу катаютъ!.. Точно у нихъ карманы отъ всего въ мірѣ застрахованы... Портсигаръ-то какой былъ?.. Золотой?..

— Да... съ брилльянтовой монограммой и государственнымъ гербомъ!..

— Не угодно ли?.. Набить себѣ карманы этакими вещами и въ Успенскій соборъ къ обѣднѣ отправиться!.. Словно дите малое, неразумное...

— Ну, ужъ не намъ съ вами его учить... А вы вотъ разыщете-ка вещи да сами и явитесь съ ними къ нашему оберу!.. Жалѣть объ этомъ не будете.

— Легко сказать, разыщите!.. Съ покражи-то вторья сутки пошли... Все уже въ ходъ пошло... Да и дома ихъ, соколиковъ, не застанешь!.. Опять ихъ чередъ, гляди, пришелъ... На работу ушли!..

— Какой чередъ?—разсмѣялся чиновникъ.—Развѣ они по очереди воруютъ?..

— А вы бы какъ думали?.. Тоже и имъ отдыхъ нуженъ. Цѣлые дни напролетъ никакой работой нашъ русскій человѣкъ заниматься не станеть...

— Ну, ужъ и работа!..

— Каждому свое,—пожалъ плечами Хотинскій.—Хорошо-съ, доложите оберъ-полицеймейстеру, что я приму всѣ мѣры... но что за успѣхъ я не ручаюсь...

— Нѣтъ, я этого и говорить не стану!.. Я сказалъ ему, что вы это дѣло сдѣлаете, и надо его непременно сдѣлать.

— Ежели бы вы мнѣ вчера все это рассказали, тогда можно было

бы навѣрняка поручиться... А сутки въ такомъ дѣлѣ времени много...

— И... когда же можно будетъ узнать о результатѣ вашихъ розысковъ?..

— Да сегодня къ вечеру, вѣроятно...

— Такъ скоро?..

— А чего же дольше-то дѣлать?.. Вотъ съѣзжу въ Большіе Котлы, наведу тамъ нужныя справки и разомъ дамъ вамъ отвѣтъ, есть ли еще возможность вернуть вещи министра, или нѣтъ?..

— Это за Серпуховской заставой Большіе Котлы?..

— Да... Деревня такая, только приписана она къ городу и какъ бы слободу городскую собой образуетъ! Двѣ ихъ деревни этихъ... Сначала Малые Котлы будутъ, а тамъ дальше Большіе... Малые Котлы главнымъ образомъ гадалками переполнены, тамъ всевозможныя привораживанья и отвораживанья практикуются, а Большіе Котлы сплошь ворами населены...

— Какъ?.. Одними только ворами?..

— Да... Что это васъ такъ удивляетъ?.. Вѣдь надо же и имъ гдѣ-нибудь жить!..

— Оно такъ-то такъ... Но все-таки среди столицы...

— Да не среди столицы, а на далекой ея окраинѣ, какъ вы видите...

— Но... разъ это всемъ извѣстно...

— И не всемъ, а только тѣмъ, кому это нужно...

— Но я... не понимаю...

— Ничего я тутъ, простите вы меня, непонятнаго не вижу... Вѣдь ежели бы не зналъ я о специальности этого населенія, я и услуги бы вамъ никакой въ данную минуту оказать не могъ... И обращаться ко мнѣ вамъ бы незачѣмъ было!.. Ну, да обо всемъ этомъ мы съ вами, съ вашего разрѣшенія, въ другой разъ потолкуемъ, а теперъ времени терять нечего... Мнѣ каждая минута дорога...

И, простившись съ чиновникомъ, Хотинскій отправился по назначенію, давъ своему собесѣднику слово подробно рассказать ему все, что произойдетъ послѣ ихъ свиданія.

Лихой рысакъ уже ожидалъ его у крыльца и, быстро пролетѣвъ всеми населенными улицами столицы,—Хотинскій состоялъ приставомъ центральной городской части Москвы и вѣдалъ дѣлами пригородовъ только по своей сыскной специальности,—и стрѣлой промчавшись по широкой и грязной улицѣ Малыхъ Котловъ, гдѣ съ приставомъ все почтительно раскланивались, какъ съ почетной и всеми признанной властью, остановился передъ крыльцомъ ярко освѣщеннаго и шумнаго трактира въ Большихъ Котлахъ.

Трактирищикъ тревожно выскочилъ ему навстрѣчу...

Посѣщенія его никому ничего хорошаго не предвѣщали, и хотя

противъ него самого лично никто изъ мѣстныхъ аборигеновъ ничего не имѣлъ, но до визитовъ его охотниковъ было мало.

Отвѣтивъ на поклонъ хозяина, Хотинскій поспѣшно вошелъ въ помещеніе трактира, откуда ему навстрѣчу вырвались звуки разухабистой, нецензурной пѣсни.

— Тише вы тамъ!..—крикнулъ хозяинъ, изъ-за спины котораго выглянула крупная и мощная фигура Хотинскаго.

Все сразу смолкло...

Часть наличныхъ посѣтителей ступевалась...

Другая часть почтительно поднялась съ мѣсть...

— Эй, вы!—крикнулъ приставъ своимъ зычнымъ, хорошо всѣмъ здѣсь знакомымъ голосомъ.—Кто вчера въ Успенскомъ соборѣ работалъ?..

Молчаливо стоявшая толпа переглянулась, но отвѣта не дала.

— Васъ я спрашиваю, или нѣтъ?—грозно крикнулъ Хотинскій.

— Нѣту тѣхъ, кто вчера съ работалъ, ваше благородіе,—неохотно возвысился чей-то одинокій голосъ.

— А нѣту, такъ чтобы сейчасъ были!—внушительно произнесъ Хотинскій.—Коли я что спрашиваю, значитъ, нужно... Вы знаете, я съ вашимъ братомъ попусту разговаривать не стану!..

— Николай Цыганъ въ Успенскомъ за обѣдней былъ вчера... да Истопникъ Егорка съ нимъ!..

— И только?..

— Изъ нашей Котловской артели только они... А, можетъ, со стороны кто работалъ?.. Нонѣ неурядица пошла большая... Придетъ со стороны невѣдомо кто и, только не догляди, прямо-таки у тебя и фартъ весь слижетъ!..

— Скажите, дерзость какая!—неволью разсмѣялся приставъ при этой оригинально сформулированной жалобѣ.—Ну, а Цыганъ съ Истопникомъ гдѣ?..

— Николай сейчасъ здѣсь былъ, а Истопникъ безъ заднихъ ногъ лежитъ... У его повадка извѣстная: какъ отдыхъ, такъ сейчасъ загуль!..

— Ну, мнѣ до этого дѣла нѣтъ... Мнѣ чтобы оба здѣсь сейчасъ налицо были!.. Дѣло важное... Я лишнихъ словъ говорить не стану!..

— Цыгана-то мы сейчасъ приведемъ, а съ Истопникомъ чего подѣлаешь, коли ежели онъ вконецъ пьянъ...

— Ну, вы, безъ разговоровъ!—далъ сердитый окрикъ трактирщикъ, замѣтивъ недовольный взглядъ Хотинскаго, съ которымъ онъ имѣлъ полную выгоду состоять въ наилучшихъ отношеніяхъ.—Кто здѣсь хозяинъ?.. Вы, али я?..

— Ты, Егоръ Терентьичъ!.. Извѣстно, ты!—робко раздался голосъ въ толпѣ.

— То-то же!.. Сейчасъ чтобы вытрезвить Истопника и вмѣстѣ съ Николашкой Цыганомъ подать сюда!..

Пока разыскивали такъ называемаго Истопника, пока вливали въ него усиленную дозу нашатырю, передъ Хотинскимъ предсталъ угрюмый и взъерошенный Николай, смуглое лицо и курчавые волосы котораго вполнѣ оправдывали данное ему прозвище.

— Ты вчера въ Успенскомъ соборѣ по карманамъ шарилъ?— предложилъ ему безцеремонный вопросъ Хотинскій.

— Мы работали!—недовольнымъ голосомъ отвѣтилъ Николай.

— Ты мнѣ не «мыкай»... Что за «мы» такое?.. Не манифестъ читаешь!.. Кромѣ тебя, тамъ былъ кто?..

— Егорка Истопникъ со мной ходилъ... потому его былъ чередъ... да со стороны еще были... Съ Грачевки и изъ Марьиной рощи...

— Какъ же они-то туда попали?..

— Да нешто мы аренду сняли?—нехотя пробурчалъ Николай.

— А ты полегче!.. Не то я тебя поучу говорить!—бросился къ нему хозяинъ трактира, перепуганный, какъ бы Хотинскій на немъ и его заведеніи не сорвалъ своего неудовольствія за непочтительный тонъ карманника..

— Оставь, Егоръ... Я самъ учить умѣю!—остановилъ приставъ порывъ его усердія. Сказывай, да главное—не ври!.. Что вы тамъ слямзили и куда дѣли?..

— Не особенный фартъ былъ!—нехотя отвѣтилъ Николай.— Денегъ и всего ничего... Мы ихъ сполна въ артель представили...

— А вещи?..

— Насчетъ вещей... не упомню...

— Такъ я тебѣ напомнимъ!—громко крикнулъ Хотинскій.— Кошелекъ былъ да портфель небольшой, да золотой портсигаръ съ брильянтовыми буквами... Все это отдать надо... Сейчасъ же мнѣ отдать... За мной не пропадетъ!.. Я самъ при случаѣ припомнимъ!..

Николай молчалъ.

— Цѣлы вещи-то?—спросилъ Хотинскій.

— Не знаю... Не я одинъ въ дѣлѣ былъ!—нехотя отвѣтилъ Цыганъ.

— Эй, Николка!.. Береги свою голову!—вновь вмѣшался въ разговоръ трактирщикъ.

— Цѣлы ли вещи, я спрашиваю?—сдвинувъ брови, переспросилъ приставъ.

— Бумажки мы порвали... а портфель съ портсигаромъ у Берки-жида въ закладѣ,—не поднимая головы, отвѣтилъ Николай.

— У какого Берки-жида?

— Въ Колосовомъ переулкѣ... У Егорки тамъ знакомство сведено, въ Колосовомъ... У нѣмки въ заведеніи землячка его живетъ...

Такъ онъ все, что ему ни попадетъ, туды тащить, а она у Берки закладаетъ... Такое ужъ у него заведеніе!

— Да вѣдь портсигаръ не ему одному принадлежитъ... Вѣдь въ дѣлежку онъ пошелъ?—замѣтилъ Хотинскій, хорошо знакомый не только съ нравами и обычаями своихъ оригинальныхъ обывателей, но и съ ихъ воровскими законами.

Николаю это, видимо, понравилось.

— Извѣстно, въ дѣлежку!—уже веселѣе подтвердилъ онъ.— Такъ вѣдь Берка, на что плутъ, а и то далъ подъ него столько, что на всѣхъ хватило... И въ артель внесли, и свою долю взяли... и Егоркѣ съ землячкой хватило до зеленого змія допиться.

— А у Берки цѣль портсигаръ?.. Въ ломъ онъ его не пустиль?..

— Не смѣтеъ!.. Въ закладъ онъ положень... Потому насчетъ этой вещи еще разговоры будутъ... Оченно она пользительна быть можетъ!..

— Ну, тамъ можетъ она или не можетъ тебѣ быть «пользительна»,—передразнилъ его Хотинскій,—а ты мнѣ ее сюда черезъ часть доставь!.. Исполнишь ты это, раскаиваться не будешь... ты меня знаешь... Ну, а не доставишь... раскаешься!.. Мое слово твердо... Это ты хорошо знаешь!..

— Да вы не извольте беспокоиться, ваше благородіе!—робко вмѣшался въ разговоръ трактирщикъ, недовольный упорнымъ молчаніемъ цыгана.—Ужъ ежели вашему благородію да не угодить и не потрафить, такъ кому же намъ и служить-то апосля этого?..

Хотинскій уѣхалъ, отдавъ распоряженіе, чтобы ровно черезъ два часа вещи были доставлены къ нему на квартиру... И ровно въ этотъ срокъ пустой портфель вмѣстѣ съ золотымъ портсигаромъ были у него...

Хотинскій взялъ на себя обязанность вознагражденія какъ по адресу самихъ «работавшихъ» воровъ, такъ и по адресу Берки, все-таки выдавашаго за вещи наличныя деньги. Въ расчетъ пристава не входило вводить членовъ воровской шайки, а равно и ихъ пособниковъ въ явный и настоящій убытокъ.

Они, какъ видно изъ настоящаго случая, могли часто и серьезно ему пригодиться.

Въ тотъ же вечеръ Хотинскій увѣдомилъ командированнаго къ нему утромъ чиновника, что вещи разысканы и возвращены, а на другой день рано утромъ, еще до начала общаго пріема, Хотинскій лично вручилъ оберъ-полицеймейстеру вещи, украденныя у министра.

Графъ Крейцъ, бывший тогда оберъ-полицеймейстеромъ, а равно и князь Долгоруковъ остались чрезвычайно довольны распорядительностью московской полиціи, а министръ громко призналъ,

что ни о чемъ подобномъ не имѣютъ понятія даже въ Лондонѣ, гдѣ сыскная полиція поставлена на чрезвычайную высоту.

Но, успѣшно работая на почвѣ устройства сыскныхъ дѣлъ, Хотинскій и себя не забывалъ, и рассказываютъ, и эту версію могутъ подтвердить всѣ наличные московскіе старожилы, что когда воръ попадался «на работѣ» и, арестованный на улицѣ или въ магазинѣ въ моментъ совершенной имъ кражи въ районѣ городской части, приводился къ Хотинскому, то при этомъ продѣлывалась всѣмъ хорошо извѣстная и неизбѣжно повторявшаяся сцена.

У Хотинскаго въ его служебномъ кабинетѣ былъ большой письменный столъ, покрытый длинной, до пола доходившей суконной скатертью, на манеръ того, какъ покрываются столы въ присутственныхъ мѣстахъ.

Всѣхъ арестованныхъ Хотинскій обыкновенно встрѣчалъ въ юпитеровской позѣ, сидя передъ этимъ столомъ.

Воръ впускался въ кабинетъ и подходилъ къ самому столу, а конвоирующіе его солдаты оставались у двери, карауля его.

Арестантъ начиналъ съ того, что бросался на колѣни.

— А!.. Ты опять попался, такой-сякой?—громко восклицалъ приставъ, варьируя свой привѣтъ, смотря по тому, дѣйствительно ли уже знакомый воръ былъ передъ его глазами, или это было для него «новое знакомство».—Я тебѣ покажу, какъ воровствомъ заниматься!..

Воръ молча кланялся въ ноги приставу, причемъ тихонько подбрасывалъ подъ столъ то или другое приношеніе, смотря по обстоятельствамъ. Это были или золотые часы, или цѣпочка, или кольцо, или прямо деньги, причемъ послѣднія клались такъ, чтобы приставу видна была стоимость положенныхъ ассигнацій.

Исполнивъ это, воръ поднимался съ колѣнъ и, выпрямляясь, громко произносилъ:

— Помилуйте!..

Хотинскій, какъ бы поправляя сбившуюся скатерть, заглядывалъ подъ столъ и, находя оставленное тамъ приношеніе несогласнымъ съ испрашиваемой милостью и совершеннымъ проступкомъ, топалъ ногами и кричалъ:

— Помиловать?.. Нѣтъ, голубчикъ! Вотъ вы у меня гдѣ сидите!..

Онъ нагибалъ голову и проводилъ рукой по своей толстой, какъ у вола, шеѣ.

— Давно ужъ я до васъ добираюсь!.. Давно собираюсь я примѣрно проучить васъ всѣхъ!..

Воръ, выслушавъ эту нотацію, вынимаетъ изъ кармана подобіе носового платка и, дѣлая видъ, что плачетъ, ловко вывертываетъ изъ него то, что ему на ту минуту полагалось, и, вновь опускаясь на колѣни и лбомъ касаясь пола, присоединяетъ къ ранѣе положенному возмездію еще малую толику...

Бывали случаи, когда земныхъ поклоновъ приходилось класть по два и по три...

Очень рѣдко выпадали такіе случаи, когда Хотинскій, восплавъ внезапнымъ припадкомъ честности и безкорыстія, вытаскивая изъ-подъ стола подброшенные туда предметы, немилосердно набрасывался на арестанта и беспощадно отправлялъ его обратно въ полицейскій казематъ, въ большинствѣ же случаевъ «помилованіе» наступало съ перваго земного поклона и блюститель закона такъ же, какъ и его нарушитель, расходились совершенно довольные другъ другомъ.

Хотинскій оставилъ семьѣ своей болѣе нежели обезпеченное состояніе, хотя и вышелъ въ отставку при условіяхъ, не особенно лестныхъ для его самолюбія.

Впослѣдствіи одинъ изъ сыновей его, попавшій въ особый фаворъ при князѣ Долгоруковѣ и добившійся мѣста начальника секретнаго отдѣленія, припомнилъ слегка систему отца и, ежели не завелъ себѣ стола съ длинной скатертью, то семьѣ своей все-таки оставилъ очень и очень кругленькое состояніе.

Замѣчу кстати, что большая часть его состоянія ушла на театральное дѣло, такъ какъ, несмотря на наличность двухъ сыновей, онъ значительную часть оставшагося послѣ него капитала завѣщалъ вмѣстѣ съ богатой и роскошной движимостью падчерицѣ своей, М. Н. Соколовой, одно время занимавшей не послѣднее мѣсто по провинціальной сценѣ.

Братъ ея, ежели я не ошибаюсь, до сихъ поръ продолжаетъ подвизаться въ провинціи, гдѣ въ началѣ своей аристократической карьеры снискалъ всеобщее вниманіе тѣмъ, что, порываясь исполнять первенствующія роли, обставлялъ спектакли на свой счетъ и скупалъ всегда для даровой раздачи чуть не половину билетовъ.

Кромѣ вышепоименованныхъ сыщиковъ-любителей, было и еще нѣсколько человекъ, составившихъ себѣ довольно прочную извѣстность на этомъ пути, и во главѣ ихъ можно назвать помощника пристава Елагина, долго и упорно настаивавшаго на виновности московскаго богатаго купца Мазурина въ убійствѣ ювелира Калмыкова.

Ювелиръ пропалъ, какъ въ воду кануль... Послѣдній слѣдъ его терялся въ домѣ купца Мазурина, но тогдашняя полиція почему-то никакъ не могла увѣровать въ возможность совершенія такимъ «солиднымъ купцомъ» такого возмутительнаго преступленія и оставила въ покоѣ Мазурина, произведя самый поверхностный обыскъ въ его домѣ, что не помѣшало, ровно восемь мѣсяцевъ спустя, отыскать въ запертomъ магазинѣ Мазуринскаго дома совершенно высохшій трупъ Калмыкова, пролежавшій тамъ съ перваго момента убійства.

Елагинъ одинъ настаивалъ на виновности Мазурина, одинъ настаивалъ на необходимости его ареста, увѣренный, что при первой дѣйствительной уликѣ Мазуринъ во всемъ сознается... Его никто не слушалъ, и за настоящее обвиненіе Елагинъ чуть не поплатился своей службой.

При учрежденіи правильной и самостоятельной сыскной полиціи дѣло розысковъ въ Москвѣ пошло замѣтно хуже, и лицамъ, которымъ приходилось соприкасаться съ этимъ не особенно симпатичнымъ учрежденіемъ, часто и часто приходилось жалѣть о прежней постановкѣ этого дѣла.

Сначала на должность начальниковъ сыскной полиціи назначались лица изъ министерства юстиціи. Затѣмъ, вспомнивъ, вѣроятно, удачные розыски былыхъ годовъ, стали назначать полицейскихъ офицеровъ, и при одномъ изъ нихъ, полковникѣ Муравьевѣ; случилось событіе, далеко не всеѣмъ извѣстное, но составляющее эпоху въ исторіи сыскной полиціи въ Россіи.

Въ моментъ поступленія Муравьева въ числѣ особенно дѣятельныхъ и полезныхъ сыщиковъ былъ нѣкто Соколовъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ бывший мелкимъ газетнымъ репортеромъ и въ этой несложной и не особенно почетной обязанности возбуждавшій массу жалобъ за производимые имъ шантажи и поборы. Ему дѣлали въ редакціяхъ серьезные выговоры, угрожали отказомъ отъ занятій... Онъ извинялся, оправдывался и вновь попадался до тѣхъ поръ, пока окончательно не исчезъ съ литературнаго горизонта, чтобы появиться на горизонтѣ сыскной полиціи. Здѣсь онъ оказался и полезнѣе и даже относительно добросовѣстнѣе, и Муравьевъ сразу «оцѣнилъ его усердіе» и приносимую имъ пользу.

Въ это время возникло дѣло казначея Мельническаго.

Сыскной полиціи предстояла полная возможность отличиться но, какъ извѣстно, она этой возможностью не воспользовалась, и крупное дѣло осталось не разслѣдованнымъ. вплоть до разбора его окружнымъ судомъ, осудившимъ стараго казначея къ ссылкѣ безъ розыска денегъ.

Сумма всего украденнаго, какъ извѣстно, равнялась крупной цифрѣ въ четыреста слишкомъ тысячъ рублей, и утрата такой суммы очень сильно отозвалась на бюджетѣ воспитательнаго дома, въ которомъ Мельничкій прослужилъ долгіе годы казначеемъ и гдѣ онъ пользовался безграничнымъ довѣріемъ.

Объявлена была крупная награда тому, что нападетъ на слѣдъ похитителей, и всѣ лица, такъ или иначе причастныя къ сыскной полиціи, напрягли всѣ силы своего разумія къ отысканію героевъ ловкой кражи.

Героемъ оказался, какъ всѣ заранѣе предполагали, самъ старшій казначей, а укрывателями кражи его дѣти, совершеннолѣтніе Борисъ и Валентина и гимназистка Варя, наивно отвѣшивав-

шая в послѣдствіи, когда она заняла мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ, пренизкіе реверансы и членамъ суда, и присяжнымъ засѣдателямъ.

Но судьба гг. Мельницкихъ, конечно, менѣе всего занимала удачныхъ сыщиковъ, напавшихъ на слѣдъ этого почти небывалаго по обстановкѣ дѣла. Ихъ занималъ вопросъ о вознагражденіи и такъ какъ ихъ въ дѣлѣ раскрытія кражи оказалось нѣсколько человекъ, почти равно способствовавшихъ удачному исходу розысковъ, то возникъ вопросъ о правильномъ распредѣленіи вознагражденія, ежели память мнѣ не измѣняетъ, доходившаго до десяти тысячъ рублей.

Соколовъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей, и ему, по общимъ отзывамъ, принадлежала въ значительной степени честь выясненія этого таинственнаго преступленія. Между тѣмъ при дѣлежѣ ему назначена была часть, далеко не соответствовавшая его заслугамъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, находилъ онъ самъ и, явившись къ Муравьеву, онъ прямо и смѣло выразилъ ему свою претензію.

Муравьевъ принялъ его довольно грубо и наотрѣзъ отказался удовлетворить его требованіе о присужденіи ему большей части обѣщаннаго казною вознагражденія.

Соколовъ началъ энергично отстаивать свои права и довелъ начальство свое до такой степени озлобленія, что былъ, по особому ходатайству, высланъ изъ Москвы административнымъ порядкомъ.

Покорясь необходимости, Соколовъ уѣхалъ въ Петербургъ, но и здѣсь не оставлялъ своей претензіи и, сохранивъ по прежней дѣятельности своей нѣкоторыя сношенія съ судебными властями, которымъ при случаѣ умѣлъ быть полезнымъ, онъ исходатайствовалъ себѣ чрезъ бывшаго судебного слѣдователя Баранцевича (впослѣдствіи удаленнаго со службы и отданнаго подъ судъ) вызовъ въ Москву по какому-то дѣлу, явился къ Муравьеву и прямо и открыто заявилъ ему, что успѣлъ въ бытность свою на службѣ въ сыскномъ отдѣленіи заручиться такими данными, отъ которыхъ «ему не поздоровится», ежели онъ не измѣнитъ своего прежняго образа дѣйствій и не выдастъ ему слѣдуемой ему по настоящему части вознагражденія по дѣлу Мельницкаго.

Муравьевъ пригрозилъ ему еще горшимъ возмездіемъ за то, что онъ призналъ, со стороны Соколова, смѣлымъ и дерзкимъ шантажемъ, и попробовалъ принять мѣры даже противъ вызова бывшаго сыщика по требованію судебного слѣдователя.

Баранцевичъ принялъ сторону Соколова и, какъ говорили тогда, слегка проредактировалъ прошеніе или, точнѣе, доносъ Соколова на порядки, царившіе въ сыскной полиціи.

Затѣмъ Соколовъ уѣхалъ, а вслѣдъ за тѣмъ изъ министерства

послѣдовалъ по адресу Муравьева цѣлый рядъ вопросовъ, на которые отвѣтить ему оказалось не особенно легко и удобно.

Муравьевъ въ сопровожденіи своего помощника, полицейскаго офицера Николаса, полетѣлъ въ Петербургъ, но было уже поздно.

Соколовъ не дремалъ и ни передъ чѣмъ не останавливался, и вскорѣ дѣло было лично доложено государю императору Александру III.

Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ не любилъ покойный государь всякую неправду и какъ онъ строго каралъ всякія доходившія до него злоупотребленія по службѣ, а въ доносѣ бывшаго сыщика была цѣлая серія такихъ крупныхъ и такъ неоспоримо доказанныхъ фактовъ, что даже спора противъ этого своеобразнаго «доклада» быть не могло...

Государь, сильно заинтересованный этимъ характернымъ дѣломъ, приказалъ докладывать ему постоянно обо всемъ вновь открытомъ, касающемся до злоупотребленій въ московской сыскной полиціи, и подробности дѣла представили собой такой объемистый и такой удручающій перечень всевозможныхъ корыстныхъ утаскъ и злоупотребленій, что разгнѣванный государь собственноручно положилъ на этомъ дѣлѣ резолюцію, въ силу которой Муравьевъ, помощникъ его Николасъ и письмоводитель его, какой-то шляхтичъ съ характерной польской фамиліей, именнымъ повелѣніемъ, безъ суда и слѣдствія, ссылались въ Сибирь на поселеніе.

Дѣло это въ то время по возможности держалось въ величайшей тайнѣ и до сихъ поръ далеко не всѣмъ извѣстно, хотя оно и является очень характернымъ актомъ царствованія императора Александра III.

Много лѣтъ спустя и Муравьевъ и Николасъ были помилованы и послѣдній занялъ даже скромное мѣсто въ полиціи, что же касается письмоводителя, то онъ, по слухамъ, или умеръ въ изгнаніи, или добровольно остался въ новомъ мѣстѣ назначенія, со свойственной полякамъ ловкостью сумѣвъ и тамъ акклиматизироваться.

Преемникомъ Муравьева былъ взятый изъ полиціи же приставъ Эфенбахъ, еврей по происхожденію, человекъ довольно способный и главное очень осторожный, что, впрочемъ, и не мудрено было послѣ того горькаго урока, который такъ и остался въ полицейскихъ преданіяхъ повтореніемъ историческаго приказа: «Налѣво кругомъ, маршь въ Сибирь!»

Въ заключеніе этого бѣглаго очерка приведу одно изъ дѣлъ, вошедшихъ въ доносъ, сдѣланный Соколовымъ, и ясно доказывающее, какой дѣйствительно своеобразный порядокъ царилъ въ то время въ московскомъ сыскномъ отдѣленіи.

Ранней весною прибылъ въ Москву изъ подмосковнаго имѣнія

своего нѣкто Николаевъ, бывшій инспекторъ школъ, человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ, отличавшійся очень своеобразной скупостью.

Онъ не останавливался подчасъ передъ довольно солидными и совершенно бесполезными тратами и вслѣдъ затѣмъ отказывалъ себѣ и семьѣ своей чуть не въ самомъ необходимомъ.

На этотъ разъ онъ пріѣхалъ въ Москву, чтобы внести въ банкъ пятнадцать тысячъ рублей, только что полученныхъ имъ за проданный лѣсъ, и въ порывѣ своей ни съ чѣмъ несообразной экономіи отправился въ банкъ по конкѣ, засунувъ пакетъ съ деньгами въ боковой карманъ своего пальто.

Проговорился ли онъ кому-нибудь дорогой, что онъ везетъ съ собой такую крупную сумму денегъ, или его сильно оттопырившійся карманъ выдалъ его опытному взору любителя чужой собственности, но въ результатѣ, по прибытіи своемъ въ банкъ, Николаевъ въ карманѣ пакета съ деньгами не нашелъ, и самый карманъ оказался ловко надрѣзаннымъ.

Понятны и его горе, и его смущеніе при подробномъ открытіи.

Служащіе банка и постороннія лица, бывшія при этомъ, посоветовали ему немедленно обратиться въ сыскную полицію и рассказать подробно все, что съ нимъ произошло.

Тамъ его подробно разспросили, не замѣтилъ ли онъ кого-нибудь близко къ нему сидѣвшаго или стоявшаго, и онъ припомнилъ, что около него постоянно вертѣлся какой-то очень прилично одѣтый молодой человѣкъ, который въ моментъ остановки трамвая сильно толкнулъ его и, учтиво извинившись и сославшись въ оправданіе свое на тѣсноту, быстро спрыгнулъ и исчезъ въ толпѣ.

Примѣты незнакомца навели членовъ сыскной полиціи на слѣдъ одного изъ лицъ, хорошо извѣстныхъ въ воровскомъ мірѣ, незадолго передъ тѣмъ высланнаго изъ Москвы административнымъ порядкомъ.

На слѣдующій же день подозрѣваемое лицо было разыскано и предъявлено Николаеву, который тотчасъ же призналъ въ немъ толкнувшаго его незнакомца.

Несмотря на усердныя опроверженія, воръ былъ задержанъ и на вопросъ Николаева, куда онъ будетъ препровожденъ, ему сказали, что онъ временно будетъ оставленъ при сыскомъ отдѣленіи въ особомъ казематѣ, находящемся въ подвальномъ этажѣ этого учрежденія.

Николаеву такое распоряженіе показалось страннымъ, но спорить противъ него онъ не сталъ, а попросилъ только, въ видахъ огражденія его интересовъ, тщательно обыскать вора и найденныя при немъ деньги передать ему, какъ законному ихъ владельцу.

Требованіе это было признано законнымъ только на половину.

Обыскомъ было констатировано, что воръ успѣлъ истратить только триста съ чѣмъ-то рублей, а все остальное было отъ него отобрано и, опечатанное, взято на сохраненіе Муравьевымъ.

Николаевъ пробовалъ возстать противъ такого распоряженія, а равно просилъ при немъ отправить пойманнаго вора въ тюрьму, но ему возразили, что тюрьма при сыскомъ отдѣленіи надежнѣе и строже всякой другой и что разъ человѣкъ сидитъ въ ней, ему уже нѣтъ возможности ни скрыться, ни уклониться отъ суда.

Одновременно со всѣми этими разъясненіями Николаеву было осторожно предложень вопросъ, сколько именно предполагаетъ онъ пожертвовать въ случаѣ удачнаго розыска въ пользу тѣхъ, кто займется этимъ розыскомъ?

Наивный старичекъ, весь свой вѣкъ прожившій исключительно среди педагогической дѣятельности, не понялъ точнаго значенія этого вопроса и просто и по-своему логично отвѣтилъ, что разъ деньги найдены, ихъ уже нечего искать и что онъ внесетъ въ судъ сумму законнаго вознагражденія, какую ему самъ судъ укажетъ.

Давъ такой категорическій отвѣтъ, Николаевъ уѣхалъ изъ сыскаго отдѣленія, а вслѣдъ затѣмъ и изъ Москвы, получивъ удостовѣреніе отъ Муравьева, подробно записавшаго его адресъ, что при первой надобности ему присланъ будетъ официальный вызовъ...

Николаевъ вернулся домой такъ сильно удрученный своей потерей, что женѣ пришлось успокаивать и утѣшать его...

Это ей отчасти удалось, но время шло, а никакого вызова изъ Москвы не было и на семейномъ совѣтѣ рѣшено было, что Николаевъ самъ поѣдетъ узнать о судьбѣ своего дѣла...

Каково же было его удивленіе, когда по прибытіи своемъ въ помещеніе сыскаго отдѣленія онъ узналъ, что воръ бѣжалъ, предварительно взломавъ столъ, въ которомъ хранились опечатанныя деньги, и совершилъ побѣгъ свой съ такимъ изумительнымъ умѣньемъ и такой небывалой смѣлостью, что противъ него и мѣръ никакихъ принять было невозможно.

Дѣло это на долгое время совершенно кануло въ воду и когда выведеннымъ изъ терпѣнія старымъ педагогомъ подано было прошеніе объ удовлетвореніи его въ убыткахъ, понесенныхъ имъ благодаря оригинальнымъ распоряженіямъ сыскаго полиціи, то воръ былъ вторично разысканъ, но уже съ совершенно измѣнившейся наружностью, съ длинной бородой, которой у него при первоначальной поимкѣ его не было, что и заставило наивнаго стараго инспектора заявить слѣдователю, предъявившему ему вора, что онъ не можетъ положительно сказать, то ли это лицо, которое было арестовано при немъ въ сыскомъ отдѣленіи два или три года тому назадъ.

На этотъ разъ при арестованномъ найдено было всего только восемьсотъ рублей, да и тѣ Николаеву выданы не были, такъ какъ

онъ не могъ представить никакихъ «ясныхъ доказательствъ» того, что деньги эти принадлежать ему, самъ же арестованный настаивалъ, что деньги эти выданы ему братомъ, какъ часть оставшагося послѣ матери наслѣдства.

Все это характерное дѣло происходило при Соколовѣ, онъ въ поданномъ имъ прошеніи-доносѣ ясно и точно указывалъ и на способъ распредѣленія денегъ злополучнаго Николаева между личными членами сыскной полиціи,—но до Николаева все это дошло только значительно позднѣе, когда пресловутый приказъ «Налѣво кругомъ, маршъ въ Сибирь!» уже состоялся и взыскивать убытокъ было не съ кого, ежели бы онъ и вздумалъ это дѣлать...

Послѣ Эффенбаха, считавшагося однимъ изъ дѣятельныхъ, хотя и не особенно умѣлыхъ начальниковъ сыскной полиціи, ко всеобщему удивленію и отчасти порицанію, бразды сыскаго правленія принялъ на себя нѣкто Реутскій, покинувшій для этой далеко не особенно почетной службы почетное и видное мѣсто судебного слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ при московскомъ окружномъ судѣ...

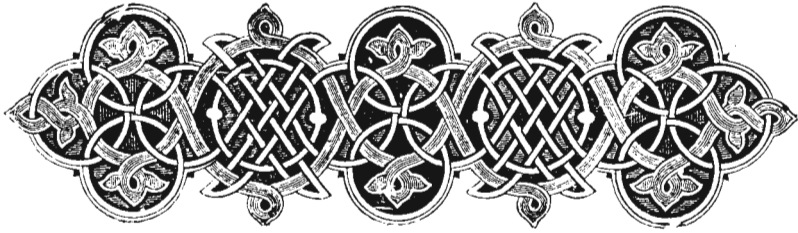
Такой переходъ повергъ всѣхъ сотоварищей новаго начальника сыскной полиціи въ неописуемое удивленіе и на обѣдѣ, устроенномъ Реутскому сотоварищами по оставляемой имъ службѣ, онъ съ горемъ и смущеніемъ отвѣчалъ тѣмъ, съ кѣмъ прощался и разставался, что на подобный шагъ подвигла его единственно невозможность жить и воспитывать дѣтей при сравнительной ограниченности содержанія, ассигнуемаго судебнымъ слѣдователямъ.

Не знаю, повторился ли еще когда-нибудь подобный рѣзкій переходъ «изъ поповъ во дьяконы», но твердо помню, что въ новой должности начальника сыскной полиціи Реутскій оставался недолго и къ исполненію ея оказался далеко не исключительно способнымъ.

Въ очень недавнее время вновь повторился одновременный и не совсѣмъ добровольный выходъ въ отставку всего наличнаго контингента московской сыскной полиціи, но на этотъ разъ дѣло обошлось безъ далекаго сибирскаго тракта!..

А. И. Соколова.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ О МИТРОПОЛИТѢ АНТОНИИ.

Pulchritudo tam antiqua et tam nova..
(Augustini «Confessiones»).

I.

ВЪ ТИШИ ЛѢСОВЪ СОСНОВЫХЪ.

ТЫ ПОѢДЕШЬ на дѣдушкинъ юбилей?—спросилъ меня старшій братъ Александръ ¹⁾, когда мы вмѣстѣ, при догорающемъ свѣтѣ вечерней зари, ловили пестрарей въ маленькомъ озерцѣ близъ села Малышева (Спасскаго уѣзда Тамбовской губ.), нашей родины.

Братъ былъ старше меня на семь лѣтъ. Онъ перешелъ уже «въ философію», какъ выражался нашъ отецъ, священникъ села Малышева и благочинный перваго спасскаго округа. Меня же еще только собирались включить въ духовное училище (мнѣ было около восьми лѣтъ), и третій классъ семинаріи представлялся мнѣ недостижимымъ идеаломъ. Къ брату я питалъ высокое уваженіе и, не понявши слова «юбилей», не сталъ его объ этомъ допрашивать.

Судя по его сіяющему лицу, навѣрное это что-нибудь пріятное, думалъ я.

Да и самая поѣздка къ дѣдушкѣ въ Ширингушу, въ сосновый боръ, — что можетъ быть лучше?

— Поѣду, непременно поѣду!—отвѣчалъ я

¹⁾ Александръ Васильевичъ Вадковскій † 1906 года въ должности смотрителя калужскаго духовнаго училища.

И сталъ убирать нитяныя лесы, обвертывая ихъ вокругъ удилица изъ шиповника, росшаго у насъ въ палсадникѣ, и прищипывая булабочныя крючки къ полавкѣ—кусочку пробки изъ-подъ кагора. Стало уже темно, и мы прошли домой прямо къ ужину.

Дома только и разговору было, что о дѣдушкиномъ пятидесяти-лѣтнемъ юбилеѣ.

— А знаешь, Катюша,—сказалъ отецъ, обращаясь къ моей матери:—братъ Антоній тоже пріѣдетъ на палашинъ юбилей! Сейчасъ письмо изъ Финляндіи получилъ.

Извѣстіе это вызвало общее воодушевленіе. Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, кажется, не проходило дня, чтобы у насъ въ домѣ не упоминалось имя «брата» или «дяди» Антонія. Въ моемъ представленіи онъ всегда былъ лицомъ духовнымъ. Между тѣмъ, многіе жители нашего села, не говоря уже о родныхъ, съ восторгомъ рассказывали мнѣ объ «Александрѣ Васильевичѣ», какъ звали въ міру владыку; рассказывали о томъ, какъ онъ «гацивалъ» у насъ, какой былъ веселый, жизнерадостный человѣкъ, шутникъ, танцоръ и забавникъ. Онъ тогда былъ еще доцентомъ казанской академіи. Былъ женатъ. Имѣлъ двухъ дѣтей—Лидію и Бориса. Но жена умерла. Дѣти тоже. Александръ Васильевичъ, чего многіе не ждали, поступилъ въ монахи и сталъ восходить по «лѣстницѣ» іерархической. Въ воспоминаемый моментъ онъ былъ уже архіепископомъ финляндскимъ.

Отецъ мой, нынѣ здравствующій протоіерей Вас. Вас. Вадковскій, очень любилъ своего младшаго брата:

— Такая доброта! такая доброта!—говаривалъ онъ:—когда онъ учился въ риторикѣ, а я въ философіи, скажешь ему, бывало: «Ну-ка, Саша, почисти мнѣ сапоги». Онъ сейчасъ же вычиститъ, не говоря ни слова. И репетировать мнѣ помогалъ (мы съ нимъ восемнадцать мальчиговъ репетировали, съ каждаго брали по рублю за мѣсяць). Вотъ я чему удивляюсь: какъ онъ пошелъ такъ далеко? И книгъ мало читалъ. Когда было читать? Умомъ взялъ, а больше смиреніемъ. Зато и не поролъ-я его ни разу и даже «палями» не билъ. Ну, дай ему Богъ.

На юбилей дѣдушки рѣшили мы ѣхать всей семьей. Собрали пожитки и дня черезъ два отправились въ двухъ экипажахъ (тарантасъ и кибитка) въ путь. Путь былъ недалекій—всего пятьдесятъ верстъ. Но путешествіе съ мелюзгой (кромѣ меня, старшаго брата и сестры Ю., было еще два меньшихъ брата) доставляло мамашѣ не мало хлопотъ. Подобно горе-крестоносцамъ, при видѣ всякаго синѣющаго вдали перелѣска мы спрашивали: «не дѣдушкинъ ли это лѣсъ?» а при видѣ церкви: «это еще не дѣдушкина колокольня?»

Но вотъ наконецъ величавый сосновый боръ, привѣтливо покачивая древними вершинами, принялъ насъ въ свою таинственную

сѣнь. По обѣимъ сторонамъ дороги плотной стѣнной стояли лѣсные великаны. Лучи догорающей зари еле просвѣчивали сквозь ихъ плотную толщу. Наше родное село убого во всѣхъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и въ отношеніи красотъ природы, и дѣдушкинъ лѣсъ показался мнѣ вдвойнѣ очаровательнымъ.

Особенно запомнилась мнѣ большая сосна при дорогѣ близъ оврага, совсѣмъ близко отъ дома дѣдушки. Она словно руки свои широко протягиваетъ надъ дорогой, ея длинные сучья и иглы образуютъ большой шатеръ надъ дорогой. Что-то грустное и уютное видится мнѣ въ ея задумчивой вершинѣ. Увидѣвъ ее, я почему-то сказалъ про себя: «здравствуй, плакучая ива!» и съ тѣхъ поръ всегда механически повторяю эти слова, когда проѣзжаю мимо нея. Но вотъ внезапно изъ гущи сосенъ показались избы с. Ширингуши. На крутомъ холмѣ высится каменная церковь съ круглыми окошечками подъ куполомъ, вдали показалась дымовая труба суконой фабрики Сергѣя Петровича Суворова. Еще крутой поворотъ возлѣ рѣчки Вадъ, и мы съ размаха толкнулись оглоблями въ ворота деревяннаго, покрытаго стружкой дѣдушкина дома. Бѣленькія занавѣсочки привѣтливо выглянули изъ окопъ. Вотъ одно изъ нихъ отворилось, и величественная фигура маститаго старца съ патриархальной бородой и въ бѣломъ подрясникѣ показалась въ немъ. Между тѣмъ, бабушка, въ черненькомъ платѣ и такомъ же чепцѣ, вышла во дворъ и распорядилась, чтобы Иванъ Конекъ (главный пчелинецъ и работникъ дѣдушки) отворилъ ворота и убралъ лошадей. Мы вошли въ уютную, уставленную кіотами и благочестивыми картинами гостиную, приняли благословеніе у дѣдушки и усѣлись за столъ отдохнуть и укрѣпиться съ дороги.

Ко времени нашего приѣзда весь домъ, горенка, баня и даже сѣноваль были уже заняты съѣхавшимися родственниками. Архіепископъ финляндскій Антоній занялъ специально для него пристроенный къ дому заль, выходящій окнами къ сосновому лѣсу и церкви.

Для насъ не оставалось мѣста. По счастью, Иванъ Конекъ уступилъ намъ свою новую, только что отстроенную избу, гдѣ мы и помѣстились. Цѣлые дни бѣгали по лѣсу, ночью спали на печи вповалку. О самомъ юбилеѣ я, въ сущности, вовсе не думалъ.

Когда я смотрѣлъ въ окно хаты, то наиболѣе импонирующее впечатлѣніе производила на меня шикарная тройка лошадей фабриканта С., нашего родственника. Я удивлялся, что эта тройка съ громаднымъ, полнымъ людей экипажемъ птицей взлетала на гору и останавливалась у церкви, куда С. ѣздили къ богослуженію. С., какъ мнѣ казалось, смотрѣли на насъ свысока, мы же испытывали по отношенію къ нимъ какое-то чувство подобострастнаго уваженія.

Помню еще, какъ на ту же самую гору тоже птицей взлеталъ мой братъ А. и что-то кричалъ, обратившись лицомъ вверхъ. Вдругъ,

въ отвѣтъ на его патетическій крикъ, загудѣли колокола. Показалась карета. Владыка ѣхалъ отъ С. къ дому своего отца.

Разъ, въ теплое лѣтнее утро насъ одѣли получше и повели къ владыкѣ. Онъ погладилъ насъ по головѣ, благословилъ, но много не разговаривалъ. Помню только, какъ онъ, погладивъ меня по головѣ, сказалъ: «А это Миша?» Мнѣ показалось, что между нами тотчасъ же установилась какая-то духовная связь, которая донынѣ не прекратилась, хотя дяди нѣтъ уже въ живыхъ. Что касается меня, то я съ перваго раза съ трудомъ могъ отличить владыку отъ лицъ, его окружающихъ.

«Ничего въ немъ нѣтъ особеннаго,—подумалъ я и остановилъ свой пристальный взглядъ на какомъ-то протодьяконѣ со львиной шевелюрой.—Вотъ это важный человѣкъ,—думалъ я про себя...

Вскорѣ, однако, бѣгая по лѣсу и по саду, я забылъ и объ Антоніи и даже о внушительномъ протодьяконѣ.

Словно въ туманѣ воскресаетъ передо мной парадный юбилейный обѣдъ. Звонъ тарелокъ, бокалы, рѣчи. Изъ духовныхъ лицъ кто-то читаетъ стихи:

«Антоній, выборгскій владыка,
Господня милость къ намъ велика
Свершилась дивно надъ тобой!..

Но болѣе всего воскресало еиміаму, разумѣется, въ честь самого юбиляра.

Помню солидную фигуру во фракѣ—смотрителя краснослободскаго духовнаго училища (Пензенской губерніи) Алексѣя Николаевича Молочковского, котораго всѣ считали и называли «сладковитѣйственнымъ ораторомъ». Съ большимъ паѳосомъ и даже со слезой говорилъ онъ о своихъ чувствахъ по отношенію къ юбиляру; платокъ носовой вынулъ, чтобы отереть слезу. Потомъ вдругъ забылъ, что надо говорить дальше, быстро спряталъ платокъ, не мѣша быстро вытащилъ откуда-то бумажку и дочиталъ рѣчь по бумажкѣ.

Надъ бѣднякомъ потомъ много острили.

Братъ Александръ тоже сказалъ рѣчь въ честь «маститаго патріарха». Въ витѣйство онъ не пускался. Сказалъ коротко, и дѣло обошлось благополучно.

Большинство присутствующихъ, впрочемъ, мало интересовались рѣчами, а больше тѣмъ, кто у кого руку цѣлуетъ,—отецъ у архіерея-сына, или наоборотъ. По тщательномъ изслѣдованіи оказалось, что руки цѣлуются взаимно. Обошло всѣхъ также крылатое слово юбиляра къ сыну: «Ну, выпьемъ, что ли, преосвященнѣйшій».

... Вечерній сумракъ сгущался надъ селомъ Ширингуши. Тайственно шептались вершины сосенъ. Величественно вырисовывалась колокольня на вершинѣ холма, уставленнаго могильными крестами...

Набѣгавшись за день по лѣсу, я возвращался мимо церкви домой. Въ лѣсу, прилегающемъ къ саду дѣдушки, вижу фигуру дяди и еще когото изъ нашихъ родныхъ. До меня донеслись слова владыки, которыя и теперь звучатъ въ моей памяти: «Пью смолистый вечерній воздухъ». И онъ шель, въ своемъ сѣромъ подрясникѣ и сѣрой шляпѣ, среди окутанныхъ вечернимъ сумракомъ таинственно-шепчущихъ сосенъ. Онъ шель спокойно, величественно и задумчиво.

Ударили въ колоколь... Тихо плыли мѣдныя волны по вершинамъ засыпающаго бора. Гдѣ-то закуковала кукушка... И опять замерло все въ тиши лѣсовъ сосновыхъ, и все окуталось свѣжей вечерней мглой...

Я вернулся въ избу, забрался на печку, сладко заснулъ, но и во снѣ мнѣ грезились стройныя величественныя сосны, и ласковый голосъ на ихъ фонѣ многократно повторялъ:

«Пью смолистый вечерній воздухъ».

Въ мои дошкольные годы, а также во время обученія въ тамбовскомъ духовномъ училищѣ и тамбовской духовной семинаріи мнѣ не разъ приходилось гостить у дѣдушки, протоіерея с. Шпрингуши, Василя Іовлевича Вадковского. Жить въ его тихомъ домикѣ у опушки лѣса, на берегу прохладной рѣчки, въ пыщенныхъ рѣчей и церемоній, было для меня всегда истиннымъ наслажденіемъ. Кромѣ престарѣлой четы, въ тихомъ сельскомъ домикѣ жила сестра дѣдушки, Ксенія Іовлевна, въ противоположность бабушкѣ, Ольгѣ Никифоровнѣ, вѣчно благодушное, улыбающееся и словоохотливое существо. Шутя обѣдъ приготовить, въ которомъ наиболѣе видную роль всегда играла сомятина (дѣдушка въ старости не ѣлъ мясного); шутя лекарство дать бабу, шутя кухарку Василису съ дочерью Машкой побранить. Ольги Никифоровны я побаивался, съ Ксеніей Іовлевной чувствовалъ себя гораздо свободнѣе. Дѣдушкины дѣти всѣ уже были на мѣстахъ. Двое (Яковъ и Владимиръ) были врачами; одинъ (Сергѣй) «профессоромъ» семинаріи; мой отецъ—священникомъ и благочиннымъ въ селѣ М.; остальные два брата занимали, можно сказать, два противоположныхъ полюса въ жизни и іерархіи. Антоній занималъ высшій постъ въ церкви, а братъ его, Константинъ, по слабости здоровья и небольшой одаренности, едва кончилъ тамбовское духовное училище и остался у родителей, занявши должность псаломщика въ с. Ш. Съ дядей Константиномъ мы были большими друзьями, спали въ одной «горенкѣ» во дворѣ, пѣли (одинъ лучше другого) на клиросѣ. По своему легкомыслію, я иногда подшучивалъ надъ дядей Константиномъ, за что дѣдушка мнѣ дѣлалъ строгія замѣчанія.

— Не смѣйся, отрокъ (такъ меня всегда звалъ дѣдушка), надъ Костей: онъ свято-праведный.

Вся жизнь въ домѣ дѣдушки была проникнута характеромъ какой-то строгой простоты и величаваго безмятежія.

Дѣдушка былъ строгъ, благочестивъ и держалъ себя всегда съ чувствомъ собственнаго достоинства. Прежде, чѣмъ попасть въ с. Ш., онъ былъ въ нѣсколькихъ приходяхъ, покинутыхъ имъ изъ-за столкновений съ помѣщиками. Онъ, на примѣръ, никогда не вѣнчалъ браковъ, если они заключались волею крѣпостниковъ, безъ согласія брачующихся; не стѣснялся и съ церковной кафедрой обличать помѣщиковъ за несоблюденіе праздникова, а женъ ихъ и дочекъ за танцы («ногодвиганіе») и за пристрастіе къ моднымъ шляпкамъ. Хотя я былъ малъ, однако дѣдушка былъ со мной порой очень откровененъ. Одинъ разъ, возвратившись съ молебна отъ одного помѣщика, дѣдушка за чаемъ показалъ мнѣ въ рукѣ рублевую ассигнацію и сказалъ, вздохнувши и углубившись въ кресло:

— Мало, отрокъ, мало! И ходилъ, и служилъ, и все машины окропилъ святой водой, и вотъ награда!

Хотя рубль мнѣ и казался большими деньгами, я дѣдушкѣ выразилъ сочувствіе. Когда я училъ по средней исторіи о борьбѣ папъ съ императорами, въ моемъ воображеніи всегда воскресалъ величавый образъ дѣдушки, не очень ладившаго и державшаго себя независимо по отношенію къ помѣщикамъ и фабрикантамъ.

Обличать было любимымъ дѣломъ дѣдушки, и даже мнѣ не удалось ускользнуть отъ его обличеній. Не зная вкусовъ дѣдушки и его приверженности къ старинѣ, я какъ-то явился къ нему въ короткой курткѣ и въ сапогахъ съ длинными голенищами. Дѣдушка сейчасъ же при всѣхъ сдѣлалъ строгій выговоръ мамашѣ и мнѣ «за нечестіе». На другой же день онъ повезъ меня въ Спаскъ къ сыну-врачу, Якову Васильевичу, позвалъ портного и велѣлъ ему смѣрять и шить для меня сюртучную пару. Во время снятія мѣрки дѣдушка много разъ говорилъ протестующему и недоумѣвающему портному: «Длиннѣе! еще длиннѣе!». Сюртукъ дѣйствительно вышелъ на славу. Когда я его надѣвалъ, то долженъ былъ становиться на цыпочки, чтобы онъ не волочился по землѣ. Когда кто-либо пріѣзжалъ къ дѣдушкѣ, онъ приказывалъ мнѣ являться къ гостямъ въ этомъ сюртукѣ. При этомъ все покатывались со смѣху и говорили, что сюртукъ надо понимать въ ироническомъ смыслѣ. Обувь же, наоборотъ, по мнѣнію дѣдушки, должна быть либо съ короткими голенищами, либо совсемъ безъ голенищъ. Сапожника нашли въ селѣ Ш., позвали его къ дѣдушкѣ на предметъ шитія мнѣ штиблетъ. Съ сапожникомъ дѣдушка былъ почему-то очень строгъ и доказывалъ ему ту истину, что всякій православный христіанинъ долженъ имѣть почтеніе къ своимъ духовнымъ отцамъ и цѣны за обувь назначать, по мѣрѣ возможности, самыя умѣренныя. Только послѣ того, какъ я былъ одѣтъ сообразно съ правилами благочестія, дѣдушка разрѣшилъ мнѣ прислуживать въ алтарѣ, гдѣ, впрочемъ, тоже не разъ обличалъ меня за быструю ходьбу съ кадиломъ и за малое усердіе по части поклоновъ.

Служилъ дѣдушка всегда подолгу, любилъ благолѣпіе церковное, партеснаго пѣнія терпѣть не могъ. Причастный стихъ всегда былъ у него одинъ: «Красуйся, Аѳоне! Радуйся и веселися, обитель Иверская!». На эктесіи дѣдушка всегда упоминалъ, кромѣ своего мѣстнаго епископа, еще архіепископа финляндскаго и выборгскаго Антонія. Къ числу особенностей богослуженія надо отнести требованіе, чтобы пѣвчіе пѣли не «Господи, помилуй», а «Господи, помилуй», въ каковомъ произношеніи дѣдушка и меня не разъ экзаменовалъ за чаемъ.

— И что это вы, братецъ, задумали?—скажетъ, бывало, Ксенія Іовлевна, сестра дѣдушки.—Дайте ему хоть чаю попить спокойно да крендель прожевать.

— Эхъ вы, грѣшники!—отвѣтитъ дѣдушка (это была высшая мѣра его обличенія) и углубится въ свое кресло.

Послѣ чая на меня возлагалась бабушкой Ольгой Никифоровной обязанность вымыть и убрать чашки, что я исполнялъ охотно, одновременно любуясь кукушкой, которая выскакивала изъ маленькой дверки надъ часами и послѣ каждаго удара произносила свое «ку-ку!» И что-то таинственное и загадочное чудилось мнѣ въ этомъ кукованіи. Убравши чашки въ маленькій шкапчикъ, гдѣ вмѣстѣ съ чайной посудой стояли пузырьки съ лекарствами, я выносилъ скатерть на галерею, окружавшую дѣдушкинъ домъ со стороны двора, и стряхивалъ крошки бѣгавшимъ по двору индюшкамъ и курамъ. Однажды вмѣстѣ съ крошками сбросилъ на землю серебряную ложечку, что было доведено Василисой до свѣдѣнія бабушекъ, а потомъ, восходя по инстанціямъ, и до свѣдѣнія дѣдушки, который былъ очень недоволенъ и обратился къ «Ольгѣ» и «Аксинѣ» съ обличительной рѣчью на тему: «Зачѣмъ столь великое дѣло поручать столь малому отроку». Послѣ чая (а иногда и до чая) я долженъ былъ, по желанію бабушки Ольги Никифоровны, прочитать одну главу изъ евангелія, въ то время какъ она, надѣвши очки, читала вслухъ на «о» житіе Алексѣя Божьяго челоуѣка. Затѣмъ дѣдушка меня экзаменовалъ, спрашивая молитвы и рассказы изъ священной исторіи. Въ награду за хорошіе отвѣты давалъ мнѣ мятныя конфеты, которыя и самъ очень любилъ и имѣлъ у себя въ большомъ количествѣ.

Въ минуты благодушія показывалъ мнѣ собственноручную архіепископскую подпись подъ портретомъ сына-Антонія, висѣвшимъ въ «Антоніевской залѣ». И какимъ-то необычайнымъ вдохновеніемъ и отеческою гордостью сіяло тогда его лицо.

Также любимымъ занятіемъ дѣдушки было примѣриваніе разнообразныхъ подрясниковъ, подаренныхъ ему сыномъ-архіепископомъ. Это примѣриваніе онъ производилъ при мнѣ многократно и всегда съ одинаковымъ удовольствіемъ, причемъ спрашивалъ меня: «А этотъ подрясникъ хорошъ? А этотъ какъ сидитъ? а этотъ какъ тебѣ нравится?»

Если погода была хорошая, мы съ дѣдушкой шли на пчельникъ, расположенный въ саду, непосредственно примыкавшемъ къ сосновому лѣсу (изъ садовой калитки вы входите прямо въ лѣсъ). Проходя черезъ галерею и дворъ, дѣдушка рѣдко вступалъ въ разговоръ съ кухаркой или работникомъ касательно хозяйства; все это онъ считалъ дѣломъ мірскимъ и не стоящимъ серьезнаго вниманія; это, дескать, дѣло женское. Пройдя дворъ мимо горенки, гдѣ дядя Константинъ конфиденціально покуривалъ гдѣ-то добытую папиросу, мы входили въ садъ, раздвигая кусты разросшейся сирени и смородины, выходили на поляну, откуда открывался чудный видъ на лѣсъ и церковь. Здѣсь дѣдушка снималъ свою широкополую соломенную шляпу и долго и усердно молился на церковь, приказывая и мнѣ дѣлать то же самое. Это повторялось всякій разъ, какъ мы шли въ садъ или обратно. Затѣмъ мы вступали въ область пчельника и входили въ деревянный, покосившійся и только какимъ-то чудомъ державшійся шалашъ, откуда можно было обозрѣвать пчельникъ, не рискуя быть искусаннымъ пчелами. Десятка три ульевъ были разбросаны среди глухой живописной поляны. Вперемежку съ ульями тутъ же на травѣ стояли старинныя деревянныя статуи апостоловъ (вѣроятно, изъятыя изъ церковнаго употребленія). Эти статуи, равно какъ и вертящіяся деревянные голубки, привѣшенные у входа въ шалашъ, производили на меня сильное впечатлѣніе, а пчельнику придавали характеръ древняго благочестія. Внутри шалашъ былъ оклеенъ картинами религіознаго содержанія. На первомъ планѣ красовалась приклеенная воскомъ къ стѣнѣ шалаша икона Казанской Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ. Въ шалашѣ дѣдушка опять молился, а потомъ ложился отдохнуть на лавочку, продолжая любоваться солнечнымъ днемъ и золотистыми пчелами, купающимися въ его сіяніи, и повторяя какъ бы механически: «Отрокъ, молись! Отрокъ, молись!» Мнѣ всегда казалось и теперь кажется, что пчельникомъ дѣдушка занимался (да и занимался очень мало) совершенно безкорыстно, цѣня его только, какъ тихій поэтическій уголокъ, гдѣ можно отдохнуть и предаться богомыслию. Меду, помнится, отъ пчельника получалось немного. Только изрѣдка бабушка Ксенія Іовлевна приготовитъ «сыту» съ овсянымъ киселемъ, каковое блюдо мнѣ очень нравилось, да изрѣдка попадетъ медку къ чаю. Но такъ какъ въ пчеловодствѣ, хотя бы самомъ примитивномъ, нельзя совсѣмъ обойтись безъ прозы (надо же, напри- мѣръ, огрѣбать рои, сажать въ улей пчель и прочее), то дѣдушка приглашалъ для этого случая своего стариннаго вѣрнаго слугу Ивана Конька и ему поручалъ исполнять все «мірское» въ области пчеловодства. Надѣнетъ, бывало, на себя Конекъ сѣтку, поставитъ лѣстницу къ высокой липѣ, возьметъ ковшъ и роевню и полѣзетъ огрѣбать рои. А дѣдушка стоитъ внизу и очень строго кри-

тикуетъ каждое движеніе Конька, употребляя при этомъ такія выраженія, которые не соответствовали его благолѣпію и объяснялись исключительно его патетическимъ состояніемъ. Но и эта возбужденность вскорѣ таяла среди чуднаго безмятежья тихаго угла.

И это чувство покоя и безмятежья всегда охватывало меня, когда я пріѣзжалъ погостить къ дѣдушкѣ. Здѣсь я отдыхалъ отъ семинарской зубристики и схоластическихъ учебниковъ.

Наукой и литературой дѣдушка мало интересовался на старости лѣтъ. За перо брался рѣдко, метрики писалъ «Костя». Изрѣдка писалъ дѣдушка письма роднымъ. И это были торжественныя минуты. Дѣдушка не имѣлъ ни кабинета, ни письменнаго стола. Когда надо было написать письмо, онъ садился въ свое покойное кресло въ столовой и приказывалъ мнѣ подать съ кіота, гдѣ горѣла неугасимая лампадка предъ образомъ Неопалимой Купины, пузырьрекъ чернилъ и ручку. Перо въ ней было, обыкновенно, заржавленное, и сама ручка имѣла видъ плачевный. Я колебался, подавать ли ее дѣдушкѣ. «Давай, отрокъ, давай,—поощрялъ меня дѣдушка:—перо будетъ хорошо, если писецъ будетъ хорошій», и при этомъ улыбался благодушнѣйшимъ образомъ, довольный своей остроютой. Письма дѣдушки на половину состояли изъ текстовъ Священнаго Писанія и напоминали апостольскія посланія. Начиналъ онъ письмо всегда такими словами: «Милость Божія буди съ вами», а заканчивалъ словами: «Слава тебѣ, Господи, слава тебѣ» При писаніи же адресовъ позволялъ себѣ порою художественное творчество, напримѣръ, шестилѣтнему брату моему, Алексѣю, писалъ такъ: «Пчелинцу А.», ибо возлагалъ на него большія надежды (не оправдавшіяся) въ области пчеловодства. Основаніемъ этой надежды послужилъ случай, рассказанный моей мамашей дѣдушкѣ, что Алексѣй ловилъ спичечной коробкой пчелъ и съ восторгомъ потомъ рассказывалъ, какъ одна пчела сама влетѣла въ спичечную коробочку.

Торжественная тишина жилища дѣдушки нарушалась очень рѣдко. Помню, напримѣръ, случай, когда, перейдя изъ второго класса семинаріи въ третій, я гостилъ у дѣдушки съ дядей Сергѣемъ Васильевичемъ, преподавателемъ тамбовской духовной семинаріи. Мы всѣ пили чай въ столовой. Вдругъ послышался звонъ колокольчиковъ, топотъ лошадей, и къ дому подъѣхала тройка лошадей, запряженная въ шикарный тарантасъ. Оттуда вышли два духовныхъ лица въ шляпахъ и рясахъ. Мы всѣ побѣжали навстрѣчу, узнавъ въ одномъ изъ нихъ экзарха Грузіи Владимира (нынѣ митрополита кievскаго), а въ другомъ его брата, священника Новыхъ Выселокъ Богоявленскаго. Экзархъ Грузіи, нынѣ занимающій еще болѣе высокій постъ въ іерархіи, проѣзжая на родину, счелъ своимъ долгомъ заѣхать въ Ширингушу и засвидѣтельствовать свое почтеніе батюшкѣ архіепископа Антонія, своего земляка. Бабушки засуетились,

стали накрывать на столъ въ Антоніевскомъ залѣ (тутъ висѣлъ большой портретъ владыки Антонія), гдѣ все и расположились вокругъ стола. Разговоры за столомъ велись, конечно, объ архіепископѣ Антоніи, о путешествіи почетнаго гостя, о его здоровьи. Помнится, Сергѣй Васильевичъ сказалъ экзарху, — и это мнѣ показалось верхомъ джентльменства, — что онъ очень поправился и выглядитъ теперь гораздо лучше, чѣмъ раньше. Гости посидѣли около получаса, попрощались и опять направились къ своему экипажу.

— Что же вы не по-архіерейски путешествуете?—освѣдомился дѣдушка, очень любившій благолѣпіе и «славу».

— Попроше—лучше,—отвѣчалъ экзархъ:—никто не узнаетъ; вѣдь объ насъ и безъ того въ газетахъ печатаютъ.

Колокольчики зазвенѣли. Гости уѣхали. Снова пришли мы къ чайному столу. Допивая свой стаканъ, я спросилъ у дяди Сергѣя Васильевича, почему онъ сказалъ экзарху, что тотъ поправился и пополнѣлъ, хотя тотъ былъ въ дѣйствительности такимъ же худымъ, какъ и прежде. «Глупъ ты еще,—отвѣтилъ мнѣ «профессоръ» семинаріи,—и не знаешь, чѣмъ заслуживается благоволеніе лицъ высокопоставленныхъ».

Дядя Сергѣй Васильевичъ относился ко мнѣ покровительственно, а я считалъ его источникомъ неисчерпаемой мудрости. Въ случаяхъ какихъ-нибудь вопросовъ или сомнѣній я обращался за разрѣшеніемъ ихъ къ Сергѣю Васильевичу, вѣдь онъ-де академію кончилъ и все знаетъ. Помню, лѣтнимъ яснымъ вечеромъ, когда солнышко своими прощальными лучами золотило верхушки сосенъ, вдали куковала кукушка и гдѣ-то уже защелкала соловей, сидѣли мы на обрубкѣ дерева въ самой глуши сосноваго лѣса и состязались въ пѣніи,—кто выше возьметъ «и будешь ты царицей міра»... Эхо намъ вторило, птички откликались. А въ лѣсу было такъ безмятежно и торжественно, словно ни страданій, ни борьбы, ни грызущихъ душу сомнѣній нигдѣ не было. Наконецъ мы оставили въ покоѣ царицу міра, посидѣли, помолчали.

«А какъ вы думаете, дядя,—спросилъ я послѣ раздумья:—въ раю у змѣя были крылья? Вѣдь, сказано ему потомъ было: на чревѣ будешь ходить, а раньше, значитъ, онъ не ходилъ на чревѣ?» Вопросъ мой озадачилъ «профессора», и онъ задумался, потомъ сказалъ: «Навѣрно, были крылья».—«А какъ вы думаете?—продолжалъ я свои разпросы:—на томъ свѣтѣ не будетъ уже ни сосноваго лѣса, ни солнца, ни кукушки? Если такъ, то тамъ будетъ скука смертельная». Дядя опять помолчалъ и отвѣтилъ сосредоточенно: «Я думаю, что все лучшее и прекрасное, что есть въ земной жизни, и тамъ, за гробомъ, не будетъ отъ насъ отнято».

А кукушка продолжала куковать, не то сочувственно, не то безнадежно-иронически...

Солнце закатилось. Мы пошли домой по сосновому лѣсу, исполненному жизни и дивныхъ очарованій.

И эта таинственно-величавая жизнь нѣмыхъ великановъ болѣе, чѣмъ человѣческіе разговоры, способствовала пробужденію въ моей душѣ то какой-то щемящей душу тоски, то какихъ-то неясныхъ, несознанныхъ стремленій. И сердце билось, какъ птица въ клѣткѣ, и куда-то рвалось, въ таинственное невѣдомое. Порой это таинственное и прекрасное воплощалось въ живомъ, конкретномъ образѣ любимой дѣвушки... То было пробужденіе весны въ человѣческомъ сердцѣ!..

II.

На верандочкѣ.

Чѣмъ больше я постигалъ семинарскую схоластику, тѣмъ противнѣе мнѣ она становилась, ибо запутывала умъ въ противорѣчіяхъ и, благодаря своей бесплодности, не могла удовлетворить запросамъ ума живого и любознательнаго. Я чувствовалъ тяготѣніе къ университету (естественному факультету) и лишь по настоянію родныхъ, скрѣпя сердце, соглашался, по мягкости своего характера, итти въ духовную академію. Роднымъ очень хотѣлось, чтобы я попалъ въ петербургскую духовную академію, ибо дядя въ это время былъ уже митрополитомъ петербургскимъ. Чтобы все устроить и уладить, меня отправили въ Петроградъ погостить къ дядѣ (лѣтомъ 1899 г.). Случай представился благопріятный: обѣ бабушки и старшій братъ Александръ, гостившій въ Ширингушѣ, тоже собирались въ Петербургъ. Итакъ, мы пріѣхали въ Питеръ цѣлой компаніей. Я чрезвычайно радовался этой поѣздкѣ, ибо раньше никогда не былъ въ Петроградѣ, да и съ дядей поговорить хотѣлось. Остановились мы сначала въ меблированныхъ комнатахъ, потомъ явились къ дядѣ, жившему въ то время въ своемъ лѣтнемъ домикѣ, въ митрополичьемъ саду. Поселилась, однако, въ этомъ домикѣ только мамаша владыки и его тетюшка, мы же съ братомъ устроились въ лаврѣ у знакомыхъ. Около того же времени изъ Гуся Хрустальнаго, Владимирской губерніи, прибылъ въ Петроградъ дядя Владимиръ Васильевичъ, врачъ, съ дочерью Зинаидой, окончившей институтъ. Они остановились въ гостиницѣ. День проводили мы всѣ вмѣстѣ въ упомянутомъ дачномъ домикѣ. За столомъ вся эта разнообразная публика группировалась вокругъ владыки. Столъ обыкновенно накрывался молчаливымъ и преданнымъ келейникомъ Иваномъ «на верандочкѣ», выходившей въ роскошный цвѣтникъ митрополичьего сада. Передъ обѣдомъ собирались всѣ вмѣстѣ въ гостиной и ожидали пріѣзда митрополита изъ Синода.

Когда бабушекъ не было поблизости, затѣвали отчаянные богословскіе споры, особенно любили спорить дядя Владимиръ, врачъ, и

братъ Александръ, богословъ, преподаватель семинаріи. Помню, возвращается владыка изъ Синода, довольно утомленный, входитъ въ гостиную и снимаетъ бѣлый клубукъ съ брилліантовымъ крестомъ въ самый азгаръ спора, на этотъ разъ довольно ожесточеннаго. Дядя съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ повелъ бровью и довольно твердо спросилъ: «Ну, чего вы спорите?» Оказывается, споръ шелъ о «строителѣ неправедномъ» (Лук. 16), за что онъ былъ похваленъ господиномъ. «Развѣ можно хвалить за мошенничество?»—нападалъ дядя Владимиръ на брата моего Александра—«Не за мошенничество, а за ловкость и находчивость, проявленную хотя бы и въ недобросовѣстномъ поступкѣ», возражалъ «академикъ».—«Перестаньте спорить»,—спокойно и кротко сказалъ владыка:—объясняйте текстъ просто и безъ хитрости: мамона неправды—это богатство, которое наживаютъ путемъ неправды. Господинъ—это Богъ; строитель—каждый изъ насъ; раздавай бѣднымъ свое богатство, и ты въ нихъ приобрѣтешь себѣ друзей «оть мамоны неправды», т. е. при помощи своего богатства. Объясненіе было такъ просто и ясно, а главное такъ жизненно и убѣдительно (ибо владыка былъ совершенно безкорыстенъ), что всѣ замолчали, съ радостію внимая благодатнымъ словамъ святителя.

Примиренные и веселые, всѣ отправились на верандочку обѣдать. Келейникъ Иванъ, въ сюртукѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, съ самымъ корректнымъ видомъ подавалъ кушанье. Золотистые лучи лѣтняго солнца широкою волною лились сквозь стекла веранды на бѣлоснѣжную скатерть и на собравшихся; свѣжій вѣтерокъ врывался въ отворенныя двери, принося съ собою запахъ цвѣтовъ и скошенной травы. На верандѣ и кругомъ нея все было исполнено идиллической тишины и безмятежія, словно мы были не въ столицѣ, а гдѣ-нибудь въ сельской тиши или на дачѣ.

Мнѣ, гостившему въ первый разъ у дяди митрополита, было чрезвычайно интересно наблюдать и его самого, и окружающихъ его лицъ. Весь осіянный солнечнымъ свѣтомъ, въ свѣтленькомъ сѣромъ подрясникѣ, съ бѣленькими воротничкомъ и манжетами, весь чистый, аккуратный и ласково улыбающійся, владыка, казалось, самъ всѣхъ озарялъ и просвѣтлялъ духовнымъ свѣтомъ, которымъ сияли его чудные, кроткіе, добрые, какъ будто въ душу глядящіе, голубые глаза. И я долго и внимательно, по возможности незамѣтно, наблюдалъ за всѣми его словами и движеніями, и это наблюденіе было для меня какимъ-то новымъ, чудеснымъ откровеніемъ. Что меня поражало въ дядѣ,—это было какое-то дивное соединеніе въ немъ простоты и величія. Такъ называемыхъ «вѣжливыхъ» словъ, которыми обычно люди уснащаютъ свою рѣчь, порою чтобы позолотить пилюлю, владыка никогда не говорилъ, и это меня сначала немного смущало, но потомъ я рѣшилъ, что позолота излишня тамъ, гдѣ налицо имѣется самъ драгоцѣнный металлъ, и на томъ успокоился. Слова его всегда производили какое-то умиротворяющее

дѣйствіе на окружающихъ, и я всегда жадно ловилъ эти слова, и въ дальнѣйшемъ изложеніи, при случаѣ, буду воспроизводить нѣкоторыя изъ нихъ съ возможною точностью, насколько они запечатлѣлись въ моей памяти.

Чаще всего онъ обращался къ своей мамашѣ, почтенной старицѣ, которая вся сіяла отъ счастья, видя подлѣ себя сына митрополита, чрезвычайно почитательно къ ней относившагося. Очень трогательно было видѣть радостную улыбку и даже свѣтлый смѣхъ на лицѣ старицы, вѣрными шагами приближавшейся къ близкой могилѣ (года черезъ три она скончалась 80 лѣтъ отъ роду) и, однако, радостно смотрящей и на сына, и на солнце, и на бѣлоснѣжныя лиліи въ митрополичьемъ саду. Ея уже не было въ живыхъ, когда эти лиліи украсили осѣненную деревяннымъ крестомъ могилу всѣми оплакиваемого первосвятителя русской церкви, и благо для нея...

— Ну, что, тепло, мамаша, вамъ на солнышкѣ?—спросить, бывало, владыка свою матушку.

— Ужъ такъ тепло, ужъ такъ хорошо у тебя здѣсь, Антоній; кажись бы, вѣкъ не умирала. Папаша былъ бы живъ, порадовался бы на тебя...

И облако грусти проходило по лицу старушки.

— Всѣмъ своя очередь придетъ, мамаша. Вотъ мы теперь всѣ живемъ, на солнышкѣ грѣмся, цвѣточками любимся, пѣніе птичекъ слушаемъ; а настанетъ время, и насъ покроетъ мать сыра земля.

— Это насъ земля покроетъ,—возражала бабушка:—а тебя, чай, въ церкви похоронятъ, склепъ для тебя хорошій устроятъ.

— Не люблю я этихъ склеповъ, мамаша,—ласково и спокойно отвѣчалъ митрополитъ:—давятъ они какъ-то. А я завѣщаю, чтобы меня прямо въ земельку положили на общемъ кладбищѣ, крестъ бы деревянный поставили. А весной травка на могилкѣ зазеленѣетъ, вѣтерокъ пролетитъ, птичка запоетъ, кто-нибудь на могилку придетъ помолиться да тебя помянутъ.

— И то правда,—согласится бабушка:—только это какъ-то не по-митрополичьи...

Сидя на другомъ концѣ стола, я съ своей двоюродной сестрой Зинаидой велъ разговоры о жизни,—она мнѣ рассказывала объ институтской а я ей о семинарской. Порой мы вступали въ споръ и каждый хотѣлъ щегольнуть своей ученостью предъ дядей-митрополитомъ. Я задавалъ собесѣдницѣ вопросы о силахъ и способностяхъ души человѣческой; а она въ отместку поставила ребромъ вопросъ, на который у нихъ, какъ я узналъ впоследствии, недавно писалось въ институтѣ сочиненіе: «Въ чемъ состоитъ отличіе Карамзина отъ Пушкина?».

Потомъ заспорили о томъ, какія книги слѣдуетъ читать и какъ. По этому вопросу завязался общій разговоръ, въ которомъ дядя принималъ живое участіе.

— По моему мнѣнію,—говорилъ онъ:—надо читать не много, но основательно, выбирая лучшихъ писателей и ихъ въ особенности тщательно изучая. Избралъ себѣ, на примѣръ, Гоголя, и изучай его. Полезно также ознакомиться съ славянофилами—Аксаковымъ, Самаринымъ, Кирѣевскимъ, Данилевскимъ... Изъ древнихъ со-вѣтую читать Платона; у него очень хорошая классификація добродѣтелей: мудрость, мужество, справедливость и умѣренность. Изъ святоотеческихъ твореній очень интересно читать Василія Великаго. Въ бытность мою доцентомъ въ Казани студенты академіи имъ такъ увлекались, что читали въ салонахъ сообща съ барышнями «Шестодневъ». Въ особенности же со-вѣтую вамъ читать Евангеліе.

— Ну, для меня-то это совершенно излишне,—возразилъ я:—мы въ семинаріи его и читали и изучали такъ, что надоѣло... Я теперь предпочитаю Шиллера и Гете...

Моя реплика, видимо, задѣла владыку за живое, и онъ сталъ мнѣ возражать съ большимъ одушевленіемъ.

— Схоластика тебя заѣла, вотъ что. Можетъ ли Евангеліе надоѣсть? Нѣтъ, такъ же, какъ пища и питье не могутъ надоѣсть тѣлу. Химикъ, анализируя разныя пищевыя вещества, самъ можетъ оставаться голоднымъ. Пищу надо воспринимать и усвоить организмомъ. Священный текстъ можно анализировать и оставаться духовно-мертвымъ. Надо воспринимать въ себя, впитывать своею душою слово жизни, питаться хлѣбомъ небеснымъ, чтобы жить и дѣйствовать по-Божьи, чтобы всю жизнь преобразовывать по евангельскому образцу. Вотъ какъ я понимаю «читать Евангеліе» и вотъ почему всѣмъ со-вѣтую по утрамъ прочитывать хоть немного изъ священной книги. Вотъ ты мнѣ толкуешь о Шиллерѣ и Гете, какъ бы противопоставляя ихъ Евангелію. А развѣ Шиллеръ не евангельскія начала воспѣлъ въ своихъ произведеніяхъ, а развѣ Гете не изъ Евангелія черпалъ свое вдохновеніе? Подумай-ка объ этомъ и познай силу Евангелія!—закончилъ владыка свою вдохновенную рѣчь, давшую пищу для моихъ дальнѣйшихъ размышленій:

Послѣ этого дядя занялся разговоромъ со старшими, а мы съ кузиной приготавливали въ тиши еще болѣе коварные вопросы, причемъ кузина толкала меня въ бокъ и подзадоривала: «Спроси! спроси! Въѣдь дядя—докторъ богословія и въ Россіи и въ Англій!»

Обѣдъ кончился, и дядя всѣмъ уже налилъ по обычной заключительной рюмкѣ кахетинскаго (по рюмкѣ мадеры всѣ выпивали въ началѣ обѣда, передъ паюсной икрой) и съ благодушнѣйшимъ видомъ собирался со всѣми чокнуться, но остановился, ибо я, мало знакомый съ чувствомъ такта, началъ его донимать вопросами.

— Дядя, вы докторъ богословія?

— Да.

— И въ Россіи и за границей?

— Да, въ Россіи и въ Англіи. Тамъ мнѣ оксфордскій университетъ преподнесъ докторскій дипломъ.

— Ну, значить, вы все знаете. Скажите мнѣ, правда ли то, что утверждаетъ Зина, будто человѣкъ произошелъ отъ обезьяны? Она это доказываетъ со всею рѣшительностью.

Вопросъ озадачилъ дядю. Улыбка сошла съ его лица, задумчиво держалъ онъ серебряную чарку кахетинскаго и молчалъ.

Я опять продолжалъ:

— Мы долго съ Зиной спорили; я ей доказывалъ, что этого быть не можетъ, ибо человѣкъ богоподобное существо, а она говоритъ, что у человѣка и волосы какъ у обезьяны, и все очень похожее. Такъ мы съ ней и не рѣшили этого вопроса. Вопросомъ онъ остается у насъ и донинѣ.

— Ну, и хорошо,—отвѣтилъ, наконецъ, дядя:—что это осталось для васъ вопросомъ. Это очень хорошо.

При этомъ онъ чокнулся со всѣми, выпилъ кахетинскаго и поднялся изъ-за стола. За нимъ всѣ поднялись. Владыка прочиталъ «слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ» (предъ обѣдомъ онъ тоже всегда самъ читалъ «Отче нашъ») и благословилъ всѣхъ по одиночкѣ.

«Вѣроятно, русскіе и заграничные доктора богословія не занимаются такими пустяковыми вопросами, какъ вопросъ о происхожденіи человѣка»,—думалъ я, принимая благословеніе, и отправился съ Зиной гулять по саду, кататься на плоту и щипать малину въ обширномъ и роскошномъ митрополичьемъ саду.

III.

Три послушника ¹⁾.

(Эпизодическое повѣствованіе).

Въ жаркій, лучезарно-сверкающій лѣтній день, какіе бываютъ въ Малороссіи въ июль мѣсяцѣ, шли по дорогѣ изъ Кіева въ Троицкій монастырь (отстоящій отъ Кіева на разстояніи трехъ верстъ приблизительно) три студента духовной академіи кіевской. Всѣ трое было одѣты въ форменные студенческіе сюртуки, страшно ихъ стѣснявшіе и гнетшіе въ такую жару, на головахъ ихъ красовались студенческія фуражки. Потныя и запыленные лица студентовъ казались очень озабоченными и серьезными, словно какая-то важная миссія была поручена путникамъ. Они уже давно прошли шикарную, центральную часть города съ его Крещатикомъ, огромными церквами и европейскими домами, миновали и пыльное предмѣстье,

¹⁾ Авторъ чувствуетъ, что, повѣствуя о родственникахъ покойнаго митрополита, онъ дѣлаетъ нѣкоторое отступленіе отъ темы; однако онъ паходитъ это необходимымъ для всесторонней иллюстраціи личности почившаго архипастыря.

населенное бѣднымъ рабочимъ людомъ, и, пройди еще мимо какихъ-то бѣленькихъ, веселенькихъ хатокъ малороссійскаго стила, очутились въ открытомъ полѣ, гдѣ свѣжій вѣтерокъ пахнулъ на путниковъ и заставилъ ихъ взглянуть кругомъ себя какъ-то веселѣе и оживленнѣе. Хранившееся до сихъ поръ молчаніе было нарушено, и между студентами завязался оживленный разговоръ.

— Къ отцу игумену надо будетъ явиться во всей формѣ,—говорилъ маленькій блѣднолицый студентъ (Андрей Грисюкъ), лицо котораго было покрыто едва пробивающимся пушкомъ юности и котораго я стану для краткости называть по мѣсту его родины—волынцемъ.

— И сложить ее у вратъ святой обители, какъ одежду суетную и мірскую,—добавилъ высокій аскетически-суровый новгородецъ (Петръ Бѣлоликовъ), именуемый въ академіи «столпомъ православія».

— А что, братцы, вѣдь въ подрясницахъ будетъ намъ, пожалуй, лучше и спокойнѣе, хотя Тарасъ Бульба и осмѣивалъ подрясники,—говорилъ третій путникъ, увлекающійся мечтатель-идеалистъ, тамбовскій уроженецъ, который, главнымъ образомъ, и создалъ все предпріятіе, самъ увлеченный пламеннымъ краснорѣчіемъ извѣстнаго архіепископа Антонія (тогда волынскаго, нынѣ харьковскаго).

Перейдя на четвертый курсъ духовной академіи, всѣ трое рѣшились изъ-за идеи итти въ монахи и, отказавшись отъ каникулъ въ родномъ домѣ, пожить въ монастырѣ, дабы узнать опытно дополнителную монашескую жизнь. Троицкій «мужицкій» монастырь, основанный, сравнительно недавно, прозорливымъ старцемъ Іоной, а тогда управляемый игуменомъ Мельхиседекомъ, казался юнымъ идеалистамъ наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для подвига, отчасти благодаря своему уединенному положенію—въ горахъ надъ Днѣпромъ, а отчасти благодаря прославленной строгости жизни и трудолюбію его обитателей.

Солнце стало клониться къ закату, золотя пыль, поднятую идущими домой стадами, когда путники подходили къ Троицкому монастырю, зеленые купола котораго съ позолоченными главами живописно выдѣлялись среди зелени деревьевъ. Колокольная съ огромнымъ колоколомъ стояла отдѣльно и отличалась своимъ невысокимъ размѣромъ, такъ что огромный колоколъ хоть рукой доставай отъ земли. Рядомъ съ колокольной стояла голубятня, вокругъ которой носились тысячи сверкающихъ на заходящемъ солнцѣ бѣло-снѣжныхъ голубей (любимая птица старца Іоны). Далѣе видѣлись братскіе корпуса, утопая среди зеленыхъ деревьевъ.

Восторженными очами смотрѣли юные «эмаусскіе» путники на открывшуюся предъ ними обитель, надѣясь здѣсь, вмѣсто мертвой схоластики, найти для себя живое Божье дѣло... Ударили къ вечернѣ... Величавая, мощная волны звука плавно разливались по воздуху, какъ бы увлекаая души пришельцевъ въ какую-то луче-

зарную высь... А голуби — символы чистоты и непорочности — продолжали беззаботно кружиться въ воздухѣ.

... Монастырь словно привѣтствовалъ гостей, хотя кругомъ себя они не видѣли ни души. Подойдя совсѣмъ близко къ церкви, они встрѣтили идущаго въ церковь монаха и спросили его съ поклономъ, гдѣ живетъ отецъ игумень.

— Вонъ его келья, а вонъ и самъ батюшка отецъ игумень, — добродушно отвѣчалъ монахъ и пошелъ въ церковь, держа въ рукахъ мантию, чтобы она не запыхилась.

Путники пошли съ сердечнымъ трепетомъ къ игумену — высокаго роста мужчинѣ съ большой черной бородой и краснымъ, нѣсколько вульгарнымъ лицомъ, — низко ему поклонились, прикасаясь рукой къ землѣ, приняли благословеніе и поцѣловали его мускулистую мужицкую руку.

Игумень, предупрежденный ректоромъ академіи, очень радушно отнесся къ студентамъ, одобрилъ ихъ намѣреніе, похвалилъ усердіе и, призвавъ благочиннаго, приказалъ ему водворить новыхъ послушниковъ въ кельѣ. Благочинный, очень ловкій и распорядительный монахъ, интересный собесѣдникъ, хотя весьма строгій въ обращеніи съ подчиненными, водворилъ гостей въ комнаты трехъ святителей, въ надеждѣ, какъ онъ сразу же пояснилъ, что каждый изъ молодыхъ людей черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ самъ будетъ святителемъ.

— И насъ тогда не забудьте, — чистосердечно добавилъ онъ, вводя ихъ въ комнаты, надъ входомъ въ кои красовалась икона трехъ святителей. Комнаты были небольшія, но уютныя. Въ прихожей на аналоѣ стояла икона вновь прославляемаго угодника старца Серафима; въ сторонѣ стояла кровать; дальше слѣдовала гостиная съ мягкой мебелью; въ переднемъ углу была большая икона Богоматери съ предвѣчнымъ Младенцемъ; въ третьей комнатѣ на комодѣ имѣлось маленькое бѣлое (подъ слоновую кость) распятіе, стояло двѣ постели; въ переднемъ углу висѣла икона Спасителя.

Итакъ, студенты водворились въ монастырь и стали понемногу осматриваться въ окружающую ихъ обстановкѣ и жизни. По жребію рѣшили, кому гдѣ спать. Тамбовцу досталась прихожая; новгородецъ и волынецъ поселились въ спальнѣ. На другой день ихъ облачили въ подрясники и шалочки, препоясали кожанымъ ремнемъ и дали въ руки четки... Началась монастырская жизнь: хожденіе въ церковь съ зарей, чтеніе и пѣніе на клиросѣ; затѣмъ назначены были имъ одно за другимъ разныя «послушанія» (работы), о которыхъ скажу нѣсколько подробнѣй.

Пребываніе въ монастырь въ качествѣ послушниковъ должно было подготовить юныхъ студентовъ къ монашеству. Всѣ трое рѣшили, при переходѣ на четвертый курсъ академіи, принять иночество не по какимъ-либо корыстнымъ побужденіямъ, не ради архіерейства (все это было, можетъ быть, только въ ихъ «подсознатель-

ной» области), а «изъ-за идеи». Поэтому они рѣшили, съ благословенія своего ректора и монастырскаго игумена, отвѣдать, хотя въ теченіе одного лѣта, подлинную монастырскую жизнь, жизнь труда и подвига.

Исполненные энтузіазма («озаренные свыше», какъ имъ казалось), ретиво взялись они за свои послушанія, соревнуя другъ другу въ строгости исполненія монашескихъ уставовъ.

Вставали они съ зарей. Быстро одѣвались и умывались. Творили молитву и шли мимо огромнаго гудящаго колокола (повѣшеннаго на временной деревянной колокольнѣ), подъ яркими утренними лучами южнаго лѣтняго ликующаго солнца къ ранней обѣднѣ. Молились пламенно, стремясь усвоить себѣ простоту молитвы монаховъ «мужицкаго» монастыря. Но трудно и едва ли возможно было усвоить эту простоту тѣмъ, кто вкусилъ, хотя бы сухихъ и сморщенныхъ, тѣмъ не менѣе сладкихъ и соблазнительныхъ плодовъ познанія. Въ дымѣ еиміама являлся коварный искушитель молодымъ послушникамъ, какъ нѣкогда Тамарѣ, и внушалъ имъ мысли безумныя, вопросы нечестивые...

«Зачѣмъ служба идетъ долго и почему молитвы повторяются?» «Отчего молятся въ церкви только за православныхъ, а не одинаково за католиковъ, протестантовъ и даже нехристіанъ?» «Возможно ли согласовать благость и мудрость Творца съ вѣчностью мученій?» и т. д. А иногда вдругъ, среди хвалебныхъ гимновъ въ честь Богоматери въ пламенной душѣ юношей вспыхивали образы красоты земной, дѣвственно-прекрасной, но въ монастырѣ недопустимой. И всякій разъ въ душѣ юношей боролся Прометей свободной мысли и жизни съ согбеннымъ, отречшимся отъ радостей жизни аскетомъ. И никто, глядя со стороны на трехъ, стоящихъ словно изваянія, послушниковъ, не могъ подумать, какая титаническая борьба происходила въ ихъ душѣ даже въ часы молитвы.

Послѣ обѣдни они пили чай, дѣлясь своими мыслями и придавая имъ, по возможности, благочестивый характеръ. Затѣмъ приходилъ «отецъ хлѣбникъ» и велъ послушниковъ въ кухню, гдѣ они, надѣвъ на себя фартуки и бѣлыя шапочки, принимались съ молитвой и благословеніемъ мѣсить тѣсто въ потѣ лица, ибо жаркое малороссійское солнце какъ бы соревновало съ распаленной кухонной печью въ дѣлѣ искушенія юныхъ подвижниковъ.

Тѣсто для бѣлаго хлѣба приходилось мѣсить руками, склонившись надъ деревянными ящиками, и эта работа была наиболѣе трудная. Послушники всякій разъ ждали съ нетерпѣніемъ, когда на обращеніе одного изъ старшихъ работниковъ къ старцу: «благословите кончать», послѣдуетъ изъ устъ суроваго молчальника отвѣтъ: «Богъ благословитъ, кончайте!» Сравнительно легкою была работа въ другой пекарнѣ, гдѣ готовили черный хлѣбъ. Въ большихъ чанахъ было тѣсто заранѣе заготовлено. Мять руками его не приходилось, а

ходьба съ мѣшками, погруженными въ тѣсто вокругъ чана (словно въ хороводѣ), доставляла даже удовольствіе. Иногда посылали послушниковъ дѣлать просфоры. Ихъ миссія здѣсь состояла въ катаніи тѣста такъ, чтобы оно обратилось въ длинную змѣю. Потомъ отъ этой змѣи отдѣлялись кусочки, трансформировывались въ цифру восемь, а потомъ принимали видъ просфоры, которую надо было припечатать, а потомъ ставить въ печку.

Здѣсь тоже было жарко, но преимущественно въ смыслѣ нравственномъ. Неизвѣстно донинѣ, имѣлъ ли отецъ просфорникъ специальную «смирительную» миссію, или нравъ у него былъ такой, но только онъ чрезвычайно строго обращался съ будущими святителями. При малѣйшей неудачѣ въ формаци просфоры онъ сердито бранился, а иногда обращалъ просфору въ первобытное хаотическое состояніе и бросалъ чуть не въ лицо горе-просфорника. Особенно доставалось наиболѣе смиренному вольтцу, за котораго тамбовецъ готовъ былъ броситься въ драку съ отцомъ просфорникомъ, если бы только монастырскія правила позволяли это. Но за «послушаніе терпѣлъ обидимый, и молчали его огорченные друзья. Въ заключеніе участникамъ работы выдавалось по три просфоры отъ того же отца просфорника. Послушники благодарили и уходили, но горькій осадокъ въ душѣ оставался. «Гдѣ кончается смиреніе и гдѣ начинается глумленіе?» недоумѣвали они. Огородныя послушанія были куда какъ легче. Они состояли преимущественно въ сборѣ бѣлыхъ лилій, которыя сушились, настаивались на маслѣ, и это масло выдавалъ игуменъ въ пузырькахъ богомольцамъ, какъ лекарство «отъ всѣхъ болѣзней». Во время сбора лилій, долженствовавшихъ напоминать о чистотѣ души и непорочности, послушники и руководящій ими монахъ пѣли псаломъ «Благослови, душе моя, Господа». Во время антрактовъ монахъ просвѣщалъ своихъ соработниковъ повѣствованіемъ о томъ, что именно такую лилію, какъ эти, принесъ архангелъ Гавріиль Святой Дѣвѣ. Что это было не голословное утвержденіе, инокъ доказывалъ ссылкой на иконы Архангела и Богоматери на царскихъ вратахъ монастырской церкви. Академики пересмѣивались между собой, однако не возражали, чтобы не соблазнить одного изъ малыхъ сихъ.

Когда вмѣсто старой деревянной колокольни надумали строить новую, послушники, вмѣстѣ съ прочей братіей монастыря, копали землю подъ фундаментъ и носили кирпичи для постройки колокольни, которая, къ великому огорченію и ропоту печерскихъ иноковъ, должна по вышинѣ превзойти лаврскую.

Ни одинъ шагъ послушниковъ не скрывался отъ игумена и всей братіи. Пойдутъ ли послушники на лужокъ погулять, всё это знаютъ и всё комментируютъ; поѣдутъ ли въ скитъ сестеръ для встрѣчи архіерея и для рыбной ловли (любимое занятіе и привилегія игумена въ скиту сестеръ), опять разговоры; школу маль-

чиковъ посѣтятъ (имѣющуюся при монастырѣ), дѣтямъ пряниковъ принесутъ, даже и это какъ-то ухитряются истолковать въ дурную сторону.

Отъ людей мірскихъ послушники отвыкли. Товарищей чуждались. Когда пріѣзжали въ академію за книгами, всё, увидя ихъ издали, говорили: «Вонъ смотрите: тащатся наши юродивые».

Къ наукѣ охладѣли. Читали только проповѣди и житія, Ветхій Завѣтъ, а Новый—съ большой опаской,—старцы-де не очень одобряютъ.

Между тѣмъ лѣто кончалось. Приближался учебный годъ. Въ началѣ его хотѣли трое студентовъ принять постриженіе. Въ началѣ учебнаго года пріѣзжалъ кіевскій митрополитъ Флавіанъ въ академію и держалъ предъ студентами рѣчь о томъ, что доброе сѣмя монашества должно пасть здѣсь на благодарную почву. Это еще болѣе окрылило нашихъ послушниковъ.

Но издалека слѣдилъ за всѣмъ ходомъ событій другой митрополитъ—петербургскій Антоній, которому посвященъ этотъ трудъ; онъ не очень одобрилъ эту спѣшку съ монашествомъ («робинзоновщину»). Владыка въ то время находился въ Гурзуфѣ на излеченіи. Предоставивъ двухъ студентовъ усмотрѣнію ректора и кіевского митрополита, онъ вызвалъ «тамбовца» къ себѣ въ Гурзуфъ и убѣдилъ его всесторонне обдумать предпринимаемый важный шагъ, а пока побыть «на испытаніи», въ каковомъ званіи и остается «тамбовецъ» донинѣ, черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ описанныхъ событій. Онъ предлагаетъ благосклонному вниманію читателя эти написанныя имъ строки.

IV.

На дачѣ въ Серефимовѣ.

...Изведенный изъ монашеской кельи на просторъ свѣта Божьяго, съ кандидатскимъ дипломомъ въ карманѣ, перекочевывалъ я въ Западной Европѣ ¹⁾ изъ города въ городъ, сначала въ поискахъ безкорыстной мудрости и жизненной правды, а потомъ для увѣнчанія своихъ трудовъ и усилій дипломомъ доктора философіи (чего и достигъ въ Іенѣ въ октябрѣ 1910 года). Слушая въ теченіе лѣтнихъ (съ мая до 1-го августа) и зимнихъ (съ октября до 1-го марта) семестровъ лекціи въ лучшихъ германскихъ университетахъ (въ Берлинѣ, Лейпцигѣ и Іенѣ) и принимая активное участіе въ работахъ въ семинаріяхъ по философіи, физикѣ и математикѣ, по окончаніи семестра я пріѣзжалъ обыкновенно въ гости къ своему російскому патрону—владыкѣ Антонію либо въ Петроградъ, либо,

¹⁾ Свое путешествіе и приключенія думаю описать особо.

не доѣзжая до столицы, прямо въ Серафимово (со станціи Преображенской). Живя на Западѣ «съ глазами, обращенными на Востокъ», чрезвычайно радовался я, когда переѣзжалъ германо-русскую границу и снова оказывался въ своей убогой, но милой сердцу родинѣ. И чѣмъ дальше отъ границы мчался поѣздъ, тѣмъ радостнѣе становилось.

Такъ какъ дядя не любилъ неожиданныхъ пріѣздовъ, то, бывало, изъ Варшавы пошлешь ему телеграмму о пріѣздѣ... Вотъ поѣздъ мчитъ меня по Варшавской дорогѣ все ближе и ближе къ Питеру. Пейзажи тихаго, меланхолическаго августовскаго лѣта мелькаютъ въ окнахъ вагоновъ. Сердце сладко замираетъ тою чудною радостью, которая доступна только тѣмъ, кто долго жилъ внѣ родины и въ нее возвращается. Все ближе и ближе станція Преображенская. Тамъ поѣздъ остановится на пять-десять минутъ.

«Спрошу,—думаю себѣ,—кого-нибудь на станціи, гдѣ владыка,—въ Питерѣ или на дачѣ; если на дачѣ, то я изъ вагона съ багажомъ маршь-маршь—и прямо въ Серафимово. Только надо дѣйствовать быстро, по-заграничному».

— Станція Преображенская. Поѣздъ стоитъ шесть минутъ,—слышится откуда-то сонный голосъ кондуктора, и я живо соскакиваю съ поѣзда, какъ разъ навстрѣчу попадается начальникъ станціи. Спрашиваю,—пріѣхалъ ли петербургскій митрополитъ на дачу. Получаю утвердительный отвѣтъ и стремительно, съ помощью носильщиковъ, забираю свой багажъ, сажусь на какую-то животрепещущую таратайку, прощаюсь съ медленно удаляющимся поѣздомъ, и какой-то замухрышчатый мужиченко, сонно помахивая истрепаннымъ кнутикомъ, везетъ меня на парѣ своихъ «лихихъ» (въ мочалочной сбруѣ) въ зеленыя кущи зачеренскихъ лѣсовъ. И лѣсная свѣжесть и тишина полей сладко объемлютъ душу, еще наполненную громомъ и лязгомъ берлинской жизни и желѣзнодорожной суеты. Двѣнадцать верстъ, отдѣляющія станцію отъ митрополичьей дачи, промелькнутъ незамѣтно, и вотъ я въ уютной гостиной отличнаго, когда-то помѣщичьяго домика бесѣдную съ неизмѣнно-добрымъ и ласковымъ владыкой въ его тоже неизмѣнномъ сѣренькомъ мягкомъ подрясникѣ со шнурочкомъ для часовъ. И свѣтлой радостью озарено его лицо и голубыя задумчивыя очи, а солнце такъ и льетъ свои лучи и на коверъ гостиной, и на цвѣты въ клумбахъ за окномъ, и на Черную рѣчку, и на синѣющій вдали лѣсъ.

И тихо, и безмятежно кругомъ. А дядя все говоритъ, говоритъ, весело и благодушно улыбаясь, и слова его цѣлительнымъ елеемъ падаютъ на усталую душу. И живалъ я здѣсь подолгу...

Скучно не было. Во-первыхъ, потому, что къ дядѣ постоянно еще кто-нибудь наѣзжалъ изъ родныхъ или знакомыхъ; кромѣ того, тогда была полоса моего увлеченія математикой въ связи съ

философіей, и въ отведенной мнѣ комнатѣ, уставленной неизмеримымъ количествомъ иконъ, дѣлалъ дифференціальныя и интегральныя вычисленія, а дорожки парка и сада исчертилъ построениями изъ аналитической геометріи. Сосновый лѣсъ, лодка, купанье,—все это не оставляло желать ничего лучшаго.

Гулять ходилъ иногда одинъ, иногда вмѣстѣ съ дядей и гостившими у него архіереями, причемъ мнѣ сначала казалось очень страннымъ видѣть архіереевъ въ подрясникахъ, какъ простыхъ смертныхъ, состязующихся, кромѣ того, въ искусствѣ собиранія грибовъ. Помню еще одного игумена, пріѣхавшаго съ Аѳона, которому владыка говорилъ въ лѣсу надъ обрывомъ: «Если не очень скучаете объ Аѳонѣ, отецъ игумень, то поживите у насъ, постройте себѣ здѣсь келійку и живите во славу Божию».

Очень живо помню такъ же, какъ мы съ дядей вдвоемъ отправились къ отшельнику, жившему на болотѣ въ уединенномъ домикѣ. Этотъ отшельникъ, «пострадавшій за имя Христова» во время побоищъ въ іерусалимскомъ храмѣ (гдѣ онъ не оставался пассивнымъ зрителемъ), «долго искалъ», какъ самъ говорилъ, «правды на свѣтѣ; но наконецъ нашелъ милость у владыки».

Къ этому пустыннику и отправились мы однажды глухою лѣсною дорогою, вдоль канавки, устроенной для осушки болотъ. Дорогой дядя говорилъ о томъ, что въ религіозной жизни должно быть разнообразіе, какъ въ жизни вообще; вотъ почему онъ, невзирая на ропотъ «старцевъ», благословилъ отшельнику поселиться отдѣльно отъ всѣхъ. По дорогѣ я часто останавливался, чтобы набрать ягодъ, росшихъ здѣсь въ изобиліи. Владыкѣ это не очень нравилось, онъ шелъ впередъ и нѣсколько разъ мнѣ говорилъ: «Богъ съ ними совѣмъ». Но вотъ издалека послышался лай, видимо, очень злой собаки (отшельниковой), что мнѣ показалось весьма дурной примѣтой, ибо, какъ я замѣчалъ, животныя являются часто зеркалами своихъ хозяевъ.

Лай становился все слышнѣе и слышнѣе, и вотъ среди зелени деревъ показалась крыша довольно приличнаго домика съ огороженной заборомъ усадьбой, гдѣ росли яблони и стояли ульи съ пчелами. Собака бросилась на насъ съ самыми враждебными намѣреніями, но ее удержалъ показавшійся изъ-за калитки старецъ, хозяинъ жилища, вышедшій намъ навстрѣчу. Онъ имѣлъ, несмотря на пожилые годы, мощную фигуру и черные съ просѣдью волосы, одѣтъ былъ въ одежду схимника.

— Смотри, какимъ молодцомъ идетъ,—тихо сказалъ мнѣ дядя:— а вѣдь давно ли ногу сломалъ, влѣзая на дерево; и лечить не хотѣлъ; сама срослась у семидесятилѣтняго старца въ три дня, какъ у младенца.

Старецъ, молча, даже не поздоровавшись (находя это преждевременнымъ), повелъ насъ по дворику къ своей хижинѣ. Дядя по дорогѣ говорилъ ему въ шутку:

— Вамъ слѣдовало бы, отче, сдѣлать надпись на калиткѣ: женщинамъ входъ воспрещается. Тогда бы отъ народу отбою не было.

Отшельникъ ввелъ насъ, между тѣмъ, въ свой домъ, подвелъ къ божницѣ и началъ читать молитвы: «Достойно» и «Преобразился еси», и лишь послѣ этого поздоровался съ гостями, причѣмъ земно поклонился владыкѣ и принялъ у него благословеніе. Въ той же комнатѣ, гдѣ была иконостасъ, стояла и кровать старца, и столъ съ книгами—твореніями Златоуста (кромѣ нихъ, аеонскій старецъ ничего не читалъ). По стѣнамъ висѣли фотографическія карточки, относительно которыхъ старецъ дѣлалъ поясненія: «Вотъ это преподобный игумень Арсеній сокрушаетъ дракона различныхъ ересей, отъ нихъ же первая есть фарраровская ересь, гнѣздящаяся въ нашихъ духовныхъ школахъ...» На эту тему старецъ хотѣлъ еще поговорить, но владыка, слегка улыбаясь, перевелъ его вниманіе на другую картину со словами: «Ну, Богъ съ ними совѣмъ». Другая фотографическая карточка изображала побоище въ іерусалимскомъ храмѣ, причѣмъ самъ отшельникъ былъ изображенъ здѣсь среди другихъ въ весьма воинственной позѣ, съ подсвѣчникомъ въ рукахъ. Подсвѣчникъ былъ угрожающе поднятъ нижнимъ концомъ вверхъ, видимо, для сокрушенія латинскихъ ересей. «И азъ многогрѣшный удостоился принять страданіе за имя Христово»,—смирненно пояснилъ отшельникъ и сталъ подробно рассказывать, какъ какой-то «протосинкель» посадилъ его въ тюрьму и гналъ изъ города въ городъ этапнымъ порядкомъ.—«Долго искалъ я правды на свѣтѣ,—закончилъ онъ, потрясая фотографической карточкой:—наконецъ нашелъ милость у владыки». Послѣ этой бесѣды старецъ показывалъ намъ свое хозяйство—городъ, ульи, болото, а потомъ повелъ въ верхнюю часть дома, на балконъ—пить чай съ малиной и медомъ. Все это было обставлено весьма неаппетитно, однако «въ пути шествующимъ» гдѣ же объ этомъ заботиться? За чаемъ бесѣды тоже велись на душеспасительныя темы. Отшельникъ все жаловался: «Какой нынче народъ пошелъ». Замѣчу мимоходомъ, что ни одинъ послушникъ, приставленный къ старцу для служенія, не могъ прожить съ нимъ (изъ-за неуживчивости старца) больше одного дня. «Прислали ко мнѣ изъ лавры одного парня, но вы знаете, владыко, какой нынче народъ. Все ему не то, да все ему не такъ. «Хочу уходить», да и шабашъ. Ну, что жъ, Богъ благословитъ. Собралъ онъ вещи и уходить. «Что же ты, братъ мой о Христѣ, уходишь. Давай хоть помолимся вмѣстѣ». А онъ, вѣрите ли, хлопнулъ дверью и говоритъ: «Чтобъ ты сдохъ».—Вотъ нынче народъ какой пошелъ»,—закончилъ рассказъ свой старецъ, приведшій этимъ рассказомъ владыку въ весьма веселое расположеніе духа. Дядя потомъ часто въ гостиной и столовой

воспроизводилъ предъ родными и знакомыми этотъ разсказъ, и, говоря заключительныя слова, смѣялся, сотрясаясь всѣмъ корпусомъ. При старцѣ, однако, отъ смѣха удержался и, прихлебывая чай съ малиной, велъ съ нимъ мирную бесѣду, закидывая порой камешки и въ мой огородъ.

— Вездѣ, отче, борьба въ мѣрѣ происходитъ. Вонъ у тебя ульи съ пчелами, и эти пчелы, какъ ты разсказывалъ, хорошо тебя покусали. А вонъ тѣ яблонки, что ты посадилъ, заяцъ обгрызъ. Если одинъ останешься, все равно борьба въ помыслахъ будетъ. И между собою люди тоже враждуютъ. А въ церкви Христовой должна у насъ быть не вражда, а любовь.

Поговоривъ еще со старцемъ, мы простились съ нимъ и отправились при свѣтѣ заходящаго солнца, золотившаго макушки тихо качавшихся сосенъ, къ себѣ на дачу.

— Отвыкъ старецъ отъ людей,—говорилъ дядя обратной дорогой.—Одичалъ. Общежительной добродѣтели не имѣетъ. На дняхъ моей племянницѣ Олѣ руки не подалъ. Не полагается, говорить, по аеонскому уставу. Изъ братіи многіе имъ недовольны. только-де онъ спитъ и пьянствуетъ, а новый домъ для него строй. Что подѣлаешь. Всякому свое. Пусть живетъ. Богъ съ нимъ со-всѣмъ.

Изъ-за зелени деревъ показалась церковка, а потомъ и крыша нашей дачи.

...Всякій разъ, какъ я смотрю на бѣлоснѣжныя лиліи, растущія надъ могилой митрополита Антонія вокругъ деревяннаго креста, невольно вспоминаю тѣ случаи изъ жизни почившаго, которые свидѣтельствуютъ о любви покойнаго владыки къ цвѣтамъ и... дѣтямъ, какъ представителямъ душевной чистоты и непорочности. Его родныя дѣти умерли въ раннемъ возрастѣ, и объ нихъ онъ вспоминалъ съ тихой грустью, когда ласкалъ и благословлялъ чужихъ дѣтей. И если бы у меня не было никакихъ другихъ фактическихъ доказательствъ истиннаго благородства и гуманности сердца владыки, я сказалъ бы всѣмъ: «Посмотрите, какъ онъ любилъ и ласкалъ дѣтей и какъ они его любили!» И этого было бы вполне достаточно, ибо злой и черствый человѣкъ, не любящій брата, не можетъ и дѣтей любить, а также—быть любимымъ ими.

Кругомъ дачи владыки росло безчисленное множество цвѣтовъ въ искусно устроенныхъ клумбахъ. Среди цвѣтовъ шелъ онъ въ часы досуга, радостный и улыбающійся, и благословлялъ Христовымъ благословіемъ и возлагалъ руки на рѣзвыя головки сбѣгающихся къ нему дѣтей окрестныхъ дачниковъ. И какъ дѣти, всегда умѣющія отличить искреннее чувство отъ лжи и лицемѣрія, любили монаха-святителя, родного имъ, несмотря на высокій санъ, по красотѣ и кротости душевной.

Взрослые же, учитывая всѣ жизненныя явленія сообразно съ

своими интересами, умѣли извлечь пользу для себя изъ любви владыки къ цвѣтамъ и дѣтямъ. Помню такой случай. Было шесть часовъ вечера. Августовскій ясный день догоралъ. Яркіе отблески вечерняго солнца скользили по бѣлоснѣжной скатерти, аккуратно вычищенному самовару и чайной посудѣ, разставленной неизмѣнно-молчаливымъ и корректнымъ оберъ-келейникомъ Ивановомъ, ожидавшимъ выхода владыки. Я, по обычаю, явился къ столу нѣсколько ранѣе владыки, отрѣзаль для него «половиночку кусочка лимончика», заварилъ чаю и налилъ въ чашку владыки такой именно чай, какой онъ любилъ: не очень крѣпкій, но и не очень слабый, а средній. Слышу, отворяется дверь въ кабинетъ, по гостинной раздаются мягкіе шаги, и владыка въ самомъ благодушномъ настроеніи показывается въ дверяхъ и идетъ къ чайному столу. Оказывается, что онъ «немножечко соснулъ, но очень хорошо и спокойно»; чувствуетъ себя «сносно», что можно было перевести словомъ «прекрасно». Въ тотъ моментъ, когда дядя клалъ себѣ на блюдечко изъ серебрянаго сливочника «медку», я случайно посмотрѣлъ въ окно и увидѣлъ, на фонѣ зеленѣющихъ деревьевъ, группу интеллигентныхъ молодыхъ людей и дамъ, о чемъ-то оживленно бесѣдующихъ. «Заговорщики сюда пришли», говорю я въ шутку дядѣ. Онъ улыбнулся и потомъ сталъ пощипывать правой рукой правый усъ (это означало заботу), вѣроятно, вспомнилъ своего секретаря Петра Ивановича Тихомирова и кипы огромныхъ синихъ конвертовъ съ бумагами, имъ постоянно презентуемыми; затѣмъ, замѣтивъ по адресу чая: «пусть постынетъ», подошелъ къ балконной двери. Вдругъ, откуда ни возьмись, появляются на балконѣ двѣ маленькія дѣвочки въ бѣлоснѣжныхъ платьицахъ съ голубенькими поясками (взрослые были по другую сторону дома) и подходятъ прямо къ дверямъ, гдѣ стоялъ владыка.—«Посмотри, вотъ онѣ, заговорщицы»,—сказалъ мнѣ дядя и отворилъ дверь на балконъ. Дѣвочки смѣло (онѣ дѣйствовали, видимо, по заранѣе выработанной взрослыми инструкціи) подошли подъ благословеніе и спросили: «Можно сорвать цвѣтокъ?»—«Ну, хорошо, сорвите, только по одному, а то Иванъ насъ будетъ бранить»,—шутливо отвѣчалъ владыка. Дѣвочки побѣжали за цвѣтами, а на мѣсто ихъ внезапно выросла изъ земли фигура взрослой дѣвушки, которая, какъ оказалось, матеріально весьма нуждалась и искала мѣста учительницы. Владыка съ участіемъ выслушалъ просительницу, отпустилъ всѣхъ съ миромъ, а ея просьбу на другой же день удовлетворилъ, пославъ соотвѣтствующее распоряженіе своему секретарю П. И.

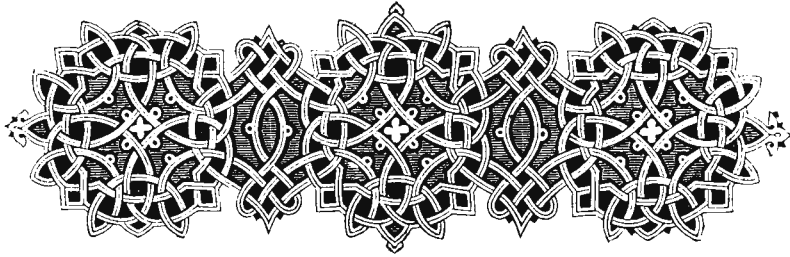
Въ родственномъ кругу часто потомъ рассказывалъ дядя объ этихъ «заговорщикахъ», причемъ были и отвѣтныя остроты касательно очень удобной балконной двери въ уединенномъ дачномъ домѣ.

И вотъ теперь я снова смотрю на эти бѣлоснѣжныя лиліи на могилѣ владыки: медленно и задумчиво покачиваютъ онѣ своими вершинами. О чемъ говорятъ онѣ своими тихими, неуловимыми ухомъ смертнаго голосами? Онѣ говорятъ, что осень идетъ, что смерть косить все живущее,—«высохнуть трава, и цвѣтокъ ея отпадетъ»,—и только любовь и духовная красота человѣка переживаютъ вѣка и служатъ для человѣчества неисчерпаемымъ источникомъ вѣчныхъ радостей и неизмѣнныхъ наслажденій.

М. В. Вадковскій.

ПАМЯТИ Л. Ф. ДОБРОТВОРСКАГО, КОНТРЪ-АДМИРАЛА ВЪ ОТСТАВКѢ.

(† 21 октября 1915 г.).

Ы СЪ КАЖДЫМЪ годомъ все больше и больше убѣждаемся въ томъ, что подводная лодка олицетворяетъ собою чрезвычайно сильное оружіе, которому суждено сыграть рѣшающую роль въ будущихъ операціяхъ при помощи,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ,— гидроаэроплановъ. Достаточно сказать, что въ переживаемое нами время вся система военного судостроенія подлежитъ коренному пересмотру только благодаря все растущимъ: силѣ, радіусу дѣйствія и мореходности подводныхъ лодокъ, а также благодаря увеличенію дистанціи и точности дѣйствія современныхъ «самодвижущихся минъ».

Эти слова принадлежатъ бывшему первому лорду британскаго адмиралтейства, Уинстону Черчиллю, въ его извѣстной парламентской рѣчи, произнесенной весною 1914 года,—всего лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до начала нынѣшней великой войны. Слова эти произвели тогда въ специальныхъ кругахъ большое впечатлѣніе, усугубленное еще тѣмъ, что сторонниками приведеннаго взгляда оказались въ Англіи одновременно такіе авторитеты военно-морского дѣла, какъ сэръ Треворъ Даусонъ и заслуженный адмиралъ Перси Скоттъ, бывший главный инспекторъ морской артиллеріи, создавшій ея современную мощь и считавшійся ранѣе, уже *ex officio*, однимъ изъ наиболѣе убѣжденныхъ и ревностныхъ сторонниковъ броненоснаго линейнаго флота.

Мы знаемъ, что жестокой опытъ развернувшейся вслѣдъ за тѣмъ войны подтвердилъ правильность взгляда, мужественно высказаннаго Черчиллемъ и Перси Скоттомъ.

Однако публичное признаніе всего значенія для современной войны подводнаго флота послѣдовало въ Англіи лишь незадолго до того, какъ британскій флотъ былъ силою обстоятельствъ призванъ къ великому испытанію въ боевой обстановкѣ. А между тѣмъ въ Россіи взглядъ на значеніе въ современной войнѣ подводнаго флота высказывался и горячо отстаивался значительно ранѣе.

Въ длинномъ рядѣ печатныхъ и изустныхъ выступленій, начавшихся вскорѣ послѣ окончанія русско-японской войны, значеніе подводнаго флота особенно отстаивалось у насъ слѣдующими лицами: почтеннымъ А. Н. Витмеромъ (бывшимъ профессоромъ академіи генеральнаго штаба и сподвижникомъ адмирала Г. И. Бутакова по организаціи обороны Финскаго побережья въ концѣ 1870 годовъ), затѣмъ, вполнѣ независимо—авторомъ этихъ строкъ, нѣсколько позже—гг. Н. А. Кржижановскимъ, И. И. Ризничемъ, М. О. Меньшиковымъ, В. А. Алексѣевымъ-Брутомъ, Н. М. Португаловымъ и другими независимыми писателями по военно-морскимъ вопросамъ въ Россіи.

Но если всѣ названныя лица своевременно напоминали о неуклонно и быстро возрастающемъ значеніи подводнаго флота и настаивали на необходимости его широкаго развитія въ первую же очередь, какъ оружія совершенно намъ необходимаго для защиты всѣхъ нашихъ морей и побережій, то наибольшую дальновидность въ этомъ направленіи проявилъ заслуженный офицеръ русскаго флота, Леонидъ Ѳеодоровичъ Добротворскій, скоропостижно скончавшійся отъ паралича сердца 21-го октября с. г. въ Петроградѣ.

Здравый смыслъ и дальновидность его сужденій по разнымъ военно-морскимъ вопросамъ ярко выразились еще въ его «Морскихъ разговорахъ», представляющихъ сборникъ статей, которыя первоначально печатались въ «Новомъ Времени» подъ псевдонимомъ Nauta, начиная съ конца 1899 года, и выпущены были отдѣльной книжкой въ 1905 году.

Посмотрите, какъ авторъ этой книги вѣрно оцѣнивалъ въ бѣглой характеристикѣ значеніе Японіи въ качествѣ военной силы въ то время (именно въ 1902 году), когда мы всѣ были ослѣплены самопадѣянностью и съ большимъ пренебреженіемъ взирали на нашего «маленькаго противника»; или прочтите анализъ и выводы того же автора изъ военно-морской игры на занятіяхъ въ морской академіи въ 1902—1903 г.г., т. е. за годъ передъ началомъ русско-японской войны ¹⁾. Заключенія и мысли Л. Ф. Добротворскаго оказались во

¹⁾ Значительная выдержка изъ записки капитана 1-го ранга Добротворскаго приведена, какъ поучительный документъ, въ официальномъ изданіи морского генераль-

время возгорѣвшейся черезъ годъ войны въ полномъ смыслѣ пророчествомъ. За одни эти здравыя и дальновидныя сужденія, не оцѣненные своевременно тѣми, для кого они предназначались, ихъ авторъ заслужилъ бы въ другой странѣ общую благодарность.

Начиная съ конца 1899 года, какъ свидѣлствуютъ его статьи, Л. Ф. Добротворскій становится приверженцемъ идеи объ универсальномъ значеніи подводнаго флота, который аннулируетъ, по его мнѣнію, всякій военный флотъ надводный и потому необходимъ Россіи, какъ единственное средство обороны всѣхъ ея морей.

Фанатически преданный этой идеѣ, Л. Ф. Добротворскій не чуждъ былъ, конечно, увлеченій, а порою и ошибокъ. Такъ, онъ въ началѣ 1903 года (въ статьѣ, появившейся въ «Новомъ Времени» подъ заглавіемъ: «Близкій конецъ всякимъ морскимъ войнамъ»), и перепечатанной авторомъ въ 1904 году въ сборникъ статей подъ заглавіемъ «Какой флотъ необходимъ Россіи?» предсказывалъ, что «не пройдетъ, можетъ быть, четырехъ-пяти лѣтъ, какъ подводныя лодки вытѣснятъ любя военныя суда, сравниваютъ сильныхъ со слабыми и поставятъ всѣ прибрежныя государства въ абсолютно равныя условія»... Такое предсказаніе было тогда, какъ показали обстоятельства, безусловно преждевременнымъ, да и вообще едва ли когда-нибудь осуществимымъ, такъ какъ всякое новое оружіе, какъ бы совершенно и могущественно оно ни было, вызываетъ немедленно выработку ослабляющаго его дѣйствіе «противуоружія».

Наше пораженіе въ Цусимскомъ бою, котораго Л. Ф. Добротворскій былъ самъ участникомъ и при разборѣ котораго въ «Урокахъ морской войны» и въ отдѣльно изданной въ 1906 году брошюрѣ «Крейсеръ 1-го ранга «Олего» въ бою 14-го мая 1905 года у острова Цусимы» онъ сдѣлалъ немало весьма вѣскихъ и цѣнныхъ замѣчаній, покойный адмиралъ приписывалъ, кромѣ подавляющаго превосходства японцевъ въ артиллерійскомъ дѣлѣ, въ подготовкѣ судовъ и судовыхъ командъ, въ тактической подготовкѣ начальниковъ и проч., также и участію въ этомъ бою подводныхъ лодокъ, что фактами, однако, не подтвердилось. Объясняется послѣднее, вполне добросовѣстное заблужденіе Добротворскаго тѣмъ, что онъ шелъ на войну съ предвзятой мыслью о томъ, что японцы уже обзавелись подводными лодками.

Но всѣ эти увлеченія искупаются той массой здраваго смысла, которую проявилъ этотъ авторъ во всѣхъ своихъ выступленіяхъ, какъ печатныхъ, такъ отчасти и изустныхъ. И если мы сравнимъ то, что говорили недавно въ Англии морской министръ Черчилль и первый специалистъ по морской артиллеріи, заслуженный и глубоко

наго штаба «Русско-японская война 1904—1905 гг.» (кн. 1, 1912, стр. 118, примѣчаніе). Полностью же записка напечатана въ книжкѣ Л. Ф. Добротворскаго «Уроки морской войны» (Кронштадтъ, 1907 г.).

авторитетный адмиралъ Перси Скоттъ, съ тѣмъ, что говорилъ въ Россіи еще десять-двѣнадцать лѣтъ тому назадъ капитанъ русскаго флота Добротворскій, то окажется, что говорили они одно и то же, даже отчасти въ тождественныхъ выраженіяхъ. Развернувшаяся передъ нашими глазами грандіознѣйшая изъ всѣхъ когда-либо бывшихъ войнъ показала намъ все значеніе новаго оружія—подводныхъ лодокъ, которыя, если и не аннулируютъ другія боевыя единицы флотовъ, то во всякомъ случаѣ заставляютъ ихъ приспособляться къ новымъ условіямъ борьбы и вызываютъ въ борьбѣ этой примѣненіе совершенно новыхъ средствъ и пріемовъ.

Кромѣ пятнадцатилѣтней вѣрности своей, если откинуть въ ея постановкѣ нѣкоторыя крайности,—безусловно плодотворной идеѣ, адмиралъ Добротворскій имѣлъ и другія безспорныя заслуги. Я уже говорилъ объ его здравыхъ и мѣткихъ сужденіяхъ по разнымъ морскимъ вопросамъ, разсѣянныхъ въ его «Морскихъ разговорахъ» и нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ лучшаго періода его публицистической дѣятельности¹⁾. Но и въ служебной практикѣ Л. Ф. Добротворскаго есть незабываемыя страницы: Енисейская экспедиція, прекрасно описанная ея участникомъ, авторомъ «Расплаты» Вл. И. Семеновымъ²⁾,—экспедиція, успѣшно выполнившая свою трудную задачу доставки казенныхъ грузовъ морскимъ путемъ на рѣчныхъ судахъ въ глубь Сибири только благодаря энергіи и распорядительности ея начальника, капитана Добротворскаго; заслужившее общую признательность представителей разныхъ націй коменданство его въ китайской крѣпости Таку послѣ занятія ея международнымъ отрядомъ; умѣлое командованіе пѣлымъ рядомъ военныхъ кораблей, причемъ онъ неизмѣнно пользовался любовью судовыхъ командъ за свое гуманное отношеніе ко всѣмъ подчиненнымъ; наконецъ, командованіе дополнительнымъ отрядомъ судовъ, пришедшихъ на соединеніе съ эскадрой адмирала Рождественскаго къ Мадагаскару. Въ бою при Цусимѣ Добротворскій командовалъ крейсеромъ 1-го ранга «Олего».

И если ему ставили въ укоръ отступленіе послѣ этого боя на Маниллу, то на это можно возразить, что отступленіе было совершено подъ начальствомъ командовавшего отрядомъ крейсеровъ адмирала (Энквиста), а въ бою Добротворскимъ было проявлено и достойное русскаго офицера мужество и искусство, спасшее отъ гибели изрядно пострадавшій флагманскій корабль (крейсеръ «Олего»)

¹⁾ Кромѣ уже упомянутыхъ четырехъ книгъ, принадлежащихъ перу Л. Ф. Добротворскаго, назовемъ еще его брошюры: «Минный или слѣпой линейный флотъ?» (1908 г.); «Морскія ошибки загубятъ насъ» (1912 г.) и «Предполагаемая война Японіи съ Америкой и Германіей съ Англійей» (1913 г.); нѣкоторыя изъ соображеній, высказанныхъ въ послѣдней брошюрѣ, уже оправдались въ настоящую войну.

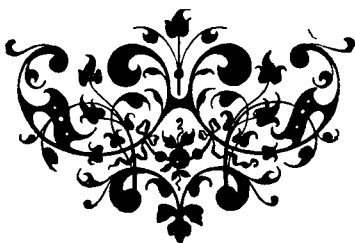
²⁾ Вл. Семеновъ. Забытый путь изъ Европы въ Сибирь. Енисейская экспедиція 1893 года. Два изданія Вольфа, сполна разошедшіяся (послѣднее—1910 г.).

и избавившее его команду отъ излишнихъ потерь, за что покойный получилъ боевую награду.

Своими рѣзкими сужденіями и осужденіемъ многихъ послѣ войны Л. Ф. Добротворскій нажилъ себѣ, несомнѣнно, немало враговъ. Я не буду оправдывать формы нѣкоторыхъ изъ его полемическихъ выступленій, всегда, однако, прямыхъ и честныхъ, но скажу, что и тутъ должна быть приложена человѣческая и человѣчная мѣрка: увлеченія свойственны всякому борцу за идею, и въ данномъ случаѣ мы имѣли передъ глазами лицо, уже пострадавшее въ борьбѣ,—когда этого полнаго силъ, энергіи и желанія послужить родинѣ многоопытнаго офицера преждевременно «сдали въ архивъ», главнымъ образомъ за то, что онъ являлся порою «enfant terrible» въ официальной морской средѣ.

Покойный Л. Ф. Добротворскій былъ цѣльной и честной, типично-русской натурой, которая вредила себѣ въ жизни только большой идейной увлекаемостью, только чрезмѣрной инерціей въ натискѣ, при полной неподкупности души и прямолинейности мысли и слова.

А. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ПОДОЛИНСКІЙ.

(Къ 30-лѣтію со дня его смерти).

ВЪВЕЩЕНІЕ — кончный удѣлъ всѣхъ, живущихъ подь солнцемъ. Но къ однимъ оно приходитъ, какъ неизбѣжность, къ другимъ — какъ несправедливость. Къ числу людей, забытыхъ несправедливо, слѣдуетъ отнести и поэта Андрея Ивановича Подолинскаго. Его имя неизвѣстно почти никому ¹⁾, съ его произведеніями знакомы только немногіе любители поэзіи, столѣтіе со дня его рожденія (въ 1906 г.) прошло не отмѣченнымъ. 4-го января 1916 года исполнится тридцать лѣтъ со дня смерти Подолинскаго, и намъ думается, что вспомнить о немъ, наконецъ, слѣдуетъ. Въ наши дни, когда появляется такъ много звучныхъ, но безсодержательныхъ стиховъ, вспомнить о поэтѣ, у котораго хотя и не было великихъ произведеній, но не было также и произведеній пустыхъ, — будетъ дѣломъ не только справедливымъ, но и безполезнымъ.

«Я одѣвался просто, какъ всѣ прилично одѣтые люди, не отличаясь никакою бросающеюся въ глаза изысканностью и расчетомъ на эффектъ, совершенно мнѣ несвойственнымъ», говоритъ Подолинскій въ своихъ воспоминаніяхъ ²⁾. Эти слова, сказанныя по частному

¹⁾ Н. В. Гербель въ своей книгѣ «Русскіе поэты въ біогр. и образцахъ», вышедшей еще при жизни Подолинскаго (изд. 2, Спб. 1880, стр. 344—349), даже называетъ Подолинскаго «Александромъ» вмѣсто «Андрея», очевидно, повторяя старую ошибку польскаго критика изъ познанскаго журнала «Tygodnik Literacki», 1838, 5-го ноября, № 32.

²⁾ «Рус. Архивъ», 1872, кн. 3—4, стр. 857.

поводу, можно примѣнить какъ ко всей жизни Подолинскаго, такъ и къ его творчеству. Благородной простотой и скромностью, присущими нашему поэту, и объясняется въ значительной степени то обстоятельство, что онъ былъ неизвѣстенъ при жизни и оказался забытымъ вскорѣ послѣ смерти.

Родился Андрей Ивановичъ 1-го іюля 1806 года въ Кіевѣ, гдѣ отецъ его, Иванъ Наумовичъ, занималъ видные посты на гражданской службѣ. Первоначальное образованіе будущій поэтъ получилъ въ частномъ пансіонѣ Графа, а дальнѣйшее (съ 1821 г.) въ петербургскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, который и окончилъ въ 1824 году съ высшей наградой—правомъ на чинъ X класса ¹⁾. Въ этомъ же году произошла его первая случайная встрѣча съ Пушкинымъ, о которой онъ разсказалъ въ свое время столь занимательно, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь этотъ разсказъ.

«Въ 1824 году, по выпускѣ изъ петербургскаго университетскаго пансіона, я ѣхалъ, въ концѣ іюля, съ Н. Г. К. къ роднымъ моимъ въ Кіевъ. Въ Черниговѣ мы почевали въ какой-то гостиницѣ. Утромъ, войдя въ залу, я увидѣлъ въ сосѣдней буфетной комнатѣ шагавшаго вдоль стойки молодого человѣка, котораго по мѣсту прогулки и по костюму принялъ за полового. Нарядъ былъ очень не представительнень: желтыя, нанковыя, небрежно надѣтыя шаровары и русская цвѣтная, измятая рубаха, подвязанная вытертымъ, чернымъ шейнымъ платкомъ; курчавые, довольно длинные и густые волосы развѣвались въ безпорядкѣ. Вдругъ эта личность быстро подходитъ ко мнѣ съ вопросомъ: «Вы изъ Царскосельскаго лицея?» На мнѣ еще былъ казенный сюртукъ, по формѣ одинаковый съ лицейскимъ. Сочтя любопытство полового неумѣстнымъ и не желая завязывать разговора, я отвѣчалъ довольно сухо. «А! такъ вы были вмѣстѣ съ моимъ братомъ», возразилъ собесѣдникъ. Это меня озадачило, и я уже вѣжливо просилъ его назвать мнѣ свою фамилію. «Я—Пушкинъ; братъ мой Левъ былъ въ вашемъ пансіонѣ...» Онъ разсказалъ намъ, что ѣдетъ изъ Одессы въ деревню, но что усмиреніе его не совѣмъ еще кончено... Затѣмъ онъ попросилъ меня передать въ Кіевѣ записку генералу Раевскому, тутъ же имъ написанную» ²⁾.

Въ томъ же 1824 году Подолинскій поступилъ въ Петербургъ на службу въ почтовое вѣдомство и прожилъ въ столицѣ до 1831 года, вращаясь въ свѣтскихъ и литературныхъ кругахъ. Пушкинъ уже забылъ о черниговской встрѣчѣ, и Подолинскій былъ вновь представленъ ему (Ө. В. Булгаринымъ), когда уже выпустилъ въ свѣтъ

¹⁾ См. Автобіогр. зам. въ «Русской Старинѣ» 1885, № 1, стр. 74 и у Д. Д. Языкова «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. VI, Спб., стр. 100.

²⁾ «Рус. Арх.», 1872, кн. 3—4, стр. 862—863, перепеч. въ «Рус. Старинѣ», 1885, январь, стр. 76—79.

свою вторую книгу ¹⁾). Кроме Пушкина, Подолинский встрѣчалъ великаго польскаго поэта Адама Мицкевича, о которомъ сохранилъ также любопытныя воспоминанія. «Мицкевича я встрѣтилъ въ первый разъ на вечерѣ у В. Н. Щастнаго, хорошаго переводчика нѣсколькихъ его стихотвореній. Поэтъ, тогда уже знаменитый, молча курилъ въ уголку, такъ что я не вдругъ его замѣтилъ. Когда же былъ ему представленъ, онъ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе своею скромностью, привѣтливостью и добродушною простотою обращенія. Послѣ этого знакомства я бывалъ у него и всегда съ особеннымъ удовольствіемъ» ²⁾). Очень интересно также описываетъ Подолинский споры Мицкевича съ Пушкинымъ, происходившіе на вечерахъ у барона Дельвига. «Мнѣ неоднократно приходилось слышать продолжительныя и упорныя пренія Пушкина съ Мицкевичемъ, то на русскомъ, то на французскомъ языкахъ. Первый говорилъ съ жаромъ, часто остроумно, но съ запинками, второй тихо, плавно и всегда очень логично» ³⁾). Въ Петербургѣ началась и литературная дѣятельность Подолинскаго. Въ 1827 году была издана его первая поэма— «Дивъ и Пери», въ 1829 году—повѣсть въ стихахъ «Борскій», въ 1830 году—довольно слабая поэма «Нищій», о которой баронъ А. А. Дельвигъ далъ неодобрительный отзывъ въ «Литературной Газетѣ», что и послужило причиной охлажденія между Подолинскимъ и другомъ Пушкина ⁴⁾). Въ 1831 году Подолинский былъ переведенъ на службу въ Одессу; тамъ онъ завязалъ (впослѣдствіи) знакомство съ Я. П. Полонскимъ и продолжалъ печатать стихи, какъ въ столичныхъ, такъ и въ провинціальныхъ изданіяхъ ⁵⁾). Въ «Библиотекѣ для Чтенія» 1837 году (т. XXI, кн. 3) была напечатана его поэма—«Смерть Пери», изданная затѣмъ и отдѣльно ⁶⁾ и являющаяся продолженіемъ его первой поэмы, но уступающая ей по своимъ художественнымъ достоинствамъ. Въ 1837 году вышло въ свѣтъ и собраніе его сочиненій въ двухъ частяхъ, подъ названіемъ «Повѣсти и мелкія стихотворенія» ⁷⁾). Въ Одессѣ Андрей Ивановичъ познакомился съ херсонскимъ предводителемъ дворянства княземъ С. Д. Кудашевымъ и въ 1838 году женился на его дочери, Маріи Сергѣевнѣ. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ онъ оставилъ службу и поселился въ родовомъ имѣніи Ярославка Звенигородскаго уѣзда Кіевской губерніи, гдѣ и прожилъ почти до конца жизни. До послѣдняго вздоха онъ продол-

¹⁾ «Борскій», повѣсть въ стихахъ, Спб. 1829.

²⁾ «Рус. Архивъ», 1872, кн. 3—4, стр. 860—861.

³⁾ Ibid., стр. 860.

⁴⁾ Ibid., стр. 864—865.

⁵⁾ «Библи. для чт.», «Сѣверная Лютія», одесскій альманахъ «Утренняя Заря», моск. сб. «Литер. вечеръ», 1844, «Современникъ» и др.

⁶⁾ Спб., 1837.

⁷⁾ Спб., изд. кіевскаго книгопродавца Литова.

жалъ отзываться на все своимъ задушевнымъ стихомъ («На нынѣшнюю войну»,—«Русскій Инвалидъ», 1854 г., «Союзникамъ»,—«Отечественныя Записки», 1855 г., т. СІІІ, кн. 12; «На пятидесяти-

Андрей Иванович Подолинскій.

лѣтній юбилей петербургскаго университета», Спб., 1870 г.; «Послѣ франко-прусской войны», въ «Русской Старинѣ», 1885, январь, стр. 85—86; «Во время парижской коммуны», *ibid.*, стр. 86—87; «На смерть И. С. Тургенева» (стих. «Бывшимъ тургеньевскимъ крѣ-

постнымъ» въ «Русской Старинѣ», 1884, кн. 5) и т. д. Въ 1860 году вновь вышло собраніе его сочиненій въ двухъ частяхъ ¹⁾, въ редактированіи котораго принималъ ближайшее участіе Н. Г. Устряловъ. Критика пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ встрѣчала произведенія Подолинскаго весьма непріязненно, какъ выражается его біографъ, «огульною бранью и тенденціознымъ глумленіемъ» ²⁾, «вслѣдствіе чего,—продолжаетъ тотъ же біографъ,—онъ и пересталъ печатать свои дальнѣйшія работы, знакомя съ ними въ чтеніи лишь самыхъ близкимъ людей». Только разъ, въ началѣ семидесятихъ годовъ, послалъ онъ свои стихи М. М. Стасюлевичу для «Вѣстника Европы», но они не были напечатаны ³⁾. Въ 1885 г. 46 неизданныхъ стихотвореній Подолинскаго (1830—1884 гг.) были напечатаны въ первой книгѣ «Русской Старинѣ».

Конецъ жизни поэта былъ омраченъ болѣзнию его старшаго сына, Сергѣя Андреевича (младшій—умеръ въ младенчествѣ), который увлекся революціонными идеями, эмигрировалъ, очень неудачно женился, заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ, а послѣ 1-го марта 1881 года помѣшался, причѣмъ острое помѣшательство съ 1884 года перешло у него въ прогрессивный параличъ. Для свиданія съ нимъ Андрей Ивановичъ ѣздилъ въ 1884 году за границу, въ Клармаръ (близъ Парижа); въ 1885 году русское правительство разрѣшило привезти больного на родину.

По словамъ уже цитированнаго нами біографа, приходившагося роднымъ племянникомъ поэту, Подолинскій «до послѣдняго вздоха сохранилъ всѣ силы ума и бодрость духа; за двое сутокъ до кончины А. И. спрашивалъ совѣта, какіе журналы и газеты выписать на 1886 годъ» ⁴⁾. Умеръ онъ отъ старческаго бронхита въ ночь на 4-е января 1886 года, а 7-го января состоялись его скромныя похороны. Былъ всего одинъ вѣнокъ отъ кіевского дворянства ⁵⁾.

Критическая литература о Подолинскомъ крайне скудна. Нѣсколько замѣтокъ и рецензій, вызванныхъ его ранними произведеніями, нѣсколько хулительныхъ выпадовъ въ шестидесятихъ годахъ, несвободная отъ ошибокъ статейка Н. В. Гербеля да нѣсколько некрологовъ—вотъ почти все, написанное о Подолинскомъ. Среди некрологической литературы видное мѣсто занимаетъ уже упоминавшаяся нами статья С. Кіевскаго; другой—тепло написан-

¹⁾ Ч I, стр. 293; ч. 2, стр. 249.

²⁾ С. Кіевскій «Послѣдній изъ Пушкинскихъ плеяды», «Русскій Вѣстникъ», 1886, январь, т. 181, стр. 300.

³⁾ Ibid., стр. 303.

⁴⁾ «Русскій Вѣстникъ», 1886, январь, стр. 306—307.

⁵⁾ Нѣкоторые изслѣдователи неправильно считаютъ днемъ кончины поэта день его похоронъ—7-е января; см., напр., А. И. Кирпичниковъ «Очерки по исторіи новой русской литературы», Спб., 1896, стр. 411, прим. 2-е, и Н. О. Лернеръ «Труды и дни Пушкина», пзд. 2, Спб., 1910, стр. 427.

ный некрологъ принадлежитъ перу Ор. Э. Миллера... ¹⁾ Изъ всей этой скудной литературы можно, однако, вывести заключеніе, что поэзія и личность Подолинскаго никогда не были поняты сколько-нибудь правильно. Это слѣдуетъ прежде всего изъ того, что на Подолинскаго склонны были смотрѣть, какъ на спутника поэзіи Пушкина. Въ польскомъ литературномъ журналѣ «Tygodnik Literacki» въ 1838 году была помѣщена замѣтка о Подолинскомъ, въ которой говорилось: «Одно изъ первыхъ мѣстъ въ числѣ россійскихъ поэтовъ нынѣшняго времени занимаетъ Александръ (!) Подолинскій. Онъ ученикъ Пушкина и частію замѣняетъ его потерю своимъ соотечественникамъ» ²⁾. Статья С. Кіевскаго называлась «Послѣдній изъ Пушкинскои плеяды», тоже какъ будто подчеркивая какую-то связь нашего поэта съ Пушкинымъ.

Внимательно разсмотрѣвъ всѣ сочиненія Подолинскаго, мы должны признать, что никакого сродства, никакой глубокой внутренней связи съ Пушкинымъ онъ не имѣлъ. По своему міросозерцанію, мрачному и далекому отъ радостной примиренности съ міромъ, Подолинскій ближе всего подходитъ къ Лермонтову; но его міроощущеніе, пассивно-женственное, сближаетъ его въ то же время съ Жуковскимъ. Сочетаніе въ одной и той же личности столь противоположныхъ элементовъ, какъ склонный къ бунту и озлобленію умъ и женственно-покорное сердце, и создало въ результатъ поэзію Подолинскаго. Не будучи одаренъ первокласснымъ поэтическимъ талантомъ, Подолинскій не являетъ собою личности яркой, тѣмъ не менѣе онъ — личность сложная, оригинальная, богатая переживаніями и весьма близкая людямъ нашего времени, страдающимъ отъ внутренней дисгармоніи, отъ отсутствія душевнаго мира.

Пессимизмъ Подолинскаго является результатомъ не поверхностнаго увлеченія поэзіей Байрона, какъ были склонны думать нѣкоторые изъ его критиковъ, а результатомъ его собственныхъ, глубокихъ переживаній. Вотъ, между прочимъ, почему этотъ пессимизмъ въ лучшихъ произведеніяхъ Подолинскаго выражался такъ просто и даже какъ бы стыдливо.

Принявъ во вниманіе вышесказанное, мы уже не можемъ смотрѣть на его первую поэму «Дивъ и Пери» только какъ на подражаніе Томасу Муру. Уже не Дивъ и Пери ведутъ передъ нами споръ надъ «дальними рощами Хорасана», а въ самомъ поэтѣ спорятъ и борются беспокойный умъ и покорное, слабое сердце.

«Пери, жребій нашъ—страдать!
Нестъ яремъ существованья!»

¹⁾ «Памяти А. И. Подолинскаго», «Русская Старина», 1886, февраль, стр. 513—516.

²⁾ № 32, 5-го ноября. Перепеч. въ «Рус. Ст.», 1885, № 1, стр. 82.

И насильно заглушать
Сердца тайныя роптанья!
.....
Мы отторгнуты отъ рая
И отторгнуты навѣкъ»,—

утверждаетъ гордый Дивъ ¹⁾).

«Дивъ! мы первенцы созданья,
Мыль утратимъ упованья!»

возражаетъ Пери ²⁾). Долго идетъ ихъ страстная бесѣда, и въ поэмѣ она кончается побѣдой Пери: Дивъ повѣрилъ въ ея радостныя надежды, обратился къ добру, и желанная звѣзда Божьяго прощенія загорѣлась надъ обоими духами. Но врядь ли такъ обстояло дѣло въ душѣ самого Подолинскаго. Болѣе чѣмъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ написанія этой поэмы Подолинскій написалъ небольшое по размѣрамъ, но глубокое по содержанію стихотвореніе, изъ котораго ясно видно, что голосъ Дива не умолкъ въ немъ:

«Гляжу я на все хладнокровно,
И слушаю все равнодушно,
Грудь, кажется, бьется такъ ровно,
Лицо такъ безстрастно-послушно.
И море—нѣмая равнина—
Какъ бури затихнетъ тревога,
Но стонетъ ли въ безднѣ пучина,
Спроси у нея да у Бога!» (1861 г.) ³⁾).

Очевидно, не удалось ему до конца заглушить ни «сердца тайныя роптанья», ни явный ропотъ ума. Незадолго до смерти онъ написалъ прекрасное стихотвореніе «Безнадежность», въ которомъ слышится не одна старческая усталость, но и горестная неудовлетворенность жизнью:

«Куда судьба меня забросить,
Не знаю я,
Но ничего уже не просить
Душа моя.
Напрасно я бы кинулъ взгляды
На Божій свѣтъ,
Нигдѣ надежды и отрады
Мнѣ въ мірѣ нѣтъ!
Сложить тоскующія кости
Пора давно,
А на какомъ ни тлѣть погостѣ—
Мнѣ все равно». (1882 г.) ⁴⁾).

¹⁾ Соч. А. И. П., Спб., 1860, ч. 1, стр. 22.

²⁾ Соч., т. 1, стр. 23.

³⁾ «Русская Старица», 1885, январь, стр. 95.

⁴⁾ Ibid., стр. 109.

«Нигдѣ надежды и отрады мнѣ въ мірѣ нѣтъ»,—говоритъ почти восьмидесятилѣтній Подолинскій, и въ этихъ словахъ слышится такой же укоръ судьбѣ, какъ и въ дерзновенныхъ рѣчахъ его Дива. Но и въ этомъ стихотвореніи, и въ приведенномъ нѣсколько выше мы видимъ и слышимъ Дива, не торжествующаго и окончательно отдавагося чувству бунта,—будь это такъ, Подолинскій былъ бы однимъ изъ многочисленныхъ «подголосковъ» Лермонтова, не болѣе! Но онъ сложнѣе, душа его трагичнѣе, въ немъ есть какая-то тяжелая и недобрая мудрость, не позволяющая ему проклясть міръ и жизнь, хотя они и служатъ для Подолинскаго чаще источникомъ скорби, чѣмъ радости. Всѣ основныя черты сложной душевной жизни Подолинскаго ясно сказались въ другомъ, болѣе раннемъ его стихотвореніи, озаглавленномъ тѣмъ же печальнымъ словомъ—«Безнадежность»:

«Узникъ ждетъ конца неволи,
 Ждетъ малиновка весны,
 Я не жду ни лучшей доли,
 Ни весенней тишины.
 Путь свершаю понемногу
 По дорогѣ бытія,
 День прошелъ, и слава Богу,
 Если слезъ не пролилъ я!
 Если долгое забвенье
 Глухо на душу падеть,
 Если въ темномъ отдаленіи
 Тѣнь минувшаго блеснетъ.
 Но когда во мракѣ ночи
 Слышу страстный разговоръ,
 И любовью полны очи
 Встрѣтить мой потухшій взоръ,—
 Сердцу душно, сердцу больно,
 Камнемъ на сердцѣ тоска—
 И къ очамъ тогда невольно
 Подымается рука....
 Пусть же такъ, какъ волны въ Летѣ,
 Охладѣетъ въ сердцѣ кровь,
 Чтобъ забылъ я, что на свѣтѣ
 Есть и дружба, и любовь» ¹⁾.

Въ этихъ стихахъ нѣтъ проклятій, но отъ нихъ вѣетъ большимъ отчаяніемъ, чѣмъ отъ какого угодно проклятія. Намъ кажется, что столь глубокаго и сильнаго выраженія пессимистическихъ взглядовъ въ русской лирикѣ не встрѣчалось ни раньше, ни послѣ—вплоть до Федора Сологуба. И не случайно въ этомъ стихотвореніи Подолинскій изобразилъ любовь, какъ источникъ страданія: такое отношеніе къ любви было имъ глубоко продумано и прочувствовано, о чемъ свидѣтельствуетъ его стихотвореніе «Отверженіе».

¹⁾ Соч., т. I, стр. 247—248.

«Обитель мира и святыни,
 Была душа моя свѣтла,
 Пока любовь, какъ вихрь пустыни,
 Ее грозой не потрясла.
 Гроза минула, я печаленъ
 Гляжу рушительницѣ вслѣдъ,
 И озарилъ гряду развалинъ
 Воспоминанья блѣдный свѣтъ.
 Свершилось! хладомъ отверженья
 Я подавлю мои мечты,
 Я самъ увядшіе цвѣты
 Накину саваномъ забвенья...
 Такъ съ чувствомъ скорби и любви
 Мы тѣло друга провожаемъ
 И съ труднымъ мужествомъ бросаемъ
 На милый пепель горсть земли!»¹⁾

Итакъ, любовь, которая могла бы дать человѣческому сердцу величайшія наслажденія, является для него на самомъ дѣлѣ «грозой-рушительницей». Въ неоконченной исторической поэмѣ — «Глинскій» (1830), изображающей любовь вдовы Василя III, Елены, къ Оболенскому, Подолинскій говоритъ:

«...въ сердце женское не кинетъ
 Печаль недуга глубоко,
 Въ немъ горе такъ же скоро стынетъ,
 Какъ разгорается легко»²⁾.

«Любовь. Или это остатокъ чего-то вырождающагося, бывшаго когда-то громаднымъ, или же это часть того, что въ будущемъ разовьется въ нѣчто громадное, въ настоящемъ же оно не удовлетворяетъ, даетъ гораздо меньше, чѣмъ ждешь», записалъ А. П. Чеховъ въ своей записной книжкѣ³⁾. Цѣлый рядъ поэтовъ и мыслителей новѣйшаго времени подтверждаютъ грустный чеховскій афоризмъ и приходятъ въ заключеніе къ отрицательному взгляду на женщину. Проклятія Авг. Стриндберга, вопли Ст. Пшибышевскаго, злыя страницы О. Вейнингера, наконецъ, такіе рассказы самого Чехова, какъ «Попрыгунья» и «Ариадна», звучатъ, какъ безошадный обвинительный актъ женщинѣ. Во времена Подолинскаго такое отношеніе къ женщинѣ не было обычнымъ, тогда только что появился прекрасный образъ пушкинской Татьяны, еще только готовились появиться трогательная Тамара Лермонтова, сіяющая Улинька Гоголя, плѣнительныя женщины Тургенева, Гончарова и др. Но Подолинскій въ этомъ вопросѣ разошелся съ представителями своего вѣка и черезъ головы нѣсколькихъ поколѣній про-

¹⁾ Ibid., стр. 262—263.

²⁾ Соч. А. И. П., ч. II, стр. 102.

³⁾ Сборникъ «Слово» (1911), кн. 2, стр. 124.

тянулъ руку нашему времени, болѣе нервному, сложному и,—не будемъ отрицать этого, во имя справедливости!—болѣе безсильному и менѣе чистому, менѣе великодушному, чѣмъ время Пушкина и Тургенева.

«Устраши ее измѣной,
 Научи ее страдать,
 И внезапной перемѣной
 Укажи Эдемъ опять.
 Раздражительной бесѣдой
 То ласкай ее, то мучь!
 Только трудною побѣдой
 Въ женскомъ сердцѣ ты могучь!
 И прольетъ она въ молчаньи
 Слезы злости, можетъ быть,
 Но въ тебѣ—свои страданья
 Будетъ женщина любить» ¹⁾.

Вотъ какую заповѣдь дать Подолинскій въ стихотвореніи «Урокъ»; читая его, мы невольно вспоминаемъ знаменитое разсужденіе Заратустры «О старыхъ и молодыхъ женщинахъ», хотя стихи Подолинскаго написаны въ 1837 году, т. е. за нѣсколько лѣтъ до рожденія Фр. Ницше. Уже одинъ этотъ фактъ, одно только это стихотвореніе должно заставить насъ измѣнить взглядъ на Подолинскаго, какъ на эпигона, какъ на какое-то маленькое свѣтило въ созвѣздіи поэтовъ Пушкинской эпохи. Не эпигonomъ, а скорѣе предтечей является онъ, какъ въ этомъ стихотвореніи, такъ и въ тѣхъ, которыя приводились нами раньше. Его пессимизмъ—не активный, буйный пессимизмъ Байрона и Лермонтова, легко разрѣшавшійся гнѣвными проклятіями и искавшій выхода въ самоотверженныхъ подвигахъ, но скорѣе глубокій и тихій, органическій пессимизмъ позднѣйшихъ декадентовъ. Здѣсь не мѣсто рѣшать вопросъ о моральной и общественной цѣнности подобнаго міроотношенія. Но представляетъ ли оно собою добро, или зло, все равно—оно законное явленіе въ области поэзіи, ибо назначеніе поэзіи—не въ томъ лишь, чтобы воспѣвать красоты да вдохновлять людей на высокіе поступки; ея роль шире, она призвана не только къ тому, чтобы дѣйствовать, но и къ тому, чтобы отражать все этапы духовной эволюціи человѣчества. А такъ какъ эволюція эта не безболѣзненна, а, наоборотъ, часто весьма мучительна, то присутствіе въ рядахъ поэтовъ людей, настроенныхъ пессимистически, вполне законно.

Однако только во второй половинѣ XIX вѣка право воспѣвать зло было провозглашено громко: это сдѣлалъ Бодлэръ. Что касается Подолинскаго, то онъ былъ бы весьма удивленъ и даже огорченъ, если бы ему указали, что его пессимистическія стихотворенія могутъ оказать «вредное» дѣйствіе на общество. Его взгляды на

¹⁾ Соч. А. И. П., ч. II, стр. 173.

поэзію ничѣмъ не отличались отъ взглядовъ «прекраснодушныхъ» представителей сороковыхъ годовъ, что и выразилось въ его полеми-
ческомъ стихотвореніи «Два направленія» (1859 г.):

«Онъ тихо несся надъ землею,
Надъ нимъ сіялъ небесный сводъ,
И сыпалъ щедрою рукою
Цвѣты и перлы онъ въ народъ.
Своимъ божественнымъ явленьемъ
Въ едино души онъ сливалъ,
И, рукоплеща съ увлеченьемъ,
Народъ вослѣдъ ему бѣжалъ.
Вдругъ чей-то крикъ его встрѣчаетъ:
Кому дары твои нужны?
Въ цвѣтахъ не золото сіяетъ
И въ этихъ перлахъ нѣтъ цѣны.
Онъ полнымъ слезъ и грусти взоромъ
Отвѣтилъ крику и—исчезъ
Полуугасшимъ метеоромъ
Во глубинѣ своихъ небесъ...
Толпа поникла и смутилась,
И отлетѣвшаго ей жаль,
Но вотъ шумить и разступилась
Ея взволнованная даль.
И тощъ, какъ выходецъ изъ гроба,
Явился кто-то полунагъ,
Въ очахъ завистливая злоба
И смѣхъ циническій въ устахъ.
Ему, исчадью пошлой прозы,
Кто выше черни, всѣ враги,
И давить перлы, топчетъ розы
Тлетворный слѣдъ его ноги.
И гребъ онъ комья грязи черной,
И эту грязь въ толпу бросалъ,
А легкомысленно-задорный
Народъ, какъ школьникъ, хохоталъ.
Но, надъ другимъ глумясь лукаво,
Равно запятнанъ каждый былъ,
И скоро для смѣшной забавы
Конецъ печальный наступилъ.
Наскуча грязь другъ въ другъ видѣть,
И друга другъ готовъ язвить,
И стало сердце ненавидѣть,
Отвыкнувъ вѣрить и любить!
Старикъ, вблизи глядя на это,
Вздыхнулъ и молвилъ имъ съ тоской:
«Не цвѣсть тамъ жизни, гдѣ поэта
Смѣнилъ глумитель площадной!»¹⁾

Изображая здѣсь разницу и разладъ между поколѣніемъ Пушкин-
ской эпохи и поколѣніемъ начала шестидесятихъ годовъ, По-

¹⁾ «Рус. Старина», 1885, январь, стр. 93—94.

долинскій естественно становится на сторону старшаго, идеалистически настроеннаго поколѣнія; въ «глумителѣ площадномъ» невольно видишь критиковъ-утилитаристовъ. По мнѣнію Подолинскаго, эти «площадные глумители» совершаютъ злое дѣло, пріучая сердца къ ненависти, заглушая въ нихъ способность вѣрить и любить. Но когда мы вспомнимъ приводившіеся нами раньше стихи самого Подолинскаго, мы должны будемъ признать, что онъ самъ былъ въ значительной мѣрѣ повиненъ въ томъ, въ чемъ обвинялъ своихъ противниковъ. Хотя онъ и видѣлъ заслугу поэта въ томъ, чтобы сыпать въ народъ «цвѣты и перлы», т. е. давать народу то, что возвышаетъ и облагораживаетъ, самъ онъ далеко не всегда поступалъ согласно съ своимъ убѣжденіемъ. Не воспѣвая зла прямо, но отрекаясь отъ добра и счастья, желая позабыть, «что на свѣтѣ есть и дружба и любовь», признаваясь въ другомъ мѣстѣ, что «не вѣримъ мы ни въ рай, ни въ адъ»¹⁾, Подолинскій если и сыпалъ въ народъ цвѣты, то эти цвѣты были «цвѣтами зла»...

Все вышесказанное даетъ Подолинскому неоспоримое право на наше вниманіе.

Д. С. Мережковскій называетъ Тютчева «нашимъ декадентскимъ дѣдушкой»²⁾. Намъ кажется, что такое опредѣленіе къ Тютчеву неприменимо, хотя, конечно, нашимъ декадентамъ и было бы очень желательно оказаться въ родствѣ съ блистательною музою Тютчева. Тютчевъ, во-первыхъ, гораздо глубже, а съ другой стороны, онъ гораздо возвышеннѣе и, такъ сказать, гораздо окрыленнѣе тѣхъ теченій въ русской поэзіи, которыя получили названіе «декадентства». Вообще генеалогія русскаго декадентства иная; ни мудрый Тютчевъ, ни жизнерадостный Фетъ не являются его родоначальниками; безотрадная поэзія Подолинскаго на ряду съ демонически-безлюбивой музою Случевского имѣютъ гораздо больше правъ на званіе предшественницъ декадентства. Тотъ культъ безсилія и холоднаго недоувѣрія къ жизни, который ясно чувствуется во многихъ стихотвореніяхъ Подолинскаго, вошелъ потомъ, какъ существенная частность, въ поэзію Ѳ. Сологуба и В. Брюсова. «Ядъ отверженія — напитокъ вѣщносный», провозглашаетъ Брюсовъ³⁾:

«Не довѣрайся радостной надеждѣ,
Не вѣрь, не вѣрь!»

говоритъ Ѳ. Сологубъ⁴⁾, невольно заставляя вспомнить стихъ Подолинскаго:

«Нигдѣ надежды и отрады
Мнѣ въ мірѣ нѣтъ!»

¹⁾ Ibid., стр. 84. Стихотвореніе относится къ 1879 г.

²⁾ «Двѣ тайны русской поэзіи», изд. И. Д. Сытина, стр. 32.

³⁾ «Urbi et orbi», изд. «Скорпионъ», стр. 101.

⁴⁾ Собр. сочин., изд. «Сиринъ», т. I, Спб., 1913, стр. 119.

Но не только соприкосновеніе Подолинскаго съ нѣкоторыми характерными переживаніями позднѣйшихъ нашихъ поэтовъ даетъ ему право на вниманіе потомства. Уже изъ приведенныхъ выше стихотвореній читатели могутъ увидѣть, что Подолинскому не было отказано природою въ чисто-художественномъ дарѣ. Музыкальность и изобразительность стиха, глубина чувства и острота мысли были присущи Подолинскому въ большей мѣрѣ, чѣмъ, напримѣръ, Мею и Плещееву. Къ числу удачнѣйшихъ его созданій, кромѣ приведенныхъ нами, слѣдуетъ причислить также описанія природы въ поэмѣ «Борскій» (начало первой и третьей главъ во второй части поэмы); описаніе крѣпости Хотинъ въ стихотвореніи «Дума»; извѣстное, благодаря пушкинской пародіи, стихотвореніе «Портретъ» («Когда стройна и свѣтлоока»); стихотворенія «Первыя слезы», «Природа» ¹⁾ и «Островъ св. Елены», посвященное памяти Наполеона, гдѣ особенно вдохновенными представляются намъ слѣдующія строфы:

«Не троньте священной могилы:
 На дальнихъ, на чуждыхъ скалахъ
 Не люди, а вышнія силы
 Сложили могучаго прахъ.
 . . . . .
 Его этотъ островъ и скалы!
 Достойный въ вѣкахъ мавзоль!
 Глашатай судьбы небывалой
 Среди шума и блеска морей» (1841 г.) ²⁾.

Кромѣ того, было бы несправедливо, говоря о Подолинскомъ, умолчать о его гражданскихъ стихахъ. Онъ не замкнулся въ своемъ личномъ разочарованіи, но, какъ уже отмѣчено выше, до глубокой старости отзывался стихами на всякое крупное общественное событіе. Въ началѣ Крымской войны онъ, какъ почти всѣ поэты того времени, отдался патріотическому воодушевленію; передъ освобожденіемъ крестьянъ онъ, идя въ ногу съ вѣкомъ, нападалъ, хотя и не вполне удачно, на крѣпостное право ³⁾; событія, разыгравшіяся во Франціи послѣ франко-прусской войны, также вызвали у него не мало стиховъ, согрѣтыхъ истинно-гражданскимъ одушевленіемъ ⁴⁾. Изъ разсмотрѣнія этихъ стиховъ вполне опредѣленно выясняется политическая фізіономія Подолинскаго. Подобно большинству русскихъ поэтовъ, онъ былъ сторонникомъ общественнаго порядка, поклонникомъ твердой, но просвѣщенной власти. Но каковы бы ни были его политическія убѣжденія, онъ никогда не впа-

¹⁾ Всѣ эти стихотворенія вошли въ первую часть его «Сочиненій», изд. 1860 г.

²⁾ Соч., ч. II, стр. 154—155.

³⁾ Стих. «Будущее преданіе», 1858. Напеч. въ «Русской Старинѣ», 1885, январь, стр. 90—92.

⁴⁾ «Во время парижской коммуны», «Рус. Старина», 1885, январь, стр. 87.

далъ въ такія крайности, какъ Тютчевъ и Феть, никогда не исчезалъ въ немъ врожденный тактъ и духъ джентльменства, свойственный людямъ его поколѣнія...

Подводя итоги всему, сказанному здѣсь о Подолинскомъ, мы должны вернуться къ началу нашей статьи и повторить, что, по нашему глубокому убѣжденію, забвеніе пришло къ Подолинскому, какъ несправедливость. Въ связи съ этимъ мы и позволимъ себѣ закончить нашу замѣтку увѣренными словами, сказанными о Подолинскомъ его біографомъ: «Музу его вспомнить и достойно сумѣютъ почтить, когда всѣ мишурные идолы настоящихъ дней будутъ преданы заслуженному ими забвенію» ¹⁾.

Александръ Тиняковъ.

---

¹⁾ С. Кіевскій, «Послѣдній изъ Пушкинской плеяды», «Рус. Вѣстникъ», 1886, январь, стр. 308.

ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ.

(Очеркъ).

ОЛИЦЫНСКІЙ періодъ жизни московскаго общества двадцатыхъ—тридцатыхъ годовъ, т. е. пятнадцатилѣтній періодъ, въ теченіе котораго управлялъ Москвою военный генераль-губернаторъ князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, человѣкъ энергичный, пытливаго ума и необыкновенной доброты души, представляется безусловно однимъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ въ исторіи русской культуры. Князь Голицынъ былъ истиннымъ насадителемъ прогресса въ Москвѣ.—«Люди разныхъ партій и во всемъ противоположныхъ мнѣній,—говоритъ о немъ А. Ѳ. Кони,—сходятся въ высокой оцѣнкѣ ума и душевныхъ качествъ этого человѣка. Правнукъ воспитателя Петра Великаго, сынъ замѣчательной по своему образованію и характеру дочери графа Чернышева («la princesse Moustache»), проведеній свою юность въ Парижѣ, среди избраннаго французскаго общества, блиставшаго тѣмъ возбужденіемъ, которое предшествовало началу революціи, слушатель въ нѣсколькихъ германскихъ университетахъ, отважный въ бояхъ, независимый и не нуждавшійся ни въ средствахъ, ни въ службѣ,—прямодушно преданный безъ искательства, властный безъ ненужнаго проявленія власти, неизмѣнно вѣжливый, привѣтливый и снисходительный, екатерининскій вельможа по приемамъ, передовой человѣкъ своего

времени по идеямъ,—князь Д. В. Голицынъ пользовался полнымъ довѣріемъ императора Николая и нѣжной любовью москвичей»¹⁾).

Князь Голицынъ вступилъ въ должность генераль-губернатора въ 1820 году, когда въ первопрестольной столицѣ, разоренной французами, какъ въ потревоженномъ муравейникѣ, кипѣла лихорадочная работа по застройкѣ города и по возстановленію органовъ общественной жизни, все еще остававшихся въ летаргіи, въ которую бросилъ ихъ двѣнадцатый годъ. Но возстановленіе нормальной жизни въ столицѣ подвигалось весьма медленно: раны Москвы были слишкомъ глубоки, и для врачеванія ихъ требовался искусный врачъ. Англійскій путешественникъ Чарльзъ Тассель, посѣтившій Москву въ 1819 году, писалъ, что «отъ богатѣйшей русской столицы осталась только одна жалкая тѣнь». Театръ, сгорѣвшій еще въ 1805 году, представлялъ голыя руины; школъ и больницъ было недостаточно, и онѣ бездѣйствовали. Многое, очень многое обрѣталось въ крайнемъ беспорядкѣ. Всюду чувствовалась дезорганизация и закона, и власти. Въ судахъ накопились цѣлыя залежи нерѣшенныхъ дѣлъ; въ канцеляріяхъ узаконилось невѣроятное издоимство; въ низшихъ и среднихъ слояхъ столичнаго населенія постепенно нарастали и съ каждымъ годомъ развивались пьянство и дебоширство, дошедшія до того, что на полицейскихъ сѣзжихъ не хватало мѣстъ для помѣщенія арестованныхъ гулякъ и скандалистовъ. Общество, какъ это всегда наблюдается послѣ сильныхъ потрясеній, растерялось, опустило руки, и этого было достаточно, чтобы всѣ низменные инстинкты порочныхъ членовъ проявили себя въ соответствующей формѣ. Но верхи общества, одушевленные самыми лучшими, благороднѣйшими намѣреніями, все же неудержимо стремились къ творчеству—къ созиданію Москвы—и лишь нуждались въ руководителѣ съ сильной душою и волею.

Такимъ именно руководителемъ общества явился князь Д. В. Голицынъ, возстановившій Москву изъ пепла.

Нѣкоторые интересные эпизоды, характеризующіе голицынскій періодъ жизни московскаго общества, мы приводимъ въ настоящемъ очеркѣ, пользуясь обширнымъ не опубликованнымъ матеріаломъ, хранящимся въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ, а также—воспоминаніями московскихъ старожиловъ, среди которыхъ еще очень живы разнообразныя преданія, легенды и рассказы, относящіеся къ двадцатымъ—тридцатымъ годамъ прошлаго столѣтія.

Князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ положительно не могъ выносить, чтобы на его глазахъ нарушались общепринятая правила приличія или вѣжливости; особенно онъ не терпѣлъ всего

---

¹⁾ А. О. Кони. Олдоръ Петровичъ Гаазъ. Біографическій очеркъ. Спб., 1896.
«истор. вѣстн.», январь 1916 г., т. сѣмн.

того, что такъ или иначе роняло достоинство дворянства, его престижъ,—хотя бы и внѣшнимъ образомъ. Въ этомъ отношеніи характеренъ случай съ княземъ В., стяжавшимъ въ то время по всей Москвѣ громкую извѣстность своими чудачествами. Такъ, однажды онъ держалъ крупное пари, что никто изъ гостей не уѣдетъ домой съ великосвѣтскаго бала,—на который и онъ былъ приглашенъ,—а всѣ пойдутъ пѣшкомъ. Надъ В. смѣялись и говорили, что онъ проиграетъ пари. Однако В. выигралъ его. При помощи своей многочисленной дворни онъ поголовно перепоилъ шампанскимъ не только кучеровъ и лакеевъ, но даже—лошадей, и гости по окончаніи бала поневолѣ должны были пойти по домамъ пѣшкомъ. Обладая замѣчательнымъ юморомъ и умѣньемъ быстро сливаться съ простонародной средой, князь В., потѣхи ради, одѣвшись въ костюмъ рыночнаго торговца—въ картузь, чуйку, опоясанную холщевымъ фартукомъ, и сапоги бутылками,—отправлялся на Болотную площадь съ возомъ всякой живности—куръ, гусей, утокъ. Пересыпая свои предложенія покупателямъ бойкими шутками, пословицами и прибаутками, которыхъ зналъ очень много, онъ скорѣе всѣхъ распродалъ свой товаръ и, довольный удачею, отправлялся домой, въ великолѣпныя княжескія хоромы. Вырученныя деньги онъ отдавалъ въ свою контору и при этомъ говорилъ: «Вотъ такъ подзаработали! Дай Богъ всякому!»

Но однажды онъ, какъ говорятъ хохлы, «немного переборщилъ».

Въ маѣ 1822 года князь В. пріѣхалъ въ Москву изъ своего имѣнія и вздумалъ прокатиться по Тверской... на саняхъ. Сказано—сдѣлано. Въ крестьянскія сани, покрытыя дерюгой, запрягли цугомъ шестерку горячихъ, малонаѣзженныхъ коней, питомцевъ башкирскихъ степей. Въ сани на княжеское сидѣнье высоко набили сѣна и покрыли его также дерюгою. В. сѣлъ, одѣтый въ шубу и мѣховую шапку съ наушниками. Въ зимнее же платье были одѣты кучеръ, фореиторы, лакеи и слѣдовавшіе за санями вершники.

— Трогай!—приказалъ В.

Раздался ударъ бича и кони, какъ бѣшеные, вздымая пыль и высѣкая искры изъ-подъ скрипѣвшихъ полозьевъ, стрѣлою полетѣли по московскимъ улицамъ.

Въ такомъ видѣ, въ блескѣ улыбающихся лучей майскаго солнца, среди благоухающей, только что начавшей распускаться зелени московскихъ бульваровъ, странный поѣздъ, сопровождаемый бѣжавшей за нимъ толпою народа, съ шумомъ въѣхалъ на Тверскую. Толпа все прибывала и, когда поѣздъ остановился у кабака, достигла внушительныхъ размѣровъ. День былъ праздничный, и въ толпѣ было не мало пьяныхъ или слегка подгулявшихъ мастеровыхъ, рабочихъ и канцеляристовъ. Развеселенная появленіемъ необычнаго поѣзда, толпа шумно привѣтствовала В.

— Откуда будете,—спрашивали изъ толпы:—что на саняхъ пріѣхали?

— Изъ жаркихъ странъ!—со смѣхомъ отвѣчалъ В.

— Да вѣдь у насъ тепло!—смѣялись въ толпѣ.—Нешто вы за мерзли?

— Замерзли! Хотимъ погрѣться.

Толпа помирала со смѣху.

Князь В. вылѣзъ изъ саней и вошелъ въ кабакъ.

Цѣловальникъ, изъ вольноотпущенныхъ княжеской вотчины, знавшій В. въ лицо, растерялся при его появленіи.

— Ваше сіясь! ваше сіясь!—бормоталъ цѣловальникъ.—Недостойны мы встрѣтить васъ.

— Пустое! Выкати, братецъ, двѣ бочки вина,—приказалъ онъ.—Пусть народъ выпьетъ за наше здоровье.

Бочки были выкачены и—начался пиръ во-всю, окончившійся тѣмъ, что многіе изъ любителей выпить «на даровщинку» перепились до «зеленаго змія». Князь, полюбовавшись пирушкою, расплатился съ цѣловальникомъ и прослѣдовалъ дальше по Тверской, а затѣмъ—вернулся къ дому.

Такіе «выѣзды», очевидно, понравились В. Онъ неоднократно повторялъ ихъ и на другихъ улицахъ Москвы, угощая народъ водкою и одѣляя деньгами.

Наконецъ слухи о странныхъ выѣздахъ князя В. дошли до генераль-губернатора князя Д. В. Голицына. Поведеніе В. разсердило послѣдняго не на шутку.

— Подумайте, государимой,—говорилъ князь Дмитрій Владимировичъ своимъ приближеннымъ:—я всячески стараюсь сократить пьянство въ Москвѣ, ибо это есть бѣдствіе, несчастіе, а князь В. спаиваетъ народъ. Это—безбожно и недостойно дворянина.

Дѣйствительно, вскорѣ же по вступленіи своемъ на должность военнаго генераль-губернатора Москвы князь Д. В. Голицынъ вступилъ въ рѣшительную борьбу съ народнымъ недугомъ и въ этомъ смыслѣ подробно инструктировалъ мѣстныя власти, обязанныя слѣдить за народной трезвостью.

Въ результатѣ Д. В. Голицынъ распорядился сдѣлать кн. В. должное «внушеніе» чрезъ оберъ-полицеймейстера А. С. Шульгина, что видно изъ предложенія его канцеляріи въ канцелярію оберъ-полицеймейстера, датированнаго 26-мъ іюня 1822 года.

«Его сіятельство князь Дмитрій Владимировичъ, замѣтивъ,—писать генераль-губернаторская канцелярія,—что извѣстный въ Москвѣ князь В. ѣздитъ по столицѣ въ неприличныхъ времени экипажахъ, чѣмъ привлекаетъ къ себѣ множество черни и дѣлаетъ смѣхъ, приказать изволил доложить его превосходительству Александру Сергѣевичу, чтобы помянутый князь В. обязанъ былъ подпискою о недѣланіи впредь того, ибо подобныя выдумки здравомыслящему

человѣку несвойственны, а кольми паче дворянину, каковъ по фамиліи князь В. О приказаніи его сіятельства канцелярія покорно просить доложить его превосходительству Александру Сергѣевичу»¹⁾).

3-го іюля оберъ-полицеймейстеръ Александръ Сергѣевичъ Шульгинъ писалъ князю Голицыну: «Во исполненіе приказанія вашего сіятельства, изложеннаго въ запросѣ канцелярії, отъ 26-го истекшаго іюня, послѣдовавшемъ въ таковую жъ мою, имѣю честь донести, что коллежскій совѣтникъ князь В., дабы онъ впредь въ неприличныхъ времени экипажахъ по столицѣ не ѣздилъ, подпискою обяванъ».

Послѣ этого князь В. прекратилъ санную ѣзду не по сезону; но зато, одѣвшись въ крестьянскій зипунъ, сталъ ѣздить верхомъ, садясь лицомъ къ крупу лошади, что собирало около него большія толпы зѣвакъ. Но на чудака махнули рукой, и онъ самъ, должно быть, наскучивъ этимъ новымъ, имъ самимъ придуманнымъ видомъ спорта, скоро забросилъ его и уѣхалъ за границу.

Въ рядѣ другихъ курьезовъ, которыми вообще была такъ богата жизнь московскаго общества въ двадцатыхъ годахъ, слѣдуетъ отмѣтить анекдотическое «дѣло о куклѣ», доложенное императору Александру Павловичу и вызвавшее въ петербургскихъ сферахъ обширную переписку съ Москвой.

Дѣло это, возникшее въ 1822 году въ Саратовѣ, тянулось больше года (до 20-го сентября 1823 года), нося официальное названіе дѣла «объ отобраніи свѣдѣнія о куклѣ, представляющей монаха, несущаго въ снопѣ крестьянку».

Нужно замѣтить, что дѣло «о куклѣ» базируется не только на официальныхъ московскихъ документахъ, но и—на данныхъ саратовскаго архива, и на воспоминаніяхъ духовныхъ лицъ, старѣйшихъ по возрасту и жившихъ въ разныхъ поволжскихъ монастыряхъ. Судя по всему этому, въ официальной версіи его, несомнѣнно, многое остается недосказаннымъ, старательно затушеваннымъ, тѣмъ болѣе, что, по возрѣніямъ правительственныхъ сферъ того времени, считалось «неудобнымъ» выносить на публику разныя дѣлишки, касавшіяся особъ духовнаго званія. А дѣло это именно касалось саратовскаго архимандрита Саввы, «слегка» въ немъ скомпрометированнаго.

По официальной версіи дѣло «о куклѣ» представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей 11-го апрѣля 1822 года обратился къ московскому военному

¹⁾ Оберъ-полицеймейстеръ Шульгинъ.

генераль-губернатору князю Д. В. Голицыну съ предложеніемъ слѣдующаго содержанія: «Въ Правительствующемъ Сенатѣ разсматриваемо было дѣло объ отобранной въ Саратовѣ архимандритомъ Саввою ¹⁾ и сюда препровожденной фарфоровой куклѣ, представляющей монаха, несущаго въ снопѣ крестьянку. По состоявшемуся о сей куклѣ опредѣленію Сената, доведенному до высочайшаго свѣдѣнія, его императорское величество повелѣть извоилъ: «Куклу прислать сюда, — узнавъ, гдѣ она была сдѣлана, о поступкѣ архимандрита сужденіе остановить до свидѣтельства здѣсь сей куклы».

Сообщая, что на него возложено исполненіе высочайшаго повелѣнія, графъ Кочубей писалъ князю Голицыну: «Какъ самая кукла была уже между тѣмъ сюда доставлена и осталось только освѣдомиться, гдѣ она была сдѣлана, то я, по первоначальному производству о ней дѣла въ саратовскомъ губернскомъ правленіи, отнесся о доставленіи мнѣ о томъ свѣдѣнія къ тамошнему гражданскому губернатору. Онъ отозвался, что упомянутымъ архимандритомъ кукла отобрана у саратовскаго мѣщанина Подчукаева, изъ показанія котораго явствуетъ, что она была куплена имъ у крестьянина Московской губерніи Богородскаго уѣзда Лабзина, почему къ достиженію свѣдѣнія, гдѣ она была сдѣлана, я долгомъ считаю, препроводивъ къ вашему сіятельству въ списокъ самое показаніе, покорнѣйше просить васъ, милостивый государь мой, по содержанію онаго приказать, отыскавъ крестьянина Лабзина, узнать отъ него, откуда получена имъ означенная кукла и не извѣстно ли ему, гдѣ она была сдѣлана, и о всемъ томъ, для представленія Правительствующему Сенату, меня увѣдомить».

Между тѣмъ Подчукаевъ, допрошенный саратовскими властями, показалъ, что «эту куклу вмѣстѣ съ тремя такими же куклами и разной фарфоровой посудой онъ купилъ назадъ тому три года у пріѣзжавшаго въ Саратовъ Волгою на лодкѣ крестьянина Московской губерніи Богородскаго уѣзда Василія Спиридонова Лабзина, изъ числа которыхъ три куплены у меня здѣшняго Преображенскаго монастыря архимандритомъ Саввою, а кѣмъ куплена четвертая, — не упомяну».

Князь Голицынъ предписалъ богородскому земскому исправнику отыскать Лабзина и снять съ него допросъ: откуда получена имъ кукла и не извѣстно ли ему, гдѣ она была сдѣлана?

Исправникъ Евреинъ 27-го апрѣля 1822 года донесъ генераль-губернатору, что «продавшій Подчукаеву куклу крестьянинъ Лабзинъ въ первыхъ числахъ сего мѣсяца отправился водою по рѣкѣ Клязьмѣ на судахъ въ низовые города Саратовъ, Симбирскъ и Астрахань для продажи фарфоровой и фаянсовой посуды», и что

¹⁾ Въ дѣйствительности же архимандритъ Савва ни у кого не отбиралъ, а возвратилъ одну куклу, имъ самимъ пріобрѣтенную, въ трехъ экземплярахъ.

вмѣсто него онъ допросилъ его отца, который показалъ, что «вышеупомянутую куклу сынъ его Василій, назадъ тому года три, получилъ, съ прочими куклами и фарфоровой посудой, отъ богородскаго купца Власа Никитина Храпунова». Храпуновъ же показалъ, что «та кукла сдѣлана года четыре назадъ на его фарфоровой фабрикѣ, здѣшняго уѣзда, вотчины г-жи Власѣевой въ деревнѣ Кузьяевой, а въ прошломъ году, точно, съ прочими куклами и фарфоровой посудой, продана имъ крестьянину Лабзину».

О результатахъ дознанія князь Голицынъ донесъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. «Куколь, изображающихъ духовныхъ лицъ, — писалъ князь Голицынъ, — въ видахъ, неприличныхъ сему званію, не дѣлать и не продавать всѣмъ фабрикантамъ, а равно и Храпунову строго подтверждено, а затѣмъ за симъ и нынѣ имѣется неослабное наблюденіе».

Съ этого момента дѣло пошло, такъ сказать, въ затяжную, и изъ Петербурга въ Москву и обратно то и дѣло летѣли эстафета за эстафетой съ срочными бумагами о куклѣ.

21-го мая 1823 года управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей конфиденціально увѣдомилъ князя Голицына, что слѣдственное производство о куклѣ представлено имъ Сенату, «последнимъ доведено, чрезъ комитетъ гг. министровъ, до высочайшаго свѣдѣнія и что «его императорское величество высочайше повелѣтъ соизволилъ, чтобы отъ купца Храпунова отобрано было показаніе, по чьему рисунку сдѣлана была означенная кукла?» «Сообщая сію высочайшую волю вашему сіятельству, — писалъ графъ Кочубей, — я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь мой, приказавъ отобрать отъ фабриканта Храпунова означенное свѣдѣніе, доставить оное мнѣ».

На допросѣ Храпуновъ показалъ богородскому исправнику, что «кукла сдѣлана была на его фарфоровой фабрикѣ назадъ тому лѣтъ пять съ таковой же куклы, купленной въ Москвѣ, въ Хрустальномъ ряду, а въ чьей лавкѣ, — не упомянуть; по чьему же рисунку означенная кукла первоначально была сдѣлана, — неизвѣстно».

Дополненное этимъ показаніемъ Храпунова слѣдственное производство снова направили въ министерство. Между прочимъ, князь Голицынъ писалъ графу Кочубею, «что какъ въ прежнее время ввозимы были въ Россію изъ иностранныхъ государствъ фарфоровыя вещи, кои, по отличной отработкѣ ихъ, служили образцами на фабрикахъ и заводахъ нашихъ, то полагать можно, что и помянутая кукла сдѣлана была по образцу или съ вывезенныхъ изъ-за границы эстамповъ, которые, какъ отъ многихъ слышу, въ недавнемъ еще времени видимы были въ разныхъ мѣстахъ».

Однако въ министерствѣ не удовлетворились этимъ объясненіемъ князя Голицына. Напомнивъ, что 3-го февраля 1823 года по поводу отобранной въ Саратовѣ куклы состоялось высочайшее пове-

лѣніе о запрещеніи «не только дѣлать подобныя соблазнительныя фигуры, но чтобы и имѣющіяся гдѣ-либо сего рода куклы должны быть истреблены», министерство потребовало отъ князя Голицына доставить свѣдѣніе, по чѣму рисунку была выполнена взятая у архимандрита Саввы фарфоровая кукла. «При всемъ томъ, — писалъ графъ Кочубей, — считалъ бы нужнымъ испытать, нельзя ли склонить Храпунова къ тому, чтобы онъ употребилъ стараніе припомнить о лавкѣ, въ которой куплена была имъ образцовая кукла, дабы соотвѣтственно тому могло быть въ послѣдствіи сдѣлано и дальнѣйшее распоряженіе объ открытіи того, къ чему рисунокъ былъ сдѣланъ».

Но автора соблазнительнаго рисунка такъ и не разыскали.

Въ настоящее время, судя по даннымъ частныхъ архивовъ, въ которыхъ имѣются и косвенные и прямые источники, относящіеся къ напумѣвшему въ свое время дѣлу о куклѣ, можно заключить, что кукла была сдѣлана на заводѣ Храпунова мастеромъ Францемъ Куперомъ, котораго Храпуновъ вывезъ изъ саратовскихъ нѣмецкихъ колоній, «какъ «отличнаго искусника по фарфоровому дѣлу». Это совпадаетъ также съ тѣмъ, что Храпуновъ придерживался раскола и, говорятъ, велъ подпольную борьбу съ православнымъ духовенствомъ. Между прочимъ, въ одномъ изъ частныхъ архивовъ имѣется письмо неизвѣстнаго лица, повидимому, яраго старообрядца, въ которомъ онъ иронически пишетъ: «монахи же никоновскіе зѣло благолѣпны: бабъ въ кельи таскаютъ за плечами, аки мѣшки съ хлѣбомъ...» Въ этомъ письмѣ слышится намекъ на куклу, которой въ то время такъ занимался Петербургъ...

Рядомъ съ гражданскимъ развивалось и выросло въ цѣлые томы консисторское дѣло. Здѣсь слѣдствіемъ было выяснено, что архимандритъ Савва приобрѣлъ три куклы, изъ которыхъ только одну передалъ саратовскому гражданскому губернатору, «вынужденный къ тому обстоятельствами», а другія двѣ удержалъ у себя...

Изъ канцеляріи дѣло о куклѣ перешло, наконецъ, въ народъ, и около него составилась цѣлая легенда о монахѣ... Пока у этого курьезнаго дѣла копошилась московская и петербургская бюрократія, старавшаяся дойти «до сути», — въ низахъ, въ самой гущѣ народной массы сложилась оригинальная сатира на саратовскую куклу. И — нужно замѣтить — эту сатиру отразила, воспроизвела во всей ея ѣдкости не пресса, застывшая подъ леденящимъ дыханіемъ Аракчеева и «аракчеевщины», — цѣлой системы, душившей страну и глубоко презираемой не только москвичами, на которыхъ грузинскій временщикъ имѣлъ свои сумасбродные «поселенческіе» виды, но и всею тогдашней Россіей, — и не трибуна, о которой тогда невозможно было даже и мечтать, а обыкновенный балаганъ Петрушки, этотъ тогдашній единственно народный театръ.

Въ Саратовѣ, какъ и въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, на ма-

сленой недѣлѣ для увеселенія простонародья открывались,—конечно, частными предпринимателями,—балаганы, носившіе—да и по сіе время носящіе—веселое названіе «Петрушки». Кто изъ интеллигенціи бывалъ въ дѣтскіе годы на представленіяхъ «Петрушки», тѣ, вѣроятно, помнятъ, какъ просто, искренно, безъ эзоповскихъ фразъ произносилъ паяцъ ѣдкія слова сатиры, выраженной чистѣйшимъ народнымъ языкомъ, и какимъ здоровымъ смѣхомъ смѣялась публика, глубоко цѣнившая правду, которую, къ сожалѣнію, по тѣмъ временамъ только и могла слышать въ балаганѣ. Въ одномъ изъ такихъ балагановъ, въ Саратовѣ, паяцъ Никита Ашитковъ, изъ дворовыхъ людей вотчины помѣщика Межакова въ Вологодской губерніи, какъ видно изъ полицейскаго протокола, «позволилъ себѣ дерзостно провозглашать предъ чернью хулу и насмѣшки на православное духовенство». Кромѣ того, Ашиткову ставилось въ вину «дерзостное его дѣйство», заключавшееся въ томъ, что онъ выходилъ на подмостки балагана «въ гримѣ и одеждѣ, монашескому чину присвоенной».

— Вотъ,—говорилъ онъ съ комически удрученнымъ видомъ, появляясь предъ нетерпѣливо ожидавшей его публикой,—по пещарику кушаемъ, а тѣлеса насъ не слушаютъ. Четки—не четки, а бабы молодки, сладки, какъ медъ, и самъ игумень къ нимъ льнетъ.

Затѣмъ онъ произносилъ свои куплеты, представлявшіе также сатиру на тогдашнее мелкое духовенство—на поповъ, дьячковъ, понамарей, монаховъ, послушниковъ (которые, т. е. послушники, «въ сельскихъ монастыряхъ на разсвѣтѣ не спятъ: ждутъ, когда бабы пойдутъ коровъ доить»). Къ протоколу приобщена цѣлая тетрадь съ куплетами, написанными Ашитковымъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, помѣченный февралемъ 1825 года:

Какъ саратовски монахи
Носятъ дѣвокъ безъ рубахи
Прямо въ келію.
А въ Архангельскѣ попы
Во посту ѣдятъ блины
Съ упоеніемъ ¹⁾.
Они пили, упивалися,
Своей жизнью похвалялися
Съ умиленіемъ.
У меня ли у Сидора, у поца,
Баба больно ядрена,
Съ округленіемъ.

¹⁾ Съ упоеніемъ т. е. съ обильной выпивкою. Такихъ случаевъ немало, когда попы мѣшали мясоѣды и посты, вслѣдствіе поголовной ихъ малограмотности, пьянства и глухости иныхъ приходовъ, остававшихся изолированными отъ остального міра, напримѣръ, за болотами, съ весны до зимы, когда они промерзали и становились проѣзжими. Рѣшетниковъ въ «Подлиповцахъ», между прочимъ, рассказываетъ о попѣ, жившемъ гдѣ-то въ Пермской губерніи, въ лѣсномъ приходѣ и также путавшемъ, когда кончается «молость» и начинается постъ.

Ашитковъ за свои куплеты былъ битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь на поселеніе.

Нѣчто подобное—и тоже на «Петрушкѣ»—было и въ Москвѣ; но мѣстная администрація не придавала сатирѣ на духовенство такого значенія, какъ это наблюдалось въ Саратовѣ, и антрепренеръ и артисты «Петрушки» заплатились лишь арестомъ на полицейской съѣзжей. О князѣ Д. В. Голицынѣ, глубоко религіозномъ, разсказываютъ, что онъ смотрѣлъ безпристрастно на народныя карикатуры на чернос и бѣлое духовенство, проявлявшіяся не только въ скульптурѣ, но и въ массѣ лубочныхъ картинокъ, такъ какъ былъ убѣжденъ, что не карикатуры, а лица, на которыхъ онѣ сдѣланы, подрываютъ въ религіозномъ русскомъ народѣ уваженіе къ духовенству, «ибо—какъ онъ говариваль—не бываетъ дыма безъ огня».

Но Петербургъ смотрѣлъ на клерикальныя карикатуры иначе...

Петербургъ налагалъ свое veto не только на символическія «куклы», представлявшія сатиру на духовенство, но и—на символическую сцену.

Въ февралѣ 1822 года Москву посѣтилъ артистъ Молдуано, иностранецъ, именовавшій себя почему-то «механикомъ»; онъ давалъ исключительно «мимическія» представленія. Большой Петровскій театр¹⁾ только еще начинали отстраивать; московское общество, по необходимости пользовавшееся получившими въ то время большое распространеніе домашними или любительскими театрами, главнымъ образомъ въ домѣ Кокошкина, князя Ю. В. Долгорукова и др. любителей драматическаго искусства, было весьма радо всякимъ «заѣзжимъ» артистамъ, и Молдуано, поддерживаемый княземъ Д. В. Голицынымъ, безъ особенныхъ затрудненій получилъ разрѣшеніе на «совершеніе мимическихъ представленій». На 20-е января артистъ назначилъ представленіе пьесы «Пиръ царя Ирода или усѣкновеніе главы Іоанна», о чемъ, съ разрѣшенія оберъ-полицеймейстера Шульгина, и опубликовалъ въ особомъ прибавленіи къ № 5 «Московскихъ Вѣдомостей».

Представленіе этой пьесы состоялось въ домѣ графа Апраксина. Артистъ, игравшій роль Ирода, былъ очень похоже загримированъ графомъ Аракчеевымъ, а артистка, игравшая Иродіаду, очень напоминала извѣстную фаворитку графа Настасью Минкину. Поставленная въ такомъ видѣ, пьеса, хотя и наивная по своимъ средствамъ, весьма отвѣчала настроеніямъ тогдашняго русскаго общества, и въ Москвѣ была встрѣчена публикой съ рѣдкимъ энтузіазмомъ, вызвавъ много толковъ, нелестныхъ для весельяго временщика.

¹⁾ Нынѣшній Большой Императорскій театръ, сгорѣвшій въ 1805 году, предъ началомъ представленія 1-й части «Дибровской русалки». Литературныя и театральныя воспоминанія С. Аксакова. Москва, 1858.

Толки о главныхъ аксесуарахъ пьесы и объ ея успѣхѣ у москвичей, подогрѣтые письмами изъ Грузина, дошли наконецъ до петербургскихъ сферъ, и 8-го февраля князь Д. В. Голицынъ получилъ съ эстафетой отъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя Гагарина письмо, полуофициальнаго характера, слѣдующаго содержанія: «Милостивый государь, князь Дмитрій Владимировичъ, — писалъ князь Гагаринъ, — въ прибавленіи, приложенномъ къ 5-му номеру «Московскихъ Вѣдомостей» сего года, объявлено было, что въ домѣ генераль-отъ-инфантеріи Апраксина назначено мимическое представленіе подъ названіемъ: «Пиръ царя Ирода или усѣкновение главы Іоанна». Государь императоръ, желая знать, въ чемъ заключалось сіе представленіе и не было ли при этомъ допущено чего непристойнаго святости Іоанна Крестителя, тѣмъ болѣе, что весьма рѣдко можно сохранить должное приличіе въ изображеніи подобныхъ происшествій предметовъ общенароднаго зрѣлища, высочайше повелѣтъ мнѣ соизволилъ отнестись о семъ къ вашему сіятельству, почему я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, приказать освѣдомиться со всею подробностью о такомъ предметѣ и не отказать меня увѣдомить для доклада его величеству».

На этомъ письмѣ князь Голицынъ положилъ резолюцію: «Справка о семъ дѣлѣ А. С. Шульгину».

Оберъ-полицеймейстеръ Шульгинъ, давшій Молдуано разрѣшеніе на представленіе мистеріи, недолюбливавшій и въ то же время боявшійся, какъ и всѣ тогдашніе администраторы, происковъ графа Аракчеева, очутился въ затруднительномъ положеніи. Нужно было выкрутиться. А для этого необходимо было дать пьесѣ другое, легальное освѣщеніе. Онъ такъ и поступилъ. Призвавъ къ себѣ Молдуано, Шульгинъ снялъ съ него «допросъ», который и представилъ князю Голицыну, пояснивъ при этомъ, что «назначенное механикомъ Молдуано 20-го прошедшаго января, опубликованное въ особомъ приложеніи къ пятому номеру «Московскихъ Вѣдомостей», мимическое представленіе подъ названіемъ «Пиръ царя Ирода или усѣкновение главы Іоанна», какъ предметъ, избранный изъ священнаго писанія, было ему воспрещено, и вмѣсто онаго 23-го числа того же мѣсяца далъ Молдуано мимическую картину подъ названіемъ: «Ночное нападеніе или пойманные разбойники». Въ чемъ же должно было заключаться выше сего помянутое представленіе, которое онъ вовсе публикѣ не показывалъ, мнѣ неизвѣстно, а призвавъ нынѣ Молдуано къ себѣ, расспрашивалъ о томъ его и объясненіе его по тому предмету, отъ него отобранное, долгомъ поставляю представить у сего на усмотрѣніе вашего сіятельства, присовокупивъ, что всѣ вообще мимическія представленія его заключаются въ разныхъ тѣлодвиженіяхъ и группахъ, обучаемыхъ имъ на время и всякій разъ для каждаго такого представленія своего посредствомъ найма присылаемыхъ людей».

Молдуано представилъ Шульгину подробное объясненіе своей мимической пьесы изъ «пяти группъ», которое приводимъ дословно.

«Въ первой группѣ—объясняетъ Молдуано,—царь Иродъ представленъ сидящимъ за столомъ съ своими гостями, изъ коихъ двое пьютъ, двое чокаются бокалами, а третій, приподнявъ бокалъ, хочетъ изъ онаго пить, но сидящая за столомъ дама его отъ того удерживаетъ. Въ сіе время дочь царя стоитъ въ пляшущемъ положеніи, на которую царь и царица смотрятъ съ удивленіемъ. Во второй группѣ мать разговариваетъ съ дочерью своей тайно. Царь смотритъ на гостей, какъ бы спрашивая ихъ о чемъ-либо. Тѣ, кои чокались бокалами, пьютъ, а тѣ, кои выпили, наливаютъ вновь; приподнявшіе же бокалы свои привстали и смотрятъ въ находящійся на столѣ сосудъ, а дама подслушиваетъ разговоръ матери съ дочерью. Въ третьей группѣ дочь преклоняетъ колѣна предъ отцомъ своимъ, ласково ее принимающимъ. Налившіе бокалы любопытствуютъ знать, что желаетъ дочь. Одинъ изъ выпивающихъ подаетъ дамѣ на тарелкѣ фрукты, а смотрѣвшій въ сосудъ предстоитъ вопрошающимъ ту даму, которая подслушивала разговоръ, и она отворачивается. Въ четвертой группѣ мать и дочь уходятъ за кулисы. Царь кладетъ на свое чело руку, склонивъ голову назадъ; всѣ прочіе смотрятъ другъ на друга съ удивленіемъ», наконецъ, «въ пятой группѣ дочь возвращается; за нею слѣдуетъ палачъ, держащій въ правой рукѣ голову, сдѣланную изъ мастики, съ парикомъ, а въ лѣвой—мечъ. Царь выскакиваетъ изъ-за стола и отвертывается; прочіе всѣ, устранившись, встаютъ».

«Въ заключеніе,—поясняетъ Молдуано,—мимическая сія картина освѣщается такъ называемымъ бенгальскимъ огнемъ и тѣмъ оканчивается. Всѣ артисты находятся во все время представленія въ безмолвномъ положеніи».

Судя по этой программѣ, можно себѣ представить, какъ была дѣтски-наивна пьеса Молдуано, давшая ея автору полный сборъ лишь потому, что двое дѣйствующихъ въ ней лицъ носили гримъ тѣхъ, кого ненавидѣла вся тогдашняя Россія.

Однако вся эта исторія съ Молдуано, напумѣвшая на всю Москву, хотя у московской администраціи и сошла съ рукъ благополучно, но не обошлась безъ курьеза. Оберъ-полицеймейстеръ Шульгинъ, встревоженный запросомъ князя Гагарина, отдалъ по полиціи «наистрожайшій» секретный приказъ, «чтобы о представленіи Молдуано никакихъ слуховъ и толковъ, подъ отвѣтственностью наказанія, никто не смѣлъ распространять». Между тѣмъ о пьесѣ, какъ на зло, начали усиленно говорить, въ связи съ высылкою Молдуано изъ Москвы за границу. И случилось такъ, что самъ всемогущій въ Москвѣ Шульгинъ долженъ былъ выслушать отзывъ объ этой пьесѣ, исходившій изъ устъ одного аристократа А., общественное положеніе котораго, какъ нельзя болѣе, соотвѣтство

вало положенію современной «золотой молодежи». Инцидентъ имѣлъ мѣсто въ домѣ князя Долгорукаго, гдѣ шель любительскій спектакль съ участіемъ Александра Ивановича Писарева и Михаила Николаевича Загоскина.

— Знаете,—сказалъ А., останавливая Шульгина, проходившаго черезъ длинную анфиладу апартаментовъ долгоруковского дома:—этотъ каналья Молдуано, право, молодчага. Аракчеева и его Настьку онъ представилъ совершенно неподражаемо.

— Какой Молдуано? какую Настьку?—растерялся Шульгинъ.— Да о чемъ вы, батюшка, изволите говорить?

— Да вотъ все объ этомъ... объ Иродѣ,—небрежно отвѣтилъ юноша.—А, нечего сказать, ловко онъ его представилъ!

Шульгинъ нахмурился, но сдержался; отозвавъ юношу въ сторону, такъ чтобы не могли слышать ихъ проходившіе тутъ гости, онъ тихонько сказалъ:

— А вы, мой батюшка, лучше помалкивали бы, да и другимъ сказали бы, чтобы лишка не болтали. А то какъ бы намъ, батюшка, не угодить въ Сибирь...

Давъ повѣсѣ головомою, Шульгинъ круто повернулся на каблукахъ, оставивъ А. въ величайшемъ недоумѣніи.

А на другой день по всей Москвѣ заговорили пуще прежняго о томъ, что въ «апраксиномъ» домѣ нѣмецъ далъ такое представленіе что о немъ даже говорить опасно...

Таковъ былъ исходъ представленія «мимической пьесы въ пяти группахъ», поставленной иностранцемъ, «механикомъ» Молдуано...

Въ двадцатыхъ годахъ среди общаго безправія, господствовавшего въ эпическихъ размѣрахъ въ провинціяхъ и областяхъ, особенно въ окраинныхъ, тѣмъ, кто стоялъ на стражѣ права и справедливости, приходилось вести самую напряженную борьбу со всѣми, кто, пользуясь правомъ сильного, угнеталъ личность и, такъ или иначе, эксплуатировалъ ее въ свою пользу. Объ этой борьбѣ свидѣтельствуетъ безконечный рядъ дѣлъ, возникшихъ на почвѣ всяческаго хищенія, мздоимства, лихоимства, насилія надъ правами личности и проч.

Изъ числа такихъ дѣлъ, отмѣченныхъ въ свое время печатью, обращаетъ на себя вниманіе дѣло объ увозѣ крымскимъ султаномъ Керимъ-Гиреемъ англичанки миссъ Христины Петри (Christiana Petry), характеризующее хищническіе нравы тогдашнихъ аборигеновъ Новороссійскаго края, спустя почти сорокъ лѣтъ послѣ присоединенія его къ имперіи.

11-го октября 1821 года военный генералъ-губернаторъ Новороссіи Милорадовичъ экстренно увѣдомилъ князя Д. В. Голицына объ увозѣ миссъ Петри султаномъ Керимъ-Гиреемъ. «Ми-

лостивый государь, князь Дмитрій Владимировичъ,—писалъ Милорадовичъ:—сейчасъ получилъ я прилагаемую у сего записку отъ общества англійскихъ купцовъ. Находя требованія ихъ основанными на справедливости и желая предупредить выѣздъ султана Керимъ-Гирея изъ Москвы, я поставилъ себѣ обязанностью снестись о семъ какъ можно поспѣшнѣе съ вашимъ сіятельствомъ, дабы доставить вамъ возможность оказать покровительство ваше англичанкѣ Христинѣ Петри, за которую ходатайствуютъ соотечественники ея».

Въ запискѣ общества англійскихъ купцовъ, поданной Милорадовичу, излагалось, что «султанъ Керимъ-Гирей въ прошломъ году осенью увезъ изъ Англій миссъ Христину Петри, которая вступила къ нему въ услуженіе съ тѣмъ, чтобы оставаться при немъ или оставить его по собственной ея волѣ. Съ сего времени, имѣя причины жаловаться на грубое и унизительное съ ней обращеніе, она неоднократно изъявляла желаніе свое оставить домъ султана, дабы возвратиться къ своимъ родителямъ или принскать себѣ въ Россіи какое-либо мѣсто, которое соотвѣтствовало бы ея желаніямъ. Несмотря на всѣ старанія многихъ ея соотечественниковъ, принимавшихъ въ ней участіе, султанъ удержалъ ее при себѣ силою и увезъ ее съ собой въ Москву, куда отправился 8-го сего октября, въ субботу. Прежде, нежели онъ успѣлъ выѣхать въ Москву, мы отнеслись къ великобританскому консулу сэру Мею. Мей увѣрилъ насъ, что посредничество его въ этомъ случаѣ потому болѣе не нужно, что ваше сіятельство, будучи всегда готовы къ доставленію справедливости всѣмъ иностранцамъ, навѣрно не откажетесь принять мѣры къ освобожденію дѣвицы Христины Петри. Въ самое то время, когда мы готовились беспокоить ваше сіятельство нашей покорнѣйшей просьбою, по прибытіи въ субботу вечеромъ въ домъ, султаномъ занимаемый, узнали мы съ удивленіемъ, что онъ осмѣлился увести съ собой подданную его величества, короля великобританскаго, въ противность собственному ея желанію, неоднократно ею намъ заявленному, и въ противность законовъ, какъ сего, такъ и всѣхъ европейскихъ государствъ. Въ семъ толико справедливомъ дѣлѣ мы прибѣгаемъ къ вашему сіятельству съ покорнѣйшей просьбой отнестись немедленно къ мѣстному начальству въ Москвѣ, чтобы Христина Петри взята была изъ рукъ султана Керимъ-Гирея и отдана на попеченіе англійскаго въ Москвѣ магазина Ивана Лева».

Показаніе Христины Петри, данное ею московскому оберъ-полицеймейстеру послѣ освобожденія ея отъ власти султана Керимъ-Гирея, представляетъ яркую картину того деспотическаго отношенія къ женщинѣ, на какое былъ способенъ новороссійскій хищникъ, продолжавшій жить «разбойнымъ способомъ» спустя еще долгое время послѣ присоединенія къ намъ Новороссіи, этой чудной «жемчужины» русскаго юга.

Какъ попала Христина Петри въ лапы новороссійскаго хищника,—объ этомъ она рассказываетъ сама.

Богатый и красивый султанъ Керимъ-Гирей, нѣкогда учившійся въ Парижѣ, въ дорогомъ коллежѣ, рѣшилъ прокатиться въ Англiю. Ъхалъ онъ сюда не по дѣламъ, а просто для развлечения. Въ Лондонѣ, толкаясь по разнымъ увеселительнымъ заведенiямъ, въ одномъ изъ холловъ онъ встрѣтился съ миссъ Петри, выступавшей на подмосткахъ. Миссъ Петри, хотя и выступала на сценѣ, но жила въ семьѣ своихъ родителей, небогатыхъ и порядочныхъ людей, и по своей строгой нравственности совсѣмъ не походила на тотъ типъ современной пѣвицы въ холлахъ, какой намъ извѣстенъ. Султанъ познакомился съ нею, постепенно увлекся, сталъ ухаживать, поднося дѣвушкамъ богатые подарки. Когда между ними установились дружескiя отношенiя, Керимъ-Гирей предложилъ ей поступить къ нему на службу въ качествѣ гувернантки и учительницы англiйскаго языка при его дѣтяхъ, для чего сталъ ее уговаривать поѣхать съ нимъ въ Россiю, гдѣ, по его рассказамъ, въ подданствѣ его состоятъ обширныя и плодоносныя земли съ многочисленнымъ его народомъ и гдѣ ей будетъ хорошо жить. Миссъ Петри пугала неизвѣстность условiй жизни въ чужой странѣ, о которой она съ раннихъ поръ привыкла слышать, что это—страна рабовъ и варваровъ, гдѣ стоятъ мертвяще-холодныя зимы и волки разгуливаютъ по улицамъ, и она долго колебалась дать султану какой-либо положительный отвѣтъ; но красота и богатство султана и перспектива полученiя хорошей платы, на которую она могла содержать свою семью, сломили ея колебанiя, и она приняла предложенiе. Предъ отъѣздомъ изъ Англiи она заключила съ султаномъ договоръ, въ силу котораго султанъ, въ любое время, по ея первому требованiю, долженъ былъ отпустить ее обратно въ Англiю и снабдить средствами на приличный переѣздъ.

По прибытiи въ Новороссiю, гдѣ у султана, дѣйствительно, были обширныя владѣнiя, много людей, безчисленные табуны лошадей и отары тонкорунныхъ овецъ, Керимъ-Гирей неожиданно предложилъ миссъ Петри стать его женою. Дѣвушку сильно изумило и смутило это предложенiе; она спросила султана: почему же онъ не сдѣлалъ ей этого предложенiя на ея родинѣ, въ присутствiи ея родителей? Султанъ отвѣтилъ, что тогда онъ объ этомъ еще не думалъ, и мысль сдѣлать ее своею женою созрѣла только здѣсь, на его родинѣ. Петри, только по прибытiи въ Новороссiю узнавшая, что у султана имѣется около сотни женъ, была поражена и смущена этимъ новымъ для нея фактомъ. Понятно, не имѣя ни малѣйшаго желанiя занять мѣсто въ ряду этихъ женъ, Петри категорически отвергла предложенiе Керимъ-Гирея. Възбѣшенный отказомъ Петри и не привыкшiй къ отказамъ женщинъ, султанъ угрожающе замѣтилъ ей, что онъ сумѣетъ сломить ея упорство. Въ тотъ же день

миссъ Петри перевезли изъ резиденціи Керимъ-Гирей въ одинъ изъ султанскихъ хуторовъ, стоявшій въ глухой степной балкѣ, гдѣ жили одни полудикіе чабаны (пастухи). Петри протомилась здѣсь больше недѣли. А когда султанъ Гирей явился къ ней, то снова возобновилъ свое предложеніе. Миссъ Петри отвѣтила отказомъ, умоляя отпустить ее въ Англію, при этомъ замѣтила султану, что если онъ и долѣе будетъ ее здѣсь удерживать, то она найдетъ случай довести объ этомъ до свѣдѣнія великобританскаго консула. Султанъ съ бранью набросился на миссъ Петри, избилъ ее и совершилъ надъ ней грубое насиліе. «Ты хотѣла жаловаться консулу,—грозно сказалъ онъ:—такъ жалуйся! Я самъ здѣсь консулъ». Послѣ этого миссъ Петри превратилась въ плѣнницу, въ наложницу азіата, который, несмотря на полученное имъ заграничное образованіе, истязалъ ее и всячески надругался надъ нею, какъ самый одичалый изъ его чабановъ.

Миссъ Петри чахла съ каждымъ днемъ все больше и больше; но надежда какъ-нибудь вырваться изъ плѣна ни на одну минуту не покидала ее. Она крѣпко рассчитывала на помощь своихъ соотечественниковъ и на могущество великобританскаго флага. Дѣйствительно, миссъ Петри удалось, при помощи подкупленной ею служанки, извѣстить о своемъ ужасномъ положеніи англійскихъ купцовъ, занимавшихся въ новороссійскихъ степяхъ закупкою сала. Купцы долго искали способъ, какимъ можно было бы выручить миссъ Петри, но безуспѣшно: султанъ Гирей зорко сторожилъ несчастную дѣвушку и при поискахъ ея властями въ лучшемъ случаѣ могъ спрятать ее такъ, что никто не нашель бы ея, а въ худшемъ—совершенно погубить ее. Купцы стали ожидать благоприятнаго случая. Случай этотъ представился лишь черезъ годъ, именно когда Керимъ-Гирей сталъ собираться въ поѣздку, черезъ Москву, въ Хивинское ханство, куда намѣренъ былъ взять съ собой и миссъ Петри, относительно которой, по ея соображеніямъ, султанъ задумалъ что-то нехорошее, о чемъ она и сообщила тайно своимъ соотечественникамъ. Предполагалось, что султанъ, чтобы развязаться съ Петри и скрыть слѣды своего преступленія, намѣревается продать ее въ Хивѣ на невольничьемъ рынкѣ или же подарить кому-нибудь изъ своихъ хивинскихъ пріятелей. И въ томъ и другомъ случаѣ положеніе Петри могло считаться совершенно безнадежнымъ. Встревоженное этимъ предположеніемъ, общество англійскихъ купцовъ рѣшило во что бы то ни стало освободить миссъ Петри въ Москвѣ, гдѣ, какъ они твердо надѣялись, князь Д. В. Голицынъ ни въ какомъ случаѣ не позволитъ совершиться новому преступленію. И, дѣйствительно, они не обманулись въ своихъ надеждахъ.

Полицейскія власти, вошедшія къ квартиру султана, были поражены тѣмъ ужаснымъ состояніемъ, въ какомъ находилась миссъ Петри. Она была такъ запугана, или, вѣрнѣе, забита султаномъ,

что дрожала, какъ въ лихорадкѣ, и плакала. Не зная по-русски ни одного слова, она умоляюще повторяла: «My Lord! my Lord! I am very unhappу! Help me, if you please!» (Боже мой! Боже мой! Я очень несчастна! Помогите мнѣ, пожалуйста!).

Миссъ Петри прямо изъ квартиры султана перевезли въ домъ великобританскаго посла, въ семьѣ котораго, а также со стороны дамъ высшаго общества она встрѣтила нѣжное состраданіе и заботливый уходъ. Попеченіе мѣстнаго общества о миссъ Петри продолжалось вплоть до отъѣзда ея въ Англію.

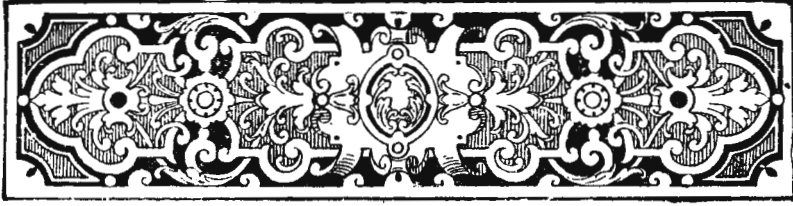
Князь Дмитрій Владимировичъ въ это время находился за границей, куда ему аккуратно сообщали о всѣхъ «выдающихся происшествіяхъ», случившихся въ Москвѣ. Доложили ему, конечно, и о «происшествіи» съ султаномъ Керимъ-Гиреємъ. Князь очень рѣзко выразилъ свое негодованіе по поводу «неблагопристойнаго поступка» султана. Этого было достаточно, чтобы предъ султаномъ закрылись двери всѣхъ салоновъ, гдѣ онъ раньше былъ принимаемъ.

Подробности дѣла о Петри, теперь всѣми позабытаго, можно встрѣтить на страницахъ московской печати за 1821 годъ.

Какое наказаніе постигло султана Керимъ-Гирея за его ужасное преступленіе и постигло ли, — намъ неизвѣстно.

А. Дунинъ.

ПОАЗДКА ВЪ КЕМБРИДЖЪ.

I.

ПРАВЛЯЯСЬ путешествовать по Англии, я радовался, что увижу наконецъ эту классическую страну свободъ, ея знаменитый на весь свѣтъ парламентъ, всемирно-извѣстный Британскій музей и грандіозное движеніе по улицамъ Лондона, этого восьмимилліоннаго города, столицы всего міра, какъ его называютъ сами англичане. Но едва ли не болѣе я думалъ о Кембриджѣ. Мысль, что я увижу этотъ старинный университетскій городъ съ его многочисленными колледжами и своеобразной студенческой жизнью, меня особенно привлекала. Я ждалъ этой поѣздки въ Кембриджъ съ нетерпѣніемъ и наконецъ дождался.

11-го іюля 1914 года, въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей, я выѣхалъ изъ Лондона на сѣверъ по направленію къ Кембриджу. Удобное купе съ мягкой обивкою, дружная компанія, вся состоявшая изъ русскихъ, наконецъ, постоянная смѣна впечатлѣній и новизна ихъ сдѣлали семьдесятъ верстъ разстоянія совершенно незамѣтными. Быстро промелькнули передъ нами прокопченныя лондонскія зданія, фабрики, заводы съ почернѣвшими трубами, потянулись равнинные, напоминающіе нашу матушка-Русь ландшафты, по большей части луга съ пасущимися на нихъ стадами овецъ, промелькнули нѣсколько городковъ съ однообразными

длинными зданіями, раздѣленными на котѣджи—и вотъ, наконецъ, мы въ Кембриджѣ.

Пока ничего особеннаго. Вокзалъ какъ вокзалъ, съ газетными кіосками, толпою народа, ожидающаго поѣздовъ. Садимся на трамвай и ѣдемъ въ центральную часть города, прямо къ университетскимъ зданіямъ. Городъ производитъ впечатлѣніе тихаго провинціального городка съ довольно чистыми улицами и изрѣдка встрѣчающимися большими магазинами. Въ витринахъ видѣются выставленные спортсменскіе костюмы, ракетки для лаунъ-тенниса, футбольные мячи и т. п. Словомъ, по всему видно, что тутъ люди живутъ въ значительной степени интересами спортсменовъ.

Но вотъ мы наконецъ и у воротъ одного изъ университетскихъ колледжей. Мнѣ говорятъ, что это не весь университетъ, а только одна восемнадцатая часть университета, потому что всѣхъ такихъ колледжей въ ксѣмбриджскомъ университетѣ восемнадцать.

Между тѣмъ эта одна восемнадцатая часть производитъ впечатлѣніе грандіознѣйшаго зданія, четырехугольной формы, съ квадратнымъ дворомъ по серединѣ. Насъ встрѣчаетъ человекъ въ странномъ одѣяніи, которое мнѣ сразу напомнило портретъ Тургенева въ тогѣ доктора оксфордскаго университета. Я догадываюсь, что это профессоръ или бакалавръ университета. Вся одежда его черная. На головѣ черная шапка съ четырехугольной крышкой сверху, напоминающая головной уборъ нашего русскаго улана, на плечи накинута черная мантія съ длинными, болтающимися рукавами. Привѣтливо поздоровавшись съ нами, онъ намъ сообщаетъ черезъ переводчика, что зданіе, въ которомъ мы находимся, построено еще въ XIV вѣкѣ. Съ полною готовностью и необычайной любезностью онъ предлагаетъ намъ осмотрѣть въ колледжѣ все, что для насъ можетъ представлять интересъ. Эта необычайная любезность профессора сразу заставила насъ позабыть о пресловутой чопорности англичанъ, и мы, не раздумывая долго, начали осмотръ съ его профессорской квартиры, въ которую пришлось подниматься по узенькой ветхой лѣстницѣ.

Удивленію нашему не было конца, когда мы увидѣли небольшую, съ простой обстановкой, квартиру въ три комнаты, изъ которыхъ одна была уставлена шкапами, полными книгъ, и служила, очевидно, для работы, другая предназначалась для отдыха и сна, а третья—что-то въ родѣ кухни и столовой вмѣстѣ. Тѣсно, на первый взглядъ неуютно, но кто любитъ науку, кто любитъ витать своими мыслями въ области отвлеченныхъ вопросовъ или уносится мыслями въ отдаленное прошлое, для того лучшей обстановки и желать нельзя. Все, начиная съ ветхой лѣсенки и кончая окнами средневѣковаго стиля, такъ и вѣетъ стариной. Удивляюсь, что у профессора нѣтъ отдѣльной столовой, и узнаю любопытную новость, характерную для всего уклада кембриджской университетской жизни.

Миѣ говорятъ, что столовая въ колледжѣ общая для профессоровъ (холостыхъ) ¹⁾ и для студентовъ, такъ какъ и тѣ и другіе обязаны непремѣнно жить въ университетскомъ зданіи и аккуратно являться къ обѣду. Это традиція, ставшая для тѣхъ и другихъ прямо закономъ. Идемъ въ столовую. Это большая длинная комната, напомнившая миѣ трапезныя въ русскихъ монастыряхъ. Длинные большіе столы, окна съ цвѣтными стеклами и стѣны, покрытыя рѣзнымъ деревомъ и украшенныя портретами бывшихъ ректоровъ колледжа, а также лицъ, учившихъ и учившихся въ немъ, если послѣднія чѣмъ-либо прославились. Обѣды въ этой столовой устраиваются по особому церемонаіалу, довольно пышному и торжественному. Въ шесть съ половиной часовъ вечера раздается звонъ колоколовъ колледжа. Всѣ профессора и студенты, одѣтые въ свои мантии, собираются по этому сигналу въ столовую и занимаютъ свои мѣста. Профессора, бакалавры и нѣкоторые изъ студентовъ, такъ называемыхъ «сотрапезниковъ», болѣе богатыхъ, платящихъ за обѣдъ большую сумму, занимаютъ мѣста за особымъ профессорскимъ столомъ, поставленнымъ въ передней части комнаты. Остальные студенты занимаютъ мѣста за другими тремя столами, поставленными вдоль комнаты, перпендикулярно къ профессорскому столу. Когда всѣ соберутся, читается молитва по-латыни, и затѣмъ начинается церемонія обѣда. Подъ наблюденіемъ особыхъ распорядителей, лакеи во фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ разносятъ кушанья. За особую плату студенты могутъ требовать себѣ особаго англійскаго пива и даже вина; за особую же плату подается имъ и сладкое ²⁾. Обѣдъ конченъ. Опять читается молитва по-латыни, студенты расходятся, а профессора отправляются въ особую профессорскую комнату, гдѣ за стаканомъ вина и ликера проводятъ еще нѣкоторое время въ дружеской бесѣдѣ.

Мы выразили желаніе посмотреть и эту профессорскую. Ихъ оказалось даже двѣ. Обѣ комнаты небольшія, но довольно уютныя. Въ одной изъ нихъ стоялъ столъ по срединѣ, была мягкая мебель, каминъ и особый приборъ, при помощи котораго передвигаются стаканы съ виномъ.

Въ другой же профессорской мы обратили вниманіе на одно мѣсто въ стѣнѣ, прикрытое маленькой стеклянной дверцой. Оказалось—это была древняя роспись стѣны, сохранившаяся отъ XIV вѣка до настоящаго времени.

Вслѣдъ за столовой мы осмотрѣли часовню колледжа, большое продолговатое зданіе съ двойнымъ свѣтомъ, съ фламандскими цвѣтными стеклами и разставленными вдоль стѣнъ скамейками.

¹⁾ Семейные члены университета живутъ въ колледжахъ.

²⁾ См. описаніе обѣда у П. Г. Мажуева. «Журн. М. Н. Пр.» 1912 г., августъ, 141—142 стр. и у Клейбера «В. Е.» 1912 г.

Сюда, въ силу монастырской традиціи, установившейся еще тогда, когда университетъ дѣйствительно былъ монастырской школой, и до сихъ поръ всѣ студенты-англикане ежедневно собираются на молитву. Такъ какъ посѣщеніе студентами капеллы считается обязательнымъ, то каждый разъ во время чтенія молитвъ сторожъ дѣлаетъ провѣрку присутствующихъ посредствомъ проколовъ на особомъ листѣ противъ соотвѣствующихъ фамилій студентовъ и потомъ молча во время чтенія же молитвъ подаетъ этотъ листъ профессору ¹⁾).

Были мы потомъ въ библіотекѣ колледжа. Библіотека не поражаетъ обиліемъ книгъ, и это, очевидно, потому, что, помимо библіотекъ отдѣльныхъ колледжей, въ Кембриджѣ существуетъ еще общая университетская библіотека, которая бесплатно получаетъ всѣ книги, выходящія въ предѣлахъ Англій, наподобіе того, какъ у насъ это право имѣютъ академія наукъ и публичная библіотека. Но при небольшомъ количествѣ книгъ та библіотека, которую мы осматривали, имѣла много рукописей и старинныхъ гравюръ, на которыхъ нашъ вожатый останавливался съ особымъ удовольствіемъ. Онъ предложилъ даже намъ взять себѣ на память по листу, на которомъ воспроизведено со старинной гравюры одно изъ событій XIII вѣка.

Изъ библіотеки попали въ аудиторію, маленькую, съ длинными замазанными партами и со столомъ вмѣсто кафедры. Сразу почувствовалась интимная, семейная обстановка аудиторіи, и явилось предположеніе, что здѣсь, вѣроятно, не лекціи читаются, какъ это дѣлается у насъ въ университетахъ, а ведутся простыя бесѣды профессоровъ со студентами. Тутъ, можетъ быть, и спрашиваютъ студентовъ, какъ у насъ въ гимназіяхъ, и студенты, повидимому, чувствуютъ себя, дѣйствительно, болѣе въ положеніи нашихъ гимназистовъ старшихъ классовъ. На стѣнѣ остались вывѣшенныя послѣ экзаменовъ карикатуры на студентовъ. Онѣ показывали, что въ научныхъ своихъ занятіяхъ студенты обнаруживаютъ свои спортсменскія наклонности, стараясь на экзаменахъ отличиться и опередить одинъ другого.

Этимъ закончился осмотръ перваго колледжа. Выйдя изъ него, мы прошли потомъ въ древнюю церковку (The Round Church), построенную еще въ донорманскомъ стилѣ. Собственно, это даже не церковь, а маленькая крѣпостца съ окнами вверху. Окна маленькія, мрачныя, довольно странной формы—съ подвѣсками по срединѣ. Войдя въ церковь, мы очутились въ таинственномъ полумракѣ, на насъ повѣяло холодкомъ, и мы почувствовали обычную атмосферу церкви англиканскаго и готическаго стилей. Но здѣсь мы видимъ то, чего не видѣли ни въ какой другой церкви,—это тол-

¹⁾ Клейберъ. «В. Евр.» 1890 г. «Кембриджскій унив.».

стыя, низкія и грубыя-грубыя колонны по срединѣ церкви; онѣ придавали церкви какую-то странную оригинальность, отчасти напоминавшую мнѣ московскій соборъ Василя Блаженнаго. Воображеніе заработало, и мысли какъ-то странно и чудно перенеслись

Наружный видъ «Круглой церкви».

къ дикимъ временамъ, временамъ постоянныхъ войнъ и осадъ отдѣльныхъ замковъ и домовъ. Можетъ быть, и здѣсь, въ этой церкви-крѣпостцѣ, когда-то скрывались саксы, защищаясь отъ нападающихъ враговъ.

Можетъ быть, и окна, такія странныя, маленькія, узенькія и при этомъ лишь вверху расположенныя, служили когда-то не столько окнами, сколько бойницами для отраженія врага.

Но вотъ мы вдоволь налюбовались этой дивной поэтической стариной; при выходѣ изъ церкви накупили открытокъ съ видами ея и двинулись дальше, прошли мимо королевскаго колледжа, основаннаго въ XV вѣкѣ и представлявшаго почти полную копию съ перваго, описаннаго мною, прошли по мосту черезъ маленькую, грязную, напоминавшую скорѣе прудъ рѣчонку Кемъ, отъ которой знаменитый городъ и получилъ свое названіе (Кембриджъ—мостъ черезъ Кемъ), и наконецъ очутились въ колледжѣ Trinity, томъ самомъ колледжѣ, гдѣ когда-то учился и жилъ Байронъ и гдѣ профессорствовалъ великій Ньютонъ. Трудно даже передать тѣ чувства восхищенія, отчасти зависти, которыя охватили насъ, когда мы увидѣли величественныя, красивыя зданія этого знаменитаго на весь міръ колледжа.

Богатство и роскошь съ одной стороны, красота и славное прошлое съ другой стороны—неволью задержали насъ здѣсь больше, чѣмъ позволяло время.

Но вотъ наконецъ осмотръ университета мы заканчиваемъ въ студенческомъ клубѣ Юніонъ, который поражаетъ насъ больше всего. Изъ осмотра аудиторіи, изъ разсказовъ о суровой дисциплинѣ, господствующей въ университетѣ, мы готовы были уже отнестись къ этимъ кембриджскимъ студентамъ нѣсколько свысока. Намъ казалось, что при всей красотѣ обстановки учебное дѣло тамъ, гдѣ главное и преимущественное вниманіе обращалось на форму, на исполненіе вѣшнихъ правилъ, не можетъ быть серьезнымъ. Но вотъ студенческой клубъ сразу измѣнилъ составившееся у насъ мнѣніе. Прежде всего нужно сказать, что огромный залъ этого роскошнаго клуба представляетъ собою точную копию палаты общинъ: на первомъ планѣ мѣсто для спикера, по сторонамъ въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ парламентѣ, расположены кожаныя кресла для членовъ клуба, а вверху видѣются хоры для постороннихъ. Здѣсь, въ этомъ залѣ, студенты приучаются быть великобританскими гражданами. Раздѣленные на партіи, они здѣсь страстно обсуждаютъ злободневныя политическіе вопросы, и отсюда именно и выходятъ такіе стойкіе, прославленные на весь міръ парламентскіе ораторы и государственные дѣятели, какъ Асквиль, сэръ Эдуардъ Грей и другіе.

Какую громадную роль играютъ эти студенческіе клубы въ Англии, видно между прочимъ изъ того, что почти каждый студентъ считаетъ нужнымъ быть членомъ такого клуба, и часто даже окончившіе университетъ и уже прославившіеся на какомъ-нибудь поприщѣ посѣщаютъ эти клубы и даже принимаютъ участіе въ обсужденіи вопросовъ.

Осмотрѣвъ этотъ клубъ, мы очень долгое время путешествуемъ по безконечнымъ тѣнистымъ аллеямъ университетскихъ садовъ, наблюдая жизнь еще не разѣхавшихся на каникулы студентовъ. Вотъ идемъ по берегу рѣчки Кемъ, по которой снуютъ безконечное

Внутренній видъ «Круглой церкви».

количество лодокъ съ развалившимися на нихъ студентами, а изрѣдка и съ барышнями. Нѣкоторыя лодки стоятъ прямо у берега, и въ одной изъ нихъ, повидимому, совсѣмъ спятъ, въ другой—какой-то студентъ, небрежно развалившись и заложивъ руки въ кар-

маны брюкъ, съ такимъ дьявольски-равнодушнымъ лицомъ смотрѣлъ на все кругомъ, что, кажется, разорвавшаяся около него бомба не могла бы нарушить этого типичнаго британскаго спокойствія. Въ третьей лодкѣ какой-то студентъ лихо что-то подзубривалъ, готовясь, очевидно, къ экзамену. И всѣ они на насъ положительно не обращали никакого вниманія.

А вотъ тамъ вдали виднѣется поле, занятое играющими въ лаунъ-теннисъ студентами. Всѣ они одѣты въ бѣлые спортеменскіе костюмы, играютъ артистически, и кажется, что это не студенты, а записные присяжные спортсмены, сдѣлавшіе спортъ своею спеціальною. Намъ рассказываютъ, что въ Кембриджѣ невозможно найти студента, который бы не занимался спортомъ. Спортъ это частица его жизни. Отъ него онъ не откажется никогда, ни въ какое время—ни въ свободное каникулярное, ни даже наканунѣ самаго страшнаго экзамена: регулярно каждый день онъ отдаетъ положенные два часа спорту, какъ ежедневно ходить на молитву и ежедневно посѣщаетъ аудиторію. Я смѣлся и не вѣрилъ, когда мнѣ сказали, что для англичанина и въ политикѣ и въ жизни все уступаетъ первое мѣсто спорту. Но вотъ однажды я провѣрилъ и поразился. Сидя въ вагонѣ метрополитэна, я видѣлъ, какъ на одной изъ остановокъ вошелъ въ вагонъ господинъ въ смокингѣ, цилиндрѣ, въ изящныхъ желтыхъ перчаткахъ и, развернувъ газету «Times», первымъ долгомъ открылъ отдѣлъ спорта и набросился на телеграммы изъ Дублина, гдѣ тогда происходило какое-то спортивное состязаніе, а между тѣмъ это было наканунѣ ужасной европейской войнѣ, это было, когда уже Австрія объявила войну Сербіи, начала бомбардировку Бѣлграда и телеграммы разносили тревожную вѣсть, что якобы Бѣлградъ уже палъ.

Осмотръ Кембриджа былъ нами законченъ осмотромъ King College и удивительно красивой и оригинальной King Chappel продолговатаго зданія съ остроконечными башенками и необычайной красотой внутри. Долго мы любовались на это причудливое оригинальное зданіе англійской архитектуры, пока наконецъ не вспомнили, что уже пора возвращаться на вокзалъ и ѣхать въ Лондонъ. Полные новыхъ впечатлѣній отъ всего видѣннаго и слышаннаго, мы черезъ нѣсколько минутъ уже снова были на вокзалѣ и еще черезъ пять минутъ уже двинулись въ путь.

Казалось, обратная дорога не сулила намъ новыхъ впечатлѣній. Но судьба намъ благопрітствовала, и въ дорогѣ мы познакомились съ кембриджскимъ университетомъ еще ближе. Англійская учительница, много лѣтъ жившая въ Россіи и хорошо говорящая по-русски, услышавъ на вокзалѣ русскую рѣчь, очевидно, изъ интереса сѣла съ нами въ одно купе и, разговорившись дорогою, въ подробностяхъ, необычайно интересныхъ,

описала намъ порядки и жизнь ученаго Кембриджа. Заинтересованный ея разказами, я потомъ не одинъ разъ бесѣдовалъ на эту тему съ лицами, хорошо знающими Англию, читалъ то небольшое, что имѣется на русскомъ языкѣ о Кембриджѣ, и, думаю, въ настоящее время всеобщаго интереса къ Англии не будетъ лишнимъ, если я еще разъ расскажу о жизни и порядкахъ этого оригинальнаго англійскаго университета ¹⁾.

II.

Возникъ кембриджскій университетъ еще въ XIII вѣкѣ. Вначалѣ онъ представлялъ типичную средневѣковую монастырскую школу, гдѣ и управленіе и преподаваніе было исключительно въ

Библиотека колледжа Тринити.

рукахъ духовенства. Самый древній колледжъ St.-Peter's College, основанный въ 1257 году, по образцу Merton College въ Оксфордѣ, и признанный въ 1284 г. Съ теченіемъ времени на средства, жертвуемые различными благотворителями, вокругъ этого перваго колледжа вырастали новые, совершенно или почти похожіе на него. Въ настоящее время, какъ уже было сказано, всего въ Кем-

¹⁾ Помимо личныхъ наблюденій и разказовъ, слышанныхъ отъ упомянутой англичанки и другихъ лицъ, матеріаломъ для настоящаго очерка послужили еще статьи, напечатанныя въ энцикл. слов. Брокга. и Ефрона «Кембриджскій университетъ» А. Я.; ст. Клейбера въ «В. Евр.» 1890 г. и ст. Мязужева въ «Журн. М. Н. Пр.» за 1912 г. (май, июнь, июль августъ и сентябрь).

бриджъ 18 колледжей. Есть даже два женскихъ колледжа, основанныхъ одинъ въ 1873 г., а другой въ 1875 году.

Всѣ эти колледжи имѣютъ общее управленіе и одинъ законодательный органъ, каковымъ для всего университета является особый кембриджскій сенатъ. Въ составъ его входятъ канцлеръ, вице-канцлеръ, всѣ доктора и магистры этого университета, а также члены университета, вносящіе въ университетъ опредѣленный ежегодный взносъ. Количество членовъ сената не ограничено и исчисляется обыкновенно нѣсколькими тысячами. Само собою разумѣется, что подобный сенатъ можетъ собираться лишь изрѣдка и давать лишь общія директивы. Для проведенія же этихъ директивъ въ жизнь изъ среды сенаторовъ избирается особый комитетъ, числомъ около 500 человекъ. Сюда входятъ профессора, преподаватели и такъ называемые fellows колледжей. Наконецъ, изъ этого комитета выдѣляются еще болѣе тѣсныя группы — различныя комиссіи. Для защиты правъ университета въ англійскомъ парламентѣ Кембриджъ имѣетъ право изъ состава сената посылать двухъ членовъ въ палату общинъ.

Исполнительная власть въ университетѣ принадлежитъ собственно канцлеру, по традиціи избираемому обыкновенно изъ знатнаго рода. Но такъ какъ канцлеръ обыкновенно рѣдко принимаетъ активное участіе въ управленіи университетомъ, то фактически главою университета является вице-канцлеръ. Онъ соотвѣтствуетъ нашему ректору университета и подобно тому, какъ у насъ довольно часто ректоромъ избирается кто-нибудь изъ декановъ университета, такъ тамъ вице-канцлеръ избирается на два года изъ директоровъ колледжей.

При вице-канцлерѣ существуетъ еще особый совѣтъ изъ шестнадцати человекъ, также избираемыхъ на опредѣленное, притомъ непродолжительное время. Онъ рѣшаетъ наиболѣе крупныя вопросы, касающіеся распорядка и внутренней жизни всѣхъ колледжей. И, наконецъ, вся эта сложная цѣпь административныхъ органовъ завершается двумя составами дисциплинарнаго суда, въ каждомъ изъ которыхъ состоитъ по шести членовъ. Одинъ судъ для преподавателей, другой — для студентовъ.

Оригинальность кембриджскаго университета, по сравненію съ нашими русскими, заключается еще и въ томъ, что онъ, при всѣхъ своихъ грандіозныхъ размѣрахъ, совсѣмъ не получаетъ на содержаніе казенныхъ денегъ. Между тѣмъ расходы огромны, и они неизмѣримо больше расходовъ нашихъ университетовъ. Откуда же средства? Они собираются различными путями. Во-первыхъ, нужно помнить, что кембриджскій университетъ, подобно нашимъ первокласснымъ монастырямъ, владѣетъ огромнымъ количествомъ земли и имущества. Отдавая все это въ аренду, онъ уже однимъ этимъ путемъ собираетъ огромныя деньги. Во-вторыхъ, большія

средства всегда даютъ частныя жертвователи. Какъ извѣстно, многіе колледжи даже построены на частныя пожертвованія—и жертвователи часто считаютъ своимъ долгомъ обезпечить навсегда и содержаніе этихъ колледжей.

Наконецъ, огромныя суммы составляются и путемъ обязательныхъ взносовъ. Въ общую университетскую кассу обязаны дѣлать

Часовня колледжа Тринити.

опредѣленные взносы и каждый колледжъ, и каждый членъ сената, и каждый студентъ. Туда же поступаетъ плата за матрикуляцію, экзамены и ученныя степени.

Всѣ восемнадцать колледжей Кембриджа, объединяясь общимъ административнымъ управленіемъ и общою центральною кассою, въ то же время умѣютъ сохранять и полную свободу внутри себя. Каждый колледжъ въ то же время есть какъ бы и самостоятельное заведеніе, съ особымъ начальствомъ, особыми профессорами и тьюторами, или воспитателями. У каждаго колледжа есть даже свой особый уставъ и особый, отличный отъ другихъ строй учеб-

ной жизни. Во главѣ каждаго колледжа стоитъ директоръ, который носитъ официальные названія: Head, Master, President и Provost. Онъ, какъ и всѣ административныя лица въ университетѣ, избирается, но пожизненно, и притомъ непременно изъ лицъ, имѣющихъ ученую степень доктора. Кромѣ директора, важную роль въ каждомъ колледжѣ играютъ тамъ называемые тьюторы: они въ дѣйствительности для студентовъ важнѣе, чѣмъ всѣ профессора. Каждый студентъ при вступленіи въ университетъ попадаетъ подъ опеку одного изъ такихъ тьюторовъ, и тьюторъ до самаго конца курса является для него и воспитателемъ, и надзиравателемъ, и учителемъ, и опекуномъ, и репетиторомъ. Словомъ, тьюторъ для студента почти что все.

Для вступленія въ число студентовъ университета требуется прорѣзывать довольно сложную процедуру. Прежде всего, чтобы попасть въ университетъ, нужно застаться рекомендаціей по крайней мѣрѣ двухъ лицъ, постоянно живущихъ въ Англіи. Подобная рекомендація для Кембриджа важнѣе, чѣмъ аттестатъ средняго учебнаго заведенія, такъ какъ послѣдній (аттестатъ) имѣть вовсе необязательно. Послѣ представленія упомянутой рекомендаціи устраивается сложная церемонія матрикуляціи и выборъ колледжа. Въ два часа сорокъ минутъ дня новопоступающіе, одѣтые уже въ форму, т. е. въ мундиры, наподобіе уже вышеописанныхъ профессорскихъ мантіи, но только нѣсколько короче, являются въ университетъ, выслушиваютъ обращенную къ нимъ рѣчь и на особомъ листѣ подписываютъ свои имена. Эта подпись является подпиской вновь поступающихъ въ томъ, что они безпрекословно будутъ подчиняться заведеннымъ въ университетѣ правиламъ и будутъ оказывать должное вниманіе вице-канцлеру. Послѣ провѣрки подписей всѣ отправляются въ университетскій сенатъ. Происходитъ запись и выборъ колледжа, профессоровъ и тьюторовъ, причемъ въ выборѣ лекцій и профессоровъ поступающій пользуется полною свободою и не долженъ считаться; подобно русскимъ студентамъ, съ обязательными на факультетѣ профессорами и ихъ лекціями. Здѣсь, собственно, факультетовъ нѣтъ, и студентъ имѣетъ право самъ составить себѣ извѣстный циклъ предметовъ для слушанія и выбрать профессоровъ. Плата за матрикуляцію для студентовъ, пожелавшихъ жить внѣ колледжа (неколлегіальныхъ), обычно бѣдныхъ, назначается пятнадцать рублей; для другихъ студентовъ, коллегіальныхъ, взносъ не менѣе ста пятидесяти рублей, и это только за матрикуляцію. Кромѣ этой платы, студентъ долженъ вносить опредѣленную сумму за помѣщеніе въ колледжѣ и особую плату за столъ. Обычно студентъ занимаетъ въ колледжѣ цѣлую квартирку, въ двѣ-три комнаты, самъ меблируетъ ее, словомъ, убираетъ по своему вкусу. Если онъ пожелаетъ жить внѣ колледжа, на частной квартирѣ, то обязанъ поселиться у опре-

Часовня при колежджъ Тринити въ Кембриджъ.

дѣленныхъ, извѣстныхъ университетскому начальству лицъ, иначе его не зачтутъ въ студенты. Эти квартирные хозяева и хозяйки находятся въ зависимости отъ университета и связаны извѣстными условіями; лишь соблюдая эти условія, они могутъ разсчитывать получить квартирантовъ. Главнѣйшія изъ этихъ условій слѣдующія: 1) двери квартиры должны быть заперты съ десяти часовъ вечера до шести часовъ утра; 2) хозяева не имѣютъ права выдавать ключъ отъ квартиры жильцу на руки; 3) должны вестись аккуратныя записи времени ухода и возвращенія студентовъ на квартиру; 4) обѣды могутъ подаваться не болѣе, чѣмъ на три лица; 5) не должны допускаться какія-либо пирушки, если нѣтъ на это разрѣшенія начальства; 6) въ условіяхъ подробно обозначается, какая должна быть предоставлена студенту мебель и что студентъ можетъ требовать отъ хозяевъ и чего требовать не имѣетъ права ¹⁾).

За нарушеніе всѣхъ этихъ и подобныхъ правилъ университетъ можетъ наложить и на студента, и на хозяевъ извѣстное наказаніе, приговоривъ, напримѣръ, перваго къ штрафу и лишивъ хозяевъ навсегда или временно права содержать квартирантовъ-студентовъ. Подобному воздѣйствію могутъ подвергнуться даже купцы и торговцы въ городѣ, если они войдутъ со студентомъ въ какую-либо недозволенную университетскими правилами сдѣлку; могутъ запретить всѣмъ студентамъ покупать въ магазинѣ провинившагося торговца, и это, конечно, можетъ тяжело отозваться на торговлѣ магазина.

Поселившись такимъ образомъ или въ колледжѣ, или въ городѣ у лицъ, извѣстныхъ университетскому начальству, студентъ, руководимый своимъ таторомъ, начинаетъ жить теперь по правиламъ, за нарушеніе которыхъ ему грозитъ большею частью штрафъ. За исполненіемъ этихъ правилъ въ помещенці колледжа слѣдятъ таторы; внѣ же стѣнъ колледжа слѣдятъ еще прокторы, т.-е. инспектора со своими помощниками-педеями ²⁾. У прокторовъ въ рукахъ имѣется всегда эмблема ихъ достоинства и назначенія—это библия, которая имъ должна напоминать объ ихъ обязанностяхъ.

По правиламъ, студентъ долженъ посѣщать молитву, лекціи, бывать на общихъ студенческихъ обѣдахъ и исполнять это въ теченіе недѣли около пяти разъ. Ходить онъ долженъ въ мундирѣ, т.-е. въ вышеописанномъ костюмѣ-мантии, только нѣсколько короче, чѣмъ у профессора. Мундиръ этотъ обязателенъ и на молитвѣ, и на лекціяхъ, и даже послѣ лекцій вечеромъ, когда засвѣтятся

¹⁾ См. П. Мижуевъ «Ж. М. Н. Пр.», IX, 912.

²⁾ Проктора обыкновенно сопровождаютъ 2 педея. Послѣднихъ студенты называютъ бульдогами.

огни. Отъ него студентъ освобождается лишь во время спорта да въ своей квартиркѣ. Въ воскресные же дни костюмъ этотъ носитъ съ утра до вечера.

Чтобы цензора имѣли возможность провѣрять, правильно ли посѣщаются студентами лекціи, введена особая система записи, наподобіе того, какъ это существуетъ у насъ въ Государственной Думѣ. Поэтому, разумѣется, на практикѣ и тамъ встрѣчается масса отступленій и всевозможнаго обхода правилъ: часто бываетъ, что студентъ приходитъ въ университетъ лишь съ тѣмъ, чтобы записаться и потомъ опять исчезнуть въ городъ.

Но справедливость требуетъ отмѣтить, что большая часть лекцій посѣщается студентами охотно. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что самый циклъ проходимыхъ студентами наукъ составляетъ ими совершенно свободно.

Лекціи приходится слушать различныя. Прежде всего, конечно, студентъ имѣетъ въ виду тѣ лекціи, которыя читаются въ колледжѣ; затѣмъ есть еще лекціи междуколлегіальныя, которыя могутъ слушать студенты разныхъ колледжей, и, наконецъ, есть лекціи собственно университетскія, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть спеціальныя курсы по спеціальнымъ вопросамъ. Кромѣ полноправныхъ профессоровъ, въ качествѣ лекторовъ на этихъ лекціяхъ выступаютъ еще такъ называемые Readers, лектора, тьюторы и преподаватели. Допускается это, какъ у и насъ, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда штатной профессорской кафедрой, по недостатку средствъ или по какой-либо другой причинѣ, въ университетѣ не имѣется.

Но, само собою разумѣется, главная работа студентовъ протекаетъ не здѣсь,—они не ограничиваются лишь пассивнымъ слушаніемъ лекцій, а работаютъ въ цѣломъ рядѣ университетскихъ лабораторій, кабинетовъ и музеевъ. Насколько роскошно съ этой стороны обставленъ университетъ, покажетъ уже одинъ перечень главнѣйшихъ лабораторій. При кембриджскомъ университетѣ, который считается, какъ извѣстно, разсадникомъ естествознанія, имѣются лабораторіи: физическая, химическая, астрономическая обсерваторія, ботанической садъ, зоологической музей, музей сравнительной анатоміи, ботанической музей, геологическій и минералогическій и цѣлый рядъ кабинетовъ ¹⁾. Но что всего удивительнѣе, это то, что въ этомъ разсадникѣ естествознанія вы встрѣчаете музей древностей и искусствъ, картины, скульптуру, цѣлыя собранія гравюръ и рукописей, интересныхъ больше для филолога, чѣмъ для естествовика. Чтобы представить себѣ, на-

---

¹⁾ Въ послѣднее время, вслѣдствіе еще большаго расширенія университета и введенія въ него экономики и механики, открываются и другія нужныя для этихъ наукъ лабораторіи.

сколько серьезно здѣсь смотрять на эту работу въ музеяхъ и лабораторіяхъ и насколько студенты, дѣйствительно, продуктивно занимаются въ лабораторіяхъ, пужно замѣтить, что къ этой работѣ ученики подготовляются еще въ средней школѣ. Посѣтивъ цѣлый рядъ низшихъ и среднихъ школъ какъ въ Лондонѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, я замѣтилъ, что главнѣйшая особенность ихъ школъ заключается въ исключительномъ предпочтеніи лабораторнаго метода въ преподаваніи. При училищахъ имѣются не только физическіе кабинеты, но и химическія лабораторіи; самые опыты показываетъ не учитель лишь, но и ученики: каждый ученикъ и ученица, подъ руководствомъ преподавателя, сами производятъ всевозможные анализы и эксперименты.

Да и не только на урокахъ физики и химіи наблюдается это. На урокахъ ботаники имѣютъ дѣло съ живыми цвѣтами, на урокахъ географіи тщательно измѣряютъ масштабы и потомъ въ саду прямо на землѣ или въ классѣ же на бумагѣ воспроизводятъ всевозможныя рельефныя карты. Вездѣ самодѣтельность, и эта самодѣтельность естественно переносится потомъ и въ стѣны университета. Въ цѣляхъ развитія этой самодѣтельности студентамъ разрѣшается издавать всевозможные журналы, газеты и книги. Они могутъ писать о чемъ угодно и какъ угодно: никакой цензуры не существуетъ. Въ тѣхъ же цѣляхъ открыты всевозможныя студенческіе клубы, гдѣ устраиваются различныя состязанія, происходятъ споры и дебаты, произносятся рѣчи, обсуждаются всевозможныя злободневныя вопросы политической жизни, и выносятся резолюціи. Одинъ изъ такихъ клубовъ описанъ мною выше. Изъ другихъ клубовъ, кружковъ и обществъ назову еще нѣсколько: религиозное общество, общество любителей литературы, общество любителей музыки, общество любителей стенографіи, дебатующее общество, общество любителей пѣнія, клубъ «Юніонъ» и т. п.

Но особенно, конечно, поражаетъ большое обиліе спортивныхъ кружковъ. О томъ, какую роль играетъ спортъ въ Англии, я уже говорилъ. Естественно, что при общемъ увлеченіи спортомъ имъ болѣе всего увлекается молодежь. Въ Кембриджѣ, какъ рассказываютъ, можно насчитать нѣсколько сотъ спортивныхъ обществъ: общества всевозможныхъ состязаній: въ бѣгѣ, въ различныхъ играхъ, въ силѣ, общества велосипедистовъ, футболистовъ, любителей лаунъ-тенниса, катанія на лодкѣ, любителей хоккея и т. д., и т. д.

До чего студенты интересуются спортомъ, это видно, напримеръ, изъ того, что, устраивая какое-либо грандіозное состязаніе, они цѣлыми мѣсяцами говорятъ объ этомъ состязаніи и пишутъ о немъ въ своихъ газетахъ. Вѣсть о какомъ-нибудь состязаніи между кембриджскимъ университетомъ и Ирландіей или Австра-

лей или Новой Зеландіей разносится по всей Англии, и вы повсюду можете видѣть огромныя афиши объ этомъ чрезвычайномъ событіи на ряду съ афишами о важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ ¹⁾.

Но при всемъ разнообразіи интересовъ англійскій и въ частности кембриджскій студентъ, по словамъ г. Клейбера, не забрасывается,—онъ всемъ интересуется, очень многимъ увлекается, но онъ умѣетъ распредѣлять время и каждому дѣлу отводить положенный часъ. Порядокъ дня у него установленъ точно, и онъ рѣдко и то лишь въ силу необходимости отступитъ отъ него.

Утромъ онъ въ церкви постъ молитвы, потомъ гимнъ и затѣмъ слушаетъ проповѣдь. До часу онъ на лекціяхъ. Съ часу до двухъ

Королевскій колледжъ.

завтракъ, а затѣмъ непремѣнно спортъ. Послѣ этого бесѣда въ одномъ изъ клубовъ и въ шесть съ половиной часовъ обѣдъ. Время послѣ обѣда до десяти часовъ вечера или дома, или гдѣ-нибудь въ клубѣ, или въ городѣ. Въ десять часовъ ложатся спать.

Уже изъ распредѣленія дня видно, что собственно наукѣ отводится времени не такъ много—4—5 часовъ въ день.

Но зато здѣсь вы не увидите того уродливаго явленія, которое такъ часто наблюдается среди нашихъ студентовъ, когда они во

¹⁾ Въ Англии продавцамъ газетъ запрещено выкрикивать названія газетъ и содержаніе телеграммъ. Въмѣсто этого у каждаго кіоска выставляются афиши съ обозначеніемъ главнѣйшихъ событій.

время экзаменовъ цѣлыми ночами зубрятъ то, что при постепенномъ усвоеніи въ теченіе учебнаго года не составило бы никакихъ затрудненій. Англійскій студентъ, говоритъ тотъ же Клейберъ, осиливаетъ курсъ легко, безъ всякаго переутомленія, и хотя кругозоръ его возрѣвнѣе обычно уже, чѣмъ у хорошаго русскаго студента, но несомнѣнное преимущество его заключается въ томъ, что знанія его прочнѣе и тверже. И все это достигается лишь тѣмъ, что здѣсь не отступаютъ отъ системы и отъ того порядка, который заведенъ въ университетѣ, и неприкосновенность котораго является какъ бы священной для всѣхъ.

Три года живетъ студентъ такую жизнью, считая въ учебномъ году по три семестра, въ 13—14 недѣль каждый. Черезъ три года можно сдавать экзаменъ на бакалавра. Къ экзаменамъ готовятся обыкновенно по опредѣленнымъ учебникамъ, изъ которыхъ нѣкоторые считаются даже обязательными. Самые экзамены происходятъ въ строгой торжественной обстановкѣ и почти всегда бываютъ только лишь письменные. Обычно дается двѣнадцать вопросовъ, на которые экзаменующійся и пишетъ обстоятельные отвѣты, при этомъ обязательными считаются лишь пять вопросовъ по выбору изъ предложенныхъ. За лучшія сочиненія по различнымъ предметамъ иногда присуждаются медали или денежные награды. Ученыя степени, присуждаемыя послѣ экзаменовъ, носятъ названіе или просто бакалавра, или бакалавра *tripes* (трайпосъ), т.-е. бакалавра съ почетомъ.

П. Г. Мижувевъ говоритъ, что большая часть студентовъ не удовлетворяется первою степенью, такъ какъ степень простого бакалавра не является свидѣтельствомъ особой учености обладателя его. Обычный бакалавръ можетъ быть приравненъ къ нашему студенту, сдавшему государственный экзаменъ. Общее же развитіе и широта кругозора, можетъ быть, стоитъ даже ниже. Но зато бакалавръ «трайпосъ» по своимъ познаніямъ стоитъ, несомнѣнно, выше нашихъ государственныхниковъ. Кромѣ названныхъ ученыхъ степеней, въ кембриджскомъ университетѣ, какъ и въ другихъ, даются еще степени магистра и доктора. Но эти двѣ степени даются не по экзамену, а за особыя заслуги. Чтобы сдѣлаться магистромъ, нужно, послѣ полученія бакалавра, пробыть въ стѣнахъ колледжа еще три года. Само собою разумѣется, что нужно при этомъ работать въ избранной научной области, но эта работа уже не контролируется такъ строго, и самая степень магистра дается безъ всякаго экзамена. Степень же доктора дается лишь избраннымъ и за особыя, дѣйствительно цѣнныя научныя работы. Женщины, обучающіяся въ кембриджскомъ университетѣ, такъ же, какъ и студенты, сдаютъ всѣ положенные экзамены, но онѣ не имѣютъ права на полученіе ученыхъ степеней.

Интересно происходитъ самое присужденіе ученыхъ степеней. Всѣ кончившіе университетъ являются въ университетскій сенатъ, и здѣсь въ торжественной обстановкѣ университетскій вице-канцлеръ посвящаетъ достойныхъ кандидатовъ въ ученое званіе. Происходитъ это такимъ образомъ: тьюторъ подводитъ кандидата за руку къ вице-канцлеру и говорить:

— *Dignissimé Domine, Domine procancellarie et tota Academia, praesento vobis hunc juvenem, quem scio tam moribus, quam*

Университетская бібліотека и зданіе сената.

doctrina esse idoneum ad titulum assequendum baccalaurei in artibus designati; idque tibi fide mea praesto totique Academiae ¹⁾.

При этихъ словахъ посвящаемый становится на колѣни. Вице-канцлеръ беретъ его за руки и произноситъ:

— *Auctoritate mihi commissa admitto te ad titulum baccalaurei in artibus designati, in nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti* ²⁾.

¹⁾ Достоуважаемый господинъ вице-канцлеръ и вся академія, представляю вамъ этого юношу, котораго я считаю какъ по нравственности, такъ и по учености достойнымъ званія бакалавра искусствъ (наукъ),—и это передъ тобою и всей академіей я удостоверяю своею честью.

²⁾ Властію, мнѣ данною, посвящаю тебя въ званіе бакалавра наукъ (искусствъ),— во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Посвященіе въ бакалавры «трайпосы» въ прежнее время происходило еще оригинальнѣе. Въ XV и XVI вв., напримѣръ, при этомъ посвященіи устраивался диспутъ, причемъ бакалавръ садился на особый стуль-треножникъ, откуда и названіе *tripos* (треножникъ). Диспутанту задавались различные вопросы, на которые онъ и долженъ былъ отвѣчать. Съ теченіемъ времени этотъ диспутъ сталъ принимать сатирической оттѣнокъ—на немъ стали произноситься сатирическія рѣчи, осмѣивающія студентовъ, а иногда даже и администрацію университета. Въ силу этого диспутъ пришлось отмѣнить, но самая церемонія посвященія въ бакалавры отъ среднихъ вѣковъ сохранилась до настоящаго времени.

III.

Когда русскій человѣкъ, хорошо знакомый съ жизнью въ университетахъ континента, впервые знакомится съ порядками кембриджскаго университета, то неизмѣнно первое впечатлѣніе отъ этого знакомства не въ пользу Кембриджа. Слишкомъ стѣснительной и скучной покажется русскому человѣку эта однообразная, по расписанію жизнь кембриджскаго студента. Болѣе того, нѣкоторые порядки и правила университета покажутся ему смѣшными, какъ, напримѣръ, ношеніе мантій, обязательное посѣщеніе обѣдовъ и т. п. Другія же правила, въ родѣ, напримѣръ, обязательнаго посѣщенія капеллы, запрещенія выходить изъ стѣнъ колледжа позднѣе десяти часовъ вечера,—несомнѣнно, вызвали бы конфликтъ и безпорядки, если бы были введены для нашихъ студентовъ. Но при всемъ томъ, пужно сказать, что при болѣе близкомъ знакомствѣ съ жизнью Кембриджа первое неблагоприятное впечатлѣніе исчезаетъ, и начинаешь цѣнить и высоко ставить то положительное, что въ этомъ университетѣ имѣется.

Первое, что пріятно поражаетъ русскаго человѣка,—это полная общедоступность университета при поступленіи въ него. Никакихъ аттестатовъ зрѣлости не требуется,—туда можетъ поступить каждый желающій. Правда, обученіе въ Кембриджѣ стоитъ очень дорого и среднему студенту обыкновенно обходится въ полторы-двѣ тысячи рублей въ годъ, но нужно признать, что и размахъ жизни въ Англии гораздо шире, чѣмъ у насъ. Да, наконецъ, есть и другіе университеты, гдѣ обученіе стоитъ гораздо дешевле. Университетъ же Кембриджа въ общемъ университетъ аристократическій, и тамъ само собою подбирается контингентъ богатыхъ студентовъ. То обстоятельство, что отъ поступающихъ въ кембриджскій университетъ не требуется такого образовательнаго ценза, который бы напоминалъ нашъ аттестатъ зрѣлости, нисколько не

понижаетъ научной работы университета, такъ какъ въ немъ, какъ выше было уже сказано, читаются лекціи разнаго характера, да, наконецъ, и тьюторъ, который приставляется къ студенту, первымъ долгомъ постарается восполнить въ образованіи студента тѣ пробѣлы, которые являются помѣхой для успѣшнаго занятія наукой.

Но главная цѣль, которую преслѣдуетъ кембриджскій университетъ, даже не въ этомъ. Не въ знаніяхъ главная задача, говорятъ тамъ, а въ воспитаніи. Сдѣлать изъ студента человѣка, «*un homme*», по выраженію отца Лаврецкаго, или джентльмена во всѣхъ отношеніяхъ, вотъ куда направлены главнѣйшія усилія университета. Нужно создать въ учащемся не только міровоззрѣніе образованнаго англичанина, но и дать ему хорошія привычки, воспитать въ немъ внутреннюю дисциплину, уваженіе къ родной старинѣ и роднымъ традиціямъ, а главное—развить въ немъ бодрость чувства, силу и ловкость тѣла, независимость во мнѣніяхъ и самостоятельность въ трудѣ. Только при этихъ условіяхъ изъ него можетъ выработаться, по англійскимъ понятіямъ, джентльменъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

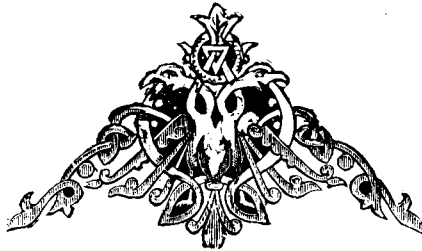
Изъ этихъ именно соображеній и поддерживаются, можно думать, тѣ подчасъ суровые порядки, которые намъ кажутся излишними. Здѣсь, можетъ, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, достигается гармоническое развитіе личности. Науки даютъ здѣсь знанія и міровоззрѣніе, правила и строгій распорядокъ жизни образуютъ характеръ и силу воли, спортъ и игры сохраняютъ здоровье и развиваютъ силы,—и въ результатѣ страна получаетъ бодрыхъ, жизнерадостныхъ гражданъ, беззавѣтно преданныхъ своему отечеству и готовыхъ ради него итти на какую угодно трудную работу, въ полной увѣренности въ своихъ силахъ и не считааясь ни съ какими препятствіями.

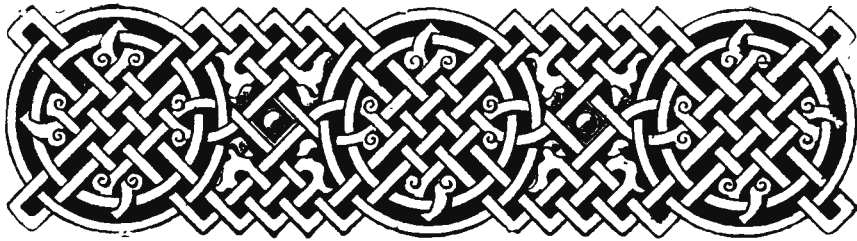
Есть еще одна привлекательная сторона въ университетской жизни Кембриджа, сторона для насъ, русскихъ, чуждая и мало знакомая. Въ то время, какъ у насъ въ университетѣ, даже при небольшой его организаціи, наблюдается полная разобщенность между факультетами, даже между профессорами одного факультета, и еще большая разобщенность между профессорами и студентами, въ Кембриджѣ наблюдается совершенно противоположное.

Кембриджскій университетъ, при полной своей автономности, представляетъ дружное, тѣсно сплоченное общество всѣхъ членовъ, профессоровъ и студентовъ. Между ними нѣтъ разобщенія—единство интересовъ, полная автономія и взаимное довѣріе являются прекраснымъ цементомъ, связующимъ во единое цѣлое всѣ слои ученаго Кембриджа. И можно съ увѣренностью сказать, что если для насъ, русскихъ, есть въ Кембриджѣ много непріемлемаго,

вызывающаго даже иногда улыбку, то, съ другой стороны, есть много и такого, что заслуживаетъ особаго вниманія и изученія. Университетъ, существующій съ XIII вѣка и давшій такихъ великихъ ученыхъ, какъ Бэконъ, Ньютонъ и Дарвинъ, такого «мірового властителя думъ», какъ Байронъ, и такого короля-джентльмена, какъ король Эдуардъ VII, долженъ быть дорогъ и интересенъ не только для англичанъ, но и для каждаго образованнаго чело-вѣка.

К. Цвѣтковъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій. М. Б. Изданіе высочайше утвержденнаго общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви. 1915. Стр. 290+186. Ц. 2 р.

ДВА успѣли пройти два года со времени кончины митрополита Антонія, какъ мы уже имѣемъ настоящій объемистый трудъ, посвященный высокой и свѣтлой личности іерарха. Конечно, для полной и всесторонней оцѣнки дѣятельности почившаго, особенно принимая во вниманіе ея разнообразіе, еще не наступилъ судъ исторіи; но настоящая книга дорога именно тѣмъ, что написана подъ непосредственнымъ обаяніемъ личности покойнаго митрополита и содержитъ много такихъ характерныхъ данныхъ, которыя потомъ могутъ легко изгладиться изъ памяти. Эти же характерныя данныя сообщаютъ духовному облику владыки особую реальность и выпуклость, а чтеніе самой книги дѣлаютъ высокоинтереснымъ и поучительнымъ. Авторъ слѣдитъ за жизнью преосвященнаго, начиная съ ранняго его дѣтства, и сообщаетъ много любопытныхъ и неизвѣстныхъ доселѣ подробностей о первой порѣ его жизни. Какъ, напримѣръ, трогателенъ разсказъ о томъ, что однажды въ родное село десятилѣтняго Саши Вадковскаго (таково было мірское имя преосвященнаго) пріѣхалъ восьмилѣтній мальчикъ-сосѣдъ, увидѣлъ семинаристовъ и съ испугу запрягнулся подъ телѣгу. Саша пожалѣлъ его и даже купилъ ему на копейку мороженаго. И этотъ восьмилѣтній мальчикъ, Вася Богоявленскій, — нынѣшній митрополитъ кievскій Владимиръ. Годы ученія въ духовномъ училищѣ, семинаріи и академіи А. В. Вадковскій провелъ въ обычной для нашего духовнаго сословія

страшной бѣдности, въ бытность въ семинаріи ходилъ на каникулы на родину за 180 верстъ пѣшкомъ и босикомъ и, даже будучи студентомъ академіи, при полученіи отъ родныхъ двадцати рублей «бѣгаль (отъ радости) бѣгомъ по своимъ академическимъ лѣстницамъ спизу вверхъ и сверху внизъ». Блистательно окончивъ курсъ казанской академіи, А. В. Вадковскій сряду же получилъ назначеніе читать лекціи въ своей alma mater по гомилетикѣ и пастырскому богословію. Вскорѣ онъ женился по любви. Невѣста его предупреждала, что по слабости здоровья проживетъ не болѣе семи-восьми лѣтъ. Это печальное предсказаніе оправдалось съ буквальной точностью: черезъ семь лѣтъ она умерла отъ чахотки, оставивъ безутѣшному вдовцу двухъ дѣтей. Но этимъ испытанія его не кончились. Черезъ три года дѣти А. В. Вадковскаго умерли въ одну недѣлю отъ дифтерита. Вскорѣ послѣ этого новаго удара тридцатисемилѣтній профессоръ рѣшается принять монашество. Конечно, предъ этимъ труднымъ шагомъ у него были колебанія, и былъ такой моментъ, когда онъ хотѣлъ отказаться отъ постриженія, но какъ разъ въ это время получилъ въ даръ отъ архіепископа полное монашеское облаченіе. Съ принятіемъ монашества Антоній движется на служебномъ поприщѣ съ поразительной быстротой: черезъ два года (въ 1885 г.) онъ былъ переведенъ въ петроградскую духовную академію, гдѣ сперва былъ инспекторомъ, а потомъ ректоромъ, въ 1887 году получилъ санъ епископа, въ 1892 году назначенъ былъ архіепископомъ на новооткрытую кафедру финляндской епархіи, а въ концѣ 1898 года—митрополитомъ петроградскимъ. Всѣ эти служебныя повышенія преосвященнѣйшаго рассказаны въ настоящей книгѣ живо и увлекательно. Не имѣя возможности передать подробно содержаніе соответствующихъ главъ, напомнимъ объ извѣстномъ путешествіи владыки въ 1897 году въ Англію въ качествѣ представителя русской церкви по случаю шестидесятилѣтняго юбилея королевы Викторіи. Не зная англійскаго языка, преосвященный держалъ себя съ такимъ достоинствомъ, что его провожала тысячная толпа народа, колѣнопреклоненно просившая его благословенія. Затѣмъ, какъ истинный пастырь стада Христова, владыка много времени удѣлялъ заботамъ о заключенныхъ и посѣщенію ихъ. Нерѣдко, благодаря хлопотамъ и стараніямъ преосвященнаго, эти узники получали не только облегченіе своей участи, но и полную свободу. Такъ было, напримѣръ, съ извѣстнымъ публицистомъ М. В. Новорусскимъ, который впослѣдствіи всегда имѣлъ безпрепятственный доступъ къ митрополиту, даже тогда, какъ тотъ никого не принималъ. Подробно рассказана въ настоящей книгѣ и извѣстная исторія объ отлученіи отъ церкви Л. Н. Толстого и передано содержаніе переписки преосвященнаго съ графиней С. А. Толстой.

Авторъ не только стремится съ полной правдивостью и искренностью изложить жизнь и дѣятельность митрополита Антонія, но и даетъ читателю возможность проверить справедливость своихъ выводовъ. Именно значительная доля книги отведена любопытнѣйшимъ письмамъ преосвященнаго къ его роднымъ и нѣкоторымъ близкимъ лицамъ. Нечего и говорить, какой огромный интерес представляютъ эти интимные и душевные памятники, конечно, никогда не предназначавшіяся къ печати ихъ писавшимъ. Но зато какъ живо характеризуютъ они лучшія стороны характера владыки!

Отличаясь истинно христіанскими скромностью, простотой и смиреніемъ, митрополитъ Антоній сумѣлъ внушить эти качества и своимъ духовнымъ дѣтямъ, къ числу которыхъ принадлежалъ, по словамъ предисловія, въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ и авторъ настоящей книги, скрывшій итоги своей усердной и полезной работы подъ двумя инициалами. Нечего и говорить о томъ благочестивомъ настроеніи и благоговѣйномъ отношеніи къ почившему, которыми проникнута вся книга.

А. М.—нъ.

Матеріалы для исторіи Гангутской операціи. Изданіе архива морского министерства. Выпуски I—III. Пгр. 1914—1915. Стр. 1293. Ц. за 5 томовъ съ узаконителемъ 5 р. (4 и 5 выпуски выйдутъ въ началѣ будущаго года).

Въ то время, когда Россія, какъ одинъ человѣкъ, занята міровою борьбою съ тевтонами, когда мобилизованныя съ военными цѣлями наука и искусство и промышленность идутъ рука объ руку для отраженія и окончательной побѣды надъ врагомъ, казалось бы, когда передъ такою задачею должны быть отложены всѣ другія научныя работы, пріятно остановиться на кропотливомъ и любовно составленномъ трудѣ, правда, еще не вполне законченномъ (названіе котораго нами выписано въ заголовкѣ), трудѣ уже и теперь представляющемъ громаднѣйшій историческій интересъ. Въ изданныхъ архивомъ морского министерства объемистыхъ выпускахъ «Матеріаловъ» для исторіи гангутской операціи, которые по цѣнности, обширности и разносторонности ихъ содержанія слѣдовало бы, строго говоря, назвать не скромно матеріалами гангутской операціи, а исторіею всей Сѣверной войны, помимо самаго хода кампаніи, закончившагося Гангутскою операціею, подробно описываются также всѣ событія, предшествовавшія кампаніи 1714 года.

Въ названныхъ матеріалахъ находится столько интереснаго и назидательнаго, къ тому же впервые опубликованнаго, по крайней мѣрѣ на русскомъ языкѣ, что уже одно подробное ихъ перечисленіе заставило бы насъ выйти изъ рамокъ простой библиографической замѣтки.

Достаточно упомянуть, что въ двухъ частяхъ перваго выпуска «Матеріаловъ» напечатаны грамоты, указы и письма Петра Великаго за 1713 и 1714 годы, относящіяся къ Сѣверной войнѣ, а во второмъ выпускѣ донесенія и письма Петру I за тотъ же періодъ времени, а также шведскому королю Карлу XII за 1714 годъ.

Просматривая первые два выпуска «Матеріаловъ», невольно приходишь въ изумленіе, кому только и по какимъ разнообразнымъ поводамъ не писалъ собственноручно этотъ удивительный государь, входившій во всѣ рѣшительно мелочи, касавшіяся военныхъ дѣйствій, вплоть до записи секрета симпатическихъ чернилъ, ему и его посламъ необходимыхъ для секретной переписки!

Изъ собраннаго архивомъ морского министерства матеріала видно, что Петру I приходилось писать не только королевѣ Англіи, королямъ Даніи и Пруссіи, царицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, царевичу Алексѣю Петровичу, фельдмаршалу Шереметеву, свѣтлѣйшему князю Меншикову, канцлеру графу Головкину,

своимъ генераль-адъютантамъ и посламъ, сенаторамъ, десяткамъ другихъ лицъ, (всѣхъ писемъ, грамотъ и пр. имъ за время Сѣверной войны написано 390!), но и разнымъ корабельнымъ мастерамъ, скромнымъ капитанамъ и поручикамъ денщику Юрову или Клокачеву и даже нѣкому унтеръ-офицеру Калмыкову, отправленному царемъ въ Ригу съ специальнымъ порученіемъ!..

Извѣстный писатель П. Мельниковъ (Печерскій) сказалъ какъ-то, что «истинное русское онъ видитъ лишь до XIII столѣтія, а потомъ Сарай, Москва съ своими холмами и толпой греческихъ выходцевъ изъ околѣвшей въ невѣжествѣ Византіи, съ толпой монаховъ, мѣнявшихъ мощи на жемчуга и золота, съ Петромъ, окруженнымъ нѣмцами, — все это уже не родное, не русское!» Такъ ли это? Стоить только взглянуть, какими по необходимости нѣмцами окружалъ себя Петръ, съ кѣмъ переписывался во время Сѣверной войны, чтобы убѣдиться, какъ нѣсколько иностранныхъ именъ быстро тонуть въ морѣ чисто-русскихъ фамилій, которыя и были ближайшими его помощниками... Конечно, съ теченіемъ времени измѣнилось и это...

Изъ вышеозначенной переписки опредѣленно явствуетъ, что Петръ Великій былъ не только главнымъ руководителемъ всей кампаніи, каждой ея отдѣльной операціи, но и главнымъ творцомъ нашей морской силы, доставившей Россіи первую побѣду на морѣ и тѣмъ заставившей Европу признать насъ и морскою державою.

Въ третьемъ выпускѣ «Матеріаловъ» напечатаны цѣлый рядъ журналовъ за 1714 годъ, къ сожалѣнію, не всѣхъ, а только главныхъ, каковы журналъ 1714 г. изъ «Гисторіи Государственной войны съ Швеціею», журналы графа Апраксина, Шувалова, Н. Синявина и шведскаго адмирала Ваттранга.

Пропускъ этотъ произошелъ изъ-за того, что, во-первыхъ, не всѣ журналы Гангутскаго боя дошли до насъ (несмотря на имѣющіяся свѣдѣнія о существованіи еще нѣсколькихъ морскихъ журналовъ галернаго и корабельнаго флотовъ, ихъ при всѣхъ розыскахъ найти не удалось), и, во-вторыхъ, потому, что въ «Матеріалы» не вошли хотя и очень интересные три журнала, не имѣющіе, какъ говорится въ предисловіи редакціи, непосредственнаго отношенія къ поставленной задачѣ и къ тому же напечатанные въ только что переизданной министерствомъ императорскаго двора книгѣ «Походные журналы 1714 г.».

Не малый интересъ представляетъ впервые появляющійся въ русскомъ переводѣ обширный журналъ морской экспедиціи шведскаго адмирала Ваттранга, сообщающій о дѣйствіяхъ шведскаго флота.

Въ матеріалы для исторіи Гангутской операціи вошли въ первый разъ также и подлинныя документы про Сѣверную войну по шведскимъ источникамъ, основанные на донесеніяхъ шведскихъ адмираловъ, по порученію редакціи «Матеріаловъ» выбранныхъ изъ стокгольмскихъ архивовъ.

Переписка съ датскимъ дворомъ также появляется въ русской печати впервые. Въ ней указываются на истинныя причины неудачи привлеченія Даніи къ борьбѣ Россіи съ Швеціею.

Очень интересными являются поздравленія Петра Великаго съ Гангутской побѣдой разныхъ лицъ (выпускъ II). Среди массы поздравленій обращаетъ на себя вниманіе поздравленіе архіерея рязанскаго Стефана, кратко, но удиви-

тельно сильно и образно написанное. Что касается техники изданія, то и она въ «Матеріалахъ» поставлена высоко. Многочисленные варианты и примѣчанія, которыми испещрены матеріалы (ихъ нѣтъ даже у Бычкова), могутъ послужить къ открытію различныхъ неправильностей, допущенныхъ раньше въ изданныхъ сборникахъ, куда попадали документы, частью сокращенные, частью передѣланные и подчасъ даже искаженные.

Что касается украшающихъ «Матеріалы» рисунковъ, то на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ великолѣпно исполненный портретъ Петра Великаго, работы Купецкаго, оригиналъ котораго хранится въ Брауншвейгскомъ музеѣ. Воспроизведенъ этотъ снимокъ съ недавно сдѣланнаго редакціею журнала «Старые Годы».

Изъ рисунковъ, относящихся къ Гангутскому бою и въ первый разъ напечатанныхъ въ «Матеріалахъ», отмѣтимъ гравюру въ формѣ овальнаго медальона, оригиналъ которой хранится въ галлерей императора Петра I (при музеѣ антропологіи и этнографіи).

По окончаніи этого цѣннаго труда надѣемся еще вернуться къ нему, какъ къ наглядному доказательству, что изученіе русской исторіи не всегда портитъ самые лучшие умы, какъ это заявили однажды знаменитый профессоръ московскаго университета Т. Грановскій.

В—я.

Б. Г. Курцъ. Сочиненіе Кильбургера о русской торговлѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Сборникъ студенческаго историко-этнографическаго кружка при императорскомъ университетѣ св. Владимира, подъ руководствомъ проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Вып. VI. Кіевъ. 1915. VII+606 стр. Ц. 5 р.

Иоганнъ-Филиппъ Кильбургеръ посѣтилъ Россію въ качествѣ члена шведскаго посольства, пребывавшаго въ Москвѣ въ 1673—1674 г. Собранныя имъ здѣсь данныя о русской торговлѣ онъ обработалъ въ цѣлый трактатъ, предназначенный, какъ думаетъ изслѣдователь, не для короля и официальныхъ лицъ, а для широкой публики. Въ сочиненіи Кильбургера находимъ свѣдѣнія о русскихъ и иностранныхъ товарахъ, промыслахъ, размѣрахъ вывоза и ввоза, русской монетѣ, мѣрахъ, вѣсѣ и путяхъ сообщенія.

Эта интересная рукопись долгое время оставалась ненапечатанной и имѣть свою исторію. Въ XVIII в. она попала въ руки проф. Фроммана, отъ котораго перешла къ русскому исторіографу Миллеру, а отъ послѣдняго къ Антону Бишингу. Послѣдній и напечаталъ наконецъ ее въ историческомъ сборникѣ «Magazin»—гамбургскомъ изданіи. Русскій переводъ (Языкова) появился еще позднѣе—въ 1820 г. и въ настоящее время представляетъ большую библиографическую рѣдкость.

Новый переводъ имѣетъ несравненное преимущество передъ старымъ: авторъ не только устранилъ пробѣлы и погрѣшности прежняго изданія, но далъ сверхъ того «изслѣдованіе о Кильбургерѣ и его сочиненіи» и обширный комментарий къ тексту. Размѣры работы автора видны уже изъ того, что самое сочиненіе Кильбургера занимаетъ въ книгѣ четверть ея объема.

Нельзя, однако, обойтись без возражений против плана книги и нѣкоторыхъ наблюденій автора. Прежде всего нѣтъ однообразія въ распредѣленіи примѣчаній и комментариевъ: одни печатаются тутъ же подъ строкой, другіе авторъ относитъ въ конецъ книги, «не желая затруднять читателя неприятнымъ нарушеніемъ теченія его мыслей». Последнее заявленіе звучитъ нѣсколько странно. Какъ ученый, авторъ, разумѣется, долженъ былъ бы во внѣшней архитектоникѣ своей книги руководиться соображеніями болѣе высокаго порядка, чѣмъ субъективныя настроенія читателя. Видимо, неудобство принятаго плана ощущалось и самимъ авторомъ. Переводъ сдѣланъ внимательно. Но рѣжутъ глазъ шероховатости слога: «лавки плохой важности» (стр. 88), «мѣста недоумѣвающаго характера» (стр. 53) и т. д.

Вопросъ объ источникахъ сочиненія Кильбургера разобранъ тщательно, и заимствованія изъ Оларія, Родеса и Котошихина г. Курцъ устанавливаетъ вполне убѣдительно, но догадки относительно источниковъ документальнаго характера—гипотетичны. Въ примѣчаніяхъ есть неточности и даже прямыя ошибки. Наприм., перечисляя селенія на пути изъ Новгорода къ Москвѣ, Кильбургеръ отмѣчаетъ, между прочимъ, Хотилово. Г. Курцъ дѣлаетъ поясненіе, что теперь оно наз. Ямъ-Хотилово (стр. 198). Это невѣрно. Селеніе въ настоящее время сохраняетъ въ мѣстномъ населеніи прежнее названіе. Наоборотъ, Холохолыня (стр. 199)—назаніе, противъ котораго авторъ не возражаетъ, измѣнилось въ Холохоленку и даже (чаще) въ Колоколенку. Правда, неточности эти легко объясняются тѣмъ, что названія селеній взяты авторомъ съ давно уже устарѣвшей 10-верстной карты. Но для даннаго ученаго изслѣдованія этого недостаточно. Необходимо было обратиться къ сборникамъ статистическихъ и др. свѣдѣній по отдѣльнымъ уѣздамъ, изданнымъ нѣкоторыми земствами, напр., тверскимъ. Встрѣчаются у автора и такія ошибки, гдѣ онъ идетъ въ разрѣзъ съ данными изучаемой имъ 10-верстной карты. Такъ, монастырь Николы Столбенскаго (стр. 199, прим. 1-е) отнесенъ къ западу отъ теперешняго шоссе, тогда какъ въ дѣйствительности онъ лежитъ на востокъ отъ шоссе и на западъ отъ желѣзнодорожной линіи. Не спуталъ ли авторъ условныя обозначенія того и другаго пути?

Опуская за недостаткомъ мѣста другіе подобные же промахи, мы должны признать, что эти недочеты въ такой большой работѣ неизбежны и нисколько не мѣшаютъ признать за трудомъ г. Курца серьезныя научныя достоинства. Особенно цѣннымъ представляется комментарий, гдѣ данъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ экскурсовъ о русскомъ вывозѣ и ввозѣ, монетѣ, вѣсѣ, пошлинахъ, почтѣ, горной промышленности и путяхъ сообщенія.

К.—шовъ.

**Извѣстія вологодскаго общества изученія Сѣвернаго края. Выпускъ II. 1915.
Стр. 194. Ц. 75 к.**

«Военно-обязанные нѣмцы,—говорится въ предисловіи къ настоящей книгѣ,—ходятъ по нашимъ деревнямъ и городамъ, ко всему присматриваются, посѣщаютъ постоянно нашъ музей (въ Вологдѣ), живо интересуются богатствами

края и не скрывают своего удивления, что они лежат втуне. А мы къ богатствамъ этимъ относимся, какъ евангельскіе нерадивые рабы». Поэтому вологодское общество изученія Сѣвернаго края горячо призываетъ земляковъ-сѣверянъ къ изученію своей родины, посвящая ему разносторонне составленный второй выпускъ «Извѣстій».

Рядъ статей послѣдняго имѣетъ большое научное и практическое значеніе, но мало можетъ заинтересовать широкую публику: это спеціальныя статьи по мѣстной флорѣ и горнозаводскому дѣлу. Таковы очерки Н. Ильинскаго и Л. И. Молякова о вологодской травѣ «тимосеевкѣ», В. Никуличева о причинахъ горимости лѣсовъ и мѣрахъ борьбы съ нею и Перова о свинцовыхъ мѣсторожденіяхъ въ Вологодской губерніи. Всѣ остальные статьи представляютъ широкій интересъ. Сюда, прежде всего, относится статья П. Витязева «Ссылка П. Л. Лаврова въ Вологодскую губернію и его занятія антропологіей», въ которой авторъ подробно рассказываетъ объ условіяхъ жизни автора «Историческихъ писемъ» въ Тотьмѣ, Вологдѣ и Кадниковѣ и рассматриваетъ его работы по антропологіи, которыя были въ свое время «самыми лучшими (если не единственными) въ русской литературѣ». Здѣсь же напечатана статья самого П. Л. Лаврова «Къ вопросу объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ Вологодской губерніи», съ примѣчаніями помощника секретаря русскаго антропологическаго общества Д. А. Золотарева, вносящими поправки въ научные взгляды П. Л. Лаврова, согласно съ современными антропологическими знаніями.

Очень любопытны помѣщенные въ началѣ книги записки неизвѣстнаго современника о пребываніи въ Вологдѣ въ 1824 году императора Александра I, въ бытность тамъ губернаторомъ Брусилова, имя котораго вошло въ исторію литературы начала XIX вѣка. Непосредственностью и большой стариной вѣетъ отъ впечатлѣній анонимнаго автора. Начиная отъ первыхъ словъ государя губернатору: «Мнѣ пріятно сдѣлать ваше знакомство», до послѣднихъ: «Прощай—женѣ кланяйся»,—все въ запискѣ носитъ яркій колоритъ времени, когда французская утонченность шла руку объ руку съ русскою патріархальностью. Большой археологическій интересъ представляетъ статья И. Евдокимова «Старинныя красноборскія печи», въ которой авторъ описываетъ русскія кафли XVIII и начала XIX столѣтія, съ ихъ оригинальными рисунками и надписями. Такъ, на примѣръ, подъ изображеніемъ мужчины, обнимающаго женщину, подписывалось: «Хочу ее поуняти», подъ другимъ изображеніемъ мужчины и женщины: «Всегда мнѣ покорень» и проч. Новый матеріалъ дается въ статьѣ Н. Ильинскаго «Отраженіе войны въ вологодскихъ частушкахъ», въ которыхъ нашли себѣ мѣсто самыя разнообразныя настроенія, вызываемыя военными событіями; нѣкоторыя частушки не лишены художественности. Чуткое женское сердце такъ отзывается на послѣдствія войны: «Много сосенъ, много елокъ, много вересичночекъ—послѣ вынѣшней войны много сиротиночекъ». Народному быту Олонецкаго края посвящена статья А. А. Шустикова «По деревнямъ Олонецкаго края», рисующая въ рядѣ живыхъ наблюденій жизнь олонецкихъ захолустій.

Въ общемъ, второй выпускъ извѣстій вологодскаго общества производитъ пріятное впечатлѣніе своимъ разнообразнымъ составомъ и живыми темами.

В. Даниловъ.

Дѣйствія нижегородской ученой архивной комиссіи. Сборникъ. Томъ XV. Выпускъ VI. Въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ. Нижній-Новгородъ. 1915. Стр. 180.—То же. Сборникъ. Томъ XVII. Выпускъ IV. Нижній-Новгородъ. 1914. Стр. 17, 8, 16, 32, 21, 10, 5, 4. Цѣна выпусковъ не обозначена.—То же. Люди нижегородскаго Поволжья. Выпускъ первый. Краткій словарь писателей-нижегородцевъ. Подъ редакціей члена комиссіи В. Е. Чешихина (Ч. Вѣтринскаго). Нижній-Новгородъ. 1915. Стр. 50. Цѣна 30 коп.

Въ очередномъ выпускѣ XV тома, издаваемого въ память 300-лѣтія дома Романовыхъ, неутомимый председатель комиссіи А. Я. Садовскій продолжаетъ опубликованіе рукописныхъ матеріаловъ изъ исторіи Нижегородскаго края. На этотъ разъ имъ издана «Нижняго-Новгорода, Чебоксарскаго уѣзда, записная книга о сборѣ оброчныхъ денегъ съ чебоксарскихъ черемисъ, съ полковъ, съ лавокъ, съ кузницъ» (1668 года).

Въ четвертомъ выпускѣ XVII тома есть нѣсколько любопытныхъ статей, хотя и чисто мѣстнаго интереса. Особенно понравился намъ рассказъ о такъ называемыхъ «крестовыхъ» (т.-е. растущихъ въ видѣ креста) соснахъ въ мѣстѣ послѣдняго успокоенія св. князя Александра Невскаго, селѣ Городцѣ. Отъ рассказа этого, составленнаго о. дьякономъ Дѣлпровскимъ, такъ и пахнуло упоительной поэзіей стараго нижегородскаго быта, такъ хорошо знакомаго всякому грамотному русскому по извѣстнымъ романамъ «Въ лѣсахъ» и «На горахъ». Оказывается, и теперь къ этой «крестовой» соснѣ ходятъ за десятки верстъ изъ окрестностей Городца, берутъ кору, какъ «пользительную» отъ зубовъ, сѣютъ въ душло больныхъ дѣтей—глазами, если они болятъ,—ушами, если ребенокъ не слышитъ,—лицомъ, если онъ долго не говоритъ. Здѣсь же передаютъ легенду о Святомъ-Озерѣ, живо напоминающую сказаніе о невидимомъ градѣ Китцежѣ.

Извѣстный архивистъ И. А. Блиновъ, на основаніи данныхъ сенатскаго архива, обстоятельно излагаетъ исторію двухъ сенаторскихъ ревизій Нижегородской губерніи въ прошломъ столѣтіи (въ 1810 и 1868 гг.). Н. И. Драницынъ рассказываетъ о томъ, какъ нижегородскій казначей Поповъ ухитрился за семь лѣтъ (1816—1823 гг.) растратить семьсотъ тысячъ казенныхъ денегъ. Началь онъ скромно: взялъ въ 1816 году всего 150 рублей и цѣлый годъ наблюдалъ, обнаружится ли растрата. Когда этого не произошло, то въ 1818 году онъ присвоилъ уже 2,081 рубль, а въ первой половинѣ 1823 года—230 тысячъ рублей. Когда растрата открылась, то Поповъ разнымъ крючкотворствомъ сумѣлъ затянуть дѣло до своей смерти (въ іюнь 1825 года), а окончательный приговоръ уголовной палаты о растратѣ состоялся только 26-го ноября 1826 года. Такъ не спѣшили судить въ доброе старое время! Г. Парійскій сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о раскопкѣ Сейминскаго становища, относимаго имъ къ третьему тысячелѣтію до Рождества Христова (расцвѣтъ бронзовой эпохи).

Польза и значеніе «Краткаго словаря писателей-нижегородцевъ», несмотря на всю его краткость, очевидны сами собою. Перелистывая книжку, мы ви-

димъ, что Нижегородская губернія дала весьма много почтенныхъ и славныхъ именъ на поприщѣ русской литературы, самыхъ разнообразныхъ талантовъ и направленій. Таковы особенно П. Дм. Боборыкинъ, Н. А. Добролюбовъ, П. Ив. Мельниковъ, А. М. Пѣшковъ (Максимъ Горькій) и много друг. Нижегородскими уроженцами были также извѣстный композиторъ М. А. Балакиревъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, синологъ В. П. Васильевъ, Н. И. Лобачевскій, Л. И. Поливановъ, профессоръ А. И. Садовъ, молодые беллетристы И. С. Рукавишниковъ и Б. А. Садовской.

Конечно, въ теперешнемъ видѣ словарь представляетъ только канву для предстоящаго большого труда. Намъ кажется излишнимъ помѣщеніе въ немъ лицъ, которыя только жили въ Нижегородской губерніи болѣе или менѣе долгое время, какъ, напримѣръ, А. С. Пушкинъ, потому что здѣсь весьма трудно достигнуть надлежащей полноты. Разумѣется, и сообщаемыя свѣдѣнія о многихъ лицахъ весьма недостаточны. Такъ, про Б. А. Садовскаго сказано только, что онъ авторъ «многихъ сборниковъ» (?). **А. Налимовъ.**

Леонидъ Семеновъ. М. Ю. Лермонтовъ. Статьи и замѣтки. I. Москва. 1915. Стр. 294. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Л. Семеновъ. Къ вопросу о вліяніи Марлинскаго на Лермонтова. Оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ» за 1914 годъ. Воронежъ. 1914. Стр. 26.

Въ книгѣ г. Л. Семенова о Лермонтовѣ помѣщены слѣдующія статьи и замѣтки: «Судьба поэта», «15-го іюля 1914 года», «Юбилей М. Ю. Лермонтова», «Лермонтовъ и Огаревъ», «Лермонтовъ и Боратынскій», «Проклятіе», «Терновый вѣнецъ», «Къ вопросу объ источникахъ поэзіи Лермонтова», «Какіе языки зналъ и изучалъ Лермонтовъ?», «Пушкинъ и Лермонтовъ», «Отголоски юбилея».

Въ первой статьѣ г. Л. Семеновъ печалится о незадачливо сложившейся жизни поэта, отсутствіи «образцоваго, строго научнаго» изданія сочиненій, тихо прошедшемъ, вслѣдствіе войны, столѣтнемъ юбилей со дня рожденія, цензурныхъ гоненій на поэта и о прочемъ тому подобномъ. Во второй статьѣ разсказано про день 15-го іюля 1914 г., проведенный авторомъ въ Пятигорскѣ, гдѣ, какъ извѣстно, прошли послѣдніе дни поэта. Въ четвертой трактованъ вопросъ о вліяніи Лермонтова на поэзію Огарева. Третья статья представляетъ собою весьма обстоятельный обзоръ лермонтовской юбилейной литературы, почти въ двѣсти печатныхъ страницъ. Здѣсь рассмотрѣны книги, брошюры, газетныя, журнальныя статьи, собранія сочиненій, изданія и книги для учащихся, справочныя изданія, иллюстраціи и проч., рассмотрѣны весьма толково, съ полнымъ знаніемъ дѣла, вслѣдствіе чего можно вполне положиться на сужденія автора. Присутствіе же указателей (именъ, газетъ и журналовъ) значительно облегчитъ пользованіе собраннмъ г. Л. Семеновымъ обширнымъ матеріаломъ.

Что же касается замѣтокъ «Лермонтовъ и Боратынскій», «Пушкинъ и Лермонтовъ» и брошюры «Къ вопросу о вліяніи Марлинскаго на Лермонтова», то и здѣсь, встрѣчаясь съ той же громадной начитанностью г. Л. Семенова,

какъ и въ первой его книгѣ «Лермонтовъ и Л. Толстой», находимъ тѣ же недостатки, и прежде всего—отсутствіе метода, приводящее къ тому, что выводы автора оказываются построенными на весьма зыбкихъ основаніяхъ. Остановимся на одну минуту, для примѣра, на утвержденіи автора, что «вліяніе Марлинскаго на Лермонтова можно установить съ большой убѣдительностью и документальностью». Автору нужно доказать, что 1) личность Марлинскаго и его жизнь были извѣстны Лермонтову, оказывая тѣмъ самымъ вліяніе на поэта и на его поведеніе, и 2) что отдѣльныя стихотворенія Марлинскаго и его проза повліяли на созданіе нѣкоторыхъ стихотвореній Лермонтова. По поводу пункта перваго авторъ отдѣливается легковѣснымъ замѣчаніемъ, что «личность» Марлинскаго и подробности его жизни «были, разумѣется, достаточно знакомы Лермонтову». По поводу пункта втораго и, въ частности, о заимствованіи Лермонтовымъ нѣкоторыхъ стиховъ изъ поэмы Марлинскаго «Андрей», авторъ, утверждая, что эта вещь нравилась Лермонтову, говоритъ: «онъ не разъ, какъ мы полагаемъ, перечитывалъ ее». На нашъ взглядъ, такіе отвѣты и не убѣдительны, и не документальны въ самомъ основномъ: вѣдь по изслѣдованію можетъ оказаться, что Лермонтовъ абсолютно не зналъ Марлинскаго. Не говоримъ уже о томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ запутываетъ дѣло смѣшеніемъ разныхъ понятій, а именно—вліянія и заимствованія. Вотъ отчего иногда приходится автору оговариваться: «сходство картинъ Марлинскаго и Лермонтова» объясняется тѣмъ, что «оба они писали съ натуры», и т. п. Неясность методологическая рождаетъ случайныя аналогіи, которыя легко подыскиваются при усердіи, но такъ же легко могутъ быть и опровергнуты. Только съ большою обдуманностью, какъ въ сложномъ шахматномъ ходѣ, можно приступать къ рѣшенію задачъ, подобныхъ вопросу о вліяніи. Въ данномъ же случаѣ жаль только разбросанныхъ впустую знаній.

Влад. Князьянъ.

Сэръ Исаакъ Ньютонъ. Замѣчанія на книгу пророка Давіила и Апокалипсисъ св. Іоанна. Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Петроградъ. 1915. Цѣна 1 р. 25 к.

Настоящее сочиненіе сэра (англичанинъ при имени Ньютона никогда не пропуститъ *sir*) Исаака Ньютона представляетъ собой точный и полный переводъ, сдѣланный съ англійскаго изданія этой книги, вышедшей въ свѣтъ въ 1733 году, т. е. спустя шесть лѣтъ послѣ смерти автора.

Имя Ньютона окружено вѣчнымъ сіяніемъ такой мыслительной силы, что каждое слово его имѣетъ исключительную цѣнность. Всѣ мы хорошо знаемъ, что Ньютонъ знаменитъ своими изысканіями въ области математики, а также—механики, физики и астрономіи. Но многимъ ли извѣстно, что онъ подъ конецъ своей жизни направилъ свое вниманіе на богословскіе вопросы? Особенно онъ изучилъ двѣ книги Божественнаго откровенія: Ветхаго Завѣта—книгу пророка Давіила и Новаго Завѣта—Апокалипсисъ св. Іоанна. Въ его представленіи эти двѣ книги дополняютъ одна другую. Обѣ онѣ рисуютъ одни и тѣ же прошедшія историческія времена и одновременно пророчествуютъ о послѣднихъ

годахъ міра. Нѣкоторыя главы его изслѣдованія до сихъ поръ сохранили полную цѣну и могутъ служить неуывдаемыми образцами точности и силы мысли. На первомъ планѣ можно поставить главу о семидесяти седминахъ. Современная наука только подтверждаетъ теперь то, что было высказано двѣсти лѣтъ тому назадъ Ньютономъ, который для опредѣленія седьмого года царствованія Артаксеркса Лопгимана прибѣгнулъ, какъ астрономъ и математикъ, къ вычисленію солнечныхъ и лунныхъ затменій того времени.

Какъ нашъ епископъ Христофоръ (см. «Труды кievской духовной академіи», 1874 г. «Θ. Смирновъ. Апокалипсисъ, какъ литургическій памятникъ апостольской эпохи») усмотрѣлъ въ картинахъ Откровенія Іоанна главное новозавѣтное богослуженіе—литургію, такъ Ньютонъ въ томъ же Апокалипсисѣ увидѣлъ картины ветхозавѣтнаго богослуженія и жертвоприношенія.

Большой томъ (VI+246+II стр.) замѣчаній Ньютона пестритъ интересными подробностями. Къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ его разъясненіяхъ сказывается сильное вліяніе вѣроисповѣданія, въ которомъ онъ рожденъ.

Книга снабжена прекраснымъ портретомъ Ньютона. Въ своемъ предисловіи переводчикъ объясняетъ, почему такъ важно выпустить эту книгу въ настоящее время. Онъ говоритъ:

«Мы переживаемъ теперь грозное время. На нашихъ глазахъ совершаются суды Божіи надъ народами. Потребность внести свѣтъ въ пониманіе прошлаго и будущаго христіанскаго человѣчества нынѣ стала чувствоваться не только теоретиками, но и дѣятелями, призванными строить это будущее. Теперь вниманіе къ пророческимъ свиткамъ, хранимымъ церковью, усиливается во стократъ, и всякая попытка пріоткрыть завѣсу уготованнаго намъ «лѣта Господня» можетъ быть только привѣтствуема. Вотъ причины, почему выпускъ въ свѣтъ этого сочиненія долженъ быть признанъ желательнымъ и благовременнымъ».

Ив. Ювачевъ.

Культурно-историческіе памятники древняго Востока. Подъ редакціей профессора Б. А. Тураева. Выпускъ 2-й. И. М. Волковъ. Арамейскіе документы іудейской колоніи на Элефантинѣ V вѣка до Р. Х. Съ 10 рис. М. 1915. Стр. 81. Ц. 70 к. Вып. 3-й. Б. А. Тураевъ. Разсказъ египтянина Синухета и образцы египетскихъ документальныхъ автобіографій. Съ рис. М. 1915. Стр. 70. Ц. 80 к.

На страницахъ «Историческаго Вѣстника» мы въ свое время отмѣтили принятое подъ редакціей профессора Б. А. Тураева изданіе культурно-историческихъ памятниковъ древняго Востока. Въ настоящее время передъ нами два новыхъ выпуска этого въ высшей степени полезнаго изданія: «Арамейскіе документы іудейской колоніи на Элефантинѣ V вѣка до Р. Х.» И. М. Волкова и «Разсказъ египтянина Синухета и образцы египетскихъ документальныхъ автобіографій» самого редактора—профессора Б. А. Тураева.

Новая работа г. Волкова отличается тѣми же достоинствами, какія были отмѣчены нами въ его первой работѣ о законахъ царя Хаммураби: тщательная обработка матеріаловъ, точность перевода и достаточная освѣдомленность въ литературѣ предмета. Въ своемъ введеніи ко второму выпуску г. Волковъ дѣ-

ласть подробный обзор экспедицій, которыя были предприняты за послѣднія пятнадцать лѣтъ разными учеными англичанами и нѣмцами въ Египетъ. Египтологіи за это время посчастливилось. Были найдены многіе папирусы и черепки, давшіе возможность сдѣлать довольно значительное пополненіе къ библейскимъ повѣствованіямъ эпохи V вѣка до Р. X. по случайно найденнымъ документамъ, относящимся къ эпохѣ отъ Ксеркса до Дарія II и касающимся брачныхъ и имущественныхъ отношеній іудейскихъ поселенцевъ въ Элефантинѣ и Ассуанѣ. Находки внѣбиблейскихъ памятниковъ изъ такого темнаго для науки періода, какъ время Эздры и Нееміи, побудили ученый міръ къ систематическимъ поискамъ подобныхъ памятниковъ на мѣстѣ прежнихъ находокъ. Одна изъ экспедицій, во главѣ которой стояли доктора О. Рубензонъ и Ф. Цуккеръ, пользовавшійся содѣйствіемъ архитектора В. Гонрота, докопалась въ одномъ изъ холмовъ на западной части Элефантины до остатковъ жилища, состоявшаго изъ трехъ комнатъ. Въ первой расположенной на западъ комнатѣ у восточной ея стѣны оказалась лежащая масса сваленныхъ въ кучу папирусовъ, большею частью распавшихся отъ сырости на множество мелкихъ клочковъ. Въ юго-восточномъ углу слѣдующей комнаты было найдено много глиняныхъ черепковъ съ арамейскими и финикійскими надписями; нѣсколько черепковъ найдено и въ третьей, восточной комнатѣ. Произведя раскопки не-вдалекѣ отъ мѣста этой находки, участники экспедиціи натолкнулись въ остаткахъ двухъ другихъ жилищъ на еще большее количество арамейскихъ папирусовъ, лежавшихъ совсѣмъ неглубоко. Въ итогѣ раскопокъ оказалось свыше 70 папирусовъ и масса черепковъ. Въ 1911 г. профессоръ Э. Захау выпустилъ въ свѣтъ монументальное изданіе всего найденнаго экспедиціей Рубензона матеріала съ фототипическимъ воспроизведеніемъ документовъ, транскрипціей квадратнымъ шрифтомъ, обстоятельнымъ комментариемъ и переводомъ. И, какъ было упомянуто, всѣ открытые документы относятся къ персидской эпохѣ, обнимающей все V столѣтіе до Р. X., что и подтверждается датировками на самихъ папирусахъ, а также и надписями на черепкахъ.

Содержаніе новооткрытыхъ документовъ распадается на три группы: къ одной относятся документы официальныхъ взаимоотношеній представителей іудейской колоніи на Элефантинѣ и различныхъ органовъ персидскаго правительства, а также сношеній этой колоніи съ палестинскою іудейскою общиною; содержаніемъ другой служатъ разнообразныя частности повседневной жизни членовъ колоніи; въ третью же входитъ текстъ литературнаго характера—повѣсть о мудромъ Ахикарѣ.

И. М. Волковъ въ своемъ введеніи замѣчаетъ, что огромное культурно-историческое значеніе, вызванное появленіемъ новыхъ документовъ, породило обширную литературу, частью дополняющую и исправляющую переводческую работу первыхъ издателей ихъ, частью обрабатывающую новый матеріалъ въ цѣляхъ изображенія быта и судебъ іудейскихъ колоній въ Сіенѣ и Элефантинѣ.

Г. Волковъ приводитъ въ своей книжкѣ наиболѣе характерныя по содержанію и лучше сохранившіяся арамейскіе папирусы, сопровождая свою работу общимъ изображеніемъ быта и судебъ названныхъ колоній, причемъ пользовался и тѣми документами, которыя въ его книжкѣ не приведены въ переводѣ.

Изъ сказаннаго читатель видитъ, какой большой интересъ представляютъ собою приведенные г. Волковымъ документы.

Памятники классической литературы древняго Египта представляютъ собою большой интересъ. Изъ нихъ особенно выдѣляются «Разказъ египтянина Синухета» и дошедшіе до насъ образцы египетскихъ документальныхъ автобіографій. Герой разказа—египтянинъ изъ придворнаго круга Синухетъ. Въ моментъ вступленія на престолъ Сенусерта I послѣ смерти Аменемхета I, онъ бѣжитъ отъ царскаго гнѣва въ Азію и послѣ долгихъ скитанія поселяется у сирійскаго князя, который выдаетъ за него свою дочь и дѣлаетъ его вторымъ лицомъ послѣ себя. Онъ оказываетъ князю важную услугу, одолевъ въ единоборствѣ перваго борца всей области, оказываетъ въ то же время услуги и своему первому отечеству, давая у себя приемъ египетскимъ посламъ, направлявшимся къ азіатскимъ великимъ державамъ. Эти услуги не пропали даромъ—при дворѣ о немъ вспомнили, и это было кстати, такъ какъ Синухетъ, хотя и провелъ полжизни на чужбинѣ въ почести, довольствѣ и въ кругу многочисленной семьи, все-таки остался египтяниномъ и царедворцемъ—его тянуло ко двору, его влекло на родину и по религіознымъ соображеніямъ—онъ не могъ помириться съ ужасомъ быть погребеннымъ на чужбинѣ безъ соблюденія египетскаго погребальнаго ритуала, необходимаго для достиженія вѣчной жизни. Ему удалось исходатайствовать помилованіе; онъ удостоился получить отъ фараона милостивое письмо съ приглашеніемъ вернуться. Описывается его возвращеніе, аудіенція при дворѣ и царскія милости, сопровождавшія его до вратъ гробницы, сооруженной по милостивому повелѣнію фараона.

Профессоръ Тураевъ приходитъ къ справедливому заключенію, что разказъ Синухета представляетъ живой литературный памятникъ, въ которомъ ярко выступаютъ внутреннія переживанія героя, внѣшняя обстановка событій его жизни и бытовые картины въ современномъ ему придворномъ стилѣ. Памятникъ этотъ производитъ впечатлѣніе современнаго намъ европейскаго романа реалистическаго направленія, приближающаго къ автобіографической формѣ изложенія, что и даетъ возможность думать о существованіи историческаго Синухета и считать текстъ разказа литературнымъ памятникомъ беллетристическаго характера, написаннымъ въ классическую эпоху характернымъ придворнымъ стилемъ, подтвержденіемъ чего служить привлеченіе любимаго тогда элемента приключеній за предѣлами Египта. Литературныя достоинства этого памятника и были причиною его распространенности и популярности, а также и послужили причиною того, что онъ дошелъ до насъ въ многочисленныхъ спискахъ.

Профессоръ Тураевъ въ своемъ введеніи подробно разсматриваетъ всѣ дошедшіе во насъ списки памятника и ихъ переводы на англійскій и нѣмецкій языки, а затѣмъ даетъ уже полный переводъ Синухета на русскій языкъ.

Что касается внѣшности изданія и воспроизведенія рисунковъ и фрагментовъ, то въ этомъ отношеніи оба выпуска не только удовлетворительны, но даже изящны.

О. Л.—я.

Сборникъ въ честь профессора *Ө. А. Брауна* («Записки неофилологическаго общества при императорскомъ петроградскомъ университетѣ». Вып. VIII). Пгр. 1915. Стр. 407. Ц. 4 р. 50 к.

Сборникъ, изданный въ честь профессора Брауна, является весьма цѣннымъ вкладомъ въ научную библиотеку историко-филологическихъ факультетовъ. Двадцать восемь (считая и переводныхъ) авторовъ представлены на страницахъ этой книги. Много специалистовъ, сотрудниковъ и учениковъ почтеннаго профессора приняли участіе своими статьями по различнымъ вопросамъ въ сборникѣ. Имена: Петрова, Сильверсвана, Смирнова, Форсмана, Шахматова и Шинмарева—сами свидѣтельствуютъ о высотѣ научнаго значенія помѣщенныхъ ими очерковъ. И не въ бѣглой замѣткѣ, конечно, говорить о цѣнности изысканій, напримѣръ, Шахматова по вопросу о договорахъ Олега и Игоря съ греками, а также о значеніи біографическаго очерка о К. Маро, написаннаго Шинмаревымъ. Въ подобномъ случаѣ болѣе доступными оказываются статьи: Когана, Гаддъ, Жирмунскаго и Леве. Коганъ далъ чрезвычайно тонкую обрисовку такъ называемаго «цинизма» Гейне, бывшаго, согласно доказательствамъ автора, глубоко-серьезнымъ человѣкомъ и благороднымъ идеалистомъ. «Его кажущійся нигилизмъ, утилитаризмъ и практицизмъ были, въ сущности, основой новаго идеализма, потому что они срывали покрывало съ высокихъ словъ, разоблачали несостоятельность смутныхъ порывовъ и религіозныхъ вѣрованій, лишенныхъ опредѣленнаго реального содержанія, раскрывали внутреннюю пустоту высокихъ принциповъ... Мнимый цинизмъ Гейне былъ, въ сущности, великой, освобождающей силой, расчищающей путь новому пониманію жизни, изъ котораго выростала и новая мораль, и новый героизмъ, и новая красота».

Нѣмецкій романтизмъ настоящихъ дней въ лицѣ Рикарды Гухъ продуманно и любовно разобранъ въ статьѣ г. Гаддъ, посвященной этой симпатичной по своимъ мотивамъ поэтессѣ; романтизмъ же начальнаго періода, равно какъ и его переходная (гейдельбергская) пора всегда были хорошо извѣстны г. Жирмунскому, который въ своемъ трудѣ и изложилъ взаимоотношеніе между общей сферой искусства и «эстетической культурой» избраннаго періода, т. е. изложилъ вопросъ изъ области психологіи творчества. Лирика бельгійскаго поэта Верхарена получила яркую трактовку подъ перомъ *Ө. Д. Ватюшкова*. Онъ шагъ за шагомъ прослѣдилъ эволюцію творчества славнаго поэта.

Извѣстный своими изысканіями о личности Елизаветы Кульманъ, *Е. А. Леве* въ помѣщенномъ имъ здѣсь очеркѣ вновь напомнилъ намъ о «первой въ Россіи неофилологичкѣ», обосновывая данный очеркъ солидными справками въ область первоисточниковъ.

... И все это, какъ и многое другое, посвящено имени *Ө. А. Брауна*.

«Учитель многихъ и многихъ утѣшитель», самъ онъ въ силу обширности своей общественной дѣятельности рѣдко имѣлъ возможность письменно дѣлиться учеными интересами съ читающей публикой. Нужды Россіи, по характеру своему далека отъ точной регламентаціи, не позволяютъ замыкаться нашимъ изслѣдователямъ, какъ и писателямъ, въ узкія рамки ихъ специальности. Поэтому мы и можемъ судить о высотѣ ученыхъ занятій нашего profes-

сора только по работамъ его учениковъ, которые прониклись изустными разсужденіями опытнаго наставника.

Сократъ ничего не написалъ, но имя его дѣлѣтъ невянущая слава. *Mutatis mutandis*, это можно примѣнить и къ имени *Θ. Α. Брауна*.

Сборникъ—тому яркое доказательство.

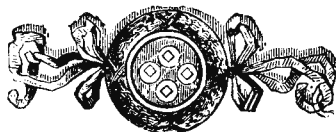
И. В.

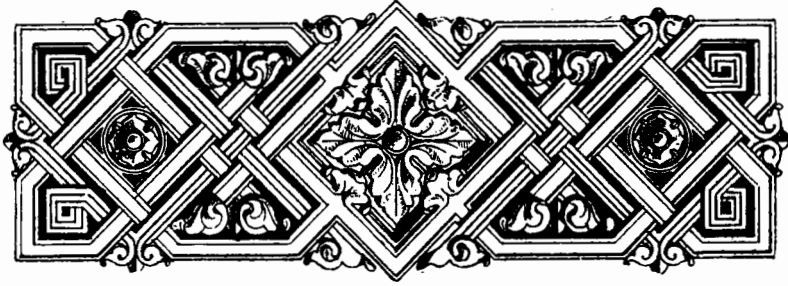
Каталогъ выставки XVI всероссійскаго археологическаго съѣзда 1914 года во Псковѣ, отмѣннаго по случаю войны. Псковъ. 1915. Стр. IV+88. Цѣна не обозначена.

Вихрь надвинувшихся грозныхъ событій коснулся, конечно, отчасти и научной жизни нашего государства; такъ, между прочимъ, назначенный на 22-е июля 1914 года въ городъ Псковъ XVI всероссійскій археологическій съѣздъ не состоялся. И мѣстному предварительному по устройству съѣзда комитету пришлось по случаю назначенія всеобщей мобилизаціи «объявить въ газетахъ объ отмѣнѣ съѣзда и немедленно приняться за разборку выставки, такъ какъ зданіе (художественно-промышленной) школы (*Н. Ф. Рюта*) было тотчасъ же отвѣдено подъ казарму для запасныхъ нижнихъ чиновъ. Пастоящій каталогъ,—грустно заканчиваютъ свое предисловіе составители каталога,—является единственнымъ памятникомъ потраченныхъ усилій и не сбывшихся надеждъ».

Отмѣчая такое значеніе разсматриваемаго «каталога», не можемъ не указать на то, что правильнѣе было бы назвать его указателемъ, путеводителемъ выставки, такъ какъ матеріалъ въ этомъ каталогѣ напечатанъ согласно расположенію на выставкѣ предметовъ старины. Къ числу недочетовъ отнесемъ также отсутствіе оглавленія «каталога» и валовой нумераціи выставочныхъ предметовъ старины, которые исчисляются порядковой нумераціей то попредметно, то по таблицамъ, то по отдѣламъ, то по отдѣльнымъ коллекціямъ.

Въ общемъ, дѣйствительно, жаль труда, времени и средствъ, затраченныхъ, надо надѣяться, для псковитянъ безрезультатно, и хочется пожелать, чтобы движеніе въ мѣстной псковской историко-археологической средѣ, поднятое приготовленіями къ археологическому съѣзду, не заглохло и принесло свои благіе плоды въ будущемъ тѣмъ болѣе, что съѣздъ, по всей вѣроятности, рано или поздно состоится все-таки во Псковѣ. **Д. Вочковъ!**

Съ 15 ноября по 15 декабря въ редакцію «Историческаго Вѣстника» поступили для отзыва слѣдующія книги.

Борисъ Садовской. Полдень. Собрание стиховъ 1905—1914. Кн-во «Лукоморье». Пгр. 1915. Стр. 300. Ц. 1 р. 50 к.

Маркъ Твэнъ и **Чарльзъ Дадлей Юрнеръ.** Золотой вѣкъ. Переводъ К. Жихаревой. Изданіе г-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Пгр. 1916. Стр. X+367. Ц. 2 р.

Землеустроенныя хозяйства. Сводныя данныя сплошнаго по 12 уѣздамъ подворнаго обследованія хозяйственныхъ измѣненій въ первые годы послѣ землеустройства. Карты и диаграммы. Изданіе гл. управления землеустройства и земледѣлія. Пгр. 1915. Стр. XXI+36. Ц. не обозн.

Обслѣдованіе землеустроенныхъ хозяйствъ, произведенное въ 1913 году въ 12-ти уѣздахъ Европейской Россіи. Сводныя поуѣздныя данныя. Изданіе управления землеустройства и земледѣлія. Пгр. 1915. Стр. 141. Ц. не обозн.

А. И. Гучковъ. Къ вопросу о государственной оборонѣ. Рѣчи въ Государственной Думѣ третьяго созыва. 1908—1912. Пгр. 1915. Стр. 105. Ц. 60 к.

А. І. Степовичъ. Мысли объ оперѣ П. И. Чайковскаго «Опричникъ». Нѣжинъ. 1914. Стр. 15. Ц. не обозн.

М. А. Крылова. Старый Кіевъ. Очеркъ изъ жизни славянъ на Днѣпрѣ. Подъ ред. проф. А. А. Кизеветтера. Изданіе С. Куркинъ и К^о. М. 1916. Стр. 144. Ц. 40 к.

Книжка М. А. Крыловой разсказы-даётъ въ легкой формѣ о черноморскихъ степяхъ и ихъ обитателяхъ VII—IV в. до Р. Хр., о славянахъ и ихъ бытѣ, о жизни древняго Кіева, о причинахъ его упадка и рисуетъ весьма отчетливо бытовую сторону Кіевской Руси. Подобныя книжки полезны для учащихся народныхъ школъ.

А. И. Фаресовъ. Народъ безъ водки. (Шутевыя очерки). Пгр. 1916. Стр. 310. Ц. 1 р. 50 к.

Столѣтіе Пирятинскаго городского училища. 1814—1914. Кіевъ. 1915. Стр. 143. Ц. 1 р. 50 к.

М. В. Бречневичъ. Полабскіе славяне. Казань. 1915. Стр. 18. Ц. 20 к.

Н. Н. Русовъ. Золотое счастье. Романъ въ двухъ частяхъ съ эпилогомъ. Изданіе «Трудъ». М. 1916. Стр. 190. Ц. 1 р. 25 к.

Городъ Юрьевъ (Дерптъ) въ его прошломъ. Юрьевъ. 1915. Стр. 16. Ц. не обозн.

Vivat Academia. Изданіе студентовъ восточнаго института. Владивостокъ. 1915. Стр. 52. Ц. не обозн.

Червоная Карпатская Русь—часть единой недѣлимой Руси. Отчетъ о дѣятельности кіевскаго отдѣленія галицко-русскаго общества. Кіевъ. 1915. Стр. 64. Ц. не обозн.

Н. А. Зигельгардтъ. Огненная купель.

Историческая повѣсть. Пгр. 1916. Стр. 282. Ц. 1 р. 60 к.

Талантливый авторъ даетъ рядъ потрясающихъ своей художественностью картинъ пожара Москвы въ 1812 г. Очень хорошъ и языкъ повѣсти, живо воспроизводящій стиль описываемой эпохи.

А. Н. Мандельштамъ. Младотурецкая держава. Историко-политическій очеркъ. М. 1915. Стр. 68. Ц. не обозн.

Очеркъ исторіи Чехіи. Переводъ съ чешскаго. 2-е изданіе Петроградскаго славянскаго благотворительнаго общества Пгр. 1915. Стр. 160. Ц. 1 р.

Г. Нелюбинъ. Свѣтлой памяти К. Р. Цвѣты русской поэзіи усопшему августѣйшему поэту. Пгр. 1915. Стр. 42. Ц. 1 р. 25 к.

Г. Нелюбинъ, авторъ весьма содержательнаго критико-біографическаго труда о покойномъ поэтѣ, собралъ въ своей книжкѣ все, чѣмъ откликнулись русскіе поэты на смерть К. Р.—23 стихотворенія. Выѣшность изданія безукоризненна. Настоящая книжка напечатана въ количествѣ 400 нумерованныхъ экземпляровъ, и надѣемся, что истинные цѣнители поэзіи покойнаго августѣйшаго поэта обратятъ вниманіе на этотъ скромный, сплетенный изъ цвѣтовъ русской поэзіи вѣнокъ, возложенный на гробницу незабвеннаго К. Р.

Андрей Городцовъ. «Красно Солнышко, князь Столыковѣвскій». Сцены изъ народныхъ былинъ для сельскихъ театровъ. Четыре дѣйствія. Изд. пермскаго губернскаго комитета попечительства о народной трезвости. Пермь. 1915. Стр. 40. Ц. 30 к.

Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. VII. (Неперіодическое изданіе, выходящее подъ редакціей Б. А. Лезина). Статьи по психологіи и теоріи художественнаго, научнаго и философскаго творчества гг.: А. Горнфельда, Т. Райнова, Е. Шульца, П. Энгельмейера и (переводныя)—Аристотеля, Г. Зиммеля и А. Пуанкаре. Харьковъ. 1916. Стр. 261. Ц. 1 р. 75 к.

А. Л. Бемъ. Къ исторіи изученія Толстого. Изданіе Русскаго бібліологическаго общества. Пгр. 1915. Стр. 63. Ц. не обозначена.

Работа г. Бема посвящена вопросу о толстовской бібліографіи, ея прошлому, намѣчаетъ желательное направленіе въ ея будущей разработкѣ, сообщаетъ свѣдѣнія о толстовскихъ обществахъ и ихъ издательской дѣятельности и производитъ обзоръ бібліографическихъ работъ о Л. Н. Толстомъ.

Толстовская бібліографія за 1913 г. (Обзоръ русскихъ книгъ и повременныхъ изданій). Подъ редакціей А. Л. Бема. Изданіе Толстовскаго музея въ Петроградѣ. Пгр. 1915. Стр. 54. Ц. 50 к.

Бар. Б. З. Нольде. Выѣшняя политика. Историческіе очерки. Изданіе юридическаго книжн. склада «Право». Пгр. 1915. Стр. 264. Ц. 1 р. 50 к.

Н. М. Даниловъ. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій И. И. Козлова. Пгр. 1915. Стр. 34. Ц. не обозн.

П. Мининъ. Главныя направленія древне-перковной мистики. Сергіевъ Посадъ. 1916. Стр. 87. Ц. 50 к.

Авторъ излагаетъ мистическія воззрѣнія Климента Александрійскаго, Діонисія Ареопагита, Григорія Писскаго, Оригена, преп. Макарія Египетскаго, преп. Симеона Новаго Богослова, преп. Исаака Сирина и преп. Максима исповѣдника. Постоянныя ссылки на «Патрологію» Миня и многіе ученые труды, какъ русскіе, такъ и иностранныя, свидѣтельствуютъ, что авторъ хорошо знакомъ съ избранной имъ темой.

Л. Бертенсонъ. Къ воспоминаніямъ о Николаѣ Семеновичѣ Лѣсковѣ. М. 1915. Стр. 9. Ц. не обозн. (Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Русская Мысль», октябрь, 1915 г.).

Ф. Орловъ. Легенда о Филаретѣ Никитичѣ. Изд. третье. Пгр. 1915. Стр. 120. Ц. 76 к.

Н. Ф. Павловскій. Описаніе архивовъ Полтавской губерніи. Изданіе полтавской учен. архивн. комиссіи. Полтава. 1915. Стр. 62. Ц. не обозн.

Историческія школьныя выставки. Къ вопросу о самодѣятельности въ средней школѣ. Сборникъ статей съ предисловіемъ проф. М. М. Хвостова. Съ иллюстр. Казань. 1916. Стр. 146. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія и географія являются наиболѣе благодарными учебными предметами, могущими ознакомить наше юношество съ Россіей и ея прошлымъ. Кромѣ успѣшнаго примѣненія экскурсій, при изученіи этихъ предметовъ, большую пользу могутъ принести выставки. Въ настоящей содержательной книжкѣ, изданной весьма опрятно и даже изящно, преподаватели могутъ найти рядъ теоретическихъ и практическихъ указаній и описаній къ устройству выставокъ для облегченія прохожденія и усвоенія исторіи.

И. И. Серебрянниковъ. Памятники стариннаго деревяннаго зодчества въ Иркутской губерніи. Изданіе восточно-сибир-

скаго отдѣла. имп. русскаго геогр. общ. Иркутскъ. 1915. Стр. 11+10 таблицъ. Ц. не обозначена.

Проф. Ф. В. Благовидовъ. Отчеты о состояніи тифлискихъ высшихъ женскихъ курсовъ за 1913—1914 и 1914—1915 учебный годъ. Тифлисъ. 1915. Стр. 84. Ц. не обозначена.

Б. Верхоустинскій. Утренняя звѣзда. Изданіе «Лукоморье». Пгр. 1916. Стр. 203. Ц. 1 р. 50 к.

Русскій календарь на 1916 г. А. Суворина. Пгр. 1916. Стр. XXVI+512. Ц. 1 р.

П. Г. Мижувъ. Сады-города и жилищный вопросъ въ Англии. Съ многими рисунками. Изданіе т-ва А. С. Суворина «Новое Время». Пгр. 1916. Стр. XV+494. Ц. 5 р. 50 к.

А. Туберовскій. Воскресеніе Христова. (Опытъ мистической идеологии пасхальнаго догмата). Сергіевъ Посадъ. 1916. Стр. 340. Ц. 2 р. 75 к.

А. Коллонтай. Общество и материнство. I. Государственное страхование материнства. Кн-во «Жизнь и знаніе». Пгр. 1916. Стр. XIV + 641. Ц. 3 р. 50 к.

Д. Айманъ. Дѣти. Разказы. Кн-во «Жизнь и знаніе». Пгр. 1916. Стр. 286. Ц. 1 р. 25 к.

Ал. Алтаевъ. Вниз по Волгѣ рѣкѣ... Историческая повѣсть изъ русской жизни XVII вѣкѣ. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Пгр. 1916. Стр. 170. Ц. 65 к.

Ал. Алтаевъ содержаніе своей повѣсти почерпаетъ изъ увлекательныхъ народныхъ сказаній о Стенькѣ Разинѣ и весьма художественно и занимательно рассказываетъ о походахъ знаменитаго разбойника, рисуя попутно рядъ характерныхъ бытовыхъ картинокъ изъ русской жизни XVII столѣтія. Книжка украшена многочисленными стильными иллюстраціями. худ. А. М. Петровой.

М. Горькій. Пожаръ и другіе рассказы (Сочиненія. Т. XVI). Кн-во «Жизнь и знаніе». Пгр. 1916. Стр. 252. Ц. 1 р. 50 к.

М. Горькій. Сказки. (Сочиненія. Т. XVII). Кн-во «Жизнь и знаніе». Пгр. 1916. Стр. 258. Ц. 1 р. 50 к.

Новый сборникъ рассказовъ М. Горькаго «Пожаръ» полонъ пессимистическихъ и безотрадныхъ описаній російской безалаберности и неурядицъ. Характеренъ отмѣчаемый авторомъ упадокъ въ настроеніяхъ рабочей массы, которая, послѣ разрушенія иллюзій 1905 года, чувствуетъ себя все болѣе и болѣе стѣсненною сферою безпа-

дежною дѣйствительностью, житейскими буднями, скукою, униженіемъ. Эта мотивы проходятъ въ разказахъ «Пожаръ», «Урядникъ Крохалевъ», «Крѣпка», «Случай изъ жизни Макара», «Романтикъ» и «Мордовка». Другая книга М. Горькаго «Сказки» полна глубокой вѣры и преклоненія лучшимъ задаткамъ души человѣческой, которые сказываются всегда и во всѣхъ. Эти сказки—современная итальянская дѣйствительность. Книга написана съ большимъ воодушевленіемъ. Великолѣпны описанія природы.

А. Маленъ. Древніе языки въ реформируемой средней школѣ. Пгр. 1915. Стр. 7. Ц. не обозначена.

Авторъ, видный знатокъ античнаго міра, касаясь вопроса о реформѣ преподаванія древнихъ языковъ, сообщаетъ весьма любопытную исторію судебъ изученія классиковъ въ Россіи. Первоначально означенная работа была напечатана въ №№ 13 и 14 журнала «Гермесъ» за 1915 годъ.

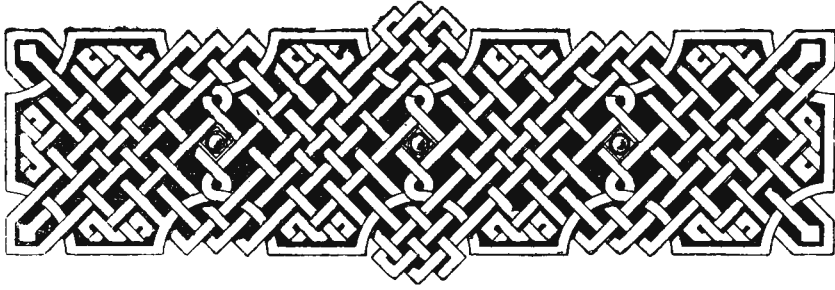
Памятники мировой литературы. Народная словесность Калевала. Финскій народный эпосъ. Переводъ Л. Бѣльскаго, удостоенный Императорской академіей наукъ преміи имени А. С. Пушкина. Изд. 2-е, исправленное и снабженное примѣчаніями. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1915. Стр. XXX+428. Ц. 3 р.

Памятники мировой литературы. Античные писатели. Эукидидъ. Исторія. Томы I и II. Переводъ Ф. Мищенко въ переработкѣ, съ примѣчаніями и вступительнымъ очеркомъ С. Жебелева. М. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1915. Стр. LXIX+403+LXXXVI, 445. Ц. по 3 р. за томъ.

Джемсъ Генри Брэдстедъ. Исторія Египта съ древнѣйшихъ временъ до персидскаго завоеванія. Т. I и II. Авторизованный переводъ съ англійскаго В. Викентьева. Съ предисловіемъ автора къ русскому изданію и 200 иллюстраціями и картами. Книгоиздательство М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1915. Стр. XV+343+329. Ц. за 2 тома 8 р.

Вернонь Лм. Италия. Театръ и музыка. Избранныя страницы. Переводъ Е. Урениусъ подъ редакц. и съ предисловіемъ П. Муратова. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1915. Стр. 400. Ц. 1 р. 25 к.

Г. Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Т. II. Юлій Цезарь. Переводъ А. Захарова. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1916. Стр. 346. Ц. 1 р. 75 к.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

О С Л Ъ Д Н І Е дни диктатуры Бисмарка.—Въ декабрьской книжкѣ «Revue de deux Mondes» Эрнестъ Додэ заканчиваетъ свои воспоминанія о послѣднихъ годахъ диктатуры Бисмарка и его паденіи.

Едва вступивъ на престолъ, Вильгельмъ II счелъ необходимымъ дать Бисмарку самое наглядное доказательство своего къ нему расположенія и лично отправился въ имѣніе канцлера Фридрихеруэ. На фотографіи, которая была тамъ снята, императоръ и канцлеръ были изображены стоящими рядомъ на лужайкѣ около дома или, какъ нѣмцы любятъ выражаться, замка. Нѣсколько недѣль спустя послѣ августѣйшаго визита Бисмаркъ самъ рассказывалъ своимъ друзьямъ:

— Онъ былъ очень внимателенъ ко мнѣ. И выразилъ даже удивленіе, что я не ложусь вечеромъ спать до одиннадцати часовъ. Даже его дѣдъ не говорилъ мнѣ такихъ вещей. Утромъ онъ, вопреки своимъ привычкамъ, поднялся въ девять часовъ, думая, что я встаю въ это время, и вошелъ въ мою комнату, когда я былъ еще не одѣтъ. Онъ дружески положилъ мнѣ руку на плечо, пока я старался какъ-нибудь прикрыться, чтобы принять его приличнымъ образомъ.

Въ коридорахъ прусской палаты господъ канцлеръ не стѣсняясь рассказывалъ всѣмъ, что онъ далъ новому государю слово служить до тѣхъ поръ, пока позволятъ ему силы.

— Мы условились съ нимъ относительно программы внѣшней политики и внутреннихъ реформъ,—твердилъ онъ, давая понять въ то же время, что эта программа была выработана именно имъ.

Присутствіе Бисмарка около императора казалось болѣе, чѣмъ когда-либо необходимымъ въ виду неопытности и необузданности новаго кайзера. Эта необузданность на первыхъ же порахъ сильно вооружила противъ Вильгельма всѣ европейскіе дворы. Съ нимъ поссорился даже другъ его дѣтства, австрійскій эрцгерцогъ Рудольфъ, столь трагически и таинственно погибшій потомъ въ своемъ охотничьемъ замкѣ.

Рудольфъ почувствовалъ такую антипатію къ Вильгельму, что, узнавъ о его намѣреніи посѣтить Вѣну, поспѣшилъ, подъ предлогомъ охоты, уѣхать въ Тироль.

Въ Лондонѣ настроеніе было еще хуже. Тамъ прекрасно знали козни Бисмарка и неблаговидное поведеніе самого Вильгельма по отношенію къ своимъ родителямъ, и королева Викторія нисколько не скрывала своего негодованія. Принимая въ Виндзорѣ генерала Виштерфельда, прибывшаго съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ Вильгельма, она слушала его молча, когда онъ кончилъ, спросила:

— Когда же вы ѣдете обратно?

Растерявшійся посоль едва сообразилъ, что слѣдуетъ отвѣтить, и сказалъ:

— Сегодня.

Между тѣмъ Вильгельмъ задумалъ цѣлую серію визитовъ по европейскимъ дворамъ: въ Россію, Австрію, въ Швецію, въ Италію, хотя никто его туда не приглашалъ. Рѣшено было, что его всюду будетъ сопровождать графъ Гербертъ Бисмаркъ, который положительно сталъ играть при немъ роль наперсника.

Моментъ для путешествія былъ выбранъ довольно неудачно: Россія еще не могла забыть двойной игры Германіи на Берлинскомъ конгрессѣ и позднѣе на Балканскомъ полуостровѣ. Въ Вѣнѣ тоже не особенно довѣряли Германіи. Въ Копенгагенѣ и Стокгольмѣ были не рады этому визиту, потому что неизбежныя официальныя торжества должны были лечь тяжелымъ бременемъ на скромный бюджетъ обоихъ государствъ.

Въ Римѣ Вильгельмъ встрѣченъ былъ очень радушно, но своей безтактностью онъ быстро испортилъ себѣ репутацию. Явившись въ Ватиканъ, онъ позволилъ себѣ заговорить съ папой такимъ тономъ, какимъ можно только отдавать приказанія. Послѣ его визита пала Левъ XIII, человекъ очень умный и проницательный, замѣтилъ окружающимъ:

— Этотъ молодой человекъ очень упрямъ и тщеславенъ. Слѣдуетъ опасаться, какъ бы его царствованіе не кончилось какой-нибудь катастрофой.

Это посѣщеніе папы произвело тѣмъ худшее впечатлѣніе, что въ дѣло вмѣшался Гербертъ Бисмаркъ. Ему было поручено прервать бесѣду императора съ папой, если она затянется слишкомъ долго, и Бисмаркъ-сынъ не нашелъ для этого другого способа, какъ вломиться чуть не насильственно въ кабинетъ папы, толкая впереди себя брата Вильгельма, принца Генриха прусскаго.

Жаловались на Герберта Бисмарка и во дворцѣ итальянскаго короля. Словно нарочно, онъ сдѣлалъ официальный визитъ женѣ перваго министра Криспи, которую королева Маргарита приказала не принимать ко двору.

Выученикъ Бисмарка нигдѣ не произвелъ хорошаго впечатлѣнія. Его находили вульгарнымъ, тяжеловѣснымъ. Плоскій лобъ, вата, торчавшая изъ ушей,

и сухая ружа, которую онъ пряталъ подъ гусарскимъ доломаномъ, довершали непріятность впечатлѣнія. Одинъ дипломатъ доносилъ о Вильгельмѣ и его спутникѣ, Бисмаркъ-сынѣ слѣдующее:

«Ихъ высокомѣрная грубость въ отношеніи мужчинъ и солдатская галантность относительно женщинъ, даже самыхъ высокопоставленныхъ, оставили такое впечатлѣніе, какъ будто пришлось имѣть дѣло съ средневѣковыми рейтарами».

Въ тотъ моментъ, когда Вильгельмъ возвращался въ Берлинъ, германская столица волновалась. Профессоръ Геффкенъ, одинъ изъ друзей покойнаго императора Фридриха, благоговѣно чтившій его память, опубликовалъ въ журналѣ «Deutsche Rundschau» отрывки изъ императорскаго дневника, относившіеся ко времени войны съ Франціей и ярко обрисовывавшіе некрасивую роль Бисмарка.

Канцлеръ пришелъ въ ярость, приказалъ арестовать книжку журнала и напечатать опроверженіе, увѣряя, что эти отрывки подложны. Затѣмъ онъ велѣлъ схватить профессора Геффкена и привлечь его къ верховному суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Но, къ величайшему неудовольствію канцлера, Геффкенъ былъ оправданъ судомъ.

Тѣмъ не менѣе вліяніе Бисмарка достигло своего апогея, и 1-го января 1899 г. былъ пожалованъ орденъ Чернаго Орла бывшему министру Путмакеру—тому самому, котораго императоръ Фридрихъ приказалъ уволить, какъ креатуру Бисмарка.

Между тѣмъ приближалось время открытія всемірной парижской выставки, и международныя отношенія, казалось, значительно улучшились. Согласіе берлинскаго кабинета на перенесеніе изъ Магдебурга въ Пантеонъ праха Лазаря Карно было понято, какъ желаніе Германіи сблизиться съ Франціей. На эту мысль наводило и пожалованіе ордена Чернаго Орла германскому посланнику въ Парижѣ, графу Мюнстеру, «въ воздаяніе заслугъ, оказанныхъ имперіи въ дѣлѣ поддержанія мира съ Франціей».

Нѣмцы какъ будто направили свои силы въ другую сторону, начали говорить о созданіи большого флота, о приобрѣтеніи колоній. И это былъ первымъ пунктомъ, на которомъ императоръ разошелся съ Бисмаркомъ, не одобрявшимъ этой политики.

Въ началѣ 1889 г. государи, которыхъ посѣтилъ Вильгельмъ, стали отдавать ему визиты. Послѣднимъ ожидался пріѣздъ въ октябрѣ императора Александра III. Ожидали, что этотъ визитъ нѣсколько улучшитъ отношенія между Россіей и Германіей, но послѣ отъѣзда царя пришлось констатировать, что «онъ держалъ себя очень холодно и давалъ понять, что онъ пріѣхалъ въ Берлинъ противъ своего желанія, единственно изъ приличія».

Между тѣмъ грубости обоихъ Бисмарковъ не было предѣловъ, и великій герцогъ баденскій открыто жаловался на обращеніе съ нимъ зазнавагоса сына канцлера. Узнавъ объ этихъ жалобахъ, Бисмаркъ не постѣснялся заявить, что если императоръ будетъ нападать на его сына, то въ защиту послѣдняго выступить онъ самъ, князь Бисмаркъ.

Между тѣмъ Вильгельмъ начиналъ уже расправлять крылья. Онъ смѣнилъ

военного министра генерала Бронсарда-фонъ-Шеллендорфа и посадилъ на его мѣсто генерала Верди-дю-Вернуа, сильно недолголюбившаго канцлера. Объ этомъ назначеніи Бисмаркъ узналъ лишь тогда, когда оно уже состоялось.

Противъ канцлера образовывалась огромная придворная интрига, во главѣ которой стоялъ графъ Вальдерзее, пользовавшійся при дворѣ большимъ вѣсомъ. Повидимому, къ осени 1899 г. судьба Бисмарка была уже рѣшена, но императоръ еще скрывалъ свои планы, давая канцлеру время провести новые выборы въ рейхстагъ.

Между тѣмъ въ Германіи обнаружилось сильнѣйшее социалистическое и рабочее движеніе, перепугавшее господствующіе классы. Чтобы предотвратить опасность революціи, Вильгельмъ рѣшилъ изучить, что надо сдѣлать въ пользу рабочихъ классовъ, и ввести самому необходимыя реформы.

Бисмаркъ, конечно, былъ сильно противъ этихъ плановъ. Всякая уступка рабочимъ казалась ему опасной, и онъ требовалъ примѣненія противъ нихъ вооруженной силы.

Вильгельму хотѣлось пойти другимъ путемъ. Рѣшено было созвать въ Берлинѣ международную конференцію по изученію рабочаго вопроса, о чемъ въ февралѣ 1890 г. и былъ опубликованъ особый указъ.

Въ Берлинѣ газеты стали открыто говорить о приближающейся отставкѣ Бисмарка. Републики, субсидируемыя канцлеромъ, разумѣется, отдавали грязью всякаго, кто отзывался о немъ неблагосклонно.

Однажды въ военномъ министерствѣ былъ официальный обѣдъ, на которомъ присутствовалъ и Вильгельмъ. Жена военного министра, сидя между нимъ и графомъ Вальдерзее, сказала что-то насчетъ Бисмарка. Тогда Верди-дю-Вернуа, услышавшій ея слова, крикнулъ ей черезъ весь столъ:

— Будь осторожнѣе, иначе газеты набросятся на тебя.

Императоръ отвѣтилъ на эту не особенно остроумную шутку громкимъ смѣхомъ.

Бисмаркъ не считалъ себя разбитымъ и повелъ встрѣчную интригу, стараясь разстроить затѣянную Вильгельмомъ международную конференцію. Съ этою цѣлью онъ спѣшно пригласилъ къ себѣ швейцарскаго посланника Арнольда Рота и попытался его убѣдить, что созывъ конференціи въ Берлинѣ наноситъ ущербъ репутации Швейцаріи, такъ какъ всякаго рода международныя конференціи бывають обыкновенно въ Швейцаріи. Играя на этой струнѣ, канцлеръ хотѣлъ, чтобы швейцарское правительство потребовало, чтобы конференція была не въ Берлинѣ, а въ Бернѣ. Однако Ротъ рѣшилъ не вмѣшиваться въ это дѣло и даже не довелъ объ этомъ разговоръ до свѣдѣнія своего правительства.

Тогда Бисмаркъ рѣшился на другой шагъ.

10-го февраля утромъ, когда французскій посланникъ Жюль Эрбеттъ разбилъ съ своимъ секретаремъ Альфредомъ Дюэнемъ утреннюю почту, лакей доложилъ, что пріѣхалъ князь Бисмаркъ. Посланникъ не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ, но массивная фигура канцлера уже показалась въ дверяхъ.

Послѣ обмѣна обычными въ такихъ случаяхъ любезностями канцлеръ сталъ доказывать, что предполагающаяся конференція непременно потерпитъ фіаско,

а это легко может повести къ международнымъ неудовольствіямъ, и потому лучше было бы, чтобы французы заранѣе отъ нея отказались.

— Мой шагъ, очевидно, васъ удивляетъ,—продолжалъ Бисмаркъ.—Но онъ продиктованъ мнѣ искреннимъ желаніемъ, чтобы между нашими странами не поднималось ни облачка. Двадцать восемь лѣтъ я стою во главѣ всѣхъ дѣлъ,—прибавилъ онъ съ видомъ откровенности.—И самыя большія затрудненія мнѣ причиняли всегда внутреннія дѣла. Со старикомъ дѣло еще шло. Но съ молодымъ ладить трудно: онъ воображаетъ, что знаетъ все самъ, и ни въ грошъ не цѣнитъ опытности. Его толкаютъ король саксонскій и великій герцогъ баденскій. Но въдъ это далеко не орлы. Они вздумали было и меня обратить въ свою вѣру, но я съ ихъ системой не примирюсь никогда.

Направляясь къ выходу, канцлеръ замѣтилъ два великолѣпные гобелена, украшавшіе стѣны посольства. На одномъ была изображена первая встрѣча Медеи съ Язономъ, на другой—пожаръ Коринеа, подожженного Медеей въ отместку за то, что Язонъ ее покинулъ.* Взглянувъ на послѣднюю картину, Бисмаркъ совершенно неожиданно продекламировалъ:

Et l'on revient toujours
A ses premiers amours.

— Можетъ быть, такъ будетъ и со мной,—добавилъ онъ.

Черезъ шесть дней Бисмаркъ вновь появился во французскомъ посольствѣ. На этотъ разъ онъ заговорилъ другое. Императоръ-де очень дорожитъ своей конференціей. Приходится ему уступить, и потому онъ, Бисмаркъ, просить, чтобы французы, во избѣжаніе неприяностей, непременно приняли въ ней участіе.

Эту перемѣну декорацій легко понять, если сопоставить рѣчь, произнесенную 5-го марта Вильгельмомъ въ засѣданіи бранденбургскаго сейма. «Всѣ тѣ, кто вздумаетъ чинить препятствія моимъ желаніямъ, будутъ сокрушены вдребезги», заявилъ онъ, не обинуясь.

Въ началѣ марта въ Берлинъ стали съѣзжаться депутаты, приглашенные на конференцію. Ихъ встрѣтили настойчивые слухи о томъ, что отставка Бисмарка неизбѣжна, и на первыхъ же порахъ, почти на ихъ глазахъ, разыгрался новый конфликтъ между канцлеромъ и императоромъ.

Вильгельму донесли, что Бисмарка посѣтилъ вождь католической партіи въ рейхстагѣ Виндгорстъ. Императоръ потребовалъ, чтобы Бисмаркъ немедленно доложилъ ему о предметѣ ихъ разговора.

— Это мое право—знать все,—заявилъ онъ.

— А мое право—сохранять за собой свободу сношеній съ депутатами,—отвѣчалъ Бисмаркъ.

При разговорѣ онъ вошелъ въ такой азартъ, что даже стукнулъ кулакомъ по столу.

— Я думалъ,—говорилъ потомъ Вильгельмъ:—что онъ пуститъ въ меня чернильницей.

Скоро произошло второе столкновеніе.

Сношенія императора съ министрами регламентировались указомъ 1852 года, въ силу котораго всё министерскіе доклады направлялись къ императору не иначе, какъ съ помѣткой канцлера. Сначала Вильгельмъ подчинялся этому порядку, но потомъ вдругъ потребовалъ, чтобы министры направляли всё дѣла непосредственно ему.

— Въ виду такихъ требованій я не могу брать на себя управление и предпочитаю выйти въ отставку, — заявилъ канцлеръ Вильгельму.

Тотъ промолчалъ. Но Бисмаркъ не понялъ этого молчанія. Черезъ часъ къ нему явился начальникъ военнаго кабинета императора генералъ-адъютантъ Ганке и потребовалъ у него прошеніе объ отставкѣ, о которой онъ заявилъ императору.

— Я поѣду самъ къ его величеству, — заявилъ Бисмаркъ.

Но когда онъ прибылъ во дворецъ, ему сказали:

— Его величество вышелъ.

Бисмаркъ понялъ, что его участь рѣшена безповоротно. Онъ написалъ прошеніе объ отставкѣ и вручилъ его Ганке и начальнику гражданскаго кабинета императора Луканусу, которые явились къ нему за нею на другой день.

19-го марта было официально объявлено объ отставкѣ Бисмарка, которому былъ пожалованъ титулъ герцога Лауэнбургскаго.

Бисмаркъ былъ въ ярости, и его раздраженіе сообщалось всѣмъ окружающимъ. Собираясь переѣзжать изъ казенной квартиры, жена канцлера сдѣлала такое распоряженіе относительно портрета Вильгельма, который императоръ когда-то прислалъ ей мужу въ знакъ дружескаго расположенія:

— Пусть его отвезутъ во Фридрихсруэ и тамъ поставятъ въ конюшню.

Съ другой стороны, и Вильгельмъ, повидимому, былъ сильно возбужденъ противъ Бисмарковъ, и Гербертъ Бисмаркъ, не дожидаясь, пока его уволятъ, какъ его отца, самъ подалъ въ отставку.

Злоба и ненависть Бисмарка не знали предѣловъ. Онъ вдругъ сталъ чуть не революціонеромъ.

— Я видѣлъ, такъ сказать, безъ всякой одежды трехъ королей, — говорилъ онъ. — И могу сказать, что эти господа не блещутъ особой красотой.

19-го марта, какъ разъ въ день своей отставки, канцлеръ устроилъ парадный обѣдъ въ честь делегатовъ, прибывшихъ на конференцію. Депутаты ждали, что обѣдъ будетъ отмѣненъ, но канцлеръ настоялъ на своемъ. Весь вечеръ онъ былъ сильно оживленъ и дѣлалъ видъ, что онъ очень радъ своей отставкѣ.

На другой день, когда депутация засѣдала въ одной изъ предоставленныхъ ей залъ канцлерскаго дома, неожиданно отворились двери: вошелъ Бисмаркъ въ сопровожденіи какого-то генерала.

— Я долженъ показать комнаты моему преемнику, — объявилъ Бисмаркъ и назвалъ фамилію генерала — Каприви.

Первые дни послѣ отставки Бисмаркъ, казалось, совершенно ушелъ въ хлопоты о своемъ переѣздѣ — операціи довольно сложной, ибо надо было перевезти триста ящиковъ одной переписки, накопившейся за тридцать лѣтъ, и тринадцать тысячъ бутылокъ вина.

27-го марта, наканунѣ своего отъѣзда изъ Берлина въ свое имѣніе, Бисмаркъ

поѣхалъ прощаться съ Вильгельмомъ. Впереди и сзади его кареты ѣхали по два полицейскихъ. На другой день бисмарковскія рептиліи рассказывали, что аудіенція отличалась самымъ сердечнымъ характеромъ. Но люди, бывшіе во дворцѣ, свидѣтельствуютъ, что свиданіе вышло чрезвычайно холодно и длилось не болѣе четверти часа.

29-го марта состоялся отъѣздъ павшаго канцлера во Фридрихсруэ.

Около полудня всѣ члены рабочей конференціи собрались, по обыкновенію, въ одной изъ залъ канцлерскаго дома. Вдругъ разнеслась вѣсть, что Бисмаркъ уѣзжаетъ. Всѣ бросились къ окнамъ. Улица была биткомъ набита народомъ. При видѣ бывшего канцлера раздались громкіе привѣтственные крики. Полиція съ трудомъ прокладывала путь каретѣ Бисмарка. Когда она уже отъѣхала довольно далеко, одинъ изъ чиновниковъ, прикомандированныхъ къ рабочей конференціи, наклонился къ другому и сказалъ:

— Слава Богу, что отъ насъ убрали этого человѣка

У вокзала былъ выстроенъ почетный караулъ. Бисмаркъ пропустилъ его церемональнымъ маршемъ. Потомъ онъ вошелъ на дебаркадеръ, гдѣ его ожидалъ дипломатическій корпусъ.

Гербертъ Бисмаркъ шелъ сзади отца. Съ холодной презрительной миной онъ также здоровается съ дипломатами, бормоча сквозь зубы:

— E finita la commedia.

Поѣздъ отходитъ подъ звуки военной музыки.

Черезъ нѣсколько дней Вильгельмъ писалъ королю саксонскому:

«Я прошелъ черезъ тяжелое испытаніе и провелъ нѣсколько мучительныхъ часовъ. На душѣ у меня такъ грустно, словно я второй разъ похоронилъ дѣда. Но самъ Богъ рѣшилъ такъ. Я долженъ былъ подчиниться этому, хотя бы это грозило задавить меня своею тяжестью».

Въ самый день отъѣзда Бисмарка императоръ пригласилъ членовъ конференціи къ себѣ во дворецъ на *Viegtabend*.

— Я хочу вамъ показать, что это такое,—сказалъ онъ Жюлю Симону.

Одна изъ большихъ залъ дворца была превращена въ пивную, на каждомъ столикѣ красовались бутылка пива, кружка и сигара. Въ этой обстановкѣ Вильгельмъ продержалъ своихъ гостей отъ девяти часовъ вечера до часу ночи. И не похоже было, чтобы его душа испытывала особую скорбь. Напротивъ, всѣ замѣтили, что онъ вель себѣ, какъ выпущенный на свободу арестантъ.

Что касается Бисмарка, то онъ увезъ съ собою изъ Берлина одну ненависть, которой была такъ много въ его натурѣ. До самой его смерти, послѣдовавшей въ 1898 г., эта ненависть обнаруживалась въ формахъ, весьма оскорбительныхъ для Вильгельма. Закончивъ свою государственную карьеру, Бисмаркъ не сумѣлъ съ достоинствомъ и благородствомъ отнестись къ постигшей его превратности судьбы и посвятилъ остатокъ дней своихъ злобнымъ выходкамъ и низкой мести. Неприглядная сторона его нравственной природы никогда еще не проявлялась съ такой отталкивающей гнусностью.

— П о д л и н н а я   А в с т р і я .—Въ ноябрьской книжкѣ «The Nineteenth Century» г-жа Запарди-Ланди даетъ краткій очеркъ теперешней двуединой имперіи, основанный, очевидно, на близкомъ знакомствѣ съ ав-

стрийской жизнью. Единственною связью между многочисленными, враждебными друг другу народностями, которыми населена территория двуединой империи, является, по словам автора, католицизмъ. Католичество исповѣдуется огромнымъ большинствомъ населенія. Католичество же является душой австрийскаго двора. Къ чести дома Габсбурговъ надо сказать, что они никогда не ставятъ своихъ личныхъ интересовъ выше интересовъ своей имперіи. Ни супруги, ни сестры, ни вообще какія-либо родственницы не оказываютъ никакого вліянія на австрийскую политику. Императоръ Францъ-Іосифъ всегда подавалъ другимъ примѣръ того, какъ не слѣдуетъ поступаться ничѣмъ, не поддаваться никакимъ вліяніямъ, если дѣло идетъ о благѣ страны. Даже его мать, честолюбивая герцогиня Софія, принуждена была удалиться, когда она поняла, что ея вліяніе губительно отражается на дѣлахъ имперіи. Къ сожалѣнію, однако, народу отъ этого всегда было мало пользы: интересы страны всегда приносились въ жертву церкви, и никто изъ Габсбурговъ не сталъ бы дѣлать ничего, чего не одобрила бы церковь.

На этой связи между церковью и государствомъ и возникли различныя политическія партіи. Въ Австріи существуютъ клерикалы, т.-е. партія крайнихъ приверженцевъ церкви, радикалы, т.-е. ихъ прямые враги, наконецъ, антисемиты, которые являются тѣмъ же клерикалами, поскольку дѣло идетъ о противоеврейскомъ движеніи.

Парламентское правленіе сводится къ тому, что правительство подъ разными предлогами старается не отвѣчать на запросы депутатовъ и сѣять раздоръ между противными партіями. Благодаря такой политикѣ, Австрія, несмотря на конституцію, остается государствомъ, которое управляется самодержавно императоромъ и его камарильею, находящейся всецѣло въ рукахъ Ватикана, или, точнѣе сказать, іезуитовъ.

Путемъ перекрестныхъ браковъ между подданными Габсбурговъ—пѣмцами, славянами, венграми, итальянцами,—образовалась какая-то необыкновенная помѣсь. Въ большинствѣ случаевъ жители Австріи не представляютъ собою ни одну изъ перечисленныхъ расъ въ чистомъ видѣ, но, можетъ быть, благодаря именно этому обстоятельству, они очень изящны и красивы. Нѣмецкая серьезность здѣсь давно испарилась, и австрийцы относятся къ своему существованію весело и жизнерадостно. Даже теперешняя ужасная война не повліяла на это настроеніе, и они попрежнему продолжаютъ посѣщать театры и предаваться различнымъ развлеченіямъ. Богатые люди идутъ толпами въ рестораны, бѣдняки въ облюбованныя ими кафе. Разница между высшими классами и низшими только въ томъ, что высшіе классы распущены и невоздержаны, низшіе—скромны и симпатичны.

Австрія не богата, и деньги здѣсь находятся обыкновенно въ рукахъ венгерскихъ магнатовъ и еврейскихъ банкировъ. Эти располагаютъ огромными средствами, средній же гражданинъ имѣетъ не болѣе пяти-шести тысячъ рублей годового дохода. Военная и гражданская служба оплачивается довольно скудно, и чиновничество представляетъ собою «почетную нищету». Генералы получаютъ тысячъ по шести, столько же и министры. Окладъ перваго министра равняется двѣнадцати тысячамъ. Жалованье военнаго капитана и соответствующаго ему

по рангу гражданского чиновника колеблется от тысячи четырехсотъ до тысячи пятисотъ рублей въ годъ.

Одно изъ золъ австрійской жизни состоитъ въ томъ, что въ Австріи люди начинаютъ зарабатывать деньги и создаютъ себѣ самостоятельное положеніе въ возрастѣ не раньше тридцати лѣтъ. Юристъ выходитъ изъ университета обыкновенно не раньше двадцати трехъ-четырехъ лѣтъ. Послѣ этого онъ долженъ пройти стажъ въ семь лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ зарабатываетъ едва нѣсколько сотенъ рублей въ годъ. И только къ тридцати годамъ онъ можетъ стать на самостоятельныя ноги. Результатомъ этого является то, что въ адвокаты идутъ въ большинствѣ случаевъ сыновья богатыхъ евреевъ. Такое положеніе дѣла ведетъ къ тому, что молодежь забита заботами о кускѣ хлѣба и лишена чувства увѣренности въ своихъ силахъ. На человѣка, еще не достигшаго тридцатилѣтняго возраста, въ Австріи смотрять, какъ на юношу, нуждающагося въ руководствѣ и опекѣ. Эта система упорно поддерживается правящимъ классамъ, ибо благодаря ей молодежь не вторгается въ область практической политики. Австріецъ вообще мало склоненъ къ политикѣ. Онъ слишкомъ мечтатель и идеалистъ и не любитъ занимать свой умъ тѣмъ, что ему кажется сухой политической матеріей. Онъ интересуется политикой лишь постольку, поскольку она даетъ ему поводъ воспѣвать свободу или испускать патріотическіе крики на улицахъ.

Австрія въ наше время единственная страна, гдѣ ремесленникъ любитъ свой трудъ ради него самого, а не ради тѣхъ прибылей, которыя можно изъ него извлечь. Любой торговецъ будетъ до безконечности выкладывать и показывать свои товары, хотя и знаетъ заранѣе, что вы у него ничего не купите. Ремесленники и купцы слишкомъ горды, чтобы гнаться за своими выгодами.

Германскаго нахальства здѣсь нѣтъ, нѣтъ и той гордой сдержанности, какая замѣчается въ высшемъ англійскомъ классѣ. Въ Англии клеркъ привыкаетъ, чтобы его хозяева обращались съ нимъ свысока и относятся подозрительно ко всякому, кто заговорить съ нимъ въ дружескомъ тонѣ. Австріецъ же не станетъ работать на человѣка, который будетъ держаться отъ него вдали. Холодная учтивость не правится въ Австріи. Напротивъ, улыбка, ласковое слово пріобрѣтаютъ общую благосклонность.

Легко понять, какъ неприятно дѣйствуетъ на австрійцевъ прусская надутость и нахальство. Австрійцы попрежнему ненавидятъ пруссаковъ и смѣются надъ ними, какъ они смѣются надъ всѣмъ, что имъ не правится.

Императоръ Францъ-Иосифъ также недолюбливаетъ пруссаковъ. Особенно ненавистны ему юнкера, и эту ненависть раздѣляетъ съ нимъ весь дворъ. Но Вильгельмъ сумѣлъ забрать въ руки наиболѣе крупныхъ и вліятельныхъ лицъ изъ придворной партіи—князя Фюртенльберга и убитаго наслѣдника эрцгерцога Франца-Фердинанда, котораго онъ выручилъ изъ затрудненій, возникшихъ вслѣдствіе его морганатическаго брака съ чешской графиней Хотекъ. Вильгельмъ первый призналъ этотъ бракъ и принудилъ своихъ мелкихъ владѣтелей сдѣлать то же самое. Одно время чехи возлагали большія надежды на Хотекъ, но она оказалась фанатичкой и признавала надъ собой одну только власть—власть Ватикана.

Въ Вѣнѣ теперь даютъ себя чувствовать только два вліянія—Рима и Берлина. Ненависть къ Италіи и угнетеніе итальянцевъ, живущихъ на австрійской территоріи, до извѣстной степени объясняются исключительно ихъ враждебностью къ папѣ, котораго они лишили столицы и свѣтской власти. Къ Берлину тянетъ «національная германская партія», основанная Шенереромъ, къ Риму—«христіанско-соціалистическая».

Покончивъ съ политическимъ положеніемъ Австро-Венгріи, г-жа Занарди-Ланди дѣлаетъ характеристику австрійскаго общества. Мужчины, которыхъ слишкомъ долго держать на положеніи молодыхъ людей, теряютъ чувство отвѣтственности, женщины по той же причинѣ становятся легкомысленными и фривольными. Мужчины, не имѣя возможности содержать себя, ищутъ богатыхъ невѣстъ, но нерѣдко ихъ расчеты оказываются ошибочными, а такъ какъ у католиковъ расторженія брака не допускается, то устраиваются при помощи *menage à trois* и даже *à quatre*: жена находитъ себѣ богатаго покровителя, который уплачиваетъ за нее долги, а мужъ пользуется милостями какой-нибудь богатой особы, которой онъ приглянулся.

Жизнь офицеровъ, особенно въ кавалерійскихъ частяхъ, не отличается большой нравственностью. За послѣднія пятнадцать лѣтъ военная карьера считалась самой легкой, хотя и почетной. Австрія, въ противоположность Германіи, страна вовсе не милитаризованная. Австрійцы любятъ парады и красивыя военныя зрѣлища, но казарменная грубость ихъ отталкиваетъ. Австріецъ въ большинствѣ случаевъ только «любитель». Въ его натурѣ есть что-то такое, что мѣшаетъ ему схватить самую суть дѣла. Когда вспыхнула война, онъ долго не могъ понять всего значенія этого событія. Австрійцы во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ дѣтей. Безчисленные законы и распоряженія, которыми они опутаны, убили въ нихъ всякую привычку къ независимой мысли. Словомъ, австрійскій народъ въ политическомъ отношеніи еще не проснулся.

Католическая вѣра во всей неприкосновенности сохраняется только въ крестьянствѣ. Городскіе классы—вышніе и низшіе—не имѣютъ никакой вѣры и раздѣляютъ матеріалистическія воззрѣнія. И виновато въ этомъ правительство. Кромѣ католической церкви, оно допускаетъ только лютеранство и еврейскую синагогу. Такимъ образомъ, человѣку, воззрѣнія котораго не мирятся ни съ католицизмомъ, ни съ лютеранствомъ, некуда дѣваться, и остается только мало-по-малу превратиться въ атеиста.

Съ другой стороны, обученіе Закону Божію въ школахъ обязательно. Легко понять, въ какое положеніе попадаютъ дѣти тѣхъ семей, гдѣ держатся атеистическихъ воззрѣній. Изъ нихъ вырабатываются еще болѣе закоренѣлые атеисты, чѣмъ ихъ родители.

Матеріализмъ въ настоящее время является преобладающимъ во всѣхъ слояхъ австрійскаго общества. За послѣднія десять лѣтъ подъ вліяніемъ Франца-Фердинанда и главнымъ образомъ его жены распространилось страшное ханжество. Либеральныя идеи подверглись гоненію. Народу не позволяли даже думать самостоятельно. Зато безнравственность и развратъ не встрѣчали никакой сдержки, и Вѣна стала настоящимъ Содомомъ и Гоморрой. Въ ресторанахъ происходятъ настоящія оргіи и такія зрѣлища, которыхъ нельзя

видѣть и въ Парижѣ. Тамъ въ подобныхъ оргіяхъ принимаютъ участіе женщины легкаго поведенія,—здѣсь дамы изъ общества, самыя его сливки. Нигдѣ въ мірѣ не бываетъ, по словамъ автора, столько незаконныхъ дѣтей, какъ въ Австріи, и нигдѣ на этихъ незамужнихъ матерей не смотрятъ такъ снисходительно, какъ здѣсь. Въ Вѣнѣ едва ли можно найти служанку, у которой не было бы хотя одного незаконнаго ребенка.

— Къ исторіи нѣмецкаго шовинизма.—Этотъ важный вопросъ прекрасно разработанъ въ статьѣ англійскаго историка А. Рэнделля, помѣщенной въ послѣдней книжкѣ «Contemporary Review».

Наиболѣе выдающейся чертою психологіи германскаго народа является преувеличенное расовое самосознаніе. Обыкновенно говорятъ, что такая расовая исключительность явилась послѣ войны 1871 года, когда народу, до сихъ поръ раздробленному, удалось наконецъ сплотиться. Но это невѣрно. Уродливый нѣмецкій патріотизмъ замѣтенъ еще на самомъ порогѣ новѣйшей Германіи, и, напримѣръ, даже у Лессинга мы найдемъ его слѣды. Въдѣ увѣрялъ же онъ, напримѣръ, что Шекспиръ былъ въ сущности германцемъ. Гете и Шиллеръ были космополитами, но и изъ ихъ сочиненій можно было бы набрать цѣлый букетъ цитатъ, свидѣтельствующій о ихъ преувеличенномъ, экзальтированномъ патріотизмѣ. Отъ писемъ Нибура отдаютъ все тѣмъ же исключительнымъ духомъ германизма. Въ писаніяхъ Арндта этотъ духъ сказывался настолько, что далъ Гейне поводъ саркастически замѣтить: «Онъ ищетъ въ древнихъ германскихъ лѣсахъ добродѣтелей, которыхъ онъ не находитъ въ новѣйшихъ гостинныхъ». Съ большей или меньшей справедливостью эти слова можно приложить къ огромному большинству выдающихся нѣмецкихъ дѣятелей, въ родѣ историковъ Гейсера, Дройзена, Моммсена, Ранке, Зибеля, Трейчке, поэтовъ Уланда, Вильденбруха, ученыхъ въ родѣ Вильзера, Волтмана, музыкантовъ—Вагнера, философовъ въ родѣ Ницше и т. д.

Ни одно правительство не сумѣло такъ эксплуатировать этотъ расовый инстинктъ, какъ нѣмецкое. Когда въ Англии профессора-историка Фриманъ, Стеббсъ, Гардинеръ и другіе подняли въ своихъ лекціяхъ пропаганду противъ Германіи, а экономисты въ родѣ Ашлея стали указывать на опасность германской конкуренціи, ихъ проповѣдь вызвала общее изумленіе и конфузъ.

Въ Германіи же за послѣднія лѣтъ семьдесятъ царилъ сплошная тенденція—тенденція въ литературѣ, въ наукѣ, въ искусствѣ. Несмотря на свои научныя заслуги, германскіе профессора всегда чувствовали себя слугами своего правительства, готовыми всякую минуту оказать ему всяческую помощь, превознося на всѣ лады Германію и все нѣмецкое. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до войны профессоръ Циммерманъ, считающійся специалистомъ по кельтскому языку, счелъ умѣстнымъ на своихъ лекціяхъ всячески унижать кельтскій элементъ въ челоѳчествѣ, указывая на бѣдность и невѣжество ирландцевъ, нравственную испорченность Франціи и на политическое паденіе Англии, гдѣ въ числѣ министровъ оказался валліецъ Ллойдъ-Джорджъ.

Упадокъ Франціи былъ постоянной темой разныхъ патріотическихъ чтеній въ Германіи. Образованные нѣмцы не могли, конечно, отрицать всего того,

чѣмъ они сами были обязаны Франціи, но для простаго народа Францію не стѣснялись систематически выставлять въ самомъ дурномъ свѣтѣ. Такъ, еще въ 1840 году профессоръ исторіи въ Галле нѣкій Генрихъ Лео проповѣдывалъ съ своей кафедрѣ, что французы—народъ обезьянъ (Affelvolk), а ихъ Парижъ— жилище самого сатаны. Французская революція 1848 года всколыхнула стоячее болото нѣмецкой жизни. Чтобы парализовать вліяніе французскихъ освободительныхъ идей, Фридрихъ-Вильгельмъ IV рѣшилъ положить начало національному воспитанію народа и влить въ нѣмцевъ ненависть и подозрительность къ Франціи. Въ такомъ духѣ воспиталось не одно поколѣніе будущихъ дѣятелей Германіи.

Шовинизмъ, развившійся въ послѣдствіи до пангерманизма, повелъ къ мечтамъ о возстановленіи имперіи Карла Великаго. Этотъ идеалъ возникъ въ Германіи въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда было издано множество книгъ и брошюръ, въ которыхъ описывалась Германія будущаго. Такъ, въ 1861 году появилась карта съ такимъ заглавіемъ: «Франція, какою ее желаетъ видѣть Германія». На этой картѣ Эльзасъ, Лотарингія и Франш-контэ включены уже въ составъ Германіи. Издаанный черезъ семь лѣтъ атласъ нѣкоего Штилера шелъ еще дальше: на немъ включены въ составъ Германіи уже Швейцарія, Бельгія, Голландія и Данія. Нѣмцы, конечно, понимали, что такой международный грабежъ невозможенъ, пока Франція остается великой державой. Отсюда—мысль, что для расширенія Германіи необходимо уничтожить Францію, и эту мысль какъ нельзя откровеннѣе выражалъ профессоръ географіи въ Галле Даніэль. «Франція была первоначально маленькимъ королевствомъ,—говорилъ онъ своимъ слушателямъ:—королевствомъ, которое родилось отъ распадена имперіи Карла Великаго. Потомъ оно распространилось на счетъ Германіи». Эта идея была подхвачена многими географами и картографами и стала въ Германіи настоящимъ помѣшательства.

Вопросъ объ упадкѣ Франціи долгое время служилъ любимой темой профессорскихъ чтеній не только Трейчке, но и Зибеля. Хотя Дройзенъ, Моммсенъ и Ранке и не проявляли такой активной дѣятельности, какъ первые двое, но и они дѣлали все возможное, чтобы натравить нѣмецкій народъ на Францію. Ихъ пропаганда сдѣлала свое дѣло, и въ 1870 году даже такой человекъ, какъ Фридрихъ Штраусъ, авторъ «Жизни Христа», писалъ Репану, что для Германіи война 1870 г. есть война священная, вызванная необходимостью нравственнаго оздоровленія человѣчества.

Послѣ заключенія франкфуртскаго мира нѣмцы все же не могли противостоятъ проникновенію французской культуры. Вліяніе Золя стало сказываться на ихъ литературѣ и вызвало съ ихъ стороны сильный отпоръ. Нѣмецкіе драматурги стали превозносить до небесъ Гогенцоллерновъ и высмѣивать Францію. Вильгельмъ II въ 1892 году вооружился противъ тогдашняго воспитанія, которое онъ находилъ слишкомъ космополитичнымъ, и приказалъ воспитывать юношество на нѣмецкой исторіи, географіи и народной поэзіи. Въ Берлинѣ нарочно была создана Аллея Побѣды.

Не осталась въ покоѣ и религія. Офиціозный журналъ «Preussische Jahr-

biescher» еще въ 1899 г. писалъ, что «нужно сдѣлать все усилія, чтобы германскій духъ получилъ преобладаніе въ христіанствѣ». Несмотря на то, что цѣлая треть Германіи исповѣдуетъ католицизмъ, это вѣроисповѣданіе, какъ международное, было взято пангерманцами со временъ Бисмарка подъ подозрѣніе. Въ трудахъ новѣйшихъ нѣмецкихъ писателей, въ родѣ Вольтмана и Реймера, католицизмъ продолжаетъ разсматриваться, какъ причина упадка Франціи, а съ другой стороны, какъ главное препятствіе міровой политикѣ Германіи.

Начиная съ половины семидесятыхъ годовъ, Франція начинаетъ поемногу оправляться отъ нѣмецкаго погрома. Но почти до конца XIX столѣтія она продолжаетъ еще пребывать въ состояніи сомнѣнія, колебанія, глубокаго разочарованія. Въ ея мыслителяхъ замѣчается духъ анархіи и нигилизма. Ея писатели ударяются въ пошлую чувственность. Въ политическомъ мірѣ царить подкупъ и нечестность. Въ 1895 г. выплываетъ наружу дѣло Дрейфуса. Въ большинствѣ населенія религія вырождается въ ненависть къ католицизму.

Толчокъ къ обновленію Франціи дала, какъ это ни странно, русско-японская война. Россія была разбита. Французы вдругъ почувствовали, что имъ больше всего надо надѣяться на самихъ себя. Американскій журналистъ Вернонъ Ли, не разъ бывавшій въ Франціи, уже въ 1910 году писалъ: «Тѣ самые друзья, которыхъ я зналъ пацифистами, антимилитаристами, ницшеанцами, вагнеріанцами, вдругъ перемѣнились. Они еще шептали слова «миръ», «прогрессъ», но уже говорили ихъ съ желаніемъ войны и съ чувствомъ готовности къ ней». Съ 1890 года Франція сильно поднималась умственно, и ни одна страна не выставила столько громкихъ именъ. Стоитъ вспомнить хотя бы только Бергсона, Родэна, Клоделя, Ренье, Сореля, Пуанкаре, Пастера, Влерію.

Возвышеніе Франціи повело, разумѣется, только къ усиленію ненависти къ ней нѣмцевъ. Опять началось раздуваніе вражды ко всему французскому. Въ 1901 г. въ Баваріи раздались были протесты противъ того, что въ элементарныхъ учебникахъ исторіи Франція называлась не иначе, какъ наслѣдственнымъ врагомъ Германіи. Но, конечно, протесты эти не имѣли никакого значенія. И когда семь лѣтъ спустя издатель французскаго журнала «La Démocratie» Гюкь, путешествуя по Германіи, собралъ цѣлый рядъ нѣмецкихъ учебниковъ, то они оказались насквозь пропитанными шовинизмомъ. Иена замалчивалась, зато побѣда подъ Лейпцигомъ раздувалась въ величайшее событіе. «Естественныя границы Германіи на западѣ,—говорилось въ учебникѣ географіи,—простираются отъ мыса Gris-pez до Аргоннскихъ горъ, черезъ возвышенности Эльзаса до устьевъ Роны». «Германская имперія, для краткости называемая Германіей,—говорилось въ другомъ,—есть только главная часть германской территоріи».—«Все, что есть хорошаго во Франціи, обязано германской расѣ. Собственная территорія Франціи ограничивается однимъ Иль-де-Франсомъ», утверждалось въ третьемъ.

Отъ историковъ не отставали и такъ называемые «политическіе антропологи», въ родѣ Вольтмана. Ихъ излюбленные идеи состояли въ томъ, что, во-первыхъ, Европа была спасена отъ разложенія германскимъ народомъ, во-вторыхъ, что современная Германія—это цвѣтъ всего человѣчества и, въ-третьихъ, что

всякія препятствія прогрессу Германіи, въ родѣ евреевъ, католицизма и Франціи, являются и препятствіями для самого человѣческаго прогресса.

Дѣло дошло до того, что «политическіе антропологи» стали присваивать Германіи все, что только было лучшаго въ человѣчествѣ. «Что Данте былъ германцемъ,—пишетъ одинъ изъ нихъ,—это настолько ясно изъ его біографіи и твореній, что не стоитъ этого и доказывать. Самое имя его Алигьери есть исковерканное нѣмецкое Альдигеръ».

Еще съ большей эрудиціей выступаетъ вышеупомянутый Вольтманъ. Онъ доказываетъ, что возрожденіе было явленіемъ исключительно германскимъ. Боккачіо, увѣряетъ онъ, первоначально назывался Бухатцъ, фамилія Тассо есть измѣненная нѣмецкая—Дассе, Альфьери—это нѣмецкое Эльферъ, Кавуръ, Манцони и Леонарди были также нѣмецкаго происхожденія: доказательствомъ этого служатъ ихъ голубые глаза. Что касается Франціи, то по цвѣту волосъ и формѣ черепа тутъ всѣ оказываются нѣмцами отъ Вольтера до Ожье.

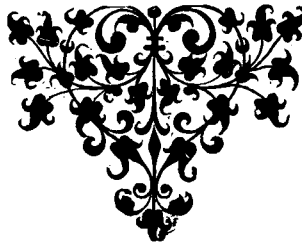
«Совершенно невѣрно, будто наука не имѣетъ отечества,—писалъ нѣмецкій историкъ Гизебрехтъ:—наша наука должна быть не космополитичной, а германской». И нѣмецкіе ученые послѣдовали этому девизу. Но и тутъ они питались чужимъ гениемъ, черпая его мысли. Какъ это ни странно, но основаніе нѣмецкой исключительности заложили французъ Гобино и англичанинъ Дарвинъ. Антропологическія теоріи Гобино, изложенныя имъ въ книгѣ «L'impérialité des races humaines», въ 1902 году были приспособлены для цѣлей нѣмецкаго патріотизма Павломъ Клейнеке, а знаменитая теорія Дарвина о борьбѣ за существованіе легла въ основу нашумѣвшей книги Вильзера «Die Germanen». Тутъ вездѣ, гдѣ говорится о «побѣдѣ сильнѣйшаго и гибели слабѣйшаго», довольно прозрачно намекается на Германію и Францію.

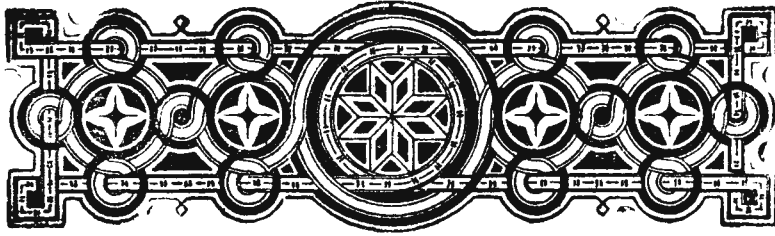
Шовинистическое настроеніе, внесенное этими quasi-учеными трудами, было подхвачено всевозможными патріотическими организаціями, въ родѣ «Alldeutsche Sprachverein», «Allnutsche Verband», «Flottenverein» и т. д. Цѣль всѣхъ этихъ обществъ—распространеніе нѣмецкаго духа по всему земному шару. Для огромнаго большинства ихъ членовъ міровое господство Германіи стало своего рода *idée fixe*. Всѣ они старались работать каждое въ своей области. Такъ, Sprachverein распространяли нѣмецкій языкъ, «Gustav Adolf Verein»—лютеранство и т. д. Вліяніе этихъ обществъ особенно сказывалось на Россіи, Франціи и Англии, хотя ни одна страна въ мірѣ не избѣгала ихъ воздѣйствія. Въ придачу къ нимъ работали отдѣльныя лица, въ родѣ проф. Галле, старавшагося довести до крайнихъ предѣловъ національную теорію, заложенную экономистомъ Листомъ, или проф. Паульсена, проповѣдывающаго, что воспитаніе должно готовить къ борьбѣ за преобладаніе и власть. Немало народилось въ Германіи и пропагандистовъ обычнаго типа въ родѣ Рорбаха, Дена, Реймера, Мартина и др. Изъ нихъ Рорбахъ, несмотря на весь свой шовинизмъ, является еще сравнительно умѣреннымъ—стоитъ только сопоставить съ нимъ, на примѣръ, экономиста Мартина, который неумоимо проповѣдалъ отторженіе отъ Россіи Польши и Прибалтійскаго края, анексію Бельгіи и Голландіи и установленіе протектората надъ Турціей. Но рекордъ въ

мецкаго шовинизма и алчности къ чужому побилъ Реймеръ, авторъ книги «Ein Pangermanisches Deutschland». Тутъ приняты и развиты до крайнихъ предѣловъ теоріи Вольтмана и Визлера, и Германія выставляется какъ спасительница осужденной на гибель Европы. Гибель эта начинается съ Франціи, и признаки ея видны въ слѣдующемъ: во-первыхъ, во Франціи уменьшается количество рожденій, что Реймеръ объясняетъ исключительно нравственною испорченностью Франціи, во-вторыхъ, во Франціи угасаетъ воинственность и процвѣтаетъ антимилитаризмъ. «Будущее Франціи,—увѣряетъ онъ,—лежитъ въ Германіи».

«Вы, французы,—говорилъ одинъ видный нѣмецкій писатель Жоржу Бурдану, когда тотъ собиралъ въ Германіи матеріалъ для своей книги «L'enigme allemand», вы, французы, ослѣплены иллюзіями, вы ударяетесь въ мечты и позволяете себѣ роскошь—имѣть гуманитарныя идеи. Вы все еще вѣрите въ справедливость, добросовѣстность, въ миръ».

Нѣмцы, конечно, этому не вѣрили и не вѣрятъ. И тѣмъ не менѣе, выкинувъ за бортъ все, что составляетъ лучшую часть человѣческой души, отказавшись отъ всякихъ нравственныхъ идеаловъ въ пользу насилія и угнетенія, эта грубая нація смѣетъ еще говорить о своей «культурѣ»!

С М Ъ С Ь.

ОБРАНИЕ археологического общества. Состоящее под августѣйшимъ управленіемъ великаго князя Георгія Михайловича нумизматическое отдѣленіе императорскаго русскаго археологическаго общества 24-го ноября возобновило послѣ лѣтняго перерыва свою ученую дѣятельность. Предсѣдательствовалъ старшій хранитель императорскаго Эрмитажа, профессоръ археологическаго института А. К. Марковъ. М. И. Догель сдѣлалъ доклады: «О тамгахъ на татарскихъ монетахъ» и «Монеты удѣльныхъ князей Волжеской Булгаріи». Докладчикъ изучилъ цѣлый рядъ знаковъ на татарскихъ монетахъ и сопоставилъ эти знаки съ тамгами—знаками собственности, употреблявшимися у монголовъ въ самый ранній періодъ ихъ исторической жизни. Знаки эти обычно служили клеймами на скотѣ. Передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, знаки тамъ сдѣлались своеобразными родовыми гербами. Тамга основателя монгольской государственности Чингизъ-хана неизвѣстна, но тамги его сыновей, въ томъ числѣ родоначальника золотоордынскихъ хановъ и джагатайскихъ хановъ докладчикъ попытался опредѣлить. Вначалѣ игравшая роль родового герба родовая тамга, за пресѣченіемъ рода, пріобрѣтала значеніе знака верховнаго ханства. Такъ, сохранилась подобная тамга, характеризующая верховное ханство Золотой Орды, относящаяся къ 1555 году. Въ преніяхъ выяснилось, что знаки, аналогичные изслѣдованнымъ докладчикомъ, встрѣчаются на керамическихъ издѣліяхъ, открытыхъ при раскопкахъ въ Закавказьѣ и, въ частности, на мѣстѣ древняго армянскаго культурнаго центра—нынѣ раскопываемаго города Ани. Интересно, что знакъ одной изъ золотоордынскихъ тамгъ встрѣчается въ украшеніяхъ анійскихъ церквей. Анійскія древности от-

посятся къ періоду X—XIV вѣковъ; изслѣдованныя докладчикомъ монеты обнимаютъ собою періодъ XIII—XIV вѣковъ. Въ докладѣ о монетахъ князей Волжской Булгаріи, въ которую входили нынѣшнія Казанская и Симбирская губерніи, М. И. Догель указывалъ, между прочимъ, что князья эти пользовались извѣстною полупезависимостью. А. К. Марковъ сообщилъ о любопытной серебряной монетѣ, поступившей нынѣ въ императорскій Эрмитажъ изъ знаменитой псковской коллекціи Плюшкина. Интересно, что монета эта, надпись на которой удалось въ настоящее время прочитать докладчику, выбита какъ союзная—двухъ братьевъ, сыновей Чингизъ-хана—Октай и Джатага. Такія монеты, неизвѣстныя до сихъ поръ въ восточной нумизматикѣ, встрѣчаются въ русской. Такъ, союзныя монеты извѣстны среди ростовскихъ монетъ. Изслѣдованная монета относится, по мнѣнію докладчика, ко времени, очень близкому ко времени кончины (1227 г.) Чингизъ-хана. Оставшіеся четыре сына его почти два года не избирали своему отцу преемника и самостоятельно каждый управляли своими улусами. Только въ 1229 году великимъ ханомъ избранъ былъ Октай. Въ заключеніе А. К. Марковъ сдѣлалъ сообщеніе о двухъ кладахъ, открытыхъ за послѣднее время. Въ числѣ монетъ обнаружены монеты, относящіяся ко времени самостоятельной жизни Пскова. Второй изъ этихъ кладовъ, найденный истекшей осенью, попалъ въ руки продавцовъ. Около 160 монетъ этого клада обнаружено въ Александровскомъ рынкѣ въ Петроградѣ. Часть монетъ находится уже въ рукахъ коллекціонеровъ. Докладъ вызвалъ оживленные и продолжительныя пренія.

Выставка древне-восточнаго искусства въ Москвѣ ¹⁾. Оригинальный характеръ носила открывшаяся минувшею осенью въ Москвѣ въ художественномъ салонѣ выставка древне-восточнаго искусства; экспонаты этой выставки составились изъ коллекціи скульптурныхъ произведеній Японіи, Китая, Индо-Китая, Сіама и Тибета, собранной на Востокѣ коллекціонеромъ Богдановымъ. Въ виду отсутствія у насъ специальныхъ музеевъ восточнаго искусства выставка представила большой интересъ. Несмотря на случайный характеръ выставленныхъ предметовъ, все же среди нихъ встрѣчается не мало цѣнныхъ, порой даже рѣдкихъ произведеній восточнаго искусства; къ такимъ, напримѣръ, надо отнести небольшую бронзовую статуэтку Будды въ видѣ отрока, указывающаго лѣвой рукой на небо, а правой на землю, и рѣдкія по фигурѣ изображенія Будды съ сомкнутыми глазами и буддійскаго божества Бодисатвы. Исключительный по размѣрамъ (до двухъ метровъ длины) и исполненію экземпляръ представляетъ старинный японскій мечъ полукруглой формы, съ ножнами изъ слоновой кости, украшенными художественной рельефной рѣзью съ изображеніемъ сценъ изъ жизни Будды (всего болѣе 2,000 фигуръ). Большими размѣрами отличаются также старинныя вазы съ рельефами индійскаго рисунка, съ ручками въ видѣ колець; прекрасны—китайскія бронзовыя покрытыя перегородчатою эмалью вазы съ ручками въ видѣ головъ драконовъ, съ птицею на вѣткѣ, съ хоботами фантастическихъ животныхъ; изъ японскихъ вазъ можно отмѣтить вазу для цвѣтовъ на колесницѣ, вазы художественной

¹⁾ Сообщилъ М. С. Померанцевъ.

рельефной работы въ видѣ головъ слона, съ фигуурою льва на крышкѣ, съ узкимъ горлышкомъ, обвитымъ дракономъ. Среди японскихъ скульптуръ выдѣляется фигура рыцаря дореформенной Японіи—самурая въ dosp'яхъ и вооруженіи. Любопытны издѣлія изъ дерева: группа драконовъ, вырѣзанныхъ изъ одного куска дерева, фигуры китайскихъ отшельниковъ, характерныя по выразительности фигуры, представляющія бытовые типы японцевъ. Среди экспонатовъ выставки обращаютъ на себя вниманіе предметы изъ утвари буддійскихъ храмовъ: оригинальной формы курильницы въ видѣ фантастическихъ утокъ или въ видѣ лягушки, считающейся у китайцевъ и японцевъ священной, подсвѣчники въ видѣ священныхъ ланей, подсвѣчники въ клювахъ золоченыхъ аистовъ и китайскій гонгъ для звона при богослуженіи и въ церемоніяхъ. Изящны—кувшины и вазы изъ такъ называемаго сатеумскаго фарфора, отличающагося высокимъ качествомъ, чайники, блюда и вазочки съ рельефными изображеніями сюжетовъ японскихъ сказокъ; фигуры изъ знаменитаго въ XVIII столѣтіи бѣломолочнаго глазурнаго фарфора; красивы—фаянсовыя фигуры драконообразныхъ буддійскихъ львовъ въ яркой окраскѣ. Стѣны выставки были украшены китайскими старинными картинами и японскими лубками.

Общее собраніе императорской академіи художествъ. 23-го ноября состоялось общее засѣданіе членовъ императорской академіи художествъ. Залъ совѣта, гдѣ происходило засѣданіе, имѣлъ на этотъ разъ совершенно исключительный видъ, такъ какъ въ немъ была устроена, исключительно для этого собранія, выставка этюдовъ и рисунковъ, сдѣланныхъ минувшимъ лѣтомъ учащимися въ батальной мастерской академіи, подъ руководствомъ профессора-руководителя Н. С. Самокиша, ѣздившаго съ пятью учениками на театръ военныхъ дѣйствій. По стѣнамъ было развѣшено до 300 этюдовъ въ краскахъ, иллюстрирующихъ походную жизнь, сцены изъ жизни моряковъ на судахъ въ военное время и т. п. Собраніе отнеслось съ большимъ интересомъ къ выставленнымъ работамъ, причемъ объясненія давалъ самъ профессоръ. Собранію было доложено о поступившемъ письменномъ заявленіи отъ дѣйствительныхъ членовъ академіи Ѳ. Г. Беренштама, Р. А. Берггольца и А. В. Щусева объ избраніи въ члены-сотрудники академіи художника П. В. Безроднаго, оказавшаго выдающіяся услуги академіи по постройкѣ русскаго павильона въ Венеціи и затѣмъ по перемѣщенію русскаго отдѣла въ Римъ послѣ начала войны, гдѣ онъ и останется въ россійскомъ императорскомъ посольствѣ, до первой возможности перевозки картинъ въ Россію. Собраніе большинствомъ голосовъ избрало П. В. Безроднаго въ свои члены-сотрудники. Затѣмъ удовлетворено ходатайство особой академической комиссіи по командировкамъ молодыхъ архитекторовъ для зарисовыванія и обмѣра памятниковъ древняго русскаго зодчества, объ отпускѣ дополнительныхъ трехъ тысячъ рублей на работы по изслѣдованію этихъ памятниковъ въ 1915 году, и отклонено ходатайство комиссіи объ устройствѣ специальной выставки этихъ работъ. Въ заключеніе собраніе постановило, по представленію ректора академіи профессора Л. Н. Бенуа, ассигновать 2,600 рублей на покупку картинъ только что получившихъ званіе молодыхъ художниковъ: «Валъ» И. Петровскаго, за 800 рублей; худож-

ника В. Алексѣева «Зима» за 600 рублей и гипсовый этюдъ ученика В. Яковлева «Мальчикъ».

Двадцатипятилѣтіе литературно-педагогической дѣятельности А. Л. Липовскаго. 1-го декабря исполнилось двадцать пять лѣтъ литературно-педагогической дѣятельности Александра Лаврентьевича Липовскаго, директора гимназіи бывшей Мая, извѣстнаго педагога, историка, публициста и неутомимаго общественнаго работника. Публицистическія статьи А. Л. печатались во многихъ столичныхъ и окраинныхъ органахъ; его историческія разысканія и изслѣдованія помѣщались въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ», «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», въ «Живой Старинѣ» и другихъ специальныхъ научныхъ изданіяхъ. Дѣятельное участіе юбиляръ принималъ также въ трудахъ «Русскаго библіологическаго общества», являясь ближайшимъ сотрудникомъ журнала общества—«Литературнаго Вѣстника». Много статей и замѣтокъ Липовскаго по исторіи напечатано также въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Ефрона. Изслѣдованіе о хорватахъ вышло отдѣльнымъ изданіемъ. Дѣятельность А. Л., какъ общественника, выразилась его неутомимой работой въ петроградскомъ педагогическомъ обществѣ и въ профессионально-политическомъ «союзѣ учителей средней школы». Какъ даровитый педагогъ съ широкимъ кругозоромъ, Липовскій хорошо извѣстенъ среди учащейся молодежи и пользуется неизмѣнной любовью не только среди настоящихъ своихъ многочисленныхъ учениковъ и ученицъ, но и среди давно уже покинувшихъ школьныя стѣны. На праздникъ А. Л. дружно сошлись со словомъ привѣта и съ выраженіями любви и признательности настоящіе и бывшіе ученики гимназіи и реальнаго училища Мая. Чествованіе директора носило скромный и вмѣстѣ съ тѣмъ теплый характеръ простоты и сердечности. 3-го декабря, по инициативѣ комитета бывшихъ ученицъ гимназіи М. Д. Могиланской, бывшія и настоящія ученицы А. Л., въ свою очередь, привѣтствовали юбиляра въ стѣнахъ гимназіи.

НЕКРОЛОГИ.

ИВАНЕНКО, В. Н. 26-го ноября въ Ялтѣ скончался на пятьдесятъ восьмомъ году жизни генераль-лейтенантъ въ отставку присяжный повѣренный округа варшавской судебной палаты Владимиръ Николаевичъ Иваненко. Покойный окончилъ Михайловское артиллерійское училище и затѣмъ Александровскую военно-юридическую академію. Дѣятельность юриста онъ началъ въ 1885 г. въ должности помощника военного прокурора московскаго военно-окружнаго суда и прослужилъ здѣсь до 1896 года, когда былъ переведенъ въ Тифлисъ. Въ 1902 году онъ былъ назначенъ на должность военного судьи московскаго военно-окружнаго суда. Въ 1908 году онъ въ чинѣ генераль-лейтенанта вышелъ въ отставку и вступилъ въ составъ присяжныхъ повѣренныхъ округа варшавской судебной палаты. Служа въ Орлѣ, Тифлисѣ и Москвѣ, покойный читалъ въ кадетскихъ корпусахъ лекціи по законовѣдѣнію, преподавая съ разрѣшенія въ Бозѣ почившаго августѣйшаго инспектора военно-учебныхъ заведеній свой курсъ ученія о нравственности. Кромѣ того, въ Москвѣ покойный въ 1903 году читалъ лекціи по уголовному праву въ императорскомъ университетѣ. По порученію кавказскаго отдѣла военно-историческаго общества онъ составилъ въ трехъ томахъ обширное сочиненіе подъ заглавіемъ: «Исторія гражданскаго управленія на Кавказѣ». Кромѣ того, онъ помѣщалъ рассказы въ нѣкоторыхъ журналахъ и въ газетѣ «Кавказское Обозрѣніе». (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1915 г., № 275).

Раухфусъ, К. А. 14-го ноября въ очень преклонномъ возрастѣ скончался извѣстный докторъ по дѣтскимъ болѣзнямъ лейбъ-педиатръ К. А. Раухфусъ, бывший послѣднее время предсѣдателемъ совѣта попечительства состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Феодоровны всероссійскаго попечительства объ охранѣ материнства

и младенчества. К. А. родился въ 1835 году и, окончивъ курсъ въ медико-хирургической академіи, съ 1857 года посвятилъ себя изученію дѣтскихъ болѣзней, а въ 1860 г. защищалъ диссертацию по ларингологіи. Съ 1858 по 1868 г. К. А. состоялъ прозекторомъ и старшимъ врачомъ при петроградскомъ воспитательномъ домѣ, гдѣ на практикѣ изучилъ всѣ дѣтскія заболѣванія и борьбу съ ними. Въ 1869 г. былъ назначенъ директоромъ дѣтской больницы принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, которая была построена по его личному проекту и на созданіе которой почившій положилъ много труда и энергіи. Въ 1876 г. покойный былъ назначенъ лейбъ-педиатромъ Двора Его Величества. Въ 1881 г. К. А. была впервые примѣнена система временной карантинной изоляціи, которая дала блестящіе результаты, а эта система, устроенная имъ при дѣтской больницѣ св. Владимира въ Москвѣ, удостоилась высочайшаго одобренія въ Возѣ почивающаго императора Александра III. Много К. А. потрудился и въ смыслъ изданія цѣлаго ряда медицинскихъ пособій, которыми даже теперь, несмотря на движеніе медицинской науки впередъ, пользуются практикующіе врачи. Изъ многочисленныхъ сочиненій К. А. одно изъ послѣднихъ въ 1898 г. «Успѣхи примѣненія противодифтеритной сыворотки въ Россіи» было переведено на иностранные языки и является настольной книгой всѣхъ германскихъ врачей по дѣтскимъ болѣзнямъ. Имя почившаго хорошо было извѣстно за границей и его часто приглашали на консультаціи по дѣтскимъ болѣзнямъ при заболѣваніи дѣтей у иностранныхъ коронованныхъ особъ. (Некрологъ его: «Голосъ Руси», 1915 г., № 667).

† **Рукавишниковъ, К. В.** Въ ночь на 29-е ноября скончался бывшій московскій городской голова и учредитель исправительнаго пріюта для малолѣтнихъ К. В. Рукавишниковъ. К. В. родился въ 1848 г., окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по юридическому факультету, въ 1878 г. принялъ въ свое завѣдываніе Рукавишниковскій пріютъ, основанный его братомъ Н. В. Рукавишниковымъ. Въ 1879 г. онъ вошелъ въ городскую думу съ ходатайствомъ о принятіи въ вѣдѣніе города пріюта, при этомъ купилъ для пріюта домъ и внесъ четыреста тысячъ рублей на его содержаніе. Затѣмъ К. В. положилъ немало средствъ на содержаніе и расширеніе пріюта. Въ 1883 г. при пріютѣ было открыто первое въ Россіи отдѣленіе для подслѣдственныхъ малолѣтнихъ. Покойный былъ иниціаторомъ съѣзда представителей исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ. Въ 1881 году имъ былъ созванъ первый съѣздъ; до 1904 года было создано шесть съѣздовъ. Всѣ они происходили подъ его предсѣдательствомъ. Въ 1904 г. имъ открыта первая въ Россіи колонія для малолѣтнихъ. К. В. долгое время состоялъ гласнымъ московской городской думы и гласнымъ московскаго губернскаго земскаго собранія. Въ 1894 году, послѣ смерти Н. А. Алексѣева, былъ избранъ московскимъ городскимъ головой. Дѣятельность его въ должности городского головы ознаменована главнымъ образомъ окончаніемъ постройки Мытищенскаго водопровода и работой по устройству городской канализаціи. К. В. скончался отъ крупознаго воспаленія легкихъ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1915 г., № 274).

† **Сатунинъ, К. А.** 10-го ноября въ Мичегѣ, около Тифлиса, скончался извѣстный русскій зоологъ, изслѣдователь Кавказа и специалистъ по систе-

матикъ млекопитающихъ Константинъ Алексѣевичъ Сатунинъ. Покойный воспитывался въ московской первой гимназіи, но курса въ ней не кончилъ, не выдержавши экзаменовъ на аттестатъ зрѣлости. Уѣхавши въ Черниговъ, К. А. служилъ нѣкоторое время въ мѣстной драматической группѣ, послѣ чего сдалъ въ мѣстной гимназіи экстерномъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Заниматься зоологіей К. А. началъ еще въ пятомъ классѣ гимназіи, и притомъ не по книгамъ только, а какъ изслѣдователь фаунистъ и биологъ. Онъ собиралъ коллекціи жуковъ и птицъ въ Черниговской губерніи и подъ Москвой, причѣмъ занятія по птицамъ сблизили его съ извѣстнымъ орнитологомъ Ф. К. Лоренцомъ, который былъ его первымъ учителемъ въ этой области. Поступивши въ московскій университетъ въ 1885 году, К. А. не измѣнилъ своихъ юношескихъ научныхъ симпатій и остался фаунистомъ и систематикомъ. Еще въ студенческіе годы онъ принялъ участіе въ двухъ научныхъ поѣздкахъ: первая была организована А. Н. Харутинымъ въ Киргизскія степи, а вторая графомъ Д. А. Бобринскимъ въ сѣверную Сахару. По окончаніи естественнаго факультета К. А. поступилъ на службу на кавказскую шелководственную станцію и до конца жизни остался на Кавказѣ, смѣнивши впоследствии службу по шелководству на должность старшаго специалиста департамента земледѣлія по прикладной зоологіи. Во время своихъ многочисленныхъ поѣздокъ по дѣламъ службы и специальныхъ научныхъ командировокъ покойный К. А. извѣдидъ Кавказъ, въ особенности Закавказье, по разнымъ направленіямъ, непрерывно собирая зоологическія коллекціи, причѣмъ его вниманіе, какъ изслѣдователя, сосредоточилось на млекопитающихъ, которымъ онъ посвятилъ болѣе пятидесяти печатныхъ работъ разнаго объема. Фауну Кавказа онъ особенно подробно изучилъ, и какъ разъ передъ его смертью въ Москвѣ былъ полученъ первый томъ его большой работы по кавказской фаунѣ, въ которой онъ свелъ итоги своихъ многолѣтнихъ изслѣдованій. Имя покойнаго вписано крупными буквами въ исторію русской зоологіи. Лондонское зоологическое общество избрало его своимъ членомъ, а въ Россіи онъ былъ членомъ цѣлаго ряда ученыхъ обществъ. Скончался К. А. пятидесяти двѣхъ лѣтъ отъ роду, оставивъ нѣсколько незаконченныхъ работъ и далеко не сдѣлавъ всего, что могъ бы сдѣлать при своей любви къ наукѣ. (Некрологъ его: «Утро Россіи», 1915 г., № 30).

Славинскій, М. Е. 11-го ноября восьмидесяти лѣтъ отъ роду скончался близъ Симферополя М. Е. Славинскій, одинъ изъ послѣднихъ могижанъ старой музыкальной Россіи. Уроженецъ Крыма, М. Е. учился въ петроградской консерваторіи съ перваго же года ея основанія, гдѣ по классу композиціи былъ ученикомъ А. Рубинштейна и Зарембы одновременно съ Ларошемъ и Чайковскимъ. Консерваторію онъ, однако, бросилъ; побывалъ въ Америкѣ и, вернувшись въ Россію, жилъ въ Петроградѣ, гдѣ ближе встрѣчался съ Кавелинымъ, А. Майковымъ, В. Коршемъ, княземъ В. Одоевскимъ, Антокольскимъ, Г. Елисѣевымъ, Н. Михайловскимъ, Г. Успенскимъ, а также съ А. Рубинштейномъ, Кюи и кружкомъ Сѣрова. Съ послѣднимъ М. Е. былъ въ дружескихъ отношеніяхъ; ихъ интересная переписка частью напечатана. Въ восьмидесятихъ годахъ М. Е. переѣхалъ въ родной Крымъ, гдѣ, между прочимъ, занимался и

музыкально-педагогической дѣятельностью (въ Симферополѣ), примѣняя своеобразные приемы какъ по части развитія нотной грамотности у учащихся, такъ и по части усвоенія ими музыкальнаго существа изучаемаго. М. Е. занимался также собираніемъ народныхъ пѣсенъ (между прочимъ, экзотическихъ и восточныхъ) и ихъ гармонизаціей. Часть этихъ гармонизацій, исполнявшаяся въ этнографическихъ концертахъ, издана въ «Трудахъ» музыкально-этнографической комиссіи. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1915 г., № 265).

† **Черниговецъ-Вишневскій, Ф. В.** 24-го ноября скончался въ глубокой старости, на семьдесятъ восьмомъ году жизни поэтъ и писатель-философъ Ѳеодоръ Владимировичъ Вишневскій, извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ Черниговца. Въ своемъ поэтическомъ творествѣ покойный выдѣлился, какъ талантливый лирикъ и сатирикъ. Съ замѣчательной оригинальностью онъ воспѣвалъ звучнымъ стихомъ красоту природы и человѣческой души, бичуя въ то же время сатирой людскіе пороки и общественную лживость. Все красивое, правдивое и справедливое влекло его, какъ автора, къ себѣ. Людскіе недостатки, лицемеріе, ханжество и разнообразное зло общественной жизни вызывали въ немъ негодованіе. Многія его стихотворенія полны самобытнаго юмора, обнаруживающаго въ немъ поэта-философа, чуждаго партійности и моднаго декадентства. Стихъ Черниговца замѣчательной чеканки: онъ сжатъ, красивъ и содержателенъ. Его излюбленными авторами, какъ переводчика, являлись Гейне, Эдгаръ По и Леопарди. Помимо стихотвореній, онъ написалъ тѣмъ стихотворныхъ экспромтовъ, преимущественно юмористическихъ, всегда смѣлыхъ и нерѣдко рѣзкихъ. Въ этой области Ѳ. В. въ своемъ родѣ виртуозъ, богатый неожиданными приемами и сопоставленіями. Стихотворенія покойнаго были изданы А. С. Суворинымъ въ 1892 году отдѣльной книгой. Нѣкоторыя изъ нихъ переведены на нѣмецкій языкъ Ф. Фидлеромъ. Стихотворенія послѣднихъ лѣтъ, печатавшіяся преимущественно въ «Новомъ Времени», остались неизданными. Покойный перевелъ «Житейская мудрость, афоризмы и максимы» Шопенгауэра въ двухъ томахъ (выдержали пять изданій), его же «Двѣ основныя проблемы этики: о свободѣ воли и основѣ морали» и «Критику кантовской философіи «Миръ, какъ воля и представленіе». Ѳ. В. родился 4-го іюня 1838 года въ с. Князевѣ, Курской губерніи, въ старинной дворянской семьѣ. Образование получилъ онъ во второмъ кадетскомъ корпусѣ, военную службу началъ въ 1857 г. и занималъ разнообразныя должности. Былъ пятнадцать лѣтъ курсовымъ офицеромъ въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ, затѣмъ служилъ сапернымъ офицеромъ и подъ конецъ службы командовалъ военно-телеграфнымъ паркомъ. Въ 1895 г. покойный вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-майора. Служить ему пришлось въ Петроградѣ, Одесѣ, на Кавказѣ, въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ. На скамьѣ кадетскаго корпуса онъ перевелъ изъ Уланда стихотвореніе «Проклятіе пѣвца», которое было напечатано въ «Иллюстраціи» Р. Зотова въ 1856 г. Затѣмъ въ теченіе своей службы печатался преимущественно въ «Новомъ Времени», «Вѣкѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Сѣверѣ» и другихъ изданіяхъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1915 г., № 14266).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ некрологу И. I. Лютостанскаго.

Въ напечатанномъ въ 1915 г. въ польской книжкѣ «Истор. Вѣстника» (стр. 315. 316), некрологъ И. I. Лютостанскаго, автора книгъ по еврейскому вопросу, между прочимъ, сказано, что покойный родился «въ бѣдной еврейской семьѣ». Это, однакоже, совсѣмъ невѣрно. Лютостанскій происходилъ изъ дворянъ Ковенской губернии (если не ошибаюсь, родъ его записанъ по Поневѣжскому уѣзду) и никогда евреемъ не былъ; этимъ объясняется и то обстоятельство, что онъ одно время былъ католическимъ ксендзомъ: человекъ, «родившагося въ еврейской семьѣ», трудно себѣ представить въ санѣ священника у нашихъ поляковъ или литовцевъ, извѣстныхъ своимъ повышеннымъ націонализмомъ вообще, а въ дѣлахъ церкви—въ особенности.

Т. М.

II.

Въ декабрьской книжкѣ «Истор. Вѣстн.» на стр. 961 вкрался досадный недосмотръ: рѣчь должна идти не о бывшемъ болгарскомъ князѣ Александрѣ Баттенбергскомъ, а объ его отцѣ Александрѣ (1823—1888) получившемъ въ 1851 г. титулъ князя Баттенбергскаго (см. Епс. британ подъ слов. Battenberg).

III.

Въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1915 годъ въ списокъ книгъ, поступившихъ для отъыва, на стр. 959 напечатано: «Журналы секретнаго и главнаго комитетовъ по крестьянскому дѣлу. (Архивъ Гос. Думы)» и Приложенія къ журналу главн. комитета по крестьян. дѣлу, (Архивъ Гос. Думы). Нужно читать: «*Архивъ Государственнаго Совета*».

ГЕНРИ СИТОНЪ-МЕРРИМЕНЪ

ВЪ БАРХАТНЫХЪ КОГТЯХЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

А. Б. МИХАЙЛОВА

ПЕТРОГРАДЪ
1916

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Зртелевъ, 13

I.

Въ городѣ вѣтровъ.

Рѣка Эбро, какъ извѣстно, или, по крайней мѣрѣ, предполагается извѣстнымъ каждому, протекаетъ черезъ городъ Сарагосу. Эта рѣка должна пользоваться безусловнымъ сочувствіемъ современнаго поколѣнія: она быстра и въ то же время мелка.

На правомъ берегу ея высятся стѣны города. Лѣвый берегъ низокъ, песчанъ и исчезаетъ во время прилива подъ водой. Здѣсь пастоящій клубъ ящерицъ зимой и лягушекъ лѣтомъ. Болѣе низкій берегъ окаймленъ тополями, и на немъ мѣстами виднѣются поднявшіеся изъ воды участки земли, годной для обработки и разведенія жесткаго краснаго винограда, который и обитателей Арагоніи дѣлаетъ жесткими.

Однажды вечеромъ, когда луна уже стояла надъ соборомъ, внизу вдоль рѣки шелъ какой-то человѣкъ, безпрестанно спотыкаясь о прибрежные валуны. Направлялся онъ, очевидно, къ сараю, гдѣ расположена пристань перевоза черезъ Эбро. Перевозочное судно было привязано къ столбу. То былъ цѣлый корабль съ высокой кормой и носомъ, паломинавшій корабли викинговъ, построенный доморощеннымъ плотникомъ, должно быть, по какой-нибудь картинѣ. Привязанный стальнымъ канатомъ, онъ мѣрно покачивался на водѣ, движимый сильнымъ теченіемъ рѣки.

Незнакомецъ осторожно заглянулъ въ обитый дикимъ виноградомъ сарай. Тамъ никого не было. Онъ тихонько пробрался къ судну, но и оно было пусто. Потомъ онъ осмотрѣлъ цѣпь, которой было прикрѣплено судно. Замка на ней не было. Въ Испаніи и до сего времени тщательно запираютъ окна, но оставляютъ открытыми двери. Для пытливаго ума тутъ ключъ ко всей исторіи великаго народа.

Незнакомецъ выпрямился и сталъ смотрѣть на рѣку. То былъ высокій человѣкъ съ чисто выбритымъ подбородкомъ и твердо очерченнымъ ртомъ. Во взглядѣ, который онъ бросилъ на Сарагосу.

рѣзко выдѣлявшуюся на лунномъ небѣ, было что-то жесткое. Его поза и тяжелый вздохъ, казалось, говорили о трудномъ пути, который наконецъ-то пройденъ, намекали на то, что какая-то цѣль имъ уже достигнута или скоро будетъ достигнута.

Донъ-Франциско де-Модженте сѣлъ на скамью для пассажировъ, ожидающихъ парома, и, сдвинувъ назадъ шляпу, сталъ смотрѣть на небо. Дуль сѣверо-западный вѣтеръ—solano, дуль такъ, какъ онъ дѣлаетъ это только въ Арагоніи. На мосту, виднѣвшемся ниже перевоза, противъ этого вѣтра была устроена съ одной стороны высокая стѣна: иначе въ извѣстное время года по немъ не могъ бы проѣхать ни одинъ экипажъ.

Вѣтеръ съ ревомъ несся по Эбро, сгибая чуть не до земли тонкіе тополя на низкомъ берегу и гоня передъ собой къ Сарагоссѣ цѣлое облако пыли. Подъ порывами этого вѣтра вода въ рѣкѣ ходила нѣжными волнами, серебрившимися отъ луннаго свѣта. На небѣ виднѣлись облака, тяжелыя и почти неподвижныя. Они едва передвигались по направленію къ лунѣ. Это былъ не вѣтеръ, несущійся вверху, а сильная струя съ холодныхъ Пиренеевъ, вытѣсняющая горячій воздухъ съ равнинъ Арагоніи.

Тѣмъ не менѣе облака все-таки надвигались на луну и скоро должны были закрыть ее совсѣмъ. Донъ-Франциско де-Модженте видѣлъ это и терпѣливо сидѣлъ подъ трельяжемъ изъ виноградныхъ лозъ, наблюдая за ихъ медленнымъ ходомъ. Волосы у него были совсѣмъ сѣдые, а лицо загорѣлое, коричневое. Странное это было лицо: его глаза имѣли какое-то выраженіе, котораго обыкновенно не бываетъ у старыхъ людей. Въ нихъ свѣтилось спокойствіе деревенскаго жителя, которое не часто встрѣтишь въ гостиныхъ. Тѣ, кому приходится имѣть дѣло съ природой, очень рѣдко чувствуютъ себя спокойно въ гостинной: имъ хочется поскорѣе выйти изъ нея на свѣтъ Божій.

Донъ Франциско, казалось, одинаково хорошо зналъ и деревню и гостиную. Морщины на его лицѣ вовсе не были слѣдствіемъ той обязательной улыбки, которая такъ безобразитъ лица женщинъ, которымъ болѣе уже нѣтъ надобности улыбаться. Его морщины были вызваны жгучимъ жаромъ арагонскаго солнца.

— Подождемъ,—тихо промолвилъ онъ самъ себѣ по-англійски, съ сильнымъ американскимъ акцентомъ.—Я ждалъ пятнадцать лѣтъ, а она и не знаетъ, что я пріѣхалъ.

И онъ усѣлся, спокойно поглядывая на рѣку. Городъ весь стоялъ передъ нимъ со своимъ необыкновеннымъ шпиремъ надъ соборомъ и куполами другихъ церквей; съ своими башнями, четко вырисовывавшимися на лунномъ небѣ,—словомъ, все было попрежнему, такъ же, какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ видѣлъ все это, такъ же, впрочемъ, какъ и сто лѣтъ тому назадъ.

Большое круглое облако подошло ближе къ лунѣ и стало

ее закрывать. Соборные купола вдругъ куда-то исчезли. Донъ-Франциско поднялся и пошелъ къ перевозочному судну. Онъ шелъ, не стараясь заглушить свои шаги, и принялся отвязывать цѣпь, не стараясь дѣлать это безшумно: вѣтеръ ревѣлъ съ такою силою, что въ двадцати шагахъ ничего нельзя было слышать. Отвязавъ судно, онъ бросился на корму. Искусство, съ которымъ онъ управлялъ рулемъ, показывало, что онъ прекрасно знаетъ ремесло перевозчика и умѣлъ управляться съ судномъ и въ тихую погоду, и въ вѣтеръ, при высокомъ уровнѣ воды и при низкомъ. Онъ, очевидно, усвоилъ съ фотографической точностью все приемы еще тогда, когда мозгъ его былъ молодъ.

Судно двигалось по рѣкѣ порывами, умѣло направляемое кормчимъ. Человѣкъ, стоявшій на мосту въ полумилѣ отъ этого мѣста и слѣдившій за нимъ, быстро двинулся въ городъ. Другой, наблюдавшій за перевозомъ изъ открытаго окна высокаго дома, возлѣ Posada de los Reyes, загадочно улыбнулся и опустил свой бинокль.

Донъ-Франциско, казалось, нарочно избѣгалъ проѣзжать подъ мостомъ, гдѣ съ копьемъ и фонаремъ стоялъ уцѣлѣвшій отъ среднихъ вѣковъ ночной сторожъ, внимательно поглядывая во все стороны. Новоприбывшаго, очевидно, поджидали, несмотря на то, что послѣднюю часть своего путешествія онъ совершилъ пѣшкомъ подъ прикрытiемъ ночи.

Характерный для страны фактъ: днемъ Сарагоссу стерегутъ у всѣхъ воротъ сборщики податей, часовые, полицейскіе новѣйшей формации, а ночью улицы должна охранять горсть ночныхъ сторожей, монотонно перекликающихся между собою, давая такимъ образомъ возможность преступному люду избѣгать ихъ.

Донъ-Франциско тихонько подвелъ судно къ пристани, ютившейся подъ высокой стѣной набережной, прошелъ черезъ прокопанный въ землѣ коридоръ и по грязнымъ ступенямъ сталъ подниматься въ одну изъ узкихъ улицъ стараго города.

Луна опять пробилась сквозь облака и лила свой свѣтъ на запертыя рѣшетками окна. Новоприбывшій остановился и сталъ смотрѣть вокругъ себя. Ничто не измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ стоялъ здѣсь въ послѣдній разъ. Можно было бы сказать, что здѣсь ничего не измѣнилось за цѣлыя пятьсотъ лѣтъ, если бы не видѣлся сравнительно новый соборъ, которому было всего лѣтъ сто.

Донъ-Франциско прибылъ сюда съ запада и знаетъ, какъ быстро мѣняется тамъ жизнь. Нѣсколько минутъ онъ стоялъ въ раздумьѣ, тяжело дыша зараженнымъ воздухомъ плохо провѣтриваемаго закоулка. Онъ прислушивался къ крику ночного сторожа, замиравшему въ воздухѣ по мѣрѣ того, какъ сторожъ беззвучно удалялся на своихъ мягкихъ подошвахъ, и долго смотрѣлъ на закрытыя рѣшетками окна. Въ воздухѣ царилъ тишина какого-то древняго міра.

И вдругъ эта тишина была нарушена цѣлыми пятьюдесятью колоколами, которые принялись отбивать часы.

Быль уже часъ ночи. Услышавъ звукъ колоколовъ, донъ-Франциско досадливо тряхнулъ головой, какъ будто этотъ звонъ напомнилъ ему о чемъ-то такомъ, что и безъ того сидѣло въ его головѣ. Колокола, казалось, окружали его со всѣхъ стоорнъ: колокольные высились надъ городомъ во всѣхъ направленіяхъ.

Въ узкихъ переулкахъ, куда рѣдко залеталъ вѣтеръ, явственно слышался запахъ ладана.

Новоприбывшій отчетливо зналъ дорогу и сталъ увѣренно спускаться внизъ, поворачивая все налѣво, такъ что соборъ оказался между нимъ и рѣкой. Повороты эти онъ дѣлалъ для того, чтобы избѣгнуть моста и Paseo del Ebro—широкой улицы, проложенной по набережной рѣки. Въ этихъ узкихъ переулкахъ было совершенно безлюдно. На Paseo было нѣсколько старинныхъ гостиницъ, въ которыхъ останавливались погонщики муловъ и другіе важные господа, которые лѣтомъ имѣютъ обыкновение вставать и уѣзжать въ любой часъ дня и ночи. На углу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ на Paseo выходитъ мостъ, ночью всегда стоитъ сторожъ, а днемъ—полицейскій. Это самое оживленное и самое пыльное мѣсто во всемъ городѣ.

Франциско де-Модженте перешелъ черезъ широкую улицу и опять нырнулъ въ темный переулокъ. Онъ обогнулъ новый соборъ и направился къ другому, гораздо болѣе обширному, къ собору del Seo. Около него на набережной расположенъ дворецъ архіепископа. Далѣе стоялъ другой дворецъ, точно также выходившій фронтономъ на Paseo del Ebro, а сзади примыкавшій къ цѣлому лабиринту узкихъ улочекъ и переулковъ. Дворецъ этотъ носилъ названіе дворца Сарріоновъ и принадлежалъ одновременно отцу и сыну, носившимъ эту фамилію.

Въ этотъ-то дворецъ и направлялся, повидимому, донъ-Франциско. Онъ осторожно прошелъ мимо огромныхъ воротъ архіепископскаго дворца и уже подходилъ къ дворцу Сарріоновъ, какъ вдругъ легкій звукъ заставилъ его повернуться съ такой быстротой, съ какой это можетъ сдѣлать лишь человѣкъ, вся жизнь котораго прошла среди опасностей.

Сзади него показались какіе-то три человѣка. Они быстро бѣжали къ нему на своихъ мягкихъ подошвахъ. Прежде, чѣмъ донъ-Франциско успѣлъ поднять руку, изъ-за облаковъ показалась луна и заиграла своими лучами на ихъ оружій. Въ одно мгновеніе донъ-Франциско оказался уже на землѣ, и три человѣка бросились на него, какъ кошки на мышъ. Кто-то ударилъ его ножомъ, который прошелъ черезъ него насквозь и со звономъ ударился о булыжникъ.

Черезъ минуту раненый лежалъ уже одинъ-одинешенекъ. Его пыльные ноги рѣзко бѣлѣли на лунномъ свѣтѣ. Трое нападавшихъ исчезли такъ же быстро и безшумно, какъ и появились.

Едва они скрылись, какъ въ томъ же самомъ направленіи, куда они убѣжали, показалась дородная фигура странствующаго монаха-проповѣдника. Онъ шелъ быстро и, повидимому, возвращался съ требы въ одинъ изъ монастырскихъ домовъ, расположенныхъ въ узкой улочкѣ неподалеку отъ собора Seo. Монахъ едва не упалъ, наткнувшись на распростертое тѣло дона-Франциска.

— А!—воскликнулъ онъ ровнымъ и спокойнымъ тономъ:—несчастный случай!

— Просто преступленіе,—отвѣчалъ раненый съ цинизмомъ, который не могло разогнать даже приближеніе смерти.

— Вы сильно ранены, сынъ мой?

— Да. Лучше не пробуйте поднять меня, хотя вы и сильный человѣкъ.

— Я пойду и позову кого-нибудь на помощь,—сказалъ монахъ.

— Бросьте,—коротко возразилъ раненый.

Но монахъ былъ уже далеко. Онъ вернулся чрезвычайно скоро въ сопровожденіи двухъ мужчинъ, похожихъ на слугъ, которыхъ не удивишь ничѣмъ.

Вспомнивъ о своемъ облаченіи, монахъ сталъ поодаль. Пока слуги поднимали раненаго на длинномъ и узкомъ одѣялѣ, онъ стоялъ, смиренно сложивъ руки, и молчалъ.

Раненаго понесли, и монахъ пошелъ сзади. Луна заливала яркимъ свѣтомъ улочку и огромную лужу крови, чернѣвѣющую на булыжной мостовой. Въ Сарагоссѣ, какъ и во многихъ другихъ городахъ Испаніи, муниципальныя власти нанимаютъ стариковъ, чтобы сгребать на улицахъ пыль въ небольшія кучки. Эти кучки такъ и остаются на улицахъ до тѣхъ поръ, пока ихъ снова не разбрасаютъ на всѣ четыре стороны дѣти, собаки или вѣтеръ. Этотъ обычай представляетъ пережитокъ среднихъ вѣковъ, интересный для исторіи эволюціи городского хозяйства.

Монахъ бросилъ вокругъ себя быстрый взглядъ и сразу нашелъ то, что ему было нужно: кучка пыли видѣлась совсѣмъ рядомъ. Онъ запустилъ въ нее свою загорѣлую коричневую руку и быстро забросалъ то мѣсто, гдѣ совершилась кровавая расправа, которой онъ едва не былъ свидѣтелемъ.

Потомъ, быстро оглядѣвшись, онъ пошелъ вслѣдъ за двумя слугами, которые уже успѣли исчезнуть за угломъ.

Улица, называвшаяся улицей Григорія, была, конечно, безлюдна. Высокіе дома по обѣ ея стороны были наглухо заперты. На многихъ балконахъ на желѣзной рѣшоткѣ видѣлась пальмовая вѣтвь—знакъ, что домъ принадлежитъ духовенству. Здѣсь жило соборное духовенство, почивавшее уже сномъ праведныхъ.

Поперекъ улицы Григорія, господствуя надъ всѣми зданіями, стоялъ дворецъ Сарріоновъ, огромное зданіе, окна котораго

уходили въ самое небо. Большую часть года онъ стоялъ совершенно пустой. Многочисленные его балконы были украшены желѣзными рѣшетками. Оконныя амбразуры обнаруживали такую толщину стѣнъ, что ставни вмѣсто того, чтобы раздвигаться, какъ у другихъ домовъ, затворялись вглубь амбразуры.

Монахъ, очевидно, привыкъ видѣть этотъ дворецъ запертый на всѣ замки. Осматривая быстрымъ взоромъ окружающіе дома, онъ не подумалъ взглянуть на него. Вотъ почему онъ и не замѣтилъ человѣка, сидѣвшаго за вычурной рѣшеткой балкона и мирно курившаго сигару. Человѣкъ этотъ, очевидно, былъ свидѣтелемъ всего происшедшаго и видѣлъ все отъ начала до конца. Онъ видѣлъ больше, чѣмъ монахъ и слуги. Онъ видѣлъ, какъ во время нападенія донъ-Франциско уронилъ стилеть, который въ этой странѣ носить при себѣ всякій гядалго. Онъ видѣлъ, какъ этотъ стилеть упалъ въ канаву на тѣневой сторонѣ и остался тамъ незамѣченнымъ. Онъ такъ и остался тамъ, когда монахъ, раскачиваясь на ходу, уже завернулъ за уголъ улицы св. Григорія.

II.

Эвазіо Монъ.

Бываютъ люди, которые однимъ своимъ присутствіемъ въ комнатѣ создаютъ умственный центръ тяжести, около котораго спокойно вращаются другіе, чувствуя неотразимую силу ихъ притяженія.

— Я знаю Эвазіо съ дѣтства,—сказалъ однажды графъ Сарріонъ своему сыну.—Я стоялъ на самомъ краю этой бездны и довольно смотрѣлъ въ нее. И все-таки до настоящаго времени я не знаю, что тамъ на днѣ—золото или грязь? Я ни разу не ссорился съ нимъ, слѣдовательно, не могъ этого выяснить.

Дѣйствительно, Эвазіо Монъ не ссорился ни съ кѣмъ и потому стоялъ отъ всѣхъ особнякомъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь люди собираются въ стадо большею частью только для того, чтобы ссориться или перемывать другъ другу кости, какъ это дѣлаютъ женщины, величающія это «временепровожденіемъ въ домашнемъ кругу».

Человѣкъ, смотрѣвшій изъ окна дома, стоявшаго рядомъ съ гостиницей de los Reyes, и видѣвшій въ бинокль, какъ переправлялся черезъ рѣку донъ-Франциско, былъ не кто иной, какъ Эвазіо Монъ.

Онъ слѣдилъ за необыкновенными приемами импровизированнаго перевозчика, слегка пожимая плечами. Потомъ, положивъ бинокль, онъ улыбнулся—въ его улыбкѣ не было ни презрѣнія, ни удовольствія. Отъ этой улыбки на его лицѣ образовались при-

вычныя морщины, которыя наводили на мысль, что Эвазіо Монъ привыкъ, а можетъ быть, и искусственно навывкъ улыбаться съ молодости.

Помимо этой особенности, по лицу Эвазіо Монъ можно было сразу догадаться, что передъ вами человѣкъ съ полнымъ самообладаніемъ. А человѣкъ, способный властвовать надъ собой, обыкновенно способенъ властвовать и надъ окружающимъ міромъ, поскольку это входитъ въ его намѣренія.

Было что-то особенное въ голубоватыхъ глазахъ этого человѣка, что говорило о томъ, что побѣда надъ самимъ собою далась ему не легко. Эти глаза были всегда полузакрѣты. Волосы у него были почти красныя, лицо—узкое и продолговатое, не изъ тѣхъ, которыя свидѣтельствуютъ о природномъ добродушіи. Средняго роста, съ узкими плечами, онъ держался прямо и стройно. Круглый подбородокъ его былъ тщательно выбритъ. На носу сидѣло золотое пенснэ, которымъ онъ любилъ играть во время разговора, близорукимъ взглядомъ разсматривая его пружину или чернѣйшій шнурокъ, на которомъ оно было прикрѣплено.

Душою и тѣломъ онъ, казалось, былъ еще молодъ. Однако Рамонъ Саррионъ сказалъ, что онъ знаетъ его съ дѣтства, а это было въ тѣ времена, когда принцесса Христина была еще испанской королевой.

Монъ еще не ложился спать, хотя на колокольнѣ новаго собора пробило уже половину перваго. Прошло всего полчаса съ того момента, какъ перевозное судно пристало къ берегу, и Монъ поглядѣлъ на часы, стоявшіе у него на каминѣ. Онъ, казалось, ожидалъ дальнѣйшихъ событій, которыя должны были послѣдовать за прибытіемъ дона-Франциско, котораго онъ такъ хорошо выслѣдилъ.

Этого продолженія не пришлось долго ждать: раздался мягкій стукъ въ дверь, какъ будто кто-то стучалъ жирнымъ пальцемъ: Монъ пригласилъ войти. Дверь открылась, и въ огромномъ черномъ четырехугольникѣ показалась высокая фигура монаха—того самаго, который поспѣшилъ на помощь раненому путнику. Свѣтъ лампы упалъ на широкое и тяжелое лицо монаха и его узкій лобъ, какой бываетъ у фанатиковъ.

Такое лицо не могло принадлежать умному человѣку.

Монъ протянулъ руку. Онъ зналъ, что посланіе будетъ не на словахъ. Въ ту же секунду изъ какихъ-то таинственныхъ складокъ монашескаго одѣянія появилось письмо.

«Онъ далъ маху: онъ остался въ живыхъ. Было бы лучше, если бы вы пришли сами», гласило письмо.

— Что вамъ извѣстно о дѣлѣ, братъ мой?—спросилъ Монъ, поднося письмо къ свѣчку. Когда оно вспыхнуло, онъ бросилъ его въ уже остывшій каминъ.

— Очень мало, ваше превосходительство. Одинъ изъ отцовъ,

творившій молитву около окна, услыхалъ на улицѣ шумъ борьбы и послалъ меня посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Я нашелъ на землѣ какого-то человѣка и, согласно данному мнѣ приказу, не трогая его, пошелъ за помощью.

Монъ задумчиво покачалъ головой.

— Не говорилъ ли чего-нибудь этотъ человѣкъ?

— Ни слова, ваше превосходительство.

— Вы умный человѣкъ, братъ мой. Я пойду съ вами.

Лицо монаха расплылось отъ этого комплимента въ самодовольную улыбку, которая является обыкновенно тогда, когда глупость и старательность соединяются въ одномъ мозгу.

Монъ медленно поднялся съ кресла и потянулся. Было видно, что онъ немедленно легъ бы спать, если бъ могъ дѣйствовать, какъ ему хотѣлось. Но надо было идти.

Пересѣкая улицу Дона-Хайма, онъ слышалъ, какъ погонщикъ кричалъ на мосту на своихъ муловъ. На улицахъ было еще довольно тихо, и окрики почного сторожа, бродившаго по околотку, слышны были далеко, на самой площади Конституціи.

Закутавшись отъ ночной свѣжести до самыхъ ушей, Эвасіо Монъ быстро дошелъ до улицы св. Григорія и скрылся въ незапертой двери, которая привела его на внутренній дворикъ, или patio, большого четырехугольнаго дома. Поднявшись затѣмъ по каменной лѣстницѣ, онъ постучалъ въ одну изъ дверей, которая тотчасъ же открылась.

— Войдите,—промолвилъ открывшій ее человѣкъ, сѣдовласый священникъ съ добродушнымъ на видъ лицомъ.

— Онъ уже пришелъ въ себя. Просить позвать нотариуса. Онъ умраеть. Я думалъ, что вы...

— Нѣтъ,—быстро возразилъ Монъ:—онъ узнасть меня, хотя мы съ нимъ не видались лѣтъ двадцать. Сдѣлайте это сами. Пересодѣньтесь.

Онъ говорилъ, какъ власть имѣющій, и священникъ въ смущеніи мялъ въ рукахъ препоясывавшую его веревку.

— Но я ничего не понимаю въ законахъ,—замѣтилъ было онъ.

— Объ этомъ я уже подумалъ. Вотъ два духовныхъ завѣщанія. Они написаны такъ мелко, что ихъ почти нельзя прочесть. Вотъ это онъ долженъ подписать. Если это не удастся, то необходимо заставить его подписать другое. Вы видите, какъ они различаются между собой. У этого черточка идетъ слѣва направо, а у этого—справа налево. Я подожду здѣсь, пока вы переодѣнетесь. Если возникнетъ какой-нибудь непредвидѣнный случай, мы сумѣемъ съ нимъ справиться.

Холодно промолвивъ послѣднюю фразу, онъ принялся своими полузакрытыми глазами слѣдить за священникомъ, который снѣмалъ въ уголку свое одѣяніе.

— Не пугайтесь,—казалось, говорилъ своимъ видамъ Эвазіо Монъ.—Я опытный лоцманъ и прекрасно знаю тѣ воды, куда я васъ веду.

Рядомъ въ маленькой комнаткѣ умиралъ донъ Франциско де-Модженте. Онъ лежалъ полураздѣтый на узкой кровати. На столикѣ около него стоялъ тазъ съ водой и пузырекъ съ лекарствомъ. Видно было, что ему только что была оказана врачебная помощь. Но докторъ уже ушелъ. вмѣсто него въ комнатѣ находились два монаха. Одинъ изъ нихъ, высокій и сильный, былъ тотъ самый, что наткнулся первый на раненаго.

— Нотаріуса,—кратко прошепталь донъ-Франциско.

Онъ устремилъ впередъ упорный взглядъ остеклянѣвшихъ глазъ и быстро думаль. По временамъ его лицо принимало удивленное выразеніе, какъ будто у него въ мозгу мелькала какая-то мысль, мелькала вопреки его волѣ и сознанію, что ему нельзя терять ни минуты.

— За нотаріусомъ уже послали, и онъ сейчасъ явится,—отвѣчалъ одинъ изъ монаховъ.—Чѣмъ думать о нотаріусѣ, обратите лучше мысль свою къ Богу, сынъ мой.

— Не вмѣшивайтесь не въ свое дѣло,—спокойно отвѣчалъ де-Модженте.

Едва онъ успѣлъ промолвить эти слова, какъ дверь отворилась и вошелъ какой-то старикъ. Въ одной рукѣ у него была связка бумагъ, а въ другой гусиное перо.

— Я нотаріусъ... Вы послали за мной...—сказаль онъ.

Въ дверяхъ, шагахъ въ двухъ отъ умирающаго, стоялъ Эвазіо Монъ. Нотаріусъ взялъ столикъ и переставилъ его такъ, чтобы, глядя въ лицо раненому, онъ краемъ глаза могъ видѣть и Мона.

— Вы хотите дать какія-нибудь показанія или духовное завѣщаніе?—спросилъ нотаріусъ.

— Показаній никакихъ не надо. Безполезно... Вѣдь меня почти уже убили... Я сдѣлаю распоряженіе въ другомъ мѣстѣ.

И онъ разсмѣялся горькимъ смѣхомъ.

— Духовное завѣщаніе...—продолжалъ онъ.

Нотаріусъ обмакнулъ перо.

— Меня зовутъ Франциско де-Модженте.

— Родомъ?—спросилъ нотаріусъ, записывая.

— Изъ этого города. Вы, очевидно, не здѣшній, иначе вы знали бы это.

— Я, дѣйствительно, не изъ Сарагоссы. Продолжайте.

— Изъ Сарагоссы и Сантъ-Яго. Я оставляю большое состояніе.

Одинъ изъ молвившихся монаховъ неволью сдѣлаль движеніе. Подъ коричневой одеждой нищенствующаго монаха шевельнулась любовь къ деньгамъ.

Франциско де-Модженте умиралъ.

— Дайте мнѣ подкрѣпляющаго,—прошепталъ онъ:—иначе я не могу говорить.

Переведя духъ, онъ продолжалъ:

— Есть еще духовное завѣщаніе, которое я симъ уничтожаю. Я сдѣлалъ его, когда еще былъ молодымъ человѣкомъ. Моей дочери Хуанитѣ де-Модженте я оставляю соотвѣтственную часть. Завѣщаніе же я хочу сдѣлать въ пользу моего сына Леона.

И, переждавъ, пока нотариусъ быстро водилъ перомъ по бумагѣ, онъ прибавилъ:

— На одномъ условіи.

«На одномъ условіи»—записалъ нотариусъ и нагнулся было впередъ, но по знаку Эвазіо быстро выпрямился.

— Чтобы онъ не вступалъ въ духовное званіе и чтобы ни гроша не удѣлялъ изъ моего состоянія въ пользу церкви.

Записывая это условіе, нотариусъ сидѣлъ прямо, какъ палка.

— Мой сынъ въ Сарагоссѣ,—вдругъ сказалъ умирающій измѣнившимся голосомъ:—я хочу его видѣть. Пошлите за нимъ.

Нотариусъ взглянулъ на Эвазіо, который покачалъ головой.

— Я не могу посылать за нимъ въ два часа ночи.

— Въ такомъ случаѣ я не подпишу завѣщанія.

— Подписывайте, подписывайте,—заговорилъ нотариусъ, съ недоумѣніемъ глядя на дверь, въ которой стоялъ Эвазіо:—подписывайтесь сейчасъ, а завтра увидите съ вашимъ сыномъ.

— Для меня, милый мой, завтрашняго дня не существуетъ. Посылайте за моимъ сыномъ сейчасъ же.

Монъ съ неудовольствіемъ кивнулъ головой.

— Хорошо, я сдѣлаю такъ, какъ вы хотите,—сказалъ нотариусъ, которому, видимо, хотѣлось поскорѣе подняться и уйти въ другую комнату, чтобы получить дальнѣйшія приказанія Мона.

Умирающій лежалъ съ закрытыми глазами и не двигался, пока не явился его сынъ.

Леонъ де-Модженте былъ тщедушный человѣкъ, съ бѣлымъ и до странности закругленнымъ лбомъ. Глаза у него были черные. Увидѣвъ отца въ столь бѣдственномъ положеніи, онъ не обнаружилъ никакого волненія:

— А,—промолвилъ старикъ:—это ты. Ты похожъ на монаха. Ужъ не поступилъ ли ты въ монастырь?

— Нѣтъ еще,—басомъ отвѣчалъ блѣдный молодой человѣкъ.

Эвазіо Монъ, наблюдавшій за нимъ изъ дверей, улыбнулся. Казалось, все то, что скажетъ этотъ юноша, не внушало ему никакихъ опасеній.

— Но ты хотѣлъ бы стать монахомъ?

— Это мое горячее желаніе.

Умирающій разсмѣялся.

— Ты весь въ мать,—промолвилъ онъ:—она тоже была полумная. Иди-ка обратно спать, милый мой.

— Но я лучше останусь здѣсь и помолюсь за тебя,—возразилъ сынъ.

Онъ былъ слабый человѣкъ—единственный изъ всѣхъ, кто здѣсь присутствовалъ.

— Ну, молись, если хочешь,—отвѣчалъ отецъ, не дѣлая даже усилія показать ему свое презрѣніе.

Нотаріусъ опять усѣлся за столъ и, устремивъ глаза въ потолокъ, казалось, припоминалъ, на чемъ онъ остановился.

— Вы, можетъ быть, хотите оставить свое состояніе,—заговорилъ онъ:—на какое-нибудь доброе дѣло?

Эвасіо Монъ закачалъ головой.

— Напримѣръ...—началъ было нотаріусъ и конфузливо умолкъ. Онъ опять попалъ впросакъ.

Модженте, видимо, слабѣлъ. Онъ лежалъ неподвижно и пристально глядѣлъ впередъ.

— Въ Сарагоссѣ ли графъ Рамонъ де-Сарріонъ?—вдругъ спросилъ онъ.

— Нѣтъ, его здѣсь нѣтъ,—отвѣчалъ нотаріусъ, предварительно взглянувъ въ темный четырехугольникъ открытой двери. — Нѣтъ, его здѣсь нѣтъ. Не забывайте, однако, о завѣщаніи. Итакъ, вы хотите оставить ваше состояніе сыну?

— Нѣтъ.

— Стало быть, вашей дочери?

Этотъ вопросъ, казалось, былъ сдѣланъ не тому, кто лежалъ въ постели, а тому, кто стоялъ въ дверяхъ.

— Стало быть, вашей дочери?—спросилъ нотаріусъ смѣлѣе:—дочери?

Модженте кивнулъ.

— Пишите коротко и ясно,—сказалъ онъ тихимъ, но внятнѣмъ голосомъ:—не прочитавъ все слово за словомъ, я не напишу. А времени у меня немного.

Мнимый нотаріусъ взялъ чистый листъ бумаги и крупными буквами написалъ, что Франциско де-Модженте оставляетъ все свое состояніе единственной своей дочери Хуанитѣ де-Модженте.

Франциско де-Модженте внимательно прочелъ бумагу и, подерживаемый сильнымъ монахомъ, подписалъ на ней свое имя. Послѣ этого онъ затихъ и лежалъ такъ смиренно, что мнимый нотаріусъ, слѣдившій за нимъ, вдругъ опустился на колѣни и сталъ молиться за новопреставившуюся душу.

III.

За высокими стѣнами.

Въ эти дни всеобщаго развращенія Сарагосса присоединила къ себѣ пригородъ—первый признакъ того, что городъ разрастался. Однако тридцать лѣтъ тому назадъ Торреро еще не существовалъ, и ужасныя сооруженія изъ бѣлаго камня и известки, которыя обезображиваютъ въ настоящее время этотъ холмъ къ югу отъ города, еще не разрушали гармонію древней Испаніи.

Здѣсь на Монте Торреро стоялъ въ старинныя времена монастырь, превращенный нынѣ въ казармы. Здѣсь же среди деревьевъ старыхъ садовъ высится круглый куполь церкви св. Фернанды.

Неподалеку, нѣсколько выше, вѣется Императорскій каналъ, насчитывающій четыреста лѣтъ существованія и до сихъ поръ еще не оконченный. Начали его строить еще мавры, любившіе поднимать чистую воду на высокія мѣста. Затѣмъ предпріятіе это попало въ руки испанцевъ, да такъ и осталось не оконченнымъ, когда мавры выселились изъ Италіи.

Обойдя монастырскія стѣны, каналъ извивается вокругъ бураго холма, явственно разграничивая зеленый оазисъ Сарагоссы отъ внѣшней выжженной пустыни. Какъ разъ на самой границѣ этого оазиса, сейчасъ за каналомъ, стояло длинное и низкое зданіе монастырской школы «правовѣрныхъ сестеръ». Здѣсь среди спокойныхъ садовъ, весною покрытыхъ цвѣтами, а осенью отягощенныхъ фруктами, жизнь то бушевала, то замирала, словно приливъ и отливъ, вызываемые вліяніемъ отдаленной планеты. И планетой этого мѣста былъ Римъ.

Община «правовѣрныхъ сестеръ» была іезуитской корпораціей, и ихъ монастырская школа то оставалась школой, то превращалась въ цѣлый монастырь, смотря по приливу или отливу. Первый отливъ произошелъ въ 1555 г., когда Испанія изгнала отъ себя іезуитовъ. Высшій приливъ былъ въ 1814 году, когда Фердинандъ VI изъ Бурбонскаго дома одновременно вернулъ іезуитовъ и возстановилъ инквизицію.

Въ 1835 году это длинное низкое зданіе въ фруктовомъ саду было разграблено разсвирѣпѣвшимъ населеніемъ, и, говорятъ, не одна сестра была при этомъ убита. Въ 1836 году всѣ монастыри и духовныя общины подверглись сильному гоненію со стороны министра королевы Христины Мендизабалы. А въ 1851 году дочь Христины, королева Изабелла II, снова разрѣшила имъ существованіе тамъ, гдѣ они существовали и раньше.

Дорога, проложенная по берегу канала, была уже безлюдна,

когда по большой дорогѣ къ югу отъ Сарагоссы показался всадникъ, быстро повернувшій къ каналу. То былъ графъ Сарріонъ.

Онъ пробылъ въ Сарагоссѣ всего сутки, не успѣли даже приготовить для него его дворецъ на Paseo del Ebro и графу пришлось довольствоваться двумя комнатами, выходившими на дворцовый дворъ. Теперь онъ, очевидно, направлялся къ монастырской общинѣ. Въ рукахъ у него былъ клночекъ прекрасной работы, тотъ самый, который наканунѣ ночью изъ рукъ де-Модженте упалъ въ уличную канаву.

Въ сочной осокѣ, росшей по краямъ канала, звучно перекликались лягушки. Ниже, въ фруктовыхъ садахъ заливались соловьи, какъ заливаются они только въ Испаніи. Былъ теплый, темный, лѣтній вечеръ, почти совершенно безвѣтренный. Среди аромата тысячи цвѣтовъ, раскрывающихся почекъ и цвѣтущихъ кустовъ чувствовался легкій запахъ застоявшейся воды, потревоженной лягушками, какъ бы приглашавшій усталого и запыленного путника отдохнуть до утра въ прохладныхъ мѣстечкахъ подъ деревьями.

Графъ Сарріонъ ѣхалъ довольно медленно. Его сухоощавая, высокая фигура держалась на сѣдлѣ прямо, и эта посадка и его манеры, одновременно привѣтливыя и холодныя, привлекали къ нему и вмѣстѣ съ тѣмъ держали каждаго въ отдаленіи. Самое имя его отзывалось чѣмъ-то арабскимъ. Маленькій городокъ Сарріонъ лежитъ въ самомъ центрѣ мавританскаго края, на берегахъ Валенсіи.

Достаточно было взглянуть на лицо Рамона Сарріона и его сына, высокаго смуглаго Марка де-Сарріона, чтобы прочесть на немъ отпечатокъ стариннаго духа выжженныхъ солнцемъ высьотъ Хаваламбры, исторія которой начинается за много столѣтій до Рождества Христова, гдѣ какая-нибудь мусульманка забыла все ради любви къ неукротимому, но утонченно-вѣжливному испанскому рыцарю изъ Сарріона и завѣщала своимъ потомкамъ глу. бокіе, задумчивые глаза и невозмутимое самоуваженіе ея расы.

Волосы Сарріона уже серебрились. Онъ носилъ усы и бородку на французскій манеръ и смотрѣлъ на окружающее острымъ, пронизывающимъ взглядомъ, словно орелъ. Сходство съ орломъ усиливалось еще его тонко очерченнымъ носомъ. Въ молодости онъ, должно быть, былъ красавцемъ.

Подѣхавъ къ воротамъ монастыря, построеннаго солидно, съ толстыми стѣнами, сквозь которыя не могъ заглянуть внутрь ничей любопытный глазъ, онъ потянулъ поводья и сталъ прислушиваться, сидя неподвижно на привычномъ къ этому конѣ. На часахъ колокольной церкви св. Фернанда пробило девять часовъ. Все было тихо кругомъ. За каналомъ тянулось голое поле. Съ лѣвой стороны видъ былъ закрытъ монастырской стѣной.

Сарріонъ подѣхалъ къ воротамъ и позвонилъ. Онъ дернулъ

за колокольчикъ только разъ и сталъ ждать, ставъ передъ рѣшеткой, отдѣлявшей тяжелыя деревянныя ворота. За рѣшеткой безшумно отворилось окно и такъ же безшумно закрылось. Чей-то женскій голосъ спросилъ, кто онъ такой.

— Я графъ Рамонъ де-Сарріонъ и непремѣнно долженъ видѣть настоятельную сейчасъ же,—промолвилъ онъ въ отвѣтъ и съ терпѣніемъ южанина снова усѣлся на сѣдлѣ поудобнѣе. Онъ ждалъ довольно долго, пока наконецъ открылись тяжелыя деревянныя ворота. Лошадь, поднявъ уши и посматривая кругомъ, осторожно двинулась во дворъ. Вниманіе всадника было привлечено двумя темными женскими фигурами, которыя, пропустивъ его, налегли всей тяжестью своего тѣла на тяжелыя двери, запиравшія ворота.

Сарріонъ слѣзъ съ сѣдла и привязалъ лошадь за уздечку къ кольцу, которое было вдѣлано въ стѣну какъ разъ около воротъ. Всѣ молчали. Обѣ монахини безшумно задвинули тяжелыя засовы воротъ и, пезвякивая ключами, пошли впередъ, къ монастырскому зданію.

Въ маленькой пріемной посѣтителя попросили подождать. То была квадратная, почти пустая комната съ однимъ окномъ, расположеннымъ очень высоко отъ пола. На столѣ тускло горѣла небольшая лампа. Этотъ столъ и три-четыре стула составляли всю меблировку комнаты. Побѣленные известью стѣны были голы. Монастырская школа правовѣрныхъ сестеръ не грѣшила языческимъ избыткомъ гостепріимства, и въ этой комнатѣ посѣтители чувствовали себя лишь укрытыми отъ непогоды. Въ двери виднѣлся обычный глазокъ.

Не оглядываясь, Сарріонъ опустился на стулъ съ видомъ чловѣка, которому окружающая его обстановка уже надоѣла.

Прошло нѣсколько минутъ. Вдругъ дверь безшумно отворилась, и вошла монахиня. Она была высокаго роста, и тѣнь, падающая на ея лицо отъ капюшона, дѣлала ея глаза темными. Притворивъ за собою дверь и откинувъ капюшонъ, она подошла къ Сарріону и, нагнувшись, поцѣловала его. Освѣщенная тенеръ лампой, она поражала своимъ сходствомъ съ Сарріономъ.

Въ ея движеніяхъ и въ манерѣ держать голову была печать какого-то самоотверженія. Испанки болѣе, чѣмъ всякія другія женщины, понимаютъ свое призваніе—любить и быть матерью. И сестра Тереза—въ міру Долоресъ Сарріонъ, казалось, перенесла всю свою любовь на брата.

— Хорошо поживаешь?—спросилъ Сарріонъ, устремляя пристальный взглядъ на ея сѣрое и худое лицо.

Она съ улыбкой кивнула головой, скользнувъ по немъ глазами съ тѣмъ вопросительнымъ выраженіемъ, которое краснорѣчивѣе всякихъ вопросовъ. Сложивъ руки и спрятавъ ихъ въ широкихъ складкахъ своихъ рукавовъ, она безмолвно стояла передъ бра-

томъ. Ея лицо опять скрылось въ тѣни капюшона. Минутное проявленіе женственности и родственной привязанности уже прошло, и передъ Сарріономъ опять стояла настоятельница, которой всѣ такъ боялись.

— Ты, какъ всегда, одинъ?—спросила она:—когда уже наступила ночь, это не совсѣмъ безопасно, особенно для тебя, у котораго столько враговъ.

— Марко въ Торре-Гардѣ, гдѣ я оставилъ его три дня тому назадъ. Снѣгъ таетъ, и рыбная ловля теперь чудесная. Приѣзжать сюда въ такой поздній часъ не совсѣмъ удобно, это правда, но я по экстренному дѣлу.

Съ этими словами онъ взглянулъ на дверь. Царившая во всемъ зданіи тишина, казалось, предрасполагала его къ подозрительности.

— Я, разумѣется, хотѣлъ прежде всего видѣть тебя и знаю, что дѣловые разговоры какъ-то не идутъ къ атмосферѣ этого священнаго мѣста.

Она едва замѣтно мигнула вѣками, но ничего не отвѣтила.

— Мнѣ нужно видѣть Хуаниту де-Моджепте, — продолжалъ графъ:—я знаю, это у васъ не полагается, но здѣсь ты все можешь сдѣлать. Дѣло очень важное, иначе я не сталъ бы тебя просить.

— Она уже спитъ. Вѣдь онѣ ложатся въ восемь часовъ.

— Я знаю. Но вѣдь, насколько я припоминаю, у нея своя отдѣльная комната. Ты можешь разбудить ее и привести ее сюда. Никто не будетъ знать объ этомъ, кромѣ тѣхъ, кто подглядываетъ въ коридорѣ за монахинями. О, Господи!—продолжалъ онъ, пожимая плечами.—Эта таинственность угнетаетъ меня. Я вовсе не привыкъ дѣйствовать таинственно. Всѣмъ извѣстенъ мой образъ мыслей. А здѣсь я долженъ устраивать чуть не заговоръ! Итакъ, можно видѣть Хуаниту?

— Хорошо.

Сарріонъ разсмѣялся и кивкомъ головы поблагодарилъ сестру.

— Послушай, Долоресъ,—сказалъ онъ:—оставь насъ однихъ, это можетъ устранить нѣкоторыя затрудненія, которыя могутъ возникнуть въ будущемъ. Понимаешь?

Сестра Тереза, уже направившаяся было къ двери, обернулась и посмотрѣла на него. Ему не видно было выраженіе ея глазъ, и онъ такъ и не зналъ, поняла она его, или нѣтъ.

Можетъ показаться страннымъ, что сестра Тереза, несмотря на свою важность и достоинство, дѣйствовала очень быстро, ибо не прошло и пяти минутъ, какъ дверь пріемной открылась и въ комнату вышла, запыхавшись, молодая дѣвушка. Ей было лѣтъ шестнадцать или семнадцать. Войдя въ комнату, она откинула одной рукой тяжелую темную косу.

— Я уже спала, дядя,—воскликнула она съ беззаботнымъ смѣхомъ:—и дежурной сестрѣ пришлось чуть не стащить меня съ кровати, чтобы разбудить. Я было думала, что случился пожаръ. Мы всегда ждемъ пожара!

Она продолжала приводить въ порядокъ свое наскоро надѣтое платье.

— Я даже не успѣла надѣть чулки,—продолжала она, ища глазами сестру Терезу. Но ея въ комнатѣ не было.

— О, сестра забыла прійти со мной сюда,—воскликнула Хуанита.—Это нарушеніе нашихъ правилъ. Вѣдь мы не имѣемъ права принимать посѣтителей сами, кромѣ отца или матери. Впрочемъ, это не моя вина.

Она продолжала смотрѣть то на Сарріона, то на дверь. Она была еще очень молода, а потому весела и беззаботна. Щеки ея, на которыхъ еще были замѣтны слѣды подушки, напоминали персикъ, созрѣвшій въ лучахъ ласковаго южнаго солнышка. Глаза у нея были черные, блестящіе, въ нихъ было еще много беззаботности и ребячества. Они, казалось, были созданы, только для смѣха, а не для слезъ и отраженія мыслей.

Хуанита была воплощеніемъ молодости и простодушія. Чтобы найти такое незнаніе свѣта и незнаніе людей, нужно обращаться или въ монастырь, или къ самой природѣ.

— Я пріѣхалъ повидать тебя сегодня, потому что завтра утромъ я, вѣроятно, уже уѣду изъ Сарагоссы,—сказалъ Сарріонъ.

— И наша настоятельница позволила намъ повидаться! Не понимаю, какъ могло это случиться. Она и такъ вчера была очень сердита на меня: я, знаешь, всегда что-нибудь разобью.

И въ отчаяніи она простерла впередъ свои руки.

— Вчера я разбила стоящую въ алтарѣ вазу и споткнулась объ эту глупую статую св. Андрея. Есть какія-нибудь извѣстія о папѣ?

Сарріонъ съ минуту колебался отъ неожиданности этого вопроса.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ, наконецъ.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы онъ вернулся сюда съ Кубы,—съ мимолетной серьезностью промолвила дѣвушка:—теперь онъ, вѣроятно, уже сѣдой? Мнѣ правятся сѣдые волосы,—добавила она поспѣшно.—Я думаю, что это къ нему пойдетъ. Одна изъ нашихъ дѣвицъ говорила мнѣ какъ-то, что она не любитъ своего отца. Вотъ странно, не правда ли? Это—Миллагросъ де-ла-Виллануэва,—ты ее не знаешь? Когда-то мы были съ ней подругами, все говорили другъ другу. У нея волосы совсѣмъ красные.

Сарріонъ невольно улыбнулся.

— А у тебя есть какія-нибудь извѣстія отъ него?—спросилъ онъ.

— Я получила отъ него письмо въ день св. Марка и съ тѣхъ

поръ ничего объ немъ не слыхала. Онъ писалъ, что этимъ лѣтомъ онъ собирается сдѣлать миѣ сюрпризъ, и притомъ очень пріятный. Что онъ хотѣлъ сдѣлать? Ты не знаешь?

— Нѣтъ,—задумчиво отвѣчалъ Сарріонъ.

— А Маркъ не съ тобой?—весело продолжала дѣвушка:—а! онъ не рѣшается проникнуть къ намъ за эти стѣны! Онъ боится монахинь! Я знаю это, хоть онъ и отрицается. Когда-нибудь на праздникахъ я одѣнусь монахиней. Вотъ тогда и посмотримъ! Отъ страха онъ совсѣмъ съ ума сойdetь!

— Да, вѣроятно,—отвѣчалъ Сарріонъ, глядя на нее:—скажи, пожалуйста,—продолжалъ онъ, немного помолчавъ,—знаешь ты этотъ стилеть?

И онъ протянулъ ей стальной клинокъ, который онъ подобралъ въ канавѣ на улицѣ Св. Григорія.

Она взглянула сначала на клинокъ, потомъ на Сарріона. Въ ея глазахъ видѣлось изумленіе.

— Конечно, знаю,—отвѣчала она:—этотъ стилеть я послала папѣ въ подарокъ къ Новому году. Ты же самъ выписалъ его изъ Толедо. Какъ онъ къ тебѣ попалъ? Не обманывай меня. Говори скорѣе,—онъ здѣсь? Онъ вернулся?

Не помня себя отъ любопытства, она положила объ руки на его пыльные плечи и смотрѣла ему прямо въ лицо.

— Нѣтъ, дитя мое, онъ не вернулся,—отвѣчалъ Сарріонъ, поглаживая ея волосы съ какой-то необычайной нѣжностью, которая надолго осталась у нея въ памяти.—Стилеть, вѣроятно, былъ украденъ у него и вернулся опять въ Сарагосу въ рукахъ какого-нибудь вора. Я поднялъ его вчера на улицѣ. Я напишу объ этомъ твоему отцу.

Сарріонъ поспѣшилъ отвернуться, чтобы скрыть свое лицо въ тѣни. Ему страшно было глядѣть на эти черные блестящіе глаза: онъ боялся, что она поняла, что телеграмма уже послана имъ на Кубу.

— Я пріѣхалъ только спросить тебя, не слыхала ли ты чего-нибудь объ отцѣ, и освѣдомиться о томъ, какъ ты поживаешь. А теперь миѣ надо ѣхать обратно.

Она, стоя, посматривала на него, нервно держа кружевную оборку своихъ рукавовъ. Она носила только лучшее, что производила Сарагосса, носила, не жалѣя ни платья, ни денегъ, какъ это всегда дѣлаютъ тѣ, у кого ихъ много.

— Миѣ кажется, что ты что-то скрываешь отъ меня,—промолвила она, опуская темныя рѣсницы.—Тутъ какая-то тайна.

— Нѣтъ, никакой тайны тутъ нѣтъ. Спокойной ночи, дитя мое. Иди спать.

Взявшись за ручку двери, Хуанита вдругъ остановилась и обернулась назадъ. Лицо ея было почти скрыто распустившимися волосами, которые падали до пояса.

— Это вѣрно, что никакихъ извѣстій объ отцѣ не было?— спросила она.

— Конечно, конечно,—забормоталъ донъ-Рамонъ.—Эхъ, если бѣ это и было такъ, —грустно добавилъ онъ, когда дверь уже закрылась.

IV.

Счастливыи случай.

Въ тотъ же вечеръ графъ Саррионъ сидѣлъ въ небольшой комнатѣ, служившей когда-то будуаромъ его жены, и при свѣтѣ одинокой лампы писалъ письмо своему сыну. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, онъ немедленно отправилъ его съ нарочнымъ въ свое имѣнiе Торре Гарда, которое находилось на южномъ склонѣ Пиренеевъ, недалеко отъ Пампелуны.

— Я слишкомъ старъ для этого,—говорилъ онъ самъ съ собой, запечатывая письмо:—тутъ нуженъ человѣкъ помоложе. Марко справится съ этимъ, хотя онъ и ненавидитъ улицу. Тутъ своего рода охота, а Марко—страстный охотникъ.

На его зовъ явился слуга, сѣрый, загорѣлый, сухой и весь въ морщинахъ,—словомъ, типичный арагонецъ. Его одѣяніе, какъ и его лицо, было также сѣраго цвѣта. На немъ были штаны до колѣнъ, коричневые чулки домашняго издѣлія, платокъ, обмотанный вокругъ шеи и головы, причемъ узелъ приходился надъ лѣвымъ ухомъ. Виѣшность его была довольно дикая, но черты лица, если въ нихъ всмотрѣться, отличались тонкостью, и въ глазахъ свѣтился бойкій умъ.

— Поѣзжай сейчасъ же въ Торре-Гарду. Отвези это письмо и собственноручно передай его моему сыну. За тобой, можетъ быть, будутъ слѣдить и снаряжать погоню. Понимаешь?

Слуга молча кивнулъ головой. Въ Арагонѣ и Наваррѣ жители—народъ неразговорчивый, настолько неразговорчивый, что, встрѣчаясь съ кѣмъ-нибудь на улицѣ и здороваясь, они сокращаютъ даже самое привѣтствіе.

— Buenas,—скажутъ они и только.

— Ну, поѣзжай съ Богомъ,—сказалъ графъ.

Слуга безшумно исчезъ изъ комнаты: въ эту жаркую, сухую погоду никто изъ нихъ не носитъ кожаной обуви.

Теперь Пампелуна соединена уже желѣзной дорогой. Можно проѣхать туда и на почтовыхъ лошадяхъ. Но въ то время, какъ и теперь, какое-нибудь важное письмо лучше было посылать съ нарочнымъ: власти до сихъ поръ смотрятъ на желѣзную дорогу подозрительно, видя въ ней средство для распространенія недозвольныхъ правительствомъ. Каждый поѣздъ и теперь еще осматривается на каждой остановкѣ двумя стражниками.

На слѣдующій день графъ Сарріонъ поднялся рано. Онъ зналъ, что Марко, надѣленный инстинктами охотника и тѣмъ глубокимъ прозрѣніемъ въ чувства и дѣйствія другихъ, даже животныхъ, благодаря которому изъ человѣка вырабатывается или охотникъ; или вождь, уже не выпуститъ изъ рукъ ту маленькую нить, ведущую къ происшествію на улицѣ Св. Григорія, которая случайно оказалась у него въ рукахъ. Когда-то въ молодости графъ занимался политикой. Но, подобно тому, какъ старый морякъ, утомленный борьбою съ бурями, начинаетъ въ концѣ концовъ относиться къ бурѣ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, такъ и онъ, переживъ порочную монархію, продажное время регентства, затѣмъ бурю анархіи и кратковременную, смѣшную республику, стоялъ теперь въ сторонѣ отъ всего этого и съ полупрезрительнымъ равнодушіемъ смотрѣлъ, какъ волны жизни одна за другой проходили мимо него.

На улицахъ Сарагоссы его знали хорошо; онъ не разъ наводилъ здѣсь справки о томъ, не видалъ ли кто-нибудь его стариннаго друга Франциско де-Модженте, который собирался тайно вернуться въ родной городъ, откуда онъ былъ изгнанъ въ бурные дни царствованія королевы Изабеллы. Де-Модженте, вмѣшавшись въ политическую жизнь Испаніи, попалъ въ такое положеніе, что ссылка стала неизбѣжной и не могла быть замѣнена никакимъ другимъ наказаніемъ, хотя друзья и враги одинаково хлопотали о его возвращеніи, если онъ подчинится извѣстнымъ условіямъ. Но не таковоъ былъ де-Модженте, чтобы подчиняться условіямъ.

Выпивъ свой утренній кофе, Сарріонъ отправился въ улицу Св. Григорія. Изъ дверей стараго собора неслось громкое пѣніе: тамъ служили раннюю обѣдню. Какой-то запоздавшій священникъ чуть не бѣжалъ въ соборъ, чтобы получить право сказать, что и онъ отстоялъ обѣдню. Наоборотъ, нищіе плелись къ собору лѣнливой рысцою: исходя изъ философскаго убѣжденія, что милосердные благодѣтели могутъ подать имъ и послѣ обѣдни, они не считали нужнымъ являться на соборную паперть слишкомъ рано.

Сарріонъ скоро нашелъ мѣсто убійства, которое онъ видѣлъ наканунѣ при свѣтѣ луны. Вотъ здѣсь повернулъ этотъ человѣкъ—можетъ быть, Франциско де-Модженте. Вотъ здѣсь около вѣчно открытыхъ вѣротъ необитаемаго дворца онъ стоялъ, прижавшись спиною къ стѣнѣ и отбиваясь отъ нападенія. Вотъ тутъ онъ упалъ. Вотъ съ этого угла явился ему на помощь монахъ,—обстоятельство довольно странное, такъ какъ церковь всегда была враждебна изгнаннику.

Сарріонъ видѣлъ, что раненаго понесли за уголъ улицы Св. Григорія и площади Св. Бруно. По движеніямъ тѣхъ, которые несли тѣло, Сарріонъ сообразилъ, что они направлялись въ домъ, стоявшій сейчасъ же за угломъ, противъ высокаго зданія епископскаго дворца.

Прослѣдивъ мысленно каждый шагъ этихъ людей, Сарріонъ рѣшился войти въ заподозрѣнный имъ домъ. То было огромное зданіе, раздѣленное на множество мелкихъ помѣщеній. Раньше онъ никогда не обращалъ особаго вниманія на ворота этого дома. Подобно воротамъ другихъ большихъ домовъ, они были высоки. За ними виднѣлась каменная лѣстница. Цѣлый день они оставались открытыми, а лѣстница, очевидно, была въ общемъ пользованіи, о чемъ свидѣтельствовала накопившаяся на ней грязь.

Пока Сарріонъ разглядывалъ внутренность двора, на лѣстницѣ показалась какая-то фигура. Зная, что онъ прекрасно извѣстенъ всѣмъ въ лицо, и не рѣшаясь направиться въ какое-либо помѣщеніе, на котораго раздѣлялся домъ, Сарріонъ остановился въ воротахъ и сталъ ждать. Вглядѣвшись пристально въ фигуру, спускавшуюся по лѣстницѣ, онъ узналъ въ ней своего старого друга Эвазіо Мона, который, какъ всегда, улыбался и, казалось, готовъ былъ привѣтствовать всякаго въ это чудное солнечное утро.

Уже много лѣтъ не приходилось имъ встрѣчаться. Ихъ связывали дружескія отношенія, завязавшіяся еще между ихъ родителями. Эти отношенія перешли и къ нимъ по наслѣдству, но личныхъ симпатій, которыя бы связывали ихъ, между ними не было. Когда они оба вышли изъ дѣтскаго возраста, ихъ пути разошлись и, хотя потомъ они и встрѣчались неоднократно, тѣмъ не менѣе каждый шелъ своей особой дорогой. Сарріонъ оставался свѣтскимъ человѣкомъ, Эвазіо готовили въ духовное званіе.

— Не разъ я спрашивалъ себя, почему это мы никогда не сталкивались съ Эвазіо Мономъ,—говаривалъ иногда Сарріонъ своему сыну.

— Для того, чтобы столкнуться, нужно обоюдное желаніе,—подумавъ, отвѣчалъ Марко.

И это, быть можетъ, было единственно правильнымъ объясненіемъ.

Сарріонъ поднялъ глаза и съ любезной улыбкой, но важно поклонился Эвазіо. Оба сняли шляпы съ какой-то преувеличенной любезностью.

— Вотъ не рассчитывалъ видѣть васъ въ Сарагоссѣ,—мягко сказалъ Монъ.

Воспитаніе кладетъ на человѣка печать, неизгладимую на всю жизнь. Глядя на Эвазіо, сразу можно было сказать, что онъ учился въ семинаріи, которой не забылъ.

— Что это за домъ?—спросилъ Сарріонъ:—я какъ разъ шелъ туда.

Монъ обернулся и легкимъ жестомъ указалъ на эту груду камней и цемента.

— Самый обыкновенный домъ, другъ мой, такой же, какъ и другіе дома.

— Кто здѣсь живетъ?

— Разная бѣднота. Какъ во всякомъ другомъ домѣ, народъ, которому приходится помогать, но котораго нельзя не презирать.

Онъ размѣялся и пошелъ было впередъ, направляясь, повидимому, безъ всякой цѣли въ сторону, противоположную отъ дома, который былъ, какъ и всѣ другіе.

— Презирать только потому, что онъ бѣденъ?—спросилъ Сарріонъ, не обнаруживая ни малѣйшаго желанія слѣдовать за Мономъ.

— Отчасти и потому,—согласился Монъ, поднимая палець.— Вѣдь только дураки остаются бѣдняками въ этомъ мірѣ, другъ мой.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же Господь Богъ послалъ въ міръ столько дураковъ?

— Вѣроятно, потому, что мудрецовъ Ему не нужно.

Ихъ разговоръ какъ-то вдругъ оборвался. Нѣсколько минутъ они стояли молча, поглядывая другъ на друга.

— Если хотите, я скажу вамъ, зачѣмъ я иду въ этотъ домъ. Я вѣдь давно уже пересталъ интересоваться политикой нашей несчастной страны.

Монъ сдѣлалъ жестъ, какъ бы желая сказать, что Сарріонъ поступилъ умно и что не стоитъ объ этомъ и разговаривать.

— Вчера вечеромъ на этой улицѣ было совершенно нападеніе на человѣка. То было дѣломъ обычныхъ уличныхъ головорѣзовъ, надо думать. Я все это видѣлъ съ моего балкона. Вотъ съ этого угла его видно.

Онъ повлекъ Мона на уголъ и показалъ ему на свой мрачный дворецъ, высившійся въ концѣ улицы.

— Было темно, и я не могъ разсмотрѣть всего,—продолжалъ онъ, невольно отвѣчая на вопросъ, который волновалъ въ это время его собесѣдника, мѣрившаго глазами разстояніе.

— Миѣ кажется, раненый былъ перенесенъ сюда. Я не успѣлъ подать ему помощи. Присяде, чѣмъ я спустился, всѣ исчезли.

— Это дѣлаетъ честь вашему доброму сердцу, что вы интересуетесь судьбой какого-то мазурика, къ тому же, вѣроятно, и пьянаго, ибо иначе онъ не рискнулъ бы бродить здѣсь въ такой поздній часъ.

— О часѣ я не говорилъ.

— Я предполагаю, что это было поздно,—отвѣчалъ Монъ съ усмѣшкой.—Такія прошешества не бываютъ въ раннее время. Впрочемъ, займемся лучше разысканіемъ вашего распутнаго protégé.

И онъ быстро повернулся къ дому и пошелъ впередъ.

— Я имѣю основаніе думать,—продолжалъ Сарріонъ, не спѣша, двигаясь за нимъ:—что этотъ человѣкъ былъ мой старинный другъ.

— Въ такомъ случаѣ, Рамонъ, онъ долженъ быть и моимъ другомъ. Кто же это?

— Франциско де-Моджене.

Монъ остановился. На лицѣ его появилось выраженіе самаго искренняго удивленія. А между тѣмъ его глаза подъ опущенными вѣками зорко смотрѣли по сторонамъ.

— Нашъ бѣдный, полоумный Франциско!—воскликнулъ онъ.— Вы имѣете какія-нибудь извѣстія отъ него?

Онъ задалъ этотъ вопросъ равнодушнымъ тономъ, уже поднимаясь по лѣстницѣ.

Отвѣта не послѣдовало: Сарріонъ самымъ внимательнымъ образомъ осматривалъ ступени лѣстницы.

— На ступеняхъ капли крови,—сказалъ онъ.—Лужа крови на улицѣ засыпана пылью. Засыпаны пятна и здѣсь. Но если пыль стяхнуть, ихъ видно ясно.

Снявъ перчатки, съ которыми испанцы не расстаются, выходя изъ дому, Сарріонъ обтеръ ими пыль.

— Да, вы правы,—согласился Монъ, разсматривая пятна,— пойдемъ на развѣдки дальше. Я тутъ многихъ знаю, въ этомъ домѣ. Тутъ все народъ бѣдный. Изъ нихъ я кое-кому помогаю, какъ могу, когда приходится тяжело зимой.

Теперь онъ весь превратился въ любопытство и старался всячески помочь своему другу. Онъ настаивалъ на томъ, что необходимо перерыть весь домъ и опросить всѣхъ его обитателей.

Но всѣ его розыски не повели ни къ чему.

— Я, конечно, не называлъ фамиліи этого человѣка,—началъ онъ опять, когда оба они вышли на улицу.—Это не могло намъ помочь. Боюсь, что вы сдѣлались жертвой твоей фантазіи. Вѣдь Франциско теперь находится на Кубѣ, въ Сантъ-Яго, и никогда не вернется сюда. Если бъ онъ былъ здѣсь, въ Сарагоссѣ, то ужъ сыну-то его это, конечно, было бы извѣстно. Я видѣлъ третьяго дня Леона де-Модженте, и онъ ничего не говорилъ объ отцѣ. И незадолго до этого я говорилъ съ Хуанитой. Мы какъ-нибудь разспросимъ Леона, но только не сегодня. Сегодня предполагается шествіе паломниковъ къ ракъ Богородицы, и Леонъ, конечно, будетъ въ немъ участвовать. Онъ вѣдь на половину монахъ, какъ вамъ извѣстно.

Бесѣдуя такимъ образомъ, они шли къ улицѣ Св. Григорія. Въ это время, какъ бы въ доказательство того, какъ часто судьба выводитъ на свѣжую воду тѣхъ, кто думаетъ ее обмануть, врата собора отворились, и изъ нихъ вышелъ Леонъ де-Модженте, шурясь отъ горячаго солнца. Встрѣча была неминуема.

— Вотъ удача-то,—сказалъ Монъ.—Это какъ разъ Леонъ и есть.

Молодой человѣкъ уже замѣтилъ ихъ и поспѣшилъ имъ навстрѣчу. При солнечномъ свѣтѣ онъ казался блѣднымъ и малокровнымъ, какъ истый обитатель монастыря. Онъ смиренно по-

клонился Мону, но заговорилъ не съ нимъ, а съ графомъ Сарриономъ. Онъ, видимо, зналъ, что Мону неприятна эта встрѣча.

— Я не зналъ, что вы въ Сарагоссѣ,—проговорилъ онъ.—Случилась ужасная вещь. Убили моего отца. Два дня тому назадъ онъ тайно вернулся въ Сарагоссу. Здѣсь на него напали на улицѣ и нанесли ему смертельную рану. Онъ умеръ, не приобщившись Св. Тайнъ.

— И умеръ въ этомъ домѣ,—прибавилъ Саррионъ, указывая палкой на домъ, изъ котораго они только что вышли.

— Да-а,—несмѣло отвѣчалъ Леонъ, бросая быстрый взглядъ на Мона.—Можетъ быть, и тутъ. Не знаю. Онъ умеръ безъ покаянія. Вотъ что меня больше всего беспокоитъ.

— Да, конечно,—холодно бросилъ ему Саррионъ.

V.

Богомольцы.

Эвасіо Монъ былъ великій путешественникъ. Въ восточныхъ странахъ человѣкъ, сдѣлавшій путешествіе въ Мекку, имѣетъ право присоединять къ своему имени титулъ, который даетъ ему почетное мѣсто даже среди избранныхъ.

Если бы этотъ обычай существовалъ въ Испаніи, то Эвасіо, безъ сомнѣнія, получилъ бы тѣму такихъ титуловъ. Онъ продѣлалъ почти каждое пилигримство, которое предписывала церковь. Много разъ бывалъ онъ въ Римѣ и могъ рассказать, чѣмъ здѣшнія раки святыхъ отличаются одна отъ другой. Чудеса стали его спеціальностью.

Если женщинѣ хотѣлось имѣть сына, чтобы получить продолжателя рода, онъ могъ посоветовать ей совершить мало кому извѣстное паломничество въ горы, которое рѣдко не производило надлежащаго дѣйствія.

— Поѣзжайте,—говорилъ онъ.—Съѣздите туда-то и помолитесь. Это самое лучшее. Воздухъ въ горахъ восхитительный, а поѣздка развлекаетъ умъ.

И все дѣйствительно сбывалось. И, конечно, только профанъ-читатель сталъ бы спрашивать, почему эти чудеса дѣлались всегда въ окрестностяхъ какого-нибудь популярнаго курорта.

Если кто-нибудь впадалъ въ тоску, Эвасіо Монъ посылалъ его въ длинное путешествіе, куда-нибудь въ веселый городъ, гдѣ люди, несмотря на свою набожность, могутъ находить развлеченіе по вечерамъ.

Всѣ эти указанія онъ давалъ не по наслышкѣ. Онъ самъ бывалъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ и самъ, такъ сказать, испробовалъ ихъ, и это замѣтнымъ образомъ отзывалось на его невозмутимой

яности и здоровья, которымъ онъ наслаждался. Въ путешествіяхъ этихъ онъ, видимо, не испытывалъ особыхъ лишеній, ибо на его бѣломъ лбу не было замѣтно ни одной морщинки.

Онъ, вѣроятно, видѣлъ на своемъ вѣку немало городовъ, но города приблизительно вездѣ одни и тѣ же. Съ многими, вѣроятно, сталкивала его судьба, но эти многіе, потерявшись объ него, какъ песчаникъ объ алмазъ, не оставили на пемь никакого слѣда. Онъ былъ чуждъ всему тому, что ему приходилось видѣть, ибо смотрѣлъ не на людей и города, а сквозь нихъ, на что-то такое, что было въ самой сердцевиѣ ихъ и на что его всегда были устремлены его глаза.

Проживая въ городѣ, въ которомъ находилась такая святыня, какъ Богородица Соборная, явившаяся въ видѣніи св. Іакову, когда онъ путешествовалъ по Испаніи, Монъ естественно интересовался пилигримами, которые стекались въ сарагосскій соборъ со всего свѣта и которыхъ во всякое время можно было видѣть въ соборѣ на колѣняхъ, озаряемыхъ тусклымъ свѣтомъ свѣчь на алтарной рѣшеткѣ.

Квартира Мона, жившаго въ высококомъ домѣ рядомъ съ «Королевской гостиницей» на Paseo del Ebro, служила пріютомъ для тѣхъ пилигримовъ, которые были покультурнѣе и пріѣзжали издалека, откуда-нибудь изъ-подъ Варшавы или изъ Минезоты.

У Эвасіо Мона было немало друзей и среди простого народа, ютившагося гдѣ-нибудь въ «Королевской гостиницѣ», этой типичной испанской гостиницѣ, или на постояломъ дворѣ, гдѣ путешественникъ долженъ былъ считать себя счастливымъ, если всѣ комнаты были уже заняты. Ибо тогда онъ могъ, не нанося никому оскорбленія, лечь спать гдѣ-нибудь на сѣновалѣ. Отсюда онъ будетъ слышать вѣчный звонъ колоколовъ и постоянныя покрикиванія на упрямыхъ муловъ. Отсюда ему будетъ видно, какъ сюда пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ какіе-то люди, весьма дикаго вида, видимо, изъ медвѣжьихъ угловъ Арагоніи и даже Пиренеевъ. Въ любое время сутокъ во дворъ вѣзжаютъ огромныя двухколесныя телѣги, влекомыя четырьмя, шестью или даже восемью мулами и везущія съ собой произведенія краевъ, болѣе богатыхъ растительностью, чѣмъ эта арагонская пустыня. Нѣкоторыя изъ нихъ прибываютъ изъ другихъ оазисовъ среди этой соленой и каменистой пустыни, которую когда-то покрывало внутреннее море; другія тащатся съ сѣвера, гдѣ высится Сіерра де-Гуара, сливающаяся съ гигантскими Пиренеями.

Многіе изъ этихъ спутниковъ направлялись прямо къ дверямъ дома, гдѣ велъ свою спокойную жизнь Эвасіо Монъ, и передавали ему какое-нибудь письмо или приносили ему вѣсти на словахъ, стараясь не забыть ихъ во время своего длиннаго пути по пыльной дорогѣ. Словомъ, Монъ, не будучи самъ священникомъ,

быль, кажется, извѣстенъ любому изъ нихъ. Письма и вѣсти были обыкновенно отъ какого-нибудь священника изъ дальняго городка и гласили о томъ, что работа подвигается успѣшно и не слѣдуетъ терять надежду.

Иногда къ нему заходили и духовныя лица, сидѣвшія обыкновенно подъ навѣсомъ большой телѣги или фхавшія на мулахъ. Обычно они появлялись въ февралѣ, въ годовщину чудеснаго видѣнія, когда рѣзное изображеніе Богоматери, водруженное въ соборѣ, считалось болѣе доступнымъ для молитвъ, чѣмъ въ другое время. Покончивъ съ богомольемъ, они совершенно увѣренно направлялись къ дому, стоявшему около собора. Они знали, что тутъ имъ будутъ очень рады и ихъ пригласять на завтракъ или обѣдъ, на которыхъ будетъ подано все, что только есть лучшаго въ городѣ. Это привлекало богомольцевъ тѣмъ болѣе, что можно было повеселить свое сердце даже и въ посту, не нарушая буквы церковныхъ правилъ.

Монъ такъ устроилъ свою жизнь, что во время сильныхъ лѣтнихъ и осеннихъ жаръ его въ Сарагоссѣ никогда не было—мудрая предосторожность, которая вознаграждалась его присутствіемъ на другихъ большихъ праздникахъ. Не трудно было замѣтить, что чудеса и другія событія, привлекавшія обыкновенно богомольцевъ, случались обыкновенно какъ разъ въ такое время, которое было наиболѣе удобно для мѣстныхъ жителей. Такимъ образомъ, по традиціи, шедшей изъ среднихъ вѣковъ, для Сарагоссы былъ отведенъ февраль, когда пребываніе въ городѣ было не лишено пріятности, а, напримѣръ, для Монсеррата—сентябрь, когда съ горъ дулъ пріятный прохладный вѣтерокъ.

Эвазіо Монъ принадлежалъ, впрочемъ, къ числу тѣхъ, которые считали болѣе благоразумнымъ избѣгать большихъ празднествъ въ Монсерратѣ и ѣздить туда на богомолье пораньше лѣтомъ, когда богомольцевъ было немного и составъ ихъ былъ изысканъ. Въ сентябрѣ въ здѣшній монастырь набиралось тысячь двадцать бѣднѣйшаго въ краѣ люда, превращая горы въ мѣстность для пикника, а самое церковное торжество въ ярмарку.

Монъ никогда не зналъ, когда онъ тронется въ это путешествіе, и всегда дѣлалъ свои приготовленія къ отъѣзду заранѣе, и его внезапный отъѣздъ съ раннимъ поѣздомъ черезъ день послѣ того, какъ онъ встрѣтился съ своимъ старымъ другомъ графомъ де-Сарріономъ, изумилъ всѣхъ.

Онъ сошелъ съ поѣзда въ Леридѣ, пѣшкомъ дошелъ отъ станціи до города, но въ гостиницу не пошелъ. Здѣсь у него былъ другъ, домъ котораго всегда былъ открытъ для него, и который жилъ недалеко отъ церкви въ узкой, длинной улицѣ, пзвивающейся почти черезъ всю Лериду. Въ Наваррѣ и Арагоніи желѣзнодорожное дѣло поставлено не такъ, какъ въ иныхъ странахъ. Здѣсь

въ сутки проходить обыкновенно одинъ пассажирскій поѣздъ, и только между большими городами за послѣднее время число это удвоилось.

Быль полдень, часъ сіесты, когда Эвазіо Монъ шель по узкой улицѣ этого стариннаго городка.

Хотя солнце уже жгло порядочно и природа изнывала подъ его лучами, на улицахъ царило необычайное оживленіе: въ тѣни сводовъ на углу рыночной площади, на мосту и на берегахъ рѣки, гдѣ невысокая стѣна была окончательно сравнена съ землею, благодаря постоянному сидѣнію на ней городской бѣдности,—всюду небольшими группами стояли люди и о чемъ-то тихо говорили между собой. Не будетъ слишкомъ смѣло, если сказать, что единственное спокойное лицо въ городкѣ было лицо Эвазіо Мона, который продолжалъ двигаться впередъ съ той сосредоточенной улыбкой, которую англійскіе диссиденты напускаютъ на себя, чтобы намекнуть на свои христіанскія добродѣтели.

Обыватели Лериды—люди болѣе земледѣльческіе, чѣмъ ихъ сосѣди-наваррцы, были, очевидно, чѣмъ-то встревожены. Время, въ самомъ дѣлѣ, было неспокойное. И такое состояніе длилось въ Испаніи уже болѣе ста лѣтъ. Фердинандъ VII, игрушка великаго Наполеона, кумиръ всей Испаніи и одинъ изъ самыхъ мирныхъ пройдохъ, которыми Господь Богъ когда-либо позволялъ сидѣть на тронѣ; оставилъ своей странѣ въ наслѣдство борьбу, которая начала уже приносить обильные плоды.

Во времени нашего разсказа не только Арагонія, но и вся Испанія находились въ самомъ несчастномъ положеніи, въ которомъ никто не знаетъ, чего въ сущности онъ хочетъ.

Съ одной стороны была республиканская, демократическая Каталонія, съ другой—Наварра, выдрессированная духовенствомъ лучше, чѣмъ самъ Римъ, гдѣ каждый мужчина былъ карлистомъ, а каждая женщина тѣмъ, чѣмъ ей велѣлъ быть ея духовникъ. На югѣ Андалузія требовала, чтобы ее оставили въ покоѣ и дали бы ей возможность итти своимъ собственнымъ путемъ, ярко освѣщеннымъ солнцемъ и равнодушнымъ къ славѣ великихъ націй. Что должна представлять изъ себя Арагонія? Этого не знали и сами арагонцы.

Бурныя были времена. Въ отдаленную затерянную Лериду только что пришло извѣстіе, что двѣ великія націи Европы вцѣпились другъ другу въ горло, но что произошло на берегахъ Рейна, было еще неизвѣстно политикамъ, спорившимъ на тѣневой сторонѣ рыночной площади.

Бурныя времена приближались и черезъ Средиземное море. Создавалось тревожное положеніе и на Тибрѣ, и, видимо, этой рѣкѣ предстояло течь кровью еще до окончанія года. Величайшая катастрофа, какую только приходилось переживать католической

церкви, заключалась въ томъ, что въ Италіи готовилась новая и притомъ свѣтская столица. Всѣ понимали, что вотъ-вотъ во Флоренціи раздастся слово, которое заставитъ ватиканскаго владыку или оставить Римъ, или вступить за него въ борьбу.

Испанія, ища для себя короля по всей Европѣ, заставила Францію и Германію броситься другъ на друга.

Эвазіо Монъ зналъ о разыгравшейся въ Эмсѣ сценѣ ранѣе, чѣмъ кто-либо другой на полуостровѣ. Рано или поздно, но несомнѣнно будетъ доказано исторически, что объявленіе Наполеономъ III войны Германіи было ускорено интригами католическаго духовенства: не нужно забывать, что Бисмаркъ былъ злѣйшимъ врагомъ іезуитовъ.

Монъ догадывался, о чемъ бесѣдовали между собою политики рыночной площади. Испанія все еще искала себѣ короля. Попробовали было устроить республику, но опытъ потерпѣлъ полную неудачу.

Былъ еще Донъ-Карлосъ, прямой потомокъ брата короля Фердинанда, безъ церемоніи согнаннаго имъ съ престола. Почему же бы не быть королемъ и Донъ-Карлосу, если мы ищемъ короля?

Такъ говорили другъ другу люди въ пиренейскихъ берегахъ. То же самое хотѣлось сказать имъ и Мону.

Когда стало уже темно, Эвазіо, закутавшись отъ вечерней свѣжести до самаго подбородка, снова вышелъ на улицу. Онъ направился къ большому кафе на набережной и видѣлся тамъ кое съ кѣмъ изъ знакомыхъ. На слѣдующее утро онъ уѣхалъ верхомъ по большой дорогѣ. Онъ держался въ сѣдлѣ красиво, но безъ той легкости, которая дается любовью къ лошади. Для него лошадь была только средствомъ перевозки. И на другихъ животныхъ онъ смотрѣлъ съ той же утилитарной точки зрѣнія.

Въ каждой деревнѣ у него оказывались друзья. Онъ первый принесъ точныя свѣдѣнія о войнѣ людямъ, которые уже въ теченіе столѣтія не имѣли мира. Рассказывая новости, трудно, конечно, удержаться отъ того, чтобы вмѣстѣ съ ними не высказать и своего собственнаго взгляда. И Эвазіо Монъ давалъ понять, что, по его мнѣнію, представляется самый удобный случай покончить со всякими непріятностями.

Такъ онъ тихонько продолжалъ свой путь до самаго Монсеррата. И вездѣ, гдѣ ни проходила эта черная фигура съ невозмутимо-живымъ лицомъ, оставался духъ безпокойства и волненія. Къ Эвазіо Мону прислушивались вездѣ и въ отдаленныхъ арагонскихъ деревняхъ, и въ оживленныхъ каталонскихъ городахъ, гдѣ ремесленники и рабочіе уже подавали свой голосъ въ государственныхъ дѣлахъ Испаніи.

Едва ли нужно говорить, что въ каждомъ деревенскомъ трактирѣ, въ каждой городской гостиницѣ Монъ прислушивался самымъ внимательнымъ образомъ къ тому, что говорилось кругомъ.

VI.

Тоже пилигримы.

При первомъ взглядѣ на неуклюжую гору Монсеррата путешественникъ невольно спрашивалъ самъ себя:

— Какъ это такъ вышло?

Гора была гранитная, хотя кругомъ гранита нигдѣ не было. Стояла она совершенно одиноко, высоко поднимая свою корявую вершину къ безоблачному небу. Казалось, что окрестности не имѣютъ съ этой горой ничего общаго и что она составляетъ собою какъ бы обломокъ луны. Не удивительно, что въ средніе вѣка эта гора сильно дѣйствовала на воображеніе тогдашняго человѣчества, заставляя его направлять свою мысль къ Богу.

Въ этомъ-то небольшомъ городкѣ, расположенномъ на коричневой равнинѣ Каталоніи, между Средиземнымъ моремъ и громаздящимися Пиренеями, находится величайшая святыня Испаніи. Тысячи богомольцевъ стекаются сюда каждый годъ со всѣхъ концовъ земли. Если кто-нибудь захочетъ знать исторію этого мѣста, ему расскажутъ легенду, если онъ спроситъ о событіяхъ, то услышитъ о чудесахъ. Если хорошенько заплатитъ, то вамъ покажутъ небольшую деревянную статую. Монастырь тоже имѣлъ свою исторію: когда-то его занимали французы, сжегшіе его до-тла. Во всемъ остальномъ его исторія походитъ на исторію Испаніи съ ея метаніями во всѣ стороны въ тщетной надеждѣ удовлетворить требованіямъ болѣе просвѣщеннаго пониманія религіи и въ то же время задержать неизбѣжный прогрессъ человѣческой мысли.

Въ то время, къ которому относится нашъ рассказъ, въ огромныхъ монастырскихъ зданіяхъ жило всего монаховъ, которые занимались преподаваніемъ музыки и пріемомъ богомольцевъ. За монастырскими воротами былъ довольно хорошій ресторанъ, въ которомъ могли столоваться пріѣзжіе. Обширные монастырскіе дома были приспособлены для помѣщенія бѣдныхъ и богатыхъ, и тамъ всегда можно было найти комнату съ чистымъ постельнымъ бѣльемъ, кровать и умывальникъ. Монахи держали небольшую лавочку, гдѣ можно было купить свѣчей, спичекъ и даже мыла, спросъ на которое былъ, впрочемъ, очень невеликъ.

Эвазіо Монъ прибылъ въ Монсеррату вечеромъ, добравшись сюда изъ маленькаго городка Монистроля въ открытомъ экипажѣ. Былъ обѣденный часъ и въ неподвижномъ вечернемъ воздухѣ стояли кулинарные ароматы. Монъ сразу направился въ контору монастырской гостиницы, гдѣ получилъ простыню, наволочку, полотенце, свѣчку и ключъ отъ своей комнаты, которая на-

ходила въ длинномъ корпусѣ зданія Santa Maria de Jesu. Онъ отлично зналъ дорогу среди этихъ священныхъ мѣстъ и обмѣнялся дружескимъ кивкомъ съ дежурнымъ по монастырю послужникомъ.

Потомъ онъ поспѣшилъ черезъ дворъ за ворота, чтобы присоединиться къ богомольцамъ побогаче, которые сидѣли за столомъ въ ресторанѣ. При его появленіи четверо изъ нихъ подняли глаза отъ своихъ приборовъ и поклонились ему; послѣ чего опять принялись за свою рыбу. Испанія страна молчанія, и тамъ всегда рискованно вступать въ разговоръ съ незнакомымъ человѣкомъ, ибо нѣтъ такого предмета, изъ-за котораго ея различныя національности не могли бы затѣять ссору. Французъ, на примѣръ, вездѣ остается французомъ и всякій политическій споръ всегда можно прекратить, упомянувъ объ отечествѣ, за которое легитимистъ и республиканецъ всегда готовы умереть. Но испанецъ можетъ оказаться арагонцемъ, андалузцемъ и вальясенцемъ, и испанскій патріотизмъ—цвѣтокъ мѣстной культуры и разнаго цвѣта.

Поэтому здѣсь люди, собираясь въ какомъ-нибудь общественномъ мѣстѣ, обыкновенно хранятъ молчаніе. За общимъ столомъ всѣ сидятъ также молча, если только не окажется среди присутствующихъ какой-нибудь андалузецъ, который въ Испаніи играетъ такую же роль, какъ гасконецъ во Франціи: онъ вѣчно говоритъ и смѣется, преисполненъ чувства собственнаго достоинства, которое, однако, всегда готовъ принести въ жертву на алтарь общественности.

За монастырскимъ столомъ не оказалось андалузца, который могъ бы съ одной стороны служить соединительнымъ звеномъ между людьми, уже знакомыми, а съ другой—перезнакомить между собой тѣхъ, кто еще не былъ знакомъ. Такимъ образомъ, пяти лицамъ, сидѣвшимъ за столомъ, пришлось обѣдать въ молчаніи, приличествующемъ ихъ социальному положенію. То были, очевидно, гидальго, настроенные, по всей вѣроятности, весьма набожно. Для проицательнаго наблюдателя, получившаго космополитическое воспитаніе, въ родѣ, положимъ, какого-нибудь атташе, всегда не трудно отличить въ смѣшанномъ обществѣ національность каждаго. Однако на этихъ обѣдахъ между всѣми обѣдающими было какое-то едва уловимое сходство, которое дѣлало эту задачу довольно трудной. Это сходство крылось не только въ одеждѣ. Оно сказывалось въ томъ, что всѣ они тщательно старались, чтобы никто не обращалъ на нихъ вниманія.

Сдѣлавъ церемонный поклонъ, Эвазіо Монъ углубился въ поданное ему меню. Потомъ, поднявъ глаза и узнавъ человѣка, сидѣвшаго противъ него, онъ улыбнулся и быстро кивнулъ ему головой. Затѣмъ онъ встрѣтился взглядомъ съ другимъ сотрапезни-

комъ, сильнымъ, толстымъ человѣкомъ, тяжело дышавшимъ во время ѣды. Оба быстро отвели другъ отъ друга свои глаза и стали смотрѣть на маленькаго сморщеннаго человѣка, который сидѣлъ, забившись въ кресло, и почти ничего не ѣлъ. Его морщинистое лицо и согбенная фигура какъ бы говорили за то, что ему знакомы и такія заботы, которыя обыкновенно удручаютъ только министровъ и королей.

Взглянувъ разсѣянно на Эвасіо, онъ опять погрузился въ свои мысли. Самая манера его крошить хлѣбъ и дѣйствовать ножомъ показывала, что умъ его работаетъ, какъ мельница. Онъ какъ бы забылъ все окружающее и всѣхъ своихъ собесѣдниковъ. Однако внимательный наблюдатель могъ бы подмѣтить, что всѣ эти набожные богомольцы изъ Италіи, Франціи, изъ далекой Польши и сосѣдней Каталоніи явились сюда именно ради него и что они подчинены ему всѣ.

Нелегкая, очевидно, была задача начальствовать надъ такимъ человѣкомъ, какъ Эвасіо Монъ! Да и остальные четверо, несмотря на свои любезныя улыбочки, казались тоже людьми неподатливыми.

Когда подали десертъ и сотрапезники скорѣе по привычкѣ, чѣмъ для лакомства, задумчиво принялись за жареный миндаль, маленькій сморщенный человѣкъ съ видомъ разсѣяннаго хозяина обвелъ глазами сидѣвшихъ за столомъ и промолвилъ по-французски:

— Уже восемь часовъ. Черезъ полчаса монастырскія ворота закрываются. Намъ некогда будетъ обсудить наши дѣла за этимъ столомъ. Не отправится ли намъ въ монастырь? За монастырской стѣной, недалеко отъ фонтана, есть скамейка...

Съ этими словами онъ поднялся, причемъ оказалось, что онъ порядочнаго роста. Всѣ посторонились и дали ему дорогу. Кто-то даже отворилъ ему дверь, словно принцу. Но онъ даже не замѣтилъ этой любезности.

Монастырь стоялъ на крутомъ обрывѣ горы, приткнувшись къ скалѣ, словно огромное орлиное гнѣздо. Зданія его не претендуютъ на архитектурную красоту и представляютъ собою какъ бы рядъ казармъ, выстроенныхъ вокругъ четырехугольнаго двора. Центральнымъ зданіемъ являлась, конечно, церковь, стоявшая у самаго дальняго края этого четырехугольника. Здѣсь находилась чудотворная икона, пережившая столько превратностей и перемѣнъ. Прележавъ больше полутора ста лѣтъ въ одномъ изъ монастырскихъ подваловъ, она привлекла къ себѣ вниманіе тѣмъ, что стала по ночамъ издавать свѣтъ. Затѣмъ для вящшей убѣдительности отъ нея сталъ распространяться аромать. Когда икону хотѣли перенести наверхъ, это оказалось неугоднымъ Богу, и ее оставили на прежнемъ мѣстѣ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ на-Д.

Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ДЕКАБРЬ 1915 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 12-й.

Богословіе.

АМВРОСІЙ, архим. Какъ я нашель истинную перловъ. Ц. 1 р.

ГЛАДКОВЪ, Б. Библия въ общедоступныхъ разсказахъ. Ч. I. Пятикнижіе Моисея. Ц. 3 р.

МАХОВЪ, Н. Небесный покровитель Христолюбиваго воинства Цареградскій Іоаннъ-воинъ. Ц. 20 н.

Философія, психологія, логика.

АНАНИНЪ, С. Интересъ по ученію современной психологіи и педагогикѣ. Кіевъ. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

БЛАВАТСКАЯ, Е. Тайная доктрина. Вып. 1-й. Ц. 1 р. 75 к.

ЖАКОВЪ, К. Гипотеза, ея природа и роль въ наукѣ и въ философіи. Ц. 60 к.

МАКОВЕЛЬСКІЙ, А. Досократики. Первые греческіе мыслители въ ихъ твореніяхъ, въ свидѣтельствахъ древности и въ свѣтѣ новыхъ изслѣдованій. Ч. 2-я. Казань. Ц. 2 р. 50 к.

ПАСКАЛЬ, Т. Древняя мудрость на протяженіи вѣковъ. Ц. 85 к.

ПЕТЕРСОНЪ, Н. О религіозномъ характерѣ ученія Н. Э. Федорова. М. 1915. Ц. 20 н.

ПОПОВЪ, А. Популярныя таблицы по исторіи философіи, составленныя по В. Виндельбанду, Т. Трубенкому и друг. Ч. I и II. Ц. по 75 к.

ПЭНО, П. Элементы философіи наукъ. М. 1916. Ц. 1 р.

ТРОШИНЪ, ГР. Антропологическія основы воспитанія. Сравнительная психологія нормальныхъ и ненормальныхъ дѣтей. Т. I. Ц. 2 р. 50 к. Т. 2. Ц. 3 р.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

БЕМЪ, А. Къ исторіи изученія Толстого. Толстовскія общества и ихъ издательская дѣятельность. Ц. 1 р.

ВЕСЪДЫ. Сборникъ общества исторіи литературы въ Москвѣ. В. I. Ц. 2 р.

ДАРСКІЙ, Д. Маленькія трагедіи Пушкина. Ц. 75 к.

ЖАРИНОВЪ, Д. и НИКОЛЬСКІЙ, Н.

Древній міръ въ памятникахъ его письменности. Ч. I. Востокъ. М. 1915. Ц. 1 р. 30 коп.

МИРОНОВЪ, М. Биографія и значеніе русскихъ писателей. Ц. 50 к.

НЕЛЮБИНЪ, Г. Свѣтлой памяти К. Р. Цвѣты русской повани усопшему августѣйшему поэту. Ц. 1 р. 25 к.

«Истор. вѣстн.», январь 1916 г., т. сѣдмй.

21

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АРМЯНСКІЙ СБОРНИКЪ. Веселовскій, Ю., Динзелеговъ, А., Костянинъ, К. и друг. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

АРЦЫБАШЕВЪ, М. Собрание сочиненій. Т. 8. Законъ дикаря. Ревность. Война. Ц. 1 р. 25 к.

АРЦЫБУШЕВЪ, Ю. Типы военнопленныхъ. Наброски на камнѣ. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

БРУСЯНИНЪ, В. Трагедія Михайловскаго замка. Романъ. Т. 2-й. Ц. 2 р.

ГАЛАТИ, Е. Тайная жизнь. Стихотворенія. Ц. 1 р.

ГОРЬКІЙ, М. Сказки. Ц. 1 р. 50 к.

КЕЛЕРЪ, В. Глаза звѣря. Рассказы. Ц. 1 р. 50 к.

КОРЧАКЪ, Я. Мошки, Юсмы, Срули. Рассказъ изъ жизни еврейскихъ дѣтей. Ц. 75 к.

КУЗМИНА, Н. Венеціанскіе безумцы. Комедія. М. 1915. Ц. 15 р.

КУЗМИНЪ, М. Тихій страхъ. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

ЛАЗАРЕВСКІЙ, Б. Вѣчное. Рассказы. Ц. 1 р. 50 к.

МОРДОВЦЕВЪ, Д. Желѣзомъ и кровью. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

— Замурованная царица. Романъ. Цѣна 1 руб.

— Иродъ. Романъ. Ц. 1 р.

НА ЭТАПАХЪ. Сборникъ Л. Ануфриева. С. Ауслендеръ, А. Будищевъ и друг. М. 1916. Ц. 1 р. 25 к.

САДОВСКОЙ, Б. Адмиралтейская игла. Рассказы. Ц. 1 р. 25 к.

СЛОВО, сборникъ пятый. М. 1915. Ц. 1 р. 75 к.

ФЕДОРОВЪ, А. Камни. Романъ. Ц. 1 р. 25 коп.

ШАТИНЯНЪ, М. Orientalia. Изд. 3. М. 1915. Ц. 1 р.

ЭНГЕЛЬГАРДТЪ, Н. Огненная купель. Историческая повѣсть. Ц. 1 р. 60 коп.

Исторія, біографія и археологія.

БЫКОВЪ, Н. Пятидесятилѣтіе Острожскаго Св.-Кирилло-Меодіевскаго православнаго церковнаго братства. Историческая записка. Ц. 4 р.

ГОРОДЪ ЮРЬЕВЪ (Перпг) въ его прошломъ. Юрьевъ. 1915. Ц. 20 к.

ЛУТОХИНЪ, Д. Графъ С. Ю. Витте, канцъ министръ финансовъ. Ц. 50 к.

ЛУПНОВЪ, П. Императорская Московская Духовная Академія за первое столѣтіе ея существованія. Ц. 15 к.

СВАТИКОВЪ, С. Русскіе университеты и ихъ историческая бібліографія. Ц. 30 к.

ФЕРРЕРО, Г. Величіе и паденіе Рима. Т. 2-й. Ю. Цезарь. М. 1916. Ц. 1 р. 75 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

БЕКИНЪ, А. Вопросъ о помощи арміи по изготовленію снарядовъ въ Москвѣ. Докладъ. М. 1915. Ц. 25 к.

БОРОДКИНЪ, М. Финляндскій авантюристъ Э. В. Беккеръ. Ц. 25 к.

БРЮХАНОВЪ, П. Къ вопросу о постановкѣ дѣла охраны здоровья рабочаго населенія Шлиссельбургскаго пригороднаго района Петроградскаго уѣзда. Ц. 25 к.

ВОЛЖАНИНЪ, В. О національной школѣ. Сборникъ статей. Ц. 50 к.

ДАНИЛОВА, Е. Фирма и названіе предприятий. Ц. 50 к.

ДОРОГОВИЗНА, ея источники и предѣлы. А. О. К. Киевъ. 1915. Ц. 2 р.

ИСАЧЕНКО, В. Гранданскій процессъ. Практическій комментарий на вторую книгу устава Гранд. судопр. Т. I. Изд. 3-е. Ц. 6 р. 50 к.

КАКЪ ЖИВЕТСЯ нашимъ плѣннымъ въ Германіи и Австро-Венгрии. Ц. 15 к.

КОТЛЯРЕВСКІЙ, С. Власть и право. Проблема правового государства. М. 1915. Ц. 2 р. 50 к.

МИРТОВЪ, А. Русско-вѣмное правописаніе академіка Н. К. Грота. Ц. 30 к.

МУСИНЪ-ПУШКИНЪ, А. Среднеобразовательная школа въ Россіи и ея значеніе. Ц. 1 р. 50 к.

ОРАНЖИРЕЕВЪ, Н. Преступленіе и

наказаніе въ математической зависимости. М. 1916. Ц. 75 к.

ОХРАНА жизни и здоровья рабочихъ въ промышленности. Ч. I. 1-й в. Ц. 3 р. 50 к. Ч. I. В. 2-й. Ц. 3 р. Ч. I. В. 3-й. Ц. 2 р. 50 к. Ч. II. В. 1-й. Ц. 2 р. 75 к. Ч. II. В. 2-й. Ц. 2 р. Ч. III. В. 1-й. Рудничное дѣло. Ц. 1 р. 50 к. Ч. III. В. 2-й. Горное дѣло. Ц. 1 р.

Г. В. ПЛЕХАНОВЪ о войнѣ. Изд. 2-е. Ц. 75 к.

САБЛЕРЪ, В. Великая мировая война. Франгузы о вѣщахъ. Ц. 1 р.

ТОВСТОЛЪСЪ, Н. Учрежденіе судебныхъ установленій. Съ законодат. мотивами, разъясн. Прав. Сената. Ц. 6 р.

ТУЛУБЪ, П. Изъ судебской практики рѣшенія по гранданскимъ дѣламъ. В. 1-й. Ц. 1 р. 50 к.

ТРУДЫ комиссіи по изученію современной дороговизны. Вып. I. М. 1915. Ц. 3 р. Вып. II. Ц. 2 р. Вып. III. Ц. 2 р.

УРМАНОВЪ, И. Банковые служащіе. Ц. 40 к.

УСТИНОВЪ, В. Ученіе о народномъ представительствѣ. Т. 2. М. 1915. Ц. 3 р. 50 к.

ФАРЕСОВЪ, А. Народъ безъ водки. Путьевые очерки. Ц. 1 р. 50 к.

Искусство.

ДОЛИНОВЪ, А. Практическое руководство изъ художественному чтенію. Ч. I. Ц. 1 р. 25 к.

— Учебникъ выразительнаго чтенія. Ц. 1 р.

ДОЛГОВЪ, Н. Двадцатипятилѣтіе естра имени А. С. Суворина 1895—1915 гг. Ц. 3 р.

ЕВРЕЙНОВЪ, Н. Театръ для себя. Ч. I. Ц. 1 р. 75 к.

Естествознаніе и математика.

- ГУДРИЧЪ, Э. Эволюція живыхъ существъ. Ц. 50 к.
 КАМЕНЬЩИКОВЪ, Н. Солнце. Астрономическій очеркъ. Ц. 50 к.
 КЮСТЕРЪ, Ф. Таблицы логарифмовъ для химиковъ, врачей и физиковъ. Цѣна 1 руб.
 МЛОДЗЕВЕСКИИ, Б. Основы аналитической геометріи въ пространствахъ. М. 1915. Ц. 1 р. 75 к.
 НОВЫИ ИДЕИ въ физикѣ. № 2. Эфиръ и матерія. Ц. 80 к.
 ЦИНГЛЕРЪ, Н. Курсъ астрономіи, ч. практическая. Ц. 3 р.
 ШМИДТЪ, И. Основы жизни. Введеніе въ биологию. Ц. 90 к.

Географія, этнографія, антропология, путешествія

- БРЕЧКЕВИЧЪ, М. Полабскіе-славяне. Казань. Ц. 20 к.
 ГРИГОРЬЕВЪ, С. Вокругъ южнаго полюса. М. 1915. Ц. 1 р. 20 к.
 ЕЛИСВЕВЪ, А. По Облу свѣту. Очерки и картины изъ путешествія. Т. I. Цѣна 3 руб.

Торголя и промышленность. Счетоводство.

- ПРОТИВОПОЖАРНАЯ охрана промышленныхъ предриятій. Ц. 70 к.
 СИВЕРСЪ, Е. Операціи коммерческихъ банковъ. Ц. 2 р. 25 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

- ГИНЦЕНБЕРГЪ, А. Вишни и ея промышленная культура. Ц. 1 р. 50 к.
 ДЕВУ, К. Зерносушилки. Ц. 1 р. 25 к.
 СЕРВИНОВЪ, И. Бактеріи и грибки въ сельскомъ хозяйствѣ. Ц. 40 к.
 СОРОКИНЪ, А. Подзаоры, драпировки и портьеры. Краткое руководство по убранству комнатъ. Ц. 25 к.
 ФИЛИЩЕНКО, Ю. Происхождение домашнихъ животныхъ. Ц. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- АБРАМОВЪ, Н. Курсъ сопротивленія матеріаловъ. Ц. 3 р. 75 к.
 БАТЮШКОВЪ, В. Твердая грунтовая дороги. Ц. 1 р. 50 к.
 ГАНИЦКИИ, И. Паровыя турбины на свеко-сахарныхъ заводахъ. Ц. 50 к.
 ГЛАВНѢЙШІЕ результаты опытовъ надъ паровозомъ типа 1—3—0 Ншп. Ц. 35 к.
 — Типа 1—4—0 Шв. Ц. 35 к.
 — Типа 1—3—0 Нш. Ц. 35 к.
 ГЛАВНѢЙШІЕ результаты опытовъ надъ паровозомъ типа 2—3—0 Б. Ц. 35 к.
 — Типа 1—3—0 Н. 4. Ц. 35 к.
 — Типа 0—4—0 О П. Ц. 35 к.
 ГЮНТЕРЪ, А. Укрѣпленіе трансмиссий, въ желѣзобетонныхъ сооружеиіяхъ. Ц. 06 к.
 ЕРЖЕМСКИИ, А. Самоучитель фотографіи. Изд. 3. Ц. 4 р. 25 к.
 КАМИНЕРЪ, М. Элементы современной организации производства металлообработывающихъ станковъ. Ц. 2 р.
 КИРЪБЕНКО, П. Земскія желѣзобетонныя типовыя трубы малыхъ диаметровъ. Киевъ. 1915. Ц. 2 р. 15 к.
 МИХАЛОВСКИИ, I. Теорія и исторія архитектурныя. Архитектурные ордера. Ц. 3 р. 80 к.
 НАУМОВЪ, В. Дизеля съ противоположно-движущимися поршнями. Ц. 75 к.
 СЕРЕБРЯКОВЪ, Г. Эмпажно-малярное производство. Ц. 60 к.
 ФРОЛОВЪ, Р. Общедоступный курсъ электротехники. Ч. 2-я. Двигатомашинны и электродвиг. постоян. тока. Ц. 2 р.
 ХОЗЯЦКИИ, И. Расчетъ рамныхъ конструкций изъ желѣзобетона. Ц. 1 р. 20 к.
 ЮНИЦКИИ, А. Фотографія въ лѣсномъ хозяйствѣ. Ц. 40 к.
 — Описание конструкций лѣсной пожарной вышки американскаго типа, постро. въ 1913 г. въ казан. опытн. лѣсничествѣ. Ц. 1 руб.

Медицина, гигиена, анатомія, физиология и хирургія. Ветеринарія.

- ИСАЕВЪ, С. Валеменумъ по остро-заразнымъ болѣзнямъ, дезинфекціи и дезинсекціи. Ц. 90 к.
 МИХАЙЛОВЪ, Н. Диагностика и терапия заболѣваний мочевыхъ и половыхъ органовъ. Для специалистовъ-урологовъ и практическихъ врачей. Изд. 2-е, измѣн. и допущ. Съ 180 рис. и 2 цвѣтн. табл. 1915. Ц. 4 р.
 ФРЕНКЕЛЬ, Л. Гомеопатическій лечебникъ. Ц. 3 р.
 ЭРЕТЪ, А. Лечение голодомъ и плодами. Съ 8 рис. Ц. 60 к.
 ЯНУШЕВСКИИ, Ю. Экстрактъ ветеринарныхъ знаній для цѣлѣй конво-врачебнаго дѣла. Ц. 1 р. 25 к.

Военное и морское дѣло.

- ГУСЕВЪ, А. «Спутникъ прапорщика» Одесса. 1915. Ц. 2 р. 75 к.
 РУДОМЕТОВЪ, М. Стратегическая карта европейскаго театра войны. Часть Западной Россіи на 2 листахъ. Ц. 1 р. 50 коп.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- БОРОЗДИНЪ, А. Учебная книга по исторіи русской литературы. Ч. I. Русская народная словесность и древн. русск. письменность. Ц. 1 р.
— То же, ч. 2. Ц. 1 р., ч. 3-ья. Ц. 1 р. 50 коп.
- ДОРОШКЕВИЧЪ, Б. Естествознание въ школьной практикѣ. Неживая природа. Ц. 1 р. 10 к.
- ЕВЛАМШЕВЪ, Н. Руководство по рисованію. 2 части. М. 1915. Ц. 2 р.
- ИЛЬИНСКИЙ, Н. Хрестоматія къ курсу теории словесности. Ц. 1 р. 50 к.
- КУРСЫ по подготовкѣ руководителей для веденія экскурсій съ дѣтьми въ природу, устроенныя въ Кіевѣ съ 28 апрѣля по 15 мая 1915 г. Кіевск. орнитологич. общ. имени К. Ф. Кесслера. Сборникъ статей. Кіевъ. 1915. Ц. 1 р. 75 к.
- ЛЕСКИНЪ, А. Грамматика древне-болгарскаго (древне-первоино-славянскаго) языка. Казань. 1915. Ц. 2 р.
- ЛУШПОВЪ, П. Практическое ознакомленіе съ церковнымъ мѣсяцесловомъ въ начальныхъ школахъ. Ц. 15 к.
- МАНШТЕЙНЪ, С. Грамматика англійскаго языка. Ц. 1 р.
— Иллюстриров. курсъ англійскаго языка. Ц. 2 р.
- НИКОЛЬСКИЙ, Н. Краткій курсъ начальной географіи. Ц. 15 к.
- ПРЕССЪ, А. Теорія словесности для учителей. Ц. 60 к.
- ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЯ учительскія организаціи на западѣ и въ Россіи. Сборникъ статей. Ц. 1 р. 50 к.
- ФИШЕРЪ, В. Учебникъ по исторіи русской литературы. (Грибоѣдовъ, Крыловъ, Карамзинъ). М. 1915. Ц. 90 к.
- ЩАВИНСКИЙ, Т. Полный курсъ языка эсперанто. Ц. 60 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- СОЛОВЬЕВА, Н. Куклинъ домъ. Рассказъ въ стихахъ. П. 1 р.

Спортъ, охота, игры.

- ЕЖЕГОДНИКЪ Всероссийскаго Союза лаунъ-теннисъ клубовъ за 1914—15 гг. Ц. 1 р.
- КАРАВАЕВЫ, Л. и Ж. Зимній спортъ. Коньки, лыжи, сани. М. 1915. Ц. въ перлѣ 50 коп.

Справочныя книги.

- ГОРБУНОВЪ, А. Карманный множитель. Ц. 35 к.
- РУССКІЙ карманный календарь для всѣхъ на 1916 г. Ц. 20 к.
- ШКОЛЫ для подготовкы прапорщиковъ въ военное время. Положенія и программы. Ц. 30 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
НОВАЯ КНИГА

А. И. ФАРЕСОВА

„НАРОДЪ БЕЗЪ ВОДКИ“

Цѣна 1 р. 50 к.

Принимается подписка на
ИЗВѢСТІЯ
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ
(ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ 1916 г. журналъ будетъ выходить каждые два мѣсяца, книгами около 15 листовъ.

Въ программу «Извѣстій Министерства Иностранныхъ Дѣлъ» входятъ: международные договоры, заключенные Россіей; русское законодательство; международные договоры иностранныхъ государствъ; дипломатическая переписка; административная и судебная практика; консульскія донесенія; статьи, замѣтки и матеріалы по вопросамъ международного права, исторіи международныхъ сношеній и по внѣшней торговой политикѣ; библиографія.

Подписная цѣна—6 руб. въ годъ, за границу—7 руб. 50 коп. Подписка и объявленія принимаются въ главной конторѣ—книжномъ магазинѣ А. Ф. Цинзерлинга (Мелье и К)—Невскій, 20, Петроградъ.

Редакція «Извѣстій Министерства Иностранныхъ Дѣлъ» помещается въ Петроградѣ, Дворцовая пл., 6, зданіе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Редакторъ *Бар. Б. Э. Номде.*

Открыта подписка на 1916 г.
на политическую, литературную и торгово-
промышленную газету

„Новости Жизни“

ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ ГОР. ХАРБИНЬ (МАНЬЧЖУРІЯ).

Газета выходитъ ежедневно, въ большомъ форматѣ, съ отдѣльными иллюстрированными приложеніями и иллюстраціями въ текстѣ.

Подписная цѣна

Для городскихъ подписчиковъ на годъ 12 р., на полгода—7 р., 3 мѣс.—3 р. 70 к., 1 мѣс.—1 р. 30 к. Для иногороднихъ: на годъ 14 р. 40 к., на полгода—8 р. 20 к., 3 мѣс.—4 р. 30 к., на мѣс.—1 р. 50 к. ПЕРЕМѢНА АДРЕСА городского на такой же—25 к.; на иногородній—50 к.

Такса на объявленія

За строку петита впереди текста—25 коп., позади—15 к.; въ текстѣ и стороннія сообщенія по особому соглашенію.

Объявленія отъ лицъ и фирмъ, живущихъ или живущихъ свои главныя конторы или правленія за границей или въ Европейской Россіи, надлежитъ направлять въ Редакцію. Корреспонденція—на англійскомъ и французскомъ языкахъ.

Редакторъ *О. А. Шейнфельдъ*

Издатель *Издательство «Т-во Печать».*

Продолжается подписка на 1915—1916 годъ на научно-литературно-художественный студенческий журналъ.

ВЕШНЯЯ ВОДА.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ—съ 1-го сентября, книгами до 300 страницъ каждая: беллетристика, публицистика и библиография, текущая жизнь, театр и музыка, некрологи, спортъ, шахматы, шашки, бѣга и юморъ. Иллюстраціи, рисунки, стильныя виньетки, карикатуры. Девизъ журнала: *«...Дорогою свободной иди, куда влечетъ тебя свободный умъ!»*

Въ журналъ принимаютъ постоянное участіе видные русскіе писатели-философы, профессора, художники-академисты и молодые таланты русскаго студенчества.

Задача «Вешнихъ Водъ»: отражать жизнь, думы и творчество современнаго студенчества.

Имѣются собственные корреспонденты во *всѣхъ* университетскихъ городахъ Россійской имперіи.

Въ 1915—1916 году имѣются къ напечатанію романы *«Лукій или оселъ»*—древне-греческій романъ Лукіана Самосатскаго, перев. Ф. Ф. Миловидовъ. *«Шлямя»*— спиритическій романъ, соч. Р. Хитчинса; пер. съ англійскаго Е. А. Б. *«Исторія Мамонъ Леско и кавалера де-Грие»*—романъ въ 2-хъ частяхъ аббата Прево; пер. съ франц. Ф. Миловидовъ. Повѣсти: *«Такъ было надо»*—Наталіи Несытовой и *«Седьмой медальонъ»*—окулътная повѣсть М. М. Спасовскаго. Разказы: *«Месяцатъ»*—изъ жизни нашихъ дней Э. Хр. Данилевскаго; *«Въ заголустьяхъ»*—путевыя впечатлѣнія Юрія Прилуцкаго; *«Изъ дневника молодой двоюшки»*—Марины Несытовой; *«На переломѣ»*—Александра Дроздова; *«Буреломъ»*—Николая Росницкаго; *«Любовь почтоваго чиновника»*—Ольги Нефедьевой; *«Шляный ключъ»*—Н. Яблонскаго; *«Дуракъ»*—быль Михайловнча. Статьи: В. В. Андреева—*«Русское народное музыкальное творчество»*. А. А. Бурнакина—*«О судьбахъ славянофильствъ»*.—М. М. Гротта—*«Некѣмъ Адомай!»* что по-еврейски значитъ—*«Местъ Богу!»* Проф. П. И. Ковалевскаго—*«Нѣмецкій натискъ на Россію»*. В. Мордвиновой—*«Задачи современнаго студенчества»* и ея же—*«К. Леонтьевъ, какъ художникъ и мыслитель»*. В. Р. Мусселіуса—*«Церковь и государство»*. А. М. Ренникова—*«Печка для танцовъ»*. В. В. Розанова—*«Изъ жизни, исканій и наблюдений студенчества»*. Литературныя замѣтки Мих. Спасовскаго—*«О современномъ писательствѣ»*. Э. Тигранова—*«Раси и боги»*; д-ра Н. Н. Шипова—*«Болярія въ далекомъ прошломъ»* и его же—*«Дороговизна и борьба съ нею»* и мн. др.

Подписная цѣна: на годъ—6 руб., на $\frac{1}{2}$ года—5 руб. Цѣна отд. №—80 к. съ перес.—95 коп.

Подписчики, внесшіе сполна годовую плату, получаютъ право съ приплатою 1 руб., приобрести немедленно по желанію: или три книги «Вешнихъ Водъ» за прошлый годъ съ вполне законченными разказами и статьями и пробный № журнала или «Студенческий Сборникъ», стоющій въ отдѣльн. продажѣ—2 руб. *Вешнія Воды*—единственный въ Россіи независимый большой иллюстрированный русскій журналъ, посвященный русской учащейся молодежи.

Книги журнала продаются во *всѣхъ* книжныхъ магазинахъ и въ кіоскахъ жел. дор.

Адресъ редакціи журнала «Вешнія Воды»: Петроградъ, Фонтанка, 88.

Тел. 682—68

Поступила въ продажу новая книга:
**„СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА
ВЪ РУССКОЙ ПОЭЗИИ“**,

сборникъ стихотвореній выдающихся русскихъ поэтовъ
подъ редакціей Б. Б. Глинскаго.

Цѣна 2 руб.

ЧИСТЫЙ СБОРЪ СЪ ИЗДАНІЯ—НА ПОЛЬЗУ РАЗОРЕННОЙ ПОЛЬШИ.
Складъ изданія у редактора-составителя: 2-я Рождественская, д. 19, кв. 17,
телеф. 129-32.

Вышелъ № 33.

*Открыта подписка на 1915 годъ.—2-й годъ изданія.
Большинство №№ за 1914 г. в перерыве пяти №№ за 1915 г. распроданы.*

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

ЖУРНАЛЪ КРАСИВОЙ ЖИЗНИ.

Цѣна отд. № 85 коп.

Журналъ отводитъ главное мѣсто свѣтской жизни въ Россіи, спорту, охотѣ, туризму, художественнымъ выставкамъ, театру, коллекционерству и особенно жизни русской усадьбы въ прошломъ и настоящемъ.

Двухнедѣльный роскошный журналъ, совершенно новаго въ Россіи типа, по образцу англійскихъ.

Редакція—Каменный остр. 31, соб. вилла.

Контора—Невскій, д. Зингера, контора 70.

Годовая подписка 11.50 въ Петроградѣ и 12.50 вездѣ въ Россіи.

Для ознакомленія съ журналомъ принимается подписка на 4 пробныхъ номера—вездѣ въ Россіи 1 р. 50 к.

Редакторъ Вл. Крымовъ.

Вышла въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ
и въ кіоскахъ на станц. желѣзн. дорогъ

„НА ПОЛѢ БРАНИ“

разказы и эпизоды изъ современной войны

Г. Т. СЪВЕРЦЕВА-ПОЛИЛОВА.

Цѣна 1 руб. 25 коп. 25 коп. съ каждаго экземпляра поступаетъ
въ пользу разоренной Польши.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

„СРЕДИ КОРОНОВАННЫХЪ ОСОБЪ“

Молодость императора Вильгельма, встрѣчи и воспоминанія.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

„ПО СТАРИННОМУ ЗАМОРСКОМУ ПУТИ“

очерки, встрѣчи, впечатлѣнія и итоги поѣздки по Сѣверу.

Цѣна 1 руб.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ

М. Г. ВЕСЕЛКОВОЙ-КИЛЬШТЕТЬ

„КОЛЫЧЕВСКАЯ ВОТЧИНА“.

РОМАНЪ.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

„ПѢСНИ ЗАБЫТОЙ УСАДЬБЫ“.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Цѣна 1 рубль.

„СТИХИ И ПЬЕСЫ“.

Цѣна 2 рубля

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя **Бориса Борисовича Глинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городскій) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

Тарифъ на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 20 р.

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕВРАЛЬ 1916 г.

СТРАН.

Историческая летопись . . . . . V—XXXII

Иллюстрации: 1) Генераль де-Кастельно, назначенный главнокомандующимъ на французскомъ фронтѣ вмѣсто ген. Жоффра, получившаго командование всѣми французскими арміями (въ томъ числѣ и балканской).—2) Генераль Дугласъ Хэгъ, новый главнокомандующій великобританской арміей во Франціи и въ Бельгіи.

- I. Торговый домъ Бахвалова сыновья. Романъ изъ купеческой жизни. V—VII. (Продолженіе). **Марка Басанина.** 321
  - II. Послѣ Санъ-Стефано. IV—V. (Продолженіе). Записки **графа Н. П. Игнатьева.** 357
  - III. При комедіальной храмигѣ. (Первое нѣмецкое засилье). Повѣсть. XIV—XXVII. (Продолженіе). **П. П. Гнѣдича.** . . . 380
  - IV. Отъ дѣтства до присяги. (Изъ жизни августѣйшихъ дѣтей императора Александра II). (Окончаніе). **Е. С. Каменскаго.** 427
- Иллюстрации:** 1) «Наша группа у дома В. Нольде въ Либавѣ». Либава въ 1862 году. Великіе князья Александръ и Владимиръ Александровичи, великія княжны Марія и Евгенія Максимиліановны и братья ихъ: Сергѣй и Юрій Максимиліановичи.—2) Наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ и его братъ великій князь Александръ Александровичъ въ 1862 году.—3) Принесеніе присяги цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ 20 июля 1865 года въ Царскомъ Селѣ.—4) Великіе князья Александръ Александровичъ, Владимиръ Александровичъ, Николай и Сергѣй Максимиліановичи Лейхтенбергскіе въ 1865 году.—5) Князь Вл. Мещерскій, докторъ Гиршъ, секретарь Оомъ, проф. Габстъ, адъютантъ Козловъ, графъ Перовскій, К. П. Побѣдоносцевъ, великій князь Владимиръ Александровичъ, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ, Н. П. Литвиновъ и Боголюбовъ.
- V. Четыре записки изъ жизни декабристовъ. II—IV. (Окончаніе). **И. В. Погоржанскаго.** 459
  - VI. Мои воспоминанія о митрополитѣ Антоніи. V—VII. (Окончаніе). **М. В. Вадковскаго.** 475
  - VII. Воспоминанія о С. Ѳ. Шараповѣ. I—V. **С. К. Эфрона.** . . . 496
  - VIII. Легендарные луны. **А. И. Соколовой.** 521
  - IX. Черный папа. (Очеркъ). **М. К. Первухина.** 531

Иллюстрации: 1) Падре Бжововскій, «генераль» ордена Іезуитовъ, жившій въ Россіи.—2) Генераль ордена Іезуитовъ падре Ксаверій Верницъ, ум. въ 1914 году.—3) Падре Владимиръ Ледоховскій, нынѣшній генераль ордена.

- X. Пятидесятилѣтіе Высочайше утвержденной комиссіи по разбору и описанію архива Святѣйшаго Синода. **К. Я. Здравомыслова.** 545
  - XI. Село Спасское-Лутовиново, усадьба И. С. Тургенева. (Описание усадьбы и дома, какимъ онъ былъ при жизни И. С. Тургенева, съ планомъ дома и флигеля). **М. Щепкина.** 550
- Иллюстрации:** 1—5) Планы №№ 1—5.
- XII. Критика и библиографія 565

1) В. С. Иконниковъ. Максимъ Грекъ и его время. Историческое изслѣдованіе. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Кіевъ. 1915. и. г. р.—2) Василенко, Н. П. Очерки по исторіи Западной Руси и украинства. Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ. Составлена при участіи профессоровъ и преподавателей подъ редакціей профессора М. В. Довнаръ- (См. слѣд. стран.).

Запольскаго. Томъ III. Приложение, Киевъ. 1916. н. Любовича.—3) Рязанская губернія въ 1812 году, преимущественно съ бытовой стороны. Материалы для исторіи отечественной войны. Составилъ И. П. Проходцовъ. Т. I. 1913. Т. II. 1915. п. Майнова.—4) Собрание матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. 44. Тифлисъ. 1916. А. Малимова.—5) Архивъ Раевскихъ. Томъ V. Редакція и приѣчанія В. Л. Модзалевскаго. Пгр. 1915. вл. км.—6) К. К. Арсеньева. За четверть вѣка. (1871—1894). Сборникъ статей. Пгр. 1915. м.—7) С. Л. Винбергъ. Исторія еврейской печати въ Россіи въ связи съ общественными теченіями. Пгр. 1915. с. л.—ма.—8) Историческое Озёрніе. Т. 20. Пгр. 1915. п. б.—9) Сборникъ статей въ честь Владислава Петровича Кувескула. Томъ XXI сборника харьковскаго историко-филологическаго общества. Харьковъ. 1913—1915. м.—10) А. И. Фаресовъ. Народъ безъ водки. (Путевые очерки). Петроградъ. 1916. м.—11) В. К. Лукомскій и баронъ Н. А. Типольтъ. Русская геральдика. Руководство къ составленію и описанію гербовъ. Петроградъ. 1915. з. и. б.—12) Чего ждетъ Германія отъ войны? Бесѣды съ германскими общественными дѣятелями. Редакція, приѣчанія и предисловія Р. Стрѣльцова. Переводъ З. Венгеровой и Н. М. Лагова. Пгр. 1915. д. а. м.—13) Н. А. Павловъ. Записки землевладельца. Пгр. 1915. А. д.—14) Материалы по археологій Россіи, издаваемые императорскою археологическою комиссіей. № 84. Доклады, читанные на лондонскомъ международномъ конгрессѣ историковъ 1913 г. графомъ А. А. Еобринскимъ, Е. М. Придкомъ, М. И. Ростовцевымъ, В. В. Фармаковскимъ и Э. Р. фонъ-Штерномъ. Съ 59 таблицами и 40 рисунками въ текстъ. Петроградъ. 1915. с. цыбульскаго.—15) Собрание сочиненій Александра Николаевича Веселовскаго. Серія II, томъ 3-й. Италия и Возрожденіе. Глокачю, его среда и сверстники. Томъ первый (1893). Томъ пятый. Петроградъ. 1915. в. н.—16) Вукцидъ. Исторія. Т. I и II. Переводъ Ѳ. Мищенка въ переработкѣ, съ приѣчаніями и вступительнымъ очеркомъ С. Жебелева. М. 1915. д.—17) Труды состоящей подъ Высочайшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора и находящейся подъ августѣйшимъ почетнымъ попечительствомъ его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича тульской губернской ученой архивной комиссіи. Книга I. 1913.—10-го ноября 1914 г. Тула 1915. вл. км.—18) Изданія русскаго библиологическаго общества. Библиологическій сборникъ. Т. I. Вып. 2. Библиографическіе матеріалы, собранные въ 1913—1914 г.г. Э. А. Вольгеромъ. Петроградъ. 1915. Доклады и отчеты. Выпускъ III. 1913—1914 г.г. Петроградъ. 1915. Z.

XIII. Новости исторіи 587

1) Автобіографія Я. М. Невѣрова.—2) Резолюція о его «глуности».—3) Объясненіе Евангелій и палицейскій надзоръ.—4) Русскій губернаторъ въѣзжаетъ въ лицъ В. В. фонъ-Валя.—5) Легенда о Маріи Парижской и императрица Марія Феодоровна.—6) Похороны гусарскаго мундира. Е. С. шумигорскаго.

XIV. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника» 594

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи. 597

1) Послѣдніе дни Бисмарка.—2) Рембрандтъ и Спиноза.—3) Византийскій императоръ въ Лондонѣ и Парижѣ.—4) Австрійскій дворъ въ XVIII вѣкѣ.

XVI. Смѣсь 615

1) Годовое собраніе академіи наукъ.—2) Преміи по отдѣленію русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ.—3) Въ литературномъ фондѣ.—4) Юбилей профессора лейбъ-медика В. Н. Сиротинина.—5) Осмотръ ризницы Благовѣщенскаго собора.—6) О государственномъ межевомъ архивѣ въ Москвѣ.

XVII. Некрологи 620

1) Кауфманъ, И. И.—2) Ляды, С. И.—3) Мартыновъ, Н. Г.—4) Потъхнѣвъ, П. А.—5) Соколовъ, Д. А.—6) Цибугинъ, В. И.—7) Чайковскій, М. И.—8) Черемисниковъ, П. Н.—9) Эттингеръ, Ѳ. В.

Приложенія: 1) Портретъ высокопресвященнаго Антонія, митрополита с.-петербургскаго и ладожскаго.—2) Въ бархатныхъ котяхъ. VII—XII. (Продолженіе). Историческій романъ Генрл Ситонъ-Меримена. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ

на ежемѣсячный историко-литературный журналъ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

ИЗДАЕТСЯ

Наслѣдниками А. С. Суворина

подъ редакціей Б. Б. Глинскаго.

(Тридцать седьмой годъ изданія).

«Историческій Вѣстникъ» знакомитъ читателей въ живой, общедоступной формѣ съ современнымъ состояніемъ исторической науки и литературы въ Россіи и Европѣ и связываетъ отечественную исторію съ всемірною и научное изслѣдованіе съ популярнымъ изложеніемъ. За время своего 36-лѣтняго существованія журналъ достигъ широкаго распространенія среди разнообразныхъ классовъ населенія, имѣя здѣсь многочисленныхъ подписчиковъ и читателей. «Историческій Вѣстникъ» издается по слѣдующей программѣ: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя, и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, записки, воспоминанія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, этнографическія и бытовыя описанія и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, историческія новости и матеріалы, имѣющіе общій интересъ. Къ «Историческому Вѣстнику» прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

«Историческій Вѣстникъ» выходитъ ежемѣсячно каждаго 1-го числа въ объемѣ 25—28 печатныхъ листовъ убористаго шрифта.

«истор. вѣстн.», февраль 1916 г., т. XLVII.

Подписная цѣна на 1916 годъ 11 рублей съ пересылкой и доставкой на домъ, за полгода 6 руб. 50 коп., за четверть года—3 руб. 75 коп., за границу—14 рублей. Цѣна книжки журнала въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 50 коп. Для служащихъ за подписью казначеевъ, а также для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ допускается разсрочка по четвертямъ года безъ повышенія годовой платы.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ въ Петроградѣ при книжномъ магазинѣ Т-ва «Новаго Времени» (А. С. Суворина), Невскій пр., д. № 40, и въ отдѣленіяхъ Главной Конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону при книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

Такса за объявленія: впереди текста за страницу 80 руб., за 1/2 стран. 45 руб., за 1/4 стран. 25 руб.; позади текста за страницу 60 руб., за 1/2 стран. 35 руб., за 1/4 стран. 20 руб.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» принимаетъ участіе Его Императорское Высочество великій князь Николай Михайловичъ.

Какъ и въ предшествующіе годы, такъ и въ 1916 году, журналъ будетъ выходить со слѣдующими отдѣлами:

Беллетристика. Имѣются произведенія слѣдующихъ авторовъ: **Маркъ Басанинъ** «Торговый домъ Бахвалова сыновья». Романъ.—**М. Е. Васильева.** «Новые кильцы». (Записки домовладѣльницы).—**В. А. Волжинъ.** «Въ тискахъ судьбы».—**С. И. Васюковъ.** «Давыдка и бурлаки».—**П. П. Гнѣдичъ.** «При комедіальной хранилѣ». (Первоначальное заимствованіе).—**Левъ Ждановъ.** «Узникъ-императоръ». Романъ-хроника-741—1764 гг.—**И. Н. Потапенко.** «Человѣческое». «Безкровіе». Разказы.—**С. П. Рудневъ.** «Изъ жизни». (Изъ записокъ судьбы).—**М. Руневичъ.** «Закубанскій отшельникъ». (Изъ охотничьихъ воспоминаній).—**Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ.** «Голубятня».—**В. В. Умановъ-Маплуновскій.** «Устроители дѣла». Повѣсть.—**А. Н. Шабанова.** «Учительница Голубкова».—**Н. А. Энгельгардтъ.** «Петроградская старина». (Наброски и картинки).—**І. І. Ясинскій.** «Тѣни прошлаго» и много друг.

Воспоминанія. Редакція располагаетъ слѣдующими мемуарами: **Графъ Н. П. Игнатьевъ.** «Послѣ Санъ-Стефано».—**Сенаторъ Дейеръ.** «Записки».—**Н. А. Маннъ.** «Воспоминанія».—**Селивановъ.** «Воспоминанія».—**М. В. Вадковскій.** «Воспоминанія о митрополитѣ Антоніи».—**В. П. Гельмерсенъ.** «Эрзерумскій походъ 1877 года».—**А. И. Соколова.** «Встрѣчи и знакомства».—**Е. Матѣева.** «Воспоминанія о графѣ А. К. Толстомъ и его жепѣ».—**П. Г. Ганзенъ.** «Изъ литературныхъ воспоминаній».—**Р. И. Сементковскій.** «Среди отошедшихъ».—**Г. Е. Натановъ.** «Записки сибиряка».—**Свящ. І. В. Васильевъ.** «Все проходитъ...».—**С. С. Окрейцъ.** «Литературныя встрѣчи и знакомства».—**О. З. Суловъ.** «Памяти основателя украинскаго театра—М. Л. Кропвицкаго».—**В. П. Соколовъ.** «Дворянская семья (Гаршины)».—**Н. В. Рейнгардтъ.** «Изъ воспоминаній о Н. К. Михайловскомъ, его друзьяхъ и современныхъ ему событіяхъ».—**С. Н. Эфронъ (Литвинъ).** «Воспоминанія о С. О. Шарповѣ».—**А. Е. Серебрякова.** «Изъ жизни московской прессы восьмидесятыхъ годовъ».—**М. М. Марина.** «Изъ воспоминаній о пребываніи русскаго экспедиціоннаго отряда на Критѣ».—**М. В. Шевляковъ.** «Оригиналы и чудачки» и «Изъ разказовъ П. И. Вейнберга».—**В. Б. Бертенсонъ.** «За 30 лѣтъ».—**С. Д. Милуковъ.** «Воспоминанія».—**М. А. Щепкинъ.** «Театральныя мелочи».—**П. А. Россевъ.** «Силуэты».—**Н. И. Ванченко.** «Изъ воспоминаній украинскаго актера».—**Н. А. Дворжицкій.** «Изъ прошлаго петроград-

ской полиціи».—С. И. Уманецъ. «Мозаика».—В. П. Глѣбовъ. «Гелій искусства»—Н. К. Милославскій».—М. Бѣлявскій. «Эрмитажъ. Изъ воспоминаній художника».—М. П. Ватаци. «Дѣвичій институтъ царицы Маріи въ Цетиньѣ».—И. И. Чайковскій. «Силуэты».—А. Рембелинскій. «Изъ далекаго прошлаго» и мн. друг.

Статьи научныя, публицистическія, критика и библиографія. Въ названныхъ отдѣлахъ примутъ участіе: Н. О. Акаѣмовъ, В. А. Алексѣевъ, А. Л. Бахтиаровъ, А. А. Башмаковъ, проф. П. В. Безобразовъ, Д. А. Бочковъ, А. М. Бѣловъ, И. С. Бѣляевъ, проф. Б. В. Варнеке, проф. А. Н. Витмеръ, В. В. Вороновъ, Г. К. Гинсъ, Б. Б. Глинскій, проф. В. М. Грибовскій, И. И. Гурвичъ, Н. А. Державинъ, А. А. Дуниязъ, Н. М. Ежовъ, В. В. Жерве, проф. И. И. Замотинъ, А. Е. Заринъ, Г. Г. Зоргефрей, проф. Л. П. Карсавинъ, А. Е. Кауфманъ, проф. М. В. Ключковъ, В. Н. Княжнинъ, Я. Н. Колубовскій, А. О. Коки, проф. Д. А. Корсаковъ, проф. М. Е. Красножель, К. В. Кудряшовъ, В. К. Кузнецовъ, Н. А. Лачиновъ, Н. Н. Лендеръ, проф. Н. М. Лисовскій, А. М. Ловягинъ, проф. Н. Н. Любовичъ, П. М. Майковъ, проф. А. I. Малешъ, князь С. П. Мапсыревъ, М. М. Марина, В. П. Маринъ, Т. А. Мартемьяновъ, Д. А. Масляненко, С. Р. Минцловъ, А. А. Мироновъ, Б. Л. Модзалевскій, З. Е. Мордвинова, П. О. Морозовъ, В. А. Мустафинъ, И. В. Мѣщаниповъ, А. П. Налимовъ, А. М. Нечаева, Н. Н. Оглоблинъ, С. С. Окрейцъ, А. С. Панкратовъ, академикъ В. Н. Перетцъ, проф. М. Г. Попруженко, Н. В. Рейнгардтъ, П. А. Россіевъ, О. О. Симбухинъ, А. П. Скугаревскій, Т. О. Соколовская, М. К. Соколовскій, проф. И. И. Соколовъ, Н. П. Столпянскій, К. Л. Тепловъ, Е. С. Тимирязева, В. З. Ткачукъ, А. И. Фаресовъ, А. И. Фирсовъ, Н. Н. Фирсовъ, Н. В. Чарыковъ, проф. П. Н. Чернышевъ, М. Ф. Чулицкій, В. И. фонъ-Штейнъ, С. В. фонъ-Штейнъ, М. А. Щенкинъ, князь Б. А. Щеглинъ, Н. А. Энгельгардтъ, С. К. Эфронъ (Литвинъ), И. П. Ювачевъ, П. А. Юдинъ, П. Л. Юдинъ, проф. А. И. Яцимирскій и мн. друг.

Въ отдѣлѣ критики и библиографіи, состоящемъ подъ редакціей проф. А. I. Маленна, каждый мѣсяцъ рецензируются свыше 20-ти вновь вышедшихъ книгъ, преимущественно по русской, всеобщей и древней исторіи, литературѣ, археологіи, исторіи права, искусствъ и другимъ отраслямъ гуманитарнаго знанія. Въ **Книжномъ Листѣ** отмѣчаются всѣ поступающія въ редакцію изданія съ краткимъ отчетомъ о главнѣйшихъ изъ нихъ.

Статьи этнографическія и географическія. Будутъ напечатаны произведенія, В. А. Алексѣева, Д. П. Богданова, В. Г. Вейденбаума, А. А. Дунина, С. Р. Минцлова, П. Зайкина, Н. Н. Оглоблина, М. К. Первухина, М. Мочульской, В. П. Марина, М. М. Мариной, А. И. Стеллецкаго, А. Таранца, П. П. Орлова, И. И. Зарубина, Н. Н. Фирсова и друг.

Историческія новости и мелочи, редактируемыя А. М. Бѣловымъ, составляются по многочисленнымъ выписываемымъ редакціей европейскимъ журналамъ и газетамъ, посвященнымъ исторіи и литературѣ, и знакомятъ читателя со всѣми западно-европейскими новинками въ этихъ областяхъ.

Въ приложеніи къ журналу въ 1916 году даны будутъ:

1) **Историческая Лѣтопись,** гдѣ въ систематическомъ порядкѣ будетъ дѣлаться подробное обзорнѣе событій на всѣхъ театрахъ современной войны. «Лѣтопись» будетъ иллюстрирована многочисленными портретами главныхъ и выдающихся дѣятелей войны. 2) **Переводные романы.** 3) **Указатель личныхъ именъ.**

Открыта подписка на 1916 г.

НА НОВЫЙ НАЦИОНАЛЬНО-ПРОГРЕССИВНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ СЪ ЕЖЕМЪСЯЧНЫМИ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ

РУССКАЯ БУДУЩНОСТЬ

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА: 1) Обзоры внутренней и вѣшной политики. 2) Статьи научно-общественныя. 3) Церковныя вопросы. 4) Областный отдѣлъ. Письма изъ провинціи. 5) Славянскій отдѣлъ. Обзоръ славянской печати. 6) Рабочій отдѣлъ. Письма рабочихъ. 7) Земскій отдѣлъ. 8) Торгово-промышленный отдѣлъ. 9) Военно-морской отдѣлъ (съ картами). 10) Запросы, письма въ редакцію и др.

Въ ежемѣсячныхъ приложеніяхъ будутъ помѣщаемы романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія, стихотворенія и статьи по научнымъ и общественнымъ вопросамъ.

Еженедѣльникъ выходитъ размѣромъ 2 печатн. листа in 4°; ежемѣсячники отъ 7 до 8 листовъ in 8°.

Подписная цѣна еженедѣльника вмѣстѣ съ приложеніями на 1916 г. съ перес. и достав. на доиъ 9 р., на $\frac{1}{2}$ г. — 5 р., на $\frac{1}{4}$ г. 3 р., за границу 11 р.

Для сельскихъ священниковъ и учителей, для учащихся въ высшихъ учебн. завед. и для рабочихъ при непосредствен. обращеніяхъ въ главную контору допускается скидка: на годъ 7 руб., на $\frac{1}{2}$ г. 4 р., на $\frac{1}{4}$ г. 2 р. 50 к.

Цѣна комплекта за 1915 г. 3 руб. 50 коп. вмѣстѣ съ приложеніями. Въ отдѣльной прогажѣ цѣна № еженедѣльника 25 к., ежемѣсячника 50 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, а также въ книжномъ магазинѣ Т-ва «Новаго Времени» (А. С. Суворина), Невскій пр., д. 40, и въ отдѣленіяхъ книжнаго магазина «Новаго Времени» въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (Гостиный дв., Суконая лин. 19), въ конт. «Вечерняго Времени» (Невскій пр., 52), въ желѣзно-дорожныхъ кіоскахъ.

Розничная продажа въ книжныхъ магазинахъ, у газетчиковъ, въ Пассажѣ и въ кіоскахъ желѣзныхъ дорогъ.

Адресъ редакціи и главной конторы:

ПЕТРОГРАДЪ, Преображенская, д. 13, кв. 8; телефонъ 612-86.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

**ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ АНТОНИЙ,
митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій.**

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ТРЕТЬЯГО сентября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ:

Въ районѣ Калнцама, къ югу отъ Шлока, артиллерійская перестрѣлка. Западнѣе Гринвальда, къ востоку отъ Митавы, нѣмцы послѣ ночного обстрѣла артиллеріей утромъ 2-го октября переправились черезъ рѣку Эркау, но нашей контръ-атакой были отброшены обратно за рѣку. Артиллерійскій бой значительной силы происходилъ въ районѣ къ западу отъ мз. Мисгофъ (на желѣзной дорогѣ юго-восточнѣе Риги). Попытки германцевъ переправиться на лѣвый берегъ рѣки Миссе юго-западнѣе Мисгофа успѣха не имѣли и были отбиты артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. На станціи Ремерсгофъ, сѣвернѣе Фридрихштадта, противникомъ вновь сброшено нѣсколько бомбъ съ аэроплана. На фронтѣ двинскаго района германцами было произведено нѣсколько атакъ вдоль Илукстскаго шоссе и южнѣе оз. Медумъ. Всѣ онѣ были безрезультатны. Въ упорномъ бою 1-го октября въ районѣ мз. Гатени, между озерами Деммень и Дрисвяты, наши войска овладѣли мз. Гатени, взявъ плѣнныхъ и пулеметы. Имѣются основательныя данныя о крайне тяжелыхъ потеряхъ противника, понесенныхъ имъ въ послѣднихъ бояхъ на фронтѣ двинскаго района и озеръ Деммень, Дрисвяты и Богиньское. Южнѣе двинскаго района и до Припяты—въ общемъ безъ перемѣнъ. Въ ночь на 2-е октября пролетающимъ цеппелиномъ было брошено надъ Минскомъ до 15 бомбъ. Нашей артиллеріей цеппелинъ былъ вскорѣ прогнанъ. Въ районѣ д. Новоселки, на Стыри, выше Чарторійска, противникъ, послѣ артиллерійской подготовки, перешелъ въ наступленіе и сначала

успѣлъ нѣсколько потѣснить наши части, но вскорѣ былъ выбитъ и вынужденъ занять прежнее положеніе. Въ районѣ с. Гайворонки, на Стрыпѣ, западнѣе Трёмбовли, ожесточенныя атаки противника продолжаются. 1-го октября противникъ развивалъ здѣсь ураганный артиллерійскій огонь, продолжавшійся болѣе полутора часа, до высшаго напряженія. Послѣ этого непріятель нѣсколько разъ бросался въ атаку, но всюду былъ отбитъ. Нѣсколько горячихъ схватокъ съ противникомъ, переходившимъ мѣстами въ наступленіе, было въ районѣ юго-восточнѣ Бучача.

На кавказскомъ фронтѣ на приморскомъ участкѣ турки вновь произвели рядъ безуспѣшныхъ попытокъ прорваться черезъ наше расположеніе. Въ районѣ восточнѣе озера Торгумъ и у сел. Кегыкъ (юго-восточнѣе озера Торгумъ) перестрѣлки. Въ районѣ Вастана (южный берегъ Ванскаго озера) преслѣдованіе разбитыхъ турокъ продолжается. На перевалѣ между селеніями Или и Кязячыкъ турки были сбиты, и большая часть ихъ уничтожена. Весь районъ до Пешевана (западнѣе Вастана) очищенъ отъ турокъ.

На Балтійскомъ морѣ англійскими подводными лодками потоплено шесть германскихъ транспортовъ и одинъ былъ вынужденъ выброситься на берегъ.

3-го сентября французское правительство сообщило:

«Со 2-го на 3-е октября ночью мы отразили въ Лотарингіи нѣсколько контръ-атакъ, направленныхъ противъ траншей, занятыхъ нами вчера къ сѣверу отъ Рельона. Число взятыхъ нами плѣнныхъ достигаетъ сотни. Въ Вогезахъ непріятель пытался послѣ полуночи произвести значительными силами атаку между Ленжемъ и Шрацменелле. Атакѣ предшествовалъ сильный артиллерійскій огонь, сопровождавшійся заграждающимъ огнемъ по нашимъ вторымъ линіямъ и траншейнымъ ходамъ. Атака была вполнѣ успѣшно отражена.

«Въ теченіе дня 3-го октября въ Артуа мы успѣшно отбили новую атаку германцевъ въ лѣсу, называемомъ Bois en Nache, и на западномъ склонѣ долины Сушъ,

«Къ югу отъ р. Соммы, въ районѣ Лигона и Кенуа-анъ-Сантерръ, происходятъ траншейные бои, сопровождающіеся артиллерійскою перестрѣлкою. Непріятель возобновилъ обстрѣлъ районовъ, расположенныхъ позади нашего фронта въ Шампани, примѣняя при этомъ снаряды, вызывающіе слезотеченіе. Наша артиллерія отвѣчала обстрѣломъ непріятельскихъ батарей и траншей. Въ Аргонахъ, къ сѣверу отъ Уйеттъ, а также у Вокуа происходила борьба бомбами и ручными гранатами. Въ Вогезахъ, благодаря стремительной атакѣ, намъ удалось вновь завладѣть всѣми нашими позиціями на вершинѣ Гартмансвейлеркопфа и, кромѣ того, захватить небольшое полевое укрѣпленіе, взятое передъ тѣмъ непріятелемъ; при этомъ мы забрали около пятидесяти человекъ въ плѣнъ. Отрядъ аэроплановъ обстрѣлялъ сегодня Саблонскій вокзалъ въ Мецѣ; были замѣчены многочисленные взрывы на вокзалѣ, а также въ шедшемъ поѣздѣ, который былъ вынужденъ остановиться; была взорвана будка стрѣлочника».

Въ виду того, что Болгарія выступила на сторонѣ враговъ Франціи съ враждебными дѣйствіями противъ одного изъ союзниковъ Франціи, правительство республики констатируетъ, что, начиная съ шести часовъ утра 3-го октября

Болгарія и Франція находятся въ состояніи войны вслѣдствіе почина Болгаріи.

Вице-адмиралъ, командующій восточной средиземно-морской эскадрой союзныхъ флотовъ, объявилъ, что блокада болгарскаго побережья Эгейскаго моря началась въ 6 час. утра 3-го октября. Судамъ нейтральныхъ государствъ предоставленъ 48-часовой льготный срокъ для выхода изъ водъ блокированнаго района.

4-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

На фронтѣ рижскаго района, къ югу отъ Риги противникъ послѣ артиллерійской подготовки атаковалъ станцію Гаррозень, которую и занялъ. Нашей контръ-атакой, послѣдовавшей немедленно за атакой германцевъ, ст. Гаррозень вновь была отбита и занята нами. Въ районѣ Гроссъ-Эккау германцы произвели нѣсколько атакъ, потѣснивъ наши войска въ районѣ р. Якебъ. Въ районѣ желѣзнодорожной ст. Нейгутъ (юго-восточнѣе Риги) также идетъ бой. Нашими аэропланами въ теченіе вчерашняго дня было сброшено нѣсколько десятковъ бомбъ въ поѣздные составы и тыловыя учрежденія противника. Въ якобштадтскомъ районѣ перестрѣлка. На фронтѣ двинскаго района противникъ продолжаетъ настойчивыя атаки. Всѣ атаки (четыре за день) въ районѣ Шлосберга (западнѣе Иллукста) были отбиты. Отбита была также атака въ районѣ д. Пошилиной. Въ 10 часовъ утра 3-го октября противникъ, развивъ сильный огонь, атаковалъ въ районѣ Шишково (сѣвернѣе оз. Свентень). Движеніемъ нашихъ войскъ во флангъ и тылъ атакующимъ германцамъ часть ихъ силъ была отрѣзана и взята въ плѣнъ. Всѣ атаки отбиты огнемъ. Соотвѣтствующіе войсковые начальники доносятъ, что поля передъ ихъ окопами покрыты трупами германцевъ. Бой на фронтѣ между озерами Деммень и Дрисвяты продолжается. Нѣмцы упорно сопротивляются въ районѣ Круклишки и Гатени. У дер. Устье (западный берегъ оз. Богиньское) расположеніе противника было прорвано и наши войска переправились здѣсь черезъ р. Дрисвятицу. Въ районѣ д. Куликовичи, на р. Стыри, выше Чарторійска, наши войска вчера овладѣли окопами противника. Послѣдовавшія затѣмъ контръ-атаки противника успѣха не имѣли. 3-го октября же нами была взята позиція противника въ районѣ д. Карпиловки, къ западу отъ Деражно.

На кавказскомъ фронтѣ въ районѣ с. Коршинъ, на турецкой территоріи (меридіанъ Ольты) наши войска произвели удачный поискъ. Турки, получивъ подкрѣпленія, въ свою очередь, перешли въ наступленіе и въ два часа ночи на 2-е октября бросились на штурмъ Норшина. Отбитые съ большими потерями, они были вынуждены отойти на прежнія позиціи.

На французскомъ фронтѣ, по официальнымъ извѣстіямъ французскаго правительства отъ 4-го октября, положеніе таково:

«Въ Артуа мы 3-го октября вечеромъ заняли сильное огражденіе къ юго-востоку отъ Невиль-сенъ-Вааста и удержались на немъ, отбивъ двѣ контръ-атаки въ теченіе ночи. Въ секторѣ Лигона происходила сильная артиллерійская перестрѣлка. На фронтахъ рѣки Эна, въ Шампани и въ Аргонахъ не произошло ничего существеннаго. Въ Лотарингіи во время упорныхъ боевъ съ близкаго разстоянія мы заняли участокъ траншей въ сто метровъ къ сѣверу отъ Рельона.

Въ ночь съ 2-го на 3-е октября нашими аэропланами были обстрѣляны центры снабженія германской арміи, а именно Мезьеръ, Азуданжъ и станція въ Аврикурѣ. У Лооса, у лѣса Bois en Nache, и къ востоку отъ Сушэ днемъ 4-го октября продолжались ожесточенные бои; мы укрѣпили и расширили наши позиціи въ лѣсу Живанши. На рѣкѣ Энѣ происходили бои ручными гранатами въ окрестностяхъ Года. Въ Шампани продолжался сильный артиллерійскій бой, въ особенности въ районѣ Тагюра. На лотарингскомъ фронтѣ мы энергично и успѣшно отвѣчали на артиллерійскій обстрѣлъ непріятели, причемъ вызвали нѣсколько пожаровъ въ германскихъ линіяхъ близъ Лентрэ, Аменонкуръ, Гондрексонъ; ожесточенныя контръ-атаки германцевъ, по нѣсколько разъ устремлявшихся на наши позиціи къ сѣверу отъ Рельона, были остановлены нашимъ заграждающимъ артиллерійскимъ огнемъ. Въ виду того, что германцы недавно бомбардировали съ воздухоплавательныхъ аппаратовъ англійскіе города, а одинъ изъ ихъ аэроплановъ сбросилъ 3-го октября двѣ бомбы надъ Нанси, сегодня отрядъ нашихъ аэроплановъ бомбардировалъ городъ Триръ, надъ которымъ было имъ сброшено тридцать снарядовъ.

«Въ Дарданеллахъ вторая половина сентября прошла въ затишье. Попытки турокъ приблизиться сапами къ нашимъ траншеямъ были остановлены взрывами нашихъ контръ-минь. Турецкая артиллерія проявила значительную дѣятельность, но безъ особыхъ результатовъ, въ виду превосходства нашей артиллеріи. Ежедневно наши летчики успѣшно обстрѣливали различныя сооружения въ непріятельскихъ лагеряхъ».

4-го октября итальянская главная квартира доносила:

«Выполнивъ отважную и искусно проведенную операцію, наши войска штыковымъ боемъ захватили сильно укрѣпленную позицію Прегазины, представляющую вынесенный впередъ пунктъ группы укрѣпленій Ривы въ неприступной гористой мѣстности къ западу отъ озера Гарда.

«Дѣло началось въ ночь на 30-е сентября. Въ то время, какъ на восточномъ берегу озера наши войска демонстративно продвигались впередъ, направляясь со скаль Монте-Альтиссимо къ западнымъ его склонамъ, отряды, предназначенные для атаки, рѣшительно наступали на Прегазину и, невзирая на пересѣченность мѣстности, неблагоприятныя атмосферическія условія и ожесточенный огонь сильныхъ батарей укрѣпленій Ривы, дошли до самыхъ окоповъ непріятели. Ночью подъ прикрытіемъ густого тумана наши войска смѣло приблизились къ проволочнымъ загражденіямъ и пробили въ нихъ широкія бреши.

«Утромъ 2-го октября атака была возобновлена; подъ сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ непріятели, выпускавшаго бомбы съ удушливыми газами, наши войска взяли Прегазину и побѣдоносно продвинулись впередъ на возвышенностяхъ къ сѣверу отъ этой мѣстности, господствующихъ надъ долиной Ледро; здѣсь они прочно укрѣпились».

5-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

«На фронтѣ рижскаго района на рѣкѣ Аа, ниже Митавы, части противника, переправившіяся въ окрестностяхъ Герцогсдорфа, отброшены обратно за рѣку.

«На фронтѣ двинскаго района, послѣ вчерашнихъ отбитыхъ нами атакъ, противникъ оставался весь день пассивнымъ. Лишь у деревни Пошилиной

имъ была произведена двукратная попытка выбить насъ изъ окоповъ занятаго участка, но обѣ атаки были нами отбиты. Артиллерійскій огонь продолжается. Между озерами Деммень и Дрисвяты бои не прекращаются. Гер-

Генераль Де-Кастельно, назначенный главнокомандующимъ на французскомъ фронтѣ вмѣсто ген. Жоффра, получившаго командованіе всѣми французскими арміями (въ томъ числѣ и балканской).

манцы съ огромными потерями были выбиты съ позицій сѣвернѣе дер. Нурвянцы (южный берегъ озера Дрисвяты). Захвачены плѣнные и пулеметы.

«На Верхнемъ Нѣманѣ, выше Дѣлятичей, нами съ боемъ взята дер. Шерсы.

«Южнѣе Припяти, въ районѣ р. Средней Стыри, наши войска имѣли вчерашній день крупный успѣхъ. При занятіи дер. Совѣщицы, ниже Рафаловки,

нами было захвачено въ плѣнъ 13 офицеровъ, изъ коихъ 2 батальонныхъ командира, и 500 нижнихъ чиновъ. Части нашей конницы въ конномъ строю атаковали противника въ районѣ ст. Подчеревичи, западнѣе Рафаловки; пока здѣсь взято въ плѣнъ 30 офицеровъ, болѣе 1000 нижнихъ чиновъ и пулеметы. Дер. Козлинич, ниже Чарторійска, тоже занята нами.

«Одновременнымъ ударомъ съ сѣвера и юга наши войска овладѣли дер. Новоселки на Стыри, выше Чарторійска, и ся тетъ-де-пономъ. Послѣ отбитія контръ-атакъ противника въ наши руки попало свыше 800 плѣнныхъ германцевъ и австрійцевъ, бомбометы и телеграфное имущество. Съ разсвѣтомъ вчерашняго дня наши войска ворвались въ дер. Куликовичи, выше дер. Новоселки. Въ плѣнъ взято до 1000 нижнихъ чиновъ, много пулеметовъ и бомбометы».

5-го октября французское правительственное сообщеніе гласило:

«Мы совершенно отразили въ теченіе ночи артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ сдѣланныя непріателемъ попытки атакъ противъ лѣса en Nache, къ сѣверо-востоку отъ Сушэ. Къ югу отъ Соммы происходитъ почти непрерывная борьба въ секторѣ Лигона съ примѣненіемъ траншейныхъ орудій, въ то время, какъ наша артиллерія подвергается энергичному обстрѣлу германскія работы. Къ сѣверу отъ Вердена германцы пытались занять воронки отъ минъ, взорвавшихся между нашими и германскими линіями, однако были повсюду отражены. Въ теченіе ночи происходилъ весьма оживленный ружейный огонь между траншеями. Наша артиллерія разогнала непріятельскихъ рабочихъ въ томъ же районѣ къ востоку отъ Эпли, близъ Гремесэ и Бюнкура, и обстрѣляла станцію Бламонъ».

6-го октября Россія объявила войну Болгаріи; также объявила войну Болгаріи и Италія.

6-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что германцамъ удалось овладѣть сел. Кишь на р. Аа и продвинуться къ сѣверу, сѣвернѣе участка желѣзной дороги Митава—Нейгутъ. Наши «Ильи Муромцы» сбросили въ Митаву, Гаррозень, Гр.-Эккау и Нейгутъ до 50 бомбъ. Успѣхъ въ районѣ Средней Стыри былъ блестяще развитъ нашими войсками. Въ бою у фольварка Залядинъ нами было захвачено много плѣнныхъ и пулеметы, взяты гор. Чарторійскъ, захвачено 700 нижнихъ чиновъ при 28 офицерахъ, 9 орудій и бомбометы. Новымъ стремительнымъ ударомъ у Новоселки на Стыри австрійцы и германцы обращены въ бѣгство. Наши войска заняли деревни Будка и Рудня. Взято много плѣнныхъ, среди которыхъ двѣ роты съ ихъ командирами. Рукопашные бои у деревни Комарова и у фольварка Глея, на лѣвомъ берегу Стыри, и у деревни Богуславка окончились въ нашу пользу. Въ Пинскихъ болотахъ участились случаи задержанія непріятельскихъ отрядовъ, застрявшихъ въ лѣсахъ.

Германцы продолжали съ нѣкоторыми перерывами обстрѣлъ бельгійскихъ позицій. Французскія войска отразили три атаки нѣмцевъ въ лѣсу къ сѣверу и востоку отъ Сушэ. Военныя суда союзниковъ вошли въ Дарданеллы и, послѣ артиллерійской перестрѣлки съ турецкими фортами, вернулись въ Эгейское море. Союзныя войска произвели десантъ въ Эносъ.

7-го октября, согласно донесенію штаба Верховнаго Главнокомандующаго, въ районѣ Митавскаго шоссе бои продолжались. Наши «Ильи Муромцы» произвели набѣгъ на станцію Фридрихсгофъ. На двинскомъ фронтѣ германцы произвели атаку въ районѣ двинскаго шоссе (изъ Ново-Александровска), къ югу отъ озера Медумъ. Атака была нами отбита; съвернѣе озера Богиньскаго отбита атака на деревню Мурмишки. Въ районѣ лѣваго берега р. Стыри наши войска продолжали преслѣдованіе противника, отходящаго въ безпорядкѣ и разсѣивающагося по лѣсамъ; съ боемъ взяли фольв. Мулчицкій, южнѣе с. Мулчицы, и отбиты атаки противника у дер. Совѣщицы, на Стыри, ниже Рафаловки.

На западно-европейскомъ театрѣ германцы произвели атаку на фронтѣ между Ла-Поммель и Гранъ; атака была отражена. На остальномъ протяженіи фронта происходилъ артиллерійскій бой. На бельгійскомъ фронтѣ у Ипра германцы были отброшены.

Англійскій флотъ задержалъ на Доггербанкѣ 38 германскихъ тралеровъ, вслѣдствіе чего германцы отозвали изъ Сѣвернаго моря всю флотилію тралеровъ. Англійскими подводными лодками были взорваны въ Балтійскомъ морѣ четыре гамбургскихъ парохода.

Итальянцы предприняли наступательныя дѣйствія на нѣсколькихъ пунктахъ вдоль границы Тироля и Трентино, достигнувъ замѣтныхъ успѣховъ.

8-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что юго-восточнѣе Барановичей нашими войсками были взяты позиціи германцевъ у дер. Екимовичи, Одоховщины, Новики и Нагорня. Взято въ плѣнъ 85 офицеровъ и 3552 нижнихъ чина, захвачено 10 пулеметовъ и 1 орудіе. Наступленіе германцевъ восточнѣе с. Олай было нами отбито. Наши «Ильи Муромцы» сбросили надъ Митавой бомбы, причинивъ большія разрушенія на желѣзной дорогѣ. Съвернѣе м. Поставы нѣмцы были выбиты изъ дер. Русаки, причѣмъ нами было захвачено 225 плѣнныхъ съ офицеромъ. На лѣвомъ берегу Стыри наши войска съ боемъ заняли рядъ селеній ниже Рафаловки. При занятіи с. Комарова взято въ плѣнъ свыше 400 нижнихъ чиновъ и 2 пулемета. Изъ двухъ нѣмецкихъ аэроплановъ, появившихся надъ мѣстечкомъ Столбицы, одинъ былъ подбитъ нашей артиллеріей и принужденъ спуститься. Летчики взяты въ плѣнъ.

8-го октября въ теченіе всего дня весьма сильныя артиллерійскіе бои велись къ сѣверу отъ Арраса. Атаки германцевъ на востокъ отъ Реймса и въ лѣсу Живанши были отражены французами. Генералиссимусъ Жоффръ обратился къ французскимъ войскамъ съ приказомъ, въ которомъ выражаетъ удовлетвореніе по поводу результатовъ, достигнутыхъ въ Шампани.

Итальянскія войска заняли вершину Палоне, укрѣпленную позицію надъ выходомъ изъ долины Даоне; въ долину Лагорина ими были заняты высоты къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Кресано. Итальянскіе аэропланы, совершивъ набѣгъ на непріятельскій авіаціонный лагерь въ Айзовицъ и сбросивъ многочисленныя бомбы, всѣ благополучно вернулись.

Попытка нѣмцевъ атаковать британскія войска у Гюллюха была рѣшительно остановлена артиллерійскимъ, пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ. Герман-

ская подводная лодка потопила близъ острова Калимноса итальянскій почтовый пароходъ «Сцилла». Днемъ 8-го октября суда союзныхъ флотовъ бомбардировали строенія, военные магазины и пристани порта Дедеагача, не подвергая обстрѣлу населенный кварталъ. Разрушено нѣсколько укрѣпленій и наблюдательныхъ постовъ на болгарскомъ побережьѣ.

9-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ, что въ районѣ Н. Олексинца, сѣвернѣе Тарнополя, нами взята часть позицій противника, а также часть позицій въ районѣ восточнѣе Лопушно. За сутки въ общемъ захвачено 148 офицеровъ, около 7500 нижнихъ чиновъ, 2 гаубицы и много пулеметовъ. Западнѣе м. Олай, у дер. Залай, нами вновь отбита ожесточенная атака германцевъ. Южнѣе озера Богиньскаго наши войска продвинулись къ западу. Контръ-атаки нѣмцевъ отражены съ большимъ потерями огнемъ нашихъ частей. Послѣ горячаго боя нами было взято с. Дука. Наши войска переправились съ боемъ на западный берегъ Верхней Шары, овладѣли высотами дер. Мазурки и захватили 20 офицеровъ, 1568 нижнихъ чиновъ и 3 пулемета. На лѣвомъ берегу Стыри, кромѣ взятыхъ ранѣ плѣнныхъ, взято еще 67 офицеровъ и 2025 нижнихъ чиновъ.

Итальянцы въ долину Сугано заняли Монте-Сетоле.

Союзники отбили атаки турокъ въ секторахъ Критіи и Сувлы. Флотъ бомбардировалъ проливы. На западно-европейскомъ фронтѣ атаки нѣмцевъ у Живанши и въ долину Сушэ были отбиты.

10-го октября, по свѣдѣніямъ отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, на лѣвомъ берегу Двины, къ югу отъ Икскуля, нѣмцы нѣсколько разъ переходили въ наступленіе, но безуспѣшно. Въ бояхъ у Комарова и у м. Колки нами вновь было захвачено 22 офицера, 600 нижнихъ чиновъ, 17 пулеметовъ 8 бомбометовъ и 2 прожектора. Нашъ десантъ у м. Домеснесъ, на побережьѣ Курляндіи, разбилъ защищавшій этотъ пунктъ германскій отрядъ и захватилъ плѣнныхъ и имущество.

Наступленіе итальянцевъ продолжало успѣшно развиваться вдоль всей границы Тироля и Трентино, причемъ многія позиціи были взяты.

Вдоль всей границы Сербіи идетъ бой; непріятель отброшенъ отъ Вршка-Чука, переправившіеся черезъ Тимокъ непріятельскіе отряды были отброшены, двѣ атаки на Турска-Ливада на правомъ берегу Нишавы были успѣшно отражены.

Нѣмцы потопили 3 англійскихъ парохода, задержанныхъ въ Гамбургѣ въ началѣ войны. Англійскій король обратился съ воззваніемъ къ своему народу, призывая къ добровольному вступленію въ армію.

11-го октября на правомъ берегу Нижней Аа, сѣвернѣе д. Калнцемъ, нѣмцы были нашими войсками отброшены. Германцамъ удалось овладѣть д. Репе юго-восточнѣе Риги. Сѣвернѣе Репе нашимъ огнемъ противнику былъ нанесенъ огромный уронъ. Германскій цепеллинъ сбросилъ бомбы во многихъ мѣстахъ города Риги. На фронтѣ двинскаго района первыя атаки германцевъ западнѣе Иллукста были отбиты, къ концу дня противникъ занялъ Иллукстъ, понеся тяжелыя потери въ уличномъ бою. Бой продолжался. Восточнѣе озера Прутъ нами было съ боемъ захвачено нѣсколько селеній. На Огинскомъ ка-

налъ наши войска послѣ ожесточенной штыковой схватки ворвались въ д. Вульки. Въ районѣ Н. Олексинца яростныя контръ-атаки противника были отбиты огнемъ.

Англійская подводная лодка близъ Либавы атаковала и потопила германскій крейсеръ типа «Принцъ Адальбертъ». Морской отрядъ изъ нѣсколькихъ французскихъ, одного англійскаго и русскаго крейсера «Аскольдъ» обстрѣливалъ порты Лагось и Дедеагачъ. Французскія войска, перешедшія греческую границу, соединились съ сербскими войсками.

Итальянскія войска взяли приступомъ гору Нодикъ и продвинулись также вдоль верхняго и средняго теченія Изонцо къ Малому Яворчику и на холмѣ Ославія. Взято болѣе 2.000 плѣнныхъ, пулеметы и снаряды.

Сербскія войска вновь завладѣли позиціей Турска-Ливада и Батомшаномъ. Около Куманова непріятель сосредоточилъ большія силы.

Греческому правительству по распоряженію изъ Парижа и Лондона выплаченъ второй взносъ изъ займа въ 30 милліоновъ.

12-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что на лѣвомъ берегу Двины, къ югу отъ ст. Икскюль, нѣмцы во время шестой атаки ворвались въ одно изъ нашихъ укрѣпленій. Большая часть ихъ была переколота, остальные взяты въ плѣнъ. Атака была успѣшно отбита. На фронтѣ озеръ Дрисвяты—Богипьское—Мядзіоля—Нарочъ—Вишневское происходилъ рядъ столкновеній. Противникъ былъ выбитъ изъ деревни Ждегиле, нами взята дер. Петруши. Контръ-атаки противника на Огинскомъ каналѣ у д. Вульки успѣха не имѣли. На лѣвомъ берегу Стыри западнѣе Чарторійска нами взято болѣе 1,000 плѣнныхъ. Къ югу отъ Эрскера въ Балтійскомъ морѣ русскія подводныя лодки потопили германскій пароходъ «Gerda» съ грузомъ руды.

Французскія войска имѣли столкновеніе съ болгарскими близъ Раброва къ югу отъ Струмицы. Селеніе осталось въ рукахъ французовъ. Вслѣдствіе ураганнаго огня германскихъ батарей у Оршовой по сербскимъ укрѣпленіямъ у Текіи сербскія войска отошли. Передъ эвакуаціей Кладова сербы сожгли всѣ склады: городъ былъ объятъ пламенемъ.

Итальянскія войска въ долинѣ Ледро проникли въ бассейнъ Беццека и заняли деревню и возвышенности. Въ зонѣ Горицы итальянцы приступомъ взяли нѣсколько траншей. На фронтѣ Изонцо въ теченіе дня захвачено итальянцами около 1,000 плѣнныхъ, 16 офицеровъ и 3 пулемета.

13-го октября на лѣвомъ берегу Двины, южнѣе Икскюля, атака германцевъ была отбита нашимъ артиллерійскимъ огнемъ. Германская атака восточнѣе Иллукста успѣха не имѣла. Деревня Войнюны, западнѣе озера Богиньскаго, занята нами. На лѣвомъ берегу р. Стыри наши войска ворвались въ дер. Вульку-Галузію, захвативъ пулеметы и плѣнныхъ. Наступленіе на д. Медвѣжье отбито. Къ сѣверу отъ м. Колки наши войска отбросили непріятеля, взявъ въ плѣнъ семь офицеровъ и болѣе 200 нижнихъ чиновъ. Турецкій отрядъ, переправившійся черезъ р. Архаве и четыре раза атаковавшій одинъ изъ участковъ нашего фронта къ юго-востоку отъ Хопы, былъ нашими войсками отбитъ. Наши суда потопили турецкій пароходъ въ Черномъ морѣ, шедшій съ грузомъ военной контрабанды.

Въ Шампани французскія войска захватили укрѣпленіе Ла-Куртинъ.

Итальянскія войска взяли приступомъ позиціи непріятеля на Доссо-Казина и Доссо-Ремитъ, захвативъ въ непріятельскихъ укрѣпленіяхъ много трофеевъ. Въ районѣ Плавы итальянцы взяли штурмомъ сильно укрѣпленную позицію Каза ди Рута.

Болгарскія войска, атаковавшія французскія войска, занимающій районъ Струмицы, разбиты.

14-го октября атаки германцевъ въ районѣ западнѣе Икскуля были нами удачно отброшены, отбито также наступленіе германцевъ на Н. Зельбургъ, сѣверо-западнѣе Якобштадта. Южнѣе д. Медвѣжки перешедшій въ наступленіе противникъ, встрѣченный нашей контръ-атакой, былъ весь переколотъ. У д. Каменуха нѣмцы отражены; къ юго-западу отъ м. Олыка наши войска продвинулись впередъ и заняли д. Константиновку и окопы противника. Наступленіе у д. Дрогичовки остановлено нашей фланговой атакой, и непріятель отброшенъ въ дер. Шутроминце. Русскія подводныя лодки въ Балтійскомъ морѣ захватили германскій пароходъ съ грузомъ лѣса. Въ Балтійскомъ морѣ англійская подводная лодка потопила четыре германскихъ парохода.

Президентъ Пуанкарэ посѣтилъ дѣйствующую армію, гдѣ встрѣтился съ англійскимъ королемъ. Президентомъ пожалованъ военный крестъ принцу Уэльскому. Французскій летчикъ заставилъ спуститься въ долину Марны непріятельскій аэропланъ, летчики взяты въ плѣнъ. Ничего выдающагося на французскомъ фронтѣ не произошло.

Англійскій транспортъ «Marquette» потопленъ въ Эгейскомъ морѣ; не считаются 99 человекъ. Англійская подводная лодка, проникнувшая въ Мраморное море, потопила австрійское судно «Carmen», шедшее съ грузомъ военныхъ снарядовъ для Галлипольскаго полуострова.

Итальянскія войска выказали новые успѣхи въ борьбѣ съ австрійцами; итальянскіе летчики удачно обстрѣливали непріятельскіе лагеря въ плоскогоріяхъ Бензица и Карсо.

Болгарскія войска заняли Ускюбъ.

15-го октября на фронтѣ двинскаго района атака противника сѣверо-восточнѣе Горбуновки сначала имѣла успѣхъ, но нашей энергичной контръ-атакой нѣмцы были выбиты. Бой продолжался. На лѣвомъ берегу Стыри попытка противника продвинуться къ востоку отъ с. Езерды отбита нашимъ огнемъ. Троекратныя атаки противника въ районѣ д. Каменуха были отбиты. Дер. Будки осталась въ нашихъ рукахъ. На остальномъ фронтѣ къ югу и къ Галиціи мѣстами происходилъ сильный артиллерійскій бой. Въ Балтійскомъ морѣ подводная лодка «Алигаторъ» близъ Аландскихъ острововъ захватила германскій пароходъ и привела въ нашъ портъ.

Французскія войска, взорвавъ къ юго-востоку отъ Невилль-сент-Вааста цѣлый рядъ мощныхъ минъ, заняли воронки и удержались въ нихъ, нанеся непріятелю тяжелыя потери и взявъ плѣнныхъ. Къ востоку отъ Реймса непріятель, пытавшійся атаковать французовъ, примѣняя душливые газы, былъ повсюду отброшенъ.

Бельгійскія войска въ Африкѣ, недалеко отъ дельты Руцици, близъ Лувинд-

жи, обратили въ бѣгство германцевъ и захватили одинъ пулеметь, ружья и боевые припасы.

Итальянскія войска въ зонѣ Плагы заняли полевое укрѣпленіе и захватили въ плѣнъ 102 человекъ и 2 пулемета.

16-го октября наступленіе противника на лѣвомъ берегу Стыри наши войска отбили у дер. Костюхновки. У Гута-Лисовской и Рудни происходили упорныя столкновенія, не вызвавшія перемѣны положенія.

Въ Бельгїи происходили упорныя продолжительныя артиллерійскіе бои. Непрїатель обстрѣливалъ также французскія позиціи у Тагюра и Мезонъ-де-Шампани.

Сербы отошли въ южномъ направленіи на правомъ берегу Моравы и заняли линію Свилаенаць—Грабовачъ—Шегонья. Сербы отѣснили непрїателя на лѣвый берегъ Корбеовачки-Рѣки. Въ направленіи къ Кралевацу сербы отступили къ позиціи Тресибабба. Сербскія войска путемъ контръ-атакъ снова овладѣли Кучульскимъ переваломъ. Черногорскія войска остановили наступленіе непрїателя у Вышеграда и отбили непрїательскую атаку у Гатцко. Австро-германскія войска соединились съ болгарскими въ Брза-Паланкѣ и Праховѣ.

Въ германскихъ гарнизонахъ, оставленныхъ въ Польшѣ, происходили столкновенія. Въ дер. Мирославице произошли беспорядки, причѣмъ были убиты два офицера.

Японское правительство присоединилось къ деклараціи Россїи, Франціи и Англіи относительно совмѣстнаго обсужденія условій мира.

17-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ, что попытка германцевъ наступать въ районѣ лѣваго берега Двины сѣверо-восточнѣе Якобштадта была нами съ легкостью отражена. При столкновеніи сѣвернѣе с. Любча нашей небольшой части съ германской послѣдняя была уничтожена, причѣмъ нами были захвачены плѣнные, лошади и повозки. Къ югу отъ Барановичей въ районѣ Городища подбитъ германскій аэропланъ. Летчикъ и наблюдатель взяты въ плѣнъ. Бой за дер. Рудни, на лѣвомъ берегу Стыри, продолжался. Нами взято въ плѣнъ 8 офицеровъ и свыше 300 нижнихъ чиновъ австрійцевъ. На всемъ фронтѣ отъ Чернаго моря до р. Севри-Чай происходили стычки передовыхъ частей. Наши аэропланы сбросили бомбы въ турецкіе склады и войсковыя части.

Въ Шампани французскія войска захватили нѣсколько траншей у Ла-Куртинъ; взято 200 плѣнныхъ. Итальянскія войска заняли послѣднія позиціи въ долинѣ Лагорина. Въ долинѣ Монтенеро итальянскія альпійскія войска заняли сильныя укрѣпленія непрїателя, взявъ въ плѣнъ при этомъ 272 австрійца, въ томъ числѣ 8 офицеровъ. Непрїатель проявилъ большую активность на Дринѣ противъ черногорскихъ позицій. Къ югу отъ Вышеграда начался большой бой.

18-го октября на станціи Тауеркальнъ юго-западнѣе Фридрихштадта нашъ воздухоплавательный аппаратъ «Илья Муромецъ» сбросилъ бомбы; сброшены также бомбы въ обозы и войска противника въ районѣ Митавы и Шенберга. Наступленіе нѣмцевъ у Купицко было нами отброшено. Сѣверо-западнѣе Чартсрїйска велся ожесточенный бой; наступленіе противника на дер. Вудка оста-

новлено огнем наших войск. Не имѣла успѣха атака противника на дер. Комарово; отражены попытки наступления у дер. Тржибуходца, въ районѣ Хмѣлева и у с. Латачь. Наши крейсера захватили въ Ботническомъ заливѣ германскій пароходъ, другой пароходъ былъ захваченъ нашей подводной лодкой «Кайманъ».

На кавказскомъ фронтѣ въ заливѣ Севри-Чая, на Мергемирскомъ перевалѣ и въ районѣ Арджиша происходили стычки передовыхъ частей.

Германская главная квартира сообщила, что части арміи Гинденбурга, переправившіяся на сѣверный берегъ рѣки Миссы, отступили подъ натискомъ русскихъ на главныя позиціи на южномъ берегу этой рѣки.

На французскомъ фронтѣ въ лѣсу «Vois en Nache» французскія войска продолжали продвигаться впередъ. Атака нѣмцевъ въ Шампани отъ Тагюръ до укрѣпленія Ла-Куртинъ успѣха не имѣла. Къ сѣверо-востоку отъ Невилль-Сенъ-Вааста нѣмцамъ удалось внезапной атакой овладѣть нѣкоторыми участками недавно потерянныхъ ими траншей. Дальнѣйшее наступленіе было французами приостановлено. Къ югу отъ острова Ландсорта происходилъ бой между тремя германскими контръ-миноносцами и подводной лодкой, которой удалось погрузиться и уйти. Британское вспомогательное судно «Hythe» затонуло послѣ столкновенія съ другимъ судномъ у Галлипольскаго полуострова. Не досчитываются двухъ офицеровъ и 153 матросовъ.

Итальянскія войска продолжали успѣшно дѣйствовать противъ австрійцевъ.

19-го октября къ сѣверу отъ озера Кангера, сѣверо-западнѣ Шлока, германцы пытались наступать, но безрезультатно. Въ районѣ Гуты-Лисовской сѣверо-западнѣ Чарторійска противникъ перешелъ въ наступленіе. Одновременно загорѣлся бой въ районѣ Рудни. Всѣ атаки были нами удачно отбиты и во время нашей контръ-атаки взято въ плѣнъ семь офицеровъ и 400 нижнихъ чиновъ австрійцевъ. Западнѣ дер. Комарова штыковымъ ударомъ противникъ выбитъ изъ окоповъ, оспаривавшихся обѣими сторонами. У дер. Покропивно на Стрыгѣ нами занята часть непріятельскихъ окоповъ. Контръ-атака противника была нами отбита. Послѣ ожесточеннаго штыкового боя наши войска овладѣли дер. Семиковце на Стрыгѣ. Нашъ миноносецъ захватилъ въ Рижскомъ заливѣ подбитый германскій гидроаэропланъ; летчики взяты въ плѣнъ.

Французскія войска отбили часть траншей, въ которыя непріятелю удалось проникнуть наканунѣ у Невилль-Сенъ-Вааста. Въ Шампани въ районѣ Тагюра происходили бои, причемъ обѣ стороны сохранили свои позиціи.

На балканскомъ фронтѣ болгарская рота произвела рекогносцировку изъ Иштиба въ Криволакъ, но отступила безъ боя передъ аванпостами союзниковъ. Черногорцы отступили отъ позицій у Горы, занятыхъ непріятелемъ. Сербская армія въ Тимокской долинѣ переходитъ на новыя позиціи позади прежнихъ. Армія, защищавшая Пиротъ, отступила за этотъ городъ; непріятелю удалось завладѣть Кочанскимъ переваломъ. На сѣверо-западномъ фронтѣ непріятель отгѣснилъ сербскія войска на нѣсколько километровъ отъ Свилаенаца; войска, защищавшія Вѣлградъ, отбили всѣ атаки непріятеля.

20-го октября продолжался начавшійся 18-го октября бой у Кеммерна. У Ишина на окраинѣ озера Бабитъ атака противника имѣла нѣкоторый успѣхъ,

но контръ-атакой мы возстановили положеніе. Попытка противника переправиться на лѣвый берегъ Двины оказалась безуспѣшной. Западнѣ Двинска южнѣ озера Свентенъ наши войска съ боемъ продвинулись впередъ. Въ районѣ дер. Вольки нами было захвачено въ плѣнъ 170 человекъ. Восточнѣ Гуты-Лисовской наши стрѣлки заняли окопы противника, захватили пулеметъ и 412 австро-германцевъ. Въ бою у дер. Комарово противникъ былъ отбитъ, прижатъ къ болоту и уничтоженъ. Въ Галиціи наши войска, переправившись

Генераль Дугласъ Хэгъ, новый главнокомандующій велико-британской арміей во Франціи и въ Бельгіи.

черезъ озера Ишкунъ, ворвались въ окопы и перекололи большую часть защитниковъ; въ плѣнъ взято 400 человекъ. На Стрыпѣ южнѣ Семиковце наши войска съ боемъ овладѣли деревней Баковица и Баковицкимъ лѣсомъ.

На западно-европейскомъ фронтѣ въ секторѣ Ломбартзиде въ Шампани огонь французскихъ батарей прекратилъ приготовленія нѣмцевъ къ атакѣ.

На балканскомъ фронтѣ атаки болгаръ у Криволака на лѣвомъ берегу Вардара были отбиты. Черногорскія войска остановили атаки непріятеля у Въллобрдо. Во время контръ-атаки черногорцами было взято въ плѣнъ подъ Горой

«ИСТОП. ВѢСТН.», ФЕВРАЛЬ 1916 г., т. СХЛХП.

И

около сотни пѣхотныхъ и четыре орудія. Сербскія войска отбросили непріятели, атаковавшаго правый берегъ Лепеницы и Моравы.

Англійскій пароходъ «Toward» потопленъ; командѣ удалось спастись.

Итальянскія войска отбили непріятельскую атаку въ районѣ Фальцарего и продолжали успѣшно продвигаться впередъ въ верхней части Кордеволе и на сѣверо-западномъ склонѣ Коль-ди-Лана.

21-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что наши войска отбили атаку нѣмцевъ въ шлокскомъ районѣ у Рагтацема и со стороны Кеммерна. Въ двинскомъ районѣ намъ удалось овладѣть двумя сильно укрѣпленными высотами и дер. Платоновкой, къ югу отъ озера Свентень. Захвачено 500 нижнихъ чиновъ, четыре офицера и пулеметы. Атаки противника на дд. Гута Лисовская, Каменуха, Будка и Комарово отбиты, взято 100 пѣхотныхъ. Противникъ, наступая отъ дер. Соснува, ворвался въ дер. Семиковце; послѣ ураганнаго огня наши войска атаковали противника и захватили въ плѣнъ всѣхъ прорвавшихся въ Семиковце около 5.000 человекъ; противникъ перешелъ въ контръ-атаку, бой продолжается. На Кавказскомъ фронтѣ въ ванскомъ районѣ наши войска, преслѣдуя курдовъ, захватили у нихъ гуртъ скота въ 1.400 головъ.

Транспорты съ британскими и французскими войсками показались у Кавалы. Итальянскія войска въ секторѣ Плавы съ боемъ заняли Загору и захватили 364 пѣхотныхъ. Въ Гибралтарскомъ проливѣ послѣ столкновенія со вспомогательныхъ крейсеромъ затонулъ англійскій миноносецъ № 96. Не досчитываются двухъ офицеровъ и девяти нижнихъ чиновъ. Французская подводная лодка «Turquoise» была обстрѣляна и потоплена въ Мраморномъ морѣ. Къ югу отъ Вышеграда продолжались бои между черногорскими и австрійскими войсками. Послѣ ожесточеннаго боя непріятель занялъ Треглавъ. Болгары, атаковавшіе предместное укрѣпленіе союзниковъ у Криволака, отбиты.

21-го октября французское правительственное сообщеніе такъ обрисовало общее положеніе дѣлъ на южномъ фронтѣ:

«Балканскій фронтъ. 17-го октября два болгарскихъ батальона при двухъ батареяхъ атаковали наше предместное укрѣпленіе у Криволака, но были безъ труда отбиты. Въ секторѣ Струмицы мы продолжали продвигаться на южныхъ склонахъ пограничнаго горнаго кряжа. У Дарданеллъ періодъ съ 7-го по 19-ое октября прошелъ въ исключительномъ затишьѣ; за это время обѣ стороны ограничивались минной борьбой, въ которой мы имѣли перевѣсъ. Повидимому, непріятель отказался отъ мысли возобновить атаки противъ нашихъ линій, стоившія ему весьма большихъ потерь. На морѣ наблюдалась за это время болѣе оживленная дѣятельность; такъ, 3-го октября началась блокада побережья Болгаріи въ Эгейскомъ морѣ союзнымъ флотомъ; 9-го октября союзники бомбардировали Дедеагачъ; 7-го и 16-го октября англійскими мониторами были обстрѣяны военныя сооруженія на Галлиполи. Несмотря на разставленныя предохранительныя сѣти и привязныя мины, установленныя турками въ большомъ количествѣ, англійскимъ и французскимъ подводнымъ лодкамъ удалось прорваться черезъ проливы въ Мраморное море, гдѣ ихъ согласованныя дѣйствія сильно затрудняютъ движеніе турецкихъ пароходовъ и снабженіе морскимъ путемъ турецкихъ войскъ на Галлипольскомъ полуостровѣ».

22-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ, что въ шлокскомъ районѣ у Раггацема наступленіе нѣмцевъ было нами отбито. Южнѣе о. Бабитъ наши части продвинулись къ юго-востоку и югу отъ Ушани. Въ двинскомъ районѣ мы продвинулись впередъ къ юго-восточной крайнѣ Иллукста. Въ дер. Платоновкѣ во время неудачныхъ контръ-атакъ нѣмцевъ мы взяли въ плѣнъ пять офицеровъ, 531 нижнихъ чиновъ и 4 пулемета. Въ районѣ Подгатѣе, западнѣе Чарторійска, противникъ проникъ вглубь лѣса, но нашими частями положеніе было восстановлено, взяты въ плѣнъ 8 офицеровъ, 400 нижнихъ чиновъ и 2 пулемета. Двѣ атаки нѣмцевъ отбиты.

Контръ-атака противника въ дер. Семиковце нами отбита и противникъ отброшенъ въ прежніе окопы. На берегу Урмійскаго озера у с. Рашакена наши передовыя части при содѣйствіи теплохода сбили курдовъ, укрѣпившихся на прибрежной возвышенности.

На западно-европейскомъ фронтѣ, въ Шампани, французскія войска энергичной контръ-атакой овладѣли большей частью выдвинутыхъ траншей и выбили проникшія туда наканунѣ германскія части. Сербы отступили на позиціи къ югу отъ Крагуеваца въ виду наступленія непріятеля въ направленіи этого города. Пароходъ «Frigate» затонулъ близъ Мидльборо; изъ экипажа спаслись пять человекъ. Германскій генеральный штабъ признаетъ, что сербы оказываютъ упорное сопротивление по обѣимъ сторонамъ рѣки Моравы и что армія Бояджева отступила изъ долины Нишавы. Германская главная квартира признаетъ, что на сѣверо-востокъ отъ Сушэ германскія войска вынуждены были очистить часть своихъ окоповъ, а въ Россіи принуждены были отодвинуть свою линію у Гатени, между Свентеномъ и о. Ильзеномъ.

На итальянскомъ фронтѣ, несмотря на прибытіе крупныхъ австрійскихъ подкрѣпленій, наступленіе итальянскихъ войскъ продолжалось съ прежнимъ успѣхомъ.

23-го октября подъ Ригой наши войска продвинулись къ западу отъ озера Аккель. Подъ Двинскомъ, южнѣе озера Свентенъ, атака германцевъ была нами отбита съ большимъ урономъ для нѣмцевъ. На мѣстѣ насчитано болѣе 1000 труповъ германцевъ. Западнѣе Рафаловки (на Стырѣ) наши войска обратили атаковавшихъ австрійцевъ въ бѣгство, захвативъ 2 орудія, 3 пулемета, 250 плѣнныхъ, много оружія и снаряженія. Въ районѣ дер. Волицы (сѣвернѣе Н. Олексинца) наши войска захватили въ плѣнъ 3 офицеровъ и 160 нижнихъ чиновъ. Въ Балтійскомъ морѣ наши суда обстрѣливали германскія позиціи у Шлока.

Въ Шампани, у фермы Шосонъ, передовыя траншеи переходятъ изъ рукъ въ руки. Атака германцевъ у Ла-Куртинъ отбита была французами. Въ районѣ Ломбартзиде, въ Артуа, въ секторѣ лѣса Живанши, къ югу отъ Соммы и Сисье и въ Вогезахъ въ районѣ Виолу происходили значительныя артиллерійскіе бои. Къ сѣверо-западу отъ Горицы итальянскія войска взяли въ плѣнъ 132 человекъ. Французскія войска овладѣли мостомъ въ Лацернѣ, къ западу отъ Криволака.

24-го октября, по сообщенію отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, западнѣе Риги, въ районѣ дер. Ушинъ, мы отбили нѣсколько нѣмецкихъ атакъ. Въ бою у дер. Костюхновка 22-го октября нами было захвачено въ

плѣнь 22 офицера и 712 нижнихъ чиновъ. Взято 7 пулеметовъ и 2 орудія. Послѣ короткаго удара съ переправой черезъ Стрыпу у дер. Семиковце нами взято въ плѣнь болѣе 8500 плѣнныхъ.

На британскомъ фронтѣ произошло пять столкновѣній въ воздухѣ. Одинъ германскій аэропланъ подбитъ. На французскомъ, въ Шампани, непріятелю удалось овладѣть частью французскихъ траншей у высоты 199; въ другихъ мѣстахъ противникъ былъ французскими войсками отброшенъ.

Попытки болгаръ овладѣть предмостнымъ укрѣпленіемъ у Криволака окончились неудачей. Французы овладѣли деревнями Немичити и Кайоли и атаковали пограничныя возвышенности. Болгары проявили значительную активность въ артиллерійскомъ бою и подвергли ожесточенной бомбардировкѣ Валандово. Черногорцы въ столкновѣніи съ австрійцами, къ югу отъ Вышеграда, взяли въ плѣнь 3 офицеровъ, врача и 300 нижнихъ чиновъ.

Британскій транспортъ «Ramazan» былъ разстрѣлянъ и потопленъ германскою подводной лодкой въ Эгейскомъ морѣ. Германскія подводныя лодки потопили въ Средиземномъ морѣ два французскихъ и одинъ итальянскій пароходъ. Германская подводная лодка потопила въ сорока верстахъ отъ Алжира французскій пароходъ.

25-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ, что на рижскомъ фронтѣ послѣ удачнаго нападенія нашихъ войскъ противникъ вынужденъ былъ оставить дер. Олай. Нами было взято кладбище у дер. Лауръ. На западномъ берегу озера Свентень нами захвачено въ плѣнь болѣе 300 нижнихъ чиновъ, 2 пулемета и прожекторъ. На лѣвомъ берегу р. Стыри атака противника въ районѣ дер. Медвѣжье была нашими войсками отбита. Западнѣе Костюхновки бои продолжаются. Попытка турокъ перейти черезъ р. Архаве отбита нашимъ огнемъ.

Французскія войска въ Сербіи продолжали свое продвиженіе въ сторону Раброва. Въ Вогезахъ продолжались бои у Ла-Шапельотъ, французскія войска въ Шампани отразили германскую атаку къ востоку отъ холма Мениль.

Итальянскія войска въ зонѣ Санъ-Микеле блестящей атакой заняли укрѣпленную непріятельскую траншею и захватили 154 плѣнныхъ и военный матеріаль.

Суда союзнаго флота продолжали крейсировать вблизи Дедеагача и болгарскаго побережья, которое они подвергли обстрѣлу.

На черногорскомъ фронтѣ въ районѣ Грахова происходилъ ожесточенный бой. Черногорцы успѣшно отразили непріятели, понесшаго весьма крупныя потери, и разсѣяли большія скопленія австрійскихъ войскъ. На остальномъ протяженіи фронта велась артиллерійская перестрѣлка.

26-го октября на лѣвомъ берегу Аа Курляндской нашимъ частямъ удалось занять районъ Франкендорфа и Павассерна и продвинуться впередъ южнѣе о. Бабить. Въ митавскомъ районѣ наши войска заняли линію Залай—Олай, западнѣе же Икскюля взяли дер. Дабе. У Гуты Лисовской нашимъ частямъ удалось овладѣть нѣсколькими рядами непріятельскихъ позицій. Въ районѣ м. Колки нами было прорвано расположеніе противника и занятъ рядъ укрѣпленныхъ позицій. Взяты плѣнные и трофеи. Близъ озера Свентень и въ районѣ Комарово—Куликовичи велись упорные бои.

Английская подводная лодка потопила германский крейсер «Undine».

Итальянские войска отбили неприятельскую атаку в районѣ Монте-Сантъ-Микеле, причѣмъ захватили 212 плѣнныхъ.

27-го октября георгиевская дума юго-западнаго фронта присудила Государю Императору орденъ св. Георгія 4-й степени, который былъ поднесенъ Его Величеству свиты генераломъ-майоромъ княземъ Барятинскимъ.

На лѣвомъ берегу Аа Курляндской наши части заняли районъ къ востоку отъ Кеммерна, захвативъ много патроновъ и снаряженія. Въ якобштадскомъ районѣ мы овладѣли у устья рѣки Пикстернъ дер. Епукнъ. Въ двинскомъ районѣ, на западномъ берегу озера Свентенъ взята дер. Уженишки съ захватомъ въ плѣнъ около 100 человекъ. Восточнѣ Залѣщиковъ нами была занята съ бою сильно укрѣпленная рошица, причѣмъ четыре контръ-атаки противника были нами отбиты.

Во многихъ районахъ французскаго фронта въ теченіе дня 26-го октября продолжались упорные артиллерійскіе бои, особенно въ Артуа, въ секторахъ Лооса и въ лѣсу Живанши, затѣмъ къ сѣверу отъ рѣки Авръ, въ окрестностяхъ Андеша и въ Шампани, къ востоку отъ Тагюра и къ сѣверу отъ Массижъ.

Въ Вогезахъ, въ окрестностяхъ Шаплотъ, продолжалась борьба съ близкаго разстоянія фугасами и бомбами.

Английская подводная лодка въ южной части Балтійскаго моря потопила германский крейсеръ «Ундина».

Итальянские войска захватили редутъ на Кольдилана. Взято въ плѣнъ около 100 человекъ, захваченъ пулеметъ.

Германский пароходъ «Cordelia» погибъ въ Балтійскомъ морѣ.

Двумя германскими подводными лодками потопленъ въ восточной части Средиземнаго моря британский сторожевой пароходъ «Тага».

28-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что въ шлокскомъ районѣ наши части закрѣпились близъ Кеммерна. Нами же заняты Одингъ. Сѣвернѣе м. Колки ожесточенный бой продолжался. Нами прорвано расположеніе противника юго-восточнѣе дер. Будка, которая занята нами. Взято въ плѣнъ 50 офицеровъ, свыше 2000 нижнихъ чиновъ и до 20 пулеметовъ. Въ районѣ р. Оконки наши части штурмомъ овладѣли частью окоповъ противника.

Русскій и англійскій посланники предъявили ультиматумъ персидскому правительству относительно прекращенія германо-турецкой агитаци. Русскому казвинскому отряду было предписано пододвинуться къ Тегерану.

Итальянские войска на Коль-Ди-Лана заняли вершину горы Сифъ; на многихъ пунктахъ фронта велась оживленная артиллерійская перестрѣлка.

Пароходъ «Апсopa» подвергся нападенію германской подводной лодки около мыса Карбонера.

Атаки неприятеля противъ черногорской арміи въ Санджакъ всѣ были отражены.

Въ Артуа атака германцевъ противъ западныхъ опушекъ лѣса Живанши отражена. На всемъ остальномъ протяженіи фронта продолжался артиллерійскій бой.

29-го октября на лѣвомъ берегу р. Двины, въ районѣ Икскуля, наши части овладѣли, при содѣйствіи тяжелой артиллеріи, мз. Берземюнде, захвативъ при этомъ нѣсколько десятковъ плѣнныхъ германцевъ и 2 пулемета. Произведенныя противникомъ двѣ контръ-атаки были нами отражены съ большими для нѣмцевъ потерями. Около дер. Костюхновки, западнѣе м. Рафаловки, завязался упорный бой. По дополнительнымъ даннымъ, въ бою въ районѣ сѣвернѣе м. Колки, сверхъ захваченныхъ нами въ плѣнъ свыше 2000 нижнихъ чиновъ, при 50 офицерахъ и 20 пулеметахъ, еще взято въ плѣнъ болѣе 1500 нижнихъ чиновъ, при 21 офицерѣ и 11 пулеметахъ.

На склонахъ Тагюрскаго холма французскія войска отразили двѣ атаки германцевъ. Энергичный артиллерійскій огонь происходилъ между рѣками Маасомъ и Мозелемъ.

Россіи и Англіи сообщенъ отвѣтъ персидскаго правительства на ноту о германской агитаціи.

Англійскіе аэропланы бомбардировали бараки германцевъ. Британское транспортное судно «Mersian» было обстрѣляно непріятельской подводной лодкой въ Средиземномъ морѣ. Германская подводная лодка атаквала и потопила французскій пароходъ «Ftance».

Непріятельскія войска въ Сербіи перешли черезъ З. Мораву около Кральева и черезъ Ю. Мораву въ направленіяхъ къ Джупису и Лѣсковацу. Сербскія войска отразили атаки въ направленіи къ Грдѣлицѣ и къ Кочанинскому перевалу.

На Кавказскомъ фронтѣ продолжалось затишье. Наблюдалось лишь нѣсколько стычекъ передовыхъ частей.

Сербское правительство опубликовало слѣдующее официальное сообщеніе:

«Въ извѣщеніяхъ нѣмецкихъ газетъ сообщается, что въ городѣ Кральево взято непріателемъ 130 сербскихъ пушекъ. По поводу этого надлежитъ упомянуть, что эти пушки не были въ запряжкѣ и не были въ употребленіи въ нынѣшнихъ осеннихъ дѣйствіяхъ. Все это турецкія и болгарскія пушки, взятые нашими войсками въ сербско-турецкую и сербско-болгарскую войны и которыя вслѣдствіе негодности находились въ зданіи военно-техническаго завода въ Крагуевацѣ. Потеря этихъ пушекъ не означаетъ, что боевая мощь Сербіи уменьшилась. Эти пушки цѣнны, какъ и всякое другое желѣзо, только по своему вѣсу. Боевая мощь сербской арміи цѣла и армія рѣшила до конца вести борьбу съ болѣе сильнымъ врагомъ».

29-го октября черногорское генеральное консульство передало слѣдующія военныя сообщенія:

«1) Въ бояхъ, происходившихъ 27-го октября на всемъ нашемъ санджакскомъ фронтѣ, непріятель понесъ значительныя потери; мы взяли 50 плѣнныхъ и два пулемета. Въ ночь съ 26-го на 27-е октября австрійцы пытались застигнуть насъ врасплохъ близъ Грахова, но атака ихъ была отбита.

«2) 28-го октября на всемъ фронтѣ нашей санджакской арміи происходилъ артиллерійскій бой. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ непріятель производилъ пѣхотныя атаки, но совершенно безрезультатно, причемъ мы взяли въ плѣнъ около 100 человекъ. Артиллерійская перестрѣлка происходила и на нашемъ герцего-

винскомъ фронтѣ. На другихъ фронтахъ никакихъ перемѣнъ не было. Австрійскій аэропланъ упалъ въ наши линіи, причемъ находившіеся на немъ офицеръ и унтеръ-офицеръ были взяты нами въ плѣнъ».

30-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ, что въ шлокскомъ районѣ наши части съ боемъ продвинулись къ западу отъ Раггачема. Послѣ одиннадцати дней почти непрерывныхъ боевъ, по поясъ въ болотахъ, наши войска взяли Кеммернъ и Антингъ. Пѣмцы понесли значительныя потери и отброшены къ западу; нами захвачены плѣнные германцы и пулеметь. Упорный бой у мызы Берземюнде, близъ Иксюля, продолжался, причемъ мы отбили за день десять ожесточенныхъ атакъ германцевъ, нанеся имъ тяжелыя потери. Масса труповъ противника лежитъ передъ нашими окопами. Въ одномъ изъ боевъ этого дня на рижскомъ фронтѣ молодыя латышскія части, дѣйствуя бокъ-о-бокъ съ нашими войсками, въ самыхъ тяжелыхъ мѣстныхъ условіяхъ, вновь проявили присущую имъ высокую доблесть. Въ двинскомъ районѣ, близъ дер. Пристань и Иллукста, наши части нѣсколько продвинулись впередъ. Въ районѣ дер. Костюховки, западнѣе дер. Рафаловки, упорный бой продолжался; нами было захвачено здѣсь въ плѣнъ до 270 нижнихъ чиновъ.

На различныхъ пунктахъ французскаго и бельгійскаго фронтовъ продолжалась обычная артиллерійская перестрѣлка. На итальянскомъ фронтѣ въ горной долинѣ Кампелле (Вальсугана) непріятель атаковалъ итальянскія позиціи у горнаго прохода Санъ-Джіовани. Несмотря на то, что непріятель былъ поддержанъ огнемъ многочисленной артиллеріи, расположенной на вершинахъ Куполы и Алона, эта атака была отражена. Въ долинѣ Кордеволе продолжался энергичный натискъ итальянцевъ противъ горныхъ укрѣпленій, расположенныхъ между горами Сифъ и Сетсасъ. Итальянцами были также предприняты мелкія операціи съ цѣлью уничтоженія непріятельскихъ отрядовъ, оставшихся позади Коль-ди-Лана. Въ среднемъ теченіи Изонцо, въ секторѣ Плавы, итальянская пѣхота начала 29-го октября рѣшительное наступленіе по ту сторону Загоры и захватила у непріятели 260 плѣнныхъ, въ томъ числѣ трехъ офицеровъ. На высотахъ, къ сѣверо-западу отъ Горицы, итальянцы также имѣли нѣкоторый успѣхъ и захватили 18 плѣнныхъ. На Карсо въ теченіе всего дня туманъ и проливной дождь парализовали дѣятельность артиллеріи.

Англійскія подводныя лодки, проникнувъ въ Мраморное море, потопили тамъ два турецкихъ парохода.

За 31-е октября наши части, преслѣдуя противника, продвинулись къ западу отъ Кеммерна. На всемъ остальномъ протяженіи фронта происходила лишь перестрѣлка и стычки передовыхъ частей.

Французскія войска заняли Крушевицу и Сирково, на лѣвомъ берегу рѣки Црна.

Въ Льежѣ взорвался одинъ изъ фортвъ, построенныхъ германцами. Германцы строятъ въ Бельгіи оборонительныя линіи.

Небольшое французское судно захватило въ Средиземномъ морѣ шхуну съ оружіемъ, направлявшуюся въ Триполитанію.

31-го октября непріятель атаковалъ черногорцевъ на всемъ протяженіи

фронта Санджакской армии, но всюду был отражен, за исключением вышеградского направления, где черногорцы отошли на лучшие позиции. Австрийцы понесли очень большие потери. На остальном протяжении фронта происходила артиллерийская перестрелка.

1-го ноября сьервие оз. Кангер нѣмцы вновь потѣснены были нами. Подъ Илукстомъ наши войска овладѣли частью кладбища этого мѣстечка. Непрiятель продвинулся въ районъ восточнѣе д. Подгатье. Продолжался бой передъ переправами на рѣкѣ Стыри.

Французскія войска выбили нѣмцевъ изъ траншей близъ дороги на Лилль. Въ окрестностяхъ Лооса и Сушэ, въ Шампани и нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ фронта происходила бомбардировка. То же самое происходило и на бельгійскомъ фронтѣ.

2-го ноября въ районъ сел. Цмины и Хряскъ впереди переправъ черезъ р. Стырь бой продолжался. На кавказскомъ фронтѣ къ югу отъ Урмійскаго озера нашими войсками были разсѣяны скопища курдовъ, поддержанныя турецкими регулярными частями.

У Дарданеллъ, за періодъ времени съ 17-го октября по 2-е ноября не произошло ничего существеннаго; турецкая артилерія и пѣхота по временамъ проявляли нѣкоторую дѣятельность. Обѣ стороны усилили свой фронтъ дополнительными укрѣпленіями и въ означенное время вели минную борьбу. На нѣкоторыхъ пунктахъ союзники выдвинули свои секреты до непосредственнаго соприкосновенія съ турецкими траншеями и препятствовали турецкимъ работамъ. На морѣ англійскіе мониторы бомбардировали военные сооружения въ Галлиполи.

Французскія войска установили съ отрядами Сербовъ въ районѣ Прилѣпа тѣсную связь. Днемъ 2-го ноября болгары прекратили свои атаки противъ французскаго фронта на лѣвомъ берегу Црны, къ западу отъ Криволака, и отошли къ высотамъ Архангела, къ сѣверу отъ селенія Сисево, оставивъ на мѣстѣ боя значительное количество труповъ. Послѣ трехдневнаго боя Болгары потеряли 4.000 человекъ, потери французовъ незначительны. Къ сѣверу отъ Раброво французы обстрѣляли колонну непріятельскаго обоза, направляющуюся къ Струмицѣ, болгарскому городу, расположенному близъ рѣки того же названія.

3-го ноября ниже Двинска части противника, пытавшіяся переправиться черезъ Двину, были нашими войсками отогнаны обратно. Въ районѣ оз. Свентенъ германцы вынуждены были бросить часть своихъ окоповъ и отойти назадъ. Часть бомбъ, сброшенныхъ съ цепелина въ двинскомъ районѣ, упала на германскіе окопы, причинивъ потери и вызвавъ панику. Подъ Чарторійскомъ бои продолжались; наша артиллерія неоднократно разсѣивала противника при приближеніи его къ рѣкѣ. На лѣвомъ берегу Стыри въ районѣ желѣзной дороги Ковель-Сарны противникъ 3-го ноября переходилъ въ наступленіе отъ Медвѣжье на Н.-Подчеревичи, но былъ остановленъ огнемъ.

Французскія войска отразили всѣ атаки болгаръ на лѣвомъ берегу Црны. Высадка англо-французскихъ войскъ въ Солуни успѣшно продолжалась.

Черногорскія войска отбили всѣ атаки непріятеля. Черногорскій батальонъ

санджакской арміи захватилъ въ цѣльнѣ цѣлую роту австрійской пѣхоты со всѣми офицерами. Два союзныхъ судна произвели десантъ въ Аргосъ, въ Пелопонесѣ и уничтожили нефть, предназначавшуюся для германскихъ подводныхъ лодокъ.

Въ районѣ Митавскаго шоссе, юго-западнѣ Омая, въ ночь на 4-ое ноября германцы переходили въ наступленіе, но были отброшены нашимъ артиллерійскимъ и пулеметнымъ огнемъ. Въ районѣ брошенныхъ германцами окоповъ у оз. Свентень (западнѣ Двинска) оставлено было непогребенными много труповъ германскихъ солдатъ. На фронтѣ озеръ Дрисвяты—Богиньское артиллерія противника развивала мѣстами очень сильный огонь.

4-го ноября англійскіе пароходы «Treneglos» и «Lusitania» были потоплены; экипажъ второго спасенъ и высадился на берегъ. Госпитальное судно «Англія» наткнулось въ Ламаншѣ на мину и затонуло. Изъ находившихся на немъ 385 человекъ около 300 спасены сторожевымъ судномъ. Другое судно, сбѣжавшее на помощь, также наткнулось на мину и затонуло.

На французскомъ, бельгійскомъ и итальянскомъ фронтахъ велись преимущественно артиллерійскіе бои. Къ сѣверо-западу отъ Горицы итальянская пѣхота взяла приступомъ сильное укрѣпленіе.

Черногорская санджакская армія, атакованная во много разъ превосходящими ее численностью силами, вынуждена была отойти къ главнымъ позиціямъ на рѣкѣ Дринѣ. Сильная снѣжная метель затрудняла повсюду военныя операціи. На всѣхъ черногорскихъ фронтахъ происходили упорные артиллерійскіе бои.

6-го ноября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что сѣверо-западнѣ Фридрихштадта попытки нѣмецкихъ партій переправиться на нашъ берегъ Двины окончились неудачей. Встрѣченный огнемъ, противникъ всюду былъ вынужденъ повернуть обратно. На лѣвомъ берегу Стыри, въ районѣ желѣзнодорожной станціи Чаргорійскъ, попытки противника пробиться къ рѣкѣ успѣха не имѣли. Въ районѣ гор. Чаргорійска наши войска отошли на правый берегъ Стыри, пользуясь мощнымъ покровительствомъ артиллеріи, даже не допустившей противника до атаки. Выше по р. Стыри, у д. Новоселки, противникъ нѣсколько разъ открывалъ артиллерійскій огонь по нашему берегу.

На балканскомъ фронтѣ царило спокойствіе, за исключеніемъ района Струмицы, гдѣ Болгары атаковали союзниковъ, но были отражены и понесли чувствительныя потери. 6-го ноября черногорцы подверглись на всемъ протяженіи сербско-черногорскаго фронта энергичнымъ атакамъ въ направленіи рѣки Лимы. Черногорская санджакская армія отступила къ главнымъ оборонительнымъ позиціямъ.

Итальянскія войска на Карсо завладѣли всѣмъ склономъ, спускающимся къ Изонцо. Австрійскіе летчики сбросили бомбы въ Верону, Виченцу, Градо и Удине.

На нашемъ западномъ фронтѣ, по извѣстіямъ отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго отъ 7-го ноября, на фронтѣ рижскаго района мѣстами возобновилась сильная артиллерійская перестрѣлка. Западнѣ Двинска германцы были принуждены податься назадъ въ районѣ Поневѣжской желѣзной дороги. Въ

захваченныхъ нами окопахъ вновь найдено оружїе, снаряженіе и непогребенныя трупы германцевъ. На лѣвомъ берегу Стыри противникъ не могъ удержаться на занятыхъ имъ мѣстахъ и 6-го ноябрю городъ Чарторійскъ и дер. Козлиничи, на лѣвомъ берегу Стыри, ниже Чарторійска, вновь заняты нами. На кавказскомъ фронтѣ отъ Чернаго моря и до сѣвернаго берега Ванскаго озера происходили стычки передовыхъ частей и перестрѣлка. Съ нашихъ аэроплановъ сброшены бомбы въ турецкія войска, расположенныя въ районѣ сс. Кебри-Кея и Хоросана. На юго-западномъ берегу Урмійскаго озера имѣли мѣсто столкновенія съ курдскими скопищами.

7-го ноябрю нашими миноносцами послѣ короткаго боя потоплено вблизи Виндавы германское сторожевое судно, одинъ офицеръ и 19 нижнихъ чиновъ взято въ плѣнъ. У насъ потеръ нѣтъ.

7-го ноябрю на нѣсколькихъ пунктахъ франко-бельгійскаго фронта артиллерія союзниковъ своимъ сосредоточеннымъ огнемъ достигла существенныхъ результатовъ, а именно въ Бельгїи, въ районѣ Безенгъ, гдѣ они разрушили германскія полевыя укрѣпленія, и въ районѣ Соммы, близъ Бевренъ, гдѣ они уничтожили небольшія непріятельскія посты и блиндированный куполъ непріятеля.

На итальянскомъ фронтѣ, въ долинѣ Кордеволе непріятель, послѣ энергичной артиллерійской подготовки, большими силами произвелъ атаку противъ вершины Коль-ди-Лано, но былъ отбитъ итальянцами контръ-атакой и обращенъ въ бѣгство, понеся большія потери, причемъ оставилъ на полѣ сраженія много оружія и военныхъ припасовъ, въ томъ числѣ ручныя бомбы. На Карсо послѣ блестящаго штурма итальянская пѣхота прочно укрѣпилась на части склоновъ горы Санъ-Микель между третьей и четвертой вершинами.

Официальное сообщеніе сербскаго правительства отъ 7-го ноябрю гласило: «Въ районѣ Лесковацъ—Нишъ сербская армія одержала важную побѣду, которою завершился бой, продолжавшійся нѣсколько дней. Потери Болгаръ огромны. Это пораженіе произвело такое смятеніе среди отдѣльныхъ частей болгарской арміи, что болгары будутъ принуждены воздержаться на нѣкоторое время отъ всякихъ операцій въ этой области».

Черногорская санджакская армія 7-го ноябрю была атакована непріателемъ по всему фронту, причемъ атака наиболѣе энергично велась въ направленіи Дрины и Лима. Всѣ атаки непріятеля были отражены. Черногорская армія укрѣпляется на новыхъ позиціяхъ.

8-го ноябрю велись сильныя артиллерійскія бои на большей части французскаго и бельгійскаго фронтовъ, особенно въ Артуа.

Итальянскія войска успѣшно продолжали свои атаки и упорно бомбардировали городъ Горицу.

9-го ноябрю въ районѣ дер. Пулкарнъ, юго-восточнѣе Риги, противникъ былъ нами потѣсненъ. На лѣвомъ берегу р. Стыри было нѣсколько столкновеній. Въ Галиціи части противника, наступавшія отъ Бениawy, были нами отброшены. Сѣверо-восточнѣе Бучача противникъ былъ выброшенъ изъ дер. Петликовце Н. Южнѣе противникомъ занята дер. Яновка.

9-го ноябрю было получено британское официальное сообщеніе о ходѣ воен-

ныхъ дѣйствій въ колоніяхъ: «21-го октября англо-французскія войска заняли Тибати въ Камерунѣ. 24-го октября послѣ упорнаго боя англійскія войска заняли вершину горы Баньо. Въ результатѣ этого боя непріятель былъ разбитъ и разсѣянъ; преслѣдованіе его продолжается. Захвачено большое количество военныхъ матеріаловъ».

Въ Дарданслахъ въ теченіе недѣли съ 2-го по 9-е ноября продолжалась подземная борьба, причемъ союзники удачно взорвали нѣсколько минныхъ горновъ. Днемъ 2-го ноября, въ результатѣ боя мѣстнаго характера на фронтѣ одной изъ англійскихъ дивизій, англичанамъ удалось занять траншею и складъ бомбъ; французскія батареи и французскій броненосный крейсеръ участвовали въ бою. Занятое пространство было закрѣплено за союзниками утромъ 3-го ноября, невзирая на ожесточенныя контръ-атаки непріятеля, которыя были всюду отбиты.

Итальянскія войска въ направленіи Санъ-Мартино штурмомъ овладѣли фортомъ Тринчероне, взяли въ плѣнъ 202 человекъ при четырехъ офицерахъ, захватили одно орудіе, два пулемета и бомбометъ. Всѣ атаки непріятеля на итальянскія позиціи у Ославіи были отражены.

10-го ноября на фронтѣ двинскаго района, сѣвернѣе оз. Свентенъ, мы овладѣли однимъ изъ передовыхъ окоповъ противника. Юго-западнѣе Двинска противникъ, наступавшій вдоль рѣчки Лавкеса, былъ встрѣченъ огнемъ и вынужденъ вернуться въ прежнее положеніе. На лѣвомъ берегу Средней Стыри наши войска атаковали противника западнѣе дер. Козлинич. Противникъ бѣжалъ. Взято въ плѣнъ два офицера, 177 нижнихъ чиновъ. Въ Галиціи, на восточномъ берегу Стрыпы, наступленіе противника на дер. Хмѣлевка, западнѣе Трембовли, отбито нашимъ огнемъ. На кавказскомъ фронтѣ, въ Пассинской долиנѣ, нашими летчиками были удачно брошены бомбы въ непріятельскіе окопы.

Итальянскія войска на вершинѣ Кальваріо, къ западу отъ Горицы, продолжали наступать и достигли вершины хребта, которую они захватили и удержали, несмотря на ураганный огонь непріятельской артиллеріи. На Карсо послѣ отраженія въ теченіе ночи незначительныхъ атакъ непріятеля утромъ на всемъ фронтѣ съ полной энергіей возобновился бой. При этомъ итальянцами штурмомъ взято сильное укрѣпленіе близъ церкви св. Мартина-дель-Карсо.

10-го ноября французскія войска имѣли бой съ болгарами у Друзика, къ востоку отъ Криволака. Болгары были отброшены.

11-го ноября на рижскомъ фронтѣ нѣмцы мѣстами отошли назадъ. Къ сѣверу отъ Иллукста мы заняли фольваркъ Янополь. Контръ-атака нѣмцевъ сѣвернѣе Свентенъ была нами отбита огнемъ. На лѣвомъ берегу р. Стыри происходили ожесточенныя схватки. Бой у д. Козлинич продолжался.

На франко-бельгійскомъ фронтѣ велась упорная артиллерійская и ружейная перестрѣлка.

Всѣ атаки австрійцевъ на недавно занятія итальянцами важныя позиціи на Коль-ди-Лана и у Ославіи отбиты съ весьма тяжелыми потерями для непріятеля. На Карсо итальянскія войска штурмомъ взяли большія полевые укрѣпленія непріятеля въ районѣ горы Санъ-Микеле. Контръ-атака непріятеля не

удалась. Итальянцы взяли въ плѣнъ 514 человекъ, среди нихъ много офицеровъ.

Въ сраженіи у Кочаникского перевала болгары были отражены съ большими для нихъ потерями. Къ сѣверу отъ Монастыря сербы послѣ отчаяннаго сопротивления отошли подъ давленіемъ численнаго превосходства германцевъ, но продолжаютъ занимать прилѣпскія позиціи и Крушево.

12-го ноября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что нѣмцы пытались продвинуться къ Кеммерну, но были отброшены. У мызы Берзеюнде бой продолжался. При овладѣніи высотой въ ея районѣ нашими частями взято плѣнными болѣе 100 нѣмцевъ и 6 пулеметовъ. Въ районѣ юго-западной оконечности оз. Свентенъ наши войска снова продвинулись впередъ. Противникъ вторично безуспѣшно атаковалъ здѣсь недавно утраченные свои окопы. Въ районѣ Сморгони артиллерія противника въ нѣсколькихъ мѣстахъ развивала сильный огонь. Юго-западнѣ Пинска, въ районѣ праваго берега р. Струмени, противникъ атаковалъ д. Комора, но былъ отбитъ. Деревня Н. Подчеревичи, на лѣвомъ берегу Стыри, послѣ ряда схватокъ, осталась въ нашихъ рукахъ. Въ районѣ д. Семиковце, на Стрыпѣ, часть нашихъ войскъ атаковала противника и гнала его до рѣки. Прижатый къ рѣкѣ противникъ былъ частью уничтоженъ огнемъ, частью погибъ въ рѣкѣ. На мѣстѣ осталось болѣе 100 труповъ и тяжело раненыхъ.

12-го ноября статсъ-секретаріатъ по дѣламъ Индіи извѣстилъ: «Послѣ крайне упорнаго боя, длившагося въ теченіе всего дня, англійскими войсками были заняты позиціи у Ктезифона, въ 18 миляхъ отъ Багдада, причемъ ими захвачено въ плѣнъ 800 человекъ и большое количество оружія и снаряженія. Наши потери опредѣляются въ 2.000 человекъ ранеными и убитыми. Въ ночь съ 10-го на 11-е ноября нашими войсками были удачно отбиты энергичныя контръ-атаки турокъ; однако недостатокъ воды заставилъ наши войска отойти къ рѣкѣ, въ трехъ или четырехъ миляхъ ниже занятой позиціи».

Французское правительственное сообщеніе о ходѣ военныхъ дѣйствій у Дарданеллъ гласило:

«Съ нѣкоторыхъ поръ непріятель проявляетъ все усиливающуюся дѣятельность; такъ, 8-го ноября послѣ предварительнаго ожесточеннаго артиллерійскаго огня турки трижды пытались атаковать англійскій фронтъ съ цѣлью вновь овладѣть потерянными ими 2-го ноября траншеями, но всюду потерпѣли неудачу. Неся огромныя потери отъ огня англійской пѣхоты и артиллеріи, къ которымъ присоединились французскія батареи и пулеметы сосѣднихъ позицій, непріятель отошелъ, оставивъ на мѣстѣ боя большое количество труповъ. Подземная борьба продолжалась съ обѣихъ сторонъ съ прежней энергіей. 8-го ноября мы успѣшно взорвали одинъ горнъ; 9-го ноября наши саперы, наткнувшись на подземный ходъ турокъ, обратили въ бѣгство непріятельскихъ рабочихъ, а затѣмъ немедленно зарядили и взорвали горнъ, расшатавшій непріятельскія полевые укрѣпленія. Въ теченіе всего дня 10-го ноября турки поддерживали сильный ружейный огонь, бомбардировали наши позиціи и метали бомбы. Вообще непріятель, несмотря на имѣющіеся у него запасы боевыхъ снарядовъ, обнаруживалъ нервность, постоянно тревожимый нашими

аэропланами, которые бомбардировали желѣзнодорожную линію Константинополь—Дедеагачъ и нанесли поврежденія турецкимъ полевымъ укрѣпленіямъ, а также нашими мониторами и вообще легкими судами, которыя часто обстрѣливаютъ малоазіатское побережье. Въ силу всего этого турки вынуждены быть непрерывно насторожѣ и держать противъ насъ значительныя силы».

13-го ноября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ, что бой въ районѣ мз. Берземюнде продолжался 12-го ноября весь день безъ результатовъ для обѣихъ сторонъ. Къ вечеру бой сталъ затихать. Въ бою у дер. Минционы (сѣвернѣе Видзы) наши части овладѣли лѣсомъ южнѣе деревни. Въ районѣ западнѣе м. Олюка (между Ровно и Луцкомъ) противникъ пытался продвинуться, но подъ угрозой охвата отошелъ въ прежнее положеніе. Такъ же неудачна была его попытка продвинуться къ д. Яновка сѣверо-восточнѣе Вучача.

14-го ноября наблюдалось затишье какъ на нашемъ фронтѣ, такъ большей частью и на другихъ фронтахъ.

Французскія батареи въ Аргонахъ взорвали германскій складъ снарядовъ въ районѣ Филь-Мортъ. Итальянцы заняли сѣверную часть Горицы. Во Фландріи возобновились бои. Сербы вели упорный бой въ районѣ Кочаника съ цѣлью обезпеченія возможности отступленія къ Митровицѣ. Въ сраженіи при Ктезифонѣ въ Месопотаміи англійскія войска одержали успѣхъ. Турки отступили къ Бьялаху.

15-го ноября, кромѣ слабой, легко прекращенной попытки нѣмцевъ атаковать наше расположеніе въ районѣ р. Аа Курляндской, западнѣе озера Бабить, на всемъ фронтѣ было спокойно. На кавказскомъ фронтѣ въ прибрежномъ районѣ Чернаго моря, юго-западнѣе Хопы, происходили только удачныя поиски нашихъ развѣдчиковъ. У селенія Тевъ (сѣвернѣе Тортумскаго озера) развѣдчики, спустившись въ пропасть по веревкамъ, неожиданнымъ налетомъ разсѣяли партію турокъ, захвативъ у нихъ оружіе. Въ районѣ Дутаха (на рѣкѣ Евфратѣ) и къ востоку отъ Мелазгерта положеніе оставалось безъ переменъ. Въ районѣ Арджиша (на сѣверномъ берегу Ванскаго озера), у селенія Хошь-Кепри, были столкновенія съ курдскими формироваціями; послѣднія, понеся серьезныя потери, отступили въ горы. Въ Персіи, къ югу отъ Урмійскаго озера, въ районѣ селенія Калапасва, наши войска имѣли столкновеніе съ турецкими курдскими скопищами, которыя, не выдержавъ нашего натиска, бѣжали въ Турцію.

Вдоль тироле-трентинской границы и въ Карніи дѣйствовали небольшіе отряды и происходилъ интенсивный артиллерійскій бой. Бои эти сопровождались нѣкоторымъ движеніемъ, въ особенности въ долинѣ Ріо-Фелицонъ (Боите) и въ зонѣ Монте-Неро. При атакѣ на Мрвали итальянцы взяли у непріятеля 120 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 5 офицеровъ.

Продолжалось сраженіе на высотахъ къ сѣверо-западу отъ Горицы. У Карсо происходила артиллерійская перестрѣлка.

Упорныя артиллерійскіе бои велись на бельгійскомъ и французскомъ фронтѣ, причѣмъ огнемъ французской артиллеріи подбита была непріятельская батарея на возвышенностяхъ Сентъ-Мари.

Французскія войска въ соотвѣтствіи съ передвиженіями сербскихъ войскъ отошли на правый берегъ Црны. Сербскія войска отступаютъ въ полномъ порядкѣ къ Монастырю. Происходили серьезные бои между сербами и болгарами въ направленіи Прилѣпа.

Черногорскій король Николай обратился къ своему народу съ горячимъ воззваніемъ, въ которомъ приглашаетъ населеніе сохранить спокойствіе передъ угрожающей Черногоріи опасностью и указываетъ на геройскую оборону Сербіи, терпящей нынѣ нашествіе врага. «Сербской арміи,—говорится въ этомъ воззваніи,—пришлось отойти къ черногорскимъ горамъ, гдѣ соединенныя силы обоихъ сербскихъ королевствъ будутъ оказывать стойкое сопротивленіе общему врагу. Вѣрная своимъ завѣтамъ Черногорія будетъ бороться до смерти, которую она предпочитаетъ рабству. Въ виду того, что союзники взяли на себя дѣло снабженія населенія Черногоріи и ея арміи предметами первой необходимости, черногорскія войска будутъ отстаивать свою славную родину, не жалея своей крови. Каждую гору, каждую пядь земли черногорская армія будетъ отстаивать съ лихой отвагой, дающей основаніе быть убѣжденнымъ въ конечной побѣдѣ Черногоріи и ея великихъ союзницъ».

16-го ноября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что на фронтѣ рижскаго района артиллерійскій огонь мѣстами усилился. Съверо-западнѣе Двинска, въ районѣ Иллукста и д. Казимиришки, германцы въ ночь на 15-е ноября открыли сильный артиллерійскій огонь по нашимъ окопамъ и на разсвѣтѣ перешли въ наступленіе. Встрѣченные сосредоточеннымъ огнемъ нашей артиллеріи и ружейнымъ, германцы отхлынули обратно въ свои окопы, понавъ въ это время подъ обстрѣлъ своихъ же батарей. Воспользовавшись этимъ, наши войска въ свою очередь перешли въ контръ-атаку, въ результатѣ которой противникъ былъ выбитъ изъ мз. Казимиришки и изъ роши западнѣе ея. Часть нашихъ войскъ въ то же время ворвалась въ Иллукстъ и овладѣла его восточною окраиною. Развивая успѣхъ, мы овладѣли двумя кладбищами мѣстечка и частью германскихъ окоповъ южнѣе его. Бой еще продолжался при развитіи обѣими сторонами сильнаго артиллерійскаго огня. Юго-западнѣе Пинска наши партизаны совершили блестящій набѣгъ вглубь германскаго расположенія. Въ ночь на 15-е ноября, незамѣтно пробравшись къ мѣсту расположенія штаба 82-й германской дивизіи, въ господскомъ домѣ у Невеля, они внезапно атаковали находившееся при штабѣ прикрытіе. Ручными гранатами и штыками прикрытіе было уничтожено, а 2 генерала, въ томъ числѣ начальникъ дивизіи, одинъ докторъ, 3 офицера и нижніе чины захвачены въ плѣнъ. Подъ натискомъ подошедшаго къ германцамъ со стороны д. Горынич подкрѣпленія партизаны отошли. Плѣнные были выведены изъ боя. Наши потери 9 человекъ ранеными и 2 убитыми, въ томъ числѣ три офицера ранены и одинъ убитъ. Офицеры и нижніе чины соперничали въ проявленіи доблести и чувства долга. Въ районѣ лѣваго берега рѣки Стыри противникъ былъ вынужденъ у д. Козлинич и подъ Чарторійскомъ нѣсколько податься къ западу.

На французскомъ фронтѣ—обычная артиллерійская перестрѣлка.

Сербскія войска, дѣйствующія на сѣверѣ, раздѣлившись на двѣ арміи, от-

ходятъ въ полномъ порядкѣ къ Албаніи и Черногоріи. Сербы эвакуировали Прилѣпъ.

Итальянцы успѣшно продолжали атаки близъ Горицы.

17-го ноября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ, что на фронтѣ рижскаго района въ нѣсколькихъ мѣстахъ 16-го ноября отмѣчено очень удачное дѣйствіе нашей артиллеріи. Въ районѣ юго-западнѣе Пинска вечеромъ 15-го ноября противникъ повелъ наступленіе на д. Комора. Къ половинѣ дня 14-го ноября оно было остановлено и больше не возобновлялось. 15-го же ноября, вечеромъ, на лѣвомъ берегу Стыри, одной изъ нашихъ частей было атаковано расположеніе противника западнѣе д. Козлиничи. Послѣ штыкового боя большая часть австрійцевъ была переколота. 3 офицера и 85 нижнихъ чиновъ австрійцевъ взяты въ плѣнъ. Наши потери, вслѣдствіе стремительности дѣйствія, были ничтожны: 4 убитыхъ и 10 раненыхъ. Въ приморскомъ районѣ кавказскаго фронта турки въ различныхъ мѣстахъ дѣлали попытки продвинуться впередъ, но всѣ онѣ съ легкостью были прекращены. На фронтѣ отъ слиянія Чороха и Ольты-Чая до Пассинской равнины (районъ Хороссана) происходили удачные поиски нашихъ развѣдчиковъ. Въ районѣ горы Келик-Гядукъ (восточнѣе Дутаха, на рѣкѣ Евфратѣ) турки вели наступленіе въ направленіи на селеніе Мулла-Бекиръ, но были нами отбиты.

На англійскомъ фронтѣ произошло 15 воздушныхъ боевъ. Англійскій легчикъ сбилъ 5 непріятельскихъ аэроплановъ. Вблизъ Мидлькерке была уничтожена германская подводная лодка. Англо-французскіе летчики разрушили мостъ черезъ Шельду. Сербскій премьеръ-министръ Пашичъ и сербскіе министры прибыли въ Скутари. Австрійцы на черногорскомъ фронтѣ вновь завладѣли Фочей, Метелкой, Препольемъ. Сербская армія въ составѣ 250.000 человекъ въ порядкѣ отступила къ Албаніи. Получившій подкрѣпленіе непріятель произвелъ атаку въ направленіи Прболя и Плевля. Черногорцы отступили на позиціи, расположенныя позади Плевля, для защиты послѣдняго.

Итальянскія войска разрушили непріятельское укрѣпленіе въ долинѣ Попена. На возвышенностяхъ къ сѣверо-западу отъ Горицы ожесточенныя контръ-атаки непріятели отбиты итальянцами, которыми было захвачено 702 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 15 офицеровъ. Въ Средиземномъ морѣ были потоплены непріателемъ два французскихъ парохода и одинъ англійскій. Англійскія войска на Евфратѣ отступили къ позиціямъ, расположеннымъ ниже Ктезифона.

Происходилъ ожесточенный артиллерійскій бой на бельгійскомъ фронтѣ въ направленіи къ Рамскапелле, Первизъ, на юго-востокъ отъ Эйскенкерке, у Оосткерке, къ югу отъ Дикемюде, Оудскапелле, Ноордсхооте и Пипегаль. Бельгійскія батареи бомбардировали германскій фронтъ въ направленіи къ Ротегемме, Ээсену, Воумену и Биксхооте.

На французскомъ фронтѣ продолжалась артиллерійская перестрѣлка и бомбардировка непріятели съ аэроплановъ.

18-го ноября на кавказскомъ фронтѣ къ югу отъ Ванскаго озера, послѣ двухдневнаго боя въ районѣ селенія Варкунисъ, турки, сбитые съ двухъ укрѣ-

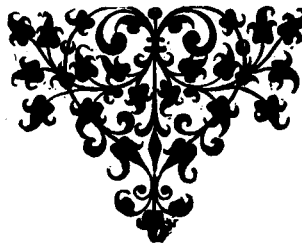
пленныхъ позицій, послѣшно отступили въ западномъ направленіи, преслѣдуемые нашими войсками. Замѣченный 18-го ноября на лѣвомъ берегу Двины, у ф. Зонненгофъ (между Фридрихштадтомъ и Якобштадтомъ), бивакъ противника былъ внезапно обстрѣлянъ нашей артиллеріей. Нѣмцы разбѣжались, оставивъ на мѣстѣ до 100 человекъ убитыхъ и раненыхъ. На лѣвомъ берегу Стыри противникъ былъ потѣсненъ нами къ юго-западу отъ Хряска.

18-го ноября на различныхъ пунктахъ французскаго фронта происходила сильная артиллерійская перестрѣлка. Въ Бельгіи, къ востоку отъ Безенгъ, французская артиллерія, дѣйствуя совместно съ англійской, причинила сильныя поврежденія оборонительнымъ сооруженіямъ непріятеля; между прочимъ, огонь ея была пробита брешь шириною въ 30 метровъ въ германскомъ редутѣ. Въ Артуа происходилъ довольно сильный артиллерійскій бой къ сѣверу отъ Буа-анъ-Ашь, на дорогѣ изъ Кре въ Ангръ и Ветювъ. На пространствѣ между рѣками Соммой и Уазой непріятель подвергъ сильному огню позиціи французовъ у Докура, Маркенвиле и Сессье въ районѣ Руа; французскія батареи успѣшно отвѣчали. На дорогѣ изъ Шень въ Руа блиндированный поѣздъ непріятеля былъ взятъ французскими орудіями подъ обстрѣлъ и ураганнымъ огнемъ былъ вынужденъ отойти назадъ. Въ районѣ Руа французы обстрѣляли и повидимому, успѣшно, колонну непріятельскаго обоза. Къ сѣверо-востоку отъ Суассона на дорогѣ отъ Бюсси на Врени, огонь французскихъ батарей была разбѣяна колонна непріятельской пѣхоты.

18-го ноября сербы еще занимали Монастырь. На Црнѣ происходила артиллерійская перестрѣлка; болгарскія батареи обстрѣливали также Криволакъ и Войсанъ.

19-го ноября въ Артуа продолжалась упорная артиллерійская перестрѣлка въ секторахъ Лооса, Буа-анъ-Ашь и Ангръ. Къ сѣверо-западу отъ возвышенности «140» происходила борьба торпедами. Къ сѣверу отъ Сень-Шмень отрядъ германскихъ войскъ, пытавшійся приблизиться къ траншеямъ французовъ, былъ разбѣянъ огнемъ ихъ. Непріателемъ было выпущено 60 снарядовъ по Аррасу. Къ югу отъ рѣки Соммы, у Фэ, французы успѣшно взорвали мину, причѣмъ уничтожили небольшой германскій сторожевой постъ. Вблизи Эпаржа они взорвали горнь, разрушившій минныя сооруженія противника.

На бельгійскомъ фронтѣ и у Дарданеллъ продолжались артиллерійскіе поединки.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ БАХВАЛОВА СЫНОВЬЯ ¹⁾.

(Романъ изъ купеческой жизни).

V.

ОНЕЧНО, безъ «самого» трудно было себѣ представить Бахваловскій домъ, и «самъ» немедленно объявился въ лицѣ Викулы Прововича, и не нужно было много времени, чтобы тѣ, кого это близко касалось, поняли, что новый «самъ», нужды нѣтъ, что молодъ, вѣжливъ и обходителенъ, покруче и построже стараго. Горько разочаровалась Анна Васильевна въ старшемъ сынѣ, въ своемъ любимцѣ и первенцѣ. Знала бы, такъ, можетъ быть, и не стала бы его отстаивать, не взяла бы грѣха на душу, не сгубила бы Прова Сидоровича. Не вышло изъ Дмитрія Прововича хозяина, не пришлись ему по характеру ни торговля, ни фабричное дѣло, хуже всего то, что сталъ онъ задумываться. У монашекъ и приживалокъ на этотъ счетъ не было двухъ мнѣній: сглазили Дмитрія Бахвалова злые люди. Съ горемъ смотрѣла, какъ проводитъ Дмитрій свою жизнь, Анна Васильевна. Отъ людей прячется, все книжки читаетъ, а то такъ писать примется, день и ночь пишетъ и ѣсть тогда мало, поблѣднѣетъ и похудѣетъ, а кому писать и что, ничего неизвѣстно. Отъ всѣхъ домашнихъ держится въ сторонѣ и въ большомъ домѣ жить не захотѣлъ, поселился во флигелѣ, въ комнаткѣ въ одно окно за мо-

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.» т. СХLIII, стр. 1.
«Истор. вѣстн.», февраль 1916 г., т. СХLIII.

лодцовской, хотя и просила Анна Васильевна Христомъ Богомъ не позорить ее, неприлично, моль, хозяину, да еще и богачу, въ каморкѣ бокъ о-бокъ съ приказчиками жить, вся Москва осудить, въ душу-то вѣдь не влѣзешь, а на глазъ всякій скажетъ, что, значить, мать такъ захотѣла, старшаго сына въ черномъ тѣлѣ держитъ, благо ученый да смиренный.

Глухъ былъ къ этимъ доводамъ Дмитрій Прововичъ. Былъ у него свой мѣръ, въ который онъ ушелъ съ головой, и какъ-то мимо него шла вся бахваловская жизнь. Она вся стояла на деньгахъ, всѣ привыкли поклоняться здѣсь деньгамъ, а Дмитрій о деньгахъ совсѣмъ не думалъ. Заводились онѣ у него,—отдавалъ не считая, отсутствія ихъ не замѣчалъ. Въ Бахваловскомъ домѣ уже перешептывались, а монашки судачили съ Анной Васильевной:

— Ежели не полоумный, такъ не иначе, какъ святой.

И совѣтовали Аннѣ Васильевнѣ ѣхать съ нимъ по монастырямъ, показать его отцамъ-монахамъ, Божьимъ людямъ, святымъ старцамъ. Но нечего было и думать убѣдить Дмитрія ѣхать на богомолье.

Ко всему привыкають люди, привыкли и къ странностямъ Дмитрія Прововича, а потомъ какъ-то и забывать про него стали, предоставили его самому себѣ.

Годы шли одинъ за другимъ. У Викулы Прововича уже стали подрастать дѣти, успѣлъ онъ схоронить первую жену и уже при-смотрѣлъ себѣ другую, богачиху и красавицу. Да и сами Бахваловы еще больше разбогатѣли, тысячь уже не считали, а Дмитрій Прововичъ жилъ попрежнему въ своей комнаткѣ, куда никогда не заглядывалъ никто изъ домашнихъ, но куда по временамъ тайкомъ отъ старшихъ забѣгали дѣти Викулы.

Они любили дядю Митю; разинувъ рта и широко раскрывъ глаза, слушали его рассказы про какую-то необыкновенную чуждую имъ, далекую и красивую жизнь, и всѣ учились у него читать и писать по-англійски, благодаря чему всѣ Викуловичи впоследствии хорошо владѣли этимъ языкомъ. Очень рѣдко, большей частью по большимъ праздникамъ, Дмитрій Прововичъ являлся къ матери, иногда оставался на пирогъ или обѣдать въ бабьемъ царствѣ, но въ общемъ визиты его были непродолжительны, рѣчи скупы, и хотя былъ онъ недурень собой, высокъ, виденъ, какъ всѣ Бахваловы, и походилъ скорѣе на барина, чѣмъ на купца, въ бабьемъ царствѣ на него смотрѣли тоже какъ на чудака.

На свадьбѣ Викулы Прововича, однако, онъ былъ шаферомъ. Когда же въ домѣ водворилась молодая хозяйка, урожденная Барышникова, воспитанная въ самомъ дорогомъ французскомъ пансіонѣ, свободно владѣвшая европейскими языками, любившая литературу, музыку и пѣніе,—во всемъ Бахваловскомъ домѣ только Дмитрій Прововичъ оказался достойнымъ ея собесѣдникомъ, не

исключая и самого Викулы Прововича, который всегда былъ занятъ дѣлами и говорилъ только о дѣлахъ, считая все остальное баловствомъ и пустяками.

Баловствомъ и пустяками считалъ онъ также и музыку, и пѣніе, и образованіе, котораго онъ и не собирался давать дѣтямъ.

— Дѣвчонки замужъ выйдутъ,—слава Богу, не безприданницы, а сыновьямъ некогда книжками заниматься: свое дѣло не ждеть.

Графена Асафовна не спорила. Она скоро поняла характеръ Викулы Прововича; что бы онъ ни говорилъ, никогда не возражала, но на дѣлѣ никогда не уступала ему и твердо вела свою линію: барышнямъ взяла старую гувернантку французженку, мальчиковъ помѣстила въ учебныя заведенія. Викула Прововичъ хмурился, но не хотѣлъ ссориться съ молодой женой. Подкупало его и то, что съ дѣтьми она была ровна и ласкова и съ барышнями Викуловнами, которыя были ей ровесницы, держалась какъ подруга. Много не правилось въ молодой и Аннѣ Васильевнѣ: неприличными казались слишкомъ шикарные туалеты, не правилось, что гости засиживаются до заутрени, что молодушка безъ мужа разѣзжаетъ по баламъ да по театрамъ. Но хорошо уже было и то, что дѣтей не тѣснить, дѣвочекъ тоже любить нарядить и потѣшить, а главное — не мужнины деньги транжирить, а свои собственные, да и то сказать, надъ ней голова есть мужъ, онъ за женой досмотрщикъ, онъ и отвѣтчикъ. Не могла Анна Васильевна пожаловаться на невѣстку: она была почтительна къ старухѣ, рѣдкій день не приходила и не присылала узнать о здоровьѣ, а, когда приходила, держала себя скромно, говорила мало и внимательно слушала. Анна Васильевна всегда чувствовала себя въ присутствіи ея неловко. Думала она про себя: «Барыня, а не купчиха, вся повадка барская».

Но придраться было не къ чему, и отношенія были холодныя, натянутыя, но не враждебныя и потому терпимыя. Долго, однако, въ Бахваловскомъ домѣ они не могли держаться.

На всякаго человѣка со стороны привыкли здѣсь смотрѣть подозрительно, невѣсткамъ же всегда приходилось плохо, каждый ихъ шагъ подвергался покурамъ и пересудамъ, и коварная и злобная-змѣя сплетня всюду ползла по ихъ пятамъ. Монашки, приживалки, Божьи люди и странники все наушничили, все жаловались, и жить въ Бахваловскомъ домѣ болѣе или менѣе мирно удавалось только тѣмъ молодайкамъ, которыя или были забыты и робки, какъ въ молодости Анна Васильевна, какъ первая жена Викулы или какъ жена Сосипатра, урожденная Салотопова, о которой говорили, что она воды не замутитъ и что слезы у нея не купленныя, или ужъ очень бойкія, а главное—богатыя приданницы съ сильнымъ и чванной родней, которая могла и заступиться

за молодую. На любовь мужа, на его защиту нечего было рассчитывать. Въ Бахваловскомъ домѣ и любовь выражалась своеобразно. «Кого люблю, того и бью», говаривали Бахваловы, а дѣдинька Провъ Сидоровичъ въ былые годы, желая похвалить жену и выказать ей свое расположеніе, разойдясь въ компаніи гостей и собутыльниковъ, говаривалъ:

— Эхъ, хороша у меня супружница! «Хочу съ кашей ѣмъ, хочу съ масломъ пахтаю».

Да и ненадежна была эта любовь. Бахваловы были все народъ «нравный», какъ говорили въ домѣ. Характеры были причудливые, непостоянные. Всѣ они были во власти какихъ-то мимовольныхъ настроеній и влеченій, подвержены были тѣмъ вспышкамъ чувства, въ которыхъ любовь часто граничила съ ненавистью, самая широкая щедрость со скаредничествомъ, а милость смѣнялась гнѣвомъ и опалой. Странники, Божьи люди, монашки и приживалки находили выраженіе этой быстрой и изумительной смѣнѣ влеченій и поступковъ, и, по ихъ словамъ, въ такихъ случаяхъ на человѣка «находило», «накатывало» и «налетало». Такимъ объясненіемъ въ Бахваловскомъ домѣ всѣ удовлетворялись, тѣмъ болѣе, что, благодаря долгой привычкѣ, всѣ настолько освоились съ самыми неожиданными проявленіями самодурства, что даже не удивлялись имъ. И странное дѣло, всѣ въ Бахваловскомъ домѣ изнывали подъ гнетомъ самодурства и страдали отъ него, но любили, именно любили его. Видѣли въ немъ гордость и славу дома; какъ артисты-художники, восхищались наиболѣе яркимъ и даже талантливимъ его проявленіемъ и при случаѣ любили вспомнить и съ похвалой передавали и въ своемъ кругу, и на людяхъ иную шутку или выходку «самого», отъ которой солоно пришлось домашнимъ, но въ которой неопровержимо и ярко подчеркивалась его власть, его умѣніе держать всѣхъ въ кулакѣ, «масло жать», его способность показать себя хозяиномъ, главой дома, первымъ человѣкомъ. Гнѣва «самого» всѣ боялись, знали, что онъ можетъ пасть и на праваго, и на виноватаго, но довести до «самого», открыть глаза «самому» часто считали своимъ долгомъ. Много горя, много слезъ видѣлъ Бахваловскій домъ, благодаря наушничеству и сплетнямъ. Въ бездѣлѣ, въ сытой праздности, въ вѣчномъ страхѣ и подозрительности сплетни возникали, падали, рождались и умирали ежечасно, ежедневно и наполняли пустоту досуга бабьяго царства и пришлыхъ прихлебателей.

Долго не могла коснуться Аграфены Асафовны сплетня, затыкало ротъ ея богатство и ея высокомѣріе, да и предлога удобнаго не было. Но привыкли къ ней, приглядѣлись, а тамъ нашелся и предлогъ. Сталъ частымъ гостемъ въ бабьемъ царствѣ Дмитрій Прововичъ. Пересталъ глядѣть прежнимъ затворникомъ, одѣваться сталъ хорошо, «солидно», какъ говорили въ Бахваловскомъ домѣ,

да и нельзя было не одѣваться, у Аграфены Асафовны ложа въ оперѣ, ложа въ Маломъ театрѣ, и всюду провожаетъ ее Дмитрій Прововичъ. Правда, мачеха не обижаетъ падчерицъ, беретъ ихъ съ собой, но злые языки уже рѣшили, что это только для отвода глазъ, и когда Аграфена Асафовна, видная и красивая и «что твоя королева», какъ отзывались о ней кучера, дворники и молодцы, въ роскошномъ шелковомъ платьѣ отъ Минангуа, въ шеститысячной собольей приданой ротондѣ, сверкая брильянтами на распахнутой груди, въ розовыхъ ушахъ, въ пышныхъ, чуть прикрытыхъ тонкимъ, какъ паутина, оренбургскимъ платкомъ волосахъ, медленно спускается по лѣстницѣ, чтобъ сѣсть въ четырехмѣстную, обитую рытымъ голубымъ бархатомъ карету съ парой раскормленныхъ караковыхъ, и Дмитрій Прововичъ въ только что подаренной ему матерью хорьковой шубѣ галантно подсаживаетъ ее, — ихъ провожаютъ завистливые, острые взгляды, и сзади долго еще шипятъ недоброжелательныя порицанія: «Людей-то бы хоть постыдилась. Статочное ли дѣло, милыя мои, мужнина брата всюду за собой таскаетъ. Ну, ужъ и безстыжіе нонѣ пошли люди, прости Господи, куда она, туда и онъ. И Викула-то Прововичъ хорошъ. Точно слѣпой. Гдѣ бы за молодой женой присмотрѣть, образумить молодую бабенку, а онъ и ухомъ не ведетъ. Нѣтъ, люди-то нонче видно помельче стали. Вспомнишь голубчика Прова Сидоровича. У того и жена-то въ струнѣ ходила, а ужъ надо правду сказать, и смиренница была и умница, пришелъ часъ воли Божіей, капиталъ-то весь къ рукамъ прибрала. А ужъ въ молодости изъ воли Прова Сидоровича выйти не смѣла, не было эдакаго обыкновенія съ другими мужчинами въ каретахъ да по театрамъ разѣзжать. У него, у багюшки, Анна Васильевна-то разочекъ только одинъ, какъ приѣхали они вдвоемъ изъ гостей, на крыльцо входила — на молодца и заглядись. Такъ Провъ-то Сидоровичъ живымъ манеромъ, еще слова не вымолвилъ, а ужъ въ ухо ей далъ. Лицомъ-то къ себѣ повернулъ, да и говорить: «Къ мужу иди личикомъ, а къ чужимъ плечикомъ». А молодцу въ тотъ же часъ расчесть, подъ ноги, значить, безъ нужды не подвертывайся. Послѣ вечеромъ-то, что смѣху было. Провъ-то Сидоровичъ гнѣвливъ былъ, да зато и отходчивъ. Анна-то Васильевна сидитъ, слезами разливается, а онъ ей: «Не плачь, Аннушка, ишь, ты у меня румянѣе стала, а милаго побои недолго болятъ». Зато эдакаго сраму при немъ не было бы. Да и Дмитрію Прововичу постыдиться бы надо: сватали Барышникову, такъ не хотѣлъ братъ, а теперь на-ко пойди, съ чужой тарелки кусокъ да себѣ въ ротъ. И какъ это Викула Прововичъ ничего не видитъ».

Шелестѣла, шипѣла, шушукала и шептала сплетня, вползла въ ухо къ Аннѣ Васильевнѣ, вползла въ ухо и Дмитрію Прововичу, доползла наконецъ и до Викулы. Не знала о ней

только одна Аграфена Асафовна. Держала она себя гордо—любезно, высокомерно вѣжливо, никого къ себе не приближала и лишней болтовни не любила, не выносила бабьяго перешенбериванія и не замѣчала, что Викула Прововичъ смотритъ на нее волкомъ, не умѣла читать въ его душѣ, а если бы умѣла, то прочла бы: «Я бы тебя, милая, въ бараній рогъ свернула, кабы денежки твои не на твое имя, а на мое лежали».

Молчалъ Викула Прововичъ и раскумекивалъ, какъ ему поступить, чтобы и жену осадить, и брату острастку дать, и честь дома поддержать, и себя показать.

Но не долго пришлось ему раздумывать: не далъ ему Дмитрій Прововичъ, и самъ первый явился къ нему заступникомъ за Аграфену Асафовну. Викула Прововичъ принялъ его враждебно, уже съ готовымъ мнѣніемъ, со сложившимся убѣжденіемъ, но Дмитрій Прововичъ заставилъ его себя выслушать и, что важнѣе того, себя повѣрить. Говорилъ онъ открыто и просто, и Викула Прововичъ понялъ, что братъ не жетъ и не хочетъ его обманывать. А, кромѣ того, удивила его рѣчь брата, и про себя, слушая его, рѣшилъ онъ, что такъ думать и поступать, должно быть, полагается по заграничному, и, страннымъ образомъ, именно эта мысль внушила ему уваженіе къ брату и облегчила все дальнѣйшее.

Дмитрій Прововичъ далъ честное слово, что Аграфена Асафовна ничего не питаетъ къ нему, кромѣ пріязни, что она не только не влюблена въ него, а, напротивъ,—онъ знаетъ это,—никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не полюбитъ его. Это онъ знаетъ навѣрно, это подсказано ему не умомъ, а сердцемъ, такъ какъ самъ онъ безумно и безнадежно влюбленъ въ Аграфену Асафовну, любить впервые и на всю жизнь, женщинъ никогда не зналъ и до нея ни на одну женщину не взглянулъ, ей этого никогда не говорилъ и ничѣмъ никогда не позволилъ себя дать ей понять, что прекраснѣе, лучше и умнѣе для него нѣтъ и никогда не будетъ, что онъ понимаетъ, что на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, это не такъ, но это все равно, она живое воплощеніе его мечты, и онъ ничего не желаетъ, ничего не требуетъ и бесконечно благодаренъ Providѣнію за посланное ему огромное чувство, за встрѣчу съ идеаломъ, которому онъ будетъ вѣренъ до гроба.

А дальше еще больше удивился Викула Прововичъ, когда братъ сказалъ ему, что долгъ и честь,—и впервые Викула Прововичъ осязательно и ощутимо понялъ, что у этихъ двухъ словъ долгъ и честь есть еще значеніе огромной важности, большое серьезное, какого онъ за ними не зналъ,—долгъ и честь, а также и желаніе сохранить незапятнаннымъ драгоценный для него прекрасный образъ обязываетъ его немедленно покинуть домъ брата, а затѣмъ, какъ только онъ устроится со своими дѣлами, онъ уѣдетъ за границу, въ Англію, и оттуда никогда не вернется.

Викула Прововичъ былъ пораженъ и обезоруженъ.

Нѣсколько мгновеній протекло въ полномъ безмолвіи, въ теченіе которыхъ Викула исподтишка глядывался въ лицо брата, такое, какъ будто, знакомое, такое Бахваловское, чертами напоминающее Прова Сидоровича, и вмѣстѣ чужое, одухотворенное какою-то, иною мыслью.

И вдругъ передъ Викулой всталъ вопросъ безмѣрной, какъ ему казалось, важности, заслонившей и разговоръ съ братомъ, и наблюденія надъ нимъ.

— А какъ же капиталъ?—нерѣшительно произнесъ онъ.—Капиталъ-то вѣдь дѣлится придется?

— Зачѣмъ же дѣлится?—спокойно отвѣтилъ Дмитрій Прововичъ.—Дай мнѣ столько, сколько тебѣ не жаль.

Викула всталъ и выпрямился внѣ себя отъ изумленія. А въ головѣ, привыкшей къ вычисленіямъ, уже послушно строились столбцы цифръ, дѣлались выкладки, подводились итоги, и какіе-то невѣдомые двое умѣло, бойко и прижимисто торговались.

— Сколько же ему дать? Дѣло-то надо дѣлать скорѣе, потомъ онъ и на понятный можетъ. Пятую часть пусть беретъ.

— Что больно жирно?—обрывалъ другой.—Куда столько по-лоумному? И безъ него денежекъ-то русскихъ за границей не мало растрали. И десятой части за глаза довольно.

— Вѣдь капиталъ только дѣлится будемъ. Дома, фабрики, имѣнія, дачи дѣлится не будемъ, да о нихъ и говорить не будемъ,—возражалъ первый.

— Мало чего нѣтъ! Деньги тоже на землѣ не валяются. Выкинуть-то скорое дѣло, а вотъ потомъ-то откуда добавлять?

— А какъ онъ не согласится?

— А ты зѣвай больше, такъ и добрую половину проворонишь. Сейчасъ онъ ягненкомъ передъ тобой сидитъ, бери ножницы да стриги, а упустишь моментъ, съ адвокатами снюхается,—такъ тогда ужъ не ты его,—онъ тебя стричь будетъ.

Викула Прововичъ прошелся по комнатѣ и рѣшительно остановился передъ братомъ. Лицо его было холодно, жестко и безразлично, тѣмъ безразличіемъ, какое онъ напускалъ на себя, когда приступалъ къ какой-нибудь выгодной сдѣлкѣ и собирался кого-нибудь «объегорить», и когда изучившіе его приказчики, только взглянувъ на него, говорили:

— Деньги учуялъ, идолъ, ишь, лицо-то каменное.

И, глядя куда-то въ сторону, мимо брата, онъ съ дѣланнымъ равнодушіемъ, но тихо, почти шепотомъ отъ внутренняго волненія, какое испытываетъ игрокъ, трепеща за свою ставку, произнесъ:

— Ну, что жъ, ты вѣдь холостой, два милліона довольно съ тебя будетъ, не обидишься?

— Довольно,—какъ-то неопредѣленно отвѣтилъ Дмитрій Прововичъ:—пожалуй, даже и много для одного-то.

Викула кинулъ искоса острый взглядъ на брата, ему почудилось что-то въ его голосѣ насмѣшливое, и не вѣрилось, что онъ такъ легко уступить.

— Притворяется,—подумалъ онъ.—Сейчасъ торговаться будетъ.—Но Дмитрій молчалъ, разсѣянно щипаль окладистую, коротко подстриженную каштановую бородку и задумчиво глядѣлъ въ окно.

— Такъ какъ же?—осторожно спросилъ Викула.

— Какъ ты сказалъ,—отвѣтилъ Дмитрій.—Мнѣ бы только хотѣлось, чтобы не слишкомъ много ушло времени на всѣ формальности.

Викула встрепенулся.

— Куй желѣзо, пока горячо,—молніей пронеслось у него въ головѣ, а самъ сказалъ:

— Зачѣмъ намъ формальности? Въ банкъ вмѣстѣ поѣдемъ, деньги я тебѣ передамъ, а на обратномъ пути завернемъ къ нотаріусу, ты мнѣ документикъ напишешь, тамъ скажутъ какъ. Да на разставаніи не заѣхать ли намъ къ Тѣстову, тамъ бы вмѣстѣ пообѣдали. Угощаю я, само собою разумѣется. Заѣдемъ, что ли?

— Хорошо, — согласился Дмитрій Прововичъ. — Только я хотѣлъ сегодня же переѣхать въ гостиницу.

— Ну, вотъ еще,—сказалъ Викула:—живи себѣ до отъѣзда, мѣста, что ли, въ домѣ нѣтъ? Да и передъ Москвой срамится нечего. Я на тебя зуба не имѣю, глупостямъ никакимъ не вѣрю. А дѣла въ долгій ящикъ откладывать нечего. Карету-то, чай, сейчасъ подадутъ. На Ильнику я собирался ѣхать.

Викула заторопился. Сердце у него было неспокойно. Вотъ ужъ и одѣлись братья, сѣли, поѣхали, а Викулѣ все не вѣрится. Нѣтъ-нѣтъ, да и метнетъ онъ испытующій, подозрительный взглядъ на спокойно сидящаго, задумавшагося, погруженнаго въ себя Дмитрія, а въ головѣ стоитъ неотвязная, гнетущая мысль.

— Чортъ его знаетъ! Сидитъ, молчитъ,—а вдругъ заартачится.

И еслибъ зналъ только Викула, что Дмитрій, не назначъ онъ ему цифры, никогда не рѣшился бы потребовать для себя два милліона, и предложи ему Викула двѣсти тысячъ, такъ же охотно, такъ же спокойно согласился бы. Но, къ счастью Викулы, такой догадки не могло явиться его головѣ, и онъ ѣхалъ, трепеща за то, что сдѣлка можетъ не удался, и сердце у него то замирало, боясь этой неудачи, то усиленно билось въ предчувствіи побѣды, а умъ упорно и торжествующе взвѣшивалъ и подсчитывалъ барыши.

VI.

Медленно, тяжело и трудно разставался съ жизнью Викула Бахваловъ. Домашніе уже давно знали, что положеніе его безнадёжно, что самое большое, что можетъ протянуть онъ послѣ операциі, — годъ, и давно уже всѣ они привыкли считать его выбывшимъ изъ числа семейныхъ и сроднились съ мыслью, что онъ, хозяинъ и глава этого дома, крутой и властный, высокоомѣрный и недоступный, гнувшій всѣхъ въ дугу и знавшій на себя только одну управу — дѣдиньку, Прова Сидоровича, наконецъ уйдетъ изъ ихъ жизни и всѣмъ тогда вздохнется легче.

Ни огорченія, ни боли за него никто не испытывалъ. Аграфена Асафовна, давно разведенная, жила то въ Парижѣ, то въ Монте-Карло, тратя свое приданое и капиталъ, выдѣленный ей при разводѣ, на увивавшихся вокругъ нея авантюристовъ, просто прожигателей жизни, интернаціональных мошенниковъ и, въ лучшемъ случаѣ, на представителей аристократической и литературной богемы.

Дѣти никогда не любили его, хотя выказывали ему знаки почтенія и никогда не осмѣливались выходить изъ повиновенія. Но жалѣть его и они не жалѣли, и по мѣрѣ того, какъ онъ слабѣлъ и хирѣлъ, теряя силы и изъ несокрушимаго колосса превращался въ безпомощнаго страдальца, дѣти все сильнѣе и острѣе сознавали невыносимость того порядка вещей, въ которомъ они выросли, и привыкли въ его смерти видѣть свое спасеніе и избавленіе. Теперь они только ждали, когда же, наконецъ, онъ умретъ и они стануть свободными и самостоятельными.

Больной смутно чувствовалъ ихъ отношеніе. Порой жгучее чувство обиды и боли волновало его усталую душу. Всегда это случалось тогда, когда болѣзнь обострялась и самому ему становилось ясно, что дни его сочтены, но малѣйшее облегченіе несло съ собою надежду, увѣренность, что онъ побѣдитъ болѣзнь, и почему-то тогда казалось, что послѣ этой болѣзни онъ будетъ еще здоровѣе и сильнѣе прежняго. Въ такіе моменты онъ начиналъ проявлять кипучую дѣятельность, требовалъ къ себѣ конторщика и служащихъ, самъ начиналъ распоряжаться, отдавалъ приказанія, тотчасъ же мѣнялъ ихъ, гонялъ съ разными порученіями стараго приказчика то въ банки, то на фабрики и съ карандашомъ въ рукахъ, съ огромнымъ толстымъ синимъ карандашомъ, какимъ онъ, бывало, самъ любилъ ставить въ амбарахъ на Ильинкѣ неуклюжія загадочныя мѣтки, понятныя только ему и получателю, гнѣвно дѣлалъ выкладки и выписывалъ столбцы цифръ, отрывисто выкрикивая недовольныя и бранныя слова:

— Умники! Только дай вамъ волю, сейчасъ ослиное ухо вы-

ставите. Четверть копейки сбавили. Болваны! Ты посчитай, во что эти четверть копейки выросли. Ну, не разговаривай! Молчать, когда хозяинъ говоритъ! Думаешь, у тебя на плечахъ голова!? Анъ у тебя кочанъ капусты. А, можетъ быть, и того хуже. Онъ разсудилъ. Да развѣ твое дѣло разсуждать? Не разсуждать ты долженъ, а слушать. Дармоѣды, дьяволы! Этакую уйму держу на своей шеѣ, и хотъ бы одинъ былъ съ царемъ въ головѣ. Подай сюда фактуры. Фактуры, говорю, мнѣ предоставь, всѣ до единой. Знаю, вѣдь, что воры вы всѣ!

И долго такъ волновался, кричалъ и выходилъ онъ изъ себя. Потомъ вдругъ сразу остывалъ. Потухала энергія, вываливался изъ безсильно падавшихъ рукъ исполинскій, похожій на маленькую скалку карандашъ и, опускаясь на подушки измученный, онъ хрипѣлъ:

— Уходи! Уходите всѣ! Умереть спокойно не дадите. Доктора мнѣ!

Но все рѣже и рѣже становились эти вспышки. Глухая и таинственная тишина неслышно водворялась въ просторной и мрачной комнатѣ, которая, по приказанію докторовъ, оборудована была, какъ больничная палата. И въ этой глухой и таинственной тишинѣ тихо и глухо угасала жизнь. Призрачными бѣлыми пятнами выступали бѣлые больничные табуреты, столъ и шкапчикъ у постели, бѣлымъ призракомъ то маячила по комнатѣ, то дремала, уйдя въ глубокое кресло въ углу, тоже вся въ бѣломъ, «ученая сестра», и какъ-то и она, и всѣ эти предметы не оставляли впечатлѣнія, и комната казалась пустой, и въ этой пустотѣ странной и страшной являлась кровать, и пугалъ лежавшій на ней вытянувшійся чловѣкъ съ обострившимся, обтянутымъ кожей лицомъ, какого, казалось, не можетъ быть у живого.

Каждый день продолжали навѣщать его домашніе, но съ каждымъ днемъ визиты ихъ становились короче и уже не приходили они, какъ прежде, по-двое, по-трое, и не сидѣли у его постели, громко говоря между собою, рассказывая и иногда даже смѣясь.

Теперь они входили по одному. Тихо и робко, какъ-то неувѣренно, на цыпочкахъ подходила одна изъ дочерей и, не рѣшаясь сѣсть, долго, напряженно вглядывалась въ его лицо, стараясь угадать, спитъ онъ или нѣтъ.

А онъ не спалъ и сквозь прикрытыя вѣки чувствовалъ на себѣ этотъ взглядъ, страдалъ отъ его напряженности и про себя непріязненно и жестко толковалъ его значеніе:

— Умеръ или еще живъ? Живъ еще, моя милая.

И онъ вдругъ подымалъ вѣки, съ усиліемъ, широко раскрывалъ глаза, и глаза эти смотрѣли остро и враждебно. И хотя онъ не говорилъ ни слова, они дѣлали понятными, почти слышными

его мысли. И опять опускались отяжелѣвшія вѣки, и онъ дѣлалъ слабое движеніе рукой, прося оставить его въ покоѣ.

Въ разные часы дня приходили сыновья.

Утромъ, передъ тѣмъ, какъ ѣхать въ лавки, младшіе: Сосипатръ и иногда Николай. Послѣдняго онъ съ дѣтства не любилъ, главнымъ образомъ потому, что считалъ не своимъ сыномъ, а сыномъ лакея Гришки, какъ говорилъ онъ, молодого и красиваго выѣзднаго Григорія, служившаго въ домѣ Бахваловыхъ въ томъ году, когда у него начались первыя размолвки со второй женой. Но и, помимо этого, онъ считалъ его дуракомъ и нерѣдко говорилъ, что лишилъ бы его наслѣдства, даже если бы онъ былъ его роднымъ сыномъ. Неизвѣстно, дѣйствительно ли онъ вѣрилъ самъ въ этотъ романъ жены, но въ домѣ всѣ считали это сказкой. И всѣ дѣти, хотя и не оправдывали поведенія Аграфены Асафовны, бурно прожигавшей жизнь за границей и не разъ дававшей поводъ упоминать о ней въ скандальной хроникѣ интригъ и происшествій, всѣ сохранили къ ней чувство сыновней привязанности и находили, что жизнь съ ихъ отцомъ была невозможна и ея бы никто не выдержалъ. Кромѣ того, всѣ они были признательны ей за то, что получили хоть нѣкоторое воспитаніе и образованіе. Викула Прововичъ находилъ и то, и другое совершенно лишнимъ, и надо было много настойчивости, много упорной и горячей вѣры въ необходимость и того и другого для дѣтей, чтобы добиться не помощи, не сочувствія, а хоть того, чтобы ей не мѣшали.

Старшій сынъ—Ипполитъ—приходилъ послѣ обѣда, часу въ третьемъ, передъ тѣмъ, какъ ѣхать въ городъ, и любилъ сидѣть долго, причемъ обыкновенно говорилъ сестрѣ:

— Идите, сестрица, отдохните, я подежурю у папаши.

Онъ одинъ не чувствовалъ страха, и больной это понималъ. Ипполитъ былъ его любимцемъ. Онъ всегда отличалъ его отъ всѣхъ дѣтей.

— Голова парень,—говорилъ онъ про него:—этотъ на руку охулки не положить, весь въ меня.

И, дѣйствительно, Ипполитъ былъ очень похожъ на отца. Такой же рослый, кряжистый и видный, съ широкимъ упрямымъ лбомъ, лукавыми, нагловатыми глазами, русыми, расчесанными на прямой проборъ волосами и русой же небольшой окладистой бородкой. Отецъ зналъ его хитрость, расчетливость, его умѣнье прижать, нажать и на грошъ пятаковъ купить. И за эти качества глубоко уважалъ его. Уважалъ Ипполита и за то, что, при всей покорности и послушливости, онъ всегда имѣлъ свое мнѣніе и это мнѣніе горячо отстаивалъ. Случалось, что Викула поспорить съ сыномъ, даже разсердится на него, но всегда это кончалось тѣмъ, что онъ же первый и сознаетъ, что былъ неправъ, что сынъ дальновиднѣе его и на барышъ у него нюхъ еще получше отца будетъ. Уже нѣ-

сколько лѣтъ Ипполитъ не только помогаль отцу во всѣхъ дѣлахъ и назывался молодымъ хозяиномъ, но даже имѣль довѣренность отъ отца на веденіе заводскихъ и фабричныхъ дѣлъ. И Викула могъ убѣдиться въ способностяхъ и хозяйственной смѣлкѣ сына.

Когда же онъ серьезно захвораль и передъ операціей рѣшилъ написать духовную, никому не показалось удивительнымъ и никто не счелъ себя даже обиженнымъ, что всю недвижимость и всѣ капиталы свои онъ завѣщаль сыну Ипполиту, предоставляя ему, какъ онъ найдетъ нужнымъ и цѣлесообразнымъ, одѣлать всѣхъ остальныхъ. А самъ Ипполитъ отнесся къ такому распоряженію совершенно спокойно и даже до странности равнодушно.

И только одинъ Ипполитъ своимъ приходомъ вносилъ оживленіе и что-то похожее на радость и на дѣло въ тотъ тягучій мучительный сумракъ, который со всѣхъ сторонъ наступаль на больного. Онъ умѣль рассказать такую новость, которая была интересна, сообщить о такой сдѣлкѣ, которая являлась остроумной, наконецъ просто передать какую-нибудь сплетню или ходившій по Москвѣ слухъ, который будиль въ уставшемъ мозгу прежнюю злорадную и насмѣшливую мысль. Съ нимъ больной говорилъ. И каждый разъ послѣ ухода Ипполита ему казалось, что чувствуетъ себя сильнѣе и лучше. Вѣроятнѣе всего, что это происходило оттого, что Ипполитъ съ самымъ убѣжденнымъ видомъ и не терпящимъ возраженій тономъ твердилъ ему, что видъ у него лучше и что хотя и медленно, но онъ, несомнѣнно, поправляется.

— Отчего же я такъ слабъ?—возражалъ больной.

Ипполитъ громко смѣялся.

— Слабы, вотъ тебѣ на! Вы что же танцовать хотѣли бы послѣ такой операціи? Да вы поймите, папаша, что ея обыкновенно не переносятъ, подъ ножомъ на столѣ умирають. Сердце-съ, сердце не выдерживаетъ. А вы у насъ богатырь.

— Ужъ очень долго я что-то не поправляюсь,—съ робкой надеждой возражалъ больной.

Ипполитъ опять хохоталь.

— Чудакъ вы, папаша! Поправляются всегда долго, скоро только на тотъ свѣтъ отправляются.

Но настало наконецъ время, когда даже визиты Ипполита стали казаться утомительными, и почему-то уже больше не радовали и уже не находили отклика ни въ душѣ, ни въ умѣ ни его остроты, ни его рассказы, ни его увѣренія, что все прекрасно и что здоровье, видимо, къ нему возвращается съ каждымъ днемъ. Это же самое твердили съ самаго начала доктора, но имъ онъ никогда не вѣрилъ и про себя упрямо думаль всегда одно, что докторъ, какъ и адвокатъ, продажная душа. Но Ипполиту онъ все время вѣрилъ, а когда пересталь вѣрить, почувствовалъ страхъ, испугался. Такъ было ужасно то, что родилось это недоувѣріе, и

рядомъ съ нимъ вошло въ сознание ясное и безповоротное предчувствие смерти, конца. Не на что было надѣяться и нечего было ждать. Исполнились все сроки и очевидно было только одно, что впереди ничтожный, сравнительно съ прожитымъ, кусокъ времени и надо что-то совершить, что-такое сдѣлать, чтобы искупить проведенную имъ жизнь, насколько возможно смягчить ея жестокую и вредную ненужность и завершить ее чѣмъ-то высокимъ, достойнымъ уваженія и значительность чего уравновѣсила бы всю бесполезность прошлаго. Великость этой задачи поразила его воображеніе, а самая задача явилась какъ бы какимъ-то откровеніемъ, до того самому ему казалась она несвойственной его природѣ. Потомъ ему пришло въ голову, что уже одно то, что онъ задалъ себѣ такую задачу, говорить за него, оправдываетъ его и указываетъ на то, что онъ лучше, чѣмъ это можно думать. Это наполнило его существо гордостью, и умъ его весь погрузился въ рѣшеніе этой задачи и въ достиженіе еще неясной, но мучительно манящей цѣли, до такой степени манящей, что страхъ смерти притупился передъ нею, и уже не о смерти думалъ онъ теперь, а о томъ, чтобы хватило времени на совершеніе чего-то, чему онъ не нашель имени, но что необходимо нужно было совершить, ибо только несло съ собою высокое исчерпывающее утѣшеніе.

Онъ весь ушелъ въ себя, въ свои думы, сталъ совершенно безучастенъ къ окружающимъ, не выражалъ ни требованій, ни желаній, и эта кротость и покорность, которыя были такъ несвойственны ему, такъ не вязались съ представленіемъ о немъ, явились для всехъ указаніемъ на то, что конецъ близокъ, что терпѣть осталось недолго и что желанное отдохновеніе, облегченіе и избавленіе на порогѣ.

— Утихомирися,—судачили между собою приживалки и дальніе родственники:—а вѣдь какой характерный былъ. Смерть, знать, въ головахъ стоитъ.

— Ну, теперь уже недолго!—говорили дочери:—кончится наконецъ эта мука. Хоть бы поскорѣе прибралъ Господь! И ему тяжело, а намъ-то какво? Сидимъ, точно въ монастырѣ, ни поѣхать никуда, ни къ себѣ пригласить. Тоска!

И, высоко держа голову, ходилъ по лавкамъ, по амбарамъ и по дому Ипполитъ Викуловичъ, строгимъ хозяйственнымъ окомъ поглядывалъ по сторонамъ, и все смотрѣли на него съ подобострастнымъ упованіемъ. Все вѣдь его. Захочетъ—казнить, захочетъ—помилуетъ. Служащіе въ три погибели гнулись передъ нимъ, сестры ласкались и съ льстивою услужливостью наперерывъ спѣшили исполнить каждое его приказаніе, каждый намекъ на желаніе все домашніе и приживалки. Знали, что характеръ у него былъ желѣзный, нравъ крутой. Но казалось, что сердце его способно по временамъ смягчаться, такъ ласково и привѣтливо умѣлъ

онъ улыбаться, такъ благожелательны и сердечны были его рѣчи, когда онъ хотѣлъ. И вѣрили всѣ, что своего онъ изъ рукъ не выпустить, но зато своихъ не обидитъ и постоятъ за нихъ сумѣетъ. Знали и то, что было въ немъ много природной бахваловской гордости, которая вся выросла изъ поклоненія деньгамъ, признанія мощи капитала и засилья богатства надъ бѣдностью, а эта гордость требовала, чтобы все у Бахваловыхъ было не хуже, а еще лучше, чѣмъ у людей. Вѣрилъ весь Бахваловскій домъ, что, когда начнется правленіе Ипполита Викуловича, то хотя и будетъ оно круто и многимъ придется солоно, но все пойдетъ на новую статью, къ вѣщающей славѣ и великолѣпію купеческаго рода Бахваловыхъ. И женскій персоналъ заранѣе торжествовалъ, представляя себѣ, какіе сногшибательные туалеты, шляпы и брильянты заведутся въ Бахваловскомъ домѣ на удивленіе всей Москвѣ, какія «мебели» водворятся въ парадныхъ бахваловскихъ покояхъ на мѣсто прежнихъ неуклюжихъ и тяжелыхъ краснаго дерева гарнитуръ съ жесткими сидѣніями и рѣзныхъ наивныхъ въ своей простотѣ и дешевой роскоши березовыхъ подъ орѣхъ столиковъ и стульчиковъ. Конохи и лакеи, судача по вечерамъ на крыльцѣ людской или на лавочкахъ у воротъ, уже прикидывали, сколько можетъ стоить новая коношня, которую, конечно, заведетъ молодой хозяинъ, спорили, какихъ рысаковъ выберетъ онъ—золотисто-рыжихъ съ льняными гривами, какъ у Расторгуева, или игреневыхъ съ сѣдыми хвостами, какъ у Полупудова, или тигровой масти, съ звѣздой во лбу. А по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, въ которые испоконъ вѣка заведено было въ Бахваловскомъ домѣ подавать къ часу въ большой столовой на составленныхъ покоемъ столахъ нѣсколько жирныхъ съ разнообразными начинками кулебякъ, въ соупствіи икры, всякихъ сортовъ рыбы, закусокъ, сластей, винъ, и когда всякій пожаловавшій къ этому часу радушно приглашался къ завтраку, будь то духовное лицо, знакомый дѣловой человѣкъ и даже совсѣмъ незнакомый, а только имѣвшій предлогъ для посѣщенія Бахваловскаго дома,—въ такіе дни стали заглядывать молодые архитекторы, инженеры, подрядчики, и уже шли разговоры о томъ, что не къ лицу Бахваловымъ ихъ теперешній старый домъ, что неприлично имъ жить въ зданіи, напоминающемъ не то казармы, не то сарай, безъ всякой архитектуры и новѣйшихъ усовершенствованій, безъ современныхъ изобрѣтеній, обезпечивающихъ комфортъ и удобства культурнаго человѣка.

Эти завтраки только одни скрашивали однообразную тягучую скуку, царившую въ домѣ Бахваловыхъ, и мучительность нетерпѣливаго ожиданія такъ долго медлившей смерти. И поэтому на этихъ завтракахъ было всегда весело, непринужденно и шумно. Крѣпко запирались всѣ двери, ведущія во внутренніе покои, и подолгу въ столовой сидѣли за столомъ и, объѣвшись кулебяками и про-

чей снѣдью, жадно запивали вкусныя жирныя яства дорогими винами и фруктовыми водами. Ъли конфеты и фрукты, щелкали орѣхи, громко хохотали и отпускали шутки, отъ которыхъ поколебало бы малопривычнаго человѣка. Но всё къ концу завтрака были навеселѣ. Мужчины налегали на смирновку, абсентъ, коньякъ, допель-кюмель, англійскую горькую, а женщины истребляли наливки, красныя и бѣлыя вина, а главнымъ образомъ ликеры. Подъ конецъ завтрака расходился во всю даже сдержанный и всегда себѣ-на-умѣ Ипполитъ Викуловичъ. Архитекторы и инженеры, ловя моментъ, порочили старый домъ и выражали сожалѣнїе, что такому культурному и понимающему человѣку, какъ Ипполитъ Викуловичъ, и такимъ прекраснымъ и тонко чувствующимъ барышнямъ, какъ его сестры, приходится жить въ такой безобразной, оставшей отъ вѣка обстановкѣ.

— Ничего-съ,—отвѣчалъ на это Ипполитъ Викуловичъ:— потерпимъ-съ. Терпѣнїе и трудъ все перетрутъ,—говорить русская пословица.— Вотъ, проводимъ папашу въ селенїя райскїя,—я покажу Москвѣ, какіе дома строить. Что вы мнѣ Артюшкой-то Пятирковымъ въ носъ тычите? Мы сами съ усами. Не лаптемъ щи хлебаемъ. Небось, тряхнемъ мошной, такъ такой дворець воздвигнемъ, что ай-люди!

И долго еще лились хвастливыя рѣчи будущаго главы, и усердно подливали ему вина и поддакивали заинтересованные люди и свои домашнїе и, пользуясь благопрїятной минутой, разомлѣвъ отъ вина и отъ ухаживанїя кавалеровъ, льнули къ будущему владыкѣ сестры и выпрашивали подачекъ. И не получали отказа. Упоенный сознанїемъ своей власти и силы, сытый, пьяный и самодовольный наслѣдникъ всѣхъ бахваловскихъ капиталовъ, фабрикъ, домовъ и имѣнїй, милостиво кивалъ головой и начинающимъ заплетаться языкомъ говорилъ:

— Ладно! Изволь! Подбирай, твое счастье. Дорогонько, но ужъ куда ни шло. Поживемъ и еще наживемъ. Да и на милость образа нѣтъ. Кто ко мнѣ хорошъ, къ тому я вдесятеро. Вѣрте слову, никого не обижу. Копеекъ считать не люблю. Сквалыжничать не стану. Незачѣмъ! Я человѣкъ европейской складки, не прежняго уклада. Деньги-то изъ кубышекъ по свѣту гулять пошлю. У меня каждый рубль ходуномъ пойдетъ, милліонъ разъ обернется. Рѣкой деньги-то потекутъ.

Часамъ къ пяти всё разѣзжались. Ипполитъ Викуловичъ ложился отдыхать. Всё расходились по своимъ угламъ. Въ своихъ комнатахъ сестры уже лѣниво и неохотно, но долго еще продолжали тянуть ликеры и доѣдать конфеты, потихоньку утащенные со стола. Вопарялась привычная зловѣщая и сумрачная тишина. И позднїй обѣдъ собиралъ всѣхъ уже хмурыми, усталыми, сонными и недовольными собою. У всѣхъ болѣла голова, и только одинъ

Ипполитъ Викуловичъ казался бодрымъ и свѣжимъ. Онъ терпѣть не могъ пьянства. Ветавъ, онъ уходилъ во флигель, гдѣ еще уцѣлѣла старинная, Богъ знаетъ когда еще выстроенная баня, приказывалъ молодымъ вылить на себя три ушата холодной воды, послѣ чего онъ чувствовалъ себя, какъ онъ говорилъ, опять человекомъ. За столомъ онъ уже ничего не пилъ, но ѣлъ много и жадно и говорилъ мало. Кругомъ всѣ молчали, всѣ ловили его рѣдкія слова и всѣ были осторожны, боясь чѣмъ-нибудь вызвать его гнѣвъ и чувствуя непобѣдимую неловкость подъ твердымъ и жесткимъ взглядомъ его лукаво смѣющихся глазъ, которыми онъ скользилъ по лицамъ застольниковъ.

Въ одинъ изъ праздниковъ, послѣ такого обѣда, продолжительнаго, молчаливаго и скучнаго, онъ вошелъ къ умирающему отцу и, какъ всегда, отпустилъ сестру. Въ такіе дни онъ всегда чувствовалъ недовольство собой, потому что недовольство онъ переносилъ на свое положеніе, и оно начинало казаться ему невыносимымъ. Невыносимо было это безконечное ожиданіе уничтоженія человека, который самъ уже не могъ наслаждаться жизнью и который только мѣшалъ жить другимъ и особенно мѣшалъ ему, Ипполиту Викуловичу, потому что всѣмъ остальнымъ это «съ полагая», потому что всѣ они глупые, неразумные, сами по себѣ жить не могутъ и, дай имъ, такъ не сумѣютъ, на нихъ нужна управа и держать ихъ нужно въ кулакѣ,—а онъ—другое дѣло, онъ чувствовалъ свою силу, головы у него хоть отбавляй, министру впору, такъ за что же онъ обреченъ на такую дурацкую канитель. Бурное и страстное негодованіе противъ судьбы бушевало въ немъ, когда онъ присѣлъ на постель въ ногахъ отца. Но, по привычкѣ, лицо его выразило смиреніе и соболѣзнованіе. И, когда, поцѣловавъ руку отца, онъ произнесъ:

— Здравствуйте, папаша. Ну, какъ намъ съ вами сегодня, получше, что ли?—слова эти дышали участіемъ и ласкою.

Отецъ, видимо, обрадовался ему. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ его, даже посылавъ сестру за нимъ, но ему сказали, что Ипполита Викуловича нѣтъ дома, а какъ прійдетъ—доложатъ, чтобы шелъ. И больной считалъ минуты и секунды, ожидая старшаго сына.

Ипполитъ сразу замѣтилъ, что отецъ чѣмъ-то взволнованъ и какъ-то непривычно бодръ, и это удивило его. За послѣднее время онъ такъ привыкъ видѣть его страшно удрученнымъ, углубленнымъ въ себя, какъ бы уже отошедшимъ отъ земли и не жильцомъ на этомъ свѣтѣ, что даже нѣчто похожее на безпокойство шевельнулось у него въ груди.

— А ну какъ выздоровѣетъ, чѣмъ чортъ не шутить,—мелькнуло у него въ головѣ.

Онъ вспомнилъ, что въ какомъ-то журналѣ читалъ объ итальянскомъ докторѣ Гвельпа, который самыя серьезныя и не поддаю-

щіяся болѣзни излечиваетъ голодомъ. У него паціентъ не ѣсть сначала недѣлю, потомъ двѣ недѣли, потомъ, наконецъ, шесть недѣль и чуть ли не два мѣсяца, затѣмъ строжайшая научная діета, и человекъ выздоровѣлъ. Кто знаетъ, можетъ быть, этотъ вынужденный голодь, обрекающій его отца на глотаніе только мороженого и шампанскаго, для него спасителенъ. Правда, доктора давно уже сказали, что надо поставить надъ нимъ крестъ, но развѣ не тѣ же доктора до операциі на всѣхъ консилиумахъ приходили къ разнымъ заключеніямъ, и развѣ не тѣ же доктора послѣ операциі предупредили домашнихъ, что онъ можетъ умереть въ ту же ночь, хотя потомъ они же допускали, что, по всей вѣроятности, онъ еще протянетъ съ годъ. Значитъ, все это гадательно и одни только предположенія,—точные знанія, наука тутъ и не ночевали. Онъ вдругъ поймалъ на себѣ взглядъ отца, и это оборвало его мысль, а самый взглядъ поразилъ его, почти испугалъ. Взглядъ этотъ былъ какой-то напряженно-пристальный, вопросительный и вмѣстѣ живой и горящій. Да, въ немъ горѣла жизнь, горѣла надежда, горѣла какая-то яркая и сильная мысль.

Ипполитъ передвинулся ближе на середину постели, все не будучи въ состояніи оторваться отъ этихъ глазъ, такихъ живыхъ на этомъ мертвомъ лицѣ.

— Вы, папаша, что-нибудь хотите сказать, распорядиться?—прошенталъ онъ.

— Много надо, много сдѣлать,—отвѣтилъ больной:—ты посиди. Я тебя все время ждалъ. Сегодня въ ночь я наконецъ понялъ.

— Что же вы, папаша, поняли?—спросилъ Ипполитъ, удивляясь ясности и твердости его негромкой рѣчи.

— Я все понялъ. Понялъ, что нужно сдѣлать. Все время думалъ и не зналъ и наконецъ открылъ. И надо спѣшить, потому что конецъ скоро.

— Вы, можетъ быть, папаша, хотите священника?—мягко, почти нѣжно спросилъ Ипполитъ.

— Священника еще рано. Это потомъ. У меня, по моему расчету, двѣ недѣли и даже, можетъ быть, больше... Я, Ипполитъ, хочу поставить себѣ памятникъ.

— Вы хотите, папаша, заказать сами для своей могилы памятникъ?—вразумительно переспросилъ Ипполитъ.

Больной не отвѣтилъ. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Можно, папаша, если вамъ угодно,—осторожно заговорилъ Ипполитъ:—заказать вашъ бюстъ извѣстному скульптору.

— Не то,—сказалъ больной:—въ сердцахъ людей хочу я поставить себѣ памятникъ. Вѣковѣчную по себѣ память хочу оставить здѣсь на землѣ,—взволнованно заключилъ онъ.

— Вѣчное поминовеніе, папаша, во всѣхъ монастыряхъ можно будетъ заказать.

Блѣдная презрительная усмѣшка искривила истончившіяся губы больного.

— Не то,—недовольно повторилъ онъ:—совсѣмъ не то, совсѣмъ не понимаешь, что я говорю. Слушай и молчи.

— Слушаю, папаша,—покорно согласился Ипполитъ.

— Какъ жилъ я?—помолчавъ, заговорилъ больной:—только для себя. Анъ, нѣтъ! И для себя не жилъ. Для денегъ! Деньги копилъ. Всѣ силы клалъ въ это. И больше ничего въ жизни не видѣлъ.

Онъ тяжело перевелъ духъ и умолкъ.

— Умру,—заговорилъ онъ снова:—что скажутъ люди про милліонщика Викулѣ Бахвалова? Скажутъ: жилъ псомъ и умеръ псомъ. При жизни людей душилъ, давилъ за грошъ, рубашку съ должниковъ снималъ, изъ крови и пота людскихъ золото выжималъ, а добраго 'о немъ что-то не слышно, помянуть хорошимъ словомъ не за что.

— Помилуйте, папаша,—нетерпѣливо прервалъ рѣчь отца Ипполитъ:—вы и добраго дѣла не забыли. Шутка сказать, побольше двухсотъ тысячъ на одни богоугодныя заведенія оставили да тысячъ до ста, коли не больше, на монастыри и церкви придется. Чего имъ еще? Это ли не жирный кусъ, хотя бы и отъ бахваловскихъ щедротъ?

Ипполитъ Викуловичъ произнесъ эти слова горячо, убѣдительно и весь закипающій сдержаннымъ гнѣвомъ. Ему съ самаго начала тотъ пунктъ завѣщанія, которымъ одѣлялись монастыри, церкви и богоугодныя заведенія, былъ чрезвычайно непріятенъ, и безъ злобнаго негодованія онъ не могъ о немъ вспомнить. Если что утѣшало его, такъ только мысль, что все остальное, всѣ милліоны будутъ его, и ужъ отъ него чернорясники больше денежки мѣдной не увидятъ.

— Молчи!—негромко, но властно вымолвилъ больной:—слушай, говорю, и пойми. Другой у меня теперь взглядъ, другой духъ во мнѣ объявился.

«Бредитъ онъ, что ли?» подумалъ Ипполитъ.

— Не хочу уйти безслѣдно... подлымъ и ничтожнымъ человѣкомъ... и монахамъ благодѣтельствовать не желаю. Ничего не желаю имъ оставлять... совсѣмъ.

— Это вы превосходно, папаша, надумали,—обрадованно согласился Ипполитъ:—монаховъ, дѣйствительно, баловать нечего, особливо нашихъ, московскихъ. И такъ брюхо отрастили.

— Нотаріуса мнѣ завтра, съ утра,—сказалъ больной:—къ десяти часамъ чтобъ тутъ былъ. Завѣщаніе уничтожаю. Желаю новое.

— Какъ вамъ угодно, папаша,—покорно отвѣтилъ Ипполитъ:—я распоряжусь. Съ вечера Короткова можно предупредить, а завтра лошадь за нимъ пошлю, къ десяти тутъ будетъ. Ежели вамъ этотъ пунктъ не нравится, долой его.

— Спасибо!—сказаль больной:—я зналъ, что ты мнѣ не перечишь. Хочу, Ипполитъ, такимъ дѣломъ закончить жизнь свою, чтобы не проклинали меня, а благословляли люди. Двадцать милліоновъ у меня. Шутка! Надо было ихъ по копейкамъ собрать. У отца-то вѣдь и двухъ не было, когда я въ дѣло вступилъ. Много денегъ. Фабриками, заводами владѣйте, работайте. Не сложите рукъ, такъ сами другіе двадцать милліоновъ наживете, а мои деньги всѣ, до послѣдняго рубля, желаю отдать... на просвѣщеніе. Городу отдамъ на больницы... клиники. Правительству закажу.. университетъ выстроить. Пусть меня ученые люди добромъ помпвають. Пусть скажутъ: былъ Викула Бахваловъ, прожилъ сѣрымъ и непросвѣщеннымъ челоуѣкомъ, а сталъ умирать, и озарилъ его свѣтъ, и весь свой капиталъ пожертвовалъ на дѣла просвѣщенія.

Утомленный своей долгой рѣчью, онъ закрылъ глаза.

Ипполитъ поднялся съ постели, медленно прошелся по комнатѣ, тихо приблизился къ двери и два раза повернулъ ключъ. Потомъ отошелъ къ окну и посмотрѣлъ на улицу. Въ окнахъ верхнихъ этажей въ сосѣднихъ домахъ еще играли огнистые солнечные блики, но внизу уже скапливался сумракъ. Узкій, съ грубой булыжной мостовой переулочекъ былъ, какъ всегда, пустыннымъ. Узенькіе тротуары какъ-то странно и смѣшно лѣпились около тяжелыхъ каменныхъ домовъ. Изъ-за забора напротивъ свѣшивались чахлыя и тонкія вѣтки кустовъ акаціи и сирени, и рѣдкая, нѣжная и блѣдная листва ихъ только одна среди этихъ каменныхъ громадъ и грубо вымощенныхъ улицъ напоминала о наступающемъ лѣтѣ.

— Ты здѣсь, Ипполитъ?—окликнулъ больной.

Ипполитъ Викуловичъ вздрогнулъ и очнулся, но не отвѣтилъ. Вихремъ кружилась въ головѣ мысли, и какой-то комочъ подошелъ къ горлу, и было трудно дышать.

«Что же это такое? Значить, онъ ужъ не хозяинъ, не наследникъ. У него ничего нѣтъ! Онъ—нищій. Сумасшедшему старику пришла фантазія, и все полетитъ къ чорту. Да нѣтъ, этого не можетъ быть, онъ не допуститъ до этого. Выкинуть двадцать милліоновъ на какое-то просвѣщеніе! Просвѣщеніе! А самъ дѣтей въ гимназію отдать не хотѣлъ. Какія-то несчастныя сотни рублей тайкомъ вносились за него съ братьями и за сестеръ. А теперь памятникъ, видите ли, онъ себѣ поставитъ. Да вѣдь это безуміе! И онъ, Ипполитъ Бахваловъ, это позволить. А какъ не позволить? Развѣ онъ одинъ живетъ въ домѣ? Не захочетъ онъ послать за нотариусомъ,—другіе пошлютъ. Вечеромъ еще докторъ пріѣдетъ. Онъ и ему можетъ сказать. Домашній совѣтъ собрать? Объяснить имъ всѣмъ? Это, пожалуй, тоже не дешево обойдется; каждому придется кусокъ бросить. Да и дрянъ народъ; не помощники! Знаетъ онъ ихъ. Привыкли всю жизнь за чужимъ умомъ жить. Никакого толка не выйдеть.

— Что же ты, Ипполитъ?—позваль снова больной.

Ипполитъ Викулловичъ кинулся къ постели.

— Папаша, послушайте меня, папаша,—безсвязно залепеталъ онъ и самъ не узнавъ своего голоса, какого-то упавшаго, всхлипывающаго и невѣрнаго, до того сильно было охватившее его волненіе:—вы, можетъ быть, папаша, это такъ, можетъ быть, передушаете еще. Почему же непременно завтра?

А въ головѣ неотступно стучала мысль: все пропало, все, все пойдетъ прахомъ. Надо рѣшать. Сейчасъ, сію минуту. Секунда и та дорога. Одна секунда можетъ унести все двадцать милліоновъ. Господи! Да что же это? За что такая мука, такой страшный ударъ?

Онъ заметался по комнатѣ. Холодный потъ выступилъ у него на лбу, и съ удивленіемъ ощутилъ онъ, какъ сильно дрожать у него руки и ноги.

А самъ уже стоялъ у аккуратно покрытаго бѣлой салфеткой, выкрашеннаго бѣлой масляной краской столика, заставленнаго лекарствами, и жадно вглядывался въ разнообразныя, большія и маленькія, склянки.

«Впрыснуть ему развѣ морфій. Ему сколько разъ приходилось это дѣлать за сестру».

И онъ уже протянулъ руку къ блестящей никелированной коробочкѣ со шприцемъ Праваца, но тотчасъ же отдернулъ ее.

Дуракъ! Вѣдь онъ же отлично знаетъ, что тотъ такъ привыкъ къ морфію, что ему нужны лошадиныя дозы, чтобы онъ могъ заснуть. А вѣдь нуженъ не сонъ, нужно...

— Ипполитъ, подойди же.

Ипполитъ Викулловичъ схватилъ себя за голову и, полный отчаянія и смятенія, опять ринулся къ постели.

«Боже мой, что онъ дѣлаетъ! Онъ потерялъ голову. Двадцать милліоновъ висятъ на волоскѣ. Двадцать милліоновъ! Кушъ такой, что выговорить страшно, а онъ раздумываетъ, онъ мечется. Тряпка, тряпка онъ, больше ничего! Вѣдь самъ же знаетъ, что нельзя ждать, некогда думать, невозможно колебаться. Вѣдь стоитъ только вернуться сестрѣ, подойти кому-нибудь къ двери, и все погибло, и погибъ онъ, Ипполитъ Бахваловъ. Погибъ, убить, разоренъ, заживо закопанъ въ могилу».

Страшно задрожали ноги, подогнулись колѣнки, и онъ, прерывисто дыша, тяжело опустился на край постели. Холодный потъ частыми каплями стекалъ теперь по его посѣрѣвшему лицу, вздрагивалъ подбородокъ, и тихо постукивали зубы. И, помимо его воли, глаза неподвижно были устремлены на мертвенно-блѣдное, ушедшее въ подушку лицо. Такое враждебное, такое ненавистное, похожее на страшную издѣвающуюся надъ нимъ маску, а руки, ставшія какими-то чужими, не своими, негибкими и малопослуш-

ными, машинально шарилъ кругомъ и обдергивали наволочки, простыню и одѣяло.

Внезапно удивительно ясно слухъ Ипполита различилъ медленно шаркающіе шаги въ самомъ концѣ коридора.

Это возвращается сестра. Она еще далеко, но...

Онъ уперся обѣими руками въ постель и всталъ на ноги и, не выпрямляясь, низко, низко наклонился надъ лицомъ больного.

Тотъ вдругъ открылъ глаза и прямо передъ собой встрѣтилъ напряженный, нечеловѣческій, безумный взглядъ.

— Это ты, Ипполитъ? Что ты такъ смотришь?

Ипполитъ не слышалъ вопроса. Его слухъ все еще продолжалъ различать и отсчитывать доносившіеся откуда-то издалека шаги. И еще слышалъ онъ, какъ рѣдко и сильно ударяла о стѣнки груди его сердце, и чувствовалъ, какъ ежеминутно какая-то густая горячая волна заливала и сердце, и мозгъ. И тогда точно загоралась голова. Но отхлынетъ волна, и онъ весь опять похолодѣетъ, а въ глазахъ темнѣетъ, и вся комната ходитъ колесомъ. И страшное мертвое лицо уже не лежитъ спокойно на подушкѣ, а прыгаетъ передъ нимъ, двонется, тронется и смертнымъ страхомъ наполняетъ его душу.

Съ страшнымъ усиленіемъ оторвалъ онъ лѣвую руку отъ постели и, всей тяжестью тѣла опираясь на правую, потянулъ изъ-подъ головы больного подушку.

— Не надо,—сказалъ больной:—оставь. Позови сестру, Ипполитъ.

Ипполитъ содрогнулся, выпрямился, однимъ движеніемъ быстро выдернулъ изъ-подъ головы подушку,—видѣлъ, какъ метнулась голова въ одну сторону, потомъ въ другую и раскрылся ротъ,—но подушка уже опустилась на лицо.

Ноги все еще продолжали дрожать, но руки вдругъ стали крѣпкими, какъ камень. Онѣ съ силою надавливали на подушку и выдерживали на себѣ тяжесть всего тѣла. Лежавшія поверхъ одѣяла руки больного поднялись разъ и два и безсильно замерли, зажавъ въ скрюченныхъ пальцахъ складки одѣяла. Дрогнуло и вытянулось туловище. Все было кончено. Но напрягшіяся окаменѣвшія руки долго еще продолжали давить на подушку, и безумное, искаженное ужасомъ лицо долго вглядывалось въ нее, въ скрюченные руки, въ невѣрные очертанія тѣла.

Надо было отнять подушку, подложить ее опять подъ голову и поправить мертвеца. Это было самое страшное. И мертвеца ли?

Ипполитъ Видуловичъ призвалъ все свое мужество. Отвернувшись, чтобы не увидѣть его, онъ приподнял подушку. Полузакрывъ вѣки, все стараясь не глядѣть, подложилъ ее подъ голову, которую чуть-чуть повернулъ къ стѣнѣ. Расправилъ одѣяло и, отойдя на нѣсколько шаговъ, принудилъ себя взглянуть. Все

было въ порядкѣ, все было такъ натурально. Въ лицѣ не произошло никакой перемѣны, только ротъ остался полуоткрытымъ, и, казалось, странно щурился лѣвый глазъ.

— Надо отворить дверь,—вспыхнуло въ мозгу Иполита.

На цыпочкахъ подбѣжалъ онъ къ двери и осторожно, стараясь, чтобы не щелкнулъ замокъ, повернулъ ключъ. Висѣвшее у двери зеркальцо отразило его лицо. Онъ увидѣлъ и испугался.

— Нѣтъ, нѣтъ, это нельзя,—пробормоталъ онъ.

Онъ подошелъ къ умывальнику и долго и тщательно, съ мыломъ мылъ лицо и руки. Вода нѣсколько освѣжила его, и волнение его улеглось. Но оставаться въ этой комнатѣ было жутко. И теперь онъ уже нетерпѣливо ждалъ, чтобы кто-нибудь пришелъ. Еще разъ на цыпочкахъ приблизился онъ къ постели.

Да, все кончено. Двадцать милліоновъ спасены. Они шѣлы, они его.

На мгновеніе ему захватило духъ, и какъ-то все отошло. Всѣ впечатлѣнія поблѣднѣли, подавленные только одной мыслью, необычно, какъ ему казалось, значительной, полной такой важности, что передъ ней ничто была эта смерть. Онъ почувствовалъ, что успокоился, по крайней мѣрѣ настолько взялъ себя въ руки, что, сѣвъ въ кресло, только ждалъ появленія сестры. И когда, наконецъ, скрипнула дверь, и она, шаркая туфлями, осторожно вошла въ комнату, онъ нашелъ въ себѣ силы спокойно сказать ей:

— Палаша уснулъ, сестрица. Вы, вѣрно, недавно впрыскивали морфій?

— Какъ же, какъ же,—шопотомъ отвѣтила сестра:—слава Богу, что заснулъ. Вотъ только, пожалуй, ночью не будетъ спать.

— Ну, садитесь на ваше мѣсто,—вставая, сказалъ Иполитъ:—вы что-то замѣшкались. Я ужъ тутъ соскучился безъ васъ.

У двери онъ обернулся. Сестра уже усѣлась на привычное мѣсто, и вся поза ея показывала, что она способна такъ сидѣть часами, только бы ее не потревожили.

Тихо, точно крадучись, желая, чтобы никто ему не встрѣтился, онъ дошелъ до своего кабинета. Едва переступилъ порогъ его, какъ почувствовалъ, что страшно усталъ, и безъ силъ повалился ничкомъ на широкій турецкій диванъ. Было страшно и холодно. Хотѣлось уйти отъ самого себя и все забыть. Но въ мозгу назойливо и неустанно стучало: двадцать милліоновъ, двадцать милліоновъ. А рядомъ мучительно, до тошноты, до головокруженія терзало безпокойство, и напряженно ловилъ онъ всѣ голоса, шаги и шумы и спрашивалъ себя: какъ же это все будетъ, когда объ этомъ узнаютъ, и, если пріѣдетъ докторъ, не догадается ли онъ?

Въ кабинетѣ давно уже было темно, а въ домѣ все стояла тишина.

Неужели докторъ еще не пріѣхалъ?

Онъ принудилъ себя встать и прошелся по комнатѣ. Но ходить было тяжело. Ноги не шли, а тащились. И въ тоскѣ онъ присѣлъ на диванъ, не зная, что предпринять и что сдѣлать, чтобы вернуть себѣ мужество.

Кто-то осторожно постучалъ въ дверь. Отъ этого стука у него побѣжали мурашки по всему тѣлу, но онъ продолжалъ сидѣть неподвижно. Опять постучали. Дверь пріотворилась, и старый приказчикъ почтительно окликнулъ его:

— Вы здѣсь изволите быть, Ипполитъ Викуловичъ? Извините за беспокойство, пожалуйте-ка сюда на минуточку.

— Это ты, Ведененчъ?—сдерживая внутреннюю дрожь, спросилъ Ипполитъ Викуловичъ:—что скажешь?

Ведененчъ продвинулся въ комнату, остановился передъ молодымъ хозяиномъ и доложилъ:

— Папаша приказали долго жить.

Ипполитъ Викуловичъ вскочилъ:

— Умеръ? Отецъ умеръ? Кто говорить?

— Ой, что это вы какъ, Ипполитъ Викуловичъ, испугались. Вѣдь ужъ сами знаете, конца ежедень ждать нужно было.

— Кто сказалъ?—повторялъ Ипполитъ Викуловичъ, которому нужно было авторитетное подтвержденіе, безошибочное.

— Да что тутъ говорить-то, дѣло видимое.

— Докторъ здѣсь?

— Не бывалъ еще. Да, чай, сейчасъ пріѣдетъ.

— Доктора надо. Непремѣнно доктора,—точно про себя бормоталъ Ипполитъ Викуловичъ:—можетъ быть, живъ еще, не умеръ. Поѣзжай за докторомъ, Ведененчъ.

— Нѣтъ, ужъ за докторомъ теперь поздно,—возразилъ старый приказчикъ:—за попомъ я послалъ, да и то ужъ такъ, для очистки совѣсти. Пушай помолится. Не успѣлъ причаститься покойникъ. Все откладывалъ, думалъ, протянетъ еще. Последній разъ, какъ я у него былъ, я, говоритъ, Ведененчъ, еще годъ прожить такъ могу. Вотъ тебѣ и годъ. Пойдете, что ли, туда?

— Нѣтъ, я не могу, Ведененчъ! Понимаешь, не могу. Я совсѣмъ, совсѣмъ разстроены. Ты лучше скажи мнѣ, когда докторъ пріѣдетъ?

— Помилуйте, Ипполитъ Викуловичъ, что же это вы?—заговорилъ Ведененчъ:—вѣдь это дѣло такое, не ждать. Ваше распоряженіе нужно. А вы вонъ какъ встревожились. Это ужъ воля Божья. Всѣ подъ Богомъ ходимъ.

— Не могу я, пойми, не могу,—проговорилъ Ипполитъ Викуловичъ.

— Что жъ тутъ въ темнотѣ-то сидѣть,—сказалъ Ведененчъ:—прикажете огонь зажечь.

— Зажги.

Веденеичъ повернулъ штепсель, и подь потолокомъ ярко вспыхнула хрустальная люстра.

— Ну, ужъ не думалъ я,—сказалъ онъ, съ соболѣзнованіемъ глядя на молодого хозяина:—что вы такъ-то смерть папашину примите. Даже лицомъ осунулись, право.

Веденеичъ наконецъ ушелъ. Но почти тотчасъ же вслѣдъ за нимъ въ кабинетѣ появился докторъ, еще не старый, очень полный и жизнерадостный господинъ въ прекрасно сшитомъ черномъ сюртукѣ, съ золотымъ пенснэ на близорукихъ выпуклыхъ глазахъ.

— Ну, что жъ, дорогой мой,—заговорилъ онъ пріятнымъ ласковымъ баскомъ, придерживая руку Ипполита Викуловича въ своихъ бѣлыхъ и пухлыхъ рукахъ:—этого надо было ожидать. Не правда ли, вы ожидали этого?

Ипполиту Викуловичу вопросъ показался коварнымъ, и онъ подозрительно посмотрѣлъ на доктора.

— Такъ это правда, докторъ?—спросилъ онъ:—Я не могу этому повѣрить. И васъ развѣ не удивляетъ то, что это такъ скоро и такъ вдругъ?

— Ну, какой же вдругъ,—возразилъ докторъ:—если меня что удивляетъ, такъ какъ разъ обратное. Долго, слишкомъ долго тянулась борьба, кстати сказать, совершенно безцѣльная. Такъ что, собственно, и огорчаться нечѣмъ, а надо радоваться: пересталъ страдать человѣкъ.

— А вы не думаете, что вы ошиблись, докторъ?—спросилъ Ипполитъ Викуловичъ.

— Ну, знаете, это уже наивно. Никакой ошибки тутъ быть не можетъ. Параличъ сердца форменный. Ну-съ, а теперь до свиданія. Вы, кажется, очень разстроены. Примите-ка на ночь бромъ да пораньше баиньки. Ваше здоровье еще всѣмъ нужно. Папашу не воскресите.

И докторъ распрощался.

А въ домѣ уже началась та суета и суматоха, которая вызывается только исключительными событіями. Затормошились, забѣгали люди. Завѣшивали зеркала и картины, драпировали стѣны крепомъ и чернымъ сукномъ присланные гробовщикомъ молодцы. Въ буфетныхъ, въ кладовыхъ, въ чуланахъ рылись по укладкамъ, открывали тяжелые ларцы и сундуки. Монашка Манефа и Секлетя, старая горничная, вынимали на свѣтъ Божій груды стариннаго серебра для поминальнаго стола и парчу, аксамиты и шитые мелкимъ бисеромъ, бурмицкими зернами и шемаханскими шелками бархатъ, изъ которыхъ молодья хозяйки, посовѣтовавшись съ бабинькой, должны были отобрать куски на ризы приходскому духовенству и монастырямъ, а также на воздухи, на престольники и тому подобное. Въ боковушѣ на антресоляхъ, въ низенькой, по

просторной свѣтелкѣ, рядомъ съ покоемъ дѣдишки, молоденькія бѣлицы, вызванныя изъ Зачатіевскаго монастыря, уже располагались на ночлегъ на набитыхъ сѣномъ холстинковыхъ широкихъ тюфякахъ, чтобы завтра, часовъ съ четырехъ утра, приняться обшивать длинной филигранной бахромой съ массивными кистями покровъ изъ золотокованной парчи, чтобы онъ постѣлъ на гробъ къ первой утренней панихидѣ. А двѣ старыя монахини сидѣли у бабьинки, пили крѣпкій чай съ малиновымъ вареньемъ и калачами и готовились провести ночь безъ сна, поочередно читая надъ покойникомъ. Въ громадномъ и мрачномъ залѣ уже воздвигли высокій катафалкъ, задрапировали его чернымъ сукномъ и серебряной парчой и вокругъ поставили цѣлую рощу лимонныхъ, миртовыхъ и лавровыхъ деревьевъ. А на обширномъ дворѣ, когда-то вымощенномъ мелкимъ булыжникомъ, сквозь который пробивалась жидкая весенняя травка, уже работали плотники, разставляя козлы и прилаживая сверху широкія сосновыя доски, готовя поминальные столы для нищей братіи, каликъ переходящихъ, по святымъ мѣстамъ странниковъ и для всякаго прохожаго и неимущаго человѣка, которому вздумалось бы помянуть покойника.

Но больше всѣхъ хлопотало и было озабочено женское население Бахваловскаго дома. Къ вечерней панихидѣ уже надо было явиться въ траурѣ, и хотя она предполагалась, несмотря на всю спѣшку, не ранѣе одиннадцати часовъ и ожидалась на ней только свои, но бахваловскимъ дамамъ не хотѣлось ударить лицомъ въ грязь да и къ завтрашнему дню надо было достойно приготовиться. Тутъ ужъ будутъ чужіе, и городскіе, и общественные дѣятели, и потому на дамской половинѣ уже кроили и шили приглашенныя въ подмогу жившей постоянно въ домѣ швеѣ еще двѣ портнихи съ воли, а Сеня, молодой приказчикъ, пользовавшійся расположеніемъ барышень и охотно исполнявшій всѣ дамскія порученія, уже нѣсколько разъ слеталъ и на автомобилѣ, и на одиночкѣ въ лучшіе магазины Москвы за матеріями, журналами и разными траурными принадлежностями.

И не удивительно было, что бахваловскія дамы съ головой ушли въ обдумываніе траурныхъ нарядовъ и въ перебираніе драгоценностей, изъ которыхъ нужно было выбрать такія, которыя могли считаться тоже траурными. Такимъ считались жемчугъ по преимуществу, по старинному опредѣленію—жемчугъ Божья слеза, брильянты, отдѣланные въ серебро и платину, но отнюдь не въ золото, всякія серебряныя и платиновыя украшенія съ чернью и съ черной эмалью, кровавикъ-камень за свой темный стальной цвѣтъ и опаль, потому что онъ означаетъ печаль.

Неудивительно, говорю я, было такое отношеніе бахваловскихъ дамъ, потому что издавна, съ незапамятныхъ временъ ужъ такъ повелось въ Бахваловскомъ домѣ, что оживлялся и прини-

малъ онъ праздничный видъ, распахивая свои двери широко и гостеприимно навстрѣчу гостямъ, только при очень большихъ торжествахъ, а такими въ его обиходѣ являлись свадьба и похороны.

И можно безошибочно сказать, что послѣднія всегда выходили и пышнѣе, и торжественнѣе—именно на всю Москву,—чѣмъ свадьбы, и, пожалуй, обитателямъ Бахваловскаго дома и по душѣ похороны приходились лучше. Происходило это отъ многихъ причинъ, но прежде всего, конечно, оттого, что, по самому характеру и обряду и церемоній, похороны свершались, можно сказать, праздновались всенародно. Три дня двери дома стояли настежь, и всѣ могли видѣть и богатство убранства, и роскошь жилища и тароватость наслѣдниковъ. А потомъ покойника везли по улицамъ со всей помпой и пышностью, доступной изобрѣтательному генію гробовщиковъ, душеприказчиковъ и прочихъ заинтересованныхъ лицъ.

А на свадьбу, какъ пышно ее ни справляй, все-таки не сбѣжится весь городъ, а кто и сбѣжится, такъ не надолго. Обошли молодые три раза аналой, сѣли въ карету,—тѣмъ все и кончилось. Жениха съ невѣстой не поведешь по улицамъ черезъ всю Москву.

Но самое главное заключалось не во внѣшности, а въ тѣхъ чувствахъ, которыми руководились сердца. Какъ-то такъ сложилось и стало привычнымъ въ Бахваловскомъ домѣ, что не возбуждали похороны ни глубокаго сожалѣнія, ни мучительной тоски, ни горькаго отчаянія. Не проливалось на нихъ потоковъ горячаго и буйнаго, ищущаго себѣ выхода, не знающаго услады страданія. Лились слезы сдержанныя, тихія и холодныя. Слезы, которыя шли не изъ сердца, а изъ сознанія приличія, и робкая и слабая жалость къ усопшему задавлена была соображеніями и расчетами, сколько и кому послѣ смерти достанется.

И, наоборотъ, какъ часто пышныя и богатая, хмельно и шумно справляемая свадьбы на самомъ дѣлѣ были похоронами. Хоронилась на такой свадьбѣ молодая, только что раскрывшая въ мірѣ очи жизнь, хоронилось юное, неизвѣданное счастье, и навѣки, подъ звонъ и чоканіе стѣкановъ, подъ громкій хохотъ и пьяныя шутки, закапывалось въ тѣсную и глубокую могилу все, что смягчаетъ и краситъ жизнь, все, что возвышаетъ и наполняетъ ее смысломъ.

До зари шумѣлъ и гудѣлъ Бахваловскій домъ, и до зари не находилъ себѣ мѣста Ипподитъ Викуловичъ. То ходилъ онъ по своему кабинету, куря папиросу за папиросой, то спускался внизъ, въ контору, гдѣ высчитывалъ тоже не ложившійся спать Веденечъ, во сколько обойдутся похороны. Время отъ времени кто-нибудь приходилъ и спрашивалъ распоряженій у Ипполита Викуловича. Онъ только отмахивался.

— Дѣлайте, какъ знаете. Не до того мнѣ теперь.

Его оставляли въ покоѣ и удивлялись. И приказчикъ гробовщика, кивая на него Веденечу, шепталъ:

— Скажите, какое дѣло. Вѣдь ужъ не молоденькій покойникъ, да и хворалъ долго. Опять же этакое состояніе оставляетъ. Радоваться надо бы и, однако, такое огорченіе. Чудны дѣла Твоя, Господи!

Наконецъ, совсѣмъ уже на разсвѣтѣ все затихло. Утомленные, всѣ крѣпко заснули. И только одинъ Ипполитъ Викуловичъ не спалъ и бродилъ по всему дому, по пустымъ, теперь настезь раскрытымъ, прибраннымъ и въ сумеркахъ уходящей ночи призрачнымъ комнатамъ. У порога зала онъ остановился.

Горѣли въ высокихъ подсвѣчникахъ, обвитыхъ флеромъ, толстыя восковыя свѣчи. Блѣднымъ мерцающимъ сіяніемъ свѣтилась тамъ и сямъ подъ ихъ бликами золотая парча покроя, таинственно осѣняли гробъ темно-зеленныя густыя вѣтви, и неземной, гостей потусторонняго міра показала Инполиту Викуловичу черная, скрадываемая широкими складками монашескаго одѣянія фигура въ ногахъ гроба, передъ складнымъ аналойчикомъ съ колеблющимся огненнымъ языкомъ прилѣпленной къ его краю тоненькой свѣчки, и голосомъ иного міра показался ему голосъ читальщицы; пѣвучій и печальный, временами какъ бы звенящій глубоко скрытыми слезами, куда-то зовущій негромко, но явственно произносимыми словами, изъ которыхъ каждое запоминалось и за каждымъ чуялся иной, непонятный и страшный смыслъ. Пахло ладаномъ, которымъ накалили священники, служившіе вечеромъ первую панихиду, — Ипполитъ Викуловичъ не былъ на ней, — и сѣнькомъ, которымъ устланъ былъ полъ вокругъ катафалка.

Ипполитъ Викуловичъ стоялъ въ дверяхъ, вслушивался въ чтеніе псалтыря и время отъ времени мелко и часто крестился. Не хотѣлось уходить отсюда. Тутъ было какъ-то покойнѣе, и являлись иныя мысли, отрывочныя, блѣдныя и успокоительныя. Думалось о тщетѣ всего земного, о томъ, что когда-нибудь умереть и онъ, о томъ, что Богъ милосердъ, вспоминалась исторія блуднаго сына, или вдругъ, совсѣмъ неожиданно, вставали картины дѣтства. И то, что картины эти были печальны, а дѣтство рисовалось безрадостнымъ и грустнымъ, страннымъ образомъ несло тоже съ собой успокоеніе.

Тутъ и нашель его Веденечъ, который, проспавъ часа два, поднялся раньше всѣхъ и обошелъ весь домъ для порядка.

— Неужто такъ и не ложились, Ипполитъ Викуловичъ? — сказалъ онъ. — Да что же это вы, Господь съ вами! Вѣдь этакъ даже захворать можно. Извольте ложиться спать. Вѣдь до панихиды-то добрыхъ пять часовъ. Я васъ тогда разбуджу.

Ипполитъ Викуловичъ не возражалъ. Послушно позволилъ онъ старому слугѣ отвести себя въ спальню, послушно раздѣлся и легъ. И едва голова его коснулась подушки, онъ сразу заснулъ свинцовымъ глубокимъ сномъ.

VII.

Похоронили Викулу Бахвалова.

Похороны справили торжественно и пышно.

Столы, накрытые покоемъ, ломились подъ тяжестью блюдеъ со всякою снѣдью, постною для духовенства и скоромною для мѣрянъ.

Настежь распахнулъ двери Бахваловскій домъ, одинаково радужно и хлѣбосольно встрѣчая всѣхъ поминальщиковеъ, и близкихъ родственниковеъ, и хорошихъ знакомыхъ, и чужихъ, совсѣмъ неизвѣстныхъ, невѣдомо откуда и какъ налетѣвшихъ на помпальный пиръ гостей.

Хвалила Москва Иполита Викуловича за щедрость, за гостепрѣимство, за то, что сумѣлъ показать сыновнюю почитательность къ покойному и въ грязь лицомъ не ударилъ, хвалила и дивилась Москва печали и горю Иполита Викуловича, дивилась любви его къ отцу и ачала:

— Вѣдь этакому капиталу наслѣдникъ, а вотъ, подите же, какъ огорчается человекъ. И вѣдь крутъ былъ покойникъ: дѣтки-то по стрункѣ ходили. Ну, да и то сказать: Иполиту слаще всѣхъ жилось, папенькинымъ любимцемъ былъ. Умѣлъ угодить покойнику. Да и какъ бы не угодилъ, видно, онъ отца-то и въ самомъ дѣлѣ любилъ.

Мраченъ и грустенъ былъ на похоронахъ Иполитъ Викуловичъ. Всѣ это замѣтили. Службу въ церкви еле выстоялъ, а какъ подошелъ прощаться съ покойникомъ, чуть не грохнулся со ступенекъ высокаго катафалка на полъ безъ чувствъ и за поминальнымъ обѣдомъ былъ суровъ и молчаливъ, ни къ чему не прикоснулся, не ѣлъ и не пилъ и только одинъ не принималъ участія въ шумной бесѣдѣ, которая постепенно перешла въ разгульное веселое пиршество.

И долго тянулось оно. Безъ конца совершали свой кругъ солидные, взятые отъ Тѣстова лакеи то съ тѣмъ, то съ инымъ затѣйливымъ блюдомъ, безъ числа наливались стаканы и бокалы своими и заграничными винами и осушались до дна, поминая покойника.

Зычно и громогласно, рыканію льва подобно, возгласилъ за пивомедіемъ вѣчную память нарочито приглашенный соборный протодьяконъ, любимецъ гсей купеческой Москвы, мужчина исполнскаго роста, съ грудью, по московскому выраженію, что твоя печь, съ гривой золотисто-красныхъ, густыхъ, вьющихся волосъ.

Звенѣли, сотрясаясь отъ звуковъ его голоса, стеклянные подвѣски на люстрахъ и настѣнникахъ, и восторженно вторили имъ, восхищенные и умиленные, сытые и пьяные, застольники.

Поздно кончилось столованіе, и съ добрый часъ еще стоялъ въ дверяхъ Ипполитъ Викуловичъ, пожимая протягивающіяся къ нему руки и время отъ времени лобызался, не видя лицъ и не различая людей.

Справили и девятый, и двадцатый, и сороковой день, къ которому изготовили на могилѣ новопреставленнаго раба Божьяго Викулы массивный бѣлый мраморный саркофагъ, временный памятникъ, въ ожиданіи другого, который собирался Ипполитъ Викуловичъ заказать дорогому и модному московскому ваятелю.

Кончился весь поминальный кругъ, а Ипполитъ Викуловичъ оставался безутѣшнымъ, и съ любопытнымъ недоумѣніемъ приглядывались къ нему домашніе и слуги.

Душно и тяжело жилось при покойникѣ, и не огорчила, а обрадовала всѣхъ эта смерть. Думалось, что всѣмъ вздохнется легко. Рисовалась жизнь широкая, открытая, своевольная, казалось, что вдругъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, только закроется могила, все измѣнится, все приметъ иной видъ, радостный и прекрасный, какой не извѣстно, но ужъ тѣмъ желанный, что не похожій на прежній.

Но тихъ и мраченъ былъ попрежнему Бахваловскій домъ. Угрюмъ и несловоохотливъ сталъ Ипполитъ Викуловичъ, держался отъ семейныхъ въ сторонѣ, даже обѣдалъ дома рѣдко, обыкновенно гдѣ-нибудь въ трактирѣ, въ Московскомъ, у Тѣстова, у Бакастова и держалъ себя недоступно.

Рѣдко удавалось его видѣть, вставалъ рано, когда весь еще Бахваловскій домъ безмятежно почивалъ, пилъ чай съ Веденеичемъ въ конторѣ и уѣзжалъ на Ильинку въ амбары, оттуда ѣхалъ въ лавки, потомъ кружилъ, метался по Москвѣ и, возвратясь домой, проходилъ прямо въ кабинетъ, куда не было никому доступа и откуда трудно было его выманить.

Никогда раньше не замѣчалъ онъ, что въ большой Бахваловской семьѣ онъ всѣмъ чужой, и ему всѣ чужіе, и если есть человекъ, съ которымъ онъ близокъ, которому онъ нуженъ и съ кѣмъ можно перемолвиться словомъ,—это отецъ.

Отецъ любилъ его. Это онъ всегда зналъ, а теперь онъ сталъ это цѣнить. Застывшее, очерствѣлое сердце только теперь почувствовало утрату, и вдругъ показалось страшно и пусто, и въ первый разъ Ипполитъ Викуловичъ оглянулся на пройденную жизнь. Мертвой, холодной и безотрадной была она, и если ему, любимцу отца, жилось такъ тяжело, то каково же было остальнымъ? Только теперь пришла ему въ голову мысль, что гнетъ Бахваловскаго дома невыносимъ для молодежи, и еще съ удивленіемъ спросилъ онъ себя, какъ могло случиться, что онъ совсѣмъ забылъ о своихъ дѣтяхъ, не интересовался ими въ дѣтствѣ, почти не видалъ ихъ и вотъ уже сколько лѣтъ не вспомнилъ о томъ, какъ и чѣмъ

живуть они, о чемъ думаютъ, чѣмъ заняты, чѣмъ наполнена ихъ жизнь. Равнодушень онъ былъ къ нимъ всегда до крайности, а теперь вдругъ захотѣлось поглядѣть на нихъ, сблизиться съ ними, и казалось ему, что онъ понялъ, почему ихъ нѣтъ около него. Они просто бѣжали изъ Бахваловскаго дома, отъ его гнета, отъ его угрюмага высокомерія, отъ закоснѣлаго упрямства старшихъ, отъ всего того, что смутно мучило всю жизнь Ипполита Викуловича, но что всегда заглушалось жадностью къ деньгамъ, стремленіемъ къ наживѣ, жаждой удвоить, утроить, учетверить бахваловскіе милліоны.

Была забыта душа. И теперь, оглядываясь на прошлое, Ипполитъ Викуловичъ искалъ въ немъ оправданія тому, что терзало его душу и страшнымъ кошмаромъ вошло въ его обиходъ и отравило ему его существованіе.

Припоминалось все прошлое. Онъ еще помнилъ, хотя и смутно, дѣдиньку Прова Сидоровича, по рассказамъ, деспота и тирана, державшаго семью въ кулакѣ. Помнилъ, съ какимъ почтеніемъ отзывался о немъ отецъ. Самъ онъ, Ипполитъ Викуловичъ, изъ воли отца тоже никогда не выходилъ. Да и хорошо дѣлалъ. Викула Прововичъ не прощаль непослушанія. Непочтительны были сыновья Николай и Сосипатръ и остались ни съ чѣмъ. Только и ему, Ипполиту Викуловичу, жилось не сладко. Строгъ, требователенъ, недовѣрчивъ и сердитъ бывалъ отецъ. О томъ, что Ипполитъ Викуловичъ думаетъ, чувствуетъ, не спрашивалъ. Невѣсту ему нашель самъ, только что ему исполнилось девятнадцать лѣтъ, изъ хорошаго купеческаго дома Разживиныхъ. Приданого за ней дали триста тысячъ чистыми деньгами и во всемъ остальномъ не обидѣли, но ей было уже подъ тридцать. Лицомъ была недурна, но худа и блѣдна и страдала какой-то странной болѣзнью, случались съ ней припадки и судороги. Но лечить ее не лечили и въ Разживинскомъ домѣ про то молчали. Болѣзнь—Божіе поущеніе, начнешь звать докторишекъ, еще вылечить ли, даромъ только деньги переплатишь, а потомъ, смотришь, по всей Моеквѣ сплетни разнесутъ, невѣсту охаютъ, анъ вмѣсто ста тысячъ приданого и всѣ двѣсти отсыплешь, а ртовъ не замажешь. Нѣтъ, ужъ лучше Иверскую поднять, къ Сергію-Троицѣ съѣздить, Божьяго челоуѣка странника Пафнутія въ домъ пригласить, тотъ, говорятъ, наговоръ святой знаетъ, ладанъ зажжетъ, покурить и злого бѣса отогнать можетъ. Такъ разсуждали у Разживиныхъ.

А у Бахваловыхъ говорили: съ изъязномъ невѣста, шила въ мѣшкѣ не утаишь, ну, да, вѣдь, и то сказать, триста тысячъ на землѣ не валяются, возьмешь и здоровую, а она потомъ хворать будетъ. Да и какая бѣда? Усмотрѣть есть кому, приживалокъ, монашекъ въ домѣ достаточно, есть кому походить.

Ипполитъ Викуловичъ зажилъ съ женой хорошо. Была она

тиха и кротка, и не водилось за ней тѣхъ грѣховъ, изъ-за которыхъ женскому полу въ Бахваловскомъ домѣ приходилось со-лоно. Къ мужскому полу была равнодушна, на людяхъ бывать не любила, все больше сидѣла дома, вина совсѣмъ не пила, боялась, что отъ вина ей хуже будетъ, одѣвалась, правда, хорошо, но въ свое, а не въ бахваловское, мѣховъ, брильянтовъ, тряпокъ столько за ней было, что на два вѣка хватило бы. А какъ пошли дѣти, вся въ нихъ ушла. Одинъ за другимъ родились сыновья, Арсеній, Сергѣй и Иванъ. Послѣдней родилась дочь Нина, и ужъ послѣ нея припадки участились, и жена Ипполита Викуловича умерла.

Бабка, тетки въ заднихъ комнатахъ Бахваловскаго дома, въ какихъ-то отдаленныхъ закоулкахъ растили и воспитывали дѣтей, а онъ ихъ и не видалъ почти. Да и некогда было. Слабѣть сталъ отецъ, довѣрялъ только ему. Младшаго сына, Николая, за то, что противъ воли отца женился на модисткѣ, проклялъ, выгналъ изъ дому и лишилъ наслѣдства.

Второго, Сосипатра, отъ всѣхъ дѣлъ отделилъ, звалъ фофаномъ, фанфарономъ, вербнымъ херувимомъ, бабьимъ прихвостнемъ, а подъ сердитую руку такъ и воромъ. Самъ, моль, не разъ ловилъ его на томъ, что таскаетъ изъ выручки.

А Ипполитомъ хвалился, въ примѣръ другимъ ставилъ и чѣмъ дальше, тѣмъ больше воли ему давалъ, а угодить, ему бывало, такъ приказчикамъ скажетъ: вотъ вамъ молодой хозяинъ, слушайте его; у него голова-то не кочанъ капусты, моей стоитъ.

И Ипполитъ Викуловичъ старался. Только о дѣлѣ и думалъ.

Вдовцомъ остался, никакой привязанности себѣ на сторонѣ не завелъ. Да и не любилъ онъ женщинъ, мало зналъ ихъ и побаивался. Для него онѣ являлись только въ двухъ видахъ: одни были порядочныя, мужнія жены, изъ хорошихъ домовъ дѣвицы, а другія—гулящія, хористки, пѣвчанки, актеры.

Но такъ какъ перваго сорта женщинъ онъ зналъ только своихъ, бахваловскихъ, или подобныхъ имъ, Разживиныхъ, Пятериковыхъ, Салотоповыхъ,—жену свою онъ не считалъ, она была больная,—то въ конечномъ итогѣ выходило, что и эти порядочныя мало чѣмъ отличаются отъ непорядочныхъ: такія же онѣ сладкоѣдки, такъ же ихъ тянетъ на мужчинъ и на выпивку и одинаково онѣ жадны на деньги. Случалось ему читать романы, слышать объ увлеченіяхъ, о безкорыстной любви, но все это ему казалось довольно глупой сказкой. Не тянуло его къ интригамъ и не одобрялъ онъ брата Сосипатра, который дневалъ и ночевалъ у цыганъ и по хорамъ, но все-таки Сосипатръ Викуловичъ втянулъ его въ свою компанію, и раза три за всю свою жизнь раз-вернулся Ипполитъ Викуловичъ. Надолго оставили по себѣ па-мять его кутежи: шампанское на нихъ лилось рѣкой, по нѣсколь-кимъ днямъ подъ рядъ ѣздили онъ съ толпой собутыльниковъ по всѣмъ

извѣстнымъ трактирамъ, по знаменитымъ мѣстамъ злачнымъ и прохладнымъ, проводя ночи сегодня въ «Золотой Рыбкѣ», завтра въ «Мавританіи», послѣзавтра у «Яра», сорилъ деньгами, задаривалъ цыганокъ и французенокъ, купалъ ихъ въ ваннахъ изъ шампанскаго, дарилъ имъ въ ресторанахъ украшавшія стѣны картины и зеркала, приглашая бить и сокрушать ихъ за его здоровье, неистово выкрикивая: «Бей, расшибай въ мою голову! На бахваловскія! У насъ ли да не хватить!..»

Много было скандаловъ, много шуму шло по Москвѣ, а все-таки кутящаго человѣка изъ Иполита Викуловича не вышло. Раза на три только хватило, развернулся, показалъ себя человѣкъ да и закаялся. Во вкусъ не вошелъ. Хорошіе кутящіе москвичи жалѣли и пеняли бахваловской компаніи:

— Эхъ, вы, рукоуси! Этакого теплаго парня залучить не сумѣли!

И корили пѣвчанокъ:

— Дуры! Проворонили Иполита Бахвалова. Этакого осетра упустили. Снулые судаки—это по васъ, а на осетра вы, дуры, еще рыломъ не вышли.

А къ Иполиту Викуловичу лѣзли съ разпросами и зазываніями:

— Что жъ въ теплую компанію когда же, Иполитъ Викуловичъ? Забываете друзей-пріятелей. Да и пѣвчанки соскучились. Сонька съ Шешкой всё глаза проплакали.

И обмолвился какъ-то на это Иполитъ Викуловичъ такимъ словомъ:

— Мало, другъ, радости, а много гадости.

И опять съ головой ушелъ въ дѣло, правою рукою у отца сталъ. Рачительнымъ, строгимъ хозяиномъ показалъ себя, всюду поспѣвалъ, вездѣ самъ, совѣтовъ не любилъ.

Дѣло Иполитъ Викуловичъ зналъ отлично и только на одно жаловался: нѣтъ у него воли, не даетъ ему отецъ во всю силу развернуться, остороженъ сталъ на старости, подозрителенъ, деньги точно въ кулакѣ зажалъ, не выцарапаешь, былъ бы онъ хозяиномъ, показалъ бы себя... А вотъ теперь и воля своя есть, мѣшать никому,—помѣху онъ съ дороги убралъ,—а крыльевъ за спиной и нѣтъ. Нѣтъ души въ томъ, что онъ дѣлаетъ. Суетится, ѣздитъ, кружить по фабрикамъ, по заводамъ, и ни на что бы не глядѣли у него глаза. Опротивѣло все. Скучно! Скучно и тяжело. И люди всё противны. Вѣрить никому нельзя. Одинъ только и есть вѣрный человѣкъ, Веденячъ, всю жизнь у мѣшка съ деньгами прожилъ и ничѣмъ не поживился. Такъ зато и не уменьь, да и старъ сталъ, изъ ума выживать началъ, дѣдиньки Прова Сидоровича школу прошелъ и все норовить на старинку гнуть, а отъ старинки-то Москва ухъ какъ далеко ушла, не угнаться за нею на ста-

ринкѣ-то. И выходитъ, что людей нѣтъ. Крѣпко надоѣли ему всѣ бахваловскіе. Съ дѣтства не правился ему ихъ обиходъ, только и отдохнулъ отъ него, пока до шестого класса былъ живущимъ въ академіи. А потомъ сталъ приходящимъ. Тѣшило его, что каждый день на ворономъ рысакѣ въ щегольскомъ экипажѣ катить онъ утромъ съ Пятницкой на Покровскій бульваръ, а среди дня обратно. Много было богатыхъ сынковъ въ академіи, но и самыя богатые знали, что Бахваловы имъ не уступятъ.

Друзей у Ипполита Викуловича не было: бѣдныхъ онъ презиралъ, богатыхъ чуждался. И уже въ молодости крѣпко засѣло въ немъ убѣжденіе, что правдивыхъ и честныхъ людей нѣтъ, что деньги кого угодно купить можно и что цѣнятъ и уважаютъ люди только деньги, а человѣка для нихъ нѣтъ.

Съ этимъ и въ жизнь вступилъ.

Къ дѣлу рано началъ приглядываться, притягивали деньги, нажива. Пьянили невѣроятные барыши.

Нравилось и то, что удалось занять ему положеніе почетное, не похожее на то, какое занимали въ домѣ младшій братъ, Николай, и второй, Сосипатръ.

Не любилъ онъ братьевъ, да и не братьевъ однихъ, никого не любилъ. Но раньше этого не замѣчалъ и усмѣхнулся бы презрительно и высокомерно, если бъ ему сказали, что когда-нибудь онъ замѣтитъ это и будетъ отъ этого страдать.

Теперь онъ страдалъ.

Въ черномъ томительномъ одиночествѣ, отравленномъ страшнымъ воспоминаніемъ, болѣзненно, мучительно жаждала душа утolenія и отрады. Искала чего-то, что дало бы забвеніе, ждала кого-то, кто бы ободрилъ, утѣшилъ, распахнулъ наглухо закрытую дверь мрачной и душной тюрьмы навстрѣчу небу и солнцу.

Новыхъ лицъ сталъ искать Ипполитъ Викуловичъ, новыхъ слугъ завелъ для себя лично и взялъ ихъ, какъ говорили въ Бахваловскомъ домѣ, «съ вѣтру».

Роптали старые слуги и недоумѣнно пожимали плечами домашніе.

Изстари завелось въ Бахваловскомъ домѣ такое обыкновеніе, что слуги жили подолгу, нѣкоторыя должности были наследственныя, молодцы и приказчики всѣ были изъ мальчиковъ.

Горничныя и няньки привозились изъ деревень дѣвчонками. Своей охотой изъ Бахваловскаго дома никто не уходилъ. Круты бывали хозяева, но зато ѣсть можно было волю, жирно и сытно. Въ праздничные дни одѣляли подарками, благо и ситцы, и бумазеп, и печатные платки были свои, своей мануфактуры, не купленные.

Много перепало чаевыхъ отъ молодыхъ сыновей, отъ невѣстокъ, отъ дочерей, отъ свахъ, странниковъ и отъ разныхъ нужныхъ людей, доступъ которымъ въ Бахваловскій домъ безъ подкупа дворни былъ бы прямо невозможнымъ. Вліяда и простота нравовъ, тотъ про-

стонародный, истинно-русскій духъ, которымъ пахло въ Бахваловскомъ домѣ и котораго не могли заглушить никакіе духи, мыла и пудры, тотъ укладъ жизни, который еще хранилъ въ себѣ завѣты сѣдой старины, патріархальные свѣчаи и обычаи, которыхъ тоже не могли, какъ ни старались, изгнать и замаскировать разныя новшества и модныя теченія. На каждомъ шагу давали они себя чувствовать, властно заявляли о себѣ и въ ключья рвали и превращали въ ничто весь наносный шикъ и модернистскій тонъ, водворившійся въ Бахваловскомъ домѣ вмѣстѣ съ парижскими моделями шляпъ и платьевъ, лондонскими фраками и смокингами мужчинъ и затѣями мебельщиковъ и обойщиковъ, старавшихся претворить въ жизнь поползновенія молодыхъ Бахваловыхъ къ современности и къ прогрессу.

Но старшіе упорно отстаивали свое, и въ то время, какъ у Марины Викуловны, у барышенъ и у Ипполита Викуловича въ комнаты проведено было электричество, вѣковуши и бабинька пользовались керосиновымъ освѣщеніемъ и дѣлали видъ, что объ электричествѣ даже ничего не знаютъ, ибо не одобряли такого пристрастія молодежи къ новому свѣту, который Богъ его знаетъ откуда и добывается. Даже въ парадныхъ комнатахъ электричество проведено было только за какіе-нибудь три-четыре года до смерти Викулы Прововича, который самъ захотѣлъ этого.

Телефонъ тоже считался вещью непозволительной. Ипполитъ Викуловичъ вынужденъ былъ завести его у себя въ кабинетѣ,—дѣло требовало,—но въ конторѣ рѣшительно возсталъ противъ этого нововведенія Веденеичъ и категорически заявилъ, что въ трубку говорить онъ не станетъ: нечего чорта тѣшить...

Дядиньки тогда уже не было, но существованіе телефона въ домѣ все-таки тщательно скрывалось отъ бабиньки и вѣковушъ.

Припоминалъ все это Ипполитъ Викуловичъ, иное даже со смѣхомъ, и начиналъ понимать, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнитъ, умъ его находился въ плѣну и во мракѣ, и были цѣлыя категоріи думъ и мыслей, о которыхъ онъ не зналъ, не подозрѣвалъ и раньше не звалъ ихъ и не искалъ, но которыя, несомнѣнно, есть, плѣнительныя, обаятельныя, истинныя мысли о высокіхъ и важныхъ предметахъ, ничего не имѣющихъ общаго съ амбарами, лавками, кипами товаровъ, тяжелыми висячими замками, несгораемыми шкапами и наглыми и вороватыми, юлящими около нихъ людьми.

И гдѣ-то должны быть люди, другіе, особенные. Но гдѣ они?..

Все чаще и чаще приходили на умъ дѣти. Какъ это онъ проглядѣлъ ихъ, каковы-то они? Не знаетъ онъ ихъ совсѣмъ. Должно быть, и они его не знаютъ. Какъ будто онъ въ чемъ-то виноватъ передъ ними. Самолюбивая, высокомерная гордость подсказывала:

«Кажется, дѣти ничѣмъ не были обижены. Развѣ имъ такъ жилось, какъ ему? Не знали они того страха, который онъ терпѣлъ.

И образованіе онъ имъ всёмъ даль. И въ голову не приходило невѣждами оставить. Чуть подросли, обоихъ, и Арсенія, и Сергѣя отдалъ въ коммерческое, въ практическую не захотѣлъ, самъ тамъ былъ, что-то не очень многому тамъ научился. Иванъ надумалъ итти въ гимназію, и тутъ не поперечилъ. Вотъ тебѣ гимназія, учись, если такая охота.

Въ лавки не гналъ, по фабрикамъ не гонялъ, а кончили среднее образованіе, вздумали дальше учиться, сдѣлайте ваше одолженіе. Арсеній съ Сергѣемъ въ Петроградъ уѣхали, оба въ технологическій поступили, только онъ ихъ и видѣлъ. Иванъ изъ гимназіи въ университетъ пошелъ. Мало того, дома не захотѣлъ жить. Отецъ—богачъ на всю Москву, миллионщикъ, а ему влетѣло въ голову въ номеришкахъ жить, точно онъ нищій. И тутъ ничего не сказалъ Ипполитъ Викуловичъ. Учитесь, какъ по-вашему нужно. И дались же имъ эти книги. Около какого дѣла стояли и всё врозь... Чужихъ людей сколько кормятъ Бахваловы, а свои знаютъ ничего не хотятъ. Гдѣ бы отцу помочь, въ дѣло войти, они всё изъ дому вонъ. Думалъ, Арсеній съ Сергѣемъ отучатся, вернуться въ Москву. Нѣтъ! Видно, набаловались, понравилось за границей просвистывать русскія денежки. Въ Америку зачѣмъ-то поцадобилось ѣхать. Мало того, что въ Англии, и во Франціи, и въ Германіи побывали. Но Ипполиту Викуловичу не хотѣлось стѣснятъ дѣтей. Самому жилось не сладко: пусть устраиваютъ свою жизнь, какъ умѣютъ. Должны дѣти это оцѣнить. Кажется, онъ все сдѣлалъ для нихъ, что могъ.

Но внезапно въ потокъ этихъ разсужденій врывается другой голосъ, тихій, по рѣшительный и властный, и вѣско возражалъ:

«А все-таки дѣти были заброшены. Не видѣли ни ласки, ни участія».

Десятки тысячъ проживались въ Бахваловскомъ домѣ, а оба сына за границей сжемѣсячно получали по пятидесяти рублей изъ конторы, какъ распорядился Викула Прововичъ. И не приходило въ голову, что деньги эти слишкомъ ничтожны, какъ не приходило въ голову поѣхать къ нимъ, провѣдать ихъ, посмотреть, какъ живутъ. Не стѣснялъ дѣтей Ипполитъ Викуловичъ, это правда, да, и то сказать, и не думалъ о нихъ. Еще безъ дѣтей-то, пожалуй, было покойнѣе.

Съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе росло желаніе видѣть дѣтей.

На другой же день послѣ смерти Викула Прововича Веденеичъ всёхъ ихъ извѣстилъ телеграммами. Ипполитъ Викуловичъ ждалъ сыновей и начиналъ бояться, что они не пріѣдутъ. Только теперь, когда такъ живо было для него сознаніе одиночества и какой-то заброшенной безпомощности, отъ которыхъ не могли его избавить колоссальныя средства, сосредоточившіяся въ его рукахъ, онъ сталъ

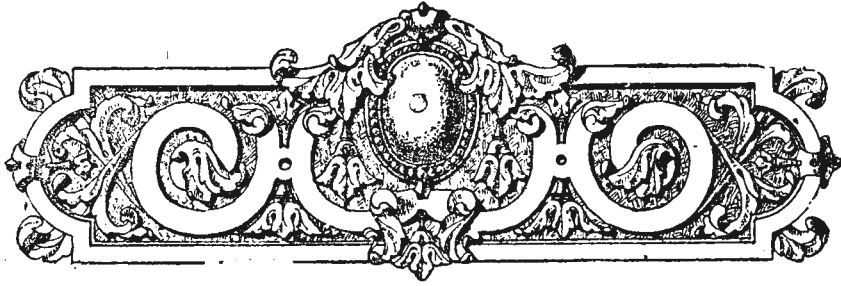
ощущать болѣзненно нетерпѣливую потребность видѣть около себя людей близкихъ, родныхъ, только не тѣхъ, какіе были здѣсь около него въ Бахваловскомъ домѣ и которыхъ онъ не могъ ни любить, ни уважать.

Дѣти рисовались ему совсѣмъ другими. Они тоже Бахваловы. Они—свое, родное, кровное. Но они жили какой-то другой жизнью. И, можетъ быть, у нихъ найдутся по отношенію къ нему другія слова, другіе поступки. Вѣдь не даромъ же они такъ много учились. Они должны знать что-то, чего онъ, Ипполитъ Викуловичъ, не знаетъ. И, можетъ быть, все то, что его такъ терзаетъ и мучитъ, чему онъ даже не умѣетъ найти имени, они разрѣшатъ просто и легко. И если не избавятъ его совсѣмъ отъ той черной змѣи, которая сосетъ его сердце, то, можетъ быть, подскажутъ ему оправданіе, внесутъ свѣтъ въ тотъ страшный мракъ, который окуталъ его, душить, не даетъ покоя и вырываетъ дѣло изъ рукъ. Да и нужно ли ему дѣлать это дѣло? Вотъ пріѣдутъ сыновья, не отдать ли имъ его. Пусть хозяйничаютъ, какъ умѣютъ. А онъ усталъ. Страшно усталъ. А главное—пересталъ вѣрить въ себя. Что-то надорвалось въ немъ. Исчезъ смыслъ изъ того, что прежде казалось ему главнымъ въ жизни. Не хотѣлось наживать, не хотѣлось считать барыши. Или съ нимъ совершается то же, что было съ его предшественниками. Дѣдинька Провъ Сидоровичъ, какъ обезножилъ, наложилъ на себя затворъ. Поселился въ двухъ тѣсныхъ комнаткахъ въ мезонинѣ, дѣла всѣ сдалъ сыну Викулѣ и ужъ больше въ нихъ не входилъ. Лѣтомъ по монастырямъ ѣздилъ, зимой приказывалъ себѣ божественныя книги читать, а подъ большіе праздники звалъ поповъ служить всенощную. И помнить Ипполитъ Викуловичъ, какъ въ туманѣ, когда онъ былъ еще совсѣмъ крошкой, какъ сносили по узенькой лѣстницѣ внизъ въ парадныя комнаты большое кожаное кресло на колесахъ, а въ немъ худого, сморщенного сѣдого старичка, совсѣмъ не похожаго на ражаго и виднаго мужчину, что написанъ былъ на портретѣ, висѣвшемъ надъ диваномъ въ красной гостиной, на который съ любопытствомъ заглядывался ребенокъ, тщетно стараясь отыскать сходство съ слабымъ сѣденькимъ дѣдинькой и не находя ни широкихъ, могучихъ плечъ, ни богатырской груди, ни лица, бѣлаго и розоваго, съ хитрыми голубыми глазами, ни рыжеватой густой бороды лопатой.

Захотѣлось и отцу подъ конецъ жизни отойти отъ денегъ. Поздно спохватился покойникъ. Только теперь сталъ понятенъ его порывъ Ипполиту Викуловичу, и оттого еще чернѣе, еще непригляднѣе стало на душѣ. Хотѣлось уйти отъ самого себя, уйти отъ всего того, что всегда окружало его.

Маркъ Басанинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОСЛѢ САНЪ-СТЕФАНО¹⁾.

(Записки гр. Н. П. Игнатъева съ примѣчаніями А. А. Башмакова).

СЕРБІЯ. Въ продолженіе первыхъ двухъ нашихъ бесѣдъ графъ Андраши не возражалъ противъ граничной линіи, опредѣленной Сербіи по Санъ-Стефанскому договору. Императоръ мнѣ даже заявилъ, что онъ ею доволенъ, съ своей стороны, но онъ полагаетъ, что сербы вовсе не будутъ ею удовлетворены, такъ какъ ихъ притязанія идутъ гораздо дальше. Согласно предвидѣнному нами, Австро-Венгрія требуетъ себѣ Ада-Кале, но не хочетъ, однакоже, обязаться²⁾ срыть укрѣпленія, существующія на этомъ островѣ. Въ продолженіе третьей нашей бесѣды въ пятницу утромъ графъ Андраши заявилъ мнѣ, что онъ требуетъ измѣненія западной граници, не желая уступать Сербіи Новый Базаръ и Митровицу съ прилежащими округами, а намѣреваясь присоединить ихъ къ Австро-Венгріи. Признавая, однакоже, справедливымъ дать Сербіи вознагражденіе, онъ предлагаетъ взять его въ Болгаріи, отнявъ у сей послѣдней Вранью, Тыръ и даже Пиротъ, какъ означено на прилагаемой картѣ, которую онъ мнѣ передалъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СХLIII, стр. 35.

²⁾ Какъ было постановлено въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, въ видахъ свободы плаванія по рѣкѣ Дунаю.

Авт.

Такое измѣненіе не встрѣтитъ слишкомъ большого сопротивленія со стороны лишь сербовъ, ибо они ходатайствовали о приобрѣтеніи этихъ участковъ въ продолженіе санъ-стефанскихъ переговоровъ. Очевидно, что графъ Андраши, пользуясь тѣмъ, что въ Бѣлградѣ остались недовольными болгаро-сербскою границею, условленною между нами и Портою, желаетъ сдѣлать видъ, что отстаиваетъ противъ насъ интересы Сербскаго княжества. Съ другой стороны, дошло до моего свѣдѣнія, что въ Нишѣ готовится заговоръ противъ князя Милана въ пользу одного изъ Карагеоргиевичей. Отставной генералъ (австрійской службы) Стратимировичъ приходилъ ко мнѣ и увѣрялъ, что интрига эта ведется съ одобренія, если не по внушенію графа Андраши. Если свѣдѣнія эти подтвердятся, то получится еще новое доказательство, что австро-венгерскій министръ задумалъ возстановить въ Бѣлградѣ то вліяніе, которымъ вѣнскій кабинетъ пользовался во время князя Александра Карагеоргиевича ¹⁾.

«Въ самый день этого объясненія моего съ графомъ Андраши сербскій агентъ въ Вѣнѣ Цукичъ обратился ко мнѣ съ просьбою, отъ имени Ристича, взять въ соображеніе желаніе сербовъ присоединить къ себѣ со стороны Болгаріи округа, на которые полагаютъ имѣть право. Присоединеніе это могло бы состояться, по мысли Цукича, въ случаѣ новыхъ территоріальныхъ перемѣнъ, въ послѣдствіе переговоровъ нашихъ съ вѣнскимъ кабинетомъ ²⁾. Чтобы пара-

---

¹⁾ Графъ Андраши превзошелъ то вліяніе, обративъ короля Милана и партію напредняковъ въ послушное и слѣпое орудіе австро-венгерскихъ интригъ, направленныхъ противъ Россіи и имѣющихъ цѣлью уничтожить всякое самостоятельное значеніе Сербіи, подготавливая ея формальное присоединеніе къ Венгріи. Я обнаружилъ заблаговременно цѣль графа Андраши и предупредилъ императорское правительство.

А в т.

²⁾ Эти обстоятельства и другіе признаки указали мнѣ, до какой степени неблагоприятно отзываются на нашемъ положеніи въ восточномъ вопросѣ всякіе переговоры съ Вѣною, и понудили сократить мое тамъ пребываніе. Между прочимъ 18—30 марта сербскій агентъ въ Вѣнѣ Цукичъ сообщилъ мнѣ письменно, что сербское правительство, судя по телеграммѣ, полученной имъ отъ 17-го отъ Ристича, встревожено извѣстіемъ, что порученіе, данное мнѣ государемъ, не исключаетъ намѣренія предоставить Австро-Венгріи въ будущемъ рѣшающее вліяніе на судьбу Сербіи, въ ущербъ ея интересамъ и даже ея независимости. Цукичъ безтактно просилъ меня разъяснить значеніе этого слова и указать, въ какой степени слѣдуетъ ему придать вѣру. Ристичъ, жалуясь на мнимое включеніе въ Болгарію части Старой Сербіи, могущее породить споры и даже схватки между болгарами и сербами, поручалъ Цукичу обратить мое вниманіе на то, что статья шестая Санъ-Стефанскаго договора даетъ возможность отстранить дурныя послѣдствія, и просить меня принять завіящія отъ меня мѣры въ пользу Сербіи.

Замѣчательно, что одинъ Ристичъ понялъ, что статья VI Санъ-Стефанскаго договора представляла возможность удовлетворить, при окончательномъ установленіи границъ Болгаріи, основательныя притязанія сербовъ и грековъ, какъ я указывалъ графу Андраши и князю Горчакову, равно какъ и всѣмъ тѣмъ, которые жаловались на мнимое забвеніе сербовъ и грековъ, въ исключительную пользу болгаръ. Статья VI умы-

лизовать проявившееся желаніе графа Андраши привязать къ себѣ сербовъ и чтобы опровергнуть слухи, распускаемые въ Бѣлградѣ австро-венгерскими агентами для убѣжденія сербовъ, что мы жертвуемъ ихъ интересами въ пользу Болгаріи, я почелъ долгомъ возстановить истину и отвѣтить успокоительно г. Цукичу ¹⁾.

«Графъ Андраши намѣревается потребовать отъ Сербіи ²⁾, вза-мѣнъ мнимой поддержки, которую онъ ей выказываетъ въ терри-торіальныхъ вопросахъ, право постройки чрезъ княжество австро-венгерскою компаніею желѣзной дороги къ Митровицѣ, съ при-мѣненіемъ австро-венгерскихъ тарифовъ. Окончаніе сѣти румын-скихъ желѣзныхъ дорогъ ³⁾ и принятіе ихъ въ зависимость Австро-Венгріи очень озабочиваетъ графа Андраши.

«5) Дунай, Бессарабія. Императоръ и графъ Андраши заявляютъ, что они удовлетворены статьею нашего договора касательно Дуная. Какъ бы жалѣя румынъ и находя ихъ раздраженіе противъ насъ законнымъ, они обѣщаются остаться вѣрными конвен-ціи 3 (15) января въ отношеніи возвращенія намъ Бессарабіи, на которую они, впрочемъ, смотрятъ, какъ на достаточное и согласное съ договореннымъ прежде вознагражденіе Россіи за огромныя земель-ныя присоединенія, которыя требуетъ себѣ Австро-Венгрія ⁴⁾. Графъ

шленно была мною редактирована для доставленія намъ возможности провести границу Болгаріи, «принявъ во вниманіе начало народности большинства пограничныхъ жи-телей, топографическія условія и практическія нужды мѣстнаго населенія, касательно удобствъ сообщенія и проч.»

Авт.

¹⁾ Я не могъ предвидѣть, что въ Берлинѣ наши уполномоченные отошлютъ сер-бовъ и черногорцевъ къ графу Андраши, отказывая имъ въ поддержкѣ и совѣтуя поладить съ нимъ, такъ какъ «будущее ихъ зависить отъ Австро-Венгріи». Слѣдую тради-ціямъ нашей политики на Востокѣ, я завѣрилъ Цукича, что, несмотря на затрудненія, воздвигаемая въ Вѣнѣ противъ всякаго увеличенія княжества сербскими землями, мы постоянно имѣемъ въ виду интересы Сербіи, совѣтуемъ сербамъ и болгарамъ жить дружно, не ссориться и не стараться перехватывать другъ у друга земельные клочки, довольствуясь статьями III и VI Санъ-Стефанскаго договора, по которымъ пограничная комиссія, съ участіемъ сербскаго комиссара, проводя окончательную границу Болгаріи, обязана принять во вниманіе «народность большинства жителей, топографическія условія и практическія нужды населенія и т. д.». Слѣдовательно, комиссія можетъ провести граничную линію по справедливости, не торопясь своими рѣшеніями по, принявъ во вниманіе заявленія заинтересованныхъ сторонъ.

Авт.

²⁾ Видимость венгерской поддержки, удаленіе Сербіи отъ Россіи и ссора ея съ Болгаріею необходимы были для созданія предлога подкупить княжество и затѣмъ его обобрать.

Авт.

³⁾ Въ теченіе восьми лѣтъ задерживалъ я осуществленіе этого австро-венгер-скаго проекта всѣми зависящими отъ меня способами, разстраивая всѣ хитро придуманные проекты.

Авт.

⁴⁾ Привыкшая чужими руками жаръ загребать и пользоваться русскимъ благо-душіемъ и великодушіемъ, Австро-Венгрія, не проливъ капли своей крови, слыла еще за защитницу Турціи и охранительницу общихъ европейскихъ интересовъ, а же-лала разбойнически захватить себѣ въ нѣсколько разъ больше земли, нежели Россія, и нанести въ то же время кровную обиду ей и славянамъ.

Авт.

Андраши, выставляя на видъ мнимую заслугу свою, что не беретъ румынъ подъ свою защиту противъ насъ, настоятельно просить взаимѣнъ, чтобы наши войска какъ можно скорѣе очистили княжество ¹⁾. Я старался ему доказать, что морскія сообщенія недостаточны для нашей армии и что у насъ сосредоточены въ Румыніи слишкомъ большіе запасы, военные и продовольственные, чтобы очищеніе края могло совершиться въ короткій срокъ. Министръ не сумѣлъ отъ меня скрыть, что, настаивая на этомъ требованіи, онъ имѣлъ въ виду пріобрѣсти признательность румынъ и прослыть въ ихъ глазахъ за избавителя ихъ края отъ русскихъ войскъ.

«6) Болгарія. Графъ Андраши началъ съ разъясненія, въ какой степени созданіе Болгаріи въ размѣрахъ, приданныхъ ей Санъ-Стефанскимъ договоромъ, противъ духа рейхштадтскихъ переговоровъ и конвенціи 3 (15) января, по которой учрежденіе на Балканскомъ полуостровѣ какого-либо большаго славянскаго государства предусмотрительно исключено. Я старался дать ему понять, что при упомянутыхъ имъ переговорахъ рѣчь не могла идти ни о чемъ иномъ, какъ о соединеніи Босніи и Герцеговины въ одно большое сербское княжество и о созданіи Великой Сербіи и Великой Черногоріи, присоединеніемъ къ каждой изъ нихъ одной изъ этихъ областей ²⁾.

«Только объ этихъ результатахъ герцеговино-боснійскаго возстанія и сербо-черногорской войны съ Турціею и могла быть рѣчь въ Рейхштадтѣ. Такъ какъ Австро-Венгерія тогда заявила, что предложенія наши объ увеличеніи Черногоріи и Сербіи несоумѣстимы съ ея интересами, то обязательство не создавать большаго славянскаго государства и относилось, очевидно, къ этому случаю. Взявъ конвенцію въ руки, я ему указалъ, что въ текстѣ ея, послѣ фразы, на которую онъ указывалъ, въ третьей статьѣ была поставлена точка съ запятою и что фраза, относящаяся до Болгаріи, начиналась дальше такъ, что, видъ всякаго сомнѣнія, ограниченіе, на которое ссылается графъ Андраши, отнюдь не касается Болгаріи. Австро-венгерскій министръ, убѣдившись въ основательности моего возраженія, ухватился тогда за умолчаніе въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ о Румелии; упоминаемой въ секретной конвенціи ³⁾, выводя изъ этой редакціонной случайности обязательство отдѣлится отъ Болгаріи всю страну къ югу отъ Балканскаго хребта. Я вынужденъ былъ признать, что редакція весьма неудовлетворительна, ибо выраженіе «Румелия» означало, въ смыслѣ оттоманскаго геогра-

¹⁾ Чтобы лишить насъ способа вліять на румынъ при рѣшеніи бессарабскаго вопроса и получить полный просторъ для непріязненныхъ и коварныхъ дѣйс. вѣй своихъ въ этомъ краѣ. А в т.

²⁾ Босніи къ Сербіи, Герцеговины къ Черногоріи. А в т.

³⁾ Имѣвшей въ виду уничтоженіе Турецкой имперіи. А в т.

фически-политическаго словаря, всю Европейскую Турцію ¹⁾. или же, какъ указывали уполномоченные Австро-Венгрии на константинопольской конференціи (прибавленіе «а» къ VII протоколу), области Эпира, Фессалия и часть Македоніи, не вошедшія въ составъ Болгаріи. Лишенный возможности противорѣчить на почвѣ нашихъ обязательствъ предъ Австро-Венгрією, графъ Андраши вздумалъ опираться на то, что мы якобы думали, что Болгарія распространяется на югъ лишь до Балканскаго хребта, и въ доказательство приводилъ, что графъ Шуваловъ въ Лондонѣ, а Е. П. Новиковъ въ Вѣнѣ заявляли предъ самою войною ²⁾, что мы удовольствуемся предоставленіемъ Болгаріи границы балканской, съ тѣмъ, чтобы изъ южной части страны образовать отдѣльную область ³⁾. Министръ жалѣеть, что конференція не собралась въ то время, когда онъ ее предложилъ, т. е. прежде, нежели мы успѣли заключить договоръ съ турками.

«Такъ какъ слухъ пронесся изъ Лондона и Берлина, что нашъ лондонскій посолъ будетъ назначенъ уполномоченнымъ на конференцію, то графъ Андраши надѣется, что онъ остается вѣрнымъ заявленною имъ самимъ мысли о раздѣленіи Болгаріи и что тогда соглашеніе можетъ установиться между кабинетами. Я замѣтилъ моему собесѣднику, что если въ самомъ дѣлѣ графъ Шуваловъ говорилъ въ Лондонѣ о возможности ограничить Болгарское княжество сѣвѣрною частью страны, не давая ему естественнаго развитія до предѣловъ болгарскаго заселенія, то это, вѣроятно, лишь во время остановки подъ Плевною, въ предположеніи, что миръ будетъ заключенъ до перехода нашими войсками Балканскаго хребта, измѣнившаго совершенно общее положеніе. Какъ бы то ни было, константинопольская конференція уже допустила Болгарію, распространенную значительно южнѣе Балканъ, хотя и раздѣленную на двѣ области—западную и восточную, противно замѣчаніямъ,

¹⁾ Словомъ «Румъ» обозначили турки европейскія владѣнія покоренной ими Византійской имперіи, а равно и грековъ и ихъ подданныхъ. Въ Стамбулѣ были подъ шейхъ-уль-исламомъ, главою духовенства, два верховныхъ судьи для мусульманъ—казы-оскера: одинъ для Румелии—европейскихъ владѣній, другой для Анатолии—азіатскихъ владѣній султана.
А в т.

²⁾ Это было большою ошибкою и несообразностью нашихъ дипломатовъ. Во всякомъ случаѣ, предположеніе о несуществованіи болгаръ на югѣ отъ Балканъ свидѣтельствовало о полномъ незнаніи географіи и этнографіи Балканскаго полуострова.
А в т.

³⁾ Если графъ Андраши не ошибался, то непонятно, на какомъ основаніи могли наши два посла заявлять подобныя мысли противникамъ русской политики на Востокъ, въ противорѣчіи съ воззваніемъ, утвержденнымъ государемъ въ Пловшти и со всѣми извѣстными Европѣ намѣреніями его величества, съ желаніями Россіи и Болгаръ и даже съ постановленіями константинопольской конференціи, гдѣ мысль о раздѣленіи Болгаріи на южную и сѣвѣрную была признана неосновательною, несообразною и категорически отвергнута, по настоянію моему, всѣми представителями Европы, съ предпочтеніемъ раздѣленія Болгаріи на западную и восточную.
А в т.

представленнымъ мною тогда противъ неосновательнаго и непрочнаго раздѣленія страны на двѣ половины. Къ крайнему удивленію моему, графъ Андраши объявилъ мнѣ, что онъ не придаетъ никакого значенія тому, что было принято тогда въ конференціи австрійскими уполномоченными ¹⁾, ибо онъ отнюдь не одобрялъ положенія, ими принятаго, находилъ чрезвычайными постановленныя рѣшенія и тогда же не протестовалъ противъ сихъ послѣднихъ единственно для того, чтобы не выказать предъ турками разъединеніе, разномысліе кабинетовъ ²⁾, и потому, что онъ лично былъ убѣжденъ, что ничего не выйдетъ изъ этихъ европейскихъ рѣшеній, по невозможности привести ихъ въ исполненіе, пока турки оставались хозяевами положенія. Впрочемъ, прибавилъ онъ, устройство предполагавшихся тогда христіанскихъ областей (вилайетовъ) ничего общаго не имѣло съ созданіемъ самостоятельнаго княжества, какое мы нынѣ измыслили.

«Мало-по-малу графъ Андраши приведенъ былъ мною къ сознанію невозможности уничтожить то, что произошло въ долинахъ Тунджи и Марицы, равно какъ и въ окрестностяхъ Софіи. Взявъ карту въ руки и начавъ съ восточныхъ границъ новаго княжества, министръ предложилъ мнѣ осадить граничную линію на западъ, отказываясь отъ Люле-Бургаса, чтобы увеличить нѣсколько пространство, остающееся во владѣніи Турціи къ сторонѣ Константинополя, въ особенности же чтобы не пересѣкать граничной линіей желѣзной дороги, ведущей изъ Адрианополя въ столицу. За мѣтно было, что главною заботою графа Андраши было измѣнить то, что нами сдѣлано, но мысли его еще блуждали между разными проектами и не было ничего окончательно опредѣленнаго: какъ вашему сіятельству благоугодно будетъ замѣтить на представляемой мною картѣ ³⁾, онъ предлагалъ то провести границу отъ Адриа-

¹⁾ Весьма безцеремонное отношеніе къ международнымъ совѣщаніямъ и актамъ, вызванное лишь тѣмъ, что всѣ прихоти австро-венгерскія ими не удовлетворены. Какой крикъ поднялся бы въ Европѣ на Россію, если бы она позволила себѣ относиться такимъ же образомъ къ «европейскому концерту» и къ международнымъ протекколамъ!
А в т.

²⁾ Графъ Андраши, очевидно, не одобрялъ дѣйствительнаго, а не фиктивнаго сближенія, происшедшаго между мною и графомъ Зичи, и негодовалъ на нравственные преимущества, приобретенныя Россією моими стараніями. Своимъ отношеніемъ къ постановленіямъ конференціи онъ вполне подтвердилъ мнѣніе тѣхъ, которые смотрѣли на происшедшее на конференціи, какъ на явную дипломатическую побѣду Россіи и на пораженіе Порты и Австро-Венгріи. Графъ Андраши не стыдился заявлять о полномъ разъединеніи кабинетовъ въ ту самую минуту, когда князь Горчаковъ былъ убѣжденъ, что цѣною пожертвованій приобрѣлъ право разсчитывать на его единомысліе.
А в т.

³⁾ Чтобы уличить графа Андраши и предупредить обычное ему отпирательство отъ собственныхъ словъ, я взялъ съ собою карту, на которой и означилъ графически въ продолженіе объясненія съ нимъ, его предложенія объ измѣненіи границы.
А в т.

нополя прямо на Сизополь, то соглашался оставить Киркъ-Килиссе Болгаріи. По всему видно, что министръ старается вытребовать отъ насъ какъ можно болѣе уступокъ къ сторонѣ Константинополя, въ видахъ лишь заслужить, взамѣнъ ихъ, согласіе Англии на осуществленіе его проектовъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Со стороны западной графъ Андраши объявляетъ, что вся страна между Митровицею и Салониками должна временно остаться еще подъ непосредственнымъ оттоманскимъ владычествомъ, несомнѣнно, съ цѣлью предоставить ее въ будущемъ, болѣе или менѣе близкомъ, Австро-Венгріи. Онъ настаиваетъ, чтобы долина Вардара была отдѣлена отъ рѣки Кара-су (Струма), утверждая, что если послѣдняя можетъ принадлежать Болгаріи и находится въ восточной зависимости ¹⁾, Вардарская долина должна была подчиниться исключительно вліянію политической и коммерческой системы Австро-Венгріи ²⁾. Нашъ споръ сдѣлался до того горячимъ, что мы нѣсколько разъ доходили до совершеннаго разрыва переговоровъ. Истоичивъ всѣ доводы, почерпнутые изъ знанія дѣйствительнаго состоянія этой мѣстности, исторіи и настроенія населенія, соображеній нравственныхъ и политическихъ, я подъ конецъ нашихъ долгихъ разговоровъ, заявилъ ему, что вижу ихъ бесполезность, что мнѣ уже больше нечего дѣлать въ Вѣнѣ и что я ограничусь представленіемъ государю императору и императорскому кабинету доклада, въ которомъ выражу убѣжденіе, что австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ стремится, во что бы то ни стало, уничтожить главнѣйшіе результаты, пріобрѣтенные нашею побѣдоносною войною, и воспрепятствовать осуществленію великаго человѣколюбиваго подвига, предпринятаго его императорскимъ величествомъ. Я не могу предвидѣть, сказалъ я, рѣшеній, къ которымъ придутъ въ Петербургѣ, но ручаюсь вамъ въ одномъ, что у насъ ни за что не согласятся передать освобожденные отъ турецкаго ига населенія снова въ власть турокъ ³⁾. Чтобы обнаружить его существующую мысль и удостовѣриться, до какой степени онъ готовъ дойти въ преслѣдованіи своей цѣли, я замѣтилъ между прочимъ графу Андраши, передъ вышесказаннымъ окончаніемъ нашего разговора, что страна, которую онъ хочетъ выдѣлить на юго-западѣ Санъ-Стефанской

¹⁾ Т. е., очевидно, подъ вліяніемъ Россіи, т. е. въ рукахъ сочувственнаго ей населенія. Графъ Андраши проповѣдывалъ географическія и этнографическія понятія собственнаго изображенія, передѣлывая исторію прошлаго и будущія судьбы народностей по своей венгерской политической фантазіи. Авт.

²⁾ Носительницѣ, по его понятіямъ, западной культуры. Авт.

³⁾ Видя внутреннее положеніе Австро-Венгріи, полную неготовность ея къ войнѣ съ нами и настроеніе Вѣны и славянъ, я никакъ не могъ тогда предвидѣть того ослабленія нашей политики, которое выразилось предварительнымъ соглашеніемъ между Салисбюри и графомъ Шуваловымъ и постановленіями Берлинскаго договора. Авт.

Болгаріи, составляетъ собственно Македонію и потому все, чего онъ могъ бы добиваться, это образованія изъ нея самостоятельнаго княжества, къ которому въ такомъ случаѣ можно бы присоединить Старую Сербію и городъ Салоники. Подобное разрѣшеніе вопроса, хотя и противно Санъ-Стефанскому договору, соответствовало бы, по крайней мѣрѣ, интересамъ христіанскаго населенія и могло бы быть нами обсуждаемо. Министръ отказался вступить на этотъ путь, ограничиваясь предложеніемъ административной автономіи для этихъ областей, что меня утвердило въ убѣжденіи, что онъ тщательно желаетъ избѣгнуть какого-либо окончательнаго рѣшенія участи населенія, дабы продолжить выжидательное состояніе для подготовленія почвы къ осуществленію его предположеній касательно будущаго устройства Балканскаго полуострова. Я доставилъ австро-венгерскому министру ¹⁾ всевозможныя разъясненія касательно вводимой нами системы управления въ Болгаріи. Онъ не сдѣлалъ по этому предмету никакихъ возраженій, будучи исключительно озабоченъ размѣрами новаго княжества, и повторилъ мнѣ неоднократно, что, если бы мы согласились сохранить границы Болгаріи согласно его предположеніямъ, т. е. ограничить ее Балканами, ему совершенно безразлично, обратится ли это княжество въ вполнѣ независимое или вассальное. Онъ прочелъ мнѣ нѣсколько мѣстъ изъ писемъ, доставленныхъ Е. П. Новиковымъ, при его послѣднемъ возвращеніи въ Вѣну ²⁾, а равно и записку (31-го января), служившую инструкцію послу его величества, и горько жаловался на приглашеніе Австро-Венгріи считаться съ существующими фактами и не противиться естественному развитію народностей, что, несомнѣнно, однакоже, добавилъ онъ, совершенно несомнѣнимо съ самымъ существованіемъ Габсбургской монархіи ³⁾.

¹⁾ По повелѣнію государя и инструкціи князя Горчакова, считавшихъ графа Андраши искреннимъ и благорасположеннымъ и потому предполагавшихъ, что недоразумѣнія возникаютъ лишь по недостатку у него свѣдѣній о чистотѣ и безкорыстности нашихъ дѣйствій и намѣреній въ Болгаріи. Авт.

²⁾ Ясно было, что до начала февраля австро-венгерское правительство не было подготовлено къ благопріятному для Россіи исходу войны и что мягкія и уклончивыя рѣчи нашихъ дипломатовъ утвердили въ немъ самоувѣренность и предположеніе, что мы не посмѣемъ уклониться отъ пути, начертаннаго Россіи графомъ Андраши. Недовольство его возникло съ возвращенія Е. П. Новикова, когда онъ удостовѣрился, что инструкціи посла разнятся отъ его ожиданій; мнимыя недоразумѣнія между Петербургомъ и Вѣною имѣютъ источникомъ довѣрительное сообщеніе канцлера отъ 31-го января, столь умѣренное по своему содержанію и уклончивой формѣ. Авт.

³⁾ Графъ Андраши не замѣтилъ, видно, что онъ произноситъ смертный приговоръ Австро-Венгріи и обнаруживаетъ всю свою фальшивую игру, всю ложь, скрытую подъ громкими фразами: «реформы, улучшенія быта населенія и западной культуры». Интересы Австро-Венгріи, выставляемые вѣнскимъ правительствомъ, признаются имъ самимъ совершенно несомнѣнимо съ естественнымъ развитіемъ балканскихъ народностей, т. е. съ цѣлью вѣковой русской политики на Востокъ, и съ выставляемою по-

«Возвращаясь къ своей предвзятой основной мысли, графъ Андраши мнѣ снова сослался на то, что князь Александръ Гессенскій ¹⁾ призналъ по прочтеніи текста конвенціи 3 (15) января ²⁾, что мы не правы и уклонились отъ нашихъ обязательствъ. Министръ утверждаетъ, что онъ до такой степени убѣжденъ въ своемъ законномъ правѣ противиться созданію такой Болгаріи, какую мы задумали, что заявляетъ мнѣ нынѣ же готовность подчиниться третейскому суду Европы по этому вопросу или, еще лучше, императора германскаго ³⁾. Выведенный изъ терпѣнія такою самоувѣренностью и упорствомъ, я наконецъ предъявилъ австро-венгерскому министру копію карты, составленной въ нашемъ военномъ министерствѣ, привезенной г.-ад. Обручевымъ въ Вѣну и переданной за годъ пе-

стоянно программу западно-европейскихъ государствъ, не исключая и Австріи, обезпеченія самостоятельности и независимости балканскихъ народностей отъ вліянія Россіи. Слѣдовательно, ясно было для всякаго, что почва для соглашенія между Россією и Австро-Венгрією въ политической программѣ графа Андраши не было и быть не могло. Непонятно лишь ослѣпленіе князя Горчакова, Е. П. Новикова и барона Жомини.

Авт.

¹⁾ Мнѣ лично чрезвычайно повредило въ Петербургѣ противорѣчіе, въ которое я впалъ съ принцемъ Александромъ, бывшимъ въ Вѣнѣ и Петербургѣ за нѣсколько дней предъ моею поѣздкою въ Австро-Венгрію и представившимъ намѣренія австро-венгерскаго правительства и его отношенія къ намъ совѣмъ въ иномъ свѣтѣ, нежели найдено мною въ дѣйствительности.

Авт.

²⁾ Рѣчь идетъ здѣсь о статьѣ третьей конвенціи, заключенной въ Пештѣ 3 (15) января и 6 (18) марта 1877 г. «на случай территориальнаго передѣла или разложенія Оттоманской имперіи». Въ этомъ предположеніи обусловлено было «о недопущеніи значительнаго славянскаго или другого государства». Ясно, что здѣсь центръ тяжести дежалъ на предположеніи объ открытіи оттоманскаго наслѣдства, тогда какъ имперія османовъ не только не исчезла раздѣломъ между ея наслѣдниками въ 1878 году, но даже дожила до нашихъ дней. Конечно, спорности и неясности могли быть въ крайне сомнительномъ по существу и неудовлетворительномъ по формѣ соглашеніи 3-го января, подлинный текстъ коего до сихъ поръ не опубликованъ (ср. единственныя косвенныя о немъ свѣдѣнія—въ книгѣ Горянинова, стр. 308). Но превыше всего прискорбно, что роль истолкователя этой спорности въ смыслѣ именно австрійскихъ интересовъ принялъ на себя князь Александръ Гессенскій, братъ російской императрицы.

А. Б.

³⁾ По возвращеніи въ С.-Петербургъ, я убѣждалъ князя Горчакова поймать Андраши на словѣ и послать меня въ Берлинъ предложить на третейскій судъ императора германскаго разсмотрѣніе вопроса: имѣли ли мы право создавать Болгарію по Санъ-Стефанскому договору, не входя въ противорѣчіе конвенціи 3 (15) января, или нѣтъ, вообще отдать на судъ наши недоразумѣнія съ Австрією, предъявленіемъ нашей конвенціи. Заключая Санъ-Стефанскій договоръ, я до того чувствовалъ себя связанымъ необходимою сообразоваться съ конвенцією и до того озабоченъ былъ тѣмъ, чтобы не доставить Австро-Венгріи редакцією нашего договора возможности предъявить свои чудовищныя, по моему мнѣнію, притязанія, что я былъ убѣжденъ въ нашей правотѣ и неосновательности требованій графа Андраши. Я падѣлся, что даже князь Бисмаркъ по внимательномъ изученіи текста, при всемъ несовершенствѣ и погрѣшности послѣдняго, не найдетъ возможности стать на сторону Австро-Венгріи и насъ осудить. Князь Горчаковъ и слышать не хотѣлъ о такой постановкѣ вопроса, заявляя, что онъ не желаетъ ни компрометировать графа Андраши, ни ссориться съ нимъ.

Авт.

редъ тѣмъ Е. П. Новиковымъ графу Андраши. Я пригласилъ сего послѣдняго сличить имѣющійся у него подлинникъ, обративъ его вниманіе на то, что ему въ точности было извѣстно уже болѣе цѣлаго года, гдѣ именно мы намѣрены были провести западную границу Болгаріи, которую нынѣ и оспаривать нельзя, по нашему мнѣнію, ибо она приблизительно соотвѣтствуетъ граничной чертѣ, проведенной европейскими уполномоченными на конференціи. Отвергнувъ первоначально самое существованіе подобной карты, онъ наконецъ, вслѣдствіе моего неослабнаго настоянія ¹⁾, началъ искать ее въ нѣсколькихъ ящикахъ своего письменнаго стола и въ дѣйствительности нашелъ злополучную карту. Разсматривая проведенныя въ ней границы Черногоріи, Сербіи и Болгаріи, онъ не удержался отъ восклицаній, выражающихъ неожиданность и удивленіе, и признался, что не изучалъ этой карты ²⁾. Онъ привелъ также отговорку въ свое оправданіе, что не существовало никакой надписи на картѣ, свидѣтельствующей, что красная черта, проведенная между Сербіею и Салониками, означать границу Болгаріи, ибо можно было предположить, что она опредѣляетъ отграниченіе Албаніи и Греціи, оставляя еще Румелию, какъ промежуточную область между этою чертою и собственно Болгаріею. Я ему выразилъ, что для насъ совершенно безразлично и не можетъ быть извѣстно, изучалъ ли онъ достаточно эту карту, или нѣтъ, но что для насъ существуетъ безспорный фактъ находженія этого документа въ его портфель въ теченіе цѣлаго года, безъ малѣйшаго замѣчанія съ его стороны касательно Болгаріи, тогда какъ за это время онъ

¹⁾ Я былъ вынужденъ при томъ сказать графу Андраши, что я приду въ помощь его памяти указаніемъ на обстоятельство, усматриваемое мною въ одномъ изъ писемъ Е. П. Новикова: получивъ отъ посла нашего карту, министръ заявилъ ему, что считаетъ этотъ документъ столь секретнымъ, что не рѣшится отдать его въ канцелярію, опасаясь проникновенія въ прессу или картографію, и потому сохранить въ ящикѣ собственнаго письменнаго стола. Графъ Андраши вскипѣлъ, покраснѣлъ и отвѣтилъ: «Что же вы хотите произвести у меня домовой обыскъ и перерыть мой письменный столъ?» Увидѣвъ, однакоже, мое твердое спокойствіе въ отвѣтъ на этотъ вызовъ, съ повтореніемъ приглашенія посмотреть, не пайдется ли что въ столѣ, графъ Андраши сталъ вынимать изъ своихъ ящиковъ разбросанныя въ нихъ въ величайшемъ безпорядкѣ карты, записки, письма и проч. По обложкѣ я тотчасъ узналъ карту, хотя и иностранной печати, но принадлежащую нашему военному министерству, и, къ крайнему смущенію и досадѣ графа Андраши, указалъ на нее, говоря, что, вѣроятно, это она. Министръ вынужденъ былъ убѣдиться, что я отгадалъ и былъ правъ, наставляя на сличеніи экземпляровъ карты.

А в т.

²⁾ Это доказываетъ удивительное легкомысліе министра и полное пренебреженіе, съ которымъ онъ относился къ сообщеніямъ и предположеніямъ нашего посольства. Когда я передалъ Е. П. Новикову происшедшую между мною и графомъ Андраши сцену и эпизодъ съ забытою картою, выразивъ удивленіе, что такой образъ дѣйствій въ отношеніи къ намъ можетъ быть допускаемъ, посоль прішелъ въ глубокое отчаяніе и сталъ говорить, что онъ послѣ того не можетъ оставаться въ Вѣнѣ и подать въ отставку. Онъ старался оправдать нѣсколько министра, говоря, что сообщеніе карты было не официальное, а лишь довѣрительное.

А в т.

много сдѣлалъ возраженій относительно будущихъ границъ Черногоріи, на основаніи проектированныхъ на этой же картѣ очертаній. Это обстоятельство доставило намъ полное право предположить, что онъ, въ общемъ, принялъ предложенную нами въ пользу новаго княжества граничную черту, предоставляя лишь себѣ войти въ нѣкоторыя подробности обсужденія впослѣдствіи. Что касается лично меня, то во всякомъ случаѣ, получивъ эту карту отъ моего правительства, съ указаніемъ на то, что на ней обозначены границы, предложенныя австро-венгерскому правительству еще годъ тому назадъ, я имѣлъ полное право взять ихъ за основаніе нашихъ переговоровъ съ турками. При такихъ условіяхъ довольно затруднительно будетъ Австро-Венгріи прибѣгнуть къ европейскому третейскому суду и совершенно невозможно оспаривать законное основаніе поставленныхъ нами въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ мирныхъ условій. Графъ Андраши, надѣявшійся заставить насъ отступиться предъ опасеніемъ быть обвиненными въ вѣроломствѣ, былъ такъ пораженъ представленнымъ ему разсужденіемъ, что, поспѣшивъ признать наше прямодушіе, выразилъ глубокое сожалѣніе по поводу происшедшаго недоразумѣнія и повторилъ сознаніе, что онъ не обратилъ должнаго вниманія на карту, оставленную въ его рукахъ ¹⁾.

«7) Занятіе русскими войсками Болгаріи.

«По словамъ графа Андраши, Австро-Венгрія и даже вся Европа возстанетъ противъ слишкомъ продолжительнаго срока пребыванія и слишкомъ многочисленнаго состава русскихъ войскъ, должествующихъ остаться въ Болгаріи. Три мѣсяца вмѣсто двухъ лѣтъ и 10.000 человекъ вмѣсто 50.000 были бы вполне достаточны, по мнѣнію министра, а въ особенности если болгарская милиція быстро сформируется и получитъ достаточное развитіе. Изложеніе мною военныхъ и смѣтныхъ потребностей не могло измѣнить его предвзятаго взгляда, и онъ сдѣлалъ видъ, что оказываетъ мнѣ великую уступку, предлагая согласиться на шесть мѣсяцевъ и 20.000 человекъ. Желая проникнуть въ дѣйствительные его помыслы, я ему замѣтилъ, что не хочу допустить оскорбительнаго для насъ предположенія, что онъ намѣренъ достигнуть удаленія нашихъ войскъ съ театра войны въ то время, когда намъ угрожаетъ, по его же словамъ, разрывъ съ Англіею. Онъ призналъ тотчасъ же, что пока возстановленіе мира не обезпечено окончателью, никто не имѣетъ права добиваться удаленія нашихъ войскъ.

---

¹⁾ Дипломаты наши такъ избаловали иностранные кабинеты, въ особенности же графа Андраши, постоянною своею предупредительностію, уклончивостію и расположеніемъ извиняться и преклоняться предъ ними, что всѣ были удивлены отпоромъ, мною твердо даннымъ австро-венгерскому министру, и сочли это за неслыханную дерзость. Е. П. Новиковъ до того былъ удрученъ моими объясненіями съ графомъ Андраши, что отказался ѣхать со мною къ нему на предлагаемую очную ставку для окончательнаго обличенія послѣдняго.

А в т.

«Я напомнилъ графу Андраши, что при заключеніи Санъ-Стефанскаго договора мы имѣли намѣреніе начать очищеніе Турціи и возвращеніе нашихъ войскъ въ Россію тотчасъ послѣ обмѣна ратификацій договора, и что лишь вызывающее положеніе, принятое Англіею, и неподобающее присутствіе ея флота въ Мраморномъ морѣ заставили насъ отказаться отъ этой мысли. Движенія англійскихъ военныхъ судовъ могутъ даже заставить насъ, въ концѣ концовъ, въ виду возможности столкновенія съ этою державою, занять Босфоръ¹⁾. Такъ какъ графъ Андраши возразилъ мнѣ съ нѣкоторою горячностью, что подобное дѣйствіе съ нашей стороны можетъ имѣть самыя важныя послѣдствія, я ему замѣтилъ въ отвѣтъ, что единственное средство предупредить подобную случайность—удаленіе англійскихъ военныхъ судовъ изъ Мраморнаго моря и изъ Дарданеллъ. По мнѣнію моего собесѣдника, никто не можетъ не только заставить англичанъ удалиться, но и даже посовѣтовать²⁾ имъ отступить, пока русскія войска находятся въ окрестностяхъ Константинополя.

«Въ теченіе нашихъ бесѣдъ графъ Андраши неоднократно возвращался съ горечью къ упоминанію мнимыхъ дурныхъ поступковъ нашихъ въ отношеніи къ нему лично. Онъ утверждаетъ, что мы отъ него скрыли наши истинныя намѣренія, тогда какъ было условлено въ особенности, что мы опредѣлимъ мирныя условія Балканскаго полуострова не иначе, какъ по соглашенію съ Австро-Венгріею. Онъ находитъ, что мы поступили неправильно, не створившись съ нимъ предварительно касательно какъ предъявленныхъ туркамъ основаній мира, такъ и условій Санъ-Стефанскаго договора, а равно и обнародовавъ эти послѣднія³⁾ прежде испрошенія мнѣнія державы, столь заинтересованной въ этомъ вопросѣ, какъ Австро-Венгрія. Всѣ эти поступки, клонящіяся, по его мнѣнію, къ тому, чтобы уменьшить обаяніе Австро-Венгріи въ глазахъ восточныхъ населеній, глубоко оскорбили графа Андраши, который завѣряетъ, что нѣсколько разъ плакалъ отъ ярости при полу-

¹⁾ Оставленіе англійской броненосной эскадры у Принцевыхъ острововъ, призванной якобы въ предположеніи нашего нападенія на городъ Константинополь, и возведеніе новыхъ укрѣпленій вокругъ сего города, въ виду нашихъ войскъ давали намъ полное право стать твердою ногою, до окончательнаго замиренія и подъ предлогомъ необходимой военной предосторожности, на берегу Босфора. Мои представленія въ томъ смыслѣ канцлеру и самому государю остались тщетными, въ виду опасенія вызвать коалицію и войну европейскую, а также образа дѣйствій главной квартиры подъ Константинополемъ въ теченіе марта и апрѣля мѣсяца. А в т.

²⁾ По всей вѣроятности, въ бесѣдахъ своихъ съ Элліотомъ графъ Андраши скорѣе давалъ совѣты обратнаго свойства, заставляя и англичанъ за него жаръ загребать. А в т.

³⁾ Вотъ до чего избалованъ былъ нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ графъ Андраши, введенный въ заблужденіе нашею постоянною створчивостью до того, что могъ предположить, что русское правительство лишено права редактировать безъ его предварительнаго одобренія мирныя условія свои и сдѣлать ихъ извѣстными русскому народу. А в т.

ченіи извѣстій о «неожиданностяхъ», нами ему подготовленныхъ. Если можно признать какую-либо пользу отъ переговоровъ моихъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Австро-Венгріи, то это единственно приведеніе въ ясность призрачныхъ отношеній нашихъ къ вѣнскому кабинету. Мнѣ кажется, удалось раскрыть дѣйствительныя намѣренія графа Андраши въ его восточной политикѣ, и положеніе выказывается нынѣ совершенно яснымъ, хотя и не успокоительнымъ. Императорскій кабинетъ поставленъ такимъ образомъ въ возможность обсудить важность нынѣшнихъ обстоятельствъ съ полнымъ знаніемъ дѣла».

V.

Никто не сказалъ мнѣ въ Петербургѣ «спасибо» за быстрое и твердое исполненіе даннаго мнѣ порученія. Но министръ иностранныхъ дѣлъ и наши дипломаты глубоко вознегодовали на меня за невольное обличеніе ошибокъ нашей политики, выразившееся въ донесеніи моемъ, которое, по совѣсти, я не могъ изложить въ иномъ свѣтѣ предъ его императорскимъ величествомъ. Съ минуты моего возвращенія изъ Вѣны всѣ усилія были употреблены для устраненія меня отъ дипломатическихъ дѣлъ. Памятная записка, составленная мною со словъ графа Андраши, въ пятницу 15-го (27-го) марта, ему показанная для устраненія всякаго недоразумѣнія, имъ одобренная и представленная мною канцлеру по возвращеніи вмѣстѣ съ картою Европейской Турціи, на которой означены были желаемыя Австро-Венгерією новыя границы Болгаріи, Сербіи и Черногоріи, была слѣдующаго содержанія:

«Мemento:

«Въ пятницу 15-го (27-го) марта графъ Андраши повѣрилъ графу Игнатьеву слѣдующую программу соглашенія между Россією и Австро-Венгерією:

«1. Австро-венгерское правительство останется вѣрнымъ соглашенію трехъ имперій и будетъ дѣйствовать на основаніи того, что было условлено прежде. Въ случаѣ столкновенія между Россією и Англією вѣнскій кабинетъ не присоединится къ сентъ-жемскому и соблюдеть благосклонный нейтралитетъ относительно Россіи.

«2. Австро-Венгерія займетъ Боснію и Герцеговину, предупредивъ предварительно Порту и пригласивъ ее избѣгнуть борьбы выводомъ своихъ войскъ изъ обѣихъ областей. Время наступленія войскъ не можетъ быть точно опредѣлено теперь, если конгрессъ состоится, но въ противномъ случаѣ оно осуществится немедленно.

«Австро-венгерскія войска распространятся до Новаго Базара, занявъ часть Герцеговины между Сербією и Черногорією. Въ виду образованія Болгаріи и необходимости обезпечить постройку

желѣзной дороги Австро-Венгрія желаетъ присоединить къ себѣ эту мѣстность, входившую въ составъ прежняго вилайета Босніи и Герцеговины, и такимъ образомъ измѣнить то, что прежде было условлено на извѣстный случай.

«3. Графъ Андраши беретъ назадъ согласіе, имъ прежде данное, на распространіе Черногоріи до р. Лима и предлагаетъ новую границу, ведущую отъ Корита до соединенія р. Шивы съ р. Тарою, оттуда въ Бѣлополье, переходя р. Лимъ близъ Берани, и далѣе по горамъ до Скутарійскаго озера. Перерѣзавъ пополамъ это озеро, граничная черта направляется къ старой черногорской границѣ. Австро-Венгрія рассчитываетъ присоединить къ себѣ всю мѣстность между Скутарійскимъ озеромъ, моремъ и р. Бояною ¹⁾).

«4. Касательно Сербіи Австро-Венгрія предлагаетъ измѣнить новую границу такъ, чтобы уменьшить новую территорию, присоединяемую къ Сербіи на западѣ, и прибавить, въ вознагражденіе, Вранью и Тырновацъ. Сверхъ того она предоставляетъ себѣ право: а) занять Ада-Кале, не обязуясь, однакоже, срыть существующія на этомъ островѣ укрѣпленія; б) навязать сербскому правительству обязательство допустить постройку желѣзной дороги чрезъ княжество, съ примѣненіемъ того же тарифа, который въ употребленіи на австро-венгерскихъ желѣзныхъ дорогахъ.

«5. Вѣнскій кабинетъ признаетъ за Россіею право возвратитъ себѣ часть Бессарабіи, уступленной въ 1856 году, и заявляетъ готовность поддерживать, на дипломатической почвѣ, этотъ взглядъ какъ противъ Румыніи, такъ и противъ великихъ державъ.

«6. На случай допускаемаго приведенія Россіею въ исполненіе устройства Болгаріи на основаніи Санъ-Стефанскаго договора, Австро-Венгрія предлагаетъ: а) сохранить между Киркъ-Килиссе и Константинополемъ граничную черту, проведенную константинопольскою конференціею 1876 года, оставивъ такимъ образомъ Люле-Бургасъ и приморскую полосу Чернаго моря внѣ княжества; б) провести западную границу Болгаріи отъ вершины Орфанскаго залива къ Вранѣ: округи (казы), которые останутся внѣ этой черты, получаютъ, подъ наименованіемъ Македоніи, административную автономію, совершенно отдѣльную отъ княжества. Городъ Салоники войдетъ въ составъ этой новой области ²⁾).

¹⁾ Окруживъ совершенно такимъ образомъ Черногорію своими владѣніями, съ цѣлью поставить ее въ свою полную фактическую зависимость.

²⁾ Въ виду моихъ настойчивыхъ опроверженій проекта урѣзванія Болгаріи, причѣмъ я выставлялъ на видъ министру, что даже такой историческій для Болгаріи городъ, какъ Салоники, выключенъ изъ княжества по Санъ-Стефанскому договору въ угоду вѣнскому кабинету и во вниманіе къ Греціи, графъ Андраши включалъ въ Македонію Салоники, думая тѣмъ меня подкупить, но вмѣстѣ съ тѣмъ обозначалъ, что портъ этотъ раздѣлитъ участь Македоніи, предназначенной быть подъ исключительнымъ вліяніемъ Австро-Венгріи.

А в т.

«7. Австро-венгерское правительство желало бы, чтобы занятіе Болгаріи русскими войсками не продолжалось болѣе шести мѣсяцевъ послѣ очищенія остальной части Румелии ¹⁾ и чтобы численность оккупационнаго корпуса не превышала двадцати тысячъ человѣкъ. Графъ Андраши намѣренъ, если эти мысли будутъ приняты императорскимъ правительствомъ, поддерживать эту программу на конгрессѣ, или, если послѣдній не состоится, желаетъ, чтобы тройственное соглашеніе (Россіи, Германіи и Австро-Венгріи) выработано было на этомъ основаніи. Если согласіе состоится, то графъ Андраши намѣревается воздѣйствовать на Англію ²⁾ съ цѣлью помѣшать ей возбуждать затрудненія къ общему замп-ренію.

«Графъ Игнатъевъ предупредилъ графа Андраши, что такъ какъ его предложенія касательно Черногоріи и Болгаріи совершенно различествуютъ со всѣми ожиданіями императорскаго кабинета и отчасти даже съ условіями предшествовавшаго соглашенія между Россіею и Австро-Венгріею, то онъ не считаетъ себя въ правѣ вступать въ какіе-либо переговоры на этихъ новыхъ основаніяхъ и ограничится донесеніемъ его величеству для того, чтобы могли быть немедленно преподаны особыя инструкции послу его императорскаго величества въ Вѣнѣ».

Копія съ записки этой была оставлена мною въ Вѣнѣ, а подлинная представлена государю императору и канцлеру.

Лично я считалъ невозможнымъ принять подобную программу за основаніе нашихъ переговоровъ съ Австро-Венгріею, которая приобрѣтала бы такимъ образомъ безъ выстрѣла и безъ усилія всѣ выгоды политическія, военныя и экономическія, могущія сдѣлаться ея достояніемъ лишь послѣ побѣдоносной войны не только съ Турціею и съ нашими единовѣрцами, но и съ нами. Графъ Андраши хотѣлъ присвоить Австро-Венгріи всѣ выгоды кровопролитной войны, которую вела Россія, принесшая столько безкорыстныхъ жертвъ, лишить насъ въ будущемъ вліянія между славянами и помѣшать самостоятельному развитію не только Сербіи и Болгаріи, но и Черногоріи, подчинивъ исключительному преобладанію Венгріи все сербское племя и обративъ сіе послѣднее, подобно Кроаціи, въ вассальное владѣніе короны св. Стефана. Вся душа моя возмущалась при мысли своими собственными ру-

¹⁾ Т.-е. въ нашемъ смыслѣ Европейской Турціи, а не сочиненной въ Берлинѣ Румелии, не отвѣчающей прежнему географическому наименованію. Авт.

²⁾ Россіи графъ Андраши старался выказать свое вліяніе на Англію, а предъ Англіею выставялъ свое могущество въ Россіи и возможность привести насъ къ уступкамъ, угоднымъ Великобританіи. Насъ хотѣли принудить согласиться на измѣненіе границъ Болгаріи, чтобы Австро-Венгрія и Англія, подъ предлогомъ, что онѣ защищаютъ интересы Турціи, могли получить отъ ней подачки въ свою пользу и подчинить султана своимъ совѣтамъ. Авт.

ками разрушить всѣ пятнадцатилѣтніе ¹⁾ труды мои и моихъ со-трудниковъ, уничтожить всѣ надежды славянъ и укрѣпить господство вѣнскаго кабинета на Востокъ. Дѣйствительно, присоединить къ Австро-Венгріи (я не переставалъ предупреждать князя Горчакова съ 1875 года объ этомъ замыслѣ вѣнскаго кабинета) ²⁾ всю Боснію и въ особенности Герцеговину, столько разъ вступавшія въ борьбу за свою независимость и вѣровавшія въ покровительство Россіи, казалось мнѣ не только тяжкимъ преступленіемъ въ отношеніи къ населенію и вообще славянскому міру, но и постыднымъ для Россіи.

По мнѣнію графа Андраши, мы въ войнѣ нашей съ Турціею достигли слишкомъ большихъ результатовъ, или не додѣлали предпринятаго. Надо было уничтожить Турецкую имперію, создавъ не только Болгарію, но и Албанію, присоединить Эпиръ и Фессалію къ Греціи и обратить Константинополь въ свободный городъ. Но если мы остановились предъ окончательнымъ рѣшеніемъ восточнаго вопроса, то ему казалось необходимымъ при ограниченной программѣ нашей уменьшить соотвѣтственно Болгарію, доставивъ ей на югъ естественную границу—Балканскій хребетъ. Очевидно было, что графъ Андраши всего болѣе опасался образования самостоятельнаго славянскаго государства въ сосѣдствѣ Венгріи и для нея опаснаго. Мнѣніе свое объ освобожденіи христіанскаго населенія на Балканскомъ полуостровѣ онъ ставилъ въ зависимость отъ занятія австро-венграми Босніи и Герцеговины и даже части Старой Сербіи, зная, что, по заключенной съ Россіей конвенціи, онъ могъ надѣяться на обладаніе Босніею лишь въ случаѣ изгнанія султана изъ Европы, распадація Турціи и занятія нами Константинополя.

Самостоятельное существованіе не только Сербіи, но и Черногоріи дѣлалось невозможнымъ при допущеніи требованій графа Андраши. Мы, такимъ образомъ, добровольно должны были не только отречься отъ своихъ естественныхъ союзниковъ въ будущей борьбѣ съ Турціею или Австро-Венгріею, но усилить непомерно значеніе послѣдней на Балканскомъ полуостровѣ и лишить Россію прежняго обаянія, предоставивъ своихъ единовѣрцевъ игу «швабовъ», болѣе тягчайшему нравственно и политически, нежели турецкое, отъ котораго имъ всегда легче было бы избавиться, нежели отъ перваго ³⁾.

¹⁾ Съ 1861 по 1864 гг. директоромъ азіатскаго департамента, а съ 1864 года по 1877 годъ посланникомъ и посломъ въ Константинополь. Авт.

²⁾ Онъ меня постоянно успокаивалъ увѣреніемъ, что не всю Боснію и Герцеговину отдадутъ, а лишь турецкую Кроацію, на что и я, въ концѣ концовъ, соглашался какъ на цѣну содѣйствія Австро-Венгріи къ освобожденію Болгарію и увеличенію Черногоріи и Сербіи. Авт.

³⁾ Въ предыдущихъ примѣчаніяхъ мы неоднократно указывали одинъ весьма цѣнный элементъ, которымъ отличалась дѣятельность графа Игнатьева: онъ угады-

Судя о дѣйствіяхъ нашихъ въ Болгаріи по свойственнымъ Австро-Венгріи приемамъ, графъ Андраши отзывался о Болгаріи, какъ о русской провинціи. Для возстановленія истины я вынужденъ былъ войти въ нѣкоторыя объясненія, чтобы доказать, что всѣ усилія наши клонились, напротивъ, къ образованію самостоятельности Болгаріи, къ развитію въ ней народнаго самосознанія.

При введеніи гражданскаго управленія въ Болгаріи главною заботою русской власти было установить общественную безопасность и, ничего не ломая, подготовить почву для будущаго самостоятельнаго государственнаго устройства. Сохраняя мѣстныя учрежденія и территориальныя дѣленія на санджаки (губерніи), казы (округи)

валь народную психологію и чувствовалъ въ духѣ русскаго народа. Онъ не только сознавалъ, что было бы преступно отдавать Австріи на съѣденіе нашихъ славянскихъ середичей и единовѣрцевъ; но, кромѣ того, онъ ясно формулировалъ такую истину, которой, несомнѣнно, съ удивленіемъ и недоумѣніемъ узнала бы большая часть интеллигентнаго русскаго общества его времени, именно: иго культурныхъ «швабовъ» грозило тягчайшею опасностью для самобытнаго развитія славянскихъ народовъ, нежели турецкое иго. Эта истина могла казаться парадоксомъ въ 1878 году; она вошла въ неоспоримое сознаніе всего русскаго общества въ 1914—15 годахъ, какъ плодъ страшныхъ, но поучительныхъ позднѣйшихъ событій. Однако любопытно, что народныя массы православнаго Востока уже издавна сознавали эту истину, которая затемнилась только въ новѣйшее время, въ высшихъ культурныхъ слояхъ, утратившихъ свѣжесть общенароднаго сознанія. Вотъ что говорятъ намъ на этотъ счетъ любопытныя историческія свидѣтельства XVII вѣка. Русскій резидентъ въ Польшѣ Тяпкинъ писалъ московскому правительству въ 1677 году, что «волохи, молдаване и сербы и всѣ христіанскія земли въ Турціи хотятъ поддаться подъ высокую руку царскаго величества» и что великое гоненіе происходитъ (въ Польшѣ) по наущенію католическаго духовенства на православныя церкви и что «лютеранскихъ и кальвинскихъ костеловъ не смѣютъ такъ разорять, какъ разоряютъ и пустошатъ восточныя церкви...» А замысли «католическихъ государей» Тяпкинъ опредѣлялъ такъ: «Побѣдивши Москву, они пойдутъ на Турцію, не соединяясь съ православнымъ государствомъ, чтобы народы греческаго православія обратить къ римской церкви». (Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XIII, стр. 265—267). Далѣе, въ 1688 году пріѣзжалъ въ Москву афонскій монахъ и принесъ грамоту отъ извѣстнаго сербскаго патріарха Арсенія (Црноевича), въ которой патріархъ умолялъ царей напасть на Турцію, «чтобы не отдать православныхъ изъ бусурманской неволи въ неволю худшую. Церковь православно-греческую ненавидятъ папезники: которые города въ Венгріи и Моревѣ царскія и венеціанскія войска побрали у турокъ (ибо тогда шла упорная война Австріи и Венеціи противъ Турціи), повсюду въ нихъ папезники начали обращать православныя церкви къ униі, другія превращать въ костелы. Если римлянамъ посчастливится впередъ, достанутъ подъ свою власть православно-христіанскія земли, если возьмутъ самый Царьградъ, то православныя христіане въ большую погибель придутъ и вѣра православная исковеркнется. Всѣ православныя христіане ожидаютъ государскихъ войскъ съ радостью, да и турки, которые между ними живутъ, лучше поддадутся великимъ государямъ, чѣмъ нѣмцамъ, потому что всѣ они рождены отъ сербовъ, болгаръ и другихъ православныхъ народовъ». (Соловьевъ, т. XIV, стр. 53).

Двѣсти лѣтъ послѣ Арсенія Црноевича и Петра Великаго внѣшній лоскъ международныхъ отношеній на Ближнемъ Востокѣ измѣнился, но суть осталась та же. Эту суть Н. П. Игнатьевъ понималъ такъ же ясно, какъ государственные дѣятели православнаго Востока въ XVII столѣтіи. Но «Петербургъ» конца XIX столѣтія не хотѣлъ понимать эту правду. Вотъ гдѣ корень нашихъ бѣдъ!

А. Б.

и гахіэ (волости), старались пресѣчь существовавшія злоупотребленія и ввести тѣ измѣненія, которыя были признаны необходимыми представителями державъ на константинопольской конференціи. Въ селеніяхъ возобновлены совѣты старшинъ, а въ городахъ и округахъ управительные совѣты, которымъ предоставлено широкое право управленія всѣми хозяйственными дѣлами и наблюденіе за распредѣленіемъ и сборомъ налоговъ, согласно II статьѣ органическаго устава, выработаннаго конференціею. Очевидно, что большинство предоставлено господствующему болгарско-православному населенію, но интересы всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій тщательно ограждены.

Прекративъ откупъ десятины, согласно рѣшенію конференціи, русскія власти старались упорядочить и облегчить сборъ оной, предполагая замѣнить этотъ налогъ въ теченіе 1878 года поземельною податью.

Военная денежная повинность (бебели-аскиріэ) прекращена вслѣдствіе призыва всего населенія къ службѣ въ мѣстномъ ополченіи (милиціи), равномѣрно предвидѣнномъ конференціею. Возобновленіемъ прежнихъ судебныхъ уставовъ, съ предоставленіемъ въ нихъ христіанскому элементу подобающаго вліянія, дарованъ населенію скорый и близкій судъ, руководствующійся при рѣшеніяхъ дѣлъ или существующими въ краѣ законами, или обычнымъ правомъ, за отсутствіемъ письменнаго. Во главѣ административнаго управленія поставлены, на первое время, въ губерніяхъ (санджакахъ) русскіе губернаторы и начальники округовъ (каймакамы), при которыхъ находятся вице-губернаторами и совѣтниками туземцы; въ распоряженіи ихъ состоитъ вольнонаемная, изъ мѣстныхъ жителей, полицейская стража, по расчету четырехъ стражаровъ на тысячу душъ. Когда спокойствіе въ краѣ будетъ вполне обезпечено, предполагается собрать выборныхъ въ составѣ духовенства, предсѣдателей административныхъ и судебныхъ совѣтовъ и мѣстныхъ лицъ вліятельныхъ и выдающихся среди населенія, чтобы выработать избирательный законъ, основанный на началахъ, положенныхъ въ IV статьѣ органическаго устава конференціи. По изданіи избирательнаго закона, будутъ собраны представители всего княжества, они составятъ народное собраніе, которому будутъ подлежать разработка государственнаго устройства княжества, установленіе постоянныхъ учреждений и выборъ князя.

Высшій административный совѣтъ, въ которомъ значительное мѣсто предоставлено болгарамъ, будетъ состоять при императорскомъ комиссарѣ для рѣшенія текущихъ дѣлъ. Языкъ, употребляемый въ администраціи и судѣ,—болгарскій, и всѣ усилія русскаго управленія клонятся къ подготовленію наибольшаго числа чиновниковъ изъ туземцевъ и пріученію ихъ къ ходу дѣлъ до такой степени, чтобы съ уходомъ русскихъ властей не было замѣшательства въ присут-

ственныхъ мѣстахъ. На этихъ основаніяхъ введено управленіе въ восьми санджакахъ: Систово, Тырново, Тульча, Рушукъ, Виддинъ, Софія и Филиппополь. Не преслѣдуя исключительно русскихъ интересовъ, императорское правительство имѣло въ виду лишь положить какъ можно скорѣе и прочнѣе основаніе самоуправленію Болгаріи въ духѣ предполагавшагося константинопольскою конференціею.

Постоянныя сношенія мои съ славянами, знакомство съ многими личностями и бесѣды съ выдающимися лицами разныхъ отѣнковъ общественнаго мнѣнія въ Вѣнѣ, поглощавшія все время въ продолженіе третьяго пребыванія моего въ этомъ городѣ ¹⁾, убѣдили меня въ шатаніи мыслей и различіи политическихъ воззрѣній въ вліятельныхъ сферахъ и въ особенности въ населеніи. Каждая народность, каждое племя разношерстной имперіи ведетъ свою политику и расположены дѣйствовать центробѣжно. Превжній духъ въ австрійской арміи, хотя и не обезпечивавшій ей побѣду, но сплотивавшій разрозненныя народности въ одно цѣлое—имперское—ослабѣлъ подѣ вліяніемъ мѣстныхъ особенностей народныхъ вооруженныхъ массъ. Ко мнѣ приходили тайкомъ военные, даже генералы изъ славянскихъ уроженцевъ, для выраженія своего сочувствія и отвращенія къ непріязненной Россіи венгерской политикѣ правительства. Выдающіяся общественныя личности, какъ графъ Гаррахъ, Траутмансдорфъ, Ревертера, князь и княгиня Меттернихъ и другіе, искали случая со мною свидѣться и открыто высказывали мнѣ желаніе соглашенія съ Россіею и недовольство, что сплоченная венгерская партія ведетъ Австро-Венгрію къ столкновенію съ Россіею по поводу чуждыхъ первой венгерскихъ вождѣлнй и ненависти, раздуваемыхъ изъ Берлина съ своекорыстными цѣлями рассорить Австрію съ Россіею. Наконецъ, другъ юности, постоянный наперсникъ и министръ двора Франца-Иосифа князь Гогенлоэ далъ мнѣ знать чрезъ третье лицо, что желалъ бы со мною видѣться и непосредственно переговорить. Онъ мнѣ подтвердилъ въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ твердое намѣреніе Франца-Иосифа оставаться въ сердечномъ согласіи съ императоромъ Александромъ II, не поддаваться венгерскимъ увлеченіямъ и избѣгнуть столкновенія съ Россіею. Князь Гогенлоэ далъ понять, что если мы не можемъ прійти къ желаемому соглашенію съ графомъ Андраши, то надо это заявить положительно императору, который, вѣроятно, найдетъ возможнымъ замѣнить его другимъ лицомъ, болѣе сговорчивымъ и болѣе убѣжденнымъ въ томъ, что Австріи ссориться, а тѣмъ болѣе драться съ Россіею не приходится изъ-за различія во взглядахъ на вос-

¹⁾ Я официально былъ въ Вѣнѣ трижды: послѣ конференціи 1876 года, въ февралѣ и мартѣ 1877 года и въ мартѣ 1878 года. Авт.

точные дѣла, не касающихся существенныхъ интересовъ монархіи.

Если бы канцлеръ разрѣшилъ мнѣ дѣйствовать по усмотрѣнію и, согласно моему предложенію, испросивъ аудіенцію у императора, категорически заявить ему, что вызывающее нахальство Андраши, его легкомысліе въ обращеніи съ интересами, затрогивающими насъ за живое, измѣнчивость его воззрѣній и опрометчивость, съ которою онъ поступилъ въ отношеніи къ прежнимъ нашимъ соглашениямъ и сообщеніямъ (забытая имъ карта Европейской Турціи), лишаютъ насъ всякой возможности довѣрять ему наши дѣйствительныя мысли и войти съ нимъ въ близкое, желаемое нами и императоромъ Францемъ-Иосифомъ соглашеніе, то я убѣжденъ, что самовольству графа Андраши былъ бы положенъ конецъ, и графу Потоцкому или генералу Молинару переданъ былъ бы портфель министра иностранныхъ дѣлъ, съ обязательствомъ покончить дружелюбно происшедшія, по милости графа Андраши, недоразумѣнія. «Посланный не есть болѣе пославшаго его», и разъ что мнѣ не дано было высочайшаго разрѣшенія такъ дѣйствовать, мнѣ оставалось одно—заставить графа Андраши высказать свою неясную доселѣ (для нашего министерства иностранныхъ дѣлъ), окровенную мысль и разсѣять опасное для Россіи недоумѣніе, тѣмъ болѣе, что нашъ посоль въ Вѣнѣ Е. П. Новиковъ былъ совершенно противоположныхъ воззрѣній, вѣрилъ графу Андраши и дорожилъ его личностью не менѣе князя Горчакова и барона Жюмини. Задача, выпавшая мнѣ на долю, была исполнена, и я вынесъ убѣжденіе изъ Вѣны, что если мы не рѣшимся прямо и энергически дѣйствовать въ Вѣнѣ, сообразно тому, какъ честь, достоинство и интересы Россіи требовали, то намъ слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, какъ можно быстрѣе и полнѣе привести въ исполненіе Санъ-Стефанскій договоръ на мѣстѣ, занявъ западную и южную границы Болгаріи, при содѣйствіи или даже безъ присутствія турецкаго комиссара, овладѣть всѣми крѣпостями и ускорить вооруженіе болгарскаго народа и сформированіе болгарскаго войска. Затѣмъ очистить Турцію и, сосредоточивъ армію на австрійской границѣ, ожидать исхода принятаго, къ сожалѣнію, канцлеромъ конгресса, съ тѣмъ, чтобы на собраніи европейскихъ уполномоченныхъ предъявить конвенцію нашу съ Австро-Венгріею и поднять въ крайнемъ случаѣ греческій вопросъ, предложивъ присоединить всѣ острова Архипелага, Эпиръ и Тессалію къ Греческому королевству въ отвѣтъ на возраженія, представляемыя Англіею и Австріею противъ расширенія Болгаріи, подъ видомъ защиты интересовъ греческаго населенія.

При такомъ образѣ дѣйствій, достоинство и обаяніе наше на Востокѣ были бы ограждены, а положеніе наше въ Европѣ или улучшилось бы разъединеніемъ державъ, косившихся на наши

успѣхи, или повело бы къ немедленному разрыву съ Австро-Венгріею и Англіею, недостаточно подготовленными къ войнѣ и которыя, по моему личному убѣжденію, не замедлили бы предпочесть какую-либо сдѣлку, менѣе для насъ тягостную, перспективѣ общей европейской войны. Убѣжденіе это было высказано мною государю и канцлеру тотчасъ по возвращеніи моемъ въ С.-Петербургъ 22-го марта ¹⁾. Его величество, придя въ негодованіе отъ двуличности и нахальства графа Андраши, выразилъ мнѣ свою признательность, что «по крайней мѣрѣ и то хорошо, что вывелъ ихъ на чистую воду и все выяснилъ, чего мы такъ долго не могли добиться. Мы будемъ теперь знать, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. Спасибо за вѣрную и трудную службу» ²⁾. Въ военномъ министерствѣ стали готовиться не шутя къ столкновенію съ Австро-Венгріею, и князь Барятинскій, только и мечтавшій о войнѣ съ Австріею и видѣвшійся со мною въ Скерневицахъ ³⁾, былъ вызванъ въ Петербургъ. Но настроеніе это скоро перемѣнилось. Повидимому, князь Горчаковъ успѣлъ повліять на образъ мыслей государя, на его впечатлѣнія и намѣренія. Съ этой минуты я лишь однажды имѣлъ случай видѣть часть дипломатической переписки, а именно одну депешу Убри изъ Берлина и донесенія Нелидова изъ Константинополя. Послѣднему я сообщилъ впечатлѣніе, вынесенное мною изъ Вѣны, и соизванную мною болѣе, нежели когда-либо, необходимость не медлить настаивать на полномъ приведеніи въ исполненіе Санъ-Стефанскаго договора, чтобы затруднить австрійскія и англійскія интриги на Балканскомъ полуостровѣ противъ насъ и взять Порту въ руки, пока еще войска наши не ушли изъ-подъ стѣнъ Константинополя.

Возвращаясь изъ Вѣны, я, желая сообщить главнокомандующему о тревожившемъ его состояніи нашихъ отношеній къ Австро-Венгріи, телеграфировалъ изъ Варшавы (чтобы оградить телеграмму отъ случайностей передачи по австро-венгерскимъ линіямъ) 20-го марта: «Исполнилъ порученіе, данное мнѣ доставленіемъ объясненій австро-венгерскому правительству. Положеніе натянутое. Императоръ желаетъ соглашенія съ нами болѣе, чѣмъ Андраши, который способенъ увлечься Англіею, если она намъ объявитъ войну. Императоръ далъ мнѣ честное слово, что еще не прибѣгалъ къ военнымъ приготовленіямъ. Андраши требуетъ уменьшенія Черногоріи, лишая ее Лима и побережья, которое хочетъ взять себѣ.

¹⁾ Вернулся я 21-го вечеромъ, представившись тотчасъ государю, имѣлъ вечерній докладъ у канцлера, а затѣмъ на другой день у государя аудіенцію, довольно продолжительную.

Авт.

²⁾ Слова эти были мною тотчасъ записаны.

Авт.

³⁾ Князь Барятинскій, снесшись со мною по телеграфу, выѣхалъ на станцію Скерневицы, ко времени моего пріѣзда изъ Вѣны, чтобы узнать отъ меня о положеніи дѣлъ въ Австро-Венгріи.

Авт.

Болгарію требуетъ уменьшить, оставивъ къ Константинополю граничную черту конференціи и выдѣливъ изъ княжества мѣстность, лежащую къ западу отъ черты, проведенной отъ Орфанскаго залива къ Враньѣ. Занятіе Болгаріи желаетъ сократить до шести мѣсяцевъ и численностью не болѣе 20,000 человекъ. Румынію добивается скорѣе очистить. Желательно мнѣ знать, въ какихъ мѣстностяхъ водворено уже Хитрово новое правленіе».

Мнѣ казалось, что натянутость отношеній съ Австро-Венгрією и неожиданность ея притязаній должны были побудить главнокомандующаго къ болѣе энергическому дѣйствию на турокъ для созданія «совершившихся фактовъ» прежде, нежели разразятся европейскія усложненія; но на дѣлѣ оказалось противное. Бездѣйствіе и политиканство главной квартиры усилилось, и она вознегодовала не на противниковъ Россіи, а на тѣхъ, бдительная энергія которыхъ грозила нарушить безопасное спокойствіе, преобладавшее въ Санъ-Стефано. Телеграфируя изъ Варшавы, я не воображалъ себѣ, чтобы главнокомандующій заблагоразсудилъ отмѣнить сдѣланное въ февралѣ распоряженіе о командировкѣ Хитрово въ Македонію для введенія новаго управленія одновременно съ занятіемъ этой мѣстности войсками подъ начальствомъ Скобелева.

Переписки съ Вѣною мнѣ не показывали, какъ того требовали бы интересы Россіи и желаніе провѣрить внушенія, дѣлаемые графомъ Андраши Новикову. При моемъ отвращеніи ко всему, что имѣетъ видъ личной интриги или искательства, я твердо рѣшился ни во что не вмѣшиваться, пока не призовутъ меня, не спросятъ мнѣнія или что-либо мнѣ не поручатъ.

По приѣздѣ моемъ въ Вѣну до такой степени были всѣ тамъ убѣждены въ неминувости войны съ Россією, что англійскіе корреспонденты громко объ этомъ говорили, какъ о несомнѣнномъ фактѣ, а румынскій агентъ позволилъ себѣ выразиться при мнѣ, что Румынія вынуждена будетъ примкнуть къ коалиціи и защищать Бессарабію.

Я вынужденъ былъ предупредить о томъ канцлера телеграммою отъ 18-го марта въ которой я выразился слѣдующимъ образомъ: «Послѣ отставки лорда Дерби здѣсь считаютъ, что намъ угрожаетъ война. Англичане подстрекаютъ румынъ, сербовъ, грековъ и всю мѣстную прессу противъ Россіи. Положеніе серьезное».

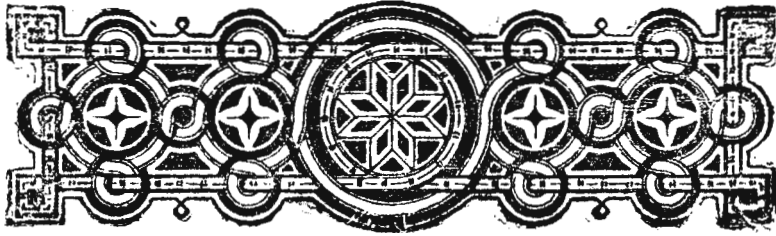
Расположеніе австро-венгерскаго правительства я характеризовалъ въ слѣдующей телеграммѣ, адресованной канцлеру: «Императоръ, желающій соглашенія съ нами болѣе, нежели графъ Андраши, выставляетъ, однакоже, общность интересовъ на Востокѣ между Австро-Венгрією и Англією. До сихъ поръ, какъ кажется, соглашенія для совокупнаго дѣйствія не существуетъ еще между ними. Для утвержденія своего внутренняго положенія графъ Андраши гоняется за дипломатическимъ успѣхомъ. Желаютъ кон-

гресса, какъ средства пріобрѣсти Боснію, удовлетворить Грецію и отвлечь ее отъ Россіи, уменьшить Болгарію какъ съ западной стороны, такъ и къ Константинополю. Протестуютъ противъ размѣра Болгаріи и продолжительности пребыванія нашихъ войскъ въ этой странѣ. Императоръ объявилъ мнѣ, что доволенъ разрѣшеніемъ вопроса о Дунаѣ и Сербіи. Признаютъ наше право на возвращеніе Бессарабіи, но желали бы избѣгнуть непосредственнаго соглашенія по сему предмету между нами и Румыніею. Хотятъ, повидимому, присоединить Боснію и Герцеговину. Перетолковывая рейхштадтское соглашеніе и конвенцію съ нами, стремятся измѣнить границы Черногоріи, образовать Албанское княжество и благопріятствуютъ грекамъ въ ущербъ славянамъ».

Гр. Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРИ КОМЕДІАЛЬНІЙ ХРАМИНІ¹⁾.

(Первое нѣмецкое засилье).

XIV.

АКЪ ТОЛЬКО начинало темнѣть,—а зимою темнѣло рано,—на всѣхъ улицахъ и перекресткахъ, ведущихъ къ Кремлю, ставились рогатки, и съ проѣзжихъ и прохожихъ брались деньги за то, что они шляются по вечерамъ. Этотъ поборъ настолько отразился на сборахъ, что посольскій приказъ именно ему приписывалъ крупные убытки, зловѣщими цифрами стоявшие въ отчетахъ о расходахъ по театру. Царь, по представленіи соображеній, велѣлъ въ дни театрума рогатокъ не ставить, но и это мало способствовало оживленію «иноземной потѣхи».

Еще въ самомъ началѣ, когда по царскому указу опредѣлено было возводить комедіальную храмину,—старые дѣяки приказа возмутились.

— Въ Кремлѣ строить потѣшной храмини не подобаетъ!—говорили они.—Тамъ храмы стоятъ, тамъ святители почиваютъ, тамъ царевы усыпальницы. Какъ же возможно, чтобъ шутовская комидія по близости ихъ, въ одномъ съ ними окруженіи стѣны была?

— По приказу его царскаго величества!—неумолимо отвѣчалъ имъ Головинъ, что былъ главной пружиной всей тогдашней администраціи.

¹⁾ Продолженіе См. «Истор. Вѣстн.», т. СХLIII, стр. 59.

— Насорятъ, напакостятъ! — возражали дьяки. — А ежели, храни Богъ, пожаръ случится? Мало въ прежнее время отъ огня Москва страдала? Такія храмины сооружать невозможно: это костры складывать! Въ пороховые склады со свѣчкой ходить.

Настояли они на одномъ, чтобъ мѣсто для храмины было назначено не въ самомъ Кремлѣ, а на Красной площади, возлѣ «Триумфальныхъ избъ». Когда на это дано было имъ согласіе, они опять подняли говоръ:

— И почему театрумъ долженъ быть причисленъ къ посольскому приказу? Его ли это дѣло?

— А чье же тогда?

— Оружейной палаты. Все оборудованье и храненіе имущества дворцоваго ей принадлежитъ.

Головинъ очень сердился на нихъ.

— А ужъ вы такъ гораздо утѣснены дѣлами! — говорилъ онъ. — Скучно вамъ стало! Въ Питербурхѣ дѣло суетнѣе и безпокойнѣе, а всѣ работаютъ безсучно.

Волей-неволей пришлось строить «анбаръ», какъ они называли деревянное зданіе театрума. Вышло оно длинное, безобразное, лишенное всякаго вида. Смотрѣли за постройкой нѣмцы, что были выписаны изъ-за моря, а сами не знали ни строительнаго дѣла, ни русскаго языка. Плотники на зло имъ прикидывались, что ничего не понимали, а подрядчикъ похлопывалъ себя ладонями по развѣвшемуся пузу и только говорилъ:

— Ништо себѣ!

Къ «анбару» былъ пристроенъ «чуланчикъ», въ которомъ продавали билеты на толстомъ картонѣ. По карнизамъ тянулись шкалики съ восковыми свѣтильнями, съ масломъ и скипидаромъ, и когда дѣлалось совѣмъ темно, — зажигались. Въ самыхъ стѣнахъ были прорѣзаны большія отверстія, въ которыя могло бы за разъ пролѣзть двое. Дѣлалось это на случай пожара. Изнутри отверстія эти закрывались плотно ставнями и затягивались болтами. Въ углахъ стояло два ушата съ водой. Но изъ ушатовъ этихъ зрители больше пили воду, — такъ какъ никакихъ буфетовъ въ ту пору не было, а послѣ соленыхъ, сытныхъ обѣдовъ пить, при жарѣ и отсутствіи вентиляціи, зѣло хотѣлось.

Въ обычное время при входѣ рѣдко когда появлялся для порядка городской стражъ. Но нынче оповѣщены были чины мѣстной полиціи о томъ, что придутъ на представленіе важные господа, а потому явился на мѣсто самъ Тарасъ Тарасовичъ.

— То есть чистоты въ московскомъ народѣ никакой! — въ сотый разъ повторялъ онъ, приказывая отгрести подальше всякій мусоръ. — И чего валять? И откуда эти мочалки и веревки? Ровно обозъ какой пришелъ.

Онъ распорядился даже поставить два ларя у входа. На одномъ,

при свѣтѣ фонаря, въ которомъ горѣлъ сальный огарокъ, торгашъ съ лоспящимся отъ жира лицомъ продавалъ подсолнухи, рожки и пряники. Тутъ же у него стоялъ боченокъ съ квасомъ и оловянные кружки, куда нацѣживалъ онъ желающимъ студеной кислятины. Противъ этого ларька на другомъ баба торговала сбитнемъ и баранками, на которые жадно смотрѣли мальчишки, стаями толкавшіеся у входа. Извозчики въ расписныхъ саняхъ съ расписными дугами стояли подальше и кормили лошадей у колоды. Сюда же подъѣзжали и свои саппи, и ожидались колымаги тѣхъ важныхъ зрителей, что, какъ необычная диковинка, должны быть сегодня здѣсь.

Деревянный настилъ мостовой убѣгалъ далеко-далеко, и по немъ тяжело громыхали колеса повозокъ и визжали полозья, кто ѣхалъ «аньми». Два зеленыхъ помощника Тараса Тарасовича, вытянувшись, стояли по бокамъ дверей. Артикуль, введенный во всей арміи, уже коснулся ихъ,—и ихъ лица успѣли получить отпечатокъ каменныхъ и огнеупорныхъ. На нихъ выказывалась такая ревность къ службѣ, какой прежде не было. Изъ-подъ красныхъ обшлаговъ мундировъ высовывались розовые кулаки, опаленные недавними морозами. Треугольныя шляпы были плохо пригнаны: одному головной уборъ былъ великъ и налѣзалъ на самыя уши; у другого онъ былъ малъ и сидѣлъ на маковкѣ.

— Какъ только подъѣдутъ,—сейчасъ дверцы отворяй!—поучаль ихъ въ десятый разъ Тарасъ.—Подъ локотокъ вѣжливенько высаживай. А ты, Никита, смотри, чтобъ не учищена была какая неприятность: чтобъ народъ не толкался, чтобъ проходъ былъ слободный, чтобъ пьяные пѣсенъ не орали возлѣ. Поняль?

— Поняль, Тарасъ Тарасовичъ,—громко вопилъ низкій и все держалъ руки по бедрамъ.

— А сборъ сегодня у васъ великъ?—спрашивалъ Тарасъ Тарасовичъ у отверстия въ чуланѣ, гдѣ только что покупалъ билеты какой-то молодецъ въ чуйкѣ съ серьгой въ правомъ ухѣ,—для себя и для дѣвушки въ малиновомъ платочкѣ съ толстыми губами.

— Сборъ сегодня чудесный,—пѣвуче говорилъ мозглявый рябой паренъ, перебиравшій въ ящикѣ мѣдяки грязными закорузлыми пальцами.—Теперь сбору—двѣнадцать рублей. Не иначе, какъ до тринадцати дойдетъ. За всю зиму такого не было!

Отдаленный грохотъ по мосткамъ предупредилъ, что ѣдутъ колымаги. Впереди трясся на сѣрой лошади мальчикъ, тянувшій за поводъ сосѣдняго съ нимъ выносного битюга. На козлахъ сидѣлъ широкій чернобородый мужичина, и раскачивался въ обѣ стороны, не то отъ вина, не то отъ безпрестанныхъ толчковъ экипажа, и ревелъ все время, безо всякой нужды:

— Па-ади! Смо-отри!

Тарасъ Тарасовичъ еще разъ погрозилъ помощникамъ и самъ пошелъ ко входу въ театръ. Народъ, толпившійся у дверей, разогнали. И подъѣхалъ къ крыльцу сперва сѣрый четверикъ, а потомъ рыжій—въ колымагѣ англицкаго образца.

XV.

Въ комедіальной хранинѣ горѣло три большихъ площадки. Впереди крытыхъ краснымъ сукномъ скамей была устроена ложа. Тамъ стояли удобныя мягкія кресла, принесенныя изъ дома посольскаго приказа. Самъ директоръ заболѣлъ со страха и, сказавшись больнымъ, въ театрумъ не пріѣхалъ. Вмѣсто себя поставилъ онъ «театральнаго зрителя» Фроценка, котораго по штату не полагалось, но котораго онъ нанялъ на свои деньги, потому что Фроценко могъ говорить и по-русски и по-нѣмецки, чему выучился Богъ его вѣдаетъ какъ, и потому могъ изъясняться и съ комедіантами и съ начальствомъ.

Фроценко, человѣкъ длинный, губастый, съ тонкой шеей, встрѣтилъ гостей съ глубокими поклонами и доложилъ Арчакову:

— Васъ ждали, не начинали.

Арчаковъ мотнулъ головой: дескать, такъ и надо. Впередъ прошла Лизавета Максимовна и подъѣхавшая вслѣдъ за ними миссисъ Бриджъ.

Народу, по случаю послѣднихъ дней масленицы, было въ самомъ дѣлѣ много. Слышалось чавканье жующихъ ртовъ, коканье яицъ; пахло лукомъ, капустой, кожей.

— О, здѣсь какъ будто нехорошій воздухъ?—спросила Бриджъ, приняюживаясь вокругъ.

— У насъ всегда такой воздухъ, особливо, когда много народа, вѣжливо промолвилъ Фроценко.

— Хотѣ бы укѣсомъ покурить на раскаленныхъ сковородкахъ?—предложила англичанка.

— Что жъ, можно,—отозвался Арчаковъ.—Покури!

— У насъ нѣтъ здѣсь ни укѣса, ни сковородокъ,—докладилъ Фроценко.

— На слѣдующій разъ, когда пріѣдемъ, чтобъ было!

— Слушаю-съ. А теперь позвольте начинать?

— Начинай. А отчего у тебя щека подвязана?

— Да намедни курильщика выводилъ изъ театра. Запалилъ трубку—я его просилъ объ уходѣ. И вотъ...

Служителя въ красныхъ кафтанахъ вошли и унесли площадки. Стало совсѣмъ темно, какъ въ погребѣ.

— О, это зачѣмъ же?—спросила Бриджъ.

— Со сцены онѣ принесены были, а теперь туда ихъ унесли,—пояснилъ Фроценко.

— Боже мой, какъ темно! А здѣсь не воруютъ?

— Воруютъ, сударыня, — но васъ не тронуть, такъ какъ я буду стоять сзади.

— Благодарю васъ, это очень предусмотрительно, — сказала она.

— А на крыльцѣ стоитъ Тарасъ Тарасычъ, — продолжалъ онъ. — Жулики его боятся и, когда онъ тутъ, никогда не крадутъ.

— Что жъ долго такъ будетъ продолжаться? — спросила она.

Фрошенко подошелъ къ занавѣсу и прошипѣлъ:

— Да начинайте, черти!

— А сегодняшняя комедія какъ называется? — спросила у него англичанка.

— «Фридерико фонъ-Поплей и Алоизія супруга его», — отвѣтилъ онъ и такъ наклонился къ миссисъ, что она услышала, какъ отъ него пахнетъ пивомъ.

Она хотѣла какъ будто еще что-то сказать ему, но въ это время матерчатый занавѣсъ заколыхался и поползъ вверхъ, образуя собою буфы. Открылась сцена, изображавшая какія-то странныя колонны, которыя часто, какъ спаржа или макароны, прилѣплены другъ къ другу, обступали съ трехъ сторонъ комнату. По срединѣ, на кровати съ картонными стѣнками съ густо намазанными золочеными завитушками, дѣлала видъ, что почиваетъ, нѣкоторая женщина. Передъ ней стоялъ мужчина въ синемъ камзолѣ, расшитомъ позументами, и въ красныхъ чулкахъ и со связанными руками.

— А это кто такіе? — спросила миссисъ.

— Это арцугиня спитъ, — отвѣтилъ Фрошенко: — а надъ ней — маркизовъ духъ.

Музыка замолкла. Духъ маркизовъ вздрогнулъ, возвелъ очи къ потолку и прорекъ:

— Попущеніе! Ахъ, куда азъ вознесенъ буду!

Наступила пауза. Духъ опять затрясся и сдѣлалъ два шага къ авансценѣ.

— Хочетъ твое свирѣпство мя принудить, — заговорилъ онъ, — что ты, которая мя небомъ сотворила, я имѣю ко адской невѣрности привести. Нѣтъ! Нѣтъ! не удастся тебѣ! Попущеніе!.. Ахъ, куда азъ несенъ буду!

Музыка опять заиграла — что-то похоронное, тоскливое, грустное. Духъ маркизовъ запѣлъ. Голосъ у актера былъ маленькій, скверный, но публикѣ понравился, потому что откуда-то изъ глубины «анбара» послышалось одобреніе:

— Ловко!

Но только что слушатели вошли во вкусъ, — занавѣсъ опустился, и всѣ снова остались въ темнотѣ.

— Это прологъ, — пояснилъ Фрошенко.

— Очень темно:—замѣтилъ и Арчаковъ, повторяя то, что шептала ему жена.—Надлежитъ одну лампаду оставлять.

— Можно одну лампаду оставлять, — это можно, — согласился Фрощенко.

— И пролога этого можно совѣмъ не играть, — продолжалъ Арчаковъ.—За коимъ онъ чортомъ? Ни тебѣ удовольствія, ни пользы!

— Можно и его похѣрить!

Занавѣсъ опять поднялся. Комната была та же, но постели не было. Духъ маркизовъ исчезъ. Арцугиня стояла передъ мужемъ, а арцугъ, котораго изображалъ Попелюгинъ, въ синемъ камзолѣ и серебряномъ шитьѣ, въ зеленыхъ чулкахъ и черной шляпѣ, сладостно смотрѣлъ на нее и говорилъ:

— Удовольствованія полное время! Когда мы веселостью весны безъ препятія и овнощю любви безъ зазрѣнія пользоваться можемъ. Пр йди, любовь моя!

Арцугиня Алоизія заговорила. У Алоизіи голосъ былъ хриплый: видно, что пида она наканунѣ чрезмѣрно, — но тогда была не въ женскомъ платьѣ, а, какъ надлежитъ комедіанту, въ камзолѣ, кафтанѣ и штанахъ.

— Нѣтъ, сокровище мое, — басила она: — несмотря на нѣколикое колотіе терновое...

— Это переводъ? — спросила англичанка.

— Съ итальянскаго, — подтвердилъ Фрощенко.

— Наши подъячіе переводили? — поинтересовался Арчаковъ.

— Изъ посольскаго приказа.

— Тихе вы! — остановила ихъ Елизавета Максимовна. — Чего мѣшаете слушать.

Арчаковъ какъ-то подобралъ ноги подъ кресломъ, сталъ какъ будто еще меньше и тихо сказалъ:

— Да слушай, Господь съ тобой!

Но только что всѣ насторожились, какъ Поплей упалъ въ обморокъ, а Алоизія въ ужасѣ застонала.

— Какъ? Что вамъ приключилось, сокровище мое! Кликните спальниковъ и хлопцовъ: нѣтъ ли кого здѣсь?

И занавѣсъ опять судорожно опустился.

— Я ничего не понимаю! — заявила откровенно англичанка.

— Далѣе все будетъ выяснено, — нѣсколько обидясь, сказалъ Фрощенко.

— А ловко онъ хлобыснулся! — слышалось сзади.

— Зачѣмъ понимать? — понимать не надо, а надо чувствовать, — сказала Елизавета Максимовна.

— А вотъ есть у насъ въ Англии такія пьесы, которыя и чувствительны, и понятны, — стояла на своемъ англичанка: — хотя онѣ старыя — инымъ больше ста лѣтъ.

Занавѣсъ опять поднялся. Та кровать, на которой спала Алоизія,

«истор. вѣстн.», февраль 1916 г., т. с х с ш.

опять стояла на томъ же мѣстѣ. Кругомъ нея группировались придворные и Алоизія. На постели лежалъ Попелюгинъ и тихимъ голосомъ говорилъ:

— О, какъ мнѣ учинилось!

Въ числѣ придворныхъ былъ рыцарь Родериго. Онъ былъ влюбленъ въ прекрасную герцогиню и тяжело дышалъ. Когда герцогъ и герцогиня говорили о ревнивыхъ любовникахъ, причемъ они называли ихъ «ревнительными любителями», этотъ Родериго вдругъ неожиданно оборотился къ публикѣ и, показывая себѣ на грудь пальцемъ, сказалъ:

— Невозлюбленный любитель есть отчаянный!

И вдругъ помѣстившійся у самой передней кулисы, въ дурачкомъ колпакѣ, съ дурацкой рожей, шутъ Лентуло, которымъ вырядился Подерня, сдѣлалъ еще болѣе неожиданный выводъ:

— И всѣ такіе любители есть дураки!—запищаль онъ.

Веселый дружный хохотъ огласилъ комедіальную хоромину. Вѣдь до сихъ поръ слова «дуракъ» не можетъ переварить никакая публика безъ смѣха. И теперь—двѣсти лѣтъ спустя—зрители радуются «дураку», какъ старому хорошему знакомому. А тогда—при Петрѣ—какъ рады они ему были! Чѣмъ-то теплымъ, родственнымъ пахнуло отъ милого слова. А Лентуло, твердо памятуя о томъ, что нравится смотрящимъ, заканчивалъ тѣ три восклицанія, которые поочередно издавались арцугомъ, арцугиней и влюбленнымъ Родриго,—четвертымъ восклицаніемъ, полнымъ жестокаго сарказма.

— Вѣрность моя къ вамъ есть неотмѣнительная! — говорилъ герцогъ.

— Любовь моя есть къ вамъ вѣчная!—вторила ему супруга.

— Жаръ мой къ вамъ есть нестерпимый!—шипѣлъ Родриго.

А Лентуло строилъ рожи и къ общей радости восклицалъ:

— А ваша дурость есть неопишемая!

Герцогъ понемногу отходитъ отъ потрясенія, причиненнаго ему припадкомъ. Попелюгинъ слабо приподымается на локтѣ. Спускаетъ одну ногу съ постели, потомъ другую. Потомъ медленно приподнимается и стоитъ, какъ трость, колеблемая вѣтромъ.

Герцогиня бережно ведетъ его къ дверямъ, а онъ грустно цѣпляется нога за ногу и хватится рукой за сердце.

Занавѣсъ опять опустился.

— Да вели ты, чортъ, принести одну плошку,—закричалъ Арчаковъ.—И ноги затекаютъ,—вотъ паршивое гнѣздо!

Фрощенко бросился куда-то въ уголь, а Арчаковъ началъ чуть не ощупью прохаживаться между стойлами и скамьями.

— А при чемъ же вначалѣ былъ маркизь, связанный амуромъ?—не отставала англичанка.

-- Погодите, душенька, погодите!—усовѣщевала ее Елизавета Максимовна.—Я второй разъ смотрю эту комидію,—и она мнѣ

правится все больше, и такая хватка мнѣ за сердце дѣлается, что страсть. Маркизь этотъ сейчасъ появится. И вотъ вы увидите, какой интересный начнется промежь ихъ разговоръ. Вѣдь маркизь уязвленъ любовью къ герцогинѣ.

— Это я поняла. Это изъ пролога все ясно. Пьеса вообще написана для грудныхъ дѣтей.

— Ахъ, не говорите этого! Вотъ несуть плошку, и будетъ веселѣе.

XVI.

Принесли плошку, и стало, въ самомъ дѣлѣ, веселѣе. За служителемъ, что несъ ее, шествовалъ Фрощенко. Онъ спросилъ у Арчакова:

— Куда удостоите поставить?

— Подальше, чтобъ не очень въ носу щекотало отъ смрада.

Фрощенко велѣлъ поставить ее на желѣзный жертвенникъ, что для какой-то цѣли стоялъ сбоку, и освѣдомился у начальника:

— Такъ хорошо?

Арчаковъ посмотрѣлъ на плошку внимательно и подошелъ къ женѣ.

— Какъ быдто хорошо?—спросилъ онъ.

Она посмотрѣла тоже на плошку и согласилась:

— Какъ быдто хорошо.

Арчаковъ сдѣлалъ серьезное лицо и сказалъ важно:

— Хорошо!

А на сценѣ, когда занавѣсъ поднялся, сидѣлъ въ креслахъ столь желанный для англичанки маркизь. Онъ былъ печаленъ. Передъ нимъ стоялъ его наперсникъ Фидальбо

— Еликожды вздыхаю, еликожды жалуясь, вѣрный мой Фидальбо,—протяжно говорилъ маркизь:—тою причиною есть любовь. И даже до смерти печальныя мои мысли меня напоследокъ въ черныи гробъ кинуть.

Фидальбо былъ любопытенъ и галантенъ. Онъ участливо сдѣлалъ шагъ къ маркизу, и заговорилъ:

— Милостивѣйшій государь,—объясните мнѣ причину печали вашей. Авось ли бы еще способъ сыщется, которымъ бы вамъ поспособствовать возможно было?

Маркизь отрицательно помоталъ головой.

— Мой Фидальбо,—томно заговорилъ онъ.—Вѣрность твоя благородна есть, чтобъ я тайность сердца моего объявилъ. Итакъ, слушай.

И онъ началъ пространно рассказывать, какъ въ Алоизию влюбился, танцуя съ ней.

— На знакъ любви,—говорилъ онъ:—она мнѣ руку мою давила. Но та рука была не что же ино, токмо убивственный инструментъ меня вовсе въ темницу любви воврещи...

Послѣ бала онъ началъ испытывать адскія муки любви. Отъ «жестокаго безупокойства его сердца онъ ни единого ока зажмуривать не могъ»... Онъ до сихъ поръ терзается, душа разлучается съ тѣломъ...

— Нѣтъ,—говорила англичанка:—у насъ, въ Лондонѣ, лучше играютъ. Никогда тамъ такъ часто занавѣсъ не спускали.

— Да, такіе черти у насъ!—согласился съ ней Арчаковъ.—Царю вонъ въ Амстердамѣ и Вѣнѣ настоящіе театрумы показывали. А мы опрѣчь вертеповъ да кукольной комидіи ничего не видали. Я того разуужденія, что не москвичей надлежало комедіантами позвать, а поляковъ. Поляки давно свою комидію устроили. И къ нѣмцамъ они ближе, и къ Кіеву, гдѣ разныя школьныя дѣйства показывали. А эти приказные, что у насъ играютъ, прямо отъ сохи. Ну, гдѣ жъ имъ, ежели они отродясь ничего такого не видѣли, наостриться? Ужъ они и то смотрятъ, какъ нѣмцы и нѣмки въ своихъ нѣмецкихъ пьесахъ лопочуть. А только ничего изъ того пользы не выходитъ, потому они ни лысаго бѣса не понимаютъ цо-нѣмецки.

— Какъ бы начинаютъ понимать! — отозвался Фрощенко.

— Врутъ!—скептически отозвался Арчаковъ и зѣвнулъ во весь ротъ.—Гдѣ имъ понять, ежели они не обучены? У насъ въ приказѣ есть шестеро, которые звонко по-нѣмецки чешуть, да трое по-англицки... Потомъ по-голландски трое освѣдомлены; четверо по-шведски; двое по-французски могутъ—и по разговорной, и по письменной части. И все они люди нужные, и отдать ихъ въ комедіанты невозможно. Они и то на театрумъ работаютъ по части переводовъ...

— И по-италійски знаютъ?—спросила миссисъ Бриджъ.

— По-италіански нѣтъ теперь свѣдущихъ людей.

— А какъ же сегодняшнюю Алоизию переводили?

Арчаковъ сурово посмотрѣлъ на Фрощенко.

— Кто и какъ провелъ?—спросилъ онъ.

— Съ нѣмецкой пьесы,—отвѣтилъ Фрощенко. — Переводили дьяки, а разговорную рѣчь выправлялъ я.

— Ну, тише—опять поднимаютъ!—предупредила Елизавета Максимова.

Маркизь не выдержалъ: пріѣхалъ къ герцогу. Поплей ему обрадовался. Вообще Поплей такой былъ благородный и хорошій.

— Я сколь зѣло возрадованъ—говорилъ онъ:—что васъ здѣсь при себѣ вижу и съ вами говорить имѣю.

Маркизь не уступалъ арцугу въ вѣжливости. Онъ увѣрялъ, что давно добивался этой чести — видѣть его свѣтлость, а главное—поступить къ нему на службу.

Кажется, это желаніе маркиза не совсѣмъ было по душѣ Поплею. Онъ замыалъ разговоръ и, указывая на входящую Алоизию, промолвилъ:

— Зри! Тутъ же приходитъ моя супруга къ намъ, сокровище мое!

Герцогу надо было ѣхать во дворець къ королю. Онъ принужденъ былъ покинуть гостя и просилъ жену, чтобъ она заняла его.

— А буде вамъ время долго покажется, можете итти, взявъ за руку супругу мою, гулять въ огородъ,—говорилъ онъ гостю.

— А вотъ гдѣ начинается самая любовная интрига!—воскликнула миссисъ:—теперь я понимаю все!

— Я говорила, что комидія занятная,—подтвердила Арчакова.

И вотъ маркизь и Алоизія остались впервые вдвоемъ, глазъ на глазъ другъ съ другомъ

Алоизія, посмотрѣвъ на него, восклицаетъ:

— Увы! больно мнѣ!

А маркизь на это отвѣчаетъ:

— Что я вижу! О, ангельская красота!

Алоизія не выдерживаетъ, она тоже любитъ маркиза и потому, схватившись за грудь, набитую тряпками, чтобъ казалась она пышнѣе, отчаянно басытъ:

— О, свирѣпый любви огонь!

Маркизь понимаетъ, что онъ любимъ. Онъ восторженно машетъ руками, лицо его расплывается въ улыбку.

— О, азъ вижу земной рай!—въ упоеніи говоритъ онъ.

Алоизія замѣчаетъ, что выдала себя, и съ ужасомъ шепчетъ:

— Я чаю адъ въ сердцѣ своемъ! Чтобъ я никогда не родилась! Душа моя полна горькихъ радостей!

А маркизь въ восторгѣ говоритъ:

— Сердце мое полно помѣшательства, хошу любить и терпѣти. О мои измѣнчивыя очеса—отвратитесь отъ сего солнца...

Вдругъ Алоизія проситъ его:

— Снимите съ меня ваше обязательство,—ахъ, я умиленіе имѣю надъ вами.

А маркизь отвѣчаетъ:

— Милостивая арцугиня, многоя имѣлъ бы вамъ сказать, но нынѣ больше того не смогу. Токмо, что я называюсь вашимъ слугою.

— А я—вашей рабыней,—страстно шепчетъ она.

Маркизь уходитъ.

— Прости, прекрасная арцугиня,—говоритъ онъ.

— Прости, господине маркизе!—въ отчаяніи говоритъ она.

Онъ не можетъ уйти. Сила любви не пускаетъ его. Онъ снова кидается къ ней:

— Прошу, изволь вырази мнѣ!—вопнть онъ.

— Что вы говорить хотите?—покорно спрашиваетъ она.

Онъ борется самъ съ собою и послѣ борьбы говоритъ:

— Ничего!

И, схватившись за голову, прибавляетъ:

— О, божи,—какое сие помѣшаніе!

Въ это время сзади показывается влюбленный Родриго. Онъ не

могъ вытерпѣть и хочетъ подслушать разговоръ любовниковъ. Онъ крадется за занавѣсь и выставляетъ въ щелку одно ухо. Его колеть ревность, «аки острый тернъ», и онъ горитъ нетерпѣніемъ предать ихъ. Судьба ему благопріятствуетъ. Герцогиня смѣлѣе маркиза. Когда тотъ спрашиваетъ:

— Что хотите, чтобъ я говорилъ?

Она прямо намекаетъ ему:

— То, что я слышать охотно хочу.

Маркизь ободряется. Онъ прямо признается, что «усердно любить ее». Когда она чувствуетъ, что умираетъ отъ восторга, маркизь говоритъ:

— Мое обнятіе васъ паки оживить.

Алоизія соглашается на преступную любовь съ маркизомъ, подъ условіемъ:

— Намъ единымъ только любовь знама да будетъ.

— Ни одинъ человѣкъ, опричь насъ, о томъ да не вѣдаетъ,— подтверждаетъ страстный любовникъ.

Но коварный Родриго рѣшилъ, что, подслушавъ ихъ уговоръ, онъ все передастъ мужу. Когда Алоизія увѣряетъ, что она иставляетъ отъ страсти, коварный рыцарь замѣчаетъ, что онъ умираетъ отъ зависти. Алоизія назначаетъ укромное мѣсто для свиданія. Маркизь называетъ возлюбленную «красивѣйшей Венусъ», а Алоизія его—Адонисомъ. Они расходятся воспламененные любовью. Остается одинъ Родриго.

— Едва маркизь фѣвъ-Родіано на сей дворъ пріѣхаль,—воскликаетъ онъ,—то уже преломляетъ бракъ!

Онъ готовъ самъ къ смерти, только бы убить былъ маркизь.

XVII.

— Вотъ настоящая гдѣ комидія началась!—воскликнула миссисъ.—Вотъ это я принимаю!

— Теперь онъ имъ пропишетъ!—сказалъ Арчаковъ.

Фрощенко сочувственной улыбкой подтвердилъ слова начальника.

— Поучительно!—продолжалъ Арчаковъ.—Коли ты жена,—не измѣняй мужу!

— Но маркизь куда краше и моложе арцуга?—замѣтила его жена.

— Ну, такъ и вѣшаться ему на шею!—сердито возразилъ Арчаковъ и посмотрѣлъ на Фрощенко.

— Непорядокъ!—подтвердилъ тотъ.

— А неужели онъ убьетъ ихъ?—спросила англичанка.

— Всенепремѣнно,—сказалъ Фрощенко.

— У насъ на Москвѣ,—улыбаясь, заговорилъ Арчаковъ :—больш-

ше мужъ за волосы жену потаскаетъ да плеткой поучить. А насчетъ смертоубойства что-то не слышать.

— У насъ смертоубойства не бываетъ,—согласился Фрошенко.

— Есть такая аглицкая трагедія объ Отелло, венеціанскомъ маврѣ,—начала миссисъ.—Тамъ онъ удушаетъ свою супругу, которая ему вѣрна, а онъ думаетъ, что она ему измѣнила.

— Вотъ скотина!—воскликнула Елизавета Максимовна.

— Африканская кровь, душечка, ничего съ африканскою кровью онъ сдѣлать не можетъ.

— И такъ она ни за что, ни про что и померла?—не унималась Арчакова.

— Такъ, душечка,—и послѣднія ея слова были: «я невинна».

— Нѣтъ, каковъ мерзавецъ этотъ африканецъ! Ты слышишь, Артюша?

— Теперь очень занятно будетъ,—предупредилъ Фрошенко, когда занавѣсъ сталъ подыматься.

Родриго хотѣлъ все сказать герцогу, но «стыдился». Герцогъ ободрялъ его. Наконецъ Родриго прямо ляпнулъ:

— Ваша супруга Алоизія преломила вѣрность брака съ маркизомъ фонъ-Родіано.

Съ Поплеемъ сотворилось что-то ужасное. Зная, что за его игрой слѣдитъ начальство, онъ игралъ во всю. Точно онъ проглотилъ горсть мелкихъ гвоздей. Лицо его искажилось, спазмъ сдавилъ горло. Онъ зашипѣлъ, схвативъ своего слугу за руку:

— Подумай себѣ, что ты говоришь, Родериго! Не можетъ то быть,—ибо супруга моя есть чиста!

— О, дало бы Небо, чтобъ то такъ было!—съ горечью восклицалъ Родериго.—Я сими моими очами видѣлъ...

Поплеюгинъ сталъ неистово извиваться.

— Родериго, Родериго!—говорилъ онъ.—Хотѣлъ бы я, чтобы ты шпагою сердце мое прокололъ прежде, нежели объяснилъ мнѣ сіе безчестье...

— Вѣрность моя къ тому меня принудила,—оправдывался Родериго.

— Вѣрность твоя была бъ ненарушима! Мужъ, иже о безчестіи жены своей не вѣдаетъ—отмщенія чинити не требуетъ...

— О, это изъ «Отелло»! Это совсѣмъ изъ «Отелло»!—закричала миссисъ Бриджъ.

Но вотъ Поплей стучится въ двери, гдѣ должны быть маркизъ и Алоизія.

— Отвори, отвори!—кричитъ Поплей.—Отвори, или учну ломать дверь въ часточки! Что жъ ты—оглохла отъ любви! Родериго мои пистолы!

И занавѣсъ началъ спускаться какъ разъ въ ту минуту, когда зритель рассчитывалъ увидѣть катастрофу.

- Ловко!—опять раздалось сзади.
- Ну, таперь онъ запалить въ нихъ изъ пистоля,—послышался другой голосъ.
- Я терпѣть не могу, когда стрѣляютъ на сценѣ,—заговорила миссисъ.—Я зажимаю уши, или совсѣмъ ухожу прочь.
- Въ любителей стрѣлять арцугъ не будетъ!—тайственно сказалъ Фрощенко.
- Не будетъ. Ну, слава Богу! А что же не продолжаютъ?
- Опять ложница Алоизина должна быть представлена. Перенесеніе ложа требуетъ времени.
- Желательно поскорѣ!
- Забрало васъ?—спросилъ Арчаковъ и засмѣялся.—А хорошо представляетъ этотъ Поплей.
- Хорошо,—подтвердилъ Арчакова.
- Алоизія, трепещущая, сидѣла на кровати. Маркиза, спрятавшагося за занавѣсъ, извлекъ Поплей съ такой свирѣпостью, что, казалось, онъ немедленно перегрызетъ ему горло.
- Умри, дьяволь!—воскликнула арцугъ.
- Милости прошу, великоможнѣйшій фонъ-Поплей!—покорно согласился маркизь.
- Арцугъ навелъ ему пистоль на лобъ и долго цѣлился, а Алоизія вопила: «Увы мнѣ, измѣнена есмь!» Англичанка заткнула уши и зажмурила глаза.
- Не будетъ выстрѣла, увѣряю васъ,—шептала Фрощенко, обиженный, что ему не повѣрили сразу.
- Арцугъ спустилъ курокъ. Онъ щелкнулъ,—но выстрѣла не было.
- Счастье твое, что пистоль не выстрѣлила,—проговорилъ ядовито арцугъ:—а то бы, конечно, животомъ своимъ заплатилъ.
- Маркизь молилъ смерти.
- Милостивый государь, милости прошу для неба...
- Но арцугъ не слушалъ его.
- Скажи, однакоже,—спрашивалъ онъ:—для чего ты домъ мой осквернилъ? Я тебѣ свою властную супругу повѣрилъ, а ты мнѣ такъ злобно воздаешь?..
- Маркизь продолжаетъ увѣрять, что онъ съ радостью готовъ къ смерти, но Поплей торжественно говорить:
- Смерти твоей, маркизь, азъ не желаю. Бѣги моего двора и не мысли больше на жену мою. Живи, какъ сонная коза... Ничего больше: пойдѣ, бѣги и нишкни...
- Маркизь даетъ клятву:
- Я бѣгу, молчу и навѣки молчать буду!..
- Маркизь уходитъ въ одну сторону, Алоизія—въ другую. Поплей разсуждаетъ о томъ, что единственный человѣкъ, который можетъ проболтаться о его безчестьи,—Родриго. Отъ него надо избавиться.

Онъ зоветъ его. Родриго входитъ трепещущій. Арцугъ говорить, что Алоизія ушла, а маркиза онъ нигдѣ найти не можетъ.

— Емли свѣчу,—говорить онъ,—и смотри подъ кроватью, нетуда ли онъ спрятался!

— Вотъ сейчасъ будетъ выстрѣлъ,—предупредилъ Фрощенко.

Миссисъ Бриджъ заткнула уши и сказала:

— Не ожидала, что теперь

Родриго покорно взялъ свѣчу и, сказавъ:

— Исполняю приказъ вашей пресвѣтлости,—полѣзь подъ кровать.

Когда нагнулся онъ, арцугъ выстрѣлилъ и убилъ его наповаль.

— Такъ-то всѣмъ бываетъ, которые усть своихъ преодолѣть не могутъ!—поучительно сказалъ онъ.

Повидимому, на этомъ можно было бы покончить пьесу. И потому англичанка спросила:

— Это совсѣмъ конецъ?

Но Фрощенко, къ изумленію ея, отвѣтилъ:

— Токмо первому акту.

— Какъ первому? Да мы больше часа ужъ сидимъ здѣсь?

— Да, это только начало,—подтвердила Елизавета Максимовна.

— Но что же возможно далѣе?—спрашивала англичанка.

— Не желаете ли кваса или сбитня?—предложилъ Фрощенко.

— Ничего я не желаю. Только бы скорѣе продолжали,—отвѣтило начальство.

— Теперь мы узримъ Алоизію въ заточеніи,—соблазнялъ дальнѣйшимъ дѣйствіемъ Фрощенко.

— А съ чего Алоизія сиניתъ такъ нынче?—спросилъ Арчаковъ.

— Вчера ошиблись маленько комедіанты. У Замоскворѣцкаго моста блины до утра ѣли.

— Сапоги съ нихъ надо снимать на масленой, чтобъ изъ дома не уходили,—посоветоваль, нахмуривъ мѣста бровей, Арчаковъ.

— Онъ и такъ уже дрожить сегодня и для прочистки горла третье сырое яйцо пропускаетъ. Къ полудню совсѣмъ голоса не было.

— Палками бы его отзвонить хорошенько!

— Очень купцы на комедіантовъ жалуются. На Шмагу да на Попелюгина. Пьяные ходятъ, товары ташать...

— Прикрыть вашъ курятникъ надо—одно только дѣло! Вотъ на сихъ дняхъ государь пожалуетъ, доложу я ему.

XVIII.

Начался второй актъ. Алоизія по приказу короля была подвергнута заключенію. Сначала было приговорили ее къ смерти. Но ея супругъ испросилъ ей животъ. Его предположеніе, что ни-

кто не узнаеть о его безчестіи было уничтожено тѣмъ, что сама Алоизія кинулась къ ногамъ короля и стала каяться въ своей измѣнѣ, думая, что ее простятъ. Теперь она, одѣтая въ черное платье, «тужила о грѣсѣхъ своихъ». Она говорила мужу, что она и жива и мертва одновременно.

— Жива, зная вы меня животомъ подарили. Мертва—для того, что я сама себя отъ милости вашей отлучила.

Она слезами готова омыть ноги своего мужа, который былъ презряднымъ мужемъ...

Арчаковъ громко вздохнулъ въ этомъ мѣстѣ и сказалъ:

— Ахъ, бабѣ, бабѣ!

Арцугъ спрашиваетъ жену, кого она больше любитъ: его или себя? Она, не задумываясь, отвѣчаетъ, что его, такъ какъ себя ненавидитъ.

— Вѣдь вы прощены уже?—говоритъ онъ.

— Злочинство мое творитъ меня сумнительною,—говоритъ она.

— Не надобно вамъ сумнѣваться!—замѣчаетъ онъ.

— Я опасюсь...

— Чего?

— Смерти.

— Смерти? Не надобно вамъ бояться смерти.

Алоиза не знаетъ, вѣрить ли мужу. Она спрашиваетъ:

— Но каковую надежду имѣю въ томъ?

Арцугъ ударяетъ себя въ грудь.

— Меня самого.

— А когда же?

Попелюгинъ смотритъ на Елизавету Максимовну.

— Сегодня вечеромъ!—говорятъ онъ.

Елизавета Максимовна повертывается на стулѣ.

— Хорошо онъ представляетъ,—вырвалось у нея.

— А гдѣ мой платокъ?—вдругъ громко воскликнулъ Арчаковъ, схватившись за карманъ.

Какъ разъ въ эту минуту занавѣсъ опустился, и восклицаніе его ходу комидійнаго зрѣлища не помѣшало.

— Гдѣ же платокъ?—снова проговорилъ онъ, ощупывая свои карманы.

— Какой платокъ?—спрашивалъ Фрощенко и водилъ своими подслѣповатыми глазками по полу.

— Шелковый, бухарскій. Съ разводами персидскими. И въ углу его завязаны были три рубля и два золотыхъ...

Фрощенко вскочилъ съ мѣста. Потъ проступилъ у него на спинѣ и на лбу. Хотя виновенъ онъ въ этой пропажѣ не былъ, но, какъ лицо, служащее въ администраціи театра, считалъ и себя прикосновеннымъ.

— Гдѣ мой платокъ?—возвышая голосъ, продолжалъ Арчаковъ.—

Не иначе, какъ когда темно было и я въ промежуткѣ здѣсь прогуливался, у меня стащили.

— Да, можетъ, ты дома оставилъ платокъ?—спросила Елизавета Максимовна.

— Ну, да—дома! Пошла ты къ чорту!

Елизавета Максимовна поднялась съ мѣста.

— Что ты сказала?—грозно произнесла она.—Коли такъ,—ни одной минуты здѣсь я не останусь...

Изъ дверей показался Тарасъ Тарасовичъ.

— Что такое?—Что такое?—говорилъ онъ.—Платокъ у васъ стащили? Это бываетъ здѣсь. Жулики московскіе дошлые.

Онъ обратился къ публикѣ:

— Ну, ты, чортъ, выкладывай сейчасъ, что стащилъ, не то всѣхъ обыщу! Ефимка! твоё это дѣло...

Но Ефимка, если былъ такой среди публики, не сказывался.

— Домой ѣдемъ!—вопила Елизавета Максимовна.—Вели, Тарасъ Тарасовичъ, колымагу нашу подавать.

— У меня тамъ три серебряныхъ цѣлковыхъ было завязано,—объяснял Арчаковъ,—и золото,—все стащили.

— Не безпокойтесь, Артемій Ивановичъ, все будетъ завтра доставлено вамъ,—и серебро, и золото, и платокъ вашъ шелковый. Помилуйте, у меня въ отдѣленіи ничего не пропадаетъ...

— А у васъ очень интересно въ театрѣ,—говорила миссисъ Бриджъ.—Все такъ по-домашнему.

— Ёдемте домой,—говорила Арчакова.—Если на всю хранину мужъ кричать будетъ, такъ я этого не желаю. Никакъ онъ привыкнуть не можетъ, что при постороннихъ на жену кричать нельзя.

— Да я не кричалъ,—оправдывался Арчаковъ. Онъ совсѣмъ струсиль и пугливо поглядывалъ на жену.

— Ёдемъ, ёдемъ!—торопила она.

— И мнѣ надоѣло, и я поѣду,—говорила англичанка.—Да и такая копотъ отъ площадекъ идетъ, что всѣ мы какъ есть черные, отсюда прямо въ баню надо—мыться.

Принесли еще, по распоряженію директора, плошки; представленіе временно прекратили и стали искать платка.

— И гдѣ бы онъ могъ быть?—говорилъ Фрошенко, заглядывая подъ лавки.—А нѣтъ ли дырки въ карманѣ?—спрашивалъ онъ у Артемія Ивановича.—Иногда провалится такъ, что потомъ ищешь...

— Экій осель,—ворчалъ про себя Арчаковъ, но даже не удостоивалъ его отвѣта.

— Что жъ, скоро колымагу подадутъ?—не отставала Елизавета Максимовна.

— Сейчасъ, сейчасъ!—успокаивалъ ее Тарасъ Тарасовичъ.—

Кучеру вашему уши растираютъ: онъ какъ стелька пьянъ. Чего добраго, придется къ козламъ привязать...

— Я васъ въ своей каретѣ доведу, — предложила миссисъ Бриджъ. — У меня четырехмѣстная.

— Да, душечка, я поѣду въ вашей каретѣ, — согласилась Елизавета Максимовна.

— А Фильку нашего завтра драть будутъ, — прибавилъ Арчаковъ.

Теперь побѣжали за колымагой миссисъ Бриджъ. Въ театральной хороминѣ все понемногу стало успокаиваться, и снова занавѣсъ поползъ кверху.

Важные гости уже застегнули крючки у ворота шубъ, а барыни закутались въ шали, но въ ожиданіи кареты присѣли.

Поплей разговаривалъ на сценѣ съ маркизомъ, какъ будто ничего непріятнаго не случилось. Онъ даже увѣрялъ, что очень радъ его видѣть, и говорилъ:

— Господине маркизе, благоизволь гостемъ моимъ быть.

— Вашей пресвѣтлости указъ есть мое уложеніе, — извивался передъ нимъ маркизъ.

— Садись, господине маркизе!

— Послѣдую вашей пресвѣтлости...

Они долго другъ передъ другомъ состязались въ вѣжливости и граціи манеръ. Но вдругъ входная дверь театра отворилась, и помощникъ Тараса Тарасовича громко оповѣстилъ, заглушая комедіантовъ:

— Колымага подана! Извольте жаловать!

И почетные гости начали подыматься съ своихъ мѣстъ.

XIX.

На другое утро, когда Артемій Ивановичъ мылся, ему почтительно доложили, что Тарасъ Тарасовичъ пожаловалъ къ нему вторично и теперь дожидается въ пріемной. Умываніе было обставлено у Артемія Ивановича довольно торжественно. Въ серебряный тазъ, стоявшій на некрашеномъ кухонномъ табуретѣ, изъ серебрянаго кувшина лилъ на его пригорошни воду пристойный малый, одѣтый въ малиновый кафтанъ съ галунами, по старому обычаю. Утиральникъ, шитый пѣтухами, курочками и елками, что вышивали ему собственныя крестьянки изъ ярославскаго имѣнія, держалъ другой парень, съ глупымъ лицомъ, курносый и бѣлый, какъ чухонецъ. Мыльницу блюлъ третій малый, еще подростокъ, на обязанности котораго только и было, что держать эту мыльницу въ чистотѣ и смотрѣть, чтобы казанское мыло, что привозили два раза въ годъ татары, не имѣло по краямъ острыхъ угловъ, дабы они не рѣзали господскихъ рукъ, отвычныхъ отъ всякихъ непріятностей.

Услышавъ о прїѣздѣ полицейскаго чина, Артемій Ивановичъ отряхнулъ съ пальцевъ воду и сталъ утирать лицо, фыркая и отдуваясь. На половину утеревшись, онъ спросилъ, выглядывая изъ полотенца однимъ глазомъ:

— А что ему надо?

— Говорить, что привезъ утерянное...

— А-а!—обрадовался Арчаковъ.—Ну, сейчасъ. Давай халать мнѣ!

И пятый служитель, длинный, длинный, носившій кличку Тришка-Растяпа, растопырилъ широкое одѣяніе изъ настоящей термаламы, и такъ ловко, что Артемій Ивановичъ могъ немедля попасть въ рукава и натянуть его на плечи.

Онъ былъ не въ духѣ сегодня. Тотъ окрикъ на жену, что онъ позволилъ себѣ вчера, во время представленія, дорого ему обошелся. Въ колымагѣ это было еще незамѣтно: Елизавета Максимовна все время говорила съ англичанкой, но, когда они вылѣзли у своихъ воротъ и поднялись къ себѣ по скудно освѣщенной большимъ китайскимъ фонаремъ лѣстницѣ, тутъ онъ только понялъ весь свой проступокъ. Онъ вообще боялся жены и зналъ, что въ иныхъ случаяхъ, когда она закусывала удила, не было силы остановить ее. Но того, что было нынче, онъ не видывалъ никогда. Вещи летали со столовъ и кресель на полъ. Одна щетка даже какъ будто пролетѣла мимо его головы. На полномъ, изрядной красоты лицѣ супруги написано было такое презрѣніе къ нему, такое отвращеніе, что Артемій Ивановичъ невольно семенилъ ногами то въ одинъ уголь, то въ другой и все лепеталъ:

— Не разумѣю, Лизочка, и съ чего ты?..

Но Лизочка выгнала его изъ своей опочивальни и сказала, чтобъ его татарская морда не смѣла показываться ей никогда, что она лучше готова быть послѣдней прачкой, чѣмъ женой такого подлаго человѣка.

— Ты видѣлъ, какъ заморскіе люди вѣжливы съ женами, даже когда жены имъ измѣняютъ? Видѣлъ? А ты, казанскій Батый, полагаешь, что возможно при людяхъ на жену кричать? Какъ на тебя Бриджа посмотрѣла! Я по глазамъ ея видѣла, что она думаетъ. И стыдобушка, что мужъ у меня такой невѣжа и столь прохвостный человѣкъ, такъ всю меня и сожгла. Отнынѣ не смѣй ты рта разѣвать при мнѣ, иначе пушу я тебѣ въ голову первымъ, что на глаза попадется.

Никакіе резоны на Лизочку не дѣйствовали, и Арчаковъ пошелъ къ себѣ разстроенный и униженный. Въ столовую къ ужину не вышла Лиза. Пользуясь отсутствіемъ ея, онъ выпилъ шесть стакановъ крѣпкаго заморскаго вина, что доставили ему голландцы, и все шепталъ:

— Тяжело жить, ахъ, тяжело!

Спалъ онъ безпокойно и смутно. Выпитый ли хересь содѣйствоваль кошмарамъ, или потеря платка и ссора съ женой такъ подѣйствовали на него, но онъ всакиваль раза три съ своего ложа и, припадая къ жбану съ квасомъ, что всегда ставился возлѣ него на ночь, тянулъ изъ него пѣнистое пойло долго и не отрываясь. Утромъ онъ проснулся съ тяжелой головой: она еще не привыкла къ крѣпкому испанскому вину. Онъ чувствовалъ, какъ стучали молоты въ виски и маковку. Извѣстіе о пріѣздѣ полицеймейстера со всѣмъ, что вчера было у него похищено, какъ будто была первая радостная вѣсть, способствовавшая тому, чтобъ онъ пришелъ въ себя.

— А больше никого нѣтъ?—спрашиваль онъ, вытирая мокрые волосы.

Онъ думаль, что боль пройдетъ, если обмочить всю голову, и велѣлъ окатить ее, не жалѣя колодезной воды, что таскали со двора изъ ключевого колодца.

— Филька тамъ на колѣняхъ въ сѣняхъ стоитъ. За вчерашнее кается,—доложили ему.

— Выдрать! Пятьдесятъ дать. Да какъ надо пороть. Пусть потомъ мнѣ покажется. Знаю я, какъ вы другъ друга покрываете. Одинъ кричитъ, а другой возлѣ по сѣну стегаетъ. Ежели мнѣ узоръ не пондравится на Филькѣ, велю тѣхъ, кто поролъ, драть при себѣ... Распустились? Заѣлись? Я васъ приведу въ вѣру!

У того, что былъ при кувшинѣ, выпаль изъ рукъ этотъ кувшинъ и, ударившись о полъ, выплеснулъ изъ себя остатки воды.

— Покажь, покажь!—заревѣлъ Арчеховъ.—Покажь сейчасъ, небось, продавилъ бокъ?

Онъ началъ осматривать вдавленное брюшко кувшина и сердито покачиваль головою.

— Какъ начну о твое темя выправлять кукшинъ, — говорилъ онъ стоявшему передъ нимъ на колѣняхъ парнюгѣ.—Какъ начну я тебя колошматить, узнаешь ты, какъ съ цѣнной раритетой обращаться. И тебя драть, и тебя! Двадцать пять влѣпить и тебѣ. Двадцать пять! Не дави въ другой разъ серебряной посуды, не дави!

Завязавъ кисти халата, пошелъ онъ въ пріемную. Тамъ ходилъ, переваливаясь и одуваясь изъ угла въ уголь Тарасъ Тарасовичъ, а на столѣ разложено было пять новыхъ платковъ разныхъ цвѣтовъ и узоровъ.

— Здравствуй, Тарасъ Тарасовичъ,—привѣтствовалъ его хозяинъ.—Нашелъ?

— Ну, еще бы не найти! У меня всегда все найдете. Только будьте любезны сказать, который вашъ.

Онъ указаль ему на скатерть, гдѣ, какъ въ лавкѣ выставляють напоказъ, были разложены рядами фуляровые восточные платки.

— Мнѣ вѣдь неизвѣстно, какой такой былъ платъ, у васъ украденный? Синій ли, аль бо зеленый?

Артемій Ивановичъ посмотрѣлъ на столъ и нахмурился.

— Первое дѣло,—заговорилъ онъ:—мой былъ красный съ бѣлыми разводами, а здѣсь такого нѣтъ... Второе,—онъ былъ старый, съ дырою, а здѣсь все новые.

Но Тарасъ Тарасовичъ ни тому, ни другому соображенію значенія не придалъ.

— Вѣдь когда-нибудь и вашъ былъ новымъ, и эти лѣтъ черезъ пятокъ въ дырахъ будутъ,—сказалъ онъ.—А что до разводовъ, то эти ничѣмъ не хуже.

Артемій Ивановичъ гордо посмотрѣлъ на хохла.

— Но, полагаю, невмѣстно мнѣ послѣ кого-нибудь взять носовой платокъ?

— Ни у кого они не были,—убѣжденно возразилъ Тарасъ Тарасовичъ:—прямо со станковъ, безъ предварительнаго употребленія. Развѣ я бы осмѣлился старый платокъ отъ какого-нибудь негодящаго человѣка предложить?

— Да и мнѣ не столько жаль платка, сколько денегъ, что завязаны въ узелкахъ были.

— И ихъ нашли;—самодовольно объяснилъ Тарасъ Тарасовичъ.—Не угодно ли сюда обернуться. Вотъ шестнадцать золотыхъ разныхъ породъ, и рублей серебряныхъ стопка. Извольте взять...

Артемій Ивановичъ сжалъ губы.

— Опять же непорядокъ. У меня два золотыхъ и два рублевика было, а здѣсь эво сколько!

— Все, что найдено. Отъ разныхъ лицъ отобрано. Которые золотенькіе ваши, тѣ извольте взять.

— У меня не мѣчены деньги, почему я знаю, которыя мои?

— Это опять-таки все единственно. Возьмите вы столько, сколько надлежитъ вамъ, а остальное другіе за свое признаютъ.

Арчаковъ задумчиво отдѣлилъ два золотыхъ и пару рублевиковъ.

— Чужого мнѣ не надо!—сурово сказалъ онъ.

Тарасъ Тарасовичъ пришелъ въ негодованіе и зашвелпилъ усами.

— Кто же говоритъ о чужомъ? Да польститесь ли вы на такую дрянъ? Ежели я такой суммой пренебрегаю, то вы тѣмъ наипаче!

XX.

Въ приѣмную вошла Надька, какъ всегда, веселая, растягивая ротъ въ улыбку.

— Тамъ изъ приказа Микита Ничкинъ пришелъ,—сказала она.—Говорить, что присыланъ по слѣшкѣ. Да вотъ барыня велѣла передать: говорить, что у нихъ въ опочивальнѣ, еще до того какъ вчера поѣхали, это оставлено было.

И она положила на столъ красный платокъ съ завязаннымъ въ узелъ уголкою и аккуратно сложенный на четыре части.

— Вотъ онъ, вотъ это мой!—закричалъ Артемій Ивановичъ.— А ты что же это мнѣ показываешь, Тарасъ Тарасовичъ? Ты что же это чужія вещи мнѣ сбыть хотѣлъ?

Тарасъ Тарасовичъ посмотрѣлъ на него невозмутимо.

— Докладывалъ я вамъ, что платка вашего не видалъ и не знаю, какой. А въ моемъ отдѣленіи кражу у важныхъ персонъ не бываетъ...

— Такъ и деньги, значить, возьми обратно...

Однако узелъ при Тарасѣ Тарасовичѣ Арчаковъ не развязалъ, только прибавилъ:

— А какой у тебя расчетъ такъ поступать?

— Это насчетъ платковъ и денегъ? Такъ вѣдь такая пропaja, государь мой, плевое дѣло, такъ сказать. А вотъ у князя Халтурина семь золотыхъ блюду пропало. И приказано было, чтобъ безпремѣнно пропaja нашлась. И нашли. Такъ вотъ такое дѣло грошей не мало стоило.

Арчаковъ прищурился.

— Неужто свои заплатилъ?—спросилъ онъ.

Тарасъ Тарасовичъ замахалъ руками.

— Ни, Боже мой! да изъ какихъ доходовъ?

— А изъ чьихъ же?

Тарасъ Тарасовичъ самодовольно пошлепалъ себя по колѣнкѣ.

— Тайна есть. Мнѣ сказано: чтобъ ни у кого изъ знатныхъ персонъ ничего не пропадало. Долженъ же я свято этотъ приказъ исполнять? Да, благодареніе Господа, пока все благополучно, и какихъ-такихъ особыхъ изъяновъ не учинилось.

— Тамъ изъ приказа ждетъ,—повторила Надя въ дверяхъ.

— Подождетъ, не важная птица! Что у него загорѣлось такъ?—сердито фыркнулъ Артемій Ивановичъ.—И ты пошла, чего здѣсь торчишь?

Тарасъ Тарасовичъ веторопливо сталъ заворачивать платки.

— Назадъ въ лавки отдашь?—полюбопытствовалъ Арчаковъ.

— Нѣтъ,—что ужъ, не стоитъ!

— Къ себѣ велишь снести?

— Въ запасъ положу. Можетъ, когда понадобится.

— У тебя большой запасъ, должно?

— Кто его знаетъ! Да какъ же и не быть запасу. Вы извольте то сообразить, въ моемъ вѣдѣніи находится Китай-Городъ. Шутка сказать! Въ такомъ государствѣ, въ столицѣ, и ряды, куда втекаютъ, какъ въ море, обильныя воды изъ рѣкъ. Сколь здѣсь много промысловъ. И юфть, и ризы, и бурмитскія зерна, и аксамитъ, и сафьянъ, и полотно голландское, и кружево, и чего только нѣтъ, и все это я блюсти долженъ и за порядкомъ наблюдать чтобъ не воровали,

не обманывали, не обсчитывали! Какъ же я могу, чтобъ профиту мнѣ не было, какъ же я могу безъ напоминанія купцамъ дни жизни проводить? Ни днемъ, ни ночью покоя нѣтъ. А между прочимъ у меня растутъ малые птенцы. Ихъ одиннадцать головъ! Всѣ ѣсть хотять, всѣхъ обути, обрядить надо.

— Да вѣдь ни за что платить тебѣ не приходится?

— Что платить! А вѣдь дочкамъ-то на приданое скопить надо? Тѣмъ, что за мучицу, курочку или бархатокъ не заплатишь, денегъ не соберешь. И приходится промыслять. Ходить по лавочкамъ да вынюхивать... Трудовая наша должность, охъ, трудовая!

Надежда снова показалась въ дверяхъ: опять ея бѣлый фартукъ засвѣтился на солнечномъ лучѣ, что билъ черезъ окно и, зажигая золотые разводы на обивкѣ стула, падалъ косымъ угломъ на нижнюю половину двери.

— Онъ говорить, что послали его спѣшно: царя ждуть сегодня на Москву.

Арчаковъ оторопѣлъ, глаза его выкатились.

— Царя! Какъ царя! Зови его сюда, зови!

Тарасъ Тарасовичъ тоже вскочилъ, и даже лицо у него какъ будто посѣрѣло.

— Только къ Пасхѣ его царское величество здѣсь ожидали,—забормоталъ онъ.

— Нешто теперь можно что сказать: это вотъ такъ будетъ, а это такъ?—остановилъ его хозяинъ.—По теперешнимъ временамъ всечасно мы должны быть готовы къ сюрпризамъ...

Вошелъ гладенькій, прилизанный человѣчекъ съ безпокойно бѣгающими глазками, еще не старый, но ужъ лысый.

— Что такое Ничкинъ, чего?

Ничкинъ утеръ ротъ, поклонился и заговорилъ, точно началъ камнями сыпать:

— Сегодня ждуть его величество на Москву. Гонецъ прискакалъ въ осемь часовъ. Такъ изъ приказа всѣхъ поразсылали оповѣстить.

— Когда же ждуть?

— Да, можетъ, ввечеру будетъ, а, можетъ, и раньше.

— Святители! Да ты врешь?

— Осмѣлюсь ли я, развѣ возможно о семъ священнѣйшемъ предметѣ и показать облыжно?

Арчаковъ посмотрѣлъ на Тараса Тарасовича.

— Сегодня ввечеру!—повторилъ онъ.

— Да,—покрутилъ головой полицеймейстеръ.

— Я въ дальнѣйшій путь побѣгу,—сказалъ Никита.

Артемій Ивановичъ только махнулъ рукою: «дескать, бѣги».

— И мнѣ надо,—сказалъ Тарасъ Тарасовичъ, прижимая подъ мышкой треухъ.—Если царь къ вечеру будетъ, нужно, чтобъ

веселья на улицахъ больше было. Надо кой-чѣмъ распорядиться. Вамъ тревожиться-то нечего: сегодня государь въ посольскій приказъ не заглянетъ, а по улицамъ-то, какъ-никакъ, проѣдетъ.

Тарасъ Тарасовичъ застегнулъ верхнюю пуговицу у камзола, поправилъ галстукъ и сталъ раскланиваться.

— Прощу принять пардоны, ежели понапрасну обезпокоилъ,— сказалъ онъ.

— Это я понапрасну тебя тревожилъ, ужъ ты не сердись на меня,—ласково похлопывая его по плечу, сказалъ хозяинъ.—При случаѣ я, конечно, благодаренъ тебѣ буду за безпокойство....

Тарасъ Тарасовичъ еще разъ поклонился и, не забывъ узелокъ съ платками, понесъ свое брюхо къ двери.

— Барыня просить къ себѣ,—сказала Надька, опять ныряя на солнечный свѣтъ.

— Иду,—упавшимъ голосомъ сказалъ Арчаковъ и зашагалъ на женскую половину.

Она сидѣла противъ зеркала въ хитрой венеціанской рамѣ и расчесывала волосы. Когда вошелъ Артемій Ивановичъ, съ видомъ наблудившаго кота, она не повернулась, а поймала глазами его изображеніе въ зеркалѣ.

— Царь сегодня будетъ?—спросила она.

— Будетъ, Лизанька.

— Почему столь неожиданно?

Артемій Ивановичъ развелъ руками.

— Не знаю, Лизанька.

— Однако этому какая-нибудь причина есть?

— Какъ не быть причины? Причина есть.

— У васъ въ посольскомъ приказѣ ничего нѣтъ такого?..

— У насъ, кажись, ничего нѣтъ.

Лизавета Максимовна топнула ногой.

— У, размазня!—сказала она.—Ничего-то ты не знаешь, ничего не помнишь. Ну, что жъ ты, дома сидѣть будешь?

— Нѣтъ, вотъ выдерутъ Фильку, я поѣду.

— Чего жъ ты раньше думалъ? Если его еще не водили въ конюшню, вели потомъ наказать, а сейчасъ поѣзжай.

— Да я могу съ Кузькой ѣхать.

— Ну, съ Кузькой. Только чтобъ сейчасъ, и чтобъ сейчасъ домой. Должна же я все знать.

— Сейчасъ и назадъ. А только не думаю, чтобы кто зналъ что

— Полагаешь, что всѣ такіе увальни, какъ ты?

— Не иначе, какъ насчетъ строительства. Вѣдь недаромъ на медни водчій пріѣхалъ.

— Какого строительства?

— Какія-нибудь приказано будетъ эдифиціи возвести.

— Можетъ, театръ каменный?

- Сумнительно.
- Почему сумнительно?
- Доходовъ дѣло не даетъ. Опрічь убытковъ ничего.
- Такъ вѣдь это не Охотный рядъ, чтобъ доходы были.
- Я бы прикрылъ. Совсѣмъ эта потѣха не казенное дѣло.
- Тебя бы самого прикрыть.

Артемій Ивановичъ обдернулся, хотѣлъ сказать что-то, но не сказалъ и, повернувшись, пошелъ къ себѣ, ворча: «Волось дологъ, умъ коротокъ!»

XX.

Въ посольскомъ приказѣ чувствовалась судорожная дѣятельность. Утромъ прискакалъ на тяжело дышавшемъ, запаренномъ сѣромъ меринѣ курьеръ и передалъ письмо изъ Питербурха на имя начальника приказа. Въ письмѣ извѣщалось, что государь «впезапу собрался и изволилъ выѣхать въ Москву, гдѣ будутъ безъ промедленія». Отъ себя курьеръ прибавилъ, что, судя по тому, какъ государь изволилъ скакать, и судя по распутившимся дорогамъ, онъ будетъ либо къ вечеру сегодня, либо еще и раньше. А можетъ, и позже, если гдѣ въ дорогѣ позадержался.

— Это не бывало, чтобъ безъ предупрежденія,—говорили дѣяки, посѣдѣвшіе въ своихъ закопченныхъ, грязныхъ палатахъ.—Что бы такое приключилось, что такая экстра?

И невольно всѣ вспоминали о царскихъ плюхахъ, нещадно раздаваемыхъ направо и налево, о той палкѣ, которая гуляла не только по спинамъ провинившихся подданныхъ, но и по спинѣ самого Алексанъ и Меншикова, ближайшаго царскаго друга и совѣтника. Еще хуше приходило кое-что на память. Вспоминали о плетяхъ, застѣнкахъ, о томъ, что царь не стѣснялся ни родовитымъ происхожденіемъ, ни прежними заслугами. Всѣ были растеряны, у многихъ дрожали руки. Залежавшіеся дѣла и запросы сразу двинулись съ своихъ мѣсть. Вопросы, казавшіеся трудными и запутанными, рѣшеніе которыхъ все откладывалось, теперь вдругъ оказались совсѣмъ простыми и получали разрѣшеніе въ теченіе пяти минутъ. Писцы скорбно смотрѣли на гору бумагъ, выраставшую все больше и больше и послѣ полудня уже возросшую свыше полутора аршина, такъ что пришлось начать складывать новую кипу.

— Сегодня ночь не спать!—съ горечью говорили борзописцы, думавшіе по-христіански проводить сегодня честную масленицу.

— И не поспите!—хладнокровно замѣтилъ спрятавшій подъ парикомъ лысину сѣдой Коловратовъ.—То ли бываетъ!

Но къ обѣду онъ вдругъ предложилъ новый выходъ изъ создаваемаго положенія.

— Слѣдуетъ токмо резолюціи рѣшеній отмѣтить, а бумаги самыя не писать и не посылать,—шопотомъ оповѣстилъ онъ:— ибо его величество не можетъ ихъ отосланныхъ и видѣть. А ежели онъ въ подробности входить будетъ и захочетъ измѣнить что-то, сказать, что воротить бумаги можно, а черезъ двѣ недѣли подать докладъ сызнава, составленный уже въ иномъ духѣ.

Это рѣшеніе всѣхъ обрадовало. А старый дьякъ сказалъ, отдѣляясь, подобно древнему эллинскому философу, отъ суеты міра и смотря на нее какъ бы со стороны:

— У государя столько заботъ и тревогъ, что не можетъ онъ досконально входить въ каждую нашу бумажонку. Онъ, по уму своему великому, токмо дѣлаетъ видъ докладчику, что все знаетъ и понимаетъ. Но опытный, убѣленный въ дѣлахъ разумъ вѣщаетъ: «нѣтъ, онъ не можетъ всего объять и, основныя два-три положенія рѣшивъ, утомится и посмотритъ на прочее поверхностно. А потому и бояться толковому докладчику нечего, и все пойдетъ по-старому, ежели новое почему-либо нежелательно.

Ошибка ли вышла въ той вѣсти, что привезъ нарочный, другое ли что, но царь не пріѣхалъ ни днемъ, ни къ вечеру, ни на другой день. Напрасно писцы сидѣли всю ночь надъ выписками; напрасно Тарасъ Тарасовичъ поставилъ цѣлую армію чистильщиковъ, что должны были хотя нѣсколько прибрать тотъ путь, по которому можетъ слѣдовать государь. Но особенно жалко ему было тѣхъ напрасныхъ усилій, которыя онъ употребилъ на то, чтобъ народъ былъ веселъ и не такъ ужъ очень пьянъ, не валялся бы посередь дороги. Тарасъ Тарасовичъ былъ официально строгъ и особенно строго обошелся съ богатымъ купцомъ Оболяниновымъ, приказавъ доставить на домъ товару такое количество, что его, повидимому, хватило бы на трехъ полицеймейстеровъ.

Трепетъ, который ощущали всѣхъ родовъ и званій люди при личныхъ сношеніяхъ и даже отъ ожиданія этихъ сношеній съ Петромъ, держалъ всю административную Москву какъ въ лихорадкѣ третій день. Сонъ пропалъ, пили меньше, осматривались пугливѣе. На протяженіи нѣсколькихъ верстъ поставлены были махальныя. А вѣстей все не приходило, царь все не пріѣзжалъ. и гдѣ, и почему застрялъ онъ въ дорогѣ—никто объяснить не могъ, Снѣгъ совсѣмъ стаялъ. Солнце пекло съ каждымъ днемъ сильнѣе, какъ въ концѣ февруарія и не полагается ему печь. Съ крышъ совсѣмъ сползъ бѣлый зимній покровъ. На улицахъ стояли лужи по полуаршина глубиной, а въ иныхъ мѣстахъ и въ цѣлый аршинъ. Когда одинъ слесарь захлебнулся грязной жижей, двѣ лошади провалились, а одна вывихнула ногу, даже поставили загородки. А царь все не ѣхалъ.

Наконецъ, раннимъ утромъ, онъ прибылъ въ повозкѣ на взмыленныхъ, взъерошенныхъ лошадяхъ. Съ нимъ былъ Меншиковъ,

шуть и какихъ-то два невѣдомыхъ голландца, которыхъ онъ привезъ въ Москву для какихъ-то работъ. Палаты были царю давно уже приготовлены, Все было чисто прибрано, стекла въ окнахъ промыты, въ шпалды вставлены новыя восковыя свѣчи, въ чернильницу налиты новыя чернила, очинены новыя перья, насыпанъ отборный песокъ для засыпки написаннаго. Сказалось, что заболѣлъ онъ въ дорогѣ животомъ, который вдругъ похолодѣлъ и докторъ предложилъ ему переждать. Лечилъ онъ его теплымъ французскимъ краснымъ виномъ, опуская въ стаканъ сахару и гвоздики. Сперва болѣзнь не поддавалась леченію, а потомъ стала уступать. Кушалъ царь только куру и рыбу, хотя кура и рыба по церковному обычаю въ эти дни не полагались. А когда настолько дѣло пошло на ладъ, что можно было ѣхать, царю раздуло щеку, ибо вспухла нижняя десна. Щеку обвязалъ докторъ чернымъ шелковымъ платкомъ, а подъ него положилъ суконку. Такъ онъ не только въѣхалъ въ Москву, но и собирался ходить въ ней цѣлый день. Отдыхать Петръ Алексѣевичъ съ дороги не хотѣлъ, точно проѣхалъ онъ не семьсотъ верстъ изъ Питербурха, а прибылъ откуда-то изъ Кунцова. Онъ только переодѣлся, смѣнилъ дорожное платье и сапоги на другіе и сразу засѣлъ за дѣло.

— Ѳедоръ Папченко здѣсь?—спросилъ онъ.

Первый, у кого это было спрошено, не зналъ, кто такой Папченко, за что и получилъ такой пинокъ, что лбомъ растворилъ старую дворцовую дверь и вылетѣлъ въ сосѣднее помѣщеніе. Слѣдующій уже заявилъ, что Папченка привезли еще недѣлю назадъ и онъ ходилъ по Кремлю съ саженкой, навернутой лентой на рулетку, и что-то измѣрялъ. Царь велѣлъ его позвать немедленно.

— Да въ приказѣ посольскій я пройду потомъ, чтобъ всѣ были тамъ. Песцовъ здѣсь?

— Всѣ тутъ.

— Сюда его.

Песцовъ вошелъ и поклонился, какъ будто собирался даже поклониться въ ноги, да царь предупредилъ его:

— Видѣлись, Автономъ Гурьичъ, садись. Какъ дѣла? Что у васъ на Москвѣ?

Автономъ Гурьичъ сѣлъ, но на край стула.

— Живемъ помаленьку,—сказалъ онъ.

— Помаленьку? Это очень скудно.

— Поспѣшишь—людей насмѣшишь.

— Ну, да и тоже медвѣжьими увальнями быть негоже. Да и медвѣдь, когда захочетъ, скокомъ идетъ, а москвичи все слюни распускаютъ. На что больше жалуются?

— Да все къ новому году привыкнуть не могутъ, что онъ начинается съ генуарія. Привыкли очень къ сентябрю. Опять же тѣ,

кто старой вѣры придерживаются, привыкли отъ сотворенія міра годы считать...

— Ну, еще бы, имъ отъ рожденія Христа—слишкомъ близкій срокъ!... Такъ что жъ они?

— Говорятъ, что сотвореніе міра 1-го септембрія было.

— Они почему знаютъ? Звали ихъ? Безъ нихъ обойтись не могъ Создатель?

— Говорятъ, что подъ осень, когда плоды всѣ поспѣваютъ, только и могло быть сіе происшествіе.

— Такъ, въ земномъ полушаріи, что къ норду, поспѣваютъ плоды осенью, а въ томъ, что къ зюду,—нашей весной. Такъ для зюда другое сотвореніе міра было, что ли?

Песцовъ развелъ руками.

— А ужъ этого я не могу сказать.

— Ты бы имъ хоть глобусъ показалъ да изъяснилъ.

— Нешто они глобусу повѣрятъ?

— А тому, что 1-го сентябрія міръ Господь для всѣхъ тварей открылъ—вѣрятъ?

— Это у нихъ отъ дѣдовъ.

— Мало ли что у нихъ отъ дѣдовъ пошло...

— За бороды платятъ, только чтобъ ихъ не трогали.

— Такъ имъ бороды дороги, что вся честь ихъ въ нихъ сидитъ.

Мозгу мало, а волосъ много. Еще что?

— Да что жъ еще? На кулачкахъ нынче бились, такъ четырехъ на смерть заколотили.

— Какихъ такихъ?

— Изъ приказчиковъ да дьячка одного.

— Пущай. Много отъ нихъ пользы...

— А что-жъ, важное что изволите сообщить сегодня въ приказѣ?—осторожно спросилъ Песцовъ.

Царь посмотрѣлъ на него подозрительно.

— А вотъ услышишь. Чего жъ я тебѣ впередъ все говорить буду? Какъ приду, такъ и скажу. Совѣтъ мнѣ нужно отъ васъ.

— Папченко пришелъ,—доложилъ денщикъ

— Зови сюда Папченка,—сказалъ царь.

Өеденька вошелъ и, остановясь у двери, поклонился.

— Сейчасъ пойдемъ,—сказалъ царь.—Все осмотрѣлъ?

— Все.

— Постройка возможна?

— Возможна.

— Скоро?

— Коли въ мѣсяцъ—наскоро будетъ.

Өеденька осклабился и показалъ бѣлые зубы.

— А коли къ осени?—спросилъ царь.

— Прочно будетъ.

- Ручаешься?
 — Поручусь.
 — Это насчетъ чего?—осмѣлился спросить Песцовъ.
 — Вокругъ кремля фортеці новыя.
 — Зачѣмъ?
 — Надо. Даромъ не стану на вѣтеръ деньги швырять.
 — Развѣ на Москву шведовъ ждемъ?
 — Не ждемъ, а на случай. Береженаго Богъ бережетъ. Стѣны-то, Оедоръ, кремлевскія тверды?
 — Стѣны-то тверды. Долго еще простоятъ.
 — А что жъ распаталось?
 — Бойницы.
 — Ну, посмотримъ, идемъ!
 И Петръ поднялся.
 — А черезъ часъ я въ приказѣ буду,—сказалъ онъ Песцову.—
 Чтобъ всѣ собрались.

XXII.

Въ посольскомъ приказѣ была особая совѣщательная палата. Когда присутствовалъ царь, къ столу, крытому бархатной скатерью съ бахромой, придвигали большое золоченое кресло, на спинкѣ котораго были выточены какіе-то единороги и грифы. Подушки на креслѣ были малиновыя, но пылъ въ бархатъ такъ въѣлся, что ее не отчистили даже сырыя щетки. Для остальныхъ членовъ совѣта приказа стояли кресла, а для предсѣдателя—кресло побольше съ изображеніемъ двухъ птицъ: сирина и гамаюна, что, по мнѣнію тогдашнихъ заправиль, шло къ вѣдомству, заправлявшему сношеніями съ иностранными державами.

Въ приказѣ собрались члены собранія заранѣе, чтобы не навлечь на себя какого нареканія за опозданіе. Песцовъ былъ важенъ и сумраченъ. У него спрашивали:

- Государя видѣлъ?
 Онъ киваль головой.
 — Зачѣмъ собрали насъ?
 Онъ таинственно, но значительно говорилъ:
 — Совѣта спрашивать будутъ.
 — О чемъ?
 — Узнаете.

Онъ хранилъ видъ, что знаетъ хорошо, въ чемъ дѣло,—но сказать не можетъ.

— А я такъ думаю, что недовольство по поводу послѣднихъ писемъ въ Вѣну,—глубокомысленно хрипѣлъ старый дякъ Безродный, предположенія и пророчества котораго всегда были противоположны дѣйствительнымъ событіямъ.

Песцовъ отрицательно трясъ головой.

— Насчетъ театрума ничего не спрашиваль? — интересовался Арчаковъ.

— Ничего. До театрума ли, когда задумано нѣчто сурьезное?

«Пронеси, Господи,—думаль Арчаковъ.—Пушай насчетъ сурьезнаго думать будемъ, а театрумъ—похѣримъ».

Пятю минутами раньше назначеннаго часа прибылъ царь. По лѣстницѣ онъ взбѣжалъ, перешагивая длинными ногами черезъ ступеньку. Такъ прежніе цари не вздымались. Ужъ и не молоденькій царь былъ, а одышки отъ такого пробѣга въ немъ не замѣчалось.

— Здорово, мингеры!—привѣтствовалъ онъ собравшихся.— Какъ живете—можетъ? Много блиновъ ѣли на масленой?

Иные ослабились на царскую шутку. Другіе смотрѣли на него исподлобья, точно думали:

«Ладно, ладно! Шутишь ты, шутишь,—а потомъ вдругъ такое занешь, что во всю жизнь не расхлебаешь».

Петръ отодвинулъ наось кресло, сѣлъ на него, пододвинулся къ столу и пригласилъ:

— Пожалуйте, мингеры, садитесь.

Когда, откашливаясь и не торопясь, всѣ усѣлись, а царь, вынувъ изъ кармана записную книжку и футляръ съ очками, посмотрѣлъ на свою запись, сдѣланную каракулями,—вниманіе всѣхъ оказалось настолько напряженнымъ, что слышно было бы пѣніе комара, кабы въ февралѣ мѣсяцѣ они водились. Но надъ столомъ летала только моль, радостная, золотившаяся въ теплыхъ солнечныхъ лучахъ и чувствовавшая себѣ въ посольскомъ приказѣ, повидимому, прекрасно.

— Ну-те, мингеры,—заговорилъ Петръ, и его высокій голосъ мало соотвѣтствовалъ той огромной фигурѣ, которой обладалъ онъ и которая дѣлала его выше всѣхъ въ толпѣ. Еще мальчикомъ онъ пѣлъ на клиросѣ дишкантомъ. А ноты для его голоса, что хранились въ лаврѣ, указывали, что голосъ его никогда не опускался до басовыхъ нотъ.—Ну-те, мингеры, хотѣлъ я совѣтъ имѣть съ вами вотъ о чемъ.

Онъ широко вдохнулъ воздухъ и, сложивъ палецъ въ палецъ, оперся руками о столъ.

— Давно уже я задумаль, что необходимо для государства нашего крѣпче хранить права гражданскія и всякія иныя. Ежели закономъ играть какъ картами, подбирать масть къ масти, какъ игроку выгодно,—то и выйдетъ то, что у насъ бывало, но чего нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ. Доселѣ у насъ есть въ приказахъ такіе чловѣки, что подѣ фортецію правды всякія мины зѣло тшатся подводить. Половить рыбу въ мутной водѣ охотниковъ много. Коли вѣшать ихъ—лѣса на висѣлицы не хватить. Надо точно опредѣлить, какъ каждый поступать долженъ, и отобрать у всѣхъ слу-

жащихъ присягу, что они впредь не будутъ душою кривить. Тебѣ, кажись, Коловратовъ, то, что я говорю, не по сердцу?

Коловратовъ зашаркалъ подъ столомъ ногами.

— Съ чего, ваше величество, вамъ такъ изволило показаться?—спросилъ онъ.

— Ликъ тебѣ какъ бы перекривило на сторону?

— А меня иногда всего такъ кривить, ваше величество. Старъ сталь.

— А коли старъ, чего жъ ты здѣсь сидишь?

И, не давъ ему времени на отвѣтъ, онъ обратился къ тѣмъ, что сидѣли противъ Коловратова.

— Кто съ небреженіемъ дѣло дѣлаеть, тотъ да будетъ проклятъ,—продолжалъ онъ.—И кто противъ указовъ нашихъ пойдетъ и учинить упрямство—тотъ наказанію подлежитъ. И кто вину своего сослуживца знаетъ и помогать ее скрыть,—равное ему осужденіе съ виновнымъ. А чтобъ вообще не повадно кривить совѣстью было, думаю я, что на виновныхъ надо накладывать денежные штрафы,—не дѣтскіе, но чувствительные. А чувствительнымъ я называю, къ примѣру, отнятіе чина и трети всего движимаго и недвижимаго, что онъ имѣеть... Вижу я по лицамъ многихъ господъ совѣта, что сіе имъ не по мысли. Но стоитъ всѣмъ все чинить по закону, чтобъ чаша эта миновала ихъ.

Онъ сдѣлалъ небольшую паузу.

— Первымъ шагомъ къ сему, думается мнѣ, идетъ переименованіе всѣхъ приказовъ въ коллегіи. Такъ, будетъ бергъ-коллегія, что будетъ заниматься горными дѣлами. Въмѣсто вашего приказа будетъ коллегія политическая и прочее въ этомъ родѣ. Чтобъ слѣдить за правильностью дѣлъ, полагаю я назначить генераль-прокурора, а помощниками ему прокуроровъ. И тѣ прокуроры будутъ засѣдать на совѣтахъ коллегій, и наблюдать за ходомъ дѣла, чтобъ оно дырявымъ не было.

— Какой прокуроръ навернется!—сказалъ шопотомъ кто-то.

— Кромѣ сего,—продолжалъ царь:—думаю я учредить должность генераль-фискала, и въ каждой коллегіи по фискалу. Ежели увидятъ они что незаконное—сейчасъ уличать преступныхъ передъ судомъ. Теперь многіе,—возвышая голосъ и гнѣвно смотря то на того, то на другого, продолжалъ Петръ Алексѣевичъ,—многіе отговариваются тѣмъ, что не знали такого закона, который они преступили. Таковыя оговорки принимать нельзя. Ежели кто служить и жалованье за свою службу получаетъ,—какъ же онъ можетъ отговариваться, что уставовъ государственныхъ не знаетъ? Вѣдь ни одинъ офицеръ арміи не можетъ отговариваться незнаціемъ артикула? Почему же гражданскіе чины отговариваться могутъ? Ужъ не такъ же имъ много дѣла по утрамъ на службѣ, чтобъ не было вре-

мени законъ выучить? И вечера, и праздники, и ночи—длинные бываютъ. Такъ вотъ я, повѣдавъ вамъ сіе, и хотѣлъ послушать, какъ вы на это смотрите и какое на сей счетъ имѣете разсужденіе?

Онъ посмотрѣлъ еще разъ на присутствовавшихъ, и такъ какъ паузы не любилъ, то спросилъ сейчасъ же:

— Ты какъ, Автономъ Гурьевичъ, на этотъ счетъ думаешь?

— Думаю я, ваше величество,—началь Песцовъ:—что коллегіи такія, какія существуютъ въ Европѣ, намъ нельзя еще завести.

Петръ вахмурился, и щека его заиграла, точно муха на нее сѣла.

— Почему?

— Рапо.

— По-твоему, непривычны еще русскіе къ этому?

— Желаете, ваше царское величество, чтобъ вчерашній приказный дьякъ былъ сегодня хорошимъ чиновникомъ коллегіи.

Царь посмотрѣлъ на Коловратова. Тотъ смотрѣлъ на чистый листъ бумаги, лежавшій передъ нимъ, и не поднималъ глазъ.

— Знаю, что вамъ по первоначально трудно будетъ,—возразилъ онъ.—Что жъ, придется для порядка иностранныхъ чиновниковъ принимать. Не люблю я этого—не хочу нѣмцами заполнять мѣста, что русскими заполнены быть должны,—а ничего не подѣлать.

Онъ сердито началъ вертѣть карандашъ въ рукахъ, и щеки его все сильнѣе стали сводиться судорогой, что было куда страшнѣе, чѣмъ то подергиваніе, что замѣчалось четверть часа назадъ у Коловратова.

XXIII.

— Не хочу я на сіи мѣста назначать нѣмцевъ и австрійцевъ, хотя на коллегіяхъ они собаку съѣли,—заговорилъ онъ снова.—Ужъ скорѣе я бы остановился на шведахъ. Я довѣряю имъ больше.

— Однако въ арміи...—послышался чей-то несмѣлый голосъ.

— Такъ то въ арміи!—оборвалъ царь.—Еще немного годовъ назадъ у насъ была не армія, а ополченіе. Войска наши встрѣчаются съ войсками нашихъ враговъ, и посему должны быть обучены такъ же, какъ они. Надо перенимать у сосѣдей всякое войсковое нововведеніе, дабы отъ нихъ не отстать. Нѣтъ у насъ со старымъ московскимъ ополченіемъ ничего общаго въ новой арміи, ибо въ ней царствуютъ дисциплина и экзерцисъ. И въ гражданскихъ дѣлахъ надо потребу государственную помнить отечества нашего. А потреба сія значительно отличается отъ потребъ иноземныхъ. Для того и думаю я включить иноземцевъ въ коллегіи наши, дабы они научили насъ порядкамъ новымъ, намъ мало знакомымъ...

Вдругъ Коловратовъ поднялъ глаза и старческими, но хитрыми глазами посмотрѣлъ на государя.

— Хотя ваше величество и указали, что пора-де мнѣ, старому псу, въ отставку, но все же дозволите мнѣ сказать слово?

Брови царя опять сдвинулись. Онъ ничего не сказалъ, тольکو утвердительно мотнулъ головою и еще судорожнѣе сталъ вертѣть карандашъ.

— Оно точно, очень мы сѣры, и безъ заморской палки жить не можемъ,—благодушно-елсейнымъ голосомъ заговорилъ приказный.—И во всѣхъ коллегіяхъ иноземцы—шведы ли, англичане ли, австрійцы ли—нужны для порядка...

— Какъ мѣра временная,—вставилъ царь.

— Какъ мѣра временная,—повторилъ Коловратовъ,—и безъ нихъ мы не обойдемся. Но есть двѣ коллегіи, въ коихъ какъ быдто безъ иноземныхъ служащихъ обойтись надо.

Онъ сдѣлалъ передышку и посмотрѣлъ на потолокъ, гдѣ по штукатуркѣ давно уже расплзлись трещины.

— Чего жъ ты сталъ?

— Я не сталъ, а привыкъ, ваше величество, размышлять прежде, чѣмъ скажешь. Такъ вотъ, говорю я, есть двѣ коллегіи. Первая—церковныхъ дѣлъ, буде такую ваше величество тоже измышляете, и засимъ—наша коллегія, что будетъ вѣдать сношенія съ другими государствами.

Онъ повернулъ голову въ сторону, гдѣ сидѣлъ царь, и дѣланно-наивно сказалъ:

— Вотъ все, что я собирался доложить.

— Полагаю,—началъ Петръ, усмѣхаясь:—что въ церковныхъ дѣлахъ намъ невмѣстно быть съ нѣмцами, ибо они суть персоны не нашей вѣры. Да и вообще думаю, что церковное управленіе такъ именоваться не можетъ, потому уже, что папскія учрежденія называются коллегіями. Намъ надлежитъ, какъ государству, приѣмлющему греческую вѣру, наименованіе «синаода» или чего-либо въ семь родѣ. Въ коллегіи же, вѣдающей дѣла иноземныхъ державъ и сношенія съ ними, на первыхъ порахъ необходимо есть завести намъ порядки заморскіе, которые токмо могутъ показать намъ заморскіе люди. Но думаю, что для изученія сихъ порядковъ должно послать вострыхъ молодыхъ людей въ Парижъ и Лондонъ, дабы они и съ порядкомъ производства дѣлъ ознакомились. Желательно, дабы лучше языки иностранные знали, чѣмъ знаютъ теперь, ибо мнѣ указывали неоднократно на столь несуразныя слова, употребляемыя отъ нашего приказа, что написанное можно понять въ превратномъ смыслѣ. Сіе же вредно и можетъ за собой повести неисчерпаемыя послѣдствія. Изъ словъ же Коловратова вижу, что говорить въ немъ не желаніе помочь мнѣ и государству послужить, а боязнь, что нѣмецъ ему на шею сядетъ.

Коловратовъ опять кротко посмотрѣлъ на государя.

— Я, точно, не хотѣлъ бы, чтобъ иноземные люди на шеѣ у насъ сидѣли,—заговорилъ онъ.—Ужъ какъ тамъ ни говори, а они будутъ все въ свою пользу гнуть. Все сіе до меня персонально не относится, ибо я, по повелѣнію вашего царскаго величества, ухожу отселѣ на покой.

— И чего ты врешь? Никогда отъ меня такого повелѣнія не было!—крикнулъ Петръ.

— Намекъ вашего царскаго величества—для меня священная воля!—проговорилъ Коловратовъ, и опять посмотрѣлъ на потолокъ.

— Ну, такъ вотъ, желалъ бы я узнать отъ господъ совѣта,—продолжалъ царь,—не то, что я слышалъ сейчасъ, а указанія на тѣ недостатки, кои въ приказѣ чувствуются, и кои первымъ дѣломъ отместить слѣдуетъ.

— Вы, ваше величество, въ чемъ, собственно, главнѣйшія наши прорухи видите, и что, по-вашему, желательно бы искоренить?—спросилъ Песцовъ.

Царь вдругъ разломилъ карандашъ пополамъ, каждую половину еще пополамъ и отбросилъ обломки на середину стола.

— Я-то знаю,—почти крикнулъ онъ:—знаю всѣ ваши дыры и заплаты. Но такъ какъ не я докладъ вамъ, а вы мнѣ даете, то не я обязанъ, а вы предъ мною высказаться должны.

— У насъ теперъ въ Москвѣ многіе изъ дворянскихъ дѣтей по французскому говорятъ,—несмѣло замѣтилъ Арчаковъ,—и даже промежь себя, такъ что не токмо слуги, а и отецъ съ матерью не понимаютъ, о чемъ они разговариваютъ.

— Не токмо мнѣ свободный разговоръ желателенъ, но и точный переводъ тѣхъ писемъ, что сюда приходятъ, и отсюда мы посылаемъ,—сказалъ государь.—А что ты про отца съ матерью упомянулъ, тѣмъ для нихъ хуже, что дѣти больше ихъ знаютъ. Когда дѣти учатся, и они бы однимъ глазкомъ на французскую грамоту смотрѣли. Пригодится. А то они не понимаютъ, что дѣти лопочутъ, можетъ, тѣ говорятъ: «вотъ зажились старые, пора имъ въ гробъ, а мы бы ихъ казнѣ очи протерли».

Царь опять обвелъ глазами присутствовавшихъ и опять остановился на розовомъ и гладкомъ лицѣ Коловратова, но тотъ, склонивъ на бочокъ головку, проговорилъ:

— Радуюсь, что дѣтей у меня нѣтъ въ домѣ.

— А у тебя, кажись, дочь была?

— Замужемъ, ваше величество, за Облаковымъ.

— Капитаномъ?

— Капитаномъ.

Лицо царя прояснѣло.

— Онъ парень шустрый. Мы съ нимъ Азовъ брали. Онъ тогда много азовской тѣспотѣ способствованія оказалъ.

— Рассказывалъ онъ, какъ же.

— И внуки есть у тебя?

— Мальчонка.

— Какъ звать?

— Петюха.

— Тетка мнѣ, значить!

Вошелъ денщикъ Нартовъ и, видя, что никакихъ особыхъ дѣлъ нѣтъ, наклонился къ уху государеву.

— Спрашиваютъ, ваше величество, когда принять можете?

— Кого?—нахмурясь, спросилъ Петръ.

— Особы духовныя.

— Духовныя?

Онъ посмотрѣлъ на часы, что тикали посерединѣ стола.

— Скажи, чтобъ ко мнѣ черезъ часъ приходили. Я свободенъ буду, и потолкуемъ.

Нартовъ кивнулъ головой, дескать,—слушаю, и пошелъ прочь.

XXIV.

— Ну, мингеры, такъ какъ же? Что же измѣнить надлежитъ въ посольскомъ приказѣ? Что у васъ всѣхъ рты зажаты?—спросилъ царь.

— Такое мое мнѣніе, ваше величество,—началь Арчаковъ:—что надо первымъ дѣломъ комедіальную хоромину отъ насъ отобрать.

Петръ удивился.

— Экъ ты о чемъ! Развѣ сіе важно? Да и почему?

— Несовмѣстно съ дѣломъ нашимъ.

— Слыхали это.

— А второе, окромѣ убытка, нѣтъ отъ его ничего. Никакой радости.

Царь нервно перекинулъ одну ногу на другую.

— Не умѣете вы сдѣлать что путное. Какъ дѣло новое, такъ вы и раскиснете.

— Мы дипломатію должны вести съ дворами заморскими, а комедіантами завѣдывать трудно.

— Да къ шутамъ-то тебѣ ровно бы ближе быть, чѣмъ къ англичанамъ или итальянцамъ?—рѣзко проговорилъ Петръ.—Ээхъ, Москва родная!

Онъ сталъ стучать ладонью по ручкѣ кресла.

— Думалъ я, что театръ большой мнѣ помощью будетъ. Разъяснять онъ многое народу долженъ. Совсѣмъ я въ этомъ дѣлѣ обманулся.

— У насъ съ нѣмцами большое разногласіе,—продолжалъ Арчаковъ.—Не желаютъ ихъ слушаться—и конецъ. Жалуются, что надъ нами начальствомъ иноземецъ поставленъ.

Петръ ударилъ ладонью по столу.

— Не въ начальство я ставлю среди васъ нѣмцевъ, а для порядку. Что дѣлать, коли къ порядку никто не приученъ и, кромѣ грязи и хлама, ничего отъ васъ ждать нельзя. Вотъ всѣ думаютъ, что я люблю нѣмцевъ. Врутъ. А терплю я ихъ. Не начальство—нѣмецъ надъ вами, а образчикъ,—пропись того, какъ работать надо. Вѣдь мы юфти и той дѣлать не умѣемъ; сафьяна, какъ надо, обработать не можемъ: все у насъ по старинѣ—казанская, татарская обработка. А смотри-ка, англичане какъ шкуры дубить умѣютъ: бархатъ одинъ, а не шкура. И въ приказномъ дѣлѣ? Нешто такъ служить, какъ у насъ? Въ Кенигсбергъ приѣдешь, ужъ совсѣмъ другая выправка. У насъ пока встанутъ да помоются, да лобъ начнутъ крестить, смотришь, поль-утра прошло... А голландцы, какъ солнце взойдетъ, круглый годъ на работѣ! Дома бабы моютъ, шьютъ, стряпаютъ. Кухарки не токмо въ домахъ стекла и стѣны изнутри моютъ, а и снаружи и на улицѣ панели и мостовую всю шваброй протираютъ. Чуть соръ на улицу выбросишь, подбирать заставляютъ... А у насъ зимой и мужика съ печи не сгонишь, чтобъ поѣхалъ въ лѣсъ себѣ дровъ нарубить,—не токмо чтобъ на общественную работу.

Царь всталъ, отбросилъ въ сторону тяжелое кресло, точно это былъ соломенный стуликъ.

— Вижу я, что врасплохъ засталъ васъ: надуманнаго у васъ ничего нѣтъ,—закончилъ онъ.—А пошевелите вы мозгами, и вотъ какъ слѣдующее собраніе у насъ будетъ, такъ обо всемъ подробно и доложите. И о прорѣхахъ въ своемъ дѣлѣ, и о томъ, что желательно, и какъ измѣнить, чтобъ лицомъ въ грязь передъ Европой не ударить. А я во время присутствія какъ-нибудь въ приказъ навѣдаюсь: надлежитъ мнѣ порыться въ архивахъ.

Всѣ встали, едва Петръ поднялся, и стояли возлѣ своихъ мѣстъ, гдѣ сидѣли.

— Архивами Петръ Иванычъ Коловратовъ завѣдуетъ,—сказалъ, вздыхая, Песцовъ.

— Все въ порядкѣ,—замѣтилъ Коловратовъ.—Ваше величество приказать изволите подобрать дѣла и вынуть къ приѣзду вашему которыхъ потребны?

Петръ сощурился.

— Да,—медленно сказалъ онъ.—Вынь ты мнѣ всѣ бумаги, что отъ времени рожденья моего и до стрѣleckаго перваго дѣла были по сношеніямъ съ Англійей.

— Тутъ и подбирать нечего, все въ порядкѣ за нумерами. Это ужъ мое вѣдѣнье...

— Такъ приготовь. Ну, а я пойду! Значитъ, подумайте, мингеры,—что, какъ и прочее. Обмозгуйте дѣло. А ты, Песцовъ, зайди ко мнѣ передъ вечеромъ. Побалакать съ тобой надо.

И онъ, кивнувъ головой, пошелъ къ выходу, а Песцовъ, забѣгая впередъ и отворяя ему дверь, шепнулъ:

— Не понялъ я, ваше величество, какъ велѣли насчетъ Колоратова: убрать его съ должности?..

— Не говорилъ я «убрать»... Пусть сидитъ старый чортъ.

— Память у него изрядная,—чуть что, всё къ нему бѣгутъ.

Царь не отвѣчалъ ему, а спросилъ у Нартова:

— Къ сестрѣ послали? Вернулся посланный?

— Только сейчасъ вернулся. Самихъ васъ просятъ. Не могутъ сами: недужится.

— Ну, инъ ладно. Пойдемъ-ка со мной, Нартовъ. Князь Александръ по дѣламъ поѣхалъ?

— Князь отбылъ съ полчаса назадъ.

Въ прихожей подали Петру плащъ, шляпу и палку, и многіе въ землю валились, а отъ такихъ поклоновъ онъ уже отвыкъ въ Питербурхѣ. Здѣсь старый московскій укладъ еще чувствовался. Можно было перемѣнить длиннополые кафтаны на короткіе французскіе мундиры, собольи охабни на заморскіе плащи, обрить у служиваго люда бороды, но нельзя сразу было уничтожить тотъ укладъ, который заведенъ былъ вѣками. Въ наши дни только въ монастыряхъ осталась та старая истовая привычка земныхъ поклоновъ, лобызанія рукъ и хожденія вокругъ сгорбившихся, которая заведена была въ далекую-далекую пору. И когда Петръ пріѣзжалъ въ Москву, все казалось ему, что онъ переносится къ дѣтству, что на голову ему надвигаютъ мѣховую шапку, а шею и плечи укутываютъ безчисленными платками.

— Ровно изъ погреба какого на Божій свѣтъ выходишь,—сказалъ онъ Нартову, когда они двинулись черезъ площадь по разрыхленному, слегка подмерзающему снѣгу. Охъ, долго придется еще варить Москву, пока должный наваръ будетъ.

— А будетъ ли наваръ?—спросилъ Нартовъ.—Здѣшній людъ крѣпкій,—его не прошибешь ничѣмъ. Къ палкѣ онъ привыкъ... А вашего величества порывистая обнаженность, имъ непонятна...

— Какъ ты сказалъ?—переспросилъ Петръ.

— Порывистая обнаженность. Я много думалъ, какъ вашу кипучесть назвать, и вотъ остановился на этомъ.

— Хорошо. Пусть будетъ такъ. Порывистая обнаженность!.. Хорошо!

— Что на посольскихъ обѣдахъ ногами бояръ вы пхали, по щекамъ били и саладъ въ носъ набивали, покуда кровь не пошла,—то всё помнить. Что патриархъ, изъ угоды вамъ, на фейерверкѣ смотрѣлъ и плясалъ въ облаченіи, это хорошо у всѣхъ на памяти. А про то, что милости изъ васъ изливались,—это какъ будто позабыли. Что ваше величество отходчивы, непамятозлобны, не всё это знаютъ, а что вы въ первомъ жарѣ вспыльчивы, про то вѣдаютъ всё.

— Правду, знаешь, кто обо мнѣ вѣдаетъ?—спросилъ царь, повернувъ лицо къ Нартову.

— Кто?

— Господь Богъ. А люди—больше демонскія пакости мнѣ дѣлають, чѣмъ помогаютъ. Но лучше явный врагъ, чѣмъ лицемѣръ и льстець.

— А чего, государь, вы сегодня утромъ на крылечкѣ съ желтымъ человѣкомъ говорили?—спросилъ Нартовъ:—мнѣ онъ сказалъ, что отставной...

— Вотъ хорошо, что напомнилъ.

Царь распахнулъ плащъ и вытащилъ изъ кармана записку.

— Я тутъ карандашомъ нацарапалъ его фамилью. Распорядись. Велѣлъ я, чтобъ этому полковнику Степанчикову производить по смерти дачу жалованья. Такъ раненъ, что и въ строю оставаться не можетъ. Да распорядись, чтобъ изъ отписныхъ деревень ему пятьдесятъ дворовъ дали. Онъ кровь проливалъ, и нарочито проливалъ, у меня на глазахъ. А нынѣ околѣваетъ, какъ песь, съ голода. Другимъ служить будетъ неохотно, когда за вѣрную службу нѣтъ и награды. Для такихъ я не скупъ. А если я о такихъ не буду печься, кто же позаботится о нихъ?

— Это точно. Всѣ приказы о сокращеніи расходовъ ревнуютъ.

— Коли добрыхъ людей голодомъ морить, — пожалуй, такое сокращеніе расходовъ не на радость государству будетъ. О голодѣ заговорили, меня на пищу позываетъ. Что на обѣдъ мнѣ сегодня готовить, не слыхалъ?

— Щи кислыя, съ головизной.

— Добре.

— Заливное. Потомъ каша. Жареныя караси съ огурцами. Мундохъ лимоновъ здѣсь хорошихъ раздобылъ. Лимбургскій сыръ съ собой везли. Венгерскаго здѣсь много, какого хочешь.

— Добре. А про какихъ поповъ ты поминалъ?

— Геннадій, что ли, сѣдобородый такой...

— Всѣ они сѣдобородые. До обѣда приму. Притомился я, сидячи въ возкѣ, вотъ размять ноги и захотѣлось, для того и идемъ.

— Да вѣдъ вы, государь, ужъ ходили съ зодчимъ стѣны осматривать?

— Много ли я ходилъ! А вотъ что ты скажи мнѣ. Велѣлъ мнѣ лекарь, какъ тебѣ вѣдомо, ежедневно отъ застоевъ крови какую-нибудь ручную работу дѣлать, а здѣсь у меня въ покояхъ, окромя токарнаго станка, я ничего не вижу.

— Ужъ не знаю, что найти вамъ подходящее: дрова рубить или пилить—негоже.

— Чѣмъ негоже?

— Подумають, царь балуется. Непрстойно, моль, царю, по-мазаннику Божію, такой работой заниматься.

— А спать на лежанкахъ имъ пристойно, когда дѣло стоитъ? Ты велика мнѣ бревна три принести въ сосѣднюю со спальней горницу, вотъ утромъ и попилимъ съ тѣмъ, кто первый придетъ, и вгонию кого-нибудь въ потъ. А не подвернется никто, съ тобой пилить буду.

— Я съ радостью.

— Ужъ очень они мнѣ досаждаютъ, московскіе межеумки, какъ послушаю ихъ, посмотрю на ихъ рожи, такъ и разстроюсь... Любятъ они все съ прохладцей дѣлать, а я хочу, чтобъ кипѣло. Жить-то мнѣ, можетъ, и недолго, можетъ, всего мѣся лѣтъ на десять хватить, ну, и охота, чтобъ поскорѣе все свершеніе было... А они все кланяются, да уговариваютъ не торопиться. Тюлени, какъ есть бѣломорскіе тюлени.

XXV.

Царь не заставилъ долго дожидаться владыку Геннадія. Шестая своей шелковой рясой, онъ степенно вошелъ въ пріемный покой, покрестился на иконы, поклонился слегка тѣмъ, что раньше пришли, далъ благословеніе Нартову и спросилъ:

— Хорошо доѣхали?

— Во благополучіи,—отвѣчалъ Нартовъ.

— Волковъ не видали?

— На московскомъ трактѣ теперь они распуганы.

— А много люда ѣдетъ?

— Страсть. Такъ и выпираетъ.

— Скажи пожалуйста! Не люблю я волковъ. Адскіе огоньки въ очахъ ихъ свѣтятся въ тьмѣ.

Онъ опустился въ кресло и сложилъ на брюшкѣ ручки.

— Такъ что государь въ добромъ здравіи прибылъ?

— Въ добромъ.

— На что лучше! А какъ онъ насчетъ состоянія... такъ сказать, духа?

— Ничего.

— Сердили его, небось, съ утра наши старички?

— Извѣстно, сердили.

— Это они могутъ. Только охота государю ради нихъ въ сердце входить? Мало ему заботы?

— Государю на всѣхъ сердца хватить.

Облачко какъ будто пробѣжало по лицу владыки.

— Что жъ, на меня ему нечего гнѣваться!—сказалъ онъ.— Еще два года тому назадъ мнѣ было сказано: «Коли будетъ у тебя что на душѣ, не таись, высказывай откровенно»...

Онъ посмотрѣлъ на узорную стѣну, гдѣ искусный живописецъ вывелъ разныя закорючки травъ и лазоревые цвѣты, а повыше

Адама и Еву возлѣ древа познанія, и змія, обвинившаго его стволъ. Адамъ былъ тощій, съ выдавшимися ребрами и ключицами, а Ева—строгая, пожилая баба, державшая въ рукѣ ярко-красное яблоко. Нартовъ тоже поднялъ глаза кверху и тоже посмотрѣлъ на прародителей.

— Какъ будто головы ихъ малы, а сами они очень длинны,—сказалъ онъ.

— Потому что въ расчетѣ ошибся иконописецъ,—сказалъ старикъ.—Столь длинныя фигуры для верхнихъ поясовъ живописи пишутъ, такъ какъ, когда снизу смотришь, все въ укороченномъ видѣ кажется...

Они помолчали и созерцали въ молчаніи и змія и деревья райскія.

— А былъ ли у Адама пупъ?—спросилъ владыка.—Ежели онъ былъ сотворенъ, а не рожденъ, то и пупа у него не было.

Нартовъ покрутилъ головою и ничего не отвѣтилъ.

Въ сосѣднемъ покоѣ раздалось хлопанье въ ладоши: это царь звалъ денщика. Нартовъ пошелъ и, воротясь, попросилъ пожаловать владыку къ государю.

Владыка осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, полугромко промолвилъ: «Господи, помилуй!» и двинулся, шурша мантией, къ двери.

Встрѣтилъ его царь среди комнаты, сказавъ издали:

— Ваше архипастырство, добраго здоровья.

Старикъ благословилъ его, для чего царь склонилъ свою голову. Хотѣлъ ему старецъ подсунуть къ устамъ панагію, но Петръ облобызалъ ему руку, а тотъ въ отвѣтъ облобызалъ царскую десницу.

— Ну, зачѣмъ пожаловалъ? Садись,—сказалъ хозяинъ и показалъ ему на кресло.

— Не думалъ я, что ты, государь, безъ промедленія, такъ сейчасъ съ дороги меня и примешь.

— Да вѣдь ты же прислалъ сказать, что нужду во мнѣ имѣешь и желаешь видѣть меня скорѣе?

— Желалъ я побесѣдовать съ тобою, пока ты не видался еще съ москвичами. Хотѣлось предупредить тебя.

— Опоздалъ, старче. Уже сидѣли мы въ посольскомъ приказѣ. Прежде, при отцѣ, съ бородами сидѣли, а теперь бритые у всѣхъ подбородки. А разницы какъ будто никакой и нѣтъ.

— Не въ бородѣ дѣло. Объ ней я и хотѣлъ, государь, говорить съ тобою.

Судорога заиграла на щекѣ царя.

— То-есть такъ мнѣ эта борода надоѣла, такъ надоѣла... Что же, недовольны мной москвичи?

Старикъ ясно и спокойно посмотрѣлъ на царя.

— Недовольны.

— Что же говорятъ?

— Говорятъ, что только псы да коты съ усами ходятъ.

— Слышалъ. Что котомъ. меня зовутъ иносказательно среди старообрядцевъ, и это знаю.

— Да вѣдь какъ будто такой это пустякъ, что этимъ раздражать-то народа и не надлежитъ.

— По духовному чину желаешь нотации мнѣ читать?

— Предупрежденія только дѣлаю.

— Знаю. И насчетъ долгополыхъ одеждъ недовольство знаю. Что имъ короткія полы помѣшали?

— По нашему русскому морозу какъ будто шуба и больше намъ идетъ?

— А знаешь, владыко, что я скажу? Ты вотъ мнѣ поученія читаешь, я тебѣ тоже его дамъ.

— Слушаю.

— Оставь ты заботиться о портныхъ и брадобреяхъ. Не твое это дѣло. Заботься ты о дѣлахъ церковныхъ. Если бы ужъ такъ хорошо въ вашемъ огородѣ было, ну, Богъ съ тобой, вали тогда камни на сосѣднее мѣсто. А вѣдь ужъ не такъ чтобы очень аховое дѣло у васъ было? Кабы сами вы безъ сучка и задоринки были, ну, такъ. А то вѣдь бревно у васъ въ очахъ здоровое, а спицу у ближнихъ видите.

Но Геннадій никакого раздраженія не обнаружилъ.

— Почему ты думаешь, государь, что и одежда наша исконная, и борода къ церкви не относится?

— Потому что и шубы наши, и охабни, и шапки, все отъ татаръ пошло. Еще у васъ, духовенства, византійскій орнатъ и парча остались, вы неукоснительно за старину держитесь, а въ гражданскихъ одеждахъ, ну, чего вамъ за татарское добро держаться? Я съ тѣхъ поръ, какъ голландское платье ношу, куда вольнѣ себя чувствую. А владыки церковные всегда противъ куцой одежды были. Еще прадѣдъ мой, Ѳедоръ Никитичъ, по Москвѣ въ польскихъ контушахъ ѣздилъ и бороду пробривалъ, это еще до того, какъ его насильно въ монашество постригли. Ему патриархъ поновленія не давалъ въ посту, говорилъ, что онъ бѣсомъ запоганенъ... Ну, о чемъ ты говорить со мной пріѣхалъ?.. Говори скорѣй, а то времени немного. Вишь, часъ-то который.

— Надо бы объ дѣлѣ этомъ неспѣша побесѣдовать,—заговорилъ владыка.

— Все у васъ неспѣша!

— Ну, да скажу я вкраткѣ. Вотъ что, государь... Нѣмецкое силье все сильнѣй на Москвѣ пошло.

Царь насторожился.

— Въ чемъ?

— Да во всемъ. Товары нѣмецкіе возить къ намъ начали. Русскихъ упцовъ кругомъ обирають. А главное—такъ нѣмцы смотрять на насъ, какъ будто мы черви какіе, а они королевичи заморскіе. Посмотри, какіе участки земли покупать они стали? Возлѣ церковей православныхъ селятся бокъ-о-бокъ, и свое непристойное поведеніе показываютъ во время обѣденъ и вечеренъ. А когда замѣчаютъ имъ, что негоже такъ поступать, они на тебя ссылаются: «Царь-де насъ любитъ, все дѣлать мы можемъ, а вы нишкнутъ должны». Мнѣ на сихъ дняхъ одинъ нѣмецъ говорилъ: «Не ваша вѣра, а всякая—только мѣшаетъ людямъ, не блюсти-де вѣру надо, а искоренять»...

— «И рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Бога»,—иронически замѣтилъ Петръ.

— Такъ я и полагаю, что обуздать бы ихъ слѣдовало, дабы соблазна отъ ихъ рѣчей не было.

— И обуздаемъ. Селиться имъ возлѣ нашихъ церковей воспрещеніе дадимъ. А за рѣчи пустячныя тоже они должны отвѣтъ нести. Не хотятъ нашего русскаго уклада, пусть домой ѣдутъ, за море. Скатертью дорога. Держать насильно не будемъ.

— Сладко твои рѣчи слышать, государь,—смирненно проговорилъ Геннадій.—Стонетъ отъ нѣмецкаго засилья Москва. А если ты приказъ издашь, чтобъ имъ неповадно было надъ нами глумиться, великое добро отъ того отечеству будетъ.

— Обѣщай, что сдѣлаю, значить, оно такъ и будетъ. Слово мое твердо. Что разъ я сказала, того повторять не надо—крѣпко будетъ и безъ того... А еще что?

— Когда стояла Нѣмецкая слобода при батюшкѣ твоемъ на самомъ краю Москвы,—продолжалъ Геннадій:—все спокойно было. Тише воды, ниже травы нѣмцы были. Ходятъ, палочками помахивають, шляпочки скидываютъ, руку подають: «ну-нѣ ви гець?» Чувствовали они надъ собой власть не то что царскую, а народную. Изрѣдка шутя ихъ попугивали: «А вотъ мы ноченьку потемнѣе выберемъ, да къ вамъ въ слободу и нагрянемъ, соломки прихватимъ, пожей подлиннѣе. Чтобъ свѣтлѣе было, съ четырехъ сторонъ запалимъ...» И такъ-то хорошо все было, такъ всѣ довольны другъ другомъ были... А теперь совсѣмъ другое дѣло. Какъ изволилъ ты да сестрица твоя Наталья Алексѣевна въ слободу къ нимъ въ заморскомъ платьѣ поѣхать, такъ и началось у нихъ: носы они подняли кверху, хвосты распустили. Мы-де ближайшіе къ царю люди.

— Ну, а что же, вы огрызнуться не сумѣли? Повѣрю я!

— Огрызнуться-то мы умѣемъ. А только боятся многіе твою немилость на себя навлечь.

XXVI.

Царь стукнулъ кулакомъ по столу.

— Боятся! А, небось, стрѣльцы не боялись, когда къ горлу мнѣ ножъ приставили? Небось, не боялись они, когда за сестрой Софьей шли и противъ меня имѣли въ мысляхъ: его, дескать, придушимъ, а ее на престолъ возведемъ?

— Ну, да вѣдь Софью въ Новодѣвичій монастырь свезли, а стрѣльцамъ головы порубили да перевѣшали...

— А ваше благоутробіе полагаетъ, что ихъ слѣдовало по головкѣ погладить и подъ ихъ ножи шею подставить, какъ теленку глупому?

— Этого я не полагаю. Изъ чего твое царское величество гнѣваться изволишь, не понимаю! Надлежитъ спокойно обсудить положеніе дѣлъ.

— Не могу я спокойно разсуждать, ежели вижу, что москвичи, когда не нужно, хвостъ поджимаютъ и стоятъ въ сторонкѣ. Лукавый вы народъ. Не могу я одинъ за всѣхъ работать! Помощниковъ мнѣ надо. Ты вотъ намекалъ на то, что я собственноручно головы рубилъ стрѣльцамъ? Да я у сына родного также голову отрубилъ бы, если бы въ томъ пользу государству видѣлъ. О томъ, грѣшенъ я передъ Богомъ, нѣтъ ли, я самъ Ему отвѣтъ дамъ, и не ваша это печаль!

— Ежели говорю я, время драгоцѣнное у царя отнимаю,—возразилъ владыка:—такъ чаю, что изъ разговора сего толкъ будетъ. Къ пользѣ государственной и я клоню. Въ сердцѣ моемъ полагаю, что правъ я, и потому гнѣвъ твой, какъ несправедливый, перенести могу философически.

Глаза пастыря церкви и государя встрѣтились. Долго они смотрѣли другъ на друга, но рѣсеницы ни у того, ни у другого не опустились.

— Я твои рѣчи цѣню,—началь снова Петръ:—но хорошенько въ толкъ не возьму, къ чему ты клонишь?

— Къ тому, что отъ нѣмецкаго засилья надо избавить Москву. И избавленіе сіе двоякимъ путемъ отъ тебя изойти должно.

— А ну-ка, доложи.

Геннадій забралъ въ себя побольше воздуха, что онъ всегда дѣлалъ по старой привычкѣ, когда долженъ былъ произнести длинный періодъ.

— Первос. Долженъ ты цыкнуть на нѣмцевъ. Объяснить имъ, что коли заводишь ты у насъ заморскіе порядки, такъ изъ того не слѣдуетъ, чтобы нѣмцы въ руки палку взяли и себя начальствующими людьми считали. Они по найму дѣйствуютъ и указанныхъ границъ переходить не должны. Они жрутъ хлѣбъ нашъ,

такъ пусть и держатся, ну, какъ равные съ равными, а кверху головъ не задирають.

— А дальше что?

— А дальше? Второе то, что ты долженъ намъ смѣлость въ души влить.

— Ежели душа заячья, какъ же я могу львиную силу ей дать?

— Ну, между зайцемъ и львомъ много еще всякой твари промежуточной насчитать можно. И волки есть...

— Чего жъ ты остановился?

— И волкодавы. Дома-то они кроткіе такіе, хвостикомъ виляютъ, а когда надо, въ полѣ да въ лѣсу, —идутъ они на волка и злобны такъ, что пасть ихъ разжать нельзя, когда вцѣпляются.

Они помолчали. Слышно было, —какъ скрипитъ кожа на сапогѣ паря: онъ покачивалъ ногой подъ столомъ, и судорога, какъ далекая зарница, слабо пробѣгала по лицу.

— А то бываютъ такія маленькія бѣлыя лохматыя собачки, изъ Сибири ихъ привозятъ. Огромнаго они медвѣдя валяютъ: знаютъ, куда вцѣпиться. Вся собачка съ кукишь, а, смотришь, Голиаѳа сражаютъ.

— Да ты что хочешь сказать этимъ, отче?—спросилъ Петръ и слегка прищурился, что съ нимъ рѣдко бывало и что обозначало, что все закипаетъ у него внутри.

— Плохо, коли собачки не выждутъ, а сами пойдутъ на медвѣдя,—отвѣтилъ старикъ.— Не нужно того, предупредить надо. Вотъ я это и хотѣлъ сказать. Оглянись вокругъ, куда ни глянешь, все къ своимъ рукамъ нѣмцы прибирають. Часовые магазины—нѣмецкіе, аптеки—нѣмецкія, лекаря—нѣмцы, теперь театральныи зрѣлищами—и то нѣмцы завѣдуютъ...

— Я только что въ посольскомъ приказѣ говорилъ, что радъ былъ бы на мѣсто ихъ русскихъ поставить, но что же дѣлать, коли людей подходящихъ нѣтъ! Такой театръ, какъ теперъ въ Москвѣ, ненуженъ и балластъ лишній для государства.

— Опять же нѣмца ищи. Пока театральное дѣло при духовныхъ академіяхъ и школахъ было—на пользу оно народу шло. Давали мы піесы на библейскія повѣствованія: объ Юдиѣи, объ Олофернѣ, о Навуходносорѣ. Всѣ шли смотрѣть на нихъ, ровно въ церковь идутъ,—какъ шель народъ въ посту на шествіе вербное, когда патріархъ садился на осли и самъ царь велъ его за поводъ. И стрѣльцы подъ ноги его одежды простирали, и всѣ рядами на колѣна становились и въ ноги кланялись. И подъ пѣніе торжественное съ хоругвями древо украшенное двигалось. Все сіе должно быть одобрено. А что же мы видимъ? Во что подъ вѣяніемъ духа нѣмецкаго обратилось зрѣлище? Говорю я не съ вѣтру, государь, а потому что родной мой племянникъ состоитъ въ комедіантахъ.

— Ну, и что же?

— Уклонились отъ прямого пути. Какихъ-то арцуговъ и маркизовъ показываютъ москвичамъ. Маркизь, видишь ли, преломляетъ супружеское счастье арцуга, и маркиза изъ-подъ кровати вытаскиваетъ арцугъ. Къ чему сіе нужно? Эти амурные діалоги не для народа русскаго писаны. Можетъ, они и душу, и сердце человѣческое отражаютъ, какъ въ добромъ зеркалѣ, но душа ихъ и сердце чужды намъ, и до нихъ дѣла намъ нѣтъ никакого. И взамѣнъ почтенныхъ вертеповъ, гдѣ царя Ирода показывали и избіеніе младенцевъ, взамѣнъ сладостныхъ библейскихъ повѣствованій видимъ мы одну мерзость.

Глаза у Геннадія засверкали, и даже нѣкоторое волненіе разлилось по лицу.

— Не врагъ я смѣха,—продолжалъ онъ.—Есть у итальянцевъ одна система представленій, коя называется «комедія делярта». Дается токмо нить самой піесы, а слова комедіанты измышляютъ сами, сообразно нравамъ, обычаямъ и тѣмъ зрителямъ, что въ театръ придуть. Комедіанты знаютъ, что смѣшно смотрящимъ, что плачь возбуждаетъ, и такъ и дѣйствуютъ. Говорятъ, что они зазорно иногда играютъ, столь пакостныя вещи со сцены показываютъ, что даже заморскимъ бабамъ, что ко всему привычны, смотрѣть бываетъ не вмочь, они опахальцами прикрываются и вопять: «охъ, стыдобушка!»

XXVII.

— Вотъ и говорю, что пусть для смѣха и такую комедію «делярта» представляютъ. При твоёмъ родителѣ про цыгановъ смѣхотворныя зрѣлища во дворцѣ игрались. Пусть. Отчего человѣку и не посмѣяться до колѣкъ? Ужъ лучше смѣяться, чѣмъ подъ забормомъ, подобно свинѣ, пьяному лежать или полунагимъ бабамъ по улицамъ шататься, какъ на масленой бываетъ. Но отъ нѣмецкихъ любовныхъ діалоговъ избави, Господи!

— Такъ по-твоему,—началь насмѣшливо Петръ,—намъ нужны либо библейскія комедіи, либо твои «деларты»?

— Такъ, ваше величество.

Петръ всталъ изъ-за стола и съ соболѣзнованіемъ посмотрѣлъ на архипастыря.

— Всѣ вы мелко плаваете. Все вы хотите что-то такое въ половину дѣлать. А нѣтъ того, чтобы вглубь посмотрѣть, чтобы не на свой аршинъ прикинуть, а на то, какую пользу государственную изъ чего извлечь можно.

Онъ началъ большими шагами ходить изъ угла въ уголъ.

— Я не то разсчитывалъ. Какъ думалъ я, что духовенство поможетъ мнѣ, разъяснить на проповѣдяхъ народу, почему я такъ

поступаю, а не иначе, почему выгодно Россіи въ ассамблеѣ съ народами Европы быть. И я не ошибся. Если московскіе и владимирскіе поны надеждъ моихъ не оправдали, то кievское духовенство пришло на помощь и то, что указую, стали разъяснять съ солеи. Полагалъ я, что на это же самое и театръ годится.

Онъ остановился предъ старикомъ, такъ что вся его огромная фигура стояла, словно это былъ не живой человѣкъ, а выходець изъ другого міра.

— Думалъ я,—продолжалъ онъ,—что не токмо машкерадныя шествія будутъ ходить по улицамъ въ ознаменованіе побѣды, а и въ театрѣ разъясненіе викторій нашихъ будутъ. И огни красныя будутъ, и дымъ, и пальба, и слава—въ видѣ полуголой дѣвки—надъ русской головой лавры держать будетъ. Думалъ я, что найдутся такіе писаки, что напишутъ складно, почему и зачѣмъ намъ нужны наши завоеванія. Зачѣмъ столько крови русской я пролилъ, чтобъ Великое Поморье приобрѣсти? Неужто по недомыслию? Не имѣлъ я въ головѣ, что сношенія намъ моремъ съ Англіей и Франціей—великій преферансъ на будущее? А за всеѣмъ, что намъ нужно, черезъ Архангельскъ ѣздить—нельзя, далеко. Вотъ и полагалъ я, что найдутся люди, что сдѣлаютъ піесу, вродѣ тѣхъ, что я въ Венеціи и Парижѣ видалъ. Думалъ я, что отъ народа ломиться стѣны театральныя будутъ. Полагалъ, что за грошовую плату всякому любопытно будетъ на диковинное зрѣлище посмотриѣть. Ну, а оказалось, что денегъ извели много—а проку никакого.

— А все нѣмцы!—подсказалъ Геннадій.

— Ужъ не знаю, кто виновать больше: мы ли, или иноземныя гости, коихъ я выписалъ и на службу взялъ. Думаю, и тѣ, и другіе равно оказались негодящими для дѣла.

— Да откуда жъ имъ годящими быть?—спросилъ Геннадій.— Вотъ теперешній управитель театра у себя дома золотыхъ дѣлъ мастеромъ былъ? Можетъ, онъ запыстѣя, кольца и всякія серьги старательно и искусно дѣлаетъ, а въ театральномъ дѣлѣ ни пища не смыслить. У насъ спроси токаря: можетъ ли онъ столярное дѣло дѣлать? Скажетъ онъ: «этому я не обученъ и потому за него братья не могу». А нѣмецъ, онъ за все возьметъся. Тутъ одинъ живописецъ въ Нѣмецкой слободѣ проживалъ, такъ онъ мнѣ заявилъ: «Хуже я, что ли, чѣмъ ваши богомазы, икону написать могу?» А я ему говорю: «А извѣстно ли тебѣ, на какой олифѣ надо краску разводить? Знаешь ли ты, какъ надо кипарисныя доски готовить для иконы? Знаешь ли ты, какъ икону написать, чтобъ краска отъ свѣчнаго жара трещинъ не давала и лампадная копоть ее не портила?» А онъ отвѣчаетъ: «Ежели близко воску и масла не жечь, никогда копоти и жара не будетъ»...

Онъ замѣтилъ, что царь опять посмотриѣлъ на часы, и заторопился кончить:

— Такъ вотъ я и говорю, что нѣмецъ нахальнѣе москвича, а ежели ему власть дать, такъ онъ и еще нахальнѣе будетъ. И коли театръ въ нѣмецкихъ рукахъ оставить, ничего, кромѣ погибелѣй, изъ того не будетъ.

Царь, ходившій по комнатѣ, подошелъ къ столу.

— На театръ здѣшній, московскій, собираюсь я крестъ поставить. О другомъ думать надо. Либо надо жить здѣсь, неустанно наблюдать за всѣмъ, либо въ Питербурхъ его перенести... А нѣтъ, отложимъ совсѣмъ комедіальное дѣло; можетъ, преемники мои заведутъ, ну, исполать имъ,—на свободѣ пускай понекутся о немъ. Вотъ завтра съ сестрой Натальей поговорю, она очень прилѣпляется къ этому дѣлу. А только ту хоромину комедіальную, что на Красной площади поставлена, упразднить надо.

— Да и денегъ нѣмцы комедіантамъ не платятъ,—какъ будто вскользь замѣтилъ Геннадій.

— Что такое? Вѣдь посольскій приказъ того ради отдѣльную графу расходовъ имѣетъ?

— Посольскій приказъ выдаетъ Грумбаху, что нужно, а онъ комедіантамъ не платитъ. Жалобу тебѣ, государь, принесутъ, что ходятъ-де иные изъ нихъ по рядамъ, за товаръ не платятъ, въ рукахъ шпаги носятъ. А чѣмъ имъ за товаръ платить, ежели они, кромѣ сушеной воблы да студня, ничѣмъ питаться не могутъ? Какъ они шпагу на бокъ прицѣпляютъ, если португеза у нихъ порвалась и зачинить ее денегъ нѣтъ? Кончится тѣмъ, что комедіанты всѣ одежды нѣмецкія растащатъ и гишпанцами ходить будутъ по улицамъ, дабы наготу прикрыть.

Царь открылъ дверь въ приемную.

— Нартовъ!—крикнулъ онъ.—А театральнаго дѣла нѣмецъ здѣсь?

— Здѣсь.

— Вели-ка войти ему. А остальныхъ спровадь до завтра. Скажи, чтобъ чѣмъ свѣтъ завтра шли ко мнѣ. Теперь обѣдать сейчасъ я буду.

Вошелъ Грумбахъ—бритый, въ парикѣ и очкахъ. Онъ почтительно поклонился и сталъ у двери.

— Вы жалованье всѣмъ комедіантамъ заплатили?—отнесся царь къ нему по-русски, пронизывая его насквозь взглядомъ. Онъ думалъ, что нѣмецъ не пойметъ его, но онъ понялъ.

— О, да!—сказалъ онъ.—О, да, всѣмъ!

Петръ повернулся къ владыкѣ и посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Нѣтъ, не всѣмъ,—спокойно, но съ оттѣнкомъ пренебрежительности сказалъ Геннадій.—Есть такіе, что съ октября ни гроша не получали.

Нѣмецъ развелъ руками.

— Это тѣ, у кого ролей не было,—сказаль онъ.—Кто вовсе не играль за всю зиму...

— А почему же ролей не было? Сами они не хотѣли служить?—спросиль Петръ.

— О, пфуй! какъ можно!—возмутился нѣмецъ.—Такія пьесы все шли...

Петръ вдругъ покраснѣль и топнулъ ногой.

— Завтра чтобъ заплатить!—крикнуль онъ.—Завтра къ полудню.

— Я къ тому...—началь было, блѣднѣя, нѣмецъ, но царь опять оборваль его:

— Завтра поговоримъ... Теперь некогда.

А Нартовъ, слыша шумъ, показаль въ дверяхъ.

— Купать пожалуйте,—сказаль онъ.

Геннадій, не торопясь, подняль съ кресель.

— Прошу прощенія за безпокойство, ваше величество,—проговориль онъ.

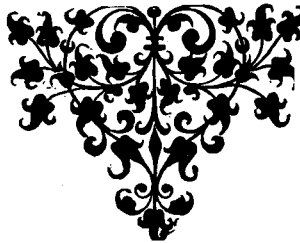
Нѣмецъ, блѣдный и трясущійся, проскользнулъ, кланяясь, въ дверь. Царь и Геннадій опять совершили взаимное лобызаніе рукъ, и Геннадій еще разъ сказаль:

— Прошу прощенія, что обезпокоиль.

— Ну, что жъ, всё меня безпокоять, ужъ такая моя служба,—весело сказаль Петръ и, давъ знакъ Нартову, чтобъ онъ шелъ за нимъ, зашагалъ въ столовую.

П. Гнѣдичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

„ОТЪ ДѢТСТВА ДО ПРИСЯГИ“ ¹⁾.

(Изъ жизни августѣйшихъ дѣтей императора Александра II).

АСТУПИЛЪ 1862 годъ. Великіе князья въ день Нового года пили чай въ комнатахъ наслѣдника, потомъ переодѣлись въ праздничную форму и пошли поздравлять родителей. Послѣ обѣдни они дѣлали визиты всѣмъ членамъ императорской фамиліи, военному министру, петербургскому генералъ-губернатору Плаутину, графу Строганову, графу Перовскому. Въ этотъ день князья обѣдали у родителей, а вечеръ провели въ театрѣ. Когда они раздѣлись, чтобы ложиться спать, вошелъ къ нимъ государь и поздравилъ ихъ съ наступающимъ днемъ рожденія великаго князя Алексѣя Александровича. На другой день князья пили утренній кофе у Алексѣя Александровича, а затѣмъ начались уроки. Вечеромъ дѣтей взяли въ Большой театръ, гдѣ давали балетъ. 6-го января, во время крещенскаго парада, великіе князья стояли во фронтѣ войскъ, причеиъ государь приказалъ Александру Александровичу быть въ лейбъ-гусарской формѣ, а Владимиру Александровичу въ лейбъ-драгунской. На другой день графъ Перовскій предложилъ князьямъ пойти въ Эрмитажъ для осмотра собранія мраморовъ и этрусскихъ вещей, купленныхъ въ музеѣ Компана. Вечеромъ былъ во дворцѣ большой балъ, и великіе князья пробыли тамъ до половины перваго. Послѣ праздниковъ начались нормальныя классныя занятія. Продолжались обѣды съ

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СХLIII, стр. 99.

учителями, причѣмъ, когда на обѣдахъ бывалъ наслѣдникъ, то онъ такъ охотно говорилъ на иностранныхъ языкахъ, что и младшіе его братья втягивались въ эти разговоры. У великаго князя Александра Александровича показалась небольшая краснота въ горлѣ, и докторъ разрѣшилъ ему ѣхать во дворецъ Маріи Николаевны на танцклассъ въ каретѣ, но на урокъ князя опоздали, и учитель г. Гольцъ продлилъ урокъ, на которомъ Александръ Александровичъ танцевалъ съ Сергіемъ Максимиліановичемъ, а Владимиръ Александровичъ съ сыномъ Перовскаго. Послѣ танцевъ вся дѣтская компанія затѣяла играть въ прятки; въ этой игрѣ принималъ участіе и наслѣдникъ. На другой день было воскресенье, и Александръ Александровичъ отправился на разводъ въ экипажѣ съ наслѣдникомъ. Съ развода молодые князя заѣхали въ Таврическій садъ, куда пріѣхалъ государь, Константинъ Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ. Въ саду было очень много публики, и молодые князя принимали участіе въ катаніи съ горъ. Вечеромъ былъ во дворцѣ балъ, на которомъ царскія дѣти оставались до половины второго. Въ понедѣльникъ 15-го января къ обѣду дѣтей пріѣхали великая княжна Марія Александровна со своей воспитательницей Ан. Оед. Тютчевой и слушали чтеніе г. Кету, а потомъ князя играли на бильярдѣ. Періодъ придворныхъ баловъ закончился баломъ у великаго князя Михаила Николаевича, на которомъ были и молодые князя. Съ 22-го января начались полугодовые экзамены, на которыхъ присутствовали всѣ учителя, графъ Перовскій и Литвиновъ. Государь и императрица бывали почти на всѣхъ экзаменахъ. Первые экзамены были изъ Закона Божія и русской словесности; отвѣты получались весьма изрядные. На экзаменѣ изъ исторіи и французскаго языка, также въ присутствіи родителей, великій князь Александръ Александровичъ отвѣтилъ такъ хорошо, что всѣ были довольны, и самъ онъ былъ въ восторгѣ. Н. П. Литвиновъ замѣчаетъ, что нѣтъ награды, которая могла бы такъ вознаградить его, какъ тѣ чувства, которыми онъ былъ переполненъ въ первыя минуты послѣ экзамена. Особенно онъ хорошо отвѣчалъ на вопросы изъ хронологіи. Когда въ этотъ день великіе князя вернулись отъ императрицы, то объявили, что императрица желаетъ, чтобы завтра были экзамены изъ естественной исторіи и англійскаго, но графъ Перовскій отклонилъ это предложеніе, заявивъ, что великіе князя слишкомъ легко смотрятъ на экзамены, а потому не надо мѣнять расписаніе.

Слѣдующіе экзамены были по естественной исторіи и англійскому языку. Оба великіе князя отвѣчали очень хорошо. Александръ Александровичъ давалъ хотя короткіе, но ясные отвѣты, обнаруживающіе довольно твердое знаніе дѣла. Англійскій экзаменъ былъ мѣнѣе удачнымъ. На экзаменѣ изъ географіи спрашивали безъ картъ. Александръ Александровичъ экзаменовался почти часъ времени, и его переспросили по крайней мѣрѣ половину пройденнаго курса, и

онъ отвѣчалъ хорошо; зато на экзаменѣ по нѣмецкому языку оба князя писали, со словъ г. Кирхнера, на доскѣ и оба сдѣлали по двѣ ошибки. Послѣдній экзаменъ былъ изъ математики, въ присутствіи государя. Отвѣты Александра Александровича были бы все хорошіе, если бы онъ усвоилъ себѣ математическій языкъ и если бы онъ выражался болѣе точно. Конференція присудила ему три балла, что вовсе, замѣчаетъ Литвиновъ, для него не слишкомъ много.

Послѣ экзаменовъ начали алгебру; по русской словесности

«Наша группа у дома Б. Нольде въ Либавѣ».

Либава въ 1862 году. Великія князья Александръ и Владимиръ Александровичи, великія княжны Марія и Евгенія Максимиліановны и братья ихъ: Сергѣй и Юрій Максимиліановичи.

(Собственноручная надпись по фотографіи великаго князя Александра Александровича. Аничковскій дворецъ).

Александръ Александровичъ приготовилъ сочиненіе на тему: «Диогенъ и циники».

Какъ-то разъ князья возвратились послѣ вечерняго чая отъ императрицы, начали играть на бильярдѣ съ великимъ княземъ Николаемъ Константиновичемъ, а потомъ успѣлись читать съ г. Кирхнеромъ по-нѣмецки; при этомъ Александръ Александровичъ такъ распалился, что Литвиновъ началъ его усмирять; на это великій князь отвѣчалъ: «Что же дѣлать, когда мнѣ весело?» Такое настроеніе часто находило на великаго князя и побуждало въ немъ желаніе пошалить. Здоровая натура обоихъ великихъ князей не укладыва-

лась въ рамки класснаго режима, а требовала физическаго движенія, веселаго смѣха, возни съ товарищами и проявленія силы мускуловъ, а отсюда безпрестанныя замѣчанія воспитателей и учителей. Несмотря на ребяческія выходки и шалости, Н. П. Литвиновъ замѣчаетъ, что у великихъ князей натура добрая: «Мнѣ рѣдко приходилось замѣчать въ нихъ ослушаніе, но зато и почти никогда великій князь Александръ Александровичъ не обходился безъ возраженій. Рядомъ съ плохими отмѣтками бывали и такія аттестаціи за недѣлю, когда великій князь получалъ двѣнадцать разъ по четыре и одинъ разъ пять (при пятибальной системѣ). Учитель математики Эвальдъ передавалъ, что Александръ Александровичъ началъ сознательно готовить уроки, и если въ немъ еще не было видно особенной любви къ предмету, то, по крайней мѣрѣ, видна возможность развитію къ нему интересъ». Въ другомъ мѣстѣ дневника встрѣчаются и такія замѣтки: «Эвальдъ былъ очень доволенъ Александромъ Александровичемъ, который безъ ошибки приготовилъ заданную работу, толково отвѣчалъ на всѣ вопросы и вообще былъ очень внимателенъ».

«Натура Александра Александровича, при явномъ практическомъ направленіи способностей, не поддается теоретическимъ умствованіямъ Александра Ивановича Чивилева, зато изъ него можно сдѣлать практически развитого человѣка, полезнаго для общества. Родители великихъ князей никогда не заявляли, чтобы изъ нихъ сдѣлать ученыхъ: они просто должны пройти курсъ общеобразовательныхъ предметовъ, а затѣмъ предоставить волѣ cadaго, какъ направить свое образованіе».

Большое вниманіе обращалось на иностранные языки, и на этомъ основаніи принимались всевозможныя средства, чтобы молодые князья владѣли французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками.

Во время масляницы великіе князья очень часто бывали на балахъ. Такъ, былъ балъ въ Эрмитажѣ, гдѣ великіе князья много танцевали. Графъ Перовскій предоставилъ Александру Александровичу оставаться на балу по собственному благоразумію. Онъ пришелъ домой въ четыре часа. Былъ также балъ у принца Ольденбургскаго и балъ въ Зимнемъ дворцѣ.

На масляницѣ императрица взяла съ собой князей въ Большой театръ на балетъ «Дочь фараона». Сидѣли въ верхней ложѣ; но государь позвалъ ихъ въ нижнюю. Потомъ былъ спектакль во второмъ кадетскомъ корпусѣ, на который графъ Перовскій возилъ обоихъ великихъ князей.

На этой же недѣлѣ пріѣзжали къ дѣтскому обѣду великая княжна Марія Александровна съ Сергѣемъ Александровичемъ и съ г-жой Тютчевой. За обѣдомъ Александръ Александровичъ велъ себя очень мило, былъ разговорчивъ и веселъ безъ мѣры.

На первой недѣлѣ Великаго поста вся царская фамилія говѣла. Каждый день протоіерей Рождественскій читалъ великимъ князьямъ Новый Завѣтъ и книги о земной жизни Иисуса Христа. Великіе князья съ большимъ религіознымъ чувствомъ исполняли предъисповѣдныя обязанности, а Александръ Александровичъ передъ исповѣдью крѣпко поцѣловалъ своего наставника Литвинова.

26-го февраля 1862 года Александру Александровичу минуло семнадцать лѣтъ. Къ утреннему чаю пришли наслѣдникъ и всѣ молодые князья съ поздравленіями. Затѣмъ собрались всѣ учителя и также поздравили великаго князя. Послѣ прогулки съ государемъ Александръ Александровичъ принималъ поздравленія отъ шефскихъ частей и отъ офицеровъ лейбъ-гвардіи Финскаго батальона. Послѣ обѣда собрались съ поздравленіями офицеры гвардейской конной артиллеріи, съ генералами Шварцемъ и Милюковымъ во главѣ. Александръ Александровичъ очень любезно поговорилъ съ генералами, а офицерамъ только поклонился. Графъ Перовскій сейчасъ же замѣтилъ это и указалъ великому князю, что надо бы сказать нѣсколько любезныхъ словъ. Великій князь сказалъ, что онъ никого не знаетъ, и потому не зналъ, что имъ надо сказать, Вечеръ провели у императрицы, гдѣ великіе князья бѣгали и рѣзвились безъ устали.

Великимъ постомъ было много концертовъ, и Александръ Александровичъ наслаждался музыкой, но все-таки музыкальный вечеръ у Дмитрія Перовскаго произвелъ особенно пріятное впечатлѣніе. Тамъ была и музыка, и стихи, и рассказы, и анекдоты, приправляемые различнымъ забавнымъ юморомъ.

Хотя великіе князья рано начали ѣздить верхомъ, но правильной ѣзды не было. Только теперь былъ взятъ утеръ-штальмейстеръ Шишенокъ, который цѣлый часъ объяснялъ правила верховой ѣзды и посадки. Ёзда на кордѣ не понравилась великимъ князьямъ.

Таврическій садъ занималъ попрежнему вниманіе великихъ князей. Разъ, послѣ метели, всѣ горы, пруды были занесены снѣгомъ; кататься на конькахъ нельзя было, и великіе князья вооружились лопатами и стали дѣятельно помогать рабочимъ очищать катокъ. На другой день въ Таврическомъ саду была назначена иллюминація. Великимъ князьямъ такъ хотѣлось быть на этой иллюминаціи, что они весь день старались всѣмъ угодить: заранѣе приготовили свои уроки и за обѣдомъ говорили по-французски и по-нѣмецки. Получивъ разрѣшеніе графа Перовскаго, князья весело провели время въ саду и съ большимъ горемъ, но безпрекословно поѣхали домой въ десять съ половиною часовъ вечера. Въ саду затѣяли играть въ «снѣжки».

Между тѣмъ уроки продолжались, и Александръ Александровичъ началъ геометрію. Къ этимъ урокамъ присоединили опыты

по физикѣ. Александръ Александровичъ продолжалъ точить подъ руководствомъ токаря, но самъ еще не могъ вертѣть колесо. Ъзѣдилъ на вокзалъ Николаевской желѣзной дороги осматривать вновь изобрѣтенный локомотивъ профессора Барановскаго.

Въ день Благовѣщенія были на парадѣ конной гвардіи, а вечеромъ наслѣднику и великому князю Александру Александровичу было разрѣшено присутствовать на ужинѣ конногвардейцевъ.

Въ Вербную субботу наслѣдникъ пришелъ къ своимъ братьямъ и поднялъ ихъ съ постели ударами вербы. Во время Страстной недѣли протоіерей Рождественскій читалъ великимъ князьямъ земную жизнь Иисуса Христа. На этой недѣлѣ вся царская семья снова говѣла. Въ пятницу князья красили яйца. Заутреню слушали во дворцѣ и разговлялись у родителей. Въ Свѣтлое воскресенье всѣ великіе князья въ парадной формѣ поздравляли родителей и дѣлали визиты.

10-го апрѣля, въ день рожденія великаго князя Владимира Александровича (ему минуло 15 лѣтъ), наслѣдникъ и всѣ молодые князья утромъ пили чай у Владимира Александровича. Потомъ, послѣ поздравленія родителей, были у обѣдни и въ два часа поѣхали балаганы, гдѣ извѣстный Бергъ поставилъ пантомиму. Вечеръ провели на балу во дворцѣ. Передъ баломъ государь приказалъ Александру Александровичу завиться.

На другой день великіе князья въ парадной формѣ ѣздили къ принцу Ольденбургскому поздравить съ серебряной свадьбой. По этому случаю у принца былъ большой вечеръ. Въ это время ремонтировали Александровскую колонну, что противъ Зимняго дворца, и великіе князья взобрались на лѣса и оттуда любовались видомъ города.

Молодые князья ко дню рожденія государя задумали дать дѣтскій концертъ, къ которому готовились долго и тайно отъ родителей. Когда великій князь Алексѣй Александровичъ репетировалъ на скрипкѣ, то другіе братья изображали гостей и, конечно, шумѣли, шикали и апплодировали. Въ то время Александръ Александровичъ изучалъ свою партію на трубѣ, а Владимиръ Александровичъ— аккомпанементъ на роялѣ, подъ руководствомъ Половцева.

Наканунѣ дня рожденія государя великіе князья купили для него ящикъ хорошихъ сигаръ. Послѣ обѣда спустились въ комнаты великой княжны Маріи Александровны и репетировали предстоящую вечеромъ Kinder-симфонію. По окончаніи репетиціи переодѣлись и къ восьми часамъ были у императрицы, гдѣ поднесли государю сигары, а потомъ начался концертъ. Великая княжна Марія Александровна аккомпанировала на роялѣ Сергѣю Александровичу, игравшему на скрипкѣ. Владимиръ Александровичъ игралъ на роялѣ пьесу изъ «Жизни за Царя» «Славься». Александръ Александровичъ игралъ двѣ пьесы на трубѣ, съ аккомпанементомъ на роялѣ Вла-

Наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ и его братъ великій князь Александръ Александровичъ въ 1862 году.

димира Александровича. «Въ общемъ, было недурно», замѣчаетъ Н. П. Литвиновъ.

17-го апрѣля ходили поздравлять государя, потомъ былъ выходъ, а вечеромъ балъ во дворцѣ. 19-го апрѣля на Царицыномъ лугу былъ парадъ войскамъ, и Александръ Александровичъ стоялъ
«истор. вѣстн.», февраль 1916 г., т. сѣлп. 8

передъ первымъ взводомъ перваго эскадрона лейбъ-гвардіи Гусарскаго Его Величества полка.

Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга у императрицы вечеромъ г. Маркевичъ читалъ комедію Островскаго «Свои люди сочтемся», на чтеніи были всѣ дѣти государя.

23-го апрѣля великіе князья ѣздили поздравлять великихъ княгинь Марію Николаевну, Александру Іосифовну и Александру Петровну, а въ день именинъ Константина Николаевича и обѣдали у него.

26-го апрѣля переѣхали въ Царское Село. Въ первый же день великіе князья Николай и Александръ Александровичи начали на прогулкѣ по парку приставать къ маленькому Алексѣю Александровичу, шутили съ нимъ и кончили тѣмъ, что облили его водой. Родители, конечно, разсердились за эту неумѣстную шалость и сдѣлали старшимъ братьямъ строгій выговоръ. Графъ Перовскій также наказалъ великихъ князей, лишивъ ихъ ѣздить верхомъ другъ съ другомъ.

Жизнь въ Царскомъ обыкновенно сосредоточивалась около озеръ парка, тамъ великіе князья катались на лодкахъ, ставили паруса, удили рыбу, устраивали гонки и взапуски перегоняли другъ друга. Около озеръ собирався весь кружокъ молодежи, чтобы условливаться, куда предпринять поѣздку верхомъ или въ шарабанѣ и проч. Въ этихъ прогулкахъ принимали участіе и великія княжны Марія и Евгенія Максимиліановны. Излюбленнымъ мѣстомъ прогулокъ былъ Павловскъ съ прекраснымъ оркестромъ. Новымъ развлеченіемъ былъ маленькій огородъ, гдѣ они сажали разные овощи и цвѣты.

Классныя занятія продолжались по зимнему расписанію, и учителя пріѣзжали изъ города. Чтеніе Александра Александровича составляли попрежнему сочиненія Загоскина, и теперь онъ пристрастился къ сочиненіямъ Мольера, который ему понравился. Занятіямъ игрой на *cornet-à-piston* много способствовалъ извѣстный Вурмъ, который отлично игралъ на этомъ инструментѣ и помогалъ играть великому князю. Графъ Дмитрій Борисовичъ тоже игралъ на корнетѣ, и потому Александръ Александровичъ охотно игралъ съ нимъ дуэты. Какъ-то разъ великая княгиня Александра Іосифовна пригласила наслѣдника и его братьевъ пріѣхать на народный праздникъ въ деревню Федоровку, и великіе князья охотно приняли приглашеніе. Тамъ съ балкона они бросали народу разные лакомства и увлекались попаданіемъ лакомства тому или другому изъ намѣченныхъ.

Въ этомъ году, лѣтомъ, въ Петербургѣ начались пожары, и великіе князья сейчасъ же влѣзли на чердакъ дворца и оттуда наблюдали за развитіемъ огня въ городѣ. На другой день императрица пожелала, чтобы сами великіе князья поѣхали въ городъ и посѣтили

бы наиболѣе истребленныя пожаромъ мѣста и посмотрѣли бы, нельзя ли принести какую-нибудь помощь болѣе нуждающимся. Великіе князья въ коляскѣ объѣхали Щукинъ и Апраксинъ дворы, но здѣсь, кромѣ разнаго люда, рывшагося въ остаткахъ сгорѣвшихъ вещей, никого не видали. Владѣльцевъ бывшихъ лавокъ, съ частью спасеннаго имущества, здѣсь уже не было; они расположились большею частью на Семеновскомъ плацу. Отсюда великіе князья поѣхали на Пески, гдѣ ночью сгорѣло нѣсколько домовъ. Тутъ великіе князья вышли изъ экипажа, и народъ тотчасъ же окружилъ ихъ, и они разговаривали съ народомъ. Уѣзжая, великіе князья оставили сто рублей, чтобы раздать бѣднымъ людямъ, которые въ этомъ пожарѣ потеряли все имущество, было бы чѣмъ пообѣдать сегодня, а также и пожарной командѣ, которая помѣщалась въ одномъ изъ сгорѣвшихъ домовъ.

Несмотря на то, что Александру Александровичу минуло семнадцать лѣтъ, а наслѣднику девятнадцать, они все-таки не прочь были поребячиться. Такъ, разъ Литвиновъ услыхалъ шумъ въ комнатахъ второго этажа Царскосельскаго дворца; оказалось, что всѣ великіе князья производили «разводъ съ церемоніей», причемъ они были съ копьями въ рукахъ и на игрушечныхъ лошадяхъ, коровахъ и ослахъ; смѣхъ и шумъ раздавался по всѣмъ комнатамъ. Эту игру они придумали потому, что дурная погода лишила ихъ прогулки въ паркѣ.

Въ концѣ іюня начались экзамены, на которыхъ были и государь и императрица. Болѣе удачныя экзамены были изъ словесности, географіи и французскаго. Эти экзамены были произведены передъ самымъ отъѣздомъ въ Либаву, въ которой предназначено было пройти курсъ купанья въ морѣ.

Вмѣстѣ съ великими князьями ѣхали въ Либаву и великія княжны Марія и Евгенія Максимиліановны съ двумя братьями, Сергіемъ и Юріемъ Максимиліановичами. Графъ Перовскій, Литвиновъ и учителя Шпереръ и Реми сопровождали великихъ князей. Со стороны семьи Лейхтенбергскихъ также сопровождали наставницы, гувернеры, гувернантки и учителя.

Государь и императрица съ младшими братьями провожали путешественниковъ до вокзала. Приѣхали въ Ригу въ три часа и прямо отправились въ церковь, гдѣ были встрѣчены всѣмъ рижскимъ духовенствомъ. Обѣдали у генераль-губернатора, барона Ливена, гдѣ было много приглашенныхъ рижскихъ дворянъ. Послѣ обѣда были въ циркѣ, гдѣ тамошняя труппа поразила великихъ князей своимъ искусствомъ. Изъ цирка поѣхали на биржу, гдѣ было отведено помѣщеніе семейству Лейхтенбергскихъ. Тамъ великіе князья пили чай и слушали серенаду, устроенную гражданами города Риги. «Великій князь Александръ Александровичъ совсѣмъ не умѣлъ ласково привѣтствовать народъ, по крайней мѣрѣ то хорошо, — замѣ-

чаетъ Н. П. Литвиновъ:—что это происходитъ, повидимому, отъ застѣнчивости, а не отъ недостатка доброй воли. Владимиръ Александровичъ, напротивъ, не стѣснялся».

Осматривали достопримѣчательности Риги. Сначала поѣхали въ соборъ св. Павла, гдѣ пасторъ объяснялъ историческое значеніе украшеній на стѣнахъ собора. «Во все это время Александръ Александровичъ разговаривалъ съ представителями города, конечно, по-нѣмецки, хотя и было замѣтно, что онъ чувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи. Однако онъ былъ очень милъ и любезенъ со всѣми, а счастливая наружность его довершила побѣду надъ благодушными представителями рижскихъ гражданъ», говорить Литвиновъ въ своемъ дневникѣ.

Послѣ завтрака отправились на паровую яхту «Штандартъ», сопровождаемые множествомъ народа, расположеннаго по улицамъ города и кричавшаго «ура». Погода была отличная, качки никакой, и всѣ были веселы. За обѣдомъ Александръ Александровичъ былъ очень любезенъ съ дамами.

Во время переѣзда въ Либаву великіе князья написали письма къ родителямъ и все время оставались на палубѣ. Командиръ яхты вызвалъ пѣсенниковъ и плясуновъ. Сцена для августѣйшихъ путешественниковъ была новая и интересная. Въ восемь часовъ вечера поднялся сильный туманъ, и изъ-за него «Штандартъ» простоялъ въ морѣ двѣнадцать часовъ на мѣстѣ. Вслѣдствіе этого вмѣсто восьми часовъ утра пароходъ подошелъ къ Либавѣ въ восемь часовъ вечера.

Сойдя на берегъ, великіе князья отправились прямо въ церковь, и оттуда въ домъ Шнобеля, назначенный для ихъ жительства. Великіе князья были очень довольны расположеніемъ комнатъ и успѣлись пить чай. Вдругъ къ окнамъ подошли жители Либавы съ фонарями и факелами и дали серенаду. Александръ Александровичъ громко привѣтствовалъ ихъ нѣмецкою фразою. Потомъ князья проѣхались по городу, чтобы посмотреть иллюминацію.

На другой день была обѣдня и панихида по покойной императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Затѣмъ великіе князья сдѣлали визиты гражданскому губернатору Бреверну и генераль-губернатору барону Ливену. Послѣ этого великіе князья принимали всѣхъ либавскихъ сановниковъ и служащихъ. «Александръ Александровичъ,— пишетъ Н. П. Литвиновъ,—молодцомъ выдержалъ это испытаніе и все время говорилъ по-нѣмецки». Въ часъ дня у великихъ князей былъ большой завтракъ, на который были приглашены великія княжны Марія и Евгенія Максимиліановны съ братьями, графиня Толстая, г. Рихтеръ съ дочерью и нѣкоторыя либавскія власти.

Жизнь въ Либавѣ устроилась такъ, что великіе князья по утрамъ продолжали свои классныя занятія, причемъ учителя рѣшили, что будутъ только повторять пройденное, но никакъ не итти дальше.

Принесеніе присяги цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ
20 іюля 1865 года въ Царскомъ Селѣ.

Началось купанье въ морѣ и большія прогулки. Между прочимъ, полковникъ путей сообщенія Гайдатель водилъ великихъ князей на осмотръ работъ по Либавскому каналу. При осмотрѣ благотворительныхъ заведеній великіе князья имѣли случай въ сиротскомъ домѣ слышать отвѣты учениковъ двѣнадцати-четырнадцати лѣтъ изъ географіи, и великій князь Владимиръ Александровичъ сознался, что на нѣкоторые вопросы онъ не сумѣлъ бы отвѣтить.

Гг. Улихъ и Кранцъ, которые показывали великимъ князьямъ либавскія благотворительныя заведенія, были приглашены къ обѣду. Послѣ обѣда великіе князья съ семействомъ Лейхтенбергскихъ, г-жа Бревернъ съ дочерью и г. Рихтеръ поѣхали въ рошу пить чай. Вечеръ былъ великолѣпный, погода теплая, и всѣ были веселы.

5-го іюля, въ день именинъ великихъ князей Сергѣя Александровича и Сергѣя Максимилиановича, къ обѣду были приглашены бароны Фирксъ, Гротгусъ и Бадеръ. Разговоръ за обѣдомъ шелъ на французскомъ языкѣ, которымъ бароны владѣли съ грѣхомъ пополамъ, что придавало Александру Александровичу смѣлости все время вести разговоръ на этомъ языкѣ. Послѣ обѣда поѣхали въ театръ, гдѣ великіе князья вдоволь нахохотались; игра актеровъ была прекрасная. Изъ театра поѣхали на вечеръ къ Лейхтенбергскимъ; тамъ въ саду играла полковая музыка. Александръ Александровичъ много говорилъ съ дамами, но былъ неутомимъ съ маленькими двоюродными братьями. 7-го іюля пріѣхалъ въ Либаву наслѣдникъ. Великіе князья встрѣчали его на пристани и весь день просидѣли у него. Въ десять часовъ вечера подъ окнами наслѣдника раздалась серенада, и была зажжена иллюминація въ городѣ.

За урокомъ исторіи зашла рѣчь объ Алкивиадѣ, и г. Шпереръ предложилъ великимъ князьямъ вопросъ, кто имъ больше нравится: Алкивиадъ или Эпаминондъ? Въ отвѣтахъ выразилась характеристика великихъ князей. Александръ Александровичъ стоялъ за Эпаминонда, а Владимиръ Александровичъ за Алкивиада, даже со всѣми его недостатками, слѣдовательно, и за его геніальность. Чтобы провѣрить, насколько великіе князья убѣждены въ томъ, что говорятъ, Шпереръ предложилъ на выборъ еще двѣ личности: Наполеона и Петра Великаго. Князья выдержали характеръ и высказались: Александръ Александровичъ за Петра Великаго, а Владимиръ Александровичъ за Наполеона.

На другой день великіе князья и наслѣдникъ собрались въ своей спальнѣ, чтобы писать отвѣты на тѣ вопросы, которые предлагаетъ Ellis въ своихъ «Leçons progressives d'économie sociale». Это занятіе было чрезвычайно интересно для великихъ князей, такъ какъ каждый вопросъ требуетъ нѣкотораго размышленія, кромѣ того, была и практика, такъ какъ надо было писать по-французски. Во время прогулки, по предложенію наслѣдника, великіе князья посѣтили городскую тюрьму, гдѣ осмотрѣли всѣ помѣщенія, отличавшіяся особенной чистотой. Ихъ поразило, что арестанты были большею частью благовидной наружности. Вечеръ провели въ семьѣ Лейхтенбергскихъ, гдѣ слушали чтеніе критики Бѣлинскаго.

За урокомъ исторіи былъ графъ Строгановъ, который нашель, что г. Шпереръ читалъ то, что не по силамъ великимъ князьямъ. Изъ этого надо заключить, что учителя стараются давать больше, чѣмъ требуется,—отсюда нѣкоторый неуспѣхъ въ преподаваніи.

15-го іюля, въ день ангела великаго князя Владимира Александровича, онъ получилъ отъ всѣхъ родственниковъ незначительные подарки, которыми онъ былъ, повидимому, доволенъ.

Въ этотъ день пріѣхали въ Либаву государь и императрица, которые остановились въ томъ же домѣ, гдѣ жили и великіе князья. Встрѣтивъ августѣйшихъ родителей, пошли въ церковь и послѣ купанья завтракали внизу у государя. Послѣ обѣда ихъ величества и ихъ высочества посѣтили сельскій праздникъ, на которомъ великіе князья сами раздавали собраннымъ крестьянамъ разные подарки и сласти. День закончился собраніемъ у императрицы, на которомъ состоялась игра въ карты: на одномъ столѣ играли наслѣдникъ, Александръ Александровичъ и обѣ сестры Лейхтенбергскихъ, а на другомъ Владимиръ Александровичъ, Сергѣй Максимиліановичъ, полковникъ Рылѣевъ и г. Кету.

На другой день, послѣ уроковъ, великіе князья были на смотру войскъ и посѣтили театръ.

17-го іюля поѣхали на охоту, которая очень занимаетъ великихъ князей. Владимиръ Александровичъ былъ совершенно въ своей сферѣ; онъ былъ такъ живъ, подвиженъ и веселъ, что его нельзя было узнать. Къ полному своему удовольствію, онъ убилъ козу.

22-го іюля былъ днемъ ангела императрицы и великой княжны Маріи Максимиліановны. Провели день по семейному, а на другой день великій князь Александръ Александровичъ, по высочайшему повелѣнію, отправился въ Варшаву на крестины новорожденнаго великаго князя Вячеслава Константиновича, сына намѣстника царства Польскаго великаго князя Константина Николаевича. Александръ Александровичъ въ сопровожденіи графа Перовскаго прибылъ въ Варшаву 25-го іюля. Крестины состоялись 27-го іюля въ Лазенковскомъ дворцѣ, причемъ воспріемниками были: государь императоръ, а вмѣсто него присутствовалъ великій князь Александръ Александровичъ, а крестной матерью была королева нидерландская, а за нее была у купели великая княжна Ольга Константиновна. Вечеромъ былъ театръ, а на слѣдующій день большой обѣдъ въ Лазенкахъ ¹⁾). Изъ Варшавы Александръ Александровичъ возвратился 31-го іюля, когда государь и императрица уже уѣхали изъ Либавы въ дальнѣйшее путешествіе.

«Насъ, дѣтей, собралось въ Либавѣ,—вспоминаетъ одна высокопоставленная особа,—много. Мы ежедневно купались; зато потомъ всѣ дни проводили въ весельи. Часто бывали пикники, балы, вечера. Мы всѣ были молоды и веселились отъ души, безъ особыхъ стѣсненій. Помню, какъ въ Либаву къ намъ пріѣхалъ императоръ Александръ II и какъ онъ съ нами игралъ въ *petits jeux*. Когда пріѣхалъ государь, то мѣстные бароны, считая то время довольно революціон-

¹⁾ «Сѣверная Пчела». 1862 г., № 215.

нымъ, такъ какъ тогда въ Польшѣ разрослось возстаніе, то они составили изъ себя охрану государя и насъ. Вообще бароны были къ намъ очень внимательны. Когда Александръ Александровичъ уѣзжалъ въ Варшаву на крестины Вячеслава, то государь и мы всѣ ужасно боялись за него, но, слава Богу, все путешествіе окончилось благополучно»¹⁾).

1-го августа происходило водосвятіе и освященіе флага на яхтѣ «Штандартъ», на которомъ присутствовали всѣ великіе князья. Послѣ завтрака поѣхали къ фотографу и сняли группу со всѣхъ, которые были съ великими княжнами и князьями, не исключая и ихъ самихъ. Потомъ обѣдали въ семейномъ кружкѣ на балконѣ, приготавлиаясь къ разлукѣ съ наслѣдникомъ. Послѣдній разъ сыграли съ нимъ въ шары, послѣдній разъ прогулялись по Шнобельскому саду, послѣдній разъ спѣли либавскіе мотивы и, наконецъ, простясь со всѣми закоулками сада, отправились провожать его въ путь-дорогу.

Послѣ разныхъ прогулокъ и пикниковъ наступило 20-е августа. Великіе князья сходили на берегъ моря, чтобы проститься съ жителями Богдегауса и чтобы бросить въ море по мѣдной копеекѣ, какъ того требуетъ обычай: зашли въ церковь, гдѣ слушали напутственный молебень. Всѣ были печальны, и жаль было Либавы. Въ комнатахъ Маріи Максимилиановны разыгрывали подарки на память каждому члену того либавскаго общества, которое принимало участіе въ развлеченіи княженъ и князей; между прочими, докторъ Йогансонъ получилъ прекрасный перстень и старикъ полицеймейстеръ—прекрасные золотые часы.

21-го августа встали въ пять съ половиною часовъ утра и въ семь были уже въ экипажахъ. Ночевали въ Ригѣ, оттуда на экстренномъ поѣздѣ на Двинскъ доѣхали въ Царское Село 23-го августа.

Въ Царскомъ Селѣ началась та же жизнь, какъ то описано раньше. Тѣ же классныя занятія, тѣ же обѣды съ учителями, то же общество молодыхъ князей на прогулкахъ, собранія на озерѣ, катаніе верхомъ и пр.

Дальнѣйшее повѣствованіе дневника Литвинова обрывается, такъ какъ нѣсколько тетрадей дневника оказались утерянными. Изъ остатковъ послѣдней тетради мы узнаемъ о жизни великихъ князей въ Царскомъ Селѣ.

Въ апрѣлѣ 1863 года великій князь Александръ Александровичъ легко заболѣлъ, появился жаръ и головная боль, сонъ беспокойный. Государь съ дочерью сейчасъ же навѣстилъ больного; на другой день тоже, и, наконецъ, появились маленькіе признаки испарины, и докторъ Обломьевскій нашелъ, что кризисъ миновалъ, и великій князь вскорѣ почувствовалъ себя здоровымъ. Во время

¹⁾ Со словъ высокой особы записано авторомъ.

Великій князь Александръ Александровичъ, великій князь Владимиръ Александровичъ, князья Николай и Сергѣй Максимиліановичи Лейхтенбергскіе въ 1865 году.

болѣзни прїѣзжалъ освѣдомиться о здоровьи больного князь Суворовъ.

Тѣмъ временемъ великій князь Владимиръ Александровичъ посѣтилъ Александринскій театръ, гдѣ давали «Ревизора» съ московскимъ актеромъ Садовскимъ. По возвращеніи изъ театра за-стали Александра Александровича за чтеніемъ Загоскина «Кузьма Рощинъ».

27-го апрѣля переѣхали въ Царское Село, а 1-го мая государь дѣлалъ смотръ роты Австрійскаго полка, прибывшей изъ Польши, и на этомъ смотру были наслѣдникъ и два его брата. Послѣ смотра поѣхали въ Екатерингофъ, гдѣ государь со своими сыновьями былъ верхомъ. Раза три они объѣхали весь паркъ и возвратились въ Царское Село. На другой день великіе князья съ наслѣдникомъ были на цвѣточной выставкѣ, гдѣ была аллегри. Александръ Александровичъ разорился на нѣсколько рублей на эту лотерею и не раньше ушелъ, пока не попробовалъ счастья у всѣхъ колесъ.

5-го мая было затменіе солнца, и великіе князья вооружились темными стеклами для наблюденія, а потомъ поѣхали въ Павловскъ, гдѣ провели время въ обществѣ Звегинцева, Ефимовича, князя Голицына и князя Барятинскаго.

На этихъ дняхъ наслѣдникъ и два его брата задумали сдѣлать экспедицію на разныхъ судахъ. Имъ пришлось проходить по очень узкимъ каналамъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже переносить лодки и лыжи волокомъ. Прогулка эта заняла по крайней мѣрѣ десять человѣкъ матросовъ; впрочемъ, и сами князья принимали дѣятельное участіе во всѣхъ трудностяхъ этого похода и вернулись домой утомленными до изнеможенія. Несмотря на это, вечеромъ поѣхали верхомъ въ Павловскъ на музыку.

По возвращеніи домой государь пожелалъ, чтобы всѣ великіе князья слушали подробное донсесеніе о дѣлѣ съ шайкой Сѣраковского.

Литвиновъ замѣтилъ, что Александръ Александровичъ забавляется куреніемъ папиросъ. Графъ Перовскій объявилъ ему, что если онъ хочетъ курить, то пусть курить открыто, но съ разрѣшенія родителей. Этотъ откровенный вызовъ пришелся какъ разъ по понятію и по душѣ честнаго великаго князя Александра Александровича. Онъ далъ обѣщаніе не курить и честно сдержалъ слово. Вечеръ Александръ Александровичъ провелъ у наслѣдника, которому профессоръ Чичеринъ читалъ лекцію по государственному праву. На другой день великіе князья пришли въ комнату Н. П. Литвинова, который началъ имъ рассказывать о ходѣ экспедиціи за шайками инсургентовъ въ лѣсахъ, со словъ одного изъ очевидцевъ. Рассказъ этотъ, очевидно, ихъ занялъ, и они пріятно провели время.

Какъ-то разъ наслѣдникъ пригласилъ Александра Александровича прокатиться съ нимъ и съ профессоромъ Чичеринымъ въ ко-

дьякъ по аллеямъ обширнаго Царскосельскаго парка. Во время этого катанья Чичеринъ много рассказывалъ интереснаго и поучительнаго для обоихъ великихъ князей, и потому прогулка вышла очень интересной. А когда они пошли въ паркъ на качели, то къ нимъ присоединился капитанъ Драгомировъ. Литвиновъ замѣчаетъ, что великіе князья не особенно тяготѣли къ этимъ новымъ гостямъ, они дичились и держались въ отдаленіи.

9-го іюня великій князь Александръ Александровичъ²⁾ въ первый разъ вступилъ на дежурство въ должности флигель-адъютанта. Онъ адресовался за совѣтомъ къ старому дежурному флигель-адъютанту Мердеру, который взялся ему показывать все, что слѣдуетъ дѣлать на дежурствѣ. Какъ разъ, послѣ обѣдни, государь пожелалъ поѣхать на освященіе богадѣльни, и Александръ Александровичъ, какъ дежурный, былъ взятъ государемъ въ его коляску. Такъ началась служба великаго князя въ должности флигель-адъютанта.

Во время одной изъ поѣздокъ по парку великіе князья отправились на огородъ, гдѣ были собраны нѣсколько унтеръ-офицеровъ, учениковъ Даве, будущихъ учителей фехтованія въ гвардейскихъ полкахъ. Они изумили и привели въ восторгъ своею ловкостью и искусствомъ. Конечно, все это нужно отнести къ чести г. Даве. Великій князь Александръ Александровичъ далъ командѣ тридцать рублей.

24-го начались экзамены.

На этомъ дневникъ Литвинова кончается за потерю слѣдующихъ тетрадей.

Дальнѣйшее образованіе великій князь Александръ Александровичъ получилъ подъ руководствомъ слѣдующихъ профессоровъ: по химіи—Петрушевскаго; по государственному праву—Пискарева; по русской исторіи—Бестужева-Рюмина и С. Соловьева; курсъ артиллеріи читалъ капитанъ Демьянковъ; тактику читали сначала генераль Карцевъ, а потомъ полковникъ Драгомировъ; фортификацію—полковникъ Гернь; огнестрѣльное оружіе—полковникъ Эгельстромъ, физику—Лабзинъ; статистику и политическую экономію читалъ Тернеръ и законовѣдѣніе—К. Побѣдоносцевъ.

Великому князю Александру Александровичу предстояло пройти курсъ нѣсколькихъ наукъ, и г. Тернеру предоставлено четыре урока въ недѣлю. Занятія продолжались въ теченіе всей зимы 1865—66 г. Послѣдніе уроки происходили весною въ Царскомъ Селѣ, еще незадолго до отъѣзда его за границу въ Данію.

Чрезвычайно скромный и даже недовѣрчивый къ себѣ, Александръ Александровичъ проявлялъ замѣчательную твердость въ отстаива-

¹⁾ Великій князь пожалованъ въ прапорщики въ 1852 году, подпоручики 1853 г., поручики 1855 г., штабъ-капитаны 1859 г., капитаны въ 1862 г., въ полковники 1863 г., назначенъ флигель-адъютантомъ въ 1862. (Послужной списокъ императора Александра III).

ни разъ сложившихся у него сужденій и мнѣній. Онъ всегда спокойно выслушивалъ всѣ объясненія, не вдаваясь въ подробное возраженіе противъ тѣхъ данныхъ, съ которыми онъ не соглашался, но подъ конецъ просто и категорически высказывалъ свое мнѣніе. Такъ, напримѣръ, по вопросу о таможенной охранѣ и о вредныхъ послѣдствіяхъ чрезмѣрнаго таможеннаго покровительства великій князь, внимательно выслушавъ объясненія, высказалъ, что, по его мнѣнію, русская промышленность все же нуждается въ значительной охранѣ ¹⁾.

Профессоръ московскаго университета Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ сначала преподавалъ русскую исторію наслѣднику Николаю Александровичу, а потомъ въ 1865—66 гг. онъ снова былъ вызванъ изъ Москвы для занятій по русской исторіи съ цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ. Занятія эти не ограничивались чтеніемъ лекцій, но, кромѣ лекцій, великій князь Александръ Александровичъ часто бесѣдовалъ съ историкомъ о русской исторіи и о политическомъ равновѣсіи европейскихъ государствъ. Извѣстіе о кончинѣ Соловьева (1879 г.) побудило цесаревича громко высказать свое отношеніе къ своему учителю, и онъ сдѣлалъ это въ рескриптѣ на имя вдовы Сергѣя Михайловича, гдѣ онъ пишетъ: «Принявъ отъ него всегда памятные мнѣ уроки и наставленія въ исторіи нашего отечества, я не могу быть равнодушнымъ къ вашему горю и вмѣняю себѣ въ сердечный долгъ выразить вамъ свое искреннее и глубокое сочувствіе. Цесаревичъ Александръ» ²⁾.

7-го сентября 1862 года государь, императрица, наслѣдникъ и великіе князья Александръ, Владимиръ и Алексѣй Александровичи съ прочими членами императорской семьи выѣхали изъ Царскаго Села въ Колпино, оттуда направились по желѣзной дорогѣ до станціи Чудово, а далѣе слѣдовали на пароходѣ по р. Волхову до Новгорода, гдѣ должно было быть открытіе памятника тысячелѣтія Россіи.

8-го сентября, въ день рожденія наслѣдника цесаревича, крестный ходъ двинулся изъ стараго Софійскаго собора на площадь, посреди которой возвышался величественный памятникъ, воздвигнутый художникомъ Микѣшинымъ. Государь и великій князь Николай Николаевичъ сопровождали церковную процессію на коняхъ, а императрица и всѣ члены императорской фамиліи за нею пѣшкомъ.

Послѣ молебствія съ колѣнопреклоненіемъ, при звонѣ колоколовъ и пушечной пальбѣ, завѣса спала съ памятника, и митрополитъ Исидоръ окропилъ его святой водой. Въ эту минуту государь обнялъ цесаревича Николая Александровича, которому въ этотъ

¹⁾ «Русская Старина». 1910 г.

²⁾ «Русскій Вѣстникъ», 1894 г. «Наставники».

день исполнилось девятнадцать лѣтъ, и горячо поцѣловаль и благословиль.

Послѣ молебствія начался парадъ войскамъ, въ которомъ принимали участіе роты и эскадроны отъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ, подъ начальствомъ великаго князя Николая Николаевича Старшаго.

По окончаніи парада тутъ же на площади, по ту сторону крѣпостной стѣны, войска были угощаемы обѣдомъ. Императоръ съ

1 рядъ: князь Вл. Мещерскій, докторъ Гиришъ, секретарь Оомъ, проф. Бабстъ, адъютантъ Козловъ. 2 рядъ: графъ Перовскій, К. П. Побѣдоносцевъ, великій князь Владимиръ Александровичъ, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ, Н. П. Литвиновъ и Боголюбовъ

императрицей обошли всѣ триста шестьдесятъ столовъ, и государь поднялъ чарку за здоровье войскъ.

Въ шесть часовъ въ дворянскомъ собраніи былъ обѣдъ, на который были приглашены всѣ дворяне и должностныя лица. Первый тостъ провозгласилъ самъ державный хозяинъ «за благоденствіе Россіи».

Вечеромъ государь и всѣ его спутники посѣщали древнее Рюриково городище, расположенное при выходѣ р. Волхова изъ озера. Возвратясь въ Новгородъ, государь съ наслѣдникомъ и всѣ

члены императорской семьи объѣхали ярко иллюминированныя улицы древняго города.

На третій день пребыванія въ Новгородѣ государь принималъ депутаціи крестьянъ; затѣмъ посѣтилъ съ императрицею учебныя и благотворительныя заведенія, а вечеромъ въ залахъ дворянскаго собранія былъ данъ блестящій балъ.

10-го сентября высочайшіе гости отбыли изъ Новгорода ¹⁾. Поѣздка эта произвела на великихъ князей большое впечатлѣніе.

Осень и зиму великіе князья провели въ занятіяхъ, а весной переѣхали въ Царское Село.

Въ іюнѣ 1863 года государь пожелалъ посѣтить Финляндію и произвести тамъ смотръ войскамъ. Великіе князья, по приказанію государя, должны были сопровождать его.

Вотъ какъ описываетъ Н. П. Литвиновъ это путешествіе въ Финляндію:

«Во вторникъ 16-го іюня 1863 года, въ двѣнадцать часовъ ночи мы поѣхали на желѣзную дорогу и въ половинѣ перваго двинулись въ путь. На пароходъ «Александрія» мы сѣли во второмъ часу и прибыли на «Штандартъ» въ исходѣ третьяго, такъ что только въ три часа машина была въ ходу. Затѣмъ мы ужинали. Проходя по малому рейду, государь и великіе князья вышли на шканцы. Легли спать въ четыре часа. Въ девять часовъ утра, когда великіе князья уже проснулись, съ «Штандартомъ» случилось маленькое несчастіе: крыло потерпѣло поврежденіе, и мы потеряли, за починкой, полтора часа времени.

«Яхта «Штандартъ» рѣшительно пренесчастное судно. Каждый разъ, что государь на него сядетъ, оно непременно терпитъ какую-нибудь аварію. Не успѣли провести какой-нибудь часъ времени послѣ первой починки колеса, какъ оно снова повредилось. Приключенія наши кончились тѣмъ, что мы принуждены были пересаживаться со всѣмъ нашимъ багажомъ на слѣдовавшій за нами пароходъ-фрегатъ «Олафъ». «Олафъ», конечно, не ожидалъ такой чести и потому на немъ не было сдѣлано никакихъ приготовленій для пріема такого высокаго пассажира. Государь помѣстился въ рубкѣ, которую пришлось отворить, за неимѣніемъ ключей, топоромъ. Великіе князья съ Николаемъ Максимиліановичемъ расположились въ одной каютѣ, кто на палубѣ, а кто въ остальныхъ каютахъ. Государь выказалъ ангельское терпѣніе; онъ не выражалъ неудовольствія ни одному изъ тѣхъ лицъ, которыя были прикосновенны къ дѣлу. Но нѣтъ худа безъ добра, такъ какъ и на этотъ разъ переселеніе государя на «Олафъ» можно было принять за хорошее предзнаменованіе, какъ весьма пріятное для финновъ, потому что «Олафъ» построенъ въ Финляндіи. Всѣ эти неудачи от-

¹⁾ Татищевъ. Царствованіе Императора Александра II.

няли у насъ, по крайней мѣрѣ, пять часовъ времени, и мы пришли въ Гельсингфорсъ не въ пять часовъ пополудни, какъ предполагалось, а въ десять часовъ вечера.

«Финны встрѣтили государя съ большимъ энтузіазмомъ. Всѣ суда на рейдѣ и зданія въ городѣ были разукрашены гирляндами цвѣтовъ и увѣшаны вензелями; все было рассчитано на дневной свѣтъ, а никакъ не на ночную тьму... Вся набережная была биткомъ набита народомъ, оглашающимъ воздухъ неумолкаемымъ «ура», давка была неимоверная.

«Во дворцѣ государь съ великими князьями оставался не болѣе полутора часа времени, а въ двѣнадцать часовъ былъ уже на вокзалѣ Тавастгусской желѣзной дороги, гдѣ его встрѣтила Аврора Карловна Карамзина (урожденная Шернваль-Валленъ). Старшіе войсковые начальники расположенныхъ въ Финляндіи войскъ, а также генераль-губернаторъ Рокасовскій и гражданскій губернаторъ Валленъ сопровождали государя въ Тавастгусъ. Вездѣ толпы народа, крики «ура». На одной изъ станцій гостей угостили чаемъ; тутъ была хозяйкой, кажется, m-me Линдербъ, урожденная Пушкина. Въ Тавастгусъ пріѣхали въ четыре часа утра. Такъ какъ и здѣсь государя ожидали около полуночи и приготовления сдѣланы были съ расчетомъ на ночную тьму, то эффектъ былъ нѣсколько ослабленъ восходящимъ солнцемъ. Но мы вознаграждены были тѣмъ, что вдоволь могли налюбоваться на маленькихъ дѣвочекъ и дѣвицъ, одѣтыхъ въ бѣлыя кисейныя платья, съ вѣнками на хорошенькихъ головкахъ; онѣ стояли въ два ряда отъ воротъ по всему двору и даже по лѣстницѣ, ведущей въ комнаты государя, и осыпали путь живыми цвѣтами. Великіе князья ужинали съ государемъ и пришли въ отведенный домъ въ исходѣ пятого часа. Хозяйка дома, желавшій встрѣтить великихъ князей съ возможно большимъ торжествомъ, распорядился зажечь всѣ, какія только были, свѣчи въ люстрахъ, канделябрахъ и подсвѣчникахъ, и никакъ не рѣшался ихъ потушить, несмотря на то, что солнце было уже высоко и свѣтило ярко.

«17-го іюля. На другой день встали въ девять часовъ. Съ нами пилъ чай Валленъ. Послѣ чая великіе князья поѣхали съ нимъ въ тавастгусскій паркъ. Мѣсто прелестное, весь паркъ расположенъ на горѣ, круто спускающейся къ довольно большому озеру. Паркъ очень понравился великимъ князьямъ за то, что въ какія-нибудь пять минутъ они нашли въ немъ до пятнадцати подосиновыхъ грибовъ.

«Въ двѣнадцать часовъ назначенъ былъ смотръ войскамъ, расположеннымъ лагеремъ въ семи верстахъ отъ Тавастгуса. На правомъ флангѣ лагеря, на возвышеніи, поставлены были двѣ ставки: одна для государя, другая для великихъ князей. Отрядъ состоялъ изъ гвардейскаго финскаго стрѣлковаго батальона, второго ба-

тальона Выборгскаго пѣхотнаго полка, девяти финскихъ стрѣлковыхъ поселенныхъ батальоновъ, финляндской нарѣзной второй батареи и сотни Донскаго казачьяго № 16 полка... Государь былъ очень доволенъ смотромъ и лично благодарилъ гр. Аминова и барона Виллебрандта. По окончаніи смотра государь объѣзжалъ всѣ части войскъ и благодарилъ каждого отдѣльно. Командиры переводили слова государя своимъ солдатамъ, а эти послѣдніе кричали «ура». Всѣ замѣтили, что особенно хорошо были переданы слова государя командиромъ втораго поселеннаго батальона подполковникомъ Розенбергомъ. Проѣзжая мимо шестаго Тавастгусскаго поселеннаго батальона, государь подозвалъ великаго князя Владимира Александровича и отрекомендовалъ его, какъ шефа батальона. Черезъ часъ Владимиръ Александровичъ уже надѣлъ мундиръ поселенныхъ стрѣлковъ, поднесенный ему однимъ офицеромъ.

«Къ четыремъ часамъ назначенъ былъ большой обѣдъ на обширномъ баракѣ. Приглашены были всѣ офицеры отряда и нѣкоторые представители тавастгусскаго дворянства и купечества... Государь предложилъ тостъ за здоровье и процвѣтаніе финскихъ войскъ; потомъ генераль-майоръ Вилленбрандтъ предложилъ тостъ за здоровье государя и всего царствующаго дома, и съ этимъ вмѣстѣ раздался финскій гимнъ «Gotland» и страшное потрясающее «ура» внутри и внѣ барака. Напротивъ, когда играли «Боже, Царя храни», то настала торжественная и глубокая тишина: финны не понимали русскаго гимна!

«Послѣ обѣда государь поѣхалъ смотрѣть стрѣлбу, а въ восемь часовъ государь поѣхалъ кататься со всею свитою въ паркъ. Въ павильонѣ городскимъ обществомъ были приготовлены чай и фрукты. Потомъ государь сѣлъ на маленькій пароходъ и катался по озерамъ... Экипажей было очень мало на этихъ прогулкахъ...

«Такъ какъ на другой день были назначены маневры, то государь приказалъ великимъ князьямъ почевать въ лагеряхъ. Когда я наконецъ сошелся съ великими князьями въ Тавастгусѣ, то, оказалось, намъ не въ чемъ было ѣхать въ лагерь. Положеніе было критическое... Наконецъ на площади показался какой-то рыдванъ, окрашенный въ желтую краску, и мы наняли его за два рубля... Въ лагеряхъ мы поужинали, и великіе князья легли спать въ палаткахъ съ гр. Перовскимъ.

«18-го іюля Александръ Александровичъ всталъ въ четыре съ половиной часа утра и въ шесть часовъ выступилъ съ гвардейскимъ финскимъ стрѣлковымъ батальономъ. Онъ не былъ во фронтѣ, а только состоялъ при батальонѣ, и потому ѣхалъ верхомъ. Владимиръ Александровичъ выступилъ изъ лагеря въ половинѣ восьмого при шестомъ поселенческомъ стрѣлковомъ батальонѣ. Братья были въ различныхъ отрядахъ: Александръ Александровичъ въ южномъ,

а Владимиръ Александровичъ въ сѣверномъ. Въ девять часовъ утра выѣхалъ государь изъ дворца и объѣхалъ позиціи. Въ десять часовъ начался маневръ, который производился въ отличномъ порядкѣ... Государь, конечно, остался доволенъ маневромъ. Когда мы приѣхали обратно въ городъ, то государь приказалъ Владимиру Александровичу опять ѣхать въ лагерь къ своему батальону, который хотѣлъ угостить новаго шефа завтракомъ. Александръ Александровичъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы съѣздить купаться съ Николаемъ Максимиліановичемъ и со мною. Финны имѣютъ странную привычку утвердительно мотать головой и безусловно соглашаться на все то, что имъ говорятъ и чего они не понимаютъ. Отъ этого бываютъ пресмѣшныя недоразумѣнія. Такъ вышло и теперь: кучеръ финнъ, взявшійся показать намъ, гдѣ можно купаться, привезъ насъ въ баню, въ которой, кажется, только была одна женская прислуга. Мы были очень скандализированы, особенно Александръ Александровичъ. Намъ, однако, удалось отыскать мѣсто, гдѣ можно было выкупаться; но дно оказалось такое тинистое, что мы на силу отмылись отъ всякихъ гадостей.

«Въ половинѣ третьяго назначенъ былъ обѣдъ, къ которому приѣхали великіе князья Алексѣй Александровичъ и Николай Константиновичъ. Къ обѣду были приглашены всѣ начальники частей войскъ. Послѣ обѣда, въ половинѣ пятаго, мы отправились въ Гельсингфорсъ по желѣзной дорогѣ. Уже стемнѣло, когда мы въѣхали въ городъ. Всѣ улицы и дома были иллюминированы, и толпа народа встрѣчала государя у вокзала, провожая его бѣгомъ до дворца. Вечеромъ великіе князья захотѣли поѣхать на яхту «Забава». Владимиръ Александровичъ поѣхалъ на пристань съ Алексѣемъ Александровичемъ; только что они показались на улицѣ, народъ гаркнулъ «ура» и замахалъ шапками въ воздухѣ. Послѣ этого Александръ Александровичъ упросилъ меня итти съ нимъ инкогнито черезъ одну изъ черныхъ лѣстницъ. Нужно сказать, что инкогнито наше еле удалось, потому что Александръ Александровичъ шелъ такимъ великимъ княземъ, что остается удивляться только, какъ его не узнали. Наконецъ мы добрались до какой-то лодочки, наняли ее за цѣлковый и перебрались на «Забаву» очень благополучно. Видъ на рейдъ былъ великолѣпный, весь берегъ горѣлъ огнями и отражался въ водѣ... На судахъ играли гимнъ, а матросы кричали «ура»; этими восклицаніями дирижировали мы съ «Забавы». Напившись чаю на яхтѣ, мы вернулись домой. Государь взялъ великихъ князей прокатиться по иллюминированному городу. Затѣмъ мы ужинали и легли спать около половины втораго часа.

«19-го іюля. Сегодня встали въ половинѣ восьмого и отправились купаться на катерѣ къ минеральнымъ водамъ. Купальни устроены отлично; въ водѣ было девять съ половиной градусовъ и въ самое жаркое лѣто рѣдко бываетъ выше двѣнадцати. Мы про-

были въ водѣ не болѣе трехъ минутъ. Послѣ купанья прошлись на скалу, на которой устроена батарея съ претолстымъ землянымъ брустверомъ и съ орудіями почтеннаго калибра. Въ двѣнадцать часовъ назначенъ былъ смотръ войскамъ, въ Гельсингфорсѣ расположеннымъ, а послѣ смотра государь поѣхалъ осматривать замѣчательныя зданія. Возвратясь домой, мы едва успѣли позавтракать, какъ насъ подняли ѣхать осматривать Свеаборгъ. Мы такъ быстро прошли по всѣмъ веркамъ и укрѣпленіямъ, что самый опытный глазъ не могъ бы вывести заключенія о достоинствахъ крѣпости. Одно общее впечатлѣніе выразилось на всѣхъ лицахъ по осмотрѣ работъ, а именно—голодь и усталость; два съ половиною часа мы непрерывно то взбирались, то спускались по скаламъ, брустверамъ и рвамъ... Измученные и голодные, мы пріѣхали домой около половины четвертаго. Отдохнувши съ часть времени, мы поѣхали обѣдать. Столъ былъ накрытъ человекъ на восемьдесятъ. Часовъ въ семь великіе князья отправились въ театръ, что было сдѣлано по просьбѣ Валлена. При входѣ великихъ князей въ партеръ занавѣсъ подняли, и человекъ пятнадцать актеровъ и актрисъ запѣли «Боже, Царя храни», затѣмъ одна прехорошенькая актриса выступила впередъ и продекламировала какую-то нѣмецкую оду. Все это было устроено и неудачно, и некстати. Мы насилу высидѣли слѣдующую затѣмъ пьесу и въ восемь часовъ уѣхали на балъ къ генералу-губернатору Росаковскому, данный на минеральныхъ водахъ. Тамъ пробыли только два часа, но зато очень пріятныхъ. Великіе князья сначала не рѣшались было пускаться въ танцы, но потомъ, когда разошлись, то и дѣло просили откомендовать ихъ гельсингфорскимъ барышнямъ. Однимъ словомъ, балъ удался, и когда наступилъ роковой часъ, то великіе князья оставили его съ замѣтнымъ сожалѣніемъ, а ужъ про оставленныхъ нами дамъ нечего и говорить, онѣ чуть не плакали. Всѣ дамы, съ которыми мнѣ пришлось говорить: такъ восторгались государемъ и великими князьями, что будь это въ другомъ мѣстѣ и въ иное время, то это показалось бы неловкимъ, но тутъ какъ-то невольно вѣрилось искренности каждаго слова. Въ десять часовъ вечера мы отчалили отъ береговъ гостепріимной Финляндіи, полные пріятныхъ впечатлѣній въ настоящемъ и самыхъ свѣтлыхъ надеждъ въ будущемъ.

«Штандартъ» стоялъ въ открытомъ морѣ, потому что выходъ изъ рейда ночью опасенъ. Мы были доставлены на яхту парходомъ «Стрѣльна». Въ двѣнадцатомъ часу «Штандартъ» снялся съ якоря, и мы сѣли ужинать. Легли спать около часа, весьма утомленными сегодняшними тревоженіями. 20-го іюля мы прибыли въ Петербургъ и въ тотъ же день были уже въ Царскомъ Селѣ¹⁾.

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1907 г. Изъ записокъ Н. П. Литвинова.

Въ этомъ же году государь пожелалъ, чтобы великіе князья Владиміръ и Алексѣй Александровичъ и Николай Константиновичъ присутствовали при открытіи финляндскаго сейма. Поэтому 3-го сентября великіе князья выѣхали въ Гельсингфорсъ и присутствовали на всѣхъ торжествахъ. Государь посѣтилъ сенатъ и университетъ; вездѣ говорилъ рѣчи на всѣхъ языкахъ, кромѣ русскаго. Открытіе сейма было обставлено весьма торжественно. Пальба изъ орудій. Во дворцѣ былъ поставленъ тронъ, который былъ доставленъ изъ Москвы въ Борго (въ 1809 г.). Государь прочелъ рѣчь на французскомъ языкѣ, а ландмаршалъ отвѣчалъ на шведскомъ. Вечеромъ была иллюминація, вездѣ горѣли инициалы императора. Студенты устроили факельное шествіе. Затѣмъ состоялся блестящій балъ, для чего желѣзнодорожный вокзалъ преобразился въ огромный залъ, вмѣстившій въ себѣ двѣ тысячи человекъ. На другой день г-жа Карамзина (урожденная Шернваль-Валленъ) имѣла счастье принимать у себя въ имѣніи вѣнценоснаго главу Россіи. Великолѣпіе было полное. Послѣ завтрака была охота, затѣмъ обѣдъ, балъ и роскошная иллюминація. Повара и вина были выписаны изъ Парижа. Въ память открытія сейма была выбита медаль, которую получили всѣ августѣйшіе члены императорской фамиліи ¹⁾.

Великіе князья возвратились въ Царское Село 8-го сентября. Окончаніе систематическаго образованія великаго князя Александра Александровича совпало съ началомъ его службы въ войскахъ. Когда великому князю минуло девятнадцать лѣтъ, государь призналъ необходимымъ начать его военное образованіе, для чего онъ совмѣстно съ его братомъ, Владиміромъ Александровичемъ, были прикомандированы къ пѣхотному учебному батальону, командиромъ котораго былъ полковникъ Нотбекъ. Великіе князья пробыли въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ цѣлый мѣсяцъ, причемъ великій князь Александръ Александровичъ командовалъ первой ротой, а великій князь Владиміръ Александровичъ былъ въ этой ротѣ младшимъ офицеромъ. Такимъ образомъ, началась военная служба великихъ князей съ 1-го іюля 1864 года по 7-е августа того же года. По возвращеніи изъ Краснаго Села великіе князья пробыли въ Царскомъ Селѣ только одну недѣлю, такъ какъ государь пожелалъ, чтобы они отправились съ нимъ въ Москву на смотры и маневры войскъ. Тамъ они провели пять дней и возвратились въ Царское Село, а государь продолжалъ свое путешествіе въ Дармштадтъ, Фридрихсгафенъ и по Швейцаріи; туда были вызваны и великіе князья, которые пропутешествовали цѣлый мѣсяцъ.

Во время пребыванія въ Дармштадтѣ государь получилъ теле-

---

¹⁾ М. Бородинъ. Исторія Финляндіи.

грамму отъ наслѣдника, что сдѣлать предложеніе датской принцессѣ Дагмарѣ и что онъ послалъ молодого кн. Барятинскаго къ своимъ родителямъ съ дальпѣйшими подробностями.

Между тѣмъ великіе князья Александръ и Владимиръ Александровичи предполагали выѣхать изъ Дармштадта въ Россію 16-го сентября, но вслѣдствіе означенной депеши остались у родителей въ ожиданіи кн. Барятинскаго. Такимъ образомъ, они возвратились въ Царское Село только 23-го сентября ¹⁾).

Конецъ 1864 года и начало 1865 года прошелъ въ обыкновенныхъ занятіяхъ науками.

На Пасху у наслѣдника появились первые признаки его смертельной болѣзни. Николай Александровичъ очень поблѣднѣлъ и исхудалъ, появились боли въ поясницѣ, и докторъ Шестовъ, состоявшій при наслѣдникѣ, настаивалъ на леченіи морскими ваннами. Было рѣшено ѣхать въ Голландію, на берегъ моря, въ Скевенинге. Планъ путешествія цесаревича былъ разработанъ гр. Строгановымъ, а главная цѣль была доставленіе возможности цесаревичу сдѣлать по сердцу выборъ невѣсты.

Въ это лѣто вся царская семья поѣхала за границу, кромѣ великаго князя Александра Александровича, который оставался въ Царскомъ Селѣ. Государь, императрица съ младшими дѣтьми поѣхали въ Дармштадтъ, великій князь Владимиръ Александровичъ въ Штутгартъ для леченія, цесаревичъ направился на морскія купанья въ Голландію.

Наслѣдника сопровождали: графъ Строгановъ, флигель-адъютантъ Рихтеръ, профессоръ Чичеринъ, князь Барятинскій, кирасиръ Козловъ, секретарь Оомъ и докторъ Шестовъ ²⁾).

Морское купанье не принесло наслѣднику пользы, и онъ послѣ трехнедѣльнаго пребыванія на берегу Голландіи отправился въ Данію, гдѣ и совершилась его помолвка съ датской принцессой. Изъ Даніи цесаревичъ пріѣхалъ въ Дармштадтъ, гдѣ находилась вся царская семья. Въ декабрѣ наслѣдникъ переѣхалъ въ Ниццу, гдѣ въ то время жила императрица Марія Александровна.

Совмѣстная жизнь, какъ въ Царскомъ Селѣ, такъ и въ столицѣ не могла не облизить такія молодыя и цѣльныя натуры, какъ натуры великаго князя Николая и Александра Александровичей. Они вмѣстѣ играли, развлекались, передавали другъ другу свои впечатлѣнія. Старшій братъ дѣлился съ младшимъ плодами своего научнаго и государственнаго воспитанія и имѣлъ на него благотѣльное вліяніе ³⁾. Александръ Александровичъ пользовался каждой свободной минутой, чтобы быть вмѣстѣ со своимъ любими-

¹⁾ Дневникъ Н. П. Литвинова.

²⁾ Князь Мещерскій. «Мои воспоминанія».

³⁾ «Русское Слово», 1895 г., № 284.

мымъ братомъ, который служилъ неоспоримымъ для него авторитетомъ. «Когда приходилось,—пишетъ Н. П. Литвиновъ,—дѣлать замѣчаніе младшему брату, то онъ всегда пренаивно отвѣчалъ, что «такъ Никсъ дѣлаетъ»¹⁾).

Наступилъ 1865 годъ. 26-го фѣвраля великому князю Александру Александровичу минуло двадцать лѣтъ, и, по закону, онъ признанъ совершеннолѣтнимъ. Въ этотъ день послѣдовалъ высочайшій указъ департаменту удѣловъ: «По случаю наступившаго совершеннолѣтія его императорскаго высочества любезнѣйшаго сына нашего великаго князя Александра Александровича повелѣваемъ, на основаніи № 78 учрежденія объ императорской фамилии, производить его высочеству по сто сорокъ двѣ тысячи восьмисотъ пятидесяти рублей и четырнадцати копеекъ серебромъ въ годъ изъ удѣльныхъ суммъ. Александръ. С.-Петербургъ. Февраля 26 дня 1865 года».

До совершеннолѣтія царскія дѣти всѣ расходы производили изъ суммъ своихъ родителей. Но такъ какъ у великаго князя Александра Александровича личныхъ расходовъ было всегда очень мало, то графъ Перовскій призналъ достаточнымъ на карманныя издержки выдавать по сто рублей въ мѣсяцъ.

День совершеннолѣтія своего великій князь Александръ Александровичъ ознаменовалъ рескриптами и подарками, а именно: получили табакерки съ брилльантами и съ портретомъ великаго князя: генераль-адъютантъ Н. В. Зиновьевъ (цѣною въ 3.537 р.), генераль-адъютантъ баронъ Мейендорфъ (въ 2.071 р.), бывший наставникъ В. П. Титовъ (2.956 р.), генераль-адъютантъ Гогель (2.000 р.), генераль Казнаковъ (1.993 р.). Перстни съ вензелемъ его высочества получили: Здекауеръ (въ 600 р.), Гротъ и Гриммъ (въ 300 р.); преподаватели: Карцевъ, Драгомировъ, Эвальдъ и другіе учителя, всего двадцать два человѣка получили перстни цѣною въ 200 рублей каждый. Затѣмъ англичанка Шпервудъ получила брошку (въ 350 р.), г-жи Поггенполь и Лисенко—брошку въ 200 р. каждая. Съ англичанки Струттонъ сложенъ долгъ кабинету въ пять тысячъ рублей; г-жа Скрипицына получила брошку цѣною въ 2.000 рублей. Кромѣ того, было много роздано орденовъ, чиновъ и подарковъ²⁾. Въ числѣ награжденныхъ былъ и К. П. Побѣдоносцевъ, которому пожалована табакерка съ брилльантами за занятія съ покойнымъ цесаревичемъ по законовѣдѣнію.

Это чрезвычайно важное событіе въ жизни великаго князя Александра Александровича омрачилось болѣзью его старшаго

¹⁾ Великій князь наслѣдникъ Николай Александровичъ, котораго въ царской семьѣ называли «Никсъ».

²⁾ Архивъ министерства двора. (Опись 1369, дѣло 169). Въ числѣ награжденныхъ находился и капитанъ генеральнаго штаба Драгомировъ, которому пожалованъ орденъ святаго Владимира 4-й степени.

брата и друга, Николая Александровича. Извѣстія изъ Ниццы сначала имѣли характеръ скорѣе благопріятный. Наслѣдникъ посылалъ своему другу и брату письма веселыя и полныя жизненнаго участія. Онъ шутилъ, острилъ, и въ каждомъ письмѣ чувствовалось веселое настроеніе духа. Вдругъ получилась отъ императрицы изъ Ниццы телеграмма съ роковымъ извѣстіемъ объ опасномъ положеніи цесаревича. Великій князь Александръ Александровичъ сейчасъ же обратился къ государю за разрѣшеніемъ уѣхать въ страждущему брату въ Ниццу, и черезъ день, 4-го апрѣля, онъ съ графомъ Перовскимъ уже выѣхалъ изъ Петербурга.

5-го апрѣля ¹⁾ великій князь Владимиръ Александровичъ обѣдалъ съ государемъ у великой княгини Елены Павловны, когда вдругъ получилась телеграмма, что наслѣдникъ заболѣлъ воспаленіемъ въ мозгу, и потому государь съ сыномъ Владимиромъ Александровичемъ рѣшили завтра выѣхать въ Ниццу. Великій князь такъ былъ потрясенъ этимъ извѣстіемъ, что сидѣлъ у себя въ комнатѣ надъ молитвенникомъ и заливался слезами,—говоритъ Н. П. Литвиновъ. «Послѣ молебствія въ Зимнемъ дворцѣ... нашъ поѣздъ двинулся въ одиннадцать часовъ вечера. Мы летѣли съ ужасной быстротой и въ три часа дня достигли цѣли путешествія. Въ Берлинѣ насъ встрѣтилъ король. Во время дороги получали непрерывно депеши... Докторъ Коррель много придавалъ намъ надеждъ своимъ толкованіемъ докторскихъ донесеній. Въ Парижѣ насъ встрѣтилъ Наполеонъ. Онъ съ нашимъ государемъ обмѣнялись визитами. Государь вышелъ къ нему на дебаркадеръ, а потомъ Наполеонъ вошелъ въ вагонъ государя... Въ субботу 10-го апрѣля мы прибыли въ Ниццу. Множество русскихъ встрѣтили государя, и всѣ были съ заплаканными глазами... Первымъ встрѣтилъ государя великій князь Александръ Александровичъ. Онъ былъ очень блѣденъ и худъ, глаза красны и распухли... всѣ говорили шопотомъ и у всѣхъ на устахъ было имя наслѣдника... По дорогѣ въ Ниццу, а именно въ Дижонѣ, къ намъ присоединилась королева датская съ принцессой Дагмарой... Бѣдный Александръ Александровичъ, пріѣхавшій сюда третьяго дня, все-таки не видѣлъ еще своего брата. Онъ цѣлые дни сидитъ въ сосѣдней комнатѣ, слышитъ его голосъ, видитъ его кровать и ноги, а въ комнату его не пускаютъ, боятся растревожить больного. Императрица все время не отходитъ отъ больного сына. Когда государь пріѣхалъ, то она, желая приготовить Николая Александровича, сказала ему, что государя ожидаютъ съ часа на часъ. Наслѣдникъ съ особенной чуткостью, развѣсившаяся въ послѣдніе дни болѣзни, сразу отгадалъ и объявилъ, что «папа здѣсь, въ другой комнатѣ, пусть онъ войдетъ». Тутъ вошелъ Александръ Александровичъ, наслѣдникъ очень обрадовался, всѣхъ

¹⁾ Записки Н. П. Литвинова.

узналъ и всѣхъ перецѣловаль... У кровати больного было назначено сидѣть по очереди одному изъ докторовъ и по одному изъ свиты наслѣдника; въ число этихъ послѣднихъ вошли великіе князья Александръ Александровичъ и Николай Максимиліановичъ... 11-го апрѣля наслѣднику стало хуже и ему предложили пріобщиться Святыхъ Таинъ, что онъ и исполнилъ съ полнымъ сознаніемъ. По окончаніи священнаго обряда онъ началъ со всѣми прощаться и говорилъ по два раза: «прощай, прощай». Когда онъ простился со всѣми, подлѣ него остались только свои; въ головахъ съ правой стороны стоялъ великій князь Александръ Александровичъ, а съ лѣвой—принцесса Дагмара. Наслѣдникъ все время держалъ ее за руку; принцесса часто становилась на колѣни и цѣловала лѣвую руку жениха. Государь и императрица стояли по обѣ стороны больного въ ногахъ... Послѣ минутнаго забытья наслѣдникъ открылъ широко глаза, взялъ за руку Александра Александровича и, обращаясь къ государю, сказалъ: «Папа, береги Сашу; это такой честный, хорошій человѣкъ...» Только что пріѣхавшій изъ Вѣны профессоръ Опольцеръ подтвердилъ мнѣніе доктора Здекауера, что у наслѣдника дѣйствительно *meningitis cerebrospinalis*, но къ этому прибавилъ еще *tuberculosa*... Николаю Александровичу безпрестанно давали мускусъ по настоянію Пирогова... Было безъ четверти часъ ночи 12-го апрѣля, когда вдругъ дверь съ шумомъ растворилась, и графъ Строгановъ вышелъ изъ комнаты наслѣдника и произнесъ: «Все кончено!» Черезъ часъ начали обмывать тѣло покойнаго. Александръ Александровичъ все присутствовалъ здѣсь и самъ надѣвалъ чистое бѣлье на брата. Въ десять часовъ была панихида, и всѣ плакали навзрыдъ. Великіе князья пожелали войти въ очередь флигель-адъютантовъ при тѣлѣ покойнаго. 14-го апрѣля перенесли тѣло въ русскую церковь, а 16-го апрѣля на фрегатъ «Александръ Невскій», на которомъ тѣло покойнаго наслѣдника было доставлено въ Петербургъ. 17-го апрѣля дворъ выѣхалъ изъ Ниццы въ Дармштадтъ и оттуда въ Петербургъ... 1-го мая, послѣ обѣда,—продолжаетъ Н. П. Литвиновъ,—великій князь Александръ Александровичъ позвалъ меня къ себѣ и предложилъ почитать письма покойнаго. Всѣ восемнадцать писемъ были прочитаны подъ рядъ. Предпослѣднее письмо, писанное, кажется, въ мартѣ мѣсяцѣ, Александръ Александровичъ читалъ, заливаясь слезами. Кажется, родной отецъ не можетъ дать такихъ прекрасныхъ совѣтовъ, какими были наполнены письма покойнаго. 25-го мая тѣло наслѣдника прибыло въ Кронштадтъ, а 29-го мая похоронено въ Петербургѣ, въ крѣпости, въ Петропавловскомъ соборѣ¹⁾. Послѣ похоронъ великіе князья переѣхали въ Царское Село, гдѣ и продолжали свои классныя занятія».

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ». Записки Н. П. Литвинова, 1907 г.

Въ этомъ году, наканунѣ присяги новаго наслѣдника, дворъ переселился въ Елагинъ дворецъ. «Вечеромъ я посѣтилъ цесаревича въ одномъ изъ флигелей дворца—повѣствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ кн. В. Мещерскій.—Онъ предложилъ мнѣ пойти съ нимъ пѣшкомъ гулять. Во время прогулки великій князь былъ не веселъ и не разговорчивъ. На берегу Невы мы присѣли на скамейку. Цесаревичъ сѣлъ и вздохнулъ. Я обернулся и спрашиваю: «Тяжело вамъ?»—«Я одно только знаю, что я ничего не знаю и не понимаю. И тяжело, и жутко, а отъ судьбы не уйдешь», отвѣчалъ наслѣдникъ. «А унывать нечего; есть люди хорошіе и честные, они вамъ помогутъ», сказалъ князь Мещерскій. «Я не думаю унывать. Это не въ моей натурѣ. Я всегда на все глядѣлъ философомъ. А теперь нельзя быть философомъ. Прожилъ я себѣ до двадцати лѣтъ спокойнымъ и беззаботнымъ, и вдругъ на плечи свалилась такая ноша. Вы говорите: люди, да, я знаю, что есть и хорошіе, и честные люди, но и не мало дурныхъ, а какъ разбираться; а какъ я съ своимъ временемъ управлюсь? Строевая служба, придется командовать; учиться надо, читать; людей видѣть надо, а гдѣ же на все это время?» отвѣчалъ наслѣдникъ ¹⁾).

Горестною скорбью и покорностью передъ тяжелымъ испытаніемъ проникнуть высочайшій манифестъ отъ 12-го апрѣля 1865 года, извѣстившій Россію о кончинѣ царскаго первенца. Манифестъ кончается такъ: «Лишившись первороднаго сына и прямого преемника нашего, нынѣ въ Бозѣ почившаго наслѣдника цесаревича и великаго князя Николая Александровича, мы, на точномъ основаніи закона о престолонаслѣдіи, провозглашаемъ второго сына нашего, его императорское высочество великаго князя Александра Александровича, наслѣдникомъ нашимъ и цесаревичемъ» ²⁾).

На другой день послѣ похоронъ государь принималъ разныя депутаціи, которымъ онъ сказалъ рѣчь, оконченную такъ: «Прошу васъ, господа, перенести на теперешняго наслѣдника моего тѣ чувства, которыя вы питали къ покойному его брату. За его же чувства къ вамъ я ручаюсь. Онъ любитъ васъ такъ же горячо, какъ я васъ люблю и какъ любилъ покойный...» Къ царскому приему была допущена и депутація отъ царства Польскаго. Обращаясь къ нимъ, между прочимъ, государь сказалъ: «...Вотъ мой сынъ Александръ, мой наслѣдникъ. Онъ носитъ имя того императора, который нѣкогда основалъ Царство. Я надѣюсь, что онъ будетъ достойно править своимъ наслѣдіемъ, и что онъ не потерпитъ того, что я не терпѣлъ» ³⁾).

20-го іюля въ церкви Зимняго дворца была принесена присяга

¹⁾ «Мои воспоминанія», князя Мещерскаго.

²⁾ Татищевъ. «Императоръ Александръ II».

³⁾ Тамъ же.

новаго наслѣдника на вѣрность государю и затѣмъ воинская присяга. Государь самъ пожелалъ подвести наслѣдника къ аналою, гдѣ Александръ Александровичъ взволнованнымъ, по громкимъ и яснымъ голосомъ принялъ присягу, послѣ которой знамена и штандарты были перенесены въ Георгіевскую залу и поставлены на двухъ ступеняхъ трона по обѣ стороны; штандартъ же лейбъ-гвардіи Атаманскаго наслѣдника цесаревича полка былъ поставленъ у аналоя. Въ присутствіи государя и войскъ наслѣдникъ произнесъ присягу на вѣрность служить государю до послѣдней капли крови ¹⁾. Послѣ присяги съ валовъ Петропавловской крѣпости былъ произведенъ салютъ въ триста одинъ выстрѣлъ изъ пушекъ. За параднымъ обѣдомъ въ Николаевскомъ залѣ, при провозглашеніи тостовъ, была произведена пальба изъ крѣпости. Въ этотъ день высочайшимъ приказомъ наслѣдникъ былъ зачисленъ во всѣ полки гвардіи, въ которыхъ государь состоитъ шефомъ. Кромѣ того, онъ былъ назначенъ атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ, шефомъ Смоленскаго уланскаго полка, также зачисленъ въ лейбъ-гвардію гусарскій полкъ, въ конвой его величества и лейбъ-гвардію Донскую казачью артиллерію. Почти всѣ иностранные государи прислали ему высшіе ордена, и онъ съ высочайшаго соизволенія принялъ званіе канцлера финляндскаго университета. Принялъ подъ свое покровительство московское археологическое общество, принялъ званіе почетнаго любителя императорской академіи художествъ, принялъ званіе почетнаго члена: академіи наукъ, географическаго общества и московскаго университета. Изъ Зимняго дворца ихъ величества съ наслѣдникомъ и прочими особами царской фамиліи проѣхали въ Елагинъ дворецъ, по дорогѣ въ который городское управленіе выстроило три триумфальныя арки, украшенныя зеленью и флагами; у каждой арки стояли хоры музыки, и большая толпа народа расположилась вдоль слѣдованія государя, встрѣчая его криками «ура». Какъ на Елагиномъ, такъ и на Каменномъ островахъ было устроено городомъ народное гулянье съ десятью хорами музыки, иллюминаціей и фейерверкомъ вечеромъ. Такое же народное гулянье было въ Москвѣ.

На другой день, 21-го іюня, въ Зимнемъ дворцѣ иностранные послы и другіе дипломаты приносили свои поздравленія молодому наслѣднику, а въ четыре часа въ Николаевскомъ залѣ былъ большой обѣдъ для царской фамиліи, членовъ Синода, Государственнаго Совѣта и придворныхъ дамъ и кавалеровъ; за этимъ обѣдомъ игралъ оркестръ подъ управленіемъ Лядова и пѣли артисты и артистки императорской оперы ²⁾.

Въ память дня совершеннолѣтія своего цесаревичъ многимъ

¹⁾ Шевелевъ. «Матеріалы». Выпускъ II.

²⁾ Шевелевъ. «Матеріалы». Выпускъ II.

высокопоставленнымъ лицамъ послалъ рескрипты. Изъ своихъ собственныхъ суммъ цесаревичъ послалъ для бѣдныхъ петербургскому генераль-губернатору 6.000 рублей, московскому тоже 6.000 рублей; пострадавшимъ отъ пожаровъ и неурожаевъ десять тысячъ рублей; на церкви Сѣверо-Западнаго края шесть тысячъ рублей, остзейскому генераль-губернатору двѣ тысячи рублей, а всего тридцать тысячъ рублей ¹⁾).

Ко дню совершеннолѣтія у цесаревича было восемь пансіонеровъ, изъ нихъ два въ петербургскомъ университетѣ, одинъ въ московскомъ и пять въ харьковскомъ; кромѣ того, одна дѣвочка; за воспитаніе которой платилось изъ суммъ великаго князя.

22-го іюля, по высочайшему повелѣнію, наслѣдникъ долженъ былъ продолжать свое военное образованіе службой въ войскахъ, для чего онъ принялъ первый батальонъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, въ то время стоявшій въ лагеряхъ подъ Краснымъ Селомъ, и обучался въ командованіи этимъ батальономъ. Наблюденіе за этимъ обученіемъ возложено было на начальника дивизіи, генераль-адъютанта Дрентельна. Въ то же время въ числѣ младшихъ офицеровъ Преображенскаго полка находились: великій князь Владимиръ Александровичъ и принцъ Александръ Ольденбургскій. Командованіе батальономъ продолжалось до 7-го августа, когда маневры войскъ лагеря закончились, и Преображенскій полкъ представился государю на парадѣ въ день полкового праздника 6-го августа.

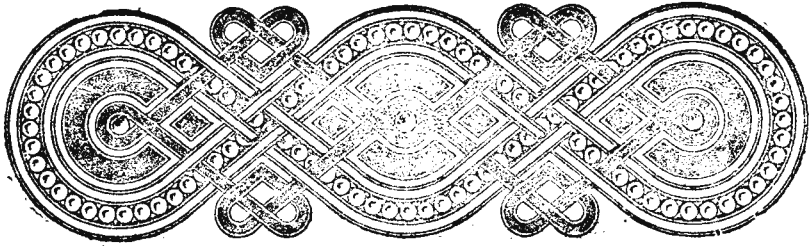
14-го августа новый наслѣдникъ, по древнему обычаю, посѣтилъ первопрестольную Москву. Государь съ наслѣдникомъ имѣли выходъ въ Успенскій соборъ, и съ высоты Краснаго крыльца новый наслѣдникъ цесаревичъ поклонился русскому народу. Такъ началась новая жизнь новаго наслѣдника. У него сразу явилось владычествующимъ началомъ его жизни—это сознаніе долга. Онъ началъ жизнь по-своему, безъ всякихъ фразъ, безъ всякой наружной пышности, а совѣтъ просто, совѣтъ обыкновенно и почти незамѣтно, продолжая свои учебныя занятія.

30-го августа 1865 года наслѣдникъ былъ произведенъ въ генераль-майоры съ назначеніемъ въ свиту Его Величества.

Е. Каменскій.

¹⁾ Архивъ министерства двора.

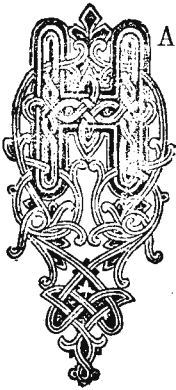
ЧЕТЫРЕ ЗАПИСКИ ИЗЪ ЖИЗНИ ДЕКАБРИСТОВЪ ¹⁾.

(Посвящено П. Е. А—ой) ²⁾.

II.

Разсказъ поселки.

Pour résumer sa vie... en la mettant au jour
Dieu la fit d'une larme... et d'un soupir d'amour.

АПОЛЕОНЪ любилъ и отличалъ моего отца. Онъ убить, храбрый воинъ, въ славной Аустерлицкой битвѣ! Мы жили съ матушкой въ Парижѣ, когда получили эту печальную вѣсть. Отецъ не оставилъ намъ ничего въ наслѣдство, кромѣ своего честнаго имени, legion d'honneur и сотни луидоровъ. Насъ было три сестры. Матушка плакала горькими слезами—мы старались утѣшать ее и себя своею молодостью. Мы обѣщали трудиться, работать, безъ стыда и усталости—за кусокъ насущнаго хлѣба. Въ Парижѣ надъ трудомъ не смѣются! Въ скоромъ времени у насъ былъ уже модный магазинъ. Мы наполнили его работами своихъ рукъ. Свѣтскія дамы насъ полюбили за аккуратность и честность, съ которыми исполняли мы ихъ требованія, онѣ ласкали насъ и щедростью

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СХLIII, стр. 143.

²⁾ Прасковья Егоровна, рожденная Полина Гебель, жена И. А. Анненкова.

своею укрывали насъ отъ гнета нужды. По ихъ милости мы рѣдко чувствовали недостатокъ и весело отдыхали отъ труда.

Въ одинъ день—свѣтлый или пасмурный, не помню—великолѣпный фіакръ остановился у нашего магазина. Къ намъ вошла дама. Она была высокаго роста, черты лица ея были пріятны, благородны; нѣсколько нескромныхъ морщинъ—этихъ непріятныхъ и незванныхъ свидѣтельницахъ жизни—требовали къ лѣтамъ ея полнаго уваженія. Она была великолѣпно, роскошно одѣта—какъ многія одѣваются въ Парижѣ; платье на ней было тяжело и богато. Она была русская дама. Ко мнѣ обратилась она съ особенною нѣжностью,—можетъ быть, потому, что я была младшая изъ сестеръ. Этой дамѣ все нравилось въ нашемъ магазинѣ, она хотѣла все купить,—намъ даже было стыдно, какъ она щедро платила за самыя простыя вещи. Въ короткое время она совершенно привыкла къ нашему магазину, посѣщала насъ каждый день, ласкала насъ и, когда, познакомившись съ матушкой, узнала о нашей судьбѣ, сблизилась съ нами, какъ нельзя больше, благотворила намъ и наконецъ приступила къ матушкѣ съ неотступною просьбой отпустить меня къ ней въ Россію. Г-жа Анненкова обѣщала любить меня, какъ дочь родную, наградить меня. Сколько ни страшна была мнѣ мысль о разлукѣ, но желаніе обезпечить жизнь родныхъ, какая-то невольная и безотчетная симпатія, даже любовь, которую я такъ вдругъ почувствовала къ этой женщинѣ, заглушили во мнѣ непріятныя сомнѣнія, горькія чувства. Странно! и маменька съ своей стороны мнѣ не противорѣчила, меня не остановила. Она какъ будто была довольна моею рѣшительностью—и я могла бы сказать, что она была рада, если бы въ ту минуту, когда благословляла она меня своимъ крестомъ на вѣчную разлуку, крупная слеза не выпала на ея грудь.

Спустя нѣсколько дней я оставляла родной кровъ. Помню, что много людей приходили со мной проститься—едва мнѣ знакомыхъ! Тогда поѣздку въ Россію считали дѣломъ страшнымъ. Я помню мою послѣднюю минуту въ Парижѣ, какъ одну изъ лучшихъ минутъ моей жизни! Обо мнѣ плакали, и это, кажется, единственный разъ во всю мою жизнь. Когда я садилась въ карету, матушка и сестры, обливаясь слезами, стояли на балконѣ.

— Je reviendrais, je reviendrais,—кричала я имъ, когда карета уже трогалась съ мѣста.

— Jamais! jamais, mon enfant,—отвѣчала матушка. Вотъ послѣднія ея слова, которыя врѣзались въ мою память.

Мы пріѣхали въ Москву. Здѣсь постоянно жила моя благодѣтельница. Вы знаете, какъ она была богата, какъ ее всѣ уважали.

Толпа поклонниковъ окружила меня—заѣзжую парижанку. Меня искали, въ меня влюблялись, мной забавлялись, какъ игрушкой! Но я съ первыхъ дней моего пріѣзда уже принадлежала одному.

Я отъ всей души безотчетно и безгранично предалась сыну моей благодѣтельницы. Ахъ! какъ онъ тогда любилъ меня...

Но не всякая женщина рѣшилась бы и его такъ любить, какъ я любила! Шалости его были безграничны, непростительны, особенно когда мы жили въ Петербургѣ. Правда, чернаго поступка за нимъ никогда не водилось. Онъ былъ мнѣ вѣренъ, какъ честный мужъ, но мужъ шалунъ, какъ добрый другъ, но вѣтреный; онъ былъ мнѣ покоренъ, какъ дитя неблагоразумное. А я? Я все ему прощала, я не только любила его—мнѣ казалось, что я должна служить ему, какъ Богу, моей любовью! Мнѣ хотѣлось быть его рабой, мнѣ такъ хотѣлось его власти надо мною! Вы знаете, что мы, женщины, хотя рѣдко въ этомъ сознаемся, а любимъ зависимость отъ мужей,—мы восхищаемся ихъ силой и смѣемся въ душѣ надъ ихъ безсиліемъ!

Мы скрывали нашу связь. Наконецъ мы должны были открыться: я была беременна! Моя покровительница печально покачала головой, прижала меня къ груди, тяжело вздохнула! О, какъ я живо помню эту минуту! Мы обѣ молчали и понимали, что говорили другъ другу этимъ молчаніемъ! Мнѣ казалось, что я читаю упрекъ въ ея глазахъ,—не за любовь мою къ ея сыну, а за довѣренность къ его молодости, сожалѣніе искреннее о необходимости, неизбѣжности моей съ нею разлуки! По ея понятіямъ, которыхъ не могла разрушить вся доброта ея сердца, бракъ между мною и ея сыномъ былъ невозможенъ! Насъ, какъ она находила, раздѣляла цѣлая бездна, самая страшная: на одномъ краю стояла вся ничтожность моего званія, а на другомъ вся громкая и блестящая важность ея рода. Какъ ни была я молода, я поняла всю справедливость ея отверженія отъ меня! И, въ самомъ дѣлѣ, ей ли, шестьдесятъ лѣтъ проживавшей блестящую жизнь, беззаботно, почти безмысленно, или, по крайней мѣрѣ, безотчетно, ей ли, вспомилавшей о челоуѣчествѣ только по требованіямъ моды; ей ли, гордой, неприступной, избалованной, оглушенной громкимъ богатствомъ,—достойнѣйшей, впрочемъ, женщинѣ въ своемъ кругу,—ей ли могла я напомнить о чести ея сына, о моей чести, о моей жизни, отданной ея сыну, предъ нимъ, моимъ кумиромъ, поверженной—изъ одной чистой любви, которою, быть можетъ, я думала расчестъся, поквитаться съ нею же, мою покровительницу, за ея благодѣянія ко мнѣ! Могла ли я сказать ей, что всю себя я принесла въ жертву ея сыну—за ея добро ко мнѣ? Могла ли я сказать ей, что я принимала въ свои объятія ея сына изъ продажныхъ объятій безстыдныхъ женщинъ, что онъ, упоенный виномъ, истомленный развратомъ, отдыхалъ въ моихъ объятіяхъ, какъ въ чистилищѣ, и въ эти страшныя минуты былъ дорогъ мнѣ, былъ милъ? Согласитесь, всего этого я не могла и не должна была сказать ей!

На другой день послѣ моего разговора съ г-жой Анненковой, разговора, который состоялъ изъ немногихъ словъ, вздоховъ и

моихъ слезъ, на другой день дворецкій госпожи моей объявилъ мнѣ, что «генеральша больше требовать меня не будетъ по причинѣ моей болѣзни, что мнѣ въ нижнемъ этажѣ дома очищены три комнаты, что приказано доктору меня пользоваться, что мнѣ всегда готовъ экипажъ для прогулокъ, дѣвушки для прислуги, и проч». Эта угодливость, предупредительность была для меня въ высшей степени оскорбительна. Я подумала, что иногда и лаской можно огривить все сердце! Мнѣ казалось, что меньше было бы стыдно этой женщинѣ приказать выгнать меня изъ дому, чѣмъ презрительно подавать мнѣ милостыню.—«Скажи барынѣ,—отвѣтила я дворецкому, этому доброму старику:—что, кромѣ могилы, мнѣ ничего не нужно! Даже гроба отъ нея мнѣ не нужно!» Старикъ заплакалъ, поцѣловалъ мою руку, что-то хотѣлъ сказать,—но въ эту минуту вошелъ въ мою комнату Анненковъ.

Онъ, всегда веселый, беззаботный, свѣтлый, былъ теперь и грустенъ и задумчивъ. «Полина,—сказалъ онъ мнѣ:—зачѣмъ ты плачешь? Я вѣренъ слову, ты вся моя,—если сама меня не бросишь, не отвергнешь...»

И когда съ этими словами, обнимая меня, онъ прижалъ свою руку къ моему сердцу и услышалъ въ первый разъ трепетъ своего дитяти—онъ не могъ сказать ни слова, онъ заплакалъ.

Какъ онъ былъ прекрасенъ въ эту минуту! Онъ видѣлъ, зналъ, что я удалена его матерью за любовь къ нему, за дитя наше, освящавшее эту любовь; онъ чувствовалъ всю силу этого несправедливаго оскорбленія, всю неправоту матери—и ни однимъ словомъ не выразилъ онъ ей упрека ни за что. Онъ только плакалъ, стоналъ.

Онъ лежалъ на моей груди и долго плакалъ!

Потомъ отрывисто онъ говоритъ мнѣ:

«Я тебя недостоинъ!.. Я обманулъ тебя... Меня обманули!.. Я не могу утѣшить тебя... Я не твой, Полина, прости меня! Ты знала, кѣмъ я былъ увлеченъ? Вчера Пестель записалъ меня въ свою книгу—я согласился... Я погибъ для всѣхъ!..»

Онъ упалъ на колѣни; онъ цѣловалъ мои ноги. А я,—я гордо радовалась, отъ всей души восхищалась этою страшною новостью, которая убила бы всякую другую дѣвушку, сколько-нибудь самолюбивую, привязавшуюся къ имени, богатству и знатности человѣка, съ которымъ думала связать свою жизнь! Я любила Анненкова, какъ въ ваше время уже не любятъ,—тою полною, безграничною, слѣпою и безмолвною любовью, надъ которой теперь уже смѣются, любовью, которая забываетъ цѣлый міръ для сердца и, ухватившись за своего друга, тонетъ съ нимъ въ разъяренныхъ бурю волнахъ, горитъ въ огнѣ, бросается со скалы, идетъ на эшафотъ—безвинная святая—идетъ на все за жизнь или за смерть своего друга...

Я видѣла, что Анненкову было жаль меня. Я общалась ему слѣдовать за нимъ, признать себя его союзницей, участницей въ его

дѣлѣ; я была готова на площади предъ всѣми объявить, что я требовала его участія въ мятежѣ, я думала, что плаха, съ которой упадетъ моя голова, не тронетъ моего друга, что смерть моя выкупитъ его жизнь! Это все я говорила ему, и, когда онъ, недовѣрчивый, представлялъ мнѣ, чтобъ испытать мои силы, наше будущее съ самой страшной стороны, я смѣялась надъ опасностями, которыми онъ думалъ напугать меня. Въ борьбѣ съ ними я видѣла только пріятную забаву; въ нихъ—одну соблазнительную игрушку! Вся рѣзвость, пылкость, скорость, рѣшительность, смѣлость парижанки во мнѣ пробудились въ эту минуту—и я готова была первая водрузить знамя республики у трона вашей имперіи! Я не вздохнула, я не уронила ни одной слезы въ отвѣтъ на отчаяніе моего любовника. Напротивъ. Я благословила его, обязала его хранить данное имъ обществу слово свято и твердо, я грозила ему стыдомъ, смертью за малѣйшую измѣну, за всякое къ тому покушеніе. И онъ принадлежалъ этому обществу всею душою, пока оно не превратилось въ буйное скопище малодушныхъ, слабосильныхъ, вѣтренныхъ и легковѣрныхъ союзниковъ, благоговѣвшихъ предъ волею и словомъ гордаго самолюбца Пестеля.

О, тогда я же первая извергла изъ этой шайки моего друга, сама опоясала его саблей и застегнула ему шарфъ на защиту трона, на смерть за русскаго царя!

Вскорѣ Анненкова арестовали. Во все время его заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости я его не видала.

Вы поймете, какія ужасныя мученія должна была я перенести въ это время. Отверженная, какъ преступница, какъ любодѣйка, одинокая, оставленная на произволь судьбы, безъ малѣйшаго утѣшенія, безъ извѣстія о жизни, о судьбѣ моего друга,—я жила въ его домѣ, какъ нищая, изъ милости, какъ несчастная, которую каждую минуту могъ безнаказанно оскорбить послѣдній слуга! Часто цѣлые дни я проводила въ безчувствіи; мнѣ оказывали пособіе—изъ состраданія, какъ нищей,—и эта помощь была мнѣ непріятна, тяжела, оскорбительна! Какъ мнѣ хотѣлось тогда умереть! Какъ мнѣ хотѣлось моею смертію—не упрекнуть, а только тронуть, пробудить сердце моей благодѣтельницы ко благу ея сына! Я ничего не требовала, не искала для себя; но, предчувствуя, что ожидаетъ моего друга въ будущемъ, я хотѣла его несчастную судьбу смягчить ласкою, добротою, нѣжностью его матери. Мнѣ хотѣлось заставить ее любить сына, закованнаго въ кандалы, такъ, какъ любила она его въ первый день его рожденія!.. Вотъ все, чего я искала,—вотъ заботы, которыя наполняли всю мою душу тогда!

Въ это тяжелое и болѣзненное для меня время Богъ благословилъ меня дочерью. Прелестное дитя своимъ первымъ крикомъ возвратило меня къ жизни, которой я уже готова была пренебречь, отъ которой мнѣ хотѣлось живою лечь въ могилу. Я помирилась съ моею

судьбою, съ людьми, съ міромъ Божиимъ и молила Бога простить мнѣ дни моего отчаянія, невѣрія, изнеможенія и потери моихъ силъ. Я считала себя предъ всѣми виноватою, мнѣ казалось, что я не стою ничьего вниманія.

Разъ, когда я нянчила мое дитя, ко мнѣ вошла госпожа Анненкова. Вы можете себѣ представить, какъ я смутилась при этомъ неожиданномъ посѣщеніи; я считала себя уже давно забытою въ ея сердцѣ. Она меня обласкала, взяла на руки мою дочь, назвала ее своей внучкой и заплакала!..

Добрая женщина! Сколько чувствъ, сколько жизни въ эту минуту воскресало въ ея душѣ, безсознательно очерствѣвшей среди мірскихъ блистательныхъ суетъ вѣчно дѣятельной и самой пустой свѣтской жизни, въ которой она была властительной царицей—и въ то же время покорнѣйшей рабой! Сколько лѣтъ эта роскошная дама, эта русская барыня, эта москвичка—въ полномъ смыслѣ слова—сытая и богатая, не знала слезы—и теперь, можетъ быть, въ первый разъ роняла ее на мое дитя, дочь узника—ея несчастнаго сына! На это дитя, за рожденіе котораго, нѣсколько дней тому назадъ, она отлучила меня отъ себя, повергла меня въ отчаяніе, измѣнила своему слову, предала меня насмѣшливому суду своей дворни! И она плакала теперь надъ этимъ ребенкомъ и на своихъ собственныхъ рукахъ отнесла его въ свою великолѣпную спальню и положила въ роскошную колыбель, подлѣ которой дала мѣсто и мнѣ, растерзанной матери. Да, это дитя возвращало ее къ чести, меня къ пріюту, для котораго оставила я все родное и потеряла за любовь!

Весь рай мой былъ въ колыбели моей дочери. День и ночь я не сводила глазъ съ моей малютки: эта крошка была мила, какъ ангель! Но недолго мнѣ суждено было утѣшать себя этимъ счастьемъ. Меня оторвали отъ него новыя страданія—или новыя наслажденія: въ жизни моей эти два слова такъ безразлучны, что всегда можно одно замѣнить другимъ! Когда я страдала—я наслаждалась; когда я наслаждалась—я страдала. Такова была моя судьба или мой характеръ—не знаю?

На дворѣ была глубокая осень, когда узнали мы, что Анненковъ переведенъ въ Петропавловскую крѣпость. Мы тогда жили на набережной—въ виду этой крѣпости. Судите, что должна я была чувствовать каждый день, каждую минуту! Мнѣ казалось, что у меня сердце разорвалось на двѣ части: одна лежала въ колыбели съ дочерью, другая была въ крѣпости съ моимъ другомъ. Вѣрите ли, что когда, измученная душевными страданіями и материнскими трудами, я засыпала на минуту, мнѣ представлялось, будто по Невѣ плаваетъ колыбель съ моею дочерью, крѣпость съ моимъ любовникомъ, а я, какъ утопающая въ волнахъ рѣки, цѣпляюсь то за колыбель, то за желѣзную рѣшетку тюремнаго окна, за которой сидѣлъ, изнуренный, блѣдный, мой несчастный другъ. Пробужденіе отъ такихъ

сновь было ужасно! Мнѣ некому было высказать моихъ страданій, не было съ кѣмъ облегчить себя словами,—а плакать я не смѣла: на моихъ рукахъ былъ грудной ребенокъ. Я слабѣла съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, теряла свою молодость, но много въ этихъ страданіяхъ приобрѣтала мужественности и смѣлости. Я рѣшилась увидѣть Анненкова, проникнуть въ его тюрьму.

Это было довольно нелегко. Ночь, въ которую, по нѣкоторымъ предварительнымъ распоряженіямъ, я должна была бѣжать къ моему другу, эта ночь не была создана для любовныхъ свиданій. На дворѣ было темно, морозно, по Невѣ шелъ сильный ледъ—и всѣ сообщенія съ крѣпостью были прекращены. Вы удивляетесь не столько моей рѣшительности, сколько возможности исполненія самаго дѣла? Не сомнѣвайтесь. Я не была такъ опрометчива. Я нѣсколько недѣль ожидала назначенія караула, который обѣщаль мнѣ отворить крѣпостныя ворота и пропустить меня къ преступнику; а для ночного запрещеннаго перевоза черезъ Неву у меня было довольно золота, которое я сберегла отъ издержекъ моего друга.

Говорить ли вамъ, съ какою опасностью былъ сопряженъ мой переѣздъ по рѣкѣ, покрывавшейся льдомъ? Сколько нужно было искусства лодочника въ борьбѣ съ водою, застывавшей каждую минуту? Сколько тревожныхъ чувствъ волновало мою душу въ нетерпѣливомъ, мучительномъ ожиданіи? Это все вы легко поймете. А не правда ли, я въ эту минуту походила на героиню моднаго романа? Дюма, описывая мои приключенія, если бы зналъ тогда объ этомъ, могъ бы такимъ описаніемъ замѣнить не одну страницу своихъ ложныхъ вымысловъ, какими онъ оцлечаталъ меня!

Меня пропустили въ крѣпость. Свиданіе наше не было восторженною встрѣчею счастливыхъ любовниковъ. Когда послѣ жаркихъ объятій мы взглянули другъ на друга, намъ представилось, будто каждый изъ насъ въ правѣ упрекнуть себя за что-то, за кого-нибудь. А между тѣмъ мы были чисты одинъ передъ другимъ, какъ голуби! Мы въ первый разъ еще стояли рядомъ отцомъ и матерью. Мы въ первый разъ поздравляли себя съ благословеннымъ плодомъ нашей любви—между тюремныхъ стѣнъ, въ которыхъ, вѣрно, въ первый разъ еще раздавалось слово любви. Въ избыткѣ чувства, для насъ обоихъ новаго, мы забылись.

Помню только одно желаніе. Я хотѣла остаться въ душной и сырой тюрьмѣ съ моимъ необвѣнчаннымъ мужемъ, за одинъ день съ нимъ я готова была отдать всю мою жизнь, и только мольбы караульнаго офицера, опасеніе за его судьбу могли оторвать меня отъ груди моего друга.

Ночь холодную, морозную, до разсвѣта я провела на берегу рѣки, покрывшейся льдомъ; на утро меня перенесли съ величайшею опасностью по этому тонкому льду. Моему возвращенію дома едва вѣрили...

Анненкова вскорѣ отвезли въ Сибирь. Въ минуту его ссылки рѣшилась и моя судьба. Я не колебалась ни въ возможности, ни въ обязанности за нимъ послѣдовать. Я готова была пѣшкомъ съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, въ крестьянской шубѣ и лаптяхъ итти въ Читгу. И я бы не могла иначе исполнить моего святого долга, если бы негодование матери къ преступному сыну и праведный гнѣвъ императора къ несчастному подданному не измѣнились на состраданіе и милость.

Госпожа Анненкова признала мою дочь своею законною внучкою и, благословляя меня на мое дѣло, обѣщала воспитать и хранить мое дитя, какъ свое родное. Государь въ то время дѣлалъ смотръ арміи во внутренней губерніи. Безъ его соизволенія я не могла слѣдовать въ ссылку за Анненковымъ.

Я должна была прибѣгнуть къ царскому великодушію. Послѣ парада, когда императоръ сходилъ съ лошади, я упала предъ нимъ на колѣни и поднесла ему мою просьбу. Судите о величій души вашего монарха. Часъ спустя, у меня, любовницы государственнаго преступника, матери незаконнорожденной дочери, былъ, по приказанію императора, генераль Бенкендорфъ. Словами государя объяснилъ онъ мнѣ всю опасность моей рѣшительности, всю тяжесть, непріятность, тоску жизни, ожидающей меня въ ссылкѣ, все щедрое покровительство, даруемое мнѣ императоромъ въ Россіи, и, наконецъ, передалъ мнѣ генераль желаніе его величества, чтобы, принявъ изъ царственной руки обезпеченіе на всю жизнь, я возвратилась во Францію къ матери, къ сестрамъ. Я отказалась отъ всѣхъ милостей, я чувствовала, какъ мало была ихъ достойна, сколько было бы грѣха съ моей стороны принять милостыню изъ руки, оскорбленной моимъ любовникомъ! Я просила ссылки. Генераль отнесъ мой отвѣтъ императору, и чрезъ нѣсколько часовъ, награжденная отъ государя пятью тысячами денегъ, я помчалась въ Сибирь—за Байкаль. Для моей безопасности государь приказалъ курьеру проводить меня.

Въ полтора мѣсяца я пріѣхала въ Читгу. Генераль Лепарскій (комендантъ крѣпости), которому я предъявила мои бумаги, былъ человѣкъ рѣдкой доброты. За это достоинство онъ и былъ избранъ великодушнымъ императоромъ для надзора за государственными преступниками, которые подчинялись безотвѣтно его волѣ, или, лучше сказать, поручались его ангельскому сердцу. Въ выборѣ этого человѣка высоко выразилось все величіе безграничной любви государя къ несчастнымъ подданнымъ.

Генераль Лепарскій принялъ меня, какъ родную, обласкалъ, утѣшилъ и помѣстилъ меня въ небольшомъ домикѣ противъ острога.

Въ день моего пріѣзда, когда онъ проводилъ меня въ эту избу, онъ сказалъ мнѣ, сажая меня у окна: «Вы сейчасъ увидите вашего жениха. Онъ теперь въ банѣ, изъ которой пройдетъ съ товари-

щами мимо васъ въ острогъ. Не пугайтесь первой встрѣчи и не торопитесь на свиданіе. Впослѣдствіи все будетъ лучше». При этихъ словахъ я услышала звонъ желѣзныхъ цѣпей подъ моими окнами. Наши преступники возвращались изъ бани въ кандалахъ, подъ карауломъ въ острогъ!..

Въ одно мгновеніе я выломала окно моей избы и изъ него бросилась на шею къ моему другу...

И онъ, и я, и многіе другіе изъ нашихъ друзей лишились чувствъ при нашемъ свиданіи...

Когда я пришла въ себя, я лежала въ острожной больницѣ. По совѣту Лепарскаго и по требованіямъ собственнаго сердца, на другой день насъ обвѣнчали въ томъ же острогѣ. Страшенъ былъ нашъ брачный нарядъ! Не блистали на мнѣ драгоценныя алмазы, и тонкія дымчатыя ткани не обвивали мою голову! Я плакала предъ алтаремъ Божиимъ не тѣми дѣвичьими слезами, какія въ такую минуту льются изъ свѣтлыхъ очей робкой невинности. Въ простомъ бѣломъ платьѣ, съ непокрытою головою, усталая, измученная тревоженіями жизни, я молила Пречистую Заступницу простить мнѣ грѣхъ предбрачной любви и не радостями освѣтить мнѣ предстоящую печальную жизнь,—но только терпѣнія и силы послать мнѣ въ прохожденіи мною новой жизни—въ этой страшной ссылкѣ.

И не жалѣла я, что послѣ брака не ждетъ меня тотъ рай наслажденій, на который благословляетъ церковь невинную супругу. И не позавидовала я этому счастью и не могла о немъ вспомнить. Въ церкви я нашла замѣну—гордую, торжественную—этому сомнительному блаженству, котораго для меня уже не могло быть. Слушайте!

Когда насъ повели вокругъ аналоя, я услышала странный звукъ на ногахъ моего мужа; я оглянулась—ноги его были въ кандалахъ! Эти цѣпи, оковывавшія его предъ Святымъ Престоломъ Творца, предъ словомъ Божиимъ, не снятыя въ минуту великаго таинства, эта казнь человѣческая, не имѣвшая границы даже въ храмѣ христіанскомъ, это свидѣтельство о ничтожности всѣхъ заботъ чловѣка слабаго предъ сильнымъ, продолжавшееся и въ этомъ мѣстѣ, и въ эту минуту,—все это наполнило вдругъ мою душу какимъ-то полнымъ, сладостнымъ спокойствіемъ, и мнѣ пришла мысль, надежда, будто небо за дѣло наше примирилось съ нами прежде, чѣмъ земля! А намъ о земномъ—грѣшно было уже и думать...

Наша первая брачная ночь была довольно оригинальна. Лепарскій для этого торжественнаго дня сдѣлалъ намъ все, что могъ. Онъ отпустилъ, подъ карауломъ, Анненкова въ мою избу. Два часовыхъ съ ружьями стояли у открытыхъ дверей моей, такъ сказать, галерной спальни, когда мы, крѣпко прижавшись другъ къ другу, на простой койкѣ, покрытой соломой, утопали въ блаженствѣ теперь уже дозволенныхъ намъ наслажденій. И не стыдились мы нисколько при-

существовавших вооруженных воиновъ и забылись бы мы надолго, если бы они не напомнили намъ, что до зари Анненковъ долженъ быть отведенъ въ острогъ. Я благословила моего бѣднаго друга и отпустила его, безъ малѣйшаго упрека на судьбу: мнѣ казалось, что я была счастливѣйшая женщина въ цѣломъ мірѣ!..

Вскорѣ Лепарскій, по моимъ просьбамъ, далъ и мнѣ помѣщеніе въ острогѣ.

Здѣсь родилась моя Оленька. И если вы говорите искренно, что находите ее прелестной, доброй, достойной васъ, возьмите ея руку, она ваша! Но вспоминайте каждую минуту, что она дочь ссыльнаго, варнака, какъ когда-то его называли, что она родилась въ острогѣ, помните это всегда, но не смѣйте никогда ей напомнить объ этомъ въ упрекъ или въ обиду: и мѣсто ея рожденія, и преступное званіе отца составляютъ всю ея огромную гордость, всю ея честь, все благо ея души. Вотъ вамъ единственный мой завѣтъ, вотъ моя первая просьба, которою касаюсь я сердца человѣка съ тѣхъ поръ, какъ я въ изгнаніи, съ тѣхъ поръ, какъ послылъ для меня весь міръ за порогомъ моей семьи! Итакъ, вы нашъ!.. ¹⁾

III.

Одинъ изъ поэтовъ.—Памяти Пушкина.

L'art des transports de l'âme n'est qu'un faible interprète
L'art ne fait que des vers, le coeur seul est poète!

... Мы собрались у Анненкова. Насъ было человѣкъ шесть самыхъ близкихъ ему людей. Мы его любили, какъ друга. Намъ было у него всегда весело, пріятно. Въ его семейство не проникала скука. Душа, какъ бы тяжело ни была настроена, вблизи его всегда находила отдыхъ, утѣшеніе; въ кругу его, среди людей, прошедшихъ всѣ страшныя пытки, стяжавшихъ безропотными страданіями, безмолвною покорностью свое счастье семейное, свой домашній покой, которыхъ не мѣняли они на вакакіе соблазны опостылѣвшаго для нихъ міра,—среди этихъ людей духъ освѣжался отъ чада дневныхъ заботъ, отъ тревоженій житейскихъ, вѣра оживлялась въ сердцахъ, всякая ненависть къ врагу умолкала, съ недругомъ хотѣлось примириться, предателю простить. Въ домѣ Анненкова, какъ будто въ святомъ храмѣ, замолкала мысль нечестивая, нѣмѣлъ голосъ самолюбія и гордости и отлагались отъ души тревожившія ея впечатлѣнія ежедневной, мелочной жизни, и заботы о ней казались ничтожными!

¹⁾ И. В. Погоржанскому не пришлось жениться на дочери Анненкова, такъ какъ мать не дала ему согласія на бракъ съ дочерью ссыльнаго. В. Т.

Въ тотъ же день общество увеличилось новымъ другомъ, къ сожалѣнiю, минутнымъ гостемъ. Съ нами былъ Кюхельбекеръ.

Онъ человѣкъ высокаго роста, сутуловатый, худощавый, блѣдный, изнуренный жизнью, потерями, неудачами, преслѣдовавшими его съ первыхъ дней молодости. Несмотря на слѣды болѣзней, лицо его сохранило глубокое выраженiе того спокойствiя, въ которое наконецъ Провидѣнiе заковало его мятежную душу послѣ жестокихъ тревоженiй изнеможенiя. Въ глазахъ его до сихъ поръ отражается святой огонь поэзiи, проникающей все его существо; но взоръ его задумчивъ, туманенъ, грустенъ, оттушеванъ самыми рѣзкими чертами безнадежности.

Кюхельбекеръ воспитывался въ царскосельскомъ лицее. Онъ былъ товарищемъ Пушкина, Дельвига и до сихъ поръ хранить къ памяти ихъ уваженiе глубокое. Вскорѣ по окончанiи курса наукъ онъ отправился за границу, въ Парижъ: туда съ раннихъ лѣтъ стремились всѣ помыслы поэта, къ несчастью, зараженнаго болѣзнью тогдашняго печальнаго общества—пренебреженiемъ ко всему родному и слѣпымъ поклоненiемъ Западу. Кюхельбекеръ говорилъ, что ему тогда хотѣлось только подышать среди свободнаго народа. Никакая ненависть, никакiя политическiя затѣи и бредни не увлекали его во Францiю: одна юношеская мечтательность, безотчетное влеченiе, такъ свойственныя поэтической молодости, рисовавшей его воображенiю чужое небо обворожительными красками, ложное направленiе ума, еще не установившагося ни на чемъ точномъ и положительномъ, вотъ что рѣшило его первый шагъ за порогомъ школьнымъ. Путевыя письма его, напечатанныя въ «Мемнозинѣ», всего лучше свидѣтельствуютъ, какъ мало поэтъ искалъ пищи въ ученomъ германскомъ мiрѣ, съ какою поспѣшностью и съ какимъ неудовольствiемъ онъ оставлялъ эту страну для Францiи, отъ которой ожидала такъ много и изъ которой, судя по тѣмъ же письмамъ, онъ вынесъ мало добраго. Онъ возвратился изъ-за границы весь проникнутый безпокойнымъ духомъ ложныхъ идей возмутительной философiи и ошибочной политики тогдашней Европы. Съ такимъ вѣрнымъ залогомъ будущей своей гибели и страшнаго соблазна для другихъ Кюхельбекеръ вступилъ въ тайное общество, которое скорѣ увидѣло въ немъ самаго ревностнаго союзника, фанатика, лидера. Вотъ почему даже и въ тогдашней буйной толпѣ строптивыхъ и дерзкихъ умовъ Кюхельбекеръ былъ т. е. замѣченъ, какъ крикунъ, какъ смѣльчакъ. Конечно, его поэтическое дарованiе привлекало къ нему восторженную молодежь: «Рогдаевы Псы» принесли ему дань рукописанiй, въ гостиныхъ они были въ модѣ, въ школахъ ихъ твердили наизусть, но, несмотря на всю свою, такъ сказать, поэтическую привлекательность, Кюхельбекеръ не имѣлъ влiянiя на толпу и не могъ имѣть: въ немъ не было положительнаго человѣка, онъ былъ

молодъ и всегда восторженный поэтъ, во всякія минуты жизни, на которую смотрѣлъ онъ, какъ говорятъ, сквозь призму вдохновенія.

Когда я короче познакомился съ Кюхельбекеромъ и заговорилъ съ нимъ о давно минувшемъ, плачевномъ событіи отечества, Кюхельбекеръ неохотно отвѣчалъ на мои вопросы. Воспоминаніе ему было непріятно, и когда я коснулся той минуты его жизни, въ которую онъ запятналъ себя предъ цѣлымъ міромъ, онъ тяжело вздохнулъ, хотѣлъ скрыть свои слезы, но не выдержалъ, зарыдалъ. Послѣ минутнаго молчанія онъ сказалъ мнѣ, словами поэта:

Когда бъ я зналъ,
На что я руку поднималъ...

Эти слова—голосъ глубокаго искренняго раскаянія, вызванный годами страданій, болѣзней, всего лучше опредѣлили мнѣ, съ какою грубою легкомысленностью дѣйствовалъ Кюхельбекеръ на постыдномъ поприщѣ, какъ онъ мало понималъ позоръ своего дѣла и какими долгими тяжелыми мученіями совѣсти онъ могъ дойти до горькаго сознанія своей вины!

Кюхельбекеръ не былъ поэтомъ самостоятельнымъ: при всемъ обиліи мыслей, чувствъ, неожиданности оборотовъ, остроуміи, ироніи, веселости и грусти, наполняющихъ его произведенія, его поэзія не имѣла исключительнаго направленія. Объ отдѣлкѣ стиха онъ слишкомъ заботился, такъ что иногда животрепещущее слово, крѣпкая мысль, громкая истина—все покрыто, какъ чешуею, риторическою фігурою, ослаблено напыщенною фразою. Вѣроятно, оттого у него и такъ мало поэтическихъ произведеній выдержанныхъ. Его историческія поэмы, при всѣхъ красотахъ поэзіи описательной, слабы, скучны, какъ сказки о герояхъ латникахъ, колчужныхъ витязяхъ, чудовищныхъ бойцахъ, ничего не говоряція о мірѣ, въ какомъ жили тѣ герои, о человѣкѣ того міра, и поэмы его подчасъ напоминаютъ возгласы историческихъ учебниковъ... Но въ свое время такого рода поэзія, оглушительная и безцвѣтная, правилась—и даже въ наши дни у нѣкотораго класса людей можно найти поэмы Кюхельбекера, тщательно сохраняемыя въ великолѣпныхъ переплетахъ. Эти сберегатели обветшалою поэзіи убѣждены, что какъ имя Кюхельбекера не устарѣетъ, такъ не устарѣютъ и его произведенія, которыя они тайкомъ хранятъ только потому, что они запечатлѣны несчастнымъ именемъ поэта. Но эти люди напоминаютъ собою тѣхъ школьниковъ, которые подъ классной лавкой читаютъ нелѣпые романы во время умной и полезной рѣчи наставника...

Кюхельбекеръ долго жилъ за Байкаломъ—въ Читѣ. Здѣсь среди мрачной, суровой, угрюмой природы образовался характеръ его поэзіи. Стихотворенія, писанныя имъ въ этомъ изгнаніи, всѣ выношены имъ въ его мученической груди, всѣ проникнуты непод-

дѣльнымъ чувствомъ глубокой скорби и согрѣты теплою вѣрою. Читая ихъ, изнемогаешь за страданія поэта и облегчаешься его же молитвами. Въ одномъ изъ такихъ стихотвореній Кюхельбекеръ описалъ тяжелую минуту своей жизни. Въ страшный ураганъ молнiя сожгла крышу его избы, въ которой лежала его умирающая жена, окруженная дѣтьми. Плачь дѣтей, его стоны, его молитвы смѣшивались съ шумомъ и раскатами грома. Все это стихотворенiе проникнуто глубокимъ чувствомъ безграничной христіанской любви и согрѣто словами прекрасной преданности Провидѣнію, утѣшительной вѣры. Въ другомъ стихотвореніи поэтъ представилъ себя спящимъ на берегу необозримаго Байкала; ему снится, будто волны выбрасываютъ передъ него тѣни разлученныхъ съ нимъ друзей: Пушкина, Дельвига, Языкова, Одоевскаго и другихъ. Каждую изъ этихъ тѣней изгнанникъ встрѣчаетъ дружескимъ, жаркимъ привѣтомъ, призываетъ ихъ къ груди своей, молить море отдать ему эти тѣни,—но разъяренное не внимлетъ его мольбамъ, бурные валы поглощаютъ въ свою пучину бездѣнные призраки; море утихаетъ, звѣздное небо смотрится въ его ясныя воды, безмолвная тишина, безотвѣтная, нѣмая, настала за бурей—и только вопли поэта, какъ плачь Тантала, оставленнаго, осужденнаго, обрадованнаго на минуту свиданіемъ, чтобъ сильнѣе скорбѣть въ разлукѣ, прерываютъ тяжелую сонную тишь моря!

Особенно понравилось мнѣ стихотвореніе, прочитанное при насъ самимъ Кюхельбекеромъ. Онъ написалъ его незадолго до исполненія надъ нимъ судебнаго приговора, и потому оно, при своихъ неподдѣльныхъ достоинствахъ, получаетъ особенный интересъ. Вотъ оно:

На Бога возложу надежду.
 Не Онъ ли въ міръ меня облекъ.
 Не Онъ ли черную одежду,
 Хулу и скорбь съ меня совлекъ?
 Мои враги торжествовали:
 Погибни! ихъ вѣщаль языкъ:
 Но Богъ боговъ на нихъ приникъ—
 Злодѣи въ козняхъ обнищали!
 Онъ правоту мою явилъ,
 Какъ лучъ полуденный и чистый,
 Какъ блескъ безчисленныхъ свѣтилъ;
 Воздвигъ меня на холмъ кремнистый
 И кровомъ крылъ своихъ покрылъ!
 Десницу къ звучному органу
 Простру и воскрылось душой;
 Тебя, мой Боже, славить стану!
 Ты мечъ и щитъ, и панцырь мой!
 Глаголь, въ меня съ небесъ вложенный,
 Какъ громъ, промчится въ времена:
 Дивясь, умолкнуть племена;
 Свой слухъ преклонять изумленный
 Моря и доль и вышина!

Гремите же, святыя струны!
 Воспойте Вышняго Творца,
 Раздайтесь до міровъ конца!
 Летите, звучные перуны,
 Разите гордыя сердца!

Кюхельбекеръ бѣденъ и отягощенъ большимъ семействомъ. Но не столько нищета сокрушаетъ его въ изгнаніи, какъ невозможность дать дѣтямъ въ этомъ печальномъ краѣ то образованіе, какое онъ считаетъ необходимымъ для нихъ, какъ залогъ будущаго ихъ искупленія изъ тяжелой жизни и несчастнаго званія, въ котормъ рождены они по преступленію отца; ибо и тѣ высокія правила нравственности, какія внушаетъ имъ онъ, прошедшій жизнь со всѣхъ ея сторонъ, не укоренятся прочно въ ихъ невинныхъ душахъ среди грубаго невѣжества, каменной безчувственности и незаслуженнаго отверженія къ нимъ туземцевъ... Директоръ тамошней гимназіи извѣстенъ въ городѣ за самаго безнравственнаго чловѣка, и образованіе дѣтей ему довѣрено, какъ будто въ насмѣшку надъ образованіемъ, или, что ужаснѣе еще, въ насмѣшку надъ невинными дѣтьми!.. Невольно приходятъ на умъ слова одного писателя: «Si le roi savait!..»

IV.

Похороны князя Барятинскаго.

Въ старинной Спасской церкви, самой древней въ Tobольскѣ, собрались мы на похоронную обѣдню. Подъ темными, тяжелыми сводами стоялъ простой, необитый сосновый гробъ той прочности и красоты, какіе по контракту выполняютъ подрядчики въ заведеніяхъ приказа. Въ гробу лежалъ поселенецъ. Смерть не исказила благороднаго лица его: помертвѣвшія черты выразительно сохраняли отпечатокъ предсмертнаго вздоха: казалось, что покойникъ въ послѣднюю свою минуту съ грустью вспомнилъ о всемъ ничтожествѣ пройденной жизни и почилъ съ горькой улыбкою на свои непризванныя заботы и безплодные труды. Въ гробу лежалъ князь Барятинскій.

Я посѣтилъ князя незадолго до его кончины. Онъ жилъ за городомъ, въ развалившемся домикѣ, на мезонинѣ у кузнеца. Комнатка, которую онъ занималъ, была отвратительной нечистоты. Когда я вошелъ къ нему, я увидѣлъ на почернѣвшей стѣнѣ пару дорогихъ ружей—остатокъ его прежней роскоши; на полу грѣлся на солнышкѣ вѣрный княжескій песъ—молчаливый свидѣтель и другъ всей его жизни, сопровождавшій его и въ ссылку; въ углу избы сидѣла женщина, грустная, задумчивая, въ простомъ крестьянскомъ платьѣ, и печально кормила грудью младенца—плодъ незаконной любви своей къ князю. Въ большихъ вольтеровскихъ

креслахъ, передъ простымъ столомъ сидѣлъ Бярятинскій и переводилъ стихами на французскій языкъ акаѳистъ богородичный. Многолѣтняя разрушительная болѣзнь оставила на лицѣ князя непріятные слѣды. Среди блестящей молодости, одаренный рѣдкою красотою, умомъ свѣтлымъ и образованнымъ, славный древностью своего рода, богатствами вотчинъ, князь былъ арестованъ за участие въ мятежѣ и, лишенный всѣхъ правъ состоянія, сосланъ въ каторжныя работы. На пути въ Читгу его постигла болѣзнь, которая не переставала разрушать его медленнымъ ядомъ своимъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Засытый совершенно своими братьями, счастливыми царскими любимцами, не получая отъ нихъ никакого содержанія, поддерживаемый единственно милостыней своихъ несчастныхъ товарищей ссылки, князь впалъ въ отчаяніе. Во время этой сильной душевной тоски Бярятинскій полюбилъ вино и на днѣ стакана находилъ утѣшеніе. Вино распалило болѣзнь до неизлечимости. Крестьянка, съ которую князь прижилъ дочь, была имъ глубоко любима, уважаема, какъ жена. Эта простая, честная женщина своими тяжелыми трудами не только удовлетворяла требованіямъ ежедневной нужды, но утоляла и несчастную привычку князя, до того усилившуюся въ послѣднее время, что всѣ медицинскія пособія, всѣ совѣты друзей были Бярятинскимъ отвергаемы. Князь, дотолѣ преданный ученымъ занятіямъ, обогащенный величайшимъ знаніемъ древнихъ и новыхъ языковъ, оставилъ свои труды и въ весьма рѣдкія минуты трезвой жизни брался за перо. Тогда пробуждавшіеся вопли изнемогающей, безсильной души выражались въ его сочиненіяхъ, которыя преимущественно были духовнаго содержанія. Посреди такихъ-то занятій совершался послѣдній кризисъ его жизни. Полумертваго, нищаго, отвезли его въ лазаретъ бѣдныхъ, гдѣ онъ умеръ на поселенческой койкѣ.

Въ церкви было немного людей, пришедшихъ помолиться за упокой души почившаго. Подлѣ гроба стояли въ глубокой молчаливой задумчивости два изгнанника, посѣдѣвшіе въ ссылкѣ. Это были баронъ Штейнгель и совѣтникъ С., когда-то секретарь тайнаго общества. Душевную усталость выражали ихъ лица; въ мутныхъ глазахъ ихъ горѣло тайное безпокойство. Оба они люди огромныхъ способностей и въ самомъ изгнаніи преслѣдуемы строгимъ надзоромъ по недовѣрчивости правительства къ ихъ уму. Подлѣ нихъ стоялъ Анненковъ, проливая горькія слезы о потерѣ друга; въ сторонѣ съ сердечнымъ умиленіемъ молили Творца о спасеніи души преставившейся Фонвизинъ и С., посвящавшіе дни свои молитвѣ; за ними были женщины: Анненкова съ дочерью и генеральша Фонвизина, державшая на рукахъ осиротѣлую дочь Бярятинскаго: надъ гробомъ стонала крестьянка-жена, подлѣ нея плакали малолѣтнія дѣти Анненкова.

Печальное пѣніе, мрачность старинной церкви, молитвенная

тишина, прерываемая рыданіями сиротѣющихъ друзей-изгнанниковъ, безсознательнымъ плачемъ ребенка, брошеннаго на произволъ судьбы, все это навѣяло тяжелую грусть мнѣ на душу, расположило меня къ мечтательности. Я задумался. Въ гробѣ лежалъ преступникъ, окончившій жизнь свою въ ссылкѣ, не прощенный земнымъ судьбою, помазанникомъ Божіимъ... Какъ предстанетъ этотъ преступникъ на судъ Царя Верховнаго, заклеянный позорною печатью наказанія? Тяжелая страдальческая, болѣзненная жизнь искупила ли его грѣхъ предъ Небомъ, не выкупивъ ему прощенья на землѣ, гдѣ онъ лишень былъ всѣхъ правъ своего высокаго рожденія, въ утробѣ матери ему данныхъ Самимъ Богомъ, какъ талантъ многоцѣнный, котораго не умѣлъ онъ сохранить, которымъ пренебрегъ онъ?.. Но если вся его страдальческая жизнь шла объ руку съ глубокимъ, тайнымъ, безмолвнымъ раскаяніемъ; если язвы тѣла, его умертвившія, наложены мучительными воплями его души, не посѣщенной ничьимъ милосердіемъ; если безнадежность истерзала его и къ этимъ язвамъ не прикасалась ничья рука утѣшительная,—если все это такъ,—онъ ли одинъ жалокъ въ эту минуту?.. А эти крики младенца, невинно обреченнаго на жизнь беззащитную; безпріютную, скитальческую,—къмъ будутъ услышаны, кого тронуть? Кто осмѣлится призрѣть дочь ссыльнаго? Гдѣ ей приѣжище? У порога ли храма, на церковной паперти, въ разодранномъ рубищѣ будетъ она умолять прохожаго о кускѣ насущнаго хлѣба, смачивать его слезами, благодаря Небо?.. Или, быть можетъ, ей не суждено познать высокаго блаженства нищеты, и порокъ, какъ агнца безвиннаго, сожжетъ ея нищенскую душу огнемъ позорныхъ, продажныхъ объятій?.. А въ жилахъ ея кровь княжеская—ей по крови принадлежитъ громкое, славное имя!.. Искупить ли она своимъ невольнымъ паденіемъ грѣхъ отца; кто не оскорбитъ, не оттолкнетъ ее въ этомъ паденіи, отъ котораго некому было сберечь ее, на которое привела ее неумолимая, жестокая, голодная нужда?.. Что будетъ съ нею?..

Такія мысли тѣснились въ моей головѣ, и я изнемогалъ подъ ихъ тяжестью. Между тѣмъ служба кончилась. Друзья хотѣли отнесты покойника къ могилѣ; полиція отказала имъ въ этотъ желаніи. И за гробомъ нѣтъ чести для преступника. Полицейскіе сторожа подняли гробъ и предали земли брвенное тѣло одного изъ членовъ лучшей русской фамиліи. Могилу зарыли. Я остался одинъ и долго молился за отшедшую душу.

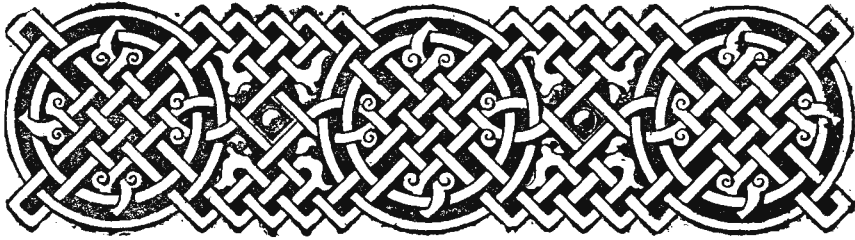
Со мною былъ одинъ свидѣтель—это вѣрный песъ князя. Онъ метался вокругъ могилы, съ воемъ разрывалъ землю. На третій день и онъ умеръ на могилѣ своего благодѣтеля.

Въ одну ночь друзья покойнаго князя водрузили собственными руками крестъ на его могилѣ.

Вотъ смерть князя Барятинскаго.

И. В. Погоржанскій.

ВОСПОМИНАНИЯ О МИТРОПОЛИТѢ АНТОНІИ ¹⁾.

—
V.

Въ каретѣ.

РХІЕРЕЙСКАЯ карета! Съ какимъ трепетомъ въ былые годы я къ ней относился! Увидѣвъ ее издалекѣ, снимаешь, бывало, шапку, еще не зная навѣрное, сидитъ ли въ ней ея обладатель, или нѣтъ.

А какое величественное впечатлѣніе она производитъ, если запряжена четверикомъ или даже шестерикомъ, съ фореиторомъ, скачущимъ впереди!

Увы, старинныя традиціи начинаютъ отживать свой вѣкъ; теперь, насколько мнѣ извѣстно, ни архіереи, ни митрополиты не ѣздятъ уже шестерикомъ съ фореиторомъ.

Митрополитъ Антоній, вообще не любившій помпы, ѣздилъ всегда на парѣ вороныхъ и говорилъ, шутя, въ отвѣтъ на упреки защитниковъ благолѣпной старины, что при нынѣшнемъ огромномъ уличномъ движеніи, особенно въ столицѣ, съ четверкой или шестеркой лошадей совсѣмъ запутаешься и не выберешься изъ массы экипажей, велосипедовъ и автомобилей.

Обаяніе кареты окончательно во мнѣ исчезло со времени первой поѣздки за границу, гдѣ экипажъ каждаго извозчика устроенъ

---

¹⁾ Окончаніе. См. «Ист. Вѣстн.», т. СХLIII, стр. 195.

наподобіе кареты. Отсутствие страха способствуетъ сближенію, и судьба дала мнѣ возможность въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ постоянно ѣздить съ владыкой Антоніемъ въ его митрополичьей каретѣ.

Вотъ почему съ этой каретой у меня ассоціировалось очень много воспоминаній о покойномъ святителѣ.

— Карета подана, ваше высокопреосвященство!—торжественно заявляетъ Ивапъ, входя въ кабинетъ, гдѣ владыка съ П. И. дописываютъ послѣднюю резолюцію, а я занимаюсь разборкой и классификаціей корреспонденціи, отдѣляя письма родственниковъ отъ официальныхъ бумагъ.

— Сейчасъ, Иванъ,—говоритъ владыка, кладетъ перо, снимаетъ очки и начинаетъ, съ помощью келейника, одѣваться: надѣвать рясу, панагію и клобукъ.

По широкой лѣстницѣ, надъ которой стѣны пзукрашены какими-то символическими рисунками (человѣкъ, висящій надъ обрывомъ, легкомысленно ѣстъ ягоды), медленно идемъ всѣ въ швейцарскую, гдѣ Василий во всей амуниціи, побрякивая «болгаро-турецкими» медалями, подаетъ владыкѣ шубу, убѣждая его потеплѣе одѣваться: «погода-то нынче, знаете, какаѧ». Чтобы не заставлятъ себя ждать, я тоже спѣшно одѣваюсь. Надѣвая перчатки, владыка смотритъ на меня, смѣется и ничего не говоритъ. И это повторялось всякій разъ при этой оказіи. Спрашивать о причинѣ смѣха при келейникѣ и швейцарѣ я находилъ неудобнымъ и объяснялъ себѣ улыбку тѣмъ, что дядя сравнивалъ свою шубу съ моимъ западно-европейскимъ костюмомъ, припоровленнымъ нѣсколько къ иному климату.

Карета же стоитъ у подъѣзда, и кучеръ, окутанный неизмеримымъ количествомъ ваты, торжественно возѣзжаетъ на козлахъ. Смирно стоятъ дрессированные кони.

— Ну, Миша, ты полѣзай впередъ,—говоритъ дядя. Я иду къ каретѣ и забираюсь въ самую глубь, привѣтствуемый кучеромъ, провозглашающимъ съ высоты своего величія нѣсколько пониженнымъ тономъ: «Здравствуйте, М. В.» Затѣмъ раздается повышенный его голосъ, наподобіе протодіаконскаго: «Здравія желаю, ваше высокопреосвященство!» хотя шапки онъ и не снимаетъ, ибо руками держитъ вожжи.

Съ помощью швейцара владыка усаживается и укутывается въ каретѣ, по правую руку отъ меня, чтобы удобнѣе благословлять. Келейникъ Иванъ взбирается на козлы рядомъ съ кучеромъ, и карета трогается при колокольномъ перезвонѣ.

Проѣхавъ лаврскій дворъ, карета величественно выплываетъ черезъ площадь на Невскій. Кругомъ мелькаютъ лаврскія постройки, вонь свѣтится огонекъ въ квартирѣ келейника. Вѣроятно, жена келейника свѣчку теперь поставила предъ иконою и молится

о благополучномъ возвращеніи своего супруга и иже съ нимъ, мелькаетъ у меня въ головѣ воспоминаніе о ея собственномъ чисто-сердечномъ признаніи. Вотъ пріютъ для престарѣлыхъ духовнаго званія. Его обитатели высыпали на улицу и трогательно привѣтствуютъ владыку, который ихъ благословляетъ. Карета мчится дальше и дальше, среди вытягивающихся въ струнку городскихъ, въ самую гущу столичной жизни.

Цѣли поѣздокъ были, конечно, самыя разнообразныя,—иногда ѣхали просто на прогулку, ибо врачи рекомендовали владыкѣ быть чаще на свѣжемъ воздухѣ, иногда по дѣлу: напримѣръ, дядѣ надо было ѣхать въ Синодъ, а мнѣ въ Публичную бібліотеку; тогда возлѣ бібліотеки кучеръ останавливалъ лошадей, я выходилъ изъ кареты, которая тотчасъ же мчалась дальше по проспекту; иногда ѣхали въ церковь, иногда по тюрьмамъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ поѣздокъ очень живо сохранились въ моей памяти, и я расскажу о нихъ нѣсколько подробнѣе.

...Апрѣльская пасхальная дивная ночь. Въ воздухѣ чувствуется пробужденіе весны. Могучія волны мѣдныхъ звуковъ плывутъ надъ городомъ и таютъ въ небесахъ. Народъ толпами валитъ въ лавру къ пасхальной заутренѣ. Дядя и я видимъ эти толпы народа, который поспѣшно черезъ площадь и лаврскій дворъ непрерывнымъ потокомъ струится въ церковь. Карета медленно пробирается черезъ толпу.

— Смотри, какъ мы близки къ народу,—замѣтилъ дядя задумчиво, и потомъ, по какой-то странной ассоціаціи идей, добавилъ:— Чего стоитъ кому-нибудь изъ толпы подойти къ каретѣ и бросить подъ нее бомбу. Такъ сразу всё и взлетимъ на воздухъ.

Отъ этихъ словъ стало жутко, и я, чтобы только не молчать, отвѣтилъ, что мы сейчасъ доѣдемъ.

Съ площади карета вкатилась въ лаврскій дворъ, направляясь между густыми и тѣсными рядами богомольцевъ къ собору.

Дядей овладѣло философское настроеніе, и онъ, пользуясь еще парю минутъ ѣзды, спросилъ меня:

— Какъ ты думаешь, ради чего эти толпы темною ночью идутъ сюда въ храмъ? Чѣмъ это объяснить, что придутъ онѣ сюда въ соборъ, послушаютъ гнѣніе «Христосъ Воскресе» и съ радостію вернуться домой?

Я сталъ говорить о космическихъ законахъ, подъ которые можно подвести и «Христосъ воскресе» и «Архангельскій гласъ», но владыка прервалъ меня, ибо мы уже подъѣзжали къ соборному алтарю.

— Все это такъ. Пусть космическіе законы твои дѣйствуютъ. А все-таки всё-таки радостно, если запоютъ «Христосъ воскресе» или «Архангельскій гласъ».

Діаконы съ дикиріями встрѣчали владыку, я прошелъ въ алтарь, гдѣ простоялъ заутреню и обѣдню.

Однажды возвращались мы из Псаакіевскаго собора съ «омо-внїя ногъ» (дѣло было въ Великій четвергъ). Обрядъ, гдѣ кроткій владыка омывалъ ноги священниковъ, произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе, что я и высказалъ владыкѣ, сидѣвшему сосредото-ченно у окна кареты и непрерывно благословлявшему народъ. Отвѣтъ владыки нѣсколько удивилъ меня:

— А все-таки,—сказалъ онъ задумчиво,—я отмѣнилъ бы этотъ обрядъ, если бы имѣлъ на то власть.

— Почему?—спросилъ я съ недоумѣніемъ.

— Потому что театральнымъ представленіямъ не мѣсто въ церкви,—отвѣчалъ владыка.

Я возразилъ, доказывая, что и все богослуженіе православной церкви проникнуто драматизмомъ, и что въ этомъ бѣды никакой нѣтъ, ибо это не противорѣчитъ основнымъ заповѣдямъ христіанства. И уже если что слѣдовало бы отмѣнить,—продолжалъ я,—то пусть лучше отмѣнятъ анаѣму противъ инакомыслящихъ и предадутъ ихъ съ благословеніемъ на волю Божию и на Его милосердіе.

Владыка подумалъ нѣсколько мгновеній, какъ бы соображая, можно ли сказать это юному философу, а потомъ произнесъ твердо и рѣшительно:

— Будь моя власть, отмѣнилъ бы я и анаѣму.

Послѣ этихъ словъ для меня стало ясно, почему владыка всякій разъ очень волновался, когда кто-либо дѣлалъ ему упреки за отлученіе Толстого: въ глубинѣ души святитель не сочувствовалъ тому, что долженъ былъ сдѣлать, по настоянію Побѣдоносцева, ex officio. Здѣсь кроется одна изъ тайныхъ драмъ души покойнаго митрополита.

Однажды послѣ ужина, когда мы съ дядей сидѣли у топившейся печки, я, по обычаю, безъ предисловія сказалъ ему:

— Какъ тяжело бываетъ человѣку, если онъ дѣлаетъ не то, что повелѣваетъ ему совѣсть.

— Въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ всегда приходится ити на компромиссы,—отвѣтилъ дядя.

— Ты теперь идеалистъ,—продолжалъ онъ:—а идеаль и дѣйствительность далеко отстоятъ другъ отъ друга.

Когда дядя становился на точку зрѣнія формализма и официальнойности, онъ казался мнѣ какимъ-то чужимъ, далекимъ. А когда онъ становился на точку зрѣнія просто-человѣческую, даже при исполненіи пастьерскихъ обязанностей, то его духовный обликъ поражалъ меня всегда своею дивной красотой. Особенно неотразимое впечатлѣніе производило на меня отношеніе покойнаго митрополита къ заключеннымъ. На заключенныхъ онъ смотрѣлъ, какъ на братьевъ, безъ тѣни осужденія, какъ это не разъ высказывалъ онъ въ своихъ проповѣдяхъ. Нѣкоторые изъ заключенныхъ, какъ былъ убѣжденъ владыка, страдаютъ невинно; другіе совершили

преступленіе подъ вліяніемъ аффекта, который можетъ всякимъ человѣкомъ овладѣть при соотвѣтствующихъ обстоятельствахъ; закоренѣлыя же злодѣи разсматривались имъ, какъ люди больныя, нуждающіеся въ врачеваніи христіанской любовью. И наиболее цѣнной жемчужиной, украшающей память покойнаго владыки, является изреченіе: «Я былъ въ темницѣ, и вы посѣтили Меня (т.-е. Христа)». И не только посѣщаль, но и не разъ «отпускалъ измученныхъ на свободу», о чемъ могутъ засвидѣтельствовать донынѣ здравствующіе изъ нихъ...

И въ свѣтлый день Пасхи митрополичья карета мчалась по ликующимъ улицамъ столицы не къ «ликующимъ и праздно болтающимъ», а къ погибающимъ и заключеннымъ.

И мнѣ многократно выпадало счастье сопутствовать владыкѣ во время этихъ поѣздокъ.

Не помню названій всѣхъ тюремъ, во двory коихъ мягко вкатывалась митрополичья карета, помню только, что ихъ было множество.

Обыкновенно тюремное начальство въ полномъ составѣ и въ парадной формѣ встрѣчало владыку еще во дворѣ тюрьмы. Затѣмъ онъ шелъ въ церковь, гдѣ, послѣ краткаго молебствія, держалъ рѣчь арестантамъ, призывая ихъ не падать духомъ и «непрестанно радоваться», не взирая на скорби. Потомъ благословлялъ каждого отдѣльно и клалъ въ карманъ тутъ же подаваемыя прошенія (большую частію съ простодушными просьбами «на чаекъ», что, по разсмотрѣніи прошеній, обыкновенно, исполнялось). Нѣкоторые заключенные были одѣты не въ арестантскіе, а въ «вольные» костюмы—пиджаки или даже вышитыя рубашки съ вязанымъ поясомъ. «Это политическіе», шепнулъ мнѣ на ухо келейникъ митрополита. Необыкновенно тяжелое впечатлѣніе производили тѣ изъ арестантовъ, которые шли ко кресту, «звеня кандалами».

Не всегда, впрочемъ, встрѣча митрополита происходила въ церкви, хотя я и не могу объяснить причину этого (можетъ быть, церкви есть не при всѣхъ тюрьмахъ). Но тогда встрѣча была еще болѣе трогательною. Владыка медленно шествовалъ тогда между рядами арестантовъ и останавливался среди нихъ и говорилъ имъ простыя и сердечныя слова любви и радости. Почти дословно помню одно такое привѣтствіе. Вотъ оно:

«Мы празднуемъ съ вами нынѣ свѣтлый день Воскресенія Христа. Не въ первый разъ вамъ приходится его встрѣчать. Помните, что и дома вы, конечно, еще съ болѣею радостью, чѣмъ здѣсь, встрѣчали Пасху. Встрѣчали среди своихъ близкихъ, родныхъ и знакомыхъ. Теперь они всѣ далеко, ихъ здѣсь нѣтъ. Вы одни. Позвольте же мнѣ вмѣсто нихъ, вмѣсто вашихъ родныхъ и всѣхъ близкихъ вашему сердцу принести вамъ радостное пасхальное поздравленіе и отъ души воскликнуть «Христосъ воскрес!»

Громкое, дружное и прочувствованное «Воистину воскрес» было отвѣтомъ со стороны арестантовъ. На глазахъ многихъ блеснули слезы.

При одной встрѣчѣ, впрочемъ, была нарушена гармонія церемоніала. Въ коридорѣ, во время прохожденія владыки между рядами арестантовъ, одинъ изъ нихъ возбужденнымъ голосомъ произнесъ: «Ваше преосвященство, какой же это праздникъ, ежели намъ разговляться не даютъ».

Владыка тотчасъ же отвѣтилъ, что онъ попроситъ начальство разслѣдовать, въ чемъ дѣло, и прибавилъ, что совѣсть будетъ мучить того, кто нехорошо поступилъ.

На пути въ другую тюрьму я спросилъ дядю, что онъ предпринялъ для разъясненія вопроса о разговорнѣи.

Онъ отвѣтилъ, что бесѣдовалъ съ начальникомъ тюрьмы по этому вопросу. Тотъ охарактеризовалъ протестовавшаго арестанта, какъ очень безпокойнаго человѣка, наказаннаго за нарушеніе порядка лишеніемъ казеннаго «разговорнѣи». Владыка просилъ впредь такихъ наказаній, по возможности, не налагать, чтобы не оскорблять религіознаго чувства заключенныхъ.

Иногда, впрочемъ, къ владыкѣ обращались съ ходатайствами болѣе серьезнаго характера. Въ одной тюрьмѣ пятеро какихъ-то молодыхъ людей выразили желаніе наединѣ говорить съ митрополитомъ. Владыка согласился, и начальникъ тюрьмы, по просьбѣ его, ввелъ ихъ въ особую комнату, куда владыка вошелъ одинъ. Я стоялъ въ сосѣдней комнатѣ и наблюдалъ за безпокойствомъ начальника тюрьмы, который то подходя къ двери, то отходя отъ нея, видимо, очень чутко прислушивался къ тому, что происходило въ закрытой комнатѣ. Черезъ нѣсколько минутъ митрополитъ вышелъ изъ комнаты, а за нимъ пятеро арестантовъ, лица коихъ свѣтились радостной надеждой. Простились. Карета тронулась. Вотъ она плавно выскользнула изъ воротъ тюремнаго двора и помчалась по улицамъ празднично-ликующей столицы.

Въ отвѣтъ на мои разспросы дядя сообщилъ, что молодые люди, бесѣдовавшіе съ нимъ наединѣ, «смертники», приговоренные къ казни за порчу телеграфа и за ограбленіе какой-то кассы.

— О чемъ же вы бесѣдовали?—спросилъ я.

— Прежде всего,—началъ дядя:—я съ ними поздоровался. «Здравствуйте», говорю, и они мнѣ тоже «здравствуйте». Потомъ спрашиваю: «вы православные?» «Православные», говорятъ. «Ну, Христось воскресе!» Благословилъ я ихъ, и мы похристосовались.

Потомъ они рассказали, что по своей молодости (имъ было что-то по девятнадцати лѣтъ) и неопытности они совершили проступокъ и приговорены къ смертной казни. Теперь они умоляютъ святителя походатайствовать за нихъ, дабы смертная казнь имъ

была замѣнена каторгой. Владыка пообѣщаль походатайствовать и тѣмъ вселилъ въ нихъ радость надежды.

Впослѣдствіи дядя мнѣ рассказываль, что онъ, дѣйствительно, возбудилъ соотвѣтствующее ходатайство за юношей, и жизнь была дарована «смертникамъ».

Въ Петропавловской и Шлиссельбургской крѣпостяхъ я ни разу не былъ съ дядей, да и едва ли былъ бы туда допущенъ. Однако, такъ какъ карета располагаетъ къ задушевнымъ разговорамъ, то дядя охотно, въ отвѣтъ на мои разспросы, рассказываль мнѣ о посѣщеніи шлиссельбуржцевъ и петропавловцевъ, а также о тѣхъ чрезвычайныхъ трудностяхъ, которыя надо было преодолѣть, чтобы получить доступъ въ одиночныя камеры крѣпостей.

Огромное содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ оказала владыкѣ, благодаря своей желѣзной волѣ, самоотверженной любви и связямъ, тоже покойная княжна Марія Михайловна Дондукова-Корсакова, которая просила, чтобы и ее заключили на всю жизнь въ Шлиссельбургъ, лишь бы заключенные не были лишены ея бесѣды и христіанскаго утѣшенія. Предъ силой такой любви и вѣры не могли устоять неприступныя твердыни Шлиссельбурга, и въ лицѣ княжны, а затѣмъ и митрополита свѣтлый лучъ радости проникъ сквозь желѣзныя двери каземата къ политическимъ заключеннымъ (нынѣ находящимся, благодаря стараніямъ княжны и митрополита, на свободѣ).

Дядя мнѣ рассказываль, что, войдя въ одиночную камеру Шлиссельбурга, оставшись наединѣ съ заключеннымъ и усѣвшись съ нимъ на скамѣ, онъ не заводилъ съ нимъ бесѣды на политическія темы. И все-таки онъ замѣчаль, что заключенный (даже невѣрующій) былъ, обыкновенно, очень радъ его посѣщенію («все-таки разнообразіе»)

«Спросишь, бывало, какъ здоровье, самочувствіе, занятія. И пойдутъ нескончаемые рассказы о научныхъ коллекціяхъ, о гербаріяхъ, объ огородѣ на тюремномъ дворѣ, гдѣ не только вырастаютъ отличные овощи и цвѣты, но иногда появляются даже разные жучки и бабочки,—о столярныхъ работахъ и проч. и проч.».

Видимо, шлиссельбуржцы были рады предъ кѣмъ-нибудь душу отвести и говорили митрополиту подробно о своей жизни и переживаніяхъ, дарили ему, въ порывѣ свѣтлаго и радостнаго чувства, свои коллекціи и издѣлія. Я какъ сейчасъ вижу предъ собой карту звѣзднаго неба, а также гербарій и коллекцію насѣкомыхъ (въ шкатулочкахъ), неизмѣнно хранившіеся въ столовой на этажерочкѣ, надъ которой въ рамкѣ красовалась вышитая шелкомъ надпись «миръ дому сему». Въ большомъ же кабинетѣ на письменномъ столѣ, за которымъ я обычно занимался философіей и писалъ письма, неизмѣнно красовался выточенный изъ дерева стаканъ для карандашей, а также изящной работы красный крестикъ,—

тоже работы шлессельбуржцевъ. Всѣ эти вещи хранились на самыхъ видныхъ мѣстахъ и считались, видимо, владыкой самыми лучшими его трофеями.

Съ чувствомъ живой радости рассказывалъ мнѣ владыка также о посѣщеніи имъ Вѣры Николаевны Фигнеръ въ Петропавловской крѣпости.

— Сначала,—рассказывалъ дядя,—В. Н. отнеслась ко мнѣ довольно строго. Благословенія принять не пожелала, заявивъ, что она не вѣрующая. Тогда я сказалъ ей: «Ну, повидаемся по-человѣчески», и мы пожали другъ другу руки. Однако разговоръ былъ довольно холоденъ. Когда же я въ другой разъ посѣтилъ В. Н. Фигнеръ въ крѣпости, она зарыдала и просила прошенія, что обошлась со мной въ первый разъ не совсѣмъ вѣжливо. «Ну, давайте я васъ перекрещу, какъ родную»,—сказалъ я, и она приняла мое благословеніе. Съ тѣхъ поръ отношенія наши навсегда остались неизмѣнно добрыми.

Подобные рассказы дяди, исполненные глубокаго драматизма, всегда производили на меня чрезвычайно сильное впечатлѣніе, проясняя въ моемъ умѣ идею истиннаго папства и нелицемѣрнаго, исполненнаго благодатной силы христіанства.

...А карета все мчалась и мчалась по улицамъ столицы, но едва ли кто изъ привѣтствовавшихъ митрополита прохожихъ зналъ, о чемъ бесѣдуетъ митрополитъ съ своимъ племянникомъ въ тихомъ уединеніи кареты...

VI.

Посѣтители.

Живя подолгу въ покояхъ владыки, всегда гостепріимно для меня открытыхъ, я съ большимъ интересомъ, насколько было возможно, наблюдалъ за посѣтителями митрополичьяго дома. Ихъ всегда было чрезвычайно много (кромѣ случаевъ тяжелыхъ заболѣваній покойнаго), и принадлежали они къ самымъ разнообразнымъ сословіямъ и общественнымъ положеніямъ. Проходя изъ покоевъ владыки въ канцелярію его секретаря въ пріемные часы, всегда, бывало, видишь множество духовныхъ и свѣтскихъ лицъ всякихъ ранговъ, почтительно ожидающихъ выхода митрополита. Съ каждымъ онъ бесѣдовалъ отдѣльно, вызывая поодиночкѣ въ синюю гостиную, сначала духовныхъ лицъ, а затѣмъ свѣтскихъ, причемъ для особо почетныхъ лицъ аудіенція устраивалась въ парадной гостиной, украшенной царскими портретами. Разумѣется, я не могъ слышать, о чемъ говоритъ владыка съ посѣтителями, но иногда онъ самъ, освободившись отъ пріемовъ, за обѣденнымъ столомъ сообщалъ мнѣ кое-что изъ своихъ бесѣдъ. Большинство приходило, конечно, по служебнымъ дѣламъ, и эти бесѣды предста-

вляли для меня мало интереса. Нѣкоторые же приходили искать у пастыря духовной и матеріальной поддержки въ затруднительныхъ случаяхъ жизни и повѣряли ему свое горе, свою тоску, и нерѣдко бесѣды прерывались плачемъ и рыданіемъ. Тамъ женщина, которой невоготу стало терпѣть глумленіе пьянаго мужа, просить освободить ее отъ невыносимаго бремени брачнаго сожителства, тамъ молоденькая курейстка, скоропалительно выходящая замужъ, просить дать восемь рублей на золотыя обручальныя кольца; тамъ студентъ, уже пытавшійся на самоубійство, просить спасти его отъ матеріальной нужды

Конечно, среди всѣхъ этихъ посѣтителей значительный процентъ (какъ я нерѣдко убѣждался) составляли шантажисты и шантажистки всякаго рода, а также искатели приключеній; но нельзя отрицать, что и подлинная волна народнаго горя и слезъ доплескивала до стола владыки, и многія вдовы и сиротскія слезы были стерты рукою благостнаго архипастыря-безсребренника. «Гдѣ нѣтъ любви и взаимопомощи,—часто говаривалъ покойный:—тамъ нѣтъ и христіанства. Сребролюбіе — худшій изъ пороковъ, хуже пьянства».

Очень многіе обращались къ владыкѣ съ просьбой походатайствовать за нихъ передъ высокопоставленными лицами, что владыка тоже иногда исполнялъ, но, видимо, съ душевнымъ прискорбіемъ, не любилъ онъ nepотизма и высоко цѣнилъ честный трудъ и скромныхъ добросовѣстныхъ тружениковъ; и даже родственниковъ своихъ побуждалъ скромно и тихо трудиться на ихъ, хотя бы незамѣтныхъ, попріахъ. Но въ случаѣ дѣйствительной нужды и дѣйствительныхъ заслугъ въ поддержкѣ и ходатайствахъ не отказывалъ.

При этомъ не обходилось дѣло и безъ курьезовъ. Приходить однажды къ дядѣ какой-то молодой человѣкъ и просить дать рекомендательное письмо къ высокопоставленному лицу N. N.

— Но я васъ вижу въ первый разъ,—изумляется митрополитъ,—и ничего, ни добраго, ни плохого, о васъ не знаю.

Тотъ продолжаетъ просить.

— Если хотите,—сдается владыка:—я напишу, что неизвѣстный мнѣ молодой человѣкъ проситъ рекомендовать его неизвѣстно за что.

— Напишите, сдѣлайте милость.

— Но какая вамъ польза будетъ отъ такого письма?

— Польза та,—отвѣтилъ, сіяя, проситель:—что меня съ вашимъ конвертомъ всюду пропустятъ и примутъ.

И оригинальное письмо оригинальнаго типа было дано энергичному юношѣ.

Вопросы характера канцелярскаго владыка рѣшалъ вмѣстѣ съ своимъ секретаремъ и со мною въ своемъ кабинетѣ, куда иногда

приглашались, если требовали обстоятельства дѣла, и посѣтители. При этомъ я замѣтилъ, что, если посѣтитель собирался много и энергично ораторствовать, то владыка просилъ и меня остаться надѣясь присутствіемъ посторонняго лица нѣсколько охладить пылъ ораторскаго вдохновенія гостя.

Въ большинствѣ же случаевъ мнѣ, конечно, не приходилось присутствовать на приѣмахъ, исключая приѣма близкихъ знакомыхъ и родственниковъ. Иногда, впрочемъ, до меня долетали (безъ какихъ бы то ни было усилій съ моей стороны) обрывки бесѣдъ изъ большой гостиной, если я сидѣлъ въ столовой, или изъ столовой, если я сидѣлъ въ большомъ кабинетѣ, откуда дверь въ столовую всегда «для воздуха» была открыта. Помню, съ какимъ вниманіемъ и интересомъ слушалъ владыка рассказы героя японской войны Линевица, только что возвратившагося съ мѣста военныхъ дѣйствій. Надо замѣтить, что владыка всегда чрезвычайно интересовался событіями этой войны, всегда стремился поддержать въ правителяхъ и въ народѣ бодрость и энергію для благополучнаго ея окончанія; по окончаніи же войны и заключеніи мира онъ поздравлялъ графа Витте, съ которымъ былъ всегда въ лучшихъ отношеніяхъ, признавая его за «честнаго человѣка», съ почетными условіями заключеннаго мира. По поводу дружбы, связывавшей этихъ двухъ историческихъ дѣятелей (митрополита Антонія и графа Витте), мнѣ припоминаются слова одного нѣмецкаго знатока русской жизни, слышанныя мною за границей:

«Въ Россіи есть два замѣчательныхъ политика: графъ Витте и митрополитъ Антоній». Видимо, сходство характеровъ и взглядовъ этихъ миръ соединяло ихъ узами всегдашней дружбы.

Интересенъ также случай, рассказанный мнѣ дядей, касательно посѣщенія его покоевъ нѣкими весьма почетными гостями. Когда владыка самъ угощалъ ихъ въ столовой чайкомъ, студентъ духовной академіи Лебедевъ (изъ Орла) въ смежной комнатѣ, ничего не зная о посѣтителяхъ, занимался приведеніемъ въ порядокъ книгъ огромной библіотеки владыки (завѣщанной имъ родной тамбовской семинаріи); закончивъ свою работу, студентъ идетъ въ столовую (какъ проходную комнату), чтобы уйти изъ покоевъ подходить на прощанье къ владыкѣ подь благословеніе, смотритъ на гостей и столбешеть.

— Знаете ли вы, кто это?—спросилъ владыка растерявшагося юношу.

— Знаю!—еле отвѣтилъ тотъ въ смущеніи, готовый провалиться сквозь землю.

— Сдѣлайте же поклонъ и отправляйтесь въ академію,—заключилъ владыка.

Студентъ неловко распаркался, поклонился чуть не до земли, и пустился бѣжать домой.

А о случаѣ томъ, навѣрное, будетъ рассказывать не только своимъ дѣтямъ, но и внукамъ, и правнукамъ (конечно, если не пойдеть въ монахи).

Всецѣло преданный интересамъ церкви, владыка всегда чрезвычайно интересовался вопросомъ о русскомъ помѣстномъ соборѣ, инициатива котораго тоже принадлежала покойному іерарху. Много горькихъ нареканій пришлось выслушать владыкѣ по этому поводу.

— Обвинять меня,—говорилъ мнѣ владыка въ минуты душевныхъ бесѣдъ:—въ честолюбивыхъ планахъ, будто я желаю быть патриархомъ, желаю, чтобы архіереи руку мою цѣловали. Ничего этого я не желаю, а думаю только о благѣ и преуспѣяніи церкви.

Помню, съ какимъ одушевленіемъ открывалъ владыка засѣданіе предсоборнаго присутствія. Множество епископовъ собралось въ покояхъ владыки. Сидя въ смежной съ залой комнатѣ (въ кабинетѣ) я слышалъ заявленіе секретаря владыки: «Высокопреосвященный митрополитъ Антоній имѣеть сказать слово». И до меня доносились обрывки изъ рѣчи владыки, въ которой онъ указывалъ на соборность, какъ основной принципъ жизни церкви, причемъ онъ призывалъ іерарховъ потрудиться надъ осуществленіемъ этого принципа посредствомъ разработки правилъ созыва собора. Затѣмъ послышался знакомый мнѣ голосъ другого іерарха, котораго покойный читлъ за умъ и общительность, но не раздѣлялъ его воззрѣній (крайне аскетическихъ). Этотъ видный въ настоящее время іерархъ, нѣсколько отклоняясь отъ существа вопроса, сталъ говорить о личныхъ добродѣтеляхъ тогда еще здравствовавшаго святителя, преимущественно о его милосердіи и всепрощающей любви.

Эту рѣчь я понялъ какъ намекъ на то, что митрополитъ Антоній долженъ быть предсѣдателемъ на соборѣ, а можетъ быть и патриархомъ, насколько позволятъ ему ослабѣвающія силы... Довершить же это дѣло болѣе юный и энергичный его преемникъ...

Какъ и слѣдуетъ предположить, наиболѣе продолжительные визиты дѣлали владыкѣ оберъ-прокуроры Святѣйшаго Синода, особенно Вл. Карл. Саблеръ и Серг. Мих. Лукьяновъ. При замкнутости своего характера, владыка не посвящалъ меня, конечно, во всѣ свои дѣла, но все-таки иной разъ нѣтъ-нѣтъ, да словечко и вымолвить. Изъ краткихъ репликъ и на основаніи наблюденія надъ психикой покойнаго я заключалъ, что, напримѣръ, илюдоровская эпопея его страшно волновала, равно какъ и тѣ чрезмѣрные ревнители старины, которые хотѣли принудить владыку сойти съ пути строгой лояльности въ области политики. И вся илюдоровщина ассоціировалась въ моей памяти со множествомъ телеграммъ, телефонныхъ разговоровъ и каретъ у подъѣзда покоевъ владыки.

Депутации отъ приверженцевъ реставраціи иногда очень беспокоили владыку своими энергичными натисками. Глава одной такой депутации однажды заявилъ владыкѣ на приемѣ:

— Не уйдемъ отсюда, пока не исполните нашей просьбы (кажется, дѣло шло объ освященіи въ лаврѣ знаменъ одной политической организаціи).

— Если вы не уйдете отъ меня, то я уйду отъ васъ,—кратко отвѣчалъ смиренный святитель.

Въ отвѣтъ на мои предостереженія дядя, обыкновенно, благодушно говаривалъ: «Богъ не выдастъ, дьяволь не съѣстъ».

Къ обѣденному и чайному столу владыки приглашались, обычно, кромѣ близкихъ знакомыхъ и родныхъ, высокопоставленныя духовныя лица: архіереи, протоіереи, иногда также матушки игуменіи. Сидя за общимъ столомъ и держа, въ большинствѣ случаевъ, полный нейтралитетъ, я всегда съ большимъ интересомъ наблюдалъ посѣтителей внѣ ихъ торжественной церемоніальной обстановки, слушалъ ихъ разговоры и открывалъ въ ихъ словахъ и характерахъ человѣческое, слишкомъ человѣческое...

Въ покояхъ митрополита мнѣ довелось познакомиться почти со всѣми архіереями нашей обширной матушки Руси; при этомъ всякій разъ мнѣ невольно приходило на мысль, какую огромную власть имѣютъ эти лица на мѣстахъ, въ различныхъ провинціальныхъ уголкахъ сермяжной Россіи и какъ эта власть стусhevывается предъ лицомъ даже кроткаго и гуманнаго первосвятителя.

Помню также одно изъ посѣщеній дяди отцомъ Іоанномъ Кронштадтскимъ. Я сидѣлъ въ большомъ кабинетѣ и читалъ Лейбница. Слышу, въ столовой среди келейниковъ какая-то суета. Оказывается, идетъ о. Іоаннъ Кронштадтскій; слышу, какъ онъ входитъ въ столовую, своимъ привѣтливымъ, хотя нѣсколько рѣзкимъ голосомъ здоровается съ владыкой. Садятся пить чай.

— А племянникъ вашъ здѣсь?—доносится до меня вопросъ о. Іоанна.

«Узналъ,—думаю себѣ:—не даромъ о. Іоаннъ слыветъ прозорливцемъ».

— Не знаю, здѣсь онъ или вышелъ,—отвѣтилъ дядя.

Обладая нѣкоторою долею политичности, я рѣшилъ не нарушать бесѣды и сидѣть на мѣстѣ съ Лейбницемъ. Изъ столовой, однако, по временамъ доносились до меня слова бесѣды. Сначала поговорили о соблазнительномъ поведеніи какого-то дьякона, за котораго, видимо, заступался о. Іоаннъ.

— Ваше высокопреосвященство! Все это клевета, все это сплетни.

— Возможно, все возможно, ваше высокопреподобіе,—отвѣчалъ владыка:—но нашъ долгъ оберегать честь и достоинство Святой Церкви. Надо это дѣло такъ устроить, чтобы и разговора ни-

какого возникнуть не могло; чтобы и сплетню прекратить въ самомъ началѣ.

«Ну,—думаю себѣ:—о. Іоаннъ, можетъ быть, идеализируетъ людей, а митрополитъ смотритъ на дѣло болѣе реально».

Потомъ говорили о японской войнѣ, которая, видимо, складывалась въ тотъ моментъ для насъ неудачно.

— Господь Богъ спасетъ Россію и дастъ ей одолѣніе на супостатовъ. Я вѣрю, владыко, что это будетъ такъ,—съ воодушевленіемъ говорилъ гость.

— О. Іоаннъ!—возражалъ дядя:—но вѣдь Господь Богъ-то не непосредственно будетъ оказывать намъ помощь. Онъ избираетъ людей орудіями своей воли. Люди у насъ должны быть! Людей надо воспитать!

«Снова реализмъ съ примѣсью гуманитарныхъ воззрѣній,—продолжаю я размышлять предъ раскрытой книгой теодицеи:—напрасно же одинъ мой кievскій знакомый (шутникъ и либераль) нѣсколько непочтительно называлъ владыку «романтикомъ въ бѣломъ клобукѣ».

Когда о. Іоаннъ ушелъ, дядя вошелъ въ кабинетъ и удивленно посмотрѣлъ на меня.

— А ты какъ сюда попалъ?—спросилъ дядя съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Да, вотъ, видите, изучаю Лейбница.

«Знаемъ мы твоего Лейбница»,—кажется, подумалъ пронизательный святитель, поморщился немного и пошелъ въ свой кабинетъ снимать рясу и панагію.

Каждую субботу къ ужину, на правахъ родственника, являлся къ дядѣ протопресвитеръ военнаго и морского духовенства Евгеній Петровичъ Аквилонъ.

— Онъ всегда наговоритъ съ три короба,—шутливо отзывался объ немъ дядя.

Дѣйствительно, онъ всегда говорилъ безъ умолку, даже тогда, когда страшные наросты обезобразили его красное лицо.

Иногда, вслушиваясь въ непрерывно журчащій потокъ его краснорѣчія, я задавалъ себѣ вопросъ: «О чемъ, собственно, онъ говорить?» и не находилъ отвѣта. Это была какая-то вдохновенная импровизація, гдѣ все перемѣшивалось и перепутывалось: и незыблемыя основы, и тонкія струйки либерализма, и ученые вопросы, и студенческіе анекдоты. Любилъ онъ приводить цитаты изъ англійскихъ и нѣмецкихъ писателей. Видимо, онъ ихъ много читалъ (хотя не переварилъ).

Истиннымъ наслажденіемъ было для меня слушать устное продолженіе журнальной полемики бывшаго викарнаго епископа Антонина ¹⁾ и Евгенія Петровича Аквилонова.

¹⁾ Недавно получившаго самостоятельную кафедру.

Нѣсколько тяжеловѣсный, хотя очень остроумный и логично мыслящій, оппонентъ нападалъ со всею силою своего независимаго рационализма на много читавшаго и разговорчиваго профессора. Тотъ пространно и краснорѣчиво возражалъ, хотя потомъ нѣсколько конфузился и отступалъ съ поля битвы, тѣмъ болѣе, что вопросы задѣвались довольно щекотливые: объ отношеніи христіанства къ той или иной формѣ государственнаго управленія.

Дядѣ подобныя пренія не нравились, и онъ по возможности отклонялъ рѣчь на другіе, болѣе безобидные предметы.

Е. П. Аквилонова я многократно видѣлъ у дяди. Въ послѣдніе дни своей жизни протопресвитеръ вызывалъ во многихъ (и во мнѣ) чувство состраданія. Наросты на шеѣ и на лбу оказались неизлечимыми. Онъ, видимо, зналъ, что смерть уже распространяетъ надъ нимъ свои мертвящія черныя крылья. Чувство тоски, одиночества и безнадежнаго унынія сквозило въ его послѣднихъ рѣчахъ.

— Только у васъ, владыко, и отдыхаю душою; Боже мой, какая тоска!..

И лицо престарѣлаго святителя, осіянное радостью любви и примиренія со всѣми, успокаивало страдающій духъ приговореннаго врачами къ смерти, терзающагося въ одиночествѣ человѣка.

Изъ дамскихъ персонажей были приняты запросто у покойнаго владыки Ольга и Софья Иван. Шишковы, Ольга Никол. Макарова и княгиня Анаст. Максим. Дондукова-Корсакова, которая оказывала покойному іерарху незамѣнимыя услуги въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было сдѣлать подарки дѣтямъ высокопоставленныхъ лицъ. Княгиня проявляла прямо гениальность въ выборѣ подарковъ и обработкѣ ихъ. И я, бывало, подолгу любовался сложными, хотя и миниатюрными, сооруженіями то храма со всѣми его принадлежностями, то школы, то цѣлой деревни. Сколько трудовъ стоило, чтобы привести эти игрушки въ порядок! Помню такой курьезъ. Подвижныя картины изображаютъ деревню и ея окрестности: луга, лѣсокъ, стада съ пастухомъ, затѣмъ избы и ихъ обитателей: вотъ баба несетъ ведра съ водой, ребятишки играютъ въ бабки, старушка плетется въ церковь, и, — о ужасъ, — мужичекъ идетъ босикомъ въ винную лавку; послѣднее не можетъ быть назидательно для дѣтей. На общемъ совѣтѣ рѣшили передѣлать лавку въ школу; одна школа есть, но это ничего, — пусть будутъ двѣ. Потомъ снова всѣ задумались.

— Да вы посмотрите на мужика-то, — шутливо замѣтилъ дядя: — вѣдь онъ приплясываетъ. Кто повѣритъ, чтобы мужикъ шелъ въ школу да еще и приплясывалъ?

Для меня и до сихъ поръ неизвѣстно, какъ обработали мужика (игрушку упаковали и отослали по назначенію въ мое отсутствіе), вѣроятно, его передѣляли на школьниковъ, — пусть-де школьники

сразу идутъ въ двѣ школы, а винной лавки съ приплясывающимъ мужикомъ пусть вовсе не существуетъ. Кромѣ этой миссіи, княгиня Дондукова-Корсакова принимала на себя всевозможныя хоздатайства и заботы о сиротахъ, больныхъ, бѣдныхъ и заключенныхъ и т. д., и т. д. Благодаря своей необычайной энергіи и мощному простодушно-русскому краснорѣчію, она успѣвала всегда и во всемъ.

О ея родственницѣ (тетушкѣ) княжнѣ М. М. Д.-К. я уже имѣлъ случай говорить, когда шла рѣчь о заключенныхъ. «Моя милая, стремительная и безсознательная Анастасія»,—такъ обычно именовала покойница «тетя Мэри» свою племянницу.

На меня, какъ на человѣка нѣсколько халатнаго и склоннаго къ компромиссамъ, желѣзная энергія Маріи Михайловны и ея упорство при достиженіи благотворительной цѣли производили какое-то сурово-аскетическое, нѣсколько тяжелое впечатлѣніе. А ея постоянныя рѣчи мнѣ прямо претили.

Однако интеллектуально я очень ее чтить и уважать.

Владыка большею частью охотно, а иногда и съ душевнымъ прискорбіемъ, способствовалъ осуществленію ея героическихъ плановъ, направленныхъ на благо страждущаго человѣчества.

Кромѣ православныхъ, бывали у владыки въ гостяхъ и иновѣрцы и иностранные гости. Дядя мнѣ самъ рассказывалъ, что по случаю объявленія свободы вѣроисповѣданія 5 апрѣля 1905 г. къ нему являлись безчисленныя депутаціи отъ представителей различныхъ религій и сектъ съ благодарностью за инициативу въ дѣлѣ проведенія принципа вѣротерпимости.

— Всѣ явились съ благодарностью,—говаривалъ покойный:—свои лишь не явились,—добавлялъ онъ съ горькой улыбкой.

Въ порядкѣ вещей былъ, конечно, и обмѣнъ официальными визитами съ главами различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, причемъ дядя не разъ мнѣ говорилъ, что съ представителями англиканъ и протестантовъ онъ себя чувствуетъ гораздо лучше и свободнѣе («съ ними можно поговорить по-человѣчески»), чѣмъ съ фанатиками-католиками, видящими въ каждомъ иновѣрцѣ исчадіе ада и слугу антихриста.

Въ отвѣтъ на мои разспросы касательно посѣщенія лавры президентомъ Французской республики Феликсомъ Форомъ дядя говорилъ, что президентъ былъ съ нимъ очень любезенъ, подарилъ ему золотой крестъ, украшенный драгоценными камнями, а владыка поднесъ ему икону Богоматери («нѣкогда вдохновившей юную дѣву спасти Францію отъ враговъ»). При этомъ дядя пояснилъ, что примѣръ Феликса Фора очень поучителенъ, въ смыслѣ уваженія къ русской святынѣ, и для нашихъ властей.

Большую радость доставляли дядѣ своимъ посѣщеніемъ тѣ изъ англичанъ, которые интересуются вопросомъ о соединеніи церквей.

Помню, входит однажды келейникъ къ дядѣ и заявляетъ, что какой-то господинъ хочетъ его видѣть. Несмотря на всѣ усилія свои, келейникъ не могъ произнести фамиліи посѣтителя. Дядя велѣлъ принести карточку. Оказалось, что это былъ извѣстный дѣятель по вопросу о соединеніи церковей И. В. Биркбекъ съ сыномъ—студентомъ лондонскаго университета. Дядя оказалъ имъ чрезвычайно любезный пріемъ и пригласилъ къ обѣду на слѣдующій день. Они явились, и мы обѣдали вчетверомъ, завязавъ такимъ образомъ англо-русскую дружбу, съ нѣкоторой примѣсью германизма, ибо я тогда учился въ берлинскомъ университетѣ. Такъ какъ студентъ-гость могъ говорить только по-англійски, то мы съ нимъ безмолвствовали за обѣдомъ и лишь слушали, какъ владыка и Биркбекъ пытаются говорить по-русски. Прежде всего, дядя объяснялъ гостю названіе каждаго подаваемого въ данный моментъ кушанья. Затѣмъ говорили немного о политикѣ («Гладстонъ—великій истуканъ», сказалъ по ошибкѣ Биркбекъ—вмѣсто «великанъ»), немного о религіи, причемъ вспоминался пятидесятилѣтній юбилей королевы Викторіи и визитъ владыки на торжество. Биркбекъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, настроеннаго весьма консервативно, какъ въ области религіи, такъ и въ области политики. Разговоръ же его дышалъ живостью и нѣкоторымъ остроуміемъ. Послѣ обѣда мы вчетверомъ пошли въ кабинетъ, гдѣ дядя продолжалъ свою бесѣду съ Биркбекомъ, а я, не найдя ничего болѣе остроумнаго, показывалъ своему лондонскому коллегѣ альбомъ съ видами Лондона, будто онъ его никогда не видалъ. Затѣмъ мы распрощались (при свиданіи и разлукѣ оба гостя приняли благословеніе владыки и поцѣловали его руку). Я проводилъ гостей до швейцарской и сказалъ швейцару, чтобы онъ указалъ гостямъ, гдѣ живетъ преосвященный финляндскій Сергій, котораго они тоже пошли навѣстить.

Въ заключеніе этой главы о посѣтителяхъ замѣчу, что у дяди всегда гостилъ кто-нибудь изъ его родныхъ, иногда по нѣскольку человѣкъ (мнѣ судила судьба, кажется, больше всѣхъ погостить у дяди), причемъ располагались они либо въ единственной жилой комнатѣ, примыкающей къ Крестовой церкви («Яшина» комната—по имени старшаго брата владыки, земскаго врача въ городѣ Спасскѣ Тамбовской губерніи Якова Васильевича), либо въ моей «высокой» комнатѣ, выходящей окнами въ садъ, абсолютная изолированность которой давала намъ возможность громко говорить, кричать, дурачиться, а также заниматься математикой и философіей.

Всѣ родственники покойнаго владыки, думаю, согласятся со мною, если я скажу, что покойный въ отношеніи къ нимъ былъ, во-первыхъ, полнымъ безсребренникомъ, все раздававшимъ при жизни и ничего не оставившимъ намъ послѣ смерти (за что да будетъ благословенна его память); во-вторыхъ, при полномъ отсутствіи nepотизма, онъ привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ своею простотою, всепрощающей любовью, мудростью, великодушіемъ и гостепрѣимствомъ.

VII.

Философія митрополита Антонія. Его *modus vivendi*. Заключение.

Покойный владыка Антоній былъ, по своимъ религіозно-философскимъ воззрѣніямъ, идеалистомъ въ лучшемъ и возвышеннѣйшемъ смыслѣ этого слова. Основныя идеи гегельянства и феноменологизма какъ бы встрѣтились въ его душѣ съ ученіемъ Евангелія Іоанна и Климента Александрійскаго о Логосѣ и съ народнымъ поэтическимъ воззрѣніемъ на вселенную, какъ многоцвѣтную чудно сіяющую ризу Божества. Весь міръ есть развитіе абсолютной идеи, разумъ и Божественное дыханіе проникаютъ все живущее. Человѣкъ имѣетъ въ своей душѣ искру Божества; отсюда его неудержимая тяга по всему истинному, доброму, прекрасному. Цѣлью человѣческой жизни является осуществленіе, воплощеніе идеи добра и правды посредствомъ дѣлъ любви и милосердія къ ближнимъ. Любовь есть высшая добродѣтель; она должна быть жива и дѣйствительна. Имѣющей ее въ себѣ живетъ жизнью Божественной и уже здѣсь, на землѣ, наслаждается вѣчнымъ блаженствомъ. Эта любовь все прощаетъ, всѣ пороки людскіе покрываетъ, она неисчерпаема и непобѣдима, какъ Божество.

Дѣла любви и милосердія выше молитвы и поста. «Никогда, ссылаясь на молитву, не отказывалъ я въ пріемѣ посѣтителемъ,—говаривалъ покойный:—кто хочетъ только молиться, иди въ пустыню; живя же среди людей, и служи людямъ. Эту именно цѣль поставилъ я себѣ, принимая монашескій постригъ».

Владыка всегда относился отрицательно къ тѣмъ неразумнымъ ревнителямъ поста, которые ставятъ его выше дѣлъ милосердія и отказываютъ въ постный день въ молоко больному ребенку.

Отлично сознавая всѣ недочеты нашей общественной жизни, ея отсталость во всѣхъ областяхъ культурнаго развитія, покойный іерархъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ медленно, но твердо и вѣрно вести народъ, врученный ему Богомъ, къ свѣту разума.

Онъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ провозглашенія въ Россіи свободы религіозной совѣсти и отмѣны гоненій за вѣру; онъ же восторженно привѣтствовалъ первыхъ избранниковъ, представителей русскаго народа словами: «исполнились завѣтныя чаянія русскаго народа: въ Россіи введено народное представительство».

Какъ разнообразенъ міръ, такъ могутъ быть разнообразны сферы проявленія любви въ человѣческой жизнедѣятельности. Любовь—это солнце. Она всюду должна свѣтить, поскольку ея свѣта не заслоняютъ преграды. Какъ всеобъемлюща любовь Небеснаго Отца ко всѣмъ людямъ, такъ безгранично должно быть человѣческое милосердіе ко всѣмъ людямъ. Въ виду того, что дядя, какъ онъ мнѣ лично

передавалъ, признавалъ безчисленность міровъ и ихъ населенность, сфера любви человѣка должна простираться въ безконечность универсума. «Божественная любовь всегда найдетъ средство просвѣтить всё живыя существа, на какой бы планетѣ они ни жили; и наша любовь должна простираться дальше предѣловъ земныхъ». На мои нѣсколько назойливые разспросы о томъ, можно ли любить заключенныхъ во адѣ, дядя мнѣ обыкновенно отвѣчалъ, что Христосъ нашелъ способъ и всѣмъ находящимся во адѣ проповѣдывать вѣсть о спасеніи, причемъ покойный любилъ ссылаться на известное мѣсто изъ посланія апостола Петра касательно проповѣди Христа во адѣ.

При такой широтѣ воззрѣній, владыка, конечно, не могъ быть фанатикомъ въ вѣроисповѣдныхъ вопросахъ. На мои разспросы, можно ли спастись въ католичество и протестантствѣ дядя, обыкновенно, по моему мнѣнію, нѣсколько уклончиво, отвѣчалъ:

«Православная церковь—это надежный корабль спасенія; но кто же можетъ поручиться, что и на плохомъ суднѣ и даже на лодочкѣ или бревнѣ люди не могутъ спастись, плавая по морю?»

Съ людьми иныхъ вѣроисповѣданій, широко и свободно мыслящими, владыка любилъ бесѣдовать, о чемъ мнѣ не разъ говаривалъ. Фанатиковъ же избѣгалъ.

«Когда я бесѣдую съ англиканскимъ епископомъ или протестантскимъ пасторомъ, то мы понимаемъ другъ друга и дружно, по-человѣчески, по-христіански бесѣдуемъ; а съ ксендзомъ встрѣтимся, бесѣда у насъ не налаживается, ибо его глаза быстро вспыхиваютъ огнемъ ненависти и фанатизма, вслѣдствіе чего духовное общеніе съ нимъ становится невыносимымъ». Что касается лично меня, то я убѣдился изъ постоянныхъ бесѣдъ съ почившимъ, что любовь можетъ царствовать и тамъ, гдѣ есть различіе во взглядахъ и въ философскихъ сужденіяхъ, ибо она «выше разума и все покрываетъ».

Христіанская любовь, которою была проникнута жизнь и дѣятельность покойнаго и изреченія о коей онъ завѣщалъ начертать на своемъ могильномъ крестѣ, сообщала удивительную гармоничность и какой-то идеализмъ всей душевной организаціи и даже наружности владыки. Онъ съ особенною любовью читалъ и цитировалъ Евангеліе и посланія возлюбленнаго ученика Христова Іоанна. И на деревянномъ крестѣ на могилѣ покойнаго напечатлѣны указанныя имъ изреченія Того, Кто до смерти повторялъ: «Дѣти, любите другъ друга».

Изъ мудрыхъ мужей дохристіанскаго античнаго міра наиболѣе близкимъ сердцу владыки былъ великій греческій философъ Платонъ, о которомъ онъ часто со мной бесѣдовалъ, убѣждая читать его сочиненія въ подлинникѣ на ряду съ поученіями св. отцовъ.

Очень часто напоминалъ мнѣ почившій о тѣхъ добродѣтеляхъ, которыя провозглашалъ Платонъ: о мудрости, мужествѣ, справедливости и умѣренности. Нравился дядѣ и тотъ поэтический образъ.

съ которымъ мы встрѣчаемся въ «Государствѣ» Платона: возница, олицетворяющій собою мудрость, при помощи одного своего коня— мужества—одерживаетъ побѣду надъ другимъ конемъ—чувственностью—и направляетъ колесницу въ свѣтлое царство небожителей.

Названныя добродѣтели владыка дѣйствительно осуществлялъ на своемъ высокомъ и отвѣтственномъ посту. Будучи кроткимъ и миролюбивымъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ мужественъ, когда долгъ совѣсти побуждалъ его защищать правое дѣло или исполнять, какъ надлежитъ, свое служеніе. Смѣло заявлялъ онъ К. П. Побѣдоносцеву о необходимости провозглашенія свободы религіозной совѣсти и отмѣны преслѣдованій за вѣру. Получивъ какую-либо письменную угрозу съ предупрежденіемъ не участвовать въ какой-либо церковной процессіи или богослуженіи, владыка всегда шелъ безбоязненно, куда повелѣвалъ долгъ, говоря близкимъ людямъ, что архіерей ничего не долженъ бояться и что наша жизнь въ рукахъ Божьихъ.

Что касается вообще *modus vivendi* покойнаго архипастыря, то можно по всей справедливости сказать, что умѣренность, скромность и аккуратность господствовали при немъ въ столь по наружности импонирующихъ покаяхъ митрополита.

Какъ сейчасъ помню картину утренняго чая въ восемь часовъ утра (вставалъ дядя между шестью и семью часами, умывался, молился Богу, читалъ Библию). Я, бывало, заранѣе приду къ чайному столу, отрѣжу половину куска лимона и положу въ чашку дяди (низенькую, синенькую), налью чаю точно опредѣленной крѣпости (средней), къ чему не сразу можно было приноровиться, ставлю на опредѣленномъ мѣстѣ. Вотъ шелкастъ замокъ въ спальнѣ. Дядя входитъ въ столовую. Я подхожу подъ благословеніе. Усаживаемся на мѣста. Дядя спрашиваетъ: «Хорошо ли спалъ? Что намѣренъ сегодня дѣлать? Какого философа изучать и что писать?» Но въ общемъ утренній разговоръ клеится плохо. Нѣкоторое оживленіе внести къ концу чая вырастающая словно изъ земли фигура повара Родіона, обладающаго протодіаконскимъ голосомъ и ведущаго соответствующій *modus vivendi*. «Здравія желаю, ваше высокопреосвященство», гремитъ нѣсколько охрипшій басъ (вѣроятно, послѣ именинъ). Преподавъ вошедшему благословеніе, дядя заказываетъ ему обѣдъ: «Вотъ что, Иродіонъ, приготовь уху съ шариками да судака пожарь, а на пирожное вареныхъ грушъ и яблокъ». Послѣ упоминанія о каждомъ блюдѣ Иродіонъ потрясаетъ стѣны покоевъ громогласнымъ: «Слушаю, в. в.». Выслушавъ все, принимаетъ прощальное благословеніе и уходитъ.

Замѣтивъ, что выправка и обращеніе повара доставляютъ мнѣ нѣкоторое удовольствіе, дядя говоритъ: «Ты не удивляйся: вѣдь онъ бывшій бомбардиръ».

Я замѣтилъ въ отвѣтъ, что бывшій бомбардиръ готовить кушанья довольно хорошо.

«Послѣ праздниковъ только пересаливаетъ,—замѣтилъ дядя:— и тогда я ему дѣлаю первое предостереженіе. Готовить же у насъ не хитро. При прежнемъ митрополитѣ былъ другой поварь. Онъ ушелъ, ибо ему теперь не на чемъ проявлять свое искусство. У насъ все просто. Зато и жалованья прежнему было около сотни, а этому рублей тридцать».

Эта теорія искусства для искусства, помнится, тогда меня чрезвычайно тронула.

Послѣ чая начинался приемъ посѣтителей. Не знаю, трудно или легко имъ было получить аудіенцію у митрополита. Но, несомнѣнно, большинство уходило отъ владыки утѣшенными. Нѣкоторые попросту выражались: «Владыка-де, хоть и не всегда просьбу исполнить, зато никогда и никого не обругаетъ».

Часовъ около одиннадцати дядя ѣхалъ обычно въ синодъ. Если мнѣ надо было работать въ Публичной библіотекѣ, дядя бралъ меня съ собою, высаживалъ у библіотеки и ѣхалъ дальше.

Въ два часа, обычно, обѣдали. Начало обѣда было довольно пріятное: рюмочка мадеры, балыкъ, икра, бѣлорыбица; послѣдующія же блюда навѣвали на меня пессимистическое настроеніе своимъ ужасающимъ однообразіемъ: вѣчно уха, жареный судакъ и варенныя яблоки съ грушами. Судакъ я въ концѣ концовъ положительно возненавидѣлъ, и самый его видъ вызывалъ во мнѣ самое мрачное и безотрадное настроеніе. Это настроеніе усиливалось къ вечеру, особенно лѣтомъ, потому что соленая и рыбная пища вызывала такую адскую жажду, которую, кажется, не залить океанами цѣлаго міра. И не разъ возблагодарилъ я Провидѣніе, что оно спасло меня отъ монашества и рыбнаго стола. Послѣ обѣда владыка съ чашкою отдыхалъ, и если ему спалось «сносно», то къ пяти часамъ къ чаю онъ шелъ въ довольно благодушномъ настроеніи. Мнѣ же чай доставлялъ очень мало отрады, особенно лѣтомъ. Петроградскій климатъ таковъ, что тамъ питье чая доставляетъ только мученіе: страшно парить, а распоясаться по настоящему нельзя, тѣмъ болѣе, что за вечернимъ чаемъ у дяди бывали гости—близкіе знакомые. Послѣ чая до ужина и послѣ ужина часовъ до одиннадцати дядя занимался дѣлами въ своемъ кабинетѣ, а я читалъ Лейбница и изучалъ аналитическую геометрію въ другомъ (большомъ) кабинетѣ, гдѣ находилась библіотека.

Жизненная мудрость и опытность почившаго архипастыря развили въ немъ какую-то особенную прозорливость, проникновенность въ чужую душу. Мнѣ, напримѣръ, всегда казалось, что, когда дядя смотритъ на меня своими ясными свѣтлыми глазами, онъ знаетъ и видитъ, о чемъ я думаю или думаю.

Какъ психологъ и историкъ, онъ умѣлъ проникать въ будущія

судьбы человѣка и народовъ. Мнѣ не разъ говорилъ о неизбѣжности вооруженнаго столкновенія двухъ міровъ: славянскаго и германскаго. Указывалъ также на то обстоятельство, что великія потрясенія въ нашей русской исторіи совершались періодически, именно черезъ столѣтіе: въ началѣ семнадцатаго вѣка было смутное время, закончившееся въ 1613 году избраніемъ на царство дома Романовыхъ. Въ 1709 году былъ Полтавскій бой. Въ 1812 году нашествіе французовъ. Въ XX вѣкѣ, по истеченіи перваго десятилѣтія, тоже слѣдуетъ ожидать тяжелаго испытанія, по мнѣнію покойнаго.

Какъ видимъ, теперь это предсказаніе исполняется. Предвидя тяжелыя испытанія отечества, владыка всею душою вѣрилъ въ его несокрушимую мощь и, призывая всѣхъ къ мужеству и твердости въ испытаніяхъ, вѣрилъ въ свѣтлое будущее родной страны.

Теперь, въ годину тяжелаго испытанія, особенно благовременно вспомнить о покойномъ архипастырѣ, воплощавшемъ въ себѣ лучшія и наиболѣе цѣнныя качества русской души, великой и мужественной среди испытаній, озаренной неизмѣнной надеждой на торжество праваго дѣла, на славу и свѣтлое будущее великой, необъятной Россіи.

Около трехъ лѣтъ прошло со смерти всѣми оплакиваемаго архипастыря. Но всегда живъ будетъ его образъ въ нашихъ сердцахъ, свѣжа память о томъ, кто своею жизнедѣятельностью показалъ намъ образецъ столь древней и столь новой божественной красоты, воплощенной въ смертномъ человѣкѣ.

М. Вадковскій.

ВОСПОМИНАНІЯ О С. Θ. ШАРАПОВѢ.

КАКЪ БЫСТРО проходитъ время! Скоро уже минетъ годъ, какъ у церкви Заборьевскаго прихода стоялъ я у раскрытаго фамильнаго склепа Шараповыхъ, куда былъ опущенъ привезенный изъ Петрограда металлическій гробъ съ останками Сергѣя Фодоровича Шарапова. Похороны С. Θ. были по внѣшности скромныя: ни депутацій, ни многочисленныхъ вѣнковъ, ни казенныхъ рѣчей... Но зато Шарапова хоронили и гробъ его встрѣтили и провожали къ мѣсту вѣчнаго упокоенія люди, близко знавшіе его, сердечно его любившіе... И молитвы объ упокоеніи души болярина Сергѣя, и слезы этихъ людей, и горе ихъ,—все это было не показное, а искреннее, отъ души, отъ сердца!..

Хоронили Шарапова тѣ, въ средѣ которыхъ онъ родился и выросъ, тѣ, для которыхъ онъ всю жизнь работалъ и трудился; тѣ, которыхъ онъ любилъ и о счастья которыхъ были всѣ его заботы; тѣ, наконецъ, на которыхъ онъ единственно надѣялся и видѣлъ въ нихъ единственныхъ работниковъ и возродителей къ счастью и могуществу страстно любимой имъ родины!.. Человѣка земли—хоронили люди земли: крестьяне...

На станціи Красное къ прибытію изъ Петрограда поѣзда съ тѣломъ Шарапова собрались крестьяне многихъ селъ и деревень; изъ бывшей его вотчины, сельца Сосновки, прибыло буквально все его населеніе со своимъ старостой во главѣ. Маленькая желѣзнодорожная станція не могла вмѣстить въ себѣ весь собравшійся народъ и дать ему укрыться отъ непогоды. Погода стояла отвра-

тительная: сильный холодный вѣтеръ пронизывалъ до костей; мелкій, но частый дождикъ лилъ, не переставая, небо было хмурое, сердитое... Многочисленная толпа, вся промоченная дождемъ, измученная тридцативерстнымъ переходомъ пѣшкомъ по скверной и грязной дорогѣ отъ Сосновки до Краснаго, долгіе часы угрюмо и сосредоточенно, молча дожидалась прихода поѣзда съ тѣломъ Сергѣя Федоровича

Скорбь, истинная, неподдѣльная скорбь была написана на всѣхъ лицахъ; даже у дѣтей (а ихъ было много) лица были серьезные, грустные....

Раздался звонокъ, извѣстившій, что поѣздъ вышелъ изъ соседней станціи. Отецъ Евгеній (священникъ Заборьевскаго прихода) сталъ спѣшно облачаться; толпа встрепенулась, повалила на платформу, выстроилась въ длинную шеренгу и съ устремленными въ сторону, откуда ожидался поѣздъ, взорами, застыла въ молчаніи. Стояла толпа, точно замерла, а съ угрюмаго неба такъ и сыпалъ частый, мелкій дождикъ, нудный и противный... Наступилъ конецъ томительному ожиданію. Издали показался поѣздъ; головы обнажились, и толпа инстинктивно устремилась по рельсамъ навстрѣчу. Съ большимъ трудомъ удалось начальнику станціи, жандарму и железнодорожнымъ служащимъ удержать толпу и предотвратить ее отъ могущаго случиться несчастія... Толпу отгѣснили...

Поѣздъ подошелъ къ станціи и остановился. Изъ вагона вышли вдова покойнаго, Александра Иосифовна, и сестра, Наталья Федоровна. Ихъ съ плачемъ окружили знакомые и крестьяне. Моментъ былъ потрясающій. И это понятно: Сергѣй Федоровичъ умеръ въ Петроградѣ почти внезапно и въ неожиданную кончину его какъ-то не вѣрилось... И вотъ: его вдова и сестра въ траурѣ и тутъ же вблизи, въ товарномъ вагонѣ, его гробъ. Траурный вагонъ отъ поѣзда отцѣпили... Поѣздъ тронулся и ушелъ дальше, а вагонъ съ тѣломъ придвинули къ платформѣ. Металлическій гробъ изъ вагона былъ перенесенъ въ залъ станціи, и тамъ была отслужена панихида...

Почти все тридцативерстное разстояніе отъ Краснаго до Сосновки крестьяне пронесли гробъ на рукахъ при непрерывномъ пѣніи «Святый Боже...» и «Спаси, Господи, люди Твоя»... На каждомъ поворотѣ дороги похоронная процессія останавливалась и служились литіи. Процессія все больше и больше увеличивалась: къ ней по пути ея присоединялись крестьяне отдаленныхъ селъ и деревень, спѣшившіе отдать послѣдній долгъ усопшему. Въ каждой деревнѣ, по пути прохожденія процессіи, у каждаго дома, по требованію домохозяевъ, процессія останавливалась, и о. Евгеній служилъ литію. Вся дорога была усыпана ельникомъ, а послѣднія двѣ версты—живыми цвѣтами, преимущественно розами. Часу въ девятомъ вечера процессія прибыла въ Сосновку и гробъ

былъ внесенъ въ домъ покойнаго, гдѣ и былъ поставленъ на большомъ письменномъ столѣ, на которомъ долгіе годы работалъ Сергѣй Федоровичъ, въ его кабинетѣ. Была отслужена послѣдняя въ этотъ день панихида, и утомленные крестьяне разошлись...

30-го іюня состоялись похороны Сергѣя Федоровича въ селѣ Заборьѣ. Отпѣваніе совершили, кромѣ мѣстнаго священника, о. Евгенія, прибывшіе на похороны мѣстный благочинный, о. Михаилъ, и вяземскій священникъ о. Петръ (бывшій священникъ Заборьевскаго прихода). Послѣ отпѣванія, о. Петръ Руженцовъ произнесъ прочувствованное слово о дѣятельности покойнаго и разъяснилъ крестьянамъ, кого потеряли они въ лицѣ усопшаго. Слово о. Петра было чрезвычайно содержательно. Онъ перечислилъ главные заслуги покойнаго не только сосновцамъ, но и всему Вяземскому уѣзду, выразившіяся въ томъ, что постоянно приходилъ имъ на помощь и словомъ и дѣломъ и больше работалъ всю жизнь на ихъ общее благо, чѣмъ на свою собственную пользу. «Сергѣй Федоровичъ,—закончилъ свое слово о. Петръ,—умеръ, не оставивъ послѣ себя ничего. Своими громадными талантами, своей непрерывной упорной работой онъ не только не составилъ себѣ состоянія, но на служеніе народу разорился: его труды и труды большіе пошли на пользу вамъ: тридцать тысячъ плуговъ изъ его мастерской въ одномъ только Вяземскомъ уѣздѣ замѣнили прежнюю соху и облегчили вамъ обработку земли, и для того, чтобы вы получили это облегченіе,—онъ не остановился предъ собственнымъ разореніемъ». Но и безъ напоминанія о. Петра крестьяне сознавали, какую громадную потерю понесли они съ кончиной Сергѣя Федоровича. Трогательно было послѣднее прощаніе крестьянъ съ усопшимъ, и не мало слезъ было ими пролито при послѣднемъ цѣлованіи его. Не менѣе трогательны были и тѣ немногія слова, которыя произнесъ предъ открытой могилой сосновскій староста: «На кого оставилъ ты насъ, Сергѣй Федоровичъ,—словно стонъ вырвался изъ его груди:—кто теперь будетъ учить насъ? Ты былъ намъ братомъ!.. Ты былъ намъ отцомъ!.. Ты заступался за насъ, помогалъ намъ... Всегда ты жилъ среди насъ и никогда не оставлялъ насъ надолго... Кто намъ замѣнитъ тебя?..»

— Какъ жаль,—сказалъ мнѣ А. В. Мироновъ (вяземскій предводитель дворянства), когда мы возвращались съ кладбища:—что никто изъ тѣхъ, которые проповѣдуютъ о розни между крестьянами и дворянами, не присутствовалъ на похоронахъ Шарашова: они устыдились бы своей проповѣди, которая приноситъ столько зла и намъ и крестьянамъ...

Предо мною цѣлый ворохъ газетныхъ вырѣзокъ и нѣсколько журналовъ. Почти все, что было написано о Шарашовѣ послѣ его кончины, у меня предъ глазами. Но это все до того мало, что

просто диву даешься. Болѣе тридцати лѣтъ человѣкъ работалъ, не покладая рукъ; работалъ у всѣхъ на виду, поражая разнообразіемъ своей дѣятельности: онъ и первоклассный публицистъ, и выдающійся сельскій хозяинъ, и недюжинный ораторъ, и общественный дѣятель не изъ послѣднихъ, и политико-экономъ, и, наконецъ, романистъ и повѣствователь; словомъ,—у человѣка столько талантовъ, что хоть отбавляй,—а много ли послѣ кончины его появилось статей съ серьезной оцѣнкой покойнаго? Въ «Новомъ Времени» статья В. В. Розанова, тамъ же двѣ статьи: К. П. Медвѣдскаго, статья Рцы (къ сожалѣнію, не знаю, гдѣ она напечатана: на вырѣзкѣ не обозначено),—вотъ и все, что появилось достойнаго памяти покойнаго писателя-публициста въ русской печати, все остальное это либо коротенькія замѣтки, либо малосодержательныя писанія казеннаго образца. А рядомъ съ этимъ злыя издѣвательства надъ покойнымъ кадетской «Рѣчи» и ея подголосковъ. Гг. лѣвые до того поспѣшили справлять тризну по покойномъ, что не дожидались даже, пока гробъ его будетъ опущенъ въ могилу. Не пощадили памяти писателя и нѣкоторыя правыя газеты...

Объясняется это очень просто. Всегда и во всемъ искренній, Шараповъ не могъ укладываться въ рамку, не могъ пристать ни къ какой партіи; всегда и во всемъ онъ оставался самимъ собою, руководствовался и въ своихъ писаніяхъ, и въ своихъ дѣйствіяхъ только собственнымъ умомъ и голосомъ собственной совѣсти. Онъ горѣлъ любовью къ своей родинѣ и ей онъ служилъ всю жизнь не за страхъ, а за совѣсть, посвятивъ ей всецѣло свои таланты и свой умъ. Отсюда—искренній и оригинальный Шараповъ, оставаясь самимъ собою, никого не щадилъ: одинаково разилъ и друзей и враговъ. Но, нанося страшные удары и тѣмъ и другимъ, онъ боролся за родину и ее онъ отстаивалъ, а личный элементъ всегда былъ чуждъ его благородной натурѣ. Шараповъ много заблуждался, но заблуждался честно, искренно; у Шарапова были и паденія, но паденія невольныя...

Что это именно такъ, надѣюсь убѣдить читателя фактами, а не голословными утвержденіями. Но раньше, чѣмъ приступить къ моимъ воспоминаніямъ о Шараповѣ и къ разсказу о выдающихся эпизодахъ въ его дѣятельности и въ его жизни, позволю себѣ процитировать двѣ статьи о покойномъ, изъ которыхъ одна принадлежитъ П. Б. Струве («Русская Мысль», августъ, 1911 г.), а другая В. В. Розанова (его книга «Уединенное», изданная почти на правахъ рукописи, Пгр. 1912 г., арестованная цензурой). И та и другая статья даютъ яркія характеристики Шарапова и по тону своему дышатъ искренностью и благородствомъ. Въ особенности цѣнна характеристика Шарапова, сдѣланная П. Б. Струве, появленію которой мы обязаны случаю. Авторъ случайно встрѣ-

тился съ Шараповымъ въ вагонѣ за годъ до кончины послѣдняго, до поздней ночи они пробесѣдовали, не зная другъ друга, и только на слѣдующее утро они отрекомендовались и съ удивленіемъ узнали каждый имя своего собесѣдника.

«Недавно скончавшійся С. Ѳ. Шараповъ,—говорить П. Б. Струве,—любопытная фигура, которая, навѣрное, всегда будетъ обращать на себя вниманіе историковъ истекшаго тридцатилѣтія. Это одинъ изъ немногихъ талантливыхъ русскихъ демагоговъ, не нашедшій примѣненія своимъ дарованіямъ въ дореформенное время, въ эпоху безраздѣльнаго господства «приказнаго» строя и приказныхъ навыковъ, а потомъ оказавшійся внѣ могущественныхъ общественныхъ теченій освободительной эпохи. Характеризуя Шарапова, какъ демагога, я лишь отмѣчаю, такъ сказать, стиль его индивидуальности. Онъ всегда «возбуждалъ», возбуждалъ довольно элементарными средствами, но съ натискомъ и размахомъ, въ которыхъ чувствовалось, по крайней мѣрѣ подчасъ, сильное и искреннее увлеченіе. Неудачи Шарапова, преслѣдовавшія его за всю его многолѣтнюю публицистическую дѣятельность, вытекали изъ того, что, будучи по всему стилю своей личности и тѣмъ самымъ по своему основному призванію демагогомъ, онъ, по своимъ идеямъ, говорилъ все-таки «мимо» народа, массы, толпы. Идеи его были не по той толпѣ, которая увѣровала въ освободительные идеалы демократіи, и не по той толпѣ, которую можно было найти и иногда находили на самомъ дѣлѣ для реакціи. Для того, чтобы выразить вовнѣ свою личность, Шарапову надлежало быть либо «трудовикомъ», либо «истинно-русскимъ» союзникомъ. Но для того, чтобы быть «трудовикомъ», онъ былъ слишкомъ «дворянская косточка», а для того, чтобы быть союзникомъ, онъ былъ все-таки слишкомъ образованъ и честенъ...» Упомянувъ о грѣхонаденіяхъ Шарапова, авторъ говоритъ: «всѣ эти отрицательныя стороны его біографіи не могутъ заставить насъ забыть, что въ его личности и дѣятельности все-таки рядомъ съ смутными струями были и немалыя струи честности и благородства».

Затѣмъ слѣдуетъ подробное изложеніе единственнаго разговора, который П. Б. Струве имѣлъ съ Шараповымъ въ вагонѣ. Шараповъ высказывался предъ авторомъ, не подозрѣвая въ своемъ собесѣдникѣ одного изъ участниковъ «Вѣхт» и не имѣя понятія, кто противъ него сидитъ, съ той свободой, которая дается полной ненамѣренностью рѣчи, «когда съ собесѣдникомъ не считаются, когда онъ—лишь необходимый живой пріемникъ мысли, которая сама ищетъ излиться и сама опредѣляетъ свое русло и свои извилины». И Шараповъ высказался предъ нимъ во-всю; Шараповъ высказался въ смыслѣ всесторонняго, огульнаго отрицанія всей русской культуры; и хотя пессимизмъ Шарапова не заразилъ автора, но онъ признается, что «безграничный пессимизмъ такого чело-

вѣка, какъ Шараповъ, произвелъ на него глубокое впечатлѣніе». «Пусть не говорятъ мнѣ,—прибавляетъ авторъ:—что личныя неудачи окрасили для этого человѣка всю современность въ такой черныи цвѣтъ. Здѣсь чувствовалась не только личная нота. Это субъективное настроеніе, по моему глубочайшему убѣжденію, имѣло объективный смыслъ и значеніе».

Чрезвычайно теплыми словами заканчиваетъ г. Струве свою статью: «За то, что Шараповъ сошелъ въ могилу не въ станѣ мнимыхъ побѣдителей и успокоителей, а мучимый раздумьемъ и жгучей тревогой за судьбы Россіи, ему, быть можетъ, простятся его шатанія и паденія. Ибо въ этомъ раздумьѣ и въ этой тревогѣ пробивалась именно та струя честности и благородства, которая все-таки чувствовалась въ Шараповѣ чрезъ все актерство этого талантливаго демагога, не умѣвшаго найти народа и вмѣсто народа всегда проповѣдывавшаго «сферамъ» ¹⁾».

Статью В. В. Розанова, точнѣе, его набросокъ изъ книжки «Уединенное», привожу цѣликомъ, во-первыхъ, потому, что онъ очень коротокъ и, во-вторыхъ, по своей сжатости не поддается ни пересказу, ни сокращенію; а между тѣмъ этотъ набросокъ чрезвычайно цѣненъ и представляетъ собою удивительно проникновенную характеристику Шарапова.

«Онъ былъ не уменъ и не образованъ; точнѣе,—не развитъ: но изумительно талантливъ. «Взялъ» онъ что отъ Витте, или не взялъ—я не знаю. Но онъ безусловно былъ честный человѣкъ: ибо съ одной десятой его таланта люди кончали «тайными совѣтниками» и успокаивались на рентахъ и пенсіяхъ. Онъ же умеръ, если не нищимъ, то бѣднякомъ.

«Но и не по этому одному онъ безусловно честенъ: было что-то въ немъ неумовимое, въ силу чего, даже взявъ его за руку съ вытасненнымъ у меня носовымъ платкомъ, я пожалъ бы ему руку и сказалъ бы: «Сережа, это что-то случайное: вѣдь я зналъ и знаю

---

¹⁾ Замѣчательно: П. Б. Струве въ своемъ взглядѣ на Шарапова, какъ на демагога, совершенно сходится со взглядомъ на дѣятельность покойнаго публициста профессора Здѣховскаго. Послѣдній въ своемъ обширномъ докладѣ о Шараповѣ, сдѣланномъ въ славянскомъ клубѣ въ Прагѣ, въ засѣданіи, посвященномъ памяти покойнаго русскаго писателя-публициста, подъ заглавіемъ: «Sergiusz Szarapow. Przyczynek do psychologii slowianofilstwa rosyjskiego», еще больше подчеркиваетъ въ дѣятельности Шарапова демагогію, ставитъ его рядомъ съ другимъ извѣстнымъ русскимъ демагогомъ Бакунинимъ и указываетъ на родственныя черты въ дѣятельности ихъ обоихъ. Кстати замѣчу: вся польская печать, какъ у насъ, въ Россіи, такъ и зарубежная, единодушно отмѣтила кончину Шарапова, какъ крупную потерю для славянства вообще, а для поляковъ въ особенности, и не поскупилась на похвалы покойному, отдавая дань его благородной дѣятельности по жгучему вопросу русско-польскаго примиренія, убѣжденнѣйшимъ сторонникомъ котораго былъ покойный и въ пользу котораго онъ не только писалъ, но и агитировалъ повсюду на собраніяхъ и съѣздахъ,

Авторъ.

сейчасъ, что ты одинъ изъ честиѣйшихъ людей въ Россіи». И онъ расплакался бы слезами ангела, которыми вотъ никогда не заплачетъ «честный» Кутлеръ, сидящій на шеститысячной пенсіи».

«(О Шараповѣ, когда онъ умеръ)».

Перехожу къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ о моемъ покойномъ другѣ.

I.

У покойнаго Сергѣя Федоровича Шарапова за всю его жизнь не было человѣка, который былъ бы ему ближе, чѣмъ я, какъ у меня не было ближе, чѣмъ онъ. Какъ ни странна покажется такая близость между арійцемъ и семитомъ, но вопреки всему она существовала. Мы многое другъ для друга сдѣлали въ жизни и, когда обстоятельства того требовали, не останавливались и предъ тѣмъ, чтобы другъ для друга жертвовать своими интересами (не одними матеріальными только). Дружба наша длилась не день и не два дня, а на пространствѣ въ тридцать лѣтъ. Встрѣтились мы впервые въ 1880 году, совершенно молодыми. Я работалъ тогда у Н. П. Гилярова-Платонова, а онъ у И. С. Аксакова.

Опишу самую первую встрѣчу, изъ коей, пожалуй, можно заключить, что судьбѣ угодно было, чтобы быть ей таковой, чтобы послужить фундаментомъ нашей будущей неразрывной дружбы. Эта первая наша встрѣча дала каждому изъ насъ болѣе или менѣе крупный успѣхъ, и успѣхъ этотъ, общій для насъ обоихъ, не могъ не сблизить насъ, такъ какъ и для него и для меня онъ былъ чуть ли не первымъ въ жизни.

Было это такъ.

Однажды, въ воскресенье, часовъ въ одиннадцать, является ко мнѣ лакей Н. П. Гилярова-Платонова съ приглашеніемъ немедленно пожаловать.

Являюсь.

— У меня къ вамъ просьба, — встрѣчаетъ меня Н. П.: — сегодня у А. И. Кошелева читаетъ публичную лекцію сотрудникъ И. С. (Аксакова), нѣкій Шараповъ. Мнѣ прислали билетъ и очень просятъ пріѣхать на лекцію, но я ѣхать не могу: боленъ... Поѣзжайте вы и напишите отчетъ. Лекторомъ и Аксаковъ, и Кошелевъ очень интересуются. А потому, прошу васъ; напишите о лекціи подробно. Очень просятъ объ этомъ... Вотъ письма — прочтите...

— О чемъ лекція?

— Прочтите записку И. С., тамъ подробно...

Прочелъ письмо Аксакова. Заглавіе лекціи: «Объ интенсивномъ хозяйствѣ одной деревни». Мнѣ стало смѣшно и говорю Н. П.:

— Помилуйте, Н. П., развѣ я что смыслю въ сельскомъ хозяйствѣ? Намедни меня увѣрили, что ножницы растутъ въ полѣ, а

потомъ подняли на смѣхъ... Какой отчетъ могу я написать о специальномъ предметѣ, о которомъ понятія не имѣю?

— А все-таки поѣзжайте; справитесь какъ-нибудь. Мнѣ больше некого послать, а послать необходимо нужно. Прошу васъ,—поѣзжайте...

Просьба Н. П. равнялась для меня приказанію. Съ стѣсненнымъ сердцемъ я взялъ билетъ и отправился на лекцію, которая была назначена въ часъ дня.

Очутился въ знаменитой гостиной Кошелева, въ извѣстномъ тогда всей Москвѣ особнякѣ на Поварской. Мужчины, большинство во фракахъ, дамы въ бальныхъ платьяхъ. Весь цвѣтъ московской аристократіи, большой литературы, общественныхъ дѣятелей и высшаго купечества—налицо. Многихъ знаю, кое съ кѣмъ даже знакомъ или полужнакомъ, о многихъ догадываюсь—кто они. Хозяина дома, А. И. Кошелева, увидѣлъ въ первый разъ и впервые услышалъ его характерный, почти дѣтскій, тоненькій, крикливый голосъ. Изъ дамъ я никого не зналъ. Около одной изъ нихъ, весьма изящной молодой женщины, толпилось много людей и образовали большую группу. Она оживленно что-то рассказывала, ее слушали съ затаеннымъ вниманіемъ, почтительно. Дама оказалась Ольгой Алексѣевной Новиковой, только что пріѣхавшей изъ Лондона, уже въ то время успѣвшей прославиться и въ Россіи и въ Англіи, какъ политическая писательница. Въ числѣ ея слушателей были: Аксаковъ Юрьевъ, Самаринъ, Скалонъ, Лопатинъ, Скворцовъ и другіе,—все люди пожилые, извѣстные,—а среди нихъ выдѣлялся и обращалъ на себя вниманіе очень еще молодой человѣкъ, весьма подвижный, съ пріятнымъ лицомъ и съ удивительно большими черными глазами. Выдѣлялся онъ среди этой группы именно своей молодостью и живостью: лицо одухотворенное, и весь онъ олицетворялъ собой движеніе и жизнь. Это и былъ—Шараповъ.

Раздался звонокъ. Публика начала усаживаться на мѣста. Я впервые развернулъ свой билетъ, и о ужасъ! Мѣсто мое оказалось въ первомъ ряду, номеръ седьмой. Рѣшилъ подождать, пока всѣ усядутся, чтобы занять мѣсто въ послѣднихъ рядахъ, если таковое окажется тамъ. Но всѣ мѣста наполнились, и я вынужденъ былъ пробраться въ первый рядъ. Съ большимъ конфузомъ опустился въ широкое кресло, и сосѣдями моими оказались: съ правой стороны И. С. Аксаковъ, а съ лѣвой—О. А. Новикова. И тотъ, и другая удивленно на меня посмотрѣли, такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось. Конфузъ мой увеличился. Я почувствовалъ, что краснѣю, и опустилъ глаза...

Но вотъ послышались легкіе шаги. Это лекторъ взобрался на кафедру. Наступила тишина, затѣмъ раздались сдержанныя рукоплесканія. Я поднялъ глаза и увидѣлъ Шарапова раскланиваю-

щимся. Онъ былъ очень блѣденъ и какъ-то по-дѣтски улыбался. Большіе глаза его особенно какъ-то заблестѣли, и, казалось, въ нихъ просвѣчивала растерянность. Изъ бокового кармана фрака онъ досталъ пачку разрозненныхъ листковъ, суетливо перебралъ ихъ и разложилъ предъ собой на кафедрѣ, а самъ, опершись о нее лѣвой рукой, заговорилъ...

Голосъ его раздался слабо, неувѣренно въ началѣ; но скоро лекторъ овладѣлъ собой и своимъ голосомъ. Богъ мой, что это былъ за голосъ и какъ мастерски владѣлъ имъ лекторъ! Красивые, стройные періоды такъ и лились изъ устъ его, и образная рѣчь его прямо-таки очаровывала слушателей. Къ своимъ разложеннымъ на кафедрѣ листочкамъ онъ рѣдко когда наклонялся, и чтеніе его походило на вдохновенную импровизацію. Да, на вдохновенную импровизацію, хотя предметъ его чтенія ничего такого не содержалъ въ себѣ, что могло бы быть опоэтизировано и вдохновить лектора. «Удобреніе»..., «травосѣяніе...», «навозъ...», «костяная мука...», «сухая кровь...», «клеверъ...», «тимофѣевка...», «сѣвооборотъ...» и опять «навозъ», «костяная мука» и «сухая кровь»... Казалось бы, что можетъ быть интереснаго для собравшейся тутъ нарядной публики, а въ особенности для дамъ, и какъ всеѣмъ этимъ можетъ такъ увлечься такой молодой лекторъ? Мало того: какъ всеѣмъ этимъ ухитрился онъ такъ увлечь свою аудиторію? Но фактъ былъ налицо: увлекательный лекторъ, опоэтизировавъ не только клеверъ и тимофѣевку, но и навозъ, и костяную муку, и сухую кровь, увлекъ своихъ слушателей...

Когда кончилась первая часть лекціи, зааплодировала вся аудиторія: аплодировали не только мужчины, но и дамы; а среди шума и гула аплодисментовъ раздалось восторженное «браво!» С. А. Юрьева и покрыло весь шумъ. Лектора окружили, жали ему руку, благодарили, поздравляли съ успѣхомъ, а восторженный Юрьевъ обнялъ его и расцѣловалъ...

Еще большій успѣхъ имѣла вторая половина лекціи Шарапова. Но это ужъ было понятно. Во вторую половину лекціи входили разборъ и критика знаменитыхъ писемъ «Изъ деревни» А. Н. Энгельгардта, которыя печатались въ «Отечественныхъ Запискахъ» и которыми зачитывалась тогда вся Россія. Преклоняясь предъ Энгельгардтомъ, молодой лекторъ все же полемизировалъ съ нимъ и полемизировалъ блестяще!

Лекція кончилась въ началѣ пятого часа, и я поспѣшилъ въ редакцію писать свой отчетъ.

Прошло дня три-четыре, и опять утромъ, часу въ двѣнадцатомъ, ко мнѣ является лакей Никиты Петровича и опять требуетъ меня къ нему. Являюсь и застаю у него Шарапова.

— Вотъ вамъ Эфронъ,—обращается Н. П. къ Шарапову.

Шараповъ стремительно обнимаетъ меня и благодарить за от-

четь о его лекціи. Я недоумѣваю. Оказалось: въ полученномъ въ тотъ день въ Москвѣ номерѣ петербургскаго «Голоса» переданъ по телеграфу мой отчетъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» о лекціи Шарапова. Въ то время, когда газеты пользовались телеграфомъ только для сообщеній важныхъ, выдающихся своимъ значеніемъ, фактъ передачи въ «Голосѣ» (первой тогда газетѣ въ Россіи) моего отчета по телеграфу знаменовалъ собой и Шарапова и мой крупный успѣхъ.

Шараповъ возбужденно прочелъ вслухъ мой отчетъ въ передачѣ «Голоса» и прочелъ, конечно, мастерски.

— Написано недурно... Пожалуй, даже хорошо,—произнесъ, улыбаясь, видимо, весьма довольный Никита Петровичъ.

— Не только хорошо, прямо восторгъ,—отозвался Шараповъ.—И, главное, какая точность. При такой сжатости, такая полная передача всей моей лекціи. Прямо-таки—мастерская передача.—И, наговоривъ по моему адресу кучу комплиментовъ и благодарностей, закончилъ весьма серьезнымъ тономъ:—Скажите, С. К., вы въ какой полосу Россіи хозяйничали?

— Онъ ножницы сѣялъ около Вильны,—улыбнулся Никита Петровичъ, и объяснилъ Шарапову, какой я сельскій хозяинъ.

Отъ Никиты Петровича мы ушли вмѣстѣ, и Шараповъ пригласилъ меня позавтракать съ нимъ. Отправились въ «Большой Московскій»; оба мы оказались совсѣмъ не пьющими, но были такъ хорошо и радостно настроены, что рѣшили спрыснуть нашъ общій успѣхъ. Потребовали бутылку шампанскаго и до половины ее не допили, тѣмъ не менѣе оба оказались если не пьяны, то навеселѣ. Вдоволь наговорившись, мы разошлись друзьями, расцѣловавшись на прощаніе.

Такова была моя первая встрѣча съ Шараповымъ, послужившая основаніемъ нашей дружбы, которая съ теченіемъ времени росла и крѣпла и продолжалась тридцать лѣтъ, т. е., до самой кончины Шарапова.

II.

Впрочемъ, я долженъ оговориться. Рассказывая въ первой главѣ о публичной лекціи Шарапова и о его успѣхѣ, я сказалъ, что это былъ его первый крупный успѣхъ въ жизни. Это не совсѣмъ такъ. Я долженъ былъ сказать, что это былъ его первый успѣхъ на родинѣ, въ Россіи. Ибо за границей Шараповъ уже успѣлъ нѣсколько выдвинуться. Въ 1878 году имѣла большой успѣхъ рѣчь его, произнесенная на литературномъ конгрессѣ въ Парижѣ, о правахъ женщинъ. Въ отдѣльной брошюрѣ рѣчь эта озаглавлена: «*La prostitution et sa dépendance de la lég'slation*». Кромѣ того, онъ былъ извѣстенъ, какъ участникъ боснійскаго возстанія въ 1875 году. Его письма съ театра боснійскаго возстанія печатались въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (Баймакова) и «Русскомъ Мирѣ» (Черняева). Съ 1876 года

Шараповъ началъ сотрудничать въ «Новомъ Времени» и постоянно писалъ въ этой газетѣ до 1881 года. Съ этого года онъ сталъ постояннымъ сотрудникомъ «Руси» Аксакова.

Въ «Новомъ Времени» Шараповъ сотрудничалъ въ качествѣ корреспондента изъ разныхъ европейскихъ центровъ, изъ Афинъ, Вѣны, Берлина, Парижа и изъ славянскихъ земель и Константинополя.

О томъ, при какихъ обстоятельствахъ Шараповъ началъ свое сотрудничество въ «Новомъ Времени» и о первомъ его заочномъ знакомствѣ съ А. С. Суворинымъ, предо мною находится въ высшей степени интересный рассказъ покойнаго писателя. Рассказъ этотъ и въ художественномъ отношеніи прелестенъ, и даетъ законченный портретъ Шарапова-юноши.

Привожу его цѣликомъ:

«Купецъ второго класса королевско-венгерскихъ желѣзныхъ дорогъ. Ранняя весна 1877 года. Подъѣзжаемъ къ итальянской границѣ. Меня «везутъ» два переодѣтыхъ полицейскихъ короны св. Стефана, корректнѣйшіе и милѣйшіе люди. На буфетныхъ станціяхъ, когда я выхожу, они садятся у стола по обѣимъ сторонамъ и подвигаютъ кто хлѣбъ, кто соль и торопятъ кельнера. Бѣду я въ такой странной компаніи потому, что только что высидѣлъ цѣлый годъ въ благословенной Венгріи въ качествѣ «интернированнаго», т. е. по-нашему водвореннаго на жительство подъ присмотръ полиціи по случаю участія моего въ первомъ боснійскомъ возстаніи 1875 года, окончившагся доносомъ на меня властямъ какого-то негодяя-братушки въ одинъ изъ моихъ приѣздовъ въ Загребъ и, конечно, арестомъ?»

«Настоящаго моего имени венгры не знали, такъ какъ, появляясь на территоріи Хорватіи, я постоянно мѣнялъ имена. Но они были увѣрены, что изловили самага что ни на есть настоящаго правительственнаго русскаго агитатора и притомъ изъ самыхъ крупныхъ и опасныхъ. Московскіе агитаторы тогда мерещились венграмъ вездѣ съ запасомъ русскихъ «rollende Rubeln», катящихся рублей, ставшихъ потомъ историческими. Чудаки продержали меня цѣлый годъ въ городахъ Ясберени и Кечкемети, о которыхъ вы, вѣроятно, и не слыхивали, выплачивая мнѣ, зеленому юнцу, генеральское содержаніе и ведя бесплодную переписку съ нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, не имѣвшимъ ни обо мнѣ, ни о моей экскурсіи ни малѣйшаго представленія. Наша благочестивая и лояльная дипломатія, разумѣется, всячески откреживалась, а мудрые венгерцы говорили: «Ловкость и хитрость русскаго правительства невѣроятны. Всѣ нити у насъ въ рукахъ, а понять ничего не можемъ.»

«И вотъ, лучшіе изъ «детективовъ» слѣдили за каждымъ моимъ шагомъ, за каждымъ моимъ словомъ въ обществѣ, ловили и перево-

дили мои письма, истощались во всякихъ хитростяхъ цѣлый годъ, пока это занятіе имъ не надоѣло и не вышелъ приказъ министра-президента Тиссы: «Вывести такого-то изъ Венгріи въ 24 часа». Кое-какъ упробилъ я дать мнѣ двое сутокъ, затѣмъ меня посадили въ вагонъ и повезли, предварительно спросивъ, куда я желаю, впрочемъ, кромѣ Сербіи и Румыніи. Въ Россію я пожелать не могъ, такъ какъ уѣхалъ безъ паспорта, бросивъ казенное мѣсто, въ Германіи мнѣ дѣлать было нечего, а потому назвалъ Италію. Проѣхали мы австрійскую таможенную въ Удино, въ итальянскомъ Кормонсѣ мои охранители вышли со мною на платформу, о чемъ-то проговорили съ красавцемъ-жандармомъ и очень трогательно со мной простились, вручивъ мнѣ послѣдній подарокъ венгерскаго короля—пятьдесятъ гульденовъ на дорогу. Жандармъ сдѣлалъ мнѣ подъ козырекъ и объявилъ, что я свободенъ.

«Несмотря на генеральское содержаніе, я не скопилъ про запасъ ничего (кто же копилъ въ молодости?), а потому высылка застала меня врасплохъ, и эти пятьдесятъ гульденовъ были чуть не всѣмъ моимъ состояніемъ. Но я былъ увѣренъ, что найду работу. Въ Италіи-то не прожить! Заѣхалъ я на сутки въ Венецію (какъ же ее миновать, когда всего двадцать верстъ крюку?), убавилось моего капитала на цѣлыхъ восемь гульденовъ, беру билетъ на Туринъ, на противоположный конецъ Сѣверной Италіи, ѣду. Зачѣмъ въ Туринъ? А тамъ живетъ единственный человѣкъ во всей Италіи, на протекцію коего я могу рассчитывать,—Людвигъ Кошутъ, знаменитый президентъ мадьярской республики и диктаторъ 1848 года, культомъ котораго я надышался въ Венгріи. Онъ поможетъ устроиться русскому, бѣгло говорящему по-мадьярски и другу своей страны. Довольно показать ему газетныя вырѣзки (ихъ пришлютъ) о томъ, какъ меня провожали студенты кечкеметской академіи, какія рѣчи мы говорили на платформѣ вокзала о братствѣ мадьяръ и славянъ! Побылъ я у Кошута въ *Baggascione al Colbegno* около Турина. Принялъ меня старецъ тепло, обласкалъ. Далъ карточку къ своему зятю, директору желѣзной дороги, но предупреждаетъ: надо знать хорошо по-итальянски... Директоръ дороги наговорилъ мнѣ комплиментовъ за Боснію и вѣжливо отъ меня отдѣлался. Я остался одинъ, какъ перстъ, съ послѣдними грошами.

«Надо искать работы. Работы? Русскій, да еще военный (я—саперъ) годенъ на все. Я лично не испугаюсь никакой черной работы. Но попробуйте-ка поискать ее въ Италіи... Гидь для русскихъ? Но въ это время въ Туринѣ русскихъ не бываетъ, а которые и были, тѣхъ война угнала домой, курсъ падалъ неудержимо. Уроки? Самъ еще долженъ изучить языкъ. Черная работа? Увы! Италія царство безработныхъ. Работу и здѣшніе рвутъ другъ у друга. Чужой и не подходи. Вѣгаю по городу, ищу работы, все-равно, какой попало. Наконецъ, вспоминаю, что когда-то юнкеромъ бывалъ въ тайной

типографин и пробовалъ набирать. Смѣло являюсь въ контору «Gazzetta del Popolo». — «Нѣтъ работы, да вы и по-итальянски не знаете...» Дѣлаю нѣчто въ родѣ скандала. Стыжу ихъ, что вотъ, молъ, я, борецъ за славянскую свободу, имѣю письмо отъ самого Гарибальди и долженъ здѣсь пропадать съ голоду. Они обязаны дать мнѣ работу. Смилоостивились, — поставили у кассы. Дали рукопись, словно нарочно такую, что не знаешь, какъ писано: прямо или вверхъ ногами. Вдобавокъ и кассы не знаю. Но отчаяніе придастъ силы. Набираю и къ обѣденному звонку иду тискать свою гранку. Посмотрѣлъ метранпажъ и говорить: «А что, синьоръ, вы надъ нами смѣяться пришли?» — Не повезло и здѣсь. Послѣднимъ пунктомъ, гдѣ я искалъ работы, было «Circolo filologico», гдѣ, между прочимъ, читался и русскій языкъ. Ничего, разумѣется, не вышло и тутъ...

«Вотъ каково было въ это время мое хозяйство. Изъ «гостиницы», гдѣ я простоялъ двое сутокъ по одной лирѣ, я «переѣхалъ» въ «Albergo della mare», нѣчто въ родѣ ночлежнаго дома, и помѣстился въ комнатѣ съ четырьмя койками за пятьдесятъ сантимовъ въ сутки. Двѣ койки пустовало, третью занималъ прозаикъ, драматургъ и поэтъ, синьоръ Пассамонте, необыкновенно почтенный старецъ, лѣтъ семидесяти, весь сѣдой, съ огромной бородой, истинно-библейская фигура пророка. Занимался пророкъ поэзіей и почти непрерывно писалъ оды и сонеты. У него была большая книга, гдѣ были занесены чуть не всѣ богатые семьи Турина, итальянскія и иностранныя, съ отмѣткой именинъ, дней рожденія, свадебъ, крестинъ, юбилеевъ и проч. Ода или сонетъ написаны, переписаны на дорогой бумагѣ, обведены краской и золотомъ, сложены въ конвертъ и въ соотвѣтственный день семейнаго торжества Пассамонте звонить у подъезда. Швейцаръ отворяетъ, улыбается (Пассамонте всѣ знали), конвертъ несутъ виновнику торжества, — стихи читаютъ вслухъ, и Пассамонте посылаютъ лиру, двѣ, иногда цѣлыхъ пять. Поэтъ, не торгуясь, гордо опускаетъ «hopogagio» въ карманъ и идетъ сочинять оду на слѣдующее рожденіе или именины «синьора иллюстриссима» такого-то.

«Для меня Пассамонте былъ истинной находкой. Я переписывалъ ему каллиграфически его оды, онъ училъ меня по-итальянски, и мы за мѣсяцъ прошли весь «Адъ» Данте. Какъ онъ читалъ! Доброты старикъ былъ безмѣрной. Онъ былъ готовъ дѣлиться со мной послѣднимъ, но у самого было пусто и онъ былъ по уши долженъ нашему разбойнику-хозяину. Сжимая свое «потребленіе» до голода, я все же проѣдался. Кончились деньги, съѣлъ зонтикъ, пальто, саблю, револьверъ, чемоданъ, вторыя панталоны, двѣ смѣны бѣлья, подушку, пледъ... Послѣднія деньги тратилъ на марки. Писалъ по всѣмъ редакціямъ Петербурга и Москвы, предлагая корреспонденціи. Писалъ домой опекуну, чтобъ выслалъ хоть что-нибудь изъ имѣнія. Писалъ въ Венгрію друзьямъ...

«Хозяинъ *«Albergo della mare»*—типъ настоящаго безсердечнѣйшаго кулака и разбойника. Рожка такая, какъ только заgrimпровываются въ операхъ. Я еще платилъ аккуратно за койку, но уже пересталъ брать ту пададь, которою онъ насъ кормилъ, и перешелъ на одно сухояденіе. Мой синьоръ Маноло сразу понялъ, что мои дѣла плохи, и поведеніе его стало невозможнымъ. Платилъ я понедѣльно, и, когда за послѣднюю недѣлю остался въ недоимкѣ и просилъ подождать, онъ сдѣлалъ мнѣ такую подлую сцену, что Пассамонте нѣсколько разъ воздѣвалъ руки кверху и художественно протестовалъ, напоминая благороднаго отца изъ *«Травіаты»*. Ежедневно два раза въ день я являлся въ почтамтъ къ разбору почты, останавливался въ вереницѣ ожидающихъ у отдѣла *«fermo in posto»*, т. е. до востребованія, и ежедневно же, два раза въ день, получалъ или разныя глупыя газеты и бандероли, или лаконическое *«niente»*, е. т. *«нѣтъ вамъ ничего»*. Моя фізіономія до того примелькалась чиновнику, что, бывало, завидя меня изъ своего окошечка человѣкъ еще за шесть до очереди, киваетъ головой и кричитъ свое *«niente»*. Наконецъ было пройдено все, а работы такъ-таки никакой не было. Не было ниоткуда и денегъ. Все мое богатство было въ одной моей кожѣ и въ томъ, что на этой кожѣ было, по одному экземпляру. По ночамъ я надѣвалъ халатъ Пассамонте и подъ краномъ стиралъ мое бѣлье, едва тратя мыло поэта. Къ утру бѣлье просыхало, и я былъ снова джентльменомъ. Питался я уже за пять сантимовъ въ сутки одною сѣрою землистою булочкой, дѣля ее на три части: завтракъ, обѣдъ и ужинъ. Наступила Сгратная недѣля. У меня начиналась медленная агонія отчаянія. Продать абсолютно болѣе нечего. Обмѣнить сапоги на опорки, шапку или сюртукъ, сыгравъ на разницу,—значило прокормиться три-четыре дня, но зато... о ужасъ! Я уже поступалъ въ разрядъ босяковъ, съ которыми не разговариваютъ. Это была ужъ петля... Итти просить? Умолять о пособіи какое-нибудь благотворительное учрежденіе? Здѣсь протестовала всѣми силами моя природа. Можетъ быть, это и предрасудокъ, но мнѣ казалось, что человѣкъ, прашуръ коего подписанъ подъ «утвержденною грамотою» царствующей династіи, долженъ предпочесть смерть, но не смѣетъ протянуть руки. Понедѣльникъ. Не ѣлъ ничего. На вторникъ оставалась послѣдняя монетка въ пять чентезими, аккуратно на одну сѣрую булку. Въ этотъ понедѣльникъ я весь день разрабатывалъ мысль о самоубійствѣ. Жалѣя о проданномъ револьверѣ и не имѣя денегъ на веревку, я имѣлъ право только утопиться, для чего рѣка По представляетъ хорошія удобства. Вы ее знаете по плохимъ ребусамъ, и въ ней долженъ былъ получить разгадку ребусъ моей молодой и глупой жизни. Я часами стоялъ у периль моста, пока вспоминалъ, что наступаетъ разборка почты и я еще разъ могу насладиться словомъ *«niente»*. Вторникъ. Съѣдена послѣдняя булка за послѣднюю «сольдо». На почтѣ письмо отъ сапожника изъ Кеч-

дешети, которому я впопыхахъ отъѣзда забылъ заплатить три гульдена. Среда—ночь и безграничный черный пессимизмъ. На душѣ спокойно, все улеглось. Являюсь на почту въ двѣнадцать, являюсь въ шесть, словно по обязанности, такъ какъ надеждъ никакихъ. А въ восемь—девять...

«Съ ранняго утра бродилъ за городомъ. Пришла мысль съѣсть завтракъ въ тавернѣ, не заплатить и дать себя арестовать. Дворянинъ проснулся въ душѣ и надавалъ мнѣ оплеухъ. Натолкнулся на плохонькую статую Мадонны и предъ ней на колѣнахъ старуху. Я не знаю, что со мною сдѣлалось. Давно разорвавъ всякую связь съ Богомъ по случаю либеральныхъ теорій, я и забылъ, когда въ послѣдній разъ я молился. Меня забило какъ въ лихорадкѣ, и, когда старуха ушла, я бросился на колѣна. Хлынули давно невѣдомыя слезы, и вся молитва была только въ двухъ словахъ: «Спаси! Ты можешь»... Въ двѣнадцать часовъ «niente». «Домой» итти незачѣмъ. Пассамонте боленъ и нервничаетъ, встрѣчъ съ хозяиномъ избѣгаю, такъ какъ каждая встрѣча есть утонченная пытка. Въ шесть часовъ иду, уже мысленно прощаясь и съ почтой, и съ Туринномъ, и съ самимъ собою. Въ окошечко боюсь и заглянуть. «Niente» это—послѣднее и уже равносильно смертному приговору. Но чиновникъ видитъ меня и словно не обращаетъ вниманія. И только, когда я подхожу вплотную, подаетъ пакетъ.—«Una dispaccia» (депеша).—Это ужъ прямо съ неба, отъ Мадонны. Раскрываю. Руки дрожать. Глаза не улавливаютъ буквъ: «Pouvez partir Constantinople repondez. Souverine» (Можете ли ѣхать въ Константинополь, отвѣчайте. Суворинъ).—Не только въ Константинополь, въ Патагонію, въ Гвіану готовъ ѣхать. Въ моемъ положеніи выбора нѣтъ. Но какъ отвѣтить? Самая короткая депеша, которую я тутъ же набросалъ, стоитъ безумныхъ денегъ: 13 лиръ... Теперь меня выручить хозяинъ. Теперь я его не боюсь. Не иду, а бѣгу домой. Едва успѣлъ сказать два слова Пассамонте, въ комнату входитъ Маноло. Онъ все время меня подстерегалъ, подозрѣвая, что я могу кончить скверно и унести на тотъ свѣтъ его двѣнадцать или пятнадцать лиръ.

«— Вотъ онъ, явился! Что же, синьоръ, принесли деньги? Вотъ, напусти этихъ голоштанниковъ и разорься съ ними! Деньги давайте!—Разбойникъ готовился схватить меня за воротъ.

«— Деньги есть,—крикнулъ я;—только надо ихъ получить. Вотъ депеша, а вотъ этотъ отвѣтъ надо сейчасъ отправить.—Маноло взялъ депешу и началъ разбирать по складамъ. Я и Пассамонте переводимъ: «Pouvoir partir—povete partire... Constantinopoli... repondez—rispondete.

«— Суворинъ? Кто такой Суворинъ? Такой же жуликъ, какъ и вы? На кой чортъ вы нужны въ Константинополь? Что тамъ своихъ мошенниковъ и оборванцевъ мало?—Когда Маноло узналъ, что на депешу Суворину нужно тринадцать франковъ, онъ объявилъ, что

только сумасшедшему можетъ прійти въ голову мысль просить у него такую сумму. Часа два мы съ Пассамонте уламывали кулака. Наконецъ онъ сдался, получивъ обѣщаніе заплатить ему за эти тринадцать франковъ цѣлыхъ двадцать пять, и самъ лично понесъ депешу на телеграфъ. Я просилъ Суворина перевести денегъ по телеграфу и соглашался ѣхать куда угодно.

Вечеромъ меня Маноло *накормилъ*. Я ѣлъ «поленту», т. е. кашу изъ высѣвокъ кукурузной муки (мука для бѣдныхъ) съ масломъ, не знаю, ужъ изъ чего выжатымъ, чернымъ и нестерпимо вонючимъ. Ни одна собака не стала бы ѣсть подобнаго кушанья. Въмѣсто десерта шли разглагольствія о томъ, что я въ компаніи съ Суворинымъ обокралъ честнаго человѣка и что никакого отвѣта мнѣ не будетъ. Съ утра четверга я или дежурилъ около почты, или бродилъ безъ толку. Сходилъ, впрочемъ, помолиться за городъ къ пресвятой Мадоннѣ и съ истиннымъ благоговѣніемъ приложился къ ея рукѣ изъ сѣраго камня, покрытаго мохомъ. Ложась спать, пришлось выслушать Богъ знаетъ что. Однако ѣсть я требовалъ съ такимъ азартомъ, что получилъ миску невѣроятныхъ макаронъ. Въ Страстную пятницу депеша. «Деньги переведены черезъ банкира Воло. Суворинъ». Увы! Это было уже вечеромъ и итти къ банкиру можно было только завтра. Маноло замѣтно смягчился, хотя все еще не довѣрялъ, думая, вѣроятно, что депеши я поддѣлываю самъ, чтобъ получать поленту и макароны и ночевать въ его берлогѣ. Утромъ собираюсь итти, Маноло заявляетъ: «Я пойду съ вами, а то еще удерете». — Нечего дѣлать, пришлось шагать черезъ весь городъ съ этимъ разбойникомъ. Банкиръ Воло, старенькій грекъ съ горбатымъ носомъ и грязными ногтями, конторы не имѣлъ, а вель операции у себя въ квартирѣ. Маноло остался внизу, я пошелъ наверхъ. Предъявляю депешу. — «Вы сами такой-то?» — «Самъ передъ вами». — Посмотрѣлъ старикъ на мой куцый пиджакъ съ засаленными локтями, на штаны уже съ бахромой и на мою молодость (мнѣ было невступно 22 года) и говоритъ: «Вамъ переведено 1.000 франковъ, но въ виду такой суммы необходимо было бы чѣмъ-нибудь удостовѣрить вашу личность. Паспортъ у васъ есть?» — «Къ сожалѣнію, нѣтъ». — «Можетъ быть, васъ кто-нибудь знаетъ?» — Пришлось прибѣгнуть къ Маноло. Позвали его, и онъ, конечно, готовъ былъ клятвенно засвидѣтельствовать, что деньги именно присланы мнѣ».

«Грекъ сдался, а такъ какъ онъ понималъ по-французски, то я сказалъ, что сейчасъ возьму у него только сто франковъ, а за остальными зайду позднѣе. — «Да, да, это благоразумно. А то вашъ компаньонъ...

«Воло посмотрѣлъ на него искоса и фразы не кончилъ.

«Когда мы вышли на улицу и я выбросилъ Маноло двадцать пять франковъ, плюсъ то, что ему былъ долженъ, онъ рѣзко измѣнился и сталъ вѣжливъ до приторности. Просилъ прощенія и чуть не цѣловалъ мнѣ руки. Насилу-то я отъ него отдѣлался.

«Получивъ остальные девятьсотъ франковъ, прежде всего купилъ бѣлье, пошелъ въ ванну, переодѣлся, ибо иначе не могъ бы купить платья, позавтракалъ въ ресторанѣ, купилъ черную пару, сѣрую пару, пальто и въ тотъ же день выѣхалъ изъ Турина. Я торопился оставить этотъ городъ, давшій мнѣ столько ужасныхъ минутъ и чуть было не ставшій моею могилою. Поѣздъ на Геную отходилъ въ одиннадцать часовъ. Я попрощался съ моимъ грекомъ и зашелъ провести послѣдній вечеръ съ Пассамонте. Хозяинъ лебезилъ и извивался такъ отвратительно, что я задолго до поѣзда пригласилъ поэта меня проводить и что-нибудь выпить и закусить.

«Мы отправились въ тракторію, съ голоду я заказалъ столько, что мы не могли и съѣсть. Старикъ спрашивалъ меня про Россію и про то, какъ у насъ празднуется Пасха. Онъ самъ былъ плохой католикъ, терпѣть не могъ своихъ поповъ, но Христа чтить и молился ему.

«— Да, вотъ, пришлось вамъ вашъ праздникъ проводить въ чужой сторонѣ».—Въ это время меня что-то словно толкнуло.

«— Послушайте, maestro, теперь половина десятого. Туринское время раньше московскаго навѣрно часа на три. Знаете ли вы, что въ эту минуту праздникъ у насъ уже идетъ, волною подвигается съ меридіана на меридіанъ и каждую секунду милліоны людей поютъ «Христосъ воскресъ?..

«— У васъ въ Россіи, я знаю, въ этотъ день цѣлуются...» Мы бросились другъ другу въ объятія.

«— Христосъ воскресъ!

«— Да, и у васъ былъ постъ, и хорошій постъ,—прибавилъ Пассамонте задумчиво.—Зато, смотрите, какія розговины.

«Когда мы на извозчикѣ заѣхали за вещами, Маноло усердно просилъ, чтобы я его не забывалъ и всегда у него останавливался».

III

Въ 1887 году внезапно скончался Никита Петровичъ Гиляровъ-Платоновъ. Кончина его имѣла для меня роковое значеніе. Я неожиданно очутился безъ всякихъ средствъ и безъ какихъ бы то ни было заработковъ. А между тѣмъ къ тому времени я уже успѣлъ обзавестись семьей, и у меня былъ ребенокъ. Надеждъ у меня тоже не было никакихъ: ни въ одномъ изъ существовавшихъ тогда въ Москвѣ изданій пристроиться я не могъ. Моя литературная фizioномія ужъ настолько успѣла опредѣлиться, что съ прекращеніемъ «Современныхъ Извѣстій» мнѣ не было мѣста въ другихъ московскихъ изданіяхъ. Разумѣется, меня принялъ бы въ сотрудники покойный Н. И. Пастуховъ, но работать въ тогдашнемъ «Московскомъ Листкѣ» не могъ рѣшиться, хотя предстоящій мнѣ и моей семьѣ голодъ страшилъ меня. И вотъ въ этотъ критическій моментъ моей

жизни я впервые получилъ возможность оцѣнить золотое сердце Шарاپова и понять, что значить истинная дружба.

Шарапѣ въ то время ужъ второй годъ издавалъ «Русское Дѣло». Въ его изданіи работы для меня не было, т. е. такой, которая могла бы меня обезпечить. Штатъ сотрудниковъ у него не только былъ полный, но и переполненный, а цѣннаго матеріала у него накопилось столько, что въ журналъ не умѣщался и дѣвать его было некуда. Я это зналъ, Шарапѣ много разъ мнѣ плакался, что ему некуда дѣтъ накопившійся матеріалъ. Понятно, мнѣ даже на умъ не могло прийти обратиться къ нему за работой. Но Шарапѣ самъ пришелъ ко мнѣ, чтобъ узнать о моемъ положеніи, и, когда я съ нимъ откровенно поговорилъ и ему стало ясно мое отчаянное положеніе, онъ дружески обнялъ меня и какъ бы заискивающе проговорилъ:

— Вѣдь вы, С. К., надѣюсь, считаете меня другомъ?

— Конечно.

— Искреннимъ другомъ?

— Ну, еще бы.

— Такъ докажите мнѣ это не на словахъ, а на дѣлѣ.

— Чѣмъ же?

— А вотъ чѣмъ: не откажитесь отъ моей помощи до пріисканія занятій... Будемъ по-товарищески дѣлиться, чѣмъ богаты? Когда разбогатѣете, сосчитаемся... И вотъ еще: чтобъ ваша жена объ этомъ не знала... Незачѣмъ ее въ это посвящать: Любовь Максимовна такъ самолюбива. Мы такъ устроимъ, что она будетъ увѣрена, что у васъ есть заработокъ, что вы нашли занятія... Мы вотъ какъ это устроимъ: приходите ежедневно часа на три, на четыре ко мнѣ въ редакцію и занимайтесь своей беллетристикой или своими драмами, а ей скажемъ, что работаете въ «Русскомъ Дѣлѣ» и получаете жалованье... Ну, скажемъ, рублей семьдесятъ въ мѣсяцъ... Такую сумму совершенно свободно, не стѣсня себя, могу вамъ охотно удѣлить ежемѣсячно, пока не устроитесь... Что же, дорогой мой, С. К., согласны?

Я зналъ средства Шарапѣ и не могъ не знать, что то, что онъ мнѣ предлагаетъ, внѣ этихъ средствъ, что такую широкую помощь онъ не можетъ мнѣ предлагать, не стѣснивъ себя довольно чувствительно. Получалъ онъ тогда всего пятьсотъ рублей въ мѣсяцъ, изъ коихъ, по своему положенію, меньше трехсотъ рублей на личную жизнь расходовать не могъ, а двѣсти рублей въ мѣсяцъ у него съѣдала его Сосновка, которую, послѣ разгрома, онъ возстановлялъ и устраивалъ. Очень часто слышалъ я отъ него жалобы на отсутствіе средствъ для его сельско-хозяйственныхъ затѣй, и онъ постоянно говорилъ мнѣ, что вертится, какъ бѣлка въ колесѣ. Работалъ же онъ тогда, какъ волъ: и какъ редакторъ журнала, и какъ секретарь московскаго биржевого комитета, и какъ сельскій

хозяинъ. Я началъ было отказываться отъ его предложенія, возразивъ ему, что средства его не таковы, чтобъ онъ могъ содержать мою семью Богъ знаетъ сколько времени.

Шараповъ выслушалъ мои возраженія, улыбаясь.

— Значить, принципиально отъ моей дружеской помощи не отказываетесь, только не желаете, чтобы я стѣснилъ себя изъ-за васъ?

— Хоть бы и такъ.

— Ну, такъ успокойтесь: не нынче—завтра буду миллионеромъ.

— Какъ такъ?

— Очень просто, рѣшилъ наконецъ жениться на М.

И онъ продолжалъ весело рассказывать, какъ за нимъ охотились извѣстные купцы-миллионеры М. и О. У обоихъ у нихъ были дочери, и тотъ и другой желали заполучить его, Шарапова, въ зятя. Я слушалъ его и не зналъ: говорить ли онъ серьезно, или шутить, когда сказалъ, что рѣшилъ жениться на дочери М.

— А вы знаете,—закончилъ Шараповъ:—у купцовъ обычай: половину вручать жениху во время стовора, а стоворъ — на дняхъ...

Когда Шараповъ отъ меня ушелъ, я нашелъ на своемъ письменномъ столѣ пятьдесятъ рублей. Какъ онъ ухитрился положить ихъ такъ, что я не замѣтилъ,—не знаю.

Рассказъ о невѣстѣ оказался выдумкой. Впрочемъ, рассказъ былъ имъ сочиненъ только на половину, т. е. что купцы М. и О. за нимъ охотились въ теченіе долгаго времени,—это было такъ, но что онъ, Шараповъ, рѣшился жениться на дочери М. изъ-за приданого,—это онъ сочинилъ, чтобы успокоить меня насчетъ своего стѣсненнаго положенія. Объ этой его выдумкѣ мы впоследствии оба вспоминали и хохотали надъ ней.

Я привелъ этотъ фактъ въ подтвержденіе, что, вопреки циркулировавшимъ клеветамъ на Шарапова по поводу пятидесятитысячной субсидіи, которую онъ получилъ на устройство общества «Пахарь», что онъ продалъ свое перо С. Ю. Витте за эти пятьдесятъ тысячъ и что онъ былъ дѣлецъ и корыстолюбивъ,—на самомъ дѣлѣ онъ былъ далекъ отъ всякаго корыстолюбія и ни за какія блага не былъ способенъ на некрасивые поступки. Будь это не такъ, онъ сдѣлалъ бы громадную карьеру и умеръ бы не нищимъ... Шараповъ былъ чистъ душой, и купить его нельзя было: перомъ его никогда не руководила личная выгода...

Исторія полученія имъ правительственной субсидіи—печальная исторія. Она обошлась ему чрезвычайно дорого. Могу сказать съ увѣренностью, что она сократила ему его жизнь. Пока еще не настала пора обнародовать всю закулисную исторію этой субсидіи: на это не отважился и самъ покойный въ своихъ объясненіяхъ по этому поводу въ «Русскомъ Дѣлѣ». Слишкомъ интимныя тутъ были обстоятельства, и компрометировать пришлось бы ему весьма близ-

кихъ лицъ для окончательнаго своего оправданія. Шарапову недоставало твердости характера, чтобы донага раздѣться и показать свою, несомнѣнно, хрустальную чистоту. Исторіи этой субсидіи не смѣю пока и я обнародовать со всеѣми подробностями, во всю. Написана она мною будетъ, но свѣтъ если она и увидитъ, то ужъ, вѣроятно, когда мои кости истлѣютъ въ могилѣ. Если же это не случится, т. е. если эта исторія не будетъ обнародована, то это будетъ потеря для изученія психологіи человѣческой души вообще, а въ частности—трагедія жизни Шарапова въ послѣдній періодъ его дѣятельности не будетъ выяснена.

IV.

Откладывая такимъ образомъ не подлежащія пока опубликованію подробности «грѣхопаденія» Шарапова, расскажу о немъ все то, что обнародовать можно. При этомъ воспользуюсь повтореніемъ тѣхъ фактовъ и данныхъ исповѣди Сергѣя Оедоровича, которая была имъ напечатана въ его журналѣ «Русское Дѣло» за 1907 годъ. Въ свое время исповѣдь эта прошла почти не замѣченной публикой и печатью отчасти потому, что «Русское Дѣло» находилось уже въ агоніи и доживало послѣдніе мѣсяцы своего существованія и не имѣло распространенія, а отчасти потому, что въ то время болѣе крупные факты русской жизни отвлекли вниманіе печати отъ личности Шарапова, очутившагося тогда въ полномъ одиноществѣ въ своей политической дѣятельности.

Обстоятельство это; т. е. чувство одиночества, полагать надо, заставило его на время отказаться отъ своей агитаторско-публицистической дѣятельности, углубиться въ свое прошлое и подѣлиться съ оставшимися ему вѣрными немногими читателями его журнала тѣми фактами и данными, которыми сопровождалось заигрыванія съ нимъ Витте и которые такъ плачевно кончились для него, завершившись его согласіемъ на полученіе пятидесятитысячной субсидіи для общества «Пахарь».

Насколько это было возможно, Шараповъ, не щадя себя, откровенно исповѣдался предъ своими читателями со всею, свойственною ему натурѣ искренностью.

Вотъ какъ самъ Шараповъ рассказываетъ исторію своего «грѣхопаденія»:

«Необходимо, наконецъ, рассказать исторію моего «грѣхопаденія»,—начинаетъ Шараповъ свою исповѣдь,—при помощи С. Ю. Витте. Если я этого не сдѣлалъ до сихъ поръ, то отчасти потому, что у меня не было въ рукахъ всѣхъ нужныхъ документовъ; затѣмъ С. Ю. Витте занималъ высокое служебное положеніе и такимъ образомъ какъ бы являлся беззащитнымъ противъ моихъ обвиненій. Теперь онъ простой членъ Государственнаго Совѣта по назначенію,

т. е. заштатный сановникъ, котораго посадили по старымъ правиламъ въ богадѣльню. Онъ уже пишетъ и поздравительныя письма и «письма въ редакціи» съ разными опроверженіями. Говорить ему теперь можно.

«Есть еще причина. Общество «Пахарь» гибнетъ. Несмотря на всѣ старанія, спасти дѣло не удалось. Завтра же газеты краснаго лагеря ударятъ во всѣ колокола. Съ паёсомъ честныхъ гражданъ накинута на меня радикальные Демосеены, вытянувъ длинные грязные пальцы. Моя неосторожность создастъ великій праздникъ для всей революціонной братіи. Если за одно только полученіе казенныхъ денегъ меня закидали грязью всѣ литературные жиденята, то что же будетъ, когда установится фактъ, что данныя мнѣ казенныя деньги дѣйствительно пропали, такъ какъ дѣло, на эти деньги основанное, погибаетъ...

«Но дѣло въ томъ, что у меня есть друзья, политическіе сторонники и единомышленники. Уже одинъ фактъ, что я былъ у Витте, т. е. пошелъ къ нему самъ, что я изъ его рукъ принялъ казенныя деньги, смутилъ изъ нихъ многихъ. Такія вещи невольно наводятъ на подозрѣнія, особенно когда «пресса» начнетъ раздувать дѣло и поливать челоуѣка помоями. Тутъ одного презрѣнія мало.

«Ради этихъ друзей я счелъ себя вынужденнымъ напечатать объясненіе моихъ дѣйствій въ «Новомъ Времени» (отъ 16-го января 1903 г.). А такъ какъ въ тѣ времена насчетъ всякихъ разоблаченій было строго, то мое письмо вышло поневолѣ одностороннимъ. Я оправдывался, но не обвинялъ Витте. Выходило такъ, что я поступилъ хорошо, переставъ агитировать противъ Витте и сдѣлавъ попытку дѣйствовать чрезъ него; я не сдѣлалъ ничего неблаговиднаго, взявъ казенныя деньги на основаніе общества «Пахарь», но и Витте ничего худого не сдѣлалъ. Онъ выслушалъ своего противника и въпросилъ у государя деньги на хорошее національное дѣло. Обѣ стороны, такимъ образомъ, правы.

«Ничего иного я по цензурнымъ условіямъ высказать тогда печатно не могъ. Какъ ни просто, какъ ни искренно было мое объясненіе, оно, какъ оказалось, многихъ изъ моихъ друзей не удовлетворило. Вскорѣ послѣ появленія моего письма въ «Новомъ Времени» я сталъ получать дружескія посланія, сущность коихъ сводилась вотъ къ чему:

«Фактъ остается фактомъ. Вы писали противъ министра финансовъ. Затѣмъ вы съ нимъ примирились. Одновременно основывается вами коммерческое дѣло, и министръ финансовъ предлагаетъ въ помощь этому дѣлу казенныя деньги. Вы берете деньги, и ваши «Сочиненія», гдѣ въ каждомъ выпускѣ на первомъ планѣ были нападки на министра и его финансовую политику, прекращаются. Въмѣсто блестящихъ разоблаченій финансоваго вѣдомства вашъ читатель находитъ протоколы машиностроительныхъ совѣ-

щаній, гдѣ вы предсѣдательствуете по назначенію министра финансовъ и обмѣниваетесь съ нимъ любезными телеграммами. Ни въ нечестности, ни въ продажности васъ не обвиняютъ, но мы, ваши друзья, глубоко сожалѣемъ о случившемся и чувствуемъ, что Сергѣя Шарпова-публициста больше нѣтъ, онъ сошелъ съ своей кафедрой и погасилъ огонь на алтарѣ. Каковъ будетъ Сергѣй Шарповъ дѣлецъ и машиностроитель, неизвѣстно, но прежняго намъ отъ души жаль».

«Здѣсь не было ни брани, ни инсинуацій, но, право же, выслушать свою собственную панихиду удовольствія не большое. Струве въ «Освобожденіи» такъ-таки прямо напечаталъ мой «некрологъ». Болѣе нѣжные сердцемъ люди старались еще смягчить мое преступленіе и подыскать уменьшающія вину обстоятельство.

«Зачѣмъ говорить: «продались»? Скажемъ такъ: вы соблазнились возможностью сдѣлать хорошее и полезное дѣло съ вашей мастерской и пошли на компромиссъ. Ничего здѣсь безправственнаго нѣтъ, но это былъ, несомнѣнно, ложный шагъ. Ореоль вашей стойкости, доблести и безкорыстія померкъ. Въ васъ привыкли видѣть наслѣдника Аксакова, а теперь вы стали только дѣлецъ. Поймите, что это совсѣмъ другое».

«Я привелъ здѣсь все дружеское, только въ этомъ смыслѣ для меня цѣнное и стоящее отповѣди. Но, какъ уже сказано, эту отповѣдь въ томъ видѣ, какъ бы слѣдовало, т. е. полно и открыто, дать было невозможно. Теперь для нея время пришло, обстоятельства измѣнились, и свободы печати въ данную минуту слишкомъ достаточно, чтобы освѣтить дѣло надлежащимъ образомъ».

V.

Дальше Шарповъ весьма пространно рассказываетъ о своихъ первыхъ шагахъ въ печати, какъ послѣ неудачной политической карьеры въ ранней его молодости судьба забросила его въ публицистику и поставила вскорѣ въ самый центръ національной мысли и работы—въ Москву, гдѣ какъ разъ сосредоточивался весь публицистическій Олимпъ: Аксаковъ, Катковъ, Гиляровъ-Платоновъ. Эта тріада воплощала въ себѣ русскій умъ, чувство и волю. Каждый изъ членовъ этой тріады много вліялъ на выработку его публицистическихъ воззрѣній. Тутъ слѣдуетъ блестящая характеристика, каждаго изъ нихъ въ отдѣльности и объясненіе, почему образцомъ для себя, въ своей дѣятельности, онъ выбралъ главнымъ образомъ Аксакова, хотя [въ нѣкоторомъ отношеніи не отказался слѣдовать и завѣтамъ Каткова, точнѣе—способу дѣйствія послѣдняго.

«Мнѣ,—говоритъ Шарповъ,—рисовался опредѣленный обликъ публициста и общественнаго дѣятеля, соединявшій въ себѣ и Аксаков-

скую нравственную высоту, и Катковскую силу. Съ одной стороны, строжайшая вѣрность убѣжденіямъ и полная умственная и нравственная независимость, съ другой возможное приближеніе къ рулю, т. е. сила и вліяніе безъ всякихъ уступокъ и компромиссовъ и съ полнымъ сохраненіемъ своего достоинства и чистоты.

«Отсюда,—заключаетъ Шараповъ,—главная задача русскаго публициста была, несомнѣнно, добиться къ себѣ и своимъ идеямъ вниманія Верховной Власти. Разъ это достигнуто и достигнуто не случайно, а прочно, основательно, иными словами, разъ публицистъ заручился личнымъ довѣріемъ монарха, его дѣло обезпечено. Всякая его строка уже получаетъ вѣсь и значеніе. И если публицисту есть что сказать, это будетъ, какъ у Каткова, не слова, а поступки. Если ему сказать нечего, если идеи даннаго публициста не имѣютъ ни исторической, ни политической цѣнности, съ нимъ все-таки будутъ считаться».

Ставъ на эту точку зрѣнія, Шараповъ, разумѣется, страстно стремился приблизиться къ государю.

«Служебныхъ или карьерныхъ мечтаній,—говоритъ Шараповъ,—у меня не было никакихъ. Мнѣ нужно было завоевать себѣ Катковскую свободу слова, Катковскую независимость отъ цензуры. Какая мнѣ была надобность мечтать даже о министерскомъ постѣ, когда публицистъ въ положеніи Каткова стоитъ неизмѣримо выше, являясь обвинителемъ и судьей министровъ? Кромѣ того, кратковременный опытъ казенной службы достаточно убѣдилъ меня, что я не чиновникъ и таковымъ никогда не стану.

«Итакъ, я мечталъ о Государѣ. Ясное дѣло, что въ этомъ пунктѣ я былъ особенно щекотливъ и эта мечта составляла мое слабое мѣсто. Признаюсь въ этомъ совершенно откровенно, зная, что осуждать меня за это нельзя. Не карьера, не честолюбіе или самолюбіе гнали меня къ Престолу, а давняя жгучая, невыносимая боль о родинѣ. Я зналъ себѣ цѣну, зналъ, что у меня есть что сказать Монарху, и торопился это высказать лично, такъ какъ отчетливо видѣлъ впереди ту бездну, въ которую наша бюрократія съ Витте во главѣ толкала Россію. Я предчувствовалъ надвигавшуюся экономическую и политическую катастрофу и видѣлъ ясно, что никто не желаетъ палецъ о палецъ ударить, чтобы отвести отъ родины страшную грозу.

«Съ невѣроятной быстротой шло экономическое раззореніе Россіи и ея нравственное паденіе. Чудовищная ложь и развратъ водворились подъ маской казеннаго патріотизма и внѣшняго порядка. Правительство падало все ниже и ниже и становилось всемъ ненавистнымъ. Государственная машина останавливалась. Всякій слѣдъ патріотизма исчезалъ. Грабежъ становился неслыханнымъ и невѣроятнымъ до цинизма. Дыханіе революціи чувствовалось совсѣмъ близко, и, казалось, едва оставались часы и минуты, чтобы предупредить грозу. Я вѣрилъ, что мнѣ удастся просвѣтить мысль моло-

дого Царя, вдохнуть въ него сознаніе близкой и непосредственной опасности и направить его волю на необходимыя реформы.

«Рѣзко поперекъ моей дороги стоялъ С. Ю. Витте. Этого барина я опредѣлилъ уже давно и не по слухамъ, а изъ личнаго давняго общенія. Онъ политически выросъ на моихъ глазахъ, и я отлично зналъ, гдѣ дѣлается его геніальность и откуда берутся и блестящія реформы, и сильная воля, и техническая ловкость. Но я еще окончательно не увѣрился, что у господина Витте нѣтъ ни Бога, ни совѣсти. Я еще не вѣрилъ, что онъ можетъ такъ же легко продать Россію, какъ выпить рюмку водки.

«И въ газетѣ (въ «Русскомъ Трудѣ») и въ «Сочиненіяхъ» я вель съ нимъ упорную борьбу и часто бралъ его за горло. Моей мечтой было освободить, разумѣется, легальнымъ путемъ, Россію отъ этого проходимца-раззорителя, но я уже начиналъ отчаиваться въ побѣдѣ. Все было закуплено или запугано Витте. Правительство въ полномъ составѣ было у него въ карманѣ, стояло предъ нимъ на заднихъ лапахъ, и до Плеве никому не могла прійти даже въ голову мысль о борьбѣ. Единственно, кто могъ сломить Витте, это Государь, но почти все окружающее Государя было также обойдено такъ или иначе Витте, а кто отъ него былъ независимъ, тѣ въ борьбу вступать не желали за совершенною безнадежностью таковой.

«Послѣ моихъ записокъ 1898 и 99 года, имѣвшихъ результатомъ только закрытіе «Русскаго Труда», мнѣ осталась лишь слабая надежда, что удастся открыть глаза Государю лично. Но на моей дорогѣ стояла высокая стѣна, перебраться чрезъ которую не было никакой возможности.

«Послѣ жестокаго скандала въ обществѣ содѣйствія, когда наша группа самымъ торжественнымъ образомъ публично уличила Витте въ лганьѣ и подтасовкѣ цифръ, ко мнѣ начались *засылы* съ Мойки. Эти засылы были и раньше. Въ самомъ началѣ «Русскаго Труда», послѣ первыхъ же серьезныхъ разоблаченій Виттевскихъ «реформъ» является ко мнѣ милостивый государь изъ числа негласныхъ виттевскихъ агентовъ и заводитъ разговоръ о добродѣтеляхъ Сергѣя Юльевича и о необходимости прекратить противъ него агитацію.

«Увидавъ сразу, въ чемъ дѣло, я прямо поставилъ вопросъ:

«— Вамъ поручено меня купить? На какую сумму вы уполномочены?»

«Мой собесѣдникъ сконфузился, но оправился и назвалъ крупную цифру, добавивъ, что ему будетъ нуженъ нѣкоторый оправдательный документъ, попросту расписка.

«Я отвѣтилъ слѣдующее:

«— Передайте вашему шефу, что я эту сумму возьму, дамъ расписку и завтра же внесу деньги въ Красный Крестъ, о чемъ и напечатая въ «Русскомъ Трудѣ».

«Витте хорошо зналъ, что я именно такъ и сдѣлаю, а потому засылы сразу оборвались.

«Теперь пошли разговоры иного рода:

«— Вы человекъ убѣжденный. Положеніе Витте критическое, но отступать ему сразу нельзя. Вы могли видѣть, что сила его огромна и никакая ваша агитація его не свалитъ. Онъ начинаетъ самъ сознавать сдѣланную ошибку съ валютой, но ему надо помочь отступить благовидно. Идите къ нему. Сдѣлайте это для блага родины. Ваша цѣль—ликвидация золотой валюты. Укажите ему хорошей исходъ, и онъ сдѣлаетъ то, что нужно. Онъ будетъ радъ васъ выслушать. Неудача васъ нисколько не скомпрометируетъ. Тогда боритесь съ нимъ на доброе здоровье, но отъ попытки не отказывайтесь.

«Я долго колебался, такъ какъ хорошо зналъ, что одно мое появленіе у Витте въ кабинетѣ можетъ имѣть въ результатѣ серьезное пятно въ моей репутаціи. Къ Витте ходятъ только просить или получать. Больше итти незачѣмъ. Я зналъ, чѣмъ рискую, но, хорошенько обдумавъ, пришелъ къ выводу, что, разъ есть шансъ сдѣлать для Россіи доброе дѣло, я не имѣю права отказываться, хотя бы даже въ интересахъ моей личной чистоты, которую я болѣзненно берегъ.

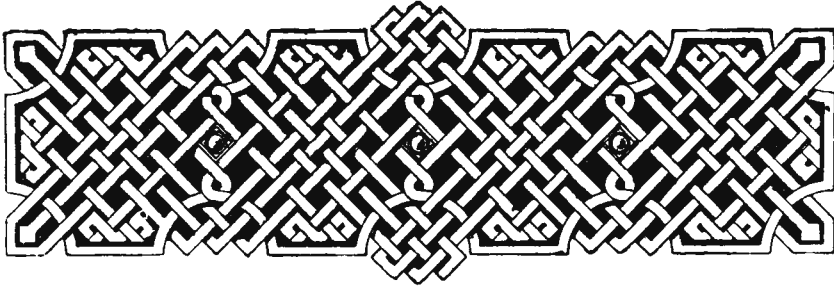
«Разумѣется, я ждалъ всякаго возможнаго подвоха и готовился дать отпоръ: обычные приемы Сергѣя Юльевича были мнѣ знакомы черезчуръ хорошо и для меня не годились. Отъ новаго, что онъ могъ придумать для моего уловленія, я былъ на сторожѣ. Опасности спотыкнуться я не видѣлъ, мысль же вдѣть кольцо въ ноздрю вотъ такому медвѣдю и повести его за собой была слишкомъ заманчива.

«Я рѣшилъ итти».

С. К. Эфронъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ЛГУНЫ.

РОМЪ той прирожденной лжи, которая присуща охотникамъ и по поводу которой существуетъ такая масса анекдотовъ, мнѣ на моемъ вѣку приходилось сталкиваться съ замѣчательными лгунами, или, точнѣе, съ фантазерами, рассказы которыхъ навсегда запечатлѣлись въ моей памяти.

Назову тѣхъ изъ нихъ, которыхъ еще помнятъ ихъ современники и повѣствованія которыхъ, по своей смѣлой оригинальности, достойны того, чтобы перейти въ потомство.

Во главѣ такихъ лгуновъ, несомнѣнно, долженъ быть поименованъ одинъ изъ помѣщиковъ нашей Рязанской губерніи, нѣкто Сергѣй Ивановичъ Вельяминовъ, женатый на молодой красавицѣ, Марьѣ Николѣвнѣ Мясной, къ которой, по необъяснимой случайности, перешель, какъ бы заразившій ее, порокъ или недостатокъ мужа.

Строго говоря, порокомъ ложь Сергѣя Ивановича назвать было бы несправедливо, потому что все имъ сочиненное всегда было совершенно безвредно, никогда не задѣвало ничьей чести и ничьей репутаціи и неизмѣнно вращалось въ призрачномъ мірѣ фантазіи.

Однимъ изъ самыхъ популярныхъ его рассказовъ, безчисленное количество разъ имъ повторенный «по желанію» публики, былъ рассказъ о его импровизированномъ концертѣ.

Дѣло было лѣтомъ.

Сергѣй Ивановичъ собрался по дѣламъ въ Петербургъ, что въ тѣ времена представляло собою серьезный и сложный вояжъ, и, вернувшись оттуда, въ числѣ сообщаемыхъ новостей передавалъ слѣдующій эпизодъ, впоследствии сдѣлавшійся легендарнымъ.

Остановился онъ на Невскомъ въ номерахъ, занимавшихъ весь третій этажъ теперешняго дома Зингера; первый этажъ этого дома занимали магазины, весь бельэтажъ занятъ былъ модными въ то время «русскими издѣліями», а надъ ними уже помѣщались номера, въ одномъ изъ которыхъ и расположился нашъ путешественникъ.

Для большей наглядности я поясню, что занятая имъ комната выходила окнами на Невскій, что дѣло было лѣтомъ и что ни торцовой мостовой въ то время почти нигдѣ не было, ни о резиновыхъ шинахъ никто не имѣлъ ни малѣйшаго представленія, такъ что шумъ и стукъ отъ экипажей получались оглушительные.

— И вотъ однажды,—разсказывалъ Вельяминовъ,—сижу я послѣ обѣда передъ окномъ... Жара на дворѣ смертная... Прямо мочи нѣтъ... Дышать нечѣмъ!.. Читать нечего... На улицу выйти нѣтъ силы... Думать и то силъ не хватаетъ!.. Сижу и пью холодное шампанское. Бутылка за бутылкой исчезаетъ!..

Надо замѣтить, что не пилъ Сергѣй Ивановичъ почти ничего и со второго бокала чувствовалъ головокруженіе, а съ третьяго чуть съ ногъ не валился... Всѣ это хорошо знали, но на робкомъ замѣчаніе слушателя разсказчикъ завѣрялъ, что въ жаркіе дни онъ совершенно преобразается и можетъ выпить, подѣ влияніемъ сильной жары, «сколько угодно»...

— Ну-съ, сидѣлъ это я сидѣлъ, скука меня одолѣла невообразимая, и придумалъ я сыграть что-нибудь на флейтѣ...

Откуда внезапно взялась флейта, Вельяминовъ не поясняетъ и, увлеченный фантазіей, продолжаетъ съ воодушевленіемъ:

— Началъ это я, какъ говорится, шутя, а тамъ разохотился... и пошло, и пошло... Самому даже понравилось... Ей-Богу!.. Разстегнулъ это я чесунчиковъ пиджакъ, по лѣтнему я былъ, ничего другого отъ жары надѣтъ не могъ... Сижу у окошка и играю, играю... Вдругъ замѣчаю, что передъ нашимъ домомъ начинаютъ останавливаться... Думаю, не случилось ли чего?.. А самъ все продолжаю!.. Наяриваю!.. Во вкусъ, что называется, вошелъ!.. Только вдругъ, слышу, въ дверь ко мнѣ кто-то стучитъ... Entrez!.. Входитъ дежурный лакей.

— Что тебѣ?—спрашиваю.—Что случилось?..

— Васъ тамъ спрашиваютъ, г. Вельяминовъ!.. Видѣтъ васъ желаютъ!

— Кто видѣтъ желаетъ?.. Говори толкомъ!..

— Ея высочество великая княгиня Марья Николаевна!

Я такъ и привскочилъ.

— Кто?!

— Великая княгиня!.. Мимо онѣ ѣхать изволили, услышали вашу музыку и остановились!.. Къ вамъ зайти пожелали!..

— Оторопѣлъ я. Сами посудите... Такъ это все неожиданно... Заигралъ я, можно сказать, случайно, ни на какую аудиторію не рассчитывая... А тутъ вдругъ великая княгиня!..

— Я не одѣтъ!—говорю.—Доложи ея высочеству...

— Я,—говорить,—уже докладывалъ, да имъ непремѣнно угодно войти, чтобы васъ послушать!..

Нечего было дѣлать!.. Прибралъ я наскоро комнату, застегнулъ свою тужурку на всѣ пуговицы и самъ вышелъ въ коридоръ навстрѣчу великой княгинѣ.

А въ коридорѣ тѣмъ временемъ ужъ собралось народу видимо-невидимо!.. Разболталъ злодѣй-лакей!.. Стою это я въ дверяхъ, а самъ, какъ говорится, ногъ подъ собой не чувствую...

И совѣстно мнѣ, понимаете, что меня такъ врасплохъ застали... И лестно... Ну, и страшно немножко, пожалуй...

На лѣстницѣ показался камеръ-лакей... Раздвигаетъ толпу, понимаете...

Я иду навстрѣчу... Кланяюсь...

А Марья Николаевна такъ милостиво прямо мнѣ руку протягиваетъ...

Какъ равная... Ей-Богу!..

Да еще извиняется...

— Извините, говоритъ, ради Бога, что я васъ побезпокоила своимъ визитомъ... Но вы такъ прекрасно играете...

— Я только попробовалъ, говорю, ваше высочество!..

— Ну, полноте... полноте!..—говорить.—Извольте брать вашу волшебную флейту и играть!..

А сама такъ прямо и идетъ въ мой номеръ...

Нечего дѣлать... Иду и я за ней...

Занялъ я свое прежнее мѣсто у окна, она напротивъ меня сѣла... И я заигралъ...

Одну пьесу сыгралъ... Другую...

— Позвольте, Сергѣй Ивановичъ! Какъ же это вы такъ безъ нотъ?—прерываетъ его какой-нибудь неугомонный слушатель.

— Не до нотъ, батюшка, было!—пресерьезно восклицаетъ рассказчикъ.—Я бы васъ на свое мѣсто поставилъ... Какъ бы вы тутъ ноты разбирать стали?..

Остальные слушатели заставляютъ молчать нескромнаго собесѣдника, и Вельяминовъ, ничтоже сумняся, продолжаетъ свой рассказъ.

— Играю это я, играю... усталъ даже, а великая княгиня все требуетъ еще и еще!..

— Заслушалась я васъ, говоритъ, и такъ мнѣ досадно, что шапапъ васъ не слышитъ!.. Она такъ любитъ музыку!..

Такъ я и опѣшилъ отъ этихъ ея словъ... Вотъ, думаю, еще бѣды не доставало!.. Мало того, что при ней играю, еще при императрицѣ!..

А она точно будто подслушала мои мысли и вдругъ говоритъ:
— Знаете ли что, monsieur Вельяминовъ?.. Поѣдьте со мной въ Зимній дворецъ, къ маман!

— Помилуйте, говорю, ваше высочество... Какъ это можно?

— А что же, говорить... Почему нельзя?..

— Да я не приготовился... И опять мой костюмъ... Вы были такъ снисходительны..

— А маман будетъ еще снисходительнѣе!..—смѣется она, да такъ мило, такъ привѣтливо смѣется...

Потомъ встала, надѣла перчатки, опустила вуалетку и принялась меня торопить:

— Поѣдьте, говоритъ, поѣдьте скорѣе!.. Вотъ сюрпризъ-то будетъ для маман!

— И что же, вы поѣхали?—невольно перебьетъ кто-нибудь изъ слушателей.

— А вы, небось, не поѣхали бы?.. Конечно, поѣхалъ и такой удостоился встрѣчи отъ императрицы, что прямо до слезъ былъ тронуть...

— Милости просимъ,—сказала она, когда великая княгиня меня представила.—Я очень рада принять у себя русскаго дворянина, а въ особенности помѣщика Рязанской губерніи!.. Я такъ, говоритъ, люблю дворянъ вообще, а рязанскихъ въ особенности!

Я, понятно, кланяюсь, благодарю... Говорю, что наша губернія исторически вѣрна всегда была престолу!..

Ну, тутъ пошли разговоры о томъ, о семъ, я и радъ, понимаете, что они ко мнѣ съ музыкой не пристають, а великая княгиня, какъ нарочно, тутъ и вспомнила.

— Все это, говоритъ, прекрасно, я и сама люблю дворянство, но привезла я васъ къ маман для того, чтобы она вашу музыку послушала... Извольте же играть!.. Слышите?..

Я было попробовалъ отнѣживаться.

— Ваше высочество, говорю, я не могу, не смѣю...

— Все это, говоритъ, пустяки!.. И никакого тутъ «высочества» нѣтъ... Это на парадныхъ выходахъ хорошо, а не въ интимной бесѣдѣ!.. Называйте меня просто Марья Николаевна!..

Понимаете, простота-то какая!.. Вѣдь старшая дочь императора и при томъ его любимая дочь!.. А послушаться нельзя...

— Не смѣю,—говорю,—играть, Марья Николаевна... Боюсь!..

А она схватила мою флейту и суетъ мнѣ ее въ руки.

— Трусь вы, говоритъ, коли боитесь... А играть все-таки извольте!..

Ну, что тутъ дѣлать прикажете?.. Заигралъ... И послѣ ка-

ждой исполненной пьесы онъ обѣ аплодируютъ и «бисъ» кричать.

Наконецъ видитъ императрица, что я не на шутку усталъ.

— Давайте,—говорить,—чай пить! Мари, вели подать чаю.

Та распорядилась, и намъ подали чай.

Ну, ужъ какъ былъ сервированъ чай, вы сами понимаете!

И сливки подали, и лимонъ, и варенье... чего тутъ только не было?..

Угощаетъ меня императрица, а великая княгиня взглянула на нее, покачала головой, да и замѣтила ей съ укоризной:

— Ахъ, папан!.. Мосье Сержъ любить съ ромомъ!..

Тутъ ужъ, понимаете, я былъ такъ растроганъ подобнымъ вниманіемъ, что прямо прослезился.

Вникните только!.. Такія высокопоставленныя лица... И вдругъ такое вниманіе!..

О томъ, какъ могла великая княгиня, ни разу въ жизни не выдавшая «мосье Сержа», узнать, что онъ «любить съ ромомъ», оригинальный враль не разсуждалъ... Онъ повторялъ эту знаменитую исторію безъ конца, и эпизодъ съ вельяминовской флейтой, долгіе годы услаждавшій всю Рязанскую губернію, за смертью и самого героя, и его современниковъ перешелъ въ потомство, упрочивъ за «мосье Сержемъ» своего рода почетную извѣстность.

Однажды, вернувшись съ охоты, нашъ «мосье Сержъ» съ сокрушеніемъ передавалъ о томъ, что онъ, вовсе того не желая, застрѣлил громаднаго орла.

— И представте себя!—сокрушался онъ.—Такъ на мѣстѣ и упалъ!.. Стона даже не издалъ!.. Рухнулъ съ высоты!.. А что за орелъ!.. Удивленье!.. Крупный, могучій... Ужъ прямо царь!..

— Помилуйте, Сергѣй Ивановичъ,—пробовали возражать ему болѣе смѣлые слушатели:—откуда у насъ, въ Рязанскомъ уѣздѣ, орлы?!..

— Этого ужъ я вамъ объяснить не могу,—пресерьезно пожималъ плечами разсказчикъ.—Я говорю вамъ то, что было, а ужъ комментировать явленія предоставляю вамъ самимъ!

Малѣйшее проявленіе недовѣрія сильно оскорбляло смѣлаго повѣствователя, и онъ обиженнымъ тономъ замѣчалъ:

— Вѣдь не выдумываю же я вамъ... За мной этого, слава Богу, не водится!

Такъ, онъ не позволилъ своимъ сосѣдямъ по имѣнію даже усомниться въ томъ, что у него, на границѣ Зарайскаго уѣзда, открылась золотоносная руда, которую онъ порѣшилъ «до поры до времени» не эксплуатировать, выжидая болѣе благопріятнаго времени.

Что это было за «благопріятное время» и откуда взялась небывалая злотая руда, никому не удалось узнать, и Сергѣй Ивановичъ

только изрѣдка возвращался къ этому вопросу въ минуты безде-
нежья, со вздохомъ приговаривая только:

— Вотъ, когда мы свое золото промывать будемъ, тогда не тѣ
разговоры пойдутъ!..

Замѣчательнѣе всего, что его жена, красавица Марья Ниловна,
сначала съ величайшимъ порицаніемъ относившаяся къ безцере-
монному вранью мужа и сильно конфузившаяся при каждомъ его
новомъ разсказѣ, кончила тѣмъ, что сама заразилась тою же
страстью къ неправдѣ и соперничала съ «мосье Сержемъ» въ изо-
брѣтеніи небывалыхъ событій.

Другой не менѣе замѣчательный лгунъ, съ которымъ мнѣ одно-
лѣто приходилось очень часто встрѣчаться, былъ клинскій по-
мѣщикъ Петръ Петровичъ Алмазовъ, милѣйшій человекъ, очень
образованный, очень неглупый отъ природы, но до того увлекав-
шійся въ своихъ безчисленныхъ разсказахъ, что, слушая его, иногда
можно было заподозрѣть, что онъ прямо-таки смѣется надъ своими
собесѣдниками.

Несмотря на то, что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, у
Петра Петровича былъ уже женатый сынъ, бодрый и еще красивый
старикъ не прочь былъ приволонуться и въ дамскомъ обществѣ
расточалъ комплименты направо и налево.

Онъ любилъ устраивать у себя въ громадной залѣ своего об-
ширнаго дома и живыя картины, и концерты, и небольшіе спек-
такли, которые всегда самъ и ставилъ и режисировалъ.

Репетиціи поочередно устраивались въ имѣніи то одного, то дру-
гого изъ артистовъ-любителей, и самыми веселыми были тѣ, кото-
рыя происходили у Алмазова, въ его роскошномъ селѣ Алмазовкѣ.

Въ одну изъ такихъ репетицій всѣ участвовавшіе были уже въ
полномъ сборѣ; недоставало только молодой Апрѣлевой, краси-
вой «молодой», незадолго передъ тѣмъ вышедшей замужъ..

Это была прелестная блондинка, свѣжая, какъ майское утро,
и всегда необыкновенно пестро и нарядно одѣтая.

Запоздавъ и попавъ уже въ разгаръ репетиціи, она вбѣжала,
торопливая, оживленная и вся раскраснѣвшаяся отъ торопливаго
движенія.

Мы всѣ встрѣтили ее съ обычнымъ сочувствіемъ, а Петръ Пе-
тровичъ, положительно обвороченный ея молодой, цвѣтущей кра-
сотою, разомъ объявилъ, что она «вдохновляетъ» его и что онъ
чувствуетъ, что «разразится» какимъ-нибудь мадригаломъ.

Молодая красавица разрѣшила ему «вдохновиться» и взяла
съ него слово подѣлиться съ присутствующими плодами своего
вдохновенія.

Прошло нѣсколько времени, прорепетированъ былъ цѣлый актъ,
въ теченіе котораго Петръ Петровичъ, обыкновенно неотступно
слѣдившій за каждымъ словомъ, произносимымъ артистами, со-

вершено ушелъ въ себя и оставался безучастнымъ ко всему окружающему.

— Что, вдохновеніе не на шутку осѣнило?—освѣдомлялись мы, смѣясь.

— Да... Да!.. Не мѣшайте!—серьезно останавливалъ онъ, потирая лобъ и поднимая глаза къ небу.—Слагается небольшой сонетъ, и, всякую скромность въ сторону, кажется, что выйдетъ недурно!

Говоря это, онъ торопливо заносилъ что-то на бумагу, тщательно пряча написанное отъ любопытныхъ взглядовъ.

— Послѣ... послѣ, господа!.. Не мѣшайте!.. Дайте кончить!—озабоченно повторялъ онъ.

И когда второй актъ репетируемой пьесы былъ оконченъ, онъ торжественно заявилъ, что сонетъ его готовъ.

— Прикажете прочесть?—обратился онъ къ молодой красавицѣ, которой посвящался импровизированный сонетъ.

— Прошу вашего снисхожденія, господа!—обратился онъ къ собравшейся аудиторіи.—Помните, что это почти экспромтъ, а не выношенное и сглаженное стихотвореніе!..

И среди воцарившагося молчанія онъ торжественно и съ пафосомъ началъ:

«Какъ мальчикъ кудрявый рѣзва,
«Нарядна, какъ бабочка лѣтомъ....

Мы остолбенѣли и переглянулись всѣ въ глубокомъ, нѣмомъ удивленіи.

А нашъ поэтъ-импровизаторъ тѣмъ временемъ продолжалъ, ничтоже сумняся, декламировать извѣстное стихотвореніе Лермонтова, посвященное имъ графинѣ Воронцовой.

Мы еле удерживались отъ смѣха... Такъ и чувствовалось, что вотъ-вотъ кто-нибудь не удержится и тогда все пропало...

Такъ оно и вышло.

Первой подала сигналъ дочь мѣстнаго предводителя дворянства Наташа Фонвизина, ближе всѣхъ знакомая съ семьей Алмазовыхъ и почти выросшая на рукахъ у старика.

— Петръ Петрович!.. Голубчикъ!.. Да вѣдь это лермонтовскіе стихи!—разражаясь откровеннымъ хохотомъ, воскликнула она, когда онъ кончилъ.

Онъ не смутился.

— Неужели?—пресерьезно спросилъ онъ.—Скажите, пожалуйста!.. Да!.. Это случается!.. А стихотвореньице все-таки удалось!..

И, нимало не сконфуженный, а скорѣе даже польщенный тѣмъ, что онъ такъ поразительно «встрѣтился мысленно» съ великимъ поэтомъ, Алмазовъ въ тотъ же вечеръ поднесъ тщательно переписан-

санное стихотвореніе такъ удачно вдохновившей его молодой красавицѣ Апрѣлевой.

Но апогеемъ его «дѣятельности» въ смыслѣ вранья былъ глупѣйшій, даже кощунственный эпизодъ, продѣланный имъ въ то именно лѣто, которое мнѣ пришлось провести въ Клинскомъ уѣздѣ, по сосѣдству съ Алмазовкой.

Во всѣхъ отрасляхъ вралъ добрѣйшій Петръ Петровичъ... Вралъ на словахъ, вралъ на дѣлѣ, сочинялъ цѣлые романическіе эпизоды и до того увлекался своими собственными измышленіями, что поочередно то радовался, то сокрушался, то одобрялъ, то негодовалъ, то благословлялъ, то проклиналъ... и все это по поводу своихъ же собственныхъ измышлений... Возвращаясь къ эпизоду, такъ сказать, короновавшему собой всѣ подвиги Алмазова въ районѣ его широкаго, безостановочнаго вранья...

Однажды внезапно по всему округу разнесся сенсаціонный слухъ о явленіи въ Алмазовкѣ чудотворной иконы, которую нашли рано утромъ прикрѣпленной надъ воротами алмазовскаго дома по самой срединѣ, надъ аркой.

Всѣ сосѣди всполошились... Народъ изъ окрестныхъ деревень двинулся толпами... Всѣ несли свѣчи... Крестьянки, заливаясь благоговѣйными слезами, клали на землю у подножія иконы отрѣзы холста и связки нитокъ, составляющіе, какъ извѣстно, почти единственное достояніе нашихъ крестьянскихъ женщинъ...

Мѣстный священникъ, хотя со скрытымъ недовѣріемъ, все же служилъ непрерывные молебны, получая за нихъ непрерывную мзду...

А самъ счастливый владѣлецъ, сія радостной улыбкой, важно прохаживался между оживленной толпой, благоговѣйно бесѣдуя съ крестьянами о великомъ значеніи осѣнвившей его домъ Божественной благодати.

Такъ шло до тѣхъ поръ, пока особымъ приказомъ мѣстнаго архіерея не было положено предѣла этому отчасти наивному, но все же глубокому кощунству.

На повѣрку оказалось, что все «чудо» было устроено самимъ Алмазовымъ, съ вечера подговорившимъ пришлыхъ рабочихъ, которые съ величайшими предосторожностями подошли къ указанному помѣщику мѣсту, взобрались, по приставленной лѣстницѣ, до арки надъ воротами и прикрѣпили надъ нею заранѣе приготовленную Алмазовымъ икону.

Этотъ эпизодъ немало повредилъ добряку Алмазову въ умѣ всѣхъ вѣрующихъ людей, а такихъ людей въ то далекое время насчитывалось еще много среди нашего русскаго дворянства.

Къ числу его «историческаго» вранья принадлежалъ рассказъ о томъ, какъ онъ былъ секундантомъ на дуэли между Лермонтовымъ и Мартыновымъ, котораго онъ въ негодованіи своемъ на

убійцу гениальнаго поэта называлъ не иначе, какъ «противной мартышкой».

Дружбой съ Пушкинымъ онъ тоже хвалился, хотя, по словамъ близкихъ ему людей, въ глаза никогда не видалъ великаго поэта; Гоголя же, незадолго передъ тѣмъ умершаго, «не одобрялъ», называя его гениальныя произведенія «пасквилями».

Вообще никакихъ историческихъ лицъ и никакихъ событій онъ ни признавалъ иначе, какъ лично имъ видѣнными, и о чемъ бы ни заходила рѣчь, всюду онъ являлся непремѣнно однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ, притомъ далеко не изъ послѣднихъ.

Смотря по личному настроенію, онъ варьировалъ свои политическія и нравственныя убѣжденія и поочередно являлся то агитаторомъ, то горячимъ патріотомъ... То передъ властью преклонялся, то краснымъ знаменемъ потрясалъ, въ душѣ не раздѣляя и не исповѣдуя ни того, ни другого убѣжденія.

То же самое и по поводу частной жизни.

То онъ проповѣдывалъ святость и непоколебимость семейныхъ началъ, то стоялъ за полную свободу поступковъ, поэтически обзывая бракъ «могилой любви»...

То для него женщина была «перломъ созданія», то онъ безцеремонно называлъ ее «самкой», точасъ же, однако, измѣняя мнѣніе при появленіи не только красивой, но хотя бы только молодой женщины...

Влюбчивъ онъ былъ ужасно, и жена его, долгіе годы уже жившая въ разлукѣ съ нимъ, смѣясь, рассказывала, что однажды онъ сталъ прихорашиваться и кокетливо покручивать усы, увидавъ на крышкѣ привезенной маленькому сыну бонбоньерки изображеніе хорошенькой бѣлокурой головки.

Умеръ Петръ Петровичъ въ очень преклонныхъ годахъ, оставшись до конца вѣрнымъ себѣ и озаботившись составленіемъ пространнаго духовнаго завѣщанія, по которому онъ оставлялъ какому-то отдаленному бѣдному родственнику довольно значительный капиталъ въ бумагахъ, якобы хранящихся въ какомъ-то казенномъ учрежденіи.

Завѣщаніе это надѣлало мнимому наслѣднику немало хлопотъ...

Онъ весь перезаложился, чтобы добраться до Москвы, надѣлалъ въ ожиданіи мнимаго наслѣдства тьму-тьмущую долговъ, и мѣсяцы, чуть не годы прошли прежде, нежели онъ убѣдился, что капиталы умершаго Алмазова были плодомъ его воображенія и созданіемъ его пылкой фантазіи.

На родину мнимый наслѣдникъ такъ и уѣхалъ, твердо убѣжденный въ душѣ, что сынъ покойнаго родственника продѣлалъ съ нимъ какой-то недостойный «фокусъ» и что ежели завѣщанный ему капиталъ и не доходилъ въ дѣйствительности до указанной въ завѣщаніи цифры, то какой-нибудь кушъ ему все-таки былъ оста-

«Истор. вѣстн.», февраль 1916 г., т. сѣлш.

14

влень, и его неправымъ образомъ оттягалъ сынъ Алмазова. Онъ и жену за гробомъ обманулъ, оставивъ ей, по завѣщанію, такіе брильянты, которые были имъ лично проданы задолго до его смерти.

Въ общемъ, повторяю, этотъ обезсмертившій себя лганьемъ чловѣкъ былъ добрѣйшее въ мірѣ созданіе, всегда готовъ былъ на помощь и поддержку каждому и оставилъ по себѣ въ сердцахъ всѣхъ его близко знавшихъ самое свѣтлое, дружеское воспоминаніе.

Онъ былъ и умнѣе, и находчивѣе пресловутаго «мосье Сержа», и не будь за нимъ непостижимой слабости къ вранью, онъ могъ бы считаться неоцѣнимымъ собесѣдникомъ и дорогимъ, близкимъ знакомымъ для cadaго.

При жизни Алмазовъ часто говорилъ, что послѣ себя онъ оставитъ полныя интереса записки, которыя освѣтятъ новымъ свѣтомъ многія изъ явленій русской жизни, но гдѣ эти записки и остались ли онѣ въ дѣйствительности, или нѣтъ, этого мнѣ узнать не привелось. Вѣрнѣе, что и это былъ плодъ его фантазіи и что никакихъ записокъ онъ не велъ и оставить не могъ.

Менѣе крупной, но достаточно своеобразной лгуншей на моей памяти была одна изъ классныхъ дамъ Смольнаго монастыря, нѣкто m-lle Макарова, носившая какую-то необыкновенно яркую красную шаль, которая, по ея словамъ, была «презентована» ея матери какимъ-то владѣтельнымъ киргизскимъ княземъ, кочевавшимъ по оренбургскимъ степямъ и до безумія влюбившимся въ ея красавицу-мать, на которую она, по ея словамъ, была, какъ двѣ капли воды, похожа.

Надо замѣтить, что собой m-lle Макарова была замѣчательно дурна и сходство съ ней не могло дать понятія не только о красотѣ, но даже о сколько-нибудь сносной наружности.

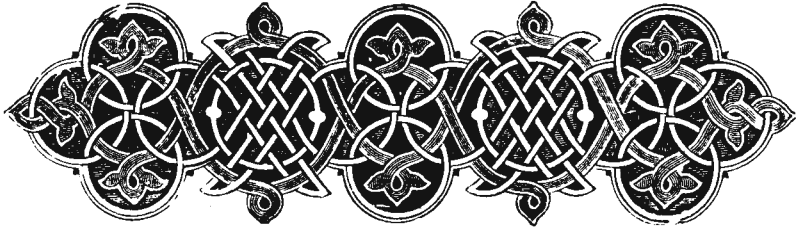
Легенда о красной шали увлекала m-lle Макарову въ дебри такой неукротимой фантазіи, что ее прямо слушать было невозможно.

Такъ, она въ повѣствованіяхъ своихъ о богатствѣ и роскоши пресловутаго киргизскаго князя доходила до того, что рассказывала о фонтанахъ изъ заграничныхъ духовъ, которые били въ кочевой палаткѣ хана или князя.

Имя ея, благодаря этому вранью, скоро сдѣлалось легендарнымъ между нами и всякій разъ, какъ кто-нибудь изъ насъ удался отъ истины, слушательницы останавливали расходившуюся повѣствовательницу восклицаніемъ:

— Ахъ ты, m-lle Макарова!..

А. И. Соколова.

«ЧЕРНЫЙ ПАПА».

(Очеркъ).

ВЕЧЕРЪ знойнаго, истомнаго августовскаго дня. На колоссальной «пьяццѣ» передъ великимъ, несравненнымъ храмомъ въ честь святого Петра въ «вѣчномъ городѣ» Римѣ здѣсь и тамъ группы людей. Особенно густо передъ входомъ въ Ватиканъ. Медленно, торжественно звучитъ историческій колоколъ «кампа-нонэ», несетъ *ugbi et ogbi* печальную вѣсть:

— Великій понтифексъ, державный епископъ церкви римскія, папа Пій X, мирно опочилъ.

Проносятся по площади блестящіе автомобили римской «черной», то есть папской, аристократіи. Мѣрно шагаетъ отрядъ королевскихъ итальянскихъ пѣхотинцевъ, высланный на всякій случай въ помощь полиціи. А за рѣшеткою боковыхъ воротъ Ватикана расхаживаютъ пестро одѣтые въ свои театральные, шелковые костюмы ватиканскіе часовые, папскіе гвардейцы.

Бѣлыми призраками вздымаются гигантскіе султаны великолѣпныхъ фонтановъ по бокамъ древняго обелиска. И въ блѣдно-голубомъ небѣ таинственные узоры вычерчиваютъ безпокойные стрижи.

Папа умеръ. Но толпа не расходится. Словно люди ждутъ еще какихъ-то грозныхъ событій...

И въ этой толпѣ не смолкаетъ настойчивый говоръ:

— Папу Пія X убила война. Онъ прожилъ бы еще не одинъ годъ. Но началась война, противъ которой онъ былъ, которой онъ

боялся, которую стремился предотвратить, и онъ невыносимо страдалъ, бѣдный старикъ. Но іезуитамъ какое дѣло?! Они хотѣли, чтобы война была, и они добились своего. «Черный папа» падре Вернцъ—одинъ изъ самыхъ главныхъ виновниковъ войны. Но, говорятъ, теперь онъ и самъ испуганъ происходящимъ...

«Черный папа»—это «генераль» или глава ордена іезуитовъ.

Черезъ полчаса послѣ смерти Пія X на той же исторической площади Святого Петра уже шла бойкая продажа экстренныхъ выпусковъ римскихъ газетъ съ извѣстіемъ о кончинѣ папы, съ нѣкоторыми подробностями о послѣднихъ минутахъ его жизни. А прошло еще полтора часа, и появились новые экстренные выпуски тѣхъ же газетъ и на видномъ мѣстѣ крупными черными буквами было напечатано новое сообщеніе:

«Скончался падре Вернцъ, генераль ордена іезуитовъ».

«Черный папа» пережилъ «бѣлаго» всего на часъ или полтора.

Въ другое время смерть генерала ордена іезуитовъ, или «чернаго папы», была бы сенсационнѣйшимъ происшествіемъ и долго служила бы злобою дня. Но передъ лицомъ великихъ и грозныхъ событийъ она прошла какъ будто совершенно незамѣтно даже въ томъ самомъ Римѣ, въ стѣнахъ котораго находится «сердце» великаго и могущественнаго религіозно-политическаго ордена.

Прошло шесть мѣсяцевъ. Одиннадцатаго февраля 1915 года по новому стилю въ угрюмомъ мрачномъ «палаццо» на віа Санъ-Никола да Толентино, оячь-таки не вызвавъ шума, произошли обычнымъ порядкомъ выборы новаго «чернаго папы» и выбраннымъ оказался патеръ Владимиръ Ледоховскій, въ мірѣ—графъ Ледоховскій, познанскій полякъ родомъ, отпрыскъ стариннаго аристократическаго рода, оставившаго слѣдъ въ исторіи Польши. Новый генераль ордена іезуитовъ—родной племянникъ знаменитаго Ледоховскаго, изъ-за котораго при Піи IX произошло рѣзкое столкновение между Ватиканомъ и Германією. Тотъ Ледоховскій былъ страстнымъ польскимъ патриотомъ, врагомъ Бисмарка, борцомъ за національную польскую культуру, защитникомъ подвергавшихся насильственной германизации безправныхъ поляковъ въ Германіи. Тотъ Ледоховскій за свою оппозицію германскому правительству сидѣлъ въ прусской тюрьмѣ и, именно сидя въ тюрьмѣ, отъ Пія IX получилъ пурпурную мантию кардинала. Тотъ Ледоховскій долго и долго, выйдя изъ карцера, куда засадилъ его «железный канцлеръ» Оттонъ Бисмаркъ, пробылъ въ негласномъ изгнаніи, жилъ при Ватиканѣ, покуда отношенія между Ватиканомъ и Германією не смягчились. И тотъ Ледоховскій до конца жизни оставался пламеннымъ польскимъ патриотомъ.

Этотъ, нынѣшній Ледоховскій—полякъ только по происхожденію и по имени: на самомъ же дѣлѣ онъ нѣмецъ душою, онъ нѣмецкій патриотъ прусской марки, и онъ—убѣжденный сторонникъ

Германіи въ ея нынѣшнемъ конфликтѣ съ половиною культурнаго міра.

Именно этому своему настроенію, именно этимъ германофильскимъ взглядамъ Ледоховскій и обязанъ избраніемъ на высокій и отвѣтственный постъ главы могущественнаго религіозно-политическаго ордена.

И надо ожидать, что при немъ орденъ іезуитовъ, развернувъ всѣ свои силы, пустивъ въ ходъ все свое могущество, выступитъ на помощь двумъ центральнымъ европейскимъ имперіямъ въ ихъ борьбѣ съ Россією, Францією, Англією и Сербією. Въ частности, при Ледоховскомъ іезуитскій орденъ употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы

Падре Бжозовскій, «генераль» ордена іезуитовъ, жившій въ Россіи.

не допустить вмѣшательства Италіи въ конфликтъ, не допустить сестру Франціи по крови и по традиціямъ оказать помощь Франціи.

Это—факторъ огромнаго политическаго значенія и съ нимъ нельзя не считаться. И съ этой точки зрѣнія и Россія не имѣетъ права игнорировать избраніе Ледоховскаго въ «черные лапы» Это избраніе равносильно одному проигранному нами сраженію..

Новоизбранный «черный папа» родился 7-го октября 1866 года Въ день избранія въ генералы ордена іезуитовъ ему было 48 лѣтъ и четыре мѣсяца съ нѣсколькими днями. Это наружно человѣкъ слабого здоровья, но на самомъ дѣлѣ онъ словно выкованъ изъ стали и обѣщаетъ прожить еще не одно десятилѣтіе. Въ рядахъ ордена онъ состоитъ съ 24-го сентября 1889 года и давнымъ-давно

занялъ въ орденѣ выдающееся мѣсто. При предшествующихъ уже выборахъ «чернаго папы» за Ледоховскаго было подано много голосовъ. Но тогда выбору его въ генералы помѣшало нѣкоторое недоувѣріе, питавшееся вліятельною германскою группою. Группа эта провела своего кандидата въ лицѣ падре Вернца, баварца родомъ, выдвинутого специально въ противовѣсъ «поляку» Ледоховскому. Это, однако, не помѣшало Ледоховскому тогда же получить назначеніе «ассистентомъ Германіи», то есть стать однимъ изъ пяти высшихъ чиновъ ордена и руководителемъ его дѣлъ въ колоссальной территоріи, включающей Германію, Австро-Венгрію, Бельгію и Голландію.

Когда падре Вернецъ въ августѣ 1915 года послѣ непродолжительной болѣзни умеръ, въ орденѣ намѣтилось серьезное броженіе, порождаемое недовольствомъ имѣющихся въ немъ латинскихъ элементовъ противъ германскаго засилья, особенно развивавшагося при Вернцѣ. Оппозиція эта выставяла двѣ кандидатуры: падре Фина, француза, и падре Такки-Вентури—итальянца. Въ послѣднія передъ выборами недѣли шансы падре Вентури были сильно поколеблены: онъ не скрываетъ своихъ нѣсколько модернистскихъ симпатій, и «непримиримые», составляющіе большинство въ орденѣ, голосовали противъ него. Такимъ образомъ, у Ледоховскаго оставался только одинъ конкурентъ въ лицѣ француза падре Фина. Естественно, что австро-германская группа употребила всѣ усилія, лишь бы не допустить на высокій постъ патера, который и, оставаясь іезуитомъ, все же продолжаетъ быть французомъ и сочувствуетъ своей родинѣ...

Вотъ при какихъ условіяхъ въ генералы ордена іезуитовъ прошелъ Владимиръ Ледоховскій—полякъ по имени, нѣмецъ душою и непримиримый врагъ Россіи и Франціи...

По статуту ордена, избраніе считается состоявшимся только въ томъ случаѣ, если оно получаетъ одобреніе его святѣйшества папы. Папа Бенедиктъ XV, связь котораго съ орденомъ іезуитовъ кажется не подлежащею сомнѣнію, въ тотъ же день санкціонировалъ избраніе Ледоховскаго.

Нельзя сказать, чтобы Ледоховскому предстояла легкая задача: быть можетъ, на протяженіи почти четырехъ вѣковъ орденъ не переживалъ такого критическаго момента, какъ теперь, развѣ лишь въ дни Климента XIV, знаменитаго «гонителя іезуитовъ».

Но тогда непріятности грозили ордену извнѣ, и его организація была такъ мощна, что орденъ остался побѣдителемъ, а папы—побѣжденными.

Теперь главная представляющаяся ордену опасность—это внутренняя. Это—расколъ, намѣчающійся все яснѣе и яснѣе въ рядахъ самого ордена, снизу доверху.

Причинъ этого раскола не мало. Отмѣчу нѣкоторыя изъ нихъ.

Еще въ концѣ семнадцатаго столѣтія орденъ іезуитовъ началъ связывать свою судьбу съ династією Габсбурговъ. Пристрастіе іезуитовъ къ Габсбургамъ сильно подорвало ихъ позицію въ Польшѣ. Поддерживая Габсбурговъ, іезуиты предали и погубили Польшу. Теперь, поддерживая тѣхъ же Габсбурговъ, они поневолѣ должны итти на компромиссы съ Германією, которая, по существу, является ихъ злѣйшимъ врагомъ. И эти компромиссы съ Германією вызываютъ крайнее недовольство среди іезуитовъ французскихъ, бельгійскихъ, испанскихъ, англійскихъ и итальянскихъ, требующихъ эмансипаціи отъ германскаго, въ особенности изувѣрнаго баварскаго вліянія.

Орденъ іезуитовъ, въ рядахъ котораго находится огромное количество крупнѣйшихъ культурныхъ силъ, принимаетъ активнѣйшее участіе въ политической жизни Италіи. Въ дни Пія ІХ, перваго «ватиканскаго узника», орденъ занялъ непримиримую позицію по отношенію къ «узурпаторамъ», то есть къ итальянской королевской династіи. Но съ того дня, когда «савоицы» вошли въ Римъ, а папа заперся въ стѣнахъ Ватикана и загородился рогатками «гарантій», прошло уже почти сорокъ пять лѣтъ. За это время соотношеніе силъ въ странѣ рѣзко опредѣлилось. Для того, чтобы возсоздать бывшее свѣтское государство папъ съ Римомъ столицею, надо буквально раздавить всю Италію. Изъ 36.000.000 населенія Италіи не найдется и нѣсколькихъ десятковъ тысячъ людей, которые согласились бы добровольно отдать Римъ папамъ и искать для королевской Италіи новую столицу. Даже послушное и покорное Ватикану католическое духовенство въ своей массѣ настроено теперь далеко не такъ, какъ это было полвѣка назадъ: случись что, большинство его не поддержитъ папскихъ домогательствъ на обладаніе Римомъ.

Орденъ іезуитовъ въ лицѣ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе культурныхъ своихъ дѣятелей сознаетъ это, и такое сознаніе предопредѣляетъ въ извѣстныхъ слояхъ ордена примирительныя по отношенію къ королевской Италіи тенденціи. Сторонники примиренія выдвигаютъ тезисъ возможности прочнаго компромисса на почвѣ взаимныхъ уступокъ.

Вообще въ нѣкоторыхъ слояхъ ордена замѣчается модернистская тенденція. Какъ будто, правда, очень слабо, подавлено, пробиваются свѣтлыя струйки реформизма, стремленія очистить орденъ отъ массы отжившаго и всѣмъ міромъ осужденнаго багажа, накопленнаго за четыре почти столѣтія.

Но это все—стремленія и тенденціи меньшинства. Большинство такъ же фанатично, какъ въ доброе старое время, и, пожалуй, еще болѣе прежняго непримиримо. И вотъ между большинствомъ и меньшинствомъ идетъ скрытая, но упорная, яростная борьба, отголоски которой лишь глухо долетаютъ до міра.

Въ наши дни отношенія между большинствомъ и меньшинствомъ еще обострились вслѣдствіе вліянія нынѣшнихъ великихъ событій. Достаточно сказать, что многіе изъ іезуитовъ патеровъ съ началомъ войны сбросили съ себя рясу и отправились на поля битвъ: австрійцы, баварцы и саксонцы въ одну сторону, итальянцы, испанцы и французы—въ другую.

И опять еще одинъ поводъ къ недовольству меньшинства дѣйствіями большинства; въ самомъ созданіи великаго конфликта орденъ сыгралъ исключительную роль. Есть мнѣніе, имѣющее, безъ сомнѣнія, нѣкоторыя основанія, будто подпольная работа ордена была однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ, создавшихъ войну.

Отмѣчу неопровержимо установленный фактъ.

Когда дипломаты наканунѣ войны еще обмѣнивались нотами, пытаясь предотвратить грандіозный кровавый конфликтъ, когда даже сами монархи еще питали надежду на мирное улаженіе вопроса и колебались отдавать приказы о мобилизаціи, уже тогда,—это удостовѣряется проникнувшими тогда же въ римскую печать свѣдѣніями,—уже тогда черезъ іезуитовъ въ Ватиканъ поступали сообщенія, что война—дѣло неизбежное, дѣло рѣшенное. Одно изъ донесеній, предупредившее отнынѣ историческую ноту Берхтольда Сербіи на трое сутокъ, передавало въ общихъ чертахъ содержаніе требованій Австріи, то есть, по существу,—содержаніе ультиматума?

Въ чемъ же дѣло?

Въ Римѣ на этотъ счетъ прямо говорятъ:

— Орденъ іезуитовъ хотѣлъ войны. «Черный папа», по соглашенію съ германскимъ правительствомъ, понуждалъ Австрію къ аг.рессивнымъ дѣйствіямъ.

Если, можетъ быть, великая европейская война была неизбежно историческою, логическимъ послѣдствіемъ всего предшествующаго хода европейской исторіи, то, во всякомъ случаѣ, въ приближеніи кризиса, въ выборѣ момента для начала дѣйствій, въ выборѣ предлога для него исключительную роль сыгралъ именно орденъ іезуитовъ, который, съ одной стороны, мстилъ Сербіи за убійство наслѣднаго австрійскаго эрцгерцога Франца-Фердинанда, бывшаго іезуитомъ, и его супруги, красавицы захудалой чешской графини Хотекъ, которая и женою-то эрцгерцога стала по волѣ ордена іезуитовъ, а, съ другой стороны, орденъ іезуитовъ всѣми имѣвшимися въ его распоряженіи средствами и всѣми силами пытался придать войнѣ характеръ крестоваго похода правобѣрной католической Австріи противъ «схизматиковъ», рассчитывая, что при побѣдѣ нѣмецкаго блока территорія Австріи будетъ расширена и на югъ и на востокъ, за счетъ Сербіи и за счетъ Россіи. И тогда въ этихъ новыхъ областяхъ откроется обширное поле дѣйствій для пропаганды католицизма.

Человѣку свойственно ошибаться. Грубую ошибку сдѣлалъ и орденъ: онъ вовсе не рассчитывалъ, что война приведетъ къ катастрофѣ въ ультра-благочестивой по-католически Бельгiи, онъ еще того менѣе рассчитывалъ на возможность по истинѣ варварскаго поведенiя германцевъ и австрiйцевъ въ русской Польшѣ.

Генералъ ордена иезуитовъ падре Ксаверiй Верницъ, ум. въ 1914 году.

И ужъ совсѣмъ не рассчитывалъ на то, что сочувствiе всего мiра будетъ не на сторонѣ нѣмецкаго блока, а на сторонѣ его противниковъ.

Въ частности, по отношенiю къ Италии, въ орденѣ иезуитовъ царило убѣжденiе: Италия, соблюдая условiя трактата тройственнаго союза, вступить въ конфликтъ, поможетъ нѣмцамъ въ нѣсколько недѣль раздавить всякое сопротивленiе со стороны Францiи.

Хотя орденъ иезуитовъ въ лицѣ своихъ безчисленныхъ свѣтскихъ агентовъ за первое полугодiе великой войны развилъ

колоссальныя усилія для обработки общественнаго мнѣнія страны въ сторону симпатій къ «святому и правому германскому дѣлу», однако старанія его не удались, и Италія примкнула къ «союзнымъ» державамъ.

О «святомъ и правомъ австрійскомъ дѣлѣ» отцы іезуиты, разумѣется, благоразумно молчали, отлично зная, что самое имя Австріи въ Италіи ненавистно и всякая попытка вызвать австрійскія симпатіи повлечетъ за собою діаметрально противоположныя результаты...

Но довольно «высшей политики». Когда-нибудь, и, будемъ надѣяться, вскорѣ, историкъ займется тщательнымъ и документальнымъ установленіемъ роли «черныхъ папъ» и всего іезуитскаго ордена въ нынѣшней великой войнѣ, чреватой послѣдствіями.

Мнѣ хотѣлось бы побесѣдовать съ далекимъ русскимъ читателемъ на иную тему, имѣющую къ нынѣшнимъ событіямъ только косвенное отношеніе.

Тема эта—плѣнь римскихъ «великихъ понтификсовъ» у іезуитскаго ордена.

Слѣдовало бы сдѣлать это годъ назадъ: вѣдь, какъ разъ въ 1914 году исполнилось столѣтіе со дня возстановленія іезуитскаго ордена папою Піемъ VII.

Я тщательно слѣдилъ и за итальянскою печатью, и за печатью русскою, и нигдѣ не нашель и намека на этотъ историческій юбилей. А жаль. Вѣдь можно было бы сказать по поводу его не мало...

Избранный конклавомъ 1769 года папа Климентъ XIV изъ историческаго рода Ганганелли, еще будучи кардиналомъ, зарекомендовалъ себя убѣжденнымъ противникомъ ордена іезуитовъ и сторонникомъ идеи необходимости для папъ эмансипироваться отъ вліянія ордена. Какъ всемогущій тогда орденъ допустилъ избраніе Климента въ папы, это и сейчасъ остается загадкою. Въ Римѣ и до нашихъ дней сохранилась легенда, что во время конклава іезуиты пытались отравить кардинала Ганганелли, но по ошибкѣ ядъ попалъ какому-то дрѹтому кардиналу, который и папъ будто бы искупительною жертвою за Климента.

Сдѣлавшись папою, Климентъ не замедлилъ занять позицію, враждебную ордену. Орденъ отплатилъ, разумѣется, сугубо тѣмъ же, предпринявъ походъ противъ новаго папы. Въ темныхъ народныхъ массахъ агенты ордена всѣми способами порочили имя папы, обвиняя его во всѣхъ семи смертныхъ грѣхахъ. Какіе-то невѣдомые «поэты» высмѣивали папу въ стихахъ и въ прозѣ. На стѣнахъ Рима по ночамъ невидимыя руки изображали папу въ карикатурномъ видѣ или расклеивали пасквили, направленные противъ него. Здѣсь и тамъ въ странѣ появлялись странствующие монахи-

проповѣдники, предрекавшіе страшныя бѣды всему человѣчеству, если «папа-еретикъ» еще останется на престолѣ. Появились и разныя «пророчицы», запугивавшія невѣжественную народную массу угрозами близости конца міра—за грѣхи папы Климента.

Исторія сохранила рассказъ о дѣятельности двухъ наиболѣе отличившихся въ этотъ періодъ итальянскихъ «пророчицъ», игравшихъ печальную роль въ рукахъ іезуитовъ.

Первую звали Бернардиною Баруцци, по инымъ источникамъ—Бернардиною Ренци. Обитала она поблизости отъ Рима, въ мѣстечкѣ Валентано, Витербскаго округа, и зачастую наѣзжала въ Римъ, гдѣ и сейчасъ въ затибрской части города, неподалеку отъ Санъ-Пьетро, показываютъ старый, дряхлый домъ, служившій вѣрнымъ убѣжищемъ «пророчицы». Въ подвальномъ помѣщеніи этого дома по ночамъ сходились довѣренныя лица, передъ которыми Бернардина разыгрывала комедію: впадала въ молитвенный экстазъ, видѣла сходящихъ съ неба ангеловъ и самое Мадонну, бесѣдовала съ ними. И передавала присутствующимъ содержаніе бесѣды:

— Мадонна гнѣвается на безбожника папу, папу вольтерьянца, папу Антихриста.

Въ томъ же Валентано обитала другая пророчица и «святая», чудеса творящая, нѣкая Анна-Тереза Палли, римлянка родомъ.

Эта неустанно предрекала близкую смерть папы Климента.

Иезуитскій орденъ, въ лицѣ, главнымъ образомъ, патера Кольтраро, распространялъ вѣсти о неисчислимыя чудесахъ, будто бы совершенныхъ благочестивою Терезою. Она прикосновеніемъ рукъ исцѣляла больныхъ падучей болѣзнью и даже болѣзнью «французскою». Она предсказывала будущее, могла, предотвращать дождь и градобитіе, избавляла женщинъ отъ безплодія, а мужчинъ отъ безсилія. И у нея на тѣлѣ въ минуты экстаза появлялись даже «стигматы»,—кровоточивыя раны, соотвѣтствующія ранамъ, полученнымъ при распятіи Иисусомъ Христомъ.

Епископъ округа Орвіэто обратилъ, наконецъ, вниманіе на дѣятельность этихъ двухъ мнимыхъ пророчицъ и патера Кольтраро, по его приказу обѣ вѣдьмы были арестованы и преданы суду. Одновременно подверглись секвестру документы патера Кольтраро, вдохновителя «святой Терезы». У него было отобрано сто пятнадцать фунтовъ однихъ писемъ, просмотръ которыхъ доказалъ, что въ заговорѣ противъ папы Климента принимаетъ участіе огромное количество лицъ, сплошь стоящихъ въ связи съ орденомъ іезуитовъ или попросту числящихся въ спискахъ членовъ этого ордена.

Среди секвестрованныхъ въ домѣ Кольтраро предметовъ было обнаружено множество такъ называемыхъ «реликвій святой Терезы Палли»: тряпки, смоченныя кровью будто бы изъ стигматъ, локоны волосъ и пр. Историкъ Тейнеръ заявляетъ категорически, что въ числѣ этихъ мнимыхъ реликвій находились такіе предметы,

происхожденіе которыхъ оскорбляетъ нравственность. Реликви раздавались и продавались вѣрующимъ.

Повидимому, именно ознакомленіе съ документами падре Кольтарро послужило окончательнымъ толчкомъ, вынудившимъ папу Климента покончить съ колебаніями и приняться за тщательное разслѣдованіе всей вообще дѣятельности ордена іезуитовъ.

Разслѣдованіе было поручено тремъ пользовавшимся хорошою репутаціею сановникамъ римской церкви: въ самомъ Римѣ—кардиналу Марефоски, въ Романѣ—папскимъ легатамъ Болоньи и Феррары, кардиналамъ Мальвецци и Боргезе.

Покуда шла работа этихъ лицъ, Ватиканъ занимался собираніемъ историческихъ документовъ о дѣятельности іезуитовъ и дипломатическими переговорами съ разными монархами Европы.

Въ обвиненіяхъ іезуитовъ недостатка не было: Пьеръ Шатэль, пытавшійся убить короля Генриха IV во Франціи и поплатившійся за это четвертованіемъ, былъ орудіемъ въ рукахъ іезуитовъ, всѣми силами души ненавидѣвшихъ «Наварца». Равальякъ, заколовшій того же Генриха IV и тоже четвергованный, подозрѣвался въ соучастіи съ іезуитами. Іезуитовъ правительства республикъ Венеціи и Генуи обвиняли въ опасныхъ политическихъ интригахъ и созданіи беспорядковъ на территоріи этихъ государствъ. Въ Португаліи они участвовали въ заговорѣ на жизнь короля. Въ Мадридѣ—въ бунтѣ. На островѣ Мартиникѣ они занялись банкирскимъ дѣломъ, собрали, пользуясь довѣріемъ населенія, колоссальныя суммы въ свои кассы, а потомъ устроили злостное банкротство и разорили тысячи и тысячи людей. И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Бурбоны и Браганцкій домъ уже изгнали орденъ изъ своихъ владѣній. Изгнаны они были и съ Мальты орденомъ іоаннитовъ. Вся Европа волновалась и требовала отъ папы Климента полного закрытія ордена.

Папа Климентъ XIV, человѣкъ, который искреннимъ образомъ увлекался мечтою о возрожденіи католицизма на началахъ античнаго, чистаго христіанства, дѣятельно принялся за изученіе большаго и сложнаго іезуитскаго вопроса въ сотрудничествѣ съ учеными кардиналами Марефоски, Дзелада, Казали, Корсини, Караффа, Фантуцци и Негрони.

Противъ ордена іезуитовъ былъ собранъ огромный и безпощадно уличающій ихъ обвинительный матеріалъ. Кромѣ преступленій общаго порядка, орденъ былъ, несомнѣнно, повиненъ въ томъ, что онъ былъ тайною сектою, что съ христіанствомъ, какъ таковымъ, и съ католичествомъ въ частности онъ не имѣлъ по духу ничего общаго, что онъ былъ чужаеяднымъ и опаснымъ наростомъ на тѣлѣ католической церкви и, наконецъ, что онъ фактически подмѣнялъ собою самое папство, образуя государство въ государствахъ.

Ничто не говорило за орденъ. Кромѣ развѣ страха передъ его могуществомъ, передъ его темными интригами...

Но страхъ этотъ былъ настолько великъ, что только послѣ долгихъ колебаній папа Климентъ XIV рѣшился наконецъ подписать знаменитый указъ 21-го іюля 1773 года, начинающійся словами: «Господь и Искупитель нашъ»...

Указомъ этимъ просуществовавшій съ 1534 года орденъ іезуи-

Падре Владимиръ Ледоховскій, нынѣшній генераль ордена.

товъ, основанный помѣшаннымъ фанатикомъ Игнатіемъ Лойолою, закрывался навсегда:

16-го августа въ Римѣ прелаты Альфани и Мачедонніо съ отрядами папскихъ солдатъ заняли зданія, принадлежавшія ордену, и удалили іезуитовъ изъ коллегій, находившихся въ ихъ завѣдываніи, а именно изъ коллегіи германской, греческой, маронитской, шотландской, англійской, португальской и изъ пенитенціарія, которымъ тоже завѣдывалъ орденъ.

19-го августа папа разославъ всѣмъ монархамъ Европы текстъ этого указа.

Закрытіе ордена іезуитовъ вызвало взрывъ энтузіазма во всей Европѣ, но, конечно, только въ ея культурныхъ слояхъ, гдѣ отлично понимали все зло, причиняемое этою всюду проникающею и все захватывающею въ свои руки организаціею. Но въ темныхъ и фанатичныхъ народныхъ массахъ вліяніе іезуитовъ было слишкомъ велико и въ низшихъ слояхъ населенія Франціи, самой Италиі, Польши, Австріи, Венгріи и такъ далѣе—проповѣдь іезуитовъ здѣсь и тамъ вызвала недовольство и даже протесты.

Римъ—эта генеральная квартира ордена—наружно подчинился распоряженію папы, но подъ золою тлѣлъ ядовитый огонь, и отрава давала себя знать безчисленными пасквилями, направленными противъ папы. Сторонники іезуитовъ, не стѣсняясь, предрекали близкую гибель папы.

Изъ опасеній за жизнь папы были удвоены и утроены обычныя мѣры охраненія его личности.

Кардиналъ Бернисъ писалъ въ эти дни въ частномъ письмѣ королю Франціи, что никогда еще папа не чувствовалъ себя такъ хорошо и не былъ такимъ бодрымъ.

Самъ папа говорилъ о себѣ, что съ закрытіемъ ордена іезуитовъ у него словно камень съ души свалился.

Но дни Климента XIV были сочтены. Это предсказала еще до закрытія ордена іезуитовъ іезуитская пророчица Бернардина Баруцци...

На Святой недѣлѣ слѣдующаго 1774 года произошла загадочная катастрофа: отлично чувствовавшій себя до того времени папа Климентъ XIV внезапно тяжело заболѣлъ.

Заболѣваніе сопровождалось всѣми симптомами отравленія. Народная молва указываетъ даже и ядъ, которымъ, будто бы, былъ отравленъ злополучный папа реформаторъ. Ядъ этотъ носить названіе «водички изъ Перуджіи» и, повидимому, представляетъ сложное химическое соединеніе, въ составъ котораго входитъ и мышьякъ.

Заболѣваніе обнаружилось за трапезою. Папа внезапно почувствовалъ тошноту и головокруженіе, начались жестокія рвоты, какъ говорится, выворачивавшія всѣ внутренности. Начались бредовыя явленія. Разумъ помутился. Папу охватилъ невыносимый страхъ смерти. Въ минуты просвѣтлѣнія сознанія онъ съ подозрѣніемъ смотрѣлъ на окружающихъ и всѣхъ обвинялъ въ томъ, что его отравили.

Ядъ дѣйствовалъ не сразу, а медленно, понемногу разъѣдая весь организмъ. Больной папа замкнулся въ своихъ палатахъ, куда доступъ былъ только для самыхъ близкихъ людей. Такъ Климентъ XIV прожилъ всю весну и лѣто 1774 года. Въ серединѣ августа ему сдѣлалось немного лучше, и впервые послѣ долгаго

перерыва къ нему были допущены посланники иностранныхъ державъ. И вотъ вмѣсто прежняго бодрого, подвижного, полного силъ, энергичнаго старика они увидѣли полутрупъ: папа былъ немовѣрно худъ, желтъ, на лицѣ кожа сморщилась и потрескалась, взоръ блуждающій, голосъ хриплый, еле слышный.

22-го сентября 1774 года смерть избавила папу отъ нечеловѣческихъ страданій.

Смерть папы никого не удивила: весь Римъ зналъ, что дни его сочтены. Населеніе открыто обвиняло въ отравленіи папы іезуитовъ. А послѣдніе предавались буйной и кощунственной радости. Надъ покойнымъ папою-мечтателемъ издѣвались самымъ гнуснымъ образомъ. Его осмѣивали, какъ не осмѣиваютъ самаго презрѣннаго имъ смертныхъ. Особенно усердствовали въ этомъ отношеніи безчисленныя биготки. Исторія отмѣтила участіе въ этой постыдной оргіи ликованія по поводу смерти несчастнаго папы и дамъ изъ высшихъ слоевъ римской аристократіи.

При бальзамированіи тѣла почившаго врачи установили рядъ странныхъ явленій: губы были черны, размѣръ сердца невѣроятно уменьшенъ, мускулы спиннаго хребта расплзались, какъ гнилая тряпка, все тѣло покрыто фіолетовыми пятнами. Кожа падала клочьями. Ногти выпали. Волосы съ головы остались цѣликомъ на подушкѣ, на которой покоилась голова страдальца.

Прошло три года со дня смерти папы Климента. На папскомъ престолѣ сидѣлъ Пій VI. Въ разговорѣ съ кардиналомъ Бернисомъ онъ откровенно заявилъ:

— Боюсь навлечь на себя гнѣвъ іезуитовъ. Иначе и меня постигнетъ такой же ужасный конецъ, который постигъ моего предшественника...

Всѣми силами орденъ іезуитовъ добивался восстановленія и права основаться снова въ Римѣ. Но времена мало благоприятствовали этому: чувствовались уже раскаты приближающейся великой бури—французской революціи.

Однако, когда гроза революціи прошла и Наполеонъ палъ, новый папа, уже Пій VII, не замедлилъ сдаться, и въ 1814 году орденъ іезуитовъ открыто возродился. Нужно ли добавлять, что и все то время, когда онъ считался закрытымъ, онъ негласно продолжалъ существовать, какъ тайная организація, и оказывалъ свое вліяніе на мировую политику?

Нынѣшній «черный папа», Владимиръ Ледоховскій, является по счету XXV генераломъ ордена іезуитовъ и первымъ полякомъ, вторымъ славяниномъ. Огромное большинство «черныхъ папъ» было изъ уроженцевъ Аппенинскаго полуострова, но были и генералы бельгійцы, голландцы, чехи, нѣмцы.

Объявленъ закрытымъ орденъ былъ при генералѣ Лоренцо Риччи, флорентинцѣ, первымъ генераломъ по основаніи былъ самъ основатель, Игнатій Лойола, а послѣ возстановленія ордена Луиджи Фортисъ, уроженецъ Вероны. Предшественникомъ Ледоховскаго былъ, какъ я уже отмѣтилъ въ началѣ очерка, падре Францъ Ксаверій Вернцъ, баварецъ. Со времени возстановленія ордена въ 1814 году, включая и пять первыхъ лѣтъ, когда дѣлами ордена управлялъ временно падре Панницони, всѣхъ генераловъ было шесть. Ледоховскій является седьмымъ.

На первое января сего 1915 года всѣхъ членовъ ордена насчитывается 16.894 человекъ. Но, разумѣется, это чисто официальный счетъ. Въ него входятъ только лица, занимающія въ орденѣ опредѣленные должности. Кромѣ нихъ, имѣются многія и многія тысячи тайныхъ иезуитовъ, въ большинствѣ свѣтскихъ. Народная молва упорно увѣряетъ, будто къ членамъ ордена принадлежитъ, не официально, конечно, и извѣстное число членовъ царствующихъ въ Европѣ династій изъ дома Габсбурговъ и Виттельсбаховъ.

Разумѣется, апогей могущества иезуитовъ уже позади. Безпощадный духъ времени упорно разрушаетъ тѣ казавшіяся неприступными цитадели, которыя были въ свое время воздвигнуты орденомъ. Но и въ данное время орденъ представляетъ могучую силу. Въ рукахъ его колоссальныя богатства. Въ рядахъ его огромное количество людей чрезвычайно высокой культуры. И при всѣхъ грѣхахъ ордена есть за нимъ одна большая заслуга: даже въ самыя темныя эпохи орденъ любовно культивировалъ науку. Въ спискахъ его членовъ имѣются блестящія имена великихъ врачей, астрономовъ, химиковъ, историковъ, электротехниковъ и такъ далѣе.

М. К. Первухинъ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЙ КОМИССІИ ПО РАЗБОРУ И ОПИСАНІЮ АРХИВА СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

И НОВАЛО то время, когда на архивы смотрѣли, какъ на складочное мѣсто ненужныхъ бумагъ и вещей. Исчезаетъ понемногу и тотъ взглядъ, что если въ архивѣ тѣсно, то нужно уничтожать дѣла. Теперь уже признано государственное значеніе архивовъ, а хранящіеся въ нихъ дѣла и документы оберегаются отъ уничтоженія всѣми возможными мѣрами. Нѣтъ теперь и существовавшихъ прежде комиссій уничтоженія старыхъ дѣлъ, но есть много археографическихъ и архивныхъ комиссій, трудящихся надъ описаніемъ архивовъ.

Высочайше утвержденная при Св. Синодѣ архивная комиссія была дѣятельною участницею въ этой перемѣнѣ взглядовъ и направленія въ архивномъ дѣлѣ. Составленная изъ специалистовъ и призванная исключительно для разбора десятка тысячъ дѣлъ синодальнаго архива, назначенныхъ къ уничтоженію, она смѣло и твердо высказала свое мнѣніе, что дѣла, производившіяся въ различныхъ учрежденіяхъ Св. Синода, какъ письменные памятники церковной и государственной дѣятельности этого высшаго административнаго учрежденія въ духовномъ вѣдомствѣ, уничтожаемы быть не могутъ. Она отказалась отъ уничтоженія предложенныхъ ей на разсмотрѣніе дѣлъ, указавъ, что въ

нихъ находятся необходимыя, важныя и часто единственныя по тому или иному вопросу историческія матеріалы. Послѣ этого § 8 правилъ, опредѣляющій задачи и дѣятельность комиссіи, «а) разобратъ дѣла синодальнаго архива, опредѣленныя стат. сов. Комаровскимъ къ уничтоженію, и б) отдѣлить тѣ дѣла, изъ которыхъ должны быть сдѣланы выписки, и затѣмъ эти дѣла тоже могутъ быть уничтожены съ разрѣшенія Св. Синода»,—долженъ былъ потерять свою силу. Комиссіи оставалось только дѣлать «выписки» изъ дѣлъ, но какой же смыслъ дѣлать выписки только изъ нѣкоторой части дѣлъ. Рѣшено было описывать дѣла всѣ и въ хронологическомъ порядкѣ, а затѣмъ печатать ихъ подъ заглавіемъ: «Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Синода». Но такъ какъ наука и общество требовали не только точныхъ данныхъ о дѣятельности церковнаго управленія со времени учрежденія Св. Синода, но и возможно полнаго сборника узаконеній и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія, то явилась мысль предпринять и другое изданіе подъ заглавіемъ: «Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія». «Описаніе документовъ» пришлось начать съ нѣкоторыхъ дѣлъ патріаршаго періода, а «Полное собраніе» начать духовнымъ регламентомъ. Св. Синодъ разрѣшилъ оба изданія. Въ 1868—1869 гг. вышли первые тома того и другого изданія и были привѣтствованы въ печати и обществѣ. Началась работа, продолжающаяся и въ настоящее время, конца же ея не видно. Вышедшіе въ свѣтъ 28 томовъ «Описанія документовъ и дѣлъ» и 15 печатающихся въ настоящее время дадутъ всесторонній обзоръ и освѣщеніе дѣятельности Св. Синода за сорокъ лѣтъ его существованія, а 19 томовъ «Полнаго собранія» обнимаютъ законодательную дѣятельность Св. Синода почти за сто лѣтъ его существованія. Это изданіе идетъ быстрѣе и съ нимъ приходится снѣшать въ виду предъявленныхъ требованій со стороны законодательныхъ учрежденій. Въ пятидесятыхъ года комиссіей начато изданіе «Архива западно-русскихъ бывшихъ греко-уніатскихъ митрополитовъ»; напечатано 2 тома и печатается 3-й томъ. Въ 1893 г. изданъ еще случайно найденный въ архивѣ литературный памятникъ начала XVIII стол.—«Отеческое завѣщаніе И. Т. Пососкова». Вотъ въ общихъ чертахъ вся издательская дѣятельность комиссіи, давшая къ пятидесятилѣтію комиссіи въ общей сложности 50 томовъ напечатанныхъ и 16 печатающихся. Вотъ въ этомъ отказѣ комиссіи отъ уничтоженія дѣлъ и въ ознакомленіи общества въ историческими и юридическими матеріалами должна быть признана первая и важная заслуга комиссіи, за что ей не одинъ разъ уже сказали «спасибо» и историки, и юристы, и археологи.

Одновременно съ издательскою дѣятельностью комиссіи съ первыхъ же лѣтъ пришлось работать въ области архивовѣдѣнія

и археологій, т.-е. рѣшать вопросы о помѣщеніяхъ и виѣшнемъ устройствѣ архивовъ, о расположеніи и способахъ храненія, приѣма и выдачи на справки архивныхъ дѣлъ, вырабатывать правила пересылки рукописей и дѣлъ, уничтоженія ненужныхъ бумагъ и управленія архивами, а равно заботиться о мѣрахъ охраны вещественныхъ памятниковъ старины и давать отзывы по разнымъ возбуждаемымъ археологическимъ вопросамъ. Плодомъ дѣятельности комиссіи въ этомъ направленіи явилось благоустройство синодальнаго архива съ его помѣщеніемъ, штатами и «положеніемъ», отдѣлившимъ его отъ синодальной канцеляріи въ самостоятельное учрежденіе, а равно устройство и даже спасеніе отъ гибели цѣлаго десятка консисторскихъ архивовъ.

Комиссія всегда стояла въ рѣшеніи этого вопроса на необходимости учрежденія центрального и епархіальныхъ археологическихъ комитетовъ, которые вѣдали бы охрану памятниковъ церковной старины. Она выработала и «положеніе» для этихъ комитетовъ, одобренное Св. Синодомъ 2-го мая 1909 года, но дѣло остановилось за выработкою законопроекта объ охранѣ памятниковъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Послѣдній совершенно игнорируетъ права православной церкви по охранѣ памятниковъ старины и передаетъ это дѣло въ руки «специалистовъ» по живописи, ваянію и проч. Уже по этому можно судить, что это за проектъ и насколько онъ пригоденъ для самаго дѣла. Между тѣмъ существующіе епархіальные комитеты, числомъ до 50, собираютъ въ свои древлехранилища мѣстные древности, описываютъ, изучаютъ ихъ и, по отзывамъ мѣстныхъ преосвященныхъ, готовы взять на себя охрану памятниковъ церковной старины. Пройденный комиссіею въ вышеуказанной научной дѣятельности полувѣковой путь закрѣпляетъ за ней право единственнаго въ вѣдомствѣ авторитетнаго голоса въ рѣшеніи архивныхъ, археологическихъ и церковно-археологическихъ вопросовъ, что, въ свою очередь, обращаетъ ее изъ временнаго въ постоянное археологическое учрежденіе при Св. Синодѣ. Это подтверждаетъ и § 6 нынѣ дѣйствующихъ правилъ комиссіи, опредѣляющій ея задачи слѣдующимъ образомъ: «составленіе и редактированіе «Описанія документовъ и дѣлъ» синодальной канцеляріи и другихъ отдѣльныхъ частей центрального управленія и «Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія»; изданіе хранящихся въ синодальномъ архивѣ памятниковъ исторіи, литературы и права; обсужденіе архивныхъ и археологическихъ вопросовъ, предлагаемыхъ на обсужденіе комиссіи Св. Синодомъ, его оберъ-прокуроромъ и членами комиссіи».

Въ полувѣковой научной дѣятельности комиссіи принимало непосредственное участіе 68 ея членовъ, изъ нихъ 40 скончалось и 28 налицо въ настоящее время.

Комиссія хранить благодарную память о своемъ учредителѣ синодальномъ оберъ-прокурорѣ графѣ Д. А. Толстомъ и о всѣхъ его преемникахъ, относившихся къ дѣятельности комиссіи съ большимъ вниманіемъ и предстательствовавшихъ за нее, когда это было нужно; о незабвенномъ для комиссіи А. Θ. Бычковѣ, предсѣдательствовавшемъ въ комиссіи 33 года, ея организаторѣ и руководителѣ во всѣхъ видахъ ея дѣятельности, сохранившихся и до настоящаго времени; объ инициаторѣ дѣла Н. И. Григоровичѣ, первомъ дѣлопроизводителѣ комиссіи, и о его преемникахъ—начальникахъ синодальнаго архива: А. Н. Львовѣ и А. А. Завьяловѣ; о недавно почившемъ старѣйшемъ членѣ комиссіи А. В. Гавриловѣ; о виновникѣ учрежденія комиссіи В. Θ. Комаровскомъ и членахъ-учредителяхъ священникахъ: М. Я. Морошкинѣ, І. Г. Покровскомъ и Н. И. Верховскомъ, профессорѣ М. О. Кояловичѣ, начальникѣ архива И. И. Горянскомъ, секретарѣ Св. Синода А. П. Крыжинѣ и членѣ археографической комиссіи А. Н. Труворовѣ; принявшихъ впослѣдствіи участіе въ дѣлахъ комиссіи профессорахъ И. Е. Андреевскомъ, Н. И. Барсовѣ, В. В. Никольскомъ, Т. В. Барсовѣ, И. А. Чистовичѣ, Е. Е. Голубинскомъ, протоіереяхъ М. И. Горчаковѣ и І. Я. Образцовѣ, Е. М. Прилежаевѣ; о щедрыхъ жертвователяхъ на изданіе трудовъ комиссіи—Θ. И. Базилевскомъ и А. П. Беккерсѣ; о членахъ комиссіи бывшемъ секретарѣ варшавской духовной консисторіи Θ. И. Виноградовѣ, сенаторѣ А. Г. Вишняковѣ, протоіерей Н. И. Волобуевѣ, бывшемъ управляющемъ синодальной канцеляріей С. П. Григоровскомъ и его помощникѣ Н. Θ. Марковѣ; объ архивариусахъ синодальнаго архива: И. Д. Дьяконовѣ и А. И. Никольскомъ, вице-президентѣ академіи наукъ Л. Н. Майковѣ, историкѣ П. Н. Петровѣ и археологѣ П. И. Савваитовѣ.

Празднованіе пятидесятилѣтія комиссіи происходило 7-го декабря въ помѣщеніи архива Св. Синода, въ скромной обстановкѣ. Юбилейное собраніе почтили своимъ присутствіемъ: архіепископы литовскій Тихонъ и тверской Серафимъ, епископы Иннокентій, предсѣдатель миссіонерскаго совѣта при Св. Синодѣ, и ябургскій Анастасій, ректоръ духовной академіи, протопресвитеръ придворнаго духовенства А. А. Дерновъ, и. д. оберъ-прокурора Св. Синода камергеръ А. Н. Волжинъ, высшіе чины синодальныхъ учреждений и члены комиссіи.

Послѣ небольшой рѣчи и. д. оберъ-прокурора о значеніи дѣятельности комиссіи прочитана была царская грамота, данная 6-го декабря Св. Синоду по случаю пятидесятилѣтія комиссіи. Вотъ текстъ ея:

«Высочайшая грамота, данная Святѣйшему Правительствующему Синоду.

«Въ 1865 году для разбора и описанія документовъ и дѣлъ, хра-

нящихся въ архивѣ Святѣйшаго Синода, державною волею въ Бсзѣ почивающаго дѣда Моего императора Александра II учреждена была комиссія. Привлекая къ участию въ своихъ работахъ не только лицъ, интересующихся родною стариною, но и представителей науки и археологическихъ знаній, комиссія въ продолженіе минувшаго пятидесятилѣтія своей дѣятельности успѣла привести архивъ, хранящій цѣнные матеріалы по исторіи русской церкви, въ положеніе, отвѣчающее строгимъ научнымъ требованіямъ и вопросамъ, издала и съ не ослабѣвающимъ усердіемъ продолжаетъ издавать въ печати многочисленные труды свои по описанію дѣлъ и документовъ и приняла заботы объ объединеніи мѣръ къ охранѣ письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ родной старины, въ обиліи сохранившихся въ учрежденіяхъ духовнаго вѣдомства.

«Нынѣ, въ день исполняющагося пятидесятилѣтія со времени учрежденія комиссіи, съ чувствомъ удовлетворенія останавливая вниманіе на ея заслугахъ, Мы выражаемъ всѣмъ сотрудникамъ ея Наше Монаршее благоволеніе и твердую увѣренность, что она и въ будущемъ подъ опытнымъ и просвѣщеннымъ руководствомъ своего предсѣдателя академика Соболевскаго, развивая и усовершеншая свою дѣятельность, послужитъ пользамъ и славѣ отечественной церковной науки.

На подлинной Собственной Его Императорскаго Величества рукою начертано:

«НИКОЛАЙ»

Въ Царскомъ Селѣ.
6 декабря 1915 года.

Послѣ этого прочтены были двѣ грамоты отъ Святѣйшаго Синода,—одна съ благословеніемъ всѣмъ членамъ комиссіи и другая съ благословеніемъ иконою Всемилостиваго Спаса предсѣдателя комиссіи академика А. И. Соболевскаго.

Затѣмъ слѣдовали рѣчи: предсѣдателя комиссіи—о значеніи изданій комиссіи и цѣнности находящихся въ нихъ историческихъ матеріаловъ; дѣлопроизводителя комиссіи К. Я. Здравомыслова—объ обстоятельствахъ учрежденія комиссіи, о полувѣковой ея дѣятельности, съ воспоминаніями о почившихъ членахъ; члена комиссіи Б. Н. Жуковича—объ архивѣ бывшихъ греко-уніатскихъ митрополитовъ; привѣтствіе отъ петроградской синодальной типографіи, гдѣ главнымъ образомъ печатаются изданія комиссіи; наконецъ телеграмма привѣтственная, послѣ чего предсѣдатель благодарилъ гостей за пожалованіе на тихій праздникъ скромнаго юбиляра. Всѣмъ присутствовавшимъ роздана была напечатанная къ юбилею «Историческая записка» о дѣятельности комиссіи.

К. Здравомысловъ.

СЕЛО СПАССКОЕ-ЛУТОВИНОВО, УСАДЬБА И. С. ТУРГЕНЕВА.

(Описание усадьбы и дома, какимъ онъ былъ при жизни И. С. Тургенева, съ планомъ дома и флигеля.)

СЕЛО СПАССКОЕ-Лутовиново, бывшее имѣніе И. С. Тургенева (теперь принадлежитъ О. В. Галаховой), находится въ Мценскомъ уѣздѣ Орловской губерніи и частью переходитъ въ Чернскій уѣздъ Тульской губерніи. Отъ Мценска до Спасскаго—двѣнадцать верстъ, а отъ полустанка Московско-Курской желѣзной дороги Бастыево—пять верстъ. Желаящимъ побывать въ Спасскомъ слѣдуетъ ѣхать по Московско-Курской желѣзной дорогѣ до станціи Мценскъ, которая расположена въ самомъ городѣ; стоимость проѣзда отъ станціи на извозчикѣ отъ полутора до двухъ рублей. При выѣздѣ изъ города по Троицкой улицѣ дорога поднимается на Виселевскую гору, съ вершины которой развертывается красивая панорама города Мценска. Дорога идетъ большимъ Бѣлевскимъ трактомъ, вдоль праваго берега рѣки Зуши, по тому же берегу также идетъ и линія Московско-Курской желѣзной дороги, пересѣкающая Бѣлевскій трактъ. Первая подгородная деревня на этомъ трактѣ—Нижняя-Зароща; проѣхавъ по деревнѣ и по мосту, построенному черезъ рѣчку Зарощу, отъ которой получила названіе и деревня, нужно свернуть на проселокъ, идущій отъ Нижней-Зарощи до сельца Катушищева. Отъ Катушищева рукой подать до Спасскаго,—всего не болѣе двухъ верстъ. При выѣздѣ въ село прежде всего бросается въ глаза часовня, построенная на средства Ивана Сергѣевича Тургенева въ память Александра II, но не радуешь ея виѣшній видъ въ настоящее время...

Самое село расположено на ровном мѣстѣ; избы, стоящія въ два ряда, большею частью деревянныя, крыты соломой, только за послѣднее время стали строиться кирпичныя. Видъ села самый заурядный. Сейчас же, какъ кончаются крестьянскія избы, выгонъ съ неизмѣнной «гамазеей» для засыпки общественнаго хлѣба. По лѣвую сторону дороги, прижавшись къ фруктовому саду Ивана Сергѣевича, стоятъ двѣ небольшія усадьбы бывшихъ дворовыхъ людей Тургенева. За усадьбами, все съ той же лѣвой стороны, продолжается ограда фруктоваго сада, потомъ маленькій домикъ—бывшая Тургеневская богадѣльня; рядомъ съ богадѣльней рѣшетчатые ворота въ усадьбу Тургенева и зданіе училища; вправо отъ училища къ саду каменная церковь Спаса-Преображенія. Съ правой стороны дороги раскинулась небольшая слободка, называемая крестьянами Поповка; здѣсь стоятъ усадьбы священнослужителей Спасской церкви и далѣе противъ училища небольшое кладбище, упраздненное въ 1870 году, по срединѣ котораго высится полуразрушенный мавзолей рода Лутовиновыхъ, окруженный елями и весь обросшій кустами бузины. Мавзолей разрушается и представляетъ собою руину.

Барскаго дома че видно съ улицы: искусно скрытый деревьями, онъ словно прячется отъ посторонняго глаза. Въѣзжаешь на дворъ. Но тихо, никто не выходитъ встрѣчать, никого не видно въ окнахъ... Передъ глазами развертывается картина забытаго, сиротливаго, когда-то кипѣвшаго жизнью дворянскаго гнѣзда. Что называлось главнымъ домомъ, гдѣ выросъ Иванъ Сергѣевичъ и гдѣ помѣщался онъ во время своихъ пріѣздовъ изъ-за границы, и носило названіе «главнаго дома», то это были остатки огромныхъ старыхъ хоромъ, большая часть которыхъ сгорѣла въ 1843 году.

Центральное строеніе, какъ передавалъ Иванъ Сергѣевичъ, заключало въ себѣ громадную залу въ два свѣта съ колоссальными колоннами изъ цѣльнаго ясеня. Къ хоромамъ примыкали справа и слѣва огромные флигеля, каждый изъ двухъ длинныхъ корпусовъ, образующихъ прямой уголъ. Этимъ угломъ флигеля выходили къ въѣзду. Что уцѣлѣло отъ пожара, было лишь правымъ флигелемъ, который соединялся съ главнымъ домомъ каменною, крытою желѣзомъ галлереей. Флигель имѣлъ мезонинъ. Домъ этотъ сгорѣлъ въ 1905 году, во время разгута новобранцевъ, уцѣлѣла лишь каменная галлерей, въ которую нынѣ ссыпаютъ картофель. На мѣстѣ сгорѣвшихъ хоромъ и лѣваго флигеля и по старому двору разросся садъ. Около дома, съ одной стороны, прилегающей къ двору, находится нѣсколько строеній: флигель, обложенный кирпичомъ, который уцѣлѣлъ и до настоящаго времени (въ этомъ флигелѣ И. С. Тургеневъ жилъ во время ссылки, когда въ 1852 году за напечатанный о Гоголѣ некрологъ его отправили въ Спасское на жительство), баня, ледникъ, конюшня съ каретнымъ сараемъ, а на противо-

положной сторонѣ двора небольшой деревянный домъ для караульщика. Дворъ и дорожки между строеніями поросли густою травой.

Начиная описывать расположеніе дома и что въ немъ находилось, я беру то время, когда все было цѣло и ничего не тронута и не увезено наслѣдниками послѣ его смерти, т. е. до 22-го августа 1883 года, и прилагаю планъ дома и флигеля. Въ домѣ было нѣсколько подъѣздовъ: три подъѣзда со стороны прежняго задняго двора; изъ нихъ одинъ велъ на мезонинъ и служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ чернымъ ходомъ, другой велъ въ ту часть дома, гдѣ помѣщался Яковъ Петровичъ Полонскій съ семьей, а третій велъ на кухню. Главнымъ подъѣздомъ поневолѣ сдѣлалась терраса, выходящая въ цвѣтникъ; хотя справа и былъ парадный подъѣздъ, находящійся въ каменной галлерей, но имъ почти никогда не пользовались, и посѣтители, какъ это ни странно, подъѣзжали къ террасѣ и входили прямо въ маленькую гостиную.

Передъ террасой на площадкѣ разбиты были клумбы, сплошь усыянные цвѣтами; на главной клумбѣ посрединѣ была посажена елка; съ террасы открывался прелестный видъ на цвѣтникъ. Маленькая гостиная въ то время замѣняла прихожую. Въ ней стоялъ диванъ «самосонъ»; онъ былъ заброшенъ въ сараѣ, и только позднѣе И. С. Тургеневъ вспомнилъ о немъ, велѣлъ привести его въ порядокъ и внести въ гостиную; это было въ послѣдній пріѣздъ Ивана Сергѣевича въ Спасское въ 1881 году. Тургеневъ увѣковѣчилъ этотъ диванъ, весьма точно описавъ его въ повѣсти «Наканунъ». По стѣнамъ гостиной стояли стулья краснаго дерева съ бронзовыми украшениями, съ сидѣньями, обитыми тисненой кожей. Надъ «самосономъ» висѣлъ портретъ отца Ивана Сергѣевича—Сергѣя Николаевича; раньше на этомъ мѣстѣ висѣлъ портретъ Николая Сергѣевича Тургенева, брата Ивана Сергѣевича. Въ гостиной было три двери: одна направо вела въ столовую, примыкавшую къ упомянутой крытой каменной галлерей, ведущей къ сторѣвшему главному корпусу; другая налѣво въ «угольную гостиную», комнату, составлявшую упомянутый уголь дома, третья дверь—прямо противъ входа, вела въ коридоръ; изъ коридора по лѣстницѣ можно было подняться въ мезонинъ. Въ столовой по срединѣ стоялъ старинный раздвижной дубовый столъ, стулья были, какъ и въ гостиной, краснаго дерева, съ бронзовыми украшениями, налѣво у стѣны стоялъ огромный рѣзной буфетъ. Голыя стѣны комнаты оживлялись лишь однимъ портретомъ: на немъ былъ изображенъ мужчина въ зеленомъ камзолѣ Екатерининскихъ временъ, обшитомъ галуномъ, въ трехугольной шляпѣ. Портретъ былъ проколотъ, повидимому, шпагой, какъ разъ на мѣстѣ сердца изображеннаго мужчины. Не трудно было узнать въ этомъ портретѣ прототипъ картины, описанной Тургеневымъ въ одной изъ его повѣстей «Три портрета». Преданіе, вполне сходное съ содержаніемъ Тургеневской повѣсти,

долго держалось среди старых дворовых. Старик бурмистръ и горничная матери Тургенева, умершая въ Тургеневской богадѣльнѣ, подтверждали мнѣ, что дядя матери Ивана Сергѣевича, Иванъ Ивановичъ Лутовиновъ, сдѣлалъ роковой проколъ. Остальные фамилльные портреты Лутовиновскаго рода были только позднѣ привезены изъ московскаго пречистенскаго дома послѣ смерти брата Тургенева, Николая Сергѣевича, и развѣшены въ столовой передъ послѣднимъ приѣздомъ Ивана Сергѣевича въ Спасское лѣтомъ въ 1881 года. Изъ маленькой гостиной, служившей прихожей, налѣво вела дверь въ «угольную гостиную», мебель въ ней была мягкая, обитая темнозеленымъ сафьяномъ, работы Тура; по стѣнамъ висѣли роскошныя Каламовскія гравюры, изображавшія стадо, охоту и проч., и портретъ любимой собаки Ивана Сергѣевича «Діанки». «Діанка», умнѣйшая изъ четвероногихъ, упомянутая въ отрывкѣ «Довольно», погребена въ спасскомъ саду подъ дубомъ, недалеко отъ дома. Въ углу, направо отъ входа въ «угловую гостиную», стояла стеклянная горка, на которой были разставлены старинныя фарфоровыя вазы, чашки и разныя бездѣлушки. На ломберномъ столѣ у окна стояли бронзовыя съ фигурами часы Нортонской работы. Угольной гостиной оканчивался первый корпусъ флигеля, тянувшійся съ сѣвера къ югу, вдоль стараго двора, и начинался примыкавшій подъ прямымъ угломъ второй, болѣе длинный корпусъ, расположенный съ востока на западъ. Въ этомъ направленіи изъ «угольной гостиной» дверь вела въ кабинетъ Ивана Сергѣевича, который вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ ему и спальней. Между окнами, къ простѣнку бокомъ, стоялъ письменный столъ Тургенева, передъ столомъ большое старинное полумягкое кресло; на столѣ, кромѣ письменныхъ принадлежностей, стоялъ старинный темнобронзовый подсвѣчникъ на двѣ свѣчи съ подвижнымъ стекляннымъ абажуромъ, имѣвшимъ какой-то замысловатый рисунокъ. Въ углу висѣлъ большого размѣра образъ Нерукотвореннаго Спаса съ богатымъ серебрянымъ вѣнцомъ, украшеннымъ драгоценными камнями. Про эту икону Иванъ Сергѣевичъ говаривалъ, что она въ ихъ роду со временъ Іоанна Грознаго.

Противъ стола, у стѣны, за ширмами изъ карельской березы, раскрашенными цвѣтами, стояла широкая краснаго дерева кровать безъ полога; около кровати небольшой, круглый, изъ карельской березы столикъ, а сбоку у стѣны небольшой гардеробъ. На простѣнкѣ у стола висѣли три литографированные портрета: наверху портретъ какой-то пожилой женщины, а ниже еще два портрета: изъ нихъ одинъ В. Г. Бѣлинскаго, а другой М. С. Щепкина. На другой стѣнѣ, сзади кресла, висѣлъ портретъ отца Ивана Сергѣевича, Сергѣя Николаевича,¹⁾ въ бѣломъ кавалергардскомъ мундирѣ, съ

¹⁾ Послѣ портретъ повѣсили надъ «самосономъ» въ маленькой гостиной.

георгіевскимъ крестомъ, съ прекраснымъ, юношескимъ, почти женскимъ лицомъ; ниже висѣло въ рамкѣ за стекломъ нарисованное красками родословное дерево рода Лутовиновыхъ. Это была акварель большого размѣра, около полутора аршина въ вышину, представлявшая дубъ; среди вѣтвей и зеленой листвы виднѣлись въ кругахъ имена отдѣльныхъ членовъ безконечнаго Лутовиновскаго рода. Направо отъ двери шкапъ съ книгами. Далѣе, рядомъ съ кабинетомъ, помѣщалась комната, которая носила названіе «казино»; дала ей это названіе мать Ивана Сергѣевича, Варвара Петровна. Вся мебель въ «казино» была изъ карельской березы; передъ диваномъ стоялъ огромный овальной формы столъ «геридонъ» съ шестью ящиками, ручки которыхъ, бронзовыя, имѣли видъ собачьихъ головъ. Верхняя доска стола была сдѣлана изъ четырехъ цѣльныхъ кусковъ карельской березы; Иванъ Сергѣевичъ рассказывалъ, что за этимъ столомъ они съ братомъ Николаемъ Сергѣевичемъ учились въ дѣтскіе годы. Тургеневъ придавалъ этому столу большую цѣнность и значеніе рѣдкости. Надъ диваномъ висѣлъ портретъ поэта Тютчева, по стѣнамъ стояли шкапы съ книгами: англійскими, французскими и итальянскими; всѣ шкапы были занумерованы. Изъ «казино» вела дверь и маленькая лѣсенка въ садъ на югъ; террасы передъ «казино» раньше не было, она была выстроена, когда передѣлывали домъ въ ожиданіи лѣтняго приѣзда Ивана Сергѣевича въ 1881 году.

Изъ «казино» и изъ кабинета были еще малыя и дверки въ особый коридорчикъ, который велъ въ «Савинскую» комнату, расположенную рядомъ съ «казино», окнами на сѣверъ, во дворъ. Названіе «Савинской» она получила съ 1881 года, когда Иванъ Сергѣевичъ послѣдній разъ гостилъ въ родовомъ имѣніи. Эту комнату занимала тогда приѣхавшая гостить къ Ивану Сергѣевичу Марья Гавриловна Савина, а первоначально комната эта также предназначалась для приѣзда гостей; такъ, въ ней во время своихъ приѣздовъ въ Спасское жили: Д. В. Григоровичъ, Н. В. Гербель, графъ Л. Н. Толстой, въ ней жилъ въ 1872 году извѣстный Рольстонъ, гостившій у Ивана Сергѣевича. Тургеневъ нарочно устраивалъ для него народные праздники въ Спасскомъ. Одновременно съ М. Г. Савиной у Тургенева въ 1881 году цѣлое лѣто гостилъ Яковъ Петровичъ Полонскій съ своимъ семействомъ и В. М. Гаршинъ.

Далѣе, по направленію этого корпуса, дверь вела изъ «казино» въ библіотеку; эта комната выходила окнами на двѣ стороны: въ садъ и во дворъ; посрединѣ стоялъ бильярдъ; стѣны были сплошь и подъ самый потолокъ уставлены шкапами съ книгами. Библіотека была приведена въ порядокъ старичкомъ землемѣромъ. Дмитриемъ Ивановичемъ Брюхановымъ, который производилъ размежевку имѣній Ивана Сергѣевича и затѣмъ прожилъ у него слишкомъ пять лѣтъ; библіотека включала слишкомъ пять тысячъ названій и имѣла обстоятельный каталогъ. Въ Тургеневскую библіотеку вошла часть

библиотеки В. Г. Бѣлинскаго, которую послѣ его смерти Иванъ Сергѣевичъ купилъ и которая состояла изъ журналовъ того времени. Въ библиотекѣ было много цѣнныхъ и рѣдкихъ экземпляровъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ; нѣкоторыя книги впоследствии Иваномъ Сергѣевичемъ пожертвованы въ императорскую публичную библиотеку.

Во всю длину корпуса слѣдовали одна за другой, безъ коридора, небольшія комнаты, которыя въ послѣдній прїѣздъ занимала семья Полонскихъ и В. М. Гаршинъ. Комнаты эти изъ себя ничего особеннаго не представляли, кромѣ одной, которая была рядомъ съ библиотекой; въ ней по стѣнамъ были развѣшены старинныя гравюры, изображавшія различныя сцены охоты, да въ рамкахъ подъ стекломъ висѣли два патента на чины штабъ-ротмистра и ротмистра, отца Ивана Сергѣевича, подписанные императоромъ Павломъ. Въ мезонинѣ изъ упомянутого выше коридора вела узенькая лѣстница. Въ мезонинѣ было три небольшихъ комнаты: въ одной изъ нихъ, которая была замкнута, былъ сваленъ разный хламъ, преимущественно масса связокъ старыхъ дѣлъ, плановъ, какіе-то длинные свернутыя въ трубку пергаментныя листы съ висячими печатами на шнурахъ; вѣроятно, между ними были очень старыя родовыя грамоты; всѣхъ этихъ документовъ впоследствии и слѣда не осталось. Камердинеръ Ивана Сергѣевича, Захаръ-Кривой, не зная имъ цѣны, свезъ ихъ въ городъ Мценскъ и продалъ на обертки въ лавки. При усадьбѣ не было хозяйственныхъ построекъ—всѣ онѣ размѣщены были на хуторѣ Петровскомъ. Такимъ образомъ докучныя дневные звуки не долетали до слуха Ивана Сергѣевича, и онъ, окруженный тишиною, весь погружался въ творчество.

Отъ дома мѣстность по направленію къ сѣверу представляетъ пологую покатость, на которой разбитъ садъ. Этотъ нѣмой свидѣтель прошлаго, разрастается все пышнѣе и пышнѣе. Всѣ эти многочисленные и разнообразныя породы деревьевъ, собранныя на этомъ пространствѣ, нельзя назвать «садомъ», «паркомъ» или «лѣсомъ»—здѣсь все это перемѣшалось и въ смѣшеніи образовало что-то такое стройное, гармоничное, полное художественнаго значенія, чему нѣтъ названія. Для воссозданія этого великолѣпія лѣсное царство обрабатывалось по вкусу нѣсколькихъ поколѣній; къ силѣ природы прибавлялось усиліе тысячъ рукъ человѣческихъ—вотъ и получилось то, что носитъ имя «сада» при усадьбѣ села Спасскаго: стройныя, серебристыя тополи, необъятной высоты, многое выдавшія на своемъ вѣку липы, раскинувшіяся вширь и бѣлыми колоннами поднимающіяся кверху статныя березы, крѣпко сидящія въ землѣ, съ вѣчною тѣнью подъ ними могучіе дубы. И надъ всѣмъ этимъ, развѣтвленнымъ и опушеннымъ листьями всевозможнаго вида и разнообразныхъ красокъ зеленымъ царствомъ поднимаютъ свои остроконечныя кроны красавицы-ели, раскидываютъ неправиль-

ной формы шатры изъ иглъ многовѣковья сосны. А ниже, въ срединѣ этого зеленого царства, набросаны купы орѣшника, боярышника, островки вишенъ и сливъ... Въ направленіи къ востоку (идя отъ дома) преобладаютъ липы, березы и дубы, а частью ясень и осина. Въ сѣверо-восточномъ углу цѣлая роща столѣтнихъ елей, ни одна травка не растетъ подъ ними—такъ близко приблизились ихъ вершины,—словно въ дремучій боръ, не одну сотню лѣтъ стоящій, поподали вы здѣсь... Къ сѣверу высятся липы, а за ними старья, старья сосны, **наклонившіеся вершинами**, словно любятъ своимъ отраженіемъ въ ровной поверхности заросшаго, какъ бы уснуваго пруда. На западѣ опять преобладаютъ липы, а за ними цѣлая березовая роща раскинулась по оврагу и скатамъ его. Въ срединѣ недалеко отъ дома—многочисленныя запущенныя гряды клубники, кусты крыжовника и смородины, полуразрушенныя оранжереи, остатки парниковъ... Все это восхитительное пространство съ востока окружено землянымъ валомъ, съ юга обрамлено такъ называемымъ большимъ прудомъ, а съ запада съ одной стороны переходитъ въ заросшее пространство, а съ другой прерывается глубокимъ ровомъ. А каково въ саду разнообразіе пернатого міра!..

Въ этомъ саду художникъ чувствовалъ себя въ другомъ мірѣ, и передъ его духовными очами преносились стройной чередой образы и событія. Какъ извѣстно, всѣ описанія природы въ произведеніяхъ Тургенева неподражаемы въ ихъ художественномъ исполненіи. Садъ Спасскаго сыгралъ немалую роль въ развитіи одной изъ яркихъ чертъ въ художникѣ—его необыкновенной любви къ природѣ и чуткости ея пониманія. Вотъ почему Иванъ Сергѣевичъ при раздѣлѣ съ братомъ наслѣдства оставилъ Спасское за собою, а потомъ, продавъ всѣ имѣнія, оставилъ только его. Часто находясь въ самомъ критическомъ положеніи, онъ, однако, не рѣшался продать Спасское, съ которымъ сроднилась его артистическая натура. Разбросанныя во многихъ частяхъ сада купы липъ, пользовавшихся особеннымъ расположеніемъ Ивана Сергѣевича, образовали бесѣдки; и теперь еще сохранились полусгнившіе столбы—остатки лавокъ и столовъ. Здѣсь часто сиживалъ писатель-художникъ и передавалъ свои мысли бумагѣ. Недалеко отъ церкви была круглая бесѣдка изъ высокихъ липъ, въ которой былъ написанъ «Рудинъ»

Во время своего безвыѣднаго пребыванія (1852—1855 гг.) въ Спасскомъ Иванъ Сергѣевичъ собственными руками насадилъ большую липовую аллею, получившую названіе «Аллеи сыльнаго». Она теперь разрослась, и жаль, что нѣкоторыя деревья погибли. Недалеко отъ большого пруда высоко поднимается къ небу ель «Два брата». Представьте себя штабъ, обхвата въ два толщины, который на высотѣ приблизительно полуторы сажени раздѣляется на двѣ совершенно симметричныя другъ другу части. Приѣзжавшіе въ Спасское представители литературы и искусства вырѣзали

на «Двухъ братьяхъ» свои инициалы. Умеръ Иванъ Сергѣевичъ, и въ Спасское стали прїѣзжать почитатели его таланта и своими ничѣмъ не замѣчательными именами изрѣзали весь штабъ. Очень жаль, что испорчена эта живая лѣтопись посѣтителей Спасскаго при жизни его владѣльца.

Недалеко отъ «Двухъ братьевъ» къ западу изъ одного мѣста поднимаются три штаба липъ (отъ запада къ востоку). На одномъ изъ нихъ, западномъ, Тургеневъ въ каждый свой прїѣздъ вырѣзалъ букву Т. Здѣсь была лавка, на которой передъ вечеромъ любилъ сидѣть Иванъ Сергѣевичъ. Въ березнякѣ недалеко отъ пруда масса грачиныхъ гнѣздъ. Тутъ есть засыпанная яма, и мѣсто это слыветъ подъ именемъ «Грачевника». Исторія его слѣдующая: страстный любитель природы во всѣхъ ея проявленіяхъ, Тургеневъ не велѣлъ разорять грачиныхъ гнѣздъ, а задумалъ здѣсь вырыть колодезь, около него выстроить часовенку и поставить въ ней икону св. Герасима. Стали рыть, но до воды никакъ не могли докопаться; тогда яму засыпали; теперь она поросла папоротникомъ. Во всемъ саду есть только одна прямая дорожка, идущая съ юга на сѣверъ, къ «Большому пруду». Рядомъ съ нимъ есть другой, «Кузнечный», теперь совсѣмъ заросшій. Почти въ полуверстѣ отсюда къ западу, если итти вдоль оврага, есть еще третій прудъ «Варнавицкій»—собственно мѣсто, на которомъ онъ былъ, такъ какъ въ 1822 году случилась страшная гроза съ ливнемъ, переполнившимъ прудъ. Плотина не выдержала, и прудъ ушелъ. Около него былъ колодезь, бывшій раньше подъ навѣсомъ. Сюда-то каждый день послѣ обѣда съ кружкой въ рукѣ приходилъ Иванъ Сергѣевичъ пить воду; онъ не могъ нахвалиться качествомъ воды и часто говорилъ, что такой вкусной не приходилось ему пить нигдѣ за границей. Къ югу отъ колодца, наверху стояла усадьба, принадлежавшая Кудряшеву, сверстнику и слугѣ Тургенева, бывшему съ нимъ въ Берлинѣ; это тотъ самый Кудряшевъ, который, убравъ комнаты, самъ уходилъ вслѣдъ за бариномъ въ университетъ и слушалъ лекціи, а потомъ выдержалъ экзамень на врача.

Народная фантазія наполнила садъ разными привидѣніями. И до сихъ поръ спасскіе крестьяне передаютъ, что о полночь по плотинѣ, около пруда, по дорожкамъ ходятъ какіе-то люди и чего-то ищутъ.

Въ полуверстѣ отъ Спасскаго находится хуторъ Петровскій, описанный въ «Отцахъ и дѣтяхъ». Въ немъ сосредоточено управленіе имѣніемъ. Верстахъ въ восемнадцати отъ Спасскаго, въ Черномскомъ уѣздѣ Тульской губерніи находится село Тургенево, родовое имѣніе Николая Сергѣевича Тургенева, доставшееся ему при раздѣлѣ послѣ смерти матери, Варвары Петровны; теперь оно принадлежитъ родственникамъ его жены.

Тѣ названія лѣсовъ, урочищъ и деревень, съ которыми вы позна-

комились изъ «Записокъ охотника» или повѣстей, вы уже слышите отъ крестьянъ на пространствѣ между Спасскимъ и Тургеневымъ и вокругъ нихъ. «Трацкое», «Пришній», «Высокое», «Чаплыгино» «Колотовка», «Варнавицы», и въ умѣ возстаютъ вереницы образовъ и событій, вызываемыя этими именами. Вотъ она передъ глазами та березовая роща, въ которой знаменитый охотникъ схватилъ во всей ея полнотѣ безысходную тоску молодой дѣвушки, только чувствующей, но не хотѣвшей сознаться, то есть констатировать фактъ, что она обманута... Вотъ и «Вѣжинъ лугъ»¹⁾, на которомъ заблудившійся послѣ охоты Тургеневъ, лежа подъ обглоданнымъ кустикомъ изучалъ безхитрое, полное чарующей прелести міросозерцаніе крестьянскихъ дѣтей... Вотъ и «Колотовка»²⁾, гдѣ въ «Пришнемъ» происходило знаменитое состязаніе пѣвцовъ и гдѣ авторъ подмѣтилъ у русскаго народа чувство высшей эстетической красоты, а потомъ, спускаясь съ горы, въ вечернемъ сумракѣ долго слышалъ перекрикиванія двухъ мальчиковъ по поводу того, что одного изъ нихъ, Антропку, тятка «высѣчь хочетъ»... А вотъ и садъ «Три встрѣчи» при селѣ «Глинскомъ»³⁾, любясь которымъ при возвращеніи съ охоты, писатель понялъ самъ, а потомъ такъ художественно выразилъ, какая цѣльность получается въ природѣ, когда къ краскамъ коснется звукъ... Вотъ и «Чаплыгино»⁴⁾, куда Тургеневъ ребенкомъ ходилъ гулять съ своимъ гувернеромъ. На каждомъ почти шагу встрѣчаешь какъ будто знакомыя мѣста,— такъ художественно вѣрно сдѣланы описанія мѣстностей въ произведеніяхъ нашего писателя.

22-го августа 1913 года исполнилось тридцать лѣтъ послѣ смерти Ивана Сергѣевича, и приходится отмѣтить тотъ грустный фактъ, что родина его ничѣмъ не почтила память своего великаго земляка. Между тѣмъ въ ту эпоху, которую мы теперь переживаемъ, сдѣланное что-нибудь, достойное имени великаго человѣка, напомнило бы его идеалы правды, добра, красоты и любовь къ ближнему, завѣщанные русскому народу, который онъ такъ горячо любилъ.

М. Щепкинъ.

¹⁾ 4 версты отъ Тургенева.

²⁾ 2 версты отъ него же.

³⁾ 10 верстъ отъ Спасскаго.

⁴⁾ 3 версты отъ Петровскаго.

ПЛАНЫ ТУРГЕНЕВСКОЙ УСАДЬБЫ.

СОСТАВИЛЪ М. ЩЕПКИНЪ.

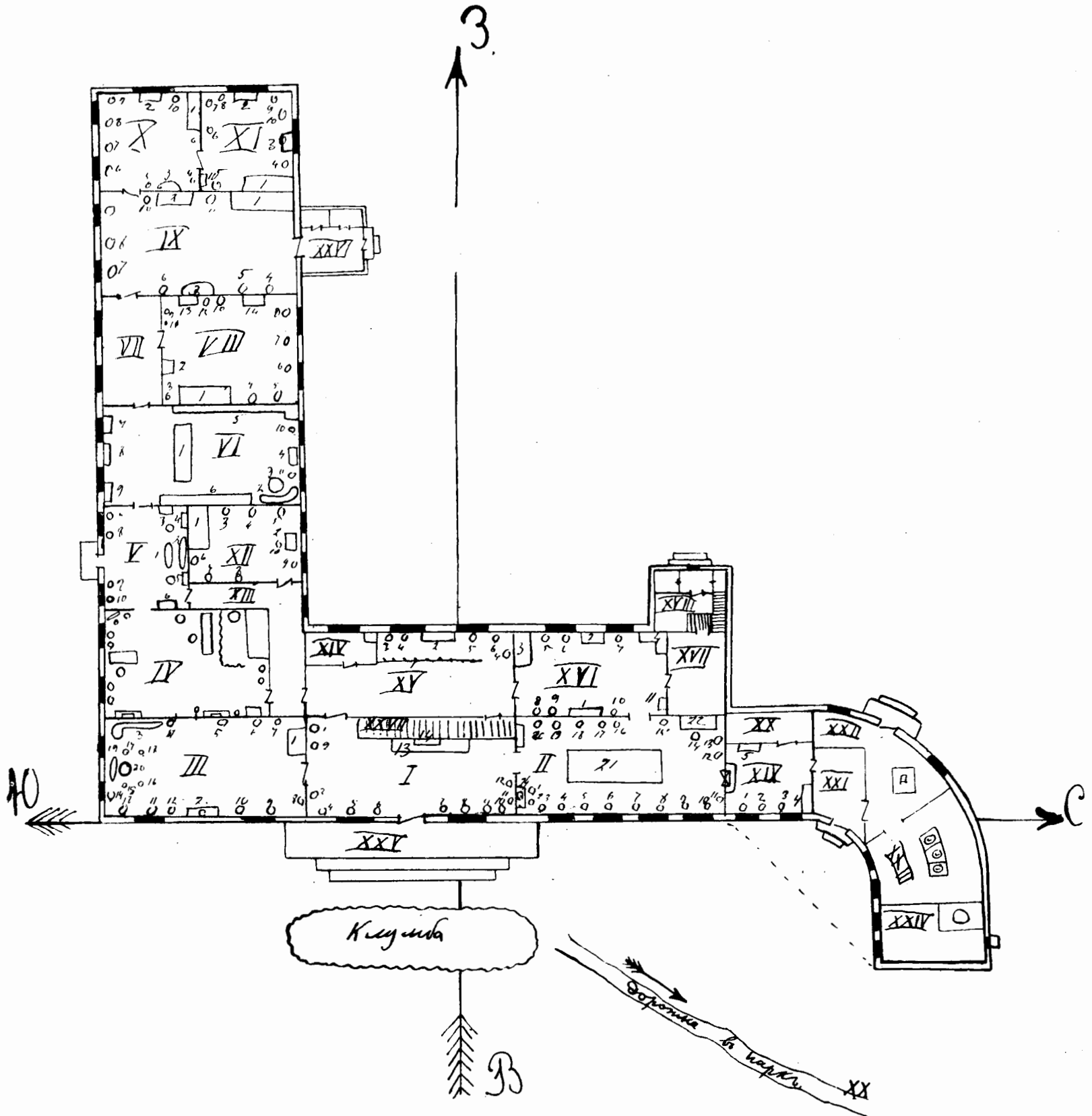
1914 Г.

ПЛАНЪ № 1.

Тургеневскій домъ до 22 августа 1883 года.

Сгорѣлъ въ 1905 году, угольная каменная пристройка обозначена пунктиромъ.

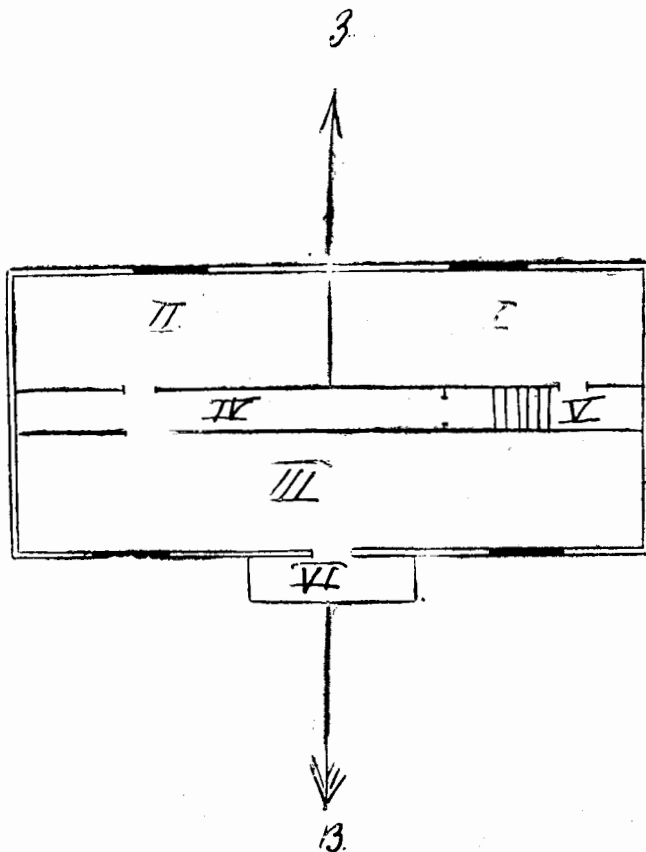

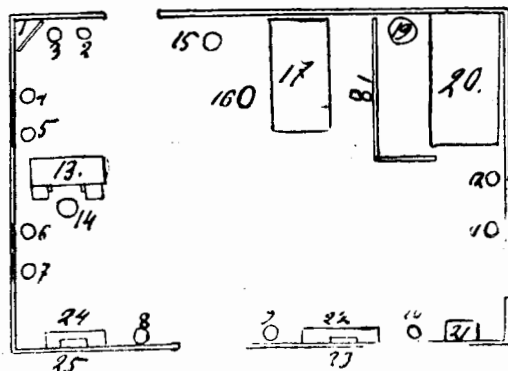
ПЛАНЪ № 2.

Мезонинъ Тургеневакаго дома, до 22 августа 1883 г.

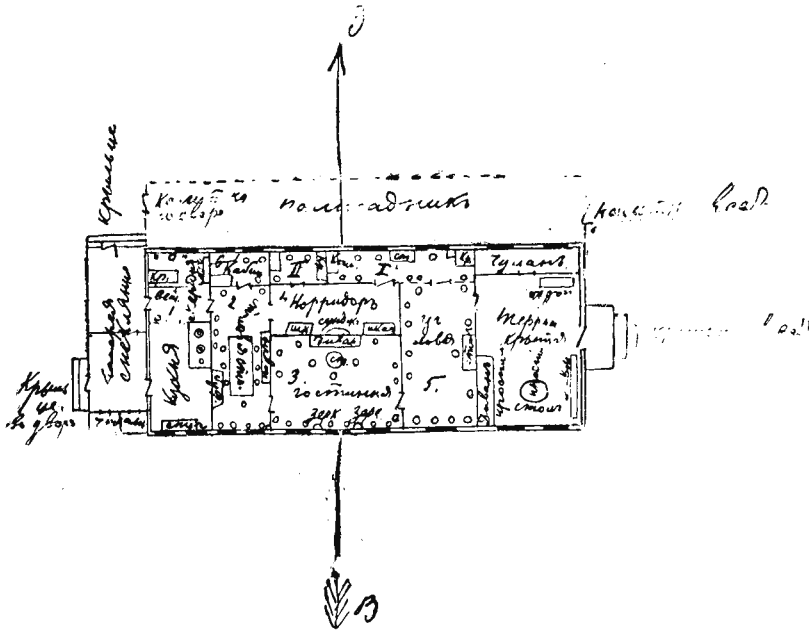
ПЛАНЪ № 3.

Кабинетъ И. С. Тургенева, до 22 августа 1883 г. (съ обетановкой).

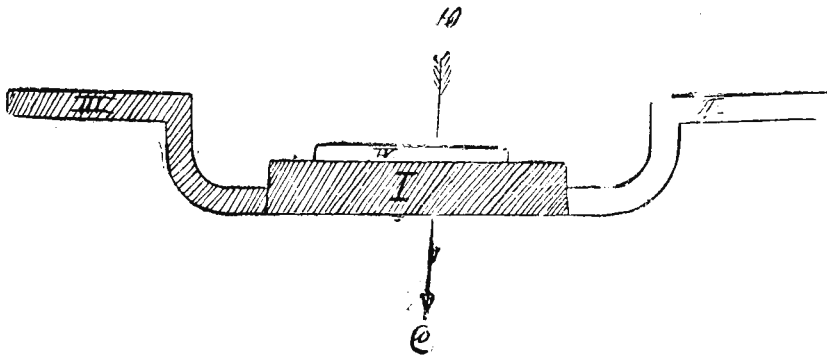
ПЛАНЪ № 4.

Флигель обложенный кирпичемъ, въ которомъ жилъ И. С. Тургеневъ въ 1853 - 1855 г.г.

ПЛАНЪ № 5.

I. Большой домъ, который сгорѣлъ въ 1843 году. — II. Правый флигель, который впоследствии сталъ называться большимъ домомъ и въ немъ жилъ И. С. Тургеневъ. Сгорѣлъ въ 1905 году. — III. Левый флигель тоже сгорѣлъ въ 1843 году. — IV. Балконъ.

ПЛАНЪ № 1.

Тургеневскій домъ до 22 августа 1883 года.

Сгорѣлъ въ 1905 году, уцѣлѣвшая каменная пристройка обозначена пунктиромъ.

I. Маленькая гостиная.

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12. Стулья краснаго дерева съ бронзовыми украшеніями.—13. Диванъ «самосонъ».—14. Портретъ брата Ник. Серг. Тургенева.

II. Столовая.

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19 и 20. Стулья краснаго дерева съ бронзовыми украшеніями.—21. Старинный дубовый раздвижной столъ.—22. Піанино (было купл. И. С. Тург. въ послѣдній пріѣздъ въ 1881 г.).—23. Буфетъ дубовый рѣзной.—24. Портретъ мужчины въ зеленомъ камзолѣ Екатерининскихъ временъ, проколотый шпагой.

III. «Угловая гостиная».

1. Горка кр. дерева съ старин. фарфоромъ.—2. Ломберный столъ красн. дер., на столѣ бронзовые часы Нортонской раб.—3. Кухетка, обитая сафьяномъ темнозеленымъ.—4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18. Мягкія кресла, обитыя зеленымъ сафьяномъ, раб. Тура.—19. Диванъ (тоже).—20. Столъ круглый краснаго дерева.

IV. Кабинетъ И. С. Тургенева. (Смотри отд. планъ).

V. «Казино».

1. Столъ карельской бер. (геридонъ).—2. Диванъ тоже кар. бер.—3, 4, 5 и 6. Шкафы съ книгами тоже кар. березы.—7, 8, 9 и 10. Кресла, обитыя зеленымъ трипомъ (карельской же березы).

VI. Библіотена.

1. Бильярдъ дубовый.—2. Диванъ красн. дер., обитый кожей.—3) Круглый красн. дер. столъ.—4, 5, 6, 7, 8, 9. Шкафы большія кр. дер. съ книгами.—10 и 11. 2 мягкихъ обитыхъ кожей кресла.

VII. Проходныя комнаты безъ мебели.

VIII. Комната, гдѣ жилъ В. М. Гаршинъ.

1. Кровать красн. дерева.—2. Столикъ письменный красн. дерева.—3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12. Стулья красн. дерева, обитыя кожей.—13 и 14. Въ рамкахъ подъ стекломъ два патента на чины, подписанные импер. Павломъ I, отцу Ив. Серг.

IX. Комнаты, которыя занималъ Я. П. Палонскій съ семьей *).

1. Гардеробъ березовый.—2. Столъ орѣховый.—3. Диванъ березовый, обитый кретономъ.—4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 11. Стулья буковые.

X. 1. Кровать желѣзная.—2. Столъ письменный орѣховый.—3. Диванчикъ маленькій мягкій, обитый кретономъ.—4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 11. Стулья буковые.

XI. 1. Кровать желѣзная.—2. Кровать желѣзная.—3. Столъ письменный побольшей.—4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10. Стулья буковые.—11. Комодъ орѣховый.

XII. «Савинская комната»:

1. Кровать красн. дерева.—2. Туалетъ тоже красн. дерева.—3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10. Стулья красн. дерева, были обиты синимъ штефамъ.

XIII. Коридорчикъ узкій безъ мебели.

XIV. Уборная И. С. Тургенева.

XV. Коридоръ, въ немъ было отгорожено ширмами помѣщеніе для камердинера И. С. Тургенева («Кривого Захара»).

1. Ширмы глухія.—2. Кухетка красн. дерева.—3, 4, 5, 6, 7. Стулья красн. дерева, обитыя кожей.

XVI. Дѣвичья.

1. Кровать березовая.—2. Столъ дубовый.—3. Буфетъ дубовый простой.—4. Угловой шкафъ березовый.—5, 6, 7, 8, 9 и 10. Стулья простые березовые.—11. Комодъ.

XVII. Теплая сѣни.

XVIII. Сѣни съ чуланомъ и лѣстницей на мезонинъ.

XIX. Прихожая:

1, 2, 3. Ясеновые стулья.—4. Рундукъ.—5. Вѣшалка.

XX. Кмната для прислуги.

XXI. Сѣни.

XXII. Нладовая съ подваломъ.

XXIII. Кухня.

XXIV. Прѣчечная.

XXV. Терраса крытая.

XXVI. Сѣни съ чуланомъ.

XXVII. Лѣстница въ мезонинъ.

*) Обстановка была куплена въ Орлѣ въ 1881 году, передъ пріѣздомъ Я. П. Полонскаго, и ничего изъ себя не представляла, была современная.

ПЛАНЪ № 2.

Мезонинъ Тургеневскаго дома до 22 августа 1883 года

I. Комната, гдѣ были свалены старые планы и дѣла. Мебели не было никакой.	IV. Коридоръ.
II—III. Двѣ пустыя комнаты для прїѣзда гостей, тоже безъ мебели.	V. Лѣстница изъ нижнихъ комнатъ.
	VI. Балконъ, который выходилъ въ садъ.

ПЛАНЪ № 3.

Кабинетъ И. С. Тургенева до 22 августа 1883 года, (съ обстановкой).

1. Образъ Спасителя.—2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12. Орѣховыя мягкія стулья.—13. Письменный и полированный орѣховый столъ.—14. Старинное полумягкое кресло передъ столомъ.—15. Вольтеровское кресло.—16. Простое кресло, обитое сѣбяномъ.—17. Орѣховый полированный гардеробъ.—18. Ширмы карельской березы, на которыхъ были нарисованы букеты цвѣ-	товъ (красками).—19. Круглый карельскій березы почной столикъ.—20. Кровать краснаго дерева.—21. Шкафикъ краснаго дерева.—22. Ломберный столъ краснаго дерева.—23. Фарфоровая старинная ваза.—24. Портретъ Сергѣя Николаевича, отца И. С. Тургенева.—25. Родословное дерево въ рамкѣ подъ стекломъ.

ПЛАНЪ № 4.

Флигель, обложенный кирпичомъ, въ которомъ жилъ И. С. Тургеневъ въ 1853—1855 гг. (когда былъ высланъ въ Спасское за некрологъ Гоголя). (Потомъ въ немъ помѣщались управляющіе).

Такая обстановка существовала до послѣдняго прїѣзда И. С. Тургенева, т. е. до 1881 года

1. Передняя. Кровать для прислуги. Зеркало. Вѣшалка. Стулья березовыя крашенныя подъ орѣхъ.	5. Угловая. Столъ и стулья карельской березы, обиты были кожей зеленаго цвѣта.
2. Столовая. Столъ обѣденный. Буфетъ. Часы въ колоннѣ (краснаго дерева). Диванъ и стулья были обиты тисненой кожей и тоже краснаго дерева, а также столъ и буфетъ.	6. Кабинетъ. Столъ, диванъ, стулья и кресла были орѣховыя, шкафъ книжный краснаго дерева.
3. Гостиная. Диванъ, стулья и кресла были краснаго дерева, обивка голубой штѣфъ. Столъ передъ диваномъ овальный краснаго дерева и все было съ бронзовыми украшеніями.	I. Была спальня И. С. Тургенева. Кровать, столъ, комодъ и стулья были орѣховыя, обиты кожей.
4. Коридоръ. 2 шкафа (орѣховыя) и стояли сундуки.	II. Въ этой комнатѣ жилъ М. С. Щепкинъ, когда гостилъ у Ив. Серг. въ 1853 г. Кровать, столъ, столъ и шкафчикъ были карельской березы.

ПЛАНЪ № 5.

I. Большой домъ, который сгорѣлъ въ 1843 году.	III. Лѣвый флигель, тоже, сгорѣлъ въ 1840 году.
II. Правый флигель, который впоследствии сталъ называться большимъ домомъ, и въ немъ жилъ И. С. Тургеневъ. Сгорѣлъ въ 1905 году.	IV. Балконъ.

Составилъ М. Щепкинъ, 27 февраля 1914 года.

Перепечатка всѣхъ плановъ на основаніи закона 27-го марта безъ разрѣшенія автора воспрещается. М. Щ.

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

В. С. Иконниковъ. Максимъ Грекъ и его время. Историческое изслѣдованіе. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Кіевъ. 1915. XIV. Стр. 604. Цѣна 4 р. 50 к. (Съ двумя указателями).

МЯ МАКСИМА Грека,—говоритъ авторъ въ введеніи,—стоитъ въ средоточіи русской литературы XVI вѣка: его сочиненія не оставляютъ въ сторонѣ почти ни одной черты современной общественной жизни, и самъ авторъ ихъ образовалъ около себя большой кругъ учениковъ и послѣдователей. Въ этомъ отношеніи его личность и сочиненія пріобрѣтаютъ весьма важное историческое значеніе». Такое положеніе Максимъ Грекъ занялъ благодаря широкому образованію и необычайной воспріимчивости къ окружающимъ его явленіямъ и событіямъ. Вырванный случайно изъ близкой ему обстановки, онъ былъ брошенъ въ иную среду, которую могъ бы пройти мимо, но, чтобы понять послѣднюю, онъ долженъ былъ все-сторонне ее изучить, начиная съ языка, на которомъ сталъ писать и писалъ много. Для такого наблюдателя каждое новое или подмѣненное имъ явленіе служило уже матеріаломъ. Это тѣмъ болѣе заслуживало вниманія, что самое появленіе Максима Грека въ Россіи было обусловлено опредѣленной сферой дѣятельности. Но исходъ XV вѣка и наступившая эпоха были временемъ общественнаго движенія на Западъ и въ Россіи. Ученикъ эпохи возрожденія и современнаго религіознаго броженія въ Италіи и Западной Европѣ вообще, Максимъ Грекъ не могъ не внести духа борьбы за извѣстные идеалы и нравственныя реформы въ русское общество, въ которомъ были своеобразныя явленія соотвѣтствующаго характера. И онъ является

здѣсь то обличителемъ, то проводникомъ новой мысли и новыхъ стремленій, оставаясь, однако, въ этомъ случаѣ вѣрнымъ своей главной религіозной цѣли. Онъ реформаторъ, но исключительно нравственной стороны религіозной жизни; онъ новаторъ въ сферѣ понятій, но до тѣхъ поръ, пока эти стремленія не идутъ въ разрѣзъ съ его религіозными мнѣніями. Пройдя школу отрицанія, онъ сталъ болѣе консервативнымъ тамъ, гдѣ отрицаніе стремилось поколебать его завѣтныя убѣжденія. Такимъ образомъ, и въ этой сферѣ, и въ личной дѣятельности Максима Грека мы найдемъ много сходнаго между явленіями и дѣятелями общественной жизни XVI вѣка въ Россіи и на Западѣ.

Появленіе настоящаго труда нельзя не привѣтствовать, такъ какъ первая работа автора по этому предмету вышла въ свѣтъ около пятидесяти лѣтъ тому назадъ, причемъ она вдвое менѣе настоящей книги и давно стала библиографической рѣдкостью.

Въ указанномъ изслѣдованіи четырнадцать главъ. Съ исчерпывающей всѣ подробности полнотой профессоръ Иконниковъ изображаетъ жизнь и дѣятельность Максима Грека, излагаетъ событія современной послѣдней жизни, характеризуетъ не только отдѣльныхъ лицъ, но и самую эпоху, подробно разсматриваетъ всѣ его ученые труды и выступленія и дѣлаетъ сводку мнѣній о немъ, какъ крупномъ историческомъ дѣятелѣ. Въ начальныхъ главахъ онъ говоритъ о состояніи книжнаго дѣла въ древней Россіи, о порчѣ церковныхъ книгъ малограмотными переписчиками и выясняетъ причины этого послѣдняго явленія, указываетъ, какимъ естественнымъ путемъ наша высшая церковная и свѣтская власть пришла къ мысли о необходимости исправленія книгъ. Коснувшись вопроса объ избраніи для этой роли, по соглашенію съ константинопольскимъ патріархомъ, Максима Грека, онъ переходитъ къ тѣмъ годамъ его жизни, которые являлись подготовкой къ дальнѣйшей его дѣятельности; изображаетъ подробности его жизни какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, блестящими штрихами рисуется политическія и нравственныя черты византійскаго общества въ эпоху упадка, выясняетъ, въ чемъ заключались характерныя стороны византизма, говоритъ о неизбѣжности въ то время переселенія грековъ на Западъ. При Максимѣ Грекѣ «науки въ Греціи угасли и дошли до послѣдняго издыханія».

Начиная съ пятой главы, авторъ говоритъ о пріѣздѣ Максима Грека въ Москву 4-го марта 1518 года (стр. 156) и затѣмъ въ послѣдовательномъ теченіи дальнѣйшихъ главъ изображаетъ его историческую работу. Но не слился Максимъ Грекъ съ своею новой родиной: онъ былъ полонъ думъ о своей прежней родной странѣ, настойчиво старался проводить мысль объ освобожденіи грековъ отъ турецкаго ига, вѣренъ религіознымъ и политическимъ завѣтамъ своей страны. Здѣсь разсматриваются и его переводы, и грамматическіе труды, и его полемика противъ ереси жидовствующихъ, латинянъ, магометанъ, армянъ, и его выступленія противъ распространившихся въ то время звѣздочества и астрологическихъ вѣрованій, противъ апокрифической литературы; излагаются его взгляды на монашескую жизнь, его аскетическія воззрѣнія; рисуются картины взаимныхъ отношеній между различными классами общества и его личной жизни; указывается, насколько внима-

тельно относился къ нимъ Максимъ Грекъ и какъ нерѣдко рѣшительны и смѣлы были его слова и обличенія.

Отмѣчая крупныя заслуги его, какъ переводчика, авторъ указываетъ также и другую важную заслугу его въ исторіи славяно-русской грамматики—это стремленіе привить намъ теорію грамматическаго искусства: онъ перенесъ общую, по византійскимъ источникамъ, широко распространенную грамматическую теорію на русскую почву.

Здѣсь особенно любопытно отмѣтить, что Максимъ настаиваетъ, между прочимъ, на необходимости грамотности для женщинъ, что особенно выдвигаетъ его въ ряду тогдашнихъ общественныхъ дѣятелей.

Съ одиннадцатой главы излагается исторія суда надъ Максимомъ Грекомъ и его дальнѣйшая судьба. Свыше тридцати лѣтъ— съ 1525 года по день кончины (21-го января 1556 года) продолжался этотъ періодъ его тяжкихъ и незаслуженныхъ страданій. При подавленіи тѣхъ внутреннихъ настроеній, которыя проявились въ это время на Руси на почвѣ религиозныхъ вѣрованій, захваченъ былъ и Максимъ Грекъ, какъ личность слишкомъ самостоятельная и замѣтная. Келія его служила мѣстомъ обсужденія различныхъ общественныхъ вопросовъ, а также и дѣятельности великаго князя. Высшая церковная власть ему мало симпатизировала, и потому, понятно, забыты были всѣ его заслуги. Сначала онъ былъ сосланъ въ Волоксламскій монастырь, а въ 1531 году, послѣ вторичнаго соборнаго осужденія, былъ переведенъ въ Тверской Огрочь монастырь. Благосклонный къ нему прежде митрополитъ Данииль теперь совершенно отшатнулся отъ него.

Годы заточенія не сломили его энергіи; онъ продолжалъ свои ученые труды и даже публичныя выступленія. И только въ царствованіе Юанна Грознаго Максиму Греку было оказано вниманіе и разрѣшено переселиться въ Троице-Сергіеву лавру. О немъ вспомнили, его сочиненія имѣли вліяніе на рѣшенія Стоглаваго собора; въ этомъ, конечно, было для него много утѣшенія. Дожилъ Максимъ Грекъ до глубокой старости и своему долгу, своимъ убѣжденіямъ остался вѣренъ до конца.

Въ послѣдней четырнадцатой главѣ дается общая характеристика Максима, выясняется значеніе его въ исторіи русскаго просвѣщенія и дѣлается оцѣнка его дѣятельности. Несмотря на то, что онъ дважды былъ осужденъ соборами, какъ еретикъ, лишень причастія и заточень, это какъ будто еще болѣе привлекало къ нему вниманіе всѣхъ послѣ его смерти. Уваженіе къ имени его шло дальше; уже во второй половинѣ XVI вѣка стали составляться его житія, въ видѣ краткихъ сказаній. Онъ имѣлъ общую всѣмъ знаменитымъ мужамъ участь, какъ въ гоненіи, такъ и въ томъ, что послѣ его смерти самые враги стали считать его невиннымъ и праведнымъ. Позднѣйшая критика видѣла въ немъ единственнаго ученаго челоуѣка Московской Руси, проповѣдника истиннаго христіанства и настоящаго критика, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, полемиста, обладавшаго истинно греческой діалектикой, греческаго гуманиста, наконецъ, идейнаго борца, павшаго жертвою своихъ убѣжденій.

Огромный трудъ профессора Иконникова, несмотря на глубокую ученость изслѣдованія, читается съ не ослабѣвающимъ интересомъ. Въ немъ видна бога-

тая эрудиція крупнаго мастера, въ полномъ объемѣ владѣвшаго своимъ предметомъ и всею по нему литературой. Въ выводахъ автора полная объективность и глубокая обоснованность. Являясь первымъ томомъ собранія историческихъ трудовъ профессора, книга его о Максимѣ Грекѣ является какъ бы началомъ тѣхъ итоговъ его ученой дѣятельности, которые онъ, видимо, желаетъ подвести на склонѣ дней своей трудовой жизни. Пожелаемъ маститому ученому довести до конца задуманное дѣло. Его труды всегда будутъ имѣть читателей и не утратятъ своего значенія, какъ образцы истинно ученыхъ историческихъ изслѣдованій.

Н. Г. Р.

Василенко, Н. П. Очерки по исторіи Западной Руси и украинства. Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ. Составлена при участіи профессоровъ и преподавателей подъ редакціей профессора М. В. Довнаръ - Запольскаго. Томъ III. Приложение. Кіевъ. 1916.

Авторъ преслѣдуетъ въ выше названной книгѣ, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, двѣ цѣли, которыя, однако, трудно соединить вмѣстѣ. Съ одной стороны, онъ ставитъ «своей задачей первоначальное ознакомленіе, въ популярной формѣ, съ нѣкоторымъ явленіями исторической жизни украинскаго народа», а съ другой, обращаетъ особое вниманіе «на вопросы, вызывающіе въ наукѣ разногласіе». Онъ надѣется, что такимъ путемъ, «быть можетъ, они (разногласія) заинтересуютъ читателей и побудятъ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ болѣе подробному изученію и къ научному пересмотру спорныхъ вопросовъ». Въ этихъ своихъ расчетахъ авторъ, несомнѣнно, ошибается, потому что тотъ, кто ищетъ поученія въ популярныхъ историческихъ книгахъ, будетъ лишь смущенъ сухимъ изложеніемъ разныхъ противорѣчивыхъ теорій, и книга эта, пожалуй, отобьетъ у него всякую охоту къ историческимъ занятіямъ. Лица же «способныя къ пересмотру спорныхъ вопросовъ» не станутъ обращаться къ компилятивному труду.

Большая часть книги г. Василенка посвящена исторіи казачества, но начинается онъ свой трудъ двумя статьями по исторіи религіозной и культурной жизни Западной и Южной Руси въ XVI—XVII вв. Первая изъ нихъ озаглавлена «Положеніе православной церкви въ Рѣчи Посполитой послѣ Люблинской уніи. Брестская унія». Въ настоящее время на умственное движеніе въ Западной Руси, а также на происходившую въ ней религіозную борьбу въ XVI и XVII вѣкахъ пролито не мало совершенно новаго свѣта, благодаря опубликованію массы различныхъ документовъ изъ Ватиканскаго архива, а также историческимъ разысканіямъ, вышедшимъ какъ за границу, такъ и у насъ. Письма іезуитовъ, акты нунціатуры и другіе документы, обнародованные за послѣднее время, ярко освѣщаютъ походъ католицизма противъ православія, а также протестантизма въ Западной Руси. Исторія долгой и упорной работы іезуитовъ и вообще католической партіи въ Польшѣ по подготовкѣ уніи представляется теперь, благодаря документамъ ватиканскаго архива, въ нѣсколько инымъ свѣтѣ, нежели прежде. Правда, новые матеріалы, изданные изъ ватиканскаго и другихъ итальянскихъ архивовъ, далеко еще не обработаны въ

нашей литературѣ. Но г. Василенку, повидимому, незнакомы и нѣкоторыя русскія работы, которыя помогли бы ему написать указанную статью, приближаясь нѣсколько болѣе къ современному уровню разработки того вопроса, который онъ въ ней трактуеть. Если бы онъ поинтересовался заглянуть хотя бы только въ сборникъ «Россия и Италія», издаваемый академіей наукъ, то тотчасъ убѣдился бы, какъ устарѣли тѣ работы, на которыя онъ ссылается.

Вторая статья, озаглавленная: «Религіозно-національное и культурное движеніе въ Западной Руси и на Украинѣ въ XVI—XVII вѣкахъ», въ той части ея, которая трактуеть о культурной жизни Западной Руси, страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ, что и предыдущая.

Неправъ также авторъ, утверждая, что въ XV в. вліяніе «гуманизма на Польшу шло черезъ Чехію», и что будто бы «появленіе іезуитовъ въ Польшѣ въ серединѣ XVI вѣка способствовало развитію образованія» (стр. 44). Влестящимъ расцвѣтомъ своей литературы, а также сильнымъ подъемомъ умственной жизни Польша была обязана гуманистическому и реформаціонному движенію въ ней.

Послѣ этихъ двухъ очерковъ г. Василенко даетъ три статьи, посвященныя казачеству, которыя, въ сущности, представляютъ одно цѣлое, а именно послѣдовательный рассказъ его исторіи. Авторъ сначала излагаетъ различныя теоріи о происхожденіи казачества, а затѣмъ говоритъ о развитіи его въ теченіе XVI вѣка, объ его организаціи и о борьбѣ, которую вели казаки съ польскимъ государствомъ. Онъ останавливаетъ свой рассказъ на усмиреніи казацкаго возстанія 1637—1638 гг. и лишь кратко упоминаетъ объ обрушившихся послѣ него на Малороссію гоненіяхъ со стороны Польши, гоненіяхъ, которыя, какъ извѣстно, привели къ возстанію Богдана Хмельницкаго, имѣвшему такое громадное историческое значеніе.

Въ послѣдней статьѣ: «Колонизація Лѣвобережной Украины и движеніе украинскаго населенія въ предѣлы Московскаго государства», авторъ отводитъ особенно много мѣста разсмотрѣнію вопроса о происхожденіи населенія Малороссіи, а также изложенію теорій о томъ, когда образовалась малорусское нарѣчіе.

Очерки г. Василенка наврядъ ли удовлетворятъ читателя, который пожелаетъ познакомиться съ судьбами русскаго народа, жившаго въ предѣлахъ польскаго государства. Но вина въ этомъ не вполне падаетъ на автора. Дѣло въ томъ, что, къ сожалѣнію, изученіе исторіи западной половины Россіи находится у насъ въ какомъ-то пренебреженіи, и она еще недостаточно разработана.

Н. Любовичъ.

Рязанская губернія въ 1812 году, преимущественно съ бытовой стороны. Матеріалы для исторіи отечественной войны. Составилъ И. И. Проходцовъ. Изданіе рязанской губернской ученой архивной комиссіи. Т. I. Стр. 636. 1913. Т. II. Стр. 633. 1915. Цѣна не обозначена.

Рязанская ученая архивная комиссія возымѣла мысль, по примѣру другихъ, собрать къ минувшему столѣтію знаменитой отечественной войны 1812 года всѣ хранящіеся въ мѣстныхъ архивахъ губерніи матеріалы, освѣщающіе

участіе Рязанской губерніи въ этой достопамятной войнѣ, и издать ихъ въ трудахъ комиссіи или отдѣльнымъ сборникомъ. Этотъ очень полезный и весьма интересный трудъ исполнилъ г. Проходцовъ, напечатавшій вышепоименованные два тома, причемъ предполагавшійся еще третій томъ, въ который должны были войти болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія объ участіи отдѣльныхъ лицъ-рязанцевъ въ войнѣ 1812 года, пришлось, къ большому сожалѣнію, вовсе отложить на неопредѣленное время (т. II, предисловіе). Объ этомъ должно тѣмъ болѣе сожалѣть, что находящійся для этого необходимый архивный матеріалъ можетъ легко подвергнуться той же печальной участи, которой уже подвергся таковой же спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ онъ былъ использованъ г. Проходцовымъ для первыхъ двухъ частей его труда (т. е. онъ погибъ безвозвратно, причемъ авторъ не упомянулъ подробнѣе объ этой гибели). Обращаясь затѣмъ, къ содержанию лежащихъ предъ нами двухъ томовъ, не можемъ не замѣтить, что содержаніе ихъ не является простымъ и вѣрнымъ воспроизведеніемъ различныхъ письменныхъ актовъ, относящихся къ войнѣ 1812 года, расположенныхъ въ хронологической послѣдовательности, но это скорѣе послѣдовательное и очень занимательное изложеніе, основанное на множествѣ архивныхъ данныхъ и посвященное, въ общихъ словахъ, двумъ слѣдующимъ главнымъ предметамъ, именно приготовленію Рязанской губерніи къ войнѣ, причемъ авторъ въ первомъ томѣ подробно говоритъ о состояніи губерніи, о рекрутскихъ наборахъ, формированіи полковъ, построеніи обоза и т. д. Затѣмъ подробно излагается о самомъ формированіи ополченія по Рязанской губерніи, о пожертвованіяхъ на этотъ предметъ и о военныхъ дѣйствіяхъ ополченія. Томъ же второй содержитъ въ себѣ множество дополнительныхъ свѣдѣній, относящихся къ упомянутымъ выше двумъ главнымъ предметамъ и ихъ освѣщающихъ, какъ, напр., о заготовкѣ для арміи сапоговъ, полушубковъ, обоза, лошадей и т. п. о госпиталяхъ, о подводной повинности, о добровольцахъ, о роспускѣ ополченій и т. п. Въ томъ же томѣ помѣщены обширные два алфавитные указателя собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ обоихъ томахъ. Предоставляя нашимъ читателямъ непосредственно ознакомиться съ весьма любопытнымъ трудомъ г. Проходцова, упомянемъ еще въ заключеніе нашей замѣтки, что они найдутъ въ немъ любопытныя свѣдѣнія о своего рода рязанскомъ Верещагинѣ—отставномъ поручикѣ Брухачевскомъ, который обвинялся въ говореніи имъ, къ смущенію народа, словъ, что французъ придетъ въ Москву и Сапожокъ, станетъ жителей рубить и т. д. Однако дѣло его окончилось менѣе плачевно, чѣмъ Верещагина. Сапожковскій уѣздный судъ обще съ городовымъ магистратомъ вмѣнили ему въ наказаніе содержаніе въ тюрьмѣ съ 10-го сентября 1812 года по 7-е апрѣля 1813 года и взялъ подписку, дабы онъ впредь отъ подобныхъ разглашеній воздержался. Соучастника его, купеческаго сына Семена Карташева, за разговоры о французахъ и о военномъ дѣйствіи определено было выдержать при градской полиціи двѣ недѣли, а по выдержаніи подтвердить ему, чтобы онъ впредь таковыхъ разговоровъ не производилъ. Очень любопытны также свѣдѣнія о производимомъ по губерніи разборѣ (т. II, стр. 275 изслѣд.) иностранцевъ (въ 1812 году, конечно, французовъ), причемъ оставляли

проживать спокойно тѣхъ изъ нихъ, за благонадежность которыхъ ручался самъ губернаторъ (стр. 137). Въ видѣ курьеза, можно упомянуть о томъ, какъ не оказалось портныхъ въ трехъ городахъ: Данковѣ, Зарайскѣ и Спасскѣ, когда приступлено было къ заготовкѣ обмундированія для 6-го рязанскаго полка (стр. 203), и о томъ, что когда правительство обратилось съ просьбою о пожертвованіи сѣделъ и уздечекъ, ибо таковыхъ болѣе не имѣло, то начальство Рязанской губерніи, въ которой также не было возможности добыть этихъ предметовъ, обратилось, со своей стороны, съ просьбою объ отпускѣ ихъ къ комисариату, т. е. военному же вѣдомству (стр. 520).

Не лишено интереса и то, что рязанскіе купцы, не пострадавшіе отъ нашествія Наполеона, потому что французы не вторглись въ предѣлы Рязанской губерніи, не упустили, однако, и въ то время поднять цѣны на различные товары и, между прочимъ, на сахаръ, сдѣлавъ его почти недоступнымъ. Платили за пудъ сахара 80 рублей ассигнаціями; конечно.

П. Майковъ.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія кавказскаго учебнаго округа. Вып. 44. Тифлисъ. 1915. Стр. IV+116+210+146+85+16+27+4. Цѣна не обозначена.

Сборникъ начинается содержательнымъ «историко-географическимъ» очеркомъ г. Щепетева «Анапа». Многочисленными рисунками снабжены довольно обширныя работы педагога г. Баба: «Картины природы Кутаисской губерніи» и знатока грузинскихъ древностей г. Такайшвили—«Археологическія путешествія, разысканія и замѣтки». Прикосновенъ къ текущимъ днямъ очеркъ г. Лалаянца «Ванскій вилайетъ (Васпураканъ)». Думается, не лишена историко-литературной цѣнности и статья г. Пожидаева «Старины терскихъ казаковъ». Терминъ «былина» авторъ считаетъ «неправильнымъ», такъ какъ самъ народъ и на сѣверѣ, въ самой Скандинавіи русскаго эпоса, и на Терекѣ называетъ эти пѣсни «старинками». Къ очерку г. Каргинова «Кровавая месть у осетинъ» приложены—«Адаты по кровнымъ дѣламъ» и «Рѣшенія изъ практики осетинскихъ (народныхъ) словесныхъ судовъ». Сильно будятъ историческое и социологическое воображеніе у читателя не спеціалиста инныя вскрытія науки. Въ сборникѣ, напр., задѣнуть вниманіе у многихъ статьи г. Гребенца: «Новогладковская станица въ ея прошломъ и настоящемъ», «Курганы въ окрестностяхъ станицы Змѣйской» (Терскаго казачьяго войска), «Отчетъ объ археологическихъ раскопкахъ, произведенныхъ въ 1912 г.» и «Могилиники въ Куртатинскомъ ущельѣ». Не лишены нѣкоторые изъ нихъ: «Божества охоты и охотничій языкъ у кавказцевъ», «Замѣтка о татуировкѣ въ Дагестанѣ». Последняя статья въ сборникѣ—Кабардинская сказка «Поиски жены», записанная г. Тамбиевымъ.

На особое мѣсто въ 44 выпускѣ можно поставить—«Письмо, посланное съ Востока отцомъ Луи Гранжіе его преподабію отцу Клодъ Аквавива, генералу іезуитскаго ордена», оно написано въ Моквахъ, въ Мингреліи, 2-го марта 1615 года.

А. Налимовъ.

Архивъ Раевскихъ. Томъ V. Изданіе П. М. Раевского. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Пгр. 1915. Стр. XV+755 и 10 снимковъ. Цѣна не обозначена.

Вновь вышедшій томъ архива Раевскихъ встрѣтить, надо думать, такое же сочувственное вниманіе, какъ и предыдущіе: и русскій историкъ, и просто читатель въ одинаковой мѣрѣ найдутъ здѣсь интересный для себя матеріаль. Содержаніе тома обнимаетъ періодъ съ 1858 г. до 1876 г. включительно. Главное вниманіе въ жизни семьи Раевскихъ попрежнему привлекаетъ неутомимая Анна Михайловна: здѣсь и хлопоты по поводу открытой ею въ Москвѣ воскресной школы, и переписка съ академіей наукъ по поводу археологическихъ увлеченій Раевской, и переписка, вызванная желаніемъ Раевской учредить при московскомъ университетѣ въ честь и память пращура ея сыновей «Ломоносовской стипендіи Раевского», и по разнымъ другимъ, семейнымъ дѣламъ. Кромѣ писемъ самой А. М. Раевской, здѣсь же имѣется еще громадное количество писемъ ея родственниковъ и другихъ корреспондентовъ (князей Волконскихъ, Раевскихъ, гр. Ностицъ, ученыхъ и литераторовъ).

Другимъ человѣкомъ, къ дѣятельности котораго приковывается вниманіе читателя, является сынъ Анны Михайловны, Николай Николаевичъ Раевскій. Окончивъ физико-математическій факультетъ московскаго университета, онъ поступилъ на военную службу; въ концѣ шестидесятыхъ годовъ принималъ участіе въ Туркестанскомъ походѣ и былъ раненъ во время штурма крѣпости Китабъ, когда отводилъ въ безопасное мѣсто смертельно раненаго командира; въ новомъ краю Раевскій послѣ войны развилъ необычайную дѣятельность, но возстаніе въ славянскихъ земляхъ увлекло его въ Сербію; въ войнѣ за свободу и независимость этой страны и погибъ Н. Н. Раевскій, сраженный 20-го августа 1876 года пулею въ голову при Горномъ Андровацѣ. Эти главнѣйшіе періоды его жизни представлены въ пятомъ томѣ обильными матеріалами. Особенно интересны студенческіе годы (1858—1862 гг.)—время сильныхъ волнений молодежи и попытокъ къ самодѣятельности (изданіе «Библиотеки Естественныхъ и Математическихъ Наукъ» въ 1859—60 гг. при близкомъ участіи братьевъ Раевскихъ). Также подробно представленъ и послѣдній мѣсяць жизни Н. Н. Раевского.

Въ пятомъ томѣ, какъ и въ предыдущихъ, находимъ цѣнные и рѣдкіе снимки съ портретовъ и видовъ и обстоятельныя, подробнѣйшія примѣчанія редактора, искусно вдохнувшего «душу живу» въ архивный матеріаль.

Вл. Кя

Н. К. Арсеньевъ. За четверть вѣка (1871—1894 гг.). Сборникъ статей. Пгр. 1915. Стр. VIII+615. Цѣна 3 рубля.

Маститый авторъ собралъ въ настоящей книгѣ рядъ своихъ «общественныхъ хроникъ» и «внутреннихъ обзорнѣй», печатавшихся въ «Вѣстникѣ Европы». Главное содержаніе книги составляетъ характеристика царствованія императора Александра III. Болѣе ранней эпохѣ посвящены только двѣ

начальные статьи: «Судь и административная расправа» (извлечение из обширной работы «Итоги судебной реформы» в «Вѣстникѣ Европы», 1871 г., кн. 5) и «Политическій процессъ 1869—1871 гг.» (тамъ же, кн. 11). Руководящими вѣхами для пониманія главной части сборника служатъ два очерка: «Послѣ 1-го марта» и заключеніе книги: «Царствованіе императора Александра III». Въ первой статьѣ г. Арсеньевъ выясняетъ настроеніе передовыхъ круговъ русскаго общества послѣ ужаснаго царевубійства и излагаетъ ихъ чаянія и ожиданія отъ новаго государя, вторая содержитъ подведеніе итоговъ, съ точки зрѣнія тѣхъ же круговъ, прошлаго царствованія. Заключительныя слова этой статьи содержатъ надежды на лучшее будущее: «Если модный оптимизмъ построенъ на самыхъ шаткихъ основахъ, если въ положеніи русскаго народа и всѣхъ отдѣльныхъ группъ, его составляющихъ, многое требуетъ коренныхъ и безотлагательныхъ измѣненій, то это еще не значитъ, чтобы будущее Россіи представлялось мрачнымъ или безнадежнымъ». Это было писано въ 1894 году. Невольно напрашивается вопросъ, какъ же смотритъ почтенный авторъ на наше теперешнее положеніе, двадцать лѣтъ спустя. Отвѣтъ на это даютъ заключительныя слова предисловія: «Мало отраднато мнѣ приходилось отмѣчать въ той лѣтописи текущихъ событій, которую я велъ въ продолженіе многихъ десятилѣтій; но все же я могу сказать словами Некрасова, что «завершая свой жизненный путь, я къ лучшему шагъ замѣчаю».

Собранныя въ настоящей книгѣ статьи написаны въ эпоху наиболѣе полнаго развитія огромныхъ публицистическихъ талантовъ почтеннаго автора. Вся книга проникнута тономъ благородной оппозиціонной полемики, мѣстами очень ядовитой, но всегда сдержанной и остающейся въ предѣлахъ лучшихъ журнальныхъ традицій нашей литературы. Поэтому для молодыхъ публицистовъ сборникъ долженъ служить, съ указанной точки зрѣнія, настольной книгой. Нечего и говорить, что историкъ нашей общественности почерпнетъ изъ книги богатѣйшій матеріалъ, такъ какъ авторъ откликался рѣшительно на всѣ сколько-нибудь значительные злободневные вопросы. Но К. К. Арсеньевъ совершенно справедливо указываетъ и на другое значеніе своей книги. Весьма многія изъ затронутыхъ имъ темъ подвергаются живому обсужденію и въ настоящее время, таковы въ особенности вопросы: еврейскій, финляндскій, національный, рабочій, церковный, о произволѣ администраціи и т. д. Имѣется также въ книгѣ рядъ мѣткихъ и живыхъ характеристикъ почившихъ дѣятелей: И. С. Аксакова, М. Н. Каткова, журналиста В. О. Корша, гр. М. Т. Лорисъ-Меликова и М. Д. Скобелева.

Наконецъ, книга имѣетъ еще и одно чисто практическое достоинство. При все болѣе и болѣе усиливающейся дороговизнѣ жизни и тѣснотѣ помѣщеній весьма и весьма немногіе теперь могутъ держать въ своей библиотекѣ комплектъ «Вѣстника Европы» за двадцать пять лѣтъ, тѣмъ болѣе, что огромное большинство цѣнныхъ статей журнала за этотъ періодъ времени появилось въ отдѣльномъ изданіи. Поэтому и съ указанной точки зрѣнія перепечатка «общественныхъ хроникъ» и «внутреннихъ обзорѣній» К. К. Арсеньева имѣетъ большое значеніе

М.

С. Л. Винбергъ. Исторія еврейской печати въ Россіи въ связи съ общественными теченіями. Пгр. 1915. Стр. XI+264. Ц. 1 р. 50 к.

Русское общество должно быть благодарно г. Винбергу за его трудъ. Книга его нужная и, несомнѣнно, сослужить службу всѣмъ, кто интересуется еврейскимъ вопросомъ въ Россіи. Исторія еврейской печати въ Россіи въ связи съ общественными теченіями въ еврействѣ въ наши дни не можетъ не заинтересовать русскаго общества. Если книга имѣетъ большое значеніе для специалистовъ по еврейскому вопросу въ смыслѣ систематизаціи фактовъ въ историческомъ развитіи теченія еврейскихъ міровоззрѣній, то не меньшее значеніе имѣетъ эта книга для простаго обывателя, желающаго ознакомиться въ общедоступной формѣ съ исторіей и бытомъ своихъ согражданъ-евреевъ на протяжении послѣдняго шестидесятилѣтія, т. е. со времени народженія еврейской печати въ Россіи..

Книгу эту мы даже смѣло можемъ признать поучительной. Именно она поучительна для русскаго народа. Въ ней мы знакомимся съ документальною достовѣрностью съ тѣмъ, какъ попечительно и любовно относилось русское правительство къ своимъ еврейскимъ подданнымъ. Никогда великорусскій народъ и центръ не видали такого отеческаго вниманія къ себѣ со стороны правительства, какое испыталъ на сѣверо-западной окраинѣ и въ царствѣ Польскомъ (подъ владычествомъ Россіи) Израиль.

Подъ польскимъ владычествомъ евреи были поставлены въ такое униженное положеніе, какому они не подвергались во всей остальной Европѣ. Еврей въ Польшѣ не считался человѣкомъ. Будучи запертымъ въ «гетто», со знакомъ отверженія на спинѣ, онъ, чувствуя свое униженіе, погрязъ въ невѣжествѣ и фанатически ненавидѣлъ своихъ угнетателей.

Въ числѣ разныхъ фацецій польскихъ вельможъ, дошедшихъ до нашихъ дней, мы встрѣчаемъ и рассказъ о томъ, какъ «пани Коханке» (князь Радзивиллъ), дабы умилостивить графа Сапѣгу, «жидка котораго онъ нечаянно подстрѣлилъ», приказалъ перевязать нѣсколько десятковъ своихъ «собственныхъ жидковъ», уложить ихъ въ повозки и отправить ихъ на благоусмотрѣніе графа Сапѣги.

И вотъ, переходя въ русское владычество, евреи Польши и Литвы впервые почувствовали, что они не только люди, но какъ будто ихъ считаютъ и гражданами. Русское правительство выказало интересъ къ ихъ житію-бытію и, переполненное къ нимъ жалостью, приступило къ возрожденію ихъ быта и прививкъ имъ общечеловѣческихъ и культурныхъ свойствъ. Одичавшее въ Польшѣ еврейство въ своей массѣ пугливо отнеслось къ мѣропріятіямъ правительства, опасаясь, что насильственно прививаемая ему культурность должна повести къ искорененію іудаизма. Передовая же часть еврейства—«маскилимъ» (просвѣщенные), которая была привержена нѣмецкой культурѣ и черпала свои знанія изъ нѣмецкихъ источниковъ, тѣ оцѣнили искреннее доброжелательство русскаго правительства и стали проповѣдывать во всю сліяніе еврейскаго народа съ русскимъ, что должно было на первомъ планѣ выразиться не только въ усвоеніи русскаго языка, но даже въ окончательной замѣнѣ имъ еврейскаго

жаргона. Къ тому моменту, когда впервые зародилась еврейская журналистика, лозунгом «маскилимъ» было: евреи должны стать русскими, только сохраняя свою религію. И вотъ въ первыхъ органахъ еврейской печати, какъ-то: «Гамагидь», «Гакармель», «Гамелиць», «Гацефире» на древне-еврейскомъ языкѣ «Коль-Мевашера», на жаргонѣ, евреи рассыпались въ своихъ благодарностяхъ и расточали благословенія и русскому правительству, и русскому народу за всѣ тѣ благодаренія, которыми были надѣлены послѣдними. Тонъ этихъ изданій былъ ликующій, и призывали они своихъ единовѣрцевъ къ обрусѣнію и къ слянію съ благодарѣтельствовавшимъ ихъ русскимъ народомъ.

Въ томъ же духѣ и въ томъ же направленіи издавались еврейскіе органы и на русскомъ языкѣ, какъ-то: «Разсвѣтъ», «Сіонъ», «День» и «Русскій Еврей». Въ 1863 году, во время польскаго возстанія, не своекорыстно, а искренно русское еврейство стало на сторонѣ Россіи. И это не удивительно. Еще живо было въ ихъ памяти польское рабство и угнетеніе, и они глубоко чувствовали свою благодарность къ русскому народу.

И какъ было имъ не остаться вѣрными Россіи, которая такъ много имъ дала. Она не только уничтожила «гетто», но открыла для нихъ спеціальныя школы и раскрыла двери въ общеобразовательныя учебныя заведенія, начиная съ начальныхъ училищъ и кончая высшими учебными заведеніями, постепенно расширяя и ихъ гражданскія права. На казенный счетъ издавались для нихъ книги, раздаваемые даромъ, поощрялись еврейскіе ученые, которымъ поручались какъ надзоръ за еврейскимъ воспитаніемъ, такъ и составленіе книгъ для просвѣщенія ихъ единовѣрцевъ.

Къ сожалѣнію, еврейскій жаргонъ, за который уцѣпились вначалѣ исключительно фанатическіе низы еврейства и отъ котораго открепивались «маскилимъ», желая замѣнить его русскимъ языкомъ, сохранился не только по сіе время среди евреевъ, но развился и въ настоящее время имѣетъ громадную литературу, и на немъ пишутъ талантливые еврейскіе писатели, какъ Шоломъ Апш, Абрамовичъ, Смоленскимъ и др., превосходный поэтъ Бяликъ. И это очень и очень печально, въ особенности въ настоящее время, когда мы ведемъ войну съ германцами, такъ какъ въ основѣ еврейскаго жаргона положенъ нѣмецкій языкъ и прогрессированіе или развитіе его выражается въ томъ, что онъ все больше и больше приближается къ такъ называемому «Hoch Deutsch», т. е. къ чисто классическому нѣмецкому языку.

Въ краткой замѣткѣ трудно передать въ подробности содержаніе всей работы г. Винберга, и мы съ чистой совѣстью отсылаемъ читателя къ самой книгѣ.

По внѣшности книга весьма изящна и украшена 22-мя портретами дѣятелей еврейской печати въ Россіи.

С. Л—нъ.

Историческое Обзорѣніе. Т. 20. Петр. 1915. Стр. 222 Ц. 1 р. 50 к.

Благодаря необыкновенной энергіи своего почтеннаго предсѣдателя Н. И. Карѣва, историческое общество при петрогр. университетѣ процвѣтаетъ и выпустило уже 20-й томъ своихъ трудовъ. Книжка по обыкновенію составлена

разнообразно и интересно. Двѣ статьи посвящены общимъ вопросамъ. Н. Д. Кондратьевъ даетъ оцѣнку теоріи исторіи акад. А. С. Лаппо-Данилевскаго, недавно отпраздновавшаго свой 25-лѣтній юбилей. Онъ указываетъ на то, что обширное сочиненіе А. С. Лаппо-Данилевскаго (методологія исторіи) составляетъ важное научное пріобрѣтеніе и стоитъ на уровнѣ какъ общепилософскаго, такъ и специально-историческаго знанія; къ тому же онъ соединяетъ въ себѣ лучшія достоинства того и другого, а въ отдѣльныхъ вопросахъ прокладываетъ и новые пути. Г. Делевскій подвергаетъ разбору цѣлый рядъ писателей старыхъ и новыхъ, занимавшихся философіей исторіи, и доказываетъ, что развитіе науки подчиняется не только закону прогресса. Такъ называемая телеологія, притягивающая за волосы цѣлесообразность и старающаяся найти ее во всякомъ явленіи, хорошемъ и дурномъ, полезномъ и вредномъ, не содержитъ въ себѣ объективной истины. Источникъ телеологіи въ философіи исторіи и въ космогоніи заключается въ стремленіи ко введенію въ дѣйствіе мистическихъ факторовъ тамъ гдѣ рационалистическое объясненіе вполне исчерпываетъ вопросъ, либо объяснять цѣлесообразность тамъ, гдѣ ея въ дѣйствительности нѣтъ.

Двѣ статьи знакомятъ съ частными вопросами русской исторіи. Г. В. Вернадскій останавливается на происхожденіи манифеста Петра III, до сихъ поръ не выясненномъ. П. Г. Архангельскій занимается выборами въ Екатерининскую комиссію отъ крестьянъ двинскаго Сѣвера по крестьянскимъ наказамъ. Оказывается, что сельскіе обыватели не поняли цѣли комиссіи 1767 г. и законосовѣщательной функціи депутатовъ. Зато они живо откликнулись на призывъ императрицы писать всякія жалобы. Они, не мудрствуя лукаво, спѣшили воспользоваться рѣдкимъ случаемъ непосредственно обратить вниманіе верховной власти на свои огляженія и обиды, отъ которыхъ они пришли въ крайнюю скудость и разореніе. Наказъ былъ инструкціей мірскому посольщику-депутату, о чемъ надлежитъ просить. Крестьяне такъ привыкли къ канцеляріямъ и къ своему безправному положенію, что и комиссія смутно рисовалась имъ какимъ-то сборнымъ пунктомъ мірскихъ челобитчиковъ, гдѣ должно происходить ихъ непосредственное соприкосновеніе съ верховной властью, своего рода канцеляріей по разбору прошеній.

П. Б

Сборникъ статей въ честь Владислава Петровича Бузескула. Томъ XXI сборника харьковскаго историко-филологическаго общества. Харьковъ. 1913—1915 г. Стр. XXII+1083+III. Ц. 5 р.

4-го декабря 1911 года исполнилось тридцатилѣтіе научной дѣятельности профессора харьковскаго университета В. П. Бузескула. Извѣстные не только въ Россіи, но и за границей многочисленные ученые труды почтеннаго юбиляра, разносторонность его литературныхъ интересовъ, его хорошо извѣстная гуманность и доброжелательность вызвали въ средѣ многочисленныхъ товарищей, учениковъ и почитателей желаніе отмѣтить юбилей В. П. Бузескула поднесеніемъ ему сборника статей. Этотъ сборникъ, объединившій сорокъ

семь авторовъ, едва ли не превосходить по своему объему всё доселѣ появлявшаяся у насъ подобныя книги. Въмѣстѣ съ тѣмъ этотъ толстый томъ, стоящій, кстати сказать, поразительно дешево, наглядно сзидѣтельствуесть, какъ разносторонни и широки интересы нашихъ ученыхъ въ области историко-филологическихъ наукъ. Дѣйствительно, здѣсь помѣщены работы общесторического характера, какъ, напримѣръ, объ исторической критикѣ и о современныхъ направленияхъ въ изученіи древней исторіи; далѣе, понятнo, огромное количество (22) статей посвящено различнымъ сторонамъ жизни античнаго міра, въ области котораго сосредоточены главнѣйшіе труды и самого юбиляра. Въ этихъ двадцати двухъ статьяхъ затронуты античная исторія, литература, папирологія, искусство и эпиграфика; это вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе блестящій отдѣлъ сборника, такъ какъ тутъ встрѣчаемъ имена Б. В. Варнеке, С. А. Жебелева, Г. Э. Зенгера, О. Е. Корша, В. В. Латышева, В. К. Мальмберга, Н. И. Новосадскаго, М. И. Ростовцева, В. А. Тураева, В. В. Фармаковскаго и другихъ. Къ области средней исторіи относятся работы Н. П. Граціанскаго, Д. Н. Егорова, Ю. А. Кулаковскаго, Е. А. Черноусова и друг. Въ области новой исторіи писали П. Н. Ардашевъ, А. А. Васильевъ, Н. С. Гольдинъ, Н. И. Карѣевъ и друг. Какъ и слѣдовало ожидать, много статей посвящены русской исторіи и литературѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ разработаны интересныя темы, какъ, напримѣръ, «Міросозерцаніе гр. А. К. Толстого» (Н. Н. Кнорринга; авторъ, кажется, слишкомъ принижаетъ симпатичнаго поэта), «Лермонтовъ и античность» (А. Я. Кракова; къ сожалѣнію, не достаточно разработано), объ изученіи русскими иностранныхъ языковъ во второй половинѣ XVI в. (В. И. Саввы), о нашей цензурѣ въ концѣ пятидесятихъ годовъ прошлаго вѣка (А. А. Мазона), о поэзіи Симеона Полоцкаго (дѣльная работа А. И. Бѣлецкаго) и т. д. А. П. Кадлубовскій, Н. Н. Дурново и Н. Ф. Сумцовъ издали небольшіе памятники нашей древней письменности, а П. Г. Риттеръ красиво перевелъ древне-индійскую элегію Калидасы «Облако-Вѣстникъ». Таково въ самыхъ краткихъ чертахъ богатое содержаніе сборника, которому желаемъ широкаго распространенія, а почтенному юбиляру—еще много и много лѣтъ трудиться на славу нашей науки. М.

А. И. Фаресовъ. Народъ безъ водки. (Путевые очерки). Петроградъ. 1916. Стр. V+310. Ц. 1 р. 50 к.

Эта книга затрагиваетъ одинъ изъ самыхъ наболѣвшихъ вопросовъ современности, надѣя благополучнымъ разрѣшеніемъ котораго такъ долго бились и правительство, и общество и который нынѣ съ началомъ войны такъ неожиданно и просто разрѣшился. Это вопросъ о народномъ пьянствѣ и отрезвленіи.

А. И. Фаресовъ минувшимъ лѣтомъ проѣхалъ по Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Орловской, Тульской и Кіевской губерніямъ и результаты своихъ наблюденій и бесѣдъ съ мужиками и другими деревенскими дѣятелями изложилъ въ названныхъ путевыхъ очеркахъ. Не имѣя характера систематическаго научнаго и статистическаго обследованія, не заключая въ себѣ сухихъ теоретическихъ доводовъ ученыхъ и цифръ разныхъ податныхъ инспекторовъ

эти путевые очерки приводят лишь преимущественно живыя рѣчи самого «народа безъ водки» и тѣхъ земскихъ и общественныхъ дѣятелей, которые имѣютъ постоянное соприкосновеніе съ деревней. Уже раньше, послѣ того, какъ волна освободительнаго движенія прокатилась по всей Россіи, А. И. Фаресовъ въ своихъ книгахъ: «Голосъ земли», «Пробужденный народъ», «Мужикъ и начальство», собрали свидѣтельства и показанія самого народа о событіяхъ, такъ глубоко измѣнившихъ весь строй и укладъ его жизни. И въ новой своей книгѣ авторъ, не мудрствуя лукаво, призвелъ такую же своего рода мужицкую анкету, въ которой нашла себѣ широкое и яркое отраженіе новая дѣйствительность, новый бытъ новой трезвой Россіи.

Послѣдствія этого неожиданнаго принудительнаго отрезвленія сказались въ деревнѣ и на ея населеніи гораздо глубже и ярче, чѣмъ на городскомъ фабрично-промышленномъ населеніи. Въ то время, когда послѣднее лишь замѣнило водку ея вредными суррогатами, деревня просто перестала пить, и среди народа авторъ замѣтилъ необыкновенный подъемъ, вѣру въ собственную мощь и въ лучшее будущее, повышеніе благосостоянія, уплату разныхъ долговъ и проч. Народъ, или, вѣрнѣе, огромное, подавляющее большинство народа, чрезвычайно доволенъ этой рѣшительной пріостановкой пьянства. Теперь въ средѣ крестьянъ пробуждаются на ряду съ матеріальнымъ благосостояніемъ и лучшія его душевныя качества. Онъ радуется общеніемъ между собой, шутить, что въ трезвые дни «баба наша повеселѣла и тѣломъ побѣлѣла»; уменьшилось число различныхъ проступковъ и судебныхъ взысканій; мужикъ сталъ не только богаче, но умнѣе, «образовался», облагородился.

Въ связи съ этимъ большое и серьезное вниманіе слѣдуетъ обратить на то, что въ отрезвленномъ народѣ во весь ростъ стало на очередь разрѣшеніе цѣлага ряда наболѣвшихъ вопросовъ о созданіи школъ, кредитныхъ товариществъ, селско-хозяйственныхъ артелей, потребительныхъ и торговыхъ кооперативовъ и проч. и проч. Отнявъ у мужика водку, правительство и общество обязаны дать ему разумное развлеченіе, удовлетворить его стремленіе къ просвѣщенію; давши возможность безъ водки увеличить матеріальное благосостояніе народа, правительство и общество обязаны оберечь темнаго мужика отъ мародеровъ-торговцевъ: вѣдь не для того отрезвленный мужикъ трудится и увеличиваетъ свое благосостояніе, чтобы вмѣсто прежней казенки его обирали купцы.

На русскую интеллигенцію возлагается теперь серьезная и великая обязанность поддержать пробудившійся отъ пьянства народъ, помочь ему своими знаніями; безъ высокихъ и красивыхъ словъ нужно просто приступить немедленно же къ кропотливой и настойчивой работѣ удовлетворенія подлинныхъ нуждъ и потребностей мужицкаго житья-бытья. Г. Фаресовъ, заканчивая свои очерки, говоритъ: «Я видѣлъ радостныя переживанія народомъ грядущей трезвой жизни, чувствовалъ кругомъ «осязаемые ея результаты» и вѣрю, что настала часъ работы для всѣхъ, кто искренно хочетъ работать на благодородной вивѣ добра».

Первоначально большинство путевыхъ очерковъ г. Фаресова было напечатано въ газетѣ «Новое Время», еженедѣльникѣ «Русская Будущность» и на страницахъ нашего журнала въ прошломъ году въ ноябрьской книжкѣ.

М—о.

В. К. Лукомскій и баронъ Н. А. Типольтъ. Русская геральдика. Руководство къ составленію и описанію гербовъ. Изданіе императорскаго общества поощренія художествъ. Петроградъ. 1915.

Предисловіе къ «Русской геральдикѣ» указываетъ, что императорское общество поощренія художествъ, выпуская это изданіе въ свѣтъ, поставило своею цѣлью «дать лицамъ, интересующимся гербовѣдѣніемъ, краткое, справочное руководство къ уясненію состава гербовъ и ихъ описаніе». Дѣйствительно, читателю негдѣ найти отвѣта, чѣмъ была въ прошломъ, что представляетъ въ настоящемъ, да и о чемъ вообще толкуетъ эта таинственная наука «геральдика», смѣшиваемая обыкновенно въ широкой публикѣ съ генеалогіей. Популярнаго очерка исторіи геральдики въ Россіи и краткаго систематическаго изложенія законовъ ея, какъ особой науки, у насъ до сихъ поръ не было. Любопытствующему приходится обращаться къ работамъ Лакіера, давно уже ставшимъ библиографической рѣдкостью, къ незаконченному труду фонъ-Винклера или къ дорого стоящимъ и не часто встрѣчающимся въ продажѣ лекціямъ Ю. В. Арсеньева. Новое изданіе обѣщаетъ заполнить—и удачно заполняетъ этотъ существенный пробѣлъ нашей геральдической литературы.

Разсматриваемое изданіе открывается статьей В. К. Лукомскаго, представляющей собою историческій очеркъ источниковъ русской геральдики и заключающей въ себѣ обзоръ того порядка примѣненія общеевропейскихъ принциповъ гербовѣдѣнія, которыми руководствовались «правительственныя учрежденія, вѣдавшія въ Россіи сочиненіе гербовъ»; при этомъ, попутно, авторомъ дается краткое обозрѣніе отечественной литературы по гербовѣдѣнію. Статья эта представляетъ значительный интересъ, рисуя развитіе русской официальной геральдики въ различныя историческія эпохи, начиная съ 1722 г., т. е. со времени учрежденія герольдмейстерской конторы при Правительствующемъ Сенатѣ.

Вторая часть «русской геральдики» принадлежитъ перу барона Н. А. Типольта и составляетъ, такъ сказать, «догму» отечественнаго гербовѣдѣнія. Въ ней заключаются основныя положенія геральдической науки примѣнительно къ русскимъ гербамъ, т. е. къ гербамъ, входящимъ въ восемнадцать частей общаго гербовика. Начиная съ описанія всѣхъ составныхъ частей герба—щита, шлема, короны и проч., баронъ Типольтъ переходитъ къ перечисленію гербовыхъ эмблемъ, отводя значительное мѣсто такъ называемымъ «геральдическимъ фигурамъ». Фигуры эти, широко распространенныя въ Европѣ, гдѣ для каждой изъ нихъ имѣются особыя условныя термины и выраженія, занимаютъ у насъ весьма скромное положеніе и употребляются сравнительно рѣдко. Описаніе 150-ти подобныхъ «геральдическихъ фигуръ» вызвало образчики той тарбарщины, которая подъ именемъ «геральдической терминологіи» служитъ при описаніи гербовъ въ послѣднихъ томахъ общаго гербовника. Такія выраженія, какъ «правая скошенная глава» (стр. 27, рис. 69), «противозубчатый столбъ» (стр. 28, рис. 96), «стѣнчатый со швами брусокъ» (стр. 30, рис. 176) рѣжутъ ухо и не даютъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что должны означать.

Издана «Русская геральдика» роскошно.—рисунки, шрифтъ, бумага не оставляють желать ничего лучшаго, что будетъ совершенно понятно, если принять во вниманіе, что въ составъ комиссіи, завѣдывавшей ея изданіемъ, входили, подъ предѣдательствомъ Рериха, Билибинъ, Бѣлаго, Дмоховскій, Макаренко, Мате и Яремичъ.

Въ общемъ необходимо признать, что «Русская геральдика» съ избыткомъ удовлетворяетъ той, къ сожалѣнію, слишкомъ узкой цѣли, которую преслѣдовали ея составители и издавшее ее императорское общество поощренія художествъ.

З. И. В

Чего ждетъ Германія отъ войны? Бесѣды съ германскими общественными дѣятелями. Реданція, примѣчанія и предисловіе Р. Стрѣльцова. Переводъ З. Венгеровой и Н. М. Лагова. Кн-во «Прометей». Пгр. 1915. Стр. 159. Ц. 1 р 25 к.

Названная книга составлена изъ статей испанскаго журналиста г. Пего, печатавшихся въ свое время на столбцахъ французской газеты «Echo de Paris» и обратившихъ при своемъ появленіи въ печати вниманіе широкихъ круговъ французскаго общества. Главное достоинство этой книги заключается въ томъ, что авторъ передаетъ въ ней лишь то, что онъ самъ слышалъ отъ различныхъ представителей нѣмецкаго народа, и заявленія этихъ господъ, ихъ мнѣнія по тому или иному вопросу авторъ старается передать возможно точно и объективно; даже германская пресса отмѣтила безпристрастіе испанскаго корреспондента и тѣмъ самымъ подчеркнула правдивость и точность писаній г. Пего. Авторъ во время своего пребыванія въ Германіи успѣлъ повидать и умѣло проинтервьюировать множество самыхъ разнообразныхъ представителей германскаго правительства, финансоваго и ученаго міра, депутатовъ, дипломатовъ, видныхъ дѣятелей общественныхъ и научныхъ организацій, представителей интересовъ трудящейся рабочей массы и т. д.

Слова этихъ представителей народа, конечно, очень часто бьютъ на эффектъ, стараются представить положеніе дѣлъ и общій взглядъ на событія не такъ, какъ это въ дѣйствительности обстоитъ, частенько въ ихъ словахъ видно желаніе пустить пылъ въ глаза нейтральнаго журналиста, въ надеждѣ, что подобное освѣщеніе событій произведетъ нужное для нѣмцевъ впечатлѣніе въ воюющихъ съ ними государствахъ, но эта тенденція внимательнымъ читателемъ быстро можетъ быть подмѣчена, и онъ, отстранивъ этотъ ненужный налетъ, сумѣетъ увидѣть въ рѣчахъ представителей нѣмецкаго общества много весьма любопытнаго и поучительнаго для себя.

Авторъ старался въ своихъ интервью узнать мнѣнія нѣмцевъ объ экономическомъ положеніи Германіи, о ея внутренней политической жизни и теченіяхъ, объ общественномъ умонастроеніи, выяснить взглядъ нѣмецкаго общества на настоящую войну, его представленія о причинахъ и послѣдствіяхъ этой борьбы, объ общественныхъ надеждахъ, которыя связаны съ окончаніемъ войны; очень характерны мнѣнія о мирѣ; много чрезвычайно любопытнаго рассказывается объ отношеніи нѣмецкихъ общественныхъ круговъ къ вопро-

самъ о Бельгіи, о позиціи Італіи и нейтральныхъ государствъ, о тактикѣ германской социаль-демократіи и т. д. Не останавливаясь на болѣе подробномъ изложеніи содержанія этой интересной книжки, замѣтимъ лишь, что, несмотря на нѣкоторую запоздалость въ освѣщеніи событій, уже нѣсколько отодвинутыхъ новыми происшествіями военной дѣйствительности, эта книга не теряетъ своего интереса, какъ любопытный образецъ отношенія нѣмецкаго общества къ разразившейся міровой войнѣ и свидѣтель ихъ общественно-политическаго міровоззрѣнія и умонастроенія въ данный историческій моментъ.

Книга снабжена предисловіемъ Р. Стрѣльцова, въ которомъ послѣдній подробно знакомитъ съ нѣмецкой военной партіей, сыгравшей крупную роль въ разразившейся міровой войнѣ, и пытается, не особенно успѣшно, объяснить и до извѣстной степени реабилитировать тактику нѣмецкой социаль-демократіи; въ примѣчаніяхъ г. Стрѣльцовъ сдѣлалъ рядъ фактическихъ поправокъ допущенныхъ г. Івего нѣкоторыхъ погрѣшностей. **Д. А. М**

Н. А. Павловъ. Записки землевладѣльца. Пгр. 1915. Стр. 362. Цѣна 2 руб.

Книга г. Павлова, тракующая не только о «спеціальномъ» бытѣ, о жизни сельскихъ хозяевъ, о тѣхъ или иныхъ культурахъ и формахъ сельско-хозяйственной техники, но также и о взаимоотношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ и объ отношеніяхъ обоихъ этихъ классовъ къ государству и его учрежденіямъ—банкамъ, биржѣ, земству, суду и проч., отношеніяхъ, восходящихъ къ 1904—1905 гг., представляетъ какъ бы самостоятельный обширѣйшій отдѣлъ въ исторіи русской культуры въ деревнѣ за періодъ 1900—1914 гг. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, «Записки землевладѣльца» являются весьма цѣннымъ вкладомъ въ сокровищницу нашей исторической литературы. Какъ книга, имѣющая въ виду, главнымъ образомъ, «педочеты» дворянскаго землевладѣнія, его неурстройство, нуждающееся въ широкихъ реформахъ, въ объединеніи дворянъ на почвѣ имперскаго экономическаго союза, «Записки» г. Павлова, безъ сомнѣнія, затрагиваютъ самые насущные вопросы для дворянства. Кромѣ общихъ бытовыхъ чертъ изъ жизни дворянъ-землевладѣльцевъ и экономическихъ вопросовъ, выдвинутыхъ сельско-хозяйственной жизнью, сельскіе хозяева найдутъ въ «Запискахъ» очень цѣнные указанія по коневодству, овцеводству, лѣсоводству, садоводству, огородничеству, новыя характеристики примѣненія трактора, сноповязалки, стриппера, разсужденія объ осенней вспашкѣ, схемы трехполя и одиннадцатиполя и проч.

Вообще мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что послѣ «Писемъ изъ деревни», написанныхъ около сорока лѣтъ назадъ въ глуши смоленской деревни ех-профессоромъ А. Н. Энгельгардтомъ и значительно устарѣвшихъ для нашего времени,—книга г. Павлова является первой—мы сказали бы—настолярной—книгой для современныхъ сельскихъ хозяевъ. **А. Д.**

Материалы по археологiи Россiи, издаваемые императорскою археологическою комиссiей. № 84. Доклады, читанные на лондонскомъ международномъ конгрессѣ историковъ 1913 г. графомъ А. А. Бобринскимъ, Е. М. Придикомъ, М. И. Ростовцевымъ, Б. В. Фармаковскимъ и Э. Р. фонъ-Штерномъ. Съ 59 таблицами и 40 рисунками въ текстѣ. Петроградъ. 1915.

На послѣднемъ историческомъ съѣздѣ въ Лондонѣ были прочитаны русскими учеными пять докладовъ. Профессоръ Э. Р. фонъ-Штернъ далъ отчетъ о находкѣ въ с. Бородинѣ Бессарабской губернiи предметовъ бронзовой эпохи, относящихся ко второму тысячелѣтiю до Р. Хр. Статья профессора Штерна великолѣпно иллюстрирована таблицей, рисованною археологомъ-художникомъ М. В. Фармаковскимъ и воспроизведенною въ краскахъ на черномъ фонѣ заведенiемъ Голике и Вильборгъ. Профессоръ Б. В. Фармаковскiй предложилъ членамъ конгресса докладъ о памятникахъ художественной промышленности, найденныхъ въ греческихъ колонiяхъ на югѣ Россiи, въ курганахъ Скиѣи и на Кавказѣ; одни изъ нихъ относятся къ эпохѣ, предшествующей колонизацiи, другiе къ самому времени колонiй. Б. В. Фармаковскiй первый сообщаетъ общiй обзоръ памятниковъ археологической эпохи юга Россiи. Почва Россiи, какъ извѣстно, дала рядъ интереснѣйшихъ памятниковъ греческаго искусства. Ионiйское искусство южно-русскихъ греческихъ колонiй въ Скиѣи и въ примыкающихъ къ ней областяхъ создало художественные образы своеобразнаго, «эвфринскаго стиля»... Основы положенной ионiйцами на югѣ Россiи цивилизацiи не остались безъ влiянiя на судьбы какъ обще-европейской, такъ особенно русской культуры. Профессоръ М. И. Ростовцевъ знакомитъ съ воронежскимъ серебрянымъ кладомъ, шедевромъ греческаго искусства, найденнымъ у изголовiя погребеннаго рыцаря. Е. М. Придикъ даетъ отчетъ о трехъ богатѣйшихъ находкахъ на Кавказѣ въ селахъ Бори, Казинскомъ и Усахело; это—браслеты, серьги, перстни, ожерелья, застежки, пуговицы, сосуды, ложки и т. п. изъ золота, серебра и мѣди, желѣзныя вещи относятся къ I—II вв. до Р. Хр. и къ I в. послѣ Р. Хр. Графъ А. А. Бобринскiй описываетъ огромный кладъ золотой и серебряной утвари, найденный въ 1912 году около села Малая Перещепина въ двѣнадцати верстахъ отъ Полтавы. Предметы эти относятся къ VII вѣку по Р. Хр. Какой-то славянскiй князь запрягалъ ихъ въ песчаныхъ дюнахъ Малороссiи, спасаясь самъ бѣгствомъ при приближенiи дикихъ племенъ съ востока.

О. Цыбульскiй.

Собранiе сочиненiй Александра Николаевича Веселовскаго. Серiя II, томъ 3-й. Италiя и Возрожденiе. Боккаччо, его среда и сверстники. Томъ первый (1893). Изданiе отдѣленiя русскаго языка и словесности императорской академiи наукъ. Томъ пятый. Петроградъ 1915. Стр. XVI+658. Ц. 2 р.

Съ тѣми же чувствами увлеченiя и гордости за русскую науку читали мы вновь эту не устарѣвшую и не старѣющую книгу, съ интересомъ отыскивая въ первую голову наиболѣе памятные мѣста стараго изданiя, попрежнему поражаясь тѣмъ увѣреннымъ мастерствомъ, съ которымъ замѣчательный ученый неотрывно создаетъ свою сложную психологическую картину, съ изумле-

ніемъ наблюдая, какъ новое итальянской культуры переплетается, подчасъ тонкими неуловимыми нитями, съ античностью, и связь эта столь осязательна, характерныя черты народа, его привычки и причуды такъ не измѣнились, словно не прошло никакихъ событій, и тяжесть вѣковъ, и грозныя полчища варваровъ не коснулись благословенной итальянской земли, и тѣмъ же ровнымъ свѣтомъ сіяетъ геній Овидія. Съ рѣдкимъ для ученой книги удовольствіемъ можно прочесть пересказъ содержанія «Фьяметты», именно потому, что тутъ не простой пересказъ, а такой, который вскрываетъ новое, объясняетъ, растолковываетъ этотъ первый психологическій романъ въ новыхъ литературахъ, первую попытку поэтической идеализаціи психическихъ моментовъ—анализа чувствъ любящей женщины, оставленной своимъ милымъ. А разборъ «Декамерона»? Анализъ этого произведенія Боккаччо съ точки зрѣнія стиля и композиціи? И анализъ самаго содержанія «Декамерона», анализъ религіознаго чувства у Боккаччо, чувства любви и долга? Наконецъ біографія Боккаччо: его любовь къ побочной дочери короля Роберта и параллельный анализъ «Филоколо»? А экскурсы въ сторону античной литературы, рыцарскаго романа и итальянской новеллы добоккаччевскаго періода? Все это чрезвычайно интересно и поучительно.

Будемъ надѣяться, что второй томъ этого изслѣдованія появится скоро.

В. Е.

Фунидидъ. Исторія. Т. I и II. Переводъ Ѳ. Мищенко въ переработкѣ, съ примѣчаніями и вступительнымъ очеркомъ С. Жебелева. М. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1915. Стр. LXXIX+403 и LXXXVI+445. Цѣна по 3 руб. за томъ.

Серія памятниковъ всемірной литературы, задуманная московскими издателями М. и С. Сабашниковыми, обогатилась новымъ цѣннымъ вкладомъ. Профессоръ С. А. Жебелевъ, одинъ изъ нашихъ видныхъ историковъ Греціи, взялъ на себя почетную задачу возобновить для русской публики классическій переводъ «исторіи» Фукидида, исполненный въ свое время Ѳ. Г. Мищенкомъ. Передъ нами два тома, содержащіе переводъ Фукидида, «написавшаго исторію войны между пелопоннесцами и аѳинянами, какъ они вели ее другъ противъ друга», вступительныя статьи и примѣчанія; весьма цѣннымъ дополненіемъ являются карты, приложенныя въ концѣ каждаго тома. Подобно многимъ другимъ переводамъ этой серіи, и новый Фукидидъ является не только цѣннымъ обогащеніемъ русской литературы, но и виднымъ явленіемъ въ мірѣ науки.

Первая и лучшая заслуга С. А. Жебелева та, что онъ вновь подарилъ просвѣщенному обществу одинъ изъ лучшихъ памятниковъ греческаго генія и не только далъ образцовый переводъ этого перваго научнаго историческаго труда всемірной литературы, но и снабдилъ его прекраснымъ введеніемъ и объяснительными примѣчаніями. Переводъ Ѳ. Г. Мищенко давно уже сталъ большою рѣдкостью и, кромѣ того, не во всѣхъ отношеніяхъ отвѣчаетъ современнымъ требованіямъ. Новая его обработка съ полнымъ правомъ займетъ почетное мѣсто среди лучшихъ явленій нашей переводной литературы.

Всѣ важные вопросы, связанные съ личностью Фукидида и его твореніемъ, должнымъ образомъ освѣщены во введеніи, распредѣленномъ, въ видахъ равновѣсія, по обоимъ томамъ. Примѣчанія подъ строкой, намѣренно рѣдкія и краткія, облегчаютъ пониманіе текста. Той же цѣли служатъ и объяснительныя примѣчанія, приложенныя въ концѣ; критическія приложения даютъ отчетъ объ отношеніи переводчика къ греческому оригиналу; наконецъ, ко второму тому приложенъ еще алфавитный указатель, позволяющій не только найти объяснительную справку, но и дающій возможность легко отыскать въ текстѣ то или другое событіе, упоминаемое Фукидидомъ. Карты, составленныя примѣнительно къ тексту, способствуютъ пониманію излагаемыхъ событій.

Въ числѣ научныхъ заслугъ новой обработки перевода Фукидида на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ назвать безпристрастность и точность; С. А. Жебелевъ далъ намъ переводъ, правдиво и безъ искаженій воспроизводящій твореніе Фукидида. Въ концѣ приложены тѣ главы изъ «афинскаго государственнаго устройства» Аристотеля, гдѣ оны, расходясь съ Фукидидомъ, иначе излагаютъ событія олигархическаго переворота 411 года.

Каждый, кому близка исторія культуры человѣчества, теперь вновь можетъ самъ ознакомиться съ исторіей Фукидида, однимъ изъ выдающихся памятниковъ греческой жизни. Переводчикъ же и издатели въ полной мѣрѣ заслужили благодарность русскаго общества за тотъ цѣнный вкладъ, который они внесли въ сокровищницу русской культуры.

Д.

Труды состоящей подъ Высочайшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора и находящейся подъ августѣйшимъ почетнымъ попечительствомъ его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича тульской губернской ученой архивной комиссіи. Книга I. 1913.—10-го ноября 1914 г. Тула. 1915. Стр. 696+II. Цѣна 5 рублей.

Изъ матеріаловъ, напечатанныхъ въ настоящемъ томѣ, имѣющими болѣе общій интересъ намъ представляются слѣдующіе: «Саксонскія сношенія съ польскимъ королемъ касательно посольства Хр. Шлейница въ Москву 1511—14 гг.» (по документамъ дрезденскаго главнаго государственнаго архива; даны въ переводахъ съ латинскаго и нѣмецкаго); матеріалы, напечатанные г. Г. М. Бѣлоцерковскимъ (о каширскихъ кормовыхъ иноземцахъ—Давыдъ Францовъ съ товарищи, 7137 года, о населенности городовъ Тульского края въ XVII в.—съ таблицей), матеріалы гг. Л. М. Савелова и С. В. Любимова по родословию древнихъ помѣстныхъ родовъ Тульского края, статья г. Ф. П. Саваренскаго о географическихъ названіяхъ Тульской губерніи въ связи съ почвенными данными, затѣмъ напечатанныя по рукописямъ, пожертвованнымъ въ музей комиссіи профессоромъ И. А. Шляпкинымъ, «Достопамятности города Тулы и его губерніи» И. П. Сахарова, статья г. Н. Е. Сѣвернаго по исторіографіи Тульского края въ XIX столѣтіи; обширны «Документы по родословной рода Арсеньевыхъ», напечатанные г. В. С. Арсеньевымъ, и писцовыя книги по Алексинскому уѣзду Тульской губерніи. Изъ матеріаловъ, имѣющихъ историко-литературный интересъ, въ вышедшемъ томѣ «Трудовъ» комиссіи помѣщены:

отрывокъ изъ письма, довольно желчнаго, М. А. Веневитинова къ С. В. Арсеньеву по поводу Пушкинскихъ празднествъ въ Москвѣ въ 1880 году, матеріалы по родословію рода Лермонтовыхъ и родственныхъ имъ семействъ; двѣ записки В. А. Жуковскаго (одна къ А. І. Смирновой) и письмо И. С. Тургенева къ Аннѣ Яковлевнѣ (Тургеневой? женѣ Николая Сергѣевича?), а также «Сообщеніе Г. Е. Скрыбина о И. С. Тургеневѣ» (стр. 179), вѣрнѣе говоря, о матери нашего писателя—Варварѣ Петровнѣ. Все въ общемъ интересно, за исключеніемъ опечатокъ и отсутствія какого бы то ни было указателя.

Вд. Кн.

Изданія русскаго библиологическаго общества. Библиологическій сборникъ. Т. I. Вып. 2. Біо-библиографическіе матеріалы, собранные въ 1913—1914 г.г. Э. А. Вольтеромъ. Петроградъ. 1915. Стр. 56. Ц. 1 р. Доклады и отчеты. Выпускъ III. 1913—1914 г.г. Петроградъ. 1915. Стр. 72. Ц. 3 р.

Сравнительно высокая цѣна новыхъ изданій русскаго библиологическаго общества объясняется изяществомъ, съ которымъ они отпечатаны, а также многочисленными приложениями. При «Біо-библиографическихъ матеріалахъ» напечатаны девять портретовъ, а при «Докладахъ и Отчетахъ», кромѣ рисунковъ въ текстѣ, приложены на отдѣльныхъ листахъ: портретъ профессора А. І. Маленина, учредителя и почетнаго члена общества, снимокъ членовъ группы общества въ мѣстѣ ихъ засѣданій—маломъ конференцъ-залѣ академіи наукъ, другой видъ того же зала и виды библіотеки, а равно замѣчательнаго собранія библиографическихъ карточекъ С. А. Венгерова.

Содержаніе новыхъ изданій русскаго библиологическаго общества свидѣтельствуетъ о томъ, какъ все болѣе и болѣе понятіе «библіологіи», сначала вызывавшее недоумѣнія и недоразумѣнія, эволюціонизируется въ сторону большей научности. Въ первомъ изъ названныхъ изданій приведены списки произведеній двѣнадцати лицъ, которыхъ можно подвести подъ терминъ «библіологовъ», а во второмъ приведены обстоятельныя выдержки изъ протоколовъ общества, которыя даютъ возможность и постороннимъ обществу лицамъ получить довольно наглядное представленіе о характерѣ его дѣятельности. Этотъ матеріалъ, въ связи съ тѣмъ, что ранѣе было опубликовано обществомъ, позволяетъ провести границу между «библіологією» и тѣми дисциплинами, которыя болѣе всего склонны поддаваться смѣшенію съ нею: исторію литературы, библіотечковѣдѣніемъ, печатнымъ дѣломъ и т. д. Историкъ литературы не можетъ обойтись безъ эстетическаго критерія; библіологъ же, подобно зоологу или ботанику, регистрируетъ литературныя явленія, отмѣчаетъ ихъ большую или меньшую распространенность, указываетъ ихъ способъ появленія и т. д., не вдаваясь вовсе въ оцѣнку ихъ художественнаго значенія или моральной цѣнности. Съ другой стороны, библіотеки, архивы, всякаго рода книжныя собранія имѣютъ для библіолога значеніе только съ точки зрѣнія ихъ содѣйствія сохраненію и распространенію литературныхъ произведеній, а спеціальныя вопросы «полковѣдѣнія, организаціи книжной торговли, архивной администраціи» и т. д. остаются ему столь же чуждыми, какъ и техническія подробности печатнаго дѣла.

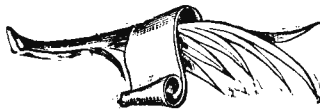
Такова, въ немногихъ словахъ, та точка зрѣнія на «библіологію», которая возобладала въ библіологическомъ обществѣ. Эту эволюцію можно только привѣтствовать, потому что она, съ одной стороны, представляетъ большой шагъ впередъ сравнительно съ нѣмецкими библіографическими теоріями, которыя безнадежно спутали «библіографію» съ «библіотековѣдѣніемъ», а съ другой стороны, несомнѣнно, поведетъ къ большей сплоченности въ самомъ обществѣ, все еще не вполне окрѣпшемъ, несмотря на свое шестнадцатилѣтнее существованіе.

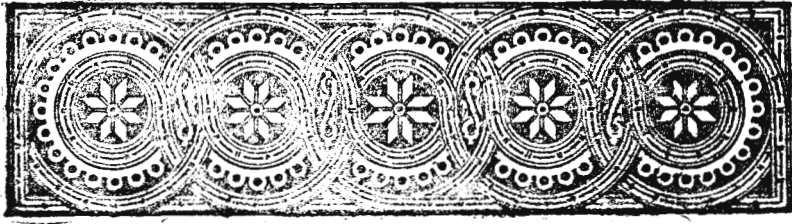
Въ частности въ первомъ изъ указанныхъ изданій общества помѣщены автобіографіи и автобіографическіе наброски: заслуженной работницы на поприщѣ библіографіи А. В. Мезіеръ, извѣстнаго прогрессивнаго библіографа и популяризатора Н. А. Рубакина, инициатора книжныхъ выставокъ и редактора «Книжной Лѣтописи» А. Д. Торопова, автора первыхъ русскихъ руководствъ по библіотечному дѣлу Л. Б. Хавкиной, біо-библіографіи В. С. Боднарскаго (написанная Ст. Ст. Лисовскимъ), Б. Л. Модзалевскаго, П. К. Симони, В. И. Срезневскаго, біографическая замѣтка объ извѣстномъ московскомъ собирателѣ и знатокѣ книгъ Д. В. Улянинскомъ и, наконецъ, списки работъ С. Л. Бертенсона, У. Г. Иваска и А. А. Лебедева.

При «Докладахъ и Отчетахъ» напечатаны: записка покойнаго московскаго библіографа В. Н. Рогожина, дающая печальный синодикъ погибшихъ библіотекъ и предлагающая создать общеимперскій фондъ для скупки библіотекъ послѣ смерти ихъ владѣльцевъ, прочувствованная рѣчь В. Я. Каплинскаго, посвященная юбилею профессора А. И. Малеина, и краткій очеркъ Н. М. Лисовскаго о «новыхъ явленіяхъ въ области московской библіографической литературы».

«Доклады и Отчеты» даютъ далѣе подробныя выдержки изъ протоколовъ общихъ собраній общества и, въ заключеніе, списокъ членовъ общества, а равно краткія свѣдѣнія объ его финансахъ. Изъ списка усматривается, что къ 20-му мая 1915 года въ обществѣ была 35 почетныхъ и 118 дѣйствительныхъ членовъ. Что касается финансовъ общества, то можно пожалѣть, что оно до сихъ поръ не имѣло возможности въ этомъ смыслѣ стать на твердую почву: его главнымъ ресурсомъ все еще является столь шаткая вещь, какъ ежегодно колеблющаяся сумма членскихъ взносовъ.

Z:

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

Автобіографія Я. М. Невѣрова.—Резолюція о его «глупости».—Объясненіе Евангелія и полицейскій надзоръ.—Русскій губернаторъ-нѣмецъ въ лицѣ В. В. фонъ-Валя.—Легенда о Маріи Парижской и императрица Марія Теодоровна.—Похороны гусарскаго мундира.

ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ время въ исторической литературѣ все чаще и чаще встрѣчаются воспоминанія объ эпохѣ императора Николая I, выясняющія истинное значеніе этого царствованія въ русской исторіи. Мрачный фонъ этой эпохи, съ беспощадной рѣзкостью нарисованный въ «Запискахъ» такого безпристрастнаго современника, какъ знаменитый нашъ историкъ Сергій Михайловичъ Соловьевъ, замѣчается и въ другихъ мемуарахъ, посвященныхъ этому жестокому времени, когда властно господствовалъ въ русской жизни одинъ лишь императивъ: «не разсуждать!» Яркимъ дополненіемъ «Записокъ» С. М. Соловьева въ этомъ отношеніи является автобіографія другого извѣстнаго русскаго дѣятеля, попечителя кавказскаго учебнаго округа, Я. М. Невѣрова, умершаго при Александрѣ III въ званіи члена государственнаго совѣта. Автобіографія эта, къ сожалѣнію, не законченная, помѣщена была въ прошломъ году въ педагогическомъ журналѣ «Вѣстникъ Воспитанія».

По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ въ 1833 г. Я. М. Невѣровъ едва было не погибъ по ничтожному поводу, для которыхъ былъ широкій просторъ въ царствованіе императора Николая. «Я колебался,—разсказываетъ онъ,—въ выборѣ цѣли: магистерство или литература; къ этому еще смущало меня и заманчивое предложеніе министра Уварова пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ самъ обѣщаль позаботиться устроить мою карьеру». Невѣровъ рѣшился наконецъ ѣхать въ Петербургъ, но на другой день

по приѣздѣ съ нимъ случилось слѣдующее. «Утромъ, — пишетъ онъ, — когда я лежалъ еще въ постели, второпяхъ входитъ въ мою комнату хозяйка Камынина и объявляетъ мнѣ, что приѣхалъ полицейскій офицеръ съ жандармами и требуетъ, чтобы ихъ впустили ко мнѣ. Одѣвшись второпяхъ, я растворилъ дверь незваному гостю, который объявилъ мнѣ, что по Высочайшему повелѣнію долженъ взять меня съ собою и немедленно представить въ часть. Мои вопросы: за что, какъ и почему?—гсъ остались безъ отвѣта, и я долженъ былъ отправиться по назначенію. Добрая моя хозяйка тотчасъ заключила, что меня ведутъ въ Петропавловскую крѣпость, а потому при прощаніи сунула мнѣ узелокъ съ чаемъ и сахаромъ со словами: «Вотъ тебѣ, батюшка, — въ крѣпости хоть чайкомъ отведешь душу!» Меня привезли въ часть, — тамъ тоже ничего не знали обо мнѣ и только объявили мнѣ, что я требуюсь по высочайшему повелѣнію. Затѣмъ меня повезли къ оберъ-полицеймейстеру Кокочкину, который по крайней мѣрѣ объяснилъ мнѣ, что меня требуютъ по Высочайшему повелѣнію генераль-губернаторъ, но зачѣмъ—ему неизвѣстно и что полиція должна была прямо препроводить меня туда, а не влачить по инстанціямъ, а потому я отъ Кокочкина съ полицейскимъ офицеромъ прямо отправленъ былъ къ генераль-губернатору. Тамъ наконецъ узналъ я, въ чемъ дѣло». Оказалось, что незадолго до окончанія курса Невѣровъ устроилъ въ помощь пяти арестованнымъ по ничтожному поводу и сосланнымъ на Кавказъ студентамъ подписку и собранныя деньги передалъ имъ чрезъ московскаго коменданта, генерала, пользовавшагося въ Москвѣ уваженіемъ. Уже по дорогѣ на Кавказъ одинъ изъ этихъ студентовъ, Антоновичъ, написалъ по этому поводу благодарственное письмо Невѣрову, совершенно ему незнакомому, называя его: «товарищъ, другъ и т. д.». Письмо это было перехвачено жандармами, и хотя отсутствіе всякой связи Невѣрова съ сосланными студентами и было выяснено показаніемъ коменданта, но «дѣло» о немъ представлено было шефомъ жандармовъ, графомъ Бенкендорфомъ, государю. «Государь на докладѣ Бенкендорфа, — пишетъ Невѣровъ, — изволилъ собственноручно написать: «Сказать Палену, чтобы онъ потребовалъ къ себѣ Невѣрова и отъ моего имени сказалъ ему, что глупо съ его стороны такое вѣжничанье съ государственными преступниками. Изъ дѣла я вижу, что онъ добрый малый, но глупъ, — объявить ему о томъ». И вотъ для выслушанія этой высочайшей резолюціи я былъ потребованъ къ генераль-губернатору, и этому дана была такая обстановка, что не только я, но и низшая полиція взглянула на меня, какъ на лицо, замѣшанное въ политическомъ преступленіи, да и самъ я думалъ, что мнѣ предстоитъ если не Сибирь, потому что не зналъ за собою никакой вины, то, по крайней мѣрѣ, Петропавловская крѣпость до разъясненія какого-то вовсе мнѣ неизвѣстнаго дѣла, въ которое меня замѣшали, вѣроятно, по ошибкѣ. Трудно было представить, въ какомъ я былъ восторгѣ, выслушавъ эту высочайшую резолюцію! Титулу глупца я былъ радъ, какъ, конечно, никакой другой титулъ не могъ меня обрадовать. Но объявленіемъ мнѣ высочайшей резолюціи, какъ оказалось, дѣло не кончилось: за мной установленъ былъ полицейскій надзоръ, о чемъ, конечно, я ничего не зналъ, и подъ этимъ надзоромъ я находился двѣнадцать лѣтъ, до 1845 года». Виновникъ этой исторіи, студентъ Антоновичъ, попалъ на Кавказъ въ счастливыя условія

и сдѣлалъ себѣ тамъ карьеру. Онъ былъ прощенъ, произведенъ въ офицеры, по ходатайству Н. Н. Раевского, и дослужился до генеральскаго чина. При Александрѣ II онъ былъ бессарабскимъ губернаторомъ, а потомъ попечителемъ кievскаго учебнаго округа.

Впослѣдствіи, будучи уже директоромъ гимназіи, Я. М. Невѣровъ, страстно любившій педагогическое дѣло и горячо заботившійся объ умственномъ и нравственномъ развитіи учащихся, также столкнулся съ полицейской властью на поприщѣ... объясненія дѣтямъ Евангелія. «Въ одно прекрасное утро, — рассказываетъ Невѣровъ, — я вдругъ получаю приглашеніе явиться къ преосвященному Игнатію, и первымъ его словомъ было, что до него дошелъ слухъ, что я объясняю дѣтямъ Евангеліе, — правда ли это? — «Правда, преосвященный, я началъ это еще въ Черниговѣ и вотъ здѣсь уже десятый годъ каждую субботу занимаюсь этимъ съ пансіонерами, требуя отъ законоучителя, чтобы онъ дѣлалъ то же по воскресеньямъ съ приходщими учениками въ гимназіи». — «Да, — сказалъ преосвященный: — что вы требуете отъ законоучителя, чтобы онъ объяснялъ Евангеліе, — это хорошо, но по какому праву вы взяли на себя это въ пансіонѣ?» — «По праву отца тѣхъ дѣтей, преосвященный, которыя ввѣрены мнѣ правительствомъ и родителями, а первый долгъ отца-христіанина — научить своихъ дѣтей познавать Бога и любить Его». — «А знаете ли вы постановленіе Никейскаго собора, параграфъ такой-то?» — Конечно я отвѣчалъ, что не знаю. — «Тамъ сказано, что Евангеліе могутъ объяснять только клирики, а вы не принадлежите къ клиру». На это я замѣтилъ, что Никейскіе соборы происходили въ то время, когда формировалось христіанство и было много лжеучителей, ложно его понимавшихъ, а потому это постановленіе возникло съ цѣлью оградить православіе отъ лжеучителей, но что, кажется, меня нельзя отнести къ числу таковыхъ, такъ какъ я вѣрный сынъ православной церкви, а не лжеучитель или еретикъ, — а если бы былъ таковымъ, то правительство не ввѣрило бы мнѣ воспитанія юношества, — и въ такомъ духѣ завязался продолжительный разговоръ, который кончился тѣмъ, что преосвященный сказалъ мнѣ: «Я вижу, что вы знакомы съ уставами церкви, а потому въ слѣдующее воскресенье приходите въ соборъ пораньше, до моего туда пріѣзда. Я васъ рукоположу въ дьячки, — тогда вы, какъ клирикъ, можете объяснять дѣтямъ Евангеліе». Крайне удивленный такимъ предложеніемъ, я отвѣчалъ: «Не знаю, насколько стихарь дьячка гармонируетъ съ тѣмъ мундиромъ, который я ношу по званію директора училищъ, а потому и не могу принять вашего предложенія, но продолжать объяснять дѣтямъ Евангеліе буду, а потому прошу васъ это дѣло представить на разсмотрѣніе Синода, и если Синодъ найдетъ, что для объясненія Евангелія дѣтямъ необходимо быть дьячкомъ, тогда я подумаю, на что мнѣ рѣшиться: оставаться директоромъ гимназіи или поступить въ дьячки». При этомъ я откланялся архіерею и возвратился домой. Въ слѣдующую затѣмъ субботу, когда я по обыкновенію объяснялъ дѣтямъ Евангеліе, вдругъ входитъ инспекторъ и объявляетъ, что пріѣхалъ губернаторъ и жандармскій полковникъ и спрашиваютъ меня. Я отвѣчалъ: «Доложите, что я занятъ, и если имъ угодно меня видѣть, то просите ихъ сюда». Такимъ образомъ я продолжалъ свои занятія съ дѣтьми въ присутствіи этихъ посѣтителей, которые, однако, по скончаніи объясненія безмолвно

удалились. Этимъ дѣло и кончилось: ни архіерей, ни губернаторъ послѣ не дѣлали никакихъ возраженій, и я попрежнему продолжалъ мои занятія съ пансіонерами объясненіемъ имъ Евангелія».

Въ высшей степени любопытна и поучительна характеристика русскаго губернатора изъ нѣмцевъ, генерала Виктора Вильгельмовича фонъ-Валя, недавно умершаго въ званіи почетнаго опекуна и члена государственнаго совѣта, напечатанная въ «Нашей Старинѣ», въ «Воспоминаніяхъ» И. Т. Плетенева. Фонъ-Валь губернаторствовалъ съ 1879 года и до своего назначенія въ Курскъ въ 1889 году былъ губернаторомъ въ Ярославлѣ, Харьковѣ, Витебскѣ, Гроднѣ, Каменцѣ-Подольскомъ и на Волыни, повсюду насаждая чиновниковъ нѣмецкаго происхожденія и ведя антирусскую политику. Въ Курскѣ фонъ-Валь въ первый же годъ уволилъ безъ всякаго законнаго основанія до 130 чиновниковъ, въ томъ числѣ и автора «Воспоминаній», И. Т. Плетенева, замѣнивъ ихъ «волынцами». Тогда Плетеневъ отправилъ министру внутреннихъ дѣлъ жалобу на губернатора, изложивъ въ ней всѣ незаконныя его дѣйствія. Товарищъ предсѣдателя курскаго окружнаго суда Гаффербергъ, прочтя эту жалобу, сказалъ автору: «Знаете ли, что вы пишете прямо невѣроятныя вещи? Вы обвиняете губернатора въ антирусской политикѣ, васъ могутъ загнать, куда Макарь телятъ не гонялъ. Такими вещами не шутятъ. Но если даже на половину правда то, что вы пишете, такая же участь постигнетъ самого губернатора». »Такъ разсуждалъ юристъ, строгій законникъ, и съ своей точки зрѣнія былъ правъ», говоритъ г. Плетеневъ. Но онъ не имѣлъ въ виду, что Россія—страна неограниченныхъ возможностей. Фонъ-Валя чрезъ два года перевели петербургскимъ градоначальникомъ, а меня отпустили съ миромъ. Министерство оставило жалобу мою безъ разсмотрѣнія, предложивъ мнѣ обжаловать дѣйствія губернатора въ первомъ департаментѣ Правительствующаго Сената. Я и раньше зналъ это, но къ чему добиваться судебного производства и возстановленія меня въ должности исправника, когда мнѣ претила самая служба подъ страхомъ ежеминутнаго увольненія! Окруженный «волынцами», я могъ подпасть подъ болѣе серьезное обвиненіе и окончательно погубить себя. Я видѣлъ стройную систему подбора нужныхъ чиновниковъ, съ которыми у меня ничего не могло быть общаго». Авторъ самъ ѣздилъ искать правды въ Петербургъ, но на первыхъ порахъ этотъ городъ встрѣтилъ его непривѣтливо. Членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ Звегинцевъ, также бывший ранѣе курскимъ губернаторомъ, на жалобы Плетенева воскликнулъ: «Что вы мнѣ рассказываете! Вы понятія не имѣете, что такое губернаторъ! Губернаторъ—полновластный хозяинъ губерніи, это царь, это—богъ въ своей губерніи. Если бы даже онъ 130 чиновникамъ головы отрубилъ, и тогда министерство не обратило бы на это никакого вниманія... Вы своею жалобою на губернатора связали мнѣ руки: я ровно ничѣмъ не могу быть вамъ полезенъ». Плетеневъ обратился тогда къ князю В. П. Мещерскому. «Надутая, сумрачная фizioномія, много барской спеси, грубоватый, непривѣтливый тонъ рѣчи. «Чистѣйшей воды крѣпостникъ», мелькнуло у меня въ головѣ. Но когда я подробно разсказалъ ему, что дѣлается въ Курской губерніи, какой ужасъ царить среди разоренныхъ чиновничьихъ

семей,—у Мещерскаго голосъ дрогнулъ, и онъ уже мягко отвѣтилъ: «Хорошо, зайдите ко мнѣ дня черезъ три; я повидаюсь на дняхъ съ Иваномъ Николаевичемъ Дурново (тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ) и переговорю съ нимъ подробно. Это одинъ изъ лучшихъ людей въ Петербургѣ». Аккуратно чрезъ три дня являюсь къ Мещерскому, но узнаю отъ него, что онъ ничего не можетъ напечатать (въ своей газетѣ «Гражданинъ») про Валя: министръ очень хорошо отзывался о его дѣятельности и въ особенности министръ цѣнитъ тактику губернатора по отношенію къ дворянству. Тогда Плетеневъ написалъ статью о Валѣ въ «Сынѣ Отечества», въ которой было уже напечатано нѣсколько статей о нѣмецкомъ засильѣ, а затѣмъ познакомился съ извѣстнымъ славянофиломъ Аѳ. В. Васильевымъ. Онъ ввелъ его въ славянское благотворительное общество, председателемъ котораго былъ тогда извѣстный дипломатъ и бывший министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Н. П. Игнатьевъ. «А. В. Васильевъ,—говоритъ авторъ,—не могъ равнодушно слушать о нѣмцахъ и, понятно, очень заинтересовался фонъ-Валемъ». Когда Плетеневъ ознакомилъ затѣмъ въ частной бесѣдѣ графа Игнатьева, Васильева и другихъ членовъ славянскаго общества съ дѣянiami губернатора-нѣмца и нѣкоторые изъ слушателей назвали его сумасшедшимъ нѣмцемъ, то графъ Игнатьевъ сказалъ: «Ну, нѣтъ, господа, я никогда не назову его сумасшедшимъ. Это упрямый, своевольный до дерзости нѣмецъ, открыто презирающій все русское. Я хорошо знаю, что его держитъ сильная нѣмецкая партія, и онъ, какъ вѣрный сынъ своего фатерланда, работаетъ для укрѣпленія въ Россіи нѣмецкаго владычества... Фонъ-Валя,—прибавилъ графъ,—я отлично знаю: въ бытность мою министромъ внутреннихъ дѣлъ онъ служилъ губернаторомъ въ Витебскѣ. То, что я слышу теперь про него, вполне напоминаетъ его прежнюю тактику». Очевидно, что даже графъ Игнатьевъ, въ бытность свою министромъ внутреннихъ дѣлъ, былъ не въ силахъ освободиться отъ губернатора-нѣмца.

Въ журналѣ Аѳ. В. Васильева «Благовѣсть» г. Плетеневъ написалъ новую статью о Валѣ. Въ то время не было еще «свободы печати», а равно и дѣйствія военной цензуры, и статья эта появилась въ свѣтъ невозбранно. «Чтобы не повторяться,—разсказываетъ авторъ,—я взялъ лишь нѣсколько цитатъ изъ «Сына Отечества» и по поводу ихъ высказался о странной роли мѣстнаго дворянства, совершенно не замѣчающаго дѣйствій губернатора. Сосредоточивая все вниманіе на мѣстныхъ интересахъ и пустяковыхъ конфликтахъ, оно какъ будто не понимаетъ того, что полиція выполняетъ важныя государственныя функціи, и для дворянства, стоящаго во главѣ уѣздныхъ учреждений, небезразлично, какого сорта дѣятели охраняютъ общественную безопасность. Къ концѣ статьи коснулся общаго вопроса о нѣмецкомъ засильѣ въ Россіи и въ заключеніе говорю: «До какихъ же поръ будутъ давить русскихъ людей и расхищать ихъ достояніе наши нѣмецкіе «благодѣтели»: Пфели, Пфали и другіе подобные имъ Швали?» Нечего и говорить, съ какою жадностью набросились опять курыне на журналъ... Общество поняло, что въ лицѣ фонъ-Валя выражена идея общаго нѣмецкаго похода на Россію, что онъ самъ по себѣ, какъ единичная личность, только исполнитель давно начертаннаго большого плана окончательнаго покоренія Россіи. Волынцы-исправники ѣздили по уѣздамъ,

разыскивая «Благовѣсть», отбирали его и подвергали уничтоженію. Въ концѣ концовъ г. Плетеневъ успѣлъ устроиться на службѣ въ Петербургѣ по министерству финансовъ, распростившись съ Курскомъ, но, очевидно, равнодушіе курскихъ дворянъ къ дѣятельности фонъ-Валя осталось незабвенно въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ: въ годину нѣмецкаго нашествія на Россію оно знаменитаго курляндскаго губернатора, друга балтійскихъ нѣмцевъ, г. Набокова, перевело именно въ Курскую губернію. А говорятъ еще, что исторія не повторяется...

Въ «Русской Старинѣ» г. Нѣловъ въ статьѣ своей «Изъ дальнихъ лѣтъ» вспоминаетъ объ остающійся до сихъ поръ загадочною личности Маріи Парижской, бывшей въ замужествѣ за извѣстнымъ въ николаевскую эпоху петербургскимъ городскимъ головою, табачнымъ фабрикантомъ В. Г. Жуковымъ, табакъ котораго прославился подъ наименованіемъ «Жуковскаго». Еще ранѣе г. Нѣлова многіе петроградскіе старожилы печатали въ своихъ воспоминаніяхъ о Маріи Парижской разныя небывлицы, прозрачно намекая на высокое или, какъ выражались въ то время, «знаменитос» происхожденіе фабрикантши Жуковой. Г. Нѣловъ говоритъ даже, что самъ мужъ ее называлъ «ваше высочество». Жукова держала себя соотвѣтственно составившемуся о ея рожденіи мнѣнію. «Проходя чрезъ гостиную къ завтраку, мы видѣли ее сидящей на диванѣ съ книжкой, кланялись ей, но она очень гордо кивала головой, хотя въ нашемъ обществѣ было очень много заслуженныхъ генераловъ. Когда же, позавтракавъ, возвращались, то, подъ вліяніемъ завтрака, Василій Григорьевичъ обращался къ своей женѣ: «Пожалуйте ручку, ваше высочество»; она давала ему руку, онъ цѣловалъ руку, но получалъ въ отвѣтъ отъ нея: «Старый шутъ». «Стало извѣстно,—пишетъ Нѣловъ:—что эта Парижская была привезена императоромъ Александромъ I, какъ подкинутая ему во время его нахождения въ Парижѣ. Мать императора Александра, Марія Ѳеодоровна, когда дѣвочка подросла, отдала ее въ Смольный. Императрица не теряла ея изъ вида и, посѣщая институтъ, разговаривала съ нею. По окончаніи курса выдала ее замужъ за бывшаго городского голову Василя Григорьевича Жукова, давъ въ приданое сто тысячъ (!) рублей». Такъ рассказываетъ г. Нѣловъ. Другіе повѣствователи видѣли даже въ расположеніи къ Парижской императрицы Маріи даже знаки материнскаго къ ней вниманія. Намъ кажется, что пора покопчить съ этой легендой, прочно обосновавшейся въ темныхъ сказаніяхъ объ Александровской эпохѣ. Какъ намъ документально извѣстно изъ официальныхъ актовъ петроградскаго опекунскаго совѣта, императрица Марія Ѳеодоровна, въ ознаменованіе счастливаго событія—взятія Парижа русскими войсками 14-го марта 1814 года, повелѣла одну изъ подкинутыхъ въ этотъ день въ петроградскій воспитательный домъ несчастно-рожденныхъ дѣвочекъ наименовать Парижской и положить въ сохранную казну на ея имя небольшой капиталъ для приращенія процентами до совершеннолѣтія или до выхода въ замужество. Марія Парижская и воспитывалась не въ Смольномъ, а въ сиротскомъ институтѣ, нынѣ Николаевскомъ, петроградскаго воспитательнаго дома и пользовалась всегда милостивымъ вниманіемъ императрицы, которой она напоминала о

славнѣйшемъ событіи царствованія ея сына. Немудрено, что около имени Маріи Парижской любители таинственнаго сплели сказанія, попавшія и въ скандальную хронику и омрачавшія совершенно неосновательно память императрицы—матери сирыхъ и несчастно-рожденныхъ. Этимъ объясняется и то, почему Марія Парижская называла мужа «старымъ шутомъ», когда онъ, дѣлая видъ, что соглашается съ общимъ мнѣніемъ, титуловалъ ее «вашимъ высочествомъ».

Бывшій московскій губернскій предводитель дворянства генераль-майоръ Владимиръ Ивановичъ Ершовъ увѣковѣченъ въ разказахъ о немъ г. Юдина въ «Голосъ Минувшаго». Это былъ типъ стараго николаевского служаки, взбалмошнаго «бурбопа». Когда, по докладу военнаго министра Ванновскаго, въ 1882 году были уничтожены въ арміи гусарскіе и уланскіе полки, съ переименованіемъ ихъ въ драгуны, Ершовъ, бывшій тогда командиромъ павлоградскихъ гусаръ, собралъ своихъ офицеровъ и сказалъ имъ приблизительно слѣдующее:

— Господа! Умерли теперъ завѣты нашихъ славныхъ предковъ. Нѣтъ «гусаровъ коренныхъ, предсѣдателей бесѣдъ, собутыльниковъ лихихъ». Проводимъ съ честью въ мѣсто вѣчнаго покоя и мундиръ нашъ боевой. Похоронимъ его!»

И дѣйствительно, похоронили честь-честью. Сдѣлали гробъ, обили глазомъ съ лентами и кистями и положили внутрь его, какъ быть должно, венгерку съ чачкирами, ментикъ, шапку, сапоги гусарскіе и саблю. Въ назначенный день былъ выстроены весь полкъ въ конномъ строю со всеми жалованными регаліями. Гробъ поставили на катафалкѣ и, подъ звуки похороннаго марша полковаго хора, проводили его до кладбища, гдѣ съ установленнымъ изъ ружей салютомъ опустили въ нѣдра сырой земли. За сіи кошунственныя похороны Ершова уволили въ запасъ арміи, но... московское дворянство избрало его въ свои губернскіе предводители. Новая выходка Ершова въ этомъ званіи побудили правительство назначить его... оренбургскимъ губернаторомъ, и на этой должности онъ также оставилъ по себѣ неувядаемую славу...

Е. Шумигорскій.

Съ 15 декабря 1915 г. по 15 января 1916 г. въ редакцію «Историческаго Вѣстника» поступили для отзыва слѣдующія книги:

Борисъ Лазаревскій. Новыя дѣвушки. Из-во «Лукоморье». Пгр. 1916. Стр. 256. Ц. 1 р. 10 к.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. 1915 г. Книга 4-я (255-я) издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. 1915 г. Стр. XVIII+240+XXIV+238+320. Ц. 3 р.

А. А. Алексѣевъ. Бюджетное право французскаго парламента. Пгр. 1915. Стр. 106. Ц. не обозн.

Н. П. Нибардинъ. Блаженный Августинъ, епископъ Иппонскій, какъ воспитатель клира. Казань. 1915. Стр. 48. Ц. 30 к.

Д. А. Бочковъ. Памяти Александра Ивановича Покорскаго-Жоравко (1813—1913 г.г.). Черниговъ. 1915. Стр. 29. Ц. не обозн.

Письма Александра Ивановича Покорскаго-Жоравко къ женѣ Серафимѣ Павловнѣ, рожд. Потье-де-ла-Фромацьеръ (1858—1859 г.г.). Подъ ред. В. Л. Модзалевскаго. Черниговъ. 1915. Стр. 53. Ц. не обозн.

Борисъ Садовской. Адмиралтейская игла. Разказы 1909—1914. Кн-во бывш. М. В. Попова. Пгр. 1916. Стр. 167. Ц. 1 р. 25 к.

Вслѣдъ за «Лебедиными кликами», о которыхъ у насъ будетъ данъ подробный отзывъ, талантливый авторъ выпустилъ въ свѣтъ новый сборникъ увлекательныхъ разказовъ изъ па-

шего прошлаго, гдѣ переноситъ своего читателя и въ петровскую эпоху, и въ павловскую, и въ александровскую, и живо рисуетъ мрачныя времена крѣпостничества. Каждый разказъ какъ бы дышитъ ароматомъ той эпохи, которую воспроизводитъ; въ этомъ мы видимъ главную заслугу г. Садовскаго. **В. Ирецкій.** Суега. Разказы. Кн-во бывш. М. В. Попова. Пгр. 1915. Стр. 192. Ц. 1 р. 25 к.

Книжка разказовъ г. Ирецкаго производитъ довольно приятное впечатлѣніе. Темы ихъ оригинальны, разработка интересна, общій рисунокъ изященъ и четокъ, но всѣ разказы какъ легко прочитываются, такъ легко и забываются.

Дм. Крачковскій. Человѣческая весна. Разказы. Кн-во бывш. М. В. Попова. Пгр. 1915. Стр. 222. Ц. 1 р. 50 к.

Владимиръ Воиновъ. Сильные духомъ. Разказы. Кн-во бывш. М. В. Попова. Пгр. 1915. Стр. 184. Ц. 1 р. 50 к.

Новые разказы В. Воинова подчеркиваютъ содержаніе изъ текущей военной дѣятельности и проинкнуты бодростью и увѣренностью въ торжество «сильныхъ духомъ».

Р. Григорьевъ. На ущербѣ. Романъ. Изд. 3-ье. Кн-во бывш. М. В. Попова. Пгр. 1915. Стр. 288. Ц. 1 р. 50 к.

Романъ г. Григорьева при своемъ появленіи вызвалъ много разговоровъ. Авторъ вѣрными и сильными рѣзкими

штрихами сумѣлъ нарисовать любопытную картину нашего революціоннаго «подполья» послѣ 1905 года, когда разлетѣлись свѣтлыя иллюзіи и началась переодѣвка всѣхъ дѣнностей, внутренняя перестройка и поиски новыхъ путей.

Историческая комиссія учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. Книга для чтенія по древней исторіи. Ч. III. Римъ—имперія. Для III—IV классовъ средне-учебныхъ заведеній. Сборникъ статей съ 106 иллюстраціями въ текстѣ и 15 иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ подъ редакціей А. М. Васютинскаго, М. Н. Коваленскаго, В. Н. Перцева и К. В. Сивкова. «Задруга». М. 1915. Стр. 420. Ц. 2 р. 10 к.

Всѣ статьи настоящей книги написаны въ легкой, иногда беллетристической, формѣ и, несомнѣнно, съ интересомъ будутъ прочитаны учащейся молодежью, для которой назначены. Но все же мы признаемъ болѣе полезнымъ давать для чтенія учащимся отрывки, взятые изъ древнихъ писателей или даже античные документы, такъ какъ памятники этого рода могутъ гораздо болѣе возбудить ихъ самостоятельность. Книга богато и тщательно иллюстрирована; нѣкоторые рисунки воспроизведены даже въ краскахъ. Жаль только, что среди иллюстрацій попадаются композиціи совершенно фантастическія, какъ, напр., портретъ Горація и Овидія.

Н. А. Рубанинъ. Среди книгъ. Т. III. Ч. I. Опытъ обзора русскихъ книжныхъ богатствъ въ связи съ исторіей научно-философскихъ и литературно-общественныхъ идей. Справочное изданіе для самообразованія и для систематизаціи и комплектованія библиотекъ, а также книжныхъ магазиновъ. Изд. 2-е. Кн-во «Наука», М. 1915. Стр. 200. Ц. 2 р.

И. Тэнь. Путешествіе по Италіи. Переводъ П. П. Перцова. Т. II. Флоренція и Венеція. Кн-во «Наука». М. 1915. Стр. 318. Ц. 2 р. 75 к.

А. Приклонской. Кирилловскій ѣздъ 7061 г. Правдивое сказаніе о дняхъ зачатныхъ. Съ примѣчаніями. Пгр. Стр. 68. Ц. 1 р. 50 к.

Стильное стихотворное «сказаніе» передаетъ одну изъ любопытныхъ главъ русской исторіи—путешествіе праю Ивана Васильевича съ царией Анастасіей въ Кириллову пустынь. Здѣсь немало характерныхъ подробностей изъ быта и жизни людей того времени. Въ концѣ книги имѣются обширные комментаріи.

Проф. А. М. Евлаховъ. Бюрократическая наука. (Жъ вопросу о замѣщеніи уни-

верситетскихъ кафедръ). Ростовъ-на-Дону. 1915. Стр. 24. Ц. 60 к.

Черноморское побережье Кавказа. Справочная книга. Сост. О. П. Доброхотовъ и др. съ предисловіемъ ст.-секр. А. С. Ермолова подъ ред. Н. И. Воробьева. Изданіе М. А. и Б. А. Суворинныхъ. Пгр. 1916. Стр. XIX+527. Ц. 3 р. 50 к.

Семь лѣтъ дѣятельности общества призрѣнія сиротъ лицъ, павшихъ жертвами долга. Съ 1908 по 1915 г. Пгр. 1915. Стр. 32. Ц. не обозн.

В. Дембовецкій. Тридцать столѣтій назадъ. Феодосія. 1916. Стр. 23. Ц. 40 к.

Е. Г.—ва. Нѣсколько словъ о митрополитѣ Игнатіи Гозадино, послѣднемъ, носившемъ титулъ митрополита Готейскаго и Кефайскаго. Херсонъ. 1915. Стр. 27. Ц. не обозн.

Вячеславъ Артемьевъ. Власть плоти. Кн-во «Современныя проблемы». М. 1916. Стр. 272. Ц. 1 р.

Н. П. Черепнинъ. Императорское воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ. Историческій очеркъ. 1764—1914. Пгр. 1915. Т. II. Стр. 675+III. Т. III. Стр. 754+IV. Ц. не обозн.

Л. Бертенсонъ. Необходимо ли Петрограду медицинскій факультетъ и ощущается ли въ Россіи нужда во врачахъ? Пгр. 1916. Стр. 25. Ц. 30 к.

Валерій Каррикъ. Сказки—картинки. Хромая уточка.—Собака и волкъ.—Рѣпка. Рукавичка.—Про лисицу, сову и ворону. Изд. т-ва «Задруга». М. 1916. По 10 к.

С. С. Григорьевъ. Вокругъ южнаго полюса. 2-е изданіе, пересмотрѣнное и дополнен. Кн-во «Задруга». М. 1915. Стр. 198. Ц. 1 р. 20 к.

Популярныхъ описаній путешествій вокругъ южнаго полюса у насъ мало, почему новая книжка С. Григорьева должна обратить на себя особенное вниманіе, какъ общедоступное и занимательное изложеніе о судьбахъ различныхъ экспедицій и изслѣдователей южныхъ полярныхъ странъ. Авторъ использовалъ не только періодическую литературу, но и подлинныя матеріалы, опубликованные новѣйшими путешественниками (Шекльтономъ, Амундсенемъ, Скоттомъ). Книжка украшена множествомъ интересныхъ фотографическихъ снимковъ.

Н. П. Огановскій. Отчего загорѣлась великая европейская война? Кн-во «Задруга». (Война и трудъ № 1). 4-е изд. М. 1915. Стр. 31. Ц. 8 к.

Н. В. Сивковъ. Великая европейская война сто лѣтъ назадъ и теперь. Кн-во

«Задруга». (Война и Трудъ. № 2). М. 1915. Стр. 31. Ц. 8 к.

С. И. Бондаревъ. Будемъ трезвы. Кн-во «Задруга». (Война и трудъ №) 3. М. 1915. Стр. 31. Ц. 8 к.

Н. Огановскій. Враги ли русскому народу евреи. Кн-во «Задруга». (Война и трудъ. № 4). М. 1916. Стр. 47. Ц. 12 к.

Галичина, Буковина, Угорская Русь. Составлено сотрудниками журнала «Украинская Жизнь». 2-е изд., пересмотрѣнное и дополн. Кн-во «Задруга». М. 1915. Стр. 280. Ц. 1 р. 40 к.

Украинскій вопросъ. Составлено сотрудниками журнала «Украинская Жизнь». Изд. второе. «Задруга». М. 1915. Стр. 164. Ц. 1 р.

Успѣхъ этого, какъ выражаются авторы, «компендума по украиновѣдѣнію» лучше всего виденъ изъ того, что менѣе, чѣмъ черезъ годъ понадобилось второе издание книжки, написанной съ ярко выраженной украинно-фильской тенденціей.

Влад. Фишеръ. Учебникъ по исторіи русской литературы. Кн-во «Задруга». М. 1916. Стр. 202. Ц. 90 к.

В. Е. Янушкинъ. Геній русскаго военного искусства А. В. Суворовъ. Посмертное издание подъ наблюдениемъ К. В. Сивкова. Кн-во «Задруга». М. 1915. Стр. 96. Ц. 40 к.

Появление въ наши дни общедоступной и живо написанной біографіи знаменитаго полководца нужно только приветствовать. Работа покойнаго В. Е. Янушкина, написанная 15 лѣтъ назадъ, не можетъ считаться устарѣлой, такъ какъ за это время не появилось ничего, что бы измѣнило взглядъ и отношенія къ Суворову. Къ книгѣ редакціей прибавлено лишь нѣсколько бібліографическихъ примѣчаній.

Разказы по русской исторіи. Обще-доступная хрестоматія съ рисунками. Составлена кружкомъ преподавательницъ подъ ред. С. П. Мельгунова и В. А. Петрушевскаго. Изд. 3-е, пересмотрѣнное. Кн-во «Задруга». М. 1915. Стр. 488. Ц. 1 р. 20 к.

Выходящая уже третьимъ изданіемъ хрестоматія является полезнымъ вкладомъ въ бібліотеки народныхъ училищъ. Матеріалъ собранъ весьма умѣло и вдумчиво. Многочисленные иллюстраціи помогаютъ болѣе яркому усвоению прочитаннаго.

Историческая коммисія учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. Вопросы преподаванія исторіи въ средней и начальной школахъ.

Сборникъ 1. Подъ редакціей И. М. Катаева, при ближайшемъ участіи В. Н. Бочкарева, Г. К. Вебера, Б. Н. Жаворокова и В. Я. Удимова. Книгоиздательство «Наука». М. 1916. Стр. 255. Ц. 1 р. 75 к.

Горячо рекомендуемъ настоящую книгу всемъ преподавателямъ исторіи, такъ какъ они могутъ почерпнуть изъ нея массу полезныхъ указаній для преподаванія столь важнаго въ учебномъ отношеніи предмета. Въ сборникѣ, кромѣ введенія и протоколовъ коммисіи, имѣется 11 содержательныхъ статей, затрагивающихъ насущные вопросы педагогической практики по исторіи. Искренно желаемъ, чтобы издание этихъ полезныхъ сборниковъ продолжалось и впредь, хотя цѣну книги нельзя не признать нѣсколько высокой.

Г. Масперо. Во времена Рамзеса и Ассурбанипала. I. Египетъ. Перев. Е. Григоровичъ. Изданіе М. и С. Сабанниковыхъ. М. 1916. Стр. 324. Ц. 1 р. 25 к.

Русскія Пропилеи. Т. З. И. С. Тургеневъ. Матеріалы по исторіи русской мысли и литературы. Собралъ и приготовилъ къ печати М. Гершензонъ. Изданіе М. и С. Сабанниковыхъ. М. 1916. Стр. IV+350. Ц. 3 р. 50 к.

С. Любимовъ. Опытъ историческихъ родословій. Гундаровы, Жижемеки, Несвидки, Сибиреки, Зотовы и Остерманы. Пгр. 1915. Стр. 108. Ц. не обозн.

Г. Е. Афанасьевъ. Причины теперешней войны. Кн-во «Сотрудникъ». Пгр. Кіевъ. 1916. Стр. 95. Ц. 60 к.

Вопросы колонизаціи. Періодическій сборникъ подъ ред. Г. Ф. Чиркина и Н. А. Гаврилова. № 18. Пгр. 1916. Стр. 303. Ц. 2 р. 50 к.

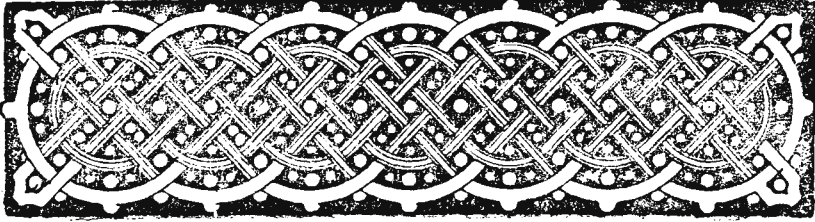
Отчетъ о дѣятельности либавскаго общества по оказанію помощи пострадавшимъ отъ войны за время съ 22-го ноября 1914 г. по 1-е июля 1915 г. Пгр. 1915. Стр. 114. Ц. не обозн.

Отчетъ 11 городского попечительства о бѣдныхъ въ Петроградѣ за 1914 годъ. Пгр. 1915. Стр. 191. Ц. не обозн.

М. Г. Веселкова-Нильштетъ. Листы пожелтѣлыя. Стихотворенія. Пгр. 1916. Стр. 135. Ц. 1 р. 50 к.

Архивъ Раевскихъ. Томъ V. Изданіе П. М. Раевскаго. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Пгр. 1915. Стр. XXV+776. Ц. не обозн.

Памятники мировой литературы. Творенія славянъ. Сербскій народный эпосъ. Переводъ Н. М. Гальковского. М. Изданіе М. и С. Сабанниковыхъ. 1916. Стр. XXIV, 380. Ц. 2 р. 75 к.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ОСЛѢДНІЕ дни Бисмарка. — Во второй декабрьской книжкѣ «Revue de deux Mondes» Эрнестъ Додэ заканчиваетъ свою историческую монографію о послѣднихъ годахъ вѣствованія князя Бисмарка и его паденія. Три послѣднія главы этой работы посвящены дѣятельности Бисмарка во время его вынужденной отставки и заканчиваются смертью бывшаго всевѣднато канцлера, которая, какъ извѣстно, послѣдовала въ 1898 году.

Какъ ни груба была нравственная личность Бисмарка, но въ прежніе годы и его иногда охватывало раскаяніе въ томъ, что онъ успѣлъ натворить на землѣ за свою долгую жизнь. Извѣстна, напримѣръ, сцена, разыгравшаяся въ 1877 году въ имѣніи Бисмарка Варцинѣ, куда онъ захватилъ провести нѣсколько дней послѣ леченія въ Гаштейнѣ. Туда же съѣхались его друзья и приверженцы, которымъ онъ любилъ повѣствовать о событіяхъ, въ которыхъ ему довелось принимать участіе. И вотъ, однажды утромъ эти друзья собрались въ залѣ вокругъ камина, на которомъ на золотомъ полѣ былъ изображенъ гербъ новой, созданной Бисмаркомъ имперіи, и, по обыкновенію, ожидали хозяина. Онъ явился хмурый, унылый и, видя общее недоумѣніе, плаксиво сказалъ:

— Сегодня у меня тяжело на душѣ. За всю свою долгую жизнь я никого не сдѣлалъ счастливымъ, напротивъ, я причинилъ людямъ много зла. Я явился виновникомъ трехъ большихъ войнъ. Изъ-за меня погибло болѣе восьмидесяти тысячъ человекъ, которыхъ и теперь еще продолжаютъ оплакивать ихъ матери, сестры, вдовы. Все это никогда не доставляло мнѣ радости, и сегодня моя душа смущена и огорчена.

Такія минуты бывали у Бисмарка очень рѣдко, и тяжелыя воспоминанія не надолго задерживались въ его холодной душѣ. Тамъ же въ Варцинѣ черезъ нѣсколько дней послѣ этой сцены онъ начинаеть винить во всемъ происшедшемъ не себя, а прессу и, по своему обыкновению, извращаетъ событія.

— Это она была виновницей трехъ большихъ войнъ,—утверждаетъ онъ:— датская пресса заставила прусскаго короля присоединить Шлезвигъ къ Пруссіи. Австрійская пресса привела насъ къ Садовой, а французская много содѣйствовала возникновенію войны 1870 года.

Послѣ отставки и паденія въ Бисмаркѣ заглохли послѣдніе остатки искренности и справедливости. Злоба и мелкая мстительность—вотъ чѣмъ жилъ теперь этотъ старикъ, стоявшій одной ногой въ могилѣ.

Имѣя въ эту эпоху полный досугъ, Бисмаркъ—все съ той же цѣлью отомстить свергнувшему его Вильгельму—рѣшилъ написать свои воспоминанія. Съ этою цѣлью онъ привезъ съ собой въ имѣніе своего секретаря, вѣрнаго Бюхера. Но пока мемуары будутъ готовы, опальный канцлеръ ведетъ подпольную агитацию въ газетахъ противъ своего преемника Каприви, а черезъ его голову и противъ самого императора. По поводу рѣчи Каприви въ рейхстагѣ онъ печатаетъ въ «Hamburger Nachrichten» такую гнусную статью, что князь Гогенлоэ замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «Это просто подлость, направленная не столько противъ Каприви, сколько противъ императора».

— Я не собираюсь его преслѣдовать,—сказалъ по этому поводу Вильгельмъ,— и не хочу дѣлать изъ него мученика. Если я занру его въ Шпандау или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, то его тюрьма станетъ мѣстомъ поклоненія.

Соучастникъ его дѣяній въ 1870 году, великій герцогъ Баденскій вздумалъ было во имя ихъ прежней дружбы смягчить его злобу, но Бисмаркъ отвѣтилъ ему такими грубостями, что тотъ поспѣшилъ оставить его въ покоѣ.

Не желая, чтобы его забыли, бывшій канцлеръ усиленно приглашалъ навѣстить его разныхъ лицъ, съ которыми онъ былъ болѣе или менѣе близко знакомъ. Въ числѣ этихъ лицъ былъ русскій посоль при германскомъ дворѣ, графъ Шуваловъ. Онъ какъ-то неосторожно далъ Бисмарку обѣщаніе пріѣхать къ нему и рѣшилъ сдержать свое слово. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія графа изъ Фридрихеруэ, надѣясь, что онъ будетъ въ состояніи многое разсказать о Бисмаркѣ. Однако эти ожиданія были обмануты. Вернувшись въ Берлинъ, графъ Шуваловъ распространялся только о томъ, что во Фридрихеруэ его угощали какимъ-то шампанскимъ, марка котораго была ему до сихъ поръ неизвѣстна.

Между тѣмъ при дворѣ образовалась цѣлая интрига, направленная противъ новаго канцлера. Ему ставили въ вину прямоту его образа дѣйствій, которую онъ не отрицалъ и самъ. Такъ, когда распространился слухъ, что паспортныя стѣсненія будутъ отмѣнены въ Эльзасѣ и Лотарингіи, французскій посланникъ, уѣзжавшій въ Парижъ, поспѣшилъ освѣдомиться объ этомъ у канцлера.

— Нѣтъ, вамъ сообщили невѣрные слухи. Въ данное время не предполагается никакихъ перемѣнъ,—отвѣчалъ Каприви.

А через нѣсколько дней онъ увѣдомилъ секретаря французскаго посольства, что паспорта дѣйствительно отмѣнены.

— Передайте мои извиненія вашему шефу, — прибавилъ канцлеръ: — что я не сказалъ ему объ этомъ при нашемъ свиданіи. Мнѣ было запрещено говорить объ этомъ, и, къ величайшему моему сожалѣнію, я долженъ былъ сказать неправду. Я не люблю говорить неправду.

Поятно, что при тѣхъ нравахъ, которые создалъ въ нѣмецкой дипломатіи Бисмаркъ, Каприви былъ не у мѣста на Вильгельмштрассе, и его нетрудно было свалить.

Между тѣмъ Бисмаркъ, снѣдаемый злобой, опускался не только физически, но и морально. «Онъ ѣтъ съ аппетитомъ и спитъ всю ночь, — писалъ въ своемъ дневникѣ Бюхеръ: — но его память начинаетъ понемногу исчезать. Онъ не можетъ уже сосредоточить своихъ мыслей и часто не помнитъ событій: сегодня рассказываетъ какую-нибудь исторію, а завтра излагаетъ ее совершенно иначе. Очень часто онъ воображаетъ, что онъ что-нибудь сдѣлалъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ только хотѣлъ это сдѣлать».

Въ эти годы своей жизни бывшій канцлеръ окружилъ себя мелкими журналистами, всякаго рода шпионами и наушниками, съ которыми обходился словно съ друзьями.

Въ маѣ 1892 года въ Берлинѣ распространился слухъ, что графъ Гербертъ Бисмаркъ собирается жениться. Вскорѣ онъ самъ написалъ объ этомъ императору: онъ женится на очень богатой наследницѣ, графинѣ Хойосъ, семья которой жила въ Фіуме, въ Австріи. Вильгельмъ отвѣтилъ на это письмо телеграммой, составленной въ такихъ любезныхъ выраженіяхъ, что въ Германіи опять заговорили о возможномъ возвращеніи Бисмарковъ къ власти. Вскорѣ, однако, случилось происшествіе, показавшее Бисмарку, что его надежды на примиреніе съ Вильгельмомъ лишены основанія. По случаю двадцатипятилѣтняго юбилея конституціи, вюртембергская національная партія отправила привѣтственные телеграммы Вильгельму, королю вюртембергскому и Бисмарку. Послѣдняя телеграмма была скрыта отъ публики, и о ней не заикнулась ни одна газета. Бисмаркъ пришелъ въ ярость и не преминулъ напечатать въ «Hamburger Nachrichten» рѣзкую и бранную статью противъ правительства.

По случаю свадьбы своего сына Бисмаркъ собрался ѣхать въ Вѣну, а отуда въ Мюнхень. Не было сомнѣнія, что онъ не удержится отъ рѣзкихъ рѣчей во время этого путешествія. Правительство хотѣло отклонить его отъ этого намѣренія и подослало къ нему въ Фридрихсруэ банкира Блейхредера, съ которымъ Бисмаркъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Напрасно банкиръ предостерегалъ бывшаго канцлера, что дипломатическимъ представителямъ Саксоніи, Баваріи и Австріи предписано было избѣгать всякаго съ нимъ общенія, Бисмаркъ стоялъ на своемъ:

— Мое рѣшеніе уже принято. Гербертъ мнѣ сообщилъ, что австрійскій императоръ готовъ принять меня.

18-го іюня Бисмаркъ тронулся въ путь черезъ Дрезденъ. Слѣдомъ за нимъ ѣхалъ шпионъ, сообщавшій въ министерство внутреннихъ дѣлъ о каждомъ его шагѣ. Поѣздъ, съ которымъ ѣхалъ Бисмаркъ, долженъ былъ пройти черезъ

Берлинъ и на Ангальтскомъ вокзалѣ остановился на двадцать минутъ. Полиція приняла всѣ мѣры, чтобы не допустить скопленія народа, тѣмъ не менѣе вокзалъ былъ запруженъ огромной толпой, въ которой мелькало не мало офицерскихъ мундировъ. Когда поѣздъ подошелъ къ дебаркадеру, раздались громкіе крики: «Да здравствуетъ Бисмаркъ!» Вагонъ, въ которомъ слѣдовалъ бывший канцлеръ, былъ засыпанъ цвѣтами.

— Вы не хотите говорить, но камни говорятъ за васъ,—кричали ему изъ толпы:—народъ не забываетъ заслугъ, какъ короли! Возвращайтесь! Возвращайтесь!

Въ Дрезденѣ было рѣшено принять Бисмарка съ почетомъ. Вдоль улицъ, по которымъ онъ долженъ былъ ѣхать, были устроены трибуны для публики, дома были убраны гирляндами и флагами. При въѣздѣ въ городъ Бисмарка ожидалъ бургомистръ, встрѣтившій его привѣтвенною рѣчью.

Въ Берлинѣ Бисмаркъ еще сдерживался, но тутъ онъ не выдержалъ и далъ волю своему языку: съ этого момента онъ не упускаетъ ни одного случая уколоть или пожаловаться на императора, не называя его, однако, по имени.

18-го іюня Бисмаркъ прибылъ въ Вѣну, гдѣ его ждала не менѣе пышная встрѣча. При его проѣздѣ со станціи толпы нѣмцевъ кричали «hoch!» Для жительства ему было отведено помѣщеніе во дворцѣ Паллафи, гдѣ ему сдѣлала визитъ вся венгерская аристократія. Куда бы ни показался Бисмаркъ, нѣмцы-націоналисты, враждебные Австріи и евреямъ, громко кричали: «Да здравствуетъ Бисмаркъ!» и «долой евреевъ!» Студенты вѣнскаго университета устроили цѣлую демонстрацію противъ Вильгельма. Казалось, всѣ забыли, что они подданные австрійскаго, а не германскаго императора, и тотъ самый канцлеръ Бисмаркъ, который привелъ Австрію къ поражению подъ Садовой, теперь сталъ кумиромъ для ея нѣмецкаго населенія. Во время этихъ манифестацій въ честь Бисмарка какой-то офицеръ не выдержалъ и громко крикнулъ толпѣ: «Да вспомните же, что вы австрійцы!»

Въ Вѣнѣ Бисмаркъ былъ окруженъ родственной своей невѣсткѣ венгерской знатю, но дипломатическій міръ избѣгалъ его, и самъ тогдашній венгерскій премьеръ Кальноки старался видѣться съ нимъ только при свидѣтеляхъ, когда всякіе конфиденціальные разговоры были бы невозможны.

Германскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ въ то время былъ принцъ Рейссъ. Ему было предписано не принимать никакого участія въ торжествахъ по случаю пребыванія Бисмарка въ австрійской столицѣ. Связанный съ канцлеромъ старинной дружбой, Рейссъ, чтобы выйти изъ неловкаго положенія, рѣшилъ ѣхать на время изъ Вѣны, но заболѣлъ. Бисмаркъ явился его навѣстить. Не имѣя возможности отдать ему визитъ, князь вмѣсто себя послалъ свою жену. Изъ Берлина потребовали было объясненій, но Рейссъ, пользовавшійся огромными связями при дворѣ, гордо отвѣтилъ, что, какъ посолъ, онъ исполнилъ свой долгъ, а до того, какъ онъ ведетъ себя въ качествѣ частнаго человѣка, никому нѣтъ дѣла.

Положившись на увѣренія сына, Бисмаркъ просилъ аудіенцію у Франца-Иосифа, но тотъ уже получилъ письмо отъ Вильгельма, въ которомъ онъ просилъ своего союзника, въ видѣ личнаго одолженія ему, воздержаться отъ вся-

каго общенія съ бывшимъ канцлеромъ. Не получивъ аудіенціи, Бисмаркъ наканувѣ своего отъѣзда созвалъ къ себѣ редакторовъ главныхъ австрійскихъ газетъ, подъ предлогомъ поблагодарить черезъ нихъ населеніе Вѣны за радушный пріемъ, и наговорилъ имъ такихъ вещей, что на другой день одна газета выразилась про него: «Ein grosser Mann, doch kleiner Mensch» (великій мужъ, но маленькій человѣкъ).

Въ Мюнхенѣ officialный міръ также держался въ сторонѣ отъ Бисмарка, зато народъ привѣтствовалъ его громкими криками, выражая этимъ не столько любовь къ Бисмарку, сколько свою антипатію къ пруссакамъ.

Путешествіе не принесло облегченія злобѣ Бисмарка. Поселившись опять въ своемъ Фридрихсруэ, онъ приблизилъ къ себѣ новую личность—памфлетиста Максимилиана Гардена. Этотъ еврей, сначала служившій гдѣ-то актеромъ, потомъ превратившійся въ бойкаго журналиста, обратилъ на себя вниманіе Бисмарка ядовитостью своихъ полемическихъ выходокъ. Бывшій канцлеръ вошелъ съ нимъ въ сношенія и завербовалъ его на свою службу. Вскорѣ Гарденъ сталъ издавать существовавшій до послѣдняго времени и лишь недавно закрытый еженедѣльный журналъ «Zukunft».

Разумѣется, Бисмаркъ посвятилъ своего литературнаго кондотьеря во всѣ интимныя подробности и интриги двора и давалъ ему матеріаль для статей. «Zukunft» того времени—это самъ павшій канцлеръ.

Между тѣмъ Бисмаркъ-сынъ все еще не терялъ надежды на примиреніе съ императоромъ и искалъ случая его видѣть. Случай этотъ наконецъ представился.

21-го января 1894 года въ Берлинѣ праздновался ежегодно справляемый Орденскій праздникъ. Всякій сановникъ, хотя бы и отставной, имѣвшій какой-нибудь высшій орденъ, могъ присутствовать на богослуженіи, которымъ начинался праздникъ, и на банкетѣ, которымъ онъ кончался. Гербертъ Бисмаркъ, облачившись въ мундиръ полковника гвардейскихъ драгунъ, также явился въ церковь. Оттуда онъ прошелъ на банкетъ. Но его приняли, словно зачумленнаго, и никто не хотѣлъ садиться съ нимъ рядомъ. Послѣ обѣда декорация вдругъ перемѣнилась: разнесся слухъ, что императоръ хочетъ съ нимъ примириться. Къ нему двинулись толпой не только царедворцы, но и министры. Подошелъ даже братъ императора, принцъ Генрихъ Прусскій. Но Каприви лучше зналъ положеніе дѣла и ушелъ заранѣе, чтобы не быть свидѣтелемъ униженія, которое готовилось Бисмарку-сыну. Императоръ, какъ бы не замѣчая своего бывшего друга, шелъ прямо на него и, только подойдя къ нему вплотную, вдругъ взглянулъ на него, круто повернулся на каблучкахъ и пошелъ въ сторону.

Въ тотъ же самый день пришло извѣстіе, что старикъ Бисмаркъ заболѣлъ инфлуэнцой, и Вильгельмъ, натѣшившись своей мезтью сыну, рѣшилъ дать удовлетвореніе общественному мнѣнію и написалъ Бисмарку любезное письмо, въ которомъ приглашалъ его погостить у него въ Берлинѣ. Тотъ вообразилъ, что это первый шагъ къ примиренію, пришелъ въ умиленіе и безпрестанно повторялъ:

— Съ тѣхъ поръ, какъ я ушелъ, тамъ только и дѣлаютъ, что однѣ глупости. Теперь мнѣ придется ихъ поправлять.

Готовясь вернуться въ Берлинъ, мстительный старикъ заготовилъ уже

проскрипціонные списки: въ нихъ первымъ дѣломъ попали, конечно, Каприви и нѣкоторые министры.

Послѣ долгихъ переговоровъ визитъ былъ назначенъ на 25-ое января. Бисмаркъ воображалъ, что ему придется прожить въ Берлинѣ нѣсколько дней, а на самомъ дѣлѣ пребываніе его въ столицѣ длилось всего нѣсколько часовъ. На вокзалѣ его ждалъ парадный экипажъ и принцъ Генрихъ. Императоръ встрѣтилъ его въ передней своего дворца, поцѣловалъ его и поздравилъ съ благополучнымъ прибытіемъ. Потомъ онъ повелъ своего гостя къ императрицѣ. Вскорѣ всѣ сѣли завтракать въ интимномъ кружкѣ.

Послѣ завтрака Бисмаркъ принималъ нѣсколькихъ лицъ, Каприви и саксонскаго короля, нарочно для этого пріѣхавшаго въ Берлинъ. Но тѣмъ дѣло и кончилось. Послѣ обѣда императоръ отвезъ своего гостя на вокзалъ, и Бисмаркъ, не солоно хлебавши, поѣхалъ къ себѣ въ Фридрихсруэ.

Этотъ ударъ сломилъ старика. Онъ сталъ равнодушенъ даже къ кампаніи, которую Максимиліанъ Гарденъ велъ противъ императора. Смерть его жены, не переставшей заботиться о немъ до послѣдней минуты, окончательно убила его. Вскорѣ за женой послѣдовалъ и онъ самъ. Онъ умеръ 30-го іюля 1898 года, окруженный своими двумя сыновьями Гербертомъ и Вильгельмомъ съ ихъ семьями. Тутъ же находился и его докторъ, профессоръ Швейнигеръ.

Едва бывшій канцлеръ испустилъ послѣдній вздохъ, какъ возникъ вопросъ, какъ извѣстить императора о его смерти. Изъ родныхъ Бисмарка никто не хотѣлъ посылать телеграмму Вильгельму, который въ это время былъ въ Норвегии. Пришлось это сдѣлать доктору Швейнигеру. Императоръ, конечно, прислалъ обычную въ такихъ случаяхъ телеграмму и выразилъ пожеланіе, чтобы Бисмаркъ былъ похороненъ въ новомъ берлинскомъ соборѣ. Но Бисмаркъ продолжалъ ему мстить и изъ-за гроба. Онъ сдѣлалъ въ своей духовной распоряженіе, чтобы его похоронили въ Фридрихсруэ. Тогда Вильгельмъ самъ пріѣхалъ въ Фридрихсруэ и прислалъ скульптора снять съ покойника маску. Но сыновья Бисмарка не допустили скульптора въ комнату покойника, а когда прибылъ самъ императоръ, гробъ съ тѣломъ Бисмарка былъ уже закрытъ.

Этого показалось мало. Когда Вильгельмъ пріѣхалъ въ домъ Бисмарковъ, оба сына, вопреки придворному церемониалу, демонстративно приняли его не въ мундирѣ, а во фракѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ похоронъ въ Берлинѣ была назначена торжественная заупокойная обѣдня въ присутствіи императора. Мѣста, оставленныя для семьи покойнаго, были пусты...

Вильгельмъ, конечно, и не заслуживалъ лучшаго отношенія, но и Бисмарка не добромъ помянетъ будущій историкъ. Обманомъ и насиліемъ, кровью и желѣзомъ создалъ онъ могущество Германіи, приведшее нынѣ къ невиданной еще въ мірѣ катастрофѣ. Бисмаркъ отравилъ германскую душу ядомъ ненависти и презрѣнія къ другимъ народамъ, отравилъ тѣми чувствами, которыми онъ былъ полонъ самъ. И несомнѣнно, что и для Германіи, и для челоѣчества было бы лучше, если бы этотъ челоѣкъ никогда не жилъ на свѣтѣ.

— Р е м б р а н д т ѣ и С п и н о з а. — 26-го іюля 1656 года амстердамскія городскія власти изгнали изъ города Спинозу, накацунѣ отлученнаго раввинами

отъ общины, и въ тотъ же самый день тѣ же власти пустили съ аукціона все имущество Рембрандта, всё его художественныя коллекціи и картины.

Историческій этюдъ г. Андре Коппье, напечатанный въ январской книжкѣ «Revue de deux Mondes», имѣеть цѣлью доказать, что между обоими этими событиями существовала несомнѣнная связь.

Въ 1632 году Рембрандтъ, зарабатывавшій въ то время очень большія деньги, купилъ себѣ въ Амстердамѣ собственный домъ. Домъ этотъ цѣль и теперь. Онъ находится на Еврейской Широкой улицѣ (Joden Breederstraat). Съ задней стороны къ нему примыкаетъ домъ, гдѣ долго жилъ Спиноза. Этотъ домъ выходитъ на тихую, малолюдную улицу, представляющую спокойный уголокъ въ этомъ кипучемъ торговомъ городѣ, бывшемъ одно время средоточіемъ всемірнаго еврейства. Вслѣдствіе терпимости въ евреямъ амстердамскаго населенія и властей, Израиль собрался сюда изъ Испаніи, Германіи, Польши, Италіи— всего болѣе сорока тысячъ. Евреи находились подъ властью четырехъ своихъ старѣйшинъ: Исаака Абоада да-Фонсека, великаго священника синагоги, Оробио де-Кастро, высокоумнаго и надменнаго рабби Саула Леви Монтейры, желавшаго непременно сдѣлать изъ Спинозы левита, и рабби Манассіи-Бень-Израэля. Всѣ эти лица изображены Рембрандтомъ на его извѣстной гравюрѣ «Португальская синагога».

Наиболѣе даровитымъ изъ нихъ былъ послѣдній. Онъ превосходно зналъ нѣсколько европейскихъ языковъ, отличался широкими взглядами и терпимостью и семнадцати лѣтъ отъ роду былъ назначенъ учителемъ еврейской школы «Кетеръ-тора» (Вѣнокъ вѣры), гдѣ до 1657 года учился Спиноза.

Несмотря на инквизиціонныя мѣры, употреблявшіяся главами общины, религиозное сознаніе амстердамскаго еврейства было въ броженіи, которое, какъ извѣстно, привело въ концѣ концовъ Спинозу къ разрыву съ его единовѣрцами. Не лучше было, впрочемъ, и у христіанъ. Тамъ тоже былъ рѣзкій расколъ, послѣдствіемъ котораго было отпаденіе отъ кальвинизма Рембрандта и образованіе противъ него цѣлаго заговора.

Какъ разъ около этого времени въ Амстердамѣ появилась секта меннонитовъ, глава которой Ренье Ансло увѣковѣченъ Рембрандтомъ на одномъ изъ его офортовъ, находящемся нынѣ въ Берлинѣ. Меннониты ведутъ свое начало отъ нѣкоего Менно Симонса, жившаго въ началѣ XVI вѣка и учившаго, что каждый можетъ понимать и толковать святое писаніе, какъ ему подсказываютъ его разумъ и совѣсть. Въ сущности, меннониты были одной изъ разновидностей анабаптистовъ, которыхъ такъ преслѣдовалъ Лютеръ.

И вотъ по странной игрѣ случая еврей Спиноза и кальвинистъ Рембрандтъ—оба оказались въ лонѣ меннонитства.

Съ 1639 года противъ дома Рембрандта поселился Манассія Бень-Израэль. Если принять въ соображеніе это мѣстожителство учителя Спинозы и не забывать тѣсныхъ связей, которыя имѣлъ Рембрандтъ съ старѣйшинами синагоги, то не будетъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что Спиноза и Рембрандтъ отлично знали другъ друга. Это предположеніе подтверждается и тѣмъ, что впослѣдствіи Спиноза, куда бы судьба его ни заносила, всюду искалъ для себя общества художниковъ.

Манассія-Бень-Израэль былъ воинствующимъ каббалистомъ и не мало истратилъ флориновъ на каббалистическіе опыты съ нѣкимъ врачомъ Эвфраимомъ Бонусомъ, стараясь отыскать между прочимъ и пресловутую Саламандру. Въ этомъ дѣлѣ принималъ какое-то участіе и Рембрандтъ, и преданіе говоритъ, что эти опыты кончились тѣмъ, что молодой художникъ увлекъ за собой дочь Эвфраима, вскорѣ подарившую ему сына. Въ дѣйствительности мы знаемъ только, что около 1668 года у Рембрандта умеръ какой-то мальчикъ, котораго онъ признавалъ своимъ сыномъ. Кстати сказать, Рембрандтъ былъ женатъ на нѣкоей Саскии изъ богатой кальвинистской семьи и имѣлъ отъ нея сына Тита, умершаго юношей. Но, кромѣ этого Тита, у него было, кажется, еще нѣсколько дѣтей отъ разныхъ женщинъ, въ томъ числѣ и отъ Гендрики Стоффельсъ, занявшей въ его домѣ мѣсто его рано умершей жены.

Плодомъ этихъ увлеченій каббалой осталась гравюра Рембрандта «Докторъ Фаустъ», изображающая на самомъ дѣлѣ какого-то еврея и имѣющая каббалистическую монограмму.

Есть свѣдѣнія, что на этихъ каббалистическихъ сеансахъ у Манассіи Бень-Израэля нерѣдко бывалъ и его ученикъ Спиноза, и это дѣлаетъ еще болѣе вѣроятнымъ предположеніе, что онъ зналъ Рембрандта лично, а не по наслышкѣ только, какъ знаменитаго художника.

Несмотря на стремленіе рабби Саула сдѣлать изъ Спинозы левита, будущій философъ, видимо, не чувствовалъ призванія къ этой карьерѣ и старался какъ-нибудь отойти отъ синагоги подальше. Подъ предлогомъ необходимости для него хорошенько изучить латинскій языкъ онъ поселился въ семьѣ нѣкоего французскаго врача-выходца Франсуа ванъ-деръ-Энде, впоследствии повѣшеннаго во Франціи за участіе въ заговорѣ на жизнь дофина. Въ Амстердамѣ этотъ ванъ-деръ-Энде пользовался большимъ уваженіемъ, несмотря на то, что въ немъ видѣли—и не безъ основанія—убѣжденнаго атеиста.

Въ этой-то семьѣ Спиноза впервые познакомился съ философіей Декарта, только что умершаго въ Стокгольмѣ. Декартъ прожилъ въ Голландіи тридцать лѣтъ и переселился въ Швецію по приглашенію знаменитой Христины Шведской. Его ученіе вызвало въ Голландіи большое раздраженіе, и это обстоятельство заставило его принять приглашеніе королевы.

Спиноза такъ увлекся картезіанствомъ, что сталъ проповѣдывать его совершенно открыто и попалъ между двухъ огней. Ученіе Декарта одинаково подвергалось преслѣдованію со стороны синагоги и со стороны христіанъ—лютеранъ и кальвинистовъ.

На сторону этого ученія стали одни меннониты. Они имѣли въ это время въ Амстердамѣ три часовни, свободно исповѣдывали свою вѣру, но были ограничены въ нѣкоторыхъ правахъ. Такъ, напримѣръ, не могли занимать общественныхъ должностей и не имѣли права носить шпагу.

Сердечное горе, которое пережилъ въ это время Спиноза, окончательно бросило его въ сторону меннонитовъ. Дѣло въ томъ, что онъ влюбился въ дочь своего учителя ванъ-деръ-Энде—Кларъ-Мери, и одно время могъ рассчитывать на взаимность. Но подвернулся какой-то нѣмецъ, по имени Керкерингъ, Спиноза былъ забытъ и съ разбитымъ сердцемъ ушелъ изъ дома ванъ-деръ-

Энде. Синагога не могла его утѣшить въ его горѣ, одни меннониты увлекали его своимъ жаромъ и религіозной непосредственностью.

Синагога потребовала его возвращенія.

Какъ разъ въ это время въ 1655 году случилось событіе, сильно поднявшее религіозный фанатизмъ и христіанъ, и евреевъ. По Голландіи который уже разъ прошла чума, унесшая множество жертвъ, особенно въ еврейскомъ кварталѣ. Жители Амстердама приписали эпидемію, по обыкновенію, гнѣву Божию за попустительство всякимъ еретикамъ, въ число которыхъ былъ внесень евреями и Спиноза. Рѣшено было даже истребить нечестивца, и одинъ фанатикъ ударилъ его ножомъ, но нанесъ лишь легкую рану. Видя свою неудачу, синагога попробовала было склонить Спинозу къ возвращенію подкупомъ, но и это средство осталось безъ результата.

Къ этому времени относится любопытный эпизодъ изъ исторіи европейскихъ евреевъ. Манассія Бенъ-Израэль отправился къ протектору Англии Оливеру Кромвеллю съ предложеніемъ оригинальной сдѣлки: временщикъ долженъ былъ открыть для евреевъ безпрепятственный доступъ въ Англію и ея колоніи, гдѣ они пользовались бы полной равноправностью съ англичанами, но судились бы своимъ собственнымъ судомъ и могли бы совершенно свободно исповѣдывать свою вѣру. А за то Манассія Бенъ-Израэль обязывался объявить протектора, на основаніи своихъ каббалистическихъ вычисленій, Давножданымъ Мессіей. Идея понравилась Кромвеллю, и онъ сталъ было хлопотать объ этомъ въ парламентъ, но голландскій посланникъ подготовилъ сильную оппозицію въ палатѣ общинъ, и проектъ этотъ потерпѣлъ фіаско.

Обратимся теперь къ Рембрандту.

Послѣ смерти своей жены Саскіи въ 1642 году онъ уже не сдерживалъ своего насмѣшливаго, склоннаго къ сатиры языка. Къ тому же разыгравшійся въ это время скандалъ, сдѣлавшій его героемъ дня, окончательно вывелъ его изъ себя. Дѣло заключалось въ томъ, что нянька его сына Тита, нѣкая Герта Диркъ, привлекла его къ суду по обвиненію въ томъ, что онъ обезчестилъ ее, соблазнивъ ее обѣщаніемъ вступить съ нею въ бракъ. Избѣгая скандала, Рембрандтъ предлагалъ ей пожизненную пенсію въ 150 флориновъ, лишь бы только она уѣхала изъ его дома и оставила его въ покоѣ, но Диркъ предпочла довести дѣло до суда. Вскорѣ, однако, оказалось, что обвинительница страдала душевнымъ разстройствомъ, и въ 1650 году была отправлена въ сумасшедшій домъ въ Гудѣ, гдѣ за ея содержаніе платилъ Рембрандтъ.

Городекой совѣтъ, столь заботившійся о нравственности гражданъ, предписывавшій даже меню для свадебныхъ обѣдовъ, опредѣлявшій максимумъ гостей, который приличествуетъ принимать у себя гражданамъ и даже унавливавшій часть обѣда и часть его окончанія, былъ сильно раздраженъ противъ Рембрандта за этотъ скандалъ.

Несмотря на то, что знаменитый художникъ былъ заваленъ заказами и зарабатывалъ на наши деньги не менѣе 40—50 тысячъ въ годъ, онъ вѣчно испытывалъ денежныя затрудненія, такъ что, купивъ упомянутый выше домъ, онъ дѣжъ въ 1653 году, т. е. черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ этой покупки, еще не могъ расплатиться за него. Причиной такого безденежья Рембрандта была,

съ одной стороны, безудержная страсть къ собираию предметовъ искусства, за которые онъ платилъ бѣшенныя деньги, а съ другой—охватившая художника спекулятивная лихорадка, причинившая ему огромныя убытки. Заразившись господствовавшимъ въ Амстердамѣ стремленіемъ обогатиться посредствомъ торговли съ заморскими странами, Рембрандтъ зафрахтовалъ нѣсколько кораблей, нагрузилъ ихъ товарами и отправилъ моремъ. Но корабли эти не то погибли отъ бури, не то были захвачены пиратами, которые свирѣпствовали въ Ламаншѣ и у Гибралтара. Рембрандтъ, кажется, былъ склоненъ обвинять пиратовъ и поносилъ голландскія власти за то, что онѣ не принимали никакихъ мѣръ противъ этихъ разбойниковъ—обстоятельство, еще большее обострявшее его отношенія къ городскому совѣту. Отъ него отступились даже засѣдавшіе въ совѣтѣ его друзья, Николай Тульшъ, бывший бургомистромъ, и его зять—Янъ Сиксъ, портретъ котораго Рембрандтъ нарисовалъ съ такимъ искусствомъ. А тутъ еще новый скандалъ и новый накладистый процессъ. Вернувшійся откуда-то изъ плаванія братъ вышеупомянутой Диркъ, Питеръ Диркъ, по профессіи корабельный плотникъ, наговорилъ Рембрандту дерзости. Въ отместку Рембрандтъ потребовалъ, чтобы Диркъ вернулъ ему ту сумму, которую онъ заплатилъ за содержаніе его душевно-больной сестры. Такъ какъ плотникъ, конечно, не располагалъ такими средствами, то Рембрандтъ добился судомъ того, что Диркъ, какъ неисправный должникъ, былъ заключенъ въ тюрьму, увеличивъ собою и безъ того большое число враговъ художника.

На него начинается цѣлый рядъ нападеній со стороны родственниковъ его покойной жены—суровыхъ правовѣрныхъ кальвинистовъ, хлопотавшихъ якобы только о томъ, чтобы сохранить состояніе Рембрандта для его сына Тита. А когда эти нападенія не удаются, они составляютъ цѣлый заговоръ противъ Рембрандта, причемъ погубить неосторожнаго художника оказалось тѣмъ легче, что въ это время въ Голландіи пошли большія строгости противъ религіознаго свободомыслія и было официально запрещено затрогивать письменно или устно нѣкоторыя въ то время жгучія темы. Такъ, нельзя было разсуждать о вращеніи земли вокругъ солнца, о существованіи Бога, нельзя было употреблять нѣкоторыя философскіе термины. Само собою разумѣется, было поднято гоненіе и на философскую систему Декарта. Одной изъ первыхъ жертвъ этихъ строгостей сдѣлался Спиноза, котораго евреи посѣщили отлучить отъ своего общества. Остріе этихъ запретительныхъ мѣръ было направлено и на Рембрандта, открыто перешедшаго къ этому времени въ лагерь меннонитовъ.

Отыскивали какихъ-то трехъ небольшихъ кредиторовъ художника, которые неожиданно потребовали уплаты долговъ. Рембрандтъ въ это время работалъ съ ожесточеніемъ по заказу гильдіи хирурговъ, написалъ свой «Урокъ анатоміи», потомъ портретъ новаго инспектора медицинскаго колледжа Арнольда Толинкса, началъ писать «Іакова, благословляющаго сыновей Іосифа» и «Іоанна Крестителя» и нѣкоторыя другія большія полотна. Несмотря на то, что въ это время онъ зарабатывалъ огромныя деньги, въ моментъ предъявленія ему къ оплатѣ денежныхъ обязательствъ наличныхъ средствъ у него не нашлось. По прояскамъ враговъ, мстившихъ ему за его переходъ въ меннонитамъ, судъ объявилъ его несостоятельнымъ должникомъ, и его домъ, имущество и всѣ коллек-

ціи, которыя онъ собиралъ съ такой любовью, пошли за безцѣнокъ съ аукціона.

Рембрандтъ былъ раззоренъ.

Послѣ постигшаго его удара великій художникъ замкнулся въ себѣ и тихо и скромно прожилъ еще тринадцать лѣтъ, скончавшись 8-го октября 1669 года.

Проклятый синагогой и изгнанный ею изъ Амстердама, Спиноза удалился въ Гаагу, гдѣ добывалъ себѣ средства къ существованію шлифовкою оптическихъ стеколъ и умеръ отъ чахотки 21-го февраля 1677 года.

Странныя событія, которыя приходится наблюдать въ исторіи народовъ, долго бывшихъ подъ опекою и наконецъ вырвавшихся на свободу,—говоритъ Коппье,—можно уподобить подводнымъ волнамъ, которыя опрокидываютъ корабли, когда море, казалось бы, не шелохнется. Амстердамъ не могъ избѣжать этой жертвы за свободу мысли, и Рембрандтъ и Спиноза оба пострадали за нее въ томъ самомъ городѣ, который черезъ десять лѣтъ послѣ этого первый будетъ прославлять свободу религіозной совѣсти и провозгласитъ девизъ: «Въ свободномъ государствѣ должно быть позволено каждому имѣть и высказывать такое мнѣніе, какое онъ желаетъ».

— Византійскій императоръ въ Лондонѣ и Парижѣ.—Въ послѣдней книжкѣ «Revue de deux Mondes» за прошлый годъ извѣстный знатокъ исторіи Византіи Густавъ Шломберже помѣстилъ обстоятельное изслѣдованіе о путешествіи въ Парижъ и Лондонъ византійскаго базилевса Эмануила въ 1399 году. Въ эту эпоху Византійская имперія переживала агонію: Малая Азія и почти весь Балканскій полуостровъ были уже завоеваны турками, и вся когда-то огромная имперія вмѣщалась въ стѣнахъ одного Константинополя. Независимой оставалась еще самая южная часть Балканскаго полуострова, такъ называемая Морея, гдѣ правилъ братъ базилевса Феодоръ.

Самъ Эмануиль въ молодости былъ взятъ турками въ качествѣ заложника и уведенъ въ Бруссу, гдѣ султанъ Баязеть приказалъ ему жить. Когда умеръ его отецъ, императоръ Іоаннь V, Эмануиль бѣжалъ изъ Малой Азіи и, преодолевъ опасности и препятствія, прибылъ въ свою несчастную столицу. Видя неминуемую гибель отъ турокъ, византійцы молили Западную Европу помочь имъ и остановить успѣхи невѣрныхъ. Чтобы добиться этой помощи, греки рѣшились даже пожертвовать чистотой своего вѣроисповѣданія и признать духовное господство надъ собой папы. Еще въ 1369 году императоръ Іоаннь V Палеологъ отправился въ Римъ, гдѣ была подписана унія. Императоръ прочиталъ въ соборѣ св. Петра католическій символъ вѣры и призналъ надъ греческой церковью власть папы Урбана V. Возвращеніе этого императора въ Византію было невесело. Въ Венеціи кредиторы настойчиво потребовали у императора уплаты сдѣланныхъ имъ долговъ, а такъ какъ уплатить ему было нечѣмъ, то бѣднаго императора подвергли личному задержанію. Только вмѣшательство сына его Эмануила, прибывшаго въ Венецію съ кое-какъ собранными деньгами, позволило Іоанну V вернуться въ Константинополь.

Мольбы грековъ были услышаны Европой, и въ 1396 году противъ турокъ тронулось рыцарское ополченіе подъ командой графа Невера и венгерскаго

короля Сигизмунда. Кончилась, однако, эта экспедиция весьма печально. Встрѣченные огромными силами турокъ подъ Никополемъ, рыцари были разбиты, причѣмъ большинство ихъ было убито или попало въ плѣнъ.

Положеніе грековъ стало еще опаснѣе, и только прибытіе знаменитаго французскаго маршала Бусико съ 1200 стрѣлками и съ семнадцатью галерами нѣсколько поправило дѣло. Турки, уже овладѣвшіе было Галатой, черезъ нѣсколько дней были прогнаны изъ окрестностей Константинополя, а затѣмъ и отброшены на малоазіатскій берегъ. Бусико посовѣтовалъ Эмануилу поѣхать лично къ французскому королю умолять его о помощи. Императоръ одобрилъ эту мысль и даже хотѣлъ отказаться отъ византійскаго престола въ пользу французскаго короля Карла VI, къ которому ему предстояло ѣхать.

Въ декабрѣ 1399 году базилевсъ тронулся въ далекій путь. Изъ его предшественниковъ только двое бывали въ Западной Европѣ, но и ихъ путешествія ограничивались одной Италіей. Эмануилу предстояло посѣтить Парижъ и даже Лондонъ, о которомъ греки имѣли очень смутное понятіе. Отправляясь въ далекія страны, Эмануилъ вывезъ изъ Константинополя всю свою семью и отправилъ ее въ сравнительно безопасную Морею къ деспоту Феодору. Въ Константинополѣ же былъ оставленъ въ качествѣ намѣстника племянникъ императора Андроникъ, который потомъ самъ сталъ императоромъ подъ именемъ Іоанна VII Палеолога и оставилъ по себѣ въ исторіи очень дурную память. Изъ Пелопоннеса императорскій корабль направился обычнымъ путемъ, т. е. въ Венецію. Вѣроятно, во время этого длиннаго переѣзда были какія-нибудь остановки на далматинскомъ берегу, но свѣдѣній о подробностяхъ этого переѣзда въ распоряженіи историковъ не имѣется.

Въ Венеціи императору была приготовлена пышная встрѣча. Венеціанцы какъ будто хотѣли загладить непріятныя воспоминанія, вынесенныя Эмануиломъ изъ перваго путешествія въ Венецію для выкупа отца. Самъ дожъ въ сопровожденіи сената двинулся навстрѣчу базилевсу на знаменитомъ кораблѣ «Буцентаврѣ» Эмануила помѣстили въ великолѣпномъ дворцѣ маркиза Ферраре. Въ честь его былъ данъ рядъ празднествъ, обоедшихся въ нѣсколько сотъ золотыхъ дукатовъ—сумму, по тогдашнему времени, огромную.

Сколько времени пробылъ базилевсъ въ Венеціи—свѣдѣній не сохранилось. Отсюда онъ двинулся въ Падую, а вѣрный Бусико отправился прямо въ Парижъ, чтобы приготовить достойный Эмануила приѣмъ. Въ Падуѣ путешественникъ былъ встрѣченъ сыновьями властителя города Франциска Карраре. Ихъ сопровождала огромная блестящая свита, присоединившаяся потомъ къ свитѣ базилевса. Въѣздъ въ городъ состоялся около часу утра. Несмотря на ранній часъ, вся Падуя была на ногахъ. Толпа встрѣтила Эмануила громкими привѣтственными криками. Всю ночь продолжалось это ликованіе и празднество.

Послѣ Падуи слѣдующимъ этапомъ путешествія былъ Миланъ. Но такъ какъ владѣтель этого города, Джовани Висконти, находился тогда въ Павіи, то Эмануилъ проѣхалъ прямо въ этотъ городъ. Здѣсь его встрѣча была еще пышнѣе, чѣмъ въ Падуѣ. Чтобы достойно принять греческаго императора, собрались въ окрестные принцы, соперничая другъ передъ другомъ роскошью своихъ нарядовъ.

По обыкновению, и в Павии в честь императора был дан ряд празднеств, о которых мы, однако, не имеем подробных сведений.

Из Павии Эмануил вступил прямо на французскую почву. Король Карль VI, страдавший душевной болезнью, находился в это время в «светлом промежутке» болезни и мог принять невиданного досель во Франции гостя с подобающей торжественностью. Он выслал ему навстречу к границам государства множество рыцарей и придворных чинов, расположившихся шпалерами вдоль пути, по которому предстояло ехать императору.

Один из тогдашних летописцев, принадлежавший, повидимому, к братии аббатства св. Діонисія, оставил нам подробное описание въезда Эмануила во французскую столицу и его пребывания в Париже.

Двигаясь через Мелань, базилевь 3-го июня 1400 года, в девятом часу утра, прибыл в Шарантонь—маленький городок, расположенный в нескольких верстах от Парижа, при слиянии рек Марны и Сены. Здесь его встретила пышная процессия парижских граждан. Все население Парижа высыпало на улицу. В городских воротах греки были встречены канцлером королевства и председателем парижского парламента со свитой в пятьсот человек. За ними следовали кардиналы в своих красных одеяниях и парижское духовенство и наконец сам король в мантии с лилиями, окруженный вельможами королевства.

Видимость императора произвела сильнейшее впечатление на парижан. Эмануил был один из лучших византийских императоров. Широко образованный, литератор и ученый, он отличался красотой и тонкостью черт лица. Его голова преждевременно стала белой, как снег, а длинная седая борода, падавшая ему на грудь, придавала ему величавый вид.

Юный Карль, встречая гостя, снял свою шляпу. Император сделал то же. Оба государя одновременно проговорили друг другу приветствия: Карль по-французски, Эмануил по-гречески. Одновременно сойдя с коней, они облобызались, выказывая полное удовольствие видеть друг друга. Потом оба верхом двинулись рядом по улицам Парижа. Белое шелковое одеяние Эмануила и его длинные седые волосы, развевавшиеся по плечам, особенно поразили парижан. Несмотря на трудные обстоятельства, в которых протекала его жизнь, несмотря на свои 52 года, базилевь сохранил в себе силу и ловкость, и, когда Карль приказал около Сенть-Антуанских ворот подать императору белого коня, он легко и быстро вскочил на него, немало удивив парижан своею ловкостью. По разукрашенным улицам оба государя проследовали в отель Сенть-Поль, где тогда жили французские короли и где их ожидал великолѣпный банкет. После этого император Эмануил отбыл в Луврский дворец, где для него отведены были апартаменты. Больше всего поразили его здесь ковры, каких Эмануилу не приходилось видеть на Востоке.

На содержание императора были назначены из казны значительные по тогдашнему времени суммы. Счета на выдававшиеся суммы были не так давно отсканы среди рукописей Национальной библиотеки в Париже.

Своим пребыванием в Париже Эмануил воспользовался между про-

чимъ для того, чтобы посѣтить наиболѣе извѣстные церкви и монастыри, но обѣдни отстаивалъ всегда у себя въ походной греческой церкви. Красота греческаго богослуженія поразила парижанъ, и въ 1400 г. считалось признакомъ хорошаго тона побывать хоть разъ на этомъ богослуженіи.

Между тѣмъ бѣдный Карль VI опять впалъ въ болѣзненное состояніе, при которомъ нечего было и думать вести съ нимъ переговоры о помощи Византіи противъ турокъ. Эмануиль рѣшилъ воспользоваться свободнымъ временемъ и обратиться съ той же просьбой къ англійскому королю. Въ сентябрѣ 1400 года онъ переѣхалъ черезъ Ламаншъ, причемъ эта переправа была очень трудной, такъ какъ на морѣ разразилась буря.

Высадился Эмануиль въ Дуврѣ. О пребываніи его здѣсь мы ничего не знаемъ. По дорогѣ въ Лондонъ онъ посѣтилъ знаменитый соборъ въ Кентербери, гдѣ его радушно встрѣтили августинскіе монахи. Въ Лондонѣ его встрѣтилъ король Генрихъ IV Ланкастерскій. Англійскій историкъ XVI вѣка Томасъ Уолсингемъ рассказываетъ, что Генрихъ со свитой выѣхалъ навстрѣчу своему гостю до Влэкхиса, отвелъ ему въ Лондонѣ роскошное помѣщеніе и назначилъ приличную сумму на содержаніе императора и его свиты. Въ письмѣ къ одному изъ константинопольскихъ вельможъ Эмануиль съ восторгомъ описываетъ англійскаго короля и Англію, о которой византійцы того времени имѣли лишь смутное понятіе. «Король согласенъ дать намъ помощь людьми, деньгами и кораблями, которые перевезутъ армію, куда будетъ нужно»,—заключаетъ свое письмо базилевсъ.

Но обѣщанія Генриха Ланкастерскаго такъ и остались обѣщаніями. Для вмѣшательства Англій въ греческія дѣла время было чрезвычайно неблагоприятное. Генрихъ достигъ престола насильственнымъ путемъ, свергнувъ молодого короля Ричарда II, зятя Карла VI, и убивъ его въ 1400 году. Окровавленная корона едва держалась на головѣ Генриха: всюду въ Англій вспыхивали возстанія, казни вельможъ слѣдовали одна за другой. Генриху впору было справиться только съ своей собственной страной.

Пребываніе Эмануила въ Англій длилось не долго, всего около мѣсяца: къ февралю 1401 года онъ вернулся опять во Францію. Оправившійся отъ болѣзни Карль VI, знавшій любовь своего гостя ко всякаго рода религіознымъ церемоніямъ, пригласилъ его на 25-е февраля въ аббатство св. Діонисія на годовую праздникъ. Каждый изъ нихъ хотѣлъ прибыть въ аббатство пораньше и встрѣтить другого. Кончилось тѣмъ, что они встрѣтились въ дорогѣ и пріѣхали вмѣстѣ.

Это посѣщеніе аббатства вмѣстѣ съ греческимъ императоромъ вызвало большое неудовольствіе среди французскихъ католиковъ, фанатически настроенныхъ. Стали говорить, что не слѣдовало бы отправлять богослуженіе въ присутствіи схизматика, какимъ представлялся греческій базилевсъ. Другіе, наоборотъ, возражали, что король прекрасно сдѣлалъ, что дозволилъ императору присутствовать при торжественномъ богослуженіи въ аббатствѣ, такъ какъ этимъ онъ только приготовляетъ его къ возвращенію въ лоно католической церкви.

Эмануиль не остался чуждъ этихъ богословскихъ споровъ. Одинъ изъ парижскихъ ученыхъ теологовъ поднесъ ему свое сочиненіе о происхожденіи

Св. Духа отъ Отца и Сына. Императоръ не захотѣлъ оставить безъ возраженій эту латинскую ересь и, въ свою очередь, написалъ опроверженіе въ 157 главахъ на эту книгу. Далѣе императоръ весьма заинтересовался споромъ по вопросу о безпорочномъ зачатіи Св. Дѣвы, разгорѣвшемуся между доминиканцами и францисканцами, и, вмѣшавшись въ полемику, рѣшительно сталъ на сторону францисканцевъ, защищавшихъ этотъ догматъ.

Эмануиль пробылъ въ Парижѣ всего около двухъ съ половиною лѣтъ, участвуя во всѣхъ торжествахъ мѣстной жизни. Такъ, онъ былъ приглашенъ на пышную свадьбу сына герцога Бургонскаго Іоанна, участвовалъ въ церковномъ торжествѣ перенесенія главы и части мощей св. Бенедикта изъ одного скромнаго монастыря на Луарѣ въ знаменитое аббатство св. Діонисія.

Между тѣмъ положеніе дѣлъ на Востокѣ неожиданно и круто измѣнилось, и для Византійской имперіи мелькнулъ лучъ надежды на спасеніе оттуда, откуда никто не могъ этого ожидать. Страшный султанъ Баязетъ, державшій Византію въ желѣзной блокадѣ, самъ былъ разбитъ новымъ завоевателемъ, монгольскимъ ханомъ Тамерланомъ, и попалъ къ нему въ плѣнъ. Изъ Византіи пришла вѣсть, будто бы Тамерланъ обѣщаль намѣстнику императора возвратитъ византійцамъ все, что было отнято у имперіи турками.

Подъ вліяніемъ такихъ извѣстій Эмануиль быстро собрался въ обратный путь и въ ноябрѣ 1402 года выѣхалъ изъ Парижа. Король Карлъ далъ ему большіе дары золота, серебра, драгоценныхъ камней и снабдилъ его деньгами. Провожать его должны были двѣсти знатнѣйшихъ рыцарей подъ командой Шатморана, который былъ правою рукою Вусико.

Обратный путь грековъ лежалъ черезъ Геную, гдѣ Эмануиль былъ торжественно встрѣченъ Вусико и генуэзской знатью. Черезъ десять дней Эмануиль двинулся далѣе, во Флоренцію, гдѣ, повидимому, состоялось свиданіе между императоромъ и папою Бонифациемъ IX, весьма къ нему расположеннымъ.

Дальнѣйшій путь шелъ опять черезъ Венецію. Въ Морѣ императоръ захѣхалъ къ своему брату Теодору въ гор. Мистру (древнюю Спарту), чтобы захватить съ собою въ Константинополь свое семейство.

Когда базилевсъ вернулся въ свою многострадальную столицу, оказалось, что султанъ Баязетъ уже умеръ въ татарскомъ плѣну, а Тамерланъ отхлынулъ съ своими полчищами въ Самаркандъ. Пораженіе турокъ отерчило паденіе Константинополя почти на полвѣка, но не могло его спасти отъ гибели.

Императоръ Эмануиль прожилъ еще двадцать два года. Незадолго передъ смертью онъ удалился въ одинъ изъ константинопольскихъ монастырей, предоставивъ бразды правленія своему сыну Іоанну, женатому на дочери маркиза Монферрата. Умеръ онъ лѣтомъ 1425 году въ возрастѣ семидесяти семи лѣтъ.

— А в с т р і й с к і й д в о р ь в ь X V I I I в ь к ь ф .—Въ газетѣ «Le Temps» находимъ интересный очеркъ, рисующій австрійскихъ государей XVIII в. и ихъ дворъ.

Послѣ того, какъ тридцатилѣтняя война закончилась Вестфальскимъ миромъ, многія семьи стариннаго австрійскаго дворянства были окончательно раззорены и за свои требованія реформъ подверглись гоненію со стороны двора.

Одинъ изъ такихъ аристократовъ, нѣкто Фридрихъ-фонъ-Роггендорфъ, получивъ приглашеніе вернуться къ себѣ отъ самого императора Фердинанда III, который обѣщаль ему свои милости, писалъ: «Какую милость можете вы мнѣ оказать? Не ту ли, которую вы оказали чешскимъ дворянамъ, отрубивъ имъ голову, или моравскимъ, заключивъ ихъ навѣки въ тюрьму, или австрійскимъ, конфисковавъ ихъ имущество?»

Имѣнія, покинутыя австрійцами, переходили понемногу въ руки новой знати, выдвинувшейся на войнѣ и на императорской службѣ. Эта знать принадлежала къ различнымъ народностямъ. Лобковичъ и Кауницъ были славянскаго происхожденія, Тилли былъ валонецъ, Валленштейнъ происходилъ изъ Чехіи, принцъ Евгенийъ и Монтекукулли—итальянцы, Лаудонъ—шотландецъ.

Заключивъ миръ, вѣнскій дворъ погрузился въ религиозное ханжество, соблюденіе сложнаго этикетта и музыку. Приказавъ умертвить Валленштейна, императоръ Фердинандъ велѣлъ отслужить три тысячи мессъ за упокой его души. Ришелье, бывшій тогда французскимъ посланникомъ въ Австріи, говорилъ, что если бѣ онъ зналъ, на сколькихъ службахъ ему придется присутствовать по званію посла, то онъ никогда не принялъ бы этого мѣста. Онъ высчиталъ, что съ Вербнаго воскресенья до четверга Фоминой недѣли онъ по своей обязанности проведетъ въ церкви около императора болѣе ста часовъ.

Императоръ Леопольдъ считалъ себя подъ особымъ покровительствомъ Божиимъ. Онъ писалъ мелодіи весьма посредственнаго качества и въ оперѣ самъ дирижировалъ оркестромъ изъ своей ложи. Его третья жена, особа весьма набожная, не безъ сожалѣнія ѣздила съ нимъ въ театръ, но читала тамъ всегда не либретто, а молитвенникъ.

Придворный историкъ того времени Везе сообщалъ, что императоръ самымъ тщательнымъ образомъ записывалъ въ свою записную книжку свои проигрыши и число подписанныхъ имъ бумагъ. Въ годъ осады Вѣны турками, напримѣръ, бумагъ было подписано 8.256, а проигрышъ доходилъ до 956. Императоръ вѣчно сидѣлъ безъ денегъ. Чтобы добыть средства для содержанія своей охоты, онъ долженъ былъ взять у графа Кевенгюллера значительную сумму, за что предоставилъ ему право монопольной торговли табакомъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ. Это было началомъ казенной табачной монополіи, существующей въ Австріи.

Дворъ насчитывалъ однихъ камергеровъ шестьсотъ человекъ, раздѣлявшихся на камергеровъ съ золотымъ ключомъ и на камергеровъ съ чернымъ ключомъ. Обѣдалъ императоръ не иначе, какъ на особомъ возвышеніи и подъ балдахиномъ. Посланники должны были присутствовать при томъ, какъ онъ садился за столъ, и могли удалиться только послѣ того, какъ онъ подносилъ стаканъ къ губамъ. Членамъ императорской семьи дѣлались три поклона, причемъ одинъ сопровождался колѣнопреклоненіемъ.

Когда Янъ Собѣсскій заставилъ турокъ снять осаду Вѣны, Леопольдъ больше всего былъ озабоченъ тѣмъ, какъ ему отблагодарить избавителя, не роняя собственнаго достоинства. И онъ принялъ польскаго короля съ такой холодностью, что тотъ потомъ писалъ своей женѣ: «Можно подумать, что мы заражены чумой и что люди боятся къ намъ приблизиться».

Въ лагерѣ прогнанныхъ Собѣскимъ турокъ было найдено огромное коли-

чество кофе, на которое вѣнцы набросились съ жадностью. Это повело къ возникновенію кафе. Первое разрѣшеніе открыть такое кафе было дано поляку Ковшущкому, въ воздаяніе за услуги, которыя онъ оказалъ во время войны съ турками.

Везде сохранилъ для насъ не мало анекдотовъ о главныхъ сановникахъ австрійскаго двора. Принцъ Евгений, напримѣръ, несмотря на то, что ему было болѣе шестидесяти лѣтъ, нерѣдко отправлялся провести вечеръ у герцогини Гольштейнской, гдѣ онъ обыкновенно встрѣчался съ своей возлюбленной, венгерской графиней Баттіани. Однажды его экипажъ, окрашенный въ розовый цвѣтъ, остановился у знакомыхъ дверей, но долгое время изъ него никто не выходилъ. Оказалось, что старый селадонъ заснулъ въ своей каретѣ, заснули и сопровождавшіе его лакеи, такіе же старики, какъ и онъ самъ.

Министръ Леопольда II Лобковичъ вѣчно съ кѣмъ-нибудь ссорился и дурачилъ иезуитовъ. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ написалъ: «Завѣщаю членамъ общества Иисуса 82.000», а на другой страницѣ: «ссудныхъ кассъ».

Карлъ VI былъ болѣе терпимъ, чѣмъ его отецъ, Леопольдъ. Онъ ненавидѣлъ французовъ и ознаменовалъ свое царствованіе тѣмъ, что изгналъ французскіе шелковые чулки и парики. Число придворныхъ достигло при немъ сорока тысячъ, изъ которыхъ половина получала жалованье. Вѣнскіе домовладѣльцы должны были освободить свои вторые этажи, чтобы расквартировать всю эту массу. Половина столицы жила на счетъ двора и императорской кухни. Въ счетахъ того времени мы читаемъ, что императрица Марія-Терезія выпивала за ужиномъ двѣнадцать бутылокъ венгерскаго, а каждая изъ ея придворныхъ дамъ по шести. Одной петрушки императорская кухня изводила въ годъ на пять тысячъ рублей.

Австрійская знать не отставала отъ двора. На званыхъ обѣдахъ передъ каждымъ кувертомъ клался списокъ винъ, которыя имѣлись въ домѣ и которыя всякій могъ себѣ требовать. Французскій посланникъ Бюсси устроилъ однажды у себя обѣдъ и положилъ передъ каждымъ приглашеннымъ списокъ винъ не виданной еще длины. Когда всѣ стали поздравлять Бюсси съ такимъ огромнымъ запасомъ винъ, тотъ попросилъ своихъ гостей прочесть списокъ повнимательнѣе. На немъ въ заголовкѣ стояло крупнымъ буквами: «Списокъ винъ», а внизу мелкимъ шрифтомъ: «которыхъ у меня нѣтъ».

Марія-Терезія была въ вѣчномъ страхѣ за своихъ дочерей и посѣщала всякихъ гадалокъ и хиромантокъ. Безпокойство ея было, впрочемъ, не безъ основаній: Марія-Антуанетта вела довольно фривольный образъ жизни, а другая дочь, Марія-Каролина, была довольно несчастлива съ своимъ мужемъ, королемъ обѣихъ Сицилій Фердинандомъ.

Марія-Терезія питала настоящую страсть къ бобамъ, которые были ей строжайше запрещены. Желая обмануть своихъ придворныхъ докторовъ, она нерѣдко получала ихъ въ футлярѣ своего молитвенника, въ картонкахъ со шляпами и т. д. Къ концу жизни она была такъ полна, что почти не могла двигаться и слушала обѣдню изъ своей комнаты. Эта комната находилась надъ церковью и, чтобы императрица могла видѣть богослуженіе, въ ней поднимали полъ.

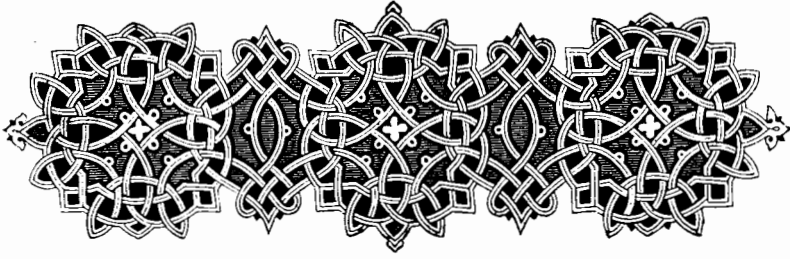
Сынъ ея, императоръ Юсифъ II, прославился въ исторіи своими реформами.

Но при введеніи ихъ поступали варварски: сжигали цѣлыя библіотеки, оскверняли могилы. Изсохшее тѣло Альберта Мудраго было выброшено изъ его свинцоваго гроба только потому, что нуженъ былъ свинець. Коллекція пражскихъ древностей и картинъ была распродана съ аукціона.

Францъ II, которому пришлось жить въ бурную эпоху французской революціи, занимался большею частью тѣмъ, что дѣлалъ изъ сургуча коробочки.

Таковъ длинный рядъ австрійскихъ владыкъ. Люди дѣтскаго склада ума, они были убѣждены, что лучшее благодѣяніе для народа—это держать его въ дѣтствѣ. Музыка, балы, придворныя церемоніи—вотъ почти все, что наполняло пустую жизнь этихъ людей.

С М Ъ С Ъ.

ГОДОВОЕ собраніе академіи наукъ. 29-го декабря, подъ предсѣдательствомъ вице-президента П. В. Никитина, состоялось торжественное годовое собраніе академіи наукъ. Непремѣнный секретарь С. Θ. Ольденбургъ прочиталъ отчетъ о дѣятельности физико-математическаго и историко-филологическаго отдѣленій академіи за 1915 г. Начало своего сообщенія С. Θ. Ольденбургъ посвятилъ памяти августѣйшаго президента великаго князя Константина Константиновича. «26 лѣтъ»,—сказалъ С. Θ. Ольденбургъ,—великій князь Константинъ Константиновичъ велъ дѣла академіи, «всегда вѣрный своему долгу», какъ онъ это обѣщалъ, вступая въ исполненіе своихъ обязанностей въ 1889 году. Академія была всегда близка его сердцу. Члены академіи скорбятъ не только о кончинѣ президента, такъ много сдѣлавшаго для академіи наукъ и для русской науки, они также скорбятъ о человѣкѣ, полномъ неизмѣнной благожелательности, вниманія и любви». Въ послѣднемъ отчетномъ году академіи наукъ лишилась математика Н. Я. Сонина, лингвиста Θ. Е. Корша и почетнаго члена академіи графа С. Ю. Витте, четырехъ членовъ-корреспондентовъ: астрономовъ В. П. Энгельгардта и М. Θ. Хандрикова, біолога С. А. Коротнева и статистика В. И. Покровскаго, а изъ иностранцевъ—сербскаго ученаго С. И. Новаковича, бывшаго одно время профессоромъ петроградскаго университета, почетнаго члена астронома А. Ауверса, корреспондентовъ: біолога Т. Бовэри, историка-юриста Г. Бруннера и специалиста по классической археологіи В. Гильбига. Затѣмъ С. Θ. Ольденбургъ коснулся вопроса о проявленіи участія академіи въ войнѣ. Для авіаціоннаго дѣла и для военной метеорологіи Николаевская главная физическая обсерваторія сдѣлала немало. На средства военного ми-

нистерства обсерваторія открыла у себя мастерскую для метеорологическихъ приборовъ, въ которыхъ ощущается острая нужда и въ арміи. Ученыя силы химической лабораторіи почти въ полной мѣрѣ направлены на военныя потребности. Геологическій и минералогическій музей тоже въ широкой мѣрѣ мобилизовалъ свои силы для изслѣдованій въ связи съ нуждами обороны. Комиссія по изученію естественныхъ производительныхъ силъ Россіи приступила къ изданію небольшихъ монографій по наиболѣе нуждающимся въ выясненіи вопросамъ. Комиссія эта готовитъ спеціальныи сборникъ подъ названіемъ «Естественныя производительныя силы Россіи». Библіотека академіи наукъ открыла «Архивъ войны», накопившій уже много цѣнныхъ и любопытныхъ документовъ. Въ заключеніе С. Θ. Ольденбургъ сообщилъ, что капиталы, которыми располагаетъ академія на учебныя предпріятія и преміи, увеличились двумя: 1) «Константиновскимъ» 2.500 руб., завѣщаннымъ академіи ея августѣйшимъ президентомъ на ученныя предпріятія, и 2) капиталомъ въ 10.000 руб. имени А. И. Скребницкаго на премію по биологіи. Затѣмъ были сообщены отчеты о присужденіи академическихъ премій въ 1915 г. Краткій отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности за 1915 г. прочиталъ академикъ В. Н. Перетцъ. Затѣмъ были оглашены имена лицъ, избранныхъ академіей въ члены-корреспонденты. Избраны по разряду математическому физико-математическаго отдѣленія: старшій астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи въ Пулковѣ, докторъ астрономіи С. К. Костинскій и директоръ королевской обсерваторіи въ Гринвичѣ (Лондонѣ) Франкъ Уотсонъ Дайсонъ; по разряду биологическому физикс-математическаго отдѣленія—профессоръ физиологіи въ Оксфордскомъ университетѣ Чарльзъ Скоттъ Шеррингтонъ, а по отдѣленію русскаго языка и словесности—заслуженный профессоръ казанскаго университета В. А. Богородицкій и ординарный профессоръ варшавскаго университета В. А. Францевъ. Годовое собраніе академіи наукъ закончилось рѣчью академика Н. А. Котляревскаго, посвященной памяти К. Р.

Преміи по отдѣленію русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Въ отчетномъ 1915 г. состоялось присужденіе слѣдующихъ премій по отдѣленію русскаго языка и словесности М. Н. Ахматова. Изъ 34 рукописныхъ и печатныхъ сочиненій, представленныхъ на премію, премированными оказались слѣдующія: Д. К. Зеленина—«Великорусскіе говоры» (отзывъ академика А. А. Шахматова), Н. П. Кашина—«Этюды объ А. Н. Островскомъ» (отзывъ проф. К. И. Арабажина), В. В. Князева—«Частушки-коротушки» (отзывъ акад. В. Н. Перетца), Е. М. Милицыной (въ рукописи)—«Повѣсти и рассказы» (отзывъ А. А. Измайлова), С. П. Неустроева—«Словарь волжскихъ судовыхъ терминовъ» (отзывъ акад. А. И. Соболевскаго). Полная премія въ 1.000 руб. выдана Д. Р. Зеленину, малая—въ 500 руб.—Н. П. Кашину, остальнымъ—почетные отзывы. На премію имени М. В. Ломоносова подано три сочиненія. Полная премія въ 1.000 руб. присуждена проф. А. В. Михайлову за трудъ «Опытъ изученія текста книги «Бытія» пророка Моисея въ древне-славянскомъ переводѣ» (рецензія акад. Шахматова). Преміи Л. Н. Майкова. Полная премія присуждена С. А. Щеголевой за сочиненіе «Вирши праздничныя и обличитель-

пые на аріанъ конца XVI и начала XVII вв.» (отзывъ В. Перетца). Премія М. Н. Михельсона присуждена г-жѣ Эльязъ за трудъ «Матеріалы по терминологіи художествъ и ремеслъ въ Московской Руси» и г-жѣ Смирновой за трудъ «Словарь столоваго обихода Московской Руси—по 500 руб. Рецензентами были: А. И. Соболевскій, П. К. Симони и Д. К. Зеленинъ. Премія имени А. С. Пушкина. Представлено 34 сочиненія. Преміи присуждены: г-жѣ С. Свириденко за вольный перепѣвъ сказанія «Пѣснь о Сигурдѣ» (500 руб.), почетные отзывы: С. Д. Дрожжину за «Пѣсни стараго пахаря» и В. А. Мазуркевичу за стихи и переводы. На премію имени графа Д. А. Толстого поступило пять сочиненій, изъ коихъ полную премію и почетную золотую медаль получилъ Н. А. Туницкій за сочиненіе «Святой Климентъ Словенскій» (рецензія проф. Н. С. Пальмова), малыя преміи получили: проф. А. С. Архангельскій за курсъ лекцій «Литература Московскаго государства» (Казань, 1913) и «Русская литература XVIII» (Казань, 1911)—отзывъ проф. Е. В. Пѣтухова, и А. М. Пѣшковскій за изслѣдованія: «Русскій синтаксисъ въ научномъ освѣщеніи» (М., 1914) и «Школьная и научная грамматика» (М., 1914)—рецензія проф. Д. Н. Кудрявскаго. Рецензентамъ: проф. К. И. Арабажину, о. прот. М. А. Лисицыну, П. К. Симони, Д. К. Зеленину, А. А. Измайлову, проф. Е. В. Пѣтухову, проф. И. С. Пальмову и проф. Д. Н. Кудрявскому академіей наукъ присуждены почетныя золотыя рецензентскія медали.

Въ литературномъ фондѣ. 27-го декабря, подъ предѣдательствомъ Ѳ. Д. Батюшкова, состоялось очередное общее собраніе членовъ литературнаго фонда. Въ началѣ засѣданія Ѳ. Д. Батюшковымъ была отмѣчена кончина земца и бывшаго гласнаго петроградской думы С. Г. Бередникова. Затѣмъ было заслушанъ отчетъ о дѣятельности фонда за послѣдніе два мѣсяца (по 27-е декабря). Къ 1-му ноября н. г. состояло 439 членовъ. За двухмѣсячный періодъ фондъ выдалъ ссуды 22 лицамъ, въ размѣрѣ 1.985 руб., единовременныхъ пособій—1.338 руб. 32 лицамъ, на воспитаніе и обученіе 542 руб. девяти лицамъ, «продолжительныхъ» пособій—8.840 руб. 52 лицамъ. Изъ капитала Дамича выдано пособіе одному начинающему ученому, изъ капитала А. И. Скребицкаго выданы пособія отъ 100 до 600 руб.—троимъ ученымъ. Изъ суммы, переданной фонду Татьянинскимъ комитетомъ (5.000 руб.) для оказанія помощи, въ связи съ обстоятельствами военнаго времени, писателямъ-инородцамъ, выдано пособій за два мѣсяца—отъ 25 руб. до 200 руб.—17-ти польскимъ, еврейскимъ, латышскимъ, литовскимъ и эстонскимъ писателямъ, всего 2.035 руб. На приведеніе въ порядокъ могилы В. Гаршина ассигновано 150 руб. Наконецъ, въ отчетѣ отмѣнены отдѣльныя ходатайства фонда, благодаря которымъ нѣсколько учащихся получили стипендіи въ учебныхъ заведеніяхъ, помѣщены въ пріюты и т. д. Изъ отчета по казначейской части видно, что на 27-е декабря въ остаткѣ значилось—1.111,875 руб. процентными бумагами и 12.104 руб. деньгами. Въ виду пребыванія части клиентовъ фонда за границей, а также въ виду постоянно возрастающей цѣны французскаго и швейцарскаго франковъ постановлено обратиться въ министерство финансовъ съ просьбой о разрѣшеніи купить иностранной валюты на сумму до 2.000 руб. На основаніи § 40 устава фонда, изъ числа членовъ комитета выбываютъ 2-го февраля 1916 г.—Ѳ. Д. Ба-

тющковъ, А. В. Пѣшеоновъ, Л. Ф. Пантелѣевъ, М. И. Ганфманъ и по болѣзни—Л. З. Слонимскій. Кандидатами въ члены комитета на новый годъ намѣчены: А. В. Васильевъ, С. А. Венгеровъ, А. А. Корниловъ, В. Г. Котельниковъ, В. П. Крунихфельдъ, В. Д. Набоковъ, С. О. Ольденбургъ, Н. К. Пиксановъ, Н. С. Русановъ и А. М. Рѣдько. Въ заключеніе засѣданія состоялась баллотировка новыхъ членовъ фонда. Избраны предложенные комитетомъ А. С. Зарудный, С. А. Павловичъ, Н. С. Русановъ, Л. И. Шварцманъ (Шестовъ) и К. П. Ягодовскій. Безъ баллотировки (согласно устава фонда) вошли въ составъ членовъ его предложенныя комитетомъ г-жи Е. Н. Курчъ-Экъ и М. М. Кармина.

Юбилей профессора лейбъ-медика В. Н. Сиротинина. 20-го декабря исполнилось тридцатипятилѣтіе научной, врачебной и общественной дѣятельности лейбъ-медика, академика и заслуженнаго профессора военно-медицинской академіи В. Н. Сиротинина. За свою тридцатипятилѣтнюю дѣятельность почтенный юбиляръ снискалъ широкую популярность. Извѣстный врачъ по внутреннимъ болѣзнямъ и ученикъ профессора С. П. Боткина, В. Н. Сиротининъ отдался медицинской практикѣ съ любовью и самоотверженіемъ. Практика его очень широка. Какъ діагностъ, онъ, послѣ своего учителя С. П. Боткина, почти не знаетъ себя равнаго. Слава его въ этомъ отношеніи далеко вышла не только за предѣлы Петрограда, но и Россіи. Какъ профессоръ военно-медицинской академіи, В. Н. Сиротининъ своими лекціями увлекаетъ студентовъ и воспитываетъ въ нихъ любовь къ дѣлу. Юбиляръ создалъ свою школу, изъ которой вышло много извѣстныхъ, хорошихъ и дѣльныхъ врачей. Какъ общественный дѣятель, юбиляръ очень много положилъ труда на пользу русской общественности. Состоя председателемъ общества русскихъ врачей, членомъ медицинскаго совѣта и многихъ другихъ научныхъ обществъ, В. Н. Сиротининъ всегда стоялъ на стражѣ интересовъ общества. Какъ членъ главнаго управленія російскаго общества Краснаго Креста, онъ много поработалъ за время войны. Друзья, почитатели и товарищи юбиляра собирались отмѣтить день тридцатипятилѣтней дѣятельности В. Н. Сиротинина торжественнымъ чествованіемъ, но почтенный юбиляръ отъ официальнаго чествованія уклонился.

Осмотръ ризницы Благовѣщенскаго собора. 15-го ноября члены московскаго общества по изслѣдованію памятниковъ древности осматривали ризницу московскаго Благовѣщенскаго собора. Эта богатая ризница, еще до сихъ поръ совсѣмъ не описанная, заключаетъ въ себя много цѣнныхъ предметовъ; среди нихъ выдѣляется большое собраніе крестовъ, панагій, складней и снятыхъ съ иконъ пать XVI и XVII вѣковъ; многія изъ этихъ вещей украшены перегородчатою эмалью, жемчугомъ и драгоценными камнями. Особенно привлекаютъ къ себѣ вниманіе: крестъ времени царя Михаила Феодоровича, украшенный сканью, бурмицкими зернами и жемчугомъ, крестъ царевича Алексѣя Петровича съ замѣчательною рѣзбою по серебру, небольшой деревянный крестъ съ частью Животворящаго Креста Господня, унизанная драгоценными камнями старинная панагія, хранящаяся въ особомъ ковчегѣ съ рѣзной серебря-

¹⁾ Сообщилъ М. С. Померанцевъ.

ной крышкой. Изъ церковныхъ сосудовъ представляетъ интересъ яшмовая чаша 1329 г. присланная изъ Новгорода архимандритомъ Моисеемъ, рукоположеннымъ митрополитомъ Петромъ. Сверхъ того въ ризницѣ хранится весьма цѣнное евангеліе времени Іоанна Грознаго; верхняя крышка евангелія украшена богатою рѣзбою, эмалью и крупными драгоценными камнями; текстъ евангелія иллюстрированъ изображеніями святыхъ евангелистовъ и ихъ символовъ съ роскошнымъ орнаментомъ на фонѣ яркаго золота. Изъ другихъ вещей заслуживаютъ упоминанія: кадило времени Михаила Ѳеодоровича, сосуды для святой воды, изъ коихъ любопытна такъ называемая «четвертинка» съ заворачивающеюся крышкой, жалованные боярамъ за службу ковши XVII вѣка, старинныя облаченія, воздухи, поручи, подвѣски подъ иконы, унизанныя жемчугомъ. Предположено въ ближайшемъ будущемъ составить подробное описаніе ризницы. Послѣ осмотра ризницы члены московскаго общества по изслѣдованію памятниковъ древности познакомились съ работами учрежденной при соборѣ реставраціонной комиссіи: съ расчищенными двумя большими иконами святого Георгія Побѣдоносца и Дмитрія Солунскаго; по предположенію комиссіи, эти иконы находились прежде въ соборномъ иконостасѣ, расписанномъ въ концѣ XV вѣка Ѳеодосіемъ Денисьевымъ; подъ счищеннымъ верхнимъ болѣе новымъ слоемъ красокъ выступили слѣды рѣдко встрѣчающагося до сихъ поръ орнамента XV вѣка.

О государственномъ межевомъ архивѣ въ Москвѣ. 22-го ноября въ засѣданіи московскаго общества по изслѣдованію памятниковъ древности М. М. Шульгинъ прочиталъ интересный докладъ «О государственномъ межевомъ архивѣ въ Москвѣ». Государственный межевой архивъ явился результатомъ такъ называемаго «генеральнаго межеванія», произведеннаго въ царствованіе Екатерины II, пополнясь затѣмъ документами спеціальнаго и мѣстныхъ межеваній. Въ Отечественную войну 1812 года межевой архивъ пришлось на 900 подводкахъ перевозить изъ Москвы во Владимиръ, Суздаль и Нижній-Новгородъ, и тогда погибло много документовъ; на Москвѣ-рѣкѣ сторѣла въ то время цѣлая барка, нагруженная дѣлами этого архива. Несмотря на эту потерю, въ межевомъ архивѣ, помѣщающемся съ девяностыхъ годовъ XVIII вѣка въ зданіи судебныхъ установленій, хранится въ настоящее время болѣе милліона дѣлъ въ видѣ картъ, плановъ и книгъ по генеральному межеванію. Въ особенности любопытны такъ называемыя «экономическія примѣчанія», содержащія въ 390 объемистыхъ фоліантахъ описаніе всѣхъ городовъ Россійской имперіи въ статистическомъ, экономическомъ и археологическомъ отношеніяхъ. За исключеніемъ очерковъ о межевомъ архивѣ неизвѣстнаго автора, помѣщенныхъ еще въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ «Современной лѣтописи», до сихъ поръ у насъ нѣтъ даже и краткаго описанія архива, документы котораго представляютъ огромное значеніе для русской картографіи и исторіи русскаго землевладѣнія XVIII и XIX вѣковъ. Все это собраніе межевыхъ актовъ и «экономическихъ примѣчаній», неизвѣстное даже и многихъ нашимъ археологамъ и архивистамъ, еще ждетъ своихъ изслѣдователей.

¹⁾ Сообщилъ М. С. Померанцовъ.

НЕКРОЛОГИ.

ИАУФМАНЪ, И. И. 25-го декабря скончался заслуженный профессор петроградскаго университета, членъ комитета финансовъ и совѣта государственнаго банка, докторъ политической экономіи и статистики Иларіонъ Игнатьевичъ Кауфманъ. Покойному принадлежитъ множество цѣнныхъ работъ по статистикѣ и изслѣдованію финансовъ. Онъ родился въ Одессѣ въ 1847 г.; изъ Ришельевского лицея перешелъ въ харьковскій университетъ, курсъ котораго окончилъ по юридическому факультету. Его студенческія работы: «Теорія колебанія цѣнъ» отмѣчена золотой медалью, «Къ ученію о деньгахъ и кредитѣ» напечатана за счетъ университета. Начавъ такъ успѣшно свою ученую дѣятельность, И. И. по выходѣ изъ университета занялся разработкой экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ, защитилъ въ 1873 г. диссертацию «Кредитъ, банки и денежное обращеніе» на степень магистра политической экономіи и въ 1879 г. диссертацию «Неразмѣнныя бумажныя деньги въ Англіи» на степень доктора политической экономіи и статистики. Поселившись въ 1871 г. въ Петроградъ, онъ занялся публицистикой, былъ постояннымъ сотрудникомъ «Голоса» и «Вѣстника Европы» по экономическимъ вопросамъ. Одновременно въ теченіе двадцати лѣтъ И. И. служилъ въ центральномъ статистическомъ комитетѣ въ качествѣ одного изъ его редакторовъ и участвовалъ въ трудахъ по разработкѣ матеріаловъ отечественной статистики. Параллельно шла его служба въ государственномъ контролѣ. Въ петроградскомъ университетѣ покойный читалъ съ 1889 г. въ качествѣ приватъ-доцента лекціи по финансовому праву и съ 1893 г., послѣ смерти профессора Ю. Э. Янсона, былъ профессоромъ по кафедрѣ статистики. Изъ его многочисленныхъ работъ интересны «Кредитные билеты, ихъ упадокъ и возобновленіе», «О задолженности землевладѣнія и притоку капиталовъ къ нему», «Вексельные курсы Россіи за пятьдесятъ лѣтъ», восемь томовъ «Финансово-статистическихъ свѣдѣній

о желѣзныхъ дорогахъ» и другіе. Въ теченіе сорока трехъ лѣтъ покойный принадлежалъ къ составу международныхъ статистическихъ конгрессовъ, въ 1885 г. участвовалъ въ Лондонѣ въ учрежденіи международного статистическаго института. Въ послѣдніе годы онъ принималъ участіе въ статистическомъ совѣтѣ и въ совѣтѣ по ученымъ дѣламъ министерства торговли и промышленности. (Некрологъ его: «Новое Время», 1915, № 14297).

† **Лянды, С. И.** 12-го декабря скончался въ Петроградѣ во время засѣданія ленскихъ золотопромышленниковъ Станиславъ Адамовичъ Лянды. Въ лицѣ С. А. не стало чуткаго къ обездоленнымъ людямъ общественнаго дѣятеля. Во время своего пребыванія въ Иркутскѣ, до 1906 года покойный былъ извѣстенъ широкимъ кругамъ мѣстнаго общества, какъ неизмѣнный предсѣдатель собраній, устраивавшихся по разнымъ вопросамъ. С. А. предсѣдательствовалъ въ обществѣ приказчиковъ, принималъ дѣятельное участіе въ тогдашнемъ обществѣ распространенія народнаго образованія, въ обществѣ для оказанія помощи учащимся Восточной Сибири и друг. Надо отмѣтить, что С. А. игралъ видную роль въ періодъ освободительнаго движенія и былъ привлеченъ къ дѣлу о «союзѣ союзовъ»,—какъ участвовавшій въ «стачечномъ комитетѣ», но по этому дѣлу покойный и трое другихъ участниковъ были оправданы. С. А. въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ отбывалъ ссылку въ Туруханскомъ краѣ. С. А. скончался въ возрастѣ около шестидесяти лѣтъ. С. А. много работалъ въ газетѣ «Восточное Обозрѣніе». (Некрологъ его: «Сибирская Жизнь», 1915, № 279).

† **Мартыновъ, Н. Г.** Въ Петроградѣ 15-го декабря скончался въ преклонномъ возрастѣ одинъ изъ старѣйшихъ книгопродавцевъ-издателей Николай Гавриловичъ Мартыновъ. Ему принадлежало авторское право на изданіе Д. Григоровича, поэта Мея и другихъ авторовъ; онъ редактировалъ издававшійся обществомъ книгопродавцевъ періодическія изданія: «Книжный Вѣстникъ» и «Книжная Биржа»; издавалъ за свой счетъ морскую библіографію, къ составленію коей привлекъ извѣстнаго библіографа В. Межова; очень интересовался литературой по вопросамъ морской техники, кораблестроенія, навигации, судоходства и т. п., и магазинъ его, помѣщавшійся въ теченіе долгаго ряда лѣтъ на Александринской площади, близъ Публичной бібліотеки, былъ очень богатъ, съ большою любовью снабженъ всѣмъ когда-либо вышедшимъ на рускомъ языкѣ по указанной отрасли. Его магазинъ являлся единственнымъ въ этомъ отношеніи. Въ послѣдніе годы Н. Мартыновъ удалился на покой и перевезъ весь свой огромный, накопившійся съ 1878 года (годъ открытія Мартыновымъ своей торговли) книжный запасъ въ амбары собственнаго дома по Ново-Петергофскому проспекту, на Петроградской сторонѣ, гдѣ кое-что распродалъ оптомъ. Покойный много работалъ и устно, и печатно, и словомъ и дѣломъ для объединенія всѣхъ книгопродавцевъ въ общую дружную семью, для лучшей постановки книгоиздательскаго и коллективнаго кредита. (Некрологъ его: «Одесскія Новости», 1915, № 9928).

† **Потѣхинъ, П. А.** 10 января скончался на 77 году жизни одинъ изъ выдающихся петроградскихъ общественныхъ дѣятелей, Павелъ Антиповичъ Потѣхинъ, родной братъ извѣстныхъ писателей Ал. и Ник. Ан. Потѣхиныхъ. Покойный получилъ образованіе въ костромской гимназіи и московскомъ уни-

верситетъ по юридическому факультету. Въ 1862 году П. А. поступилъ въ присяжные стряпчие при коммерческомъ судѣ, а въ 1867 году перешелъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ округа петроградской судебной палаты. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ избранъ членомъ совѣта прис. повѣренныхъ и нѣкоторое время состоялъ его предсѣдателемъ. Какъ адвокатъ, покойный пользовался широкой извѣстностью по веденію гражданскихъ дѣлъ. Съ введеніемъ въ 1870 г. въ Петроградѣ городского положенія онъ много разъ избирался гласнымъ петроградской городской думы и состоялъ сначала членомъ, а съ 1900 г. предсѣдателемъ городской комиссіи по народному образованію и, подобно своему предшественнику, покойному М. М. Стасюлевичу, отдавалъ очень много времени и силъ дѣлу народнаго образованія въ столицѣ. При немъ, какъ и при Стасюлевичѣ, число училищъ въ Петроградѣ, начальныхъ и четырехклассныхъ, а также число дополнительныхъ классовъ и народныхъ читаленъ продолжало быстро увеличиваться, причѣмъ съ каждымъ годомъ училищное дѣло, въ смыслѣ заботы объ учащихъ и учащихся, принимало все болѣе усовершенствованныя формы. Какъ гласный думы, покойный П. А. Потѣхинъ пользовался громаднымъ авторитетомъ, и какъ высокообразованный и прогрессивный человекъ, и какъ опытный юристъ и общественный дѣятель. (Некрологъ его: «Голосъ», 1916, № 69).

† **Соколовъ. Д. А.** Послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни 24 декабря скончался извѣстный педиатръ, профессоръ Дмитрій Александровичъ Соколовъ, популярный врачъ-практикъ, пользовавшійся большими симпатіями и любовью своихъ многочисленныхъ пациентовъ. Будучи назначенъ въ 1911 году профессоромъ женскаго медицинскаго института, Д. А. образцово поставилъ клинику дѣтскихъ болѣзней при институтѣ и достигъ блестящихъ результатовъ. При Д. А. клиника расширилась вдвое и обогатилась инфекціоннымъ отдѣленіемъ, оборудованнымъ по послѣднему научному слову. Д. А. отличался большой трудоспособностью. Несмотря на огромную врачебную практику и педагогическую дѣятельность, онъ находилъ время и для научной работы. Покойному принадлежитъ цѣлый рядъ трудовъ по различнымъ вопросамъ педиатріи. Кромѣ того, Д. А. Соколову удалось создать въ 1911 году первый и единственный до сихъ поръ на русскомъ языкѣ журналъ «Педиатрія». Д. А. также принадлежитъ инициативѣ созыва всероссійскихъ съѣздовъ педиатровъ. Онъ же явился организаторомъ перваго съѣзда и устроенной при немъ большой выставки, въ которую покойный вложилъ столько трудовъ, энергіи и любви. (Некрологъ его: «День», 1915, № 355).

† **Цибугинъ В. И.** Въ Сибири 16 ноября скончался видный сибирскій общественный дѣятель, ученый и писатель В. И. Цибугинъ. Покойный родился въ Пензенской губ., гдѣ и провелъ свое дѣтство. По окончаніи гимназіи онъ поступилъ въ институтъ восточныхъ языковъ, по окончаніи курса въ которомъ ему было предложено занять кафедру манчжурскаго языка, но онъ отказался отъ профессуры. Попробовалъ В. И. работать на дипломатическомъ поприщѣ, но послѣ двухъ-трехъ приѣмовъ китайскихъ чиновниковъ почувствовалъ, что это дѣло не по немъ. Затѣмъ онъ поступилъ чиновникомъ въ областное правленіе въ Омскъ, но здѣсь прослужилъ недолго; перешелъ на должность судебного слѣдователя въ Ташкентъ. Здѣсь онъ увлекся ботаникой, подалъ въ

отставку и всецѣло «ушелъ въ природу». Затѣмъ снова двинулся въ Китай, до Пекина, по возвращеніи откуда поступилъ учителемъ въ русско-китайскую школу въ Чугучакѣ. Но и здѣсь прослужилъ всего лишь два года и снова «уходитъ въ природу», живетъ недѣлями въ полѣ, питается плодами дико растущихъ деревьевъ. Въ 1906 году онъ пріѣхалъ въ Семипалатинскъ. Въ это время ему было 42 года. На зиму онъ поступилъ учителемъ въ русско-киргизскую аульную школу. Здѣсь онъ увлекся астрономіей. Весной 1908 г. В. И. въ лодкѣ одинъ, взявъ съ собой пудовъ двадцать книгъ, уплылъ на сѣверъ. Не доплывъ до Тобольска, онъ остановился въ лѣсу, перезимовалъ здѣсь, забрался вглубь лѣса, туда, куда лѣтомъ нельзя было проникнуть вслѣдствіе топей и болотъ, построилъ тамъ избу и жилъ въ ней, появляясь лишь въ два года разъ въ ближнемъ селеніи, до котораго долженъ былъ итти двое съ половиною сутокъ. О его существованіи знали только объѣзчикъ, заѣзжавшій въ глубь лѣса въ зимнее время. И вотъ, проживъ тамъ семь лѣтъ, Василій Ивановичъ скончался въ лѣсу, въ одиночествѣ. Изъ трудовъ его въ печати извѣстны: «О жизни дунганъ», «Дунганскія загадки», «Дунганская пѣснь о курящихъ опиумъ». Что онъ сдѣлалъ за послѣднія семь лѣтъ своей жизни, — пока неизвѣстно. (Некрологъ его: «Голосъ», 1915, № 43).

† **Чайковскій, М. И.** 2-го января, на шестьдесятъ пятомъ году жизни скончался въ Москвѣ Модестъ Ильичъ Чайковскій. Покойный былъ младшимъ братомъ Петра Ильича, близнецомъ Анатолія Ильича, бывшаго сенатора, нынѣ также покойнаго. М. И. Чайковскій получилъ образованіе въ училищѣ правовѣдѣнія. Онъ написалъ нѣсколько пьесъ: «Предразсудки», «Симфонія», «Борцы», «День въ Санктъ-Петербургѣ», которыя шли на императорскихъ сценахъ. Перу М. И. принадлежитъ подробная трехтомная біографія брата-композитора. Имъ было собрано очень много интересныхъ неопубликованныхъ писемъ П. И. Чайковского, которыя вошли въ изданную имъ біографію. М. И. Чайковскій былъ прекраснымъ музыкантомъ, и его братъ посвящалъ его въ свои планы. Онъ же написалъ либретто къ операмъ брата «Пиковая Дама» и «Юланта» и либретто оперы Направника «Дубровскій», «Ледяной домъ» Корещенко, «Наль и Дамаанти» Аренскаго. М. И. умеръ отъ рака въ желудкѣ. Послѣ покойнаго остались интересные мемуары. (Некрологъ его: «Вечернее Время», 1916, № 1348).

† **Черемисинъ, П. Н.** Скончавшійся въ ночь на 26 декабря завѣдующій дѣлами съѣзда представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ по дѣламъ международныхъ сообщеній тайн. сов. Петръ Николаевичъ Черемисинъ пользовался въ желѣзнодорожныхъ и музыкальныхъ кругахъ обширной извѣстностью. Происходя изъ стариннаго дворянскаго рода, онъ родился въ Кіевѣ въ 1837 г. По окончаніи курса петроградскаго университета по камеральному отдѣленію юридическаго факультета, П. Н. былъ случайно учителемъ исторіи и географіи въ тифлисскаго гимназіи, затѣмъ служилъ въ первомъ департаментѣ Сената и въ министерствѣ юстиціи, состоялъ долгое время юрисконсультомъ вѣдомства учрежденій императрицы Маріи и, наконецъ, перенесъ свою дѣятельность въ желѣзнодорожное вѣдомство. Въ развитіе желѣзнодорожнаго и пароходнаго дѣла покойный вложилъ много присущей ему инициативы и предприимчивости.

Онъ привлекъ къ участию въ международныхъ перевозкахъ частныя желѣзно-дорожныя и пароходныя общества, стараясь создать непрерывный транзитъ вокругъ свѣта. Въ музыкальной области покойный, будучи даровитымъ пианистомъ-любителемъ, принесъ большую пользу Императорскому русскому музыкальному обществу. Онъ работалъ въ этомъ обществѣ сперва въ качествѣ одного изъ директоровъ, затѣмъ былъ предсѣдателемъ дирекціи и дѣятельно заботился о развитіи общества и его отдѣленій. Онъ вложилъ много труда въ разработку теоріи музыки и гармоніи, оставивъ послѣ себя нѣсколько рукописныхъ томовъ по этому предмету. Въ послѣдніе годы П. Н. хлопоталъ о преобразованіи кievской музыкальной школы въ консерваторію. Императорское музыкальное общество отмѣтило заслуги покойнаго избраніемъ его въ свои почетные члены. Онъ не былъ чуждъ и литературнымъ занятіямъ. Владѣя стихомъ, покойный перевелъ нѣсколько произведеній французскихъ поэтовъ. Изъ его переводовъ поэма «Правда» Приюдона напечатана въ Пушкинскомъ сборникѣ. П. Н. состоялъ также предсѣдателемъ русскаго стенографическаго общества. Въ области стенографіи онъ изобрѣлъ свою систему скорописи. (Некрологъ его: «Новое Время», 1915, № 14297).

† **Эттингеръ, Ѳ. В.** Неожиданно скончавшійся 13-го января Ѳ. В. Эттингеръ принадлежалъ къ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ работниковъ въ области издательства специальной литературы и журналистики. Такая область была передана по наслѣдству Ѳ. В. его покойнымъ отцомъ, тридцать лѣтъ назадъ основавшимъ издательство лекцій, книгъ и руководствъ, предпринявшимъ подъ редакціей профессора М. В. Гиршфельда выпускъ ежемѣсячнаго журнала «Практическая Медицина». Ѳ. В. не только принялъ издательство по наслѣдству, но при немъ оно получило размахъ широкаго предпріятія, правильно и солидно поставленнаго, ежегодно выпускающаго цѣлый рядъ книгъ и журналовъ по медицинѣ, какъ-то: «Врачебная Газета», «Ежемѣсячный Архивъ» и друг. Въ обществѣ книгопродавцевъ и издателей покойный по праву занималъ первое мѣсто, являясь за послѣдніе годы его предсѣдателемъ. Дѣйствительно, инициатива и широкое пониманіе задачъ и нуждъ общества давали ему полное право занимать это мѣсто, тѣмъ болѣе, что личность покойнаго являлась объединяющимъ звеномъ между разнородными элементами, входящими въ составъ общества. (Некрологъ его: «Голось», 1916, № 73).

Корпусъ Santa Maria de Jesu имѣлъ то преимущество, что онъ стоялъ на внѣшнемъ углу четырехугольника. Такимъ образомъ, зданій противъ него не было, а разверзлась пропасть въ три тысячи футовъ глубиной. На дворѣ журчалъ небольшой фонтанъ, а низкая въ этомъ мѣстѣ стѣна представляла удобное сидѣнье для богомольцевъ, которые въ вечерніе часы обмѣнивались здѣсь отрывочными разговорами.

Къ этой-то стѣнѣ и направился маленькій сморщенный человекъ. Усѣвшись на нее, онъ знакомъ пригласилъ садиться и другихъ. Если бъ кто-нибудь всмотрѣлся въ ихъ движенія, то онъ, пожалуй, сразу пришелъ бы къ заключенію, что это четыре богомольца изъ высшихъ классовъ общества, недавно познакомившіеся между собой за общей трапезой.

— Я пріѣхалъ сюда издалека,—началъ маленькій человекъ, говорившій по-французски съ итальянскимъ акцентомъ.—Я уѣхалъ изъ Рима въ то время, когда святая церковь требовала содѣйствія даже самыхъ скромныхъ своихъ слугъ. Надѣюсь, что нашъ добрый Монъ намъ сообщитъ нѣчто важное и цѣнное.

Услышавъ этотъ замаскированный упрекъ, Монъ улыбнулся.

— Я тоже пріѣхалъ сюда изъ... Варшавы,—сказалъ дородный человекъ, тяжело переводя дыханіе, какъ бы для того, чтобы наглядно представить длину своего пути.—Будемъ надѣяться, что на этотъ разъ мы встрѣтимся съ чѣмъ-нибудь осязательнымъ.

Онъ говорилъ весело, какъ французъ. То былъ полякъ—этотъ французъ европейскаго сѣвера.

Монъ закурилъ сигару и слегка махнулъ спичкой въ направлении говорившаго, какъ будто для того, чтобы дать ему понять, что онъ понялъ шутку.

— Съ чѣмъ-нибудь большимъ, чѣмъ простыя обѣщанія,—продолжалъ полякъ.—Да, да, мой другъ. Вѣдь вы еще не взяли Пампелуны, да не слышно что-то, чтобы и этотъ Бильбоа попалъ въ руки карлистовъ. Каждый разъ, какъ мы собираемся вмѣстѣ, вы просите денегъ. Нужно же дать что-нибудь и намъ за наши деньги.

— Я и дамъ вамъ цѣлое королевство,—спокойно отвѣчалъ Монъ.

И онъ наклонилъ голову впередъ, чтобы посмотреть на поляка черезъ свои золотыя очки.

— Не республику ли гдѣ-нибудь на сѣверномъ полюсѣ,—сказалъ полякъ и залился смѣхомъ.—Впрочемъ, проживемъ—увидимъ.

— Вамъ нужны опять деньги, не правда ли?—спросилъ маленький сморщенный человекъ, который, повидимому, былъ ихъ главою, хотя и говорилъ меньше всѣхъ.

— Да,—отвѣчалъ испанецъ.

— Ваша страна обошлась намъ въ этомъ году довольно дорого,—замѣтилъ маленький человекъ, поблескивая своими безцвѣтными

глазами и устремивъ взоръ внизъ, какъ человѣкъ, который занятъ вычисленіями въ умѣ.—Вы вовлекли Францію и Германію въ войну. Вы заставили Францію удалить ея войска изъ Рима и дали Виктору-Эмануилу случай, котораго онъ такъ долго ждалъ. Вы заставили нервничать всю Европу.

— Теперь наступилъ моментъ воспользоваться этой нервною,—сказалъ Монъ.

— Съ вашимъ неуклюжимъ донъ-Карлосомъ?

— Важень не человѣкъ, а дѣло. Не забывайте, что мы невѣжественная нація. А только невѣжественные или полубразованные люди могутъ приносить себя въ жертву во имя какого-нибудь дѣла.

— Жаль, что вы не можете подкупить дон-Карлоса на наши деньги,—вставилъ полякъ.

— Онъ намъ пригодится еще. Надо смотрѣть въ будущее. Многие погибли, благодаря своимъ успѣхамъ, именно потому, что они явились неожиданно. Не забывайте, что для церкви вовсе не нужно, чтобы короли были людьми способными.

— Но что же нужно для Испаніи?—спросилъ маленькій чело-
вѣкъ.

— Этого Испанія сама не знаетъ.

— А этотъ принцъ, котораго вы просили быть королемъ? Развѣ это не спица въ вашей колесницѣ?

— Эта спица скоро совсѣмъ отпадетъ. Всѣ убѣждены, что онъ не протянетъ и десяти лѣтъ. Но онъ можетъ не протянуть и десяти мѣсяцевъ.

— Однако вамъ приходится считаться съ нимъ. Этотъ сынъ Виктора-Эмануила уменъ и способенъ и никогда нельзя сказать, что возникнетъ въ этой головѣ.

— Мы уже сосчитались съ нимъ. Онъ честенъ, и этимъ все сказано. Ни одинъ честный король не согласится царствовать въ этой странѣ при ея новой конституціи. Тутъ нужно Бурбона или женщину.

Быстрый безпѣтный взглядъ скользнулъ по лицу Мона.

— Стало быть, что-нибудь не особенно честное,—вставилъ полякъ.

Никто не обратилъ вниманія на эти слова.

— Когда мы собирались въ послѣдній разъ,—заговорилъ маленький челоуѣкъ:—вы получили большія деньги и дали опредѣленныя обѣщанія, если только память меня не обманываетъ.

Всѣ молчали, прекрасно зная, что память за всю его долгую жизнь еще ни разу не обманывала его.

— Вы тогда говорили, что не будете больше просить денегъ до тѣхъ поръ, пока не представите чего-нибудь осязательнаго, скажемъ, взятія какой-нибудь крѣпости, подкупа какого-нибудь главнаго начальника или занятія области. Не такъ ли?

— Это правда,—отвѣчалъ Монъ.

— Кромѣ того,—продолжалъ ораторъ,—съ цѣлью смягчить жалобы другихъ странъ, въ родѣ, на примѣръ, Польши, на то, что Испанія получила больше, чѣмъ ей причиталось въ общемъ дѣлѣ, вы изложили намъ нѣкоторые проекты самопомощи, привели нѣкоторые доказательства, что Испанія, требуя помощи, готова помочь себѣ, совершивъ нѣкоторое самопожертвованіе.

— Я сказалъ, что я не буду просить такой суммы, которую я не могъ бы возратить вдвойнѣ,—отвѣчалъ Монъ.

Маленькій человѣкъ сидѣлъ нѣсколько минутъ молча и только усиленно моргалъ глазами. Настала та полная тишина, которая бываетъ только на большихъ высотахъ и которая въ Монсерратѣ такъ сильно дѣйствуетъ на нервы, что многіе не могутъ спать.

— Я дамъ вамъ любую сумму, если вы можете ее удвоить,—сказалъ онъ наконецъ.

— Въ такомъ случаѣ я попрошу у васъ три милліона пезетъ.

Всѣ повернулись къ нему и посмотрѣли на него съ удивленіемъ. Толстый человѣкъ тяжело вздохнулъ. Съ тремя милліонами пезетъ въ карманѣ онъ взялся бы создать Польскую республику.

Монъ улыбался.

— За каждый милліонъ, который вы мнѣ обѣщаете въ будущемъ, я дамъ вамъ милліонъ наличными,—продолжалъ маленький человѣкъ.—Когда мы начнемъ?

— Дайте мнѣ срокъ,—отвѣчалъ Монъ, подумавъ.—Ну, скажемъ, мѣсяцевъ черезъ шесть.

Въ это время гулко ударилъ монастырскій колоколь, сзывая на послѣднюю дневную службу.

Маленькій человѣкъ поднялся.

— Идемъ,—сказалъ онъ.—Помолимся прежде, чѣмъ ложиться спать.

VII.

То или другое.

Письмо графа Сарріона было вручено посланцемъ его сыну въ собственныя руки.

Горецъ исполнилъ данное порученіе такъ, какъ ему было сказано. Узнавъ, что Марко предается любимому своему развлеченію—ловить рыбу, онъ, постоявъ нѣсколько минутъ на берегу, осторожно вошелъ въ воду и, подойдя къ Марко, не обращающему ни на что вниманія, тронулъ его за локоть.

Послѣдній отпрыскъ рода Сарріоновъ имѣлъ видъ человѣка выдержаннаго и терпѣливаго. Взглядъ его, какъ у всякаго, кто имѣетъ дѣло съ природой, былъ спокоенъ, движенія медленны, какъ у человѣка, видящаго далеко впереди себя

Посланецъ, передавъ письмо, сталъ къ сторонкѣ, поглядывая, какъ вода бурлила около его шерстяныхъ чулокъ. Несмотря на различіе происхожденія, между этими двумя людьми чувствовалось своего рода братство. Такъ бываетъ, впрочемъ, всегда, когда люди живутъ на открытомъ воздухѣ, на широкой груди матери-природы.

Марко передалъ свою удочку посланцу. Сморщенное, словно каштанъ, отъ жгучаго солнца, лицо послѣдняго освѣтилось радостной улыбкой.

— Вотъ, вотъ,—промолвилъ онъ, указывая на водоворотъ подъ старыми вязами.—Тутъ рыба крупная. Я ее сейчасъ подсѣку.

Онъ осторожно пошелъ назадъ къ берегу, на которомъ блестѣла ярко зеленая, уже разъ скошенная трава, и сѣлъ.

Марко долго читалъ письмо.

«Ты мнѣ нуженъ, и я жду тебя въ Сарагоссѣ», писалъ ему отецъ.

Вотъ и все.

«Марко явится и ему не нужно объяснять причины,—думалъ графъ Сарріонъ.—Къ тому же было бы опасно пускаться въ объясненія».

И онъ былъ правъ.

Рѣка, въ которой Марко съ такимъ удовольствіемъ ловилъ форель, была сѣвернымъ притокомъ Эбро, который въ теченіе цѣлаго вѣка непрестанно окрашивался кровью, и на правительственныхъ картахъ отмѣчалось, что орошаемая имъ мѣстность никогда не платитъ никакихъ налоговъ и не желаетъ знать, какую форму носить королевскія войска.

Торре-Гарда—длинное двухэтажное зданіе, стоявшее въ глубинѣ рѣчной долины на вершинѣ холма, въ теченіе сорока послѣднихъ лѣтъ рѣдко когда стояло пустымъ. Вся долина этой рѣки, прозванной Волкомъ, начиная отъ мрачныхъ Пиренеевъ, стоящихъ словно часовой у ея истока, и до залитыхъ солнцемъ равнинъ Пампелуны, гдѣ Волкъ впадаетъ въ другую рѣку,—вся эта долина находилась въ мирномъ владѣніи Сарріоновъ.

— Мы будемъ сражаться за короля, когда получимъ короля достойнаго того, чтобы за него сражаться,—говорили жители этой долины.—Но за себя мы готовы сражаться, когда угодно.

Ходили слухи, что они въ этомъ случаѣ только повторяли то, что имъ подсказывали Сарріоны. Ни одинъ карлистъ не заглядывалъ сюда.

— Не стоитъ брать приступомъ эту Торре-Гарду, — говорили они.

— А пока вы не возьмете Торре-Гарду, вы не овладѣете и Пампелуной,—отвѣчали мѣстные жители, прекрасно знавшіе, что такое партизанская война.

Такимъ образомъ, долина рѣки Волка все ждала короля, за котораго можно было бы сражаться, а пока что не платила податей, не испытывала никакой потребности въ почтѣ и чувствовала себя прекрасно.

Карлисты водились и здѣсь, на горахъ по обоимъ берегамъ рѣки. На сѣверномъ концѣ долины лежалъ вѣчный снѣгъ, который и питалъ рѣку Волкъ во время лѣтнихъ жаръ. Въ другомъ, нижнемъ концѣ долины, гдѣ дорога была настолько широка, что могли разѣхаться между собой два экипажа, нерѣдко проходили патрули изъ Пампелуны—этого оплота роялизма. Однако правительственныя войска никогда не рисковали подниматься вверхъ по долинѣ, которая походила на мышеловку, гдѣ карлистскій котъ изъ-за каждой скалы могъ отрѣзать имъ обратный путь. Съ своей стороны, и карлисты не рѣшались спускаться внизъ, гдѣ Волкъ, сжатый горами, стремительно катилъ свои волны; ибо въ Пампелунѣ, отстоявшей отсюда всего миль на десять, было сорокъ тысячъ гарнизона.

Такое положеніе дѣла вполне оправдывало предосторожности, съ которыми Саррионъ послалъ письмо сыну.

Пока Марко читалъ письмо, передъ нимъ стояла большая бѣлая собака съ однимъ рыжимъ ухомъ, что-то въ родѣ отдаленной пародіи на пойнтера, и, казалось, ждала, чтобы онъ прочелъ письмо и ей. Собака, какъ будто понимая, что она не пойнтеръ, старалась загладить недостатокъ своего происхожденія необыкновеннымъ любопытствомъ и поспѣшностью, съ какой она исполняла всѣ приказанія. Называлась она Перро и когда-то была подобрана на границѣ, гдѣ собакъ обыкновенно дрессируютъ для контрабандныхъ услугъ.. Марко нашелъ ее умирающею отъ голода, далеко отъ этой долины. Сначала ее пристроили оберегать зданія Торре-Гарды, но впослѣдствіи, благодаря своей необыкновенной понятливости и терпѣнію, она проложила себѣ путь и въ людское общество.

Перро надоѣло смотрѣть на бурлившую воду, и онъ сталъ передъ хозяиномъ, какъ бы ожидая приказаній.

Марко никогда не разговаривалъ съ этой собакой. Онъ былъ свидѣтелемъ, какъ Испанія, благодаря излишней болтливости, подверглась полному униженію, и это зрѣлище разъ навсегда отучило его быть разговорчивымъ.

Онъ рѣдко когда говорилъ безъ надобности. Если ему надо было что-нибудь сказать, онъ говорилъ. Если такой надобности не было, онъ молчалъ. Такое свойство, конечно, очень неудобно для развитія общественныхъ отношеній, и Марко оказался за чертой всякой политической жизни.

Кромѣ того, Марко Саррионъ былъ спокойнымъ человѣкомъ. Немногіе наблюдатели, которые умѣютъ заглядывать вглубь,

знаютъ, конечно, что спокоенъ бываетъ только тотъ, у кого жизненные задачи приведены въ соотвѣтствіе съ ихъ силами и способностями.

Перро, съ инстинктомъ, который такъ хорошо развивается въ школѣ голода, ожидалъ, очевидно, не словъ, а какого-нибудь дѣйствія со стороны своего хозяина. И дѣйствительно, ждать ему пришлось недолго.

Марко всталъ и тихонько пошелъ на холмъ, къ Торре-Гардѣ, которой почти не было видно изъ-за сосенъ, росшихъ на гребнѣ холма. Онъ зналъ, что поѣздъ изъ Пампелуны въ Сарагосу идетъ въ двѣнадцать часовъ ночи. До желѣзнодорожной станціи было всего миль двадцать, что въ Наваррѣ считается совсѣмъ небольшимъ разстояніемъ. Къ ночи должна была взойти луна. Времени до отъѣзда было много.

На другое утро графъ Сарріонъ пилъ свой утренній кофе у открытаго окна, когда Марко вошелъ въ комнату, покрытый еще пылью, налетѣвшей при переѣздѣ черезъ Альканійскую пустыню.

— Я ждалъ тебя,—сказалъ отецъ.—Тебѣ сначала недурно было бы вымыться. Все тебѣ приготовлено въ твоей комнатѣ. Я самъ хлопоталъ надъ этимъ. Когда будешь готовъ, приходи сюда. Мы выпьемъ кофе.

Сарріонъ держался съ сыномъ, какъ съ гостемъ: въ самомъ дѣлѣ, Марко рѣдко заглядывалъ въ Сарагосу. При поразительномъ сходствѣ между ними отецъ былъ немного выше и стройнѣе. Зато на лицѣ Марка отражалось больше силы. Казалось, во всякомъ дѣлѣ на долю сына выпадало исполнять то, что задумывалъ отецъ. Присутствіе отца заставляло вспомнить о дворѣ, присутствіе сына— о лагерѣ.

Графъ Сарріонъ прошелъ и черезъ одно и черезъ другое и вышелъ въ жизнь полудиникомъ-полуфилософомъ.

— Славный солдатъ вышелъ бы изъ тебя,—говорилъ онъ сыну, когда тотъ, закончивъ свое образованіе во Франціи и въ Англіи, пріѣхалъ наконецъ въ Торре-Гарду.—Но для честнаго человѣка теперь нѣтъ мѣста въ испанской арміи. Честность въ Испаніи валяется теперь въ канавѣ.

И Марко послѣдовалъ совѣту своего отца. Позднѣе онъ и самъ убѣдился, что въ это время въ Испаніи не было хода честному человѣку. Мало-по-малу онъ замѣстилъ въ долинѣ Волка своего отца—этого непризнаннаго, но и ничѣмъ не ограниченнаго самодержца. Здѣсь, въ этой долинѣ, всѣ были полны ожиданія. Всѣ добрые испанцы уже сто лѣтъ ждали, пока наконецъ минетъ гнѣвъ Божій.

— Мнѣ нужно многое рассказать тебѣ,—сказалъ графъ, когда Марко вернулся и съ аппетитомъ принялся за кофе.—Я расскажу тебѣ все безъ всякихъ комментариевъ.

Марко кивнулъ головой. Графъ закурилъ сигару и подошелъ къ окну, выходящему на балконъ; откуда была видна улица Св. Григорія.

— Четыре дня тому назадъ,—началь онъ,—почью тайно вернулся въ Сарагосу Франциско де-Модженте. Кажется, онъ направлялся къ своему дому. Но теперь это покрыто навсегда мракомъ неизвѣстности. Никто не зналъ о его возвращеніи, даже Хуанита.

Графъ пристально и долго смотрѣлъ на сына. Отъ него не укрылось, что при упоминаніи этого имени въ глазахъ Марко мелькнула какая-то тѣнь.

— На Франциско напали на улицѣ, вотъ здѣсь, на углу улицы Св. Григорія, и онъ былъ убитъ.

Марко всталъ и тоже подошелъ къ окну. Онъ, очевидно, былъ практиченъ и прежде, чѣмъ вести разговоръ дальше, хотѣлъ лично видѣть мѣсто, гдѣ былъ убитъ Модженте. Перро выбѣжалъ на балконъ и, просунувъ свою плебейскую голову черезъ рѣшетку, тоже принялся смотрѣть внизъ на улицу.

— Хуанита знаетъ объ этомъ?—спросилъ онъ.

— Да. Моя сестра Долоресъ сообщила ей объ этомъ. Бѣдная дѣвушка! Она только жалѣетъ о томъ, что не удалось повидать отца, и не очень горюетъ о происшедшемъ. У нея сердце еще молодо. А молодости несвойственно убиваться отъ горя.

Марко молча сѣлъ опять на свое мѣсто.

— Не нужно забывать,—продолжалъ графъ:—что она вѣдь его никогда не знала. Ея горе пройдетъ. Я видѣлъ изъ окна, какъ напали на Модженте. Съ этой стороны, какъ ты знаешь, нѣтъ выхода на улицу, и я долженъ былъ обходить домъ кругомъ. Помочь ему было немислимо. Я потомъ сошелъ внизъ на улицу, но помощь уже явилась, и раненый былъ унесенъ... какъ ты думаешь, кѣмъ, Марко? Монахомъ. Я видѣлъ, какъ Модженте что-то уронилъ на мостовую. Я спустился на улицу и подобралъ стилетъ, который Хуанита послала отцу въ подарокъ въ Нью-Йоркъ.

— Почему онъ не увѣдомилъ насъ, что онъ возвращается въ Европу?—спросилъ Марко.

— Объ этомъ онъ сказалъ бы намъ самъ въ послѣдствіи. То обстоятельство, что на него напали на улицахъ Сарагоссы и ограбили его ради денегъ, которыя были у него въ карманѣ, само по себѣ слишкомъ просто и обыденно. Но почему къ нему на помощь явился монахъ и унесъ его съ собой въ одинъ изъ тѣхъ принадлежащихъ духовенству домовъ, которые, какъ грибы послѣ дождя, стали появляться по всей Испаніи съ тѣхъ поръ, какъ іезуиты изгнаны изъ Испаніи?

— Онъ оставилъ духовное завѣщаніе?—спросилъ Марко.

Саррионъ обернулся и посмотрѣлъ на него съ усмѣшкой. Бросивъ

свою сигару, онъ сѣлъ около маленькаго столика, за которымъ Марко продолжалъ еще утолять свой аппетитъ.

— Я плохо рассказала, въ чемъ дѣло,—промолвилъ старшій Саррионъ.—Ты сразу угадалъ, въ чемъ дѣло. Модженге составилъ свое духовное завѣщаніе уже на смертномъ одрѣ. Свидѣтелемъ былъ Леонъ Модженге.

— Стало быть, деньги онъ оставилъ...

— Хуанитѣ. Изъ этого можно только заключить, что въ моментъ составленія завѣщанія онъ колебался. Вѣдь онъ любилъ ее и не имѣлъ никакихъ причинъ желать ей зла. Я собралъ уже кое-какія свѣдѣнія, но ихъ далеко недостаточно. Я телеграфировалъ въ Кубу, прося сообщить свѣдѣнія о состояніи Модженге. Вотъ отвѣтъ.

И онъ передалъ Марко телеграмму, въ которой значилось:

«Три милліона пезетъ въ англійскихъ бумагахъ».

— Вотъ жерновъ, который онъ повѣсилъ на шею Хуанитѣ,—сказалъ Саррионъ, складывая телеграмму.

— Дать три милліона пезетъ въ руки дѣвушки, которая находится еще въ монастырской школѣ и вся во власти этихъ «правовѣрныхъ сестеръ», дать въ то самое время, когда дѣло карлистовъ окончательно проваливается и іезуиты знаютъ, что либо Донъ-Карлосъ, либо республика.

Графъ съ жестомъ отчаянія отбросилъ отъ себя телеграмму и продолжалъ:

— Вѣдь это значить связать ее по рукамъ и по ногамъ и навѣки бросить ее въ монастырь. Мы не можемъ оставить ее въ такомъ безпомощномъ состояніи. Не правда ли, Марко?

— Конечно,—тихо промолвилъ тотъ.

— Для этого есть только одно средство. Объ этомъ я думаю дель и ночь. Да, только одно средство, другъ мой.

Марко задумчиво посмотрѣлъ на отца и ждалъ.

— Тебѣ надо жениться на ней.

VIII.

С л ѣ д ѣ .

Саррионъ всталъ съ кресла и опять подошелъ къ окну, не глядя на Марко. Отецъ и сынъ жили между собою, какъ братья, и, какъ братья, привыкли не распространяться слишкомъ много о нѣкоторыхъ вопросахъ.

Однимъ изъ такихъ вопросовъ была Хуанита. Оба чувствовали себя не совсѣмъ ловко, когда приходилось говорить о ней.

Графъ взглянулъ черезъ плечо на сына. Тотъ, не поднимая глазъ, замѣтилъ это движеніе и покачалъ головой.

— Ты качаешь головой?—спросилъ Саррионъ, всѣми силами стараясь казаться веселымъ и беззаботнымъ.—Чего тебѣ еще нужно? Она самая красивая дѣвушка во всей Арагоніи.

— Не въ этомъ дѣло,—отвѣчалъ Марко, густо краснѣя.

— А въ чемъ же?

Марко молчалъ. Чтобы выиграть время, старый графъ закурилъ другую сигару.

— Выслушай меня,—сказалъ онъ наконецъ.—Мы во всемъ и всегда понимали другъ друга, кромѣ вопроса о Хуанитѣ.

Марко положилъ руки на столъ и съ легкой улыбкой взглянулъ на отца.

— Объяснимся насчетъ Хуаниты прежде, чѣмъ говорить о дальнѣйшемъ. Ты воображаешь, что у тебя на душѣ есть что-то такое, чего я не пойму. Я согласенъ, что сердце человѣческое, старѣя, дѣлается не такъ чувствительно и утрачиваетъ тонкость чувствъ. Однако пониманіе такихъ чувствъ въ другомъ, болѣе молодомъ существѣ можетъ и сохраниться. Тебѣ кажется, что слѣдуетъ предоставить Хуанитѣ самой сдѣлать выборъ. Такъ вѣдь, кажется, полагается въ Англіи?

— Да,—отвѣчалъ Марко.

— На это я тебѣ скажу, что монастырское воспитаніе,—а это единственное воспитаніе, доступное дѣвушкамъ въ Испаніи,—дѣлаетъ ее непригодной для такого выбора.

— Дѣло тутъ не въ воспитаніи.

— Конечно, все дѣло случая,—рѣзко возразилъ графъ.—А для дѣвушки, воспитывающейся въ монастырѣ, такого случая никогда не представится. Отецъ или мать, если они люди неглупые, сумѣютъ сдѣлать этотъ выборъ гораздо лучше, чѣмъ дѣвушка, внезапно перенесенная изъ монастыря въ водоворотъ свѣта. Но не въ этомъ дѣло. Хуанита никогда не выйдетъ изъ монастырскихъ стѣнъ, если мы не извлечемъ ее оттуда, даже противъ ея воли.

— Мы имѣемъ право это сдѣлать.

— Никакого права мы не имѣемъ,—возразилъ Саррионъ.—Церковь держитъ ее крѣпко въ своихъ тискахъ и не признаетъ за нами никакихъ правъ.

— Вѣдь Хуанита совсѣмъ еще ребенокъ и не знаетъ, что значить жизнь.

— Именно,—воскликнулъ Саррионъ.—Это-то и даетъ имъ возможность осуществить свои планы съ такою легкостью. Они могутъ постоянно, но незамѣтно оказывать на нее давленіе и въ концѣ концовъ довести ее до мысли, что единственное счастье для нея—стать монахиней. Рѣдкая женщина, да и изъ мужчинъ немногіе, можетъ быть счастлива, если окружающіе постоянно будутъ твердить о томъ, что, живя здѣсь счастливо, тѣмъ самымъ

готовишь себѣ осужденіе въ вѣчной жизни. Намъ нужно взглянуть на это дѣло съ точки зрѣнія самой Хуаниты.

Марко опять взглянулъ на отца съ улыбкой.

— Это не такъ легко,—промолвилъ онъ.—Я это испыталъ.

— Не слѣдуетъ отчаиваться,—многозначительно сказалъ Сарріонъ.—Не забывай, что ея точка зрѣнія можетъ быть совершенно невѣжественная, и ея воззрѣнія находятся подъ сильнымъ постороннимъ вліяніемъ. Взгляни на это дѣло и съ точки зрѣнія свѣтскаго человѣка, подумай хорошенько и скажи мнѣ, будешь ли ты считать себя счастливымъ, если будешь знать, что именно ты позволилъ Хуанитѣ избрать, закрывъ глаза, монастырь.

— О своемъ счастьѣ я не думалъ,—кратко и просто отвѣтилъ Марко.

— А о счастьѣ Хуаниты?

— О счастьѣ Хуаниты, да.

— Въ такомъ случаѣ подумай еще разъ и скажи, неужели ты думаешь, что Хуанита будетъ счастливѣе, если останется въ монастырѣ? Неужели церковь можетъ дать ей большее счастье, чѣмъ ты, ты, который дашь ей возможность вести образъ жизни, предназначенный ей самимъ Господомъ Богомъ?

Марко молчалъ. Сарріонъ и самъ, повидимому, не ожидалъ отъ него отвѣта.

— Разумѣется,—продолжалъ онъ все тѣмъ же беззаботнымъ тономъ:—все это я говорю въ томъ предположеніи, что ты ставишь на первомъ планѣ не свое счастье, а счастье Хуаниты.

— Ты не ошибся.

— И всегда такъ будетъ?—серьезно спросилъ старикъ.

— Всегда.

Наступило молчаніе. Потомъ графъ вошелъ въ комнату и, подойдя къ сыну, положилъ ему руку на его широкія плечи.

— Въ такомъ случаѣ, мой другъ,—заговорилъ онъ, мѣняя шагами комнату и снимая перчатки,—будемъ дѣйствовать. Это тебѣ болѣе по душѣ, чѣмъ разговоры. Пойдемъ сейчасъ къ Леону. Онъ послужитъ для насъ соединительной чертой въ этомъ дѣлѣ. У Хуаниты, кромѣ насъ, нѣтъ никого въ этомъ мірѣ, но, я думаю, этого будетъ достаточно.

Леонъ де-Модженте жилъ на Plaza del Pilar. Его отецъ, къ которому онъ не питалъ особенной привязанности, щедро ссужалъ его деньгами, которыя онъ тратилъ большею частью на церкви и монастыри. Это обстоятельство, въ свою очередь, такъ поднимало настроеніе молодого человѣка, что изъ своей квартиры онъ сдѣлалъ что-то въ родѣ часовни и жилъ въ атмосферѣ эстетическихъ эмоцій, которыя онъ ошибочно принималъ за святые.

Маркизь де-Модженте только что вышелъ изъ дому. Слуга сообщилъ, что онъ направился черезъ площадь, по всей вѣроятности

сти, для того, чтобы помолиться въ соборѣ. По совѣту слуги, оба Сарріона рѣшили подождать его возвращенія. Слуга, смахивавшій на разбойника, предложилъ сходить за его господиномъ.

— Кстати, я и самъ помолюсь,—смирненно промолвилъ онъ.

— А вотъ вамъ кое-что для церковной кружки,—съ улыбкой добавилъ Сарріонъ.

— Клянусь Богомъ,—воскликнулъ онъ, когда они остались вдвоемъ:—тутъ такъ и чувствуется лицемѣріе.

Онъ обвелъ глазами стѣны и поднялъ брови.

— Хотѣлъ бы я знать,—продолжалъ онъ:—что думалъ умирающій Франциско, лежа въ домѣ на улицѣ Св. Григорія? Что онъ хотѣлъ, подписывая свое завѣщаніе. Онъ послалъ за Леономъ. Съ перваго раза видно, какой у него сынокъ—просто напросто мулъ. Франциско, вѣроятно, сообразилъ, что оставить деньги ему значитъ оставить ихъ церкви. А это значитъ, что онѣ будутъ употреблены на дальнѣйшую разруху Испаніи и укрѣпленіе суевѣрій и невѣжества.

Рамонъ де-Сарріонъ былъ одинъ изъ тѣхъ испанцевъ и добрыхъ католиковъ, которые всю вину за паденіе былого величія ихъ страны возлагаютъ на церковь.

— Я убѣжденъ,—продолжалъ старый графъ:—что Франциско смутно догадывался, что онъ палъ жертвою заговора. Всѣ эти развѣтвленія ясно показываютъ, что тутъ дѣйствительно былъ заговоръ. Изъ-за трехъ милліоновъ пезетъ стоитъ похлопотать и о заговорѣ. Для Испаніи въ наше время они имѣютъ большую цѣнность. За сумму, гораздо меньшую, приобрѣтались и губились цѣлыя королевства. Я убѣжденъ, что за нимъ слѣдили еще на Кубѣ и о его возвращеніи знали заранѣе. Можетъ быть, его вызвали сюда какимъ-нибудь подложнымъ письмомъ. Кто знаетъ? Во всякомъ случаѣ, знали, что всѣ деньги онъ завѣщалъ Леону.

— Мы спросимъ у Леона, какія причины заставили его отца передѣлать завѣщаніе,—предложилъ Марко.

— И онъ намъ солжетъ.

— Но это его не спасетъ,—прошепталъ Марко съ своей обычной задумчивой улыбкой.

— Я полагаю,—промолвилъ Сарріонъ послѣ нѣкоторой паузы:—нѣтъ, я увѣренъ, что Франциско въ послѣдній моментъ все состояніе оставилъ Хуанитѣ въ надеждѣ, что, быть можетъ, оно перейдетъ со временемъ къ тебѣ, и мнѣ удастся вырвать ее изъ капкана, въ который она попала. Ты знаешь, вѣдь онъ всегда мечталъ о томъ, чтобы ты женился на его дочери.

На лицѣ Марко мелькнуло какое-то жесткое выраженіе. Онъ молчалъ. Водворилось молчаніе, которое прервалъ своимъ приходомъ Леонъ де-Модженте.

Онъ какъ-то робко посмотрѣлъ на обоихъ гостей. Въ его без-

цвѣтныхъ глазахъ виднѣлось полное отсутствіе мысли, которое обыкновенно бываетъ у людей или черезчуръ поглощенныхъ будущимъ, или не умѣющихъ быстро сообразить настоящее.

— А я хотѣлъ писать вамъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ Сарріону-старшему.—Я сегодня заказалъ заупокойную обѣдню въ соборѣ. Мой отецъ...

— Буду,—коротко отвѣтилъ Сарріонъ.

— А Марко?

— Я тоже буду.

— Нужно сдѣлать все, что можно,—замѣтилъ Леонъ съ покорной улыбкой.

Марко, будучи человѣкомъ дѣла, а не слова, молча взглянулъ на него: для него было очевидно, что нескладный малый выросъ теперь въ нескладнаго человѣка.

Скрестивъ руки и опустивъ глаза, Леонъ усѣлся на кончикѣ стула. То былъ монахъ-диллетантъ и, какъ все диллетанты, старался преувеличивать внѣшнія проявленія своего настроенія.

— Что же,—спросилъ, наконецъ, Марко дѣловымъ тономъ:— намѣрены вы что-нибудь сдѣлать для обнаруженія и наказанія убійцъ вашего отца?

— Я еще не говорилъ объ этомъ.

— Съ кѣмъ?

Леонъ взглянулъ на него съ тревогой. Онъ, видимо, страдалъ оттого, что другъ его дѣтства такъ грубо приступилъ къ этому деликатному вопросу.

— Это секретъ.

Марко обмѣнялся взглядомъ съ отцомъ, который сидѣлъ сзади, подобно тому, какъ сидитъ старый слѣдователь, предоставивъ допросъ своему младшему товарищу.

— Вы извѣстили уже Хуаниту о духовномъ завѣщаніи вашего отца?

— Я думаю, что для Хуаниты оно не представляетъ особаго интереса. Она имѣетъ свои деньги, а я свои. Отецъ, насколько я знаю, могъ завѣщать ей лишь очень немного.

Марко опять переглянулся съ отцомъ и поглядѣлъ на часы. Повидимому, онъ считалъ допросъ оконченнымъ и хотѣлъ какъ можно скорѣе перейти къ дѣлу.

Разговоръ повелъ теперь Сарріонъ. Онъ учтиво, на испанскій манеръ, выразилъ Леону свое сожалѣніе и готовность помочь, чѣмъ можетъ. Ему трудно было скрывать свое презрѣніе къ Леону, который, въ свою очередь, чувствовалъ себя въ большомъ затрудненіи. Кромѣ дѣла, по которому оба Сарріона явились сюда, между ними не было ничего общаго. Да и объ этомъ дѣлѣ имъ трудно было бесѣдовать, такъ какъ Сарріонъ былъ гораздо болѣе огорченъ смертью своего друга, чѣмъ его собственный сынъ.

Гости поднялись съ мѣста и стали прощаться съ Леономъ, обѣщая быть завтра на заупокойной обѣднѣ. Хозяинъ интересовался только одной стороной этого дѣла, которая являлась для него совершенно новой. Не разъ приходилось ему устраивать пышныя церковныя церемоніи. Но заупокойная обѣдня была единственной церемоніей, сулившей еще неизвѣданныя религіозныя переживанія. И Леонъ волновался, какъ волнуется дѣвушка передъ своимъ первымъ баломъ.

Онъ разсѣянно пожалъ руку гостямъ, считая въ умѣ, сколько съ ними будетъ завтра приглашенныхъ. Онъ былъ очень озабоченъ предстоящей церемоніей.

— Видѣль,—сказалъ Сарріонъ сыну, когда они вышли на улицу:—видѣль, что сдѣлалъ изъ него Эвазіо Монъ? Не знаю, расположенъ ли ты теперь уступить ему Хуаниту и ея три милліона пезетъ?

Марко не отвѣчалъ и продолжалъ итти, погрузившись въ свои мысли.

— Я долженъ повидаться съ Хуанитой,—промолвилъ онъ наконецъ, послѣ долгаго молчанія.

По глазамъ Сарріона-отца прошла мягкая улыбка.

— Не забывай,—сказалъ онъ:—что Хуанита еще ребенокъ. И ея умъ сформируется не раньше, какъ года черезъ три.

Марко кивнулъ головой.

— Не забывай, что опасность виситъ надъ головой и что Эвазіо Монъ не изъ тѣхъ людей, которые будутъ медлить, пока у нихъ подъ ногами не вырастетъ трава. Помни, что мы не можемъ заста-влять Хуаниту ждать.

— Я знаю,—коротко отвѣтилъ Марко.

IX.

Д и ч ь.

На слѣдующее утро Сарріонъ отправился въ монастырскую школу правовѣрныхъ сестеръ, но черезъ рѣшетку въ воротахъ ему сказали, что всякое сообщеніе монастыря съ внѣшнимъ міромъ на нѣсколько дней прекращено, какъ это обычно дѣлается въ монастыряхъ.

— Даже я, разговаривая съ вами, должна буду принести за это покаяніе,—произнесъ черезъ ворота мягкій голосъ.

— Въ такомъ случаѣ понесите уже сугубое покаяніе, сестра,—сказалъ Сарріонъ:—но отвѣтите на одинъ вопросъ. Скажите, здѣсь ли сестра Тереза?

— Сестра Тереза въ Пампелунѣ, а мать-настоятельница еще здѣсь въ школѣ.

Какъ человѣкъ свѣтскій, Сарріонъ умѣлъ вести разговоръ. Онъ зналъ, что если одна женщина начнетъ говорить про другую, то и цѣлый конклавъ кардиналовъ не въ силахъ остановить ее. Поэтому онъ подѣхалъ поближе къ воротамъ и оставался тамъ, пока не получилъ кое-какія свѣдѣнія.

Прежде всего онъ узналъ, что его сестра отправлена въ Пампелуну, гдѣ у сестеръ была другая школа, которой покровительствовало небогатое дворянство этого забытаго духовенствомъ города. Кромѣ того, ему дали понять, что по Хуанитѣ де-Моджете приказано творить особыя молитвы, вслѣдствіе того, что при извѣстіи о смерти ея, къ сожалѣнію, еретическаго отца, ею овладѣлъ духъ злобы и мести.

— Какими же средствами ее будутъ смирять?

— Этого ни я и никто не можетъ вамъ сказать. Однако я должна закрыть рѣшетку.

И отверстіе захлопнулось передъ самымъ носомъ Сарріона. Такъ началось предпринятое имъ разслѣдованіе, длившееся безъ результата цѣлую недѣлю. Эвазіо Монъ былъ на богомольѣ, сестра Тереза въ Пампелунѣ. Неумолимыя врата монастырской школы оставались закрытыми для всѣхъ.

Сарріонъ отправился въ Пампелуну. Ему хотѣлось повидаться съ сестрой, но пришлось ѣхать назадъ ни съ чѣмъ. Марко пошелъ по слѣду съ осторожностью, которой его научила сама природа. Онъ не слѣшилъ и не выражалъ ни надежды, ни отчаянія. Но все яснѣе и яснѣе дѣлалось ему, что Хуанитѣ грозитъ дѣйствительная опасность. Въ концѣ концовъ, сдѣлавъ нѣсколько ловкихъ шаговъ, онъ заставилъ своего противника сбросить маску. Препятствія, которыя дѣлали свиданія съ Хуанитой невозможными, едва ли, конечно, могли возникнуть случайно.

Марко долго воевалъ въ Центральныхъ Пиренеяхъ съ волками, медвѣдями и кабанамъ, и это пріучало его не поддаваться удивленію, когда охотникъ замѣчаетъ у звѣря не меньшую, чѣмъ у него, понятливость и хитрость. Такое чувство онъ испытывалъ и теперь. Онъ зналъ, что за нимъ слѣдятъ и что о всякомъ его дѣйствіи извѣстно заранѣе. Въ результатѣ, онъ только сталъ дѣйствовать упорнѣе и хитрѣе. Онъ зналъ, что Хуанита попала въ цѣпкія руки.

Отъ остраго глаза Сарріона не укрылась происшедшая въ Марко перемѣна. Безпомощное положеніе Хуаниты, казалось, вызвало въ немъ непреодолимое желаніе прійти ей на выручку.

Въ концѣ концовъ Марко нашелъ для этого случай. Не говоря ни слова отцу, онъ самъ выработалъ подробный планъ дѣйствій.

— Завтра вечеромъ въ старомъ соборѣ будетъ служба,—заявилъ онъ однажды вечеромъ только что вернувшись послѣ дол-

гихъ и утомительныхъ развѣдокъ:—всѣ дѣвушки монастырской школы будутъ присутствовать на немъ.

— Вотъ что,—промолвилъ Сарріонъ, испытующе поглядывая на сына:—ну, а дальше?

— Моя тетка сестра Тереза, навѣрно, также будетъ тамъ. Сегодня она вернулась въ Сарагоссу. Мать-настоятельница, по произволенію Божію, постигла желудочная болѣзнь. Служба назначена въ семь часовъ. Вокругъ собора пойдетъ архіепископъ и будетъ благословлять народъ. Въ соборѣ довольно темно. Когда двери откроютъ, произойдетъ давка. У меня подъ руками будетъ нѣсколько человѣкъ—на улицѣ, начиная отъ королевской гостиницы, которые, по моему приказанію, еще болѣе увеличатъ смятеніе. Если ты мнѣ поможешь, то мы можемъ отдѣлать Хуаниту отъ другихъ. Я отведу ее домой и постараюсь, чтобы въ школу она попала въ одно время съ другими. Надѣюсь, мы сумѣемъ это устроить.

— Да, несомнѣнно,—отвѣчалъ Сарріонъ.

По обычаю всѣхъ заговорщиковъ, они засидѣлись до поздней ночи, обсуждая планы Марко, такіе же простые и непосредственные, какъ и онъ самъ.

Старый соборъ въ Сарагоссѣ—одинъ изъ самыхъ древнихъ во всей Испаніи. По своей архитектурѣ онъ напоминаетъ мавританскую мечеть, которая когда-то стояла на этомъ самомъ мѣстѣ. Это огромное четырехугольное зданіе, тускло озаряемое окнами, расположенными въ куполообразной крышѣ. Въ соборѣ вели два главныхъ входа, одинъ съ соборной площади, гдѣ находился фонтанъ, около котораго въ знойные дни собирались сарагосскіе философы и сидѣли, ничего не дѣлая, отъ зари до зари. Другой входъ, называвшійся главнымъ, съ характерной для Испаніи непредусмотрительностью былъ устроенъ со стороны узкой улочки, куда никто и не заглядывалъ.

Марко зналъ, что главный порталъ обыкновенно открывался при большихъ церемоніяхъ и для богомольцевъ, которые были полезны для церкви. Остальные, желавшіе только помолиться Богу, должны были входить въ соборъ и выходить изъ него черезъ болѣе доступныя для публики двери со стороны площади. Онъ зналъ также, что монастырскія школы расположатся на главной паперти, которая днемъ служитъ плацъ-парадомъ для официально признанныхъ нищихъ, у которыхъ на шеѣ надѣтъ номеръ и разрѣшеніе на прошеніе милостыни.

Когда Марко съ отцомъ вошли въ эти двери, соборъ былъ уже биткомъ набитъ. Въ концѣ пологой лѣстницы, ведущей отъ паперти внутрь собора, надъ моремъ головъ виднѣлся бѣлый капюшонъ сестры Терезы. Тамъ и сямъ среди черныхъ мантилій мелькали бѣлые капюшоны монахинь и голубые послушницъ. Мѣстами на фонѣ обожженныхъ солнцемъ лицъ бросались въ глаза

сѣдья головы стариковъ. Вся толпа держалась тихо и почтительно. Если кто желалъ стать на колѣни, всѣ давали ему мѣсто. Не было ни давки, ни раздраженія.

Процессія съ архіепископомъ уже вышла изъ лѣваго крыла хоръ и медленно двигалась вокругъ собора. Впереди шель хоръ, пѣвшій въ унисонъ и вызывавшій подъ крышей зданія какое-то нелѣпое, непріятное эхо. За хоромъ слѣдовалъ человѣкъ въ обыкновенномъ штатскомъ одѣяніи, который какъ-то странно подыгрывалъ хору на гобоѣ. Различая при тускломъ свѣтѣ двухъ свѣчей, которыя несли по обѣимъ его сторонамъ, лица своихъ друзей, онъ весело кивалъ имъ головою.

Время отъ времени процессія останавливалась и пѣла пѣснопѣнія. Высоко надъ ихъ головами имъ отвѣчалъ торжественно органъ.

Архіепископъ, впереди котораго несли подъ шелковымъ балдахиномъ Св. Дары, былъ облаченъ въ шелковое красное одѣяніе, шлейфъ котораго несли два мальчика. На рукахъ у него были красныя перчатки.

Когда приближались Св. Дары, народъ становился на колѣни; потомъ поднимался, потомъ опять опускался, когда приближался архіепископъ. Эти человѣческія волны то вздымались, то опускались. Всѣ пристально смотрѣли на тѣхъ, кто представлялъ собою символъ католической религіи. Архіепископъ, проходя, призывалъ на народъ благословеніе Божіе.

Впереди него шель церковный прислужникъ въ длинномъ и дурно расчесанномъ парикѣ изъ льна, надѣтомъ криво и на бокъ. Онъ очищалъ дорогу своимъ жезломъ и ударялъ имъ людей, которые не успѣвали дать архіепископу дорогу.

За ними шель хоръ, равнодушный, беззаботный ко всему, плохо выбритый, съ холодными и жесткими, какъ у инквизиторовъ, лицами.

Все время наверху гудѣлъ большой колоколь. Казалось, вся атмосфера была насыщена его звуками.

Возлѣ большой паперти по обѣимъ сторонамъ архіепископскаго пути стояли рядами семинаристы въ черныхъ длинныхъ одѣяніяхъ съ темно-синими или красными капюшонами, — все унылые молодые люди съ увядшимъ лицомъ и нездоровымъ видомъ. Сзади нихъ расположилась группа монаховъ въ грубыхъ шерстяныхъ одѣяніяхъ коричневаго цвѣта, съ выбритыми головами, на которыхъ оставлялся только вѣнчикъ изъ волосъ. Они казались очень веселыми, смѣялись и шутили между собою, пока проходила процессія.

Сзади нихъ на колѣняхъ стояли воспитанницы монастырской школы. Кругомъ нихъ была цѣлая толпа. Хуанита была на одномъ концѣ ихъ ряда, сестра Тереза на другомъ. Хуанита не огля-

дывалась: она была еще молода и какъ никакъ обрядъ представлялся ей интереснымъ. Она оглянулась назадъ черезъ плечо въ тотъ самый моментъ, когда архіепископъ какъ разъ поравнялся съ нею, и вдругъ вздрогнула: какъ разъ сзади нея стоялъ на колѣняхъ Марко. Сестра Тереза, спустивъ капюшонъ, смотрѣла прямо передъ собой. Трудно было сказать, видѣла ли она Хуаниту и мужчину, который стоялъ на колѣняхъ почти на шлейфѣ ея платья и который былъ не кто иной, какъ ея братъ, старый графъ Сарріонъ.

Процессія медленно двигалась вдоль собора, оставляя за собой давку и тѣсоту. Народъ, впрочемъ, сталъ уже расходиться: было поздно, а многіе пріѣхали издалека.

Главные двери, рѣдко приходившія въ движеніе, распахнулись теперь настезь. Толпа двинулась въ темный соборъ. Хуанита оказалась около самыхъ дверей. Она посмотрѣла кругомъ, и сестра Тереза кивнула ей головой въ знакъ того, что она можетъ открыть шествіе. Въ этотъ моментъ Марко очутился рядомъ съ ней. Около него какъ бы случайно толпилось нѣсколько человѣкъ въ балахонахъ. Марко оглянулся назадъ и сдѣлалъ въ сторону отца едва замѣтное движеніе головой.

Вдругъ Хуанита почувствовала, что кто-то толкнулъ ее сзади, и въ то же время передъ ней страннымъ образомъ открылся совершенно свободный проходъ. Она бросилась было впередъ, но, оглянувшись со ступеней паперти, увидѣла, что она оттерта отъ своихъ товарокъ по школѣ. Между нею и ими стояли какіе-то люди. Она хотѣла было сойти внизъ, но Марко уже схватилъ ее за руку.

— Иди за мной,—промолвилъ онъ:—мнѣ нужно поговорить съ тобой. Не безпокойся. Возлѣ сестры Терезы—мой отецъ.

— Какъ смѣшно!—прошептала она:—торопись.

Черезъ минуту они уже бѣжали по узкой улочкѣ, гдѣ на углу свѣшивался на кронштейнѣ единственный фонарь, мигавшій на сарагосскомъ вѣтрѣ.

Первой остановилась Хуанита.

— О, Марко, я забыла!—вскричала она:—намъ нельзя итти. Мы попадемся навстрѣчу omnibusу, который всегда пріѣзжаетъ за нами къ службамъ.

— Сегодня онъ не пріѣдетъ,—отвѣчалъ Марко:—кучеръ уже здѣсь и хочетъ предупредить сестру Терезу, что одна изъ его лошадей охромѣла сегодня и omnibusъ не пріѣдетъ.

— Для чего ты это сдѣлалъ?—спросила Хуанита, поглядывая на него своими блестящими глазами изъ-подъ развѣвавшейся по вѣтру мантильи.

— Потому что мнѣ нужно поговорить съ тобой. Мы можемъ пойти прямо къ школѣ. У насъ все предусмотрено.

— И мы можемъ итти по улицамъ и заходить въ магазины.

— Конечно. Надо только закутаться хорошенько въ мантилью.

«истор. вѣстн.», февраль 1916 г., т. схиш.

— Марко, у меня нѣтъ денегъ. Одолжи мнѣ.

— Изволь. Что ты хочешь купить?

— О, шоколада. Сколько у тебя денегъ?

И при тускломъ свѣтѣ уличнаго фонаря она протянула руку.

— Я куплю тебѣ шоколада сколько хочешь,—сказалъ Марко.

— Это очень мило съ твоей стороны. Я рада видѣть опять твое серьезное лицо. Я сижу безъ денегъ. Не понимаю, гдѣ застряли до сего времени мои карманные деньги.

Она весело засмѣялась, но, обернувшись къ нему, вдругъ перемѣнила тонъ.

— Я такъ несчастна, Марко. Мнѣ не съ кѣмъ поговорить. Вѣдь папа умеръ. Знаешь?

— Знаю,—отвѣчала онъ.

— Три дня тому назадъ,—продолжала она:—я думала, что я умру. А потомъ мнѣ стало лучше. И боюсь, что не отъ молитвы, Марко. Конечно, я никогда не видала его. Другое дѣло, если бы это случилось съ моимъ дорогимъ дядей Рамономъ или съ тобой.

— Благодарю,—промолвилъ Марко.

— Но я только получала отъ него письма и такія политичныя. Я побранилась съ Леономъ за то, что онъ такая тряпка и ничего не дѣлаетъ, чтобы разузнать, кто убилъ папу, и, въ свою очередь, поразить убійцу. Мнѣ такъ досадно, что я не мужчина. Вотъ лавка, Марко, а вотъ и шоколадъ на листахъ бѣлой бумаги. Купимъ цѣлый листъ. Я заплачу при слѣдующей получкѣ.

Они вошли въ лавку, и Марко закупилъ столько шоколаду, сколько только можно было спрятать подъ мантилей.

— Я принесу тебѣ еще больше,—сказалъ Марко:—если только ты скажешь, какъ мнѣ къ тебѣ пробраться.

Она увѣрила его, что это вовсе не такъ трудно, и посвятила его въ тайну, извѣстную очень немногимъ: въ монастырской стѣнѣ было отверстіе, достаточно широкое, чтобы просунуть въ него руку. Дыра эта находилась за прудомъ въ глубинѣ сада возлѣ старинныхъ, никогда не отворявшихся воротъ.

— Во вторникъ, между семью и восьмью часами жди меня,—сказала она:—я подойду къ отверстію и просуну въ него руку. Но какъ же узнать, что тамъ будешь ты?

— Я поцѣлую тебѣ руку,—отвѣчалъ Марко.

— Хорошо,—медленно промолвила она:—вотъ забавная штука!

Они уже подошли къ воротамъ монастырской школы и остановились за толстыми деревьями, выжидая, пока не подойдетъ вся школа. Вскорѣ послышалось обычное жужжаніе приближавшихся питомцевъ школы, похожее на шумъ ручья вокругъ надонныхъ камней.

Хуанита незамѣтно присоединилась къ подругамъ. Сестра Тереза, глядѣвшая попрежнему лишь впереди себя, казалось, не замѣчала ничего.

X.

С в и д а н і е .

Въ монастырской школѣ на Торрерскомъ холмѣ посѣтителей принимали по вторникамъ. Льгота этого дня простиралась и на вечеръ, когда воспитанницамъ разрѣшалось гулять цѣлый часъ по саду и бесѣдовать между собой. Не нужно забывать, что въ монастыряхъ всякіе разговоры считаются послабленіемъ плоти и разрѣшаются лишь въ извѣстное время.

— Эти прогулки весьма полезны,—замѣтила однажды настоятельница Эвазіо Мону, который состоялъ однимъ изъ свѣтскихъ директоровъ школы. — Легче слѣдить, съ кѣмъ у кого завязывается дружба.

Но мать-настоятельница, подобно многимъ черезчуръ хитрымъ особамъ, сильно ошибалась. Дружба между школьными подружками—это трость, колеблемая вѣтромъ, и изъ всего посѣва дадутъ ростки два-три зерна, да и то гдѣ-нибудь на укромной почвѣ.

Однажды Хуанита гуляла съ одной изъ подругъ по саду, съ нетерпѣніемъ дожидаясь, когда на колокольнѣ церкви св. Фернанда пробьютъ семь часовъ. Хуанита уже посвятила свою подругу въ тайну шоколада, который долженъ явиться черезъ отверстие въ стѣнѣ.

Садъ при школѣ былъ довольно большой и тянулся внизъ по склону холма. Въ немъ было много фруктовыхъ деревьевъ и кипарисовъ. Въ самомъ дальнемъ концѣ его, гдѣ находилось отверстие въ стѣнѣ, росла небольшая орѣховая рощица, въ которой неумолчно пѣли соловьи.

— Теперь уже около семи, пойдемъ потихоньку вотъ къ тѣмъ деревьямъ,—сказала Хуанита.

Обѣ оглядывались съ любопытствомъ. Въ саду были только двѣ монахини, важно прогуливавшіяся рядомъ и время отъ времени любовно поглядывавшія за своими веселыми питомцами. Хуанитѣ и ея подругѣ, какъ старшимъ, были предоставлены нѣкоторыя привилегіи, и онѣ могли гулять отдѣльно. Къ тому же у нихъ не было наслѣдниковъ, а это обстоятельство заставляеть относиться къ людямъ иначе даже въ монастырѣ, двери котораго, казалось, должны запираются для всякихъ житейскихъ дѣлъ.

Хуанита поручила своей подругѣ стоять на стражѣ, а сама быстро побѣжала между деревьями. Отыскавъ отверстие, она засунула рукавъ и просунула въ него руку. Эта рука, шаловливо перебирая пальцами, выставилась изъ цвѣтовъ и зелени какъ разъ около серьезнаго лица Марко. Онъ исполнилъ то, о чемъ они условились. Съ веселымъ смѣхомъ Хуанита быстро отдернула руку.

— Марко,—сказала она:—свертки не должны быть велики, иначе они не пройдутъ въ отверстие.

— Я нарочно велѣлъ сдѣлать ихъ маленькими.

Но она, казалось, уже забыла о шоколадѣ: ея рука не появлялась.

— Я хочу поглядѣть черезъ это отверстіе,—послышался ея голосъ:—я вижу что-то черное. А, теперь понимаю. Это твоя лошадь. Ты вѣдь верхомъ. Это арабская лошадь? Пожалуйста, подведи ее поближе къ стѣнѣ, чтобы я могла ее погладить.

И ея рука опять выставилась изъ цвѣтовъ и гладила по воздуху.

— Желала бы я знать, узнаетъ ли она мою руку? О, Марко, неужели никто не возьметъ меня отсюда? Я терпѣть не могу этого мѣста. Къ тому же я и боюсь. Мнѣ отчего-то страшно, Марко, и я сама не знаю, отчего. Все было хорошо, пока папа былъ живъ. Я чувствовала, что въ одинъ прекрасный день онъ пріѣдетъ и возьметъ меня къ себѣ, и все это пройдетъ.

— Что «все это»?—спросилъ Марко изъ-за стѣны.

— О, я не знаю. Это какой-то гнетъ, какая-то тайна, которую я не могу опредѣлить. Я не трусиха,—ты это знаешь, но временами мнѣ дѣлается страшно, и я чувствую себя одинокой на свѣтѣ. Есть еще, конечно, Леонъ. Но вѣдь ты знаешь, что онъ такое.

— Да, знаю.

— Какъ ты думаешь, Марко, можно ли остаться въ міру и спастись.

— Конечно.

— А какъ объ этомъ думаетъ дядя Рамонъ?

— Такъ же.

— Какія хлопоты съ этой душой! По крайней мѣрѣ, съ моей. Мнѣ не позволяютъ говорить ни о чемъ другомъ.

— Почему же?—спросилъ Марко.

Онъ всегда терпѣливо искалъ случая помочь и любилъ говорить о дѣлахъ, въ которыя онъ могъ немедленно вмѣшаться.

— Вѣроятно, потому, что я порочнѣе другихъ. Всѣ утверждаютъ, что я только тогда могу спасти свою душу, когда сдѣлаюсь монахиней.

— А тебѣ это не хочется?

— Мнѣ этого никогда не хотѣлось. Жизнь, которую ведутъ монахини, кажется мнѣ безмятежной, а все-таки нельзя отогнать отъ себя мірскихъ призраковъ. Когда я выхожу отсюда, какъ, напримѣръ, было въ прошлое воскресенье, и вижу магазины, дядю Рамона, тебя, тогда монастырь мнѣ становится противенъ. Вотъ теперь я глажу нѣжную морду твоей арабской лошади и чувствую, что я не могу быть монахиней. Я чувствую, что я должна быть въ міру, должна завести себѣ лошадей и собакъ, летать по горамъ, а все остальное предоставить милосердію Божію.

Марко не отвѣчалъ. Опять въ отверстіи показалась рука.

— Гдѣ ты?—спросилъ голосъ Хуаниты:—отчего ты не отвѣчаешь?

Марко взялъ ее за руку.

— Ты все раздумываешь,—смѣясь, сказала она:—я знаю. Я видѣла, какъ ты раздумываешь,—тамъ, на берегу Волка, когда форель не хотѣла подниматься изъ воды и ты соображалъ, какъ лучше ее вытащить. О чемъ ты думаешь?

— О тебѣ.

— Ого!—засмѣялась она:—не слѣдуетъ относиться къ моимъ словамъ такъ серьезно. Всѣ, знаешь, со мной очень любезны, и я чувствую себя здѣсь хорошо. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется. Гдѣ же шоколадъ? Пожалуй, ты съѣлъ его самъ по дорогѣ,—ты и твоя лошадь. Я всегда говорила, что вы одинъ другого стоите, не правда ли?

Въ отвѣтъ онъ вложилъ ей въ руку небольшой пакетъ, перевязанный ленточкой.

— Спасибо. Ты очень добръ, Марко. Ты не говоришь, а дѣлаешь. Что лучше?

— Я возьму тебя отсюда, если ты хочешь,—сказалъ Марко.

— Какимъ же образомъ?

И въ ея голосъ послышалось что-то звенящее.

— Неужели это дѣйствительно возможно? Скажи, какимъ же образомъ?

— Нѣтъ, этого я тебѣ не скажу, по крайней мѣрѣ теперь. Но я могу это сдѣлать, если тебѣ грозитъ превращеніе въ монахиню помимо твоей воли.

— Какимъ же образомъ?—уже серьезно спросила она.

— Этого я тебѣ не скажу, пока не наступитъ время. Это секретъ, а ты, пожалуй, и выдашь его на исповѣди.

— Да, пожалуй,—согласилась Хуанита:—пожалуй, ты правъ. Но ты придешь опять въ слѣдующій вторникъ?

— Да, непременно.

— Вотъ кстати. Чуть было не забыла. Я написала тебѣ письмо, на случай если бы намъ не удалось поговорить. Гдѣ оно у меня? Вотъ, въ карманѣ. Хочешь, я тебѣ его дамъ.

— Давай, давай.

Марко попробовалъ просунуть свою руку въ отверстіе, но это ему не удалось.

— Ага,—разсмѣялась Хуанита:—я въ лучшемъ положеніи, чѣмъ ты.

Марко тихо улыбнулся.

— Уѣзжай! Уѣзжай скорѣе!—вдругъ испуганно зашептала Хуанита:—Милагросъ зоветъ меня. Кто-то идетъ. Да, это сестра Тереза. И еще кто-то съ ней. Синьоръ Монъ. Это страшный чело-вѣкъ. Онъ видитъ все... Марко, уѣзжай.

Марко не сталъ ждать. Письмо было уже въ его рукахъ. Онъ галопомъ взлетѣлъ на холмъ и пустилъ лошадь прямо въ каналъ. Поднялся цѣлый фонтанъ брызгъ, и лошадь быстро выбралась на противоположный берегъ.

Вхвать какимъ-либо другимъ путемъ значило подвергать себя опасности быть замѣченнымъ изъ сада. А вѣдь въ этомъ саду былъ Эвазіо Монъ!

И сестра Тереза и Монъ видѣли, какъ Хуанита вышла изъ-за деревьевъ и присоединилась къ своей подругѣ, но, повидимому, не обратили на это вниманія.

— Кстати,—сказалъ Монъ:—мы дошли до самаго конца сада. Нельзя ли мнѣ сократить свой путь и выйти черезъ калитку, которая находится въ концѣ сада.

— Черезъ эту калитку никто не ходитъ,—отвѣчала сестра Тереза:—да и врядь ли желательно къ ночи идти этимъ путемъ.

— О, меня никто не тронетъ. Я человекъ бѣдный, —съ любезной улыбкой возразилъ Монъ:—ключъ отъ калитки съ вами?

Сестра Тереза посмотрѣла на связку ключей, висѣвшихъ у нея на поясѣ.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ. Я сейчасъ пошлю за нимъ.

И она подозвала жестомъ одну изъ монахинь, которая, казалось, смотрѣла совѣмъ въ другую сторону и тѣмъ не менѣе сразу замѣтила жестъ начальницы.

Когда принесли ключъ, Монъ съ улыбкой смотрѣлъ черезъ высокую стѣну сада, рыская глазами за узкой тропинкой, которая вилась среди выжженныхъ полей прямо къ рѣкѣ.

— Было бы, пожалуй, благоразумнѣе имѣть этотъ ключъ при себѣ, на случай надобности,—мягко замѣтилъ онъ.

— Я такъ и буду дѣлать на будущее время,—виновато отвѣчала сестра Тереза. Первая добродѣтель монахини—повиноваться, и нѣтъ такого женскаго монастыря, который не находился бы подъ прямымъ и безусловнымъ контролемъ мужчины, будь онъ простой священникъ, или, въ исключительномъ случаѣ, самъ папа.

Черезъ нѣсколько минутъ въ рукахъ сестры Терезы очутилась вторая связка ключей. Она стала внимательно ихъ разсматривать.

— Не знаю ужъ, который изъ нихъ отъ калитки,—сказала она, перебирая ключи:—вѣдь онъ употребляется очень рѣдко.

Монъ бросилъ на нее острый взглядъ. Однако губы продолжали улыбаться попрежнему.

— Позвольте ихъ мнѣ,—сказалъ онъ:—это ключи отъ буфетовъ, а не отъ калитки. Среди этихъ ключей только два дверныхъ.

Онъ взялъ ключи и пошелъ впередъ прямо къ калиткѣ, которая была скрыта за орѣховымъ кустарникомъ. Пока онъ проходилъ подъ ихъ вѣтками, со всѣхъ сторонъ громко заливались соловьи.

Хуанита, спѣшившая домой по другой дорожкѣ, вдругъ осталась и стала съ безпокойствомъ оглядываться назадъ.

— Вотъ этотъ, кажется,—мягко сказалъ Монъ, осматривая ключи.

Онъ не ошибся. Отворивъ калитку, онъ вышелъ за ограду и быстро захлопнулъ калитку, едва простившись съ сестрой Терезой.

— Идите съ Богомъ, сестра моя,—промолвилъ онъ, церемонно снявъ шляпу.

Онъ ждалъ, пока сестра Тереза не заперла калитку. Потомъ онъ принялся изслѣдовать почву на узенькой полоскѣ земли, которая прилегаетъ къ монастырской стѣнѣ. Но на выжженной, высушенной поверхности земли легкая нога арабскаго скакуна не оставила никакихъ слѣдовъ. Монъ осмотрѣлъ стѣну, но не замѣтилъ отверстія въ стѣнѣ: дикій шиповникъ закрывалъ его, какъ занавѣской.

Между тѣмъ Марко объѣхалъ вокругъ вершины холма и, повернувъ направо, выѣхалъ на большую дорогу со стороны Казы Бьянки и вернулся въ Сарагосу широкой аллеей, извѣстной подъ названіемъ Monte Torrero.

Онъ направлялъ своего коня прямо подъ фонарь, подвѣшенный къ деревьямъ, которыя стояли противъ городскихъ воротъ Puerta de Santa Engracia. Тутъ онъ развернулъ письмо, которое ему передала Хуанита. Оно было написано карандашомъ на клочкѣ бумаги, вырванномъ изъ тетради:

«Дорогой Марко,—писала Хуанита:—сердечно благодарю за шоколадъ. Въ слѣдующій разъ привези, пожалуйста, и миндалю. Милагрось очень его любитъ. А я очень люблю Милагрось. Благодарная Хуанита».

Въ словахъ было нѣсколько ошибокъ.

XI.

Королевскія приключенія.

Въѣхавъ въ городъ, Марко увидѣлъ, что, несмотря на позднее время, на улицахъ толпятся кучки встревоженныхъ людей. Нервы цивилизаціи были въ большомъ напряженіи въ это время. Паль Седанъ. Парижъ былъ почти уже въ осадѣ. Всѣ, говорившіе по-французски, думали, что не за горами уже и конецъ міра.

Папа лишился своей свѣтской власти. Основы міра, казалось, заколебались подъ тяжелыми шагами исторіи, неумолимо шедшей впередъ.

Никто не зналъ, что будетъ съ Испаніей. Казалось, этой странѣ, наслѣдовавшей древнюю славу, предстояло упасть на са-

мое дно пропасти. На Кубѣ бушевало яростное возстаніе. Погибли бесполезно тысячи жизней. Гордость націи, самой гордой послѣ Рима, была унижена вмѣшательствомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Королевство безъ короля, Испанія предлагала свою корону по всей Европѣ. На тронъ, какъ и на болѣе мелкій постъ, всегда, конечно, можно найти человѣка, у котораго не будетъ ни таланта, ни даровитости. Но выдающіеся люди всегда оказываются уже занятыми. Имъ нечего дожидаться событій, чтобы выплыть наружу.

Объ Испаніи говорили при каждомъ европейскомъ дворѣ. Она вовлекла два народа въ величайшую войну. Леопольдъ Гогенцоллернъ получилъ бы испанскую корону, не вмѣшайся въ дѣло Франція. Такимъ образомъ, Испанія второй разъ въ своей исторіи приводила французскую монархію на край гибели.

Родственникъ англійской королевы Фердинандъ Португальскій, изъ Кобургской семьи, отклонилъ предложеніе испанцевъ. Испанія не могла ждать. Хотя Примъ, черезъ руки котораго шли всѣ дѣла, былъ твердымъ человѣкомъ, но ждать дольше было невозможно. Испаніи необходимъ былъ король, регентство становилось все́мъ въ тягость. Въ государственныхъ кассахъ не было золота. Законодательныя палаты превратились въ простыя говорильни. Здѣсь царствовало краснорѣчіе, но краснорѣчіе никогда вѣдь не создавало государствъ.

Съ полдюжины партій изливались въ горячихъ рѣчахъ. Но Испанія, не имѣя дешевыхъ газетъ, была глуха къ этимъ рѣчамъ. Ей говорили, что самымъ краснорѣчивымъ ораторомъ былъ Кастиляръ, и она взирала на Кастиляра—маленькаго толстаго человѣка съ огромными усами и низкимъ лбомъ—и твердила со вздохомъ: «Пусть намъ дадутъ короля!»

Примъ былъ лучше, это былъ человѣкъ на всѣ руки, не умѣвшій нанизывать краснорѣчивыя слова. Родомъ онъ былъ изъ Каталоніи, гдѣ люди обладаютъ твердымъ характеромъ и яснымъ умомъ. Онъ зналъ себя и также твердилъ: «Пусть намъ дадутъ короля!»

Одни кричали о донъ-Карлосѣ, другіе объ Эспартеро. Каталонія заявляла, что она не можетъ ужиться съ Андалузійей. Арагонія предлагала собственнаго короля и собиралась перевѣшать Валенсію. Въ Наваррѣ всѣ были за донъ-Карлоса.

Когда Марко ѣхалъ по улицамъ Сарагоссы, тамъ открыто кричали, что годится только республика.

Онъ поѣхалъ прямо къ себѣ, въ свой мрачный дворецъ между соборомъ и рѣкой Эбро. Отца не было дома. Въ коротенькой запискѣ онъ извѣщалъ сына, что ѣдетъ въ Мадридъ, гдѣ экстренно созывается совѣтъ нотаблей, и что Марко долженъ немедленно ѣхать въ Торре-Гарду, гдѣ карлисты готовы поднять оружіе за своего короля.

Въ ту же ночь Марко вернулся въ Пампелуну, а на другой день уже ѣхалъ въ Торре-Гарду по большой дорогѣ, вившейся вдоль берега Волка. Въ своихъ владѣнiяхъ онъ скоро далъ почувствовать свою желѣзную руку, и народъ, не желавшій платить никакихъ податей ни королю, ни регенту, оставался спокойнымъ въ то время, когда по всей Испанiи царилъ анархiя.

Прошла недѣля. Мирная долина волновалась слухами, доходившими изъ Мадрида. По всей странѣ появились толпы недовольныхъ, которые называли себя карлистами и поднимали свой голосъ въ пользу донъ-Карлоса. Встрѣтить солдата, который носилъ бы свою фуражку, какъ слѣдуетъ, было въ это время большой рѣдкостью для сѣверныхъ городовъ Испанiи. Армiя уже не знала своего хозяина, и испанскiе солдаты выражали это наивно и просто, нося фуражку задомъ напередъ.

Марко не имѣлъ никакихъ извѣстiй отъ отца изъ Мадрида, но подозрѣвалъ, что крикуны продолжаютъ еще сохранять за собой власть. Почтовое дѣло въ Испанiи въ то время продолжало находиться въ томъ же состоянiи, въ какомъ оно было въ среднiе вѣка. Почтовые чиновники и теперь во многихъ городахъ производятъ свои операцiи всего два часа въ день. А во времена франко-прусской войны для сѣверныхъ провинцiй, гдѣ происходило броженiе, почты, можно сказать, совсѣмъ не было.

Въ одинъ прекрасный день, спустя недѣлю послѣ своего приѣзда, Марко всталъ въ три часа утра и до захода солнца проскакалъ шестьдесятъ миль. Ему хотѣлось сдержать данное Хуанитѣ слово. Онъ не довѣрялъ желѣзной дорогѣ, которая въ самомъ дѣлѣ могла быть каждую минуту отрѣзана карлистами или роялистами. Онъ предпочиталъ ѣхать по большой дорогѣ, гдѣ ему встрѣтилось нѣсколько прiятелей изъ Наварры и два-три изъ долины рѣки Волка. По дорогѣ ему пришлось слышать множество всякихъ слуховъ и сплетенъ. Казалось, маршалъ Примъ былъ душой всего движенiя.

Ровно въ семь часовъ Марко уже былъ на своемъ посту передъ монастырской стѣной. Ему пришлось ждать довольно долго, и онъ слышалъ, какъ часы на колокольнѣ св. Фернандо пробили восемь. Въ этихъ южныхъ широтахъ вечера что зимою, что лѣтомъ одинаковы. Въ восемь часовъ стало уже совершенно темно, и Марко поѣхалъ дальше.

Какъ человѣкъ дѣла, онъ не очень поддавался своимъ чувствамъ.

«Конечно, Хуанита пришла бы, если бъ могла,—разсуждалъ онъ.—Но почему же она не могла сдержать своего обѣщанiя?»

Подѣхавъ къ главнымъ воротамъ, онъ спросилъ, не можетъ ли онъ видѣть сестру Терезу, или Долоресъ Саррионъ, какъ она называлась раньше.

Въ это время монастыри были запрещены закономъ. Къ тому же его тетка жила и не въ монастырѣ.

— Сестры Терезы здѣсь нѣтъ,—отвѣчалъ чей-то голосъ черезъ рѣшетку въ воротахъ.

— Гдѣ же она?

Отвѣта не послѣдовало.

— Уѣхала въ Пампелуну?

Глазокъ въ двери тихо закрылся.

Спокойно улыбувшись, Марко повернулъ коня. Его лицо попрежнему было твердо и рѣшительно. Несмотря на то, что съ утра онъ проскакалъ болѣе шестидесяти верстъ, онъ держался въ сѣдлѣ прямо.

Не трудно было понять, что Хуаниту отправили въ Пампелуну, куда, очевидно, приказано было ее сопровождать сестрѣ Терезѣ. Въ Пампелунѣ еще уважали религію, и монахъ могъ еще гордо нести свою бритую голову по обвѣваемымъ вѣтрамъ улицамъ.

Всѣ знали, что Пампелунѣ ежедневно грозила атака карлистовъ, у которыхъ въ городѣ было немало друзей. Но, конечно, бомбардировать его они не хотѣли, и Хуанита была здѣсь въ такой же безопасности, какъ и во всякомъ другомъ городѣ. Поэтому Марко вернулся къ себѣ въ Торре-Гарду и снова взялъ въ руки всю долину. Жатву уже собрали, и голода въ предстоящую зиму ожидать было нельзя.

Выпалъ уже первый снѣгъ, а о Хуанитѣ не было ни слуху, ни духу. Марко, впрочемъ, зналъ, что она вмѣстѣ съ сестрой Терезой проживаетъ въ Пампелунѣ, въ большомъ желтомъ домѣ въ улицѣ Dormitatoria почти противъ дверей собора, гдѣ безпрестанно и безшумно спуютъ монахини и послушницы. Опустивъ глаза и бормоча молитвы, онъ спѣшаетъ въ соборъ, а оттуда опять къ своимъ дѣламъ.

Въ ноябрѣ Марко получилъ письмо отъ своего отца изъ Мадрида. Онъ писалъ, что Приму удалось возстановить порядокъ. Есть также надежды уладить и политическія разногласія. Король наконецъ найденъ, и, если онъ согласится принять корону, въ Испаніи все пойдетъ хорошо.

Черезъ недѣлю пришло извѣстіе, что королемъ Испаніи провозглашенъ Амедей Савойскій, младшій сынъ храбраго Виктора-Эмануила.

Герцогъ Аостскій Амедей былъ не изъ числа людей второго сорта. Онъ отличался храбростью, честностью и былъ настоящимъ джентльменомъ—все качества, которыми не блисталъ испанскій тронъ, пока на немъ сидѣли Бурбоны.

Саррионъ звалъ сына въ Мадридъ присутствовать при встрѣчѣ короля. Умные люди всѣхъ партій понимали, что это лучшее

разрѣшеніе тѣхъ затрудненій, среди которыхъ очутилась Испанія, благодаря Бурбонамъ и придворнымъ шептунамъ. Однако страна была въ общемъ настроена мрачно и равнодушно.

— Намъ нуженъ во всякомъ случаѣ испанецъ,—заявляли тѣ, кто еще недавно кричалъ: «Долой свободу!»

— Дайте намъ денегъ, а мы дадимъ вамъ дона-Карлоса,—шопотомъ говорили тѣ, кто агитировалъ въ пользу этого претендента.

Марко пріѣхалъ въ Мадридъ къ вечеру. Станція, какъ и поѣздъ, была биткомъ набита народомъ. Всѣ, кому только было можно, пріѣхали ко встрѣчѣ короля.

Марко былъ очень удивленъ, увидѣвъ на платформѣ своего отца среди тѣхъ, кто дожидался поѣзда съ сѣвера.

— Идемъ,—сказалъ Сарріонъ,—выйдемъ черезъ боковой выходъ. У меня здѣсь карета. По улицамъ пройти нельзя. Никто не знаетъ, что дѣлается. У Испаніи опять нѣтъ главы. Прошлую ночью его убили.

— Кого?

— Прима. Его застрѣлили, когда онъ ѣхалъ въ каретѣ, словно собаку въ конурѣ. Ихъ было пять человекъ, съ ружьями. Теперь ужъ нельзя гордиться тѣмъ, что ты испанецъ.

Марко, не отвѣчая, пробирался за отцомъ черезъ толпу.

— Онъ былъ каталонцемъ-до самаго конца,—началъ Сарріонъ, когда они сѣли въ карету.—Несмотря на смертельную рану, онъ самъ поднялся къ себѣ, не желая пугать жену. Это былъ одинъ изъ лучшихъ у насъ людей.

— А какъ насчетъ короля?

— Король долженъ высадиться сегодня въ Картагенѣ вмѣстѣ съ своей женой. Но безъ Прима онъ едва ли можетъ удержаться. Все-таки онъ хочетъ попробовать. Намъ нужно сдѣлать все, что можно.

Карета осторожно двигалась по Puerta del Sol, которую, на памяти Сарріона, не разъ приходилось очищать картечью. Да и теперь, казалось, одна артиллерія можетъ возстановить здѣсь порядокъ.

— Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ донъ-Карлосъ!—кричалъ какой-то бродяга и махнулъ шляпой, чуть не задѣвая улыбающееся лицо Сарріона.

— Не понимаю,—сказалъ онъ Марко, когда они отъѣхали отъ этого мѣста:—почему это Господь Богъ такъ покровительствуетъ Бурбонамъ?

— А я не понимаю, почему Бурбоны не пользуются этимъ,—отвѣчалъ тотъ.

Отецъ и сынъ добрались наконецъ до своей квартиры. Ихъ

улица лежала высоко надъ городомъ. Здѣсь возлѣ церкви св. Иакова Саррионъ останавливался неизмѣнно, когда бывалъ въ Мадридѣ.

Оправившись отъ дороги, Саррионъ посвятилъ сына въ подробности той авантюры, на которую рѣшилъ пуститься Амедей Савойскій.

Въ свою очередь, Марко разсказалъ отцу вкратцѣ о всемъ томъ, что за это время происходило въ долину рѣки Волка. Онъ никогда не отличался разговорчивостью и сообщилъ только, что урожай хорошъ и что стоитъ чудная погода.

— А Хуанита?—спросилъ наконецъ Саррионъ.

— Она въ Пампелунѣ. Они не могли увезти ее такъ, чтобы я объ этомъ не узналъ. Она здорова и счастлива.

— Ты не писалъ ей?

— Нѣтъ,—отвѣчала Марко.

— Не нужно забывать,—продолжалъ Саррионъ, одобрительно кивая головой:—что мы имѣемъ дѣло съ самыми умными и самыми жадными людьми на свѣтѣ...

— Я получилъ отъ нея письмо передъ тѣмъ, какъ имъ ѣхать въ Пампелуну. Оно написано довольно-таки неграмотно,—съ улыбкой сказалъ Марко.

— Ну, и что же?

Марко не отвѣчалъ на этотъ вызывающій отвѣтъ.

— Я пришелъ къ тому заключенію, что ты совершенно правъ въ своемъ подозрѣніи. Они хотятъ присвоить эти деньги и съ этой цѣлью заставить ее сдѣлаться монахиней. А тамъ она должна будетъ подписать обычное завѣщаніе, въ силу котораго всѣ земныя богатства монахини переходятъ къ ордену, въ который онѣ вступаютъ.

Саррионъ повторилъ свой прежній вопросъ.

— Ну, и что же?

— Какъ только мы замѣтимъ, что они близки къ успѣху, я сейчасъ же повидуюсь съ Хуанитой.

— Несмотря на нихъ?

— Да.

— Ну, а потомъ?

— Я объясню ей ея положеніе и растолкую ей, что изъ двухъ золъ ей придется выбирать меньшее.

— Это одно изъ средствъ.

— Это единственное честное средство.

Саррионъ пожалъ плечами.

— Другъ мой,—сказалъ онъ:—я не думаю, чтобы любовь или честность играли тутъ какую-нибудь роль.

ХІІ.

Въ укрѣпленномъ городѣ.

Не успѣлъ герцогъ Амедей высадиться въ Картагенѣ, какъ пришло извѣстіе объ убійствѣ Прима. Человѣкъ, пригласившій его на престолъ и одинъ умѣвшій поддерживать порядокъ въ Испаніи, былъ призванъ теперь къ престолу Всевышняго.

— Всякой собакѣ—собачья смерть,—ядовито замѣтилъ маршалу одинъ изъ депутатовъ за нѣсколько часовъ до его убійства, когда Примъ открыто заявилъ, что желѣзной рукой задушитъ всякаго, кто станетъ сопротивляться новому королю.

При такихъ-то обстоятельствахъ вѣзжалъ въ свою столицу въ свѣжннй январскій день 1871 года Амедей Савойскій. Онъ высоко держалъ голову и твердыми, умными глазами всматривался въ лица людей, которые не хотѣли привѣтствовать его кликами, словно въ скрытыя скалы, мимо которыхъ ему приходилось вести государственный корабль.

Одними изъ первыхъ привѣтствовали новаго короля Сарріоны. Проходя послѣ пріема черезъ переднюю, они лицомъ къ лицу столкнулись съ Эвазіо Мономъ, который ждалъ здѣсь своей очереди.

— А я и не зналъ, что вы тоже придворный,—воскликнулъ Сарріонъ, какъ бы не замѣчая протянутой ему руки.

— Да я и не придворный,—возразилъ тотъ.—Я пришелъ сюда только для того, чтобы посмотрѣть, дѣйствительно ли я такъ постарѣлъ, что у меня уже нечему поучиться.

Съ любезной улыбкой онъ повернулся къ Марко, но уже не рѣшался протянуть ему руку. Тотъ молча прошелъ мимо. Монъ, повернувшись, долго смотрѣлъ имъ вслѣдъ, какъ человѣкъ, который вдругъ услышалъ военную тревогу.

— Судя по лицамъ, которыя окружали нашего друга, деньги у него есть,—замѣтилъ Сарріонъ, спускаясь по дворцовой лѣстницѣ, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ была залита кровью.

— Это былъ генераль Пачеко, который отвернулся отъ насъ, когда мы проходили мимо?

— Онъ самый. А почему ты спрашиваешь?

— Я слышалъ, что онъ будетъ назначенъ командующимъ арміей на сѣверѣ.

Сарріонъ сдѣлалъ гримасу, въ которой было мало лестнаго для этого храбраго солдата. Сойдя съ лѣстницы, онъ встрѣтилъ кого-то изъ знакомыхъ и заговорилъ съ нимъ. Говорилъ онъ по-французски: его собесѣдникъ былъ французъ, нѣкій Деланъ, личность весьма темная, находившаяся будто бы на дипломатиче-

ской службѣ и занимавшая въ посольствѣ какое-то неопредѣленное положеніе. Съ нимъ былъ еще англичанинъ, дружески привѣтствовавшій Марко.

— Что вы думаете о развертывающихся событіяхъ?—спросилъ Сарріонъ, обращаясь къ англичанину.

— Мнѣ кажется, что нужны только деньги и не очень много, чтобы донъ-Карлосъ сталъ королемъ.—поспѣшилъ отвѣтить Дэлэнъ.

— А что дѣлаетъ въ Мадридѣ Эвасіо Монъ?—спросилъ опять Сарріонъ.

— Собираетъ и тратитъ деньги,—отвѣчала французъ, пожимая плечами, какъ будто желая показать, что это дѣло его не касается.

Они вмѣстѣ направились наверхъ, но не успѣли они подняться на нѣсколько ступеней, какъ Марко, не повышая голоса, обратился къ англичанину:

— Картонеръ!

Тотъ быстро обернулся. Марко бросился ему навстрѣчу.

— Кто этотъ прелать съ лисьимъ лицомъ?—спросилъ онъ.

— Это представитель Ватикана. Вы говорите про того, который стоитъ съ Мономъ?

Марко утвердительно кивнулъ головой и спустился внизъ.

— Мнѣ лучше будетъ ѣхать обратно въ Пампелуну,—сказалъ онъ отцу.

Поѣздъ къ сѣвернымъ границамъ Испаніи выходитъ изъ Мадрида вечеромъ. Въ это время рѣшительно никто не зналъ, можно ли будетъ получить билетъ во Францію.

Оба Сарріона въ тотъ же вечеръ приготовились къ отъѣзду. Они приѣхали на станцію рано и успѣли получить для себя отдѣльное купе. Марко стоялъ въ проходѣ и смотрѣлъ на подъѣздъ, съ котораго входили пассажиры.

— Ты ждешь кого-нибудь?—спросилъ Сарріонъ.

— Генерала Пачеко. Вотъ и онъ. Его сопровождаютъ три адъютанта и взводъ жандармовъ. Онъ держитъ голову высоко.

— А ноги у него все-таки прикованы къ землѣ,—замѣтилъ Сарріонъ, свертывая себѣ папиросу.—Ты хочешь пригласить его къ намъ?

— Да.

Генералъ Пачеко былъ однимъ изъ тѣхъ солдатъ, которые всѣмъ обязаны своей наружности. Онъ носилъ огромные усы, закрученные вверхъ до самыхъ глазъ, и имѣлъ видъ непобѣдимаго завоевателя... дамскихъ сердець.

Онъ сильно удивился, замѣтивъ графа Сарріона, который стоялъ на платформѣ, держа въ одной рукѣ шляпу, а другую протягивая ему.

— Вы пойдете съ нами,—сказалъ онъ.

Графъ Саррионъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые всегда сторонились военной аристократіи королевы Изабеллы. Вотъ почему генераль поспѣшилъ принять его предложеніе и обвелъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ, какъ бы желая убѣдиться, что это предложеніе произвело должное впечатлѣніе.

— Я нахожу,—началъ Пачеко, садясь рядомъ съ Сарриономъ и принимая отъ него папиросу:—что каждый новый успѣхъ въ жизни создаетъ мнѣ новыхъ друзей.

— И заставляетъ покидать старыхъ,—замѣтилъ графъ.

— О, нѣтъ,—хрипло захохоталъ генераль и сдѣлалъ рукой покровительственный жестъ, какъ бы отгоняя самую мысль о такой измѣнѣ.—Я только увеличиваю ихъ число по мѣрѣ того, какъ подвигаюсь впередъ. Совершенно такъ же, какъ увеличиваютъ люди свой капиталецъ, когда имъ улыбнется судьба.

И онъ съ хитрой улыбкой на своемъ коричневомъ лицѣ посмотрѣлъ на обоихъ спутниковъ. Какъ человѣкъ, знающій людей, Саррионъ прекрасно зналъ, что такое оживленіе продлится недолго и что черезъ полчаса наступитъ полоса меланхоліи и сонливости.

— Тутъ все зависитъ отъ пищеваренія. Сколько разъ даже трезвые люди увѣряли другихъ въ своей дружбѣ только потому, что хорошо пообѣдали.

Генераль, держа двумя пальцами папиросу, сдѣлалъ жестъ, какъ будто хотѣлъ предостеречь своего собесѣдника насчетъ своей проницательности.

— Вѣдь всѣ знаютъ,—замѣтилъ онъ шутя:—что вы въ душѣ карлистъ.

— Неужели?

— Увѣряю васъ. Но успокойтесь. Я думаю, что вы на правильномъ пути теперь.

— Будемъ надѣяться.

— Деньги—вотъ что теперь нужно. Надо подойти къ народу съ руками, полными денегъ.

Генераль откинулся назадъ и хитрыми глазами въ морщинахъ посмотрѣлъ изъ-подъ своей расшитой галунами фуражки на обоихъ спутниковъ.

Но темные глаза Сарриона быстро угадывали всѣ хитрости этого стратега.

— Надо ковать желѣзо, пока горячо,—медленно произнесъ онъ.

Онъ говорилъ загадочно, какъ человѣкъ, черпающій свою мудрость въ народныхъ пословицахъ. Оттого его слова могли имѣть большой смыслъ, но могли и вовсе не имѣть его.

— Вотъ и я то же говорю. Дайте мнѣ мѣсяца два, больше мнѣ и не понадобится.

— Неужели?—спросилъ Сарріонъ, поглядывая на него съ удивленіемъ.

— Два мѣсяца и сумму денегъ, которую я назначу.

— Два мѣсяца! Римъ, знаете, былъ выстроенъ не въ одинъ день.

Генераль залился своимъ хриплымъ смѣхомъ.

— Ага, я вижу, что вы хорошо освѣдомлены обо всемъ. Теперь вы дали мнѣ путеводную нить: Римъ!

И великій гражданинъ-солдатъ снова откинулся на свое мѣсто и, видимо, былъ очень доволенъ собой.

— Дѣло, очевидно, сводится вотъ къ чему, — началъ онъ опять:—надо скорѣе получить санкцію Ватикана на принятіе монашества одной молодой особой. Тогда деньги будутъ свободны, и все пойдетъ, какъ по маслу. А потомъ можно будетъ... скажемъ, убѣдить мою армію и... меня самого. Ватиканъ, конечно, согласится. Вотъ въ чемъ дѣло, по моему мнѣнію.

Онъ хлопнулъ себя по карману, какъ будто деньги были уже тамъ, и закрылъ глаза, какъ самый простой человѣкъ въ родѣ какого-нибудь андалузскаго трактирщика, какимъ былъ его отецъ.

— Конечно, конечно,—поддакнулъ ему Сарріонъ.

Дѣйствіе хорошаго обѣда уже проходило. Поѣздъ двинулся, и генералу Пачеко, видимо, не хотѣлось поддерживать разговоръ. Онъ попросилъ разрѣшенія ослабить туго затянутый мундиръ и разстегнулъ вышитый золотомъ воротникъ, стягивавшій его толстую шею. Черезъ минуту онъ уже спалъ, не обращая вниманія на пристальные взоры Марко, сидѣвшаго въ противоположномъ углу.

Генераль ѣхалъ въ Сарагоссу. Поэтому на другое утро они распрощались съ нимъ на станціи Каспэхонъ. Было очень холодно. По равнинѣ дулъ сильный ледяной вѣтеръ, и снѣгъ густо покрывалъ землю.

— Въ Пампелунѣ, должно быть, теперь не сладко,—пробормоталъ генераль, кутаясь въ воротникъ своего пальто.—Не завидую вамъ. До свиданія. Закрывайте плотнѣе дверь.

Станція была переполнена солдатами. Ихъ остроконечныя фуражки виднѣлись въ каждомъ окнѣ поѣзда. Едва разсвѣтало.

Городъ Пампелуна стоялъ на холмѣ, который опускался отвѣсно на сѣверо-востокъ прямо на берегъ рѣки Арги. Этотъ свѣтло-зеленый потокъ дѣлалъ еще неприступнѣ стѣны, высившіяся кругомъ города, словно скалы. Пампелуна справедливо считается самымъ неприступнымъ городомъ въ Европѣ. Съ юго-запада къ ней тянется плато, черезъ которое идетъ большая дорога отъ Мадрида и французской границы.

Станція лежитъ на равнинѣ, по которой, какъ змѣя, вьется

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ на-Д.

Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина — «Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками),

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина — «Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ,

ВЪ ЯНВАРЬ 1916 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 1-й.

Богословіе.

АЙВАЗОВЪ, И. Русское сектанство. М. 1915. Ц. 60 к.

— Матеріалы для изслѣдованія русскихъ мистическихъ сектъ. Христовщина. Ц. за три тома 15 р.

БЪЛГОРОДСКІЙ, А. За что боролся и пострадалъ Янъ Гусъ. Ц. 20 к.

ИЛАРИОНЪ, архим. Христіанства нѣтъ безъ церкви. Ц. 25 к.

КОМАРОВЪ, Л. Православный русский воинъ. Бесѣды пастыря съ воинами. Ц. 20 к.

ПРАВДА ПРАВОСЛАВІЯ. Вып. 1-й Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть единая глава церкви. Ц. 45 к. Вып. 2-й. Неогрѣшимость папы. Ц. 50 к. Вып. 3-й. Ц. 60 к.

ТРОИЦКІЙ, С. Духовенство древней церкви въ борьбѣ съ народнымъ горемъ и нуждой. Ц. 30 к.

— Православіе, унія и католичество у славянъ и румынъ въ Австро-Венгріи. Ц. 70 к.

ХИТРОВЪ, М. Святыи праведный Филаретъ Милостивый. Сергіевъ Посадъ. 1915. Ц. 50 к.

Философія, психологія, логика.

ГЕРМАНОВЪ, М. Психологія красоты. Ц. 2 р.

ШТЕЙНЕРЪ, Р. Очеркъ тайновѣдѣнія. М. 1916. Ц. 2 р. 50 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

БАЛЪМОНТЪ, К. Поэзія, какъ волшебство. М. 1915. Ц. 80 к.

ВОПРОСЫ теоріи и психологіи творчества. Т. 7-й. Статьи по психологіи и теоріи художественнаго научнаго и философскаго творчества А. Горнфельда, Т. Райкова, Е. Шульца и друг. Ц. 1 р. 75 к.

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ. Сочиненія. Т. 5-й. Пушкинъ и Бѣлинскій. Статьи истолково-литературныя. Ц. 1 р. 50 к.

МАКСИМОВЪ, В. Жизнь и творчество «истор. вѣстн.», февраль 1916 г., т. СКШП.

великихъ русскихъ писателей. Ц. 1 р. 20 к.

МАНЬКОВСКІЙ, Н. Слово о полку Игоревѣ. Лирическая поэма внука Боянова. Житомиръ. 1915. Ц. 75 к.

СЕРЕБСКІЙ ЭПОСЪ. Памятники мировой литературы творенія славянъ. М. 1916. Ц. 2 р. 75 к.

ТОЛСТОВСКАЯ библиографія за 1913 г. Обзоръ русскихъ книгъ и повременныхъ изданій. Ц. 50 к.

ФЕДИНЪ, В. А. А. Феть (Шеншинъ). Матеріалы къ характеристикѣ. Ц. 1 р.

1/220

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- АВРАМОВА, Е. «Слава Россіи». Стихотворенія. Ц. 15 к.
— Часовня Спасителя въ Петроградѣ. Стихотвореніе. Ц. 20 к.
АЙЗМАНЪ, Д. Дѣти и другіе рассказы. Ц. 1 р. 25 к.
АРАКИНЪ, А. Пѣсьн о Вильгельмѣ. Ц. 20 к.
БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ, Н. Предатели. Романъ. Ц. 2 р.
ГЕНРИ, О. Сердце Запада. Рассказы. Ц. 1 р. 50 к.
ГОРОДЕЦКІЙ, С. Пять воздушныхъ поцѣлуевъ. Сказка. Ц. 80 к.
ГОРЬКІЙ, М. Пожаръ и другіе рассказы. Ц. 1 р. 50 к.
ГРИГОРЬЕВЪ, АПОЛЛОНЪ. Стихотворенія. М. 1915. Ц. 3 р. 50 к.
ГРИГОРЬЕВЪ, Р. На ущербѣ. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
ГУБСКІЙ, Н. О войнѣ еще не думали... (Быль). Ц. 1 р.
- ЗАПИСКИ ОЛИ ПЕТРОВОЙ. Ц. 1 р. 50 к.
ЗАРИНЪ, А. Всемирный пожаръ. Романъ. Ц. 2 р.
КАПЛАНЪ, М. Мертвые люди. Рассказы. Ц. 1 р.
КРАГЪ, Т. Мѣдный змій. Романъ. М. 1915. Ц. 1 р.
КУЗМИНЪ, М. Т. I. Сѣти. Стихи. Ц. 1 р. 50 к.
ПАНКРАТОВЪ, А. Кровавое зарево. Очерки войны. Ц. 1 р. 50 к.
РЕМИЗОВЪ, А. Укрѣпа. Слово къ русской землѣ о землѣ родной, тайностяхъ земныхъ и судьбѣ. Ц. 1 р. 75 к.
САДОВСКОЙ, В. Полдень. Собраніе стиховъ. Ц. 1 р. 50 к.
СОБОЛЬ, А. Рассказы. Ц. 1 р. 25 к.
ТАНТАЛЬ, Пѣсни-пытки. Ц. 1 р. 75 к.
ШЕЛЬДОНЪ. По его стопамъ. Повѣсть. Ц. 90 к.
ШЕРГИНЪ, И. Въ сѣверныхъ захолахъ. Ц. 50 к.

Исторія, біографія и археологія.

- АЛЕКСѢЕВЪ, В. Письма и бумага Суворова. Т. I. Письма 1764—1778 гг. Ц. 5 р. 50 к.
АРЗАМАССКІЕ помѣстные акты 1578—1618 гг. Собралъ и редактировалъ С. В. Веселовскій. М. 1915. Ц. 3 р.
АРХИВЪ РАЕВСКИХЪ. Т. V. 1915. Ц. 3 р. 50 к.
ДНЕВНИКЪ Алексѣя Николаевича Вульфа. 1828—1831 гг. Ц. 1 р. 50 к.
- КИРИЛОВСКОЙ ѣздъ 7061 г. Правдивое сказаніе о дняхъ зачатныхъ, съ примѣчан. Ц. 1 р. 50 к.
КОВАЛЕНСКАЯ, Н. Вельможа въ фаворѣ и смѣлкѣ. (Князя Долгорукіе). Ц. 40 к.
ОБЕРМАЙЕРЪ, Г. Доисторическій челоуѣкъ. Ц. 7 р.
ПОЛЛЕВКОВЪ, М. Проектъ бар. Гюйсена объ учрежденіи въ Россіи фискаль-коллегіи. М. Ц. 50 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- АЛЕКСАНДРОВЪ, Н. Дисциплина, ея значеніе и необходимость. Ц. 10 к.
БЛИНОВЪ, И. Пенсіи солдатамъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ. Ц. 80 к.
БРЮХАНОВЪ, П. Обзоръ дѣятельности земскихъ попечителейъ Петроградскаго уѣзда по призрѣнію семействъ лицъ, взятыхъ на военную службу. Ц. 1 р.
КОРЧИНСКІЙ, X. Записка къ вопросу объ оздоровленіи деревни и города и о поднятій благосостоянія народа. Ц. 30 к.
ЛОЗИНСКІЙ, С. Царствованіе Франца-Иосифа. Политическій очеркъ современной Австріи. Ц. 1 р. 50 к.
МИЖУЕВЪ, П. Сады-города и жилищный вопросъ въ Англіи. Ц. въ перепл. 5 р. 50 к.
МИХАИЛЬ, архим. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Национально-политическіе идеалы славянства. М. 1915. Ц. 3 р.
ОЗЕРОВЪ, И. За что мы боремся? Отрывки. Ц. 1 р. 50 к.
- РОЗИНЪ, Н. Уголовное судопроизводство. Изд. 3-е. Ц. въ перепл. 4 р.
СОБОЛЕВЪ, А. О правѣ войны на морѣ и морскомъ нейтралитетѣ. Ц. 1 р.
ТРУБЕЦКОЙ, Е. Энциклопедія права. М. 1915. Ц. 1 р.
ТРУДЫ перваго Всероссийскаго съѣзда по образованію женщинъ, организованнаго Россійской лигой равноправія женщинъ. Т. II. Ц. 3 р. 50 к.
ТУЛУБЪ, П. Изъ судебной практики рѣшенія по гражданскимъ дѣламъ. Вып. I. Кіевъ. 1915. Ц. 1 р. 50 к.
ФАНЪ-ДЕРЪ-ФЛИТЪ, В. Всенѣмецкое движеніе, какъ факторъ европейской войны. Ц. 75 к.
ЧЕБЫШЕВЪ, Н. Обвинительныя рѣчи. 1903—1913 г. Ц. 2 р.
ШИМКОВЪ, В. и ФЕДОРОВИЧЪ, Г. Сборникъ рѣшеній Правительствующаго Сената по вопросамъ долгосрочнаго ипотечнаго кредита. Ц. 5 р.

Искусство.

- ЗУММЕРЪ, В. Система библейскихъ композицій А. А. Иванова, анализъ 13 сложныхъ сюжетныхъ цикловъ, Со статьей проф. Г. Г. Павлуцкаго. Ц. 3 р.
КАРТИНКИ. Война русскихъ съ нѣмцами. Карнагуры. Ц. альбома 25 р.
ЛЕВИ, Э. Греческая скульптура. Ц. 3 р. 50 к.
- ФОЛЛЬ, К. Опытъ сравнительнаго изученія картинъ. М. 1916. Ц. 4 р. 50 к.
ЦЕРКОВЬ Иліи пророка въ Ярославлѣ. Текстъ Н. Перухина. Фотографія И. Лазарева. М. 1916. Ц. 16 р.
ЯПОНСКАЯ ГРАВЮРА, изд. «Аполлона». Ц. 4 р.

Естествознаніе и математика.

<p>ЕЖЕГОДНИКЪ русскаго астрономическаго общества. 1916. Ц. 50 к.</p> <p>ЖУКОВЪ, Н. Приготовление скелетовъ млекопитающихъ. Кошка. Ц. 10 к. Черепаха. Ц. 10 к.</p> <p>ИВАНОВЪ, Л. Общій курсъ систематики растений. Ц. 1 р. 50 к.</p>	<p>КНИПОВИЧЪ, Н. Курсъ общей зоологии для высшихъ учебн. заведеній и самообразования. Ц. 5 р. 50 к.</p> <p>ЛЮБОСЛАВСКІЙ, Г. Основаніе ученія о дотопѣ. Ц. 3 р.</p>
--	--

Географія, этнографія, антропология, путешествія.

<p>БИРКНЕРЪ, Ф. Расы и народности человѣчества. Ц. 7 р.</p> <p>КОМОВСКАЯ, Н. Въ странѣ великаго</p>	<p>хана. Картины изъ быта монголовъ. Ц. 40 к.</p>
---	---

Торговля и промышленность. Счетоводство.

<p>БАБЕНКО, И. Курсъ коммерческой и политической ариеметики. Ц. 2 р. 50 к.</p> <p>— Бухгалтерскій терминологическій словарь. Ц. 90 к.</p> <p>КИПАРИСОВЪ, Н. Торговое счетоводство и дѣлопроизводство. Ч. I. Введеніе. М. 1916. Ц. 1 р. 10 к.</p>	<p>ЛИПСКІЙ, А. Ископаемыя наменно-угольные богатства Россіи и ихъ рациональное использование. Киевъ. 1915. Ц. 2 р.</p> <p>ПОГОРИЦЕРЪ, Н. Практическое счетоводство для домовладѣльцевъ. Книга для самостоятельнаго веденія счетоводства. Одесса. 1915. Ц. 1 р. 50 к.</p>
--	--

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

<p>АНЦОВЪ, В. Золоченіе и серебреніе по дереву и металлу. Ц. 35 к.</p> <p>БОДРИ-ДЕ-СОНЬЕ, Л. Основы электрической науки. Ц. 90 к.</p> <p>ГДАНСКІЙ, Л. Чертежникъ-самоучка. Ц. 50 к.</p> <p>КРИШТОФОВИЧЪ, Л. и ГРЕКУЛОВЪ, А. Нефть, ея происхожденіе, добычаніе и обработка. Ц. 10 к.</p> <p>МИХАЙЛОВЪ, В. Сокращенный курсъ автомобилизма. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.</p> <p>МУРИНСКІЙ, П. Маслобойное производство. Ц. 30 к.</p>	<p>НЕЙМАНЪ, Ф. Токарное дѣло по металлу. Ц. 2 р.</p> <p>НОВГОРОДСКІЙ, М. Издѣлія изъ жести. Руководство для жестяниковъ-кустарей и любителей. Ц. 45 к.</p> <p>СВИРСКІЙ, Н. Токаръ по металлу. Ц. 60 к.</p> <p>ТИМОНОВЪ, В. Постоянная международная ассоціація судоходныхъ конгрессовъ и двѣнадцатый междунар. судоходн. конгрессъ, бывшій въ Филадельфіи въ 1912 г. Ц. 3 р. 50 к.</p> <p>ЧИЖОВЪ, Н. и ЕГІАЗАРОВЪ, Л. Проектъ канализаціи города Пятигорска. Ц. 4 р.</p>
--	--

Медицина, гигиена, анатомія, физиология и хирургія. Ветеринарія.

<p>КЛЕЙНЪ, Б. Предохранительныя прививки противъ холеры. Киевъ. 1916. Ц. 25 к.</p> <p>— То же противъ брюшнаго тифа. Ц. 25 к.</p> <p>МОНЪ, Л. Руководство по внутреннимъ болѣзнямъ. Заболѣванія железъ съ внутренней секретіей, конституціонныя ано-</p>	<p>малии и болѣзни обмѣна веществъ. Ц. 4 р.</p> <p>МОБАВИТЦЪ, Р. Болѣзни крови и кровяныхъ органовъ. Ц. 3 р. 50 к.</p> <p>ТРУДЫ общества дѣтскихъ врачей при Императорскомъ харьковскомъ университетѣ. Вып. I. Харьковъ. 1915. Ц. 1 р. 50 к.</p>
--	--

Военное и морское дѣло.

<p>ВИШЪ, М. Воздухоплавательные приборы и ихъ дѣятельность въ нынѣшней войнѣ. Ц. 90 к.</p>	<p>ГРИНЕРЪ, В. Искусство военной и спортивной стрѣльбы. Вятка. 1916. Ц. 1 р.</p> <p>ОЧЕРКИ мировой войны на морѣ. Ц. 75 к.</p>
--	--

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства

<p>АБРАМОВЪ, С. Учебникъ анатоміи, физиологии и гигиены человѣка. Ц. 50 к.</p> <p>БОГОСЛОВСКІЙ, Е. Грамматическая хрестоматія. 40 рассказовъ. Баку. 1916. Ц. 80 к.</p> <p>— «Въ помощь семьѣ и школь». Трид-</p>	<p>цать три примѣрныхъ урока по этимологии и синтаксису.</p> <p>ВОПРОСЪ о совмѣстномъ обученіи при свѣтѣ экспериментальной психологии. Ц. 50 к.</p> <p>ВОПРОСЫ преподаванія исторіи въ 1/220*</p>
--	---

средней и начальной школѣ. Сборникъ 1-й. М. 1916. Ц. 1 р. 75 к.

«ВѢКЪ ЖИВИ, вѢКЪ УЧИСЬ». Указаніе способа, какъ посредствомъ преобразованія школьнаго метода продлить и усовершенствовать трудовую жизнь. Ц. 20 к.

KESTER, E. English Readings for Beginners № 1. Ginderella. Саратовъ 1916. Ц. 35 к.

ЛЕНСКОЙ, Б. Родителямъ и педагогамъ! Вопросы воспитанія въ связи съ войною. Ц. 25 к.

ЛЕРМАНТОВЪ, В. Что нужно знать для успѣха работъ начинающему изучать ручной трудъ въ школѣ. Вып. 2-й. Работы по дереву. Ц. 75 к.

ЛУБЕНЕЦЪ, Т. Сочиненія по картинкамъ. Ц. 40 к.

МЕЙМАНЪ, Э. Очеркъ экспериментальной педагогики. М. 1916. Ц. 3 р.

НЕВСКИЙ, В. Великая европейская война. Систем. программы для народныхъ чтеній-вечеровъ по исторіи и географіи

воюющихъ державъ. Бузулукъ. 1915. Ц. 65 к.

СИПОВСКИЙ, В. Элементарный курсъ теоріи словесности. Ц. 75 к.

— Хрестоматія къ теоріи словесности. Ц. 1 р. 75 к.

ТРАПЕЗНИКОВА, М. Практическая англійская грамматика, фонетика, этимология и синтаксисъ. Первая ступень. Ц. 1 р. 70 к.

ТРОСТЯНСКИЙ, М. Голосъ стараго педагога по вопросамъ обновляемой русской школы. Киевъ. 915. Ц. 50 к.

ХВОРОСТАНСКИЙ, К. Краткій курсъ естественной исторіи. Вып. 1-й. Неживая природа. Ц. 75 к.

ЯВДЫКЪ, Л. Гуманитарныя и реальныя начала въ средней школѣ. Два способа преподаванія древнихъ языковъ. Нѣмецкое засилье и русская національная школа. М. 1915. Ц. 50 к.

Книги для дѣтей и юношества.

АЛТАЕВЪ, А. Внизъ по Волгѣ рѣкѣ... Историческая повесть изъ русской жизни XVII вѣка. Ц. 65 к.

ПЕТРОВЪ-ВОДКИНЪ, К. Аойя. Приключенія Андруши и Кати въ воздухѣ, подъ землей и на землѣ. Ц. 2 р.

ТУРГЕНЕВА, М. Вѣрочка и ея друзья. Рассказъ для маленькихъ дѣтей. Ц. 60 к.

— Три доли. Три рассказа для дѣтей средняго возраста. Ц. 50 к.

Спортъ, охота, игры.

ЛЕБЕДЕВЪ, И. Тяжелая атлетика. Руководство, какъ сдѣлаться силачомъ, упражнясь тяжелыми гирями. Ц. 1 р. 20 к.

Справочныя книги.

АСТАФЬЕВЪ, А. Инженерный календарь на 1916 г. Ц. за обѣ части 2 р. 25 к.

ОСТРОГОРСКИЙ, М. Юридическій ка-

лендарь на 1916 годъ. Ц. въ колѣнк. перепл. за обѣ части 1 р. 60 к.

ЧЕРНОМОРСКОЕ побережье Кавказа. Справочная книга. Ц. въ перепл. 3 р. 50 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
НОВАЯ КНИГА

А. И. ФАРЕСОВА

„НАРОДЪ БЕЗЪ ВОДКИ“

Цѣна 1 р. 50 к.

А. Л. КСЮНИНЪ.
НАРОДЪ НА ВОЙНЪ.

(Изъ записокъ военнаго корреспондента).

Люблинъ—Галиція.— По слѣдамъ отступавшихъ австрійцевъ.—Сандомиръ.— На Варшаву.— Ракитно.— Ловичъ.— Скерневицы.— Бои вокругъ Лодзи.— Вдоль окоповъ.— Послѣ ночныхъ атакъ.— Передъ Взурой.— Противъ ста нѣмецкихъ батарей.— Праецышъ.— У проволочныхъ заграждений.— Подъ Варшавой.— Сохачевъ.— Ловичъ.— Мертвый городъ.— Въ Августовскихъ лѣсахъ.— Въ Карпатахъ.— На Дунайѣ.— Львовъ.— Перемышль.— Перемышль губернской.— Старые города.— Горлице.— Ясло.— На Черемошскомъ перевалѣ.— Тяжелые дни.— Стахія-бѣженцы.— Подъ Ригой.— Пригнувшие Россіи.— Не отъ міра сего.

Обложка художника Н. Самокиша.

ИЗДАНИЕ Б. А. СУВОРИНА
„БИБЛИОТЕКА ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ“.

Цѣна 2 рубля.

Поступила во всѣ лучшіе книжные магазины и кіоски
жел. дор. СКЛАДЪ: Контора изданій Б. А. Суворина,
Невскій, 52. («Вечернее Время»).

Вышла въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ
и въ кіоскахъ на станц. желѣзн. дорогъ

„НА ПОЛЪ БРАНИ“

разказы и эпизоды изъ современной войны

Г. Т. СЪВЕРЦЕВА-ПОЛИЛОВА.

Цѣна 1 руб. 25 коп. 25 коп. съ каждаго экземпляра поступаетъ
въ пользу разоренной Польши.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

„СРЕДИ КОРОНОВАННЫХЪ ОСОВЪ“

Молодость императора Вильгельма, встрѣчи и воспоминанія.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

„ПО СТАРИННОМУ ЗАМОРСКОМУ ПУТИ“

очерки, встрѣчи, впечатлѣнія и итоги поѣздки по Сѣверу.

Цѣна 1 руб.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
Т-ВА А. С. СУВОРИНА—«НОВОЕ ВРЕМЯ» КНИГА

Б. Б. Глинскаго

„Среди литераторовъ ==
== и ученыхъ“

Биографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія,
встрѣчи. Съ 31 портретомъ.

Цѣна 3 рубля.

НОВАЯ КНИГА:

ЗА 30 ЛѢТЪ

ЛИСТКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

В. Б. Бертенсона.

Петроградъ. 1914 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ

Т-ва А. С. Суворина—„НОВОЕ ВРЕМЯ“,

Петроградъ, Невскій, 40.

Открыта подписка на 1916 г.—3-й годъ изданія.

Большинство №№ за 1914 и 1915 г.г. распроданы, хотя и
выходили нѣсколькими изданіями.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

Журналъ красивой жизни.

Журналъ отводитъ главное мѣсто свѣтской жизни въ Россіи, спорту, охотѣ, туризму, выставкамъ, театру, коллекціонерству, музыкѣ, искусству вообще, и особенно жизни русской усадьбы въ прошломъ и настоящемъ.

Двухнедѣльный роскошный журналъ, совершенно новаго въ Россіи типа, по образцу англійскихъ.

Редакція—Каменный остр. 31, соб. вилла.

Контора—Невскій, д. Зингера, контора 10.

Вслѣдствіе увеличеніе цѣны на мѣловую бумагу съ 28 руб. до 106 руб. за стопу, подписная цѣна на журналъ, къ сожалѣнію, повышается на 2 руб. (только на время войны).

Годовая подписка—13.50 въ Петроградѣ и 14.50—
вездѣ въ Россіи. Отдѣльный № 85 коп. Для ознакомленія
одинъ № высылается за 30 коп. марками.

Редакторъ Вл. Крымовъ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается новая книга:

М. Г. Веселковой-Кильштетъ.

„Листы пожелтые“

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ т-ва А. С. Суворина—
«Новое Время» (Петр., Невскій пр. д. № 40).

БИБЛИОТЕКА „ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ“

ИЗДАНИЯ Б. А. СУВОРИНА.

Юр. Бѣляевъ.
БАРЫШНИ ШНЕЙДЕРЪ

(впечатлѣнія).

4 изданіе. Цѣна 1 руб.

Юр. Бѣляевъ.
ОТКРЫТКИ СЪ ВОЙНЫ.

1 серія. Цѣна 50 коп.

Юр. Бѣляевъ.
П С И Ш А.

Пьеса.

Обложка худ. П. Д. Шмарова.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Юр. Бѣляевъ.
ГОРОДОКЪ ВЪ ТАБАКЕРКѢ.

Цѣна 1 руб.

Бор. Горюховій.
ЗАБЫТЫЯ РУССКІЯ ЗЕМЛИ.

Съ 55 рисунками и картой.
Цѣна 2 руб.

ЦЕНзуРА И ШПІОНСТВО
ПО ЗАКОНАМЪ ВОЕННАГО ВРЕМЕНИ.

Сост. Н. А. Громовъ. Цѣна 50 коп.

КАРИКАТУРЫ ПЭМА.

Цѣна 1 р. 50^к.

ВОЙНА И ПЭМЪ

(карикатуры).

LA GUERRE ET PÈME.

1 выпускъ. 2-е изданіе

Цѣна 1 руб. 50 коп.

СОЛДАТСКІЯ СКАЗКИ.

Подъ редак. Н. Г. Козырева. Цѣна 75 к.

ЛАВРЕЦКІЙ (Бор. Суворинъ).

ДО ВОЙНЫ.

ПО ГЕРМАНИИ НА АВТОМОБИЛѢ.

„Въ Дорогѣ“ и очерки „День за днемъ“.

Изданіе второе

Цѣна 1 р. 25 к.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя **Бориса Борисовича Глинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городского) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

Тарифъ на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 20 р.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

МАРТЪ, 1916 Г.

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ 1916 г.

СТРАНИ

Историческая летопись	VII—XXXII
I. Торговый домъ Бажвалова сыновья. Романъ изъ купеческой жизни. VIII—X. (Продолженіе). Марка Басанина.	625
II. Послѣ Санъ-Стефано. VI. (Продолженіе). Записки графа Н. П. Игнатъева.	654
III. При комедіальной хранилѣ. (Первое нѣмецкое засилье). Повесть. XXVIII—XXXVIII. (Окончаніе). П. П. Гнѣдича.	679
IV. Черты изъ жизни великаго князя Константина Константиновича. А. Сиверекаго.	719
V. Воспоминанія о С. Ѳ. Шараповѣ. VI—XI. (Окончаніе). С. Н. Эфрона.	723
VI. Имебожническій бунтъ или плоды ученія книги «На горахъ Кавказъ». Монаха Климента.	752
VII. Уметвенные переломы въ дѣятельности Н. С. Лѣскова. А. И. Фаресова.	786
VIII. Памяти священника Д. С. Дмитріева. († 26 марта 1915 г.). Епископа Трифона	820
иллюстрація: Священникъ Д. С. Дмитріевъ.	
IX. Подъ Перемышлемъ. П. Васильковскаго.	827
иллюстраціи: 1) На одномъ изъ фортовъ Сѣдлской группы.— 2) Фортъ «Гурка».— 3) Блиндированный поѣздъ.— 4) Раздача паскальных подарковъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны послѣ взятія Перемышля.	
X. Изъ исторіи Головинскаго и Екатерининскаго дворцовъ въ Москвѣ. Б. С. Пушкина.	840
XI. Въ прошлыхъ вѣкахъ. (Поѣздка по Польшѣ). I—X. С. Р. Мицлова.	844
иллюстраціи: 1) Видъ Казимержа съ р. Вислы.— 2) Казимержъ. Домъ сенаторовъ.— 3) Казимержъ. Древнѣе дома со св. Христофоромъ и св. Николаемъ.— 4) Казимержъ. Древнее зданіе, превращенное въ амбаръ.	
XII. Критика и библиографія	867
1) Письма и бумаги Суворова. Томъ первый. Письма 1764—1781 г.г. Объяснилъ и примѣчаніями снабдилъ В. Алексѣевъ. Петроградъ. 1916. 6. Модзалевскаго.— 2) М. Н. Покровскій. Очеркъ исторіи русской культуры. Часть 1-я. Москва. Л. Л.— 3) Труды полтавской ученой архивной комиссіи. Издано подъ редакціей дѣйствительныхъ членовъ комиссіи П. Ф. Павловскаго, А. Ф. Мальцева и Л. В. Палади. Выпускъ 13. Полтава. 1916. Пав. Рос.— ва. 4) Читенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. 1916 годъ. Книга третья (двѣсти пятьдесятъ четвертая). Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. Москва. 1915. Т. м.— 5) «Русскія народныя картинки». Матеріалы для полнаго описанія ихъ со снимками. Описалъ А. Э. Мазыгрень. Часть первая. Сказки, былины, дѣсны, басни, повѣсти и «забытые листы». Вып. 1-й. Митава. 1915. Ая—дра Елвцаго.— 6) Е. В. (См. слѣд. стран.).	

Аничковъ. Очеркъ развитія эстетическихъ ученій, (сборникъ «Вопросы теории и психологій творчества»). Т. VI. Харьковъ. 1915. с. в.—7) Т. Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Томъ I. Созданіе имперіи. Переводъ А. Захарова. Москва. 1915. м.—8) С. П. Шестаковъ. Лекціи по исторіи Византии. Томъ I. Казань. 1915. п. б.—9) Вилдари, Пасквато. Никколо Макіавелли и его время. Томъ I. Со вступительной статьей профессора М. М. Ковалевскаго. Переводъ съ итальянскаго П. М. Кригеля. 1916. н. Любовича.—10) Н. А. Рубашкинъ. Среди книгъ. Справочное пособие для самообразования и для систематизаціи и комплектованія общеобразовательныхъ библиотекъ, а также книжныхъ магазиновъ. Томъ III. Часть I. Москва. 1915. А. Нилимова.—11) Чуковский. Заговорили молчаншіе. Томми Аткинсъ на войнѣ. Пгр. 1916. дм. Масляенка. 12) А. Яценко. Начальное землѣдѣніе (курсъ географіи для младшихъ классовъ) на приѣздахъ преимущественно изъ природы Россіи, приѣзнительно къ новымъ программамъ министерства народнаго просвѣщенія, съ приложеніемъ очерковъ родновѣдѣнія и краткаго обзора частей сѣвера, съ 30-ю красочными автотипіями съ цвѣтныхъ фотографій, двумя географическими картами и 202 рисунками въ текстѣ. Пгр. 1916. н. г. р.—13) Отчетъ императорской археологической комиссіи за 1911 годъ. Съ 143 рисунками въ текстѣ. Петроградъ. 1915. с. цыбульскаго.—14) Арунъ Государственнаго Совѣта. Журналы секретнаго и главнаго комитетовъ по крестьянскому дѣлу. Томъ первый. Съ 3-го января 1857 года по 30-е ноября 1860 года Томъ второй. Съ 10-го октября 1860 года по 13-е февраля 1861 года. Журналы и меморіи общаго собранія Г. Совѣта по крестьянскому дѣлу. Съ 28 янв. по 14 марта 1861 г. (т. III?).—Приложеніе къ журналу главнаго комитета по крестьянскому дѣлу. Петр. 1915.—Опись дѣлъ архива Г. Совѣта. Томъ XI. Дѣла Г. Совѣта съ 1889 г. по 1894 г.—Томъ XII. Дѣла Г. Совѣта съ 1895 по 1899 г. Петр. 1914. т. м.—15) Описание русскихъ рукописныхъ собраній. Выпускъ 1-й. Р. П. Георгіевскій. Рукописи Т. О. Бельшкова, хранящіяся въ императорскомъ московскомъ и Румянцовскомъ музеѣ. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Петроградъ. 1915. Александра Лебедева.—16) Черноморское побережье Кавказа. Справочная книга. Сост. Ф. П. Доброхотовъ и др. съ предисловіемъ статьи-секретаря А. С. Ермолова. Подъ редакціей Н. И. Воробьева. Пгр. 1915. дм. М.—ка. 17) Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи (годъ двадцать восьмой). Подъ редакціей председателя комиссіи Арс. Ив. Маркевича. Сивферополь. 1915. а. м.—18) Труды ватской ученой архивной комиссіи. 1914 годъ. Вып. II—III. Вятка. 1914. Тоже 1915 годъ. Вып. I. л. л.—19) Великорусскія сказки Вятской губерніи. Съ приложеніемъ шести (пяти?) вотяцкихъ сказокъ. Собралъ Д. К. Зеленинъ. (Изъ «Записокъ императорскаго русскаго географическаго общества по отдѣленію этнографіи», т. XLIV. 1915 г.). Пгр. 1915. т. м.—20) Извѣстія императорской археологической комиссіи. Выпускъ 51, 52 съ прибавленіемъ, 53, 54 съ прибавленіемъ къ нему, 55, 56 съ прибавленіемъ. Петроградъ. 1915. с. цыбульскаго.

XIII. Книжки, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника»	892
XIV. Новости исторіи. Е. Шумигорскаго	896
XV. Заграничныя историческія новости и мелочи.	903
1) Дворъ мира.—2) Англійскія амазонки.—3) Къ исторіи вѣмекато повнизна.—4) Экспедиція генерала Роша въ Ирландію.—5) Исторія Наполеоновской маски.—6) Нѣмцы и французская наука.	
XVI. Смѣсь	919
1) Собраніе литературнаго фонда.—2) Годовое собраніе литературно-художественнаго общества.—3) Награды императорскаго русскаго географическаго общества.—4) Юбилей проф. Г. И. Челпанова.—5) Отъ всероссійскаго съѣзда по вопросамъ народнаго образованія.	
XVII. Некрологи	923
1) Воейковъ, А. И.—2) Воронцовъ-Дашковъ, П. И., графъ.—3) Павловъ, Е. В.—4) Ровинскій, П. А.—5) Трофимовъ, В. В.—6) Шосткинъ, А. П.	
Приложенія: 1) Портретъ Сергія Федоровича Штрацова.—2) Въ бархатныхъ юбкахъ. Историческій романъ Генри Ситонъ-Меримена. Переводъ съ англійскаго. А. Б. Михайлова. XIII—XVII. (Продолженіе).	

СОДЕРЖАНІЕ СТО СОРОКЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ 1916 года.

СТРАН.

Историческая лѣтопись . . . . . IX—XLVIII, V—XXXII, VII—XXXII.

Иллюстраціи: 1) Генералъ Монро, новый командующій военными силами союзниковъ на южномъ фронтѣ.—2) Герой войны генералъ-майоръ М. П. Лосевъ, награжденный орденомъ Св. Георгія, георгиевскимъ оружиемъ и французской военной медалью.—3) Генералъ де-Кастельно, назначенный главнокомандующимъ на французскомъ фронтѣ вмѣсто ген. Жоффра, получившаго командованіе всеми французскими арміями (въ томъ числѣ и балканской).—4) Генералъ Дугласъ Хэгъ, новый главнокомандующій великобританской арміей во Франціи и въ Бельгійи.

Торговый домъ Бахвалова сыновья. (Романъ изъ купеческой жизни). I—X.	
Мариа Басанина.	1, 321, 625
Послѣ Санъ-Стефано. I—VI. Записки графа Н. П. Игнатьева. . . .	35, 357, 654
При комедіальной хранилѣ. (Первое нѣмецкое засилье). Повѣсть. П. П. Гнѣдича.	59, 380, 679
Отъ дѣтства до присяги. Изъ жизни августѣйшихъ дѣтей императора Александра II). Е. С. Каменскаго.	99, 427

Иллюстраціи: 1) Царская семья въ 1850 году въ Царскомъ Селѣ.—2) Августѣйшія дѣти императора Александра II: Николай, Александръ, Владимиръ и Алексѣй Александровичи въ 1851 году.—3) Собственноручный рисунокъ великаго князя Александра Александровича.—4) Собственноручный рисунокъ великаго князя Александра Александровича 1861 года. 5) «Наша группа у дома Б. Нольде въ Либавѣ». Либава въ 1862 году. Великіе князья Александръ и Владимиръ Александровичи, великія княжны Марія и Евгения Максимиліановны и братья ихъ: Сергѣй и Юрій Максимиліановичи.—6) Наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ и его братъ великій князь Александръ Александровичъ въ 1862 году.—7) Принесеніе присяги цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ 20 июля 1865 года въ Царскомъ Селѣ.—8) Великіе князья Александръ Александровичъ, Владимиръ Александровичъ, Николай и Сергѣй Максимиліановичи Дейхтенбергскіе въ 1865 году.—9) Князь Вл. Мещерскій, докторъ Гиршъ, секретарь Оожъ, проф. Бабстъ, адъютантъ Козловъ, графъ Перовскій, К. П. Побѣдовосцевъ, великій князь Владимиръ Александровичъ, наследникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ, Н. П. Литвиновъ и Боголюбовъ.

- Бракосочетаніе великой княжны Александры Николаевны и ея кончина.
(Январь—іюль 1864 г.). **В. П. Серебrenикова**. 127
- Иллюстраціи:** 1) Ея императорское высочество великая княгиня Александра Николаевна.—2) Принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ Гессенскій.
- Четыре записки изъ жизни декабристовъ. **И. В. Погоржанскаго**. 143, 459
- Нѣсколько воспоминаній о графѣ А. К. Толстомъ и его женѣ. **Е. Матвѣевъ** (ржд. кн. Львовъ). 162
- Московская сыскная полиція былыхъ годовъ. **А. И. Соколовой**. 179
- Мои воспоминанія о митрополитѣ Антоніи. **М. В. Вадновскаго**. 195, 475
- Памяти Л. Ф. Добротворскаго, контръ-адмирала въ отставкѣ. († 21 октября 1915 г.). **А. П. Семенова-Тянь-Шанскаго**. 221
- Андрей Ивановичъ Подолинскій. (Къ 30-лѣтію со дня его смерти). **А. И. Тиняксва**. 226
- Иллюстрація:** Андрей Ивановичъ Подолинскій.
- Въ старой Москвѣ. (Очеркъ). **А. А. Дунина**. 240
- Поѣздка въ Кембриджъ. **К. И. Цвѣтксва**. 257
- Иллюстраціи:** 1) Наружный видъ «Круглой церкви».—2) Внутренній видъ «Круглой церкви».—3) Библіотека колледжа Тринити.—4) Часовня колледжа Тринити.—5) Часовня при колледжѣ Тринити въ Кембриджѣ.—6) Королевскій колледжъ.—7) Университетская библіотека и зданіе сената.
- Воспоминанія о С. Θ. Шарапovъ. **С. К. Эфрона**. 496, 723
- Легендарныя лгуны. **А. И. Соколовой**. 521
- Черный папа. (Очеркъ). **М. К. Первухина**. 531
- Иллюстраціи:** 1) Падре Бжозовскій, «генераль» ордена іезуитовъ, жившій въ Россіи.—2) Генераль ордена іезуитовъ падре Ксаверій Верецъ, ум. въ 1914 году.—3) Падре Владимиръ Ледоховскій, нынѣшній генераль ордена.
- Пятидесятилѣтіе Высочайше утвержденной комиссіи по разбору и описанію архива Святѣйшаго Синода. **К. Я. Здравомыслова**. 545
- Село Спасское-Лутовиново, усадьба И. С. Тургенева. (Описаніе усадьбы и дома, какимъ онъ былъ при жизни И. С. Тургенева, съ планомъ дома и флигеля). **М. Щепкина**. 550
- Иллюстраціи:** 1—5) Планы №№ 1—5.
- Черты изъ жизни великаго князя Константина Константиновича. **Алексыя Свирскаго**. 719
- Имебожническій бунтъ или плоды ученія книги «На горахъ Кавказа». **Мэнаха Климента**. 752

Умственные переломы въ дѣятельности Н. С. Лѣскова. А. И. Фаресова.	786
Памяти священника Д. С. Дмитріева. († 26 марта 1915 г.). Епископа Трифона.	820
Иллюстрація: Священникъ Д. С. Дмитріевъ.	
Подъ Перемышлемъ. П. Е. Васильковскаго.	827
Иллюстраціи: 1) На одномъ изъ фортовъ Сѣдлской группы.— 2) Фортъ «Гурка».—3) Блиндированный поѣздъ.—4) Раздача пасхальныхъ подарковъ Государыни Императрицы Александры Теодоровны послѣ взятія Перемышля.	
Изъ исторіи Головинскаго и Екатерининскаго дворцовъ въ Москвѣ. Б. С. Пушкина.	840
Въ прошлыхъ вѣкахъ. (поѣздка по Польшѣ). С. Р. Минцлсва.	844
Иллюстраціи: 1) Видъ Казимержа съ р. Вислы.—2) Казимержь. Домъ сенаторовъ.—3) Казимержь. Древнiе дома со св. Христофоромъ и св. Николоаемъ.—4) Казимержь. Древнее зданіе, превращенное въ амбаръ.	
Критика и библиографія	279, 565, 867

1) Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій. М. В. Изданіе высочайше утвержденнаго общества распространенія религіозно-правственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви. 1915. А. М.—на.— 2) Матеріалы для исторіи Гангутской операціи. Изданіе архива морского министерства. Выпуски I—III. Пгр. 1914—1915. Б.—я.—3) В. Г. Курцъ. Сочиненіе Кильбургера о русской торговлѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Сборникъ студенческаго историко-этнографическаго кружка при императорскомъ университетѣ св. Владимира, подъ руководствомъ проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Вып. VI. Кіевъ. 1915. н.—шова.—4) Извѣстія вологодскаго общества изученія Сѣвернаго края. Выпускъ II. 1915 г. в. Данилова.—5) Дѣйствія нижегородской ученой архивной комиссіи. Сборникъ. Томъ XV. Выпускъ VI. Въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ. Нижній-Новгородъ. 1915.—То же. Сборникъ. Томъ XVII. Выпускъ IV. Нижній-Новгородъ. 1914.—То же. Люди нижегородскаго Поволжья. Выпускъ первый. Краткій словарь писателей-нижегородцевъ. Подъ редакціей члена комиссіи В. Е. Чехихина (Ч. Вѣтринскаго). Нижній-Новгородъ. 1915. А. Налимова.—6) Леонидъ Семеновъ. М. Ю. Лермонтовъ. Статьи и замѣтки. I. Москва. 1915. Л. Семеновъ. Къ вопросу о вліяніи Марлинскаго на Лермонтова. Оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ» за 1914 годъ. Воронежъ. 1914. Влад. Мяннина.—7) Сэръ Исавль Ньютонъ. Замѣчанія на книгу пророка Давида и Апокалипсисъ св. Іоанна. Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Петроградъ. 1915. ив. Ювачева.—8) Культурно-историческіе памятники древняго Востока. Подъ редакціей профессора Б. А. Тураева. Выпускъ 2-й. И. М. Волкова. Арамейскіе документы іудейской колоніи на Элефантинѣ V вѣка до Р. Х. Съ 10 рис. М. 1915. Вып. 3-й Б. А. Тураевъ. Разсказъ египтянина Синухета и образцы египетскихъ документальныхъ автобиографій. Съ рис. М. 1915. с. л.—на.—9) Сборникъ въ честь профессора Ф. А. Брауна («Записки нефилологическаго общества при императорскомъ петроградскомъ университетѣ». Вып. VIII). Пгр. 1915. 1. в.—10) Каталогъ выставки XVI всероссійскаго археологическаго съѣзда 1914 года во Псковѣ, отмѣненной по случаю войны. Псковъ. 1915. Д. Бочкова.—11) В. С. Иконниковъ. Максимъ Грекъ и его время. Историческое изслѣдованіе. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Кіевъ. 1915. н. г. Р.—12) Василенко, Н. П. Очерки по исторіи Западной Руси и украинства. Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ. Составлена

при участіи профессоръ и преподавателей подъ редакціей профессора М. В. Довнаръ-Запольскаго. Томъ III. Приложение, Киевъ. 1916. н. Любвича.—13) Рязанская губернія въ 1812 году, преимущественно съ бытовой стороны. Матеріалы для исторіи отечественной войны. Составилъ И. И. Проходцовъ. Т. I. 1913. Т. II. 1915. п. Майнова.—14) Собраніе матеріаловъ для описанія крѣпостей и племень Кавказа. Вып. 44. Тифлисъ. 1915. а. Малимова.—15) Архивъ Раевскій. Томъ V. Редакція и примѣчанія В. Л. Модзалевскаго. Пгр. 1915. вл. кн.—16) К. К. Арсеньева. За четверть вѣка. (1871—1894). Сборникъ статей. Пгр. 1915. м.—17) С. Л. Цинбергъ. Исторія еврейской печати въ Россіи въ связи съ общественными теченіями. Пгр. 1915. с. л.—на.—18) Историческое Олоурніе. Т. 20. Пгр. 1915. п. б.—19) Сборникъ статей въ честь Владислава Петровича Бузескула. Томъ XXI сборника харьковскаго историко-филологическаго общества. Харьковъ. 1913—1915. м.—20) А. П. Фаресовъ. Народъ безъ водки. (Путевые очерки). Петроградъ. 1916. м.—о.—21) В. К. Лукомскій и баронъ Н. А. Типольтъ. Русская геральдика. Руководство къ составленію и описанію гербовъ. Петроградъ. 1915. з. и. б.—22) Чего ждетъ Германія отъ войны? Бесѣды съ германскими общественными дѣятелями. Редакція, примѣчанія и предисловія Р. Стрѣльцова. Переводъ З. Венгеровой и Н. М. Лагова. Пгр. 1915. д. а. м.—23) Н. А. Павловъ. Записки землевладельца. Пгр. 1915. а. д.—24) Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые императорскою археологическою комиссіей. № 84. Доклады, читанные на лондонскомъ международномъ конгрессѣ историковъ 1913 г. графомъ А. А. Гобринскимъ, Е. М. Придиномъ, М. Н. Ростовцевымъ, В. В. Фармаковскимъ и Э. Р. фонъ-Штерномъ. Съ 59 таблицами и 40 рисунками въ текстѣ. Петроградъ. 1915. с. Цыбульскаго.—25) Собраніе сочиненій Александра Николаевича Веселовскаго. Серия II, томъ 3-й. Италия и Возрожденіе. Боккаччо, его среда и смертники. Томъ первый (1893). Томъ пятый. Петроградъ. 1915. в. к.—26) Фукидидъ. Исторія. Т. I и II. Переводъ Ф. Мищенко въ переработкѣ, съ примѣчаніями и вступительнымъ очеркомъ С. Жебелева. М. 1915. д.—27) Труды состоявшей подъ Высочайшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора и находящейся подъ августѣйшимъ почетнымъ попечительствомъ его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича тульской губернской ученой архивной комиссіи. Книга I. 1513.—10-го ноября 1914 г. Тула 1915. вл. кн.—28) Изданія русскаго биологическаго общества. Биологическій сборникъ. Т. I. Вып. 2. Био-библиографические матеріалы, собранные въ 1913—1914 г.г. Э. А. Волтеромъ. Петроградъ. 1915. Доклады и отчеты. Выпускъ III. 1913—1914 г.г. Петроградъ. 1915. з.—29) Письма и бумаги Суворова. Томъ первый. Письма 1764—1781 г.г. Объяснилъ и примѣчаніями снабдилъ В. Алексѣевъ. Петроградъ. 1916. б. Модзалевскаго.—30) М. Н. Покровский. Очеркъ исторіи русской культуры. Часть I-ая. Москва. л. л.—31) Труды полтавской ученой архивной комиссіи. Издано подъ редакціей действительныхъ членовъ комиссіи Н. Ф. Павловскаго, А. Ф. Мальцева и Л. В. Падялки. Выпускъ 13. Полтава. 1915. Пав. Рос.—ва.—32) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. 1915 годъ. Книга третья (двѣсти пятьдесятъ четвертая). Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любвickaго. Москва. 1915. т. м.—33) «Русскія народныя картинки». Матеріалы для полнаго описанія пухъ со снѣжками. Описалъ А. Э. Мазьгрень. Часть первая. Сказки, былины, пѣсни, басни, п. вѣсти и «зѣбавные листы». Вып. 1-й. Митава. 1915. Ал-дра Елецкаго.—34) Е. В. Аничковъ. Очеркъ развитія эстетическихъ ученій (сборникъ «Вопросы теоріи и психологіи творчества»). Т. VI. Харьковъ. 1915. і. в.—35) Г. Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Томъ I. Созданіе имперіи. Переводъ А. Захарова. Москва. 1915. м.—36) С. П. Шестаковъ. Лекціи по исторіи Византии. Томъ I. Казань. 1915. п. б.—37) Виллари, Пасквале, Никколо Макіавелли и его время. Томъ I. Со вступительной статьей профессора М. М. Ковалевскаго. Переводъ съ итальянскаго Н. М. Кригеля. 1916. м. Любвича.—38) Н. А. Рубакинъ. Среди книгъ. Справочное пособіе для само-

образования и для систематизации и комплектования общеобразовательных библиотек, а также книжных магазинов. Томъ III. Часть I. Москва. 1915. А. Малюмова.—39) Чуковский. Заговорили молчавшіе. Томми Атвнсь на волѣхъ. Пгр. 1916. Дм. Мясниченна.—40) А. Яценко. Начальное землевладѣніе (курсъ географіи для младшихъ классовъ) на приѣбрахъ преимущественно въ природы Россіи, примѣнительно къ новымъ программамъ министерства народнаго просвѣщенія, съ приложеніемъ очерковъ родновѣдѣнія и краткаго обзора частей свѣта, съ 30-ю красочными автотипіями съ цвѣточныхъ фотографій, двумя географическими картами и 202 рисунками въ текстѣ. Пгр. 1916. н. г. Р.—41) Отчетъ императорской археологической комиссіи за 1911 годъ. Съ 143 рисунками въ текстѣ. Петроградъ. 1915. с. цыбульскаго.—42) Архивъ Государственнаго совѣта. Журналы секретнаго и главнаго комитетовъ по крестьянскому дѣлу. Томъ первый. Съ 3-го января 1857 года по 30-е ноября 1860 года. Томъ второй. Съ 10-го октября 1860 года по 13-е февраля 1861 года. Журналы и меморіи общаго собранія Г. Совѣта по крестьянскому дѣлу. Съ 28 янв. по 14 марта 1861 г. (т. III).—Приложеніе къ журналу главнаго комитета по крестьянскому дѣлу. Петр. 1915.—Опись дѣлъ архива Г. Совѣта. Томъ XI. Дѣла Г. Совѣта съ 1889 г. по 1894 г.—Томъ XII. Дѣла Г. Совѣта съ 1895 по 1899 г. Петр. 1914 т. м.—43) Описание русскихъ рукописныхъ собраній. Выпускъ 1-й. Г. П. Георгиевскій. Рукописи Т. Ф. Гольшакова, хранящіяся въ императорскомъ московскомъ и Румянцовскомъ музеѣ. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Петроградъ. 1915. Александра Лебедева.—44) Черноморское побережье Кавказа. Справочная книга. Сост. Ф. П. Доброхотовъ и др. съ предисловіемъ статьи-сезретаря А. С. Ермолова. Подъ редакціей Н. И. Воробьева. Пгр. 1915. Дм. м.—45) Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи (годъ двадцать восьмой). Подъ редакціей председателя комиссіи А. с. Ив. Маркевича. Симферополь. 1915. а. м.—46) Труды вятской ученой архивной комиссіи. 1914 годъ. Вып. II—III. Вятка. 1914. Тоже 1915 годъ. Вып. I. л. л.—47) Великорусскія сказки Вятской губерніи. Съ приложеніемъ шести (пятн?) вотяцкихъ сказокъ. Собралъ Д. К. Зеленинъ. (Изъ «Записокъ императорскаго русскаго географическаго общества по отдѣленію этнографіи», т. XLIV, 1915 г.). Пгр. 1915. т. м.—48) Извѣстія императорской археологической комиссіи. Выпускъ 51, 52 съ прибавленіемъ, 53, 54 съ прибавленіемъ къ нему, 55, 56 съ прибавленіемъ. Петроградъ. 1915. С. Цыбульскаго.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника» 294, 594, 892

Новости исторіи. Е. С. Шумигрскіаго 537, 896

Заграничныя историческія новости и мелочи 297, 597, 903

1) Последніе дни диктатуры Бисмарка.—2) Подлинная Австрія.—3) Къ исторіи вѣмецкаго шовинизма.—4) Последніе дни Бисмарка.—5) Рембрандтъ и Спиноза.—6) Византійскій императоръ въ Лондонѣ и Парижѣ.—7) Австрійскій дворъ въ XVIII вѣкѣ.—8) Дворъ мира.—9) Англійскія амазонки.—10) Къ исторіи вѣмецкаго шовинизма.—11) Экспедиція генерала Гоша въ Ирландію.—12) Исторія Наполеоновской маски.—13) Вѣтцы и французская наука.

Смѣсь 312, 615, 919

1) Собраніе археологическаго общества.—2) Выставка древне-восточнаго искусства въ Москвѣ.—3) Общее собраніе императорской академіи художествъ.—4) Двадцатипятилѣтіе литературно-педагогической дѣятельности А. Л. Диповскаго.—5) Годовое собраніе академіи наукъ.—6) Преміи

по отдѣленію русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ.—7) Въ литературномъ фондѣ.—8) Юбилей профессора лейбъ-медика В. Н. Сироткина.—9) Осмотръ ризницы Благовѣщенскаго собора.—10) О государственномъ межевомъ архивѣ въ Москвѣ.—11) Собраніе литературнаго фонда.—12) Годовое собраніе литературно-художественнаго общества.—13) Награды императорскаго русскаго географическаго общества.—14) Юбилей проф. Г. И. Челпалова.—15) Отъ всероссійскаго съѣзда по вопросамъ народнаго образованія.

Некрологи 316, 620, 923

1) Иваненко, В. Н.—2) Раухфусъ, К. А.—3) Рукавишниковъ, К. В.—4) Сатунинъ, К. А.—5) Славинскій, М. Е.—6) Черниговецъ-Вишневскій, Ѳ. В. 7) Кауфманъ, И. И.—8) Лянды, С. И.—9) Мартыновъ, Н. Г.—10) Потѣхинъ, П. А.—11) Соколовъ, Д. А.—12) Цибугинъ, В. И.—13) Чайковскій, М. И.—14) Черемисинъ, П. Н.—15) Эттингеръ, Ѳ. В.—16) Воейковъ, А. И.—17) Воронцовъ-Дашковъ, П. И., графъ.—18) Павловъ, Е. В.—19) Трофимовъ, В. В.—20) Шостыинъ, А. П.

Замѣтки и поправки. 320

1) I. Къ некрологу И. И. Лютостанскаго. т. м.—2) II.—3) III.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ графа Алексѣя Константиновича Толстого въ молодости.—2) Портретъ высокопреосвященнаго Антонія, митрополита с.-петербургскаго и ладожскаго.—3) Портретъ Сергѣя Ѳедоровича Шарапова.—4) Въ бархатныхъ когтяхъ. I—XVII. Историческій романъ Генри Ситонъ-Меримена. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова.

СЕРГѢЙ ФЕДОРОВИЧЪ ШАРАПОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВАДЦАТАГО ноября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что въ ночь на 19-е ноября противникъ послѣ сильной артиллерійской подготовки повелъ атаку на с. Ст.-Подчеревичи, на лѣвомъ берегу р. Стыри, юго-западнѣ Рафаловки. Первоначально потѣсненные наши части къ семи часамъ вечера возстановили положеніе и вновь заняли с. Ст.-Подчеревичи. Сосредоточеннымъ огнемъ нашей артиллеріи по дер. Семки, на лѣвомъ берегу Стыри, выше Чарторійска, противнику были нанесены серьезные потери. Противникъ бѣжалъ въ паникѣ. Въ Галиціи, къ югу отъ Н.-Алексинца, нашимъ артиллерійскимъ огнемъ разогнано значительное скопленіе австрійцевъ. Противникъ, перешедшій днемъ 19-го ноября въ наступленіе на дер. Брикута, западнѣ Трёмбовли, былъ отброшенъ. Наступленіе противника на дер. Яновку, сѣверо-восточнѣ Бучача, было отражено нашимъ огнемъ. На кавказскомъ фронтѣ на южномъ берегу Ванскаго озера наши передовыя части, преслѣдуя отступающія изъ района Варкуниса турецкія войска, продвинулись на переходъ въ направленіи къ Битлису. На всемъ фронтѣ нѣсколько дней подъ рядъ свирѣпствовала метель, горы покрыты глубокимъ снѣгомъ.

Согласно официальнымъ даннымъ англійскаго правительства, общее число потерь англійской арміи на всѣхъ фронтахъ достигло 510,230 человекъ.

Французскій президентъ Пуанкаре подписалъ декретъ о назначеніи генерала Жоффра главнокомандующимъ французскими арміями.

Сербы эвакуировали Монастырь, находившійся въ очень затруднительномъ положеніи. Телеграфное сообщеніе между Солунью и Монастыремъ прервано съ 19-го ноября. Германско-болгарскія войска вступили 20-го ноября утромъ въ Монастырь и на общественныхъ зданіяхъ подняли германскіе и болгарскіе флаги.

Черногорцы отразили на всѣхъ пунктахъ сильную атаку на свои позиціи у рѣки Чехотины близъ Плевля.

На итальянскомъ фронтѣ непріятель развилъ энергичный артиллерійскій и пулеметный огонь противъ позицій, расположенныхъ на Монте-Піано, у входа въ долину Ріэнцъ, не предпринимая атакъ. Обстрѣлъ не причинилъ итальянцамъ никакого вреда. Вдоль фронта рѣки Изонцо туманъ и не прекращающійся дождь препятствовали дѣйствіямъ артиллерии. Непріятель пытался воспользоваться этимъ для атакъ противъ новыхъ позицій итальянскихъ войскъ къ востоку отъ Ославии и вдоль сѣверныхъ склоновъ горы Санъ-Микеле. Однако онъ былъ повсюду тотчасъ же отраженъ.

На контрфорсѣ Мрзли (районъ Монте-Неро) въ ночь на 20-е ноября, послѣ усиленной подготовки артиллерійскимъ огнемъ орудій всѣхъ калибровъ, густыя массы непріятельской пѣхоты, волна за волной, двинулись на наши окопы. Несмотря на смертоносность нашего точнаго и частаго огня, группамъ непріятеля мѣстами удалось проникнуть въ наши линіи; однако въ послѣдовавшей схваткѣ непріятель былъ отброшенъ. Послѣ упорной борьбы непріятель былъ обращенъ въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ битвы, кромѣ 500 труповъ, 131 плѣннаго, въ томъ числѣ 3 офицеровъ.

Равнымъ образомъ въ зонѣ Санъ-Микеле на Карсо итальянцы отразили нѣсколько попытокъ непріятеля перейти въ атаку.

20-го ноября въ Бельгии, къ югу отъ Ломбартиде, французы снова завладѣли небольшимъ постомъ, который былъ у нихъ отнятъ прошлой ночью неожиданнымъ нападеніемъ. Между Соммой и Уазой, къ сѣверо-западу отъ Фѣ, происходилъ минный бой. Французская артиллерія разрушила непріятельскія прикрытія, сооруженія и склады припасовъ, расположенные къ сѣверу отъ Локура. Въ Апремонскомъ лѣсу происходилъ бой съ примѣненіемъ ручныхъ гранатъ. Въ Вогезахъ бомбардировкою непріятелемъ города Танна, прекращенною огнемъ французскихъ батарей, были произведены лишь незначительныя разрушенія.

21-го ноября наступательная попытка нѣмцевъ въ двинскомъ районѣ, вблизи ф. Шишково (сѣверо-западнѣе озера Свентень), была остановлена нашимъ ружейнымъ огнемъ.

21-го ноября было опубликовано слѣдующее официальное сообщеніе великобританскаго правительства о ходѣ военныхъ дѣйствій въ Месопотаміи: «Какъ уже было сообщено, генераль Таунсендъ удержалъ поле битвы у Ктезифона и отражалъ всѣ контръ-атаки до тѣхъ поръ, пока не была закончена эвакуація раненыхъ и захваченныхъ 1600 плѣнныхъ. Затѣмъ генераль, въ виду нашихъ большихъ потерь и прибытія турецкихъ подкрѣпленій, отступилъ. Общій итогъ нашихъ потерь во время этихъ операцій достигаетъ 4567, но нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, что былъ раненъ гражданскій чиновникъ, какъ объ этомъ говорится въ турецкомъ сообщеніи. Въ ночь на 17-е ноября генераль Таунсендъ выдержалъ рѣшительный бой противъ превосходящихъ силъ непріятеля, причемъ въ этомъ бою наши потери исчисляются въ 150 человекъ. Мы должны были бросить два рѣчныхъ судна, поврежденныхъ снарядами, но лишь послѣ того, какъ были приведены въ негодность орудія и машины. Гене-

радь Таунсендъ говорить о твердости войскъ и порядкѣ, въ которомъ они отступали. По послѣднимъ донесеніямъ, генераль находился въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Кутъ-эль-Амара, по направленію къ которому и послѣдовало отступление. Въ опроверженіе германскихъ официальнаго сообщенія и радиограммы можно прибавить, что британскія войска никогда не несутъ знаменъ въ бой.

На французскомъ фронтѣ дурная погода затруднила развитіе военныхъ операций; обычная бомбардировка продолжалась.

Бельгійской артиллеріи удалось въ нѣсколькихъ пунктахъ уничтожить оборонительныя работы непріятели и помѣшать ихъ возстановленію, въ особенности близъ германскихъ постовъ Денторень и Оудстейвекенскерке. Батареи бельгійцевъ удачно обстрѣляли непріятельскую артиллерію, проявившую, впрочемъ, мало дѣятельности и избравшую объектомъ районъ непосредственно къ западу отъ Диксмуде.

Непріятель 21-го ноября повелъ энергичную атаку противъ черногорскихъ позицій на лѣвомъ берегу р. Чекотины, которая, однако, была ими отражена, причемъ они взяли плѣнныхъ. Точно также черногорскими войсками были отбиты атаки въ направленіяхъ Бродарева, Сенитцы и Вѣлополя. Непріятель понесъ тяжкія потери.

У Дарданеллъ въ теченіе дня 21-го ноября артиллерія обѣихъ сторонъ поддерживала весьма сильный огонь, причемъ батареи союзниковъ обстрѣляли группы непріятельскихъ рабочихъ въ районѣ устья Керевесъ-Дере. Французскими аэропланами было сброшено большое количество бомбъ въ лагерныя расположенія турокъ.

22-го ноября на французскомъ фронтѣ въ теченіе дня артиллерія проявляла болѣе энергичную дѣятельность. Въ Вельгии французскія батареи успѣшно обстрѣливали траншейные ходы въ районѣ Гегсаса, гдѣ наблюдались передвиженія непріятельскихъ войскъ. Въ Артуа французская артиллерія энергично отвѣчала на сильный огонь непріятели по траншеямъ французовъ у Красье и Дубль къ юго-западу отъ Лооса. Германцами было выпущено нѣсколько зажигательныхъ снарядовъ по Аррасу, не причинившихъ, однако, серьезнаго вреда. На пространствѣ между рѣками Соммой и Уазой огнемъ французскихъ траншейныхъ орудій уничтожены непріятельскіе посты къ сѣверу отъ Эрбекура и пулеметное прикрытіе подъ куполомъ у Тиллолуа. Минная борьба продолжалась въ районѣ Фризь, въ лѣсу Сенъ-Маръ, къ востоку отъ Траси-ле-Валь, и на правомъ берегу Мааса, у Эпаржъ, причемъ французы имѣли перевѣсъ.

Огнемъ бельгійской артиллеріи нѣсколько разъ останавливались попытки непріятельскихъ батарей обстрѣлять скопленія бельгійскихъ войскъ у Оосткерке, Ньюкапелле и Удекапелле. Бельгійцы разрушили два непріятельскихъ прикрытія и двѣ траншеи, а именно у Маннекенсвере и на Иперле. Днемъ бельгійская артиллерія выбила изъ фермы Терстилле германскихъ рабочихъ, которые открыли огонь по передовымъ постамъ бельгійскихъ войскъ.

Вечеромъ 22-го ноября болгары повели сильную атаку противъ французскаго предмостнаго укрѣпленія у Демиръ-Капу на Вардарѣ. Эта атака была совершенно отражена.

Союзными войсками отбиты атаки болгаръ у Костурина и отражена попытка переправы черезъ рѣку Црну. Большая часть сербской арміи отступила въ Албанію. Болгары и турки сосредоточиваются на побережьи Эракіи для противодѣйствія высадкѣ союзниковъ.

22-го ноября черногорское правительство сообщило:

«Непріятель атаковалъ наши передовые посты близъ Челерича и въ направленіи Плевля. Наши слабые отряды оказывали упорное сопротивленіе въ теченіе всего дня, а затѣмъ отошли къ главной оборонительной позиціи. По соображеніямъ общаго стратегическаго положенія, мы вынуждены были эвакуировать область Джажесувы. Утромъ два австрійскихъ аэроплана появились надъ Цетиньсмъ и сбросили 8 бомбъ, причинившихъ лишь незначительныя поврежденія. Одна изъ этихъ бомбъ упала на площадку лаунъ-тенниса въ англійской миссіи, другая у сада французской миссіи, причемъ ею выбиты стекла въ окнахъ. Король Николай немедленно посѣтилъ французскаго и великобританскаго посланниковъ. Утромъ 21-го ноября австрійская эскадра въ составѣ одного крейсера и семи контръ-миноносцевъ бомбардировала бухту Санъ-Джіованни-ди-Медуа. Затѣмъ ею потоплены два парохода, въ томъ числѣ одинъ итальянскій, и 10 черногорскихъ парусниковъ, груженныхъ съѣстными припасами. Этими же австрійскими судами потоплена у побережья Боаны французская подводная лодка, экипажъ которой взятъ въ плѣнъ».

Въ двинскомъ районѣ 23-го ноября ночью нѣмцы въ теченіе четверти часа безрезультатно обстрѣливали огнемъ тяжелой артиллеріи наши окопы на фронтѣ отъ дер. Борской (на р. Зап. Двинѣ) и до м. Иллукста. Къ югу отъ м. Рафаловки (на р. Стыри) противникъ повелъ наступленіе на кладбище у дер. Козлиничи, остановленное огнемъ нашей артиллеріи.

Въ теченіе дня 23-го ноября происходила довольно упорная артиллерійская перестрѣлка въ Артуа, въ окрестностяхъ Лооса и Суше, а также на пространствѣ между Соммой и Уазой, гдѣ французская батарея обстрѣляла колонну обоза близъ Фэ, а также войска, передвигавшіяся позади непріятельскаго фронта близъ Гаттангура и Локура. Довольно сильная артиллерійская перестрѣлка происходила и въ Шампани на пространствѣ между райономъ Севъ-Суплэ и Массижъ и, кромѣ того, въ Аргоннахъ, у Отъ-Шевоше.

Бельгійскія батареи въ различныхъ пунктахъ удачно обстрѣливали группы германскихъ солдатъ, въ частности близъ Шоорбакке и Воумень. Германская артиллерія проявляла нѣкоторую дѣятельность въ теченіе второй части дня; бельгійцы успѣшно отвѣчали на ея огонь.

Черногорскія войска перешли въ энергичную контръ-атаку противъ непріятеля въ направленіи Табука—Матароже. Имъ удалось отбросить непріятеля за его позиціи. Идутъ авангардные бои.

Несмотря на неблагоприятное состояніе погоды, на всемъ протяженіи итальянскаго фронта происходила артиллерійская перестрѣлка. Огнемъ итальянской артиллеріи были разрушены непріятельскія прикрытія въ районѣ Волайя, въ Карни, и разбѣяны отряды войскъ въ долину Зеебаха. Непріятельская артиллерія обстрѣляла Пауларо, въ верхней части долины Кіарцо, а также Монфальконе, причинивъ нѣкоторые поврежденія. Непріятельскіе отряды

пытались под прикрытіем тумана въ нѣсколькихъ мѣстахъ прорвать линіи расположенія итальянскихъ войскъ, но были всюду отброшены, а въ районѣ Глобра, на Среднемъ Изонцо, контръ-атакой итальянцевъ, были обращены въ бѣгство. Въ результатъ смѣлыхъ подвиженій итальянскихъ пѣхотныхъ частей они имѣли нѣкоторый успѣхъ на Карсо.

23-го ноября великобританское адмиралтейство увѣдомило:

«Англійская подводная лодка, дѣйствующая въ Мраморномъ морѣ, 19-го ноября обстрѣляла поѣздъ Исмидской желѣзной дороги и нанесла ему серьезныя поврежденія. 20-го ноября лодка потопила миной турецкій контръ-миноносецъ «Яргиссаръ» у входа въ Исмидскій заливъ, причемъ подобрала изъ состава его команды двухъ офицеровъ и 40 человекъ матросовъ и посадила ихъ на парусное судно. 21-го ноября та же лодка на высотѣ Пандермы потопила грузовой пароходъ въ 3000 тоннъ водоизмѣщенія и, наконецъ, уничтожила артиллерійскимъ огнемъ 4 парусника, груженныхъ военными припасами».

24-го ноября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что въ районѣ м. Крево, къ югу отъ р. Вилии, нами подбитъ ружейной пулей непріятельскій аэропланъ, летчики взяты въ плѣнъ.

Въ районѣ дер. Яновка, сѣверо-восточнѣе м. Бучачъ, противникъ, подъ прикрытіемъ сильнаго артиллерійскаго огня, пытался продвинуться къ востоку, но былъ отброшенъ къ дер. Пелава. Также безуспѣшны были попытки противника атаковать наши войска въ районахъ деревень Язловець и Пышковце (въ районѣ м. Бучачъ).

Западнѣе оз. Свентень, а также къ югу отъ р. Вилии и въ районѣ дер. Цеброва къ сѣверо-западу отъ Тарнополя имѣли мѣсто удачныя поиски нашихъ развѣдчиковъ.

На фронтѣ отъ Чернаго моря и до южнаго берега Ванскаго озера—удачныя поиски нашихъ развѣдчиковъ. Въ районѣ къ югу отъ Хоросана (на рѣкѣ Араксѣ) на нѣкоторыхъ горныхъ участкахъ, послѣ свирѣпствовавшихъ метелей, толщина снѣжнаго покрова достигаетъ восьми аршинъ.

24-го ноября происходила оживленная артиллерійская перестрѣлка, особенно въ долинѣ Джу-ди-Карія, долинѣ Кончеи и въ Карнии. Дѣйствія итальянскихъ пѣхотинцевъ на Карсо дали имъ возможность захватить военные матеріалы, въ томъ числѣ одинъ аппаратъ для изготовленія газовъ, два бомбомета, ружья и снаряды.

24-го ноября въ Бельгіи французская артиллерія, дѣйствуя совмѣстно съ бельгійской, обстрѣляла непріятельскія полевые укрѣпленія въ районѣ Гетсаса и совершенно разрушила ихъ, причемъ взорваны были два склада боевыхъ припасовъ.

Бельгійская артиллерія успѣшно обстрѣляла нѣсколько группъ непріятельскихъ войскъ къ сѣверу и къ югу отъ Диксмюде. Кромѣ того, бельгійскія батареи бомбардировали германскія траншеи у Воумена въ отвѣтъ на примѣненіе непріателемъ снарядовъ, вызывающихъ слезотеченіе. Въ секторѣ Стенстрате бельгійская артиллерія совмѣстно съ французскими батареями разрушила довольно сильныя непріятельскіе окопы. По нѣкоторымъ несомнѣннымъ признакамъ можно заключить, что наводненіе въ районѣ Изера создаетъ огромныя

затрудненія для непріятельскихъ войскъ, которыя въ виду угрожавшей имъ опасности отъ затопленія покинули многія изъ своихъ передовыхъ полевыхъ укрѣпленій.

Въ Артуа артиллерійская борьба въ теченіе дня приняла весьма напряженный характеръ. Сильная перестрѣлка происходила въ районѣ Живанши, къ сѣверу отъ Буа-анъ-Ашъ, гдѣ велись также бои крупными бомбами. Въ секторѣ у дороги на Лилль французскими батареями успѣшно обстрѣляны непріятельскія галлерей. Въ районѣ Крейонъ происходили удачныя для французовъ стычки патрулей. Въ Шампани продолжался бой изъ-за обладанія вынесенной впередъ траншеи къ югу отъ Сень-Суплэ, причемъ въ результатѣ контръ-атакъ французамъ удалось вновь занять большую часть уступленнаго нами ранѣе участка траншей. Другая незначительная атака мѣстнаго значенія была произведена къ востоку отъ Суэнскаго холма.

25-го ноября противникъ пытался переправиться черезъ рукавъ р. Западной Двины на островъ южнѣе м. Иксколя, но былъ отогнанъ съ берега ружейнымъ огнемъ. Наша тяжелая батарея заставила спуститься въ районѣ Мерцендорфа (сѣвернѣе Балдона) нѣмецкій аэростатъ; при дальнѣйшемъ обстрѣлѣ района его спуска послѣдовалъ сильный взрывъ, вызванный, вѣроятно, уничтоженіемъ нашимъ огнемъ этого аэростата или хранилища газовъ.

25-го ноября на французскомъ фронтѣ артиллерійская перестрѣлка происходила въ Артуа, въ секторахъ Лооса и Живанши, между Соммой и Узой, въ районѣ Фуке-Куръ. Въ Шампани артиллерія французовъ энергично отвѣчала на открытый непріателемъ орудійный огонь. Произведенныя французскими летчиками наблюденія установили большую мѣткость огня французовъ. Бои съ примѣненіемъ гранатъ продолжались къ востоку отъ холма Суэнъ, гдѣ французы упрочили свое продвиженіе впередъ. Между Аргоннами и Маасомъ близъ Бстэнкура, французскія батареи разрушили резервуары съ удушливыми газами. Утромъ 25-го ноября одинъ изъ французскихъ аэроплановъ на высотѣ 3000 метровъ преслѣдовалъ германскій аппаратъ и, приблизившись къ нему на разстояніе 20 метровъ, обстрѣлялъ его изъ пулемета. На непріятельскомъ аппаратѣ вспыхнулъ огонь, вслѣдъ за которымъ произошелъ взрывъ. Находившіеся въ немъ два летчика упали въ расположеніе французскихъ войскъ близъ Тиллелуа.

25-го ноября непріятель энергично атаковалъ чернгорскую санджакскую армію, но всюду былъ отбитъ. Послѣ продолжавшихся нѣсколько дней боевъ на фронтѣ сербскихъ войскъ австрійцы заняли Печь (Ипекъ). 25-го ноября чернгорцы отразили по ту сторону Дубочицы энергичныя атаки непріятеля, понесшаго большія потери убитыми и ранеными и захватили около сотни плѣнныхъ. Австрійскіе аэропланы обстрѣляли Цетинье и казармы въ Скадрѣ, но безрезультатно. Франко-англійскій санитарный отрядъ прибылъ въ Скадръ черезъ Ипекъ и Подгорицу.

На всемъ итальянскомъ фронтѣ непріятельская артиллерія усилила свою дѣятельность, но батареи итальянцевъ успѣшно боролись съ нею; противникъ широко пользовался газами, вызывающими слезотеченіе.

Послѣ сильной артиллерійской подготовки непріятельская пѣхота атако-

вала позиции итальянцев къ северу отъ Пре и отъ долины Ледро и къ востоку отъ Пиаццо, въ долину Терраноло. Однако атаки эти были рѣшительно отбиты. На Карсо, несмотря на неблагоприятное состояніе погоды, итальянская пѣхота продолжала наступать. Въ результатъ блестящаго дѣла, происходившаго 24 ноября въ северномъ районѣ горы Санъ-Микеле, итальянцамъ удалось занять сильно укрѣпленный большой непріятельскій окопъ къ востоку отъ Петеано, причѣмъ они взяли въ плѣнъ 146 австрійцевъ, въ томъ числѣ 8 офицеровъ, и захватили большое число ружей, боевыхъ припасовъ и разнаго военнаго матеріала.

26-го ноября въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Рижскаго фронта наша артиллерія удачно дѣйствовала противъ батарей противника и заставила ихъ замолчать. Южнѣе Иксюля нѣмцы пустили удушливый газъ въ наши окопы. На Двинскомъ фронтѣ партіи нѣмцевъ пытались неоднократно выходить изъ своихъ окоповъ, но нашимъ ружейнымъ огнемъ легко загонялись обратно.

Наши войска одержали въ направленіи Гамадана побѣду надъ наемниками Германіи и Турціи. Нашими войсками занята важная позиция близъ гор. Аве, откуда продолжалось дальнѣйшее наступленіе.

26-го ноября почти на всемъ бельгійскомъ фронтѣ происходила довольно оживленная артиллерійская перестрѣлка. Бельгійцы успѣшно отвѣчали на огонь непріятельскихъ батарей, разрушили германскія укрѣпленія близъ Ветенкура, бельгійскія батареи разстрѣляли отрядъ германскихъ войскъ на дорогѣ изъ Диксмуде въ Стеенстаге.

Въ Шампани ночью на 26-е ноября французская артиллерія, продолжавшая обстрѣлъ германскихъ позиций, взорвала складъ снарядовъ къ югу отъ Сень-Супла. Контръ-атаки французовъ къ востоку отъ Суэнскаго холма продолжали тѣснить непріятеля, который держится еще лишь на одномъ участкѣ выдвинутой впередъ траншеи, совершенно разрушенной, и французскія батареи постояннымъ обстрѣломъ не даютъ непріятелю возможности въ ней укрѣпиться. Въ Аргоннахъ французы успѣшно взорвали двѣ мины въ районѣ Огъ-Шевоше.

26-го ноября французское правительство сообщило слѣдующій отчетъ о ходѣ военныхъ дѣйствій у Дарданеллъ:

«22-го ноября попытка наступленій со стороны непріятеля была немедленно остановлена нашимъ огнемъ. 23-го ноября успѣшнымъ огнемъ нашихъ траншейныхъ орудій была произведена брешь въ непріятельскихъ линіяхъ и вызванъ взрывъ въ турецкомъ складѣ снарядовъ. Непріятель отвѣчалъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, не причинившимъ никакого вреда. Въ Мраморномъ морѣ англійская подводная лодка потопила миной турецкій контръ-миноносецъ «Яргиссаръ», взявъ въ плѣнъ 2 офицеровъ и 10 нижнихъ чиновъ».

Британское военное министерство извѣстило:

«Послѣ ожесточенной бомбардировки болгары 23-го ноября атаквали наши войска къ западу отъ Доѳранскаго озера, причѣмъ небольшимъ отрядамъ болгаръ удалось ворваться въ наши передовыя траншеи, но они были немедленно выбиты изъ нихъ штыками. Утромъ 24-го ноября болгары вновь атаквали насъ и, благодаря своему численному превосходству, отбѣснили наши войска съ ихъ позиций. Подъ прикрытіемъ темноты наши войска были ото-

двинуты на новую линію. Еще не получено донесеніе о понесенныхъ нами потеряхъ. 25-го ноября англійскія войска удачно отбили всѣ атаки непріятеля и къ вечеру отошли на новую позицію, дабы согласовать свое расположеніе съ общей линіей фронта».

26-го ноября итальянская главная квартира сообщила:

«На различныхъ пунктахъ нашего обширнаго фронта непріятельская артиллерія пыталась помѣшать нашимъ работамъ по усиленію позицій, однако мѣткимъ огнемъ нашихъ батарей намѣреніе это было парализовано. Въ районѣ Монте-Неро непріятельскіе отряды подъ прикрытіемъ тумана ворвались въ одно изъ нашихъ полевыхъ укрѣпленій на склонѣ Водилия, но были тотчасъ же отброшены нашей контръ-атакой. На фронтѣ Изонцо крайне плохое состояніе грунта въ результатѣ продолжительныхъ дождей не ослабляетъ энергии нашей пѣхоты. Такъ, на высотахъ Кальваріо, къ западу отъ Горицы, она заняла вчера непріятельское прикрытіе, захвативъ при этомъ 80 ружей, боевые припасы и разные военные матеріалы. Въ секторѣ горы Санъ-Микеле, на Карсо, въ мелкихъ бояхъ мы взяли у непріятеля 71 плѣннаго и въ числѣ ихъ 3 офицеровъ».

27-го ноября близъ Шумска, къ востоку отъ Кременца, въ наше расположеніе опустился австрійскій аэропланъ. На кавказскомъ фронтѣ, въ Персіи— на полпути между Тегераномъ и Хамаданомъ наши войска разбили германотурецкій отрядъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ тысячъ бунтующихъ персидскихъ жандармовъ и вооруженныхъ бандъ, съ артиллеріей и пулеметами. Противникъ, сбитый съ цѣлаго ряда позицій, потерявъ большое количество убитыми и ранеными, бѣжалъ.

На бельгійскомъ фронтѣ день 27 ноября былъ отмѣченъ крайне упорной артиллерійской борьбой. Бельгійскія батареи успѣшно обстрѣляли группы непріятельскихъ войскъ, а также непріятельскую артиллерію у Спермалиса. Эссена и Воумена. Въ районѣ дома паромщика бельгійскія орудія 75-милликалибра заставили замолчать германскіе минометы, обнаруживавшіе нѣкоторую дѣятельность.

На французскомъ фронтѣ въ теченіе дня 27-го ноября французская артиллерія проявляла значительную дѣятельность въ частности въ Артуа, гдѣ она принудила къ молчанію непріятельскія батареи, обстрѣливавшія Боанъ-Ашъ. Кромѣ того, батареи французовъ удачно обстрѣляли непріятельскія укрѣпленія въ районѣ Кенневьеръ между рѣками Уазой и Эномъ, а также въ Аргоннахъ въ секторѣ Фонтень-о-Шармъ.

На восточномъ фронтѣ, согласно сообщенію французскаго правительства, когда выяснилось, что предполагавшееся соединеніе съ правымъ крыломъ сербскихъ армій представляется уже невозможнымъ, командующій войсками рѣшилъ очистить выдвинутыя позиціи, занятыя французскими войсками на Црнѣ и въ направленіи Криволака. Послѣдовательныя движенія отхода произошли въ строгомъ порядкѣ и безъ особыхъ затрудненій, несмотря на то, что болгары атаквали нѣсколько разъ. Послѣ упорныхъ боевъ, происходившихъ въ теченіе 25-го и 26-го ноября, причемъ болгары были отбиты и понесли большія потери, французы заняли новую линію, направляющуюся при-

близительно къ рѣкѣ Божимія и соединяющуюся съ фронтомъ англійскихъ войскъ. Непріятель вновь энергично атаковалъ черногорскія позиціи близъ Матарожа. Черногорцы отбили его, взявъ при этомъ въ плѣнъ 30 человекъ. Въ направленіи Сѣнницы и Бродарова бои продолжались въ теченіе всего 27-го ноября.

Германскія войска удачно отбили всѣ атаки непріятели у Ославии.

28-го ноября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что на всемъ фронтѣ положеніе оставалось безъ перемѣнъ. Днемъ 27-го ноября противникъ перешелъ въ наступленіе изъ района Купчинце на Стрыпѣ, западнѣе Тарнополя, но былъ отбитъ и отошелъ въ свои окопы. 27-го ноября у острова Кефкена, восточнѣе Босфора, три нашихъ миноносца послѣ артиллерійскаго боя уничтожили двѣ турецкія канонерскія лодки. У насъ потерь нѣтъ. Миноносцами уничтожено также большое парусное судно.

На кавказскомъ фронтѣ на пути къ Хамадану наши войска, при преслѣдованіи разбитаго наканунѣ герmano-турецкаго отряда, съ налету захватили укрѣпленную позицію противника на Султанъ-Булагскомъ перевалѣ.

28-го ноября на всемъ протяженіи итальянскаго фронта велась упорная артиллерійская перестрѣлка.

На бельгійскомъ фронтѣ въ теченіе ночи съ 27-го на 28-е ноября, а также послѣ полудня непріятели, путемъ ураганнаго артиллерійскаго огня, пытался беспокоить бельгійскія части, находившіяся въ охраненіи, либо на отдыхѣ, позади передовыхъ линій. Однако отсутствіе потерь людьми и матеріальнаго ущерба со стороны бельгійцевъ свидѣтельствуетъ о бесполезности такого рода обстрѣла. Мѣткимъ отвѣтнымъ огнемъ бельгійскія батареи парализовали дѣйствіе непріятельской артиллеріи, обстрѣляли лагерныя расположенія непріятели у Коіемъ и Сень-Пьеръ-Капелле и разсѣяли войска, обнаруженныя къ сѣверу отъ Диксмюде.

На французскомъ фронтѣ, по официальнымъ извѣстіямъ отъ 28-го ноября, довольно упорная артиллерійская перестрѣлка происходила въ Бельгіи въ районѣ Гетсаса, а также въ Артуа, близъ Бюлли и Рокленкура. Въ районѣ Руа огнемъ французскихъ батарей разсѣянъ передвигавшійся отрядъ непріятельскихъ войскъ, а также транспортъ на дорогѣ въ Виллеръ. Въ Аргоннахъ, къ сѣверу отъ Фуръ-де-Пари, французы взорвали два горна, коими разрушена галлерей, въ которой работали непріятельскіе минеры. На правомъ берегу Мааса, въ секторѣ лѣса Бушэ, мѣткимъ огнемъ французскихъ батарей произведены значительныя разрушенія въ непріятельскихъ траншеяхъ первой линіи, а также въ полевыхъ прикрытіяхъ непріятели. Въ Эльзасѣ происходила ожесточенная артиллерійская перестрѣлка у Ленжа и Барренкопфа.

На восточномъ фронтѣ въ теченіе дня 27-го ноября болгары атаковали французскія войска почти на всемъ протяженіи фронта, причѣмъ главныя ихъ усилія были направлены противъ нашего лѣваго крыла. Однако всѣ эти атаки потерпѣли неудачу.

У Дарданеллъ въ теченіе 24-го, 25-го и 26-го ноября турки поддерживали непрерывно усиливавшійся артиллерійскій огонь и подвергли крайне интенсивному обстрѣлу снарядами самыхъ различныхъ калибровъ французскія пе-

редовыя линіи, приче́мъ сосредото́чили свои́ уси́лія преимуще́ственно про́тивъ пра́ваго фланга́ французскихъ войскъ у устья́ Керевеса. Минная́ борьба́ возобно́вилась съ ново́й сило́й. 25-го́ ноября́ турецкі́й аэропланъ сбрасыва́лъ бомбы́ надъ бивуа́ками у Седильбара, не причи́нивъ намъ ника́кого́ вреда.

Выше́дші́й въ Черное́ море́ герма́но-турецкі́й крейсе́рь «Гебенъ» бы́лъ повре́жденъ на́шей подводной́ лодко́й. Англи́йская́ подводная́ лодка́ потопи́ла въ Мраморно́мъ морѣ́ турецкі́й миноносе́цъ. Герма́нской подводной́ лодко́й потопле́ны на вы́сотѣ́ Алекса́ндріи грече́ское и англи́йское́ судно́.

29-го́ ноября́ штабъ́ Верховна́го Главнокома́ндующа́го увѣдо́милъ, что въ Гали́ціи, на рѣ́кѣ́ Стры́пѣ, въ райо́нѣ́ дд. Мари́анка—Юзе́фовка—Беня́ва, юго-запа́днѣ́ Тарно́поля, мелкі́я части́ противни́ка пере́ходили въ насту́пление, но, будучи́ охва́чены съ фланго́въ, частью́ пере́биты, частью́ захва́чены въ плѣ́нъ.

На кавка́зскомъ́ фронтѣ́, въ прибре́жномъ́ райо́нѣ́ Черна́го моря, юго-запа́днѣ́ Хопы, турки́ дѣ́лали попы́тки продвину́ться впередъ́, но всѣ́ онѣ́ были́ прекра́щены съ большо́ми поте́рями для́ противни́ка. На пу́ти къ Хама́дану на́ши войска́, пресе́дую́а бѣ́гуща́го неприя́теля, продвину́лись на пере́ходъ́ къ юго-запа́ду отъ́ Султа́нъ-Була́гска́го пере́вала.

29-го́ ноября́ великобританское́ военное́ министерство́ сообщи́ло: «Послѣ́ ожесто́ченной а́таки неприя́теля, далеко́ превосходи́вша́го насъ́ си́лами, деся́той дивизи́и при подде́ржкѣ́ подоше́дшихъ́ подкре́плені́й уда́лось отойти́ на си́льную́ пози́цію, распо́ложенную́ на запа́дъ отъ́ Дойра́нска́го о́зера до доли́ны Варда́ра, сохра́нивъ́ связь́ съ сою́зника́ми. Въ́ виду́ гориста́го ха́рактера́ мѣ́стности́ при́шлось́ при́ этомъ́ въ́ цѣ́ляхъ́ оборо́ны поста́вить́ восемъ́ полевы́хъ ору́ді́й на́ такую́ пози́цію, съ́ кото́рой оказа́лось́ невозмо́жнымъ́ уба́рать ихъ́ во вре́мя отсту́пленія́. На́ши поте́ри опреде́ляются́ прибли́зительно́ въ́ 1.500 че́ловѣ́къ».

Брита́нскія́ войска́, произво́дя развѣ́дку 28-го́ ноября́, натолкнута́сь бли́зъ Марса́матро въ́ Ливі́йской́ пусты́нѣ́ на отря́дъ, состоя́вшій́ изъ́ 300 бедуи́новъ́ турецко́й ирегуля́рной́ армі́и. Послѣ́́ боя́ неприя́тель бы́лъ отгѣ́сненъ́ къ запа́ду, поте́рявъ́ 35 че́ловѣ́къ убиты́ми и 7 плѣ́нными. Поте́ри англи́чанъ́ соста́вляютъ́ 34 че́ловѣ́ка убиты́ми, въ́ томъ́ числѣ́́ 16 офице́ровъ́, а три́ офице́ра и 15 солда́тъ́ ранены́ми.

29-го́ ноября́ на ита́льянскомъ́ фронтѣ́ въ́ скали́стомъ́ райо́нѣ́ между́ доли́нами́ Джу́-ди-Ка́рія́ и Конче́и въ́ резу́льтатѣ́́ нѣ́сколькихъ́ блестя́щихъ́ а́такъ ита́льянцы́ зава́дѣ́ли вы́сотами, обезпечи́вающими́ и заверша́ющими́ заня́тіе́ бассе́йна Бе́ццека. А́така, нача́тая 24-го́ ноября́, разви́валась́ ита́льянскими́ войска́ми мето́дически́ и ве́сьма́ осто́рожно, въ́ виду́ необходи́мости́ бороться́ съ си́льной арти́ллері́ей неприя́теля въ́ райо́нѣ́ Ларга́ро и уни́чтожить́ предва́рительно́́ много́численны́я оборо́нительны́я соору́женія́ неприя́теля. Въ́ ночь́ на 27-е́ ноября́ отря́ды́ на́шей альпі́йской́ пѣ́хоты́ подошли́ къ на́мѣ́ченной́ пѣ́ли, а́ именно́ къ́ запа́дной и восточной́ верши́намъ́ горы́ Віе́сь, позади́́ горы́ Ма́шио, къ́ юго-запа́ду отъ́ Норццо́ло. На́ слѣ́дующее́ утро́ послѣ́́ успѣ́шна́го арти́ллері́йска́го боя́ ита́льянская́ пѣ́хота́ присту́помъ́ зава́дѣ́ла неприя́тельскими́ пози́ціями, захва́тивъ́ въ́ шты́ковомъ́ бою́ нѣ́сколько́ лині́й транше́й и редуто́въ.

На фронтъ бельгійской арміи происходилъ ожесточенный артиллерійскій бой, причеъ бельгійцы успѣшно отвѣчали на огонь германскихъ батарей у Люнгена, разсѣяли непріятельскихъ рабочихъ къ сѣверу отъ Диксмюде и обстрѣляли выдвинутый впередъ германскій постъ у Дентуна.

29-го ноября французское правительственное сообщеніе гласило: «Въ Бельгіи наши траншейныя орудія въ теченіе дня въ нѣсколькихъ пунктахъ принудили къ молчанію непріятельскіе бомбометы. 29-го ноября утромъ англійскій грузовой пароходъ сѣлъ на камни у бельгійскаго побережья; три германскихъ гидроаэроплана пытались потопить его бомбами, однако нѣсколько союзныхъ аэроплановъ, въ томъ числѣ одинъ французскій, атаковали ихъ и обратили въ бѣгство; въ то же время французскій миноносецъ, пришедшій изъ Дюнкерка, снялъ судно съ камней подъ огнемъ германской батареи. Въ Шампани въ секторѣ Массижъ въ отвѣтъ на обстрѣлъ нашихъ позицій снарядами, вызывающими слезотеченіе, мы бомбардировали и разрушили непріятельскія траншеи на возвышенности Шосонъ. Въ секторѣ возвышенности «193» мы успѣшно обстрѣляли три линіи германскихъ траншей, а также входныя галлерей. Въ Вогезахъ происходила съ перерывами артиллерійская перестрѣлка; сильная вьюга мѣшала здѣсь операціямъ.

На восточномъ фронтѣ, продолжая свой отходъ, наши войска въ ночь съ 27-го на 28-е ноября отошли безъ боя на линію Смокжица—озеро Дойранъ. Въ теченіе 28-го ноября нами были отбиты нѣсколько атакъ болгаръ».

30-го ноября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ: «Въ районѣ западнѣ озера Богинское наша часть, зайдя въ тылъ противнику, штыковымъ ударомъ выбила изъ дер. Войнюны нѣмецкую полуроту, захвативъ при этомъ въ плѣнъ офицера, нѣсколько нижнихъ чиновъ и пулеметь».

Союзныя войска на Балканахъ отошли безъ боя на линію Смокжица—озеро Дойранъ.

Германскіе гидроаэропланы, пытавшіеся потопить англійскій грузовой пароходъ у побережья Бельгіи, были отогнаны союзными аэропланами, а пароходъ снятъ съ мели французскимъ миноносцемъ.

Отступленіе сербской арміи произошло въ полномъ порядкѣ. Три дивизіи прибыли въ Эльбасанъ и Тирану.

30-го ноября, согласно официальному французскому сообщенію, артиллерійскіе бои имѣли весьма упорный характеръ въ Артуа, къ юго-западу отъ Борэна, гдѣ французы разрушили германское полевое укрѣпленіе, а также къ сѣверу отъ рѣки Эна и въ Шампани, въ районѣ Менильскаго холма. У Сень-Міэля огнемъ французскихъ батарей сильно поврежденъ единственный мостъ германцевъ на рѣкѣ Маасѣ, не снесенный послѣднимъ половодьемъ. Близъ Сень-Мари, къ сѣверу отъ Сень-Міэля, артиллерія сильно повредила непріятельскій блокгаузъ. Дополнительныя свѣдѣнія, полученныя отъ наблюдателей, свидѣтельствуютъ о томъ, что бомбардировка лѣса Бушо на правомъ берегу Мааса третьяго дня имѣла прекрасные результаты. Германскія траншеи были здѣсь совершенно разрушены и нѣсколько пулеметовъ уничтожены.

«28-го и 29-го ноября у Дарданеллъ были отмѣчены довольно сильной артиллерійской перестрѣлкой. 29-го ноября мы взорвали двѣ мины, причинивъ»

шія большія разрушенія въ турецкихъ линіяхъ. Когда же, немедленно вслѣдъ за этимъ, непріятель ввелъ войска въ свои траншеи и пододвинулъ резервы, наша тяжелая артиллерія открыла огонь и нанесла туркамъ тяжелыя потери. Отбивъ всѣ атаки болгаръ, французскія войска въ ночь съ 28-го на 29-е ноября и утромъ 29-го ноября стали вновь отходить безъ боя, причемъ, несмотря на трудности грунта, отходъ этотъ совершенъ былъ согласно указаніямъ командующаго войсками. Весь военный матеріаль былъ благополучно вывезенъ; 29-го ноября мы занимали линію Гевгели—Килиндыръ».

30-го ноября командующій англійскими силами у Кута въ Месопотаміи генераль Таунсендъ доносилъ, что непріятель бомбардировалъ занятую англійскими войсками позицію въ теченіе всего 25 ноября; бомбардировка продолжалась и 26-го ноября, когда непріятель повелъ со всѣхъ сторонъ не связанныя другъ съ другомъ атаки противъ англичанъ. 27-го ноября турки вновь подвергли Кутъ сильному артиллерійскому обстрѣлу и атаковали позицію съ сѣвернаго фронта, но атака эта не имѣла упорнаго характера. 28-го ноября непріятель возобновилъ бомбардировку и дважды атаковалъ сѣверный фронтъ; обѣ атаки были отбиты съ тяжелыми для турокъ потерями. Съ тѣхъ поръ въ операціяхъ наблюдается нѣкоторое затишье. Отношеніе арабовъ къ англійскимъ войскамъ, какъ сообщаютъ, вполне удовлетворительное. Спѣшно подвозятся подкрѣпленія.

«Войска, находящіяся подъ командой полковника Гордона, оперируя въ 24 миляхъ къ западу отъ Марсаматру, натолкнулись на отрядъ бедуиновъ. Отрядъ въ 1.200 человекъ при орудіяхъ и пулеметахъ подъ командой Гаафаръ-паша энергично атаковалъ наши войска, но былъ отброшенъ, понеся большія потери. Наши потери: 38 раненыхъ, въ томъ числѣ 5 британскихъ офицеровъ, и 8 убитыхъ. Плѣнные бедуины заявляютъ, что потери ихъ во время боя 28-го ноября составляли 110 человекъ, въ томъ числѣ 80 убитыхъ».

1-го декабря на нашихъ фронтахъ ничего выдающагося не произошло.

1-го декабря англійская главная квартира во Франціи сообщила: «Прошлою ночью мы взорвали мину на фронтѣ Живанши и заняли образовавшуюся воронку. Сегодня мы бомбардировали позицію непріятели къ востоку отъ Ипра и по сосѣдству съ Фрелингіеномъ, а также обстрѣляли гаубицами непріятельскіе минометы къ сѣверу отъ канала Лабасэ. На Соммѣ происходилъ бой траншейными мортирами и ружейными гранатами».

Опубликованныя 1-го декабря официальныя свѣдѣнія о боѣ на Цриѣ указывали на крайнее ожесточеніе этого боя. Донесенія гласили:

«Требовалось отвлечь въ нашу сторону часть болгарскаго войска и облегчить положеніе сербскаго фронта. По окончаніи подготовительныхъ операцій 24-го октября было приказано наступать. Несмотря на огромныя затрудненія, представляемыя условіями почвы, наши солдаты рѣшительно двинулись впередъ по всему фронту. Рота, встрѣченная контръ-атакой болгаръ, отбросила ихъ, заняла сильную позицію на такъ называемомъ Зеленомъ холмѣ и утвердилась на ней. Болгары произвели на нее стремительную атаку, но наши солдаты выдержали ее, энергично отражая всѣ приступы. Къ несчастью, снаряды были исчерпаны, и ночью подвозъ оказался невозможнымъ. Рота была

вскорѣ окружена, но построилась въ карре и продолжала оказывать столь геройское сопротивленіе, что непріятель, понесшій большія потери, принужденъ былъ ослабить свои атаки. Когда густой туманъ окуталъ Зеленый холмъ, а положеніе роты стало критическимъ, она штыковымъ ударомъ прорвала окружавшую ее цѣпь и соединилась съ своимъ полкомъ. 28-го и 29-го октября продолжались весьма ожесточенные бои по всему фронту. Цѣль была достигнута: болгары должны были вызвать войска изъ горнаго прохода Бабуна, гдѣ положеніе сербовъ вскорѣ улучшилось. 30-го октября болгары, получивъ подкрѣпленія, возобновили бѣшенныя массовыя атаки, но геройская французская пѣхота была непобѣдима. Уничтожаемые въ то же время сербскими скорострѣльными орудіями и пулеметами, болгары 2-го ноября отступили, потерявъ 4.000 человекъ. Французскія потери сравнительно незначительны. Этой побѣдой мы обязаны стойкому упорству нашихъ солдатъ, неукротимой ихъ храбрости и самоотверженію, засвидѣтельствованному всеми начальниками».

Далѣе официальное сообщеніе отъ 1-го декабря извѣщало:

«На разныхъ пунктахъ фронта происходилъ довольно упорный артиллерійскій бой, окончившійся для насъ успѣшно. Наши батареи разсѣяли непріятельскій отрядъ на дорогѣ въ Вилеръ, въ районѣ Руа, и съ успѣхомъ подвергли обстрѣлу транспортъ, направлявшійся въ Тюкуръ. Въ Шампани, къ востоку отъ Менильскаго холма, нашъ огонь, мѣтко направленный на оборонительныя работы непріятеля въ лѣсу Марто, вызвалъ сильный взрывъ, за которымъ послѣдовалъ пожаръ. Въ Веврѣ, открывъ огонь въ секторѣ Лимэ, къ югу отъ Тюкура, мы обстрѣляли германскую батарею, прикрытію которой и казематамъ были причинены значительныя поврежденія. Въ Вогезахъ, въ Бандесаптѣ, наша артиллерія отвѣчала на ожесточенный обстрѣлъ нашихъ позицій въ Лафонтенель и произвела взрывъ въ складѣ военныхъ припасовъ въ Летрѣ. Утромъ одинъ изъ нашихъ воздушныхъ отрядовъ, состоявшій изъ 11 аэроплановъ, сбросилъ многочисленныя снаряды, калибровъ 155 и 90, на станцію и развѣздъ Мюльгеймъ. Другой отрядъ изъ 22 французскихъ аппаратовъ также успѣшно сбросилъ бомбы на непріятельскія расположенія въ Орикурѣ. Наконецъ третій отрядъ изъ 12 аппаратовъ, успѣшно обстрѣлялъ германскія оборонительныя укрѣпленія къ югу отъ Гампоне, въ районѣ Шато-Саленъ и Шато-Бюртекуръ. Наши сторожевыя аэропланы атаквали и обратили въ бѣгство непріятельскій отрядъ изъ пяти аэроплановъ.

«На восточномъ фронтѣ отступленіе нашихъ войскъ продолжается въ полномъ порядкѣ. Болгарская атака на одну изъ частей нашего аррьергарда была легко отражена. Весь нашъ контингентъ въ настоящее время собранъ къ югу отъ греческой границы, которой еще ни одинъ болгарскій солдатъ не переступалъ».

«Ночь съ 1-го на 2-е декабря прошла сравнительно спокойно. Въ Артуа въ секторѣ Рокленкуръ и у фермы Шантеклеръ были бои съ примѣненіемъ ручныхъ гранатъ. Между Узавой и рѣкой Энотъ нашими крупными бомбами взорванъ складъ германскихъ снарядовъ къ сѣверу отъ Пюисаленъ, въ районѣ Трасиле-Валя. Въ Вогезахъ, у Бандесапта, французскія батареи обстрѣляли непріятельскихъ рабочихъ, пытавшихся исправить поврежденія въ траншеяхъ, разрушенныхъ нашей вчерашней бомбардировкой. Кромѣ тѣхъ случаевъ бросанія

оомбъ съ аэроплановъ, о которыхъ сообщалось уже раньше, французскіе летчики произвели 1-го декабря многочисленныя полеты для преслѣдованія непріятельскихъ летчиковъ. Одинъ изъ французскихъ аэроплановъ напалъ надъ Шлетштадтомъ въ Эльзасѣ на непріятельскій аэропланъ, который бѣжалъ. Двое другихъ летчиковъ имѣли въ Артуа надъ непріятельскими линіями бой съ тремя альбатросами, причемъ заставили одинъ изъ нихъ спуститься. Одна изъ французскихъ воздушныхъ эскадръ вмѣстѣ съ англійскими летчиками бомбардировала германскій аэродромъ въ Эрвилли на Соммѣ.

1-го декабря. Бюро печати опубликовало слѣдующую телеграмму англійской главной квартиры:

«Наша артиллерія подвергла сегодня обстрѣлу Гоммекуръ, непріятельскія траншеи къ востоку отъ Живанши и деревню Лемениль. Непріятельская артиллерія усиленно обстрѣливала наши траншеи къ востоку и сѣверо-востоку отъ Ипра, на что наша артиллерія энергично отвѣчала. Мы бомбардировали ручными гранатами непріятельскія траншеи въ Летоке, къ западу отъ рѣки Лисъ, и вызвали въ нихъ большое замѣшательство. Погода та же. По ночамъ холодъ».

На разныхъ пунктахъ бельгійскаго фронта 1-го декабря происходилъ оживленный артиллерійскій бой. Бельгійскія батареи разрушили соединительныя траншеи къ сѣверу отъ Диксмюде и заставили замолчать непріятельскую артиллерію, которая со стороны Люнгема открыла огонь по бельгійскимъ линіямъ. Вблизи Лопаннъ германскій аэропланъ былъ сбитъ аппаратомъ союзниковъ. Онъ упалъ въ море, объятый пламенемъ.

На итальянскомъ фронтѣ велась усиленная артиллерійская перестрѣлка. 1-го декабря черногорское правительство извѣстило о слѣдующемъ: «Непріятель, пользуясь орудіями большого калибра, энергично атаковалъ на всемъ фронтѣ нашу армію, оперирующую въ Санджакѣ. Эти атаки, имѣвшія особенно яростный характеръ въ направленіи на Плевліе—Кральево—Матарожъ, были отражены. Наши войска нанесли непріятелю весьма серьезный уронъ. На остальныхъ фронтахъ ружейная перестрѣлка. 1-го декабря на зарѣ австрійцы перешли въ общее наступленіе противъ всѣхъ позицій нашей санджакской арміи. Съ наступленіемъ ночи наши передовыя части вынуждены были отступить къ сѣверу отъ Шаговре и Вело. На направленіи къ Ипеку и Рожаяу непріятелю послѣ боевъ, продолжавшихся нѣсколько дней, удалось занять Рожай».

2-го декабря на нашихъ фронтахъ ничего выдающагося не произошло. Французское правительственное сообщеніе отъ 2-го декабря гласило:

«Въ различныхъ пунктахъ фронта происходила обычная орудійная перестрѣлка, особенно интенсивная въ Артуа и между Соммой и Уазой. Въ районѣ Сень-Миэля мы обстрѣляли изъ специальныхъ орудій германскіе летательные бипараты. Одинъ аппаратъ, поврежденный нашими снарядами, вынужденъ былъ спуститься въ германскихъ линіяхъ. У Бандесапта наша артиллерія разбѣяла колонну приблизительно въ 400 человекъ, которая передвигалась къ сѣверо-востоку отъ Фонтенелля. Наши летчики продолжали проявлять активность. Воздушная эскадра въ составѣ 13 французскихъ аппаратовъ бом-

бардировала германскій авіаціонный паркъ въ Гибшейнѣ, къ востоку отъ Мюлузы. Снаряды въ 155, 90 и 120 миллиметровъ, брошенные на ангары, достигли своей цѣли. Изъ 15 германскихъ летательныхъ аппаратовъ, находившихся въ этомъ пунктѣ въ моментъ бомбардировки, всего лишь 5 сдѣлали безрезультатную попытку пуститься въ погоню за нашей воздушной эскадрой.

«У Дарданеллъ въ ночь на 1-е декабря турки пытались исправить поврежденія, нанесенныя ихъ траншеямъ нашимъ огнемъ. Днемъ 1-го декабря наша тяжелая артиллерія успѣшно отвѣчала на огонь непріятельскихъ батарей, расположенныхъ на азіатскомъ берегу, которыя подвергли бомбардировкѣ набережную Седиль-Бахра. Энергично продолжается минная война».

2-го декабря англійская главная квартира сообщила: «Прошлой ночью непріятель взорвалъ мину къ юго-востоку отъ Ипра. Наши войска заняли образовавшуюся воронку и отбросили непріятеля. Къ югу отъ Мессинъ мы овладѣли непріятельской баррикадой, понеся ничтожныя потери. Наши аэропланы совершили успѣшный палетъ на аэродромъ въ Эрвили».

На итальянскомъ фронтѣ въ долинѣ Кончеи батареи группы Лардаро подвергли обстрѣлу позиціи на горѣ Віесь, недавно занятыя и хорошо укрѣпленныя итальянцами. Никакихъ поврежденій причинено не было. Непріятельская артиллерія продолжаетъ систематически опустошать мѣстности. Въ теченіе дня 1-го декабря она съ особымъ ожесточеніемъ подвергла обстрѣлу Лоппио, въ долинѣ ручья Камерасъ (Адижъ) и Виллисъ, а также Карсо-Гориджіано, отъ Градиска до Монфальконе. Итальянская артиллерія заставила замолчать непріятеля и открыла огонь по передвигавшимся колоннамъ войскъ и обозу. Отрядъ итальянскихъ летчиковъ сдѣлалъ 1-го декабря налетъ на долину Кіаповано (Идріа), сбрасывая бомбы и стрѣлы на непріятельскія лагерныя расположенія въ Кіаповано и Сланъ. Итальянскіе смѣлые летчики, спустившись ниже огня специальныхъ для обстрѣла аэроплановъ орудій, открыли пулеметный огонь по непріятельскимъ лагерямъ и привели ихъ въ смятеніе, послѣ чего вернулись невредимыми.

3-го декабря французское правительство увѣдомило о томъ, что въ нѣкоторыхъ секторахъ Бельгіи, въ Артуа, между Соммой и Уазой происходили артиллерійскіе бои. Въ долинѣ рѣки Эна, къ юго-востоку отъ Вайи, французы въ теченіе 2-го декабря произвели внезапное нападеніе на непріятеля, занимавшаго группу домовъ, причѣмъ взяли около 15 плѣнныхъ, не понеся никакихъ потерь. На лѣвомъ берегу рѣки Эна у Ла-Вилль-о-Буа французская тяжелая артиллерія разрушила стѣны, которыя маскировали непріятельскіе бомбометы и засѣвшихъ за ними лучшихъ непріятельскихъ стрѣлковъ. Въ Аргоннахъ, въ районѣ Воква, происходила минная борьба, причѣмъ взрывомъ двухъ французскихъ минъ были разрушены германскія траншеи. На правомъ берегу рѣки Мааса, у лѣса Шевалье, мѣткимъ огнемъ французскихъ батарей были значительно повреждены возводившіяся полевыя укрѣпленія и прикрытія непріятеля, причѣмъ возникло нѣсколько пожаровъ.

У Дарданеллъ турецкая артиллерія проявила меньшую активность въ теченіе 2-го декабря. Непріятельскій аппаратъ, пытавшійся летать надъ французскими линіями, подвергся преслѣдованію со стороны нашего летчика и вы-

нужденъ былъ обратиться въ бѣгство. Французская тяжелая артиллерія продолжала обстрѣль батарей азіатскаго побережья.

На бельгійскомъ фронтѣ 3-го декабря къ югу отъ Диксмуде бельгійская артиллерія энергично дѣйствовала противъ непріятельскихъ батарей, расположенныхъ близъ Стеенстрате. Тяжелая артиллерія бельгійцевъ заставила замолчать непріятельскіе минные аппараты, выпускавшіе снаряды противъ французскихъ траншей.

3-го декабря на итальянскомъ фронтѣ продолжалась напряженная артиллерійская борьба, причѣмъ непріятель, по обыкновенію, стремился обстрѣливать изъ дальнобойныхъ орудій населенныя мѣстности позади военной линіи. Итальянскія батареи отвѣчали на огонь непріятели и бомбардировали Горичу. Непріятельскій аэропланъ сбросилъ нѣсколько бомбъ надъ Стриньо и Гриньо въ Вальсуганѣ, причинившихъ лишь незначительныя поврежденія.

4-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что съверіе оз. Дрисваты было нѣсколько удачныхъ для насъ столкновеній: взяты плѣнные, пулеметь и прожекторъ. Въ ночь на 3-е декабря было обнаружено движеніе противника съ пулеметами на муравицкій предмостный окопъ (на р. Иквѣ, въ 20 верстахъ къ сѣверу отъ Дубно). Къ утру подъ нашимъ огнемъ противникъ отошелъ въ свои окопы. Къ востоку отъ Бучача противникъ дважды переходилъ въ наступленіе на высоту въ 4 верстахъ отъ д. Медвѣдница. Оба раза наступленіе было остановлено нашимъ огнемъ.

На кавказскомъ фронтѣ, съверіе Арджиша (сѣверо-восточная оконечность Ванскаго озера) одинъ изъ нашихъ отрядовъ, послѣ продолжительнаго боя съ нѣсколькими сотнями курдовъ, отбросилъ ихъ въ горы. Непріятель оставилъ на мѣстѣ до 60 труповъ. Въ наши руки попали гуртъ скота въ 100 головъ. Наши потери ничтожны. Въ этомъ бою принимала видное участіе наша часть, сформированная изъ армянъ. Въ Персіи нами занятъ городъ Хамаданъ.

Англичане на французскомъ фронтѣ заняли непріятельскія траншеи близъ Армантьера; находившіяся въ нихъ части были взяты въ плѣнъ. Потери германцевъ опредѣляются въ 70 человекъ убитыми. Потери англичанъ незначительны. 4-го декабря происходила артиллерійская перестрѣлка и борьба бомбами близъ Ипра.

4-го декабря великобританское правительство сообщило слѣдующее о ходѣ военныхъ дѣйствій въ Месопотаміи: «Генераль Таунсендъ, командующій войсками въ Кутъ-эль-Амарѣ въ Месопотаміи, телеграфируетъ, что, согласно сообщеніямъ арабовъ, турки во время боя 29-го ноября потеряли 2.000 убитыми и ранеными. Таунсендъ не можетъ подтвердить это, но самъ онъ полагаетъ, что потери турокъ составляютъ не менѣе 1.000 человекъ. Новыхъ атакъ турки не производили».

4-го декабря происходилъ на всемъ протяженіи французскаго фронта довольно оживленный артиллерійскій бой. Въ Бельгіи и въ Артуа французская артиллерія, дѣйствуя согласно съ британской, подвергла удачному обстрѣлу непріятельскія траншеи. Въ Шампани французскія орудія заставили замолчать нѣсколько германскихъ батарей, расположенныхъ къ сѣверо-

востоку от Массижа. Въ Аргонахъ, къ сѣверу отъ Маланкура, французы обстрѣляли непріятельскій обозъ. У Эпаржа и въ районѣ Депретскаго лѣса огнемъ французовъ были причинены значительныя разрушенія непріятельскимъ укрѣпленіямъ. Два французскихъ летчика сбросили въ ночь съ 3-го на 4-е декабря около 20 снарядовъ крупнаго калибра на Саблонскій вокзалъ въ Мецѣ.

У Дарданеллъ въ ночь съ 2-го на 3-е декабря турки пытались помѣшать сапернымъ работамъ французовъ взрывомъ мины, оставшимся безрезультатнымъ. Ружейный огонь непріятели, начавшійся послѣ взрыва мины, былъ остановленъ огнемъ французской артиллеріи.

Вдоль бельгійскаго фронта происходили сильныя артиллерійскіе бои. Бельгійскія батареи разрушили работы по возведенію вспомогательныхъ укрѣпленій вокругъ германскаго поста Виконъ и помѣшали сооруженію новыхъ укрѣпленій къ сѣверу отъ Диксмюде.

Черногорская санджакская армія, атакованная 2-го декабря на всемъ фронтѣ превосходящими ее силами непріятели, получила приказаніе занять новыя оборонительныя позиціи. Герцеговинская армія отбросила непріятели за рѣку Сутеску, нанеся ему тяжелыя потери.

5-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что около Риги поиски непріятельскихъ развѣдывательныхъ частей въ направленіяхъ на Раггацемъ, Антингъ и по туккумскому шоссе неизмѣнно оканчивались въ нашу пользу, — нѣмцы отгонялись огнемъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при преслѣдованіи мы проникали въ нѣмецкое расположеніе. Сѣверо-западнѣ Двинска, въ районѣ дд. Мишетль и Саркани, наша артиллерія удачно обстрѣляла гѣхотную колонну противника, которая разбѣжалась.

На кавказскомъ фронтѣ въ районѣ Хыстаспора, юго-западнѣ Ардануча, были удачныя для насъ мелкія стычки. Юго-восточнѣ Хамадана наши части продолжали тѣснить противника.

Въ теченіе ночи съ 4-го на 5-е декабря на французскомъ фронтѣ мѣстами происходила артиллерійская перестрѣлка. Въ Артуа происходила борьба подрывными снарядами къ востоку отъ Рокленкура. Къ югу отъ Арраса наши батареи бомбардировали германскія траншеи у Блэрвиль. На пространствѣ между р. р. Соммой и Уазой въ районѣ Шонъ французская артиллерія успѣшно обстрѣляла скопленіе непріятельскихъ обозныхъ повозокъ и въ районѣ Фризь германскія траншеи. Между Суассономъ и Реймсомъ французская артиллерія проявила нѣкоторую дѣятельность, въ частности въ районѣ Бонъ, гдѣ французы заставили замолчать непріятельскія батареи и причинили поврежденія полевымъ укрѣпленіямъ непріятели. Въ Шампани французы разсѣяли непріятельскій обозъ и группы рабочихъ близъ фермы Шоссонъ. Въ районѣ Апремона, къ юго-востоку отъ Сень-Міэля, французы удачно обстрѣляли непріятельскія укрѣпленія.

5-го декабря французскій миноносецъ преслѣдовалъ и обстрѣлялъ два гидроаэроплана, опустившіеся близъ отмели Отратель. Одному изъ нихъ удалось улетѣть, другой же, поврежденный огнемъ съ миноносца, опрокинулся и былъ захваченъ съ находившимися на немъ офицеромъ и унтеръ-офицеромъ

флота. Французскій крейсеръ обстрѣлялъ и совершенно разрушилъ германскій заводъ для изготовленія предметовъ военнаго снаряженія въ Кайффъ. У Дарданеллъ 5-го декабря происходилъ довольно сильный артиллерійскій бой.

На бельгійскомъ фронтѣ, несмотря на туманную погоду, бельгійская артиллерія подвергла сильному артиллерійскому огню лагерное расположеніе непріятели у Нессена и германскія батареи въ районѣ Люйгена. Вообще дѣятельность германцевъ, сильно стѣсняемая вызванными бельгійцами наводненіями, за послѣдніе дни слабѣетъ.

На итальянскомъ фронтѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ соединяются долины Торра и Астикко, итальянскимъ войскамъ послѣ методическаго продвиженія впередъ удалось занять вершину Чима-Норре, господствующую надъ верхнимъ теченіемъ Астикко, и обезпечить за собою эту позицію. 4-го декабря на всемъ фронтѣ происходила обычная артиллерійская перестрѣлка. На возвышенностяхъ къ сѣверо-западу отъ Горицы итальянцами были отбиты попытки непріятели атаковать наши позиціи у Ославии и противъ Пеумы. Непріятельскій аэропланъ сбросилъ надъ Тiarно-ди-Сопра въ долину Ледро пять бомбъ, не причинившихъ, однако, вреда. На черногорскомъ фронтѣ непріятелискія передовыя части 5-го декабря появились на линіи Кральева гора—Шаховичъ—Бѣлополье. Во время столкновенія черногорцы захватили около сотни плѣнныхъ. На прочихъ фронтахъ происходила оживленная ружейная перестрѣлка.

Непріятель атаковалъ черногорскую позицію около деревни Липоваць. Всѣ эти атаки были отражены, причемъ черногорцами было взято 50 плѣнныхъ и захваченъ пулеметъ. Въ направленіи на Берану и Рожай черногорскія войска перешли въ наступленіе и заставили австрійцевъ отступить къ Рожаю, причемъ взяли нѣкоторое число плѣнныхъ.

6-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что сѣвернѣе оз. Медзіоля колонна противника, неосмотрительно попавшая въ сферу огня нашей артиллеріи, была разогнана съ большими для нѣмцевъ потерями. 4-го декабря, около 10 часовъ вечера, противникъ дважды наступалъ на ст. Подчеревичи, но былъ отброшенъ нашимъ огнемъ.

На кавказскомъ фронтѣ главари окрестныхъ Соуджъ-Булагу курдскихъ селеній выразили покорность. Въ Персіи, у селенія Кушкекъ, между Тегераномъ и Хамаданомъ, нами отбито наступленіе значительныхъ силъ противника.

6-го декабря французское правительственное сообщеніе гласило:

«День былъ отмѣченъ усиленной дѣятельностью нашей артиллеріи во многихъ пунктахъ фронта. Въ Бельгii наша артиллерія совмѣстно съ британской подвергла весьма энергичному обстрѣлу германскія траншеи, откуда выпускался удушливый газъ въ направленіи къ англійскому фронту, къ востоку отъ Ипра. Пѣхотныхъ атакъ не было. Непріятельскіе летчики утромъ летали надъ райономъ Поперингэ и сбросили около 10 бомбъ, причемъ была убита одна женщина и ранены женщина и двое дѣтей. Въ Артуа наша артиллерія разсѣяла непріятелискихъ рабочихъ въ секторѣ Телюсъ, къ сѣверу отъ Арраса. Непріятель выпустилъ около 100 снарядовъ по этому городу. Между Соммой и Уазой наши траншейныя орудія разрушили непріятелиское укрѣпленіе въ районѣ

Данкуръ. Между Суассонь и Реймсомъ наша артиллерія заставила замолчать непріятельскіе бомбометы и батареи, расположенные на востокъ отъ Берри-о-Бакъ. Въ Шампани огонь тяжелой артиллеріи, направленный противъ передовыхъ непріятельскихъ линій, къ югу отъ Сентъ-Мари-Апи, далъ превосходные результаты. Въ районѣ Сень-Міэля удачный обстрѣлъ нашей артиллеріей Шованкура вызвалъ отвѣтный огонь непріятельской, который былъ тотчасъ же остановленъ нашимъ огнемъ. Въ ночь съ 5-го на 6-е декабря одна изъ нашихъ воздушныхъ эскадръ, въ составѣ семи аппаратовъ, приспособленныхъ къ бомбардировкѣ, сбросила на Саблонскій вокзалъ въ Мецѣ 51 снарядъ 90-миллиметроваго калибра и два 150-миллиметровыхъ снаряда. У одного изъ нашихъ аппаратовъ во время полета остановился моторъ, тѣмъ не менѣе ему удалось безъ инцидентовъ опуститься въ нашихъ линіяхъ, близъ Дьелуара, къ югу отъ Понтъ-а-Муссона».

На бельгійскомъ фронтѣ послѣ прошедшей спокойно ночи германская артиллерія проявила большую активность въ теченіе дня 6-го декабря, въ особенности передъ центральной частью бельгійскаго фронта. Далѣе къ югу начатый бельгійцами бой съ примѣненіемъ ручныхъ бомбъ закончился для нихъ успѣшно. Бельгійскія батареи подвергли энергичному обстрѣлу Эссенъ, Клеркенъ и Люигемъ, причѣмъ были разбиты поѣздъ, шедшій по узкоколейной дорогѣ въ Леке, и обозъ, направляющійся въ Китге.

6-го декабря въ 5 час. 30 мин. утра вдоль фронта англійскихъ войскъ, расположеннаго близъ Ипра, германцы выпустили удушливые газы и произвели атаку, которая закончилась полной для нихъ неудачей, и англійская линія осталась неприкосновенной. Съ полудня происходилъ сильный артиллерійскій бой въ томъ же секторѣ. Въ теченіе дня произошло нѣсколько воздушныхъ боевъ.

6-го декабря на итальянскомъ фронтѣ снѣгъ и буря въ горахъ, а на равнинахъ дождь и туманъ мѣшали военнымъ операціямъ, тѣмъ не менѣе дѣятельность итальянскихъ войскъ не ослабѣвала. На сѣверныхъ склонахъ горы Санъ-Микеле отряды итальянской пѣхоты окружили непріятельскія траншеи, которыя клиномъ врѣзались въ ихъ линіи, неожиданно ворвались въ нихъ и заняли ихъ, захвативъ у непріятеля 115 плѣнныхъ и въ томъ числѣ двухъ офицеровъ.

7-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ, что въ районѣ м. Видзы происходили не имѣющія существеннаго значенія столкновенія съ небольшими частями противника. Въ районѣ Доброновецъ, юго-восточнѣе Залециковъ, противникомъ передъ нашими окопами взорваны два горна; вслѣдъ за тѣмъ противникъ пытался завладѣть воронками, но былъ отброшенъ въ свои окопы.

На Балтійскомъ морѣ 4-го декабря нами были потоплены крейсеръ «Берменъ» и большой миноносецъ.

На кавказскомъ фронтѣ въ ночь на 5-е декабря одна изъ партій нашихъ развѣдчиковъ, подъ командой прапорщика Колесникова, въ районѣ Ишхана, сѣверо-западнѣе Ольты, подоидя на 50 шаговъ къ турецкой заставѣ, бросилась въ штыки и часть ея переколола, а остальныхъ разсѣяла. Въ это время

другія части турокъ обошли партію Колесникова; пришлось отходить, причемъ прапорщикъ Колесниковъ былъ взятъ въ плѣнъ. Тогда другая наша партія развѣдчиковъ, подъ командой фельдфебеля Горѣлко, увидавъ это, бросилась во главѣ съ фельдфебелемъ Горѣлко на турокъ и, переколовъ часть ихъ, освободила прапорщика Колесникова. Соединившись, обѣ партіи отошли затѣмъ къ своимъ позиціямъ. Отбитыя 6-го декабря между Тегераномъ и Хамаданомъ сильныя партіи противника наступленія не возобновляли.

7-го декабря великобританское правительство опубликовало слѣдующія свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій въ Месопотаміи. Сообщивъ объ эвакуаціи Сувы, извѣстіе продолжаетъ:

«Эта большая армія незамѣтно для турокъ вышла изъ занятыхъ ею областей, оставаясь въ соприкосновеніи съ непріателемъ. Въ связи съ сокращеніемъ фронта военныя операціи въ другихъ пунктахъ боевой линіи будутъ вестись болѣе энергичнымъ образомъ. Генераль Монро съ похвалой отзываясь о многихъ генералахъ и морскихъ офицерахъ, перемѣстившихъ войска съ такимъ искусствомъ».

«Генераль Тоунсендъ опредѣляетъ въ 2500 человекъ потери турокъ въ аррьергардномъ дѣлѣ 18-го ноября и во время ихъ неудачнаго нападенія на Куть-эль-Амару въ ночь съ 29-го на 30-е ноября. Смѣшанный отрядъ британскихъ и индійскихъ войскъ въ ночь съ 4-го на 5-е декабря неожиданно напалъ на турокъ въ ихъ выдвинутыхъ впередъ траншеяхъ, убилъ 30 и взялъ въ плѣнъ 11 человекъ. Пятое и шестое декабря прошли спокойно».

7-го декабря на французскомъ фронтѣ въ Артуа, къ сѣверу отъ Буа-анъ-Ашь, происходили бои при помощи ручныхъ гранатъ. Между Соммой и Уазой французская артиллерія обстрѣливала непріятельскую въ районѣ Фэ, гдѣ французы привели къ молчанію германскую батарею у Сентъ-Леокадъ, къ югу отъ Муленъ-су-ту-Ванъ. На лѣвомъ берегу р. Эна французы очистили 6-го декабря вечеромъ небольшой постъ, который захватили 3-го декабря внезапной атакой, произведенной нами къ востоку отъ Вайи. Полувзводъ пѣхоты, занимавшій этотъ постъ, благополучно возвратился въ наше расположеніе. Въ Веврѣ, въ лѣсахъ Мортмартскомъ и Лепретрскомъ французскія батареи удачно обстрѣливали траншейные ходы противника. Въ секторахъ Номени и Біонкуръ, въ Лотарингіи, происходила артиллерійская перестрѣлка.

Между Суассономъ и Реймсомъ снарядами французскихъ батарей былъ разрушенъ пѣшеходный мостъ у Вайи. Огнемъ французской артиллеріи и траншейныхъ орудій, направленныхъ противъ германскихъ укрѣпленій у Вильо-Буа, произведено было три сильныхъ взрыва. Въ Шампани французы подвергли обстрѣлу и разсѣяли непріятельскій отрядъ, перемѣщавшійся къ сѣверу отъ Оберива. Къ сѣверу отъ Гратрейля французская тяжелая артиллерія повредила желѣзнодорожный путь, гдѣ наблюдалась оживленная дѣятельность, и прекратила движеніе. Въ Аргоннахъ происходила энергичная бомбардировка германскихъ траншей у Филь-Мортъ. У Куртшоссе французы взорвали складъ непріятельскихъ снарядовъ. Далѣе французы подвергли весьма энергичному орудійному огню непріятельскія укрѣпленія у лѣса Ламорвилъ къ сѣверо-востоку отъ Сень-Міэля. Этимъ огнемъ были разрушены въ нѣсколь-

ких мѣстахъ непріятельскія траншеи и взорванъ блокаузъ съ пулеметами. Утромъ четыре летательныхъ аппарата, приспособленныхъ къ бомбардировкѣ, сопровождавшіеся семью аппаратами съ пулеметами, сбросили въ товарную станцію Мюлузы шесть 155-миллиметровыхъ и двадцать 90-миллиметровыхъ снарядовъ, попавшихъ въ цѣль.

На балканскомъ фронтѣ союзныя войска продолжали сооруженіе линіи обороны у Солуни.

У Дарданеллъ днемъ 6-го февраля французская артиллерія поддержала атаку, успѣшно произведенную британскими войсками противъ турецкихъ траншей, расположенныхъ въ западной конечности Галлипольскаго полуострова. Согласно плану, выработанному союзными генеральными штабами, британское высшее командованіе рѣшило использовать на другомъ театрѣ военныхъ дѣйствій войска, высаженные на мысѣ Сувлѣ и занимавшія въ сѣверной части Галлипольскаго полуострова позицію, стратегическое значеніе которой уменьшилось вслѣдствіе новаго развитія военныхъ дѣйствій на Ближнемъ Востокѣ. Посадка войскъ на суда была произведена при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ, причемъ турки не оказали никакого препятствія.

На бельгійскомъ фронтѣ ночь съ 6-го на 7-е декабря и день 7-го декабря были отмѣчены ожесточенными артиллерійскими боями. Бельгійскія батареи подвергли также удачному обстрѣлу фортъ Денторнъ и непріятельское расположеніе у Кессена. Непріятель отвѣчалъ обстрѣломъ нѣкоторыхъ войсковыхъ скопленій позади бельгійскихъ линій.

8-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что наши летчики удачно бомбардировали ближайшій тылъ противника въ районѣ Годуцишки—Комай, восточнѣ Свѣнцянъ, вызвавъ панику среди обозовъ. Въ Галиціи на фронтѣ Н.-Олексинець—Бучачъ и къ юго-востоку отъ Залещиковъ противникъ небольшими партіями пытался переходить въ наступленіе, но всѣ его попытки отражены огнемъ.

Дурная погода 8-го декабря затрудняла операціи французскихъ войскъ на большей части фронта. На бельгійскомъ фронтѣ и между Суассономъ и Реймсомъ французская артиллерія подвергла обстрѣлу соединительныя траншеи и разсѣяла непріятельскіе транспорты провіанта. Въ Шампани французы продолжали обстрѣливать германскія оборонительныя сооруженія на Менильскомъ холмѣ. Ураганный огонь по выдающейся части непріятельскаго укрѣпленія близъ Одеръептъ, къ сѣверу отъ Понтъ-а-Муссона, далъ хорошіе результаты. Въ Вогезахъ на Гартмансвейлеркопфѣ успѣшная атака французскихъ войскъ, произведенная послѣ артиллерійской подготовки, позволила намъ занять значительную часть непріятельскихъ оборонительныхъ укрѣпленій и захватить плѣнныхъ.

На итальянскомъ фронтѣ въ бассейнѣ Пиеццо непріятель, воспользовавшись туманомъ, занялъ одну изъ итальянскихъ выдвинутыхъ позицій въ сторону потока Корытницы и затѣмъ защитилъ ее съ помощью минъ. Въ ночь на 6-е декабря одинъ изъ итальянскихъ пѣхотныхъ отрядовъ также врасплохъ захватилъ утраченную позицію раньше, чѣмъ противнику удалось взорвать мины.

8-го декабря на фронтѣ Изера происходила довольно сильная артиллерій-

ская перестрѣлка. Бельгійскія батареи подвергають обстрѣлу всѣ германскія оборонительныя сооруженія къ сѣверу отъ Диксмюде и передовой постъ Денторенъ. Блокгаузъ, выстроенный на самой плотинѣ Изера, совершенно разрушенъ бельгійскими снарядами. Непрiятельскія лагерныя расположенія въ Эссенѣ и Клеркенѣ были энергично обстрѣляны.

9-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ:

«Въ рижскомъ районѣ нашей артиллеріей были удачно обстрѣляны нѣмецкіе самолеты и привязные воздушные шары. У Шлока и острова Далена артиллерійское состязаніе съ перевѣсомъ на нашей сторонѣ. Въ якобштадтскомъ и двинскомъ районахъ огнемъ нашей артиллеріи разогнаны германцы, производившіе работы у Арбиляна, Каницполя, Иллукста и Тенненфельда. Къ югу отъ Видзы удачныя для насъ столкновенія развѣдывательныхъ партій. Наши летчики вновь бросали бомбы по обозамъ противника, двигавшимся на Свѣнцины.

«Въ Галиціи, западнѣе Трембовли, въ районѣ с. Тушкова, противникъ занялъ высоту впереди нашего фронта. Одна изъ нашихъ частей, перейдя въ наступленіе, опрокинула противника и захватила около 150 человекъ въ плѣнъ. Отступавшій противникъ былъ настигнутъ развѣдкомъ и конными развѣдчиками, которые захватили въ плѣнъ еще около 40 человекъ, изъ коихъ 3 офицера, а также много оружія, снаряженія и патроновъ. Къ югу отъ Бучача, въ районѣ Хмѣлева, отражена попытка противника въ бѣлыхъ халатахъ приблизиться къ нашимъ окопамъ.

На Кавказскомъ фронтѣ въ ночь на 7-е декабря наши развѣдчики на фронтѣ между селеніемъ Аха и горой Путинцева (въ 30 верстахъ къ юго-западу отъ Ольги) ввязались въ бой и энергичнымъ ударомъ выбили турокъ изъ окоповъ и продвинулись впередъ. Подтянувъ резервы, турки произвели четыре контръ-атаки. Всѣ контръ-атаки отбиты съ большими для турокъ потерями, причемъ наша артиллерія успѣшно содѣйствовала своимъ огнемъ. Въ азербейджанъ-ванскомъ районѣ одной изъ нашихъ частей была отброшена партія противника, силою до 150 человекъ и занято ущелье Биноръ, что въ 40 верстахъ къ юго-западу отъ города Урміи. Въ Персіи наши войска заняли Новеранъ и Кумъ.

9-го декабря французское правительственное сообщеніе гласило:

«Въ Бельгіи артиллерія проявила активность въ районѣ Гетсаса и Дезинге. Къ югу отъ Арраса наша артиллерія отмѣтила нѣсколько удачныхъ попаданій. Близъ Борена была взорвана мина, которая сильно повредила непріятельскую траншею, расположенную противъ Лилльской дороги. Передъ Данкуромъ, въ районѣ Руа, сильный германскій патруль, попавшій подъ нашъ обстрѣлъ, бѣжалъ, оставивъ нѣсколько раненыхъ. На правомъ берегу рѣки Мааса, въ секторѣ лѣса Бушо, наши батареи подвергли ожесточенной бомбардировкѣ непріятельскія траншеи и вызвали взрывъ въ складѣ сварадовъ. Въ Вогезахъ, на Гартмансвейлеркопфѣ, послѣ цѣлаго ряда мѣстныхъ боевъ непріятелю удалось снова занять часть траншей, которыя мы отняли у него вчера и которыя занимались нашими передовыми отрядами. Число германскихъ плѣнныхъ, взятыхъ въ этомъ пунктѣ, превышаетъ 1400 человекъ».

Неприятельская артиллерия проявила значительную деятельность особенно в районах Фрикура, Лабаса и Ипрского канала. Английские батареи успешно отвечали на огонь неприятеля.

Бельгийские батареи проявили 9-го декабря большую активность и бомбардировали германские посты на левом берегу Изера, а также неприятельское расположение в Эссенъ. Къ северу отъ Диксмюде бельгийскими тяжелыми орудиями довершено было начавшееся еще 8-го декабря разрушение блокауза, который неприятель пытался снова исправить.

9-го декабря официальное сообщение черногорского правительства гласило:

«Неприятель укрѣпляется на всемъ протяжении санджакскаго фронта, удаливъ все населеніе и весь скотъ изъ мѣстностей, прилегающихъ къ правому берегу рѣки Тары. Мы отразили атаку неприятеля въ окрестностяхъ Бераны, нанеся ему большія потери и захвативъ плѣнныхъ».

10-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

Въ Галиціи къ востоку отъ Подгайцы противникъ небольшими отрядами неоднократно пытался приблизиться къ нашимъ окопамъ, но каждый разъ былъ отражаемъ нашимъ огнемъ и скрывался въ свои окопы.

На Черномъ морѣ наши миноносцы имѣли перестрѣлку съ батареями Варны. Въ угольномъ районѣ наша подводная лодка уничтожила большое парусное судно съ углемъ.

На Кавказскомъ фронтѣ всю ночь на 8-е декабря турки обстрѣливали наши новыя позиціи въ районѣ селенія Аха. Въ ванскомъ районѣ, у сѣвернаго и южнаго береговъ озера Ванъ, перестрѣлка развѣдочъ съ обѣихъ сторонъ. Въ Персіи въ ночь на 6-е декабря нами выбиты мятежники изъ района селеній Айбарикъ, что сѣверо-западнѣе Хамадана, южнѣе послѣдьяго нами занятъ переваль Асабабадъ. 7 декабря нашъ отрядъ, передъ вступленіемъ въ Кумъ, съ боя занялъ селеніе Саве, обративъ въ бѣгство до 600 конныхъ и пѣшихъ жандармовъ и мятежниковъ.

Французская артиллерія проявила нѣкоторую деятельность въ Артуа, въ районѣ Живанши и близъ дороги въ Лилль. На сѣверномъ берегу рѣки Эна французы успѣшно обстрѣливали автомобильную обозную колонну между Конде и Нантейль. Въ Веврѣ, къ юго-востоку отъ Апремонскаго лѣса, происходила удачная для французовъ минная борьба. Въ Вогезахъ, на Гартмансвейлеркопфѣ, въ результатъ контръ-атакъ неприятеля лѣвое крыло французскихъ войскъ на сѣверномъ склонѣ этой вершины отошло къ своимъ исходнымъ позиціямъ; въ центрѣ же и на правомъ флангѣ, то-есть на юго-восточномъ склонѣ вершины и далѣе къ югу до мѣстности, лежащей напротивъ Ватвилъера, французы удержали за собой всю занятую позицію на фронтѣ протяженіемъ въ 2 километра. Послѣ полудня снѣжная вьюга прервала операціи; неприятель подвергъ сильной бомбардировкѣ сѣверные склоны и вершину Гартмансвейлеркопфа.

День 10-го декабря былъ отмѣченъ артиллерійскимъ боемъ необыкновеннаго напряженія на всемъ фронтѣ бельгийской арміи, причемъ неприятель израсходовалъ совершенно бесполезно значительное количество снарядовъ.

Бельгийская артиллерія успѣшно стрѣляла и повредила германскія траншеи на берегу р. Изера.

10-го декабря черногорская санджакская армія, продолжая наступленіе, атаковала непріятели у Лепснаца. Послѣ ожесточеннаго боя непріятель, несмотря на упорное сопротивленіе, былъ отброшенъ въ Бѣлополью, причемъ, оставилъ на мѣстѣ боя 500 убитыхъ; черногорцы взяли въ плѣнъ около 100 человекъ, въ томъ числѣ одного капитана. На остальныхъ черногорскихъ фронтахъ продолжались артиллерійская перестрѣлка и пѣхотные бои.

На всемъ протяженіи итальянскаго фронта велась ожесточенная артиллерійская перестрѣлка.

11-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

«На рижскомъ участкѣ наша артиллерія удачно дѣйствовала противъ нѣмцевъ восточнѣ Пулкарнъ и передъ Иксколемъ. Артиллерія же заставила повернуть обратно непріятельской самолетъ, направлявшійся къ Ригѣ. Южнѣ Фридрихштадта нѣмцы выпустили по нашимъ окопамъ черезъ рѣку нѣсколько большихъ минъ. Въ двинскомъ участкѣ, около Иллукуста, огонь изъ бомбометовъ и ручными гранатами усилился. Наша артиллерія во многихъ мѣстахъ удачно дѣйствовала по нѣмцамъ, работавшимъ надъ постройкой укрѣпленій».

Генераль Таунсендъ, командующій англійскими войсками, дѣйствующими у Кута на рѣкѣ Тигрѣ, доноситъ:

«11-го декабря непріятель пробилъ брешь въ фортъ съ сѣверной стороны Кута и проникъ внутрь укрѣпленій, но былъ выбитъ изъ него, оставивъ на мѣстѣ боя 200 убитыхъ внутри форта. Въ полночь завязался вновь ожесточенный бой за обладаніе фортомъ, причемъ непріятелю удалось сначала занять сѣверный бастіонъ, изъ котораго, однако, онъ былъ выбитъ, но затѣмъ вновь его занялъ. Гарнизонъ удержался въ окопахъ и затѣмъ получилъ подкрѣпленія, послѣ чего непріятель очистилъ бастіонъ и рано утромъ въ день Рождества отошелъ назадъ въ траншеи на разстояніе отъ 400 до 900 ярдовъ, несмотря на то, что была произведена атака изъ траншей, находившихся въ 100 ярдахъ отъ пробитой бреши. Остальная часть дня Рождества прошла спокойно. Настроеніе гарнизона весьма бодрое. Утерянныи бастіонъ имъ вновь занятъ. Потери непріятели исчисляются приблизительно въ 700 человекъ. Нашихъ убито и ранено 190 человекъ. Повидимому, со стороны турокъ въ атаку участвовала цѣлая дивизія».

11-го декабря на балканскомъ театрѣ войны въ направленіи къ Рожай и Веравъ черногорцы отразили атаку на Товнакъ, причемъ нанесли большой уронъ непріятелю и обратили его въ сторону рѣки Бѣлой до деревни Ибама. Черногорцами было уничтожено австрійское полеовое орудіе у горы Ловченъ.

Непріятель не имѣлъ успѣха въ бояхъ, происходившихъ въ Санджакѣ 11-го декабря. Въ направленіи на Дечаны черногорцы отразили атаку. Австрійцы заняли позицію у Рашковой горы, но черногорцы взяли ее обратно контр-атакой, причемъ захватили плѣнныхъ и военное снаряженіе.

11-го декабря французское правительственное сообщеніе гласило:

«Въ Бельгіи происходилъ особенно сильный артиллерійскій бой. Германская пѣхота, сосредоточившаяся въ траншеяхъ и траншейныхъ пере-

ходахъ въ районѣ Ломбартиде, была разсѣяна нашимъ огнемъ. Между Соммой и Уазой наши батареи разрушили непріятельское укрѣпленіе къ западу отъ Ласиньи и серьезно повредили башню Роланда. На южномъ берегу рѣки Эна у высоты «108», къ юго-востоку отъ Берри-о-Бака, мы одновременно взорвали двѣ мины, которыя разметали непріятельскія работы. Въ Вогезахъ, на Гартмансвейлеркопфѣ, послѣ ожесточенной бомбардировки, непріятель произвелъ атаку за всемъ фронтѣ захваченныхъ нами позицій между вершиной Гартмансвейлеркопфа и окраинами Ватвиллера, но былъ всюду отраженъ.

«На восточномъ фронтѣ въ теченіе двухъ послѣднихъ дней не произошло перемѣнъ въ положеніи на нашемъ фронтѣ. Работы по сооруженію укрѣпленій вокругъ Солуни энергично продолжаются. Непріятель не дѣлалъ попытокъ перейти греческую границу.

«У Дарданеллъ ночь и утро прошли спокойно. Днемъ 10-го декабря наша тяжелая артиллерія подвергла энергичному обстрѣлу турецкія траншеи и отвѣчала на огонь непріятельской артиллеріи, размѣщенной на европейской сторонѣ пролива».

12-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ:

«Въ шести верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Бучача отражена попытка противника овладѣть нашими передовыми окопами. Въ районѣ Раранче нашими развѣдчиками внезапнымъ налетомъ захвачено непріятельское укрѣпленіе, причѣмъ взяты 21 плѣнный. Отчаянныя попытки противника взять его обратно успѣха не имѣли.

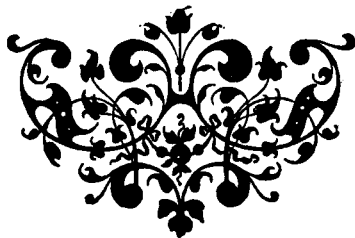
«На побережьи Чернаго моря, юго-западнѣе Хопы, наша моторная лодка, несмотря на сильный огонь съ берега у Атины, захватила турецкій парусникъ съ хлѣбомъ и 7-ю вооруженными турками. Въ виду полученныхъ несомнѣнныхъ свѣдѣній о прибытіи въ селеніе Рабатъ-Керимъ, въ 40 верстахъ къ юго-западу отъ Тегерана, шайки извѣстнаго фидая Эмиръ-Хишмета съ 1000 всадниковъ, былъ высланъ въ ночь съ 8-го на 9-е отрядъ подъ начальствомъ войскового старшины Бѣломѣстнова, съ задачей быстрымъ налетомъ уничтожить названную шайку. Войсковой старшина Бѣломѣстновъ 9-го декабря встрѣтилъ у селенія Рабатъ-Керимъ на крѣпкихъ по природѣ и хорошо укрѣпленныхъ горныхъ позиціяхъ два батальона жандармовъ, 500 всадниковъ Эмиръ-Хишмета и до 200 бахтиаровъ. Противникъ развилъ сильный огонь. Войсковой старшина Бѣломѣстновъ, послѣ огневой подготовки, атаковалъ противника лавой съ окруженіемъ. Противникъ разбитъ на-голову и разсѣянъ, причѣмъ только шашками изрублено 118 враговъ, изъ нихъ 2 офицера.

Германская подводная лодка 12-го декабря въ Средиземномъ морѣ потопила безъ предупрежденія пассажирскій пароходъ «Ville Ciotat». Большая часть экипажа и пассажировъ спасена англійскимъ пароходомъ.

12 декабря на всемъ фронтѣ Тироля, Трентино и Карніи происходила упорная артиллерійская борьба, причѣмъ непріятельскія батареи возобновили обстрѣлъ окрестныхъ незащищенныхъ мѣстностей, причинивъ разрушенія въ населенныхъ пунктахъ. У селенія Лоппио, въ долинѣ горнаго ручья Камера (притокъ рѣки Адиджъ), непріятель скатывалъ большія каменные глыбы съ высотъ, господствующихъ надъ этой мѣстностью съ сѣвера, но ему не уда-

лось причинить серьезный вред. Итальянская артиллерия отвечала на огонь неприятельской и в нескольких местах разсыла неприятельские отряды и обозные колонны.

Въ Бельгии въ теченіе дня 12-го декабря обѣ стороны продолжали поддерживать довольно упорный артиллерійскій огонь въ районѣ Ломбарзиде. Въ Артуа французскія батареи успѣшно обстрѣляли укрѣпленія германцевъ къ югу отъ Антра и въ районѣ Арраса. Въ Шампани французами была разсыяна неприятельская обозная колонна на дорогѣ изъ Тагюра въ Сомпи. Въ Вогезахъ происходила довольно сильная артиллерійская перестрѣлка. Здѣсь неприятель безрезультатно обстрѣливалъ французскія позиціи на фронтѣ Гириштейна и на сѣверныхъ склонахъ Гартмансвейлеркопфа.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ БАХВАЛОВА СЫНОВЬЯ ¹⁾.

(Романъ изъ купеческой жизни).

VIII.

ВЪ ТѢХЪ ПОРѢ, какъ Ипполитъ Викуловичъ поселился въ бѣломъ домѣ, онъ еще болѣе отдалился отъ своихъ домашнихъ. Рѣдко, очень рѣдко, по большимъ праздникамъ или въ дни рожденія и именинъ, можно было видѣть его въ бельэтажѣ за семейнымъ обѣдомъ или чаемъ, но и въ такихъ случаяхъ онъ старался избѣгать гостей и лишнихъ людей. Появлялся не надолго и, хотя и старался быть любезнымъ и даже хотѣлъ казаться веселымъ, производилъ впечатлѣнiе угрюмо-замкнутого, ушедшаго въ себя, занятого чѣмъ-то своимъ, большимъ и сложнымъ человѣка. И уже не развертывался онъ, какъ бывало, за обѣдомъ послѣ двухъ-трехъ рюмокъ вышитаго вина, не возвышалъ голоса, не кидаль красныхъ словъ, поговорокъ и присловій, а сидѣлъ безмолвно и безучастно, и на холодномъ, безучастномъ лицѣ стыла забытая, равнодушная и натянутая улыбка.

Долго съ опасенiемъ приглядывались къ нему домашнiе. Все ждали, что вотъ-вотъ покажетъ Ипполитъ Викуловичъ глубоко спрятанные когти, и пугало всѣхъ то, что раньше они знали его инымъ и уже приноровились къ нему, казалось, изучили всѣ его

¹⁾ Продолженiе. «Истор. Вѣстн.», т. СХLIII, стр. 321.

«Истор. вѣстн.», мартъ 1916 г., т. СХLIII.

слабыя струны и сумѣли бы, при всѣхъ обстоятельствахъ, использовать съ выгодною для себя это знаніе. А теперь неожиданная перемѣна всѣхъ смутила. Уже одна эта печаль по отцѣ, такая глубокая и длительная, была неожиданной, почти дикой. Прежде онъ былъ понятенъ своимъ, и для борьбы съ нимъ свободно и умѣло можно было выбрать оружіе, теперь это была загадка, таинственная и грозная.

Но время шло, и постепенно домашніе стали привыкать къ этой загадкѣ и уже не пытались ее разгадывать. Интересъ свой она для нихъ утратила, какъ только стало ясно, что Ипполитъ Викуловичъ, таковъ, какъ онъ теперь, пожалуй, лучше и выгоднѣе для нихъ, чѣмъ тотъ, что былъ раньше. Факты ежедневно доказывали, что Ипполитъ Викуловичъ не собирается ни притѣснять, ни унижать, ни угнетать домашнихъ. Держалъ онъ себя по привычкѣ властно, приказанія отдавалъ рѣшительно и безапелляціонно, но самыя приказанія имѣли иной характеръ. Они не пугали, какъ это обыкновенно бывало въ жизни Бахваловскаго дома, и не шли въ разрѣзъ съ желаніями остальныхъ членовъ семьи. И хотя Ипполитъ Викуловичъ ни съ кѣмъ не совѣтовался, распоряженія его вызывали невольное одобреніе, а нѣкоторыя—удивленіе. Всѣ Бахваловы внѣшне очень хорошо относились другъ къ другу, встрѣчались и разставались привѣтливо и сердечно, любили собираться всѣ вмѣстѣ, но какъ-то мало думали другъ о другѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ отецъ изгналъ изъ дома нелюбимаго сына Николая, никто, на примѣръ, ни разу не навѣстилъ его. Всѣ знали, что живетъ ему тяжело, доходили слухи о томъ, что съ горя онъ сильно пьетъ, знали, что у него двое дѣтей, но никому изъ домашнихъ не приходило въ голову поближе подойти къ его жизни и постараться оказать ему существенную помощь. Правда, почти всѣ одѣляли его подачками, но и подачки эти не были щедры, да и давались онѣ обыкновенно не сразу и не по собственному побужденію, а когда Николай Викуловичъ настойчиво начиналъ осаждать бабье царство своими слезницами.

И вдругъ Ипполитъ Викуловичъ приказалъ въ нижнемъ этажѣ заново отремонтировать и омеблировать пустую квартиру, а когда она была готова, послалъ сказать Николаю, что онъ можетъ переѣхать съ женой и дѣтьми. Одновременно контора получила приказаніе ежемесячно отпускать на его расходы четыреста рублей. На семейныхъ это распоряженіе произвело чрезвычайное впечатлѣніе и тѣмъ болѣе вознегодовали они, когда узнали, что Николай Викуловичъ отъ квартиры отказывается и соглашается только получать деньги. Это показалось и дерзостью, и неделикатностью, но и на этотъ счетъ у Ипполита Викуловича, должно быть, явилось свое мнѣніе, и онъ рѣшилъ самъ навѣстить брата и однажды утромъ приказалъ заложить одиночку и поѣхалъ къ нему.

Въ узенькомъ, крутомъ и грязномъ переулкѣ на Самотекѣ экипажъ его остановился около двухъэтажнаго сѣраго, деревяннаго, очень стараго, вросшаго въ землю дома. Въ нижнемъ полуподвальномъ этажѣ его надъ стеклянной дверью прибита была вывѣска: «Дамскія моды мадамъ Серафимы». Ипполитъ Викуловичъ вошелъ въ магазинчикъ, маленькій и плохо обставленный, но чистенькій, съ намекомъ даже на нѣкоторое щегольство. На звонокъ, который зазвонилъ, когда онъ отворилъ дверь, вышла дѣвочка лѣтъ пятнадцати и, увидавъ его и успѣвъ разглядѣть черезъ низенькое зеркальное окно собственный экипажъ и толстаго кучера, бросилась во внутреннія комнаты.

Почти тотчасъ же въ магазинчикъ вышла молодая, но уже начинающая расплываться, низенькаго роста, вся розовая блондинка и вѣжливо спросила, что ему угодно. Ипполитъ Викуловичъ догадался, что видитъ передъ собой жену Николая. Онъ назвалъ себя и объяснилъ, что приѣхалъ повидать брата.

— Ахъ, Боже мой,—вся вспыхнувъ и смутившись, вскричала Серафима Ивановна:—да какъ же это такъ? Вотъ ужъ не ожидала. Пожалуйста, милости просимъ. Вѣдь, вамъ, вѣрно, очень нужно видѣть Николая Викуловича, а я, право, не знаю, дома ли онъ. Прошу васъ сюда.

Ипполитъ Викуловичъ прошелъ въ узенькую дверь и черезъ темный коридорчикъ вступилъ въ комнату, выходящую двумя окнами на дворъ.

Это была гостиная и столовая вмѣстѣ. Подъ большимъ столомъ очень смиренно сидѣли двое крошечныхъ дѣтей и играли въ какія-то коробочки.

— Идите отсюда вонъ, дѣти,—приказала Серафима Ивановна:—идите, идите къ бабушкѣ: она вамъ сказку расскажетъ.

— Ужъ вы извините, пожалуйста,—обратилась она къ Ипполиту Викуловичу.—Такія глупыя дѣти. Изъ мастерской ихъ гоняемъ, въ магазинъ не позволяемъ выходить, на дворъ я не пускаю гулять,—не съ кѣмъ, а однихъ боюсь, да и какая же компанія уличники. Вотъ они и забираются подъ столъ. Садитесь, пожалуйста.

Ипполитъ Викуловичъ сѣлъ у окна; изъ него виденъ былъ дворъ, довольно просторный, немощеный и грязный.

— Вы ужъ посидите, пожалуйста,—говорила Серафима Ивановна:—я за Николаемъ сейчасъ! пошлю. У насъ тутъ рядомъ трактиръ есть, «Казбекъ» называется, такъ онъ туда, должно быть, завтракать пошелъ, онъ ужъ всегда тамъ завтракаетъ.

— Да вы не хлопочите,—сказалъ Ипполитъ Викуловичъ:—я подожду. Можетъ быть, даже и посылать за нимъ не нужно, я бы могъ поговорить и съ вами. Я, вѣдь, заѣхалъ съ тѣмъ, чтобы спросить брата, почему онъ отказывается переѣхать къ намъ въ домъ. Вѣдь, тамъ квартира прекрасная, не чета этой.

Серафима Ивановна вспыхнула.

— Ахъ, такъ, вѣдь, это и не онъ, а я,—сказала она:—Николай Викуловичъ человекъ слабый, онъ все готовъ сдѣлать, а ужъ вы извините меня, Ипполитъ Викуловичъ, это я ему отсовѣтовала. Во-первыхъ, у насъ все-таки дѣло, мастерская, и магазинъ, и вывѣска есть, а вѣдь вы на своемъ домѣ вывѣсокъ повѣсить не позволите.

— Да онъ вамъ и не нужны будутъ,—сказалъ Ипполитъ Викуловичъ:—зачѣмъ вамъ держать мастерскую, когда Николай Викуловичъ будетъ имѣть отъ конторы полное содержаніе.

— Нѣтъ ужъ, какъ же безъ мастерской,—сказала Серафима Ивановна:—я все-таки къ своему дѣлу привыкла, да и Николай Викуловичъ скучать будетъ. Мы въ этихъ мѣстахъ давно живемъ, и ужъ тутъ всѣ его привычки знаютъ. А, вѣдь, онъ почудачить любить: иногда и выпьетъ лишнее, а то такъ просто, для потѣхи. Ну, и вкусы у него есть свои. Нѣтъ, ужъ вы извините, пожалуйста, Ипполитъ Викуловичъ. А, впрочемъ, вонъ онъ и самъ идетъ. Конечно, ежели желаете, вы съ нимъ можете поговорить.

Черезъ дворъ, направляясь къ черному крыльцу, шелъ Николай Викуловичъ. Онъ былъ въ одномъ сюртукѣ, надѣтомъ на ночную рубашку, старый картузь блиномъ сдвинутъ былъ на затылокъ. Онъ шелъ медленной, колеблющейся походкой, но выступалъ важно и съ достоинствомъ. Сзади также медленно двигался мальчишка въ бѣлыхъ штанахъ и въ бѣлой рубахѣ, безъ картуза—«услужующій» изъ трактира. Мальчишка несъ монопань.

— Это что же?—съ удивленіемъ спросилъ Ипполитъ Викуловичъ.

— Вы насчетъ чего? Это что мальчишка съ монопаномъ? Видите ли, трактиръ этотъ маленькій, а Николай Викуловичъ любятъ подь музыку кушать, такъ они всегда приказываютъ музыкальный ящикъ туда нести, а какъ покушаютъ, ящикъ назадъ приносятъ.

Ипполитъ Викуловичъ пожалъ плечами и тутъ же подумалъ, что, дѣйствительно, въ Бахваловскомъ домѣ привычки Николая Викуловича были бы неумѣстны, но ничего не сказалъ. Николай Викуловичъ не выразилъ ни удивленія, ни радости при видѣ брата.

— Познакомился съ моей супругой?—спросилъ онъ:—я, конечно, не ожидалъ, что ты пріѣдешь, но ужъ разъ пріѣхалъ, будь гостемъ...

— Вы тутъ посидите, поговорите,—сказала Серафима Ивановна:—а я пойду, насчетъ самовара распорядюсь.

Мальчишка между тѣмъ установилъ монопань, тряхнулъ обстриженной въ кружокъ головой, вынулъ изъ кармана панталонъ счетъ и положилъ его передъ Николаемъ Викуловичемъ.

— Извольте подписать,—предложилъ онъ.

Николай Викуловичъ тотчасъ же на окнѣ нашель перо и чернильницу и безпрекословно подписалъ счетъ и, уже когда подписалъ, спросилъ:

— А это что написано? Звонокъ и солонка—рубль двадцать пять.

— Звонокъ изволили прошлый разъ унести,—объяснилъ мальчишка:—а солонку сегодня, какъ изъ-за стола вставали, въ карманъ опустили.

— Врешь, чай,—сказалъ Николай Викуловичъ.

Однако пошарилъ въ карманѣ брюкъ и поставилъ на столъ маленькую хрустальную солонку.

— Чортъ знаетъ, что такое!—засмѣялся онъ добродушно и весело:—вѣдь, дѣйствительно, унесъ. Ну, ладно, убирайся! Какъ разбогатѣю, все отдамъ. Мошенники вы съ хозяиномъ! Каждый разъ къ счету приписываете.

И, обернувшись къ Ипполиту Викуловичу, объяснилъ:

— Вѣдь, вотъ штука! Привычка у меня такая. Рѣдкій день не бываю у нихъ въ трактирѣ—либо завтракаю, либо обѣдаю и ужъ всегда,—безъ этого не могу,—что-нибудь со стола стяну. И, вѣдь, не думаю объ этомъ, просто такъ, машинально, а они подмѣтили это и нарочно мнѣ разную дрянъ подставляютъ. Серафима Ивановна прежде вниманія на обращала, а теперь ужъ сердиться начала. Перечницъ, звонокъ разныхъ, солонокъ много накопилось въ домѣ. Она было ихъ все собрала и имъ послала: такъ, вѣдь, не берутъ мерзавцы,—выгодная очень статья. Себѣ солонка семь копеекъ, а мнѣ ее въ четвертакъ ставятъ, звонокъ двугривенный, а плати рубль.

— Да, вѣдь, это глупо!—сказалъ Ипполитъ Викуловичъ:—зачѣмъ ты это дѣлаешь!

— Чудакъ человекъ! Да говорю тебѣ, машинально. И трактиръ-то паршивый. Свою музыку надо съ собой таскать.

— Что жъ ты безъ музыки не можешь обойтись?—спросилъ Ипполитъ Викуловичъ.

— Какъ-то аппетиту нѣтъ, и въ настроеніи я нуждаюсь. У меня такъ и кушанья подобраны. Есть такія, что требуется настроеніе веселое. Солянку, на примѣръ, на сковородѣ ѣмъ, такъ ужъ всегда подъ «Сѣни», бифштексъ подъ «Персидскій маршъ», а вотъ кисель,—я очень люблю,—чортъ его подери почему, кисель всегда со слезой у меня, люблю что-нибудь чувствительное, печальное. Васька знаетъ ужъ такъ и заводитъ. Иной разъ, когда спрошу что-нибудь новое, самъ подлецъ поставитъ. «Это,—говорить,—музыка самая подходящая къ этому блюду, лучше, говорить, Николай Викуловичъ, вамъ и самому не придумать».

Еще былъ молодъ Николай Викуловичъ, но весь какъ-то выплѣлъ и опустился. Давно небритое лицо, чуть-чуть напомнившее Ипполиту мачеху Аграфену Асафовну общимъ обликомъ и краси-

выми темными глазами, обрюзгло, посѣрѣло, и было что-то безпомощное, жалкое и старческое въ его высокой, худой фигурѣ, сутуловатой и неловкой. Замѣтно дрожали руки, и сразу можно было догадаться, что онъ пьетъ.

Ипполитъ Викуловичъ слушалъ и оглядывалъ брата.

Входила и выходила Серафима Ивановна, разставляла на столѣ угощеніе, гремѣла посудой, суетилась и хлопотала. Ипполитъ Викуловичъ понималъ, что уѣхать нельзя сейчасъ, не выпивъ хоть стаканъ чаю, но уже давно хотѣлось ему уѣхать и понялъ онъ, что Николаю Викуловичу въ Бахваловскомъ домѣ не понравится, жить онъ тамъ не будетъ, да и не надо, чтобы онъ тамъ жилъ.

Пожилая деревенская баба въ пестромъ цвѣтномъ сарафанѣ и въ кисейныхъ рукавахъ внесла огромный самоваръ и, поставивъ его на столъ, низко поклонилась Ипполиту Викуловичу.

— Пожалуйста, кушайте,—говорила Серафима Ивановна, наливая ему чай и передавая лимонъ и варенье:—ежели бы я знала, что вы пріѣдете,—я бы пироги испекла. У насъ Васена очень хорошо пироги печеть.

— Чаю я не люблю,—говорилъ Николай Ипполитовичъ:—но для тебя выпью. Я послѣ обѣда все больше пиво пью. Вотъ Серафимочка сердится, такъ, чтобы ей угодить, я иной разъ вмѣсто пива сухарный квасъ дую.

— А что же ты дѣлаешь цѣлый день?—спросилъ Ипполитъ Викуловичъ.

— Что дѣлаю? Да развѣ день великъ? Его и не видать. Встанешь, напьешься чаю, пройдеши куда-нибудь, смотришь, ужъ завтракать пора, а только что позавтракаешь, опять чай, а тамъ ужъ и обѣденное время подошло, а послѣ обѣда ужъ и дню конецъ, устанешь какъ-то,—я рано спать ложусь. Денегъ у меня лишнихъ нѣтъ, по театрамъ не хожу, въ гости не ѣзжу, развѣ когда Серафима Ивановна вытащить. Такъ ужъ это я черезъ силу, чтобы ей доставить удовольствіе.

— И одѣваешься ты неряшливо,—сказалъ Ипполитъ Викуловичъ:—вѣдь, не отъ бѣдности же это. Все-таки платью выходное можно имѣть приличное.

— Да, вѣдь, у насъ тутъ тихо, и всѣ другъ друга знаютъ,—сказалъ Николай Викуловичъ:—что жъ мнѣ такъ особенно чиниться-то передъ ними? Попа, братъ, видно и въ рогожѣ, все-таки я не кто-нибудь, а Бахваловъ.

— Ну, я поѣхалъ,—сказалъ Ипполитъ Викуловичъ.

— А еще-то чайку!—воскликнула Серафима Ивановна.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я еще въ лавки поѣду. Такъ вотъ, Николаша, ты ужъ теперь о себѣ позаботься, деньги будешь получать аккуратно. Довольно съ тебя?

— За глаза,—отвѣтилъ Николай Викуловичъ.

— Очень вамъ благодарна,—говорила Серафима Ивановна, провозжая Ипполита Викуловича.

Но Николай Викуловичъ оборвалъ ее

— Вотъ дура баба! Ну, за что ты благодаришь? Развѣ это для него деньги? Мы съ тобой потомъ еще не такъ разбогатѣемъ

И, хитро подмигнувъ, онъ сказалъ брату:

— Дѣлиться-то будемъ, что ли, Ипполитъ? Али все себѣ загребешь?

— Это надо обсудить,—сказалъ Ипполитъ Викуловичъ:—ты самъ понимаешь, что эти дѣла такъ не дѣлаются.

— Понимать-то понимаю. Я, братъ, человѣкъ покладливый. Но если ты воображаешь съ Сосипатромъ такъ же распорядиться, то очень ошибаешься. У Сосипатра планы широкіе, и съ Кармань-Лелѣевымъ они въ стачкѣ. Этихъ, милый другъ, противъ шерсти не погладишь. Сосипатръ-то съ ума сошелъ. Деньгами такъ и швыряетъ. Говорять, что у него ужъ сейчасъ-то пятьсотъ тысячъ долгу. Люблю Сосипатра за широкую натуру. Вотъ увидишь, на Ртищевой женится. Полковникъ-то любить въ картишки перекинуться, въ долгу, говорятъ, какъ въ шелку.

— Ну, прощай,—поднимаясь, сказалъ Ипполитъ Викуловичъ.

Онъ уже торопился уѣхать. Отъ Николая онъ всегда былъ очень далекъ, даже Сосипатръ ему былъ какъ-то понятнѣе, онъ чуялъ въ немъ свое, бахваловское, а Николай всегда казался ему чужимъ и какъ будто принижающимъ достоинство Бахваловскаго дома. Отъ визита къ нему у него явилось непріятное и нѣсколько брезгливое впечатлѣніе, и онъ все старался отъ него отдѣлаться, но все-таки онъ былъ доволенъ тѣмъ, что поѣхалъ: теперь его ужъ не волновалъ отказъ Николая поселиться въ Бахваловскомъ домѣ, и только жаль было, что затрачены были деньги на отдѣлку и меблировку квартиры, но потомъ онъ рѣшилъ перевести въ нее жену Сосипатра и окончательно успокоился. Ужъ на полпути вспомнилъ онъ, что совсѣмъ не поинтересовался дѣтьми брата, не приласкалъ ихъ и не подумалъ привезти имъ гостинца. Собственно, онъ былъ къ нимъ равнодушенъ, но ему захотѣлось чѣмъ-нибудь выказать вниманіе Серафимѣ Ивановнѣ. Онъ велѣлъ остановиться кучеру передъ кондитерской, набралъ цѣлый коробъ разнообразныхъ сластей и немедленно велѣлъ послать по адресу Николая Викуловича.

Не однимъ визитомъ шальному Николаю удивилъ онъ домашнихъ. Пріятно поразило дамъ то, что всѣмъ были утроены выдачи на булавки. Мало того: было сказано, что при всѣхъ серьезныхъ расходахъ онѣ могутъ рассчитывать на уплату по экстреннымъ счетамъ и только должны предварительно предупредить контору.

Явилось и еще одно новшество: Ипполитъ Викуловичъ распорядился снять запретъ съ бельэтажа, и освобожденные отъ чех-

ловъ парадныя комнаты объявлены были общимъ достояніемъ, гдѣ въ любое время могли находиться всѣ, кому это было нужно и удобно.

Зашевелился и ожилъ бельэтажъ, и зажилъ Бахваловскій домъ новой, неслыханно до того шумной и веселой жизнью. Стали часто пріѣзжать гости, не разбирая ни будней, ни праздниковъ, и многіе изъ нихъ не похожи были на тѣхъ, кого привыкъ привѣчать Бахваловскій домъ. Стали появляться разные не купеческой складки люди, и все народъ, должно быть, небогатый. Приходили и пѣшкомъ, а кто пріѣдетъ на извозчикѣ. Привыкшая къ рысакамъ и шикарнымъ запряжкамъ дворянъ высокомерно встрѣчала посѣтителей, пожимая плечами, фыркая и шушукаясь между собой, а старые слуги неодобрительно качали головами и судачили между собой: «Не все коту масленица, будетъ и Великій постъ. Вотъ ужъ велитъ Ипполитъ Викуловичъ запереть парадныя комнаты. Что это, въ самомъ дѣлѣ, за обыкновеніе взяли, покою никому въ домѣ не даютъ, что ни день—засидки да танцы, подумаешь, свадьбу справляютъ...»

Бабѣ царство зажило широко, вольно и развернулось во-всю. Бабиньки и вѣковушъ теперь ужъ не боялись, почувствовали за собой силу. И ярко опредѣлились вкусы и наклонности барынь. Марина Викуловна увлекалась спиритическими сеансами, у нея образовался свой кружокъ: ѣздили гипнотизеры, маги, профессора оккультныхъ наукъ. Очень большія средства давала она на поддержку замкнутого и таинственнаго кружка нео-оскаръ-уайльди-стовъ. Зинаида и Райса жадно пользовались удовольствіями, у нихъ подобралась своя компанія молодыхъ купчиковъ, модныхъ докторовъ, офицеровъ, адвокатовъ, и онѣ ѣздили по ресторанамъ, по хорамъ или устраивали у себя шумные вечера, на которыхъ пѣли, плясали и веселились отъ зари до зари. А днемъ ихъ навѣщали всевозможныя свахи, старыя старухи, важныя чиновныя барыни и подозрительныя, богато одѣтыя, неизвѣстно на какіе доходы, молодящіяся особы. И Зинаида и Райса прикармливали ихъ и подолгу бесѣдовали съ ними, и обѣ мечтали о женихахъ. Зинаида непремѣнно о красавцѣ, молодомъ, интересномъ и умницѣ,—докторъ уже началъ пріѣдаться ей, и она третировала его свысока. Райса желала непремѣнно выйти замужъ за князя и ужъ худо-худо за графа, но зато ничего не имѣла противъ того, чтобы онъ былъ старъ, бѣденъ и даже уродливъ. Въ шумной суетѣ мало принимала участія Лидія—у нея были какіе-то свои планы, и она никому не открывала ихъ. И ужъ совсѣмъ въ сторонѣ стояла Ниночка. Она стала теперь, кажется, еще болѣе одинокой. Когда устраивались вечера, ее избѣгали приглашать, находили, что она еще очень молода, дѣвочка, ей не мѣсто со старшими, а въ экскурсіяхъ за городъ, въ катаньяхъ и кутежахъ она и подавно не участвовала.

Теперь она вѣчно сидѣла около бабиньки. Старуха, тоже одинокая и заброшенная болѣе, чѣмъ когда-нибудь, особенно привязалась къ внучкѣ, хотя попрежнему вокругъ бабиньки и вѣковушъ ютились приживалки, юродивые, странники и даже шире и лучше жилось имъ теперь. Ипполитъ Викуловичъ совсѣмъ не входилъ въ жизнь бабьяго царства, а Викуловны были такъ довольны тѣмъ, что имъ не мѣшаютъ жить, что расположены были снисходительно терпѣть увлеченія бабиньки и вѣковушъ. А Ипполитъ Викуловичъ все дальше и дальше уходилъ отъ семьи. И не только отъ семьи, — и отъ дѣла. Глядя на него, вздыхалъ и покачивалъ головой Ведененчъ. Не нравились ему безучастность и разсѣянность Ипполита Викуловича, пробовалъ онъ иногда его пугать разореніемъ, убытками, но и самъ понималъ, что это одни слова: бахваловскіе капиталы росли, золотой рѣшкой катилась въ торговый домъ нажива, но мало радовало это Ипполита Викуловича. Насколько раньше онъ думалъ только о барышахъ, настолько теперь онъ сдѣлался равнодушнымъ къ нимъ, да и ко многому другому. Онъ уже убѣдился, что не можетъ уйти съ головой въ дѣло, что нужно что-то совсѣмъ особенное, чтобы вырвать его изъ желѣзныхъ объятий тоски. Онъ не находилъ себѣ мѣста. Пробовалъ даже принять участіе въ забавахъ и развлеченіяхъ своихъ домашнихъ, но тотчасъ же живо почувствовалъ, что мертвить ихъ радость, а самому ему не становится легче.

Но все-таки было какъ-то не такъ мрачно на душѣ, когда домъ наполнялся посторонними людьми, шумѣлъ и гудѣлъ отъ музыки, танцевъ и разговоровъ.

Было ему пріятно, что въ старомъ толстостѣнномъ домѣ, похожемъ на капище невѣдомаго, суроваго, древняго бога, гостятъ радость и веселье. Съ дѣтства эти большія парадныя комнаты, погруженныя въ пыльный безжизненный сумракъ, пугали его воображеніе, и нездѣшными, неподвижными, страшными въ своемъ безмолвномъ коснѣшіи призраками казались ему всѣ эти кресла, диваны, тумбы и люстры, окутанныя коленкоромъ. Никогда не любилъ онъ парадныхъ комнатъ, не любилъ бывать въ нихъ, не любилъ просто проходить по нимъ. Не любилъ кабинета своего, большой и мрачной комнаты сейчасъhalbъ изъ передней, съ большими полукруглыми и все-таки тусклыми окнами. Въ этой комнатѣ отецъ водворилъ его, въ видѣ особой награды и поощренія, въ день его свадьбы и тогда же подарилъ ему всю обстановку, дорогую, нарядную, работы одного изъ лучшихъ московскихъ мебельщиковъ, но которая ему казалась всегда неуклюжей, тяжелой, безнадежно-мрачной и неуютной. Даже по вечерамъ, когда кабинетъ можно было залить цѣлымъ моремъ электрическаго свѣта, онъ сохранялъ для него свой обычный характеръ, и изъ всѣхъ угловъ его лѣзло на него что-то враждебное, безпощадно-жесто-

кое. Онъ бы предпочелъ не пользоваться кабинетомъ и жить внизу, но это значило бы ослушаться отца и обидѣть его.

Только во время болѣзни послѣдняго онъ нѣсколько привыкъ къ кабинету, въ немъ онъ проводилъ почти все свободное время, и на диванѣ ему стлали постель на ночь. Но никогда не былъ онъ ему такъ ненавистенъ, какъ послѣ смерти отца. Никогда не были такъ ненавистны ему и парадныя комнаты, никогда такъ живо и до боли ощутительно не напоминали ему онъ его дѣтства, никогда такъ живо не вызывали въ памяти того пугающаго впечатлѣнія, какое онъ тогда производили на него. И теперь, черезъ много лѣтъ, какъ бывало въ дѣтствѣ, съ жуткимъ чувствомъ вступалъ онъ въ нихъ и понималъ, что онъ стали еще страшнѣе и что наивные призраки прошлаго мѣшались и сплетались съ угрожающими тѣнями настоящаго.

И было странно и жутко, что онъ, взрослый, еще болѣзненнѣе, еще живѣе переживаетъ то, что когда-то переживалъ маленькимъ. И было ужасно сознавать, что тогда была съ нимъ только ребяческая наивная пугливость, а сейчасъ рядомъ съ нимъ, нога въ ногу, бокъ-о-бокъ шагало по штучнымъ квадратамъ паркета само преступленіе.

Особенно страшны были тѣ двѣ комнаты, въ которыхъ жилъ отецъ въ послѣднее время. Порога его спальни онъ не рѣшился бы переступить. Этотъ страхъ былъ такъ осязателенъ, такъ волновалъ и мучилъ, такъ стоялъ надъ душой, не давая отдыха, что онъ рѣшился на чрезвычайныя мѣры. Онъ приказалъ наглухо запереть двери со всѣмъ, что находилось въ этихъ двухъ комнатахъ. Но призраки не считаются со стѣнами и запертыми дверями, и не разъ Ипполиту Видуловичу казалось, что навстрѣчу ему легко и безшумно движется тѣнь отца. Вотъ тогда-то онъ и рѣшилъ переселиться въ бывшій содержанкинъ флигель.

Цѣлые годы стоялъ запертый маленькій бѣлый домъ. Никто изъ Бахваловыхъ не хотѣлъ жить въ немъ. Сдавать его находили неудобнымъ. Прежде всего, надо было впустить жильцовъ въ самыя нѣдра Бахваловскаго гнѣзда, а этого Бахваловы не могли допустить. Какъ это рядомъ будутъ жить чужіе люди, по двору будутъ проходить неизвѣстныя лица, да еще, пожалуй, судачить пойдутъ про хозяевъ, всю подноготную вызнаютъ, чего не увидятъ, такъ приврутъ, а что есть, прибавятъ втрое, да и разнесутъ по всей Москвѣ сплетни. А другое:—гдѣ и жильцовъ такихъ искать. Богатые люди свои хоромы имѣютъ и въ меблировкѣ не нуждаются, а куда такую меблировку дѣнешь, не въ сараи же ставить, а въ большомъ домѣ и такъ тѣсно, все до послѣдняго угла загромождено. А побѣднѣе кого пустить изъ баръ, что къ роскоши привыкли и на роскошь падки, а свое все давно проендорили, такъ это самое несостоящее дѣло. Платить будутъ туго, а убранство все загадать. Лучше ужъ пускай такъ стоитъ.

Но сталъ страшень и ненавистень Ипполиту Викуловичу большой домъ, и вспомнилъ онъ о бѣломъ домикѣ, велѣлъ отпереть его, обошелъ всѣ комнаты, пустынные, холодныя и нарядно-новыя, говорившія о какой-то иной жизни, красивой и изящной, легкой и веселой, и онѣ понравились ему.

Въ большомъ домѣ даже не повѣрили сначала, когда узнали, что Ипполитъ Викуловичъ приказалъ отапливать бѣлый домъ и самъ будетъ жить въ немъ, а потомъ объяснили этотъ капризъ по-своему:

— Скучаетъ Ипполитъ, надоѣло бобылемъ жить, жениться задумалъ.

Но Ипполитъ Викуловичъ и не думалъ о женитьбѣ. Еще въ первые годы его вдовства сватали ему невѣсть, и благородныхъ изъ бѣдныхъ, и совсѣмъ нищихъ, невѣдомыхъ, безъ роду, безъ племени, но зато писаныхъ красавицъ, и купеческихъ дочекъ, и вдовушекъ съ колоссальными придаными. Ипполитъ Викуловичъ всѣмъ отъ воротъ поворотъ показалъ, онъ привыкъ къ своему одиночеству, и женитьба не прельщала его. Тотъ опытъ семейной жизни, который послала ему судьба, оставилъ по себѣ впечатлѣніе чего-то нелѣпаго, лишенаго смысла и цѣли, питавшаго постоянное чувство неудовлетворенности. Жена была нелюбимая, и радъ онъ былъ, когда она ушла изъ его жизни, дѣтей своихъ онъ почти не зналъ и, должно быть, тоже не любилъ ихъ. Онъ сталъ замѣчать ихъ только въ самое послѣднее время и, глядя на нихъ, не разъ спрашивалъ себя: неужели этотъ высокій, сутуловатый, блѣдный вихрастый студентъ—его сынъ, и неужели его дочь—эта странная, не въ Бахваловыхъ вышедшая, тоже блѣдная и, кажется, некрасивая дѣвушка, которая постоянно чему-то учится, читаетъ какія-то книги и, смѣшная, бѣгаетъ зачѣмъ-то по Москвѣ пѣшкомъ, когда у отца ея милліоны и на конюшнѣ застаиваются и жирѣютъ кровные рысаки. Жизнь его дѣтей какъ-то шла мимо него. Маленькими они были во власти бабиньки, вѣковушъ и приживалокъ, но, какъ только отданы были въ учебныя заведенія, тотчасъ выбились изъ-подъ женской фѣрулы и начали упрямо отстаивать свою самостоятельность. Началась глухая и ожесточенная борьба. Дѣти шли походомъ на всѣ укоренившіяся традиции, а всѣ тѣ, кому дороги были эти традиции, готовы были отстаивать ихъ и во имя ихъ не остановились бы передъ тѣмъ, чтобы смять молодую жизнь, пожертвовавъ ея счастьемъ ради того, что, съ точки зрѣнія бахваловскихъ идеаловъ, составляло счастье человѣка. Только въ Маринѣ Викуловнѣ дѣти на первыхъ же порахъ нашли заступницу, но она была занята собой и слишкомъ была слаба передъ всѣми остальными.

Неожиданно нашелся у нихъ заступникъ, могущественный и авторитетный. Ипполитъ Викуловичъ, долго даже не замѣчавшій

этой борьбы, даже не подозрѣвшій того, что все время, съ тѣхъ поръ, какъ дѣти стали чувствовать и понимать, онъ являлся только пугаломъ для нихъ, къ изумленію всѣхъ домашнихъ, оказался на сторонѣ дѣтей. Рѣшительно и рѣзко пресѣкъ онъ всѣ раздоры и неудовольствія. Бабинька, вѣковушка, приживалки—всѣ должны были умолкнуть. У нихъ отнято было самое главное, чѣмъ онѣ стращали дѣтей и воздѣйствовали на ихъ воображеніе:—страхъ передъ гнѣвомъ Ипполита Викуловича, угроза пожаловаться отцу, довести до «самого». Глухо между собой онѣ осуждали его.

— Съ ума сходитъ Ипполитъ, благо отецъ ему мирволить. Распускаетъ молодежь. Пускай, говоритъ, учатся, если они хотятъ. Да что имъ въ учителя, что ли, итти? Ну, Арсеній, Сергѣй еще туда-сюда,—мальчики, а Нинѣ чего надо? Бѣгають по своимъ гимназіямъ, Богъ знаетъ съ кѣмъ знакомства заводятъ, сами по чужимъ домамъ шлендать будутъ, къ себѣ въ домъ Богъ знаетъ еще кого приведутъ. Тутъ ужъ не жди ничего путнаго.

Но открыто возставать, вслухъ порицать тогда уже все-сильнаго любимца самого никто не осмѣливался. Да и женское царство-то давно уже начало распадаться.

Всѣ, кто былъ помоложе, кто еще не совсѣмъ зачерствѣлъ и окаменѣлъ душой, всѣ почувствовали притокъ свѣжаго воздуха, живительнаго дуновенія чего-то новаго и свѣтлаго, проникавшаго въ затхлую атмосферу Бахваловскаго дома.

Поняли наконецъ и всѣ, что Ипполитъ Викуловичъ не хочетъ тѣснить дѣтей, хочетъ воспитать ихъ по-новому, вольно, и успокоились.

Но странное дѣло! Дѣти не стали веселѣе и счастливѣе. Угрюмо и недовѣрчиво смотрѣли они на старшихъ и всѣхъ угрюмѣе, всѣхъ недовѣрчивѣе на отца.

Никто изъ дѣтей не любилъ отца. Но и самъ Ипполитъ Викуловичъ былъ равнодушенъ къ нимъ и не задумывался раньше надъ чувствами дѣтей къ себѣ.

Только послѣ смерти отца, ощутивъ окружавшую его пустыню, все чаще и чаще съ тоскливой настойчивостью, съ болѣзненнымъ упрямствомъ возвращался онъ къ мысли о сближеніи съ дѣтьми, и на первыхъ же порахъ больно и глубоко уязвилъ его родительскія чувства Иванъ. Въ первый же разъ, что отецъ заговорилъ съ нимъ, какъ съ равнымъ, подошелъ къ нему открыто и просто, какъ къ другу и помощнику, Иванъ подозрительно насторожился.

Только одно понялъ онъ, что отецъ въ хорошемъ расположеніи духа и надо пользоваться этимъ, и угрюмо и сурово, слишкомъ сурово для его двадцати четырехъ лѣтъ сказалъ:

— Заниматься у насъ въ домѣ мнѣ трудно, настоящаго настроенія нѣтъ,—разрѣшите мнѣ, папаша, отдѣльно жить.

Эти слова сына какъ-то больно удивили Ипполита Викуловича, но холодно и сдержанно онъ отвѣтилъ:

— Да пожалуйста. Устраивайся, какъ тебѣ угодно. Сколько ты собираешься прожывать?

И окончательно почувствовалъ, что этотъ сынъ ему чужой, когда сухо и угрюмо Иванъ отвѣтилъ:

— Сколько хотите, столько и назначьте, а не хотите, такъ не надо, я уроками проживу.

«Волченокъ!—мелькнуло въ головѣ у Ипполита Викуловича:— всегда и маленькій волчкомъ глядѣлъ».

Шевельнулось въ глубинѣ души злобное чувство.

«А не пуждаешься въ отцѣ и не надо! Живи, какъ знаешь».

Не даромъ всегда у него не лежало сердце къ этому сыну, не въ Бахваловыхъ опъ, весь вышелъ въ мать-покойницу, припадочную тихопю.

Но тутъ же сердито оборвалъ себя, вспомнилъ брата Николая, тоже нелюбимаго сына, припомнились семейныя преданія о дядѣ Дмитріи, котораго тоже выгналъ изъ дому дѣдшпъка Провъ Сидоровичъ, и стало вдругъ противно, не то грустно, не то больно за этихъ обиженныхъ, и назойливо и дерзко выскочила мысль:

«Зато показали себя и любимчики: покойный отецъ Викула Провычъ, все забравшій въ свои руки и подъ личиной послушнаго сына ворочавшій домомъ и дѣломъ по своему разуму и желанію, пока медленно угасалъ у себя въ мезонинѣ заброшенный и одинокій, сраженный и побѣжденный Провъ Сидоровичъ... А онъ, Ипполитъ, и того лучше...»

И благожелательно, почти ласково звучалъ его голосъ, когда онъ, отпуская Ивана, говорилъ:

— Учись, учись! Я тебѣ мѣшать не хочу. Полтора ста рублей въ мѣсяцъ отъ конторы будешь получать. А еще понадобится, скажешь. Стѣснять не буду.

А Ниночка пугала его своей замкнутостью и дикостью.

Онъ чувствовалъ, что она просто боится его непобѣдимо, физически, какъ боится маленькій слабый звѣрекъ большого свирѣпаго хищника. Вспоминалось свое дѣтство. Вотъ у него былъ дѣйствительно суровый отецъ: никому воли не давалъ, всѣхъ въ кулакѣ держалъ, а вотъ онъ и волю дѣтямъ далъ и въ средствахъ не стѣсняетъ, а признательности дѣтской не видитъ, и жизнь ихъ радостной и свѣтлой сдѣлать не можетъ.

Тяжело живетъ имъ въ Бахваловскомъ домѣ.

А развѣ ему самому не тяжело?

Зато торжествовали Викуловны.

Шумнымъ праздникомъ, веселымъ пированіемъ потекла ихъ жизнь. На первыхъ порахъ еще были осторожны, уѣзжали и приѣзжали съ оглядкой, людей къ себѣ звали съ опаской, а потомъ

ужь привыкли. Разошлись «во всю Ивановскую», какъ говорили люди.

У Зинаиды дневалъ и ночевалъ ея докторъ, боявшійся упустить богатую невѣсту, ревниво сторожилъ молодого скрипача, все еще выступавшаго на концертныхъ эстрадахъ въ качествѣ вундеркинда въ какомъ-то бархатномъ пиджакѣ съ фантастическимъ отложнымъ кружевнымъ воротникомъ и съ локонами до плечъ, ставшаго обычнымъ гостемъ у Бахваловыхъ съ тѣхъ поръ, какъ Зинаида объявила, что влюблена въ него и въ его талантъ, и обѣщала ему заплатить за итальянскую скрипку, которую онъ уже давно безуспѣшно подыскивалъ, сколько бы она ни стоила. У Раисы что ни день ординарцы мѣнялись. Появилось великое множество жениховъ, титулованныхъ и нетитулованныхъ, которыхъ привозили повадившіяся въ домъ свахи, неизвѣстно изъ какихъ вѣдръ извлекавшія прозябшихъ въ нищетѣ и безвѣстности давно уже все проѣвшихъ и пропившихъ князей, графовъ и бароновъ.

Зачастили молодые адвокаты, архитектора, инженеры, и степенныя сумрачныя парадныя комнаты озарились лучами иной, невѣдомой имъ до того жизни.

Ворчали вѣковуши, осуждали приживалки и тихо судачили, что надо бы довести до самого и положить конецъ «безобразію».

Но не знали онѣ, что глава дома Ипполитъ Викуловичъ отдыхаетъ душой, глядя на освѣщенныя окна большого дома, и радуется на мелькающія за ними причудливыя тѣни. Вѣрить онъ, что тѣни эти, легкомысленныя тѣни безопасно пирующихъ гостей, гонятъ изъ мрачнаго Бахваловскаго дома другія, черныя и страшныя тѣни, и кажется ему, что, пока гремитъ музыка, звенитъ серебро и хрусталь, шумятъ и галдятъ голоса, онъ можетъ не дрожать и эту ночь будетъ спать.

IX.

Ворота Бахваловскаго дома стояли настежь, и въ нихъ то въѣзжали, то выѣзжали на гладкихъ сильныхъ битюгахъ ломовики. Узенькій переулочекъ утопалъ въ снѣгу, сугробы котораго высились тамъ и сямъ у самаго тротуара, между толстыми чугунными тумбами. На обычно тихомъ просторномъ дворѣ въ морозномъ воздухѣ гулко отдавались окрики возчиковъ, и внятно слышно было каждое слово дѣловито и строго отдававшего распоряженія приказчика.

Люди работали быстро и умѣло. Одинъ за другимъ вырастали возы, и нагруженные тяжело сани сползали изъ воротъ въ переулочекъ, зарываясь широкими полозьями въ снѣгъ.

Было уже около двѣнадцати часовъ дня. Но большой домъ еще спалъ, а Ипполитъ Викуловичъ чѣмъ свѣтъ уѣхалъ на Ильинку,

и вся дворня старалась покончить съ суতোкой, пока не проснулись хозяева и не вернулся самъ.

Наконецъ и послѣдній возъ съѣхалъ со двора.

Рыжий, сильно сутуловатый, съ густой сивой бородой лопатой, старый, но все еще крѣпкій и сильный дворникъ Архипъ въ дубленомъ полушубкѣ, наскоро накинутаго на плечи, въ одинъ рукавъ, далъ ему выѣхать, посмотрѣлъ вдоль переулка, совершенно пустого и безлюднаго, соннаго, какъ и все кругомъ, и, не торопясь, направился къ воротамъ, собираясь запереть и замкнуть на ключъ калитку, какъ оно повелось изстари въ Бахваловскомъ домѣ.

Но вдругъ послышался гудокъ автомобиля, который, завернувъ съ большой улицы, лихо влетѣлъ въ переулокъ и остановился у воротъ. Шофферъ проворно спрыгнулъ съ своего мѣста и распахнулъ дверцу; въ нее не безъ труда вылѣзъ тучный и видный человекъ въ богатой хорьковой шубѣ, въ сдвинутой на затылокъ съдой бобровой шапкѣ, въ рамкѣ которой такъ и сіяло здоровьемъ, радостью жизни и самодовольствомъ свѣжее и красивое лицо. Бросались въ глаза черныя дугой брови, сверкали бѣлизной въ раздвинувшейся улыбкѣ полныхъ малиновыхъ губъ крупные ровные зубы. Все казалось такимъ молодымъ и яркимъ, и только уже потомъ, приглядѣвшись, съ нѣкоторымъ изумленіемъ замѣчалъ наблюдатель предательскую сѣть морщинъ на упитанномъ и выхоленномъ лицѣ, серебряныя нити въ усахъ и коротко подстриженной бородѣ и въ блестящихъ, лукавыхъ и насмѣшливыхъ глазахъ, въ самой ихъ глубинѣ, ту унылую томность, которая говорить объ усталости души и о бурно проведенной молодости.

Выйдя, господинъ быстро повернулся и съ изысканной учтивостью, дѣлавшей его даже нѣсколько смѣшнымъ, сталъ помогать приѣхавшей съ нимъ дамѣ. Очутившись на тротуарѣ, она распахнула дорогую соболью шубу, крытую вишневымъ бархатомъ, напарила рукой толстую золотую цѣпочку болтавшася ниже колѣнъ лорнета и поднесла его къ лицу, окутанному сѣрымъ дымчатымъ вуалемъ съ вышитой шелкомъ огромной черной мухой на лѣвой щекѣ.

Закинувъ сверху голову въ бархатномъ токъ, украшенномъ султаномъ изъ страусовыхъ перьевъ, она скользнула взоромъ по ряду запяленныхъ тусклыхъ оконъ, по сѣровато-коричневымъ тяжелымъ стѣнамъ и, обратясь къ своему спутнику, сказала:

— Ну, да, я его знаю. Онъ все тотъ же Бахваловскій домъ. А какъ много,—какъ это говорятъ по-русски?—*les fleuves y sont passés*.

— Много воды утекло,—пришелъ ей на помощь спутникъ

— *C'est le mot*. Много воды утекло, вотъ именно.

Она вздохнула не то съ грустью, не то съ разочарованіемъ.

— Такъ что же вы, пойдемте,—сказаль человекъ въ хорьковой шубѣ и, обернувшись къ шэфферу, на хорошемъ англійскомъ языкѣ приказаль ѣхать куда-нибудь позавтракать и поскорѣе возвращаться назадъ.

Оба, казалось, даже не замѣтили напряженно наблюдавшаго за ними Архипа, который вдругъ узналь господина и, радостно осклабясь, угодливо бросилъ ему навстрѣчу.

— Сосипатръ Викуловичъ, батюшка, да вѣдь это вы! А я-то, старый дуракъ, стою, какъ идолъ, зѣньки вылупилъ, да диву даюсь, кого это Богъ эдакую рань принесъ. Ужь не знаю, куда васъ и просить. Анна Васильевна, чай, на моленьѣ, а Ипполитъ Викуловичъ чуть что не съ зарей въ амбары уѣхаль: онъ у насъ новѣ равно встаетъ.

— Веди куда хочешь, братъ, только въ домъ пусти. Барыню-то съ дороги обогрѣть нужно. А вѣдь барыни-то ты не знаешь.

— Не признавать, не признавать,—сознался Архипъ:—не видалъ я ихъ будто, да и лицо-то закрыто. Пожалуйте.

Онъ широко распахнулъ калитку, пропуская въ нее гостей, потомъ закрыль ее, когда они прошли, два раза повернулъ огромный тяжелый ключъ, сунулъ его себѣ за пазуху и, быстро догнавъ пріѣзжихъ и забѣжавъ имъ впередъ, повель къ крыльцу. Поднявшись на каменные ступени, онъ съ силой дернулъ мѣдную гладко вычищенную пуговицу звонка и тутъ же сердито выругался:

— Ишь, дьяволы! Поди, всѣ дрыхнуть, благо хозяевы почиваютъ. Народъ ногѣ пошелъ аховый,—одно слово, хулиганы, недаромъ это слово про нихъ сказано.

Дама вдругъ стремительно обернулась въ его сторону, откинула вуаль, обнаруживъ красивое и правильное, все розовое, ярко-красочное, но какъ-то ужъ слишкомъ неподвижное, точно застывшее лицо, торопливо нашарила свою лорнетку, подняла ее къ блестящимъ, выпукло-темнымъ глазамъ и вдругъ съ легкимъ крикомъ выронила его и взволнованно заговорила:

— Dieu des dieux! Но вѣдь это Архипъ! Такъ ты не узналь меня? Неужели же я стала такая старуха?

Архипъ всплеснулъ руками.

— Батюшки-свѣты! Святители-угодники! Аграфена Асафовна, да какъ же я не узналь-то сразу. Сколько лѣтъ, зимъ! Все такая же раскрасавица.

— Ну, вотъ, ну, вотъ,—говорила дама:—вѣдь онъ узналь. Очень я измѣнилась, Архипъ?

Архипъ наконецъ поймалъ своими лапищами тонкую душистую руку въ шведской перчаткѣ и сначала крѣпко потрясъ ее, а потомъ поцѣловаль.

— Милый Архипъ,—говорила Аграфена Асафовна:—вѣтъ, какой онъ милый!..

Крошечная слезинка показалась у нея въ уголкѣ глаза и покатилась было по искусно раскрашенной, бархатной розовой щекѣ, но она поймала ее вышитымъ шелковымъ платкомъ и осторожно прижала его къ глазамъ.

— А ты измѣнился, Архипъ,—говорила она растроганно и ласково:—ты вѣдь тогда былъ такимъ молодцомъ, красавцемъ, а теперь сѣдой сталъ.

— Постарѣлъ, матушка, Аграфена Асафовна! А вы, какъ были молодыя, такъ и остались. Ишь волосики-то, ни единого сѣдого, такъ какъ жаръ и горять.

Аграфена Асафовна усмѣхнулась и поправила выбившуюся золотисто-рыжую прядку.

Архипъ снова дернулъ звонокъ, но уже слышались чьи-то быстро сбѣгавшіе шлепавшіе шаги.

— Идутъ,—сказалъ Архипъ.

Дверь чуть-чуть пріоткрылась, желтое, одутловатое, въ черной косыночкѣ, заколотой подъ подбородкомъ, старушечье лицо любопытно выглянуло въ щель и ворчливо и недовольно прошамкало:

— Дома нѣтъ никого, а кто и дома, то спятъ. Что это, Господи, право, ни свѣтъ, ни заря трезвонъ поднимаете, добрыхъ людей безпокоите.

— Ну, ну, отворяй, пречестная Манефа,—отозвался господинъ въ шубѣ:—свои пріѣхали.

Дверь отворилась пошире, лицо почти всевысунулось наружу, и зорко оглядѣлись острые глазки.

— А я и не узнала кто, а, выходитъ, самъ Сосипатръ Викуловичъ, жалуетъ, да еще прямо на бабую половину. А кто же это съ вами барыня-то будетъ? Сваха, что ли? — хитро подмигнула Манефа.

— А тебѣ бы хотѣлось такого женишка, какъ я, залучить? Королевны ваши что-то засидѣлись.

— За плохого-то, батюшка, что и итти, а хорошихъ-то, капитальныхъ людей мало. Вотъ ты и капитальный человекъ, и женатый, и сѣдѣть уже скоро начнешь, а все съ разными дьяволицами да плясовицами хороводишься.

Все это она говорила, замыкая дверь и любопытно оглядываясь на подымавшихся по лѣстницѣ, устланной чистымъ суровымъ половикомъ, гостей.

Въ просторной передней со старинными дубовыми вѣшалками, ларями и залавками Сосипатръ раздѣлся самъ и помогъ снять мантию своей дамѣ.

— Въ гостиную пожалуйста,—сказала старуха:—а я пойду посмотрю, можетъ, Раиса Викуловна и проснулась.

— Вотъ что, мать пречестная, — сказала Сосипатръ Викуловичъ: — ты королеvenzъ своихъ хоть и не буди, а о самоварчикѣ позаботься, прямо бы насъ въ столовую и вела. Я-то вѣдь свой, а барынкѣ съ до-роги перекусить слѣдуетъ.

— Въ столовой-то у насъ обыденъ никто не спитъ, а вчерась съ вечера долго у насъ сидѣлъ братецъ Мартемьянъ. Съ Аѳона, други мои милые, пѣшкомъ идетъ. Не простой онъ человѣкъ, а божественный, строгій постникъ, чай пьетъ — сахару не потребляетъ, съ вареньемъ разрѣшеніе себѣ даетъ, а сахаръ, говоритъ, продуктъ дьявольскій, сатанинское измышленіе. Такъ вотъ онъ у насъ и за-ночевалъ, въ столовой на диванѣ его и положили. Хотѣли съ Петей убогимъ его положить, да ужъ больно они другъ на друга вчера распалились. Все спорили, кое мѣсто святѣе: Иерусалимъ градъ или Аѳонъ-гора. Спорили-спорили, — такъ ни до чего и не договорились, по Петиному выходитъ, что Иерусалимъ, а братецъ Мартемьянъ за Аѳонъ стоитъ, а ужъ потомъ Петя разсердился, спать-то его съ собой и не пускаетъ. Ну, да въ столовой-то ему еще и лучше: диванъ-то мягкой, на пружинахъ и подъ портретомъ отца Іоанна Кронштадтскаго.

— Ишь, вѣдь, поразказала, — засмѣялся Сосипатръ: — помѣшались вы тутъ на святости да божественности. Ты вѣдь никакъ тоже прозорливицей считаешься?

— Прозорливица я и есть. Грѣшница, а одареніе свыше и человѣка наскрозъ вижу.

— А вотъ кто со мной прѣхалъ — не знаешь. Плохая ты угадчица.

— Не знаю, батюшка, чего не знаю, — того не знаю. Вижу, что барыня, бѣлая кость, не изъ нашихъ купеческихъ, — это вижу, а чьихъ будутъ и откуда, — этого не вѣдаю.

— А вотъ и врешь! Ты приглядиись хорошенько. Изволила пожаловать сама Аграфена Асафовна Бахвалова, урожденная Барышникова.

— Мать ты моя Пречистая! — вскрикнула старуха: — Аграфена Асафовна, матушка, да что же это вы не объявляетесь? Сидите себѣ тихомъ, молчкомъ. Здравствуйте, дорогая моя! Вотъ я васъ и въ щечки, и въ плечики поцѣлую. Давайте-ка я вамъ лобикъ троекратно перекрещу и молитву тайную про себя скажу. Вотъ такъ. Ну, Господи, благослови! Да что же это я, бѣжать сказать нашимъ!

Аграфена Асафовна прошлась по комнатѣ. Постояла передъ окномъ, поглядѣла на дворъ, потомъ обернулась къ своему спутнику.

— Я страшно рада, что встрѣтилась съ вами и вы захотѣли привезти меня сюда. Одна я ни за что бы не рѣшилась. Я хотѣла ѣхать въ гостиницу. Но это меня постановило бы въ ужасное положеніе: у меня въ портмонѣ какіе-нибудь десять-пятнадцать

рублей. Я вамъ говорю, я совершенно протранжирилась, какъ горятъ въ Москвѣ. Какъ вы думаете, какъ меня примутъ?

— А, да плюньте вы! Отвыкли вы, Агриппина Прекрасная, отъ Москвы, я вижу. Какъ примутъ? Да отлично примутъ, не будутъ знать, куда посадить. Тутъ всёхъ принимаютъ, знай только въ какія двери постучатся, а вѣдь вы Бахвалова все-таки своя, да еще урожденная Барышникова.

— Ахъ не говорите, *bel ami*, что изъ этого толку? Вотъ за границей такъ меня дѣйствительно на рукахъ носили, и все: *excellence, comtesse*. Дураки,—скажу я, бывало,—какая я *comtesse*? Просто купеческая разведенная жена. Смѣются, пожимаютъ плечами. Но милые! Ахъ, какіе милые! Я обожаю французовъ. Они какъ шампанское. Въ нихъ все играетъ, искрится, пѣнится и даже, когда вы пьяны, у васъ не болитъ голова, а только пріятно кружится. Ахъ! У французовъ я имѣла успѣхъ. У нихъ есть вкусъ, и они любятъ все самобытное, оригинальное. Господи, какъ вы усмѣхнулись! Но меня этимъ не прошибешь! Такъ, кажется, говорятъ у васъ по-московски? Великолѣпно знаю, что вы сейчасъ думаете про себя, мой милый бывшій вздохатель. Вотъ, думаете, старуха, замазанная, покрашенная, съ фальшивыми волосами и такъ далѣе и такъ далѣе... Ну, и пожалуйста! Я не желаю стариться. Сколько мнѣ лѣтъ,—я даже не хочу знать. Я забываю всё ненужныя мнѣ, могущія чѣмъ-нибудь нарушить мое самочувствіе мелочи. Я люблю жизнь, ея красоту, ея радость, вино, смѣхъ, и, пока я не утратила къ этому вкусу, скажите пожалуйста,—зачѣмъ я отъ всего этого буду отказываться. Ради морали, что ли? Но, Сосипатръ, мы съ вами умные люди и знаемъ, что мораль—штучка дешевая, цѣна ей ломаный грошъ, и выдумана она для нищихъ, а я всегда была богата. Правда, у меня теперь ничего нѣтъ, все спустила. Но я еще не разучилась чувствовать себя богатой. Размахъ еще все тотъ же, и я неспособна ни жаловаться, ни хныкать. Прожила два состоянія, одна мысль объ этомъ восхитительна, и я бы никогда не простила себѣ, если бы вздумала жалѣть. Въ Монте-Карло въ одинъ вечеръ спустила триста тысячъ франковъ. Да развѣ это одно? А мои любви? Вотъ любятъ указывать на то, что мужчины увлекаются и тратятся на женщинъ и хотятъ видѣть въ этомъ какое-то органическое различіе между полами. Какой это вздоръ! Дайте женщинѣ самостоятельность и деньги, и если у нея есть темпераментъ и характеръ, и голова ея не забита условностями, она тотчасъ же начнетъ мѣнять любовниковъ, какъ перчатки.

— А если она нравственна?..—сказаль Сосипатръ.

— Смѣтается вы надо мной, что ли? Нравственна! Это старо, мой милый. И это дается въ приданое тѣмъ женщинамъ, которыхъ хотятъ продать повыгоднѣе. И вѣдь то же самое съ мужчинами. Какъ только у человѣка карманы пусты, выставляются на видъ его до-

бродѣтели: не пьеть, не курить, за женщинами не бѣгаетъ. Какое сокровище, подумаешь! Да кому это нужно? Слыхали вы когда-нибудь, чтобы это ставилось въ заслугу человѣку денежному? Да никогда и ни за что на свѣтѣ! Какъ только человѣкъ богатъ,—всѣ хотятъ, чтобы онъ тратилъ какъ можно больше, чтобы онъ помы шампанскимъ, чтобы онъ осыпалъ женщинъ подарками, чтобы онъ жилъ и сыпалъ деньгами. Опъ—та туча, отъ которой всѣ ждутъ золотого дождя. Сѣйчасъ меня тяготитъ безденежье. Но зато и пожила же я!

— Значить, ваши милые французы васъ здорово пощипали, поди, совсѣмъ обобрали?

— Я никого не вию. Мнѣ жилось весело, и тѣмъ, кто веселился со мной, я только признательна. Какъ это у васъ тутъ говорится? Благодарю за компанію. Такъ? Вотъ и я говорю тоже: благодарю за компанію. Да и что значить—обобрали. Если бъ у меня было больше, я объ этомъ вѣдь и не вспомнила бы. И знаете, что я вамъ скажу. Я только теперь поняла, что вѣдь и денегъ-то у меня собственно было мало.

— Здорово!—отозвался съ восхищеніемъ Сосипатръ

— Вотъ вамъ и здорово! Наслѣдственныхъ я получила послѣ отца триста тысячъ, а послѣ развода отъ Бахвалова миллионъ съ какими-то двумя-тремястами жалкихъ тысячъ, ну, правда, мнѣ вернули также и приданое вмѣстѣ съ дачей въ Сокольникахъ и виллой на Комо,—это какія-нибудь восемьсотъ тысячъ, да былъ еще у меня доходный домъ съ мелкими квартирами. Такъ отъ того я сама отказалась. Прямо тогда такъ и сказала Бахвалову: даромъ возьмите, только возьмите Христа ради. А въ общемъ, значить, около пяти миллионѡвъ. Вѣдь вы не забудьте, чего стоили одни адвокаты. Въ жизни не видала прожорливѣе націи. Одинъ Карманъ-Лелѣвъ—такая зубастая шука. А все-таки я его люблю! Мошенникъ онъ первосортный, но какая прелесть! Умница, острякъ, и есть въ немъ что-то широкое, наше московское. Это удивительно! За границу я обожаю, прожила тамъ полжизни, а вотъ вернулась сюда и такъ на меня и пахнуло русскими щами, пирогами съ кашей и семужинной, блинами... Ёдемъ мы съ вами, звонятъ колокола, и такое все родное, близкое, свое, что, кажется, никого и ничего не нужно. Вы меня понимаете? А, можетъ быть, это тоже признакъ старости?

— Ну, вотъ еще! Я самъ заядлый москвичъ. Мы съ вами еще проживемъ. Только скажите мнѣ правду, неужели все прожили? Просто даже не вѣрится.

— И это говорите вы, Сосипатръ? Да посудите сами: вѣдь я въ Парижѣ прожила восемнадцать лѣтъ, и васъ удивляетъ, что за такое долгое время я истратилась и у меня ничего не осталось. Наличными, впрочемъ, у меня есть пятнадцать рублей.

— А домъ въ Парижѣ?—вспомнилъ Сосипатръ.

— Заложень, перезаложень, еще разъ перезаложень, доходы съ него получаю не я, и самый домъ фактически мнѣ уже давно не принадлежить. А славный былъ домикъ! Одна спальня только съ ванной стояла мнѣ четыреста тысячъ франковъ. Ну, и, конечно, все остальное обошлось тоже недешево. Я никогда не была мелочна. У насъ, у Барышниковыхъ, этого нѣтъ въ крови. И вотъ почему я всегда терпѣть не могла Бахваловыхъ и все бахваловское.

Она встала и картиннымъ жестомъ повела кругомъ руками.

— Вотъ вамъ Бахваловы! Они всѣ тутъ въ этой комнатѣ. Вы видите эти грязные обои? Только взглянуть на нихъ, и я точно читаю всю ихъ исторію. Конечно, ихъ покупалъ Веденеичъ по восьми гривенъ, по рублю за кусокъ,—никакъ не дороже, дороже Бахваловы не пойдутъ конечно, онъ торговался, какъ жидъ, конечно, ихъ брали въ самый обрѣзь, а когда, наконецъ, оклеили ими комнату,—успокоились лѣтъ на пять. А мебель? Скажите, неужели можно себѣ представить, чтобы у такихъ богатыхъ людей, какъ Бахваловы, и именно здѣсь, въ этой квартирѣ, гдѣ живутъ жепщины, дамы, была бы вотъ такая гостиная, купленная чуть ли не подъ Сухаревкой, и чтобы эта гостиная стояла здѣсь двадцать пять лѣтъ, и, я увѣрена, простоятъ еще двадцать пять лѣтъ. А эти голыя стѣны, эти жалкія кисейныя занавѣски, скажите, васъ не удивляетъ это мѣщанство?

— Избаловались по заграницамъ,—сказала Сосинатрѣ.

— Совсе нѣтъ!—съ горячностью возразила она.—Причемъ тутъ заграница? Всегда, всегда я ненавиждла эту бахваловскую сѣрость, никогда понять ея не могла. Не могла понять, почему въ сундукахъ можетъ лежать двадцать пудовъ серебра, а на столъ вамъ подадутъ кучу мельхиоровыхъ, облѣзлыхъ, а то такъ просто оловянныхъ ложекъ и разнокалиберныхъ ножей и вилокъ, которыми прямо стыдно ѣсть порядочному человѣку. Да вѣдь такъ и во всемъ. Я помню, какія у насъ бывали перепалки съ моимъ супругомъ и Татьяной Сидоровной. Шелковыя и бархатныя тряпки, надѣтыя сверху, имъ были понятны, но мое шелковое и батистовое бѣлье приводило ихъ въ ражъ. Татьяна Сидоровна такъ и говорила: «Платье, ужъ куда ни шло, въ люди надѣть,—пусть и тысячу рублей стоитъ, а на рубашку за глаза и двухъ рублей довольно». А единственный признаваемый авторитетъ—Викула, по поводу всякаго вздора долгіе разговоры, пререканія, нотации, и обыкновенно, какъ заключительный аккордъ, любимая и безапелляціонное изреченіе: въ моемъ домѣ чтобы этого не было! И ужъ совѣмъ невыносимой стала жизнь, когда Викула сталъ подозрителенъ...

— Дорогая моя, будемъ справедливы: у отца были основанія для подозрительности. Вы помните періодъ вашихъ увлеченій...

— Ахъ, вы объ этомъ!... Ну, такъ знайте разъ навсегда, что въ этомъ я считаю себя правой. Почему это я должна была оставаться

вѣрной самодуру и эгоисту, который привыкъ дѣлать только то, что влетѣло ему въ голову и для котораго я была чѣмъ-то похожимъ на вещь? Я была молода и любила жизнь и по крайней мѣрѣ у меня есть чѣмъ ее вспомнить. Если бы я еще была бѣдна, я понимаю, но на своихъ любовниковъ я тратила собственные, а не бахваловскія деньги, а если Викулѣ хотѣлось имѣть вѣрную жену, ему надо было начать съ того, чтобы быть вѣрнымъ мужемъ. Я вѣдь ему ничѣмъ не обязана.

— Ага! Ловлю васъ на словѣ. Вы—феминистка и стоите за равноправіе.

— Нѣтъ, мой милый, не пугайте меня новыми словами! Я стою только за простой здравый смыслъ по русской пословицѣ: на чьемъ возу сидишь, тому и пѣсенку поешь. Это вѣдь вы, мужчины, придумали какое-то неравенство половъ, а дѣло-то гораздо проще. У васъ деньги и сила. Попробуйте сами стать на мѣсто женщинъ, а женщинамъ отдать все то, чѣмъ владѣете вы, сразу переимѣнятся роли: падшихъ женщинъ не будетъ, а будутъ падшіе мужчины. Тотчасъ же найдутся профессора медицины, которые на основаніи самыхъ точныхъ и новѣйшихъ данныхъ докажутъ вамъ, что мужчины должны быть цѣломудренны, скромны, а женщинамъ слѣдуетъ дозволить всякія увлеченія. И законы измѣнятся. Будутъ карать мужчинъ и находить смягчающія обстоятельства для женщинъ. Не говорите мнѣ о нравственности. Наша нравственность—деньги. Для богатаго человѣка—одна мораль, для нищаго—другая. И я благодарю Создателя за то, что до сихъ поръ еще не была нищей. Но вотъ сейчасъ вхожу въ этотъ домъ съ тяжелымъ чувствомъ: я уходила отсюда жизнерадостной, полной надеждъ, силъ и не зная, что такое мысль о завтрашнемъ днѣ. Я тогда была какъ птица въ клеткѣ, которой оставили дверь отворенной, и ей стоитъ только взмахнуть крыльями и вылетѣть на свободу, и я тогда не повѣрила бы, если бы мнѣ сказали, что пролетятъ годы, быстрые, какъ мгновенія, и я сама, добровольно, вернусь въ Бахваловскій домъ, старая, усталая... и разоренная. Войду сюда съ опасеніемъ, что я здѣсь давно забыта и лишняя и что, можетъ быть, здѣсь для меня не найдется мѣста. И что странно,—мнѣ даже самой не вѣрится,—а этотъ домъ, который я вѣдь всегда не любила, мнѣ сейчасъ милъ, почти дорогъ. Знаете, бывають такія старыя знакомства: Богъ знаетъ, какъ давно, знали вы человѣка, никогда имъ особенно не интересовались, можетъ быть, даже недолюбливали его, перестали видѣть и забыли о немъ, и вдругъ встрѣчаете его черезъ много, много лѣтъ, состарѣвшагося, жалкаго, и сразу понимаете, что и вы состарились и жалки. Но вмѣстѣ съ этой жалкой старостью внезапно навстрѣчу вамъ, точно золотая рѣка, хлынетъ далекое, прекрасное прошлое, когда вы были молоды, когда вы были красивы, когда вы любили, когда жизнь для васъ была какъ густое душистое вино,

которымъ вы все время были пьяны и которымъ все не могли упиться. И вдругъ дорогъ и милъ, безконечно дорогъ, неизъяснимо милъ становится для васъ этотъ жалкій старый человѣкъ, и вы протягиваете ему руку съ открытымъ сердцемъ, съ душевнымъ порывомъ. Вотъ и этотъ домъ какъ такой старый знакомый. Гляжу на его стѣны, на окна, на мебель, и вспоминается прошлое. И вѣдь что замѣчательно. Какъ много въ этомъ прошломъ было тяжелаго, мучительнаго, ненавистнаго и враждебнаго. Вѣдь знаю же я это. А вотъ подите, все плохое точно задернуто какой-то непроницаемой завѣсой, и встаетъ только хорошее, веселое, счастливое. Вспоминаются наши проказы, катанія на тройкахъ, когда мы тайкомъ, по черной лѣстницѣ, подговоривъ кого-нибудь изъ молодцовъ и подкупивъ суроваго дежурившаго у воротъ Романа, выбирались въ темный безлюдный переулочекъ, бѣжали до угла, усаживались въ поджидавшія насъ сани, и лихія тройки съ подвыпившими ямщиками брали сразу съ мѣста и мчали насъ далеко, далеко... И даже Викулу, даже его мнѣ теперъ жаль, ужасно жаль, жаль, что не увижу его больше, что не примирилась съ нимъ передъ смертью...

Она вынула изъ пестрой, расшитой сумочки тонкій надушенный платокъ и прижала къ глазамъ.

Откуда-то донеслись опять шаркающіе шаги.

— Пожалуйте,—запѣла Манефа.—Бабинька Анна Васильевна отмолилась, самоваръ въ столовую подавать приказали. О васъ я доложила, не удивились нисколько, только сказали,—ужь вы простите великодушно: «Видно, надоѣло по Парижамъ хвосты-то трепать, такъ и Бахваловскій домъ вспомнила. Мужа на погостъ сволокли, жена изъ гостей ворочается». Только и всего, пожалуйте. И васъ велѣно просить, Сосипатръ Викуловичъ.

— Нѣтъ, ужь на мнѣ не взыщите. Чаю пить у васъ не буду. У васъ чай съ просфорами, а я уже позавтракала. А Аннѣ Васильевнѣ кланяйтесь. Да скажите ей, чтобы невѣстку-то приняла бы честь честию.

— Слушаю-съ.

— Да не провожай меня, самъ дорогу найду. До свиданья, Агрипина Великолѣпная. Не вѣшайте головы. Москва-матушка—хлѣбосольная да тароватая.

X.

Долго шла Аграфена Асафовна, сначала по широкому, прямому коридору, потомъ по узенькому, извилистому, длинному коридорчику мимо большихъ и маленькихъ комнатъ, и уже въ концѣ этого коридорчика остановилась вмѣстѣ со своей спутницей, поднявшись на три ступеньки, покрытыя зеленымъ коврикомъ, у наглухо закрытой двери.

Манефа постучала въ нее и нараспѣвъ произнесла:

— Христа ради милостиваго откройте.

Дверь отворилась. Высокій, топкій человекъ въ короткомъ черномъ подрясникѣ съ широкимъ кожанымъ поясомъ и въ скуфейкѣ на масляныхъ, длинными жидкими косичками падающихъ на плечи темныхъ волосахъ, отворивъ, сѣлъ къ окошку передъ развернутой на подоконникѣ толстой книгой съ мѣдными застежками и погрузился въ чтеніе.

Маленькія, свѣтлыя сѣнцы глядѣли привѣтливо и чистенько. Манефа осторожно пріотворила дверь напротивъ и пропустила впередъ Аграфену Асафовну.

Все та же была комната. Два маленькихъ окна, въ половинутѣхъ, что были во всемъ этажѣ, завѣшаны были чисто вымытыми кисейными занавѣсками. На ярко-желтыхъ подоконникахъ, уставленные на низенькихъ рѣшетчатыхъ скамеечкахъ въ большихъ глиняныхъ горшкахъ цвѣли, какъ и тогда, фуксіи и бальзамины. Все такъ же жаромъ горѣли блистательно вычищенные золоченыя ризы большихъ и малыхъ иконъ въ кіотахъ и безъ нихъ, сплошь покрывавшихъ обѣ стѣны подь угломъ въ глубинѣ комнаты, и тотъ же былъ краснаго дерева угольникъ съ книжнымъ шкапчикомъ внзу и со множествомъ образовъ, крестовъ и образковъ за стеклянными рамами наверху, и такъ же мерцали и полыхали большія и малыя спускавшіяся на цѣпяхъ лампы съ разноцвѣтными стаканчиками, бросавшими то зеленые, то красные, то всплывовые лучи въ бѣлую воздушность дня.

Стояли въ чинномъ порядкѣ по стѣнамъ тяжелыя, краснаго дерева кресла, такой же комодъ, накрытый вышитой пестрыми шелками скатертью и на немъ пукъ восковыхъ свѣчей, подносики со щипцами, чтобы снимать нагаръ, и два высокихъ серебряныхъ подсвѣчника, украшенныхъ визанной изъ голубого стекляруса бахромой. Пахло ладаномъ, воскомъ, священническими облаченіями и «монашками», какъ называли здѣсь душистые курительные угольки, которые имѣли обыкновение разставлять на маленькихъ фарфоровыхъ блюдечкахъ по столамъ и по подоконникамъ «для воздуху», какъ говорилось въ Бахваловскомъ домѣ. Въ парадныхъ комнатахъ это обыкновение постепенно вывелось, но у бабинки и въ бабьемъ парствѣ монашки были въ большомъ ходу, и зажиганіемъ ихъ любили заниматься всѣ отъ мала до велика, а то, какъ онѣ тлѣли, сначала пламенѣя яркимъ рдѣніемъ, а потомъ, погасая, превращались въ небольшія кучки мелкой голубовато-сѣрой золы, для многихъ обитательницъ бабьяго царства являлось интереснымъ, все поглощающимъ зрѣлищемъ.

Крошечная, ярко отполированная, темнаго дерева дверца, похоя на тѣ, что бывають въ вагонахъ, пріотворена была въ темную тѣсную каморку, и въ просвѣтъ двери видна была огромная икона и ярко бросался въ глаза освѣщенный тремя зажженными лампа-

дами ликъ Спасителя и барашекъ на плечахъ Его, надъ цѣлой горой бѣлѣющихъ въ полумракѣ перинъ и подушекъ, покрытыхъ покрывалами и накидками.

Все это узнала Аграфена Асафовна, и отъ всего этого опять пахнуло на нее чѣмъ-то роднымъ и милымъ, и когда, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она приблизилась къ задвинутому въ уголь широкому мягкому креслу, въ которомъ сидѣла, глубоко уйдя въ него, высохшая, маленькая, чистенькая старушка въ бѣломъ платочкѣ на гладко причесанной совсѣмъ бѣлой головѣ и въ черномъ, похожемъ на рясу, стеганномъ на пуху, шелковомъ халатикѣ, она не ощутила въ своемъ сердцѣ никакого недовольства, ничего враждебнаго, и, не думая о томъ, съ невольнымъ почтениемъ наклонилась къ вытянутой на налокотникѣ кресла сухонькой, маленькой ручкѣ и поцѣловала ее.

Старушка подняла на нее глаза, и взгляды ихъ, все еще глубокой и ясный и какъ будто чуть-чуть насмѣшливый, скользнулъ по лицу невѣстки, по всей ея фигурѣ, и Аграфена Асафовна поняла, что она все успѣла разглядѣть и оцѣнить по-своему.

— Садись, гостя будешь. Али надоѣло по заграницамъ-то шляться. Манефа, что же стоишь? Подвинь стульчикъ-то барынь. Ты вотъ такъ, поближе сядь. У меня глаза плохи стали, читать еще могу по крупному, а мелкое ужъ трудно, да и такъ иной разъ что-то мельтешить, мельтешить передъ глазами и не разберешь ничего. А пройдетъ, и опять вижу. А вотъ слухъ у меня хорошій. Почью спать не могу и все, все-то слышу: и какъ мышь скребется, и какъ ночью двери хлопаютъ, и люди пробѣгаютъ. Это, ужъ знаю, наши Мелитрисы съ зарей домой жалуютъ. Ну, а ты-то что? Да что это ты, Манефа, у дверей торчишь. Иди въ сѣнцы, а то къ Таничкѣ сходи, тамъ тебя чаемъ попоить.

Манефа смиренно поклонилась и вышла изъ комнаты. Ближе подвинулась къ старухѣ Аграфена Асафовна и спросила:

— Какъ ваше здоровье, бабинька?

— Ничего, мать моя, слава Богу. Вотъ ходить почти совсѣмъ не могу, съ лѣстницы подъ руки сводятъ, въ церкви сажу, теперь ужъ и Херувимскую сажу, а то, бывало, и Херувимскую, и Отче, и дары, все на ногахъ встою. А такъ здорова, никакихъ болей не знаю, жаловаться на Бога нечего. Вотъ только бессонница да слабость, ну, такъ вѣдь и года-то какіе...

— Сколько вамъ лѣтъ, бабинька?—осторожно спросила Аграфена Асафовна.

— Девяносто, это ужъ вѣрно. У меня рожденіе и именины въ одинъ день, въ день Симеона Богопримца и Анны Пророчицы и ужъ какъ такой день,—сейчасъ за Срѣтениемъ онъ,—такъ я сама каравдашь беру и красную черту провожу, а дыфирь не ставлю, и такъ

счесть можно, и выходить, по моему счету, будетъ мнѣ въ этомъ году девяносто одинъ годъ.

— Большіе ваши годы, бабинька.

— Большіе, да не больно. Мы, Мѣшковы, долголѣтныя. У насъ всё простое да крѣпкіе, какъ дубъ. Дѣдушка нашъ, говорятъ, ста пятнадцати лѣтъ померъ, а батюшка нашъ три раза женатъ былъ, и какъ въ третій разъ вѣнчался, не хватало ему до восьмидесяти лѣтъ трехъ мѣсяцевъ. Да бралъ за себя молоденькую, да вѣдь еще и богатую, на Сапожковой,—тоже наша елецкая,—былъ женатъ. А со свадьбой, говорятъ, страхъ торопили, до восьмидесяти лѣтъ, говорятъ, только вѣнчаютъ безъ владычнаго разрѣшенія-то. Такъ-то, моя милая. Ну, да и то сказать, жили люди не по новѣшнему. Курева не употребляли, виномъ не опивались, въ церковь Божию ходили, родителей почитали. Старой вѣры держались. Вотъ и жили долго. Ну, да что объ этомъ толковать. А ты лучше про себя рассказывай. Смотрю я на тебя, не утихомирилась ты еще, ишь, на тебѣ платье-то какое.

Бабинька протянула тоненькіе, костлявые пальчики и пощупала матерію.

— Хорошая, французская, небось! Шелкъ вотъ да перчатки—на это французы мастера. Эдакую-то матерію на платье жаль, на рясу бы лучше. Вонъ и волоса у тебя какъ расчесаны и сама розовая. А вѣдь лѣтъ-то тебѣ, мать моя, не мало. Все растрянжирила, аль остались еще денежки-то?

— Ничего не осталось, откровенно созналась Аграфена Асафовна.

— Ничего? Ничего, говоришь?

Старушка подняла еще густыя, но совершенно сѣдыя брови.

— Ничего,—какъ бы въ задумчивости повторила она.—Да какъ же это тебя, мать моя, такъ угораздило? Вѣдь капиталовъ у тебя было столько, что одному человѣку въ вѣкъ не прожить. Ничего! Ну, и пожила ты, должно быть, голубушка. Чай, все на любовниковъ ухлопала. Что твои Барышниковы, что наши Бахваловы—это ужъ у васъ сердце такое: все норовите себѣ мужчинъ завести. Вонъ и наши тоже царевны-ненагляды. Сидятъ дѣвки, замужъ не идутъ. А вѣдь и хорошіе бы люди присватались, такъ вотъ нѣтъ,—все съ разной шушерой водятся, шуры-муры, смѣшки да хаханьки,—еще хорошо, что приданья-то денежки подъ замкомъ въ банкѣ лежать, а то бы ужъ все спустили...

Старуха замолчала, какъ будто задумалась. Молчала и Аграфена Асафовна.

— Жить-то у насъ, что ли, хочешь?—вдругъ спросила старуха.

— Гдѣ же мнѣ жить, бабинька? Для своихъ, вы сами знаете, я отрѣзанный ломоть. А я вѣдь все-таки бахваловская, и дѣти у меня здѣсь, да, я думаю, и пасынки и падчерицы меня не зломъ, а добромъ вспоминають.

— Всѣ оглашенные! — махнула рукой старуха. — Дѣвки всѣ такія же вертихвостки, какъ и ты, а молодцы — такъ, не сурьезный народъ, капитала уже не прибавятъ, не жди отъ нихъ. Ипполитъ, тотъ еще ничего, голова съ мозгомъ, только и его они, того гляди, свертятъ. Гдѣ бы строгость показать, а онъ ни въ чемъ имъ препятствія не дѣлаетъ. Ты думаешь, мать, это бахваловскій домъ? Стѣны бахваловскія только остались, да вотъ я еще вѣкъ доживаю, а то все по новому пошло.

— Такъ вы мнѣ, бабинька, разрѣшаете остаться?

— Да живи, сдѣлай милость, мать моя, не къ чужимъ пришла. Живи. Бахваловы отъ своихъ дверей никого не гонятъ. Не объѣшь, не обопьешь. Вотъ только гдѣ положить тебя, не знаю. Ужъ больно вы всѣ набалованы. Я вотъ въ дѣвушкахъ-то на лежанкѣ спала. Войлокъ да пуховикъ на лежанку-то положить да и спишь себѣ до самыхъ обѣденъ, сновъ не видишь. А нашимъ всѣмъ принцессамъ отдѣльную комнату подавай, да еще одной-то и мало. Вонъ Марина, — нужды нѣтъ, что вдова, — у той и спальня, и гостиная, и будуаръ ей еще понадобился, какихъ-такихъ гостей принимать надобно? А коли кто и пришелъ, на то бельэтажъ есть. Въ боковушу тебя помѣститъ — обидишься, да, пожалуй, и въ дверь не влѣзешь, ишь, вѣдь, на тебѣ что добра напутано. Ну, да тамъ увидишь, своя все-таки, не чужая. Вотъ и надо бы отъ мужа-то не бѣгать, да и дѣтей-то не бросать. Дома бы сидѣла, деньги-то цѣлы бы были. Идите-ка теперь въ столовую, а я что-то ужъ и устала съ тобой. Манефу покличь, пуцай она тебя проводить.

Аграфена Асафовна поднялась и поцѣловала старуху въ сухую, морщинистую щеку. Въ сѣнцахъ уже поджидала ее Манефа.

— Бабинька никакъ васъ хорошо приняли, — запѣла она. — А Ипполитъ Видуловичъ изъ городу еще не прїѣзжали, можетъ, къ завтраку и будутъ.

Въ столовой ужъ гремѣла ключами старая горничная Секлетей. Едва переступила ея порогъ Аграфена Асафовна, какъ опять точно окунулась въ прошлое. Тотъ же стоялъ въ глубинѣ комнаты огромный, тяжелый диванъ, крытый какой-то неизвѣстной кожей, не знающей износу. Тотъ же передъ нимъ былъ раздвинутъ на тоненькихъ ножкахъ съ колесиками краснаго дерева столъ, покрытый камчатной синей, съ разводами скатертью, и такъ же ломился онъ, какъ бывало, подъ всякой снѣдью, лепешками въ горячемъ маслѣ, домашнимъ ситнымъ хлѣбомъ, папушниками съ изюмомъ и съ шафраномъ, нарѣзанной тонкими ломтями бѣлорыбицей и семгой, икрой зернистой и паусной; груздями, рыжиками, всякимъ запасомъ, какимъ переполнены были кладовыя Бахваловскаго дома, гдѣ любилъ ѣсть много, жирно, сытно, по-своему вкусно, не считая кусковъ и не считаясь съ временемъ, съ правиломъ или съ модой. Любили, чтобы на столѣ было всего много, чтобы каждый могъ найти на немъ

блюдо по вкусу, а, садясь за столъ, любили обмолвиться ходовыми присловьями, на которыя въ Бахваловскомъ домѣ всё были мастера. Еще дѣдушка Провъ Сидоровичъ на масленицѣ, бывало, не сядетъ безъ того, чтобы не сказать: «Гдѣ блины, тамъ и мы». И на каждый случай было свое, которое, ужъ знали, онъ непременно скажетъ: «Гдѣ щи съ кашей, тамъ и мы съ Машей», «Гдѣ чашка съ окрошкой, тамъ и я съ ложкой», «Гдѣ кисель тамъ и сѣль, гдѣ пирогъ, тамъ и легъ». Отказываться отъ угощенія у Бахваловыхъ было нельзя, можно было даже обидѣть хозяевъ, и гостей закармливали тамъ на убой. Тотъ же былъ и буфетъ, тяжелый дубовый, который, какъ поставили сюда лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, такъ и не трогали съ мѣста, и знала Аграфена Асафовна, что полнымъ-полны въ немъ наверху всё полки, ящики и ящички стариннымъ дѣдовскимъ серебромъ и дорогимъ хрусталемъ, но что къ столу подадутъ изъ нижняго этажа буфета все простое, дешевое, носящее слѣды долгаго и небрежнаго употребленія. Но и на это у Бахваловыхъ были свои поговорки: «Ложка деревянная, да каша-то манная», «Кафтаны зеленые, да щи не соленыя», «Хлѣба край и подъ елью рай, а хлѣба ни куска, такъ и столъ доска». По стѣнамъ стояли несокрушимо крѣпкіе, съ твердыми сидѣніями, тяжелые стулья, и надъ ними чинно и симметрично развѣшаны были портреты царствующихъ особъ и духовныхъ лицъ въ бѣлыхъ клобукахъ, отца Іоанна Кронштадтскаго и почему-то Суворова и Дибича Забалканскаго, подъ потолкомъ висѣла большая ясеневаая клѣтка, теперь пустая, но въ которой когда-то жили канарейки—охота Прова Сидоровича, любившаго, чтобы «во время трапезы щебетала птичка Божія». Птичекъ давно уже не было и въ поминѣ, но клѣтка, тщательно вытертая, съ ярко вычищенными бронзовыми прутиками продолжала висѣть на старомъ мѣстѣ. Не любили въ Бахваловскомъ домѣ перемѣнъ и перемѣненій и упрямо повторяли: «Пусть уже все по старому, какъ мать поставила». Топорщились на окнахъ подкрашенные бѣлоснѣжныя занавѣски, изъ-за которыхъ краснѣли и розовѣли цвѣточки герани и бѣлѣли бутоны воскового плюща.

Задумчиво оглядывала всю обстановку Аграфена Асафовна и не замѣчала, какъ, уже давно бросивъ разставлять посуду, низко кланялась ей Секлетее.

Наконецъ замѣтила и ласково кивнула ей головой, не помня прежняго зла, хотя и живо помнила, какъ наушничала, сплетничала и шпионила Секлетее и сколькими непріятностями, сценами и скандалами была обязана ей молодая, рожденная Барышникова.

Откуда-то донесся разсыпчатый, подмывающій смѣхъ, затопали шаги, зашуршали шелковыя юбки, и сразу въ столовую ввалились съ хохотомъ, съ бойкимъ московскимъ говоромъ разодрѣтыя и нарядныя представительницы бабьяго царства. Глаза Аграфены Асафовны скользнули по пышнымъ платьямъ, по затѣйливымъ при-

ческамы и съ вопросительнымъ недоумѣніемъ остановились на выступившей впередъ, скромной и невидной среди затмевавшихъ ее дебелыхъ и зрѣлыхъ красавицъ тонкой и стройной дѣвушкѣ въ сѣромъ фланелевомъ капотикѣ. Двѣ жидкія косы связаны были голубымъ бантомъ, и на блѣдномъ, даже сѣромъ лицѣ, некрасивомъ и невидномъ, сіяли только глаза, сѣрые, большіе, широко открытые подъ темными, прихотливо изогнутыми бровями.

— Ниночка, дочь Ипполита,—отвѣтила на нѣмой вопросъ генеральша, и первая сочно, вкусно и троекратно по-московски расцѣловалась съ мачехой.

И уже послѣ Рансы и Зинаиды засіяли близко, близко выпуклые и темные, большіе и влажные глаза и прильнули полныя и алыя, похожія на чудесный цвѣтокъ губы большого чувственного рта.

Глаза и губы Аграфены Асафовны. Все остальное было бахваловское. И широкій, упрямый лобъ, и расплывчатыхъ очертаній неопредѣленный носъ, и укороченный овалъ лица и общее впечатлѣніе какой-то тяжести, чего-то давящаго, тупого и коснаго и въ лицѣ, и фигурѣ. Аграфена Астафовна узнала дочь и нѣжно обняла ее.

— Лидочка! Какая стала красавица! Боже мой, какъ давно я не была здѣсь. Ниночка, подойди же, милая. Только не вздумай называть меня бабушкой. Я не хочу еще быть старухой

Маркъ Басанинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОСЛѢ САНЪ-СТЕФАНО¹⁾.

(Записки гр. Н. П. Игнатьева съ примѣчаніями А. А. Башмакова).

VI

МЕРИКАНСКІЙ посланникъ явился ко мнѣ съ предложеніемъ содѣйствовать Россіи въ морской партизанской войнѣ. Корсары хотя уничтожены по Парижскому договору ²⁾, но, по его мнѣнію, Англія не имѣетъ никакого права обращаться съ частными судами, воюющими подѣ русскимъ военнымъ флагомъ, какъ съ пиратами. Въ Соединенныхъ Штатахъ очень расположены, по его убѣжденію, отомстить Англіи и воспользоваться случаемъ, чтобы захватить въ свои руки всю англійскую торговлю. Главное—принять мѣры заблаговременно, чтобы тотчасъ же подорвать довѣріе къ безопасности англійскихъ морскихъ сообщеній, такъ чтобы Великобританія принуждена была прибѣгнуть къ разсылкѣ конвоировъ. Если дать время Англіи принять свои мѣры охраны и распределить плѣсообразно свои морскія силы, тогда уже будетъ поздно. Нужно, чтобы страховка судовъ и товаровъ повысилась и чтобы англій-

¹⁾ Продолженіе. «Истор. Вѣстн.», т. СХLIII, стр. 357.

²⁾ Право государствъ выдавать частнымъ предпринимателямъ (корсарамъ) каперскія свидѣтельства, разрѣшающія имъ выступать подѣ флагомъ воюющей державы на морскую добычу противъ торговаго флота ея непріятеля, съ предоставленіемъ этимъ корсарамъ не только правъ воюющей стороны, но и права на личное приобрѣтеніе взятой ими добычи,—отмѣнено особою деклараціею, состоявшейся на Париж-

ская торговля замялась, пріостановилась. Даже въ Германіи больше хорошихъ судовъ въ настоящую минуту, нежели въ Англіи. Американскій посланникъ, зная враждебность къ намъ Биконсфильда и Турціи, полагаетъ, что лишь опасеніе нанести вознаградимый ущербъ собственной торговлѣ въ Атлантическомъ и Тихомъ океанахъ удерживаетъ Великобританію отъ прямого вмѣшательства. Такъ какъ посланникъ Соединенныхъ Штатовъ сказалъ мнѣ, что правительство его поручило узнать намѣренія Россіи касательно принятія мѣръ на случай войны съ Англією, то я отвѣтилъ, что не теряю надежды, что здравый смыслъ возьметъ въ концѣ концовъ верхъ надъ выходками Биконсфильда и воспрепятствуетъ войнѣ, но не сомнѣваюсь, что, если бы возгорѣлась война между Россією и Англією, то Соединеннымъ Штатамъ представится благопріятный случай нанести большой вредъ своей соперницѣ и извлечь для себя огромную торговую пользу, оказавъ въ то же время весьма цѣнную помощь дружественной Россіи.

Въ то же время явился ко мнѣ въ Вѣнѣ одинъ изъ предводителей кандійскаго возстанія въ 1869 году, іеромонахъ Пареній Келандесъ, повѣренный нынѣ въ дѣлахъ критянъ, ожидавшій уже шесть недѣль (т.-е. съ первыхъ чиселъ февраля) въ Вѣнѣ разрѣшенія, испрашивавшагося чрезъ наше вѣнское посольство, прибыть въ С.-Петербургъ съ прошеніемъ на высочайшее имя отъ критскаго народнаго собранія. Онъ просилъ меня ускорить разрѣшеніе ему изъ Петербурга туда явиться и, вмѣстѣ съ тѣмъ основываясь на старыхъ сношеніяхъ моихъ съ жителями Крита и главарями возстанія 1867—68 гг., просилъ снабдить его совѣтомъ ¹⁾ касательно положенія, которое его соотечественники должны принять въ виду мирнаго договора, заключеннаго между нами и Портою и «захватившаго грековъ врасплохъ». Я ему сказалъ, что, разумѣется, если

скомъ конгрессѣ черезъ нѣсколько дней послѣ подписанія мирнаго договора 18-го (30-го) марта 1856 года. Эта особая декларация о каперствѣ носитъ названіе «Декларация о морскомъ нейтралитетѣ, заключенная между Россіей, Австріей, Франціей, Великобританіей, Пруссіей, Сардиніей и Турціей въ Парижѣ 4-го (16-го) апрѣля 1856 года». Статья 1-я гласитъ: «La course est et demeure abolie» (Каперство отмѣнено и останется отмѣненнымъ). Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты до сихъ поръ не присоединились къ Парижской деклараціи. Вопросъ о нравственной обязанности ея началъ и о несомѣстности каперства съ достоинствомъ цивилизованныхъ націй считается спорнымъ. Въ русской печати неоднократно проводилась такая точка зрѣнія, что отмѣна каперства проведена въ угоду тѣхъ державъ, которыя имѣютъ обширную морскую торговлю; но что было бы въ интересахъ Россіи не отказываться отъ каперства, съ помощью котораго намъ легче было бороться, въ случаѣ столкновенія съ значительною морскою державою. (Ср. «Сборникъ дѣйствующихъ трактатовъ, конвенцій и соглашеній, заключенныхъ Россіей съ другими государствами и касающихся различныхъ вопросовъ частнаго международнаго права». (Изд. министерства иностранныхъ дѣлъ, 1890 г.), т. II; также «Современное международное право» Ф. Мартенса, т. II, стр. 552).

¹⁾ Донесеніе мое канцлеру отъ 23-го марта.

туркамъ европейцы помѣшаютъ исполнить договоръ, — то война, вѣроятно, возобновится и греки не должны уже прозѣвать благопріятный случай, какъ они сдѣлали въ теченіе минувшей войны. Но если миръ будетъ обезпеченъ, какъ мы надѣемся, то критянамъ всего лучше тотчасъ воспользоваться статьею XV нашего договора, посредствомъ которой обезпечивается возможность подготовить въ послѣдствіи присоединеніе къ Греческому королевству при первомъ удобномъ случаѣ. Статья Санъ-Стефанскаго договора отвѣчаетъ тѣмъ болѣе потребностямъ минуты, что несравненно будетъ легче сладить съ противодѣйствіемъ многочисленнаго мусульманскаго туземнаго населенія, не выставляя преждевременно вопроса о присоединеніи къ Греціи. Такъ какъ въ упомянутой статьѣ именно сказано, что Порта должна сообразоваться съ желаніями, уже выраженными мѣстнымъ населеніемъ, то она обязана будетъ принять тѣ требованія, которыя уже предъявлены *прежде* ратификаціи договора народнымъ собраніемъ турецкому комиссару и которыя изложены въ запискѣ собранія отъ 3-го февраля. А такъ какъ въ требованіяхъ этихъ (какъ мнѣ было хорошо извѣстно при заключеніи договора) значилось: 1) полная автономія и самоуправленіе, 2) выборъ народомъ главнаго начальника острова, 3) уплата ежегодной дани въ 500,000 піастровъ (вмѣсто существующихъ разнообразныхъ налоговъ) и 4) гарантія великихъ державъ, то рамки уступокъ, которыя будутъ дарованы Портою, «достаточно широки, чтобы критяне могли ими удовольствоваться». О. Пареевнй не отрицалъ сего и заявилъ, что, съ своей стороны, готовъ поручиться за принятіе этой программы критянами, когда получитъ окончательный отвѣтъ на его просьбу изъ Петербурга, безъ котораго ему неудобно вернуться на островъ. Меня многіе упрекали въ послѣдствіи, печатно и заочно, что я увлекся исключительно болгарами, но я постоянно ратовалъ за то, чтобы греки участвовали въ общемъ движеніи христіанъ и чтобы Греція была удовлетворена, но *не иначе, какъ одновременно съ славянами*, присоединеніемъ острововъ и всѣхъ мѣстностей, населенныхъ безспорно большинствомъ греческаго населенія. О. Пареевнй не былъ допущенъ въ Петербургъ, и критяне мы не поддержали, хотя весьма удобно было воспользоваться симъ, чтобы доказать ложь сочувствія, выказываемаго англійскимъ правительствомъ грекамъ при опроверженіи Санъ-Стефанскаго договора.

Черезъ три дня послѣ представленія моихъ официальныхъ доносеній канцлеру былъ совѣтъ у государя для обсужденія, принять или отвергнуть вѣнскія требованія, или же сдѣлать новыя предложенія. Я былъ призванъ для представленія разъясненій. На совѣтъ были сообщены и свѣдѣнія, полученные отъ главнокомандующаго изъ Константинополя. По поводу происшедшихъ въ совѣтѣ сужденій касательно инструкцій, которыя должны были

быть посланы въ Вѣну и въ Константинополь и которыя, по смыслу рѣшеннаго въ совѣтѣ на основаніи миролюбивыхъ и благопріятныхъ для графа Андраши настояній князя Горчакова, могли бы быть слишкомъ выгодны, по моему мнѣнію, Австро-Венгріи и вредны для вліянія Россіи на Востокѣ, я представилъ 26-го марта, въ воскресенье, канцлеру докладную записку слѣдующаго содержанія:

«I. Предложенія австро-венгерскаго правительства въ общемъ не могутъ быть приняты. Они имѣютъ цѣлью поставить Черногорію и Сербію въ совершенную себѣ зависимость и фактически присоединить къ Австро-Венгріи всю западную часть Балканскаго полуострова. Въ отвѣтъ, который долженъ быть посланъ графу Андраши, надо бы начать съ того, что выставить на видъ его заявленіе, что Австро-Венгрія обѣщается остаться на почвѣ прежнихъ соглашеній. А затѣмъ слѣдовало бы стараться всячески уменьшить, до послѣдней степени возможности, высказанныя притязанія вѣнскаго кабинета, не отстраняя дальнѣйшаго соглашенія.

«Санъ-Стефанскій договоръ обязателенъ для обѣихъ сторонъ, которыя взаимно связаны другъ съ другомъ послѣ обмена ратификацій. Надо бы твердо на этомъ настаивать, предупредивъ дружески графа Андраши, что нынѣ можетъ быть рѣчь о довѣрительномъ обменѣ мыслей касательно измѣненій, которыя могутъ быть приняты не теперь, но впослѣдствіи, на конгрессѣ ¹⁾, или при заключеніи непосредственнаго соглашенія между Вѣною и Петербургомъ. Е. П. Новиковъ долженъ бы начать съ того, чтобы объяснить обстоятельно насчетъ измѣненій, предложенныхъ въ черногорской границѣ, и выставить, до какой степени онѣ противны состоявшимся между нами соглашеніямъ и мыслямъ, которыми обмѣнивались до войны австро-венгерскій министръ и нашъ посоль ²⁾. Призывомъ къ совѣсти графа Андраши тѣмъ именно лицомъ, которое все время вело съ нимъ довѣрительные переговоры, можетъ быть, удастся заставить его отказаться отъ настоящихъ его требованій, не представляющихъ никакого такого основанія, въ которомъ онъ могъ бы открыто сознаться. Съ другой стороны, слѣдовало бы предупредить барона Лангенау, что, предоставляя

¹⁾ Вотъ это-то необходимое условіе для огражденія какъ достоинства государя, такъ и прямыхъ интересовъ Россіи и было забыто при переговорахъ нашихъ дипломатовъ передъ совѣщаніемъ конгресса, въ особенности же при заключеніи сдѣлки между Салисбюри и графомъ Шуваловымъ въ Лондонѣ. Авт.

²⁾ Всякій разъ, какъ спрашивали, въ совѣтѣ государя, мнѣніе мое (мнѣ приходилось поневолѣ указывать на корень зла нашей дипломатической службы и на то направленіе, которое должно быть дано министромъ иностранныхъ дѣлъ), а также неизбѣжное вмѣшательство въ сферу дѣятельности послѣдняго, возбуждало противъ меня зависть, ревность и злобу какъ канцлера, такъ и ближайшихъ его совѣтниковъ и помощниковъ. Главное руководство нашими дипломатическими дѣлами было крайне неудовлетворительно, и никакъ этого обойти было нельзя, когда приходилось толковать о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Авт.

себѣ сговориться ¹⁾ съ Австро-Венгріею насчетъ восточной границы княжества къ сторонѣ рѣки Лима, на основаніи соотвѣтственнаго територіальнаго возмѣщенія того, что присуждено въ договорѣ (статья 1-я) ²⁾ Черногоріи, мы не можемъ допустить, чтобы вѣнскій кабинетъ настаивалъ на отнятіи у княжества приморской полосы и портовъ на Адриатическомъ морѣ. Лишивъ полвѣка тому назадъ Черную Гору Каттарской бухты, чтобы отдать ее австрійцамъ, мы не въ правѣ еще на этотъ разъ отнять у черногорцевъ приморье, завоеванное ими отъ турокъ, и опять предоставить его Австро-Венгріи.

«Касательно Сербіи нельзя предвидѣть большихъ затрудненій. Ада-Кале можетъ быть уступленъ безъ затрудненія австрійцамъ. Укрѣпленіе этого острова не имѣетъ никакого современнаго значенія. Но такъ какъ всѣ крѣпостныя верки на Дунаѣ, по Санъ-Стефанскому договору, должны быть срыты, то и эти укрѣпленія слѣдовало бы непременно уничтожить. Мы можемъ не противиться улаживаніямъ между Австро-Венгріею и Сербіею желѣзнодорожныхъ вопросовъ и заявить свою готовность уговориться въ подробностяхъ разграниченія, въ общихъ чертахъ уже опредѣленнаго нашимъ договоромъ. Если вступленіе австро-венгерскихъ войскъ въ Боснію и Герцеговину неизбѣжно, то было бы полезно ввести ихъ туда какъ можно ранѣе ³⁾, тщательно сохраняя этому занятію характеръ временной, преходящей, по крайней мѣрѣ до созыва конгресса. При этомъ мы непременно должны заявить, что мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ дать нашего официальнаго согласія на какое-либо измѣненіе въ заключенномъ нами съ Портою договорѣ, безъ предварительнаго соглашенія съ нею. Эта оговорка совершенно необходима, чтобы не дать повода Турціи высвободиться отъ своихъ обязательствъ предъ нами, съ другой сто-

¹⁾ Лангенау австрійскій посолъ въ Петербургѣ. Ему въ подтвержденіе сказаннаго мнѣ была прислана инструкція графа Андраши касательно измѣненій, требуемыхъ австро-венгерскимъ правительствомъ для признанія Санъ-Стефанскаго договора.

А в т.

²⁾ Такимъ образомъ, общая площадь приращенія, опредѣленная Черногоріи договоромъ, осталась бы неизмѣнною, а пришлось бы лишь измѣнить нѣсколько очертанія границъ, урѣзавъ въ одномъ мѣстѣ, но зато добавляя въ другомъ, соотвѣтственно ущербу, нанесенному Черногоріи Австро-Венгріею.

А в т.

³⁾ Въ бытность Реуфа-паши въ Петербургѣ я предупреждалъ его (съ цѣлью предостеречь султана противъ вѣнскаго кабинета и его представителей и возбудить въ немъ недовѣріе къ нимъ) о намѣреніяхъ Австро-Венгріи ввести свои войска въ Боснію и совѣтовалъ тотчасъ же отправить туда изъ-подъ Константинополя (что ослабило бы противопоставленныя намъ арміи) всѣ части войскъ, составленныя изъ босняковъ и герцеговинцевъ, распустивъ и редифы, олодненіе и прослужившихъ сроки изъ уроженцевъ этой страны. Цѣль моя была вызвать прямое столкновеніе между Австріею и Турціею, перессоривъ ихъ между собою такъ, чтобы вѣнскій кабинетъ былъ вынужденъ къ размолвкѣ съ Англіею и Турціею и, слѣдовательно, къ соглашенію съ Россіею.

А в т.

роны, затруднить предварительныя требованія Австріи и Англии измѣненій въ нашемъ договорѣ. Сверхъ того, такъ какъ, присоединеніе Боснии и Герцеговины до Митровицы къ Австро-Венгрии, противное всѣмъ прежнимъ соглашениямъ нашимъ съ нею и нашимъ интересамъ, увеличило бы население Габсбургской имперіи на полтора милліона душъ,—было бы вполнѣ справедливо выговорить соотвѣтствующія вознагражденія въ пользу Сербіи и Черногоріи въ Старой Сербіи. Во всякомъ случаѣ, подобныя территориальныя измѣненія Санъ-Стефанскаго договора потребуютъ новыхъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи, которыя должна предпринять Австро-Венгрия, при чемъ она можетъ разсчитывать на наше благопріятное расположеніе. Эти военныя дѣйствія неизбѣжны, развѣ что новыя измѣненія территоріи и вступленіе австро-венгерскихъ войскъ въ указанныя мѣстности будутъ рѣшены конгрессомъ.

«Что касается отдѣленія западной части Болгаріи отъ создаемаго нами княжества, не надо забывать, что отреченіе наше отъ единства Болгаріи, т.-е. допущеніе ея раздѣленія, было бы огромною нравственною жертвою, истребованною отъ Россіи, и что болгарское населеніе, отдѣленное отъ Болгаріи, осуждено будетъ потерять весьма скоро свою національность, подъ четвернымъ давленіемъ греческаго и сербскаго элементовъ, католической пропаганды и матеріальныхъ интересовъ. Всѣ прошенія болгаръ, адресованныя какъ къ главнокомандующему и князю Черкасскому, такъ и къ русскимъ уполномоченнымъ, стремились къ требованію присоединенія южной и западной части Болгаріи, даже цѣною нѣкоторыхъ преимуществъ независимости и самоуправленія ¹⁾. Часть Болгарскаго княжества къ западу отъ рѣки Струмы содержитъ около милліона населенія и отдѣленіе ея отъ Болгаріи произведетъ самое печальное впечатлѣніе какъ въ Россіи, такъ и во всемъ славянскомъ Востокѣ ²⁾. Необходимо уговорить Австро-Венгрію удовлетвориться тѣми измѣненіями, которыя могли бы быть введены въ начертаніи западной болгарской границы, на основаніи второго пункта шестой статьи Санъ-Стефанскаго договора, въ которомъ сказано, что при измѣненіяхъ на мѣстѣ общаго очертанія границъ разграничительная коммиссія, согласно основаніямъ мира ³⁾, приметъ во вниманіе начало народности большин-

¹⁾ Болгары громко и основательно высказывали предпочтеніе быть сразу соединенными въ компактную массу одной и той же народности, чѣмъ получить всѣ гражданскія и политическія права. «Лучше быть въ зависимости отъ Порты, въ формѣ вилайета, согласно предположенію константинопольской конференціи, нежели зависимымъ княжествомъ съ оставленіемъ части болгарскаго населенія внѣ его предѣловъ и съ потерю Македоніи», говорили всѣ депутаціи. Авт.

²⁾ Тѣмъ болѣе, что присоединить эту часть къ Сербіи, вмѣсто Болгаріи, было немислимо въ виду притязанія Австро-Венгрии на Новый-Базаръ, Митровицу и т. д. Авт.

³⁾ Т.-е., отдавая Болгаріи не менѣе константинопольской конференціи. Авт.

ства пограничныхъ жителей, а также топографическія условія и практическія нужды мѣстнаго населенія, касающіяся удобства сообщенія и проч. Такого рода редакція статьи предоставляетъ умышленно возможность сдѣлать многія измѣненія при окончательномъ разграниченіи.

«Вступить на путь, указываемый вѣнскимъ кабинетомъ, можно бы лишь только тогда, когда исчерпаны будутъ всѣ другія средства избѣгнуть новой войны. Во всякомъ случаѣ, не слѣдовало бы нынѣ преждевременно опредѣлять точную новую граничную черту, предоставляя производство разграниченія на мѣстѣ дальнѣйшему соглашенію ¹⁾. Сверхъ того, изъ страны, выдѣленной изъ Болгарскаго княжества и къ которой можно бы добавить всю часть Старой Сербіи, не присоединенной къ Черногоріи и княжеству Сербскому, должно быть образовано автономное княжество съ тѣми же самыми правами и преимуществами, какъ и восточная часть Болгаріи, ибо совершенно невозможно государю императору согласиться на возвращеніе освобожденныхъ имъ мѣстностей подъ оттоманское владычество, даже и въ такомъ случаѣ, если будетъ дарована административная автономія, не представляющая въ сущности достаточной гарантіи. Еще слѣдовало бы поставить на видъ въ Вѣнѣ, что съ той минуты, что Боснія и Герцеговина присоединены были къ Австро-Венгріи, возбудился бы, несомнѣнно, и греческій вопросъ въ Турціи, и мы оставили бы султану въ Европѣ, сверхъ Константинопольской области, съ частью Адрианопольской, лишь Албанію, что совершенно видоизмѣняетъ положеніе, установленное Санъ-Стефанскимъ договоромъ, имѣвшимъ въ виду сохранить, по возможности, существованіе турецкаго государства въ Европѣ.

«Что касается срока военнаго занятія и числа войскъ въ Болгаріи, мы могли бы сообщить вѣнскому кабинету, что мы желали бы сократить и то, и другое, и что мы надѣемся легко прийти впоследствии къ соглашенію съ нимъ по этому предмету. Продолжая на вышеизложенныхъ основаніяхъ переговоры съ австро-венгерскимъ правительствомъ, было бы весьма полезно обратиться къ посредничеству Германіи, участвовавшей въ нашихъ соглашеніяхъ съ вѣнскимъ кабинетомъ, и которая одна можетъ съ полнымъ знаніемъ подробностей дѣла высказаться касательно смысла редакціи тѣхъ уговоровъ, на которые постоянно ссылается графъ Андраши.

¹⁾ Не надо терять изъ вида, что я въ то же время настаивалъ на немедленномъ занятіи нашими войсками всей южной и западной Болгаріи, съ сформированіемъ мѣстнаго войска, что, очевидно, дало бы такой толчокъ національному пробужденію, что поставило бы Австро-Венгрію и Европу въ необходимость считаться съ чувствами и желаніями населенія. Слѣдовательно, главное, надо было выиграть время, тогда какъ наше бездѣйствіе въ Турціи обратило выигрышь въ проигрышь. Авт.

«II. Его императорское высочество главнокомандующій долженъ самъ бы настаивать, какъ чрезъ посредство Ону ¹⁾ предъ Портою, такъ и непосредственно чрезъ начальниковъ войскъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Шумлы и Варны, а великій князь намѣстникъ кавказскій чрезъ начальствующихъ войсками предъ Батумомъ, объ ускореніи очищенія этихъ трехъ крѣпостей и сдачи ихъ нашимъ войскамъ. Не надо бы терять времени для формировація и умноженія болгарскаго ополченія и введенія новаго управленія во всѣхъ мѣстностяхъ, долженствующихъ входить въ составъ княжества Болгарскаго, допуская, однакоже, нѣкоторое различіе въ способѣ управленія въ западной части, къ сожалѣнію, еще не занятой до сего времени нашими войсками. Надо торопить возвращеніе въ Болгарію прежняго экзарха ²⁾ въ качествѣ епархіальнаго начальника виддинской епархіи, равно и нѣсколькихъ тысячъ изгнанниковъ болгарскихъ, составляющихъ цвѣтъ населенія и которыхъ турки обязались ³⁾ возвратитъ на родину.

«Такъ какъ весьма важно не толкать румынъ въ враждебный намъ лагерь и, по заявленію генерала князя Гики ⁴⁾, главное возраженіе его правительства противъ V и XIX статей договора заключается въ томъ, что мы не сдѣлали румынскому правительству одновременно непосредственнаго предложенія заключить съ нами осо-

¹⁾ Съ самаго прибытія моего въ Адріанополь я отправилъ Ону, перваго драгомана посольства, въ Константинополь, и онъ находился постоянно въ сношеніи со всѣми саповниками Порты и съ дворцомъ, служа посредникомъ сношеній моихъ, а потомъ и главной квартиры, съ Константинополемъ. Авт.

²⁾ Бывшій экзархъ Анеимъ, занимавшій до его избранія на постъ главы національной болгарской церкви епископскую кафедру въ гор. Виддинѣ, родился въ 1816 году, въ Лозенградѣ (Киркъ-Килиссе), въ Адріанопольскомъ вилайетѣ. Получивъ высшее богословское образованіе въ Москвѣ, онъ былъ долгое время преподавателемъ церковной исторіи и церковно-славянскаго языка въ греческой богословской академіи въ Халки. Онъ достигъ епископскаго сана въ 1867 году. Черезъ три года послѣ того, именно 27 февраля 1870 года, состоялся султанскій фирманъ, коимъ признано особое существованіе болгарскаго экзархата, и Анеимъ былъ вскорѣ избранъ (16-го февраля 1872 г.) на постъ экзарха. Греческій помѣстный соборъ 16-го сентября 1872 года произнесъ надъ болгарской церковью схизму и анафему. Когда началась русско-турецкая война 1877 года, экзархъ Анеимъ, какъ заподозрѣнный въ симпатіяхъ къ русскому оружію, былъ низверженъ и сосланъ въ Ангору, въ Малой Азіи. Изъ ссылки Анеимъ былъ возвращенъ по настоянію русскаго правительства и затѣмъ, когда было созвано въ мартѣ 1879 года учредительное собраніе въ Тырновѣ, бывшій экзархъ былъ выбранъ его предсѣдателемъ. Анеимъ умеръ виддинскимъ митрополитомъ 2-го февраля 1888 года. На русскомъ языкѣ есть специальное изслѣдованіе объ Анеимѣ, вышедшее въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1881 г. (январь, февраль, мартъ)—А. Муромцевой: «Первый экзархъ болгарскій блаженный Анеимъ». (См. также книгу И. С. Пальмова: «Болгарская экзархійская церковь». Спб. 1896 г.

³⁾ Въ Санъ-Стефано, предъ подписаніемъ договора. Авт.

⁴⁾ Бывшаго румынскаго агента въ Константинополь въ послѣдніе годы и затѣмъ состоявшаго при государѣ императорѣ во время войны и наконецъ присланнаго въ Петербургъ въ качествѣ посланника и умершаго здѣсь. Авт.

бую конвенцію касательно Бессарабіи,—необходимо предупредить какъ здѣшняго румынскаго представителя, такъ и барона Стюарта въ Бухарестѣ, что мы готовы тотчасъ же вступить въ переговоры съ румынскимъ правительствомъ для заключенія договора. Это было бы тѣмъ болѣе естественно, что конвенція была заключена съ Румыніею предъ войною и что княжество признано нынѣ независимымъ не только нами, но и самою Портою по Санъ-Стефанскому договору¹⁾.

28-го марта 1878 года, призванный къ государю, я представилъ его величеству слѣдующія соображенія:

1. Что, если даже вступить въ соглашеніе съ Австро-Венгріею касательно измѣненія нѣкоторыхъ статей Санъ-Стефанскаго договора, то слѣдуетъ оговорить, что принципиальное согласіе наше на отдѣленіе Западной Болгаріи (Македоніи) обусловлено обезпеченіемъ на имѣющемъ собраться конгрессѣ одинаковыхъ правъ, положенія и преимуществъ, какъ и княжеству Болгарскому,

2. Во всякомъ случаѣ для Западной Болгаріи необходимо провести граничную черту ближе къ Вардару, оставивъ Струмицу, Кукушъ и Каратово въ восточномъ Болгарскомъ княжествѣ. Слѣдуетъ доставить болгарскимъ делегатамъ доступъ на конгрессъ, чтобы они имѣли возможность представить доводы въ пользу своей народности.

3. Желательно выяснить, что обозначаетъ заявленіе графа Андраши о предоставленіи Австро-Венгріи свободы дѣйствія. Слѣдуетъ ли разумѣть подъ этимъ прекращеніе обязательствъ, принятыхъ прежде относительно Россіи и уничтоженіе конвенціи 3-го января 1877 года?

4. Обладаніе приморскою полосою должно быть во всякомъ случаѣ обезпечено Черногоріи. Нашъ посолъ въ Вѣнѣ какъ будто бы сомнѣвается въ этомъ. Спрашивается, о какихъ вознагражденіяхъ Австріи упоминаетъ Новиковъ въ своихъ донесеніяхъ? Вопросъ этотъ не выясненъ.

5. Необходимо намъ себя обезпечить гарантіями и письменнымъ обязательствомъ со стороны Австро-Венгріи, соглашаясь на какія-либо измѣненія въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, ибо Англія рассчитываетъ не сразу привлечь графа Андраши къ заключенію оборонительнаго и наступательнаго союза съ Великобританіею, а лишь постепенно подготовить переходъ Австро-Венгріи въ враждебный намъ лагерь, надѣясь получить ея содѣйствіе лишь по открытіи военныхъ дѣйствій между Англіею и нами.

¹⁾ Отсутствіемъ послѣдовательности и предусмотрительности, а равно и легкомысленнымъ обращеніемъ князя Горчакова съ румынами мы сами дали поводъ румынамъ быть такъ раздраженными противъ насъ и способствовали успѣхамъ западныхъ интригъ, завербовавшихъ въ своей лагерь Братіано и его партію. Авт.

Нашъ посоль въ Вѣнѣ доносили 29-го марта (№ 53), вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, слѣдующее канцлеру:

«Графъ Андраши, пожелавшій меня видѣть, спросилъ меня, получилъ ли я отвѣтъ на заявленія его, которыя увезъ съ собою графъ Игнатъевъ, и прочелъ мнѣ телеграммы, полученныя отъ барона Лангенау ¹⁾ и Бехтольсхейма ²⁾. Оба давали отчетъ о дурномъ впечатлѣніи, произведенномъ въ Петербургѣ политическими вѣстями изъ Вѣны и которое не было смягчено, какъ это ожидали, послѣдующими сообщеніями графа Андраши.

«Министръ былъ этимъ очень удивленъ, такъ какъ онъ считалъ требованія свои очень умѣренными. Графъ Андраши повторилъ въ общихъ выраженіяхъ предложенія, высказанныя имъ графу Игнатъеву и заключающіяся въ слѣдующемъ:

«1) Необходимость для Австро-Венгріи принять въ свое владѣніе часть Герцеговины, находящуюся между Сербією и Черногорією, какъ единственное средство обезпечить себѣ выходъ въ Эгейское море.

«2) Невозможность уступить Черногоріи морской берегъ, не подвергаясь опасности создать тамъ притонъ для контрабанды.

«3) Уменьшеніе Болгаріи въ западной части, чтобы отстранить новое княжество отъ долины рѣки Вардара, единственнаго коммерческаго пути къ Салоники.

«4) Исправленіе болгарской границы со стороны Адрианополя.

«5) Сокращеніе нашей оккупациі въ Болгаріи до шести мѣсяцевъ и до двадцати тысячъ человѣкъ».

Новиковъ замѣтилъ графу Андраши, что онъ воспроизводитъ безъ малѣйшаго измѣненія предложенія, сдѣланнаго чрезъ графа Игнатъева, и что онъ еще не уполномоченъ вступить въ переговоры относительно уменьшенія Болгаріи. Новиковъ, однакоже, замѣтилъ министру, что, «будучи участникомъ въ заключеніи существующихъ конвенцій, я могу тѣмъ болѣе вѣрно высказать оцѣнку тѣхъ требованій, которыя измѣняютъ прежде установленныя условія. Я ожидалъ значительныхъ замѣчаній касательно Болгаріи, но расширеніе австро-венгерскихъ захватовъ со стороны Герцеговины и морского берега было для меня неожиданностью, такъ какъ оно противорѣчитъ не только духу, но и ясному тексту первой статьи и нашей дополнительной конвенціи; этого одного достаточно, чтобы объяснить тяжелое впечатлѣніе, произведенное въ Петербургѣ. Могъ ли графъ Андраши въ этомъ сомнѣваться? Мой собесѣдникъ не попытался даже отрицать отступленія отъ условленнаго между нами, но старался извинить и доказать необходимость нарушенія

¹⁾ Австро-венгерскій посоль въ Петербургѣ.

Авт.

²⁾ Австро-венгерскій военный агентъ, человѣкъ очень ловкій, умный, вкрадчивый и пронырливый.

Авт.

конвенціи. Мы якобы первые измѣнили основанія австро-русскаго соглашенія и увеличили наши требованія. Къ крайнему его сожалѣнію, мы заключили и публиковали Санъ-Стефанскій договоръ безъ всякаго предварительнаго соглашенія (съ Австро-Венгрією) и прежде созванія конгресса. Наши уговоры съ Вѣною требовали, чтобы мы вошли въ соглашеніе съ графомъ Андраши относительно разграниченія Сербіи и Черногоріи, вмѣсто того, чтобы даровать самостоятельнымъ властнымъ актомъ увеличеніе территоріи послѣднему княжеству, предоставляя Австріи или согласиться съ совершившимся фактомъ, или же принять на себя неблагоприятную роль недоброжелателя этого маленькаго государства, которому Австрія оказала услуги во время войны. По смыслу нашего сообщенія въ ноябрѣ ¹⁾, державы должны были быть призваны къ оцѣнкѣ своевременности и необходимости измѣненія границъ, а договоръ Санъ-Стефанскій разрѣшилъ этотъ вопросъ самостоятельно, не справляясь съ мнѣніемъ Австро-Венгріи. Размѣры, приданные Болгаріи,—онъ это повторяетъ,—противорѣчатъ общанному исключенію образованія сплошнаго большаго славянскаго государства. Лѣтомъ мы говорили лишь о присоединеніи Батума съ прилежащею мѣстностью, а нынѣ мы присоединили всю Арменію ²⁾; хотя не было рѣчи о нашихъ азіатскихъ пріобрѣтеніяхъ, взаимныя обязательства обѣихъ державъ относительно послѣдствій войны должны были быть соблюдены. Словомъ, мы измѣнили во многихъ отношеніяхъ и расширили первоначальный смыслъ нашихъ соглашеній. Развѣ Австрія одна обязана отъ нихъ не отступать? ³⁾ Мы себѣ взяли Бессарабію, Арменію и подавляющее Турцію денежное вознагражденіе, пріобрѣли военную славу, освободили христіанъ, независимость княжествъ, созданныхъ нашимъ оружіемъ. Въ виду такихъ блестящихъ результатовъ, самая простая справедливость не требуетъ ли, чтобы Австрія пріобрѣла возможность обезпечить свои интересы? ⁴⁾ Я старался выставить неосновательность аргументовъ графа Андраши. Насъ обвиняютъ въ томъ, что мы пред-

¹⁾ Мною осуждавшагося и сдѣланнаго, по предложенію Нелидова, князю Горчакову во время моей болѣзни и отсутствія изъ главной квартиры. Я предсказывалъ по возвращеніи послѣдствія этого необдуманнаго шага. Авт.

²⁾ Невѣжество въ географіи и этнографіи графа Андраши, смѣло бравшаго на себя судить и о восточныхъ дѣлахъ, поразительны. Не менѣе поразительна дерзкая попытка опредѣлять Россіи размѣры ея территоріальнаго вознагражденія за военныя издержки, понесенныя Россією. Авт.

³⁾ Сознаніе въ политическомъ вѣроломствѣ замѣчательное. Авт.

⁴⁾ Оригинальная логика, чтобы установить связь между славными подвигами русскихъ войскъ съ одной стороны результатомъ пролитой крови принесенныхъ жертвъ и нашихъ многолѣтнихъ усилій въ пользу нашихъ единовѣрцевъ и съ другой—корыстными и враждебными славянамъ вождѣльвіями Австро-Венгріи, которая желала пожинать лавры и пріобрѣтать обширныя территоріи нашими руками, не издержавъ ни копейки, посредствомъ лишь интригъ и коварства. Авт.

ставили совершившіеся уже факты. Но они не до такой степени считаются нами совершившимися, такъ какъ мы допускаемъ ихъ исправить ¹⁾. Если бы выждать, чтобы состоялось предварительное соглашеніе, мы бы еще вовсе не заключили мира. Графъ Андраши никогда не протестовалъ своевременно противъ заключенія и публикаціи мирнаго договора съ турками и не поставилъ меня въ возможность предупредить мое правительство, что вѣнскій кабинетъ усмотритъ въ этихъ двухъ фактахъ нарушеніе нашихъ конвенцій. Напротивъ, онъ просилъ, чтобы договоръ былъ ему сообщенъ какъ можно скорѣе, чтобы пріобрѣсти основаніе для нашихъ переговоровъ втроемъ ²⁾. Что касается подробностей постановленій договора, то ихъ можно оспаривать, но ни одна изъ нихъ не составляетъ такого нарушенія письменныхъ обязательствъ, какъ расширение территорій, замышляемое Австро-Венгеріею къ сторонѣ Старой Сербіи и Адриатическаго моря. Графъ Андраши отвѣтилъ, что если бы онъ протестовалъ заранѣе противъ Санъ-Стефанскаго договора, то тогда его обвинили бы въ предвзятой враждебности къ Россіи. Но онъ не можетъ отъ меня скрыть, что въ Петербургѣ какъ будто не сознаютъ, что заключенный договоръ вездѣ въ Европѣ найденъ слишкомъ выгоднымъ для Россіи. Затѣмъ мы перешли къ разсмотрѣнію подробностей договора.

Новиковъ телеграфировалъ 3-го (15) апрѣля канцлеру, въ отвѣтъ на полученныя инструкціи, посланныя ему въ отвѣтъ на предложенія графа Андраши:

«Прежде, чѣмъ приступить къ переговорамъ съ графомъ Андраши, смѣю представить слѣдующія соображенія: мы не можемъ прійти къ практическому результату, если на опредѣленныя предложенія Андраши не дадимъ положительныхъ отвѣтовъ. Первостепенный интересъ Австро-Венгеріи заключается въ обезпеченіи себѣ торговыхъ путей, ведущихъ къ Эгейскому морю. Этимъ объясняется требованіе присоединенія земель до Митровицы и отдѣленія долины Вардара отъ Болгаріи, такъ какъ по договору Сербія не граничитъ съ Черногоріею ³⁾. Мы не имѣемъ уже прежняго интереса противиться передачѣ австрійцамъ мѣстности, которая обратится

¹⁾ Осуждаютъ заключеніе Санъ-Стефанскаго мира.

А в т.

²⁾ Нашъ посоль допуская, что договоръ, ратификованный государемъ императоромъ, не обязательенъ для нашей дипломатіи и долженъ лишь служить основаніемъ для дальнѣйшихъ переговоровъ между имъ и правительствами Австро-Венгеріи и Германіи.

А в т.

³⁾ Новиковъ забылъ, что оставленіе Турціи полосы между Сербіею и Черногоріею было вызвано исключительно противодѣйствіемъ графа Андраши сближенію между границами двухъ сербскихъ княжествъ и настояніемъ его, что если Турція будетъ лишена прямого сообщенія между Герцеговиною и Босніею, то Австро-Венгерія вынуждена будетъ занять эти области, чтобы предупредить присоединеніе ихъ къ Сербіи, при отпаденіи отъ стамбульскаго правительства.

А в т.

въ «res nullius» ¹⁾. Если бы я былъ уполномоченъ обнадежить ихъ нашимъ согласіемъ, я бы могъ выторговать взаимнѣ нѣкоторыя уступки. Вообще мои переговоры съ Андраши могли бы быть умѣстными лишь, если бы, опредѣливъ заранѣе возможные измѣненія нашего договора, мнѣ было предоставлено согласиться на нихъ по мѣрѣ надобности, сообразуясь съ мѣстною необходимостью. Полагаю, что, сохраняя наши переговоры съ Андраши въ тайнѣ, было бы трудно скрыть ихъ отъ Стольберга ²⁾».

Когда мнѣ была показана телеграмма нашего посла, я выразилъ удивленіе, что представители Россіи за границею ставятъ вровень отступленія отъ статей договора, добытыхъ кровью русскаго востанія и ратификованнаго не только султаномъ, но и государемъ императоромъ, съ измѣненіемъ въ фантастическихъ притязаніяхъ графа Андраши, обнаруживающихъ лишь беззащитное желаніе его воспользоваться нашими побѣдами, чтобы поживиться на счетъ Турціи, славянъ и нашего законнаго вліянія на Востокѣ. Стремясь выдѣлить изъ Болгаріи историческую Охридъ, Монастырь (Битолю), Ускюбъ и пр. и захватить для Австро-Венгріи значительную сербскую область, графъ Андраши хочетъ обхватить Сербію и Черногорію со всѣхъ сторонъ, чтобы обратить ихъ въ зависимость Австро-Венгріи. Что касается коммерческихъ интересовъ австро-венгерскихъ, служащихъ предлогомъ для территоріальныхъ и политическихъ притязаній, то они могли бы быть совершенно обезпечены другимъ способомъ Сербіею и Болгаріею, безъ ломки договора и измѣненія границъ Болгаріи и территоріальнаго захвата сербской земли Австро-Венгріею.

Уменьшеніе венгерскихъ неосновательныхъ притязаній предлагаютъ намъ купить цѣною пожертвованія результатовъ войны и Санъ-Стефанскаго договора, будущности славянъ и нашей чести. При томъ, если графъ нынѣ уклоняется отъ духа и буквы прежнихъ своихъ обязательствъ и конвенціи 3-го января 1877 года, то ничто не ручается намъ, что на конгрессѣ, стоворившись съ Англіею, онъ не остановится на пути, намъ враждебномъ. При такихъ обстоятельствахъ я считалъ болѣе достойнымъ и практичнымъ прямо прибѣгнуть къ посредничеству германскаго императора касательно конвенціи 3-го января 1877 года, нежели продолжать компрометирующіе Россію переговоры о частныхъ измѣненіяхъ Санъ-Стефанскаго договора, долженствующаго въ нашихъ глазахъ быть неприкосновеннымъ съ минуты высочайшей ратификаціи.

По статистическимъ даннымъ константинопольскаго посоль-

---

¹⁾ Непонятный и странный выводъ. Мѣстность оставалась турецкою, а потому нашъ посоль считалъ, что она никому не принадлежитъ и подлежить передачѣ Австро-Венгріи.

²⁾ Германскій посоль въ Вѣнѣ.

А в т.

А в т.

ства, въ западной части Болгаріи, т. е. къ западу отъ линіи, проведенной отъ Враньи къ Орфанскому заливу, считалось 888 тысячъ христіанъ и 280 тысячъ мусульманъ. Эту мѣстность графъ Андраши требовалъ выдѣлить изъ Санъ-Стефанской Болгаріи, подѣ предлогомъ, что населеніе не болгарское, а албанское ¹⁾).

4-го апрѣля Новиковъ телеграфировалъ, что, по желанію графа Андраши, онъ вступилъ съ нимъ въ переговоры.

«Поставилъ предварительнымъ условіемъ, что уступки съ нашей стороны возможны лишь въ предположеніи общаго соглашенія,

¹⁾ По свѣдѣніямъ русскаго посольства въ Константинополь, собраннымъ до 1-го января 1877 года, населеніе западной Македоніи опредѣлялось въ 1.688.000 душъ. Есть основаніе считать этотъ расчетъ ниже дѣйствительности. Число жителей было по крайней мѣрѣ на 30% больше сообщенныхъ здѣсь свѣдѣній. Соображенія, приводящія насъ къ этому выводу, слѣдующія: на основаніи цѣлаго ряда изслѣдованій о народонаселеніи Македоніи, содержащихся въ книгахъ и трудахъ Голчевича, Кынчева, Бранкова, Ростковскаго, Флоринскаго, Ристича-Балканскаго и Димитрова, редакторъ настоящихъ примѣчаній издалъ сводные статистическіе выводы (см. статью А. Башмакова «Народности Македоніи», газета «Россія» за 1908 г., №№ 829 и 830), изъ коихъ общая численность македонскаго населенія, четверть вѣка спустя послѣ дѣятельности Н. П. Игнатъева въ Константинополь, опредѣлялась въ 2.418.026 душъ. При этомъ имѣлась въ виду вся Македонія до устья рѣки Кара-Су, или Месты. Но такъ какъ въ запискахъ Н. П. Игнатъева говорится только о западной части этой области, то для того, чтобы сравнивать обнародованныя величины, мы должны исключить изъ приведенной цифры количество населенія, имѣющееся въ восточной части Македоніи, т. е. на востокъ отъ линіи Вранья—Орфанскій заливъ (казы, соответствующія нижеслѣдующимъ городамъ и мѣстечкамъ: Струмица, Сересъ, Зихна, Демиръ-Хиссаръ, Петричъ, Мельникъ, Горно-Джумая, Разлогъ, Неврокопъ, Драма, Правишта, Кавала, Сари-Шабанъ). Это составляетъ 467.804 души. Такимъ образомъ, населеніе той западной Македоніи, которую здѣсь имѣетъ въ виду Н. П. Игнатъевъ, равнялось (около 1900—1905 г.г. количеству 1.950.221 души. Къ тому времени число душъ, указанное въ статистикѣ графа Игнатъева, успѣло бы, за двадцать пять лѣтъ (по 1% прироста въ годъ)—дorasти только до 1.460.000 душъ. Разница равняется 490.221, т. е. 33% свыше игнатъевской статистики. Трудно, конечно, въ настоящее время, выяснитъ, по какой причинѣ игнатъевская статистика въ такой степени ниже дѣйствительной цифры населенія. Быть можетъ, наше посольство пользовалось податной регистраціею («нуфузами»), подобно позднѣйшимъ трудамъ консула Ростковскаго; а податной учетъ населенія въ Турціи былъ всегда ниже дѣйствительности; тогда какъ позднѣйшіе болгарскіе изслѣдователи основывались на болѣе надежныхъ и болѣе реальныхъ данныхъ: Кынчевъ и счетчики македонской революціонной организаціи, издавшіе подробную статистическую карту Македоніи, исходили изъ установленнаго числа домовъ, а Бранковъ изъ приходскихъ и вѣроисповѣдныхъ росписей населенія.

Во всякомъ случаѣ, уже изъ тѣхъ данныхъ, которыми располагалъ графъ Игнатъевъ, видно было, что въ западной Македоніи мусульмане составляли не болѣе 24% всего населенія; по позднѣйшимъ статистическимъ вычисленіямъ, мусульманъ въ той же части области было 26%. Устойчивость этой пропорціи окончательно разбиваетъ фантастическіе и тенденціозные подсчеты графа Андраши. Наконецъ, лживость его увѣреній, будто въ западной Македоніи населеніе было, главнымъ образомъ, не славянское, а албанское, въ особенности рѣзко выдѣляется изъ позднѣйшаго подсчета того и другого элемента въ населеніи. Всѣхъ славянъ въ западной Македоніи насчитывалось (въ 1900—1905 г.г.) свыше одного милліона, а албанцевъ—около 160.000 чловѣкъ.

А. Б.

выставивъ невозможность официальнаго обязательства безъ предварительнаго стовора съ Портою. Слѣдовательно, пока можетъ быть только довѣрительный обмѣнъ мыслей между нами. Въ этихъ рамкахъ далъ понять о согласіи на измѣненіе границы по рѣкѣ Лиму, на основаніи соответствующей уступки Австро-Венгрии, а равно и на то, что касается Сербіи. Жаркій споръ по вопросу о морскомъ прибрежьи. Я предложилъ непосредственное соглашеніе Австріи съ Черногоріею относительно таможенныхъ гарантій. Рѣчи не было объ образованіи изъ мѣстностей, взятыхъ въ западной части Болгаріи, автономнаго княжества, а только объ измѣненіи западной границы болгарской» ¹⁾.

На другой день (5-го апрѣля) Новиковъ телеграфировалъ о продолженіи своего разговора съ графомъ Андраши, который, повторивъ ему сказанное наканунѣ, объявилъ, что онъ испроситъ приказаній императора, и далъ понять, что находитъ предлагаемыя нами уступки недостаточными. Заключение съ Черногоріею таможенно-конвенціи находитъ онъ затруднительнымъ ²⁾ и готовъ оставить Турціи прибрежье, а не присоединять его къ Черногоріи и Сербіи ³⁾. Сложныя разсужденія исчерпаны, за исключеніемъ отдѣленія западной Болгаріи, которое я оставляю въ запасъ. Если мы не придемъ къ соглашенію, Австро-Венгрія возвращаетъ себѣ свободу дѣйствій ⁴⁾ и возвращается къ требованію ограниченія Болгаріи Балканами, къ чему приглашаетъ ее Англія и что соответствуетъ желаніямъ Порты. Положеніе серьезное, въ особенности въ виду ежедневныхъ извѣстій о сосредоточеніи нашихъ войскъ въ Румыніи и къ сторонѣ Трансильваніи. Можетъ быть, уступкою мѣстности между Черногоріею и Сербіею и отдѣленіемъ Западной Болгаріи мы могли бы достигнуть согласія Австро-Венгрии на передачу Адриатическаго прибрежья (согласно Санъ-Стефанскому договору) Черногоріи и сохраненіе неизмѣнною

¹⁾ Такимъ образомъ, Черногорія отдавалась нами въ руки Австро-Венгрии, а просимое урѣзваніе на западѣ Болгаріи, съ отдѣленіемъ Македоніи, было, конечно, менѣе выгодно для болгаръ и для насъ, нежели образованіе двухъ княжествъ изъ Санъ-Стефанской Болгаріи. А в т.

²⁾ Несомнѣнно, для графа Андраши казалось легче нашими руками обогреть Черногорію, чѣмъ вести переговоры съ княземъ Николаемъ. Онъ прекрасно видѣлъ, что, съ уходомъ моимъ, ему нельзя ожидать сильнаго отпора со стороны нашей довѣрчивой и благодушной дипломатіи. А в т.

³⁾ Весьма понятно, ибо это придавало Австріи господствующее значеніе на Балканскомъ полуостровѣ и ставило Сербію и Черногорію въ зависимость отъ Венгрии. Наши дипломаты не хотѣли этого понять. А в т.

⁴⁾ Иначе сказать, считаетъ себя освобожденною даже отъ небезвыгодныхъ для нея обязательствъ конвенцій, заключенныхъ съ Россіею именно на случай окончанія войны, и слѣдовательно призываетъ возможнымъ, отрѣшившись отъ союза съ нами, стать во враждебныя отношенія. Вотъ результаты многолѣтняго ухаживанія за Австро-Венгріею и въ особенности за графомъ Андраши. А в т.

остальной части Болгаріи, отстранивъ Австро-Венгрію отъ союза намъ враждебнаго».

Почти одновременно были получены въ Петербургѣ донесенія нашего посла въ Берлинѣ отъ того же числа, т. е. 5-го апрѣля, касающіяся странныхъ переговоровъ съ Англіею, при посредничествѣ Германіи, объ устанавленіи нейтральной полосы около Константинополя (т. е., иначе сказать, обезпеченіи султанской столицы отъ нападенія русской арміи) посредствомъ удаленія нашихъ войскъ къ Адрианополю одновременно съ отходомъ англійской эскадры въ Безикскую бухту и опредѣленіемъ, на случай прекращенія условія взаимнаго отступленія отъ Константинополя, срока, по истеченіи котораго наши войска будутъ имѣть право снова занять свои прежнія позиціи близъ Стамбула, а эскадра англійская возвратится въ Мраморное море. Во второмъ донесеніи отъ того же числа (5-го апрѣля, № 122) Убри далъ отчетъ въ разговорѣ своемъ съ княземъ Бисмаркомъ, передъ которымъ на столѣ лежала карта Турціи съ обозначенными территоріальными измѣненіями, опредѣленными Санъ-Стефанскимъ договоромъ.

Измѣненія, предложенныя Австріею въ восточной части Болгаріи, кажутся ему не важными. Болгары изъ Люле-Бургасскаго округа могли бы легко перебраться, если желаютъ, въ сосѣднюю мѣстность создаваемаго княжества Болгарскаго. Требования Австріи на Западѣ имѣютъ большое значеніе. Они клонятся преимущественно къ сохраненію внѣ Болгаріи желѣзнаго пути, проходящаго чрезъ Митровицу. Цѣль эту можно бы достигнуть, проведя граничную черту въ промежуткѣ между этою дорогою и линіею отъ мыса Орфано до Враньи, предлагаемой графомъ Андраши. Такимъ образомъ Болгарія сохранила бы за собою нѣсколько земельныхъ полосъ болѣе, нежели при проведеніи границы по послѣдней чертѣ. Князь Бисмаркъ замѣтилъ, что не надо терять изъ виду, что австрійскій проектъ клонится къ созданію автономной Македоніи. Тѣ земли, которыя этотъ проектъ выдѣляетъ изъ Санъ-Стефанской Болгаріи, будутъ тѣмъ не менѣе пользоваться устройствомъ, обезпечивающимъ ихъ будущность. «Во всякомъ случаѣ,—прибавилъ германскій канцлеръ,—эти земли, т. е. тѣ отступленія въ разграниченіи Болгаріи, которыя требуетъ Австрія, не стоятъ войны между европейскими державами. Все это было бы избѣгнуто, если бы генераль графъ Игнатъевъ, вмѣсто того, чтобы желать заключить блистательный миръ, удовольствовался бы болѣе скромнымъ и полезнымъ». Убри, въ концѣ донесенія своего, высказалъ предположенія, что, по мысли князя Бисмарка, требованія Австро-Венгріи не серьезны и что онъ раздѣляетъ мнѣніе нашего посла, что притязанія Австріи на треугольникъ между рѣкою Бояною, Скутарійскимъ озеромъ и Антивари выдвинуты лишь для того, чтобы склонить насъ на уступки разграниченія въ западной Бол-

гаріи. «Князь Бисмаркъ не нашель, однакоже, нужнымъ обсудить неприличіе поступка графа Андраши», заключилъ нашъ посоль.

Въ первыхъ же числахъ апрѣля, почти одновременно съ запискою, поданною по поводу экспедиціи Нелидова изъ Константинополя ¹⁾, я, по порученію канцлера, составилъ слѣдующую записку, должествовавшую служить какъ бы отвѣтомъ на разговоры нашего посла въ Берлинѣ Убри съ княземъ Бисмаркомъ касательно Санъ-Стефанскаго договора и объясненіемъ причинъ созданія непріятной нашимъ мнимымъ союзникамъ Великой Болгаріи.

«При переходѣ русской арміи за Дунай государь императоръ торжественно объявилъ болгарамъ въ своемъ воззваніи, что они освобождены отъ мусульманскаго ига и призваны къ новой жизни. Образование Болгарскаго княжества въ предѣлахъ Санъ-Стефанскаго договора выполняетъ это царское обѣщаніе для большинства болгарскаго населенія, оставляя, однакоже, по политическимъ соображеніямъ, внѣ княжества нѣсколько мѣстностей, обитаемыхъ болгарами. Такимъ образомъ, нѣсколько уѣздовъ къ сторонѣ Эпира и между прочимъ цѣлая полоса земли, входившая въ составъ края, признаннаго конференціею 1876 года болгарскимъ, выдѣлены изъ территорій новаго княжества во вниманіе къ домогательствамъ грековъ. Къ сторонѣ Константинополя нѣкоторые уѣзды, какъ Али-Челеби, выключены изъ состава Болгаріи, потому что половина его населенія—мусульмане. Наконецъ, чтобы расширить пространство, оставленное Турціи около Константинополя и удовлетворить европейскую щепетильность, большая часть Адрианопольскаго уѣзда, полностью уѣзды Демотика-Фереджикъ, Джисри-Эргена, Кешанъ, Мелгара, Родосто, Виза, Чорлу и часть Мидійскаго оставлены Турціи, хотя число болгаръ въ этой мѣстности доходитъ мѣстами до 60% и даже до 80% всего населенія.

«Западныя границы Болгаріи опредѣлены вполне согласно очертанію проекта предварительныхъ условій, одобренныхъ государемъ императоромъ въ январѣ, и основаніямъ мира, подписаннымъ воюющими сторонами въ Адрианополѣ, оговорившими, что границы Болгаріи ни въ какомъ случаѣ не будутъ уменьшены сравнительно съ предѣлами, обозначенными Константинопольскою конференціею. Въ точности согласная съ рѣшеніемъ послѣдней, принятымъ и поддержаннымъ предъ турками всѣми представителями великихъ державъ безъ исключенія и въ томъ числѣ австро-венгерскимъ уполномоченнымъ, западная граница Болгаріи, опредѣленная Санъ-Стефанскимъ договоромъ, казалось, тѣмъ менѣе могла вызвать противодѣйствіе вѣнскаго кабинета, что она разнится съ проектомъ граничной линіи, обозначеннымъ на картѣ, сообщен-

¹⁾ О которой упоминается въ отчетной запискѣ о Санъ-Стефанскомъ договорѣ
А в т.

ной въ прошломъ году графу Андраши посломъ нашимъ, лишь въ томъ, что нѣкоторые уѣзды выдѣлены изъ Болгаріи, предположенной конференціи, и присоединены къ Сербіи ¹⁾).

«Болгарія пріобрѣтаетъ Санъ-Стефанскимъ договоромъ нѣсколько участковъ на Эгейскомъ морѣ, которые ей не предназначены на Константинопольской конференціи. Это единственное отступленіе въ пользу княжества по сравненію съ тѣмъ, что было постановлено Европою въ 1876—1877 годахъ. Но распространеніе къ морю не измѣняетъ чувствительно общей поверхности новаго княжества, такъ какъ нѣкоторые уѣзды, входившіе прежде въ составъ Болгаріи, присоединены къ Сербіи, и вся Добруджа, уступленная Россіи, предназначается, въ промѣнъ, Румыніи. Такимъ образомъ Болгарія теряетъ тринадцать уѣздовъ и пріобрѣтаетъ взаменъ пятнадцать, почти равныхъ по пространству первымъ. Было бы странно предположить, что, имѣя возможность достигнуть признанія турками Болгарскаго княжества въ составѣ, опредѣленномъ въ Санъ-Стефано, мы, по собственному побужденію, уменьшили бы его границы безъ всякой видимой причины и не будучи даже увѣренными въ одобреніи европейскихъ кабинетовъ ²⁾). Дѣйствительно, эти послѣдніе, повидимому, дорожатъ измѣненіемъ болгарскихъ границъ единственно для того, чтобы нанести намъ нравственное пораженіе, уменьшить наше обаяніе и поднять собственное значеніе въ глазахъ восточныхъ народностей. Если бы, по собственному почину, мы сами уменьшили Болгарію, они потребовали бы еще большаго измѣненія, и соглашеніе между нами затруднилось бы въ такомъ случаѣ еще болѣе, нежели нынѣ. А между тѣмъ болгары, оставшіеся внѣ предѣловъ княжества, опредѣленнаго договоромъ, обращаются уже къ намъ съ жалобами и ходатайствами...

«Можно себѣ представить, до какой степени достигло бы неудовольствіе нашихъ братьевъ по вѣрѣ и крови, если бы побѣдоносная Россія стала требовать для нихъ менѣе того, что было имъ уже предназначено прежде войны единогласнымъ рѣшеніемъ представителей всѣхъ державъ.

«Князь Бисмаркъ и нашъ посолъ въ Берлинѣ какъ будто предполагаютъ, что графъ Андраши требуетъ отъ насъ лишь ничтожныхъ измѣненій. Взглянувъ на карту, можно легко удостовѣриться, что это заключеніе не совсѣмъ согласуется съ дѣйствительностью. Къ сторонѣ Константинополя желаютъ отнять у княжества не только Люле-Бургасскій уѣздъ, но еще Баба-Эски, Бугчаръ-Хис-

¹⁾ Я старался такимъ образомъ выставить на видъ всякому оезпристрастному человѣку полную неосновательность притязаній и аргументаціи графа Андраши.

А в т.

²⁾ Уполномоченные которыхъ уже опредѣлили прежде того вмѣстѣ съ нами южныя и западныя границы страны, обитаемой болгарами.

А в т.

саръ и часть Мидійскаго и Киркъ-Киллскаго. Въ западной части уѣзды Эгри-Паланскій, Каратово, Радовица, Струмица, Дойранъ, Кукушъ, Куманово, Иштибъ, Велесъ, Тыквешъ, Флорина, Стародо, Горча, Пресба, Биторія, Прилѣпъ, Ускюбъ, Кочаны, Калканделенъ, Кырчево, Охрида и Дибра, а также части уѣздовъ: Салоникскаго, Енидже-Вардаръ, Вранья, Водена, Эгрибучакъ и Касторія. Вся эта мѣстность населена по крайней мѣрѣ миллиономъ жителей.

«Князь Бисмаркъ справедливо подсказалъ Убри¹⁾, что въ случаѣ допущенія нами въ принципѣ отдѣленія западной Болгаріи (Македоніи) мы должны постараться замѣнить граничную черту, предлагаемую графомъ Андраши, отъ Враньи до Орфано другою—ближе къ Вардару. Дѣйствительно, казалось бы необходимымъ настаивать на непосредственномъ присоединеніи къ восточной Болгаріи уѣздовъ: Кукушъ, Струмица, Радоницы, Каратово, Иштибъ, Эгри-Паланка и часть Дойранскаго. Это послѣднее очертаніе, не затрагивая собственно долины рѣки Вардары, служащей предлогомъ австрійскихъ домогательствъ, не выдѣляло бы изъ Болгаріи чисто болгарское населеніе, входившее въ составъ болгарскаго экзархата уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ».

Записка эта была литографирована и разслана княземъ Горчаковымъ нашимъ посламъ 10-го апрѣля. До какой степени взгляды мои находились въ противорѣчій съ воззрѣніями нашихъ дипломатовъ, желавшихъ во что бы то ни стало угодить европейскимъ кабинетамъ и избавиться отъ докучливой необходимости упорно, шагъ за шагомъ защищать пріобрѣтенное Санъ-Стефанскимъ договоромъ, видно изъ отвѣта канцлеру самаго умѣреннаго изъ нихъ Убри, нашего берлинскаго посла. Въ депешѣ отъ 13-го онъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія: «Князь Бисмаркъ и я—мы никогда не оспаривали значительности требуемыхъ Австріею уступокъ. Мы выразили лишь мнѣніе, что размѣръ Болгаріи, т.е. уменьшеніе ея западной стороны, не стоитъ войны между двумя христіанскими державами²⁾. Эта часть Болгаріи, какъ свидѣтельствуется исторія, не всегда входила въ составъ собственно Болгаріи; болгарское населеніе даже не вездѣ господствуетъ. Записка выставляетъ болгаръ какъ нашихъ единственныхъ единовѣрцевъ на Востокѣ, что не будетъ способствовать облегченію улаженія восточныхъ дѣлъ и увеличенію нашихъ друзей».

Убри добавилъ къ сему, что графъ Игнатьевъ усмотритъ въ

¹⁾ Нашему послу въ Берлинѣ.

А в т.

²⁾ Г. Убри, какъ бы для приданія себѣ большаго авторитета при разборѣ русскаго договора, напираетъ на одинаковость воззрѣній и мнѣній съ германскимъ канцлеромъ. Но рассужденіе это слѣдовало поставить на видъ Австріи, возбуждавшей вопросъ, а не основывать на этомъ необходимость для христіанской Россіи постоянно уступать предъ вождѣльниками и капризами Австро-Венгрии и отдавать въ
автвѣ освобожденное нами христіанское населеніе.

А в т.

этихъ замѣчаніяхъ лишь доказательство того, что я ничѣмъ не пренебрегаю для облегченія нашего соглашенія съ Австро-Венгерію ¹⁾).

Въ этой же депешѣ упоминалось о совѣтѣ князя Бисмарка намъ вступить въ непосредственное соглашеніе съ Англіею, а также и о предложеніи графа Шувалова поставить отступленіе нашихъ войскъ отъ Константинополя, при совмѣстномъ удаленіи англійской эскадры, въ зависимость отъ принятія всѣми державами предположенія о созывѣ конгресса, котораго, въ непонятномъ ослѣпленіи, наша дипломатія такъ легкомысленно добивалась. Убри настаивалъ на необходимости установленія предварительной программы конгресса и радовался, что намекъ Салисбюри на желаніе предварительнаго соглашенія съ нами о главныхъ основаніяхъ позволялъ графу Шувалову вступить въ переговоры по этому предмету съ англійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Нашъ посолъ въ Берлинѣ сознавался, что первоначально онъ раздѣлялъ то мнѣніе, что военное соглашеніе должно предшествовать принятію конгресса и облегчить общее умиротвореніе (т.-е., другими словами, мы должны были отказаться отъ военныхъ позицій, побѣдносно пріобрѣтенныхъ, чтобы получить отъ Европы въ видѣ награды за нашу сговорчивость, скромность и умѣренность—Берлинскій конгрессъ), но что онъ теперь считаетъ всего лучшимъ предоставить графу Андраши предварительно согласиться въ главныхъ основаніяхъ съ Салисбюри ²⁾, бросивъ на вѣкоторое время переговоры съ Берлиномъ; тѣмъ болѣе, что Бисмаркъ оставался въ Фридрихсруэ по случаю нездоровья. Хитрому канцлеру не хотѣлось быть поставленнымъ въ нравственную необходимость стать на нашу сторону въ распрѣ съ Австро-Венгерію, или же разсориться съ нами изъ-за венгерцевъ. Наши дипломаты облегчили его личное положеніе и лишились выгодъ тройственнаго союза, уже уплаченныхъ нами дорогою цѣною съ 1875 до 1878 гг., давъ себя увлечь въ бесполезные переговоры съ Великобританіею, доставившіе случай Бисмарку умыть себѣ руки и свалить на насъ вину неблагоприятнаго результата Берлинскаго конгресса, предрѣшеннаго, къ сожалѣнію, переговорами Салисбюри съ Шуваловымъ, къ явной невыгодѣ Россіи.

Когда князь Горчаковъ сообщилъ мнѣ депешу Убри, указывая на затруднившія его берлинскія замѣчанія касательно Западной Болгаріи, я замѣтилъ ему, что «необходимо на нихъ возразить,

¹⁾ Очевидно, что самый легкій для дипломатовъ путь соглашенія съ другими державами это—отреченіе отъ собственныхъ интересовъ и достоинства, съ принятіемъ противоположныхъ намъ взглядовъ.

Авт.

²⁾ Что и привело насъ, естественно, неизбѣжно къ рѣшеніямъ Берлинскаго конгресса, гдѣ намъ, послѣ уступокъ, сдѣланныхъ предварительно въ Лондонѣ, уже почти нечего было и уступать существеннаго.

Авт.

«Истор. вѣстн.», мартъ 1916 г., т. XLIII.

для отстраненія недоразумѣній и убѣжденія попасть какъ бы на скамью подсудимыхъ. Дѣйствительно, эта часть Болгаріи была отдѣлена отъ восточной, но она составляла независимое Болгарское государство, имѣвшее столицей Охриду, что, кажется, потеряно изъ виду княземъ Бисмаркомъ и Убри, пустившимися въ неумѣстныя историческія разсужденія. Сверхъ того, Охрида была мѣстопробываніемъ болгарскаго патріархата, и многіе уѣзды Юго-Западной Болгаріи, которые хотять оторвать отъ создаваемой нами Болгаріи, входятъ уже нѣсколько лѣтъ въ составъ болгарскаго экзархата, составляющаго минимумъ той территоріи, которая признается болгарскою».

Какъ бы въ подтвержденіе мнѣнія моего о ложности пути, на который вступила наша дипломатія съ 1874 года и продолжала идти даже послѣ войны, я получилъ отъ Константина Петровича Побѣдоносцева слѣдующую записку, доставленную ему частнымъ лицомъ въ 1877 году, предъ войною:

«Всѣ извѣстія изъ Вѣны упорно держатся слуха о состоявшемся уже соглашеніи отдать въ распоряженіе Австріи Боснію, Герцеговину, Старую Сербію или Турецкую Кроацію. Этотъ послѣдній клочокъ католическій и тянетъ къ Кроаціи съ ея епископомъ Штросмайеромъ. Но Боснія, Герцеговина и Старая Сербія большею частью православныя и безъ нихъ ни Сербія, ни Черногорія не имѣютъ никакой будущности и изъ вассальства турецкаго перейдутъ въ худшее, въ моральное вассальство Австріи и папы.

«Многіе говорятъ: «Австрія на свою голову присоединитъ столько славянъ». Можетъ быть, со временемъ, но навѣрное теперь же на нашу голову.

«Всего драгоцѣннѣе для Россіи ея полное, несокрушимое единство съ своимъ государемъ, ея совершеннѣйшее довѣріе къ его правительству въ важныхъ кризисахъ народной жизни. Это единственное довѣріе никогда не было болѣе полное, болѣе совершенное, чѣмъ въ Кремлѣ, при поднесеніи адресовъ и отвѣтѣ на нихъ.

«Какія были побужденія къ тому великолѣпному движенію всей русской націи прошлаго лѣта?

«Въ народѣ и въ среднихъ классахъ чисто религіозное, т.-е. за православіе, Крестъ Господень. Въ интеллигенціи, въ военной молодежи—за единоплеменниковъ, борющихся за свою независимость противъ угнетателей. Это съ высоты Кремля было названо «историческою задачею Россіи». За эту задачу лилась русская кровь, отдавались милліоны, и теперь готовы проливать свою кровь опять, опять отдавать послѣднюю копейку, если объявлена будетъ война противъ Турціи, для защиты христіанъ православныхъ».

«Положимъ, что война эта будетъ самая успѣшная, самая блистательная, съ искреннимъ даже содѣйствіемъ Австріи. Если

точно такое соглашеніе есть, которое связываетъ намъ руки, а эти единовѣрцы и единоплеменники спасены отъ турокъ и переданы въ подданство Австріи и въ совращеніе всевозможныхъ латинскихъ монаховъ и монахинь, которые и теперь уже тамъ свили гнѣзда,—какой будетъ результатъ всѣхъ жертвъ Россіи?

«Русская кровь, русскія деньги, весь безкорыстный подвигъ Россіи будетъ совершенъ для интересовъ Австріи, для того, чтобы ей присоединить къ себѣ и римской куріи три православныя славянскія провинціи и уничтожить всю будущность тѣхъ православныхъ княжествъ, которыя начали кровавую борьбу.

«Стоитъ вспомнить венгерскую кампанію и ея горькіе плоды; стоитъ посмотрѣть, какую выгоду получили славяне, защищавшіе Австрію противъ мадярь, чтобы понять, какая это будетъ роковая ошибка нашей политики.

«Но, что важнѣе въ тысячу разъ, что неизмѣримо важно,— это стыдъ, горе и упреки Россіи самой за такія жертвы въ пользу Австріи; ибо возстановленіе какого-нибудь порядка сноснаго въ Болгаріи не замѣнитъ для Россіи потерю довѣрія не только славянъ, но и самой Россіи къ своему призванію, къ своему правительству.

«Это такъ важно, что если, къ несчастію, такое соглашеніе существуетъ, то одно возможно теперь—отказаться отъ войны (покуда) и объявить, что мы развязались со всякими соглашениями.

«Это необходимо для всей будущности Россіи, и хотя, конечно, на это не будутъ смотрѣть какъ на успѣхъ, но дѣла денежныя и торговыя такъ тяжелы, что такое замиреніе съ достоинствомъ въ тонѣ и свободою дѣйствій на будущее все же будетъ принято недурно, какъ нѣчто въ родѣ перемирія и въ ожиданіи, что при первомъ удобномъ случаѣ не трудно двинуть армію, мы и теперь видимъ, какъ это хорошо устроено и легко.

«Безъ содѣйствія Австріи только и можно вести войну по восточному славянскому вопросу; съ ея содѣйствіемъ дѣло проиграно заранѣе, а еслибъ она пожелала противодѣйствовать, то она парализована Русскою Галиціей, Румынскою Трансильваніей, Сербскою Воеводиной и Далмаціею и даже большей половиной Гуситской Богеміи. Чего же бояться? Она пригрозитъ Польшей; но въ нашихъ западныхъ губерніяхъ простой народъ постоитъ за православнаго царя и очень мало нужно войска для занятія Галиціи, если оттуда пойдутъ шайки.

«Надобно это все знать только, и никакой предатель, никакой мнимый союзникъ не можетъ вредить.

«Въ 1849 году, по крайней мѣрѣ, поддерживали принципъ монархическій противъ возставшихъ венгровъ, и за этотъ принципъ стояли всѣ славяне въ Австріи.

«Нынѣ же кого и что защищать стануть, если Россія должна проливать кровь за выгоду худшихъ враговъ славянства и своихъ собственныхъ—Австро-Венгрии и папы римскаго?»

Нелидовъ, въ отвѣтъ на мои настоянія, написалъ мнѣ слѣдующее: «Я получилъ ваше официальное письмо отъ 27-го марта, написанное отъ имени канцлера, и отвѣчаю сему послѣднему въ предупрежденіе тѣхъ обвиненій, которыя могли бы пасть на посольство за неисполненіе тѣхъ требованій, которыя вы мнѣ предъявили и которыя, при измѣнившихся нынѣ обстоятельствахъ, почти неисполнимы. Что касается меня лично,—я человѣкъ конченный, нахожусь въ постели уже десять дней и не могу поправиться иначе, какъ отказавшись совершенно отъ занятій, меня убивающихъ. Я настаивалъ еще сегодня на дарованіи мнѣ нынѣ немедленнаго отпуска, предупредивъ министерство о моемъ болѣзненномъ состояніи, продолжающемся уже мѣсяць. Я надѣюсь, что вы употребите ваше вліяніе въ министерствѣ, чтобы содѣйствовать моему освобожденію. Клянусь, что я не могу приносить никакой практической пользы, находясь въ невозможности исправлять обязанности, на меня возложенныя; у меня разстроена нервная система и голова. Сознаю, что я очень жалѣлъ, что вы не помѣшали назначенію моему, лишь временному, и не доставили мнѣ по крайней мѣрѣ титулъ чрезвычайнаго посланника.

«Это было бы мнѣ полезно для будущаго. Никакъ не ожидалъ я, что послѣ тяжелаго похода, усиленной работы и всего моего прошедшаго меня возвратятъ въ прежнее положеніе и сообщать мнѣ это неофициальное распоряженіе въ сухихъ и даже почти грубыхъ выраженіяхъ депеши канцлера. А однакоже изъ всего министерства мнѣ пришлось болѣе всѣхъ лично претерпѣть въ продолженіе минувшаго кризиса; я выполнилъ добросовѣстно мой долгъ и приобрѣлъ право на особенное вниманіе, или, по крайней мѣрѣ, на соблюденіе приличной и надлежащей формы въ сообщеніяхъ. Теперь я поконченный человѣкъ, вынужденный уйти со сцены. Меня, вѣроятно, забудутъ и будутъ недовольны тѣмъ, что я не имѣлъ достаточно силъ, или же не истощилъ ихъ вполне. По совѣсти убѣжденъ, что старался быть полезнымъ и пойду умирать съ голода,

¹⁾ При такомъ разслабленномъ состояніи и притомъ сознаваемомъ имъ самимъ неудовольствіи на то, что, по окончаніи войны и послѣ участія его въ заключеніи мирнаго договора, онъ оставленъ лишь повѣреннымъ въ дѣлахъ и директоромъ канцеляріи, а не повышенъ въ дипломатическомъ званіи, нельзя было ожидать, чтобы Нелидовъ явился убѣжденнымъ и ревностнымъ защитникомъ Санъ-Стефанскаго договора и не поддался непріязненному чувству къ автору его, тѣмъ болѣе, что, оскорбленный въ своемъ тщеславіи, онъ приписывалъ сему послѣднему неосповательно преобладающее вліяніе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Авт.

съ спокойнымъ сердцемъ. Пока я владѣю руками и моими глазами, дѣти мои не умрутъ съ голода, но, сознаюсь, я ожидалъ большаго...

«Здѣсь положеніе невыносимо. Турки чувствуютъ наше одиночество, нашу слабость и ничего съ ними не подѣлаемъ. Ихъ поддерживаютъ и даютъ имъ хорошіе совѣты и ничѣмъ ихъ не проведешь. Они чувствуютъ, что мы зарвались».

3-го же апрѣля, въ отвѣтъ на приказаніе, данное, по моему настоянію, канцлеромъ настаивать на исполненіи обѣщанія чрезвычайнаго оттоманскаго посла Реуфа-паши ускорить очищеніе крѣпостей: Варпы, Шумлы и Батума, согласно обязательству Санъ-Стефанскаго договора, Нелидовъ отвѣтилъ канцлеру телеграммою, что «на настоянія Ону касательно сего и намекъ великаго князя, что онъ самъ назначить срокъ окончательнаго выхода турецкихъ войскъ, если Порта не распорядится, турецкіе министры, утверждая, что очищеніе дѣятельно выполняется, ссылаются на то, что въ договорѣ не значится срока ¹⁾. Они, придираясь къ тому, что окончательный договоръ не заключенъ еще, и лживо указывая на то, что будто бы Санъ-Стефанскій договоръ предвидитъ, что исполненіе нѣкоторыхъ статей поставлено въ зависимость отъ окончательнаго замиренія, намекаютъ, что очищенію крѣпостей должно предшествовать заключеніе окончательнаго мира. Нелидовъ предвидѣлъ, что если мы будемъ угрожать занять силою три крѣпости, уступленныя по договору, турки будутъ протестовать, съ поддержкою нѣкоторыхъ державъ».

Главнoкомандующему нечего этимъ было озабочиваться, а надо было настаивать на статьѣ восьмой договора и ввести русскія войска въ крѣпости, заставляя турокъ приводить въ исполненіе обязательный для нихъ договоръ ²⁾.

При такомъ плачевномъ настроеніи главной квартиры побѣдоносной арміи, стоящей подъ стѣнами Константинополя, нельзя было ничего хорошаго ожидать. Надлежащаго отпора туркамъ и ихъ вдохновителямъ не могло быть. Враждебная намъ интрига могла свободно развиваться, и неудивительно, что Санъ-Стефанскій договоръ остался безъ исполненія, когда у завѣдывающаго

¹⁾ Именно потому-то очищеніе и было обязательно для Порты съ минуты ратификаціи султаномъ договора. Турецкіе уполномоченные просили отсрочки на двѣдѣли, ссылаясь на затрудненія вывоза вооруженія и матеріальныхъ запасовъ, но имъ было отказано въ срокъ вывода войскъ, а касательно военныхъ припасовъ оговорено въ договорѣ, что они могутъ ими располагать. Авт.

²⁾ Статья двадцать пятая, на которую желали сослаться турки, и затруднившая главную квартиру, касалась исключительно русскихъ войскъ, окончательный выходъ коихъ изъ турецкихъ владѣній былъ поставленъ въ зависимость отъ заключенія окончательнаго мира. До турокъ въ Болгаріи и Батумѣ это не относилось ни сколько. Авт.

всею дипломатическою частью въ Константинополѣ и въ главной квартирѣ опустили руки и, отражая взгляды среды, его окружавшей, онъ считалъ, что мы «зарвались» и что положеніе наше безпомощное. Въ это время канцлеръ лежалъ въ постели, а товарищъ его Гирсъ также захворалъ, какъ свидѣтельствуется письмо его ко мнѣ отъ 29-го апрѣля:

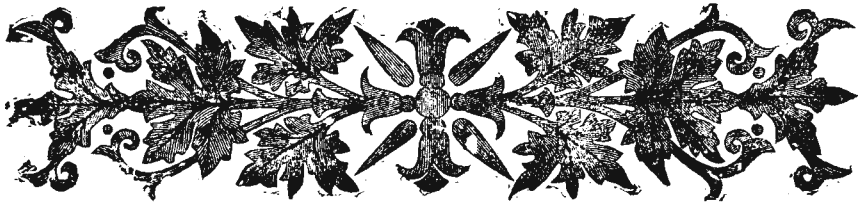
«Пришла и моя очередь хворать. Я такъ сильно простудился, что долженъ былъ оставить министерство около трехъ часовъ, чего со мною еще не случалось».

«Государь нѣсколько озабоченъ дурнымъ отвѣтомъ Андрапи и немного надѣется на извѣстія изъ Лондона, ожидаемыя завтра, съ Шуваловымъ. До его пріѣзда нельзя, конечно, принять никакого рѣшенія относительно переговоровъ съ Австріею...»

Гр. Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРИ КОМЕДИАЛЬНОЙ ХРАМИНѢ¹⁾.

(Первое нѣмецкое засилье).

XXVIII.

АТАЛЬЯ Алексѣевна была похожа на своего брата-царя, но не ростомъ и ширококостностью, а манерой говорить, голосомъ, быстрыми движеніями рукъ, и той стремительностью, что была въ Петрѣ. Точно оба они торопились жить, точно хотѣли схватить отъ каждаго дня все то, что онъ можетъ дать. Садилась она за столъ и ѣла супъ, думая, что будетъ дѣлать сейчасъ послѣ обѣда, и торопилась жевать и глотать, и отодвигала тарелку съ недоѣденными кусками. А усаживаясь за переводъ въ послѣобѣденное время, думала она о томъ, какъ надо вечеромъ посмотрѣть репетицію комедіи, что пойдетъ здѣсь, во дворцѣ, и что надо сказать такому-то и такому-то комедіанту, потому что прошлый разъ они всѣмъ не то дѣлали, что надо. А на репетиціи она опять думала о переводѣ Мольера и насколько его пьесы лучше той трухи, что сыпалась мусоромъ передъ нею со сцены, напоминавшей по величинѣ и устройству хорошій царскій курятникъ. И когда она раскрывала французскій подлинникъ и старалась подыскивать соотвѣтствующія русскія слова,—глаза ея уже слипались, хотѣлось спать, и она думала о томъ, какъ хорошо будетъ протя-

¹⁾ Окончаніе. «Истор. Вѣстн.», т. СХLIII, стр. 380.

нутъся на мягкой пуховой кровати, подъ одѣяломъ изъ гагачьяго пуха, что настегано было только прошлой осенью на настоящемъ заморскомъ атласѣ. Она всю жизнь жила будущимъ и не замѣчала настоящаго.

Когда узнала она о прїѣздѣ брата въ Москву,—а брата она любила и за его крутость, и за порывы, а главное—за его отвращеніе къ старинѣ, которую она такъ же, какъ и онъ, ненавидѣла всѣми силами души,—когда она узнала, что онъ прїѣхалъ, она сейчасъ же хотѣла скакать къ нему, но дворцовый лекарь, нѣмецъ, прямо ее туда не пустилъ.

— Это невозможно!—убѣждалъ онъ ее.—Третьяго дня было поставлено вашему высочеству восемь банокъ: четыре спереди и четыре сзади, а теперь вы по мокрой погодѣ и ухабамъ хотите ѣхать къ государю? Я, какъ врачъ, этого допустить не могу, ибо это равносильно тому, чтобы вы умерли отъ воспаленія. Завтра его величество пожалуетъ сюда, и я позволю вамъ встать съ постели. Да и то, можетъ быть, не позволю...

Все это говорилъ онъ, коверкая русскій языкъ, нюхая табакъ изъ табатерки съ изображеніемъ какого-то герцога, по носу котораго пощелкивалъ всегда ногтемъ передъ тѣмъ, чтобъ поднять крышку, дабы слежавшійся табакъ хорошенько перетряхнулся.

А на утро онъ сказалъ:

— И вы лучше сдѣлаете, если примете его величество, лежа въ постели, и соплетесь на меня, что я не позволю вамъ дѣйствовать иначе. Вѣрнѣе, говоритъ такъ не я, а медицина. Да, медицина не позволяетъ вамъ встать, и здѣсь, въ теплой комнатѣ, вы вѣрнѣе избѣжите сквозного вѣтра.

Въ прежнее время врачи не допускались на женскую половину дворцовъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ повѣяло новымъ духомъ и струя свѣжаго воздуха ворвалась черезъ Великое Поморье и докатилась до старой Москвы, они стали безпрепятственно входить въ женскія спальни. Вдобавокъ дворцовый лекарь былъ чловѣкъ преклоннаго возраста и во рту его осталось уже не болѣе пяти зубовъ. Его можно было безпрепятственно пускать, когда заболѣвалъ кто во дворцѣ. Дѣтей онъ любилъ и умѣлъ внушить къ себѣ съ ихъ стороны довѣріе, а черезъ это благоволили къ нему и взрослые. Только одна придворная камеръ-фрау, мамушка Васильевна, говорила:

— Хитритъ, подлый. Онъ только прикидывается, что такой ласковый, а самъ чортъ чортомъ. Онъ черезъ ангельскія души думаетъ себѣ прїязнь списать. И все плететь, все плететь языкомъ. И такъ плететь и этакъ. И ничего-то онъ не знаетъ, кромѣ своей трубки, и «легчить» по-настоящему не можетъ.

Какъ бы то ни было, но, когда прїѣхалъ Петръ, сообщили ему, что Наталья Алексѣевна не можетъ его принять иначе, какъ въ постели, и нѣмецъ доложилъ обезпокоившемуся царю:

— Ну, ничего опаснаго! Но русская пословица говорить: «Береженаго Богъ бережетъ». А потому я предложилъ ей высочеству беречься и лежать въ теплѣ и недвижно.

Царь пошелъ къ ней. Она сидѣла на кровати. Онъ тоже подсѣлъ къ ней и, обнявши ее, началъ цѣловать крѣпко.

— Ты что же это? хворать вздумала?—спросилъ онъ.

— Все нѣмецъ выдумалъ, а не я,—отвѣчала она весело.— Простудилась я маленько, прохватило меня намедни, стрѣлять начало въ лопатку, такъ что совсѣмъ вздохнуть не могла. Ну, онъ меня обставилъ банками, и все прошло. А теперь вотъ и не спускаетъ съ кровати.

— Ну, и лежи, не трепыхайся,—предложилъ братъ.—А я по тебѣ соскучился, давно не видались.

— А ужъ я-то, Петенька, какъ по тебѣ соскучилась, и сказать нельзя! О многомъ я поговорить съ тобой хотѣла.

— И больше о театрѣ?

— И больше о театрѣ. Такъ онъ въ душу мнѣ засѣлъ, какъ заноза въ ладонь. Не могу ее выдернуть изъ себя.

— А я надумалъ совсѣмъ его порѣшить.

Наталья Алексѣевна будто недослышала:

— Какъ порѣшить?

— Такъ,—прикрыть нашу хранину. Нынче зимой по полутора рубля сбора за вечеръ было! Не хотятъ москвичи итти, и шабашъ. Не палкой же сгонять народъ?

— Не то ты говоришь, Петенька,—остановила его сестра.—Не народъ плохъ, что въ театральную хранину не идетъ, а плоха сама хранина.

— Ну, плоха ли, нѣтъ ли,—некогда мнѣ съ нею возиться. Въ приказѣ просятъ, чтобъ изъять ее отъ нихъ. Велю я собрать комедіантовъ и объявить имъ, что прекращается существованіе театра и что они вольны дѣлать, что хотятъ.

Наталья Алексѣевна покачала головой.

— Какъ будто это и не идетъ твоему величеству. По твоему приказу театръ возвели, по твоему приказу комедіантовъ набрали и говорили имъ, что это та же служба, какъ всѣмъ прочимъ чинамъ государства. Они, можетъ, на всю жизнь думали при своемъ дѣлѣ прокормиться?

— Ну, да, мало у насъ никудышниковъ, бездѣльниковъ?

— И опять скажу, очень ты горячъ и вспыльчивъ. Какіе же это бездѣльники? Я видѣла, какъ имъ нѣмецкія пьесы всучивали, чтобъ они, на половину не понимая, учили. И долбили они: и днемъ долбили, и ночью долбили. Одинъ мнѣ жаловался: «Матушка, голова пухнетъ». Распухнетъ! Какъ въ аду въ смолѣ кипящей, они извивались.

Петръ засмѣялся.

— Неужто ихъ по-нѣмецки играть заставляли?

— Заставляли. А ужъ коли они не понимали сами, такъ въ публикѣ тѣмъ наипаче понятія не было. А что всего потѣшнѣе, ты знаешь, кто тоже не понималъ ихъ?

— Кто?

— Нѣмцы. Нѣмцы изъ Нѣмецкой слободы, что набирались въ театръ, думали, что они по-голландски говорятъ; а голландцы думали, что это языкъ аглицкій.

— А англичане?—ужъ совсѣмъ развеселился Петръ.

— А англичанъ нѣшто кто распознаетъ? Сидятъ, какъ истуканы, какъ судаки замороженные. Понимаютъ они, нѣтъ ли, никто сказать того не можетъ, а первые—они сами.

— А совсѣмъ ты, сестра, здорова!—сказалъ Петръ.—И на щекахъ кровь играетъ, во все лицо румянецъ, и глазенки блестятъ, и голосъ неслабый.

— Говорю тебѣ, что нѣмецъ больше мою болѣзнь выдумалъ, чѣмъ она на самомъ дѣлѣ донимаетъ меня. Вотъ я разговорилась съ тобою, и чувствую себя совсѣмъ здоровой.

XXIX.

Наталья Алексѣевна ощущала въ себѣ то здоровье, ту бодрость, которая рѣзко проступаетъ, когда болѣзнь во время захватятъ, и она сразу отпуститъ. Польза покоя, два-три дня въ постели—особенно сказываются въ желаніи вскочить на ноги, дать работу и рукамъ, и дыханью. Какъ будто и мѣшало что-то глубоко вздохнуть ей до самаго дна легкихъ, но боли и хриповъ нигдѣ не было, и въ лопатки больше не отдавало. Въ небольшое оконце ея спальни смотрѣли солнечное веселое небо и щили вышекъ, которыми изукрашенъ былъ весь дворецъ. Такъ празднично проливался черезъ окно свѣтъ и весело игралъ на старомъ персидскомъ коврѣ, что растянулся по всей горницѣ и даже загнулся по угламъ кверху своей бѣло-сѣрой бахромой. На постели у нея сидѣлъ гигантъ съ маленькими жесткими усами, торчавшими въ стороны и кверху и подбритыми по голландской модѣ снизу. На щекахъ синева не проступала: видно, что царя побрили только сегодня и онъ не успѣлъ еще обрасти. Но щеки уже утратили ту упругость и свѣжесть молодости, къ которой привыкла Наталья Алексѣевна. Подъ нижней челюстью уже чувствовалось жировая отвислость. У носа и вокругъ глазъ морщины стали глубже. Между бровей кверху потянулася рѣзкая складка. Подъ глазами стали обозначаться мѣшки, которымъ рано было бы появляться въ эти годы.

— А ты, Петенька, постарѣлъ,—сказала вдругъ она.

— Не молодѣемъ!—весело отозвался братъ.—Да къ чему мнѣ? Красныхъ дѣвушекъ плѣнять? Такъ меня и съ морщинами любить будутъ. Извели заботы. Сплю я мало.

— А, говорятъ, пьешь много?

— Вруть. Пью я мало: рюмки три въ день водки да стакана два легкаго вина. А раза три въ мѣсяцъ иногда въ кумпаніи закладываемъ много. Такъ это только встряхиваетъ. Послѣ, на другой день, еще лучше работается. Силенка попрежнему у меня немалая, Вонь, хочешь, у тебя въ углу кочерга стоитъ, кольцомъ ее заверну?

— Вѣрю. Чего портить обиходъ домашній! Знаю, что и рубли трубкой свернешь, да какая польза отъ всего этого?

— А та польза, что, благодареніе Господу, въ общемъ здорovie наше хорошо и прежнія силы не оскудѣваютъ.

— Только не расточай ихъ, Петюша, понапрасну.

— Да я и не расточаю.

Онъ посмотрѣлъ вокругъ и какъ-то по-дѣтски радостно сказалъ:

— Какъ попаду я къ тебѣ на половину, такъ и пахнетъ старымъ, прежнимъ, забытымъ. И пахнетъ здѣсь такъ же, какъ при матушкѣ покойной: и кануферомъ, и мятой, и кардамономъ, и розовымъ масломъ...

— Да, здѣсь все пропиталось этими запахами,—подтвердила сестра:—не извести ихъ ничѣмъ. Да зачѣмъ и изводить? Зайдешь съ морознаго воздуха,—хорошо здѣсь, тепло, мягко, уютно, какъ въ заячьемъ тулупцѣ. Помнишь, какъ я заячьи и бѣличьи тулупцы любила, а мнѣ твердили, что мнѣ, какъ царевнѣ, идетъ больше собольи шубейки носить?

— Простецы мы съ тобой, Наташа. Меня все къ кашѣ тянетъ, а не къ заморскимъ разносоламъ.

— Я ужъ и то велѣла тебѣ каши приготовить—съ лучкомъ и морковкой,—сказала сестра.—Вѣдь ты пообѣдаешь со мной?

— Некогда, а надо пообѣдать. Нельзя, давно не видались.

— Ну, вотъ спасибо. А до обѣда должна я насчетъ театра, что хотѣла тебѣ сказать, рѣчь кончить. Тебѣ развѣ удобно такъ, на кровати сидѣть?

— Удобно. Лучше, чѣмъ въ креслахъ. У меня ноги длинныя: на высококомъ-то сидѣть лучше.

Наталья Алексѣевна отерла губы шелковымъ платочкомъ съ золоченой бахромкой.

— Негоже, —заговорила она,—распускать комедіантовъ, какъ ты хочешь сдѣлать, и упразднить навсегда театральныя зрѣлища. Ежели ты разсудилъ такъ, конечно, не мнѣ тебѣ указывать. Вѣдь хоромину-то на Красной площади, значить, ломать будутъ?

— На что жъ она годна больше?

— Тогда дозвошь мнѣ всѣ костюмы и все малеванье сюда привезти?

— Да сдѣлай милость. Зачѣмъ только?

— Здѣсь я свой театръ устрою. Даромъ пускать буду. Кто захочетъ, тотъ изъ Москвы сюда придетъ. Комедіантовъ наберу, не изъ приказныхъ, а изъ тѣхъ, кто дѣло любить и охотой ко мнѣ пойдетъ. Женскія роли женщины играть будутъ.

— Предлагалъ я,—задумчиво сказалъ Петръ:—не хотятъ.

— На Красной площади играть не хотѣли, а здѣсь у меня играть будутъ. Особливо...

— Что жъ ты остановилась?

— Слова въ горлѣ застряли.

— Что такъ?

— Боюсь сказать.

— Ну? Боишься? Кого?

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на сестру.

— Тебя боюсь!

— Меня? Никогда не боялась и вдругъ забоялась. Ну-ка, ну-ка, выкладывай на чистоту.

Но Наталья Алексѣевна опустила свои длинныя рѣсницы и молчала. Братъ взялъ ее за руку.

— Говори, Наташка, ей-Богу, не разсержусь.

Она подняла глаза и посмотрѣла на него.

— Я сама играть буду.

Брови его поднялись кверху.

— Ты? при народѣ?

— Я. Все мнѣ кажется, что я лучше ихъ сыграть могу. Покажу, какъ играть надо.

Царь задумался.

— Въ Вѣнѣ,—началъ онъ медленно,—въ машкерадѣ я, одѣтый въ костюмъ, въ парикѣ и шляпѣ, участвовалъ.

— Ну, видишь! Почему жъ мнѣ нельзя? Никогда, скажешь, того не было?

— Этого я не скажу. А только либо лучше другихъ дѣлать надо, либо совсѣмъ отъ этого дѣла отказаться.

— Да я увижу. Ежели не выйдетъ ничего, на срамъ не пойду. А коли выйдетъ...

— Что тогда?

— Тогда... Англичанка здѣсь есть такая, мистрессъ Бриджъ. Много она мнѣ о театрахъ расписывала...

— Мужъ-то ея аглицкій купецъ Чарль Бриджъ былъ? Развѣ онъ померъ?

— Еще два года назадъ.

— Ну! А я запомнилъ. Такъ что жъ она?

— Тоже видала театры: и въ Парижѣ, и Амстердамѣ. И много она такого мнѣ поразказала, что разгорѣлся мой духъ, разжегся. Хочу я играть съ комедіантками...

Петръ покачалъ головой.

— Небывалое то дѣло, чтобъ персоны царской крови наравнѣ съ подлыми людьми выступали.

— Ты, Петюша, опасаясь? Вотъ-то не думала, что ты настолько съ этимъ чиниться будешь!

— Охъ, не чинюсь я съ этимъ, Наташенька. Я то позволяю себѣ, что изъ царей никто не позволялъ до меня. Нарочно себя подставляю. Пусть ругаютъ. Знаю, что меня даже въ антихристы произвели. А я, можетъ, тверже тѣхъ въ вѣрѣ, кто это выдумываетъ. Но тебя, какъ женщину, мнѣ жалко. Меня никакая злоба не пройметъ. А не хочу я, чтобъ на мою Наташеньку косо смотрѣли, чтобъ говорили, что она дьявольской сѣтью попутана.

— А мнѣ тоже все одно: пушай говорятъ. Никого не боюсь я. Но безъ дозволенія твоего никогда я не посмѣю заняться этимъ дѣломъ. Знаю, что зубы на меня точить будутъ. Вотъ объ этомъ самомъ и хотѣла я поговорить съ тобою.

— Да дѣлай, какъ душенькѣ твоей угодно,—сказалъ онъ; ласково и любовно глядя на сестру. Что намъ, въ самомъ дѣлѣ, чиниться? Если я до сихъ поръ живымъ остался, и Богъ хранилъ меня, такъ впредь тѣмъ паче нечего опасаться. А на тебя и злоумышленій никакихъ не будетъ. Ты все равно, что батюшка нашъ: дворцовую потѣху у себя устраиваешь, и пускаешь къ себѣ ,кого хочешь. Я у соборныхъ храмовъ, возлѣ мощей святителей, велѣлъ театръ соорудить, вотъ за что больше и стали коситься на меня. А ты у себя во дворѣ вольна дѣлать, что хочешь, и никакихъ соблазновъ отъ того для народа нѣтъ. Поступай, Наташечка, какъ желательно тебѣ, и все, что замыслишь, хорошо будетъ. Ты у меня умная, только по-хорошему поступать можешь и никакой негодности отъ тебя я не чаю.

— Вотъ спасибо, спасибо тебѣ! Потружусь я. И тексты, какіе надо направляю, и представить ихъ на театрѣ потщусь, насколько силъ хватить. Не хуже я приказныхъ французскую комедію понимаю, а слова женскихъ персонъ, думаю, лучше, чѣмъ хриплые мужчины, произнести могу. И думаю, что мы, въ холѣ воспитанныя, какъ будто больше въ заморское писаніе проникнуть можемъ, чѣмъ выученники Законоспасскаго монастыря...

XXX.

— Ты вотъ говоришь, Петенька,—продолжала Наталья Алексѣевна, и глаза ея горѣли все ярче:—что токмо комедія содержанія аллегорическаго можетъ принести пользу. Но тутъ опять у меня съ тобой выйдетъ препирательство.

— А ну, давай препираться.

— Кто пойметъ этихъ богинь римскихъ и боговъ, которыхъ нѣмцы въ свои аллегоріи ставятъ? Для народа они чужіе, и даже поганые. Идолица они, и потому-то старовѣры, что противъ тебя идуть, большую въ нихъ зацѣпку имѣютъ. А зацѣпки такой давать не слѣдъ.

— Такъ, по-твоему, лучше тѣ нѣмецкіе маркизы, противъ которыхъ тѣ же попы старовѣрскіе вопятъ?—спросилъ Петръ.

— И нѣмецкіе маркизы не нужны. А нужно примѣнительно къ нашему укладу и времени комедіи писать.

Петръ всталъ, расправляя ноги.

— Наташенька, про то я и говорю: нужно, чтобъ комедіантъ мнѣ не дурацкую шутку своей размалеванной харей преподносилъ, а уяснялъ тѣ событія, что многимъ по ихъ малоумію непонятны. Я про то седьмой годъ твержу, и никто меня понять не хочетъ.

— Вотъ, Петенька, что я теперь тебѣ повѣдаю, какой сюрпризъ сдѣлаю: знаешь, что пишется комедія теперь, которая тебѣ должна прійтись по нраву? Называется она «О Петрѣ—Златыхъ Ключахъ».

— Это про меня, что ли?—улыбаясь, спросилъ царь

— Нѣтъ, не про тебя. Петръ—юноша, и хочетъ онъ отъ родителей, изъ теплаго насиженнаго гнѣзда, гдѣ всего вдоволь, ѣхать за море. Душа его туда рвется...

— Ну, какъ же не я?—засмѣялся Петръ.

— Хочетъ онъ,—продолжала царевна,—поѣхать въ чужіе края, чтобъ научиться всему доброму, всему тому, чему здѣсь, у себя, научиться онъ не можетъ. Онъ сонъ потерялъ. Только и мечтаетъ о томъ, чтобъ увидѣть, какъ люди живутъ за моремъ, какъ работаютъ...

— Помнишь, и я говорилъ съ тобой о томъ?—оживленно заговорилъ царь.—Помнишь, какъ, побывавъ въ Нѣмецкой слободѣ, загорѣлся я въ Голландію съ посольствомъ ѣхать и на все прежнее плюнуть?.. Охъ, тогда и духовенство возстало, и бояре старые...

— А здѣсь, въ комедіи,—продолжала Наталья Алексѣевна,—отецъ съ матерью возстаютъ, уговариваютъ его: «Куда ты ѣдешь, зачѣмъ?» Отецъ говоритъ, что и старъ онъ, и дряхль. Помретъ безъ сына, кто ему глаза закроетъ? А мать говоритъ: «прежде похорони меня, а потомъ и поѣзжай на всѣ четыре стороны. А покуда живу я, не отпущу тебя никуда».

Петръ посмотрѣлъ на сестру:

— Ну, и что же тезка мой дѣлаетъ?

— А онъ все-таки ѣдетъ.

— Молодецъ! Куда же онъ?

— Въ Неаполитанію.

— Такъ. Ну, и что же?

— Ну, и всякія ему почести отъ поѣздки этой приходятъ. И онъ разные препятствія преодолеваетъ. А такъ какъ безъ женскихъ персонъ комедіи не бываетъ, то и здѣсь введена будетъ прекрасная Магилена. Съ Магиленой этой Петръ Золотые-Ключи соединяется, для услажденія зрителей, въ знакъ того, что всякое похвальное стремленіе должно быть вознаграждено.

Петръ сѣлъ на стулъ и придвинулся къ кровати сестры.

— Тогда только комедія сія,—заговорилъ онъ,—значеніе имѣть будетъ, когда указанія въ ней есть на необходимость приобрѣтенія знаній. Безъ знаній мы погибаемъ. И родители чтобъ отнюдь юродивыми простецами не были. Кабы всѣ мои враги только дураками были, сколь легко можно было бы бороться съ ними! Не обращать вниманія, что они твякаютъ,—и конецъ. А въ томъ-то и бѣда, что многіе изъ нихъ—люди умные и полагаютъ, что они правы. И не штука, ежели сынъ не любитъ ихъ и не жалѣетъ. Тогда повернулся, да и поѣхалъ. Нѣтъ, пускай онъ чтитъ родителей. А только родину онъ любитъ больше ихъ, и знаетъ, что можетъ ей пользу принести. Когда двѣ любви эти рядомъ поставлены, тогда и можно будетъ видѣть весь подвигъ юности, что все онъ бросаетъ, мѣняетъ вѣрное на невѣрное.

— Я такъ и полагала...

— Пстой, не перебивай. И что онъ за этой Магиленой ѣдетъ, мнѣ это не очень по сердцу. Дѣлу—время, потѣхѣ—часъ. Бабѣ путаться нечего, если дѣло о важномъ идетъ: объ ученіи и о пользѣ государственной.

— Какая баба, Петенька! Есть бабы, что будутъ только помогать научному дѣлу.

— А я такихъ бабъ не знаю.

Онъ сдвинулъ брови и злобно посмотрѣлъ на стѣну, гдѣ въ большой золоченой рамѣ висѣлъ гравюрный портретъ отца его Алексѣя, знакомый ему съ дѣтства.

— Ты про Дуню вспомнилъ?—спросила сестра.

— Да хоть бы и про Дуньку,—сказалъ онъ.—Много я отъ нея помощи видѣлъ! Какая она жена мнѣ! Развѣ не видѣлъ я отъ нея только бревна, что она въ мои колеса вставляла? И сына Алешку какъ она ведетъ? Ничего изъ него путнаго не будетъ. Внушаютъ ему, что я звѣрь, что мать бросилъ...

— Не только Дуни однѣ на свѣтѣ есть,—проговорила Наташа.—И инья найдутся, что будутъ всѣмъ сердцемъ рваться къ свѣту. Дуню нельзя винить. Дуня съ дѣтства такъ была ведена, что ничего другого отъ нея и ждать нечего. А насчетъ Алеши и ты неправъ. Забросилъ ты его. Хочешь, чтобъ чудомъ какимъ онъ бы къ тебѣ лънулъ, а мать свою, которую онъ съ дѣтства видѣлъ, на рукахъ у которой росъ,—возненавидѣлъ, чтобъ угодное тебѣ сдѣлать...

— Чувствую я, что все кончится очень скверно,—сурово сказалъ царь.—Знаю, кто къ нимъ ходитъ. Знаю, кто и что мальчику напентываетъ. Думаетъ онъ, что такъ-то хорошо прежде было, что такая-то благодать и миръ надъ Россіей были... А, да что говорить-то! Противно!....

— Не токмо однѣ Дуни на свѣтѣ есть!—повторила царевна.

Царь посмотрѣлъ на сестру, лицо его какъ будто свѣтлѣе стало. Онъ положилъ свою большую, мозолистую, красно-синюю отъ недавнихъ морозовъ руку, на ручку дѣвушки и ласково промолвилъ:

— Есть и Наташеньки.

Она вспыхнула. Она другую руку положила на руку брата.

— Правду сказалъ ты,—проговорила она:—я и Дуня—два разные человѣка: изъ разнаго тѣста насъ лѣпили.

— Переѣзжай въ мой парадизъ,—заговорилъ Петръ:—чего тебѣ здѣсь, въ Москвѣ, на просвирахъ, да на кутьѣ сидѣть? Приѣдешь ты въ Питербурхъ, и голландцевъ и французовъ увидишь. Да и мнѣ ты большой пособницей будешь. Зову тебя и настаиваю: переѣзжай. Приѣдешь?

И она, глядя ему прямо въ глаза своими черными, какъ владимирская вишня глазами, твердо сказала:

— Приѣду!

XXX

— оговорила ты насчетъ Алешки,—продолжалъ Петръ, снова подымаясь и по привычкѣ своей начиная мѣрить комнату изъ угла въ уголъ:—театрами и прочими полунужными заботами я отъ главнаго отвлекаюсь. Спрашивалъ я тебя въ письмѣ, знала ли ты, что Алешка изъ Преображенскаго къ Дунькѣ ѣздилъ? Отвѣчала ты, что знала. А когда спросилъ я, почему ты меня о семъ не оповѣстила, ты ничего мнѣ не отвѣтила.

Наталья нахмурилась.

— Доносицей я никогда не была, и впредь ей быть не чаю. Ищи, коли хочешь, другихъ такихъ, а меня оставь,—сказала она, отворачиваясь.

— Не понимаешь ты слова: донось. Коли увидишь, что гдѣ въ клѣтѣ загорѣлось, такъ ты никому не скажешь, ибо сіе—донось, по-твоему, будетъ?

— Ну, то особъ статья.

— Нѣтъ, не особъ. Что Алешка къ матери ѣздилъ,—начало это большого, гнуснаго дѣла. Смущаютъ мальчишку. Дунька—дура. Она пострижена въ иночество, а теперь рясу сняла и опять мужское платье надѣла,—такъ и сына въ немъ встрѣчала. Думаетъ, что помимо меня на Москвѣ опять царицей будетъ. Ростовскій До-счией поминаетъ ее на эктеньяхъ царицей,—а ей то и любо.

— А откуда это тебѣ вѣдомо?

— Мнѣ все вѣдомо. Вокругъ нея босоногіе юродивые да блаженныя толкуются и всѣ пророчествуютъ. «Недолго тебѣ ждать,— скоро на престолѣ будешь». А она и уши развѣсила,—вѣрять! Сама монашескую рясу ежедневно надѣвала, а съ майоромъ Глѣбовымъ какъ себя вела? Глѣбову оно и повадно,—и баба она еще молодая и пышная, и любо при парицѣ въ амантахъ состоять. Съ Досиѣемъ она по цифровой азбукѣ переписывается, и думаетъ, дура, что такихъ писемъ читать нельзя, что не вѣсть какъ понять ихъ трудно, а мнѣ вотъ списки съ нихъ все время представляютъ. Но какъ вотъ Авдотья сына приняла,—не знаю.

— Какъ приняла! Извѣстно, плакалась. И онъ плакалъ. Плакали оба.

— На меня его растревляла?

— Да ужъ не безъ того.

— Вотъ я поговорю съ Алешкой по-свойски, да потомъ засажу за науку. Да по провіантской части, да по набору дѣло ему дамъ. Пить онъ началъ рано. Я въ его годы такъ не зажаривалъ изрядно, какъ онъ. Дунька всегда разсудка имѣла въ ущербъ,—къ нему это и перешло.

Онъ усмѣхнулся и сталъ по срединѣ комнаты

— Разсказывали мнѣ, какъ Досиѣей Ростовскій повѣдалъ ей, будто чудотворная икона предрекла, что я помру въ теченіе года. Дунька обрадовалась, ряску сбросила. Вотъ, говорить, помретъ Петръ, я за Глѣбова тогда замужъ выйду. Проходитъ годъ,—а я все живу. Зоветъ Досиѣя Дунька. «Отчего, говорить, пророчество не исполняется?» А Досиѣей, не будь глупъ, и говорить ей: «Всему випой отецъ твой покойный; было мнѣ видѣніе: видѣлъ я его въ аду, и бѣсы его мучать; сталъ я молиться и освободилъ его Господь по моимъ молитвамъ; но за грѣхи великіе все-таки сатана его за ноги держитъ и не пушаетъ. А какъ онъ его только отпустить,—такъ сейчасъ царь помретъ, царевичъ на престолъ вступить и тебя изъ монастыря изыметъ. А покудова ты можешь жить съ Глѣбовымъ невѣнчанная,—я васъ на это благословляю...»

Онъ засмѣялся, но такъ, что судороги заходили по его лицу.

— Надо будетъ этого Досиѣя убрать подальше и сказать ему, что коли виднѣть, что въ аду дѣется, такъ держалъ бы сіе въ секретѣ, а не разсказывалъ. А то вѣдь можно такъ устроить, что ничего и никому онъ разсказывать не будетъ. Остальные, что составляютъ «соборъ» при Алешкѣ, такъ, дрянъ люди, слякоть одна. Что веселятся они тѣлесно и духовно,—и это я знаю. А ты понимаешь, что это веселье обозначаетъ?

— Не понимаю, а догадываться догадываюсь.

— Тѣлесно веселятся они—напиваясь «елпко можаху». А духовно—отводить душѣвѣрку, воздыхая о добромъ старомъ времени,

«истор. вѣстн.», мартъ 1916 г., т. сѣлн.

убѣждая другъ друга, что скоро-де великая переменѣна будетъ и все пойдетъ, какъ встарь. А Питербурхъ, рай мой на Великомъ Поморьѣ, провалиться долженъ, ибо столица сатанинская, проклятая,—такъ нѣкогда погибли Содомъ и Гоморра. И на это все я готовъ сквозь пальцы смотрѣть,—но скверно сквернымъ выходитъ то, кого они изъ Алешки готовятъ. Что выучиваютъ они его отпа ненавидѣть, за то они отвѣтъ дадутъ передъ Всевышнимъ,—а вотъ, что они мое дѣло передъ нимъ за дѣло сатанинское выдаютъ,—это пакостно. Что жъ, какъ умру я,—все на смарку пойдетъ? Все, что я сдѣлалъ, ни къ чему? На что я и здоровье, и жизнь всю убилъ,—а со мной и десятки тысячъ моихъ подданныхъ полегли,—все это было къ чему? Къ тому, чтобъ все по старому оставалось, чтобъ лежа на печяхъ прѣли?

Жилы налились у царя на шеѣ, и бѣлки покраснѣли.

— Не бывать тому,—крикнулъ онъ:—не бывать! Лучше всѣхъ Досноеевъ, всѣхъ ихъ прихвостней, всѣхъ Алешекъ измельчить въ труху, чтобъ крошка одна вышла, и чорту на съѣденье отдать! Довольно стараго, новаго надо! Знаю, что нетерпѣливъ я, что шагаю по десяти верстъ на шагъ. Да что жъ дѣлать! Время отпущено мало! Богъ вѣдаетъ, кто послѣ меня будетъ. Хорошо, коли ретивый, а коли слюняй, что сядетъ среди болота и возжи распуститъ...

— И чего ты такъ волнуешься, Петенька?—сказала сестра:—посмотри въ зеркало, какъ ликъ у тебя весь исказился,—все лицо на сторону свернуло; и руку дергаетъ, и щеку дергаетъ. Думала я, что дерганье это пройдетъ съ годами, а у тебя, кажись, все хуже дѣлается.

— Да съ чего мнѣ лучше-то себя чувствовать? Съ чего? Съ утра до ночи я одно вижу—ханжей да лѣнтяевъ. И больно мнѣ, и жалко ихъ, а приходится, какъ пугаль, изъ-за моря выписывать мастеровъ и говорить своимъ: «учитесь, учитесь, учитесь!» Да палкой тѣхъ подбодрять, кто не желаетъ, либо немощнымъ прикидывается.—А когда такіе сынки, какъ Алешка, растутъ, а вокругъ нихъ такіе «радѣтели прелюбезные» выются, которые замѣсто того, чтобъ фортификаціи, геометріи или исторіи его обучать, начинаютъ его акаѳистами, да пьютъ съ нимъ вмѣстѣ и дѣвокъ непристойныхъ водятъ къ нему,—такъ, вѣришь ли, Наташенька,—такъ тяжело становится, что впору въ прорубь головой броситься съ камнемъ на шеѣ.

— Родный ты мой, тяжело тебѣ?—воскликнула сестра, и слезы показались на глазахъ ея.

— Тяжко, такъ тяжко порою,—такъ дыханье сопреть,—что отдышаться не могу. Сплю, а денщика своего за плечи держу, чтобы судороги меня не били. И полагаю, что до старости мнѣ не дожить. Сгорю я. Сгорю. Все внутри меня перетлѣетъ.

Сестра протянула къ нему руки.

— Хорошій ты мой! Побереги себя.

— И беречь не стоитъ. Чего беречь? Беречь можно только то, въ чемъ сейчасъ нужды нѣтъ. А коли каждый день ты на что-нибудь надобень,—какое ужъ тутъ береженье! Да мнѣ и не жалко себя. Только бы хватило меня настолько, чтобъ я увидѣлъ, что дѣло моихъ рукъ не погибло, что къ прежнему поворота нѣтъ. Тогда помру я спокойно.

— Ну, что за рѣчи о смерти! —оборвала его Наталья Алексѣевна:—зачѣмъ о ней, курносой, поминать? Живы мы пока, еще поживемъ съ тобой, Петенька, увидимъ много хорошаго на вѣку. Полно кручиниться. Не мечись изъ угла въ уголь. Поди, сядь сюда. Вотъ такъ! Ну, кто поперекъ твоей дороги станетъ, всякаго ты уберешь, всякаго смелешь.

— Всякаго, Наташа, всякаго! И ничего мнѣ не жалко. Видишь столикъ рѣзной, голландской работы,—я же купилъ его въ Гагѣ для тебя. А смотри...

Поднялъ онъ кулакъ и такъ хватилъ его посреднѣ, что крякнула дубовая столешница, нога подломилась, а самъ столъ повалился на коверъ, и рюмка съ водою покатила въ уголь, оставляя за собой мокрую дорожку.

— Ушибъ руку-то?—спросила сестра.

— Ничего... а какъ будто и легче стало,—отвѣчалъ братъ.

XXXII.

Въ посольскомъ приказѣ было съ утра людно. Собрали всѣхъ комедіантовъ и хотѣли объявить имъ что-то. Что,—никто не зналъ. Старый сторожъ Лука, что еще царя Михаила помнилъ, говорилъ, что хорошаго ожидать нечего. Коли было бы хорошее, не собирали бы всѣхъ въ кучу, а оповѣстили письменно. А какъ какую-нибудь противную пакость учинить захотятъ, такъ сбиваютъ всегда всѣхъ вмѣстѣ.

— Полагаю, что отдѣлаться отъ васъ хотятъ,—шамкалъ онъ:—давно ужъ насчетъ этого слухи ходятъ. Еще въ прошломъ годѣ говорили; нынче много разъ говорили...

— То-есть въ какомъ смыслѣ отдѣлаться?—спрашивалъ Шмага, вѣчно пьяный комедіантъ съ подвязанной щекой.

— А такъ,—пустятъ тебя на всѣ четыре стороны: лети, пташка, куда желательно,—а мы тебя видѣть не желаемъ.

Шмага свистнулъ.

— Такъ я и пошелъ! Ты думаешь, отъ меня можно такъ же легко отдѣлаться, какъ отъ тебя, дурака? Нѣтъ, шалишь. Я, братъ, цѣпкій. Я такъ присосусь, что меня только съ мясомъ оторвать можно.

— Мало тебя батогами били?—подзадоривалъ его старикъ:—мало тебѣ всякихъ наказаніевъ?..

— Мало! Еще хочу! Мнѣ на приказъ вашъ плевать...

— Тише ты! Не смѣешь такъ въ казенномъ мѣстѣ говорить! Хочешь, скажу про тебя? Самъ Арчаковъ здѣсь.

— Да, на это вы только и годны, чтобъ доносы переносить! А я вотъ при всѣхъ товарищахъ скажу. Плевать мнѣ на васъ! Я комедіантъ государевъ. А чиновниковъ, что въ приказѣ сидятъ, слушать я не желаю! Воръ на ворѣ! Всѣ только о себѣ думаютъ, карманъ свой набиваютъ, а о насъ, кто главную тяготу несеть,—никто не печется.

Комедіанты дѣлали видъ, что не слышатъ. Кто черезъ окно на улицу смотрѣлъ, кто потолокъ разглядывалъ, кто въ полъ глаза опустилъ, кто въ упоръ воззрися на Шмагу. Всѣ думали то же что и онъ,—сочувствовали рѣчамъ его, но держались въ сторонкѣ. Ежели за рѣчи такія батоги ему назначать,—все же они ни при чемъ будутъ.

— А вы чего носами въ разныя стороны стоите?—спрашивалъ ихъ Шмага:—дома хорохоритесь: «мы-ста да мы-ста!» А какъ дошло до дѣла,—хвосты поджали! Кошачья порода! Всего-то вы боитесь, трусу празднуете!

— Ну, ты полегче!—прервалъ его Попелюгинъ. Онъ былъ мраченъ и приготовился къ генеральному бою.—Ты какъ песъ изъ подворотни лаешь,—прежде узнать надо, какъ дѣло стоитъ, а потомъ ужъ и надсаживаться.

— А ты нѣшто знаешь?—буркнулъ Шмага.

— Говорю, помолчи!

Лука, ворча и хромая, ходилъ по залѣ со щеткой и отметалъ въ сторону комки грязи, что нанесли на сапогахъ комедіанты.

— И ногъ не умѣютъ обтереть начисто,—буркалъ онъ, поводя презрительно глазами изъ-подъ сѣдыхъ бровей:—у насъ съ чистыми ногами здѣсь всѣ ходятъ. А вы какъ найдете, такъ, какъ свиньи въ хлѣвъ, своей грязи за собой нанесете. Послы здѣсь иноземные бываютъ, его царское величество заходитъ,—потому мы и чистоту соблюдать должны...

— Дай намъ казенныя подводы да лошадей, да помѣщенья казенныя для постоя возлѣ приказа, и мы чисты будемъ,—не унимался Шмага.

Но и въ молчаливой толпѣ его товарищей было замѣтно заглушенное недовольство и давнишняя злоба.

— Я вотъ за восемь мѣсяцевъ жалованья не получалъ...—не унимался Шмага.

— Зато много разъ тебя палками кормили,—огрызнулся сторожъ.

Подерная стоялъ, приткнувшись у косяка двери. Онъ былъ блѣденъ, и глаза его судорожно и беспомощно мигали.

— Какъ же такъ,—разводя руками, говорилъ онъ:—я хозяйкѣ за прокормъ восемь рублевъ долженъ... Ежели расчета не бу-

детъ,—какъ же?... Вѣдь я ничего не умѣю... Ни тебѣ строгать, ни тебѣ кули таскать. Ослабь... Что же, на паперть я пойду? Руку протягивать буду? Скажу: подайте комедіанту грошикъ, чтобъ съ голодухи не подохъ.

Хотя скамеекъ и стульевъ по стѣнамъ стояло немало, но большинство не садилось. Сердца у всѣхъ нервно стучали, губы закусывались до крови, кулаки сжималась. Арчаковъ, который долженъ былъ бесѣдовать съ ними, уже раза три подходилъ къ щелкѣ и смотрѣлъ на нихъ.

— Дюжіе какіе, да сколько ихъ!—говорилъ онъ:—ну, накинута,—что мнѣ съ нихъ взять?

Онъ садился за столъ и перебиралъ бумаги. Спросилъ зачѣмъ-то списки съ комедіантскимъ жалованьемъ; потомъ записку нѣмца и тотъ недочетъ въ сто тридцать четыре рубля, что числился за нимъ. И деньги эти тутъ же лежали. Царь велѣлъ, чтобъ немедля изъ приказа ихъ комедіантамъ выдали, а съ нѣмца взыскать ихъ потомъ.

Арчаковъ смотрѣлъ на столбики приготовленныхъ рублевиковъ, и вдругъ блестящая мысль освѣтила ему мозги.

— Съ того и начну,—скажу: «моль, царь велѣлъ...»—порадую ихъ сначала. А потомъ ужъ на конецъ и приберегу...

Онъ пошелъ храбро къ двери, но, подойдя къ ней, остановился и прошепталъ отчаянно:

— Что жъ,—коли погибать, такъ погибать!

Онъ вошелъ въ пріемную. Кто сидѣлъ изъ комедіантовъ,—всталъ. Всѣ старались прочесть на каменномъ лицѣ начальника, какія вѣсти повѣдаетъ онъ.

— Господа,—началь Арчаковъ, взявшись лѣвой рукой за пуговицу своего кафтана, а правой дѣлая неопредѣленное движеніе въ воздухъ:—его величество указалъ мнѣ передать вамъ нижеслѣдующее.

Онъ пріосанился: вотъ, дескать, какой я, самъ царь мнѣ указываетъ.

Прослышалъ онъ, что жалованье вы въ послѣдніе мѣсяца не получали. Приказалъ онъ учинить вамъ полный расчетъ по Великій постъ неукоснительно. Деньги я посему вамъ приготовилъ. Тѣ деньги, что недоставало вамъ, пополнены изъ посольской казны,—и всѣмъ будутъ выданы ихъ жалованья подъ расписку немедля. Зайдите къ Потапчикѣ и получите сейчасъ.

— Это хорошо,—заговорили нѣкоторые.

— Весьма признательны!—радно сказалъ Подерня.

— Давно бы такъ надо было сдѣлать!—проговорилъ Шмага:—у насъ животы подвело за зиму.

— Кто это сказалъ?—строго спросилъ Арчаковъ, дернувъ головою.

— Я сказалъ, Шмага. Говорю, что, вотъ царь пріѣхалъ, такъ и деньги нашлись. А то на наше кровное жалованье нѣмцевъ откармливаютъ да свои пуза отращиваютъ.

Арчаковъ похлопалъ по своему худенькому, вдавленному брюшку.

— Ко мнѣ твои рѣчи не относятся,—заговорилъ онъ:—слѣдовало бы тебя за твои вздорныя сказки поучить. Да нынѣ постъ, и рукъ о тебя марать не стоитъ.

— Ну, гдѣ вамъ боярскія ваши руки о комедіантовъ марать! Вы съ казны только свѣчи таскать можете, сукна да шелки, что на наши платья идутъ, женамъ на юбки да душегрѣйки...

— Молчать!—крикнулъ Арчаковъ и даже ногой топнулъ:—я не кончилъ еще царскаго повелѣнія...

Онъ старался придать своему лицу грозное выраженіе. Но изъ этого ничего не вышло, а непокорный лѣвый усъ все безпомощнѣе повисалъ книзу.

— Кромѣ того, я долженъ объявить не совсѣмъ радостную для васъ новость. Его величество рѣшилъ театръ упразднить. И потому, получивъ жалованье, можете считать себя уволенными совершенно. Каждый изъ васъ долженъ заняться тѣмъ дѣломъ, къ которому онъ больше способенъ. А хоромина комедіальная—упраздняется вовсе.

Вѣсть эта оглушила комедіантовъ. Они все думали, что гроза не близка,—вѣдь объ уничтоженіи публичнаго театра говорили и годъ назадъ, и раньше. Но теперь вдругъ сразу оборвался тотъ канатъ, который давно уже потрескивалъ и заявлялъ о своей непрочности. Теперь сразу всё оставались выброшенными на улицу. Это было уже не ожидавшееся событіе, а событіе совершившееся, и они изъ именитыхъ персонъ, изъ царскихъ комедіантовъ,—именемъ которыхъ пугали купцовъ и полицейскихъ,—вдругъ обращались въ бездомную, нищую свору, лишенную правъ, лишенную тѣхъ кафтановъ и шпагъ, которые равняли ихъ съ служилыми людьми.

Но Шмага не растерялся. Выпятивъ свою нижнюю челюсть и поднявъ кверху подобіе носа,—такъ онъ былъ малъ и курносъ,—онъ спросилъ:

— Какъ же вы, Артемій Ивановичъ, теперь будете? Куда главу вашу побѣдную приклоните?

Артемій Ивановичъ удивился.

— Какъ! Развѣ я тоже ухожу? Развѣ я уволенъ?—спросилъ онъ.

— Ежели насъ, комедіантовъ, за ненадобностью распускаютъ,—такъ что же вамъ дѣлать! Надъ кѣмъ вы власть показывать будете? Кромѣ крысъ, никого въ сараѣ нашемъ не останется.

— Я—въ приказѣ остаюсь,—повождая глазами и стараясь казаться выше ростомъ, сказалъ Арчаковъ.

— Чѣмъ же вы остаетесь?

— Не знаю. Чѣмъ укажутъ, тѣмъ и останусь,—и не твоя о семъ забота.

— Не забочусь я, а жалѣю по-христіански,—язвилъ Шмага:— ну, мы бездомовники. Мы и такъ по пяти дней не ѣвши сидѣли. И такъ насъ драли раза три въ мѣсяць. Ну, издохнемъ гдѣ-нибудь подъ заборомъ, какъ псы,—велика важность! А вотъ вы—другая статья. Привыкли вы въ теплѣ да въ сытости жить—на казенномъ пайкѣ. По казенному ковру ходите, на казенной подушкѣ спите.

— А вотъ я тебя...

— Позвольте, бояринъ Арчаковъ:—да вы мнѣ больше не начальство! Сами вы изволили передать намъ приказъ его величества, что комедіальной хранины больше не существуетъ. А коли она не существуетъ и мы не служимъ, такъ и вы намъ не начальство и наказывать насъ не можете. Такъ-то, мурло твое татарское, нечего шевелить усами... Не боюсь я тебя и шапки снимать предъ тобой не стану, когда на улицѣ тебя повстрѣчаю...

— Лука, гони его, гони!—подпрыгивая на мѣстѣ, говорилъ Арчаковъ:—метлой его отсюда, метлой!

И онъ, крича и озираясь, тряся головой и вихляя шпагой, пятился къ дверямъ, грозя кулаками и прыскаая слюнями. А Шмага, надѣвъ на затылокъ свою шляпу, гордо выходилъ въ другія двери. Онъ не любилъ, чтобъ дерзкія, нечистыя руки сторожей касались до него. И потому, предупреждая событія, онъ спускался по лѣстницѣ на площадь, изображая на своемъ опухшемъ отъ вѣчнаго пьянства лицѣ гордость и оскорбленіе непорочной чистоты.

Остальные комедіанты потянулись за получкой денегъ. Шли они молча, думая объ одномъ: отдали бы имъ деньги и отпустили на всѣ четыре стороны безъ боя. Только Попелюгинъ мрачно шепнулъ, наклоняясь къ переваливавшемуся на кривыхъ ножкахъ Подернѣ:

— Правъ Шмага. Не люблю я его, и онъ меня не любитъ,—потому что я билъ его не разъ. Но не могу не согласиться, что въ буйствѣ своемъ онъ на сегодня правъ...

Комедіанты расписывались и получали каждый по стопкѣ серебряныхъ денегъ, и даже больше того, что ожидали. Только Шмагѣ причиталось меньше всѣхъ, какіе-то два рубля съ копейками,—онъ какъ-то сумѣлъ вытягивать впередъ даже изъ посольскаго приказа жалованье.

— Ежели желаете,—я ему передамъ,—вызвался Подерня.

Но ему не дали. Ибо довѣренности законной онъ не представилъ.

Изъ боковой двери, разстроенный и блѣдный, съ кукольными стеклянными глазами, проходилъ Оеда. Онъ неподвижно несъ свою голову, не поворачивая ее ни вправо, ни влѣво,—точно боялся

пролить какую жидкость. Увидавъ Попелюгина, онъ подошелъ къ нему какъ разъ въ то время, когда тотъ, расписавшись въ полученіи, считалъ рублики. Онъ тихо дотронулся до локтя двоюроднаго брата.

Попелюгинъ вздрогнулъ отъ прикосновенія и крѣпче зажалъ монеты въ пальцахъ.

— На два слова!—тихо проговорилъ Оедя и повелъ его въ уголъ.

— Чего тебѣ?—спросилъ Попелюгинъ, завязывая деньги узломъ въ старый сипій платокъ.

— Сейчасъ прибѣгалъ отъ тетушки посланецъ,—заговорилъ онъ, пугливо озираясь, чтобъ кто не подслушалъ:—опять съ ей такое обмираніе произошло, что, надо полагать, она въ себя и не придетъ. Дядя Геннадій уже поѣхалъ туды. И намъ бы надо.

— Кому намъ?

— Тебѣ да мнѣ. Не чужіе, свои. Старушка Божья помираетъ. Дяденька соборуетъ. Должны и мы быть тутъ же.

Попелюгинъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Ты меня хочешь вести къ ней? Да вѣдь она меня плодомъ сатанинскимъ называла.

— Теперь она и языкомъ ворочать не можетъ. Сядемъ въ сани,—довезу я тебя.

Они начали спускаться по лѣстницѣ. У подъѣзда, побрякивая бубенцами, стояла сытая пѣгая лошаденка, и на ней верхомъ сидѣлъ тотъ же малый, котораго Попелюгинъ видѣлъ тогда на площади, когда ѣхалъ Оеденька съ Песцовымъ. За нимъ пестрѣли крытыя ковромъ сани, и оба брата сѣли рядомъ на заднее мѣсто, продѣвъ взаимно руку въ руку,—чтобы было крѣпче сидѣть и чтобъ не свалиться при поворотахъ.

XXXIII.

— Разсчитали васъ?—спросилъ Оедя, когда сани, проѣхавъ насквозь Кремль, выползли черезъ какую-то башню-кутафью на плотно уѣзженную подмерзшую дорогу.

— Разсчитали,—сквозь зубы подтвердилъ Попелюгинъ.

— Чго жъ теперь ты дѣлать думаешь?

— Еще не раскидывалъ мыслями. Бить кого-то надо.

— Кого?

— Еще не знаю. А кого-то надо. Поучить, чтобъ пакостей такихъ не дѣляли.

— Ну, ладно, поучишь,—а потомъ?

Попелюгинъ помолчалъ. Посмотрѣлъ на бревенчатые стѣны теремогъ, на крутые скаты крышъ и повторилъ:

— Не знаю!

Федя плотнѣе кутался въ свой мѣховой плащъ, прикрывая въ особенности горло.

— Отвыкъ я отъ нашихъ нордовъ,—сказалъ онъ, какъ бы оправдываясь.

— Ты птица заморская,—пробурчалъ Попелюгинъ.

Они опять помолчали.

— Все собирался посмотрѣть тебя въ театрѣ,—опять заговорилъ Феденька:—да удосужиться не могъ. Такъ и проморгалъ тебя. Да царь очень насчетъ построекъ лютъ. Какъ загорится у него,—тутъ ужъ всѣмъ спѣшить надо.

Попелюгинъ молчалъ.

— Видѣлъ я много хорошихъ театровъ въ Парижѣ. Тамъ налажено бойко это дѣло. Какъ по маслу катится. Насчетъ здѣшнихъ комедіантовъ весьма я сумлѣваюсь,—продолжалъ Федя.

— Насчетъ чего же у тебя сумлѣніе?

— Нельзя, не выдавъ ничего, все такъ изъ своего пальца высосать. Ну, какъ бы я, не обучаясь зодчеству, сталъ строить? Сразу не можетъ свалиться съ себа умѣнье, хоть будь семи пядей во лбу. Какъ я, не повидавъ всего въ Парижѣ и Лондонѣ, строить бы въ Питербурхѣ началъ?

— Такъ, по-твоему, мы во всемъ должны на помочахъ бѣгать у нѣмцевъ?

— Должны.

Попелюгинъ посмотрѣлъ на него презрительно.

— Ну, ты бѣгай, а я не желаю,—сказалъ онъ.

Въ домѣ у тетки стоялъ тотъ дѣлапный переполохъ, который всегда бываетъ во домѣ, гдѣ давно ожидали смерти, и приготовились уже къ изображенію скорби тѣ ближніе, которые считали своимъ долгомъ выразить эту скорбь,—и считаютъ яркое ея выраженіе за признакъ хорошаго тона. Еще внизу слышались причитанія голосившей стряпухи. Она голосила такъ, когда умерла ея мать тридцать лѣтъ назадъ. Она голосила, аккуратно измѣняя нужныя слова, когда поминала своего мужа, кухаря, что билъ ее ежедневно къ ночи пьяный. Теперь она голосила еще не во всю мочь: причитанія ея носили характеръ еще отдаленной приближающейся бури. Иногда она дѣлала передышку и, тихо ступая мягкими войлочными котами, поднималась наверхъ и спрашивала:

— Ну, какъ?

Ей не отвѣчали. Она заглядывала въ дверь и видѣла только шпрокую спину Гепнадія, закрывавшаго отъ нея умирающую и длинное ея тѣло, лежавшее подъ шерстянымъ одѣяломъ. Она видѣла красное пламя свѣчей, зажженныхъ передъ образомъ Казанской Богоматери, и растрепанную внучку, стоявшую у изголовья и тупо смотрѣвшую на кровать. Стряпка шла внизъ, остававливалась у печки, заглядывала въ горшки, передвигала ихъ и, поста-

вивъ ухватъ на мѣсто и прислонившись поудобнѣе къ углу, опять начинала голосить, поглядывая исподтишка на дѣвочку и мальчика, любовавшихся на нее изъ сѣней.

Наверху, гдѣ лежала старушка, ходили съ сознаниемъ важности того, что онѣ дѣлають, женщины съ красными заплаканными глазами. Пахло воскомъ, капустой изъ кухни и тѣмъ пріятнымъ ароматомъ, что былъ всегда присущъ Геннадію: не то просвирой, не то лавандовымъ масломъ. Увидя вошедшихъ племянниковъ, старикъ одобрительно кивнулъ имъ головой.

Они подошли поближе. Ѳеденька не зналъ, надо ли креститься, или нѣтъ, и жива ли тетка. Онъ повелъ вокругъ носомъ и вдругъ сказалъ:

— Добрый день, дяденька!

— Ну, это не по времени,—медленно проговорилъ тотъ и поднялъ для благословенія руку.

— Жива еще?—спросилъ Попелюгинъ, лобызая бѣлую мягкую, начисто вымытую десницу.

— Жива.

Ѳедоръ понялъ, что и ему слѣдуетъ принять благословеніе, и тоже наклонился.

— Вотъ я его привезъ,—сказалъ онъ.

— Хорошо сдѣлалъ. Можетъ, старушка еще глаза откроетъ. Ей пріятно будетъ видѣть, что родные тѣснымъ кружкомъ совокупились вокругъ нея,—проговорилъ тихо Геннадій.

— Кабы не хотѣлъ я, конечно, онъ не привезъ бы меня,—замѣтилъ, словно мимоходомъ, комедіантъ и, наклонивъ голову, прислушался къ дыханью больной.

— Да, ужъ глаза она не откроетъ больше. На этотъ счетъ я намѣганъ,—сказалъ онъ.

— Едва ли,—подтвердилъ и дядя.

— Такъ и отойдетъ въ забытыхъ,—сказалъ племянникъ.

Дядя подтвердилъ и это кивкомъ.

— А сколько лѣтъ тетенькѣ было?—полюбопытствовалъ племянникъ.

— Девяносто восемь.

— Хорошіе годы. Что жъ, она еще Гришку-разстригу помнила?

— Не помнила, а родилась близко къ тому времени.

Старикъ вздохнулъ и этимъ вздохомъ какъ бы хотѣлъ сказать, что считаетъ неприличнымъ продолжать такую бесѣду. Всѣ замолчали. Ѳедѣ, повидимому, было все равно: сидѣть или стоять, говорить или существовать молча. Его четырехугольный длинный черепъ блестѣлъ съ одной стороны синими бликами отъ дневного свѣта, что лился изъ маленькихъ окошечекъ, около которыхъ виднѣлись старенькія смятыя занавѣски, съ другой—онъ освѣщался краснымъ свѣтомъ отъ зажженныхъ передъ образомъ свѣчъ. На лицѣ

его ничего нельзя было подмѣтить, хотя, повидимому, онъ о чемъ-то думалъ. Въ сосѣдней комнатѣ стучали ножи и вилки, бренчали оловянные тарелки. Попелюгинъ заглянулъ туда. Тамъ стоялъ длинный столъ, приготовленный не то для покойницы, не то для трапезы. На угловомъ столѣ грудой стояли тарелки, и какая-то рябая дѣвка перетирала ихъ полотенцемъ. Оеда тоже слѣдомъ вошелъ за нимъ.

— Скупенька была старушка,—замѣтилъ Демьянъ, обводя глазами стѣны столовой.

Оеда ничего не отвѣтилъ, только посмотрѣлъ на него.

— Ты теперь что же,—наслѣдникомъ будешь? — спросилъ Дементій.

Оеда постарался придать лицу своему изумленіе.

— Почему?—спросилъ онъ.

— Да оно такъ и будетъ. А почему,—того я не знаю.

Оеда пожалъ плечами.

— Не слыхалъ. Да мнѣ ничего не надо.

— Всякому изъ васъ надо,—замѣтилъ Попелюгинъ

— А мнѣ не надо,—повторилъ Оеда.

— Я не вѣрю.

— Мнѣ все равно,—вѣришь ты, или нѣтъ.

— Каждый свой кусъ урываетъ. Мнѣ вотъ такъ ничего не надо. Видишь, я весь насквозь проношенъ. И горжусь. Ёдутъ мимо богатые люди въ колымагахъ,—а мнѣ начхать. Я никѣмъ не хочу быть, никому не завидую.

— Это хорошо,—сказалъ Оеда.—И я никому не завидую.

— Врешь, ты завидуешь. Тебѣ хочется и строить хорошо, и похвалу отъ царя получать?

— Хочется.

— А ежели ты черезъ другихъ шагать не будешь,—никогда ничего не добьешься. При Кремлѣ есть зодчій Оттонъ Густавовичъ,—онъ, думаешь, не будетъ душить тебя?

Оеда посмотрѣлъ на брата, и вдругъ въ нижней челюсти заигралъ у него мускуль подъ розовой щекой.

— Меня онъ не удушить!—замѣтилъ онъ

— Почему?

— Не дамъ. Онъ руки протянетъ, а я его по рукамъ хлопну.

— Нѣмца не достать. Они на трехъ якоряхъ стоять.

— Пусть стоять. А я поплыву.

— Куда!

— Впередъ. Меня вѣдь не перекусишь. Я какъ ершъ—весь колючій.

Попелюгинъ посмотрѣлъ на него.

— Да, ты колючій,—согласился онъ.

— Меня еще за моремъ глотать хотѣли,—продолжалъ онъ:— а я не дался.

— Какъ не дался?

— Сказаль: «я васъ не трогаю,—не трогайте вы меня». Походили, походили вокругъ,—и не тронули.

— Такъ тебѣ теткинхъ денегъ не надо?

Өедя покачалъ отрицательно головой.

— Отдай мнѣ.

— Да вѣдь ты пропьешь ихъ?—наивно спросиль Өедя

— Пропью.

— Значить, они кабатчикамъ перейдутъ. И что у тебя за охота—пить?

— А ты не пьешь? Совсѣмъ не пьешь?

— Не пью. Зачѣмъ я пить буду? И не курю. Зачѣмъ я себѣ лишнюю обузу на шею навяжу? И о табакѣ надо думать, и о винѣ. А у меня и такъ много своего дѣла. Думъ много.

— А ты съ нѣмцами въ дружбѣ жилъ за моремъ?

Өедя сморщился.

— Я не люблю нѣмцевъ,—сказаль онъ.—А, впрочемъ, ни съ кѣмъ въ сварѣ не былъ.

XXXIV.

Дядя вошелъ къ нимъ и перекрестился на образъ Успенія, что висѣлъ въ углу.

— Вотъ, дяденька, Өедя говоритъ, что нѣмцевъ не любитъ.

— За что ихъ любить-то?—спросиль Геннадій и, обратившись къ рябой дѣвкѣ, прибавиль:—Дай воды мнѣ да вина краснаго.

Онъ сѣлъ въ кресла, что стояло у стола, и зорко посмотрѣлъ на обоихъ племянниковъ.

— Ну, что, Дема, отпустили тебя изъ посольскаго приказа? И денегъ дали?

— Дали.

— Ты теперь богатъ. Ликъ-то у тебя опять опухъ. Сходи-ка ты въ Симоново, къ нѣкому старцу Евменію. Попроси его наставить тебя и скажи, что и я прошу его о томъ же. Сходишь?

— Можетъ, и схожу.

— Сходи. На многихъ онъ дѣйствуетъ, можетъ, и на тебя подѣйствуетъ.

— А на Грумбаха онъ подѣйствовать не можетъ? Чтобы подохъ онъ? Какъ крысы отъ зеленаго порошка дохнуть?—спросиль Дементій.

— Смертоубійствомъ онъ не занимается.

Дѣвка подала на подносѣ кружку, кувшинъ съ водой и вина краснаго. Геннадій налилъ сперва воды, а потомъ немного долилъ виномъ.

— Что вы, дядя, добро переводите?—спросилъ Дементій.

— Ты насчетъ чего?

— Насчетъ вина. Вино хорошее, а вы въ него воду лете.

— Таковъ, Дема, вкусъ мой. Ты гольемъ тянешь ромъ,—а я и церковное вино водой развожу.

Онъ допилъ остатки изъ кружки.

— Да, вотъ мы видимъ повяданіе столѣтняго древа,—сказаль онъ.—Одни, какъ говорить Гомеръ, подобно сухимъ осеннимъ листьямъ, осыпаются. А потомки ихъ,—какъ листья весенніе,—выходятъ изъ почекъ и зеленью покрываютъ лѣса и рощи.

— Глубокомысленно!—замѣтилъ Дементій.—Да вѣдь и то сказать: надо и честь знать. Дожилъ до ста лѣтъ,—и давай другимъ дорогу.

Геннадій ядовито посмотрѣлъ на него.

— Не тебѣ ли?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я вообще. Вотъ Федя говорить, что онъ и денегъ ея не желаетъ принимать.

— Развѣ?—удивился Геннадій.

— Не такъ я говорилъ,—поправилъ его Федя.

— Не захочешь у себя оставить, найдемъ мѣсто имъ,—продолжалъ Геннадій.—Вотъ у насъ иконостасъ позакоптѣлъ, пообтерся. Надо почистить его, позолотить,—а въ немъ четыре яруса. Живопись вся древняя, темная,—говорять, еще Андрей Рублевъ писалъ. Такъ, полагаю, ее долой всю—соскоблить, а взамѣнъ ея написать новую, свѣтлую, въ итальянскомъ вкусѣ. Мѣстный образъ тоже другой надо. Также освѣтлѣе. На старыхъ святыхъ не хотятъ молиться. Не то время,—все желательно, чтобъ по-новому было. Дѣдовскую старую Византию не признають.

— А много у тетеньки денегъ?—не отставаль Дементій.

Владыка развелъ руками.

— А кто ее знаетъ! Надо полагать, что скопила покойница.

— А гдѣ же у нея онѣ?

— Въ сундучкѣ подъ образами. Видалъ?

— Нѣтъ, не видалъ.

— Такой окованный, желѣзный. Все старушка туда клала. Ежели бы домъ загорѣлся,—вытащить невозможно. Сгорѣлъ бы сундукъ! Чуть ли онъ не въ полъ ввинченъ.

Испуганная, растрепанная Варя вдругъ бокомъ просунулась въ дверь.

— Какъ будто она не дышитъ!—полушепотомъ сказала она и скрылась.

Старикъ не торопяся поднялся съ мѣста и, мягко ступая широкими сафьянными сапогами, прошелъ въ спальню. Попелюгинъ стоялъ, посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Потомъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ дядя, и началъ наливать вино въ кружку. Наливаль онъ

не такъ, какъ владыка,—вина не жалѣлъ и водой не разбавлялъ. Потомъ онъ поднесъ кружку ко рту, выпилъ все, причмокнулъ и проговорилъ:

— Винцо доброе. Не зналъ, что у тетеньки есть такое.

Федя отвернулся къ окну и неподвижно смотрѣлъ на противоположный заборъ, на безлиственную березу, на воробьевъ, чирикавшихъ въ ея обнаженныхъ вѣткахъ. Повидимому, онъ о чемъ-то размышлялъ, что-то думалъ, что-то соображалъ.

Онъ повернулся и пошелъ въ спальню. Попелюгинъ пошелъ за нимъ. Они, какъ человѣкъ и тѣнь, слѣдовали все время другъ за другомъ. Геннадій стоялъ у постели, читалъ какую-то молитву и совершалъ крестное знаменіе надъ изголовьемъ. Племянники подождали, когда онъ кончитъ. Онъ кончилъ, повернулся къ Варѣ и сказалъ:

— Обмыть ее надо и положить на столъ.

И вдругъ весь домъ наполнился воемъ. Заскрипѣла лѣстница, побѣжали по ней то кверху, то книзу. Забѣлѣли полотенца, застучали ведра, появились какіе-то губки и тазы. Владыка съ племянниками опять вышли въ столовую, а женщины начали выть въ комнатѣ покойницы.

— Что жъ, теперь и ѣхать можно?—спросилъ Попелюгинъ.

— Слѣдуетъ остаться, и такъ какъ насъ трое, то мы немедля и приступимъ къ осмотру сундука. Надо только подождать, пока ее обмоютъ, одѣнуть и сюда вынесутъ,—сказалъ внушительно дядя.

Попелюгинъ сѣлъ у стола рядомъ съ Геннадіемъ, а Федя попрежнему остался у окна.

— Это ты?—спросилъ Геннадій, видя, что вина убавилось больше, чѣмъ на половину, и посмотрѣлъ на комедіанта.

Тотъ утвердительно кивнулъ головою.

— Не по мѣсту!—замѣтилъ владыка.

— Такой квасъ всегда по мѣсту,—возразилъ племянникъ.

— Ну, бабы ужъ, кажется, слишкомъ завыли. Ты бы, Феденька, сказалъ, чтобъ они потише,—сказалъ старикъ.

Федя подошелъ къ двери, пріотворилъ ее и цыкнулъ:

— Бабы, тише!

Онѣ какъ-то сразу осѣклись. Голая старуха, еще теплая, съ морщинистымъ лицомъ и сѣдой жалкой косицей на боку, лежала среди нихъ. На лицахъ окружавшихъ женщинъ было болѣе любопытства, чѣмъ жалости. Мертвая, обнаженная девяностолѣтняя вѣдь не встрѣчается каждый день, и многіе ее видѣли первый разъ въ жизни.

— Живѣй, живѣй!—вдругъ сказалъ Федя, точно онъ командовалъ каменщиками, что складывали стѣну.—Потомъ повоете. Теперь одѣвайте. Ну, скорѣй! Скорѣй! Шевелитесь!

И онъ опять смиренно прослѣдовалъ на свое мѣсто.

— Ого,—похвалилъ владыка.—Молодецъ, Феденька!

А Оедя посмотрѣлъ на дядю и ничего не отвѣтилъ. По лицу его было видно, что онъ думалъ: «А какой же я? Вѣдь я всегда такой!»

Со стола приняли и вино и воду. Постлали что-то, на что надо было положить покойницу. Потомъ принесли ее въ длинной бѣлой рубашкѣ до пятъ и въ бѣлыхъ чулкахъ. Положили ей подъ голову подушку, и острый носъ ея казался птичьимъ клювомъ, сдѣланнымъ изъ слоновой кости.

Геннадій опять перекрестился. И спросилъ у дѣвки:

— Подтерли тамъ полъ? Пойдемъ туда. И ты, Варя, пойдѣ.

Послѣднее относилось къ растрепанной племянницѣ. Они вошли опять въ спальню, и тяжелый воздухъ вдругъ охватилъ ихъ.

— Надо бы окно открыть,—замѣтилъ Попелюгинъ.

Но оно не поддавалось, такъ какъ было накрѣпко заколочено и замазано, хотя онъ сильно тянулъ за ручку фортки, пока желѣзка не осталась между его пальцевъ.

— Оставь,—сказалъ Геннадій,—и такъ посмотримъ, что надо.

Онъ подошелъ къ кіоту. Отворивъ его, онъ за образами нащупалъ ключъ и вытащилъ его.

— Этотъ?—спросилъ онъ у Варвары.

— Почему я знаю!—сердито отвѣтила она.

— Другого нѣтъ.

Онъ еще пошарилъ. Потомъ закрылъ кіотъ и подалъ ключъ Оедѣ.

— Ну-тка, отомкни сундукъ.

Оедя сѣлъ на корточки, засунулъ конецъ ключа въ отверстие. Онъ повернулъ имъ направо, повертѣлъ налѣво и сказалъ:

— Должно, было отперто.

Геннадій высоко поднялъ брови.

— Запереть старушка забыла,—сказалъ онъ.—Ну, подымай крышку.

Тяжелая крышка визжа поднялась, но откинуть ее нельзя было, не пускала стѣна. Что-то коричневое, какая-то старая шубейка лежала сверху.

— А ты бы помогъ ему, Демушка, подержалъ бы,—проговорилъ дядя.

Демушка посмотрѣлъ на дядю, нагнулся и придержалъ рукою крышку. Оеденька вытащилъ кофту на мѣху. Подъ ней лежали бѣлыя тряпки. И тряпки были сташены. Ряды сверточковъ и мѣшечковъ, тщательно обвязанныхъ веревочками и тесемками, плотно лежали одинъ возлѣ другого.

— Ну, дай-ка одинъ, что побольше,—предложилъ дядя.

Оедя, все сидя на корточкахъ, протянулъ ему тяжелый мѣшочекъ.

— Деньги!—сказалъ онъ.

Геннадій развязалъ и высыпалъ нѣсколько монетъ на столъ. Тутъ было старо-московское серебро и петровскіе рублевики.

— Все это пересчитать необходимо немедля,—сказаль Геннадій и, всыпавъ деньги обратно въ мѣшочекъ, завязаль его узломъ.

— Ты, Варя, поддержи крышку, и считайте себѣ съ Богомъ,—проговориль Дементій.

— Ты уходишь?—спросиль дядя.

— Ухожу. Дѣла есть. Да я вамъ ненужень.

— И даже очень нужень. Свидѣтель. При тебѣ сочтемъ.

— Не желаю. Считайте безъ меня. Мнѣ въ Нѣмецкую слободу надо.

— А нареканія съ твоей стороны потомъ не будетъ?—прищурившись, спросиль дядя.

Въ отвѣтъ Дементій подставиль руку подъ благословеніе. Геннадій его благословиль.

Онъ не простился ни съ Ѳедей, ни съ Варей, а еще разъ зашелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ лежала тетка въ чулкахъ на столѣ. Онъ поклонился ей земнымъ поклономъ, стукнувъ лбомъ объ полъ, перекрестился и вышелъ.

У подъѣзда стояли архіерейскія сани и тѣ сани, въ которыхъ пріѣхаль онъ съ Ѳедей. Увидя его, мальчикъ полѣзъ было на сѣдло; но онъ крикнулъ:

— Ѳедька еще остался, а я пѣшкомъ.

И, поворотивъ направо, онъ зашагалъ къ Нѣмецкой слободѣ.

XXXV.

Въ Нѣмецкой слободѣ было больше порядка, чѣмъ въ остальной Москвѣ; прямыя улицы и заборы, каменные домики, фонтаны, бесѣдки, колоннады, посаженныя стройными рядами деревья—напоминали больше Амстердамъ и Лондонъ, чѣмъ старую столицу полуазіатскаго царства. Тутъ были и плантаціи, и огороды. Люди, ходившіе въ камзолахъ и шляпахъ, не казались ряжеными, какъ въ Москвѣ, а справлялись съ своими шляпами и плащами свободно. Колымаги здѣсь были заморскаго образца, съ верхомъ, который защищаль отъ солнца и отъ дождя. Повозки хотя были двухколесныя, но возница съ длиннымъ бичомъ сидѣлъ спереди,—и лошади были крупныя, сытыя, хорошо вычищенныя. Здѣсь былъ свой міръ, и процвѣталъ онъ съ разрѣшенія царя, и царь говорилъ всегда:

— Смотрите, чистота какая, порядокъ. Ни помоевъ не льютъ на улицу, ни бурьяну, ни крапивѣ не даютъ расти.

— Такъ вѣдь это нѣмецъ можетъ!—возражали ему.

И старозавѣтные московскіе люди не завидовали этимъ голландскимъ порядкамъ. Свободы нѣтъ: полежать на солнышкѣ негдѣ, искупаться на свѣжемъ воздухѣ. Все на тычкѣ.

Попелюгинъ прошелъ прямо къ своему бывшему начальнику, Грумбаху. Засталъ онъ его въ садикѣ, который по размѣрамъ подходилъ скорѣе на чуланчикъ. Грумбахъ окапывалъ какое-то жиденькое деревцо и обкладывалъ его навозомъ. Въ зубахъ у него дымилась трубка—маленькая, которую можно было не придерживать рукой, и былъ онъ въ одномъ камзолѣ съ засученными рукавами.

— А! Дементій Кузьмичъ!—привѣтствовалъ онъ радостно.—Ну, вотъ, хорошо сдѣлалъ, что пришелъ. Проститься хочешь? Садись.

Онъ снялъ съ табуретки садовый складной ножъ и спряталъ его въ карманъ.

Дементій сѣлъ.

— Я больше не насчетъ того, чтобы съ тобой проститься,—заговорилъ онъ:—прощаться я къ Арчакову пойду,—а пришелъ я спросить: почему мнѣ четырехъ рублей трехъ алтынъ не додано? Мнѣ говорили, что ты списку такую составилъ.

— Почему ты думаешь, что на четыре рубля ты меньше получилъ?—опираясь на заступъ, мрачно спросилъ его Грумбахъ.

— Ничего я не думаю, я знаю.

— Получилъ ты, сколько надо. Жалуйся въ приказъ, а я тутъ ни при чемъ. Ты всю зиму не игралъ. За что тебѣ платить столько?

Попелюгинъ покачалъ головой.

— Встану я,—заговорилъ онъ:—стащу съ тебя парикъ и буду давить горло, пока не отдашь.

— Фуй, варваръ!—пренебрежительно сказалъ Грумбахъ.—Только вы здѣсь и знаете, что драться! Нѣтъ у васъ никакихъ европейскихъ манеръ.

— Я свои кровные заработки получить хочу. И потому я желаю взять съ тебя четыре рубля немедленно.

— А я не дамъ.

— Дашь. Начну возить тебя, такъ дашь.

— Я кричать буду.

— Кричи. Вѣдь ты съ приказа эти четыре рубля получишь. Я тебѣ расписку дамъ.

— И что жъ мнѣ говорить, что я ошибся? Я не могу ошибаться.

— Можешь. Я напишу: «дополнительныя» деньги... Помнишь ты, какъ осенью Тальниковъ заболѣлъ, а я за него взялся играть? Ты мнѣ тогда золотыя горы сулилъ, а далъ шишъ одинъ. Я за такую замѣну ничего не хочу.

— И игралъ ты пьяный, и роль не зналъ.

— Развѣ въ одинъ день можно такую ролишу выучить? Ты говоришь, пьянъ я былъ. А развѣ трезвый человекъ пойдетъ на такое дѣло?

Грумбахъ похлопалъ его по плечу.

— Помню,—сказалъ онъ.—Ты меня выручилъ, и было тогда сбора больше одиннадцати рублей...

— Вотъ видишь. А ты отнѣживаешься!

— И ну, я три рубля тебѣ дамъ.

— Четыре. Копейки, такъ и быть, прощаю. Себѣ на саванъ оставь.

Грумбахъ подумаль.

— Три съ полтиной,—сказаль онъ.

— Четыре. Пошелъ домой и выноси сейчасъ. Якъ тебѣ не пойду, потому что твоей фрау въ корсетѣ видѣть не могу, да и меня она недолюбливаетъ.

— Разбойникъ!—проговориль Грумбахъ.—Ты разбойникъ на почтовой дорогѣ.

— Неси! Неси!

— Не надо мнѣ расписки!—сказаль нѣмецъ, выдавая ему четыре серебряныхъ портрета царя, что называли въ народѣ крестовиками, потому что на оборотной сторонѣ четыре «покоя» (дважды—Петръ Первый) давали форму креста.—Вотъ я какой честный! Давай цѣловаться. Мы оба люди честные.

И они облобызались трижды.

— А ты что, Карль Адамовичъ, теперь дѣлать будешь?—спросиль Попелюгинъ.

— О, я думаю открывать лавочку золотыхъ дѣлъ мастера,—я это знаю хорошо. И клиентовъ у меня много будетъ, ибо я уже говорилъ со всѣми. И мнѣ сто рублей даетъ фрау Бриджъ. И я ей переделки сдѣлаю на всѣ ея старыя вещи... И это дѣло будетъ выгоднѣе, чѣмъ театръ.

Изъ окна высунулась толстая, полногрудая жена Грумбаха и, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ комедiantа, сказала по-нѣмецки:

— Карль, иди пить кофе и кушать хлѣбъ съ молокомъ.

— А вы меня не приглашаете, фрау Грумбахъ?—спросиль, приподнимая шляпу, Попелюгинъ.

— Нѣтъ, я васъ не приглашаю. У насъ ровно на двоихъ только и кофея, и хлѣба, и масла. Но ежели хотите, то подождите въ саду, покуда Карль пофриштыкаетъ,—я ничего противъ этого не имѣю.

— Нѣтъ, мы кончили дѣла,—я пойду.

Онъ всталъ съ табурета и протянулъ руку Грумбаху.

— Прощай, нѣмецъ,—сказаль онъ.

— Прощай, мнѣ очень жаль разставаться, потому что мы вмѣстѣ служили искусству.

— А мнѣ не жаль. Ну, желаю тебѣ быть лучшимъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ, чѣмъ начальникомъ театрума.

— О, я этому учился съ дѣтства, и меня много сѣкли.

— Прощайте, фрау Грумбахъ. Ышите меньше булокъ съ масломъ. При вашей полнотѣ это вредно,—сказаль онъ пожилой фрау.

— Грубиянъ!—крикнула ему вслѣдъ толстая фрау.

Въ карманѣ у Попелюгина побрякивали тѣ рубли, что дали ему сегодня утромъ въ приказѣ, да тѣ четыре, что получилъ онъ сейчасъ

отъ нѣмца. Это приводило его въ хорошее настроеніе. О будущемъ онъ не думалъ, и не хотѣлъ думать. Да онъ никогда объ этомъ и не задумывался.

— Дастъ что-нибудь Ѳедька?—спрашивалъ онъ самъ себѣ:—или нѣтъ? Пожалуй, не дастъ. У него черепъ скворешницу напоминаетъ. Бываютъ такія—пустыя, въ которыхъ ужъ птица не селится. И что у него внутри? Думаю, не то, что у всѣхъ людей, а вотъ какъ въ часахъ башенныхъ: колеса, колеса и гири; и разъ въ недѣлю заводитъ ихъ надо, чтобы шли. А не заведешь,—станутъ.

Онъ шелъ мимо брадобрейной. Остановился и подумалъ:

— Аль зайти?

И онъ зашелъ. Держалъ ее какой-то плѣнный шведъ, раненый въ ногу. Онъ обрадовался посѣтителю и завязалъ его грязной простыней подъ горло.

— А помощники у тебя русскіе?—спросилъ Попелюгинъ, подставляя подъ бритву правую щеку.

— Русскіе! Всѣ русскіе.

— Расторопные?

— Расторопные. Полгода назадъ ничего не умѣли. А теперь какъ я,—все могутъ.

— На шею себѣ выучилъ? Смотри, рядомъ такую же торговлю открываютъ.

— Не открываютъ, гдѣ имъ!

— А что?

— Денегъ нѣтъ на инструменты. А главное—смѣлости нѣтъ.

— А у тебя деньги были?

— У меня смѣлость была.

— А въ плѣнъ какъ попалъ?

— Руки кверху поднималъ...

«Смѣлости нѣтъ! Смѣлости нѣтъ!—повторялъ про себя Попелюгинъ.—Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ...»

XXXVI.

Надька съ безстыжими глазами опять вертѣлась въ сѣняхъ, когда онъ пришелъ къ Арчаковымъ.

— Барыня дома?—спросилъ онъ.

— Барина нѣтъ!—возразила она.

— Барыня дома?—повторилъ онъ и, не ожидая отвѣта, поставилъ палку въ уголъ, снялъ шляпу и пошелъ въ пріемную комнату. На немъ былъ новый кафтанъ, новые чулки и башмаки. Онъ имѣлъ видъ не комедіанта, а зажиточнаго купца,—особенно придавало ему это сходство отсутствіе шпаги. Пуговицы на кафтанѣ и пряжки на башмакахъ такъ и блестѣли. А на шеѣ былъ чистый бѣлый шарфъ-«галстукъ», какъ стала называться тогда эта повязка.

Надежда побѣжала было черезъ приѣмную, да Попелюгинъ ее остановилъ.

— Надежда,—сказалъ онъ.—Обѣщаль я тебѣ платокъ розовой. Вотъ, получай.

Онъ вынулъ изъ кармана фуляръ и подалъ ей. Щеки ея зарумянились.

— За что?—спросила она.

— Ты думаешь, за что-нибудь дарятъ?—засмѣялся онъ.—Комедианты дарятъ такъ, потому что душа у нихъ мягкая, какъ бархатъ.

Надежда загорѣвшимися отъ радости глазами смотрѣла на подарокъ.

— Только барынѣ сразу о подаркѣ этомъ не сказывай,—предусмотрительно сказалъ онъ.

Ждать ему довелось долго. Должно быть, одѣвалась Елизавета Максимовна и причесывалась. Должно быть, Надежда оповѣстила ее, что гость сегодня одѣтъ франтомъ, и хотѣла она одѣться ему подъ стать. И онъ ждалъ, и ходилъ по комнатѣ, и смотрѣлъ на заморскія бра съ восковыми свѣчами, что висѣли по всѣмъ четыремъ стѣнамъ. Смотрѣлъ на кафельную печку, хитро расписанную разными травами, зелеными и красными. Пошупалъ скатерть на столѣ плотную, ковровую, должно быть, французскаго происхожденія и процѣдилъ сквозь зубы:

— Здорово воруютъ!

Наконецъ выплыла и Елизавета Максимовна. Была она въ палевой душегрѣйкѣ и атласной сѣрвовой юбкѣ, а на головѣ у нея была модная голландская шапочка, которая къ ней шла куда больше, чѣмъ къ голландкамъ. Постукивая каблучками, приблизилась она къ гостю, показывая и ямочки на щечкахъ, и бѣленькіе зубки между полуоткрытыми губами, и орѣховые волосы, что локонами легли по плечамъ.

— Рада васъ видѣть,—сказала она. Прошлый разъ говорила ему на «ты», а теперь на «вы» перешла.

— Проститься явился,—заговорилъ онъ:—поблагодарить за все и руку поцѣловать. Удостоите дать?

Она протянула руку и сказала:

— Цѣлуй.

Онъ почтительно и нѣжно прижался губами къ бѣленькой прозрачной кожѣ.

— За что меня-то благодарить?—спросила она.—Я, кажется, ничего вамъ хорошаго не дѣлала?

Онъ придвинулъ стулъ поближе къ ея креслу и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, ангель свѣтозарный! Вы сдѣлали такъ много для меня, что и сами того не знаете.

Она удивленно посмотрѣла на него

— Развѣ? Что же я такое сдѣлала?

— Вы озарили печальный путь жизни бѣднаго комедіанта..Какъ солнышко въ несчастный день проглянетъ иногда изъ-за тучъ, такъ вы среди сумрака блеснули и согрѣли меня...

Долго приготавлилъ дома этотъ періодъ Попелюгинъ; онъ нашель, что при его томномъ взорѣ такія слова должны произвести впечатлѣніе, и онъ произвелъ.

— Мы тебя... мы васъ видѣли на масленой въ театрѣ,—смущенно сказала она.

— Зачѣмъ вы мнѣ стали говорить «вы»? «Ты» было ласковѣе, родственнѣе, ближе?

— И англичанка, мистрессъ Бриджа, была съ нами,—продолжала она.—Очень хорошо вы играли...

— Опять «вы»?—печально сказалъ онъ.

— Я про всѣхъ говорю, потому и сказала «вы»,—не безъ кокетства проговорила хозяйка, поджимая губки.—Второй разъ я комедію эту вижу, и нравится мнѣ въ ней, какъ арцугъ съ невѣрной женой вѣжливо обращается.

— Я видѣлъ васъ... Я игралъ только для васъ одной. И когда говорилъ съ женой моей, казалось мнѣ, что бесѣдую съ вами.

Лизавета Максимовна потушила голову.

— Ужъ будто...

Онъ придвинулся еще ближе и взялъ ее за руку.

— Архангель мой!—сказалъ онъ.—Ты единственный свѣтлый образъ, что я встрѣтилъ на моемъ тернистомъ пути. Въ послѣдній разъ вижу я тебя, и мнѣ все равно поэтому, будешь ты гнѣваться на меня, или нѣтъ. Мужа твоего татарскаго я и знать не хочу. А тебя коли на улицѣ, или въ церкви встрѣчу,—смотришь на тебя буду, и день это будетъ для меня счастливый и великій.

Она тихо высвободила руку.

— Здѣсь увидѣть могутъ,—сказала она.—Пойдемъ лучше сюда въ горницу. И сидѣть тамъ мягче.

Она первая встала и, не глядя на него, повела его въ голубую, расписанную золотыми звѣздами, мѣсяцомъ и хвостатыми кометами комнату. Тамъ стояла мягкая штофная мебель, висѣли голландскія картины съ крутозадными сѣрыми лошадьми и мужчинами въ высокихъ войлочныхъ шапкахъ и желтыхъ курткахъ съ коричневыми поясами.

— Вотъ здѣсь сядемъ,—сказала она.—Очень жалко мнѣ, что театрумъ у насъ прикончился. Только я, и вдругъ его прикрыли. Я говорила мужу, что нельзя такъ съ людьми поступать, нельзя ихъ въ пролубъ толкать...

— Вы говорили это, вы печаловались о бѣдныхъ скоморохахъ?—нѣжно сказалъ онъ и опять ласково, почтительно взялъ ее руку и поднесъ ее къ своимъ губамъ.

«Да, разница большая,—мужъ мой,—и этотъ...—думала она.— Тотъ маленькій, мозглявый, противный. А этотъ—сильный, красивый, смѣлый...»

Онъ все цѣловаль ея руку и тихо гладилъ другой рукой.

— Что же,—спросила она,—что же дѣлать ты будешь дальше?

— Не знаю. Что я могу дѣлать? Ничему не наученъ. Въ приказъ придется писцомъ поступить. Крысой такой же быть, какъ другіе приказные, что стулья собой просидѣли.

— Ты и приказные! Развѣ можно тебя среди нихъ поставить!..— ужаснулась она.

Онъ молчалъ и дѣлалъ видъ, что имъ овладѣваетъ злая тоска.

— Скажи мнѣ что-нибудь изъ комедіи,—вдругъ предложила она..

Онъ посмотрѣлъ на ея аленькія губки, на заискрившіеся глаза, на порывисто дышавшую грудь.

— О, царица,—началъ онъ, и то, что говорилъ онъ, никогда не было ни въ одной его роли.—О, царица, дозвожь мнѣ коснуться устъ твоихъ устами моими. Подари неземнымъ блаженствомъ смертнаго! Я умру спокойно. Умирая, я буду вспоминать про твое лобзаніе, и оно дастъ мнѣ влагу забвенія. Что всѣ муки палачей, если райскій восторгъ твоей ласки будетъ витать надо мною, когда смерть уже будетъ простираться ко мнѣ свои объятія!

Онъ придвинулся къ ней еще ближе, схватилъ ея другую руку и заговорилъ еще горячѣе:

— Не отказывай въ этой милости бѣдному узнику, которому осталось жить нѣсколько краткихъ мгновеній. Небеса вознаграждать тебя за твое великодушіе. Приблизь ко мнѣ свѣтлый ликъ свой, прижми свои перси къ моимъ, сольемся въ одномъ лобзаніи, и божественный огонь любви пусть охватитъ насъ и испепелитъ...

Его черные глаза смотрѣли въ упоръ близко-близко въ ея глаза. Одна его рука крѣпко сжимала ея руку. А другая обнимала ея плечо и мощно прижимало къ новому кафтану.

Въ дверяхъ въ сосѣдней комнатѣ мелькнула Надя. Она встрѣтилась взглядомъ съ комедіантомъ и мотнула головой ему, дескать:

— Никто не войдетъ: я сторожу тутъ...

XXXVII.

Оедя сидѣлъ у своего двоюроднаго брата въ его невзрачной маленькой канурѣ на Покровкѣ. Сегодня его лобъ блестѣлъ точно больше обыкновеннаго, какъ будто его заново покрыли лакомъ.

— Дядя велѣлъ мнѣ дать тебѣ сто рублей,—говорилъ онъ.

— Оба вы съ дядей мошенники!—вдругъ замѣтилъ Дементій.

— Почему?

— Ты сколько получилъ денегъ?

- Ты сундукъ видѣлъ. Деньгами больше у нея ничего не было.
- Тамъ десять тысячъ.
- Гдѣ тамъ?
- Въ сундукѣ этомъ. Я видѣлъ—десять тысячъ..
- Тамъ и пяти тысячъ нѣтъ.
- Врешь. Десять. Этой подачкой вы съ дяленькой замазать мнѣ ротъ хотите? А я вотъ по всей Москвѣ трубить буду, что вы десять тысячъ получили и въ землю ихъ схоронили.
- Зачѣмъ это тебѣ?
- А такъ. Я дошелъ до предѣла. Понимаешь ты,—я теперь не человѣкъ. Не комедіантъ я бывший, а существо неземное.
- Что у тебя: симетричка попорчена?
- Какая симетричка?
- Не знаю, какая. У насъ лекаръ за моремъ былъ изъ Ростова—Протасовъ. Такъ онъ все говорилъ: «симетричка попортилась»—значить съ ума спятилъ.
- Я еще въ здоровомъ умѣ. Замѣчалъ я, что въ жизни моей счастье и несчастье рука объ руку идутъ. И теперь. Такое мнѣ счастье, такое счастье пришло, что тебѣ и въ голову не влѣзеть.
- Одея завертѣлъ вокругъ шей.
- Что такое?—безпокойно спросилъ онъ.
- А въ то же время,—продолжалъ Попелюгинъ,—театрумъ нашъ погибъ, и я лишился того скуднаго заработка, что имѣлъ.
- Я привезъ тебѣ сто рублей.
- Что такое твои сто рублей? Что съ ними сдѣлаешь!
- На нихъ два года жить хорошо въ Москвѣ можно.
- Тебѣ, а не мнѣ.
- Я въ Парижѣ на меньшее жилъ. Черченіемъ прирабатывалъ.
- Оедька! Есть у меня дѣло сурьезности изрядной. Ты насто-рожился? Хочешь хорошее, большое дѣло сдѣлать?
- Ну?—спросилъ Оедька.
- Нѣтъ,—скажи: хочешь?
- Не знаю, какое дѣло. Если честное и выгодное,—хочу.
- Дай тысячу рублей.
- Лицо у Оеди помертвѣло.
- Кому? Тебѣ дать?
- Не мнѣ, а дѣлу. Хочу русскій театрумъ открыть.
- Одея потупился и молчалъ.
- Хочу театрумъ безъ засилья чужеземнаго. Довольно мы подъ нѣмецкимъ игомъ были, довольно нѣмцы измывались надъ нами. Что жъ ты молчишь? Что не говоришь ничего?
- Не дамъ.
- Не дашь? А почему?
- Государь прикрылъ театръ на Красной площади, какъ учре-жденіе не нужное, которое только казенныя деньги пожираетъ.

Нашель онъ его лишнимъ и упразднилъ. Какъ же я пойду противъ его воли и приватному дѣлу содѣйствовать буду?

— Зналъ я, Оедька, что ты глушь, но не думалъ, что настолько. Да если бъ на Красной площади театрумъ дѣйствовалъ, развѣ бы я говорилъ о другомъ?

— Это все равно.

— Нѣтъ, не все равно. Если царю некогда этимъ дѣломъ заниматься, если онъ нѣмцевъ поставилъ намъ начальствомъ, чтобы обучать насъ, и дѣло не пошло, такъ изъ того еще не выходитъ, что оно лишнее. Только вести его не такъ надо. Рапо ли, поздно, будутъ же у насъ на Руси такіе же театрумы, какъ въ Амстердамѣ и Венеціи.

— Зачѣмъ? Я бы и тамъ ихъ упразднилъ. Никому они не нужны.

— Всѣхъ ты своимъ аршиномъ мѣришь.

— Каждый своимъ аршиномъ только мѣрить можетъ, что же за чужой-то хвататься? Я разбрасываться не желаю. Я зодчій, и зодчимъ буду.

Онъ хлопнулъ ладонью по столу, какъ дѣлалъ царь, когда хотѣлъ показать, что его рѣшеніе непреложно.

— Вся Москва сплошь куча хвороста, которую стоитъ только запалить со всѣхъ сторонъ: займется она, какъ смоляная бочка. И кабы она сгорѣла, сколько бы мѣста очистилось! Вотъ теперь царь указалъ водяную башню строить. Потомъ ряды городскіе. Коллегіи онъ заводитъ. Заводы новые. Сколь много работы, и какъ широко это поприще!

— Такъ и театрумъ построй каменный,—предложилъ Попелюгинъ.

— Дай денегъ, построю.

— Построй деревянный на свой счетъ.

Оедя потрясъ отрицательно головой.

— Меня это не занимаетъ.

Онъ всталъ, посмотрѣлъ на часы и сказалъ, что пора ѣхать къ царю съ докладомъ.

— Поѣзжай!—согласился Пепелюгинъ и, выпустивъ на крыльцо брата, крикнулъ ему вслѣдъ:

— А все-таки вы съ дяденькой оба маклаки и кашеи.

Мысль о томъ, чтобы лѣтомъ устроить свой частный театръ, засѣла гвоздемъ въ его головѣ. Говорилъ онъ объ этомъ только съ Подерпой. Подерпя даже захлебнулся. Онъ какъ-то всхлипнулъ и, растягивая ротъ чуть не до ушей и щура глаза, сказалъ:

— Хорошо бы!

О намѣреніи Натальи Алексѣевны устроить у себя во дворцѣ домашніе спектакли ходили уже слухи. Но для Попелюгина все это было не то. Говорили, царевна хотѣла даромъ пускать къ себѣ всѣхъ, кто желаетъ смотрѣть. И это не входило въ его планы. «Ни-

чего даромъ дѣлать не надо. Что мы—милостыню, что ли, подаемъ народу?» Такой надо театрумъ въ самой центрѣ города, что нуженъ былъ бы народу. Заикнулся онъ о деньгахъ Арчаковой, но она сказала:

— Миленькій, нѣтъ у меня ничего. Десять рублей я могу тебѣ дать, а на большее не рассчитывай.

И Попелюгинъ какъ-то погасъ по отношенію ея въ своей страсти. Опъ съ ненавистью говорилъ:

— Нѣту у насъ, нѣтъ никого, кто бы живо любилъ театрумъ и деньги имѣлъ.

Говорилъ онъ съ дядей.

— А выгодное ли дѣло?—спрашивалъ Геннадій.—А чѣмъ ты поручишься, что мои деньги не пропадутъ? Въ товарищи я пойду. Пятьсотъ рублей дамъ, ежели библейскія комедіи представляться будутъ.

«Это въ роду у насъ скряжничество», говорилъ про себя Попелюгинъ.

Разъ утромъ прибѣжала къ нему Надька съ записочкой отъ барыни.

«Купида мой,—прочелъ онъ:—какъ быто я устроила дѣло. Приходи къ полудню. Будетъ одна персона, съ коей ты въ бесѣду вступишь. Цѣлую тебя неисчетно».

Не помня себя отъ восторга, шелъ онъ къ Арчаковымъ. Все ликовало, и такъ сіяли главы соборовъ, и такъ горѣли синькой, киповарью и золотомъ строенія Китай-города, такъ веселы были лица прохожихъ. И видѣлъ онъ самого царя, что ѣхалъ куда-то вмѣстѣ съ Меншиковымъ по Ильинкѣ. Шелъ онъ не по землѣ, а точно по воздуху, и что-то новое, живое, весеннее вѣяло на него съ теплымъ вѣтромъ изъ-за Москва-рѣки.

У подъѣзда Арчаковыхъ стояла парой запряженная повозка заморскаго образца, и сидѣлъ толстогубый возница съ длиннымъ аглицкимъ бичомъ. И вдругъ Попелюгинъ все понялъ.

— Пришелъ! ужъ ждутъ васъ!—сказала Надежда и помогла ему снять плащъ.

Въ знакомой комнатѣ былъ поданъ чай, на аглицкій манеръ, какъ научила Надьку миссисъ Бриджъ. И сама она сидѣла рядомъ съ Елизаветой Максимовой—обѣ молодыя, свѣжія, дышавшія здоровьемъ.

— Ну, вотъ, даетъ сколько нужно денегъ Анна Яковлевна,—сказала Арчакова:—уговорила я ее.

— Вы расскажите толкомъ, Попелюгинъ,—сверкая бѣлыми зубами, заговорила англичанка.—Триста-пятьсотъ гиней бросить не штука, а надо знать на что. Я замужъ собралась, да свадьба моя разстроилась. Потому что, главное, женихъ мой пьетъ, и не такъ, какъ у насъ британцы, что никто не видитъ, а окна и

живыхъ людей бьетъ. А дядя вашъ говоритъ, что нужно затвердить символъ непременно, чтобъ православной, обернуться. А я не могу затвердить.

— Да у насъ изъ православныхъ никто символа и не знаетъ,— вставила свое слово хозяйка.

— Ну, такъ вотъ, отчего же и не побаловаться театромъ,— продолжала Анна.—Только я хочу не такъ, какъ у васъ на Красной площади было, а гораздо, гораздо лучше.

— Да лучше и будетъ,—сказалъ Попелюгинъ.

И онъ началъ рисовать ей будущее самыми розовыми красками. Подберетъ онъ такихъ комедантовъ, что всѣ диву дадутся. Шагу онъ и на порогъ не пуститъ. Будутъ они играть только русскія пьесы и отъ нѣмцевъ освободятся. Если голландца или англичанина приведутъ въ театръ, такъ затѣмъ только, чтобъ спросить у него совѣта, а не начальникомъ-распорядителемъ его поставить, чтобъ онъ кровь сосалъ.

— И надо, чтобъ женскія роли женщины играли,—настаивала Бриджъ.—А то никакихъ илльюженъ нѣтъ.

— Чего?—переспросила Лизавета.

— Илльюженъ. Все чувствуешь, что это мужчина съ женщиной, только онъ юбку надѣлъ да фижмы.

— Это точно, другое бы дѣло было, кабы женскій полъ на сценѣ былъ,—согласился Дементій.

— Да вѣдь вы-то, мужчины, рады, чтобы негодныя бабенки съ вами были,—недовольно сказала Арчакова.

— О, ну, почему негодныя!—вскричала Бриджъ.—Царевна Наталья Алексѣевна хочетъ у себя сама играть. И принцессы у нея играть будутъ.

— Ахъ, хорошо бы!—повторилъ за ней Попелюгинъ.

— И я замѣчаю,—продолжала миссисъ Бриджъ:—что комеданты въ Москвѣ ужъ теперь въ общество входятъ, и держатъ себя умѣютъ, какъ англичане. И мы установимъ, какія пьесы играть будемъ, и Елизабетъ очень довольна будетъ. О, я понимаю васъ, Елизабетъ. Поцѣлуйте же меня, Елизабетъ. А я вамъ, Попелюгинъ, дамъ актрису, у насъ есть въ слободѣ, миссъ Мей, это тоже, что Мери. Она хорошо говоритъ по-русски, и моя отдаленная родственница... И все такъ чудесно будетъ, что ужасъ.

XXXVIII.

Послушникъ Павлушка забѣжалъ какъ-то въ концѣ Оминой къ Попелюгину и сообщилъ, что дяденька просили безпремѣнно сегодня къ четыремъ часамъ быть у него. «Вчера еще просили: разыскать тебя не могли».

— Что такое? Случилось что?—полюбопытствовалъ Попелюгинъ.

— Не то, что случилось, а говорить не велѣно,—отвѣчала Павлушка.

Въ четыре часа онъ пришелъ къ дядѣ и засталъ тамъ столъ, накрытый для трапезы, и самого Геннадія въ новой лиловой рясѣ, ходившаго по комнатамъ въ самомъ лучшемъ настроеніи.

— Ты что вчера не былъ? Посылали за тобой,—спросилъ онъ племянника, давая ему благословеніе.

— Съ утра до ночи въ дѣлахъ былъ,—объяснилъ племянникъ.

— Франтомъ ходить началъ, ровно французъ какой! Ишь, суконце-то на кафтанѣ какое!

— У васъ шелкъ на рясѣ подороже,—вскользь замѣтилъ Попелюгинъ.

— А мы вчера Оедю повѣнчали,—сказалъ дядя, какъ будто не слышалъ словъ племянника.—Затѣмъ и звали тебя.

— Оповѣстили бы заранѣе, такъ пришелъ,—возразилъ племянникъ.

— Все внезапно совершилось. Царь въ Питерь ѣдетъ, и Оеденька ѣхать сегодня долженъ. Черезъ полчаса лошади пріѣдутъ. На дорогу я ушицы велѣлъ стерляжьей приготовить да пирожковъ съ вязигой. Хереску мнѣ партію голландецъ одинъ прислалъ. Прощаемся съ Оеденькой честь-честью. Оеденька, иди сюда!—крикнулъ онъ.—И жену веди!

Въ дверяхъ показался Оеденька. На немъ былъ дорожный архалучекъ и высокіе сапоги. Лицо его было важно и строго.

— Ну, поздравляю!—заговорилъ Попелюгинъ, лобызая двоюроднаго брата.

— Спасибо,—отозвался Оедя.

— Садитесь, садитесь за столъ,—торопилъ дядя.—Гдѣ же жена?

— Идетъ.

Вошла Варя. Она была тоже готова ѣхать, и на ней была душегрѣя.

— А, вотъ ты на комъ женился!—удивился Попелюгинъ.—Вотъ-то не думалъ!

Онъ поцѣловался и съ Варей, какъ-то вопросительно посмотрѣвъ ей въ глаза.

— Да, я не думала, что окрчусь такъ скоро,—сказала она.

Геннадій самъ разливалъ ушицу.

— Я что-то не хочу,—проговорила Варя, смотря на свою полную тарелку, отъ которой пахло и лавровымъ листомъ, и лимономъ.

— Въ прокъ ѣшь,—посовѣтовалъ Геннадій:—мало чего не хочешь.

— Думалъ я, что ты на богатой невѣстѣ женишься,—сказалъ Попелюгинъ.

— А чѣмъ же Варя не богата?—спросилъ дядя.—Вѣдь покойница-сестра все пополамъ раздѣлила: ему да ей.

Оеда подтвердилъ.

— Все пополамъ.

— Ну, а ты, чѣмъ половину получать, рѣшилъ все забрать?—спросилъ комедіантъ.

— Рѣшилъ все забрать.

— А много всего вышло?

Оеда подумалъ.

— А не знаю еще, не считалъ. Двѣ деревеньки какія-то ей приписаны по Волхову. Вотъ поѣдемъ, мимоходомъ посмотримъ. Можетъ, такъ—дрянь завалыаая.

— Ну, Пульхерія, кажись, дрянь завалыаую не держала бы,—сказалъ дядя.

— Тѣмъ лучше,—согласился Оеда.

— А царь начинанія и проекты одобрилъ,—замѣтилъ Геннадій.—И велѣлъ ему съ собой въ Питербурхъ ѣхать, касательно фортеціи и адмиралтейства.

— Такъ что работы много будетъ?—спросилъ Дементій.

— Много. День и ночь. Да я крѣпкій.

— Ну, поздравляю.

Налплъ дядя всѣмъ въ бокалы хереса и сказалъ:

— Благослови васъ Господь! Живите дружно, въ любви и согласіи. Будь, Оедоръ, усерденъ по службѣ и любящъ въ семьѣ. И Господь умножитъ родъ твой, какъ родъ Іаковлевъ.

А Оедоръ отвѣчалъ:

— Государь Петръ Алексѣевичъ все перевернулъ и все впередъ тронулъ. И русскимъ опъ большое предпочтеніе предъ иностранцами даетъ, ежели они служатъ честно и безъ лѣни. И буду я служить до послѣдняго вздоха, ибо знаю, что русскіе люди все могутъ и все сдѣлаютъ, ежели захотятъ. А я хочу, и сдѣлаю.

Всѣ цѣловались, поздравляли, благодарили.

— Дозвольте и мнѣ сказать слово, дяденька?—сказалъ Попелюгинъ.—Налсите мнѣ хереса еще въ бокальчикъ.

Оеда приготовился слушать и цѣловаться, отеревъ начисто губы.

— Ты, Оедоръ, свой карьеръ сдѣлалъ,—началъ Попелюгинъ.—Тебя отправили учиться за море. Ты переполненный весьма нарочитыми знаніями вернулся и будешь теперь содѣйствовать торжественному вѣдренію государства нашего въ ассамблею съ прочими чародами Европы. А я здѣсь, въ Москвѣ, тоже по мѣрѣ силъ буду тараться о томъ же.

Оедоръ посмотрѣлъ на него своими кукольными глазами.

— Вѣдь вашу комедіальную хранину ужъ ломаютъ?—сказалъ онъ.

— Намъ и не нуженъ этотъ нѣмецкій коробъ. И пусть дьяволы его пожрутъ, и самой памяти о немъ не надо. Безъ нѣмцевъ пойдемъ мы въ далекій путь. Нынче зложимъ небольшой частный театрумъ здѣсь, на Яузѣ. А потомъ перекинемся въ Питер-бурхъ.

— Тамъ театрума нѣтъ,—подтвердилъ Оеда.

— Потому-то мы туда перекинуться и хотимъ. И думается мнѣ, что трудовой людъ тамъ скорѣе откликнется на зрѣлище, чѣмъ московскій.

— Да, здѣсь чешуей старой очень обросли...

— И ты это замѣтилъ, Оеденька? Мохомъ поросли здѣсь. А Питербурхъ—городъ новый. Тамъ скорѣе, можетъ, откликнутся на дѣло живое и великое. Да, не тараци буркуль на меня, Оеденька,—да, великое. Царю нѣтъ времени возиться съ нами, и потому поставилъ онъ на наше дѣло крестъ. Но нашему малому почину препятствія онъ оказывать не будетъ, а всячески помогать. И пойдемъ мы дружной семьей впередъ, и будемъ разрушать суетвѣріе, что театрумъ—дѣло сатанинское. Намъ не удастся, дѣтямъ не удастся, внукамъ,—правнуки справятся, и водрузится русское, хорошее дѣло. И близко нѣмецкое засилье къ нему подходить не будетъ. Свободные, гордые сотворимъ мы свое искусство, которое, можетъ, почище ихъ будетъ...

— Пріѣхали лошади!—доложилъ Павелъ.

И началась суматоха, вытаскиванье узловъ и подушекъ. Владыка вышелъ самъ на крыльцо, опираясь на свой посохъ съ золотымъ набалдашникомъ и аметистомъ. Павелъ допилъ хересъ изъ всѣхъ недопитыхъ рюмокъ и потому былъ оживленъ и поскальзывался на поворотахъ, когда проносился съ вещами то къ повозкѣ, то, порожній, бѣжалъ вверхъ. Былъ ясный весенній день. Манило людей изъ города въ поле, на просторъ луговъ и лѣсовъ. Журавли давно уже тянули къ сѣверу по высокому небу.

Усѣлись въ повозку Варенька и Оеда, и лица ихъ желтѣли и краснѣли среди разноцвѣтныхъ подушекъ.

— Трогай!—громко сказалъ владыка.

И повозка, гремящая по деревянному настилу широкими колесами, двинулась впередъ, туда къ далекому Великому Поморью, что такъ недавно было присоединено къ Россіи.

Геннадій и Демьянъ, дядя и племянникъ, долго стояли на крыльцѣ и молча смотрѣли вслѣдъ отъѣхавшимъ.

— Я пойду, дяденька, по дѣламъ,—сказалъ наконецъ племянникъ.

— Ну, и тебя да благословитъ Богъ, — проговорилъ старикъ.

— На мое дѣло благословляете меня?

На твое дѣло: осиль нѣмцевъ!

— Спасибо!

Они трижды поцѣловались изъ щеки въ щеку, комедіантъ надѣлъ шляпу и весело направился къ миссисъ Бриджъ: онъ обѣщалъ сегодня ввечеру быть у ней и столковаться о будущемъ дѣлѣ, русскомъ, свободномъ. И деревья ужъ начали зеленѣть и наливаются первыми почками, и птицы весело щebetали, и солнце свѣтило такъ ярко, ярко..

П. Гнѣдичъ.

1914—1915 г.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА.

ВЕСКОЛЬКО лѣтъ тому назадъ, послѣ производства Государемъ Императоромъ юнкеровъ столичныхъ военныхъ училищъ въ офицеры въ красносельскомъ лагерѣ, послѣ торжественнаго завтрака въ присутствіи Государя Императора, великихъ князей и высшихъ чиновъ военнаго міра великій князь Константинъ Константиновичъ обратился къ произведеннымъ офицерамъ съ вопросомъ:

— Изъ васъ никого нѣтъ живущихъ въ Павловскѣ.

Такихъ среди молодыхъ офицеровъ не оказалось, а оказались живущіе въ Царскомъ Селѣ.

— Никакъ нѣтъ ваше императорское высочество. Есть только среди насъ царкоселы,—несмѣло сказала великому князю одинъ изъ произведенныхъ.

— Отлично,—весело сказала великій князь,—намъ, значить, по пути; я васъ завезу въ Царское Село на автомобилѣ.

Въ это время какъ разъ начался разѣздъ и былъ поданъ среди прочихъ великокняжескій автомобиль. Когда молодежь проводила Государя Императора восторженными кликами «ура», великій князь шутя скомандовалъ офицерамъ:

— Садись!

Послѣдніе не рѣшались и, браво вытянувшись, стояли передъ великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ, который съ улыбкой сказалъ:

— Садитесь, садитесь... Вотъ это мое мѣсто... А вы ужь размѣшайтесь на остальныхъ...

Офицеры были въ нерѣшительности отъ великой чести ѣхать съ великимъ княземъ.

— Ну, если такъ, то я буду, господа, принужденъ командовать, какъ генераль,—съ напускной строгостью сказалъ высокій хозяинъ автомобиля.

Офицеры повиновались и неловко разсѣлись на свободныхъ мѣстахъ. Автомобиль тронулся и быстро покатилъ къ Царскому.

— Кто изъ васъ курить?—опять задалъ вопросъ великій князь. Молодежь молчала и краснѣла.

— Ну, господа, вѣдь кто-нибудь да курить!

Офицеры несмѣло сказали утвердительно. Тогда великій князь Константинъ Константиновичъ вынулъ портсигаръ и предложилъ курить его папиросы молодымъ офицерамъ. Начался разговоръ, сперва робкій, несмѣлый, но потомъ мало-по-малу офицеры разговорились съ великимъ княземъ, и полилась оживленная бесѣда.

— А кто гдѣ изъ васъ живетъ? Я хочу васъ всѣхъ отвезти по домамъ...—спросилъ великій князь, когда автомобиль свернулъ на Садовую улицу въ Царскомъ Селѣ.

— Ваше императорское высочество, мы не смѣемъ затруднять васъ...—начали было офицеры.

— А! Понимаю, понимаю!—засмѣялся великій князь:—у васъ здѣсь, поди, назначена какая-нибудь встрѣча...

Офицеры сконфузились, а великій князь приказалъ шофферу остановить автомобиль и сердечно простился съ офицерами, пожелавъ имъ всего лучшаго въ предстоящей офицерской жизни.

Великій князь Константинъ Константиновичъ очень любилъ свой павловскій паркъ и въ лѣтнюю, а особенно весеннюю пору любилъ уединяться въ темныя аллеи роскошнаго сада. Рассказываютъ, что однажды, когда великій князь гулялъ въ отдаленной части парка, онъ встрѣтилъ простую дѣвочку изъ близлежащей деревни, которая шла въ Павловскъ съ цвѣтами для продажи.

Увидѣвъ офицера, она подошла къ великому князю и предложила ему купить небольшой букетикъ полевыхъ цвѣтовъ. Великій князь Константинъ Константиновичъ взялъ у дѣвочки букетъ и далъ за него рубль. Дѣвочка сперва растерялась, но потомъ замѣтила серьезно, что у нея еще нѣтъ сдачи и что букетикъ стоитъ всего десять копеекъ.

Тогда высокій хозяинъ Павловска просилъ ее взять за букетъ все, что онъ ей далъ.

— А мнѣ родители не позволяютъ брать больше, чѣмъ слѣдуетъ,—пролепетала дѣвочка.

— Ты скажи имъ, что оттого больше взяла, что не хотѣла обидѣть великаго князя.

Дѣвочка оцѣпенѣла отъ неожиданности, а великій князь Константинъ Константиновичъ разспросилъ дѣвочку о ея семейномъ положеніи и, узнавъ, что родители ея бѣдные люди, просилъ дѣвочку ежедневно, пока будутъ цвѣты, носить ихъ во дворецъ. Помощь великаго князя была весьма существенна для бѣдной семьи.

Во время проводовъ тѣла князя Олега Константиновича къ мѣсту вѣчнаго упокоенія, въ собственное его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича имѣніе Осташево, гдѣ такъ любилъ проводить свои недолгіе досуги князь Олегъ, великій князь обратился къ одному генералу, своему бывшему сослуживцу, со словами:

— Скоро и мы.

Собесѣдникъ не понялъ значенія этихъ словъ и переспросилъ великаго князя:

— Скоро и мы тамъ будемъ,—повторилъ огорченный смертью талантливаго сына августѣйшій отецъ, посмотрѣвъ на небо.

Собесѣдника великаго князя испугали эти слова, и онъ началъ успокаивать великаго князя Константина Константиновича, но послѣдній, видимо, не слушалъ его словъ и былъ погруженъ въ свои думы.

Великій князь Константинъ Константиновичъ въ Бозѣ почилъ 2-го іюня, а собесѣдникъ его—за три дня до кончины августѣйшаго поэта. Слова «К. Р.» были вѣщими.

Я нѣсколько разъ встрѣчалъ покойнаго великаго князя на прогулкѣ, и меня всегда плѣняло его лицо, задумчивое, строгое, но и привѣтливое.

Я очень любилъ и люблю вдохновенныя стихотворенія великаго князя Константина Константиновича, а поэтому, можетъ быть, я какъ-то особенно любилъ встрѣчи съ поэтомъ. Мое давнишнее желаніе было послушать чтеніе самого августѣйшаго автора.

Потому-то, когда въ началѣ этого года было объявлено о чтеніи самимъ великимъ княземъ своего «Царя Іудейскаго» въ Мраморномъ дворцѣ, я успѣшилъ застать билетомъ для входа и былъ счастливъ, когда получилъ розовую карточку съ надписью: «Для входа 4-го января 1915 года въ Мраморный дворецъ, на чтеніе драмы К. Р. «Царь Іудейскій». Начало чтенія ровно въ два часа». Я съ нетерпѣніемъ ждалъ этого дня.

Но наканунѣ назначеннаго чтенія я получилъ поздно вечеромъ телеграмму: «По случаю нездоровья великаго князя чтеніе 4-го

января отлагается. Гофмейстеръ Минкельде». Оказывается, что 2-го января у великаго князя сдѣлался первый припадокъ грудной жабы, отъ которой онъ и умеръ, спустя полгода, прохворавъ весь этотъ промежутокъ. Чтеніе, конечно, такъ и не состоялось. И я жалѣю, жалѣю...

Смерть великаго князя, большого поэта, меня глубоко поразила, и я набросалъ на смерть его слѣдующія строки:

ПАМЯТИ К. Р.

Узоръ твоихъ стиховъ плѣнителенъ и тонокъ,—
Онъ пробудилъ во мнѣ прошедшія мечты.
Надъ книгою твоей я плакалъ, какъ ребенокъ,
Носясь душой въ эфиръ красоты.

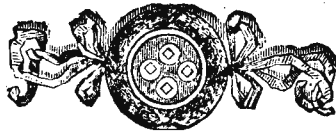
Забывъ заботы дня, тревожныя печали,
Я съ жадностью ловилъ стиховъ твоихъ слова;
Въ нихъ—свѣтлая любовь, природы пышной дали,
Луга широкіе, зеленая трава.

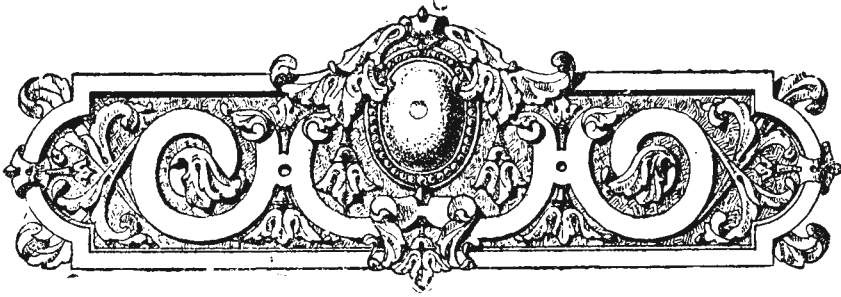
Твой гибокъ легкой стихъ, и образы такъ ярки...
Природы понялъ ты молитвенную тишь.
Бродя среди аллей въ тѣнистомъ старомъ паркѣ,
Ты слушалъ, какъ шуршитъ мечтательный камышь.

Любилъ ты тишину и разговоръ дубравы,
И ели старой шумъ, сѣдыхъ аллей мотивъ.
Ты воспѣвалъ весну, фіалки, ночи, травы,
Журчанье озера и шепотъ старыхъ ивъ.

Вотъ почему твой стихъ плѣнителенъ и тонокъ...
Онъ пробудилъ во мнѣ прошедшія мечты.
Надъ книгою твоей я плакалъ, какъ ребенокъ,
Носясь душой въ эфиръ красоты.

Алексѣй Сиверскій.

ВСПОМИНАНІЯ О С. О. ШАРАПОВЪ ¹⁾.

VI.

АКЪ РАЗЪ въ то время учреждено было особое совѣщаніе. Шараровъ написалъ Витте письмо, въ которомъ просилъ его забыть о происшедшихъ недоразумѣніяхъ и принять его, чтобы поговорить о задачахъ особаго совѣщанія. Свиданіе состоялось, и хотя ничего существеннаго изъ этого не вышло, но Шараровъ все же ревностно принялся за разборъ высказанныхъ Витте положеній и настаивалъ на томъ, чтобы была назначена комиссія для гласнаго и открытаго обсужденія разногласій между сторонниками и противниками золотой валюты. Шараровъ сильно агитировалъ и, между прочимъ, написалъ «Открытое письмо къ С. Ю. Витте», которое по тогдашнимъ условіямъ цензуры напечатать было нельзя, а потому онъ заказалъ пятьсотъ экземпляровъ на циклостилѣ и разослалъ во все уѣздные комитеты особаго совѣщанія ²⁾. Самъ Шараровъ, принимая участіе въ работахъ смоленскаго губернскаго совѣщанія, ратовалъ противъ золотой валюты, стараясь доказать, что корень всѣхъ бѣдствій земледѣлія и будущихъ смуть въ ней.

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СХLIII, стр. 196.

²⁾ Гораздо позднѣе это «Открытое письмо къ С. Ю. Витте» было напечатано въ сборникѣ Шарарова «Ураганъ».

«— Черезъ короткое время,—передаетъ Шаратовъ,—получаю копию моего письма съ резолюціей на немъ Витте: «Совѣщаніе назначить согласенъ, но предсѣдательствовать въ немъ не считаю удобнымъ». Это былъ первый положительный результатъ. Я занялся подготовкой къ этому совѣщанію, и здѣсь явилась надобность быть снова у Витте. Разумѣется, отношенія наши уже умягчились; онъ уже выходилъ навстрѣчу, и можно было разговаривать вполне миролюбиво. Нѣтъ ничего хуже миролюбивыхъ отношеній съ господами, подобными Витте. Тутъ-то и разставляются ими всякія западни. Въ разговорѣ зашла какъ-то рѣчь о моей мастерской плуговъ. Витте заинтересовался узнать, почему, будучи основана давно, она не развивается.

«— Потому, что я работаю кустарнымъ образомъ, безъ капитала и кредита.

«— А вы не пробовали создать акціонерное общество?

«— У насъ это трудно. Ваше вѣдомство утверждаетъ уставы общества только съ большимъ капиталомъ и крупныхъ размѣровъ акціями.

«— А вамъ какой нуженъ капиталъ?

«— Не болѣе пятидесяти тысячъ и акціи по пятьдесятъ рублей.

«— Я бы вамъ это провель, но, скажу откровенно, не хочется создавать прецедента. А вотъ, если хотите, капиталъ въ сто тысячъ и сторублевая акція, это я проведу. Пишите уставъ.

«Уставъ былъ написанъ, поданъ и въ нѣсколько дней утвержденъ. При слѣдующемъ свиданіи я благодарю Витте за быстроту, а онъ какъ бы мимоходомъ замѣчаетъ:

«— Мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть ваши плуги. Я слышу со всѣхъ сторонъ, что это ваше увлеченіе.

«Уколъ попалъ въ больное мѣсто. Плуги какъ разъ были въ Петербургѣ—цѣлая коллекція на кустарной выставкѣ. Но выставка уже кончилась.

«— Я бы хотѣлъ посмотрѣть ихъ въ работѣ, послушать отзывы крестьянъ...

«— Съ удовольствіемъ. Могу вамъ это устроить.

«Бду въ Старую Деревню—ближайшее пахотное мѣсто,—нанимаю землю, лошадей, привожу плуги. Мѣсто очень удобное. Отъ министерской дачи на островахъ два шага.

«Въ назначенный часъ Витте приѣзжаетъ на простомъ извозчикѣ. Начинаемъ пахать. Собрались мужики. Витте ходитъ за плугомъ, похваливаетъ. Затѣмъ въ перерывъ садится на плугъ, сзываетъ крестьянъ, спрашиваетъ, тѣ тоже хвалятъ. Пашемъ дальше по правиламъ—лучшіе плуги къ концу. Крестьяне любятъ и громко одобряютъ. Вдругъ Витте говоритъ:

«— Знаете, эту пахоту слѣдовало бы показать государю. Ему бы это доставило большое удовольствіе.

«Я со всего размаха хватаюсь за червяка и не замѣчаю, что тутъ же попадаю на крючокъ.

«— А это возможно устроить?»

«— Достаточно мнѣ доложить..

«Выждавъ немного, какъ опытный удильщикъ, Сергѣй Юльевичъ начинаетъ тянуть за лесу:

«— Это я съ удовольствіемъ сдѣлаю. Но я хочу на минуту вернуться къ вашему дѣлу. Вы думаете устроить общество. Я полагаю, что изъ этого ничего не выйдетъ. Во-первыхъ, вы денегъ не достанете. Если вашъ «апортъ», т.-е. если ваша нынѣшняя мастерская будетъ стоить, положимъ, пятьдесятъ тысячъ, то вамъ нужно собрать пятьдесятъ тысячъ деньгами. Этого вы на рынкѣ не найдете. Мелкій капиталистъ къ вамъ не пойдетъ, а для крупнаго это пустякъ, не стоящій вниманія. Во-вторыхъ, если вы деньги и достанете, изъ этого тоже ничего не будетъ. При кустарномъ производствѣ,—а при такомъ капиталѣ дѣло иначе итти не можетъ,—вы не будете въ состояніи конкурировать съ иностранными орудіями, которыя уже потому дешевы, что строятся массами и каждая часть дѣлается машиной. Чтобы поставить ваше дѣло, нуженъ капиталъ по крайней мѣрѣ въ полмилліона. Тогда это будетъ серьезное дѣло.

«— Я думалъ, что, когда это дѣло разовьется, и полмилліоннаго капитала будетъ мало. Тутъ можетъ отлично помѣститься капиталъ въ два или три милліона рублей.

«— Совершенно вѣрно. И этотъ капиталъ будетъ очень легко найти, когда вы дѣло поставите съ полумилліономъ. Знаете что? Мнѣ это дѣло очень нравится. Это большое національное дѣло, и я вамъ эти деньги найду.

«— Я не сомнѣваюсь, что при вашемъ значеніи въ коммерческомъ мірѣ вамъ это устроить не трудно, но на это я бы не пошелъ. Для веденія такого большого дѣла у меня нѣтъ ни персонала, ни нужнаго опыта. Меня попросту обворуютъ. Я долженъ создать сначала дѣло въ маленькомъ видѣ, такъ сказать, учебномъ: выработать точные образцы, шаблоны, а затѣмъ, когда дѣло будетъ поставлено, можно будетъ подумать о капиталѣ.

«— Хорошо; но нужныхъ вамъ пятидесяти тысячъ вы все-таки не достанете. Развѣ вотъ что? Тутъ возможна такая комбинація. Такъ какъ это серьезное національное дѣло, то казна можетъ войти въ него пайщикомъ.

«— Какимъ образомъ?»

«— Напримѣръ, купить половину вашихъ акцій.

«— Я о такихъ операціяхъ не слыхалъ.

«— Да, на это должно быть испрошено высочайшее повелѣніе:

«Должно быть, я посмотрѣлъ на министра довольно зло, ибо

Сергѣй Юльевичъ замолчалъ, а потомъ заговорилъ раздраженнымъ тономъ:

«— Ну, разумѣется, вы этого не захотите! Вѣдь это въ нѣкоторомъ родѣ подкупъ. Ваши друзья закричатъ сейчасъ же, что я васъ купилъ. Я вѣдь всѣхъ покупаю. Я не могу ни одного добраго дѣла сдѣлать, чтобы не сказали тотчасъ же: Витте подкупилъ.

«Я молчалъ.

«— Скажите, развѣ тутъ есть что-нибудь похожее на взятку? Развѣ эти деньги даются вамъ? Вы ихъ получаете подъ отчетъ и должны будете отсчитаться гласно и публично въ каждой копейкѣ. Акціонерное дѣло есть дѣло общественное. Выберите серьезное правленіе, устранитесь сами отъ участія въ распоряженіи деньгами,—кто посмѣетъ васъ упрекнуть?

«Я все слушалъ.

— Да, великое дѣло—общественное мнѣніе. Передъ этимъ божкомъ малодушничаютъ многіе. Я васъ считалъ выше этихъ предрасудковъ.

«Разговоръ на эту тему шель дальше, но я думалъ о другомъ. Я чувствовалъ, что Витте меня ловить, и хотя въ такой формѣ, разумѣется, не могло быть и рѣчи ни о какомъ подкупѣ, но взять эти деньги значило бы все-таки стать въ зависимыя отношенія. Меня интересовало другое: насколько возможно этимъ путемъ дойти до Государя? Обмана здѣсь со стороны Витте я не допускалъ,—это было бы уже не businesslike. О, только бы мнѣ пройти къ Государю, только бы эту тропинку проложить! Все остальное будетъ тогда зависѣть уже отъ меня, отъ моей искренности, отъ впечатлѣнія, которое я произведу...

«Кончилось тѣмъ, что я не сказалъ ни «да», ни «нѣтъ». На «да» не хватило рѣшимости, на «нѣтъ»—характера. Проклятая эта наша русская мягкость и дворянская вѣжливость, боязнь оскорбить человѣка...

«...Всеподданнѣйшій докладъ министра не занялъ полностью и страницы, наверху были карандашомъ проставлены двѣ буквы «с—ъ», т.-е. согласенъ, и уже чрезъ нѣсколько дней я получилъ извѣщеніе о состоявшемся высочайшемъ повелѣніи пріобрѣсти за счетъ казны на пятьдесятъ тысячъ рублей акціи общества «Пашарь» по номинальной цѣнѣ».

VII.

Такъ обошелъ Шарапова Витте и навязалъ-таки ему субсидію въ пятьдесятъ тысячъ рублей. И этимъ, конечно, скомпрометировалъ его, какъ публициста и безкорыстнаго борца—противника своей финансовой политики. Бѣдный Шараповъ только тогда понималъ весь ужасъ положенія, въ которомъ очутился, когда оказался

запутаннымъ въ ловушкѣ съ крѣпко захлопнутой дверцой. Что тогда перечувствовалъ бѣдный Шараповъ? Онъ объ этомъ рассказываетъ довольно подробно.

«—Съ переводомъ въ пятьдесятъ тысячъ рублей въ карманѣ,— рассказываетъ Шараповъ:—я выѣхалъ въ Москву. Послѣ суетолики и угара предыдущихъ дней, оставшись одинъ въ вагонѣ, я ясно понялъ сдѣланную ошибку и весь трагизмъ моего положенія. Какъ ни сильна была аргументація въ защиту той темы, что я ничего худого не сдѣлалъ и что ни о какомъ подкупѣ не можетъ быть рѣчи, сознание подсказывало, что это поймутъ, быть можетъ, близкіе друзья, но отнюдь не публика. Публика не будетъ входить въ детали. Она будетъ разсуждать: Шараповъ писалъ противъ Витте—Шараповъ взялъ отъ Витте деньги, слѣдовательно, Витте купилъ Шарапова. Отъ этого силлогизма никуда не уйдешь. Хуже того: прекрати я теперь печатныя нападки на Витте, скажутъ: проданся и замолчалъ. Продолжай писать противъ Витте,—и здѣсь объясненіе готово: мало взялъ, еще просить».

«За эту ночь, въ которую я, разумѣется не заснулъ ни минуты, не мало прибавилось у меня сѣдыхъ волосъ. Судите сами. Въ 1892 году исполнилось двадцать шесть лѣтъ съ моего перваго выхода въ литературѣ. Въ 1886 году я уже имѣлъ дерзость выступить послѣ смерти Аксакова его продолжателемъ и принятаго славнаго знамени не уронилъ и не загрязнилъ. Мое первое «Русское Дѣло» одно во всей замученной и затихшей русской литературѣ вело упорную борьбу со всемогущимъ временщикомъ, графомъ Д. А. Толстымъ, за реформы Александра II и съ честью пало въ этой борьбѣ, высказавъ всю правду, какъ ее понимали. Въ долгіе годы перерыва мое имя не забывалось грамотной Россіей, а росло. Мои работы возбуждали вниманіе. «Русскій Трудъ» я основалъ уже какъ заслуженный литераторъ, и этотъ органъ прославился своей борьбой съ Витте и своей блестящей гибелью. Вытѣсненный изъ Петербурга, гдѣ никто не рѣшался помѣстить ни одной моей строки въ ту подлую эпоху цензурнаго террора, я не сдавался, а основалъ въ Москвѣ мои «метеорологическіе» выпуски сочиненій и билъ и по Витте, и по Петербургу «Сугробами» и «Ухабами», «Бороздами» и «Посѣвами», и съ каждой книжкой тиражъ этого страннаго журнала увеличивался, Витте скрежеталъ зубами, а Сипягинъ приказалъ цензурѣ меня «прекратить». Но я прочно засѣлъ въ лазейку стараго цензурнаго устава и не сдавался. Я печаталъ послѣдніе выпуски «Сочиненій» уже въ пятнадцати тысячахъ экземпляровъ, и нѣкоторыя книжки скоро требовали вторыхъ изданій. Мой успѣхъ росъ, и одновременно твердо устанавливалась моя репутація.

«Всѣхъ Витте запугалъ или закупилъ,—писали мнѣ совершенно неизвѣстные люди:—одного васъ ему не удалось ни загугать, ни закупить». Я одинъ во всей русской литературѣ рѣ-

шился, ибо сознавалъ свое на то право, обратиться къ публикѣ за средствами на мои изданія и борьбу, и мнѣ въ двѣ недѣли на-слали шесть тысячъ рублей. Другого такого примѣра я не зналъ. Слали рублями, слали сотнями. Я публиковалъ всѣ суммы и сдавалъ гласный отчетъ по изданіямъ, печатая на обложкѣ всѣ приходы и расходы и создавая невзданную въ Россіи правственную и личную связь между читателемъ и писателемъ. Мои враги позубоскалили было насчетъ того, что я «пошелъ съ шапкой», но скоро прикусили языки. Я аккуратно списывалъ себѣ въ жалованье четыреста рублей въ мѣсяцъ и уже мечталъ выплачивать мой долгъ и по разоренному «Русскому Труду», и моимъ новымъ вкладчикамъ...

«И вдругъ этотъ самый Шараповъ, гордый своей бѣдностью, сильный своей неподкупностью и независимостью, составлявшій кричащее противорѣчіе поганой и грязной дѣйствительности,— взялъ и продался! Пошелъ къ Витте самъ и взялъ у него пятьдесятъ тысячъ рублей!

«Я метался въ отчаяніи, какъ раненый на смерть, или, вѣрнѣе, затравленный звѣрь. Къ Москвѣ у меня созрѣлъ планъ выхода изъ этого ужаснаго, самимъ же мною добровольно созданнаго положенія.

«Вотъ что я надумалъ. Снять въ фотографіи переводный билетъ и копию оставить у себя, а подлинникъ при всеподданнѣйшемъ письмѣ препроводить Государю Императору. «Вотъ, моль, Ваше Императорское Величество, слагаю у ногъ вашихъ народныя деньги, которыми меня хотѣлъ купить Витте. Вы мнѣ не вѣрили, когда я писалъ записки и обличалъ этого фатальнаго человѣка, всѣхъ и все соблазнявшаго и закупавшаго. Вотъ живое доказательство. Ни до какихъ плуговъ Витте нѣтъ, конечно, ни дѣла, ни заботы: это просто взятка, данная мнѣ, оцѣнка моего пера и совѣсти. Не могу на это согласиться и умоляю Ваше Величество простить мнѣ данный мною поводъ для столь предательски испрошеннаго ради моего подкупа Высочайшаго вашего повелѣнія».

«Планъ этотъ я передалъ на обсужденіе близкихъ и друзей. Увы! Отвѣтъ былъ отрицательный. Всѣ почти единогласно высказались такъ:

«— Надо было думать объ этомъ раньше. Изъ этого, кромѣ комедіи и твоего же посрамленія, ничего не выйдетъ. Государь получитъ письмо и, конечно, передастъ его Витте для объясненій. Въ этомъ послѣдній, разумѣется, нимало не затруднится и скажетъ что-нибудь въ родѣ слѣдующаго:

«— Ваше Величество, Шараповъ сумасшедшій и фанатикъ. Вы сами изволили видѣть, какъ извращаются самыя лучшія мои намѣренія. Я искренно хотѣлъ помочь хорошему національному дѣлу, несмотря на то, что Шараповъ мнѣ врагъ. Я смотрѣлъ только

на дѣло. Между тѣмъ вышелъ лукавый подвохъ. Онъ самъ просилъ деньги только съ тѣмъ, чтобъ меня очернить. Ради этого онъ не остановился даже предъ осмѣяніемъ вашего Высочайшаго повелѣнія.

«И, конечно, Витте былъ бы оправданъ, а Шараповъ въ глазахъ государя остался бы глупцомъ и фанатикомъ.

«Двѣ недѣли не рѣшился я идти въ банкъ исполнить формальности и открыть общество. Я чего-то ждалъ, на что-то надѣялся, чувствуя себя словно приговореннымъ къ смерти. Возражавшіе были совершенно правы. Мнѣ оставалось довести дѣло до конца, т.-е. поставить мое плужное дѣло на ноги, показать ихъ важность и полезность, а затѣмъ какъ можно скорѣе расчитаться съ казною, т.-е. распродать взятая ею акціи въ частныя руки, что было можно сдѣлать, разумѣется, только послѣ перваго серьезнаго дивиденда».

Было еще обстоятельство, которое, если не оправдывало, то способствовало тому, что Шараповъ удержалъ деньги и открылъ «Пахарь». Въ то время, послѣ блестящей его атаки на Витте въ обществѣ содѣйствія, цензура стала къ нему строга до явной придирчивости и положительно отравляла ему жизнь. Ни одна книжка его не выходила безъ задержки на мѣсяць, на два. Московскій комитетъ заарестовывалъ каждый выпускъ «Сочиненій» и слалъ въ Петербургъ представленіе о его уничтоженіи. Шараповъ долженъ былъ постоянно ѣздить въ Петербургъ хлопотать, просить, торговаться, что кончалось обыкновенно перепечаткой многихъ страницъ и увеличивало расходы на изданіе почти вдвое. При такомъ положеніи,—по выраженію Шарапова,—это было не изданіе, а «чистая каторга». Ему чувствовалась необходимость прекратить на время свое изданіе, переждать и дать отдыхъ себѣ и цензурѣ въ ея ретивости къ преслѣдованіямъ его выпусковъ. Сидѣть, сложа руки, не было свойственно его дѣятельной натурѣ, и онъ радъ былъ заполнить свое время представившимся случаемъ заняться новымъ серьезнымъ дѣломъ, т.-е. устройствомъ акціонернаго общества «Пахарь».

«Мнѣ остается добавить,—говоритъ Шараповъ:—что матеріальный интересъ, корысть и прочія соображенія совершенно у меня отсутствовали. Возьми я въ самомъ дѣлѣ съ Витте известную сумму, положи ее въ карманъ, какъ гонораръ,—а сдѣлать это было необыкновенно легко подъ какимъ угодно предлогомъ,—другое дѣло. Но здѣсь я не только ничего не выигрывалъ, но шелъ на явныя матеріальныя жертвы, и вотъ это-то условіе больше всего оправдывало меня предъ моею совѣстью. Витте явно набивался полумилліономъ. Другой на моемъ мѣстѣ сталъ бы торговаться и очень легко выторговалъ бы милліонъ. Чего ихъ жалѣть, казенныхъ-то денегъ! Витте швырялъ милліоны безъ всякаго стѣсненія,

одаряя самых дутых, самых мерзких дѣла. Я опредѣлилъ сумму совершенно сознательно въ пятьдесятъ тысячъ, какъ такой минимумъ, при которомъ я твердо зналъ, что лично мнѣ ничего не останется и даже мой гонораръ по дѣлу будетъ немного меньше, чѣмъ я получалъ. При этихъ условіяхъ и самое дѣло было сдѣлать неизмѣримо труднѣе, и риска его вовсе погубить было много больше, но зато совѣсть была спокойнѣе.

«Пишу я это и самъ чувствую, до чего все эти разсужденія глупы. Если я былъ правъ предъ своею совѣстью, то публику я никоимъ образомъ ни въ чемъ убѣдить не могъ. Этого обстоятельства я совершенно не учелъ, и въ этомъ моя главная вина. Вообразите себѣ, что поздно вечеромъ отъ архіерея уѣзжаетъ хорошенькая женщина, имѣвшая съ нимъ трехчасовой разговоръ tête-à-tête. Это свиданіе могло имѣть самое святое и чистое значеніе духовнаго утѣшенія, но я бы желалъ найти въ губернскомъ городѣ хотя единого человѣка, который бы этому повѣрилъ и не сталъ бы повторять направо и налево:

«— Слышали? Нашъ-то преосвященнѣйшій!..

«Положимъ, у архіерея все дѣло въ личномъ довѣрїи къ его святости, а у меня все же есть цифры. Но развѣ публика разбирается въ цифрахъ? Да вѣдь и цифры-то въ акціонерномъ дѣлѣ являются позднѣе, а пока, нечего дѣлать, пришлось подставить грѣшную голову подъ все помои и арбузные корки».

VIII.

Пропускаю дальнѣйшее изложеніе Шарاپова, въ которомъ онъ съ цифрами въ рукахъ, математически точно и подробно передаетъ всю исторію оборудованія, устройства и, наконецъ, гибели акціонернаго общества «Пахарь», и остановлюсь только на одномъ эпизодѣ, ярко и выпукло рисуящемъ, съ какими невзгодами пришлось Шарапovu столкнуться въ трудномъ дѣлѣ устройства большого національнаго дѣла. Врядъ ли въ какой-либо другой странѣ, кромѣ Россіи, возможны такіе пассажи, чтобы изъ-за «политики» (вѣрнѣе, политиканства) люди дѣла губили насущныя потребности своей родины, губили то, что ведетъ родину къ благополучію, лишь только въ силу тѣхъ соображеній, что данное полезное предпріятіе, данное національное дѣло оборудовано лицомъ чужого прихода, лицомъ, не принадлежащимъ къ той партіи дѣловыхъ политикановъ, у которой въ данное время власть и сила. Что шараповскіе плуги были дѣйствительно дешевле заграничныхъ, что по своимъ качествамъ превосходили заграничныя и это засвидѣтельствовано авторитетными специальными учрежденіями и у насъ, въ Россіи, и за границей (во Франціи, Аргентинѣ и другихъ мѣстахъ), все это не спасло ихъ, и они не получили у насъ

распространенія исключительно только потому, что во главѣ дѣла, его иниціаторомъ и творцомъ былъ Шараповъ. Будь Шараповъ не Шараповымъ, т.-е. человѣкомъ не опредѣленной славянофильской фізіономіи, или принадлежи онъ къ политиканствующей оппозиціи, которая давала тогда во всемъ тонъ и имѣла силу, онъ пользовался бы поддержкой, и его большое національное дѣло было бы сдѣлано. Но развѣ могли гг. кадеты допустить, чтобы «черносотенецъ» Шараповъ осуществилъ то, что такъ нужно было русскому крестьянству и русскому землевладѣльцу, т.-е. дать тѣмъ и другимъ хорошій и дешевый плугъ и сохранить родинѣ десятки, а можетъ и сотни милліоновъ, которые уплываютъ за границу въ карманы иностранныхъ заводчиковъ.

Пропускаю описаніе пахоты шараповскими плугами, которая происходила въ присутствіи Государя. Эту пахоту устроилъ не Витте, а Ермоловъ, бывший тогда министромъ земледѣлія. Упоминаю же я о ней потому, что Высочайшее вниманіе, оказанное плугамъ Шарапова, которымъ такъ гордился изобрѣтатель, принесло его дѣлу величайшій вредъ. Право, не вѣрится, что такъ оно было.

Но опять предоставляю слово самому Шарапову:

«Но позвольте разсказать, что вышло изъ Царской пахоты и какое впечатлѣніе она произвела на публику, на то, что мы привыкли принимать за «интеллигенцію».

«Непосредственно изъ Петергофа мнѣ пришлось погрузить всю коллекцію въ поѣздъ большой скорости и двинуть ея въ Москву, гдѣ какъ разъ уже была открыта очень цѣнная для меня всероссійская выставка сельско-хозяйственныхъ машинъ на Бутырскомъ хуторѣ бывшаго императорскаго, нынѣ просто московскаго общества сельскаго хозяйства.

«Я состоялъ членомъ этого общества съ незапамятныхъ временъ, и относилось оно ко мнѣ и къ моимъ плугамъ весьма трогательно. Главную роль въ немъ играли за послѣднее время профессора Петровской академіи, переименованной въ сельско-хозяйственный институтъ. Часто дѣлались испытанія моихъ плуговъ какъ на Бутырскомъ хуторѣ, такъ и въ академіи, и каждый разъ съ блестящимъ успѣхомъ. Какъ разъ предъ основаніемъ общества «Пахарь» происходило очень важное сравнительное испытаніе плуговъ Сакка и Сосновской мастерской, въ результатѣ коего былъ протоколъ комиссіи, необыкновенно для меня лестный. Довольно привести изъ него заключительную фразу: «...Нельзя не привѣтствовать попытки г. С. О. Шарапова строить въ Россіи оригинальные и совершенные плуги, которые при незначительномъ исправленіи конструктивныхъ недочетовъ и при нѣсколько болѣе тщательномъ отношеніи къ качеству и расцѣнкѣ матеріаловъ будутъ въ состояніи свободно конкурировать съ лучшими иностранными плугами».

«Это говорилось о плугах кустарнаго производства, почти безшаблонныхъ, которые теперь рѣшительно стыдно поставить рядомъ съ произведеніями «Пахаря». Никто гг. профессоровъ за языкъ не тянулъ, ухаживать за мной и дѣлать комплименты не было никакихъ основаній. Но тогда меня считали въ «оппозиціи».

«Выставилъ я свою коллекцію на Бутырской выставкѣ и самъ ясно вижу: вотъ коллекція Сакка, вотъ Эккертъ, вотъ нашъ Липгартъ, вотъ «Пахарь». Съ какой стороны ни заходите, «Пахарь» впереди всѣхъ. Тамъ все старое, извѣстное-переизвѣстное, новинки надо отыскивать въ микроскопъ, здѣсь все почти новое, оригинальное, только что запатентованное. Толпится публика, студенты снимаютъ чертежи, изучаютъ новыя формы отваловъ, словомъ, успѣхъ очевидный, бьющій въ глаза.

«Газеты съ отчетомъ о Царской пахотѣ еще не пришли.

«И вотъ довольно было прибить къ стѣнкѣ афишку, наверху которой стояло: «Коллекція орудій, бывшихъ на пахотѣ въ Петергофѣ въ присутствіи Его Императорскаго Величества», чтобы все перемѣнилось, словно вѣдьма какая махнула метлой. Начался подозрительный, весьма поганый шопотъ, перемигиваніе, подлмая замѣчанія, вчерашніе знакомые чуть не руку перестаютъ подавать.

«Теперь это не «доносъ», господа! Теперь, послѣ того, какъ нѣтъ той уличной каналы, которая не лакомила бы своихъ легкихъ крикомъ «долой самодержавіе», послѣ 17-го октября, московскихъ баррикадъ и всякихъ красныхъ флаговъ и бомбъ, сказать про кого-нибудь, что онъ идетъ противъ царя,—это все равно, что представить его къ чину. Теперь обратно, теперь на ненависти къ Царю и Россіи дѣлаютъ карьеру, а сказать слово за нихъ громко и открыто значить безповоротно скомпрометироваться и попасть въ «черносотенцы». Теперь, не подводя никакого, можно смѣло рассказывать про самыя махровыя проявленія русской низости и интеллигентнаго халуйства...

«Наступаетъ практическое испытаніе—пахота. Наступаетъ «технической осмотръ». Можете себѣ представить русскаго либеральнаго профессора, т.-е. по нынѣшней терминологіи «кадета» или социаль-демократа, осматривающаго и оцѣнивающаго «монархическіе» плуги. Это былъ рядъ униженій и оскорбленій мнѣ подъ маской холодной корректности, и въ результатъ необыкновенно хамскій протоколъ и «малая серебряная медаль» послѣ того, какъ я вездѣ получалъ первыя и высшія награды. Сакку и Эккерту почетные дипломы, Липгарту золотая медаль, рязанскому товариществу за крестьянскій плугъ съ деревяннымъ станкомъ и чугуннымъ корпусомъ, т.-е. за такой плугъ, съ которымъ экспонента нужно въ шею вытолкать съ любой уѣздной выставки—большая золотая медаль...

«Въ томъ же 1903 году, такъ какъ было нужно усиленно рекламировать дѣло и добывать заказы, пришлось участвовать еще въ нѣсколькихъ выставкахъ. Расскажу про орловскую.

«Приѣзжаю въ Орель. Коллекція послана тоже блестящая, плуговъ изъ тридцати. Распорядитель еврей и революціонеръ-агрономъ затискалъ ее такъ, что я даже и не нашелъ ее сразу. Пошелъ я, отыскалъ отличное мѣстечко у самой стѣны барака Краснаго Креста, площадку рядомъ съ Саккомъ и вблизи Эккерта, на самомъ ходу и на виду. Спрашивать позволенія бесполезно, только на скандалъ нарвешься, перетаскиваю плуги раненько, пока начальство сномъ прохлаждается. Разставилъ плуги, укрѣпился и рѣшилъ защищать свою позицію, хотя бы, какъ говорится, «до послѣдней капли крови». Выходить изъ барака какой-то казенный человѣкъ въ тужуркѣ и фуражкѣ съ кокардой. Знакомлюсь съ сосѣдомъ и прошу позволенія воспользоваться пустой стѣной барака, чтобы «устроить декорацию». Любезнѣйшимъ образомъ соглашается. Вѣшаю національные флажки, вывѣску фирмы и начинаю распаковывать ящики, гдѣ помѣщены великолѣпныя фотографическія увеличенія царской пахоты, большого размѣра и въ красивыхъ рамахъ. Эффектъ и вблизи, и издали большой.

«Подходитъ чиновдраль.

«— Извините, пожалуйста, я васъ попрошу моею стѣны не занимать.

«— Да вы же мнѣ сами разрѣшили...

«— Я не зналъ, что вы предполагаете на ней помѣщать. Этого я не могу дозволить.

«— Да вы посмотрите. Эта пахота въ присутствіи Государя. Прелесть какъ снято...

«Моя глупая наивность дѣйствуетъ какъ каленое желѣзо. Чиновдраль, вижу, задыхается отъ злобы. Съ чего бы, кажется?

«— Да-съ, но вы эти картинки все-таки уберите.

«Я посмотрѣлъ ему въ глаза и только теперь понялъ и взбѣсился самъ, какъ давно не бывало. Но старая культурность была на чеку, и я ни плюхи ему не далъ, ни носъ не переломалъ, а только раскладывался и заявилъ:

«— Будьте добры убрать ихъ сами.

«Надо было посмотрѣть въ озвѣрѣвшіе глаза почтеннаго дѣятеля 20-го числа. Онъ тоже сдерживался и бормоталъ по моему адресу какую-то пакость. Тутъ я не выдержалъ:

«— Вы что-то сказали?

«— Я... н... ничего...

«— Такъ вотъ-съ, будьте добры оставить меня въ покоѣ. И еще прошу васъ по возможности сюда не заглядывать, а то я могу не сдержаться и пустить васъ къ... ко всѣмъ... существительнымъ и прилагательнымъ.

«Кокарда ретировалась, и больше я ея не видалъ.

«Моя выставка имѣла шальной успѣхъ. Чуть не весь Орель перебывалъ передъ картинами Царской пахоты. Всегда стояла толпа, любовавшаяся самымъ трогательнымъ образомъ фигурой Царя въ бѣломъ кителѣ, наклонившагося надъ плугомъ. На рамкѣ въ соответственныхъ мѣстахъ были наклеены надписи. Гуломъ стояли восклицанія:

«— Батюшка-то нашъ! Плугъ разсматриваетъ... — И министры...—Вотъ Витте сбоку... А это Ермоловъ... А вотъ, Кир-р-ш-штейнъ...¹⁾, должно быть, нѣмецъ, во фракѣ-то! Вѣрно, самъ хозяинъ и есть... У Царя, смотри, рука чернымъ подвязана...²⁾ Болѣзнь ты нашъ!

«Есть и философскія замѣчанія. Чуйка изъ мастеровыхъ говорить товарищу:

«— Вотъ до сихъ поръ все парады военные да смотры устраивали, а теперь и плуги разсматриваютъ...

«— Дѣло хорошее,—замѣчаетъ другой.

«Здоровенный мужикъ качаетъ головой и говоритъ тоненькимъ голоскомъ, нараспѣвъ:

«— Э-эхъ, пріѣхалъ бы сюда къ намъ въ Амченскъ, Царь-Государь, али въ Болховъ! Посмотрѣлъ бы нашего хозяйства. Заплакалъ бы, ей-Богу! А то генералы плуги показываютъ. А у насъ простые сошники два съ полтиной...

«— Болтай лишнее!—строго замѣчаетъ унтеръ:—небось, Царь не даромъ плуги оглядываетъ. Значить, милость и вамъ, дуракамъ, будетъ.

«Это сѣрая православная публика. Подходитъ и интеллигенція, дамы съ лорнетами, учителя, священники. Революціоннаго настроенія еще не замѣтно.

«По ночамъ, несмотря на сторожей, какіе-то хамята аккуратно сдирали наклеенныя надписи фамилій или дѣлали неприличную литературу мѣломъ. Экспертная комиссія, дѣлавшая «техническій осмотръ», какъ я ни сторожилъ, можно сказать, безотлучно, ухитрилась-таки плуги осмотрѣть безъ меня. Назначается пахота. Вывезено на поле плуговъ до ста. Моихъ семь или восемь. Наблюдаю. Около фаворитовъ—поставщиковъ орловскаго земскаго склада—долгая и подробная остановка у каждаго. Всѣ наперерывъ устанавливаютъ плуги, поправляютъ, суетятся. Подбѣгутъ ко мнѣ, плуги отлично идутъ, что же тутъ смотрѣть! Убѣгаютъ стремя голову, сдѣлавъ наскоро отмѣтки.

«Вечеромъ на второй день, когда пахота кончилась, спрашиваю одного изъ экспертовъ о результатѣ.

¹⁾ Управляющій графа Берга, доставившій лошадей для Царской пахоты.

²⁾ Трауръ по сербскій королевскій четѣ.

«— Да, ваши плуги пахали лучше всѣхъ. Только противъ васъ ужасно вооружены. Шараповъ, говорятъ, и на палкѣ спасеть.

«Экспертизу закончили быстро и страшно безтолково. Награды распредѣлили. Экспоненты хоромъ жалуются на величайшее пристрастіе.

«Около полудня вокругъ моей коллекціи и у картинъ, какъ обыкновенно, масса народу. Едва успѣваю записывать заказы. Сквозь толпу продирается казенный членъ экспертной комиссіи, присланный изъ Петербурга, инспекторъ сельскаго хозяйства и чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ. Нагло поигрывая пуговицей, заявляетъ довольно громко:

«— Вамъ, г. Шараповъ, за вашу коллекцію и за пахоту была по всей справедливости присуждена высшая награда: большая золотая медаль...

«Длинная пауза.

«—...Но въ виду тѣхъ безнравственныхъ приемовъ рекламы, къ которымъ вы изволили прибѣгать (взглядъ въ сторону моихъ картинъ)... экспертная комиссія постановила... наградить васъ... малою серебряною медалью.

«Я ни на одну секунду не растерялся и отвѣчалъ совершенно въ тонъ:

«— За такія постановленія иногда фізіономіи мажутъ горчицей.

«Официальное лицо исчезло столь мгновенно, что я не успѣлъ добавить ничего больше.

«Попробовалъ было объявить войну. Вытребовалъ изъ правленія по телеграфу тысячу рублей, напечаталъ въ «Орловскомъ Вѣстникѣ» вызовъ на состязаніе съ двумя преміями по пятьсотъ рублей за лучшей крестьянской и экономической плуги—ничего не вышло, никто не явился. Тогда я объявилъ публичную пахоту на моихъ плугахъ. Экспертная комиссія не нашла ничего лучше, какъ запретить все время отворенныя заднія ворота выставки, выходившія въ поле, гдѣ была назначена пахота. Собралась толпа человѣкъ въ триста. Между ними были офицеры, которые и приказали ворота отворить. Пахота прошла отлично, и заказовъ я получилъ много.

«Но какой смыслъ имѣли всѣ эти заказы, когда земскій складъ категорически отказался даже принять плуги на комиссію? А безъ земскаго склада ни въ Орлѣ, ни въ губерніи продать ничего изъ машинъ нельзя: онъ сталъ совершенно монополенъ.

«Такъ вотъ что приходилось испытывать Шарапову отъ господъ интеллигентовъ и чиновниковъ, въ каждомъ изъ которыхъ наярѣвалъ уже тогда готовый кадетъ или «трудовикъ».

«Начало не предвѣщало ничего добраго,—жалуется Шараповъ:—Царская пахота, производившая чарующее дѣйствіе на му-

жика, уязвляла російскаго интеллигента, какъ каленое желѣзо. Я видѣлъ въ глазахъ ту ненависть, которая развернулась во всю ширину всего три года спустя и такъ могущественно захватила въ тиски русское общество... Это былъ инкубаціонный періодъ російской революціи».

IX.

Я такъ пространно передалъ исторію полученія Шарповымъ субсидіи изъ казны съ его же словъ и тѣмъ не менѣе разскалъ этотъ не полонъ. Ни самъ Шарповъ не имѣлъ возможности договорить до конца, ни я, какъ ужъ сказалъ, не имѣю возможности пока опубликовать ихъ. Но, чтобы покончить съ этой исторіей, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ одномъ изъ негласныхъ агентовъ графа Витте, который принималъ дѣятельное участіе въ этой исторіи, при исключительномъ содѣйствіи котораго Шарповъ былъ уловленъ.

Этотъ негласный агентъ С. Ю. Витте былъ пріятельски знакомъ съ Шарповымъ, который ему весьма и весьма довѣрялъ, что было на руку умному Витте, который возложилъ миссію соблазнить Шарпова на этого своего негласнаго агента. Умный Витте зналъ, кому поручить это щекотливое дѣло: онъ всегда отличался умнѣемъ выбирать исполнителей своихъ предначертаній и пользоваться для своихъ цѣлей всякимъ человѣческимъ матеріаломъ.

Этотъ агентъ Витте представляетъ собой типъ чрезвычайно интересный. Къ сожалѣнію, чувствую, что мнѣ не по силамъ зарисовать его портретъ во всю. Это было бы по плечу такимъ большимъ художникамъ, какъ покойные Салтыковъ-Щедринъ или Терпигоревъ. Это типъ новый, недавно народившійся и исключительный.

Въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ въ «Русскомъ Словѣ» бывшій священникъ Григорій Петровъ попробовалъ коснуться этого типа, но коснулся неуклюже, грубо, по-семинарски. И вышло у него не художественное изображеніе новаго типа, а нѣчто фальшивое, злобное и обличающее, но ничего не объясняющее, какъ и все, что пишетъ этотъ яко бы «художникъ» въ «художественной» формѣ. Но что Григорій Петровъ имѣлъ въ виду моего героя, свидѣтельствуютъ факты, приведенные въ его разсказѣ: факты эти взяты изъ жизни и дѣятельности моего героя.

Я уже говорилъ, что типъ этотъ чрезвычайно сложный. И въ самомъ дѣлѣ, изучивъ его достаточно, столкнувшись съ нимъ при разнообразныхъ обстоятельствахъ, съ самаго его появленія на петроградскомъ горизонтѣ, до сихъ поръ не могу опредѣленно высказаться ни о его душевныхъ качествахъ, ни о его умѣ, ни даже о его честности. Не знаю, добрый ли онъ человѣкъ, или злой. Бывали случаи, когда онъ обнаруживалъ въ своихъ поступкахъ и дѣй-

ствіяхъ много благородства, много чистоты душевной и несомнѣнное безкорыстіе. Но бывало и такъ, что своими дѣйствіями и поступками онъ возбуждалъ къ себѣ положительное омерзѣніе. Чрезвычайно трудно опредѣлить, гдѣ начинались у этого субъекта порядочность и благородство и кончались мазурничество и хулиганство, и наоборотъ: гдѣ начинался мазурикъ и хулиганъ и кончался порядочный и благородный человѣкъ. Привожу два случая его жизни.

Случай первый. Въ одномъ изъ правительственныхъ учрежденій онъ проводилъ весьма крупное дѣло. Еврей-аферистъ, въ пользу котораго онъ хлопоталъ, не отказался бы заплатить ему за труды тысячь пять, шесть, а можетъ быть и всѣ десять. Повторяю: дѣло весьма крупное. Но нашъ типъ отъ всякаго вознагражденія отказался. Онъ не коммиссіонеръ какой-нибудь. Онъ держитъ себя съ евреемъ такъ, что тотъ и хотѣлъ бы, но не смѣетъ предлагать ему вознагражденіе. При такихъ обстоятельствахъ, нашъ типъ со своимъ кліентомъ не церемонился: держалъ его въ черномъ тѣлѣ, третируя его, часами заставляя его дожидаться въ передней, пока принималъ его, по десяти разъ отмѣнялъ назначенное ему свиданіе. И хотя дѣло еврею сдѣлалъ даромъ, но въ концѣ концовъ почтенный аферистъ остался имъ недоволенъ и считалъ себя обиженнымъ имъ. Проходитъ нѣкоторое время. Какъ это часто бывало съ нашимъ типомъ, онъ сидѣлъ безъ гроша. Не только не на что было пообѣдать въ первоклассномъ ресторанѣ, какъ онъ привыкъ, но и не на что купить десятокъ корюшки, чтобы собственноручно зажарить ее на спиртовкѣ и насытиться. Начинаетъ онъ думать: у кого бы перехватить? Вспоминаетъ о почтенномъ аферистѣ, которому крупное дѣльце провелъ. Садится на своего постоянного лихача и катитъ къ еврею.

— Я, Мордохай Мордохаевичъ,—начинаетъ нашъ типъ съ присущимъ ему апломбомъ:—заѣхалъ къ вамъ...

Нашъ типъ осѣкся: не такой встрѣчи онъ ожидалъ. Онъ привыкъ всегда видѣть предъ собой этого еврея немного согнувшимся, съ заискивающей улыбкой, съ собачьей преданностью во взглядѣ, а теперь почтенный аферистъ стоитъ предъ нимъ, весь выпрямившись, съ устремленнымъ на него взглядомъ своихъ черныхъ, бѣгающихъ глазъ, въ которыхъ свѣтится не то добродушная улыбка, не то затаенная иронія...

— Ну, вы къ намъ заѣхали,—перебиваетъ наконецъ тягостное молчаніе еврей:—мы очень рады, что вы къ намъ заѣхали... Ну, чѣмъ мы можемъ вамъ служить?..

— Я для васъ, Мордохай Мордохаевичъ, сдѣлалъ крупное дѣло...

— Ну, сдѣлали...

А теперь у меня къ вамъ маленькая просьба...

— Просьба?—перебиваетъ еврей.

«Истор. вѣстн.», мартъ 1916 г., т. схлп.

— Да, маленькая, ничтожная просьба...

— Маленькая, ничтожная,—повторяет за нимъ еврей и съ подчеркивающимъ сомнѣніемъ качаетъ головой:—я, видите ли, скажу вамъ такъ: бываетъ, вамъ кажется, просьба маленькая,—а она, ай-ай-ай, какая большая, такая большая, что исполнить нельзя... А бываетъ, просьба большая, а исполнить ее совсѣмъ легко... Напримѣръ, скажемъ: вы для меня легко сдѣлали большое дѣло, потому что для васъ это ничего не стоило сдѣлать... Вамъ надо было только поговорить одному, поговорить другому и отъ вашихъ разговоровъ для меня вышло очень хорошо: большое, очень большое дѣло для меня сдѣлалось... А бываетъ дѣло совсѣмъ маленькое, но его съ одними разговорами не сдѣлаешь, и выходитъ это очень трудное дѣло... Ну, а вы все же не безпокойтесь и скажите, что вамъ нужно...

«— Мнѣ нужно на короткое время, на мѣсяцъ, на два, тысячу рублей.

— Тысячу рублей!.. Уфъ, большія деньги... Ужъ очень большія!..

— Неужели у васъ не найдутся?

— Зачѣмъ вы такъ думаете?.. У меня найдутся...

— Такъ будьте любезны: выручите меня...

— Почему не выручить?.. Вы для меня сдѣлали,—я для васъ сдѣлаю... Я съ васъ и процента не возьму... Вы только не забудьте на будущее время, что мы добра не забываемъ, а зла не помнимъ, хе-хе-хе... Вы съ нами не всегда деликатно обращались, и мы объ этомъ не желаемъ помнить... Мы пріятелямъ прощаемъ всякія обиды, хе-хе-хе...

Тысячу рублей нашъ типъ получилъ и, конечно, ни къ сроку, ни послѣ срока ихъ не уплатилъ. Да еврей и не гнался за тѣмъ, чтобы получить свои деньги: ему на руку, и онъ доволенъ, что нашъ типъ ему долженъ, это дастъ ему возможность нагло эксплуатировать его и проводить при его содѣйствіи многочисленныя свои собственныя и пріятелей дѣла въ разныхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ нашъ типъ имѣетъ вѣсъ и значеніе. А такихъ учреждений много.

Такъ вотъ, подите: сорвать съ афериста-еврея значительный кушъ, какъ вознагражденіе за хлопоты по первому его дѣлу, нашъ типъ считалъ невозможнымъ: гордость ему не позволяла,—не коммисіонеръ же онъ жидовскій, помилуйте! А взять у еврея въ долгъ тысячу рублей, ихъ не заплатить и стать такимъ образомъ въ зависимости отъ еврея и быть вынужденнымъ исполнять ужъ не просьбы, а требованія,—это ничего и хотя, конечно, тяготитъ его, но не роняетъ ни его чести, ни его гордости!..

Другой случай.

Проводилъ нашъ типъ весьма крупное дѣло. Осталось ему

нажать послѣднюю кнопку, и дѣло благополучно будетъ закончено, но нажать эту кнопку онъ отказался, и дѣло провалилось единственно потому, что онъ не захотѣлъ поѣхать на обѣдъ къ весьма крупному сановнику не дворянскаго происхожденія. И опять-таки мотивировалъ онъ это тѣмъ, что сидѣть за столомъ кутейника несовмѣстимо съ его честью и съ его княжескимъ достоинствомъ!..

Официально нашъ типъ не занималъ никакого положенія: ни общественнаго, ни служебнаго. Не имѣлъ онъ и никакихъ средствъ и чѣмъ онъ жилъ—неизвѣстно. Тѣмъ не менѣе закулисная роль его въ политической жизни Россіи была громадна. Въ немъ заискивали даже министры, и всѣмъ имъ онъ былъ нуженъ. А тѣ изъ нихъ, которые его знать не хотѣли и не пускали его къ себѣ, все-таки не могли съ нимъ не считаться: всегда князекъ находилъ случаи ставить имъ палки въ колеса и причинять неприятности. Въ чемъ была его сила? Въ удивительномъ умѣннн создавать интриги. Не отличаясь умомъ, онъ хитеръ и ловокъ, ловокъ и хитеръ до безконечности. Съ инстинктомъ охотничьяго пса онъ угадываетъ въ каждомъ человѣкѣ его слабыя стороны и на нихъ мастерски играетъ. Главный его козырь—его «независимость»... Объ этой своей «независимости» онъ, князь Мишъ-Мишъ, самъ постоянно трубить и гдѣ нужно ставить это на видъ.

— Миѣ ничего не нужно! Я ничего не ищу,—постоянно заявляетъ онъ:—я патриотъ... Я работаю для блага родины!..

Выходитъ будто бы такъ. Но откуда по временамъ попадаютъ въ его руки довольно значительные куши, которые онъ, надо ему отдать справедливость, расходуетъ съ щедростью заправскаго вельможи: на поѣздки за границу, на подарки высокопоставленнымъ лицамъ,—это никому неизвѣстно. Темны источники его полученій, какъ темна и его дѣятельность. Этотъ своеобразный «патриотъ» представляетъ собой загадку неразрѣшимую, и существованіе его такъ же загадочно, какъ загадочныѣ пути, по которымъ онъ вліяетъ и на высокопоставленныхъ лицъ, и на всякія учрежденія.

Въ настоящее время этотъ господинъ и въ финансовомъ отношеніи оперился. Онъ укрѣпился въ матеріальномъ отношеніи, получилъ выгодную концессию на нашей дальней окраинѣ и такимъ образомъ онъ вознагражденъ за былой свой «патриотизмъ» и «бескорыстное» служеніе родинѣ. Теперь уже отпалъ вопросъ, чѣмъ онъ существуетъ? Пословица «волка ноги кормятъ» къ нему ужъ не примѣнима.

При содѣйствіи этого «бога интригъ» и удалось Витте околпачить Шарапова и навязать ему казенную субсидію. Бѣдный Шараповъ! Никогда не забуду одного моего разговора съ нимъ, мѣсяца два спустя послѣ полученія имъ субсидіи.

Пришелъ къ нему какъ-то вечеромъ. Застаю его въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ. Но онъ не писалъ, а сидѣлъ задумчивый,

съ подпертой обѣими руками головой. Онъ такъ былъ углубленъ въ свои думы, что не замѣтилъ моего прихода.

«— Что съ вами, Сергѣй Ѳеодоровичъ, о чемъ такъ задумались?»

Онъ вздрогнулъ весь, протеръ глаза, словно внезапно отъ сна пробужденный, и опарашилъ меня нелѣпнымъ вопросомъ:

— Это вы, Савелій Константиновичъ?..

— Разумѣется, я... Вотъ тебѣ на, перестали людей узнавать...

Онъ поднялся съ кресла, вторично протеръ глаза, повелъ плечами и удручающимъ голосомъ проговорилъ:

— Не только людей, и себя перестаю узнавать...

Мы поздоровались, онъ сталъ шагать по кабинету и прежнимъ удрученнымъ голосомъ продолжалъ:

— Да, пересталъ себя узнавать... Мнѣ кажется, я ужъ больше не Шараповъ!.. Боже мой, сколько помоевъ вылито на мою голову... Мнѣ кажется, что вся окружающая меня атмосфера отравлена, что отъ меня самого идетъ скверный духъ, что отъ меня вонь пошла... Ну, зачѣмъ вы пришли ко мнѣ?.. Удалитесь, уходите отъ меня, а то и отъ васъ завоняетъ... Да, и отъ васъ засмердитъ... Развѣ не видите, что предъ вами разлагающійся трупъ?..

Я смотрѣлъ на него во всѣ глаза. Никогда бы не повѣрилъ, что Шараповъ могъ дойти до такого унынія, до такого удрученія! Куда дѣлся смѣлый борецъ? Куда дѣлись силы богатыря?..

— Что съ вами? Изъ-за чего такъ приуныли и запѣли себѣ отходную? Или случилось что-нибудь?..

— Случилось, случилось то, С. К., что нѣтъ больше Шарапова, что сгинулъ Шараповъ...

И онъ подошелъ къ письменному столу, нервно выдвинулъ одинъ изъ его ящичковъ, сгрѣбъ изъ него цѣлый ворохъ газетныхъ вырѣзокъ, высыпалъ ихъ на столъ и чуть не крикнулъ:

— Натѣ, почитайте!.. Полюбуйтесь!..

Тутъ, несмотря на всю боль за моего друга, я не выдержалъ и громко засмѣялся.

— И это васъ такъ взволновало? Васъ, стараго журналиста? Никогда не воображалъ, что вы такъ чувствительны къ газетнымъ нападкамъ. Вздоръ все это, и цѣна всему этому грошъ...

— Если бъ только одно это,—перебилъ меня Шараповъ:—тутъ все и вся противъ меня, и обороняться мнѣ нечѣмъ... Самъ вижу и чувствую, что влопался по уши въ грязь... Какъ ни оправдывайся,—никто слушать не будетъ... Вѣра въ меня и ко мнѣ пропала. Моему голосу никто не всемлетъ...

Оказалось, что на Шарапова такъ угнетающе подѣйствовали два обстоятельства. Первое—это статья С. Н. Сыромятникова въ «Новомъ Временѣ». Относясь все время совершенно хладнокровно

ко всякимъ нападкамъ лѣвой печати, ему было весьма тяжело прочесть хотя и сдержанную, но все же весьма жесткую статью писателя, котораго онъ весьма высоко ставилъ. Помню, когда за годъ до того въ «Новомъ Времени» печатались фельетоны Сигмы подъ заглавіемъ «Очерки русскаго самосознанія», то вначалѣ Шарапѣ чрезвычайно негодовалъ на автора этихъ очерковъ.

— Помилуйте, — волновался Шарапѣ:—это наглость! Какъ будто до Сыромятникова никто не разрабатывалъ эту тему, ни о комъ изъ своихъ предшественниковъ онъ не упоминаетъ, какъ будто основоположники славянофильства не оставили послѣ себя никакихъ слѣдовъ въ литературѣ: излагая ихъ ученіе, онъ ни одной цитаты не приводитъ ни изъ Хомякова, ни изъ Аксаковыхъ и ни о комъ изъ нихъ даже не упоминаетъ въ своихъ статьяхъ... Какъ будто онъ первый взялся за разработку русскаго самосознанія, а до него никому на умъ не пришло заняться этимъ... Работу мысли поколѣній гигантовъ онъ игнорируетъ...

И Шарапѣ собирался написать громовую статью противъ Сигмы. И онъ только рѣшилъ дожидаться окончанія статей Сыромятникова, чтобы обрушиться на него. Но по мѣрѣ того, какъ фельетоны Сыромятникова накапливались, Шарапѣ не только примирился съ ихъ авторомъ, но восхитился имъ.

— Да,—выразился Шарапѣ однажды:—Сергѣй Николаевичъ имѣетъ полное право не ссылаться ни на что, и ему незачѣмъ кого бы то ни было цитировать: все, что онъ излагаетъ въ своихъ очеркахъ, ему одному принадлежитъ, и ничего ни у кого онъ не заимствовалъ.

Маленькое отступленіе. Вскорѣ послѣ этого я пріѣхалъ на короткое время въ Петербургъ и попалъ на интимный литературный обѣдъ въ честь уѣзжающей весьма милой и симпатичной женщины г-жи И. На этомъ обѣдѣ былъ С. Н. Сыромятниковъ, и покойный его кумъ и мой большой другъ, цензоръ Н. М. Соколовъ, заговорилъ объ «Очеркахъ русскаго самосознанія». Я принялъ участіе въ этомъ разговорѣ и между прочимъ передалъ присутствовавшимъ какъ о возмущеніи Шарапѣ въ началѣ печатанія «Очерковъ», такъ и о восхищеніи его ими впослѣдствіи. С. Н. мило и застѣнчиво улыбался: ему былъ пріятенъ мой рассказъ, что и подтвердилъ словами, прося меня поблагодарить Шарапѣ за серьезное отношеніе къ его работѣ и кланяться ему. Черезъ нѣкоторое время С. Н. прислалъ Шарапѣ для «Русскаго Дѣла», разумѣется, *gratis*, статью о нашумѣвшемъ тогда рассказѣ Леонида Андреева, при весьма дружескомъ письмѣ. Такимъ образомъ, видно, что между обоими писателями, взаимно другъ друга уважавшими, существовали если не дружескія, то во всякомъ случаѣ хорошія отношенія.

Теперь совершенно становится понятнымъ, почему такъ больно статья С. Н. уязвила Шарапова. Но, конечно, не это главнымъ образомъ привело Шарапова въ то удрученное состояніе, о которомъ я говорилъ. Второе обстоятельство, гораздо болѣе серьезное, доказало ему, что онъ окончательно, если не навсегда, то на долгое время, лишится довѣрія своихъ читателей и какъ бы громко ни раздавался впередъ его голосъ, его слушать не будутъ. Словомъ, какъ трибунъ и публицистъ, онъ погибъ... Это стало ему ясно, когда послѣ того, какъ печать протрубила о полученной имъ субсидіи, онъ выпустилъ очередной сборникъ своихъ «Сочиненій» въ обычномъ пятнадцатитысячномъ количествѣ экземпляровъ, то за исключеніемъ экземпляровъ по подпискѣ, около тысячи съ чѣмъ-то, все остальное количество ихъ осталось у него на рукахъ. Розничной продажи не было никакой. Публика отвернулась отъ него, признала его «продажнымъ» публицистомъ и не захотѣла его больше знать...

Ахъ, эта публика! Какъ легко она разбиваетъ своихъ кумировъ, съ какимъ легкимъ сердцемъ она отворачивается отъ своихъ любимцевъ, съ какою жестокостью и злорадствомъ она при малѣйшемъ поводѣ, котораго, какъ будто, только и ждетъ, накидывается она на любого своего идола, словно желая отомстить ему за прежнее поклоненіе!..

Если бъ публика была болѣе серьезна, бережнѣе относилась къ установившимся репутаціямъ выдающихся людей, если бъ она не была такъ падка на скандалы и не смаковала ихъ съ такимъ наслажденіемъ, то въ жизни было бы меньше драмъ и много достойныхъ людей были бы спасены отъ гибели... Не было бы никакой драмы и у Шарапова. Вѣдь, право, стоило только публикѣ разобраться въ фактѣ ничтожности суммы въ пятьдесятъ тысячъ, чтобы понять, что такой подачкой купить Шарапова мудрено, что захоти онъ себя продать, то могъ бы получить въ десять разъ больше. Неужели Шараповъ былъ такъ глупъ, что не зналъ своей цѣны и продался за чечевичную похлебку?

Да, Шараповъ сдѣлалъ глупость, но не въ томъ смыслѣ, что не зналъ своей цѣнности и задешево продалъ себя, а въ томъ смыслѣ, что онъ, заматерѣлый журналистъ, когда убѣдился въ томъ, что попался на крючокъ виттевской удочки и что разыгрался скандалъ, то долженъ былъ моментально притаяться, не выступать со своими объясненіями;—тѣмъ болѣе, когда договорить до конца онъ былъ лишень возможности,—и] во всякомъ случаѣ не продолжать выпуска своихъ «Сочиненій», которыя при создавшихся обстоятельствахъ не могли ужъ имѣть сбыта. Какъ могъ Шараповъ такъ мало знать нашу публику и не принять во вниманіе, что скандалъ ей дороже и пріятнѣе всего и что «героя» скандала она съ наслажденіемъ топчетъ ногами! И для того, чтобы не дать лишней

пищи звѣрю-толпѣ и не подкидывать дрова въ разгорѣвшійся костеръ людской злобы, необходимо притаиться и молчать. Бѣдный Шараповъ, какъ не понялъ онъ этого?

Х.

Не удалось Шарапову съ плугами, пошла на убыль его публицистическая и литературная дѣятельность. Возобновленное имъ года два спустя «Русское Дѣло» вначалѣ какъ будто ходко пошло, Шараповъ расцвѣлъ было, и опять громко раздался его голосъ въ журналистикѣ. Но настало «освободительное» время, Шараповъ, разумѣется, могъ бы, но не захотѣлъ попасть въ тонъ временному всеобщему умопомѣшательству. Онъ остался вѣренъ своимъ идеямъ, своему направленію, своему выработанному міросозерцанію, т.-е. онъ остался самимъ собою, прежнимъ оригинально и независимо мыслящимъ писателемъ и, разумѣется, остался въ одиночествѣ, никому не угодивъ—ни правымъ, ни лѣвымъ. Первые вначалѣ считали его своимъ, отводили ему крупную роль въ своихъ организаціяхъ, и онъ со свойственнымъ ему жаромъ принялся за работу, устраивалъ собранія, сходки, произносилъ рѣчи, группировалъ вокругъ себя молодежь, читалъ публичные лекціи, разѣжалъ гастролеромъ по городамъ, по фабричнымъ центрамъ и агитировалъ... Это продолжалось не долго: Шараповъ съ правыми работать не могъ и отошелъ отъ нихъ. Но и къ лѣвымъ онъ не примкнулъ и, какъ совершенно справедливо охарактеризовалъ его П. Б. Струве, всего ближе онъ былъ къ трудовикамъ, и не будь онъ по природѣ своей дворянской косточкой, то былъ бы въ ихъ рядахъ.

Лѣвые не могли простить Шарапову его роль въ правыхъ организаціяхъ, и такъ какъ сила во время «освободительнаго» движенія была на ихъ сторонѣ, то отомстили ему тѣмъ, что устроили бойкотъ «Русскому Дѣлу». Разносчикамъ и торговцамъ былъ отданъ приказъ «Русское Дѣло» не брать, и такъ какъ журналъ Шарапова существовалъ почти исключительно розничной продажей, то, конечно, изданіе его захирѣло, и въ 1907 году оно прекратилось, за истощеніемъ средствъ у издателя.

Какъ извѣстно, въ 1906 году квартира Шарапова подверглась разстрѣлу, и если хозяинъ ея уцѣлѣлъ, то это надо было приписать чуду. Шараповъ жилъ тогда въ Скатертномъ переулкѣ, въ домѣ Муромцева (брата предсѣдателя первой Государственной Думы), въ нижнемъ этажѣ. Очевидно было, что покусившіеся на его жизнь знали расположеніе квартиры, знали они и привычку Шарапова работать по ночамъ, и у какого окна его кабинета стоялъ письменный столъ. Многочисленные пули залпа разбили стекла оконъ и нѣкоторыя изъ нихъ застряли въ спинкѣ кресла, на которомъ за

нѣсколько минутъ предъ тѣмъ сидѣлъ и работалъ Шараровъ, но безпокойство проснувшихся въ сосѣдней комнатѣ дѣтей заставило прервать занятія и посмотрѣть, что имъ помѣшало спать. Эго спасло его отъ убійцы.

Шараровъ выбѣжалъ на улицу и видѣлъ убѣгающихъ убійцъ, ихъ было человекъ пять, кое-кого изъ нихъ онъ даже узналъ, но когда онъ вызвалъ полицію для составленія протокола, то никого не назвалъ. Покушеніе на жизнь Шарарова было сдѣлано только на половину по причинамъ политическимъ. Убійцами руководили и другіе мотивы, что заставило Шарарова скрыть ихъ имена отъ властей. Изъ уваженія къ памяти покойнаго друга, который не желалъ назвать ихъ, не обнаружу ихъ и я.

Шараровъ былъ увѣренъ, что первымъ не удавшимся покушеніемъ дѣло не кончится и что за нимъ будутъ продолжать охотиться, и долженъ былъ скрываться. Недѣли двѣ онъ скрывался у игумена Донскаго монастыря, который охотно предоставилъ ему монашескую келью. Тамъ Шараровъ, какъ говорилъ мнѣ, въ первый разъ проштудировалъ на досугъ всю Библию. Устроивъ при содѣйствіи близкихъ людей свои дѣла въ Москвѣ, онъ прямо изъ монастыря уѣхалъ на продолжительное время въ деревню.

Итакъ, прошелъ угаръ «освободительнаго» движенія. Шараровъ возвратился въ Москву отдохнувшій и, набравшись новыхъ силъ, принялся съ новымъ жаромъ за работу. Но, сколько онъ ни трудился, наладить работу такъ, чтобъ она шла впрокъ, ему не удалось. За истощеніемъ средствъ, онъ вынужденъ былъ прекратить свое «Русское Дѣло». Онъ искалъ пристроиться къ какому-либо чужому органу печати, но такового, гдѣ бы онъ могъ свободно высказаться, гдѣ бы ему дали возможность говорить во всю, Шараровъ найти не могъ по самымъ свойствамъ своего характера, по независимости своей и оригинальности міросозерцанія, по складу своего ума, по его страстности и рѣзкости сужденій и, наконецъ, по властности тона и агитаціоннаго паѳоса диктатора-трибуна, которыми дышали его статьи,—все эти свойства его таланта и характера не могли быть въ своей совокупности и въ своемъ цѣломъ перевариваемы какимъ бы то ни было органомъ. Вотъ почему войти въ составъ редакціи чужого органа ему не удавалось, и онъ сталъ разбрасывать свои писанія по разнымъ редакціямъ, столичнымъ и провинціальнымъ, не справляясь, къ какой партіи и къ какому направленію принадлежитъ данный органъ. Такъ, Шараровъ одновременно печатался тогда въ Москвѣ и въ уличномъ листкѣ Казецкаго «Русскій Листокъ» (нынѣ «Раннее Утро»), и въ наичерносотенномъ Оловяковскомъ «Вѣчѣ» и въ кадетскомъ «Московскомъ Еженедѣльникѣ», и въ провинціальнымъ красныхъ органахъ: въ «Смоленскомъ Вѣстникѣ» еврея Ромма и въ «Южномъ Краѣ» Юзефовича,— который

въ то время отличался краснотой, — и, кажется, раза два-три искалъ гостепріимства въ петербургской «Рѣчи», и ему таковое оказали тамъ.

Разумѣется, во всѣхъ этихъ изданіяхъ Шараповъ не измѣнили ни себѣ, ни своимъ идеямъ и въ каждомъ изъ нихъ печатали нужныя ему статьи, оставаясь независимымъ въ своихъ мысленіяхъ и въ своей проповѣди и сообразуясь только съ тѣмъ, какое изъ названныхъ изданій дастъ ему возможность свободно высказаться. Замѣчу подробность. Революціонный «Смоленскій Вѣстникъ», охотно предоставляя свои столбцы Шарапову, каждый разъ сопровождалъ ихъ забавными полемическими выходками отъ редакціи, которыя весьма смѣшили Шарапова и на которыя онъ никогда не возражалъ. А «Вѣче» сплошь и рядомъ каралось властью за статьи Шарапова.

Вся эта его работа или совсѣмъ не оплачивалась («Русскій Листокъ», «Московскій Еженедѣльникъ», «Смоленскій Вѣстникъ»), или мало оплачивалась, а жить надо было. Тогда-то, чтобъ не подвергнуться бойкоту и замалчиванію печатью, Шараповъ рѣшилъ задуманный имъ политическій памфлетъ «Диктаторъ» выпустить подъ псевдонимомъ «Левъ Семеновъ». Мысль счастливая. Вся печать встрѣтила первую часть «Диктатора» съ восторгомъ. Для неизвѣстнаго автора она не скупилась на похвалы. Успѣхъ былъ созданъ «Диктатору» поражающій. Въ какіе-нибудь два мѣсяца первая часть «Диктатора» разошлась въ количествѣ семидесяти пяти тысячъ экземпляровъ.

Замѣчу, одного только покойнаго А. С. Суворина не удалось Шарапову ввести въ заблужденіе. Прочитавъ «Диктатора», онъ одинъ изъ всей печати угадалъ, что подъ псевдонимомъ «Льва Семенова» скрывается Шараповъ и въ своемъ остроумномъ отзывѣ о политическомъ памфлетѣ назвалъ его подлиннаго автора. Но отзывъ А. С. Суворина о «Диктаторѣ» появился уже тогда, когда шумъ всей печати вокругъ брошюры былъ уже въ самомъ разгарѣ и имя Шарапова, какъ автора ея, не могло уже помѣшать популярности псевдо-Шарапова — «Льва Семенова». Конечно, успѣхъ «Диктатора» ободрилъ нѣсколько Шарапова, но не удовлетворилъ его. Трудно было ему, привыкшему долгіе годы изо-дня-въ-день высказываться свободно и независимо о текущихъ вопросахъ и о волнующихъ его идеяхъ въ собственныхъ изданіяхъ, мириться съ тѣмъ, что долженъ искать прибѣжища для своихъ статей въ изданіяхъ ему чужихъ, чуждыхъ, а если хотите, даже часто и ему враждебныхъ и имъ презираемыхъ («Смоленскій Вѣстникъ», «Вѣче»).

Въ это время Шараповъ болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, отдался практической агитаціонной дѣятельности, принималъ большое участіе въ дѣлахъ смоленскаго земства, ѣздилъ на собранія,

дѣлалъ доклады, произносилъ рѣчи... Но все это было не то, что ему нужно было, съ чѣмъ онъ тоже свыкъся. Ему нужно было имѣть собственный органъ, а не бродяжить и искать временнаго пристанища то тутъ, то тамъ, въ большинствѣ случаевъ не только не удобнаго, но, бывало, какъ ужъ было мною замѣчено, загаженнаго и ему противнаго.

«Основанный имъ микроскопическій журнальчикъ «Свидѣтель», для обслуживанія главнымъ образомъ учрежденнаго имъ же «Аксаковскаго литературно-политическаго общества», съ ничтожнымъ количествомъ подписчиковъ, и самое «Аксаковское» общество, съ такой помпой имъ открытое и отцвѣтшее, не успѣвши расцвѣсти, все это не могло не дѣйствовать угнетающимъ образомъ на расположеніе его духа. Вѣчно подвижный, горѣвшій и дѣятельный Шараповъ какъ-то поблекъ, опустился и сталъ прихварывать...

«Да, тяжелый былъ этотъ 1907 годъ для Шарапова. Въ томъ году онъ вынужденъ былъ, какъ ужъ сказано, прекратить свое «Русское Дѣло», основанные имъ журнальчикъ «Свидѣтель» и «Аксаковское общество» не оправдали возложенныхъ на нихъ надеждъ, и у него ничто не клеилось. Но тутъ, къ самому концу года, въ декабрѣ мѣсяцѣ, какъ будто судьба сжалилась надъ измученнымъ публицистомъ. Онъ былъ приглашенъ въ качествѣ постояннаго сотрудника газеты «Свѣтъ». Главнымъ виновникомъ этого приглашенія былъ пишущій эти строки. Впоследствии я горько раскаивался въ томъ, что устроилъ это дѣло. Но о томъ, почему и какъ я это устроилъ, что изъ этого вышло, расскажу подробно.

XI.

«22-го декабря 1907 года скончался редакторъ-издатель «Свѣта» В. В. Комаровъ. Ко мнѣ извѣстіе о его кончинѣ дошло съ опозданіемъ, и попасть въ Петербургъ, чтобы присутствовать на похоронахъ заслуженнаго, старѣйшаго русскаго публициста, подъ руководствомъ котораго имѣлъ счастье проработать около семи лѣтъ, въ качествѣ секретаря его редакціи, былъ лишенъ возможности. Приѣхалъ я въ Петербургъ на четвертый день послѣ похоронъ В. В. И, разумѣется, первый мой визитъ былъ къ осиротѣвшей семьѣ Комаровыхъ. За все время моей работы въ «Свѣтѣ» не только Виссаріонъ Виссаріоновичъ относился ко мнѣ тепло и дружески, но и вся семья его, скажу безъ преувеличеній, относилась ко мнѣ, какъ къ родному. Эти наши взаимныя добрыя отношенія сохранились и по уходѣ моемъ изъ редакціи «Свѣта». О моихъ отношеніяхъ къ милой и благородной семьѣ Комаровыхъ и о томъ, какое крупное значеніе въ моей жизни имѣла эта семья, а въ особенности усопшій глава ея, Виссаріонъ Виссаріоновичъ, я подробно рассказалъ въ обширной статьѣ, подъ заглавіемъ

«Третій», посвященной памяти знаменитаго публициста и напечатанной въ сороковой день его кончины въ «Свѣтъ».

Итакъ, я явился къ осиротѣвшей семьѣ Комаровыхъ. Семь лѣтъ почти уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ я пережилъ это свиданіе съ Комаровыми, и по сіе время, при воспоминаніи о немъ, изъ моихъ старческихъ глазъ невольно капають слезы умиленія, до того сердечно и трогательно встрѣтила меня вся семья. Екатерина Григорьевна, наклонившись къ моему плечу и не выпуская моей руки изъ своей, голосомъ, полнымъ ласки, со слезами на глазахъ, проговорила:

— Вы себя представить не можете, какъ я рада, какъ я счастлива видѣть васъ...—Она передохнула и все еще съ приклоненною къ моему плечу головой задумчиво продолжала:— вѣдь ни до васъ, ни послѣ васъ у насъ не было такого блестящаго состава редакціи, какъ при васъ... Да, главное, только при васъ существовала такая родственная связь между редакціей и домомъ...

И дѣйствительно, составъ редакціи «Свѣта» при мнѣ былъ блестящій, и я былъ виновникомъ существованія этого блестящаго состава. Я привлекъ къ работѣ въ «Свѣтъ» людей большихъ талантовъ и дарованій, съ громкими литературными репутаціями: это были въ большинствѣ своемъ мои товарищи по «Русскому Вѣстнику». Тутъ былъ и возсіявшій уже тогда В. В. Розановъ, и талантливый литературный критикъ и поэтъ К. П. Медвѣдскій, въ то время еще не оклеветанный Н. К. Михайловскимъ, и блестящій историкъ и политическій дѣятель С. С. Татищевъ, и мой покойный, такъ рано ушедшій другъ, поэтъ, философъ и публицистъ, цензоръ Н. М. Соколовъ и, наконецъ, С. О. Шарапъ. Это—изъ сотрудниковъ «Русскаго Вѣстника», а изъ «Историческаго Вѣстника», при содѣйствіи С. Н. Шубинскаго, я привлекъ въ «Свѣтъ» Н. И. Мердеръ и В. А. Тимирязева.

Виссаріонъ Виссаріоновичъ чрезвычайно дорожилъ своими сотрудниками, относился къ нимъ съ большимъ уваженіемъ, искалъ ихъ видѣть почаще у себя, устраивалъ имъ обѣды и ужины и въ ресторанахъ, и у себя дома (чаще у себя дома). Какъ только, бывало, узнаеть, что собрались, онъ сейчасъ же появлялся, чтобы принять участіе въ бесѣдахъ. Случалось, и Екатерина Григорьевна поднималась въ редакцію, чтобы поговорить о театрѣ, литературѣ, искусствѣ да и о политикѣ (въ особенности о славянской), которая ее интересовала и въ которой она весьма и весьма разбиралась.

Да, связь редакціи съ домомъ была крѣпкая, «родственная», какъ выразилась Екатерина Григорьевна.

Не то было теперь. Настоящаго, крѣпко спаяннаго состава редакціи «Свѣтъ» не имѣла, опытнаго руководителя тоже. Мѣсто редактора занималъ мало способный, безталанный, ничтожный

журналистъ съ узкимъ кругозоромъ, тупой, злобный, отличавшійся страшнымъ самолюбіемъ и страшною завистливостію. Фуксомъ пошавшій на редакторское кресло, онъ до чрезвычайности возомнилъ о себѣ и со свойственной бездарнымъ людямъ завистію и инстинктивнымъ страхомъ къ людямъ талантливымъ онъ окружилъ себя такими же, если еще и не похуже, ничтожностями, какъ и онъ самъ, изъ самыхъ близкихъ родственниковъ своихъ. «Свѣтъ» былъ близокъ къ гибели за отсутствіемъ умѣлаго редактора-руководителя, за отсутствіемъ порядочныхъ сотрудниковъ. Ставшій во главѣ дѣла старшій сынъ Виссаріона Виссаріоновича, Григорій Виссаріоновичъ, хотя и умный, и талантливый, и работоспособный, но пока малоопытный, какъ газетный работникъ, ибо при жизни отца больше занимался своей службой въ государственной канцеляріи и секретарствомъ у предсѣдателя Государственной Думы Н. А. Хомякова, чѣмъ газетой. Дѣла редакціи «Свѣта» были такимъ образомъ неважны, и Екатерина Григорьевна и Григорій Виссаріоновичъ сознавали, что необходимо напрягать всѣ силы, чтобы поправить ихъ. Разстройство редакціи не отозвалось еще пока на подпискѣ. Налаженная покойнымъ Виссаріономъ Виссаріоновичемъ машина шла еще пока полнымъ ходомъ; но безъ прибавки топлива ходъ газетной машины не только могъ затормозиться, но и совершенно остановиться.

— Нѣтъ людей у насъ... Не на кого положиться... Одинъ только И. П. (Азюкиль) вѣрный и преданный челоуѣкъ, но онъ вѣдь такъ неопытенъ и совсѣмъ не литераторешъ,— печалилась Екатерина Григорьевна:— помогите, посоветуйте, кого пригласить въ сотрудники, какъ составить порядочную редакцію?..

Но что я могъ ей посоветовать и чѣмъ я могъ ей помочь, когда послѣдніа десять-двѣнадцать лѣтъ я въ Петербургѣ не жилъ, бывалъ только наѣздомъ на короткое время, растерялъ всѣ свои связи съ литературнымъ и газетнымъ мірами. Вѣдь извѣстно, стоитъ только удалиться отъ Петербурга хоть на годъ, онъ отъ тебя удаляется на цѣлое десятилѣтіе: у Петербурга, и петербуржцевъ память короткая! А я ужъ такъ давно сталъ Петербургу чужимъ...

И тутъ-то пришла мнѣ въ голову мысль предложить въ сотрудники «Свѣта» С. Ѳ. Шарпова. И Екатерина Григорьевна, и Григорій Виссаріоновичъ ухватились за эту мысль.

— У «Новаго Времени» имѣется Меньшиковъ, а у насъ будетъ Шарповъ... Это будетъ чудесно!..—съ пріятнымъ возбужденіемъ произнесъ Григорій Виссаріоновичъ:— но... это «но» принадлежало ужъ Екатеринѣ Григорьевнѣ:— Шарповъ непременно захочетъ продолжать кампанію противъ Витте, а я этого допустить не могу въ нашемъ «Свѣтѣ». Съ Витте у насъ старинная связь еще со временъ его дѣда, генерала Ѳадѣева, тутъ и связь, и дружба...

«Надъ этимъ «но» я задумался. Это было весьма серьезное «но». Шарапова больше всего, какъ извѣстно, интересовали финансовыя вопросы, онъ считалъ, что стоитъ только устроить финансовую политику Россіи, и всякія бѣды сгинуть, какъ же можно предложить ему о нашихъ финансахъ не писать? Позволить же ему писать въ «Свѣтъ» о нашихъ финансахъ значило разрѣшить ему продолжать свою борьбу съ Витте.

— А по всѣмъ другимъ вопросамъ будетъ предоставлено ему полнѣйшая свобода высказываться?—спросилъ я.

— Полнѣйшая!—въ одинъ голосъ заявили и мать и сынъ:—шараповское направленіе мнѣ достаточно извѣстно,—продолжала Екатерина Григорьевна:—онъ проводилъ тѣ же идеи и служилъ тѣмъ же богамъ, что и мой покойный Виссаріонъ Виссаріоновичъ. И если они иногда и не сходились и полемизировали другъ съ другомъ, то не о принципахъ, которые у нихъ были общіе, а о деталяхъ, какъ осуществить эти принципы... Шараповъ для «Свѣта» въ настоящее время былъ бы полезенъ, какъ никто.

— Такъ я, пожалуй, вызову его въ Петербургъ.

На томъ и порѣшили.

На мою телеграмму, въ которой ни единымъ словомъ не обмолвился, зачѣмъ зову его, Шараповъ на другой день пріѣхалъ въ Петербургъ. Я встрѣтилъ его въ семь съ половиной часовъ утра на Николаевскомъ вокзалѣ. И когда по дорогѣ въ гостиницу мы ѣхали съ нимъ на извозникѣ по Невскому, рассказалъ ему, въ чемъ дѣло. Онъ разсердился.

— Помилуйте, вздоръ все это,—кипятился онъ:—ни въ «Свѣтъ», ни въ другую газету не пойду въ постоянные сотрудники съ такимъ ограниченіемъ. Вы должны были звать, что не дамъ надѣть на себя намордникъ и что не могу молчать о такомъ вопросѣ, какъ финансы, въ органѣ, въ которомъ мнѣ предлагаютъ первую скрипку...

Пріѣхали въ номеръ. Онъ продолжалъ волноваться и ругаться, зачѣмъ вызвалъ его понапрасну въ Петербургъ. Взволновалъ онъ и меня, и я тоже сталъ ругаться. Закричалъ онъ, закричалъ я; оба мы накричались до хрипоты. У насъ это случалось такъ и раньше: заспоримъ и поднимаемъ такой гвалтъ, что домашніе прибѣгаютъ на крикъ перепуганные посмотреть, не дошли ли мы до драки, чтобы разнять насъ; и мы отрезвляемся и успокаиваемся. Но тутъ, въ номерѣ гостиницы, никто намъ не помѣшалъ, и наши крики продолжались долго, очень долго... Переутомились, замолчали и потомъ уже возобновили разговоръ тихо и мирно. Когда мнѣ пришла въ голову идея, что рядомъ съ работой въ «Свѣтъ» Шараповъ можетъ продолжать издавать свой «Свидѣтель» и въ немъ писать и агитировать противъ финансовой системы Витте, онъ согласился принять предложеніе Комаровыхъ.

Я немедленно далъ знать объ этомъ по телефону Григорію Виссаріоновичу, и мы условились съ нимъ съѣхаться въ два часа завтракать въ «Медвѣдь» и тамъ въ отдѣльномъ кабинетѣ покончить дѣло. Такъ какъ въ благополучномъ исходѣ затѣяннаго ужъ сомнѣнія у меня не было, ибо на всѣ условія, предварительно выработанныя Комаровыми и мною, Шараповъ согласился, то я уговорилъ его до встрѣчи съ Григоріемъ Виссаріоновичемъ написать свою первую, вступительную статью для «Свѣта», дабы на слѣдующій день она появилась въ номерѣ газеты, что Шараповъ и исполнилъ.

Сотрудничество Шарапова въ «Свѣтѣ» продолжалось два года и нѣсколько мѣсяцевъ. Только въ теченіе полутора года Шараповъ чувствовалъ себя хорошо въ «Свѣтѣ». Его не стѣсняли въ выборѣ темъ для маленькихъ фельетоновъ его, которые доставлялись имъ четыре раза въ недѣлю изъ его Сосновки, и по затронутымъ темамъ редакція давала ему полную свободу высказываться. Въ половинѣ слѣдующаго года начались тренія: взгляды Шарапова на политику нашихъ окраинъ, т.-е. вопросы о русско-польскихъ отношеніяхъ и о Финляндіи въ трактовкѣ Шарапова не мирились съ давно установившимся взглядами «Свѣта» на эти вопросы. Шараповъ, какъ извѣстно, всю жизнь проповѣдывалъ децентрализацію областей и внутреннюю автономию ихъ въ мѣстномъ управленіи и подчиненіи центру только въ общегосударственныхъ, имперскихъ вопросахъ. Въ «Свѣтѣ» этихъ вопросовъ въ цѣломъ онъ сначала не касался и только слегка «контрабандой» касался иногда вопроса о русско-польскихъ отношеніяхъ, отстаивалъ польскіе интересы настолько, насколько ему удавалось защищать эти интересы подъ прикрытіемъ общей идеи славянофильства, т.-е. идеи, положенной въ основѣ «Свѣта» съ самаго начала газеты Виссаріономъ Виссаріоновичемъ Комаровымъ и по сей день неизмѣнно господствующей въ «Свѣтѣ».

Насталъ острый моментъ въ польско-русскихъ отношеніяхъ. На дворянскомъ съѣздѣ въ Петербургѣ Шараповъ въ качествѣ уполномоченнаго представителя отъ Аксаковскаго литературно-политическаго общества произнесъ страстную рѣчь въ защиту поляковъ, рѣчь его вызвала бурю и на собраніи, и въ печати. Правая печать обрушилась на Шарапова, обвиняя его чуть ли не въ подкупѣ и измѣнѣ; лѣвые органы, съ «Рѣчью» во главѣ, привѣтствовали его выступленіе, комментировали его и хотя запускали шпильки въ Шарапова, но въ общемъ одобряли и хвалили его. Это было зрѣлище забавное: Шараповъ прогарцовалъ въ роли любимца лѣвыхъ и ненавистника правыхъ!

Разумѣется, это его выступленіе испортило отношенія «Свѣта» къ Шарапову, но окончательный его разрывъ съ газетой послѣдовалъ, когда нѣкоторое время спустя онъ обнародовалъ свою «За-

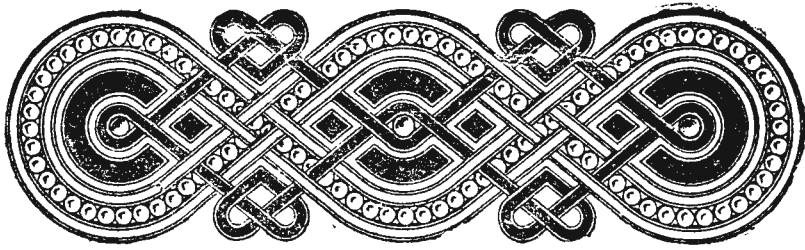
писку о Финляндіи», въ защиту ея автономіи. Это было послѣднее лебединое выступленіе заматерѣлаго стараго борца-публициста. Оно надѣлало еще гораздо больше шума и вызвало еще большій гвалтъ, чѣмъ его недавняя рѣчь на дворянскомъ съѣздѣ. О томъ, что Шараповъ купленъ финляндцами, печатали всѣми буквами въ правыхъ газетахъ. Въ «Русскомъ Знамени» статья была прямо озаглавлена: «Сколько дадено?»

Бѣдный Шараповъ! Мученикъ своихъ идей, чрезъ годъ онъ умеръ, и послѣ смерти его не только ничего не осталось, но гробъ его изъ Петербурга съ его тѣломъ былъ перевезенъ въ его родную Сосновку на собранныя среди друзей деньги...

С. Эфронъ.

Маѣ, 1913 г.

ИМЕБОЖНИЧЕСКІЙ БУНТЪ ИЛИ ПЛОДЫ УЧЕНІЯ КНИГИ „НА ГОРАХЪ КАВКАЗА“.

I.

А СТРАНИЦАХЪ «Историческаго Вѣстника», въ книгѣ за январь 1915 года, появилась статья Е. Н. Косвинцева, озаглавленная «Черный бунтъ».

Будучи насельникомъ Андреевскаго скита, противникомъ аеонской имебожнической смуты, очевидцемъ происшедшаго въ нашемъ скиту въ его злополучные дни и однимъ изъ пострадавшихъ отъ имебожниковъ во время ихъ ожесточеннаго бунта, я, не отрицая части справедливости въ возстановленной г. Косвинцевымъ картинѣ, считаю своимъ долгомъ во имя правды сказать, что картина въ большей части не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Цѣль настоящаго разсказа—поставить рядомъ съ картиной г. Косвинцева другую картину на одинъ съ нею сюжетъ, чтобы дать зрителю возможность установить, при сравненіи ихъ, которая болѣе соотвѣтствуетъ истинѣ.

За справедливость разсказа могутъ отчасти ручаться документы и письма ¹⁾, относящіеся къ имебожнической смутѣ и бунтамъ, находящіеся въ скиту и у меня подъ рукою, и копіи таковыхъ, переданныхъ въ московскую синодальную контору для суда надъ имебож-

¹⁾ Часть изъ нихъ помѣщена въ «Исторіи аеонской смуты».

ипкамп. Разсказъ могутъ подтвердить паломники скпта, очевидцы безпримѣрнаго зрѣлища въ немъ. Ихъ можно по имѣющимся въ скпту адресамъ вызвать въ качествѣ свидѣтелей на судъ или слѣдствіе. Послѣднее легко можетъ возстановить искаженную въ печати имебожниками истину аеопскихъ безпорядковъ и обличить имебожниковъ въ ихъ бунтовщическихъ на Аеоѣ дѣяніяхъ, въ конхъ они голословно оправдываются предъ властями и публикой, и съ цѣлью завладѣть частью капитала обителѣй, въ конхъ учинили бунты, горько сѣтують въ печати и жалуются на свое якобы «безвицное и несправедливое изгнаніе съ Аеоа» («Нов. Вр.», № 13.719).

II.

Начало имебожническому движенію на Аеоѣ положено въ скпту Оивада. Причиной ему послужила книга: «На горахъ Кавказа», написанная лѣтъ семь тому назадъ выходцемъ изъ Паптселенмонова монастыря въ Кавказскую пустыню, схимонахомъ Иларіономъ.

Въ книгѣ легло ученіе о. Иларіона объ имени Божіемъ «Исусъ»: «...Имя Господа Исуса Христа есть Самъ Онъ, Господь Богъ. Въ имени Божіемъ присутствуетъ Самъ Богъ—всѣмъ Своимъ существомъ и (всѣм) Своими безопечными свойствами» (кн. «На горахъ Кавказа», изд. 1, стр. 11, 13).

Эти выраженія—точное ученіе о. Иларіона. Его онъ называетъ «догматомъ». Вотъ какъ это въ своихъ письмахъ выражаетъ онъ: «Изложеніе догмата, сдѣланное нами, важное, необычайное, чрезвычайное, и въ такомъ видѣ, въ какомъ мы его поставили, не встрѣчается нигдѣ, кромѣ какъ только у о. Іоанна Крошштаттскаго» («Исторія Аеопской смуты», стр. 8).

Очевидно, постановляя, утверждая, формулируя «новый догматъ», о. Иларіонъ позабылъ, или вовсе не зналъ, что на все это правоспособна только одна церковь, и что «сверхъ преданнаго ученія церкви и помимо его никому не дозволено новшествовать и новыя выраженія употреблять».

Назвавъ свое ученіе догматомъ, о. Иларіонъ сравнительно мало выяснилъ его. Этотъ трудъ взялъ на себя о. Антоній Булатовичъ и прибавилъ къ ученію о. Иларіона много такого, чего и не подозревалъ въ своемъ ученіи о. Иларіонъ. При этомъ о. Булатовичъ, такъ сказать, затѣнилъ о. Иларіона и, отодвинувъ назадъ, самъ сталъ впередъ. Послѣ сего во главѣ имебожнической ереси сталъ не о. Иларіонъ, а преемникъ его о. Булатовичъ, о дѣятельности котораго поговоримъ послѣ.

Такимъ образомъ, вотъ что породило споръ въ средѣ мирнаго монашескаго братства: смѣлыя выраженія о. Иларіона: «Имя Господа Исуса Христа есть Самъ Онъ Господь Богъ. Въ имени Божіемъ присутствуетъ Самъ Богъ—всѣмъ Своимъ существомъ и (всѣми) Своими

безконечными свойствами», и подобныя имъ, а не приводимый г. Косвинцевымъ «довольно осторожный выводъ о. Иларіона: Имя Божіе *какъ бы* есть Самъ Богъ.» Такой выводъ могъ бы, пожалуй, быть со стороны простецовъ, каковы первые принявшіе въ Оивайдѣ ученіе о. Иларіона, вовсе не замѣченнымъ. Да и о чемъ было тутъ спорить? Но выше упомянутыя рѣзкія выраженія о. Иларіона вызвали недоумѣніе и споръ.

Нѣсколько иноковъ скита Оиваиды, сильно сомнѣваясь въ ученіи о. Иларіона, обратились для разрѣшенія своихъ недоразумѣній къ питомцамъ духовныхъ академій, іеромонахамъ о. Алексію (Кирѣевскому) и о. Теофану, живущему въ глубокой пустыни, предъ коими до сихъ поръ благоговѣли, какъ предъ безукоризненными въ монашеской жизни и людьми богословской науки.

Эти отцы, спрошенные оиваидцами, благоразумно посовѣтовали имъ не касаться богословскихъ вопросовъ, трудныхъ для ихъ пониманія, и во избѣжаніе другихъ недоразумѣній просили ихъ перестать читать означенную книгу о. Иларіона, такъ какъ-де для чтенія и безъ нея болѣе нежели достаточно книгъ Священнаго Писанія, св. отцевъ и учителей церкви и многихъ другихъ авторитетныхъ лицъ. Обращались они (оиваидцы) и къ другимъ также, по ихъ мнѣнію, авторитетнымъ лицамъ. Но и послѣднія говорили имъ и совѣтовали то же.

Казалось, такой благоразумный совѣтъ могъ бы воздѣйствовать на нихъ, но, къ глубокой скорби, они не послушались его и стали сами изслѣдовать этотъ для нихъ неудоборѣшимый вопросъ и дошли до того, что согласились съ о. Иларіономъ, не принявъ во вниманіе того, что ученіе его, по его личному признанію, построено на его сердечныхъ чувствахъ и на какихъ-то его выводахъ и не есть разумъ ни Священнаго Писанія, ни церкви. Напрасно говорить г. Косвинцевъ, что сторонники о. Иларіона приводили въ защиту его многочисленные тексты изъ Священнаго Писанія, гдѣ говорилось, что «имя Божіе есть Самъ Богъ», ибо таковыхъ текстовъ въ Священномъ Писаніи нѣтъ.

III.

Усвоивъ ученіе о. Иларіона, помянутые иноки стали распространять его въ своемъ скиту Оиваида. Первое время пропаганда не имѣла успѣха, такъ какъ изъ среды самихъ оиваидцевъ выступили противники этого новаго ученія, вслѣдствіе чего начались въ скиту религіозные пререканія и споры.

Имебожники повели противъ противниковъ своихъ агитацію: злословили ихъ всюду и отъ всѣхъ требовали бѣгать отъ нихъ, какъ отъ заразы, и тѣмъ подрывали авторитетъ тѣхъ лицъ, предъ коими доселѣ братія благоговѣла, а тѣхъ, кто не слушался имебожниковъ, послѣдніе называли еретиками. Такимъ образомъ, получи-

лось начало насилія, вслѣдствіе котораго пропаганда имебожниковъ со временемъ получила успѣхъ. Одни изъ братіи, вовсе не умѣя, даже не желая разобраться въ этой клеветѣ и новшествахъ о. Иларіона, на слово вѣрили имебожникамъ и начинали отъ оклеветанныхъ держаться въ сторонѣ; другіе слегка входили въ разрѣшеніе спорнаго вопроса и, также не умѣя разобраться въ немъ, примыкали къ заблуждающимся; иные, во избѣжаніе злословія со стороны имебожниковъ, входили въ сдѣлку съ своей совѣстью и отвѣчали на вопросы ихъ двусмысленно или молча преступно соглашались съ ними и тѣмъ умножали ихъ сторону. Многіе ратовали за нихъ безъ всякаго отчета, лишь видя на ихъ сторонѣ немалое число, будто бы сознательно принявшихъ ученіе о. Иларіона, и, примыкая къ нимъ, указывали православнымъ на своихъ сторонниковъ, крича: «Вась горсточка, а насъ весь скитъ, и внѣ скита все наши». Съ этой поры скитъ раздѣлился на двѣ неравныя стороны, враждебныя между собой. Брошенная о. Иларіономъ искра постепенно превращалась въ бурное пламя.

Имебожники стали обвинять православныхъ въ ереси предъ начальствомъ своего монастыря ¹⁾ и, желая вліять на нихъ авторитетомъ начальства, при случаѣ просили послѣднее подписать вѣроученіе, составленное ими. Игумень о. Мисаиль, не входя въ объясненія по существу предложенной для подписи бумаги, благодарно, по совѣту о. Алексія (Кирѣевскаго), уклонился отъ подписи. Съ этой поры они и его тайно зачислили въ разрядъ еретиковъ. Спокойный монастырь началъ волноваться. Еще бы! Кому желательно подчинять свою волю игумену «еретику»!

Въ монастырѣ оказалось немалое число стойкихъ противниковъ имебожнической ереси, напримѣръ, самъ игумень о. Мисаиль, схимонахъ Леонъ, іеромонахъ Кирикъ, монахи: Денасій, Митрофанъ и другіе. Начались словесныя поединки и общія сраженія. Казалось, побѣда была на сторонѣ православныхъ. Этому еще способствовало то, что въ это время появилась на книгу: «На горахъ Кавказа» критическая рукописная рецензія о. Хрисанѳа, схимонаха Ильинскаго скита ²⁾. Рецензія была вскорѣ напечатана въ журналѣ «Русскій Инокъ» (№№ 4, 5, 6 1912 г.) съ благопріятнымъ отзывомъ Антонія архіепископа волынскаго (теперь харьковскаго), и временно принесла немалую пользу. Благодаря ей, многіе увидѣли нелѣпность ученія о. Иларіона и отстали отъ него.

Это имебожниковъ сильно оскорбляло. Они стали готовиться къ рѣшительной защитѣ. Они знали, что въ Андреевскомъ скиту есть Лицейскій іеросхимонахъ Антоній Булатовичъ, и къ нему обратились

¹⁾ Господствуетъ надъ скитомъ Пантелеймоновскій монастырь.

²⁾ См. замѣтку о. Хрисанѳа въ «Истор. Вѣстн.», въ книгѣ за апрѣль мѣсяца 1915 г. по поводу той же статьи г. Косвинцева.

съ просьбой выступить въ защиту новаго догмата. Однако о. Булатовичъ оказался противникомъ его, встрѣтилъ ихъ весьма недружелюбно и на первыхъ порахъ сильно противился имъ, и, какъ говоритъ г. Косвинцевъ, подсмѣивался надъ сими «евваидскими мужичками», конхъ, спустя немного болѣе полгода, назвалъ «лапотниками». Такъ о семъ рассказывалъ мнѣ общій нашъ съ о. Антоніемъ другъ, пустынный о. В—тъ: «О. Антоній, указывая мнѣ кучу бумажныхъ лоскутковъ, сказалъ: «Мнѣ это «лапотники» натаскали. Они кстати и некстати нахватили цитаты изъ Слова Божія и святоотеческихъ твореній и доставили мнѣ для моихъ компиляцій. Мнѣ остается только одно: привести эти выдержки въ порядокъ. Вѣдь они хотя и «лапотники», но, проживши десятки лѣтъ въ монастырѣ, читали много и знаютъ почти не меньше присяжныхъ богословцевъ».

Но послѣ немногихъ пререканій о. Булатовичъ согласился съ ними—принялъ «новый догматъ» и сталъ во главѣ защитниковъ имебожнической ереси. Это было въ февралѣ 1912 года.

Евваидцы стали часто посѣщать о. Булатовича и приписать ему выдержки изъ Священнаго Писанія, святоотеческой письменности, изъ книгъ церковныхъ писателей, до современныхъ включительно. О. Булатовичъ, при помощи учителей своихъ, началъ трудиться надъ ними днемъ и ночью, не покладая рукъ, и писать сочиненія въ защиту новаго догмата.

Работалъ онъ много, выбирая изъ доставленнаго ему матеріала то, что нравилось ему и что совѣтовали ему его «лапотники», составлялъ брошюрки и листки, и чрезъ посредство евваидцевъ щедро раздавалъ ихъ афонитамъ.

Эти тенденціонныя сочиненія подорвали вѣру простецовъ въ рецензію о. Хрисанова и поставили Булатовича весьма на высокую степень. За нимъ двинулась простодушная, за немпогимъ исключеніемъ невѣжественная толпа, готовая идти за нимъ всюду безъ всякаго отчета. Имя его было у нея на устахъ. Она окружила его ореоломъ глубины богословскихъ познаній и святости. Его слово для нея стало закономъ. Она всѣхъ посылала учиться у него православію. Къ этому времени Булатовичъ успѣлъ совратить въ свою ересь около десятка братіи Андреевскаго скита и у многихъ пробудить интересъ къ чтенію книги: «На горахъ Кавказа».

Игуменъ рѣшилъ принять противъ пропаганды Булатовича рѣшительныя мѣры и позвалъ его къ себѣ на объясненіе. О. Антоній, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, много наговорилъ игумену дерзостей и обозвалъ его еретикомъ. Наконецъ игуменъ запретилъ ему писать по спорному вопросу. Булатовичъ не послушался и дерзостно сказалъ: «Я имѣю мечъ и долженъ посѣкать имъ еретиковъ и ересь». Дальнѣйшія объясненія ихъ кончились тѣмъ, что Булатовичъ, не желая подчиняться волѣ игумена, ушелъ изъ скита и поселился на

Благовѣщенской кельѣ, отстоящей отъ скита приблизительно на четверть версты.

Уходя изъ скита, онъ братіи сказалъ, что уходитъ изъ скита потому, что игумень не признаетъ Иисуса Богомъ, умышленно скрывая, что игумень лишь не слѣдуетъ его ученію, по коему самое имя, то есть наименованіе Божіе, есть Самъ Богъ. Это было 26-го іюля 1912 года. Спустя короткое время, о. Антоній, при полученіи своихъ документовъ, выдалъ скиту собственноручную расписку такого содержания:

«ІС. ХС.

«Симъ удостовѣряю, что документы изъ Андреевскаго скита я получилъ и вообще никакихъ претензій къ скиту Андреевскому не имѣю, ухожу, ибо такъ Богу угодно. Аще же угодно будетъ Господу Богу, дабы возвратился въ мѣсто своего постриженія, то не отрицаюсь, аще братія и игумень съ любовію соизволятъ.

«Іеросхимонахъ Антоній (Булатовичъ)».

«13-го августа 1912 года».

IV.

Поселившись на Благовѣщенской кельѣ, о. Булатовичъ почувствовалъ полную свободу дѣйствій въ своей пропагандѣ и, подстрекаемый имебожникомъ настоятелемъ кельи, продолжалъ пропагандировать свое ученіе съ бѣльшей прежняго ревностію. Оивандскіе и пантелеймоновскіе имебожники, посѣщавшіе его до сихъ поръ болѣе секретно, стали открыто его посѣщать, доносить о состояніи обитателей относительно ученія его и еще и еще доставлять выдержки изъ книгъ.

Благодаря кипучей дѣятельности Булатовича и его агентовъ, его пропаганда имѣла большое вліяніе преимущественно на Пантелеймоновскій монастырь. Число въ монастырѣ имебожниковъ въ немъ быстро росло. Въ скитѣ Оиванда не отставали отъ нихъ. Въ послѣднемъ преимущественно возставали на о. Алексія (Кирѣевскаго). Даже былъ слухъ, что они намѣревались его убить. Во избѣжаніе сего онъ, съ разрѣшенія игумена Мисаила, переѣхалъ въ Пантелеймоновскій монастырь, но и въ немъ не встрѣтилъ покоя: здѣсь имебожники также преслѣдовали его

Вліяніе на обители, Булатовичъ едва ли не большее вниманіе удѣлялъ Андреевскому скиту и старался увлечь его за собой чрезъ посредство своихъ агентовъ скитянъ, еще въ его бытность въ скиту увлекшихся его ученіемъ. Они подъ прикрытіемъ кустарника, затѣявшаго дорогу къ Благовѣщенской кельѣ, тайно бѣгали къ нему, носили отъ него въ скитъ прокламаціи и вербовали на его сторону

простодушныхъ скитянь. Но, несмотря на это, въ скиту было спокойно.

Но зато въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ съ каждымъ днемъ раздоръ между сторонами умножался. Имебожники систематически готовились къ бунту.

Игуменъ Мисаиль, желая прекратить раздоръ въ своемъ монастырѣ, послалъ спорную книгу: «На горахъ Кавказа» константинопольскому патріарху, прося его высказать о ней свое архипастырское мнѣніе.

Узнавъ объ этомъ, имебожники стали распространять слухъ, что о. Мисаиль послалъ патріарху «шанку золота», чтобы осудилъ названную книгу, и такимъ образомъ заранѣе подорвали вѣру простецовъ въ его архипастырское слово.

Патріархъ рассмотрѣлъ книгу синодально и нашелъ ученіе ея «безсмысленнымъ и богохульнымъ», что и выразилъ въ своей на Аѳонъ грамотѣ. Вотъ текстъ грамоты на греческомъ и русскомъ языкахъ:

«Тѣмъ изъ монаховъ, которые безсмысленно богословствуютъ и ошибочную теорію о божественности имени «І и с у с ъ» выдумали и распространяютъ, совѣтуемъ и повелѣваемъ отечески тотчасъ же и строго отстать отъ душевреднаго заблужденія и перестать спорить и толковать о вещахъ, которыхъ не знаютъ.

«Имъ надобно прежде всего заботиться о спасеніи души своей, а разрѣшенія какихъ бы то ни было недоразумѣній своихъ они должны искать и находить въ преданномъ ученіи церкви, сверхъ котораго и помимо котораго не дозволено новшествовать и новыя выраженія употреблять. Иначе противъ распространяющихъ это безсмысленное, богохульное ученіе, смущающихъ Св. гору, приняты будутъ со стороны церкви строжайшія мѣры, какія указываются священными канонами противъ нечестивыхъ и непокорныхъ и какихъ требуется спокойствіе и порядокъ вашего священнаго мѣста.

«А такъ какъ начало и причина соблазна есть невнимательно и неосновательно во мнѣгахъ мѣстахъ составленная книга монаха Иларіона: «На горахъ Кавказа», то мы, порицая и осуждая неправильныя и опасныя выраженія въ ней объ имени «Іисусъ», запрещаемъ чтеніе этой книги всѣмъ на Св. горѣ, какъ книги, содержащей много ошибочнаго и ведущей къ заблужденію и ереси.

«Богъ же всякой благодати, призвавшій насъ въ вѣчную славу Свою во Христѣ Іисусѣ, Самъ да совершитъ васъ, да укрѣпитъ, да содѣлаетъ непоколебимыми. Ему слава и держава го вѣки. Аминь». (1 посл. ап. Петра, глава 5, 10, 11).

«Константинопольскій патріархъ Іоакимъ, во Христѣ молитвенникъ».

«1912 г. сент. 12 дня, № 8522».

Грамота въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ была прочитана въ соборѣ и во множествѣ копій разослана по всему Аѳону, приче́мъ о. Булатовичу былъ доставленъ и фотографическій снимокъ съ подлинника грамоты на греческомъ языкѣ.

Имебожники призадумались, и болѣе благоразумные изъ нихъ согласились съ патріархомъ.

Булатовичъ перетолковалъ грамоту по-своему, сдѣлавъ изъ нея хитроумный выводъ, что грозныя слова патріарха относятся не къ имебожникамъ, а къ противникамъ ихъ, и вскорѣ выпустилъ прокламацію, въ коей обвинялъ начальство Пантелеймоновскаго монастыря въ искаженіи грамоты, приче́мъ восклицалъ: «Возможно ли, чтобы онъ (патріархъ) сказалъ, что имя Божіе не есть Самъ Богъ...»

Простецы, ревнующіе не по разуму, не могли обратить вниманія на это и, повѣривъ Булатовичу и его приспѣшникамъ, распространяющимъ клевету о подкупѣ игуменомъ Мисаиломъ патріарха, стали считать грамоту послѣдняго подложною.

Вслѣдствіе этого на время затихнувшій мятежъ всколыхнулся въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ съ неповѣрною силой—начались между враждующими сторонами болѣе прежняго ожесточенныя словесныя схватки.

При этомъ имебожники тайно продолжали готовиться къ бунту и болѣе, чѣмъ на другихъ, нападали на помянутаго о. Алексія. Ему, во избѣжаніе крупныхъ неприятностей, а быть можетъ, и насильственной смерти со стороны имебожниковъ, пришлось, по совѣту начальства, оставить Аѳонъ, уѣхать въ Іерусалимъ до умиротворенія Аѳона.

Этимъ способомъ начальство надѣялось умиротворить мятущееся братство, считавшее о. Алексія главнымъ виновникомъ ихъ неудачи привлечь на свою сторону начальство, но этотъ способъ не имѣлъ на мятежниковъ дѣйствія, такъ какъ они ужъ предрѣшили взять начальство въ свои руки и, если явится возможность, замѣнить его изъ своей среды новымъ. Они требовали отъ него полного себѣ подчиненія и, по ихъ указанію, выгнать изъ обители стойкихъ въ православіи братій.

Къ тому времени, когда на Аѳонѣ была получена патріаршая грамота, имебожниковъ въ Андреевскомъ скиту насчитывалось не болѣе двухъ десятковъ. Булатовичъ принималъ рѣшительныя мѣры увлечь въ свою ересь не только все братство скита, но и самого игумена, архимандрита Іеронима. Съ этой цѣлью онъ прислалъ ему свою прокламацію: «Новое бѣсословіе имеборцевъ»¹⁾. Игумень отвѣтилъ ему открытымъ письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Сего октября 17-го дня мною отъ васъ полученъ листокъ вашего сочиненія: «Новое бѣсословіе имеборцевъ». Этотъ листокъ я со вниманіемъ прочелъ.

¹⁾ Такое названіе далъ о. Булатовичъ своимъ противникамъ.

«Вашего ученія, изложеннаго въ немъ и въ другихъ вашихъ листкахъ, брошюрахъ и въ статьѣ вашей нашего журнала «Наставленіе и утѣшеніе св. вѣры христіанской», озаглавленной: «О почитаніи имени Божія», отнюдь не принимаю и очень скорблю, что вы презрѣли истинное ученіе церкви и, преклонясь предъ ученіемъ кавказскаго самочинника схимонаха Иларіона, развращаете мирныхъ насельниковъ Святой горы, за которыхъ въ свое время вамъ придется отдать отчетъ передъ Богомъ.

«Умоляю васъ, о. Антоній, вспомните, зачѣмъ пришли вы на Святую гору, примиритесь съ святою церковію, испросите прощеніе у вселенскаго патріарха, у архіепископа Антонія волинскаго, у архимандрита Мисаила и вообще у всѣхъ аеопскихъ иноковъ: и тогда водворится у васъ утраченный миръ на душѣ.

«Вашъ искренній доброжелатель, архимандритъ Геронимъ».

«20-го октября 1912 г.».

Но это увѣщаніе вызвало у Булатовича къ о. игумену полнѣйшую ненависть. Булатовичъ рѣшилъ игумена смѣнить, но, не имѣя возможности посѣщать скитъ и непосредственно дѣйствовать на братство, онъ пуждался въ такомъ человѣкѣ, который могъ бы на него вліять авторитетно.

Такой авторитетный человѣкъ въ половинѣ ноября пріѣхалъ въ скитъ изъ Македоніи, съ нашего метоха (хутора) Нузла ¹⁾, гдѣ управлялъ свои старческія силы, — архимандритъ Давидъ, человѣкъ малограмотный, но лишь благодаря случайности получившій санъ архимандрита и стяжавшій славу ктитора нашего скита. Благодаря сей славѣ, онъ пользовался въ немъ особыми правами: жилъ внѣ его въ отдѣльномъ корпусѣ при церкви, какъ будто на безмолвіи, и, не стѣсняемый ничѣмъ, проводилъ жизнь по своему личному уставу и порядку. Онъ подъ вліяніемъ пустытника о. М—рія, принялъ новый догматъ о. Иларіона.

Санъ архимандрита, долготѣнныя въ монашествѣ жизнь, благоволеніе къ нему, начальства, его старческій видъ, вкрадчивая тихая пѣвучая рѣчь и умѣнье рисоваться передъ братствомъ—все это подкупало братію въ его пользу.

О. Булатовичъ обратилъ на него особое вниманіе и потомъ, какъ увидимъ, использовалъ его въ цѣляхъ своей пропаганды.

Вскорѣ по пріѣздѣ о. Давида на Аѳонъ, игумену пришлось, вслѣдствіе войны на Балканскомъ полуостровѣ, уѣхать, къ несчастію скита, на названный метохъ. Управлять скитомъ во время отсутствія игумена былъ избранъ духовнымъ соборомъ заслуженный іеромонахъ, маститый старецъ о. Николлай.

¹⁾ Въ семи перстахъ отъ гор. Кагалы.

7

Отъѣздъ игумена былъ Булатовичу въ руку. Онъ счелъ это время удобнымъ для своей пропаганды въ скиту и смѣны несправедливаго ему игумена о. Іеронима. Съ этой цѣлью онъ заручился содѣйствіемъ архимандрита Давида и, желая образовать въ скиту комитетъ, избралъ себѣ въ секретаря и главнаго помощника монаха П—ра, бібліотекаря.

О. П—ръ составилъ комитетъ изъ приверженцевъ новаго догмата, большей частью, какъ и самъ онъ, недовольныхъ начальствомъ ¹⁾. Въ составъ комитета вошли и два члена изъ духовнаго собора: іеромонахъ С—ій и монахъ Фе—тъ. Главный дѣятель комитета былъ на Благовѣщенской кельѣ самъ о. Булатовичъ, а опора его архимандритъ Давидъ. Булатовичъ чрезъ посредство комитета разбросалъ въ коридорахъ скита свои прокламаціи и во множествѣ экземпляровъ копій вышеприведеннаго «Открытаго письма». При этомъ агенты его, указывая пальцемъ въ письмѣ на слова: «...почитаніи имени Божія я отнюдь не принимаю», толковали письмо въ томъ смыслѣ, что-де игумень отрекся отъ Иисуса Христа и отнюдь не почитаетъ имени Его, а посему онъ и есть еретикъ.

Но не всѣ простецы повѣрили имъ, многіе изъ нихъ колебались и выражали сомнѣніе въ ереси игумена. Агенты таковыхъ отсылали за разъясненіемъ и справками къ архимандриту Давиду. Послѣдній подтверждалъ имъ, что игумень еретикъ, и настаивалъ на томъ, что его надобно смѣнить. Чтобы показать свою ревность по Богѣ, онъ съ церковнаго амвона проклялъ пустышника, не раздѣлявшаго съ нимъ убѣжденій по новому догмату. О семъ свидѣтельствуеетъ въ своемъ заявленіи самъ пустышникъ о. М. (Г—нъ), что о. Давидъ проклялъ его съ церковнаго амвона во время литургіи, которую 4-го декабря совершалъ самъ, и приказалъ изъ церкви выгнать его палкой исключительно за то, что онъ не раздѣляетъ съ нимъ новаго догмата.

Духовный соборъ смотрѣлъ на происходившее сквозь пальцы, несмотря на то, что старшіе изъ братства просили его принять противъ Булатовича рѣшительныя мѣры. Что касается замѣстителя игумена, то онъ, по преклонности лѣтъ, ничего не могъ предпринять къ прегражденію начавшейся крамолы.

Пользуясь этимъ, комитетъ спѣшилъ собрать до приѣзда игумена возможно большее количество братскихъ подписей на пизложение его, но, несмотря на просьбы и увѣщанія братіи со стороны комитета, подписка шла неуспѣшно.

¹⁾ Въ числѣ ихъ было нѣсколько человекъ, ѣздившихъ въ свое время на пароходѣ просить себѣ у помянутой въ «Черномъ бунтѣ» пресловутой Наталіи «благодати».

Это оскорбляло комитетъ и болѣе всего бібліотекаря П—ра. Онъ жаловался въ комитетѣ, что подписка идетъ неуспѣшно, что нѣкоторые двоедушничаютъ и лицемѣрятъ, другіе общаются, но не подписываются, говоря, что за правое дѣло мы стоимъ и безъ подписки, и что иные даже приходили и просили вычеркнуть свои подписи.

Стараясь привлечь братію къ подпискѣ, комитетъ придумывалъ разные средства. По его распоряженію, въ церкви и трапезѣ стали читать поученія, въ коихъ при разныхъ обстоятельствахъ восхвалялось имя Божіе. При этомъ имебожники старались толковать ихъ и внушать братству, что-де вотъ что значитъ имя Божіе, а игумень его хулить. Но сколько ни подбирали таковыхъ поученій, ни въ одномъ изъ нихъ не было написано, что имя Божіе есть Самъ Богъ. Чтеніе этихъ поученій имѣло двойное дѣйствіе на братство. Болѣе грамотные понимали, что въ нихъ имя Божіе только восхваляется, но не называется Самимъ Богомъ, остальные не могли разобраться въ смыслѣ поученій и, слыша, какъ въ нихъ восхвалялось имя Божіе, стали повторять за имебожниками ихъ излюбленную фразу: «Имя Иисусъ есть Самъ Богъ», и причислили игумена и сторонниковъ его къ «еретикамъ имеборцамъ». Замѣститель, видя, что эти поученія возбуждаютъ братство и часть его начинаетъ волноваться, запретилъ читать ихъ, но комитетъ выступилъ противъ него съ клеветой—и замѣститель замолчалъ.

Но, несмотря на это, подписей въ крамольныхъ бумагахъ значилось сравнительно мало. Тогда въ одинъ изъ праздничныхъ дней въ коридорахъ скита появилась прокламація и навела на братію страхъ. Въ ней говорилось, что во время ужина ударятъ въ тарелки и вслѣдъ за симъ начнется избіеніе всѣхъ сторонниковъ Иеронима. Правда, ужинъ прошелъ благополучно, но прокламація имѣла успѣхъ: почти всѣ противники новаго догмата какъ-то сразу притихли и открыто противиться имебожникамъ перестали.

Упоенные успѣхомъ, имебожники почувствовали себя въ скиту полными хозяевами и подписываться къ бумагамъ братію уже не просили и попрежнему не льстили имъ, а грубо требовали, угрожая выгнать ихъ изъ скита, когда будетъ выбранъ новый игумень. При этомъ насиліи многіе изъ братства противъ своей воли дали подписку.

Братство скита въ это время можно было раздѣлить приблизительно на три равныя части. Одна треть открыто стояла на сторонѣ Булатовича. Вторая треть братства малодушествовала вслѣдствіе насилія со стороны имебожниковъ и, лицемѣря передъ комитетомъ, кривила душой, и лишь послѣдняя треть, ни на что не взирая, не соглашалась съ комитетомъ.

Булатовичъ, видя большинство братства на своей сторонѣ, уже считалъ почти выиграннымъ свое дѣло, но для полнато пораженія

игумена Иеронима онъ видѣлъ недостатокъ въ своемъ лагерѣ членовъ духовнаго собора. Чтобы привлечь къ себѣ, онъ рѣшился ихъ подкупить и съ этой цѣлью пришелъ въ скитъ. Это было его первое посѣщеніе скита съ того времени, когда онъ ушелъ изъ него. Имебожники встрѣтили его съ честью и провели къ скитскому начальству. Послѣднему онъ предложилъ 10.000 руб. за смѣну игумена о. Иеронима. Но оно это предложеніе отвергло. Вскорѣ послѣ этого имебожники приходили на Карею къ полицейскому чиновнику и, извращая суть дѣла, клеветали на игумена о. Иеронима, что-де не они, а онъ противится патріаршей грамотѣ и хочетъ половину братіи выгнать изъ скита. При этомъ они просили чиновника, когда игуменъ возвратится, вступить за нихъ. А въ то время, когда требовалось избрать на новый годъ новыхъ епитроповъ¹), они подбросили членамъ духовнаго собора прокламацію, писанную рукою бібліотекаря П—ра. Въ ней говорилось, что во избѣжаніе бунта не должно выбирать въ епитропы такое-то лицо, а выбрать такое-то и такое-то...

Слово бунтъ наводило на насъ ужасъ, тѣмъ болѣе, что пронесся слухъ, что Булатовичъ организовалъ изъ скитской молодежи «боевую дружину» для изгнанія изъ скита непокорныхъ ему. Во избѣжаніе предвѣщеннаго прокламаціей бунта на духовномъ соборѣ было рѣшено отложить избраніе епитроповъ до пріѣзда игумена.

Нахальство имебожниковъ съ каждымъ днемъ возрастало. Даже примкнувшіе къ нимъ исключительно изъ страха втягивались въ ихъ атмосферу и начинали безчинничать и буйствовать.

VI

Седьмого января возвратился въ скитъ архимандритъ о. Иеронимъ. Съ пріѣздомъ его такъ хитроумно подготовленный Булатовичемъ бунтъ сталъ приближаться къ концу ускореннымъ темпомъ. Вслѣдъ за пріѣздомъ игумена былъ собранъ соборъ. На него пригласили главарей комитета, жившихъ въ скиту. Они на соборѣ держали себя дерзко. О. П—ръ даже заявилъ, что соборъ неспособенъ судить ихъ, такъ какъ-де на немъ нѣтъ архимандрита Давида. Но послѣдній давно уже выбылъ изъ членовъ собора. Затѣмъ и о. Давидъ былъ приглашенъ на допросъ. Онъ на соборѣ сказалъ, что игуменъ отрекся отъ Бога и что это утвердилъ въ «Открытомъ письмѣ» Булатовичу своимъ подписомъ. Игуменъ на это отвѣтилъ, что онъ въ этомъ письмѣ написалъ, что не признаетъ ученія Булатовича, а не то, что отрекается отъ Господа Иисуса Христа, въ Котораго вѣруетъ и исповѣдуетъ, что Онъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ есть истинный Богъ, что имя Его свято, страшно, достопоклоняемо, но что при

¹) Членовъ епитропіи—хозяйственнаго управленія скитомъ.

такоемъ благоговѣйномъ отношеніи къ нему—имени Божію—опъ его не обоготворяеть.

— А я исповѣдую, что имя Іисусъ есть Самъ Богъ съ существомъ и со всеми Своими свойствами,—сказаль о. Давидъ.

— Когда встрѣтитесь въ Божественномъ писаніи имя «Іисуса сына Навина или сына Сирахова», тогда какъ вы сочтете?—спросиль игумень Іеронимъ.

— Конечно, тогда не Богъ.

— Что же ты споришь?

Послѣ этого о. Давидъ, выйдя изъ собора, закричалъ: «Братія, бѣгите, нащъ игумень масопъ. Опъ передъ всеъмъ соборомъ отрекся отъ Іисуса». Благодаря сѣдннамъ его, многіе изъ братства повѣрили ему и пошли противъ игумена. Главные бунтари въ этомъ видѣли успѣхъ и говорили, что положено хорошее начало, и предвѣщали хорошій конецъ.

Утромъ 8-го января былъ собранъ братскій соборъ изъ восьмидесяти человекъ старшихъ братій скита. Въ числѣ ихъ были имебожники. Игумень послѣ общей молитвы предложилъ желающимъ выяснитъ возводимое на него обвиненіе. На его слова никто не отвѣтилъ. Видя нерѣшительность братіи отвѣчать на вопросъ, игумень сказалъ: «Отцы святые, говорите, что знаете». Снова гробовое молчаніе. «Если не хотите говорить, то выслушайте меня, какъ я вѣрую». При этомъ опъ началъ изустно исповѣдывать свою вѣру. Говориль опъ толково, удобопонятно для всехъ. Исповѣдавъ вѣру въ Святую Живоначальную Троицу, опъ присовокупиль: «Вѣрую и исповѣдую, что имя Божіе есть свято, страшно, достопоклоняемо».

При семъ позволю себѣ обратиться къ разуму безпристрастныхъ читателей. При такомъ благоговѣйномъ отношеніи игумена къ имени Божію, спрашивается: могъ ли опъ топтать записки съ начертаніемъ на шихъ имени Божія, или дѣлать что-либо другое, подобное пересказываемому г. Косвинцевымъ со словъ имебожниковъ, враговъ игумена Іеронима? Опъ этого, конечно, не дѣлаль. Это даже можетъ подтвердиться тѣмъ, что до появленія разбираемой статьи ничего подобнаго на Афонѣ не было слышно.

Братія, исключая убѣжденныхъ имебожниковъ и личныхъ игуменскихъ враговъ, слыша исповѣданіе вѣры своего игумена, убѣдились, что на него возведена клевета, и радовалась, что онъ не измѣнилъ православію. При этомъ о. Маврикій сказалъ: «Ну, чего намъ еще нужно? Игумень православный. Давайте расходиться да попрежнему жить мирно». Казалось, вопросъ былъ уже исчерпанъ, и нѣкоторые готовились къ выходу.

Но вотъ выступиль членъ духовнаго собора, имебожникъ іеромонахъ С—гій, и обратился къ игумену съ такими словами:

— Вы, отче, вчерась на соборѣ отреклись отъ Іисуса.

Игумень обратился къ сидящимъ тутъ членамъ собора съ вопросомъ:

— Скажите, отцы святые, отрекся я на соборѣ отъ Ісуса, или нѣтъ?

— Нѣтъ, не отрекался,—почти въ одинъ голосъ они отвѣтили всѣ.

Обратясь къ о. С—гію, игумень обиженно сказалъ:

— Для чего, о. С—гій, вы лжете?

— А вотъ вы въ своемъ «Открытомъ письмѣ» къ о. Аптонію назвали почитаніе имени Божія новымъ бѣсословіемъ,—сказалъ о. С—гій.

— Неправда! Я этого не дѣлалъ. Хотя въ этомъ письмѣ есть эти слова, но они не мои, а самого о. Аптонія. Онъ этими словами озаглавилъ свою рукопись.

Братія пожелала это выяснить. Достали названныя письма и рукопись, рассмотрѣли и убѣдились, что о. С—гій говоритъ неправду.

Вслѣдъ за этимъ благонамѣренная часть братіи, подобно о. Маврикію, стала говорить, что игумень правъ и надо разойтись и по старому жить въ мирѣ, но имебожники этого не хотѣли. Они дѣйствовали по рапѣе обдуманному плану. Планъ ихъ самъ собою вскорѣ объяснился. Тайные изъ нихъ, надѣвъ на себя личину правосудія, потребовали отъ начальства сейчасъ позвать на соборъ возмутителей скита и наказать по достоинству.

Послали за ними. Ихъ ждать не пришлось. Они стояли въ толпѣ другихъ имебожниковъ у дверей соборнаго зала. Войдя на соборъ, они къ игумену не подошли благословиться. Игумень спросилъ ихъ, для чего они возмущаютъ братство. О. П—ръ вмѣсто отвѣта выдвинулъ впередъ послушника Н—ту и приказалъ ему читать какую-то рукопись. Н—та началъ читать. Игумень и члены духовнаго собора читать ему запретили, сказавъ, что онъ, какъ новоначальный, не приглашенъ на соборъ и голоса на немъ не имѣетъ, а посему и долженъ удалиться. Мятежники во главѣ съ П—мъ потребовали отъ собора разрѣшить Н—тѣ читать. Между сторонами начался споръ. Въ это время, пользуясь не запертыми дверями соборнаго зала, ворвалась на соборъ толпа имебожниковъ. Безъ скандала удалить ихъ было невозможно, а посему и не стали ихъ беспокоить. Благодаря дерзости мятежниковъ, споръ кончился тѣмъ, что Н—та началъ читать.

Въ рукописи была клевета на меня и отчасти на о. игумена. Мы стали возражать, но главари-имебожники, поддерживаемые сейчасъ вошедшей толпой своихъ единомышленниковъ, подняли шумъ, приказывая намъ замолчать. Видя ихъ наглость и зная, что они на большее способны, мы замолчали.

Какъ только Н—та замолкъ, мы снова пытались оправдаться,

по расхрабрившіеся ижебожники снова требовали, чтобы мы продолжали молчать, и обѣщали намъ дать оправдаться, когда прочтеть другую рукопись о. П—ръ. Во избѣжаніе скандала, мы замолчали. О. П—ръ началъ читать. Онъ обвинялъ игумена въ томъ, что онъ не называетъ имя Іисусъ Богомъ, что будто въ выше приведенномъ «Открытомъ письмѣ» отрекся отъ почитанія имени Божія, что распространялъ вышенприведенную патріаршую грамоту и увѣщевалъ братію подчиниться ей и что приказалъ уничтожить спорную книгу «На горахъ Кавказа», и попутно съ этимъ обвинялъ и меня за распространеніе и толкованіе названной грамоты и за то, что имѣю знакомство съ пустынноикомъ о. Теофаномъ и другими, причемъ называлъ ихъ богохульниками.

Конечно, эти обвиненія смысла не имѣли, и оправдываться въ нихъ, исключая клеветы по поводу «Открытаго письма», не было нужды. Тотчасъ по окончаніи чтенія П—ра начался шумъ. Главари бунта подступили къ игумену, требуя отъ него отреченія отъ власти. Онъ на это сказалъ:

— Я за игуменскій жезлъ не держусь и оставляю его, если я виновать, но напрасно вы меня обвиняете въ ереси. Вотъ и патріаршая грамота говорить въ мое оправданіе.

— Мы ея не признаемъ!—закричали главари.

— Если ея не признаете, то изберите изъ своей среды депутатовъ и пошлите въ Россію, въ Святѣйшій Синодъ съ просьбой разрѣшить спорный вопросъ. И какъ онъ его разрѣшитъ, того и будемъ держаться.

Они закричали:

— Мы и Синода не послушаемся!

— А кого же будете слушаться?

— Мы дѣло имѣемъ со святыми отцами. Ты отсюда долженъ уйти, а мы будемъ избирать новаго игумена.

— Этого не можетъ быть! Пусть разберетъ наше дѣло ватопедское начальство ¹⁾.

Они настаивали приступить къ выборамъ новаго игумена сію же минуту; но и члены духовнаго собора воспротивились имъ и рѣшили послать изъ своей среды двухъ членовъ въ Ватопедъ, пригласить проэстосовъ (членовъ собора) для умиротворенія скита. Послѣ этого игумень и прочее начальство ушли изъ собора. Мятежники еще долго шумѣли и оставили соборный залъ только тогда, когда грапезарь ударилъ въ колоколъ, сзывая братію въ трапезу на обѣдъ.

Въ обители всѣ были возбуждены. Ижебожники говорили не бывшимъ на соборѣ, что игумень и Климентъ не могли оправдаться.

Утромъ 9-го января пришелъ въ скитъ, вопреки своей распискѣ, о. А. Булатовичъ и, не бывъ у игумена, самочинно собралъ ижебож-

¹⁾ Надъ скитомъ начальствуетъ греческій монастырь Ватопедъ.

никовъ и составилъ изъ нихъ «бунтовщическій соборъ». Соборъ за-сѣдалъ въ одной изъ палатъ старой (бывшей) больницы¹⁾. На немъ предсѣдательствовалъ и былъ душю его самъ Булатовичъ. Архимандритъ Давидъ былъ въ соборѣ его главный помощникъ и опора. На соборѣ обсуждалось, какъ дѣйствовать, чтобы низложить игумена Иеронима и избрать на мѣсто его новаго, давно уже предызбраннаго въ комитетѣ архимандрита Давида.

Въ это время пріѣхали въ скитъ ватопедскіе проэстосы. Ихъ было четверо. Одинъ изъ нихъ, іеромонахъ Германъ, воспитанникъ одесской духовной семинаріи. Какъ только они вѣхали въ скитъ, то имебожники заперли все порты (ворота) и калитки скита, ключи отъ которыхъ взяли себѣ, и никого въ скитъ не пускали. Изъ скита разрѣшалось выходить только имебожникамъ, и то самымъ испытаннымъ, а намъ, противникамъ новаго догмата, и близко къ портѣ подходить возбранялось. На всехъ выходящихъ наружу балконахъ, исключая одного, близъ коего помѣщались проэстосы, поставили сторожей. Послѣднимъ вмѣнялось въ обязанность за нами слѣдить, чтобы мы не проникли наружу или чего-нибудь не спустили изъ оконъ скита. Епитропію, ризницу и одну изъ церквей, въ которой находилась генеральная касса, вмѣщавшая въ себѣ деньги, документы скита и печать, мятежники заперли и, приставивъ къ нимъ часовыхъ, ключи взяли себѣ.

Видя все это, ватопедскіе проэстосы удивлялись, пожимали плечами, но принять противъ этого мѣръ не рѣшались. Затѣмъ пригласили къ себѣ архимандрита игумена Иеронима и просили его указать причину возмущенія въ братствѣ. Онъ сказалъ, что его (игумена) нѣкоторые отцы подозрѣваютъ въ ереси и требуютъ, чтобы онъ оставилъ игуменскій постъ. Проэстосы потребовали отъ него исповѣданія вѣры. Онъ исповѣдалъ. Они признали его такимъ же православнымъ, каковы они сами.

Вслѣдъ за симъ пригласили архимандрита Давида, какъ старѣйшаго изъ сподвижниковъ о. Булатовича. О. Давида они просили указать причину недовольства братіи игуменомъ Иеронимомъ. О. Давидъ сталъ обвинять игумена въ ереси. Они просили объяснить, въ чемъ состоитъ его ересь. Онъ сказалъ, что игуменъ не признаетъ имени Божія Иисусъ Богомъ. Они потребовали отъ о. Давида исповѣданія вѣры. Онъ исповѣдалъ согласно ученія книги «На горахъ Кавказа». Тогда проэстосы объявили ему, что они допрашивали игумена Иеронима и, выслушавъ отъ него исповѣданіе вѣры, признаютъ его вполне православнымъ, а его самого (о. Давида) не могутъ признать таковымъ и считаютъ мудрствующимъ неправославно, причемъ убѣждали раскаяться и убѣдить братій, привявшихъ это новое ученіе, отстать отъ него и считать игумена Иеро-

¹⁾ Больница переведена въ другой корпусъ.

нима православнымъ и жить попрежнему въ мирѣ и согласіи. О. Давидъ не согласился и ушелъ на разошедшійся еще бунтовщическій соборъ.

Вскорѣ послѣ сего, по распоряженію этого собора, нѣсколько разъ ударяли въ колоколь. Это было сигналомъ, призывающимъ братство въ соборный храмъ выбрать новаго игумена. Большая толпа двинулась изъ бунтовщического собора къ соборному храму, причемъ часть отъ нея отдѣлилась и разбѣжалась по кельямъ собирать братство для выбора новаго игумена.

Соборъ наполнился братствомъ. Мятежники во главѣ съ Булатовичемъ приступили къ выбору игумена и немедленно на голосахъ избрали архимандрита Давида, отнюдь не считаясь съ уставомъ и обычаемъ скита, по конемъ, во-первыхъ, должна быть выставлена на низложеніе игумена благословная причина, каковой, какъ видимъ, не оказалось, во-вторыхъ, выборъ долженъ производиться закрытою баллотировкой изъ трехъ-четырехъ кандидатовъ. При выборѣ первые подали голосъ за архимандрита Давида члены комитета, причемъ въ голосѣ ихъ слышалась повелительная нотка, требующая подавать голоса за избранныка ихъ, а посему возраженіямъ здѣсь не было мѣста.

Итакъ, «единодушно и единогласно» о. Давидъ былъ избранъ въ игумена скита. Оставалось соблюсти необходимую формальность, выборъ закрѣпить подписями братства и утвердить властью Ватопеда.

Выборщики отправили депутацію къ проэстосамъ просить ихъ прийти на «соборъ» и разрѣшить произвести выборъ дикее (правителя, игумена скита). Проэстосы отвѣтили, что они приславы изъ Ватопеда не для избранія новаго дикее, а для водворенія въ скиту порядка. Долго депутація упрашивала ихъ снизить на ихъ просьбу, но они отказали, объявивъ, что обвиненіе игумена въ ереси несправедливое, незаконное, и не даетъ права на низложеніе его, ибо онъ православный. Депутація возвратилась въ соборъ безъ проэстосовъ и безъ разрѣшенія произвести выборъ. По долгомъ совѣщаніи, члены комитета отмѣнили возводимое на игумена обвиненіе въ ереси и замѣнили обвиненіемъ, что все братство потеряло довѣріе къ нему, и послали къ проэстосамъ вторую депутацію. Но и эта депутація не имѣла успѣха. Тогда они отобрали подписи у братства и вновь послали къ проэстосамъ депутацію. Послѣ усиленной просьбы послѣдняя депутація добилась отъ проэстосовъ слова побывать въ слѣдующій день у нихъ на соборѣ и посмотреть, что дѣлается тамъ. Соборъ разошелся.

Утромъ 10-го января мятежники снова ударили въ колоколь, сзывая братство въ соборъ. Агенты Булатовича снова побѣжали по кельямъ привлекать братію.

Когда соборъ наполнился, главари объявили, что вчерашній

протоколъ, паскоро подписанный, испачканъ, а посему надобно переписать его набѣло и снова подписать.

Въ это время пришелъ одинъ изъ проэстосовъ, пробывъ въ соборѣ минутъ пять, посмотрѣлъ и ушелъ.

Мятежники придали своему избранію игумена законный характеръ.

Когда приступили къ подписи переписаннаго протокола, нѣкоторые изъ братства не хотѣли снова подписаться и требовали вычеркнуть изъ черноваго протокола свои подписи, но добились этого съ трудомъ, заявивъ, что будутъ жаловаться проэстосамъ Ватопеда.

По словамъ имебожниковъ, подписей собралось 302 — вполне достаточное количество для избранія игумена. Имебожники торжествовали и поздравляли другъ друга съ новымъ игуменомъ, а новоизбраннаго съ новымъ послушаніемъ.

Выйдя изъ собора, нѣкоторые главари-имебожники, неводержанные на языкъ, разгласили строго ими хранимый доселѣ секретъ, что Давидъ избранъ на короткое время, только до тѣхъ поръ, когда все успокоится, а потомъ изберутъ изъ двухъ одного: или самого Булатовича, или монаха П—ра, бібліотекаря.

По избраніи Давида, Булатовичъ сталъ чувствовать себя почти побѣдителемъ и, окруженный вѣрными собою агитаторами, самъ предсталъ предъ проэстосовъ и, опираясь на многочисленныя подписи протокола, сталъ требовать отъ нихъ утвердить Давида въ званіи дикея скита, по успѣху не имѣлъ.

Съ тою же просьбой явилась къ проэстосамъ вторая депутация. Проэстосы, видя, что она крайне возбуждена и держитъ себя вызывающе, посоветовали ей обратиться въ духовный соборъ въ самый монастырь Ватопедъ.

Вскорѣ послѣ этого игумень Иеронимъ, іеромонахъ Софроній и я пришли къ проэстосамъ просить принять рѣшительныя мѣры къ водворенію въ скиту порядка. Проэстосы просили насъ потерпѣть, такъ какъ-де при такомъ возбужденіи мятежниковъ и запертой портѣ они ничего не могутъ сдѣлать. При этомъ игумень взволновался до слезъ и ушелъ, предоставивъ намъ однимъ продолжать просьбу. Проэстосы предложили намъ подать жалобу имъ на возмутителей скита, причемъ велѣли указать, чѣмъ они взволновали братство.

Мы просили ихъ объявить братству, что они признаютъ игумена Иеронима православнымъ, а архимандрита Давида и его сторонниковъ не признаютъ таковыми, и увѣщать братство оставить всякіе споры и жить мирно. Они обѣщали это изложить на бумагѣ у себя въ монастырѣ и прислать ее въ скитъ мятежному братству, а игумену копію съ нея.

Жалобу мы изготовили ночью, а утромъ стали собираться въ канцелярію для подписи ея.

Мятежники, все время зорко слѣдившіе за нами, узнали, что будетъ намъ подписываться какая-то бумага, приставили къ входу канцеляріи своихъ караульныхъ и никому не позволяли входить къ намъ.

При такомъ стѣсненномъ положеніи, когда всюду слѣдили за нами имебожники и скитъ кругомъ былъ на замкахъ и со всѣхъ сторонъ охраняемъ имебожниками, спрашивается, могъ ли игумень Іеронимъ запаковать все находящееся въ его кельѣ, какъ говоритъ въ своей статьѣ г. Косвинцевъ, и спустить за окна, которыя выходятъ не наружу, а во дворъ скита, гдѣ постоянно находились имебожники?

Бумагу пришлось подписать очень немногимъ. Съ большой предосторожностью я отнесъ ее проэстосамъ.

У нихъ была имебожническая депутація во главѣ съ Булатовичемъ и снова приставала утвердить о. Давида въ званіи дикая.

Я незамѣтно передалъ бумагу проэстосу о. Герману, который скрылъ ее отъ любопытныхъ глазъ.

Булатовичъ, увидѣвъ меня и пришедшихъ со мной, закричалъ: «Зачѣмъ они здѣсь?!.. Зачѣмъ они сюда пришли?..» Ему кто-то замѣтилъ, что онъ, какъ добровольно вышедшій изъ скита и давшій о семъ скиту собственноручную расписку, не имѣетъ права вмѣшиваться въ скитскія дѣла. Онъ закричалъ: «Гдѣ расписка? Дайте расписку!» Но расписки, конечно, ему не дали.

Послѣ обѣда проэстосы изъ скита уѣхали.

VII.

Мятежники успѣшили поѣхать въ Ватопедъ просить старцевъ утвердить протоколъ на избраніе въ игумена о. Давида.

Чтобы придать законный видъ этому избранію, требовалось приложить къ протоколу скитскую печать, хранившуюся въ кассѣ, отъ которой одинъ изъ ключей былъ у игумена о. Іеронима. По строго исполняемому уставу скита, касса имѣетъ нѣсколько разновидныхъ замковъ, всегда отпирается въ присутствіи всѣхъ такъ называемыхъ ключеносцевъ (§§ 12 и 13 уст.), въ числѣ коихъ всегда состоитъ и игумень.

Здѣсь надобно замѣтить, что г. Косвинцевъ ошибочно говорить: «При игуменѣ Іеронимѣ было такъ, что онъ былъ полнымъ хозяиномъ всѣхъ монастырскихъ богатствъ. Кромѣ него, никто не имѣлъ права заглядывать въ кассу. При новомъ игуменѣ соборъ старцевъ постановилъ имѣть четыре ключа: одинъ ключъ долженъ находиться у игумена, а остальные у трехъ монаховъ изъ числа старшей братіи. Отворяется касса могла только въ присутствіи всѣхъ четырехъ обладателей ключей. Это гарантировало монастырскимъ милліонамъ полную сохранность». Въ дѣйствитель-

ности же постановленіе о храненіи ключей пятью, а не четырьмя ключеносцами, и отпираніе и запираніе кассы въ присутствіи всѣхъ пятерыхъ было учреждено не по избраніи въ игумена архимандрита Давида, но много ранѣе, а именно въ 1879 году. Милліоны же въ кассѣ никогда не хранились. И глупо было бы хранить ихъ въ скиту, на который во всякое время могутъ напасть пираты и кассу ограбить, между тѣмъ какъ въ Россіи, въ Государственномъ банкѣ можно хранить какія угодно крупныя денежныя суммы безъ всякаго риска.

Мятежники пришли къ игумену многочисленной толпой и требовали отъ него означенный ключъ. Игумень, опираясь на поддержку вѣрной себѣ братіи, не взирая на угрозы имебожниковъ, ключа не далъ.

Мятежники послали въ Ватопедъ депутацію изъ четырехъ человекъ. Во главѣ депутаціи стоялъ о. Булатовичъ.

Депутація долго умоляла въ Ватопедѣ духовный соборъ утвердить архимандрита Давида въ званіи дикеея, но вмѣсто сего получила только слѣдующую бумагу:

«Ко всему братству нашего скита Серай (Андреевскій скитъ).

«Такъ какъ избраніе новаго дикеея совершилось не по уставамъ и обычаямъ скита, а произошло такимъ образомъ, какой нигдѣ въ мірѣ не употребляется, ибо образъ этотъ всѣми считается насильственнымъ, то поэтому священный нашъ монастырь, желая, чтобы сохранились не поврежденными уставы и обычаи скита, и чтобы избраніе это не имѣло для священнаго скита худыхъ послѣдствій, отвергаетъ означенное избраніе и убѣждаетъ всѣхъ братій скита произвести законное избраніе, предложивъ четырехъ кандидатовъ, какъ практиковалось доселѣ, имѣя въ виду, что нашъ священный монастырь отнюдь не допуститъ новшествъ въ скитѣ.

«Обращаемся же ко всѣмъ вамъ съ увѣщаніемъ считать архимандрита Иеронима православнымъ, потому что онъ православный такъ же, какъ и мы. Будьте увѣрены, что тѣ изъ васъ, которые приняли новую вѣру, какой учить книга: «На горахъ Кавказа», и вѣрнымъ послѣдователемъ и учителемъ которой явился вашъ собратъ іеромонахъ Антоній, всѣ будутъ осуждены, какъ еретики, и отлучены отъ великой церкви Христовой и, какъ отлученные, будутъ впредь лишены права жить на Святой горѣ.

«Преподаемъ вамъ совѣтъ, какъ отцы ваши, изгоните изъ скита новую эту ересь, іеромонаха Антонія Булатовича, и примите братскую любовь въ законномъ избраніи дикеея. Мы же, по долгу отцовъ, молимся, дабы Святой Богъ просвѣтилъ васъ въ правой вѣрѣ въ Него и даровалъ каждому изъ васъ братскую любовь и свой миръ.

«Пребываемъ молитвенники во Христѣ епитропы и прочіе начальствующіе священнаго и досточтимаго монастыря Ватопеда».

Копію грамоты прозестосы вручили полицейскому чиновнику для

передачи игумену Иерониму. Чиновникъ, желая лично передать копию по принадлежности, подошелъ къ портѣ скита, но толпа имебожниковъ въ скитъ его не пустила. Онъ былъ нами замѣченъ изъ оконъ. Мы въ числѣ человѣкъ десяти вышли на балконъ, желая узнать цѣль прихода его. Онъ намъ объявилъ, что имѣеть игумену передать присланный изъ Ватопеда пакетъ, но такъ какъ его въ скитъ не пускаютъ, то онъ долженъ съ нѣмъ возвратиться назадъ. Мы спросили, не знаетъ ли онъ содержанія пакета. Онъ во всеуслышаніе громогласно сообщилъ его содержаніе. Поняли чиновника только двое главарей, такъ какъ говорилъ онъ по-гречески.

Но вотъ въ толпѣ имебожниковъ раздался радостный крикъ: «Ѣдутъ! Ѣдутъ!» Было понятно, что изъ Ватопеда возвращалась ихъ депутація.

Это было въ два часа дня. Насъ, человѣкъ сорокъ, сидѣло въ игуменскомъ залѣ. Я находился рядомъ съ игуменомъ по лѣвую руку.

Депутація во главѣ съ Булатовичемъ вошла въ скитъ. Булатовичъ сказалъ встрѣтившей его молодежи: «Ватопедскіе старцы приказали скитъ отъ «соуры» (сора) очистить. Молодежь, она же и «боевая дружина», торжествовала. Сопровождаемый дружиной, Булатовичъ прослѣдовалъ къ намъ въ залъ, смѣло подошелъ къ столу, за которымъ находился игумень, и, не давъ намъ обычнаго привѣта, повернулся къ игумену задомъ. Одѣтъ онъ былъ въ монашескую форму съ прибавкой къ ней козырька ¹⁾ надъ глазами. Повернувшись къ двери, онъ прокричалъ:

— Наши! Наши! Идите сюда!

Эти «наши», т.-е. боевая дружина, гуськомъ потянулись къ нему и переполнили залъ. Вошло ихъ приблизительно человѣкъ пятьдесятъ. Булатовичъ обратился къ игумену и дерзко спросилъ:

— Вы добровольно сдадите свое игуменство?

— А развѣ у васъ есть на это бумага?—сдержанно отвѣтилъ игумень.

Булатовичъ молчалъ.

Надо замѣтить, что г. Косвинцевъ ошибочно написалъ, что о. Булатовичъ прочиталъ въ игуменскихъ покояхъ бумагу ватопедскаго собора, признававшую законной смѣну игумена и избраніе новаго. Булатовичъ бумаги не могъ прочитать, такъ какъ она его и его сторонниковъ осуждаетъ за ересь и неправильность избранія игумена.

Игумень сказалъ:

— О. Автоній, ты чужой человѣкъ, что тебѣ здѣсь нужно? Иди въ свое мѣсто.

Дружина Булатовича закричала:

¹⁾ Онъ его носить вслѣдствіе болѣзни глазъ.

— Нашъ! Нашъ! Онъ нашъ!

Булатовичъ, глядя на игумена, съ возрастающей дерзостью крикнулъ:

— Ты сдашь игуменство?! Уходишь отсюда добровольно?!

Игуменъ на это ничего не сказалъ. Булатовичъ обернулся къ дверямъ и, крестясь, произнесъ:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

И мы всё перекрестились. Я ожидалъ, что онъ будетъ держать какую-нибудь рѣчь или скажетъ поученіе. Но кончилось это вотъ чѣмъ: Булатовичъ опять повернулся къ игумену и, бросаясь на столъ, параспѣвъ крикливо произнесъ:

— У-у-р-р-а-а! Бе-ри-и-те!

Это было условнымъ сигналомъ. Началось избіеніе непокорныхъ. Ожесточеніе имебожниковъ не знало предѣловъ. Къ счастью, въ залѣ нечѣмъ было имъ вооружиться и, благодаря этому и пассивности съ нашей стороны, не было убитыхъ. Били кулаками, сбитыхъ съ ногъ топтали, влачили за волосы и избитыхъ выкидывали за дверь. Этой кровавой картинны мнѣ никогда не забыть. Особенно мнѣ вѣзало въ память избіеніе іеромонаха Меркурія. Озвѣрѣлые бойцы били его болѣе по головѣ, по рукамъ, и нѣсколько разъ сбивали съ ногъ и, когда ему удавалось встать, опять и опять били по чему попадало, и весь онъ былъ окровавленъ.

Монахъ Николай (пѣвчій) въ ужасѣ разбилъ окно и подъ удары кулаковъ силлся выскочить вонъ, не обращая вниманія на то, что подъ окномъ каменный полъ, о который можно на смерть разбиться.

Къ намъ съ игуменомъ, стоявшимъ за столомъ, какъ будто за крѣпостью, образовался доступъ. Ко мнѣ подскочилъ атлетъ м. П—ій и, схвативъ за рукавъ, дернулъ, крича: «Клименту берите! Онъ главный защитникъ!» Но, благодаря братіи, тѣсно окружавшей насъ, я устоялъ, въ противномъ случаѣ пришлось бы мнѣ поплатиться черепомъ, ударясь о каменную стѣну. Стоя на мѣстѣ, я со скорбью наблюдалъ, какъ имебожники избивали православныхъ, и лишь тѣмъ утѣшался, что съ нашей стороны никто не поднималъ рукъ въ защиту себя. Это само собою говорило, что дѣло наше правое.

Одна половина зала опустѣла, а въ другой расправа продолжалась. Одинъ изъ ярыхъ главарей имебожниковъ, монахъ М—ко, схватилъ игумена за руку и, очевидно, ждалъ, чтобы ему пришли на помощь другіе, дабы вывести игумена не битымъ. Предполагая, что по уводѣ игумена изъ зала бойня въ немъ прекратится, я тихо сообщилъ игумену это свое предположеніе. Онъ съ нимъ согласился и, поддерживаемый мною за одну руку и главаремъ-имебожникомъ за другую, вышелъ на площадку, которая ведетъ къ Андреевской церкви. Здѣсь разъяренная толпа имебожниковъ ждала жертвъ. На насъ накинулись озвѣрѣвшіе бойцы. Игумена, однакожъ,

вывели небитымъ по направленію къ Андреевской церкви, а меня потащили къ черному ходу и, сбивъ съ ногъ, стали бить безъ всякаго милосердія. Я думалъ, что настали мои послѣднія минуты. Но Булатовичъ скомандовалъ: «Довольно! Довольно! Убьете! Убьете!» И избіеніе меня прекратилось.

Волокомъ подтащили меня къ лѣстницѣ параднаго крыльца и снова начали бить. Булатовичъ опять закричалъ: «Убьете! Довольно! Довольно!»

Я всталъ, меня бойцы крѣпко держали за руки, не зная, что далѣе дѣлать. Я сказалъ: «Пустите меня, я уйду». Они меня повели по лѣстницѣ внизъ. На ходу я замѣтилъ, что подъ лѣвую руку поддерживаетъ меня монахъ С—ой, который просилъ меня научить его грамматикѣ и катехизису, но, услышавъ отъ меня, что ему ранѣе полгода трудно усвоить эти предметы, убоился трудовъ и учиться не сталъ. Лицо его было страшно и дышало злобой и искажено, я въ ужасѣ отъ него отвернулся.

Но вотъ мы спустились съ лѣстницы и очутились на площадкѣ соборнаго храма, гдѣ находилась толпа имебожниковъ и любопытныхъ. О. П—ръ, бібліотекаръ, выступилъ важно впередъ, приблизился къ намъ и, взявъ меня за рукавъ, пробасилъ: «Стой!» Конвой, сопровождавшій меня, остановился. О. П—ръ, глядя на кровь, сочившуюся у меня изъ-подъ подбитаго глаза, снова пробасилъ: «Да, это онъ самъ себя сбилъ». Онъ растеръ кровь на моей щекѣ большимъ пальцемъ правой руки и властно сказалъ: «Ведите его за порту». Нашъ кортежъ двинулся въ путь.

На насъ смотрѣли богомольцы и въ ужасѣ не могли надивиться, что творилось на Св. Аеонской горѣ, въ родномъ русскомъ скиту, въ который они издавна стремились прибыть и на время забыть въ его тишинѣ бурю житейскихъ волненій.

Въ св. портѣ по моему адресу раздавались такія слова, какихъ болѣе слышать я не желаю. Портой завѣдывалъ обладающій богатырской физической силой монахъ Ко—нъ. Я хотѣлъ ему что-то сказать, но онъ, не желая со мной говорить, вытолкнулъ меня за калитку. Я очутился за портой, во внѣшнемъ дворѣ; и пошелъ къ другой рѣшетчатой портѣ, желая уйти на Карею. У порты стоялъ вооруженный сардаръ ¹⁾ и караулил ее, несмотря на то, что она была подъ замкомъ. Я попросилъ его выпустить меня, но онъ мнѣ отказалъ. Въ это время въ св. портѣ открылась калитка. Булатовичъ привелъ игумена о. Геронима. Я направился къ нимъ и услышалъ обращенныя къ игумену слова Булатовича: «Мы тебя потомъ обезпечимъ». Увидѣвъ меня, Булатовичъ сказалъ: «А ваши вещи потомъ выдадимъ». Съ этими словами онъ повернулся къ ски-

¹⁾ Вольнонаемный полицейскій.

ту и проскочилъ въ него чрезъ ту же калитку, черезъ которую выкинули насъ.

Мы съ игуменомъ пошли къ рѣшетчатой портѣ. Она уже оказалась открытой. Миновавъ ее, мы очутились на чужой территоріи. Съ этой поры началась наша скитальческая жизнь.

И невыносимо тяжело было бы намъ и прочимъ изгнанникамъ безъ теплой одежды, безъ денегъ и насущнаго хлѣба въ эту зимнюю пору, если бы сердобольные старцы нѣкоторыхъ келій и въ особенности Троицкой, что на Кареѣ, о. Нифонтѣ, не пріютили насъ, коимъ вѣчная отъ насъ благодарность.

Имебожники, расправясь съ нами въ игуменскомъ залѣ, снарядили летучій отрядъ. Онъ подъ командой члена духовнаго собора, вышеупомянутаго м. Ѳ—та, двинулся разыскивать ускользнувшія жертвы, причемъ многихъ избилъ и разграбилъ ихъ кельи.

Всѣхъ избитыхъ имебожниками было до пятидесяти человѣкъ. За портой изъ нихъ оказалось восемнадцать, но ихъ было бы больше, если бы нарядъ полиціи запоздалъ къ скиту подойти. Оставшіеся въ скиту православные потомъ завидовали нашей хотя и горькой свободѣ.

Болѣе полныя и подробныя свѣдѣнія объ избіеніяхъ Булатовичемъ и дружиной его читатели «Историческаго Вѣстника» знаютъ изъ дневника ¹⁾ имебожника о. Протопова.

Мятежники, учинивъ съ нами расправу, тотчасъ служили въ соборѣ благодарственный молебенъ.

Пришедшую полицію для водворенія въ скиту порядка имебожники въ скитъ не пустили. Она ограничилась тѣмъ, что приставила къ запертой портѣ своихъ часовыхъ.

Въ слѣдующій день, 13-го января, Булатовичъ служилъ литургію. Такъ имебожники торжествовали свою кровавую побѣду.

VIII.

Около скита продолжали стоять часовые солдаты. Входъ въ скитъ постороннимъ, особенно полицейскимъ чинамъ и членамъ протата, мятежники строго возбраняли. Строго это соблюдая, портю завѣдывать сталъ самъ о. п—ръ-библіотекаръ.

Мятежники, разграбивъ игуменскую келью, завладѣли между прочимъ и ключомъ, за который 11-го января было пререканіе и споръ. Теперь, имѣя всѣ ключи отъ генеральной кассы, они изъ нея достали печать и приложили къ протоколу на избраніе въ игумена Давида и стали считать его вполнѣ дѣйствительнымъ.

¹⁾ Сообщенія въ дневникѣ объ отобранныхъ деньгахъ, за исключеніемъ отобранныхъ у двоихъ (у іерем. Софронія отобраны деньги, оставшіеся отъ поѣздки съ игуменомъ на метохъ)—ложь.

Они снова предстали предъ проэстосами ватопедскаго собора съ протоколомъ и, указывая на печать, какъ на скрѣпленіе дѣйствительности братскихъ подписей, требовали отъ собора скрѣпить означенный документъ и подписями проэстосовъ, и печатью ихъ монастыря, но соборъ ватопедскихъ старцевъ попрежнему его не утвердилъ, но лишь далъ обѣщаніе прислать представителя въ скитъ для водворенія о. Давида въ игуменскую форму и тѣмъ, будто бы, признать его избраніе законнымъ

Этимъ соборъ старцевъ, по его личному признанію, сдѣлалъ искусный маневръ, ожидая изъ Солуны русскаго начальства въ скитъ, и тѣмъ выигрывалъ время до пріѣзда его, боясь, чтобы въ случаѣ полного отказа не произошло въ скиту новыхъ и большихъ безпорядковъ.

Мятежники 16-го января потребовали отъ членовъ духовнаго собора скита подписать «докладную записку». Въ ней говорилось, что братство скита, по причинамъ духовнаго свойства, нашло необходимымъ смѣнить настоятеля Геропима, что на мѣсто его избранъ 13-го января архимандритъ Давидъ, что на собраніи 10-го января братствомъ принято исповѣданіе, по которому имя Господа Иисуса Христа есть Самъ Богъ, что отпынѣ всякія догматическія пререканія и горячіе споры въ обители прекращены и братство пребываетъ въ совершенномъ мирѣ и духовномъ единеніи и что все это удостовѣряется подписью старцевъ (членовъ) и печатью скита.

Эта «докладная записка» въ подлинникѣ и копіяхъ была разослана по начальству.

Отобравъ подписи отъ членовъ духовнаго собора, мятежники низложили ихъ и приступили къ избранію новыхъ членовъ этого собора.

Въ составъ его вошло большинство болѣе другихъ потрудившихся въ бунтѣ. Между ними оказались и такіе, кои раньше судились соборомъ за неприличныя дѣянія и буйства и были причислены къ неблагонадежнымъ.

Ватопедское начальство, не желая быть отвѣтственнымъ за дальнѣйшіе безпорядки скита, теперь передало протату власть свою надъ скитомъ впредъ до умиротворенія его.

Въ первый день по изгнаніи насъ изъ скита полиція на Кареѣ допросла насъ подъ присягой о происшедшемъ. Врачъ освидѣтельствовалъ насъ и выдалъ документы о поврежденіяхъ, намъ причиненныхъ. Послѣ этого, спустя два дня, игумень отправилъ меня, еще не оправившагося отъ побоевъ, съ краткимъ докладомъ въ руссійское консульство въ Солуни. Въ консульствѣ ужаснулись, увидѣвъ мое лицо, обезображенное отъ побоевъ. Консулъ, не удовлетворяясь краткимъ игуменскимъ докладомъ, приказалъ секретарю писать съ моихъ словъ полный докладъ. Докладъ пи-

сался до полуночи, но не былъ оконченъ. Утромъ его докончилъ я самъ.

На первомъ отходящемъ пароходѣ на Аѳонъ поѣхалъ пзъ консульства къ намъ въ скитъ чиновникъ В. С. Щербина. вмѣстѣ съ нимъ и я возвратился на Аѳонъ. Поздно вечеромъ 20-го января нашъ пароходъ причалилъ къ Аѳону. Мы водворились на ночлегъ въ Пантелеймоновскій монастырь.

Здѣсь я узналъ, что мятежники этого монастыря были въ соглашеніи съ мятежниками нашего скита одновременно съ ними учинить расправу съ начальствомъ въ своемъ монастырѣ, и, напряженно слѣдя во время бунта за дѣйствіями ихъ, по возможности помогали имъ. Но расправу въ это время по какой-то непредвидѣнной случайности имъ не пришлось учинить, и они отложили ее до ближайшаго болѣе для нихъ удобнаго дня.

На слѣдующій день у нихъ былъ назначенъ «великій братскій соборъ», на коемъ предназначалось судить за «ересь» игумена Мисаила и ближайшихъ сторонниковъ его.

На соборъ былъ приглашенъ и В. С. Щербина. Мятежники, по обыкновенію, держали себя на соборѣ вызывающе и наговорили г. Щербинѣ много дерзостей. Но присутствіе его не позволило имъ расправиться съ непокорнымъ игуменомъ Мисаиломъ и другими своими противниками.

Часа въ два пополудни В. С. Щербина прибылъ въ Карею, видѣлся съ изгнаннымъ игуменомъ о. Іеронимомъ и, вкратцѣ разспросивъ его о печальномъ происшествіи, отправился въ скитъ.

Но въ скиту ему не только было нельзя что-нибудь сдѣлать для умротоверенія его, но даже не было возможности о чемъ-нибудь съ имебожниками и толкомъ переговорить. Его тѣснымъ кольцомъ окружала толпа во главѣ съ Булатовичемъ, на груди котораго для эффекта красовались ордена, заслуженные имъ до постриженія въ монашество. Толпа умышленно держала г. Щербину въ почтенномъ отдаленіи отъ прочаго братства, запуганнаго ею и смиренно сидѣвшаго въ кельяхъ. Толпа до того была возбуждена и такъ держала себя дерзко, что г. Щербинѣ приходилось подумать о самозащитѣ, тѣмъ болѣе, что съ нимъ никого не было, кромѣ каваса.

«Былъ моментъ,—говорилъ г. Щербина:—что мятежники были готовы броситься на меня. Настолько возбужденныхъ людей я нигдѣ не видалъ. Но вотъ еще разъ побываю у нихъ, быть можетъ, и одумаются. Впрочемъ, изъ предыдущаго вику, что толку не бѣдетъ. А о возвратѣ изгнанниковъ въ скитъ они даже и слушать не хотятъ».

Во второе посѣщеніе г. Щербиной скита, хотя имебожники попрежнему держали себя дерзко, по добровольно пошли на уступки: игумену обѣщали во обезпеченіе дать пять тысячъ рублей, нѣкоторымъ, исключая меня и о. Меркурія, по сту рублей, а

нѣкоторыхъ обѣщали, по истеченіи года, принять обратно въ скитъ, если въ теченіе этого времени они одумаются и признаютъ новый догматъ православнымъ. Все это категорически заявили, какъ послѣднее слово. На сей разъ пришлось г. Щербинѣ въ скиту случайно увидѣть двухъ отцовъ съ нашей стороны. Они усердно просили его вывести ихъ изъ скита, что онъ и сдѣлалъ. Этимъ и кончилась его миссія.

Мятежники въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ 23-го января, предводимые монахомъ Иринеемъ, человѣкомъ въ высшей степени невѣжественнымъ, грубымъ, за спину котораго прятались главные предводители бунта, потребовали отъ начальства прочитать въ ро-исповѣданіе, предварительно составленное ими, и подписать актъ объ изгнаніи изъ монастыря ненавистныхъ имъ лицъ. Начальство, зная, что у мятежниковъ рѣшено на случай неповиновенія его учинить съ нимъ такую же расправу, какая учинена въ Андреевскомъ скиту, скрѣпя сердце, подписало этотъ актъ. Мятежники потребовали, кромѣ того, ограничить игуменскую власть братскимъ соборомъ, въ составъ котораго вошли избранники ихъ. Начальство, во избѣжаніе кровопролитія, согласилось и на это.

Вскорѣ послѣ этого я, по приказанію игумена, уѣхалъ въ Петроградъ хлопотать о восстановленіи въ скиту порядка.

Въ Петроградѣ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода В. К. Саблеръ принялъ меня и весьма сожалѣлъ, что въ нашей обители случилось такое несчастье, и въ заключеніе сказалъ: «Спорная книга: «На горахъ Кавказа» уже разсматривается по порученію Святѣйшаго Синода. И вотъ, когда доставлены будутъ доклады о ней въ Святѣйшій Синодъ, тогда выяснится, кто изъ васъ правъ, кто виноватъ. Согласно этому и будутъ приняты мѣры для водворенія на Аѳонѣ порядка. Впрочемъ, вселенскій патріархъ ее уже разсмотрѣлъ и осудилъ ученіе, изложенное въ ней. Но и нашему Синоду надобно самостоятельно ее разсмотрѣть». При этомъ онъ спросилъ: «Вы гдѣ остановились? На своемъ подворьѣ?» Я отвѣтилъ утвердительно. «Ну, а какъ на подворьѣ? Спокойно? Не отозвался на немъ аѳонскій мятежь?» Отвѣчаю: «Я только что приѣхалъ, а посему не могу сказать, въ какомъ состояніи въ отношеніи къ скиту находится оно».—«Смотрите, чтобы тамъ никто не занимался этимъ вопросомъ. Это дѣло церкви. Если что-нибудь подобное и въ особенности волненіе замѣтите на подворьѣ, то непременно доложите мнѣ». Я далъ ему слово.

Но вернемся въ скитъ и посмотримъ, что дѣлается въ немъ. Фактически управляетъ имъ о. Булатовичъ. О. Давидъ доволенъ званіемъ игумена и ни въ чемъ Булатовичу и его сподвижникамъ не прекословить.

29-го января протать постановилъ объявить скитъ «злословнымъ» и всѣмъ православнымъ, живущимъ на Аѳонѣ, возбранить имѣть

общеніе съ нимъ, а самому Булатовичу и архимандриту Давиду запретить священнодѣйствовать впредь до новаго разсмотрѣнія великой церковью спорнаго вопроса ¹⁾).

Не имѣя возможности проникнуть въ скитъ и объявить свое постановленіе братству, онъ прибиль объявленіе сего къ портѣ скита и разослалъ его по всеѣмъ монастырямъ Аѳонской горы и развѣсилъ по улицамъ Кареи.

Булатовичъ и о. Давидъ съ симъ постановленіемъ считаются не стали и продолжали служить.

Несмотря на то, что мятежники держали братію скита въ заблужденіи относительно распоряженія протата по поводу скитскаго мятежа, все-таки ей удалось ознакомиться съ объявленіемъ, висѣвшимъ на портѣ и охраняемымъ часовыми солдатами. Въ братствѣ поднялся сдержанный ропоть. Даже часть, открыто ратовавшая за новое скитское начальство, въ его правотѣ усомнилась.

Мятежники собрали братскій соборъ и на немъ обвиняли протата и русское начальство, что будто они дѣйствуютъ пристрастно по отношенію къ скиту, причемъ предложили братству искать правосудія въ Петроградѣ и просили его подписать бумаги, раиѣе заготовленныя ими. Братство, запуганное ими и держимое въ скиту подъ замкомъ, конечно, не могло бумагъ не подписать. Ёхать съ бумагами въ Петроградъ вызвался самъ Булатовичъ.

Въ Петроградѣ онъ помѣстился на частной квартирѣ и сталъ обвинять у властей и въ печати игумена архимандрита Иеронима и прочихъ ему непокорныхъ и жаловаться на несправедливости протата и прочихъ властей, а въ скитъ посылать утѣшительныя письма, что они (имебожники) будутъ въ скоромъ времени оправданы и заживутъ безмятежною жизнью.

Въ скиту, по отъѣздѣ Булатовича, его замѣстилъ его секретарь о. П—ръ, бібліотекаръ, доселѣ державшій порту въ своихъ крѣпкихъ рукахъ. Теперь онъ сдѣлался въ скиту полнымъ хозяиномъ. О. Давидъ, доселѣ бывшій въ подчиненіи у Булатовича, подчинился ему.

Жизнь при новомъ правителѣ въ скиту для не пріемлющихъ новаго догмата стала невозможна. Онъ требовалъ отъ нихъ чрезъ посредство собора или вдвоемъ съ архимандритомъ Давидомъ, а иногда и одинъ, чтобы они проклинали игумена Иеронима.

Но все-таки у многихъ ревнителей новаго догмата благоразуміе стало постепенно брать верхъ. Этому способствовали вѣсти, время отъ времени проникавшія въ скитъ, что Святѣйшій Синодъ хотя еще официально и не разсмотрѣлъ спорной книги, но большинство

---

¹⁾ Патріархъ Іоакимъ, осудившій ученіе книги: «На горахъ Кавказа», незадолго передъ этимъ скончался, а новый патріархъ пожелалъ самостоятельно разсмотрѣть ученіе названной книги.

его членовъ, частно ознакомившихся съ ней, высказывается противъ ученія ея, что правительство недовольно самосудомъ Булатовича и сподвижниковъ его. Также дошло, что и новый вселенскій патріархъ готовится осудить спорное ученіе и требуетъ на судъ Булатовича и архимандрита Давида. Все это и не въ мѣру усилившееся насиліе новаго начальства въ скиту заставили многихъ призадуматься, и пылъ у многихъ прошелъ. Они въ душѣ отшатнулись отъ ученія Иларіона и новаго начальства и стали смотрѣть на все открытыми глазами, причемъ болѣе благоразумные изъ нихъ самостоятельно стали вдумываться во все происшедшее въ скиту и сравнивать защиту святыми отцами церковныхъ догматовъ съ защитой новаго догмата Булатовичемъ и его компаніей и, видя, что первые всегда сами страдали отъ еретиковъ, а защитники новаго догмата, наоборотъ, сами другимъ причиняютъ страданія, поняли, что вмѣстѣ съ ними они стоятъ на ложномъ пути.

Снова постепенно поднялся ропотъ, перешедшій въ общее осужденіе новаго начальства, и появилось желаніе послать депутацію возвратитъ въ скитъ законнаго игумена архимандрита Иеронима.

Къ сему времени пылъ, очевидно, прошелъ и у самого начальства. Оно, за исключеніемъ непогихъ, самыхъ ярыхъ и честолюбивыхъ имебожниковъ, не находя въ себѣ силъ справиться съ роптавшимъ братствомъ, готово было къ нему присоединиться и водворить о. Иеронима въ скитъ на его законный постъ.

О. Давидъ, долго не ѣхавшій къ патріарху на судъ, наконецъ, уѣхалъ и, при разъясненіи ему патріархомъ спорнаго ученія, созналъ свою ошибку и, справедливо ссылаясь на свою безграмотность, всю вину распространенія ереси и беспорядка и бунта въ скиту свалилъ на Булатовича, причемъ просилъ патріарха не карать его (Давида) за его участіе въ бунтѣ. Патріархъ простилъ его, но съ условіемъ, чтобы онъ отъ власти навсегда отказался и болѣе не вмѣшивался въ скитскія дѣла. Онъ далъ слово и уѣхалъ на Афонъ и поселился вѣ скита, гдѣ жилъ раньше.

Сначала онъ строго соблюдалъ данное патріарху обѣщаніе. Никакія просьбы со стороны мятежниковъ не могли его склонить къ пзмѣнѣ даннаго патріарху слова.

Казалось, все складывалось такъ, что предполагаемая въ скиту депутація вскорѣ явится предъ лицо изгнаннаго игумена архимандрита о. Иеронима и съ честію возвратитъ его въ скитъ. Объ этомъ мятежники уже извѣстили было на скитскія подворья. Но самъ П—ръ и немногіе съ нимъ еще крѣпко держали власть въ своихъ рукахъ и были еще довольно сильны, чтобы воспротивиться общему настроенію братства.

Къ несчастію скита, разборъ въ Святѣйшемъ Синодѣ книги «На горахъ Кавказа» осложнился книжкой Булатовича: «Апология

вѣры во имя Божіе и во имя Иисусъ», а посему рѣшеніе Синода о спорномъ ученіи еще отодвинулось на нѣкоторое время, а равно и водвореніе порядка въ скиту, такъ какъ въ ожиданіи этого рѣшенія гражданская власть для возстановленія порядка почти ничего не предпринимала.

X.

Шель Великій постъ. Игумень архимандритъ Иеронимъ и прочіе изгнанные съ нимъ все еще томилсь во изгнаніи, но, опираясь на свою правоту, правосудіе правительства и настроеніе братства, чаяли водворенія порядка въ скиту и своего возвращенія въ скитъ въ самое ближайшее время. Но неожиданно въ скиту все измѣнилось къ худшему и горшему.

На Аеопъ въ Пантелеймоновскій монастырь пріѣхалъ доживать свой вѣкъ развѣпчанный за пропаганду киселѣвской секты миссіонеръ игумень Арсеній. Многіе аеоныты знали его еще во время расцвѣта его миссіонерской дѣятельности. Они бывали на бесѣдахъ, кои онъ велъ съ различными сектантами, преимущественно въ деревняхъ. Въ ихъ глазахъ онъ былъ великимъ знатокомъ Священнаго Писанія. Нѣкоторые знали его на Аеоноѣ, когда онъ жилъ тамъ и принялъ постриженіе въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ и, временами пріѣзжая на него, проповѣдывалъ съ церковнаго амвона. Все это подкупало простецовъ въ его пользу и въ особенности то, что онъ былъ миссіонеръ-самородокъ, аеонытъ и въ школахъ не учился. Они рѣшили: что онъ скажетъ по спорному вопросу, въ томъ и есть истина и правда.

Въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ онъ говорилъ противъ ученія книги: «На горахъ Кавказа» и вскорѣ переѣхалъ въ Андреевскій скитъ. Въ скиту съ церковнаго амвона онъ въ первый разъ также говорилъ противъ этого ученія. Мятежники подняли шумъ, гамъ, вскочили на амвонъ, приказывая ему замолчать, и насильно повели его на архондарикъ ¹⁾, гдѣ, стоя на колѣняхъ передъ нимъ, просили его перейти на ихъ сторону и укрѣпить братство въ ученіи о. Иларіона, причемъ рисовали мрачную картину, въ будущемъ готовящуюся имъ, если сіе ученіе не будетъ защищено.

Результатъ усиленной просьбы вскорѣ обнаружился.

На слѣдующій день о. Арсеній снова очутился на амвонѣ, но, къ прискорбію, не по-вчерашнему сталъ говорить. Онъ сталъ защищать повый догматъ и превратно толковать свою вчерашнюю проповѣдь, причемъ говорилъ, что все сказано въ ней въ защиту ученія книги «На горахъ Кавказа» о имени Божіемъ «Иисусъ», а не противъ его, какъ нѣкоторые поняли

¹⁾ Гостиницу.

Простецы, не умѣя разобраться въ хитросплетеніи его, повѣрили ему. Мятежники радовались этому. При этомъ о. Давидъ, оставивъ свое уединеніе, пришелъ въ скитъ, встрѣтилъ о. Арсенія, какъ посланника неба, и, по-дѣтски по всемъ повѣривъ ему на слово, привязался къ нему, какъ дитя привязывается къ нянѣ, и попрежнему принялъ также номинально бразды правленія скитомъ.

О. Арсеній оказался въ роли диктатора скита. Чтобы держать братство въ рукахъ и объединить всѣхъ приверженцевъ новаго догмата и посвятить въ нихъ бѣольшую вражду къ противникамъ, онъ учредилъ самочинный союзъ, назвавъ его «союзъ архангела Михаила», и самъ вошелъ въ него первый и отъ скитянъ того же потребовалъ, причемъ присвоилъ членамъ союза громкое названіе «исповѣдники». Таковымъ названіемъ церковь именуется принявшихъ мученіе за чистоту вѣры православной.

Братія не вся вошла въ означенный союзъ: не принявшіе ранѣе новаго догмата и успѣвшіе одуматься и стряхнуть съ себя лицемѣріе и страхъ противились его инициатору и другимъ крамольникамъ скита.

Тогда временно ослабѣвшее насиліе приняло ужасающій размѣръ. Имебожники, по приказанію своихъ главарей, стали сторониться отъ не пріемлющихъ новаго догмата, какъ отъ зачумленныхъ, не стали съ ними кушать за однимъ столомъ, указавъ имъ мѣсто въ трапезной въ углу, куда стали подавать имъ кушанье въ грязной посудѣ; въ соборномъ храмѣ отвели имъ мѣсто въ притворѣ, строго возбранивъ входить во внутренній храмъ и прикладываться ко св. иконамъ. Священнослужителямъ было воспрещено кадить ихъ. При этомъ не было исключенія даже для почетныхъ и заслуженныхъ старцевъ, предъ коими раньше всѣ благоговѣли. Угроза, укоризна и брань на нихъ сыпались болѣе, чѣмъ на новоначальниковъ. Нельзя было поручиться за ихъ безопасность.

Жизнь для православныхъ въ скиту до того стала невыносима, что многіе задумали бѣжать изъ него. Мятежники строго охраняли порту, но все-таки нѣкоторымъ смѣльчакамъ удалось ночью убѣжать изъ скита.

Одинъ изъ пережившихъ это злополучное время со скорбію сказалъ: «Ужасъ братіи во время бунта до 13-го января въ сравненіи съ ужасомъ времени владычества Арсенія въ скиту не что иное, какъ его тѣнь».

Такое умиротвореніе принесъ въ скитъ игуменъ Арсеній!

Деспотизмъ о. Арсенія не могъ не отозваться на Пантелеимоновскомъ монастырѣ и скитѣ Оиваида. Оттуда многіе вошли въ учрежденный Арсеніемъ союзъ и стали держать начальство монастыря въ осадномъ положеніи и, желая завладѣть монастыремъ, неоднократно пытались учинить расправу съ начальствомъ, но это

имъ не удавалось. Мѣшало греческое войско, квартировавшее вблизи монастыря и въ опасную минуту частями являвшееся въ монастырь.

Мятежникамъ было извѣстно, что книга: «На горахъ Кавказа» разсматривается, по порученію патріарха, профессорами высшей богословской школы, находящейся на островѣ Халки. Чтобы подорвать вѣру въ правоспособность школы правильно разсмотрѣть названную книгу, мятежники наименовали островъ Халки апокалиптическимъ звѣринымъ числомъ, означающимъ антихриста—666. Для этого они островъ Халки переименовали въ Халкіе, превративъ

буквы этого наименованія въ славянскія цифры $\frac{x}{600} + \frac{a}{I} + \frac{l}{30} + \frac{k}{20} + \frac{i}{10} + \frac{e}{5}$, получили означенное число 666. И вотъ, когда па-

тріархъ, синодально разсмотрѣвъ докладъ названной школы по спорному ученію, осудилъ это ученіе и, подобно своему предшественнику, прислалъ о семъ отъ 5-го апрѣля 1913 года за № 2206 свою грамоту, тогда мятежники во главѣ съ Иринеємъ выступили противъ нея съ своимъ заготовленнымъ числомъ 666 и островъ Халки на соборѣ назвали антихристомъ, говоря, что онъ повелъ борьбу съ именемъ Божіимъ, а посему не должно признавать патріаршей грамоты, составленной на основаніи разбора спорнаго ученія въ халкинской школѣ.

Мятежники и въ Андреевскомъ скиту также грубо и бессмысленно вооружились противъ означенной грамоты и даже противъ; російскаго Святѣйшаго Синода. О. Давидъ въ присутствіи братіи и игумена Арсенія порицалъ патріарха и членовъ російскаго Синода, называя ихъ масонами, еретиками, причемъ говорилъ, что они достойны анаемы. При этомъ о. Арсеній обратился къ братіи съ вопросомъ: согласна ли она предать анаемѣ помянутыхъ лицъ? Отвѣтъ былъ утвердительный. Вслѣдъ за симъ онъ началъ называть лицъ, коихъ они съ о. Давидомъ предназначали анаемѣ. На каждую выкличку раздавалось со стороны отуманеннаго братства: «Анаема! анаема! анаема!» Въ заключеніе сего о. Давидъ, указывая пальцемъ въ землю, произнесъ: «И трижды прокляты!»

Послѣ этого они выгнали свыше двадцати пяти человекъ.

Но и приверженцы новаго догмата не всѣ пошли за о. Арсеніемъ. Человекъ двадцать изъ боевой дружины Булатовича, вопреки начальству, выѣхали изъ скита въ Россію.

Скоро о. Арсенія разбилъ параличъ, причемъ онъ потерялъ способность владѣть языкомъ, а мѣсяца черезъ два онъ перешелъ въ вѣчность.

Наконецъ книга: «На горахъ Кавказа», «Апология вѣры» Булатовича и его брошюры и листки по спорному ученію детально раз-

смотрѣны были въ Святѣйшемъ Синодѣ и осуждены за ихъ еретическое мудрствованіе. О семъ Святѣйшій Синодъ оповѣстилъ въ своемъ «Посланіи къ инокамъ», напечатанномъ въ № 20 «Церковныхъ Вѣдомостей» за 1913 г., а для вразумленія заблудшихъ послалъ на Аѳонъ архіепископа Никона, давъ ему въ помощники С. В. Троицкаго, преподавателя одного изъ духовныхъ училищъ.

Узнавъ объ этомъ, имсбожники мятущихся обителей не только не склонились предъ авторитетомъ Святѣйшаго Синода, но и вооружились противъ него съ ббльшими укоризнами и бранью и рѣшились противиться ему до послѣдней крайности.

Такъ, напримѣръ, по пріѣздѣ на Аѳонъ архіепископа Никона, о Давидъ, патравляя братію противъ Синода и архіепископа Никона, говорилъ, что пріѣхалъ на Аѳонъ присланный Святѣйшимъ Синодомъ «семиглавый змій» и уже распростеръ свою власть надъ Пантелеймоновскимъ монастыремъ и готовится распространить ее и надъ нашей обителью. При этомъ онъ упрашивалъ братію не подчиняться ему, а на вопросъ нѣкоторыхъ, брать ли у архіепископа Никона благословеніе, если пріѣдетъ онъ въ Андреевскій скитъ, отвѣтилъ, что лучше взять благословеніе у сатаны, чѣмъ у Никона.

Эти слова имѣли дѣйствіе на простецовъ, и въ глазахъ ихъ архіепископъ Никонъ еще до его пріѣзда сталъ врагомъ Божиимъ, а ихъ деспотомъ и мучителемъ. Кромѣ того, ихъ стали запугивать мученіями и пытками, будто готовящимися имъ со стороны властей, и приготавливать ихъ къ смерти преждевременнымъ постригомъ въ мантію.

Цѣлый мѣсяцъ архіепископъ Никонъ увѣщевалъ заблудшихъ пантелеймоповцевъ, разясняя имъ неосповательность принятаго ими новаго ученія. Результатомъ трудовъ его было то, что около тысячи человекъ возвратились къ повиновенію церкви. Остальные, подъ вліяніемъ главарей, и слышать не хотѣли его архипастырскаго увѣщанія, держали себя буйно, всячески понося его, отнюдь не считаясь ни съ его саномъ, ни съ канонами церкви.

Такъ какъ, по уставу Св. Аѳонской горы, не могутъ на ней жить еретики, то греческое правительство нетерпѣливо ждало, когда русское правительство вразумитъ еретиковъ, или удалитъ ихъ съ Аѳона. Но вотъ прошло уже пять мѣсяцевъ послѣ кровавой расправы еретиковъ въ Андреевскомъ скиту, и кончался еще мѣсяцъ увѣщанія архіепископомъ Никонѣмъ этихъ еретиковъ, а они попрежнему остаются на Аѳонѣ и держатъ себя вызывающе. Терпѣніе греческаго правительства стало истощаться, и оно объявило архіепископу Никону и прочимъ русскимъ властямъ, что если они не удалятъ еретиковъ съ Аѳона, то оно само расправится съ еретиками.

Тогда упорнымъ еретикамъ было предложено со стороны русскаго правительства или отречься отъ заблужденія и остаться на Аѳонѣ, или, оставаясь при своихъ убѣжденіяхъ, выѣхать съ него.

Въ противномъ же случаѣ они будутъ съ Аѳона удалены силой. Но это не помогло. Были вызваны русскіе солдаты.

Видя вооруженныхъ солдатъ, мятежники поняли, что не запугиваютъ ихъ, а, дѣйствительно, намѣреваются вывезти съ Аѳона. Они рѣшили удалиться съ Аѳона, но съ тѣмъ, чтобы своему удаленію придать яркую окраску, — показать всему міру, что они суть, дѣйствительно, «исповѣдники» за имя Божіе «Иисусъ». Они вознамѣрились воспротивиться и вооруженной силѣ, имѣя въ виду, что, быть можетъ, въ нихъ будутъ стрѣлять, что и окружило бы ихъ ореоломъ исповѣдничества и святости.

Наконецъ, былъ данъ мятежникамъ однодневный срокъ, послѣ котораго если они не одумаются, то силой будутъ удалены съ Аѳона.

По прошествіи означеннаго срока, они все собрались около своего вожака и на вопросъ начальства, прибывшаго въ монастырь для умиротворенія его, они наотрѣзъ отказались оставить свои убѣжденія, а равно и обитель, ожидая, что въ нихъ будутъ стрѣлять.

Но въ нихъ не стали стрѣлять, а, вмѣсто ружей, направили на нихъ пожарные шланги съ водой и, такимъ способомъ смиривъ, водворили ихъ на пришедшій за ними пароходъ Добровольнаго флота «Херсонъ».

Настала очередь за удаленіемъ еретиковъ изъ Андреевскаго скита. Главари-мятежники его, видя, что невозможно противиться власти, рѣшили безъ сопротивленія оставить Аѳонъ, захвативъ съ собою и тѣхъ простецовъ-имебожниковъ, кои во всемъ имебожническомъ движеніи почти ничего не понимали и шли за ними безъ всякаго рѣзюждеія. Главари подготовляли ихъ обманомъ, говоря, что правительствомъ дается имъ въ Россіи хорошій монастырь, гдѣ они, не оставляя своихъ убѣжденій, безбѣдно будутъ жить, а тѣхъ, кто не желалъ съ ними уѣзжать, старались насильно увлечь за собой. И надо полагать, что немалое число братіи оставило Аѳонъ вслѣдствіе обмана и настойчивости главарей.

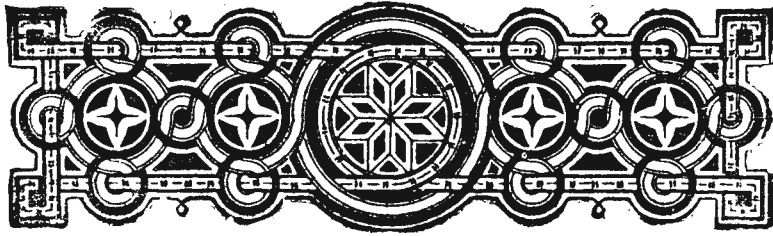
Уѣзжая изъ скита, имебожники много захватили вещей, кои не принадлежали имъ, причемъ, по распоряженію начальства, прибывшаго за ними, они были награждены деньгами изъ кассы скита. Это было 8-го іюля 1913 года.

Игуменъ архимандритъ Іеронимъ и прочіе изгнанные съ нимъ, проскитавшіеся шесть мѣсяцевъ внѣ своей родной обители, въ этотъ же день были съ честью водворены въ скитъ.

Натерпѣвшаяся въ скиту горя, побоевъ и страха братія со слезами радости встрѣтила ихъ у святыхъ воротъ, изъ коихъ, спустя шесть мѣсяцевъ, вышла первый разъ, и по-дѣтски радовалась возвращенію въ обитель своего отца и братіи.

Съ сей поры въ мятущихся обителяхъ снова водворились благочестіе, миръ, тишина и порядокъ.

Монахъ Климентъ.

УМСТВЕННЫЕ ПЕРЕЛОМЫ ВЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ Н. С. ЛѢСКОВА.

I.

Церковно-славянофильское направленіе.

ВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ Толстой говорилъ по поводу дневника швейцарскаго профессора Аміэля, что въ ученомъ часто бываютъ интересны не столько его ученыя произведенія, сколько его личная жизнь, характеръ, частная переписка, феноменологія его духа и т. д.

Дѣйствительно, профессорскіе труды, часто похожіе одинъ на другой, лишены оригинальности и самобытности; между тѣмъ «дневникъ» или «переписка» ученаго человѣка, какъ внутренняя работа его личности, представляютъ собою увѣку.

Когда я однажды сказала Л. Н. Толстому о томъ, что Н. С. Лѣсковъ считаетъ себя маленькой «плошкой», а Толстого—яркимъ факеломъ, то послѣдній убѣжденно произнесъ:

Николай Семеновичъ раньше меня началъ ту работу, которой я заинтересовался позднѣе. Онъ еще въ «Некуда» доказывалъ, что безъ христіанскаго духа немислимо братское общежитіе людей, и его «Знаменская коммуна» распалась именно по этой причинѣ. Лѣсковъ первый освѣтилъ эту истину изъ нигилистической жизни въ нашей литературѣ. Наши критики не умѣли оцѣнить въ немъ этотъ трудъ. Лѣсковъ—писатель будущаго, и его жизнь въ литературѣ глубоко поучительна.

Изъ «Записокъ» Н. Гусева, секретаря Л. Н. Толстого, видно, что послѣдній цѣнилъ очень немногихъ современныхъ ему писателей, но въ Лѣсковѣ онъ видѣлъ писателя, который можетъ вести за собою общество впередъ.

Слѣдуетъ, однако, вспомнить, что Лѣсковъ шелъ въ литературѣ ровными шагами. Было время, когда поэтъ А. Майковъ снабжалъ его письмомъ отъ 24-го марта 1868 года къ государственному контролеру Т. И. Филиппову слѣдующаго содержания:

«Любезнѣйшій Тертій Ивановичь!

«Г. Лѣсковъ, въ литературѣ извѣстный подъ именемъ Стебницкаго, гроза нигилистовъ, предполагаетъ во мнѣ возможность открыть ему путь къ вашему слуху. Не разувѣрялъ я его въ противномъ, потому что самъ питаю эту увѣренность, влѣдствіе чего и данъ мною ему сей паспортъ для свободнаго прохода въ вашу приемную.

«Вашъ А. Майковъ».

Долгое время Лѣсковъ шелъ въ литературѣ подъ церковно-славянофильскимъ знаменемъ и не чувствовалъ его односторонности; долгое время его произведенія въ этомъ направленіи были ему лучшей аттестаціей среди консервативной публики. Извѣстный славянофилъ И. С. Аксаковъ писалъ отъ 28-го ноября 1874 года Лѣскову слѣдующее письмо:

«Я сейчасъ получилъ ваше письмо и сейчасъ же написалъ къ Кокореву, т. е. сообщилъ ему свѣдѣнія о вашемъ коммерческомъ прошломъ. Это статья важная. Не знаю, удобно ли вамъ уѣзжать изъ Петербурга. Кокоревъ, можетъ, быть предложилъ бы вамъ слѣдующія занятія: или съѣздить въ Баку и описать «царство нефти», ему принадлежащее, съ вѣчнымъ огнемъ гебровъ: онъ создалъ тамъ цѣлый «Черный городъ» заводовъ. Или же: ревизію двадцати или болѣе отдѣленій и конторъ въ разныхъ городахъ Россіи Волжско-Камскаго банка, созданнаго имъ же, Кокоревымъ. Это послѣднее дѣло очень выгодно по объему вознагражденія. Можетъ быть, онъ этого и не предложитъ, но я упоминаю объ этомъ потому, что въ бытность свою въ Москвѣ онъ говорилъ много объ этомъ. Затѣмъ я предлагалъ Кокореву непременно прочесть «Запечатлѣннаго Ангела»: если бы только заставить его прочесть, такъ это обратилось бы, насколько я его знаю, въ лучшую для васъ рекомендацію. Поэтому, какъ бы во исполненіе моего требованія (въ письмѣ къ Кокореву я прибавляю, что напишу къ вамъ о доставленіи ему «Запечатлѣннаго Ангела»),—вы подарите ему и «Ангела» и «Соборянъ». Мнѣ кажется, вы слишкомъ нервно беспокоитесь или относитесь къ дѣлу. Главное теперь: познакомиться съ Кокоревымъ и внушить ему нѣ-

которое къ себѣ сочувствіе: затѣмъ онъ уже самъ измыслить, что нужно,—но тутъ, конечно, «вынь да положь» неумѣстно.

«Я отъ души радъ, что нелѣпый проектъ обязательнаго ученія провалился и удивляюсь, какъ могъ онъ собрать столько голосовъ въ свою пользу. Не рекомендуетъ же онъ вашихъ сочленовъ въ учебномъ комитетѣ.

«Преданный вамъ Ив. Аксаковъ».

Тотъ же Аксаковъ, тщательно оберегавшій въ Лѣсковѣ его первоначальное настроеніе мыслей, приходитъ въ ужасъ отъ «Мелочей архіерейской жизни», которыя иногда появлялись въ печати съ насмѣшками и издѣвательствами надъ лицами духовнаго званія. Аксаковъ пишетъ отъ 4-го января 1881 года слѣдующее письмо Лѣскову:

«Я уже хотѣлъ разразиться перунами негодованія, любезнѣйшій Николай Семеновичъ, за неприсылку вами разсказа къ Новому году, какъ оказалось по справкѣ, къ великой моей досадѣ—пуще, чѣмъ къ стыду,—что я только вообразилъ, будто написалъ къ вамъ, а на дѣлѣ выходитъ, что письма-то вы такъ и не получили. Могли бы, вѣроятно, прислать, не дожидаясь отвѣта. Очень это досадно. Вовсе уже я не стою за архіереевъ, которыхъ и самъ называю генералами и сановниками. Я не очень жалуя глумленія. Выругать серьезно, разгромить подлость и мерзость—это не имѣетъ того растлѣвающего душу дѣйствія, какъ хихиканье и т. п. приемы—тамъ, гдѣ желательнo сохранить уваженіе къ сану и способность негодованія къ лицу, недостойно носящему санъ. Архіерейскому сану подобаешь серьезная руготня и негодованіе. Это его привилегія. Его въ нужныхъ случаяхъ надо бить дубьемъ, а не угощать щелчкомъ. Коли я его дубьемъ, а не щелчкомъ, этимъ я его санъ почитаю!!! Поняли? Это собственно до архіереевъ относится, къ попамъ я снисходительнѣе. У меня, я думаю, человекъ триста, если не болѣе, поповъ между подписчиками, и хотѣлось бы дѣйствовать на нихъ исправительно. Сами посудите, какой лучшей для этого путь. Мнѣ казалось бы, на десятокъ мерзавцевъ, пьяницъ, хотя бы и добродушныхъ,—показать хоть одного порядочнаго, который бы могъ служить образцомъ. А то вѣдь знаете (но вы этого не знаете, ибо не редакторъ), въ чемъ важное дѣйствіе (пока, въ настоящей незрѣлости нашей) печати? Обобщеніе. Каждый анекдотъ, пройдя черезъ печать, обобщается, каждое упомянутое въ печати лицо возводится мгновенно въ типъ. Это относится преимущественно до отрицательныхъ изображеній. Осмѣивая только дрянныхъ, плохихъ, слабыхъ, вы оскорбляете всѣхъ хорошихъ: «вотъ-де что про насъ пишутъ!» Это все-таки не то, что чиновникъ. Попы у насъ забытое племя. Хорошо бы вамъ теперь заклеить поповъ высшаго полета, «либераловъ», въ сущности «чиновниковъ», силащихся не

походить на прежнихъ поповъ, мечтающихъ скинуть рясу, въ церкви при кажденій говорящихъ дамамъ: pardon, madame, или s'il vous plaît. Въ Саратовѣ такъ одного попа и прозвали: s'il vous plaît.

«Вообще—что теперь требовало бы новаго Гоголя—это современная пошлость. Не Сквозниковъ, Держимордь, Чичиковыхъ, но пошлость благородныхъ либеральныхъ чиновниковъ, стоящихъ «на почвѣ легальности»,—газетныхъ фельетонистовъ либераловъ и т. п. Я знаю одного юнаго министра, который tout de bon говорилъ своему подчиненному, извиняясь въ отказѣ на просьбу послѣдняго: «Вы не подумайте, что я не либераль». Эту-то пошлость клеймите, пошлость, власть имѣющую.

«Я рѣшительно бы бѣдствовалъ относительно литературнаго отдѣла, если бѣ не покойники мои, если бѣ не семейный архивъ. Только на васъ рассчитываю. Боже! какъ мало талантовъ! Получаете ли вы наконецъ «Русь»?»

«Вашъ Ив. Аксаковъ.»

Аксаковъ не можетъ забыть первоначальнаго настроенія Лѣскова, его первыя восторженныя славянофильскія произведенія, и въ 1884 году отъ 15-го ноября вновь пишетъ ему укоризны за новыя вѣянія въ его работахъ.

«Почтеннѣйшій Николай Семеновичъ.

«Дѣйствительно, въ послѣднее время вы совсѣмъ опахали вашу Музу и обратили ее въ простую кухарку, стряпающую лишь то, «что въ приспѣшню требуется», по вашему выраженію, да приспѣшню еще «базарную». Занесло васъ даже и въ «Новости», гдѣ, по приглашенію Нотовича, въ его фельетонномъ балаганѣ вы потѣшали «честной народъ» скандальными прибаутками насчетъ Филаретовъ и вообще русскихъ архіереевъ. Съ вашимъ дарованіемъ вы могли бы себѣ «буаръ и манже» добывать болѣе достойнымъ образомъ. Я долженъ вамъ покаяться, что, какъ человѣкъ старой школы, отъ нѣкоторыхъ предразсудковъ избавиться я не могу, между прочимъ отъ антипатіи къ тому, что французы называютъ «mauvais gout» и «mauvais genre», а также вульгарностью. Тѣмъ пріятнѣе узнать отъ васъ самихъ, что въ васъ не заснулы позымы въ другую, лучшую сторону, что потягиваетъ васъ подчасъ, говоря стихами Шиллера,

«In die schöne Regionen».

«Я, впрочемъ, не побуждалъ васъ къ продолженію сотрудничества въ «Руси» и потому, что оно было не по средствамъ газеты. Она не приноситъ мнѣ ни мѣднаго гроша дохода, и все мое честолюбіе состоитъ въ томъ, чтобы создать въ Россіи журналъ серьезный, строгій и окупающійся, хоть бы только окупающійся,—безъ по-

блажки вкуса толпы. Такое притязаніе заставляетъ меня довольствоваться очень умѣреннымъ распространеніемъ и въ то же время лишаетъ возможности пользоваться сотрудничествомъ дорого оплачиваемымъ (именно сотрудничествомъ беллетристовъ или романистовъ)—и притомъ не окупаемымъ.

«Вотъ мое откровеннѣйшее объясненіе.

«Пожалуйста, опишите мнѣ также откровенно: что стоитъ вашъ «Подземный Вѣщунъ»?

«На Рождествѣ у меня не выйдетъ номеръ. Послѣдній номеръ за 1884 годъ появился 15-го декабря, а за 1885 годъ—2-го января. «Вѣщунъ» могъ бы появиться въ послѣднемъ. (Газета будетъ снова выходить еженедѣльно).

«Мерзостей въ нашей церковной жизни творится страшно, до ужаса, много. Разоблачать слѣдуетъ. Но въ русской пѣснѣ поется:

То же бы ты слово
Не такъ бы молвилъ.

Это разъ. Есть еще способъ обличенія на манеръ Хама, потѣшавшагося надъ наготою отца. Восчувствуйте это, почтеннѣйшій Николай Семеновичъ, и не грязните слишкомъ данный вамъ Богомъ даръ».

Такимъ образомъ, друзья Лѣскова первой половины его литературной дѣятельности очень встревожены его критическимъ отношеніемъ къ основамъ церковно-славянофильскихъ идеаловъ... Они упустили изъ виду, что въ политической и религіозной борьбѣ допустимы не только рѣшительные, ураганные удары, но и легкая иронія, оскорбительная насмѣшка, остроумный и даже вульгарный смѣхъ. Лишь бы эта полемика направлена была по адресу и не стрѣляла бы по воробьямъ изъ пушекъ. Лишь бы стоило пороха тратить! Этимъ объясняется и у Л. Н. Толстого его отношеніе въ «Воскресеніи» къ обрядовому и догматическому вѣроисповѣданію. Самъ Христосъ говорилъ о своемъ ученіи, что люди изъ ученія о любви создадутъ себѣ не миръ, а мечъ (Еванг. отъ Матѳея). Во имя христіанства боролись Боккачіо, Эразмъ, Гуттенъ, Лютеръ, Кальвинъ, Кромвель, Вольтеръ, Руссо, Гейне и т. д. Всѣ они не чужды полемики со всѣми ея приемами въ области самыхъ священныхъ чувствъ человѣка. Война вырабатываетъ не только великодушіе и героизмъ душъ, но также и ядра.

Критическая мысль продолжала свое дѣло, и Лѣсковъ, цитируя съ восторгомъ «Три смерти» того же А. Н. Майкова, уже съ прискорбіемъ и рѣзко говорилъ о реакціонныхъ убѣжденіяхъ поэта...

Вспоминая также юбилейное торжество Д. В. Григоровича, онъ воскликнулъ:

— Чествуютъ литератора, но какого? Григоровичъ когда-то сдѣлалъ доброе дѣло, давъ намъ въ крѣпостную эпоху «Антоня

Горемыку», но вѣдь это было такъ уже давно. А съ тѣхъ поръ онъ прошелъ свое жизненное поприще вертуномъ, уходя все болѣе и болѣе въ чистую поэзію, и такъ тамъ и застрялъ. Другіе въ это время страдали, проводили въ литературѣ идеи, а онъ остался эстетикомъ. Это-то и чувствуютъ нынѣ, а не писателя-руководителя...

Тонкій и легкій жанръ Лѣсковъ все менѣе и менѣе понималъ съ теченіемъ его литературной жизни. Искусство съ своими особыми цѣлями, безъ облагораживающаго вліянія на общество—отталкивало его отъ себя...

— Я не понимаю,—говорилъ онъ:—какъ можетъ В. Л. Величко одновременно писать прекрасные стихи и миѣ, и кронштадтскому священнику, увлекаясь исключительно лирикой и слогомъ стиха; какъ К. М. Фофановъ умудряется похвалить прекрасными стихами и А. Фета, и Л. Н. Толстого...

Можно съ увѣренностью сказать, что и современные остро-словы Аверченко и Тэффи услышали бы отъ него теперь совѣтъ поменьше тратить свой талантъ на бездѣлушки и вспомнить, что тотъ же юмористическій талантъ далъ Европѣ Диккенса и Лабулэ, а Америкѣ—Марка Твэна, моральные убѣжденія которыхъ міръ гордо исповѣдуетъ.

Лѣсковъ, однако, не разомъ сталъ искать въ писателѣ міросозерцаніе современной эпохи и дѣлать дѣло, которое писатель за-вѣщаетъ послѣ себя потомству. Лѣскову первое время были дороги и его собственные, чисто художественные типы, выписанные имъ красиво и правдиво.

Это его «Соборяне»...

— Ахилла ввелъ меня въ Европу,—говорилъ онъ съ гордостью послѣ того, какъ этотъ дьячокъ появился въ переводѣ на французскомъ языкѣ.

Публика зачитывалась его «Соборянами», и авторъ слышалъ со всѣхъ сторонъ похвалы себѣ. Спиритъ Александръ Аксаковъ писалъ ему отъ 12-го іюля 1872 года изъ Кротовки, Самарской губерніи, письмо:

«Обѣщалъ писать вамъ, многоуважаемый Николай Семеновичъ, изъ Москвы, но не сладилъ со временемъ,—хотя былъ полонъ тогда только что прочитанными мною вашими «Соборянами» и слѣдовало бы писать подъ впечатлѣніемъ. Въ Москвѣ узналъ, что вышла вторая часть, и жаденъ былъ прочитать ее, хотя опасался, и не безъ основанія, что не чета будетъ первой, т. е. собственно «дневнику». Давно не читывалъ ничего подобнаго. Спасибо за указаніе, спасибо за написаніе. Здѣсь прочиталъ вторично,—ничто, кромѣ классическаго, не выдерживаетъ вторичнаго чтенія, и «дневникъ» этотъ поистинѣ классическая вещь. Зачастую во время чтенія книга и рука опускались, и душа уходила въ глубь, и давно заглохшее, притаившееся, высокочеловѣческое всплывало, оживало. Гдѣ у

насъ тѣ повѣсти, которыя поднимають душу, какъ залогъ степной, выворачивая глубокіе пласты ея, чтобы обдать ихъ свѣтомъ и тепломъ небеснымъ? Одно мѣсто «Соборянь» свидѣтельствуетъ намъ, что «завѣтное вдохновеніе не изсякло и понынѣ: это страница 447, гдѣ Пизонскій говоритъ: «Боже, устрой и умножь и возрасти...» Не многое въ томъ, что именуется богодухновеннымъ, стоитъ этой страницы. И откуда сіе берется у васъ, откуда износите? По истинѣ «духъ идѣже хоцетъ дынигъ». Непрестанное откровеніе, избранничество каждаго, одинъ изъ коренныхъ догматовъ современнаго спиритуализма. Интересно будетъ прослѣдить, какъ отзовется наша журналистика, наша критика объ этомъ произведеніи вашемъ. Къ сожалѣнію, «дневникъ» гложетъ въ остальномъ, можно сказать, затирается имъ. Но цѣль—вотъ главное, достигается ли она? Вы желали возбудить участіе къ духовенству нашему. Въ комъ же именно? Въ Базюкиныхъ, Варнавахъ, Термосесовыхъ? О нихъ не можетъ быть и рѣчи, это враги. Кто же остается? Сильные міра сего, но равнодушные, и неравнодушные, но безсильные. Имъ наказали отъ первыхъ то вѣчное «молчи», и они молчатъ. Въ этой несвободѣ слова и было все наше горе. Таково правоученіе сказки вашей. Но и она пропадетъ безслѣдно, какъ и записка Туберозова. И выхода изъ этого положенія въ нашъ вѣкъ не предвидится. Что же дѣлать, спрашивается. Отвѣтъ одинъ: продолжать и продолжать. Пусть всякій послужитъ своему высшему познанию истины. Пизонскій вѣрилъ, что опущенныя имъ зерна возрастятъ на всякую долю.

«Прочитавши первую часть, я молча передалъ и женѣ и наблюдалъ. Къ началу отнеслась равнодушно, потомъ, какъ вошла въ «дневникъ», ея частыя восклицанія и слезы, прошибавшія въ глазахъ, и потрясеніе отъ непечатной молитвы Пизонскаго—ясно показали, на мое удовольствіе, что душа ея чутко откликнулась на истинно высокое.

«Примите увѣреніе въ нашемъ общемъ искреннемъ уваженіи и глубокой благодарности за доставленное намъ, столь рѣдкое въ наше время, духовное наслажденіе. А. Аксаковъ.

Прошло много лѣтъ, и уже другой упоминаемый ранѣе нами Аксаковъ, Иванъ Сергѣевичъ, знаменитый славянофилъ, предпринимая изданіе газеты «Русь», помнитъ византійско-славянофильское направленіе Лѣскова и пишетъ ему письмо отъ 10-го октября 1880 года:

«Что вы и гдѣ вы? Не зная вашего адреса, пишу на удачу въ ученый комитетъ. Вы, конечно, знаете, что я приступаю къ изданію еженедѣльной газеты «Русь» и что въ ней, между прочимъ, будетъ и литературный отдѣлъ. Но если не будетъ ничего, заслуживающаго съ моей точки зрѣнія помѣщенія, то я ничего помѣщать и не буду. Надобно, чтобы помѣщаемое въ газетѣ имѣло положительное достоинство. Поэтому я и обращаюсь къ вамъ. Нѣтъ ли у васъ чего-

нибудь готоваго, только не въ родѣ «Мелочей», а вотъ въ родѣ помѣщеннаго вами въ «Историческомъ Журналѣ» разсказа о праведникахъ кадетскаго корпуса. Наконецъ, если у васъ есть повѣсть, даже романъ не черезчуръ длинный,—то и это могло бы быть помѣщено въ моей газетѣ. Впрочемъ, вы сами знаете, что мнѣ нужно, знаете и то, что помѣщеніе въ моей газетѣ это не все равно, что помѣщеніе въ журнальныхъ низинахъ, называемыхъ фельетонами, ни даже въ «Церк. Общ. Вѣстникѣ».

«Если письмо мое до васъ дойдетъ, пожалуйста отзовитесь скорѣе, адресуя письмо прямо въ редакцію газеты «Русь». Вы что-то давно меня игнорируете.

«Вашъ старый знакомый Ив. Аксаковъ».

Въ письмѣ отъ 10-го января 1881 года онъ пишетъ:

«Многоуважаемый Николай Семеновичъ! Я вовсе не требую отъ васъ положительныхъ или добродѣтельныхъ поповъ и архіереевъ. Все дѣло въ качествѣ и въ мѣрѣ прони. Нужно, чтобъ она не звучала обобщеннымъ приговоромъ и чтобы не посягала на самый санъ, если мы хотимъ поддержать уваженіе къ нему и идеальное о немъ представленіе. Однимъ словомъ, ради Бога, не стѣсняйте своей свободы, какъ художника, и не пишите для меня нарочно: знаю напередъ, что отъ этого выйдетъ хуже. Пишите, какъ вамъ Богъ на душу пошлетъ. Напишите «Соборянъ»—прекрасно. «Запечатлѣннаго Ангела»—отлично. «На краю свѣта»—превосходно. «Трехъ праведниковъ»—обязете несказанно. Видите, какой выборъ. Въ девятомъ номерѣ мы немножко въ разборѣ азбукъ посмѣялись надъ вашимъ ученымъ комитетомъ.

«Статья объ обѣднѣ Чайковскаго не моя, но я счелъ себя не въ правѣ отказать въ выраженіи загнаннаго ложнымъ стыдомъ угнетеннаго искренняго благочестиваго чувства. Чайковскій хорошій музыкантъ, но католикъ. Это бы ничего, но главное—аплодисменты и зальная обстановка для обѣдни... Вѣдь вотъ въ Англіи ни Stuart-M. II, ни Спенсеръ, ни король, ни кутила, Валлійскій принцъ, ни одинъ «либераль» не позволитъ себѣ ни нарушить воскресенья, ни посмѣяться надъ этимъ обычаемъ. А вѣдь страна стоитъ «во главѣ цивилизаціи». Былъ я однажды на такомъ концертѣ здѣсь въ манежѣ: не обѣдня, а просто «духовный концертъ» для народа, даровой или пять копеекъ входъ. Было тысячъ семь народа. Но какъ запѣли «Отче нашъ», весь народъ (простонародье) всталъ и обнажилъ головы, и перекрестился. И то же было при другихъ болѣе важныхъ пѣснопѣніяхъ. А интеллигенція сидѣла, развалилась, въ шубахъ...

«Вашъ Ив. Аксаковъ».

II.

Бѣрба съ великосвѣтскимъ расколомъ.

Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ Лѣскова привѣтствовали и славянофилы, и спириты, и многочисленные «соборяне»... Онъ самъ защищалъ ихъ идеалы, когда въ семидесятыхъ годахъ среди представителей высшаго петербургскаго общества появилось учение лорда Редстока и В. А. Пашкова. Новизна ихъ взглядовъ озадачила Лѣскова, и онъ не могъ освоиться съ ихъ учениемъ о всеобщемъ оправданіи грѣховъ одной вѣрою въ Бога, что Христосъ за насъ уже отстрадалъ, и что мы уже искуплены Его кровью, спасены и не будемъ страдать, что ничего другого не надо, кромѣ этой вѣры въ значеніе Христовой смерти и, изъ любви къ Христу, желанія угодить Ему и исполнить Его волю.

«Счастливые христіане» цитировали, въ подтвержденіе своего ученія, Евангеліе: «Ибо такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына своего едиnorodнаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную» (III гл. Іоанна, ст. 18). А Лѣсковъ усиливалъ пониманіе этого текста тѣмъ, что для спасенія нужны посты, молитвы и обряды, исходящіе изъ глубины человѣческой души. Она молится «воздыханіями» и «неизглаголаннми» почестями Творцу...

— Кто же можетъ,—спрашивалъ Лѣсковъ у нашихъ великосвѣтскихъ «редстокистовъ»,—отнять у духа нашего эту присущую ему потребность, и какое надо имѣть узкое буквоѣдское воззрѣніе и сухое сердце, чтобы сказать матери, потерявшей сына: «не молись о немъ,—это ему не поможетъ»? Нѣтъ, любящій духъ возмутится противъ этихъ словъ, которыя, «яко сосцы сухи», только углубляютъ муки и это возмущеніе будетъ самымъ естественнымъ отвѣтомъ на приведенное ученіе. Оно у насъ всегда встрѣтитъ самый сильный отпоръ не отъ догматизаторовъ, которымъ лордъ Редстокъ приписываетъ вину моленія за усопшихъ, а отъ всякой живой, любящей души человѣческой.

Лѣсковъ думалъ, что если раціоналистическое воспитаніе дѣтей Герцена и В. Фрея привело ихъ дочерей къ католицизму и что если протестантизмъ съ его «опрощеніемъ» неспособенъ дать алчущей душѣ человѣка единеніе съ Творцомъ, то религіозное воспитаніе дается только одной православной церковью! .

Но чѣмъ болѣе Лѣсковъ ратоборствовалъ за господствующій культъ и хотѣлъ подорвать репутацію «великосвѣтскаго раскола», тѣмъ чаще онъ встрѣчалъ горячихъ защитниковъ лорда Редстока и Пашкова. Одна изъ извѣстныхъ «редстокистокъ» писала ему:

«Я не то что затрудняюсь писать подробно о всѣхъ воззрѣніяхъ Р—ка, но не могу себѣ уяснить вполне: имѣю ли я на то право

такъ какъ многое было сказано мнѣ, но не публикѣ. Я въ ихъ семействѣ, включая его недавно умершую мать и его сестру, проводила дни, я у нихъ бывала какъ у себя, часто затрагивала вопросы, о которыхъ онъ не говоритъ никогда, и бывало онъ мнѣ скажетъ: «Понимаете, я это говорю вамъ, другіе могутъ ложно перетолковать мои мысли». Разсудите сами. Впрочемъ, вотъ что я сдѣлаю: напишу вамъ все вродѣ письма и, что мнѣ покажется опаснымъ для него и неделикатнымъ съ моей стороны, отмѣчу крестикомъ. Нѣтъ, Николай Семеновичъ, я ему отдала только должное. Въ немъ дышитъ Духъ Святой, духъ истины, чистоты—чувствуется что-то неземное, когда близко его знаешь. Если я его не называю своимъ идеаломъ, то это потому, что, увы! во мнѣ еще много земного, и его чистота, постоянное созерцаніе небснаго смущаютъ духъ мой. По духовному моему существу я стремлюсь слушать его и поучиться у него, а по земному хочется скрыться отъ него. Не поймите мои слова иначе».

Конечно, чѣмъ болѣе «редстокистки» просвѣщали Лѣскова ученіемъ о «счастливомъ христіанствѣ», дающемъ людямъ спасеніе, со смертію Христа, безъ предписанныхъ и механически заученныхъ правилъ, тѣмъ обильнѣе у него накапливался матеріалъ для книги «Великосвѣтскій расколъ».

Ея появленіе въ свѣтъ чрезвычайно озадачило поклонницъ Редстока, особенно тѣхъ, которыхъ авторъ выбралъ орудіемъ для борьбы съ нимъ.

Но вскорѣ на горизонтѣ нашей столицы появился свой «домашній Редстокъ» въ лицѣ гвардейскаго полковника В. А. Пашкова, ученіе котораго Лѣсковъ долгое время характеризовалъ словами изъ «Новороссійскаго Телеграфа»: «мистическая незрѣлость барски бѣснующейся фантазіи въ связи съ аристократическимъ презрѣніемъ ко всему, что заключаетъ въ себѣ элементы движенія, труда, житейскихъ скорбей и радостей, борьбы и выдержки. Это—пропаганда застоя, омертвѣнія, эгоизма и чудовищнаго самолюбія—рядъ дешевѣйшихъ и произвольнѣйшихъ положеній, облеченныхъ квазі сектантскою формою».

Лѣсковъ, конечно, тотчасъ выступилъ на борьбу съ сентиментальнымъ благочестіемъ «пашковцевъ» и получилъ отъ самого Пашкова письмо, характерное для настроенія петербургскаго общества конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ.

«Бадень-Бадень. Villa Stadenhofer

«22-го сентября 1884 г.

«Милостивый Государь Николай Семеновичъ!

«Не могу не высказать вамъ грустнаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня чтеніемъ статьи вашей подъ заглавіемъ: «Князьи навѣты». Невыразимо жалко мнѣ, что вы, сердце котораго отзывалось

когда-то на все истинное и хорошее, теперь насмѣхаетесь, подъ именемъ туманнаго мистицизма редстокистовъ, надъ тѣмъ, чему учили, отъ имени Христа Сына Божія, Его же апостолы.

«Изо всѣхъ обвиненій вашихъ на насъ справедливо только одно. Вы правы, когда говорите, что къ намъ присоединились люди неискренніе, подъ личиною единомыслія посѣщавшіе собранія наши, въ надеждѣ извлечь для себя какую-нибудь матеріальную выгоду отъ знакомства съ нами. Вы нѣкоторыхъ случаяхъ, къ сожалѣнію, и удавалось такимъ личностямъ достигать своей цѣли.

«Изъ этого, однакожь, не слѣдуетъ, что редстокисты, какъ вы ихъ называете, лицемѣрны и неискренни въ своихъ церковныхъ дѣлахъ.

«Несправедливо обвиненіе ваше въ томъ, что мы изъ прозелитизма терпимъ въ сообществѣ нашемъ людей, которыхъ мы не уважаемъ и которыхъ уважать нельзя. Во времена апостоловъ вкрадывались лжебратья въ собранія христіанъ,—удивительно ли, что не могли мы уберечься отъ нихъ. Но если приходилось намъ когда удостовѣряться въ неискренности кого-либо изъ членовъ нашего собранія или же въ предосудительности его образа жизни, мы исключали таковыхъ, точно такъ же, какъ исключаются люди порочные у шгундистовъ.

«Намъ, не забудьте этого, несравненно труднѣе слѣдить за жизнью каждаго члена собранія; ибо, тогда какъ собранія шгундистовъ состоятъ изъ односельцевъ, людей стоящихъ во всѣхъ отношеніяхъ близко другъ къ другу, и бытовья условія которыхъ коротко имъ извѣстны,—у насъ оказывается совершенно иное. Наше собраніе состоитъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ народностямъ, разнымъ сословіямъ, поставленныхъ въ самыя противоположныя условія жизни, какъ по образованію, такъ и по всѣмъ своимъ понятіямъ. Подумайте сами, съ какими трудностями сопряжена для насъ обязанность слѣдить за жизнью каждаго члена собранія. Неудивительно, что остается иногда долго не разслѣдованнымъ предосудительное въ поведеніи кого-либо изъ нихъ. Но, еще разъ повторяю, мы злу не потворствуемъ и не терпимъ его.

«Мгеброва не проводили», какъ совершенно неосновательно полагаете вы; мы съ нимъ и по сіе время остаемся въ дружескихъ сношеніяхъ, никогда не прекращавшихся съ самаго начала нашего съ нимъ знакомства.

«Напрасно полагаете вы, что благочестіе, нами проповѣдуемое, ничего не исправитъ и исправить не можетъ; если бы захотѣли вы прослѣдить, какія коренныя перемѣны произошли въ жизни многихъ членовъ нашихъ собраній, вы убѣдились бы въ противномъ.

«Несправедливо, что мы отвергаемъ добрыя дѣла. О нихъ мы не проповѣдуемъ постороннимъ, зная, что это ни къ чему не служить; но въ нашихъ собраніяхъ, когда сходятся тѣ, которые, зная любовь къ нимъ Господа, желаютъ исполнять волю Его, постоянно бесѣ-

дуемъ мы о томъ, какъ должны поступать вѣрующіе, чтобы угождать своему Господу.

«Несправедливо, наконецъ, будто мы увѣряемъ людей, что для спасенія ихъ достаточно имъ вѣрить, что они спасены, и что затѣмъ совершенно безразлично, какъ они живутъ въ мѣрѣ семъ, повинуваясь ли Богу и служа Ему, или же поступая по собственному своему произволу, исполняя пожеланія плоти и помысловъ.

«Если, какъ утверждаете вы, со штундистами у насъ нѣтъ ничего общаго и расходимся мы во всѣхъ понятіяхъ, то какъ объясните вы неоднократныя посѣщенія насъ руководителями молоканъ и штундистовъ? У насъ перебивали не разъ уже: Балабанъ, Рябошапка, Ратушный и другіе; всѣ они, какъ братья по вѣрѣ, принимали участіе въ собраніяхъ нашихъ. Не далѣе нынѣшней весны на приглашеніе наше со всѣхъ концовъ Россіи отозвались молоканскія и штундистскія общества баптистовъ и евангелическихъ братствъ; они прислали въ Петербургъ выборныхъ своихъ, которые и съѣхались съ цѣлю достигнуть большаго еще объединенія всѣхъ между собою. Этотъ именно съѣздъ, послѣднія засѣданія котораго прерваны заарестованіемъ пріѣзжихъ братьевъ и высылкою ихъ изъ Петербурга, былъ причиною и нашего изгнанія изъ Россіи.

«Многое, какъ видите, Николай Семеновичъ, изъ того, что помѣщено въ статьѣ вашей, не согласно съ истиною.

«Все уже сдѣлано за нихъ другимъ Сградальцемъ, а они спасены; потому что Онъ за нихъ страдалъ»,—пишете вы, называя заблужденіемъ редстокизма то, что утверждаютъ апостолы, говорящіе по внушенію духа Святого то, что составляетъ всю сущность благой вѣсти.

«Всѣ согрѣшили (сказано въ П.сл. къ римлян., гл. 3) и лишены славы Божіей, получая оправданіе даромъ, искупленіемъ во Христѣ Иисусѣ, котораго Богъ предложилъ въ жертву умилоствленія... Далѣе, въ П.сл. къ ефес., гл. 2, читаемъ: «Благодатью вы спасены чрезъ вѣру, и сіе не отъ васъ: Божій даръ; не отъ дѣлъ; чтобы никто не хвалился.

«Посудите сами, какъ понять такія мѣста (подобныхъ имъ найдется много въ Нов. Зав.), какъ не подтвержденіемъ высказаннаго Самимъ Иисусомъ, когда, умирая на крестѣ, произнесъ Онъ послѣднее это слово: «Совершилось».

«Истинно, Богомъ милосерднымъ и любящимъ сдѣлано для спасенія нашего все то, чего мы сами для себя не въ состояннн сдѣлать никакъ. «Дорога цѣна искупленія души человѣческой»,—сказано въ святомъ писаннн; она такъ дорога, что внести ее пришлось Богу Самому. Имъ данъ выкупъ за души наши, принесена жертва умилоствленія, принесенъ въ жертву Возлюбленный Его, въ которомъ все Его благоволеніе.

«О томъ, что ради Христа возвѣщается намъ прощеніе грѣховъ, о томъ, что Богъ не вмѣняетъ намъ преступленій нашихъ, свидѣ-

тельствуетъ намъ Духъ Святой, чрезъ Слово. Это не вымыселъ Редстока или какого-либо другаго иностранца, это непреложная истина... но, къ несчастію, эта истина далеко не для всѣхъ.

«Нѣтъ, Николай Семеновичъ, не заблуждаемся мы, проповѣдуя о незаслуженной нами любви Христовой, превышающей разумѣніе наше, проповѣдуя Христа, преданнаго за грѣхи наши и воскресшаго для оправданія нашего.

«Вы судите о томъ, чего не знаете, говоря, что это ученіе бессильно. Приведенныя выше изреченія св. писанія опровергаютъ мнѣніе ваше, опроверженіе не мое, а Божіе.

«Учить людей исполнять законъ Божій ни къ чему не служить, пока Духъ Святой не напишетъ закона Божія на плотныхъ скрижаляхъ сердца ихъ. Одна только любовь Божія, изливаемая въ сердца наши Духомъ Святымъ, производитъ такую перемѣну въ человѣкѣ—примиряетъ съ Богомъ того, кто, по расположенію къ злымъ дѣламъ, враждовалъ съ Нимъ, противясь волѣ Его. Одна любовь Божія того, кто вѣруетъ въ нее, приближаетъ по сердцу къ Богу, какъ бы онъ прежде ни былъ далекъ отъ Него. Одна эта любовь можетъ бывшихъ рабовъ грѣха сдѣлать послушными Богу.

«Пока у человѣка нѣтъ увѣренности въ томъ, что онъ имѣетъ на небесахъ наслѣдство вѣчное, пріобрѣтенное ему не собственными его заслугами, но исключительно только крестною смертію Христовою и воскресеніемъ Его,—онъ не можетъ не тяготѣть къ земному, къ міру сему, отъ котораго одного онъ ожидаетъ удовлетворенія своихъ желаній, осуществленія своихъ надеждъ,—не можетъ не быть слугою міра сего. Что бы онъ ни дѣлалъ, онъ остается въ зависимости отъ міра, остается въ рабствѣ, и останется въ немъ по самую смерть, если не освободитъ его Христосъ. «Если Сынъ освободитъ васъ,—сказалъ Иисусъ,—истинно свободны будете».

«Только та свобода истинна, которую мы находимъ во Христѣ Иисусѣ. Онъ одинъ освобождаетъ насъ отъ всякаго рабства, отъ рабства грѣху, рабства міру сему и отъ худшаго изо всѣхъ—отъ рабства самому себѣ. Онъ единый Спаситель! нѣтъ ни въ комъ иномъ спасенія.

«Только тотъ, въ сердцѣ котораго пребываетъ и царствуетъ Христосъ, можетъ, отвергаясь себя самого и не ища уже отъ людей ничего, сдѣлаться истиннымъ слугою Божіимъ, имѣющимъ одну только заботу—угодить Богу.

«Такое только служеніе благоугодно Богу, которое порождается Его же любовью, которое становится служеніемъ добротнымъ, сердечнымъ, служеніемъ благодарности и любви.

«О, Николай Семеновичъ! Если бы вы знали, какъ благъ и любвеобилень Богъ нашъ, вмѣсто того, чтобы оказываться въ рядахъ преслѣдующихъ насмѣшками своими слугъ Божіихъ, которые слабымъ своимъ голбсомъ, но не умолкая, напоминаютъ о Господѣ,—и ста-

новиться поэтому гонителемъ Самого Христа,—вы предпочли бы сами быть въ числѣ послѣднихъ.

«Господь да дастъ вамъ уразумѣть любовь Свою къ вамъ, превышающую разумѣніе, и эта любовь да привлечетъ васъ ко Христу, Сыну Божію, къ Тому, Кто приходящаго къ Нему не изгонитъ вонъ. Объ этомъ буду молить Отца своего небеснаго и надѣюсь, что эта молитва не останется безъ отвѣта

«В. Пашковъ».

Письмо В. А. Пашкова не поколебала Лѣскова въ его преданности Туберозову и Ахиллѣ въ борьбѣ съ разномыслящими христианами. Его сильно поддерживали многія лица противъ Редстока...

— У этой Валаамовой ослицы,—говорили ему,—все духовно, такъ чисто, идеально и свободно!.. Все нравится нашимъ идеалистамъ съ высоты небесъ: и грязныя лавочки, и силпый органъ и изъ-за этой грязи они не замѣчаютъ непроходимой гордости. Этотъ благородный лордъ Редстокъ, который не слыхивалъ о смиреніи святыхъ мужей, такой самохвалъ, что нужно удивиться, зачѣмъ убѣждаютъ его текстами изъ священнаго писанія, когда надо ему прямо бросить въ глаза, что сатанинская гордость противится духу Евангелія. Его анекдоты возмутительны!.. Въ Москвѣ нашъ извѣстный археологъ Калачевъ показывалъ лорду съ удовольствіемъ наши музеумы. Лордъ, уходя, сказалъ ему: «Когда вы будете въ Лондонѣ и посѣтите меня, я вамъ покажу сокровища, какихъ не найти нигдѣ въ мірѣ, ни въ дворцахъ, ни въ хранилищахъ. Я покажу вамъ тысячу чловѣкъ воровъ, развратниковъ, которые обратились въ праведниковъ отъ одного моего слова. Я пришелъ къ этимъ падшимъ, которые едва знаютъ, что они люди, и говорю имъ: «Вы родъ избранный, царственное священство, народъ святой» и проч. Они поражены, удивлены, я говорю имъ о Христѣ, они воскресаютъ!» И это посреди Лондона!.. Знаете, вѣдь онъ насъ, русскихъ, вѣроятно, считаетъ за идіотовъ. Что же это? Его гаданье о Христѣ выслушиваютъ съ благоговѣніемъ? И никто не хохочетъ прямо ему въ глаза? Вотъ это главное его чудо. И отъ Божіей Матери отказались наши-то! И отъ святыхъ... въ угоду безумному лорду. Наши юродивыя барыни, вѣроятно, со временемъ будутъ прикладываться къ пиджаку знаменитаго проповѣдника... Русская натура возьметъ свое.

Чѣмъ болѣе, однако, Лѣсковъ боролся съ редстокистами и пашковцами, тѣмъ яснѣе ему становились его враги, и многое въ нихъ перестало отталкивать его. Побѣжденные часто вліяютъ на побѣдителей. При составленіи конституціи американцы очень много заимствовали изъ политическаго устройства у побѣжденныхъ ими индѣйцевъ.

Въ разсказѣ «Архіерейскіе объѣзды» самъ Лѣсковъ признается: «Напечатанные въ 1878 году очерки «Мелочи архіерейской жизни»

вызвали нѣсколько замѣтокъ, написанныхъ духовными лицами, между которыми были и два архіерея. Между письмами почтившихъ меня корреспондентовъ есть нѣсколько выражающихъ мнѣ укоризну за «погоною за простотою». Въ этомъ писавшіе усматриваютъ «вліяніе протестантскаго духа».

Это «вліяніе» несомнѣнно. Въ дѣтствѣ бабушка Лѣскова возила его по православнымъ монастырямъ, но въ домѣ другихъ родственниковъ вѣяло квакерствомъ. Смотри объ этомъ рассказы: «Юдоль», «Томленіе духа» и т. д.

Борьба съ «редстокистами» также не осталась безслѣдна. Появляется повѣсть «На краю свѣта», гдѣ простой дикарь оказался, по христіанскому настроенію, гораздо выше архіерея... Во время свѣжной метели дикарь отогрѣвалъ своимъ тѣломъ архіерея, а не тотъ дикаря, а между тѣмъ архіерей ѣхалъ крестить дикарей и учить ихъ любви къ ближнему. Въ награду Лѣскову одна изъ его почитательницъ прислала ему восторженное письмо слѣдующаго содержанія:

«Что, Николай Семеновичъ, съ ума вы меня свели своимъ рассказомъ: «На краю свѣта!» Я до того умиллась вашимъ дикаремъ, что корявые руки готова была бы у него цѣловать и цѣловала бы! Несомнѣнно... Это объясняется моимъ воспитаніемъ... Мнѣ было семнадцать лѣтъ, когда отецъ мой подружился съ архимандритомъ Макаріемъ, знаменитымъ насадителемъ христіанства въ Алтайскихъ горахъ. Онъ любилъ наше семейство. Пріѣзжалъ къ намъ вечеромъ пить чай, бесѣдовалъ и пѣлъ вмѣстѣ съ нами духовные гимны подъ звуки моего фортапьяно. Мы любили его всѣ, но я, какъ юная энтузіастка, болѣе всѣхъ. Чуть не уѣхала съ нимъ въ миссію. Впослѣдствіи постоянно слѣдила за чудными дѣлами этой миссіи, знала хорошо отъ Ландышева, почтенную Софью Оедоровну, которая поѣхала первая въ Алтай съ отцомъ Макаріемъ и шесть лѣтъ провела между дикарями. Наслушалась я много отъ нея правдивыхъ рассказовъ и заключила изъ нихъ, что нѣтъ дикаря, изъ котораго не вышелъ бы человѣкъ, если дѣйствительно коснется его души христіанская проповѣдь. Условія жизни, правда, многое изъясняютъ; но элементы человѣческой души развѣ не одни и тѣ же повсюду? Иначе мы не были бы братья и дѣти одной семьи. На поверхности видимъ какъ будто два полюса противоположные: лордъ Байронъ и вашъ дикарь... Что? они братья? Вы шутите!.. А идите глубже. Разоблачите того и другого. Все пріобрѣтенное, все наружное долой!.. Ну, глядите теперь! Вашъ дикарь, того и смотри, превратится въ поэта... И его ли считать дикимъ звѣремъ? Я, пожалуй, съ радостью промѣняю на него лорда Биконсфильда и въ придачу дамъ лорда Редстока... И это будетъ не мимолетная экзальгація съ моей стороны, а серьезно обдуманное дѣло. Всегда мнѣ казалось, что великій грѣхъ взяли на свою душу европейцы,

когда стали вымаривать американское племя, подъ тѣмъ адскимъ предлогомъ, что оно не можетъ выносить соприкосновенія съ цивилизаціей и само собой исчезаетъ. Знаю я эту цивилизацію, которая будто бы опирается то на христіанство, то на разстригу Лютера...»

Послѣ дикаря «На краю свѣта» Лѣскову уже легче было написать въ томъ же опрошенномъ духѣ своихъ христіанъ: «Скомороха Памфалона», блудницу «Азу», способныхъ на высочайшіе христіанскіе подвиги, оставаясь въ грубомъ невѣдѣніи о значеніи заученныхъ правилъ и обрядовъ.

Утвердившись въ той мысли, что христіанство возникло среди простого народа ранѣе, чѣмъ оно стало господствующимъ культомъ, съ присущими ему формами и что оно, своимъ внутреннимъ содержаніемъ, всего болѣе вліятельно, Лѣсковъ подвигался въ этомъ направленіи все ближе и ближе къ запросамъ на свободную жизнь духа, постукаясь авторитетами и преданіями.

III.

Торжество свободной мысли.

Статьи Н. С. Лѣскова о южно-русскомъ сектантствѣ обращаютъ на себя большое вниманіе лѣвыхъ славянофиловъ. Не вдаваясь въ оцѣнку ихъ взглядовъ на штунду, мы приведемъ ихъ, какъ историческіе документы крупныхъ русскихъ людей о нашихъ иновѣрахъ, такъ и потому, что ихъ взгляды, вмѣстѣ съ тѣмъ, далеко не ихъ личные, а раздѣляются цѣлой школой изслѣдователей нашего раскола и сектантства.

Ив. Аксаковъ пишетъ Лѣскову:

«Статьи мои въ «Москвѣ» касались штундистовъ по поводу газетныхъ извѣстій о принятыхъ противъ нихъ разныхъ мѣрахъ преслѣдованія и гоненія. Я помню, что, несмотря на самыя неполныя данныя, я и тогда объяснялъ это явленіе мертвенностью нашей церковной жизни и запросами на жизнь духа въ самомъ народѣ. Я упрекалъ наше духовенство и предлагалъ ему по совѣсти отвѣтить хоть на этотъ простой вопросъ: освѣдомлялся ли когда какой-либо сельскій священникъ у своихъ прихожанъ-крестьянъ: знаетъ ли кто-нибудь изъ нихъ «Отче наши»? Статьи были, впрочемъ, поверхностныя, но въ какихъ нумерахъ помѣщались, не могу сказать, и отыскивать не берусь, потому что со времени прекращенія изданія я въ него не заглядывалъ.

«Съ вашимъ взглядомъ вполне согласенъ. Штундизмъ созданъ не а priori, а а posteriori, не въ слѣдствіе какой-либо богословской теоріи, отвлеченнаго умоположенія, да и теперь не имѣетъ какой-либо опредѣленной теоріи положительнаго свойства, хотя, несомнѣнно, теорія кака-нибудь должна выработаться post factum.

«Истор. вѣстн.», мартъ 1916 г., т. сѣлш.

12

Но ходъ этой теоріи отъ факта къ теоретическому выводу, отъ отрицательнаго къ положительному. Вы отвергаете здѣсь присутствіе нѣмца, но всѣ первоначальныя свѣдѣнія о возникновеніи штундизма говорятъ противное. Но нѣмецъ здѣсь является пассивнымъ лицомъ. Русскіе работники, проживающіе въ нѣмецкихъ колоніяхъ, не могли, наконецъ, не прійти къ такому умозаключенію: отчего въ колоніяхъ тишина, миръ, чинность, благообразіе, благопристойность, благочестное житіе (вмѣстѣ съ благосостояніемъ), все то, о чемъ подчасъ вздыхаетъ русская душа, а въ родныхъ ихъ селахъ—пьянство, развратъ, мерзость? Они не могли не признать, что и колонисты христіане и опираются въ своей жизни на словѣ Божіемъ, а въ русскихъ селахъ они этого слова не слышатъ, имъ не питаются и не поддерживаются. Они не перешли прямо къ какой-либо общей теоріи, а пошли ощупью: стали передразнивать нѣмцевъ, завели штунду, выучились по-нѣмецки, читали библію на нѣмецкомъ языкѣ. Еслибъ не было никакого преслѣдованія, можетъ быть, это явленіе и не продержалось бы долго, не устояло бы противъ живого примѣра благочестиваго священника въ православной церкви. Теперь дѣло совсѣмъ испорчено. Штундизмъ уже получилъ развитіе дальнѣйшее, котораго подробности мнѣ неизвѣстны. Если теперь нѣтъ, то все же выработается какой-нибудь катехизисъ, хотя бы только и отрицательный: не нужно обрядовъ, не нужно таинствъ, не нужно іерархіи и вообще церкви, нужно поклоняться только духомъ и добрыми дѣлами и т. д., не нужно никакихъ соборныхъ постановленій, кромѣ книгъ священнаго писанія и т. д. Тутъ штундизму предстоитъ переродиться или въ духоборчество, молоканство или гернгутерство, однимъ словомъ, испытать участь всѣхъ сектъ, возникшихъ изъ протеста противъ церкви, т. е. дойти, со временемъ, до самоотрицанія, до рабства въ безобразности и т. д. Дальнѣйшая участь штундизма *an sich selbst* не интересна: интересенъ поводъ возникновенія, интересенъ протестъ, интересна реакція противъ обряда, формы, буквы, мертвящей духъ, реакція, выражающая законное, святое требованіе духа, омерзѣніе къ мерзости запустѣнія, позорящей нашъ народный бытъ. Но если бы въ нѣдрахъ самой нашей церкви раньше бы того появился проповѣдникъ съ державнымъ словомъ укора и обличенія, который бы объѣхалъ села и деревни, нѣтъ сомнѣнія, дѣйствіе его слова было бы громадно и дало бы исполинскіе результаты въ отношеніи къ исправленію общественныхъ правовъ. Разумѣется, такому проповѣднику нельзя явиться, его забрали бы въ полицію, вотъ мы за то и казнимся. У насъ угасъ всякій духъ жизни, и Богъ знаетъ, куда мы еще придемъ.

«Въ штундизмѣ до сихъ поръ достойно замѣчанія именно то, что онъ охватилъ малороссовъ, и, кажется, исключительно малороссовъ, которые до сихъ поръ были совершенно чужды всякаго раскола (въ обширномъ смыслѣ слова). Кстати, сообщу вамъ на всякій слу-

чай, для провѣрки вашими наблюденіями, то, что на дняхъ, совершенно случайно, услышалъ я отъ одного харьковскаго купца, онъ же небольшой екатеринославскій землевладѣлецъ, Коренева, который пріѣзжаетъ по своимъ торговымъ дѣламъ къ намъ, въ общество взаимнаго кредита. Чтобы чѣмъ-нибудь занять его, я сталъ его разспрашивать объ овцеводствѣ и о знаменитомъ колонистѣ Фейшѣ, имѣвшемъ болѣе трехсотъ тысячъ овецъ. Кореневъ говорилъ о трудности конкуренціи съ колонистами, которые перебиваютъ у прочихъ овцеводовъ работниковъ, платя имъ жалованье значительно выше, причѣмъ-де колонисты не бываютъ въ накладѣ, потому что умѣютъ русскихъ работниковъ заставить у себя работать скорѣе и лучше, чѣмъ обыкновенно работаютъ они у русскихъ овцеводовъ.

«— Да ужъ и людей умѣютъ они у себя готовить для надзора за работами и для соблюденія хозяйскихъ интересовъ. Знаете, они выбираютъ себѣ изъ малороссовъ крестьянъ-мальчиковъ, по преимуществу сиротъ, и приучаютъ ихъ къ дѣлу: жалованья имъ не платятъ, а за исправную службу и по мѣрѣ того, какъ мальчикъ подрастаетъ, даютъ ему корову, потомъ другую, третью, на даровомъ кормѣ, за которыми мальчикъ долженъ ходить самъ, такъ что я зналъ одного, который къ двадцатилѣтнему возрасту имѣлъ уже десять коровъ своихъ собственныхъ. И удивительное дѣло, какъ эти воспитанные колонистами хохлы отлично ведутъ хозяйское дѣло и ревнивы къ интересамъ хозяина. Просто бѣда съ ними, мы знаемъ это по собѣдству. И странно: у нихъ ужъ и языкъ какой-то особенный: смѣсь хохлацкаго съ нѣмецкимъ. Недавно разбирались мы съ ними на судѣ у мирового; ихъ пришло довольно много: такъ странно было слышать ихъ рѣчь...»

«Я вспомнилъ про себя о штундистахъ. Колонисты вовсе не одержимы духомъ религіознаго прозелитизма, вовсе не сочиняли штундизма, но ихъ примѣръ, ихъ нравственное вліяніе не могли не подѣйствовать наконецъ на русскихъ работниковъ, у которыхъ почва духовная уже была подготовлена, уже томила жаждою. Впрочемъ, все это дѣло вамъ ближе знакомо.

Переживъ борьбу съ иновѣріемъ и мертвящимъ единовѣріемъ, Лѣсковъ былъ полонъ жажды «живой воды». Онъ пишетъ повѣсть «Гора», и здѣсь начинается его ускоренное сближеніе съ Л. Н. Толстымъ.

Когда эта повѣсть появилась въ печати, Толстой отмѣтилъ въ ней значеніе идеи о томъ, что «вѣра двигаетъ горами», но что сдвинуть языческія вѣрованія гораздо труднѣе, чѣмъ обычную гору, и что это «чудо» должно быть въ нравственномъ подвигѣ христіанъ

Герой Лѣскова, Зенонъ, говоритъ язычникъ Нефорѣ, что путь Христовъ ведетъ къ всеобщему счастью, «но чтобы итти этимъ пу-

темь, надо вѣрить, надо сдвинуть въ жизни то, что тяжелѣе и крѣпче горы, и для того надо быть готовымъ на все...» «Чудо» заключается, конечно, въ готовности человѣка свидѣтельствовать истину даже своею смертию, если это потребуется.

Приписывая христіанамъ отсутствіе дождей, нужныхъ для разлитія Нила и желая погубить христіанъ, египтяне требуютъ отъ нихъ, по христіанскому ученію, сдвинуть «Гору» въ рѣку Ниль, чтобы его воды переполнили берега и оросили поля. Зенонъ и его единовѣрцы приготовились собственною смертию засвидѣтельствовать истину христіанскаго ученія. Эта готовность умереть за нее покоряетъ язычниковъ, одновременно съ чисто-случайнымъ движениемъ «Горы» въ рѣку. Пошелъ наканунѣ сильный дождь, размылъ сыпучіе на «Горѣ» оползни, и они полѣзли цѣлыми пластами съ «Горы» по направленію къ Нилу.

Въ настоящее время «Гора» передѣлана г-жой Бахаревой въ пьесу и поставлена въ Петроградѣ на сценѣ «Народнаго дома» подъ заглавіемъ: «Блаженъ, кто вѣруетъ».

Центръ тяжести перенесенъ режиссерами на физическое движенье горы, потому что, по ихъ мнѣнію, безъ этого физическаго «чуда» не было бы пьесы... Но если бы «Гора» не была размыта дождемъ, то развѣ въ самопожертвованіи христіанъ нѣтъ нравственнаго «чуда»? Развѣ Лѣсковъ не проповѣдывалъ того, что только моральное величіе людей можетъ сдвинуть въ насъ «Гору» язычества и эгоизма?

Конечно, обстановочныя картины въ пьесѣ смотрятся не безъ интереса, но самъ Лѣсковъ не былъ бы ею удовлетворенъ.

Все міросозерцаніе Н. С. Лѣскова за послѣдніе годы склонилось къ культу духа и совѣсти (т.т. XI и XII).

IV.

Переписка Лѣскова съ другомъ юности.

За послѣдніе годы своей жизни личныя сношенія Н. С. Лѣскова съ людьми окрашивались всегда проповѣдью о Богѣ, о смерти, о нравственности и т. д.

У меня имѣются его письма, подаренныя мнѣ Лидіей Васильевной Ивановой изъ Орла, которыя ей остались отъ ея отца.

Василій Логгиновичъ Ивановъ былъ одно время въ Орлѣ редакторомъ «Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и крупнымъ чиновникомъ въ губернскомъ правленіи. Большой опытъ жизни и знаніе законовъ, доступность и гуманность Иванова дѣлали его весьма популярнымъ лицомъ въ Орлѣ. Смерть его (4-го декабря 1900 года) была почтена всеобщимъ сожалѣніемъ.

Въ письмахъ къ нему Лѣскова отражаются религіозныя думы послѣдняго и черты личнаго характера.

Отъ 28-го іюля 1891 года изъ Усть-Наровы, Шмецка, Лѣсковъ пишетъ ему:

«Любезный и старый пріятель Василій Логгиновичъ!

«Вчера получилъ отъ васъ письмо и очень ему обрадовался, будто встрѣчѣ съ вами. Я васъ не только помню,—что и не могло бы быть иначе,—но я о васъ и вспоминалъ всегда, когда приходилось вспоминать свою юность. Помню не только послѣднюю нашу встрѣчу въ Орлѣ, но помню гораздо болѣе раннюю пору—жизнь нашу близъ Василія Великаго, у Хлѣбникова; чернокудраго «Евгена» съ его «штанинами», Коряваго Лаврова, глистовиднаго Георгіевскаго въ коричневомъ «франтовѣ» съ Ильинки, Жданова съ шишкой на скулѣ и васъ, отмѣнно чисто выбритаго, въ «пальто-грекѣ» лѣтомъ и «хорькахъ» зимою. Помню Журавлева и Марковича, и... вотъ всѣхъ ихъ уже нѣтъ въ томъ явленіи, въ которомъ мы ихъ знали, а остались вы да я... Немного. Мы съ вами, я думаю, ровесники, или вы немножко меня постарше. (Я родился 4-го февраля 1831 года). Оба, значить, старики и прожили жизнь совсѣмъ на различный манеръ, но другъ друга помнимъ и, надѣюсь, рады бы встрѣтиться. Будь благословенъ даровавшій намъ такія свойства духа. Объ Ил. М—чѣ вы пишете вѣрно. У насъ не умѣютъ помогать другъ другу. Я это знаю, но я посмотрѣлся, какъ это дѣлаютъ другіе, и все хотѣлъ бы это примѣнить. Гамбетъ, и тому клали франки на каминъ. Есть простое понятіе: когда человѣкъ боленъ, значить, онъ не можетъ работать, и потому, слѣдовательно, онъ нуждается. И вотъ приходящій навѣститъ его кладетъ, «сколько можетъ»... Наши мужики и теперь это часто дѣлаютъ: они несутъ кваску, рѣдечки, каши, или баба приходитъ «потрудиться». Компанією очень легко помочь одному, а порознь очень трудно. О благотворительныхъ обществахъ я не говорю: это—вздоръ и притомъ, несомнѣнно, очень вредный. Но я вѣрю, что и складчину у насъ сдѣлать очень трудно, и, однако, радуюсь, видя изъ вашего письма, что она у насъ все-таки сдѣлалась: вы, да я, да Цорнь, да Ветлицъ—вотъ и складчина: все-таки думается, что старикъ нашъ будетъ имѣть уголь и чай. Я буду присылать вамъ на надобности Ил. М—ча по пять рублей въ мѣсяцъ и первый взносъ мой «пошлю» завтра же, когда поѣдутъ отъ меня въ Мереккюль, гдѣ есть почтовый пріемъ. Я буду посылать за два мѣсяца впередъ, и надѣюсь, что это будетъ итти аккуратно. Болѣе же я ничего сдѣлать не могу, именно по тому самому, что и вы приводите въ резоны... На каждомъ немало обязательствъ. Эту свою должность мы и должны повести, какъ теперь сами между собой постановили, и я очень благодаренъ г. Цорну, что онъ обо мнѣ вспомнилъ и привлекъ меня къ малому содѣйствію въ нуждѣ моего престарѣлаго учителя. Будемъ это дѣлать, пока

можемъ дѣлать. Получивъ ваше письмо, я теперь хотѣлъ бы и еще получить болѣе подробныя свѣдѣнія: 1) Женились ли вы? 2) Есть ли у васъ дѣти, какія и гдѣ они? 3) Когда умеръ «Евгенъ», въ какомъ возрастѣ и въ какомъ положеніи? 4) Какъ онъ сносилъ свою голову (Я его оставилъ въ фаворѣ у Глѣбова)? 5) Я всегда его почиталъ за человѣка, обреченнаго къ усиленному самогубительству, но очень любилъ его за «широту и размахъ», которыми онъ отличался отъ людей скарденной «приказной» породы. Однако это же могло его и губить. Напишите мнѣ о немъ, да пришлите мнѣ свою теперешнюю карточку, я пришлю вамъ свою. Посмотримъ, что осталось отъ оныхъ дней къ нынѣшнимъ. Дружески васъ обнимаю и цѣлую.

«Н. С. Лѣсковъ.»

Р. S. Фотографію свою не посылаю вамъ сейчасъ, такъ какъ со мною здѣсь ея нѣтъ,—какъ вернусь (15-го октября) въ Петербургъ, такъ и пришлю. А вы не ожидайте и сюда пришлите. Здѣсь, въ тѣни эстонскаго лѣса и подъ шумъ моря, особенно хочется обновить въ себѣ «всѣ впечатлѣнія бытія». Шмецкъ, гдѣ я живу лѣтомъ,—это эстонское селеніе на берегу моря въ двадцати пяти верстахъ отъ впаденія рѣки Наровы, ниже пороговъ. Все селеніе Шмецкъ построено въ одну линію по берегу моря, такъ что одни окна домиковъ къ морю, а другіе въ необъятный сосновый лѣсъ. Ближайшіе отъ насъ культурные пункты: Гунгенбургъ и Мерикюль. Все же вмѣстѣ это зовутъ «Усть-Нарова». Поясняю это, потому что какъ-то никто этого не можетъ разобрать и часто всѣ путаютъ адреса. Надо писать точно, какъ я обозначаю: «Усть-Нарова, Шмецкъ, 4».

«Любезный другъ Василій Логгиновичъ!

«Получилъ ваше письмо и фотографическую карточку. Сердечно благодарю васъ за одно и за другое. То, что вы сообщаете мнѣ о васъ самихъ и о «Евгенѣ», мнѣ очень интересно, и все оказалось чрезвычайно близко къ сердцу, ближе, чѣмъ я самъ ожидалъ. «Евгенъ», однако, достигъ еще добраго вѣка. По его побѣжкѣ онъ могъ бы и раньше «добѣжать до шпенту». (Я помню и его «волапюкъ»). Типическій былъ человѣкъ, и мудрено придумать, въ какой бы формѣ ему удобнѣе было отформоваться и выразиться. Однако было въ немъ что-то крупное и незаурядное, начиная съ его Авессаломовой гривы и до «брюнделей», широкаго впечатлѣнія которыхъ никакъ не могли достичь И. М. Георгіевскій и Желтый Лавровъ. (Эти гдѣ? Живы ли и во что произошли?) Все это вѣдь «могикане» приказничества!.. Теперь вѣдь и «родъ сей изъяслся» и чѣмъ онъ замѣнился? Кажется, все-таки стало лучше того, что было во время оно. По крайней мѣрѣ такъ мнѣ кажется. Фотографія ваша меня обрадовала и удивила: «такъ бо измѣняетъ Господь плоть сыновъ

человѣческихъ». Только и могъ найти нѣчто знакомое въ глазахъ , въ устахъ. (По Евгѣну: «въ брезгливой губкѣ»), да и въ опрятномъ и щеголеватомъ пиджачкѣ. Значить, осталась еще бодрость и любовь къ чистотѣ и благопристойности. Всѣ остальные черты и beau rest-ы, конечно, совсѣмъ не даютъ понятія о томъ, что было. Но такъ и должно быть: образъ міра проходить, но духъ живетъ, и будемъ этому радоваться. А что духъ въ васъ живъ, это я живу изъ вашихъ глазъ и изъ словъ вашихъ, да и судя по прошлому. Вы, надо думать, не размотали сыновства Божія, и мнѣ очень радостно было увидать слово «Богъ», написанное вашею бодрою рукою. Не знаю, какой это Богъ живить вашу душу, но думаю, что Онъ вами достаточно себѣ выясненъ, такъ какъ вы говорите о Немъ нынѣ въ спокойномъ состояніи, а не въ скорби и въ болѣзни, когда духъ мятежся и плещется и уста не то говорятъ, что надо. Я на этотъ важный предметъ держусь мнѣній И. Крылова:

«Чтобъ Бога знать—быть надо Богомъ,
«Но чтобы любить и чтить Его—
«Довольно сердца одного».

О себѣ скажу кратко: одинокъ я давно и къ одиночеству давно привыкъ и за худшее это положеніе не почитаю. Дѣтей у меня двое: дочь замужемъ за человѣкомъ, который былъ богатъ, а сынъ женился на хорошей и достаточной дѣвушкѣ, а я случайно встрѣтилъ брошенное дитя и живу съ этой сироткою, дѣвочкою, которой теперь двѣнадцать лѣтъ. Подробности жизни ничего ' особеннаго не представляютъ. По всему складу моихъ мыслей и понятій я теперь сталъ «не къ масти», но мнѣ кажется, что я русскую жизнь знаю вѣрнѣе многихъ и потому-то понимаю съ ней все, что къ чему клонится. Отсюда и мое упорство, съ которымъ надѣюсь пребыть неизмѣннымъ въ сильномъ служеніи тому, что составляетъ истинное «добро», а не тому, что на сей только день выдвигается возбужденною заносчивостью и національнымъ самообольщеніемъ. Въ общемъ же моемъ настроеніи я могу почитать себя много не по достоинству счастливымъ, черезъ то, что я видѣлъ, узналъ, испыталъ и передумалъ и на чемъ, не хочу сказать, остановился—ибо я еще живу, но на чемъ основался. «Мы—дѣти Божіи и во всемъ должны стремиться быть подобны Ему», а сколько по этому направленію допрыгаемъ, это неизвѣстно. Можетъ быть, очень мало, но и то будетъ намъ большою пользою, ибо если совсѣмъ не станемъ сюда стремиться, то еще дальше явимся отодвинутые отъ всякаго добра и отъ всего того, что представляетъ истинное «изящество» (въ писателѣ). Но такъ ли? Въ вѣчность духа и въ то, что онъ есть музыкантъ, а тѣло есть только дудка, скрипка или балалайка, данныя ему для выраженія, я вѣрую твердо и убѣ-

жденно, и въ этомъ вѣрованіи есть для меня ясность и успокоеніе. Карточку мою пришлю вамъ послѣ Успенія изъ Петербурга, гдѣ онѣ лежать и притомъ большія и очень схожія. Оттуда же вышло и деньги для Иларіона Матвѣевича. Который же ему годъ? Неужто онъ перевалилъ уже на восьмой десятокъ. Хотѣлъ бы всѣхъ васъ видѣть и крѣпко дружески поцѣловать. Живите и «духа не угашайте». Искренно васъ любящій Николай Лѣсковъ.

«Здоровье мое сильно потрясено: у меня есть очень благородная болѣзнь, которая называется по ученому: *ang'na pectoris* (грудная жаба). По ощущеніямъ это, какъ говорятъ орловскіе мужики: «копь въ груди остановился». Опредѣленіе очень точное и вѣрное. Мой петербургскій адресъ: Фурштатская, 50».

Дальнѣйшая переписка Лѣскова съ В. Л. Ивановымъ не менѣе интересна, между прочимъ, подробностями изъ личной жизни писателя.

Отъ 11-го сентября 1891 года онъ пишетъ:

«Любезный другъ Василій Логгиновичъ!

«Усердно благодарю васъ за теплыя строки. Со мной точно было худо на переѣздѣ изъ Нарвы въ Петербургъ: въ вагонѣ меня начала душить *ang'na* и бралась за это пять разъ (чего еще никогда не бывало), и съ тѣхъ поръ я все еще болѣю и не выхожу въ люди, такъ какъ отъ всякаго нервнаго впечатлѣнія воспроизводится мучительный припадокъ жабы (судороги около сердца). При этой мучительнѣйшей боли охватываетъ ужаснѣйшій и неопиcуемый страхъ, не страхъ смерти, или, какъ говорить Толстой, «распряжки», а, какъ говаривалъ Писемскій—страхъ, какой долженъ ощущать «холопь, подающій во фракѣ чай на балѣ и вдругъ чувствующій, что у него подтяжки лопнули и панталоны спускаются». Изъ надписи на портретѣ, который сегодня же вамъ посылаю въ холстинкѣ, вы увидите, что я о васъ помнилъ и думаю, такъ какъ самъ я вижу, что 26-го августа при нѣкоторомъ облегченіи я надписалъ вамъ фотографію, но потомъ «штаны» опять ослабѣли и я все позабылъ за угнетающей тоской недуга. Теперь кое-какъ исправляюсь. Посылаю слѣдующія Ларіону Матвѣвичу за августъ и сентябрь.

«Вашъ Лѣсковъ».

«22, IX, Спб. Фурштатская 50, кв. 4.

«Получилъ ваше письмо, любезный другъ Василій Логгиновичъ. Второй разъ такъ выходитъ, что мы съ вами пишемъ другъ другу въ одинъ день и потому письма наши въ пути расходятся. Я очень

хвораю, такъ что не ожидаю облегченія. Бывалъ я на сушѣ и на морѣ и вездѣ мнѣ нездорово. Эта болѣзнь—результатъ цѣлѣхъ тридцати лѣтъ нервной литературной жизни, которая должна же чѣмъ-нибудь кончиться. Что вы хотите сообщить, не понимаю, но думаю, что это касается дѣтей, т. е. какого-либо устройства ихъ. Дай Богъ всего лучшаго, но и это все суета и томленіе духа. «Прости землѣ сказать пріятно». Пожалуй, какъ вы пишете, и «пора». Интереснаго для людей нашего возраста на землѣ ждать больше нечего, но «сказать прости» надо тоже, «не давай безумье Богу», это очень серьезно. «Смерть—шагъ великій!» «Возвратимся ли въ первыя свси достоинства, или скотамъ воистину уподобимся?» Шекспиръ все говорилъ, что пугаетъ «страхъ чего-то послѣ смерти», а мнѣ кажется, что я этого не боюсь, хотя безповоротно вѣрю въ вѣчность жизни отъ вѣка созданнаго духа, который живетъ въ «кожаной ризѣ человѣка». Я увѣренъ съ Омаромъ, что что бы то ни было, а «будетъ мигъ—приду и я къ подножью отеческаго трона и буду принять Имъ на милосердія лоно». Пришелъ сюда я все-таки худшимъ, чѣмъ чувствую себя сегодня, и мнѣ отрадно знать, что я работалъ и страдалъ, и на какую-то малую мѣру, а все-таки подвинулся изъ мрака къ Свѣту и «восхожу къ Отцу». Въ остальномъ полагаюсь на Его милосердіе къ моей слабости. Но какъ тутъ свой курсъ окончить? Какъ выдержать послѣднее испытаніе и какъ не дать безумія, когда плоть такъ трепетно дрожитъ отъ повторяющихся мученій болѣзненнаго страданія? Вотъ гдѣ мой «огненный порогъ», котораго я страшусь, но вѣрую, что и черезъ него переведетъ Богъ безъ памяти, какъ извелъ откуда-то сюда черезъ костный проходъ земной матери. Если хотите когда-нибудь написать мнѣ не тщетныя, а пріятныя и укрѣпляющія желанія, то желайте мнѣ терпѣливо жить и умирать безъ страха—чего и я вамъ желаю, какъ самага драгоценнѣйшаго блага изъ всего, что я знаю на свѣтѣ. Дружески васъ обнимаю и цѣлую.

«Н. Лѣсковъ».

Слѣдующее письмо адресовано Лѣсковымъ на имя Лидіи Васильевны Ивановой.

«26-го ноября 91 г.

«Получилъ вчера письмо отъ Василія Логгиновича и внизу его строкъ вашу приписку, изъ которой къ искренней радости моей вижу, что у моего стараго друга, а вашего отца, есть любящая его и, безъ сомнѣнія, разумная и добрая дочь. О послѣднемъ я сужу такъ по горячности и простотѣ вашего веселаго и милаго обращенія со мною. Очень вамъ за это благодаренъ и съ большимъ удовольствіемъ

принимаю ваше приглашеніе къ знакомству. Для перваго раза прошу васъ сказать мнѣ: почему «всѣ» въ вашей семьѣ встрѣчаютъ мои письма съ добрымъ привѣтомъ, а вы особенно. Что вы такая за «особенная»? Вотъ вы мнѣ это и объясните, и мы на этомъ познакомимся, а пока я не могу себѣ уяснить, «когого вы духа», шлю вамъ просто благодарность за ваши строки и языческое благословеніе, которое подходитъ вашему имени:

«Даруй добро тебѣ, Лида, Кронидъ;
Хотя бы ты о немъ не просила,
Зло же онъ пусть отвратитъ отъ тебя,
Хотя бъ ты о немъ умоляла».

«Вашъ слуга Н. Лѣсковъ».

Слѣдующее письмо къ ней же.

«11-го марта 92 г.

«Я получилъ ваше письмецо, Лидія Васильевна, а до этого за нѣсколько дней говорилъ о васъ съ О. Г. Стипурской, которая, вѣроятно, уже возвратилась въ Орель, такъ какъ ей не хотѣлось дожидаться здѣсь опредѣленнаго движенія въ вопросѣ, для котораго она сюда пріѣзжала. Я очень благодаренъ вашему папѣ за то, что онъ адресовалъ О. Г. ко мнѣ и не усомнился въ моей готовности быть ей полезнымъ. Готовность эта была въ наличности, но прежде надо было узнать, на кого именно надо дѣйствовать и потомъ—черезъ кого и чѣмъ дѣйствовать, и О. Г. тутъ-то и обнаружила все величье дамскаго нетерпѣнья, и я не могъ оказать ей никакой услуги, о чемъ и сожалею. Такъ и прошу васъ сказать объ этомъ Василию Логгиновичу. На вопросъ вашъ о лицѣ, которое вы называете «отцомъ» и который не есть таковой для васъ по линіи родства, скажу прежде всего, что вы пренебрегаете просьбою Христа, которая изложена у евангелиста Матвѣя въ девятомъ стихѣ двадцать третьей главы Евангелія. А къ этому отъ себя прибавлю только, что я это лицо близко не знаю и удовлетворить вашей о немъ любознательности не могу. Есть о немъ какія-то книжки, писанныя разнаго сорта его почитателями, и книжекъ этихъ много, но я ни одной изъ нихъ не читалъ и не могу сказать, какая изъ нихъ лучше прочихъ. Надѣюсь, впрочемъ, что всѣ онѣ болѣе или менѣе одна другой стоятъ и въ равной степени достовѣрны и поучительны. Наилучшее же богослуженіе есть, конечно, то истинное богослуженіе, о которомъ Христосъ открылъ намъ черезъ свою бесѣду съ самарянкою. Надо «служить Богу духомъ въ истинѣ» всегда и вездѣ, «ибо таковыхъ только поклонниковъ Богъ желаетъ». «Молитесь духомъ» (Ефес. VI, 18). «Христосъ пришелъ благословить, отвращая отъ злыхъ дѣлъ». (Кр. III, 26) и мы «призваны въ общеніе съ Нимъ». (I. Кр.

I, 9) и должны быть готовы «выйти за Нимъ за станъ, нося на себѣ Его поруганія» (Евр. ШІІІ, 13). Вотъ задача, которой намъ надо достигать, а затѣмъ въ посланіи Павла къ евреямъ можете видѣть (VIII, 4 и 5), что и «здѣшніе священники служатъ тѣни» и (X, II), что у нихъ ежедневно однѣ и тѣ же жертвы и они не могутъ истребить грѣха. Что же я къ этому могу отъ себя прибавить? Кажется, ничего больше не надо, чтобы человѣкъ могъ достигать своего призванія, т. е. усыновленія себя своему Отцу Богу. Для этого ему не нужна никакая художественность и никакое посредство. Отецъ Духа не то, что царь восточный, до котораго надо достигать при протекціяхъ. Тутъ просто, какъ указано въ притчѣ (о блудномъ сынѣ)—«возсталъ и иду, и если буду итти, то и непремѣнно приду, и буду принять. А подъ локти другъ друга къ Нему никто не подведетъ и никакимъ другимъ манеромъ лѣнтя не подсадить. Въ это я вѣрю и болѣе ничего сказать не могу. Желаю вамъ знать кратчайшій путь къ Богу и итти имъ прямо къ Тому, къ Кому вы призваны, давшему вамъ духъ и разумѣніе.

«Преданный вамъ Н. Лѣсковъ».

«Рекомендую вамъ прекрасную книжку: «Самое великое въ мірѣ» Друмонта, съ англійскаго. Москва. 1829 г. Ц. 80 коп.

«Въ заключеніе скажу: будьте благополучны и не робки ни передъ жизнью, ни передъ ея перемѣной. Дай Богъ того же и мнѣ, и всѣмъ людямъ».

«7-го августа 92 г. Шмецкъ, 4.

«Любезный другъ Василій Логгинович!»

«Вчера получилъ ваше письмо отъ 3-го августа. Очень жаль, что Настасья Николаевна уже такъ слаба, что ее нельзя опредѣлить даже къ нетрудному дѣлу. Тогда всѣ мои соображенія не годятся, и ей все-таки лучше быть тамъ, гдѣ ее знаютъ. Посылаю при семьдесятъ рублей и прошу васъ передать ихъ имъ. Что у Ил. М. совсѣмъ ничего не припаслось—это и мнѣ странно. У него не могло быть суммъ значительныхъ, но что-нибудь могло быть. Однако объ этомъ всегда трудно знать постороннимъ. У Семеваго не осталось ничего и у Некрасова—одни долги. Живется и проживается и кажется, будто много течетъ, а къ концу выйдетъ дыра въ горсти. Если же у И. М. расхитили что-либо нынѣшнее, то правда, что это «не новость» изстари. Не будемъ почитать нынѣшнее время за наихудшее, было еще хуже, хотя теперь худо. Лучшее время не позади насъ. Это «вѣрно и пріятія достойно». Съ этой великою и животворящею вѣрою надо и доживать свой земной терминъ и съ него собирать себя въ отходъ, «Какъ вы вѣрите, такъ и будетъ вамъ». Иначе, что же, Богъ, значить, не зналъ, когда послалъ жизнь на

землю, и Христосъ напрасно наговорилъ восторженныхъ словъ и его основательные люди по дѣломъ, что ли, замучили? Нѣтъ, другъ мой, это не такъ: Богъ послалъ жизнь на землю не даромъ, и Христосъ оттерпѣлъ свою муку не по легкомыслію, а Онъ «положилъ початокъ хорошему разумѣнію, которое все растетъ и зрѣетъ и оно принесетъ плодъ многій». А плодъ этотъ—лучшее понятіе въ людяхъ, которые придутъ въ міръ. Теперь неурожай, словно какой-то «захватъ» на молодыхъ людей—это правда; всѣ какіе-то чарвленные и муравленные, но надо помнить, каковы были мы—ихъ отцы; припомните, что видѣлъ во всей публикѣ Гоголь (въ «Ревизорѣ»). Вижу одни свиные рыла—это ужасно. Свиные рыла это, мой другъ, и мы съ вами видѣли, а потому не станемъ обижаться на поросятъ; они досадительны и пакостливы, словъ нѣтъ противъ этого, но вѣдь «скачковъ нѣтъ въ природѣ—нѣтъ ихъ и въ исторіи» (отъ свиныхъ рылъ не могли родиться непосредственно джентльмены, ни тѣмъ менѣе ангелы). Страна, въ которой всего полстолѣтія еще былъ мыслимъ такой типичный подлець, какъ Чичиковъ, не можетъ производить много честныхъ людей. Довольно и того, если есть ихъ малая толика, хоть только «на сѣмена». Прославимъ и за это «показавшаго намъ свѣтъ», когда мы были во тьмѣ. Создавшій жизнь знаетъ, куда и какъ ее направить. Запасайте своимъ въ запасъ на жизнь больше свѣта, больше вѣры въ высокое призваніе человѣка. «Быть совершеннымъ, какъ отецъ вашъ совершенъ» и какъ можно меньше предразсудковъ и суевѣрій, омрачающихъ разумъ и «путающихъ смыслъ смертнаго». Будемъ у выходныхъ дверей зала вѣжливе и умне, чѣмъ были при входѣ, и поблагодаримъ хозяина за освѣщеніе и приѣмъ и пойдемъ съ увѣренностью, что за выходной дверью долженъ быть путь, въ которомъ мы провели переходное время и компанія встрѣтится тамъ какъ разъ такая, къ какой мы способны («Солдатъ не захотѣлъ сидѣть въ пресвѣтломъ раю, а побѣжалъ оттуда въ кабакъ, гдѣ пьютъ и курятъ»). Будемъ же ждать по возможности спокойно, куда насъ пригласятъ черезъ выходную дверь нашей теперешней комнаты, а другихъ «Богъ управитъ». О «Юдоли» я вамъ писалъ, это все правда, но сшивная, какъ лоскутное одѣяло у орловскихъ мѣщанокъ за Ильинкой. Время изображено вѣрно, стало быть, и цѣль художественная выполнена. Лица тутъ есть и курскія и тамбовскія. Для моихъ цѣлей (передать картину нравовъ) это все равно. На всей этой полосѣ нравы одинаковы, и что было въ Орлѣ, Курскѣ и Тамбовѣ, то все отлично мѣшается и укладывается на одной палитрѣ, назвать же это воспоминаьями было нужно для того, чтобы показать, что это не вымыселъ. Это и не вымыселъ—это сводъ событій одного времени и одной природы въ одну повѣсть. Цѣлую васъ, мой милый, добрый пріятель.

«Н. Лѣсковъ».

«23-го сентября 92 г.

«Любезный другъ Василій Логгинович!

«Сейчасъ получилъ ваше письмо отъ 21-го сентября, въ которомъ пишете, что Ил. М. умеръ 6-го сентября. Надѣюсь, это было для него концомъ земныхъ страданій и, по всей вѣроятности, рожденіемъ гдѣ-нибудь къ новой жизни. Стало-быть, и это хорошо. Онъ какъ будто бы дѣлалъ какое-то стараніе что-то возвѣститъ мнѣ о себѣ: я его никогда не видалъ во снѣ, а вскорѣ по моемъ возвращеніи съ моря въ городъ И. М. мнѣ какъ-то привидѣлся во снѣ,—точно какъ мы сдѣлали прощальный визитъ съ признательностью «и до свиданья». Мнѣ труднѣе представить себѣ, что со смертью все кончается, чѣмъ вѣрить, что духъ, оживляющій нынѣшнее тѣло наше, безсмертенъ. Не дивитесь сему. А пребываніе наше здѣсь («не жизнь уже и даже не житіе, а только именно пребываніе») таково въ настоящей порѣ, какъ стояніе у евангельской «окопанной яблони», или, по словамъ Л. Н. Толстого, «какъ на поѣздѣ послѣ третьяго звонка». Ни съ знакомыми говорить, ни за буфетомъ чавкать уже некогда, а подбери къ себѣ свое путевое поближе и сиди... Вотъ, вотъ свиснетъ и покатимъ. Другъ любезный, будьте добры и веселы. Мы прошли эту станцію, отправясь отъ какого-то жестокаго мѣста и съ пресквернымъ воспоминаніемъ себя въ прошломъ нашемъ. Тутъ мы кое-чему понашколили и хоть мало подались впередъ послѣ того, какими пакостниками въ этотъ классъ вступили. Какъ бы только еще какимъ-нибудь послѣднимъ поклономъ всей своей «обѣдни не испортить». Вотъ въ этомъ и мудрость. (Помнить, что мы «окопаны» пока, ради ожиданія отъ насъ чего-то лучшаго, какого-то плода). Постараемся усаживаться послѣ третьяго звонка, никому не досаждая и сохраняя твердую увѣренность, что поѣздъ поставленъ на тѣ рельсы, которые надобны, и что насъ привезутъ, гдѣ ты будешь «со своими», къ которымъ больше подходишь по свойствамъ нашей духовной природы, ибо все дѣла въ ней, а «плоть не дѣйствуетъ на тѣло». Будемъ благодарны волѣ, указавшей намъ послѣ долгой разлуки встрѣтиться не у дурного дѣла. Дружески васъ обнимаю и цѣлую.

«Н. Лѣсковъ».

V.

Религіозный идеализмъ Н. С. Лѣскова.

Въ орловскихъ письмахъ Лѣскова очень ярко отразились его религиозные взгляды на Бога, на стремленіе человѣка духовно соединиться съ Творцомъ даже при жизни и непременно послѣ смерти. Лѣсковъ часто развивалъ при мнѣ болѣе подробно своей религиозный идеализмъ, о чемъ въ свое время я упоминалъ и въ печати.

— Надо всегда быть около крупнаго вопроса,—говорилъ онъ.—Болѣзнь моя не мѣшаетъ мнѣ думать, какъ все здѣсь постыло и гадко. Хочется перейти поскорѣе въ иной міръ. Не читать нашихъ газетъ, не видѣть безъ всякой нужды добровольныхъ паденій... Тамъ, вѣдь, это въ заслугу не поставятъ! Хотя передъ смертью отъ всего отрѣшиться и подумать о другомъ... Вотъ, возишься съ докторами, и земная жизнь увлекаетъ меня; а задумаешься о ней, захочешь новой и совершенной жизни... Все заманчивѣе для меня становится она послѣ жизни; все съ большимъ нетерпѣніемъ я жду своего ухода изъ тѣла... Что-то тамъ? Лучше ли будетъ? Я думаю, лучше... Природы съ нами не будетъ нашей... Этого тѣла... А безъ него и духъ лучше. Вотъ какъ умирали Сократъ и Сенека. Ничего имъ не было жалъ оставить здѣсь, и лучшаго дѣла они ждали тамъ... Отлично были подготовлены къ смерти и не боялись ея. Каждому надо подготовить себя къ ней. А мы мало думаемъ объ этомъ...

Замѣчательно, что эти мысли больного Лѣскова о смерти почти до тождества совпадаютъ съ мыслями Л. Н. Толстого по тому же вопросу. Во время своей болѣзни Левъ Николаевичъ писалъ слѣдующее:

«Удивительное счастье для меня въ томъ, что я такъ люблю свою болѣзнь, это состояніе, которое разрушаетъ старую форму и готовитъ меня къ новой формѣ бытія, поистинѣ, жалъ выздоравливать. Мысли о смерти, которыя все болѣе и болѣе занимаютъ меня въ послѣднее время, которыя все болѣе и болѣе проясняются, ведутъ меня къ внутреннему довольству. Я смотрю на смерть, какъ на переходную стадію».

Лѣсковъ однажды вдругъ безъ всякаго вступленія воскликнулъ:

— А какъ, дѣйствительно, неприятно, что Шеллеръ на старости лѣтъ окружаетъ себя людьми иного настроенія, чѣмъ онъ самъ... Кто думаетъ, что послѣ этой жизни не будетъ другой жизни, тотъ всегда этимъ кончаетъ. Ему уже безразлично, съ кѣмъ кончатъ жизнь. А передъ смертью всегда слѣдуетъ подумать, съ какими людьми ты общаешься и съ какими чертами души явишься къ Тому, отъ Кого получилъ жизнь. Вѣдь со смертью тѣла душа не умираетъ, а возвращается туда, откуда пришла въ міръ, только съ новыми, приобрѣтенными здѣсь все лучшими и лучшими чертами, чтобы она совершенствовалась... Я такъ думаю и не могу ни на минуту представить себѣ, что моя душа только «механика мозга». Вѣдь, какой вздоръ... Если свѣча, догорая, не исчезаетъ, а соединяется при горѣніи съ кислородомъ и продолжаетъ свою жизнь, то какъ же человѣкъ-то? Вотъ я горю теперь, какъ свѣча, и, при горѣніи съ жизнью, чувствую, что мои кости, мясо и мозгъ тлѣютъ и разрушаются, но духъ мой растетъ и крѣпнетъ. Онъ уже теперь освобождается

отъ земной оболочки и рвется болѣе совершеннымъ къ Творцу вселенной, къ тому началу, отъ котораго исходитъ человѣкъ и вся природа. Это моя религія. Я радъ, что, читая Толстого «Религію и нравственность», я самостоятельно понималъ, что безъ религіи нѣтъ нравственности. При моемъ вѣрованіи, конечно, существуетъ и загробная жизнь, но только не для тѣла, а для души: это ея соединеніе съ общимъ источникомъ. Этотъ «общій источникъ», воспринимающій наши души, продолжаетъ давать жизнь и міру. На людяхъ лежитъ обязанность пешихъ о своей душѣ, чтобы не грязнить общее начало... Совершенствуя себя, мы совершенствуемъ всю природу. Вотъ смыслъ жизни. Рано или поздно, все будетъ лучше и сольется съ Богомъ (общимъ началомъ). Будетъ рай.

Припоминаю, какъ Лѣскову было сдѣлано на эти мысли возраженіе со стороны одной барышни.

— А я думаю, что здѣсь все и кончается,—сказала она.

— Напрасно вы такъ говорите,—перебилъ Лѣсковъ.—Это хорошо, впрочемъ, что вы высказываетесь... Я всегда люблю слушать невѣрующихъ людей... Они искренни и много говорятъ справедливаго. Бѣда въ томъ, когда человѣкъ вѣритъ потому, что такъ вѣрили его мать, тетка и братья, такъ всю жизнь онъ и будетъ повторять—и это мертвый человѣкъ. Отъ него вы не услышите слова правды. А невѣрующихъ людей я люблю слушать. Много надо храбрости отрицать единственное утѣшеніе, что за всѣ наши здѣсь страданія мы станемъ гдѣ-то лучше... Храбрая вы дѣвушка, если можете безъ него, безъ утѣшенія, прожить здѣсь честно и нравственно.

— Мнѣ не нужно безконечности и вѣчнаго существованія, чтобы остаться честнымъ человѣкомъ,—отозвалась она.—Если бы мнѣ объявили, что завтра настанетъ конецъ міра, я все-таки не измѣнилась бы и продолжала бы жить, какъ ранѣе жила.

— Вотъ это-то и удивительно. Я это-то и говорю, что вы храбрая... А я не могу. По-моему, нельзя нравственность создавать безъ религіи. На чемъ вы ее оснуете? Чтобы я не убивалъ ближнихъ на томъ основаніи, что и они могутъ убить меня или отдать меня въ руки полиціи? Ну, такъ я буду ловокъ и перехитрю полицію... Эволюція выработала такія правила, которыми одни поступки запрещаются, какъ безнравственные, а другіе поощряются, какъ нравственные,—скажете вы... А я отвѣчу, что меня еще не коснулась эта «эволюція», и я не признаю ея. А вотъ другое дѣло, если я буду говорить, что Богъ запрещаетъ мнѣ дѣлать дурное, вложивъ въ меня совѣсть, черезъ которую я распознаю добро и зло. Тогда этотъ Богъ и будетъ моей нравственностью и той вѣчностью, къ переходу въ которую хотѣлось бы подготовить себя болѣе добродѣтельною жизнью. Если бы я не вѣрилъ въ эту вѣчность, то я торопился бы наслаждаться и не печалился бы, что обижаю другихъ. Вѣдь со

смертью моею и знавшихъ меня людей все кончается и всему конецъ. Не нужна тогда ни честь, ни истина. Если мы здѣсь каторжники, приговоренные къ смерти, казнь коихъ отсрочена, то будемъ стараться о ней не думать и жить веселѣй. Вотъ къ чему приводитъ отрицаніе безсмертія.

Съ этими мыслями Николай Семеновичъ не разставался за послѣдніе годы своей жизни. Онъ горячо воодушевлялся ими и все чаще и чаще говорилъ о смерти...

— Готовиться надо къ ней. Съ неумытымъ рыломъ тоже не годится переходить въ иную жизнь. А вотъ какъ сдѣлать переходъ болѣе достойнымъ—это вопросъ... Подготовлять себя, подготовлять слѣдуетъ. Избѣгать толпы... Сенека совѣтуетъ избѣгать многочеловѣчества. Хоть передъ смертью окружить себя совѣстливыми людьми, думающими и объ иной жизни, которая все заманчивѣе для меня, чѣмъ больше я о ней думаю. Помирись со всѣми, съ кѣмъ ссорился въ этой жизни, особенно съ женщинами... Многія изъ нихъ въ нуждѣ... Забыты. Вѣдь, ссоры создаютъ не людей, а отношенія. Вы перестали говорить съ человѣкомъ, но онъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ и ранѣе. Возникли только новыя между вами отношенія. Но человѣка надо поставить выше этихъ отношеній и побороть ихъ въ себѣ. Кто первый идетъ мириться, тотъ всегда правъ... Да, если онъ и не идетъ ко мнѣ, то что же изъ этого? Я все-таки помирюсь съ нимъ, пойду къ нему.

— А самолюбіе-то гдѣ же у васъ?

— А зачѣмъ оно мнѣ? Если бъ изъ-за моего самолюбія свинья перестала быть свиньей, то я бы гордился этимъ. А то нѣтъ... Гордись, сколько хочешь, это не исправитъ людей. Всякое самолюбіе передъ смертью надо побороть въ себѣ, чтобы ничто уже здѣсь передъ кончиной не имѣло для человѣка значенія. И дѣйствительно... Вѣдь самое наше доброе или подлое имя въ устахъ потомства, не знавшаго насъ лично, произносится, какъ мнѣе, и даже не воодушевляетъ ихъ и не отталкиваетъ отъ себя. Катоны, Периклы и Аристиды похожи теперь на добродѣтельныхъ героевъ басенъ Крылова, а болѣе мелкіе люди, но болѣе близкіе по времени, скорѣе воодушевляютъ насъ. Безумные Геростраты также никого не удерживаютъ теперь отъ безумствъ. Время—страшный соперникъ славы. Оно превращаетъ и героевъ, и злодѣевъ въ нуль, какъ бы говоря, что смыслъ жизни заключается въ вѣчности... Вѣчность—начало всякаго бытія, куда мы опять возвращаемся, когда уходимъ изъ тѣла. А здѣсь мы ничего не значимъ и только по недоразумѣнію что-то хвалимъ въ людяхъ или осуждаемъ; однихъ возвеличиваемъ, а другихъ поносимъ. Вѣдь, только человѣкъ закроетъ глаза, мы вдругъ чувствуемъ, что и величіе его ничтожно, а злодѣянія его не такъ ужасны. Смерть со всѣми примираетъ, напоминая, что расцѣпка намъ всѣмъ будетъ впереди, а не здѣсь. Закроешь глаза, и сразу

всѣмъ кажется твоя жизнь неважною, спустя много времени никто и не вспомнить о ней. Вотъ, какъ мы тамъ встрѣтимся, какими глазами будемъ глядѣть другъ на друга—это интересно. А встрѣчи будутъ... Какія интересныя встрѣчи! Общій источникъ всего живущаго приметъ насъ. Хотѣлось бы не загрязнить и не замутировать его своими грѣхами.

Конечно, метафизика Лѣскова объ общемъ источникѣ всего живущаго и слияннн съ нимъ всего смертнаго не подлежитъ научной критикѣ. Это настроеніе писателя, высокое и красивое, о томъ, что нашъ разумъ подчиненъ совѣсти (Богу) и стремится слиться съ творчествомъ. Позитивная философія съ ея законами законмѣрности и причинности явленій не касается области «Непознаваемаго». Ея представители опредѣленно говорятъ: «Провозглашая, что въ мірѣ не существуетъ авторитета, который могъ бы повелѣвать человѣческой свободѣ, что человѣкъ самъ является своимъ собственнымъ законодателемъ и что, повинуваясь нравственному закону, онъ повинувается голосу своего собственного разума, Кантъ совершилъ въ области этики дѣло огромной важности и дѣйствительно открылъ новую эпоху въ исторіи нравственнаго сознанія. Съ этимъ человѣчество окончательно пришло къ сознанію своей автономіи. Эту идею автономіи человѣчество утверждаетъ съ все возрастающей силой. Оно все болѣе и болѣе приходитъ къ убѣжденію, что мыслящій и дѣйствующій «субъектъ» не знаетъ надъ собой никакой силы, передъ которой онъ долженъ былъ бы склониться. Современный человѣкъ все болѣе и болѣе чувствуетъ, что онъ долженъ не повиноваться, а повелѣвать и организовывать. Современный мыслитель въ отличіе отъ средневѣкового полагаетъ, что внѣ его самого нѣтъ «объективной» истины, моральной и метафизической, которой онъ долженъ былъ бы подчиниться, что онъ долженъ самостоятельно дать себѣ свой законъ». (А. Лихтенберже, «Современная Германія»).

Такимъ образомъ, по ученію рационалистовъ, совѣсть чловѣка (его Богъ) находится въ зависимости отъ высоты его умственнаго просвѣщенія и самое представленіе о Богѣ имѣетъ свою эволюцію: фетишизмъ, политеизмъ и монотеизмъ.

Не такъ чувствовалъ Лѣсковъ свое отношеніе къ Творцу.

И Лѣсковъ, и Толстой не могли поклониться могуществу чловѣческаго разума и признавали себя ничтожествомъ передъ творческими силами природы и ся Хозяиномъ. Они невольно склоняли колѣни передъ міровымъ Хозяиномъ и находили особую прелесть въ представленіи о томъ, что «Богъ—это любовь», что это идеаль совершенства, познаваемый нашей совѣстью, и что находится въ общеніи съ этимъ идеаломъ—это значитъ возвыситься и надъ наукой, и надъ земной властью... Конечно, такіе люди убѣдительно только для тѣхъ, у кого душа ищетъ одного съ ними свѣта. Такіе

люди, и расходясь, могутъ вновь встрѣтиться и полюбить другъ друга. То же случилось и съ Лѣсковымъ. Сторонникъ ранѣе теологическихъ преданій и ортодоксъ, онъ вноситъ живой духъ въ византійско-славянофильскій идеалъ; борьба съ редстокистами и знакомство съ русскимъ духоборчествомъ даетъ толчокъ его развитію, и онъ переходитъ изъ прежней стадіи въ болѣе живую и дѣятельную. Эта феноменологія духа происходитъ и въ жизни многихъ богато-одаренныхъ русскихъ людей. Никто не знаетъ, гдѣ его сокровище и чѣмъ жизнь наполнить его сердце подъ старость. Человѣкъ болѣею частью врагъ всего хорошаго. Много надо усилій и испытаній, чтобы склонить его на добро. Вѣдь онъ самъ себя создалъ цивилизацію съ неравномѣрностью богатствъ и оберегаетъ ее всячески. Онъ же придумалъ называть все благородное и высокое «не отъ міра сего»... Ему подавай *zweikindersystem*, а воздержаніе—осмѣяно хуже порока; любовь къ ненавидящимъ насъ поносится, какъ трусость и вырожденіе; жизнь безъ тяжбъ признается на островахъ Робинзона Крузо и т. д.

Но это-то «не отъ міра сего» и замѣнило Лѣскову его прежніе земные идеалы.

Однажды Ар. Ив. Введенскій, сидя въ гостяхъ у Лѣскова и доказывая ему, что Толстой не зналъ ни Дарвина, ни Геккеля, ни Менделѣева, сказалъ о себѣ въ спорѣ:

— Я уже старикъ, и меня не передѣлать вамъ...

Лѣсковъ возбужденно перебилъ:

— Значить, умирать пора! Всему конецъ, если передѣлываться не можешь. Вотъ оно что!.. Если человѣкъ можетъ самъ наложить руку на собственный умъ и душу, отказывается отъ новыхъ переѣнъ къ лучшему, тогда все исполнено и засыпай землей.

Лѣсковъ чрезвычайно боялся потерять способность «передѣлываться», и вся жизнь его была какой-то удивительной трансформаціей къ высшей формѣ бытія. Но весь путь пріобрѣтенныхъ имъ измѣненій вытекалъ изъ его натуры,—и когда онъ враждовалъ съ недругами, и когда шелъ съ ними въ одномъ направленіи.

Это, разумѣется, не могло пройти въ литературѣ безъ многочисленныхъ недоразумѣній, клеветъ и инсинуацій по адресу Лѣскова.

Мучительной стороны въ жизни литератора съ крупнымъ умомъ и характеромъ я не буду касаться ¹⁾, а всего лучше приведу о ней письмо автора «Взбаламученнаго моря» А. Писемскаго къ Лѣскову, отъ 12-го января 1871 года.

«Любезный Николай Семеновичъ!

«Спѣшу васъ поблагодарить за добрый отзывъ о моемъ романѣ, и мнѣ ли не порадоваться, что мой трудъ вамъ понравился? Вы сами

¹⁾ Объ этомъ мною упоминается очень подробно въ моей книжкѣ о Лѣсковѣ «Противъ теченій».

служитель того же невеселаго дѣла, на которомъ я уже 25 лѣтъ корплю и оборвалъ все мое здоровье: путь нашъ тернистъ, и похвалами мы не избалованы. Отсутствіе хоть сколько-нибудь понимающаго критика и въ то же время крики разныхъ газетныхъ бумагомарателей сбиваютъ съ толку публику, далеко еще не привыкшую имѣть собственное мнѣніе, но, авось, въ горнилѣ времени все это поочистится и правда возьметъ свое: я собственно уже на склонѣ дней моихъ и, можетъ быть, скоро совсѣмъ покину литературную арену, но за молодыя дарованія невольно приходится скорбѣть душой: гдѣ для нихъ ободряющая и поучающая школа, гдѣ бы они могли развиться и окрѣпнуть; всюду только и читаешь или голословную брань, когда вы не изъ нашихъ, или пристрастную похвалу, если вы нашъ, а между тѣмъ романъ, видимо, все болѣе и болѣе становится художественной статистикою времени и ближайшимъ помощникомъ исторіи—критики же наши наперерывъ кричатъ романистамъ: «не смѣйте говорить правды, а лгите и лгите, чтобы не повредить нашимъ высокоизбраннымъ направленіямъ...» Къ счастью, только что избранные ими агенты желаемой имъ лжи являются очень слабыми и не зубастыми: ни юморъ, ни поэзія какъ-то не роднятся съ ложью.

«Еще разъ благодарю васъ за ваше письмо и остаюсь душевно вамъ преданный Писемскій. 1871 г., апрѣля 12».

Письмо это очень характерно для показанія того, что время Писемскаго и Лѣскова не благопріятствовало писателямъ, видѣвшимъ въ прогрессивныхъ типахъ шестидесятыхъ годовъ также питомцевъ крѣпостныхъ нравовъ и желавшимъ говорить правду не только врагамъ, но и друзьямъ. Но эта тема не входитъ въ планъ моей статьи, посвященной преимущественно умственнымъ переломамъ въ литературной дѣятельности Н. С. Лѣскова.

А. Фаресовъ.

ПАМЯТИ СВЯЩЕННИКА Д. С. ДМИТРИЕВА.

(† 26 марта 1915 г.).

ОЗДНІЙ вчееръ. Сижу въ польской халупѣ. Горитъ свѣча. За окномъ раздаются далекіе и глухіе пушечные выстрѣлы и неумолкающая ружейная стрекотня. Я одинъ.

Могу отдаться своимъ думамъ, читать, писать. Развертываю газету. Взоръ мой падаетъ на эти равнодушныя строки:

«26-го марта скоропостижно скончался священникъ Д. С. Дмитріевъ».

Въ сердце больно ударила неожиданная скорбь..

Бѣдный старый другъ!

Въ февралѣ, въ свое краткое пребываніе въ Москвѣ, я его видѣлъ, бесѣдовалъ съ нимъ.

Прощался онъ со мной со слезами:

— Я васъ больше не увижу!..

— Увидимся еще, дорогой Дмитрій Савватъевичъ,— нарочно бодрымъ тономъ отвѣтила я ему:—еще повоюемъ, воинъ Христовой церкви! Вспомните слова псалмопѣвца: «не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Господни».

Хотя, правду сказать, его слова тяжело отозвались въ душѣ. Онъ очень опустился. Болѣзнь сердца сдѣлала очень большой шагъ впередъ. Приходилось прибѣгать къ возбуждающимъ сердечную дѣятельность лекарствамъ.

Но все-таки я не ждалъ такой скорой развязки.

И вотъ его уже нѣтъ!

Во весь ростъ стоитъ онъ предо мной,—«преподобный Серафимъ», какъ мы его называли. Онъ былъ очень похожъ на святого старца согбеннымъ станомъ, бѣлыми мягкими волосами чертами лица, свѣтлыми, милыми, голубыми глазами.

Священникъ Д. С. Дмитріевъ.

«Коль очи свѣтлы, душа свѣтла. Нѣтъ свѣтлоты, темна душа», вспомнились мнѣ стихи, произнесенные его мягкимъ задушевымъ голосомъ.

Это было очень давно. Я еще былъ ректоромъ виаанской духовной семинаріи, а онъ—свѣтскимъ человѣкомъ, сотрудникомъ

московскихъ газетъ. Вспоминалъ онъ свою молодость, рассказывалъ бывшее, между прочимъ какъ въ старину въ московскомъ артистическомъ кружкѣ игралъ роль столычника Василия въ драмѣ «Каширская Старина».

— Я и теперь еще кое-что помню...

И, воодушевившись, онъ прочелъ нѣсколько стиховъ.

Запомнились мнѣ эти слова объ очахъ. Ужъ очень они подходили къ нему. У него очи были свѣтлы, честны, правдивы. Они ясно смотрѣли на міръ Божій, они съ благодушіемъ взирали на людей.

Такова была и его душа.

Борьба за существованіе, за кусокъ хлѣба для себя и семьи не озлобила, не ожесточила ея. Спасла твердая вѣра въ Бога, спасла здоровая русская натура простолюдина, помогло домашнее суровое воспитаніе.

Сынъ обѣднѣвшаго купца, онъ долженъ былъ съ раннихъ лѣтъ работать не покладая рукъ... Пылкій, впечатлительный, очень набожный юноша, онъ охотно вмѣстѣ съ родителями посѣщалъ монастыри и наконецъ самъ задумалъ было сдѣлаться монахомъ.

Со страхомъ и трепетомъ рѣшилъ онъ просить совѣта у московскаго митрополита Филарета. Тотъ обласкалъ его, но рѣшительно отсовѣтовалъ поступить въ Геосиманскій скитъ, куда онъ просился.

— Ты долженъ на другомъ поприщѣ послужить церкви и родинѣ, но и это отъ тебя не уйдетъ.

Случайно получаетъ онъ мѣсто въ библіотекѣ московскаго университета и съ нимъ возможность проникать на лекціи тогдашнихъ знаменитыхъ профессоровъ, особенно историка С. М. Соловьева.

Пробуждается интересъ къ русской старинѣ. Онъ зачитывается книгами историческаго содержанія, пополняетъ и расширяетъ свое скудное домашнее образованіе на мѣдныя деньги.

Данъ толчокъ природному призванію писателя.

Написана первая историческая повѣсть, отнесена въ редакцію московскаго журнала. Она понравилась, напечатана, и пѣль жизни опредѣлилась. Онъ почти на всю жизнь становится газетнымъ работникомъ.

Тяжела и терниста эта дорога для всякаго человѣка, но безъ достаточнаго образованія, безъ школьной подготовки она еще труднѣе, еще тернистѣе. Въ этомъ жизненномъ подвигѣ помогли ему: природный талантъ, любовь къ своему дѣлу, работа надъ собой, самообразованіе, бесѣды съ людьми таланта. Онъ не погибъ, жизнь его не сломала. Онъ сталъ извѣстнымъ сотрудникомъ тогдашнихъ московскихъ газетъ. Его историческіе повѣсти и романы полюбилися читающей публикѣ; его драматическія произведенія съ успѣхомъ давались на разныхъ сценахъ и теперь еще играютъ въ провинціи.

Сконилъ онъ на трудовыя деньги большую библіотеку. Она охотно посѣщалась: такъ много тамъ было интереснаго матеріала для чтенія.

Слава Богу! Острый періодъ нужды кончился. Можно жить и ему, и многочисленному семейству безъ назойливой заботы о завтрашнемъ днѣ.

Но тутъ ждало его непредвидѣнное тяжкое горе. Умираетъ старшій сынъ Сережа, уже кончавшій курсъ гимназіи, надежда семьи, общій любимецъ. Юноша прозрачной душевной чистоты, высокой религіозной настроенности, блестяще одаренный, съ задатками большого литературнаго таланта погибаетъ отъ злой скоротечной чахотки.

Горе отца неописуемо. Здѣсь начало сердечной болѣзни, сведшей его въ могилу. Онъ сразу опустился, постарѣлъ, посѣдѣлъ.

Тогда созрѣваетъ у него желаніе, давно таившееся въ душѣ, быть посвященнымъ въ іерея.

5-го февраля 1908 года, въ день святителя Феодосія, котораго онъ особенно чтить (и былъ на открытіи его мощей), склоняетъ онъ свою старческую голову подъ руку архіерея предъ престоломъ Божиимъ и съ глубокимъ умиленіемъ и слезами воспринимаетъ благодать Святого Духа, немощная врачующую и оскудѣвающая восполняющую.

Совершилось! Онъ—іерей. Онъ можетъ приносить безкровную жертву о любимомъ сынѣ, можетъ самъ совершать о немъ панихиды. Онъ ближе теперь къ нему духомъ...

Но не объ одномъ лишь сынѣ молился онъ. Онъ любилъ людей, любилъ горячей любовью родину; изученіе родной старины еще болѣе ее укрѣпило, и онъ пламенно молился за всѣхъ и за вся.

Хорошій онъ былъ священникъ. Благоговѣнно совершалъ онъ священнодѣйствія. Его возгласы и чтеніе молитвъ не были механическимъ или нараспѣвъ бормотаньемъ или выкрикомъ святыхъ словъ. Нѣтъ, онъ произносилъ ихъ мягкимъ задушевымъ тономъ, какъ бы самъ вслушиваясь въ нихъ, съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе проникаясь ихъ глубокимъ смысломъ, стараясь запечатлѣть ихъ въ своей душѣ.

Такъ молятся для себя, изъ потребности своего сердца нѣкоторые очень вѣрующіе мірскіе люди.

Такъ, помню, въ годы моего дѣтства читалъ намъ, дѣтямъ, вечернія молитвы мой глубоко вѣрующій отецъ ¹⁾. До сихъ поръ звучать въ моихъ ушахъ силой внутренняго чувства эти трогательныя слова одной изъ вечернихъ молитвъ:

¹⁾ Извѣстный земскій дѣятель, князь Петръ Николаевичъ Туркестановъ († 13-го сентября 1890 года и погребенъ въ Москвѣ, на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря).

«Владыко человеколюбче, неужели мнѣ одръ сей гробъ будетъ, или еще окаянную мою душу просвѣтиши днемъ? Се ми гробъ предлежитъ, се ми смерть предстоитъ. Суда Твоего, Господи, боюся и муки безконечныя, злое же творя не престаю: Тебе, Господа Бога моего, всегда прогнѣваю, и Пречистую Твою Матерь, и вся небесныя силы, и святаго ангела хранителя моего...»

Его проповѣди тоже отличались особымъ характеромъ. Ихъ нельзя было подвести подъ разрядъ какихъ-либо гомилетическихъ произведеній. Онѣ были душевными бесѣдами добраго, любящаго отца съ дѣтьми. А такъ какъ онъ отличался и творческимъ воображеніемъ писателя, и прекрасно выработанной дикціей, и пріятнымъ голосомъ, и внутренней силой вдохновенія, то онѣ производили сильное впечатлѣніе на слушателей самыхъ разнообразныхъ классовъ и образованія.

Таковы же были и его лекціи для фабричныхъ рабочихъ по разнообразнымъ вопросамъ церковной жизни, особенно по агіологіи.

Многія изъ его жизнеописаній новопрославленныхъ чудотворцевъ напечатаны въ разныхъ духовныхъ журналахъ.

Изъ его духовно-литературныхъ трудовъ мнѣ припоминается особенно живо описаніе нашей общей поѣздки въ Саровскую пустынь. Это было еще до принятія имъ сана священника. Каринно изобразилъ онъ Саровскую пустынь и ея обитателей; выразительно раскрылъ волнующее богомольца чувство при гробѣ преподобнаго Серафима... Но чего онъ не могъ намъ открыть—это своей пламенной молитвы великому старцу о томъ, чтобы тотъ помогъ ему достойно воспріять санъ священства, очистилъ бы его душу такъ, чтобы она, по выраженію Златоуста, сдѣлалась свѣтлѣе солнечныхъ лучей, сподобилъ бы его, хотя въ малой степени, тѣхъ добродѣтелей любви и вѣры, какими была полна душа самого преподобнаго Серафима.

И можно сказать о немъ, что онъ такъ же честно исполнилъ свой пастырскій долгъ предъ церковью и родиной, какъ раньше честно и неліцемерно служилъ ей своимъ перомъ.

И вотъ его уже нѣтъ!

Тяжело на душѣ. Все больше и больше рѣдѣетъ кругъ дорогихъ сердцу близкихъ людей. Остается одному, какъ безпріютному страннику, пройти остатокъ жизненнаго пути. Хочется сказать съ поэтомъ:

«Здравствуй, печальная старость! Догорай, одинокая жизнь!»

Уходятъ постепенно, можно сказать, ушли изъ жизни почти всѣ представители нашей старой Москвы. А еще такъ недавно, кажется, ихъ было много!

И какъ было отрадно слушать ихъ живыя бесѣды о московской старинѣ.

Какъ недавно еще бывало, напримѣръ, послѣ тяжелаго утомительнаго трудового дня моей жизни, чтенія всякихъ бумагъ, пріема

безчисленныхъ просителей, всяческихъ тревогъ, заботъ и волненій, пріятно было прійти съ истерзанными нервами, съ оледенѣвшей душой, съ полнымъ горечи сердцемъ въ маленькую уютную келью, которую занимала у меня въ домѣ моя покойная 79-лѣтняя старица-мать ¹⁾, и встрѣтить тамъ Дмитрія Савватѣевича.

Лампада освѣщаетъ старинныя иконы прадѣдовскаго кіота; старинная мебель, по стѣнамъ фотографіи давно уже почившихъ родныхъ, друзей, духовныхъ наставниковъ.

Сидитъ мой старецъ. Предъ нимъ стаканъ чая и варенье, безъ которыхъ моя гостепріимная мать не отпускала никого отъ себя.

И бесѣдуютъ они оба о «дѣлахъ давно минувшихъ дней, преданьяхъ старины глубокой».

Какъ наяву вырастаетъ предо мной старая тихая Москва съ ея своеобразнымъ укладомъ жизни, старомодной по внѣшности, неказистой, далекой отъ блеска культурныхъ европейскихъ центровъ, съ старыми торговыми рядами, еще помнившими Ивана Грознаго, извозчиками съ дрожками-гитарами, плохо мощеными улицами, тускло освѣщенными масляными фонарями, но зато съ множествомъ обширныхъ садовъ и палисадниковъ, внутри которыхъ стояли барскіе особняки Александровской эпохи съ бѣлыми колонами, а Замоскворѣчье съ купеческими домами тяжелой архитектуры, окруженными высокими заборами. Въ этой Москвѣ было много какого-то особаго уюта, много простоты, радушія, полное отсутствіе чиновническаго лоска, особый отпечатокъ благодушнаго москвича, однимъ словомъ, отмѣченный еще Грибоѣдовымъ.

Въ ней, въ этой старой Москвѣ, жило много лицъ, блиставшихъ яркимъ талантомъ на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ дѣятельности.

И вотъ въ задушевныхъ бесѣдахъ моихъ старцевъ передо мной проходитъ галлерей тѣней церковной, дворянской, артистической, купеческой старой Москвы. И постепенно успокаиваются нервы, отогрѣвается душа; миръ, спокойствіе и какая-то уютность воцаряются въ сердцѣ.

Увы! Опустѣла навсегда келья моей матери. Не придетъ въ нее больше уже никогда Дмитрій Савватѣевичъ! Покоятся они оба на кладбищахъ столь любимыхъ ими монастырей московскихъ вѣчнымъ сномъ.

Горько стало на душѣ. Слезы закапали изъ глазъ... Газетный листъ соскользнулъ съ колѣнъ.

Я подошелъ къ окну, отворилъ его.

Прохладный весенній воздухъ пахнулъ мнѣ въ лицо. Синее небо было усыпано звѣздами.

---

¹⁾ Княгиня Варвара Александровна Туркестанова, рожденная Нарышкина (род. 20-го ноября 1834 года и сконч. 11-го сентября 1913 года; погребена на новомъ кладбищѣ Донскаго монастыря, противъ алтаря Серафимовскаго храма). А. А.

Вотъ то одна звѣздочка скатится и потухнетъ, то другая, третья...
Вдали попрежнему слышатся уже ослабѣвающіе звуки боя.

И представилось мнѣ, какъ на громадномъ пятисотверстномъ фронтѣ нашей арміи, подобно этимъ звѣздочкамъ, потухаютъ молодая жизни нашихъ героевъ-воиновъ въ кровавомъ заревѣ военныхъ подвиговъ. А тамъ вдали, въ городахъ и селахъ, тихо и незамѣтно, также внезапно, гаснутъ жизни мирныхъ тружениковъ въ кругу ихъ семействъ.

Но тѣ и другія одинаково возносятся на небо, въ вѣчное царство любвеобильнаго Бога. И когда-нибудь мы все соединимся тамъ, заживемъ одной жизнью, одной родной семьей вокругъ Него...

На землѣ я одинокъ, но на небѣ меня ожидаютъ любящіе меня.

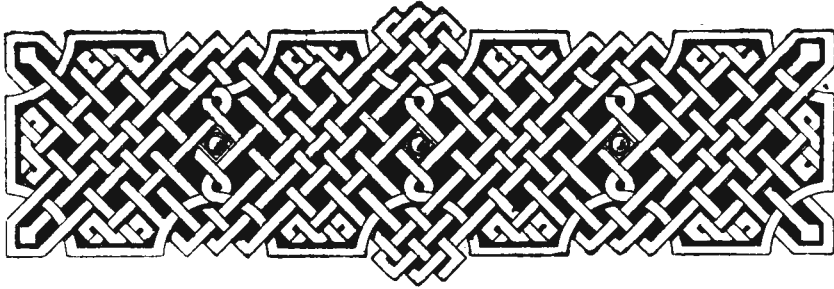
И теплѣе, и отраднѣе стало у меня на сердцѣ. Тогда «смирлася души моей тревога, и разошлись морщины на челѣ». Да, гдѣ бы ни послалъ мнѣ Богъ кончину, «въ бою ли, въ странствіи ли, въ волнахъ»,—пламенно вѣрую, что это лишь шагъ къ вѣчной, свѣтлой и радостной жизни. Христосъ воскресъ, и смерти уже болѣе нѣтъ. Она уничтожена. Она—временный сонъ, подобный зимнему сну природы. Но какъ теперь весной все ожило и зазеленѣло, такъ оживемъ и мы.

Въ небесахъ я вижу не бездушный синій сводъ, а Бога всемогущаго, любвеобильнаго и молюсь ему:

— Со святыми упокой, Христе, души усопшихъ рабъ Твоихъ, нашихъ героевъ самоотверженной любви воиновъ; упокой и воина церкви Твоей отца Дмитрія, и всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе служилъ Тебѣ и людямъ-братьямъ на всѣхъ поприщахъ жизни!

Епископъ Трифонъ.

ПОДЪ ПЕРЕМЫШЛЕМЪ.

ОВНО ГОДЪ тому назадъ, 9-го марта 1915 года, пала сильнѣйшая австрійская крѣпость Перемышль, что, какъ извѣстно, не только дало въ наши руки огромное число плѣнныхъ и нѣкоторое количество военныхъ трофеевъ, но и развязало руки 11-ой арміи, осаждавшей Перемышль. Сейчасъ еще, конечно, не время разбираться во всѣхъ подробностяхъ, какъ предшествовавшихъ паденію этого «ключа къ Карпатамъ», такъ и сопровождавшихъ и слѣдовавшихъ за покореніемъ укрѣпленнаго древнѣйшаго города Червонной Руси. Нѣкоторыя подробности не подлежатъ оглашенію уже потому, что онѣ тѣсно связаны съ вопросомъ организаціи нашей арміи, другіе просто въ силу того, что для правильнаго освѣщенія ихъ еще не настало время. Но все же кое о чемъ можно поговорить и теперь.

Осаду Перемышля нашими войсками слѣдуетъ дѣлить на два періода: первый съ октября 1914 года по конецъ декабря, когда тѣсной блокады, въ полномъ смыслѣ этого слова, еще не было, и второй—съ первыхъ чиселъ января 1915 года по день сдачи крѣпости, т. е. по 9-е марта. Что тѣсное обложеніе было установлено только съ января мѣсяца, это доказывается многочисленными случаями сношенія крѣпостного гарнизона съ внѣшнимъ міромъ въ предшествующіе мѣсяцы, и даже еще 6-го января 1915 г. группа австрійскихъ офицеровъ, правда, переодѣтыхъ въ нашу форму,

безпрепятственно проникла въ осажденную крѣпость, о чемъ и было отмѣчено въ приказѣ по 28-му корпусу, входившему въ составъ блокадной арміи. Это, повидимому, былъ послѣдній случай такого рода, и въ дальнѣйшемъ крѣпость сносилась со своей арміей либо при посредствѣ радіотелеграфа, либо аэроплановъ, которые аккуратно два раза въ недѣлю, по вторникамъ и четвергамъ, совершали рейсы въ Перемышль и обратно. Иногда, вѣроятно, въ экстренныхъ случаяхъ, появлялись аэропланы и чаще, причемъ порой крѣпостные летчики забирались и довольно далеко вглубь нашего расположенія: 25-го января, напримѣръ, я видѣлъ австрійскій аэропланъ около гор. Добромиля, отстоящаго отъ Перемышля въ двадцати четырехъ верстахъ, тогда какъ наша передовая линія отстояла отъ крѣпостныхъ фортовъ въ среднемъ верстѣ на семь.

Какъ великъ былъ гарнизонъ, достаточно ли онъ обезпеченъ продуктами,—объ этомъ долгое время мы не имѣли точныхъ свѣдѣній. Показанія плѣнныхъ и окрестныхъ жителей были въ этомъ отношеніи такъ различны, что положиться на ихъ слова совершенно не представлялось возможнымъ. На вопросъ о количествѣ войска одни плѣнные отвѣчали: «должно быть, тысячъ тридцать»; другіе насчитывали пятьдесятъ тысячъ, а были и такіе, что указывали: «э, много, може, тысячъ семьдесятъ, а то и сто». Примѣрно такіе же сбивчивые отвѣты давали и окрестные русины, причемъ иные изъ нихъ даже вступали другъ съ другомъ въ споръ, утверждая, что и пятидесяти тысячъ тамъ быть не можетъ, ибо «німа гдѣ розмістити и німа чого їсти». «Вінъ уже мерзлу картошку съ підъ сніга копае»,—говаривали такіе спорщики, подразумѣвая подъ словомъ «вінь» (онъ)—австрійцевъ и мадьяръ.

Впрочемъ, о выкапываніи картошки защитниками крѣпости хорошо были освѣдомлены и мы сами. Съ нашихъ позицій прекрасно можно было наблюдать, какъ цѣлыя партіи непріятельскихъ солдатъ отправлялись въ поле и добывали тамъ мерзлый картофель. Но вотъ что казалось страннымъ. Попадавшіе къ намъ плѣнные зачастую утверждали, что въ крѣпости ощущается сильный недостатокъ продуктовъ, а между тѣмъ у каждаго изъ нихъ имѣлось при себѣ по двѣ банки консервовъ. Зная своихъ солдатъ, которые, несмотря на прекрасное питаніе, непремѣнно тотчасъ съѣдали консервы, какъ только ихъ раздавали имъ на руки, мы не могли допустить, что плѣнные не преувеличиваютъ плачевное положеніе крѣпости въ отношеніи съѣстныхъ припасовъ. Такимъ образомъ, и относительно этого обстоятельства наши свѣдѣнія были весьма смутны.

Зато, что для насъ было совершенно ясно, это невѣроятное обиліе въ крѣпости снарядовъ и ружейныхъ патроновъ. Стоило намъ только чуть потревожить ихъ сторожевое охраненіе или чѣмъ-ни-

будь проявить свою дѣятельность, какъ со стороны осажденныхъ разгорался ураганный огонь, и не по опредѣленной цѣли, а таѣ въ пространство, куда попало. Обстрѣливали цѣлую, иногда огромную площадь, буквально заливая ее свинцовымъ и стальнымъ огнемъ, повидимому, мало заботясь о томъ, каковы были результаты огня. Случалось, гдѣ-либо на открытомъ мѣстѣ появлялся всего-на-всего одиночный всадникъ, и мигомъ вся окружающая мѣстность засыпалась и шрапнелями и Гранатами, да не пять—десять минутъ, а иногда часъ и больше.

На одномъ изъ фортвъ «Сѣдлской группы».

Такая расточительность, строго говоря, была намъ только на руку. Благодаря безалаберности огня, мы несли ничтожныя потери, противникъ же неминуемо шелъ къ истощенію, какъ бы ни были велики его огнестрѣльные запасы. И намъ лишь оставалось терпѣливо выжидать наступленія этого желаннаго момента, такъ какъ мы не только не могли отвѣчать ему тѣмъ же, но по многимъ причинамъ не могли рѣшиться и на болѣе активныя дѣйствія, чѣмъ медленное, но постоянное сжиманіе блокаднаго кольца.

Находились, впрочемъ, и среди насъ сторонники болѣе рѣшительныхъ мѣръ. И кое-кто даже настаивалъ на необходимости

штурма. Однако печальный примѣръ генерала Щ., пытавшагося въ октябрѣ 1914 года штурмовать Сѣдлицкую группу фортовъ, убѣдительно доказалъ, что взять Перемышль приступомъ можно лишь при содѣйствіи достаточнаго количества осадныхъ орудій, каковыхъ въ нашей осадной арміи до января вовсе не было, въ январѣ же прибыло весьма немного.

Итакъ, наша задача сводилась къ измору противника. Это все же не значитъ, что мы бездѣйствовали. Напротивъ, безпрестанно сужая кольцо блокады, наша армія не давала противнику ни минуты покоя, заставляя его нервничать и зря тратить самое дорогое на войнѣ—патроны. Расходуя послѣдніе и видя, что мы тѣмъ не менѣе хотя и медленно, но безостановочно продвигаемся впередъ, защитники крѣпости, конечно, мало-по-малу теряли и увѣренность въ себѣ, что день-о-д-ня все ярче и ярче сказывалось на настроеніи захватываемыхъ нами плѣнныхъ. Послѣдніе, какъ ни хотѣли многіе изъ нихъ скрыть это, невольно выдавали намъ истинное положеніе крѣпости, укрѣпляя насъ тѣмъ въ необходимости придерживаться выжидательной тактики. Развязка приближалась сама собой. И уже въ началѣ февраля чувствовалось близкое наступленіе развязки, хотя высшіе начальники крѣпости прилагали всяческое стараніе убѣдить насъ въ противномъ.

Интересенъ, между прочимъ, слѣдующій эпизодъ, свидѣтельствующій о томъ, какъ велико было желаніе австрійцевъ внушить намъ, что у нихъ «все обстоитъ благополучно». Получивъ свѣдѣнія о скверномъ обращеніи въ Перемышлѣ съ нашими плѣнными, а также желая прекратить примѣненіе австрійцами разрывныхъ пуль, генералъ Ч. отправилъ къ коменданту крѣпости письмо, которое въ качествѣ парламентаря долженъ былъ доставить прапорщикъ Ш... Когда съ завязанными глазами его доставили въ крѣпость, онъ былъ принятъ офицерами весьма любезно, но на выраженное имъ желаніе лично передать письмо генералу Кусманеку получилъ отвѣтъ: «Вамъ придется обождать. У насъ сегодня очередной симфоническій концертъ, а такъ какъ нашъ комендантъ большой любитель музыки, то онъ не пропускаетъ ни одного концерта». И прапорщику Ш. пришлось ожидать довольно долго, причемъ его пригласили въ собраніе и угостили прекраснымъ ужиномъ со всевозможными винами.

Такой пріемъ нашего парламентаря, безъ сомнѣнія, былъ продиктованъ желаніемъ произвести извѣстный эффектъ. Взгляните, молъ, у насъ всего вдоволь; наши же мысли заняты не вами, а... концертами. Но, понятно, подобная инсценировка благополучія и спокойствія не могла ввести насъ въ обманъ, какъ не могли обмануть и доносившіеся до насъ время отъ времени звука оркестра. Слишкомъ противорѣчили этому показному веселью и постыныя физономіи плѣнныхъ, и добываемыя нами свѣдѣнія.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше крѣпло наше убѣжденіе о близкомъ концѣ. Правда, плѣнные и въ серединѣ и даже въ концѣ февраля всегда имѣли при себѣ ту же неизмѣнную порцію консервовъ, а иные изъ нихъ, главнымъ образомъ мадьяры, пытались увѣрять, что крѣпость можетъ держаться еще чуть ли не годъ. Однако мы знали уже, что и неизмѣнныя «двѣ банки» консервовъ и рѣчи гордыхъ мадьяръ это—тотъ же «ужинъ съ винами» и тѣ же «симфоническіе концерты», которыми хотѣли блеснуть австрійцы предъ нашимъ парламентомъ. Командный составъ

Фортъ «Гурка».

крѣпости не только хотѣлъ надуть насъ, но обманывалъ и свой гарнизонъ, съ одной стороны, внушая ему, что при бережливомъ отношеніи всего хватитъ надолго, а съ другой—обнадеживая скорымъ приходомъ на выручку своихъ войскъ изъ-за Карпатъ. Присматривая позднѣе нѣкоторые приказы по крѣпости и издававшуюся тамъ во время осады газету, я убѣдился, что указанные мысли внушались гарнизону ежедневно, а вмѣстѣ съ тѣмъ понялъ, почему австрійскіе солдаты не съѣдали выдаваемые имъ предъ отправленіемъ въ передовую линію консервы; это достигалось примѣненіемъ жесточайшихъ наказаній.

Но не буду забѣгать впередъ.

Наша осадная армія, какъ это уже неоднократно указывалось въ печати, состояла по преимуществу изъ ополченскихъ и отчасти изъ второочередныхъ частей, и лишь немногочисленные кавалерійскія части были представлены линейными полками. Благодаря этому обстоятельству, мы не могли похвастать повизною вооруженія и на нѣкоторыхъ участкахъ противъ австрійскихъ магазиновъ и пулеметовъ имѣли только архаическія берданки. Въ то же время, вслѣдствіе растянутости фронта, мы почти не имѣли резервовъ, почему оказать серьезное сопротивленіе, въ случаѣ вылазки противника болѣе или менѣе значительнымъ отрядомъ, для насъ было бы весьма затруднительно. Особенно слабыми въ этомъ отношеніи были южный и юго-западные участки, гдѣ, во избѣжаніе всякихъ случайностей, приходилось чуть ли не ежедневно отводить на ночь обозы поглубже въ тылъ. Эта предосторожность, какъ увидитъ дальше читатель, сыграла совершенно неожиданную роль и сослужила намъ великую службу, о чемъ мы узнали уже послѣ паденія крѣпости.

Весь февраль протекалъ сравнительно очень покойно. Конечно, что ни день, австрійцы посыпали насъ и сталью и свинцомъ, а кое-гдѣ завязывались и довольно оживленные схватки, въ результатѣ которыхъ мы обычно «еще немного» продвигались впередъ. По вылазокъ, по крайней мѣрѣ серьезныхъ, австрійцы не предпринимали. А мы, въ свою очередь, хотя то тамъ, то сямъ и пощипывали ихъ, тоже не ахти какъ стремились впередъ и, слѣдуя мудрой поговоркѣ, «спѣшили медленно».

Такъ продолжалось вплоть до первыхъ чиселъ марта.

Но вотъ наступило 5-е марта. День выдался вполне весенній. Солнце грѣло такъ, какъ у насъ на сѣверѣ грѣетъ лишь въ концѣ апрѣля. Несмолкаемо звенѣли жаворонки. По канавамъ и дорогамъ бурно неслись говорливые потоки тающего снѣга. На обращенныхъ къ югу пригоркахъ зеленѣла свѣжая травка. Кругомъ же съ утра стояла такая тишина, точно мы находились не подъ фортами грозной непріятельской крѣпости, а гдѣ-то далеко въ глубинѣ Россіи. И, что казалось особенно страннымъ, эта необычная здѣсь тишина наступила какъ-то неожиданно, сразу, еще два дня назадъ. Невольно въ душу закрадывалось подозрѣніе. Всѣхъ охватило выжидательное настроеніе. И когда, наконецъ, въ десять съ половиной часовъ утра того же 5-го марта вдругъ открылась пальба со всѣхъ крѣпостныхъ фортовъ, намъ стало ясно, что крѣпость готовится къ чему-то необыкновенному.

Трудно угадать замыселъ противника, еще труднѣе предусмотрѣть, куда намѣревается онъ направить свой ударъ. Однако такой ураганный огонь, какимъ разразились австрійцы утромъ 5-го марта, болѣе чѣмъ краснорѣчиво предупреждалъ насъ о необходимости «быть на чеку». И такъ какъ обстрѣлъ продолжался

Блиндирова ный по въездъ.

до самой ночи, то ночью мы были особенно бдительны, подготовившись къ этому времени, какъ только можно было, къ отбитію возможной вылазки.

Хорошо зная свои слабыя мѣста, мы естественно ждали вылазку на западномъ и южномъ секторахъ, тѣмъ болѣе, что это былъ ближайшій и единственный путь, по которому гарнизонъ Перемышля, при удачѣ, могъ бы пробиться къ своимъ войскамъ. Однако мудрый комендантъ «ключа къ Карпатамъ», овенгерившійся чехъ Кусманекъ, рѣшилъ двинуть ввѣренный ему гарнизонъ на востокъ и съ этой дѣлюю повелъ вылазку въ сторону Мосциско, гдѣ находился штабъ нашей арміи и гдѣ мы были всего сильнѣе. Именно сюда, послѣ ураганнаго обстрѣла, въ ночь съ 5-го на 6-е марта, направился сильный отрядъ австрійцевъ, намѣревавшійся прорвать нашъ фронтъ и захватить помѣщавшіеся въ Мосциско продуктовые склады.

Исходъ этой вылазки, въ которой приняли участіе нѣсколько тысячъ одураченныхъ мудрымъ комендантомъ защитниковъ Перемышля, закончился для участниковъ ея чрезвычайно печально. При ничтожныхъ потеряхъ съ нашей стороны, австрійцы потеряли много сотенъ убитыми и плѣнными, и лишь незначительная часть ихъ успѣла бѣжать обратно въ крѣпость. Какъ встрѣтилъ генераль Кусманекъ возвратившихся участниковъ вылазки и каково было настроеніе послѣ того у остававшихся въ Перемышлѣ защитниковъ его, намъ, конечно, въ точности неизвѣстно. Но долетѣвшее до насъ изъ крѣпости таканье пулеметовъ все же позволяло догадываться, что теперь бордость духа гарнизона приходится поддерживать уже не «симфоническими концертами», а болѣе рѣзкой музыкой. Впослѣдствіи это подтвердили какъ мирные жители Перемышля, такъ и многіе плѣнные.

Неудачная вылазка, расколовшая гарнизонъ на два враждебные лагеря, окончательно рѣшила участь крѣпости. Правда—какъ видно изъ доставшихся намъ приказовъ, командный составъ еще пытался склонить на новую попытку прорваться къ своимъ войскамъ. Но и организовать первую крупную вылазку удалось, лишь прибѣгнувъ къ уговариванію при помощи пулеметовъ, а вто, рично не помогъ даже и такой «убѣдительный доводъ», почему уже 6-го марта, послѣ совѣщанія высшихъ чиновъ, было принято рѣшеніе приступить къ подготовкѣ крѣпости для сдачи.

Намъ это, конечно, не было извѣстно. Напротивъ, какъ только съ полудня 6-го марта возобновилась пальба на всѣхъ фортахъ, мы снова стали готовиться къ встрѣчѣ вылазки, сочтя ночной эпизодъ за демонстрацію. И опять-таки ждали вылазки со стороны западныхъ и южныхъ фортовъ.

Однако прошла ночь, наступило 7-е марта, а, кромѣ ураганной и, нужно добавить, чрезвычайно беспорядочной стрѣльбы, ав-

стрійцы ничѣмъ не проявляли своей дѣятельности. Стрѣльба велась изъ орудій самыхъ разнообразныхъ калибровъ и на разныя дистанціи. Одни снаряды летѣли въ окрестныя деревни, разрушая тамъ халупы и производя пожары; другіе падали въ открытомъ полѣ, гдѣ, кромѣ звенѣвшихъ въ воздухѣ жаворонковъ, не было ни живой души; третьи засыпали наши окопы и дороги; а иные рвались чуть ли не у самыхъ фортовъ.

Нарисовать картину того, что творилось въ этотъ день, положительно невозможно. Развертывалась одна изъ чудовищнѣйшихъ страницъ текущей кампаніи, страница, предъ которой кажутся дѣтскимъ лепетомъ и безумные рассказы Поэ, и ужасы Дантовскаго ада. Крѣпость ревѣла, какъ разбушевавшійся вулканъ. Грохоть выстрѣловъ, трескъ взрывовъ и вой осколковъ сливались въ непрерывный гулъ. Изъ горѣвшихъ, деревень доносился въ окопы хватавшій за сердце вой собакъ. А густые то черные, то молочно бѣлые и сизые клубы дыма подымались, казалось, къ самому солнцу и придавали его сіянію какой-то зловѣщій красный оттѣнокъ.

Наступившая ночь принесла еще больше жути. Зарево безчисленныхъ пожаровъ опоясало черное небо широкой кровавой полосой. По всей линіи фортовъ горѣла почти не угасавшая лента зеленыхъ ракетъ. Поминутно сверкали яркіе снопы вражескихъ прожекторовъ. И гулъ орудій, подхватываемый эхомъ сосѣднихъ горъ, попрежнему потрясалъ окрестности испускавшей послѣднія дыханія крѣпости.

Къ утру 8-го марта разомъ наступило затишье. Смолкъ грозный вулканъ. Погасли зеленые огоньки свѣтящихся ракетъ. Затихли догоравшія деревни. И только рѣдкіе выстрѣлы, какъ послѣдніе вздохи бури, время отъ времени разрывали тишину, точно желая оповѣстить намъ, что крѣпость еще жива. Нѣсколько ожились форты съ полудня. Усилился обстрѣлъ; вечеромъ снова вспыхнули ракеты; забѣгали широкія, яркія полосы прожекторовъ. Но уже прежняго напряженія огонь не достигалъ, а съ первыми лучами утренней зари 9-го марта и смолкъ окончательно.

Стало тихо, тихо, такъ тихо, что мысли опять убѣжали далеко. Какъ вдругъ ужасный, неслыханный еще доселѣ грохоть потрясъ воздухъ дивнаго весенняго утра.

— Что такое? Что случилось?—послышались возгласы со всѣхъ сторонъ.

И вдругъ снова: бу-бухъ!—страшный, чудовищный взрывъ.

— Въ крѣпости!.. Форты рвутъ!—раздались голоса, и всѣ выскакали изъ окоповъ, устремивъ глаза въ сторону Перемышля.

Я взглянулъ на часы: было около шести часовъ утра. Солнце уже взошло. Синѣло безоблачное небо, и на фонѣ по-весеннему радостной лазури клубились огромные столбы бѣлесоватаго дыма. Одинъ, другой, третій...

— То Иванѣва гура, а вотъ Грохѣвецъ, Оптинъ, Сѣдлица...— указывали намъ русины, тоже повыбѣжавшіе изъ своихъ халупъ и съ любопытствомъ наблюдавшіе сказочно-эффектную картину взрывовъ.

— Слава, Боже!.. Слава!.. Слава!..—громко твердили ветхіе старики, сгорбленные старухи, молодежи, дивчата и парубки:— коніць усему... Слава, Боже!..

И многіе осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ, а иные и плакали слезами радости. Да и какъ не креститься, какъ не плакать... Вѣдь въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ ихъ жизни и домамъ угрожали смерть и разрушеніе. Наконецъ, у многихъ тамъ, въ судорожно кончавшейся теперь крѣпости были сыновья, братья, отцы—одни въ роли солдатъ, другіе въ качествѣ вынужденныхъ рабочихъ-«добровольцевъ».

Между тѣмъ наши войска уже двигались впередъ. Напрямки, безъ дорогъ, чрезъ поля и канавы, чрезъ покинутые врагами окопы, поваленныя еще съ осени засѣвки, глубокіе рвы и овраги къ блестящимъ на солнцѣ проволочнымъ загражденіямъ, окаймлявшимъ широкою полосой взлетавшіе на воздухъ форты. И огромной пестроцвѣтной толпой шло за нами чуть ли не все окрестное населеніе, шло озабоченно, торопливо, видимо, едва сдерживая себя, чтобы не побѣжать и не прорвать идущихъ впереди нашихъ цѣпей.

А мощные раскаты взрывовъ все еще потрясали воздухъ. То тамъ, то сямъ на неизмѣримую высоту взлетали огонь, клубы дыма, мелкіе и огромные осколки стали, желѣза, камней и бетона. Гдѣ-то слышались густые, гнусавые гудки. Повсюду разливалось могучее, безконечное «ура». Откуда-то доносились то замиравшіе, то снова крѣпнувшіе звуки «Спаси, Господи, люди Твоя». А сверху, надъ нами, серебряною трелью разсыпалась голосистая пѣнь влюбленныхъ жаворонковъ, не обращавшихъ никакого вниманія на торжественный финалъ той великой трагедіи, что разыгрывалась здѣсь, внизу....

Былъ девятый часъ, когда наши войска, пройдя за кругъ первой линіи фортовъ, вступили въ предѣлы стольнаго града Осмомысла. Бывшіе защитники крѣпости стояли выстроенными вдоль круговой крѣпостной дороги, безъ ружей и ранцевъ, съ котомками за плечами, подъ начальствомъ своихъ офицеровъ, которые тутъ же вручили нашимъ начальствующимъ лицамъ списки какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ перемышльскаго гарнизона. Начался пріемъ и подсчетъ плѣнныхъ особо назначенными для того лицами; тѣ же, кто оказался свободнымъ, отправились обозрѣвать форты и городъ.

Первое, что бросилось при этомъ въ глаза, было огромное количество труповъ лошадей. Повсюду у дороги, на лужайкахъ, въ

окружавшихъ казармы садахъ, на дворахъ, въ конюшняхъ—лежали иногда еще теплыя лошади съ зиявшими то на головѣ, то на лѣвомъ боку огнестрѣльными ранами. Онѣ, по приказанію генерала Кусманека, были пристрѣлены передъ самой сдачей крѣпости. И, какъ показали подсчетъ, всего было убито свыше трехъ тысячъ лошадей.

Вслѣдъ за лошадьми привлекало вниманіе множество ручного оружія и походнаго снаряженія, также валяшагося повсемѣстно и приведеннаго въ негодность. Стволы были исковерканы,

Раздача пасхальныхъ подарковъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны послѣ взятія Перемышля.

приклады поломаны, затворы разобраны и по частямъ разбросаны гдѣ попало. Во многихъ мѣстахъ тлѣли еще гигантскіе костры съ покраснѣвшими отъ огня стволами винтовокъ, либо съ металлическими остатками шапцеваго инструмента. Такія же пепелища съ остатками ранцевъ и патронныхъ сумокъ свидѣтельствовали объ уничтоженіи снаряженія. Въ канавахъ, прудахъ и ручейкахъ валялись отдѣльные патроны, обоймы, цѣлыя пачки и опять-таки испорченныя ружья, штыки, конскія торбы, мѣшки, всевозможные, большею частью разрѣзанные на куски ремни, веревки, разные предметы обмундированія. На казарменныхъ дворахъ, а то и просто въ полѣ валялись пробитые кирками походные котелки,

желѣзные ведра, большіе котлы и остовы походныхъ кухонь. Тутъ же виднѣлись порубленные топорами грузовыя повозки и легкіе, желтые, казеннаго австрійскаго образца, экипажи. О бокъ съ ними бѣлѣли страницы разорванныхъ книгъ. Въ казармахъ, баракахъ и землянкахъ оказались выбиты стекла, поломаны двери, кое-гдѣ разрушены печи, поломана мебель. Словомъ, картина была такова, точно здѣсь пронесся страшный ураганъ, опустошившій и сокрушившій все и вся.

Еще въ худшемъ видѣ предстали предъ нами большая часть крѣпостныхъ сооружений. На мѣстѣ батарей съ установленными на нихъ тяжелыми крѣпостными орудіями зіяли глубокія, на половину засыпанныя ямы. Кругомъ валялись изуродованные лафеты, громадныя осколки стальныхъ и чугунныхъ чудовищъ, поломанные зарядные ящики, перевернутыя и тоже частью поломанныя вагонетки крѣпостной желѣзной дороги, снова исковерканныя ружья, разрозненные патроны, остатки снаряженія, ломаные кирки, лопаты, топоры, банки отъ консервовъ, тачки, разныя тѣлѣжки, цѣльные артиллерійскіе снаряды, порванные кепи, башмаки, мундиры и разная иная рухлядь. Ближайшіе форты мѣстами были превращены въ груды развалинъ, мѣстами же пострадали только отдѣльные участки фортовъ.

Таково было первое впечатлѣніе.

Но вотъ закончился церемоніаль сдачи и приема крѣпости, приступили къ болѣе подробному ознакомленію съ оставшимся имуществомъ, а затѣмъ къ сбору и розыску такового; и стало ясно, что принятые генераломъ Кусманекомъ мѣры къ разрушенію фортовъ, а также порчѣ и сокрытію боевого снаряженія далеко не достигли своей цѣли. На многихъ фортахъ разрушенія оказались ничтожными или легко поправимыми; найдено было не мало складовъ патроновъ, снарядовъ, пулеметныхъ лентъ и шанцеваго инструмента; собрано и быстро приведено въ исправный видъ большое число ружей и пулеметовъ; обнаружены большіе запасы инженернаго имущества, а въ интендантскихъ складахъ значительныя запасы муки. Кромѣ того, на линіи желѣзной дороги, у вокзала, совершенно исправными оказались паровозы, большой подвижной составъ и блиндированный поѣздъ. Не мало всякаго добра нашлось и въ складахъ отдѣльныхъ войсковыхъ частей, да жаль только, что хлынувшая въ крѣпость за нашими войсками толпа окрестныхъ жителей занялась главнымъ образомъ не розыскомъ своихъ родныхъ, а наглымъ грабежомъ всего, что попало имъ на глаза. Поживилась здѣсь эта саранча весьма изрядно и дѣйствовала при этомъ такъ нагло, что приходилось примѣнять силу, дабы отогнать ее отъ казенныхъ зданій. Тащили и увозили на возахъ куски холста, мѣшки, сѣдла, мягкую мебель, сбрую, подковы, ящики съ гвоздями, колеса, телѣги, котлы, сун-

дучки, всевозможные инструменты... Да, впрочемъ, развѣ перечесть все, что удалось растащить огромной толпѣ мародеровъ, пока наконецъ подтянулось къ крѣпости столько войска, что можно было повсюду разослать патрули...

.....
 Эвакуація плѣнныхъ, которыхъ, какъ извѣстно, было взято въ Перемышлѣ свыше 120.000, началась съ 10-го марта и затянулась больше, чѣмъ на двѣ недѣли. За это время мы, конечно, успѣли достаточно ознакомиться съ крѣпостью, узнать ея слабыя и сильныя стороны и изучить лежавшія вокругъ фортвъ минныя загражденія, въ чемъ не мало помогли намъ плѣнные офицеры. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ бесѣдъ съ ними удалось выяснитъ какъ условія жизни гарнизона во время осады, такъ и событія послѣднихъ дней, предшествовавшихъ сдачѣ крѣпости.

— Почему,—спросилъ какъ-то я одного изъ видныхъ чиновъ сдавагося гарнизона,—вы предприняли вылазку на востокъ, а не на югъ или на западъ? Вѣдь на востокъ вы никакъ не могли разсчитывать соединиться съ вашей арміей.

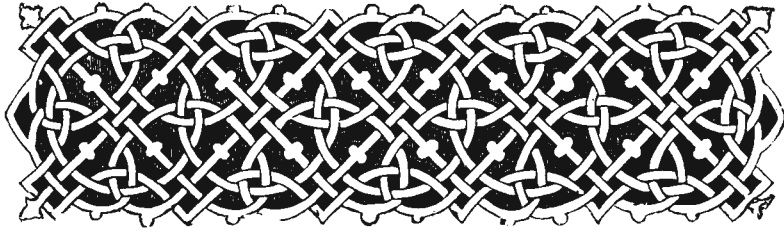
— О,—возразилъ онъ:—развѣ можно было сунуться намъ на южный либо западный фронтъ. У васъ тамъ было такъ укрѣплено и затѣмъ мы ясно видѣли, что здѣсь у васъ ежедневно по утрамъ подходило подкрѣпленіе...

Стоило много усилія, чтобы не разсмѣяться на этотъ наивный отвѣтъ, произнесенный между прочимъ весьма авторитетнымъ тономъ. «По утрамъ подходило подкрѣпленіе...» это наши обозы, отходившіе на ночь подальше отъ позицій, подъ утро снова возвращались обратно. Ну, что же, слава Богу, что они испугались нашихъ обозовъ и пошли на востокъ, тамъ ихъ могли встрѣтить, какъ слѣдуетъ. Вотъ какой неожиданный результатъ имѣли маневры походныхъ кухонъ и продуктовыхъ повозокъ!

Отправивъ мало-по-малу изъ занятой нами крѣпости сначала плѣнныхъ нижнихъ чиновъ, а потомъ офицеровъ, щеголявшихъ передъ нами въ чудномъ перемышльскомъ паркѣ и въ городскихъ кафе своимъ щегольскимъ нарядомъ, мы принялись за черновую работу. И скоро жизнь въ городѣ наладилась такъ, точно Перемышль давнымъ-давно уже былъ въ нашихъ рукахъ.

П. Васильовскій.

ИЗЪ ИСТОРИИ ГОЛОВИНСКАГО И ЕКАТЕРИНИНСКАГО ДВОРЦОВЪ ВЪ МОСКВѢ.

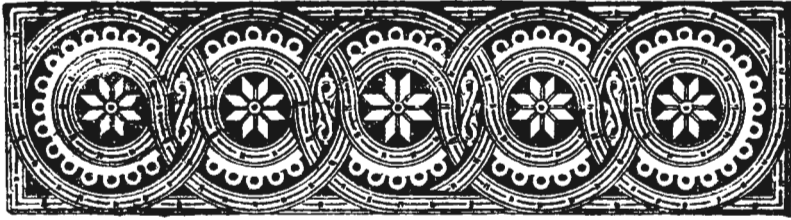
А СОСТОЯВШЕМСЯ 11 декабря 1915 г. очередномъ засѣданіи комиссіи по изученію Старой Москвы членомъ комиссіи, архитекторомъ И. Е. Бондаренкомъ, былъ сдѣланъ весьма интересный докладъ «О Екатерининскомъ дворцѣ въ Москвѣ» (нынѣ 1-й кадетскій корпусъ) на основаніи тщательно собранныхъ литературныхъ данныхъ и архивъ плановаго матеріала. Докладъ этотъ явился продолженіемъ ранѣе сдѣланнаго тѣмъ же И. Е. Бондаренкомъ сообщенія «Объ Елизаветинскихъ дворцахъ въ Москвѣ» и вмѣстѣ съ нимъ составляетъ одно стройное цѣлое въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ. Еще въ 1730 г. императрица Анна въ свой первый пріѣздъ въ Москву, въ виду ветхости Кремлевскаго стараго дворца и тѣсноты Потѣшнаго дворца, построила «Зимній Анненгофъ» на Дворцовой площади въ московскомъ Кремлѣ, на мѣстѣ между лѣвымъ угломъ теперешняго арсенала и правой частью зданія судебныхъ установленій. Дворецъ выстроенъ былъ въ одинъ этажъ, на фундаментѣ изъ свай, его фасадъ Растрелли украсилъ скромнымъ рококо; изъ хоромъ цар. Наталіи Кирилловны во дворецъ перенесли церковь во имя апостоловъ Петра и Павла; въ 1736 г. дворецъ былъ разобранъ и вмѣстѣ съ рѣзной работой и картинами Каравакка былъ перемѣщенъ въ Новонѣмецкую слободу за р. Яузой, къ дворцу «Лѣтній Анненгофъ», начатому постройкой въ 1731 г. На сооруженіе Лѣтняго Анненгофа и пошелъ «Зимній Анненгофъ» изъ Кремля; работа исполнялась

по плану Растрелли: дворець распадался на многія отдѣльныя деревянные сооруженія, и всѣ они окружались пышными садами съ бѣсѣдками. Однако планъ не былъ осуществленъ. Часть зданій была взята подъ подворье преосв. переяславскаго въ Нѣмецкой слободѣ, церковь перенесли къ строенію у Салтыкова моста. Но особенно повредилъ Лѣтнему Анненгофу пожаръ 1746 г., послѣ котораго часть Анненгофа была отвезена подъ постройку Перовскаго дворца. Новый планъ дворца въ 1746 г. выработалъ не безъ воздѣйствія Растрелли архит. Коробовъ; главнымъ архитекторомъ по постройкѣ назначили Алексѣя Евлашева. Новое зданіе получило послѣ 1746 г. названіе «Головинскаго дворца», потому что еще въ 1723 г. отведенное теперь подъ дворець мѣсто императоромъ Петромъ I было куплено у Ѳ. А. Головина, имѣвшаго здѣсь свой загородный дворець и садъ. Постройка Головинскаго дворца происходила подъ наблюденіемъ извѣстнаго генерала Семилѣтней войны Вил. Вилим. Фермора. Императрица интересовалась постройкой; по ея мысли рѣшено было у «праваго флигеля пристроить мыльню съ садомъ, въ которомъ быть фонтану», а затѣмъ церковь во имя Воскресенія; въ нее живописецъ Сергѣй Горяиновъ написалъ 10 картинъ. Съ покоями императрицы церковь сообщалась проходной галлереей съ 85 окнами, галлерей была обшита выбѣленнымъ холстомъ. Послѣ пожара дворца въ 1753 г. дворець отстраивали опять съ намѣреніемъ придать постройкѣ строго дворцовый характеръ, почему, между прочимъ, и устроили «великій тронный залъ» съ 14 окнами и печами по угламъ, работы кн. Ухтомскаго; по описи 1757 г. во дворцѣ значилось 175 покоевъ. Но внутренними удобствами дворець не отличался, о чемъ выразительно свидѣтельствуетъ императрица Екатерина II въ своемъ дневникѣ. При дворцѣ, въ одной изъ обширныхъ его залъ, въ 1762 г. былъ построенъ преимущественно для придворныхъ «Малый театръ», въ отличіе отъ «Опернаго дома», выстроеннаго при томъ же Головинскомъ дворцѣ въ 35 дней въ 1742 г. во время коронаціи императрицы Елизаветы Петровны архитекторами Мичуринымъ и Бланкомъ; въ Оперный домъ допускалась и посторонняя публика. Въ 1753 г. Оперный домъ по проекту Растрелли былъ обнесенъ галлереей «для пожарнаго случая съ пристойными входами и выходами, дабы чрезъ нее коммуникація была во всѣ ложи». За Опернымъ домомъ на берегу Яузы стояли для публики катальныя горы, отдававшіяся потомъ въ аренду. Вблизи моста чрезъ Яузу находилась «Лошадиная школа» (манежъ)—большое деревянное зданіе, выстроенное Эрихомъ; внутри оно было обито холстомъ, снаружи убрано позолоченой рѣзью при входѣ, по бокамъ шла проходная галлерей. Въ ночь съ 30 на 31 декабря 1771 г. пожаръ истребилъ почти весь Головинскій дворець, остались каменные части зданій и ветхія конюшни. На фундаментѣ этого Головинскаго дворца императрица Екатерина II сначала предполагала

возвести каменный этажъ съ «мезониною», если можно. Намѣреніе это было потомъ оставлено, и архитекторъ Яковлевъ, которому въ помощь былъ данъ С. Волковъ, составилъ новые чертежи дворца. Завѣдывать постройкой императрица Екатерина II поручила кн. Макулову, нерадиво и корыстно поведшему хозяйственную часть дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ даже не позволявшему никому изъ архитекторовъ подписываться подъ ими же составленными чертежами, увѣнчивать которые могла только одна его княжеская подпись. Для заготовки кирпича на стройку, помимо остатковъ отъ стараго Головинскаго дворца, служили два кирпичныхъ завода: у Калитниковскаго кладбища и на Введенскихъ горахъ. Скоро архитекторъ Яковлевъ за старостью былъ отставленъ, а императрица изъ Петербурга прислала «планъ и вновь сдѣланную фасадъ» по проекту Ринальди, около 1770 г. получившаго званіе штатнаго архитектора ея величества и, кромѣ того, строившаго въ Петербургѣ Мраморный дворецъ гр. Орлову. Фасады послѣдняго дворца, даже въ частностяхъ, совпадаютъ съ чертежами возводившагося Екатеринскаго дворца. При постройкѣ въ 1774 г. находились художники Протасъ, Яковлевъ и итальянецъ, каменнаго дѣла мастеръ Руско. Императрица очень интересовалась постройкой, приказывая, напр., крыть дворецъ луженымъ желѣзомъ, а службы—черепицей, и на запросъ кн. Макулова, писавшаго, что лѣстницы изъ дикаго камня могутъ стоить 15,000 руб., а изъ бѣлаго ординарнаго за его слабостью прочны быть не могутъ, отвѣчая: «строить изъ бѣлаго камня, и онѣ довольно будутъ прочны, если простоятъ столько же времени, какъ Иванъ Великій и Красное крыльцо». Хозяйничаніе кн. Макулова продолжалось, къ сожалѣнію, къ невыгодѣ для дѣла слишкомъ долго; правда, его смѣнили и замѣнили кн. Тюфякинымъ; но въ 1776 г. созданная по настоянію Руско комиссія изъ архитекторовъ: Карла Бланка, Василя Баженова, Ивана Яковлева, Матвѣя Казакова, Семена Волкова и Семена Карлина прошла къ грустному выводу, что кирпичъ во дворцѣ совершенно негоденъ и стѣны крошатся. Рѣшено было стѣны разобрать и выстроить вновь, а глину брать изъ подмосковныхъ селъ Измайлова и Покровскаго, гдѣ и устроить кирпичные заводы. Въ 1778 г. постройкой завѣдывалъ И. И. Измайловъ. Стѣны вели съ выкладкою, на постройку ежегодный отпускъ производился въ размѣрѣ 250,000 руб. вмѣсто прежнихъ 100,000 руб., главнымъ архитекторомъ назначили Карла Ив. Бланка, точнаго и опытнаго водчаго, а на мѣсто главнаго каменнаго мастера, взамѣнъ ушедшаго Руско, пригласили Осипа Тиролли; кубическій объемъ дворца доходилъ до 40,000 куб. саж.; во всѣхъ 3-хъ этажахъ число покоевъ императрицей указывалось довести до 280; помимо церкви во имя Успенія Пр. Богородицы, въ немъ строился цѣлый рядъ пышныхъ залъ, напр., 15×13 саж. и 22×7 саж., нѣсколько столовыхъ, 3 кухни—при каждой хлѣбная,

скатертная, тафельдекерская, 2 конфетныхъ, сервизныя для храненія и разбора золотой и серебряной посуды, 2 покоя для содержанія шандаловъ и свѣчей, при каждой свѣчной по одному покою для убиранія и пудренія волосъ ливрейнымъ служителямъ и т. д. Общая площадь взятаго подъ постройку участка, включая и называвшійся Дворцовымъ, а иногда Слободскимъ, садъ, доходила до 70 десятинъ. Въ саду былъ расположенъ храмъ Петра и Павла. Одного кирпича на постройку въ 1781 г. было заказано на заводахъ 12 милліоновъ штукъ, и въ Каменномъ приказѣ было приобрѣтено 5 милліоновъ штукъ. Рамы и двери исполнялись лучшимъ столяромъ въ то время Витманомъ, которому принадлежитъ модель Баженовскаго дворца. Въ 1781 г. состоялся указъ о припечатаніи въ «Моск. Вѣдомостяхъ» вызова желающимъ заготовлять къ главному корпусу нужное количество «русскихъ стеколъ». Для составленія рисунковъ по внутренней отдѣлкѣ дворца въ 1782 г. выписывается изъ Италіи знаменитый Гваренги; ему же принадлежитъ украшеніе длиннаго фасада дворца колоннадой, существующей и донинѣ. Въ 1783 г. для главныхъ помѣщеній дворца изъ Петербурга прислали 24 фаянсовыхъ печи. Въ лѣпномъ дѣлѣ участвовали Кампорези и (въ 1784 г.) скульпторъ Гагенборгеръ. Путешествовавшій въ то время по Россіи французъ де-Мартре въ своей книгѣ замѣчаетъ объ Екатерининскомъ дворцѣ, что въ длину онъ имѣетъ 96 саж., а въ ширину 66 саж., главный фасадъ имѣетъ 47 пролетовъ, баллюстрада во всю длину, 6 статуй на обоихъ крыльяхъ и 3 на фронтонахъ, вышина зданія всюду 11 саж.; въ теперешнемъ состояніи онъ стоитъ около 5 милліоновъ руб. Много заботъ, труда и средствъ вложила императрица Екатерина II въ строеніе дворца, но смерть не дала ей видѣть его окончаніе. Преемникъ ея, императоръ Павелъ I, будучи въ Москвѣ и гуляя 13 мая 1798 г. въ Головинскомъ саду, ограничился лишь повелѣніемъ: «стоящія здѣсь къ кадкахъ бужбонныя деревья остричь такъ, какъ они были прежде, т. е. въ видѣ пѣтуховъ, павлиновъ и прочихъ геометрическихъ фигуръ». А еще раньше онъ же Павелъ I приказомъ кн. Юрію Владимировичу Долгорукову предписалъ «Екатерининскій дворецъ, принявъ въ свое вѣдомство, обратить оный на казармы, предоставляя собственному разсмотрѣнію, конный или пѣхотный полкъ въ ономъ размѣстить удобнѣе». При императорѣ Александрѣ I, еще до 1812 г. министръ народнаго просвѣщенія гр. П. В. Завадовскій, съ согласія государя, предназначилъ Екатерининскій дворецъ, въ виду тѣсноты зданій московскаго университета, для помѣщенія въ немъ послѣдняго; но этотъ переходъ почему-то былъ отклоненъ гр. Аракчеевымъ, и въ 1824 г. дворецъ былъ отданъ для помѣщенія въ немъ московскаго кадетскаго корпуса и въ настоящее время занимается 1-мъ московскимъ кадетскимъ корпусомъ.

Б. С. Пушкинъ.

ВЪ ПРСШЛЫХЪ ВЪКАХЪ.

(Поѣздка по Польшѣ).

ВЕРВОЕ, что бросается въ глаза, когда драгажъ (носильщикъ) выносить на подѣздъ вокзала въ Варшавѣ ваши вещи—это особая упряжь и иностранный покрой платья извозчиковъ. Дугъ нѣтъ; лошади всѣ увѣшаны блестящими бляхами; коляски великолѣпныя, но въ оглобляхъ ихъ стоятъ такіе уныло-вислоухіе скелеты одровъ, что, глядя на нихъ, невольно ищешь глазами скрытыя подпорки.

Не безъ опасеній усѣлись мы съ женой въ одинъ изъ такихъ экипажей и «покатили» по мосту черезъ широкую, желтоводную Вислу. Варшава лежитъ на лѣвомъ, гористомъ берегу ея, но нельзя сказать, чтобы видъ на городъ отличался особою живописностью: сплошныя груды каменныхъ заурядныхъ строеній, надъ которыми въ двухъ-трехъ мѣстахъ поднимаются черныя шпили костеловъ,— вотъ и все, что открывается передъ путешественникомъ.

Я жадными глазами смотрѣлъ на знаменитую когда-то столицу королей польскихъ и выискивалъ остатки старины.

«Варошъ»—древнее польское слово, отъ котораго произошло имя Варшава, значитъ укрѣпленное мѣсто. Первая упоминанія о ней относятся къ 1225 году, а со середины XIV вѣка она дѣлается уже постоянною резиденціей князей Мазовецкихъ. Родъ ихъ кончился въ 1526 г., и съ этого времени Варшава перешла во власть Польши; въ 1596 г. Сигизмундъ III перенесъ въ нее и резиденцію королей.

Мостъ кончился; впереди открылся крутой подъемъ на гору; сирава длиною полосою зеленѣлъ старый паркъ, изъ-за котораго вставали темносѣрыя стѣны и глядѣли окна бывшего королевскаго замка. Громадная широкая терраса опоясываетъ замокъ со стороны Вислы; и террасы, и замокъ—безмолвны и пусты. Жизнь бьетъ ключомъ только у подножія его—на площади, на которую выходитъ другая сторона замка: тамъ несутся трамваи, движется гуща колясокъ и пѣшеходовъ.

Площадь эта—начало лучшей улицы города—Краковскаго Предмѣстья; у самаго истока ея противъ замка высится угрюмая квадратная башня, особенно долженствующая привлекать вниманіе русскихъ: въ ней томился когда-то митрополитъ Филаретъ. Средину площади занимаетъ высокая круглая комната; наверху ся, на небольшой площадкѣ, съ 1644 г. стоитъ съ крестомъ въ рукѣ Сигизмундъ III и озираетъ свою столицу. Она растетъ безумно. Уже давно вырвались улицы изъ тѣснаго «Стараго города» и убѣжали на многія версты во всѣ концы. Краковское Предмѣстье, Новый Свѣтъ, Уяздовская аллея, Маршалковская улица—всѣ онѣ полны блеска, шума, роскошныхъ магазиновъ и стильныхъ зданій. Сады и парки въ Варшавѣ такіе, какихъ нѣтъ нигдѣ въ Россіи.

Но... не будемте осматривать ихъ, читатель; о нихъ трое сутокъ подъ рядъ восторженно будутъ рассказывать вамъ дамы, побывавшія въ тѣхъ мѣстахъ; мы же отправимся съ вами туда, куда мало заглядываютъ туристы—въ старый, извилистый и полутемный городъ.

Но предварительно заѣдемъ въ «Нѣмецкую гостиницу»—не шикарную, но чистую и дешевую, оставимъ тамъ вещи, умоемся, переодѣнемся и съ Богомъ, въ дальнѣйшій путь!

Старый городъ—это развѣ одна сотая доля современной Варшавы. По мѣрѣ приближенія къ нему улицы все суживаются, начинаютъ давать извилины и наконецъ превращаются въ путанный лабиринтъ. Іезуитская, Пекарская, Кривое Коло, Рыцарская, Пивная и пр.—таковы названія этихъ тѣсныхъ ущелій, въ которыхъ можно разминуться только всадникамъ да пѣшеходамъ. Центромъ ущелій является Старое Мѣсто—небольшая квадратная площадь, сплошной музей изъ узкихъ по фронту, прижатыхъ другъ ко другу двухъ и трехэтажныхъ домовъ XV, XVI и XVII вѣковъ.

Всякая пядь земли въ укрѣпленномъ городѣ цѣнилась въ старину чрезвычайно, и прежніе «палацы» кажутся теперь игрушечными домиками, глядящими на улицу не выше, какъ двумя и много—тремя окнами каждаго этажа. Каменные щиты съ гербами надъ узкими, сводчатыми входами указываютъ, что въ домахъ этихъ проживалъ цвѣтъ польской шляхты и магнатства; нынѣ они заполнены исключительно самою жалкою еврейскою бѣднотой. Какое

количество ея! Крохотные дворы, панели, лѣстницы, входы въ дома, все это кишить дѣтьми всякихъ возрастовъ; низы домовъ переполнены убогими лавчонками; тутъ и старое желѣзо, и зелень, и рвань подъ именемъ платья, и часы, и гири; на тротуарахъ тѣсятся торговки съ ягодами и съ чѣмъ попало; между ними чернѣютъ лапсердаки до пять и черныя, на манеръ нѣмецкихъ студенческихъ—шпачонки евреевъ. Гортанные выкрики несутся со всѣхъ сторонъ.

Бѣдная, превращенная въ гетто площадь! Какъ все вырождается на свѣтѣ! Уборы вельможъ переходятъ на плечи театральныя лакеевъ, дворцы превращаются въ пивныя склады и слесарныя мастерскія... Когда-то вмѣсто чумазыхъ ребятъ и грязныхъ евреекъ въ вылинявшихъ парикахъ на площади мелькали стройныя фигуры паненокъ, гремѣли шпоры и сабли рыцарства, ярко нестрѣли пышные кунтуши и наряды...

На срединѣ площади, тамъ, гдѣ теперь едва брызжетъ фонтанъ, украшенный сиреною—гербомъ Варшавы—находилась ратуша; жизнь города сосредочивалась вокругъ нея: здѣсь возвѣщались народу указы королей и всякія событія, здѣсь же происходили и многочисленныя страшныя казни: ломали кости, сажали на колъ, жарили въ мѣдныхъ быкахъ...

«Батя, слышишь ли ты меня?!»—вырвался здѣсь крикъ у замученнаго Остапа Бульбы, и грозное «слышу!» Тараса, отъ котораго дрогнулъ «весь миллионъ народа»,—должны помнить безмолвныя стѣны...

Грустныя думы пробуждаетъ Старое Мѣсто! Если сердца королей считали необходимымъ хранить для потомства, то какъ же не сохранить нѣчто неизмѣримо-важнѣйшее—сердце цѣлаго королевства—старую площадь? Она не велика; древніе, не отвѣчающіе современнымъ требованіямъ, дома кругомъ можно скупить по недорогой цѣнѣ. И каждый домъ убрать соответственно его вѣку...

Это не необузданная мечта: это даже не трудно достижимая дѣйствительность, при условіи дружной работы хотя бы десятка лицъ изъ среды польскихъ магнатовъ. Но магнаты вытянули безконечныя линіи дворцовъ съ зеркальными окнами на Новымъ Свѣтѣ и Уяздовской аллеѣ и болѣе «свои» въ Парижѣ, Монако и на Ривьерѣ, чѣмъ въ Варшавѣ.

Пышная Варшава богата всѣмъ, чѣмъ угодно... нѣтъ въ ней только музеевъ и хранилищъ старины. Какъ хотите, это яркій показатель смерти внутренняго «я» народа! Кто оторвался отъ прошлаго своей страны, кто не цѣнитъ и не любитъ старины,—тотъ уже не русскій и не полякъ, и не французъ, а что угодно, въ зависимости отъ вопроса.

Заглядывая во всѣ входы, дворы и закоулки, мы медленно обогнули площадь и подошли къ узкому, какъ и сосѣди его, вытянутому на три этажа вверхъ, дому № 27, уже четвертое столѣтіе при-

надлежащему виноторговцамъ Фукерамъ. Стеклянная дверь—уступка времени—впустила насъ въ довольно просторную сводчатую комнату съ однимъ окномъ на улицу. Молодой представитель дома Фукеровъ былъ налицо, я попросилъ его разрѣшенія осмотрѣть подвалы; намъ предложили обождать и провели насъ въ сосѣднюю полутемную комнату съ такими же сводами и единственнымъ небольшимъ окномъ, глядѣвшимъ на освѣщенный солнцемъ крохотный дворикъ. Нѣсколько темныхъ дубовыхъ столовъ и такихъ же стульевъ да старинныя гравюры на стѣнахъ—виды города—вотъ и все убранство этой комнаты. Но за нее, за видъ дворика черезъ окно, продѣланное въ толстой, точно крѣпостной стѣнѣ, можно отдать цѣлый современный небоскребъ! Мы были въ древнемъ погребокѣ, сохранившемся во всѣхъ мелочахъ.

Подмѣтили ли вы, читатель, особое отличіе старинныхъ зданій отъ новыхъ, современныхъ? Послѣднія еще бездушны и нѣмы; первыя—даже развалины—таятъ въ себѣ и незримо излучаютъ частицы жизни, когда-то шумѣвшей въ нихъ; они одухотворены, глядятъ на васъ, и, можетъ быть, наступитъ день, и новые Эдиссоны откроютъ способы узнавать отъ нихъ то, что они слышали и видѣли. Старое зданіе смотритъ на васъ тысячами глазъ, и самый шумливый и жизнерадостный человѣкъ подъ вліяніемъ ихъ, хотя и не понимая, въ чемъ дѣло, начинаетъ чувствовать себя неловко, затихаетъ и проникается чѣмъ-то благоговѣйнымъ. Хочется молчать и думать...

Кабачекъ... и благоговѣніе? Да.

Своды его слышали и видѣли все, что случается въ человѣческой жизни: смѣхъ и проклятія, пѣсни и слезы, печаль и радость, видѣли они, несомнѣнно, и кровь, но развѣ есть мѣсто на землѣ, гдѣ бы она не проливалась? Спросите у храмовъ, что повидали они во времена нашествія татаръ, поляковъ или французовъ! Развѣ же менѣе стали отъ того священны? Конечно, нѣтъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ появился съ лампочкой въ рукѣ хозяинъ и пригласилъ насъ слѣдовать за нимъ. Сходъ въ погреба находился тутъ же, за дверью. По витой лѣстницѣ мы спустились внизъ; сумракъ и винный запахъ охватили насъ; лампочка свѣтилась желтою точкою, и при свѣтѣ ея можно было различить ряды бочекъ, уходившихъ въ черную глубь подъ своды подземелья; рукава его тянулись влѣво и вправо и отдѣляли, въ свою очередь, боковые коридоры. И своды, и стѣны—все поросло вѣточками особаго, такъ называемаго виннаго моха, цвѣта густой паутины.

— Мы теперь идемъ подъ площадью,—пояснялъ владѣлецъ:—подвалы захватываютъ значительную часть ея.

Между прочимъ онъ сообщилъ намъ, что у нихъ въ роду существуетъ обычай, въ силу котораго всякій изъ Фукеровъ, вступая во владѣніе фирмою, немедленно вноситъ въ дѣло мертвый капиталъ въ видѣ извѣстнаго количества бочекъ вина, которыхъ при

своей жизни онъ касаться не имѣеть права. Запасъ винъ у этой фирмы, думаю, единственный въ Россіи по старинѣ ихъ: вина имѣются съ 1606 года.

Святая святыхъ склада—погребъ такъ называемыхъ гетманскихъ, самыхъ древнихъ винъ. Фукеръ отперъ желѣзную дверь его; открылась небольшая комната съ полками вдоль стѣнъ; всѣ ихъ, отъ пола до сводовъ, покрывали ряды бутылокъ... и какихъ бутылокъ! Длинный, почти вершковый мохъ сплошь обросъ каждую изъ нихъ; горлышки бутылокъ были только чуть заткнуты пробками. Фукеръ сообщилъ, что вина лучше всего выдерживать въ бочкахъ, если же въ бутылкахъ, то только такимъ способомъ. Цѣна этому трехсотлѣтнему вину—семьдесятъ пять рублей за бутылку.

Мы поблагодарили любезнаго хозяина, поднялись наверхъ, въ древнюю винницу, въ которой, быть можетъ, пилъ и хвасталъ въ свое время знаменитый Заглоба,—выпили по стаканчику легкаго вина и вышли на улицу.

II.

Пріятно было послѣ сырой темноты опять ощутить на себѣ горячіе лучи солнца!

Нанкосокъ черезъ площадь у входа въ одинъ изъ старѣйшихъ домовъ развѣвались два флага: тамъ помѣщалась выставка разной польской старины, главнымъ образомъ керамики.

Музеевъ въ Варшавѣ нѣтъ, и мы рѣшили пополнить этотъ пробѣлъ осмотромъ выставки, тѣмъ болѣе, что газеты ее расхваливали и величали «богатой». Но... «всѣ врутъ календари», даже до сего дня! Для нищей стариною Варшавы выставка, можетъ быть, и богатая, въ дѣйствительности же ничего особенно выдающагося на ней не отыскалось. Зато футляръ, въ который ее помѣстили, оказался драгоценнымъ!

Деревянные рѣзные потолки, лѣстницы между этажами, комнаты—все это сохранилось въ немъ полностью. Какая все это красота, и, сказалъ бы, какой просторъ! Всего три окна у дома по фасаду, а комнаты велики и высоки въ немъ даже для нашего времени: старинные дома имѣютъ большую глубину въ сторону двора. Невольно вспоминаются придавленные низкими сводами клѣтушки-хоромы нашихъ предковъ; здѣсь ширь и просторъ, тамъ ограниченность, тяжесть и суровая мощь.

Выставки описывать не стану: старинные кубки, стаканы и прочую утварь нужно видѣть, но не описывать.

Отдохнувъ въ креслахъ XVII вѣка, мы отправились продолжать осмотръ стараго города.

Древнѣйшій въ Варшавѣ, величаво-мрачный кафедральный костель св. Іоанна высится на углу двухъ узкихъ улицъ-извилинъ, и тѣснота не даетъ возможности сразу оцѣнить и охватить

взглядомъ всю громадность и суровую красоту его готики. Три арки входа ведутъ въ него. Внутри сумерки, колонны, ряды потемнѣлыхъ скамей, статуи святыхъ и высокіе алтари. На стѣнахъ мраморные горельефы, изображающіе рыцарей, лежащихъ въ латахъ съ полусогнутой ногой и поддерживающихъ рукою голову. Это помники (памятники) тѣхъ, что похоронены подъ плитами пола костела. Здѣсь лежатъ послѣдніе князья Мазовецкіе—Станиславъ (1524 г.) и Янушъ (1526 г.), предки которыхъ еще въ XIII вѣкѣ основали часовню, превратившуюся впоследствии въ описываемый костель; здѣсь же нашли пріютъ маршалъ сейма Малаховскій, Пачелли, Казановскій и мн. др. лица, извѣстныя въ исторіи Польши.

Видъ Казимержа съ р. Вислы.

Костель богатъ и другими наслѣдіями старины: таковы мозаичный портретъ примаса Понятовскаго, работы Рафаэля, дверь изъ чернаго мрамора, вывезенная въ 1539 г. изъ одного изъ нюрнбергскихъ костеловъ, превращавшагося тогда въ лютеранскую кирку; имѣются рѣзныя кресла—даръ Собѣскаго, чаша изъ серебра, работы Сигизмунда III и т. д. Документы въ архивѣ костела восходятъ до 1402 года.

Мнѣ хотѣлось осмотрѣть подземелья костела, но ни сторожа, ни закрестіана (причетника) въ немъ не оказалось, и обратиться было не къ кому.

Перебывалъ я во множествѣ польскихъ костеловъ: всегда они открыты весь день, всегда вы застанете въ нихъ двухъ-трехъ молящихся, словно застывшихъ среди тишины на скамьяхъ,—и никогда

въ не богослужебное время не найдете ни одного сторожа: храмъ въ Польшѣ не нуждается въ охранѣ человѣка.

Ну-ка, попробуйте у насъ на часокъ оставить безъ надзора хотя бы Исаакіевскій соборъ?

Мы вышли изъ костела и, плутая по закоулкамъ, добрались до улицы Фреты.

Здѣсь было когда-то царство доминиканцевъ; сѣрый, широко и грузно осѣвшій на землю костель св. Яцка и строенія внутри довольно обширнаго двора стоятъ памятниками былого величія. Въ тяжелыхъ желѣзныхъ входныхъ дверяхъ видѣются пробитыя небольшія отверстія: черезъ нихъ во время мора доминиканцы переговаривались со внѣшнимъ міромъ. Чтобы попасть въ костель, надо съ паперти спуститься довольно глубоко внизъ по нѣсколькимъ ступенькамъ.

Опять полусумракъ охватываетъ васъ, со стѣнъ, между боковыми алтарями, глядятъ помники...

Не безъ труда удалось мнѣ отыскать гдѣ-то подъ колокольной каморку сторожа, и онъ направилъ меня за полученіемъ разрѣшенія на осмотръ подземелій къ ксендзу Домбровскому.

Ксендзъ оказался весьма привѣтливымъ человѣкомъ; немедленно онъ отдалъ распоряженіе открыть подземелья; для этого требовалось отвалить тяжелыя каменные плиты пола, и осмотръ поэтому былъ отложенъ нами на нѣсколько часовъ.

III.

Въ назначенный срокъ мы вмѣстѣ съ о. Домбровскимъ отправились черезъ дворъ въ костель. Къ задней стѣнѣ костела примыкаетъ огромное зданіе, гдѣ когда-то жили монахи; ксендзъ отворилъ дверь, и изъ нея вырвался оглушительный шумъ; мы сошли внизъ и очутились въ широкомъ, какъ добрый современный залъ, полутемномъ коридорѣ; по обѣ стороны его видѣлись двери въ кельи, а въ вышинѣ смыкались стрѣльчатые своды. Коридоръ кишѣлъ дѣтворою; сотни двѣ малышей съ пѣніемъ маршировали по немъ; ребятишками дирижировали двѣ еще молодыя дѣвушки въ темныхъ платьяхъ и необычайныхъ размѣровъ бѣлыхъ головныхъ уборахъ—сестры милосердія.

— Это наши ясли...—пояснилъ о. Домбровскій.

Извилистые сумрачные переходы привели насъ въ костель; тамъ уже ждали рабочіе; полъ казался исковерканнымъ: мѣстахъ въ десяти въ немъ чернѣли провалы и рядомъ съ ними грудились неотесанной стороной вверхъ отвороченныя плиты.

Мы зажгли свѣчи, и ксендзъ первымъ спустился въ ближайшее къ алтарю отверстіе. Сырость и мракъ охватили насъ. Пахло землей и истлѣвшимъ деревомъ. Неровный земляной полъ усѣивали

остатки развалившихся гробовъ, темно-желтыя человѣческія кости и обрывки одеждъ мертвецовъ. Мѣстами у кирпичныхъ стѣнъ стояли еще цѣлыя, черныя гробы съ крышками и безъ нихъ, внутри бурѣли черепа и скелеты. Очевидно, передъ тѣмъ, какъ спускаться въ подземелье новаго покойника, среди прежнихъ жильцовъ расчищали для него помощью лопатъ мѣсто, а разсыпавшіяся останки отгребали въ кучи, завалами преграждающія теперь подземелье. Уже давно костелы перестали служить мѣстами погребеній: подземелья закрыты, и никто въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ не заглядывалъ подъ ихъ низкіе своды.

«Лучше быть псомъ живымъ, чѣмъ львомъ мертвымъ», вспомнилось мнѣ слова древняго мудреца.

Постояли мы на костяхъ когда-то сильныхъ міра сего и выбрались обратно, въ костель.

Ксендзь повелъ насъ въ слѣдующее подземелье. Всѣ они приблизительно одинаковы: длинныя и узкія комнаты, не имѣющія сообщенія другъ съ другомъ; мнѣ показалось, что ранѣе было иначе и что они замурованы другъ отъ друга въ позднѣйшее время. Однообразная картина встрѣчала насъ во всѣхъ подземельяхъ; исключеніями оказались только два—сплошь набитыя почернѣвшими и желтыми костями и черепами. Монахи ли тамъ лежатъ, магнаты ли—это уже разберется не раньше трубы архангела.

Послѣднимъ мѣстомъ осмотра была круглая мраморная каплица, первая слѣва отъ входа въ костель. Со стѣнъ ея глядѣли на насъ портреты строителей ея—мужа и жены—въ старинныхъ польскихъ костюмахъ.

Рабочіе вынули нѣсколько деревянныхъ досокъ пола каплицы, и изъ небольшого склепа черными громадами выступили, почти касаясь крышками пола, два массивные, художественной отливки чугунные гроба. Въ нихъ спятъ строители. Что отъ нихъ уцѣлѣло—не знаю, такъ какъ приподнять тяжелыя крышки оказалось невозможнымъ. Но если бы тѣ, что нашли пріютъ подъ плитами костела, могли взглянуть на груды своихъ костей, облипшихъ мѣстами кожей, тряпками и пылью, они нашли бы, что почетъ людей—суета суетъ и что неизмѣримо лучше бы было имъ истлѣть безслѣдно гдѣ-нибудь подъ зеленой березой, чѣмъ въ черной «почетной» норѣ подъ поломъ.

Съ чувствомъ облегченія вышли мы на дворъ послѣ визита къ мертвымъ. Душный городской воздухъ показался свѣжимъ и чистымъ; хотѣлось засмѣяться, глядя на синее небо.

Руки и платье у насъ были перепачканы пылью и паутиной; ксендзь ни за что не хотѣлъ отпустить насъ въ такомъ видѣ и повелъ къ себѣ на квартиру.

Тамъ, въ чисто убранной комнаткѣ съ огромнымъ овальнымъ окномъ, начинавшимся отъ самаго пола, былъ уже приготовленъ

чай. Мы вымыли руки, вычистились и усѣлись съ гостепріимнымъ хозяиномъ. Появилась старомодная бутылка съ янтарнымъ хересомъ, имѣющимъ чудесное свойство возбуждать разговоры, и немало цѣнныхъ свѣдѣній о краѣ сообщилъ мнѣ, подъ чоканье рюмокъ, милѣйшій хозяинъ. Онъ снабдилъ насъ разными книжками-путеводителями, и не раньше, какъ часа черезъ два, мы распрощались съ нимъ.

Весь слѣдующій день мы посвятили осмотру садовъ и дворцовъ Варшавы; о нихъ я распространяться не стану: они «давно описаны и воспѣты» во всѣхъ путеводителяхъ.

Но кратко скажу, что замокъ королей польскихъ, съ 1610 года стоящій надъ Вислой,—миніатюра во всѣхъ отношеніяхъ петроградскихъ дворцовъ и только чудная широкая терраса, опоясывающая его на высотѣ второго этажа, со стороны обрыва къ рѣкѣ—восхитительна по замыслу и красотѣ вида, открывающагося съ нея. Стоящій на ней дѣйствительно царить надъ міромъ.

Зато поразительно хорошъ другой дворецъ—Лазенки.

На краю города, въ громадномъ паркѣ того же имени, среди зеленой и лиловой листвы буковъ и тиссовъ, какъ бѣлая чайка надъ протокомъ, притаилась воздушная греза восемнадцатаго вѣка—Лазенковскій дворецъ. Лазня въ переводѣ на русскій языкъ значитъ—купальня. Великій сибаритъ Станиславъ Понятовскій выстроилъ ее для себя, и, Боже мой, какая это утонченная роскошь и красота!

Насъ заставили надѣть особыя галоши изъ толстаго войлока, и въ нихъ мы безшумно скользили по драгоцѣннымъ паркетамъ залъ. Мраморные бюсты королей, картины Баккарели, Соверы и Рафаэля глядятъ на васъ со всѣхъ сторонъ; онѣ не давятъ и не загромаждаютъ стѣнъ, а дѣйствительно украшаютъ ихъ.

Какъ хорошо... что небо здѣсь къ землѣ такъ благосклонно!
И много лѣтъ и теплыхъ южныхъ зимъ
Провѣяли надъ нею полусонно;
Не тронувши ея крыломъ своимъ...

Человѣку, какъ солнечныя ванны, необходимы ванны красоты. Мы дики, потому что ихъ у насъ мало... почти нѣтъ совершенно!

Обновленные, полные XVIII вѣкомъ, вышли мы изъ Лазенокъ; тишина парка смѣнилась шумомъ; опять загремѣли и замелькали экипажи, трамваи, автомобили, закипѣла пестрая толпа пѣшеходовъ.

Вагонъ примчалъ насъ на Саксонскую площадь къ собору: мнѣ хотѣлось взглянуть на этотъ памятникъ православія въ краѣ.

Увѣнчанная золотыми куполами громада его выдержана въ византійскомъ стилѣ; по наружному виду это братъ московскаго Успенскаго собора, только значительно больше его.

Войдя, вы останавливаетесь, пораженные.

Сейчасъ, нѣсколько минутъ назадъ, въ сумеркахъ мрачныхъ костеловъ вы чувствовали незримое присутствіе грознаго, суроваго Іеговы,—здѣсь царство свѣта и Христа. Каменные орнаменты

Казимержъ. Домъ сенаторовъ.

стѣны, колонны — все въ стилѣ XII вѣка; какъ бы въ оправѣ изъ нихъ размѣщены вдохновенныя иконы Васнецова, картины изъ мозаики. Своды, полъ, стѣны, не говоря ужъ объ иконостасѣ, все драгоцѣнно, все слито въ одну гармонію.

— Великъ Богъ земли русской!—хочется воскликнуть въ этомъ соборѣ; именно такой, полонящей душу и мысль прообразъ православія и нужно было воздвигнуть среди костеловъ Варшавы.

Могучій гулъ колоколовъ его слышенъ далеко; они перелиты изъ пушекъ, взятыхъ въ 1831 г. при штурмѣ Варшавы. Все измѣняется на свѣтѣ: то, что вчера извергало огонь и смерть, нынѣ звонитъ «миръ и братство народовъ»...

IV.

Вечеромъ въ тотъ же день мы съ женой стояли на палубѣ парохода, отходившаго въ Сандомиръ, и прощались съ Варшавой. Земля была на этотъ разъ красивѣе неба: въ темной выси надъ нами кое-гдѣ проступали блѣдныя звѣзды, черный же берегъ свѣтился тысячами глазъ и сіялъ сотнями лунъ—электрическихъ фонарей. Гулъ и шумъ доносились изъ города; на широкой глади рѣки раздавались звуки оркестра: возвращался съ увеселительной прогулки «для соломенныхъ вдовцовъ» весь залитый огнями и биткомъ набитый публикой пароходъ.

Наконецъ отчалили и мы. Обрызнутая алмазами огней, черная лента Варшавы стала уходить назадъ, уже стихала, тишина овладѣвала безлюдными окрестностями. Слышался только всплескъ воды, шумно разбивавшейся о носъ парохода. Становилось сыро; надо было подуматъ о снѣ.

До отдѣльныхъ каютъ-купе на Вислѣ еще не додумались; женѣ пришлось отправиться въ общее дамское помѣщеніе, мнѣ въ мужское. Спавшихъ лежало множество; съ трудомъ умѣстился я на оставшемся на мою долю мѣстечкѣ, но не успѣло пройти и четверти часа, какъ я уже вскочилъ: по спинкѣ дивана стадомъ гуляли откормленные клопы. Любить славянство домашнихъ животныхъ—ничего съ этимъ не подѣлаешь. Ночь провелъ отвратительно.

Утромъ, вмѣстѣ съ солнышкомъ, я уже былъ на палубѣ и слѣдилъ за желто-зеленоватою водой Вислы; это одна изъ быстрѣйшихъ рѣкъ въ Россіи; струи ея мчатся всѣ въ завиткахъ отъ водоворотовъ; мы шли совсѣмъ близко подъ кручей праваго берега, и то и дѣло куски ея осѣдали, и земля съ шумомъ сыпалась въ воду. Широко раскинувшееся русло Вислы все изрѣзано желтыми продольными мелями; между ними несется лабиринтъ протоковъ.

Нѣсколько разъ мы причаливали для высадки и приѣма пассажировъ. Въ просвѣщенной Польшѣ дѣлается это такъ же просто, какъ и въ непросвѣщенной Россіи: пароходъ тыкается носомъ въ мягкій берегъ, и всѣ стоящіе на палубѣ, будто обрадовавшись свиданью, разомъ летятъ другъ другу въ объятія, а за неимѣніемъ сосѣда продѣлываютъ то же съ мачтой и вообще съ чѣмъ попалъ.

Тѣ, кому нужно выходить, какъ лягушки, прыгаютъ на берегъ; матросы отпихиваются затѣмъ шестами, и пароходъ опять шумно начинаетъ работать колесами. Разница съ Русью только одна: у насъ до седьмого колѣна были бы каждый причаль и отваль изруганы рѣшительно всѣ присутствовавшіе и отсутствовавшіе: въ Польшѣ этого не водится, и за все свое путешествіе по ней я не слышалъ ни одного сквернаго слова.

Прошли мы мимо зеленыхъ валовъ крѣпости Ивангорода, словно притаившейся подъ густыми шатрами деревьевъ, и около пяти часовъ остановились у знаменитыхъ Пулавъ, иначе Новой Александріи.

По расписанію, пароходъ долженъ былъ ночевать въ ней и только утромъ двинуться въ дальнѣйшій путь.

Предстоящее повтореніе удовольствій только что испытанной ночи насъ утратило; мы рѣшили поѣхать на лошадяхъ въ Казимержъ, переночевать тамъ въ гостиницѣ, а утромъ, въ девять часовъ, снова попасть на нашъ пароходъ.

Извозчиковъ на берегу не было.

По пыльной, мощенной камнями дорогѣ поднялись мы къ городу—жалкимъ лачужкамъ, населеннымъ почти сплошь одною еврейскою бѣднотой. Каждый изъ домишекъ непременно имѣлъ грязный чуланъ-лавчонку, торговавшую излюбленною въ Польшѣ содовою водою, пуговицами и чѣмъ угодно.

На высланныхъ плитами ухабахъ, именуемыхъ тротуарами, возѣдали кучами чумазые, растрепанные и полуголые ребятишки. Количество ихъ у евреевъ невѣроятно, и тотъ, кто поѣздилъ по Польшѣ, согласится со мной, что названіе страны давно сдѣлалось архаическимъ: царства Польскаго нѣтъ, есть царство Еврейское. Поляки въ немъ—оазисы въ Сахарѣ и, нѣтъ сомнѣнія, «не устоятъ въ неравномъ спорѣ» и эти крохи.

За полтора рубля мы наняли пролетку, давно отслужившую всѣ установленныя свыше сроки, запаслись на дорогу нѣсколькими фунтами чудной мѣстной викторіи, величиной въ картошку, и, выражаясь высокимъ стилемъ, покатали въ Казимержъ.

V.

Съ главной улицы возница нашъ почти сейчасъ же свернулъ вправо; насъ окружили сплошные густые сады съ разбросанными среди нихъ деревянными особняками; невозможная мостовая смѣнилась плотно укатаннымъ шоссе.

Мы ѣхали по владѣніямъ сельско-хозяйственнаго института; шоссированныя улицы, обсаженныя огромными деревьями, всѣ кажутся туннелями, проложенными подъ зелеными сводами; по

сторонамъ улицъ, въ заросляхъ сливъ, вишенъ, яблонь и грушъ ютятся маленькіе голубые домики, населенные студентами.

Какъ хорошо должно житься и учиться въ такомъ благословенномъ мѣстѣ.

Къ сожалѣнію, времени было мало и осмотрѣть всѣ чудеса достижений института, его знаменитыя въ краѣ паркы, сады и огороды намъ не удалось. Но и то, что мы видѣли съ экипажа, привело насъ въ полное восхищеніе.

Изъ міра безсилія, нищеты и темноты человѣчества насъ разомъ перенесло въ міръ силы, могущества и власти его надъ природой. Смѣна эта поразительна и незабываема.

«Я червь, я Богъ, я рабъ, я царь!»—эти слова имѣютъ право быть высѣченными здѣсь на мраморныхъ доскахъ на перекресткахъ.

Мы миновали Новую Александрію, затѣмъ какую-то деревушку, тоже всю заросшую садами; съ холмовъ, на которыхъ расположена она, дорога сбѣжала внизъ и, прямая, какъ стрѣла, пошла къ высокимъ горамъ, полукругомъ вздымавшимся слѣва и впереди насъ; справа, какъ серебро въ золотой оправѣ изъ песковъ, блестѣла Вилія; за нею опять вставали горы. Видъ развернулся чарующій.

Если вы бывали въ большихъ средневѣковыхъ католическихъ монастыряхъ, вамъ знакомы высокіе сводчатые галереи-коридоры съ колоннами, устраивавшіеся вокругъ дворовъ.

Точно такимъ же коридоромъ, но поражающимъ своей громадностью и мощью, казалась и дорога. По сторонамъ ея чудовищными массами бурѣли колонны-стволы тополей, достигающихъ восьми метровъ въ обхватъ. Подъ непроницаемо-густымъ переплетомъ зеленыхъ вѣтвей вѣчныя полусумерки.

Рѣдко гдѣ можно встрѣтить теперь подобныхъ растительныхъ великановъ; множество ихъ изумляетъ и восхищаетъ здѣсь.

Влѣво и вправо отъ дороги вмѣсто полей тянулись необозримыя крестьянскіе огороды. Чего, чего не было въ нихъ! И невольно вспомнилась наша Русь, гдѣ даже рожь воруютъ съ полей, а ужъ огородишко отнести чуть подальше отъ избы и мечтать нельзя!

Черезъ нѣсколько верстъ дорога стала загибаться вправо, чудовищные тополя смѣнились ветлами, тоже огромными, но уже обыкновенными.

Скоро начались сплошныя заросли изъ сливъ, грушъ и черешенъ; слѣва на горѣ показались зубцы какихъ-то развалинъ.

— Замокъ Эстерки!—пояснилъ намъ возница, указывая на нихъ рукою.

Великій Казимиръ былъ великимъ любителемъ женщинъ, и преданіе говоритъ, что прекрасная Эстеръ была причиной, по которой плѣненный ею король далъ разрѣшеніе евреямъ беспрепятственно переселяться въ Польшу.

VI.

Дорога подымалась въ гору; заросли фруктовыхъ садовъ не прерывались; то здѣсь, то тамъ среди нихъ бѣлѣли стѣны зачастую огромныхъ, старожитнихъ строеній, еще сохранявшія слѣды фигурныхъ украшеній; крыши ихъ давно исчезли; вмѣсто нихъ зеленѣли кущи деревьевъ, росшихъ внутри развалинъ; въ пробоины оконъ глядѣли кусты.

Уже вечерѣло, когда возница нашъ остановился у гостиницы «Бристоль», прижавшейся къ горѣ на самомъ переломѣ дороги.

Казимержъ. Древніе дома со св. Христофоромъ и св. Николаемъ.

спускающейся отъ нея внизъ, въ котловину, гдѣ расположенъ городъ—бывшая столица Польши,

Узкая дорога отдѣляла насъ отъ обрыва, вѣрнѣе—моря фруктовыхъ садовъ; внизу на огромной глубинѣ блестяла сквозь деревья Висла.

Съ перелома дороги открывался городъ, полный острыхъ черепичныхъ кровель; почти у самаго вѣзда вставалъ величавый костель; дальше, за площадью, выставялъ свои острые шпили другой костель—реформатскій.

Еще мы не вышли изъ экипажа, какъ возлѣ насъ уже очутился факторъ-проводникъ; мы заняли маленькую, очень чистую комнатку и немедленно отправились осматривать достопримѣчательности.

Обогнувъ костель, по дну узкаго оврага, когда-то служившему дорогой, стали мы подыматься въ гору, къ замку Казимира.

Развалины его вѣнцомъ охватываютъ самую вершину; стѣны ихъ мѣстами еще очень крѣпки и высоки. Нечего и говорить о томъ, какая красота открывается изъ оконъ ихъ во всѣ стороны! Долго мы стояли, глядя то на городъ, то на Вислу и дали за нею.

Уже темнѣло; внизу въ домахъ зажигались огни; самыя безсонныя изъ птицъ, стрижи, еще черкали высь блѣднаго неба. Ихъ слабый звенящій крикъ только и нарушалъ тишину.

Духъ «круля хлоповъ, велькего будовника» (великаго строителя), какъ именуютъ древнія записи Казимира, незримо носился надъ нами.

«Онъ засталъ Польшу деревянной и оставилъ ее каменной», говорить первый по времени изъ польскихъ историковъ, знаменитый Длугошъ.

Двадцати трехъ лѣтъ отъ роду въ 1333 году вступилъ послѣ смерти отца своего, Локетка, Казимиръ на престолъ; стихійная сила, жившая въ этомъ человѣкѣ, не знала удержа, и въ этомъ отношеніи нашъ Петръ Великій—точная копія съ него.

Краковскій епископъ, оскорбленный небывалымъ приказомъ короля взимать подати съ помѣстій епископовъ, вздумалъ отлучить его отъ церкви. Съ объявленіемъ этой страшной тогда кары отправленъ былъ къ королю викарій Боричекъ.

Но съ Казимиромъ шутки были плохи,—онъ выслушалъ святого отца и приказалъ отрезать его въ Вислѣ.

Подъ звонъ застольныхъ кубковъ и клики веселаго пира въ замкѣ Боричекъ былъ утопленъ подъ горой въ быстрой Вислѣ.

Ослушниковъ своей воли Казимиръ сажалъ въ подземелья замка и замаривалъ ихъ тамъ голодомъ.

Грозный и непреклонный въ дѣлахъ, онъ все свободное время отдавалъ охотѣ и пирамъ, и врядъ ли какой другой король умѣлъ быть такимъ же стихійно-веселымъ, какъ этотъ суровый «будовникъ».

Страшнѣйшіе изъ враговъ—голодъ и моръ, посѣтившіе страну въ 1360 юдахъ, встрѣчены были великимъ королемъ съ молоткомъ каменщика въ рукахъ; чтобы поддержать излюбленныхъ имъ хлоповъ, вездѣ предприняты были постройки изъ необтесаннаго камня-валуна замковъ, крѣпостей и всякихъ строеній, сохранившихся и до нашихъ дней.

Онъ же создалъ университетъ подъ Краковомъ и школы.

Умеръ этотъ замѣчательнѣйшій изъ людей еще полнымъ силъ; на охотѣ за оленемъ неукротимый старикъ упалъ съ коня и пропоролъ себѣ ногу; рана разболѣлась, и злая гангрена сломила могучій организмъ; 5-го ноября 1370 года хлопъ осиротѣли: «велькій будовникъ» ушелъ строить замки въ иной міръ.

Лѣтъ пятнадцать-двадцать тому назадъ промелькнуло въ газетахъ извѣстiе изъ Кракова, что, пробивая стѣну костела, «случайно» наткнулись на гробницу Казимира Великаго. Въ иллюстрированныхъ журналахъ появились фотографическiе снимки могилы—узкой ниши, гдѣ лежали сухiя кости и безглазый черепъ.

Корона и скипетръ валялись тутъ же.

И тотъ, кто видѣлъ портретъ Казимира, сразу узнавалъ и зубчатую корону и скипетръ его.

Грустно и жутко было смотрѣть на эти рисунки... Стоитъ ли дѣлать что-либо на свѣтѣ, если судьба даже величайшихъ изъ насъ—такое забвенiе? «Случайно нашли могилу...»—какая злѣйшая иронiя надъ «владыкою мiра»—человѣкомъ!

Не хотѣлось уходить изъ остатковъ замка, возбуждавшихъ такъ много мыслей. Но уже стемнѣло совершенно; проводникъ, видимо, нервничалъ,—вѣроятно, вокругъ развалинъ витають дурныя легенды,—и мы, обогнувъ кусты, растущiе между стѣнами, медленно стали спускаться внизъ.

VII.

Я отпустилъ проводника, поручивъ ему прiйти и разбудить насъ въ четыре часа утра.

Еврей исчезъ, и мы остались вдвоемъ на пустынной площади.

Я не могъ удержаться и схватилъ жену за руку.

— Смотри!—сказалъ я:—сбылась сказка; мы перенеслись въ среднiе вѣка!

Передъ нами темнѣлъ довольно большой квадратъ площади, плохо вымощенный булыжникомъ; странныхъ очертанiй островерхiе двухъэтажные дома сплошными стѣнами обступали насъ; кровли нѣкоторыхъ шатрами выпячивались далеко надъ фасадами и могли укрыть отъ дождя по нѣскольку возовъ съ сѣномъ. Съ противоположнаго конца въ гору отходили двѣ извилистыя узкiя улицы; ни единый фонарь не освѣщалъ ни ихъ, ни площадь, кое-гдѣ свѣтились еще окна.

Такъ же, какъ и мы, долженъ былъ чувствовать себя средневѣковой путникъ, прибывшiй въ чужой городъ; та же полная темнота встрѣчала его, то же безлюдье и эти же самыя, необычныя для насъ маленькiе и тѣсные дома.

Мы перешли площадь и по лѣвой изъ улицъ добрались до бѣлыхъ стѣнъ реформатскаго костела; дверь въ башенкѣ, служившей входомъ, была полуоткрыта; за нею шла куда-то наверхъ деревянная лѣстница. Мы поднялись по ней и очутились во дворѣ.

Глубокая тьма обступила насъ; едва намѣчались громоздкiя черныя тѣни стволовъ какихъ-то деревьевъ, наполнявшихъ дворъ; вершины ихъ слились въ одну сплошную гущу, совершенно не

пропускавшую свѣта. Ничто не шелохнулось: ночь заворожила мѣръ.

Мы постояли у стѣны и тихо спустились обратно.

Площадь безмолвствовала попрежнему. Мы пересѣкли ее, поднялись въ гору и усѣлись за столикомъ на открытой верандѣ «Бристолья».

Намъ подали зажженные свѣчи и ужинъ. вмѣсто потолка надъ нами сіяло звѣздами небо; казалось, мы сидѣли гдѣ-то высоко-высоко надъ землей, и черныя бездны вплотную надвинулись на насъ со всѣхъ сторонъ.

Нѣтъ, нѣтъ и вспыхивали въ нихъ фосфорическіе огоньки и, описавъ синеватую дугу, потухали: летали свѣтящіеся жучки.

Съ рѣки тянуло свѣжею сыростью...

Затрудняюсь сказать, когда я заснулъ,—успѣвъ коснуться головою подушки въ своемъ номерѣ, или это произошло еще на пути къ ней: такъ опьяняюще было дѣйствіе воздуха.

Четкій стукъ въ дверь заставилъ меня приподняться; казалось, я спалъ всего одно мгновеніе, между тѣмъ въ окно глядѣлъ блѣдный разсвѣтъ, часы показывали четыре.

Мы быстро одѣлись и, сопровождаемые проводникомъ, вышли изъ какъ бы вымершей гостиницы на улицу.

Солнце еще не вставало; было свѣжо, роса свинцовымъ налетомъ покрывала траву; съ листьевъ деревьевъ капало какъ послѣ дождя.

Городокъ еще спалъ.

Восходъ солнца засталъ насъ на развалинахъ замка: хотѣлось еще разъ полюбоваться видомъ, развертывающимся оттуда.

Кто бывалъ въ горахъ, тотъ знаетъ, какой подъемъ духа рождается у человѣка на ихъ вершинахъ. Обыденное, мелкое—все осталось гдѣ-то тамъ, внизу, у подножья горы, и душа, отряхнувшаяся, какъ вѣтка отъ капель дождя, начинаетъ расправлять свои крылья.

Даже у Христа величайшая проповѣдь была—нагорная!

Полные очарованія, медленно прошли мы по гребню горы къ круглой сѣрой башнѣ, одиноко возвышающейся въ сторонѣ отъ замка. Входъ въ нее замурованъ и, по словамъ проводника, она сообщалась съ замкомъ подземнымъ ходомъ. Самый замокъ былъ невеликъ: четыре комнаты внизу и столько же наверху, изъ которыхъ одна была каплицею—вотъ и все, чѣмъ довольствовался великій король.

Неподалеку отъ башни зеленѣли сады; изъ нихъ выглядывали домики-дачки. Мимо нихъ, вершиной другой горы, отдѣленной отъ замковой оврагомъ и дорогой, мы направились въ обратный путь.

Дорожка вывела насъ къ заброшенному старому кладбищу, расположенному на самомъ обрывѣ горы надъ городомъ. Три громадныхъ почернѣлыхъ деревянныхъ креста возвышаются надъ заросшими травой могильными холмиками: подъ ними лежатъ холерные.

Казимержъ. Древнее зданіе, превращенное въ амбаръ.

VIII.

По тропкѣ, пробитой козами и дѣтьми, спустились мы по почти отвѣсной кручѣ внизъ и очутились среди задворокъ. Зажавъ носы, быстро миновали мы ихъ, и спутникъ нашъ побѣждалъ будить при-
вратника костела.

Зданіе это возведено въ стилѣ поздняго ренессанса, столь излюбленнаго польской землей. Спокойствіе и мощь—таково впечатлѣніе отъ него.

Выстроено оно въ 1610 году, но кое-какіе предметы перенесены въ него изъ древняго, видѣвшаго самого Казимира. Особенно любопытна люстра, висѣющая надъ серединой костела: къ ней придѣланы рога оленя, убитаго королемъ.

Хороши темныя ряды древнихъ дубовыхъ скамей для молящихся и амвонъ для проповѣдника, покрытыя сплошною рѣзбой. Стѣны костела заслонены обычными «помниками» его строителей и возобновителей.

Площадь была еще пустынна, когда мы вновь очутились на ней; кое-гдѣ бродили козы.

Средніе вѣка опять окружили насъ. Но впечатлѣніе теперь было иное: яркое, веселое утро сдернуло покровъ мрака, и каждый домъ отчетливо выступалъ во всѣхъ подробностяхъ, полныхъ красоты и убожества. Смѣсь ихъ здѣсь поразительна!

Съ лѣвой стороны площадь замыкается двухъэтажнымъ домомъ изъ темно-сѣраго камня въ стилѣ того же ренессанса. Третій этажъ, какъ это часто дѣлали въ старину, имѣетъ только одну, переднюю стѣнку, служащую лишь для украшенія; гребень ея установленъ, словно шахматными фигурами, разнообразными колонками; фасадъ весь покрытъ лѣпными и высѣченными изъ камня орнаментами: оконъ въ домѣ всего три и два первыхъ отдѣлены отъ послѣдняго широкимъ промежуткомъ. На немъ выступаетъ огромная фигура св. Христофора, держащая въ рукѣ вмѣсто палки цѣлое деревцо; на плечѣ его сидитъ младенецъ Христосъ. Голова у св. Христофора собачья.

Фигура эта дала названіе всему дому: онъ именуется домомъ подъ св. Христофоромъ.

Рядомъ съ нимъ другой домъ, почти одинаковыхъ размѣровъ, съ фигурой св. Николая на такомъ же мѣстѣ между окнами; богато орнаментированный фасадъ его опирается внизу на три арки. Трудно сказать, какой изъ домовъ лучше: оба таковы, что ихъ слѣдовало бы прикрыть стекляннымъ колпакомъ и беречь наравнѣ съ любимыми картинными галереями міра.

Кто были строители и первые владѣльцы этихъ дворцовъ, несомнѣнно, носившіе имена Николая и Христофора, неизвѣстно.

Теперь въ нихъ торгуютъ дегтемъ, керосиномъ и колесной мазью. Объ этомъ достаточно свидѣтельствовали измазанные и облупленные входы въ лавчонки, ютящіяся въ нижнихъ этажахъ.

Перейдя мутный, загаженный ручей, мы попали на Сенаторскую улицу.

— Здѣсь жили господа сенаторы, — пояснилъ проводникъ, забѣгавшій для большей убѣдительности своихъ разсказовъ то съ лѣвой, то съ правой стороны.

Мостовой не было и въ поминѣ. Изрытая глубокими ямами, улица идетъ къ Вислѣ по берегу ручья; въ видахъ удобства обы-

вателей надъ самой серединой его устроено нѣсколько плохо сколоченныхъ деревянныхъ будочекъ, служащихъ для неизменнѣмыхъ обыкновенно дѣяній человѣка. За ручьемъ тянулись заросли знаменитыхъ сливъ. Тутъ же, между двумя будочками, какая-то еврейка мыла бѣлье свое...

— Смотрите, господинъ, сенаторскій домъ... самый старѣйшій домъ въ городѣ...—раздался голосъ проводника.

Я оглянулся.

Рядъ буро-грязныхъ каменныхъ лачугъ съ выбитыми окнами, съ растрескавшимися стѣнами всталъ передъ моими глазами. Въ нѣкоторыхъ лачугахъ еще жили: объ этомъ свидѣтельствовали пуки грязныхъ тряпокъ, торчавшіе въ рамахъ вмѣсто стеколъ. Въ мертвые впадины оконъ другихъ глядѣла внутренность пустыхъ дворовъ.

Каждая изъ этихъ завтрашнихъ развалинъ можетъ числить за собой не менѣе 300—400 лѣтъ. Среди нихъ, плотно стиснутый умирающими сосѣдями, стоитъ «сенаторскій» домъ—воплощенная мечта большого художника.

Двухъэтажный, съ тремя окнами, раздѣленными неравными простѣнками, онъ, несомнѣнно, послужилъ образцомъ для строителей двухъ описанныхъ выше домовъ.

Верхній фальшь-этажъ имѣетъ два яруса: первый состоитъ изъ восьми полукруглыхъ нишъ, раздѣленныхъ колоннами; на нихъ вознесены три портала со стоящими въ нихъ статуями святыхъ. Порталы, карнизы, мѣста вокругъ оконъ—все убрано каменными кружевами.

Часть вазъ и другихъ украшеній на порталахъ повалилась; какъ разъ посрединѣ фальшь-яруса зіяла огромная пробоина, и изъ нея торчали куски желѣза.

IX.

Мы вошли въ низкую дверь; вонь и темнота охватили насъ. Что-то огромное всхрапнуло и, затоптавъ, метнулось прочь изъ-подъ самыхъ ногъ моихъ.

— Ничего... ничего... это свинья сюда забрела!—заявилъ проводникъ:—вездѣ онѣ шляются!

Мы выбрались во дворъ. Картина развернулась ужасающая: то, что мы видѣли съ улицы, было только декорацией; позади нея къ еще державшимся каменнымъ фасадамъ домовъ были приткнуты сбитые изъ торчавшихъ вкривь и вкось досокъ подобія жилищъ, только жестяными трубами отличавшихся отъ дрянныхъ коровниковъ; между ними зіяли пустыри, заваленные мусоромъ, выставлялись осыпающіяся, совершенно обнаженные кирпичныя и плитняныя внутреннія стѣны. Нельзя было стоять—такая густая вонь

неслась со всѣхъ дворовъ, видныхъ одинъ съ другого, какъ на ладони. Въ чудомъ уцѣлѣвшемъ сенаторскомъ домѣ помѣщается хедеръ—еврейское училище. Грязь въ немъ такая, что любой извозчичій трактиръ показался бы рядомъ съ нимъ Лувромъ.

Помимо хедера, тамъ же ютится семья «хлоповъ», католиковъ.

Я вышелъ подавленный... Боже мой, какой ужасъ существуетъ на свѣтѣ! И точно нарочно, самая страшная бѣднота пріютилась именно тамъ, гдѣ когда-то царили золото и знатность! А теперь... Сенаторы Рѣчи Посполитой—и свиньи! Дворцы—и пріюты дегтя, нищеты и хедеровъ!

Съ Сенаторской улицы мы направились къ костелу бывшего монастыря Реформаторовъ; на холмѣ, за бѣлой стѣной его сурово вытянулось огромное двухъэтажное каменное строеніе; въ немъ помѣщались когда-то кельи и монастырскія службы.

Проводникъ, а за нимъ мы вошли въ дверь, и сводчатый коридоръ вывелъ насъ на заросшій травой, безмолвный внутренній дворъ, имѣвшій видъ небольшого прямоугольника. Со всѣхъ сторонъ замыкались красныя стѣны и смотрѣли тусклыя окна; у самой дорожки, упиравшейся въ дверь другого зданія, находился круглый глубокій колодезь, выложенный кирпичомъ.

Еврей попросилъ насъ обождать, а самъ побѣжалъ разыскивать привратника, у котораго хранились ключи отъ костела и отъ подземелій.

Эти подземелья являлись главной приманкой для меня: я слышалъ, что въ нихъ находятся мертвецы, сохранившіеся настолько, что, несмотря на двѣ и болѣе сотни лѣтъ, пронесшіяся надъ ними, ихъ можно было бы счесть за только что умершихъ. Особенно, говорили мнѣ, поразителенъ среди нихъ монахъ-великанъ.

X.

Ожидать намъ пришлось долго; я съ нетерпѣніемъ поглядывалъ на часы; былъ уже седьмой часъ, и времени у насъ оставалось немного. Наконецъ прибѣжалъ проводникъ.

— И едва разбудилъ его!—затараторилъ онъ:—очень они любятъ спать здѣсь!

Мы вернулись прежнимъ путемъ, дошли до башенки-входа и по знакомой уже, крытой лѣстницѣ поднялись къ костелу. Дворикъ, вѣрнѣе садикъ, оказался почти круглымъ; его наполняли огромные каштаны; между темными стволами ихъ бѣлѣли арки стѣнъ, расписанныхъ картинами изъ Священнаго Писанія; лучи солнца проникали кое-гдѣ сквозь зелень вѣтвей, и яркія пятна играли на пескѣ дорожки. Уютъ и тишина охватили насъ.

Немного погодя явился заспанный владыка ключей и со свирѣпымъ видомъ принялся дергать за ручку звонка, висѣвшую у двери около костела.

Прошло минутъ десять, и наконецъ дверь отворилась; изъ нея выглянуло бритое круглое лицо какого-то человѣка, одѣтаго въ сѣрую куртку.

Ксендзь, отъ котораго зависѣло полученіе разрѣшенія на осмотръ подземелій, еще спалъ, и когда я сказалъ, что нельзя ли разбудить его, къ моему заявленію оба служителя отнеслись какъ къ святотатству.

Ни увѣщанія, ни соблазнительный видъ російскаго рубля не помогали. Дѣлать было нечего.

Пожелалъ я въ глубинѣ души злѣйшей безсонницы на всю остальную жизнь сладко храпѣвшему на перинахъ ксендзу и вслѣдъ за своими спутниками отправился въ костель.

Любопытнаго въ немъ, кромѣ средневѣковой бібліотеки, ничего не оказалось. Но разсматривать толстые фоліанты въ переплеткахъ изъ дубовыхъ досокъ, обтянутыхъ тисненой кожей, было некогда. Мы ограничились «взглядомъ и нѣчто» и распростлились съ костеломъ и его хранителями.

Мѣстечко уже просыпалось.

Изъ дверей и оконъ домовъ выставлялись всклокоченныя головы еврейскихъ дѣтишекъ; хозяйки съ озабоченнымъ видомъ выносили помои и мусоръ и вываливали все это пахучее добро на улицу... Жалкое существованіе началось.

Велика сила, таящаяся въ землѣ! Я чувствовалъ ее, остановившись на Плебанскомъ камнѣ и глядя на городъ и развалины замка. Шумная и яркая когда-то жизнь ушла изъ нихъ; ее смѣнило прозябаніе.

А на смѣну ему уже встаетъ побѣдительница всего—стихія—природа и шлетъ одинъ за другимъ изъ земли своихъ борцовъ—стволы деревьевъ. Они вездѣ. Зеленымъ необозримымъ полчищемъ надвинулись они отъ рѣки и оттѣснили людей къ центру городка; на развалинахъ, на остаткахъ стѣнъ, на грудахъ камней—вездѣ кусты и деревья. И какъ было бы хорошо, если бы они со всѣмъ и навсегда вытѣснили бы своего соперника-человѣка изъ этихъ мѣстъ!

Миновавъ домъ подъ св. Николаемъ, мы вошли въ загаженный проѣздъ, устроенный подъ однимъ изъ сосѣднихъ съ нимъ домовъ, и на просторномъ дворѣ увидали невысокое, грузно осѣвшее на землю зданіе, сложенное изъ необдѣланныхъ булыжныхъ камней.

Это была послѣдняя достопамятность города—синагога, насчитывающая за собою свыше пятисотъ лѣтъ.

Почти квадратная дверь въ нее была заперта; проводникъ побѣждалъ разыскивать служку, а мы стали осматриваться; вонь разила нестерпимая.

Почти рядомъ съ синагогой, на самомъ берегу ручья расположена бойня; около нея лежало нѣсколько связанныхъ телятъ,

первое, что должны видѣть во дворѣ отвратительныя картины убоя животныхъ; какая-то еврейка мыла посуду въ поганой водѣ ручья; въ углахъ и около стѣнъ синагоги землю исполосовывали многочисленныя лужи и другого рода нерукотворныя памятники, обыкновенно бывающіе на Руси въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прибиты вывѣски: «астанавливаца строга воспрѣщаеца».

Къ намъ подошелъ чернородый еврей и, отрекомендовавшись канторомъ, предложилъ показать синагогу.

Я отказался.

Почти сейчасъ же появился нашъ спутникъ, сопровождаемый древнимъ старикомъ съ красными, гноящимися глазами. Старикъ отперъ дверь, и мы вступили въ еврейское святилище.

Выстроено оно въ видѣ полукруга. Свѣтъ проникалъ въ небольшія окна, продѣланныя высоко надъ землей. Потолокъ расписанъ изображеніями мѣсяцевъ.

Слѣва наверху за узкой рѣшетчатой рамой устроены хоры для женщинъ; у евреевъ каждый полъ молится отдѣльно.

Изъѣденные временемъ почернѣлыя столы и скамьи занимали внутренность синагоги; позади нихъ возвышался небольшой помостъ, обнесенный деревянными перилами.

Старикъ досталъ какую-то древнюю книгу, написанную на пергаментѣ и украшенную рисованными отъ руки заставками и виньетками; канторъ, желая принять участіе хотя въ этомъ показѣ, сталъ вырывать ее у него; старикъ не давалъ и, мусдя дрожащія грязныя пальцы, спѣшно листалъ передъ нами драгоценныя страницы, оставляя на нихъ мокрыя полосы грязи. Въ спорѣ вступился и принялся вырывать къ себѣ книгу еще какой-то третій еврей, появившійся неизвестно когда и откуда. Поднялся гвалтъ.

Мы поторопились уйти.

Надо было видѣть, съ какой жадностью хватали и дѣлили между собой мои гривенники трое оставшихся!

Парохода на рѣкѣ еще видно не было.

Мы запаслись на базарѣ ягодами, вернулись въ гостиницу, напились кофе и, расплатившись со всеѣми своими кредиторами, отправились на берегъ.

Пристани въ древней столицѣ королевства нѣтъ и въ поминѣ. Мы усѣлись на сложенныхъ въ груды бревнахъ и принялись за ягоды.

Въ половинѣ девятаго подбѣжалъ нашъ «Вавель», ткнулся носомъ въ берегъ, съ борта его сдвинули доску-сходни, и мы очутились на палубѣ.

Прощай, древній Казимержъ! Прощай, незабываемый урокъ челоуѣческой силѣ и гордости!

С. Р. Минцловъ.

(Окончаніе съ слѣдующей книжечъ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Письма и бумаги Суворова. Томъ первый. Письма 1764—1781 гг. Объяснилъ и примѣчаніями снабдилъ В. Алексѣевъ. Петроградъ. 1916. 8°. Стр. XIV+462. Цѣна 5 р. 50 к.

ВЕЧАТЬ особенной, необычайной, благоговѣйной любви ле-
жить на этой книгѣ, и выходъ ея нельзя не привѣтствовать. Она—ре-
зультатъ 17-лѣтней неустанной и упорной работы собирателя, пре-
терпѣвшаго на своемъ пути немало огорченій и разочарованій въ по-
искахъ за подлинниками писемъ и бумагъ Суворова, —ибо въ изда-
ніе свое онъ рѣшилъ включить только то, что самъ видѣлъ, самъ чи-
талъ. Его недоверіе къ прежнимъ публикаціямъ станетъ до извѣст-
ной степени понятно, когда ознакомишься съ тѣмъ, что дѣлали съ
текстами Суворова Фуксъ, С. Глинка, Голубцовъ и другіе «по-
клонники» великаго полководца, плохо разбиравшіе его чрезвы-
чайно трудный почеркъ и своеобразную, подчасъ чудаконатую
орфографію (ср. стр. X—XI), а иногда и сознательно передѣлывав-
шіе или «исправлявшіе» его тексты. Но почтенный издатель, по
нашему мнѣнію, въ своемъ скептицизмѣ перешелъ черезъ край, исключивъ изъ
своего собранія, издавнаго съ большими трудами (когда-то еще мы дождемся
новаго?), всѣ публикаціи Бартенева, графа Милорадовича, Н. Сушкова и др.
лицъ, заслуживающихъ того или иного довѣрія; изъ-за этого цѣлые годы
жизни и дѣятельности Суворова и отношенія его къ такимъ лицамъ, какъ
Потемкинъ, А. И. Бибииковъ, Я. И. Булгаковъ, С. Милорадовичъ и многія другія,
остались или вовсе не освѣщенными, или мало освѣщенными, какъ будто слѣдовъ
этихъ сношеній не сохранилось вовсе или сохранилось мало: напечатанныя въ об-
щей хронологической послѣдовательности, хотя бы и инымъ, болѣе мелкимъ
шрифтомъ, съ соответственными оговорками, эти пропущенныя письма принесли

бы свою долю пользы, давъ читателю если и не безусловно вѣрный Суворовскій текстъ писемъ (самъ г. Алексѣевъ совершенно правильно не сохраняетъ орфографіи подлинниковъ), то приблизительно точное ихъ содержаніе.

Книга открывается посвященіемъ Государю Императору, давшему средства на ея изданіе, и предисловіемъ издателя, весьма цѣннымъ для уясненія методовъ его работы и трудностей, которыя ему пришлось преодолѣвать на своемъ пути къ намѣченной цѣли. Затѣмъ слѣдуетъ текстъ автобіографіи Суворова, написанной 28-го октября 1790 г. въ Молдавіи, незадолго до знаменитаго штурма Измаила, первостепенной важности; послѣ автобіографіи идутъ собственно письма Суворова, начинающіяся письмомъ отъ 27 января 1764 г., на плохомъ французскомъ языкѣ къ Л. И. Кульневой (матери героя Отечественной войны) и кончающіяся письмомъ отъ 19-го ноября 1781 г. къ П. И. Турчанинову; всѣхъ писемъ 116, всѣхъ корреспондентовъ всего около двадцати (М. Н. Кречетниковъ, И. И. фонъ-Веймарнъ, И. Л. Чернышевъ, Г. А. Потемкинъ, гр. П. И. Салтыковъ, гр. П. А. Румянцевъ, А. Д. Константиновъ, П. И. Турчаниновъ и др.). При каждомъ письмѣ тутъ же указано, гдѣ находится его подлинникъ. Тотъ или иной вопросъ, требующій, по связи съ текстами Суворова, объясненія, даетъ поводъ издателю производить цѣлыя изслѣдованія—біографическія и историческія—нерѣдко съ привлеченіемъ архивныхъ матеріаловъ или источниковъ мало извѣстныхъ или труднодоступныхъ: таковы изслѣдованія по вопросу о будто бы шведскомъ происхожденіи Суворовыхъ (стр. 213—219), о годѣ рожденія фельдмаршала (стр. 219—221), о дѣятельности его во вторую Турецкую войну (стр. 261—272), о Шагинъ-Гиреѣ, послѣднемъ ханѣ крымскомъ (стр. 316—323), о портретахъ Суворова, его отца, жены и дочери (стр. 423—424), объ имѣніяхъ его и т. под.; таковы біографіи родственниковъ Суворова и лицъ, съ которыми онъ находился въ письменныхъ или иныхъ сношеніяхъ, напр., о В. И. Суворовой (стр. 309—314), о П. И. Турчаниновѣ и его женѣ (стр. 327—330), о князѣ Н. В. Репнинѣ (стр. 401—409), о Н. А. Суворовой—дочери фельдмаршала (стр. 336—341), о В. И. Суворовѣ—отцѣ его (стр. 417—427), о М. Ѳ. Каменскомъ (стр. 395—400) и т. д.; біографіи не формальныя, а живыя очерки съ характеристиками, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ хотѣлось бы видѣть ссылки на источники автора, которому надо отдать все должное, въ смыслѣ освѣдомленности и трудолюбія. Къ документамъ (стр. 3—209) онъ далъ 424 объяснительныхъ примѣчанія, во второй части книги (213—432) къ одной автобіографіи фельдмаршала дано 139 объясненій! Добросовѣстность издателя иногда переходитъ въ излишнюю педантичность: такъ, вполне резонно рѣшивъ не соблюдать «орфографіи» Суворова при печатаніи его писаній, онъ соблюдаетъ его пунктуацию (напр., стр. 49, 50, 114, 147 и мн. др.); затѣмъ, на нашъ взглядъ, совершенно излишне щепетильное указаніе всѣхъ отличій прежнихъ публикацій писемъ Суворова по сравненію съ его оригиналами, по которымъ, какъ мы узнали выше, издатель справедливо признаетъ единственно возможнымъ научное изданіе текстовъ: достаточно было бы и сдѣланной имъ общей оговорки и примѣровъ, приведенныхъ въ предисловіи; въ крайнемъ случаѣ, мы перенесли бы эти разночтенія въ конецъ книги, а вмѣсто того примѣчанія и объясненія къ тексту помѣстили бы, для удобства ихъ чтенія, подъ строкою, ибо, при

валовой нумераціи примѣчаній, ихъ трудно разыскивать въ концѣ книги, а подстрочныя текстуальныя разночтенія только напрасно затрудняютъ чтеніе и отвлекаютъ и разбиваютъ впечатлѣніе. Что касается указателя, то желательно было бы видѣть его болѣе полнымъ (въ него внесены лишь имена изъ текста, да и то не всѣ, но опущены всѣ имена изъ цѣннѣйшихъ объясненій редактора) и единымъ (даны указатели на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, причемъ въ обоихъ встрѣчаются одни и тѣ же имена). Съ нетерпѣніемъ будемъ ждать второго тома этого монументальнаго и замѣчательнаго изданія, столь цѣннаго для историка и біографа Суворова; во второмъ томѣ издатель обѣщаетъ дать писанія полководца за 1782—1793 г. включительно. Богъ въ помощь!

В. Модзалевскій.

М. Н. Покровскій. Очеркъ исторіи русской культуры. Часть 1-я. Изданіе т-ва «Міръ». Москва. 1915. Стр. V+283. Ц. 2 р.

Въ первой части авторъ разсматриваетъ экономическій и государственный строй Россіи. Этимъ отдѣламъ онъ предпосылаетъ «предварительныя замѣчанія», гдѣ выясняетъ понятіе культуры и ея исторіи, матеріалистическое пониманіе исторіи, защищаемое авторомъ весьма горячо, и указываетъ на дѣленія своего труда. Отдѣлъ объ экономическомъ строѣ распадается на главы о первобытномъ хозяйствѣ, «городскомъ» хозяйствѣ, торговомъ капитализмѣ, крѣпостномъ хозяйствѣ и современномъ капитализмѣ. Въ отдѣлѣ о государственномъ строѣ главъ всего три: военно-финансовая организація, судъ и центральная власть. Изложеніе доведено всюду до самаго послѣдняго времени, но, конечно, до великой войны. Книга безусловно интересна и содержательна, и ознакомленіе съ нею можетъ принести пользу нашей публикѣ особенно теперь, когда грозныя политическія событія заставляютъ насъ возможно глубже и всесторонне изучать свою великую родину. Но, на ряду съ этимъ, трудъ г. Покровскаго возбуждаетъ и нѣкоторыя недоумѣнія. Такъ, авторъ, видимо, назначаетъ свою книгу для широкаго круга читателей, но на ряду съ этимъ признаетъ, что пожертвовалъ общедоступностью изложенія, его легкостью и занимательностью для сокращенія объема книги. Въ результатѣ получились не отрицаемыя самимъ г. Покровскимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сухость изложенія и краткость его, доходящая до того, что среднему читателю придется неоднократно прибѣгать къ энциклопедическимъ справочникамъ. Затѣмъ стремленіе къ краткости изложенія привело къ полному отсутствію ссылокъ, поясняющихъ цитаты. Авторъ, по его словамъ, призналъ полную ненужность ихъ въ книгѣ, предназначенной для широкой публики. Отсутствіе подстрочныхъ ссылокъ сильно затруднитъ специалистовъ, которые пожелали бы провѣрить выводы г. Покровскаго; съ другой стороны, не надо смотрѣть на неспециалистовъ такимъ образомъ, что они должны принять всѣ выводы автора за непреложныя догматы. И между рядовыми читателями найдутся лица, которые знаютъ по данному вопросу иныя положенія, чѣмъ выставляемыя авторомъ. Имъ также захочется провѣрить г. Покровскаго, но это совершенно неосуществимо. Правда, въ концѣ каждой главы

авторъ даетъ общую библиографію предмета, но самъ предвидитъ (и мы охотно съ нимъ соглашаемся), что выборъ даваемыхъ имъ книгъ и субъективенъ и пристрастенъ. Достаточно сказать, что, по мнѣнію автора, науку русской исторіи создавала бюрократическая университетская среда, отъ которой, по видимому, онъ хочетъ тщательно отмежеваться.

Трудъ г. Покровскаго задуманъ широко: къ двумъ отдѣламъ онъ предполагаетъ прибавить еще три: исторію религіознаго развитія русскаго народа, его идеологію, литературу и искусство. Правда, авторъ еще не знаетъ, доведетъ ли онъ до конца свой трудъ: «современная русская дѣйствительность такъ сложна». Во всякомъ случаѣ мы желаемъ ему успѣшнаго продолженія работы, а читателей ея приглашаемъ относиться къ ней возможно вдумчиво и критически.

Л. Л.

Труды полтавской ученой архивной комиссіи. Издано подъ редакціей дѣйствительныхъ членовъ комиссіи И. Ф. Павловскаго, А. Ф. Мальцева и Л. В. Падалки. Выпускъ 13. Полтава. 1915.

Книга открывается обстоятельнымъ отчетомъ о первомъ съѣздѣ представителей губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій въ Петроградѣ 6—8-го мая 1914 года. Отчетъ подписанъ представителемъ полтавской ученой архивной комиссіи, ея дѣлопроизводителемъ и почетнымъ членомъ И. Ф. Павловскимъ, перу котораго принадлежатъ еще пять статей изъ числа десяти, составившихъ этотъ 13-й выпускъ. Очень ко времени вспомнилъ неутомимый полтавскій архивистъ о минеральныхъ водахъ, обнаруженныхъ въ 1804 году въ Константиноградскомъ уѣздѣ. Воды качественно близко подходили къ зейдшюцкимъ (зейдлицкимъ). Какъ слѣдуетъ ихъ не использовали, несмотря на то, что на нихъ обратилъ вниманіе самъ малороссійскій генераль-губернаторъ, энергичный князь А. В. Куракинъ; минеральное богатство заглохло—и теперь полтавская губернская земская управа снова изслѣдуетъ полтавскій «Зейдшюць». Тому же князю Куракину принадлежитъ честь учрежденія въ Полтавѣ первой аптеки и первая мысль объ устройствѣ ботаническихъ садовъ съ лекарственными растениями въ Малороссіи. По архивнымъ даннымъ, сообщеннымъ И. Ф. Павловскимъ, расцвѣта этихъ садовъ не было; но вообще «въ прошломъ столѣтіи не мало собиралось въ Полтавской губерніи лекарственныхъ растений», да и «до сей поры населеніе Лубенскаго уѣзда собираетъ эти растения и зарабатываетъ этимъ не малыя суммы». И. Ф. Павловскій много потрудился во имя поэтовъ Котляревскаго и Капниста и все еще продолжаетъ пополнять новыми архивнымъ данными жизнеописанія творцовъ «Наталки-Полтавки» и «Ябеды». На этотъ разъ Котляревскій вспомнятъ, какъ дѣятельный и усердный попечитель полтавскаго «дома воспитанія бѣдныхъ», награжденный за то чиномъ майора, прибавкой жалованья, и какъ дипломатическій чиновникъ, которому удалось склонить буджакскихъ татаръ «быть приверженными Россіи»: за это онъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена святой Анны 3-й степени. Въ статьѣ «Къ біографіи В. В. Капниста» говорится о занятіи имъ, по предложенію князя А. В. Куракина, мѣста директора училищъ Полтавской губерніи въ 1802 году.

Князь зналъ Капниста за прямого и безкорыстнаго человѣка и былъ убѣжденъ, что онъ принесетъ просвѣщенію пользу, а, отказавшись отъ жалованія, «предождетъ помощь ошутительную приказу общественнаго призрѣнія». Предполагая открыть въ Полтавѣ и Черниговѣ дворянскія училища, князь Куракинъ поручилъ Капнисту разработать планъ ихъ, что и было исполнено; Капнистъ обратилъ вниманіе на естествознаніе и на физическое воспитаніе, но дѣло не осуществилось: благородное дворянство не выказало щедрости, и вмѣсто того, что хотѣли дать Куракинъ и Капнистъ, былъ учрежденъ простой интернатъ и въ Полтавѣ, и въ Черниговѣ.

Съ княземъ Куракинымъ читатель встрѣчается также и въ другихъ статьяхъ; такъ, онъ сочувствуетъ переселенію полтавскихъ казаковъ на Черноморье и Тамань. Въ качествѣ бывшаго малороссійскаго генераль-губернатора, а въ годы переселенія (1809—1810)—министра внутреннихъ дѣлъ онъ видѣлъ пользу отъ переселенія и для казаковъ, и для прочаго населенія. На Черноморье ушло 12.835 мужчинъ и 9.987 женщинъ, а на Тамань 115 мужчинъ и 86 женщинъ. Въ связи съ назначеніемъ князя малороссійскимъ генераль-губернаторомъ открываются интересныя статистическія данныя изъ жизни генераль-губернаторства (нынѣшнихъ Полтавской и Черниговской губерній). Это предметъ обстоятельной, построенной на архивномъ основаніи статьи В. А. Щепотьева. Въ приложеніи къ этому выпуску трудовъ князь Куракинъ вырисовывается въ перепискѣ съ епископомъ Сильвестромъ, архіепископомъ Викторомъ, архіепископомъ Анастасіемъ, епископомъ Михаиломъ, съ полтавскимъ губернаторомъ А. Б. Сонцевымъ, черниговскимъ—Френсдорфомъ, съ В. С. Поповымъ, П. Д. Еропкинымъ, А. Ф. Шафонскимъ, И. Месономъ, П. П. Панкратовымъ, М. М. Сперанскимъ и другими. Среди писемъ выдается просьба генераль-майора П. А. Яковлева о пожалованіи ему графскаго титула въ виду его родства съ царствующей династіей. Князь встрѣтилъ «нѣкоторыя затрудненія на счетъ изпрошенія диплома графскаго». Въ 1803 году въ губерніяхъ, управляемыхъ княземъ, появилась въ огромномъ количествѣ и «обѣдилась» саранча. П. Н. Малама рассказываетъ, какую энергичную борьбу повелъ противъ этого «зловреднаго насѣкомаго» князь Куракинъ. Авторъ приводитъ способы истребленія саранчи, въ изобиліи предлагавшіеся обывателямъ.

За подписью М. Г. Астрябъ данъ съ любовью и знаніемъ написанный очеркъ дубенскаго Мгарскаго Свято-Преображенскаго монастыря, годомъ основанія котораго считаютъ 1624, хотя «въ монастырскихъ актахъ основаніе этой обители указывается въ болѣе раннее время». Это, въ сущности, не только исторія обители, а и воспоминаніе о такихъ дѣятеляхъ, какъ Вишневецкіе, Петръ Могила, святой Юсафъ (Горленко) и мн. др. Очеркъ оканчивается эпитафіей (въ виршахъ) Юсифу Нелюбовичу Тукальскому, кievскому, галицкому и всея Россіи митрополиту (XVII в.). Кстати, г-жа Елена Волкова сообщила любопытное въ бытовомъ отношеніи дѣло (прокурора малороссійской коллегіи) подполковника Семенова съ этимъ монастыремъ, который хозяйничалъ на Семеновской землѣ, разорялъ подполковника, отнималъ у него людей и ничего знать не хотѣлъ, а гетманъ былъ безсиленъ помочь обижаемому. Это было въ 1756 году.

Паз. Рос.—въ.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1915 годъ. Книга третья (дѣсти пятьдесятъ четвертая). Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. Москва 1915.

Въ этой книгѣ даны: челобитная дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ въ первой половинѣ XVII в., съ предисловіемъ П. П. Смирнова. Въ отдѣлѣ изслѣдованій—обширная статья Н. И. Серебрянскаго «Древне-русскія княжескія житія. Обзоръ редакцій и тексты»; здѣсь мы встрѣчаемъ обильные матеріалы по агиографіи русскихъ князей (св. Владимира, Ольги, Александра Невскаго, Андрея Боголюбскаго и др.), здѣсь же напечатано еще «Слово о гибели руссіа земли». Въ отдѣлѣ «Смѣсь», между прочимъ, помѣщены: «Опись имущества старицы княжны Ирины Иваповны Мстиславской», «Челобитная выѣзжая изъ Польши бывшаго русскаго заграничнаго тайнаго агента Ив. Карп. Любичскаго (1687 г.)», «Къ исторіи нижегородскаго ополченія 1611—1613 г.г.» (ст. Л. М. Сухотина). «Матеріалы для исторіи литургіи въ древнихъ юго-славянскихъ памятникахъ XIV—XVII вв.». Изъ работъ, касающихся собственно нашей старинной изящной словесности, въ смѣси имѣется «Исторія о французскомъ сынѣ», новая народная повѣсть, (сообщ. С. Елеонскій). Сохранившаяся въ рукописномъ сборникѣ второй половины XVIII в. (изъ собранія И. Е. Забѣлина) «исторія» эта доселѣ не была еще опубликована. Повѣсть, въ сущности, не является созданіемъ русскаго оригинальнаго творчества, какъ напримѣръ, извѣстное сказаніе о Фролѣ Скобѣцѣ. Но она не представляетъ также собою и произведенія переводнаго, а примыкаетъ къ той многочисленной группѣ подражательныхъ произведеній, которую составляютъ наши повѣсти первыхъ десятилѣтій позапрошлаго столѣтія (о матросѣ Василии, дворянинѣ Александрѣ и др.); это—просто русская передѣлка западнаго оригинала. Но изъ ряда современныхъ произведеній опубликованная г. Елеонскимъ повѣсть выдѣляется большимъ достоинствомъ—живостью разсказа. Бойкій языкъ ея значительно приближается къ разговорному, хотя и пестритъ барбаризмами. Бытовья краски для своего произведенія неизвѣстный авторъ бралъ изъ окружавшей его русской дѣйствительности, и въ созданномъ такимъ образомъ бытовомъ фонѣ заключается элементъ стариннаго литературнаго реализма. Напечатанъ этотъ любопытный памятникъ русской словесности съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

Т М

«Русскія народныя картинки». Матеріалы для полнаго описанія ихъ со снимками. Описалъ А. Э. Мальмгренъ. Часть первая. Сказки, былины, пѣсни, басни, повѣсти, романы и «забавные листы». Вып. 1-й. Митава. 1915. Ц. 40 к.

Со времени выхода въ свѣтъ извѣстнаго труда покойнаго Д. А. Ровинскаго «Русскія народныя картинки» прошло почти 35 лѣтъ. Большія средства знаменитаго изслѣдователя, досугъ, а, главное, счастье и удача позволили ему собрать богатѣйшую коллекцію драгоцѣнныхъ экземпляровъ народной картинки и дать подробное описаніе около 8000 ея листовъ, появившихся до

1839 г., т. е. до того времени, когда вся лубочная литература подверглась дѣйствію цензуры. Изслѣдованіе Ровинскаго является настолько капитальнымъ трудомъ, что долгое время мало кто рѣшался братья за его продолженіе. Однако незаконченность этой работы служила невольнымъ побужденіемъ для изслѣдователей и коллекціонеровъ къ собранію и описанію лубочной картины, появившейся послѣ 1839 года.

Одной изъ такихъ попытокъ является работа А. М. Мальмгрена, заглавіе которой выписано выше.

Очень характерна для русскихъ любителей старины исторія и судьба коллекціонерства г. Мальмгрена. Онъ самъ описываетъ ее въ такихъ словахъ: «Начало моего собранія народныхъ картинокъ относится ко времени, незадолго предшествовавшему первой выставкѣ народныхъ картинъ (въ Петербургѣ въ 1891 г.). На этой выставкѣ я впервые познакомился со всѣмъ разнообразіемъ и богатствомъ русской народной картинки. Время для коллекціонера было очень хорошее. Еще не исчезъ совершенно простовикъ (собственно «лубочная» картинка, выпускавшаяся фабрикою въ черномъ видѣ и затѣмъ раскрашивавшаяся крестьянами ручнымъ способомъ), и мнѣ, при посѣщеніяхъ Апраксина рынка (лавки Кузина и Холмушина) и лавки Сытина (восхитительныя прогулки) удалось собрать значительное число его. Въ 1895 г. я завязалъ переписку съ извѣстными владимирскимъ археологомъ и издателемъ лубочныхъ картинокъ И. А. Голышевымъ и получилъ отъ него цѣлый рядъ изданныхъ имъ листовъ. Но наилучшее приобрѣтеніе мнѣ удалось сдѣлать послѣ смерти Голышева († 1896) отъ его вдовы, Е. И. Голышевой. Тутъ были некрашенные простовики, изданія какъ самого Голышева, такъ и другихъ, въ томъ числѣ и нѣмецкія картинки, служившія образцами для голышевскихъ изданій.

«Въ 1900 г. я устроилъ въ С.-Петербургѣ выставку своей коллекціи, которая имѣла довольно значительный успѣхъ. Въ 1902 г. я перевезъ свое собраніе (доходившее до 4000 листовъ слишкомъ) въ мѣсто новой своей службы въ гор. Митаву, Курл. губ., и здѣсь продалъ 27 декабря 1902 г. явившемуся ко мнѣ петербургскому антиквару М. Савостину лучшую часть своего собранія (болѣе 1500 листовъ) за 150 руб. (тяжелая, но обыкновенная жертва бѣднаго коллекціонера для семьи). Случайно осталось незначительное число простовиковъ и большое—современныхъ хромофотографій. Послѣднія почти цѣликомъ разошлись по рукамъ».

Вышедшій пока выпускъ первой части задуманнаго авторомъ обширнаго изданія долженъ заинтересовать не только нашихъ коллекціонеровъ, но и вообще любителей старины и изслѣдователей народнаго искусства и быта. Подобно труду Ровинскаго, авторъ изъ народныхъ картинокъ составилъ три части: въ первой будутъ помѣщены сказки, былины, пѣсни, басни, повѣсти, романы и «забавные» листы, во второй—листы историческіе и въ третьей—листы духовные. Изданіе А. Мальмгрена, выпускаемое на его очень скромныя личныя средства, должно вызвать сочувствіе и хотя бы нравственную поддержку у русскаго общества.

Ал-дръ Елецкій.

Е. В. Аничковъ. Очеркъ развитія эстетическихъ ученій (сборникъ «Вопросы теорій и психологій творчества»). Т. VI. Харьковъ. 1915. Стр. 242. Ц. 1 р. 75 к.

Чрезвычайно цѣннымъ трудомъ подарилъ читающую публику г. Аничковъ. Кромѣ посредственнаго труда А. М. Миронова («Исторія эстетическихъ ученій» Казань. 1913) на русскомъ языкѣ совершенно не имѣлось до сихъ поръ оригинальной работы, посвященной историческому обзору эстетическихъ ученій. И къ чести излагаемаго нами теперь автора слѣдуетъ сказать, что онъ не ограничился, подобно своему предшественнику, простымъ изложеніемъ перечня разнообразныхъ теорій, но и сумѣлъ выявить изъ хаоса возрѣній на имущество эволюціонный изгибъ, на которомъ покоятся отдѣльныя точки зрѣнія индивидуумовъ. Именно г. Аничковъ выпукло указалъ на творческую роль христіанства въ общей линіи развитія міровой эстетики. Сумма художественныхъ цѣнностей античнаго архитектурнаго искусства пополнилась и видоизмѣнилась привнесеніемъ въ число ея слагаемыхъ идеи красоты духа. Теперь стало возможнымъ наблюдать соединенія «зрака раба» съ чистѣйшей красотой внутренняго міра. Прежнее «Великое Уродство» сдѣлалось «Великой Красотой». Вся послѣхристіанская эстетика, въ сущности, только и занята постепеннымъ расширеніемъ области прекраснаго, углубляясь по этой новой стезѣ.

На указанной грани поставлено имя блаженнаго Августина, который въ своихъ трактатахъ первый научнымъ образомъ выразилъ назрѣвшіе тезисы христіанской эстетики. Изъ первоисточниковъ авторъ черпаетъ въ данномъ случаѣ свои непоколебимые доводы.

Указавъ затѣмъ на школы и направленія послѣдующей европейской теоріи искусства, Е. В. Аничковъ прекрасно замыкаетъ эволюціонную скалу изложеніемъ извѣстнаго труда Когена, въ которомъ, согласно мысли нашего автора, выразилась «современное пониманіе основныхъ задачъ эстетики» (166 стр.). Съ большой долей вдумчивости и даже остроумія Аничковъ трактуетъ когеновскій терминъ «Эстетика чистаго чувства». Это чистое эстетическое чувство въ полнотѣ всегда было присуще жрецамъ искусства, а теперь распространяется и среди воспринимающихъ его. «...Если у человѣка изъ публики на первомъ планѣ содержаніе, т. е. отношеніе его сознанія къ даннымъ предметамъ зрительныхъ и слуховыхъ воспріятій, у артиста—это самое воспріятіе, независимо отъ содержанія, относимось нашего сознанія, то, что опредѣляетъ самое возникновеніе эстетическихъ переживаній...» (168 стр.).

И надо думать, что, если бы заключенія автора всегда основывались на первоисточникахъ, то они неизмѣнно бы являлись талантливо изложенными и вполне современными съ научной точки зрѣнія. Но, къ сожалѣнію, г. Аничковъ, очевидно, не имѣлъ (при обширномъ трудѣ, это и понятно) возможности подробно и по оригиналамъ знакомиться съ теоріями различныхъ школъ, довольствуясь иногда сводными работами тѣхъ или иныхъ историковъ искусства. Такъ, напримѣръ, работа Кранца объ эстетикѣ XVII вѣка оказалась исчерпывающей для автора при обзорѣ классическаго направленія во Франціи. И, конечно, ошибки, сдѣланныя Кранцемъ, оказались налицо и въ трудѣ Е. В. Аничкова.

Не Кранцу принадлежит починъ увѣренія, что эстетика XVII вѣка— дочь философіи Декарта. Булье и Риго уже сказали это до него. Но до него же подобное утвержденіе и было опровергнуто серьезнымъ трудомъ Штейна «Entstehung der neueren Aesthetik»), въ которомъ авторъ опредѣленно указалъ на существенный пунктъ различія двухъ упомянутыхъ теченій. Этотъ пунктъ заключается въ отношеніи представителей того и другого направленія къ античному міру: «Борьба изъ-за античности и современности обнаружила противоположность между приверженцами Декарта и классическими писателями». А если бы г. Аничковъ взялъ на себя трудъ познакомиться съ оригиналами поэтикъ XVI вѣка (Вокеланъ, Мерпандьеръ и др.), то онъ отмѣтилъ бы тотъ фактъ, что все содержаніе эстетики классицизма было уже налицо до Декарта: Буало оставалось лишь кодифицировать готовые элементы. И еще. Если бы нашъ авторъ внимательно прочелъ творенія главы эстетики XVII вѣка, Буало, то лишній разъ убѣдился бы въ независимости теоріи послѣдняго отъ положеній Декарта, такъ какъ и самое-то имя Декарта извѣстно было теоретику классицизма, какъ имя богослова, причемъ всего-на-всего это имя упоминается лишь два раза на семь протяженій полного собранія сочиненій Депрео (III, 224). Изъ чтенія всѣхъ сочиненій представителей классицизма нашъ авторъ также вынесъ бы болѣе правильное понятіе о «вкусѣ», который такъ часто обсуждался въ концѣ XVIII и началѣ XVIII вѣка на страницахъ многочисленныхъ «опытовъ о вкусѣ», оставшихся въ большинствѣ своемъ не прочитанными нашимъ авторомъ. Въ то время «вкусъ» трактовался, какъ мутное наслоеніе надъ истиннымъ общеобязательнымъ чувствомъ красоты, наслоеніе, образовавшееся по причинѣ многочисленныхъ условій общественной жизни (чувства приличія, чести, роскоши и т. п.), а совсѣмъ не такъ, какъ это изображаетъ намъ авторъ. Внимательное отношеніе, напримѣръ, къ Батте показало бы Е. В. Аничкову всю несостоятельность принимаемаго имъ изъ рукъ Толстого положенія о зарожденіи эстетики со временъ Баумгартена (1750 г.), такъ какъ въ книжкахъ французскаго теоретика онъ ясно бы увидѣлъ, что давно уже въ сознаніи классическихъ авторовъ существовала философія искусства, а не только «отдѣльныя искусства, строившіяся раньше, какъ ремесла, безъ связи другъ съ другомъ». Болѣе глубокое знакомство съ нѣмецкой эстетикой (Шиллеръ, Кантъ) плодотворно бы отразилось на блѣдныхъ мысляхъ автора о взаимоотношеніи искусства и нравственности, а также убѣдило бы его, что «несостоятельность эстетизма», заключающаяся, по мнѣнію Аничкова, въ отрѣшенности его представителей отъ злободневной иманентности, составляетъ основу истинно-художественнаго воспріятія. Кантъ, Вундтъ, Рибо, Лагюзонъ, Христіансенъ и др., цитируемые и нецитируемые (Рибо, Лагюзонъ, Лало, Евлаховъ), свидѣтельствуютъ объ этомъ фактѣ. Кстати. Почему почтенный авторъ обошелъ молчаніемъ нѣкоторыя имена? Судя по его статьѣ, можно заключить, что они совершенно незнакомы ему. А жаль! Лагюзонъ, напримѣръ, указалъ бы ему на иное значеніе и роль въ поэзіи ритма. Лало обогатилъ бы представленія г. Аничкова о красотѣ новыми соображеніями по поводу «анэстетической» природы и исключительно обладающаго эстетикой человѣческаго творчества. Боше (Адольфъ) обратилъ бы вниманіе на роль и современное пониманіе «просодіи».

Рибо сообщил бы много цѣннаго изъ экспериментальной психологіи художественнаго чувства. Наль русскій ученый, профессоръ Евлаховъ, своими двухтомными разсужденіями о реализмѣ избавилъ бы автора отъ труда составлять совершенно лишнюю и запутанную главу «Реализмъ» (112—123 стр.), изъ чтенія которой совершенно не выносишь даже приблизительнаго впечатлѣнія, какое получается при знакомствѣ съ математическими выводами А. М. Евлахова.

Г. В.

Г. Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Томъ I. Созданіе имперіи. Переводъ А. Захарова. Москва. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1915. Стр. IV+361. Ц. 1 р. 75 к.

Обширный трудъ итальянскаго историка Ферреро извѣстенъ у насъ изъ неоднократныхъ ссылокъ на него профессора Р. Ю. Виппера и еще болѣе изъ многочисленныхъ статей г. Амфитеатрова, который даже собирался его переводить. За границей книга Ферреро извѣстна еще болѣе, такъ какъ она переведена уже на англійскій, нѣмецкій и французскій языки. Историческая критика давно уже выяснила какъ крупныя достоинства, такъ и недостатки этого во всякомъ случаѣ незауряднаго сочиненія. Къ первымъ относятся живое, ясное и часто весьма оригинальное и своеобразное изложеніе и пониманіе хорошо извѣстныхъ фактовъ. Недостаткомъ же труда Ферреро служить излишнее стремленіе автора къ модернизации, его желаніе проводить вездѣ и всюду часто не только самыя отдаленныя, но даже и вполне насильственныя аналогіи и сближенія античной жизни съ новою. Въ первомъ томѣ авторъ излагаетъ событія со смерти Суллы до 59 г., особенно подчеркивая интриги, борьбу и вообще социальныя условія, среди которыхъ подготовлялось завоеваніе Галліи. Въ качествѣ введенія къ этимъ событіямъ Ферреро написалъ пять главъ, содержащихъ предшествующую исторію Рима. Эти главы, какъ признается самъ авторъ, полны недостатками, происходящими главнымъ образомъ отъ стремленія сказать возможно многое въ возможно немногихъ словахъ. Среди прочихъ дефектовъ труда слѣдуетъ особенно отмѣтить неудачную характеристику Лукреція, въ которой Ферреро не подчеркнул наиболѣе гениальныхъ мѣстъ поэмы *de rerum natura*, роднящихъ ее съ новѣйшей наукой.

Переводъ г. Захарова, строго говоря, не имѣетъ соответствующаго себѣ оригинала, такъ какъ текстъ взятъ изъ французскаго изданія, а подстрочныя примѣчанія съ итальянскаго. Эта кропотливая и сложная работа продѣлана переводчикомъ весьма тщательно. Изрѣдка только попадаются мелкія неточности, какъ, напримѣръ, *Granius Licinius*, вмѣсто *Granius Licinianus*.

М.

С. П. Шестаковъ. Ленціи по исторіи Византіи. Томъ I. Казань. 1915. Стр. 437. Ц. 3 руб.

Не будучи специалистомъ по византійской исторіи, проф. С. П. Шестаковъ тѣмъ не менѣе читаетъ ее въ Казани и рѣшилъ даже познакомить публику и ученыхъ со своимъ курсомъ. Въ настоящую минуту онъ не особенно вужень,

такъ какъ мы имѣемъ общіе труды Ѳ. И. Успенскаго и Ю. А. Кулаковскаго, которымъ въ значительной степени уступаетъ казанскій профессоръ. Лекціи его составлены довольно первобытнымъ способомъ по нѣсколькимъ книгамъ. Излагая событія въ царствованіе Ираклія, С. П. Шестаковъ удовольствовался тѣмъ, что перевелъ отрывки изъ книги итальянскаго ученаго Перниче. Для времени Юстиніана онъ руководствовался англичаниномъ Хольмсомъ и извѣстнымъ французскимъ византинистомъ Дилемъ и тоже механически переводилъ изъ нихъ нѣкоторыя главы. Такъ какъ авторъ не даетъ себѣ труда сокращенно излагать разныя монографіи, а механически переводить изъ нихъ отдѣльные куски, въ его общемъ курсѣ появляются совершенно ненужныя мелочи и такія подробности, которыхъ студентамъ, конечно, не слѣдуетъ запоминать. Переводъ сдѣланъ мѣстами невѣрно. Вмѣсто «Мидія» переведено съ итальянскаго «средняя», вмѣсто управленія (съ англійскаго) переведено контроль. *Ricchezza pubblica* не общественное богатство, какъ пишетъ г. Шестаковъ, а народное богатство, *publico erario* не общественная казна, а государственная казна.

Отъ профессорскихъ лекцій нельзя требовать оригинальности, но онѣ должны быть по меньшей мѣрѣ ясно изложены. Кто пойметъ, напр., такую фразу: «въ этотъ праздникъ былъ обычай сановникамъ также погружать другъ друга въ морскую воду?» (стр. 141). Авторъ слѣдующимъ образомъ разъясняетъ поземельную подать: «При этомъ владѣлецъ помѣстья одинъ имѣлъ дѣло съ волостями, но онъ имѣлъ право вернуть взносъ, сколько онъ его уплатилъ за работниковъ, сидящихъ на его землѣ, и ихъ семейства, съ нихъ самихъ. Такъ какъ это *caritatio*, подушная, была очень умѣренна, то отдѣльныя лица освобождались отъ нея, если они имѣли хотя бы маленькую земельную собственность, за какую тогда они платили, какъ таковую» (стр. 204). Слогъ проф. С. П. Шестакова мѣстами напоминаетъ гимназическіе переводы съ латинскаго. «Ѳеодора, извѣстная темной репутацией, что касается ея нравственности въ ея прошломъ» (стр. 187). Вотъ еще фразы, отъ которыхъ всякій читатель придетъ въ ужасъ: «Безъ всякаго колебанія Юстиніанъ началъ тѣмъ, что впредь ни одному кандидату не позволено будетъ обезпечивать назначеніе свое намѣстникомъ покупкою поддержки себѣ со стороны какого-либо изъ крупныхъ сановниковъ государства. Впредь правитель, добывъ себѣ должность, какъ только доказательство своей пригодности къ таковой, долженъ былъ вступать въ управленіе не обремененный долгомъ» (стр. 195).

П. В.

Виллари, Пасквале. Николо Макиавелли и его время. Томъ I. Со вступительной статьей профессора М. М. Ковалевскаго. Переводъ съ итальянскаго И. М. Кригеля. 1916. Изд. «Грядущій День». Редакторъ А. Л. Волинскій. Ц. 3 р. 50 к.

Личность Макиавелли, его литературная дѣятельность, равно какъ и современная ему эпоха итальянской исторіи давно уже привлекаютъ къ себѣ особенное вниманіе ученыхъ. Его біографія, а также сочиненія подвергались самому тщательному изученію. Но, несмотря на огромную литературу, создавшуюся о Макиавелли, и теперь не перестаютъ часто появляться на разныхъ языкахъ

новыя изслѣдованія, посвященныя, какъ его политической дѣятельности, такъ и писательской. Напомню хотя бы только о монографіяхъ Шарля Беноа, Дюбертона, Гобма, Майера, вышедшихъ за послѣднія нѣсколько лѣтъ. Но всѣ указанныя сочиненія касаются, главнымъ образомъ, лишь отдѣльныхъ сторонъ дѣятельности Макиавелли. Лучшимъ же трудомъ, обнимающимъ всю его жизнь и дѣятельность, остается и до сихъ поръ изслѣдованіе извѣстнаго знатока флорентинской исторіи Виллари, которое впервые вышло въ 1877 году. На русскій языкъ была уже переведена три года тому назадъ другая работа этого итальянскаго историка подъ заглавіемъ: «Джироламо Савонаролла и его время» (въ двухъ томахъ). Появившійся лишь теперь на русскомъ языкѣ первый томъ труда Виллари о Макиавелли выдержалъ въ оригиналѣ три изданія и, кромѣ того, былъ переведенъ на многіе европейскіе языки. Такой успѣхъ этого сочиненія оправдывается несомнѣнными выдающимися достоинствами его. Виллари, превосходно знакомый съ духомъ и характеромъ жизни эпохи возрожденія, даетъ намъ изслѣдованіе, въ которомъ обстоятельно изучены жизнь, труды и идеи Макиавелли въ самой тѣсной ихъ связи съ современными политическими и умственными теченіями Италіи. Переведенный пока первый томъ сочиненія Виллари о Макиавелли доведенъ до 1508 года, то есть до времени написанія имъ сочиненій, доставившихъ ему такую широкую извѣстность. Но для русскихъ читателей этотъ томъ представить самъ по себѣ не малый интересъ. Въ послѣднее время у насъ замѣчается нѣкоторое увлеченіе итальянской исторіей и въ особенности эпохой возрожденія. На русскій языкъ не только переведены почти всѣ лучшія иностранныя работы по ренессансу, но мы имѣемъ рядъ превосходныхъ оригинальныхъ трудовъ по этой эпохѣ, принадлежащихъ перу нынѣ уже покойныхъ А. Н. Веселовскаго и М. С. Карелина. Но эти работы, по большей части, слишкомъ спеціальны для широкихъ круговъ читающей публики. Между тѣмъ первый томъ труда Виллари о Макиавелли можетъ быть прочитанъ съ большою пользою лицами, которыя хотѣли бы лишь въ общихъ чертахъ познакомиться съ исторіей Италіи съ XIV вѣка до начала XVI. Прежде, чѣмъ приступить къ біографіи Макиавелли, Виллари въ первомъ томѣ своего изслѣдованія о немъ даетъ сперва очеркъ политической исторіи итальянскихъ государствъ въ XIV—XV вв., а затѣмъ у него слѣдуетъ мастерски написанная характеристика умственной жизни этого времени. Авторъ довольно подробно говоритъ о гуманистическомъ движеніи XIV вѣка и яркими штрихами характеризуетъ особенности его. Отмѣтивъ, что «Веселовскій одинъ изъ первыхъ указалъ на существованіе переходнаго періода между тречентистами и гуманистами» (стр. 78, прим. 2), Виллари особенно долго останавливается затѣмъ на литературномъ и научномъ движеніи XV вѣка. При этомъ онъ очень рельефно отмѣняетъ характерныя черты умственной жизни этого вѣка и показываетъ, въ чемъ заключается отличіе кваттроченто отъ предшествующей эпохи. Познакомивши читателя съ тѣми теченіями философской и научной мысли XV вѣка, въ рамкахъ которой созрѣвала умственная жизнь Макиавелли, Виллари набрасываетъ яркую картину политическихъ событій Италіи въ самомъ концѣ XV вѣка и, такимъ образомъ, даетъ возможность составить себѣ представленіе о томъ, подъ какими непосредственными вліяніями истори-

ческой обстановки могли сложиться политическіе взгляды и убѣжденія знаменитаго итальянскаго политическаго писателя.

Послѣ этого введенія, занимающаго цѣлую половину перваго тома труда Виллари, онъ переходитъ къ біографіи Макиавелли. Авторъ подробно рассказываетъ о служебной дѣятельности послѣдняго и при этомъ сообщаетъ свѣдѣнія о государственномъ устройствѣ Флорентинской республики, а также обстоятельно говоритъ о политическихъ событіяхъ указанного времени въ связи съ полученіемъ Макиавелли разныхъ дипломатическихъ порученій. Въ первомъ томѣ Виллари доводитъ біографію Макиавелли до времени созданія трудами его постоянной милиціи во Флоренціи.

Переводъ труда Виллари сдѣланъ тщательно. Ему предпослана небольшая статья М. М. Ковалевскаго относительно сочиненія Макиавелли «Князь».

Н. Любавичъ.

Н. А. Рубакинъ. Среди книгъ. Справочное пособіе для самообразованія и для систематизаціи и комплектованія общеобразовательныхъ библиотекъ, а также книжныхъ магазиновъ. Томъ III. Часть 1. Изд. 2-е, доп. и перераб. Москва. 1915. Стр. 198. Ц. 2 р.

Усердные и многосторонніе труды, понесенные г. Рубакинымъ для регистраціи книгъ, оцѣнены уже и печатью и обществомъ. Настоящее изданіе содержитъ отдѣлы: «I. Человѣчество въ его отношеніяхъ къ окружающей природѣ, т. е. къ той географической обстановкѣ, въ которой оно живетъ и подъ вліяніемъ которой находятся и человѣческая личность и всѣ формы социальной, политической, духовной, экономической, а также и матеріальной культуры. II. Племенной (этнографическій) составъ человѣчества въ связи съ особенностями быта, правовъ и вообще національной и племенной культуры населенія разныхъ странъ и мѣстностей. III. Расовый составъ человѣчества въ связи съ вопросомъ о положеніи человѣка среди другихъ животныхъ (человѣчество съ антропологической точки зрѣнія, какъ особый видъ животнаго царства и его разновидность). IV. Национальный вопросъ. Его теорія, практика, различныя формы его проявленія въ различныхъ государствахъ и странахъ, особенно же въ Россіи».

Перечисливъ въ предисловіи всѣ препоны, особливо затрудняющія теперь дѣло автора, онъ заявляетъ далѣе, что считаетъ «возможно скорѣйшее окончаніе» своей работы—«именно теперь особенно своевременнымъ»: «Кого теперь не интересуетъ національный вопросъ, а значитъ—и неразрывно связанное съ нимъ этнографическій, этнографическій и антропологическій?» Авторъ старался, по его словамъ, «сохранить возможно больше безпристрастія»,—«прежде всего смотреть на то, что можетъ соединить людей, а не на то, что разъединяетъ ихъ»,—«убѣждать, а не раздражать». Добрыя намѣренія выполнены г. Рубакинымъ только... до нѣкоторой степени.

Ибо, на нашъ взглядъ, не слишкомъ много и объективности и уваженія къ человѣческой личности вообще, напр., въ зачерчиваніяхъ авторомъ «реакціонныхъ націоналистовъ».

Они, видите ли, «требуютъ проведенія обрусительной политики»... «по преимуществу мѣрами насильственного воздѣйствія».

Они «не останавливаются... ни передъ какими доводами не только элементарной этики, но и разума, даже простого здравого смысла».

Авторъ настолько спокойно «убѣждаетъ» читателя, что даже *путається* (ибо разговорныя прикрасы тутъ не у мѣста) въ названіяхъ душевныхъ свойствъ человѣка. Мы уѣрены, что и г. Рубакинъ обычно признаетъ общеобязательное въ нравственномъ смыслѣ безъ всякихъ дѣлений и понимаетъ здравый смыслъ безъ рубрикъ.

А. Налимовъ.

К. Чуковскій. Заговорили молчавшіе. Томми Аткинсъ на войнѣ. Изданіе т-ва А. Ф. Марксъ. Пгр. 1916. Стр. 178. Цѣна 1 руб.

Подъ такимъ нѣсколько мапернымъ названіемъ вышла въ свѣтъ чрезвычайно интересная книга г. К. Чуковского. Ея задача—«привлечь къ англійскому народу симпатіи тѣхъ широкихъ обывательскихъ круговъ, которымъ наша бульварная пресса внушала изъ года въ годъ о британскихъ интригахъ и козняхъ». Теперь, конечно, самые широкіе круги нашего общества перемѣнили такой взглядъ на нашихъ союзниковъ, но все же нужно сознаться, что, несмотря на большую популярность у насъ англійской литературы въ лицѣ лучшихъ представителей ея, начиная съ Шекспира, Байрона, Диккенса, Теккерея и кончая Уайльдомъ, Киплингомъ, Уэльсомъ, Конанъ-Дойлемъ, Джеромъ-К.-Джеромомъ и друг., мы до послѣдняго времени были недостаточно освѣдомлены объ Англии и англичанахъ. Въ самой же Англии за послѣднее время наблюдается усердное и всестороннее изученіе Россіи со свойственною англичанамъ добросовѣстностью и обстоятельностью. Г. Чуковскій пытается заполнить этотъ пробѣлъ и въ только что выпущенной имъ книгѣ знакомитъ насъ съ автобіографіей англійской націи въ наши дни, съ ея переживаніями, чувствами, настроеніемъ и общимъ положеніемъ массъ британскаго народа, захваченнаго могучей волной настоящей военной бури, какъ то нашло себѣ отраженіе въ письмахъ участниковъ войны, отъ офицеровъ и до солдатъ включительно.

Нынѣшняя война, въ противоположность всѣмъ предыдущимъ, выдвинула одну характерную особенность: «заговорили молчавшія» дотолѣ массы воюющихъ, въ тылъ на родину полился цѣлый дождь солдатскихъ писемъ, безхитростныхъ, искреннихъ простыхъ и правдивыхъ памятникъ переживаемой нами эпопеи. Это дѣйствительно—гласъ народа, «автобіографія націй», какъ мѣтко назвалъ ихъ г. Чуковскій. Въ противность русскимъ, письма англійскихъ солдатъ изображаютъ только фактическую сторону событій, отбрасывая матеріалъ бытовой и психологическій, совершенно не касаясь элемента самонаблюденія, самоанализа. Послѣднее же играетъ первенствующую роль именно въ письмахъ русскихъ, «самага психологическаго народа въ мірѣ», такъ что, когда сами англичане пожелаѣли узнать, что ощущаетъ солдатъ, впервые по-

павшей въ огонь, они волей-неволей принуждены были обратиться къ нашимъ русскимъ письмамъ, не найдя абсолютно ничего подходящаго въ огромномъ грузѣ англійской солдатской корреспонденціи. Это характерная особенность русскихъ; зато по письмамъ англичанъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Чуковский, можно легко конструировать всю исторію этой грандіозной войны, для чего совершенно непригодны русскія солдатскія письма. И онъ въ своей новой книгѣ, собравъ изъ разныхъ англійскихъ газетъ, журналовъ и брошюръ эту солдатскую корреспонденцію, иллюстрируетъ ими нѣкоторые эпизоды кампаніи.

Начинается это любопытное повѣствованіе съ прибытія англійскихъ войскъ на европейскій континентъ, причѣмъ Томми Аткинса (таково прозвище коллективнаго британскаго солдата) чрезвычайно тронули оваціи и сердечная дружественная встрѣча, искреннее гостепримство и любовное вниманіе бельгійцевъ и французовъ. При первыхъ же столкновеніяхъ съ нѣмцами всю массу англійскихъ войскъ поразили и возмутили до глубины души безчеловѣчныя нѣмецкія звѣрства и надругательства надъ женщинами и дѣтьми. Состраданіе къ женщинамъ горячо проникаетъ всю массу писемъ англійскихъ солдатъ, которыхъ даже собственные страданія такъ не мучатъ и не удручаютъ, какъ жестокости нѣмцевъ надъ беззащитными и невинными дѣтьми и женщинами. Вообще врагъ произвелъ на прямого и честнаго Томми Аткинса очень скверное впечатлѣніе. Безчестные приемы борьбы, плутовство, обманъ и множество иныхъ «грязныхъ продѣлокъ» нѣмцевъ возмутили англичанъ, которые, какъ прирожденные спортсмены, смотрятъ на войну, точно на спортивное состязаніе, гдѣ недопустимы мошенничество и разныя обманныя уловки, а гдѣ должны одержать верхъ лишь сила, ловкость, выносливость и искусство (или техника, что въ данномъ случаѣ одно и то же).

Какъ особое достоинство характера англійскаго народа, надо отмѣтить тотъ знаменательный фактъ, что англичане въ письмахъ не замалчиваютъ и хорошихъ сторонъ противника: его чисто-механической силу и превосходства, проявленій съ его стороны героизма, смѣлости и гуманности и т. п.

Центръ интереса всей книги заключается въ главахъ, повѣствующихъ о набѣгѣ англійскихъ судовъ на Гельголандскую бухту, о битвѣ подъ Монсомъ. Въ этихъ эпизодахъ великой борьбы народовъ англичанами проявлено столько высокаго героизма, стойкости, хладнокровія въ самые ужасные моменты, здѣсь каждый солдатъ—герой. И въ то же время въ обстоятельныхъ и спокойныхъ по тону письмахъ объ этомъ рассказывается такъ просто, безъ всякой приподнятости, безъ всякаго присутствія элемента хотя бы легкаго самовосхваленія вполнѣ достойнаго; если же это чувство гордости и сознанія своей доблести и сквозитъ въ солдатскихъ письмахъ, то лишь только по отношенію къ своему отряду, ротѣ, полку, кораблю, бригадѣ; всегда «мы» и никогда «я», такъ какъ война чрезвычайно развиваетъ социальныя инстинкты. И это развитіе, въ свою очередь, вызываетъ рядъ подвиговъ святѣйшаго героизма и самоотверженности, когда человѣкъ, рискуя своей головой, спѣшитъ спасти находящагося въ опасности или раненаго товарища. Такихъ случаевъ рассказывается множество въ солдатской корреспонденціи англичанъ.

Характерною особенностью, проявленной английским народомъ въ минуту грознаго военнаго испытанія и ярко отразившеюся въ солдатскихъ письмахъ, является, кромѣ стойкости и твердости, еще одна великая сила, которая и помогла имъ, какъ замѣчаетъ г. Чуковский, безтрепетно вынести эту злую грозу. Эта сила—юморъ. «Смѣхъ и смерть! Смѣхъ надъ смертью! Смѣются, чтобы не плакать. Шутятъ, чтобы не кричать отъ отчаянїя. О, не даромъ Пушкинъ приписалъ англичанамъ свою трагедію «Пиръ во время чумы». Англичанинъ ненавидитъ отчаянїе: его величайшая радость—бороться съ собственной слабостью, побѣждать въ себѣ малодушіе, испугъ. Отсюда и возникъ его юморъ, этотъ смѣхъ, побѣждающій скорбь. Смѣхъ, побѣждающій смерть! Это чисто-английское свойство!» Я не могу удержаться, чтобы не привести такого, напримѣръ, случая. Неподалеку разорвалась граната. Мелкіе камешки и комыя земли попадаютъ солдату въ супъ. Вынимая ихъ, онъ говоритъ: «Я пришелъ сражаться за бельгійскую землю, но ѣсть ее я не намѣренъ». Или: у солдата осколкомъ снаряда оторвало палець, онъ шутитъ: «И какъ это нѣмцы интересуются такимъ пустякомъ!»

Съ большимъ интересомъ и съ чувствомъ какого-то страннаго и непонятнаго не то умиленія, не то жалости къ несчастнымъ людямъ, пошедшимъ убивать невѣдомыхъ и ничего лично другъ другу не сдѣлавшихъ злого, читаются письма о перемиріи и дружескомъ братаніи, которое устроено было на Рождествѣ по инициативѣ английскихъ и нѣмецкихъ солдатъ и вопреки желанію вышшаго начальства, какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Немало также интереснаго рассказывается въ письмахъ и о событіяхъ у Дарданелль, о впечатлѣнїяхъ, произведенныхъ дѣйствіемъ нѣмецкихъ удушующихъ газовъ, и т. п. Заканчивается книжка г. Чуковскаго хотя и не имѣющими непосредственнаго касательства къ солдатскимъ письмамъ, но тѣмъ не менѣе весьма любопытными очерками о «гимнахъ ненависти» германцевъ относительно Англии, о способѣ вербовки британскихъ добровольцевъ, о ходѣ мобилизаціи английской промышленности и спѣшномъ производствѣ снарядовъ, вообще о внутреннемъ положеніи въ Англии и о томъ, какъ отразилась настоящая война на бытѣ и жизни нашихъ союзниковъ-великобританцевъ.

Книга украшена многочисленными рисунками, почерпнутыми изъ различныхъ английскихъ изданій.

Въ заключеніе нужно сказать, что по прочтеніи этой интересной книжки К. Чуковскаго въ душѣ остается горькое чувство неудовлетворенности: когда же и кто же у насъ-то, въ Россіи, дастъ себѣ трудъ собрать письма нашихъ солдатъ; неужели у насъ не найдется никого, кто бы сберегъ для историковъ этотъ драгоценный матеріалъ, кто бы собралъ и сохранилъ эти яркіе блестики и страженія народныхъ думъ, чувствъ и переживаній въ страшную годину великаго историческаго испытанія?..

Дж. Масляненко.

А. Яценко. Начальное землевѣдѣніе (курсъ географіи для младшихъ классовъ) на примѣрахъ преимущественно изъ природы Россіи, примѣнительно къ новымъ программамъ министерства народнаго просвѣщенія, съ приложеніемъ очерковъ родиновѣдѣнія и краткаго обзора частей свѣта, съ 30-ю красочными автотипіями съ цвѣтныхъ фотографій, двумя географическими картами и 202 рисунками въ текстѣ. Пгр. 1916. Цѣна 1 рубль. Стр. 184.

Въ предисловіи мы находимъ краткія объясненія тѣхъ основъ, которыми руководствовался авторъ при составленіи своего труда. Учебникъ г. Яценка построенъ на началахъ естествовѣдѣнія, и съ этой стороны являются совершенно понятными тѣ начала, которыхъ онъ придерживается въ своемъ трудѣ: наблюденіе и опытъ, причинность и генезисъ составляютъ его основу. Въ немъ три отдѣла, неразрывно связанныхъ между собой: 1) начальное землевѣдѣніе на примѣрахъ изъ русской природы съ параллельнымъ прохожденіемъ біофизико-географическихъ явленій и элементовъ Россіи, 2) очерки родиновѣдѣнія, содержащіе свѣдѣнія изъ политико-экономической жизни Россіи, и 3) краткій обзоръ частей свѣта, въ качествѣ заключительнаго дополненія къ предыдущимъ отдѣламъ.

1-й отдѣлъ (1—141 стр.) изложенъ въ видѣ обычнаго курса начальной географіи по установленной программѣ, нынѣ реформированной въ пользу преимущественнаго ознакомленія съ родиной.

2-й отдѣлъ (стр. 142—173) составленъ полухрестоматически. Нѣкоторой новостью для подобнаго курса является включеніе такихъ главъ, какъ обработка земли, значеніе погоды для сельскаго хозяйства, уходъ за скотомъ и т. подобное.

3-й отдѣлъ (стр. 173—184) помѣщенъ на тотъ случай, когда преподаватель нашелъ бы нужнымъ не ограничиваться въ начальномъ прохожденіи курса географіи только райономъ Россіи.

Цвѣтныя фотографіи, помѣщенные въ книгѣ, сняты С. М. Прокудинымъ-Горскимъ и отпечатаны обществомъ «Віохромъ».

Появленіе книги г. Яценка, несомнѣнно, крупное событіе на нашемъ учебно-книжномъ рынкѣ: она далеко оставляетъ за собою другіе учебники географіи какъ по роскоши изданія, такъ и по ея чрезвычайной дешевизнѣ: очевидно, авторъ въ своемъ первомъ изданіи преслѣдовалъ однѣ только идейныя цѣли; новостью является и то, что онъ беретъ примѣры преимущественно изъ природы Россіи, что весьма благовременно и патриотично. Пора намъ перестать итти по заграничной указкѣ. Удивительно ясный, отчетливый и понятный текстъ даетъ въ пространствѣ всего лишь 184 страницъ весьма много совершенно исчерпывающаго предметъ матеріала, а превосходные рисунки дѣлаютъ эту книгу своего рода калейдоскопомъ разнообразныхъ и наглядныхъ впечатлѣній, до степени полной увлекательности.

Въ мелочахъ, конечно, можно указать нѣкоторые недосмотры въ текстѣ, вѣрнѣе, въ характерѣ отдѣльныхъ выраженій,—напримѣръ, «куча песку, если онъ достаточно сыр» (!) (стр. 16), «излишекъ пара, освобожденный

на высотѣ въ видѣ тумана, зовется облакомъ» (стр. 24),—«климатъ европейской Россіи теплѣетъ по направленію къ югу» (стр. 95), встрѣчаются нѣкоторыя неточности и въ заключительной картѣ, но все это мелочи, скорѣе характера опечатокъ, которыя отпадутъ въ дальнѣйшихъ изданіяхъ, и сама по себѣ книга г. Яценко отъ нихъ нисколько не страдаетъ. Н. Г. Р.

Отчетъ императорской археологической комиссіи за 1911 годъ. Съ 143 рисунками въ текстѣ. Петроградъ. 1915.

Въ этой книгѣ помѣщены отчеты о раскопкахъ Б. В. Фармаковского въ Ольвин, Р. Х. Лепера въ Херсонѣ, раскопки Н. И. Веселовскаго «Лемешевыхъ» кургановъ и известной Солохи, раскопки В. В. Шкорпила въ Керчи и на Таманскомъ полуостровѣ, Н. И. Веселовскаго въ Кубанской области (предметы мѣднаго вѣка), А. А. Миллера у станицы Елисаветовской, Д. В. Милѣва въ усадьбѣ Десятинной церкви въ Кіевѣ, графа А. А. Вобринскаго въ южной части Кіевской губ., гдѣ имъ было изслѣдовано нѣсколько кургановъ, относящихся къ неолитической эпохѣ, В. В. Хвойко въ Волынской губ., затѣмъ раскопки въ Подольской и Гродненской губ., въ Петроградской губ. (А. А. Спицына), въ губерніяхъ Новгородской и Вологодской и въ Акмолинской области.

Въ отдѣлѣ второмъ помѣщенъ отчетъ о случайныхъ находкахъ по всему пространству обширнаго отечества. Въ отдѣлѣ третьемъ напечатанъ перечень ученыхъ учреждений и частныхъ лицъ, которымъ выданы открытые листы на право производства раскопокъ на казенныхъ и общественныхъ земляхъ.

О. Цыбульскій.

Архивъ Государственнаго Совѣта. Журналы секретнаго и главнаго комитетовъ по крестьянскому дѣлу. Томъ первый. Съ 3-го января 1857 года по 30-е ноября 1860 года. Томъ второй. Съ 10-го октября 1860 года по 13-е февраля 1861 года.

Журналы и меморіи общаго собранія Государственнаго Совѣта по крестьянскому дѣлу. Съ 28 января по 14 марта 1861 г. (т. III ?).—Приложеніе къ журналу главнаго комитета по крестьянскому дѣлу. Петр. 1915.—Списокъ дѣлъ архива Государственнаго Совѣта. Томъ одиннадцатый. Дѣла Государственнаго Совѣта съ 1889 г. по 1894 г.—Томъ двѣнадцатый. Дѣла Государственнаго Совѣта съ 1895 по 1899 г. Петр. 1914.

Въ «Журналахъ» находится не мало любопытныхъ подробностей хода крестьянской освободительной реформы. Въ общемъ реформа эта, совершившая величайшій переворотъ въ многовѣковомъ социальномъ бытѣ Россіи, прошла, сверхъ всякаго ожиданія, сравнительно очень спокойно, особенно если принять во вниманіе, что «реформаторамъ» пришлось продѣлать невѣроятно огромный трудъ—«согласовать противоположные имущественные интересы въ 100528 помѣщичьихъ имѣніяхъ». Въ основу реформы должна была быть положена мысль государя—улучшеніе быта крестьянъ—и улучшеніе не на сло-

вахъ только и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ. Возникшее было въ подготовительной стадіи реформы у насъ вліятельное теченіе, имѣвшее цѣлью устроить освобожденіе, по прибалтійскому «образцу», «безъ земли»,—почти наканунѣ изданія знаменитаго манифеста 19 февраля нашло себѣ авторитетное осужденіе въ рѣчи императора Александра II, сказанной въ Государственномъ Совѣтѣ 28 января 1861 г. Въ этой знаменательной рѣчи государь (факсимиле официальной рукописи рѣчи съ собственноручными поправками царственнаго оратора издано въ видѣ приложенія) категорически заявилъ, что «прибалтійскій образецъ», о которомъ мечтали нѣкоторые наши сановные крѣпостники, совершенно для русскихъ губерній не годится. Предусмотрительные прибалтійскіе помѣщики-нѣмцы, какъ извѣстно, еще въ царствованіе Александра I «добровольно» освободили своихъ крѣпостныхъ, великодушно отпустивъ ихъ на всѣ четыре стороны съ одною только «личною волею». По выраженію государя, это былъ «примѣръ», подражать которому совсѣмъ не слѣдуетъ. «Безземельное освобожденіе крестьянъ въ остзейскихъ губерніяхъ сдѣлало изъ тамошнихъ крестьянъ населеніе весьма жалкое, и только теперь, послѣ 40 лѣтъ, намъ едва удалось улучшить ихъ бытъ, опредѣливъ правильнѣе ихъ отношенія къ помѣщикамъ»... И русскіе крестьяне, благодаря настоянію императора, получили не только лично волю, но и земельные надѣлы.

Къ третьему тому приложены указатели (личныхъ именъ, географическій и предметный) ко всѣмъ тремъ томамъ. Въ приложеніи напечатаны положенія.

Тома эти начинаютъ собою новый рядъ изданій «Архива». Цѣль изданія—ознакомить съ документами, относящимися до преобразования 19 февраля 1861 г. Названные три тома составлены по указаніямъ и надъ руководствомъ государственнаго секретаря Е. Крыжановскаго управляющимъ архивомъ С. А. Панчулидзевымъ.

Изданіе иллюстрировано портретами Царя-Освободителя и главнѣйшихъ дѣятелей реформы. Нѣкоторые изъ этихъ портретовъ воспроизведены по рѣдкимъ оригиналамъ.

Объ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ томахъ «Описи» можно сказать лишь немного: они заключаютъ только сухія описи дѣлъ Государственнаго Совѣта за годы, показанные въ оглавленіи этихъ томовъ; это—просто справочная книга для историка, а не самый матеріалъ для исторіи. Т. М.

Описаніе русскихъ рукописныхъ собраній. Выпускъ 1-й. Г. П. Георгіевскій. Рукописи Т. Ѳ. Большакова, хранящіяся въ императорскомъ московскомъ и Румянцовскомъ музеѣ. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Петроградъ. 1915. Ц. 2 р. 90 к.

Въ спеціальной литературѣ давно уже высказывались пожеланія относительно описанія всѣхъ рукописныхъ собраній Россіи. Бывавшія время отъ времени археографическія экспедиціи только отчасти удовлетворяли этой насущной потребности. Между тѣмъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что ни одно серьезное изученіе древней русской литературы, ни одно критическое изданіе

древняго памятника языка и словесности не можетъ быть вполне серьезнымъ безъ изученія всѣхъ относящихся къ данному вопросу рукописей. Поэтому нельзя не привѣтствовать новаго предпріятія отд. рус. яз. и словесности по изученію русскихъ рукописныхъ собраній.

Рукописи извѣстнаго собирателя Т. Ѳ. Большакова, хранящіяся въ Румянцовскомъ музеѣ, давно уже извѣстны занимающимся исторіей древней русской литературы. Теперь онѣ описаны г. Георгіевскимъ. Всѣхъ ихъ 435. Составъ рукописей очень разнообразенъ, какъ со стороны внутренней, такъ и внѣшней: есть памятники прекрасно сохранившіеся, съ письмомъ и украшеніями высокаго качества, есть рукописи, сильно пострадавшія отъ времени и не отличающіяся достоинствами ни матеріаловъ, ни письма. Такъ какъ собиратель ихъ былъ торговецъ, то и собраніе напоминаетъ скорѣе книжный магазинъ, чѣмъ хорошо подобранное собраніе памятниковъ письменности, каково, напр., собраніе В. М. Ундольскаго. Все-таки и здѣсь много очень цѣнныхъ рукописей. Здѣсь можно отмѣтить: пергаменные евангелія XIII—XIV вв., лицевыя рукописи—Псалтирь, Апокалипсисъ, синодики, Демественникъ, Цвѣтникъ, житія. Датированныхъ рукописей—27, древнѣйшей изъ которыхъ является Лѣствица 1412 г. Что касается самаго описанія, то оно исполнено вполне удовлетворительно; желательны: большая точность въ датировкѣ рукописей, что вполне возможно при современномъ положеніи филигранографіи, большая детальность въ описаніи внѣшняго вида рукописей и, самое главное, —библиографія описываемыхъ рукописей. Благодаря отсутствію библиографическихъ указаній, описаніе подходит болѣе къ типу работъ А. А. Титова, чѣмъ къ вполне научнымъ трудамъ Д. Я. Абрамовича, В. И. Срезневскаго, давшихъ лучшія въ русской литературѣ описанія. Желательно, чтобы въ дальнѣйшихъ выпускахъ изданія по возможности приводилась бы библиографія. Желательно, чтобы рукописи располагались по отдѣламъ въ систематическомъ и хронологическомъ порядкѣ. Къ изданію приложены хорошіе указатели именъ и предметовъ, много облегчающіе пользованіе книгой.

Александръ Лебедевъ.

Черноморское побережье Кавказа. Справочная книга. Сост. Ѳ. П. Доброхотовъ и др. съ предисловіемъ статсъ-секретаря А. С. Ермолова. Подъ редакціей Н. И. Воробьева. Изданіе М. А. и Б. А. Сувориныхъ. Пгр. 1916. Стр. LXIV+527. Ц. 3 р. 50 к.

«Мы лѣвивы и нелюбопытны»... Эти слова изъ одного письма Пушкина нынѣ такъ затасканы, такъ избиты и истрепаны, что даже какъ-то неловко и приводить ихъ, но тѣмъ болѣе стыдно и печально, что отмѣченный когда-то Пушкинымъ нашъ національный порокъ до сихъ поръ процвѣтаетъ у насъ все такъ же, какъ и прежде. Обидѣ всего то, что эта лѣнь, это нелюбопытство особенно замѣчается у насъ по отношенію къ своему, родному, русскому. Для того, чтобы какое-либо издѣліе, усовершенствованіе или нововведеніе получило у насъ популярность, необходимо поставить на томъ или другомъ иностранный заграничный штампъ; только тогда русскій обыватель начнетъ чувство-

вать нѣкоторое довѣріе къ нему и, конечно, всегда предпочтетъ тотъ или иной продуктъ, издѣліе заграничному, въ ущербъ своему, русскому. Особенно это пренебреженіе къ своему, русскому, проявлялось въ отношеніи лечебныхъ мѣстъ и курортовъ, которые прозябали и пустовали въ то время, когда толпы російскихъ обывателей проживали свои деньги на иностранныхъ курортахъ и санаторіяхъ, весьма нерѣдко оказывавшихся далеко уступающими русскимъ въ смыслѣ богатства цѣлебныхъ источниковъ, красоты природы и климатическихъ условий. У всѣхъ еще должны быть свѣжи въ памяти тѣ ужасныя мытарства и мученія, которыя испытывали бѣдные русскіе обитатели германскихъ курортовъ, лечебныхъ мѣстъ и санаторій. Нынѣ, по военнымъ условіямъ, вся масса лицъ, ѣздившихъ для своего леченія за границу, принуждена обратиться къ пользованію русскими лечебными мѣстностями. И вотъ теперь открывается новая возможность русской общественной жизни, передъ обществомъ встаетъ новая задача громаднѣйшей національной важности и значенія. Самодѣятельность, провозглашенная лозунгомъ русской общественности въ дни войны, особенно благотворно должна отразиться именно въ этой области въ смыслѣ улучшения и усовершенствованія нашихъ чахло-прозябающихъ лечебныхъ мѣстностей, въ смыслѣ самаго широкаго распространенія свѣдѣній о нихъ во всѣхъ слояхъ населенія, потому что у насъ, русскихъ, легче достать всѣ необходимыя свѣдѣнія, напримѣръ, о Карлсбадѣ или Наугеймѣ, чѣмъ о какомъ-нибудь нашемъ курортѣ или санаторіи.

Среди наиболѣе замѣчательныхъ русскихъ лечебныхъ мѣстъ серьезное вниманіе должно обратить на Черноморское побережье Кавказа, о которомъ чрезвычайно мало свѣдѣній у публики. Только въ самое послѣднее время основалось общество, поставившее себѣ задачей популяризовать въ самой широкой массѣ обывателей этотъ чудный край. Была устроена выставка «Русская Ривьера», читались лекціи и доклады о различныхъ мѣстностяхъ этой области, организовали съѣздъ дѣятелей Кавказскаго побережья, но не было самаго необходимаго для популяризаціи въ широкой обывательской массѣ— простого путеводителя, заключающаго въ себѣ всѣ свѣдѣнія, необходимыя для предпринимающаго путешествіе.

Этотъ пробѣлъ заполняетъ изданная гг. Сувориними справочная книга «Черноморское побережье Кавказа». Въ составленіи ея принимали участіе Ѳ. П. Доброхотовъ, А. А. Каминскій (о климатѣ), И. В. Палибинъ (о флорѣ) и секретарь общества изученія Кавказскаго побережья Н. И. Воробьевъ (фауна, ископаемая, свѣдѣнія объ обществѣ изученія названнаго побережья, Агрія, Сочинская и Сухумская опытная станція, садъ Синопы, Сухумскій ботаническій садъ и садъ Н. Н. Смецкаго, Поти). Обширный матеріалъ по археологіи побережья предоставилъ А. П. Зотовъ. Обстоятельное предисловіе къ книгѣ написалъ статья-секретарь А. С. Ермоловъ. Общее редактированіе матеріала было произведено Н. И. Воробьевымъ. Въ общемъ названная книга даетъ весьма тщательное описаніе всей прибрежной полосы отъ Анапы вплоть до турецкой границы, а также и отдѣльныхъ мѣстностей этого края, имѣющихъ то или иное значеніе.

Эта книга можетъ служить достаточно надежнымъ справочникомъ для общаго

знакомства съ этой мало извѣстной областью, а также и путеводителемъ для лицъ отправляющихся на побережье. Конечно, въ первомъ изданіи могутъ встрѣтяться пропуски и ошибки, но мы должны быть благодарны составителямъ, что они сдѣлали начинъ въ дѣлѣ, которое обѣщаетъ развернуться мощно и широко.

Книга украшена многочисленными иллюстраціями и снабжена отчетливой схематической картой желѣзныхъ дорогъ Черноморскаго побережья Кавказа и вообще южной Россіи

Д. М.—ко

Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи (годъ двадцать восьмой). Вып. 52. Подъ редакціей предсѣдателя комиссіи Арс. Ив. Маркевича. Симферополь. 1915. Стр. II+279.

Первая статья настоящаго выпуска представляется и наиболѣе интересной. Это—собраніе пословицъ, поговорокъ и примѣтъ крымскихъ татаръ. Въ подготовкѣ матеріала приняли участіе гг. Боданинскій, Мартино и Мурасовъ; редактировали его гг. А. Н. Самойловичъ и П. А. Фалевъ; онъ же написалъ и общее предисловіе къ сборнику, обнимающему около 700 нумеровъ. Весьма любопытно было бы выяснитъ на этомъ матеріалѣ культурное взаимоотношеніе русскихъ и татаръ, т.-е. опредѣлитъ, какой народъ заимствовалъ у другого сходныя пословицы, поговорки и примѣты. Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ лишь слегка затронутъ въ предисловіи г. Фалева, да и то не со всемъ, имъ сказаннымъ, можно согласиться, хотя бы, напримѣръ, съ тѣмъ, что пословица: «восемь часовъ работы, восемь часовъ сна и восемь часовъ служенія Богу» есть «парафразъ извѣстной социалистической формулы, попавшей къ крымцамъ отъ русскихъ». Нечего и говорить, что всякій, кто дастъ себѣ трудъ познакомиться съ этими типичными образчиками восточной мудрости, нисколько не пожалѣетъ о затраченномъ времени и обогатитъ свою память запасомъ мѣткихъ и остроумныхъ изреченій.

На второмъ мѣстѣ стоитъ переводъ двухъ главъ, имѣющихъ отношеніе къ югу Россіи, изъ сочиненія Вильгельма Гейда «Исторія торговли Востока въ средніе вѣка». Не думаемъ, чтобы даваемая здѣсь свѣдѣнія стояли на высотѣ науки, хотя итальянскій переводъ этого сочиненія вышелъ въ 1913 году (правда, съ французской переработки 1885 года).

Дальше профессоръ Н. И. Веселовскій даетъ любопытную архивную справку, какъ державная воля императора Николая Павловича сохранила для Россіи богатѣйшую и унизматическую коллекцію бывшаго керченскаго градоначальника И. А. Стемпковскаго, завѣщанную имъ чрезъ французскаго консула въ Ригѣ Мефреди парижскому кабинету медалей и древностей. Къ статьѣ приложенъ великолѣпно исполненный портретъ Стемпковскаго.

Г. Фалевъ остроумно доказываетъ арабское происхожденіе одного изъ разсказовъ погайскаго эпоса о героѣ Чора-богатырѣ.

Кромѣ того, по случаю недавняго пятидесятилѣтія судебной реформы, въ «Извѣстіяхъ» перепечатаны газетныя статьи 1869 г. объ открытіи въ Симферополѣ окружнаго суда, а С. И. Рудневъ указалъ по архивнымъ матеріаламъ личный составъ первыхъ судовъ въ Таврической губерніи. А. М.

Труды вятской ученой архивной комиссиі. 1914 годъ. Вып. II—III. Вятка. 1914. Стр. 70+50+VI+513+V+VII+16+5.—Тоже. 1915 годъ. Вып. I. Стр. X+417. Цѣна не обозначена.

Объемистый двойной выпускъ трудовъ вятской архивной комиссиі за прошлый годъ въ главной своей части заключаетъ изданіе «храмозданныхъ грамотъ на построеніе церквей въ вятской епархіи» съ 1580 по 1860 г. Въ дополненіе къ этимъ документамъ приложена портретная галлерія вятскихъ епархіальныхъ преосвященныхъ, подписывавшихъ грамоты, съ 1658 по 1914 годъ, и приведены краткія хронологическія данныя о времени служенія святѣйшихъ патріарховъ и вятскихъ епископовъ. Изъ другихъ статей выпуска упоминанія заслуживаетъ каталогъ памятниковъ старины, хранящихся въ вятскомъ Трифоновскомъ церковно-археологическомъ музеѣ. Правда, каталогъ этотъ составленъ нѣсколько примитивно и иногда даже съ весьма странной орфографіей (напр. «моникенъ» вм. манекенъ), но онъ долженъ обратить на себя вниманіе археологовъ, такъ какъ въ музеѣ имѣются церковныя вещи и иконы, относящіяся еще къ XV столѣтію. Изъ рукописей особаго упоминанія заслуживаютъ списокъ Александрии XV вѣка и «Сборникъ разныхъ назидательныхъ повѣстей», по стилю письма XV и въ позднѣе XVII вѣка.

I выпускъ «Трудовъ» комиссиі за текущій годъ также заключаетъ статьи, представляющія исключительно мѣстный интересъ. Изъ архивныхъ документовъ здѣсь изданы акты Слободскаго Богоявленскаго монастыря, вятскаго архіерейскаго дома, мѣстныхъ церквей и др., хранящіеся въ дѣлахъ коллегіи экономіи московскаго архива министерства юстиціи. Всѣхъ актовъ сто три за періодъ времени съ 1567 по 1757 г. Большинство ихъ—купчія и закладныя кабалы. Затѣмъ въ концѣ книги опубликовано начало весьма любопытной въ бытовомъ отношеніи описи дѣлъ архива вятской духовной консисторіи. Опись эта составлена во второй половинѣ XVIII столѣтія. Тутъ есть дѣла о небытіи духовейства на государственныхъ панихидахъ, о взятіи «варнашнымъ работникомъ послѣ трехъ женъ четвертой», «о умертвіи» архіерейскаго пѣвчаго «по выпитіи вина на колѣйку въ кабацкѣ», о сборѣ со всѣхъ церквей епархіи «въ полданіе» на подводы и расходы «подъ шестіе» преосвященнаго «съ Вятки въ Санктпетербургъ», объ отказѣ невѣсты выйти замужъ за своего жениха и т. д. Типичная картина мелочей провинціальной жизни

Членъ комиссиі протоіерей Сырцовъ далъ подробное описаніе вятской Донской Стефановской церкви, въ которой онъ священствуетъ. Интересны образа Св. Софіи Премудрости Божіей и Донской Божіей Матери. Кромѣ другихъ болѣе мелкихъ статей, отмѣтимъ въ заключеніе любопытныя выдержки изъ помѣщенныхъ въ первой книгѣ «Русской Старины» за текущій годъ записокъ преосвященнаго Никодима Казанцева, бывшаго въ Вяткѣ ректоромъ семинаріи (1835—1841) и епископомъ (1859—1861).

Л. Л.

Великорусскія сказки Вятской губерніи. Съ приложеніемъ шести (пяти?) вотяцкихъ сказокъ. Собралъ Д. К. Зеленинъ. (Изъ «Записокъ императорскаго русскаго географическаго общества по отдѣленію этнографіи», т. XLIV, 1915 г.). Пгр. 1915. Стр. XLIV+640. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Сказочная коммиссія, состоящая при отдѣленіи императорскаго русскаго географическаго общества, поставила себѣ цѣлью систематическое изданіе всего сказочнаго матеріала, поступившаго и продолжающаго поступать въ распоряженіе географическаго общества. Въ сборникъ, заглавіе котораго приведено выше, вошли теперь сказки Вятскаго края. Сказочная коммиссія выражаетъ надежду, что появленіе этого сборника побудитъ мѣстныхъ любителей «живой старины» къ усиленному собиранію памятниковъ устнаго народнаго творчества вообще и старинныхъ народныхъ сказокъ въ особенности. Вятскій край, къ слову сказать, нельзя назвать особенно богатымъ народными сказками. Скорѣе даже наоборотъ, страна Вятская бѣдна сказками. Изъ числа 133 русскихъ сказокъ, вошедшихъ въ сборникъ г. Зеленина, 90 записаны были имъ самимъ—почти все осенью 1908 г.; остальные же 43 русскихъ и пять вотяцкихъ сказокъ записаны разными лицами (русскія—свящ. Н. Блиновымъ, Е. А. Костровой, А. К. Шаховой, Е. В. Поповой, М. И. Сунцовымъ и друг., а вотяцкіе—студентомъ казанскаго университета Т. К. Борисовымъ и имъ же и переведены). 121 сказка появляются здѣсь въ печати лишь впервые. Въ правописаніи г. Зеленинъ старается передать особенности мѣстнаго народнаго произношенія; оно ничѣмъ не отличается отъ правописанія, принятаго въ извѣстномъ его сборникѣ пермскихъ сказокъ. Въ книжкѣ приложены также словарики мѣстныхъ областныхъ словъ и удачно составленный азбучный указатель именъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ ней, а въ отдѣлѣ примѣчаній данъ краткій пересказъ сказокъ. Послѣ предисловія мы находимъ здѣсь еще любопытную статью г. Зеленина «Кое-что о сказочникахъ и сказкахъ Вятской губерніи», гдѣ говорится о бѣдности Вятскаго края сказками, а также о заносныхъ сказкахъ и условіяхъ ихъ распространенія, и проч. Обращаясь къ содержанію сказокъ, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что, на нашъ взглядъ, «языкъ» сѣверныхъ сказочниковъ не богатъ живописностью и вообще фантазіею; онъ простъ, иногда даже очень простъ, и не блещетъ ни картинностью, ни яркостью «красокъ» и образовъ. Тѣмъ не менѣе, многіе изъ сказокъ читаются съ интересомъ. Персонажи сказокъ—большою частью обычныя великорусскія. Тутъ вы встрѣтите: Алешу Поповича, бабу-ягу, барина, барыню, козла, лису, медвѣдя, попа, попадью, царевича, чорта и проч. Барство, впрочемъ, въ вятскихъ сказкахъ не играетъ особенно видной роли, такъ какъ оно, въ сущности, мало извѣстно населенію этого края, гдѣ помѣщиковъ всегда было немного. Вятскіе сказочники не прочь иногда и самую настоящую литературу повернуть въ народную сказку. Однажды, на примѣръ, г. Зеленину пришлось слышать, какъ въ Яранскомъ уѣздѣ одинъ изъ нихъ, молодой крестьянинъ, пользовавшійся среди мѣстнаго населенія большою популярностью за свои таланты, рассказывалъ своей деревенской аудиторіи извѣстный историческій романъ гр. А. К. Толстого—«Князь Серебряный», рассказывалъ со всеміи подроб-

ностями, не перевирая и не переибливая именъ; тотъ же поклонникъ литературы точно такимъ же образомъ рассказывалъ еще «сказку о принцѣ и нищетѣ» (Марка Твена) и нѣкоторые другіе повѣсти и романы, которые со временемъ грозятъ совершенно вытѣснить изъ деревни прежнюю народную сказку. Наиболѣе часто встрѣчающіяся въ Вятской губерніи сказочныя темы: о нечистой силѣ, небылица, Ивашко и вѣдьма, ловкій воръ, знахарь, Оома и Ерема (древняя скоморошья) и проч. Изданіе сборника вятскихъ сказокъ слѣдуетъ, конечно, только привѣтствовать: въ ряду подобныхъ изданій книжка эта, несомнѣнно, займетъ почетное мѣсто. Трудъ этотъ вообще, на нашъ взглядъ, исполненъ хорошо, порукою чему можетъ также служить и имя г. Зеленина, извѣстнаго опытнаго работника по русской этнографіи.

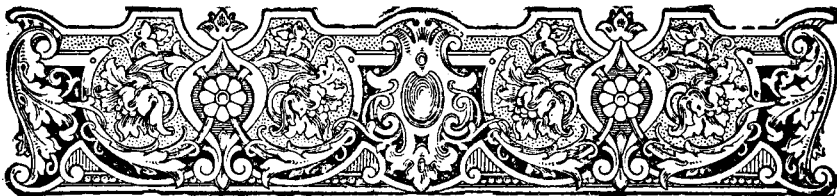
Т. М.

Извѣстія императорской археологической комиссіи. Выпуски 51, 52 съ прибавленіемъ, 53, 54 съ прибавленіемъ къ нему, 55, 56 съ прибавленіемъ. Петроградъ. 1915.

Первый выпускъ (144 стр. съ 28 таблицами) посвященъ нумизматикѣ. Особенно интересна статья В. В. Голубцова «Монеты Ольвіи по раскопкамъ 1905—1908 годовъ». Эти монеты имѣютъ громадное значеніе для всѣхъ историческихъ наукъ и, въ частности, для исторіи искусства на сѣверномъ побережьи Чернаго моря. Во второмъ выпускѣ (185 стр. и 4 табл.) напечатаны протоколы реставраціонныхъ засѣданій археологической комиссіи за 2-ую половину 1913 года. Тамъ же помѣщена статья Н. И. Рѣпникова: «Упраздненный Николо-Старошевскій монастырь». Большая часть прибавленія (229 стр.) посвящена археологической хроникѣ за 2-ую половину 1913 года. Среди ряда статей 53-го выпуска (136 стр. съ 4 табл. и 133 рисунками) обращаетъ вниманіе статья В. В. Голубцова «Оковы боярина Михаила Феодоровича Романова» и гр. А. А. Бобринскаго «Грипсгольмскія пищали»—русская артиллерія въ XVI столѣтіи. Въ выпускѣ 54-мъ (120 стр., 12 табл.) помѣщена, среди прочихъ, статья профессора М. И. Ростовцева о стеклянныхъ расписныхъ вазахъ позднеэллинистическаго времени: онѣ александрійскаго происхожденія и имѣютъ близкое отношеніе къ стѣнной росписи. Въ прибавленіи къ этому выпуску напечатаны шесть лекцій (112 стр.), прочитанныя въ лондонскомъ университетѣ Д. Г. Хогартомъ, въ переводѣ П. В. Латышева, подъ общимъ заглавіемъ «Юнія и Востокъ». Вып. 55-й (139 стр. съ 63 рис.) обнимаетъ протоколы реставраціонныхъ засѣданій императорской археологической комиссіи. Въ послѣднемъ выпускѣ (247 стр., 5 табл.) и въ приложеніи къ нему обращаютъ вниманіе отчеты о раскопкахъ на югѣ Россіи и археологическая хроника за 1-ую половину 1914 года.

О. Цыбульскій,

Съ 15 января 1915 г. по 15 февраля 1916 г. въ редакцію «Историческаго Вѣстника» поступили для отзыва слѣдующія книги:

М. И. Демковъ. Учебникъ педагогики для учительскихъ семинарій, женскихъ гимназій и для народныхъ учителей. Ч. II. Основы воспитанія и обученія. Училищевѣдѣніе. Изданіе т-ва «В. В. Думновъ, наследѣди. бр. Салаевыхъ». М. 1916. Стр. 168. Ц. 75 к.

Veritas и Е. П. Семеновъ. Предательство Болгаріи. Документальная исторія Болгаро-Сербской войны 1913 г. и вступленіе Болгаріи въ лоно германизма (1914—1915). Библіотека «Вечерняго Времени». Изданіе Б. А. Суворина. Пгр. 1916. Стр. 219. Ц. 1 р. 25 к.

Ал. Ксюнинъ. Народъ на войнѣ. (Изъ записокъ военнаго корреспондента). Библіотека «Вечерняго Времени». Изданіе Б. А. Суворина. Пгр. 1916. Стр. 242. Ц. 2 р.

Юр. Юркунъ. Разказы, написанные на Кировской ул., въ домѣ подъ № 48. Кн-во «Лукоморье». Пгр. 1916. Стр. 254. Ц. 1 р. 50 к.

Алексѣй Ремизовъ. Укрѣпа. Слово къ русской землѣ о землѣ родной, тайностяхъ земныхъ и судьбѣ. Изд-во «Лукоморье». Пгр. 1916. Стр. 140. Ц. 1 р. 75 к.

Въ новомъ сборникѣ А. Ремизова особенно любопытны сказки, навѣяныя событіями настоящей войны; здѣсь нашло себѣ отраженіе и житей-бытье солдата, и народные взгляды на войну, на враговъ и т. д. Весьма характерна сказка «Доля солдатская»; солдатъ продалъ чорту душу, за что получилъ воз-

можность побывать на родинѣ въ то время, какъ чортъ за него сидѣлъ въ окопахъ. Каковой оказалась ему доля солдатская, можно судить по тому, что «чортъ, какъ завидѣлъ возвращающагося солдата, все съ себя долой. «Ну,—говорить,—съ вайшей и службой-то солдатской! И какъ вы это терпите?— да стрекача изъ окоповъ, забылъ и про думъ».

Извѣстія пермскаго епархіального церковно-археологическаго общества. Вып. I. Пермь. 1915. Стр. 46. Ц. не обозн.

Кн. Ф. Косаткинъ-Ростовскій. Тетрадь вторая. Пгр. 1916. Стр. 82.

Ф. И. Осецій. Иждивеніе по законамъ о страхованіи. Пгр. 1916. Стр. 26. Ц. не обозн.

Н. А. Лаппо-Данилевская. Мишура. Романъ въ 4 частяхъ. Пгр. 1916. Стр. 342. Ц. 2 р.

П. Столпянскій. Старый Петербургъ. Къ исторіи строительныхъ матеріаловъ. Пгр. 1915. Стр. 33. Ц. не обозн.

Новая работа извѣстнаго наследователя стараго Петербурга П. Н. Столпянскаго посвящена исторіи строительныхъ матеріаловъ, организаціи производства того или иного матеріала и описанію условій потребленія, т. е. цѣнъ и тѣхъ административныхъ распоряженій, при помощи которыхъ обыватель стараго Петербурга получалъ эти матеріалы. Такимъ образомъ

это исследование интересно не только со стороны специально-технической, но и бытовой. Книга г. Столпянского снабжена снимками со старинных рисунков и многочисленными примечаниями с указанием источников.

Ежегодник Тобольского губернского музея, состоящего под Августейшим Его Императорского Величества покровительством. Годъ 25. 1915. Выпускъ XXV. Тобольскъ. 1915. Стр. 7+131+36. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Настоящий выпускъ «Ежегодника» составленъ интересно. Именно здѣсь имѣется прежде всего живо написанный историческій очеркъ музея за 25 лѣтъ его существованія съ приложеніемъ библиографіи музея и систематическаго перечисленія статей «Ежегодника» за 25 лѣтъ. Кроме того, г. Пигнатти напечаталъ весьма любопытное историко-археологическое описание знаменитаго Искера («Кучумова городища») со многими рисунками.

В. С. Федина. А. А. Фетъ (Шеншинъ). Матеріалы къ характеристикѣ. Пгр. 1915. Стр. 146. Ц. 1 р.

Великорусскія сказки Вятской губерніи. Съ приложеніемъ шести вотяцкихъ сказокъ. Сборникъ Д. К. Зеленина. Пгр. 1915. Стр. XLIV+640. Ц. 2 р. 50 к.

Уильямъ Дж. Локкъ. Узурпаторъ. Романъ. Переводъ съ англ. З. Журавской. Кн-во «Сѣверные дни». М. 1916. Стр. 300. Ц. 1 р. 50 к.

— Случайность. Романъ. Переводъ съ англ. З. Журавской. Кн-во «Сѣверные дни». М. 1916. Стр. 292. Ц. 1 р. 50 к.

Обращаемъ вниманіе читателей на чрезвычайно интересные, содержательные романы У. Д. Локка. Выразительный и мѣткій языкъ, живые остроумные діалоги, богатѣйшая фантазія, чисто-англійскій юморъ и пристрастіе къ блестящимъ парадоксамъ, сложная и великолѣпно задуманная и выполненная фабула, красочность описаній, изящество,—все это, несомнѣнно, ставитъ Локка въ ряды лучшихъ современныхъ писателей Англій и привлечетъ къ нему такое же вниманіе русскихъ читателей, какъ къ его соотечественникамъ Конанъ-Дойлю, Уэльсу и др.

В. В. Брусянинъ. Темный ликъ. Романъ. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Пгр. 1916. Стр. 495. Ц. 2 р.

С. Юшкевичъ. Человѣкъ воздуха. Комедія въ 4 дѣйствіяхъ. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Пгр. 1916. Стр. 108. Ц. 1 р.

С. И. Гусевъ-Оренбургскій. Въ приходѣ. Кн-во «Жизнь и знаніе». Пгр. 1916. Стр. 301. Ц. 1 р. 25 к.

«Человѣкъ воздуха»—это очередной анекдотъ въ драматической формѣ о бѣдномъ еврейчикѣ, котораго нужда ставитъ въ разныя траги-комическія положенія; любители еврейскихъ анекдотовъ прочтутъ новую книжку Юшкевича, можетъ быть, и не безъ удовольствія, если имъ еще не надоѣли 14 предшествовавшихъ томовъ такихъ же еврейскихъ анекдотовъ. Книжка г. Гусева-Оренбургскаго посвящена все тѣмъ же сельскимъ священникамъ и чудакамъ-дьяконамъ, о которыхъ авторъ рассказываетъ чуть ли не въ 1001-й разъ. Эти грустные и смѣшныя исторіи про сельское духовенство, написанныя весьма талантливо, конечно, не лишены интереса, но чтобы одолѣть болѣе десятка томовъ сочиненій г. Гусева-Оренбургскаго, питать нужно особенное пристрастіе къ о.о. Геннадіямъ, Викторинамъ, Меодіямъ, Клавдіямъ, Германамъ, Герасимамъ и т. д.

М. Н. Коваленскій. Русскій ученый XVIII вѣка. Страницы изъ жизни Ломоносова. (Русская исторія въ культурно-бытовыхъ очеркахъ). Кн-во К. Ф. Некрасова. М. 1915. Стр. 126. Ц. 45 к.

П. П. Нащенко. Судь въ Московскомъ государствѣ. (Русская исторія въ культурно-бытовыхъ очеркахъ). Кн-во К. Ф. Некрасова. М. 1915. Стр. 77. Ц. 30 к.

Н. Д. Шаховская. Въ монастырской вотчинѣ XIV—XVII вѣка. (Св. Сергій и его хозяйство). (Русская исторія въ культурно-бытовыхъ очеркахъ). Кн-во К. Ф. Некрасова. М. 1915. Стр. 130. Ц. 40 к.

Н. Д. Комовская. Въ странѣ великаго хана. (Картинны изъ быта монголовъ). (Русская исторія въ культурно-бытовыхъ очеркахъ). Кн-во К. Ф. Некрасова. М. 1916. Стр. 118. Ц. 40 к.

Н. Н. Коваленская. Вельможа въ фаворѣ и ссылкѣ. (Князя Долгорукіе). (Русская исторія въ культурно-бытовыхъ очеркахъ). Кн-во К. Ф. Некрасова. М. 1916. Стр. 123. Ц. 40 к.

С. Рунинъ. «Откликъ» №№ 1—5. Политическій журналъ. Пгр. 1915. №. каждаго вып. по 20 к.

Б. Курць. Земскіе соборы. Кіевъ. 1915. Стр. 21. Ц. не обозв.

Село Троицкое-Кайнарджи и село Зенино, Каргѣво тожъ. Историческій очеркъ. Стр. 62. Ц. 1 р. Вся выручка отъ продажи этого изданія предназначается въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ,

содержащихся въ городскихъ лазаретахъ Москвы.

Оба эти селенія принадлежали пѣ-когда гр. П. А. Румянцову. Троицкое и доселѣ составляетъ собственность правнука Румянцова, кн. Голицына. Что касается Зенина, то оно перемѣнилось нѣсколькихъ владѣльцевъ. Наиболѣе сдѣлалъ для поднятія благосостоянія этого имѣнія Ив. Ив. Шаховскій, владѣвшій Зенинымъ съ 1866 по 1910 годъ, когда оно было продано гор. Москвѣ. Брошюра не только содержитъ историческій очеркъ судьбы обоихъ селеній, но и украшена пѣлымъ рядомъ великолѣпно исполн. иныхъ фототипическихъ портретовъ и видовъ мѣстностей.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1916 г. Книга первая (256) издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любаскаго. М. 1916. Стр. XVI—736. Ц. 3 р.

Изъ моего альбома. Шестьдесятъ фотографическихъ снимковъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Пгр. 1916. Ц. не обозн.

Отчетъ императорской публичной бібліотеки за 1908 годъ. Пгр. 1915. Стр. 282. То же за 1909 годъ. Стр. VII—291. То же за 1910 годъ. Стр. VII—134. Ц. не обозн.

А. В. Круковский. Пѣвецъ безмятежныхъ переживаній. Воронежъ. 1915. Стр. 38. Ц. не обозн.

Отчетъ полтавской ученой архивной комиссіи за 1915 годъ. Составилъ правитель дѣлъ И. Ф. Павловскій. Полтава. 1916. Стр. 15. Ц. не обозн.

Отчетъ нижегородскаго уѣзднаго комитета всероссійскаго земскаго союза помощи больнымъ, раненымъ и семьямъ призванныхъ на войну. За первый годъ существованія. Нижній-Новгородъ. 1916. Стр. 196. Ц. не обозн.

П. И. Кадилінъ. Какъ сказала русская душа въ великую войну народовъ, Житомиръ. 1916. Стр. 66. Ц. 50 к.

В. И. Крыжановская (Рочестеръ). Новый вѣкъ. Сборникъ повѣстей и рассказовъ. «Книгоиздательское Товарищество». Пгр. 1916. Стр. 325. Ц. 2 р.

М. И. Сизовъ. Сновидѣнія. Изданіе П. П. Сойкина. Съ рис. Пгр. 1916. Стр. 32. Ц. 50 к.

Общедоступный очеркъ М. Сизова, посвященный сновидѣніямъ, затрагиваетъ, между прочимъ, одинъ чрезвычайно любопытный вопросъ, еще не изслѣдованный у насъ. Пользуясь

теоріей французскаго ученаго Ж. Грассе, авторъ разбираетъ съ научной точки зрѣнія сонъ Татьяны въ «Онегинѣ» и доказываетъ, что нашъ поэтъ силою своего творческаго проникновенія изобразилъ сонъ такъ, что позднѣйшія научныя изслѣдованія не находятъ въ этомъ поэтическомъ вымыслѣ никакихъ ошибокъ противъ дѣйствительности; подобная параллель была произведена проф. Чижомъ надъ типами героевъ Достоевскаго. Надо полагать, что затронутый г. Сизовымъ мимолетно вопросъ заинтересуетъ нашихъ пушкинистовъ.

Н. В. Санчурскій. Краткій очеркъ римскихъ древностей. Для гимназій, прогимназій и самообученія. Сост. бывший окружный инспекторъ петроградскаго учебнаго округа, при участіи А. Гофмана и М. Янко—директоровъ пгр. гимназій, П. Барсова, И. Дюмидова и Г. Сьдлатаго; — инспекторовъ пгр. гимназій и Э. Кесслера и В. Марданова—преподавателей пгр. гимназій. 6-е изд., пересмотрѣнное. Пгр. 1916. Стр. VIII+267. Ц. 1 р. 35 к.

«Очеркъ» покойнаго нынѣ Н. В. Санчурскаго является почти единственнымъ у насъ болѣе полнымъ и оригинальнымъ (не переводнымъ) руководствомъ по римскимъ древностямъ. Успѣхъ книги доказывается тѣмъ, что предшествующее изданіе разошлось въ годъ съ небольшимъ. Приятно отмѣтить также, что наследники Н. В. Санчурскаго принимаютъ все мѣры къ тому, чтобы текстъ стоялъ на надлежащей научной высотѣ.

А. І. Бачинскій. Очеркъ жизни и трудовъ Николая Алексѣевича Умова. М. 1916. Стр. 84. Ц. не обозн.

— Н. А. Умовъ. Біографическій очеркъ и перечень печатныхъ трудовъ съ указаніемъ времени и мѣста ихъ появленія. Съ рис. Изданіе общества содѣйствія успѣхамъ опытныхъ наукъ и ихъ практическихъ примѣненій имени Х. С. Леденцова. М. 1915. Стр. 40. Ц. не обозн.

Обѣ брошюры А. І. Бачинскаго, посвященныя жизни и научной дѣятельности скончавшагося въ январѣ прошлаго года проф. Н. А. Умова, въ достаточной степени знакомятъ читателей съ трудами и личною покойнаго ученаго. Тщательно составленъ списокъ печатныхъ трудовъ Н. А. Умова и статей и замѣтокъ, появившихся по случаю его кончины.

В. П. Семенниковъ. Когда Радищевъ задумалъ «Путешествіе?» («Отрывокъ путешествія въ *** И *** Т*** 1772 г. и

«Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» 1790 г.). Изданіе Л. Э. Бухгеймъ. М. 1916. Стр. 46. Ц. 1 р.

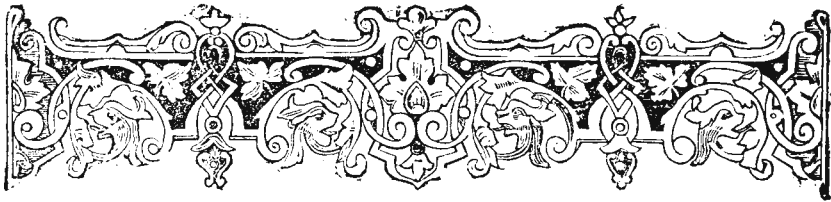
Вѣстникъ императорскаго общества ревнителей исторіи. Вып. II. Подъ редакціей замѣстителя предсѣдателя М. К. Соколовскаго. Пгр. 1915. Стр. 337. Ц. 8 р.

Письма и бумаги Суворова. Т. I. Пись-

ма 1764—1781 г.г. Объяснилъ и примѣчаніями снабдилъ В. А. Алексѣевъ. Пгр. 1914. Стр. 462. Ц. 5 р. 50 к.

А. А. Родныхъ. Иллюстрированная лѣтопись воздухоплаванія и летанія въ Россіи. Съ приложеніемъ краткой исторіи воздухоплаванія на Руси со временъ Олега по конецъ царствованія Николая I. Пгр. Стр. 36. Ц. 80 к.

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

Отношенія между Петромъ III и Екатериной II въ послѣдніе годы *ихъ* супружеской жизни.—Продажа крѣпостныхъ людей въ Старомъ Петербургѣ.—Высшее тайное масонское правленіе въ Россіи (капитуль Фениксъ) въ XVIII и XIX вв.

ВЪ ФЕВРАЛЬСКОЙ книжкѣ «Русской Старины» появился русскій переводъ отрывковъ изъ «Mémoires» польскаго короля Станислава-Августа (Понятовскаго), недавно изданныхъ по подлиннымъ рукописямъ С. М. Горяиновымъ во французскомъ оригиналѣ. Въ концѣ царствованія императрицы Елизаветы Петровны молодой Понятовскій занималъ должность польскаго посланника при дворѣ императрицы и находился въ интимной связи съ супругой наслѣдника престола, великаго князя Петра Θεодоровича, Екатериной Алексѣевной. Супружеская жизнь Екатерины, какъ извѣстно, была несчастна, и Петръ Θεодоровичъ, отличавшійся казарменнымъ вкусомъ, въ описываемое время имѣлъ въ качествѣ фаворитки «толстую и дурную лицомъ» графиню Елизавету Воронцову. О связи своей супруги съ Понятовскимъ Петръ ничего не зналъ сначала, потому что влюбленные принимали мѣры предосторожности. «Я видѣлся съ ней часто,—рассказываетъ Понятовскій.—Подѣзжая ко дворцу, я выходилъ изъ экипажа, шелъ немного пѣшкомъ, а затѣмъ поднимался по той маленькой лѣстницѣ, по которой Нарышкинъ провелъ меня первый разъ; часовые, которыхъ, очевидно, предупреждали, ничего не спрашивали и не задерживали меня. Иногда великая княгиня выходила въ условленный часъ по той же лѣстницѣ, садилась въ сани, и я везъ ее къ себѣ». Возвращеніе Екатерины во дворецъ, гдѣ мужъ ея обыкновенно проводилъ вечера въ попойкахъ съ придворными и полтинскими офицерами, также совершалось тихо и незамѣтно; однажды только, когда она вернулась домой, оказалось, что ея камеристка по ошибкѣ заперла

дверь въ ея спальню, и ей угрожала величайшая опасность; къ счастью, другая особа успѣла впустить ее. Но когда молодой дворъ переѣхалъ на лѣто въ Ораніенбаумъ, и Понятовскій ѣздилъ туда ночью переодѣтый, то однажды онъ былъ схваченъ тамъ, по приказанію великаго князя, на пути къ дворцу и отпущенъ лишь послѣ допроса, сдѣланнаго ему начальникомъ тайной канцеляріи, Александромъ Шуваловымъ. Положеніе Понятовскаго, какъ польскаго посланника, послѣ этой исторіи сдѣлалось чрезвычайно щекотливымъ, по Екатерина и Понятовскій успѣли задобрить фаворитку Петра Воронцову, и она обѣщалась уладить дѣло. И дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней, 29-го іюня, въ день именинъ Петра Теодоровича, когда дворъ былъ въ Петергофѣ, Воронцова, танцую мепузѣть съ Понятовскимъ, сказала ему: «Дѣло уже почти улажено, приходите въ часъ ночи со Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ въ Нижній садъ къ Монплезиру, гдѣ помѣщаются ихъ высочества».

Но предоставимъ дальнѣйшій разсказъ самому Понятовскому:

«Я пожалъ ей руку,—говоритъ онъ,—посоветовался съ Л. А. Нарышкинымъ. Онъ сказалъ: «Приходите, я буду у великаго князя».

«Я колебался нѣкоторое время, затѣмъ сказалъ Браницкому: «Рискнете прогуляться со мною сегодня ночью въ Нижнемъ саду? Одному Богу извѣстно, куда насъ заведетъ эта прогулка, но, по всей вѣроятности, она окончится благополучно».

«Онъ сразу согласился, и въ назначенный часъ мы отправились въ указанное мѣсто. Шагахъ въ двадцати отъ павильона я встрѣтилъ Елизавету Воронцову, которая мнѣ сказала:

«— Вамъ придется обождать тутъ; у великаго князя гости, они курятъ трубки; когда они уйдутъ, онъ васъ приметъ».

«Она подходила нѣсколько разъ къ павильону и прислушивалась.

«— Войдите,—сказала она наконецъ.

«Великій князь быстро подошелъ ко мнѣ съ веселымъ видомъ и сказалъ:

«— Ну, не дуракъ ли ты, что не сказалъ мнѣ все откровенно? Если бы ты это сдѣлалъ, всей этой кутерьмы не было бы».

«Я во всемъ признался и тотчасъ сталъ восхвалять военныя способности великаго князя. Это такъ польстило ему и привело его въ столь прекрасное настроеніе духа, что черезъ четверть часа онъ сказалъ мнѣ:

«— Ну, вотъ мы и помирились; однако для полнаго удовольствія намъ кое-кого не хватаетъ».

«И, пройдя въ спальню жены, онъ поднялъ ее съ постели; она едва успѣла натянуть чулки и набросить капоть, какъ онъ притащилъ ее къ намъ въ комнату, какъ она была, безъ башмаковъ и безъ юбокъ, и, указывая на меня, прозвнесъ:

«— Ну, вотъ. Надѣюсь, мною будутъ довольны».

«Она поймала его на словѣ и сказала:

«— Недостаетъ только записочки отъ вашего имени къ вице-канцлеру Воронцову съ приказаніемъ похлопотать въ Варшавѣ о скорѣйшемъ возвращеніи нашего друга сюда».

«Великій князь приказалъ принести столъ съ письменными принадлежностями, но такового въ павильонѣ не оказалось; нашлась доска, которую ему положили на колѣни; и онъ набросалъ записку Воронцову и, кромѣ того, далъ мнѣ писанную карандашомъ записку Воронцовой слѣдующаго содержанія, которая по сей часъ хранится у меня:

«Будьте увѣрены, что я сдѣлаю все возможное, чтобы вы вернулись. Я буду всѣхъ просить объ этомъ и докажу вамъ, что я о васъ не забуду.

«Прошу васъ не забывать меня и вѣрить, что вы всегда будете имѣть во мнѣ друга. Остаюсь преданная вамъ слуга Елизавета Воронцова».

«Затѣмъ мы всѣ шестеро стали хохотать, болтать и баловаться съ фонтанчикомъ, который былъ въ залѣ, какъ будто все было какъ нельзя лучше, и разошлись только въ четыре часа утра.

«Какъ все это ни покажется дико, но я клянусь, что все это истина; съ этого дня началась моя дружба съ Браницкимъ.

«На другой день всѣ были со мною любезны. Съ вѣдома великаго князя я былъ еще четыре раза въ Ораніенбаумѣ. Я пріѣзжалъ вечеромъ; проходилъ по потайной лѣстницѣ къ великой княгинѣ, гдѣ заставлялъ великаго князя и его фаворитку. Мы ужинали вмѣстѣ, послѣ чего онъ уводилъ Воронцову, говоря:

«— Ну, дѣти мои, вамъ меня, кажется, болѣе не нужно.

« И я оставался, сколько хотѣлъ.

«Иванъ Ивановичъ Шуваловъ былъ со мною любезенъ, Воронцовъ также. Но все же мнѣ пришлось уѣхать изъ Петербурга, какъ это было рѣшено раньше».

Никакіе томы изслѣдованій о взаимныхъ отношеніяхъ Петра и Екатерины не могутъ лучше и полнѣе объяснить чувствъ презрѣнія и отвращенія, которыя они вполнѣдствіи питали другъ къ другу, чѣмъ эти маленькія сценки, столь живо рассказанныя Понятовскимъ.

Въ статьѣ «Торговля людьми въ Старомъ Петербургѣ» г. Столпянскаго («Наша Старина») собрано много фактовъ о продажѣ крѣпостныхъ людей во второй половинѣ XVIII в. посредствомъ газетныхъ объявленій. По словамъ г. Столпянскаго, инициатива печатанія объявленій о продажѣ людей принадлежала не русскому человѣку, а болѣе просвѣщенному, иностранцу, «мадамъ Губертшѣ», которая продавала, за отъѣздомъ изъ Петербурга, «разные уборы, фарфоръ, чайный подносъ, столы, кровать, женское платье, табакерку, одноколку, молодого арапа тринадцати лѣтъ и прочія вещи». Продажа русскими помѣщиками своихъ крѣпостныхъ посредствомъ объявленій производилась чрезвычайно рѣдко и лишь въ особо-исключительныхъ случаяхъ. Поражаетъ, однако, тотъ фактъ, что именно въ это время неизмѣнно объявлялась продажа «лифляндскихъ или иностранныхъ крѣпостныхъ». Напримѣръ, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1784 г. помѣщено было слѣдующее объявленіе: «Продается 10 семей лифляндскихъ отъ 25 и до 30 лѣтъ, 25 душъ, да отъ 4 до 14 лѣтъ 25 же душъ со всѣмъ ихъ движимымъ имѣніемъ. Они умѣютъ по-лифляндски пахать и плотничную работу исправлять. Кто желаетъ купить, о цѣнѣ можетъ спросить у живущаго въ Галерномъ дворѣ иностраннаго купца Кейля», или:

«На Васильевскомъ острову, по Среднему проспекту, между 9 и 10 линиями, д. № 121, продается 21 года лифляндская, добропорядочная дѣвка, которая умѣетъ мыть бѣлье, способна къ исправленію прочей черной работы. Тутъ же есть продажной, дубовый, мѣдью окованный сундукъ». Очевидно, что эти «лифляндскіе» эсты и латыши продавались законными владѣльцами, прибалтійскими баронами-нѣмцами. Объявленія о русскихъ крѣпостныхъ, «о дѣвкахъ и лакеяхъ», появились, съ легкой руки нѣмцевъ, въ «С.-Пет. Вѣд.» лишь въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ годовъ XVIII столѣтія. «Не можемъ не подчеркнуть, — говоритъ г. Столпянскій, — невольно бросающагося въ глаза слѣдующаго несоотвѣтствія: безусловно въ русскомъ обществѣ «прогрессъ» шель поспѣшными шагами, безусловно русское общество стремительно усваивало ту образованность, которая, если такъ можно выразиться, органически эволюционировала на Западѣ. И въ то время, когда въ политическомъ отдѣлѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» очень подробно сообщалось о французской революціи, о «признаніи правъ человѣка», въ отдѣлѣ «Частныя извѣстія» очень усердно помѣщались объявления о продажѣ крѣпостныхъ, и большинство читателей не замѣчало этого несоотвѣтствія, наоборотъ: прочитавъ съ любопытствомъ рѣчь Мирабо въ политическомъ отдѣлѣ, читатель съ неменьшимъ любопытствомъ брался за объявления и, быть можетъ, найдя въ этихъ объявленіяхъ нужную для себя «дѣвку», отправлялся за нею куда-нибудь въ Малую Коломну, къ Качалову кабаку». Сознаніе этого несоотвѣтствія, быть можетъ, проявлялось лишь въ томъ, что большинство продавцовъ живого товара предпочитало скрывать свои фамиліи въ объявленіяхъ, хотя, въ то же время, не стѣснялись ставить ихъ въ объявления и такіе продавцы, какъ князь Мышецкій, вице-адмиралъша Елменова, графъ Христіанъ Минихъ и... университетскій студентъ Николай Торопогрицкѣвъ. Большинство крѣпостныхъ продавалось за отъѣздомъ владѣльцевъ, потому что у себя въ деревнѣ они могли набрать себѣ новый штатъ слугъ, а пожившій въ столицѣ человѣкъ становился менѣе рачительнымъ и могъ, въ крайнемъ случаѣ, даже сбѣжать отъ своего господина во время путешествія; нѣкоторые люди продавались прямо «за излишествомъ» или по «нуждѣ въ деньгахъ». Извѣстный масонъ и благотворитель Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ, по званію своему опекуна, продавалъ дворовыхъ людей: «вдову 30 лѣтъ, знающую готовить кушанье, дѣвку 18 лѣтъ, умѣющую хорошо гладить, чистить и шить бѣлье, и мальчика 15 лѣтъ, парикмахера, знающаго хорошо чесать мужскіе волосы». Наконецъ встрѣчаются и такого рода объявления: «Продаются послѣ умершаго господина коллежскаго совѣтника Марцера дворовые люди, мальчикъ и 3 дѣвки, къ покупкѣ коихъ есть желающіе, и даютъ за мальчика 380 рублей, за дѣвокъ за одну 150, за другую 50, за третью 25 рублей. Ежели кто намѣренъ дать болѣе означенныхъ цѣвъ, тотъ можетъ явиться къ опредѣленному опекуну, оберъ-секретарю Крейтеру».

Всѣхъ объявленій о продажѣ крѣпостныхъ людей во второй половинѣ XVIII в. помѣщено было въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», по подсчету г. Столпянскаго, до 5000. Александръ I, воспитанникъ Лагарпа, по восшествіи своемъ на престолъ воспретилъ печатаніе въ вѣдомостяхъ объявле-

ній о продажѣ людей безъ земли, указомъ 20-го мая 1801 года, хотя самая продажа продолжалась безпрепятственно. «Декорумъ» по отношенію къ чело-вѣческому достоинству былъ соблюденъ, но продажа крѣпостныхъ людей въ тѣхъ или иныхъ формахъ продолжалась въ Россіи до самаго знаменательнаго дня 19-го февраля 1861 года.

Новыя страницы въ исторію русской общественности вписываетъ Т. О. Соколовская въ своемъ изслѣдованіи «Капитулъ Феникса. Высшее тайное масонское правленіе въ Россіи (1778—1822 гг.)», помѣщенномъ во второмъ выпускѣ «Вѣстника Императорскаго общества ревнителей исторіи». Любопытныя, научно обоснованныя работы г-жи Соколовской по исторіи русскаго масонства хорошо извѣстны русскому ученому міру: каждая изъ нихъ представляетъ собою опытъ самостоятельнаго изученія вновь открытыхъ архивныхъ данныхъ, относящихся къ масонству. Къ сожалѣнію, какъ и слѣдовало, впрочемъ, ожидать, эти данныя, воспроизводя съ достаточной опредѣленностью обрядно-бытовую сторону жизни русскихъ масонскихъ обществъ разныхъ наименованій, отнюдь не уясняютъ намъ конечныхъ цѣлей масонства, основной мысли работъ его ложъ, а также и всей масонской организаціи. Казалось бы, что въ новомъ своемъ трудѣ Т. О. Соколовская довольно близко подошла къ разоблаченію тайнъ масонства, поскольку онѣ существовали, такъ какъ предметомъ ея работы является не что иное, какъ «высшее тайное масонское правленіе въ Россіи». Но уже съ первыхъ строкъ ея изслѣдованія характеръ архивныхъ данныхъ, находившихся въ ея распоряженіи, лишаетъ насъ надежды уяснить себѣ основныя задачи русскаго масонства, являшагося лишь развитіемъ дѣятельности масонства западнаго и бывшаго по отношенію къ послѣднему лишь въ подчиненномъ положеніи. Такъ, капитулъ Феникса, открытый въ Петербургѣ въ 1779 году по уполномочію шведскаго главнаго капитула, для управленія всѣми русскими масонскими организаціями, обладалъ правомъ посвящать въ масоны лишь до седьмой степени, и на всѣ настоянія русскихъ братьевъ о расширеніи ихъ правъ и познанія масонскихъ тайнъ «отвѣтствовалъ лишь письмами, неисполненными политическими учтивствъ и обѣщаніями доставить все недостающее въ ближайшемъ будущемъ». «Рыцари Храма», какъ назывались члены капитула, давали, между тѣмъ, присягу на вѣрность ордену, на преданность и покорство главѣ его, герцогу Карлу Зюдерманландскому; клятвою требовалось «повиноваться ему во всемъ, что не противно вѣрности, повиновенію и покорности, коими я обязанъ моимъ законнымъ государямъ и какъ свѣтскимъ, такъ и церковнымъ властямъ». Верховные руководители масонскаго общества русскимъ масонамъ были совершенно неизвѣстны. Тѣмъ не менѣе, объявленныя гуманистическія и религіозныя цѣли ложъ, подчиненныхъ тайному капитулу Феникса, чрезъ посредство главной великой національной ложи, привлекли къ нимъ массу членовъ среди дворянства, въ арміи и флотѣ. Одна изъ ложъ — «Нептуна» — находилась на адмиральскомъ кораблѣ «Ростиславъ», гдѣ почти весь офицерскій составъ и многіе матросы были масоны. Управляющимъ ложей былъ самъ адмиралъ С. К. Грейгъ, и онъ подчиненъ былъ по шведскому масонству герцогу Зюдерманландскому,

брату шведскаго короля, начальствовавшему шведскимъ флотомъ. Тѣмъ же менѣе, когда въ кампанію 1788 года русскій флотъ сразился со шведскимъ флотомъ, «Грейгъ и всѣ масоны-моряки выказали себя вѣрными россиянами»,—говоритъ Т. О. Соколовская,—и покрыли славою свои имена: они въ герцогѣ Зюдерманландскомъ усматривали «нарушителя мира» и поднимали мечи на начальника по ордену, какъ преступившаго законы масонскіе: «Вселенной миръ, тишина и спокойствіе—цѣль ордена свободныхъ каменщиковъ». Противъ этого, конечно, спорить нельзя, но разсчитывали ли на такое пониманіе масонскихъ законовъ со стороны младшихъ своихъ братьевъ, не превзошедшихъ седьмой степени, сами шведы,—это, разумѣется, другой вопросъ ¹⁾. Въ самой Швеціи король Густавъ III, по свидѣтельству масона Эллизена, «воспользовался масонскою организаціей для низверженія власти государственныхъ чиповъ и возстановленія монархіи... Самъ король или наслѣдникъ престола—глава высшихъ градусовъ и все устройство верховнаго совѣта (которому подчиненъ былъ капитулъ Феникса) есть политическая основа, подающая королю способы привлекать къ себѣ между высшими классами множество приверженцевъ, дабы чрезъ нихъ дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ не только на прочихъ братьевъ, но и на всѣ вообще умы». «Членамъ капитула,—говоритъ г-жа Соколовская,—извѣстно было, что надъ всѣми наивысшими масонскими правленіями всѣхъ странъ главенствуетъ одна Великая ложа «Великихъ Помазанниковъ Божіихъ», и въ члены этой міровой ложи избираются наивысшіе просвѣтленные братья изъ всѣхъ свѣтлѣйшихъ капитуловъ. Эта великая міровая ложа, образуя невидимый капитулъ, имена сочленовъ коего навсегда пребываютъ неизвѣстными не принадлежащимъ къ оному, имѣетъ цѣлью бороться со зломъ и насиліемъ въ мірѣ, съ деспотизмомъ правителей и постепенно подымать духовный уровень всѣхъ народовъ земнаго шара, «насаждая древо свободы на развалинахъ насилія».

Но уже послѣ 1812 года въ русскомъ масонствѣ началось національное движеніе, стремленіе отколотся отъ всемірнаго масонства. Возникъ споръ о значеніи высокыхъ степеней, о желательности замѣнить самовластное управленіе подчасъ неизвѣстныхъ орденскихъ начальниковъ выборнымъ, «легкимъ», отвѣтственнымъ, задачи таинственныя, общемасонскія, замѣнить задачами національными, всѣмъ доступными и понятными. Въ средѣ русскихъ масоновъ совершился распадъ, и капитулъ Феникса тщетно старался укрѣпить пошатнувшіеся устои системы строгаго послушанія, предписывая «строжайшее наблюденіе ложами древнихъ уставовъ и обрядовъ», «тѣснѣйшее единеніе братства» и ограниченіе въ приѣмахъ, «дабы волки, въ овечьей шкурѣ ходящіе и языкомъ агнчимъ глаголющіе, не проникли въ ложи союза и не внесли соблазна». Всѣ эти мѣры не принесли немедленной пользы, а между тѣмъ указомъ 1-го августа 1822 года правительство, запуганное развитіемъ либеральныхъ идей въ Европѣ и Россіи, закрыло всѣ масонскія ложи въ Россіи.

¹⁾ Нелишне отмѣтить, что адмиралъ Грейгъ заболѣлъ и умеръ тотчасъ послѣ побѣды своей надъ шведами при Сескарѣ.

«Исчезъ ли послѣ запрета капитулъ Феникса въ Россіи?»—спрашиваетъ г-жа Соколовская.—«Нѣтъ. Въ 1822 г. онъ утратилъ лишь внѣшній свой образъ, не стало великой провинціальной ложи, но главари, капитуляры, выработавъ правила еще строжайшія для охраны тайны своихъ собраний, продолжали въ тѣсномъ кругу содружество свое еще до шестидесятихъ годовъ XIX вѣка». Нелишне прибавить, что главою капитула Феникса при закрытіи его состоялъ С. С. Ланской, бывшій министромъ внутреннихъ дѣлъ при Александрѣ II въ моментъ совершенія крестьянской реформы 19-го февраля 1861 г. Намъ неизвѣстно, почему Т. О. Соколовская ограничиваетъ существованіе «содружества» шестидесятью годами прошлаго столѣтія: развѣ оно не могло преемственно докатиться и до настоящаго времени, измѣняя, быть можетъ, формы и характеръ своихъ заданий? «Капитулъ стоитъ и до скончанія вѣковъ стоять будетъ, тѣма не обниметъ его свѣта», восклицалъ членъ капитула С. П. Фонвизинъ при его закрытіи въ 1822 г.: «чувства искренней дружбы остаются неизмѣнны, несмотря ни на какія превратности здѣшняго міра, когда они основываются на единомысліи и единодушномъ исканіи нетлѣнныхъ благъ». Отвѣтитъ положительно на вопросъ, существуетъ ли русское масонство и въ какихъ именно формахъ въ настоящее время,—едва ли удастся даже такой неутомимой и добросовѣстной изслѣдовательницѣ русскаго масонства, какъ г-жа Соколовская

Е. Шумигорскій.

Р. С. Мы должны закончить свою статью выраженіемъ искренняго сожалѣнія, что, довѣрившись показаніямъ г. Юдина въ «Голосѣ Минувшаго», привели въ прошлой статьѣ факты изъ жизни бывшаго московскаго губернскаго предводителя дворянства В. И. Ершова, оказавшіеся невѣрными и по свидѣтельству его сослуживцевъ, и по показаніямъ его близкихъ, какъ видно изъ опроверженія, появившагося въ «Голосѣ Минувшаго». Бывшіе павлоградцы рѣшительно отвергаютъ даже возможность похоронъ гусарскаго мундира, которія красочно описаны г. Юдинымъ въ его воспоминаніяхъ; такимъ образомъ отпадаетъ и характеристика В. И. Ершова, сдѣланная нами на основаніи фактовъ, сообщенныхъ г. Юдинымъ. Вовсе не зная лично ни В. И. Ершова, ни членовъ его семьи, нынѣ здравствующей, мы считаемъ долгомъ исторической справедливости сдѣлать это *nota bene* къ рассказамъ г. Юдина.

Е. Ш.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВОРЪ МИРА ¹⁾ Покойный датскій король Христіанъ IX имѣлъ обыкновеніе приглашать ежегодно на лѣтнее время въ свой замокъ Бернсдорфъ близъ Копенгагена почти всѣхъ европейскихъ монарховъ, которые слѣшили откликнуться, и съ тѣхъ поръ датскій дворъ считался самымъ интереснымъ изъ всѣхъ европейскихъ дворовъ. Это было единственное мѣсто, куда запросто съѣзжались и гдѣ можно было встрѣтить такихъ лицъ, какъ Эдуардъ VII, король англійскій, и императоръ Александръ III, съ ихъ женами, дѣтьми, племянниками, племянницами. Съѣзды эти продолжались до самой смерти короля Христіана IX и сохраняли все тотъ же патриархальный характеръ. Его дочь, англійская королева Александра, такъ любила свой родной домъ, что выстроила для себя виллу близъ Копенгагена, гдѣ лѣтомъ и осенью проводила цѣлыя недѣли. Вокругъ Копенгагена вообще много виллъ, гдѣ живутъ члены королевскаго дома. Изъ нихъ любимымъ мѣстопребываніемъ стараго короля былъ замокъ Бернсдорфъ, гдѣ онъ и принималъ своихъ дочерей и зятьевъ.

Покойный король Фредерикъ VIII былъ не только нѣжный, но и мудрый отецъ, а королева, его супруга, рожденная шведская принцесса, отличалась широкимъ, блестящимъ умомъ. Ей пришлось гораздо дольше быть наслѣдной принцессой, чѣмъ царствующей королевой, и благодаря этому обстоятельству, она очень много и съ любовью занималась своей большой семьей. При жизни покойнаго Христіана IX, а еще больше въ царствованіе Фредерика VIII, датскій дворъ, благодаря умной и блестящей королевы Луизѣ, отличался удивительнымъ гостеприимствомъ.

¹⁾ «Cassell's Magazine». Dec. 1915.

Интимные обѣды и завтраки, на которые королева приглашала двухъ или трехъ лицъ, были необыкновенно пріятны и занимательны. Здѣсь всегда можно было услышать что-нибудь интересное, встрѣтить какую-нибудь знаменитость. Жизнь въ королевскихъ замкахъ была серьезной, но не мрачной, а главное не бесполезной: сколько разъ осложненія, грозившія Европѣ, улаживались, благодаря мудрому совѣту стараго датскаго короля, котораго уважали всѣ европейскіе монархи.

Вопреки утверженію, что тамъ, гдѣ затронута политика, фамильныя узы не имѣютъ значенія, можно съ увѣренностью сказать, что, пока былъ живъ Христіанъ IX, эти узы обезпечивали надолго миръ, и кто знаетъ, живи онъ еще, осмѣлился ли бы германскій императоръ такъ грубо напасть на Россію и Францію: вѣдь даже Вильгельмъ Гогенцоллернъ, при всей безцеремонности своего характера, уважалъ политическую мудрость датскаго короля.

Преемникъ Христіана IX, Фредерикъ VIII, царствовалъ столь короткое время, что при немъ физіономія датскаго двора не могла опредѣлиться, а послѣ его смерти празднества въ дворцахъ прекратились.

Теперешній король, Христіанъ X, если не имѣетъ мѣстопробыванія въ Амалиенборгъ, живетъ большей частью въ Зоргенфри, его резиденціи въ бытность наслѣднымъ принцемъ. Съ этимъ замкомъ связаны воспоминанія первыхъ лѣтъ его семейной жизни. Молодой король отличается красотой, онъ самый высокій и самый любезный мужчина въ своемъ королевствѣ. Характеръ у него ровный, веселый и очень пріятный. Вступивъ на престолъ послѣ неожиданной смерти своего отца Фредерика VIII, который скончался въ расцвѣтъ лѣтъ, Христіанъ X съ начала царствованія обнаружилъ много здраваго смысла, тонкаго такта и сердечной доброты. Вниманіе, которое онъ неизмѣнно оказывалъ своей овдовѣвшей матери, произвело наилучшее впечатлѣніе и расположило къ нему народъ. Онъ получилъ прекрасное воспитаніе подъ руководствомъ тщательно слѣдившихъ за нимъ родителей. Его жена, молодая королева Александра, умная и блестящая, обладаетъ даромъ очарованія и уже снискала любовь своихъ подданныхъ. Она старшая дочь великаго герцога Мекленбургъ-Шверинскаго. Первые годы ея замужества съ королемъ, тогда еще наслѣднымъ принцемъ, были самыми счастливыми, а рожденіе двухъ сыновей еще тѣснѣе сблизило ихъ. Къ сожалѣнію, хрупкое здоровье молодой женщины не переноситъ суроваго климата Копенгагена, и зиму она обыкновенно проводила на французской Ривьерѣ или въ Санъ-Морицѣ; здѣсь она часто встрѣчалась со своей младшей сестрой, кронпринцессой германской Цециліей. Но лѣтомъ она возвращалась въ замокъ Зоргенфри. По восшествіи на престолъ молодая чета нѣсколько разъ дѣлала визиты по Европѣ, въ частности самый сердечный и блестящій пріемъ ей былъ оказанъ въ Лондонѣ, гдѣ молодая пара произвела наилучшее впечатлѣніе.

Когда вспыхнула война, положеніе молодого короля было самое щекотливое, такъ же, какъ королей Швеціи и Норвегіи. Очутившись, такъ сказать, между двухъ огней, вынужденные придерживаться строгаго нейтралитета, они подверглись натиску со стороны Германіи, котъ рой было бы чрезвычайно желательно имѣть на своей сторонѣ скандинавскихъ королей и съ ихъ по-

мощью прервать всякое сообщеніе Великобританіи съ ея вѣрной союзницей Россіей. И съ чувствомъ облегченія Христіанъ принялъ приглашеніе, обращенное шведскимъ королемъ къ нему и къ его брату королю Гаакону Норвежскому; встрѣтиться въ Мальме и обсудить сообща политику, которой будутъ придерживаться три скандинавскія страны.

У короля Христіана Х два брата, въ томъ числѣ король норвежскій Гааконъ, и три сестры, изъ которыхъ старшая, принцесса Ингеборгъ, замужемъ за принцемъ Карломъ Шведскимъ, младшая еще не замужемъ и живетъ со своей матерью, вдовствующей королевой, въ Шарлоттенлундѣ или Копенгагенѣ.

Второй братъ короля, принцъ Гаральдъ Датскій, женатъ на принцессѣ Шлезвигъ-Голштинской, племянницѣ германскаго императора. Эта чета живетъ большую часть времени за городомъ; въ виллѣ, которую они себѣ выстроили, и рѣдко посѣщаетъ Копенгагенъ, а еще рѣже участвуетъ въ веселыхъ празднествахъ. Принцесса—типъ женщины, которая исключительно посвящаетъ себя своему дому и своей семьѣ. Она обожаетъ своихъ двухъ дочерей, съ которыми никогда не разстается, даже на нѣсколько часовъ въ день. Вдовствующая королева очень любитъ свою невѣстку и часто навѣщаетъ ее въ ея уютномъ гнѣздышкѣ.

Какъ извѣстно, сынъ покойнаго короля Христіана IX, король греческій Георгъ, былъ убитъ. Его смерть глубоко опечалила не только королевскую семью, но и датское общество, въ средѣ котораго онъ былъ очень популяренъ. Онъ пріѣзжалъ въ Копенгагенъ каждую осень и былъ на рѣдкость привязанъ къ своей родинѣ. Говорили даже, что онъ мечталъ отречься отъ греческаго престола въ пользу своего сына и провести остатокъ дней въ Даніи. Одно несомнѣнно: онъ сумѣлъ внушить всѣмъ своимъ дѣтямъ любовь къ Даніи, и одинъ изъ его сыновей, принцъ Георгъ Греческій, женатый на красивой черноглазой принцессѣ Маріи Бурбонской, наследницѣ милліоновъ знаменитаго въ Монако Блана, проводитъ часть зимы въ Копенгагенѣ, предпочитая его красивымъ, но шумнымъ Афинамъ.

Только одинъ членъ королевской семьи рѣдко посѣщаетъ Данію. Это дочь Христіана IX, теперешняя герцогиня Кумберландская. Со времени своего замужества она почти не бываетъ въ королевской семьѣ въ Копенгагенѣ. Говорятъ, ея супругъ не любитъ родины своей жены, а, можетъ быть, онъ чувствуетъ неловкость своего положенія съ тѣхъ поръ, какъ его сынъ жепился на единственной дочери Вильгельма II и отрекся отъ правъ своихъ на захваченную германцами территорію.

У короля Христіана X въ живыхъ одинъ дядя, принцъ Вальдемаръ, женатый на талантливой принцессѣ Маріи Орлеанской. То была безусловно выдающаяся женщина и осталась французкенкой по вкусамъ и симпатіямъ.

Когда принцъ Вальдемаръ Датскій, дядя теперешняго короля, сдѣлалъ предложеніе принцессѣ Маріи Орлеанской, въ католическомъ свѣтѣ, представителями котораго является Сенъ-Жерменское предмѣстье, поднялся большой шумъ. Какъ же принцесса изъ дома Бурбоновъ, католичка, выйдетъ замужъ за протестанта, да еще сыновья отъ этого брака должны исповѣдывать вѣру своего отца? Но оппортунизмъ, которымъ всегда отличался родъ Орлеановъ,

и теперь одержалъ верхъ. Герцогъ Шартрскій, отецъ принцессы, остался твердымъ и не пожелалъ изъ-за вопроса о вѣроисповѣданіи препятствовать счастью своей дочери. Въ концѣ концовъ свадьба была пышно отпразднована въ замкѣ Си въ Нормандіи. Бракъ оказался самымъ счастливымъ, и принцесса Марія сумѣла сдѣлать свой домъ въ Копенгагенѣ маленькимъ артистическимъ центромъ, имѣвшимъ извѣстное общественное значеніе.

У нея было четыре сына и одна дочь, принцесса Маргарита, а ея старшій сынъ, принцъ Эджъ, въ прошломъ году, въ свою очередь, сталъ героемъ романа, который вызвалъ извѣстный шумъ. Онъ страстно влюбился въ дочь итальянскаго посланника графиню Матильду Кальви-ди-Бергола и заявилъ своей семьѣ о намѣреніи жениться на ней. Король сперва отказалъ въ своемъ согласіи, не желая создавать прецедента мorganатическаго брака, который никогда не поощрялся въ его семьѣ. Однако молодая королева Александра приняла близко къ сердцу романъ влюбленныхъ и сумѣла повліять на своего мужа Христіана X, согласился на бракъ своего кузена, даровавъ ему титулъ графа Розенберга, который перейдетъ къ его потомству, и позволилъ ему съ его прекрасной супругой сохранить титулъ принца и принцессы Эджъ Датскихъ. Ихъ обвѣнчали въ Туринѣ, и королева Александра англійская пригласила молодую чету въ Лондонъ, гдѣ оказала имъ самый радушный пріемъ. Принцесса Эджъ, любезная женщина, безстрашная наѣздница и артистическая натура, всегда пользовалась всеобщими симпатіями.

Во главѣ этого королевскаго круга попрежнему стоитъ вдовствующая королева, ея апартаменты служатъ мѣстомъ встрѣчи всѣхъ членовъ семьи. Королева устраиваетъ небольшіе музыкальные вечера, но она не выноситъ ни одной фальшивой ноты, будучи крайне чувствительна къ малѣйшему диссонансу. Раньше она очень любила совершать длинныя прогулки пѣшкомъ, но теперь, страдая хроническимъ ревматизмомъ, вынуждена отказаться отъ этого удовольствія. Она не только музыкантша, но и поклонница изящной литературы и читаетъ все, что появляется въ Даніи, Франціи и Англій.

Вопреки тому, что думаетъ публика, датскій дворъ былъ всегда однимъ изъ самыхъ элегантныхъ. Старая королева Луиза, жена Христіана IX, очень гордилась красотой своихъ дочерей, любила, чтобы онѣ хорошо одѣвались, и такъ интересовалась ихъ туалетами, что просила ихъ описать ей подробно, въ какомъ платьѣ онѣ присутствовали на той или другой церемоніи. Во время семейныхъ съѣздовъ въ Бернсдорфъ и Фреденсборгъ было правиломъ надѣвать низко вырѣзанныя платья къ обѣду. Но кронпринцесса Луиза не слѣдовала такъ модѣ, какъ ея свекровь, и, когда она сдѣлалась королевой, не обращала много вниманія на вѣшность. Съ другой стороны, теперешняя королева Александра такъ же, какъ и ея сестра, германская кронпринцесса, принадлежитъ къ самымъ элегантнымъ женщинамъ въ Европѣ. Она получаетъ много вещей изъ Парижа и въ то же время щедро покупаетъ у копенгагенскихъ коммерсантовъ. Королева Александра ослѣпительно хороша въ вечернемъ туалетѣ, украшенная фамиліными драгоценностями: высокая, стройная, съ удивительно правильнымъ лицомъ, которому все идетъ. Ея face она очень похожа на свою мать, великую княгиню Анастасію Михайловну, отъ нея же она наслѣдовала

великолѣпную осанку и гордый, но не высокоомѣрный видъ. Она горячо симпатизируетъ Россіи и Англіи, и въ настоящей войнѣ, когда ея родной братъ сражается на сторонѣ Германіи, колеблется между привязанностью къ брату и горячей любовью къ матери, герцогинѣ Мекленбургъ-Шверинской. Когда началась война, великая княгиня Анастасія Михайловна отвергла германскую національность, которую она приняла, выходя замужъ за покойнаго великаго герцога Мекленбургъ-Шверинскаго, и отказалась отъ очень значительнаго дохода, причитающагося ей, какъ вдовѣ герцога.

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить, что датскій королевскій домъ имѣетъ вполне установившуюся репутацію, всѣ члены его славятся: женщины—красотой и добродѣтелью, мужчины—храбростью и твердостью.

— Англійскія амазонки. Въ одной изъ книжекъ «Историческаго Вѣстника» за прошлый годъ мы привели напечатанный въ журналѣ «La Revue» рассказъ о необыкновенной судьбѣ англичанки Дэвисъ, долгое время служившей на военной службѣ, отличавшейся въ бояхъ и лишь случайно обнаружившей свой полъ.

Теперь «La Revue» продолжаетъ печатать дальнѣйшія свои изысканія объ англійскихъ амазонкахъ, посвящая въ своей январской книжкѣ вторую главу этихъ изысканій нѣкоей Ганнѣ Снелль, стяжавшей себѣ въ войскахъ громкую извѣстность подъ именемъ Джемса Грея.

16-го іюня 1750 года, рассказываетъ авторъ этихъ любопытныхъ разысканій Маргарита Комманъ, когда экипажъ его высочества герцога Кумберландскаго остановился на одной изъ улицъ Сити, къ нему быстро приблизился какой-то молодой человѣкъ, невысокаго роста, но плотно сложенный, и, ловко отдавъ ему честь по-военному, вручилъ ему небольшую брошюру. Герцогъ сначала изумился этому смѣлому натиску, потомъ бросилъ взглядъ на брошюру, на которой жирнымъ шрифтомъ было напечатано: «Женщина-солдатъ, или изумительная жизнь и похождения Ганны Снелль, которая въ мужскомъ одѣяніи сражалась въ теченіе пяти лѣтъ, отличалась своею ловкостью и мужествомъ на кораблѣ «Ласточка» и при осадѣ Пондишери получила двѣнадцать ранъ».

Сильно заинтересованный этой героиней, герцогъ поручилъ полковнику Нэпиру провѣрить изложенныя въ брошюрѣ свѣдѣнія и собрать о Снелль надлежащія справки. Свѣдѣнія оказались въ пользу женщины-солдата, и герцогъ выхлопоталъ вполнѣдствіи ей пенсію въ 30 фунтовъ въ годъ.

Весь тогдашній Лондонъ только и говорилъ объ этомъ открытіи, и біографія Ганны Снелль скоро была издана книгопродавцемъ Уокеромъ и сохранилась въ англійскихъ книгохранилищахъ до настоящаго времени.

Ганна Снелль родилась въ 1723 году. Хотя ея отецъ занимался изготовленіемъ шляпъ, однако въ семьѣ держались военныя традиціи: дѣдъ этой Снелль служилъ въ арміи, отличился во многихъ битвахъ и умеръ въ высокомъ для него чинѣ капитана.

Ганна получила очень слабое образованіе и умѣла только читать. Зато въ искусствѣ скакать верхомъ, въ командованіи отрядомъ деревенскихъ мальчишекъ, которыхъ она собирала около себя, она не знала себѣ равныхъ.

Въ 1740 году она совершенно осиротѣла и переселилась въ Лондонъ къ ка-

кому-то дальнему родственнику. Через два года она вышла замуж за голландскаго моряка, нѣкоего Свимма. Однако этотъ бракъ оказался неудачнымъ. Свиммъ былъ человекъ грубый и порочный и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ бросилъ жену, скрывшись отъ нея неизвѣстно куда. Разыскивая мужа и облачившись для удобства поимку въ мужской костюмъ, Ганна Снелль попала между прочимъ въ Кентри и при томъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда тамъ происходилъ наборъ рекрутовъ. Завѣдывавшій этой операціей сержантъ, облюбовавъ мнимаго мужчину, пригласилъ его на угощеніе въ ближайшей тавернѣ и вручилъ подъ какимъ-то предлогомъ красивому незнакомцу золотую монету съ изображеніемъ короля. Принятіе такой монеты было равносильно вербовкѣ. Снелль сначала было испугалась ожидавшей ее участи, но женское любопытство взяло верхъ, и Ганна вмѣстѣ съ другими рекрутами была отправлена въ лагерь при Карлейлѣ для обученія военному дѣлу. Скоро любопытство ея было жестоко наказано: капраль приревновалъ ее къ одной дѣвицѣ, за которой онъ ухаживалъ, и, придравшись къ какому-то упущенію по службѣ, приказалъ дать повобранцу пятьсотъ ударовъ розгой. Это такъ подѣйствовало на легкомысленную авантюристку, что она рѣшилась бѣжать изъ лагеря. Счастье ей благопріятствовало: на ближайшемъ полѣ оказалось нѣсколько крестьянскихъ одѣяній, которыя ихъ владѣльцы скинули съ себя, чтобы легче работать. Надѣвъ одинъ изъ этихъ костюмовъ, Ганна Снелль, или Джемсъ Грей, какъ она называлась въ полку, послѣ цѣлаго ряда приключеній добралась до Портсмута. Здѣсь ее ждали новыя опасности: въ нее влюбилась жена нѣкоего портного, давашаго ей у себя пріютъ, и мнимому солдату приходилось спасаться бѣгствомъ отъ этой новой жены Пентефрія.

Однако природная страсть къ приключеніямъ взяла верхъ и на этотъ разъ. Снелль записалась матросомъ на корветъ «Ласточка», отходившій черезъ нѣсколько дней въ дальнее плаваніе. На кораблѣ Ганна нашла болѣе подходящее для себя занятіе: не выдавая своего пола, она мыла матросамъ бѣлье, чинила паруса и т. п. Побывавъ въ Ливорно, корветъ направился въ Гибралтаръ, но былъ по дорогѣ застигнутъ бурей, во время которой женщина-матросъ выказала не мало храбрости и хладнокровія. Оттуда корвету было приказано итти черезъ мысъ Доброй Надежды и принять участіе въ войнѣ съ французами. Экипажъ его былъ высаженъ въ Восточной Африкѣ на берегъ, недалеко отъ столицы такъ называемой Французской Индіи, города Пондшери, и присоединился къ войскамъ, которыя осаждали городъ Аракопонъ. Городъ храбро отбивалъ всѣ нападенія англичанъ, но на двѣнадцатый день, по недостатку съѣстныхъ припасовъ, долженъ былъ сдать.

Матросъ Джемсъ Грей съ самаго начала войны съ французами принималъ въ ней дѣятельное участіе. Такъ, подъ городомъ Пондшери, осыпаемый пулями и картечью, онъ бросился смѣло въ рѣку, отдѣлявшую городъ, и первымъ переплылъ ее. Грей не отказывался ни отъ какой работы и верѣдко по цѣлымъ днямъ просиживалъ въ траншеяхъ по поясъ въ водѣ. Во время одной изъ атакъ этотъ мнимый матросъ получаетъ сразу двѣнадцать ранъ, изъ которыхъ одну, очень тяжелую, въ нижнюю часть живота. Не желая обнаруживать свой полъ, матросъ Грей самъ вытаскиваетъ изъ раны пулю, но отъ боли лишается чувствъ.

Вывившись из силъ, Ганна открывается наконецъ какой-то старой негрятянкѣ, которая принимается за нею ухаживать и излечиваетъ ее своими травами и настойками.

Едва оправившись отъ ранъ, Ганна Снелль опять пускается въ приключенія и попадаетъ на корабль «Эльтамъ», идущій въ Бомбей. Ей удается приобрести общую любовь матросовъ, по ихъ общество нерѣдко ставитъ ее въ крайне затруднительное положеніе, особенно когда компанія бываетъ на берегу и, загулявъ, направляется въ разныя веселыя мѣста.

Вернувшись въ Европу, Ганна Снелль случайно узнаетъ въ Лиссабонѣ, что ея мужъ убилъ въ Генуѣ какое-то высокопоставленное лицо и за это былъ приговоренъ къ смертной казни: его зашили въ мѣшокъ съ камнями и бросили въ море. Пока матросъ, вернувшійся недавно изъ Генуи, рассказывалъ эту трагедію за стаканомъ грога, не подозревая, что передъ нимъ сидитъ жена самого героя этой трагедіи, бѣдная женщина едва удерживалась отъ слезъ. Силою воли ей удалось подавить свое горе, и ея тайна осталась нераскрытой.

Скоро «Эльтамъ» вернулся въ Англію, въ Лондонъ. Отбившись подъ какимъ-то предлогомъ отъ своихъ товарищей, Ганна пустилась къ своему родственнику, столяру Грею, именемъ котораго она пользовалась. Столяръ уже легъ спать и спросонокъ долго не могъ понять, почему это какой-то матросъ вздумалъ съ нимъ лобызаться. Когда наконецъ дѣло разъяснилось и надо было оставить мнимаго матроса почевать, то оказалось, что въ домѣ не было лишней кровати и матроса можно было помѣстить только въ комнатѣ жилицы. Новое *qui pro quo*. Наконецъ все разъяснилось и уладилось.

Это было едва ли не самое тревожное время для Ганны. Она боялась, какъ бы какое-нибудь случайное обстоятельство не открыло ея полъ. Тогда она лишилась бы своей пенсіи въ 15 фунтовъ, на которую ей давала право ея долговременная служба.

Вотъ почему, какъ только пришелъ день получить эту пенсію, Ганна вмѣстѣ со своими старыми сослуживцами направилась на Даунингъ-Стритъ, къ агенту Винтеру, на обязанности котораго лежала уплата пенсіи матросамъ и солдатамъ.

Послѣ получки Ганна пригласила всѣхъ товарищей въ ближайшую таверну, заявивъ имъ, что она хочетъ сообщить имъ важную тайну. Всѣ, разумѣется, охотно послѣдовали приглашенію, и тутъ за стаканомъ грога Ганна рассказала своимъ бывшимъ сотоварищамъ свою исторію и открыла свое настоящее имя.

Матросы были ошеломлены. Когда прошло первое изумленіе, одинъ изъ нихъ почувствовалъ, что онъ на смерть влюбленъ въ эту женщину и тутъ же сдѣлалъ ей предложеніе, но Ганна, наученная горькимъ опытомъ, предпочла остаться вдовой.

Когда вся эта исторія получила огласку, Ганна Снелль сдѣлалась героиней дня. Предпримчивый антрепренеръ одного изъ лондонскихъ театровъ поставилъ ради нея трескучую пьесу изъ военнаго быта и предложилъ ей выступить въ главной роли. Весь Лондонъ перебывалъ на этой пьесѣ. Но практичная Ганна быстро сообразила, что не стоитъ обогащать своего антрепренера, а

лучше воспользоваться своей популярностью для себя самой. Съ этой цѣлью она открыла таверну, на вывѣскѣ которой она была изображена въ видѣ солдата и матроса. А внизу стояла подпись: «Переодѣтая вдова».

Въ кліентахъ, разумѣется, недостатка не было, и дѣла гостиницы шли великолѣпно. вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось и число претендентовъ на руку ея знаменитой хозяйки. Въ 1759 году Снелль снова мѣняетъ фамилію и становится мистрисъ Эйлзъ. Отъ этого брака у нея родился сынъ. Но столяръ Эйлзъ жить не долго, и героиня нашего разсказа снова овдовѣла. Въ 1774 году она вступила въ третій бракъ съ нѣкимъ Гэджжотомъ.

Несмотря на всѣ эти превращенія, англійская публика продолжала сильно интересоваться этой необыкновенной женщиной и оказывала ей свое покровительство. Такъ, когда у нея родился сынъ, знатныя дамы наперерывъ старались попасть къ нему въ крестныя матери и впоследствии дали ему хорошее образованіе. Въ концѣ жизни Ганна впала въ душевное разстройство и умерла въ 1792 году въ больницѣ для умалишенныхъ.

— Къ исторіи нѣмецкаго шовинизма.—До послѣдняго времени обыкновенно говорили, что милитаризмъ и пангерманизмъ развились у нѣмцевъ послѣ франко-прусской войны, когда второстепенная до сихъ поръ европейская держава вдругъ сдѣлалась первоклассной военной силой. Болѣе подробное ознакомленіе съ нѣмецкой литературой и въ особенности съ курсами профессоровъ исторіи, географіи и политическихъ наукъ показало, что начало этого явленія надо отодвинуть значительно далѣе, къ тридцатымъ годамъ прошлаго вѣка. Наконецъ, люди, хорошо знающіе литературу среднихъ вѣковъ, отыскали немало нѣмецкихъ старопечатныхъ изданій на латинскомъ языкѣ, гдѣ хищническія вождельнія Германіи и стремленія нѣмцевъ поработить въ свою пользу весь міръ выражены совершенно явственно. Этимъ стариннымъ книгамъ посвящена небольшая статья Эмиля Пико въ № 4 за этотъ годъ «Revue Hebdomadaire».

Казалось бы,—говоритъ французскій историкъ,—эпоха возрожденія съ ея идеалами свободы и челоуѣчности, эпоха, въ которой нѣмцы претендуютъ на главную роль, должна была облагородить эту расу, отвратить ея мысль отъ войны, завоеваній и порабощенія другихъ. Дѣйствительность показываетъ другое. Когда идеи возрожденія стали уже проявляться довольно сильно, нѣмцы продолжали попрежнему оставаться грубыми средневѣковыми варварами. Когда въ 1471 году папа Павелъ II отправилъ на сеймъ въ Ратисбоннѣ своего посла епископа Кампано, то этотъ посолъ былъ такъ пораженъ и раздраженъ грубостью германцевъ, что на обратномъ пути, достигши перевала черезъ Альпы, демонстративно снялъ съ себя обувь и отряхнулъ прахъ отъ ногъ своихъ.

Въ первыя тридцать лѣтъ XV вѣка въ Германіи съ особеннымъ усердіемъ печатали сочиненія Тацита и главнымъ образомъ его трудъ «О Германіи». И тогда уже нѣмецкіе хроникеры поспѣшили выудить у него всѣ похвалы Германіи, которыя встрѣчаются въ этой книгѣ. И тогда уже они старались исправить Тацита, заявившаго, что Рейнъ является естественной границей между Германіей и Галліей. Нѣкій Конрадъ Мейссель издалъ въ 1500 году

тацитовскую книгу, по со своимъ предисловіемъ, въ которомъ вступаетъ въ полемику съ великимъ римскимъ историкомъ по поводу Рейна. Особенно на шумѣлъ въ то время своимъ изданіемъ этого труда нѣкто Якобъ Вимпфелингъ, задѣвшій въ своемъ изданіи и жителей Страсбурга, которыхъ онъ заподозрѣлъ въ симпатіи къ Франціи и нелюбви къ нѣмцамъ. Онъ осыпаетъ Францію и французовъ всякими клеветами и доказываетъ, что Австралія, отдѣлявшая когда-то Галлію отъ Германіи, была искони нѣмецкой землей.

Шовинистическія разсужденія Вимпфелинга задѣли за живое францисканца Тому Мурнера, и онъ отвѣтилъ ему книгой «Nova Germania». Въ полемику вступилъ и гуманистъ Эней Сильвій Пикколомини, вполсѣдствіи ставшій папою Піемъ II. Защищаясь отъ обонхъ оппонентовъ, Вимпфелингъ выпустилъ въ 1505 году новую книгу подъ заглавіемъ: «Eritome regum germanicatum» (краткое изложеніе истории германцевъ). Тутъ онъ уже утверждаетъ, что Дунай и Рейнъ, бывшіе когда-то границами Германіи, теперь протекаютъ въ ея предѣлахъ. Бельгія, по его мнѣнію, давно стала германской страной по языку и нравамъ. Гельветы, когда-то бывшіе галлами, также превратились въ германцевъ.

Не успѣла стихнуть полемика, поднятая Вимпфелингомъ, какъ другой нѣмецъ, Христофоръ Шерль, выпустилъ еще болѣе лестную для Германіи книгу: «Sibellus de laudibus Germania». Этотъ Шерль, родомъ изъ Нюрнберга, былъ синдикомъ университета въ Болоньѣ и тамъ же напечаталъ свой трудъ. Возвеличивая Германію, Шерль, по обыкновенію всѣхъ нѣмецкихъ патриотовъ, старается унижить Францію. «Я не вижу въ насъ ничего общаго съ французами,—пишетъ онъ.—Мы совершенно иначе относимся къ даннымъ обѣщаніямъ и иначе цѣнимъ наши клятвы». Упомянувъ о томъ, чѣмъ міръ обязанъ Германіи, и указавъ, между прочимъ, на тогдашнія новинки, порохъ и книгопечатаніе, Шерль смѣло утверждаетъ, что Германія—это разсадникъ европейской знати. Она дала трехъ королей французамъ и испанцамъ, и всѣ знатныя итальянскія фамиліи ведутъ, по мнѣнію этого гелертера XVI вѣка, свое происхожденіе именно отъ нѣмцевъ.

Шерль писалъ на латинскомъ языкѣ, имѣя въ виду главнымъ образомъ итальянцевъ. Но особенно нужна была нѣмецкая пропаганда въ Эльзасѣ, гдѣ было еще не мало «полугалловъ», т.-е. сторонниковъ Франціи.

Въ 1519 году, въ то время, когда Карлъ Австрійскій былъ избранъ римскимъ императоромъ, одержавъ побѣду надъ своимъ соперникомъ французскимъ королемъ Францискомъ I, нѣкто Гебвилеръ опубликовалъ на французскомъ языкѣ ядовитый памфлетъ, гдѣ доказывалъ, что съ самаго Рождества Христова галлы всегда находились въ подчиненіи у германцевъ. Въ началѣ этой книжки Гебвилеръ помѣстилъ десять латинскихъ двустижій, прекрасно выражающихъ общій тонъ его идей. Приводимъ здѣсь два-три такихъ двустижія: «Гордый пѣтухъ (символь Франціи), бѣги далеко отсюда, опусти свой красивый гребень: Германія не боится тебя». «Птица Юпитера (т.-е. германскій орелъ) защищаетъ ее (Германію) своими когтями и не позволитъ, чтобы пѣтухъ обиталъ на тевтонскихъ земляхъ». «Побереги свое золото, пѣтухъ: Германія не цѣнитъ твои дары». Утвержденіе, что Рейнъ представляетъ есте-

ственную границу между Германіей и Франціей, выводитъ изъ себя этого прототипа современныхъ нѣмецкихъ шовинистовъ: онъ утверждаетъ, что никакой Франціи прежде и не было, а галлы до самаго появленія Людовика Капета всегда управлялись нѣмецкими королями.

Зародыши этого ученаго шовинизма продолжали развиваться и въ XVI вѣкѣ. Достаточно указать хотя бы на книгу Ульриха Гугвальда, вышедшую въ Базелѣ въ 1539 году. Гугвальдъ однимъ изъ первыхъ присталъ къ реформаци и клялся пропагандой нѣмецкой идеи. Въ своей книгѣ онъ рассказывалъ исторію германскихъ героевъ, причемъ изложеніе начинается у него съ повѣствованія о сынѣ Ноя, Тусконѣ, котораго авторъ, видимо, также считаетъ человѣкомъ германскаго происхожденія.

Со второй четверти XVI вѣка панегиристическая литература въ честь Германіи и всего нѣмецкаго начинаетъ усиленно расти. Появляется составленная въ этомъ духѣ хроника Юганна Турмайера, которая много разъ потомъ перепечатывалась и передѣлывалась. Выходитъ латинская хроника Вольфганга Лаза, восхваляющая боевые подвиги нѣмцевъ и ихъ предковъ.

Не ограничиваясь ученымъ міромъ, нѣмцы начинаютъ изготовлять книги нужнаго имъ содержанія и для большой публики, иногда написанныя въ стихахъ. Можно, напримѣръ, указать на поэмѣ Бурхарта Вальдиса, написанную для нѣмцевъ по-нѣмецки и посвященную исторіи двѣнадцати древнѣйшихъ германскихъ королей. Этотъ патриотъ своего отечества уже не обинуясь заявляетъ, что германской націи предстоитъ покорить весь міръ. Въ 1573 году вышла латинская поэма нѣкоего Матіаса Гольцварта, украшенная гравированными рисунками. Стихи Гольцварта не представляютъ, конечно, ничего особеннаго, зато рисунки для современнаго историка—цѣлое откровеніе. На одномъ изъ нихъ изображенъ апоѳеозъ Германіи. Германія представлена въ видѣ женщины съ короной на головѣ. Въ одной рукѣ она держитъ скипетръ, въ другой—державу. Ноги ея попираютъ земной шаръ. Внизу латинская надпись: «Германія, завоевательница народовъ». Другой рисунокъ изображаетъ «германскую доблесть». Тутъ двѣ женскія фигуры, олицетворяющія доблесть и мужество. Одна держитъ на рукѣ орла, готоваго броситься на добычу, другая—покоренный городъ. Рисунокъ, конечно, менѣе вызывающій, но тѣмъ не менѣе имѣющій совершенно живой смыслъ.

Но не въ одной литературѣ сказался настоящій характеръ нѣмецкаго народа, которому міръ обязанъ невиданной еще въ исторіи войной. Были и соотвѣтствующіе проповѣдуемыхъ идеаламъ поступки. Главной цѣлью и причиной Тридцатилѣтней войны было стремленіе нѣмцевъ онѣмечить Чехію. Въ XV вѣкѣ они же составляютъ проектъ раздѣла Польши, причемъ, конечно, львиная доля добычи отводилась нѣмцамъ. О цѣляхъ, которыми руководствовались тевтонскіе рыцари, забравшія въ Прибалтійскій край, едва ли стоитъ упоминать. Это былъ первый Drang nach Osten, жертвой котораго стала Россія.

— Экспедиція генерала Гоша въ Ирландію.—Начиная съ XVI вѣка, Англіи каждый вѣкъ непремѣнно приходится сталкиваться съ какою-либо изъ великихъ европейскихъ державъ. Въ XVI вѣкѣ она боролась съ Филиппомъ Испанскимъ, высланнымъ противъ нея необъятную

армаду, вѣкомъ позже происходитъ жестокая борьба между Людовикомъ XIV, поддержавшимъ Іакова II, и Вильгельмомъ III, начавшимъ въ Англіи новую династію. Въ XVIII вѣкѣ гроза разразилась со стороны Франціи, гдѣ Наполеонъ считалъ необходимымъ, жизненнымъ дѣломъ молодой республики сокрушить эту старую морскую монархію. Въ наше время вздумалъ было осуществитъ эту наполеоновскую идею Вильгельмъ II. Если германскій императоръ покусился на это при помощи однѣхъ лишь подводныхъ лодокъ, то прежніе враги Англіи были гораздо дальновиднѣе его и прекрасно понимали, что начинать надо съ отнятія у Англіи Ирландіи, гдѣ можно было бы устроить солидную базу, или, какъ теперь выражаются, плацдармъ. Объ одной изъ такихъ попытокъ, предпринятыхъ французскою директоріей въ 1796 году, и рассказываетъ на страницахъ «The Nineteenth Century» Робертъ Меррей.

Попытокъ произвести десантъ въ Англію военная исторія знаетъ нѣсколько: въ 1796 году пытался высадиться въ Ирландіи генераль Гошъ, въ слѣдующемъ году—Татъ, въ 1798 году высаживался въ той же Ирландіи Гумбертъ, въ томъ же году повторилъ эту попытку Совари. Было еще нѣсколько такихъ же попытокъ со стороны французовъ, но самымъ серьезнымъ предпріятіемъ, чуть было не поставившимъ Англію въ крайнее положеніе, была экспедиція въ Ирландію Гоша. Былъ еще моментъ, когда судьба Англіи могла повернуться, но какое-то затменіе, нашедшее на Наполеона, спасло ее: когда Фультонъ предложилъ его вниманію первое сконструированное имъ паровое судно, императоръ не понялъ, какая будущность предстоитъ изобрѣтенію Фультона, и отнесся къ нему пренебрежительно. Заведи у себя Франція первый паровой флотъ, судьба Англіи была бы рѣшена.

Гоша выдвинула французская революція. Въ шестнадцать лѣтъ онъ былъ еще рядовымъ солдатомъ, а черезъ десять лѣтъ историкъ застаётъ его уже генераломъ, главнокомандующимъ арміи, которая дѣйствовала на Рейнѣ и Мозель. Онъ такъ быстро сдѣлалъ свою блестящую карьеру, что комитетъ общественной безопасности не безъ основанія сталъ смотрѣть на него, какъ на будущаго диктатора. Его зять Труара уже погибъ на гильотинѣ, и генералу, безъ сомнѣнія, предстояла бы та же самая участь, если бы не случился термидорскій переворотъ.

Гошъ, какъ и Наполеонъ, ненавидѣлъ англичанъ. Онъ былъ убѣжденъ, что возстаніе крестьянскаго населенія въ Вандеѣ вспыхнуло не безъ ихъ участія. Война въ Вандеѣ, давшая Гошу широкую популярность, а съ другой стороны опытность въ борьбѣ съ населеніемъ, весьма похожимъ на населеніе Ирландіи, сыграли рѣшающую роль въ вопросѣ о принсканіи главнокомандующаго въ задуманной директоріей экспедиціи противъ Англіи.

Около Гоша стали собираться ирландскіе эмигранты, стремившіеся освободить свой островъ отъ власти англичанъ и основать на немъ такую же, какъ во Франціи, республику. Среди нихъ выдавались капитанъ Бернардь Макъ и Тошъ. Нужно сказать, что въ это время въ Парижѣ было не мало англичанъ, шотландцевъ и ирландцевъ, которые открыто перешли на сторону республиканцевъ и выбрали даже особую депутацію въ національное собраніе для выраженія своего сочувствія республикѣ. Въ 1792 году они собрались въ домѣ

английского посольства в Парижѣ и основали свой клубъ «правъ чело-вѣка».

Вотъ почему у Гоша не было недостатка въ людяхъ, которые освѣдомляли его о томъ, что дѣлалось въ Англіи. Англичане также приняли съ своей стороны всѣ мѣры и наводнили Францію шпионами, настолько опасными, что Гошъ печаталъ все, что ему было нужно, въ По—маленькомъ городкѣ за двѣсти миль отъ своей главной квартиры. Несмотря на всѣ мѣры предосторожности, планъ экспедиціи къ берегамъ Ирландіи скоро очутился въ рукахъ английскаго военнаго министра.

Самымъ вліятельнымъ изъ ирландскихъ совѣтниковъ при Гошѣ былъ Вольфъ Тонъ. «Съ сотней гуиней въ карманѣ, никому неизвѣстный, безъ рекомендаціи, явился онъ въ Парижъ, чтобы свергнуть британское правитель-ство»,—говоритъ про него герцогъ Веллингтонъ. Тонъ явился во Францію въ февралѣ 1796 года изъ Америки и направился прямо въ министерство ино-странныхъ дѣлъ и изложилъ положеніе дѣлъ въ Ирландіи въ самомъ благопріят-номъ для французовъ свѣтѣ. По словамъ Тона, достаточно было французско-му экспедиціонному корпусу высадиться въ Ирландіи, какъ десятки и даже сотни тысячъ ирландцевъ пристанутъ къ Гошу. Тогдашній министръ ино-странныхъ дѣлъ Делакура обратилъ вниманіе Тона на препятствія, которыхъ надо было ждать со стороны английскаго флота. Тогда этотъ ирландецъ предло-жилъ весьма опасный для Англіи планъ—поднять возстаніе среди моряковъ, въ числѣ которыхъ было не мало его земляковъ. И, дѣйствительно, въ томъ же году въ английскомъ флотѣ вспыхнуло нѣсколько довольно сильныхъ бунтовъ, но дальше этого дѣло не пошло.

Въ іюлѣ 1796 года Гошъ и Тонъ впервые встрѣтились лично для обсужде-нія вопроса о продовольствованіи экспедиціоннаго отряда и будущей формѣ правленія для Ирландіи. Рѣшено было образовать изъ нея самостоятельную республику.

Тонъ былъ назначенъ начальникомъ бригады. Директорія сначала рѣшила ограничиться посылкою въ Ирландію небольшого отряда въ полторы тысячи человекъ. Но директоры Карно и Барра переработали весь планъ вторженія и довели цифру отряда до пятнадцати тысячъ человекъ. Во главѣ всего дѣла былъ поставленъ Гошъ. Ему помогали его старые приятели: Журданъ, Моро, Шанпюэнъ. Войска были отборныя: они только что закончили усмиреніе Ван-деи, пріобрѣли боевой опытъ и рвались къ новымъ подвигамъ. Въ начальники главнаго штаба Гошъ выбралъ Шерэна, долго служившаго подъ его началь-ствомъ. 10-го фримера V года (30-го ноября 1796 г.) былъ изданъ указъ объ окончательномъ сформированіи экспедиціоннаго корпуса, силою до четырнад-цати тысячъ человекъ.

Труднѣе было произвести всѣ морскія приготовленія. Французскій флотъ того времени былъ въ полномъ упадкѣ. Большинство морскихъ офицеровъ принадлежало къ дворянству и эмигрировало отъ ужасовъ революціи. А тѣ, которые еще уцѣлѣли на службѣ, не особенно сочувствовали предполажав-шемуся вторженію и помогали снаряженію экспедиціи не очень охотно. А

между тѣмъ надо было спѣшить какъ можно скорѣе: наступалъ декабрь, а съ нимъ обычные у береговъ Англїи и Ирландїи бури и туманы.

За медленность, съ которой велись приготовленія во флотѣ, адмиралъ Вилларэ былъ смѣненъ и замѣненъ Мораромъ де-Галлемъ. Новый начальникъ флота отличился во французскомъ флотѣ во время войны за независимость Америки, но теперь ему было уже пятьдесятъ пять лѣтъ, къ тому же поврежденное зрѣніе сильно мѣшало ему работать. Послѣ долгихъ споровъ между адмиралами мѣстомъ высадки былъ избранъ Бантрійскій заливъ.

Флотъ опоздалъ выходомъ изъ Бреста: дожидались испанцевъ, которые обѣщали принять участіе въ экспедиціи, но потомъ отъ нея уклонились. 17-го ноября было приступлено къ посадкѣ войскъ на корабли, и операція эта закончилась 4-го декабря. Французскій флотъ состоялъ изъ одного 80-пушечнаго корабля, одного 75-пушечнаго, пятнадцати 74-пушечныхъ, тринадцати фрегатовъ, шести корветовъ, семи транспортовъ и одного судна съ запасомъ пороха.

Съ самаго же начала французовъ постигла неудача: 74-пушечный корабль «Séduisant» ударился о рифы и затонулъ.

Отразить французовъ должны были двѣ англійскія эскадры. Англичане были въ большомъ затрудненіи, не зная навѣрно, куда направятся французы: въ Португалію, Гибралтаръ или въ Бантрійскій заливъ. Первая эскадра держалась все время противъ Бреста, но вслѣдствіе густого тумана проглядѣла отправленіе французскаго флота и узнала объ этомъ только семь дней спустя послѣ его выхода въ Атлантическій океанъ. Эта эскадра пошла въ Лизардъ на соединеніе съ начальникомъ эскадры адмираломъ Бридпортомъ. Однако неблагопріятнымъ вѣтромъ ее прибило въ Ламаншъ, и она остановилась въ Спитхэдѣ.

Бридпортъ также прозѣвалъ французовъ, къ тому же для него не было и попутнаго вѣтра. Такимъ образомъ, французы благополучно добрались до Ирландїи. Первымъ замѣтилъ ихъ корабли адмиралъ Пельхо, немедленно извѣстившій объ этомъ Бридпорта. Въ ожиданіи помощи онъ старался навести французскія суда на ложный путь, пускалъ ночью ракеты, зажигалъ огни, вообще старался внушить адмиралу Морару де-Галлю, что передъ нимъ сильный англійскій флотъ. Но Мораръ вслѣдствіе тумана отбилъ отъ своей эскадры, и его флагманскій корабль «Fraternité», на которомъ былъ и самъ Гошъ, куда-то исчезъ. Начальство перешло къ Буве, который скоро и появился въ Бантрійскомъ заливѣ. Но здѣсь между Буве и заступившимъ мѣсто Гоша генераломъ Груше возникли разногласія, вслѣдствіе чего драгоценное время для высадки было потеряно. Когда корабли вошли въ заливъ, поднялась такая буря, что суда сталкивались другъ съ другомъ и гибли. Скоро почувствовался недостатокъ и въ провіантѣ, и французы рѣшили вернуться назадъ въ Брестъ. Изъ сорока четырехъ кораблей, отправившихся въ экспедицію, семь были захвачены англичанами, четыре потерпѣли кораблекрушеніе и два пошли ко дну. Только тридцать одинъ вернулись во Францію.

— Исторія Наполеоновской маски.—Какъ извѣстно, бюсты Наполеона идѣлаются съ маски, которая была снята съ него послѣ смерти.

Эта маска имѣетъ свою исторію, разсказанную недавно Ватсономъ въ его книгѣ «The story of Napoleon's death-mask».

Наполеонъ умеръ въ Лонгвудѣ на островѣ св. Елены въ 5 час. 49 мин. полудни въ субботу 5-го мая 1821 г. На другой день французскіе и англійскіе чиновники рѣшили немедленно снять съ покойнаго императора маску. Но Антомарки, состоявшій врачомъ при Наполеонѣ, подъ благовиднымъ предлогомъ уклонился отъ этого порученія. Теперѣ уже установлено, что это былъ собственно не врачъ, а только прозекторъ, ловкій проходимецъ и дѣлецъ, не брезговавшій темными дѣлишками. За отказомъ Антомарки для снятія маски пригласили англичанина или, точнѣе, ирландца, врача 66-го пѣхотнаго полка Бертона.

Въ понедѣльникъ 7-го мая Бертонъ исполнилъ порученіе, и его маска стала первоисточникомъ для изображенія Наполеона.

Снявъ маску, Бертонъ оставилъ ее сушиться въ одной изъ комнатъ дома, гдѣ жилъ Наполеонъ. Въ тотъ же день къ вечеру съ Наполеона снята была другая маска нѣкимъ Рубиджемъ, которая, однако, не имѣла въ потомствѣ такого успѣха, какъ работа Бертона.

Когда Бертонъ вернулся на другой день 8-го мая за маской, оказалось, что переднюю ея часть взяли съ собой графъ и графиня Бертрапъ, поддерживавшіе самыя близкія отношенія съ Наполеономъ во время его плѣна. Бертрапы выѣхали въ Англію 27-го мая, а черезъ семнадцать дней выѣхалъ и Бертонъ, захвативъ заднюю часть маски. Въ августѣ между ними состоялось свиданіе въ Лондонѣ, не приведшее, очевидно, ни къ какому соглашенію, такъ какъ въ сентябрѣ Бертонъ возбудилъ въ одномъ изъ лондонскихъ судовъ искъ о возвращеніи ему передней части маски. Искъ этотъ, однако, не разсматривался судомъ, такъ какъ Бертонъ обратился съ своимъ прошеніемъ не въ ту инстанцію, куда по закону слѣдовало.

Лѣтомъ 1822 года Антомарки посѣтилъ Бертраповъ и, повидному, успѣлъ снять копию съ той маски, которую они вывезли съ острова св. Елены. Но эту маску Антомарки скрывалъ ото всѣхъ, и выплыла она наружу лишь въ 1828 года, когда Бертона уже не было въ живыхъ. Не опасаясь быть уличеннымъ, этотъ шарлатанъ выдалъ свой слѣпокъ за оригиналь и въ 1833—34 годахъ пустилъ въ продажу цѣлую массу снимковъ съ нея.

Однако обличеніе нашлось оттуда, откуда Антомарки его не ожидалъ. Въ 1835 году родственникъ Бертона, профессоръ дублинскаго университета докторъ Робертъ Гревсъ прочиталъ публичную лекцію, въ которой и разсказалъ публикѣ изложенную выше исторію наполеоновской маски.

— Н ѣ м ц ы и ф р а н ц у з с к а я н а у к а ¹⁾.—Въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ нѣмцы только и занимались тѣмъ, что старались внушить всюду интеллигентнымъ людямъ, будто наука—это чисто нѣмецкая спеціальность, что германская наука никѣмъ не превзойдена и великія научныя идеи принесены человѣчеству большею частью нѣмцами. Эти самореклама и самовосхваленіе совершались всегда на счетъ науки французской, къ которой нѣмцы

¹⁾ Aderer. Ce qu'ils pensent, quand ils n'imitent pas. «La Revue». Janv. 1916.

внушали всѣмъ своимъ поклонникамъ, сознательнымъ и безсознательнымъ, относиться свысока, какъ къ чему-то третьестепенному и неважному.

Однако по мѣрѣ того, какъ разсѣивается напущенный нѣмцами туманъ, обрисовывается и истинное значеніе французской науки, и хищенія, которыя нѣмцы всегда производили у нея, выдавая похищенное за свое собственное. Французы творили, бросали богатыя содержаніемъ научныя идеи, нѣмцы ихъ подхватывали, развивали и выдавали за открытые ими «новые горизонты». Эту зависимость свою отъ французовъ они сами выразили лучше всего въ эту войну. Во время одной атаки на французовъ германскіе летчики, желая похвастаться своими аэропланами, бросали во французскія траншеи записки съ надписью: «Invention française, fabrication allemande» (изобрѣтеніе французское, исполненіе германское).

Въ залѣ философіи боннскаго университета на стѣнахъ изображены представители всѣхъ философскихъ школъ и направлений, начиная отъ царя Соломона до нашихъ дней. Но напрасно зритель сталъ бы искать тамъ кого-либо изъ французскихъ философовъ. Нѣтъ ни Абельяра, ни Мальбранша, ни Паскаля, ни даже Декарта, несмотря на то, что одинъ изъ величайшихъ философовъ Германіи полуславянинъ Лейбницъ былъ ученикомъ Декарта.

А между тѣмъ тотъ перекрестный узелъ всѣхъ философскихъ направлений, который построенъ Кантомъ, былъ намѣченъ гораздо раньше его въ забытомъ трудѣ французскаго адвоката Сильвена. Сильвенъ въ 1741 году написалъ трактатъ: «О возвышенномъ» и послалъ его для отзыва тогдашнему законодателю въ области изящной поэзіи Буало. Тотъ не удостоилъ даже взглянуть на небольшой трудъ безвѣстнаго адвоката, и его книга продолжала мирно покоиться на полкахъ парижской національной бібліотеки, пока при Наполеонѣ III ее не разыскалъ тамъ одинъ изъ тогдашнихъ ученыхъ Мишель. Познакомившись съ этимъ трактатомъ, Мишель былъ пораженъ сходствомъ философскихъ воззрѣній Сильвена и Канта. Но французскій адвокатъ такъ и остался неизвѣстнымъ, а кенигсбергскій философъ получилъ мировую славу.

На что, кажется, оригиналенъ и самобытенъ былъ Ницше, этотъ пѣвецъ силы и жестокости. Однако основныя мысли его философіи, его идеализаціи сверхчеловѣка опять-таки оборонены во Франціи. «Народъ («слишкомъ много», какъ выражается Ницше) созданъ для выдающихся людей, которые являются мозгомъ челоѣчества,—говорилъ Мирабо.—Моисей есть мозгъ іудейскаго народа, Магометъ—арабскаго, Людовикъ XIV въ теченіе сорока лѣтъ былъ мозгомъ французскаго».

И такихъ примѣровъ можно набрать много.

Еще болѣе обязана нѣмецкая наука французамъ въ области исторіи. Когда Вольфъ объявилъ, что «Иліада» и «Одиссея» не принадлежать вовсе Гомеру, а представляютъ собою сборникъ народныхъ пѣсень, составленный разновременно и разными поэтами, это заявленіе показалось гениальнымъ открытіемъ и создало цѣлый гомеровскій вопросъ. А между тѣмъ то же самое указаніе сдѣлано было еще въ 1715 году аббатомъ д'Обиньякомъ въ его трудѣ «*Conjectures académiques*». Д'Обиньякъ доказывалъ, что обѣ поэмы суть коллективный трудъ рапсодовъ, объединенный въ одно цѣлое Пизистратомъ.

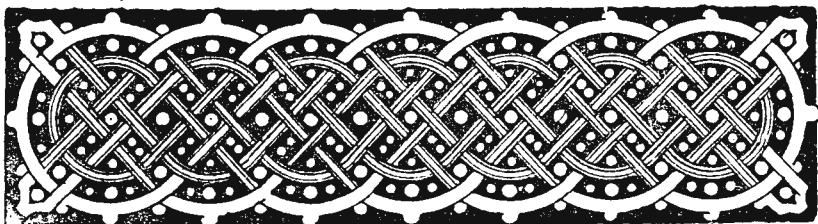

Такой же примѣръ можно указать и изъ римской исторіи. Всѣ знаютъ, хотя по наслышкѣ, знаменитаго нѣмецкаго историка Нибура. Всѣ знаютъ, что онъ первый подвергъ критическому разбору и доказалъ легендарность исторіи первыхъ римскихъ царей. И всѣ забываютъ, что та же самая работа была сдѣлана задолго до него французскимъ историкомъ Луи Бофоромъ. Нибура знаютъ всѣ, а Бофора лишь специалисты.

Особенно нѣмцы гордятся своей свободной библейской критикой, составляющей какъ бы ихъ специальность. Однако и въ этой области французы предупредили ихъ. Не говоря уже о Дюпюи, работавшемъ надъ текстомъ священныхъ книгъ въ XVII в., или о Вольнеѣ, занимавшемся тѣмъ же въ XVIII в., Франція выставила и въ этой области цѣлый рядъ ученыхъ, подготовившихъ почву для нѣмецкихъ ученыхъ. Стоитъ вспомнить хотя бы профессора-протестанта изъ Сомюра Луи Коппеля, священника Ришара Симона, врача Астриюка, написавшаго солидное изслѣдованіе о происхожденіи Моисеева пятикнижія.

Словомъ, къ какой области ни обратись, вездѣ французы берутъ инициативу и указываютъ путь, по которому потомъ и идутъ нѣмцы, присваивая себѣ чужое. Эту мало симпатичную черту нѣмецкаго характера замѣтила еще m-me де-Сталь, въ общемъ столь восхвалявшая Германію. «Нѣмцы,—говоритъ она,— стараются присвоить себѣ всѣ изобрѣтенія—древнія и новыя. Тѣмъ не менѣе истинно-національнаго у нихъ только грубость»

С М Ъ С Ъ.

ОБРАНІЕ литературнаго фонда. 2-го февраля состоялось годовое общее собраніе литературнаго фонда. По предложенію предсѣдателя Θ . Д. Ватюшкова собраніемъ была почтена вставаніемъ память скончавшихся членовъ И. И. Кауфмана и П. А. Потѣхина. Секретаремъ фонда Р. В. Ивановымъ-Разумникомъ прочитанъ отчетъ за 1915 годъ. Въ 1-му ноября 1915 года въ обществѣ числилось 439 членовъ. Просьбъ о пособіяхъ было подано 502, изъ нихъ удовлетворено 425 и отклонено 77. Въ отчетномъ году выдавались пенсіи 34 лицамъ, на сумму 10.056 руб. Пособіе на воспитаніе и обученіе дѣтей было назначено 53 лицамъ на 3.255 руб., а всего назначено было пособій на сумму 12.188 руб. Въ отчетномъ году капиталъ литературнаго фонда значительно увеличился, благодаря четыремъ завѣщаніямъ, по которымъ фонду перешло свыше 180 тысячъ руб. Изъ Татьянинскаго комитета литературному фонду передано 5.000 руб. для оказанія помощи писателямъ - инородцамъ. Отъ петроградскаго градоначальника поступило предложеніе о принятіи мѣръ къ исключенію изъ состава общества непріятельскихъ подданныхъ. Предложеніе это относилось ко всемъ обществамъ, состоящимъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ виду этого литературнымъ фондомъ, какъ не состоящимъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, предложеніе градоначальника оставлено было безъ послѣдствій. Въ 1915 году израсходовано 88.585 руб. 89 к. Осталось въ кассахъ процентными бумагами 954.175 руб., деньгами—21.701 р. 38 к. На основаніи устава изъ числа членовъ комитета были слѣдующія лица:

Ө. Д. Батюшковъ, А. В. Пѣшехоновъ, Л. Ф. Пантелѣевъ, М. Л. Ганфманъ и по болѣзни Л. Э. Слонимскій. вмѣсто нихъ новыми членами комитета избраны: С. А. Венгеровъ, А. А. Корниловъ, В. Д. Набоковъ, Н. С. Русановъ, А. М. Рѣдько. На состоявшемся затѣмъ засѣданіи комитета литературнаго фонда избраны предсѣдателемъ С. А. Венгеровъ, а казначеемъ Н. С. Русановъ.

Годовое собраніе литературно-художественнаго общества. 6-го февраля состоялось годовое собраніе литературно-художественнаго общества. Отчетъ общества за минувшій годъ свидѣтельствуеъ о жизненности общества и объ его крупныхъ лептахъ на нужды военнаго времени и на оказаніе помощи какъ своимъ членамъ, такъ и беспомощнымъ артистамъ и писателямъ. Война вызвала единогласное постановленіе общества образовать фондъ на военныя нужды, достигшій 6.000 рублей. Изъ этого фонда тратились значительныя суммы на заготовку бѣлья, сапогъ и перчатокъ для отсылки въ дѣйствующія арміи, ассигновано 1.500 рублей на помощь бѣженцамъ изъ Галиціи, польскихъ и прибалтійскихъ губерній, 1.500 руб. на помощь плѣннымъ артистамъ, художникамъ и литераторамъ и сдѣланы подарки на рождественскіе и пасхальныя праздники раненымъ воинамъ, находящимся на излеченіи въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ. Члены общества—дамы совмѣстно съ женами членовъ общества и ихъ знакомыми образовали дамскій кружокъ для шитья бѣлья. Изъ дня въ день кипѣла работа дамъ-патронессъ. Въ городской комитетъ по приему пожертвованій было передано кружкомъ бѣлье и другія вещи солдатскаго обихода въ количествѣ девяти мѣстъ. На оказаніе пособій литераторамъ, артистамъ и художникамъ израсходовано въ отчетномъ году 4.663 руб., изъ нихъ 1.494 руб. выдано артистамъ Малаго театра, оставшимся вслѣдствіе сокращенія и обновленія труппы временно безъ заработка. Для увѣковѣченія памяти бывшаго своего предсѣдателя покойнаго А. С. Суворина общество рѣшило, по соглашенію съ бобровской уѣздной управой, открыть въ селѣ Коршевѣ—родинѣ А. С. Суворина—высшее начальное училище имени покойнаго съ организаціей при училищѣ просвѣтительныхъ, профессиональныхъ и художественныхъ классовъ. На постройку зданія школы ассигновано 25.000 руб. и рѣшено ежегодно ассигновывать по состоянію кассы отъ двухъ до трехъ тысячъ рублей на содержаніе училища и классовъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ общество устраивало для своихъ членовъ и ихъ знакомыхъ закрытыя музыкально-вокальные вечера. Подъ именемъ «субботники» вечера эти при участіи выдающихся артистическихъ силъ имѣли всегда крупный успѣхъ. Въ отчетномъ году—въ годину войны—пришлось сократить вечера и придать имъ тѣсный домашній характеръ. Всего «субботниковъ» было шесть. Ихъ устраивала М. Т. Дуловъ. Почетными членами общества состоятъ: В. П. Буренинъ, П. П. Гнѣдичъ, В. Н. Давыдовъ, В. В. Андреевъ, М. И. Долина и Н. Н. Фигнеръ. Вновь избранъ въ почетныя члены писатель А. Н. Масловъ-Въжецкій. Скопчалась М. Г. Савипа, принимавшая дѣятельное участіе въ жизни общества въ качествѣ директриссы театральной школы имени А. С. Суворина. Въ отчетномъ году въ составъ общества вошли членами писатели: В. А. Ашкинази (Азовъ), И. Ф. Мануйловъ, І. В. Никаноровъ и П. П. Потемкинъ, артисты П. Н. Владиміровъ и С. Ф. Сабуровъ.

Награды императорскаго русскаго географическаго общества. Императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ, согласно докладамъ медальныхъ комиссій 8-го февраля присуждены слѣдующія почетныя награды общества: По отдѣленіямъ географіи математической и географіи физической: I. Золотыя большія медали: 1) Константиновская медаль—Л. С. Бергу за совокупность его трудовъ географическихъ и зоологическихъ, согласно отзывамъ дѣйств. членовъ А. П. и В. П. Семеновыхъ-Тянь-Шанскихъ. 2) Медаль имени графа О. П. Литке—Е. В. Оппокову за совокупность трудовъ по гидрологии Юго-Западной Россіи, согласно отзыву почетнаго члена А. И. Воейкова. 3) Медаль имени П. П. Семенова—Г. Н. Высоцкому за совокупность трудовъ, согласно отзыву дѣйств. члена П. В. Стоцкаго. II. Малыя медали: 4) Малая золотая медаль К. Н. Паффенгольцу, за съемку ледниковъ Эльборуса по отзыву дѣйств. чл. А. П. Герасимова. 5) Серебряная медаль имени П. П. Семенова—А. А. Круберу, за его трудъ «Карстовая область Крыма», согласно отзыву дѣйств. чл. Д. И. Мушкетова. 6—8) Малыя серебряныя медали—Д. В. Наливкину, за докладъ о совершенной имъ отъ общества памирской экспедиціи, В. П. Вейнбергу—за доклады въ обществѣ, Д. Д. Пагиреву—за указатель къ картѣ Кавказъ. III. Преміи: 9) Премія имени А. А. Тилло выдана впервые Г. Е. Грумъ-Гржимайло за его трудъ «Западная Монголія и Урянхайскій край», согласно отзыву дѣйств. чл. Я. С. Эдельштейна. 10) Премія имени Н. М. Пржевальскаго присуждена Г. Н. Потанину по случаю восьмидесятилѣтія его рожденія. По отдѣленію этнографіи: 1) Большая золотая медаль отдѣленія этнографіи—Н. Ф. Сумцову за совокупность его ученыхъ трудовъ по этнографіи Украйны, согласно отзыву дѣйств. чл. Ф. К. Волкова. 2—3) Малыя золотыя медали общества—чл.-сотр. Н. А. Виташевскому за представленную въ отдѣленіе этнографіи рукопись «Якутскіе матеріалы для разработки вопросовъ эмбриологіи права», согласно отзыву М. М. Ковалевскаго. Чл.-сотрудн. М. Е. Евсевьеву за работы по этнографіи и, въ частности, за сотрудничество въ «Живой Старинѣ», согласно отзыву дѣйств. чл. А. А. Шахматова. 4—8) Серебряныя медали общества: Г. С. Виноградову—за печатающійся въ «Живой Старинѣ» трудъ «Самоврачеваніе и скотолеченіе у русскаго старожиллага населенія Сибири. (Матеріалы по народной медицинѣ и ветеринаріи). Восточная Сибирь, Иркутская губ., Нижнеудинскій у., Тулуновская волость», согласно отзыву дѣйств. чл. А. А. Макаренко. Дѣйств. чл. И. И. Ульянову—за доклады, читанные имъ въ отдѣленіи этнографіи, согласно отзыву дѣйств. чл. Д. К. Зеленина. В. Н. Крылову—за рукописный трудъ, представленный въ императорское русское географическое общество, подъ заглавіемъ «Указатель японскихъ названій городовъ Кореи съ іероглифическимъ обозначеніемъ названій и перечнемъ географическихъ частицъ», согласно отзыву дѣйств. чл. А. Р. Руднева. О. Э. Озаровской—за докладъ «Изъ поѣздки по сѣверу Россіи» и сказительницѣ Маріи Дмитріевнѣ Кривополѣновой, выступавшей во время доклада съ пѣніемъ историческихъ былинъ. 9—12) Бронзовыя медали: свящ. І. І. Мышкину—за содѣйствіе, оказанное имъ дѣйств. чл. Д. К. Зеленину при собираніи послѣднимъ народныхъ сказокъ Вятской губ. (т. XIII «Записокъ по отдѣленію этнографіи»). Народнымъ учительницамъ Р. С. Владимірской и Н. В.

Евфимьевой и народному учителю Д. Д. Третьякову—за содѣйствіе, оказанное ими дѣйств. чл. М. Б. Едемскому въ 1912—1915 гг. во время поѣздокъ, по порученію сказочной комиссіи императорскаго русскаго географическаго общества, въ Вологодскую губернію, при собираніи и записываніи народныхъ сказокъ.

Юбилей проф. Г. И. Челпанова. 19-го января исполнилось двадцать пять лѣтъ преподавательской и ученой дѣятельности ординарнаго профессора московскаго университета по каѳедрѣ философіи Г. И. Челпанова. Юбиларъ родился 16-го апрѣля 1862 г. По окончаніи историко-филологическаго факультета кievскаго университета съ золотой медалью и со степенью кандидата 18-го января 1891 г. Г. И. Челпановъ былъ назначенъ привать-доцентомъ московскаго университета для преподаванія философіи. Съ 1-го февраля 1892 г. преподавательская дѣятельность профессора Г. И. Челпанова протекаетъ въ его родномъ университетѣ, св. Владимира. Здѣсь Г. И. блестяще защитилъ магистерскую (1896 г.) и докторскую (1904 г.) диссертации. Въ званіи ординарнаго профессора Г. И. состоитъ съ 1-го юля 1904 г. Каѳедру философіи въ московскомъ университетѣ Г. И. занялъ съ 9-го декабря 1906 г. Съ слѣдующаго же 1907 г. Г. И. усиленно занялъ болѣе серьезной постановкой при московскомъ университетѣ психологическаго семинарія, до этого момента находившагося при психіатрической каѳедрѣ. Въ теченіе ряда лѣтъ Г. И. получалъ заграничныя командировки для изученія постановки въ заграничныхъ университетахъ преподаванія психологіи. При матеріальной поддержкѣ С. И. Щукина юбиларомъ созданъ при университетѣ психологическій институтъ, открытый весной 1914 года, директоромъ котораго состоитъ юбиларъ. Въ виду военнаго времени никакого чествованія юбилара не было.

Отъ всероссійскаго съѣзда по вопросамъ народнаго образованія. Организационный комитетъ перваго всероссійскаго съѣзда по вопросамъ народнаго образованія, приступая къ изданію трехъ послѣднихъ выпусковъ «Трудовъ Съѣзда»: 3) V секція «Методы преподаванія».—4) I секція «Организация начальной школы (типы ея, задачи и программы)» и 5) III секція «Подготовка народныхъ учителей», проситъ членовъ съѣзда, учрежденія и лицъ, желающихъ получить означенные выпуски, стоимостью 3 руб. (по 1 р. каждый выпускъ), сообщить о семъ въ петроградское общество грамотности (Театральная ул., 5) не позднѣе 1-го марта 1916 г. съ приложеніемъ трехъ рублей; члены съѣзда, лица и учрежденія, не подписавшіеся на изданіе, могутъ получить такое лишь по выходѣ всѣхъ выпусковъ и въ томъ случаѣ, если за разсылкой подписчикамъ останутся свободные экземпляры. По отпечатаніи выпусковъ цѣна на нихъ будетъ повышена. Въ комитетѣ осталось ограниченное количество экземпляровъ перваго выпуска «Трудовъ Съѣзда»—«Доклады, пренія и постановленія второй секціи—«Методы преподаванія и учебно-воспитательный строй школы» по цѣнѣ 3 рубля за экземпляръ и втораго выпуска «Доклады, пренія и постановленія четвертой секціи (врачебно-педагогическіе вопросы)»—цѣна 2 руб. за экземпляръ, съ пересылкой. Книгопродавцамъ обычная скидка. Выпуски высылаются по полученіи ихъ стоимости. Петроградъ, Театральная улица, 5.

НЕКРОЛОГИ.

ВОЕЙКОВЪ, А. И. 28-го января скончался отъ воспаленія легкихъ на 74 году жизни заслуженный профессоръ физической географіи петроградскаго университета, почетный членъ императорскаго русскаго географическаго общества, членъ-корреспондентъ императорской академіи наукъ Александръ Ивановичъ Воейковъ. Происходившій изъ древняго московскаго рода, давшаго Россіи въ Пушкинское время извѣстнаго писателя А. Ѳ. Воейкова, А. И. Воейковъ родился въ Москвѣ въ 1842 году. Получивъ прекрасное первоначальное образованіе, еще 14—16-лѣтнимъ юношей онъ съ родными побывалъ въ Западной Европѣ, Сирии и Палестинѣ. Прослушавъ въ 1860—1861 гг. курсъ естественныхъ наукъ въ петроградскомъ университетѣ, А. И. отправился для дальнѣйшаго образованія за границу, гдѣ, пройдя курсы въ Берлинѣ, Гейдельбергѣ и Геттингенѣ, получилъ степень доктора философіи геттингенскаго университета. Выбранный въ 1866 году членомъ русскаго географическаго общества, въ 1868 и 1870 гг. А. И. посѣтилъ Восточный Кавказъ. По порученію общества онъ въ тѣ времена изучалъ постановку метеорологіи въ Вѣнѣ, Миланѣ, Парижѣ, Брюсселѣ и Лондонѣ, а въ 1872 году ѣздилъ съ научными цѣлями въ Буковину, Галицію, Венгрію и Трансильванію. Въ качествѣ секретаря метеорологической комиссіи географическаго общества А. И. занялся изслѣдованіемъ атмосферныхъ осадковъ и грозъ въ Россіи. Въ 1873 году совершилъ поѣздку по Соединеннымъ Штатамъ и Канадѣ и, по порученію секретаря Смитсоніанскаго института въ Вашингтонѣ, дополнилъ научное изданіе этого учрежденія, посвященнаго вѣтрамъ земнаго шара, причѣмъ американцы удивлялись его трудоспособности. Въ 1875 году А. И. путешествовалъ по Юкатану, Мексикѣ и Южной Америкѣ, нѣсколько позже по Индостану, о. Явѣ и Японіи. Замѣчательно, что почти всѣ свои поѣздки онъ совершилъ на собственные средства, какъ вполне независимый человѣкъ, не прибѣгая къ платнымъ командировкамъ. Особенностью

покойнаго была его необыкновенная способность къ самымъ разнообразнымъ языкамъ, усваивавшимся имъ такъ быстро и легко, что трудность ихъ для другихъ вызвала въ немъ неоднократно неподдѣльное удивленіе. Все это, вмѣстѣ съ чрезвычайной скромностью А. И., его неприязательностью къ дорожнымъ удобствамъ и необычайной выносливостью, дало самые лучшіе результаты. Вернувшись въ Россію съ огромнымъ запасомъ самыхъ разнообразныхъ познаний и личныхъ наблюденій, А. И. въ 1882 году сталъ читать лекціи въ петроградскомъ университетѣ въ качествѣ доцента, а въ 1884 году выпустилъ въ свѣтъ свой классическій трудъ «Климаты земного шара», переведенный въ 1887 году въ Іенѣ на нѣмецкій языкъ и доставившій ему всемірную извѣстность. Удостоенный московскимъ университетомъ почетной степени доктора физической географіи, А. И. съ 1885 года сдѣлался профессоромъ этой науки въ петроградскомъ университетѣ. Какъ профессоръ, онъ не стремился къ большой аудиторіи. Но всѣ проникавшіеся его взглядами становились его вѣрными учениками. Такимъ образомъ, покойный былъ истиннымъ основателемъ въ Россіи научной школы климатологовъ. Съ 1883 года онъ возродилъ въ географическомъ обществѣ существовавшую тамъ еще въ 1870 годахъ и затѣмъ упраздненную метеорологическую комиссію, обративъ ее въ постоянную, безсмѣннымъ предсѣдателемъ которой и былъ до самой кончины. При этомъ А. И. былъ не только въ числѣ основателей журнала «Метеорологическій Вѣстникъ», но и безсмѣннымъ его редакторомъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, вкладывая всю свою душу въ это изданіе. Труды руководимой имъ комиссіи сосредоточились на сельскохозяйственной метеорологіи и вообще на тѣхъ ея отдѣлахъ, которые наименѣе разработаны и въ то же время наиболѣе важны для Россіи, какъ, напримѣръ, изученіе снѣжнаго покрова. Оцѣнка ихъ произведена въ юбилейномъ сборникѣ, посвященномъ А. И. въ 1908 году. Изъ важнѣйшихъ его работъ по метеорологіи и климатологіи можно упомянуть «Климатъ области муссоновъ Восточной Азіи» (1879), учебникъ метеорологіи для средней школы (1891), курсъ метеорологіи (1903), «Климатъ восточнаго побережья Чернаго моря» (1899), «Климатъ Польша» (1899), «Климатъ высотъ Западной Европы» (1900), «Измѣнчивость атмосфернаго давленія» (1906), «Періодичны ли колебанія климата и повсемѣстны ли они?» (1910), «Климатъ Индіи и Индійскаго океана», «Метеорологія и климатологія южно-полярныхъ странъ» (1910), очеркъ «Климатъ» въ изданіи переселенческаго управленія «Азіатская Россія» (1914)—замѣчательный синтезъ, написанный совершенно безъ цифровыхъ таблицъ и мн. др. Въ 1904 году, въ самый разгаръ японской войны, подъ вліяніемъ тогдашнихъ событій, А. И. выступилъ съ единственнымъ въ своемъ родѣ въ міровой географической литературѣ изслѣдованіемъ «Будетъ ли Тихій океанъ главнымъ торговымъ путемъ земного шара?» Продолжая свои широкіе географическіе труды, А. И. напечаталъ цѣлый рядъ оригинальныхъ изслѣдованій, напримѣръ, «Наши рѣки» (1888—1889 гг.), «Распредѣленіе населенія земли въ зависимости отъ природныхъ условій и дѣятельности человѣка» (1906 г.), переведенное на французскій языкъ, «Человѣкъ и вода», по-французски «Русскій Туркестанъ» (1914 г.)—результатъ его поѣздки въ этой край и пр. Сдѣлавшись, послѣ его болѣзни, невольнымъ вегетарианцемъ, а затѣмъ убѣдившись въ пользѣ растительно й

пищи и ставъ председателемъ вегетаріанскаго общества, А. И. Воейковъ опубликовалъ изслѣдованіе: «Пища человѣка, ея вліяніе на выносливость и способность къ работѣ и зависимость отъ климата» (1910 г.). (Некрологъ его: «Новое Время», 1916, № 14330).

† **Воронцовъ-Дашковъ, И. И. графъ.** Скончавшійся 16-го января членъ Государственнаго Совѣта генераль-адъютантъ генераль-отъ-кавалеріи, бывшій намѣстникъ на Кавказѣ и главнокомандующій войсками кавказскаго военнаго округа графъ Иларіонъ Ивановичъ Воронцовъ-Дашковъ родился 27-го марта 1837 года. Первоначальное образованіе получилъ дома и затѣмъ въ 1855 году поступилъ въ московскій университетъ, курса котораго не окончилъ, и въ слѣдующемъ году, увлеченный войной, въ разгаръ Крымской кампаніи, поступилъ вольноопредѣляющимся въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ. Въ 1859 году въ чинѣ корнета графъ, по личному желанію, отправился на Кавказъ и тамъ участвовалъ въ дѣломъ рядѣ боевыхъ экспедицій противъ горцевъ, заслуживъ боевыя отличія, въ томъ числѣ и золотое оружіе. Въ чинѣ полковника графъ участвовалъ въ 1865 году на туркестанскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій: въ дѣлѣ подѣ Мурза-Арабатомъ командовалъ авангардомъ, а при взятіи приступомъ крѣпости Ура-Тюбе командовалъ штурмовой колонной. За подвиги во время этой кампаніи графъ былъ награжденъ орденомъ святаго Георгія 4-й степени и святаго Владимира 3-й степени съ мечами и бантомъ. Въ слѣдующемъ году графъ служилъ въ качествѣ помощника губернатора Туркестанской области, будучи произведенъ уже къ тому времени въ чинъ генераль-майора и зачисленъ въ свиту Его Величества. Администраторская дѣятельность графа въ Туркестанѣ продолжалась одинъ годъ, послѣ чего онъ вернулся въ Петроградъ. Съ 1867 по 1874 гг. графъ И. И. командовалъ лейбъ-гвардіи гусарскимъ Его Величествомъ полкомъ, состоя въ послѣдній годъ одновременно командиромъ второй бригады второй гвардейской кавалерійской дивизіи. Въ 1874 году графъ былъ назначенъ начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса, командиромъ котораго состоялъ великій князь Александръ Александровичъ (впослѣдствіи императоръ Александръ III); въ слѣдующемъ году онъ получилъ званіе генераль-адъютанта. Во время русско-турецкой войны графъ Воронцовъ-Дашковъ состоялъ при августѣйшемъ начальникѣ рушукскаго отряда Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, командуя кавалеріей этого отряда. За боевыя отличія графъ былъ награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла съ мечами. Отправленный затѣмъ въ Петроградъ для мобилизаціи гвардейскаго корпуса, онъ довелъ первые эшелоны его до Плевны, но, возвращаясь въ рушукскій отрядъ, заболѣлъ и вынужденъ былъ отправиться для леченія за границу. По окончаніи войны графъ Воронцовъ-Дашковъ получилъ въ командованіе вторую гвардейскую пѣхотную дивизію. Въ мартѣ 1881 года ему былъ ввѣренъ постъ начальника охраны его величества. Въ томъ же году графъ былъ назначенъ главноуправляющимъ государственнымъ коннозаводствомъ, получившимъ въ 1882 г. новое устройство и штаты. Въ 1882 году графъ Воронцовъ-Дашковъ былъ назначенъ министромъ императорскаго двора и удѣловъ и канцлеромъ императорскихъ и царскихъ орденовъ, съ оставленіемъ управляющимъ государственнымъ коннозаводствомъ. На посту министра графъ сдѣлалъ много преобразованій,

выдѣлил и усилилъ контроль этого вѣдомства. При немъ были сокращены штаты придворныхъ служащихъ и улучшено ихъ матеріальное положеніе. Онъ же вывелъ изъ жалкаго состоянія императорскіе театры и произвелъ въ этой области рядъ капитальныхъ реформъ. Между прочимъ, оркестры и хоры доведены были при немъ до полного состава и явились одними изъ первыхъ въ Европѣ. Въ качествѣ министра, графъ Воронцовъ-Дашковъ сопровождалъ Александра III во всѣхъ его поѣздкахъ. Вообще, какъ государственный дѣятель, графъ пользовался особымъ довѣріемъ покойнаго государя и личной дружбой. Въ 1897 году графъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Во время русско-японской войны графъ состоялъ председателемъ главнаго управленія Краснаго Креста. Въ февралѣ 1905 года онъ былъ призванъ на постъ намѣстника Его Величества на Кавказѣ. На Кавказѣ графъ пробылъ болѣе десяти лѣтъ и вышелъ въ отставку лѣтомъ 1915 году. (Некрологъ его: «Петроградскія Вѣдомости», 1916, № 13).

† **Павловъ, Е. В.** 29-го января, въ четыре часа утра скончался послѣ тяжелой продолжительной болѣзни лейбъ-хирургъ, главный врачъ Александровской общины, председатель попечительнаго комитета въ Елизаветинской дѣтской больницѣ, профессоръ Евгений Васильевичъ Павловъ. Е. В. родился 26-го февраля 1845 года въ Царскомъ Селѣ. Вначалѣ предполагалось сдѣлать изъ Е. В. Павлова военнаго, но, будучи въ гимназій, Е. В. обнаружилъ склонность къ медицинѣ, и, несмотря на настоянія отца, онъ поступилъ въ медико-хирургическую академію, въ которой пробылъ до декабря 1868 года. Покойный много придавалъ значенія своей поѣздкѣ въ 1870 году въ Парижъ, куда онъ отправился въ качествѣ врача семьи Н. А. Милотина. Здѣсь ему пришлось много работать у знаменитаго хирурга Пэана. Защитивъ диссертацию на степень доктора медицины, Е. В. завѣдывалъ хирургическими отдѣленіями Семеновскаго госпиталя. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 г.г. Е. В. работалъ въ качествѣ главнаго врача лазарета дамскаго комитета и съ сестрами милосердія Свято-Троицкой общины въ районѣ дунайской дѣйствующей арміи, а въ январѣ 1878 г. перевелся консультантомъ-хирургомъ и старшимъ врачомъ на эвакуаціонный пунктъ въ Фратешты и Журжево. Въ этомъ пунктѣ царила страшная эпидемія тифа и дизентеріи. Здѣсь Е. В., не покладая рукъ, работалъ въ восемнадцать, а то и по двадцати часовъ въ сутки. Вернувшись съ войны, профессоръ Павловъ былъ прикомандированъ къ клиническому военному госпиталю, а въ 1883 году былъ назначенъ главнымъ врачомъ Александровской общины. Въ 1888 году Павловъ былъ избранъ профессоромъ оперативной хирургіи военно-медицинской академіи, а спустя два года, не видя возможности получить клиническую кафедру, предпринялъ чтеніе новаго предмета—военно-полевой хирургіи. Въ 1895 года Е. В. Павловъ былъ пожалованъ въ лейбъ-хирурги. Покойный принималъ весьма дѣятельное участіе въ работахъ Краснаго Креста. Свои обширныя наблюденія и выводы профессоръ Павловъ издалъ отдѣльнымъ томомъ «На Дальнемъ Востокѣ». Скончался Е. В. на своемъ посту врача, заразившись при производствѣ операции. (Некрологъ его: «Голось», 1916, № 88).

† **Ровинскій, П. А.** Въ Петроградѣ скончался въ глубокой старости Павелъ Аполлоновичъ Ровинскій. Біографія Ровинскаго очень сложна и пора-

жаеть самыми неожиданными переходами отъ одного рода дѣятельности къ другому. Родившись въ 1831 году и получивъ образованіе въ казанскомъ университетѣ, онъ уже въ самомъ началѣ 1853 года, т.-е. совсѣмъ молодымъ юношей, становится преподавателемъ университета по кафедрѣ русской словесности. Черезъ три съ половиною года, осенью 1856 года, профессорская дѣятельность его обрывается съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе не возобновляться. Въ 1860 г. онъ поѣхалъ въ славянскія земли Австріи, но былъ вскорѣ же высланъ оттуда австрійскимъ правительствомъ, что, впрочемъ, не помѣшало тому, что интересъ къ славянству до конца жизни оставался наиболѣе прочнымъ его влеченіемъ. Шестидесятые годы застаютъ его энергичнымъ революционеромъ и однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ участниковъ первой «Земли и Воли». Съ закрытіемъ этой организациіи политическая дѣятельность Ровинскаго прекращается, и къ ней онъ болѣе уже никогда не возвращается. Немного спустя онъ получаетъ отъ казанскаго университета командировку въ славянскія земли съ научною цѣлью, но министерство отказываетъ ему въ выдачѣ заграничнаго паспорта, и лишь черезъ нѣсколько лѣтъ ему удается поѣхать въ Австрію и Сербію, но уже въ качествѣ газетнаго корреспондента отъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Въ 1870 г. онъ ѣдетъ въ Сибирь и Монголію съ этнографическими цѣлями, помѣщаетъ нѣсколько хорошихъ статей въ «Извѣстіяхъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества» и въ «Вѣстникѣ Европы», но въ общемъ его работы остаются незаконченными, и кратковременное увлеченіе Сибирью оказывается вставнымъ эпизодомъ въ его жизни. Такимъ же вставнымъ эпизодомъ оказывается и непродолжительное директорство въ колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ (1874—1878 гг.), хотя и здѣсь онъ сумѣлъ сдѣлать немало цѣннаго и оставилъ послѣ себя самую лучшую память. Затѣмъ слѣдуетъ новая поѣздка въ славянскія земли въ качествѣ газетнаго корреспондента, высылка австрійцами изъ Босніи и переѣздъ въ Черногорію. Въ Черногоріи Ровинскій наконецъ осѣлъ надолго. Сперва онъ жилъ здѣсь въ качествѣ частнаго лица, а потомъ служилъ при русской миссіи. Этой же странѣ посвященъ и главный научный трудъ Ровинскаго «Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ», изданный академіей наукъ и занимающій выдающееся мѣсто въ этнографической литературѣ; трудъ этотъ остался, впрочемъ, незаконченнымъ (вышло четыре тома). (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1916, № 17).

† **Трофимовъ, В. В.** 23-го января скончался отъ оспы, схваченной во время послѣдней служебной поѣздки на Рождествѣ, уполномоченной организациіи по устройству бѣженцевъ журналистъ Владимиръ Васильевичъ Трофимовъ. В. В. родился въ 1874 г.; по окончаніи курса шестой петроградской гимназіи поступилъ на историко-филологическій факультетъ петроградскаго университета. Еще студентомъ В. В. увлекался сценой и, выйдя изъ университета, поступилъ на драматическіе курсы. Много лѣтъ покойный игралъ и въ Петроградѣ—между прочимъ въ Народомъ домѣ,—и въ провинціи, дѣлалъ неоднократно попытки и самъ держать антрепризу, преимущественно въ окрестностяхъ Петрограда, въ лѣтнихъ театрахъ. Одновременно В. В. сотрудничалъ во многихъ петроградскихъ газетахъ, а въ послѣднія лѣтъ десять и совер-

шенно оставилъ снѣзу для журналистики. Онъ работалъ въ «Петроградской Газетѣ», «Петроградскомъ Листкѣ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Копѣйкѣ» со дня ея основанія и друг. Съ начала войны покойный отправился на театръ военныхъ дѣйствій въ качествѣ корреспондента и печаталъ свои корреспонденціи въ «Кіевской Мысли», «Петроградской Газетѣ», «Копѣйкѣ» и рядѣ другихъ изданій. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти В. В. взялъ на себя обязанности уполномоченнаго по устройству бѣженцевъ сѣвернаго фронта, такъ называемой Зубчаниновской организаціи. Въ этомъ живомъ и сложномъ дѣлѣ покойный широко проявилъ присущую ему энергію и на этомъ посту общественнаго служенія его и застигла смерть на сорокъ третьемъ году. (Некрологъ его: «Новое Время», 1916, № 14324).

† **Шостынь, А. П.** Скончался заслуженный профессоръ императорской московской духовной академіи Александръ Павловичъ Шостынь. Покойный, происходя изъ духовнаго званія, родился въ 1862 году и воспитывался въ рязанской семинаріи, а съ 1881 года—въ московской духовной академіи. По окончаніи академическаго курса въ 1885 году первымъ магистрантомъ, онъ былъ оставленъ при той же академіи профессорскимъ стипендіатомъ и уже съ 9-го сентября 1886 года занялъ въ ней кафедру педагогики и пастырскаго богословія, на которой и состоялъ почти тридцать лѣтъ, совмѣщая съ званіемъ профессора и должность инспектора (съ 30-го октября 1907 г. до 8-го июня 1912 г.). Къ учено-литературнымъ трудамъ покойнаго А. П. Шостынина относились: магистерская диссертация—«Источники и предметъ догматики по воззрѣніямъ католическихъ богослововъ послѣдняго полустолѣтія» (Харьковъ, 1889 г., 193 стр.), рядъ статей «по вопросу о развитіи церковныхъ догматовъ» въ журналѣ «Вѣра и Разумъ» (1886—1888 гг.) и «Богословскомъ Вѣстникѣ», актовая рѣчь—«Нравственно-воспитательное значеніе музыки, по воззрѣніямъ Платона и Аристотеля» (Сергіевъ-Посадъ, 1899 г.) и брошюра: «Зачѣмъ блуждать? Размышленія по поводу предполагаемой реформы нашей средней школы» (Сергіевъ-Посадъ, 1902 г.). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1916, № 10).

желѣзная дорога. Пушки города господствуютъ какъ надъ станціей, такъ и надъ обоими берегами Арги.

Солнце уже подымалось, когда карета Сарріона медленно вползла въ гору и загремѣла по подъемному городскому мосту. Въ центрѣ города, на площади Конституціи, бродили цѣлыя стада собакъ отъ одной кучи сора къ другой. Пожива ихъ, видимо, была не велика, а то, что удавалось найти, вызывало не особенно пріятныя ощущенія въ желудкѣ. Перро глядѣлъ на нихъ изъ окна кареты довольно печально: ему, должно быть, приходили на память тѣ дни, когда и онъ копался въ такихъ же кучахъ сора.

У Сарріоновъ не было своего дома въ Пампелунѣ. Въ противоположность большинству наваррскихъ дворянъ, они жили у себя въ имѣніи, которое отстояло отсюда всего миль на двадцать. Всякій разъ, какъ имъ нужно было побывать въ Пампелунѣ, онѣ останавливались въ гостиницѣ на площади Конституціи...

Сюда же направились они и теперь.

— Два мѣсяца,—сказалъ графъ, стараясь обогрѣться около печи, стоявшей въ просто мебелированной гостинной.—Они дали этому канальѣ Пачеко два мѣсяца для того, чтобы сдѣлать всѣ приготовленія... Хуанитѣ надо сдѣлать выборъ теперь же.

— Онѣ пойдутъ къ вечернѣ въ соборъ,—промогилъ Марко.—Теперь въ это время будетъ уже темно. Имъ придется пересѣчь улицу Dormitaleria, пройти черезъ два монастырскихъ двора и войти въ соборъ черезъ боковую дверь. Если Хуанита что-нибудь забудетъ и пойдетъ назадъ, я на нѣсколько минутъ могу повидать ее въ одномъ изъ дворовъ, на которыхъ въ зимнее время обыкновенно никого не бываетъ.

— Но какъ это сдѣлать, чтобы она пошла назадъ?

— Это должна сдѣлать сестра Тереза. Тебѣ нужно повидаться съ нею. Не могутъ же воспрепятствовать тебѣ видѣться съ сестрою.

— Но захочетъ ли она помочь въ данномъ случаѣ?

— Захочетъ,—не колеблясь, отвѣчалъ Марко.

— Я тоже попытаюсь повидаться съ Хуанитой,—сказалъ Сарріонъ, закутывая горло шарфомъ.—Оставайся пока тутъ.

Онъ вышелъ. Пампелуна лежитъ на полторы тысячи футовъ надъ уровнемъ моря, и во время короткой зимы ее заваливаетъ снѣгомъ.

Сарріонъ пошелъ въ улицу Dormitaleria, узенькую улочку, шедшую параллельно съ городской стѣной на востокъ отъ собора. Здѣсь онъ узналъ, что сестры Терезы нѣтъ дома. Хуаниту тоже нельзя было видѣть: она была въ классѣ, и вызывать ее оттуда было воспрещено. Сарріонъ сталъ настаивать. Дежурная сестра пошла посоветоваться и навести справки: она не рѣшалась сдѣлать это собственною властью. Она не вернулась назадъ, а вмѣсто нея

вышелъ отецъ Муру, духовникъ школы. То былъ крѣпкій человекъ, и его лицо было бы не лишено пріятности, если бъ онъ держался естественно и жилъ, какъ того требуетъ природа.

Отецъ Муръ выразилъ сожалѣніе, что Сарріонъ не можетъ видѣть Хуаниту. Это его не касается, говорилъ онъ, но онъ знаетъ, что это не разрѣшается правилами. Потомъ онъ вспомнилъ, что онъ видѣлъ письмо, адресованное на имя графа Сарріона. Оно лежало на столѣ въ комнатѣ директриссы, гдѣ обыкновенно кладутся письма для отправки на почту. Онъ сейчасъ принесетъ это письмо.

Сарріонъ взялъ письмо и тутъ же прочелъ его. На лицѣ его блуждала доброжелательная улыбка: онъ зналъ, что отецъ Муру слѣдитъ за нимъ глазами рыси.

— Да,—сказалъ наконецъ графъ.—Это отъ Хуаниты.

Онъ сложилъ письмо и спряталъ его въ карманъ.

— Вамъ извѣстно содержаніе этого письма, отецъ мой?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, сынъ мой. Откуда мнѣ это знать?

— Да, въ самомъ дѣлѣ, откуда вамъ знать?

Сарріонъ вышелъ. Отецъ Муру съ большой услужливостью отворилъ ему дверь.

ХІІІ.

Въ тискахъ.

Вернувшись въ гостиницу на площади Конституціи, Сарріонъ молча бросилъ передъ сыномъ на столъ письмо, которое ему передалъ отецъ Муру.

«Дорогой дядя,—писала Хуанита.—Пишу вамъ, чтобы предупредить васъ о своемъ рѣшеніи поступить въ монастырь. Вы были всегда очень добры ко мнѣ. Вотъ почему я и спѣшу сообщить вамъ объ этомъ. Я знаю, вы согласитесь со мною, что этотъ шагъ можетъ только принести мнѣ счастье въ этомъ мірѣ и въ будущемъ. Ваша благодарная племянница Хуанита де-Модженте».

Марко внимательно прочелъ письмо. Потомъ, порывшись у себя въ карманѣ, вынулъ записку, которую ему передала Хуанита черезъ отверстіе въ стѣнѣ. Положивъ оба письма рядомъ, онъ сталъ ихъ сравнивать.

— Почеркъ Хуаниты,—сказалъ онъ наконецъ.—Но слогъ совершенно другой. Да и слова написаны всѣ правильно.

Съ рѣшительной усмѣшкой онъ сложилъ оба письма и положилъ ихъ къ себѣ въ карманъ. Сарріонъ, куря около печки сигару, молча поглядывалъ на сына. Онъ зналъ, что судьба Хуаниты рѣшена. На горе или радость, но она должна теперь выйти замужъ за Марко, если бъ даже вся римская церковь возстала противъ этого

брака. Онъ молча продолжалъ курить, грѣясь у печки. Онъ былъ уменъ и понималъ, что теперь его дѣло сторона.

— Я думаю,—промолвилъ наконецъ Марко:—что намъ необходимо повидаться съ Леономъ. Онъ ея опекунъ. Прибѣгнемъ въ послѣдній разъ къ этому средству.

— Ты хочешь предостеречь его?

— Да,—отвѣчалъ Марко, вставая.—Онъ, должно быть, здѣсь въ Пампелунѣ. Они вѣдь очень торопятся. Если получится разрѣшеніе изъ Рима, они, конечно, постараются ускорить событія и захотятъ сразу сдѣлать изъ Хуаниты монахиню. Для этого необходимо присутствіе Леона. Они, очевидно, уже все подготовили и ждутъ только разрѣшенія изъ Ватикана. Они собрались всѣ здѣсь въ Пампелунѣ, здѣсь удобнѣе обдѣлать это дѣльце, чѣмъ въ Сарагоссѣ,—удобнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Испаніи. Они, очевидно, приказали Леону ждать здѣсь для того, чтобы можно было получить въ нужный моментъ его формальное согласіе.

— Въ такомъ случаѣ идемъ и попробуемъ разыскать его,—сказалъ Сарріонъ.

Площадь Конституціи находится въ самомъ центрѣ города. Подъ ея колоннами расположились конторы безчисленныхъ omnibusовъ, которые связываютъ эту столицу Наварры съ мелкими городами. Марко обошелъ всѣ эти конторы. Среди коренастыхъ погонщиковъ муловъ у него было, очевидно, много друзей. Всѣ эти люди въ короткихъ штанахъ, чулкахъ и безукоризненно чистыхъ рубахахъ привѣтливо смотрѣли на него изъ-подъ своихъ беретовъ. Кучера дилижансовъ, только что прибывшихъ изъ горныхъ городковъ, перестали даже распрягать своихъ лошадей, чтобы подѣлиться съ нимъ послѣдними новостями.

Эти люди съ мягкимъ выговоромъ и сдержанными манерами, столь похожіе на своихъ древнихъ предковъ, говорили съ нимъ по-баскски. Нѣкоторые высунули руку изъ-подъ одѣяла, въ которое каждый изъ нихъ былъ закутанъ, чтобы поздороваться съ нимъ. Другіе ограничились короткимъ кивкомъ головы. Люди изъ долины Эбро бормотали: «*Buenas*»—краткое привѣтствіе, которое молчаливые арагонцы считаютъ совершенно достаточнымъ.

Марко, очевидно, зналъ ихъ всѣхъ по именамъ. Онъ зналъ даже названіе ихъ лошадей. Перро, одинаково ласковый къ богатому и бѣдному, свелъ знакомство съ бродячими собаками, которые лежали на снѣгу, полизывая себѣ лапы. Какъ и его хозяинъ, Перро не былъ гордъ и широко смотрѣлъ на жизнь, считаясь со всѣми ея превратностями.

Съ площади Конституціи хозяинъ и собака направились по улицѣ del Pozo Blanco, гдѣ ютятся шорники и сѣдельники. Сюда обыкновенно приходятъ погонщики муловъ покупать разноцвѣтные дорожные мѣшки, которые такъ скоро выцвѣтаютъ на жгучемъ

солницѣ. Сюда же является и гражданская гвардія за глиняными трубками. Здѣсь же кучеръ какого-нибудь важнаго человѣка можетъ часами болтать съ возницей съ сѣверныхъ горъ.

Подъ конецъ Марко направился по улицѣ св. Игнатія къ подъемному мосту черезъ двойной ровъ, гдѣ работаютъ канатчики, опустивъ одинъ глазъ на работу, а другимъ поглядывая на улицу. Отъ этого они прекрасно знали всѣхъ проходящихъ и могли замѣнить любого часового.

За второй линіей укрѣпленій находилась площадь, обнесенная невысокой стѣной. Здѣсь обыкновенно останавливались ѣхавшія на ослахъ или мулахъ женщины и слѣзали съ своего сѣдла, заваленнаго всякими мѣшками и корзинами. Это было своего рода уборной, гдѣ дамы приводили въ порядокъ свой растрепавшійся отъ вѣтра туалетъ; а по вечерамъ собирались опять вмѣстѣ, нагружали своихъ муловъ всяческими покупками и наконецъ усаживались на сѣдло.

И здѣсь у Марко оказались друзья и пріятели, и ему сейчасъ же сообщили самыя послѣднія новости изъ Кубы, гдѣ у одной былъ сынъ, у другой мужъ, любовникъ или такъ называемый волоптеръ, нанявшійся правительствомъ для подавленія возстанія за сорокъ фунтовъ годъ. Съ Марко охотно болтали и старухи, и молодыя женщины съ классически правильными лицами и вьющимися волосами.

— Жаль, что здѣсь мало такихъ людей, какъ вы, сеньоръ графъ,—сказала ему одна старая крестьянка.—Вы вѣдь не даете людямъ избивать другъ друга, а заставляете стричь овецъ или собирать жатву. Будь они карлисты или роялисты,—важнѣе всего страна.

— Вѣдь только она и питаетъ своихъ дѣтей,—прибавила другая въ фартукѣ.

Собравъ нужныя свѣдѣнія, Марко вернулся къ отцу.

— Леонъ здѣсь,—сказалъ онъ.—Онъ находится въ подворьѣ монастыря редемпціонистовъ, которое стоитъ на полдорогѣ къ Виллабѣ. Сестра Тереза и Хуанита здоровы и живутъ въ помещеніи школы въ улицѣ Dormitaleria. Монъ былъ здѣсь нѣсколько недѣль тому назадъ, но дня четыре какъ уѣхалъ въ Мадридъ. Ни для кого не секретъ, что Пачеко за приличную сумму собирается со всей своей арміей перейти на сторону карлистовъ. Онъ требуетъ налчныхъ денегъ и не довольствуется одними обѣщаніями. Карлисты увѣрены, что насталъ благоприятный для нихъ часъ.

— Я тоже думаю,—замѣтилъ Саррионъ.—Герцогъ Аостскій—сынъ Виктора-Эмануила,—этого не надо забывать. А сынъ человѣка, который разгромилъ папу, разумѣется, придется не по душѣ здѣшней клерикальной партіи. Новаго короля убьютъ, Марко. Не позднѣе шести мѣсяцевъ.

— Ты поѣдешь повидаться съ Леономъ?—спросилъ Марко.

— Да, доставлю себѣ это удовольствіе,—со смѣхомъ отвѣчалъ графъ.

Они выѣхали изъ города въ часъ сіесты. Отправились они верхомъ. Было ясное солнечное утро. Снѣгъ уже растаялъ на дорогахъ, но холмы стояли еще бѣлые. Много намело его и на стѣны укрѣпленій, гдѣ образовался какъ бы новый естественный брустверь.

Спускаясь подъ гору, Марко обернулся на сѣдлѣ и сталъ смотрѣть на стѣны города. Сарріонъ замѣтилъ это, взглянулъ на сына и на стѣны, но ничего не сказалъ.

На дорогѣ въ Виллабу находятся два старинныхъ монастыря—огромныя зданія съ высокими стѣнами. Въ каждомъ было по церкви, которая стояла отдѣльно отъ жилыхъ зданій. Артиллерійскіе офицеры давно уже измѣрили всѣ разстоянія, и пушки города могли каждую минуту разнести вдребезги эти зданія.

Марко дернулъ за веревку, качавшуюся по вѣтру около воротъ одного изъ этихъ монастырей. Сарріонъ между тѣмъ привязывалъ лошадей къ столбу. Дверь отворилъ рослый монахъ. Увидѣвъ двухъ штатскихъ въ дорожномъ костюмѣ, онъ, видимо, былъ разочарованъ.

— Маркизь де-Модженте здѣсь?—спросилъ Марко.

Монахъ махнулъ рукой въ знакъ отрицанія.

— Хотя бы онъ и былъ здѣсь, но теперь нельзя нарушать молитвеннаго уединенія.

Онъ сдѣлалъ было движеніе, чтобы затворить дверь, но Марко уже поставилъ за порогъ свою ногу въ толстой обуви. Потомъ онъ уперся плечомъ въ извѣденную временемъ дверь и, оттолкнувъ монаха, отворилъ ее настежь. Сарріонъ послѣдовалъ за нимъ и поспѣлъ какъ разъ во время: благочестивая рука монаха потянулась уже къ веревкѣ отъ колокола.

— Нѣтъ, другъ мой, звонить нѣтъ надобности.

— Вамъ нечего здѣсь дѣлать,—возразилъ монахъ, зло посматривая то на одного, то на другого.

— Да и вамъ тоже,—сказалъ Марко.—Теперь вѣдь монастырей въ Испаніи не существуетъ. Садитесь на эту скамейку и держите себя тихо.

Онъ повернулся и бросилъ на отца выразительный взглядъ.

— Не безпокойся,—съ улыбкой промолвилъ Сарріонъ.—Я буду слѣдить за нимъ.

— Гдѣ Леонъ де-Модженте?—спросилъ Марко монаха.—Я не хочу безпокоить другихъ.

Монахъ съ минутою подумалъ.

— Третья дверь направо, —проговорилъ онъ наконецъ, кивая бритой головой по направленію къ длинному коридору, который виднѣлся за открытой дверью.

Марко вошелъ въ этотъ тоннель. Его шпоры гулко гремѣли въ пустомъ зданіи. Отсчитавъ третью дверь направо, онъ постучалъ въ нее. Онъ по-своему былъ набожнымъ и не хотѣлъ никому мѣшать въ молитвенномъ уединеніи.

Дверь открылъ самъ Леонъ. Увидѣвъ передъ собой Марко, онъ въ удивленіи отступилъ назадъ. Марко вошелъ въ комнату, въ которой почти не было никакой мебели, и затворилъ за собою дверь. На стѣнѣ надъ кроватью висѣло нѣсколько религіозныхъ эмблемъ. Двѣ-три книги лежали на столѣ. Одна изъ нихъ была открыта. То было старинное изданіе *Θомы Кемпійскаго*.

Леонъ опустился на простую деревянную скамью и положилъ руки на открытую книгу. Потомъ, устремивъ свои слабые глаза на Марко, онъ ждалъ, пока тотъ заговорить.

— Я пріѣхалъ, чтобы переговорить съ вами объ Хуанитѣ,— сказалъ онъ.—Правда ли, что вы согласились на принятіе ея монашества.

Леонъ, видимо, раздумывалъ. У него былъ видъ человѣка, который разучилъ всю партію, но сбился съ перваго же такта.

— А вамъ какое до этого дѣла?—спросилъ онъ наконецъ.

— Никакого.

Леонъ сдѣлалъ безнадежный жестъ рукой и съ тоскою сталъ смотрѣть на свою книгу.

— Что же, дадите вы мнѣ отвѣтъ, или нѣтъ?—снова спросилъ Марко.

Леонъ покачалъ головой.

— Я пріѣхалъ сюда, чтобы предостеречь васъ. Я знаю, что Хуанита получила отъ отца въ наслѣдство значительную сумму денегъ. Я знаю, что дѣла карлистовъ идутъ нехорошо по недостатку денегъ. Я знаю, что іезуиты стараются раздобыть денегъ, гдѣ только могутъ. Донъ-Карлосъ вѣдь ихъ послѣдній оплотъ въ Испаніи. Они, очевидно, хотятъ подобраться къ деньгамъ Хуаниты. А это можно сдѣлать, только принудивъ ее принять монашество. И я пріѣхалъ, чтобы сказать вамъ, что я не дамъ имъ сдѣлать это.

Леонъ взглянулъ на Марко и какъ будто что-то проглотилъ. Онъ не боялся Марко, но его пугало что-то другое.

— Вы іезуитъ?—спросилъ вдругъ Марко, вперивъ свои взоры въ это блѣдное, морщинистое лицо.

Леонъ прерывисто вздохнулъ и не далъ никакого отвѣта.

Марко быстро вышелъ изъ комнаты и притворилъ за собою дверь.

XIV.

Въ монастырѣ.

Размышляя про себя о всемъ видѣнномъ и слышанномъ, Марко и Саррионъ вернулись въ Пампелуну.

Итакъ, Леонъ былъ іезуитъ. Тѣмъ хуже было для Хуаниты.

Марко и безъ словъ прекрасно понималъ, что значить молчаніе Леона.

Сарріонъ, съ своей стороны, видѣлъ уже въ Наваррѣ всѣ бѣдствія войны, которая длилась больше тридцати лѣтъ. Страна была разорена, мужчины перебиты, женщины доведены до нищеты. Война за донъ-Карлоса была всегда войной невѣжества и обмана противъ просвѣщенія и прогресса народа. Не нужно говорить, на чей сторонѣ были всѣ рясы.

Баскамъ обѣщали сохранить ихъ свободу. Имъ будетъ позволено жить, какъ они всегда жили, и оставаться въ сущности республиканцами, если они помогутъ воздвигнуть монарха надъ остальной Испаріей. Всѣ эти обѣщанія дѣлались іезуитами.

Сарріонъ ненавидѣлъ іезуитовъ, вмѣшивавшихся въ политику. Но такіе іезуиты оставили по себѣ слѣды въ исторіи, которые только теперь выходятъ на свѣтъ Божій.

Вильгельмъ Молчаливый былъ убитъ наемникомъ іезуитовъ. Его сынъ Морицъ Оранскій едва не подвергся той же участи, причѣмъ убійца сознался и выдалъ своихъ сообщниковъ-іезуитовъ. Трое іезуитовъ было повѣшено за покушеніе на жизнь англійской королевы Елизаветы. Четвертый, іезуитъ Парри, былъ четвертованъ. Убійца Генриха IV, короля французскаго, Равальякъ былъ также іезуитъ.

Іезуиты принимали дѣятельное участіе въ пороховомъ заговорѣ. Двое изъ нихъ были казнены.

Въ Парагваѣ іезуиты подстрекали туземцевъ къ бунту противъ Испаніи и Португаліи. Папа Климентъ XIV былъ отравленъ ими. Онъ подписалъ буллу объ уничтоженіи ордена, послѣдствіемъ чего явилась aqua 'di Perugia ¹⁾—медленно дѣйствующій и мучительный ядъ.

Рука іезуитовъ сильно сказывалась и въ наше время—на обществѣ ирландскихъ феніевъ. О'Фарелль, покушавшійся въ 1868 году въ Австраліи на жизнь герцога Единбургскаго, былъ іезуитъ.

Лучшее время для іезуитскаго ордена уже миновало, но общество еще продолжало существовать. Въ Англии и въ другихъ протестантскихъ странахъ они прикрывались другими названіями. Всѣ эти «редемпціонисты», «братья христіанскаго вѣроученія», «орденъ св. Павла Викентія» и т. п. были іезуиты.

Послѣ свиданія съ Леономъ Марко отправился къ себѣ въ гостиницу. Ему нужно было сдѣлать кое-какія дѣла. Сарріонъ же поѣхалъ къ большому дому, гдѣ помѣщалась монастырская школа. Черезъ часъ онъ вернулся домой.

— Все идетъ хорошо,—говорилъ графъ, сидя съ сыномъ въ маленькой гостиной, выходявшей окнами на площадь Конституціи.—

¹⁾ Перуджинская вода.

Въ пять часовъ онѣ пойдутъ къ вечернѣ въ соборъ. Будетъ почти темно въ это время. И тебѣ надо будетъ ждать на одномъ изъ внутреннихъ дворишковъ около монастыря. Онѣ пойдутъ этимъ путемъ. Хуанита вернется, какъ будто она что-нибудь забыла. Тутъ ужъ не зѣвай. Времени у тебя будетъ минутъ десять, не больше.

— Хорошо,—съ рѣшительнымъ видомъ сказалъ Марко.

Онъ не боялся ни іезуитовъ, ни короля, ни дона-Карлоса. Онъ опасался только самой Хуаниты.

— Незачѣмъ спрашивать, кто пошлетъ ее назадъ. Но Хуанита не будетъ знать, что ты ее ждешь. Помни это и не испугай ее.

Стало темнѣть, и Марко вышелъ. Входъ на одинъ изъ двухъ внутреннихъ дворовъ, черезъ которые надо было проходить къ собору, находился какъ разъ напротивъ дверей школы, около которой качался фонарь. На первомъ дворѣ фонаря не было: онъ мигалъ подъ аркой, раздѣлявшей оба дворика.

Марко сѣлъ на одну изъ деревянныхъ скамеекъ, которыя шли кругомъ вдоль стѣнъ четырехугольнаго двора. Ждать ему пришлось не долго. Двери школы открылись, и дѣвушки, разговаривая и смѣясь, потянулись по двору. Впереди шли двѣ монахини. Сестра Тереза шла сзади всѣхъ, глядя прямо передъ собой между двумя крыльями своего огромнаго чепца. Хуанита была въ послѣдней парѣ.

Марко всталъ и подошелъ къ аркѣ. Поднималась луна, бросая нѣжный свѣтъ на причудливыя окна монастырской школы.

Вдругъ Хуанита торопливо пошла назадъ. Увидѣвъ его силуэтъ, она инстинктивно закуталась въ свою мантилью.

— О, Марко,—прошептала она, узнавъ его.—Наконецъ-то! Я думала, вы обо мнѣ совершенно забыли.

— Скорѣе,—прошепталъ онъ.—Сюда, сюда. У насъ всего десять минутъ.

Онъ взялъ ее за руку и поспѣшно отвелъ ее направо, въ самый дальній уголокъ четырехугольника, гдѣ было потемнѣе.

— Что такое? Десять минутъ?—спросила она.

— Это такъ нарочно подстроено. Я нарочно встрѣтился съ тобой. У насъ десять минутъ, чтобы устроить...

— Что устроить?

— Всю вашу жизнь.

— Но нельзя же устроить цѣлую жизнь въ одно мгновеніе ока.

Она взглянула на него и разсмѣялась. Молодость брала свое.

— Ты помнишь письмо, которое ты написала моему отцу о своемъ намѣреніи принять монашество?

— Да, помню. Но это единственная вещь, которую мнѣ остается сдѣлать. Все убѣждаетъ меня въ этомъ: каждая проповѣдь, которую я слышу, каждая книга, которую я читаю. Всѣ мнѣ совѣтуютъ это. Но теперь, когда я опять вижу тебя, я не понимаю, какъ я могла это сдѣлать. О, Марко, ко мнѣ всѣ такъ добры, кромѣ сестры Терезы.

Она такъ нехороша со мной, она налагаетъ на меня всяческія наказанія.

Марко улыбнулся. Онъ зналъ, отчего сестра Тереза такъ жестока съ Хуанитой.

— Онъ всѣ такъ добры ко мнѣ. У насъ такъ считается, что для насъ только и возможна духовная жизнь.

Вдругъ она повернулась и положила ему на плечо обѣ руки.

— Марко,—прошептала она съ сдерживаемымъ рыданіемъ:— неужели ты ничего не можешь сдѣлать для меня?

— Могу,—отвѣчалъ онъ.—Потому-то я и пришелъ сюда. Но нужно рѣшаться теперь же.

— Почему же?—серьезно спросила она.

— Потому что отправленъ уже гонецъ въ Римъ за разрѣшеніемъ тебѣ принять монашество. Съ этимъ дѣломъ спѣшать.

— Я знаю. Но отчего это?

— Имъ нужны твои деньги.

— Но у меня ихъ нѣтъ, или очень мало. Такъ мнѣ сказали.

— Это ложь.

— Не надо говорить такъ,—прошептала Хуанита со страхомъ... Это мнѣ сказалъ отецъ Муро. А онъ—представитель Бога на землѣ.

— Какой онъ тамъ представитель,—спокойно возразилъ Марко.

Съ минуту Хуанита собиралась съ мыслями. Потомъ вдругъ она топнула ногой по плитамъ двора.

— Не хочу быть монахиней, не хочу,—воскликнула она.—Я всегда чувствовала, что тутъ есть какая-то ложь во всемъ томъ, что они говорятъ. Кромѣ того, и ты, и дядя Рамонъ говорите совсѣмъ другое. И я вижу, что то, что вы говорите, понятно, просто и честно, что вы не вкладываете въ ваши слова какого-то другого смысла. Марко, ты и дядя Рамонъ должны взять меня отсюда. Я сама не могу отсюда вырваться. Я связана по рукамъ и по ногамъ.

— Мы тебя и возьмемъ, если ты согласна на это,—медленно произнесъ Марко.

Она быстро повернулась и впилась въ него глазами: ее поразило что-то новое въ оттѣнкѣ его голоса.

— Что ты хочешь этимъ сказать?—спросила она.—У тебя такое странное и блѣдное лицо. Что вы хотите этимъ сказать, Марко?

— Мы можемъ освободить тебя отсюда, но ты должна выйти за меня замужъ.

Она вдругъ разсмѣялась, но быстро смолкла.

— О, не шути такъ,—промолвила она.—Вѣдь дѣло идетъ о всей моей жизни.

— Я не шучу. Это не шутка,—твердо отвѣчалъ Марко.

Съ минуту они сидѣли въ глубокомъ молчаніи. До ихъ ушей долетало тихое пѣніе въ соборѣ

— Прислушайся!—вдругъ заговорила Хуанита.—Онъ вѣдь

какъ въ полуснѣ и сами не понимаютъ, что поютъ. Онѣ потихоньку щиплютъ другъ друга, чтобы не заснуть. Нѣтъ, я не хочу быть монахиней. Это рѣшено. Марко, я скорѣе согласна выйти за тебя замужъ, если ужъ это необходимо.

— Необходимо.

— Но они могутъ захватить всѣ мои деньги!

— Нѣтъ, они уже пробовали это сдѣлать. Въ наши времена имъ это уже не удастся. Единственная возможность для нихъ завладѣть деньгами, если ты откажешься отъ своей воли, станешь монахиней и завѣщаешь свое состояніе ордену.

— Да, я это знаю,—сказала Хуанита.

Ея настроеніе продолжало подниматься. Веселость опять вернулась къ ней.

— Хорошо, я выйду за тебя замужъ, если безъ этого нельзя, но...

— Но?

— Это, конечно, будетъ лишь для виду, не правда ли?

— Конечно, для виду.

— Ты общаешься?

— Общаю.

Они сидѣли на ступеняхъ древней часовни. Хуанита вскочила и стала смотрѣть черезъ рѣшетчатые окна, какъ бы желая узнать, во имя какого святого воздвигнута эта часовня.

— Ахъ, это часовня св. Вареоломея!—воскликнула она весело.—Хорошо, и онъ пригодится. Итакъ, ты далъ мнѣ обѣщаніе. Помни это. Насъ слышалъ св. Вареоломей. Ты женишься на мнѣ только для того, чтобы спасти меня отъ монашества. Мы будемъ ловить рыбу, карабкаться по горамъ, какъ бывало прежде, и дурачиться, какъ мы всегда дурачились по праздникамъ.

— Да, да.

Она ударила съ нимъ по рукамъ, какъ это дѣлаютъ крестьяне въ Торре-Гардѣ, когда хотятъ закрѣпить свою сдѣлку.

— Въ концѣ этого коридора находится окно твоей комнаты,—сказалъ Марко.—Оно выходитъ на маленькій дворикъ и совсѣмъ не высоко отъ земли. Приходи завтра къ этому окну въ десять часовъ вечера. Я буду тамъ.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, чтобы вступить въ бракъ,—отвѣчалъ Марко. Мой отецъ и я устроимъ все. Мы будемъ тамъ оба. Если ты не придешь завтра вечеромъ, я явлюсь на слѣдующій день. Черезъ полчаса ты будешь обратно въ своей комнатѣ.

— Уже замужней?

— Да.

Онъ поднялся и сталъ передъ ней.

— А теперь иди скорѣе въ соборъ.

— А молитвенникъ сестры Терезы?

— Онъ у нея въ карманѣ.

XV.

Церковь Богородицы въ Тѣни.

На другой день вечеромъ небо было покрыто густыми облаками. Одно изъ нихъ набросило густую тѣнь на Пампелуну въ то самое время, когда Марко занялъ свой постъ въ маленькомъ проходѣ между улицей Dormitaleria и ближайшимъ домомъ. Окно въ концѣ коридора, гдѣ жили Хуанита, сестра Тереза и нѣкоторыя наиболѣе любимыя ученицы школы, находилось не выше шести футовъ надъ землею.

Марко расположился какъ разъ подъ окномъ и, вытянувъ руки, попробовалъ крѣпость оконной рѣшетки. Хуанита, глядя въ окно, могла замѣтить его руки и такимъ образомъ убѣдиться, что онъ уже здѣсь. Часы на городской башнѣ пробили десять. Не успѣлъ замолкнуть послѣдній ударъ, какъ начали кричать ночные сторожа. Городъ уже спалъ.

Было очень холодно. Марко отнималъ отъ окна то одну руку, то другую и дулъ на нихъ. Для Хуаниты онъ принесъ съ собой пальто.

Пробило четверть одиннадцатаго, а онъ все еще ждалъ. Вдругъ кто-то въ окнѣ притронулся къ его холоднымъ пальцамъ. То была Хуанита. Она сбросила внизъ пальто и влѣзла на подоконникъ.

— Марко,—прошептала она, стоя въ открытомъ окнѣ.

Онъ всунулъ свое плечо между двумя брусьями рѣшетки, прикрѣпленными другъ къ другу подъ прямымъ угломъ. Потомъ онъ схватился за нихъ руками и крѣпко нажалъ на рѣшетку. Брусья заскрипѣли въ своихъ гнѣздахъ: имъ было больше ста лѣтъ. Къ тому же ржавчина давно сломила ихъ крѣпость.

— Вотъ,—сказалъ Марко.—Теперь можно пролѣзть.

Хуанита смѣялась и въ то же время дрожала отъ страха.

— Слушай,—шептала она, пролѣзая черезъ рѣшетку.—Дверь сестры Терезы открыта. Слышно даже, какъ она храпитъ.

— Скорѣй, скорѣй,—торопилъ Марко, соскакивая съ окна.

Хуанита вдругъ бросилась внизъ. На одно мгновеніе ея густые, развѣвавшіеся волосы совсѣмъ ослѣпили его, но черезъ секунду онъ уже поставилъ ее на ноги.

— Скорѣй,—повторялъ онъ, запыхавшись.

Онъ набросилъ на нее пальто и нахлобучилъ поглубже капюшонъ. Потомъ онъ взялъ ее за руку, и они бросились бѣжать по узкому переулку, выходившему на улицу Dormitaleria. На углу къ нимъ присоединился поджидавшій хозяина Перро и поскакалъ рядомъ съ ними.

— Что это за пальто?—спросила Хуанита. Отъ—него пахнетъ табакомъ.

— Это мое старое солдатское пальто.

— И это мое свадебное одѣяніе!—замѣтила Хуанита, заливаясь смѣхомъ.—А Перро нашъ шаферъ.

Они кѣ утѣ повернули налѣво и черезъ минуту очутились на безлюдныхъ укрѣпленіяхъ, на которыя падала тѣнь отъ епископскаго дворца. Подъ ними было совершенно темно. Направо смутно бѣлѣла рѣка, шумѣвшая подъ мостомъ, словно море. Вдали на равнинѣ поднимались Пиренеи, казавшіеся при лунномъ свѣтѣ бѣлой стѣной. Подъ ними тянулись укрѣпленія, бастіонъ за бастіономъ, полуразрушенныя, съ выбоинами въ валахъ.

— Въ этомъ углу масса снѣгу,—прошепталъ Марко.—Сѣверный вѣтеръ забилъ имъ всѣ укрѣпленія. Я спущу тебя черезъ стѣну прямо на него, а затѣмъ прыгну самъ. Ты вѣдь умѣешь держаться за руку?

— Да, да,—быстро отвѣчала она.

Въ ея жилахъ текла хорошая кровь, и теперь передъ лицомъ опасности она заговорила и забурлила.

— Я прыгну, какъ мы это дѣлали въ горахъ. Моей рукой я буду держаться за кисть твоей, пальцы въ пальцы.

Они стояли на самомъ краю стѣны. Хуанита, ставъ на колѣни, взглянула внизъ, потомъ, обернувшись, она схватила его сильную руку. Затѣмъ безъ всякихъ колебаній, держась за руку, она скользнула внизъ и повисла надъ клубившимся внизу мракомъ. Спуская ее, Марко сначала согнулся, потомъ сталъ на колѣни, наконецъ легъ на стѣну, плотно прижавшись лицомъ къ полу.

— Впередъ!—крикнулъ онъ и выпустилъ ее изъ рукъ.

Хуанита мягко упала на кучу набившагося снѣга.

Черезъ секунду Марко былъ уже около нея.

— Мой отецъ ждетъ насъ на мосту,—сказалъ онъ.

Они выбрались на узенькую тропинку, извивавшуюся по берегу рѣки вдоль стѣны.

— Тамъ ждетъ насъ карета и священникъ.

Хуанита вдругъ остановилась.

— Зачѣмъ я только пошла!—воскликнула она.

— Ты можешь еще вернуться обратно,—медленно произнесъ Марко.—Еще не поздно. Можно вернуться, если хочешь.

Но Хуанита только разсмѣялась.

— И потомъ всю жизнь помнить, что я трусиха! Нѣтъ, благодарю покорно. Изъ трусихъ-то и дѣлаютъ монахинь. Нѣтъ, я хочу довести дѣло до конца. Идемъ. Идемъ и будемъ вѣнчаться.

И, заливаясь смѣхомъ, она кинулась впередъ.

Когда они вышли на улицу, луна сіяла уже полнымъ блескомъ. Тутъ они въ первый разъ могли хорошенько разсмотрѣть другъ друга.

— Что съ тобой?—вдругъ спросила Хуанита.—Ты блѣденъ, какъ смерть. Я не понимаю, въ чемъ дѣло.

— Ничего, ничего, — отвѣчала Марко.—Нужно торопаться, скорѣе.

— Вѣдь это не доставляетъ тебѣ особыхъ неприятностей, не правда ли?—спросила она, пристально вглядываясь въ него.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.

Въ первый разъ онъ сознательно сказалъ ей неправду. На самомъ дѣлѣ, вся эта затѣя падала на него страшной тяжестью. Но она была слишкомъ молода и не могла еще понять этого.

Около самаго стариннаго римскаго моста, на большой дорогѣ ихъ ждала карета. Саррионъ вышелъ впередъ, чтобы встрѣтить бѣглецовъ. Хуанита бросилась къ нему, поцѣловала его и крѣпко схватила за руку.

— Я такъ рада видѣть тебя,—сказала она.—Я теперь чувствую себя въ безопасности. Ты знаешь, изъ меня чуть не сдѣлали монахиню. О, эта ужасная сестра Тереза! Впрочемъ, извини меня: я и забыла, что это твоя сестра.

— Ну, какая же она мнѣ сестра,—отвѣчалъ Саррионъ.—Кто принялъ монашество, у того уже не можетъ быть родственныхъ чувствъ.

— Нельзя порицать ее за это. Вѣдь вы не знаете, почему она стала монахиней.

— Совершенно вѣрно, не знаю,—недовольно отвѣчалъ Саррионъ.

Они быстро направились къ каретѣ. Человѣкъ, ждавшій ихъ около открытой двери, снялъ шляпу. Свѣтъ луны падалъ прямо на его гладко выбритое лицо съ высокимъ лбомъ.

— Это мой старинный школьный пріятель,—сказалъ Саррионъ.—Онъ—епископъ,—шепотомъ прибавилъ онъ.

Хуанита быстро опустилась на колѣни. Епископъ, улыбаясь, положилъ ей руки на голову. Онъ казался лѣтъ на двадцать моложе Сарриона. Съ серьезной учтивостью онъ помогъ Хуанитѣ сѣсть въ карету.

— Это ваша собственная карета?—спросила Хуанита, когда всѣ усѣлись.

— Да, изъ Торре-Гарды, а на козлахъ сидитъ Пьетро. Какъ видишь, ты находишься среди друзей,—отвѣчалъ Саррионъ.

— И Перро бѣжитъ рядомъ!—воскликнула Хуанита и высунулась изъ окна, чтобы подбодрить Перро.

Ея мантилья, развѣваясь по вѣтру, била по лицу епископа, но тотъ терпѣливо выносилъ это испытаніе.

— Здѣсь есть и грѣлки съ горячей водой для ногъ! Вотъ славно! А то мои ноги совершенно промокли въ снѣгу. Дядя Рамонъ, ты съ Марко подумали обо всемъ. Это очень любезно, я такъ вамъ благодарна...

И она повернулась къ епископу, какъ бы желая показать, что эта благодарность относится и къ нему и что она не могла выразить ее прямо, такъ какъ не знаетъ его имени.

— Одинъ моментъ, на валахъ, я раскаивалась, что пошла,—довѣрчиво рассказывала Хуанита.—Но теперь не раскаиваюсь. Все будетъ хорошо для меня. Все это для меня только шутка. Но для васъ это другое дѣло: такая холодная ночь! Я не понимаю, почему всѣ такъ хлопочутъ обо мнѣ.

— О васъ хлопочетъ половина Испаніи, другъ мой,—отвѣчалъ епископъ.

— Изъ-за моихъ денегъ. Это другое дѣло. Но дядя Рамонъ и Марко—единственные люди, которые хлопочутъ только изъ-за меня самой. Понимаете?

— Понимаю,—скромно отвѣчалъ епископъ.

Марко молча сидѣлъ въ углу кареты. Хуанита пользовалась привилегіей своего пола и говорила безъ перерыва. Но когда карета остановилась возлѣ какихъ-то деревьевъ, смолкла и она.

Всѣ вышли изъ экипажа. Луна ярко озаряла окрестность. Хуанита поправила свою мантилью и надвинула поглубже капюшонъ шинели. Этимъ и закончилось всѣ приготовленія къ свадьбѣ.

— Здѣсь нѣтъ ни церкви, ни жилья,—сказала она Марко.—Гдѣ мы?

— Церковь находится немного выше. Ея не видно въ темнотѣ,—отвѣчалъ онъ и повелъ впередъ свою невѣсту.

На небольшомъ плато стояла крошечная церковь съ окнами на безконечную равнину, тянувшуюся къ югу. Впереди нея росли на неравномъ разстояніи другъ отъ друга двѣнадцать сосенъ. Тѣнь отъ каждаго дерева падала послѣдовательно каждый часъ на опредѣленный камень, укрѣпленный передъ церковной дверью. Эти солнечные часы были устроены какимъ-то благочестивымъ человѣкомъ, давнымъ-давно уже умершимъ.

Дверь въ церковь была открыта, и священникъ въ полномъ облаченіи уже ждалъ ихъ пріѣзда. Хуанита узнала въ немъ загорѣлаго священника изъ Торре-Гарды. Онъ едва успѣлъ поздороваться съ Хуанитой: надо было встрѣчать слѣдовавшаго сзади епископа.

— Я зажечь только одну свѣчу,—сказалъ онъ Марко.—Если бъ устроить освѣщеніе, то его могли бы замѣтить изъ Пампелуны.

Епископъ вмѣстѣ со старикомъ-священникомъ направился въ ризницу, гдѣ мерцала небольшая свѣча. Слышно было, какъ они разговаривали между собою шопотомъ. Сарріонъ, Марко и Хуанита стояли около дверей. Лунный свѣтъ пробивался сквозь окна и тихо озарялъ внутренность церкви.

Вдругъ Хуанита вздрогнула и схватила Марко за руку.

— Посмотри,—сказала она, указывая направо.

Тамъ въ темномъ углу стояла какая-то колѣнопреклоненная фигура. Сквозь темноту можно было замѣтить, что на плечахъ у нея что-то поблескиваетъ.

— Это мой другъ, офицеръ мѣстнаго гарнизона,—успокойте ее Марко.—Должны быть два свидѣтеля.

— Но онъ погруженъ въ молитву!

— Это бываетъ съ нимъ не часто. Онъ командуетъ постомъ въ долину рѣки Волка.

Видя, что на него смотрять, офицеръ поднялся съ колѣнъ и подошелъ къ нимъ, звеня шпорами и огромнымъ палахомъ. Онъ вѣжливо поклонился Хуанитѣ, сталъ около Марко и замеръ.

Старый священникъ вышелъ изъ ризницы и зажегъ передъ алтаремъ двѣ свѣчи. Затѣмъ онъ повернулся и сдѣлалъ знакъ Хуанитѣ и Марко, приглашавшій ихъ подойти къ рѣшеткѣ алтаря. Здѣсь уже стояли два стула. Потомъ священникъ опять ушелъ въ ризницу и вернулся оттуда въ сопровожденіи епископа въ полномъ облаченіи.

Хуанита и Марко были обвинены. Епископъ совершилъ весь обрядъ на память: читать онъ не могъ. То былъ епископъ-политикъ, прекрасно знавшій свое дѣло. Онъ расписался съ громаднымъ росчеркомъ въ вѣнчальной книгѣ и на удостовѣреніи о совершеніи брака и съ поклономъ подалъ его Хуанитѣ.

— На что мнѣ это?—спросила она.

— Передайте это Марко.

Марко молча положилъ бумагу въ карманъ. Пока епископъ разоблачался въ ризницѣ, новобрачные вышли изъ церкви и остановились на небольшой террасѣ, залитой луннымъ свѣтомъ.

— Что это за огни?—заговорила Хуанита.

— Это Пампелуна.

— А тамъ на горахъ?—продолжала она, указывая на сѣверъ.

— Это сторожевые огни карлистовъ, сеньорита,—вдругъ промолвилъ офицеръ.

Никто, повидимому, не замѣтилъ его обмолвки, и только старый графъ строго посмотрѣлъ на говорившаго, какъ бы давая ему понять, что названіе «сеньорита» теперь уже неумѣстно.

Вскорѣ епископъ былъ уже около нихъ, и вся компанія двинулась внизъ по извилистой тропинкѣ. Епископъ и Саррионъ должны были ѣхать съ ночнымъ поѣздомъ въ Сарагосу, а Марко съ женой направились обратно въ городъ.

Они благополучно добрались до улицы Dormitaleria и направились прямо въ знакомый уже переулочекъ.

— До завтра,—сказала Хуанита.—Все происшедшее мнѣ кажется сномъ.

— Мнѣ тоже,—серьезно отвѣчалъ Марко.

Онъ посадилъ ее въ окно. Хуанита сняла обручальное кольцо и передала его Марко.

— Мнѣ оно теперь не нужно,—сказала она.—Я не могу поспѣть его въ школъ.

Вдругъ она размѣялась и подняла палецъ.

— Послушай, какъ сестра Тереза продолжаетъ храпѣть.

Между тѣмъ Марко успѣлъ вставить брусья рѣшетки на прежнее мѣсто.

— Кстати,—спросила Хуанита:—какъ называется церковка, гдѣ мы вѣнчались?

Марко отвѣтилъ не сразу.

— Она называется церковью Богородицы въ Тѣни.

XVI.

Матрасникъ.

Путешественники по Испаніи почти не замѣчаютъ, что ни одна страна въ мірѣ не придаетъ такого значенія предмету, на которомъ проходитъ почти треть человѣческой жизни, именно кровати. Въ любомъ городѣ во Франціи, Германіи, Голландіи нуждающемуся въ услугахъ матрасника не будетъ большого труда разыскать его. Его легко найти гдѣ-нибудь на площади или подъ арками возлѣ мэріи, гдѣ онъ пристраивается съ своей мастерской на открытомъ воздухѣ. Исправляя и передѣлывая разные матрасы, онъ обыкновенно живетъ припѣваючи. Около него почти всегда толкуются хорошія хозяйки: онѣ вяжутъ свои безконечныя рукодѣлья и въ то же время наблюдаютъ, чтобы онъ клалъ обратно въ тюфякъ всю шерсть, которую онъ изъ нея вынулъ. Въ этой отсталой странѣ тюфякъ обязательно передѣлывается по крайней мѣрѣ разъ въ годъ и матрасникъ здѣсь—такая же необходимая вещь въ домашнемъ хозяйствѣ, какъ метла или щетка на сѣверѣ.

Нѣтъ такого королевскаго дворца, куда бы не приглашали его; нѣтъ такой скромной хижины, которая не пользовалась бы его услугами.

Матрасникъ—единственный мужчина, имѣющій доступъ въ женскіе монастыри. Вотъ почему матрасникъ играетъ иногда важную роль. Это обыкновенно худой, вертлявый человѣкъ, похожій на тѣхъ, изъ которыхъ на сѣверѣ вербуются бандериллеросы, неизбѣжные при боѣ быковъ. Онъ является на работу рано утромъ и приноситъ съ собой кривой ножъ за поясомъ, папиросы въ карманѣ и двѣ легкія палочки подъ мышкой. Все, что ему нужно,—дворъ и нѣкоторая доза солнечнаго свѣта.

Онъ очень ловко въ одну минуту распарываетъ швы матраца и вынимаетъ оттуда шерсть, до которой онъ никогда не дотрагивается голыми руками. Одна изъ палочекъ, подлиннѣе, которую онъ держитъ въ правой рукѣ, быстро описываетъ въ воздухѣ большіе круги и со свистомъ опускается на шерсть, унося потомъ съ собой цѣлую щепотку. Потомъ приходитъ въ дѣйствіе другая палочка, покороче; она снимаетъ шерсть съ другой, подбрасываетъ

ее въ воздухъ и бьетъ и треплетъ ее со всѣхъ сторонъ, пока изъ нея не вылетитъ вся пыль. А въ это время палочки, ударяясь другъ о друга, выбиваютъ отчетливый мотивъ, передаваемый у матрасниковъ отъ отца къ сыну.

Производится вся эта операція очень ловко. Приятно смотрѣть на быстроту движеній матрасника: онъ вполне владѣетъ своими палочками и можетъ подбросить ими какъ одну ворсинку, такъ и цѣлый тюфякъ. Когда шерсть уже не останется въ чехлѣ тюфяка, матрасникъ усаживается отдохнуть гдѣ-нибудь въ тѣни дерева и закуриваетъ папиросу. Вотъ тутъ-то и можно поболтать съ нимъ.

Въ южныхъ странахъ такой рабочей всегда найдеть себѣ слушателей, и дѣти обыкновенно приходятъ въ восторгъ, когда онъ появляется на дворѣ. Въ монастырской школѣ общины правобѣрныхъ сестеръ къ его услугамъ прибѣгали аккуратно черезъ каждыя двѣ недѣли, но, несмотря на эту частоту, его появленіе каждый разъ вызывало общее возбужденіе.

Матрасникъ былъ единственнымъ мужчиной, проникавшимъ въ школу. Отецъ Муро не считался за мужчину. И въ самомъ дѣлѣ это духовное лицо во многихъ случаяхъ проявляло качества, свойственныя исключительно женщинамъ.

Пампелунскій матрасникъ былъ худой человекъ съ большимъ кадыкомъ, съ острыми черными глазами, отъ которыхъ ничто не укрывалось, несмотря на пыль, среди которой ему приходилось работать.

На него смотрѣли, какъ на своего, и считали его настолько безвреднымъ, что ему разрѣшалось ходить по всему дому и по саду съ высокими стѣнами. Монахини всегда остерегаются мужчинъ вообще, но питаютъ полное довѣріе къ тѣмъ отдѣльнымъ мужчинамъ, съ которыми имъ приходится имѣть дѣло.

Воспитанницамъ школы разрѣшалось смотрѣть, какъ работаетъ солсонего, особенно старшаго возраста, въ родѣ Хуаниты де-Модженте или ея подруги Милагросъ съ золотисто-красными волосами.

Однажды Хуанита такъ пристально смотрѣла на матрасника, что его черные глаза съ каждымъ взмахомъ палочекъ невольно поворачивались въ ея сторону. Другимъ дѣвушкамъ это зрѣлище скоро наскучило, и онѣ ушли въ другую часть сада, гдѣ солнышко грѣло спльѣе и гдѣ цвѣли уже фіалки. Но Хуанита осталась.

Она не знала, что и этотъ матрасникъ былъ однимъ изъ друзей Марко.

Вдругъ палочки перестали выбивать дробь съ такою силою. Стало тихо, и Хуанита могла говорить свободно.

— Нстмге,—спросила она:—знаешь ли ты Марко де-Сарріона?

— Я знаю церковь Богородицы въ Тѣни,—отвѣтилъ онъ сквозь окружающую ее пыль.

— Можетъ, ты передашь ему письмо?

«истор. вѣстн.», мартъ 1916 г., т. схлщ.

— Сложите его поаккуратнѣе и бросьте на шерсть,—промовилъ матросникъ и вдругъ забарабанилъ съ прежней силой.

Хуанита стала рыться съ карманѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—быстро сказала матрасникъ:—я—кабалеро и не могу взять денегъ отъ дамы.

Хуанита направилась въ глубину саду. Уходя, она незамѣтно уронила на кучу шерсти небольшую сложенную вчетверо бумажку. Палочки задвигались еще сильнѣе, шерсть полетѣла цѣлыми клоками и быстро закрыла оброненное посланіе. Этого не замѣтилъ ни одинъ пристальный взглядъ, наблюдавшій за воспитанницами изъ-за рѣшетчатого окна.

Доставивъ Хуаниту обратно въ монастырскую школу, Марко съ отцомъ вернулись въ Сарагоссу. Они пользовались здѣсь извѣстнымъ вліяніемъ, и въ Сарагоссѣ твердо поддерживались законность и порядокъ, не то, что въ Барселонѣ, которая всегда была республикой и всегда обнаруживала склонность къ волненіямъ и беспорядкамъ. Третій сосѣдній городъ, Пампелуна, продолжала оставаться клерикальной и вела себя двусмысленно. Здѣсь Сарріоновъ встрѣчали не очень привѣтливо.

Вся Испанія какъ бы замерла въ ожиданіи. Убіенство Прима потрясло всю страну. Король уже успѣлъ нажить себѣ враговъ. Энтузіазмъ его давно пропалъ. Его новые подданные, съ своей стороны, предпочитали бы, чтобы онъ лучше сдѣлалъ нѣсколько ошибокъ, чѣмъ оставался въ ожиданіи чего-то.

Въ Испаніи уже поднимались разговоры о демократіи и республикѣ, и новый король едва сидѣлъ на тронѣ.

— Намъ остается только поддерживать порядокъ въ нашемъ маленькомъ уголкѣ,—говорилъ Сарріонъ.

Поэтому онъ оставался въ Сарагоссѣ и широко растворялъ для всѣхъ двери своего обширнаго дворца. А въ это время Марко безпрестанно носился то въ Наварру, то опять вверхъ по долинкѣ рѣки Волка до самой Торре-Гарды.

Никто не зналъ, гдѣ въ это время былъ Эвазіо Монъ. Парижъ палъ. Появилась коммуна. Франція была ввержена въ бездну униженія, и карлистскіе коноводы безъ всякой помѣхи плели свои заговоры въ Байонѣ.

— Пока Мона нѣтъ, безпокоиться за Хуаниту нечего,—говорилъ Марко.—А вернуться въ Сарагоссу безъ того, чтобы я не узналъ объ этомъ, онъ не можетъ.

Однажды вечеромъ къ дому Сарріона подкатилъ съ папиросой въ зубахъ обычный почтарь съ сѣвера, важно возсѣдавшій на козлахъ своего двухколеснаго экипажа, высокаго, словно домъ и длиннаго, словно паровозъ. Въ Испаніи почтальоны никогда не передаютъ ни писемъ, ни посылокъ прислугѣ, а только лично адресату. Благодаря этому средневѣковому пережитку, самый скромный

человѣкъ можетъ видѣть самую великую персону страны въ любое время дня.

Саррионъ и Марко только что кончили обѣдъ и еще сидѣли въ обширной столовой, стѣны которой были обвѣшаны старинными портретами испанской школы и оружіемъ.

Почтарь вошелъ, нисколько не смущаясь. Время было военное, а война есть великій уравниватель всякихъ социальныхъ шкалъ. Онъ сдалъ свою посылку и сказалъ:

— Вы хотѣли знать о синьорѣ Монѣ. Онъ пріѣхалъ въ Пампелуну два дня тому назадъ.

Почтарь отказался отъ предложеннаго обѣда и только выпилъ стаканъ вина, махнувъ по воздуху рукою въ знакъ того, что онъ пьетъ за здоровье хозяевъ.

— Эвазіо Монъ теперь не оставитъ насъ въ покоѣ,—сказалъ Саррионъ, когда почтальонъ вышелъ.

Едва успѣлъ онъ промолвить эти слова, какъ слуга ввелъ новаго посетителя, также только что прибывшаго съ дороги и привезшаго небольшой запачканный клочокъ бумаги. Онъ ничего не могъ сказать объ этомъ письмѣ, молча поклонился и вышелъ. Это былъ уже человѣкъ новѣйшей формации—желѣзнодорожный служащій, а потому и манеры его были лучше.

На письмѣ адреса не было. На конвертѣ красовалась большая сургучная печать, припечатанная пальцемъ, этой печаткой, данной человѣку самой природой и не допускающей никакой поддѣлки.

Марко разорвалъ конвертъ и вынулъ оттуда тонкій листокъ, на которомъ еще держалось нѣсколько ворсинокъ шерсти.

«Мы ѣдемъ обратно въ Сарагоссу,—писала Хуанита.—Я заявила, что не хочу быть монахиней, но они утверждаютъ, что теперь слишкомъ поздно и что я уже не могу брать назадъ свое рѣшеніе. Вѣрно ли это?»

Марко молча передалъ письмо отцу.

— Я бы хотѣлъ, чтобы все это происходило въ Барселонѣ,—промолвилъ онъ, блеснувъ глазами.

— Почему?

— Потому, что тогда мы могли бы вытащить за уши всю эту школу и взять Хуаниту.

Саррионъ только улыбнулся.

— А, можетъ быть, насъ тайно подстрѣлили бы изъ ближайшаго окна при первой попыткѣ къ этому,—замѣтилъ онъ.—Нѣтъ, нужно сражаться гораздо болѣе тонкимъ оружіемъ, чѣмъ это. Монъ, очевидно, получилъ разрѣшеніе изъ Рима, но оно опоздало на нѣсколько часовъ.

Онъ протянулъ обратно письмо. Въ большой, слабо освѣщенной комнатѣ водворилось молчаніе. Успѣхъ въ жизни часто зависитъ отъ нашей способности проникнуть въ душу другого человѣка

и разобрать, что тамъ дѣлается. Угадывать, конечно, могутъ многіе, но немногимъ дано угадать правильно.

— Она не поставила числа на письмѣ,—проломилъ наконецъ старый графъ.

— Нѣтъ. Но я знаю, что оно было написано во вторникъ. Именно въ этотъ день солсонега бываетъ въ школѣ.

Онъ снялъ съ письма клочокъ шерсти и передалъ его отцу.

— Какъ разъ въ этотъ день Монъ и возвратился въ Пампелуну. Онъ начнетъ теперь дѣйствовать быстро. Быстрота дѣйствій и выдвигаетъ его среди другихъ. Быстрота и неутомимость.

Съ этими словами Саррионъ взглянулъ прямо въ лицо сыну: тотъ тоже отличался быстротой дѣйствій, но не любилъ хлопотать изъ послѣднихъ силъ, какъ бы приберегая ихъ на случай крайней надобности.

— Нечего меня подстрекать,—сказалъ Марко, поднимаясь.— Я сейчасъ переодѣнусь и поѣду. Въ «Королевской гостиницѣ» теперь много прїѣзжихъ. Ночной дилижансъ долженъ уже прїйти. Если будутъ важныя новости, я разбужу тебя по возвращеніи.

Было очень темно, и вѣтеръ такъ и завывалъ по долинѣ рѣки Эбро. Весна была уже не за горами съ ея «solano» и голубымъ небомъ. Луны не было. Но Марко отличался хорошимъ зрѣніемъ.

На Пазео-дель-Эбро носились цѣлыя облака пыли. Передъ «Королевской гостиницей», гдѣ останавливались экипажи, она лежала толстымъ слоемъ, вершка, по крайней мѣрѣ, въ четыре. Здѣсь стояли экипажи съ тусклыми, старомодными экипажами, и длинные ряды муловъ терпѣливо ждали, пока съ нихъ снимутъ ихъ тяжелые хомута.

Первый же человѣкъ, который попался ему навстрѣчу, сообщилъ ему, что Эвазіо Монъ прїѣхалъ въ Сарагоссу, должно быть, вечеромъ, ибо онъ ѣхалъ верхомъ и обогналъ дорогою тяжелый дилижансъ. Другой сообщилъ ему слухъ, будто карлисты прорвали уже линію между Пампелуной и Кастехономъ.

— Пойдите на станцію,—прибавилъ онъ.— Тамъ вамъ все расскажутъ. Вѣдь вы человѣкъ богатый. А вотъ мнѣ ничего не скажутъ.

На станціи Марко узналъ, что слухъ оказался вѣрнымъ. Телеграфистъ далъ ему понять, что карлисты отѣснили правительственную войска отъ входа въ долину Волка, которая теперь совершенно отрѣзана.

«Онъ, очевидно, воображаетъ, что я еще въ Торре-Гардѣ», думалъ Марко, борясь на возвратномъ пути съ валившимъ съ ногъ вѣтромъ.

Ему, видимо, везло. Какъ разъ около него какой-то извозчикъ остановилъ своихъ измученныхъ лошадей и спросилъ, не онъ ли графъ Марко Саррионъ. Оказалось, что какъ разъ этотъ кучеръ

возилъ Хуаниту въ Сарагосу, но не съ сестрой Терезой, а съ самой настоятельницей и двумя другими воспитанницами. Его отпустили на площади Конституціи, гдѣ настоятельница наняла другой экипажъ. Куда сказано было ѣхать, — онъ не слыхалъ.

Марко вернулся домой на разсвѣтѣ. Ему не удалось найти второго извозчика, отвозившаго Хуаниту, и такимъ образомъ, открыть ея мѣстопребываніе. Зато онъ узналъ, что со станціи Пампелуна былъ заказанъ по телеграфу извозчикъ, которому было приказано выѣхать навстрѣчу въ четыре часа утра въ Алагонъ. Узналъ онъ также и о томъ, что телеграфное сообщеніе между Пампелуной и Сарагосой прервано.

Карлисты не дремали.

XVIII.

Въ гостиницѣ «Двухъ Деревьевъ».

На слѣдующій день рано утромъ отецъ и сынъ выѣхали верхомъ изъ города и направились къ Алагону по большой дорогѣ. Несмотря на то, что эта дорога служила главной артеріей Арагоніи, на ней всегда лежалъ густой слой пыли въ нѣсколько вершковъ.

Ѣхали они не спѣша. Экипажъ, который они предполагали встрѣтить, долженъ былъ выѣхать изъ Алагона, отстоящаго отсюда на четырнадцать миль, въ четыре часа. Дорога была одна, и разъѣхаться было немислимо.

Было уже семь часовъ утра, когда они остановились отдохнуть въ какой-то деревенской гостиницѣ. Сарріонъ слѣзъ съ лошади и пошелъ заказать себѣ кофе, а Марко оставался на своемъ высокомъ черномъ конѣ, зорко поглядывая на разстилавшуюся передъ нимъ дорогу. Долина рѣки Эбро въ этомъ мѣстѣ имѣетъ совершенно плоскій видъ. Лишь по обѣимъ сторонамъ ея поднимались обнаженные коричневыя скалы, словно какой-то гигантскій заборъ. Къ Сарагоссѣ тянулася цѣлая лента экипажей. Вглядѣвшись хорошенько, Марко сквозь пыль замѣтилъ вдали большую старомодную карету. Когда она стала подъѣзжать ближе, видно было, что она вся занесена пылью. Запряжена въ нее была пара тощихъ арагонскихъ лошадей, какихъ обыкновенно можно было нанять на любой дорогѣ.

Кучерь, повидимому, узналъ Марко и, улыбаясь, притронулся рукою къ шляпѣ. Потомъ онъ круто повернулъ къ гостиницѣ, гдѣ, очевидно, назначена была передышка передъ тѣмъ, какъ одолѣть послѣднюю часть пути.

Передъ глазами Марко въ каретѣ мелькнулъ бѣлый чепецъ. Пригнувшись къ лошади, онъ увидалъ сестру Терезу, которая смотрѣла на гостиницу въ противоположное окно кареты и не за-

мѣтила его. Быстро объѣхавъ экипажъ, онъ соскочилъ съ сѣдла и отворилъ дверцу кареты. Но сестра Тереза не собиралась выходить. Она высунулась изъ кареты, хотѣла что-то сказать и вдругъ узнала племянника.

— Какъ, это ты!—воскликнула она.

Ея лицо вдругъ вспыхнуло. Она была въ монашествѣ уже много лѣтъ, но до сихъ поръ не могла отрѣшиться отъ земныхъ чувствъ, чтобы всецѣло сосредоточиться на небѣ.

— Да, это я.

— Какъ ты узналъ, что я буду здѣсь проѣзжать?

— Угадалъ!—отвѣчалъ Марко, придерживая языкъ за зубами.— Ты, вѣроятно, не откажешься выпить кофе. Мы уже заказали его. Выходи и обогрѣйся, пока лошади будутъ отдыхать.

И онъ повелъ ее къ гостиницѣ.

— Что ты говоришь?—спросилъ онъ, обернувшись на порогѣ.

Ему показалось, что она что-то шепчетъ про себя.

— Я говорю: слава Богу!

— Почему?

— Я говорю: слава Богу, что у тебя такой умъ и такое мужественное сердце.

Когда они вошли въ комнату, Саррионъ, ловкій и юношески стройный въ своемъ дорожномъ костюмѣ, разводилъ огонь. Увидѣвъ сестру, онъ быстро пошелъ ей навстрѣчу. Сестра Тереза молча поцѣловала его. Въ ихъ отношеніяхъ было всегда что-то недоговоренное, что-то такое, что заставляло ихъ молчать.

— Кофе на столѣ,—сказалъ Марко.— Намъ нельзя терять время.

— Марко хочетъ сказать,—значительно произнесъ Саррионъ:— что намъ нельзя откладывать дѣло въ долгій ящикъ.

— Онъ правъ,—отвѣчала монахиня.

— Въ такомъ случаѣ поговоримъ откровенно,—продолжалъ Саррионъ.—Конечно, мы не должны упускать изъ виду ни твоихъ обѣтовъ, ни твоего положенія,—прибавилъ онъ, пожимая плечами.— Мы не поссоримъ тебя съ твоимъ духовникомъ. Да и Хуаниту тоже.

— О Хуанитѣ думать нечего. Духовника выбрала ей я сама.

— Гдѣ она?—спросилъ Марко.

— Здѣсь, въ Сарагоссѣ.

— Зачѣмъ?

— Не знаю. Я уже двѣ недѣли не видѣла ея. Я только случайно узнала вчера вечеромъ, что ее привезли въ Сарагосу вмѣстѣ съ другими воспитанницами, которыя прошли шестимѣсячное испытаніе и должны сдѣлаться послушницами.

— Но вѣдь Хуанита къ этому не готовилась?

— За нее могутъ сказать что угодно.

— Но вѣдь никто не имѣетъ права этого дѣлать,—шутя сказалъ Сарріонъ.—Да если бъ она и стала послушницей, она всегда можетъ отказаться отъ постриженія.

— Есть такіе ордена,—отвѣчала сестра Тереза, медленно помѣшывая кофе,—которые гордятся тѣмъ, что никогда не выпускаютъ отъ себя послушницъ.

— Извини меня за настойчивость,—продолжалъ Сарріонъ.—Я знаю, что ты предпочитаешь лучше говорить вообще, чѣмъ о комъ-нибудь въ частности. Скажи, пожалуйста, развѣ Хуанита дѣйствительно имѣетъ желаніе принять монашество?

— Такъ же, какъ...—запнулась сестра Тереза.

— Вѣроятно, желаніе очень небольшое,—прервалъ Марко, выглядывая въ окно.

— ...И всѣ другія, которыя уже поступили такъ,—докончила сестра Тереза.

Сарріонъ размѣялся и вдругъ перемѣнилъ тему разговора, довольно щекотливаго для монахини и людей, которые всей Испаніи были извѣстны, какъ лидеры такъ называемой антиклерикальной партіи.

— Давно ты видѣла нашего друга, Эвазіо Мона?—спросилъ Сарріонъ.

— Только что. Онъ ѣдетъ за мной.

— За тобой? Я слышала, что онъ отправился изъ Пампелуны въ Сарагоссу вчера.

— Въ Алагонѣ мнѣ говорили, что онъ въ дорогѣ, у него сломалось колесо и онъ задержался въ Кастехонѣ.

— Ага, вотъ въ чемъ дѣло!—воскликнулъ Сарріонъ, поглядывая на Марко, карауливаго у окна.

— Тебѣ и самой пришлось, вѣроятно, спѣшить изъ Пампелуны. Я слышала, что желѣзнодорожное сообщеніе прервано карлистами.

— Поврежденія уже исправлены. Моя поѣздка была не изъ приятныхъ. Главное дѣло въ томъ, что я пріѣхала.

— А зачѣмъ ты пріѣхала?—вдругъ спросилъ Марко.

— Затѣмъ, чтобы предупредить, если можно, большую ошибку. Хуанита не побоялась угрозъ и отказалась наотрѣзъ.

— И что же?

— Теперь пустятъ въ ходъ болѣе хитрыя средства,—прошептала монахиня.

— Ты хочешь сказать—обманъ. Перетолкуютъ ея слова какъ-нибудь иначе. Ты намекаешь, на то, что ее завезли сюда обманомъ и обманомъ же заставляютъ принять постригъ. О, не качай головой! Вѣдь противъ церкви я ничего не говорю. Я самъ добрый католикъ. Но тутъ дѣло не въ церкви, а въ политикѣ. А въ политикѣ нужно бороться тѣмъ же самымъ оружіемъ, какое пускаютъ въ ходъ противникъ. Мы вѣдь только политики.—закончилъ Марко.

— Все?—спросила сестра Тереза, взглядывая на него своими глубокими глазами, въ которыхъ отражался сначала міръ, а потомъ ужъ небо.

Марко, не отвѣчая, отвернулся къ окну и опять сталъ глядѣть на дорогу.

— Тутъ дѣло все во взаимныхъ услугахъ,—весело вставилъ свое слово Сарріонъ.—Иногда церковь пользуется политикой, а иной разъ и политика прибѣгаетъ къ услугамъ церкви. И въ то же время онѣ при каждомъ удобномъ случаѣ дѣлають выпады другъ противъ друга. Мы не отдадимъ Хуаниту монахинямъ. Она, можетъ быть, и пригодилась бы для церкви, которая воображаетъ, что такъ будетъ лучше для ея счастья. Но мы на этотъ счетъ другого мнѣнія... Мы...

Онъ вдругъ оборвалъ свою рѣчь и, расхохотавшись, протянулъ руки, какъ бы прося о прощеніи: сестра Тереза давно уже подняла руки къ тому мѣсту, гдѣ у нея были уши, и крѣпко прижимала ими свой бѣлый чепецъ.

— Я ничего не слышу,—промолвила она.—Ровно ничего.

Видя, что братъ пересталъ говорить, она отняла наконецъ руки и стала молча пить кофе. Марко попрежнему стоялъ у окна, откуда ему на нѣсколько миль была видна дорога, тянувшаяся по равнинѣ.

— Что бы ты стала дѣлать по пріѣздѣ въ Сарагоссу, если бѣ не встрѣтилась съ нами?—спросилъ онъ тетку.

— Я отправилась бы въ домъ Сарріоновъ и сообщила бы тебѣ или отцу, что Хуанита теперь не подѣ моимъ надзоромъ и что я не знаю, гдѣ она.

— А потомъ?

— Потомъ я отправилась бы къ Торреро,—продолжала она:—куда сейчасъ и тронусь. Тамъ я узнаю, въ которомъ часу и въ какой церкви произойдетъ сегодня церемонія.

— Церемонія, въ которой Хуанита будетъ участвовать только въ качествѣ зрительницы?

Сестра Тереза кивнула головой.

— Это не можетъ случиться безъ тебя?

— Нѣтъ. Необходимо также, чтобы здѣсь былъ Эвазіо Монъ. Одна изъ будущихъ послушницъ—его племянница и, гдѣ возможно, родственники въ этихъ случаяхъ всегда должны быть налицо.

— Да, я знаю это,—замѣтилъ Марко. Онъ, очевидно, изучилъ этотъ вопросъ основательно.—Эвазіо Монъ задержался на дорогѣ, и это даетъ намъ время составить планъ дѣйствій.

Сестра Тереза вопросительно посмотрѣла на Марко, который не спускалъ глазъ съ дороги.

— Ты, пожалуйста, не безпокойся, Долоресъ,—весело сказалъ Сарріонъ.—Подобнаго рода дѣла улаживаются между политиками въ Испаніи довольно мирно.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ на-Д.

Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина — «Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками),

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина — «Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1916 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 2-й.

Богословіе.

ГРИГОРЬЕВЪ, А. Мурманскій иннокъ архимандритъ Ионафанъ. Ц. 1 р.
СОКОЛОВЪ, П., проф. Избраніе патріарховъ Александрійской церкви въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Историческій очеркъ. Цѣна 4 р.
— Патріархія и храмы въ Константинополѣ отъ второй половины XV вѣка до настоящаго времени. Ц. 1 р.
— Православный греческій Востокъ. Вып. 3-й. Ц. 1 р.
ТУБЕРОВСКІЙ, А. Воскресеніе Христово. Опытъ мистической идеологіи пасхальнаго догмата. Сергіевъ-Посадъ. 1916 г. Ц. 2 р. 75 к.

Философія, психологія, логика.

Б. К. Намеки и предчувствія. Афоризмы и мысли по разнымъ вопросамъ философіи. Ц. 2 р. 50 к.
ЛОДЫЖЕНСКІЙ, М. Враги христіанства. Ц. 35 к.
РИБО, Т. Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Изд. 4. Ц. 45 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

ЛЕБЕДЕВЪ, А. Дѣтская и народная литература. Вып. 2-й. Ц. 1 р.
НИКИТИНЪ, М. Идеи о Богѣ и судьбѣ въ поэзіи Лермонтова. Н.-Новгородъ 1915 г. Ц. 50 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АЙЗМАНЪ, Д. Вѣрность и другіе рассказы. Ц. 1 р. 25 к.
АМФИТЕАТРОВЪ, А. Товарищъ Оени. Романъ. Ц. 3 р.
БРУСЯНИНЪ, В. Темный лигъ. Романъ. Ц. 2 р.
БУРЕНИНЪ, В. Сочиненія. Томъ IV. Стрѣлы. Ц. 1 р. 50 к.
ГУСЕВЪ-ОРЕНБУРГСКІЙ, С. Сочиненія. Т. 4-й. Въ приходѣ. Ц. 1 р. 25 к.
ДАНИЛОВЪ, В. Стихи. Ц. 1 р. 50 к.
ЕСЕНИНЪ, С. Радунца. Ц. 70 к.
ИВАНОВЪ, Г. Верескъ. Вторая книга стиховъ. М. 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.
КАРАСКЕВИЧЪ, С. Кипарисный Царь и другіе рассказы. Ц. 1 р. 25 к.

- КОСАТКИНЪ-РОСТОВСКІЙ, Ф., кн. Съ поины». Листки походной тетради. Кн. 2-я. Ц. 1 р.
- КСЮНИНЪ, АЛ. Народъ на войнѣ. Изъ записокъ военного корреспондента. Ц. 2 р.
- ЛАВРОВЪ, Н. Темная облака. Рассказы. Ц. 1 р. 50 к.
- ЛАПНО-ДАНИЛЕВСКАЯ, Н. Мишура. Романъ. Ц. 2 р.
- ЛОЗИНСКІЙ, М. Горный ключъ. Стихи. М. 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.
- ЛОККЪ, У. Узурпаторъ. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
- МАНДЕЛЬШТАМЪ, О. камень. стихи. Ц. 1 р. 25 к.
- ОДИННАДЦАТЬ интермедій Хvii вѣка. Ц. 50 к.
- САНЖАРЬ, Н. Книга о человѣкѣ. I. М. 1916 г. Ц. 1 р.
- СИЛЬДЪ-СИЛЬДИНСКІЙ, Я. Въ душевномъ мракѣ. Рассказъ. Ц. 50 к.
- СТОЛИЦА, Л. Елена Дѣва. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
- ФРАНЦУЗСКІЕ рассказы съ фронта. Вып. 4. Генераль де-Кастально. Ц. 25 к.
- ЮШКЕВИЧЪ, С. Человѣкъ воздуха. Комедія въ 4 дѣйствіяхъ. Ц. 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

- АЛЕКСАНДРОВЪ, А. I. Памяти К. Н. Леонтьева. П. Письма К. Н. Леонтьева къ Анатолию Александрову. Сергіевъ-Посадъ. 1915 г. Ц. 1 р.
- БОРОЗДИНЪ, И. Московскій профессор-гуманистъ Николай Ильичъ Стороженко. М. 1916 г. Ц. 40 к.
- ДРУЖИНИНЪ, В. Нѣсколько автографовъ писателей-старообрядцевъ. Съ прил. фототипич. таблицъ. Ц. 5 р.
- ДУНАЕВЪ, Б. Пр. Максимъ Грекъ и греческая идея на Руси въ XVI вѣкѣ. М. 1916. Ц. 2 р. 50 к.
- КУРМОЯРОВЪ, И. Что писали о казакахъ въ войну 1914—1915 гг. Ц. 1 р.
- ЛЕБЕДЕВЪ, Е. Порховъ и его окрестности. Историческій очеркъ. Новгородъ. 1915 г. Ц. 1 р.
- РЕНАНЪ, Э. Исторія израильскаго народа. Ц. 7 р.
- РОМАНОВСКІЙ, В. Десятилетій вѣкъ. Популярно-научные очерки по политическимъ и культ. социал. исторіи зап.-евр. государствъ. М. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.
- «СТАРИНА И НОВИЗНА», историческій сборникъ, кн. 20-я. М. 1916 г. Ц. 2 р.
- СТЕПАНОВЪ, П. Исторія русской одежды. Богато-иллюстрированное роскошное изданіе. Подписная цѣна за все изданіе 24 выпуска 168 руб. Допускается разсрочка. Вышелъ первый выпускъ.
- СТОЛПЯНСКІЙ, П. Старый Петербургъ. Къ исторіи строительныхъ матеріаловъ. Ц. 1 р.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- АБРАМОВИЧЪ, К. Уставъ о гербовомъ сборѣ со всѣми разъясненіями въ алфавит. порядкѣ. Ц. 2 р.
- АНТИПА, Е. Положеніе о сборѣ съ денежныхъ капиталовъ, обеспеченныхъ въ качествѣ долговъ на недвижимыхъ имуществвахъ. Одесса. 1915 г. Ц. 1 р.
- БАТАЛИНЪ, А. Трудъ военнооплѣнныхъ на постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Ц. 10 к.
- ВЕРТЕНСОНЪ, Л. Необходимо ли Петрограду медицинскій факультетъ и ощущается ли въ Россіи нужда во врачахъ? Ц. 30 к.
- БРАЗОЛЬ, В. Очерки по слѣдственной части. Исторія. Прантика. Ц. 1 р. 50 к.
- ВОЗНЕСЕНСКІЙ, П. Система гербового сбора по дѣйств. гербовому уставу. Ц. 2 р.
- «ВОПРОСЫ колонизаціи». Сборникъ, № 18. 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.
- ВОШИНИНЪ, В. Колонизаціонное дѣло при А. В. Кривошеинѣ. Ц. 50 к.
- ЕЖЕГОДНИКЪ газеты «Рѣчь» на 1915 г. Ц. 2 р.
- КАБАЧЕВСКІЙ, Ф. Практическія работы по нотаріальному праву. Ц. 1 р. 50 к.
- КАУФМАНЪ, И. Неразмѣнные банкноты въ Англіи 1797—1819. Ц. 1 р.
- КИСЕЛЕВЪ, Н. Русскій Сѣверъ и необходимые для него пути. Ц. 80 к.
- ЛЕВИНЪ, С. Важнѣйшіе законы, указы и распоряженія военнаго времени. Томъ 2-й. Ц. 2 р. 50 к.
- ЛОДЖЪ, О. Война и что будетъ дальше. Ц. 80 коп.
- МИХАЙЛОВЪ, С. Новѣйшія узаконенія о воинской повинности. Ц. 40 к.
- ПЕНСИИ И ПОСОБІЯ нижнимъ воинскимъ чинамъ и ихъ семьямъ. М. 1916. Ц. 2 р.
- ПЕТРОГРАДСКАЯ муниципальная группа обновленія и финансы столицы въ 1913—1915 гг. Ц. 20 к.
- ПРЕДАТЕЛЬСТВО БОЛГАРИИ. Документальная исторія болгаро-сербской войны 1913 г. и вступленіе Болгаріи въ лоно германизма. Ц. 1 р. 25 к.
- «САМОЗАЩИТА». Марксистскій сборникъ. I. Ц. 1 р. 25 к.
- ФАНЪ-ДЕРЪ-ФЛИТЪ, В. Всенѣмецкое движеніе, какъ факторъ европейской войны. Ц. 75 к.

Естествознаніе и математика.

- БУБНОВЪ, Н. Забытая ариметика классической древности. Кіевъ. 1916 г. Ц. 1 р. 50 коп.
- ДОГЕЛЬ, В. Натуралистъ въ Восточной Африкѣ. Ц. 50 к.
- КИСЛОВЪ, Н. Теорія оптическихъ инструментовъ. 275 черт. и 1 табл. М. 1915. Ц. 3 р. 60 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- МАСПЕРО, Г. Египетъ. М. 1916 г. Ц. 3 р. 50 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

ЛИПСКИЙ, А. Ископаемые каменноугольные богатства России и ихъ рациональное пользование. Киевъ. 1916. Ц. 2 р.

ПОПОВЪ, С. и СИДОРЕНКО, К. Краткое руководство по анализу торговаго хлѣбнаго зерна. Ц. 90 к.

Технологія, строительное и инженерное искусства. Ремесла.

БЛАВЕНЕЦЪ, М. Неумѣлая и ошибочная установка глинянки для митя глины (сдѣлано 40 технических ошибокъ), рекомендуемая проф. Петрогр. Технологическ. А. М. Соколовымъ въ своемъ сочиненіи «Огнеупорная постройка», предназнач. общ. грамотности для распр. среди крестьянской среды. Ц. 50 к.

ИНСТРУКЦІЯ провозводящимъ пивелитрование 2-го разряда. Саратовъ, 1915 г. Ц. 1 руб.

ЛЕЙХМАНЪ, Л. Техническій анализъ. Т. 8-й. Съ 11 рисунк. Ц. 2 р. 40 к.

РОГИНСКИЙ, К. Краткое руководство по желѣзнодорожной сигнализаци и централизаци стрѣлок и сигналовъ. М. 1915. Ц. 2 р.

САНГОВИЧЪ, Г. Курсъ паровыхъ котловъ. Практич. руководство для кочегаровъ и машинистовъ. Ц. 2 р. 50 к.

СОВРЕМЕННЫЕ способы и приемы работы на станкахъ. Ц. 2 р.

ФОГЕЛЬ, В. Двухколесный моторъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 20 к.

Военное и морское дѣло.

КОРИЦЪ, И. Инструкція для метанія ручныхъ бомбъ и гранатъ. Ц. 85 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

КОЛОМОЙЦЕВЪ, С. Отцамъ и дѣтямъ. Сифилисъ. Какъ отъ него уберечься и какъ излѣчиться. Киевъ. Ц. 1 р. 50 к.

МОНЕ, Е. Руководство по внутреннимъ болѣзнямъ. Заболѣванія мышцъ, суставовъ и костей и болѣзни, вызываемыя внѣшними физическ. причинами. Ц. 1 р. 50 к.

ВЕУСС, А. Болѣзни новорожденныхъ. Ц. 6 р.

ФЕЛЬЦМАНЪ, О. Нервные дѣтя. Очерки психопатологій дѣтскаго возраста для воспитателей. Ц. 1 р. 25 к.

ФЛЕТЧЕРЪ, Г. Азбука питанія. Ц. 1 р. 60 коп.

— Флетчеризамъ или какъ я въ шестьдесятъ лѣтъ сталъ юношей. Ц. 70 к.

ЭНГОРНЪ, М. Лекціи по дѣтетикѣ. Ц. 60 коп.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

ВАГНЕРЪ, М. Методика руководствъ. Руководство для готовящихся къ званію учительницы руководствъ въ женскихъ гимназіяхъ. Ц. 2 р. 50 к.

«ВОПРОСЫ преподаванія исторіи въ средней и началн. школѣ». Сборникъ І. М. 1916 г. Ц. 1 р. 75 к.

ВРУБЛЕВСКИЙ, В. Рѣшенія къ сборнику ариометическихъ задачъ И. П. Верещагина. Ч. 1—2. Ц. 75 к.

ДЕЛЕКТОРСКИЙ, В. Законъ Божій. Начальныя свѣдѣнія для младшаго возраста. Ц. 15.

ДМИТРИЕВЪ, С. Экономическая географія России. М. 1916 г. Ц. 2 р.

КОРОБКА, П. Забытый вопросъ, о воспитаніи въ среднихъ учебн. завед. Нѣжинъ. 1915 г. Ц. 40 к.

ЛЯМИНЪ, А. Методическій сборникъ задачъ по курсу алгебры. Ч. 2-я. Ц. 60 к.

МАКСИМОВЪ, В. Жизнь и творчество великихъ русскихъ писателей. Элем. курсъ. Ц. 1 р. 20 к.

САНЧУРСКИЙ, Н. Краткая грамматика латинскаго языка. Ч. 2-я. Сянганскіе. Изданіе 15-е. 1916 г. Ц. 90 к.

САНЧУРСКИЙ, Н. Краткій очеркъ римскихъ древностей. Для гимназій, программъ и самообученія. Изд. 6. Ц. 1 р. 35 к.

СВАРИЧОВСКИЙ, Т. Сборникъ задачъ по курсу прямолинейной тригонометри. М. 1916 г. Ц. 50 к.

ТЕВЯШОВЪ, Е. Будь здоровъ, силенъ и готовъ. Памятка 1916 г. для русской молодежи. Ц. 10 коп.

ЦВѢТКОВЪ, О. «Другъ законоучителя». Методическія указанія. Схема вопросовъ по Закону Божію, предлагаем. дѣтямъ во время уроковъ и на экзаменѣ. М. 1916 г. Ц. 40 коп.

ЧЕЛПАНОВЪ, Г. Учебникъ психологіи. М. 1916 г. Ц. 1 р. 20 к.

ШАХМАТОВЪ, А. Введеніе въ курсъ исторіи русскаго языка. Ч. 1. Ц. 1 р. 50 к.

ЮШКО, А. Къ вопросу о постановкѣ экзаменовъ. Одесса. 1915. Ц. 15 к.

Справочныя книги.

АНДРЕЕВЪ, В. Справочникъ или краткое руководство для оборудованія великорусскаго оркестра. Съ рисунками и чертенями. Ц. 30 к.

КАЛЕНДАРЬ-справочникъ городского дѣятеля на 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Тотже календарь земскаго дѣятеля. Ц. 1 р. 50 к.

ЛАУРСОНЪ, А. Справочная книга для учебныхъ заведеній и учреждений въѣдства министерства народнаго просвѣщенія. Изд. 2-е, дополненное. 1916 г. Ц. 8 р. 50 коп.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА на 1916 годъ. Изд. военной типографіи. Ц. въ переплѣтѣ 2 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается новая книга:

М. Г. Веселковой-Кильштетъ.

„Листы пожелтѣлыя“

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ т-ва А. С. Суворина—
«Новое Время» (Петр., Невскій пр. д. № 40).

БИБЛИОТЕКА „ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ“

ИЗДАНІЯ В. А. СУВОРИНА.

Юр. Бѣляевъ.
БАРЫШНИ ШНЕЙДЕРЪ

(впечатлѣнія).

4 изданіе. Цѣна 1 руб.

Юр. Бѣляевъ.
ОТКРЫТКИ СЪ ВОЙНЫ.

I серия. Цѣна 50 коп.

Юр. Бѣляевъ.
П С И Ш А.

Пьеса.

Обложка худ. П. Д. Шмарова.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Юр. Бѣляевъ.
ГОРОДОКЪ ВЪ ТАБАКЕРКѢ.

Цѣна 1 руб.

Бор. Горовскій.
ЗАБЫТЫЯ РУССКІЯ ЗЕМЛИ.

Съ 55 рисунками и картой.
Цѣна 2 руб.

ЦЕНзуРА И ШПІОНСТВО
ПО ЗАКОНАМЪ ВОЕННАГО ВРЕМЕНИ.

Сост. Н. А. Громовъ. Цѣна 50 коп.

КАРИКАТУРЫ ПЭМА.

Цѣна 1 р. 50 к.

ВОЙНА И ПЭМЪ

(карикатуры).

LA GUERRE ET PÈME.

I выпускъ. 2-е изданіе

Цѣна 1 руб. 50 коп.

СОЛДАТСКІЯ СКАЗКИ.

Подъ редак. Н. Г. Кзырева. Цѣна 75 к.

ЛАВРЕЦКІЙ (Бор. Суворинъ).

ДО ВОЙНЫ.

ПО ГЕРМАНИИ НА АВТОМОБИЛѢ.

„Въ дорогѣ“ и очерки „День за днемъ“.

Изданіе второе

Цѣна 1 р. 25 к.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ
ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Т-ва А. С. Суворина— „Новое Время“

КНИГА

Б. Б. ГЛИНСКАГО:

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ (1861-1881 гг.)

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ портретами и иллюстраціями. Цѣна за обѣ части 5 р. 50 к.

Въ этой книгѣ изложены историческія событія въ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ и вплоть до мученической кончины Императора Александра II. Въ первой части авторъ слѣдитъ за рожденіемъ оппозиціи внутренней политикѣ правительства и по преимуществу сосредоточиваетъ свое вниманіе на борьбѣ либеральныхъ общественныхъ элементовъ съ консервативными тенденціями правящихъ сферъ. Событія революціоннаго порядка отмѣчаются, какъ явленія единичныя, безъ поддержки ихъ значительнымъ количествомъ соучастниковъ. Во второй части передъ читателями развертывается дѣятельность «землевольческихъ» и «народовольческихъ» группъ, и на сцену выступаютъ фанатизированные террористы, жертвою преслѣдованія со стороны которыхъ является Царь-Освободитель. Обѣ части книги обильно иллюстрированы портретами русскихъ государственныхъ, общественныхъ и революціонныхъ дѣятелей второй половины XIX вѣка.

ТОГО ЖЕ АВТОРА продается книга:

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ

(1612-1861 гг.).

Историческіе очерки

СЪ ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛУСТРАЦІЯМИ.

Цѣна 3 р. 50 коп.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
Т-ВА А. С. СУВОРИНА—«НОВОЕ ВРЕМЯ» КНИГА

Б. Б. Глинскаго

**„Среди литераторовъ
и ученыхъ“**

Биографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія,
встрѣчи. Съ 31 портретомъ.

Цѣна 3 рубля.

Вышла въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ
и въ кіоскахъ на станц. желѣзн. дорогъ

„НА ПОЛЬ БРАНИ“

разказы и эпизоды изъ современной войны
Г. Т. СЪВЕРЦЕВА-ПОЛИЛОВА.

Цѣна 1 руб. 25 коп. 25 коп. съ каждаго экземпляра поступаетъ
въ пользу разоренной Польши.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

„СРЕДИ КОРОНОВАННЫХЪ СОБЪ“

Молодость императора Вильгельма, встрѣчи и воспоминанія.
Цѣна 1 руб. 25 коп.

„ПО СТАРИННОМУ ЗАМОРСКОМУ ПУТИ“

очерки, встрѣчи, впечатлѣнія и итоги поѣздки по Сѣверу.
Цѣна 1 руб.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
НОВАЯ КНИГА!

А. И. ФАРЕСОВА

„НАРОДЪ БЕЗЪ ВОДКИ“

Цѣна 1 р. 50 к.

А. Л. КСЮНИНЪ.

НАРОДЪ НА ВОЙНѢ.

(Изъ записокъ военнаго корреспондента).

Люблинъ—Галиція.— По слѣдамъ отступавшихъ австрійцевъ.—Сандомиръ.— На Варшаву.—Ракитно.—Ловичъ.—Скерневицы.—Бои вокругъ Лодзи.—Вдоль окоповъ.—Послѣ ночныхъ атакъ.—Передъ Бзурой.—Противъ ста нѣмецкихъ батарей.—Праснышъ. У проволочныхъ загражденій.—Подъ Варшавой.—Сохачевъ—Ловичъ.—Мертвый городъ.—Въ Августовскихъ лѣсахъ.—Въ Карпатахъ.—На Дунайцѣ.—Львовъ—Перемышль.—Перемышль губернский.—Старые города—Горлице—Ясло.—На Черемошскомъ перевалѣ.—Тяжелые дни.—Стахія-бѣженцы.—Подъ Ригой.—Пригнувшіе Россіи.—Не отъ міра сего.

Обложка художника Н. Самокиша.

ИЗДАНИЕ Б. А. СУВОРИНА
„БИБЛИОТЕКА ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ“.

Цѣна 2 рубля.

Поступила во всѣ лучшіе книжные магазины и кіоски
жел. дор. СЛАДЪ: Контора изданій Б. А. Суворина,
Невскій, 52. («Вечернее Время»).

Открыта подписка на 1916 г.

НА НОВЫЙ НАЦИОНАЛЬНО-ПРОГРЕССИВНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ (СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ)

РУССКАЯ БУДУЩНОСТЬ

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКА: 1) Обзоры внутренней и виѣшней политики. 2) Статьи научно-общественныя. 3) Церковныя вопросы. 4) Областный отдѣлъ. Письма изъ провинціи. 5) Славянскій отдѣлъ. Обзоръ славянской печати. 6) Рабочій отдѣлъ. Письма рабочихъ. 7) Земскій отдѣлъ. 8) Торгово-промышленный отдѣлъ. 9) Военно-морской отдѣлъ (съ картами). 10) Запросы, письма въ редакцію и др.

Въ ежемѣсячныхъ приложеніяхъ будутъ помѣщаемы романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія, стихотворенія и статьи по научнымъ и общественнымъ вопросамъ.

Еженедѣльникъ выходитъ размѣромъ 2 печатн. листа in 4; ежемѣсячники отъ 7 до 8 листовъ in 8°.

Подписная цѣна еженедѣльника вмѣстѣ съ приложеніями на 1916 г. съ перес. и достав. на дснь 9 р., на $\frac{1}{2}$ г. — 5 р., на $\frac{1}{4}$ г. 3 р., за границу 11 р.

Для сельскихъ священниковъ и учителей, для учащихся въ высшихъ учебн. завед. и для рабочихъ при непосредствен. обращеніяхъ въ главную контору допускается скидка: на годъ 7 руб., на $\frac{1}{2}$ г. 4 р., на $\frac{1}{4}$ г. 2 р. 50 к.

Цѣна комплекта за 1915 г. 3 руб. 50 коп. вмѣстѣ съ приложеніями. Въ отдѣльной продажѣ цѣна № еженедѣльника 25 к., ежемѣсячника 50 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, а также въ книжномъ магазинѣ Т-ва «Новаго Времени» (А. С. Суворина), Невскій пр., д. 40, и въ отдѣленіяхъ книжнаго магазина «Новаго Времени» въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (Гостиный дв., Суконая лин. 19), въ конт. «Вечерняго Времени» (Невскій пр., 52), въ желѣзно-дорожныхъ кіоскахъ.

Розничная продажа въ книжныхъ магазинахъ, у газетчиковъ, въ Пассажахъ и въ кіоскахъ желѣзныхъ дорогъ.

Адресъ редакціи и главной конторы:

ПЕТРОГРАДЪ, Преображенская, д. 13, кв. 8; телефонъ 612-96.

Редакторъ Б. Б. Глибскій.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя **Бориса Борисовича Глинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городскій) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

Тарифъ на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 20 р.

